Годъ 3-й. Кн. VIII.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ
ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1891, № 1.

подъ редакціей

Секретаря Этнографическаго Отдѣла
Н. А. Янчука.

Цѣна 1 р. 50 к.

МОСКВА.
Высоч. утв. Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ, Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Петровка, д. Левенсонъ.
1891.

Печатать разрѣшается. Москва, 26 марта 1891 г.

Президентъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, профессоръ

Д. Анучинъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПЯТЬ БЫЛИНЪ

по рукописямъ XVIII вѣка.

Самыя раннія записи русскихъ народныхъ пѣсенъ относятся, — насколько до сихъ поръ извѣстно, — къ первой четверти XVII вѣка. Въ 1619 году записано было въ Москвѣ для баккалавра Ричарда Джемса, прибывшаго сюда съ англійскимъ посольствомъ [1]), шесть пѣсенъ: пять изъ нихъ имѣютъ предметомъ историческія событія, одна «весновую службу» [2]). Тексты этихъ пѣсенъ записаны *со словъ* [3]) *по заказу* любознательнаго баккалавра, который желалъ познакомиться съ русскимъ народнымъ языкомъ. Въ этомъ небольшомъ сборникѣ, повидимому, двѣ пѣсни (первая и шестая) написаны были *въ сплошную строку*, остальныя — съ раздѣленіемъ на стихи [4]). Въ томъ же столѣтіи народная былина появляется и въ сборникѣ, назначенномъ *для литературнаго чтенія*. Такъ въ рукописи XVII в., принадлежащей Е. В. Барсову, помѣщено

---

[1]) Посольство, въ свитѣ котораго находился Ричардъ Джемсъ, пробыло въ Москвѣ съ 19 января по 20 августа 1619 года; въ этотъ періодъ времени и записаны пѣсни для Джемса въ особую книжку.

[2]) Эти пѣсни напечатаны сначала въ „Прибавленіяхъ къ Извѣстіямъ Втораго отдѣленія Академіи Наукъ“ (т. I, стр. 5 –10); потомъ перепечатаны въ „Памятникахъ великорусскаго нарѣчія“ (стр. 1—8).

[3]) Пѣсня о въѣздѣ патріарха Филарета въ Москву *въ іюнѣ 1619 года*, записана въ книжку Ричарда Джемса вскорѣ *послѣ самаго событія*. Она напечатана въ „Памятникахъ“ *безъ раздѣленія на стихи*.

[4]) Къ этому заключенію приводитъ печатное изданіе записанныхъ для Ричарда Джемса пѣсенъ, въ которомъ первая и шестая пѣсня напечатаны безъ раздѣленія на стихи; къ сожалѣнію, издатели не сообщили никакихъ палеографическихъ свѣдѣній о самой рукописи Ричарда Джемса.

„Сказаніе о кѣевскихъ богатыряхъ, какъ ходили во Царьградъ и какъ побили цареградцкихъ богатырей, учинили себѣ честь“ [1]). Это „*Сказаніе*“ помѣщено въ сборникѣ г. Барсова между широко распространеннымъ въ допетровскомъ (а впослѣдствіи въ *народномъ*) *чтеніи* «Хожденіемъ Трифона Коробейникова въ Святую Землю» и «Словомъ о Дмитреѣ купьцѣ (Басаргѣ) и о мудрыхъ словесехъ сына его Борзомысла» [2]). Въ глазахъ составителя сборника или писца былина о кіевскихъ богатыряхъ была уже не *пѣснью*, а *сказаніемъ*, т. е. повѣстью въ родѣ «Слова о Дмитріи Басаргѣ» и подобныхъ ему «словъ» и «сказаній» *письменной* литературы, обращавшихся въ допетровской Россіи. Текстъ «Сказанія о кіевскихъ богатыряхъ» въ сборникѣ Барсова написанъ *въ сплошную строку*; стихъ большею частію разрушенъ; въ одномъ мѣстѣ случайно, по ошибкѣ, пропущено нѣсколько строкъ [3]); но намѣренныхъ поправокъ и измѣненій со стороны писца, принаровленія текста къ литературному изложенію письменныхъ повѣстей XVII вѣка—не замѣтно. Несмотря на пострадавшую отъ времени внѣшнюю форму, «Сказаніе», внесенное въ рукопись Барсова, донесло къ намъ въ большей чистотѣ старое содержаніе былины, чѣмъ пѣсни, записанныя *изъ устъ народа* въ позднѣйшее время [4]).

---

[1]) *Сказаніе* напечатано въ „Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ“ (томъ XXVIII, № 3), подъ заглавіемъ: „Богатырское слово“.

[2]) Сборникъ отдѣл. рус. языка и словесности, т. XXVIII, стр. 1—3.

[3]) Ср. А. Н. Веселовскаго, *Южно-русскія былины* въ „Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ“, XXXVI, 357.

[4]) А. Н. Веселовскій пришелъ къ заключенію, что „Сказаніе о семи богатыряхъ“ сохранило *болѣе древнюю форму пѣсни*, чѣмъ та, какая представляется позднѣе записанными ея пересказами“ (Ibid. 368). Вполнѣ соглашаясь съ этимъ выводомъ, мы противопоставляемъ его мнѣнію О. Ѳ. Миллера (который зналъ „Сказаніе“ по другому, позднѣйшему, списку), будто „въ этой повѣсти XVII столѣтія, при нѣкоторыхъ довольно вѣрныхъ чертахъ эпическихъ, не только, замѣтно *коренное извращенье* въ подробностяхъ (напримѣръ,—холопство богатырей), но и, такъ сказать, *вверхъ ногами поставлено* самое основное содержаніе былинъ про Идолище въ Цареградѣ“. Редакцію былины въ сборникѣ Барсова Миллеръ называетъ „книжною *передѣлкою* XVII столѣтія“ (Илья Муромецъ и богатырство кіевское, стр. 760). Вообще О. Миллеръ очень-мало придаетъ значенія записямъ былинъ въ рук. XVIII в., отдавая предпочтеніе текстамъ, записаннымъ позднѣе

Намъ неизвѣстно пока другихъ рукописей XVII вѣка, въ которыхъ находились бы записи народныхъ пѣсенъ [1]). Можно однако думать, что уже въ XVII в. эти пѣсни записывались нерѣдко: на это указываютъ „сказанія о богатыряхъ", встрѣчающіяся въ рукописяхъ слѣдующаго столѣтія и носящія на себѣ явные слѣды *копированія* съ болѣе древнихъ *рукописныхъ* текстовъ.

Въ XVII вѣкѣ начали *собирать* и записывать и «пословицы всенароднѣйшія» [2]). Былина подъ перомъ писца, полагавшаго ихъ на бумагу, получала названіе «сказанія» и такимъ образомъ поставляема была наравнѣ съ оригинальными и переводными историческими и поэтическими «сказаніями», «словами» и «повѣстями». Пословицы, или «мірскія притчи»,

---

и напечатаннымъ въ „Древнихъ россійскихъ стихотвореніяхъ" и въ сборникахъ Кирѣевскаго, Рыбникова и Гильфердинга. (Ср. стр. VII, 32).

[1]) Къ XVII вѣку относитъ П. А. Безсоновъ запись пѣсни о Гришкѣ Разстригѣ, найденную имъ въ бумагахъ Калайдовича и напечатанную въ седьмомъ выпускѣ „Пѣсенъ" Кирѣевскаго (стр. 62—66). „Она написана (говоритъ Безсоновъ) на листѣ старой бумаги, безъ раздѣленія стиховъ, почеркомъ и правописаніемъ XVII вѣка; поправлена и дополнена другою позднѣйшею рукою и другими чернилами; но эта послѣдняя рука и этими позднѣйшими чернилами надписала: „въ 196 году въ 7-и тысяче", то есть 1688 года. Слѣдовательно, первая, непоправленная рукопись старше *1688 года* и, по всѣмъ признакамъ, современна, по крайности, близка періоду Самозванцевъ". Нельзя допустить, чтобы запись: „въ 196 году въ 7-и тысяче", указывала на время пересмотра, т. е. исправленій и дополненій *ранѣе записанной пѣсни*: 196-й годъ *седьмой* тысячи означаетъ 619=688-й годъ, а не 1688-й годъ. Такого грубаго промаха не могла допустить „послѣдняя рука, дополнявшая и исправлявшая текстъ пѣсни". Этотъ годъ внесенъ послѣднею рукою, *какъ одинъ изъ варіантовъ* пѣсни. Такая формула для обозначенія времени встрѣчается не только въ историческихъ пѣсняхъ, но и въ духовныхъ стихахъ. Ср. начало пѣсни о Скопинѣ: „Какъ бы во двадцать седьмомъ году, „Въ седьмомъ году, въ осьмой тысячи" (Древнія россійскія стихотворенія, стр. 275). Въ стихѣ про Егорія: „Въ седьмомъ году въ осьмой тысячѣ, Наѣзжалъ царище Кудрянище". (Варенцовъ, Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ, стр. 95).

[2]) „Повѣсти, или пословицы всенароднѣйшія *по алфавиту*" внесены въ скорописный сборникъ конца XVII вѣка, принадлежащій Московскому Архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, № 950. Текстъ пословицъ по этому списку изданъ въ извѣстной монографіи Ѳ. И. Буслаева: «Русскія пословицы и поговорки» (въ „Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній", Калачова, тома II половина 2-я, стр. 1—168).

отождествлялись съ мудрыми изреченіями языческихъ и христіанскихъ писателей,—въ родѣ тѣхъ, которыя вошли въ составъ «Пчелъ»,—и даже съ «словцами божественныхъ писаній». Старинныя пословицы, притчи и поговорки, вписанныя въ одинъ сборникъ XVII вѣка, озаглавлены: «Словца, избраны отъ Мудрости Исуса, сына Сирахова, и отъ Премудрости царя Соломона" [1]).

Рукописная литература XVIII вѣка, продолжая старое литературное преданіе, сохраняетъ живой интересъ къ памятникамъ народной словесности и древне-русской литературы.

Къ первой четверти XVIII вѣка относится драгоцѣнный сборникъ произведеній древне-русской литературы и народной словесности, принадлежащій Ѳ. И. Буслаеву [2]). Сборникъ состоитъ изъ отдѣльныхъ тетрадей; въ каждой помѣщено по одному произведенію [3]). Эти тетрадки соединены были въ одинъ переплетъ, когда въ нѣкоторыхъ изъ нихъ уже утрачены были отдѣльные листки (большею частію начальные или конечные). Такъ въ первой тетрадкѣ недостаетъ 26 начальныхъ листовъ. Кромѣ того утрачены л. 85—88, л. 122-й, л. 259-й (въ срединѣ „Сказанія о Акирѣ премудромъ"), л. 325-й (начало былины о Ставрѣ), л. 371-й (конецъ пѣсни: „Чаша моря соловецкаго"). Тетрадки отданы были въ переплетъ *послѣ того,* какъ перемѣчены были по листамъ (по старинному—буквами, а не цифрами) рукою писавшаго и, кажется, перваго владѣльца оныхъ. При переплетѣ порядокъ тетрадей былъ спутанъ, и потому листы 283- 401 приплетены въ самомъ концѣ рукописи послѣ листовъ помѣченныхъ: 370 и т. д. Вообще послѣ л. 349-го порядокъ страницъ спутанъ переплетчикомъ. На нѣкоторыхъ страницахъ сохранились записи владѣльцевъ, къ коимъ рукопись, съ теченіемъ времени, переходила. На оборотѣ л. 113-го записано тѣмъ же почеркомъ, какимъ написанъ весь сборникъ: „Сия тетрать Никиты Андрѣева ҁна (сына) Кора...". Это—запись составителя и перваго владѣльца сборника. Позд-

---

1) Строевъ, Рукописи славянскія и россійскія, принадлежащія И. Н. Царскому, стр. 487.

2) Костомаровъ невѣрно относилъ этотъ сборникъ къ XVII вѣку.

3) На оборотѣ 368-го листа читается: „Конецъ тетърати сеї"; на листѣ 375-мъ: „Конецъ сей тетрати свершися. Аминь".

нѣйшія записи читаются на об. л. 159, на л. 194, на об. л. 386, на об. л. 390. Приводимъ двѣ послѣднія, указывающія на сословіе читателей прошлаго вѣка, интересовавшихся статьями сборника. На оборотѣ 386 листа записано: „Сия книга дому г^сдна [1]) лейбъ-гварди прапорщика алеѯея ильича желябужскаго служитѣля ево ивана тимофиева ⁷сна быкова“ [2]). На обор. 390 листа позднѣйшая запись: „Сия книга г^сдрьственнои во^тчинно^и ко^легиі капеиста петра иванова ⁷сна степанова“. Въ объемистомъ сборникѣ Ѳ. И. Буслаева совмѣщены важнѣйшія произведенія литературы XVII вѣка, вошедшія въ „народныя книги“, въ область народнаго чтенія XVIII вѣка. Изъ памятниковъ *древне-русской* литературы отмѣтимъ: 1) „Слово о иконѣ пресвятыя Богородицы, како приіде из верскаго (Иверскаго) царства во святую гору по воздуху“; 2) „Чудо пречистыя владычицы нашея Богородицы о женѣ бѣсноватѣи Соломонї“ [3]); 3) „Сказание о ризѣ господа нашего Іисуса Христа“; 4) „Сказание о святѣмъ Іоанне Богословѣ, како научи человѣка писати іконы“ [4]); 5) „Ис книги Пролога—м⁷ца генваря въ .д. день, Слово, еже не осудити никогоже, дондеже господь избавитъ и о долготерпѣниі божиі“; 6) „Притъча о нѣкоемъ дворецкомъ і селянинѣ“ [5]); 7) „Повѣсть о Дмитрие купцѣ і о премудромъ слове сына ево“ (Басарга); 8) „Сказание о Акире премудромъ і о премудрости ево“; 9) „Како баба диявола обманула“ [6]); 10) „Повѣсть града Вавилона“ [7]); 10) „Слово святаго мученика Егория о змиі і о девіцѣ [8]); 11) „Слово о бражнике, како вниде въ рай“.

---

[1]) Маленькими буквами обозначаемъ надстрочныя, находящіяся въ рукописи по ь титлами или прямо надъ строкой.

[2]) На об. л. 159 запись, изъ которой видно, что сборникъ перешелъ потомъ въ собственность сына И. Т. Быкова—Алексѣя.

[3]) Ср. Костомарова, Памятники старинной русской литературы, т. I, 161—164.

[4]) Ср. Сборникъ статей, читанныхъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. VII, стр. LVII—LX.

[5]) Срв. А. Н. Пыпина, Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 195—196.

[6]) Изъ польскихъ фацецій.

[7]) Сказаніе это оканчивается смертью царя Навуходоносора.

[8]) Ср. Кирпичникова, Св. Георгій и Егорій храбрый, стр. 51.

Не перечисляя другихъ статей сборника отмѣтимъ апокрифы: *Іерусалимскій свитокъ, Сказаніе о потопѣ и о Ноевомъ ковчегѣ, О царѣ Соломонѣ*. Рядомъ съ этими произведеніями помѣщены три былины и нѣсколько популярныхъ въ лубочной литературѣ текстовъ. Къ числу послѣднихъ относятся: 1) „Слово о піянствѣ“ [1]); 2) „Списокъ судьнаго дѣла, какъ тягался лещъ сь ершемъ о ростовскомъ озере и о рекахъ“; 3) „Повѣсть сказуемаго ерша ершова сына щетинникова і ябедника“; 4) „Повѣсть о курѣ і о прекрасной лисицѣ“ [2]); 5) „Роспись о приданомъ“ [3]); 6) „Повесть о Ереме с Ѳомою“ [4]); 7) „Колязинская челобитная“ (безъ начала и конца [5]); 8) „Сутъ Шемякинъ, выписано іс книги із жартъ полскихъ“ [6]). Сравнивая тексты этихъ семи произведеній, вписанные въ сборникъ Ѳ. И. Буслаева, съ текстомъ ихъ лубочныхъ изданій, видимъ, что первые представляютъ древнѣйшую, болѣе пространную редакцію, вторые — сокращенную передѣлку позднѣйшаго книжника, смягчавшаго наивную грубость первоначальныхъ текстовъ и измѣнявшаго самую форму изложенія. Ровинскій указалъ, что „текстъ картинки *Ерема, Ѳома и Парамошка* заимствованъ, *съ большими сокращеніями* изъ *повѣсти*, находящейся въ рукописномъ сборникѣ XVIII вѣка Императорской Публичной Библіотеки“ [7]). Текстъ *повѣсти о Еремѣ и Ѳомѣ*, въ сборникѣ Ѳ. И. Буслаева по объему и изложенію гораздо ближе къ изданному Ровинскимъ тексту рукописи Публичной Библіотеки [8]), нежели къ лубочному. „Списокъ суднаго дѣла, какъ тягался лещъ съ ершомъ о ростовскомъ озерѣ“ и „Повѣсть сказуемаго ерша ершова“, при обработкѣ для лубочнаго изданія, до такой степени были *сокращены*, что какъ бы слились въ одно цѣлое и помѣстились на одной лубочной картинкѣ. [9])

---

[1]) Напечатано по этому списку Буслаевымъ въ „Очеркахъ русской народной словесности“. I, 570. Ср. Ровинскаго Русскія народныя картинки I, 319—320.

[2]) Ровинскій, I, 272. [3]) Тамъ же, I, 367—371. [4]) Тамъ же, I, 436. [5]) Тамъ же, I, 405. [6]) Тамъ же, I, 189. [7]) Ровинскій, Русскія народныя картинки. IV, 295. [8]) Тамъ же, 295—299. [9]) Тамъ же, I, 402. Отмѣтимъ мимоходомъ, что при такихъ сокращеніяхъ нерѣдко стирается мѣстный колоритъ и опускаются собственныя имена. Напр. въ сборникѣ Буслаева „Списокъ суднаго дѣла“ начинается такъ: „Гос-

Въ описываемомъ сборникѣ Буслаева помѣщены слѣдующія три былины: 1) „Сказание о седми русскихъ богатыряхъ" (л. 311—323 об.); 2) Сказаніе о Ставрѣ, безъ начала (л. 326—337) [1]) и 3) „Повѣсть о Ілье Муромце и о Соловье Разбоинике" (л. 291—296). Каждая былина записана въ особой тетрадкѣ; «повѣсть объ Ильѣ Муромцѣ», по ошибкѣ переплетчика, спутавшаго порядокъ перемѣченныхъ тетрадокъ, помѣщена *сзади* сказаній «о седми богатыряхъ» и о Ставрѣ. При перепискѣ въ отдѣльныя тетрадки сборника былины не подвергались поправкамъ или передѣлкамъ переписчика. Былина о Ставрѣ списана, повидимому, съ готоваго оригинала, а не записана со словъ [2]). Въ ней лучше, чѣмъ въ остальныхъ в хъ, сохранился эпическій стиль. Напр., три раза, безъ всякихъ измѣненій, повторяются слѣдующіе стихи:

„Богъ надъ Ставромъ прогнѣвался;
Государь велики князь Владиміръ раскручинился:
Велѣлъ его посадить въ глубокъ погребъ,
(Въ глубокъ погребъ) [3]) сорока саженъ,
И засыпать песками желтыми,
И закрыть доскою желѣзною".

Хотя стихъ кое-гдѣ разрушенъ, но сказаніе представляется въ болѣе древнемъ, простомъ видѣ, чѣмъ въ былинахъ, за-

———

подамъ моимъ *новогороцкимъ* судьямъ: осетру да бѣлугѣ, да бѣлой рыбице бьетъ челомъ *кормовой* сынишко боярской лещишко съ товарищи..." Въ позднѣйшихъ рукописныхъ текстахъ „Списка суднаго дѣла" и въ лубочныхъ изданіяхъ нѣтъ „новгородскихъ судей". Ср. Галаховъ, Исторія русской словесности, I, 508.

[1]) Въ рукописи 324-й листокъ пустой; на утраченномъ 325-омъ находилось начало былины о Ставрѣ; недостаетъ двухъ страницъ, т. е. около 32 строкъ средняго шрифта; сборникъ малаго формата, въ 16-ю долю листа.

[2]) Такъ, Василиса ѣдетъ „ис тое земли из Галацъкия отъ короля *посолскова*", вм. польскова. Въ былинахъ о Ставрѣ, напечатанныхъ въ сборникахъ Рыбникова (I, 247) и Гильфердинга (стр. 767,768 и др.), Василиса пріѣзжаетъ «изъ земли Ляховецкія». Слово „Галацъкия" рукописи, вѣроятно, описка, вмѣсто: „Галицкія", а можетъ быть вм.: „Галанскія"; ср. у Рыбникова: „Называлася (Василиса) посломъ со славной земли Гленскія" (I, 243).

[3]) Заключеннаго въ скобки нѣтъ въ рукописи; стихъ въ ней кое-гдѣ разрушенъ,—новое указаніе на то, что былина списана съ рукописи, а не записана со словъ.

писанныхъ позднѣе: въ нихъ оно осложнено скоморошескими варіацями.

Значеніе текста былины „О седми русскихъ богатыряхъ“ [1]), представляющей варіантъ къ „Богатырскому слову“ рукописи Барсова, указано А. Н. Веселовскимъ [2]). Запись третьей былины сборника Ѳ. И. Буслаева: „Повѣсть о Ильѣ Муромцѣ“, указываетъ на болѣе старый *рукописный* оригиналъ; нѣкоторыхъ словъ писецъ, очевидно, не умѣлъ въ немъ понять. Такъ, онъ не разобралъ надстрочной буквы *ж* и написалъ: „себе“, „себѣ“ — вмѣсто: „Себежъ“ (городъ); неразобранное имя писецъ старался осмыслить по своему разумѣнію, и вмѣсто: „Себежскова“ или „Сибежскова“, писалъ: „Сибирскова“.

Изъ описаннаго сборника Ѳ. И. Буслаева заимствованы напечатанные ниже тексты двухъ былинъ: *О Ставрѣ* (подъ № I) и *О Ильѣ Муромцѣ* (подъ № II).

Въ рукописномъ сборникѣ Ундольскаго № 663 (нынѣ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ) помѣщена „*Повѣсть* о славномъ могучемъ богатыре о Илье Муромце и о Соловье разбойнике.“ Этотъ сборникъ состоитъ изъ двухъ рукописей, писанныхъ различными почерками и въ разное время и впослѣдствіи соединенныхъ въ одинъ переплетъ. Болѣе древняя рукопись занимаетъ вторую часть сборника и начинается съ 59-го листа нынѣшней нумераціи сборника; съ боку этого листа приписано: „$^{17}_{30}$ году“. Эта помѣта опредѣляетъ время написанія той части сборника, въ которую вписана „*Повѣсть*“ объ Ильѣ Муромцѣ. Къ сожалѣнію, отъ этой повѣсти сохранились только начало и конецъ. Приводимъ буквально сохранившіяся строки. Начало: „Въ славномъ граде Муроме слушалъ Ілья Муромецъ воскресную заутреню; походъ держалъ к славному граду Киеву ко князю Владимеру киевскому всеславевичю, а завѣтъ держалъ на свою востру саблю і на свои...» Конецъ: «... службу, да послужи ты мне вѣрою и правдою, покажи свою силу богатырскую. Тежъ люди миновалися, а слава ихъ до скончания вѣка.

[1]) Эта былина издана *очень неисправно* въ „Памятникахъ старинной русской литературы“, I, 311—318,

[2]) Сборникъ Втораго отдѣленія Императорской Академіи наукъ, т. XXXVI, стр. 357—369.

Аминь.» Уцѣлѣвшія строки «повѣсти» позволяютъ думать, что текстъ ея записанъ былъ довольно вѣрно сравнительно съ народнымъ пересказомъ и не подвергся поправкамъ книжника [1]). Своимъ составомъ послѣдняя часть сборника Ундольскаго напоминаетъ составъ Барсовскаго сборника, въ которомъ помѣщено «Сказаніе о кѣевскихъ богатыряхъ». На листахъ 59—61 об. новой нумераціи (по старой 117—119) помѣщена «*Повесть* о царѣ Агѣе, како пострада гордости ради за евангельское слово»; на л. 62—64 об. (по стар. нумераціи л. 120—122 об.) статья, озаглавленная: «О велицемъ граде Иерусалиме сказание, идеже гробъ господень предстоитъ и о пространстве соборныя церкви Святая Святыхъ»; на листахъ 65 — 74 (по ст. нумер. 123—132) — «*Повесть* о крестномъ сыне, како Христосъ крестилъ младенца» [2]); наконецъ, на л. 75—81 об. (л. 133 — 139) написана «*Повесть* о Дмитриі купце (Басаргѣ) и о сынѣ его седми лѣтъ мудрыхъ отвѣтовъ» (sic!). Разсказъ о Дмитріи Басаргѣ, озаглавленый въ другихъ рукописяхъ «словомъ» или «сказаніемъ» [3]), названъ здѣсь «повѣстью»; такое наименованіе получила и былина объ Ильѣ Муромцѣ, и даже легенда о крестномъ сынѣ. Уцѣлѣвшій въ сборникѣ Ундольскаго отрывокъ «повѣсти» объ Ильѣ Муромцѣ относится къ той версіи былинъ о первой поѣздкѣ Ильи, которая находится въ описанномъ сборникѣ Ѳ. И. Буслаева и другихъ рукописяхъ XVIII вѣка. [4]) Въ тетрадкѣ второй половины XVIII вѣка, [5]) принадлежащей И. Е. Забѣлину (№ 71), она уже носитъ не старое русское названіе: «слова», «сказанія», «повѣсти», а окрещена иностраннымъ словомъ: «*Гисторія*», т. е. тѣмъ терминомъ, которымъ обыкновенно означались во второй

---

[1]) Ср. ниже тексты, напечатанные подъ № II и № III.

[2]) Эта легенда напечатана по довольно позднему списку въ «Народныхъ русскихъ легендахъ» Аѳанасьева, стр. 99—104.

[3]) Ср. „Памятники старинной русской литературы“, изд. Костомаровымъ, II, 347, 352; Пыпина, Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 99.

[4]) Срав. ниже напечатанные тексты № II и № III.

[5]) Владѣлецъ рукописи относитъ ее ко второй половинѣ XVIII вѣка. Ср. Пыпина, Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 295. Здѣсь время написанія рукописи не опредѣлено съ точностію; сказано только, что она относится къ XVIII вѣку.

половинѣ прошлаго столѣтія переводные романы и повѣсти [1]). По этому списку И. Е. Забѣлина «Гисторія о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ - Разбойникѣ» напечатана Аѳанасьевымъ въ „Народныхъ русскихъ сказкахъ" (изд. 3-е, вып. I, стр. 77—80). Въ срединѣ рукописи пропускъ. Текстъ начинается такъ: „Во славномъ градѣ Муромѣ слушалъ Илья Муромецъ заутреню воскресную, походъ держалъ ко граду Кіеву, ко славному князю Владимеру Сеславьевичу, а *завѣтъ положилъ, чтобъ отнюдь во всю широкую дорогу острой сабли изъ ножъ не вынимать, а на крѣпкой лукъ тетивы не накладывать*». [2]) Такое начало *ближе всего подходитъ* къ вышеприведенному отрывку, сохранившемуся въ сборникѣ Ундольскаго № 663; въ «повѣсти» Буслаевскаго сборника начальныя строки представляютъ старый текстъ въ *испорченномъ* видѣ (ср. ниже № II); въ другомъ текстѣ XVIII вѣка (ниже № III) о «завѣтѣ» Ильи Муромца совсѣмъ не упоминается. Въ описываемой тетрадкѣ И. Е. Забѣлина «Гисторія объ Ильѣ Муромцѣ» оканчивается слѣдующими словами: «И князь Владимеръ сталъ веселъ и говоритъ ему: *послужи ты мнѣ, Илья Муромецъ, вѣрою и правдою и покажи свою силу богатырскую*» [3]). Послѣднія выраженія *буквально* повторяются въ отрывкѣ Ундольскаго; въ текстѣ сборника Буслаева ихъ нѣтъ; но вмѣсто нихъ стоитъ эпическая формула: „тебѣ у меня, Илья Муромецъ, будетъ золота казна не запечатана, і кони не заперты, і погребы не замкнуты". Позволительно заключить, что одна и та же версія былины вносилась въ рукописи XVIII вѣка съ записей или пересказовъ, несогласныхъ между собою во всѣхъ подробностяхъ содержанія и различныхъ по изложенію, по степени сохранности эпическаго стиля.

Въ другой рукописи И. Е. Забѣлина, № 82, относимой владѣльцемъ ко второй половинѣ XVIII вѣка, находятся: 1) Сказаніе объ Ильѣ Муромцѣ и 2) „Сказаніе о трехъ богатыряхъ: Ильѣ Муромцѣ, Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ и Алешѣ Попо-

---

[1]) Ср. Пыпина, Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 284—289, и его же „Для любителей книжной старины", стр. III, V, 4, 5 и др.

[2]) „Народныя русскія сказки" Аѳанасьева, вып. I, стр. 77—78

[3]) Аѳанасьевъ, „Народныя русскія сказки," I, 80.

вичѣ“ [1]). Въ первомъ сказаніи утрачены начальные листы; въ настоящемъ своемъ видѣ рукопись начинается такъ: „взялъ подъ правую руку, а воевода Черниговскій подъ лѣвую“. Въ этомъ сказаніи о первой поѣздкѣ Ильи Муромца, богатырь освобождаетъ отъ враговъ не Себежъ, а Черниговъ. Второе „сказаніе“ (о трехъ богатыряхъ), повидимому, сходно съ напечатаннымъ ниже по двумъ спискамъ (№ IV и V) „Сказаніемъ о трехъ богатыряхъ: о Ильѣ Муромцѣ и о Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ и Олешѣ Поповичѣ кіевскихъ и о похожденіи ихъ“.

Записываніе народныхъ пословицъ и составленіе изъ нихъ особыхъ сборниковъ продолжалось въ XVIII вѣкѣ. Въ *рукописяхъ* этого столѣтія пословицы сохраняютъ *свой исконный видъ*; только при печатаніи подвергаются онѣ болѣе или менѣе значительнымъ искаженіямъ. Къ 1749 году относится рукопись, озаглавленная: „Россійскія пословицы, собранныя по алфабету въ Москвѣ 1749“. Изъ позднѣйшей приписки видно, что этотъ сборникъ *писанъ рукою Александра Даниловича Янькова*. По словамъ Ѳ. И. Буслаева, рукопись эта „содержитъ въ себѣ многія весьма древнія пословицы, не уступающія стариною“ тѣмъ, которыя внесены въ сборникъ XVII в. Московскаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ [2]). Можетъ быть, Яньковъ не самъ составилъ этотъ сборникъ пословицъ, а списалъ его съ болѣе древняго оригинала: многія пословицы въ этой рукописи „въ большей чистотѣ сохранили русскую рѣчь“, чѣмъ напечатанныя впослѣдствіи въ извѣстномъ изданіи Снегирева: „Русскія народныя пословицы и притчи“ [3]). Какъ бы то ни было, достойно вниманія то обстоятельство, что перепиской „русскихъ пословицъ“ занимался *въ Москвѣ*,

---

[1]) Д. А. Ровинскій относитъ этотъ „*замѣчательный* списокъ сказки объ Ильѣ Муромцѣ“ къ „началу прошедшаго столѣтія“ и предлагаетъ сравненіе этого списка съ текстомъ (конечно подновленнымъ), который напечатанъ Сахаровымъ въ его „Русскихъ народныхъ сказкахъ“ (Спб. 1841), стр. 66. Къ сожалѣнію г. Ровинскій приводитъ лишь небольшія выписки изъ замѣчательнаго списка Забѣлина. (Русскія народныя картинки IV, 2—3).

[2]) Ср. монографію Ѳ. И. Буслаева: „Русскія пословицы и поговорки“, въ „Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній“ Калачева, II, 2, стр. 67.

[3]) Тамъ же.

въ 1749 г., человѣкъ по тогдашнему времени образованный, знавшій французскій языкъ. Въ нашемъ собраніи рукописей находится рукопись (№ 325), принадлежавшая библіотекѣ того же Янькова и значившаяся въ ней подъ № 86. Рукопись заключаетъ въ себѣ „Авантуры Аристоноюсовы,"—нравоучительную повѣсть, переведенную съ французскаго. На оборотѣ заглавнаго листа тѣми же чернилами и почеркомъ, какими написана вся рукопись, приписано: „A: de Yancoff". На заглавномъ листѣ *позднѣйшая приписка*: „Авантуры Аристоносовы (sic!). *Писаны рукою Александра Даниловича Янькова*" [1]). Образованный русскій москвичъ, половины прошлаго вѣка, сохранялъ очевидно живой интересъ къ рукописной литературѣ, хранившей старыя традиціи, и собственною рукою переписывалъ и народныя русскія пословицы, и переведенную съ французскаго гисторію [2]).

Бытъ помѣщиковъ XVIII вѣка, особенно провинціальныхъ, поддерживалъ въ этомъ привилегированномъ сословіи сочувствіе народной старинѣ и поэзіи. Митрофанушка „Недоросля" „еще сызмала былъ къ исторіямъ охотникъ" и „заставлялъ себѣ разсказывать исторіи скотницу Хавронью;" „въ иной исторіи залеталъ за тридевять земель, за тридесято царство." Скотининъ „безъ того глазъ не сводилъ, чтобъ выборный не разсказывалъ ему исторій". Самъ авторъ „Недоросля" слушалъ въ дѣтствѣ сказки, которыя сказывалъ пріѣзжавшій изъ Дмитріевской деревни Фонвизиныхъ мужикъ Ѳедоръ Суратовъ. Татищевъ († 1750 г.) слушалъ былины о пирахъ Владиміра и уцѣлѣвшій въ его памяти отрывокъ (о дворѣ Путятинѣ) помѣстилъ въ одномъ изъ примѣчаній къ Іоакимовской лѣтописи [3]). Обширный сборникъ народныхъ пѣсенъ, составленный въ XVIII вѣкѣ, связанъ съ именемъ одного изъ Демидовыхъ,—того, который любилъ щеголять патріархальными пріемами стараго русскаго быта. 22-го сентября 1768 года

---

[1]) Ср. также Пыпина, „Дополненіе къ библіографическому списку рукописныхъ романовъ, повѣстей и пр. первой половины XVIII вѣка" въ „Сборникѣ Общества любит. рос. словесности" на 1891 г., стр. 542—543.

[2]) Въ 1782 г. эта повѣсть была напечатана въ Петербургѣ, но въ другомъ переводѣ—*съ англійскаго*. („Роспись" Смирдина, № 9268).

[3]) Татищевъ, Россійская исторія, часть I, кн. 1, стр. 50.

Прокофій Акинфіевичъ Демидовъ писалъ „россійскому исторіографу" Г. Ф. Миллеру: „Въ присутствіе ваше у меня благоволилъ мнѣ приказать прислать о селѣ Романовскомъ, а нынѣ называютъ его Преображенскимъ. Я досталъ отъ *сибирскихъ людей*, которые прошедшую *исторію* поютъ на голосу, которую при семъ къ Вашему Высокородію посылаю". Печатая это письмо (по подлиннику, сохранившемуся въ портфеляхъ Миллера), профессоръ Шевыревъ справедливо замѣтилъ: „Письмо указываетъ на то, какъ весь сборникъ, у насъ обыкновенно приписываемый Киршѣ Данилову, былъ записанъ въ Сибири съ устъ сибирскихъ людей для Прокофія Акинфіевича Демидова" [1]). Приведенное письмо опредѣляетъ приблизительно время и мѣсто записи народныхъ пѣсенъ, вошедшихъ въ составъ „Древнихъ россійскихъ стихотвореній" [2]). Самая былина, посланная Демидовымъ Миллеру при этомъ письмѣ и напечатанная впослѣдствіи въ „Древнихъ россійскихъ стихотвореніяхъ" (стр. 326—336) подъ заглавіемъ: „Никитѣ Романовичу дано село Преображенское", написана была *безъ раздѣленія на стихи*, въ сплошную строку [3]). По словамъ К. Θ. Калайдовича, „оригиналъ Древнихъ Русскихъ стихотвореній писанъ *новымъ почеркомъ*, безъ орѳографіи и *безъ раздѣленія стиховъ*" [4]). Время составленія сборника Калайдовичъ опредѣляетъ лишь приблизительно, говоря: „За открытіе и сохраненіе сихъ старыхъ памятниковъ русской словесности мы обязаны покойному г. Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Прокофію Акинфіевичу Демидову, *для коего они предъ симъ лѣтъ за 70, были списаны*" [5]). Высказывая предположеніе, что пѣсни для Демидова были *списаны* съ готоваго оригинала

---

[1]) Москвитянинъ 1854 г., № 1 и 2, отд. IV, стр. 9.

[2]) Письмомъ Демидова опровергается предположеніе Сахарова, что „настоящій собиратель (Древнихъ россійскихъ стихотвореній) былъ П. А. Демидовъ, жившій *въ Тулѣ* въ половинѣ XVIII столѣтія" и собиравшій, какъ и другіе тульскіе бояре того времени, „пѣсельниковъ и сказочниковъ, слушать пѣсни и сказки". Отъ этихъ *тульскихъ* пѣсельниковъ, по мнѣнію Сахарова, и записаны пѣсни, вошедшія въ составъ „Древнихъ россійскихъ стихотвореній". Ср. Сказанія русскаго народа, изд. 3-е, I, 30.

[3]) Москвитянинъ 1854 г., № I и 2, стр. 10.

[4]) Древнія россійскія стихотворенія, изд. 2-е, стр. XXXIV, стр. III.

[5]) Тамъ же, стр. I.

(а *не* записаны *со словъ*), Калайдовичъ находитъ вѣроятнымъ, „что собиратель Древнихъ стихотвореній долженъ принадлежать къ первымъ десятилѣтіямъ XVIII вѣка" [1]). Это предположеніе издатель основываетъ на пѣсни: „Свѣтелъ, радошенъ царь Алексѣй Михайловичъ", и еще болѣе на „повѣсти *о Атаманѣ Флорѣ Минаевичѣ*, въ которой сей начальникъ Донскаго войска съ казаками, изъявляя прискорбіе о возбраненіи имъ плаванія на Дону, подаетъ въ Москвѣ государю Петру I просьбу на сіе притѣсненіе" [2]). Сборникъ древнихъ россійскихъ стихотвореній, несомнѣнно, составленъ былъ по заказу Демидова въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, и пѣсни, вошедшія въ его составъ, были *записаны съ голосу сибирскихъ людей*, а не переписаны съ готоваго рукописнаго оригинала. Демидовъ положительно свидѣтельствуетъ о томъ въ письмѣ къ Миллеру.

Въ 1769 году Кургановъ вноситъ четыре народныя пѣсни въ учебное руководство по русскому языку, изданное имъ подъ заглавіемъ: „Россійская универсальная грамматика, или всеобщее письмословіе, предлагающее легчайшій способъ основательнаго ученія русскому языку съ седмью присовокупленіями разныхъ учебныхъ и полезно-забавныхъ вещей". Двѣ историческія пѣсни напечатаны здѣсь *въ сплошную строку*; но начала отдѣльныхъ стиховъ отмѣчаются во второй пѣснѣ прописною буквою: по видимому Кургановъ напечаталъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ нашелъ ихъ въ какой-нибудь руко-

[1]) Тамъ же, стр. VIII—IX.

[2]) Основываясь на указанныхъ Калайдовичемъ пѣсняхъ, П. А. Безсоновъ отодвигаетъ даже Киршу Данилова къ концу XVII вѣка. Вотъ его слова: „Слѣдующій за тѣмъ собиратель былинъ, записавшій намъ ихъ, Кирша Даниловъ жилъ конечно въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка, судя по тому, что сборникъ его кончается былинами о свѣжихъ событіяхъ конца XVII вѣка, о Разинѣ, рожденіи Петра I, атаманѣ Флорѣ Минаевичѣ и т. п". (Приложеніе къ седьмому выпуску „Пѣсенъ, собранныхъ Кирѣевскимъ", стр. 78). Осторожнѣе относится къ вопросу о личности Кирши Данилова и о времени составленія имъ сборника пѣсенъ Вольнеръ, говоря: „Im 18 Jahrhundert veranstaltete ein gewisser Kirsa Danilov, der in den Demidov'schen Eisenbergwerken im Gouvernement *Perm* beschäftigt gewesen zu sein scheint, eine Sammlung von 61 Bylinen (W o l l n e r, Untersuchungen über die Volksepik der Grossrussen, p. 2). Вольнеръ слѣдуетъ здѣсь О. Ө. Миллеру (Илья Муромецъ, стр. V).

писи [1]). Въ „Универсальной грамматикѣ“ народныя русскія пѣсни помѣщены въ отдѣлѣ *Разныхъ стиходѣйствъ* — среди произведеній Кантемира, Ломоносова, Сумарокова, школьныхъ „кантъ“ и „кіевокалѣкскихъ“ стиховъ. Въ другихъ отдѣлахъ книги Курганова помѣщены: 1) „Краткія замысловатыя повѣсти“ (въ родѣ польскихъ фацецій), 2) „Древнія апоѳегмы“ (перепечатанныя съ стараго рукописнаго текста, изданнаго въ Москвѣ въ 1711 году) и наконецъ 3) „Сборъ разныхъ пословицъ и поговорокъ“. Послѣднія, какъ и пѣсни, напечатаны безъ подправокъ и передѣлокъ, которымъ онѣ нерѣдко подвергались впослѣдствіи со стороны писателей, принадлежавшихъ къ ложно-классической школѣ, или признававшихъ литературный авторитетъ Сумарокова (напр. въ изданіяхъ Богдановича и Михайлы Попова). „Универсальная грамматика“ впослѣдствіи была значительно расширена въ объемѣ и, подъ именемъ „Письмовника“, заняла почетное мѣсто въ нашей „мѣщанской“ литературѣ; этимъ книга Курганова обязана конечно и тому, что приняла въ свой составъ „апоѳегмы“ и забавныя повѣсти, пользовавшіяся большимъ распространеніемъ въ литературѣ XVII вѣка, а также народнымъ пѣснямъ и посло-

---

[1]) Первая пѣсня („Изъ славнаго города изъ Пскова подымался Царевъ болшой бояринъ“, стр. 306) перепечатана была въ пѣсенникахъ Чулкова, Новикова и въ Пѣсняхъ, собранныхъ Кирѣевскимъ, вып. 8-й, стр. 132 — 135.—

Вторая пѣсня напечатана въ такомъ видѣ: „Вы молоды ребята послушайте; Что мы стары старики будемъ сказывати: 2. Про грозна Царя Івана про Васильевича: Какъ онъ нашъ Государь Царь подъ Казань городъ ходилъ: Подъ Казанку подъ рѣчку подкопы подводилъ: За Сулай за рѣку бочки съ порохомъ каталъ: А пушки и снаряды въ чистомъ полѣ разставлялъ: Ой! Татараве по городу похаживаютъ: И всяко грубіянство оказываютъ: Онѣ грозному Царю насмѣхаются: А не быть нашей Казани за бѣлымъ за Царемъ: Ахъ! какъ тутъ нашъ Государь Царь разгнѣвался: Что подрывъ такъ долго медлился: Приказалъ онъ за то Пушкарей строго казнить: Подкопщиковъ и Зажигальщиковъ: Но (ино?) всѣ тутъ Пушкари призадумалися: А одинъ Пушкарь поотважился: Прикажи Государь Царь слово выговорить: Не успѣлъ Пушкарь слово вымолвить: Тогда лишь догорѣли зажигальны свѣчи: И вдругъ разрывало бочки съ порохомъ: Какъ стѣны бросать стало за Сулай за рѣку: Всѣ Татараве тутъ, братцы, устрашилися: Онѣ бѣлому Царю покорилися.“ Пѣсни того же содержанія („бояринъ Шереметевъ“ и „взятіе Казанскаго царства“) есть и въ Древнихъ россійскихъ стихотвореніяхъ (стр. 284, 314), но—*въ другихъ версіяхъ*, чѣмъ у Курганова

вицамъ, въ нее внесеннымъ. Нѣкоторыя отдѣльныя статьи „Универсальной грамматики“ перешли на лубочныя картинки, подобно многимъ рукописнымъ текстамъ XVII и XVIII вѣка [1]).

Въ 1770-мъ г. напечатаны были Чулковымъ двѣ первыя части „Собранія разныхъ пѣсенъ“; изданіе этого сборника закончилось въ 1774 году выходомъ четвертой части. Рядомъ съ пѣснями разныхъ русскихъ стихотворцевъ Чулковъ помѣстилъ въ этомъ „Собраніи“ много пѣсенъ народныхъ, преимущественно обрядовыхъ и бытовыхъ; пѣсенъ историческихъ и былинъ въ его сборникѣ немного.

Обрядовыя и бытовыя народныя пѣсни, напечатанныя въ „Собраніи“ Чулкова, повидимому извлечены собирателемъ изъ старыхъ рукописей, гдѣ онѣ находились вмѣстѣ съ пѣснями неизвѣстныхъ авторовъ. Въ „предувѣдомленіи“ Чулковъ говоритъ: „Сколько я трудился въ собраніи сихъ пѣсенъ, о томъ вѣдаютъ тѣ люди, которымъ извѣстны безграмотные писцы наши, кои пишутъ, а что пишутъ, того не разумѣютъ. Ихъ неискуство находилъ я почти во всякой пѣснѣ, такъ что индѣ ни стиха, ни риѳмы, ниже мысли узнать мнѣ было не можно; да я чаю, что они и сами растолковать бы мнѣ не умѣли; для того принужденъ былъ употреблять догадку... Сихъ пѣсенъ собрано у меня нѣсколько (продолжаетъ Чулковъ), а сіе нѣсколько составило бы ужасной величины книгу, естьли бы я напечаталъ ихъ всѣ вмѣстѣ: того ради разсудилось мнѣ выдавать ихъ по частямъ. Каждая часть состоять будетъ изъ *пѣсенъ разнаго сложенія*, какъ и сія первая, въ томъ же числѣ будутъ театральныя, маскарадныя, подблюдныя, хороводныя, и словомъ *всякаго званія*“.

Въ прошломъ вѣкѣ, дѣйствительно, обращались въ средѣ читающаго класса рукописи, въ которыхъ собраны были пѣсни „разнаго званія“. Одинъ изъ такихъ сборниковъ найденъ былъ Пекарскимъ въ библіотекѣ г-жи А. П. Микулиной въ селѣ Кожинѣ Московской губерніи. А. Н. Пыпинъ описываетъ этотъ сборникъ такъ: „Рукопись (на 40 лист., въ небольшую четвертку) писана стариннымъ почеркомъ половины XVIII-го столѣтія и названа *кантами*, хотя въ ней собственно

[1]) Ср. Ровинскаго, Русскія народныя картинки IV, 190, 241, 254, 353.

такъ называемыхъ стихотвореній очень немного. Всего въ рукописи записаны пятьдесятъ четыре пьесы. Половина ихъ состоитъ изъ романсовъ, пѣсенъ и идиллій, принадлежащихъ рединѣ прошлаго вѣка; затѣмъ помѣщено нѣсколько духовныхъ стихотвореній; наконецъ остальныя пьесы состоятъ или изъ чисто-народныхъ или полународныхъ пѣсенъ, между которыми встрѣчаются интересныя въ томъ или другомъ отношеніи" [1]). Замѣтимъ, что въ такихъ сборникахъ чисто-народныя пѣсни составляютъ незначительное число сравнительно съ романсами, пѣснями театральными и подобными имъ стихотвореніями. Таковъ составъ сборниковъ XVIII вѣка, въ которыхъ помѣщались народныя пѣсни лирическія, бытовыя.

Съ 1780 года тотъ же Чулковъ началъ издавать „Рускія сказки, содержащія древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ" и т. д. Въ составъ этого изданія вошли сказки, которыя Чулковъ сочинялъ, руководствуясь принадлежавшимъ ему сборникомъ русскихъ народныхъ былинъ. «Къ крайнему моему сожалѣнію (говоритъ онъ) въ пожарный случай погибло у меня собраніе древнихъ богатырскихъ пѣсенъ, между коими и о семъ подвигѣ Добрыни Никитича»... „Голосъ оныя и отрывки словъ остались еще въ моей памяти, кои и прилагаю здѣсь" [2]). Сотрудникъ Чулкова по изданію «Русскихъ сказокъ», извѣстный писатель Михайла Поповъ [3]), составляя для печати сборникъ: «Россійская Эрата, или выборъ наилучшихъ новѣйшихъ россійскихъ пѣсенъ» [4]), вноситъ въ него нѣсколько народныхъ лирическихъ пѣсенъ и такъ же, какъ

---

[1]) Ср. А. Н. Пыпина, Народные стихи и пѣсни, въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1858 г., январь, стр. 300—301.

[2]) Русскія сказки, 1780 г., ч. I, стр. 138—139. Въ 1807 году Левшинъ издалъ первыя четыре части «Русскихъ сказокъ» Чулкова *вторымъ тисненіемъ*, т. е. перепечаталъ буквально съ перваго изданія; поэтому примѣчаніе Чулкова о сгорѣвшемъ сборникѣ старинныхъ богатырскихъ пѣсенъ приписано было Левшину Калайдовичемъ (Древнія россійскія стихотворенія, стр. XXI—XXII). Этимъ объясняется недоумѣніе А. Н. Веселовскаго, «какъ помирить цитату Левшина съ Чулковской» (Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. XXXVI, стр. 375).

[3]) Евгеній, Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, II, 243.

[4]) Этотъ сборникъ, въ трехъ частяхъ, напечатанъ былъ по смерти М. Попова, въ Петербургѣ, въ 1792 году.

и Чулковъ, жалуется на „безграмотныхъ писцовъ“, отъ которыхъ многія пѣсни «претерпѣли гнусное себѣ превращеніе» [1]). У него было подъ руками довольно много записей народныхъ лирическихъ (бытовыхъ) пѣсенъ,—т. е. сборниковъ такого же состава, какими пользовался и Чулковъ, когда онъ приготовлялъ къ печати свое «Собраніе разныхъ пѣсенъ». Въ предисловіи къ своему сборнику М. Поповъ говоритъ: „Со старинными [2]) пѣсьнями поступалъ я такимъ же образомъ (т. е. какъ и съ новѣйшими): по учиненіи онымъ изъ *преогромныя стаи* очень малаго выбора, потщался въ нѣкоторыхъ исправить не токмо равногласіе и мѣру во стихахъ, но и переставлялъ оные въ иныхъ съ одного мѣста на другое, дабы связь ихъ теченія и смысла здѣлать чрезъ то плавнѣйшею и естественнѣйшею, чего въ нѣкоторыхъ изъ нихъ недоставало. Между тѣмъ внесены мною и такія пѣсьни, которыя оставилъ я совсѣмъ безъ поправки, по тому что нельзя было къ оной приступить безъ перемѣны ихъ слога, по которому единственно и заслуживаютъ онѣ вниманіе; ибо, какъ уже выше сказано, древность нарѣчія и естественная простота выраженія идей есть главное достоинство старинныхъ нашихъ пѣсенъ» [3]). Поповъ, вѣроятно, пользовался и сборниками пѣсенъ «всякаго званія», принадлежавшими Чулкову: онъ былъ участникомъ и въ Чулковскомъ «Собраніи разныхъ пѣсенъ» [4])...

Такимъ образомъ въ прошломъ столѣтіи, кромѣ спеціальныхъ сборниковъ, составленныхъ исключительно изъ народныхъ пѣсенъ («Древнія россійскія стихотворенія» и сгорѣвшій сборникъ богатырскихъ пѣсенъ Чулкова), народныя пѣсни попадаются: 1) лирическія—въ сборникахъ романсовъ и пѣсенъ Сумарокова, Ломоносова и второстепенныхъ писателей XVIII вѣка, 2) былины и историческія пѣсни—въ сборникахъ старинныхъ «сказаній», «повѣстей», «словъ». Сборники перваго рода обращались преимущественно среди привилегированнаго класса: ихъ надобно искать въ старинныхъ по-

....

[1]) Россійская Эрата, ч. I, стр. XXXI. [2]) Такъ называлъ Поповъ народныя пѣсни. [3]) Россійская Эрата, ч. I, стр. XXXVI—XXXVII. [4]) Евгеній, Словарь свѣтскихъ писателей II, 243.

мѣщичьихъ библіотекахъ; сборники второго рода—среди грамотныхъ людей средняго и нисшаго класса: купцовъ, мѣщанъ, посадскихъ, дворовыхъ людей, крестьянъ.

Къ категоріи послѣднихъ сборниковъ относятся тѣ рукописи нашей библіотеки, по которымъ напечатаны ниже слѣдующія былины: 1) «Сказаніе о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ Разбойникѣ» (№ III); 2) «Сказаніе о трехъ богатыряхъ: о Ильѣ Муромцѣ и о Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ и Олешѣ Поповичѣ кіевскихъ и о похожденіи ихъ" (№ IV) и 3) «Сказаніе о сильныхъ могучихъ богатыряхъ кіевскихъ: о Ильѣ Муромцѣ и о Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ и Алешѣ Поповичѣ» (№ V).

«Сказаніе о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ Разбойникѣ», представляющее варіантъ къ тексту, напечатанному подъ № II, заимствовано изъ рукописнаго сборника моей библіотеки, № 222. Рукопись въ четвертку, на 227 листахъ, перемѣченныхъ тою же рукою, которою написанъ весь сборникъ. Тѣмъ же почеркомъ, на оборотѣ 63-го листа, сдѣлана приписка, опредѣляющая время составленія сборника: «Anno Domini 1734 году». Въ составъ этой рукописи входятъ: 1) «Повѣсть объ Аполлонѣ, королѣ тирскомъ», безъ начала, за утратою первыхъ двухъ листовъ (л. 3—28 об.); 2) «Исторія, выпісана ис книгъ зело полезна француvкаго (sic!) королевства о гравскомъ сынѣ Кеинге" и т. д. [1]) (л. 29—44 об.); 3) «Сутъ Шемякинъ, выписано ис книгъ жартовъ» (л. 45—47 об.); 4) „Сказаніе о храмце и о слепце" (л. 47 об.—48 об.); 5) „Повесть Цесаревіча Діоклітиана отцу своему и (sic!) некоемъ рыцаре и о сыне его Алеѯандре, велми чудна" (л. 49—63 об.); 6) „Повесть зело предивна и истинна, яже бысть во дни сия, како человеколюбивый Богъ являетъ человеколюбие свое надъ народомъ христианскимъ"—о Саввѣ Грудцынѣ (л. 67—87) и 7) „История о храбромъ гишпанскомъ рыцаре Веницыанѣ и прекрасной королевне Ренцывенѣ" л. 94—227). Составитель сборника оставилъ пустыми листы 64—66, (послѣдній листъ утраченъ) и л. 87 об.—93 об. На этихъ-то пустыхъ страницахъ другимъ почеркомъ малогра-

[1]) Ср. Пыпина, Для любителей книжной старины, стр. 34—35.

мотнаго писца вписаны: 1) „Молитва великому святителю Николаю чудотворцу“ (л. 64—64 об.); 2) „Молитва пресвятой Богородицѣ“ (л. 87 об.—88); 3) „Молитва покаянная Господу Иiсусу“ (л. 88—89); 4) „Мѣсяцъ мартъ въ 12 день. Сей листъ выписанъ изъ древнихъ святыхъ отецъ харитевыхъ (sic!) о двунадесятъ времянныхъ имянуетца пятница“ (л. 89 об.); 4) «Послание отъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа с небесе» [1]) (л. 90—90 об.); 5) «Молитвы чрезъ седмицу всякому христианину» (л. 91—91 об.). Непосредственно за «молитвою въ понедѣльникъ» тою же рукою вписано и «Сказание о Ілие Муромце и о Соловие Разбонике» (л. 91 об.—92 об., л. 93 об.). Эти новыя записи не позднѣе 1740 года: на л. 64, въ «молитвѣ Николаю Чудотворцу», читается: «Молися Всемилостивому Владыцѣ спасти во здравіе... благочестивѣйшую и самодержавнѣйшую великую государыню нашу, императрицу Анну Іоанновну». Переписчикъ, несомнѣнно, имѣлъ оригиналомъ рукописный текстъ былины, старый, съ надстрочными буквами и титлами. Не умѣя разобрать надстрочныхъ скорописныхъ буквъ, писецъ былины пропускалъ ихъ, какъ видно изъ ниже напечатанныхъ примѣчаній: 5-го и 6-го на стр. 32-й и 5-го и 6-го на стр. 33-й, подъ текстомъ «Сказанія».

Текстъ перваго «Сказанія о трехъ богатыряхъ: о Ильѣ Муромцѣ, и о Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ и Олешѣ Поповичѣ» (№ IV) извлеченъ изъ рукописной тетради моей библіотеки за № 399, состоящей въ настоящее время изъ двадцати двухъ четвертокъ; первая и послѣдняя четвертка утрачены. Листы перемѣчены писцомъ—не цифрами, а по старинному—буквами. Помѣта идетъ сверху по всѣмъ листамъ рукописи; послѣ помѣты 19 (ѳі) слѣдуетъ, по оплошности писца, помѣта 21 (ка), вмѣсто 20. Съ лѣваго боку седьмаго (по старой помѣтѣ) листа приписано сверху: «Семенъ». То же имя приписано съ правой стороны и на оборотѣ 18-го листа. Это—имя переписчика и вмѣстѣ владѣльца рукописи. Въ концѣ другой тетради того

[1]) Это такъ наз. „Эпистолія о недѣлѣ“, иначе „Іерусалимскій свитокъ“, упомянутый выше въ сб. Ѳ. И. Буслаева. Издавался много разъ; срв. также *Этногр. Обозрѣніе*, IV, 95—100; *П. А. Иваницкаго*, Матеріалы по этногр. Вологод. г.,—въ „Сборн. свѣд. для изуч. быта крест. насел. Россіи“, в. II. Моск. 1890 г., стр. 146—147.

же почерка, сохранившей главу изъ «Житія Девгенія», читается:«Сия тетрать *Семена* Малкова; а дописана сия тетрать м҃ца хевраля 28 дня 1744 года, а писалъ самъ своею рукою всю до конца». Тетрадь, изъ которой взято второе сказаніе о богатыряхъ, начинается слѣдующими строками главы «О въсхищеніи Стратиговнѣ и о свадьбѣ Девгенія»: „и приниче ко окну, а сама не показася Девгениж.. и вспять возвратися; и Девгени взирающе на дворъ, и тогда девая видевше и подивися». Эта глава оканчивается «аминемъ» на листѣ девятомъ старой нумераціи. Непосредственно за нею вписано: «Сказание, како победи Девгеній Василія царя», оканчивающееся на 12-мъ листѣ. За этою главою «Девгеніева дѣянія» слѣдуетъ печатаемое ниже «Сказание о трехъ богатыряхъ: о Илье Муромце, и о Михаіле Потоке Ивановиче и Олеше Поповиче киевскихъ и о похождевіи ихъ» (л. 12—19 об.). На оборотѣ 19-го листа начинается статья, озаглавленная такъ: «Мѣсяца марта въ к҃ѕ день память святыя мученицы Матроны Ѳесалонітскія»; статья оканчивается на оборотѣ слѣдующаго листа, ошибочно помѣченнаго к҃д. За сказаніемъ о св. Матронѣ, выписанномъ изъ Пролога, слѣдуетъ «Слово о умномъ и о премудромъ бражнике» (л. 21 об.—до конца тетради). Конца этой статьи недостаетъ. Послѣдняя тетрадь Семена Малкова списана, вѣроятно, также около тогоже 1744 года, къ которому относится и первая. Наконецъ третья тетрадь съ именемъ Семена Малкова, переписанная не его рукою, даетъ указаніе и на мѣстность, гдѣ эти тетради переписывались или обращались. Въ концѣ третьей тетради, содержащей въ себѣ «Мученіе святыхъ мученикъ Кирика и матере его Улиты», послѣ словъ: «Семенъ Малковъ» приписано: «Посацкой человѣкъ *Ярославецъ* Андрей Ѳедотовъ». Полагаемъ, что «Сказаніе о трехъ богатыряхъ» списано съ рукописнаго оригинала, а не записано со словъ: поэтому писецъ механически скопировалъ одно непонятное ему мѣсто, опустивъ надстрочныя буквы, и пропустилъ нѣсколько строкъ или не нашелъ ихъ въ рукописномъ оригиналѣ (прим. 2-е на стр. 34-й).

Второе «Сказаніе о сильныхъ могучихъ богатыряхъ киевскихъ: о Ильѣ Муромцѣ, и о Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ и Алешѣ Поповичѣ» (№ V), представляющее варіантъ къ первому,

напечатано по рукописи моей библіотеки, № 361. Этотъ объемистый сборникъ, въ четвертку, на 240 листахъ, состоитъ изъ нѣсколькихъ тетрадей, писанныхъ въ разное время разными почерками и лишь впослѣдствіи переплетенныхъ вмѣстѣ и объединенныхъ общимъ оглавленіемъ, которое насчитываетъ въ сборникѣ 23 главы (статьи). Оглавленіе писано тою же рукою, какою списана самая объемистая тетрадь сборника, содержащая въ себѣ «Страсти Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа» (л. 1—100). Въ текстѣ этой *первой главы* сборника, на оставленныхъ пустыми мѣстахъ, вклеено 16 картинокъ, вырѣзанныхъ изъ лубочной книжки: «Страданіе Господа нашего Іисуса Христа» (Ровинскій III, 331). По времени написанія тетрадь Страстей» самая поздняя изъ всѣхъ, вошедшихъ въ описываемый сборникъ. Тѣмъ же почеркомъ, какимъ написано «Сказаніе о сильныхъ могучихъ богатыряхъ кіевскихъ», списаны слѣдующія статьи сборника: 1) «Мучение святыхъ мученикъ Кирика и матери его Улиты» (л. 121—130); 2) «Слово святаго отца нашего Агапия» (л.131—137); 3) «Убиение святаго благовернаго великаго князя Андрея Георевича Боголюбовскаго» (137—140); 4) «Сказание о богатомъ купце» (л. 141—145 об.). Нач.: «Во граде Вавилоне бысть купецъ, богатъ зело, именемъ Бендеръ»; 5) «Житие святаго отца нашего Григория, папы римскаго (л. 145 об.—150). Такъ названа статья въ оглавленіи; въ текстѣ стоитъ другое заглавіе: «Сказание о царскомъ платье». Это — совершенно особая редакція такъ называемой легенды о кровосмѣсителѣ (Памятники старинной русской литературы, Костомарова, II, 415—424). Нач.: «Бысть в Цареграде царь Платонъ; живяше много лѣтъ и умре» и т. д.; 6) «Слово иже во святыхъ отецъ нашихъ: Василия Великаго Григория Богослова, Иоанна Златоустаго, велми душеполезно, ко всемъ православнымъ христианомъ, како матерно бранитися (л. 150 об.—152); 7) «Повѣсть о крестномъ сынѣ», безъ начала (л. 152 об. — 155), указанная выше въ сборникѣ Ундольскаго; 8) «Слово о святѣмъ Иоаннѣ Богословѣ, како изучи человѣка писати иконы» (л. 159—161), указанное выше въ сборникѣ Ѳ. И. Буслаева; 9) «Слово о черноризцѣ Мартири, како Христа носилъ» (л. 161 об.—162); 10) «Слово святаго Иоана Златоустаго о страсѣ божиі и о еже

како во святѣй божиі церкви стояти со страхомъ и благочиниемъ и лице свое крестити крестообразно» (л. 162 об.—163). Нач.: «Мнози убо невегласи, махающе по лицу своему рукою» и т. д.; 11) «Списание о иконе пресвятыя владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Марии огеитрии (sic!) троеручицы (л 163—166 об.). Нач.: «Принесена сия святая ікона пресвятыя Богородицы из аѳонския горы архимандритомъ Ѳеоѳаномъ лета 7172 году октоврия въ 16 день» и т. д.; 12) «Поучение иже во святыхъ отца нашего Василия кисарицкого (въ оглавленіи: Кисаринского) ко всемъ православнымъ христианомъ о хмелномъ питиі; како ему гласъ бысть отъ образа пресвятыя Богородицы» (л. 166 об.—171 об.); 13) „Сказание учитиля церковнаго Иеронима святаго о Июде предателя (sic!) Господа нашего Иисуса Христа» (л. 172—176); 14) «Сказание о силныхъ могучихъ богатырехъ киевскихъ о Илье Муромце и о Михаиле Потокѣ Ивановиче и Алеше Поповиче» (л. 176 об.—183 об.).

Перечисленныя четырнадцать статей писаны *однимъ и тѣмъже* почеркомъ, болѣе древнимъ, чѣмъ тетрадь, содержащая „Страсти.“ Нѣкоторыя изъ написанныхъ этимъ старымъ почеркомъ страницъ имѣютъ внизу особую помѣту, сдѣланную тѣмъ же почеркомъ; помѣчены страницы не цифрами, а *буквами*. Такъ, начиная съ 131 листа сборника, идетъ помѣта страницъ отъ а҃ до к҃е. Судя по почерку, эти старыя тетради написаны не позднѣе 1740 года. Списывавшій былины имѣлъ передъ собою рукописный оригиналъ: на это, кажется, указываетъ написаніе словъ: „чересебя,“ отмѣченное въ 8-мъ примѣчаніи къ страницѣ 47-й.

Подробный перечень произведеній, помѣщенныхъ въ сборникахъ, которые содержатъ въ себѣ тексты отдѣльныхъ былинъ, представляетъ вѣскія доказательства научной важности рукописей XVIII вѣка: въ нихъ находятся нерѣдко хорошіе списки такихъ драгоцѣнныхъ литературныхъ памятниковъ, которые не найдены пока въ болѣе старыхъ спискахъ. Таковы отрывки изъ „Девгеніева Дѣянія.“ Характеризуя своимъ составомъ литературные вкусы грамотныхъ людей средняго и нисшаго класса общества, рукописные сборники XVIII вѣка нерѣдко хранятъ въ себѣ такія версіи народныхъ былинъ, ко-

торыя совершенно неизвѣстны по позднѣйшимъ записямъ (Сказаніе о борьбѣ кіевскихъ богатырей съ цареградскими). Первые собиратели русскихъ рукописей мало обращали вниманія на подобные сборники,—поздніе, съ простонароднымъ содержаніемъ,—направляя свои поиски на собираніе памятниковъ литературы церковной, исторической,—оффиціальной, такъ сказать, литературы древней Россіи. Собиратели произведеній устной народной словесности (пѣсенъ, сказокъ и т. п.) и различныхъ этнографическихъ свѣдѣній могутъ оказать великую услугу изученію древне-русской литературы—собираніемъ рукописныхъ сборниковъ и тетрадокъ, обращающихся въ настоящее время среди грамотнаго простонародья.

Н. Тихонравовъ.

I.

(Изъ сборника Ѳ. И. Буслаева).

Ставръ Гаденовичъ.

.....[боя]ринъ Ставеръ Гаденовичь: „Ой есте вы князи, и бояре, и силныя могучия богатыри! есть у меня молода жена Василиса Микулишна. По еѣ счастию есть у меня [1]) золота казна, николи казна не держитца, всегда казна исполняется [2]). И есть у меня триста молотцовъ—все молотцы переборчетыя: молодецъ молотца лутче, николижь молотцы не старѣютца. Да есть у меня триста жеребцовъ, я все жеребцы латынския: николи жеребъцы не изьездятца" [3]). И зговорятъ князи, и бояре, и силныя могучия богатыри, і мужики торговыя: „Ой еси ты бояринъ Сътаверъ Гаденовичь! почему у тебя золота казна не держитца?" I зговоритъ бояринъ Ставеръ Гаденовичь таково слово: „Потому у меня золота казна не держитца, что я исъ той казны в ростъ деньги в росте [4]) даю, і тѣмъ я ростомъ годъ живу, потому моя золота казна не деръ-

[1]) Въ рукописи слова: „есть у меня" повторены: „есть у меня, есть у меня". [2]) Послѣ этого повторено: „есть у меня золота казна". [3]) Затѣмъ текстъ начинается съ новой строки. [4]) Слова: „въ ростъ" написаны въ рукописи два раза.

житца".—„Почему у тебя молотцы не старѣются?" И възговоритъ бояринъ Ставеръ Гаденовичь таково слово: „Потому у меня молотцы не старѣются: пъютъ, едятъ, а сами потѣшаютца і никакой кручины не вѣдаютъ; чеботы носятъ по турецкому: шиломъ пяты, носки вострыя, однорятъки носятъ по посолскому — скорлять сукно, колпаки носятъ плащи золотыя: потому молотцы не старѣютца".—„Почему у тебя жеребцы не изъездатца?" И взговоритъ тутъ бояринъ Ставеръ Гаденовичь таково слово: „Потому у меня жеребцы не изъездятца: севодни я поехалъ на томъ жеребце, а завтре поеду на другомъ жеребце, всегда у меня жеребцы перемѣнныя: потому они не изъездятца". И лихи были в Киеве оговоръщики: оговорили онѣ князю Владимеру киевскому боярина Ставра Гаденовичя небылными словесами і ложными: „Государь ты нашъ, князь Владимеръ киевъской! пьешъ, ешъ і потѣшаешъся, а тово себѣ не вѣдаешъ: есть у тебя на пиру бояринъ Ставеръ Гаденовичь столнова града Чернигова, а за очи говоритъ таково слово: „Я, де, в Киевѣ градѣ болши великаго князя Владимира і богатея". І тутъ князь Владимиръ на него раскручинился, велѣлъ ево скоро пред собою поставити. И съкоро поставили боярина Ставра Гаденовичя перед кънязя Владимира киевскаго. Что взговоритъ князь Владимеръ киевской: „Ой еси ты бояринъ Ставеръ Гаденовичь! негораздо ты за очи похваляешся и говоришъ таково слово, что де я в Киеве богатѣе князя Владимира". И взговоритъ бояринъ Ставеръ Гаденовичь: „Азъ, государь, никакова слова про тебя не говаривалъ". Богъ над Ставромъ прогнѣвался, государь велики князь Владимеръ раскручинился, велѣлъ ево посадитъ в глубокъ погребь сорока саженъ і закрыть доскою желѣзною і засыпать песками желтыми. І повели боярина Ставъра Гаденовича в глубокъ погрепъ сорока саженъ. И что взговоритъ бояринъ Ставеръ Гаденовичь: „Ой еси ты мой слуга поваренной! садисъ ты съкоро на жеребца латынскова, поедь к столному граду Чернигову к моей молодой женѣ к Василисѣ Микулишнѣ, отправь еі от меня челобитье великое: „Богъ над Ставромъ прогнѣвался, государь велики князь Владимиръ раскручинился, велѣлъ его посадить в глубокъ погребъ сорока саженъ и засыпать песка-

ми желтыми, і закрыть доскою желѣзною". I скоро дѣтинко садился на жеребця на латынскова и поехалъ к столному граду Чернигову. И какъ будетъ в Черниговѣ градѣ, възьеждяетъ на царской дворъ, с коня не слажучи; бѣжитъ во свѣтлую горницу, не обсылаючи, молитца чюднымъ образомъ, бьет челомъ Василисѣ Микулишне, а самъ говоритъ таково слово: „Государыня Василиса Микулишна! привесъ я къ тебѣ вѣсти не радостъныя: Богъ надъ Ставромъ прогнѣвался, государь велики князь Владимеръ раскручинился, велѣлъ ево посадить в глубокъ погрепъ сорока саженъ и закърыть доскою желѣзною, і засыпать песками желътыми". И тутъ Василиса Микулишна была догадьлива, скоро она догадалась: пошла она в хоромы опришенныя, скидовала съ себя волосы женския, завивала кудри молодецъкия, надѣвала на себя пълатье посолское, скоро садилася на жеребца латынскова, імала съ собою триста молотцовъ: молодецъ молотца лутче, все молотцы переборчетыя, бутъто едетъ младъ посолъ младъ [1]) Василей Ивановичь ис тое земли из Галацъкия отъ короля Полскова [2]) править посолство великое. I поехалъ младъ посолъ Василей Ивановичь къ столному граду Киеву ко великому князю Владимеру киевскому тою дорогою пъродолную на лесы на брынъския [3]), на грязи на черныя, на реку на Смородину, на Соловья на разбойника. И какъ будетъ грозенъ посолъ младъ Василей Ивановичь блиско столнова града Киева, в тѣхъ лугахъ государевыхъ, і тутъ велѣлъ бѣлы шатры бѣлобелчетыя розставити; а посолской шатеръ не мешаетца с тѣми: маковка у шатра золотая, золота аравитъское [4]). I малой часъ поизойдучи, от столнова града Киева, от князя Владимира киевъскаго, мимо шатра посолскова гонитъ скорой гонецъ в Черниговъ градъ. I что зговоритъ грозенъ посолъ младъ Василей Ивановичь: „Ой есть вы мои слуги і дворяня молотцы! переймите вы скорова гонца, поставте ево передо мною". I скоро тутъ кинулись і поимали гонца, і привели пред грознаго посла млада Василья

---

[1]) Такъ въ рукописи; слѣдуетъ: „грозенъ посолъ младъ Василей Ивановичь", какъ ниже. [2]) Въ рукописи описка: „Посолскова". [3]) Въ рукописи: „на бранъския". [4]) Такъ въ рукописи.

Ивановичя. Что взговоритъ грозенъ посолъ младъ Василей Ивановичь: „Ой еси ты скорой гонецъ! куды ты гонишъ наскоро?“ И взговоритъ ему скорой гонецъ: „Государь ты, грозенъ посолъ младъ Василей Ивановичь! я еду отъ столнаго града Киева от князя Владимера киевскаго, а еду в столно градъ Черниговъ переписать золоту казну боярина Ставра Гаденовича“. І что взговоритъ грозенъ посолъ младъ Василей Ивановичь: „Ой еси ты грозенъ посолъ, скорой гонецъ! поедь ты скоро назадъ к столному граду Киеву, к великому князю Владимеру киевскому, да скажи ему про меня: „Государь мой князь Въладимеръ киевски! к твоему здоровью ідетъ, государь, младъ посолъ Василей Ивановичь изъ земли Галацкия отъ короля Польскова править посолство великое“. И скоро скорой гонецъ назадъ поехалъ въ Киевъ градъ і сказалъ князю Владимиру все поряду по словеси грознаго посла млада Василья Ивановича. А самъ посолъ не мешъкая за гонцомъ в Киевъ градъ приежьдяючи ставилься на посолской дворъ. Какъ будетъ третей день, звалъ князь Владимеръ киевской грознаго посла млада Василья Ивановича на почестной пиръ. И какъ будетъ по порамъ, пошолъ грозной посолъ на почестной пиръ. І какъ будетъ грозенъ посолъ младъ Василей Ивановичь среди двора государева, і тутъ ево встречаютъ князи і бояре, и взяли ево под руки бѣлыя, повели в полаты каменныя, посадили на мѣсто посолское. І какъ пошелъ почестной пиръ, і почели пить и ясти і потѣшатися, і увидѣла Апраѯѣя королевишъна грозна посла млада Василья Ивановича, а сама говоритъ таково слово: „Государь ты, князь Владимеръ киевской! не быть то грозну послу младу Василью Ивановичю — быть Василисѣ Микулишънѣ, Ставровой женѣ Гаденовича“. І что взговоритъ князь Владимеръ киевской: „Ой еси ты княгиня Апраѯѣя королевишна! мошно то намъ розвѣдати, лише бы не опозоритца“. І какъ у князя Владимера столъ отшелъ, и послѣ стола пошла потѣха молодецкая, и что взговоритъ князь Владимеръ киевской: „Ой еси ты грозенъ посолъ, младъ Василей Ивановичь! есьтли теперво с тобою умѣющия борцы, с моими бы борцы поборолися, а насъ бы с тобою потѣшили?“ И что взговоритъ грозенъ посолъ младъ Василей Ивановичь: „Го-

сударь ты, князь Владимеръ киевъски! теперво со мною борцовъ нѣту: не вѣдалъ я потехи молодецкия, твоего слова государева, і я затѣмъ борцовъ не бралъ. Развѣ, государь, мнѣ самому поборотися, а тебя, государь, потѣшити?" И пошелъ грозенъ посолъ на царевъ дворъ і учелъ по двору похаживать, ручки і ношки поправливать. И в ту пору князь Владимеръ іс хоромъ смотрилъ, із окошка стеколчетова. И выходятъ пять борцовъ умѣющихъ, і учели боротися: первому борцу голову сломилъ, другому борцу руку выломилъ, третьему борьцу ногу выломилъ, четвертаго борца за тынъ кинулъ, а пятой борецъ в таскахъ забѣжалъ. І тутъ младъ посолъ Василей [1]) Ивановичь бьетъ челомъ князю Владимеру киевскому своею потѣхою молодецкою, а самъ говоритъ таково слово: „Государь ты, князь Владимеръ киевской! я тебя тѣшилъ своею потѣхою молодецькою,—вели, государь, меня потѣшить: дай мнѣ ігреца, кой бы гораздъ в гусли іграть и проводилъ бы меня на посолской дворъ". І князь Владимеръ стоючи задумался, что нѣтъ в Киеве игреца гораздова. И вспало на умъ князю Владимеру про боярина про Ставра Гаденовича, и велѣлъ ево вынуть із глубока погреба и велѣлъ ему дать звончатыя гусли, і пошелъ Ставеръ Гаденовичь за грознымъ посломъ на посолской дворъ. І какъ будетъ на посолскомъ дъворѣ, и зговоритъ младъ посолъ Василей Ивановичь: „Помнишли ты, Ставеръ Гаденовичь, про меня, іли ты меня знаешли, іли нѣтъ?" И взговоритъ бояринъ Сътаверъ Гаденовичь таково слово: „Азъ про тебя і не слыхивалъ, не токмо что мнѣ тебя знать". І что взговоритъ грозенъ посолъ младъ Василей Ивановичь: „А помнишли ты, бояринъ Сътаверъ Гаденовичь, коли мы с тобою ребячью ігрушку игрывали: у тебя была сваечка серебреная, а у меня было колечко золотое, і ты в мое колечко часто попадывалъ?" І тутъ бояринъ Ставеръ Гаденовичь догодался: імалися онѣ за руки бѣлыя, цѣловалися во уста сахарныя. И великой князь Владимеръ киевской опять іхъ пожалывалъ столнымъ градомъ Черниговымъ, и отпустилъ іхъ с великою чесьтию, и учалъ ево жаловаты лутче старова. І онѣ поехали в Чер-

[1]) Слово „Василей" въ рукописи повторено два раза.

ниговъ градъ і учали жить і быть по старому лутче прежнего. И учели пити, і ясти, и веселитися по прежнему. И началъ іхъ князь Владимеръ жаловать лутъче старова. Конецъ.

II.

(Изъ сборника Ѳ. И. Буслаева).

Повѣсть о Ілье Муромце и о Соловье Разбойнике.

Во славномъ градѣ Муроме слушалъ богатырь Илья Муромецъ заутреню воскресную, а похоть [1]) держалъ къ столному граду Киеву, ко князю Владимеру киевскому Всеславьевичю, а заветъ держалъ болшой: кладетъ вострую саблю и на крѣпкой лукъ тетивы накладываетъ. И какъ едучи будетъ под Себѣжиномъ градомъ, ажно стоятъ тутъ три царевичя заморския, а силы с ними у всякова царевичя по сороку тысячь, и хотятъ Себежъ [2]) градъ за щитомъ взять и самого царя в полонъ взять. А Илья побилъ силу великую, бутто заичье стадо, а трехъ царевичевъ в полонъ взялъ і подарилъ царя Сибирскова [3]). И Сибирски царь говоритъ: «Какъ тебя зовутъ по имени и по отчеству і которого ты града»? Ответъ держитъ Илья Муромецъ: «Зовутъ меня, государь, Илюшкою, а по отчесътву Ивановъ сынъ, а уроженецъ града Мурома». И Сибирски царь зговоритъ таково слово: «Ой еси доброй молодецъ, Ілья Муромецъ! живи ты у меня, служи ты мнѣ вѣрою да правдою, дамъ я тебѣ половину царства своего». Илья Муромецъ говоритъ: «Много мнѣ твоего жалованья!» И спрашиваетъ у нево прямой дороги к столному граду Киеву, ко князю Владимеру киевскому Всеславьевичю. И Сибирски говоритъ ц.рь: „Прямая дорога надлежитъ на лесы брынския [4]), на мостъ калиновой, на реку Смородину; толко та дорога залегла от Соловья разбойника равно .л҃. лѣтъ: единое человѣкъ не прохаживалъ, и звѣрь не прорыскивалъ, и птица не пролетовала отъ Соловья разъбойника».

---

[1]) Такъ въ рукописи; читай: «походъ». [2]) Въ рукописи: «себе»; не написано надстрочное *ж*. [3]) Такъ въ рукописи, вмѣсто: «Сибѣ*ж*скова». Не разобрано надстрочное *ж*? Это чтеніе сохраняется и далѣе. [4]) Въ рук.: „бранския“.

И тутъ богатыръское сердце разгараетца: поехалъ прямою дорогою х Киеву граду. И какъ едучи будетъ на мосту калиновомъ, на реке Смородине, ажно наступалъ к нему Соловей разбойникъ и засвисталъ своимъ разбойническимъ посвистомъ: подыльею [1]) конь спотыкнулся; Илья Муромецъ зговоритъ таково слово: «Что ты, волче [2]), спотыкаешся? Нетъ веть меня во всей руской земли сильнея». И вынимаетъ по Соловью разбойнику калену стрѣлу, и тутъ во Соловья разбойника попалъ, и Соловей з двенатцати дубовъ свалился, аки овсяной снопъ. Ілья Муромецъ сѣлъ у нево на бѣлыхъ грудехъ і хочетъ у нево вынуть сердце. И возмолитца тутъ Соловей разбойникъ: «Ой еси доброй молодецъ Илья Муромецъ! оставь душу въ телѣ хоть на покаяние!» Илья Муромецъ говоритъ таково слово: „Съкажи ты мнѣ, Соловей разбойникъ, где твоя золота казна лежитъ?“ И Соловей разбойникъ ответъ держитъ: «Моя, государь, золота казна лежитъ в моихъ селахъ Кутузовыхъ; а гонецъ гоняетъ равно по два мѣсяца, а скоро на скоро во единъ мѣсяцъ». Илья Муромецъ привязуетъ Соловья разбойника к своему стремю булатному и съкачетъ з горы на гору, а у реки перевозу не спрашиваетъ. А какъ будетъ подъ ево селомъ Кутузовымъ, увидѣли Соловья разбойника ӏ҃ї сыновъ. Болшой говоритъ: «Вотъ де нашъ батюшка едетъ, а мужика везетъ у своево стремя булатнова». Меншой сынъ говоритъ таково слово: „Вонъ де едетъ Илья Муромецъ, а батюшка везетъ у своево стремя булатново“. И тутъ мечютца .к҃і. сыновъ и надѣваютъ на себя оружие богатырское, и хотятъ с нимъ поле дать. І Соловей разбойникъ говоритъ таково слово: «Светы вы мое малые дѣтушки! не дразните вы сево добъра молотца, зовите ево к себѣ хлѣба кушати». Илья Муромецъ поворачиваетъ своимъ добрымъ конемъ к столному граду Киеву, ко князю Владимеру киевскому Всеславьевичу. И какъ будетъ пот Киевомъ градомъ, скачетъ черезъ стену каменную и едетъ на княженецкой [3]) дворъ, не обсылаючи и шапки не снимаючи.

---

[1]) Такъ въ рукописи; чит.: „подъ Ильею“. [2]) Такъ въ рукописи, вмѣсто: «волч'е»? Затѣмъ пропущено слово. Въ моемъ текстѣ: „волчия шерсть“. [3]) Въ рукописи: „княженской“.

Входитъ в полату столовую и молитца чюднымъ образомъ, а князю Владимеру ниско челомъ і кнеине, а послѣ на четыре стороны. Князь Владимеръ говоритъ таково слово: „Какъ тебя зовутъ по имени и по отчеству и которого ты града?“ Ответъ держитъ Ілья Муромецъ: „Зовутъ меня Илюшкою, а по отчеству Ивановъ сынъ, уроженецъ града Мурома“. Князь говоритъ: «Давно ли ты поехалъ из Мурома града?» Ответъ держитъ Илья Муромецъ: „Отслушавши заутреню воскресную“. А князь Владимеръ усмехнулся, что Илья вретъ, и зговоритъ таково слово: «Не твойския у меня гонцы гонаютъ равно по два мѣсяца, а скоро на скоро во единъ мѣсяцъ». Илья Муромецъ говоритъ таково слово: «Да еще, государь, были на меня двѣ причины [1]): поехалъ из Мурома града под Себежиномъ градомъ, ажно стоятъ тутъ три царевичя заморския, а силы с ними у всякова царевичя по сороку тысячь, и хотятъ они Себѣжъ [2]) градъ за щитомъ взять, и самого царя в полонъ взять; і я ево выручилъ и побилъ всю ратную [3]). И какъ буду на лесы брынския [4]), на мосту калиновомъ, на реке Смородине, ажно напущаетъ на меня Соловей разбойникъ: подо мною конь спотыкнулся, и я ево убилъ, и топеря стоитъ у моево коня у добраго». А князь говоритъ: «Засвищи ты, Соловей, своимъ посвистомъ». И Соловей говоритъ: «Не твой де я холопъ, не слушаюсъ тебя, слушаюсъ Ильи Муромца». Илья Муромецъ велѣлъ засвистать Соловью разбойнику, и Соловей засвисталъ своимъ посвистомъ: у богатырей тутъ кресла [5]) подломилисъ. И князь Владимеръ бысть радошенъ і зговоритъ таково слово: «Тебѣ у меня, Илья Муромецъ, будетъ золота казна не запечатана, і кони не заперты, и погребы не замкънуты».

---

[1]) Такъ въ рукописи; вѣроятно, въ оригиналѣ было: «двѣ притчи». Слово *причина* сохранено и въ Забѣлинскомъ спискѣ этой былины. Ср. Аѳанасьева, Русскія народныя сказки, I, 79. [2]) Въ рукописи: „себѣ“. [3]) Такъ въ рукописи; слѣдуетъ: „силу ратную“. [4]) Въ рук.: „бранския“. [5]) То же слово и въ Забѣлинской рукописи. Ср. Аѳанасьева, Сказки, I, 80.

III.

(Изъ сборника Н. С. Тихонравова, № 222-й).

Сказание о Ілие Муромце и о Соловие разбойнике.

Во славномъ граде [1]) Мурме слышать былъ богатырь Илия Муромецъ. Слышалъ заутреню воскресную. Поехалъ онъ ко граду Киеву, ко князю Владимеру. Какъ будетъ Илия Муромецъ на том же поле, вышли къ нему три царевича сибеския [2]), а силы с ними у всякого царевича .м҃. тысечь. Илия Муромецъ вынимаетъ свої востры мечъ и побилъ ихъ силу великую, а трехъ царевичевъ в полонъ взялъ и подарилъ томужъ царю сибескому. И сибескоі царь зговоритъ [3]) таково слово: „Ой еси ты, Илия Муромецъ! какъ тебя зовутъ по імени и по очеству и котораго городу?“ Ответъ держитъ Илия Муромецъ: „Зовутъ меня, государь, Или(е)ю, а по очеству Ивановъ сынъ, а роженецъ града Мурома“. И сибѣскоі царь зговоритъ [3]) таково слово: „Светъ государь, Илия Муромецъ! откуду твоя дорога случиласа?“ Ответъ держитъ Илия Муромецъ: „Еду я, государь, к столному граду Киеву ко князю Владимеру киевскому Всеславьевичу“ [4]). И сибѣски царь зговоритъ [3]) таково слово: „Светъ государь, Илия Муромецъ! не езди к столному граду Киеву, ко великому князю Владимеру киевскому Всеславъевичу, живи ты у меня, служи ты мне верою и правдою, і я тебѣ пожалую половину царства [5]) государства своего сибѣскаго“. Илия Муромецъ зговоритъ [3]) таково слово: „Много ли мне государства твоего жалования!“ І спрашиваетъ онъ прямоі дороги къ столному граду Киеву. И сибѣскоі царь зговоритъ [3]) таково слово: „Есть у насъ, государь, прямая дорога к столному граду Киеву, на лѣсы брынския [6]), на грязи топучие, на мостъ на калиновоі, на речку Смородинку; толко та дорога залегла 10 летъ: ни единоі человекъ не прохаживалъ і не проеживалъ, ни зверь не

---

[1]) Въ рукописи: „гроде“. [2]) Ошибка; слѣдуетъ: „заморския“. [3]) Въ рукописи: „заговоритъ“, какъ и ниже. [4]) Въ рукописи: „Всеславевичу“. [5]) Въ рукописи: „цаства“. Въ оригиналѣ буква *р*, вѣроятно, стояла надъ строкою; переписчикъ не умѣлъ читать надстрочныхъ буквъ. [6]) Въ рукописи: „брыския“. Снова пропущена надстрочная буква (*н*).

прорыскивалъ отъ Соловья разбойника Будимеровича". И тутъ богатырское серце разгарало[с]: поехалъ прямою дорогоі. Какъ будетъ на речке на Смородинке, на мосту на калиновомъ, напустилъ к нему Соловеі разбойникъ Будимеро[в], засвисталъ своімъ разбойническимъ посвистомъ: под [1]) Илеею конь потыкаеца, Илия Муромецъ зговоритъ таково слово: „Волчия шерсть, што ты потыкаеца? Веть нету силнея меня во всеі светорускоі земле". И вымаетъ изъ налучая своі крепкоі лукъ [2]), ис [3]) калчана калену стрелу, и стреляетъ по [4]) Соловию разбойнику [5]), и убил ево въ правое око. І тутъ Соловеі упалъ на сыру землю з девяти дубовъ, что овсяноі снопъ. Илия Муромецъ селъ на бѣлы груди и хощетъ вынять ретиво сердце; молица ему Соловей разбойникъ [6]) Будимеровичь.... Какъ зговоритъ таково слово светъ государь, Илия Муромецъ, сынъ Ивановичъ: „Скажи ты мне, где твоя золота казна лежитъ?"... „в моіхъ солехъ Кузовыхъ (sic!)..."

IV.

(По рукописи Н. С. Тихонравова, № 399)

Сказание о трехъ богатыряхъ: о Илье Муромце и о Михаіле Потоке Ивановиче и Олеше Поповиче киевскихъ, и о похожденіи ихъ.

Бысть во граде Киеве у великаго князя Владимера киевскаго Всѣславича пиръ велій на князи и боляра, на силны могучи богатыри. Будетъ у нихъ пиръ навесело, князь Владимиръ зговоритъ таково [7]) слово: „Ой еси князи, и бояря и силные могучие богатыри! кому у меня три службы служи[т] великие? Кто бы ехалъ в землю турскую, взялъ бы дани и выходу за тритцать и за три года? Хто бы ехалъ в землю в задонскую, взялъ-бы дани и выходу за тритцать и за три года? Хто бы ехалъ в землю алевитцкую, взялъ бы дани и выходу за тритцать и за три года?" И тутъ все призадумались; нихто

[1]) Въ рукописи: *по*; надстрочное *д* не списано. [2]) Въ рукописи: „улукъ". [3]) Въ рукописи: *и*. [4]) Въ рукописи: *ко*. [5]) Въ рукописи: „разбонику". Пропущено надстрочное *и*. [6]) Въ рукописи: „разбоникъ". [7]) Въ рукописи: „каково".

ему ответу не дастъ: болшия хоронятца за меншия, а меншия за болшия, а у меншихъ и давно ответу нетъ. Илия Муромецъ зговоритъ таково слово: „Свѣтъ государь, князь Владимеръ киевской! азъ ѣду в землю турскую, возму дани и выходу за тритцать и за три годы». Михайло Потокъ Ивановичь зговоритъ таково слово: „Я еду в землю задонскую, возму дани и выходы за тритцать и за три годы". Алеша Поповъ говоритъ таково слово: „Я еду в землю алевитцкую, возму дани и выходы за тритцать и за три годы". И те речи великому князю полюбилис; подноситъ имъ чару зелена вина, і запиваютъ меды сладкими и с великимъ княземъ прощаютъся. И межъ себя называютъ брадцами назваными, и садятца на свои добры конь, и поехали ис Киева. Какъ будетъ [1]) отъ Киева за пять верстъ, таково слово молвили: „Братцы милыя! хто из насъ передъ приедетъ до Киева, а ково не будетъ, и после ехать тово сыскивать". И, простясъ, поехали розно — всякъ своимъ путемъ: Илья Муромецъ поехалъ на реку Смородину, на мосты калиновые; Алеша поехалъ догоясстивровору [2]); Михайло поехалъ дорогою святорускою, подле моря синево. Ажно по морю плаваетъ лѣбедь бѣлая, и Михайло вынимаетъ изъ налучия свой крепкой лукъ [3]), ис калчана вынимаетъ калену стрелу, и хощетъ бить лебѣдь бѣлую. И она ему провеща чл̃вческимъ голосомъ: „Михайло Потокъ Ивановичь! не стреляй меня, лѣбѣдь бѣлую: я, де, по морю плаваю лѣбѣдью, а пред тобою стану дв̃цей красной". И Михайло не успелъ в налучи положитъ крепка лука и в [4]) калчанъ калены стрелы, ажно предъ нимъ стала дѣвица, лицемъ зело красна. И Михайлу она полюбилася: беретъ за руки бѣлыя, и целуетъ во уста сахарные, и сажаетъ на свой доброй конь; и взялъ дани и выходы за тритьцатъ и за три годы [5]). И князь Владимеръ ему ответъ держитъ: „Тѣбѣ у

---

[1]) Такъ въ рукописи; слѣдуетъ: „будутъ". [2]) Въ рукописи одно слово; очевидно, писецъ не понималъ того, что скопировалъ. Кажется, слѣдуетъ читать: „дорогою стивровою"; слогъ *ро* въ оригиналѣ, очевидно, былъ надъ строкою. Въ текстѣ, ниже напечатанномъ: „дорогою Сваврововой". [3]) Въ рукописи слово: „лукъ", пропущено. [4]) Въ рукописи пропущено „в". [5]) Затѣмъ въ рукописи пропущено нѣсколько строкъ: переписывая съ готовой рукописи, писецъ перескочилъ черезъ нѣсколько строкъ; или этихъ строкъ не было въ его оригиналѣ?

меня, Михайло, золота казна не запечатана, и кони на стойлѣ не заперты". И подноситъ ему чару зелена вина, и запиваютъ меды сладкими. И Михайло зговоритъ таково слово: „Светъ государь, князь Владимеръ киевской! ехалъ возле моря синево, ажно по морю плаваетъ лѣбѣдь бѣлая, и я вынелъ, гдрь, из [1]) налучи свой крепкой лукъ, и калчанъ калены стрелы [2]), и хотелъ убить лѣбѣдь бѣлую, и она ему провещилас: „Михайло, де, Потокъ Ивановичь! не стреляй меня, лѣбѣдь бѣлую: я, де, по морю плаваю лѣбѣдью, а предъ тобою стану дѣцей красной". I я, гдрь, не успелъ в налучи положити крепкой лукъ и в [3]) калчанъ калены стрелы, ажно предо мною стала дѣца, лицемъ зѣло красна, и мнѣ она полюбилася, и я привезъ на свой богатырской дворъ". И князь Владимеръ в'зговоритъ таково слово: „Михайло Потокъ Ивановичь! препусти [4]) мнѣ ту дѣку красную". И Михайло отвѣтъ держитъ: „Я, де, гдрь, самъ с тою дѣкою вѣнчался, крестился и далъ ей имя Белая Лебѣдь, Авдотья Лиховидовна". И венчалъ ихъ владыка черниговской. И почалъ Михайло с нею любезно жить; и живетъ с нею равно три годы, а товарищи ево еще в Киевъ не приехали. И поехалъ Михайло во чисто поле тешитца на два мсца. А без нево приехалъ под Киевъ градъ купчина Золотой Орды с товары заморскими; увиделъ купчина красоту лица ея и почалъ розпрашивать: „Чья ето жена и какъ ее зовутъ по имени?" И Киевляня ему розказали: „Та, де, у насъ жена богатырская, святорусково славново Михайла Потока Ивановича, а зовутъ ее Лебѣдь Бѣлая Овдотья Лиховидовна". И тутъ купчина почалъ товары продавать наскоро, идетъ во свою землю. И какъ будетъ в Золотой Ордѣ у царя Кощея невернова, самъ зговоритъ таково слово: „Светъ государь, царь Кощей Золотой орды! Сколко я не еждивалъ по инымъ землямъ купчиною, а такой прекрасной не видалъ,

---

Въ ниже напечатанномъ текстѣ пропущенное мѣсто читается такъ: „и поехалъ с нею во Киевъ градъ. Становитца на свой богатырской дворъ, идетъ ко князю Владимеру, бьетъ челомъ—покланяется, самъ зговоритъ таковы слова: „Светъ государь, князь Владимеръ киевски! привесъ я дани и выходы *за тритцеть лѣтъ и за три годы*" (стр. 42).

[1]) Въ рукописи: «и». [2]) Такъ въ рукописи. Не слѣдуетъ ли: „изъ калчана калену стрелу"? [3]) Въ рукописи: „с". [4]) Выше: „переступи".

какъ есть во граде Киеве у богатыря свѣторусково славново Михайла Потока Ивановича жена, Бѣлая Лѣбѣдь, лицемъ зело красна“. И тутъ царь Кощей силы собралъ ҂й и пошелъ под Киевъ градъ и осадилъ ево накрепко. Посылаетъ посланики к великому князю Владимеру: „Ой еси князь Владимеръ киевской! отдай мнѣ жену Михайлову. Не отдашъ мнѣ ея, и я Киевъ градъ взятьемъ возму, а людей и детей в полонъ возму“. И князь Владимеръ зговоритъ таково слово: „Ой еси мои князья, и бояря, и Киевляня! думайте да не продумайте: отдавать ли жену Михайлову, или нетъ? А топере у насъ в Киеве силныхъ богатырей не лучилося, некому выехати противо мужиковъ Кощеевыхъ; а Михайло приедетъ сердитъ добре, станетъ побивати мужиковъ в Киеве“. Князи, и боляры, и всѣ Киевляня ему зговорили таково слово: „Свѣтъ г҃дрь, князь Владимеръ киевской! доселева не бывало в Киеве жены Михайловы, и царь Кощей под Киевъ не прихаживалъ, и Киева накрепко не осаживалъ, и тебѣ, государь, такой [1]) кручины не бывало: отдадимъ жену Михайлову, и царь Кощей отъ Киева прочь пойдетъ, и Михайлу дадимъ выбирать во всемъ городе Киеве: гдѣ захочетъ, тутъ и возметъ, хоть княиню, или боярыню, или дѣвку посацкую — такова же ему жена“. Ажно провещится богатырское [2]) Михайла Потока Ивановича: едѣтъ ис чиста поля на свой богатырской дворъ. В'стречаетъ ево Лебѣдь Бѣлая, сама зговоритъ таково слово: „Свѣтъ г҃дрь, Михайло Потокъ Ивановичь! без тебя под насъ, под Киевъ градъ, пришелъ царь Кощей Золотой Орды, а силы с нимъ ҂й и Киевъ градъ осадилъ накрепко, а прошаетъ меня ис Киева, и Киевляня придумали отдати меня царю Кощею неверному“. И Михайло зговоритъ таково слово: „Мужики Киевляня ссужалися бы всякъ своими женами и дочерми, а я за свою жену умею самъ постоять“. И садитца на свой доброй конь, и поехалъ ис Киева, и побилъ силу Кощееву, и всего Кощей самъ четвертъ ушелъ во свою землю. А Михайло побилъ силу, с своею [3]) женою і [4]) тешитца, и живетъ с нею рав-

---

[1]) Въ рукописи: „тако“. [2]) Пропущено слово: „сердце“. [3]) Въ рукописи: „ссвоево“. [4]) Слово: „і“ приписано послѣ; оно лишнее.

но три года; а товарищи ево в Киевъ не приехали. И поехалъ Михайло во чисто поле тешитъца равно на три м^сца, а безъ нево пришелъ подъ Киевъ градъ царь Кощей, а силы с нимъ ҂з҃, і Киевъ осадилъ накрепко. И посылаетъ посланники к великому князю Владимеру: „Ой еси князь Владимеръ киевской! отдай мнѣ жену Михайлову, и я прочь пойду от Киева; а буде ты не отдашъ мне, и я Киевъ взятьемъ возму, а людѣй твоихъ всехъ вырублю, а женъ и детей в полонъ возму и самому тебѣ, великому князю, не спущу“. И князь Владимеръ зговоритъ таково слово: „Ой еси князи, и бояря, и Киевляне! думайте накрепко да не продумайте: отдавать ли жену Михайлову, или нетъ? А топе^р у насъ въ Киеве силныхъ богатырей не лучилося, некому выехатъ противу силы Кощеевы; а Михайло приедетъ сердитъ добре, станетъ побивать мужиковъ в Киеве“. Князи, и бояря, и все Киевляня ему зговорятъ таково слово: „Свѣтъ г^сдрь, князь Владимеръ киевской! доселева не бывало жены Михайловы, и царь Кощей под Киевъ не прихаживалъ, и тебѣ, г^сдрь, такой кручины не бывало: отдадимъ жену Михайлову, и царь Кощей от Киева прочь пойдетъ, а Михайлу дадимъ выбирать во всемъ граде Киеве: где захощетъ, тутъ и возметъ—хоть княиню, или боярыню, или девку посацкую“. А ужъ Михайло с Кощеемъ бьетъса три дни, а жена ево преставилася. И побилъ силу, и Михайло едетъ на свой богатырской дворъ, и въстречаютъ ево люди дворовые, и сказываютъ, что Бѣлая Лѣбедь преставилася. І втепоры Михайло закручинилса, что никто ево не въстречаетъ, и за руки не принимаетъ. И приходитъ Михайло во отхожую горницу, где лежитъ жена ево мертвая, покрыта камкою белою; и Михайло зговоритъ таково слово: „Прости, де, Лѣбедь Белая! Помню, де, я и самъ свое слово, что у насъ с тобою молвлено: кто из насъ напередъ умретъ,—и хто останетса, и тому в могилу итьти“. И велелъ могилу рыть и гробницу делать каменную, чтоб можно двум ч҃лвкомъ сидеть, і стоять, и лежать. И на погребение звалъ князя Владимера, и владыку черниговскаго, и весь Киевъ градъ. Сошълисъ все на погребеніе. И началъ Михайло во граде класть жену свою в могилу, и самъ с нею ложитца. І что зговорятъ таково слово всемъ городомъ Кие-

вымъ: „Нигде таково не слыхано, чтобы где ложилиса живые с мертвыми; а ты, Михайло, живъ в могилу идешъ ради жены своей: или у насъ в Киеве людей не стало? Захочешъ, возмешъ княиню, или боярыню, или девку посацкую—таковаж тѣбе жена". И Михайло ответъ держитъ: „Знай, де, всякъ самъ себя". I самъ зговоритъ таково слово: „Закопывайте да не мешкайте". I князь Владимеръ зговоритъ таково слово: „Укладывайте досками дубовыми и засыпайте песками желтыми; а надъ могилою поставте сторожей крепкихъ: какъ Михайлу скучитца и станетъ громкимъ голосомъ кричатъ, выпущайте ево на волной светъ, не мешкайте". И, похороня ево, все по домамъ пошли. И сидитъ Михайло с женою с мертвою до вечера. И какъ будетъ о полуночи, ажно пришла змея лютая, и гробницу проела и пусти дву змеенковъ детей своихъ и змея пожалила Лѣбедь Бѣлую за груди. И Михаило ухватилъ ихъ і почалъ рвать на двое. И провещетъса ему змея лютая члвческимъ голосомъ: „Михайло Потокъ Ивановичь! не рви моихъ змеенъковъ малинкихъ, и я принесу тебѣ живой воды". И Михайло отвѣтъ держитъ: „Поди, змия, принеси мнѣ живой воды, тогда отпущу детей твоихъ". I пошла змея, и принесла живой воды. И Михайло почалъ змеенковъ рвать на двое, и окропляетъ живою водою, и змеята оживилася [1]). И окропляетъ Михайло мертвую жену свою, и жена ево ожила, бутто отъ сна пробудиласа. И тутъ Михайло завопилъ и засвисталъ громкимъ голосомъ, и почали ево раскапывати. Идетъ изъ могилы Михайло и ведетъ за руку жену свою, и тутъ все подивилися, что жена ево была мертва Михайлова, а Михайло оживилъ ея. И почалъ с нею любезно жит, и живетъ с нею равно три годы, а таварищи ево в Киевъ не бывали. И поехалъ Михайло во чисто поле тешитися равно на пять мсцевъ. А без нево пришелъ под Киевъ градъ царь Кощей Золотой орды, а силы съ нимъ хр̃, и Киевъ осадилъ накрепко. И послалъ посланики к великому князю Владимеру: „Владимеръ киевской! отдай мнѣ жену Михайлову, и я прочь поиду от Киева; а буде не отдашъ мне ея, и я Киевъ градъ взятьемъ возму, а людей твоихъ в

[1]) Такъ въ рукописи, вм.: „оживилися".

Киеве всехъ вырублю, а женъ и детей в полонъ возму, и самому тѣбе, великому князю, не спущю''. И князь Владимеръ зговоритъ таково слово: ,,Ой еси князи, и бояря, і все Киевляня! думайте накрепко, да не продумайте: отдавать ли жену Михайлову? I оне придумали всемъ городомъ отдать Лѣбедь Бѣлую царю Кощею неверному. I оне берутъ Бѣлую Лѣбедь за руки і отдаютъ царю Кощею неверному, и царь Кощей от Киева прочь пошелъ. Ажно едетъ ис поля Михайло Потокъ Ивановичь, ќстречаютъ ево люди дворовые, а сказываютъ, что отдали Киевляня царю Кощею неверному Лѣбедь Бѣлую— Авдотью Лиховидовну. И тутъ Михайло закручинился: не слазя з добра коня, и ездитъ, по Киеву, и кричитъ громкимъ голосомъ: ,,Собаки вы, мужики безверныя! за что отдали крещеную жену мою царю Кощею неверному? Управлюся с вами и после''. А мужики ис Киева розбежалися. А царь Кощей ушелъ от Киева ровно ходу на тритцать дней, а Михайло догналъ ево ќ три часы—ажно царь Кощей на стану стоятъ ѕ Белою Лѣбедью, опочивъ держитъ. I Михайло едетъ прямо ко белу шатру. И тутъ увидела ево Лѣбедь Белая: ќстречаетъ ево из бела шатра, а сама говоритъ таково слово: ,,Светъ Михайло Потокъ Ивановичь! рада я тѣбя увидела, не хочю житъ у царя Кощея Золотой Орды, хочю жить в Киеве у богатыря светорусково—возми меня к себѣ попрежнему". I подноситъ Михайлу пития пияново наскоре, Михайло испиваетъ, з дороги ложится спать во беле шатре. И мечетца Лебедь Бѣлая наскоре, и будитъ царя Кощея неверново: „Востань, гсдрь царь Кощей! Вотъ пришелъ недругъ твой Михайло Потокъ Ивановичь! предай ему смерти скорыя, такъ онъ за тобою не ганяетца". И царь Кощей ответъ держитъ: „Мне Михайло не какой недругъ: меня наехалъ во чисте поле, в беле шатре, все не предалъ мене смерти скорыя; какъ хощешъ сама с нимъ". И Лебедь Белая велела обрать у него оружие богатырское і почала отъимать палицу железную, и завязываетъ очи ясныя, и ударила его вничь рукою: „Лежи ты, Михайло, во чисте поле белымъ каменемъ". И Михайло окаменелъ; а сами поехали во орду свою. Ажно приехали в Киевъ Михайловы товарищи, привезли дани и выходы, и почали рас-

прашивати про Михаила Потока Ивановича... [1]), какъ привесъ Лѣбедь Бѣлую, и какъ крестился, и какъ царь Кощей приходилъ, и отдали царю Кощею, и какъ Михайло погоню погналъ. И товарищи поехали Михайла сыскивати. И какъ будутъ у тово камени, ажно стоитъ у камени калика прохожая. И богатыри зговорятъ таково слово: „Скажи ты намъ, калика, про царство Кощеево і про Михайла Потока Ивановича". И калика имъ отвѣтъ держитъ: „Хто, де, подыметъ сей камень и бросить черес себя, то, де, я скажу про Михаила Потока Ивановича". Илья Мурамецъ поднялъ камень к̾ груди, а Олеша всево подня в поясъ, а калика поднялъ и бросилъ черес себя и рашшибъ на четверо. А ис тово камени выскочилъ Михайло Потокъ Ивановичь: „Долго, де, братцы, я с̾плю во чисте поле".—„А спать было тебѣ, братецъ, да не проспатися, да розбудилъ тебя Михайло, архангелъ и воевода небесныхъ силъ". И почалъ имъ расказыватъ все противъ тово, какъ сказывали имъ Киевляня, и какъ ево Лѣбедь Бѣлая оборотила каменемъ. Илья Муромецъ зговоритъ таково слово: „Поедемъ, де, мы, братцы, к̾ царство Кощеево и убьемъ Лѣбедь Бѣлую, а царю Кощею живому очи вырежемъ". И поехали во царство Кощеево, и побили силы ҂р̃, а царю Кощею живому очи выняли, а Лебедь Бѣлую привязали х конямъ неученымъ и пустили во чисто поле, и тамъ смерть учинилася. А казну Кощееву всю взяли в Киевъ градъ и разделили промеͯ себя. А дочь царя Кощея неверново, девку Ранку Кощееву, взялъ Михайло Потокъ Ивановичь с̾ собою в Киевъ градъ, и крестилъ ея, и за себя женою взялъ. И приехалъ во Киевъ градъ, и побилъ силы мужиковъ пять тысящъ, и сами в Киеве померли. Богу нашему слава ныне и присно и во веки вѣковъ. Аминь. Ихъ идетъ слава до века.

---

[1]) Затѣмъ пропущено нѣсколько словъ. Въ ниженапечатанномъ текстѣ: „а Киевляня начали имъ россказывать"... (стр. 47).

V.

(По рукописи Н. С. Тихонравова, № 361).

Сказание о силныхъ могучихъ богатырехъ [1]) киевскихъ: о Илье Муромце и о Михаиле Потокѣ Ивановиче и Алеше Поповиче.

Во славномъ граде Киеве у князя Владимера киевскаго Всеславъевича былъ пиръ великъ на многия на князи, и на бояры, и на силныя могѵчия богатыри. Какъ будетъ у нихъ пиръ навеселе, князь Владимеръ зговорилъ таковы слова: „Ой еси вы [2]) мои князи, и бояры, и силныя могучия богатырі и всѣ Киевляне града Киева! есть ли у меня комѵ слѵжить три службы великие? Кто бы ехалъ в землю турскую, взялъ бы дани и выходы за тритцать летъ и за три годы? Хто бы ехалъ в землю задонскую, взялъ бы дани и выходы за трицеть летъ и за три годы? Хто бы ехалъ в землю алевицкую, взялъ бы дани и выходы за трицеть летъ (и три годы) [3])?“ И тутъ все позадумалис; никто великому князю ответу не дастъ: болшия за меншихъ [4]), а отъ меншихъ давно ответу нету. Илия Мѵромецъ зговорилъ таковы слова: «Светъ гсдрь князь Владимеръ киевски! я поеду в землю турскую, возму дани и выходы за трицеть летъ и за три годы». Михайло Потокъ зговорилъ таковы слова: «А я, де, гсдрь, поеду в землю задонскую, возму дани и выходы за трицеть летъ і за три годы». А Олеша Поповичь зговоритъ таковы слова: „А я де, гсдрь, поеду в землю алевитцкую, возму дани и выходы за трицеть летъ и за три годы». І те речи великому князю полюбилися: подноситъ имъ чары зелена вина. І запиваютъ меды слаткими и с великимъ княземъ прощаются; і межъ себя называются братьеми назваными, и садятся на свое добры кони, и поехали ис Киева. І какъ будутъ от Киева за пять верстъ, межъ себя таково слово

---

[1]) Въ рукописи: „богатыре“; пропущено надстрочное *х*. [2]) Въ рукописи: „ω нѣсивы“: механически скопированы непонятныя писцу слова. [3]) Поставленное въ скобки пропущено въ рукописи; внесено изъ предыдущаго сказанія. [4]) Послѣ того въ рукописи пропущено: „хоронятся“. Ср. предыдущее сказаніе (стр. 34).

молвили: „Братцы“, де „милые! хто из насъ приедетъ до Киева, а ково не будетъ [1]) опосле, і намъ ехать тово сыскивать“. И, простяс [2]), все поехали нарозно, всякъ своимъ путемъ: Илия Муромецъ поехалъ на реку Смородину, на мосты калиновые; а та уже дорога залегала равно тритцеть летъ отъ Соловья разбойника Мировича. А Олеша Попович поехалъ дорогою святороскою [3]). А Михайло поехалъ дорогою сваврȯвой возле моря синева. Ажно по мору плаваетъ лебеть бѣлая, и Михайло вымаетъ изъ налучи своей крепкой лукъ, ис калчана калену стрелу и хощетъ убить лебѣть бѣлую. І она ему прогласила члчскмъ голосомъ: „Михайло“, де „Потокъ Ивановичь! не стреляй, де, меня, лебѣди бѣлыя; я де по мору плаваю лебѣдью, а перет тобою стану дѣвицею красною“. І Михайло не успелъ въ налучь положить и [4]) крепкой лукъ, въ колчанъ—калены стрелы, ажно пред нимъ стала девица лицемъ зѣло красна. И Михайле она полюбилася: беретъ ея за руки бѣлыя, и целуетъ в уста сахарные, и сажаетъ ея на свои на доброі конь, и взя [5]) дани и выходы, и поехалъ с нею во Киевъ градъ. Стоновитца на свой богатыръской дворъ, идетъ ко князю Владимеру, бьетъ челомъ—покланяется, самъ зговоритъ таковы слова: „Светъ гсдрь, князь Владимеръ киевски! привесъ я дани и выходы за тритцеть летъ и за три годы“. И князь Владимеръ зговоритъ таковы слова: „Тебѣ у меня, Михайло, золота казна не запечатана, и кони на стойле не заперты“. И подноситъ ему питья пьяные,—и запиваетъ меды слаткими. И Михайло зговоритъ таковы слова:„ Светъ гсдрь, князь Владимеръ киевски! ехалъ я возле моря синева, ажно по морю плаваетъ лѣбѣдь бѣлая; и я, гсдрь, вынелъ из налучи своей крепкой лукъ, ис калчана калены стрелы, и хотелъ убить лебѣдь бѣлую, и она мнѣ, гсдрь, прогласила члчскимъ гласомъ: „Михайло“, де, „Потокъ Ивановичь! не стреляй меня, лебѣди бѣлыя; я, де, по морю плаваю лебедью, а перет тобою стану девицею красною“. Я, гсдрь, не успелъ

---

[1]) Въ рукописи: „каково будетъ“. [2]) Эти два слова написаны два раза; буква *с* вторая написана и подъ титломъ, и съ конечнымъ ь. [3]) Въ рук.: „святорорскою.“ Не слѣдуетъ ли: „святогорскою“? [4])Слово лишнее. [5])Въ рукописи: „вся“.

в налучь положить крепкой лукъ и в колчанъ калены стрелы, ажно перет тобою стала дѣца лицемъ зѣло красна. И мне, г^сдрь, она полюбилася, привесъ ея с собою во Киевъ градъ на свой богатырской дворъ». И князь Владимеръ зговоритъ таковы слова: „Светъ Михайло Потокъ Ивановичь! переступи ты мнѣ ту дѣцу красную“. И Михайло ответъ держитъ: „Светъ г^сдрь, князь Владимеръ киевски! Я ту дѣцу взялъ за себя, и я, г^сдрь, самъ с нею обвенчался, крестилъ я[1]), и далъ ей имя—Лебѣдь Бѣлая, Авдотья Лиховидовна, и венчалъ владыко черниговски“. И почалъ Михайло с нею, Бѣлою Лебѣдью, жить. Живетъ с нею три годы, а товарищи еще в Киевъ не приехали. (И поѣхалъ)[2]) Михайло во чистое поле тѣшится равно на два ѝца, а бѣзъ нево приехалъ во Киевъ градъ купчина Залотой Орды с товары заморскими. И проведала жена Михайлова, и пошла смотреть таваровъ заморскихъ. И увиделъ купчина красоту лица ея и почелъ спрашивать: „Чия, де, сия жена? и како зовутъ ея по имени?“ И Киявлянцы ему россказывать: „Сия, де, у насъ жена богатыря святорускаго славнаго Михаила Потока Ивановича; а завутъ ея Бѣлая Лебѣть, Авдотья Лиховидовна“. И тутъ купчина почалъ продавать товары наскоро, и поехалъ во свою землю. И какъ будетъ в Золотой Ордѣ у царя Кощея невернаго[3]), самъ зговоритъ таковы слова: „Светъ г^сдрь, царь Кощей Златой Орды! сколко я не ѣживалъ по инымъ землямъ купчиною, а такой прекрасной не видывалъ уже трицеть летъ и у единого, какъ есть во граде Киеве у князя Владимера Сеславьевича, у богатыря святорускаго славнаго Михайла Потока Ивановича,—Лебѣть Бѣлая; а лицемъ зѣло красна“. И тутъ царь Кощей почалъ збирать войска. И собравъ силы сорокъ тысящъ, и Киевъ осадилъ накрепко. Посылаетъ посолника к великому князю Владимеру: „Ой еси ты, князь Владимеръ киевски! отдай мне жену Михайлову, и я прочь от Киева; а буде ты не дашъ мне ея, и я Киевъ градъ взятьемъ возму, а людей твоихъ в Киеве всехъ вырублю[4]), ажно и детей в полонъ возму“. И князь Влади-

[1]) Описка; слѣдуетъ: „ея“. [2]) Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи пропущены; внесены изъ предыдущаго сказанія. [3]) Въ рукописи: „неверны“. [4]) Въ рукописи: „вырубля“.

меръ зговоритъ таковы слова: „Ой еси вы, князи, и бояры, и все Киевляне града Киева! думайте вы да не продумайтесъ: отдавать ли жену Михайлову, или нетъ? А топерь у насъ в Киеве силныхъ богатырей не лучилось: некому выехать противъ силы Кощѣевы. А Михайло приедетъ сердитъ добре, станетъ побиватъ мужиковъ киевскихъ". И князи, и бояры, и ,все Киевляне реша [1]): „Светъ г^c^дрь, князь Владимеръ киевски! доселе в Киеве не было жены Михайловы, царь Кощей подъ Киевъ не прихаживалъ и Киева накрепко не осаживалъ, и тебѣ, г^c^дрь, таковы кручины не бывало: отдадимъ жену Михайлову, и царь Кощей от Киева прочь пойдетъ, а Михайле дадимъ выбрать во всемъ Киеве городе, гдѣ захощетъ, тамъ возметъ; хошь княиню, или боярыню, или девку посацкую—таковажъ ему жена". Ажно будетъ ис чиста поля Михайло Потокъ на свой богатырской дворъ; встречаетъ ево Лебѣдь Бѣлая, сама зговоритъ таковы слова: „Светъ г^c^дрь, Михайло Потокъ Ивановичь! Бѣс тебя подъ нашъ Киевъ градъ пришелъ царь Кощей Златой Орды, а силы с нимъ сорокъ тысящъ, і Киевъ осадилъ накрепко и проситъ меня ис Киева, и Киевляне придумали отдать меня царю Кощею неверному". И Михайло зговоритъ таковы слова: „Собаки мужики Киевляня! Ссужалися бы они своими женами и дочерми, и я за свою жену умею и самъ стоять". И садитца на свой добрай конь, и поехалъ ис Киева, и побилъ всю рать-силу великую, и приехалъ на свой богатырской дворъ и почалъ з женою своею пить и есть и тешитися. И живетъ з женою равно три годы; а товарищи ево еще в Киевъ не приехали. И поехалъ Михайло в чисто поле тешитца равно на три м҃ца, а бѣз нево приехалъ пот Киевъ царь Кощей, а силы с нимъ шесдесятъ тысящъ, и Киевъ осадилъ накрепко, посылаетъ посолника и проситъ ис Киева Лебѣди Бѣлыя. И князь Владимеръ зговоритъ таковы слова: „Ой еси вы князи, и бояры, и все Киевляня! думайте накрепко да не продумайтеся: отдавать ли жену Михайлову или нетъ? А теперь у насъ в Киеве силныхъ богатырей не лучилось—некому выехать противъ силы Кощеевы; а Михайло приедетъ сердитъ

[1]) Слово: „реша", приписано послѣ, сверху строки.

добре, станетъ побивать мужиковъ киевскихъ". И князи, и бояры, и все Киевляне реша [1]): „Светъ г^сдрь, князь Владимеръ киевски! доселева в Киеве не было жены Михайловы—(царь Кощей подъ Киевъ не прихаживалъ и Киева накрепко не осаживалъ, и тебѣ, государь, таковы кручины не бывало: отдадимъ жену Михайлову) [2]), и царь Кощей от Киева прочь пойдетъ; а Михайле дадимъ выбрать во всемъ граде Киеве: гдѣ захощетъ, тамъ возметъ [3]): хошь княгиню, или боярыню, или девку посацкую—таковажъ [4]) ему жена". А тово не ведаютъ, что жена Михайлова переставилась. Ажно едетъ ис чиста поля Михайло Потокъ на свої богатырской дворъ, встречаютъ ево люди дворовые і сказываютъ вести недобрые, что жена ево переставилась. I тутъ Михайло закручинился, ідетъ во свой высокъ теремъ, — никто ево не встречаетъ, за руки не принимаетъ и во уста не целуетъ. И приходитъ Михайло в отхожую горницу, где жена Лебѣтъ Бѣлая. И Михайло зговоритъ таковы слова: „Прости, де, Лебѣтъ Бѣлая; помню я и самъ свое слова, что у насъ с тобою молвено: „хто изъ насъ напредь умретъ,—и кто останетца, і тому живому в могилу итьти". I зоветъ на погребѣение князья и бояря, и владыку черниговсково, и весь Киевъ градъ, и сошлися все на погребѣние. И почалъ Михайло во гробъ класть жену свою и самъ с нею живъ [5]) ложитца в могилу. I князь Владимеръ зговоритъ: „Нигдѣ такъ тово не слыхано и не видано, чтобы живыя ложилися с мертвыми, а ты, Михайло, живъ в могилу идешъ для жены своей. Али у насъ тебѣ в Киеве невестъ нетъ? Захощу княину, или бояроню, или девку посацкую,—таковажъ тебѣ жена". И Михайло ответъ держитъ: „Знай, де, всякъ самъ себя; закопывайте, не мешкайте". И князь Владимеръ зговоритъ таковы слова: „Накладывайте досками дубовыми, насыпайте песками желтыми, а над могилою поставте сторожу крепкую: какъ Михайле скучетца, станетъ кричать громкимъ голосомъ,—скоро выта-

---

[1]) Слово: „реша", приписано впослѣдствія сверхъ строки. [2]) Строки, заключенныя въ скобки, пропущены въ рукописи; внесены изъ текста той же редакціи (см. выше, стр. 44). [3]) Слово: „возьметъ" въ рукописи пропущено; внесено изъ текста предыд. редакціи(стр. 36).. [4]) Въ рукописи пропущено слово: „таковажь". [5]) Послѣ этого слова приписано сверху строки: „с нею".

скивайте его на волной светъ, не мешкайте". І, похороня ево, все по домамъ пошли. А Михайло сидитъ в могиле з женою мертвою день до вечера. І какъ будетъ о полуночи, ажно пришла змея лютая і гробницу каменую проела і пустила в гробницу двухъ змеинковъ, детеі своихъ, и змеи те почали Лѣбѣть Бѣлую ссати за груди. И Михайло ухватилъ іхъ і почелъ рвати надвое. И провищитца ему змия лютая члчческимъ голосомъ: „Михайло, де, Потокъ Ивановичь! не рви моихъ змеенкавъ малинкихъ, я принесу тебѣ живой воды". И Михайло ответъ держитъ: „Поди ты, змія лютая, принеси мне живой воды, тогда отпущу детей твоихъ". И пошла змея лютая и принесла ему живой воды. И Михайло почалъ змеенковъ рват на крохи и покропляетъ іхъ живою водою, — и змеи те ожили. І покропляетъ Михайло мертвую жену свою, и жена ево бутто от сна пробудилася. И Михайло засвисталъ громкимъ голосомъ, и караулщики попадали; и послышали сесѣды ближния, і послали роскопывать. Ідетъ из могилы Михайло і ведетъ за руку жену свою, и тутъ все подивилися, что была мертва жена Михайлова, а Михайло оживилъ еѣ. И почалъ с нею жити по старому, и живетъ с нѣю равно три годы, а товарищи ево еще в Киевъ не приехали. И поехалъ Михайло во чисто поле тешитца равно на пять мсцовъ. А бѣз нево приехалъ подъ Киевъ градъ царь Кощей, а силы с нимъ сто тысячь, и Киевъ осадилъ накрепко, и проситъ ис Киева Лебѣди Бѣлыя, і Киевляне ему отдали жену Михайлову. И царь Кощей, жену Михайлову взявши, самъ и прочь пошелъ. Ажно приехалъ во Киевъ Михайло Потокъ, встречаютъ ево люди дворовыя, а сказываютъ вести недобрыя, что отдали Киявляне жену ево Лебѣть Бѣлую царю Кощею неверному; и тутъ Михайло закручинился. Не слазя [1]) з добра коня, ездитъ по Киеву, кричитъ громкимъ голосомъ: „Собаки мужики бѣзверныя Киевляне! за что отдали крещеную жену мою царю Кощею нѣвѣрному? Управлюса я съ вами и опосле самъ". И поѣхалъ ис Киева и догналъ царя Кощея невернова: ажно онъ на стану

---

[1]) Въ рукописи: „не лазя".

стоитъ з Бѣлою Лебѣдью, опочивъ [1]) держитъ. И Михайло едетъ прямо к бѣлому шатру; ажно увидела ево Лебѣть Бѣлая, мечится из бѣла шатра наскоре, сама зговоритъ таковы слова: „Светъ гсдрь, Михайло Потокъ Ивановичь! Рада тебя увидела; не хочу жива [2]) у невернова царя Кощея Златы Орды, хощу жить в Киеве у тебя, богатыря святорускаго, возми меня тѣбѣ [3]) по прежнему“. И подноситъ ему питья пьяные наскоре, испиватъ [4]) Михайло и ложитца спать у нихъ, у бѣла шатра. И она будитъ [5]): „Востань, гсрь царь Кощей! Вотъ пришелъ недругъ Михайло Потокъ—предай ему смерти скорой, такъ за тобою не [6]) гонитца.“ И царь Кощей зговоритъ: „Мне Михайло не какоі недругъ: онъ меня наехалъ соннова, се не предалъ меня злой смерти. Какъ хощешъ сама с нимъ“. И она велела у него подобрать ружья богатырские и палку железную, и Михайла оборотила каменемъ, а сама поехала с Кощеемъ в Золоту Орду. Ажно приехали в Киевъ Михайловы товарищи, и почали отдавать дани и выходы великому князю Владимеру. И почали спрашивать про Михайла, а Киевляня почали имъ россказывать, какъ Михайло привезъ дани и выходы, и какъ привезъ Лебѣдь Бѣлую и, крестя, за себя женою взялъ, и какъ приходилъ царь Кощей, и какъ Михайло былъ в могиле з женою мертвою, и какъ оживилъ ея, и какъ жену Михайлову отдали царю Кощею неверному и какъ Михайло в погоню погналъ. И Олеша зговоритъ: „Поехали, Илья, брата сыскивать.“ И какъ будутъ у тово камени, Олеша поднелъ камень в поесъ, Илья камень вбросилъ [7]) чересебя [8]) и рошибъ на четверо; а ис тово камени выскочилъ Михайло Потокъ Ивановичь и почалъ имъ россказывать все противъ тово, какъ имъ росказывали Киевляне. И они поехали в цар-

---

1) Въ рукописи: „и почиваетъ“. 2) Такъ въ рукописи; въ предыдущей редакціи: „жить“. 3) Такъ въ рукописи; въ предыд. редакціи: „к себѣ„. 4) Въ рукописи: „испивать“. 5) Въ предыдущей редакціи: „и будитъ царя Кощея неверново“. 6) Въ рукописи пропущено слово: „не“; въ предыд. редакціи: „такъ онъ за тобою не гоняетца“. 7) Такъ въ рукописи; въ предыдущей редакціи: „и бросилъ“. 8) Очевидно, что такъ написаны были эти слова въ оригиналѣ, съ котораго переписывалось настоящее сказаніе. Извѣстно, что это звуковое явленіе восходитъ къ древнѣйшимъ памятникамъ русской письменности.

ство Кощѣево, убили Лебѣть Бѣлую, а царю Кощею живому очи вынели, и казну Кощеву всю себѣ взяли и разделили по жеребьямъ [1]). И побили силы Кощевы сто тысячь и дочь ево Гану [2]) Кощевну Михайло за себя взялъ. А приехали в Киевъ градъ, побили мужиковъ изменьниковъ пять тысячь, а сами жили в Киеве до старости и померли. Слава ихъ идетъ до веку. Аминь.

---

[1]) Такъ въ рукописи; потомъ писецъ зачеркнулъ двѣ послѣднія буквы.

[2]) Первая буква этого слова написана неясно; въ предыдущей редакціи: „Ранку"

МЫШЬ
ВЪ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Содержаніе. О названіяхъ и распространеніи мышей и крысъ. — Повѣрья и сказки, основанныя на физическихъ свойствахъ мыши.—Вражда мышей и кошекъ.— Царь мышей.—Игра въ кошку и мышку.—Мыши кота судятъ.—Мыши кота хоронятъ.—Война мышей съ кошками, хорьками, лягушками и воробьями.—Споръ мыши съ верблюдомъ —Сказки о потерѣ мышью хвоста. — Поговорка о мокрой мыши.—Мыши помогаютъ людямъ на войнѣ.—Сближеніе мыши съ горностаемъ.—Мышь въ „пригодѣ". - Заимствованіе у мышей искусства врачеванія.—Мыши въ повѣсти объ инорогѣ.—Нѣмецкое историческое преданіе о деревѣ и мыши въ Любекѣ.—Апокрифическія сказки о мышахъ. — Демоническое значеніе мыши.—Ея участіе въ созданіи міра.—Связь мыши съ вѣдьмами и колдунами.—Преданія о томъ, что мыши съѣли несправедливаго правителя.—Мышь, какъ образъ души. — Бѣлыя мыши.—Пѣвчія мыши.—Мышь въ гаданіяхъ и примѣтахъ.—Способы заговариванія и изгнанія мышей.—Великорусская легенда о св. Николаѣ, какъ повелителѣ мышей.—Сходная польская сказка о чаровникѣ.—Врачебное значеніе мыши. — Миѳическое значеніе мыши.—Восточная сказка о мыши-дѣвицѣ. — Басня о горѣ, родившей мышь. — Польская сказка о царевнѣ „Мышиная шкурка".—Мышь въ культѣ Аполлона Сминтейскаго.—Заключеніе.

Мышь была знакома уже праарійцамъ. Генъ предполагаетъ, что мыши переселились изъ Азіи въ Европу вмѣстѣ съ Аріями (*Генъ,* Культ. раст. и дом. живот., 278). Возможно, что Аріи застали это животное въ Европѣ. Mus silvaticus встрѣчается въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ. Теперь мыши живутъ во всѣхъ странахъ и во всѣхъ климатахъ. Въ особенности ихъ много въ поясѣ Средиземнаго моря, въ Каспійскихъ степяхъ и въ нагорной Африкѣ. Нѣкоторые виды мышей живутъ выше снѣжной линіи. Въ Америку мышь проникла впервые на европейскихъ корабляхъ и расплодилась тамъ.

Окаменѣлости нѣкоторыхъ видовъ крысъ встрѣчаются въ третичной формаціи. Различаютъ двѣ породы крысъ—черную (Mus rattus) и сѣрую, или пасюка (Mus decumanus). Въ древности въ Греціи и въ Италіи не было крысъ. Полагаютъ, что

mus rattus переселилась изъ Азіи въ Европу въ началѣ среднихъ вѣковъ во время великаго переселенія народовъ. Въ Германіи черная крыса была извѣстна въ XII в. Альбертъ Магнусъ говоритъ о ней, какъ о нѣмецкомъ животномъ. Издавна черныя крысы существуютъ въ сѣверной Африкѣ. На корабляхъ онѣ были развезены въ разныя части свѣта.

Отечествомъ пасюковъ считаютъ среднюю Азію, Персію и Индію. Въ двадцатыхъ годахъ прошлаго вѣка пасюки огромными массами перешли въ Европу. Около 1730 г. они появились во Франціи и въ Англіи. На корабляхъ они были завезены въ Америку (въ 1775 г.), Африку, Австралію, на острова Тихаго океана. Пасюки ростомъ и силой превосходятъ черныхъ крысъ и повсемѣстно вытѣсняютъ ихъ (*Бремъ*, Иллюстр. жизнь живот. I, ч. II, 38, 40; *Будиловичъ*, Первобыт. слав. 363; *Rolland*, Faune popul. de la France I, 27).

Этимологическое значеніе словъ: мышь, ratte, rat, крыса одинаково, именно: воръ. Мышь—санскр. му-шû, греч. μῦς, лат. mus, др. верх.-нѣм. mus, отъ корня мус., санскр. муш-нâти—грабить, красть, отнимать между прочимъ хитростью и потому—обманывать. Проф. А. А. Потебня сюда же относитъ мѣстное великорус. мышь въ значеніи бѣлки, полагая при этомъ, что собираніе запасовъ на зиму могло представляться воровствомъ (*Потебня*, Къ ист. звуковъ, III, 84). Слово мышь—дославянское. Оно встрѣчается во всѣхъ славянскихъ языкахъ въ одинаковой формѣ и съ одинаковымъ значеніемъ (*Будилов.*, 191). Слова ratte, rat происходятъ отъ rapere, rapiendo (*Gubernat.*, Die Thiere, 372). Областныя названія для крысы: щуръ (рус. и польск.), ящуръ (рус.), крыса, пасюкъ—польское, сербское и русское (*Будил.*, 191).

Мышь, какъ животное издавна извѣстное, занимаетъ видное мѣсто въ повѣрьяхъ и сказаніяхъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ, по документальнымъ даннымъ, съ V вѣка до Р. Хр. и по настоящее время. Крыса вошла въ немногія повѣрья и сказки, какъ замѣна мыши, и потому не имѣетъ самостоятельнаго значенія въ народной словесности.

Прежде всего обращаетъ вниманіе то характерное явленіе, что этимологическое значеніе мыши и крысы, какъ воровъ, почти не оказало вліянія на многочисленныя и разнообразныя

значенія ихъ въ народной поэзіи и литературѣ. Воровская квалификація мышей, столь вѣрная ихъ природѣ и характеру воспринята народной словесностью весьма слабо.

Изъ физическихъ свойствъ мышей въ народныхъ повѣрьяхъ и обрядахъ съ наибольшей отчетливостью отмѣчены ихъ крѣпкіе зубы. Въ Малороссіи бросаютъ выпавшій зубъ на печь или на чердакъ со словами: „мышка, мышка, на тебѣ зубъ костяный, а мнѣ дай зализный" (*Ефименко*, Малор. заклин. § 25; здѣсь же цитир. Черниг. губ. Вѣд. 1859 № 49 и Nowosielski, Lud ukr. II 153). Бѣлоруссы поступаютъ такъ-же (*Янчукъ*, „По Минской губ.", въ Сборн. свѣд. для изуч. быта крест. насел. Россіи, I, 217,—оттискъ изъ IX т. Труд. Этногр. отд. И. Общ. люб. Естествозн.). Тождественный обычай бытуетъ и у нѣмцевъ (въ Штокерау): дѣти, бросая черезъ голову выпавшій зубъ, приговариваютъ: „Maus, Maus, i schenk da an banan Zahn, schenk ma an eisan Zahn". Въ Вѣнѣ записано такое повѣрье: чтобы зубы легко вышли у ребенка, нужно отрѣзать у мыши голову и повѣсить ее ребенку на шею (*Blaas*, въ Germania, XX, 349). Подобнаго рода обычай встрѣчается въ другихъ странахъ западной Европы, во Франціи, Англіи, Швеціи. Что обычай этотъ основывается на сближеніи дѣтскихъ зубовъ съ зубами мыши, помимо какихъ либо миѳологическихъ воззрѣній, указываютъ, между прочимъ, французская поговорка о ребенкѣ съ хорошими бѣлыми зубками, что онъ имѣетъ „des dents de souris" (*Rolland,* Faune popul. I, 31), и повѣрья (русское и польское), что для укрѣпленія зубовъ полезно ѣсть то, что мышь погрызла (*Даль*, Пословицы, 1057; *Gustawicz* въ Zbiór wiadom. V, 149).

Въ малорусскихъ поговоркахъ отмѣчены сѣрый цвѣтъ мышей и короткая ихъ шерсть, что даетъ поводъ считать ихъ голыми: голый, якъ мышь; голе, якъ мыша; якъ руда мышь (*Номисъ*, Приказки § 1519). Въ бѣлорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ шутливаго характера у свата „кожухъ зъ мыши". (*Шейнъ*, Матеріалы, II, 183, 350).

Въ древней повѣствовательной литературѣ и въ народныхъ сказкахъ, записанныхъ въ новое время, широко разработаны мотивы о враждебномъ отношеніи кошекъ къ мышамъ. Въ древне-сирійской версіи басенъ Бидпая (около 570 г.

по Р. Хр.) находится басня о царѣ мышей и его министрахъ. Nöldeke посвятилъ этой баснѣ особую монографію (Die Erzählung vom Mäusekönig und seinen Ministern, 1879). Царь мышей живетъ въ странѣ Брамановъ. Министры его носятъ названія: Зудамадъ (скоро пришедшій), Багдадъ (данный Богомъ) и Ширагъ (львенокъ). Царь спрашиваетъ министровъ, какъ мышиному роду избавиться отъ кошекъ. Одинъ министръ предлагаетъ навѣсить на каждую мышь по колокольчику. Совѣтъ неудобный, такъ какъ мышь не можетъ подойти къ кошкѣ. Другой министръ совѣтуетъ удалиться всѣмъ мышамъ въ пустыню, и кошки тогда будутъ уничтожены людьми, какъ безполезныя животныя. Совѣтъ этотъ также не былъ принятъ, потому что въ пустынѣ у мышей нашлось бы много другихъ враговъ. Третій министръ совѣтуетъ наносить вредъ людямъ, по мѣрѣ увеличенія кошекъ, и когда хозяева начнутъ уменьшать число кошекъ, то и мыши должны меньше портить платья и мебель, чтобы домохозяева пришли къ мысли о безполезности кошекъ и уничтожили ихъ. Этотъ совѣтъ былъ принятъ. (Книга *Калила и Димна* въ пер. гг. Аттаи и Рябинина, 277—288).

Въ сборникѣ индійскихъ сказокъ Аваданахъ находится нѣсколько разсказовъ на тему враждебнаго отношенія кошки къ мыши. Въ одной сказкѣ кошка чихаетъ, и мышь изъ своего уголка желаетъ ей добраго здоровья. Кошка говоритъ при этомъ, что для здоровья ей полезно съѣсть мышь. Въ другой сказкѣ мышь чихаетъ, и кошка желаетъ ей тысячу лѣтъ жизни; мышенята, проникнутыя этой любезностью кошки, хотятъ прійти къ ней; но старая мышь удерживаетъ ихъ отъ легкомысленной довѣрчивости. Есть еще сказка о томъ, что мыши, увидѣвъ на головѣ кошки вѣнокъ изъ розъ, который надѣтъ былъ кѣмъ-то ради шутки, усматриваютъ въ кошкѣ благочестіе и подходятъ къ ней. Кошка пожираетъ ихъ (*Liebrecht*, Zur Volkskunde, 121) *). Въ Калилѣ и Димнѣ на-

*) Разсказъ о мышахъ, обманутыхъ притворнымъ благочестіемъ кота (vidâla), находится уже въ Магабаратѣ (Udyogaparvan). Котъ, чтобы возбудить къ себѣ довѣріе животныхъ, совершаетъ подвиги аскетизма на берегу Ганги. Мыши, терпящія отъ другихъ животныхъ, избираютъ благочестиваго кота своимъ покровителемъ. Онъ соглашается и, ссылаясь на свою старость и слабость, тре-

ходится такая же басня о благочестивой кошкѣ и довѣрчивомъ зайцѣ.

Этотъ мотивъ разработанъ въ баснѣ Эзопа: «Хорекъ и мыши». Одинъ сапожникъ держалъ у себя бѣлаго хорька, ежедневно съѣдавшаго по одной изъ водившихся въ домѣ мышей. Однажды онъ упалъ въ бадью, гдѣ у сапожника былъ растворъ, которымъ онъ чернилъ свои кожи. Съ трудомъ онъ вылѣзъ оттуда, совсѣмъ черный. Мыши подумали, что съ перемѣной цвѣта шерсти измѣнился къ лучшему нравъ хорька, и вышли изъ норъ. Хорекъ согналъ ихъ въ кучу и многихъ задавилъ и поѣлъ (*Эзопъ*, въ переводѣ Алексѣева, 95). У Федра въ баснѣ о хорькѣ и мышахъ (Lib. IV, fab. 1) хорекъ вкатался въ муку, чтобы обмануть мышей. Сходные мотивы— оселъ въ львиной шкурѣ, волкъ въ овечьей и пр., отмѣчены у *Бенфея*, въ предисловіи къ Панчатантрѣ (I, 225).

Эта басня проникла въ разныя западно-европейскія сочиненія, даже въ такія, гдѣ ее трудно было ожидать, напр., въ польскую книжку о постѣ 1718 г. Здѣсь находится маленькій разсказъ: «Kot uczerniony»; мыши, замѣтивъ, что котъ почернѣлъ, думали, что природа его измѣнилась; но старая мышь разубѣдила ихъ (Wisła 1890, 39).

Въ одной греческой сказкѣ, записанной въ 1884 г., кошка постарѣла и посѣдѣла, но не измѣнила нрава. Поѣвши въ погребѣ яицъ, она стала отдыхать, закрывъ глаза. Мышь подумала, что кошка издохла, и позвала другихъ мышей. Кошка отозвалась, что она еще не умерла, но умираетъ, и просила мышей отнести ее въ кухню (chambre du four), гдѣ она благословитъ ихъ. Мыши исполняютъ ея просьбу. Тогда кошка громко замяукала и стала истреблять мышей. Одинъ

буетъ, чтобъ онѣ провожали его по очереди къ рѣкѣ для купанья. Мыши такъ и дѣлаютъ, но съ тѣхъ поръ, какъ котъ сталъ ихъ покровителемъ, онъ замѣтно жирѣетъ съ каждымъ днемъ, а число мышей уменьшается. Мыши призадумались и одна изъ нихъ сказала: я пойду вмѣстѣ съ котомъ къ рѣкѣ, а вы незамѣтно слѣдуйте сзади. Дѣйствительно мышь, подавшая такой совѣтъ, исчезла. Тогда другая мышь высказала свое убѣжденіе, что котъ—притворный аскетъ, такъ какъ еслибъ онъ питался кореньями и плодами, въ его испражненіи не было бы мышиныхъ волосъ. Убѣдившись въ лживости кота, мыши убѣгаютъ отъ него. (Этотъ эпизодъ Магабараты помѣщенъ въ Anthologia Sanscritica, изд. Лассеномъ) *Примѣч. В. Миллера.*

мышенокъ ушелъ, другой проситъ пощады, за что предлагаетъ нарисовать портретъ, но не имѣетъ успѣха (*Carnoy et Nicolaides*, Trad. de l'Asie Mineure, 182). Извѣстна греческая пѣсня о кошкѣ и мыши такого же содержанія, какъ и сказка (*Liebrecht*, Zur Volkskunde, 215).

Мотивъ: коты давятъ мышей, и мышиный-царь вынужденъ дать имъ тотъ или другой чудесный предметъ,—принадлежитъ къ числу довольно распространенныхъ сказочныхъ мотивовъ. Въ одной малорусской сказкѣ царская дочь похищаетъ у своего мужа «божью трость», махнувъ которой можно было получить что угодно. Убогому человѣку, потерявшему трость, помогъ котъ: онъ сталъ душить мышей, добрался до ихъ царя и заставилъ его разыскать трость. На свистъ царя сбѣжалась масса мышей, прогрызли стѣны во дворцѣ и пробрались въ комнату царской дочери, которая прятала во рту волшебную палочку. Мышь это замѣтила. Когда царская дочь заснула, мышь пощекотала въ ея носу своимъ хвостикомъ; царская дочь чихнула и выронила палочку, которая быстро была унесена мышью (*Манжура*, 56). Въ греческой сказкѣ съ о. Лесбоса о бронзовомъ кольцѣ, столь же чудесномъ, какъ малорусская палочка и волшебная палочка во многихъ сказкахъ другихъ народовъ (подобраны у *Cosquin'a* во 2 т. № 75), также большую роль играютъ мыши. Кошки душатъ мышей, царица мышей собираетъ совѣтъ, который посылаетъ депутацію къ капитану корабля съ просьбой забрать на корабль кошекъ. Капитанъ требуетъ, чтобы мыши достали чудесное бронзовое кольцо, похищенное волшебникомъ евреемъ. Царица снова собираетъ на совѣщаніе мышей, причемъ три мыши, пришедшія изъ самой дальней страны, одна слѣпая, другая хромоногая и третья съ надрѣзаннымъ ухомъ, говорятъ, что еврей бережетъ кольцо днемъ въ карманѣ, а ночью, когда спитъ, во рту. Мышиный парламентъ отправляетъ этихъ калѣкъ за кольцомъ, и онѣ его достаютъ такимъ же путемъ, какъ и въ малорусской сказкѣ, т. е. пощекотавъ въ носу у спящаго еврея-волшебника (*Carnoy et Nicolaides*, 70—74).

Въ древней повѣствовательной литературѣ находятся указанія, что соколъ пожираетъ мышей, напр. въ Калилѣ и Димнѣ (пер. *Аттаи и Рябинина*, 95—96), въ басняхъ Эзопа (*Fa-*

bellae Aesopicae, изд. 1727, л. 3, 79). Къ этому разряду басенъ относится небольшая малорусская сказка «Двѣ мыши»; здѣсь отмѣчены два сильныхъ врага мышей—котъ и ястребъ. «Казала полюва̀ мышь хатній: «Отъ я, сестричко, страхъ якъ боюся того, що у вечери вгори крыльцями трипа».—Е, сестричко, то ничого, каже хатня, а онъ страшно того, шо пидъ столомъ сидить та ше и дрима». (*Манжура*, Сказки, 8). Съ этимъ можно сравнить басню: «Пѣтухъ, котъ и мышенокъ».

Тема о враждебномъ отношеніи кошки къ мышкѣ широко разработана въ весьма популярной игрѣ дѣтей и взрослыхъ въ кошку и мышку. Въ Харьковской губерніи становятся въ кругъ и берутся за руки. Мальчикъ или юноша старается проникнуть въ кругъ, чтобы схватить «мышку», которую изображаетъ другой мальчикъ или дѣвушка; но участвующіе въ игрѣ не пропускаютъ «кота»; если онъ силою прорветъ кругъ, его наказываютъ ударами, причемъ онъ крикомъ подражаетъ коту. (*Ивановъ*, Игры крест. дѣт. 53—54). Тождественная игра издавна существуетъ въ Галиціи, съ небольшой припѣвкой, въ которой дается совѣтъ мышкѣ бѣжать въ поле (*Лозинскій*, въ «Зорѣ Галицкой» 1860, 510), въ Кіевской губерніи, также съ припѣвкой: «до норы, мышка, до норы, до золотой коморы; якъ добра мышка—то утиче; ледачій китъ не дожене» (*Moszyńska*, въ Zbiór wiadom. V, 84). Французскія игры въ кошку и мышку совершенно тождественны съ русскими играми этого рода (*Rolland*, Faune popul., IV, 122—123). Сербская игра въ «слепог миша» (*Милићевић*, Живот срба сељака, III, 33) соотвѣтствуетъ русскимъ жмуркамъ.

Въ современной индійской лубочной литературѣ распространена лубочная картинка на тему: «мыши кота судятъ». Сидитъ котъ рыжій съ черными пятнами и чернымъ хвостомъ; по обѣимъ сторонамъ его стоятъ мыши; одна спереди, другая сзади. Передняя мышь держитъ кота за серебряный ремень, привязанный къ серебряному ошейнику; у задней въ лапахъ копье. На спинѣ у кота сидятъ маленькія мыши и держатъ въ лапахъ нѣчто въ родѣ плетки (или знамени). Въ верхней части картинки на престолѣ (въ видѣ табурета) сидитъ мышь въ коронѣ и красномъ корсетѣ; по сторонамъ прислуживаютъ ей двѣ мыши, стоя на

заднихъ лапкахъ: одна изъ нихъ держитъ надъ сидящей мышью зонтикъ, у другой въ лапкахъ какой-то сосудъ (*Ровинскій*, Рус. нар. карт., IV, 258).

Весьма популярной въ старину въ разныхъ странахъ, преимущественно въ Россіи, была сказка на тему: «мыши кота хоронятъ». Въ Россіи лубочныя картинки о похоронахъ кота въ прошломъ столѣтіи получили значеніе политической сатиры и вызвали вмѣшательство цензуры. Картинка построена на сказкѣ, по всей вѣроятности, заимствованной съ запада и затѣмъ обработанной въ чисто великорусскомъ раскольническомъ духѣ. Макаровъ въ 1821 г. указалъ, что въ чешской хроникѣ Венцеслава Гайка 1553 г., въ томъ мѣстѣ, гдѣ упоминается о покушеніи папы обратить Россію въ католическую вѣру, на поляхъ отмѣчено: „приготовили было такую же сатиру, какую лютеране, о погребеніи кота мышами". На этомъ основаніи Макаровъ предполагалъ, что первообразомъ русской лубочной картинки была сатира въ лицахъ, выпущенная въ свѣтъ сперва лютеранами, а потомъ чехами, по случаю смерти папы Пія V или Григорія XIII, преслѣдовавшаго тѣхъ и другихъ (*Ровинскій*, IV, 257). Г. Ровинскій полагаетъ, что русская лубочная картинка „мыши кота погребаютъ"—чисто русское произведеніе, ниоткуда не заимствованное и не имѣющее никакого сходства ни съ Нюренбергскими похоронами охотника, на которые указываетъ Снегиревъ, ни съ другими загадными измышленіями; всѣ надписи на ней, всѣ подробности взяты прямо изъ русскаго быта; это—вполнѣ оригинальное произведеніе русскаго народнаго буфа. Г. Ровинскій представилъ неопровержимыя доказательства, что русская лубочная картинка „мыши кота хоронятъ" составлена въ началѣ прошлаго столѣтія раскольниками, съ цѣлью осмѣять всю преобразовательную дѣятельность Петра Великаго, его личность и даже обрядную обстановку его погребенія въ 1725 г. (Ib. IV, 259—269). Текстъ сказки „мыши кота хоронятъ" помѣщался подъ лубочными картинками, какъ объясненіе ихъ. Многія великорусскія поговорки о котѣ (*Даль*, Послов., 1078) заимствованы изъ лубочной сказки о похоронахъ кота.

При изученіи сказаній о мышахъ нельзя не остановиться на знаменитой „Батрахоміомахіи", или „Войнѣ мышей съ

лягушками". Одно преданіе приписывало эту поэму-пародію Гомеру, другое, гораздо болѣе вѣроятное,—Пигру (V в. до Р. Хр.). Батрахоміомахія—пародія на Иліаду. „Все торжественно въ этой забавной пародіи, и героически звучащія имена бойцовъ, и родословная главныхъ дѣйствующихъ лицъ, и высокопарныя ихъ рѣчи, и величавое вмѣшательство олимпійскихъ боговъ; ничтоженъ только сюжетъ, облеченный въ эти торжественныя формы, и производящій въ соединеніи съ ними въ высшей степени комическое впечатлѣніе" (*Коршъ*, Всеобщ. ист. литер., II, 894). Поэма начинается обычнымъ торжественнымъ воззваніемъ къ музамъ. Мышь, Похитительница Объѣдковъ, только что спасшаяся отъ зубовъ лисицы или кошки, хочетъ напиться изъ болота, потому что бѣжала шибко и долго. Царица лягушекъ Пышка вступаетъ съ нею въ разговоръ, приглашаетъ ее къ себѣ во дворецъ и берется перевезти ее туда на собственной спинѣ. Новизна такого путешествія сначала восхищаетъ мышь, но радость ея непродолжительна: подъ водою является змѣя; испуганная Пышка погружается на дно, и мышь тонетъ, призывая на Пышку месть боговъ. Случившаяся на берегу мышь спѣшитъ возвѣстить мышиному роду печальный конецъ Похитительницы Объѣдковъ. Созывается мышиная сходка, на которой, по предложенію Хлѣбнаго Грызуна, отца погибшей, рѣшено начать войну противъ лягушекъ. Всѣ вооружаются, и вѣстнику поручено объявить объ этомъ врагу. Но Пышка считаетъ себя неповинной въ смерти Похитительницы Объѣдковъ. Лягушки готовятся къ сильному отпору. Между тѣмъ на Олимпѣ боги встревожены замѣченнымъ ими волненіемъ на землѣ; но Паллада Аѳина совѣтуетъ имъ не вмѣшиваться въ войну, и всѣ боги остаются лишь ея зрителями. Возникаетъ ожесточенная война мышей съ лягушками. Побѣда не разъ склонялась то на ту, то на другую сторону. Наконецъ одолѣваютъ мыши, и Всеѣдъ хочетъ истребить весь лягушечій родъ. Тогда Зевсъ теряетъ терпѣніе и посылаетъ Арея остановить свирѣпаго Всеѣда; но Арей отступаетъ передъ такимъ труднымъ дѣломъ. Зевсъ беретъ тогда перуны; но и перуны оказываются безсильными противъ разъяреннаго мышинаго рода. Ощутивъ минутный испугъ, побѣдители быстро оправляются

и возобновляютъ свои подвиги. Зевсъ высылаетъ противъ нихъ другую рать—бойцовъ, надѣленныхъ отъ природы наступательнымъ и оборонительнымъ орудіемъ, именно, морскихъ раковъ. Они мгновенно измѣняютъ исходъ боя. Мыши обращаются въ бѣгство, и война кончается съ закатомъ солнца (*Коршъ*, ib. 895; *De-Gubernat.*, 395).

Батрахоміомахія построена на странствующемъ литературномъ мотивѣ о спорѣ и затѣмъ войнѣ мышей, причемъ противниками ихъ являются кошки, воробьи и другія животныя. Въ Батрахоміомахіи этотъ странствующій литературный мотивъ потерпѣлъ передѣлку. Всѣ подробности о богахъ можно считать вставкой или подкраской со стороны Пигра или другого древняго писателя, обработавшаго народную сказку въ забавную пародію героическихъ эпопей.

Гораздо ближе къ народу по простотѣ сюжета и изложенія стоитъ басня Эзопа о войнѣ мышей съ хорьками. Въ былое время хорьки вели войну съ мышами и всегда разбивали ихъ на-голову. „Не мудрено, что насъ побѣждаютъ хорьки", сказали мыши: „у насъ нѣтъ ни главнокомандующаго, ни офицеровъ". Онѣ созвали военный совѣтъ и избрали изъ своей среды болѣе крупныхъ мышей вождями и начальниками. Мышиное начальство надѣло полное вооруженіе, построило рать въ боевой порядокъ, и мыши съ музыкой вступили въ бой съ хорьками; но хорьки и на этотъ разъ ихъ разбили и обратили въ бѣгство. Безоружные бѣглецы мигомъ юркнули въ щели; ихъ одѣтые въ доспѣхи вожди и старшіе и младшіе офицеры не могли пролѣзть въ дыры, и всѣ достались хорькамъ на обѣдъ (*Эзопъ*, въ пер. Алексѣева, 64).

У Федра находимъ почти тождественную басню о войнѣ мышей съ хорьками, причемъ и въ этой баснѣ обнаруживается попытка пародировать гомеровскихъ героевъ. Бѣдные мышиные вожди столпились у темныхъ норъ, и жестокій побѣдитель „avidis dentibus capacis alvi mersit tartareo specu", т. е. „принесъ въ жертву кровожаднымъ зубамъ и низвергъ въ адскую пропасть ненасытнаго чрева". Весьма любопытно начало этой басни у Федра:

Cum victi mures mustelarum exercitu,
Historia quorum in tabernis pingitur,

Fugerent... *) (*Phaedri Fabularum* lib. IV, f. V; изд. 1814 г.). Вторая строка этого стиха показываетъ, что у римлянъ въ 1 вѣкѣ до Р. Хр. уже были въ ходу лубочныя картинки о войнѣ мышей съ хорьками. Онѣ продавались на рынкахъ, въ мелочныхъ лавкахъ.

Сказки и картинки на тему о войнѣ мышей встрѣчались у разныхъ народовъ въ древности и до сихъ поръ циркулируютъ въ разныхъ странахъ среди простонародія. На первое мѣсто по древности, рядомъ съ греческими сказками, а можетъ быть и раньше басенъ Эзопа и Батрахоміомахіи, нужно поставить египетскіе рисунки на тему о войнѣ мышей съ кошками. Существованіе такихъ рисунковъ указываетъ уже на существованіе въ древнемъ Египтѣ сказокъ о мышиной войнѣ. Въ каирскомъ музеѣ находится рисунокъ на остаткѣ древняго египетскаго папируса, на которомъ изображена осада кошачьей крѣпости мышиными войсками. Въ лондонскомъ музеѣ находится другой такой же папирусъ, на которомъ представлена мышь, сидящая на стулѣ, а кошки подносятъ ей разные дары (*Ровинскій*, Русск. нар. нар. IV, 258).

Въ лубочныхъ картинахъ, старинныхъ французскихъ и нынѣшнихъ индѣйскихъ, воспроизводятся эпизоды изъ сказки о битвѣ мышей съ кошками. Въ парижской библіотекѣ есть народная картинка: война мышей съ кошками, помѣченная 1610 г., съ надписью „La grande et merveilleuse bataille d'entre les chats et les rats: qui est la figure d'entre les gros larrons et les petits"; внизу картины стихи въ четыре столбца (*Ровинскій*, ib. 258).

Сказки о войнѣ мышей съ кошками встрѣчаются во Франціи и въ настоящее время. Такъ, въ 1889 г. издана слѣдующая бретонская сказка: въ селѣ Капѣ сгорѣла мельница, и никто не зналъ причины пожара. Пастухъ сказалъ, что онъ видѣлъ, какъ сошлись войска мышей и кошекъ. Мыши были очень худы, и кошачій полководецъ спросилъ ихъ, почему онѣ такъ худы. Оказалось, что мельница давно уже не работаетъ. Предполагая, что съ уничтоженіемъ старой мельницы

---

*) Т. е.: когда побѣжденныя войскомъ хорьковъ мыши, исторія которыхъ рисуется въ тавернахъ, бѣжали...

на ея мѣстѣ будетъ построена новая, къ пользѣ мышей и кошекъ, враждующія арміи заключили перемиріе и соединенными усиліями сожгли мельницу, именно, взявъ камушки въ лапки, онѣ высѣкали искры (*Le Carguet*, въ Revue des trad. popul. 1889, 338).

Литературный мотивъ о спорѣ мышей встрѣчается и въ русскихъ сказкахъ. Здѣсь онѣ спорятъ съ воробьями. Въ бѣлорусской сказкѣ: «Занявся сабѣ мышъ зъ веробъемъ лядо копаничиць. И нанялияны (они) три пары быковъ лядо тое араць и жито сѣяць. Ну, узяли, лядо узорали, жито посѣяли къ налѣтьцю. Жито тое на лѣто якъ ударило—три зярны! Яны два зярны подзялили, а третьцяго ніякъ не подзѣлюць: веробей говора на мышъ: ты дзяли наполъ! А мышъ говора: ты дзяли наполъ!—бо, дружка дружкѣ не вѣря. Веробей возьмя зярно—поляциць у гору, а мышъ возьмя зярно—полѣзя у нору. Кинули тогды жеребя, кому дзялиць третьцее зерня. Жеребя попало—мыши дзялиць. Цяперъ мышъ узяла третьцее зерня да и перакусила, да не на двѣ часточки, да на три! Зновъ издзѣлали мижъ собой спорку за третьцяю часточку зерня. Споровали, споровали и сучинили мижъ собой драчу. Дрались, дрались—нихто никого не подолѣя. «Ну, говора мышъ на веробъя, вызывай ты свою усю помочь, и я свою бяру, и будземъ воеваць; хто кого перабъе, такого и третьцяя часточка зерня. Ну, якъ тэй веробей возляцѣвъ да засвиставъ, дакъ уся къ яму лятучая пцица зляцѣлася. А мышъ якъ запищѣла, дакъ уся чисто звѣрина къ ёй собралася: и вовки, и львы, и псы, и усякая гадзина, што тольки на зямлѣ повзая. Спрашуюць у ихъ: «Объ чимъ требуеце скоро, што нельзя было при сабѣ ничого узяць!»—Вотъ, кажуць яны: перша мы не подзялили третьцяго зерня, адыли не подзялили третьцяю часточку зерня: дыкъ треба битву здзѣлаць: хто кого стобье, тому третьцяя часточка зерня попадзе. Ну, и давай дратца». (*Романовъ*, Бѣлорус. сборн., III, 172—173).

Тождественная малорусская сказка: «Колысь-то зъ перваго вику мыша та горобець та засіяли просо». Затѣмъ слѣдуетъ какъ они поссорились при дѣлежѣ проса, стали биться, а вмѣстѣ съ ними всѣ звѣри и птицы, первые за мышь, а вторыя за воробья (*Кулишъ*, Зап. о южн. Руси, II, 31—32).

Въ одной монгольской сказкѣ мышь споритъ съ верблюдомъ. Монголы соединяютъ года въ циклы по 12; каждый годъ носитъ названіе звѣря. Первый годъ носитъ названіе мышинаго. По сказанію Аларскихъ Бурятъ ему слѣдовало быть верблюжьимъ, но «верблюдъ, считая себя великимъ, лишился года». По преданію, верблюдъ и мышь спорили, кому первымъ годомъ владѣть. Рѣшили: тому, кто первый увидитъ лучъ солнца. Верблюдъ легъ головой на востокъ; мышь сѣла ему на кочку и смотритъ на западъ. Еще солнце не показалось изъ-за горизонта; верблюдъ еще не видитъ его, а мышь уже увидѣла свѣтъ на западныхъ горахъ. Ей и достался первый годъ.—Другой варіантъ этого сказанія добавляетъ, что мышь, увидѣвъ свѣтъ, закричала. Верблюдъ спросилъ ее, какъ она могла увидѣть первою, и когда мышь объяснила свою хитрость, то верблюдъ осердился и кинулся на нее. Мышь зарылась въ золу отъ страха. И теперь верблюдъ разрываетъ часто огнище и золу въ надеждѣ найти мышь. Монголы говорятъ: „изъ двѣнадцати лѣтъ главная и первая бѣлоротая мышь“ (*Потанинъ*, Оч. сѣв. зап. Монг. IV, 143—144).

Происхожденіе сказокъ о войнѣ мышей съ кошками можно было бы пріурочить къ Египту, если бы мнѣніе Гена, что дикая кошка приручена была впервые египтянами (*Генъ*, Культ. раст. и жив. 274), можно признать безспорнымъ. Есть указанія, что домашняя кошка была и у другихъ древнѣйшихъ народовъ. Въ журналѣ «Science pour tous» недавно было сообщено, что въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій французской академіи наукъ профессоръ археологіи Сальо представилъ снимки съ разныхъ древнихъ памятниковъ въ подтвержденіе вѣрности своихъ изслѣдованій относительно прирученія кошекъ въ древніе вѣка и преимущественно снимки съ рисунковъ этрусскихъ могилъ, на которыхъ кошки изображены внутри человѣческихъ жилищъ. На одномъ изъ такихъ рисунковъ этрусскаго происхожденія изображенъ котенокъ, играющій, во время пира, съ домашними птицами, подъ ложами гостей. Профессоръ Сальо много разъ встрѣчалъ фигуры кошекъ на древнегреческихъ вазахъ шестого или пятаго вѣка до Р. Х. На двухъ амфорахъ, хранящихся въ британскомъ музеѣ, представлены кошки, спящія въ помѣщеніи музыкальной школы.

На разрисованномъ фигурами людей очень древнемъ кругломъ сосудѣ, доставленномъ съ мѣста раскопокъ въ берлинскій музей, изображены женщины и кошки, гоняющіяся за крысами. На одномъ изъ памятниковъ позднѣйшихъ временъ (барельефѣ капитолійскаго музея въ Римѣ) представлена дрессированная кошка, танцующая подъ звуки лиры. На снимкахъ со всѣхъ этихъ рисунковъ, воспроизведенныхъ съ безукоризненною точностью, фигуры кошекъ ничѣмъ не разнятся отъ внѣшняго вида нынѣшнихъ кошекъ, изъ чего, по мнѣнію Сальо, остается заключить, что кошка принадлежала къ домашнимъ въ человѣческомъ быту животнымъ съ незапамятныхъ временъ. Относительно же ея распространенія сказки говорятъ только о продажѣ кошекъ въ странахъ, гдѣ ихъ не знали и потому населеніе страдало отъ мышей. Такова нѣм. сказка у Гримма (№ 70), шведская у Асбьернсена (№ 59), сербская у Вука Караджича (№ 7) и др. См. также примѣч. Р. Кёлера къ „Сицилійскимъ сказкамъ“ Лауры Гонценбахъ (II. 251).

Къ сказкамъ о войнѣ мышей съ лягушками, воробьями и пр. подходятъ многочисленныя сказки о потерѣ мышью хвоста, о распоротомъ животѣ мыши, причемъ мышь обращается съ просьбой о помощи къ разнымъ животнымъ. Въ нѣмецкой и швейцарской сказкахъ у мыши лопнула кожа на животѣ отъ смѣха, когда она увидала, что кошка упала въ воду. Во французской и англійской сказкахъ крыса отрываетъ часть своего хвоста. Дальнѣйшій ходъ сказокъ: мышь проситъ башмачника пришить хвостъ; башмачникъ не имѣетъ щетины; мышь проситъ свинью удѣлить немного щетины; свинья требуетъ за то отрубей; мельникъ, къ которому обратилась мышь, требуетъ кошку, кошка—молока для котятъ; корова требуетъ травы и т. д. Во многихъ сказкахъ этого рода вмѣсто мыши является пѣтушокъ. Сходныя или тождественныя сказки записаны въ Лотарингіи, на о. Корсикѣ, въ Чехіи, Норвегіи, Швеціи, Англіи, Испаніи на Кавказѣ (у Осетинъ) и въ Индіи (*Cosquin*, Contes popul. de Lorraine, 282—284). Къ многочисленнымъ параллелямъ, подобраннымъ Коскеномъ, добавлю бѣлорусскую сказку въ сборникѣ *Романова* (стр. 14), двѣ малорусскихъ въ сборникѣ *Манжуры* (5—6), 2 польскихъ въ сборникѣ *Хелховскаго*, № 20, и въ журналѣ *Wisła*

1890. Къ этому же разряду сказокъ примыкаютъ многія другія типа французской сказки Poutin et Poutot (у *Cosquin*'a, II, 36—40).

Ставлю въ видѣ вопроса: не стоитъ ли въ связи съ сказками этого разряда встрѣчающаяся у разныхъ народовъ поговорка: мокрый, какъ мышь. Поговорка эта повсемѣстно распространена въ Россіи. Въ моравской пѣснѣ:

Stoji pod okny, je us'ecek mokry jako mys':
Pust' mê, dêvec'ko, do svej svêtnic'ky, esli smis'...

(Стоитъ подъ окнами, мокрый весь, какъ мышь:
—Пусти меня, дѣвушка, въ свою свѣтлицу, если можешь).

Въ чешской пѣснѣ то же:

Stojim pod okny cely pomokly jako mys'.
Panenko zlata otevr' mi vrata jestli smis' (*Wisła* 1890, 481).

(Стою подъ окнами, весь промокнувшій, какъ мышь.
Дѣвушка золотая, отвори мнѣ дверь, если смѣешь).

Во Франціи (Haute—Loire Pommier) существуетъ поговорка: „être baigné comme un rat“ (*Rolland*, Faune populaire, I, 22). Бытовое толкованіе (Rolland'a, Faune popul. I, 22.), что шерсть крысы, попавшей въ воду, сильно напитывается водой, представляется мнѣ недостаточнымъ для объясненія столь широко распространенной поговорки.

Во многихъ сказкахъ мыши, не вступая въ битву съ другими животными, принимаютъ участіе въ сраженіяхъ людей и отстаиваютъ интересы слабѣйшей стороны. Эти сказки тѣмъ болѣе интересны, что вошли въ религіозно-миѳическія преданія древнихъ народовъ и отразились въ русской былевой поэзіи. Географическое распространеніе ихъ весьма широко: Египетъ, Малая Азія, Китай, Монголія, Россія. Древность ихъ спускается въ глубь многихъ вѣковъ до Р. Хр. и входитъ въ эпоху каннибализма грековъ. Происхожденіе ихъ представляетя загадочнымъ.

У Геродота находится слѣдующій замѣчательный въ историко-литературномъ отношеніи разсказъ: Послѣ Анисиса въ Египтѣ царствовалъ жрецъ Гефеста по имени Сеѳосъ. Онъ презиралъ военное сословіе египтянъ, какъ будто нисколько не нуждался въ немъ: всячески оскорблялъ достоинство воиновъ и лишилъ ихъ участковъ земли, тогда какъ при преж-

нихъ царяхъ каждый изъ нихъ получилъ въ даръ по 12 лучшихъ полевыхъ участковъ. Послѣ этого на Египетъ напалъ съ большимъ войскомъ Санахарибъ, царь арабовъ и ассиріянъ; но египетскіе воины не желали помогать царю. Въ затруднительномъ положеніи жрецъ вошелъ въ храмъ и передъ статуей жаловался на угрожающую бѣду. Царь еще плакалъ, когда на него низошелъ сонъ, и во снѣ ему показалось, что явилось божество и ободряло его тѣмъ, что съ нимъ не случится никакой бѣды, если онъ выступитъ противъ арабскаго войска, что въ этомъ случаѣ само божество пошлетъ ему помощниковъ. Полагаясь на сновидѣніе, царь взялъ съ собою египтянъ и расположился съ войскомъ въ Пелусіи, тамъ, гдѣ лежитъ входъ въ Египетъ. Изъ воиновъ не пошелъ за нимъ никто; при немъ находились мелочные купцы, ремесленники и базарные торговцы. На вступившихъ сюда непріятелей напали ночью полевыя мыши и погрызли имъ колчаны, луки, рукоятки у щитовъ, такъ что на слѣдующій день, они безоружные обращены были въ бѣгство и пали въ большомъ числѣ. Въ настоящее время въ храмѣ Гефеста стоитъ каменная статуя этого царя съ мышью на рукѣ и съ слѣдующею надписью: „глядя на меня, учись благочестію“ (*Геродотъ*, II § 141).

Въ этомъ сказаніи выдѣляются двѣ части: бытовая фактическая — о статуѣ царя (бога) Сеѳоса съ мышью на рукѣ, что, по всей вѣроятности, Геродотъ видѣлъ своими глазами, и связанное съ этой статуей литературное сказаніе о помощи, оказанной царю Сеѳосу мышами. Помѣщеніе мыши на рукѣ Сеѳоса могло обусловливаться совсѣмъ другими соображеніями, вѣроятно, зооморфическимъ представленіемъ души въ видѣ мыши, а можетъ быть миѳическимъ образомъ ночи въ видѣ мыши, во всякомъ случаѣ болѣе цѣнными мотивами, чѣмъ сказочный мотивъ о мышахъ, переданный Геродотомъ. Можно думать, что уже въ V в. до Р. Хр. это былъ странствующій литературный мотивъ. Въ пользу такого предположенія говоритъ существованіе этого мотива въ малоазіатскомъ культѣ Аполлона Сминтейскаго, въ древнихъ китайскихъ лѣтописяхъ, въ русскихъ былинахъ и монгольскихъ сказкахъ.

Страбонъ, говоря о культѣ Аполлона Сминтейскаго, приводитъ слѣдующую сказку: Тевкры, вышедшіе изъ Крита,

получили отъ оракула повелѣніе тамъ остановиться на жительство, гдѣ нападутъ на нихъ сыны земли, т. е. мыши. Это случилось въ окрестностяхъ Гамаксита: огромное количество мышей выползло тамъ ночью и перегрызло всю кожу на оружіи и сосудахъ. Тамъ-то Тевкры и остановились (*Страбонъ*, въ пер. Мищенка, XII, 1, 48). Значеніе сказки о мышахъ у Страбона затемнено. Вѣроятно, повѣствовалось о нападеніи мышей на какихъ-либо враговъ Тевкровъ, и въ такомъ случаѣ порча оружія имѣетъ свое raison d'être.

Древняя малоазіатская сказка о мышахъ Аполлона Сминтейскаго стоитъ какъ-бы на переходномъ пути въ географическомъ отношеніи отъ Египта къ восточной Азіи.

Весьма сходное сказаніе о помощи мышей находится въ китайскихъ лѣтописяхъ. Большое турецкое войско напало на Хотанъ. Царь хотанскій не имѣлъ достаточно войска, чтобы отбиться отъ враговъ. Онъ принесъ жертву мышамъ пустыни и умолялъ ихъ о помощи. Ночью онъ увидѣлъ во снѣ большую мышь, которая сказала: „Ты получишь отъ насъ помощь; вступай завтра въ битву съ врагомъ, и ты побѣдишь". Утромъ царь аттаковалъ турокъ, у которыхъ все вооруженіе, луки, одежда и пр. оказались источенными мышами. Турки были разбиты, и большая ихъ часть попалась въ плѣнъ. Царь Хотана изъ благодарности построилъ храмъ и принесъ жертвы (*Liebrecht*, Zur Volkskunde, 13). Совпаденіе между египетскимъ и китайскимъ разсказами о помощи мышей такъ велико, что заимствованіе представляется возможнымъ; но вполнѣ загадочно, когда оно произошло и въ какую сторону шло сказаніе, съ востока на западъ или обратно.

Сказаніе о помощи мышей проникло въ древнюю русскую словесность, причемъ произошло осложненіе мотива въ слѣдствіе замѣны мыши близкимъ къ нимъ животнымъ горностаемъ, съ прибавленіемъ къ нему волка. Разумѣемъ оборотничества былинныхъ богатырей: Вольги, Никиты Романовича и др. Такъ, въ былинѣ о Вольгѣ говорится:

Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ
Малымъ горностаюшкомъ,
Зашелъ въ горницу во ружейную,
И повернется онъ добрымъ молодцемъ:

И тугіе луки переломалъ,
И шелковыя тетивочки перервалъ,
И каленыя стрѣлы всѣ повыломалъ,
И у ружей замочки повывертѣлъ,
Въ боченочкахъ порохъ перезалилъ.
Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ сѣрымъ волкомъ,
Поскочилъ онъ въ конюшенъ дворъ,
Добрыхъ коней перебралъ,
А глотки у всѣхъ у нихъ перервалъ (*Рыбник.*, I, 6).

Онъ (Волхъ) обернулся горностаемъ,
Бѣгалъ по подваламъ, по погребамъ,
По тѣмъ по высокимъ теремамъ,
У тугихъ луковъ тетивки накусывалъ,
У каленыхъ стрѣлъ желѣзцы повынималъ.

Далѣе Волхъ обращается въ сокола, летитъ къ своей дружинѣ, будитъ ее отъ сна и ведетъ на Индѣйское царство, гдѣ ранѣе попортилъ все оружіе. Чтобы пройти стѣну, Волхъ и дружина его обращаются въ муравьевъ. Когда они прошли стѣну бѣлокаменную, снова стали молодцами. Они всѣхъ перебили, кромѣ царицы, на которой потомъ женился Волхъ, и молодыхъ дѣвицъ, на которыхъ женились его дружинники. (*Рыбн.* I, 15, 17).

Въ былинѣ о князѣ Скопинѣ Никита Романовичъ обращается въ горностая, потомъ въ сѣраго волка, и портитъ оружіе и коней (ib. 409). Горностай здѣсь служитъ замѣной мыши, что произошло, вѣроятно, изъ украшающаго стиля былинъ, равно какъ и другое, встрѣчающееся въ былинахъ названіе богатырей—соболь. Если въ однѣхъ былинахъ богатырь скачетъ „по крутымъ горамъ тонкимъ бѣлымъ горностаемъ“ (*Рыбник.* I, 434), то по другимъ онъ бѣжитъ черезъ темные лѣса соболемъ, напр., царь Афрамей въ былинѣ объ Иванѣ Годиновичѣ. Въ бѣлорусской зажнивной величальной пѣснѣ также фигурируетъ соболь. Въ малорусскихъ пѣсняхъ соболь и куница символизируютъ жениха и невѣсту; отсюда эпитетъ козака: „не выйду, козаче, не выйду, соболю!“ (*Потебня*, Колядки, 343, 616). Если въ старину, называя богатыря въ похвалу горностаемъ, понимали дѣйствительно подъ этимъ словомъ Mustela

ermineа, то впослѣдствіи, когда горностаевъ не было, подъ этимъ словомъ могли подразумѣвать совсѣмъ другое животное, даже птицу. Въ малорусской свадебной пѣснѣ: „летивъ горностай по надъ ставъ, попускавъ пирьячко на весь ставъ". (ib. 294). Горностай очень близко по значенію къ мыши стоитъ къ малорусской пѣснѣ: „Вода сосну пидмывае; горносталь коринь пидъидае; зверху сосна усыхае". (ib. 218).

Преданіе о военной помощи мышей до сихъ поръ живетъ въ народныхъ сказкахъ. Такъ, въ одной монгольской сказкѣ богатырь Тунгъ-Караты ханъ догоняетъ своего врага Джюсунъхана и готовится вступить съ нимъ въ битву. Замѣтивъ, что у Джюсунъ-хана много войска, Тунгъ-Караты ханъ предлагаетъ Джюсунъ хану отложить битву на другой день, на что послѣдній согласился. Ночью Тунгъ-Караты ханъ обратился въ крысу (кускŏ), проникъ въ станъ Джюсунъ-хана и перегрызъ оружіе и доспѣхи его войска, луки, стрѣлы, сайдаки. Утромъ Джюсунъ ханъ не находитъ возможнымъ сражаться. Враги распускаютъ свои войска, по взаимному соглашенію, и, по предложенію Тунгъ-Караты хана, вступаютъ въ поединокъ, который длится нѣсколько дней. Силы ихъ оказались равными. Они помирились и побратались (*Потанинъ*, IV, 375).

Кромѣ военной помощи, мыши оказываютъ людямъ услуги въ разныхъ другихъ случаяхъ, выручаютъ ихъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, спасаютъ жизнь, или указываютъ средства для излѣченія болѣзней,—словомъ, бываютъ въ «пригодѣ». Въ старинной повѣствовательной литературѣ въ народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ весьма часто встрѣчается мотивъ, что то или другое животное получаетъ пощаду отъ человѣка, чаще всего охотника, и въ знакъ благодарности оказываетъ ему услуги. При этомъ услуги бываютъ различны, смотря по роду и характеру животнаго. Такъ, въ колядкахъ и свадебныхъ пѣсняхъ олень или туръ обѣщаетъ стать въ пригодѣ, прійти на свадьбу (подробности у *Потебни* въ Колядкахъ, 318—330). Въ сказкахъ часто орелъ становится въ пригодѣ выноситъ богатыря изъ подземнаго царства (*Сумцовъ*, Культ. пережив. § 166; *Cosquin*, Contes popul. I; *Романовъ*, Бѣлор. Сборн., 173). Въ извѣстныхъ случаяхъ въ сказкахъ,

благодарными и полезными являются воронъ, муравьи, змѣя (*Cosquin*, Contes popul. I, 48), обезьяна, пчела, медвѣдь (*Benfey*, Pantsch. I § 71), лягушка (*Минаевъ*, Инд. сказки, 10).

Мышь бываетъ въ „пригодѣ" въ прямомъ и косвенномъ значеніяхъ. Мышь въ пригодѣ прямаго значенія встрѣчается въ русскихъ и инородныхъ сказкахъ; но услуги, оказываемыя мышью человѣку, не во всѣхъ сказкахъ одинаковы. Въ бѣлорусской сказкѣ про „восковую церковь" убогій и голодный человѣкъ хочетъ убить и съѣсть мышь. „Не ѣшь меня,—говоритъ ему мышка,—сытъ не будешь, а только душу запоганишь; буду я табѣ у вяликой пригодѣ". Убогій человѣкъ отпустилъ ее. Когда царь потребовалъ отъ него вымолотить въ одну ночь весь царскій хлѣбъ, то на выручку явилась мышь (*Романовъ,* 331). Въ другой бѣлорусской сказкѣ мышка говоритъ дѣвушкѣ: „дай мнѣ каши; я табѣ къ худому ўремю знадоблюся". Дѣвушка дала. Вскорѣ пришелъ медвѣдь, далъ ей звонокъ и, потушивъ свѣчу, велѣлъ ей звонить и бѣгать, а онъ будетъ ее ловить. Мышка посовѣтовала дѣвушкѣ спрятаться подъ печь, а сама бѣгала со звонкомъ, пока медвѣдь усталъ и заснулъ (ib., 362). Сходная сказка изъ Полѣсья напечатана у *Кольберга* въ Zbiór wiadom. XIII, 203. Въ венгерской сказкѣ о Чало-Пигитѣ мышка, накормленная Чало-Пигитой во время голода, потомъ освобождаетъ своего благодѣтеля изъ тюремнаго мѣшка (*Wlislocki*, въ Zeitschr. f. d. Philol. 1889, I. 106, 108). У насъ въ Самарской губ. записана сказка объ Иванѣ Царевичѣ, въ которой мыши (также пчелы и раки) помогаютъ молодцу собрать дѣвицъ, обращенныхъ въ кобылицъ (*Садовниковъ*, Сказ. и пред. Самар. кр., 39). Въ малорусской сказкѣ мышки собираютъ для парубка, макъ, который былъ разсыпанъ змѣемъ (*Kolberg*, Zbiór wiadom. XIII, 207). Этотъ мотивъ повторяется въ Пентамеронѣ Базили (†1637). Аньоло покупаетъ навознаго жука, сверчка и мышь и обращается съ ними хорошо. Царь обѣщаетъ выдать свою дочь, страдающую меланхоліей, замужъ за того, кто заставитъ ее разсмѣяться. Животныя Аньоло танцуютъ, царевна смѣется; но царь не исполняетъ обѣщанія и подвергаетъ Аньоло разнымъ опаснымъ испытаніямъ, изъ которыхъ выручаютъ его благодарныя животныя (*Benfey*, Pantsch. I, 215—216).

Въ монгольскомъ сборникѣ сказокъ Шидди-курѣ, построенномъ на буддійскомъ сборникѣ Vetâlapancavinçati, находится сходная съ предыдущей сказка о благодарной мыши: Одинъ браминъ купилъ мышь, обезьяну и медвѣженка въ то время, когда ихъ мучили дѣти. Не имѣя средствъ къ жизни, браминъ рѣшился обворовать царскій дворецъ. Онъ былъ пойманъ и въ деревянномъ ящикѣ брошенъ въ воду; но ящикъ зацѣпился за дерево. Мышь прогрызла въ ящикѣ дырку, обезьяна и медвѣженокъ взломали его больше, и узникъ вышелъ на свѣтъ Божій. Бладарныя животныя приносятъ ему пищу, а обезьяна, кромѣ того, доставляетъ волшебный камень, съ помощью котораго вскорѣ былъ воздвигнутъ дворецъ. Купцы похитили камень, но мышь, обезьяна и медвѣженокъ разыскали его. При возвращеніи звѣрей обезьяна сидѣла на медвѣдѣ, а мышь лежала въ его ухѣ. Обезьяна держала во рту драгоцѣнный камень. Когда медвѣдь плылъ черезъ рѣку, обезьяна уронила камень. Мышка обратилась съ просьбой къ водянымъ животнымъ, и лягушка вскорѣ вынесла ей чудесный камень (*Benfey*, I, 210—213). Недавно записана весьма сходная греческая сказка (*Carnoy et Nicolaides*, Trad. de l'Asie Mineure, 70—74).

Мышь благодарнымъ и полезнымъ животнымъ оказывается въ древнихъ басняхъ, въ Панчатантрѣ и у Эзопа. Въ Панчатантрѣ разсказывается, что слонъ однажды разбилъ глиняный горшокъ, въ которомъ было заключено много мышей. Когда слонъ попалъ въ яму, то мыши такъ разрыли землю, что онъ могъ выйти изъ ямы (*Benfey*, I, 324). Въ греческихъ и латинскихъ басняхъ (Эзопа, Федра) мыши подобную услугу оказываютъ льву. Въ баснѣ Эзопа „Левъ и мышь" по тѣлу спящаго льва пробѣжала мышь. Левъ проснулся, поймалъ ее и хотѣлъ съѣсть. „Оставь мнѣ жизнь", взмолилась она: „за свое спасенье я окажу тебѣ большое благодѣяніе". Левъ улыбнулся и отпустилъ ее. Вскорѣ охотники поймали льва и привязали веревкой къ дереву. Услыхала мышь жалобное рычаніе льва, прибѣжала, перегрызла веревку и освободила его (*Эзопъ*, въ перев. Алексѣева, 49). Подобная сказка найдена въ древнемъ египетскомъ папирусѣ (въ „Griech. Litterat". Зиттля, указ. проф. Деревицкимъ). Въ Калилѣ и Димнѣ въ „притчѣ о голубѣ-вяхирѣ, крысѣ, газели и воронѣ" говорится,

что голубь-вяхирь попалъ въ сѣть. Другъ его крыса перегрызла веревки въ сѣти и освободила голубя (*Калила и Димна*, 117—118).

По всей вѣроятности, большинство народныхъ сказокъ о мыши въ „пригодѣ" коренится въ древнихъ повѣстяхъ, нашедшихъ мѣсто въ Панчатантрѣ и въ Калилѣ и Димнѣ.

Косвенная „пригода" мыши обнаруживается, напримѣръ, въ одной польской сказкѣ, гдѣ слѣпая мышь указываетъ воду, исцѣляющую слѣпоту (*Zawiliński*, Z powieś'ci, 36). Въ монгольской сказкѣ двѣ старшія сестры преслѣдуютъ младшую и подмѣниваютъ ея прекрасныхъ новорожденныхъ дѣтей противными животными. Выведенный изъ терпѣнія мужъ ея ломаетъ ей руки и ноги и выкалываетъ глаза. Вскорѣ вышла изъ норы крыса и стала грызть ей ноги; калѣка схватила палку и перешибла крысѣ ногу. Крыса вырыла травку, съѣла, и ея нога выросла. Калѣка съѣла ту же травку и стала съ ногами. (*Потанинъ*, IV, 343). Въ варіантѣ этой сказки выступаетъ вмѣсто крысы мышь (ib. 603); въ барабинской сказкѣ (въ Prob. Радлова) также отмѣчено заимствованіе у мышей искусства врачеванія изломанныхъ конечностей (ib. 887). Въ монгольскихъ сказкахъ и повѣрьяхъ открытіе цѣлебной силы растеній или минеральныхъ источниковъ приписывается еще медвѣдю или оленю (ib. 717) *).

---

*) Указаніе разными животными способа спасенія, исцѣленія и даже воскрешенія—мотивъ широко распространенный въ эпосѣ разныхъ народовъ, отъ восточной повѣсти—до русской былины и бѣлорусской сказки. Въ арабскомъ сборникѣ «1001 ночь», въ разсказѣ о „путешествіяхъ Синдбада" говорится о спасеніи его изъ подземелья, благодаря какому-то звѣрку. Въ Гриммовской сказкѣ „Die drei Schlangenblätter" рѣчь идетъ о воскрешеніи царевны посредствомъ листковъ, принесенныхъ змѣею для исцѣленія другой разрубленной змѣи, подобно тому, какъ богатырь Потокъ воскрешаетъ свою Авдотью Лиховидьевну, помазавъ ее прямо разрубленною змѣею (Др. рос. стихотв.). Въ норманскихъ и французскихъ сказаніяхъ, по указанію Гримма, ту-же роль косвенной спасительницы играетъ ласочка. Интереснѣйшая бѣлорусская сказка, записанная г. Романовымъ, тѣсно примыкаетъ къ этимъ мотивамъ. (Бѣл. Сб., Сказки, „Дѣдъ и баба"). Желая испытать другъ друга въ любви и преданности, дѣдъ и баба ставятъ условіе: кто изъ нихъ переживетъ другого, тотъ долженъ съ умершимъ живьемъ лечь въ могилу, что и выпало на долю дѣда. Лежа въ могилѣ, онъ увидѣлъ приползшую змѣю, которая родила мертвыхъ дѣтенышей и оживила ихъ какою-то травкой; дѣдъ этою же травкой воскресилъ бабу. *Прим. Н. Я.*

Нѣкоторыя повѣрья и сказанія этого рода исходятъ, вѣроятно, изъ христіанской апокрифической литературы. Такъ, къ этой литературѣ, повидимому, примыкаетъ слѣдующій разсказъ: „есть трава буху, т. е. силачъ. Эту траву ѣдятъ моралы во время якованья. Она производитъ возбужденіе и придаетъ силу человѣку". Эта часть разсказа основывается на томъ дѣйствительномъ фактѣ, что рога оленей мораловъ, принимаемые внутрь въ истертомъ видѣ, сильно возбуждаютъ половыя силы, и потому въ продажѣ цѣнятся и идутъ въ далекія страны, напр., Китай. Затѣмъ уже слѣдуетъ вполнѣ баснословная, любопытная въ историко-литературномъ отношеніи часть разсказа: траву буху можно найти такимъ образомъ: заткнуть гнѣздо желны (picus martius, picus viridis, merops) и разостлать подъ нимъ простыню; тогда птица принесетъ въ когтяхъ эту траву и приложитъ къ гнѣзду, а потомъ броситъ на землю. Сила травы такова, что прикосновеніемъ къ дереву эта птица можетъ выворотить кусокъ больше, чѣмъ человѣкъ могъ бы это сдѣлать (ib. 189). Это повѣрье записано у разныхъ христіанскихъ народовъ, нѣмцевъ, чеховъ, сербовъ, русскихъ, поляковъ (*Аѳанас.*, Поэт. воззр. I, 496, 397—399, 410, 546; *Siarkowski*, въ Zbiór wiadom. IX, 71). Въ малорусскихъ и нѣмецкихъ повѣрьяхъ дятелъ открываетъ забитое свое гнѣздо съ дѣтенышами разрывъ-травой, и если положить подъ деревомъ бѣлый или красный платокъ и закричать, то дятелъ выронитъ на него разрывъ-траву (*Аѳан.* II, 398). Глубокая древность этого повѣрья засвидѣтельствована Плиніемъ. Эліанъ (III в. по Р. Хр.) сообщаетъ объ удодѣ: если закрыть его гнѣздо, то онъ отыскиваетъ такую траву, которая уничтожаетъ всѣ препятствія (*Мочульскій*, Происх. физіол. 43). Сказаніе это вошло въ физіологи и бестіаріи. Оно встрѣчается съ древнихъ временъ въ апокрифическихъ сказаніяхъ о Соломонѣ, гдѣ съ помощью разрывъ-травы добывается драгоцѣнный камень шамиръ. Повидимому, въ зависимости отъ апокрифическаго сказанія о камнѣ шамирѣ стоятъ монгольскія повѣрья о камнѣ дзадѣ, низводящемъ дождь. Дзаду вынимаютъ изъ внутренности птицы или быка и потомъ держатъ завернутымъ въ перья той птицы или въ шерсть того животнаго, изъ котораго онъ былъ вы-

нутъ. Если хотятъ, чтобы пошелъ дождь—дзаду мочатъ; если дождь идетъ слишкомъ продолжительно—дзаду вытираютъ и сушатъ. Камень дѣйствуетъ въ теченіе трехъ лѣтъ, и потомъ умираетъ. Чтобы оживить его, подстрѣливаютъ животное той породы, изъ котораго онъ былъ вынутъ, и ставятъ камень подъ дыханіемъ умирающаго звѣря или птицы (*Потанинъ*, IV 189—190).

Одной индійской буддійской притчѣ (*Benfey*, Pantshatantra I § 17) суждено было получить широкое литературное распространеніе,—разумѣемъ знаменитую „притчу объ инорогѣ". Въ индійскихъ сказкахъ Аваданахъ находится слѣдующій разсказъ объ опасностяхъ и бѣдствіяхъ жизни. Одинъ человѣкъ, преслѣдуемый слономъ, спрятался подъ дерево, которое росло на краю высохшаго колодца. Онъ замѣтилъ, что двѣ мыши, черная и бѣлая, подгрызали корень этого дерева; съ четырехъ сторонъ къ нему протягивали жало ядовитыя змѣи, а на днѣ источника лежалъ страшный драконъ. На деревѣ сидѣлъ рой пчелъ, и капля меда упала въ ротъ бѣглеца; но пчелы стали его кусать, и скоро дерево сгорѣло. При этомъ дано толкованіе этого аллегорическаго разсказа: дерево въ пустынѣ—невѣжество человѣка; бѣглецъ—еретикъ; слонъ—непостоянство вещей; колодецъ—берегъ жизни и смерти; корни дерева—жизнь человѣческая; бѣлая и черная мыши—день и ночь; 4 ядовитыхъ змѣи—4 силы природы (земля, огонь, вода и воздухъ); медъ—5 органовъ чувствъ (зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ и осязаніе); пчелы—порочныя мысли; огонь—старость и болѣзнь; ядовитый драконъ—смерть. Въ другомъ буддистическомъ варіантѣ этой басни находится небольшое различіе въ объясненіи деталей: слонъ означаетъ смерть; колодецъ—жилище; корни дерева—жизнь человѣка; бѣлыя мыши—солнце и луна (*Liebrecht*, Zur Volkskunde, 457—458). Эта басня вошла въ чрезвычайно популярную въ старину повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ въ видѣ вставной „притчи объ инърозѣ". Одинъ путникъ, встрѣтивъ въ полѣ „инорога", побѣжалъ отъ него, чрезвычайно испуганный, и попалъ въ пропасть. Онъ успѣлъ, однако, схватиться за дерево и удержался на воздухѣ. Путникъ посмотрѣлъ вверхъ и увидѣлъ, какъ двѣ мыши, бѣлая и черная, подгрызали корень дерева, на которомъ онъ дер-

жался; на днѣ пропасти яростно изгибался страшный змѣй, дышавшій огнемъ, и хотѣлъ пожрать путника; изъ стѣны выходили четыре головы аспида. Въ то же время путникъ увидѣлъ на деревѣ каплю меда и, забывъ окружавшіе его ужасы, устремился къ сладости малаго меда (*Пыпинъ*, въ Уч. Зап. Акад. Наукъ 1858, 130, 332; *Dunlop.-Liebrecht*, 32, 462). Морализація та же, что въ индійскихъ басняхъ: инорогъ—смерть, мыши—время и пр. Притча объ инорогѣ часто встрѣчается въ старинныхъ русскихъ рукописяхъ иногда съ именемъ Варлаама, иногда какъ слово св. Ефрема, иногда безъ имени автора; она вошла въ 168 главу Gesta Romanorum, переведена на нѣмецкій языкъ въ художественной формѣ Рюкертомъ, на русскій Жуковскимъ подъ заглавіемъ „Изъ Талмуда" (*Пыпинъ*, ib. 131). Притча объ инорогѣ проникла въ живопись, миніатюру и скульптуру. Она выбита на порталѣ пармскаго баптистерія и вошла въ Углицкую псалтырь XV вѣка. Въ миніатюрахъ одна мышь, изображающая день, обозначена бѣлой краской, а другая мышь-ночь—черной краской. Въ пармскомъ рельефѣ со стороны одной мыши помѣщена фигура Аполлона, а со стороны другой—фигура Діаны (*Буслаевъ*, ст. „Сравн. одн. рельефа" и „Истор. Очерки", II, 207).

Здѣсь умѣстно будетъ привести одно замѣчательное историческое преданіе, связанное съ г. Любекомъ. Нѣмецкіе хронисты сообщаютъ, что въ 1200 году въ Любекѣ у церкви Богоматери росло большое дерево. Тогда шли большіе споры города съ сосѣдними князьями. Послѣдніе хотѣли овладѣть городомъ, и на сторону ихъ склонялись нѣкоторые граждане. Однажды князья осадили городъ, но горожане отбивались храбро. Ихъ укрѣпляло повѣрье, что Любекъ потеряетъ свободу, когда дерево поблекнетъ и усохнетъ, а дерево въ это время было въ полной силѣ. Однажды утромъ граждане съ великимъ огорченіемъ увидѣли, что дерево въ одну ночь поблекло и засохло. Мышь свила свое гнѣздо у его корня, и мышенята подгрызали корень. Вскорѣ Любекъ сдался врагамъ. (*Deecke*. Lub. Gesch. u. Sagen, 18).

Гораздо болѣе близкими къ народнымъ повѣрьямъ о мыши и потому болѣе пріемлемыми оказались апокрифическія сказки о мыши, какъ зооморфическомъ образѣ сатаны или

какъ созданіи его. Въ апокрифическихъ сказаніяхъ о Ноѣ, „окаянный дьяволъ хотяше истопить весь родъ человѣчь и превратился мышью и нача грызти дно ковчегу. Ной же помолися Богу и прысни лютый звѣрь и выскочиста изъ ноздрій его котъ и кошка и удавиша мышь, и не избысть дьяволе злохитровство". (*Пыпинъ*, въ Памят. стар. рус. лит. III, 18, по рукописи 1602 г.). Это сказаніе о мыши проникло въ народъ, русскій, польскій и др. У поляковъ записаны слѣдующіе разсказы: Дьяволъ создалъ мышь и пустилъ ее въ ковчегъ Ноя. Мышь прогрызла дыру, и вода уже стала итти въ ковчегъ. Тогда Ной затянулъ дыру платкомъ, Богъ превратилъ этотъ платокъ въ кота, который и удавилъ мышь. Дьяволъ создалъ много мышей, но коты ихъ давили, а потомъ мыши сошли на землю и продолжаютъ до сихъ поръ вредить людямъ. Въ варіантѣ этой сказки добавлено, что коты имѣютъ въ глазахъ злаго духа съ тѣхъ поръ, какъ котъ, находившійся въ ковчегѣ Ноя вмѣстѣ съ другими животными, съѣлъ дьявола, грызшаго дно ковчега въ видѣ мыши. Дьяволъ не могъ выйти изъ него и остался въ глазахъ. Въ связи съ этими сказаніями стоитъ также польское повѣрье, что черный котъ на восьмомъ году обращается въ чорта (*Gustavicz*, въ Zbiór wiadom. V. 138, 149; Siarkowski, ib. VII, 150). Тождественное сказаніе о кошкѣ и мыши записано среди малоруссовъ Литинскаго уѣзда, а въ Проскуровскомъ у. записано повѣрье, что кошка прожившая 12 лѣтъ, дѣлается очень свирѣпою и можетъ задушить человѣка (*Чубинскій*, Труды Эт.-Ст. Эксп. I, 54). Къ этимъ апокрифическимъ сказкамъ о мыши-чортѣ примыкаетъ и слѣдующая малорусская: Чортъ, обратившись въ мышь, плылъ черезъ море, чтобы соблазнить Еву, но пресвятая Дѣва, увидя это, бросила свою рукавицу. Изъ этой рукавицы сдѣлалась кошка и пожрала мышь (*Чубинскій*, ibid.).

Участіе мыши въ міросозданіи отмѣчено въ мордовской сказкѣ: Шайтанъ хотѣлъ сотворить человѣка и слѣпилъ его изъ глины, песку и земли, но не могъ придать ему благообразной формы: выходила то свинья, то собака, то змѣя. Тогда онъ послалъ на небо птичку-мышь за полотенцемъ, которымъ обтирается въ банѣ верховный богъ Чамъ-Пасъ. Шай-

танъ обтеръ человѣка полотенцемъ и придалъ ему надлежащій видъ, а Чамъ-Пасъ вложилъ въ него потомъ живую душу. Птичку-мышь Чамъ-Пасъ наказалъ за службу Шайтану: отнялъ у нея крылья и поставилъ голый хвостъ какой у Шайтана, и далъ такія же лапы, какъ у Шайтана (*Веселовскій*, Разыск. въ обл. дух. ст. XI, 10—11). Сходныя повѣрья записаны у дикихъ народовъ Америки и Океаніи. У жителей острова Фиджи существуетъ такая легенда: Луна хотѣла, чтобы люди не умирали, а возрождались, подобно ей, къ новой жизни. Но крыса и слышать о томъ не захотѣла и настояла, чтобы и люди умирали, какъ пропадаютъ крысы (*Reville*, Les relig. d. peuples noncivilisés, II, 129). Въ тождественныхъ сказкахъ готтентотовъ роль мыши играетъ заяцъ, въ сказкахъ зулусовъ—саламандра (*Басни и сказки* дикихъ народовъ, 26). Заслуживаетъ вниманія слѣдующее сказаніе американскихъ индѣйцевъ Чипеваи, по весьма близкому сходству съ апокрифическими сказаніями о сотвореніи міра, обращающимися въ настоящее время среди южнорусскаго и другихъ сродныхъ съ нимъ славянскихъ народовъ. По религіозно-миѳическимъ представленіямъ Чипеваи, первоначально была только вода. Великій духъ Виска приказалъ бобру опуститься въ воду и принести со дна моря немного земли на поверхность. Бобръ опустился, но земли не досталъ. Мускусная мышь (rat musqué) обнаружила большую ловкость и принесла немного тины. Тогда Виска дохнулъ на эту тину или илъ, и послѣдній разросся до громадныхъ размѣровъ. Такимъ образомъ отъ дыханія Виски произошла земля (*Reville*, ib. I, 282).

Апокрифическія книжныя и современныя устныя славянскія сказанія о сотвореніи міра обнаруживаютъ большое сходство съ космическими миѳами Чипеваи и Фиджійцевъ. Происхожденіе послѣднихъ миѳовъ можетъ быть недавнее, если допустить, что эти миѳы возникли подъ вліяніемъ христіанскихъ апокрифическихъ сказаній, занесенныхъ миссіонерами,—предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятное, что крыса, фигурирующая въ фиджійскомъ сказаніи, появилась недавно въ Океаніи.

Мышь стоитъ близко къ вѣдьмамъ и колдунамъ. По бѣлорусскому повѣрью, если въ могилу, до опущенія въ нее покойника, попадетъ мышь, то это значитъ, что умершій былъ

чаровникъ и что злой духъ въ видѣ мыши дѣлаетъ ему могильную встрѣчу (*Шейнъ*, Матер. для изуч. зап. рус. нар., т. I, ч. II, 580). Въ малорусской сказкѣ вѣдьма обращается въ мышь и выскакиваетъ изъ хаты (*Ивановъ*, печатается въ 3 т. Сборн. Харьк. Ист.-Филол. Общ.). По мнѣнію поляковъ, вѣдьмы съ помощью какого-то зелья выпускаютъ изъ подмышекъ простыхъ и летучихъ мышей (*Piątkowska*, Wisła 1889, 765). Старинные нѣмецкіе процессы о вѣдьмахъ упоминаютъ названіе müsemaker, т. е. mäusemacher, и сообщаетъ повѣрье, будто вѣдьма, кипятя волшебныя травы, причитываетъ: „Maus, Maus, heraufs ins teufels namen!“, и мыши выпрыгиваютъ изъ горшка одна за другою. Въ Германіи разсказываютъ, что вѣдьма, свернувъ платокъ на подобіе мыши, говоритъ: «lauf hin und komm wieder zu mir“, и тотчасъ отъ нея убѣгаетъ живая мышь. Въ голландской сказкѣ чародѣйка подбросила нѣсколько глыбъ земли, и все поле закопошилось мышами (*Аѳанас.*, Поэт. воззр. III, 505). Въ нѣмецкихъ и славянскихъ странахъ, также во Франціи записаны повѣрья, что колдуны и вѣдьмы насылаютъ мышей и крысъ въ дома и на поля (*Аѳан.* III, 451; *Rolland*, I, 22). Въ монгольскихъ сказкахъ мышь сосетъ кровь у дѣтей (*Потанинъ*, IV, 471); въ сказкахъ другихъ народовъ этимъ дѣломъ занимается вѣдьма. Вѣдьмы не только оборачиваются въ мышь, но и другихъ могутъ оборотить въ мышь. Въ «Молотѣ вѣдьмъ» (Malleus maleficarum, 1486 г.) говорится, что вѣдьмы обращаютъ людей въ мышей (*Rosskoff*, Geschichte d. Teufels. II, 252). Оборотнемъ чорта или вѣдьмы въ народныхъ сказкахъ и повѣрьяхъ часто является летучая мышь, возбуждающая въ народѣ своимъ видомъ и образомъ жизни чувство страха. Летучая мышь играетъ большое значеніе въ ворожбѣ, преимущественно у малоруссовъ и поляковъ (*Gustavicz*, въ Zbiór wiad. V, 150—151). По сербскимъ народнымъ повѣрьямъ вѣдьмы, упыри и вовкулаки (*Березинъ*, въ «Знаніи» 1877, IV, 57, 67), а по италіанскимъ и французскимъ черти (*Rolland*. I, 5) принимаютъ видъ летучей мыши. Въ одномъ англійскомъ судебномъ процессѣ 1597 г. по обвиненію въ чародѣйствѣ находится указаніе, что демонъ въ видѣ мыши проникалъ къ заключенному въ тюрьмѣ колдуну (*Thornburg*, Shakspere's England, II, 152). На о. Рюгенѣ есть повѣрье, что у крысъ есть ко-

роль изъ чертей, съ золотой короной на головѣ (*Temme*, Die Volkssagen von Pommern u. Rügen, 341). Въ одной сказкѣ изъ Помераніи чортъ въ образѣ кота душитъ мышей и крысъ, въ другой мыши везутъ чорта (ib. 318, 329).

Благодаря связи съ нечистой силой, мышь была издавна предметомъ ворожбы, на что есть указанія въ судебныхъ процессахъ вѣдьмъ; напр., завязывали трехъ мышей въ мѣшочекъ и вѣшали ихъ въ трубѣ, гдѣ онѣ высыхали (*Wisła*, 1887, VI, 214). Что же касается превращеній въ мышей, то, судя по сказкамъ, эти превращенія могутъ происходить и по другимъ причинамъ, безъ прямого вмѣшательства нечистой силы и безъ колдовства. Такъ, напр., на о. Рюгенѣ записана слѣд. сказка о семи пестрыхъ мышахъ: Нѣкогда жила мать съ 7-ю дочерьми. Однажды въ великую пятницу, когда мать была въ церкви, дѣти поѣли спрятанные ею орѣхи и яблоки. Мать прокляла ихъ за это и сказала: „чтобы вы обратились въ мышей!“ И дѣти тотчасъ обратились въ мышей съ пестрыми шкурками и побѣжали въ поле, добѣжали до пруда и бросились въ воду. Мать, видя это, превратилась въ камень. По ночамъ мышки выходятъ изъ пруда, танцуютъ вокругъ камня и поютъ пѣсенку, въ которой говорится, что со временемъ онѣ снова получатъ человѣческій образъ, когда какая-нибудь мать съ 7-ю сыновьями сядетъ на этомъ камнѣ въ великую пятницу, въ тотъ именно часъ, когда произнесено было проклятіе. (*Temme*, Die Volkssagen von Pommern u. Rügen, 1840, 294—297).

У народовъ германскихъ издавна пользуется популярностью сказка о томъ какъ мыши съѣли высокопоставленное лицо за несправедливость. Наибольшей извѣстностью пользуется нѣмецкое преданіе о смерти епископа Гаттона, связанное съ „Мышиной башней“ въ Бингенѣ. Титмаръ пріурочиваетъ это сказаніе къ Мерзебургу (1012 г.). Въ Кельнѣ сказаніе это связано съ именемъ епископа Адольфа (около 1112 г.) въ Страсбургѣ отнесено къ епископу Вильдерольфу (†999) и его преемнику Алавицу (†1001). Подобнаго рода сказки съ историческими и мѣстными пріуроченіями записаны въ Баваріи, Австріи, Швейцаріи, въ Англіи (въ началѣ XIII в.), Даніи (*Liebrecht*, Zur Volkskunde, 1—5). Сказаніе о человѣкѣ съѣ-

денномъ мышами, циркулировало также во Франціи (о немъ говоритъ Жанъ Дутрмезъ, † 1339) и въ Польшѣ (встрѣчается въ хроникѣ Кадлубка 1223 г. въ примѣненіи къ Попелу младшему). Либрехтъ высказалъ мнѣніе, что въ основѣ сказокъ этого рода лежитъ древнее обыкновеніе вѣшать старшинъ во время голода или общественныхъ бѣдствій. Но мнѣніе это не утвердилось въ наукѣ, какъ слишкомъ искусственное, и противъ него главнымъ образомъ возражалъ Громаннъ въ сочиненіи „Apollo Smintheus und Bedeutung der Mäuse in der Mythologie der Indogermanen", 1862 г. (*Liebrecht*, ib. 10).

Кадлубекъ разсказываетъ цѣлую краснорѣчивую повѣсть о томъ, какъ Попелъ младшій, подстрекаемый навѣтами жены, отравилъ своихъ дядей, зазвавъ ихъ хитростью къ себѣ въ гости. Жестокій тиранъ даже отказалъ имъ въ погребальной почести. Скоро, однако, онъ постигнутъ былъ страшнымъ наказаніемъ: изъ брошенныхъ труповъ его дядей вышло огромное количество мышей, которыя преслѣдовали его всюду, пока наконецъ не сожрали, поймавъ въ башнѣ, гдѣ Попелъ думалъ найти убѣжище вмѣстѣ съ женой и двумя сыновьями (*Котляревскій*. О погреб. обр., 103—105).

На повѣсти о Попелѣ останавливались Санъ-Мартъ (Die polnische Königssage, 1848), Гутшмидъ (Kritik der polnisch. Urgesch., 1857), Бѣлевскій (Wstęp krytycz. do dziejów Polski, 1850), Котляревскій (О погреб. обряд. 1868). „Послѣ тщательныхъ разысканій Бѣлевскаго, говоритъ Котляревскій, нельзя болѣе сомнѣваться, что главнымъ источникомъ разсказа были повѣствованія классическихъ историковъ и поэтовъ; но далеко не единственнымъ: нѣкоторыя черты позволяютъ предполагать, что въ образованіи его принимало участіе и народное преданіе, ходившее въ то время о Попелѣ. Не трудно устранить изъ разсказа цвѣты краснорѣчія; но возвратить преданію древнѣйшій видъ, отдѣлить необходимое народное отъ произвольныхъ добавокъ хрониста не видится возможности, за неимѣніемъ повѣрочныхъ данныхъ." Въ повѣсти Кадлубка Гутшмидъ признаетъ остаткомъ народнаго преданія только одну черту, именно, происшествіе съ мышами и отчасти образъ злой жены Попела; Котляревскій также не находитъ въ древнихъ литературахъ непосредственнаго литературнаго ис-

точника преданія, что Попелъ былъ съѣденъ мышами, вышедшими изъ труповъ отравленныхъ и лишенныхъ погребенія дядей (ib. 105).

Любопытно, что сказка о королѣ, съѣденномъ мышами за несправедливость, до сихъ поръ живетъ у поляковъ. Недавно записана у карпатскихъ горцевъ такая сказка „O mysiem królu“: Нѣкогда такъ избирали царя: садились за желѣзный столъ и ждали, на кого спустится съ неба золотая корона. Однажды молодой крестьянинъ пахалъ въ полѣ. Когда жена принесла ему обѣдъ, онъ перевернулъ плугъ и обратилъ его въ столъ. Онъ смѣялся съ женой, что обѣдаетъ за желѣзнымъ столомъ, какъ панъ. Въ это время съ неба на его голову спустилась корона, появилось войско и повело его, какъ царя. У этого крестьянина были очень бѣдные родители. Они пошли посмотрѣть на сына въ славѣ и могуществѣ. Доро̂гой они выпрашивали подаяніе. Одежда ихъ была очень бѣдная. Когда они подошли ко дворцу, то царь не призналъ ихъ своими родителями. Пошли они назадъ. Мать начала плакать, а отецъ сказалъ, „не плачь; скажи лучше, чтобы его мыши съѣли“. Какъ двинули послѣ этого мыши на царя, какъ двинули! Солдаты рубятъ ихъ саблями; но даже отрубленныя части ихъ скакали, и въ концѣ концовъ мыши съѣли царя (*Zawiliński*, Z powies'ci, 21—23). Въ этой сказкѣ нѣтъ уже существенной части, обусловливавшей, какъ мы думаемъ, самое появленіе мышей, нѣтъ труповъ людей отравленныхъ, какъ въ сказкѣ о Попелѣ, или заморенныхъ голодомъ, какъ въ древнихъ нѣмецкихъ преданіяхъ о жестокихъ епископахъ.

Сказки о Гаттонѣ, Попелѣ и др. притѣснителяхъ и убійцахъ, съѣденныхъ мышами, основаны на древнемъ представленіи души въ видѣ мыши, представленіи и нынѣ еще встрѣчающемся у многихъ народовъ, большею частью какъ культурное переживаніе. (*Потебня*, О миѳич. знач. нѣкот. обрядовъ и повѣрій, стр. 90—94, 151).

Въ Германіи существуетъ повѣрье, что ребенку надлежитъ спать съ закрытымъ ртомъ; иначе изъ него можетъ уйти душа въ видѣ бѣлой мыши (*Lippert*, Christenthum, 570).

Въ осетинской сказкѣ богатырь попадаетъ къ клыкастой дѣвицѣ и она хочетъ съѣсть его. Въ это время изъ угла комнаты выбѣжала душа его матери и предупредила его объ опасности. Клыкастая дѣвица со злости проглотила эту мышь; но она выскочила у ней изъ заду. (*Вс. Миллеръ*, Осет. этюды, II, 298). Весьма любопытной представляется слѣдующая латышская сказка „о блужданіи души": Однажды пасли два пастуха скотъ. Они уговорились, что когда одинъ будетъ пасти скотъ, то другой въ это время будетъ спать. Одинъ легъ и вскорѣ заснулъ. Другой шелъ мимо его и видитъ: изо рта спящаго выползла рыжеватая мышь не болѣе сверчка и побѣжала. Захотѣлось ему узнать, что это за мышь. Онъ оставилъ скотъ и побѣжалъ за ней. Мышь бѣгала по горамъ и долинамъ, лѣсамъ и полямъ, забѣжала въ большое болото, побывала въ старомъ дубѣ, разбитомъ молніей, и тѣмъ же путемъ возвратилась обратно и вползла въ ротъ спящаго. Когда онъ проснулся, то сказалъ, что видѣлъ во снѣ, что ходилъ по горамъ и долинамъ, полямъ и болотамъ и въ одной башнѣ видѣлъ много денегъ. Товарищъ его догадался что это за башня; отправились вдвоемъ къ дубу и нашли въ немъ кладъ (*Трейландъ*, во II вып. Сборн. матер., изд. при Дашк. Этн. Музеѣ, 135). Въ вотяцкой сказкѣ, приведенной въ книгѣ проф. И. Н. Смирнова: „Вотяки", душа умершей женщины выходитъ изъ могилы мышкой, затѣмъ оборачивается въ собаку, потомъ въ корову, наконецъ въ женщину. Возвращаясь въ могилу, она продѣлываетъ тѣ же превращенія въ обратномъ порядкѣ (См. „Этногр. Обозр." VI, 232 *).

Въ Россіи представленіе души въ видѣ мыши выразилось въ повѣрьяхъ, сказаніяхъ и даже проникло въ иконопись.

---

*) Въ Чехіи извѣстна слѣдующая сказка: Три ремесленника заблудились въ лѣсу и мучимые жаждой стали искать воды. Одинъ изъ нихъ, наскучивъ поисками, заснулъ. Другіе продолжали искать, нашли ручей и напились, затѣмъ, вернувшись къ спящему товарищу, легли возлѣ него. Вдругъ они увидѣли, что изъ его рта выскочила бѣлая мышь, побѣжала къ ручью, напилась воды и снова вскочила въ ротъ спящаго. Тогда товарищи разбудили его и сказали: ты такъ лѣнивъ, что твоя душа сама должна ходить за водой, и мы не хотимъ имѣть съ тобой никакого дѣла. (Grohmann, Sagenbuch von Böhmen, p 234). *Прим. В. М.*

Въ этомъ отношенiи любопытна южнорусская картина страшнаго суда на полотнѣ XVIII вѣка. Здѣсь между прочимъ изображена „лѣнивица до церкви", причемъ, на коромыслѣ вѣсовъ на сторонѣ чашки съ злыми дѣянiями изображена мышь, олицетворяющая не кривду, какъ предполагаетъ г. Покровскiй, а душу грѣшницы (*Покровскiй*, въ III т. Труд. Одес. Арх. съѣзда, 327).

Въ связи съ представленiемъ души въ видѣ мыши стоятъ бѣлорусское и малорусское повѣрья, что если беременная женщина проситъ чего-либо съѣстного, вещь или денегъ, и получаетъ отказъ, то въ непродолжительномъ времени мыши изгрызутъ одежду того, кто отказалъ. Во избѣжанiе нападенiя мышей, нужно бросить въ слѣдъ беременной женщины уголекъ или кусочекъ глины. При этомъ добавляютъ, что ребенокъ этой женщины будетъ ѣсть уголья и глину (*Вѣстн.* Геогр. Общ. 1853 IX, 130; *Zbiór* wiadom. do antrop. krajow. XI 202).

Бѣлыя мыши въ народной словесности имѣютъ анимистическое значенiе. Встрѣчаются онѣ въ повѣрьяхъ разныхъ народовъ. Въ наиболѣе чистомъ видѣ это значенiе мыши обнаружилось въ упомянутомъ выше нѣмецкомъ повѣрьѣ, гдѣ душа обращается прямо въ бѣлую мышь. Очевидно, одной природы съ этой мышью рыжеватая мышь латышской сказки. Къ этому же разряду относятся монгольскiя бѣлоротыя мыши, благодѣтельницы людей (*Потанинъ*, IV, 771). Якуты вѣрятъ, что благодѣтельный духъ огня (домовой) переходитъ изъ одной юрты въ другую въ видѣ большой мыши (*Приклонскiй*, въ «Живой Старинѣ», 1890, II, 170). У якутовъ, кромѣ того, благотворное значенiе имѣютъ домовые въ видѣ бѣлогубаго жеребца (*Потан.* 771); у чеховъ и русскихъ благотворное значенiе приписывается бѣлой змѣѣ (*Аѳанас.*, Поэт. воззр., II, 550, 570).

На представленiе о мыши, какъ бѣломъ животномъ, могло оказать влiянiе существованiе бѣлыхъ крысъ.

Въ Малороссiи, какъ я слышалъ, бѣлой считаютъ пѣвчую мышь, что не оправдывается зоологiей. Пѣвчая мышь встрѣчается очень рѣдко, и пѣнiе мыши, какъ явленiе необыкновенное, принимается крестьянами за вѣрную примѣту скораго несчастiя. Но пѣвчая мышь ничѣмъ не отличается отъ

обыкновенной, ни по цвѣту шерсти, ни по характеру. Пѣніе мыши, какъ извѣстно, считается случайнымъ явленіемъ и объясняется, какъ переживаніе, именно, повтореніемъ того, что нѣкогда было вполнѣ свойственно полевой мыши, и притупилось съ тѣхъ поръ, какъ полевая мышь окончательно поселилась въ домахъ и приспособилась къ подполью.

Въ гаданіяхъ и примѣтахъ мыши издревле играютъ большую роль. Свида, въ каталогѣ способовъ вѣдовства, упоминаетъ гаданіе по мышамъ и ласочкамъ. Өеофрастъ сознается въ своемъ суевѣріи: если мышь прогрызетъ ему мѣшокъ съ мукой, онъ бѣжитъ къ гадателю, который немедленно совѣтуетъ положить заплату на мѣшокъ (*Буше-Леклеркъ,* Изъ ист. культуры, 122). Здѣсь естественно приходитъ на мысль древняя русская примѣта, что „мышь порты грызетъ"—къ худу, и современное русское народное повѣрье, что мышь грызетъ одежду къ бѣдѣ.

Древніе Греки считали мышь пророческимъ животнымъ. Ей приписывали, между прочимъ, способность предсказывать погоду, какъ указываетъ Эліанъ (сообщилъ профес. А. Н. Деревицкій *). Малоазіатскіе греки въ настоящее время имѣютъ много мышиныхъ примѣтъ и гаданій. Такъ, они убѣждены, что если мужъ или жена нарушаютъ супружескую вѣрность, также если дѣти или прислуга производятъ воровство въ домѣ, то мыши начинаютъ тогда производить страшное опустошеніе въ домѣ, портить одежду и мебель (*Carnoy et Nicolaides,* 340).

Мыши встрѣчаются въ народныхъ примѣтахъ объ урожаѣ и хлѣбныхъ цѣнахъ. Такъ: „Якъ мыша исть волотъ, такъ буде хлибъ дорогъ; а якъ гузиръ, то нема дорога" (*Номисъ,* § 313). Волотомъ называютъ верхнюю часть снопа съ колосьями, а гузыремъ—нижнюю съ одной соломой. Эта примѣта записана въ Конотопскомъ и Пирятинскомъ уѣздахъ. Когда мышь вьетъ гнѣздо на верху копны, вскорѣ какъ она сло-

*) По словамъ Плинія (8, 56, 82), домашнія мыши могутъ давать знаменія относительно судьбы цѣлаго государства. Онѣ предсказали Марсійскую войну тѣмъ, что въ Ланувіумѣ изгрызли серебряные щиты; полководцу Карбону въ Клузіумѣ онѣ изгрызли ремни на обуви и тѣмъ предвозвѣстили ему благую смерть. *Прим. В. М.*

жена,—будетъ холодная зима (запис. мною въ Ахтырскомъ у.). Уже въ старину въ Великороссіи отмѣчено сходное повѣрье: если мышь въ жильѣ высоко гнѣздо совьетъ—снѣгъ великъ будетъ (*Костомаровъ*, Очеркъ жизни великор. нар. въ XVI—XVII ст.). Если мыши сильно нападаютъ на хлѣбъ—будетъ голодъ (*Даль*, Послов. 1057).

Въ древнемъ Египтѣ опасались увидѣть мышь 12 числа Тиби; увидѣвъ мышь въ этотъ дурной день, спѣшили отвратить глаза въ другую сторону (*Maspero*, Les contes popul, de l'Egypte anc. LXV). У грековъ появленіе бѣлыхъ мышей считалось счастливымъ предзнаменованіемъ, по свидѣтельству Өеофраста. (*Lenz*, Zoologie der alten Griechen und Römer. 1856, p. 153).

Мыши наносятъ народу такой большой вредъ, пожирая хлѣбъ, портя платье и пр., что вопросъ объ уничтоженіи или изгнаніи ихъ всегда интересовалъ крестьянъ и былъ разрѣшаемъ въ традиціонномъ порядкѣ заговора, иногда съ присоединеніемъ внѣшнихъ средствъ, охраняющихъ жилище отъ этихъ вредныхъ животныхъ. По мнѣнію малороссовъ, заговоръ отъ мышей не сохраняетъ силу на продолжительное время. „Иншій то замовляе мышей: замовыть то на току въ него не побачите нигде жаднои. Але якъ потимъ и нападуть на стигъ, то будуть такъ исты, шо и раду трудно даты" (*Драгом.*, Малорос. нар. преданія, 4). Въ Купянскомъ у. Харьк. губ. для устраненія мышей изъ амбаровъ и закромовъ приносятъ домой воды, освященной, на Маковія (1 августа), и, войдя съ нею въ хлѣбный амбаръ, кропятъ закромы и приговариваютъ: „мыши и крысы, не ходите сюда: васъ маковійска вода вездѣ побива" (*П. И.*, въ Харьк. Сборникѣ 1888, 94). Сходные обряды изгнанія мышей и сходныя заклинанія ихъ встрѣчаются во Франціи; здѣсь также кропятъ святой водой въ мѣстахъ, гдѣ много мышей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Франціи, крестьяне предохраняютъ хлѣбные амбары отъ мышей, поливая въ нихъ воду, взятую спеціально для этой цѣли 23 іюня до восхода солнца изъ колодца или лужи. Эту воду сохраняютъ въ бутылкѣ на случай появленія мышей. Говорятъ, что эта вода не портится втеченіе года. Въ Бельгіи берутъ воду изъ колодца въ церкви св. Гертруды въ Нивеллѣ и кропятъ ею дома и жилища отъ мышей. Въ Германіи предохранительное значеніе отъ мышей

имѣетъ земля изъ подъ гробницы св. Ульрика въ Аусбургѣ. Во французскихъ заговорахъ отъ мышей упоминается или св. Гертруда или св. Никезъ (Nicaise). Въ день этого святого (14 декабря) надписываютъ его имя на дверяхъ дома, чтобы мышей не было. Во многихъ мѣстахъ для изгнанія мышей кладутъ по угламъ дома бумажки съ такимъ заговоромъ: „мыши и крысы, заклинаю васъ именемъ Бога, пресвятой Богородицы и св. Гертруды выйти изъ дома и уйти въ лѣса". Въ Арденнахъ, гоняя мышей, стучатъ зубомъ отъ бороны, случайно найденнымъ, по мѣднымъ или желѣзнымъ вещамъ. Въ заговорахъ иногда опредѣляется, въ какомъ числѣ или порядкѣ должны уходить мыши,—непремѣнно въ нечетномъ, по 3, 5 или 7. Въ нѣкоторыхъ селахъ въ Арденнахъ въ полночь стучатъ гвоздемъ отъ бороны въ кожу и обѣгаютъ три раза вокругъ дома, приговаривая: «заклинаю васъ, крысы, именемъ живого Бога удалиться» (туда-то). Въ департаментахъ Іонны, Оба и Марны въ первое воскресенье великаго поста бѣгаютъ по полю съ зажженными факелами, произнося слѣдующій забавный заговоръ:

Sortez, sortez d'ici, mulots!
Ou je vais vous brûler les crocs!
Quittez, quittez ces blés!
Allez, vous trouverez
Dans la cave du curé
Plus à boire qu'à manger *).

Въ другомъ заговорѣ добавляется, что въ погребѣ священника много масла и молока (*Rolland*, Faune popul. I. 23, 27), Въ зап. Болгаріи (Радомирск. окр., с. Пештера) 29-е октября, день св. Нестора, носитъ названіе „праздника на поганцы" (т.е. мышей). Празднуется онъ въ тѣхъ видахъ, чтобы мыши не причиняли вреда (*Качановскій*, Памят. болг. нар. творч. I, 14) **).

*) Пошли прочь отсюда, мыши, или я вамъ сожгу зубы (усы)! Оставьте эти хлѣба! Ступайте въ погребъ священника, тамъ вы найдете больше выпить, чѣмъ поѣсть.

**) По свидѣтельству Каравелова, у болгаръ справляется 27 октября какъ „мишинъ денъ". Кто въ этотъ день работаетъ, у того мыши поѣдятъ все имущество; поэтому мышинъ день соблюдаютъ строго, особенно старухи. Но вотъ

Къ народнымъ повѣрьямъ о чудесномъ изгнаніи мышей, примыкаетъ самарская сказка о лѣшемъ и любопытная легенда о св. Николаѣ, записанная недавно въ Балашовскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи. По самарской сказкѣ, лѣшіе играютъ въ карты на крысъ и зайцевъ, вмѣсто денегъ. Однажды лѣшій гналъ цѣлое стадо проигранныхъ крысъ; ночью подгоняетъ онъ къ кабаку и требуетъ себѣ водки. Шинкарь не далъ; тогда лѣшій приподнялъ весь кабакъ за уголъ, вытребовалъ себѣ четверть водки, выпилъ ее залпомъ, отдалъ деньги, поставилъ кабакъ на мѣсто и погналъ крысъ дальше. (*Садовниковъ*, Сказ. и пред. Сам. кр., 227). Русская же легенда о св. Николаѣ слѣдующаго содержанія: Поздно вечеромъ въ одинъ постоялый дворъ, недалеко отъ с. Чиркина, вошелъ благообразный старикъ съ сѣдою бородою, одѣтый прасоломъ, и просилъ сидѣльца дать ему четверть вина. Когда онъ почти залпомъ осушилъ всю четверть, то сказалъ, что денегъ теперь не заплатитъ, а наградитъ его. Сидѣлецъ, набожный и добрый человѣкъ, довѣрилъ почтенному старику и спросилъ его, какой у него гуртъ—крупнаго или мелкаго скота; гуртовщикъ отвѣтилъ, что гонитъ мелкій скотъ, и вышелъ. Сидѣлецъ пошелъ за нимъ на крыльцо и увидѣлъ огромное стадо мышей и крысъ на дорогѣ, которыхъ старикъ погналъ дальше; въ эту же ночь исчезли всѣ мыши съ постоялаго двора. Дальше легенда добавляетъ, что послѣ того сидѣлецъ пошелъ однажды къ обѣднѣ въ село и сталъ ставить свѣчку Николаю Чудотворцу. Взглянувъ на ликъ угодника, онъ узналъ привѣтливо смотрѣвшаго на него ночного посѣтителя, старика-прасола, и увидалъ тутъ-же на подсвѣчникѣ и деньги за четверть вина (*Минхъ*, Народ. обыч. крест. Сарат. губ. 49). Эта великорусская сказка о св. Николаѣ и мышахъ стоитъ, повидимому, въ литературной связи съ польской сказкой о чаровникѣ, записанной недавно (въ 70-хъ годахъ) у „горалей бескидовыхъ“ (т. е. карпатскихъ горцевъ). Въ одно село пришелъ странникъ—большой

въ чемъ бѣда: если будешь праздновать мышиные праздники, то *невѣстулка* (ласочка?) на тебя разсердится и изорветъ все, что бы ей ни попалось; а если не будешь праздновать, то невѣстулка уйдетъ куда-нибудь, и мыши сдѣлаются свирѣпы (Памятники народ. быта болгаръ, стр. 263). *Прим. В. М.*

пьяница. На краю села стояла мельница, и путникъ попросилъ у мельника хлѣба. „Заработай," сказалъ ему мельникъ, и не далъ ему хлѣба. Вскорѣ въ мельницѣ появилась масса мышей и крысъ. Онѣ ѣли муку, портили мѣшки, и народъ перестал носить на мельницу зерно. Черезъ два года на мельницу пришелъ тотъ же странникъ и освободилъ ее отъ крысъ. Онъ перекрестился, помолился, и всѣ крысы сбѣжались въ одно мѣсто; потомъ онъ взялъ палку, прогналъ ихъ къ рѣчкѣ и велѣлъ утопиться (*Kosiński* въ Zbiór wiadom. VII, 45). Если вмѣсто св. Николая поставить чаровника, то русская сказка окажется простымъ варіантомъ польской сказки По всей вѣроятности, св. Николай случайно вошелъ въ саратовскую легенду, какъ это подтверждается и самарской сказкой. Въ житіи святителя нѣтъ поводовъ для такой роли его въ народной словесности. Св. Николай великорусской сказки, соотвѣтствуетъ s. Nicaise'у французскихъ народныхъ повѣрій. Во Франціи, Бельгіи, Германіи св. Николай является обыкновенно въ роли покровителя дѣтей (Revue des trad. popul. 1888, 651; 1889, 640). Въ Чехіи въ старину св. Николай также считался патрономъ дѣтей (*Wisła*, 1890 III, 715). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Великороссіи и Польши (въ Кѣлецк. губ.) св. Николая считаютъ покровителемъ домашняго скота (*Siarkowski*, въ Zbiór wiadom. III, 28).

Суевѣрные способы изгнанія мышей весьма различны. Въ старину (*Ровинскій*, Рус. нар. карт. IV, 258) и нынѣ извѣстенъ такой пріемъ: мышь опаливали и пускали, полагая что запахъ отъ паленой ея шерсти разгонитъ всѣхъ мышей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи для изгнанія мышей кладутъ въ проѣденныя ими дыры куски отъ дерева, разбитаго молніей (*Kopernicki*, въ Zbiór wiadom. XI, 202). Во Франціи въ хлѣбныхъ амбарахъ кладутъ отъ мышей зубья отъ бороны и прыскаютъ освященной водой (*Rolland*, Faune popul., 25). У поляковъ кладутъ папоротникъ, вѣтки бузины или вѣтки ольховаго дерева (*Gustawicz*, въ Zbiór wiad. V, 149). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи крестьяне отъ мышей и крысъ окуриваютъ свои дворы козлиною бородою (*Аѳанас.*, Поэт. возр. III, 506). Въ Италіи думаютъ, что мышей не слѣдуетъ убивать, такъ какъ онѣ приносятъ въ домъ счастье; а если ихъ слишкомъ много, то изго-

няютъ ихъ, сожигая старую обувь и окуривая домъ (*Marrené*, въ Wisła 1889. IV, 828 *).

Мышь имѣетъ лѣчебное значеніе. Въ малорусскихъ лѣчебникахъ XVIII в. упоминается мышачье изверженіе, какъ врачебное средство (*Потебня*, въ Кіев. Стар. 1890. I. 94). Въ Нормандіи вѣрятъ, что для излѣченія коклюша полезно накормить больного ребенка мышью. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Франціи существуетъ повѣрье, что для излѣченія дѣтей, которыя мочатся по ночамъ въ постели, полезно мышиное мясо (*Rolland*, I, 31, 22). Въ Россіи, какъ извѣстно, подкуриваютъ мышиной шерстью отъ лихорадки.

Миѳическое значеніе мыши съ достаточной ясностью обнаруживается въ немногихъ сказкахъ. Мнѣніе Аѳанасьева о грозовомъ значеніи мыши (III, 505) не имѣетъ подъ собой фактической опоры и представляется однимъ изъ многочисленныхъ увлеченій этого замѣчательнаго труженика науки. Нѣсколько болѣе научнымъ оказывается мнѣніе Де-Губернатиса (390—396) о ночномъ значеніи мыши. Самъ Губернатисъ приводитъ въ доказательство своего мнѣнія „Батрахоміомахію", эзоповскую басню о львѣ и мыши и нѣсколько русскихъ сказокъ изъ сборника Аѳанасьева, гдѣ мышь является „въ пригодѣ",—мотивы издревле повѣствовательные.

Древняя восточная сказка о мыши-дѣвицѣ, заключаетъ въ себѣ довольно ясное указаніе на мышь, какъ символъ ночи. Эта сказка почти въ тождественномъ видѣ повторяется въ Панчатантрѣ, Гитопадешѣ и Калилѣ и Димнѣ. Де-Губернатисъ приводитъ эту сказку въ сокращеніи изъ Панчатантры и Гитопадеши (*De-Gubern.*, 390). Бенфей, считая эту сказку въ основѣ индійской, указываетъ на ея варіантъ въ Магабгаратѣ и на отраженіе ея въ древнихъ греческихъ басняхъ (*Benfey*, Pantsch. I § 158). Не касаясь литературной исторіи этой замѣчательной повѣсти (намѣчена у Бенфея), мы изложимъ здѣсь

*) По словамъ Плинія (18, 17, 45), мышь можно прогнать съ поля золой отъ сожженныхъ кошекъ или ласочекъ или водкой, въ которой сварены эти животныя; но такъ какъ послѣдствіемъ этой мѣры является то, что хлѣбъ, испеченный изъ зерна съ такого поля, получаетъ отвратительный запахъ кошекъ или ласочекъ, то гораздо практичнѣе поливать поле водой, настоянной на бычьей желчи. *Прим. В. М.*

лишь содержаніе ея. Былъ одинъ отшельникъ, молитва котораго всегда была уважена. Когда онъ однажды сидѣлъ на берегу моря, пролетѣла мимо него чайка (въ Калилѣ и Димнѣ, а въ Панчатантрѣ—соколъ) съ мышенкомъ въ лапахъ. Мышенокъ упалъ къ ногамъ отшельника, который изъ состраданія завернулъ его въ листочекъ и отнесъ въ свое жилище. Но затѣмъ, опасаясь, что выкармливаніе его будетъ доставлять хлопоты его семьѣ, просилъ Бога превратить мышенка въ дѣвочку, что и было исполнено. Отшельникъ передалъ дѣвочку своей женѣ, а когда она выросла, предложилъ ей выбрать мужа. Дѣвушка захотѣла имѣть мужемъ самаго сильнаго изъ всѣхъ существъ. Отшельникъ обращается къ солнцу; но солнце указываетъ на облако, какъ болѣе сильное существо, потому что оно затмеваетъ лучи его свѣта; облако отправляетъ отшельника къ вѣтру; вѣтеръ - къ горѣ, которая задерживаетъ его теченіе; гора—къ мыши, которая продырявливаетъ гору и устраиваетъ въ ней свои норы. Тогда отшельникъ сталъ молить Бога обратить дѣвушку снова въ мышь, и дѣвушка была возвращена къ своему первоначальному состоянію (*Калила и Димна*, въ пер. Аттаи и Рябинина, 145).

Происхожденіе басни о горѣ, родившей мышь (Mons parturiens), загадочно. Басня эта встрѣчается у Эзопа и Федра, у Горація въ видѣ пословицы. Губернатисъ усматриваетъ въ ней миѳологическое значеніе (мышь—ночь, стр. 391). Повидимому, мы имѣемъ здѣсь литературный мотивъ, получившій широкое распространеніе, благодаря воздѣйствію классической литературы *).

*) Мотивъ mons parturiens едва ли заключаетъ въ себѣ что нибудь миѳологическое. Онъ находится, повидимому, въ связи съ народнымъ представленіемъ (существовавшимъ, напримѣръ, у древнихъ Египтянъ) о томъ, что мыши *родятся* изъ земли. По словамъ Діодора Сицилійскаго (1,10), Египтяне вѣрили, что въ мѣстности Ѳивъ въ извѣстное время мыши родятся изъ комковъ земли. При этомъ можно видѣть мышей еще не вполнѣ развившихся — съ головой, грудью и лапками, но оканчивающихся комомъ земли. Согласно съ подобнымъ суевѣріемъ, мыши, живущія въ норахъ въ горѣ, могли представляться заraждающимися въ ней, какъ въ утробѣ, а чрезъ сопоставленія величины производительницы (горы) съ миніатюрностью рождаемыхъ (мышей) могла возникнуть народная пословица *Прим. В. М.*

Миѳическая мышь-ночь изрѣдка встрѣчается въ современныхъ народныхъ сказкахъ, напримѣръ, въ приведенной выше монгольской сказкѣ на литературный мотивъ о спорѣ мышей съ другими животными. Здѣсь мышь первая видитъ восходящее солнце (*Потанинъ*, IV, 143).

Миѳическая мышь ясно выступаетъ въ польской сказкѣ „O myszej skórce". У царя была очень красивая жена, и когда она умерла, то по красотѣ съ ней могла сравняться только дочь ея, и царь рѣшилъ жениться на своей дочери. Она старается отклонить его отъ кровосмѣшенія. По совѣту Божіей Матери, явившейся въ видѣ старухи, царская дочь сначала требуетъ солнечнаго платья, потомъ, когда оно было доставлено,—мѣсячнаго платья; но и такое платье царь досталъ. Тогда царевна потребовала себѣ платья изъ мышиныхъ шкурокъ, которое покрывало бы все тѣло, за исключеніемъ глазъ и рта. Мышей били по всей странѣ, и платье изъ ихъ шкурокъ было сдѣлано. Тогда царевна бѣжала въ другое королевство. Здѣсь она спрятала въ дубъ солнечное и мѣсячное платья и въ мышиной одеждѣ поступила служанкой въ королевскую кухню, гдѣ ее прозвали «Mysza skórka». Поваръ посылаетъ ее къ королю съ полотенцемъ; король прогоняетъ ее. Когда она пошла къ обѣднѣ, надѣла мѣсячное платье, и всѣ были удивлены; но она вышла изъ церкви до конца службы и переодѣлась. Поваръ посылаетъ ее къ королю съ сапожной щеткой, и король бьетъ ее и прогоняетъ. На слѣдующее воскресенье она приходитъ къ обѣднѣ уже въ солнечномъ платьѣ и возбуждаетъ еще большее удивленіе. Въ концѣ концовъ ея высокое званіе открывается, и она выходитъ замужъ за короля (*Ciszewski*, въ Zbiór wiadom. XI, 81—83). Сказки о бѣгствѣ царевны или чаще царевича отъ отца и еще чаще отъ злой мачехи весьма многочисленны и встрѣчаются повсюду (подобраны у Cosquin'a); въ данномъ случаѣ представляется любопытнымъ частный мотивъ о мышиномъ платьѣ при довольно частомъ мотивѣ о солнечномъ и мѣсячномъ платьяхъ. Мышиное платье, скрывающее красивую царевну,—ночной мракъ. Изложенная польская сказка о дѣвицѣ-мышиной шкуркѣ имѣетъ весьма близкій варіантъ въ сербской сказкѣ о томъ, какъ царь хотѣлъ жениться на дочери (*Караджичъ*,

Српске нар. приповиjетке, изд. 1870, стр. 222—226). Здѣсь упоминаются платья изъ шелка, серебра, золота, и «мышjе коже». Еще одна сходная польская сказка разсказываетъ о пяти платьяхъ: небесномъ, солнечномъ, мѣсячномъ, звѣздномъ и «jak kocie oczy», почему и героиня сказки названа «królewna-kocie oczy» (*Kolberg*, Lud, Krakowskie, VIII, 223).

Миѳическое значеніе мыши, какъ символа ночи, довольно отчетливо обнаруживается въ культѣ Аполлона Сминтейскаго. Свѣтоносный Аполлонъ попираетъ ногами мышь.

Культъ Аполлона Сминтейскаго развился въ Малой Азіи, какъ полагаютъ, въ Троадѣ. Названіе Σμινθεύς древніе производили отъ слова σμινθος, означавшаго мышь въ нарѣчіяхъ Фригіи, Троады и Крита. Мышь служила постояннымъ символомъ Аполлона Сминтейскаго и сопровождала всѣ его изображенія. На монетахъ троадской Александріи и о. Тенедоса фигура этого животнаго была выбита передъ фигурою сидящаго или идущаго бога. Въ Хризѣ, у мыса Лектона, въ его святилищѣ содержались на общественный счетъ прирученныя мыши, имѣвшія норы подъ самымъ алтаремъ, а по свидѣтельству Гераклида и въ окрестностяхъ храма всѣ мыши считались священными. Статуя работы Скепаса въ Лектонскомъ Сминтеонѣ представляла бога наступившимъ одною ногою на мышь. По поводу этой статуи Страбонъ сообщаетъ приведенную выше сказку о нападеніи мышей на Тевкровъ и о порчѣ ихъ оружія. Другое сказаніе, сообщенное у схоліаста къ Гомеру, передаетъ дѣло иначе: мыши опустошали въ Хризѣ поля Аполонова жреца Кринія. Богъ истребилъ ихъ своими стрѣлами и тѣмъ положилъ конецъ бѣдствію. Тогда благодарный жрецъ выстроилъ въ честь Аполлона—Истребителя мышей храмъ. Культъ Аполлона Сминтейскаго былъ въ древности довольно распространенъ. Онъ извѣстенъ уже Гомеру. Въ Иліадѣ Хриза, Килла и Тенедосъ указаны какъ главные его центры. «Услышь меня, сребролукій Сминтей», молитъ Аполлона изгнанный изъ греческаго лагеря Агамемнономъ жрецъ Хризъ. Въ посвященномъ этому богу храмѣ Тимбрѣ совершались человѣческія жертвоприношенія (*Воеводскій*, Каниб. въ греч. миѳахъ, 281). Первые Эолійскіе поселенцы въ Малой Азіи быстро усвоили себѣ поклоненіе этому

богу. Киликійцы, жившіе въ области Адрамиттія и подчинявшіеся Ээтью, также его чествовали. Въ Карійской области у Пропонтиды находилось мѣстечко съ названіемъ τὰ Σμίνθια. Страбонъ указываетъ нѣсколько другихъ мѣстныхъ названій по Аполлону Сминтейскому на о. Родосѣ и Кеосѣ. На Родосѣ одинъ мѣсяцъ въ году назывался Sminthios. Культъ Сминтейскаго Аполлона отличался большой устойчивостью и долго сохранялся. Хриза и Гамакситъ давно уже погибли, а храмы Аполлона Сминтейскаго продолжали еще существовать. О нихъ упоминаютъ еще Плиній и Амміанъ Марцеллинъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ близъ турецкой деревушки Баба открыты были остатки одного изъ этихъ святилищъ. Среди развалинъ троадской Александріи французскому путешественнику Тексье удалось найти надпись, свидѣтельствующую о томъ, что Аполлона Сминтейскаго чтили еще при Тиберіи (сообщ. проф. А. Н. Деревицкимъ).

Извѣстный англійскій фольклористъ А. Лангъ, указывая на то, что мышь была тотемомъ у семитическихъ племенъ, жившихъ у Средиземнаго моря, объясняетъ тотемизмомъ культъ Аполлона Сминтейскаго (*Lang*, Custom and Myth, 115) [1].

Культъ Аполлона Сминтейскаго представляется тѣмъ болѣе любопытнымъ, что паралелли къ нему были, повидимому, въ Египтѣ и въ Китаѣ. Египетскій царь или точнѣе богъ Сеѳосъ изображался съ мышью на рукѣ, какъ Аполлонъ Сминтейскій съ мышью подъ ногами. Китайскій царь, строющій храмъ мышамъ, соотвѣтствуетъ Аполлонову жрецу Кринію. Обусловлено-ли это сходство литературными преданіями, переносившими религіозно-бытовое явленіе одной страны на страны другія независимо отъ культа, или оно обусловливалось общими черта-

---

[1]) Объ Аполлонѣ Сминтейскомъ см. въ Энциклопедіи *Эрша и Грубера* подъ словомъ Smintheus; у *Гёка* въ „Kreta", II, 264 и сл.; *De—Witte* въ Revue Numismat. 1858 № 5, T. 3.; *Grohmann*. Apollo Smintheus und die Bedeutung der Mäuse in der Mythol. der Indogermanen 1862. Маленькія замѣтки въ Лексиконѣ Рошера, въ „Griech. Götterlehre" Валькера и въ „Myth, ritual and religion" Ланга II 201. Спеціальная статья Ланга объ Аполлонѣ Сминтейскомъ вошла въ его сочиненіе „Costum and Myth", 1785, стр. 103—102. Я пользовался послѣдней статьей. Извлеченіями изъ Эрша и Грубера я обязанъ любезности професс. А. Н. Деревицкаго. *Авт.*

ми культа, или, наконецъ, взаимодѣйствующими ихъ вліяніями,—это загадка, смыслъ которой скрывается въ мракѣ вѣковъ.

Безыменный рецензентъ-библіографъ „Русской Мысли", ведущій въ этомъ журналѣ отдѣлы антропологіи и этнографіи, упрекаетъ меня въ томъ, что я не придерживаюсь одной научной теоріи. И въ настоящей статьѣ, разбирая повѣрья и сказки о мышахъ, я не могу остановиться на одномъ объясненіи и слѣдую въ одно и то же время—horribile dictu!—всѣмъ тремъ научнымъ теоріямъ: старой—миѳологической, новой—литературной и новѣйшей—теоріи самозарожденія. Не думаю, чтобы однѣ теорія исключала другую. Нужно быть крайнимъ педантомъ, чтобы при современномъ развитіи этнографіи носиться съ одной научной теоріей, какъ съ писаной торбой, и въ одностороннюю теоретическую рамку втискивать все разнообразіе народной жизни.

Миѳическое значеніе мыши, какъ символа ночи, обнаруживается въ древнѣйшихъ восточныхъ культахъ и, какъ культурное переживаніе, въ народной словесности современныхъ народовъ. Миѳическая мышь захватила отчасти и повѣствовательную литературу. Въ сказкахъ, преданіяхъ и повѣріяхъ европейскихъ народовъ отъ нея осталось немного слѣдовъ.

Повѣсти о мыши исключительно литературнаго характера весьма многочисленны и разнообразны. Онѣ возникли въ незапамятной древности. Отмѣченныя въ литературныхъ памятникахъ Индіи, Египта и Греціи повѣсти о мыши путемъ устной и литературной передачи перешли въ сказки, преданія западно-европейскихъ и славянскихъ народовъ, такъ что самостоятельному вымыслу европейскихъ народовъ можно удѣлить немного сказочныхъ мотивовъ.

На теорію самозарожденія приходится значительное число народныхъ повѣрій о мышахъ, суевѣрныя примѣты и гаданія, различные способы изгнанія ихъ и затѣмъ игра въ кошку и мышку. Здѣсь дѣйствовали простыя наблюденія надъ природой животнаго и простѣйшіе пріемы перенесенія характерныхъ его свойствъ въ сферу человѣческихъ отношеній. Здѣсь есть и старина, и новина; въ этой области народная мысль дѣйствуетъ самостоятельно, и народное поэтическое творче-

ство продолжается въ видѣ примѣтъ, поговорокъ, игръ и пѣсенъ. Таковы, напримѣръ, бѣлорусскія свадебныя пѣсни въ „Матеріалахъ“ г. Шейна (II, 182, 351), великорусская (изъ Твери) колыбельная пѣсня-нисенитныця въ „Сборн. рус. нар. пѣс.“ Шейна (I, 14.), польская сказка (изъ Пинчова), о причинѣ возникновенія вражды между собакой, кошкой и мышами (Zbiór wiadom., т. IX, стр. 71), и др.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Дополненія къ статьѣ: „Воронъ въ народной словесности“ (Этн. Обозр., кн. IV).

Во французскихъ народныхъ *предсказаніяхъ погоды* воронъ играетъ видную роль: 1) Если воронъ летаетъ низко—будетъ холодъ, высоко—тепло. 2) Если вороны смотрятъ на рѣку—будетъ дождь. 3) На дождливую погоду вороны купаются въ воздухѣ, на сухую и ясную летаютъ ровно и высоко. По англійскимъ народнымъ повѣрьямъ, крикъ воронъ, быстрый подъемъ вверхъ и быстрое спусканіе внизъ, причемъ вороны какъ-бы падаютъ,—все это предвѣщаетъ бурю и дождь (*Rolland*, Faune populaire de la France, II, 110). Во французскихъ пѣсняхъ идея невозможности выражается черезъ *бѣлаго* ворона (какъ у сербовъ), напр.:

Blanc corbeau trouverez avant,
Et un âne cornu devant,
Et une mer toujours unie,
Que tu trauveras une bonne amie (ib. 111)

Чернота воронъ отмѣчена въ пословицахъ англійскихъ, литовскихъ, баскской, португальской и испанской (ib. 111—113). Поговорки: *Воронъ ворону глазъ не выклюетъ* повторяется во Франціи (les corbeaux ne crèvent pas les yeux aux corbeaux), въ Германіи, въ Лапландіи (ib. 116). Крикъ ворона считается *признакомъ несчастія* или неудачи во Франціи, Швейцаріи, Тиролѣ. У Арабовъ Сахары воронъ предсказываетъ несчастье или счастье, смотря по обстоятельствамъ (ib. 117). Въ Лангедокѣ въ вороновъ *обращаются* дурные священники, а въ воронъ дурныя монахини (ib. 117). *Игра* въ ворона встрѣчается во Франціи (ib. 117—118), а *дѣтскія прискаэки* о зломъ воронѣ во Франціи, Швейцаріи, Италіи и Англіи (ib. 113—115). Во французской легендѣ о святомъ Колумбанѣ сатана посылаетъ вороновъ внести безпокойство въ монастырь (ib. 118—120). Воронъ, ворона, грачъ часто встрѣчаются въ басняхъ Эзопа (*Fabellae Aesopicae*, изд. 1727 г., 8, 9, 10, 17, 52, 64, 75, 119, 142). Въ одной баснѣ воронъ противополагается воронѣ, какъ вѣщая птица. Въ числѣ эзоповыхъ басенъ наиболѣе извѣстна по многочисленнымъ переводамъ и подражаніямъ басня о воронѣ и лисицѣ. Въ басняхъ Федра также воронъ и ворона занимаютъ видное мѣсто (*Phaedri fabul*. lib. I, 3, 15; II, 6). Въ готтентотской сказкѣ воронъ поворожилъ, и дождь пошелъ (*Басни и сказки* дикихъ народовъ, изъ Блика, 18). Въ сказкѣ зулусовъ у царя не было ни одного дитяти въ человѣческомъ образѣ; во всѣхъ его домахъ его дѣти были вороны (ib. 62).

Въ „Калила и Димна" воронъ заключаетъ дружбу съ крысой (*Кал. и Димна*, въ пер. Аттаи, 116—121). Война совъ съ воронами. Вороній родъ имѣетъ царя, у котораго 5 совѣтниковъ (ib. 130 и сл.) Воронъ подражаетъ походкѣ куропатки (ib. 196). Въ польскихъ сказкахъ вороны умираютъ, наѣвшись отравленнаго хлѣба или издохшихъ отъ отравы лошадей (*Wisła* 1890, 156—158). Въ малорусской сказкѣ черный воронъ похищаетъ у богатыря мышь. Богатырь потомъ убиваетъ его (*Манжура*, 18, 20). Воронъ предсказываетъ пожаръ (ib. 72).

Критическія замѣтки о статьѣ „Воронъ въ народн. слов." я нашелъ въ „Пантеонѣ", окт. 1890 (А. Н. Веселовскаго) въ „Вислѣ" 1890, на стр. 482 (Л. Ю. Шепелевича) и на стр. 738 (И. А. Карловича)

Н. С.

О СЕМЕЙНЫХЪ ДѢЛЕЖАХЪ

ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ БѢЛОРУССОВЪ.

Изложенными ниже юридическими обычаями руководятся при своихъ семейныхъ раздѣлахъ крестьяне Сокольницкой вол., Невельскаго у., Витебской губ. Мѣстность эта, мало изслѣдованная въ данномъ отношеніи, представляетъ значительный интересъ для собирающихъ свѣдѣнія о юридическихъ обычаяхъ, такъ какъ крестьяне могли сохранить ихъ здѣсь во всей чистотѣ и неприкосновенности отъ постороннихъ вліяній. Населеніе по племенному составу—бѣлорусское, съ небольшимъ числомъ евреевъ, великоруссовъ, раскольниковъ и выходцевъ изъ прибалтійскихъ губерній: эстовъ и латышей, появившихся здѣсь не очень давно. Всѣ эти пришельцы не могли повліять на правовыя воззрѣнія коренныхъ жителей, какъ по своему незначительному количеству, такъ и потому, что частью разнородность интересовъ, а частью образъ жизни и предразсудки устраняютъ возможность взаимодѣйствія между ними и бѣлоруссами. Крестьяне (большею частью бывшіе помѣщичьи, хотя есть и государственные) сплошь занимаются земледѣліемъ. Мѣстныхъ промысловъ, также какъ фабрикъ и заводовъ, совершенно не существуетъ. Лѣтъ 10 тому назадъ отхожимъ промысломъ крестьяне занимались чрезвычайно мало, но теперь среди мужского населенія распространился обычай ходить на заработки въ Петербургъ, такъ что приблизительно шестая часть мужчинъ успѣла уже побывать тамъ. Крестьяне нанимаются тамъ въ дворники, кучера, работаютъ на фабрикахъ и заводахъ. Въ виду того, что они остаются въ Петербургѣ не долго, въ среднемъ года два, городская

жизнь оказываетъ на нихъ незначительное вліяніе, такъ что въ большинствѣ случаевъ бываетъ чрезвычайно трудно отличить крестьянина, побывавшаго въ Петербургѣ, отъ того, который не покидалъ родного селенія. Крестьяне имѣютъ также мало сношеній съ мѣстными городами. Ближайшіе изъ нихъ, Невель Витебской губ. и Великія Луки Псковской г., находятся каждый на разстояніи 35 верстъ отъ Сокольницкой волости. До Витебска, ближайшей желѣзно-дорожной станціи, считается 140 верстъ.

Послѣ этихъ краткихъ замѣчаній перехожу къ самому изложенію юридическихъ обычаевъ, соблюдаемыхъ крестьянами при семейныхъ раздѣлахъ.

Въ изслѣдуемой мѣстности послѣ смерти крестьянина, имущество его переходитъ къ ближайшимъ родственникамъ. Постороннія лица, проживавшія въ семьѣ умершаго и работавшія безъ вознагражденія наравнѣ съ остальными членами семьи, хотя и призываются къ участію въ наслѣдованіи, но полными правами наслѣдства не пользуются. Нужно оговориться, однако, что положеніе это имѣетъ силу въ томъ только случаѣ, когда въ семьѣ живутъ близкіе родственники, не получившіе еще отдѣла. Отъ этихъ родственниковъ умершаго (дѣтей, внуковъ, родныхъ племянниковъ и др.) зависитъ, выдѣлить-ли часть изъ имущества пріемышу, и если выдѣлить, то какой величины. Ему обыкновенно выдаютъ извѣстную долю изъ движимаго имущества, размѣръ которой опредѣляется временемъ пребыванія пріемыша въ семьѣ, его возрастомъ, качествомъ его труда и отношеніями къ семьѣ. Обыкновенно доля эта въ томъ случаѣ, ежели пріемышъ работалъ въ семьѣ не менѣе другихъ прямыхъ наслѣдниковъ, бываетъ равна съ ихъ долями. На землю пріемышъ не имѣетъ никакого права. Если наслѣдники не пожелаютъ удовлетворить его частью изъ наслѣдства, то платятъ ему вознагражденіе, называемое „погоднымъ“ или „полѣтнимъ“, размѣръ котораго опредѣляется числомъ рабочихъ лѣтъ, проведенныхъ пріемышемъ въ семьѣ, стоимостью оставшагося наслѣдства, и колеблется отъ 30 до 40 и 50 рублей въ годъ. Если пріемышъ недоволенъ частью имущества, выдѣленною ему наслѣдниками, то можетъ жаловаться въ волостной судъ, который

въ большинствѣ случаевъ не требуетъ новаго передѣла оставшагося наслѣдства, но предписываетъ наслѣдникамъ выплатить ему „полѣтнее“, опредѣляя его стоимостью работъ, произведенныхъ пріемышемъ въ семьѣ. Такимъ образомъ, народныя воззрѣнія, не давая пріемышу права на полученіе части изъ движимаго наслѣдственнаго имущества, которая можетъ достаться ему только по соглашенію съ наслѣдниками, „коли яны Бога пабаятца“, какъ говорятъ крестьяне,— предоставляютъ ему полнѣйшее право получить вознагражденіе за свой трудъ въ видѣ „полѣтняго“ или „погоднаго“.

Совсѣмъ другое дѣло, если наслѣдниками являются родственники болѣе отдаленные или же ближайшіе родственники (даже сыновья), но живущіе въ отдѣлѣ. Въ такомъ случаѣ родственники получаютъ землю и постройки, выстроенныя умершимъ, а пріемышъ—движимое. Впрочемъ, наслѣдники, не выдавая ему имущества, могутъ удовлетворить его „полѣтнимъ“, размѣръ котораго долженъ будетъ соотвѣтствовать величинѣ движимаго имущества. Если послѣ умершаго остались только зять, жившій въ отдѣлѣ, да пріемышъ, пробывшій въ семьѣ отъ 10 до 15 лѣтъ, то зять, уплативши пріемышу „погодное“, можетъ получить всю землю или часть земли въ томъ только случаѣ, если своей у него мало; на движимое же имущество онъ не имѣетъ никакого права. Если зять жилъ въ семьѣ тестя, то онъ считается наравнѣ съ пріемышемъ, „все равно какъ дѣтенокъ“, и дѣлитъ съ нимъ все поровну.

Бóльшими правами, нежели пріемыши, пользуются усыновленные. Они имѣютъ право требовать отдѣла, въ чемъ, однако, какъ и родные сыновья, могутъ получить отказъ со стороны усыновителя. Покидая семью усыновителя вслѣдствіе какихъ-либо обидъ съ его стороны, они всегда могутъ получить съ него черезъ волостной судъ „погодное“. Если усыновленный, не терпѣвшій никакихъ обидъ со стороны усыновителя, оставитъ его, отработавши за доставленное въ дѣтствѣ пристанище, то послѣдній говоритъ ему: „иди, коли хошь, безо всего; а что я кормилъ, поилъ тебя, пусть пропадаетъ!“ Но если усыновленный уйдетъ тотчасъ по достиженіи того возраста, въ который онъ становится способнымъ справляться со всѣми крестьянскими работами, то

7

волостной судъ заставляетъ его годикъ-другой поработать на усыновителя.

Переходя затѣмъ къ вопросу о наслѣдованіи лицъ, принадлежащихъ къ составу семьи умершаго крестьянина, мы остановимся прежде всего на правахъ его жены, при чемъ разсмотримъ два случая: во-первыхъ, когда покойный не оставилъ послѣ себя вовсе дѣтей мужескаго пола, и во-вторыхъ, когда остались дѣти мужескаго пола.

Если бездѣтная вдова жила въ отдѣлѣ отъ семьи своего свекра и прожила съ мужемъ недолго, то ей даютъ часть движимаго имущества и построекъ, чтобы обезпечить ея существованіе. Часть эта колеблется сообразно съ числомъ лѣтъ, проведенныхъ ею въ замужествѣ, и если вдова прожила съ покойнымъ мужемъ болѣе 20 лѣтъ, то она получаетъ все движимое имущество, постройки, даже землю, которая отходитъ ей, однако, не иначе, какъ по приговору общества. Права на все полученное ею наслѣдство вдова сохраняетъ только до смерти, послѣ чего большая часть оставшагося имущества переходитъ родственникамъ мужа, а остальное распредѣляется по завѣщанію умершей, или же переходитъ къ ея родственникамъ. Если бездѣтная вдова выходитъ замужъ въ чужую семью, то все полученное ею послѣ мужа имущество, кромѣ скота, передаетъ свекру. Если-же она беретъ къ себѣ въ домъ беземельнаго крестьянина, „примáку" по мѣстному названію, то можетъ оставить имущество за собою. Вторая жена, оставшись бездѣтною, должна замѣнить дѣтямъ первой жены мать и вступить въ права хозяйки; въ противномъ случаѣ она не можетъ пользоваться имуществомъ своего покойнаго мужа. Нужно замѣтить, что всѣ эти обычаи примѣняются только въ томъ случаѣ, когда умершій не оставилъ завѣщанія.

Слѣдующія два рѣшенія Сокольницкаго волостного суда пояснятъ намъ вышесказанное. Первое изъ нихъ я передаю вкратцѣ а второе привожу въ подлинникѣ.

I. Крестьянка Анна Кузьмина передъ смертью сдѣлала у священника завѣщаніе, по которому оставила своей родственницѣ одежду и хату безъ оконъ, половъ и потолка, а все остальное имущество, оцѣненное старшиною въ 79 р. 35 к.,—своему племяннику Алексѣю Иванову. Противъ этого наслѣдника

предъявилъ искъ племянникъ мужа умершей Анны Кузьминой. На судѣ онъ заявилъ, что тетка его, не получивши отъ мужа завѣщанія, могла распорядиться только четвертою частью движимаго и своимъ собственнымъ имуществомъ; завѣщанное же ею имущество нажито его дядею. Отвѣтчикъ возразилъ, что онъ издержалъ на похороны 38 руб. 50 коп. Истецъ на это замѣтилъ, что продукты поставленные въ счетъ Алексѣемъ Ивановымъ, принадлежали его покойному дядѣ. Судъ, разобравши это дѣло, постановилъ: платье покойной Анны Кузьминой и хату безъ половъ и оконъ передать родственницѣ завѣщательницы; отвѣтчику изъ движимаго имущества за понесенныя по погребенію расходы выдать 25 руб., какъ принадлежащую покойной четвертую часть имущества ея мужа; все остальное—въ пользу истца.

П. „Крестьянка Ермолинскаго общества деревни Гринькова, Олимпіада Бата, нова, поискиваетъ съ сверка оставшуюся послѣ смерти мужа ея Максима Ефремова принадлежащую новую избу, матеріалъ которой она еще при жизни мужа пріобрѣла для постройки на свои деньги; нынѣ-же свекоръ ея Ефремъ Михайловъ добровольно не отдаетъ ей, а присвоиваетъ въ свою пользу. Проситъ присудить возвратить оную въ ея собственную пользу, такъ какъ она мужа похоронила на свой счетъ. Прочее имущество мужъ ея еще при жизни своей продалъ. Отвѣтчикъ Ефремъ Михайловъ пояснилъ что онъ не возвращаетъ ей избы потому, что послѣ смерти мужа не оставалось у нея дѣтей, а она вышла въ замужество за другого. Свидѣтели, крестьяне дер. Гринькова Петръ Ивановъ, Иванъ Сидоровъ и Филиппъ Никитинъ, показали, что по отдѣлѣ покойнаго мужа ея отъ отца, ему достался на долю срубъ безъ отдѣлки, но отдѣлала на свой счетъ Олимпіада Потапова; кромѣ всего, ей досталась одна корова и лошадь, стоющія 57 руб. Сокольницкій волостной судъ, выслушавъ жалобу просительницы, объясненіе отвѣтчика и показанія спрошенныхъ по сему дѣлу свидѣтелей, сообразуясь съ обстоятельствами настоящаго дѣла, предложилъ сторонамъ покончить дѣло миромъ, но стороны не согласились. Имѣя въ виду что Ефремъ Михайловъ пояснилъ, что онъ не отбиралъ отъ нея избы послѣ, мужа ея, а его сына, потому что она въ это время была беременна и разрѣшилась неживымъ младенцемъ, а когда не осталось наслѣдниковъ отъ сына его, а ея мужа, то онъ и поискиваетъ, по праву закона, въ обратное свое пользованіе, корову же и лошадь оставляетъ въ собственную ея пользу,—а потому руководствуясь 96-й ст. „Общ. Полож. о крестьянахъ“, постановилъ: избу, оставшуюся послѣ смерти солдата Максима Ефремова, которую просительница Олимпіада Потапова на свой счетъ отдѣлывала, то предоставить ей полное право получить оную въ свою собственность, имѣя въ виду, что въ замѣнъ оной Ефремъ Михайловъ получилъ амбаръ, оставшійся отъ покойнаго“.

Бездѣтная вдова, жившая съ покойнымъ мужемъ не въ отдѣлѣ, если не захочетъ остаться въ семьѣ, то получаетъ отъ свекра или отъ братьевъ покойнаго мужа столько, сколько они захотятъ ей дать „по чести“, сообразуясь съ числомъ лѣтъ, прожитыхъ ею въ семьѣ. Вообще бездѣтная вдова, жившая въ семьѣ своего мужа, получаетъ гораздо меньше

жившей въ отдѣлѣ. Если она пробыла въ семьѣ не больше года, то свекоръ, въ случаѣ ухода ея на сторону, не дастъ ей ничего; онъ только тогда надѣлитъ ее кое-чѣмъ изъ имущества, ежели она идетъ изъ его семьи замужъ. Въ большинствѣ случаевъ, однако, свекоръ не оставляетъ своей невѣстки безъ поддержки. Хотя съ одной стороны онъ и говоритъ ей: „я полѣтняго тебѣ платить не буду: бралъ я тебя для того, чтобы вы подъ старость меня кормили"; но съ другой стороны онъ наталкивается и на слѣдующее соображеніе: „она вѣдь шла жить съ нимъ вѣкъ,—не ея вина, что мужъ умеръ; она вышла замужъ и своюголову обвязала (т. е. связала свою судьбу съ судьбой мужа): какъ же ее теперь выгнать!"

Если у вдовы остается одна только дочь, то мать, въ качествѣ ея опекунши и воспитательницы, сохраняетъ всѣ права на имущество, какъ движимое такъ и недвижимое. Землю, однако, вдова должна передать кому-либо изъ родственниковъ мужа, которые и пользуются ею до выхода дочери умершаго замужъ. Послѣ выхода ея замужъ землю они должны возвратить въ томъ только случаѣ, если она беретъ себѣ безземельнаго «примàку» Если-же она выйдетъ замужъ въ чужую семью, то, сохраняя всѣ права на движимое имущество, не можетъ пользоваться землей своего отца, хотя по смерти мужа имѣетъ полное право возвратить ее отъ своихъ родственниковъ.

Если у вдовы остается нѣсколько дочерей, и ей приходится дѣлиться со свекровью, то число дочерей, оставленныхъ покойнымъ, не принимается въ разсчетъ, и имущество дѣлится поровну между снохою и свекровью на томъ основаніи, что каждая изъ нихъ должна получить часть своего мужа.

Совершенно другое положеніе занимаетъ вдова, имѣющая дѣтей мужескаго пола. Она вступаетъ во всѣ тѣ права, которыми обладалъ въ своей семьѣ ея покойный мужъ. «Мать упротивъ отца», говорятъ крестьяне, и взрослыя дѣти должны ей подчиняться такъ же, какъ и малолѣтнія. Въ отношенія матери къ дѣтямъ можетъ вмѣшаться только общество, какъ это видно изъ одного рѣшенія Сокольницкаго волостного суда, который, руководясь мнѣніемъ общества, дозволилъ раздѣлъ между двумя братьями, несмотря на нежеланіе ихъ матери. Вдова не вступаетъ въ семейныя права своего мужа

въ томъ случаѣ, если въ семьѣ остается братъ ея мужа, который, какъ старшій въ семьѣ, становится полнымъ хозяиномъ. Она не беретъ въ свои руки управленія домомъ также и тогда, когда вся семья состоитъ изъ одного лишь взрослаго сына: ея власть и опытность нужны для водворенія порядка въ большой семьѣ, для веденія же хозяйства признается вполнѣ способнымъ совершеннолѣтній мужчина. Во всей силѣ и полнотѣ проявляется власть матери при раздѣлахъ ея съ сыновьями. Никакихъ правилъ, какими, напримѣръ, руководятся при раздѣлахъ братья или дяди съ племянниками, въ данномъ случаѣ не существуетъ. Мать можетъ взять себѣ, что ей угодно, даетъ каждому изъ сыновей такую часть, какую захочетъ, можетъ даже лишить сына доли въ общемъ имуществѣ.

Въ большинствѣ, конечно, случаевъ мать дѣлитъ своихъ сыновей поровну, но сама она беретъ себѣ не равную съ сыновьями часть, а обыкновенно еще до раздѣла отбираетъ для себя изъ имущества часть, размѣръ которой зависитъ отъ благосостоянія семьи. Если семья имѣетъ много земли, если, напримѣръ, каждый сынъ имѣетъ особый надѣлъ, то вдова беретъ себѣ надѣлъ своего мужа и кое-что изъ скота—корову, напримѣръ, овцу, и тотчасъ передаетъ ихъ одному изъ сыновей, у котораго она намѣрена поселиться. Если земли мало, то мать отцовскій надѣлъ дѣлитъ между сыновьями, которые сообща должны позаботиться о содержаніи ея до самой смерти или у одного изъ сыновей, или же, если она пожелаетъ, должны выстроить ей отдѣльную избу и доставлять всѣ необходимые припасы. Власть матери такъ сильна, что, по увѣренію крестьянъ, она можетъ даже измѣнить разъ совершившійся раздѣлъ; но на практикѣ воля матери въ данномъ случаѣ контролируется мнѣніемъ общества, подъ защиту котораго прибѣгаетъ обиженный сынъ. Такъ, напримѣръ, одна крестьянка Сокольницкой волости потребовала, чтобы волостной судъ заставилъ двухъ ея сыновей кормить ее и чтобы принудилъ одного сына передать другому нѣкоторыя постройки, полученныя первымъ по раздѣлу. Судъ, удовлетворивши первое требованіе, во второмъ отказалъ. Что касается до той обстановки, при которой происходитъ раздѣлъ матери съ дѣтьми, то обыкновенно онъ совершается безъ участія поня-

тыхъ, и раздѣломъ руководитъ мать. Но если раздѣлъ является результатомъ семейной неурядицы, если дѣльба происходитъ безъ согласія всѣхъ членовъ семьи, не „по доброй совѣсти", какъ говорятъ крестьяне, тогда требуется присутствіе понятыхъ.

По смерти матери все ея имущество, кромѣ земли, идетъ тому изъ сыновей, у котораго она жила передъ смертью и который принялъ на себя расходы по ея погребенію. Земля же, предоставленная матерью въ пользованіе одному изъ сыновей, никогда не остается ему, но идетъ въ раздѣлъ всѣмъ братьямъ.

По обычаямъ изслѣдуемой мѣстности, нѣкоторыми правами, хотя и очень незначительными, пользуется любовница умершаго крестьянина, съ которою онъ жилъ долгое время въ связи и оставилъ дѣтей. Собственно здѣсь она является только охранительницею тѣхъ правъ, которыми обладаютъ незаконнорожденныя дѣти покойнаго; сама же она можетъ получить часть наслѣдства только по завѣщанію покойнаго. Законная жена имѣетъ полное право совершенно устранить отъ наслѣдованія любовницу и ея дѣтей. Если же законной жены нѣтъ, или она не заявитъ своихъ претензій, то незаконныя дѣти получаютъ движимое имущество, но на землю, которая должна перейти родственникамъ умершаго, они не имѣютъ никакихъ правъ.

До сихъ поръ мы разсматривали тотъ случай, когда во главѣ большой семьи остается мать. Посмотримъ теперь, къ кому переходитъ отцовская власть, если въ семьѣ умираютъ какъ отецъ, такъ и мать. Въ такомъ случаѣ семьею управляетъ или старшій дядя, живущій въ семьѣ, или же, если его нѣтъ, старшій братъ. Власть ихъ въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ хотя и равна отцовской власти, хотя крестьяне и говорятъ, что «бóльшій братъ на мѣсто отца», но тѣмъ не менѣе, чтобы сохранить всю свою силу и полноту, она нуждается въ подкрѣпленіи авторитетомъ общественнаго мнѣнія. Это особенно ясно обнаруживается въ томъ случаѣ, когда кто-либо изъ взрослыхъ членовъ семьи требуетъ отдѣла вопреки желанію «бóльшаго брата». Отецъ въ такомъ случаѣ просто запретилъ бы раздѣлъ, но братъ-хозяинъ этого не можетъ сдѣлать; онъ говоритъ недовольному семьянину: „окажи (т. е. докажи) на меня обиду, тогда дѣлись", и дѣло переходитъ въ волостной судъ. Исполнитъ волостной судъ желаніе

старшаго брата, онъ опять становится полнымъ хозяиномъ въ своей семьѣ; не исполнитъ, онъ обязанъ подчиниться. Среди крестьянъ существуетъ убѣжденіе, что разъ въ такой семьѣ начались раздоры, ей надо раздѣлиться, потому что власть дяди или брата не настолько авторитетна и сильна, чтобы могла ради общихъ интересовъ семьи обуздать своекорыстныя стремленія отдѣльныхъ ея членовъ.

Приступая къ раздѣлу, семья совершенно устраняетъ отъ участія въ немъ своихъ родственниковъ, хотя и принадлежащихъ къ этой семьѣ, но уже отдѣлившихся раньше. Это происходитъ вслѣдствіе того, что при раздѣлахъ всякій выходящій изъ семьи получаетъ сполна ту часть имущества, на которую онъ имѣетъ право въ моментъ отдѣла, и слѣдовательно совершенно прерываетъ свою имущественную связь съ семьей. При раздѣлахъ не получаютъ никакой доли также и женщины, живущія въ семьѣ. Совсѣмъ ничего не получаютъ замужнія. Дѣвушкамъ же обыкновенно даютъ кое-что изъ хлѣба или изъ одежды, да и то въ томъ только случаѣ, если мужчины захотятъ это сдѣлать „по чести", какъ говорятъ крестьяне, но никакъ не по праву, котораго женщины не имѣютъ. Что касается до правъ вдовы на долю изъ имущества, то о нихъ уже говорилось выше. Устраняя женщину отъ участія въ раздѣлѣ, обычай даетъ ей полное право остаться въ семьѣ какого-либо отдѣлившагося родственника. Такую неравноправность женщинъ крестьяне объясняютъ тѣмъ, что главная доля заботъ и труда при обработкѣ земли падаетъ на мужчину; женщина считается какъ-бы неспособной вести сельское хозяйство. Поэтому земля отдается всегда въ руки мужчинъ; а разъ имъ отдана земля, они должны получить и всѣ средства для ея обработки, т. е. сельско-хозяйственный инвентарь, изъ котораго-то, главнымъ образомъ, и состоитъ все имущество крестьянина.

Не нужно думать, что женщины въ крестьянскомъ быту лишены наслѣдственныхъ правъ: онѣ только уступаютъ ихъ въ извѣстныхъ случаяхъ своимъ родственникамъ мужчинамъ. Что это дѣйствительно такъ, можно видѣть изъ того случая, когда по смерти родителей представительницей семьи является одна лишь дочь. Она получаетъ все отцовское иму-

щество, включая сюда и землю, хотя послѣдняя не остается въ ея распоряженіи, но переходитъ во временное пользованіе кому-либо изъ родственниковъ. Послѣ ея замужества земля передается ея мужу, если она взяла себѣ „примаку"; но если она ушла въ чужую семью, то земля остается у родственниковъ, хотя она сохраняетъ на нее право и, оставшись по смерти мужа бездѣтною, снова можетъ ее получить.

Рѣшивши произвести раздѣлъ, крестьяне приступаютъ къ нему безъ предварительной оцѣнки подлежащаго раздѣлу имущества. Послѣдней подвергается только часть того изъ участвующихъ въ дѣлежѣ, который тотчасъ послѣ раздѣла уходитъ изъ родного селенія, оставляя свою часть на храненіе кому-либо изъ родственниковъ. Записи о раздѣлахъ вносятся въ книгу волостного правленія только въ томъ случаѣ, если семья не можетъ подѣлиться безъ участія понятыхъ. Обыкновенно каждый самъ строго наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы его интересы не нарушались. Разъ они терпятъ какой-либо ущербъ, онъ призываетъ понятыхъ, и тогда во избѣжаніе дальнѣйшихъ недоразумѣній результаты совершившагося дѣлежа записываются въ книгу волостного правленія. Имущество при раздѣлѣ разбивается на нѣсколько однородныхъ группъ, каждую изъ которыхъ дѣлятъ на извѣстное количество равныхъ долей. Доли эти распредѣляются между членами семьи „по любкамъ", по уговору или по жребію. Обычай дѣлиться „по любкамъ" употребляется преимущественно тогда, когда дѣлятъ все имущество пополамъ, и состоитъ въ томъ, что одинъ изъ участниковъ дѣлежа дѣлитъ извѣстную группу имущества на двѣ доли, а другой выбираетъ изъ нихъ „любки", т. е. ту часть, которая ему болѣе нравится. При раздѣлѣ слѣдующей группы роли ихъ мѣняются и т. д. Если имущество дѣлится на нѣсколько частей, то доли распредѣляются по уговору. Выбирая себѣ части изъ имущества, крестьяне руководятся нѣкоторыми установившимися обычаями. Существуетъ, напр., обычай, что старшіе братья должны уходить на „новую печину", т. е. должны оставить отцовскій домъ, а младшіе остаются на „старой". Само собой разумѣется, что такой способъ раздѣла общаго имущества возможенъ только при полномъ согласіи между членами семьи. Если этого согласія

нѣтъ, то обыкновенно приглашаются понятые, которые и предлагаютъ бросить жребій. Къ этому средству крестьяне рѣшаются прибѣгать только въ случаѣ совершенной невозможности уладить дѣло инымъ путемъ: жребій, по ихъ мнѣнію, никогда не можетъ правильно распредѣлить имущество. Являясь орудіемъ слѣпой случайности, онъ можетъ дать одному больше, а другому меньше. Если при раздѣлѣ одинъ изъ членовъ семьи отсутствуетъ, то доля его описывается и при понятыхъ вручается обыкновенно старшему въ семьѣ; если же послѣдній откажется взять ее, то она переходитъ кому-либо изъ другихъ родственниковъ.

Изъ общаго имущества при раздѣлахъ исключается все то, что принадлежитъ женщинамъ извѣстной семьи. Каждая женщина, замужняя или дѣвушка, имѣетъ свой особый сундукъ; въ немъ она хранитъ какъ свое приданое, такъ и все другое имущество, которое у ней не оспариваютъ остальные члены семьи. Въ этомъ сундукѣ все ея достояніе: „тутъ мои хоромы и терёмы“, говоритъ она. Не получая ничего по раздѣлу, она, конечно, не обязана давать въ раздѣлъ то имущество, которое молчаливымъ согласіемъ семьи признано ея собственностью. Обыкновенно въ семьѣ какъ мужчины, такъ и женщины строго наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы какая-нибудь баба не забрала въ свой сундукъ чего-либо лишняго, такъ что сундуки эти являются собственно довольно точнымъ раздѣломъ между женщинами всего бабьяго добра, исключая отсюда, конечно, приданое, всегда принадлежащее только той женщинѣ, которая принесла его. Совсѣмъ не то бываетъ съ имуществомъ мужчинъ: оно цѣликомъ, не исключая даже носильнаго платья, поступаетъ въ раздѣлъ. Крестьяне избѣгаютъ оставлять въ нераздѣльномъ пользованіи что-либо изъ общаго имущества. Если начинается раздѣлъ, то это показываетъ, что согласіе и порядокъ въ семьѣ нарушены, и слѣдовательно всякое совмѣстное пользованіе можетъ вызвать только новые раздоры. Чаще всего крестьяне исключаютъ изъ раздѣла „токъ“, т. е. гумно съ находящимися на немъ постройками. Пользоваться имъ сообща довольно удобно, такъ что бываютъ даже случаи, когда нѣсколько семействъ общими силами устраиваютъ токъ и затѣмъ совмѣстно вла-

дѣютъ имъ. Другія постройки или же скотъ остаются въ общемъ пользованіи въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ. Это можетъ произойти только тогда, когда совладѣльцы, по выраженію одного крестьянина, „горазно добросовѣстные люди“. Хлѣбъ какъ на корню, такъ и въ амбарахъ дѣлится на столько-же частей, на сколько и остальное имущество, но никакъ не по числу надѣловъ. Обычай этотъ объясняется тѣмъ, что въ обработкѣ земли всѣ принимали точно такое-же участіе, какъ и въ пріобрѣтеніи остальнаго имущества. Въ раздѣлъ идетъ „привитокъ“, т. е. имущество, нажитое по смерти отца, на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ и наслѣдство, оставленное отцомъ. Все имущество, которымъ въ моментъ раздѣла владѣетъ семья, считается общимъ достояніемъ и цѣликомъ подлежитъ дѣлежу. Впрочемъ, случается, что лишніе работники въ семьѣ одного изъ участниковъ въ дѣлежѣ (напримѣръ, его сыновья), имѣющіе право вмѣстѣ съ отцомъ всего на одну лишь долю изъ общаго имущества, получаютъ съ согласія всей семьи кое-что изъ хлѣба и изъ одежды: „знизокъ (т. е. перемѣну) платья, четверикъ хлѣба“. Долги, сдѣланные для всей семьи кѣмъ-либо изъ ея членовъ, подлежатъ уплатѣ изъ общаго имущества. Сдѣланныя же кѣмъ-либо изъ членовъ семьи особыя издержки на общее имущество не могутъ повліять на величину его доли. Если кто и пріобрѣлъ для семьи больше другихъ, то сдѣлалъ онъ это только благодаря тому, что имѣлъ въ своемъ распоряженіи отцовское имущество, принадлежащее всей семьѣ. Другой же пріобрѣлъ меньше не вслѣдствіе своего нерадѣнія, но потому только, что онъ, по объясненію одного крестьянина, былъ „младъ или не такъ смышленъ“. Всѣ трудились, по мѣрѣ своихъ силъ, на общую пользу, и слѣдовательно всѣ должны получить равныя доли. Подъ этими „всѣми“ нужно разумѣть, однако, не всѣхъ членовъ семьи, но только все первое поколѣніе наслѣдователя, безъ всякаго различія по возрасту.

Если-бы кто-либо изъ этого перваго поколѣнія умеръ, оставивши послѣ себя сыновей, то не каждый изъ нихъ порознь, но всѣ они вмѣстѣ имѣютъ право на полученіе только одной отцовской доли, хотя-бы они были уже взрослыми работниками и потрудились для семьи болѣе другихъ малолѣтнихъ

наслѣдниковъ, получающихъ тѣмъ не менѣе полныя доли. Словомъ, имущество распредѣляется между наслѣдниками тѣмъ способомъ, который крестьяне называютъ дѣльбой „по отцамъ", и при которомъ ни общее число душъ въ семьѣ каждаго наслѣдника, ни число рабочихъ душъ въ разсчетъ не принимаются. Изъ земельныхъ угодій такому раздѣлу подлежитъ только надѣлъ, полученный семьей по наслѣдству. Остальные надѣлы переходятъ къ тѣмъ членамъ семьи, за которыми они записаны при надѣленіи крестьянъ землею; они распредѣляются, какъ говорятъ крестьяне, „по ревизскимъ душамъ". „Такъ положилъ Богъ да царь", объясняютъ крестьяне этотъ обычай, устанавливающій случайность въ распредѣленіи земли и идущій въ разрѣзъ съ другими обычаями, напримѣръ, съ обычаемъ, по которому малолѣтніе наслѣдники получаютъ такія-же доли, какъ и взрослые, такъ какъ каждый наслѣдникъ долженъ получить равную часть изъ отцовскаго имущества—„батьковщину", и такъ какъ малолѣтній не виноватъ, что онъ родился позже взрослаго. Впрочемъ, крестьяне видимо тяготятся распредѣленіемъ земли „по ревизскимъ душамъ" и держатся этого обычая только изъ нежеланія измѣнить своимъ твердо установившимся привычкамъ.

Если въ семьѣ остается мальчикъ-сирота, и если его мать выходитъ вторично замужъ, то онъ сохраняетъ всѣ права на отцовскую долю, независимо отъ того, идетъ ли онъ за матерью въ чужую семью, или же остается въ своей. Если мать такого сироты оставляетъ семью своего покойнаго мужа, не вступая во второй бракъ, то глава семьи имѣетъ полное право удержать долю сироты у себя, чтобы вдова не могла ее растратить; но ежели вдова вступаетъ во второй бракъ, то отчимъ можетъ потребовать себѣ, кромѣ земли и построекъ, все имущество пасынка, которое сдается ему по описи и затѣмъ переходитъ пасынку, по достиженіи имъ совершеннолѣтія, въ такихъ точно размѣрахъ, въ какихъ получилъ его отчимъ.

Братъ-солдатъ сохраняетъ всѣ права на свою долю независимо отъ того, посылалъ ли онъ со службы домой деньги, получалъ ли онъ самъ что-либо отъ семьи, оставилъ ли онъ дома жену или нѣтъ. Доля его, равная съ долями остальныхъ братьевъ, опредѣляется тѣми размѣрами имущества, которыхъ

оно достигло ко дню раздѣла, но никакъ не тѣмъ имуществомъ, которое оставилъ братъ-солдатъ, уходя изъ дому. Въ объясненіе этого обычая крестьяне приводятъ такія соображенія: вѣдь братъ-солдатъ служитъ за всѣхъ братьевъ; будь онъ одинъ у родителей, ему не пришлось бы отбывать воинской повинности. „Ты работалъ дома, а я былъ на службѣ. Было тебѣ итти, а я бы поработалъ", такъ скажетъ солдатъ своему брату, если тотъ не пожелаетъ выдать ему равной доли.

Размѣръ доли увеличивается нѣсколько на свадебныя издержки для холостыхъ братьевъ, если есть въ семьѣ женатые. Дѣлается это обыкновенно такимъ образомъ: до дѣлежа еще изъ общаго имущества выдѣляютъ холостому брату приблизительно столько, сколько издержано на свадьбу старшаго брата, а затѣмъ остальное имущество обычнымъ порядкомъ идетъ въ раздѣлъ. Выдача холостымъ братьямъ части общаго имущества на свадебныя издержки, кромѣ требованій справедливости, объясняется еще экономическимъ соображеніемъ. Каждому крестьянину, который хочетъ завести свое хозяйство, необходимо жениться, „а вѣдь еслибы онъ", говорятъ крестьяне, „подѣлившись, издержался на свадьбу, то у него ничего не осталось бы".

Братъ, бывшій на заработкѣ и ничего не посылавшій домой, тѣмъ не менѣе получаетъ изъ имущества часть, равную съ остальными. Только отецъ можетъ уменьшить его долю. Братья и волостной судъ пользуются этимъ правомъ, да и то въ ограниченныхъ размѣрахъ, только по отношенію къ движимому имуществу; на землю же права его безспорны. „Если братья", говорятъ крестьяне, „увидятъ, что у него есть капиталъ, тогда высчитаютъ, а если онъ придетъ такъ, что у него и рубахи нѣтъ, то дадутъ полную часть". Въ объясненіе этого обычая крестьяне приводятъ слова брата, который оставилъ родную семью и затѣмъ возвратился безо всякаго заработка. Вотъ какъ скажетъ онъ своему брату-хозяину, ежели тотъ не захочетъ дать ему полной части: „ты пользовался землей и потому платилъ повинности: вѣдь земля себя оплатитъ, а имущество это—отцовское, мое наслѣдство". Лица дурного поведенія также получаютъ полныя доли. „Онъ, вѣдь, братъ", — такъ объяснилъ одинъ крестьянинъ этотъ обычай.

Правила, которыми руководятся при раздѣлахъ дяди съ племянниками и двоюродные братья, вытекаютъ изъ основного обычая дѣлиться „по отцамъ". Если дядя дѣлится съ нѣсколькими племянниками, сыновьями одного его брата, то онъ говоритъ имъ: „я съ братомъ дѣлюсь, а не съ вами", и выдаетъ имъ одну долю на всѣхъ. Точно также при раздѣлѣ двоюродныхъ братьевъ имущество разбивается на столько частей, сколько было у нихъ отцовъ. Малолѣтніе племянники и двоюродные братья имѣютъ такія-же права на полученіе доли изъ общаго имущества, какъ и взрослые.

Намъ остается еще разсмотрѣть, получаютъ ли что-либо при раздѣлахъ незаконнорожденные, зятья и пасынки. Что касается первыхъ, то они могутъ получить что-либо по праву, по рѣшенію волостного суда, только въ томъ случаѣ, если долго жили въ семьѣ и хорошо работали; получаютъ они это вознагражденіе на тѣхъ-же основаніяхъ, на какихъ получаютъ его и пріемыши, пробывшіе въ семьѣ долгое время. Малолѣтніе незаконнорожденные остаются въ семьѣ какого-либо родственника, напримѣръ, дяди. „Который-либо дядя", говорилъ одинъ крестьянинъ, „да взмилуется взять его къ себѣ; онъ тó считаетъ: вѣдь кровь наша, по сестрѣ родной". Нѣсколько иными представляются отношенія самихъ крестьянъ къ незаконнорожденнымъ. Эти отношенія не имѣютъ опредѣленнаго характера и колеблются подъ вліяніемъ слѣдующихъ двухъ соображеній: съ одной стороны крестьянинъ изъ состраданія говоритъ: „вѣдь онъ не виноватъ"; но съ другой стороны, помня, что отцовская доля должна достаться только его сыновьямъ, онъ сурово отталкиваетъ незаконнорожденнаго: „иди туды, гдѣ твой батька", говоритъ онъ ему. Перваго взгляда придерживаются старики крестьяне. Они еще при жизни стараются обезпечить незаконнорожденныхъ внучатъ, племянниковъ и т. д., ставятъ имъ избы, даютъ скотъ, а если можно, то надѣляютъ и деньгами. Молодое поколѣніе обыкновенно противодѣйствуетъ переходу въ руки незаконнорожденныхъ части изъ общаго имущества, уменьшающей долю каждаго изъ законныхъ наслѣдниковъ. По смерти стариковъ наслѣдники нерѣдко предъявляютъ иски къ незаконнорожденнымъ, получившимъ заблаговременно что-либо изъ общаго

имущества, и волостные суды рѣшаютъ эти дѣла въ пользу законныхъ наслѣдниковъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда незаконнорожденные недолго жили въ семьѣ.

Зятья-пріемыши, или по мѣстному названію—«примаки», пользуются такими-же правами на общее имущество, какъ и пріемыши не родственники. Если они живутъ въ семьѣ недолго—3, 4 года, то имъ выдаютъ „полѣтнее"; но если они проживутъ больше, тогда имъ выдаютъ одинаковую съ наслѣдниками часть изъ общаго имущества, кромѣ земли, конечно. Въ общемъ, однако, права зятя довольно неопредѣленны и зависятъ отъ произвола наслѣдниковъ и усмотрѣнія волостного суда. Поэтому тесть всегда старается обезпечить зятя заблаговременно и по завѣщанію оставляетъ ему что-либо изъ своего имущества. Въ настоящее время крестьяне идутъ въ „примаки" не иначе, какъ по особому договору, заключенному въ волостномъ правленіи. Въ этихъ договорахъ точно опредѣляются: 1) отношенія зятя къ тестю и его семейству и 2) имущественныя права, получаемыя зятемъ какъ при жизни тестя, такъ и по его смерти. По одному, напримѣръ, договору, зять, женившійся на падчерицѣ, обязуется быть вмѣсто сына родного, во всемъ повиноваться тестю и похоронить его; за это тесть передаетъ зятю все движимое и недвижимое имущество, въ томъ числѣ и землю. Тесть съ тещею живутъ у зятя, но если жить вмѣстѣ имъ не понравится, то зять обязанъ дать имъ хлѣба въ опредѣленномъ количествѣ, избу и корову. Кромѣ того, зять обязанъ выплатить двумъ дочерямъ тестя или наслѣдникамъ ихъ, по смерти тестя и его жены, по 30 рублей. За нарушеніе этого условія виновная сторона или наслѣдники ея подвергаются штрафу въ 300 рублей. По смерти зятя и жены его имущество обратно переходитъ тестю. Иногда въ этихъ договорахъ опредѣляется количество времени, которое зять долженъ прожить въ семьѣ тестя, чтобы получить права на его имущество.

Въ видѣ иллюстраціи этихъ отношеній прилагается копія одного договора, заключеннаго между тестемъ и зятемъ-пріемышемъ.

Мы нижеподписавшіеся, крестьяне Витебской губ., Невельскаго у., Сокольницкой вол., дер. Антоново Михайла Николаевъ и дер. Сонькино Андрей Ананьевъ, заключили сіе добровольное условіе въ слѣдующемъ:

1) Я, Михаилъ Николаевъ, принялъ въ свой домъ вступившаго въ бракъ съ дочерью моею Настасьей Михайловой крестьянина Андрея Ананьева съ тѣмъ, что онъ, Ананьевъ, и Михайлова во все время совмѣстнаго жительства обязаны во всемъ повиноваться моимъ распоряженіямъ по хозяйству, уважать, безъ моего вѣдома и дозволенія ничего не начинать, а на случай смерти моей, Николаева, и жены, Агафьи Сергѣевой, похоронить по обряду христіанскому за что имъ, Ананьеву и Михайловой, а равно и ихъ наслѣдникамъ передаю разъ навсегда, половину всей доставшейся мнѣ въ дер. Антоново по люстраціонному акту земли какъ полевой, такъ огородной, усадебной и сада, а равно половину всего движимаго и недвижимаго имущества, какъ-то: строеній, скота, хлѣба и всей домашней рухляди и земледѣльческихъ орудій. Хотя-бы раздѣлъ между нами совершился послѣ совершенія сего документа въ скоромъ времени, но во всякомъ случаѣ изъ общаго нераздѣльнаго имущества мы, Ананьевъ и Николаевъ, обязаны уплатить его, Николаева, двумъ замужнимъ дочерямъ: Ефросиньи и Александрѣ Михайловымъ по 100 руб., а всего 200 руб., а послѣ-же смерти моей, Николаева, и жены моей, Агафьи Сергѣевой, оставшаяся какъ земля, такъ и все движимое имущество, должно перейти во владѣніе ихъ и наслѣдниковъ Ананьева и Михайловой пользованіе.

2) Уплата, причитающихся платежей и повинностей за землю—на обязанности того изъ насъ, Николаева и Ананьева, кто будетъ пользоваться и какою частью.

3) Я, Михаилъ Николаевъ, никому кромѣ Ананьева и его жены, упомянутыхъ въ первомъ пунктѣ сего условія, земли и движимаго имущества передать права не имѣю, такъ какъ таковыя уже переданы по сему условію.

4) Если бы во время совмѣстной жизни моей, Михаила Николаева, и его, Андрея Ананьева, пришлось продать изъ имущества скота или хлѣба, или что другое, то это должно быть съ общаго совѣта, а равно и производить расходы денегъ также съ согласія.

5) На случай бы умеръ Андрей Ананьевъ или его жена Настасья Михайлова, и послѣ ихъ смерти не останется дѣтей, то во всякомъ случаѣ означенное въ первомъ пунктѣ сего условія имущество и земли, должны принадлежать оставшемуся въ живыхъ, т. е. Андрею Ананьеву или Настасьи Михайловой.

6) Если-бы произошелъ семейный раздѣлъ при моей, Михаила Николаева, и жены, Агафьи Сергѣевой, жизни, и я былъ бы не въ силахъ обрабатывать земли, то онъ, Андрей Ананьевъ, и Настасья Михайлова обязаны во всякое требованіе помогать.

7) Если бы я, Михаилъ Николаевъ, или наслѣдники мои пожелали нарушить это условіе, то не иначе, какъ по уплатѣ неустойки ему, Андрею Ананьеву, или его наслѣдникамъ 1500 руб.; а если я, Андрей Ананьевъ, или мои наслѣдники не выполнятъ хотя части сего условія, то безъ всякаго спора и суда лишаюсь права на пользованіе поименованными въ 1-мъ пунктѣ имуществомъ и землею. (Далѣе слѣдуютъ подписи и засвидѣтельствованіе).

Что касается пасынка, то онъ, сохраняя всѣ права на часть отцовскаго имущества, изъ имущества отчима получаетъ

очень незначительную долю, которую даютъ ему наслѣдники „по совѣсти". Волостной судъ обыкновенно не присуждаетъ имъ „погоднаго". „Довольно съ тебя того, что отчимъ тебя взростилъ да кормилъ", говорятъ пасынку судьи. Волостной судъ только тогда заставляетъ отчима выдать пасынку небольшую часть изъ имущества, когда тотъ оказалъ цѣнныя услуги семьѣ. Въ Сокольницкомъ волостномъ судѣ, напримѣръ, разбиралось такого рода дѣло: отчимъ выгналъ пасынка и захватилъ имущество его жены. Тогда пасынокъ потребовалъ, чтобы отчимъ уплатилъ ему 300 рублей и возвратилъ имущество жены, въ чемъ однако отчимъ отказалъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что онъ издержался на свадьбу пасынка и хочетъ, чтобы тотъ для полученія части изъ его имущества прослужилъ у него вмѣстѣ съ женою по крайней мѣрѣ еще годъ. Судъ постановилъ: въ искѣ 300 рублей отказать, имущество жены истца возвратить, выдѣлить истцу изъ имущества отвѣтчика одну лошадь, двухъ коровъ (изъ 10) и 2 свиней (изъ 12). Въ общемъ пасынокъ получилъ приблизительно шестую часть имущества отчима.

Вотъ въ главнѣйшихъ чертахъ тѣ обычаи, которые выработали мѣстные крестьяне для своихъ семейныхъ раздѣловъ. Изслѣдуя ихъ, я руководствовался главнымъ образомъ юридической программой, изданной Этнографическимъ Отдѣломъ. Изъ всей главы о семейныхъ раздѣлахъ въ названной программѣ я долженъ былъ оставить безъ отвѣта только нѣсколько вопросовъ, которые касаются условій крестьянскаго быта, не существующихъ въ изслѣдуемой мѣстности. Таковъ, напримѣръ, вопросъ о различіи въ обычаяхъ промыслового и земледѣльческаго населенія и нѣкоторые другіе.

Н. Тесленко.

СТАНИЦА ЧЕРВЛЕНАЯ

Кизлярскаго отдѣла Терской области.

Приступая къ изложенію моего описанія станицы Червленой, я считаю необходимымъ замѣтить, что эта станица имѣетъ въ своей жизни, въ своихъ обычаяхъ особенный характеръ. Ее нельзя принять за типъ казачьихъ станицъ современнаго положенія казачества, хотя нельзя отрицать существованія и общихъ чертъ. Ея географическое положеніе (пожалуй самое худшее въ сельско-хозяйственномъ отношеніи), ея сравнительная древность, историческое прошлое, составъ народонаселенія, обряды, обычаи – все это выдѣляетъ ее изъ ряда другихъ сосѣднихъ станицъ. Всѣ станицы, напр., Терскаго войска народонаселеніе имѣютъ большей частью смѣшанное; между тѣмъ въ Червленой главная масса народонаселенія состоитъ исключительно изъ казаковъ старообрядцевъ, потомковъ древнихъ піонеровъ русскаго владычества на Кавказѣ.

Всѣ свѣдѣнія, предлагаемыя здѣсь, по возможности тщательно провѣрены мною, и я записывалъ только то, что рельефно выдавалось или было общей чертой.

Считаю не лишнимъ указать на слѣдующія изслѣдованія той же станицы: 1) *Ржевусскій:* «Терцы». Сборникъ историческихъ бытовыхъ и географическихъ свѣдѣній о Терскомъ казачьемъ войскѣ. Въ этомъ трудѣ, хотя и имѣющемъ общій характеръ, въ бытовомъ отдѣлѣ есть статьи, относящіяся и къ быту станицы Червленой,—2) «Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа», вып. VIII, 1889 г. Въ сборникѣ есть нѣкоторыя статистическія свѣдѣнія о ст. Червленой.

Станица Червленая—одна изъ древнихъ станицъ по Тереку. Сами жители говорятъ, что ихъ станица старше всѣхъ окружающихъ. Она находится подъ 63° 38′ 30″ вост. долготы и 43° 29′ 40″ с. широты, въ 100 верстахъ отъ желѣзной дороги, въ 30 верстахъ отъ уѣзднаго города Грознаго и въ 140 в. отъ областного города Владикавказа. Расположена ст. Червленая на лѣвомъ, низменномъ берегу рѣки Терека. Это мѣстоположеніе сравнительно новое, не болѣе 40 лѣтъ, какъ говорятъ мѣстные сторожилы, и со времени ея основанія третье. Сначала станица была расположена на правомъ возвышенномъ берегу, у гребня, но постоянныя нападенія чеченцевъ долго тревожили жителей: не разъ скотъ угоняли, женъ и дѣвушекъ уводили. Долго казаки крѣпились, долго отстаивали свое родное пепелище, но не могли устоять противъ чуть ли не ежедневныхъ появленій горцевъ и рѣшили перенести станицу на другой берегъ Терека. Но и на этомъ новомъ мѣстѣ не ужилось станицѣ. То Терекъ своими разливами не разъ затоплялъ прибрежные домики, то однажды пожаръ почти всю станицу выжегъ. Рѣшили старики опять на новое мѣсто перенести станицу, немного повыше, и дѣйствительно перенесли на новое мѣсто, а тамъ оставили лишь нѣсколько домиковъ, которые потомъ были обращены въ скитъ, гдѣ находятъ теперь себѣ успокоеніе старики бездѣтные, старухи вдовы и старыя дѣвы. Этотъ скитъ нѣчто въ родѣ пріюта или богадѣльни. Каждое воскресенье жители станицы отправляются туда и несутъ кое-что изъ припасовъ убогимъ инвалидамъ.

Построена станица довольно правильно; улицы порядочной ширины. Есть дома и двухъ-этажные, хотя ихъ немного; скорѣе ихъ можно назвать полутора-этажными. Распространенный типъ постройки домовъ въ общихъ чертахъ слѣдующій: на улицу выходитъ небольшой домикъ; домикъ деревянный и всегда наружная сторона имѣетъ «бревенчатый» характеръ (по—великорусски), средней высоты, обнесенный плетневой изгородью; сзади къ нему примыкаютъ домашнія службы, большей частью покрытыя черепицей или тесомъ. Дымовыя трубы и плетневая изгородь—необходимая принадлежность отъ самаго богатаго дома до мазанки, низшаго типа

постройки въ азіатскомъ вкусѣ, носящей названіе «сакли». Курныхъ избъ по станицѣ я не встрѣчалъ.

Основное населеніе станицы состоитъ изъ казаковъ—гребенцовъ [1]), издавна еще поселившихся здѣсь. По вѣроисповѣданію почти всѣ они принадлежатъ къ бѣглопоповскому толку, имѣютъ часовню; есть еще маленькія часовни единовѣрческая и австрійская, но съ небольшимъ числомъ послѣдователей. По происхожденію, какъ они и сами себя считаютъ, они—потомки русскихъ, первыхъ самостоятельныхъ колонизаторовъ кавказскаго края и мѣстныхъ жителей—осетинъ, черкесовъ, чеченцевъ и даже ногайцевъ-татаръ. Такое смѣшеніе произошло въ далекое прошлое время, которое почти не оставило слѣдовъ въ памяти казаковъ. Смутныя историческія воспоминанія можно, пожалуй, видѣть въ одномъ только праздникѣ молодежи, который я тутъ-же и опишу вкратцѣ. Это именно—„пусканіе корабля.“ Оно обыкновенно бываетъ на Духовъ день, слѣдовательно, совпадаетъ съ днемъ завиванія вѣнковъ въ Россіи. Къ этому гулянью готовятся заранѣе. Корабль устраиваетъ каждый хороводъ отдѣльно. Молодежь мужская приготовляетъ маленькую модель корабля съ мачтами, снастями, а дѣвушки убираютъ его флагами, парусами и т. п. Убранный корабль представляетъ довольно красивую модель. На палубѣ устанавливается столъ и около него куклы, представляющія казаковъ и казачекъ въ ихъ живописныхъ костюмахъ; предъ ними на столѣ яства, чихирь, водка. Гребцы, кормчіе также изъ казаковъ на своихъ мѣстахъ. Потомъ самая красивая дѣвушка изъ хоровода беретъ корабль, ставитъ на голову и сопровождаемая своимъ хороводомъ идетъ къ Тереку (теперь только въ рощу). Невдалекѣ идутъ казаки—молодежь въ полномъ вооруженіи. Корабль пускали прежде съ острова, находящагося на Терекѣ. Интересна между прочимъ переправа молодыхъ казачекъ на островъ. Разстояніе небольшое отъ берега до острова и мѣсто сравнительно не глубокое. Каждый казакъ верховой подъѣзжаетъ къ дѣвушкѣ, за которой ухаживаетъ, и предлагаетъ ей свои услуги для переправы. Дѣвушка лѣвой ногой

[1]) По послѣднимъ свѣдѣніямъ населенія всего 5300 д. об. п.

становится на стремя, и парень ее поддерживаетъ рукой. Когда такимъ образомъ всѣ переправятся, корабль ставятъ посреди хоровода, нѣкоторое время танцуютъ лезгинку, а потомъ пускаютъ. Парни ѣдутъ по берегу и, когда уже корабль станетъ скрываться изъ виду, дѣлаютъ выстрѣлы по немъ. Удачный выстрѣлъ одобряется всѣми. Теперь немного не такъ. Не носятъ уже корабля на Терекъ, а въ рощу; здѣсь танцуютъ. Казаки не даютъ себѣ отчета, что значитъ это праздненство. Но говорятъ, что это ведется еще изстари. Обьясненіе, мнѣ кажется, можно искать въ дальнемъ историческомъ времени. По историческимъ свѣдѣніямъ казаки прибыли по Волгѣ въ Каспійское море, а отсюда стали разселяться по Тереку. Прибыли они на лодкахъ, на стругахъ, и воспоминаніе объ этомъ-то періодѣ и проглядываетъ, вѣроятно, въ обычаѣ пусканія корабля.

Въ настоящее время казаки, смѣшавшись съ разными народами, образовали собою какъ бы особую разновидность Кавказской расы. По внѣшнему виду казакъ представляетъ среднее между русскимъ простолюдиномъ и горцемъ, съ бо̀льшею, впрочемъ, наклонностью въ типѣ къ горцу Кавказской расы. Въ послѣднее время хотя и бывали случаи, что казакъ женился на чеченкѣ, осетинкѣ, но это лишь какъ исключенія, и бывало это потому, что иной разъ (особенно во время военныхъ дѣйствій) оставались дѣти—сироты горца въ станицѣ. Здѣсь они и получили первое воспитаніе и конечно становились по традиціямъ такими же казаками, какъ и дѣти казака. Ихъ происхожденіе только лишь и сказывалось во внѣшнемъ видѣ, и казакъ, конечно, не стѣснялся жениться на нихъ. Что касается до казаковъ, по внѣшнему виду напоминающихъ татаръ-ногайцевъ, то казаки сами объясняютъ это сношеніями казачекъ съ ногаями, что во всякомъ случаѣ считается аномаліей. Разсказываютъ какъ фактъ, что жена одного казацкаго атамана почти все состояніе растратила съ своими пастухами ногаями. Что страннѣе всего—это то, что жена атамана, какъ говорятъ, была въ полномъ смыслѣ слова красавица, ногай же образцовый представитель безобразія.

Казакъ — средняго роста, пропорціонально сложенъ, съ небольшой грудью, тонкой таліей и безъ живота. Худощавое

лицо, прямой носъ, маленькіе глаза, въ большинствѣ случаевъ карого или темно-карого цвѣта, маленькій ротъ, небольшія, тонкія губы, маленькія съ сложной раковиной уши, во многихъ случаяхъ роскошная борода въ русскомъ вкусѣ, густые русые или темнорусые волосы, всегда стриженные по *староверческому*[1]) обряду. Одѣтъ всегда чисто и опрятно въ черкеску, туго перетянутую ремнемъ; на ногахъ опойковые сапоги, на головѣ иной разъ роскошная папаха. На работѣ тоже чисто одѣваются, хотя уже безъ черкесокъ—въ бешметѣ, а въ жаркую пору и въ рубашкѣ, почти всегда обуты, хотя во что-нибудь. Вообще казаки очень красиваго типа, и если бы не маленькіе глаза, да не совсѣмъ хорошій взглядъ ихъ (съ нѣкоторымъ лукавствомъ), то каждаго почти можно бы взять за образецъ красоты. Исключеніе составляютъ только казаки ногайскаго пошиба, которые скорѣе типы дегенераціи; да ихъ немного въ станицѣ, такъ что они почти незамѣтны среди населенія.

Казачка — полная гармонія казаку. Стройная, средняго роста, не особенно полная, скорѣе худощавая, съ тонкой таліей; тонкія, изящныя черты лица, съ легкимъ румянцемъ (иногда и не своимъ,—косметика въ ходу), изящный и прямой носъ съ тонкими ноздрями, небольшой ротъ съ красиво очерчеными губами, прелестныя руки, чудныя брови (иногда подведенныя), таинственно-глубокіе глаза, сулящіе блаженство и вмѣстѣ съ тѣмъ по временамъ сверкающіе какимъ-то недобрымъ огонькомъ. Вся внѣшность казачки такъ и дышетъ изяществомъ, неподдѣльной граціей и сознаніемъ своей очаровательности, проглядывающей въ нѣкоторой кокетливости, присущей всѣмъ безъ исключенія казачкамъ. Мягкая, плавная рѣчь, слегка протяжная, съ какимъ-то оттѣнкомъ меланхолической грусти и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятно ласкающая ухо. Одѣваются онѣ еще лучше и чище казаковъ; костюмъ вполнѣ живописный, заимствованный изъ восточныхъ обычаевъ [2]). Единственное, что не вполнѣ гармонируетъ съ общей красо-

---

[1]) Можетъ быть, это объясняется вліяніемъ азіатцевъ. Всѣ они подрядъ стриженые довольно коротко.

[2]) Подробныя описанія одежды см. у Ржевусскаго, стр. 254.

той наряда да и красотой самой казачки, это — платокъ, накидываемый на голову и завязывающійся у подбородка. Между тѣмъ обычай строго слѣдитъ за этимъ, и ни одна дѣвушка, ни одна женщина не рѣшится показаться предъ посторонними съ непокрытой головой. Мнѣ думается, что этотъ платокъ и этотъ строгій обычай его ношенія есть видоизмѣненный обычай востока — носить покрывало на лицѣ. Подъ вліяніемъ особыхъ условій въ казачествѣ восточный обычай ношенія покрывала перешелъ просто въ ношеніе платка на головѣ. Въ послѣднее время костюмъ начинаетъ сильно видоизмѣняться, особенно въ обыденной жизни. Начинаютъ появляться кофты, юбки и т. д. Только во время праздниковъ женщины одѣваются въ свои прежніе костюмы. Старухи весьма неодобрительно относятся къ этимъ новшествамъ и видятъ въ этомъ паденіе нравственности.

Пришлые элементы населенія состоятъ изъ русскихъ, армянъ и горскихъ евреевъ. Русскіе и армяне занимаются торговлей; а изъ евреевъ часть винокуреніемъ, а большая часть приготовленіемъ мѣстной обуви (ногавицы, чувяки) и ея продажей. Въ жизнь казачества они не вносятъ ничего и не оказываютъ почти никакого вліянія на населеніе, которое вообще держится болѣе корпоративно.

Я не буду останавливаться на описаніи зданій, жилищъ и ихъ убранства, такъ какъ объ этомъ довольно подробныя свѣдѣнія уже извѣстны въ печати[1]), и перейду къ характеристикѣ общественной жизни казаковъ.

Отношенія между членами станицы можно раздѣлить на двѣ категоріи: 1) отношенія внѣ семьи и 2) отношенія семейныя.

Въ станицѣ по положенію и состоянію коренное населеніе раздѣляется на „господъ“ и „простыхъ казаковъ“ „Господами“ называются казачьи офицеры и урядники. Существенное различіе между этими двумя слоями населенія заключается лишь въ состояніи, и только въ послѣднее время стали различаться и по образованію. Въ прежнее время, во время боевой, походной жизни, каждый казакъ могъ надѣяться стать урядникомъ,

---

1) См. Ржевусскаго, стр. 231.

а потомъ и офицеромъ, теперь же для этого требуется нѣкоторое образованіе. Поэтому въ станицѣ еще много офицеровъ прежняго типа, и въ своей жизненной обстановкѣ они отличаются лишь сравнительнымъ достаткомъ. И воспитаніе дѣтей своихъ „господа" только въ послѣднее время начали вести по городскому, т. е. стали отдавать дѣтей учиться въ среднюю школу. Прежде и въ поминѣ этого не было: какъ сынъ или дочь простого казака, такъ и дѣти „господъ" получали воспитаніе одинаковое, и естественнымъ слѣдствіемъ этого было то, что не существовала такая рознь между дѣтьми казака и казачьяго офицера, какая наблюдается теперь. Въ былое время дочь офицера такъ же убирала виноградники, такъ же ходила „полоть арбузы", такъ же принимала участіе въ хороводахъ и вечеринкахъ молодежи, какъ и простая казачка. И судьба ея скорѣе устраивалась, скорѣе она находила себѣ мужа по сердцу, и жизнь не разъ складывалась довольно счастливо. Въ послѣднее время уже не то: молодая дѣвушка, вкусивши отчасти городской жизни, уже не думаетъ о простомъ казакѣ, а непремѣнно мечтаетъ объ офицерѣ или какомъ-нибудь чиновникѣ. Мечты такъ и остаются мечтами, такъ какъ офицеръ или чиновникъ ищетъ или денегъ или порядочнаго образованія. Ни того ни другого не имѣютъ за собой дѣвушки, дочери казачьихъ офицеровъ, и естественно, что онѣ остаются подолгу, а иногда и совсѣмъ „въ дѣвкахъ". Казаки уже стѣсняются сватать такую, да она и не пойдетъ. Однимъ словомъ, вышло что-то такое „ни пава, ни ворона"...

Положеніе сыновей „господъ", конечно, лучшее: они могутъ уѣхать учиться, или же, если это не удастся, займутся хозяйствомъ и живутъ сносно. Нѣкоторые женятся на казачкахъ. Такъ, я зналъ сына одного офицера, которому не удалось получить образованія, и онъ сталъ прямо въ ряды простыхъ казаковъ, женился на хорошенькой дѣвушкѣ казачкѣ и теперь живетъ не дурно, вполнѣ довольный своимъ положеніемъ.

Въ силу историческаго возникновенія казачьихъ офицеровъ, казаки хотя и считаютъ ихъ „господами", но не почитаютъ ихъ высоко. Почетъ большей частью отдается тому, кто личными качествами заслужилъ его, и нерѣдко простой

старикъ казакъ бываетъ почетнѣе и его болѣе уважаютъ, чѣмъ офицера. Насколько, напр., равноправны офицеры и простые казаки, указываетъ то, что общество можетъ выслать изъ своей среды такъ же спокойно сына офицера, какъ и простого казака. Слово „господа", очевидно, не казачье; оно занесено пришлыми русскими, такъ какъ казакъ совершенно не знаетъ (развѣ по наслышкѣ) крѣпостного состоянія, и даже такой распространенной на Руси пословицы, какъ „вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ день", казаки совершенно не слыхали.

Отношенія казаковъ между собой имѣютъ весьма мягкій характеръ. Вы почти никогда не услышите особенно рѣзкой брани, драки. Хотя и бываютъ стычки, но онѣ въ большинствѣ случаевъ кончаются примиреніемъ за „чепуркой". Но всетаки, по выраженію казака, теперь отношенія гораздо худше стали чѣмъ прежде. Особенно жалуются старики на молодежь, которая почти перестала уважать стариковъ. „Нѣтъ, не такъ было въ наше время, говорятъ старики. Бывало старикъ идетъ, такъ издали снимешь шапку и спѣшишь поклониться. А теперь что? Теперь онъ самъ еще ждетъ отъ старика почета. Прежде, когда старики «угощаются», такъ молодежь уже не вмѣшивается, развѣ рѣдко, когда какой-нибудь старикъ пригласитъ. А теперь они впередъ сами лѣзутъ... Нѣтъ, видно, скоро конецъ свѣта... Сказано: пойдутъ тужики, да пыжики, такъ ужъ тутъ не жди добра"... Дѣйствительно, мнѣ самому пришлось наблюдать одинъ фактъ, какъ рѣзко относился одинъ юноша лѣтъ 17 къ старику.

Другъ друга казаки называютъ или по прозвищамъ, или же по отчеству, смотря впрочемъ, кто съ кѣмъ обращается. Такъ, если старикъ обращается къ молодому, онъ называетъ его прямо по имени, тотъ же по имени и отчеству. Молодежь между собою тоже обращаются ласково. Такъ, напр., дѣвушки парней называютъ: Петичка, Алешичка, Ваничка... и т. п.; парни дѣвушекъ—Танечка, Манечка, Дунечка.

Отношеніе къ сиротамъ такое-же, какъ и вездѣ на Руси. Не сладко имъ живется и у казаковъ; но все таки положеніе сносное. Весьма интересна поговорка, отлично характеризующая взглядъ на сироту. Когда по ошибкѣ отрѣжутъ слишкомъ большой ломоть хлѣба, то казакъ иронически замѣчаетъ:

„ишь, сиротскій отвалилъ“. Еще, напр., довольно характеренъ разсказъ, рисующій положеніе сиротъ въ семьѣ. Былъ у одной женщины сынъ родной и двое сиротъ на ея попеченіи. Однажды она захотѣла угостить своихъ питомцевъ яйцами, но у нея оказалось только два. Какъ быть? дать цѣлое своему сыну, а тѣмъ по половинѣ, — сейчасъ народъ ославитъ отношеніе ея къ сиротамъ, а ей этого не хотѣлось. И вотъ она рѣшилась на такую хитрость: дала по цѣлому яйцу сиротамъ и говоритъ имъ: „а ужъ вы дайте Ванѣ (ея сынъ) по половинкѣ.“ Дѣти сироты, понятно, въ восторгѣ: по цѣлому яйцу получили, между тѣмъ какъ Ваня по половинкѣ.

Отношенія къ пришлымъ элементамъ станицы: армянамъ, евреямъ и русскимъ, занимающимся торговлею, полу-презрительныя, съ нѣкоторой долей насмѣшки. Такъ, напр., про армянъ говорятъ: „треклятые армяшки“; или еще вѣрная характеристика человѣка, не отличающагося гостепріимствомъ: „у него словно у жида пообѣдать, у армянина переночевать“.

Особенно хороши отношенія между стариками. „Ну, старики, выпьемте“, такъ обыкновенно старикъ обращается къ своимъ сотоварищамъ и по лѣтамъ, и по бывшей тревожной жизни, и часто подъ вліяніемъ чепурки вина, чихиря разойдутся старики и начнутъ вспоминать былое—прошлое, и мирная, тихая бесѣда далеко тянется за полночь. Но впрочемъ не всегда бываетъ такъ. Такой эпическій характеръ имѣетъ бесѣда, когда старики толкуютъ о прошлой жизни, о прежнихъ дѣлахъ и невзгодахъ. Если же вопросъ коснется теперешней жизни, теперешнихъ порядковъ, а особенно въ станичномъ правленіи, то разговоръ принимаетъ довольно жаркій оттѣнокъ. Слышны большей частью сѣтованія на состояніе дѣлъ въ правленіи, на слабость народа, начинающаго таки довольно часто попивать, на неуваженіе молодежи и на отступничество отъ старой вѣры. „Нѣтъ, слабъ сталъ народъ; не то, что было прежде“... Иной разъ спросишь: а почему это такъ?—„Да надзору стало меньше, много свободы дали; вотъ они, а особенно молодые, и куражатся“. Такъ обыкновенно объясняетъ старикъ настоящій упадокъ нравственности. Да пожалуй, отчасти можно согласиться съ мыслью старика.

Въ прежнее время казачество несло на себѣ довольно тя-

желый гнетъ военнаго начальства: пороли, наказывали, да и вообще дисциплина была суровая. Казакъ привыкъ къ суровой опекѣ военннаго начальства, привыкъ большую часть своихъ внутреннихъ дѣлъ дѣлать подъ вліяніемъ авторитета начальства, инціатива личная была развита въ довольно слабой степени. Но вотъ окончилось военное напряженное положеніе, казакамъ дали большую свободу, начальство уже перестало непосредственно прикасаться къ народной жизни, и пошли „тужики да пыжики", по выраженію казака.

Особенно во вредъ свобода оказалась молодому поколѣнію. Конечно, оно такъ и слѣдовало быть. Вѣдь старое поколѣніе не имѣло никакого другого представленія о воспитаніи, какъ подъ вліяніемъ начальства, и потому, разъ начальство перестало обращать вниманіе на внутреннюю жизнь, казачество какъ бы осталось безъ руля и своихъ дѣтей не могло поставить на лучшую и болѣе твердую почву, чѣмъ оказалось оно въ настоящее время. Военная же служба также менѣе вліяетъ на нѣкоторую хотя бы дисциплинарную обработку характера казака, такъ какъ она стала значительно легче, да и по количеству лѣтъ много меньше.

Это неумѣніе пользоваться свободой высказалось, напримѣръ, довольно ярко въ такомъ фактѣ. Для улучшенія казачьяго быта имъ позволено было выкуривать нѣсколько ведеръ спирта безъ акциза для поддабриванія вина. Но они этимъ правомъ не воспользовались, а евреи, давая отчасти денегъ впередъ, отчасти и матеріалъ (одежду), постоянно эксплуатировали въ свою пользу ихъ право. Какимъ образомъ это они устраивали, это для насъ все равно; характеренъ только фактъ, что евреи, какъ разсказываютъ, продали довольно большое количество спирта безъ акциза.

Во всемъ этомъ, конечно, сказываются извѣстныя нравственныя черты казака, но о нихъ мы скажемъ впослѣдствіи подробнѣе.

Что касается отношеній семейныхъ, то ихъ, мнѣ кажется, умѣстно будетъ прослѣдить, начавъ съ вопроса объ отношеніи половъ. Прежде всего необходимо оттѣнить отличительную черту казака—стремленіе къ семейственности. Можетъ быть, поэтому такъ развиты у казаковъ тѣ обычаи, которые спо-

собствують сближенію половъ, какъ хороводы „собиранія“, танцы. Выйдете вы, напр., лѣтомъ часа въ 3, въ праздникъ, на площадь, тамъ уже собираются группы дѣвочекъ-подростковъ отъ 9—13—14 лѣтъ, и устраиваютъ маленькій хороводъ. Какая-нибудь маленькая мастерица играетъ на гармоникѣ, и маленькія плясуньи учатся лезгинку. Мальчики не всегда участвуютъ, но большей частью все-таки группируются тутъ же, а иногда и принимаютъ участіе въ танцахъ. Эти мелкіе хороводы—первые воспитатели общественности казаковъ. Такихъ „мелкихъ“ хороводовъ нѣсколько и они собираются большей частью на площади.

Часовъ въ 5 начинаютъ собираться настоящіе хороводы, гдѣ уже участвуютъ исключительно взрослыя дѣвушки и парни. Обыкновенно сначала выходятъ на площадь двѣ-три дѣвушки, черезъ нѣсколько времени къ нимъ присоединяются еще нѣсколько, и скоро составляется хороводъ, который уже идетъ къ опредѣленному мѣсту. Активными дѣятелями при составленіи хоровода являются нѣкоторыя дѣвушки, которыя вообще даютъ тонъ и направленіе всему хороводу. Парни уже приходятъ къ собравшемуся хороводу и принимаютъ участіе лишь какъ танцоры. Хороводъ держится дѣвушками. Парни тоже собираются группами и переходятъ отъ одного хоровода къ другому.

Названіе „хороводъ“, очевидно, великороссійское, оставшееся еще, какъ „преданье старины глубокой“, такъ какъ на самомъ дѣлѣ никакого „хоровода“ не существуетъ. „Хороводъ“ казачій состоитъ въ томъ, что дѣвушки образуютъ изъ себя кружокъ, причемъ за руки даже и не берутся, а въ центрѣ или одна дѣвушка или дѣвушка съ парнемъ подъ скромное едва слышное, однообразное, однотонное рипанье гармоники танцуютъ лезгинку. Лезгинка—и гармоника: немножко странно. Мнѣ и самому такъ показалось, и я поинтересовался узнать, всегда ли была при хороводѣ гармоника. Оказалось, что она еще довольно недавно пріобрѣла право гражданства. Прежде былъ бубенъ и нѣчто въ родѣ трещетокъ. Лѣтъ 10—15 тому назадъ начала появляться гармоника, подвергшаяся сначала большому гоненію; но она оказалась настолько жизненной, что не смотря на гоненія, которыя, какъ говорятъ, даже были

оффиціальнаго характера, вытерпѣла и пріобрѣла полное право гражданства. Рѣдко, рѣдко появится бубенъ, какъ бы напоминая о прежнемъ своемъ значеніи, но въ большинствѣ случаевъ онъ скоро стушевывается. Отъ прежняго бубна и трещетокъ остались теперь „ладоши". Въ тактъ гармоники казачки довольно ловко ударяютъ ладонями, и подъ этотъ аккомпанементъ исполняется чудный, изящный танецъ лезгинка, вполнѣ воплощающій въ себѣ идею систематическаго ухаживанія, — по крайней мѣрѣ мнѣ такъ показалось при внимательномъ наблюденіи позы и выраженія на лицахъ танцующихъ.

Хороводы имѣютъ громадное значеніе въ жизни казачества. На нихъ-то и завязываются первыя отношенія между молодыми людьми, ведущія потомъ къ вѣнцу. Хороводовъ существуетъ два вида: первые отъ 4 час. до 8 вечера, а вторые съ 9-ти и до поздней ночи. Существенная разница между этими хороводами та, что первые хороводы имѣютъ характеръ болѣе оффиціальный, а болѣе поздніе—интимный. Всѣ участвующіе въ первыхъ хороводахъ одѣваются въ лучшіе костюмы; отношенія между молодежью довольно сдержанныя, даже холодныя; къ этимъ хороводамъ допускаются и посторонніе зрители. Далеко не тотъ характеръ имѣютъ хороводы послѣ 9-ти часовъ. Костюмы живописные и изящные перемѣнены на болѣе простые и дешевые. Отношенія принимаютъ характеръ, интимный, и нерѣдко можно слышать и смѣхъ задорный, и шутку парня насчетъ дѣвушки, а то и упреки ревности.... Посторонняя публика совсѣмъ не допускается. Здѣсь уже не пляшутъ, а лишь пѣсни поютъ да ухаживаютъ парни за дѣвушками.

Хороводовъ въ станицѣ нѣсколько, и каждый носитъ свое названіе. Такъ извѣстны хороводы: Пономаревыхъ, кабачный, озерный, опальный. Эти названія пріурочиваются или къ тому мѣсту, гдѣ искони собирается хороводъ, или же дается названіе по фамиліи или прозвищу дѣвушекъ, выдающихся красотой, умѣніемъ пѣть, плясать, или вообще отличающихся какими-нибудь рѣзкими качествами.

Существуютъ извѣстныя правила приличія во время хороводовъ—своего рода этикетъ. Такъ, напр., дѣвушка съ пар-

немъ не должна говорить, а если она позволяетъ себѣ отклоняться отъ этого правила, то она изъ такихъ, которыя потеряли уже честь. Эта „мотается", какъ говоритъ казакъ. Но вообще можно сказать, что этого правила строго придерживаются даже дѣвушки, пользующіяся дурной репутаціей. Нужно замѣтить, что дѣвушки честныя не сторонятся даже отъ такой, сомнительная репутація которой уже давно установилась, лишь бы только она не выказывала явно своего поведенія, или же не старалась бы и другихъ совратить. Но парни тоже довольно настойчиво „отваживаютъ" дѣвушекъ и женщинъ сомнительнаго поведенія, особенно если оно становится черезъ-чуръ публичнымъ.

Участвуютъ въ хороводахъ также и молодые — годъ, два послѣ свадьбы, хотя къ молодымъ относятся съ нѣкоторой ироніей, особенно напр. къ мужу, когда онъ пришелъ одинъ безъ жены. „Ну что, зачѣмъ пришелъ? Спалъ бы у себя на полатяхъ". При вызовѣ танцующихъ тоже соблюдается нѣкоторый этикетъ. Такъ, напр., когда дѣвушка вызываетъ парня, то она, пройдя сперва нѣсколько разъ по кругу, останавливается противъ парня и легкимъ, исполненнымъ граціи и изящества поклономъ вызываетъ парня. Если же парень вызываетъ, то онъ дѣлаетъ нѣчто въ родѣ пируэта предъ той дѣвушкой, которую желаетъ пригласить. Нерѣдко эта церемонія повторяется до трехъ разъ, между тѣмъ какъ по малѣйшему намеку дѣвушки парень быстро выходитъ на арену. Отказаться парню отъ приглашенія дѣвушки приличіе совершенно не позволяетъ. Дѣвушка въ этомъ случаѣ свободнѣе, хотя все-таки отказываетъ она сравнительно рѣдко. Отказавъ одному парню, она можетъ рисковать тѣмъ, что и другой ее не пригласитъ. Въ этихъ случаяхъ парни поддерживаютъ нѣкоторую солидарность.

Дѣвушки и парни большей частью собираются въ одинъ и тотъ-же хороводъ, хотя по обычаю парни пользуются большей свободой, чѣмъ дѣвушки въ этомъ отношеніи. Такъ напр. дѣвушка можетъ танцовать исключительно лишь только въ томъ хороводѣ, въ которомъ она издавна участвуетъ; въ другихъ же хороводахъ она этого права не имѣетъ, а можетъ лишь только постоять, да быть холодной зрительницей. Не таково положеніе парней. Парни свободны вполнѣ и даже

пользуются относительнымъ почетомъ, особенно тотъ, кто хорошо танцуетъ; всякая дѣвушка сочтетъ за большое удовольствіе пройтись разъ, другой съ нимъ по кругу. И нѣкоторые парни съ донъ-жуанскимъ оттѣнкомъ довольно успѣшно пользуются этимъ преимуществомъ. Ограниченіе все таки существуетъ и въ этомъ случаѣ, особенно, если такого парня не любятъ или онъ принадлежитъ къ такому хороводу, съ которымъ парни этого хоровода находятся въ натянутыхъ отношеніяхъ. Бываютъ случаи, что изрядно таки поколотятъ такого удальца.

Кромѣ описанныхъ мною хороводовъ, повторяющихся каждый праздникъ (конечно, если погода благопріятствуетъ), у молодежи есть еще два праздника, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ: „собиранья". Собиранья бываютъ разъ на Пасхѣ, другой разъ послѣ Вознесенія. Эти „собиранья" имѣютъ огромное значеніе для окончательнаго сближенія молодежи.

По разсказамъ молодыхъ и старыхъ казаковъ, общій характеръ собираній таковъ. На собиранья опять таки сходятся уже болѣе знакомые другъ другу, т.-е. большей частью принадлежащіе къ одному и тому же хороводу. Домъ, въ которомъ предполагается устроить празднество, большей частью принадлежитъ роднымъ одного изъ участвующихъ, и на время празднества всѣ старики и женатые удаляются и не принимаютъ никакого участія въ празднествѣ. Это — гулянье исключительно одной молодежи. Для закупки различныхъ припасовъ дѣлается сборъ, причемъ каждый участвующій парень вноситъ 60 копѣекъ, дѣвушка—15 к. Хотя дѣвушки сравнительно и мало вносятъ, но за то на ихъ обязанности лежитъ вся хозяйственная сторона пиршества, а также доставленіе куръ, яицъ и т. п. На собранныя деньги покупается водка, чихирь и гостинцы. Что же касается съѣстного, то все это должны доставить дѣвушки. Онѣ изъ своей среды выбираютъ какую нибудь побойчѣе да поопытнѣе, и она заправляетъ веденіемъ всего дѣла; о времени начала пиршества уже заранѣе условливаются и стараются во что бы то ни стало быть готовыми къ назначенному часу, большей частью часамъ къ 8—9. Въ это время приходятъ парни, здороваются съ дѣвушками. Они считаются почетными гостями и имъ отво-

дится первое мѣсто. Потомъ избранная „хозяйка“ угощаетъ кого водкой, кого чихиремъ, при чемъ угощаемый не преминетъ попотчевать „хозяйку“. Но нужно сказать, что дѣвушки вообще пьютъ чрезвычайно мало и водки даже совсѣмъ не пьютъ. Сначала по обыкновенію нѣкоторая неловкость, но потомъ пойдутъ шутки, смѣхъ, танцы, начнутся душевные разговоры, и время летитъ весело. Здѣсь по большей части завязка и развязка чувства любви, здѣсь молодой казакъ выспрашиваетъ у дѣвушки согласья на бракъ и здѣсь уже получаетъ окончательный отвѣтъ, послѣ котораго посылаетъ или не посылаетъ сватовъ, смотря по смыслу отвѣта. Въ послѣднее время особенно стали важны эти пиршества, такъ какъ теперь безъ обоюднаго согласія рѣдко можетъ произойти бракъ. Разсказываютъ напр. фактъ, что одинъ парень чуть ли не въ пять домовъ посылалъ сватовъ и вездѣ получалъ отказы, и все лишь потому, что ни съ одной изъ сватаемыхъ дѣвушекъ не переговорилъ заранѣе. Онъ былъ сирота, большей частью все бывалъ въ работѣ, даже и по праздникамъ, такъ какъ приходилось жить въ чужихъ людяхъ. Только тогда, когда ему удалось наконецъ познакомиться, переговорить, только тогда дѣло его по сватанью пошло удачнѣе.

Средства на ухаживаніе не вліяютъ, а исключительно лишь личныя достоинства, какъ физическія, такъ и нравственныя. Бываютъ случаи и такіе, что дѣвушка съ парнемъ сойдется раньше брака; но такой поступокъ для дѣвушки весьма опасенъ и можетъ повлечь серьезныя послѣдствія. Хорошо, коли парень добрый да милостивый попадется и, взявъ за мужъ, покроетъ стыдъ дѣвичій. Хотя общественное мнѣніе тяготѣетъ надъ нимъ, заставляя взять за себя опозоренную дѣвушку, но общественное мнѣніе можетъ служить лишь только нравственнымъ гнетомъ, и до формальнаго принужденія дѣло не доходитъ, такъ какъ казаки считаютъ въ такомъ фактѣ виновницей женщину. „Стало быть она ужъ такая“; „дура даетъ, умный беретъ,“—не безъ ироніи замѣчаетъ онъ. Парни, знающіе, что та или другая дѣвушка находилась или находится въ связи съ кѣмъ-нибудь, большей частью держатъ это въ строгой тайнѣ, особенно если дѣйствительно дѣвушка хорошая. При такомъ стремленіи сохранить тайну, неудивитель-

но, что вытравленіе, убійство, вообще уничтоженіе плода въ большомъ ходу; часто также бываютъ случаи подкидышей. Такъ или иначе, дѣвушка еще можетъ разсчитывать выйти за мужъ за парня, за хорошаго жениха, а такъ какъ гласитъ поговорка: „хорошій мужъ покроетъ грѣхъ жены", то тайна такъ и останется тайной; можетъ быть, только „встряхнетъ" немного мужъ обманутый. Но другое дѣло, если дѣвушка такъ повела себя, что уже и съ другими „мотается": такой дѣвушкѣ грозитъ или остаться въ дѣвкахъ, или въ лучшемъ случаѣ выйти за вдовца съ кучей дѣтей. Только крайняя необходимость можетъ заставить казака жениться на дѣвушкѣ, потерявшей честь, и онъ женится лишь тогда, когда другія хорошія дѣвушки отказываются.

Иной разъ бываетъ, что дѣвушка вполнѣ согласится на предложеніе парня во время „собираній" и говоритъ ему, чтобы онъ засылалъ сватовъ. Парень посылаетъ, а дѣвушка, раздумавъ или, можетъ быть, разсчитывая на болѣе лучшаго жениха, отказываетъ сватамъ. Но не добромъ достанется ей эта шутка. Парень озлобленный не останется въ долгу, и хорошо, коли та нашла себѣ жениха, а коли не нашла, то очень легко можетъ случиться, что она такъ и останется въ дѣвкахъ. Всѣми силами старается онъ распространить про нее самые нехорошіе слухи, говоритъ, что она способна на все и т. д., и нерѣдко эти слухи бываютъ причиной того, что дѣвушка такъ и останется въ дѣвкахъ.

Какъ я замѣтилъ выше, основная задача жизни казака и цѣль ея—стать семейнымъ, и все общество относится съ большимъ сочувствіемъ къ тѣмъ, кто женится. «Ну, что, бугай, не женишься?"—такъ обыкновенно выражаетъ общество порицаніе молодому казаку. „Студентомъ хочешь быть, что-ль"? Это стремленіе казака къ семейной жизни исходитъ изъ того, что „казаку одному жить не приходится", что „лучше плохой постой чѣмъ хорошій походъ", что „хорошей женой домъ держится," „что толку бобылемъ то жить?" И наоборотъ, къ тѣмъ, кто женится, общество относится съ большимъ сочувствіемъ. „Свадьба рубашку найдетъ", такъ выражаются они, когда женящіеся через-чуръ бѣдны. Міръ поможетъ: кто деньгами, а кто и натурой. Побудительной причиной служитъ еще и

то, что берутъ дѣвушку для увеличенія рабочей силы, для укрѣпленія въ парнѣ привязанности къ дому, семейной жизни. По обычаю считаются годными для брака парень 18 лѣтъ, дѣвушка 17. Но случаются браки и гораздо ранѣе. Бываютъ случаи, что родители раньше самовольно засватываютъ дѣтей, и неисполнить волю родителей въ такомъ случаѣ считается преступленіемъ противъ священной родительской власти.

Въ дѣлѣ выбора невѣсты участвуютъ какъ родители, такъ и самъ женихъ. Прежде, какъ разсказываютъ, желаніе дѣтей почти, не принималось во вниманіе, но теперь стали учащаться случаи, гдѣ иниціаторомъ является парень. Прежняя, очень распространенная поговорка: „стерпится—слюбится“, извѣстная и казакамъ, уже не имѣетъ въ настоящее время непреложнаго значенія. И въ умѣ казака довольно ярко начинаетъ пробиваться воззрѣніе, выраженное другою пословицей: „насильно милъ не будешь“, и нерѣдко бывали случаи, что родители, женившіе дѣтей на основаніи правила „стерпится—слюбится“, искренно раскаивались, видя далеко не блестящія послѣдствія легкомысленнаго отношенія къ судьбѣ своихъ дѣтей. Мнѣ указывали на факты, что часто въ такихъ случаяхъ жена или бросала мужа, или тайно жила съ другими, а хозяйство нерѣдко приходило въ упадокъ. „Жена пойдетъ, весь домъ уйдетъ“. Мужъ начинаетъ пьянствовать, заводитъ себѣ на сторонѣ любовь.

Въ послѣднее время какъ бы произошелъ компромиссъ между родителями и дѣтьми. Сынъ, напр., говоритъ родителямъ, что та или иная дѣвушка ему нравится и онъ желалъ бы взять ее себѣ въ жены. Родители обыкновенно разузнаютъ, какова семья, къ которой принадлежитъ указываемая дѣвушка, каковы нравственныя и физическія качества этой личности. Что же касается состоянія дѣвушки, то казаки обыкновенно женятся безъ приданаго, хотя всякій казакъ желаетъ жениться болѣе или менѣе на ровнѣ. Впрочемъ бываютъ случаи, когда денежный или вообще матеріальный элементъ въ женитьбѣ участвуетъ въ сильной степени,—это обыкновенно тогда, когда парень женящійся—сирота, бобыль. Онъ старается пріискать такую невѣсту, чтобы могъ вступить въ число членовъ семьи, на юртъ (хозяйство) родителей невѣсты. Ког-

да послѣ справокъ и свѣдѣній окажется, что дѣвушка родителямъ понравилась, они одобряютъ выборъ сына и засылаютъ сватовъ. Если же по ихъ мнѣнію дѣвушка не удовлетворяетъ требованіямъ, то они стараются отговорить сына, иногда грозя отказомъ дать благословеніе. Но если тотъ все-таки настойчиво продолжаетъ добиваться цѣли, то можетъ достигнуть, хотя результаты такого брака бываютъ не особенно блестящи. Случается, что къ „молодой", вошедшей при такомъ настроеніи въ семью мужа, послѣдняя становится во враждебныя отношенія, слѣдствіемъ чего бываетъ, что молодыхъ родители выгоняютъ изъ дому. Послѣдніе случаи сравнительно рѣдки, но все-таки бываютъ. Случается, что бракъ совершается и по предложенію родителей, которые указываютъ сыну на дѣвушку, какъ на желательную ими супругу для своего сына. Если ему не нравится предлагаемая ему дѣвушка, онъ прямо говоритъ это родителямъ и указываетъ на то, что если его женятъ, то онъ не будетъ жить съ женой. Иногда родители не обратятъ вниманія на эту „дурь," по ихъ мнѣнію, и женятъ, и нерѣдко на ихъ же глазахъ разыгрываются результаты злоупотребленія своей власти. Вообще можно сказать, что активнаго противодѣйствія молодежь, особенно дѣвушки, не высказываетъ своимъ родителямъ, и если родители захотятъ, то они добьются своей цѣли. Лишь послѣдующая жизнь молодыхъ, являясь какъ бы пассивнымъ противодѣйствіемъ волѣ родителей, выясняетъ послѣднимъ ложность взгляда ихъ на свои права въ данномъ случаѣ. Въ общемъ взглядъ казаковъ на женитьбу находится въ періодѣ броженія. Съ одной стороны прежній принципъ безаппелляціонности и святости родительскаго приговора въ данномъ случаѣ сильно ослабѣлъ; съ другой новый принципъ „личнаго начала", какъ еще слишкомъ новый, не проникъ вполнѣ въ сознаніе населенія. Впрочемъ, судя по относительному количеству фактовъ, личное начало видимо все-таки беретъ верхъ, и мнѣ думается, не далеко то время, когда поговорка „стерпится—слюбится" отойдетъ у казаковъ въ область преданій.

Къ свадьбѣ казаки готовятся довольно долго, и порядочная свадьба стоитъ рублей 200—300. Устраиваются свадьбы обыкновенно въ концѣ осени или зимою, когда чихирь

вполнѣ готовъ. Безъ водки еще можно обойтись, безъ чихиря не только свадьба, но никакое пиршество не обходится. Главныя издержки падаютъ на родителей жениха и его родственниковъ. Расходы главнымъ образомъ заключаются въ томъ, что какъ родителей, такъ и всѣхъ родственниковъ невѣсты родители жениха и его родственники должны ублаготворять, исполнять по возможности всѣ ихъ желанія, нерѣдко граничащія съ капризами.

Прежде былъ обычай, что женихъ и его родня *непремѣнно* должны были дѣлать подарки родителямъ невѣсты. Подарки эти приблизительно состояли въ слѣдующемъ: отцу дарили „опоекъ" (сапоги), матери — „козла" (сафьянъ), бабушкѣ — непремѣнно башмаки.

Родные невѣсты до введенія ея въ домъ жениха чувствуютъ себя героями: они куражатся, ломаются, предлагаютъ разныя требованія, и все *должна* исполнять родня жениха. Тяжело таки достается, особенно родителямъ жениха. Лишь только молодая будетъ введена въ домъ, какъ геройство и первенство родни молодой кончается. „Иного свата и въ шею выталкиваешъ, ужъ черезъ-чуръ назойливаго", замѣчаетъ казакъ по этому поводу. „Да много таки убудетъ и скота, и дичи, да и чихирю бочки 2—3; все поѣдятъ и попьютъ сваты,"—довольно злобно отзывается казакъ.

Иногда послѣ всѣхъ пиршествъ дѣвушка отказывается выйти замужъ. Въ такихъ случаяхъ (конечно, послѣ уговоровъ и угрозъ) начинается судебное дѣло. Кромѣ того, что большой позоръ роднѣ жениха и ему самому, еще очень большія матеріальныя затраты пропадаютъ напрасно. Мщеніе является во всей силѣ. Всѣ родные жениха стараются отомстить за позоръ. Ссоры, брань, а нерѣдко дѣло доходитъ и до побоевъ. Постараются всѣми силами обезславить дѣвушку, и бываютъ случаи, что совмѣстныя и довольно дѣятельныя усилія достигаютъ цѣли. Месть въ этомъ случаѣ распространяется не только на самую виновницу, но и на всю ея родню. Кромѣ того, взысканіе свадебныхъ издержекъ идетъ своимъ чередомъ. Обиженная сторона подаетъ жалобы въ судъ станичный, прося взыскать убытки со стороны невѣсты. Въ большинствѣ слу-

чаевъ судъ постановляетъ взыскать, конечно, если не найдется особо уважительныхъ причинъ.

Если дѣвушка выходитъ изъ болѣе богатаго дома въ менѣе богатый, то ей иногда семья отдѣляетъ часть своего имущества; но характерно то, что эта часть ей не сейчасъ же дается на руки, а послѣ нѣкотораго довольно продолжительнаго времени. Эта часть остается у родителей и считается неприкосновенной ея собственностью. Основной мотивъ тотъ, что мужъ можетъ оказаться человѣкомъ не хозяйственнымъ, пьяницей, „студентомъ" (такъ здѣсь прозываютъ всѣхъ отчаянныхъ гулякъ), и нетолько свое имущество, но и имуществожены спустить. Жена, да еще съ дѣтьми, можетъ оказаться совершенно безпомощной. Въ этихъ случаяхъ часть имущества, находящагося у родителей, служитъ гарантіей нѣкотораго обезпеченія.

Обрядовая сторона брачнаго ритуала довольно вѣрно описана въ книгѣ г. Ржевусскаго, стр. 205. Съ своей стороны прибавлю лишь нѣсколько замѣчаній. Прежде всего интересно будетъ отмѣтить, что на свадьбѣ главную роль играютъ женщины: въ ихъ рукахъ весь свадебный распорядокъ. Затѣмъ можно указать на измѣненіе нѣкоторыхъ народныхъ воззрѣній въ дѣлахъ брака и на смягченіе нравовъ. Такъ, напр. въ не такъ давнее время существовалъ слѣдующій обычай (изрѣдка и теперь примѣняющійся): послѣ брачной ночи „молодая" спрашиваетъ мужа, можно ли отдать рубашку на удостовѣреніе свахѣ и родственникамъ. Если мужъ позволяетъ, то жена отдаетъ. Иной разъ мужъ не соглашается на „показаніе" и на вопросъ: „гдѣ же честь твоей жены?" – отвѣчаетъ, что это его дѣло: „я самъ знаю честь моей жены." На третій день сваха идетъ въ домъ родителей невѣсты, неся съ собой чихирь. Если дѣвушка оказалась честною, то сваха подноситъ вина въ крѣпкомъ стаканѣ матери невѣсты; въ противномъ случаѣ чихирь подносится въ дырявомъ стаканѣ, залѣпленномъ хлѣбомъ. Но всетаки пиршество не прекращается и празднество грубо не прерывается. Въ этомъ фактѣ, а также и въ томъ, что молодой мужъ не всегда допускаетъ постороннихъ свидѣтелей для удостовѣренія чести своей жены, сказывается нѣкоторая гуманность казака и его снисхожденіе къ слабости женщины. „Этого цвѣту по всему свѣту," такъ высказываетъ мысль

свою казакъ на этотъ случай. Насколько рѣзко измѣняются взгляды на такой фактъ, можно для параллели указать на слѣдующій обычай, теперь уже совершенно не примѣняющійся и оставшійся лишь въ памяти казаковъ. Когда дѣвушка оказывалась не честной, то ее выводили на публичное мѣсто и надѣвали на нее рубаху, всю испачканную въ изверженія животныхъ. Послѣ этого дѣвушкѣ оставалось только уйти куда нибудь далеко изъ своей станицы. А теперь чаще и чаще встрѣчаются случаи, что мужъ покрываетъ грѣхъ жены.

На свадьбу непремѣнно стараются пригласить „вѣдуновъ“ и во все время свадебнаго пиршества стараются быть съ ними въ ладу и поласковѣе, особенно съ тѣми, которымъ „отъ роду дано“, такъ какъ они считаются всесильными противъ всевозможныхъ чаръ. Но этимъ еще не довольствуются. Во время свадебнаго поѣзда на всѣхъ перекресткахъ крестятся, чтобы кто-нибудь не испортилъ молодыхъ, особенно молодого. Кстати сказать, что кто-нибудь изъ вѣдуновъ, иногда участвующихъ и въ пиршествѣ, по злобѣ подсыплетъ „травки“ молодому, и тотъ становится совершенно негоднымъ къ супружескому сожительству.

Свадебныя гулянья заканчиваются послѣ-свадебнымъ столомъ, который впрочемъ иногда отлагается по какимъ-нибудь причинамъ. Мнѣ пришлось присутствовать на одномъ такомъ обѣдѣ, происходившемъ въ октябрѣ мѣсяцѣ (когда появился новый чихирь), хотя свадьба была на Пасхѣ. Столъ во всю длину комнаты былъ уставленъ всевозможными яствами. За столомъ сидѣло человѣкъ 30 гостей обоего пола въ такомъ приблизительно порядкѣ: въ переднемъ углу, подъ образами, сидѣла мать молодой, сбоку ея по обѣ стороны—свахи, потомъ родственницы и наконецъ родственники молодой, и имъ-то со стороны родни жениха предлагалось послѣднее угощеніе. Налѣво на полатахъ расположились старухи и дѣти—родня жениха. Главныя гости были женская половина; почему—я не могъ допытаться и получалъ самые неопредѣленные отвѣты: „какъ-же, свадьба—это ихъ (женщинъ) дѣло“. Сначала всѣ какъ-то чувствовали нѣкоторую неловкость. Но вотъ мать молодого, довольно бойкая и остроумная женщина, стала подносить чихирь. Ну, конечно, какъ обыкновенно бываетъ въ этихъ случаяхъ,—

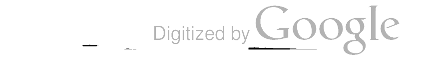
Выпили по чарочкѣ, закусили,
Выпили по другой, разговоры завели...

Веселѣе и веселѣе становилось. Стаканчики предназначены были лишь дамамъ, да изъ мужчинъ тѣмъ, кто попочетнѣе. Остальные пили изъ традиціонной чепурки, къ которой каждый прикладывался слегка. Появились и незваные, съ желаніемъ поглядѣть на бесѣду и веселье, да и самимъ принять участіе. Пришелъ одинъ казакъ, довольно таки выпившій, или какъ говорятъ здѣсь „обмокнувшійся“, и затѣялъ со всѣми перецѣловаться. Отказаться никто не могъ и уговаривать никто не пробовалъ. Онъ не стѣснялся ничѣмъ, лѣзъ прямо по столамъ, потомъ по полатямъ, и привелъ таки въ исполненіе свое желаніе.

Тѣмъ временемъ закуски все перемѣнялись; хотя ѣсть мало ѣли, но перемѣны были постоянныя; таковъ обычай, иначе, если перемѣны не будетъ, то плохая слава можетъ распространиться, относительно хозяевъ. Главное угощеніе: куры, утки, поросятина и мясо; изъ хлѣбнаго—„лепешки“, которыя также постоянно перемѣнялись, а гости большею частью только вскрывали ихъ и смотрѣли начинку, которая въ каждой перемѣнѣ бываетъ иная. Случайно, посмотрѣвъ на образа, я замѣтилъ рядомъ съ ними три куклы, изображающія собою казака въ полной формѣ, казачку и маленькую куклу, какъ бы казачка-мальчишку. Я спросилъ, что это за странность.—„А это подарокъ молодымъ; во время свадьбы эти куклы вѣшаютъ на почетномъ мѣстѣ: это значитъ пожеланіе молодымъ счастья и потомства“. [1]) Вдругъ послѣ третьей перемѣны лепешекъ я услышалъ какой-то неодобрительный шопотъ между гостями. Оказалось, что по ошибкѣ хозяйки вмѣсто 3-й перемѣны лепешекъ была подана 4-я, послѣ которой должны были „выводить молодыхъ“. Ошибка была исправлена.

Наконецъ наступилъ моментъ „вывода“. Каждый изъ гостей полѣзъ въ кошелекъ, чтобы приготовиться къ „дарамъ“. Показались и молодые. Имъ было не болѣе, какъ лѣтъ по 17—18. Одѣты были въ новые изящные костюмы. Лицо молодой было слегка набѣлено и нарумянено, брови подведены:

[1]) Подобный обычай существуетъ и у Грузинъ.



казачки въ этомъ дѣлѣ отличныя мастерицы. Молодая взяла подносъ, поставила стаканы; мать ея налила ихъ чихиремъ, и молодая съ поклономъ начала обносить, начиная со старшихъ. Выпивая, каждый говорилъ пожеланія и дарилъ деньгами, кладя ихъ на подносъ. Родители и близкіе родственники молодого внимательно слѣдили за количествомъ денегъ, и нерѣдко были слышны возгласы, какъ-бы въ сторону: „маловато", или что-нибудь подобное. Клали отъ 2-хъ рублей и меньше. Нужно замѣтить, что казаки весьма строго соблюдаютъ въ этомъ случаѣ правило равнаго возмездія. Такъ, если напр. кто изъ гостей положилъ извѣстную сумму на свадьбѣ у данныхъ лицъ, то эти послѣдніе въ свою очередь кладутъ столько же у нихъ на свадьбѣ, если она случится. Послѣ того, какъ молодая кончитъ обходъ, начинаетъ подносить молодой, а молодая въ это время даетъ отъ себя подарки кое-кому изъ гостей. Молодому уже кладутъ меньше. Въ общемъ, молодой положатъ рублей 50, молодому рублей 10—15. Кромѣ этихъ двухъ главныхъ «обнесеній», молодые иногда повторяютъ ту-же процедуру еще раза по два каждый, причемъ уже получаютъ только по 5—20 коп. Послѣ этого наступаетъ самая веселая часть пиршества—пѣніе и танцы. Пируютъ до поздней ночи.

Въ женитьбѣ, по мнѣнію казаковъ, много зависитъ отъ судьбы. «Судьбы конемъ не объѣдешь», говоритъ пословица, и дѣйствительно, казаки глубоко вѣрятъ въ существованіе предопредѣленія въ этомъ смыслѣ. Для иллюстраціи этого воззрѣнія укажу на одну легенду, ярко освѣщающую взглядъ казака на судьбу по отношенію къ браку.

Дѣло было не такъ давно, лѣтъ 20—30 назадъ. Въ станицѣ была дѣвушка лѣтъ 14, заранѣе уже засватанная родителями за одного парня. Родители обѣихъ сторонъ, находясь издавна въ дружескихъ отношеніяхъ, захотѣли и на будущее время закрѣпить попрочнѣе эти отношенія и рѣшили женить своихъ дѣтей, когда они достигнутъ совершеннолѣтія. Когда парень выросъ и родители начали поговаривать о женитьбѣ, указывая ему между прочимъ на давно сосватанную невѣсту, онъ и слышать не хотѣлъ, да и дѣвушка тоже симпатіи особенной къ парню не чувствовала; но родители его настойчиво поддерживали свое рѣшеніе, грозя въ противномъ

случаѣ не дать благословенія на другой бракъ. Парень задумалъ отдѣлаться отъ навязываемой ему нелюбимой дѣвушки и рѣшился убить ее. Подговоривъ съ собой товарища, одѣлся по-чеченски, и въ одинъ изъ вечеровъ, когда дѣвушка шла по воду, они наскочили верхами, и парень «нареченный женихъ» шашкой такъ и хватилъ по лицу дѣвушки. Кровь хлынула ручьемъ, и дѣвушка упала, издавая отчаянные крики, а мнимые чеченцы быстро ускакали. На крикъ дѣвушки сбѣжались и нашли её въ безпамятствѣ, но рана не была опасная. Тѣмъ не менѣе отъ большой потери крови, отъ испуга дѣвушка очень долго болѣла. Родители парня, конечно, уже не настаивали на своемъ рѣшеніи,—«такова ужъ видно судьба»; да и въ домъ брать больную, слабую невѣстку, конечно, не было желательно. Прошло года 2 — 3. Парень рѣдко бывалъ въ этой станицѣ; родители обоихъ умерли; тутъ еще служба года 4 отняла, и жениться ему за это время какъ-то не удалось. Однажды онъ случайно заѣхалъ въ станицу Н., въ которой до сихъ поръ еще ни разу не былъ, попалъ на хороводъ, протанцевалъ съ одной дѣвушкой, въ полномъ смыслѣ красавицей, въ самомъ расцвѣтѣ силъ и здоровья, влюбился въ нее, сталъ ухаживать, и скоро устроилась ихъ свадьба. Послѣ свадьбы молодой мужъ, вглядѣвшись въ свою подругу, замѣтилъ у нея легкій шрамъ на шеѣ. Она ему объяснила, что когда она еще дѣвочкой шла по воду, чеченцы наскочили на нее, хотѣли увезти, но это имъ не удалось, и одинъ со злости хватилъ ее шашкой. Мужъ сознался, что это сдѣлалъ онъ изъ ненависти къ ней. Тутъ только онъ понялъ, что судьбы и конемъ не объѣдешь, но былъ доволенъ и счастливъ съ своей суженой.

Г. Малявкинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСТОЧНЫЯ ПАРАЛЛЕЛИ

къ нѣкоторымъ русскимъ сказкамъ.

Настоящая статья имѣетъ цѣлью свести нѣкоторыя русскія сказки, а именно: о злой мачехѣ, о женщинѣ, обращенной въ рысь или въ птицу, и о матери, брошенной вмѣстѣ съ сыномъ въ море,—со сказками Восточной Азіи, имѣющими сходное содержаніе. Такъ какъ одна изъ этихъ восточныхъ сказокъ, именно сказка объ Эрдени-Хараликѣ, переведенная еще въ 1829 г. съ монгольскаго на нѣмецкій языкъ, выдаетъ своего героя за воплощеніе буддійскаго бодисатвы Арья-Бало (это отождествленіе дѣлается самимъ текстомъ сказки), то нами въ началѣ статьи помѣщена краткая характеристика этого бодисатвы, которая пригодится и для слѣдующихъ двухъ приготовляемыхъ къ печати статей, имѣющихъ служить продолженіемъ настоящей. Послѣ этой характеристики мы приступаемъ къ настоящему предмету нашей статьи: сначала излагаемъ по Шмидту сказку объ Эрдени-Хараликѣ, и потомъ сходную съ нею тангутскую сказку объ Егъ-таму-нцо; затѣмъ переходимъ къ русскимъ сказкамъ и заканчиваемъ статью сопоставленіемъ найденныхъ въ нихъ параллелей.

Подъ именемъ Арья-Бало (âрјапâла), или Авалокитеçвара, извѣстенъ одинъ буддійскій бодисатва. Онъ почитается въ Непалѣ, Тибетѣ, Китаѣ, Монголіи, Манчжуріи и Японіи. Южнымъ буддистамъ онъ неизвѣстенъ. Краткая харастеристика его была сдѣлана И. П. Минаевымъ [1]). Въ несчастіяхъ буд-

---

[1]) Она помѣщена въ статьѣ Минаева подъ названіемъ: „Буддійскія молитвы,“ въ Записк. Вост. Отд. И. Р. Археол. Общ.,“ т. II., в. I и II (1887 г.), стр. 125.

дисты обращаются болѣе всего къ заступничеству этого бодисатвы. Онъ исцѣляетъ отъ болѣзней [1]); онъ спасаетъ отъ гибели путешественниковъ, заблудившихся въ пустынѣ (чтó, напримѣръ, разсказываетъ о себѣ китайскій паломникъ Сюань-цань), спасаетъ мореплавателей отъ кораблекрушенія (случай съ другимъ китайскимъ паломникомъ Фа-сяномъ). Есть разсказы о чудесахъ, совершенныхъ его статуями. Такія чудотворныя статуи были въ Кабульской долинѣ и въ Магадѣ. Ниже мы приведемъ разсказъ о чудѣ статуи Арья-Бало, въ которомъ богъ является другомъ бѣдной, несчастной невѣсты. Могущество и святость Арья-Бало таковы, что произнести одинъ только разъ его имя, равносильно по благимъ послѣдствіямъ тому, если-бы вѣрующій постоянно поклонялся такому количеству буддъ, сколько песку въ 66 Гангахъ.

Въ V—VII вѣкѣ, говоритъ Минаевъ, Авалокитеçвару чтили по всей Индіи. Почитаніе его началось, вѣроятно, задолго до времени Фа-сяна и Сюань-цаня; эти китайскіе паломники, совершившіе хожденіе въ Индію, упоминаютъ о немъ. Авалокитеçвара явился впервые на горѣ Потала; это, повидимому, миѳическая гора, не существующая на землѣ. Вѣрующіе однако указываютъ горы этого имени на землѣ. Гора Потала есть въ Лассѣ (въ Тибетѣ); на ней находится дворецъ Далай-ламы, который, считается воплощеніемъ Авалокитеçвары. Арья-Бало является вѣрующимъ всегда въ блескѣ и сіяніи; изъ его устъ исходятъ разноцвѣтные лучи; посрединѣ вѣнца (на его головѣ) блеститъ камень чинтâмани,—говорится въ книгѣ Кâрандавјуха (Минаевъ, ib., стр. 129). Драгоцѣнный камень будетъ нерѣдко фигурировать также въ легендахъ, которыя мы будемъ приводить [2]).

[1]) У Минаева приведена непальская легенда о брахманѣ, который былъ пораженъ проказою и оставленъ всѣми родными и друзьями. Авалокитеçвара явился ему въ образѣ ребенка, прикоснулся до его тѣла и исчезъ. Больной выздоровѣлъ и сталъ звать ребенка. Тогда раздалось таинственное слово и возвѣстило брахману, кто былъ ребенокъ, а затѣмъ самъ милосердый явился ему въ славѣ и сіяніи.

[2]) Въ легендѣ о чудѣ статуи Арья-Бало (XI гл. Шидднкура) тоже является драгоцѣнный камень (см. ниже). Не къ тому ли же богу Арья-Бало относилась первоначально легенда о ворахъ, выковыривающихъ драгоцѣнный камень изъ лба статуи, по теперешней редакціи—статуи Будды?

Въ Китаѣ этотъ бодисатва почитается въ видѣ женщины; китайцы даютъ ему имя Гуань-инъ-пуса; англійскіе миссіонеры и синагоги называютъ это божество обыкновенно goddesse of merci. Въ Тибетѣ и Монголіи Арья-Бало изображается стеоротипно или въ видѣ сидящей съ поджатыми ногами фигуры, или въ стоячемъ положеніи; иногда ему придается 11 головъ, иногда только 3, иногда онъ имѣетъ 8 рукъ, у другухъ статуй 4, но есть и только съ двумя руками; наконецъ, дается ему неограниченное число рукъ; эти послѣднія статуи называются „тысячерукими Арья-Бало.“ Въ рукахъ онъ держитъ священные или символическіе предметы, но въ средней правой и въ средней лѣвой всегда лукъ и стрѣлы. Черезъ плечо переброшена звѣриная шкура или, можетъ быть, тѣло звѣря. У китайцевъ Гуань-инъ-пуса изображается въ стереотипномъ тибетско-монгольскомъ видѣ, а также въ видѣ женщины въ китайскомъ одѣяніи. Встрѣчаются статуетки глиняныя, фарфоровыя и изъ агальматолита. На картинахъ, нарисованныхъ на бумагѣ или шелковой матеріи, Гуань-инъ-пуса изображается стоящею на берегу моря подъ сѣнью бамбука; передъ нею среди волнъ на листѣ водянаго растенія стоитъ дитя и протягиваетъ къ ней руки. Въ воздухѣ къ богинѣ летитъ птица (бѣлый голубь или лебедь), несущая четки. Встрѣчаются также статуетки или картины, представляющія Гуань-инъ-пусу держащею ребенка на рукахъ. Какъ будто есть легенда, что она выходитъ на берегъ моря или озера и находитъ ребенка или ищетъ ребенка, брошеннаго въ воду, находитъ его и ловитъ [1]). Изображенія Гуань-инъ-пусы очень разнообразны; особенно многочисленны сцены, представляющія ее спасительницей отъ кораблекрушенія и другихъ бѣдъ. Отъ изображенія Гуань-инъ-пусы въ видѣ китайской дамы въ китайской прическѣ до стереотипнаго тибетско-монгольскаго Арья-Бало въ китайской живописи существуетъ постепенный переходъ, и можно собрать интересную коллекцію изъ

---

[1]) Изображеніе Гуань-инъ-пуси въ видѣ китайской дамы, передъ которою на волнахъ ребенокъ, молящій о спасеніи, можно видѣть въ книгѣ: „Memoires sur la Chine par le comte d'Escayrac de Lauture,“ Paris, 1865, p. 72. Изображенія бронзовой статуи Гуань-инъ-пуси съ ребенкомъ на рукахъ есть въ „Annales du musée Guimet“, T. XI, pl. XI, XII, XIII и XIV.

этихъ переходныхъ изображеній. Китайцы какъ монголо-тибетскую стереотипную фигуру съ 11-ю головами и 8-ю руками съ лукомъ и стрѣлами, такъ и китайскую даму съ ребенкомъ на рукахъ, одинаково называютъ Гуань-инъ-пуса и обѣ формы считаютъ женскимъ божествомъ. Монголы и тангуты различаютъ Арья-Бало и Гуань-инъ-пусу; они имя Арья-Бало даютъ только стереотипной фигурѣ съ лукомъ и стрѣлами и принимаютъ ее за мужчину; изображенія же Гуань-инъ-пусы въ видѣ дамы монголы называютъ Дара-экэ, тангуты Джолма или Долгаръ. Сами монголы и тибетцы изображаютъ Дара-экэ только стереотипически въ видѣ женщины, сидящей съ поджатыми ногами, и около каждаго ея плеча поднимается вертикально цвѣтокъ. Называютъ-ли китайцы эти монголо-тибетскія изображенія Гуань-инъ-пусой, мнѣ неизвѣстно. Китайскія фарфоровыя изображенія Гуань-инъ-пусы въ Монголіи также встрѣчаются, но очень рѣдко.

Итакъ, мы имѣемъ три типа изображеній: 1) Арья-Бало со множествомъ рукъ, вооруженный лукомъ и стрѣлами, 2) Гуань-инъ-пуса въ видѣ китайской дамы и 3) Дара-экэ, женщина съ поджатыми ногами и цвѣтами по бокамъ. Китайцы имѣютъ только №№ 1 и 2, оба называютъ однимъ именемъ и оба принимаютъ за фигуру женскаго пола Гуань-инъ-пуса. Монголы и тибетцы имѣютъ только №№ 1 и 3; они знаютъ также и Гуань-инъ-пусу, но не смѣшиваютъ ее съ Арья-Бало, а называютъ ее Цаганъ-дара-экэ (по крайней мѣрѣ къ этимъ изображеніямъ такъ относится неученый народъ). Слѣдовательно, они отожествляютъ Гуань-инъ-пусу съ Дара-экэ, но послѣднюю они не смѣшиваютъ съ Арья-Бало. Въ какія отношенія они ставятъ Дара-экэ къ Арья-Бало, изъ легендъ не ясно, но какая-то связь между богомъ и этой богиней есть. Дара-экэ, какъ и Арья-Бало на ладоняхъ рукъ имѣютъ глаза.

Легенды и прославленія Авалокитеçвары въ санскритской литературѣ содержатся въ книгахъ „Kâranda-viûcha“ и „Saddharma-Pundarika“; первая издана въ Калькуттѣ, но не переведена, только Кауэлль перевелъ изъ нея легенду о нисхожденіи Авалокитеçвары въ адъ и напечаталъ въ „The Journal of Philology“, vol VI, стр. 222. Вторая переведена Бюрнуфомъ

на французскій языкъ подъ заглавіемъ: „Le Lotus de la bonne loi". На тибетскомъ языкѣ, легенды объ Арья-Бало собраны въ книгѣ Мани-Гамбумъ; эта книга переведена на монгольскій языкъ, но переводовъ на европейскіе языки нѣтъ. Есть-ли на китайскомъ языкѣ особыя сочиненія о Гуань-инъ-пусѣ, мы не знаемъ; D'Escayrac de Lauture (Memoires sur la Chine, стр. 69) упоминаетъ книгу Су-шенъ-цзи, а Edkins (Chinese Buddhist, стр. 382) книгу Ping-shu-pi-t'an. [1]).

Сказка объ Эрдени-Хараликѣ, переводъ которой сдѣлалъ Шмидтъ, по словамъ его, взята монголами изъ тибетскаго сочиненія Norwu-p'rengwa [2]). Ея монгольскій текстъ напечатанъ въ Монгольской христоматіи І. Ковалевскаго. Вотъ ея содержаніе:

Къ сѣверу отъ Энедкека (Enedkek), у народа Беде (Bede), былъ царь Тегусъ-Дзокту (Tegus-Tsoktu); жена его называлась Тегусъ-Гегенъ (Tegus-Gegên); у нихъ была единственная дочь Саманъ-Табадри (Ssaman-tabhadri [3]); при ней были двѣ служанки. Эти послѣднія позавидовали почету, который всѣ оказывали царевнѣ, и придумали средство унизить царевну и устроить такъ, чтобы имъ отдавали тотъ почетъ, который ранѣе оказывался царевнѣ. Онѣ убѣдили царевну отправиться съ ними въ лѣсъ мыть бѣлье и взять съ собою тазы. У царевны былъ тазъ золотой, у служанокъ мѣдные. Придя въ

---

[1]) Литература объ Авалокитеçварѣ, на русскомъ: *И. Минаевъ*, Буддійскія молитвы въ „Зап. Вост. Отд. И. Р. Археол. Общ., т. II, в. I и II (Спб., 1887.), стр. 125. На иностранныхъ языкахъ: *Keppen*, Die Religion des Buddha, II B., стр. 20, 22; *Pallas*, Sammlungen historischer Nachrichten, I и II, стр. 396 и слѣд. О Гуань-инъ-пусѣ: Memoire sur la Chine par le comte *d'Escayrac de Lauture*, Paris, 1865, p. 68, 69, 71, 72; A Catena of Buddhist. scriptures from the Chinese by *Samuel Beal*, London, 1880 г., стр. 139, 205, 241 и слѣд., 261 и слѣд.; *John Henry Gray*, China, a history of the taws, manners and customs of the people, Lond., 1878, vol I, стр. 162, 163; *Lustus Doolittle*, Social life of the Chinese, New-Jork. 1865. vol. I, 27, 261; Annales du musée Guimet, T. XI, p. 188—197.

[2]) *Schmidt*, Geschichte der Ost-Mongolen, S. 425—488.

[3]) Samantabhadra есть имя бодисатвы, который почитается китайцами подъ именемъ P'u—hien; резиденціей его считается гора Оми (Wo-mei) въ Сы-чуани. Въ Китаѣ болѣе другихъ знамениты три бодисатвы или пуса: Гуань-инъ-пуса (резиденція—островъ Путо), Вынь-шу-пуса (Манджушри, резиденція—гора У-тай) и Пу-сянъ (резид.—гора Оми).

лѣсъ, онѣ уговорили царевну опустить свой тазъ въ воду такъ-же, какъ сдѣлали это онѣ со своими. Сначала царевна отказывалась, но когда увидѣла, что мѣдные тазы служанокъ плаваютъ и не тонутъ, она опустила и свой золотой тазъ; онъ ушелъ въ воду. Служанки стали ругать царевну. Тогда царевна велѣла одной изъ нихъ пойти къ царю-отцу и спросить: будутъ-ли родители сердиться, если она вернется домой, или ужъ ей ѣхать въ другое государство, не надѣясь на прощеніе. Когда служанка пришла къ царю, онъ сказалъ ей: „Золотыхъ тазовъ у меня много, а дочь одна: пусть вернется домой!“ и далъ служанкѣ коня, на которомъ царевна должна пріѣхать. Но служанка нагрузила лошадь припасами, пріѣхала къ царевнѣ и сказала: „Царь осердился за потерю золотого таза, прислалъ лошадь съ припасами и велѣлъ ѣхать въ чужое царство“. Встрѣтивъ одного человѣка, служанка упросила его распустить слухъ, будто всѣ три дѣвицы утонули. Потомъ всѣ трое сѣли на лошадь: служанки сѣли впереди, царевну посадили сзади и поѣхали. Ихъ встрѣтилъ молодой царь Амуголангъ-ябукчи (Amugholang Jabuktschi) и спросилъ ихъ, кто онѣ такія. Служанки отвѣтили: „Мы двѣ царскія дочери, а третья—наша служанка“.—„Куда вы ѣдете?“ спросилъ ихъ царь.—„Мы ѣдемъ искать себѣ молодого царя въ женихи“.—„Молодой царь—я“, говоритъ царь. „А вы къ чему пригодны?“ Тогда одна служанка говоритъ, что она можетъ горстью лоскутьевъ одѣть сто человѣкъ; другая служанка обѣщаетъ горьстью муки накормить сто человѣкъ; когда царь спросилъ царевну, она сказала, что родитъ ребенка съ золотою грудью. Царь беретъ царевну въ жены, а служанокъ заставляетъ служить ей. Приближаются роды; царь ѣдетъ искать мамокъ. Въ его отсутствіе, царица родитъ золотогрудаго царевича (Erdeni Charalik); тогда служанки даютъ царицѣ питье, отъ котораго она впадаетъ въ безуміе, а ребенка ея прячутъ подъ порогъ и оставляютъ только послѣдъ. Царь возвращается съ мамками, думаетъ, что царица обманула его, удаляетъ ее, а приближаетъ къ себѣ служанокъ. Когда онъ проходитъ въ дверь и шагаетъ черезъ порогъ, онъ всякій разъ чувствуетъ, что кто-то его дергаетъ; онъ велитъ изслѣдовать почву подъ порогомъ, тогда служанки помѣщаютъ ре-

бенка надъ верхнимъ косякомъ двери; тогда что-то трогаетъ волосы царя, когда онъ проходитъ въ двери; служанки, послѣдовательно перемѣщаютъ ребенка подъ тронъ, въ хлѣвъ и, наконецъ, зарываютъ въ саду. Тутъ выростаетъ дерево съ желтыми вѣтвями; это дерево портятъ овцы; отъ одной овцы родится необыкновенный ягненокъ, превращающійся потомъ въ принца Erdeni Charalik, который открываетъ царю всю исторію своей матери. Послѣ этого служанки были прогнаны. Этотъ Эрдени-Харадикъ, былъ воплощеніе Арья-Бало (Arja Palo). Эрдени-Харадикъ сначала ѣдетъ къ своему дѣду Тегусъ-Дзокту, потомъ ѣдетъ доставать сердце быка Rakscha-Kurin и, наконецъ, достаетъ себѣ невѣсту Dâkini-Dschnâna-Goschja. На пути къ невѣстѣ онъ проѣзжаетъ чрезъ непроходимое озеро съ черной водой, потомъ бомъ или приторъ, подъ которымъ течетъ вода, такъ что проѣзда подлѣ бома нѣтъ, потомъ проѣзжаетъ черезъ непроходимыя горы и черезъ заставу ассуровъ. Непроходимое озеро превращается передъ Ердени Хараликомъ въ сухую площадь, неприступныя горы разступаются и т. п. Послѣ всего этого Эрдени Хараликъ проѣзжаетъ черезъ мѣстопребываніе Rakschasas, которые жили во дворцѣ, окруженномъ семью желѣзными стѣнами; при входѣ во дворецъ стояло озеро человѣческой крови, а на берегахъ озера лежали кучи человѣческаго мяса.

Сказка сама говоритъ, что ея герой Эрдени-Хараликъ есть воплощеніе бога Арья-Бало. Насколько это утвержденіе не случайно, т. е. дѣйствительно ли сюжетъ этой сказки органически связанъ съ именемъ Арья-Бало, покажутъ будущіе труды фольклористовъ въ средѣ монголовъ и близкихъ имъ кочевниковъ. Чтобы указаніе монгольской (или монголо-тибетской, что, вѣроятно, вѣрнѣе) редакціи подтвердилось, нужно, чтобы были записаны другія сказки и легенды, въ которыхъ отражались бы черты того-же сюжета или въ прямой связи съ именемъ бога, или съ намеками на его аттрибуты.

Въ Амдо, т. е. въ сѣверо-восточной части Тибета, отъ того же старика тангута, отъ котораго я записывалъ тангутскую версію Гэсэра*), я записалъ также тангутскую сказку

*) Будетъ напечат. въ слѣд. кн. „Этнографическаго Обозрѣнія".

объ Егъ-таму-нцо. У царя было двѣ дочери: Нгулыггунъ (серебряная царевна) и Ксэрлыггунъ (золотая царевна); у царевенъ была служанка Егъ-таму-нцо. У серебряной царевны было серебряное ведро, у золотой—золотое, у служанки—деревянное. Служанка уговорила царевенъ играть, бросая ведро на воду. Царевны согласились; ихъ ведра утонули, одно деревянное ведро плаваетъ. Царевны посылаютъ служанку къ царю спросить его, что ему дороже, дочери или ведра. Царь сказалъ служанкѣ, что ведра онъ можетъ велѣть снова сковать, а дочерей уже не наживетъ. Онъ далъ ей лошадь и припасовъ и велѣлъ поскорѣе привезти дочерей. Но служанка сказала царевнамъ, что царь осердился на нихъ и велѣлъ имъ уѣзжать изъ его царства. Теперь служанка заставляетъ царевенъ отдать ей свое платье; переодѣлись, царевны надѣли платье служанки. Сѣли всѣ трое на лошадь, впереди Егъ-тому-нцо, сзади ея царевны, и поѣхали. Встрѣтилъ ихъ царскій сынъ. Егъ-таму-нцо спрашиваетъ его, которой изъ нихъ варить ему пищу. Царевичъ говоритъ: задней. Сзади всѣхъ сидѣла Ксэрлыгъ. Тогда Егъ-таму-нцо разсаживаетъ царевенъ иначе и опять спрашиваетъ царевича: которой варить пищу? Выборъ царевича опять палъ на Ксэрлыгъ. Потомъ царевичъ пускаетъ стрѣлу: подлѣ которой дѣвушки стрѣла ляжетъ, той и варить ему пищу. Онъ стрѣляетъ три раза и стрѣла всякій разъ ложится подлѣ Ксэрлыгъ. Тогда царевичъ выбралъ ее варить ему пищу. Продолжая путь, онѣ подъѣхали къ царской ставкѣ. Тутъ было озеро. Егъ-таму-нцо схватила Ксэрлыгъ и бросила въ озеро, сама сдѣлалась царицей, а Нгулыгъ заставила пасти овецъ. Нгулыгъ каждый день, прогоняя стадо, подходила къ озеру и пѣла своей сестрѣ пѣсенку. Утопленная сестра, услышавъ пѣсенку, выходила изъ воды, выносила сестрѣ хлѣба и мяса, но приказывала все съѣдать въ полѣ, а не носить во дворецъ. Однажды, по забывчивости, она принесла кусокъ во дворецъ; тамъ нашла у ней Егъ-таму-нцо, начала допрашивать Нгулыгъ, и та созналась, что получаетъ пищу отъ утопленной сестры. Тогда Егъ-таму-нцо пошла сама пасти овецъ, подошла къ озеру и спѣла такую же пѣсенку, какую пѣла Нгулыгъ. Когда Ксэрлыгъ вышла изъ воды, Егъ-таму-нцо разсѣкла ей голову рас-

каленнымъ сошникомъ. Послѣ того Ксэрлыгъ перестала выходить на зовъ сестры. Нгулыгъ родила полузолотого, полусеребрянаго ребенка. Ёгъ-таму-нцо велѣла подбросить его подъ овецъ, чтобъ онѣ растоптали его, но овцы разбѣжались. Точно также разбѣжались и лошади и коровы. Тогда Ёгъ-таму-нцо приказала на овечьемъ дворѣ вырыть яму, положить въ нее ребенка и завалить навозомъ; къ матери ребенка велѣла подкинуть щенка и сказала царю, что Нгулыгъ родила щенка. На могилѣ закопаннаго ребенка выросъ цвѣтокъ, овца съѣла цвѣтокъ и родила пѣгаго ягненка. Ягненокъ говоритъ Нгулыгъ: „Мать, не ходи въ степь! я буду пасти овецъ". Ягненокъ сталъ пасти стадо. Потомъ ягненокъ учитъ Нгулыгъ, чтобы она пожаловалась царицѣ Ёгъ-таму-нцо, что пѣгій ягненокъ заводитъ стадо то въ горы, то въ воду, и посовѣтовала бы ей приказать убить ягненка; когда зарѣжутъ ягненка, Нгулыгъ должна собрать всѣ косточки и положить въ пещерѣ. Нгулыгъ жалуется мнимой царицѣ Ёгъ-таму-нцо, но та ей не вѣритъ и идетъ сама пасти овецъ; пѣгій ягненокъ, дѣйствительно, заводитъ стадо въ разныя опасныя мѣста, и разсерженная Ёгъ-таму-нцо приказываетъ зарѣзать ягненка. Нгулыгъ собираетъ косточки и кладетъ въ пещерѣ. Черезъ семь дней вмѣсто костей въ пещерѣ является дитя лама [1]). Нгулыгъ стала ловить его, поймала, но онъ развалился; опять стали кости. Черезъ 7 дней въ пещерѣ опять появился лама, уже постарше лѣтами. Нгулыгъ опять ловитъ его, и онъ опять развалился, снова стали только кости. Черезъ третьи семь дней въ пещерѣ появился взрослый лама. Нгулыгъ стала ловить его и поймала. На этотъ разъ лама остался живымъ. Лама говоритъ Нгулыгъ: „Мать, иди къ царю и скажи ему, что въ пещерѣ народился лама". По зову Нгулыгъ царь пришелъ въ пещеру вмѣстѣ съ царицей Ёгъ-таму-нцо. Царь и царица садятся рядомъ съ ламой, а Нгулыгъ у дверей. Лама приглашаетъ послѣднюю сѣсть поближе, но царица противится, чтобы нечистоплотная Нгулыгъ сѣла рядомъ съ нею. Лама протягиваетъ къ Нгулыгъ свою ладонь, проситъ ее плюнуть, глотаетъ ея слюну и говоритъ, что эта слюна показалась ему

---

[1]) Разсказчикъ добавлялъ: „это былъ великій, великій лама".

вкусною, какъ молоко матери. Царица предлагаетъ ламѣ и свою слюну, увѣряя, что ея слюна вкуснѣе, но лама отказывается. Потомъ лама подбрасываетъ вверхъ тарелку и спрашиваетъ у нея: „Когда вы ѣхали въ царскую ставку, кто бросилъ Ксэрлыгъ въ озеро?“—„Ёгъ-таму-нцо“, отвѣчаетъ тарелка.—„Кто ей разрубилъ голову?“—„Ёгъ-таму-нцо“.—„Когда у Нгулыгъ родился полузолотой, полусеребряный ребенокъ, не велѣла ли Ёгъ-таму-нцо закопать его въ землю?“—„Велѣла“, отвѣчаетъ тарелка.—„Когда на могилѣ выросъ цвѣтокъ, не съѣла ли его овца?“—„Съѣла“.—„Не приказала ли Ёгъ-таму-нцо зарѣзать ягненка?“—„Приказала“.—„Не положила ли Нгулыгъ кости ягненка въ пещеру?“—„Положила“.—„Не народился-ли изъ этихъ костей лама, который теперь сидитъ рядомъ съ царицей?“—„Народился“. Истина раскрылась, и царь велѣлъ Ёгъ-таму-нцо привязать къ семи лошадямъ и размыкать [1]).

Конецъ этой сказки другой, чѣмъ у переведенной Шмидтомъ; послѣдняя форма, которую принимаетъ гонимое лицо, не царевичъ, а лама. Эта форма какъ будто оправдываетъ показанія монгольской редакціи, что подъ этимъ лицомъ скрывается богъ Арья-Бало. Можетъ быть, такое измѣненіе въ редакціи произошло уже подъ вліяніемъ буддизма.

Въ Ургѣ я слышалъ, но, къ сожалѣнію, не успѣлъ записать, третій варіантъ этой сказки. Я спросилъ у одного халхасца, не слыхалъ ли онъ сказки о Бэгэръ-Меджитѣ? Въ отвѣтъ на это онъ переспросилъ меня: „О трехженномъ Бэгеръ-Меджитѣ?“ и разсказалъ сказку, краткое содержаніе которой слѣдующее: У царя Бэгэръ-Меджита три жены. Исторія пріобрѣтенія женъ,—смутно припоминаю,—кажется, та-же, что и въ предъидущихъ сказкахъ. Младшая жена въ отсутствіе царя родитъ чудеснаго ребенка; двѣ старшія жены кладутъ его въ золотой ящикъ, золотой ящикъ запираютъ въ серебряный, серебрянный въ желѣзный, желѣзный въ деревянный и зарываютъ подъ порогъ; но имъ приходится перемѣстить этотъ кладъ въ другое мѣсто: онѣ прячутъ его подъ престолъ;

---

[1]) Эту сказку разсказалъ мнѣ 60-лѣтній старикъ, тангутъ Салунъ, уроженецъ изъ мѣстности Дуи, къ сѣверу отъ монастыря Лабрана, въ 200 верст. на западъ отъ Лань-чжоу, столицы провинціи Гань-су.

но и здѣсь его пребываніе обнаруживается; тогда онѣ бросаютъ ящикъ въ море. Ящикъ найденъ кѣмъ-то, вскрытъ, и ребенокъ спасенъ. Онъ приходитъ въ возрастъ и обличаетъ своихъ враговъ. Эпитетъ „трехженный," приписанный Бэгэръ-Меджиту, показываетъ, что появленіе этого имени тутъ не было произволомъ моего разсказчика и что редакція сообщаемой сказки давно свыклась съ именемъ Бэгэръ-Меджитъ.

Перейдемъ теперь къ русскимъ сказкамъ.

Въ „Бѣлорусскомъ Сборникѣ" г. Романова (Витебскъ, 1887, вып. 3) помѣщена слѣдующая сказка: У батьки было три дочки: голосъ въ голосъ, волосъ въ волосъ. Они пошли по грибы; пошелъ дождь, и дѣвицы сѣли подъ березу; дождь былъ такой сильный, что потекла рѣчка и дотекла до царскаго двора. Царь послалъ узнать, откуда взялась рѣчка. Посланный слуга увидѣлъ трехъ дѣвицъ и подслушалъ ихъ разговоръ; одна говоритъ: если-бъ царь взялъ ее замужъ, она все войско бы одѣла, другая бы все войско накормила, а третья берется родить царю сына—во лбу мѣсяцъ, на потылицѣ зорьки. Царь женился на послѣдней. Пожили немного, и царь поѣхалъ на дальнюю границу. Безъ него царица родила чудеснаго сына и отправила царю письмо со слугой. Слуга зашелъ дорогой къ ея сестрѣ; сестра подмѣняетъ письмо; она пишетъ, что царица родила не то собаку, не то лягушку. На обратномъ пути новый обмѣнъ письма и новый подлогъ; въ подложномъ письмѣ былъ приказъ задѣлать ребенка въ бочку и бочку опустить въ море. Мальчикъ вышелъ изъ бочки, выстроилъ отъ острова до земли мостъ и повелъ свою мать по мосту къ царю, который собрался праздновать свою свадьбу съ другой сестрой. Его допустили во дворецъ, какъ искуснаго скрипача. Царь выноситъ коробку съ орѣхами и говоритъ, что отпишетъ тому полцарства, кто отгадаетъ эти орѣхи. Мальчикъ берется отгадать. Царица говоритъ, что ему не отгадать, но всѣ требуютъ, чтобы онъ началъ отгадывать. И вотъ онъ отгадываетъ: „Было у батьки три дочки: чётъ — пара орѣшковъ! Голосъ въ голосъ, волосъ въ волосъ, чётъ—пара орѣшковъ!" Такими короткими фразами пересказывается вся сказка до конца; послѣ каждой фразы прибавляется: „чётъ—пара орѣшковъ!" Повто-

реніе сказки кончается фразами: „Царь внесъ коробку орѣшковъ, чётъ—пара орѣшковъ! Кто эти орѣхи отгадаетъ, отпишу половину царства, чётъ—пара орѣшковъ! Никто не взялся, только я взялся, чётъ—пара орѣшковъ.“ Кончивъ гаданье, мальчикъ снялъ шапку, а у него во лбу звѣзда, на потылицѣ—зорьки. Тогда тетку его, сестру его матери, привязали къ конскому хвосту и разорвали на части (стр. 302—304).

Дождь въ связи съ темой о трехъ сестрахъ является и въ одной урянхайской сказкѣ, записанной мною въ долинѣ верхняго Енисея въ китайскихъ предѣлахъ. Она помѣщена въ моихъ Очеркахъ с.—з. Монголіи, IV, 343. Три дѣвицы сидѣли на вершинахъ трехъ елей и играли на музыкальныхъ инструментахъ. Ѣхали три охотника, услыхали игру и подъѣхали подъ деревья. Въ это время на головы молодцовъ полилась вода; они подумали, что идетъ дождь; посмотрѣли вверхъ, увидѣли дѣвицъ и предложили имъ спуститься и стать ихъ женами [1]). На другой день старшій изъ охотниковъ, отправляясь на охоту, спрашиваетъ свою жену, что она ему сдѣлаетъ. Та обѣщаетъ ему сшить даху изъ шкуры „джалбана“ (вѣроятно, небольшое животное, какой-нибудь грызунъ). Другая дѣвица обѣщаетъ своему мужу сшить чехолъ на брусъ изъ кожи вши; третья—родить мальчика съ серебряною шеею, золотою головой. Уѣхали мужья; третья сестра родила мальчика, какого обѣщала; старшія позавидовали, бросили мальчика въ озеро, а вмѣсто его подложили крота. Вернулись мужья; у старшихъ обѣщанія исполнены, а у младшей въ колыбели кротъ. Мужъ этой послѣдней изломалъ у нея руки и ноги и выколупалъ глаза; потомъ всѣ три охотника съ двумя другими сестрами укочевали съ этого мѣста. Оставленная искалѣченная женщина видитъ, какъ крыса лѣчитъ себя корнями травъ; она перенимаетъ это искусство у крысы и возвращаетъ себѣ и руки и глаза. Затѣмъ она идетъ къ озеру и кличетъ своего сына. Онъ вышелъ изъ воды и сталъ бѣгать кругомъ озера; мать хотѣла поймать его, но не могла, хотя и обращалась къ озеру съ такимъ воззваніемъ: „Мать-озеро,

---

1) Охотники сначала не узнали ихъ (не были-ли онѣ въ видѣ птицъ?) и хотѣли стрѣлять по нимъ. И здѣсь, какъ въ тибетской сказкѣ, три стрѣлы.

отецъ-озеро! поймайте!" Мальчикъ ушелъ въ воду. Мать пришила къ лоскуту бѣлаго войлока лучокъ и стрѣлку [1]), положила на берегу и снова стала кликать сына; озеро заиграло, мальчикъ вышелъ и сталъ бѣгать. Мать опять взмолилась озеру, но поймать опять не могла, мальчикъ снова ушелъ въ воду. Только когда она въ третій разъ вышла на озеро, ей удалось схватить мальчика. Мальчикъ сказалъ ей: „Если ты моя мать, то дай мнѣ грудного молока и пусти свои слезы въ мои глаза." Она дала ему молока и капнула слезы. „Теперь вижу, что ты моя мать," сказалъ мальчикъ. Мальчикъ этотъ получаетъ потомъ имя Ерь-Сару (*ерь* по-тюрски—витязь, мужъ).

Въ томъ же „Сборникѣ" г. Романова помѣщена сказка о сынѣ Хороборѣ (стр. 298—301). У короля три дочери, а у другого сынъ. Королевичъ хочетъ жениться на младшей; старшія завидуютъ ей и хвастаются: одна обѣщаетъ изъ одной „кужалинки" (волокна) выткать тридцать поставовъ съ поставомъ, другая—изъ одной пшеничинки испечь тридцать пирожковъ съ пирожкомъ; младшая говоритъ, что она родитъ тридцать сыновъ и сына Хоробора—во лбу звѣзда, въ потылицѣ мѣсяцъ, по поясъ въ золотѣ, по колѣни въ серебрѣ. Далѣе исторія съ подложными письмами. Царю написали, что его жена родила тридцать щенятъ и одного щенка шелудиваго. Мать съ дѣтьми въ желѣзной бочкѣ брошены въ море. Хороборъ (или Хыроборъ) думаетъ: „Господи! взялся бы вѣтеръ и прибилъ бы насъ къ берегу, а бочку разбилъ-бы!" Поднимается вѣтеръ, пригоняетъ бочку къ острову и разбиваетъ ее. Хороборъ выходитъ съ матерью на берегъ. Тутъ, по желанію Хоробора, появляется городъ. Шли мимо города корабельщики, увидѣли городъ; увидѣли тридцать сыновъ, какъ они катаютъ золотое ядро. Хороборъ подарилъ имъ кота. Корабельщики возвратились домой и разсказали царю, какое они видѣли диво на островѣ; царь хочетъ ѣхать смотрѣть, но новая царица отговариваетъ его: это, говоритъ, не диво: есть коза обаполъ озера, на одномъ рогу мельница, на другомъ мостъ. Котъ слышалъ этотъ разговоръ и передаетъ его Хоробору. По желанію Хоробора, является у него такая дивная

[1]) На изображеніяхъ Арья-Бало ему даются въ руки лукъ и три стрѣлы.

коза. Ее опять видятъ корабельщики и доносятъ о томъ царю. Царица сказываетъ о существованіи еще большаго дива—о чудесномъ вепрѣ (воперь-загуберь), но, по желанію Хоробора, является у него и этотъ вепрь [1]). Потомъ точно такимъ же образомъ разсказывается, что у него явился перстень: потрешь его, выскочатъ двѣнадцать молодцовъ, которые все доставляютъ, что человѣку понадобится. Царица, наконецъ, говоритъ: если Хороборъ такой сильный, то пусть сдѣлаетъ мостъ съ острова до царскаго двора. Котъ передаетъ эти слова Хоробору; двѣнадцать молодцовъ строятъ мостъ. Царь пріѣхалъ по мосту на островъ, узналъ свою жену и своихъ дѣтей, а своячину разорвалъ на конскихъ хвостахъ.

Тотъ-же сюжетъ былъ записанъ Адріановымъ въ Бійскомъ округѣ въ Томской губерніи отъ русской крестьянки. Къ сожалѣнію, я не имѣю теперь подъ рукою рукописи Адріанова и не могу пересказать ее цѣликомъ, а долженъ ограничиться помѣщеніемъ того краткаго изложенія сказки, какое было сдѣлано въ моихъ Очеркахъ с.-з. Монг, IV, 924. Царскій сынъ подслушиваетъ разговоръ трехъ дѣвицъ и женится на младшей, жена родитъ ему трехъ золоторукихъ мальчиковъ, но Ягишна подмѣняетъ ихъ котенкомъ, щенкомъ и „сыномъ Коростой“; царскій сынъ велитъ заключить ихъ въ бочку и кинуть въ море; бочку прибиваетъ къ острову, Короста вышибаетъ ногами дно у бочки. Ѣдутъ мимо купцы; Короста прячется на корабль, пріѣзжаетъ ко двору царскаго сына,

1) Моя жена отъ своей няни Авдотьи Артемьевны Грузинцевой, уроженки извѣстнаго промышленнаго села Павлова, Нижегородской губ., въ дѣтствѣ слышала сказку о царевичѣ Збудѣ Збудовичѣ. Царевичъ имѣлъ чудное свойство: чего пожелаетъ, то сейчасъ и сбудется. Отсюда и имя его Збудъ. Царь услыхалъ, какъ три дѣвицы похвалялись своимъ искусствомъ: младшая хвалилась родить мальчика—„по запястья руки въ золотѣ, по колѣни ноги въ серебрѣ.“ Царь женится на младшей, а потомъ уѣзжаетъ на войну; жена безъ него родитъ мальчика съ золотыми ручками и серебряными ножками. Двѣ отвергнутыя сестры пишутъ царю, что царица родила „невѣдомо какую звѣрушку.“ Отецъ велитъ оставить ребенка до его пріѣзда; злыя женщины подмѣняютъ письмо, пишутъ другое, въ которомъ велѣно засмолить мать и мальчика въ бочку и пустить въ море. Мальчикъ растетъ не по днямъ, а по часамъ и разспрашиваетъ мать, какъ они очутились въ бочкѣ. Мальчикъ думаетъ: „кабы насъ прибило вѣтромъ къ берегу!“—бочку прибиваетъ къ берегу. „Кабы насъ выбросило на берегъ!“—волной бочку выбрасываетъ на берегъ. „Кабы бочка разсыпалась!“—бочка разсыпалась.... Конецъ забытъ.

подслушиваетъ разсказъ Ягишны о трехъ золоторукихъ мальчикахъ, находящихся въ заточеніи у медвѣдя въ норѣ, освобождаетъ ихъ, обманывая медвѣдя, и приводитъ мальчиковъ къ матери. Кромѣ того онъ добываетъ борова и кота, который по столбу ходитъ. Царскій сынъ узнаетъ объ островѣ и живущей на немъ матери съ тремя мальчиками, возвращаетъ ее въ свой домъ, а Ягишну приказываетъ разстрѣлять на воротахъ. У Рудченка (Южно-русскія сказки, II, 51) помѣщена сходная сказка подъ названіемъ: „Богатырь з бочки". Чудные предметы, добываемые богатыремъ по указаніямъ лже-царицы: 1) котъ, который ходитъ кругомъ столба и разсказываетъ сказки, 2) золотой мостъ черезъ море, на немъ церковь: идутъ въ церковь—деревья цвѣтутъ, выходятъ—плоды поспѣваютъ; за церковью мельница, на 12 каменьевъ мелется, изъ-подъ каменьевъ горячее молоко бѣжитъ; 3) восемь сыновъ-соколовъ, голосъ въ голосъ, волосъ въ волосъ, по локти золотыя руки, по колѣна золотыя ноги, на головѣ золотые чубы, у каждаго на лбу мѣсяцъ, а по краямъ—звѣзды.

Съ тѣмъ же началомъ записана сказка на сѣверѣ Европейской Россіи г. Барсовымъ. Царь, подслушавъ разговоръ трехъ дѣвицъ, выбираетъ третью, похваставшуюся золотою и серебряною ступней. Одна баба обратила царицу въ утку, а на ея мѣсто поставила свою дочь. Царь во время охоты видитъ утку. Когда онъ плюнулъ, утка подхватила его слюну. Два раза она это исполнила вполнѣ удачно, въ третій не совсѣмъ, потому что царь хотѣлъ поймать ее, и она испугалась. Она родитъ двухъ мальчиковъ-самобратовъ, Бориса и Глѣба, и третье яйцо. Царь приглашаетъ ихъ къ себѣ на пиръ, мать даетъ имъ яйцо, которое должно предостерегать ихъ отъ козней мачехи, но они не соблюли наставленія матери, какъ беречь яйцо; яйцо, ранѣе предупреждавшее ихъ о грозящей опасности, замолчало, и они погибли. (Древняя и Нов. Россія, 1879, № 9, стр. 403). У Худякова (Великорусск. сказки, III, 89) сказка продолжается дальше: утка, которая здѣсь золотая, приноситъ живой и мертвой воды и оживляетъ дѣтей; въ это время царь ловитъ ее, она принимаетъ прежній видъ и становится вновь женою царя. Мальчиковъ двое, какъ и у Барсова, но именъ нѣтъ.

У Аѳанасьева эта сказка въ пяти варіантахъ подъ общимъ названіемъ: „По колѣни ноги въ золотѣ, по локоть руки въ серебрѣ“ (Нар. Русск. ск., в. VI, изд. 1861 г., стр. 336 и слѣд.). Отмѣтимъ въ нихъ интересное. Младшая сестра родитъ иногда трехъ сыновей съ указанными примѣтами, иногда семь сыновей въ трехъ брюхахъ (т. е. сначала трехъ, потомъ еще трехъ, и наконецъ одного), иногда девять. Ранѣе рожденные мальчики подмѣняются котятами и щенками, послѣдній—простымъ ребенкомъ; этотъ же послѣдній и попадаетъ въ бочку вмѣстѣ съ матерью, освобождаетъ братьевъ и возстановляетъ мать на прежнемъ мѣстѣ. Въ варіантѣ *d* этотъ будущій освободитель родился отъ той же гонимой матери; также и въ варіантѣ *b*: мать девятаго сына, родивши, прячетъ его въ рукавъ. Въ варіантахъ *a* и *b* ясно выражена божественная особенность героя, сбывчивость его желаній. „Сударыня матушка!“ говоритъ онъ своей матери, находясь вмѣстѣ съ нею въ бочкѣ: „когда-бъ по моему велѣнью, по щучьему прошенью, по божьему благословенію, мы пристали къ берегу!“ Когда онъ съ такимъ же присловьемъ высказываетъ желаніе, чтобы бочка лопнула, бочка разсыпается. Находятъ мать съ сыномъ или купцы или нищіе. Разговоръ царя съ царицей передается или черезъ нищихъ или самъ герой летаетъ къ царю подъ видомъ мухи, или комара, или пчелы. О добываніи необыкновенныхъ предметовъ разсказывается только въ одномъ варіантѣ *d*; добываются, во-первыхъ, зеленый садъ, въ саду—мельница, сама мелетъ, сама вѣетъ, и пыль на сто верстъ мечетъ; возлѣ мельницы столбъ, на столбѣ—золотая клѣтка, ходитъ по столбу ученый котъ; во-вторыхъ, золотая сосна, на ней сидятъ птицы райскія, поютъ пѣсни царскія; въ третьихъ, три братца родныхъ, похищенныхъ злою лже-царицей. Въ остальныхъ вмѣсто этого только одно добываніе братьевъ, иногда простое возсоединеніе съ ними. Въ варіантѣ *d* подмѣненные три братца обращены въ голубей. Они родились отдѣльно другъ отъ друга, но сказка заставляетъ ихъ, когда родился послѣдній и обращенъ злой царицей въ голубя, слетѣться и улетѣть вмѣстѣ. Родится четвертый братъ, который и находитъ ихъ.

Въ варіантѣ *a* мать ослѣплена. Сынъ (подкидышъ) моетъ мать съ пожеланіемъ, чтобы явились глаза, и зрѣніе матери

возвращается. Въ томъ же варіантѣ сынъ-подкидышъ молоко матери употребляетъ, какъ средство узнать родство. Въ домъ, гдѣ живутъ три сына гонимой женщины, онъ относитъ три лепешки, замѣшенныя на молокѣ матери. Дѣти ѣдятъ и узнаютъ вкусъ молока матери. Въ варіантѣ *b* то же дѣйствіе производятъ хлѣбцы на молокѣ матери. Въ варіантѣ *d*—три просвиры, но значеніе ихъ забыто [1]). Гонимая женщина въ варіантѣ *b* называется Марѳой; въ остальныхъ у ней имени нѣтъ. Ея гонительница тоже безъ имени; въ варіантѣ *b* она названа Ягой-бабой. [2]).

У Аѳанасьева также есть сказка о царевнѣ, обращенной въ сѣрую птицу (№ 17, вып. VIII, изд. 1863). Дмитрій царевичъ привозитъ свою сестру къ Ивану Царевичу. Нянька велитъ ей скинуть драгоцѣнное платье и бьетъ ее по тѣлу; полетѣла Марья царевна сѣрой утицей. Въ платье царевны нянька нарядила свою дочь. Дмитрія царевича за обманъ посадили въ темницу. Утица прилетаетъ навѣщать брата въ

---

1) Пятый варіантъ у Аѳанасьева не относится къ этому типу. Это сюжетъ объ оклеветанной сестрѣ, но нѣкоторыя черты сближаютъ ее съ кругомъ затронутыхъ нами сказокъ. Жена брата выпускаетъ его коня, сокола и наконецъ бросаетъ его единственнаго сына подъ ноги лошадямъ и обвиняетъ въ этомъ его сестру. Братъ отводитъ сестру въ лѣсъ; она забирается въ дупло; здѣсь ее находитъ царевичъ; она родитъ ребенка—по локоть руки въ золотѣ и т. д. Подмѣна писемъ. Матери отрубаютъ руки и изгоняютъ ее въ лѣсъ съ ребенкомъ. Захотѣвъ напиться, она склонилась надъ колодцемъ и уронила ребенка въ воду, но руки ея вдругъ выростаютъ, и она спасаетъ ребенка. Странствуя, она приходитъ въ домъ брата. Братъ предлагаетъ игру—пересыпанье орѣховъ изъ короба въ коробъ. Мальчикъ разсказываетъ вновь всю исторію, приговаривая къ каждой своей фразѣ: „два орѣха въ коробъ, два изъ короба". Начало сказки (оговоръ сестры) ср. съ монгольской легендой о Цыганъ-дара-экэ (Очери С.-З. Монг., IV, 319).

2) Материнское молоко есть и въ сванетской сказкѣ сходнаго сюжета, помѣщенной въ „Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа", издав. въ Тифлисѣ, т. X, стр. 163. Содержаніе: три дѣвицы; младшая родитъ золотыхъ сына и дочь. Дѣти подмѣнены щенятами, а сами брошены въ воду. Выросшій мальчикъ исполняетъ трудныя порученія царя: достать золотую яблоню съ Эльбруса, зеркало съ Эльбруса и дочь Западнаго царя. Первыя двѣ поѣздки угрожали гибелью; герой могъ окаменѣть, но онъ избѣжалъ гибели, вспоминая во-время „благо сосцовъ матери". Эпизодъ о добываніи невѣсты ср. съ бурятской сказкой о Ханъ-Гужирѣ (Зап. Вост.-сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. по Эти., т. I, в. I, стр. 64); вм. укрощенія коня, въ бурятской укрощеніе собаки Гуниръ. Начало сванетской сказки ср. съ началомъ Ерь-Сару (Очерки, IV, 341).

темницу, при входѣ въ которую оставляетъ свои крылья. Иванъ Царевичъ подкарауливаетъ, сжигаетъ крылья и ловитъ дѣвицу. Она оборачивается разными гадами, но онъ не пугается, изъ рукъ не выпускаетъ. Она обращается въ веретено, царевичъ переломилъ веретено на двое, одинъ конецъ бросилъ впереди себя, другой назадъ, и сказалъ: „стань передо мной красная дѣвица, а за мной бѣлая береза“ (стр. 169.).

Послѣдніе варіанты уже представляютъ переходъ къ новой группѣ сказокъ, въ которыхъ введена тема обращенія женщины въ звѣря или птицу. Начинаются эти сказки большею частью такъ: вдовецъ, имѣющій дочь, женится на вдовѣ, которая за собой приводитъ то-же дочь. Мачеха не любитъ падчерицу и заваливаетъ ее работой. Каждый день, высылая ее пасти скотъ, она задаетъ ей большіе уроки прясть и ткать. Падчерицу выручаетъ быкъ или корова; животное приходитъ къ плачущей дѣвочкѣ, спрашиваетъ ее о горѣ и потомъ даетъ ей совѣтъ, что дѣлать. Дѣвочкѣ приходится или влѣзть къ коровѣ въ одно ухо и вылѣзть въ другое, или только посмотрѣть въ ухо коровѣ; какъ только она это сдѣлаетъ, весь урокъ, заданный мачехой, готовъ.

Пересмотръ этихъ сказокъ мы начнемъ съ бѣлорусскаго варіанта, который записанъ г. Романовымъ не дословно, а только въ видѣ пересказа (Бѣлорусск. Сборн., в. 3, стр. 292). У дѣда были дочь и сынъ. Мачехины порученія исполняетъ быкъ. По требованію мачехи, быкъ зарѣзанъ. Падчерица, промывая кишки, нашла въ нихъ два зерна—одно золотое, другое серебряное, и, какъ совѣтовалъ ей быкъ, посадила ихъ въ землю. Тамъ явилась медовая криница, двѣ яблони—одна съ золотыми, другая съ серебряными яблоками, и кони—золотая и серебряная шерстинка. Скоро пасынокъ, напившись воды изъ овечьяго слѣда, сдѣлался „бараанькомъ“. Проѣзжій купецъ женился на падчерицѣ и повезъ къ себѣ; за нимъ потекли рѣки медовыя, пошли кони—золотая и серебряная шерстинка, пошли чудесныя яблоки и побѣжалъ баранька. Черезъ три года падчерица съ мужемъ, ребенкомъ (родившимся у нихъ) и бараанькомъ пріѣхали въ гости къ мачехѣ. Мачеха раздѣла падчерицу, обшила ее въ „рысьсюю скуру“ и выгнала, а свою дочь нарядила въ ея платье. Купецъ не замѣ-

тилъ обмана и поѣхалъ домой. Когда ребенокъ начиналъ плакать, баранька выносилъ его на дворъ и кричалъ: „рыся, рыся! молодзёнъ плачець, ѣсьци хочець!“ Рысь прибѣгала и кормила ребенка. Подслушавъ это, купецъ сдѣлалъ облаву; поймали рысь, она сдѣлалась женщиною, баранька сдѣлался мальчикомъ. Бабину дочку привязали къ лошадиному хвосту и пустили въ поле.

Въ другомъ бѣлорусскомъ варіантѣ, помѣщенномъ на той же страницѣ того же сборника и также переданномъ въ видѣ краткаго пересказа, падчерица также обращена въ рысь. Когда мачеха и падчерица пошли въ баню, мачеха оборотила ее рысью, а свою дочь послала съ ребенкомъ къ Ивану Васильевичу, королевскому сыну. Ночью ребенокъ захотѣлъ ѣсть и началъ кричать. Нянька вынесла его на крыльцо и стала звать мать: „рыся Марыся! и гуси спяць и куры спяць, только сынъ твой не спиць: трехъ дзёнъ молодзёнъ—ѣсци хочець!“ Мать прибѣжала, накормила ребенка и опять убѣжала въ лѣсъ. На третью ночь Иванъ Васильевичъ, королевскій сынъ, по наущенью няньки, схватилъ рысь, когда она хотѣла бѣжать въ лѣсъ. Она скинулась мухой, онъ ее разорвалъ; сдѣлалась иглою, онъ ее переломилъ; тогда она сдѣлалась молодицей. Мачеху съ ея дочерью привязали къ лошадинымъ хвостамъ и разнесли по чистому полю.

Въ третьемъ варіантѣ Романова (ibid., стр. 292—295) падчерица обращена въ лиску; г. Романовъ въ примѣчаніи догадывается, что лиска—позднѣйшая замѣна рыськи.

Жилъ дѣдъ съ бабой; у нихъ была дочка. Баба умерла; дѣдъ говоритъ дочкѣ: „будемъ съ тобой, дочушка, жениться!“ Дочь отказывается, хочетъ напередъ спросить мать, приходитъ на могилу матери, плачетъ и разсказываетъ, что отецъ хочетъ, чтобы она за него замужъ пошла. Мать говоритъ: „пусть онъ тебѣ (напередъ) справитъ платье, какъ на небѣ звѣзды, какъ на небѣ мѣсяцъ“. Отецъ справилъ все это и опять хочетъ жениться на своей дочери. Дочь снова идетъ на могилу матери за совѣтомъ. И такъ дочь ходитъ на могилу матери, мать научаетъ ее, что требовать отъ отца, и отецъ, кромѣ платья, справляетъ ей повозку, какъ звѣзды и какъ мѣсяцъ, и такихъ же коней. Въ послѣдній визитъ дочери мать

говоритъ ей: „пусть онъ женится на вдовѣ съ тремя дочерьми“. Онъ и женился на вдовѣ. Мачеха не взлюбила падчерицы, заваливаетъ ее работой, но падчерицу выручаетъ „коровка Буренка“. Дѣвушка въ одно ухо дунетъ, въ другое протянетъ—и работа готова. Мачеха посылаетъ свою дочь подсмотрѣть, кто помогаетъ падчерицѣ. Падчерица опять идетъ на могилу матери и мать ей совѣтуетъ предложить мачехиной дочкѣ поискать у нея вшей и во время исканья приговаривать: „спи вочко, спи другое!“ Мачехина дочка засыпаетъ и не видитъ, какъ коровка Буренка исполняетъ работы. Мачеха догадалась и вставила своей дочкѣ третье око, которымъ та усмотрѣла секретъ падчерицы. Мачеха требуетъ, чтобы дѣдъ зарѣзалъ коровку Буренку. Падчерица, по совѣту матери, стала перебирать кишки, нашла зерно и посадила подъ окномъ. Выросла яблоня—одно яблоко золотое, другое серебряное, но яблоки никому не даются. Въ святой день мачеха отправилась съ тремя дочерьми въ церковь, а падчерицу оставила дома, насыпала золы въ макъ и велѣла ей макъ очистить. Падчерица надѣла платье, какъ звѣзды и мѣсяцъ на небѣ, справленное ей отцомъ, сѣла въ справленную имъ же повозку на такихъ же чудныхъ лошадяхъ и тоже поѣхала въ церковь. Тамъ увидѣлъ ее царскій сынъ, захотѣлъ ее взять замужъ. Онъ разлилъ на ея пути растопленную смолу, одинъ черевикъ въ смолѣ и остался. Сталъ ѣздить царскій сынъ по всему царству примѣривать черевикъ; мачеха подсѣкла пальцы своимъ дочерямъ, чтобъ черевикъ пришелся, а падчерицу спрятала подъ корыто. Однако царевичъ нашелъ ее и женился на ней. Когда родился ребенокъ, они поѣхали къ мачехѣ. Мачеха повела родильницу въ баню, обернула ее лисицей, а свою дочку поставила на ея мѣсто. Баба-пупорѣзница, когда дитя захочетъ ѣсть, вынесетъ его на улицу и скажетъ: „лиска, лиска! дитя плачетъ, ѣсть хочетъ!“ Мужъ подкараулилъ лисицу, и когда она скинула свои лисьи шкуры, чтобы покормить ребенка, онъ сжегъ ихъ. Потомъ мачеху и ея дочь привязали къ конскому хвосту.

Къ этому варіанту близка сказка о Строевой дочери у Худякова (Великор. ск., II, 71—75). Ея особенности: пряжа не кладется въ ухо коровѣ, а корова жретъ ее и выпускаетъ

готовую ткань; зарываются не зерна, а требуха и ножки, и на этомъ мѣстѣ выростаетъ садъ съ золотыми яблоками; превращеніе совершается въ банѣ; злая мачеха стала парить падчеричу и приговаривать: „чтобъ тебѣ отнынѣ и до вѣку рысью бѣгать!“ Няня ходитъ съ плачущимъ ребенкомъ въ поле и поетъ: „ой рысь-поле нарыскалось, твое дитя наплакалось!“ Когда приходитъ рысье стадо, Строева дочь выходитъ, снимаетъ шкуру и кормитъ ребенка; мужъ сжигаетъ шкурку, схватываетъ жену поперекъ тѣла; она обращается ужомъ, жабой, веретеномъ; онъ ломаетъ веретено и бросаетъ передъ собой, — она становится по прежнему.

Въ варіантѣ Кулиша (Записки о южной Руси, II стр. 24) парубокъ, который носитъ плачущее дитя на болото, къ обращенной въ козу матери, поетъ:

„Ой рись коза! твій синъ плаче,
Твій синъ плаче, істи хоче.

Въ четвертомъ варіантѣ Романова (стр. 289) нѣтъ ни обращенія падчерицы въ животное, ни могилы матери. Работы за падчерицу исполняетъ корова Буреня. Подстерегаетъ ее самъ отецъ падчерицы, и онъ первый подаетъ мысль зарѣзать корову. Какъ поступить въ этомъ случаѣ, учитъ падчерицу сама корова Буреня. Падчерица собрала всѣ ея кости и зарыла подъ окномъ, на этомъ мѣстѣ разливается крыница и выростаетъ яблоня. Никто не можетъ ни яблока сорвать, ни воды зачерпнуть, а царь увидѣлъ это чудо и требуетъ. Мачеха спрятала падчерицу подъ корыто, но ее нашли. Падчерица достала яблоко и зачерпнула воды. Царь взялъ ее съ собой, и яблоня съ крыницей пошли вслѣдъ за ними. Царь женилъ на этой дѣвицѣ Мареѣ своего сына. Мачеха хочетъ погубить Марею и зоветъ ее къ себѣ въ гости. Марея пріѣхала къ мачехѣ и здѣсь родила. Мачеха отсѣкла ей руки, „куксы ей позаверчивала“, подвязала ей ребенка и пустила въ бѣлый свѣтъ, а свою дочку на ея мѣсто выправила. Подошла Марея къ самому синему морю, наклонилась напиться, обмочила свои „куксы“ въ водѣ и стала вновь съ руками. Пошла она отъ моря, дошла до царскаго двора и спряталась съ сыномъ за печку. Царь услышалъ голосъ ея мальчика и вызвалъ изъ-за печки. Мальчикъ разсказываетъ исторію своей матери.

сказка повторяется. Въ концѣ разсказа мальчикъ обращается къ царскому сыну: „здравствуй, отецъ мой родимый!" Снялъ съ себя шапку и обнаружилъ звѣзду на темени. Мачеху привязали къ конскому хвосту.

Эти два послѣдніе варіанта г. Романова интересны для насъ тѣмъ, что въ нихъ находятся темы, въ одномъ—отецъ, желающій жениться на собственной дочери, въ другомъ—отсѣченныя руки. Эти двѣ темы въ нѣкоторыхъ западныхъ сказаніяхъ, встрѣчаются вмѣстѣ и именно въ такой связи: отецъ, овдовѣвъ, хочетъ жениться на своей дочери и цѣлуетъ ея руки; это возмущаетъ чувство дочери, она сама отрубаетъ себѣ руки, которыя цѣловалъ отецъ, и отсылаетъ ему; или отецъ получаетъ отказъ, сердится, велитъ отрубить руки дочери; въ обоихъ случаяхъ онъ приказываетъ посадить ее въ лодку и отпустить на море. Та-же тема въ нѣсколько измѣненномъ видѣ разсказывается о китайско-буддійской богинѣ Гуань-инъ-пусѣ, которая китайскими буддистами считается воплощеніемъ Арья-Вало или Авалокитеçвары. Гуань-инъ-пуса была дѣвица, желавшая остаться дѣвственницей; но отецъ принуждалъ ее выйти замужъ. Дѣвица бѣжала изъ родительскаго дома въ отдаленный монастырь (на островъ Путо), сдѣлалась монахиней и затѣмъ прославилась какъ цѣлительница болѣзней. Между тѣмъ отецъ заболѣлъ; гонцы его, искавшіе искуснаго врача, дошли и до острова Путо; Гуань-инъ-пуса отрубаетъ себѣ руки и изъ нихъ дѣлаетъ лѣкарство для исцѣленія отца. (Annales du musée Guimet, T. XI, p. 196).

Въ южно-русскихъ варіантахъ, собранныхъ Чубинскимъ (Труды этногр.-стат. экспед. въ западно-русскій край, Спб., 1878, т. II, №№ 138, 139, 140, 141, 142), падчерица обращается большею частью въ птицу, и въ одномъ варіантѣ—въ щуку Въ варіантѣ № 138 (стр. 448) падчерицѣ помогаетъ волъ; яблоня выростаетъ отъ камешка, найденнаго падчерицей въ кишкахъ вола; на падчерицѣ женится панъ, но ее обращаютъ въ гусыню. Когда она купалась, дочь мачехи стала бить ее розгою, приговаривая: „лети, рисю, гускою!" Она обратилась въ гусыню и улетѣла. Съ оставшимся ея ребенкомъ нянчится, вмѣсто няньки, зайчикъ. Онъ носитъ ребенка въ лѣсъ и поетъ: „рисю, рисю, дитя плаче, істи хоче". Кончается тѣмъ, что

панъ подкарауливаетъ мать, пришедшую кормить ребенка, набрасываетъ ей на шею „стёнжку“ (ленту) отъ сорочки, и она принимаетъ прежній видъ. Въ № 139 падчерица обращена уточкою, въ 140—гускою, въ 142—птицею. Въ № 139 обращеніе въ утку производится такъ-же, какъ и въ № 138, во время купанья, посредствомъ битья розгою, но отворачиваніе въ старый видъ накидываніемъ на шею „чирвоной стёнжки“; въ № 140 и обращеніе въ птицу и отворачиваніе равно совершаются посредствомъ накидыванія на шею обращаемой той ленты, которою ея рука была связана съ рукою ея жениха во время вѣнчанья. Въ варіантѣ № 140 не сразу совершается обращеніе въ утку: сначала она перекидывается мышью, потомъ котомъ, собакою, волкомъ и всякимъ другимъ звѣремъ; но по совѣту знахарки нужно было продолжать бить, пока она не перекинется птицей, тогда нужно отпустить. Въ № 139 переходныя обращенія кошкой и собакой упоминаются при возвращеніи въ прежній видъ. Въ варіантѣ № 141 (стр. 459) падчерица обращена щукой. Яблоня выростаетъ изъ закопанной въ землю головы коровы. На падчерицѣ же женится царевичъ; когда онъ увозитъ ее, слѣдомъ за ними уходитъ и яблоня. Когда царевича не было, мачеха ночью сдѣлала падчерицу щукою и пустила въ море, а свою дочь одѣла въ платье обращенной. Одинъ лакей каждый день носитъ оставшееся сиротою дитя къ морю и причитаетъ: „Оленице, сестрице! Приплинь, приплинь до берега, дитя твое умирае“. Щукой же обращена мать въ варіантѣ Рудченка (II, 51). Тѣмъ не менѣе нянька, носящая дитя на рѣку къ щукѣ, поетъ:

Рисю, рисю! молодюкъ плаче,
Молодюкъ плаче, йісти хоче.

У Аѳанасьева подобный варіантъ записанъ въ самой краткой редакціи. Сказка названа „Арысь-поле“ (VII, 218, № 27); Старикъ имѣлъ дочь красавицу и женился на вѣдьмѣ. Вѣдьма обратила падчерицу „звѣремъ Арысь-поле“ и выгнала въ дремучій лѣсъ, а въ падчерицыно платье нарядило свою дочь. Старая мамка носитъ ребенка падчерицы въ лѣсъ и поетъ:

Арысь-поле! дитя кричитъ,
Дитя кричитъ, пить-ѣсть хочетъ.

Арысь-поле прибѣжитъ, сброситъ шкурку и накормитъ ребенка. Мужъ сжигаетъ шкурку.

Въ собраніи Садовникова (Сказки и пред. Самарск. края, стр. 218) у мачехи—пасынокъ Ванюшка и падчерица Аннушка. Уроки, задаваемые мачехой,—пряжа и шитье. Помощникомъ падчерицы выставленъ быкъ „бынеюшко". Изъ кишокъ убитаго быка выростаетъ яблоня. На падчерицѣ женится баринъ. Ягая-баба (отдѣльный персонажъ отъ мачехи) посылаетъ падчерицу въ баню; та сходила и забыла тамъ кольцо, посылаетъ за нимъ брата, но совѣтуетъ не лизать козлинаго сала, положеннаго тамъ мачихой. Ванюшка лизнулъ и сталъ козленкомъ. Ягая-баба позвала падчерицу купаться, посадила ее въ воду и привязала къ ней камень. Козленокъ бѣгаетъ къ рѣчкѣ и поетъ пѣсенку, проситъ сестренку выглянуть. Она отвѣчаетъ, что рада бы выглянуть, но „горючъ камень ко дну тянетъ, люты змѣи сердце сосутъ". Однако на первый зовъ показываетъ изъ воды голову, на слѣдующій еще больше высовывается, въ третій разъ—по поясъ. Въ это время баринъ вытянулъ ее изъ воды, снова сдѣлалъ своей женой, а Ягую бабу посадилъ на ворота и разстрѣлялъ изъ поганаго ружья.[1]).

Приведенныя русскія сказки мы можемъ раздѣлить сначала на двѣ группы. Къ первой мы относимъ сказку, герой которой въ разныхъ варіантахъ названъ именами: Хороборъ, Богатырь изъ бочки, Збудъ Збудовичъ, Короста. Ея содержаніе: три сестры, хвастающіяся своимъ искусствомъ; младшая родитъ чудеснаго ребенка; подмѣна дитяти; мать съ ребенкомъ въ бочкѣ плаваютъ по морю; добываніе трехъ чудесныхъ предметовъ; обличеніе обмана.

Другую группу составляютъ три версіи. Первая: мачеха не любитъ падчерицу и обременяетъ работой; падчерицѣ помогаетъ быкъ или корова, которую гонимая дѣвушка называетъ иногда сестрицей (Драгомановъ 361; Рудченко, II, 51). Животное зарѣзано по требованію мачехи; падчерица зарываетъ въ землю какіе-нибудь остатки отъ покровительствовавшаго животнаго (два зерна, найденныя въ кишкахъ животнаго: Романовъ, в. 3, стр. 292; Рудченко II, 51; Драгомановъ

---

[1]) Бѣлорусскіе варіанты въ „Бѣлорусск. Сборникѣ" г. Романова, в. 3, стр. 265.

361; одно зерно: Романовъ, ibid. Рудченко, II. 43; кишки, Садовниковъ, 218; требуха и ножки, Худяковъ, II, 71; кости, Романовъ, в. 3, 289; голова животнаго, Чубинскій, II, 459; кошелекъ, найденный въ кишкахъ, Чубинскій, II. 448). На мѣстѣ, гдѣ они зарыты выростаетъ чудесная яблоня. Царь (баринъ, купецъ) женится на гонимой падчерицѣ, и яблоня иногда уходитъ вслѣдъ за нею (Драгомановъ 361; Романовъ, в. 3, 289). Она родитъ сына; мачеха обращаетъ падчерицу въ животное (въ *рысь*, Худяковъ, II, 71—75; Романовъ, в.3, 292; въ *козу*, Кулишъ, II, 24; въ *гуся*, Чубинскій, II, 448; въ *щуку*, Рудченко, II, 51, и Чубинскій, II, 459). Нянька ходитъ съ ребенкомъ къ матери просить для него молока; возвращеніе матери въ прежній видъ.

Вторая версія начинается такъ-же: покровительствующее животное зарѣзано, выростаетъ дерево; конецъ другой: гонимая падчерица секретно одѣвается въ дорогое платье и пріѣзжаетъ въ церковь; ее отыскиваютъ по башмаку, который она завязила въ смолѣ.

Третья версія: мачеха гонитъ двоихъ дѣтей, пасынка и падчерицу; пасынка обращаетъ въ козленка, а падчерицу спускаетъ на дно озера или рѣки съ камнемъ на шеѣ.

Назовемъ первую группу сказками о богатырѣ, заключенномъ въ бочку, а вторую—сказками о гонимыхъ дѣтяхъ. Не только три версіи второй группы наращаются темами одна изъ другой (какъ, напримѣръ, въ варіантѣ Романова, в. 3, стр. 292—295), но и сказки о гонимыхъ дѣтяхъ представляютъ заимствованія изъ сказки о богатырѣ, заключенномъ въ бочку. Такую смѣсь представляетъ версія, въ которой женщина, по злой волѣ ея гонителя, обращается въ утку (варіантъ Барсова въ Древ. и Нов. Россіи, 1879, № 9, стр. 403). Версія эта начинается эпическимъ мѣстомъ изъ сказки о богатырѣ, заключенномъ въ бочку (три похваляющіяся сестры, женитьба царевича), но потомъ слѣдуетъ разсказъ о двухъ преслѣдуемыхъ братьяхъ.

Въ восточныхъ варіантахъ это смѣшеніе еще больше. Такъ, въ сказкѣ объ Эрдени-Хараликѣ, приведенной въ началѣ статьи, стоятъ рядомъ тема о трехъ дѣвицахъ, сватающихся за царевича, и тема о деревѣ, выростающемъ на мѣстѣ

погребенія; въ приведенныхъ выше русскихъ варіантахъ вездѣ эти темы стоятъ отдѣльно. Отраженіе темы о гонимыхъ дѣтяхъ въ тангутской сказкѣ еще сильнѣе; здѣсь одна сестра утоплена, а другая ходитъ на берегъ къ утопленницѣ вызывать ее изъ воды, въ родѣ того, какъ въ нашей сказкѣ о братѣ, обращенномъ въ козла, и объ его утопленной сестрѣ. Изъ русскихъ сказокъ не видно, кто такой быкъ, который покровительствуетъ гонимой падчерицѣ, и почему онъ это дѣлаетъ. Въ тангутской сказкѣ это лицо осмыслено. Это—сынъ гонимой женщины, зарытый въ землю и возродившійся подъ видомъ животнаго. Такое осмысленіе важно тѣмъ, что оно противополагаетъ тангутскій варіантъ тѣмъ русскимъ варіантамъ, въ которыхъ женщина обращается въ рысь. Въ монголотангутской сказкѣ обращеніе (въ дерево [1], въ ягненка и наконецъ вновь въ человѣка) происходитъ съ сыномъ гонимой женщины, въ русскихъ (въ рысь, щуку, утку)—съ самой гонимой женщиной. На нашъ взглядъ, эти двѣ версіи, не смотря на различное теченіе разсказа въ отдѣльныхъ мѣстахъ, воплощаютъ въ себѣ одно и то-же представленіе, но то, что одна версія поняла въ видѣ мужчины, другая поняла въ видѣ женщины. (Рысь-поле, Арысь-поле). Такое же двойственное пониманіе прилагается и къ бодисатвѣ Арья-Бало; онъ представляется и въ видѣ мужчины и въ видѣ женщины.

Версіи 1) объ уткѣ, проглотившей слюну царя, и 2) о пасынкѣ, обращенномъ въ козленка, и о сестрѣ его, опущенной въ воду съ камнемъ на шеѣ, не нуждаются въ подробныхъ указаніяхъ ихъ принадлежности къ одному циклу съ приведенными монголо-тибетскими сказками. Менѣе очевидны отношенія сказки о богатырѣ, заключенномъ въ бочку. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ варіанты ея только начинаются сходнымъ эпизодомъ о трехъ сестрахъ; потомъ младшая сестра заключается съ сыномъ въ бочку и опускается въ море, и далѣе

---

[1]) Въ монгольской сказкѣ на мѣстѣ, гдѣ зарыто дитя, выростаетъ дерево, въ тангутской—цвѣтокъ. Подобное представленіе получило мѣсто и въ буддійской агіографіи; гдѣ былъ зарытъ послѣдъ, въ которомъ родился Зонхава (въ Гумбумѣ), на томъ мѣстѣ выросло чудесное дерево *зандань*, т. е. сандальное, которое и теперь указываютъ въ Гумбумѣ, увѣряя, что его листья покрыты тибетскими письменами. На самомъ дѣлѣ это не сандальное дерево, а сирень.

исторія развивается совершенно иначе, такъ что можно подумать, что тема о плавающей въ морѣ матери ничего общаго съ монголо-тибетскими сказками объ Эрдени-Хараликѣ и Ёгъ-таму-нцо не имѣетъ. Однако сближеніе послѣднихъ съ одной сказкой, записанной у тюрковъ южной Сибири, устраняетъ эти сомнѣнія. Сказка эта записана Адріановымъ и помѣщена въ моихъ Очеркахъ С.-З. Монг., IV, 600. Герой сказки называется Кэрэкъ-Кирвэсъ-Хэмэрэ-мэргэнъ; отецъ его—Аронбай-Его-ханъ. Ходъ разсказа тотъ-же, что въ сказкахъ о Хороборѣ, Коростѣ, Збудѣ Збудовичѣ и др., только нѣтъ бочки. Такъ-же младшая жена обѣщаетъ родить богатыря и родитъ, но завистливая старшаа подмѣниваетъ его щенкомъ; вмѣсто заключенія матери съ сыномъ въ бочку, сынъ просто брошенъ въ озеро (золотое озеро, Алтынь-куль), а его мать оставлена на берегу въ одиночествѣ. Затѣмъ ханъ посылаетъ на озеро пословъ посмотрѣть, что на немъ дѣлается; эти послы замѣняютъ купцовъ въ русской сказкѣ; подобно тому, какъ въ русской сказкѣ мальчикъ, живущій съ матерью, летаетъ къ отцу подъ видомъ мухи, и Кэрэкъ-Кирвэсъ летаетъ подъ видомъ птицы подслушивать рѣчи хана въ отвѣтъ на разсказы пословъ. Въ русскихъ сказкахъ Хороборъ и другіе герои, руководствуясь подслушанными рѣчами лже-царицы, добываютъ за три поѣздки нѣкоторые чудесные предметы; точно также и здѣсь Кэрэкъ-Кирвэсъ совершаетъ три поѣздки съ подобной цѣлью. Онъ добываетъ: желѣзнаго оленя, у котораго было только пятно на лбу уязвимо и другое между стегнами, оружіе, скованное семью свѣтлыми кузнецами (долонъ-арыкъ-дарханъ) и невѣсту, дочь чудовища Убиртыхъ-Хормозда. Но указанія дѣлаются здѣсь не царицей злой, а самимъ ханомъ, такъ что Ягѣ-бабѣ, Ягишнѣ приведенныхъ русскихъ сказокъ и Ёгъ-таму-нцо тибетской, здѣсь соотвѣтствуетъ Его-ханъ. Пока, въ томъ видѣ, какъ мы передали здѣсь эту сказку, въ ней нѣтъ никакихъ отношеній къ монголо-тибетскимъ версіямъ, но эпизодъ о мальчикѣ, брошенномъ въ озеро, ставитъ дѣло иначе. Тутъ мы встрѣчаемъ подробности, которыя есть и въ сказкѣ о Ёгъ-таму-нцо. Сначала мальчикъ, подобно какъ въ Ёгъ-таму-нцо, брошенъ подъ ноги лошадей, потомъ дикихъ верблюдовъ, потомъ овецъ въ разсчетѣ, что онъ будетъ по-

топтанъ; но животныя выказываютъ доброе расположеніе къ ребенку. Потомъ онъ брошенъ въ озеро, изъ котораго выходитъ играть на берегъ моря. Мать ловитъ его, но ребенокъ не дается. Только когда она принимается ловить его въ третій разъ, ей удается поймать его. Онъ требуетъ, чтобы она брызнула изъ своей груди молокомъ въ его ротъ, чтобы по вкусу его убѣдиться, что она дѣйствительно его мать. Она дѣлаетъ это [1]), и онъ остается съ матерью. Въ сказкѣ о Ёгъ-таму-нцо мать также ловитъ мальчика до трехъ разъ, и только въ третій разъ ей удается поймать его. Это тотъ же эпизодъ, только перенесенный изъ середины сказки въ ея заключеніе. Молоко въ тибетской сказкѣ смѣнилось слюной.

Семь кузнецовъ (Долонъ-Арыкъ-Даръ-ханъ), упомянутые въ этой сказкѣ, обращаютъ насъ къ монгольскому сказанію о Гэсэрѣ. Въ этомъ сказаніи также есть семь кузнецовъ; вмѣсто свѣтлыхъ—„арыкъ“, они названы шелудивыми—„ходжугуръ“ (Долонъ-Ходжугуръ-тарханъ); кромѣ того, они названы братьями. Они являются въ эпизодѣ о Гуменъ-ханѣ, который составляетъ третью главу сказанія (въ переводѣ Шмидта). У Гуменъ-хана умерла жена, и онъ не можетъ разстаться съ покойницей; это имѣло послѣдствіемъ то, что вся жизнь въ царствѣ остановилась. Исцѣлить хана (отдѣлить его отъ трупа) можетъ только Гэсэръ-ханъ; но чтобы эта операція прошла для самого Гэсэра безъ дурныхъ послѣдствій, ему нужно похитить съ неба отъ своей небесной матери девять „эрдени“: золотую мельницу (алтанъ теерме), золотую пчелу (алтанъ зоко), золотого хорька (алтанъ курене), золотую цѣпь или петлю для изловленія солнца (наранъ бариху алтанъ чалма), серебряную цѣпь для изловленія мѣсяца (сара бариху менгунъ чалма), кровь изъ клюва чернаго орла, молоко изъ груди черной орлицы, слезы изъ глазъ чернаго орленка и драгоцѣнный камень молоръ-эрдени со дна моря [2]). Чтобы

---

[1]) Для этого она поднимается на „высокую гору“ и оттуда пускаетъ струю молока.

[2]) Такъ въ варіантѣ, который я слышалъ отъ одного ордосскаго монгола. У Шмидта 14 предметовъ [Die Thaten Bogda Gesser chan's. 1839, S-Pb., S. 100]. Невѣсты нѣтъ, но нужно обратить вниманіе на присутствіе въ числѣ эрдени петли для ловли солнца и мѣсяца. Ср. съ золотымъ арканомъ, который служитъ

получить эти эрдени, онъ долженъ задобрить свою небесную мать и поднести ей вино въ семи чашахъ, сдѣланныхъ изъ череповъ семи шелудивыхъ братьевъ кузнецовъ. О семи братьяхъ кузнецахъ см. также въ Запискахъ Вост.-Сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 1, стр. 126; тамъ они пріурочены къ семи звѣздамъ Большой Медвѣдицы. Тамъ же и о матери Гэсэра; осердившись на сына за похищеніе эрдени, она брызнула въ него молокомъ изъ своей груди, отчего на небѣ образовался млечный путь.

Кэрэкъ-Кирвэсъ, кромѣ упомянутыхъ выше трехъ предметовъ: желѣзнаго оленя, оружія, скованаго семью кузнецами, и невѣсты, добываетъ еще четыре предмета: восемь клыковъ, находившихся у чудовища Чекана, мечь, погруженный въ скалу, сѣть, замытую песками на днѣ морскомъ, и шубу изъ подземнаго царства Ерлика. Всего семь; въ сказаніи о Гэсэрѣ—девять [1]). Два слова о желѣзномъ оленѣ. Въ записи г Адріанова при словѣ олень [2]) поставлено въ скобкахъ тюркское „сынъ"; слѣдовательно желѣзный олень будетъ: темиръ-сынъ. Это и есть желѣзный А-сынъ, который является въ тангутской версіи Гэсэра, записанной мною въ Амдо и еще не напечатанной. У желѣзнаго А-сына все тѣло желѣзное, только подъ горломъ уязвимое мѣсто. У Темиръ-сына также все тѣло покрыто желѣзомъ, за исключеніемъ пятна на лбу и мѣста между стегнами.

Эти сопоставленія даютъ поводъ предполагать, что эпизодъ о Гуменъ-ханѣ первоначально разсказывался по плану сказки о Кэрэкъ-Кирвэсѣ и другихъ, родственныхъ послѣдней. То есть, кромѣ разсказа о добываніи семи или девяти предметовъ (семи эрдени), въ сказаніи о Гуменъ-ханѣ былъ и разсказъ о рожденіи мальчика и о томъ, что онъ былъ брошенъ въ озеро, но при включеніи этого сказанія въ книгу о Гэсэрѣ эпизодъ объ озерѣ и мальчикѣ былъ опущенъ. Такъ какъ въ книгѣ о Гэсэрѣ о рожденіи его уже разсказывается въ

для накидыванія на купающуюся въ озерѣ дѣвицу-лебедь, которая потомъ становится женой героя сказки; см. въ Очеркахъ С.-З. Монг., IV, сказки № № 110 (стр. 373) и 155 (стр. 523).

1) Ср. съ семью эрдени Чакравартина.

2) Собственно, у г. Адріанова стоитъ: „желѣзный звѣрь".

первой главѣ (по Шмидту), то было бы неестественно во второй разъ заставлять его рождаться въ третьей главѣ, которая содержитъ въ себѣ исторію Гуменъ-хана. Можетъ быть сказаніе о Гуменъ-ханѣ начиналось не только въ родѣ сказки о Кэрэкъ-Кирвэсѣ, но даже и въ родѣ сказокъ о Эрдени-Хараликѣ, о Эрь-Сару [1]), Ёгъ-таму-нцо, т. е. въ немъ было не только озеро, но даже и три сестры. На существованіе другого начала указываетъ слѣдующее: во 1-хъ, разсказъ, который находится въ нѣкоторыхъ тангутскихъ варіантахъ о томъ, что Гэсэра вскорѣ послѣ его рожденія бросали въ степи, въ снѣгъ и пр. съ цѣлью погубить,—намекъ на тему бросанія ребенка подъ ноги животныхъ, находящуюся въ сказкахъ о Кэрэкъ-Кирвэсѣ и Ёгъ-таму-нцо; во 2-хъ, въ разсказѣ о молокѣ матери Гэсэра можно видѣть параллель съ расказомъ о молокѣ матери Кэрэкъ-Кирвэса, только побужденіе иначе истолковано; въ 3-хъ, записанная въ Монголіи и помѣщенная въ моихъ Очеркахъ (IV, 495) сказка о Гумъ-ханѣ (вѣроятно то-же, что и Гуменъ-ханъ) вмѣстѣ съ чертами изъ книги о Гэсэрѣ (ханъ, не разстающійся съ умершей женою) содержитъ разсказъ о гонимыхъ мачехою дѣтяхъ прежней царицы. Изгнанные дѣти страдаютъ въ степи отъ жажды; въ это время старшій братъ обращается съ молитвой къ небу, и съ неба падаетъ дождь, наполняющій подставленную чашку. Въ другой сказкѣ, имѣющей сюжетомъ исторію царевичей, преслѣдуемыхъ мачехою, вмѣсто дождя съ неба падаетъ мѣшокъ съ молокомъ ихъ умершей матери, находившейся въ это время уже на небѣ (Очерки, IV, 284) [2]).

Пользуясь параллелями, мы можемъ возстановить разсказъ о Гэсэрѣ и Гуменъ-ханѣ въ такомъ видѣ: три сестры; Гуменъ ханъ женится на младшей, она должна родить Гэсэра; подмѣна ребенка щенкомъ; мать родившагося ребенка изгнана,

---

[1]) Въ Ерь-Сару сходныя черты съ Кэрэкъ-Кирвэсомъ: троекратная ловля мальчика, излѣченіе помоченныхъ конечностей, руководствуясь наблюденіемъ надъ искалѣченной крысой.

[2]) Въ калмыцкомъ варіантѣ этой сказки, записанной Бергманомъ (Nomadische Streifereien unter d. Kalmuken, Rida, 1805), мачеха преслѣдуетъ пасынка Go Tschikitu или Ojoo-Tschikitu и падчерицу Aerdäni Zäzäk; Го-Чикиту, прибавляетъ Бергманъ, есть воплощеніе Ховмимъ бодисатвы (т. е. Арья-Бало).

или мать изгнана до родовъ, беременная (о дѣтствѣ Гэсэра дѣйствительно разсказывается, что мать его передъ родами жила въ изгнаніи); ребенокъ брошенъ въ озеро, но найденъ матерью; затѣмъ мальчикъ, т. е. Гэсэръ, выростаетъ, добываетъ семь эрдени, и освобождаетъ отца отъ злой лже-царицы [1]). Въ такомъ же составѣ сказка могла разсказываться и на западѣ (въ Россіи), но взаимныя отношенія варіантовъ здѣсь болѣе ослабѣли, чѣмъ на востокѣ. Тѣмъ не менѣе намеки на общность происхожденія остались, и, напримѣръ, появленіе въ сказкѣ о богатырѣ, добывающемъ кота, борова, мельницу, и пр., темы о трехъ сестрахъ не есть чуждое наслоеніе, а слѣдъ прежней редакціи.

Въ какомъ отношеніи всѣ эти сказанія стоятъ къ фигурѣ Арья-Бало, и въ какой мѣрѣ показанія монгольскихъ сказочниковъ относительно того, что нѣкоторыя изъ приведенныхъ сюжетовъ будто бы относятся къ этому богу, соотвѣтствуютъ легендарной правдѣ,—отвѣта на эти вопросы должно ожидать отъ оріенталистовъ и ученыхъ, занимающихся буддизмомъ.

Г. Потанинъ.

[1]) Въ сказкѣ объ Ою-Чикты-ханѣ, представляющей варіантъ сказки Бергмана Ойо-Чикиту, изгнанный мачихой царевичъ выростаетъ на сторонѣ, возвращается къ отцу, убиваетъ его жену, подъ видомъ которой скрывался дьяволъ, и очищаетъ отца отъ оскверненія посредствомъ молока (Очерки, IV, 285).

ИЗЪ ОБЛАСТИ СУЕВѢРІЙ

Малоруссовъ Черниговск. губ.

(Народная медицина и представленія о загробной жизни).

Предлагаемый мною матеріалъ представляетъ не болѣе, какъ нѣсколько отрывочныхъ свѣдѣній, собранныхъ въ с. Пашковкѣ Черниг. губ., Нѣжинскаго у. Здѣсь, какъ и вездѣ, народная фантазія, неудовлетворенная окружающей дѣйствительностью, стремясь объяснить явленія природы и человѣческой жизни, создала массу суевѣрій, украсила участіемъ сверхъестественныхъ силъ и явленій сѣрую, непригляднуую, немногосложную деревенскую жизнь. Впрочемъ въ настоящее время, благодаря вліянію городской цивилизаціи, распространенію грамотности, дѣятельности духовенства, большая часть прежнихъ суевѣрій исчезла. Крестьянинъ не успѣлъ еще вполнѣ замѣнить прежняго міросозерцанія новымъ, тѣмъ не менѣе уже прислушивается къ этому новому, съ недовѣріемъ и даже пренебреженіемъ относясь къ преданіямъ старины и оставляя переживаніе старыхъ принциповъ болѣе консервативнымъ по природѣ женщинамъ. Но и въ умахъ послѣднихъ не сохранилось почти ничего цѣльнаго; остались только обрывки прежнихъ вѣрованій и представленій, и нерѣдко только отдаленный намекъ указываетъ на существованіе въ прошедшемъ какого-нибудь, быть можетъ, сильно развитаго культа.

Такіе остатки прежнихъ суевѣрныхъ представленій встрѣчаются и въ народной медицинѣ, по которой мнѣ удалось добыть нѣкоторыя, къ сожалѣнію, довольно скудныя свѣдѣнія.

Народная медицина также утратила здѣсь въ значительной степени свое прежнее значеніе. Если крестьянинъ и обра-

щается еще къ помощи деревенской знахарки чаще, чѣмъ къ врачу, то это слѣдуетъ, мнѣ кажется, объяснить отчасти тѣмъ, что знахарка всегда подъ рукой, между тѣмъ лѣченіе у врача не всегда возможно; но вообще крестьяне не особенно довѣряютъ ихъ лѣченію, въ особенности различнымъ заговорамъ, нашептываніямъ и т. п. суевѣрнымъ средствамъ.

Медицинскія знанія отчасти передаются старшими младшимъ, когда первые чувствуютъ приближеніе смерти или, по слабости, не могутъ уже заниматься своимъ ремесломъ, отчасти усвоиваются путемъ опыта. Сообщеніе своихъ медицинскихъ знаній передъ смертью избранному лицу является необходимымъ, благодаря взгляду самихъ знахарей на свое ремесло, какъ на дѣло грѣховное, и происходящему отсюда нежеланію унести этотъ грѣхъ съ собою къ могилу. Передавать свои знанія лицу старше себя нельзя.

Занимаются знахарствомъ обыкновенно люди пожилые, по большей части женщины, у которыхъ это занятіе соединяется почти всегда съ занятіемъ повивальной бабки.

Насколько мнѣ удалось замѣтить, различаются два главные вида болѣзней: 1) болѣзни, происходящія отъ естественныхъ причинъ, какъ напр. отъ простуды, и 2) болѣзни, происходящія отъ дѣйствія какихъ-либо сверхъестественныхъ силъ. Къ послѣдней категоріи слѣдуетъ причислить также болѣзни, происходящія отъ вѣтра. Вѣтеръ, хотя и крайне неясно, также представляется въ видѣ какого-то злого духа.

Изъ такого дѣленія болѣзней на два разряда вытекаетъ и два способа ихъ лѣченія, которые однако не разграничиваются строго. Первый видъ болѣзней лѣчится преимущественно лѣкарствами, которыя должны дѣйствовать прямо на больной организмъ человѣка; второй видъ — разными суевѣрными средствами, дѣйствіе которыхъ направлено преимущественно противъ тѣхъ злыхъ силъ, отъ которыхъ приключилась болѣзнь. Что касается формъ, въ которыхъ олицетворялись разныя болѣзни, то онѣ по большей части забылись. О несомнѣнномъ существованіи ихъ въ прошедшемъ можно заключить между прочимъ изъ того, что въ нѣкоторыхъ заговорахъ обращаются съ извѣстными словами къ болѣзнямъ, какъ къ существамъ живымъ.

Лѣкарства, употребляемыя народомъ, приготовляются по большей части изъ травъ. Срывая траву, знахарь или знахарка произноситъ обыкновенно слѣдующія слова: «Господь садывъ, Илья родывъ, Маты Божа полывала усимъ намъ гришнымъ и праведнымъ давала».

Привожу списокъ нѣкоторыхъ лѣкарствъ, молитвъ и заговоровъ отъ разныхъ болѣзней, составленный по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ одной знахаркой въ с. Пашковкѣ:

Расторопша. Собирается осенью и варится въ водѣ. Даютъ пить отъ коликъ въ животѣ.

На Ивана Купала собираются: чистикъ (мужкой и женскій), братикъ и сестрица, богородична травка и дрыкъ.

Чистикъ. Растирается въ деревянной посудѣ съ чистой водой (не варится). Употребляется при лѣченіи людей и животныхъ отъ укушенія змѣи. Даютъ пить, прикладываютъ по три раза къ больному мѣсту и къ сердцу, и остатки выливаютъ на больного.

Братикъ и сестрица. Въ отварѣ этой травы купаютъ дѣтей.

Богородишна травка варится въ водѣ. Пьютъ отъ боли горла. Питье и обмываніе этимъ отваромъ считается вообще полезнымъ для здоровья.

Дрыкъ. Варятъ и пьютъ при зараженіи бѣшенствомъ отъ собаки. Бѣшенство, по народному убѣжденію, переходитъ не только отъ укушенія, но также отъ взгляда и близкаго сосѣдства съ бѣшеной собакой.

Кладникъ и *золототысячникъ* пьютъ при боли въ животѣ. Кладникъ варится, а золототысячникъ настаивается на водкѣ.

Бобовникъ ростетъ на болотѣ; его также варятъ и пьютъ отъ боли въ животѣ. Отъ рѣзи въ животѣ подкуриваютъ *перьями* отъ *черной курицы.* При слабомъ желудкѣ, полезно пить *молоко* съ *льнянымъ сѣменемъ,* при твердомъ—*сыворотку.*

Добровка (трава) сушится и растирается въ порошокъ, которымъ засыпаютъ раны.

Листья *лопуха* прикладываютъ къ болячкамъ. Къ ранамъ также прикладывается каша изъ *льна.* Къ нарывамъ прикладываютъ наговоренную *сметану* или наговоренный *медъ,* намазавъ его на *липовый* или *фасолевый* завяленный листокъ. Полезно также прикладывать жеванный *бубликъ.*

Корень папоротника, вырытый весной, сушится, завариваетcя и пьется при боли подъ ложечкой и отъ глистовъ.

Отваръ *мяты* пьютъ отъ кашля. Отваръ мяты съ сыровцомъ употребляется при болѣзни сердца.

Материнка варится съ сахаромъ и употребляется отъ кашля. Эту траву можно собирать впродолженіе всего лѣта. Отъ кашля же ѣдятъ *медъ*, сваренный съ *сѣменемъ конскаго щавеля* на сковродѣ, и запиваютъ эту смѣсь кипяченымъ *молокомъ*.

Корень конскаго щавеля собирается въ маѣ, сушится и зава, ривается, какъ чай; настоемъ полощутъ ротъ для излѣченія отъ зубной боли. То-же средство употребляется и при болѣзни десенъ. Кромѣ этого помогаютъ при зубной боли молитвы обращенныя къ свв. Николаю, Антонію, Гавріилу и Тихону, которые считаются цѣлителями зубной боли.

Отъ боли въ груди прикладываютъ къ ней *пшеничныя лепешки съ медомъ*; если въ лепешкѣ появятся дырочки, значитъ болѣзнь перешла въ нее.

Для излѣченія горячки катаютъ по тѣлу больного *горячій мякишъ чернаго хлѣба*, а затѣмъ черезъ плечо бросаютъ его собакѣ. Горячка, такимъ образомъ, переходитъ на собаку, а изъ нея выходитъ вмѣстѣ съ лаемъ. Для излѣченія лихорадки, берутъ *яичную пленку* и надѣваютъ ее, какъ наперстокъ, на мизинецъ лѣвой руки; черезъ нѣсколько времени начинается ломота въ лѣвой рукѣ, пленка лопается, и ноготь обернутый ею сходитъ, что и служитъ признакомъ того, что лихорадка исчезла. Лихорадка—жидовка, и потому, можно еще выгнать ее изъ тѣла, вымазавшись свинымъ саломъ. Происхожденіе лихорадки объясняется такъ: люди сначала не знали этой болѣзни; когда Иродіадѣ принесли на блюдѣ голову Іоанна Крестителя, она отъ ужаса впервые затряслась въ лихорадкѣ. Отъ нея эта болѣзнь распространилась по всему свѣту; вотъ почему лихорадка считается жидовкой. Въ связи съ этимъ разсказомъ находится представленіе объ Іоаннѣ Крестителѣ, какъ о цѣлителѣ лихорадки. Страдающіе этой болѣзнью молятся ему, постятся въ пятницу и въ день Усѣкновенія. Нѣкоторое указаніе на то-же представленіе о лихорадкѣ можно видѣть еще въ слѣдующемъ способѣ ея лѣченія: нужно носить на шеѣ «жидывського Бога»; это—икона, нарисованная на телячьей

шкурѣ; добыть ее можетъ только «москаль» (солдатъ). Если не поможетъ ношенье этой иконы, то нужно прижечь ее на огнѣ и дымомъ ея подкурить больного.

Въ предупрежденіе заразы нужно, такъ сказать, окружить себя собственнымъ дыханіемъ: сначала подышать въ каждую ладонь поочередно и сунуть ихъ за пазуху; потомъ въ обѣ ладони сразу и обтереть ими лицо: „твый духъ при тоби,— говоритъ знахарка,—дакъ ничого до тебе и не пристане“.

Кромѣ этихъ средствъ, употребляемыхъ при лѣченіи болѣзней, существуютъ еще нѣкоторыя акушерскія средства. Въ предупрежденіе выкидыша повивальная бабка снимаетъ обручъ съ «дижки» (квашни) и трижды поднимаетъ имъ вверхъ животъ беременной. Во время родовъ бабка тѣмъ же обручемъ трижды надавливаетъ животъ роженицы сверху внизъ и затѣмъ разрываетъ обручъ. При трудныхъ родахъ мужъ роженицы беретъ ее подъ локти и встряхиваетъ, затѣмъ ложится на полъ, и жена трижды переступаетъ черезъ него. Въ домѣ растворяютъ сундуки, двери, разстегиваютъ платье, отворяютъ „дижу“ съ хлѣбомъ и проч. Во время купанья новорожденнаго бабка выпрямляетъ ему члены слѣдующимъ образомъ: вытягиваетъ лѣвую ногу и правую руку, а локоть лѣвой руки соединяетъ съ колѣномъ правой ноги, затѣмъ наоборотъ. Если на спинѣ новорожденнаго есть волосы, то бабка при купаньѣ стелетъ въ корыто съ водой на дно простыню, бросаетъ туда нѣсколько простыхъ колосьевъ ржи и кладетъ въ него ребенка потомъ сверху просѣиваетъ черезъ рѣшето на спину ребенка пепелъ. Волосы отъ этого должны исчезнуть. Если не снять волосы, то ребенокъ все будетъ выгибаться назадъ.

Второй способъ лѣченія, какъ я уже сказалъ, состоитъ въ употребленіи разныхъ суевѣрныхъ средствъ. Главное мѣсто между ними занимаютъ заговоры. Приведу тѣ, которые мнѣ удалось узнать. Но предварительно надо замѣтить, что передъ всякимъ заговоромъ произносится обыкновенно слѣдующая молитва: „Николай, угодныкъ Божій, помошныкъ Божій! Ты й у поли, ты й у доми, у пути й у дорози, на небеси и на земли; заступы и сохраны одъ усякого зла!“

1) *Чтобы выгнать болѣзнь изъ тѣла* произносятъ слѣдующій заговоръ: „Де люды не ходять, де пивень не піе, де сонце

не сходыть, де хрыстьянській голосъ не заходыть,—на очерета, на болота на быстрые воды! Тамъ соби гуляй, лозою хиляй, пескомъ посыпай! тамъ тоби гулять, роскоши мать!"

2) Заговоръ *отъ ломоты*, которая происходитъ отъ вѣтра: „Шла Маты Божа золотымъ мосточкомъ, золотымъципочкомъ. Дванадцять ангеловъ, Евангелысты, Хранысты, подайте меча съ подъ правого плеча, баби (диду) податы, хрещеному(имя) прысикаты (присѣчь), шобъ не ломыло, не палыло, шобъ не болило, шобъ зъ ногъ не валыло; трычи по трычи прысикаю, вырубаю и зарубаю". По произнесеніи этихъ словъ, знахарь или знахарка переступаетъ черезъ больного, топаетъ ногами и крестится.

3) Другой заговоръ *отъ ломоты*: „Якà болячка ломовая, костяная, золотушна, шобъ не палыло, шобъ не свирбило, не щемило, прысичу и засичу".

4) Заговоръ *отъ злыхъ духовъ*: „Лыхимы очима да сыль, да печина! Шо ты намъ, то й тоби: якъ намъ добре, дакъ и тоби нехай добре; якъ намъ худо, дакъ и тоби нехай худо! Нехай буде добре тоби й намъ!"

5) Когда *ребенокъ сильно плачетъ* обращаются къ знахаркѣ. Послѣдняя беретъ ребенка на руки и съ поклономъ обращается сначала къ образамъ: „Вамъ хороше стояты, нашей дытыноци крипко спаты! Дай Боже переспаты, здоровенькимъ статы, Божу волю маты, само себе забавляты! „Потомъ съ такимъ же поклономъ обращается къ столу: „Тыхо стылъ стоить, тыхо хлибъ лежить, подъ столомъ земля спыть; тымъ сномъ поздоровляю, крыкъ и зыкъ отбываю." Накопецъ къ порогу: „День добрый тоби дубе! Нá тоби, дубе, крыклывець и плаксывець; ты крыклывець соби, дубе, заберы, а сонъ крипкій прыделы!" Далѣе трижды: „тоби, дубе, крипко стояты, а нашей дытыноци крипко спаты!"

Такія же суевѣрія дополняютъ и украшаютъ и представленія о загробной жизни.

Приведу только два разсказа, могущихъ до нѣкоторой степени рисовать эти представленія. Въ одномъ изъ нихъ весь будущій міръ представляется въ видѣ 5-ти садовъ, и жизнь въ каждомъ изъ нихъ представляетъ извѣстную степень блаженства или мученій. Вотъ этотъ разсказъ:

Одному крестьянину, во время тяжкой болѣзни, явился во снѣ какой-то человѣкъ съ рыжей бородой и велѣлъ за собою слѣдовать. Долго шли они; наконецъ увидѣли передъ собою дверь. Человѣкъ съ рыжей бородой отперъ ее ключами, и взорамъ крестьянина представился цвѣтущій садъ, въ которомъ маленькія дѣти играли яблоками и бубликами. Осмотрѣвъ этотъ садъ, крестьянинъ со своимъ проводникомъ отправился дальше и увидѣлъ такой же садъ; здѣсь „парубки и дивчата" сидѣли и пѣли пѣсни. Третій садъ, который показалъ крестьянину неизвѣстный человѣкъ, не отличался уже такимъ богатствомъ растительности; здѣсь не было такого благоуханія цвѣтовъ и пѣнія райскихъ птицъ, какъ въ первыхъ двухъ. На травѣ сидѣли молодые женатые мужчины и женщины и мирно бесѣдовали. Въ четвертомъ саду, по правую сторону, сидѣли старики и курили трубки, въ дыму которыхъ еле можно было дышать; по лѣвую сидѣли старухи, окруженныя собственной слюной, и плевали вокругъ себя („отъ-то якъ плюнешъ та не розотрешъ",—прибавляетъ разсказчица,—то такъ тоби на тымъ свити и буде"). Подходя къ пятому саду, крестьянинъ еще издали почувствовалъ жаръ и услышалъ запахъ смолы. Когда проводникъ отперъ ему дверь сада, крестьянинъ увидѣлъ голыхъ людей, ворочавшихъ руками комья горящей смолы; не успѣлъ онъ ступить сюда, какъ ему опалило ноги, и онъ поспѣшилъ уйти. „Вотъ здѣсь будешь и ты",—сказалъ ему человѣкъ съ рыжей бородой,—„если не покаешься въ своихъ грѣхахъ".

Нужно замѣтить, что въ общемъ, представленія о блаженствѣ за гробомъ не отличаются такой грубостью, какъ можно было бы судить по этому разсказу.

До страшнаго суда души праведныхъ, по народному повѣрью, живутъ на дворѣ царя Давида. Все, что пожертвовано человѣкомъ на этомъ свѣтѣ въ пользу храмовъ и бѣдныхъ, въ будущемъ составляетъ его собственность и кладется тамъ передъ его душой на столѣ. Имѣя постоянно передъ глазами вещественное напоминанье о добрыхъ дѣлахъ, сдѣланныхъ на землѣ, душа испытываетъ блаженство.

Другой разсказъ можетъ служить отвѣтомъ на вопросъ: считаются-ли безгрѣшными души младенцевъ?

Младенецъ стучитъ въ дверь рая: „Я сегодня родился и крестился,—говоритъ онъ,—не грѣшенъ передъ Богомъ; впустите меня!“—„Какъ же ты не грѣшенъ, когда ты пролилъ кровь своей матери?“—отвѣчаетъ ему Богъ, и велитъ Ангелу дать младенцу большое блюдо, отвести его въ лѣсъ и не пускать въ рай, пока онъ не наполнитъ слезами всего блюда. Долго стоитъ ребенокъ въ лѣсу и плачетъ, но слезы не покрыли еще и дна блюда. Наконецъ проходятъ мимо него разбойники и спрашиваютъ, о чемъ онъ плачетъ. Младенецъ разсказалъ имъ о своемъ горѣ. Услышавъ, что ребенокъ страдаетъ такимъ образомъ только за то, что появился на свѣтъ, разбойники вспомнили свою грѣшную жизнь. Страхъ и раскаянье въ сдѣланныхъ преступленіяхъ овладѣло ими. Слезы ручьями потекли изъ ихъ глазъ и сразу переполнили блюдо. За это Богъ простилъ и ихъ, и ребенка, и всѣхъ принялъ въ рай.

Е. Шарко.

Алтайскій миссіонеръ, протоіерей В. И. Вербицкій.

(*Некрологъ*).

Еще одна тяжелая утрата для молодой русской этнографіи: 12-го октября минувшаго года въ Улалинскомъ станѣ Алтайской духовной миссіи скончался отъ болѣзни почекъ, на 63-мъ году отъ рожденія, помощникъ начальника миссіи Томской епархіи, протоіерей ***Василій Ивановичъ Вербицкій*** Жизнь покойнаго служитъ высоко - поучительнымъ примѣромъ того, что можетъ сдѣлать въ глухомъ, заброшенномъ углу человѣкъ, ищущій дѣятельности и желающій принести пользу какъ окружающимъ его, такъ и наукѣ. Сынъ дьячка Нижегородской епархіи, В. И. Вербицкій вскорѣ-же по окончаніи курса наукъ въ Нижегородской семинаріи прибылъ въ Сибирь и 37 лѣтъ своей жизни посвятилъ здѣсь миссіонерской дѣятельности на Алтаѣ, неутомимо трудясь въ то-же время по изученію мѣстнаго инородческаго населенія. Съ самаго-же начала своего поступленія въ миссію о. Вербицкій, прекрасно сознавая, что безъ знанія языка мѣстныхъ инородцевъ немыслимы ни успѣшная среди нихъ миссіонерская дѣятельность, ни столь тѣсно связанная съ нею для каждаго миссіонера дѣятельность въ области этнографіи, горячо принимается за изученіе алтайскаго языка. Результатомъ этого изученія является сначала его „Краткая грамматика алтайскаго языка", а потомъ, по накопленіи достаточнаго матеріала, собиравшагося непрерывно въ продолженіе 30-ти слишкомъ лѣтъ, онъ даритъ этнографію капитальнымъ лингвистическимъ трудомъ, обнимающимъ около 500 страницъ, подъ заглавіемъ: „Словарь алтайскаго и аладагскаго нарѣчій тюркскаго языка". Рядомъ съ собираніемъ лексикологическаго матеріала идетъ и всестороннее изученіе быта алтайскихъ инородцевъ. Въ многочисленныхъ статьяхъ о. Вербицкаго, разбросанныхъ, къ сожалѣнію, по разнымъ изданіямъ (въ „Вѣстникѣ Имп. Рус. Географ. Общества", „Православномъ Обозрѣніи", „Томскихъ Губ. Вѣд.", „Томскихъ Епарх. Вѣд.", „Памятныхъ книжкахъ Томской губ.", „Восточ-

номъ Обозрѣніи“ и въ приложеніи къ нему—„Литератур. Сборникѣ“), этнографія впервые обогащается подробными и въ высшей степени цѣнными для нея свѣдѣніями о кочевникахъ Алтая. Прилагаемый ниже списокъ трудовъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ свидѣтельствуетъ о важности ихъ для этнографіи. Трудно указать на какую-либо сторону быта алтайцевъ,—матеріальнаго или духовнаго,—которая не заинтересовала-бы пытливый умъ миссіонера-этнографа и не была-бы изучена имъ въ возможной полнотѣ. Особенное же вниманіе о. Вербицкаго всегда приковывала къ себѣ миѳологія алтайцевъ, насколько исполненная образной поэзіи, настолько-же полная высоко-научнаго значенія. Миѳы и легенды, собранные В. И. Вербицкимъ среди инородцевъ Алтая, заключаютъ въ себѣ драгоцѣннѣйшій источникъ для этнографіи вообще, и для фольклора въ частности, лучшимъ доказательствомъ чему можетъ служить уже одно то, что наши извѣстные фольклористы не разъ черпали для себя матеріалъ изъ этого источника, хотя отыскивать его приходится въ мало извѣстныхъ и трудно находимыхъ изданіяхъ (полный экземпляръ, напр., „Томскихъ Губ. Вѣд.“, въ которыхъ преимущественно и печатались статьи покойнаго, находится въ Евр. Россіи только въ С.-Петерб. Имп. Публич. Библіотекѣ).

Послѣднее обстоятельство—разбросанность статей прот. Вербицкаго по мало доступнымъ изданіямъ—невольно наводитъ насъ на мысль объ изданіи сборника статей покойнаго. Осуществленіе этой мысли является крайне желательнымъ и необходимымъ. Съ одной стороны, сборникъ этотъ, заключая въ себѣ пока *единственное* столь подробное и разностороннее описаніе быта алтайцевъ, какое сдѣлано покойнымъ о. Вербицкимъ, будетъ имѣть важное научное значеніе; съ другой—изданіемъ его почтится достойнымъ образомъ память неутомимаго труженика-этнографа, всю свою жизнь посвятившаго безкорыстному служенію наукѣ. Мы надѣемся, что мысль наша встрѣтитъ должное сочувствіе во всѣхъ, кому дороги успѣхи родной этнографіи и кто привыкъ цѣнить заслуги такихъ, столь рѣдкихъ въ наше время, ея дѣятелей, однимъ изъ которыхъ былъ покойный протоіерей. Сочувствіе дѣлу изданія сборника можетъ быть выражено какъ въ матеріальной поддержкѣ, такъ и въ сообщеніи данныхъ для подробной біографіи покойнаго, которую предполагается, вмѣстѣ съ портретомъ о. Вербицкаго, приложить къ сборнику *).

***) Сборникъ будетъ разосланъ всѣмъ лицамъ, внесшимъ на изданіе его не менѣе 2-хъ рублей (къ сборнику будетъ приложенъ ихъ списокъ). Какъ деньги, такъ и біографическія свѣдѣнія объ о. Вербицкомъ просимъ адресовать: *Въ редакцію „Этнографическаго Обозрѣнія“* (*Москва, Политехническій Музей*).**

Труды прот. В. И. Вербицкаго:

1). **Краткая грамматика алтайскаго языка**, подъ редакціей Н. И. Ильминскаго. Казань. 1869 г.

2). **Словарь алтайскаго и аладагскаго нарѣчій тюркскаго языка.** Изданіе Православнаго Миссіонерскаго Общества. Казань. 1884 г. IV + 494 in 8⁰.

3). **Замѣтки кочеваго алтайца.** „Вѣстникъ Имп. Рус. Геогр. Общ.", 1858 г., кн. XI, стр. 77—109.

4). **Записки миссіонера кузнецкаго отдѣленія Алтайской духовной миссіи.** „Православное Обозрѣніе" 1863—1869 гг. и „Томскія Губ. Вѣд.", 1875 г., №№ 15, 17, 18, 22, 23, 25, 28—33.

5). **Алтайцы.** Содержаніе: топографія Алтая и его естественныя произведенія; происхожденіе алтайскихъ инородцевъ и раздѣленіе ихъ на племена: 1) алт. калмыки, 2) калмыки—двоеданцы, 3) телеуты и 4) черневые татары; наружный видъ алтайцевъ; одежда и обувь; жилища; пища и питье; языкъ; вѣрованія; преданія: 1) о сотвореніи міра; 2) обширность мірозданія; 3) о происхожденіи Эрлика и другихъ разумныхъ существъ; 4) ссылка Эрлика, его нападенія на человѣка; виновность человѣка и осужденіе (**1**); 5) міръ Эрлика; брань Мангдышіре съ нимъ и его силою; низверженіе Эрлика и слугъ его съ неба на землю и съ земли въ преисподнюю (**2**); 6) о всемірномъ потопѣ (**3**); 7) происхожденіе шаманства; раздѣленіе языковъ и опредѣленіе безграмотства (**4**); 8) о Тенгере—Тедыгечі—небозаключителѣ (**5**); 9) Тенгере—Тедыгечі въ царствованіе Шаржаалты 2-го; 10) кончина вѣка съ ея признаками (**6**); историческія, богатырскія и др. преданія: 1) о подданствѣ Россіи телеутовъ (**7**); 2) о подданствѣ Россіи телеутовъ—скедамовъ; 3) о междоусобной войнѣ Амыр-Санаги съ Чаган-Нараттаномъ; 4) происхожденіе народа „туургутъ" и о подданствѣ Россіи алтайскихъ калмыковъ; 5) о Телецкомъ озерѣ (**8**); 6) Мрасскій порогъ (**9**); 7) богатыри рѣки Катуни; 8) богатырь горы Катуни (**10**); 9) гора Катунь; 10) Мустагъ, Карабуръ и Кізей; 11) Азра-дашь (**11**); 12) Туралыгъ; 13) китайскій богатырь Садагай (**12**); 14) Тахпах-ажіги; 15) миѳъ о происхожденіи верблюда и осла (**13**); 16) Алтайская чудь; 17) происхожденіе сёока мундусовъ и теолессовъ; 18) участь грамотности алтайцевъ (**14**); нравы, обычаи, обряды, и примѣты; лѣченіе болѣзней; пѣсни: 1) о разореніи Алтая; 2) тюремная пѣсня алтайскаго батыря Канзы (**15**); 3) бородастый Тень-бегей; 4) плачъ о потерѣ мужа; 5) жалобы влюбленнаго; 6) похвала супругѣ; 7) разлука съ супругою; 8) грустныя чувства на чужбинѣ; 9) признательность къ родителямъ; 10) безполезность имѣнія по смерти; 11) жалобы на одиночество; 12) воспоминаніе товарищества; 13) воспоминаніе о родныхъ и знакомыхъ; 14) ожиданіе роднаго; 15) плачъ о потерѣ сына; 16) о дружелюбіи и согласіи; 17) нужда въ пѣсенникѣ; 18) надежда сироты; 19) желанія родителей; 20) разлука съ дочерью; 21) состраданіе къ птицамъ пернатымъ; 22) Орадый и Урей и 7 пѣсенъ безъ названій; пословицы; загадки. „Томскія Губ. Вѣд." 1869 г. №№ 30—33, 35, 37—42, 44—47, 49 51, и 1870 г. №№ 1—5, 7—13, 16—19. Преданія, за названіемъ которыхъ стоятъ цифры въ скобкахъ, были напечатаны ранѣе въ тѣхъ-же „Томскихъ Губ. Вѣд.," именно: **1**—1859 г., № 29; **2**—1859 г., № 45; **3**—1865 г., № 6 (см. также статью о. Вербицкаго: „Какъ мы отыскивали Ноевъ ковчегъ" въ „Восточномъ Обозрѣніи" 1882 г., № 30); **4**—1865 г., №№ 17 и 18; **5**—1865 г., № 31; **6**—1860 г., № 30; **7**—1858 г., № 29; **8**—1860 г., № 37; **9**—1862 г., № 37; **10**—1862 г., № 24; **11**—1861 г., № 27; **12**—1859 г., № 45; **13**—1861 г., № 32; **14**—1865 г., № 18; **15**—1864 г., № 9.

6). **Кочевья инородцевъ Кузнецкаго округа по рр. Томи, Мрассѣ, и Кондомѣ.** „Памятная книжка Томской губ. на 1871 г.," изд. Томскаго статист. комитета.

7). **Очеркъ дѣятельности Алтайской духовной миссіи по случаю пятидесятилѣтняго ея юбилея** (1830—1880 г.). „Памятная книжка Томской губ. 1885 г.," изд. Томскаго статист. комитета. Томскъ, 1885 г., стр. 142—221.

8). **Краткія свѣдѣнія объ Алтайской дух. миссіи, извлеченныя изъ рапорта помощника начальника миссій Томской епархіи, протоіерея Вербицкаго, пред-**

ставленнаго имъ его преосвященству, преосвященнѣйшему Исаакію при обозрѣніи епархіи (происхожденіе алтайскихъ инородцевъ, раздѣленіе ихъ и подданство Россіи, ихъ языкъ, вѣрованія, шаманство, жертвоприношенія, нравы, обычаи и обряды). „Томскія Епарх. Вѣд.,“ 1886 г., №№ 19—22.

9). Міросозерцаніе и народное творчество сибирскихъ инородческихъ племенъ (этнографич. матеріалы): Алтайскія горы по легендамъ инородцевъ: 1) Абакан. 2) Шанчилык, 3) Кізей, 4) Туралыг, 5) Садагай-гая, 6) Кылан, 7) Мазарак. 8) Кызыл-гая, 9) Улуг-таг, 10) Курт'-як таш, 11) Катун, 12) Ак-гая, 13) Патно-гаязы, 14) Манак, 15) Ог-аттыг таш, 16) Казырган и Кедере-даг; 17) Унзас-каябажы. „Литературный Сборникъ,“ изд. редакціи „Восточнаго Обозрѣнія.“ Спб. 1885 г., стр. 337—351.

10). Сказка у алтайскихъ инородцевъ: происхожденіе богатырей; предсказанія о рожденіи ихъ; опасности, которымъ подвергаются они во чревѣ матерей своихъ; рожденіе ихъ большею частію отъ престарѣлыхъ родителей; нареченіе имени; ростъ богатырей и дѣтская сила; богатыр. сѣдло; богатыр. вооруженіе; богатыр. сила; богатыр. ѣзда; богатыр. битвы. „Томскія Губ. Вѣд.“ 1882 г. №№ 33, 44, 45, и 1883 г. №№ 8, 14—16.

11). Памятники наказанной вѣтренности и ослушанія (преданія алтайцевъ о богатыряхъ, обратившихся потомъ въ горы: Абаганъ, Мустагъ и Азрадэшь). Томскія Губ. Вѣд.,“ 1861 г., № 27.

12). Алтайскій богатырь Ольгудэкъ (преданіе черневыхъ татаръ). „Томскія Губ. Вѣд.,“ 1868 г., № 2.

13). Люди, превратившіеся въ звѣрей и птицъ (изъ естественной исторіи алтайцевъ): медвѣдь, кукушка, иволга, глухарь и коростель. „Том. Г. В.,“ 1869 г., № 39.

14). Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ, собранные В. В. Радловымъ (Спб., 1866 г.). „Томскія Г. В.,“ 1874 г., №№ 18, 19, 21 и 22.

15). Мустагъ, Карабуръ, Кізей и Туралыгъ (легенды кузнецкихъ татаръ объ образованіи этихъ горъ). „Томск. Губ. В.,“ 1865 г., № 1.

16). Тюрунъ—Музыкай; легенды алтайцевъ о происхожденіи разноцвѣтныхъ камней и насѣкомыхъ. „Томск. Г. В.,“ 1863 г., № 27.

17). Замѣчанія на статью объ Алтаѣ: „Татарскія пѣсни“, Н. Ананьина, въ „Томск. Г. В.,“ 1859 г., № 2 (приведена легенда о сотвореніи міра). „Томск. Губ. В.,“ 1859 г., № 13.

18). Первая пища человѣка по изгнаніи его изъ „аруунь-сюдюнь;“ вражда съ животными; происхожденіе огня, супружества и смерти (по сказанію алтайскихъ инородцевъ). „Томскія Губ. В.,“ 1859 г., № 38.

19). Понятія алтайскихъ инородцевъ о душѣ. „Том. Г. В.“ 1860 г., № 5.

20). Названія мѣсяцевъ у черневыхъ инородцевъ Кузнецкаго окр.: 1) по весеннему равноденствію, 2) по продолжительности дня, 3) по созрѣваемости хлѣба, 4) по метеорологическимъ свойствамъ и 5) по занятіямъ, свойственнымъ извѣстному мѣсяцу. „Томскія Губ. В.,“ 1864 г., № 3.

21). Сеоки (кость, родъ, поколѣніе) алтайцевъ. „Томск. Г. В.,“ 1865 г., № 42.

22). Алтайская береза (о почитаніи ея у алтайскихъ калмыковъ и кузнецкихъ татаръ). „Томск. Г. В..“ 1859 г., № 5.

23). Питье въ Алтаѣ (вода, чегэнь, кумысъ и арака). „Том. Г. В.,“ 1861 г., № 14.

24). Младенческая корзинка (люлька) у алтайскихъ инородцевъ. „Томск. Г. В.,“ 1863 г., № 49.

25). „Сагыры“ (приготовленіе кожъ на Алтаѣ). „Томск. Г. В.,“ 1864 г., № 29.

26). Пятьсотъ областныхъ словъ, употребляемыхъ при-алтайскими крестьянами. „Томскія Губ Вѣд.,“ 1858 г. № 30, 1862 г. №№ 7, 16, 48, 49 и 1863 г. № 26.

27). Предразсудки и суевѣрія при-алтайскихъ крестьянъ: 1) въ религіозномъ отношеніи, 2) въ домашнемъ хозяйствѣ и 3) въ лѣченіи болѣзней. „Томск. Губ. В.,“ 1863 г., № 12.

28). Русская парная баня. „Томск. Г. В.,“ 1862 г., № 40.

1891 г., 8 марта.

Ал. Ивановскій.

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

1. Книги, ученыя и справочныя изданія.

А. Н. Пыпинъ.—Исторія русской этнографіи. Томъ II: Общій обзоръ изученій народности и этнографія великорусская. СПБ. 1891 г.

Заглавіе и подзаглавіе второго тома изслѣдованія А. Н. Пыпина тѣ же, какъ и въ первомъ томѣ,— и столь же мало характеризуютъ дѣйствительное содержаніе его труда. Мы совершенно согласны съ авторомъ, что «границы этнографіи вообще трудно опредѣлимы, и особенно трудно опредѣлимы, относительно нашего матеріала и въ нашемъ состояніи науки». Но тѣмъ менѣе удобно, какъ намъ кажется, дѣлать изъ столь неопредѣленнаго термина заглавіе книги. Неопредѣленности заглавія соотвѣтствуетъ, правда, въ данномъ случаѣ и нѣкоторая неопредѣленность очертаній, въ которыхъ движется изложеніе автора. Предметомъ своихъ изслѣдованій авторъ дѣлаетъ не только ходъ *научнаго „изученія* народности“, со всѣхъ тѣхъ сторонъ, въ которыхъ характерныя черты народности могутъ проявиться: со стороны языка, религіи, народнаго творчества, матеріальнаго и юридическаго быта, историческаго процесса; параллельно съ этимъ онъ изучаетъ также и „развитіе *общаго интереса* къ изученію народности“, насколько оно выражается въ литературѣ и публицистикѣ. Итакъ, въ книгѣ А. Н. Пыпина мы получаемъ, съ одной стороны, рядъ весьма интересныхъ эпизодовъ изъ исторіи нѣсколькихъ спеціальныхъ наукъ, имѣющихъ или могущихъ имѣть отношеніе къ этнографіи; съ другой стороны, такой же рядъ эпизодовъ изъ исторіи общественныхъ настроеній, насколько послѣднія отражались во взглядахъ на народъ русскаго образованнаго общества. Тотъ и другой рядъ наблюденій сводятся въ одно цѣлое той основной задачей автора, о которой мы говорили въ рецензіи на первый томъ „Исторіи русской этнографіи“ (Этн. Об. VII), именно, желаніемъ познакомить читающую публику съ тѣмъ, что сдѣлано русской наукой, литературой и публицистикой для рѣшенія столь важнаго вопроса, какимъ является вопросъ о соціальной, политической и культурной роли русскаго народа въ русскомъ прошломъ, настоящемъ и будущемъ. Тотъ, кто не хочетъ спорить противъ возможности самой постановки такой задачи, не будетъ, конечно, возражать и противъ сопоставленія

ряда отдѣльныхъ фактовъ изъ исторіи русской науки и русскаго просвѣщенія, нужныхъ для ея выясненія.

Мы были бы, конечно, несправедливы къ автору, если бы потребовали, чтобъ онъ разрѣшилъ поставленную задачу въ полномъ размѣрѣ. Такое разрѣшеніе есть, разумѣется, дѣло самой науки въ ея окончательномъ развитіи, а не ея популяризатора и историка. Послѣдній не можетъ уйти дальше того, что даетъ наука въ ея современномъ состояніи; его задача состоитъ лишь въ томъ, чтобъ это современное состояніе изобразить наиболѣе полно и точно. Съ этой только точки зрѣнія мы и можемъ судить о томъ, въ какой степени авторъ приблизился къ выполненію своей задачи.

Довольно естественно, что, въ качествѣ популяризатора науки, А. Н Пыпинъ наиболѣе полно и обстоятельно воспользовался тѣми отдѣлами ея, которые ближе соприкасаются съ его собственной спеціальностью — исторіей литературы. Почти половина всего II-го тома занята исторіей изученія древней народной словесности и вѣрованій. Здѣсь находимъ очень обстоятельныя характеристики дѣятельности Ѳ. И. Буслаева и А. Н. Аѳанасьева (III и IV главы); затѣмъ, двѣ очень интересныя главы (VIII и IX) посвящены изложенію ученыхъ споровъ о происхожденіи русскаго народнаго эпоса: результаты новѣйшихъ изслѣдованій А. Н. Веселовскаго и И. В. Ягича едва ли не впервые становятся доступными для большой публики въ этомъ изложеніи А. Н. Пыпина. Положительныхъ выводовъ для познанія „народности“ новая школа, правда, не даетъ никакихъ; за то она приходитъ къ очень важному отрицательному: дѣятельность этой школы окончательно отодвигаетъ въ прошлое всѣ смѣлыя народно-психологическія построенія, всѣ болѣе или менѣе остроумныя попытки проникнуть въ народную душу съ помощью героевъ народнаго эпоса. Этимъ, однако, вопросъ о народно-психологическомъ значеніи произведеній народной словесности не упраздняется, а лишь — отчасти денаціонализируется, отчасти же — въ національномъ смыслѣ — отсрочивается впредь до накопленія современной наукой болѣе надежныхъ матеріаловъ для его разрѣшенія.

Второе мѣсто послѣ литературы занимаетъ, въ изложеніи автора, исторія. Развитіе русской исторической науки интересуетъ А. Н. Пыпина, главнымъ образомъ, въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, по скольку оно содѣйствуетъ разрушенію славянофильской исторической схемы, во-вторыхъ, поскольку оно вводитъ народъ въ сферу историческаго изученія. Славянофильскому взгляду на исторію посвящена цѣлая глава (VII), въ которой авторъ излагаетъ историческіе взгляды К. Аксакова и полемизируетъ, преимущественно, противъ славянофильскихъ воззрѣній на реформу Петра Великаго. Славянофильство, несомнѣнно, есть заразъ и крупный фактъ въ исторіи русской науки и въ исторіи русскихъ общественныхъ движеній: намъ кажется, что А. Н. Пыпинъ недостаточно строго различаетъ эти два вида славянофильства: славянофильскую доктрину и славянофильство, какъ извѣстную общественную — политическую группу.

Нападая, большею частью, вполнѣ справедливо, на публицистическую практику славянофильства, онъ не вполнѣ точно и отчетливо формулируетъ его теорію и поэтому не даетъ читателю яснаго представленія о генезисѣ и развитіи этой теоріи. Этимъ же, повидимому объясняется и почти полное игнорированіе авторомъ неославянофильства. Съ своей точки зрѣнія авторъ, конечно, правъ, преслѣдуя преимущественно *ходячія* воззрѣнія партіи, примыкающей къ славянофильству, какъ наиболѣе вредныя, именно, въ силу своей распространенности; но за то онъ даетъ этимъ возможность и всѣмъ противникамъ замѣтить, что нападенія, направленныя противъ популярныхъ искаженій славянофильской теоріи, мало задѣваютъ самую эту теорію. Другой результатъ, интересующій автора въ развитіи русской исторической науки, заключается, какъ мы сказали, въ изученіи исторической роли народа; стремленіе раскрыть народную сторону исторіи, изучить „роль народа, его силъ и характера въ созданіи государства и судьбу народа въ новѣйшемъ государствѣ"—составляетъ, по мнѣнію А. Н. Пыпина, особенную заслугу новѣшей исторіографіи (стр. 171).

Очень скромный придатокъ къ разсмотрѣннымъ двумъ отдѣламъ, утилизирующимъ выводы современнаго историко-литературнаго и историческаго изученія, составляютъ сообщаемыя авторомъ свѣдѣнія объ изученіи другихъ сторонъ народности: языка, права, матеріальнаго и экономическаго быта. Читатель чувствуетъ, какъ по мѣрѣ удаленія отъ народно-психологическихъ и культурно-историческихъ вопросовъ и по мѣрѣ приближенія къ историко-юридическимъ и историко-экономическимъ вниманіе автора ослабѣваетъ, и притомъ гораздо быстрѣе. чѣмъ уменьшается важность самыхъ вопросовъ для его темы. На самомъ дѣлѣ, если гдѣ историческое изученіе упразднило навсегда самую возможность славяновянофильской схемы, такъ это именно въ этихъ сферахъ народной жизни. Что касается, далѣе, вопросовъ историко-географическихъ, здѣсь сообщенія автора ограничиваются уже нѣсколькими библіографическими справками; но и такихъ справокъ не находимъ для вопросовъ историко-этнологическихъ, которые, кажется, должны бы занять не послѣднее мѣсто въ „Исторіи русской этнографіи".

Соотвѣтствуетъ ли указанная неравномѣрность освѣщенія—сравнительно большей важности, которую приписываетъ авторъ въ ученіи о народности культурнымъ даннымъ сравнительно съ соціальными, политическими и антропо-географическими? Въ такомъ случаѣ, съ нашей точки зрѣнія, это было бы теоретической ошибкой, которая доказывала бы для насъ, что авторъ еще стоитъ на одной и той же теоретической почвѣ съ своими противниками. Или же эта неравномѣрность есть невольная дань ученаго излюбленной имъ спеціальности? Въ такомъ случаѣ, будемъ благодарны А. Н. Пыпину и за то, что онъ далъ, что могъ. Мы впрочемъ далеко еще не покончили съ перечисленіемъ того, что дѣйствительно далъ А. Н. Пыпинъ въ разсмотрѣнномъ II томѣ. Мы говорили выше, что кромѣ данныхъ изъ исторіи русской науки, онъ группируетъ также данныя изъ исторіи русскаго общественнаго мнѣнія. Отношенію

къ народу беллетристики и публицистики посвящены двѣ послѣднія главы второго тома (XI и XII). Здѣсь читатель найдетъ много остроумныхъ замѣчаній и тонкихъ наблюденій надъ постепеннымъ развитіемъ знакомства съ народомъ среди русской читающей публики,—начиная съ того момента, когда народъ впервые появился въ русскомъ романѣ, въ качествѣ случайнаго гостя, котораго или показывали публикѣ какъ этнографическій курьезъ или принаряжали для соблюденія литературнаго приличія въ барскія чувства и понятія,—и кончая послѣднимъ временемъ, когда этотъ гость самъ сталъ въ литературѣ хозяиномъ, завоевалъ себѣ право въ литературномъ изображеніи оставаться самимъ собой и настолько пріучилъ публику къ своей физіономіи, что она могла, уже не развлекаясь его бытовыми особенностями, прислушаться внимательнѣе къ его рѣчамъ, и вглядѣться пристальнѣе въ его житейскую обстановку.

Главный интересъ второй изъ названныхъ двухъ главъ составляетъ критика *народнической теоріи*. „Народничество, о которомъ говорилось такъ много въ 1870-хъ и 1880-хъ годахъ есть нѣчто весьма неясное не легко опредѣлимое произвольное".—такъ начинаетъ А. Н. Пыпинъ эту главу, и затѣмъ старается разобраться въ основныхъ понятіяхъ, на которыхъ построена народническая теорія. Въ результатѣ разбора онъ находитъ въ основѣ теоріи двѣ существенныя ошибки. Во первыхъ, народничество слишкомъ выдѣляетъ „деревню" изъ общаго политическаго и общественнаго быта страны и, добровольно съужая такимъ образомъ сферу своихъ наблюденій, этимъ самымъ лишается возможности правильно разрѣшить и даже поставить возбуждаемые жизнью „деревни" вопросы. Во вторыхъ, именно вслѣдствіе этого, народничество, въ лицѣ большинства своихъ представителей, приходитъ къ очень страннымъ выводамъ о роли „интеллигенціи" и „европейской цивилизаціи", видя въ первой только непроизводительный классъ, а во второй—только проводникъ патентованной формы „хищничества", экономической эксплуатаціи. Этими основными надоразумѣніями объясняется, по мнѣнію А. Н. Пыпина, и то положеніе, которое занимаютъ иногда народники въ общественной группировкѣ, громя „либерализмъ" и получая въ награду за это рукоплесканія настоящихъ обскурантовъ.

Мы очень сочувствуемъ всему, что говоритъ почтенный авторъ, возражая противъ теоріи народничества. Но мы опасаемся, что причины разногласія двухъ теорій не ограничиваются указанными А. Н. Пыпинымъ терминологическими недоразумѣніями Народничество, какъ славянофильство, имѣетъ свою теорію и свои популярныя искаженія. Возражать противъ послѣднихъ—еще не значитъ уничтожить основанія первой, и теоретики народничества, какъ теоретики славянофильства, будутъ до нѣкоторой степени правы, если отвѣтятъ А. Н. Пыпину, что его критическія замѣчанія бьютъ иногда мимо цѣли. На самомъ дѣлѣ, народники могутъ называть непроизводительный классъ не „интеллигенціей", а непроизводительнымъ классомъ, и современныя формы экономической эксплуатаціи не „европеизмомъ", а именно—экономической эксплуатаціей; вмѣ-

стѣ съ этимъ уничтожатся, конечно, многія странности и наивности народнической теоріи; но самая теорія отъ того, навѣрное, не уничтожится и даже не станетъ слабѣе, а только возражать противъ нея будетъ нѣсколько труднѣе, потому что нужно будетъ возражать уже по существу.

Мы не можемъ закончить этой рецензіи, не упомянувъ о томъ, что книга А. Н. Пыпина вызвала два очень интересные автобіографическіе этюда, принадлежащіе перу двухъ весьма крупныхъ представителей русской науки. Одинъ изъ нихъ помѣщенъ въ приложеніи къ самой книгѣ, именно автобіографическая замѣтка проф. А. Н Веселовскаго съ весьма любопытными подробностями объ обстоятельствахъ, опредѣлившихъ его ученое направленіе. Другой этюдъ, принадлежащій В. И. Ламанскому, имѣетъ форму полемической статьи противъ II тома „Исторіи русской этнографіи“ и помѣщенъ во II выпускѣ „Живой Старины“ (218 233); статья эта, конечно, прежде всего важна въ критическомъ отношеніи, такъ какъ въ ней отмѣчены нѣкоторыя послѣдствія односторонности той точки зрѣнія, на которой стоитъ А. Н. Пыпинъ. Но едва ли не важнѣе статья В. И. Ламанскаго для характеристики не г. Пыпина, литературная физіономія котораго достаточно извѣстна, а самого автора, который, по свойству своей дѣятельности, имѣлъ меньше случаевъ высказываться передъ большой публикой. Особенно цѣнны сообщенія В. И. Ламанскаго о хорошо извѣстныхъ ему лицахъ славянофильскаго кружка, а также о С. М. Соловьевѣ. Личный элементъ въ этихъ сообщеніяхъ, несомнѣнно, также очень подчеркнутъ, но именно поэтому и легко отдѣлить его отъ важныхъ фактическихъ показаній, имѣющихъ всю цѣну историческаго свидѣтельства современника.

П. Милюковъ.

Н. И. Костомаровъ.—Литературное наслѣдіе. *(Автобіографія. Сцены. Историческіе отрывки. Малорусская нородная поэзія. Послѣдняя работа).* Съ портретомъ, факсимиле, тремя рисунками и библіографическимъ указателемъ. Спб. 1890. Ц. 3 р. 50 к.

Имя покойнаго Н. И. Костомарова, несомнѣнно, должно привлекать къ себѣ всѣхъ работниковъ въ области русской этнографической науки, понимаемой въ обширномъ смыслѣ. Явившись представителемъ федеративной теоріи о началѣ древней Руси, теоріи, первые зачатки которой нельзя не видѣть въ молодыхъ политическихъ мечтаніяхъ о славянской взаимности и славянской федераціи (стр. 61: „федеративный строй, какъ самое счастливое теченіе общественной жизни славянскихъ націй“; „мысль о славянской взаимности и славянской федераціи оставалась у меня, какъ завѣтная въ жизни“, стр. 63., срв. стр. 113 и 121), Н. И. Костомаровъ не разъ подчеркивалъ въ своихъ трудахъ значеніе этнографіи, не разъ обращался къ ней и самъ. Въ обширномъ библіографическомъ указателѣ трудовъ Н. И. Костомарова, приложенномъ къ настоящему изданію (см. дополненіе къ нему въ „Русской Старинѣ“ 1891 г. № 2, стр. 484), перечислено до 36 №№. такъ или иначе относящихся къ русской этно-

графіи (именно: №№ 8, 9, 15, 16, 17, 18, 20, 21, 24, 35, 49, 52, 53, 64, 72, 74, 82, 104, 122, 124. 126, 132, 178, 195, 197, 199. 201, 207, 226, 231, 241, 270, 282, 285, 308, 314,). Просматривая автобіографію Н. И. Костомарова въ названномъ изданіи, читатели безъ особаго труда знакомятся съ этнографическими вкусами покойнаго историка, происхожденіе и развитіе которыхъ, стоитъ въ тѣсной связи съ первоначальными условіями его жизни. Онъ подошелъ къ этнографіи со стороны исторіи, интересъ къ которой сумѣлъ возбудить въ немъ харьковскій профессоръ всеобщей исторіи Михаилъ Михайловичъ Лунинъ (см. стр. 22), принадлежавшій къ школѣ живописцевъ — историковъ (онъ называлъ Вальтеръ-Скотта „абботсфордскимъ чародѣемъ"; въ Журналѣ Минист. Народнаго Просвѣщ. есть, кажется, статья М. М. Лунина о Вальтеръ-Скоттѣ). Кое-что въ указанномъ смыслѣ, можетъ быть, перепало Н. И. Костомарову и отъ проф. Гулака Артеровскаго (срв. стр. 96 „Исторической записки Москов. Археол. Общества". М. 1890). Зачитываясь въ концѣ тридцатыхъ годовъ историческими сочиненіями, Н. И. Костомаровъ приходитъ къ вопросу: „отчего это во всѣхъ исторіяхъ толкуютъ о выдающихся государственныхъ дѣятеляхъ, иногда о законахъ и учрежденіяхъ, но какъ будто пренебрегаютъ жизнью народной массы?" (стр. 28). „Бѣдный мужикъ, земледѣлецъ-труженикъ какъ будто не существуетъ для исторіи; отчего исторія не говоритъ намъ ничего о его *бытѣ*, о его духовной жизни, о его чувствованіяхъ, способѣ его радостей и печалей". Отвѣчая на поставленный вопросъ, Н. И. Костомаровъ приходитъ къ убѣжденію, что „исторію нужно изучать не только по мертвымъ лѣтописямъ и запискамъ, а и въ *живомъ народѣ*". Такъ началось увлеченіе этнографіей, и въ частности малорусской народностью, усиленное знакомствомъ съ Из. Ив. Срезневскимъ, а позднѣе кружкомъ молодежи, увлекавшимся малорусскою поэзіей, этнографіей („преданныхъ идеѣ возрожденія малорусскаго языка и литературы" стр. 36) и писавшимъ по-малорусски повѣсти и стихотворенія (см., напр., малороссійскій отдѣлъ „Молодика" на 1843 г., изданнаго И. Бецкимъ). Стихотвореніями на малорусскомъ языкѣ не разъ грѣшилъ и самъ Н. И. Костомаровъ. Тогда же, въ концѣ тридцатыхъ годовъ, начались и этнографическія экскурсіи Н. И. Костомарова.

„Я началъ,—пишетъ покойный историкъ (стр. 29),—дѣлать этнографическія экскурсіи изъ Харькова по сосѣднимъ селамъ, по шинкамъ, которые въ то время были настоящими народными клубами... Я слушалъ рѣчь и разговоры, записывалъ слова и выраженія, вмѣшивался въ бесѣды, разспрашивалъ о народномъ житьѣ-бытьѣ, записывалъ сообщаемыя извѣстія и заставлялъ пѣть пѣсни". Послѣ своего учительства въ ровенской гимназіи, возвращаясь въ 1845 году въ Кіевъ, онъ вывезъ съ Волыни „большой ворохъ народныхъ пѣсенъ и записанныхъ преданій и разсказовъ". Матеріалъ этотъ былъ собранъ отчасти самимъ Н. И. Костомаровымъ, отчасти его учениками, которыхъ онъ сумѣлъ пріохотить къ собиранію народныхъ памятниковъ (стр. 59). Та же дѣятельность

въ интересахъ этнографіи продолжалась и въ періодъ саратовской ссылки. Въ Саратовѣ Н. И. Костомаровъ собиралъ мѣстныя народныя пѣсни вмѣстѣ съ г-жею А. Н. Пасхаловой. „Мы приглашали, пишетъ онъ (стр. 13, срв. стр. 69), простонародныхъ мужчинъ и женщинъ, заставляли пѣть пѣсни и записывали ихъ; кромѣ того, въ самомъ городѣ я преусердно ходилъ всюду, гдѣ только могъ найти себѣ пѣсенную добычу". Плодомъ этихъ занятій были сборники пѣсенъ, изданные Н. И. Костомаровымъ въ 50-хъ и 60-хъ г.г., а также его научные статьи по вопросамъ русской народной поэзіи и особливые взгляды на характеръ и цѣли изученія русской исторіи. Въ своемъ интересѣ къ народу, къ народной и общественной жизни („покойнаго Костомарова трудно упрекнуть въ недостаткѣ внимательности къ историческимъ явленіямъ, въ которыхъ можно замѣтить участіе общества", говоритъ проф. В. О. Ключевскій въ „Русской Мысли" 1890 г. № 1, стр. 145), Н. И. Костомаровъ былъ однимъ изъ смѣлыхъ новаторовъ, которому приходилось выслушивать укоры за свое пристрастіе къ мужику и съ высоты профессорской каѳедры, и изъ подвала цензорской канцеляріи. Въ своей диссертаціи, „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи" (1843) онъ имѣлъ въ виду провести „задушевную мысль объ изученіи исторіи на основаніи народныхъ памятниковъ и знакомства съ народомъ, его преданіями, обычаями и способами выраженія мыслей и чувствованій. Харьковскій профессоръ философіи Протопоповъ, преемникъ *частнаго пристава* (см. стр. 20) Чанова, являлся противникомъ диссертаціи, говоря (срв. стр. 46), что „такой предметъ, какъ *мужицкія пѣсни*, унизителенъ для сочиненія, имѣющаго цѣлью пріобрѣтеніе ученой степени" (стр. 42). Находила такое занятіе унизительнымъ и современная цензура. Когда въ Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1854 г. печатались Н. И. Костомаровымъ собранныя въ краѣ пѣсни, изъ С.-Петербурга получена была бумага съ извѣщеніемъ, что „высшая правительственная власть замѣтила, что въ Сарат. Губ. Вѣдомостяхъ печатаются *некстати* народныя пѣсни непристойнаго (!?) содержанія, причемъ противъ одной пѣсни было замѣчено: «мерзость, гадость», если такія пѣсни существуютъ, то дѣло губернскаго начальства искоренять ихъ, а не распространять посредствомъ печати" (стр. 75). Н. И. Костомаровъ тутъ же приводитъ и отрывокъ изъ пѣсни, возбудившей такое негодованіе не въ мѣру и не кстати ревнивой по морали цензуры. Такое же цензорское преслѣдованіе при изданіи народныхъ пѣсенъ пришлось испытать Н. И. Костомарову и нѣсколько позднѣе (стр. 82). „Цензоръ затиралъ, пишетъ онъ, краснымъ черниломъ особенно такія мѣста, которыя могли бы показаться неудобными для чтенія молодыхъ дѣвицъ". Изданіе пѣсенъ, жалуется Н. И. Костомаровъ, жестоко пострадало. Подобные факты, помимо ихъ чисто культурнаго интереса, должны возбуждать, конечно, крайне скептическое отношеніе къ этнографическимъ изданіямъ того времени, лишеннымъ огромной дозы научной цѣнности. Всегда Н. И. Костомарова привлекала народная масса; разсказывая о ходѣ своихъ работъ по исторіи Смутнаго времени, онъ

пишетъ: „мое давнее желаніе—обрабатывать въ исторіи главнымъ образомъ теченіе *народной* жизни (этнографическіе курсы въ историческомъ изученіи) влекло меня къ этой эпохѣ... я былъ вѣренъ себѣ и своей задачѣ работать надъ исторіею *народа*, народной массы" (стр. 152—3). Такъ, поставивъ себѣ задачей, выдвигать на первый планъ народную жизнь во всѣхъ ея частныхъ видахъ, Н. И. Костомаровъ обращаетъ вниманіе „на черты мѣстной исторіи русскихъ земель и княжествъ и на отличную жизнь инородцевъ, вошедшихъ въ составъ русской державы" (стр. 114), на этнографическое положеніе инородцевъ въ ихъ настоящемъ (стр. 113)) и на этнографическія задачи русской археологіи (см. на стр. 120 упрекъ г. Духинскому за рѣшеніе этнографическихъ вопросовъ безъ основательнаго знакомства съ русской археологіей) Послѣдняя наука, какъ тѣсно связанная у насъ съ этнографіей, также приковывала къ себѣ вниманіе Н. И. Костомарова, который во время своихъ путешествій по Россіи никогда не упускалъ случая къ знакомству съ вещественными памятниками русской старины. Разсказывая о своемъ путешествіи въ Керчь (1841 г.), онъ возмущается „возмутительными злоупотребленіями, совершавшимися при раскопкѣ керченскихъ кургановъ", когда будто бы сами археологи „утаивали найденныя въ курганахъ драгоцѣнности и тайно продавали ихъ англичанамъ" (стр. 36). Въ Вишневцѣ онъ обращаетъ особенное вниманіе на громадныя картины въ замкѣ князя Любомирскаго, изображающія сцены изъ жизни Лжедимитрія I и совсѣмъ не похожія на тѣ, которыя хранятся въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ (стр. 55, срв. 89 и 162). Въ селѣ Старая Ладога взоръ его поражается рядомъ большихъ кургановъ на высокомъ берегу Волхова... „такъ и тянетъ порыть ихъ и поискать въ ихъ нѣдрахъ какихъ-нибудь остатковъ до-исторической старины"... (стр. 148). Тѣ же старыя городища и курганы привлекаютъ его и на берегахъ рѣки Роси по дорогѣ въ Корсунь (стр. 183); у Матрониксваго монастыря онъ обращаетъ вниманіе на валы, въ которыхъ находили золотыя и серебряныя монеты первыхъ вѣковъ существованія Византійской имперіи (стр. 184, см. также стр. 71, 144, 148, 176, 198, 202). Отмѣчая непозволительную агитацію, которая началась въ извѣстной части нашей прессы по поводу археологическаго съѣзда въ Кіевѣ, Н. И Костомаровъ пишетъ (стр. 204): „подозрѣнія, взводимыя тогда на Кіевскихъ ученыхъ, были до крайности неумѣстны и вредны въ томъ отношеніи, что на будущее время стѣсняли свободу выбора предметовъ, касавшихся мѣстной исторіи литературы и этнографіи... а между тѣмъ, если археологическіе съѣзды предположено собирать по очереди въ разныхъ краяхъ Россіи, то *естественно надобно ожидать и желать, чтобы наибольшая и наилучшая часть рефератовъ относилась къ предметамъ мѣстной археологіи и исторіи* *).

Помимо автобіографіи, представляющей значительный интересъ для

*) На стр. 136—139 описано пребываніе въ Вильнѣ, въ которой предположенъ археологическій съѣздъ (IX-й) въ 1893 году, и знакомство съ извѣстнымъ мѣстнымъ археологомъ покойнымъ Киркоромъ (срв. стр. 168).

изученія этнографическихъ видовъ Н. И. Костомарова, въ этнографическомъ изданіи стоитъ упомянуть о двухъ статьяхъ, вошедшихъ въ составъ „Литературнаго наслѣдія“, именно: „о семейномъ бытѣ въ произведеніяхъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества“ и „о воспоминаніяхъ борьбы казаковъ съ мусульманствомъ въ народной южно-русской поэзіи“. Послѣдняя статья - небольшой, легкій набросокъ, написанный на случай и не имѣющій значенія; первая—окончаніе большаго труда Н. И. Костомарова, печатавшагося въ „Бесѣдѣ“ 1872 г., подъ заглавіемъ: „Историческое значеніе южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества“ и въ „Русской Мысли“ 1880 и 1883 г.г., подъ заглавіемъ: „Исторія козачества въ памятникахъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества“. Она требуетъ довольно осторожнаго къ себѣ отношенія, такъ какъ методическіе пріемы автора ея не всегда способны устоять предъ критическимъ анализомъ современнаго ученаго этнографа. Ея оцѣнка должна, конечно, стоять въ связи съ двумя первыми частями труда.

Мы думаемъ, что „Литературное наслѣдіе“ найдетъ обширный кругъ читаталей, особливо въ виду помѣщенной здѣсь „автобіографіи“ писателя, наиболѣе читавшагося въ нашей публикѣ изъ всѣхъ русскихъ историковъ. Доходъ отъ изданія предоставляется въ распоряженіе С.-Петербургскаго Комитета грамотности.

В. Н. Сторожевъ.

B. Latyschev.—Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Vol. II. Petropoli. 1890.

Среди немногочисленныхъ русскихъ ученыхъ, занимающихся классической филологіей, В. В. Латышевъ пріобрѣлъ себѣ почетную извѣстность образцовымъ изданіемъ греческихъ и латинскихъ надписей, найденныхъ (и досихъ поръ ежегодно находимыхъ) въ районѣ древне-греческихъ поселеній южной Россіи. Второй томъ этого капитальнаго изданія, предпринятаго на средства Императорскаго Русскаго Археологическаго общества, содержитъ 470 надписей изъ Пантикапэя и его окрестностей, Фанагоріи, Горгиппіи, Танаиды, и нѣсколько такихъ, которыя нельзя пріурочить къ какой нибудь опредѣленной мѣстности.

Сборнику надписей издатель предпослалъ введеніе, въ которомъ (въ главѣ 1-ой) дѣлаетъ обзоръ народностей, жившихъ нѣкогда въ сосѣдствѣ съ Боспоромъ Киммерійскимъ, представляетъ (во 2-ой главѣ) очеркъ исторіи Боспорскаго царства и (въ главѣ 3-ей) перечисляетъ должностныхъ лицъ, упоминаемыхъ надписями.

Спеціалистамъ въ классической филологіи предстоитъ сдѣлать оцѣнку труда В. В. Латышева со стороны точности изданія надписей, полноты комментарія, установленія хронологіи и т. д. Я могу здѣсь только отмѣтить высокій интересъ, представляемый изданнымъ г. Латышевымъ эпиграфическимъ матеріаломъ для исторической этнографіи. Какъ извѣстно, среди чисто греческихъ личныхъ именъ, встрѣчается въ надписяхъ немало варварскихъ, негреческихъ, этимологическій разборъ кото-

рыхъ представляетъ для насъ единственную возможность оріентироваться въ вопросѣ о національности тѣхъ племенъ, на почвѣ которыхъ процвѣтали основанные греками торговые города. Въ моемъ изслѣдованіи „Эпиграфическіе слѣды иранства на югѣ Россіи" (Журн. Мин. Нар. Просв. Ч. CCXLVII. Отд. 2, стр. 231—283), въ которомъ я представилъ этимологическій разборъ иранскихъ личныхъ именъ, встрѣчающихся въ надписяхъ греческихъ поселеній, но особенно обильно въ надписяхъ изъ Танаиды, я уже воспользовался, благодаря любезности В. В. Латышева, большинствомъ личныхъ „варварскихъ" именъ, вошедшихъ нынѣ во 2-ой томъ его изданія. Всего въ моемъ распоряженіи было около 425 такихъ именъ изъ Тираса, Ольвіи, Херсонеса Таврическаго, Пантикапэя, Танаиды, Фанагоріи и нѣкот. другихъ мѣстностей. Анализъ этого лингвистическаго матеріала привелъ меня къ заключенію, что тотъ элементъ въ населеніи, который, нѣсколько неопредѣленно, называли „иранскимъ", можетъ быть опредѣленъ болѣе точно, именно, что припонтійскіе иранцы, особенно населеніе бассейна Танаиса, были предками нынѣшнихъ осетинъ. Подавляющее большинство иранскихъ личныхъ именъ, преимущественно танаидскихъ, представляютъ такія фонетическія черты, которыя роднятъ ихъ съ осетинскимъ языкомъ; но съ другой стороны нѣкоторыя, правда немногочисленныя, имена совпадаютъ съ древне-персидскими и не могутъ принадлежать живому иранскому языку, отразившемуся въ именахъ первой категоріи. *Чистоперсидскія* имена являлись у скиѳовъ и сарматовъ, а также среди потомковъ греческаго населенія припонтійскихъ городовъ, какъ отголоски культурнаго вліянія, которое широко распространилось еще въ періодъ Ахеменидовъ во многихъ неиранскихъ сатрапіяхъ обширнаго персидскаго царства и даже далеко за его предѣлами. Распространеніе персидскихъ личныхъ именъ я старался объяснить, предположивъ два пути—*южный* и *сѣверный*.

Первымъ путемъ могли въ болѣе позднее время приходить на сѣверное побережье понта персидскія имена изъ Малой Азіи, особенно изъ Понтійскаго царства, оказывавшаго при Митридатѣ Евпаторѣ, какъ извѣстно, сильное вліяніе на Боспоръ.

Но персидскія имена болѣе древняго періода, встрѣчающіяся у скиѳовъ временъ Геродота, проникли къ нимъ вѣроятно сѣвернымъ или сѣверо-восточнымъ путемъ, т. е. могли быть занесены въ припонтійскія степи скиѳами изъ Азіи, гдѣ скиѳы (саки) въ древнія времена сосѣдили съ Ираномъ и восприняли нѣкоторыя черты его высокой культуры.

То и другое предположеніе находятъ себѣ новое подтвержденіе въ нѣкоторыхъ „варварскихъ" именахъ, встрѣчающихся въ надписяхъ 2-го тома. Среди уже извѣстныхъ мнѣ раньше именъ мелькаютъ нѣкоторыя новыя, носящія иранскій отпечатокъ и дополняющія мои прежнія наблюденія.

Но надписи даютъ еще возможность, которой я не имѣлъ прежде, судить, хотя приблизительно, о количественномъ отношеніи варварскихъ именъ къ чисто греческимъ, напримѣръ, въ Танаидѣ.

Читая какую нибудь танаидскую надпись, содержащую списокъ долж-

ностныхъ лицъ или почетныхъ гражданъ города, получаешь такое впечатлѣніе, что большинство изъ этихъ лицъ носятъ ли они варварскія или греческія имена, были *полуварвары* съ точки зрѣнія какого нибудь аѳинянина, т. е. либо потомки сарматовъ, вкусившіе отъ эллинской культуры, либо потомки осарматившихся грековъ. Возьмемъ, напримѣръ, любопытную надпись № 430, относящуюся къ III вѣку по Р. Х., именно къ 220 году: „Съ добрымъ счастіемъ. При царѣ Рискупоридѣ, сынѣ великаго царя Савромата, и Зинонѣ Фаннеевѣ, посланникѣ царя Рискупорида, и при *Хофарнѣ Сандарзіевѣ* (Χοφάρνου Σανδαρζίου), *Вавѣ Вэорасповѣ* (Βάβος Βαιοράσπου), *Нивловорѣ Досимоксарѳовѣ* (Νιβλόβωρος Δοσυμοξάρθου), *Хороаѳѣ Сандарзіевѣ* (Χορόαθος Σανδαρζίου), архонтахъ Танаитовъ, *Хофразмѣ Форгаваковѣ* (Χόφραζμος Φοργαβάκου), я Василидъ Ѳеониковъ, еллинархъ, возобновилъ рыночную площадь на собственный счетъ, возстановилъ городу и купцамъ чрезъ попечителей Зинона Фаннеева, *Фарноксарѳа Тавреева*, (Φαρνόξαρθος Ταυρέου), *Фалдарана* Аполлоніева (Φαλδάρανος Απολλωνίου), и архитекторовъ Діофанта Неополова и Аврелія Антонина. *Навака Мевакова* (Νάυακος Μευάκου), въ 517 году.“ Въ этой надписи, не совсѣмъ грамотной, какъ многія танаидскія, на 26 личныхъ именъ (не считая царскихъ) приходится 15 „варварскихъ,“ 9 греческихъ и 2 латинскихъ Такъ всѣ четыре архонта Танаитовъ, т. е. туземнаго городскаго населенія, носятъ чисто *иранскія* имена и отчества; изъ такъ называемыхъ *попечителей* ἐπιμεληταί) *двое* (Фарноксарѳъ и Фалдаранъ) также сарматскаго происхожденія, хотя отецъ послѣдняго носитъ чисто греческое имя (Аполлоній); наконецъ изъ трехъ архитекторовъ одинъ носитъ имя греческое, другой римское (Аврелій Антонинъ), а третій, вѣроятно младшій помощникъ, сарматское (Навакъ Меваковъ). Чистыми греками, покрайней мѣрѣ по именамъ и отчествамъ, оказываются высшія лица: царскій посланникъ (Зинонъ) и эллинархъ, т. е. глава *эллинской* городской общины (Василидъ Ѳеониковъ). На доказательствѣ иранства варварскихъ именъ надписи не останавливаюсь, такъ какъ этимологическій анализъ ихъ сдѣланъ мною въ моемъ изслѣдованіи.

Изъ неизвѣстныхъ мнѣ прежде варварскихъ именъ танаидскихъ надписей нѣкоторыя оказываются иранскими, и для пополненія списка уже разобранныхъ мною раньше именъ, считаю нелишнимъ остановиться на нихъ вкратцѣ.

1. Φορίαυος (№ 447): въ первой части я вижу осетин. фур—*много, очень,* авест. pouru, входящее въ составъ многихъ именъ: ав. pouru aspa—многоконный, pouru-gâo—обильный скотомъ и др. Тоже слово находимъ вь другихъ сложныхъ танаидскихъ именахъ: Φορ-γάβακος, Φορ-ήρανος, разобранныхъ мною подъ № 82. Вторая половина—ιαυος напоминаетъ осет. jäу—*просо*, слово, которое восходитъ къ арійскому и праиранскому yava (срав. авест. yava, санскрит. yava, н.-перс. jav) и вѣроятно имѣло у сарматовъ значеніе либо хлѣбнаго зерна вообще, либо ячменя. Такимъ образомъ Φορ-ιαυος значило бы: *изобилующій ячменемъ.*

2. Ἀσπάνδανος (№ 447): съ этимъ именемъ можно сравнить мидійское Ἀσπάνδας (у Діодора Сиц. 2,34), такъ что иранство его достаточно засвидѣтельствовано. Но этимологія представляетъ нѣкоторое затрудненіе: усматривая въ первой части обычное *aspa* (конь), мы затруднимся объясненіемъ звука ν, предшествующаго второй части имени, содержащей слово *дапа* (срав. это слово въ первой части танаидскаго имени Δανα-ράζμαχος или Δανα-ράσμαχος). Поэтому я предпочитаю сопоставить Ἀσπαν—съ осет. словомъ äфсäн—желѣзо, прилаг. äфсäінаг—желѣзный (ср. афганск. ospanah, памирск. spin). Иранск. группа согласныхъ sp получила въ сарматскомъ, какъ и въ осетинскомъ, видъ fs, напр. осет. äфсä—кобыла = ир. * aspá. Значеніе второй части dána приблизительно намѣчается авестійскимъ dâna: 1) твореніе, 2) даяніе, даръ.

3. Αὐράζακος (№ 454): это имя восходитъ къ иранск. глагольному корню râz, ср. авест. râz=устраивать, рядить, осет. а-разун (inf.)—направлять, править. Αυ—соотвѣтствуетъ иранск. предлогу ava, входящему въ сложеніе съ глагольными корнями и соотвѣтствующему осет. предл. приставкѣ дигор. ўо-, иронск. ў-, напр: ўо-рам ун· (диг.) успокоивать, срав. санскр. (ava+ram) и друг.

4. Ραχοίσακος: это имя не трудно разложить на составные элементы: предложную приставку ρα-, корень χοισ—и обычный суффиксъ—ακ—(ака), но отождествить корень съ какимъ нибудь иранскимъ глаголомъ я не могу. Предложная приставка ρα соотвѣтствуетъ осетинской ра-, восходящей къ иранск. fra-, авест. fra-(въ сложеніи съ глаголами frâ-), парсійск. fra-и far, новоперс. fär. По значенію осет. *ра* отвѣчаетъ нашимъ *вы-*, *из-*, напр. ра-кäсун — *вы*глянуть, ра-тäрун — *из*гонять и др. Замѣчу, что отпаденіе иранскаго f передъ плавными (r и l) составляетъ звуковую черту, спеціально роднящую осетинскій языкъ съ сарматскимъ; ср. танаид. имя Λείμανος съ осет. лімäн - другъ, милый,—причемъ оба слова восходятъ къ иранскому глагольному корню * fri—*любить*, съ суффиксомъ причаст. страд. залога - mana.

Разсмотрѣнныя имена, какъ и большинство „варварскихъ" танаидскихъ, принадлежатъ сарматамъ или потомкамъ объэллинившихся сарматовъ, жившихъ въ Танаидѣ и вообще въ территоріи нижняго Дона. Всѣ они сравнительно позднія, т. е. относящіяся къ первымъ вѣкамъ по Р. Х., и носятъ фонетическія черты сарматскаго языка, по всей вѣроятности предка нынѣшняго осетинскаго

Но въ надписяхъ 2-го тома встрѣчаются и имена чисто персидскія, изъ которыхъ отмѣтимъ два болѣе древнія и одно болѣе позднее. На отломкѣ плиты, найденной въ 1885 году въ курганѣ, въ 6 верстахъ отъ Тамани, читаются имена: Σατραβάτης Σπιθαμέω, которыхъ персидскій (точнѣе мидійскій) характеръ ярко бросается въ глаза. Первое имя носилъ одинъ сатрапъ Экбатаны (Ath. 12,538, a). Въ первой части Σατρα—находится тоже слово авест. χshaϑra (власть), которое составляетъ первый членъ слова σατράπης, перс. χshatrapâvâ (Behist. III, 14.55), т. е. блюститель власти (волости). У сарматовъ, какъ и у осетинъ,

иранская группа согласныхъ ϑr *) перешла въ группу rt, такъ что иранское χšhaϑra получило въ осетинскомъ видъ ä-xcapt (подвигъ силы), а въ сарматскомъ видъ χsart, передаваемый въ танаидскихъ надписяхъ чрезъ ξαρθ—ος; срав. имена: Φαρνο-ξαρθος. (ср. персид. Φαρναξάθρης), Διδυμόξαρθος, Δοσυμόξαρθος. Такимъ образомъ группа τρ въ Σατραβάτης (№ 381) представляетъ точное доказательство тому, что это имя не сарматское. Имя Σπιτάμας носилъ зять Астіага (Ctes. 45, b.), и оно же является въ Авестѣ постояннымъ эпитетомъ Заратуштры (Spitama или Spitâma), принимаемымъ обыкновенно за отчество: Спитамовичъ, потомокъ Spitama. Надпись съ разсмотрѣнными персидскими именами относится по Латышеву къ IV в. до Р. Х. и указываетъ такимъ образомъ персидское (мидійское) вліяніе въ области древней Фанагоріи.

Другая надпись (№ 299) на надгробномъ памятникѣ, найденномъ въ 1860 близъ Керчи, содержитъ также *персидское* имя, принадлежавшее, быть можетъ, греку. Она содержитъ 8 чувствительныхъ стиховъ, которые г. Латышевъ переводитъ такъ: Фарнакъ Фарнаковъ, прощай! (Φαρνάκη Φαρνάκου χαῖρε). Взгляни, странникъ, на *надгробную* плиту Фарнака, котораго сломилъ тяжкій Аидъ, изловивъ злосчастную юность, ремесломъ учителя гимнастики, лѣтами молодого, изъ *своей* отчизны Синопы по доблести удалившагося на западъ. Урну *съ* его *прахомъ* скрываетъ Боспорская земля, и гимнасій открыто оплакиваетъ его тщетными слезами; а пріемный отецъ его Химатіонъ предупредилъ любовью природу (т. е. родного отца), поставивъ каменный памятникъ на *его* могилѣ.

Итакъ плита покоилась надъ прахомъ жителя Синопы, попавшаго на Боспоръ и практиковавшаго въ Пантикапэѣ въ качествѣ учителя гимнастики. Для насъ интересно, что этотъ юноша, воспѣтый греческими стихами, носилъ, какъ и его отецъ, чисто персидское имя Фарнака. Такія имена были распространены въ Малой Азіи еще съ той поры, когда ея области входили въ составъ великаго царства Ахеменидовъ. Мы находимъ ихъ въ Каппадокіи (Ἀριαράθης, Ἀριοβαρζάνης), Арменіи (Ἀριάμνης, Ἀρταουάσδης, Ἀρταβάζης) и въ позднѣйшемъ Понтійскомъ царствѣ, котораго цари производили себя отъ одного изъ семи персовъ, свергнувшихъ Лжесмердиса вмѣстѣ съ Даріемъ Гистаспомъ. Естественно, что и среди населенія Синопы встрѣчалось немало иранскихъ личныхъ именъ, носимыхъ объэллинившимися потомками иранцевъ. Отсюда и изъ другихъ мѣстъ южнаго побережья Понта такія имена переходили на сѣверные берега въ греческіе торговые города. Дѣйствительно, имя Φαρνάκης, носимое синопскимъ учителемъ гимнастики, встрѣчается болѣе 25 разъ во 2-мъ томѣ надписей г. Латышева (танаидскихъ и горгиппійскихъ), и разсмотрѣнная нами надпись подтверждаетъ предположенный нами путь перехода такихъ именъ съ южнаго берега Понта на сѣверный. Но, конечно, нельзя думать, что всѣ припонтійскіе Фарнаки были потомки иранцевъ. Разъ это имя было въ модѣ, оно могло быть даваемо и дѣтямъ грековъ.

*) ϑ выражаетъ спирантъ, приблизительно соотвѣтствующій англ. th.

Это видно изъ того, что отцы многихъ фанагорійскихъ и танаидскихъ Фарнаковъ носятъ чисто греческія имена. напр.: Φαρνάκης Ἀπολλωνίου (№ 351), Ф. Ἡρακλείδου (№ 446), Ф. Θεοτείμου (№ 442) и др. То-же популярное имя было элленизировано въ формѣ Φαρνακίων, встрѣчающейся не менѣе часто чѣмъ Φαρνάκης, и точно также отцы многихъ Фарнакіоновъ греки по именамъ: Ф. Ἀγαθοῦ, Ф. Ἑρμαδίωνος, Ф. Ἔρωτος, Ф. Ἡγουμένου.

Этими замѣчаніями я ограничусь, въ виду того, что имѣлъ цѣлью лишь обратить вниманіе на высокій интересъ, представляемый трудомъ В. В. Латышева для исторической этнографіи Южной Россіи.

Вс. Миллеръ.

Н. Ѳ. Сумцовъ.—Культурныя переживанія. Кіевъ. 1890.—Новый трудъ проф. Н. Ѳ. Сумцова представляетъ отдѣльное изданіе ряда статей, которыя онъ печаталъ въ 1889 и 90 гг. въ „Кіевской Старинѣ". „Культурными переживаніями" авторъ называетъ остатки древняго міросозерцанія и древней морали, сохранившіеся до нашихъ дней въ понятіяхъ, нравахъ, языкѣ и бытѣ современнаго интеллигентнаго общества и еще болѣе въ нравахъ и понятіяхъ простого народа. Въ небольшихъ этюдахъ Н. Ѳ. Сумцовъ разсмотрѣлъ до 200 „переживаній", которыя въ концѣ книги, въ предметномъ указателѣ, только для облегченія обзора онъ подводитъ подъ слѣдующія рубрики: внѣшняя природа, село и хата, личная жизнь крестьянина, пища и одежда, семейная жизнь, общественная жизнь. праздники и игры, музыкальные инструменты, промыслы, базарные обряды, проступки и наказанія, демонологія, народно-поэтическая зоологія, народно-поэтическая ботаника, мелкія повѣрья, нѣкоторые литературные мотивы, значеніе нѣкоторыхъ словъ. Вносить какую нибудь систематизацію въ этотъ разнообразный и обильный матеріалъ авторъ считаетъ преждевременнымъ. „Въ народной жизни. говоритъ онъ, культурныя переживанія стоятъ въ настоящее время независимо одно отъ другого, какъ разнородные и разновременные обломки старины. Въ предлагаемыхъ статьяхъ я не буду подгонять культурныя переживанія подъ извѣстныя рубрики, миѳологическую, историко-литературную, сравнительно-этнографическую, или дѣлить ихъ по внѣшнему формальному сходству обрядности или значенія. Всякому культурному переживанію отводится самостоятельное мѣсто и посвящается особое изслѣдованіе. При такой постановкѣ дѣла выигрываютъ изслѣдователь и читатель. Изслѣдователь не стѣсненъ матеріаломъ, разсматриваетъ то, что ему болѣе нравится и болѣе извѣстно, и всегда можетъ остановиться на любомъ мѣстѣ своего труда; читатель имѣетъ въ такомъ случаѣ передъ собою рядъ статей разнообразнаго содержанія, по возможности законченныхъ, и можетъ дѣлать изъ нихъ выборъ по своимъ личнымъ наклонностямъ и привычкамъ" (стр. 2). Послѣдняя *выгода* читателя—возможность выбора статей по личнымъ наклонностямъ и привычкамъ (?)—намъ не вполнѣ ясна. потому что мы не знаемъ, какого читателя имѣетъ въ виду авторъ. Но

всякій научный читатель будетъ цѣнить „возможную законченность" изслѣдованій и въ этомъ отношеніи останется удовлетворенъ многими статьями „Культурныхъ переживаній". Отличное знакомство съ южно-русскимъ бытомъ, поставленнымъ авторомъ на первый планъ, и значительная начитанность въ литературѣ по общей этнографіи даютъ ему возможность обставить многія „переживанія" такими параллелями, которыя разъясняютъ ихъ нерѣдко чрезвычайно удачно. Но рядомъ съ „законченными по возможности" этюдами, книга г. Сумцова содержитъ множество мелкихъ замѣтокъ, иногда въ нѣсколько строкъ, которыя могутъ быть названы только зачатками будущихъ изслѣдованій. Онѣ производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто авторъ случайно отмѣченный и кажущійся ему интереснымъ фактъ прикрѣпляетъ къ двумъ-тремъ другимъ аналогичнымъ и давно извѣстнымъ и затѣмъ спѣшитъ подвесть этотъ маленькій матеріалъ подъ отдѣльную рубрику. Очень вѣроятно, что такая небольшая замѣтка могла бы впослѣдствіи разростись до „законченнаго" изслѣдованія подъ перомъ того же автора, и едва-ли читатель посѣтовалъ бы на него, еслибъ карточка съ отмѣченнымъ фактомъ дождалась своей очереди и предстала въ болѣе полномъ видѣ. Такъ, напримѣръ, для читателя едва ли представитъ интересъ узнать изъ замѣтки № 24 (стр. 84), что на островѣ Суматрѣ привязываютъ на шею скоту деревянный колокольчикъ, сходный съ *калаталомъ*, колотушкой или колокольчикомъ, надѣваемымъ въ Малороссіи на быковъ и коровъ съ тою цѣлью, чтобы пастухамъ легче было разыскивать ихъ въ лѣсу. „Фактъ этого сходства, говоритъ авторъ, интересенъ въ томъ отношеніи, что косвенно устанавливаетъ глубочайшую древность калатала". Но и безъ этой параллели, которою исчерпывается вся замѣтка, мы склонны думать, что калатало снарядъ весьма первобытный, а скептика, не признающаго древности калатала, этимъ фактомъ не убѣдишь. Но это, конечно, частность. Въ большинствѣ изслѣдованій авторъ даетъ параллели дѣйствительно разъясняющія разсматриваемое имъ „переживаніе", и объясненія его логически вытекаютъ изъ приводимыхъ фактовъ. Я позволю себѣ отмѣтить только нѣкоторые немногіе случаи, гдѣ предложенное Н. Ѳ. Сумцовымъ объясненіе, кажется мнѣ сомнительнымъ. Въ интересномъ этюдѣ „олень въ произведеніяхъ народной словесности и искусства" (№ 1), авторъ между прочимъ говоритъ, что религіозныя представленія оленя существовали въ южной Россіи въ древнее время, и ссылается на описанный проф. Антоновичемъ барельефъ существующій на одной скалѣ на берегу Днѣстра въ Подольской губерніи. Здѣсь представлена такая сцена: съ одной стороны стоитъ дерево безъ листьевъ, раздѣляющееся на 4 вѣтви; на одной изъ вѣтвей, горизонтальной, сидитъ пѣтухъ; подъ деревомъ стоитъ на колѣняхъ человѣческая фигура, изображенная въ профиль и держащая въ рукѣ чашу. Сзади за человѣческой фигурой стоитъ фигура оленя, поставленная, повидимому, какъ изображеніе не живаго, а монументальнаго оленя, ибо ноги ея опираются на умышленно выкованный подъ ними пьедесталъ. В. Б. Антоновичъ высказываетъ предположеніе, что

изображенная на скалѣ группа представляетъ сцену изъ славянскаго предшествовавшаго христіанству религіознаго культа. О древности и происхожденіи барельефа свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что гранитная скала, на которой онъ изсѣченъ, вывѣтрилась послѣ изсѣченія равномѣрно. Въ ближайшихъ окрестностяхъ пещеры найдено много кремневыхъ осколковъ и въ томъ числѣ нѣсколько экземпляровъ совершенно явственныхъ отбивныхъ кремневыхъ орудій (стр. 7).

По мнѣнію г. Сумцова, все содержаніе рельефа объясняется вполнѣ удовлетворительно фактами *христіанской* символики и литературы, главнымъ образомъ данными житія св. Евстафія Плакиды. „Плакида“, стратилатъ при Троянѣ царѣ, любилъ охоту. Однажды онъ погнался за большимъ и красивымъ оленемъ. Олень соскочилъ на высокій камень и остановился. Надъ рогами его показался крестъ, испускающій свѣтъ сильнѣе солнца, а посереди роговъ образъ святаго тѣла Христова. „О Плакида, что мя гониши?—сказалъ олень. Се тебе ради пришелъ есмь на животнѣмъ семъ явитися тебѣ. Азъ есмь Іисусъ Христосъ... Слыша стратилатъ пристрашенъ бѣ, спадя съ коня“. Это описаніе символическаго оленя, по мнѣнію Н. Ѳ. Сумцова, „объясняетъ происхожденіе подножія оленя на днѣстровскомъ скальномъ рельефѣ, если допустить мысль о христіанскомъ его происхожденіи“ (стр. 11). Но во первыхъ, нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобъ допустить эту мысль: въ рельефѣ нѣтъ нималѣйшаго указанія на христіанство, а нахожденіе въ ближайшихъ окрестностяхъ кремневыхъ орудій и вывѣтренность поверхности рельефа относятъ его ко временамъ доисторическимъ. Во-вторыхъ и сцена, изображенная на рельефѣ, развѣ только присутствіемъ оленя напоминаетъ приведенный авторомъ эпизодъ изъ житія св. Евстафія Плакиды. Человѣческая колѣнопреклоненная фигура стоитъ не передъ оленемъ, а передъ сидящимъ на деревѣ пѣтухомъ, «совершая какъ будто либацію», а главной черты житейскаго символическаго оленя—креста между рогами—на барельефѣ нѣтъ. Кстати по поводу символическаго оленя замѣтимъ, что авторъ могъ бы значительно пополнить свое изслѣдованіе матеріаломъ, собраннымъ въ извѣстной статьѣ Адальберта Куне: *Выстрѣлъ дикаго охотника въ солнечнаго оленя*, помѣщенный въ 1869 г. въ Zeitschrit für deutsche Philologie Höpfner'a и Zacher'a (I т. стр. 89—119).

Въ замѣткѣ объ *игрѣ въ короля* (№ 59), въ которой, между прочимъ, дѣвушка-король выбираетъ себѣ невѣсту, авторъ говоритъ: «въ игрѣ отражаются *воспоминанія* народа о тѣхъ стародавнихъ временахъ, когда князья вмѣшивались въ семейную жизнь народа, устраивали бракосочетанія, брали себѣ жену изъ народной среды, высмотрѣвъ ее предварительно на весеннихъ хороводахъ, въ которыхъ молодежь участвовала безъ различія званія и состоянія». Лично намъ такое объясненіе представляется неубѣдительнымъ, во-первыхъ, потому, что мы сомнѣваемся въ той патріархальной идилліи, которую нарисовалъ авторъ, а во-вторыхъ, не думается, чтобъ южно-русская игра въ короля могла быть отраженіемъ народныхъ *воспоминаній* объ этомъ патріархальномъ времени, если оно

когда нибудь существовало. Что касается самой игры, то авторъ могъ бы восполнить свою замѣтку о ней нѣкоторыми славянскими параллелями, которыя, быть можетъ, привели бы его къ другому объясненію. Обрядовая игра *кралице* совершается около Троицына дня кое-гдѣ въ Сербіи (см. у Вука Караджича, въ словарѣ, подъ сл. *кралице*), а сербская игра соотвѣтствуетъ такой же чешской hra na krále a na králku, совершаемой o svatem Duse. Описаніе этой игры въ разныхъ мѣстностяхъ Чехіи см. у Krolmus'a, Strarocеskè povêsti etc. III. p.p. 80—197. Не всегда удачны лингвистическія догадки автора, который, впрочемъ, и не причисляетъ себя къ лингвистамъ. Отмѣчу то, что мнѣ представляется наиболѣе сомнительнымъ. Такъ названіе кувшина Харьков. губ. *куманецъ* (стр. 120), очевидно уменьшительное (съ суф.-ьць) отъ *куманъ*, авторъ считаетъ словомъ греческаго происхожденія и сопоставляетъ съ греч. *κῦμα —волна, κυμαίνω волную̀сь, κυμάς—беременная*, между тѣмъ какъ *куманъ* есть татарск. *кумгань, кувганъ*—кувшинъ, названіе чрезвычайно распространенное на Кавказѣ и на всемъ мусульманскомъ востокѣ. Глаголъ *гадати* или *гатати* не можетъ быть сопоставленъ съ санскр. корнемъ *да*—пѣть (стр. 122), точно такъ же, какъ употребляемое въ галицкой Руси названіе для зарубокъ *раваши* не можетъ восходить къ корню глагола *рыть* (стр. 123). Страннымъ кажется мнѣ и сопоставленіе названія *каганецъ* (ночникъ, плошка) съ тюркскимъ титуломъ *каганъ* и мотивъ такого сопоставленія: „не было ли слово каганецъ эпитетомъ огня, или самый свѣтильникъ, можетъ быть, назывался княземъ или владыкой у того народа, отъ котораго заимствовано было слово каганецъ?“ (стр. 126). Названіе *гостець*, обозначающее болѣзнь, колтунъ, кашель, и вполнѣ удовлетворительно объясняющееся обычностью умилостивительныхъ названій для болѣзней (напр. великорус *гостья. добруха* для лихорадки), авторъ считаетъ возможнымъ этимологически сблизить съ нѣмецк. husten—кашель, англосакс.—huosta, сканд. hosti, др. верхне-нѣмец. huasto, что въ звуковомъ отношеніи невозможно (стр. 224). Въ доказательство тому, что „во многихъ языкахъ *одни и тѣже слова* выражаютъ психическое разстройство и демона, производящаго его“, авторъ неудачно приводитъ санскр. bhata—*домовой* (точнѣе это слово значитъ: воинъ, рабъ, названіе одного зміевиднаго демона) и bhûta—*духъ, привидѣніе*, неудачно потому, что оба названія восходятъ къ разнымъ корнямъ, не сходнымъ ни въ звукахъ ни въ значеніи (стр. 236). Вообще, интересныя изслѣдованія Н. Ө. Сумцова ничего бы не потеряли, еслибъ авторъ рѣже вдавался въ этимологическія соображенія, которыя для неспеціалиста весьма рискованны. Опасно также приводить отдѣльныя слова изъ разныхъ языковъ, не отдавая себѣ отчета въ точномъ произношеніи отдѣльныхъ звуковъ (напр въ санскритѣ нѣтъ демона Тричиры (стр. 227), а есть Triçiras, гдѣ ç не есть русс. ч. а нёбн. ш).

Спѣшу оговориться, что при подавляющей массѣ фактовъ отдѣльные недосмотры неизбѣжны и нисколько не умаляютъ высокаго интереса новой книги проф. Сумцова. Обширная начитанность автора въ этнографи-

ческой литературѣ русской и иностранной видна во множествѣ отдѣльныхъ этюдовъ. Конечно, и въ этомъ отношеніи возможны пополненія, которые вѣроятно будутъ сдѣланы спеціалистами и впослѣдствіи самимъ авторомъ; съ своей стороны считаю не лишнимъ для №№ 70 и 71 (о цимбалахъ и гусляхъ) обратить его вниманіе на недавно вышедшее изслѣдованіе А. С. Фаминцына - - «Гусли — русскій народный музыкальный инструментъ, историческій очеркъ», С.-Петерб. 1890 стр. I+135, въ которомъ въ *прибавленіи* сообщаются историческія свѣдѣнія о цимбалахъ.

Въ заключеніе въ интересахъ русской этнографіи можемъ пожелать, чтобъ проф. Сумцовъ продолжалъ столь удачно начатый имъ рядъ изслѣдованій въ области культурныхъ переживаній.

Вс. М.

Записки Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Книжка XIV. Выпускъ I. Тифлисъ, 1890 г. (416+62 стр. in 8⁰).—Кавказскій отдѣлъ Географическаго Общества продолжаетъ печатать на страницахъ своихъ Записокъ рядъ интересныхъ монографій, очерковъ, замѣтокъ, посвященныхъ быту народовъ Кавказа и его природѣ. Настоящій выпускъ заключаетъ въ себѣ статьи Н. Я. Динника: „Путешествіе по Дигоріи“. „Поѣздку въ Балкарію“, и „Современные и древніе ледники Кавказа“. Три статьи посвящены Хевсуретіи: „Замѣтка о Хевсуріи“, Н. А. Худадова, „Извлеченіе изъ этнографическихъ очерковъ г. Урбнели о хевсурахъ“, кн Р. Д. Эристова, и Замѣтка о монографіи г. Радде „Хевсурія и Хевсуры“. кн. Р. Д. Эристова“. Одна статья посвящена ингилойцамъ: „Замѣтки о Закатальскомъ округѣ“, Дм. З. Бакрадзе, и одна „Шахсеванамъ на Мугани“, В. С. Маркова.

Путешествуя по Дигоріи, Н. Я. Динникъ обратилъ вниманіе на одну пещеру близъ аула Заделеска, гдѣ совершаются общественныя жертвоприношенія „передъ началомъ покоса и уборки хлѣбовъ, а другой разъ нѣсколькими днями раньше“. Въ послѣднемъ случаѣ дигорцы молятся о всѣхъ младенцахъ, родившихся послѣ жертвоприношенія предъидущаго года. Эта святыня дигорцевъ называемая „Олисай-дона“ наполнена предметами домашняго ихъ обихода и массой нагроможденныхъ череповъ и роговъ животныхъ.—„Извлеченіе изъ этнографическихъ очерковъ г. Урбнели о „Хевсурахъ“, какъ справедливо замѣчаетъ переводчикъ кн. Р. Эристовъ, даетъ много новыхъ данныхъ, ускользнувшихъ отъ прежнихъ наблюдателей. Юристы для эмбріологіи права найдутъ въ этомъ трудѣ массу фактовъ, неизвѣстныхъ изъ этнографическихъ сообщеній о хевсурахъ. Таковы рубрики: „Сатавно“, „самтцунебро“, „принятіе на себя грѣха“, „Курисъ мотгра“ и др. Статья о „Хевисъ-бери“ является въ совершенно новомъ видѣ. М. М. Ковалевскій въ своемъ трудѣ „Законъ и обычай на Кавказѣ“, упрекая изслѣдователей быта кавказскихъ народностей въ томъ, что они обращаютъ исключительное вниманіе на религіозныя вѣрованія, нѣтъ сомнѣнія, не зналъ почтеннаго труда г. Урбнели. О замѣткахъ Д. З. Бакрадзе мы говорили въ IV кн. Этногр. Об.“ О „Шахсеванахъ“ слѣ-

дуетъ сказать, что подъ этимъ именемъ извѣстны персидскіе кочевники, съ 1828 г. перекочевавшіе въ предѣлы Россіи. Много любопытныхъ свѣдѣній сообщается объ ихъ религіи, бракѣ, похоронахъ, языкѣ и пр.

А. Хах—овъ.

Терскій Сборникъ. (Приложеніе къ Терскому Календарю на 1891 г.). Вып. I, подъ редакц. П. Стефановскаго. (Владикавказъ. 1890 г. стр. 274+178 in 8⁰). Немногія мѣстности Россіи могутъ похвалиться столь значительнымъ количествомъ мѣстныхъ дѣятелей, направляющихъ свои силы на изученіе своей страны, какъ это могутъ сдѣлать съ полнымъ основаніемъ Кавказъ и Закавказье. Кромѣ значительнаго числа ежегодно публикуемыхъ въ различныхъ некавказскихъ изданіяхъ трудовъ мѣстныхъ работниковъ, мы ежегодно имѣетъ и нѣсколько новыхъ „кавказскихъ“ изданій, въ которыхъ заключается интересный матеріалъ для Кавказовѣдѣнія. „Труды“ Кавказскаго Отд. И. Р. Г. Общества, обширные „Сборники матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“ и др. содержатъ труды мѣстныхъ жителей, стремящихся ознакомить читающую публику съ окружающей ихъ средой, и нельзя не отдать имъ справедливости, что многіе изъ этихъ трудовъ являются не маловажными вкладами въ науку народовѣдѣнія. Теперь передъ нами еще новое изданіе, служащее лучшимъ доказательствомъ того, что силы на Кавказѣ въ отношеніи къ самоизслѣдованію не только не уменьшаются, но съ каждымъ годомъ крѣпнутъ и растутъ. Довольно обширный томъ „Терскаго Сборника“ содержитъ въ себѣ нѣсколько статей, могущихъ заинтересовать этнографа, именно статьи *Е. Максимова*: *Терское казачье войско*, *Пѣсни терскаго казачества*, *Чеченскія пѣсни*, также ст. *Обитатели Кумыкской плоскости*, *Н. Семенова*. Работа Е. Максимова, основанная на статистическихъ данныхъ, даетъ ясную картину современнаго матеріальнаго быта терскихъ казаковъ; что до „краткаго историческаго очерка,“ которымъ авторъ открываетъ свое изслѣдованіе, то онъ могъ бы, конечно, быть и полнѣе и лучше разработаннымъ. Впрочемъ эти недостатки не могутъ быть поставлены въ упрекъ г. Максимому, такъ какъ очеркъ служитъ скорѣе введеніемъ, чѣмъ отдѣльной частью труда автора. Если мы упоминаемъ объ этомъ, то лишь въ виду того, что желательно было-бы имѣть хорошій трудъ по исторіи терскаго казачества,—тѣмъ болѣе, что существующія по этому вопросу сочиненія едвали могутъ быть названы удовлетворительными. Разрабатывать же исторію терскаго казачества, кажется намъ, было бы легче всего мѣстному жителю, такъ какъ ему удобнѣе пользоваться незатронутымъ еще мѣстнымъ архивнымъ матеріаломъ. 71 *NN* пѣсенъ терскаго казачества представляетъ несомнѣнный интересъ для этнографа уже своимъ количествомъ и тѣмъ, что пѣсни записаны въ разныхъ станицахъ. Нельзя однако назвать удачной систему, принятую г. редакторомъ при расположеніи пѣсенъ. Предпосылая сборнику пѣсенъ довольно обширное предисловіе, редакторъ желаетъ въ пѣсняхъ представить бытъ и жизнь терскаго казака; редак-

торъ представляетъ себѣ, что казаки собрались и начинаютъ бесѣду; вспоминаютъ старое и каждый изъ присутствующихъ вставляетъ свое слово; вслѣдствіе этого пѣсни—остатки старины, въ видѣ отрывка изъ былины про князя Владиміра, смѣняются разсказомъ про Полтавскій бой и т. п. Принятая г. редакторомъ система, несомнѣнно, при извѣстной долѣ воображенія, оживляетъ картину, но къ сожалѣнію она ведетъ къ разбросанности пѣсенъ и дѣлаетъ затруднительнымъ пользованіе ими. Въ поименованныхъ нами выше статьяхъ можно было-бы также указать нѣкоторые недостатки: нѣкоторую поспѣшность выводовъ и т. п.; но они, какъ и недостатки указанные нами выше, не идутъ сильно въ ущербъ значенію „Сборника“: избѣжать ихъ легко — и тогда новый „Терскій Сборникъ“ получитъ такое же значеніе для этнографіи, какъ и „Сборники“, издаваемые Кавказскимъ учебнымъ округомъ.

Н. Х.

Грузинскія сказки, собранныя г. *Агніашвили*. Книга I. Тифлисъ. 1891 г Изданіе грузинскаго издательскаго товарищества. 1+142 стр. in 8^{0}.—Грузинское издательское товарищество, недавно организовавшееся въ Тифлисѣ, приступило къ печатанію народныхъ произведеній, обнародованіе которыхъ является настоятельною необходимостью, въ виду вытѣсненія устнаго творчества новыми общественными условіями, невыгодно отражающимися на развитіи и сохраненіи народной поэзіи Товарищество намѣревается прежде всего собрать и напечатать сказки, а за ними пѣсни, легенды, поговорки, загадки, заговоры и проч. Въ заключеніе каждаго отдѣла будетъ приложенъ разборъ напечатаннаго матеріала съ прибавленіемъ варіантовъ и дополненій къ опубликованнымъ памятникамъ. Насколько богата грузинская народная поэзія, можно судить по тому факту, который былъ сообщенъ въ „Иверіи“: г. Разикашвили передалъ издательскому товариществу до 2000 пѣсенъ, 700 поговорокъ, 350 загадокъ, собранныхъ имъ въ разныхъ мѣстахъ Грузіи. Обнародованіе ихъ желательно не только въ интересахъ освѣщенія прошлой судьбы Грузіи, но и въ интересахъ этнографіи и всеобщей исторіи литературы. Неисчерпаемый запасъ грузинскаго народнаго творчества можетъ дать много чрезвычайно любопытнаго и новаго матеріала. Отрывки грузинской народной поэзіи послужили однимъ изъ главныхъ источниковъ для статьи проф. В. Ѳ. Миллера: „Иранскіе отголоски на Кавказѣ“. Когда будутъ собраны сказанія объ Амиранѣ и Дареджанѣ, о Таріелѣ и Автандилѣ, явится возможность указать отношенія и связи между произведеніями народной словесности и памятниками искусственной литературы, оставленными Мосе Хонели и Шота Руставели. Тѣ немногія сказанія, сказки, поэмы, какія до сихъ поръ были напечатаны въ грузинскихъ повременныхъ изданіяхъ, даютъ ручательство въ томъ, что собранія народныхъ произведеній обѣщаютъ быть любопытнымъ и цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для народовѣдѣнія вообще.

Въ настоящей книжкѣ помѣщено 14 сказокъ: Мастеръ и ученикъ, Мачеха и три дочери, Бездѣльникъ, Коробъ лягушки, Судьба, Божій сынъ.

Змѣя и крестьянинъ, Гуламбара и Суламбара (имена собакъ), Два брата, Царевичъ, Бѣдняжка, Мать, три дочери и сынъ, Пастухъ и счастливый мальчикъ, Два вора Лисица и царевичъ. Названія нѣкоторыхъ сказокъ не даютъ представленія о богатомъ ихъ содержаніи и иногда отличаются неточностью озаглавленія сказки, что нужно отнести насчетъ собирателя.

А. Хах—овъ.

Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общ., т. XXI, № 5.—Изъ статей, помѣщенныхъ въ этой книжкѣ „Извѣстій", непосредственное отношеніе къ этнографіи имѣетъ только одна—„Урянхайская земля и ея обитатели , *А. М. Африканова*. Подъ именемъ Урянхайской земли извѣстна сѣверная часть Монголіи между 50° и 53° сѣв. шир. и 59° и 69° вост. долг., окаймляемая хребтами: съ сѣвера — Саянскимъ съ востока — Хангинскимъ, съ запада — Алтайскимъ и съ юга — Танну-Ола. Населена онаполу-ко чевыми племенами, называемыми по-монгольски „урянхай" или „танну-урянхай", а по-русски—сойотами; сами-же себя сойоты называютъ „туба" или „тува". Все населеніе Урянхайской земли равняется приблизительно отъ 35 до 40,000 человѣкъ. Кромѣ сойотовъ, здѣсь-же, на западной сторонѣ оз. Косогала, по рр. Шишкиту, Урею и Хахкему, живетъ монгол. племя „дархаты", которыхъ насчитываютъ до 7,000 чел. Цѣнными въ статьѣ г. Африканова являются свѣдѣнія о сойотскихъ племенахъ или хошунахъ и подраздѣленія ихъ на „сумо" (роды). Описаніе же внѣшней обстановки жизни сойотовъ—ихъ жилищъ, пищи и одежды—очень кратко и въ имѣющіяся въ литературѣ данныя по этому предмету, не вноситъ ничего новаго.

Ал. И—скій.

Записки Восточно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общ. по этнографіи, т. II, вып. 1 и 2.—Восточно-Сибирскій Отдѣлъ Имп. Рус. Геогр. Общества за послѣдніе три года, въ бытность правителемъ дѣлъ его извѣстнаго путешественника Г. Н. Потанина, отличался особенно кипучею и плодотворною дѣятельностью, выразившеюся какъ въ снаряженіи нѣсколькихъ экспедицій, такъ и въ выпускѣ ряда изданій, блиставшихъ обиліемъ полныхъ высоко-научнаго интереса работъ мѣстныхъ изслѣдователей. Въ нашемъ изданіи въ свое время были отмѣчены эти работы; въ настоящей-же замѣткѣ мы намѣрены сказать нѣсколько словъ о послѣднихъ двухъ выпускахъ „Записокъ" Отдѣла по этнографіи, вновь обогащающихъ послѣднюю въ высшей степени цѣнными вкладами. Первый выпускъ содержитъ въ себѣ „Новые матеріалы о шаманствѣ у бурятъ", *М. Н. Хангалова*. Имя г. Хангалова давно пользуется среди этнографовъ, вполнѣ заслуженною извѣстностью, одного изъ самыхъ дѣятельныхъ провинціальныхъ работниковъ въ области этнографіи, уже въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ съ горячею любовью и неутомимо, занимающагося разностороннимъ изученіемъ быта бурятъ. Новый трудъ г: Хангалова посвященъ спеціально шаманству у бурятъ и является продолженіемъ одной изъ его

статей, разсматривающей тотъ-же вопросъ и напечатанной въ „Извѣстіяхъ Вост.-Сибир. Отд.", 1883 г., т. XIV, №№ 1 и 2. Особенно обстоятельно и подробно авторъ останавливается на высшихъ существахъ (тэнгэри, тэнгерины, заяны, бурханы), которыхъ буряты насчитываютъ 99, приводитъ имена всѣхъ ихъ и даетъ характеристику большинства этихъ божествъ. Затѣмъ говоритъ о „хатахъ" или дѣтяхъ тэнгэриновъ, о бѣлыхъ и черныхъ кузнецахъ, изъ которыхъ бѣлые или западные, считаются бурятами за добрыхъ и покровительствующихъ заяновъ, защищающихъ людей отъ восточныхъ, злыхъ хатовъ и заяновъ и излѣчивающихъ отъ разныхъ болѣзней. Далѣе характеризуются „хозяинъ всей земли"—Дабанъ-Саганъ Ноенъ, представляемый старикомъ съ сѣдыми волосами, и хордуты (почитаемые камни), спустившіеся, по вѣрованію бурятъ, на землю съ неба. Изъ такихъ хордутовъ, особеннымъ почетомъ и извѣстностью пользуются два бѣлыхъ камня во 2-мъ Олзоевомъ родѣ Унгинскаго инородч. вѣдомства: „Салингухи-бумал-саганъ-шулунъ" и „Улухэни-бумал-саган-шулунъ". Слѣдующія затѣмъ главы, посвящены описанію онгоновъ (глав. обр. т. наз. „вечерочныхъ"—„надани-онгонъ", призываемыхъ на вечеркахъ для веселья), душъ умершихъ шамановъ и различныхъ обрядовъ (до 30) и жертвоприношеній, совершаемыхъ шаманами Вообще трудъ г. Хангалова отличается рѣдкою полнотою и обстоятельностью и въ небогатую литературу о шаманствѣ въ Сибири безспорно вноситъ весьма крупный и драгоцѣнный вкладъ.—Второй выпускъ „Записокъ" содержитъ въ себѣ статьи: *Н. И. Затопляева*—Нѣкоторыя повѣрья аларскихъ бурятъ (пѣсня о бурятѣ, распятомъ въ Иркутскѣ; анахаи; аршаны, или цѣлеб. ключи; обрядъ послѣ удара молніи; опекуны дѣвицъ; Зуруктанъ-онгонъ); *П. П. Батарова* Бурятскія повѣрья о бохолдаяхъ и анахаяхъ; *М. Н. Хангалова*—1) Судъ заяновъ надъ людьми и 2) Преданія и повѣрья унгинскихъ бурятъ; *Д. Клеменца*—Нѣсколько образцовъ бубновъ минусинскихъ инородцевъ (съ 9 табл. рисунковъ); *Н. В—скаго*—Матеріалы для изученія шаманства у якутовъ и *Н. Припузова*—Мелкія замѣтки объ якутахъ.

Ал. И—скій.

Отчетъ объ Алтайской и Киргизской миссіяхъ Томской епархіи за 1889 г. Томскъ. 1890 г.—Въ приложеніи къ „Отчету", находимъ двѣ интересныя статьи начальника миссій Томской епархіи, *епископа Макарія*: „Инородцы Нарымскаго края" и „Матеріалы для изученія языка Васьюганскихъ инородцевъ (остяковъ) Нарымскаго края" Объ инородцахъ Нарымскаго края писано было много. Достаточно указать на труды Гр. Новицкаго („Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ"), И. С. Полякова („Письма и отчеты о путешествіи въ долину р. Оби", изд. въ 1877 г. Акад. Наукъ), Финша и А. Брэма („Путеш. въ Зап. Сибирь"), Н. П. Григоровскаго („Очерки Нарым. края" и „Описаніе Васюганской тундры" въ „Зап. Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О.", кн. IV и VI), А. В. Адріанова („Забытые люди забытаго края"), Н. Городкова („Религіоз. языч. воззрѣ-

нія остяковъ") и мн. др. Но свѣдѣнія, сообщаемыя всѣми этими изслѣдователями, во всякомъ случаѣ оставляютъ еще достаточно пробѣловъ, пополненія которыхъ требуетъ состояніе современной науки. Вышеназванныя статьи епископа Макарія и представляютъ собою попытку—и очень удачную - въ этомъ послѣднемъ направленіи. Являясь крайне сжатыми и краткими, онѣ, тѣмъ не менѣе, заключаютъ въ себѣ въ высшей степени интересныя и до сихъ поръ неизвѣстныя въ литературѣ свѣдѣнія о нарымскихъ инородцахъ—объ ихъ бытѣ, языкѣ, ихъ вѣрованіяхъ и суевѣріяхъ, о свадебныхъ обрядахъ, занятіяхъ мужчинъ и женщинъ, о вымираніи племени (въ 1862 г. было васьюган. остяковъ 854 чел. об. пола, въ 1882 ,.—726, въ 1888 г.—502) и пр. Статьи еп. Макарія являются тѣмъ болѣе цѣнными и своевременными, что, какъ видимъ изъ выше приведенныхъ цифръ о движеніи инородч. населенія Нарымскаго края, оно быстро вымираетъ, и его, безъ сомнѣнія, въ недалекомъ будущемъ ждетъ участь, общая и многимъ другимъ сибирскимъ инородцамъ, т. е. совершенное въ концѣ концовъ исчезновеніе съ лица земли.—Искренно желаемъ, чтобы алтайскіе и вообще сибирскіе миссіонеры, уже не разъ дѣлавшіе крупные вклады въ этнографическую литературу, продолжали и на будущее время обогащать ее своими цѣнными изслѣдованіями.

Ал. И—скій.

Временникъ Центральнаго Статистическаго Комитета. 1890. № 17. А. Ефимовъ: Православное населеніе Томской г. по даннымъ 1870—1880 г. (СПБ. 1890. стр. 43 in 8°.).—Небольшой, но хорошо разработанный, демографическій очеркъ г. Ефимова представляетъ данныя о движеніи православнаго населенія Томской губ. Разработавъ данныя за десять лѣтъ, авторъ можетъ придти къ довольно прочнымъ выводамъ о рождаемости, смертности, бракѣ и т. д. какъ городского такъ и сельскаго православнаго населенія губерніи. Значеніе и интересъ его труда однако сильно ослабляется тѣмъ, что г. Ефимовъ раздѣлилъ населеніе губерніи не по племенамъ, не по занятіямъ, а по вѣроисповѣданію. Несомнѣнно, большинство православныхъ падаетъ на русскихъ насельниковъ: однако съ одной стороны есть и инородцы, принявшіе крещеніе, а съ другой, изъ числа русскихъ насельниковъ исключаются старообрядцы (15296 ч.) и единовѣрцы (31573 ч.), такъ что около 5% всѣхъ русскихъ насельниковъ (предполагая, что всѣ православные вмѣстѣ съ тѣмъ и русскіе) исключаются изъ очерка г. Ефимова. Такъ какъ дѣленіе населенія по принадлежности къ тому или иному вѣроисповѣданію не совпадаетъ съ дѣленіемъ по народностямъ, не представляющимъ однообразія въ Томск. губ., не совпадаетъ и съ дѣленіемъ по занятіямъ и т. д.—факторами, обусловливающими % движенія народонаселенія, то невольно является вопросъ, для чего г. Ефимовъ предпринялъ свой трудъ, доставившій ему повидимому не мало работы. Для статистиковъ онъ едвали будетъ особенно полезенъ, именно въ виду избраннаго г. Ефимовымъ принципа дѣленія населенія по вѣроисповѣданію; тѣмъ менѣе по

этой причинѣ онъ можетъ быть пригоденъ для этнографа. Приходится невольно пожалѣть, что авторъ, затративъ свой трудъ и время, не принесъ пользы русской наукѣ, которая не будетъ въ состояніи извлечь изъ его работы какія либо свѣдѣнія. *Н. Х.*

Труды Томскаго Общества Естествоиспытателей. I. (Томскъ. 1890. стр. 308 in 8º).—При открытіи Университета въ г. Томскѣ многіе возлагали надежды на то, что съ устроеніемъ въ Сибири научнаго центра пойдетъ и болѣе успѣшно дѣло изученія этой еще почти вовсе неизвѣстной, обширной части Россіи. Дѣйствительно, повидимому, эти ожиданія начинаютъ оправдываться: въ краткосрочный періодъ своего существованія этотъ научный центръ успѣлъ уже дать плоды своей дѣятельности, привлечь и сгруппировать вокругъ себя мѣстныя научныя силы и опубликовать результаты трудовъ нѣкоторыхъ изъ мѣстныхъ изслѣдователей. Открытіе при Томскомъ Университетѣ ученаго Общества (23-го сент. 1889 г.) является лучшимъ доказательствомъ того, что въ лицахъ, желающихъ принести свой трудъ на дѣло изслѣдованія мѣстнаго края, нѣтъ недостатка, а содержаніе статей I тома доказываетъ, что многіе изъ мѣстныхъ дѣятелей не жалѣютъ ни времени ни труда для изученія своего края. Мы не будемъ распространяться о содержаніи всѣхъ статей, помѣщенныхъ въ I томѣ „Трудовъ,“ такъ какъ многія изъ нихъ не имѣютъ отношенія къ нашему изданію; коснемся лишь тѣхъ статей, которыя являются интересными для этнографа. Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить обширную работу *С. К. Кузнецова*: *Отчетъ объ археологическихъ разысканіяхъ въ окружностяхъ* (?) *г. Томска* (съ планомъ и рисунками). Автору удалось совершить обширныя раскопки въ разныхъ мѣстностяхъ, какъ кургановъ, такъ и городищъ; раскопки дали интересные результаты, которые г. Кузнецовъ старается объяснить при помощи уже опубликованныхъ находокъ въ разныхъ частяхъ Европы.—Нельзя не пожалѣть, что слишкомъ малое количество таблицъ, помѣщенныхъ въ качествѣ приложенія къ статьѣ, не даетъ возможности судить вполнѣ о значеніи этихъ находокъ. Крайне интересна работа *И. Я. Соловцова*: *Матеріалы о распредѣленіи кургановъ и городищъ въ Тобольской губ.*, которая несомнѣнно сослужитъ большую службу всякому изслѣдователю археологіи и краніологіи въ указанной мѣстности. Небольшая замѣтка *Н. Ф. Катанова*: *Бубенъ и колотушка шамана, по описанію Минусинскихъ татаръ* даетъ подробное описаніе какъ устройства самого бубна, такъ и рисунковъ, помѣщенныхъ на немъ и — что особенно цѣнно — объясненіе значенія этихъ рисунковъ. Пожелаемъ отъ души успѣха молодому Обществу въ его полезной дѣятельности всесторонняго изслѣдованія края, выразимъ также пожеланія, чтобы Общество, изучая край въ ахреологическомъ и антропологическомъ отношеніи, обратило еще болѣе серьезное вниманіе и на изслѣдованіе быта современныхъ жителей края, русскихъ и инородцевъ: этимъ оно принесетъ огромную пользу русской наукѣ. *Н. Х.*

Обзоръ Амурской Области за 1889 г. (Благовѣщенскъ. 1890. стр. 23 in fol., съ приложеніемъ 8 ми статист. таблицъ).—Изъ пяти отдѣловъ, на которые раздѣленъ Обзоръ Амурской Области, наиболѣе интересными для этнографа являются отд. I: „Естественныя и производительныя силы Области и экономическая дѣятельность населенія“; отд. IV.: „Народное здравіе и общественное призрѣніе“ и отд. V.: „Народное просвѣщеніе.“ Населеніе области крайне незначительно—а именно: 87,705 д. об. п. при пространствѣ въ 393,366 кв. в., что составляетъ около 0,2 чел. на одну кв. версту. Изъ всего числа населенія 20,242 чел. приходится на города. Остальное населеніе состоитъ преимущественно изъ казаковъ Амурскаго казачьяго войска (17,935), крестьянъ (25,488), корейцевъ (990), манжуръ (14,000), инородцевъ (3,000) и пріисковыхъ рабочихъ (6,000). Естественный приростъ населенія не особенно значителенъ, именно около 1,6%; гораздо значительнѣе приростъ отъ иммиграціи; такъ въ 1889 г. переселилось всего 3062 ч. об. п. что составляетъ $3^1/_2$%. Переселенцы приходятъ сюда преимущественно изъ Области Войска Донскаго, изъ губ. Полтавской и Тамбовской и Забайкальской Области. Изъ указанныхъ мѣстностей въ 1889 г. переселилось сюда изъ общаго числа 3062 ч.—2682 ч. б. п. Больше всего переселенцевъ приходится на Тамбовскую губ.—989 б. п. слѣдовательно ок. 32,3%. Медицинская помощь организована довольно плохо; такъ на всю Амурскую Область приходится лишь 4 врача (1 областной, 1 горской, и 2 на золотыхъ пріискахъ) и 17 фельдшеровъ. Быть можетъ, отчасти этимъ слѣдуетъ объяснить сравнительно незначительный естественный приростъ населенія въ Области, такъ какъ, повидимому, многія условія (хорошіе урожаи, отсутствіе недостатка земли и т. п.) должны были бы содѣйствовать большему приросту населенія. Дѣло народнаго просвѣщенія оставляетъ также желать многаго, такъ какъ, если принять во вниманіе только народныя школы, то ихъ окажется всего лишь 33 (2 народ. училища въ Благовѣщенскѣ, 22 казачьи школы, 7 крестьянскихъ и 2 пріисковыя). Наибольшую грамотность мы видимъ среди казачьяго населенія—именно 4,7% (въ крестьянскомъ 1,2% и пріисковомъ 1,9%). Несмотря на этотъ абсолютно небольшой % грамотности среди населенія Амурской Области, мы должны однако отмѣтить, что онъ значительно выше (особенно между казаками), чѣмъ во многихъ мѣстностяхъ Европейской Россіи, а для столь отдаленныхъ окраинъ, какъ Амурская Область, онъ даже относительно высокъ.

Въ общемъ, публикуемые „Обзоры,“ конечно, оставляютъ желать много лучшаго, какъ въ отношеніи обилія сообщаемаго ими матеріала, такъ и въ отношеніи обработки тѣхъ свѣдѣній, которыя они содержатъ. Но въ виду малаго знакомства нашего съ Сибирью, „Обзоры“ представляютъ все таки существенный интересъ для нашего отечествовѣдѣнія и даютъ этнографу матеріалъ, при помощи котораго онъ, занимаясь этнографіей населенія Сибири, будетъ въ состояніи объяснить многія неясныя или вовсе непонятныя явленія сибирской жизни.

Н. Х.

Историко-юридическіе матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губерній Витебской и Могилевской, хранящихся въ Витебскомъ центральномъ архивѣ, изд. подъ ред. архиваріуса М. Веревкина. *Выпускъ двадцатый.* Витебскъ, 1890. Тоже, *выпускъ двадцать первый.* Витебскъ, 1891.

Какъ извѣстно, Витебскій центральный архивъ учрежденъ въ 1861 г. „для сохраненія историческихъ матеріаловъ, для *всесторонняго изученія быта* западнаго края и разработки разныхъ актовъ и документовъ.“ Въ 1869 г. архиву поставлено въ обязанность, „печатно издавать всѣ тѣ матеріалы, которые могутъ относиться до историческаго *быта* бѣлорусскаго края и до опредѣленія правъ на имущество по записямъ“. Задачи, какъ видитъ читатель, не малыя. Къ сожалѣнію, для выполненія ихъ не дано достаточныхъ средствъ: весь штатъ архива, а слѣдовательно и его юридическая, ученая и издательская дѣятельность, заключается единственно въ лицѣ архиваріуса; на печатаніе матеріаловъ ежегодно ассигнуется 2000 р. Понятно, что дѣятельность архива, при этихъ условіяхъ, не можетъ быть блестящею. Тѣмъ не менѣе, благодаря болѣе или менѣе удачному выбору архиваріуса, архивомъ, начиная съ 1871 г., издается ежегодно около 50 печ. листовъ „Матеріаловъ,“ въ общемъ представляющихъ весьма цѣнный вкладъ въ историческую науку. Достаточно сказать, что въ вышедшихъ доселѣ выпускахъ помѣщены, между прочимъ:

22 приходо-расходныя книги города Могилева, обнимающія періодъ времени съ 1679 по 1711 г.

80 актовъ Витебскаго и Полоцкаго земскихъ судовъ за 1592—1731 гг.

55 актовъ Витебскаго градскаго суда за 1634—1712 гг.

54 акта изъ градскихъ книгъ Витебскаго воеводства за 1596—1712 гг.

43 акта Полоцкаго магистрата за 1652—1771 гг.

170 актовъ Витебскаго магистрата за 1743—1791 гг.

1457 актовъ Могилевскаго магистрата за 1577—1787 гг.

и 90 актовъ Кричевской магдебургіи за 1662—1771 гг.

Кромѣ того, здѣсь напечатаны:

Описаніе границъ витебскаго воеводства съ землями государства Московскаго, учиненное въ 1648 г.

Разграниченіе Витебскаго воеводства и гос—ства Россійскаго въ 1777 г.

Fructus spirituales—журналъ, веденный іезуитами Витебской коллегіи съ 1714 по 1813 г.

Инвентарь имѣнія Вялуа, составл. въ 1790 г., и мн. др.

Матеріалы эти, независимо отъ общеисторическаго значенія, представляютъ животрепещущій интересъ и для бытописателя западной Руси, затрогивая всѣ стороны давноминувшей жизни бѣлоруссовъ, начиная отъ политической и церковной, и кончая экономическою, бытовою и семейной.

Обращаясь къ послѣднимъ выпускамъ, мы должны заявить, что своимъ содержаніемъ они не только не уступаютъ прежде вышедшимъ, но значительно и превосходятъ ихъ.

Здѣсь помѣщена, между прочимъ, приходорасходная книга города Мо-

гилева за семь мѣсяцевъ 1711 г., ярко обрисовывающая положеніе этого злосчастнаго города въ періодъ Сѣверной войны, когда бурмистры, войты и райцы вгродскіе то и дѣло должны были угощать, задабривать и подкупать енераловъ, полъковниковъ, пановъ капитановъ, атютантовъ, егзекуторовъ, поручниковъ и т. п. чиновъ польскихъ, русскихъ и шведскихъ—то за умнейшенне провиянту, дымовъ въ тарифе, коней почтовыхъ; то — абы презъ мѣсто хорогви не шли, жебы въ месте не стали зъ своими жолнерами, или—жебы жолнеры уступили зъ места, и т. п.

Какъ видно изъ расходныхъ записей, брали всѣ, кто могъ, и все, что могли, начиная отъ денегъ — „золотыхъ,“ лудана, фалендышу (сукна), футръ лиссихъ, скуръ турецкихъ и т. п., и кончая ситницами, селедцами, олеемъ, цыбулей, горелъкою, дегтемъ и кореннями...

Напр., 11 марта 1711 г. куплено для пп. егзекуторовъ рыбы свежія, рыбы вяленой, селедцовъ десятокъ, ситницъ шесть, соли кварту, крупъ кварты три и олею, перцу чвертку, овса мерку, сѣна санокъ двое и вязки три, еще рыбы вяленой, ситницъ пять, пироговъ пять, сѣна ношекъ пять и т. д. 17 марта сольдату дали на горелъку, на баранки и на пиво. 19-го поеднали салдатовъ, што потребовали хомутовъ, 1 золотымъ, 15 восмаками, и горелъки купили на 6 восмаковъ. 22-го купили корення на полмисокъ пану полковнику Баратынскому, на свято: перцу фунтъ, имъберу фунтъ, мигдаловъ фунтъ, розынокъ (изюму), фунта два—великихъ и малыхъ, гвоздикъ лоты два, шафрану лотъ, цынамону лоты два, горелъки гарцовъ сорокъ.

Такія же „корення“ посылались „на свято,“ къ пасхѣ, и многимъ другимъ, между прочимъ, пану пастеру ксонжу Четвертынскому, епископу Бялорусскому, на поклонъ, съ добавленіемъ рыжу, цукру, вина и т. п.

Высокій интересъ представляютъ и помѣщенные здѣсь акты Витебскаго земскаго (53 №№) и гродскаго (54 №№) судовъ, характеризующіе м. проч. отношеніе мѣстнаго населенія къ факту появленія перваго католическаго костела въ Бѣлоруссіи (основ. въ 1387 г. въ м. Обольцахъ, оршан. у. по распоряженію Ягелла), и указывающіе на то значеніе, какое придавалось Римомъ этому костелу, въ цѣляхъ распространенія католицизма среди православнаго бѣлорусскаго населенія (в. XX, № 2). Въ другихъ описываются правовыя и экономическія нестроенія, имѣвшія мѣсто въ краѣ въ эпоху Сѣверной войны и придавшія ему въ концѣ концовъ видъ desertae Arabiae, какъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ повѣрочная люстраціонная комиссія 1712 г. (ib., № 54). Даются образчики дѣятельности латинскаго духовенства, евреевъ; затронутъ чрезвычайно интересный вопросъ о такъ наз. панцырныхъ боярахъ и польскихъ казакахъ; всесторонне описанъ тогдашній бытъ безправнаго бѣлорусскаго мужика (XX, 65). Здѣсь же есть отзвуки смутнаго времени (XXI, № 136), убійства Кунцевича (ib. № 125) и т п.

Въ актахъ Витебскаго воеводства (в. XXI, 81 №№) 1713 г. даны инвентари Усвятскаго замка и староства, приведены примѣры практики

характернаго копнаго суда, указывается жалкое положеніе въ то время православныхъ монастырей и т. д.

Изъ отдѣльныхъ документовъ въ разбираемыхъ книгахъ помѣщены: интересный инвентарь им. Вядуа. вышеупомянутаго Оболецкаго костела, сост. въ 1790 г., Fructus spirituales и 35 документовъ, касающихся главнымъ образомъ дѣятельности іезуитовъ.

Наконецъ, въ обѣихъ книгахъ имѣются особыя „Прибавленія,“ за которыя нельзя также не поблагодарить редакцію. Здѣсь, между прочимъ, приведены изъ актовыхъ книгъ указанія мѣстъ нахожденія древнихъ памятниковъ: волотовокъ, могильниковъ, городищъ, валовъ, острыхъ могилъ, *скоморошихъ* могилокъ, мостищъ, церковищъ, замковъ, старыхъ и великихъ дорогъ, каменныхъ крестовъ, камней съ крестами и написями, змѣевыхъ могилъ и т. п. Указанія эти въ высшей степени драгоцѣнны какъ для археологической карты Витебской губерніи, такъ и для древней топографіи гор. Витебска въ особенности. Къ выпускамъ, по обыкновенію, приложены указатели личный и топографическій. Въ XXI вып. въ видѣ отдѣльнаго приложенія даны три снимка съ почерковъ.

Вообще. въ предѣлахъ возможнаго, изданіе улучшается съ каждымъ годомъ. Недостаткомъ его—если только можно назвать это недостаткомъ—является отсутствіе переводовъ латинскихъ и польскихъ актовъ, желательныхъ въ настоящее время, въ видахъ доступности изданія для средняго читателя, съ которымъ наукѣ уже и теперь нельзя не считаться. Безъ особаго обремененія изданія, переводы могли-бы печататься петитомъ, въ видѣ выноски; да и самые акты слѣдуетъ печатать помельче (теперь—крупная терція). Слѣдутъ также, по возможности, устранить корректорскіе недосмотры и опечатки, иногда затемняющія смыслъ текста (XXI, 109 а; XX, стр. XV, 10, 40 b. 41 а, и т. д.) и принять мѣры къ возможно широкому распространенію изданія и на книжномъ рынкѣ и въ средѣ ученой. Вообще же акты. и другія витебскія изданія служатъ яркимъ образчикомъ того, какъ много, при самоотверженной преданности дѣлу, можетъ сдѣлать для науки и одинъ честный труженикъ, даже при ограниченныхъ средствахъ и при неблагопріятной обстановкѣ. Желаемъ изданію дальнѣйшаго успѣха, вполнѣ имъ заслуживаемаго.

N.

А. Сапуновъ.—Двинскіе или Борисовы камни. Витебскъ, 1890. 31 стр. Изд. Витебскаго Статистич. Комитета.

Вопросъ о Двинскихъ или такъ называемыхъ Борисовыхъ камняхъ (что, впрочемъ, не всегда одно и то-же) интересуетъ ученый міръ еще со временъ Стрыйковскаго, впервые отмѣтившаго, во-второй половинѣ XVI в., существованіе памятниковъ этого рода. Сто лѣтъ спустя о нихъ возобновилъ рѣчь Кояловичъ; потомъ, еще чрезъ сто лѣтъ, о нихъ говоритъ Шлецеръ Въ 1818 г., когда производилась очистка русла Двины, два камня съ надписями были взорваны одинъ, по выраженію современнаго оффиціальнаго документа, «растрѣлянъ въ мелкія дребезги», другой

подвергся незначительной порчѣ и существуетъ, въ испорченномъ видѣ до настоящаго времени. Въ этомъ году, какъ видно изъ переписки Канкрина съ гр. Румянцевымъ, хранящейся въ Румянцовскомъ музеѣ, было вообще констатировано существованіе четырехъ камней, кромѣ «растрѣляннаго». Послѣ Кеппена, упоминающаго о камняхъ въ „Спискѣ русскихъ памятниковъ," болѣе точныя свѣдѣнія о нихъ, съ приложеніемъ рисунковъ, сообщилъ гр. Плятеръ въ журн. „Rubon" за 1842 г. и гр. Тышкевичъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій по археологіи [1]). Затѣмъ, всѣ дальнѣйшія сообщенія объ этихъ камняхъ, появлявшіяся отъ времени до времени въ періодическихъ и другихъ изданіяхъ [2]), составляли только перефразировку или переводъ ст. Плятера, не рѣдко съ копіями его же рисунковъ. Болѣе точныя свѣдѣнія и рисунки даны только въ „Трудахъ I. Археологическаго Съѣзда," по сообщеніямъ Кущинскаго и Шмидта.

Въ такомъ положеніи оставался вопросъ до настоящаго времени, когда, наконецъ, изслѣдователю мѣстной старины А. П. Сапунову пришла счастливая мысль заняться имъ на мѣстѣ, какъ изъ желанія выяснить, насколько возможно, значеніе камней, такъ и въ особенности дать точное описаніе ихъ и вѣрные снимки. Мысль эта явилась какъ нельзя болѣе кстати, въ виду существующаго предположенія о новой очисткѣ русла Двины, тѣмъ болѣе, что попытки мѣстной администраціи къ извлеченію памятниковъ изъ воды не увѣнчались успѣхомъ, и они могли бы погибнуть—на этотъ разъ, окончательно.

Въ своей брошюрѣ авторъ, прослѣдивъ литературную исторію предмета (стр. 3—18), указываетъ мѣстоположеніе памятниковъ, описываетъ ихъ внѣшность, опредѣляетъ расположеніе надписей и т. п. (18—26). Между прочимъ любопытно, что авторъ приходитъ къ убѣжденію въ болѣе позднемъ происхожденіи Двинскаго камня, находящагося въ настоящее время во дворѣ Историческаго Музея въ Москвѣ. Насколько можно судить, камень этотъ, по начертанію буквъ, близокъ къ каменному кресту въ м. Романовѣ, описанному въ т. XI «Древностей».

Намъ, вообще кажется, что авторъ не ошибся бы, если бы къ этой категоріи позднѣйшихъ камней, не имѣющихъ ни историческаго ни археологическаго значенія, отнесъ всѣ камни съ изсѣченными на нихъ крестами безъ надписей. Кто знакомъ съ Бѣлоруссіей, тому извѣстно, что подобные камни, вмѣстѣ съ массивными крестами, во множествѣ разсѣяны по лицу ея, не только на кладбищахъ, но и средь полей, въ лѣсахъ и т. п. Описаніе такихъ камней авторъ могъ бы найти въ «Древностяхъ»; еще больше ихъ въ архивахъ нашихъ Археологическихъ Обществъ. Давать имъ названіе «Борисовыхъ» едва ли основательно [3]).

---

1) „Rzut oka na źrzódła archeologii krajowej," 1842 г.

2) „Витебск. Губ. Вѣдом.", „Ученыя Зап. Акад. Наукъ," „Вил. Вѣстн.," „Древности," „Всемірн. Иллюстр.," „Русскій Паломн.," „Живоп. Россія," „Пам. кн. Вят. губ. 1867 г." „Бѣлор., и Литва," „Бѣлорусскія Древности" и др.

3) Срав., между прочимъ, Истор.-юрид. матер. Витебскаго центр. арх., вып. XXI, стр. 481—483.

Переходя затѣмъ къ вопросу о значеніи памятниковъ (стр. 27—31), г. Сапуновъ утверждаетъ, что всѣ они, кромѣ вышеупомянутаго, изсѣчены около 1126 г. полоцкимъ княземъ Борисомъ Всеславичемъ, и предполагаетъ, что „этотъ благочестивый князь, желая хоть чѣмъ-нибудь отвратить бѣду (?) которою грозили громадные Двинскіе камни предпріимчивымъ его подданнымъ, плававшимъ на своихъ стругахъ по Двинѣ, пожелалъ обезвредить эти камни дѣломъ благочестія—изсѣченіемъ крестовъ и надписей. Въ то-же время эти камни должны были громко свидѣтельствовать (?) и о томъ, что князья полоцкіе — единственные полноправные хозяева этого важнаго торговаго пути и что они—господа всей земли, по которой течетъ эта бѣлорусская рѣка“...

Можетъ быть это и такъ; но могло быть и иначе. Автору, очевидно, неизвѣстно, что въ предѣлахъ той же Витебской губерніи и теперь существуютъ камни, обоготворяемые мѣстными жителями, имъ приносятъ жертвы хлѣбомъ, мелкими монетами и т. п., украшаютъ лентами, вѣниками, цвѣтными лоскутками и т. п. Къ этой же категоріи боготворимыхъ камней должны быть отнесены и многочисленные „кравцы“—камни, чудесно шившіе платье окрестнымъ жителямъ и т. п. Не вѣрнѣе ли допустить, что набожный князь Борисъ (хотя существованіе такихъ камней въ южной части Минской губерніи заставляетъ предполагать и не одно это лицо), стараясь утвердить новую, христіанскую, вѣру въ своихъ подданныхъ—недавнихъ язычникахъ, изсѣкалъ кресты именно на такихъ, боготворимыхъ ими, камняхъ, подобно тому, какъ въ настоящее время духовенство ставитъ подлѣ нихъ кресты или иконы.

Затѣмъ при рѣшеніи вопроса собственно о Двинскихъ камняхъ необходимо имѣть въ виду и существующее до сего времени, у прибрежныхъ жителей этой рѣки, обыкновеніе изсѣкать кресты и надписи на камняхъ, находящихся въ руслѣ рѣки и обнажающихся только въ необыкновенно мелководные годы,—какъ бы въ память этихъ „сухихъ“ лѣтъ. Если намъ не измѣняетъ память, не далѣе какъ въ 1888 г. такой случай имѣлъ мѣсто въ г. Суражѣ, отстоящемъ отъ Витебска на нѣсколько десятковъ верстъ, вверхъ по Двинѣ. Лѣтомъ этого года здѣшній мѣщанинъ, замѣтивъ въ руслѣ Двины камень, до того времени никогда не обнажавшійся, поспѣшилъ изсѣчь на немъ крестъ, годъ и свои иниціалы, приготовивъ такимъ образомъ загадку для будущихъ археологовъ. Наконецъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду и обще-распространеннаго въ Бѣлоруссіи обычая—сооружать кресты по обѣту, въ случаяхъ неимѣнія дѣтей, или непродолжительности жизни ихъ и т. п. Легко можетъ быть, что и большая часть Двинскихъ надписей обязана своимъ происхожденіемъ или любителямъ, желавшимъ въ то многоводное время отмѣтить случаи необыкновенныхъ мелководій, въ которыя выдавались изъ воды такъ называемые Борисовы камни, не каждый годъ видимые и при нынѣшнемъ всеобщемъ обмеленіи рѣкъ,—или „обѣщникамъ“, видѣвшимъ въ изсѣченіи ихъ дѣло благочестія. Но, кажется, менѣе всего имъ можно придавать политическое значеніе.

Впрочемъ, въ послѣсловіи авторъ заявляетъ, что не выдаетъ своего мнѣнія за непреложное и что цѣль, его труда—представить точные описанія этихъ интересныхъ памятниковъ. Цѣль эта авторомъ вполнѣ достигнута, и наука не можетъ не быть ему благодарна за настоящій трудъ, тѣмъ болѣе (добавимъ отъ себя), что онъ служитъ доказательствомъ поворота въ дѣятельности г. Сапунова, между тѣмъ какъ казалось, что почтенный издатель „Витебской Старины,“ оставилъ разработку насущныхъ вопросовъ историческихъ, ограничивъ свою дѣятельность узкими рамками церковной старины.

Къ брошюрѣ приложено 22 рисунка камней, причемъ къ изображеніямъ, снятымъ авторомъ, указанъ и масштабъ.

Сборникъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. т. 47 и 48. *Сочиненія А. А. Котляревскаго,* т. I и II, Въ т. 47: „Взглядъ на старинную русскую жизнь по народнымъ лубочнымъ изображеніямъ“; „Нѣсколько данныхъ изъ лубочныхъ картинъ“; „Два вопроса русской исторической Науки“ (по поводу изданія Пѣсенъ Кирѣевскаго); „Сказанія о русскихъ богатыряхъ“; рецензія на рѣчь Ѳ. И. Буслаева: „О народной поэзіи въ древне-русской литературѣ“; „Русская Народная литература“ (по поводу Пѣсенъ Кирѣевскаго, Духовныхъ стиховъ Варенцова и Памятниковъ старин. рус. лит.); „Новые труды по русской старинѣ и народности“ (Старосвѣтскій Бандуристъ – Закревскаго, Воронеж. Бесѣда, Воронеж. Литер. Сборникъ, Рус. простонар. легенды); „Старина и Народность за 1861 г.“.

Въ т. 48: „Русскія народныя сказки“ (по поводу изданія сказокъ Аѳанасьевымъ); „Замѣтка о значеніи гончарныхъ знаковъ“; „Славяне и Русь древнѣйшихъ арабскихъ писателей“; „Основной элементъ русской богатырской былины“; разборъ „Поэт. воззр. Славянъ на природу“ Аѳанасьева, рецензія на „Историч. пѣсни малор. нар.“, Антоновича и Драгоманова.

Сборникъ Херсонскаго Земства, 10. «Историческій очеркъ развитія Херсонской земской сельско-хозяйственной статистики». Въ этой статьѣ читатель находитъ рядъ болѣе или менѣе важныхъ указаній на положеніе населенія и на литературу объ экономическомъ строѣ жителей Херсонской губ.—*А. Падалка:* Главные моменты въ хозяйственномъ развитіи Херсонскаго края.

Памятная книжка Воронежской губ. на 1891 г., вып. I., Изд. Губ. Стат. Комитета.

Центральный Петербургскій Стат. Комитетъ, какъ извѣстно, имѣетъ своей задачею руководить изслѣдованіями по статистикѣ при помощи мѣстныхъ губернскихъ стат. комитетовъ. Это руководство выражается, между прочимъ, въ установленіи рубрикъ, по которымъ должны распредѣляться свѣдѣнія, въ выработкѣ общихъ программъ и статистическихъ таблицъ

для изслѣдованія и т. п. Но какъ всякое центральное учрежденіе, стоящее болѣе или менѣе далеко отъ живой жизни, Центральный Комитетъ далеко не выполнилъ бы своей задачи, если бы не предоставилъ мѣстнымъ комитетамъ нѣкоторой свободы дѣйствій. Въ этомъ спасеніе статистики, иначе она окончательно превратилась бы въ рутинную формалистику. Теперь, наоборотъ, мы видимъ, что очень многіе мѣстные статистическіе комитеты даютъ массу интереснѣйшихъ свѣдѣній и оригинальныхъ изслѣдованій, произведенныхъ по собственной программѣ, обыкновенно утверждаемой Центр. Комитетомъ. По такой именно спеціальной программѣ издается и Воронежская Пам. Книжка въ текущемъ году. Для составленія ея мѣстнымъ комитетомъ собрано такое количество статистич. данныхъ по всевозможнымъ вопросамъ, что пришлось раздѣлить изданіе на два выпуска солиднаго объема, судя по 1-му выпуску. Хотя въ этомъ выпускѣ нѣтъ ничего строго-этнографическаго, но мы отмѣчаемъ его именно потому, что онъ выдѣляется обиліемъ справочныхъ и статистическихъ свѣдѣній и вызываетъ полную признательность М. А. Дикареву, на долю котораго выпалъ главный трудъ по выработкѣ формъ. собиранію, разработкѣ и печатанію метеріаловъ. Во второй выпускъ имѣютъ войти списки населенныхъ мѣстъ, статистич. данныя по нѣкоторымъ спеціальнымъ вопросамъ и литературный отдѣлъ, который будетъ состоять изъ поэмы А. Серебрянскаго (друга и учителя А. В. Кольцова), изъ изслѣдованія М. А. Дикарева о воронежскомъ мѣщанскомъ говорѣ и собранныхъ имъ пословицъ и поговорокъ, если для нихъ найдется мѣсто.

Н. Я.

А. Лебедевъ.—Духоборцы въ Слободской украйнѣ (Харьковъ, 1890, стр. 31 in 8°). Небольшой трудъ г. Лебедева содержитъ въ себѣ интересныя и новыя свѣдѣнія о духоборцахъ въ Харьковской губ. Опубликовывая данныя добыты авторомъ изъ архивнаго матеріала. Г. Лебедевъ даетъ ясную картину, какъ религіозныхъ воззрѣній духоборцевъ, такъ и дѣйствій администраціи, направленныхъ къ уничтоженію секты въ указанныхъ мѣстностяхъ, въ концѣ XVIII и началѣ текущаго столѣтій. Духоборцы, одна изъ крайне интересныхъ раціоналистическихъ сектъ среди русскихъ крестьянъ, заслуживаютъ вниманія изслѣдователей, и нельзя не отнестись сочувственно къ опубликованію новыхъ данныхъ по этому вопросу. Лишь при накопленіи матеріала наукѣ можно будетъ уяснить причины возникновенія духоборства, а также исторію его происхожденія и развитія, и узнать способы, при помощи которыхъ распространяемо было это ученіе его послѣдователями. Въ концѣ своей статьи г. Лебедевъ приводитъ записанное настоятелемъ церкви въ селѣ Большіе Приходы (въ 30 в., отъ Харькова) о. Григоріемъ Лобковскимъ преданіе, какъ о происхожденіи села, такъ и о распространеніи среди мѣстныхъ жителей духоборства. На основаніи этого преданія, возникновеніе духоборства слѣдуетъ отнести къ болѣе отдаленной эпохѣ, чѣмъ это обыкновенно принято, и признать, что оно занесено великоруссами. „Въ этихъ преданіяхъ, справедливо замѣ-

чаетъ г. Лебедевъ... конечно... нельзя искать во всемъ полной фактической вѣрности... но въ общемъ преданія эти, какъ вообще народныя преданія, все таки не могутъ быть лишены реальной основы, и указываемый въ нихъ фактъ, что духоборство занесено въ с. Б. Проходы выходцами изъ Великороссіи, едвали можетъ подлежать сомнѣнію, въ особенности, когда указаніе это такъ сходится съ указаніями и документальныхъ данныхъ", въ которыхъ фамиліи духоборцевъ великорусскія. Собраніе въ большомъ количествѣ подобныхъ преданій, быть можетъ, помогло бы выясненію вопроса о мѣстѣ и времени происхожденія духоборцевъ,—вопроса, оставшагося до настоящаго времени не разъясненнымъ.

Н. Х.

D. Dan.—Die Völkerschaften in der Bukowina. I Heft. *Die Lippowaner in der Bukowina* (Czernowitz. 1890. Стр. 34 in 8°).

Небольшой трудъ г. Дана о нашихъ раскольникахъ въ Буковинѣ представляетъ изъ себя компиляцію источниковъ уже напечатанныхъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Большая часть статьи посвящена исторіи заселенія раскольниками Буковины, изложенію ихъ религіозныхъ догматовъ и лишь 6 страницъ содержатъ свѣдѣнія о бытѣ липованъ. Что касается 1-й части, то она для русскаго читателя представляетъ весьма мало интереса, такъ какъ наша обширная литература по расколу можетъ дать и болѣе полныя и болѣе цѣнныя свѣдѣнія, чѣмъ статья г. Дана. Что до 2-й части, то г. Данъ описываетъ въ ней нѣкоторые обряды липованъ, ихъ одежду, внѣшность и т. п. Новаго мы и въ этой части труда едвали много найдемъ. Предназначенная для читателей—нѣмцевъ, статья г. Дана можетъ имѣть интересъ, но не для русскихъ читателей. Отмѣтимъ однако слѣдующіе факты въ трудѣ г. Дана: именно, число липованъ въ Буковинѣ значительно увеличивается; такъ въ 1784 г. ихъ считалось отъ 350—400 душъ, въ 1847 г. ихъ было около 2000, въ 1852—2645, въ 1857—2939, 1863—2942, въ 1869—2928 и въ 1880—2801 душъ. Такой значительный приростъ (хотя и съ нѣкоторыми колебаніями) слѣдуетъ объяснять, кромѣ прироста путемъ естественнымъ, также и распространеніемъ ученія липованъ, какъ среди русиновъ, такъ и среди нѣмцевъ. Въ своемъ костюмѣ и бытѣ липоване не измѣнили своей націальности и до настоящаго времени рѣзко отличаются отъ своихъ сосѣдей.

Н. Х.

Georg Buschan.—Germanen und Slaven. Eine archäologisch — anthropologische Studie (Münster. 1890 г., стр. 49 in 8°, съ приложеніемъ таблицъ, карты и нѣсколькихъ рисунковъ въ текстѣ).—Авторъ этого небольшого труда задался рѣшеніемъ крайне интереснаго вопроса о разселеніи славянъ игерманцевъ въ сѣверной и восточной Германіи. Вопросъ, который авторъ избралъ содержаніемъ своей статьи, какъ извѣстно, не новый; многіе ученые старались его рѣшить то въ томъ, товъ иномъ смыслѣ; однако, не смотря на тяжелый трудъ, потраченный въ этомъ направленіи, на много-

численные споры, возникавшіе, благодаря разногласію изслѣдователей,— вопросъ этотъ едвали можетъ считаться рѣшеннымъ. Трудъ г. Бушана мало прибавляетъ новаго въ этомъ отношеніи. Дѣйствительно, пока авторъ стоитъ на почвѣ изложенія данныхъ, добытыхъ археологіей, классификаціи этихъ данныхъ, нельзя не отдать полной справедливости въ эрудиціи по указанному вопросу. Основательно знакомый съ литературой предмета, дѣлавшій самъ не мало археологическихъ разысканій, г. Бушанъ даетъ полную, ясную и систематичную картину результатовъ, добытыхъ нѣмецкими археологами. Другое дѣло, когда авторъ переходитъ на почву выводовъ, суть которыхъ сводится къ тому, что германское племя, господствовавшее отъ Вислы до Рейна, уступило около 900 г. по Р. Х. мѣсто славянскому для того, чтобы вскорѣ послѣ этого начать снова свое поступательное движеніе. Если откинуть дату, которою авторъ опредѣляетъ вторженіе славянъ и о которой намъ придется сказать подробнѣе, выводъ автора едвали можетъ подвергнуться серьезнымъ возраженіямъ. Но дѣло въ томъ, что въ указанномъ трудѣ онъ является бездоказательнымъ. Принимая a priori мнѣніе, что однѣ находки относятся къ славянамъ, другія къ германцамъ, и не подтверждая это положеніе никакимъ серьезнымъ доказательствомъ, г. Бушанъ приходитъ къ указанному заключенію, вовсе не обращая вниманія на рядъ источниковъ, которые свидѣтельствуютъ съ большей достовѣрностью, чѣмъ археологическія находки, что въ началѣ христіанской эры балтійское поморье было занято германскими племенами, либо въ качествѣ населенія постояннаго, либо въ видѣ бродячихъ дружинъ, покорившихъ славянскихъ насельниковъ, жившихъ здѣсь. Изъ частныхъ выводовъ останавливаетъ на себѣ мнѣніе автора, что главное заселеніе славянами сѣверной и восточной Германіи произошло между 800—900 гг. по Р. Х. Основаніемъ для этого положенія служатъ автору находки арабскихъ монетъ, относящихся главнымъ образомъ къ этому времени. Постановка вопроса заселенія указанныхъ мѣстностей славянами на эту почву вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе: въ самомъ дѣлѣ, какъ могутъ *арабскія* монеты доказывать эпоху занятія какой нибудь мѣстности *славянскими* племенами. Въ этомъ отношеніи мы должны г. Бушану сдѣлать то-же возраженіе, которое ему сдѣлалъ и г. Вирховъ (въ Zeitschrift für Ethnologie. 1890. IV, стр. 171, 172), что находка арабскихъ монетъ, относящихся къ извѣстной эпохѣ, можетъ служить лишь доказательствомъ эпохи развитія торговыхъ сношеній съ арабами—не болѣе.

Г. Бушанъ, повидимому, игнорируетъ тѣ упоминаемыя имъ самимъ (стр. 46, 47) данныя, которыя могутъ свидѣтельствовать о заселеніи славянами указанныхъ мѣстностей задолго до той эпохи, отъ которой сохранились арабскія монеты. Эти послѣднія могли появиться на балтійскомъ поморьѣ лишь послѣ того, какъ арабы расширили свои торговыя операціи—до предѣловъ поморья съ одной стороны, а съ другой лишь послѣ того, какъ образовались и окрѣпли славянскія племена на поморьѣ, завоевавъ для послѣдняго серьезное положеніе въ тогдашнемъ торговомъ мірѣ. Не касаясь спорныхъ свѣдѣній о заселеніи славянами Поморья въ

началѣ нашей эры, нельзя упускать изъ виду, что на основаніи источниковъ, мы можемъ констатировать уже обширныя населенія славянъ на Поморьѣ въ VI в., когда они являются уже сильными племенами, ведущими ожесточенную борьбу съ своими сосѣдями.

Страннымъ намъ кажется и выводъ автора о томъ, что Венеты, до своего поступательнаго движенія, подверглись уже культурному вліянію германцевъ. Основаніе для этого положенія авторъ видитъ въ словахъ Тацита, который сообщаетъ, что Венеты, „хотя и приняли многіе обычаи отъ своихъ сосѣдей, причисляются однако скорѣе къ германцамъ, такъ какъ они строятъ крѣпкіе дома, имѣютъ щиты, такъ какъ они хорошіе ходоки и любятъ быть пѣшими, чего нѣтъ у восточныхъ сосѣдей ихъ — сарматовъ, которые проводятъ жизнь въ телѣгахъ и верхомъ. И съ внѣшней стороны ихъ можно отличить отъ сарматовъ“ (стр. 23). Бытъ Венетовъ, столь рѣзко отличавшій ихъ отъ кочевниковъ — сарматовъ, естественно могъ подать римскому историку мысль о причисленіи венетовъ скорѣе къ германцамъ, чѣмъ къ сарматамъ; но въ настоящее время серьезный ученый едвали будетъ строить на подобныхъ данныхъ выводъ о вліяніи одного народа на другой. Повидимому, г. Бушанъ держится мнѣнія, что сарматы — славяне, и поэтому и толкуетъ слова Тацита съ этой стороны; ему повидимому неизвѣстно, что теорія о славянскомъ происхожденіи сарматовъ, благодаря серьезнымъ и основательнымъ изслѣдованіямъ, отошла уже въ область историческихъ заблужденій. Другимъ основаніемъ положенія о вліяніи германцевъ на славянъ авторъ видитъ въ обрядахъ погребенія. Констатируя, что въ мѣстахъ, которыя онъ считаетъ славянскими, встрѣчается какъ погребеніе, такъ иногда и сожженіе труповъ, г. Бушанъ, не допуская мысли о возможности развитія этихъ двухъ видовъ погребенія у одного и того-же народа путемъ самостоятельнымъ, объясняетъ обрядъ сожженія труповъ у славянъ заимствованіемъ отъ германцевъ (стр. 24). Незнаніе такого простого факта, какъ существованіе совмѣстно нѣсколькихъ сомостоятельно выработавшихся способовъ погребенія у одного и того-же народа, нѣсколько поражаетъ въ г. Бушанѣ, повидимому хорошо знакомомъ съ данными археологіи. Впрочемъ, авторъ впадаетъ въ противорѣчіе и, объясняя заимствованіемъ отъ германцевъ обычай сожженія у славянъ, онъ нѣсколько далѣе (стр. 33), говоря, что у германскихъ племенъ существовали тѣ же два способа погребенія, - объясняетъ это не заимствованіемъ отъ сосѣдей, какъ мы были бы въ правѣ ожидать, а тѣмъ, что германское племя, раскинувшееся на широкое пространство, выработало себѣ и разные способы погребенія своихъ усопшихъ; приписывать германцамъ способность выработать разные способы погребенія — авторъ считаетъ вполнѣ естественнымъ; допустить же, что разныя славянскія племена, населившія Поморье, внесли съ собой и разные способы погребенія, - г. Бушанъ, повидимому, не желаетъ. Это послѣднее тѣмъ болѣе странно, что авторъ оттѣняетъ, что заселеніе описываемыхъ имъ мѣстностей произошло посредствомъ неоднократнаго вторженія изъ разныхъ мѣстностей разныхъ славянскихъ племенъ. Конечно, будь г. Бушанъ болѣе знакомъ съ выво-

дами русской археологіи, онъ едвали впалъ бы въ подобное противорѣчіе. Результаты, добытые археологическими разысканіями въ области славянскихъ могилъ въ Россіи, доказали разнообразіе способовъ погребенія разныхъ славянскихъ племенъ, причемъ кромѣ двухъ главныхъ способовъ— погребенія и сожженія—каждый изъ нихъ варіируется по мѣстностямъ. Указанія на разнообразные способы погребенія мы находимъ и въ нашей лѣтописи. Естественно, что и въ Поморьѣ, населенномъ разными племенами (Поморяне, Ране, Лютичи, Стодоряне, Бодричи, причемъ каждое изъ нихъ дробилось на нѣсколько подгруппъ) могли развиться разнообразные виды погребенія.

Незнакомство съ Россіей, можетъ быть, и нельзя ставить въ вину нѣмецкому ученому; однако, такъ какъ такое незнакомство отражается иногда неблагопріятно на достоинствѣ труда, то едва ли оно желательно для серьезныхъ изслѣдователей. Это незнакомство, между прочимъ, заставляетъ г. Бушана считать и Мерю „древнимъ *русскимъ* племенемъ"; хотя авторъ и ссылается при этомъ на сочиненіе гр. А. С. Уварова: „Меряне", тѣмъ не менѣе причисленіе мерянъ къ *русскимъ* племенамъ, принадлежитъ къ собственнымъ соображеніямъ автора.

Въ заключеніе нашей замѣтки, пожалѣемъ, что интересный и важный вопросъ о заселеніи и культурѣ славянъ въ сѣверной и восточной Германіи остался въ томъ же положеніи, какимъ онъ былъ и до выхода въ свѣтъ труда г. Бушана, и пожелаемъ автору быть болѣе счастливымъ въ своихъ дальнѣйшихъ работахъ по этому же вопросу.

Н. Х.

Der Buchenwald. № 3 и 4.—R. Kaindl и A. Monastyrski: *Die Rutenen in der Bukowina.* (Czernowitz. 1889, 1890; стр. 87+98 in 8°).

Передъ нами двѣ небольшія книжки, посвященныя изложенію этнографическихъ данныхъ о Русинахъ, населяющихъ мѣстности у Нижняго Черемоша (Czeremosz), Прута и до Днѣстра. Русиновъ, живущихъ въ другихъ мѣстностяхъ, авторъ не имѣлъ въ виду (обработка матеріала принадлежитъ г. Кайндлю). Трудъ г. Кайндля начинается краткимъ очеркомъ исторіи Русиновъ, начиная отъ древнѣйшихъ временъ. Этотъ очеркъ, предназначенный служить лишь введеніемъ, не отличается полнотой, но въ немъ собраны всѣ болѣе выдающіеся факты исторіи Русиновъ, вслѣдствіе чего для читателя не спеціалиста онъ представляетъ нѣкоторый интересъ. Болѣе полна и обширна 2-я часть труда, посвященная этнографіи современныхъ Русиновъ. Въ рядѣ небольшихъ очерковъ, авторъ излагаетъ свѣдѣнія объ обрядахъ при рожденіи и крещеніи ребенка, объ отношеніяхъ между молодежью, сватовствѣ и свадьбѣ, отношеніяхъ между супругами, о положеніи пріемышей и работниковъ, о вѣрованіяхъ и суевѣріяхъ населенія, обряды при погребеніи, и наконецъ нѣсколько легендъ и сказокъ. Если сравнить обиліе содержанія съ небольшимъ объемомъ книги, то уже на основаніи этого можно было-бы сказать, что свѣдѣнія, сообщаемыя по каждому отдѣлу, должны быть не велики. И это дѣйствительно такъ, но въ

виду того, что авторъ передаетъ матеріалъ, собранный имъ и г. Монастырскимъ, почти безъ всякихъ разсужденій, то ему все таки удается дать читателю довольно ясную, хотя и сжатую картину быта Русина. Свое изложеніе авторъ иллюстрируетъ приведеніемъ обрядовыхъ пѣсенъ, колядокъ и т. п., которыя, однако, къ сожалѣнію, приведены только въ нѣмецкомъ переводѣ. Для нѣмецкихъ читателей этотъ переводъ, конечно, имѣетъ большое значеніе, но авторъ во всякомъ случаѣ увеличилъ бы достоинства своего труда, еслибы рядомъ съ переводомъ онъ помѣщалъ и самый текстъ.

Хотя работа гг. Кайндля и Монастырскаго и оставляетъ еще обширное поле изслѣдованія для будущихъ работниковъ по этнографіи Русиновъ, тѣмъ не менѣе, она все-таки имѣетъ свою долю интереса, какъ для желающихъ познакомиться съ духовнымъ бытомъ Русиновъ, такъ и для тѣхъ, кто пожелалъ-бы сравнивать обряды и повѣрья Русиновъ съ обрядами и повѣрьями славянскаго населенія Россіи и другихъ странъ.

Н. Х.

Каталогъ предметовъ Олонецкаго естественно-промышленнаго и историко-этнографическаго музея. Сост. *Ф. С. Шелюковымъ.* Петрозаводскъ, 1889 г. 1—166 стр. Въ предисловіи къ Каталогу говорится объ исторіи музея (основанъ 1881 г.), объ инціативѣ въ этомъ дѣлѣ бывшаго губернатора Г. Г. Григорьева, дѣятельности покойнаго секретаря губ. статистическаго комитета А И. Иванова, помощи со стороны частныхъ лицъ какъ деньгами, такъ и приношеніями предметовъ бытовыхъ, картъ, картинъ и проч. Благодаря дѣятельности людей, завѣдовавшихъ музеемъ, и частнымъ пожертвованіямъ, музей къ 15 мая 1884 г. имѣлъ 2,954 предмета, а къ 1 апр. 1889 г. уже 3,932. Кромѣ предметовъ, характеризующихъ край со стороны фауны, флоры, естественныхъ богатствъ, промысловъ, ремеслъ и проч., музей имѣетъ историко-этнографическій отдѣлъ около 600—700 предметовъ бытовой жизни: утварь, одежда, средства передвиженій, лѣкарственныя растенія, орудія каменнаго вѣка, типы мѣстныхъ племенъ, этнографическія карты и т. д. Завѣдующимъ музеемъ теперь назначенъ А. К. Гинтеръ, человѣкъ извѣстный своими зоолого-ботаническими работами какъ въ русской, такъ и иностранной литературѣ; ему музей обязанъ какъ зоолого-ботаническими коллекціями, такъ и многими бытовыми предметами, орудіями каменнаго вѣка и т. д.

Г. И. К.

---

2. Журналы.

Wisła 1890 г. Вып. 1—4. Вып. I—Orzeszkowa, Ludzie i kwiaty nad Niemnem. Небольшой сборникъ этнографическихъ матеріаловъ, принадлежащій перу извѣстной польской писательницы: 35 народныхъ названій растеній, 161 пословица, 24 загадки, нѣсколько пѣсенъ, повѣрій и т. д. Grabowski, Podania i legiendy, zapisane u autorów staropolskich: 45 разнообразныхъ преданій, изъ которыхъ иныя очень любопытны для исторіи „странствующихъ сказа-

ній." Такія выборки очень важны въ виду рѣдкости старо-печатныхъ изданій; желательно было бы, чтобы примѣръ г. Грабовскаго нашелъ себѣ подражателя между учеными, знакомыми со старинной южно-русской литературой, произведенія которой очень мало распространены и извѣстны: въ сочиненіяхъ Голятовскаго, Кальнофойскаго и др. можно подыскать много цѣнныхъ данныхъ для сравнительной исторіи всеобщей литературы. Smoleńcówna, Chłopskie dziecko: сводъ данныхъ, касающихся жизни крестьянскаго ребенка, собранныхъ главнымъ образомъ въ Хмельникѣ Люблинской губ. Matlakowski, Bajki i gadki dziecięce. Al. P., Zabawa dziecięca w Niemca i Polaka. Skrzyńska, Wieś Krynice w Tomaszowskiem (обряды, повѣрія, говоръ и пр.; новыхъ и интересныхъ данныхъ почти нѣтъ). Krauss, Gonitwy ślubne u Słowian południowych: интересныя данныя относительно „умыканія" женщинъ у южныхъ славянъ; знакомство автора съ спеціальной литературой этого вопроса довольно поверхностно. Gloger, Na falach Bugu (археологическо этногр. замѣтки и наблюденія). I. K., Do „brzozy grzyżyńskiej" (дополненіе къ статьямъ, помѣщеннымъ въ этомъ же журналѣ, т. II, 817 и III, 614). Storożenko, List do redakcji z powodu „Iemioły:" выписка изъ „Роксоланіи" Клёновича, пополняющая замѣтку г. Росгафинскаго объ „jemiole" (Wisła, II). Ziemba, O przezwiskach ludowych: замѣтка, вызванная однимъ изъ параграфовъ „Культурныхъ переживаній" г. Сумцова, посвященнымъ вопросу объ „уличныхъ кличкахъ." Lubicz, Podanie o „prawdzie Osieckiej" i przysłowie: „ślusarz zawinił a kowala powieszono"; любопытныя замѣтки, объясняющія распространенныя въ Польшѣ выраженія, извѣстныя, если не ошибаемся, въ Малороссіи и Бѣлоруссіи. Kopernicki, Odrzwia ozdobne w chatach górali ruskich. Ziemba, Przyczynek do słownictwa złodziejskiego i kilka próbek poezji złodziejskiej w okolicy Dąbrowy górniczej. Нѣкоторыя изъ словъ этого „арго" любопытны: chodaki (buty, trzewiki, wogóle obuwie) извѣстны и въ юго-западномъ краѣ, chlust напоминаетъ объ извѣстной малорусской карточной игрѣ, foter — нѣм. Vater (?), łysy— księżyc, mak срв. макушка. Karłowicz, Systematyka pieśni ludu polskiego (дополненія: пѣсни съ загадками и неисполнимыми требованіями; краткое изложеніе 8 разобранныхъ Чайльдомъ баладъ). Adalberg, Przysłowia Żydowskie (580). Karłowicz, Kobza i skrzypce. Замѣтки Нельчинскаго и Грабовскаго по народной медицинѣ. Ulanowska, Chata łotewska. Al. P., Pismo obrazowe. R. L., Kudelski и Matlakowski, Wołania nazwierzęta Matlakowski, Do słownika nazw topograficznych. Dowojna—Sylwestrowicz, Pilekalnis (курганы и городища) w Lyngmianach. Wolski i Dowgird, Pisanki. S'więtochowski, Żydzi na prowincji. I. K. Liście makowe (обычай класть ихъ подъ голову дѣтямъ). Рецензіи на: „Ieszcze o klechdach i pieśniach ludu w ziemi Sieradzkiej" г-жи Пёнтковской и „Скоморохи на Руси" Фаминцына. Обзоръ журналовъ: Archiv für Antropologie, Das Ausland, Kwěty, Кіевская Старина, Восходъ, Revue d'anthropologie, Mélusine, Ur-Quell, Revue des traditions populaires, La tradition.

Вып. II.—Niederle, Szkic dziejów antropologji (переводъ съ чешскаго) Al. P., Oranie wody (kradzież ziemi, wody, oborywanie wsi podczas zarazy). Ciszewski, O zamku ojcowskim, obleganym przez Szwedów. Weryho, Olsztyn w opowieściach ludu. Dowojna—Sylwestrowicz, Kozik (ножъ, оправленный въ козій рогъ). Zawiliński, Mit o Tantalu i Syzyfie w powieściach ludu od Myslenic i Lidy: многія параллельныя славянскія сказанія остались неизвѣстными автору; пріурочивать этотъ миѳъ къ эпохѣ аріо-европейскаго единства, какъ это дѣлаетъ авторъ, по меньшей мѣрѣ преждевременно. Łasęga, Ziemia chełmińsko—michałowska (главнымъ образомъ статистическія данныя). Ciszewski, Uzupełnienie artykułu: Lud jako twórca terminologji językoznawczej i niektórych nazw plemiennych. Ulanowska, Mądry studant i głupi pan (народный анекдотъ). L. S. K., Ze starej książki (описаніе нѣсколькихъ обрядовъ, найденное въ одной книгѣ прошлаго вѣка). Al. P., Cztery podania o stworzeniu ziemi: 4 космогоническихъ разсказа дуалистическаго характера, взятыхъ изъ „Zbior'a", (1878), статьи Дубасова въ „Древней и Новой Россіи" (1880), замѣтки Данилевскаго и Горбунова въ „Историческомъ Вѣстникѣ" (1888—9). R. T., Przyczynek

do przesądów o babie i innych. Al. P., Zestawienie klechdy polskiej z czeremiską i wociacką (сказка о зайцѣ, котѣ, волкѣ и медвѣдѣ). Dowgird, Spinki góralskie. Karłowicz, Systematyka, piesni ludu polskiego: польскіе варіанты баллады объ Ясѣ и Касѣ; перечисленіе напечатанныхъ, среди которыхъ мы не встрѣтили ссылки на „Srarodawne dumy i pieśni" Glogera, стр. 1—6, и 10 новыхъ и славянскія къ нимъ параллели, среди которыхъ нѣтъ нѣсколькихъ, напечатанныхъ въ „Кіевской Старинѣ." Въ концѣ изложено кратко 5 балладъ, разобранныхъ Чайльдомъ. Wolski, Przyczynki do pieśni dziadowskiej o bitwie pod Wiedniem roku 1683. Замѣтка по народной медицинѣ гг. Зембы, Чарковскаго и Сембжицкаго, замѣтки о „кулѣ" или „кривулѣ" (палкѣ) г-жи Уляновской, гг. Любича и Карловича. Lubicz, A pochylone. Lubicz, Czarkowski, Pawłowicz, Wołania na zwierzęta. Czarkowski, Матеріалы для словаря топографическихъ названій. Sokołowski, Piłkalnie. Lubicz, Ciszewski, Kolberg, Добываніе огня посредствомъ тренія. Zawiliński, Wodecki, P. B., Sembrzycki, Названія коровъ и воловъ. Замѣтка о писанкахъ, г-жи Садовской. Замѣтка о „маковыхъ листьяхъ" г. Федеровскаго. Рецензіи на: „Воронъ въ народной словесности" Сумцова и „Былина о Жидовинѣ" Халанскаго.—Обзоръ журналовъ: Mittheilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien, Mélusine, Am Urquell, Revue des traditions populaires, La tradition, Этнографическое обозрѣніе.—Kopernicki, Некрологъ О. Кольберга.

Вып. III. Gloger, Na falach Bugu (окончаніе). Karlowicz, Zabawki dziecięce. Lasęga, Ziemia chełmińsko-michałowska (оконч.). Проф. Сумцовъ, Starodawne sposoby przyrządzania chleba (журъ, siemieniec, каша, кулага, канунъ, кишкекъ, кваша, саламаха или саламата, мамалыга или малай, тетеря, вивсянныкъ, кулишъ, кисель, варченя или солодуха, толокно, кислуха, колотуха, деженъ, крупникъ, pęczak или pęcak, spółka, polewka, zacierka, kruszonka frejdka, muza, rozworka, nawarka, качмакъ, дивекъ, и булгуръ; обрядовые хлѣбы: балецъ, баннкъ, боговица, milosti boži, верчъ, vênec, дывень, жыляныки, колачи, козуля, коровай, кошары, крачунъ, kukiełki, курникъ, леженъ, лѣсенки, люкшинъ-пряга, медыники, опекуши, перенеча, погача, прыжанина, rogale, сочни, strucla, стульни, тужилка, турта, тутманикъ, faworki, хворостъ или хрустъ, chróst, calta, челпанъ, чорба,[1] шишки, szczodraki, моленица и посохи). Krauss, Powrót umarłych na swiat, studjum wiary ludowej południowo-słowiańskiej (duchy-upiory-tilisum). Матеріалы по народной медицинѣ г-жи Лисовской. Замѣтки о „кулѣ" или „кривулѣ" Сембжицкаго, Карловича и Любича. Ciszewski, Pismo obrazowe. Pleszczyński, Wołania na zwierzęta. Lubicz, Piłkalnie. I. K., Niecienie ognia. Pleszczyński. Nazwy krów i wołów. Wodecki, Żydzi w trzech miasteczkach w Galicji. Pleszczyński и I. K. Liscie makowe. Рецензіи на: „Szkice z dziejów twórczości ludowej. Dumy", г. Равиты. „Zwyczaje w niektórych okolicach powiatu Lukowskiego" Левонцевича. „Przyczynek do wiadomości o żywieniu się ludu wiejskiego", Хелховскаго и „Charakter wierzeń litewskich" Мѣжинскаго. Обзоръ журналовъ: Mélusine, Am Ur-Quell, Mittheilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien, Archiv, für anthropologie, Revue des traditions populaires, La Tradition, Этногр. Обозрѣніе, Сборникъ за народни умотворенія, наука и книжнина, Nyare Bidrag, Kwêty, První a druha zprava społecznosti przatel starožitnosi czeskych v Praze.

Вып. IV. Parczewski, Giermanizacja powiatu olawskiego. Grabowski, Podania i legiendy zapisane u autorów staropolskich. Zieliński, Lud Basiowiecki, jego pieśni, zwyczaje i wierzenia. Sembrzycki, Przyczynki do charakterystyki Mazurów pruskich. Siarkowski, Wyciąg dosłowny procedury karnej z księgi Akt wojtowskich b. miasterczka Krzyżanowice od 1528 do 1772 oraz z innych akt dawnych. Dowgird, Pisanki. Lorentowicz, Lud fabryczny w Pabjanicach. Reinstein, Pani majstrowa z Podwala. Wawrzeniecki, Siekierki drewniane. Kosiński, Zapiski etnologiczne zebrane w Jurkowie i

[1] Чорба—разсолъ (тур.), а не хлѣбъ. Помнится, въ такомъ же смыслѣ употребляется чорба или щорба въ Малороссіи.

okolicy. Проф. Сумцовъ, Dodatek do spisu chlebów obrzędowych (kolêndrê, koljendari, kollanton, le pain de Calende, бацила, базильта, pain de saint Loup, kullura, coquilles, keniole, cuniole или quéniole, quignot, queugnot, cougnaux или cogné, plum-pudding, mince pie, naines, carnue, le gateau des rois, bretzel, pain de saint Nicolas, craquelin, cornaboeufs, nolais и naulet). Karłowicz Systematyka pieśni ludu polskiego (краткое изложеніе содержанія 11 балладъ, разобранныхъ Чайльдомъ). Siarkowski и Smolencówna, замѣтки по народной медицинѣ. R. F., Kula. Wasilewski, Chata. Plichta, A pochylone. Dowojna—Sylwestrowicz, Pismo obrazowe Plichta, Nazwy topograficzne. R. L., Piłkalnie. Plichta, Liscie makowe. Рецензіи на „Ludność Polska w Prusach Zochodnich, jej rozwój i rozsiedlenie w bieżącem stuleciu," Надмогскаго, „Roman o Apollonovi krali Tyrskem v czeské, polské a ruské literaturze". „Slaveni u davnini" Маретича, „Нова збирка народныхъ малорусскихъ приказокъ Комарова, „Сказки" Манжуры, „На сѣверѣ" В. Х., „Хронологическая класси" фикація могилъ Южной Россіи" Самоквасова, „La musique et la danse dans les traditions des Lithuaniens" Феккенштедта, „Русскій соловей" Врабеля, „Наши коляды" г. Франка и „Wspomienie Tatrów" Глинскаго. Обзоръ журналовъ: Mélusine, Am Ur-Quell, L'anthopologie, Bulletin de la Société Neuchateloise de Géographie, Altpreussische Monatsschrift, Kwêty, Nowa Zeta, Zeitschrift für Ethnologie, Кіев. Стар., Истор. Вѣсти, Журн. Мин. Нар. Пр., Живая Старина. Krauss, Czorba. Krzywicki, Baba jako wróżba nieszczścia. Sembrzycki, Skaleczone nazwiska polskie (авторъ объясняетъ такія фамиліи, какъ Kowski и пр., ошибкой нѣмецкихъ чиновниковъ, принявшихъ первую часть фамиліи за имя: Marcinkowski--Kowski. Не было ли это сокращеніемъ фамилій отцовъ для незаконнорожденныхъ дѣтей, довольно распространенныхъ въ Россіи: Репнинъ—Пнинъ, Трубецкой—Бецкой, Дверницкій—Ницкій и т. д.?) съ дополненіями г. Карловича. Komiński, Chłopskie serca. Dębski, Czapka barania. H. R., Czy to „Baba").

Вѣстникъ Европы. 1890.—Декабрь. Рец. на: Описаніе Турецкой имперіи, составленное русскимъ, бывшимъ въ плѣну у турокъ въ XVII в. Изд. Имп. Прав. Палестинскаго Общ. подъ ред. П. А. Сирку. Спб., 1890.—1891. Январь.—Рец. на кн.: Расколъ и его путеводители. Изданіе и сочиненіе К. Попова. Саратовъ, 1890.—Рец. на кн. С. Максимова: „Крылатыя слова". Не спроста и не спуста слово молвится и до вѣку не сломится—по толкованію С. Максимова. Спб. 1890.—Рец. на кн. Н. П. Остроумова: Сарты. Этнографическіе матеріалы. Выпускъ I. Ташкентъ, 1890.—Рец. на кн. г. Маркова: Путешествіе по Св. Землѣ. Спб., 1891.—Февраль.—Рец. на: Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи. Вып. II. Подъ ред. Николая Харузина. М. 1890. (Извѣстія. И. Общ. л. ест., ант. и этн. Т. LXIX, Труды Этногр. Отд. т. XI., вып. I).

Вѣстникъ обществ. гигіены, судебной и практич. медицины.—Январь. *Д-ръ Канановъ* сообщаетъ не безъинтересныя данныя о народномъ акушерствѣ на Кавказѣ. Безплодіе у закавказскихъ народовъ, какъ напр. у армянъ и грузинъ, встрѣчается часто, а безплодная женщина считается у нихъ грѣшною предъ Богомъ и съ семейными даже не имѣетъ права разговаривать; вотъ почему противъ безплодія употребляются всевозможныя средства (окуриваніе различными веществами, распариваніе наружныхъ половыхъ органовъ, употребленіе внутрь нефти, тампоны, смоченные различными веществами, и т. д.). Во время самой беременности у нѣкоторыхъ туземокъ принимаются извѣстныя мѣры предосторожности (бинтованіе живота, воздержаніе отъ поднятія тяжестей и проч.). Не мало прилагается стараній узнать плодъ ребенка и избавить его отъ хворости. Что касается родовъ, то здѣсь употребляются различные пріемы для ускоренія ихъ и облегченія. Даются различныя снадобья внутрь, снаружи—встряхиванія, кривлянія и т. п. Пуповина перевязывается только въ одномъ мѣстѣ у пупочнаго кольца, центральный же конецъ остается не перевязаннымъ, чтобы стекала негодная кровь.

Джеджили (Нива — журналъ на груз. яз.). 1891 г.—1. Сказка о царяхъ восточномъ и западномъ, записанная въ Карталиніи. „Разсказъ объ Абрамѣ",—

народная легенда, записанная В. Бабилашвили. Пѣсни, записанныя А. Діасимидзе и А. Хахановымъ. Поговорки и загадки.

Живая Старина, вып. II.—Этнографіи Россіи касаются слѣдующія статьи и замѣтки: *И. Н. Ждановъ*. Пѣсни о князѣ Михаилѣ (окончаніе).—*Приклонскій*. Три года въ Якутской области (продолж.).—*Проф. Соболевскій*. Замѣтки о собственныхъ именахъ въ Великорусскихъ былинахъ (Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ, Чурило, Пленъ, Дюкъ, Соловей, Будимиръ, Ставръ, Годинъ, Дунай, Хотѣнъ, Блудъ, Козаринъ, Волкъ, Жидовинъ, Микула, Селянинъ, Святогоръ, Бермята, Буславъ, Казимеръ, Колыванъ, Мамелфа—Амелфа, Путята, Рахманъ, Саулъ, Сбродъ, Оника-Аника, Тугаринъ, Шарко, Кощей, Латыгорка, Афромей-Вахромей, Леванидовъ крестъ, Кидишъ, Орѣховецъ, Смородина). Нѣкоторыя изъ сближеній г. Соболевскаго сомнительны (Бермята-Бернъ, Бернъ, лѣтописное Бернко; Леванидовъ крестъ—Леонидовъ; Дюкъ-Дюрдій-Юрій). Къ сожалѣнію, авторъ игнорировалъ въ своей замѣткѣ указанія предыдущихъ изслѣдователей эпоса.—*М. И. Соколовъ*. Отчего канунъ Иванова дня (23 іюня) называется купальницею и считается днемъ урочнымъ? (выдержка изъ рукописи XVI в.).—*Мамакинъ*, Великорусскія народныя легенды (Марина безбожница и Стенька Разинъ, Брюсъ, Пугачъ, и Салтычиха).—„Огонь на свадьбѣ" (изъ Новаго Времени).—*Г-жа Саковичъ*, Пѣсни крестьянъ села Молодова, Гродней. губ., Кобрин. у. (окончаніе).—*Щеколдинъ*, Лопарскія сказки, легенды и сказанія.—*Приклонскій*, Якутскія народныя повѣрья и сказки.—Въ отдѣлѣ критики и библіографіи отмѣтимъ: Обзоръ трудовъ по литовской этнографіи (1879—1889 г.), Вольтера; рецензіи на „Этнографическое Обозрѣніе" (кн. VI), „Крылатыя слова" Максимова, „Mélusine", „Исторія русской этнографіи" Пыпина (т. II).

Зоря. (Львовъ). Это изданіе, считающееся лучшимъ среди галицко-русскихъ, выходитъ два раза въ мѣсяцъ (съ иллюстр.); посвящено литературѣ и наукѣ, и въ этой области довольно внимательно слѣдитъ за новостями, отмѣчая главнымъ образомъ все, что касается малорусской народности не только въ Галиціи но и въ Россіи. Изъ области этнографіи помѣщаются библіографическія указанія и отчеты (въ томъ числѣ и о нашемъ изданіи); попадаются также и оригинальныя статьи и замѣтки, могущія заинтересовать этнографа. Такъ напр., въ1890 г. находимъ: „Очерки Угорщины" Дениса, „Изъ лѣтней поѣздки по Черниговщинѣ" О. Я. Кониского, „Про покойниковъ" Д. Лепкаго, „Топогр.-истор. записки о старинномъ м. Потыличѣ" Евг. Горницкаго, замѣтки о раскопкахъ проф. Антоновича, о народной медицынѣ и т. д. Въ 1891 г. (№ 2) помѣщенъ портретъ и некрологъ знаменитаго слависта Ф. Миклошича, рисунки свадебныхъ моравскихъ костюмовъ, статья В. Лукича о популярно-народныхъ книжкахъ, замѣтка о раскопкахъ въ Аккерманскомъ уѣздѣ (№ 3); продолжается „Исторія русской (малорусской) литературы" Огоновскаго и вызванная ею полемика. Въ № 5, посвященномъ исключительно 30-й годовщинѣ смерти Тараса Шевченка (26 февр. 1861 г.), находимъ между прочимъ сообщенное г. Крымскимъ народное преданіе (Кіев. г., Звенигородка) о Шевченкѣ: „Шевченко всегда ходилъ съ Кулишемъ; они были товарищи, но К. не былъ такой храбрый и хитрый, какъ Ш. А. Шевч. былъ страшный богачъ: куда ни ступитъ—за нимъ деньги рѣкой. Около него собиралась масса бѣдняковъ, и всѣ получали деньги горстями. Полиція его невзлюбила, и чтобы завладѣть его богатствомъ, на него навели глубокій сонъ и зарыли въ могилѣ. Но Ш. былъ великій знахарь. Три дня онъ полежалъ въ могилѣ, а потомъ ожилъ, и до сихъ поръ, вѣроятно, живетъ". Мы видимъ здѣсь приноровленіе извѣстной легенды, рисующей народную вѣру въ живучесть и безсмертіе народныхъ и національныхъ героевъ въ широкомъ смыслѣ.

Иверія. 1890. Декабрь. Состояніе Имеретіи, *Л. Орпирели*, Авторъ. между прочимъ, отмѣчаетъ существующій до сихъ поръ у имеретинъ обычай поклоненія дубу 15 августа. Жители селенія Джики, переселенцы изъ Абхазіи, въ виду усиленной смертности у нихъ выбрали дубъ, которому приносятъ въ жертву свѣчи, деньги и пр. и просятъ о смягченіи гнѣва и дарованіи продолжительной жизни.

1891 г. Январь. Легенда о сотвореніи человѣка. Богъ, сотворивъ человѣка, далъ ему право жить 30 лѣтъ. Но потомъ онъ выпросилъ себѣ 20 лѣтъ изъ 40, которые были дарованы ослу и 40 лѣтъ изъ 60, отъ которыхъ просила Бога освободить свинья. Поэтому, хотя человѣкъ достигаетъ иногда 100 лѣтняго возраста, но „человѣчески" онъ живетъ лишь 30 лѣтъ.—Загадки, собранныя въ Озургетскомъ уѣздѣ.—Легенда объ образованіи въ Ахталѣ грязе-лѣчебнаго источника. По этой легендѣ тамъ, гдѣ нынѣ бьетъ ключемъ свинцоваго цвѣта грязь, находилось гумно. Въ день Преображенія священникъ здѣсь молотилъ хлѣбъ; Христосъ, проходя, проклялъ его, а на мѣстѣ гумна стала бить лѣчебная грязь, вынося изъ глубины лопатку, дубину и пр. До сихъ поръ въ народѣ сохранилась легенда въ стихотворной формѣ объ Ахталѣ.—Отзывъ о X т. „Сборника матеріаловъ для описанія племенъ и мѣстностей Кавказа". Авторъ замѣтки указываетъ на важные недостатки очерка грамматики сванетскаго языка, составленнаго г. Греномъ.—Февраль. — Пшавы и Пшаветія, ст. *Давида Хизанашвили*. Авторъ подробно и обстоятельно описываетъ порядки, господствующіе въ семьѣ Пшава и взаимныя отношенія между членами дома. Сватаніе и свадьба въ связи съ обычаями, сюда относящимися, составляютъ главное содержаніе статьи.— Разборъ „Сказокъ, собранныхъ г. Агніашвили", А. Хаханашвили.—Продолженіе статьи г. *Урбнели*: „Атабаги Бека и Агбуга и ихъ законодательство".

Мурчъ (Молотъ, изд. по армянски въ Тифлисѣ, ежемѣс.). 1890. — 1 и 2. *М. Абегіанъ*. „Народная повѣсть". Разборъ нар. полуисторическихъ поэмъ: „Давидъ Сагунскій или дверь Мхера" (Константинополь 1877) и „Давидъ и Мхеръ" (Шуша, 1889).—*Леонъ Саргинсянъ*: „Поѣздка въ Турецкую Арменію.—1, 2, 3, 7. *Лео*: „Изъ нашей жизни". Оч. соврем. положенія арм. семьи—9. Рец. на бытовой очеркъ Папазіана: „Лало" (изъ жизни тур. армянъ).—*В. Папазіанъ*: „Хатъ-Саба"—бытов. очеркъ изъ нравовъ арм. цыганъ.

Православный Собесѣдникъ. Августъ. *А. Вышнегорскій*. Географическое описаніе Аравіи. Глава изъ „Географіи" Таквимъ-аль-больдана (Альбуфеды). Августъ—Октябрь. *В. Соколовъ*. Обрѣзаніе у Евреевъ.—Ноябрь. *С. Терновскій*. Праздникъ Кущей у евреевъ.

Русская Мысль. 1890. Декабрь. *А. А. Исаевъ*: Какъ относятся въ Сибири къ переселенцамъ? (По личнымъ наблюденіямъ) Рец. на книги Д. Н. Анучина: 1) Сани, ладья и кони, какъ принадлежности похороннаго обряда. Археолого-этнографическій этюдъ. М, 1890. 2) Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака. Древнее русское сказаніе „о человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточной странѣ". Археолого-этнографическій этюдъ. М. 1890.—Рец. на кн.: „Годъ на Сѣверѣ", С. В. Максимова. 4-е доп. изд. И. К. Прянишникова. М. 1890.— 1891. Январь. *В. Ѳ. Миллеръ*. „Экскурсы въ область русскаго эпоса. I. Князь Владиміръ и Евпраксія". „Вопросъ объ отношеніи былевого князя Владиміра къ историческому—одинъ изъ наиболѣе интересныхъ и важныхъ вопросовъ, представляющихся изслѣдователю русскаго былевого эпоса. Большинство изслѣдователей (напр. О. Миллеръ, Л. Н. Майковъ) высказалось за то, что, при значительномъ несходствѣ обѣихъ личностей, въ былевомъ князѣ Владимірѣ отразились, однако, довольно многія черты историческаго, хотя и искаженныя въ теченіе вѣковъ позднѣйшими *историческими* наслоеніями". Эти изслѣдователи не могли объяснить самаго важнаго вопроса: „Почему историческій Владиміръ представляетъ въ народномъ эпосѣ такую непривлекательную фигуру", хотя всѣ историческія данныя рисуютъ намъ совершенно противоположный типъ? Отвѣтъ на это могутъ дать только восточныя сказанія, отъ которыхъ съ такимъ предубѣжденіемъ отказывался О. Миллеръ. Историческія данныя ясно показываютъ намъ, „какія черты историческаго Владиміра... могли бы отложиться въ народной памяти". „Въ личности Владиміра надъ княземъ дружиннымъ преобладаетъ князь земскій", стоявшій за славянскій элементъ противъ варяговъ, оберегатель и устроитель своей земли. Онъ былъ „первымъ популярнымъ княземъ древней Руси"; идеализація его замѣтна уже въ лѣтописномъ извѣстіи [1]). „*Такая* личность должна

---

[1]) Въ малор. заговорахъ попадается: „Місяцю Владымеру" (Чубинскій, Тру-

была на долгія времена отложиться въ народной памяти, стать центромъ эпическихъ сказаній... дѣйствительнымъ „краснымъ солнышкомъ“ Русской земли, широко разливающимъ свои лучи во всей области эпическихъ сказаній“. Былевой Владиміръ отличается непомѣрной трусостью [2]), изображаемою часто былинами въ комическихъ чертахъ; былины заставляютъ его унижаться передъ богатырями, „не скупиться на слезы и поклоны“. Въ его характеристикѣ замѣчается двойственность, которую чувствовали и сами сказители: онъ то щедръ и ласковъ, то грубо неблагодаренъ и жаденъ. Само собою разумѣется, что мало можетъ быть общаго между историческимъ Владиміромъ и былевымъ, которому даются нелестные эпитеты: дурень, собака, сводникъ, воръ; такихъ прозвищъ мы не найдемъ въ пѣсняхъ объ Иванѣ Грозномъ. Для объясненія причинъ такого явленія В. Ѳ. Миллеръ привлекаетъ къ сравненію данныя „Рустеміады“, вліяніе которой на нашъ эпосъ „проявляется не въ одной личности, а въ нѣсколькихъ, не въ одной фабулѣ, а въ цѣломъ рядѣ;“ „иранскій эпосъ оказалъ вліяніе на русскій не въ томъ своемъ видѣ, въ какомъ онъ является въ изложеніи персидскаго поэта—историка и эклектика Фирдоуси, но въ наши былины, какъ и въ кавказскія сказанія, могли перейти лишь основы нѣкоторыхъ фабулъ, пройдя притомъ черезъ рядъ передѣлокъ, измѣненій и искаженій какъ въ промежуточной (тюркской) средѣ, такъ и на русской почвѣ, подъ вліяніемъ раціональной окраски и приспособленія къ основному характеру южно-русскаго эпическаго цикла“. На Владимірѣ „отложились нѣкоторыя черты того типа эпическаго или сказочнаго царя, котораго иранскимъ экземпляромъ является царь Кейкаусъ [3]), современникъ національнаго иранскаго богатыря Рустема“; типы иранской царицы и княжны Евпраксіи чрезвычайно сходны. Близость между иранскими сказаніями Рустемова цикла и былинами о Владимірѣ и Евпраксіи доказывается у почтеннаго автора многими сопоставленіями. Съ большимъ интересомъ будемъ ждать дальнѣйшихъ „эксурсовъ“.

Сѣверный Вѣстникъ. 1890. Декабрь. Областной отдѣлъ. *Н. Астыревъ*: Монголы-буряты Иркутской губерніи. Интересны этнографическія свѣдѣнія о бурятахъ, съ которыми автору пришлось лично познакомиться. Буряты живутъ отдѣльными родами, причемъ родовыя традиціи еще настолько сильны среди нихъ, что напримѣръ обнищавшаго сородича родъ считаетъ своей обязанностью кормить. У бурятъ часто встрѣчается патронатство: вокругъ богатаго родича тѣснится кружокъ бѣдныхъ кліентовъ, которымъ онъ помогаетъ въ ихъ затрудненіяхъ, за что они въ свою очередь находятся у него въ извѣстнаго рода кабалѣ. Не всѣ буряты ведутъ одинаковый образъ жизни: тупкинскіе буряты, напримѣръ, кочевники и занимаются почти исключительно скотоводствомъ; буряты же кудинскаго, капсальскаго и др. вѣдомствъ (вѣроятно тутъ повліяло близкое сосѣдство съ русскими) уже давно занимаются земледѣліемъ. Вообще близость русскихъ отражается на бурятахъ; среди нихъ встрѣчаются люди, получившіе образованіе въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Чаще всего такіе буряты по окончаніи курса возвращаются къ сородичамъ и ведутъ прежній образъ жизни, не отличаясь отъ прочихъ бурятъ ни въ обычаяхъ, ни даже въ костюмѣ. Обыкновенно они исповѣдуютъ отцовскую религію, хотя на ряду съ идолами покло-

---

ды, 1, 92), т. е. князю, съ именемъ Владиміра, какъ князя κατ᾽ἐξοχήν. Память о немъ въ Малороссіи сохраняется до сихъ поръ (см. Максимовичъ, Сочиненія III, 194, 197, 254, и „О народной истор. поэзіи въ древней Руси“, Москвитянинъ, 1845 г.).

[2]) Для образованія подобнаго рода сказаній могъ дать толчекъ извѣстный разсказъ о Владимірѣ, спрятавшемся отъ Печенѣговъ подъ мостомъ.

[3]) Благодаря сказкѣ объ Еруслапѣ, онъ извѣстенъ у насъ болѣе подъ названіемъ Картауса, Картавуса. Мы знаемъ только одинъ случай упоминанія его имени въ малорусскомъ эпосѣ: „якъ бувъ соби *царь Картавусъ*, то надивъ винъ картузъ, на картузъ гарбузъ, на гарбузъ дыню, а на дыню огурець, тай всій казци кинець“ (Манжура, Сказки, пословицы и т. п., Харьковъ, 1890, докучныя сказки, № 4 стр. 126).

няются и нашимъ иконамъ. Особенно чтятъ буряты св. Николая Чудотворца; день 9-й мая они празднуютъ моленіями и гульбой. Къ несчастію, по отношенію къ своимъ одноплеменникамъ такіе буряты являются большею частью эксплоататорами. Статья г. Астырева изобилуетъ, вообще, интересными, подчасъ правда мелкими и отрывочными свѣдѣніями: такъ въ болѣе и менѣе полныхъ чертахъ авторъ знакомитъ насъ съ жилищами, костюмами, вѣрованіями свадебными обрядами, жертвоприношеніями и моленіями бурятъ и т. п.—Изъ провинціальной печати. Этотъ отдѣлъ въ данномъ номерѣ посвященъ исключительно вопросу о положеніи кустарей и кустарной промышленности.—Рец. на кн.: VIII съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Петербургѣ отъ 28-го Дек. 1890 г. до 7-го Января 1890 г. СПБ., 1890 г. Рец. на кн. М. Ковалевскаго: Законъ и обычай на Кавказѣ. 2 тома. М. 1890.—**1891.**—**Февраль.** Областной отдѣлъ. *Е. С.* Сектанты поселенцы въ Якутской губерніи (изъ личныхъ наблюденій). Авторъ выставляетъ на видъ несимпатичныя черты сектантовъ поселенцевъ Якутской губ., принадлежащихъ къ сектѣ скопцовъ. Трусливость, несообщительность, лицемѣріе, склонность къ кулачеству—вотъ черты, кот. дѣлаютъ скопцовъ ненавистными сосѣдямъ. Живутъ скопцы „гнѣздами", при чемъ можно отличить три вида „гнѣздъ": 1) „гнѣздо"—семья, гдѣ члены связаны между собой бракомъ, 2) „гнѣздо"—семья, члены которой находятся въ кровномъ родствѣ другъ съ другомъ, 3) „гнѣздо"—артель, состоящая изъ людей постороннихъ, соединившихся для совмѣстнаго труда. Положеніе женщинъ въ такой артели болѣе зависимо, чѣмъ положеніе мужчинъ. Общиннаго духа у скопцовъ не замѣчается вовсе.—Изъ провинціальной печати: интересно перепечатанное изъ „Тургайскихъ Областн. Вед." уголовное дѣло, разбиравшееся недавно въ Тургайскомъ областномъ правленіи; дѣло шло объ убійствѣ одного киргиза и о взысканіи съ убійцы его штрафа въ 500 барановъ.—*А. Елисѣевъ.* Опіумъ, гашишъ и ихъ апологи (Психологич. этюдъ). Перечисляя наркотики, употребляемые различными народами, и указывая на ихъ дѣйствіе, авторъ повсемѣстное употребленіе наркотическихъ средствъ приписываетъ желанію, присущему всему человѣчеству, перенестись въ иной міръ „познать хоть каплю блаженства, недостижимаго на землѣ".

Таразъ (Видъ, ежемѣс. армян. изданіе, въ Тифлисѣ). 1890 г.—**1** *Г. Аганянцъ*: „Настоящія армян. рабочія пѣсни". Пѣсни (баятя) армян. рабочихъ состоятъ большею частью изъ 4-стишій: два первые стиха отдѣльно рѣдко имѣютъ опредѣленный смыслъ и служатъ лишь какъ бы запѣвомъ, а суть пѣсни заключается во второй половинѣ.—**2.** Описаніе нѣкот. др. армян. монастырей. —**6, 7, 8, 9.** *А. Казарянцъ*: „Гюлэ"—очеркъ изъ жизни курдовъ.

3. Газеты.

Акмолинскія Обл. Вѣд. 1891.—35. Рогатые люди. Во время послѣдней экспедиціи для изслѣдованія дѣвственныхъ лѣсовъ Гранъ-Чако (въ Аргентинской республикѣ), предводитель экспедиціи капитанъ Альборнотъ взялъ въ плѣнъ нѣсколькихъ индѣйцевъ, изъ которыхъ одинъ имѣлъ два рога на лбу; онъ отличался отъ остальныхъ также и своимъ очень высокимъ ростомъ и большой бородой (товарищи его были всѣ безбородые). Рога имѣли по 2 дюйма въ длину и по заявленію врача, сопровождавшаго экспедицію, по своему строенію ничѣмъ не отличались отъ роговъ оленя.—**37.** Откуда взялась у китайцевъ мода уродовать женскія ноги. Какъ извѣстно, во многихъ провинціяхъ Китая, преимущественно въ сѣверной и средней полосѣ имперіи, существуетъ обычай уродовать женскія ноги, придавая имъ миніатюрный видъ козьей лапки. Мода уродовать ноги идетъ въ Китаѣ съ глубокой древности. Начало ей положила одна изъ императрицъ; она, вслѣдствіе какой-то болѣзни ногъ, должна была бинтовать ихъ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ довела ихъ до миніатюрныхъ размѣровъ, причемъ утратила всякую возмож

ность ходить. Крошечныя ножки императрицы, обутыя въ красненькія башмачки, нравились всѣмъ, и вотъ, изъ желанія имѣть такія-же ножки, высшая китайская женская аристократія начала уродовать свои ноги. Мало-по-малу мода эта стала всасываться во всѣ слои общества и, наконецъ, перешла въ обычай. (См. ниже прибавленіе къ „Акмол. Обл. В."—„Киргизская Газета").

Архангельскія Г. В. 1890.—22. Изъ народныхъ легендъ Олонецкой губерніи, приводится легенда извѣстнаго Олонецкаго сказителя Щеголенка, послужившая матеріаломъ для извѣстнаго разсказа Л. Н. Толстого: „Чѣмъ люди живы".—**25.** Осѣдлые самоѣды, піонеръ П. С. Манзадѣевъ.—**40.** Библіографическія замѣтки *Г. К.* (Дневникъ Антрополог. Отд. в. IV, ст. Н. Н. Харузина, Этнографич. Обозр.).—**58.** Изъ Малой Корелы. Смерть отъ пьянства; „отпускъ" скота, его значеніе, передача другому лицу.—**71, 72.** Воспоминаніе о Г. І. Минейко (Э. О. IV, 193).—**90.** Документъ къ исторіи Архангельскаго Публичнаго музея.

Витебскія Г. В. 1890. 93 *Е. Р. Романовъ.* Письмо въ редакцію о дѣтскихъ играхъ въ дѣлѣ народнаго воспитанія. Предлагается собираніе матеріаловъ по дѣтскимъ играмъ, распространеннымъ въ Бѣлоруссіи.—**97.** Выдержки изъ декабр. книжки „Вѣстн. Европы" о богатомъ музеѣ покойнаго А. Н. Поля, за который англичане предлагали 200,000 серебряннхъ долларовъ. Музей завѣщанъ наслѣдникамъ и его ждетъ печальная судьба.—**1891.** 2. Изъ „Новостей" приводится слухъ объ устройствѣ естественно-историческаго музея въ Соловецкомъ монастырѣ. Оттуда же сообщается объ открытіи въ г. Ковно губернскаго музея, обладающаго порядочнымъ собраніемъ рукописныхъ, печатныхъ и художественныхъ памятниковъ, интересныхъ для исторіи Литвы.—**7, 8, 11, 14, 15.** Бѣлоруссія и Литва. Очерки изъ исторіи городовъ въ Бѣлоруссіи (неок.).—**14.** Изъ „Южанина" приводится разсказъ о томъ, какъ въ с. Петровскомъ (Одесс. уѣз.) крестьянинъ продалъ своего отца и мать въ с. Балованое за 25 р., причемъ продажа оформлена распиской. Покупатель обратился даже за содѣйствіемъ къ волости, когда между нимъ и продавщикомъ возникли недоразумѣнія; но здѣсь ихъ сдѣлка нашла достойныхъ судей.

Владивостокъ. 37. *С—ъ.* По рѣкѣ Сучану до угольныхъ копей. Статья содержитъ краткія свѣдѣнія объ японскихъ рыбакахъ, о рабочихъ-корейцахъ и о хлѣбопашествѣ и охотѣ за пантами сучанскихъ крестьянъ.—**40—42.** Современное состояніе Камчатки и Сахалина.—**46.** Къ статистикѣ народонаселенія Сучанской долины.—**46—48.** Тюленій островъ (о котиковомъ промыслѣ).—**48.** Корр. изъ с. Никольскаго о ловлѣ крестьянами, корейцами и манзами рыбы кэты (иначе зубатки) въ Даубихэ и ея притокахъ Тудагоу и Ильдагоу.

Владимірскія Г. В. 1890. 45—50. Историческій очеркъ г. Шуи. Древнѣйшіе обитатели Суздальскаго княжества. Курганы племени Меря. „Ивановское городище". Изысканія о времени появленія славянъ въ нынѣшней Россіи и о „первоначальной Руси". Занятіе Мерской земли Юріемъ Долгорукимъ; Суздальское княжество и его дальнѣйшая исторія. Введеніе христіанства въ Суздальскомъ княжествѣ.

Волжскій Вѣстникъ. 302. Елабужскій уѣздъ. О вареніи кумышки, пріемъ въ вотяцкую общину русскихъ, круговая порука, голодовки.—**1891. 8.** Некрологъ С. Я. Капустина извѣстнаго своими трудами по крестьянскому вопросу, артели и общинѣ.—**10.** Укекъ. Доклады и разслѣдованія по археологіи и исторіи Укека (библіографическ. зам.). По убѣжденію авторовъ Укекское городище (одинъ изъ значительныхъ городовъ Золотой орды) представляетъ наслоеніе нѣсколькихъ культуръ, слѣдующихъ одна за другою, изъ нихъ лишь послѣдняя была монгольскою; городъ Укекъ они отождествляютъ съ Гелономъ, городомъ Будиновъ, а Будиновъ Геродота и Аорсовъ Страбона опредѣляютъ какъ Булгаръ и Буртасовъ арабскихъ писателей, почему и начало Поволжья опредѣляютъ не съ Ибнъ-Фоллаха, а 1000 л. раньше.

Вологодскія Г. В. 1891. 5. Пастушьи заговоры при отпускѣ скота.

Восточное Обозрѣніе 1891.— **2.** *Г. П.* Музей въ Красноярскѣ.—**4.** С. Я. Капустинъ (некрологъ).

Врачъ. 1891.—8. Въ небольшой выдержкѣ изъ „The Sanitary Record", отъ 16 февраля, сообщается, что населеніе Мексики употребляетъ странный методъ

оспопрививанія: къ заболѣвшему оспой подводятъ дѣтей, которыхъ послѣ этого и считаютъ привитыми. Изъ „The British Medical Journal“, отъ 14 февраля, приводится краткая замѣтка о крайне курьезной операціи, производимой другъ у друга туземцами Австраліи: въ мочеиспускательный каналъ вводится вѣтка дерева до перепончатой части; затѣмъ вдоль вѣтки дѣлается разрѣзъ длиною въ дюймъ. Операція производится какъ средство противъ ревматизма, воспаленія легкихъ, плеврита и т. д.

Донская Пчела—89. *Ольга Накко.* „Гнѣвъ Архангела“,—повѣріе молдаванъ, что въ день Архангела Михаила, 8 ноября, нельзя работать.

Донская Рѣчь—143. Донская историческая пѣсня (объ уничтоженіи донскихъ казаковъ).—Какъ всплакалась Россія о своемъ бѣломъ царѣ,—стихъ старообрядцевъ безпоповщинскаго толка (Рус. Старина).

Донскія Еп. В.—22. Краткое описаніе станицъ области войска Донскаго. Багаевская станица. Ея исторія. Занятія жителей. Урочище „Вертуганово“—по преданію древнее черкесское кладбище. Урочище—„Абашкинъ яръ“. „Малюбановъ“ курганъ, въ которомъ, по преданію, погребенъ татарскій князь Малюбанъ.—**—1891. 1.** Краткое описаніе станицъ Обл. Войска Донского. Станица Семикаракорская; ея исторія. Замѣчательныя урочища. Остатки древняго татарскаго города на урочищѣ „Татарское Городище“. Около хутора Щавельнаго есть татарское кладбище. Упоминается о найденномъ скелетѣ, обращенномъ лицевою стороной къ югу, причемъ руки были сложены около подбородка, а ноги согнуты.—**—3.** Станицы по Донцу: a) Станица Нижне-Кундрючеcкая и окружающіе ее курганы; b) станица Верхне-Кундрючеcкая и ея курганы.—*Н. Кутеповъ.*. „О языческихъ капищахъ или хурулахъ у Донскихъ калмыковъ“ (статья полемическая). Нѣсколько данныхъ объ образѣ жизни Донскихъ калмыковъ.

Екатеринославскія Г. В. 1891.—5. Библ. зам. о „Живой Старинѣ“.

Енисейскія Г. В.—47. Опекунское дѣло среди крестьянскаго населенія. —48. О крестьянскихъ семейныхъ раздѣлахъ.—1891—1. Библ. зам. объ „Этногр. Обозр.“—4,5. *Ив. Коврижинъ.* Замѣтка о картахъ Енисейской губ., хранящихся въ архивѣ Губернской Чертежной (статист. данныя относительно сагайцевъ, качинцевъ, кизыльцевъ, мелетцовъ, койбаловъ, камасинцевъ, аринцевъ, тунгусовъ и остяковъ).

Земскій Врачъ.—52. *К. Герасимовъ.* „Замѣтка о народной медицинѣ въ Череновскомъ уѣздѣ Новгор. губ.“ Авторъ этой замѣтки приводитъ способы лѣченія и лѣкарства, употребляемыя при нѣкоторыхъ болѣзняхъ; напр.: лѣченіе **полеваго опора** (боль въ поясницѣ) довольно курьезное и состоитъ въ механическомъ треніи обнаженною поясницею о деревянныя подпорки, стоящія около заборовъ или домовъ. „**Переломъ**“ (воспаленіе роговицы и конъюнктивиты). Причины: засореніе глаза „порошьемъ“, т. е. соринками, и даже просто вѣтромъ. Лѣченіе: особыя спеціалистки „ломаютъ глазъ“, т. е. черезъ закрытое вѣко растираютъ глазное яблоко пальцами и такъ сильно, что по разсказамъ испытавшихъ эту операцію, слышится въ глазу трескъ. Затѣмъ дуютъ въ открытый глазъ черезъ платокъ. „Острое отравленіе спиртомъ. Опой“. Для приведенія опившагося въ чувство принимаются слѣдующія мѣры: обливаютъ голову горячею водою. Натираютъ уши зимою снѣгомъ, а въ другое время—просто ладонями; если это не достигаетъ цѣли, то трутъ голенищемъ валенаго сапога и въ концѣ концовъ превращаютъ уши въ безформенную массу, послѣ чего для заживленія ихъ требуется цѣлый мѣсяцъ. По временамъ качаютъ на одѣялѣ и водятъ или вѣрнѣе таскаютъ по избѣ подъ руки. Иногда нѣсколько человѣкъ берутъ больного, опускаютъ внизъ головою и затѣмъ, приподнимая къ верху, стукаютъ пятками о потолокъ избы, далѣе дергаютъ за бороду, даже вырывая ее, за волосы, щиплютъ тѣло, толкаютъ и т. д., кто во что гораздъ. **При болѣзняхъ живота** ложатся на спину и кладутъ на пупъ тяжеловѣсный камень. Иногда лежатъ ничкомъ, принимая колѣнно-локтевое положеніе; другіе упираются на какой-нибудь предметъ, напр., на конецъ полѣна. Всѣ болѣзни вообще, полученныя въ дорогѣ, во время пути, или при работѣ, называются „встрѣшными“. Одною изъ главныхъ

причинъ заболѣванія всякаго рода водянками считаютъ питье воды, не благословясь, ночью. Страдающему глистами совѣтуютъ почему-то принимать лѣкарство не въ избѣ, а подъ открытымъ небомъ, т.е. на улицѣ. Если новорожденный умретъ, то для уничтоженія приливовъ молока къ грудямъ мать „выстреживаетъ" его на горячую печь, чтобы поскорѣй „пригорало", т. е. уменьшалось бы въ грудяхъ.

Казанскій Биржевой Листокъ. **280.** *И. Н. Смирновъ.* „Обзоръ источниковъ и пособій для изученія исторіи и современнаго быта Пермяковъ (докладъ въ Обществѣ Арх., Ист. и Этногр.). Подробный обзоръ литературы о пермякахъ занимаетъ значительную часть печатающейся книги того-же автора: „Пермяки" (см. ниже „Извѣстія и Замѣтки").—**283.** Симбирскій уѣздъ (корресп.): обычай молодежи ѣсть краденнаго гуся на „Кузьминку", въ день Козьмы и Даміана (дѣвичій праздникъ).

Калужскія Г. В.—91. Сообщеніе о томъ, какъ лѣчатся крестьяне въ Юхновскомъ уѣздѣ отъ укушенія ядовитыми змѣями, которыхъ тамъ очень много. Къ укушенному мѣсту привязываютъ лягушку, животомъ къ ранкѣ, и затѣмъ, когда лягушка, впитавъ порами своей кожи на брюхѣ ядъ, издыхаетъ, ее замѣняютъ другой, и такъ дѣлаютъ до тѣхъ поръ, пока ядъ не будетъ совершенно высосанъ.—**1891. 6.** О существующемъ среди инородцевъ Иркутской губерніи обычаѣ продавать дѣвочекъ (Нов. Вр.).

Киргизская Газета. (особое прибавленіе къ „Акмолин.Обл.Вѣд.").—**45** Сказки: „Медвѣдь и лисица" и „Человѣкъ и собака" (см. ниже, въ отдѣлѣ „смѣси"). —**47.** *Сейсембай Кутуровъ.* Валяльно-войлочное мастерство въ Зайсанской киргизской сельско-хозяйственной школѣ.— **48.** Сказка „Лисица и заяцъ". Содержаніе ея слѣдующее: „Сначала лисица была безъ хвоста и не могла уничтожать своихъ слѣдовъ. Волкъ по этому могъ преслѣдовать ее безпрепятственно; однажды онъ абрался даже къ ней въ нору и непремѣнно задушилъ-бы лисицу, если-бы ей не удалось спастись черезъ другой выходъ и убѣжать въ лѣсъ. Тамъ она увидѣла подъ деревомъ зайца, у котораго въ то время хвостъ былъ еще длиннымъ и мѣшалъ ему быстро бѣгать. Лисица поймала зайца и хотѣла-было задушить его, но онъ сталъ просить о пощадѣ, пообѣщавъ уступить лисицѣ свой хвостъ, который ему только мѣшаетъ при бѣгствѣ. Лисица согласилась, и они помѣнялись хвостами; съ тѣхъ поръ у лисицы длинный, а у зайца коротенькій хвостъ". —**49.**Корр. изъ Зайсана о борьбѣ съ упадкомъ скотоводства у киргизовъ.—Сказка „Пестрыя коровы" (см. ниже, въ отдѣлѣ „Смѣси").—**51.** *Магометъ-Гали Ибрагимовъ.* Киргизскій способъ лѣченія нѣкоторыхъ болѣзней скота.—Идеалъ воспитанія у калмыковъ. - **52.** *Ал. Ивановскій.* Смерть киргизскаго пѣвца Улгенбая (перепеч. въ переводѣ на киргиз. яз., изъ 327-го номера за 1890 г. „Русскихъ Вѣдомостей".).—**1891 г. 1, 2.** *Ал. Ивановскій.* Смерть киргизскаго пѣвца Улгенбая (оконч.).—**1—5.** *М. Имшенецкій.* Несмѣтное богатство, сокрытое въ киргизской степи (авт. убѣждаетъ киргизъ заняться земледѣліемъ).— **3, 4.** Невѣста-всадникъ (армян. сказка).—**4, 5.** Народный судъ у киргизовъ (извлеч. изъ „Положенія объ управленіи степными областями") —**5.** *А. Калашевъ.* Шейдулла (татар. сказка): „Бѣдный татаринъ Шейдулла, пошедшій къ Аллаху просить счастья, встрѣчаетъ по дорогѣ сначала волка, потомъ яблоню и, наконецъ, рыбу. Всѣ они, узнавъ, что Шейдулла идетъ къ самому Аллаху, стали просить его передать богу и ихъ просьбы: волкъ просилъ, чтобы Аллахъ вылѣчилъ мучащую его уже третій годъ страшную боль въ животѣ; яблоня, чтобы у нея выросли плоды; рыба, чтобы Богъ полѣчилъ ее отъ страданія отрыжкой и боли въ горлѣ. Шейдулла пообѣщалъ исполнить ихъ просьбы и пошелъ дальше. Доходитъ онъ до рощи изъ розовыхъ кустовъ. Изъ одного куста, стоящаго посрединѣ рощи, выходило какое-то розовато-золотистое пламя и озаряло чуднымъ свѣтомъ всю рощу Вдругъ оттуда послышался голосъ: „Что тебѣ нужно, Шейдулла?" Шейдулла, понявъ, что это говоритъ самъ Вел. Аллахъ, благоговѣйно опустился на колѣни и изложилъ передъ Аллахомъ какъ свою просьбу, такъ и просьбы волка, яблони и рыбы. Аллахъ отвѣтилъ: „У рыбы засѣлъ въ горлѣ драгоцѣннѣйшій камень; когда вынутъ у нея этотъ камень, тогда она и вылѣчится. Подъ яблоней зарытъ

большой кувшинъ съ червонцами; когда выроютъ этотъ кувшинъ, тогда яблоня будетъ приносить плоды. Волку-же, чтобы избавиться отъ боли живота, нужно съѣсть одного глупаго человѣка. Твоя-же просьба исполнена, ступай, будешь счастливъ!". Обрадованный Шейдулла возвращается домой. Встрѣтивъ рыбу и яблоню, онъ передаетъ имъ слова Аллаха. Тѣ просятъ его — рыба вынуть изъ ея горла драгоцѣнный камень, а яблоня—вырыть изъ-подъ нея кувшинъ съ червонцами. Но Шейдулла отказывается, говоря, что богатство ему дастъ самъ Аллахъ, и идетъ дальше. Почти у самаго дома встрѣчаетъ онъ волка и ему передаетъ слова Аллаха, а также разсказываетъ въ какой просьбѣ отказалъ рыбѣ и яблонѣ. Волкъ тогда кинулся на Шейдуллу, повалилъ его на землю и началъ ѣсть, приговаривая: Клянусь Аллахомъ и великимъ Пейгамберомъ, ужъ глупѣе тебя никого не могу найти на цѣломъ свѣтѣ!"

Кишиневскія Еп. В. 1891.—1. *Свящ. Михаилъ Никольскій.* „О причинахъ живучести народныхъ суевѣрій". Свѣдѣнія о существованіи въ Бессарабской области слѣдующихъ народныхъ обычаевъ и обрядовъ: 1) обычай опускать 1 копейку въ могилу покойника; 2) обычай „кричать" коляду наканунѣ Рождества; 3) обычай выносить за околицу села стружки отъ гроба покойника, тряпки, которыми его обмывали, солому, которая была подъ нимъ, горшки изъ которыхъ его мыли, и прочія мелкія вещи.

Крымъ.—152. *Н. Н. Балабуха.* Рождественскіе обычаи и обряды въ Тавридѣ. — *Эмбе.* Рождество у иностранцевъ. (Святочный очеркъ.). — **1891 г. 2.** *Б—нъ.* Кто обиталъ въ Кыркорѣ или Чуфутъ-Кале? Народъ оссы, асы (осетины); ихъ религія, мѣстожительство; ихъ городъ—Кыркоръ; свидѣтельства историковъ въ пользу этого положенія. Историческія судьбы Кыркора. (Выдержки изъ статей проф. Всев. Миллера въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.).— **11.** Библіогр. зам.: рецензія и перечисленіе статей 11 № Извѣстій Таврической ученой архивной коммиссіи.—Укекъ. Результаты раскоповъ Укекскаго городища въ 10—12 верстахъ ниже г. Саратова, на правомъ берегу Волги.

Московская Иллюстрированная Газетка.—225. Сообщеніе о существованіи въ Англіи, въ графствѣ Эссексъ, древняго обычая дарить окорокъ ветчины тѣмъ новобрачнымъ супругамъ, которые въ продолженіе года и одного дня не поссорились и не выразили сожалѣнія о томъ, что вступили въ бракъ.—**230.** *Г. Н. Потанинъ.* Тибетское преданіе о сватовствѣ Тибетскаго царя къ дочери китайскаго императора, для своего сына — **1891. 7.** Докладъ Громбчевскаго о его путешествіи по Центральной Азіи.

Московская Газетка. 1891.—14. Отчетъ о докладѣ Ю. А. Кулаковскаго въ Петерб. Археол. Общ. (18 янв.): „О керченской христіанской катакомбѣ," 591 г. Имена надписей въ катакомбѣ свидѣтельствуютъ, что туземцы Босфора Киммерійскаго были иранскаго происхожденія (изъ Нов. Вр.).—Таже газета (отъ 7 февр.) приводитъ (изъ Science pour touts) результаты изслѣдованій проф. Бертело о зарожденіи и распространеніи металлургической промышленности въ области Зап. Римской имперіи, и въ особенности бронзы (отъ г. Брундузіумъ — Бриндизи) См. Antiquitates Italiae, Муратори.—**39.** Корр изъ Владиміра на Клязьмѣ, объ истязаніи мнимой знахарки, старухи 60 лѣтъ, которую крестьяне заподозрѣли въ порчѣ дѣвушки и требовали, чтобы она „отчитала" порченую.

Московскія Вѣд.—296. *И. Голубевъ*: Корр. изъ Березова заключаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ остякахъ, о татарскомъ вліяніи на нихъ, отразившемся въ жилищахъ, постройкахъ, платьѣ, обычаяхъ, о крещеніи остяковъ въ 1712 г. митроп. Филоѳеемъ, о брачныхъ обрядахъ и погребеніи.—**327.** Замѣтка о еврейской колоніи въ Китаѣ, эмигрировавшей въ эту страну за 200 лѣтъ до Р. Хр.; строгое соблюденіе ими древнихъ обычаевъ.—**334.** Краткое содержаніе доклада профессора А. И. Якобія о самоѣдахъ (читаннаго въ засѣданіи Общества Естествоиспытателей въ Казани); стремленіе Самоѣдовъ выйти изъ дикаго состоянія; жилища ихъ, платье, пища, занятіе охотой и оленеводствомъ.—**338.** *К. Случевскій* „Изъ Вершины" Нѣсколько словъ о происхожденіи фамилій крестьянъ, живущихъ по рѣкѣ Тоймѣ; образчикъ заселенія, особенность крестьянскаго дома; „голбчики,"

т. е. деревянные ящики, на которыхъ водружены кресты на кладбищѣ. — *Z*. Библіограф. замѣтка о книгѣ С. Максимова „Крылатыя слова.“—**353**. Замѣтка о жизни японскихъ женщинъ: вліяніе американокъ на положеніе ихъ; бракъ въ Японіи и отношенія жены къ мужу.—**354**. „О Черкескомъ словарѣ,“ составленномъ Лопатинскимъ; между приведенными имъ сказаніями есть нѣкоторыя, мотивъ которыхъ сходенъ съ мотивами Нибелунговъ о Брунгильдѣ; другія же поражаютъ связью съ греческими миѳами.—**356**. *Н. Балабуха*. Рождественскіе обряды и обычаи въ Таврической губерніи (у малорусовъ, бѣлоруссовъ и Грековъ).—**360**. Рабство у Бурятъ (изъ „Новаго Времени“): продажа и покупка дѣвочекъ; право продажи принадлежитъ отцу, матери, братьямъ, дядямъ, а за неимѣніемъ ихъ и другимъ родственникамъ. Проданная становится рабою купившаго и освобожденіемъ отъ рабства можетъ быть только бракъ. Тамъ же: краткое изложеніе сообщенія объ Остякахъ и Вогулахъ, сдѣланнаго 21 декабря въ засѣданіи Этнограф. Отдѣла И. Р. Г. О-ва С. К. Паткановымъ, проведшимъ два года въ Тобольской губерніи.—**361**. Расколъ и штунда на Волыни.—**1891**.—**1**. Обряды китайцевъ наканунѣ Нов. года.—**3**. *А Ярцевъ*. Вертепъ (рождественское представленіе) Авторъ располагаетъ довольно значительной литературой, статья весьма содержательная.—**4**. Вѣра французовъ въ сверхъестеств. силы 7-го сына въ семьѣ.—8. *И. Востоковъ*. Святки въ деревнѣ. Авторъ приводитъ нѣкоторыя общеизвѣстныя подблюдныя пѣсни и обряды гаданія (къ сожалѣнію не указывая, въ какой деревнѣ онъ дѣлалъ свои наблюденія). Тамъ же въ отдѣлѣ „Смѣсь“—празднованіе новаго года въ Малороссіи, изъ „Кіевскаго Слова.“—14, 15. *Гульбатъ*. Святая Нина—грузинское преданіе. Пространная и пріукрашенная передача церковной легенды о просвѣтительницѣ Грузіи.—17. Экспедиція Н. Ѳ. Катанова въ центральную и Восточную Азію. Краткое изложеніе результатовъ 4-хъ путешествій, совершенныхъ г. Катановымъ въ 1888—1890 гг. въ урянхайскую землю, въ Минусинскій округъ Енисейской губерніи, въ Нижнеудинскій округъ Иркутской губерніи и въ Китайскій Туркестанъ. Цѣль путешественника была этнографическая и лингвистическая.—**23**. О переселенцахъ Акмолинской области. Русскихъ переселенцевъ лѣтомъ 1890 г. насчитывалось болѣе 17000 душъ; интересы ихъ сталкиваются съ интересами кочевниковъ киргизовъ; свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи киргизовъ главнымъ образомъ о скотоводствѣ. Вслѣдствіе водворенія русской земледѣльческой культуры, киргизы вынуждены будутъ измѣнить традиціонныя формы скотоводства, поглощающія непомѣрно много земли, безъ малѣйшей затраты труда. При размѣщеніи минувшимъ лѣтомъ наличнаго числа переселенцевъ, образовано въ Акмолинской области двѣнадцать новыхъ селеній: девять—въ Кокчетавскомъ уѣздѣ, два — въ Петропавловскомъ и одно — въ Атбасарскомъ уѣздѣ. Во всѣхъ этихъ селеніяхъ поселено 7.423 мужскія души, но кромѣ того причислено еще къ прежнимъ селеніямъ, къ которымъ представлялось возможнымъ сдѣлать прирѣзки, 1.313 мужскихъ душъ; всего же вновь водворенныхъ въ Акмолинской области переселенцевъ — 8.736 мужскихъ душъ, распредѣленіе которыхъ по уѣздамъ выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: въ Кокчетавскомъ — 7.225 мужскихъ душъ; въ Петропавловскомъ 1.072 мужскихъ души и въ Атбасарскомъ—409 мужскихъ душъ. — **26**. Замѣтка о японской жизни (имена, жилища, одежда).—**30**. Доклады д-ра *Ольдерогге* о Сванетахъ въ засѣданіи Антропологическаго Общества въ Петербургѣ. Очеркъ Сванетіи, физическое вырожденіе сванетовъ, огромный процентъ (50%) идіотовъ, кретиновъ, эпилептиковъ, слабоумныхъ и т. п. ненормальныхъ психически людей; перекрестные браки между близкими родственниками еще болѣе подрываютъ физическія и нравственныя силы этого несчастнаго народа. Рядомъ съ психическимъ вырожденіемъ идетъ и физическое, безъ сомнѣнія обусловливающее это послѣднее. Сванеты почти всѣ носятъ зобъ. Начиная развиваться съ трехлѣтняго возраста, онъ выростаетъ до чудовищныхъ размѣровъ, имѣя нерѣдко до $^3/_4$ метра въ окружности. Съ годами зобъ атрофируется и отъ него остается лишь комочекъ известковыхъ солей, болтающихся въ кожномъ мѣшкѣ, свѣшивающемся у старухъ чуть не до половины груди. Развитіе зоба надо поставить въ связь съ высокимъ содержаніемъ гипса въ водѣ Ингура. Интересный фактъ тотъ, что Сванеты живущіе южнѣе, въ такъ-называемой Дадіанов-

ской Сванетіи, болѣе доступной, удобной для жизни, не представляютъ вовсе такихъ высокихъ степеней вырожденія и являются обыкновенными горцами.—41. *Гульбатъ* (псевд.). „Бриліантъ“ — грузинская легенда. Въ ней изображена исторія живописца Мартина — Грека, которому поручено было во время царя Арчила I расписать церковь Св. Стефана; ликъ Божьей Матери онъ писалъ съ дочери своей Пульхеріи. При писаніи картины ему приходилъ помогать въ приготовленіи красокъ неизвѣстный юноша, оказавшійся потомъ наслѣдникомъ престола, Мирдатомъ. Во время послѣдняго похода царевичъ влюбился въ дочь побѣжденнаго имъ персидскаго сатрапа Барзабода — красавицу Сагдукхтъ и, сомнѣваясь въ согласіи отца на этотъ бракъ, рѣшился потрудиться во славу Божьей Матетери, прося ея помощи. До сихъ поръ душа Мартина была чиста, какъ бриліантъ, которымъ гордились ангелы, а діаволъ рѣшился помрачить чистоту этого бриліанта; вслѣдствіе неясныхъ намековъ царевича, Мартинъ воображаетъ, что его дочь Пульхерія овладѣла сердцемъ Мирдата, и начинаетъ предаваться честолюбивымъ мечтамъ стать царскимъ тестемъ. Вскорѣ царевичъ возвращается побѣдителемъ изъ новаго похода, и царь въ награду позволяетъ ему жениться на дочери сатрапа Сагдукхтъ, о чемъ глашатаи и возвѣщаютъ народу. При этомъ извѣстіи Пульхерія, полюбившая царевича, падаетъ мертвою; отецъ въ отчаяніи снесъ ее въ храмъ, положилъ у подножія своей картины, а самъ лишился чувствъ. Тогда онъ увидѣлъ, какъ ангелы взяли на небо душу Пульхеріи, и какъ она плакала, что не могла взять съ собою отца, погубившаго душу свою честолюбіемъ. Придя въ чувство, Мартинъ понялъ свою вину, предался раскаянію, и ангелы смывъ слезами темныя пятна съ его души, понесли этотъ бриліантъ къ престо Божію, гдѣ онъ до сихъ поръ свѣтитъ дивнымъ вдохновеніемъ тѣмъ художникамъ, которые работаютъ для славы Божіей.—55. Замѣтка о вѣрованіи Китайцевъ въ возможность сообщенія душъ живыхъ людей съ умершими; сжиганіе при погребеніи ящика съ письмами, адресованными къ умершему, въ увѣренности, что душа его унесетъ ихъ съ собой на небо; отвѣты на свои письма Китайцы, по ихъ увѣренію, получаютъ во снѣ.—59. Археологическія раскопки *В. З. Завитневича* въ Минск. губ. Рѣчицк. у. (отчетъ о его рефератѣ въ Кіевскомъ историч. Общ.). Изслѣдованія производились съ цѣлью опредѣленія восточной границы поселенія дреговичей, южною границею которыхъ, до сихъ поръ установлена р. Припеть (Кіев. Слово). — 62. Докладъ о Воронежской старинѣ, сдѣланный секретаремъ Ворон. стат. Комитета Л. Б. Вейнбергомъ въ засѣданіи Этногр. отдѣленія И. Р. Геогр. Общ. 25 февр. Предметомъ сообщенія были „слѣды хазарской народности въ предѣлахъ нынѣшн. Ворон. губ.“

Мшакъ. (Работникъ, изд. 3 раза въ недѣлю, въ Тифлисѣ). 1890.—**4.** *Апро.* „Письма изъ Турецкой Арменій“. XVII письмо посвящено любовнымъ и плясовымъ пѣснямъ, пожеланіямъ, проклятіямъ и играмъ турецкихъ армянъ.—**8.** *Г. А.* Передовая статья по поводу книги Ernest Chantre'а „De Beyrouth à Tiflis.“ Упомянувъ о нѣкоторыхъ неточностяхъ и ошибкахъ г. Шантра авторъ тѣмъ не менѣе находитъ книгу очень интересной и дѣльной.—**9.** *Асіаци.* „Отличительная черта армянскихъ пословицъ.“ Авторъ приводитъ цѣлый рядъ не армянскихъ пословицъ и выраженій и, подыскивая подходящія по смыслу армянскія, указываетъ на то, что въ послѣднихъ почти всегда упоминается объ ослѣ. — **10.** Рецензія на соч. I. de Morgan'а: „Mission scientifique de Caucase.“ — **14.** **Z.** „Армянская семья.“ Взглядъ на настоящее состояніе армянской семьи.—**15.** Замѣтка о нѣкоторыхъ свадебныхъ обычаяхъ въ окрестностяхъ Новаго Баязета: женихъ обязанъ заплатить родителямъ невѣсты 20—200 р. на приданное. Въ день свадьбы посаженный отецъ и всѣ присутствующіе послѣ обѣда кладутъ въ тарелку деньги.—**21.** Замѣтка о кулачномъ боѣ въ Гори на масляницѣ.—**30.** *Апро.* „Письма изъ Турецкой Арменіи“. XVIII письмо посвящено мотивамъ пѣсенъ турецкихъ армянъ и ихъ музыкальнымъ инструментамъ.—**31.** *Г. С.*—Корреспонденція изъ селенія Нижнія-Ахты (Эриван. губ.). Въ Ахтахъ соблюденіе постовъ, въ особенности среди женщинъ, доведено до крайности. Великимъ постомъ народъ собираетъ деньги на „матагъ.“ На собранныя деньги покупается нѣсколько быковъ или коровъ. Въ день св. Пасхи рано утромъ рѣжутъ животныхъ и раздаютъ

Сев. Армения

мясо бѣднымъ и богатымъ поровну. „Матагъ“ по-армянски—жертва. - 35. Замѣтка о рефератѣ г-на Артамонова: „О Персіи,“ читанномъ въ засѣданіи Кавк. Отдѣла И. Р. Г. Географическаго Общества.—39. Въ корреспонденціи изъ Адруда говорится, что для удаленія саранчи женщины сварили молочную кашу и разливали ее по полю, дѣти-же производили шумъ мѣдною посудою. — 34. *Апро.* „Письма изъ Турецкой Арменіи.“ Въ XIX письмѣ описывается зимнее времяпрепровожденіе турецкихъ армянъ крестьянъ. Резенція на 1-ую часть книги Jos. Spillmann'a: „Durch Asien.“.—44. *Апро.* „Письма изъ Турецкой Арменія. XX.“ Нѣкоторые юридическіе обычаи.—45. Тоже. XXI. Черты курдскаго быта.—48. Корреспонденція изъ Ахалцыха описываетъ празднованіе дня св. Георгія 23 апрѣля. Хотя армянская церковь празднуетъ св. Георгія въ сентябрѣ, но ахалцыхскіе армяне соединяются для празднованія 23 апрѣля съ православными. Этотъ день у нихъ называется „цыратонъ“ (кривой праздникъ). По народному повѣрію все сработанное въ этотъ день будетъ „криво,“ т. е. негодно. Потому, оставивъ работу, всѣ отправляются за городъ на развалины помолиться св. Георгію. Если беременная женщина въ этотъ день будетъ работать, то родитъ урода.—60. „Турецкіе армяне и ихъ сосѣди.“ Рядъ статей преимущественно статистическаго содержанія; есть и этнографическій матеріалъ. — 67 и 68. *В. Папазіанъ.* „Шахна“ — бытовой очеркъ изъ турецкой жизни.—72. *Апро* „Письма изъ Турецкой Арменіи.“ Въ XXV письмѣ описывается поѣздка въ весьма почитаемый армянами мужской монастырь св. Карапета.

Новое Время. — **5172, 5179, 5188, 5207, 5222, 5236, 5243, 5250, 5264.** — *В. Машковъ.* Изъ путешествія по Абиссиніи. — **5179.** Сообщеніе о появленіи въ Уфимскомъ краѣ секты „стригуновъ“. — **5198.** *К. Случевскій.* Выдержки изъ его путешествій по Вологодской и Архангельской губ. Бытъ и выносливость населенія, занимающагося лѣсными промыслами. — **5203.** Изъ Керчи—сообщеніе о находкѣ при рытьѣ могилы на новомъ городскомъ кладбищѣ кипарисоваго саркофага древности 1500—1800 лѣтъ съ остатками человѣч. костей и глиняными и стеклянными сосудами. — **5242.** *Г. Робушъ.* О положеніи китобойнаго промысла въ нашихъ сѣверныхъ моряхъ. — **5243.** *Н. Лендеръ.* Съ Волги. Раскольничья секта „калугуры“. Ихъ обычай бросать трупы своихъ умершихъ въ озеро.—**5248.** Сообщеніе о погромѣ въ Новороссійскѣ персидскихъ лавочекъ—для характеристики отношеній между различными народностями, населяющими его (Южный Край). — *А. Елисѣевъ.* Гор. Кизвинъ. Съ богомольцами Мешхеда. —*В — а.* Ташкентская выставка. — **5251.** *В—а.* Ташкентская выставка. — **5271.** Сообщеніе о суевѣріи крестьянъ Полтавской губ., что нельзя тушить пожара отъ молніи, такъ какъ это значитъ итти противъ Бога.—**5281.** Библіографія. Рец. на кн. Д. И. Эварницкаго: „Вольности запорожскихъ казаковъ“. — **5287.** *Н. А. Рубакинъ.* „Какъ и что читаетъ народъ“? Отношеніе крестьянъ къ школѣ и къ грамотности. — **5301.** *П. Ровинскій.* Цетинье (корресп.). Очерки Черногоріи. — *В. А. Жуковскій.* О древностяхъ Закаспійскаго края. — **5303.** Положеніе кустарныхъ промысловъ въ Нижегородскомъ уѣздѣ. — Похищеніе дѣвушекъ въ Абхазіи. — Обычай прохожденія невѣсты передъ вѣнцомъ черезъ огонь въ Полѣсьѣ.—**5309.** *Д-ръ А. В. Елисѣевъ.* Объ этнологіи Сѣверной Персіи. — **5312.** *Кн. Г. С. Голицынъ.* Сообщеніе о путешествіи по русскимъ владѣніямъ въ Средней Азіи и по Центральной Азіи. — **5315.** *П. Ровинскій.* Очерки города Ульцина (Дульциньо). Его жители: черногорцы, албанцы-католики и малисары (албанцы изъ племенъ клименты и шкрели). Ихъ занятія отношенія, существующія между черногорцами и албанцами-католиками и малисарами. — **5324.** „Украинскія письма“ объ обрусѣніи Малороссіи (Кіевлянинъ).—**5326.** О возникновеніи обычая устраивать елки наканунѣ Рождества Хр. и о замираніи древнихъ обычаевъ—малорусскихъ и бѣлорусскихъ, пріуроченныхъ къ этому дню. — *Дм. Кайгородовъ.* Обычай Рождественской елки. — **5327.** *Б. Познанскій.* Рабовладѣльчество у Донскихъ казаковъ (Кіевская Старина, дек.). — *С. К. Паткановъ.* Сообщеніе въ Спб. географич. обществѣ объ остякахъ и вогулахъ.—**5330.** Мурманскій берегъ (корресп.) — **5331.** *А. Н. Красновъ.* Сообщеніе о путешествіи по Сванетіи.—**5344.** *С. С.* Корр. изъ Казани о языч. вѣрованіяхъ у чувашъ (кереметы).—

Перечень археологич. находокъ въ Вят. г. за 1890 г. (Вят. Г. В.)—**5351.** *Елисеевъ.* Описаніе персидскаго праздника розъ въ г. Кучанѣ. (Рус. Жизнь).—**5357.** Отчетъ о засѣд. Антропологич. Общества въ Петб. (23 янв.), въ кот. доклады вали гг. Ольдерогге (см. Моск. Вѣд. 30) и Фортунатовъ, послѣдній — о наслѣдственной безпалости. — *В. Р. Розенъ.* О древней Манджурской письменности, (докладъ въ Рус. Археологич. Обществѣ). — **5359.** Замѣтка о существующемъ въ Елисаветград. у. обычаѣ уступать невѣсту сопернику за плату отступного (Елис. Вѣстн.).—**5361.** *Генри Стенли.* „Карлики великаго Африканскаго лѣса" (обитающіе въ лѣсахъ Аватика па р. Итури); ихъ бытъ, занятія, оружіе и ихъ наружность.—**5362.** Отчетъ о лекціи проф. А. А. Исаева о хозяйственномъ бытѣ Россіи.—**5364.** „Борьба со штундой".—**5374.** Сообщеніе франц. путешественника Габр. Бонвало (въ чрезвыч. собраніи И. Р. Геогр. Общ. въ залахъ дворца в. кн. Екатерины Михайловны, 12 февр.) о его путешествіи по Тибету съ лѣта 1889 г. по 1890 г. — **5378.** Замѣтка о переселенцахъ на Мурманскомъ берегу. — **5381.** Зам. о разрытіи 6-ти кургановъ (кѣмъ ?) во окрестн. Новозыбкова Черн. г. съ признаками трупосожженія (Черн. Г. В.). — **5382.** Отчетъ о рефератѣ г. Соколова о системѣ землевладѣнія въ Зап. Сибири, читанномъ въ СПБ. Обществѣ Сельскихъ Хозяевъ, 19 февр. — **5388.** Отч. о засѣданіи Этногр. Отдѣленія И. Р. Г. Общ. 25 февр. (докл. Л. Б. Вейнберга о слѣдахъ хазарской народности въ предѣлахъ Воронеж. г.).

Новое Обозрѣніе.—2330, 2335—7, 2343, 2358, 2360—1, 2367 и 2372 „Восточные анекдоты о муллѣ Насръ-Эддинѣ", собранные *г. Ерицовымъ.* — **2303** и **2322.** Сванетія и Лечгумъ (о зобастыхъ и кретинахъ).—**2349.** Древнія городища на берегахъ рѣкъ Кубани и Лаби,—**2320.** Библіографическая замѣтка о V книгѣ „Этнографич. Обозрѣнія", *А. Хах—ова.* — **2341.** „Нѣсколько словъ о книгахъ, касающихся народностей Кавказа", *А. Хахо—ва.* — **2344.** „Къ вопросу о происхожденіи осетинъ", *Л. Загурскаго.*—**2357.** Годичное засѣданіе Кавказскаго Отдѣла Импер. Рус. Геогр. Общества (Отчетъ Л. П. Загурскаго). — Любопытныя замѣтки, помѣщены г. *Ерицовымъ,* подъ названіемъ: „Изъ нашей старины", въ №№ 2403, 2410, 2424, 2433, 2448 и 2453—**2419.** „Доглаури" —историческая легенда, идущая изъ XVII вѣка, г. *Хонели.* Легенда разказываетъ о цѣломудренной стойкости грузинки противъ покушенія царя Ростома.—**2420.** Содержаніе книги: „Путешествіе въ Индію грузинскаго дворянина Р. Данибегова" въ XVIII в., съ ея оцѣнкой, *А. Хах—ова.* — **2475.** Библіографическій отчетъ о VI и VII кн. „Этнографическаго Обозрѣнія" *А. Хах - ова.*—„Кацарскій монастырь", *Д. Пурцеладзе.* — **2476.** Легенда о „Кважисъ-сакдари" (воронья церковь), *Ил. Хонели.*

Новороссійскій Телеграфъ. — **4911.** Смѣсь: „Выборъ невѣсты китайскому богдыхану" и „Обычай лишенія себя жизни вдовами по смерти мужа въ Китаѣ". — **4982.** Хожденіе со звѣздой на Рождествѣ въ Одессѣ.—1891 г.—**4986.** О способѣ привѣтствій у народовъ Западной Африки. — **4994.** Китайцы въ канунъ Новаго года. Обычай задабриванія злого духа. — **4996.** Охота на тигра въ Индіи. Описаніе особаго способа этой охоты и употребляющихся при этомъ орудій.—**5013.** Египетъ (корресп.). Открытіе саркофаговъ.—**5021.** Засѣданіе Имп. одесскаго Общества исторіи и древностей (докл. *Л. П. Долинскаго* — о древностяхъ каменнаго вѣка, найденныхъ въ Волынской губ).

Новости—219. О персидскихъ танцовщикахъ и ихъ танцахъ (Н. Вр.). — **231.** Изъ с. Николаевки о находкѣ у порога Ненасытецкаго каменныхъ орудій (топоровъ и пр.).—**232.** Поминки по киргизѣ біѣ рода Чапраштн, Сарыбаѣ Айдосовѣ, устроенныя на урочищѣ „Ульхунъ-сазъ", на горахъ Алашау, противъ „Узунъ-агача". — **244.** О положеніи женщины въ мусульманской семьѣ кавказскихъ татаръ.—**252.** Вѣра Чукчей въ загробную жизнь оленей; ихъ „оленій праздникъ".—Проявленіе народнаго суевѣрія по поводу находки бивня мамонта въ Тамбовской губ.—**254.** Корр. изъ Ярославля о положеніи ящичнаго кустарнаго промысла.—**281.** *О. Ш.* Туркестанская выставка (Отдѣлъ охоты): описаніе орудій охоты мѣстнаго населенія туземцевъ. — **289.** Корр. Изъ Царевосанчурска. О появленіи между православными черемисами секты—„Кутусарта"; ея догматическое

ученіе и взаимныя отношенія сектантовъ (Волж. Вѣстн.). — 310. Рец. на Д. И. Эварницкаго: „Вольности Запорожскихъ казаковъ".—Публичныя лекціи Эварницкаго по археологіи Россіи. — 315. Экспедиція въ Центральную Азію (изъ письма *П. Козлова*). Селеніе Кара-сай. Топографія, флора и фауна всей мѣстности. Жители сел. Кара-сай и ихъ занятія. Описаніе мѣстностей, прилегающихъ къ рр. Бостанъ-туграпъ и Кютель-дарьи и Ой-ляй-лякъ-булакъ. — Лодзь (корр.): о причинахъ эмиграціи въ Бразилію польскихъ крестьянъ. — 317—8. *Н. Д—въ.* „По Россіи", изъ воспоминаній земскаго статистика. Отношеніе народа къ статистикамъ и ихъ дѣятельности. Описаніе одной кельи „черничекъ" въ Поволжьѣ.—332. Рец. на „Казаки. Донцы, уральцы, кубанцы, терцы", К. К. Абаза.—336. Рец. на М. Пинегина „Казань въ ея прошломъ и настоящемъ". — 337. Воззрѣнія кавказскихъ мусульманъ на тюремное заключеніе (Каспій).—340. „Въ нео-филологическомъ обществѣ". Ѳ. А. Браунъ: отчетъ о поѣздкѣ въ Маріуполь и Манкупъ-Кале съ цѣлью отыскать слѣды давно исчезнувшихъ крымскихъ готовъ. *С. Н. Сыромятниковъ.* Дополненіе къ докладу „Исторія Готландіи" и „Гута-сага". Древніе обитатели Готландіи. — 243. О набѣгахъ персидскихъ кочевниковъ на русскія селенія по рѣкѣ Атреку (Новое Обозрѣніе). — 344. *Е. Ф. Шмурло.* „Разсказъ итальянца Тедальди о Россіи временъ Іоанна Грознаго. Докладъ, читанный въ Спб. историческомъ Обществѣ.—355. *И. Б—овъ.* 25-ое Дек.—день зимняго солнцеворота; почитаніе его у древнихъ и новыхъ народовъ; обычай въ Россіи въ навечеріи Рождества Христова кликать Коляду и Авсеня. Сербская колядка и малорусская.—Засѣд.Этногр.отдѣл.И.Р.Геогр. Общества. Сообщенія: г. Истомина—„Сборникъ наговоровъ, заклинаній и нашептываній", распространенныхъ въ купянскомъ и славяносербскомъ уѣздахъ, г. Иванова; г. Пыпина—„Народный лѣчебникъ" священника Саратовской губ.; С. К. Патканова — „О результатахъ этнографическихъ наблюденій надъ бытомъ остяковъ: А. Н. Краснова—о физико-географическихъ изслѣдованіяхъ въ Сванетія.—357. Въ „Московскихъ письмахъ" отчетъ о докладѣ проф. И. И. Янжула въ засѣд. этнографич. отдѣла И. Общ. Люб. Естествознанія (19 февр.) о значеніи времени и пространства въ народномъ хозяйствѣ.— 358. *Н Д—въ.* „По Россіи" (изъ воспоминаній земскаго статистика). Баку (корресп.). Бытъ молоканъ и армянъ на Кавказѣ — 359. Замѣчательный типъ русской крестьянки—„Катька" (Рижскій Вѣст.).— 1891. 6 *Каргополовъ.* Медленность роста и развитія и продолжительность жизни африканскихъ дикарей сомалійцевъ и данакалійцевъ; причины этого (Туркест. Вѣд.). — Путешествіе Б. Л. Громбчевскаго (докладъ его въ И. Р. Геогр. Общ.).— 23. О причинахъ переселенія въ Бразилію польскихъ крестьянъ. — 24. Вильно. (корресп.). Сообщеніе о похоронахъ повѣсившейся старухи въ болотѣ, вслѣдствіе суевѣрія литовцевъ, что душа ея будетъ бродить по деревнѣ и принесетъ много зла (Петерб. Лист.). — 26. Рец. на „Антропологію" Э. Ю. Петри.— 28 и 33. О лекціи кап. Громбевскаго въ С.П.Б. Кредитн. Общ. въ пользу фонда имени Пржевальскаго при И. Р. Геогр. Обществѣ. Предметомъ чтенія служило послѣднее путешествіеГромбчевскаго по средней Азіи.—29.*Бол—ъ.* О возрожденіи сартовъ. Ихъ способность къ промышленной дѣятельности (Волж Вѣст.).—Отчетъ о докладѣ Ѳ. Д. Батюшкова въ С.П.Б. Неофилологич Обществѣ (11-е засѣд.): „Преданія о разлученіи души съ тѣломъ въ др.-рус. письменности и въ дух. стихахъ о богачѣ и Лазарѣ".—Извѣстіе о пуб. лекціи проф. А. С. Трачевскаго (въ С.П.Б Педагогич. музеѣ, 30 янв.) объ отношеніи между языковѣдѣніемъ и антропологіею и о разселенія человѣч. рода послѣ потопа. (См. Новости 39.).— 33. Содержаніе третьей лекціи А. А. Исаева (въ Педаг. муз , 30 янв.): „Очерки хозяйственнаго быта Россіи".—38. Замѣтка о латышахъ и эстахъ въ Псковской губ. Переселенія ихъ начались сюда съ 1855 г. Теперь эстовъ считается въ Псковск. г. (особ. въ Псковск. и Торопецк. уу.) до 11,000 (правосл. до 2½ т.), а латышей (особ. въ Псковск. у.) до 7,000 (правосл. до 1 тыс.). — 39. Содержаніе 4-й лекціи проф. Исаева о хозяйствен. бытѣ Россіи. Содерж. 8-й лекціи проф. Трачевскаго. — 41. Праздникъ „цаганъ-сара" у астраханскихъ калмыковъ, 30-го янв. (С. Отеч.).— 42. Тысячелѣтіе Георгіевск. монастыря въ Балаклавѣ (преданіе о его основаніи 891 г.) греками-мореплавателями. – *А.* Рец. на кн. П.

Ровинскаго: „Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ".— 41. Случай продажи родителей въ с. Петровскомъ Одесск. у. (Южанинъ).— 46. Содерж. 5-й лекціи проф. Исаева о хозяйствен. бытѣ Россіи.—51. Свѣдѣнія о сектѣ малеванцевъ въ Васильковск. у. Кіев. г.— 58. Изъ молдаванскихъ нравовъ: дѣвица, обольщенная парнемъ, является къ нему въ домъ, садится на печь и требуетъ вѣнчанія, что большею частью исполняется.— О 10-й лекціи А. С. Трачевскаго (20 февр.) о древнѣйшихъ алфавитахъ. — 57. Постановленіе „собора" бѣгло-поповцевъ въ г. Вольскѣ.— 64. *Э. Ю. Петри.* „Научные результаты путешествія Фр. Нансена черезъ Гренландію".

Новости Дня. — 2453. *В. Т* „Первое мая" (историко - этнографическая справка). Славянскія празднества 1-го мая. Праздникъ въ Литвѣ и Польшѣ. Народная примѣта о несчастныхъ бракахъ въ маѣ. — 2472. *В. Т.* „Троицынъ день и Семикъ". Празднованіе Троицына дня въ Литвѣ, Малороссіи, Россіи. Поминовеніе умершихъ въ Семикъ и похороны безъ вѣсти пропавшихъ. Обычай украшать зеленью и цвѣтами дома въ Троицынъ день. Завиваніе вѣнковъ. Пляски въ честь Ярилы.—2502. Объ отрытіи въ Сарат. у. трупа крестьянина, умершаго отъ опоя, для предотвращенія засухи.— 2514. Корр. изъ Карса о томъ, что нѣсколько женщинъ—армянокъ разрыли на кладбищѣ могилу и найденныя тамъ кости бросили въ рѣку Карсъ—чай, какъ средство отъ бездождія.—2528. Корр. изъ Уфы о появленіи секты „стригуновъ".—2541. *Туристъ.* „Изъ Москвы на Уралъ". Отъ Нижняго до Казани. Въ началѣ приведена легенда о мордвинѣ Скворцѣ и чародѣѣ Дятлѣ.—2542 „Людоѣды". Разсказъ католическаго миссіонера въ Убанги о пирахъ туземныхъ людоѣдовъ.—2588. Негритянская сказка о леопардѣ и гіенѣ; причина крас ты ихъ шерсти.—2597. Описаніе празднества, устроеннаго персами въ Тифлисѣ въ день рожденія своего властителя, шаха Насръ-Эддина (Кавказъ).— 2598. *Туристъ.* Изъ Москвы на Уралъ. VI. Въ преддверіи Сибири. Описаніе г. Перми.—2605. *Туристъ.* Изъ Москвы на Уралъ. VII. Въ царствѣ золота и желѣза. Описаніе г. Екатеринбурга. - 2626. „Бракъ и судъ въ Камерунѣ". Краткая замѣтка по поводу того, что иногда отецъ невѣсты, взявъ съ жениха извѣстную сумму денегъ, какъ выкупъ за невѣсту, отдаетъ за него другую дочь вмѣсто обѣщанной; судъ по этому поводу.—„Добрый обычай". Сообщеніе о возстановленіи въ Торонто, въ провинціи Онтаріо въ Канадѣ, древняго англійскаго обычая—публично погружать въ воду сварливыхъ женщинъ и сплетницъ.— 2627. *Н. Бочаровъ.* „Подъ Курячій праздникъ". Отношеніе русскихъ людей, начиная съ XI вѣка, къ домашней птицѣ. Курячій праздникъ бываетъ на Козьму и Даміана, когда куръ считаютъ, сортируютъ и рѣжутъ. — 2628. Екатеринбургъ (корресп.). Сообщеніе инженера Лебедзинскаго о находкѣ имъ на берегу р. Лепсіи, притока р. Сосьвы, капища и божества остяковъ-язычниковъ.— 2637. 1-ое Ноября. (Истор. справка.) Этнографическія особенности дня. Народныя поговорки и примѣты на 1-е ноября. Св. Косьма и Даміанъ — покровители куроводства. Освященіе куръ въ старину. Челобитныя куры; бои и пр. *Н. Бочарова.*—2644. *Н. Бочаровъ.* 8-ое Ноября. Народное представленіе объ Архангелѣ Михаилѣ и народныя примѣты, пріуроченныя къ этому дню. — 2651. *Знакомый.* Литературныя замѣтки: „Старый Гудъ и его царство" (кавказская легенда.).— 2652. *Н. Бочаровъ.* 16-ое. Ноября. Указаніе на народное суевѣріе, по которому съ 15 ноября всѣ нечистые убѣгаютъ съ земли, боясь морозовъ и зимы. По народному замѣчанію зима пріѣзжаетъ на пѣгой кобылѣ и разгоняетъ всѣхъ нечистыхъ. - 2657. *Н. Бочаровъ.* 21-ое Ноября. День Введенія, по народнымъ примѣтамъ. — 2660. *Н. Бочаровъ.* 24-ое Ноября. Упоминаніе о народномъ обычаѣ раздавать пироги въ день своихъ именинъ. — 2661. *Н. Бочаровъ.* 25-ое Ноября. Донесеніе воеводы Щербатаго о дикихъ людяхъ „Челюгдеяхъ", одноглазыхъ, живущихъ въ верховьяхъ р. Тунгузки.— 2670. *Н. Бочаровъ.* 4-ое Декабря. „Народныя примѣты и поговорки, пріуроченныя ко дню св. Варвары. — 2697. *Н. Бочаровъ.* 1-ое Января. Васильевъ вечеръ въ быту народномъ. Гаданье въ Звенигородскомъ уѣздѣ, Моск. г.— 2698. *Н. Бочаровъ.* Начало крещенскихъ вечеровъ по народнымъ понятіямъ. — 2717. *Н. Бочаровъ.* 21-ое Января. Народныя примѣты, пріуроченныя къ этому дню.

Одесскій Вѣстникъ.—288. Село Солоное (корресп.). Заработки мѣстнаго населенія—извозный промыселъ; отношеніе къ нему Малоросса, Великоросса и Молдаванина.—329 *М. П.* Новые труды по русской этнографіи (Библіогр. замѣтка). Краткая рецензія и перечисленіе всѣхъ вновь вышедшихъ трудовъ по этнографіи.— 339. *Н. Вучетичъ.* Дао и Адо (карабахская легенда.). Состязаніе двухъ пѣвцовъ; ихъ пѣсни.— 131. *В. В.* въ корр. изъ м. Чилишлія упоминаетъ о существованіи у молдаванъ обычая — похищенія невѣсты.— 132. Корр. изъ Ташбунары о суевѣріи, что трупъ вѣдьмы (могилу ея) надо поливать водой, чтобы отвратить бездождіе. — 181. Сообщено вѣрованіе въ скорую кончину міра (Смол. В.).—1891 г. 8. Баку (корресп.). Жизнь молоканъ и армянъ на Сѣверномъ Кавказѣ. Нищенство армянъ и зажиточность молоканъ. „Чортовы угольщики" (Эльвасская легенда.).— 17. Новозыбковъ (корресп.). Сообщеніе о разрытіи нѣсколькихъ кургановъ древнѣйшей эпохи, удостовѣрившемъ фактъ сожжиганія труповъ древними (Черн. Г. В.).— 19. О торжественной аудіенціи у короля москитосовъ.— 21. *Ю. А. Кулаковскій.* „О керченской христіанской катакомбѣ (докладъ; см. Моск. Газету, 14).

Одесскій Листокъ. — 215. Проф. Позднѣевъ сообщаетъ о найденномъ имъ въ Парижской Національной библіотекѣ Манджурскомъ манускриптѣ.—*Черноморецъ.* „Успеньевъ день на Б. Фонтанѣ". Картинка народной жизни. Взглядъ на появившихся насѣкомыхъ, пожирающихъ хлѣбъ, какъ на наказаніе Божіе.—219. Сообщеніе объ обычаѣ въ графствѣ Эссексъ дарить большой окорокъ ветчины супругамъ, которые не поссорятся въ теченіе одного года и одного дня. — 267. Выдержка изъ сообщенія г. Истомина о состояніи православія среди самоѣдовъ Печорскаго края и объ ихъ идолопоклонствѣ (Мин.). — 302. Каннибализмъ въ Центральной Африкѣ (L'Univers).—329. О Путешествіи А. П. Чехова. Нѣсколько данныхъ объ о. Сахалинѣ (изъ Новост. Дня).—1891.—10. Баба-богатырь. Женскій народный типъ „Катька".—Обычай современныхъ Грековъ заключать браки между ново-рожденными дѣтьми. — 14. „Изъ путешествія по Святой землѣ". О русскихъ поселеніяхъ въ Палестинѣ.

Одесскія Новости. - 1643. „Повѣрье огородниковъ" (замѣтка), что найденный лапоть надо забросить въ огуречную гряду.—1663. Корр. изъ Екатеринославля о появленіи новой секты, наз. крестьянами „чудными". Ихъ принципы: воздержаніе отъ спиртныхъ напитковъ, сквернословія и насилій — 1682. „Изъ жизни Алтая". Охота киргизовъ за птенцами беркутовъ. -- Нѣсколько интересныхъ историч. данныхъ о Под. губ. — 1687. Лейли и Маджнунъ (персидская сказка). — 1724. Индѣйское племя, — сообщеніе объ открытіи полковникомъ Голабердомъ въ Колорадо (Калифорнія) новаго индійскаго племени, которое наз. себя „Яви Супіасъ". -- 1736. Одежда китаянокъ. Многоженство въ Китаѣ. — 1770. *Случевскій.* Сообщеніе о томъ, что въ Архангельской губ. косятъ „горбушей" (большой серпъ) (Моск. Вѣд.).—1803. *А. Старковъ.* Хань-о-хе-би-юнь-бянь. Китайско-русскій словарь. (Сообщеніе, сдѣланное въ засѣданія историко- филологическаго общества при Имп. Новороссійскомъ университетѣ 11 Декабря 90 г.). Двойственность Китайскаго языка; Китайскія письмена, исторія ихъ; исторія сношенія Россіи съ Китаемъ.—1814. Сообщенія о воззрѣніи мусульманъ Кавказа на тюрьму и тюремное заключеніе.—1815. Изъ Китайскихъ разсказовъ.—1863 Корр. изъ Бендеръ о мѣстномъ знахарѣ Куценко (въ предмѣстьи Старыхъ Липканахъ), занимающемся лѣченіемъ водочной настойкой изъ разныхъ травъ и нашептываніемъ.

Олонецкія Г. В. – 72—79. Статья „Изъ народной жизни"—общаго характера, но заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя интересныя свѣдѣнія о лоцманскихъ артеляхъ, о вѣрованіяхъ Корела, сравненіе его съ обивателями береговъ р. Свири, о колдовствѣ и колдунахъ, примѣтахъ и предразсудкахъ.—81—84. Ст. „Ладвинскій приходъ", кромѣ описанія географическаго, заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о занятіяхъ, промыслахъ и бытѣ прихода, его праздникахъ (между прочимъ описано жертвоприношеніе въ Ильинъ день, такъ называемое „хватовщина"), увеселеніяхъ, а также объ условномъ языкѣ Ладвинскихъ стекольщиковъ.—1891.—4. „Тягловый промыселъ на Маріинской системѣ"—составленіе тягловыхъ артелей.

Оренбургскія Г. В.—35. *П. А. Юдинъ.* „Башкиры". II. Жизнь и занятія башкиръ. Образъ жизни башкиръ. Жилища ихъ, отопленіе. Безпечность башкиръ; ихъ зависимость отъ кулаковъ. Нечистоплотность ихъ. Бѣдность. Домашній скотъ. Занятія ихъ. Ихъ честность и другія нравственныя качества.—36. *П. А. Юдинъ.* Башкиры. III. Религія и обычаи. Магометанство. Описанія ихъ мечетей. Богослуженіе. Пища башкиръ „салма". Гостепріимство. Посты. Праздникъ Уразанъ-Байрамъ. Воспитаніе дѣтей. Браки. Покупка невѣстъ. Бракосочетаніе. Пѣсни башкиръ. Почитанье умершихъ. Похоронные обряды. Устройство могилы.—37. *П. А. Юдинъ.* Башкиры (окончаніе). IV. Историческое прошлое башкиръ. До 1556 г. они подчинялись Казанскому царству, а послѣ взятія Казани приняли русское подданство, получивъ въ 1557 г. отъ Іоанна IV грамоту на вѣчное владѣніе своими землями. Дальнѣйшее положеніе башкиръ. — 43. *П. А. Юдинъ.* „Съ Дона на Уралъ". Исторія поселенія донскихъ казаковъ на Уралѣ правительствомъ.—50—52. *П. А. Юдинъ.* Киргизы. (Этнографическій очеркъ). I. „Степь". Характеръ киргизскихъ степей. II „Населеніе степей". Дѣленіе киргизовъ на отдѣльныя группы—„орды". Сходство и различіе между ордами. Исторія перехода киргизовъ къ полуосѣдлой жизни и занятію хлѣбопашествомъ. Описаніе стоянки кочевыхъ киргизовъ. Общественное устройство киргизскихъ ауловъ и бійствъ (волостей). III. „Религіозные обряды киргизовъ". Религія киргизовъ—магометанство. Отсутствіе мечетей. Легенда о постройкѣ мечети Тамерланомъ въ Самаркандѣ 1891.—1—5. *П. А. Юдинъ.* „Киргизы" (продолженіе). IV—V. „Нравы и обычаи". Обычаи, сопровождающіе ребенка отъ рожденія до зрѣлаго возраста. Свадебные обычаи. Заключеніе брака. Джигитовка. Музыкальные инструменты киргизовъ. Пляски. Пѣніе. Положеніе новобрачной Многоженство. Трудная доля киргизокъ. Ихъ недолговѣчность. Смертность Похоронные обряды киргизовъ. VI. „Занятія киргизовъ и ихъ достояніе". Хлѣбопашество, сѣнокошеніе, караванный промыселъ (прислуга), разведеніе лошадей, рогатаго скота, овецъ, верблюдовъ и пр. VII. Боевая пригодность киргизовъ. VIII. „Языкъ и литература киргизовъ". Киргизская сказка о Кривдѣ и Правдѣ.

Оренбургскія Еп. В. 1890.—18. Изъ религіозной жизни чувашей Оренбург. губ. („Моск. Вѣд.").

Орловскія Г. В. 1890.—67. Вигуру. Соблюденіе постовъ въ Западной Европѣ (Science pour tous).

Пастырскій Собесѣдникъ. 1890.—12—13. О происхожденіи и значеніи нѣкоторыхъ пасхальныхъ обычаевъ („Подол. Еп. В.").—14. Къ вопросу объ обычаѣ гадать на книгахъ свящ. писанія,—историко-археол. замѣтка.—*Н. Н. Влабуха.* Пасхальные обряды и легенды въ Тавридѣ („Моск. Вѣд.").—17, 18 *В. Преображенскій.* Черты сходства и различія языческихъ сказаній о Богѣ и о происхожденіи міра отъ библейскаго повѣствованія.

Пензенскія Г. В. 1890— 199. Промыслы сельскаго населенія въ Краснослободскомъ уѣздѣ.— 200. Промыслы сельскаго населенія въ Наровчатскомъ уѣздѣ.—203. Промыслы сельскаго населенія въ Керенскомъ уѣздѣ.— 205. Отхожіе промыслы сельскаго населенія въ Саранскомъ уѣздѣ.—207. Промыслы сельскаго населенія въ Инсарскомъ и Нижнеломовскомъ уѣздахъ.— 227. *А. Шевелевичъ.* Село Болдово Инсарскаго уѣзда (этнографическій очеркъ). Населеніе. Обычай мордвы прогонять скотъ черезъ тоннель между могильными курганами, на которомъ горѣлъ живой огонь, чтобы предохранить его отъ падежа. Миѳологія Мордвы.—228. Свящ. *Н. Н—ловъ.* Письма изъ деревни. VI. Суевѣрные обычаи крестьянъ: „проводы", обычай здороваться съ усопшими весною. – 230. *А. Шевелевичъ.* С. Болдово, Инсарскаго у. „Моляны". „Кереметь". Одежда мордвы.— 233. *А. Шевелевичъ.* Село Болдово, Инсарскаго у. Старый обычай давать ребенку имя. Обычай красть невѣсту. Обычаи, сопровождающіе похороны; обычай класть покойнику монеты и его любимыя вещи.— 236. *А. Шевелевичъ.* Тоже (окончаніе). Поминовеніе усопшихъ. Болѣзни мордвы. Занятія. Промыслы.— 245. *Св. Н. Н—ловъ.* Письма изъ деревни. VIII. Село Мордовское—Левжа (Мокша). Исторія его заселенія. Занятія населенія. Просвѣщеніе. Религія. „Помочь".— 247. *Св. Н. Н—въ.* Письма изъ деревни. IX. Кустарные промыслы Городищенскаго и Саранскаго уѣздовъ. —

272-4. *В. Терехинъ.* Села Ефаево и Рыбкино, Краснослободскаго уѣзда. (Археологическія и историческія замѣтки)

Пензенскія Еп. В. — **1890.—19.** *Н. Люстровъ.* „Суевѣрія и примѣты въ средѣ простаго народа", при рожденіи ребенка, крещеніи, при свадьбахъ; вѣра въ колдуновъ, оборотней, вѣдьмъ, знахарокъ, ворожей и домовыхъ; зазыванія домоваго; обрядъ „провожанія души".—**28.** *Свящ. Г. Иллюстровъ.* Историко-статистическое описаніе прихода села Ямской слободы, Инсарскаго уѣзда.

Пермскія Г. В. 1890—69—71 и 77. *И. И. Архангельскій* „Этнографическіе очерки Горнозаводскаго населенія Урала".—**76.** *А. А. Исаевъ.* Описаніе Перми.—**79.** *Н. Н. Новокрещенныхъ* Открытіе города Перми 12—18 Октября 1781 г.—**86.** Уральское общество любителей естествознанія: 1) докладъ о раскопкахъ С. И. Сергѣева; 2) сообщеніе Лебедзинскаго о находкѣ имъ на берегу р. Сосьвы идола Остяковъ; нѣсколько чертъ изъ жизни Сѣвернаго Урала.—**1891.**—**6** Сборъ кедровыхъ орѣховъ. Описаніе приспособленій, необходимыхъ въ данномъ случаѣ для рабочихъ кедровниковъ.— Причины, вліяющія на ростъ людей. —**8.** *П. В—нъ.* Экскурсіи по верхокамскимъ дебрямъ. I. Раскольничій скитъ.

Пермскія Еп В.—1890. 19. *Д. Смышляевъ.* Воспоминанія о Востокѣ. Турки: ихъ счисленіе времени, посты, кофейни. Турецкіе монахи. Обрѣзаніе, выдача дѣвушекъ замужъ, процессія „зеффетъ-эт-гаммамъ". Похороны. Браки православныхъ. Арабскіе музыкальные инструменты; двѣ арабскія пѣсни въ русскомъ переводѣ.—**20.** Изъ исторіи старообрядскаго раскола въ Пермской епархіи.

Полтавскія Г. В.—1890.—69. *А. Н. Лисовскій.* „Опытъ изученія малорусскихъ думъ" (продолженіе см. № 671). Разобрана дума про Ганжу Андибера.—**70.** *А. Н. Лисовскій.* „Опытъ изученія малорусскихъ думъ (продолженіе). Думы: Плачъ невольниковъ о выкупѣ, плачъ невольника о выкупѣ, Маруся Богуславка, жалоба сестры, отчимъ. Ихъ группировка и разборъ. — **71.** *А. Н. Лисовскій.* „Опытъ изученія малорускихъ думъ". Думы: „О побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова", „о Черноморской бурѣ", „о смерти трехъ братьевъ близъ рѣки Самары", „про вдову и трехъ сыновъ". Разборъ первой думы.—**72.** Тоже. Разборъ второй думы (въ художественномъ отношеніи и бытовомъ по содержанію).—**73.** Тоже (продолженіе) Разборъ третьей думы.—**74.** Тоже (окончаніе). Причины появленія думъ; исторія ихъ развитія въ связи съ развитіемъ жизни малорусскаго народа.— **91.** *Св. Григ. Коломенскій.* С. Чутово, Полтавской губ. (историч. очеркъ). Иконы и утварь. Приведены два стихотворенія, написанныя малорусскимъ яз. на образахъ Апостоловъ и Бога Вседержителя (всѣхъ стихотвореній—12, по числу Апостоловъ).

Правда—1891. 4. Письменность у всѣхъ народовъ со стороны физіологической и антропологической.— **6.** Корр. изъ Винницы объ истязаніи разными пытками 4-хъ челов., заподозрѣнныхъ въ воровствѣ.

Руководство для сельскихъ пастырей.—26, 29, 34, 40, 44. *М. А.* Рабочій прикамскихъ соляныхъ промысловъ и инвенскій крестьянинъ—пермякъ (сравнительная характеристика въ религіозно-нравственномъ и бытовомъ отношеніяхъ).

Русскія Вѣдомости. 1890—121. *Н. П. Бѣлоконскій.* Среди Сибирскихъ инородцевъ. Абаканская степь. Описаніе татарской юрты. Вліяніе христіанства на жизнь татаръ. Описаніе татарскаго праздника; религіозныя представленія татаръ о добрыхъ и злыхъ духахъ. Татарское служеніе, отправленное шаманомъ. Взглядъ татаръ на шамановъ. Нравственныя воззрѣнія татаръ.— **124.** Людоѣдство на Новыхъ Гебридахъ. Сообщеніе о съѣденіи дикарями о. Мамчикало экипажа шхуны „Elyza Mary"—**126, 131.** *Серафимовичъ.* Въ тундрѣ (изъ жизни на далекомъ Сѣверѣ). Экипажъ самоѣда, упряжь и одежда. Самоѣдская пѣсня; ея характеръ и содержаніе. Ѣзда по снѣговой тундрѣ. Описаніе самоѣдскаго чума. Понятіе о преступленіи у самоѣдовъ.—**144.** *П. Г—въ.* Что ожидаетъ переселенцевъ на Алтаѣ? Объ отношеніяхъ сибирскихъ старожиловъ къ выселенцамъ изъ Россіи.—**148.** *С.* На плотахъ (изъ жизни на далекомъ Сѣверѣ). Описаніе одного изъ промысловъ Сѣвернаго края—сплава лѣса.—**153.** Тоже (окончаніе).—**136. 143, 155.** *А. Плещеевъ.* „Американскія исторійки". Свободный союзъ.—**156.** Подъ рубр. „Разныя разности": „При Дагомейскомъ дворѣ"—разсказъ губернатора Котону, Байоля, о казняхъ Даго-

мейскаго короля и о кровожадности его амазонокъ.—162. *В. Си—въ.* „Народное представленіе страстей господнихъ въ Баварской деревнѣ Оберъ-Аммергау въ 1880 году".— 169, 172. Путешествіе Стэнли. Выдержки изъ книги Стэнли „Въ дебряхъ Африки" о его путешествіи черезъ дремучій Африканскій лѣсъ, о встрѣчѣ и борьбѣ съ туземцами. Описаніе племени карликовъ, которыхъ Стэнли встрѣтилъ въ дѣвственномъ лѣсу Африки.—175. Шемаха (корресп.). О распространеніи куренія опіума среди мѣстныхъ татаръ. — 178. Елисаветградъ (корресп.). О положеніи крестьянъ—переселенцевъ въ Херсонской губ.—182. Алтайскій Округъ (корресп.) О положеніи переселенцевъ.—185. Буква. „Въ буддійскомъ храмѣ и аннамскомъ театрѣ". (Лѣтніе разсказы). Описаніе буддійскаго храма, бывшаго на Парижской выставкѣ, и службы въ немъ и представленія въ аннамскомъ театрѣ.— 187. *Г.* Кустарная промышленность въ Австріи.— 188. *П. Г—въ.* Что ожидаетъ переселенцевъ на Алтаѣ?— 190. „Шалопуты на Кавказѣ". Ихъ догматическое ученіе. Описаніе ихъ молельни и самой службы. Ихъ нравственность и занятія.— 208. Петергофъ (корресп.). Состояніе гончарнаго промысла (кустарнаго) въ уѣздѣ.— 211. *Вл. Короленко.* „Въ пустынныхъ мѣстахъ". (Изъ поѣздки по Ветлугѣ и Керженцу). О нынѣшнемъ положеніи раскольничьихъ скитовъ I. По Ветлугѣ.— 212. Верхнеуральскъ (корресп.) Населеніе уѣзда. Башкиры, киргизы и русскіе; ихъ занятія. Пріобщеніе киргизовъ къ занятію земледѣліемъ. — 215. Екатеринбургъ (корресп.) Возникновеніе и развитіе гранильнаго промысла среди мѣстныхъ кустарей.— 220. Новости науки и литературы. Древнѣйшая манджурская рукопись. Парижской Національной библіотеки, открытая проф. Позднѣевымъ. — 221. На Уральскихъ заводахъ и рудникахъ (корресп.) Занятія населенія Нижняго Тагиля; торговля, возка дровъ и руды, заводскій трудъ, работа въ рудникахъ, кустарные промыслы по обработкѣ желѣза.—223. *Влад. Короленко.* По Ветлугѣ. Легенда о невидимомъ градѣ на берегу озера Свѣтлояра.— 225. Ардатовскій уѣздъ (корресп.) Сообщеніе о зарытіи крестьянами павшей лошади съ живой кошкой для прекращенія эпизоотіи. — 226. Положеніе кустарнаго промысла въ Тулѣ. по по обработкѣ желѣза.— 234. *Вл. Короленко.* По Ветлугѣ. Жизнь мѣстнаго населенія.— 238. *Петръ Добротворскій.* „Въ глуши Башкиріи". 2. Евстигнѣичъ. Характеристика отношенія русскихъ поселенцевъ въ Башкиріи къ башкирамъ.— 248. Ткацкій промыселъ въ Ярославскомъ уѣздѣ. Положеніе кустарей. — 253, 255, 262, 269, 297, 335, 353. *Вл. Короленко.* „Въ пустынныхъ мѣстахъ". II. Керженецъ. 256 Петергофскій уѣздъ (корресп.). Положеніе кустарей, добывающихъ глину ярко-голубого цвѣта.— *И.* „Инородцы Нарымскаго края" (корресп.). Племенной составъ. Жилища. Пища. Одежда. Занятія. Промыслы. Браки. Религія. Языческія мольбища. Кумирни. Жертвоприношенія (шаманы). — 259. Разныя разности: „Древнія городища на берегахъ рѣкъ Кубани и Лабы около станицъ Усть - Лабинской и Ново - Лабинской". Найденныя тамъ вещи. — 276. *А. А. Исаевъ.* Артель тульскихъ кустарей. (Корресп.).— 278. *А. Р.* Туркестанская выставка предметовъ сельскаго хозяйства и промышленности. — 287. Рыбинскъ (корресп.). Возникновеніе котельнаго промысла въ Глѣбовской волости и его настоящее положеніе.—311. *Петръ Добротворскій.* „Въ глуши Башкиріи." 3. Свои люди. Картинки Башкирской жизни.—325. „Курляндскіе Короли"; этимъ именемъ означается населеніе 7 деревень въ окрестностяхъ г. Гольдингена. Они пользуются привиллегіями. Происхожденіе ихъ точно неизвѣстно: по однимъ преданіямъ имъ дарованы льготы за услуги ордену меченосцевъ, по другимъ—они потомки бывшихъ повелителей Курляндіи.— 326. Миссіонеръ Вербицкій (некрологъ). — 327. *Ал. Ивановскій*: Смерть Киргизскаго пѣвца Улгенбая. —339. *Ал. Головачевъ*: Страница изъ жизни Ильки (изъ быта киргизовъ).—347. *В. С—въ.* Новыя свѣдѣнія о египетскихъ древностяхъ. Сообщенія о результатахъ, добытыхъ г. Голенищевымъ во время поѣздки его по Египту зимой 1888—89 г.—348. Н. О. Эминъ. (некрологъ).— 353. *В. С — въ.* Генрихъ Шлиманъ (некрологъ). — 356. *В. Шуфъ.* Карагёзъ. Описаніе одного изъ представленій турецкаго полишинеля Карагёзъ—родъ китайскихъ тѣней, введенныхъ въ Турціи въ 1421 г. Представленія имѣютъ чисто народный характеръ; въ нихъ проявляется народное

остроуміе и дается воля насмѣшкамъ надъ современнымъ строемъ Турціи.—
1891.—4. *П. С.* С. Я. Капустинъ (некрологъ). — **7.** *В. Шуфъ*: Въ горахъ. Сообщаются свѣдѣнія о повѣрьяхъ Крымскихъ татаръ (о шайтанѣ, Айша).— **11.** Рецензія на кн. VII Этнографическаго Обозрѣнія.—**15.** Экспедиція Б. Л. Громбчевскаго (подробный отчетъ о прочитанномъ г. Громбчевскимъ рефератѣ въ засѣданіи Им. Рус. Геогр. Общ. 10-го января). *Н. Астыревъ.* Изъ экскурсій по Нижнеудинскому округу.—**30 37, 53, 59.** *Н. Астыревъ.* Тоже.— **44.** Путешествіе Капитана Б. Л. Громбчевскаго (дополненіе къ извѣстіямъ сообщ. въ № 15).—**59.** Некрологъ Миклошича.

Русскій Паломникъ—1890.—6,7. Поклоненіе змѣю у различныхъ народовъ. — **28.** Христіанство среди калмыковъ. — **33,34.** *Л. Ейнсцлеръ.* «Дурной глазъ» у обитателей Святой земли. — **36.** Чукотская миссія (краткая исторія ея). — **42,43.** *В. Кузнецовъ.* Погребальные обряды нѣкоторыхъ народовъ (на Аѳонѣ, Синаѣ, въ Яссахъ, Константинополѣ, у индусовъ, монголо-бурятъ, у древнихъ персовъ, евреевъ, турокъ и др.).

Рязанскія Г. В.—1890 г.—66,67. *Г. Д.* «Жизнь и нравы китайцевъ». Нѣсколько данныхъ объ успѣхахъ китайцевъ въ земледѣліи (изъ брошюры Г. Д. „Между Востокомъ и Западомъ“).—**68.** Негритянская сказка о леопардѣ и гіенѣ (Хар. Г. В.). — **77,79,80.** *И. П. Золотницкій* Матеріалы для историко-статистич. описанія населенныхъ мѣстъ Рязанской губ. (Продолж. въ 1891 г.). — **82.** „Дополнительныя о Рязанской епархіи свѣдѣнія“. Въ статьѣ объ Архіепископѣ Мисаилѣ есть разсказъ о попыткѣ его крестить мордву при помощи вооруженной силы въ 1656 г. — **89.** *Д-ръ Елисѣевъ.* „Объ употребленіи гашиша и опіума у Восточныхъ народовъ (С. О.). — **93, 94.** „Надгробныя надписи изъ текіи Афганъ-Махаммедъ Султана въ г. Касимовѣ“.

Рязанскія Е. В.—1890 г.—22. „Суевѣрія и примѣты въ средѣ простого народа“. Суевѣрные обряды съ заклинаніями при рожденіи ребенка, примѣты при крещеніи его. Суевѣрные обряды, сопровождающіе свадьбу, и примѣты, касающіяся ея. Вѣра въ колдуновъ, оборотней и вѣдьмъ, въ знахарей и ворожей. Вѣра въ домовыхъ; приглашеніе домового въ новое жилище. Примѣты при елеосвященіи и при похоронахъ. Обрядъ „провожанія души“.

Самарскія Г. В. 1890—76,77. Особенности быта инородцевъ Волжско-Камскаго края. Нѣсколько словъ о фотографіяхъ, доставленныхъ на Казанскую Научно-Промышленную выставку, представляющихъ различныя постройки, орудія производства, посуду, кладбища и разные моменты свадебнаго празднества инородцевъ головные уборы, узоры, орнаменты, украшенія и предметы культа инородцевъ (Прав. Вѣсти)—**96.** Сообщеніе изъ доклада д-ра А. И. Якобія о Канинскомъ полуостровѣ и его обитателяхъ — самоѣдахъ (Волж. Вѣст.).—**8, 9.** Историческій очеркъ колонизаціи Ново-узенскаго края.

Саратовскія Г. В.—68. „Въ гостяхъ у крымскихъ татаръ“.—**90.** *А. Ранчуговъ.* Шетневскіе крестьяне, Балашовскаго уѣзда. Очерки быта ихъ.—**97.** Счетъ у дикихъ народовъ.—**1891—8.** *Ѳедоръ Ерохинъ.* „Село Малая Сердоба, Петровскаго у.“ (Нравы и обычаи села). Характеръ сердобинцевъ. Свадебные обычаи. Покупка невѣстъ, что называется „рядиться изъ кладки“. — **9.** Корр. изъ с. Журавки: случай женитьбы молодого бѣднаго парня міромъ.—*Ѳедоръ Ерохинъ.* „Село Малая Сердоба, Петровскаго уѣзда“. (Нравы и обычаи села. Оконч.). Положеніе новобрачной. Ея обязанность — одѣвать всю свою семью. Свобода отношеній между полами. Пьянство. Одежда. Неопрятность. Суевѣрія. Хороводная пѣсня „Черничка“; пѣсня дѣвушекъ на посидѣлкахъ, пѣсня о порядкахъ села.—**10** *Ѳедоръ Ерохинъ.* „С. Жуковка, Петровскаго у.“ Исторія его.—**11.** *Ѳ. Дуничъ.* „Дер. Софьина, Елшанской вол., Саратовскаго у.“; жизнь ея обитателей.—Полѣшуки. Нѣсколько чертъ ихъ міра ихъ религіозно-нравственныхъ воззрѣній.—**12.** *Крест. П. М. Суховъ.* „Село Жирное, Нижне-Добринской вол., Камышинскаго уѣзда“. Исторія и бытъ его обитателей.

Саратовскій Дневникъ.—1890 г. 25-го дек. „Рождественскія колядыׅ“ (идеализація крест. быта въ пѣсняхъ). — **43.** Замѣтка о случаѣ продажи родителей въ другое село.

Сибирскій Вѣстникъ. — **111**. Въ 85, 88 и 90 №№ „Сиб. Вѣстн". была напечатана статья помощника прозектора Томскаго Университета С. Чугунова подъ заглавіемъ: „Антропологическій очеркъ остяковъ Сургутскаго края". (См. „Этногр. Обозр.", VI, 210). Антропометр. изслѣдованіямъ, по словамъ г. Чугунова, было подвергнуто 122 особи. Въ наст. 111-мъ № Сургутскій окружн. врачъ *В. Клячкинъ*, по поводу „антропол. изслѣдованій" г. Чугунова, сообщаетъ, между прочимъ, слѣдующее: „Г. Чугуновъ пробылъ въ Сургутѣ съ 29 іюня до 23 іюля и все время жилъ въ городѣ, выѣзжая только два раза: на одинъ день на Барсову гору, находящуюся въ 10 вер. ниже Сургута, и на столько-же времени на Свиные борки, въ 15 вер. отъ города. Въ г. Сургутѣ не живетъ ни одного остяка: жители состоятъ изъ бывшихъ казаковъ. На Барсовой горѣ нѣтъ ни одного жилья." На основаніи этого г. Клячкинъ совѣтуетъ не слишкомъ довѣрчиво относиться къ изслѣдованіямъ г. Чугунова.— **114**. *С. Чугуновъ*. Замѣтка на „замѣтку" Сургутскаго окруж. врача В. Клячкина, въ которой авторъ объясняетъ, что онъ производилъ антропометр. изслѣдованія надъ тѣми остяками, которые пріѣзжали въ Сургутъ для сдачи ясака и покупки пороха и хлѣба. — **141**. Корр. изъ укрѣпленія Бахты, Семирѣч. обл., объ экспедиціи Н. Ѳ. Катанова. Экспедиція достигала г. Урумчи, древней столицы Уйгурскихъ хановъ. Собранъ богатый лингвистическій матеріалъ по языку сартскихъ племенъ китайскаго Туркестана, именно: сартовъ Турфана, Логучена, Акъ-су, Кучара, Кашгара, Хотана и Каракаша. Больше всего записано пѣсенъ, воспѣвающихъ гл. обр. войну мусульманъ противъ китайцевъ (1864 г.). Нарѣчія всѣхъ вышеупомянутыхъ городовъ весьма близки другъ къ другу. Наиболѣе характерныхъ особенностей сохранилось въ нарѣчіи хотанскихъ сартовъ. Нарѣчія Турфана, Логучена, Пичана, и Ками заимствовали массу словъ изъ кит. яз. Весь сѣверный склонъ хребтовъ Тянь-шаня и Эренъ-кабырги заселенъ китайскими ссыльными и переселенцами. Далѣе экспедиція намѣрена прослѣдовать до Хами, оттуда чрезъ г. Хобдо въ Усинскія селенія и вернуться затѣмъ въ Минусискъ. — **147**. *А. Спиринъ*. Корр. изъ Чернаго и Бѣлаго Іюсовъ, Минусин. окр., с конокрадахъ и инородческомъ судѣ надъ ними. — **1891 г., 1**. *П. Д.* Туруханскій край (тунгусы, самоѣды, якуты, остяки и долгане). **2**. *Я. П.* Новый годъ и его празднованіе китайцами въ Маймачинѣ.

Сибирскій Листокъ. 1891.—**12**. *Д. Маминъ-Сибирякъ*. Письма съ Урала (письмо 2-е)—о печальномъ экономическомъ положеніи башкиръ.

Смоленскій Вѣстникъ. 1890—**78**. *М. М. Веселкинъ*. „Народная былина о Смоленскѣ. Зап. со словъ крестьянъ Олонецк. г." (Ср. „Земскій Соборъ при ц. Алексѣѣ Михайловичѣ" у Рыбникова. II, 236—8; III, 267—271).—**117**. *Щ.* пишетъ изъ Рославльскаго у. о пчеловодномъ промыслѣ у мѣстныхъ крестьянъ. Благовѣщеніе особенно почитается пчеловодами. Просфора, освященная въ этотъ день, хранится круглый годъ на пчельникѣ. — **119**. Изъ Сычевск. уѣз. о мѣстныхъ кликушахъ (особенно много ихъ въ Гривск. вол.). — **119**. Нѣкто „Знакомый" сообщаетъ изъ Жиздринск. у. (Кал. г.) краткія свѣдѣнія о болѣе развитыхъ видахъ промысловъ среди мѣстн. крестьянъ (плотники, шерстобиты, дубильщики, каменьщики, мочальный промыселъ, трепанье пеньки).—**122**. О сновидѣніяхъ, — физіологич. объясненія сновъ. (Газ. Гатцука)—**131**. Перечень поступленій въ смол. ист.-археологич. музей за октябрь.— **133**. Между старожилами смолянами есть преданіе, что смоляне рано ли поздно ли должны покинуть свой городъ „отъ судей неправедныхъ". При этомъ они ссылаются на рѣдкую книгу Петра Могилы, хранящуюся, по ихъ словамъ, въ мѣстномъ Успенскомъ соборѣ, а какъ на признаки приближенія этого злого рока, указываютъ на возрастающія притѣсненія со стороны евреевъ; наконецъ говорятъ,будто бы о. Іоаннъ Кронштадтскій наложилъ на смолянъ „черный крестъ"—знакъ несчастія.—*Г. А. Т.* Убійство (изъ судеб. хрон. Витеб. Окр. Суда). Интересны типы, выставленные здѣсь въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ, и нѣкоторые эпизоды самой драмы (напр., отравленіе

на свадьбѣ).—*Отъ музея.* Въ музей среди многихъ пожертвованій поступили между прочимъ старыя книги: „Знаменія пришествія антихристова", соч. Стеф. Яворскаго; рукопись: „О бѣломъ клобукѣ", съ присоединеніемъ статьи: „о брадобритіи въ церковномъ клирѣ". — **140.** *С. Я.* Забытый уголъ. Мѣстность, называемая Рущиною или иногда—„Польщей". Характеръ мѣстности и ея населенія, состоящаго изъ зажиточныхъ крестьянъ, людей довольно честныхъ, но крайне грязныхъ и невѣжественныхъ. Упоминается здѣсь и о пребываніи въ этой мѣстности осѣдлыхъ цыганъ, имѣющихъ не малое вліяніе на рущинцевъ. -- **143.** *С. Г.* Корреспонденція изъ Гжатска содержитъ сообщеніе о слѣпцѣ-миссіонерѣ и бесѣдахъ его съ раскольниками.—**144, 145.** *Деревенскій житель.* Дневникъ сельскаго обывателя. (Ноября 25-го, 27-го и 28-го). Дневникъ представляетъ изъ себя небольшіе очерки современной деревенской жизни, (см. также 1891 г., № 10). — **145.** Картёжничество среди крестьянъ Порѣчскаго уѣз.: три листика (бончукъ) съ подходцемъ и стуколка.—**149.** *К. Ровинскій.* Письмо въ редакцію, въ которомъ авторъ, услышавъ, что въ Смоленскѣ организуется археологическое общество, предлагаетъ расширить програму, внеся въ нее этнографію и естествовѣдѣніе, и такимъ образомъ организовать „Общество изслѣдователей Смоленскаго края", по примѣру Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края. —

1891.—5. *А. А—вичъ.* Въ корресп. изъ Рославля авторъ между прочимъ касается святочныхъ обычаевъ рославльскаго мѣщанскаго населенія.—„Смѣсь:" Баба-богатырь („Рижск. Вѣстн.")—**9.** Корреспонденція изъ Ельни. „Лѣшій" снимаетъ обувь съ лѣвой ноги у пьянаго мужика и обматываетъ ему около шеи. — **11.** *А. А—вичъ.* Климовичскій уѣздъ Мог. губ. Упоминается о „лирахъ", на которыхъ играютъ музыканты. — **12,** Въ корреспонденціи изъ Вязьмы (въ концѣ) упоминается о знахаряхъ и между прочимъ о какомъ-то травникѣ временъ Іоанна Златоуста (?).—**18.** Въ Смол. музей между прочими пожертвованіями поступило много стар. рукописей: 1) „Книга старчества", рук. XVII в. (аскет. содержанія); 2) „Книга глаголемая космографія" съ присоединеніемъ нѣкот. статей, напр., „о царѣ Сулѣ" и о томъ, какъ Христосъ былъ воспріемникомъ одного младенца, рук. XVII в.; 3) Списокъ святынь и монастырей по разнымъ городамъ и областямъ русскимъ, послѣ эпохи смутнаго времени (годъ смерти каждаго святого); 4) Повѣсть о Вавилонѣ и шапкѣ Мономаха; 5) нѣсколько рукописей изъ раскольничьей литературы; 6) „Писцовая книга г. Вязьмы", рукоп. 1630 г., и нѣкот. др.— *Деревенскій житель.* Дневникъ сельскаго обывателя (см. также № 10 и 22).—**24.** Корр. изъ Рославля (въ концѣ) трактуетъ о знахаряхъ и знахаркахъ. Названы имена и мѣстожительство важнѣйшихъ изъ нихъ.

Ставропольскія Еп. В.—1890.—17. Изъ путешествія по Кавказу. Сообщеніе о развалинахъ большого города, находящихся на правомъ берегу р. Большой Зеленчукъ, на гребнѣ ската Кавказскаго хребта (Моск. Церк. Вѣд.).—*С Ш.* Станица Рязанская (Корресп.). Сообщенія объ отношеніи русскаго населенія къ черкесскому.

Сѣверный Кавказъ. — 139. Станица Червленая (Тер. обл.). Въ этой замѣткѣ неизвѣстный авторъ сообщаетъ любопытная свѣдѣнія о русскихъ переселенцахъ.—**157.** Народное образованіе на сѣв. Кавказѣ.

Тамбовскія Г. В. 1890.—107.—110, 113. Село Кистенево, Шацкаго у. (корреспон.). Нѣсколько данныхъ о населеніи и его языкѣ. Занятія населенія. Религіозные обряды. Обряды при поминовеніи усопшихъ. Обычай раздавать ржаныя просфоры и кусочки блиновъ въ день Благовѣщенія. Обряды, сопровождающіе смерть чью-либо и погребеніе усопшихъ. Обычай ставить свѣчи фитилемъ внизъ на гробѣ пьяницъ и подавать за нихъ просфоры, какъ за умершихъ. Обычаи, пріуроченные къ праздникамъ Ивана Купала (провожаніе русалокъ), Петрова дня (встрѣча солнышка), Семинъ день и ночь, Овсень кликать, обычай „опахиванія села", костры и ямы по случаю заразы. Съ тридцатыхъ годовъ обычай „опахиванія села" не повторялся. Портняжество, какъ отхожій промыселъ, и вліяніе его на нравственность портныхъ,

семейную жизнь и общественныя дѣла. Насиліе портныхъ въ сходахъ. — **113.** *П. Падучевъ.* Свадебные обычаи и обряды въ Козловскомъ уѣздѣ. — **115, 116.** *И. Ст—кій.* Суевѣрія и предразсудки простого народа въ отношеніи свѣтилъ небесныхъ. — Село Татаново, Тамбовскаго у. Нѣсколько данныхъ о занятіяхъ его населенія. Исторія его заселенія. при ц. Алексѣѣ Михайловичѣ.—**121--4.** *К. И. Удовиченко.* Счисленіе времени у древнихъ и новыхъ народовъ.—**131—2.** „Рождество Христово у Русскаго народа"; южнорусскія колядки и ихъ характеръ.—**133.** Село Татаново, Тамбовскаго уѣзда; его исторія.

Тамбовскія Еп. В. 1890.—18. *Свящ. Павелъ Богословскій.* Село Дракино, Спасскаго у., Тамбовской губ." Населеніе—мордва. Нѣкоторыя данныя объ его племенномъ составѣ, характерѣ, языкѣ, умственномъ развитіи, объ одеждѣ и украшеніяхъ, о семейномъ и общественномъ бытѣ, о нравахъ и обычаяхъ, и о религіи.

Тобольскія Г. В.—40—42, 50. *Е. Кузнецовъ.* Сказанія и догадки о христіанскомъ имени Ермака. — **1891 г. — 3.** *К. Г.* Библіогр. зам. о брошюрѣ: „Археологическій отдѣлъ Тобольскаго губернскаго музея", составленной хранителемъ его Н. А. Лыткинымъ.—**6.** *К. Г.* Библ. зам. о „Календарѣ Тобольской губ. на 1891 г" (въ статьѣ: „Въ странѣ кедра и соболя" сообщаются интересныя свѣдѣнія о малоизслѣдованномъ Пелымскомъ краѣ).

Томскія Еп. В.—16 21 Природа и населеніе Алтая. Описавъ физическій типъ алтайскихъ инородцевъ, а именно: 1) алт. калмыковъ, 2) чуйскихъ калмыковъ или теленгитовъ, 3) телесовъ, 4) телеутовъ, 5) кумандинцевъ и 6) черневыхъ татаръ, ихъ одежду, жилища, образъ жизни, и пр. занятія и пр.,—авторъ особенно подробно останавливается на религіозныхъ воззрѣніяхъ алтайцевъ и камланьи ихъ шамановъ, или камовъ. Сообщены также слѣд. миѳы алтайскихъ инородцевъ: 1) о сотвореніи міра, 2) о созданіи людей (см. ниже, въ отдѣлѣ „Смѣси"), 3) о проклятіи Эрлика и грѣхопаденіи людей, 4) о происхожденіи смерти на землѣ и 5) о кончинѣ вѣка. Свадебные обряды алтайцевъ.—**1891 г. — 1.** *И. И.* Алтайскій миссіонеръ, прот. В. И. Вербицкій (некрологъ)—**3.** Природа и населеніе Алтая (продолж.).

Тульскія Еп. В.—1890 г.—17. Къ исторіи хлыстовщины и скопчества въ Тульской губ. Интересныя данныя о молельняхъ и молитвенныхъ собраніяхъ этихъ сектантовъ. — **18.** *Свящ. I. Покровскій.* Суевѣрный обычай въ Веневскомъ уѣздѣ. Сообщается объ обычаѣ, сохранившемся у крестьянъ, живущихъ около Серебряныхъ Прудовъ,—прыгать черезъ огонь подъ праздникъ Преполовенія Господня. — **20.** *Прот. Г. Пановъ.* „Къ исторіи хлыстовщины и скопчества въ Тульской губерніи." (Окончаніе).—Дополненія къ статьѣ помѣщенной въ № 18. Т. Е. В. за 90 г. объ обычаѣ прыгать черезъ огонь вечеромъ, подъ праздникъ преполовенія, „чтобы коровка получше принесла теленочка и чтобы прочая скотинка была сыта," и борьба съ нимъ духовенства. *Свящ. Іоанна Покровскаго.*—**21.** „Скорбященская церковь въ с. Рождественѣ, Богородицкаго у." Въ главѣ „Библіотека и архивъ" приведено 4 четверостишія, написанныхъ на образахъ: Спасителя, Іоанна Златоуста, Василія Вел. и Григорія Двоеслова.—**23.** *Прот. Г. Пановъ.* „Различные взгляды на безпоповщинскіе браки." Приведены взгляды Поморцевъ и Ѳедосѣевцевъ.

Туркестанскія Вѣд 44, 45, 47 — 52. *А. Каргополовъ.* Изъ Адена въ Африку (путев. замѣтки).—**1891 г., 1.** *А. Шишовъ.* Смертность и причины смертности жителей г. Казалинска.—**2.** *Н. С. Лыкошинъ.* Два факта (самопожертвованіе и нравственность сартовъ).—Экспедиція Литльделя въ Кашміръ (изъ „Pionner-Mail").—**5.** *С. Б.* Поземельно-податной вопросъ въ Туркестанскомъ краѣ.—Результаты экспедиціи братьевъ Грумъ—Гржимайло.

Уральскія Войсковыя Вѣд.—2. *Н. Г. М—въ.* Библіогр. замѣтка о „Сборникѣ Уральскихъ казачьихъ пѣсенъ", Спб., 1890 г.

Уфимскія Г. В.—1890.—38. *Д-ръ Никольскій.* „Изъ поѣздокъ по Башкиріи". Встрѣчается описаніе Башкирскаго „коша" (жилища) и башкирской деревни Сырекульмяковой. Разведеніе картофеля.—**41.** *М. Колесниковъ.* „Этно-

графическіе очерки русскаго населенія Уфимской г., въ его народномъ быту, обрядахъ, обычаяхъ и проч." (Продолженіе). Народныя повѣрія суевѣрія и предразсудки: — заговоръ на недруга и на любовь красной дѣвицы.—42. *М. Колесниковъ*. — То-же. (Продолженіе). Заговоръ на пчелъ и заговоръ отъ падежа скота. — 43. *М. Колесниковъ*. То-же. „Народные сказы и легенды". Приведено нѣсколько небольшихъ легендъ. — 47. *М. Колесниковъ*. Тоже. Народныя повѣрія и примѣты.—51. *Петръ Добротворскій*. Поѣздка на Сѣверный Кавказъ.

Харьковскія Г. В.—244. *С. Р.* „Новѣйшія работы въ области мѣстной этнографіи". Перечисленіе журналовъ, помѣщающихъ статьи по этнографіи. Задача этнографіи. — **251. 253.** Многоженство въ Китаѣ. — **257, 259.** Мецара (восточная легенда). — **301.** *А. Исаевъ*. Наблюденія надъ переселенцами въ Сибири (Сибирь).—Идеалъ воспитанія у калмыковъ.—**311** и **314.** *Захеръ Мазохъ*. Женщины—Славянки. I Мелица. Характеръ страны Черногоріи. Характеръ отношеній супруговъ—черногорцевъ. 3 черногорскія пѣсни.—**327.** Сообщеніе о древней церкви (возобновленной), находящейся въ пещерномъ городкѣ Топе-Керменъ въ 4-хъ верстахъ отъ Бахчисарая; надъ усыпальницею ея, древне-греческая надпись.—**337.** *К. Лейко*. Воспоминанія о Литвѣ. Праздникъ Рождества Христова у Литовцевъ. Приготовленія къ празднику. Першая коляда (Сочельникъ). Описаніе вечери (ужина). „Игрища" (посидѣлки). Ихъ устройство.—**1891.**—**3.** Рец. на кн. Шульгина „Очеркъ Коліивщины".—**4.** Новохоперскій уѣздъ (корресп.) Сообщеніе о появленіи новой секты „атетуевъ".

Церковныя Вѣд.—1890.—**19.** *Θ. Истоминъ*. О религіозномъ состояніи обитателей Печорскаго края.

Церковный Вѣстникъ. 1890.—**18.** *К. Поповъ*. Изъ раскольническаго быта: смерть, похороны и поминки именитаго раскольника въ Саратовѣ. — **21.** Языческія вѣрованія и обряды подъ Москвою, въ с. Крылатскомъ (опахиваніе села дѣвками во время эпидемій). — Чѣмъ намѣренъ бороться комитетъ грамотности съ народнымъ суевѣріемъ и невѣжествомъ. — **24.** Инородческое демонослуженіе (изъ „Записокъ Зап. Сиб. Отд. И. Рус. Геогр. Общ.", кн. IV, стр. 53 и „Томскихъ Еп. В." 1890 г., № 9).—**26.** Къ вопросу о православной миссіи среди инородцевъ.

Черниговскія Г. В. 1890.—**74.** Помѣщена корреспонденція изъ Спалы, сообщающая интересныя историческія данныя о Волыни и ея городахъ.—**86.** Отчетъ о докладѣ М. М. Плохинскаго „о бобровникахъ въ Малороссіи". — **91.** Замѣтка объ этнографической выставкѣ Средней Африки въ г. Варшавѣ (Варш. Дн.)

Эстляндскія Г. В. 1890.—35--43. Продолженіе и окончаніе интереснаго и обширнаго сборника эстонскихъ легендъ и преданій подъ заглавіемъ „Былины изъ Гапсаля и его уѣзда и съ острововъ Эзеля и Руно" №№ 123—192. Въ числѣ легендъ много рисующихъ вѣрованія и суевѣрія жителей, ихъ космогоническія представленія и т. п. Съ точки зрѣнія исторической этнографіи интересны статьи „Г. Нарва" (историческій очеркъ), „Борьба Германцевъ и Датчанъ за Эстляндію" и обширный сборникъ грамотъ, имѣющихъ значеніе для исторіи края.

Южанинъ—1890. 149. Въ отдѣлѣ: „Наша Печать" перепечатана замѣтка Кіев. Сл. о статьѣ Сумцова: „Женитьба свѣчки". По изслѣдованіямъ Сумцова обычай „женить свѣчку" есть общеарійскій. Въ замѣткѣ описывается, какъ празднуютъ „женитьбу свѣчки" кіевскіе торговцы и въ Лубенскомъ уѣздѣ.—**171.** Перепечатанъ приведенный въ Елисав. Вѣд. изъ 1-й книги Этнографическаго Обозрѣнія отрывокъ объ общинѣ черничекъ въ Харьковск. губ.—**181.** Перепечатана статья Москов. Вѣд. по поводу книги Вахтина: „Русскіе труженики моря". Между замѣтками объ открытіи Берингова пролива есть замѣтка Беринга о нѣкоторыхъ обычаяхъ народовъ Камчатки. Такъ Берингъ говоритъ, что у этихъ народовъ существуетъ обычай убивать одного изъ родившейся двойни, будь то человѣкъ или животное—безразлично. Что касается больныхъ, то у этихъ народовъ существуетъ обыкновеніе уводить

ихъ въ лѣсъ и оставлять имъ пищу тамъ только на недѣлю. Тѣла покойниковъ отдаются на съѣденіе собакамъ, а „корякскій народъ мертвыхъ сжигаетъ“.—**195**. Въ томъ же отдѣлѣ перепечатано сообщеніе Нов. Дня о серебряномъ мамонтѣ, которому, какъ сообщаетъ Лебедзинскій, поклоняются остяки, живущіе на бер. р. Лепсіи, притокѣ Сосьвы.—**197**. Въ кор. изъ Макарьевскаго у. сообщается о существующемъ у мѣстныхъ жителей суевѣріи, что клоповъ можно вывести только тогда, если удастся нѣсколько этихъ насѣкомыхъ положить въ гробъ къ покойнику и зарыть ихъ вмѣстѣ съ нимъ.

Южный Край.—**3358**. Сообщена басня, слышанная Эминомъ-Пашой въ Тунгуру, близъ озера Альбертъ-Ніанцы, о состязаніи въ бѣгѣ зайца съ землей (Иллюстр. Газ.).—**3361**. Описанъ обычай, существующій въ м. Гершау, на озерѣ Четырехъ Кантоновъ,—совершать торжественное богослуженіе для нищихъ, бродягъ и мошенниковъ въ первое воскресенье послѣ Вознесенія.—**3392**. Сообщеніе о мольбищѣ черемисовъ съ принесеніемъ въ жертву лошади. (Волж. Вѣст.). **3394**. *N.* Отъ Одессы до Сахалина (Путевые наброски). О. Цейлонъ. Европейцы и туземцы. Жизнь и нравы европейцевъ. Индусы: ихъ одежда; попрошайничество. — **3402**. *Проф. Д. И. Багалѣй.* Докладъ въ историко-филологич. Обществѣ „объ устройствѣ городовъ лѣвобережной Украйны, пользовавшихся Магдебургскимъ правомъ“. — **3425**. *N. N.* Отъ Одессы до Сахалина. (Путевые наброски). Сингапуръ. Гонъ-Конгъ. Путь отъ Гонъ-Конга до Владивостока.—**3429**. Способы привѣтствій у племени юрубовъ и у другихъ племенъ Зап. Африки.—**3431**. Симферополь (корресп.). Какъ проводятъ сочельникъ подъ Рождество Христово малороссы, греки и бѣлоруссы.

Ярославскія Г. В.—**1890 г.**—**68, 77, 85**. *А. Архангельскій.* Пѣсни и причеты Дмитревскаго прихода Пошехонск. у. Яросл. г. — **95**. *С. Я. Деруновъ.* 1) Приговоры и рѣшенія волостныхъ судовъ. 2) Сказки и легенды.

Примѣч. Нѣкоторыя редакціи не соблаговолили выслать въ текущемъ году свои изданія въ редакцію „Этнографич. Обозрѣнія“ и тѣмъ лишили ее возможности давать полный обзоръ текущей литературы по этнографіи. Не получаются редакціей слѣдующія газеты: *Архангельскія Губ. Вѣд.*, *Владивостокъ*, *Владимірскія Губ. В.*, *Волжскій Вѣстникъ*, *Донская Рѣчь*, *Дѣловой Корреспондентъ*, *Енисейскія Епарх. Вѣд.* (Красноярскъ), *Иркутскія Еп. Вѣд.*, *Каспій*, *Kraj*, *Крымскій Вѣстн.*, *Курскій Листокъ*, *Düna Zeitung*, *Mitausche Zeitung*, *Могилевскія Г. В.*, *Окраина* (Самаркандъ), *Орловскія Г. В.*, *Подольскія Епарх. В.*, *Сибирскій Вѣстн.* (Томскъ), *Сибирскій Листокъ* (Тобольскъ), *Симбирскія Г. В.*, *Сѣверный Кавказъ*, *Тамбовскія Г. В.*, *Тамбовскія Еп. В.*, *Тифлисскій Листокъ*, *Тобольскія Еп. В.*, *Туркестанская Туземная Газ.* (Ташкентъ), *Харьковскія Г. В.*, *Южанинъ*, *Южный край*, *Якутскія Еп. В.* Если нѣкоторыя изъ перечисленныхъ изданій и просматриваются нами (случайно, непослѣдовательно), то только благодаря любезности частныхъ лицъ, которыя ихъ получаютъ. *Ред.*

---

4. Латышская библіографія.

1) **Austrums** (Востокъ)—ежемѣсячный журналъ, издаваемый г. *Я. Вельмомъ*. 1890. (6-й годъ).—**3—4**. *Р. Берзинь* составилъ стихи о Deews (Богъ) и „вельнѣ" (чертъ) на основаніи извѣстныхъ народныхъ сказаній и легендъ.— Въ № 3 сообщены переводы трехъ литовскихъ дайнъ (пѣсенъ) на латышскій языкъ.—**5**. *Павелъ Юрянъ*: Ивановская пѣсня съ нотами.—**7**. Воззваніе Латышскаго Общества въ Митавѣ, о собираніи діалектологическихъ текстовъ на латышскомъ языкѣ.

Этимъ обществомъ недавно изданъ новый сборникъ латышскихъ „длинныхъ" пѣсенъ. Jelgawas Latweešu Beedribas Rakstneecibas Nodalá Rakstu krajums. I. Tautas dzeesmu wirknes (168 длинныхъ пѣсенъ). Митава. 1890. 72 стр.

2) **Balss** (Голосъ) 1890 г. **1—5** О латышской народной поэзіи.—**9.10**. *П. Клявинь*. О положеніи и обстановкѣ балтійскихъ переселенцевъ Латышей въ Витебской губерніи.—**18** *Таливалодь*. О томъ, какъ съ большимъ успѣхомъ можно собирать матеріалы латышскаго народнаго творчества (пѣсни, сказки, поговорки и т. д.).—**24** *К. Гроудинь* о значеніи латышской народной поэзіи для изученія древнихъ обычаевъ.

3) **Baltijas Westnesis** (Балтійскій Вѣстникъ). 1890 г.—**10**. Легенда о происхожденіи Дурбенскаго озера (Курлянд. губ.), вслѣдствіе гнѣва боговъ на людей.—Легенда о рыбакѣ, вытащившемъ изъ Дурбенскаго озера женщину, которая указала ему за свое освобожденіе мѣсто, гдѣ находилось много денегъ.—**16**. Легенда о колоколѣ, назначенномъ для Дурбенской церкви, который на пути туда утонулъ въ Дурбенскомъ озерѣ. Долгое время онъ мѣшалъ дѣйствіямъ рыбаковъ.—**55**. Легенды изъ Юмурдской волости: I. Объ утонувшемъ въ Юмурдскомъ озерѣ кладбищномъ колоколѣ. II. О близнецахъ, убитыхъ ихъ матерью. III. О кладѣ, зарытомъ на полѣ усадьбы „Ерини". IV. О бочкѣ, полной золотыхъ монетъ, находящейся въ какомъ-то источникѣ. V. О младенцѣ, голосъ котораго слышенъ лѣтомъ около полудня, недалеко отъ болота.—**78**. О способѣ приготовленія пива и меда въ Лифляндіи 250 лѣтъ тому назадъ. (Переводъ съ нѣмецкаго языка).—**95**. Легенда о бывшемъ жилищѣ чорта, находящемся будто-бы въ горѣ въ Инчкаинской волости.—Легенда о деньгахъ, показывающихся проходящимъ въ видѣ бѣлой женщины.— **106**. Легенды: I. Объ усопшихъ, нападающихъ на проѣзжающаго около кладбища. II. О камнѣ съ крестомъ.—**128**. О латышскомъ музеѣ.—Легенда о колоколѣ, вытащенномъ изъ озера, но опять утонувшемъ.

4) **Deenas Lapa** (Ежедневный листокъ) 1890 г.—**4**. Въ статьѣ: „Ziñu akmens" разсказывается о какомъ-то камнѣ, находящемся при впаденіи рѣчки Ведзе въ р. Огре (Лифляндской губ.), который весь покрытъ разными знаками, похожими на еврейскія буквы и іероглифы, по которымъ гадатели „kaukeni" предсказывали будущее.—**33** и **67**. Латышская литература. Краткій очеркъ ея, цѣли и задачи.— **40**. „Welns nu gana zens",—Чортъ и пастушокъ,—сказка записанная г. *Перконсъ* въ волости Брукне въ 1890.—**111**. „Латышская народная медицина". Авторъ доказываетъ необходимость собиранія матеріаловъ по этому предмету и даетъ нѣ-

которые примѣры.—115 и 116. Латыши въ Южной Россіи. Краткій очеркъ исторіи тамошнихъ латышскихъ колоній, существующихъ съ 50-хъ годовъ.—

5) **Majas Vesis.** „Домашній Гость" (еженедѣльная газета) 1890 г.—2. „Dimanta zeme"—Алмазная земля (сказка). Запис. *Янъ Вольфсонъ* въ вол. Айяжъ Лифл. губ.—4. „Naudas purmale" —Край болота съ деньгами (преданіе). Запис. *Ліасма*—5. „Kà zagata meestinu darijuse nu kas pee tam noticis" — Какъ сорока наварила пива и что при томъ случилось,—преданіе изъ прихода Мазъ-Салаце.— 8. „Nelaimigais melders"—Несчастный мельникъ (преданіе). Запис. *Я. Вольфсонъ* въ вол. Айяжъ.—11. „Seetina ceza" — Сіатыневъ оврагъ. Описаніе мѣстности и сказки о ней.—14. „Par peegulâ jasanu". Описаніе стариннаго Латыш. обычая, существовавшаго еще лѣтъ 30 тому назадъ. Опис. Ванага, изъ волости Крапе, прихода Гулбенэ.—15. „Naves-eka " Въ преданіи этомъ отражается вѣра Латышей въ бога Перкона, оружіемъ котораго является громъ и молнія —17. 1) „Naudas zavesana" (пред.) Запис. *Ценсайшсъ*. 2) Vilku cels, nogalinatais ciganeetes berns nu sagruvusi pils (преданіе).—*д*—. Преданія о холмикѣ, находящемся въ волости Лунъ Піабалга въ близи Яковлевой школы.—22. Teika par bruńneeku". Сказка о рыцарѣ, изъ Балтійскаго приморья близъ Дуббельна; разсказывается о зарытыхъ деньгахъ.—23. „Mantu pagrabs". Преданіе объ углубленіи, находящемся на правомъ берегу рѣки Гауя, въ волости Кроня Бріажумуйжа. Запис. *Ліасма*.— 26. „Par raganam". О вѣдьмахъ. Запис. *Ванагсъ*. Описанъ способъ приготовленія снадобья „raganu sveests", которымъ пользуются вѣдьмы, а также, какимъ образомъ можно предохранить себя отъ вѣдьмъ.

6) **Latveetis** (Латышъ) 1890 г., Еженедѣльная газета, редакторъ-издатель К. Укстынь въ Либавѣ.—14. Народныя загадки (7).

7) **Latveesu Avizes** (Новости Латышей), еженедѣльная газ. изд. въ Митавѣ. 1890 г. 2.—5. „Vecu laiku atmiñas". Воспоминанія о старыхъ временахъ. Написалъ *Тыцанъ*. (О суевѣріяхъ латышей, народныя пѣсни о крестинахъ, свадьбахъ, похоронахъ, сказка о помѣстьѣ Спиргусъ).—7. Народныя пѣсни (3).—8. Pestelneeku jeb pusl taju vardi (4). — 9. Сказка. Записалъ *Піазаритысъ* въ Тельшевскомъ уѣз. — 10. Разговоръ латыша изъ прихода Цесвайнэ съ латышемъ изъ пр. Гулбенэ (на мѣстн. нарѣчіи).—11. Преданіе объ озерѣ въ волости Бриньти Записалъ *И. Клявинь*.—15. Воспоминанія о старыхъ временахъ.—*исъ*.—17. Въ какомъ смыслѣ употреблять разные земледѣльческіе termini tecchici.

8) **Tevija** (Отечество) 1890 г., еженедѣльная газ.—2. Средство противъ кашля *П. Аллунана* (изъ народной медицины).—8. О литовскихъ дайнахъ (Библіографія, особенности въ музыкѣ, текстѣ и содержаніи; сравненіе ихъ съ латышскими нар. пѣснями).—10. Кое-что о латышскомъ сватовствѣ (по народнымъ пѣснямъ).—24. О латышскихъ прозвищахъ.

9) **Календарь Балтійскихъ моряковъ** (Baltijas Juhrneeka kalendar). Издает *А. Бандревичемъ*, третій годъ. За 1891 годъ на стр. 107—118 помѣщена статья *Р. Лейасозола*: „Lihbeešu teikas un mahni". Ливскія сказанія и повѣрія, собранныя на Домдангенъ-Ирбескомъ взморьѣ.

Примѣч. Замѣтки подъ №№ 1, 2 и 9 составлены мною; подъ № 3 — студ. Спб. университ. г. *Бредонфельдтомъ*; подъ №№ 4, 5, 6, 7 и 8 — студ. Спб. универс. г. *Г. Ансбергомъ*.

Э. Вольтеръ

5. Указатель этнографическихъ статей, содержащихся въ сибирскихъ изданіяхъ отъ начала ихъ существованія *).

Сост. А. А. Ивановскій.

Азіятскій Вѣстникъ,

содержащій въ себѣ избранныя сочиненія и переводы по части Наукъ, Искусствъ и Словесности странъ Восточныхъ, равно Путешествія по симъ странамъ и разныя новѣйшія свѣдѣнія; издаваемый Григоріемъ Спасскимъ. С.-Петербургъ. Въ тип. Медиц. Департ. Мин. Внутр. Дѣлъ.

1825 г. I, II. Краткое описаніе Тибета (изъ англ. соч.: „A new and complete system of universal Geography." By C. Kelly. 1814—1819, in 4⁰): положеніе, пространство и границы; части (Верх., Сред. и Нижній); климатъ, почва и произведенія; рѣки, озера, горы, лѣса, животныя, минераллы; достопримѣчательные предметы въ природѣ; города, и пр.; правленіе; вѣра; издѣлія и торговля; языкъ и словесность; обычаи, нравы и пр.; исторія. **I—IV.** Странствованіе Габайдулла Амирова по Азіи (составлено изъ записокъ и его словесныхъ разсказовъ): пребываніе въ Бухаріи, Персіи и Кабульскомъ владѣніи; описаніе городовъ: Мерва, Герата, Кандагара, Гандабата, Калата и Шакарпура; жители сихъ владѣній и городовъ: Персіяне, Трухменцы, Аймакцы, Авганцы, Насырханы, Синдцы, Блюджцы; описаніе городовъ: Сакара, Люгара, Хайдаръ-абата, Чесельмира, Пукира, Джютпура, Марета, Джейнегара, Шаги-Джиганъ-абата, Акберъ-абата и окрестностей оныхъ; жители сихъ мѣстъ: Индѣйцы, Маретинцы (Маратты), Музульмане; торговля и промышленность; древности и достопамятности; описаніе городовъ: Тачьгенча, Лакнаура, Бенариса, Азымъ-абата, Максуръ-абата, Калькатты, Даки; достопамятности оныхъ; произведенія природы и искуствъ; пребываніе въ разныхъ Индѣйскихъ городахъ; достопамятности оныхъ; жители: Джуги, Байряки, Сарнасы, Гуссайхиды, Могольцы, Имири (Емиры), злые Секцы, Распуты (Занганіеры), Пенжабцы; торговля; замѣчаніе о браминахъ (Берегменахъ).—**I, II, IV—VI.** Новѣйшее описаніе Великой Бухаріи: географич. и историч. введеніе; естественное состояніе Бухаріи: горы, озера и рѣки; города, крѣпости и селенія въ Бухаріи; раздѣленіе земель; произведенія, доходы; жители Бухаріи: Узбеки, Туркменцы и Таджики; ихъ промышленность и торговля; вѣсъ, мѣра, монета; чины и должности въ Бухаріи.—**I, IV, IX, XII.** Восточная библіографія: 1) Supplement à l'Histoire générale des Huns, des Turks et des Mogols. par M. Ios.

*) Въ предыдущихъ кн. „Этногр. Обозр." помѣщенъ подобный указатель къ слѣд. сибирскимъ изданіямъ: „Восточн. Обозрѣніе" (кн. V), „Сибирь" (кн. VI), „Сибирскій Вѣстн". и „Сиб. Газета" (кн. VII). Съ 1889 г. обзоръ сибирскихъ изданій помѣщается въ отдѣлѣ текущей газетной и журнальной библіографіи „Этногр. Обозрѣнія" (см. кн. II и сл.).

Senkowski (Прибавленіе къ общей Исторіи Гунновъ, Турокъ и Моголовъ, содержащее въ себѣ сокращеніе Исторіи владичества Узбековъ въ Великой Бухаріи, со времени водворенія ихъ въ сей странѣ до 1709 г. и продолженіе Исторіи Харезма со времени кончины Абул-гази-Хана до той же эпохи. Соч. Іосифа Сенковскаго, Орд. Проф. Вост. языковъ и Словесности при Имп. С-Петербургскомъ Универс. и проч. Спб., въ тип. Акад. Наукъ, in 4°; Франц. 134 и Персид. текста 25 стр.).—2) Inscriptiones Sibiricae: De antiquis quibusdam sculpturis et inscriptionibus, in Sibiria repertis; scripsit Gr. Spassky. Petropoli, 1822, in 4 oblong. [статья Абель-Ремюза (Abel-Rémusat), помѣщ. въ октябр. кн. 1822 г. Journal des Savants" и напечат. здѣсь съ примѣчаніями Издателя].—3) Histoire de Mongols etc... (Исторія о Монголахъ отъ Чингисъ-хана до Тимурлана, съ картою XIII вѣка. Т. I въ 2 частяхъ. XLVI и 727 стр. въ 8 д. л., въ Парижѣ, 1824).—4) Ibn-Foszlan's Berichte etc... Von C. M. Frähn (Повѣствованіе Ибнъ-Фослана и другихъ Арабскихъ писателей о древнихъ Руссахъ и проч... г. Френа Спб., 1823, въ 4 д. л.).—II. Взглядъ на Бирманское Королевство (изъ Берл. Вѣдом. Гаудія).—III. Разсмотрѣніе Историковъ Азіятскихъ (изъ кн.: „Mémoires relatifs à l'Asie par Klaproth." Paris, 1824).—IV. О нынѣшнемъ состояніи владѣній Сейковъ.—V. Извѣстіе о Моисеѣ Хоренскомъ, Арменскомъ Историкѣ.—Извлеченіе изъ описанія путешествія въ Грузію, Карла Густафа Рейнгардта, лѣкаря 1-го класса, сообщеннаго имъ въ письмѣ къ пріятелю, живущему въ Вильнѣ (напеч. въ „Виленск. Денникѣ," 1824 г., № 2).—О изображеніяхъ Китайскихъ письменъ и любопытныхъ изданіяхъ Барона Шиллинга.—VI. Нѣкоторыя свѣдѣнія объ Іерусалимѣ и живущихъ тамъ армянахъ (изъ путешествія Ричардсона).—VIII, X, XI. О Бирманскомъ Государствѣ.—IX. Объ Азіятскихъ памятникахъ, найденныхъ въ Сѣвер. Америкѣ.—X. Географическая Записка о Неджедѣ или Средней Аравіи (съ картою), Члена Франц. Института г. Жомара (изъ „Nouvel. An. des Voyages." T. XXI, p. 396).—XI. Отрывокъ изъ Путешествія на Гималайскій хребетъ.—О двухъ древнихъ монгольскихъ грамотахъ (грамоты Монголо-Персидскихъ Хановъ Аргуна и Ельдшайту къ Франц. Корол. Филиппу Пригожему).—XII. Выписка изъ Монгольской Исторіи, сочиненной Сыцынъ-Сананнъ Тайджею: дѣтскій возрастъ Тимуджина или Чингисъ-Хана

1826 г.—I. Путешествіе по Непальскимъ горамъ въ 1817 году (перев. съ франц. изъ жур. „Nouvelles des Voyages," а въ ономъ съ англ. изъ „Annual Register de Calcutta").—I—III. О древнемъ Христіанскомъ Памятникѣ, открытомъ въ Китаѣ 1625 года (о крестѣ, найденномъ въ предмѣстьи г. Сиганфу, или Си-ань-фу). I, III—V. О нынѣшнемъ состояніи нѣкоторыхъ областей и городовъ въ Средней Азіи: Хива, Сарсабъ, Гиссаръ, Ходжантъ, Балкъ, Кокантъ, Бухарія, Кабулъ, Гульмъ, Кашемиръ.—Восточная библіографія: 1) Собраніе Путешествій къ татарамъ и другимъ Восточнымъ народамъ въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ: I. Плано-Карпини; II. Асцелинъ. Спб., въ тип. Департ. Нар. Просв., 1825 г., XVI и 306 стр. въ 4 д. л.—2) Voyage de B. Bergmann au pays des Kalmouks (Путешествіе Бергмана къ Калмыкамъ); перев. съ нѣмец. Г. Морисъ, Членъ Париж. Азіат. Общ.; напеч. въ Шатильонѣ, что́ на Сенѣ, 1825, въ 8 д. л.—3) Извѣстіе объ изданіи подлинника Исторіи Монголовъ и Татаръ Абулгаза-Багадуръ-Хана.—II. Нѣчто о кодоттомовой ткани, употребляемой въ Индіи для письма.—Замѣчанія на статью, напеч. въ 21 и 22 кн. „Москов. Телеграфа" на 1825 г., подъ назв: „Статистико-финансовая картина Сибири въ 1698—1700 годахъ."—II, III. Путешествіе В. Франклина по Раджмогальскимъ горамъ въ Дек. 1820 г. и Янв. 1821 г. (изъ „Nouvel. An. des Voyages," T. XXI. p. 178).—III. Развалины Шадіабада въ Мальвѣ (въ Индостанѣ) и водяной дворецъ въ Удженѣ —III—V. Арабскія пословицы.—IV. Краткое описаніе Кит. городовъ Нанкина и Макао, принадлежащаго Португальцамъ (изъ кн.: Kelly „New System of Universal Geography").—IV—VI. О началѣ и распространеніи Монгольскихъ народовъ.—V. Исторія сношеній иностранныхъ народовъ съ Китаемъ.—V, VI, IX—XII. Разсмотрѣніе мелкихъ сочиненій Юлія Клапрота объ азіятской Исторіи (изъ „Heidelberger Iahrbücher der Litteratur" 1825, oct.).—VI. О предпринятомъ г. Клапротомъ изданіи „Азіятскаго Магазина."—VI—VII. Путешетвіе на Востокъ

г. **Рихтера** въ 1815 и 1816 гг. (изъ „Nouvel An. d. V.," 1824, T XXI.—**VII, VIII**. Древнія надписи, существующія въ Арменіи (изъ кн.: „Memoires de Jean Ousk—Herdjan" etc... „Записка Іоанна Ерджана, Вагарисападскаго Священника, въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX в., Парижъ, 1818).—О вліяніи невѣжества въ географіи на Исторію народовъ.—**VII—XII**. Взглядъ на путешествіе Марка-Поло (изъ I т. „Собранія Путешествій и Записокъ," изд. Париж. Географ. Общ., 1824 г., соч. г. Ру).—**IX, X**. О путешествіи гг. Ледебура, Мейера и Бунге по Алтайскимъ горамъ въ Сибири и частію по Киргизъ-Кайсацкой степи.

1827 г.—I. Донесеніе Турнера о свиданіи съ Тишу-Ламою (изъ I т. „Recherches asiatiques," Paris, 1805, in 4°).—**I, II**. Путешествіе въ Тибетъ Госсейна Пурунгиира, описанное Самуиломъ Турнеромъ въ донесеніи къ Остъ-Индскому Генералъ-Губернатору Макферсану—Восточ. библіографія: Разсмотрѣніе кн.: „Voyage d'Orenbourg à Boukhara, fait en 1820, à travers les steppes, qui's étendent à l'est de la mer d'Aral ef au de là l' ancien Iaxartes; rédigé par Mr. le Baron Georges de Méyendorff etc." Paris, 1826, chez Doniey—Dupré, in 8°, p. XII et 503. **II**. Странствованіе Московскаго купчины Семена Маленькаго по Персіи и Индіи въ 1694 г.—Описаніе посольства Дервиша Мегмедъ Ефендія въ С.-Петербургъ 1168 г. Геджры (1754 г. отъ Р. Хр.).—**III—V**. *Липовцовъ*. Краткое начертаніе достопамятныхъ происшествій въ Китайской имперіи.—Бенгальскія письма: бенгальскіе мужчины и женщины; уваженіе къ браминамъ; дѣленіе на касты.—**V** Храмъ, посвященный огню, близъ Баку (изъ „Keppel's journey from India") [1].

Акмолинскія Областныя Вѣдомости [2].

1876 г.—1, 2. О сибирскихъ переводчикахъ и толмачахъ во 2-ю половину XVIII в.—**6—8**. Замѣтки о Семирѣченскомъ краѣ.—**12**. О выставкѣ въ Омскѣ вещей, представляемыхъ на конгрессъ оріенталистовъ.—**13**. Нѣсколько словъ о байгѣ, бывшей въ Омскѣ 10 іюля.—**14, 15**. Киргизскія пословицы.—**15**. Нѣсколько словъ о байгахъ въ гг. Акмолинскѣ и Петропавловскѣ, бывшихъ 21 и 27 іюля, и выставкахъ при нихъ.—**19—24**. Киргизскія сказки (Кульмесенъ и Акылъ-Сара).

1877 г.—1—3. Киргизскія легенды (краткое извлеченіе изъ киргиз. легенды: „Баянъ-Сулу и Козу-Курпечъ").—**8, 9**. Нѣчто о киргизахъ и области, ими занимаемой.—**23**. Нѣсколько словъ о киргизскихъ интернатахъ въ Акмолин. области.

1878 г. 1—5. Байга въ 1877 г. въ Акмолинскѣ.

1879 г. 21. *Н. Красновъ*. Реценз. на „Статистич. описаніе сибир. казач. войска", Ѳ. Усова и „Матеріалы для исторіи сибир. казач войска", Золотова.

1880 г. 14, 15. Матеріалы для статистики населенія Акмолинской области. **45**. *Д. К—ій*. Замѣтка о религіи киргизъ.

1885 г. 8—10. Очеркъ юридическихъ обычаевъ Барабинскихъ татаръ.—**14**. Извлеченіе изъ доклада дѣйств. члена Зап.—Спб. Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общ. Г. Е. Катанаева: „О поступательномъ движеніи киргизовъ Средней орды къ границамъ Зап. Сибири".

Амуръ [3].

1860 г.—1, 2. Юго-Восточная часть русской Маньчжуріи.—**5**. Торговля въ Японіи (изъ письма голландскиго купца).—**5, 6**. Замѣтки на книгу г. Гагемейстера: „Статистическое обозрѣніе Сибири".—**7**. *Стуковъ*. О затмѣніяхъ солнца и луны по понятію сѣверныхъ буддистовъ.—**12, 13**. *П. Цвѣтолюбовъ*. Нѣсколько

---

[1]) Послѣ V-ой кн. изданіе „Азіат. Вѣстн." прекратилось.

[2]) Издаются въ г. Омскѣ съ 8 сентября 1871 г. За 1871—1875, 1881—1884 и 1886—1888 гг. этнографическихъ статей нѣтъ.

[3]) Издавался въ Иркутскѣ (тип. Штаба войскъ); въ 1860 г. выходилъ разъ, а въ 1861 и 1862 гг.—два раза въ недѣлю; редактировалъ газету до 52-го № 1861 г. одинъ М. Загоскинъ, а съ 52-го № 1861 г.—М. Загоскинъ и Б. Милютинъ; изданіе закончилось 49-мъ № 1862 г. (12 сент.).

словъ о бытѣ рабочихъ на золотыхъ промыслахъ (по поводу статьи г. Халютина въ „Современникѣ“ за 1859 г.: „Мысли о возможности улучшить бытъ и нравственность низшаго сословія Россіи посредствомъ уничтоженія винокуренія изъ хлѣба“)—**14, 15.** Извлеченіе изъ путевыхъ записокъ *А. Аргентова*: встрѣча съ шелагскими чукчами; плаваніе по Ледовитому морю; достопримѣчательности берега Ледовитаго моря; естеств. произведенія; замѣчаніе о Сѣверной землѣ.—**16.** Свѣдѣнія Китайцевъ о Россіи (управленіе и законы, нравы и обычаи).—**17.** Прибрежья р. Уссури.—Берега р. Лены отъ г. Киренска до Дубровской станціи. —**20.** *П. Кельбергъ.* Поливныя поля въ Забайкальскомъ краѣ (о тунгусахъ и бурятахъ).—**22.** Изъ путевыхъ замѣтокъ: деревенскій праздникъ въ с. Покровскомъ и дер. Петрова.—**22, 23.** Замѣтка по поводу статьи г. Бюлера: „О ламаизмѣ и шаманствѣ“ въ іюльской книгѣ „Отечествен. Записокъ“ 1859 г.—**23—25.** Хлѣбная торговля въ Сибири и законы объ ней.—**26.** *А. Гильфердингъ.* Мнѣніе западныхъ славянъ объ Амурѣ и его колонизаціи.—Татары Зап. Сибири.—**28, 29.** *К. Будогосскій.* Поѣздка изъ залива Печели въ Пекинъ.—**29—33.** *А. Сгибневъ.* Русскіе на Амурѣ въ XVII столѣтіи.—**30—32, 34.** *В В—нъ.* Договоры найма на золотые пріиски.—**33.** Мангуны (такъ называется русскими тунгуское племя Мангу): жилища ихъ, одежда, обувь, кузнечное мастерство, празднества въ честь медвѣдя, религіозныя представленія.—**34, 35, 37, 38.** *Н. П.* О шаманахъ, какъ кудесникахъ.—**35, 36, 38—43, 45—47.** *А. Сгибневъ.* Виды русскихъ на Амуръ и на торговлю съ Японіею въ XVIII и первой половинѣ XIX столѣтія.—**40, 41.** Очерки Минусинскаго окр. Енисейской губ.—**46** *П Кельбергъ.* Нѣсколько словъ о жизни покойнаго Бандиды-Хамбы-Ламы-Чойванъ-Дорджи-иши-Чжамдуева.—**50.** Заилійскій край.

1861 г.—2. *Ал. Макеровъ.* Черты народнаго характера. — Нищенство.—**8, 9.** *Хорунжій Батумункуевъ.* Изъ дневника, веденнаго въ Пекинѣ —**15.** Путь отъ оз. Ханкай до поста Владивостока.—**24** Гижигинскіе и Охотскіе инородцы: тунгусы, коряки и чукчи.—**25, 26.** Краткое содержаніе статьи *Гр. Потанина*: „Замѣтки о Зап. Сибири“ въ „Рус. Словѣ“ 1860 г., сентябрь.—**37, 38.** *Стуковъ.* Нѣсколько словъ о ламайской медицинѣ.—**42.** Минусинскъ и его округъ.—**52—57.** Туруханскій край („Записки о Туруханск. краѣ“ Ал Мордвинова въ декабр. кн. „Современника“ 1860 г. и „Мерзлый уголъ“ г. Толля въ „Русскомъ Мірѣ“ 1860 г., № 101).—**67, 68.** *А. Аргентовъ.* О полярной сѣверной землѣ: эскимосы, омоки (юкагиры), шелаги (чукчи) и тунгусы. **72.** *П. П. Громовъ.* Дополненіе къ догадкамъ о полярной сѣвер. землѣ.—**77.** *Санджалъ-Дандаровъ.* Нѣсколько словъ по поводу статьи г. Толля: „Воспоминаніе о Вост. Сибири“, напечат. въ „Вѣкѣ“, № 30.—**79.** *М. Ш.* Свадебные обряды китайцевъ.—**79, 80.** Иргинь, селеніе въ 60 вер. отъ Читы (о бурятахъ). **88—90.** Японія и японцы.—**93, 95, 98—100.** *М. З—нъ,* Русскіе промышленники на прибрежьяхъ и островахъ Тихаго океана (по поводу книгъ: „Историч. обозрѣніе образованія Рус.-Америк. Компаніи и дѣйствій ея до наст. времени“, Н. Тихменева, Спб., 1861 г., и „Матеріалы для исторіи русскихъ заселеній по берегамъ Восточнаго океана“, изд. редакціи „Морскаго Сборника“ 1861 г.): алеуты (жилища ихъ, занятія, нравы, обычаи и вѣрованія) и ихъ рода: колюжи, или колоши, угаленцы, кольчане, мѣдновцы, чугачи, кенайцы, аглегмюты, кадьякцы или коняги, уналашкинскіе алеуты, кускоквимцы, квихпакцы, кіятенцы и малегмюты.—**96.** Нѣсколько словъ по поводу разрѣшенія принимать въ Иркутское и Нерчинское духовн. училища, а равно въ Иркут дух. семинарію инороческихъ дѣтей изъ бурятъ.

1862 г. 1—3, 5—8. *М. З-нъ.* Русскіе промышленники на прибрежьяхъ и островахъ Тихаго океана (продолж.; см. выше 1861 г.).—**2—5.** Шаманскій камень (сибир. легенда).—**30.** *Протоіерей Доржьевъ.* О Байкалѣ.—**36.** Чая,—якут. сказка.—**38, 40.** Матеріалы для статистики Вост. Сибири (Примор. обл.).—**39.** Очеркъ современной Японіи.—**39—41.** *Я. П. Аргонавтовъ.* Порча,—этногр. очеркъ. —**40.** *С. Щукинъ.* Бурятскій способъ излѣченія отъ порѣзовъ и порубовъ.—**44, 45.** *А. Нордманъ.* О рыбной ловлѣ у гиляковъ, живущихъ на Амурѣ.

СМѢСЬ.

1. Къ вопросу о дуалистическихъ повѣріяхъ о мірозданіи.

1) Вопросъ о дуалистическихъ повѣріяхъ о мірозданіи уже не разъ затрогивался въ „Этнограф. Обозр.“ (кн. V, стр. 32—48, кн. VI, стр. 4 и 139 и кн. VII, стр. 263). Къ имѣющимся матеріаламъ по этому интересному вопросу мы присоединяемъ еще слѣдующія четыре сказанія: „Человѣкъ и собака“, „Пестрыя коровы“ (записаны отъ сибирскихъ киргизъ и напечатаны въ особомъ прибавленіи къ „Акмолин. Обл. Вѣд.“—„Киргизской газетѣ“, 1890 г., №№ 45 и 49), „Сотвореніе міра“ (преданіе алтайскихъ инородцевъ; см. „Томскія Еп. Вѣд.,“ 1890 г., № 20) и „Происхожденіе валуновъ“, записанное нами минувшимъ лѣтомъ во время поѣздки съ проф. Д. Н. Анучинымъ въ верховьяхъ р. Зап. Двины.

I. Человѣкъ и собака.

Богъ сотворилъ тѣло человѣка изъ глины, положилъ его на землю и приставилъ собаку караульщикомъ, а самъ отправился къ себѣ за душою человѣка. Явился чертъ и хотѣлъ разрушить тѣло человѣка, но собака не допускала его и бросалась на него съ лаемъ. Тогда чертъ, напустивъ страшную стужу, отъ которой собака, которая была тогда еще голая, пропала, подошелъ ближе и нѣсколько разъ плюнулъ въ тѣло, отсюда—всѣ грѣхи, мученія и болѣзни людей. Когда Богъ вернулся, онъ вложилъ душу въ тѣло человѣка и выругалъ черта (sic); болѣзни-же и грѣхи оставилъ человѣку, потому что убѣдился, что они необходимы для земной жизни человѣка. Собакѣ-же Богъ, въ вознагражденіе за вѣрную службу, далъ теплую шубу.

II. Пестрыя коровы.

Послѣ сотворенія міра Богъ создалъ и животныхъ на пользу человѣчества. Чертъ также захотѣлъ подражать Богу и создалъ овецъ, козъ и рогатый скотъ; но всѣ животныя были одноцвѣтныя: или бѣлыя, или рыжія, или черныя. Затѣмъ чертъ погналъ свое стадо на пастбище. Наступилъ полуденный жаръ. Присмотръ черту надоѣлъ, и онъ улегся спать. Созданныя чертомъ-же ранѣе этого на муку людямъ и животнымъ осы, комары и другія насѣкомыя бросились на коровъ, и онѣ стали метаться въ разныя стороны. Изъ состраданія Богъ загналъ ихъ въ сарай, въ которомъ онѣ и укрылись отъ жары и насѣкомыхъ. Затѣмъ Богъ, проходя между ними, дотрогивался до каждаго животнаго свѣжею вербою съ бѣлыми полосками, и всѣ животныя превращались въ пестрыхъ. Такимъ образомъ созданъ былъ пестрый скотъ. Между тѣмъ чертъ проснулся и пошелъ отыскивать свой скотъ, но нигдѣ не могъ найти его, такъ какъ онъ искалъ животныхъ одноцвѣтной масти. Поэтому-то и теперь, если родится теленокъ совершенно бѣлой, рыжей или черной масти, безъ всякихъ отмѣтинъ, онъ растетъ плохо и обыкновенно скоро издыхаетъ, такъ какъ принадлежитъ черту; такихъ телятъ киргизы всегда или рѣжутъ, или продаютъ.

III. Сотвореніе людей.

Когда еще не было въ мірѣ людей, Ульгэнь (богъ добра и свѣта) увидѣлъ въ морѣ плавающую, подобно льду, массу, а на ней приросшій слой глины. Ульгэнь снялъ приростъ съ плавающей массы и, сказавъ: „пусть будетъ человѣкъ!“ дунулъ ему въ ухо, и бездушное тѣло стало живымъ. Ульгэнь назвалъ перваго человѣка „Эрликъ“ (мужественный) и оставилъ его; но человѣкъ, осмотрѣвшись кругомъ и никого не видя, самъ пришелъ къ Ульгэню. Эрликъ сначала былъ товарищемъ и какъ-бы роднымъ братомъ Ульгэню, а послѣ сталъ желать сравняться съ нимъ и даже сдѣлаться выше своего творца, съ завистью началъ

думать о томъ, чтобы самому сотворить такихъ-же и даже лучшихъ тварей, какихъ сотворилъ Ульгэнь. Такимъ образомъ Эрликъ все болѣе и болѣе отдалялся сердцемъ отъ Ульгэня, охладѣвалъ къ нему и, наконецъ, сдѣлался врагомъ какъ Ульгэню, такъ и всѣмъ тварямъ его. На мѣсто отпавшаго Эрлика, Ульгэнь создалъ себѣ другого товарища, богатыря Манды-шире съ тѣмъ, чтобы онъ всегда находился съ Ульгэнемъ и противостоялъ враждебному Эрлику. Кромѣ этихъ первыхъ людей Ульгэнь сотворилъ множество другихъ людей, слугъ себѣ, которыхъ поселилъ въ различныхъ, созданныхъ имъ, мірахъ. Въ нашемъ мірѣ, на нашей землѣ Ульгэнь сотворилъ заразъ семь человѣкъ мужескаго пола и при нихъ семь деревьевъ, по дереву на каждаго. Тѣло человѣка создано Ульгэнемъ изъ глины, а кости — изъ камыша; дуновеніемъ въ уши онъ ввелъ душу въ созданное тѣло, а дуновеніемъ въ носъ—умъ. По сотвореніи семи человѣкъ и семи деревьевъ, Ульгэнь, не сходя съ мѣста, создалъ такимъ же образомъ еще восьмого человѣка и восьмое дерево, помѣстивъ ихъ на горѣ Алтынъ-ту, (золотая гора). Сотворивъ людей и деревья, Ульэнь въ теченіи семи лѣтъ ждалъ, что изъ нихъ будетъ, станутъ ли они умножаться; чрезъ семь лѣтъ онъ увидѣлъ на каждомъ изъ деревьевъ по семи отпрысковъ, а число людей нисколько не увеличившимся. Онъ сказалъ: „почему это такъ,—дерево умножаетъ, а человѣкъ нѣтъ?“ Тогда восьмой человѣкъ, поставленный на Алтынъ-ту, отвѣтилъ ему: „откуда произойдутъ и отъ чего умножатся, когда нѣтъ женщины?“ Ульгэнь сказалъ ему: „ты знай и алчущаго, ты знай и сытаго, ты знай и болящаго, ты знай и умирающаго, ты знай и живущаго, ты знай и злого; иди теперь къ семи, а я приду чрезъ три дня“, и съ этими словами удалился отъ сотворенныхъ людей. Восьмой человѣкъ пришелъ съ золотой горы къ остальнымъ людямъ и началъ творить женщину точно такъ-же, какъ и его самаго творилъ Ульгэнь. Во время творенія пришла къ нему отъ Ульгэня собака съ письмомъ, въ которомъ было написано: „будь твое имя—Майдере; ты знай голову всего (т. е. будь во главѣ, управляй всѣмъ на землѣ)“. На третій день, когда тѣло созданнаго руками Майдере новаго человѣка-женщины было уже готово, но оставалось еще бездушнымъ, и когда Ульгэнь, согласно своему обѣщанію, шелъ къ людямъ, Майдере побѣжалъ на встрѣчу идущему Богу, поручилъ стеречь свое неоконченное твореніе собакѣ. Этого только и ждалъ злой Эрликъ: въ отсутствіе Майдере, онъ пришелъ къ начатому послѣднимъ творенію, дунулъ ему въ носъ изъ желѣзной трубы о семи ладахъ и дулъ въ оба уха, играя на желѣзномъ музыкальномъ инструментѣ о девяти язычкахъ, — и вотъ въ тѣло, созданное Майдере, вошли душа и умъ, но не вполнѣ человѣческія: душа злобная, какъ змѣя, на семь ладовъ, и умъ на девять разноголосныхъ языковъ; вдобавокъ и тѣло первосозданной женщины было смрадное. Между тѣмъ Майдере, встрѣтивъ Ульгэня, сказалъ ему: „ты сказалъ мнѣ: ты знай... Въ надеждѣ на это я создалъ человѣка-женщину, но души въ немъ нѣтъ еще; велишь-ли творить или нѣтъ?“ Ульгэнь сказалъ ему: „бѣги назадъ, иди скорѣе!“. Майдере, прибѣжавши и увидѣвъ своего человѣка уже живымъ, сказалъ приставленной для охраненія собакѣ: „собака такъ собака и есть! Зачѣмъ ды допустила Эрлика, какъ онъ обманулъ тебя?“ Собака въ оправданіе отвѣтила: „Эрликъ сказалъ мнѣ: я дамъ тебѣ шубу, которой будетъ достаточно до смерти; лѣтомъ тебѣ не будетъ жарко, а зимой не будетъ холодно“. Тогда Майдере сказалъ собакѣ: „одежда, въ которой зимой не будешь мерзнуть, будетъ шерсть, которая на тебѣ выростетъ“, и изрекъ проклятіе собакѣ: „питайся ты человѣческимъ пометомъ, изношенною и брошенною обувью, падалью и т. п., въ юртѣ съ человѣкомъ не живи, а на улицѣ, и карауль снаружи; пусть человѣкъ бьетъ тебя; если провинишься, смерть тебѣ – удавленіе.“ По слову Майдере такъ и стало, между тѣмъ какъ прежде того собака жила и ѣла вмѣстѣ съ человѣкомъ, не имѣла ни шерсти, ни когтей, понимала ясно слова человѣка и сама могла хорошо передавать ему свои мысли и чувства. Послѣ проклятія собаки, Майдере призвалъ семь сотворенныхъ вмѣстѣ съ нимъ мужчинъ и сказалъ: „кто изъ васъ возьметъ эту женщину?“ Когда никто изъ нихъ не далъ отвѣта, Майдере подводилъ за руку одного за другимъ трехъ мужей къ женщинѣ, но они, отозвавшись презрительно о новомъ твореніи, убѣ

жали на золотую гору. Между тѣмъ въ это время подошелъ къ тому мѣсту самъ Ульгэнь. У одного изъ четырехъ оставшихся мужей онъ взялъ изъ реберъ обоихъ боковъ по двѣ косточки и сотворилъ изъ нихъ жену, которую и отдалъ этому человѣку, получившему отъ Ульгэня имя Таргынъ-нама. Затѣмъ всѣмъ живымъ существамъ, находящимся на землѣ, Ульгэнь сказалъ: „кому какія ягоды, растенія и проч. нравятся, тотъ то и ѣшь", а Майдерс онъ сказалъ: „что захочешь творить: скота-ли, звѣрей-ли, людей-ли,—меня не спрашивай, самъ твори" Сказавъ это, Ульгэнь удалился на Алтынъ-ту. Мѣсто, гдѣ былъ сотворенъ человѣкъ и гдѣ онъ жилъ до своего грѣхопаденія, называется Аруунь-сюдюнь и находится на востокѣ.

IV. Происхожденіе валуновъ.

Когда Богъ сотворилъ землю и хотѣлъ населить ее людьми и животными, дьяволъ („супостатъ") задумалъ помѣшать ему въ этомъ и, наславъ на землю каменный дождь, велѣлъ камнямъ рости до тѣхъ поръ, пока они не покроютъ собою всей земли и так. обр. не дадутъ жить ни людямъ, ни животнымъ. Богъ, разсердившись за это на „супостата", пизвергнулъ его съ неба въ преисподнюю, а камнямъ запретилъ рости.

Ал. Ивановскій.

2. Мелкія замѣтки къ исторіи народныхъ вѣрованій.

I. Къ славянскимъ повѣрьямъ о мірозданіи.

Перечитывая сербско-болгарскую рукопись Вѣнской университетской библіотеки (Sign. I. 120), относящуюся къ XVI в., я нашелъ на л. 52а и сл. интересное „Слово сказание ѿ бытиа". Это — „бесѣда трехъ святителей" и по своему составу очень напоминаетъ позднюю болгарскую редакцію „бесѣды", которую по рукописи XVIII в. напечаталъ Ст. Новаковичъ въ VI т. Загребскихъ „Старинъ". Рядомъ съ обыкновенными вопросами и отвѣтами, здѣсь встрѣчаются и другіе, мнѣ по крайней мѣрѣ незнакомые или съ значительными отличіями отъ извѣстныхъ текстовъ [1]). Такъ какъ эти данныя очень важны, для исторіи народныхъ суевѣрій, то надѣюсь, что не будетъ излишнимъ сообщить ихъ здѣсь [2]).

Послѣ обыкновенныхъ вопросовъ и отвѣтовъ: когда сотворены солнце, мѣсяцъ, небо и пр.,— читаемъ: „от що сътвори богъ слъньце и месецъ?" Отвѣтъ: „егда сътвори богъ небо и землю, тогда помисли, како да сътворитъ чловѣка, и како да родитъ се отъ него, и како распетъ будетъ и съмръти прѣдати се. егда отъ съмръти помисли господъ (здѣсь текстъ испорченъ), тогда (52 об.) слъза паде изъ ока господнаа, та бо слъза наречетъ господъ слънце, а месецъ отъ пеграхила господнѣ есть". Подобное въ болг. ркп. XVIII в. (Starine VI, стр. 48). Слѣдуетъ вопросъ: изъ скольких частей сотворенъ Адамъ? съ обыкновеннымъ отвѣтомъ.

Далѣе слѣдуетъ вопросъ: „а како сътвори богъ диавола?" Отвѣтъ: „Егда призре и виде сѣнъ свои въ воде и рече господъ: изиди брати и боудди (sic) съ мною. Изыде чловѣкъ и нар(е)че име емъ *анатаилъ*". Отвѣтъ: „егда сади (л. 53) господъ раи, тогда повелеваше садити, *атаилъ* крадѣше отъ вьсе плодове и просипа на срѣдѣ рая та(и)но отъ господа. Рече господъ: ти крадѣши отъ мене, да то боудѣтъ тебѣ на прогнаніе: изиди *сатанаиле*. И рече: господи благослови, что насадихме. Господъ рече: благословено іесть, азъ посрѣдѣ владаю, ти да не имашъ властъ. Сатанаилъ отидѣ, да видитъ древо, еже насади оукрадѣно, и видѣ древо. Тогда сатанаилъ почръне. Изъгна его древо изъ рая, тогда господъ нарече ему дї(а)волъ". О сотвореніи діавола изъ сѣни разсказывается тоже въ названной болг. рукописи, только что человѣкъ, сотворенный изъ сѣни, названъ Самуиль

---

[1]) Тексты „бесѣды", находящіеся въ сербскихъ рукописяхъ Шафариковскаго собранія въ Прагѣ, изданы мною въ XXI кн. „Starin".

[2]) Текстъ приводимъ безъ соблюденія палеографическихъ тонкостей, выписывая полностью связи, сокращенія и пр.

(Starine, VI, 48—49); похожее болгарское сказаніе о происхожденіи діавола н - печаталъ М. Дриновъ въ VIII кн. Софійскаго „Періодическаго Списанія" (стр. 123 сл.).

Слѣдуютъ опять знакомые вопросы и отвѣты. Интересны развѣ слѣдующіе: Вопросъ: „По що постави господъ Каина на люна? Отвѣтъ: Да зритъ блага, како се іестъ лишилъ, и зла отъ него зачсхоу се". Далѣе: „Где Адамъ седитъ съ Енохомъ? На престоле висоце гледающихъ въсѣхъ доуше, проваждающихъ праведные душе въ раи, а грешные съ плачемъ въ моукъ". Ср. Starine VI, 50. Слѣдуетъ: „Вопросъ: Геде (sic) седитъ Авелъ, сынъ его? Отвѣтъ: Седитъ съ Енохомъ пишоущи греси въсѣмъ чловѣкомъ проваждающаго грѣшные въ м8к8 а праведные въ раи. Въпросъ: на кое место бысть кръщение господне? Ответъ: егда рече Евьга Адамоу: покаемь се, господь да (55 об.) свободитъ насъ отъ дїавола, и рече Евга Адаму: где положи дїаволъ твое рукописаніе на чера мида и положи ю, т8 идемъ, да покаем се въ Иωрьдани, тоу събраше се въси скоти и гады, птице перънатые и въси аггели божи и пла(ка)хоу се къ господ8 где каетъ се Адамъ, видѣ море и побеже Иωрьданъ, възъврати се въспетъ Христосъ и господъ приидетъ на томъ месте и кръсти се.

Вопросъ: „От що се огнь зачe? Отъ зенице господне въжеже аггелъ и сънесе Адам8". (Ср. Starine VI, 51).

Накопецъ, еще приводимъ для исторіи космическихъ воззрѣній слѣдующее: „Како звезди на небеси 8гвръждени соутъ? Како заходетъ? Небо врътитсе, того ради заходетъ. Люна іест на аерахъ и ѕ҃. денице плаваютъ. Далече ли іест месецъ отъ слъньце, толико іест отъ земле до месеца, толико отъ месецъ до небесъ, иматъ слъньце рӣг престоли, того ради наїголемъ[1]) дьнъ въ(59а)сходитъ. егда заидетъ слъньце, аггели възимаютъ и носетъ его на престолъ господьнъ. слъньце іест повелико отъ въсеи земли, мѣсецъ іест поголемъ отъ половина въсеи земли. звезда іест коляко?— вї дни хода иматъ г҃ дрехли птици и ωквасетъ си крила въ акианъ море, да идоутъ предъ слъньцемъ. аще не бихоу биле таіа г҃ птице и погасетъ слъньце, слъньце би въсъ светъ пожеглъ. егда слъньце б8детъ на заходъ, тогда иждежетъ имъ крила и 8даретъ въ акианъ море. тогда (59 об.) паки ωперьнатеютъ, паки понесоутъ слъньце аггели, тогда въсака птица пот(?)репещетъ, тогда и петли (пѣтухи) поютъ и авитъ се светъ дьнъ".

II. Новыя данныя для исторіи рожаницъ.

Академикъ А. Н. Веселовскій въ своихъ Разысканіяхъ, въ V вып. стр. 178 сл. и 212, указалъ памятники, въ которыхъ доселѣ встрѣчались рожаницы. Весьма важное, какъ мнѣ кажется, свидѣтельство и очень характерное для рожаницъ нашелъ я въ Гамартолѣ.

Въ IX гл. „Лѣтовника" Георгія грѣшнаго инока разсказывается, какимъ образомъ обличилъ Авраамъ передъ египетскимъ царемъ звѣздословцевъ и волхвовъ. Послѣ пренія приказалъ царь привести человѣка, осужденнаго на смерть сожженіемъ, и спросить впередъ передъ всѣми: [2]) „εὑρεθῆναι τὴν γέννησιν αὐτοῦ καὶ τὸν θάνατον, καὶ διασκεψαμένους εἰπεῖν τὸν τρόπον τοῦ θανάτου". Отвѣтили, что онъ долженъ быть сожженъ „τῆς γενέσεως ἐπαγούσης καὶ διαγορευούσης τοῦτο σαφῶς", но что еще не пришло время его смерти. Царь отвѣтилъ, что освободитъ его отъ смерти огненной, но повелитъ умертвить его водою, чтобы показать „ὅτι δύναταί τι παρὰ γένησιν γενέσθαι".

Въ славянскомъ переводѣ Гамартола, въ синодальномъ спискѣ, изданномъ Обществомъ любителей древней письменности, на л. 41, и въ спискѣ собранія Шафариковскаго, переведено γένεσις, γέννησις: рожденица.

Въ концѣ IX гл. еще читаемъ: οἱ δὲ Εἱρμαμένης πλάσαντες πλάνην, ἑτέραν τὴν λεγομένην γένεσιν (мармениꙋ рожденицꙋ), ἧς χωρὶς μηδὲν πάσχειν ἢ ποιεῖν τι δύνασθαί τινα τερατολογοῦσιν· καὶ τῇ αὐτῇ πλάνῃ καὶ δυσσεβείᾳ περιπίπτουσι· νομίσας γάρ τις, ὅτι παρὰ γένεσιν (кромѣ рожденице) ἤγουν Εἱρμαμένην (мармени) οὐδεὶς οὔτε ποιεῖν τι οὔτε πάσχειν ἐξουσίαν ἔχει, ῥαδίως λοιπὸν ὡς κτηνώδης ἐπὶ τὸ ἁμαρτάνειν (здѣсь по ошибкѣ: къ марменѣ)

---

[1]) Голем (сербс.) значитъ большой (ср. „Этногр. Обозр." VII, 140).

[2]) Цитарую по изданію Миня. Patrologiae graecae t. CX.

ἔρχεται. καὶ ἁμαρτὼν οὐ μεταμελεῖται παντελῶς ἐφ' οἷς ἠσέβησεν, ἀπολογίαν ἄλογον φέρων, ὡς ὑπὸ γενέσεως (ѾРож деницѧ) αὐτὰ ποιεῖν ἐξηνάγκαστο. καὶ ὁ τὴν γένεσιν (рожденние) κατορθῶσαι μὴ δυνάμενος οὐδὲ τὸ αἰδεῖσθαι ἔχει ἐφ' οἷς ἐξαμαρτάνει.

Списокъ синодальный и Шафариковскій почти современны, первый 1386 г., второй 1389 г., оба списаны съ подлинника болгарскаго, что доказываетъ передача носовыхъ гласныхъ. Переводъ греч. γένεσις (въ одномъ мѣстѣ γέννησις) словомъ *рожденица* принадлежитъ болгарскому переводчику. Онъ представилъ себѣ рожденицу какъ подательницу доли, участи въ жизни; но обособилась ли она уже у него въ отдѣльное демоническое существо, опредѣленно нельзя сказать на основаніи сообщенной выписки.

Интересно, что тотъ-же самый переводчикъ удержалъ греч. Εἱμαρμένη, что онъ не зналъ соотвѣтствующаго славянскаго понятія. Въ другихъ мѣстахъ, правда, онъ старался переводить это слово; такъ, напр., въ VIII гл.: οἱ δὲ ἐπιμελεῖσθαι (sc. τὸν θεὸν) μὲν ἔφασαν, σμικρῷ λόγῳ δὲ τοῦτο ποιεῖν καὶ τῇ σελήνῃ περιορίζειν τὴν πρόνοιαν, τὸ δὲ λοιπὸν τοῦ κόσμου μέρος, ὡς ἔτυχε, φέρεσθαι τῇ τῆς Εἱμαρμένης ἀνάγκῃ (рождьствьнїимь прилоученніемь нбѫдею) δουλεύειν βεβιασμένον. Въ началѣ VIII гл.: οἱ δὲ τύχην καὶ εἱμαρμένην ἐδόξασαν (честь и іестко сирѣчь рожденние добро прославнше) καὶ τὴν μὲν εἱρμαμένην ἀναγκαστικὴν δύναμιν εἶπον εἶναι (и оубо іестконоуждная сила рѣше быти)... И далѣе: τὰ μὲν ἐκ θεοῦ πάντες ἔχομεν, τὰ δὲ ἐκ τῆς εἱρμαμένης καὶ τύχης (а иже Ѿ іестьа, сирѣчь Ѿ рождѣнны добра и чести).

Понятія о судицѣ, даже о fatum у нашего переводчика не было, но изъ оборотовъ, которыми онъ старался описывать греч. εἱμαρμένη, можно предполагать, что онъ зналъ вѣрованіе, по которому судьба человѣка опредѣляется при рожденіи.

Прага Чешская. *Ю. Поливка.*

3. Камень-латырь.

Наши былины не разъ говорятъ о камнѣ-латырѣ, какъ объ одномъ изъ урочищъ *внѣ* Русской земли. Сынъ Ильи, послѣ неудачнаго боя съ отцомъ, объясняетъ, что онъ „отъ камня отъ латыря", отъ бабы Латыгорки. Илья Муромецъ, выѣхавъ за предѣлы Руси, въ степь—въ „чистое поле", ставитъ шатеръ у „камня-латыря". Онъ же, разъѣзжая „по чистому полю", находитъ у камня-латыря три дороги и на самомъ камнѣ надпись (Гильфердингъ, 709,946,1053), и т. п. Это заставляетъ насъ поискать этотъ загадочный камень за предѣлами старой Руси, но въ мѣстахъ хорошо знакомыхъ въ прежнее время русскимъ.

Остановимся прежде всего на словѣ *камень.* Старые памятники сѣверной, новгородской Руси употребляютъ это слово между прочимъ въ значеніи *гора*, въ частности въ значеніи: Уральскій хребетъ. Такъ, въ Двинской рядной начала XIV в. межа землямъ Шенкурскаго погоста опредѣляется такимъ образомъ: „межа землямъ—по *Великой Камень*"; въ другой Двинской рядной XIV—XV в. „межа выше *Камени* по Глубокому ручью". (Акты Юр.). Въ книгѣ Большаго Чертежа мы читаемъ: „отъ устья Мезени до горы Шамагодскаго *Камени*... отъ того *Камени*... изъ горы изъ Большого *Камени*" (184—185). Московскіе и др. документы XVII в. называютъ Уральскій хребетъ почти постоянно *Камень*, Большой *Камень*. Въ настоящее время слово *камень* находится какъ составная часть во многихъ сѣверно-русскихъ названіяхъ горъ: Чайцынъ *Камень*, Собачій *Камень* и т. п. (Подвысоцкій). Итакъ, слово *камень* въ сѣверной, новгородской Руси изстари до сихъ поръ между прочимъ имѣло значеніе *гора*.

Что до слова *лáтырь*, то оно можетъ быть сокращеніемъ болѣе древняго *лáтыгорь*, которое въ свою очередь есть не что иное, какъ прилагательное отъ этнографическаго названія *Латыгоръ*—лотышъ (при: *Латыгора*—Лотыгола, лотыши; Псковская лѣтопись), образованное одинаково съ *Володимирь*, *Иванъ*, *Отьчь*. Срв. съ словомъ *латырь* мѣстное названіе *Латырево* (Владимирской губ.) рядомъ съ названіемъ *Латыгорево* (Тверской губ.).

Если слова *камень-латырь* первоначально могли значить: Лотышская гора, Лотышскій хребетъ, то не были ли они первоначально названіемъ тѣхъ горъ,

которыя находятся въ прибалтійскихъ губерніяхъ, которыя были хорошо извѣстны много разъ вторгавшимся въ предѣлы этихъ губерній древнимъ новгородцамъ и псковичамъ и о которыхъ совсѣмъ забыли ихъ менѣе воинственные потомки XV в. и слѣд.? [1]) *А. Соболевскій.*

4. Легенды о Кудеярѣ въ Саратовской губерніи.

Въ Саратовской губерніи едвали существуютъ былины и пѣсни о богатыряхъ Владиміра-Краснаго Солнышка. Изслѣдовавъ Саратовскій и Аткарскій уѣзды, я только 1860-хъ годахъ слышалъ отъ старика крестьянина с. Колѣна, Аткарскаго уѣзда, пересказъ старинной былины:

Подъ градомъ Кіевомъ,
На степяхъ Цыцарскихъ
Стояла застава богатырская:
Атаманомъ Илья Муромецъ,
Еще Гришка-боярскій сынъ,
Да Васька Долгополый,
Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ,
Соловей разбойникъ, Татарскій полкъ...

Затѣмъ слѣдовалъ запутанный разсказъ о названныхъ богатыряхъ, представлявшій лишь искаженіе извѣстныхъ былинъ. Зато наша губернія богата преданіями и легендами о мѣстныхъ разбойникахъ, главную роль между которыми играютъ—Стенька Разинъ и Кудеяръ; за ними слѣдуютъ Волжскіе атаманы: Уракъ, Буданъ, дѣвушка Палагеюшка, Водкинъ и другіе разбойники: Голяевъ, Дороня, Кутыревъ, Уланъ, Симъ, Кувыканъ, Ермошка, Ерема, Бакутъ и масса другихъ, не говоря уже о довольно свѣжихъ преданіяхъ про Пугача—какъ о самомъ Пугачевѣ, такъ и о его атаманахъ и полковникахъ.

Въ данномъ очеркѣ я приведу лишь сказанія о *Кудеярѣ*. Костомаровъ относитъ Кудеяра ко времени царствованія Ивана Грознаго, указывая мѣстности подвиговъ его: Москву, Крымъ и р. Оку. По народнымъ преданіямъ Саратовской губерніи какъ главное становище «нашего» Кудеяра указывается гора съ пещерой около с. Лохъ, Саратовскаго уѣзда, описанная мною въ „Народныхъ обычаяхъ и суевѣріяхъ Саратовской губ.“ (Изд. Имп. Геогр. Общ., 1890 г.).

Кто былъ Кудеяръ—народъ не знаетъ; есть только указаніе Леопольдова (Истор. оч. Сарат. края. 1848 г.), что это былъ татаринъ необыкновеннаго роста и силы, звѣровидной наружности; жена его была русская - рѣдкая красавица. Время подвиговъ Кудеяра нашъ народъ тоже не опредѣляетъ, а говоритъ: было это очень давно, когда еще не существовало окрестныхъ селеній. Крестьянинъ Пензенской губерніи, кладоискатель Милинъ сказывалъ мнѣ, что у его товарища есть документъ 1605 г., подписанный Кудеяровымъ, въ которомъ означена запись и мѣсто зарытыхъ имъ кладовъ. Несомнѣнно одно, что Кудеяръ жилъ около горы, носящей до сихъ поръ его имя, далеко до основанія с. Лохъ, которое населено пахатными солдатами на Петровской сторожевой чертѣ вскорѣ послѣ постройки въ 1698—99 году Петровской крѣпости и сторожевыхъ слободъ пахатныхъ солдатъ на р. Медвѣдицѣ: Бурапкой (с. Старые Бурасы) и Еткаринской (городъ Аткарскъ).

Кудеяръ жилъ въ своей горѣ, говоритъ преданіе, внутри которой были богато убранныя помѣщенія сокровищами, добытыми имъ при набѣгахъ на дальнія страны; туда велъ узкій, извилистый и невысокій подземный ходъ отъ средины горы, тянувшійся внутрь саженъ на 100 и болѣе; изъ внутреннихъ помѣщеній до верхней площади горы было отверстіе, саженъ въ 30 длины, *„труба“*, черезъ которую выходилъ дымъ въ наружу. Въ глубокомъ долу, передъ горою, текла быстрая и свѣтлая рѣчка—Соколка, кругомъ же подымались горы, покрытыя, какъ и Кудеярова, густымъ старымъ лѣсомъ, тянувшимся далеко на сѣверъ и на югъ. Рядомъ съ Кудеяровой подымается и теперь *„Караульная“* гора - высокій

[1]) О камнѣ-латырѣ см. А. Веселовскаго, Разысканія, III, 1—46 *Ред.*

конусъ, поросшій въ то время хвоей, гдѣ Кудеяръ становилъ своихъ часовыхъ.— Становище Кудеяровыхъ войскъ было окопано рвомъ и валомъ; въ концѣ же дола Соколки (Маіорова), въ нынѣшнемъ урочищѣ *„Пушка“*, были кузнецы Кудеяра, гдѣ изготовлялись оружіе и ружья. Вся мѣстность кругомъ охранялась стражей. Когда Кудеяръ уходилъ въ набѣгъ съ своимъ войскомъ, то запиралъ подземелье огромными замками, съ поросенка величиной, выходъ же заваливалъ такъ, что никто немогъ отыскать его. Кудеяръ былъ *„хозяиномъ“* и чеканилъ монету изъ своей руды. У него былъ товарищъ *Симъ* или Симонъ; однажды они поспорили о силѣ и ловкости своихъ коней, порѣшивъ для опыта перескочить съ Маруновой горы на Кудеярову черезъ Маіоровъ долъ, гдѣ течетъ Соколка: Кудеяръ на своемъ конѣ перескочилъ, но Симъ оборвался и упалъ въ долину; въ мѣстѣ, гдѣ онъ провалился подъ землю вмѣстѣ съ конемъ, ударилъ родникъ, носящій до сихъ поръ его имя.

Здѣсь умерла жена (по другимъ любовница) Кудеяра и онъ схоронилъ ее верстахъ въ 2-хъ отсюда (въ дачѣ М В. Устинова, Петровскаго уѣзда), зарывъ съ нею въ могилу всѣ уборы и драгоцѣнности, принадлежавшіе покойницѣ. Свои сокровища Кудеяръ хранилъ въ кладовыхъ внутри горы за желѣзными дверями; говорятъ, кромѣ того, они были скрыты Кудеяромъ и на противоположномъ берегу рѣчки Соколки, въ склонѣ горы, въ трехъ погребахъ: въ одномъ—золото, въ другомъ—серебро и въ третьемъ—драгоцѣнная конская сбруя; входъ заваленъ и Кудеяръ положилъ зарокъ на этотъ кладъ на 200 лѣтъ; что-же касается до сокровища Кудеяровой горы, то найти ихъ и отперeть желѣзныя двери можетъ лишь тотъ, кто вычерпаетъ *Симовъ* родникъ и найдетъ въ немъ золотые ключи отъ пещеры, или же кто почерпнетъ воды изъ *„Уженinго* озера.

Кудеяръ, какъ видно изъ преданій, часто оставлялъ Лоховскую мѣстность, становясь станомъ и въ другихъ. Такъ верстъ 25 отъ Лохъ къ северо-востоку стоялъ на верхахъ р. Медвѣдицы большой *Бурацкій* лѣсъ, гдѣ теперь село Старые Бурасы (Бурацкая отъѣзжая сторожевая слобода, поселенная въ 1699 г.), здѣсь верстахъ въ 2-хъ, въ правомъ берегу рѣчки большой Медвѣдицы, находилось прежде отверстіе въ горѣ съ нѣсколькими ходами внутрь въ разныя стороны: эта пещера служила тоже жильемъ Кудеяру, а на бугрѣ с. Бурасъ, обнесенномъ валомъ и носящемъ теперь названіе *„городокъ“*, поставленъ былъ Кудеяромъ сторожевой маякъ. Верстахъ въ 20 къ юго-западу отъ с. Лохъ, около Мордовскаго села Оркина (Кучу-горы тожъ), въ лѣсистой и гористой мѣстности, рядомъ съ *Гремучимъ* родникомъ и горой *Камбразъ-панда* (Сѣдло-гора) указываютъ долину *Божедомъ*", гдѣ, по народному преданію, Кудеяръ (подругимъ—разбойничій атаманъ *Уланъ*) побилъ и похоронилъ много народу.—Кладоискатель Милинъ говоритъ, что въ Пензенской губерніи есть пять становищъ Кудеяра. Въ Балашевскомъ уѣздѣ, въ лѣсу с. Рѣпнаго, есть курганы: на одномъ изъ нихъ—*Крутицы* (Крутцы), по другимъ въ землянкѣ горы *Богатырки* надъ Хопромъ (недалеко отъ с. Большаго Карая), жилъ тоже Кудеяръ, насыпавшій. невдалекѣ другой курганъ — *Пупки*, гдѣ схоронилъ свою красавицу жену... Въ Сердобскомъ уѣздѣ, Барковской волости, не далеко отъ р. Изнаира и Малиновскаго озера, есть кручь, около 30 саженъ высоты, получившая лишь въ 1889 г. названіе *„Кудеярова обрыва“*, по слѣдующему поводу: одинъ изъ мѣстныхъ крестьянъ Дьячкинъ жилъ въ 1883 г. въ Астрахани, гдѣ какой-то человѣкъ показывалъ ему книжечку, въ которой описано 99 кладовъ Саратовской губерніи, положенныхъ: Ермакомъ, Кудеяромъ, Стенькой Разинымъ, Чуркою и другими; Дьячкинъ досталъ выписку изъ этой книжечки, въ которой сказано, что „отъ Хопра по рѣкѣ Знаиру, отъ верши съ всходной стороны лѣсъ по горѣ березовый“, затѣмъ идетъ подробное описаніе мѣстности и разстоянія до подвала, въ которомъ находятся пять скелетовъ, золотые вещи и 90 пудовъ *„монеты Кудеяровой“*.—По этой записи Дьячкинъ дѣйствительно нашелъ въ обрывѣ 2 человѣческіе костяка и каменныя стѣнки въ родѣ подвала, но было ли найдено что изъ цѣнностей—неизвѣстно.

Въ Посельской волости, Хвалынскаго уѣзда, на высокомъ мѣстѣ близь с. Поселокъ, лежащемъ при впаденіи рѣчки Избалыки въ Терешку, есть два бугра,

обрытые канавами, подъ названіемъ „*Мары*“; въ старину, въ 100 саженяхъ отъ этого мѣста, были озеро и осиновый лѣсъ. Мѣстный крестьянинъ Яковъ Старовъ проживалъ нѣкогда въ г. Уральскѣ, гдѣ слышалъ отъ тамошнихъ казаковъ, что на Саратовской степи есть насыпной *Маръ*, близь котораго, на сѣверо-востокѣ, находится болото и осиновая роща: на этомъ мѣстѣ, по преданію, стоялъ однажды Кудеяръ съ войскомъ; у него была любимая лошадь, которая пала, а затѣмъ онъ и самъ вскорѣ умеръ; тогда его посадили на эту лошадь и несли ему со всѣхъ сторонъ дары: золотомъ, серебромъ и разными драгоцѣнными вещами, съ которыми и зарыли его, насыпавъ надъ нимъ *маръ* (курганъ). При раскопкѣ этихъ маровъ, Посельскіе жители находили лишь человѣчьи и лошадиныя кости.

По другимъ преданіямъ, Кудеяръ живъ до сихъ поръ и сторожитъ свои сокровища въ Кудеяровой горѣ.—Окольные жители с. Лохъ утверждаютъ, что онъ живетъ на этой горѣ въ землянкѣ сѣдымъ и древнимъ старцемъ; днемъ эта землянка невидима, ночью же влетаетъ туда огромная птица и долбитъ голову Кудеяра до мозга, улетая къ разсвѣту; онъ обреченъ уже вѣка два сторожить свои сокровища въ горѣ и несетъ кару Божію за разбои. Въ землянкѣ лежитъ краюха хлѣба, которая никогда не убываетъ.

Приведя выборку изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ пока преданій нашего края о Кудеярѣ, я укажу на тѣ особенности, что ни одно изъ нихъ не выставляетъ его колдуномъ, какъ Стеньку Разина, Водкина и другихъ, собственно Волжскихъ атамановъ; ни одно изъ нихъ не называетъ его сообщниковъ—шайкой, а—войскомъ; самъ Кудеяръ лишь въ нѣсколькихъ пересказахъ позднѣйшей формаціи зовется разбойникомъ, но общей суммой преданій онъ поднятъ на болѣе высокій пьедесталъ: это „*хозяинъ*“—какъ называетъ его кладоискатель Милинъ. На Волгѣ мы Кудеяра не видимъ и Балашевско-Сердобско-Пензенскія легенды подводятъ его къ окраинамъ древне-Рязанскимъ, т. е. къ Костомаровскому Кудеяру.—Набѣги Крымскихъ и Кубанскихъ татаръ на нашъ край и верховья рѣки Медвѣдицы были нерѣдки въ старину и продолжались до 1718 года.

Примѣчаніе. Въ Москов. Императ. Археолог. Общ. имѣются переданные мною рисунки Кудеяровой горы и пещеры, снятые мною въ 1880 г.

А. Н. Минхъ.

5. Персидскій варіантъ сказанія о Мидасѣ.

Жилъ шахъ. У него на головѣ выросла шишка, которую шахъ тщательно скрывалъ подъ чалмой, вслѣдствіе чего никто этого не зналъ. Узналъ объ этомъ лишь его цирюльникъ, но шахъ ему строго запретилъ говорить кому либо изъ людей, „а если скажешь, прибавилъ онъ, я велю тебя казнить“. Цирюльникъ долго берегъ свою тайну; наконецъ не вытерпѣлъ пошелъ къ озеру, и, приложивъ руку ко рту, сказалъ тростнику: „у шаха рога выросли“. Тростникъ зашумѣлъ и сталъ повторять: „у шаха рога выросли“ — и объ этомъ узналъ весь свѣтъ. Дошло извѣстіе и до шаха, что весь свѣтъ знаетъ, что у него рога выросли; разсердился шахъ, позвалъ болтливаго цирюльника и сталъ его спрашивать, кому онъ сказалъ, и хотѣлъ казнить его. Цирюльникъ отвѣтилъ, что онъ исполнилъ приказъ шаха и никому изъ людей не говорилъ, а сказалъ лишь тростнику у озера. а тотъ уже разнесъ эту тайну по свѣту. Шахъ не рѣшился казнить цирюльника.

(Сообщено *Ник. Ив. Артемьевымъ*, слышавшимъ этотъ разсказъ въ Персіи, въ прикаспійской части ея).

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Императорское Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, совмѣстно съ двумя другими Московскими Обществами—Археологическимъ и Общ. Акклиматизаціи, приняло предложеніе заграничныхъ ученыхъ, объ устройствѣ въ Москвѣ двухъ международ-

нихъ конгрессовъ, имѣющихъ слѣдовать одинъ за другимъ въ 1892 г.: 1) конгр. доисторической Археологіи и Антропологіи (съ 1-го по 8 авг.) и 2) конгр. зоологическаго (съ 10 по 18 авг.). При Обществѣ Любит. Естествознанія съ этой цѣлью учрежденъ спеціальный комитетъ подъ предсѣдательствомъ уполномоченнаго отъ Общества Люб. Ест., заслуж. проф. А. П. Богданова. По полученіи разрѣшенія на устройство названныхъ конгрессовъ отъ г. Министра, Комитетъ дѣятельно принялся за предварительныя работы, которыя, благодаря энергіи его предсѣдателя, идутъ весьма быстро. Масса иностранныхъ ученыхъ (списки которыхъ отпечатаны), отозвались чрезвычайно сочувственно и собираются посѣтить Россію въ большомъ числѣ.

Этнографическій Отдѣлъ Имп. Общества Любителей Естествозн., Антроп. и Этнографіи приступилъ въ настоящее время къ печатанію сразу двухъ томовъ своихъ „Трудовъ"; одинъ изъ нихъ посвященъ общей этнографіи, другой—русской. Изслѣдованіе по общей этнографіи, принадлежитъ г. Товарищу Предсѣдателя Отдѣла В. М. Михайловскому и озаглавлено: „Міросозерцаніе шамановъ". Въ составъ другого тома войдутъ матеріалы и статьи по изслѣдованію Бѣлоруссіи, а именно гг.: М. В. Довнара-Запольскаго, Н. Я. Никифоровскаго и Е. А. Ляцкаго. Для дальнѣйшихъ томовъ имѣются матеріалы 1) по Сѣверному краю, 2) по Средней Россіи и 3) по Малороссіи. Печатаніе начатыхъ томовъ будетъ окончено въ теченіе лѣта. Время же изданія послѣдующихъ томовъ будетъ зависѣть отъ средствъ Отдѣла.

Антропологическій Отдѣлъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія при Моск. университетѣ продолжаетъ изданіе „Дневника Антропологическаго Отдѣла", который, повидимому, принимаетъ еще болѣе обширный объемъ, чѣмъ въ прошломъ 1890 году, и такимъ образомъ сосредоточиваетъ массу цѣннаго матеріала какъ по чистой антропологіи, такъ и имѣющей отношеніе къ этнографіи. До марта (включительно) этого года вышло два выпуска. Въ первомъ выпускѣ слѣдуетъ отмѣтить обильный фактами антропологическій матеріалъ Н. И. Лыжина по татарамъ Крыма (бахчисарайскимъ, мелитопольскимъ, перекопскимъ, ѳеодосійскимъ и судакскимъ), который при обработкѣ навѣрное дастъ возможность освѣтить интересныя тюркскія группы, еще почти совсѣмъ не затронутыя въ литературѣ. Во второмъ выпускѣ обращаетъ на себя вниманіе статья А. В. Елисѣева: „Турки-османы", антропологическое изслѣдованіе еще совсѣмъ неизученной группы анатолійскихъ турокъ.

Кромѣ „Дневника" въ этомъ же году выйдутъ два крупныхъ тома (ихъ печатаніе близится къ концу), посвященные антропологическому изслѣдованію русскихъ и киргизовъ. Изслѣдованіе русскихъ принадлежитъ Н. Ю. Зографу и будетъ заключать сводку всѣхъ имѣющихся въ литературѣ данныхъ, кромѣ того много новаго и оригинальнаго на основаніи многочисленныхъ измѣреній, изъ которыхъ первое мѣсто занимаетъ ростъ. Что касается киргизовъ, то печатающійся томъ составитъ второй выпускъ „Киргизовъ Букеевской орды" А. Н. Харузина и принадлежитъ тому же автору. Этотъ томъ представляетъ результаты детально разработаннаго антропологическаго матеріала по киргизамъ разныхъ ордъ въ сравненіи съ кара-киргизами и многочисленными другими инородцами Россіи—финской, тюркской, монгольской и иранской группъ.

Импер. Московское Археологическое Общество въ годичномъ засѣданіи своемъ 26 февраля вновь избрало единогласно на должность Предсѣдателя графиню П. С. Уварову, а въ Товарищи Предсѣдателя проф. Д. Н. Анучина.—Съ 5-го по 8-е января происходили въ И. Моск. Арх. Обществѣ засѣданія Предварительнаго Комитета по устройству въ 1893 г. лѣтомъ въ г. Вильнѣ IX-го Археологическаго съѣзда. Въ засѣданіяхъ принимали участіе и иногородніе депутаты и были выработаны правила предстоящаго съѣзда, а также намѣченъ цѣлый рядъ научныхъ вопросовъ, имѣющихъ служить предметами рефератовъ на съѣздѣ.—Въ обычныхъ засѣданіяхъ Общества въ текущемъ году были сдѣланы слѣдующіе интересные для насъ доклады: В. И. Сизова—о раскопкахъ (своихъ и Е. Романова) въ Смоленской и Могилевск. губ. лѣтомъ

1890 г.; С. С. Слуцкаго — о готскихъ древностяхъ въ Россіи (мнѣніе бар. Де-Бай); Георгіевскаго — о преподаваніи археологіи въ семинаріяхъ; Г. А. Халатьянца — очеркъ ученой дѣятельности покойнаго армянолога Н. О. Эмина; М. О. Аттая — арабское сказаніе о Дербентѣ и Л. З. Мсеріанца — новый отрывокъ изъ народн. армянскаго эпоса.

Казанское Общество Исторіи, Археологіи и Этнографіи, выпустившее за послѣднее время въ своихъ „Трудахъ" двѣ монографіи проф. И. Н. Смирнова по инородцамъ Восточной Европ. Россіи, именно: „Вотяки" и „Черемиссы", печатаетъ въ настоящее время третье изслѣдованіе того же автора: „Пермяки", которое, судя по предъидущимъ его работамъ, послужитъ солиднымъ вкладомъ въ русскую этнографическую литературу.—Въ теченіе предстоящихъ праздниковъ пасхи названное Общество, по иниціативѣ проф. И. Смирнова, устраиваетъ въ зданіи университета выставку своихъ этнографическихъ коллекцій, расположенныхъ въ культурно-историческомъ порядкѣ, съ популярнымъ каталогомъ-руководителемъ.

По извѣстіямъ сибирскихъ газетъ, на мѣсто отказавшагося отъ должности предсѣдателя Восточно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общ. В. Е. Яковлева избранъ иркутскій городской голова В. П. Сукачевъ, а правителемъ дѣлъ Отдѣла, вмѣсто Г. Н. Потанина, находящагося въ настоящее время въ Петербургѣ,—Д. А. Клеменцъ.

„Восточное Обозрѣніе" (1891 г. № 1) сообщаетъ, что въ св. Сѵнодѣ обращено серьезное вниманіе на необходимость введенія изученія инородческихъ нарѣчій въ сибирскихъ семинаріяхъ, согласно ихъ мѣстоположенію, такъ какъ незнаніе сибирскихъ нарѣчій не позволяетъ не только духовенству, но и миссіонерамъ дѣйствовать успѣшно въ распространеніи и укрѣпленіи христіанства.

4-го сентября минувшаго года утвержденъ „Уставъ Тобольскаго губ. музея и комитета онаго", ставящихъ себѣ цѣлью „наглядное ознакомленіе публики съ исторіей Тобольской губ. и развитіемъ въ ней культуры во всѣхъ ея формахъ и проявленіяхъ". Музей состоитъ изъ отдѣловъ: естественно-историческаго, археологическаго, промышленнаго и общеобразовательнаго. При музеѣ находится и библіотека, въ которую собираются сочиненія и печатныя изданія, касающіяся задачъ музея и имѣющія отношеніе не только къ одной Тобольской губ., но и къ другимъ мѣстностямъ Сибири, а также всѣ печатныя произведенія, появлявшіяся и появляющіяся въ предѣлахъ Тобольской губ.

„Акмолинскія Обл. Вѣд." (1890 г., № 41) сообщаютъ, что въ непродолжительномъ времени въ Самаркандѣ, Маргеланѣ и въ другихъ пунктахъ будутъ открыты курсы туземнаго языка и литературы. Курсы устраиваются по иниціативѣ и подъ контролемъ мѣстной администраціи.

Въ „Восточное Обозрѣніе" сообщаютъ изъ Барнаула, что тамъ, въ средѣ интеллигенціи горнаго міра, возникла мысль объ образованіи „Общества изученія Алтая". Мысль вполнѣ прекрасная, и нельзя не пожелать скорѣйшаго ея осуществленія.

Въ Троицкосавскѣ небольшимъ кружкомъ лицъ предполагается устройство музея, цѣлью котораго будетъ—представить Забайкалье въ естественно-историческомъ и культурномъ отношеніяхъ. Троицкосавская городская дума ассигновала изъ городскихъ средствъ ежегодную субсидію музею въ размѣрѣ 200 руб. („Вост. Обозр.").

Въ Прагѣ Чешской устраивается національная научно-промышленная и художественная выставка въ большихъ размѣрахъ. Открытіе предполагается 15 мая. Выставка имѣетъ цѣлью показать прогрессъ цивилизаціи въ Чехіи за

истекшіе сто лѣтъ со времени первой промышленной выставки въ Прагѣ (1791 г.). Кромѣ чеховъ къ участію въ выставкѣ примкнутъ и другія западно-славянскія народности.

Въ Москвѣ наступающимъ лѣтомъ будутъ двѣ выставки, имѣющія этнографическій интересъ: 1) Средне-Азіатская (въ Имп. Историч. Музеѣ), 2) Французская (на Ходынскомъ полѣ). Первая изъ нихъ уже открыта, вторая откроется на второй день Пасхи.

Добавленія и поправки.

Кн. VI.—Стр. 105. Въ поясненіе слова *настъ* (въ пѣсенкѣ № 22) авторъ пишетъ намъ: „Слово это имѣетъ повсемѣстно въ Пошехонск. у. весьма опредѣленное значеніе: *настъ*—снѣгъ, нѣсколько оттаявшій подъ вліяніемъ весеннихъ лучей, осѣвшій и затѣмъ снова замерзшій и достигающій такой твердости, что удерживаетъ не только человѣка, но и лошадь, такъ что „пó насту" спокойно ѣздятъ, не разбирая дороги. Съ появленіемъ „наста" бабы начинаютъ „настить" бѣлье, т. е. бѣлить, разстилая на снѣгу. Въ мѣстной народной пѣснѣ поется:

„Бѣлая косынечкя по насту билилася",
„Молоденькя дѣвчоночкя мальчишку полюбилася".

Кн. VII. Стр.	26	(6 строка снизу),	вм.	„утрилокки"	чит.	„утри локти".
„	27	(9 „ свер.),	„	наружному	„	народному.
„	27	(6 „ сн.),	„	надтабалить	„	надта балить.
„	29	(18 „ „),	„	гнѣвае	„	спѣвае.
„	32	(11 „ „),	„	рѣзиты	„	рѣзьгины.
„	34	(16 „ св.),	„	непроисшествіи	„	происшествіи.
„	40	(10 „ сн.),	„	стватъ	„	сватъ.
„	64	(5 „ „),	„	смирные	„	смертные.
„	102	(1 „ „),	„	слободскій полкъ	„	слободскіеполки.
„	112	(1 „ св.),	„	атаманомъ	„	гетманомъ.
„	198	(2 „ „),	„	рѣшить	„	лишить.
„	199,	въ строкѣ 9 св. пропускъ; слѣд. чит.: „...главы ея, *добытое же артелью дѣлится между членами ея* либо поровну..." Въ строкѣ 18, вм. принципы—*новые* принципы.				
„	204	(13 „ сн.),	„	существенно	„	естественно.
„	205	(1 „ св.),	„	составленному	„	указанному.
„	218	(10 „ сн.),	„	Alai	„	Altai.
„	223	(15—16 сн.) слѣд. читать: „Н. Харузина: *Русскіе Лопари*; *А. Харузина*; Замѣтка о татарахъ..."				

Кн. VIII.—Стр. 143. Выноску слѣд. читать такъ: Напечатано въ „Вѣстникѣ Евр." 1890, сент.; дополненіе (о Хутула-ханѣ) будетъ напечатано въ IX кн. „Этногр. Обозрѣнія".

Стр. 135—136. Разсказанная здѣсь легенда составляетъ варіантъ къ былинному эпизоду о женитьбѣ Святогора. Объ этомъ см. слѣд. труды ученыхъ:

Ѳ. И. Буслаевъ, Народная поэзія, 75; *А. Н. Веселовскій*, Русскій эпосъ и новые его изслѣдователи, Вѣст. Евр., 1888, іюль, стр. 161—3; Разыск. въ. обл рус. дух. ст., вып V, 202—7, 248; Объ одномъ эпизодѣ былины о Святогорѣ, Филол. Зап., 1877, 1; Die neueren Forschungen auf dem Gebiete der russischen Volkspoesie, Russische Revue, X—XI, 415—6; *И. Н. Ждановъ*, Къ лит. ист. рус. был. поэзіи, стр. 119, 137—9, 150 *О. Миллеръ*, Ил. Муромецъ, 238—9; *Кирпичниковъ*, Поэмы ломб. цикла, 40—41,

51, 134—6, 200; *Аѳанасьевъ*, Сказки (1873), III, 373—4; IV, 425; Поэт. воззрѣнія, II, 631-3; III, 344; *Рыбниковъ*, Пѣсни, I, 39-41; III, 3; *Сборникъ* мат. по этн., изд. при Дашк. Музеѣ, II, 9; *Сборн.* мат. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа, вып. VI (1888): *Захаровъ*, Нар. сказ. закавк. татаръ, № 2; то-же VII, отд. 2, стр. 93—5; *Пермскій Сборникъ*, II, отд. 2, 166; *Veckenstedt*, Die Mythen, Sagen und Legenden der Źamaiten, II, 94—5; *Schmidt*, Griech. Märchen, 67—8; *Квашнинъ-Самаринъ*, Новые источники для изученія русскаго эпоса, Рус. Вѣст., 1874, сент., 10—12; *Wollner*, Untersuchungen über die Volksepik der Grossrussen, 77—8, 95—6, 107—8; *А. Поповъ*, Вліяніе церк. ученія и древне—рус. дух. письм. на міросозерцаніе рус. нар., Казань, 1883, 22—3.

Годъ 3-й. Кн. IX.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1891, № 2.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Секретаря Этнографическаго Отдѣла

Н. А. Янчука.

Цѣна 1 р. 50 к.

МОСКВА.
Высоч. утв. Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ, Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Петровка, д. Левенсонъ.
1891.

Печатать разрѣшается. Москва, 25 іюня, 1891 г.

Президентъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

Ординарный профессоръ **Д. Анучинъ.**

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

Замѣтки о вліяніи религіозныхъ вѣрованій и предразсудковъ на народные юридическіе обычаи и понятія.

Вліяніе религіи на народныя понятія и обычаи выражается различнымъ образомъ. Во 1-хъ, нерѣдко религіозныя вѣрованія имѣютъ непосредственное вліяніе на самое образованіе понятій и обычаевъ. Во 2-хъ, народные обычаи и понятія, возникающіе независимо отъ религіозныхъ вѣрованій, получаютъ иногда религіозное освященіе. Это бываетъ особенно тогда, когда въ понятіяхъ народа складывается идеалъ какого-нибудь общественнаго отношенія. Такъ, напр., выраженіе „жить, поступать по-божески“ означаетъ жизнь и поступки, соотвѣтствующіе идеальному представленію народа о нравственномъ человѣкѣ. Такое идеальное представленіе, конечно, не расходится съ существующими народными вѣрованіями, но оно не вызывается ими, а напротивъ само вызываетъ новое вѣрованіе. Религіозное освященіе понятія распространяется и на основанные на немъ обычаи и обряды и придаетъ имъ особую твердость и устойчивость. Даже и тогда, когда самое понятіе не только замѣнилось новымъ, но и давно уже забыто, основанные на немъ обычаи и обряды, получившіе религіозное освященіе, продолжаютъ существовать, хотя нерѣдко находятся въ полномъ противорѣчіи съ новыми условіями быта. Вмѣстѣ съ измѣненіемъ понятій измѣняется и взглядъ народа на несогласные уже съ ними обычаи. То, что считалось прежде нравственнымъ и законнымъ, представляется теперь и грѣховнымъ и преступнымъ; примѣненіе обычая ограничивается, но онъ не исчезаетъ до тѣхъ

1

поръ, пока сохраняется его религіозное значеніе, вѣра въ его сверхъестественную силу. Въ 3-хъ, религія, не дѣйствуя иногда непосредственно на установленіе того или другого обычая, но тѣсно сближая единовѣрныя племена, способствуетъ къ заимствованію однимъ изъ нихъ понятій и обычаевъ другого. Поэтому въ одномъ и томъ же племени, только часть котораго перемѣнила свою вѣру, встрѣчаются иногда рѣзкія различія и въ понятіяхъ и въ обычаяхъ. Такъ, напр., положеніе женщины у бѣлоруссовъ православныхъ и католиковъ представляется далеко не одинаковымъ; у первыхъ она пользуется гораздо меньшимъ почетомъ, чѣмъ у послѣднихъ. У православныхъ мужчины садятся за столъ первыми, за ними на менѣе почетномъ мѣстѣ женщины; тѣ же, которыя не помѣстятся за столомъ, ѣдятъ на лавкахъ, у печи, на кровати вмѣстѣ съ дѣтьми. У католиковъ женщинъ сажаютъ за столъ, смотря по достоинству и въ передній конецъ стола, рядомъ съ ихъ мужьями, братьями или отцами, и оказываютъ имъ всѣ почести наравнѣ съ мужчинами. Точно также у бѣлоруссовъ-католиковъ значительно измѣнились и свадебные обычаи; измѣненіе это такъ сильно, что православные отзываются объ нѣкоторыхъ изъ нихъ съ полнымъ презрѣніемъ и называютъ ихъ беззаконными и постыдными [1]). Иногда перемѣна религіи имѣетъ непосредственное вліяніе на измѣненіе того или другого обычая, но не потому, чтобы народомъ сознавалась необходимость согласить существующіе обычаи съ новыми вѣрованіями, а потому что извѣстныя правила вновь принятой религіи поддерживаются властью, которая признаетъ эти правила обязательными и караетъ за ихъ неисполненіе. Такъ, принятіе православія тобольскими самоѣдами и остяками имѣло вліяніе на измѣненіе ихъ брачныхъ обычаевъ, стѣснивъ свободу развода и вступленіе въ новый бракъ разлучившихся супруговъ [2]).

Вліяніе религіозныхъ вѣрованій на русскіе юридическіе понятія и обычаи не можетъ быть выяснено вполнѣ по недо-

---

1) Бытъ бѣлорусскихъ крестьянъ. Этнографич. сборникъ, изд. Географич. Общ. Вып. II, стр. 144, 146, 202.

2) Памятная книжка Тобольской губ. на 1884 г., стр. 21 и 63.

статку для этого матеріаловъ. Слѣдующія отрывочныя замѣтки имѣютъ въ виду указать это вліяніе на нѣкоторые обычаи и понятія русскаго и притомъ исключительно православнаго населенія Россіи.

1. *Способы владѣнія землей.*

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ остается много свободной земли, такая никѣмъ незанятая земля называется „землей Божьей“ Всякій нуждающійся въ ней можетъ ее занять, такъ какъ Богъ создалъ землю на пользу человѣка По мѣрѣ увеличенія плотности населенія, границы „Божьей земли“ суживаются. Такъ, въ Сибири право на занятіе свободной земли первоначально ничѣмъ не было стѣснено, и каждый занималъ землю, гдѣ хотѣлъ; затѣмъ каждый могъ занять землю только въ предѣлахъ своей волости и наконецъ въ предѣлахъ только своего селенія; такъ, напримѣръ, въ Бурлинской волости Барнаульскаго округа каждый можетъ распахивать землю въ предѣлахъ всей волости; въ другихъ волостяхъ того же округа каждый можетъ распахивать свободную землю, не переступая однако граней своего селенія. Точно также и рыбныя ловли первоначально признавались свободными и подлежали такому же праву захвата, какъ и земля: Богъ далъ и ихъ на общую пользу; это понятіе сохранилось и до настоящаго времени въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ свободное пользованіе водами болѣе или менѣе уже ограничено. Такъ, въ Ишимскомъ округѣ общества, владѣющія озерами, обыкновенно разрѣшаютъ каждому ловить рыбу мелкими снастями; но многіе крестьяне полагаютъ, что грѣшно запрещать кому бы то ни было ловлю рыбы или брать за это деньги, такъ какъ рыба дана Богомъ на общую пользу, такъ какъ вòды—„Божья пазуха“ [1]). Пользованіе чужимъ лѣсомъ не считается крестьянами ни преступленіемъ, ни грѣхомъ, такъ какъ не люди, а Богъ выростилъ лѣсъ, и выростилъ его для общей пользы, а не для пользы только того или другого человѣка.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ стали извѣстны толки

---

[1]) Матеріалы для изученія экономич. быта государств. крестьянъ и инородцевъ западной Сибири. Спб. 1889. Вып. III, стр. 420.

крестьянъ объ ожидаемомъ ими раздѣлѣ между земледѣльцами всей земли, кому бы она ни принадлежала. Эти толки возникли среди крестьянъ, несомнѣнно, безъ всякаго посторонняго внушенія. Они упорно держались не только между крестьянами, нуждавшимися въ землѣ, но и между тѣми, которые имѣли значительныя купленныя ими земельныя дачи и могли много потерять отъ ожидаемаго общаго передѣла. Толки эти, хотя болѣе сдержанные, продолжаются до сихъ поръ. Въ настоящее время не ждутъ немедленнаго ихъ осуществленія, но сохраняется убѣжденіе, что рано или поздно они должны осуществиться. Эти толки получили и религіозную окраску; въ Ярославской губерніи появилось ученіе одной изъ раскольничьихъ сектъ, по которому передъ кончиною міра на землѣ водворится правда, и тогда земля будетъ раздѣлена равномѣрно между всѣми. Значеніе такой Божьей правды придаютъ ожидаемому передѣлу и православные. Въ малороссійскомъ населеніи толки о скоромъ наступленіи „слушнаго часа“ (общаго передѣла земли) были очень сильны въ началѣ шестидесятыхъ годовъ [1]); они не прекращались и послѣ. Въ 1869 году, когда было приступлено къ люстраціи земли въ казенныхъ селеніяхъ, крестьяне нѣкоторыхъ волостей Чигиринскаго уѣзда стали заявлять требованія о передѣлѣ земли по душамъ; настаивая на этомъ, они надѣялись, что и общій размѣръ надѣла будетъ увеличенъ присоединеніемъ къ нему земли, не бывшей до того во владѣніи крестьянъ. Въ 1875 году требованіе передѣла земли высказывалось въ этихъ волостяхъ еще настойчивѣе, а отказъ удовлетворить это требованіе вызвалъ безпорядки. Особенное упорство оказали крестьяне селенія Шабельниковъ; никакія разъясненія начальства о незаконности передѣла тѣхъ подворныхъ участковъ, хозяева которыхъ на это не соглашались, не могли убѣдить крестьянъ этого селенія, и противъ нихъ были приняты строгія мѣры [2]). Требованіе свое крестьяне считали до такой степени спра-

---

1) Наблюденія Мироваго Посредника о нѣкоторыхъ юридическихъ обычаяхъ у крестьянъ Полтавской губерніи Кременчугскаго уѣзда. Основа. 1862 г. № 2.

2) Нѣкоторыя подробности о Чигиринскихъ безпорядкахъ были сообщены въ Кіевлянинѣ 1875 г. № 102 и 104.

ведливымъ, что ожидали сверхъестественной помощи своему дѣлу. „Насколько сильна была идея о передѣлѣ земли и ожиданіи сверхъестественнаго вмѣшательства,—говорится въ „Кіевлянинѣ“,—можно судить между прочимъ изъ того, что одна крестьянка селенія Тюнекъ, Анастасія Лихошерстова, начала ходить по деревнямъ, уговаривать крестьянъ и даже духовенство итти на помощь къ жителямъ Шабельниковъ. Она упрекала, воодушевляла, грозила гнѣвомъ Божіимъ, пророчествовала о наступленіи счастливыхъ временъ“. [1]) Эти счастливыя времена были ничто иное, какъ наступленіе „слушнаго часа“, такъ какъ Лихошерстова, на основаніи своеобразно понимаемыхъ ею нѣкоторыхъ мѣстъ евангелія, требобовала надѣленія всѣхъ землею [2]).

2. Браки вдовцовъ и вдовъ.

По народному представленію загробная жизнь имѣетъ во многомъ сходство съ земной. Послѣ страшнаго суда, въ селеніи праведниковъ мужъ будетъ жить вмѣстѣ съ своей первой женой. Жизнь вдвоемъ представляетъ за гробомъ, также какъ и на землѣ, гораздо большія удобства, чѣмъ жизнь одинокаго. Есть мѣстности, гдѣ сознаніе о неудобствахъ одинокой жизни до такой степени живо, что оно отразилось тамъ и на похоронномъ обрядѣ. Въ Купянскомъ уѣздѣ, Харьковской губерніи, когда умретъ мальчикъ, то призываютъ дѣвушку его лѣтъ и даютъ ей платокъ, что́ означаетъ, что она обвѣнчана съ умершимъ. Такимъ образомъ составляется пара для жизни на томъ свѣтѣ. Когда умретъ дѣвочка, то платокъ дается мальчику, который считается затѣмъ какъ бы вдовцомъ. Присутствующихъ на похоронахъ перевязываютъ, какъ сватовъ, ручниками [3]). Вслѣдствіе такого представленія о загробной жизни, дѣвушки неохотно выходятъ замужъ за вдовцовъ. Такъ, въ Елисаветградскомъ уѣздѣ дѣвушки считаютъ бракъ со вдовцомъ, хотя бы молодымъ и бездѣтнымъ,

---

[1]) С.-Петербург. Вѣд. 1876. № 86 (корреспонденція перепечатанная изъ Кіевлянина).—[2]) Тамъ же.

[3]) Такъ приблизительно описанъ этотъ обрядъ въ замѣчательномъ по богатству содержанія рефератѣ г. *П. Иванова* (Очеркъ воззрѣній крестьянскаго населенія Купянскаго уѣзда на душу и загробную жизнь), прочитанномъ на VII археологическомъ съѣздѣ (въ Ярославлѣ).

для себя унизительнымъ, потому что при такомъ бракѣ всѣ свадебные обряды совершаются только въ честь невѣсты, да и на томъ свѣтѣ онъ будетъ съ своей первой женой, а она останется безъ пары [1]). Бракъ вдовы со вдовцомъ, по народному возрѣнію, не представляетъ такого неудобства, такъ какъ вдовецъ составитъ пару съ своей первой женой, а вдова съ своимъ первымъ мужемъ.

Вторичный бракъ необходимъ, по мнѣнію народа, только въ такомъ случаѣ, если у вдовца есть малолѣтнія дѣти, а въ семьѣ его нѣтъ женщины, способной къ уходу за ними. Въ этомъ случаѣ вдова самая подходящая невѣста для вдовца, какъ опытная женщина. Къ браку вдовцовъ на дѣвушкахъ народъ относится неодобрительно. [2]) Если у вдовцовъ нѣтъ малолѣтнихъ дѣтей, то и для новаго брака нѣтъ оправданія. Неодобреніе народомъ второго брака выразилось въ посрамительномъ обрядѣ, соблюдаемомъ въ с. Косковѣ Свіяжскаго уѣзда. Здѣсь ко дню бракосочетанія вдовца, мальчики и взрослые парни заготовляютъ возможно большее количество изношенныхъ лаптей; въ день самаго бракосочетанія они съ собранными лаптями отправляются къ церкви и ждутъ выхода новобрачнаго вдовца. Лишь только онъ выйдетъ изъ церкви, мальчики и парни начинаютъ бросать въ него гнилые лапти. Нѣкоторые, связавъ три лаптя вмѣстѣ, стараются такую связку лаптей повѣсить новобрачному на шею. Бросаніе лаптей въ новобрачнаго продолжается до входа его въ домъ или выѣзда за полевыя ворота [3]).

Опредѣлить силу вліянія религіозныхъ вѣрованій на бракъ вдовцовъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи въ насто-

---

[1]) *М. Ганенко.* Семейно-имущественныя отношенія крестьянскаго населенія Елисаветградскаго уѣзда. „Степь"—Херсонскій беллетристичный Сборникъ. Спб. 1886. Стр. 147.

[2]) *А. П. Звонковъ.* Современный бракъ среди крестьянъ Тамбовской губерніи Елатомскаго уѣзда. Сборникъ свѣдѣній для изученія крестьянскаго населенія Россіи. Вып. I, стр. 88. (Труды Этногр. Отд., т. IX).

[3]) Странный обычай. Саратов. Губ. Вѣд. 1888 г. № 23. Въ настоящее время исполнителями этого обряда въ с. Косковѣ не сознается его первоначальная основа: обрядъ исполняется потому, что иначе бракъ вдовца не можетъ быть счастливъ.

ящее время невозможно, по недостатку для этого данныхъ Только относительно немногихъ мѣстностей можно указать степень этого вліянія. Оно очень сильно въ губерніяхъ Харьковской, Екатеринославской и Тамбовской; въ Ярославской губерніи, хотя и существуетъ вѣрованіе въ соединеніе супруговъ за гробомъ, но оно не имѣетъ той живости, какая замѣчается въ трехъ вышеназванныхъ губерніяхъ, и вліяніе его на бракъ вдовцовъ поэтому должно быть значительно слабѣе. Это подтверждается и статистическими данными. По среднему выводу за восемь лѣтъ (за 1879—1886 гг.) изъ ста браковъ вдовцовъ православнаго населенія Европейской Россіи бываетъ 46 браковъ вдовцовъ на вдовахъ. Отклоненіе отъ этой средней величины въ ту или другую сторону зависитъ отъ весьма сложныхъ причинъ, въ числѣ которыхъ имѣютъ несомнѣнное значеніе и религіозныя вѣрованія. Изъ ста браковъ вдовцовъ православнаго населенія въ Ярославской губерніи бываетъ среднимъ числомъ 24 брака вдовцовъ на вдовахъ, въ Екатеринославской—52, въ Тамбовской—56, въ Купянскомъ уѣздѣ (Харьковской губерніи), гдѣ на особенную силу религіозныхъ вѣрованій указываетъ и вышеозначенный похоронный обрядъ,—60 браковъ.

3. *Кража пчелъ.*

Взглядъ народа на кражу пчелъ, какъ на святотатство, основанъ на томъ значеніи, какое имѣетъ пчела и въ религіозныхъ обрядахъ и въ народныхъ вѣрованіяхъ. Безъ пчелы (безъ восковыхъ свѣчей) невозможна церковная служба, невозможно (безъ меда) и поминовеніе родителей. По вѣрованію, существующему въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, душа человѣческая, не соединенная съ тѣломъ, похожа на пчелу. Пчела священное насѣкомое: Илья пророкъ ни за что не ударитъ громомъ въ улей, хотя бы за нимъ и скрылся нечистый духъ [1]). Въ Рузскомъ уѣздѣ я слышалъ слѣдующую легенду, указывающую на то же народное понятіе о пчелахъ: одинъ нечестивецъ за обѣдней причастился вмѣстѣ съ другими, но не проглотилъ причастіе, а незамѣтно выплюнулъ его, выйдя изъ церкви. Прійдя домой, онъ сталъ осматривать свои ульи и

---

[1]) *Аѳанасьевъ.* Поэтич. воззрѣнія славянъ на природу. Т. I, стр. 385.

въ одномъ изъ нихъ увидѣлъ слѣпленный изъ воска престолъ, на престолѣ восковую чашу, а въ чашѣ выплюнутое имъ причастіе.

4. Средства, употребляемыя для открытія вора и возвращенія похищеннаго.

Для открытія вора и возвращенія похищеннаго употребляются народомъ нѣсколько средствъ, находящихся въ тѣсной связи съ народными вѣрованіями. Съ этою цѣлью ставятъ въ церкви передъ образомъ свѣчу (обидящую) верхнимъ концомъ къ низу. Иногда зажигаютъ передъ образомъ свѣчу зеленаго воска, употребляемую обыкновенно только при паннихидахъ, или, если догадываются о томъ, кто укралъ, то служатъ по немъ паннихиду.

Послѣдствіемъ употребленія одного изъ этихъ средствъ бываютъ, по народному убѣжденію, страшныя мученія вора, заставляющія его возвратить похищенное. Часто также обращаются съ молитвою о возвращеніи украденнаго къ св. Іоанну Воину и ставятъ свѣчу въ церкви передъ его образомъ. Этому же святому молятся и воры, прося его помочь имъ при совершеніи задуманнаго ими воровства. Обычай воровъ молиться объ успѣхѣ дѣла, считающагося теперь и грѣшнымъ и преступнымъ, есть остатокъ языческаго вѣрованія, указывающій на давно исчезнувшія формы быта. Несомнѣнно, было время, когда воровство не считалось преступленіемъ. При господствѣ родового быта, при враждѣ родовъ, всякое нападеніе на принадлежащаго къ враждебному роду, всякое явное или тайное похищеніе его имущества считалось не преступленіемъ, а подвигомъ достойнымъ всякой похвалы. Это было опасное военное предпріятіе, передъ началомъ котораго испрашивалась божественная помощь, совершенно такъ-же, какъ и впослѣдствіи, при измѣнившихся формахъ быта, она испрашивалась при началѣ военныхъ дѣйствій. И въ настоящее время встрѣчаются въ Россіи у нѣкоторыхъ инородцевъ и такой взглядъ на воровство, и моленіе, обращенное къ божеству, объ успѣшномъ его совершеніи. Такъ, у абхазцевъ есть божество Эйригъ-хацныхъ (въ переводѣ: видящій все днемъ и ночью)—покровитель воровства, грабежа и разбоевъ. Въ жертву этому божеству приносятся четыре хлѣбца, надъ

которыми читается молитва, испрашивающая благословеніе предпріятію, и дается обѣщаніе въ случаѣ успѣха пожертвовать что-нибудь Богу [1]).

Св. Іоаннъ Воинъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напр. въ Нерехотскомъ уѣздѣ, Костромской губерніи, извѣстенъ народу только подъ именемъ св. Ивана Встрѣчнаго. Называется онъ такъ потому, что, по народному убѣжденію, какъ только воръ украдетъ что-нибудь днемъ или ночью, на встрѣчу ему всегда выходитъ св. Иванъ Встрѣчный. Такъ какъ образа святого Ивана Встрѣчнаго нѣтъ ни въ одной церкви, то свѣчи ему ставятъ передъ образомъ всѣхъ святыхъ. Обращеніе моленій преимущественно къ св. Іоанну Воину, какъ потерпѣвшими отъ воровства, такъ и ворами, объясняется своеобразнымъ пониманіемъ житія св. угодника, помѣщеннаго въ Прологѣ. Св. Іоаннъ Воинъ былъ посланъ на убіеніе христіанъ Іуліаномъ Отступникомъ, но онъ, прежде чѣмъ схватывать христіанъ, предупреждалъ ихъ, чтобы они бѣжали, или же отпускалъ схваченныхъ. По окончаніи жизни святой былъ погребенъ на мѣстѣ, гдѣ хоронили странниковъ. Въ числѣ чудесъ совершенныхъ святымъ есть и открытіе татьбы [2]).

У воровъ есть особое заклинаніе, списокъ съ котораго они берутъ съ собой, идя на промыселъ. Въ Моршанскомъ уѣздѣ былъ пойманъ конокрадъ, и на немъ былъ найденъ списокъ слѣдующей заклинательной молитвы: „Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь. Иду я, рабъ божій, въ мрачный путь и дорогу мою; на встрѣчу мнѣ самъ Господь І. Христосъ грядетъ изъ прекраснаго рая, опирается золотымъ посохомъ, въ золотомъ своемъ крестѣ; на правой сторонѣ у меня Мать Божія, пресвятая Богородица, съ ангелами, архангелами, серафимами и со всѣми небесными силами; съ лѣвой стороны моей архангелъ Гавріилъ, надо мною Михаилъ архангелъ; сзади меня, раба божія, Илья Пророкъ на огненной колесницѣ; онъ стрѣляетъ очищаетъ и дорогу мою закрываетъ св. Духомъ

[1]) *А—в.* Религіозныя вѣрованія абхазцевъ. Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ. Вып. 5, стр. 17.

[2]) Прологъ изд. 1877 г. Часть II, стр. 68.

и животворящимъ крестомъ Господнимъ. Замокъ Богоматерь, Петра и Павла ключъ. Аминь» [1]).

Молитва, обращенная къ св. Іоанну Воину, по народному убѣжденію, можетъ помочь только при простомъ воровствѣ. Если же воръ рѣшается снять ризу или цѣнныя украшенія съ образа, находящагося въ церкви, то молитва обращается къ святому, изображенному на образѣ; у него испрашивается позволеніе снять ризу или украшенія, ему обѣщается даръ. Въ одной старинной легендѣ разсказывается, что обнищавшій купецъ, подойдя въ церкви къ иконѣ св. Богородицы, просилъ Богородицу дать ему утварь, находящуюся на иконѣ. Однажды, войдя въ церковь, онъ увидѣлъ, что утварь лежитъ передъ иконой; онъ взялъ ее, разбогатѣлъ и затѣмъ вдвое богаче украсилъ икону [2]). Въ народѣ ходитъ разсказъ о ворѣ, забравшемся ночью въ церковь, чтобы снять дорогую ризу съ иконы св. Николая чудотворца. Сколько ни старался воръ, онъ не могъ отдѣлить ризу отъ образа, и это удалось ему сдѣлать только послѣ молитвы, обращенной къ св. Николаю. и обѣщанія поставить ему полупудовую свѣчу. Свидѣтелемъ этого былъ мальчикъ, уснувшій во время всенощной и оставшійся незамѣченнымъ, когда запирали церковь. Мальчикъ этотъ разсказалъ обо всемъ, что видѣлъ и слышалъ. Когда воръ, исполняя свой обѣтъ, принесъ въ церковь полупудовую свѣчу, его схватили и онъ былъ наказанъ. Мнѣ неизвѣстно, имѣетъ ли этотъ разсказъ фактическую основу, или это не болѣе, какъ легенда.

Существуетъ легенда, въ которой хотя и признается, что молитва можетъ помочь вору, но въ то-же время порицается всякая молитва о злыхъ дѣлахъ [3]).

---

[1]) Молитва эта была напечатана въ «Новомъ Времени» и перепечатана въ Тверскомъ Вѣстникѣ 1881 г. № 31. Корреспондентъ «Новаго Времени» сообщаетъ, что текстъ этой молитвы „знаютъ наизусть и почти всегда носятъ съ собою спеціалисты воровскаго дѣла".

[2]) Слово о нѣкоемъ купцѣ. Памяти. рус. стар. лит. Вып. I, стр 133.

[3]) *Аванасьевъ.* Сказки, 2-е изд. т. III, стр. 466. Варьянтъ этой легенды приведенъ *Н. А. Иваницкимъ* въ его Матеріалахъ по этнографіи Вологодской губерніи. (Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крест. населенія Россіи. Вып. II, стр. 126. Труды этногр. отдѣла, кн. XI).

5. Свѣча изъ человѣческаго сала и рука или палецъ мертвеца.

Свѣча, слитая изъ человѣческаго сала, по народному понятію имѣетъ особое сверхъестественное свойство. Въ домѣ, гдѣ она зажжена, никто не можетъ пробудиться, всѣ продолжаютъ спать мертвымъ сномъ. Въ такой же глубокій сонъ повергается человѣкъ, обведенный кругомъ рукою мертвеца; даже достаточно имѣть при себѣ, входя въ домъ, палецъ мертвеца, чтобы въ домѣ никто не проснулся. Поэтому воръ, имѣющій при себѣ свѣчу изъ человѣческаго сала, руку или палецъ мертвеца, можетъ безъ всякой боязни заниматься своимъ промысломъ. Чтобы добыть человѣческое сало раскапываютъ могилы недавно похороненныхъ людей и отрѣзываютъ часть мертваго тѣла. Съ этою цѣлью были разрыты могилы: въ 1876 г. въ Каневскомъ уѣздѣ, въ 1878 г. въ Конотопскомъ, въ 1884 г. въ Переяславскомъ [1]). Съ этою же цѣлью прибѣгаютъ иногда и къ убійству. Такія убійства были совершены: въ 1869 г. во Владиміро-Волынскомъ уѣздѣ, въ 1881 г. въ Пензенской губерніи, въ 1888 г. въ Бѣлогородскомъ уѣздѣ [2]); но есть полное основаніе думать, что не всѣ случаи такихъ убійствъ были обнаружены. Обычай употреблять свѣчу изъ человѣческаго сала одни объясняютъ религіозными вѣрованіями [3]), другіе переживаніемъ людоѣдства [4]). Это послѣднее мнѣніе не противорѣчитъ, впрочемъ, первому, а только дополняетъ его; оно указываетъ первоначальный источникъ обычая, не отвергая связаннаго съ нимъ въ настоящее время суевѣрія.

Извѣстія о суевѣрныхъ средствахъ, употребляемыхъ ворами съ цѣлью обезпечить безопасное совершеніе воровства, встрѣчаются у насъ очень рѣдко. Такъ, напр., можно указать

---

1) С.-Петерб. Вѣд. 1876 г. № 242.—Особое прибавленіе къ Черниговскимъ Губ. Вѣд. 1878 г. № 14.—Московск Вѣд. 1884 г. № 224.

2) Рязанск. Губ. Вѣд. 1869 г. № 58.—Порядокъ 1881 г. № 131.—Рус. Вѣд. 1888 г. № 353.

3) *Аѳанасьевъ.* Поэт. воззрѣнія славянъ на природу. Т. II, стр. 737.

4) *А. Ѳ. Воеводскій.* Этнологическія и миѳологическія замѣтки: I. Чаши изъ человѣческихъ череповъ и тому подобные примѣры утилизаціи трупа. Одесса. 1877.—*Д. А—ъ.* Пережитки древности, какъ опасныя суевѣрія настоящаго времени. Рус. Вѣд. 1888 г. № 359.

только на небольшое число извѣстій о разрытіи ворами могилъ; о ношеніи воражи руки (пальца) мертвеца мы знаемъ болѣе какъ о повѣрьи, между тѣмъ какъ это, вѣроятно, очень распространенный обычай. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда въ г. Ярославлѣ, на одномъ дворѣ, былъ найденъ человѣческій палецъ, полицейскіе чиновники прямо заявили, что находка эта не можетъ служить указаніемъ на совершеніе въ городѣ убійства и что палецъ, несомнѣнно, потерянъ воромъ. Это показываетъ, что въ Ярославской губерніи нерѣдко прибѣгаютъ къ такому суевѣрному средству, между тѣмъ въ литературѣ нѣтъ никакихъ указаній на существованіе въ этой губерніи такого обычая. Кромѣ того, и тѣ немногія отрывочныя свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о случаяхъ добыванія воровской свѣчи или руки (пальца) мертвеца, такъ кратки, что не даютъ полнаго понятія объ обычаѣ. У насъ не встрѣчается также никакихъ указаній на суевѣрные обычаи и обряды, соблюдаемые разбойниками по ремеслу, между тѣмъ какъ ремесло это опаснѣе воровского, и нѣтъ основанія думать, чтобы разбойники были менѣе суевѣрны, чѣмъ воры.

Сближая русскіе воровскіе обычаи съ существующими въ Германіи, изученными съ большею подробностью, и сравнивая ихъ съ обычаями современныхъ дикарей—людоѣдовъ, можно уяснить себѣ первоначальный источникъ представленія о сверхъестественномъ дѣйствіи руки мертвеца и свѣчи изъ человѣческаго сала.

Людоѣдство, существующее у современныхъ дикарей, имѣетъ нѣсколько видовъ. Самый грубый изъ нихъ вызывается потребностью мясной пищи: за человѣкомъ охотятся, какъ за звѣремъ, ѣдятъ не только людей своего племени, но и членовъ своей семьи, чаще всего дѣтей и женщинъ. Второй видъ составляетъ военное людоѣдство: съѣденіе взятыхъ въ плѣнъ или павшихъ въ битвѣ враговъ-чужеродцевъ. Третій видъ—религіозное людоѣдство: дикари приносятъ человѣка въ жертву богамъ и сами съѣдаютъ часть жертвы. Четвертый видъ—юридическое людоѣдство: съѣдаютъ осужденнаго.

Изъ этихъ видовъ людоѣдства долѣе другихъ удерживаются религіозное и военное. Послѣднее сохраняется долѣе вслѣдствіе устойчивости религіозныхъ вѣрованій, съ которыми оно

бываетъ соединено даже у самыхъ неразвитыхъ дикарей. Сами боги требуютъ убійства и пожиранія враговъ. Жители острововъ Витти стараются убить достаточное число непріятелей, чтобы достойно предстать на томъ свѣтѣ передъ судъ боговъ [1]). Съ крайнимъ презрѣніемъ относятся на этихъ островахъ къ человѣку, не убившему и не съѣвшему ни одного врага. Къ такому человѣку примѣняется посрамительное наказаніе: его заставляютъ бить по грязи опозореннымъ оружіемъ, которымъ онъ не умѣлъ пользоваться [2]).

Изъ военныхъ обычаевъ дикарей людоѣдовъ есть два, имѣющіе близкое сходство съ воровскими современными обычаями и объясняющіе происхожденіе послѣднихъ. Одинъ изъ этихъ обычаевъ состоитъ въ ношеніи дикаремъ, идущимъ на войну, кости съѣденнаго врага съ цѣлью устрашенія непріятелей. Такъ, индѣйцы Южной Америки, при нападеніи на враждебное селеніе, показывали, для устрашенія его, кости побѣжденныхъ и съѣденныхъ ими враговъ. „Мы храбры, говорили они, мы съѣли вашихъ родственниковъ, съѣдимъ и васъ" [3]). У многихъ племенъ, у которыхъ людоѣдство уже исчезло, сохранился обычай воиновъ носить съ собой ту или другую часть непріятельскаго трупа. Краснокожіе Сѣверной Америки носятъ на себѣ скальпы убитыхъ ими враговъ. Тушины до послѣдняго времени отрѣзывали кисть правой руки убитаго ими врага. Чѣмъ болѣе было отрѣзано рукъ, тѣмъ славнѣе былъ воинъ. У тушинъ существовало такое же презрительное отношеніе къ воину, не убившему ни одного непріятеля, какъ и у дикарей-людоѣдовъ. Тушинка не могла выйти замужъ за человѣка, у котораго не было ни одной руки убитаго имъ врага [4]). Наконецъ, представленіе о томъ, что ношеніе воиномъ части мертваго тѣла наводитъ страхъ на враговъ и тѣмъ уменьшается опасность, переходитъ въ суевѣріе, по которому опасность совершенно устраняется. Человѣкъ, вокругъ котораго обводятъ мертвой рукой, не можетъ вредить;

---

[1]) *Letourneau*. L'évolution de la morale. Стр. 104.—[2]) Тамъ же, стр. 85.
[3])—Тамъ же, стр. 108.

[4]) *Н. Волконскій*, Лезгинская экспедиція въ 1857 г. Кавказскій Сборникъ, Тифлисъ 1876. Вып. I, стр. 388.

онъ замираетъ, впадаетъ въ непробудный сонъ. Затѣмъ и ношеніе воромъ части руки, пальца мертвеца отстраняетъ всякую опасность воровского предпріятія.

Другой военный обычай дикарей-людоѣдовъ еще яснѣе показываетъ связь людоѣдства съ воровскими обычаями. У одного племени краснокожихъ Сѣверной Америки побѣдитель на самомъ полѣ сраженія вскрываетъ побѣжденному грудь, вырываетъ сердце и съѣдаетъ его еще трепещущее [1]). Въ новой Полинезіи съѣдаютъ сердце павшаго врага, чтобы его храбростью увеличить свою храрбость. Сердце съѣдается всегда сырымъ [2]). На Маркизскихъ островахъ у принесеннаго въ жертву человѣка вынимаютъ сердце и съѣдаютъ его сырымъ, между тѣмъ какъ остальныя части трупа варятся [3]). Еще въ недавнее время въ Шангаѣ, во время бывшаго въ Китаѣ возмущенія, слуга одного англійскаго купца принесъ сердце одного изъ возмутившихся, чтобы съѣсть его и сдѣлаться болѣе храбрымъ [4]).

Пережитокъ этого вида людоѣдства встрѣчается и въ Германіи. Здѣсь, по народному вѣрованію, пожираніе сердца нерожденнаго ребенка мужского пола служитъ средствомъ защиты для воровъ и разбойниковъ. Сердце ребенка должно съѣсть сырымъ сейчасъ же, какъ только оно будетъ вынуто. Если въ воровской шайкѣ нѣсколько человѣкъ, то сердце разрѣзывается на части и каждый изъ шайки съѣдаетъ свою часть. Кто будетъ девять разъ участвовать въ ѣдѣ младенческаго сердца, того никогда не захватятъ во время совершенія воровства или другого подобнаго преступленія; а если случайно онъ и будетъ пойманъ, то онъ можетъ сдѣлаться невидимымъ и возвратиться къ своимъ товарищамъ. Въ половинѣ XVII вѣка одна разбойничья шайка, нагнавшая ужасъ на Ермеландъ, умертвила до четырнадцати беременныхъ женщинъ, чтобы вынуть изъ нихъ сердца нерожденныхъ мальчиковъ. Съ тою же цѣлью достаютъ сердце, а иногда руку или палецъ некрещеннаго ребенка. Въ

---

1) *Letourneau.* L'évolution de la morale. Стр. 83.

2) *Reclus.* Nouvelle geographie. T. XVI, стр. 848.

3) *Letourneau.* L'évolution de la morale. Стр. 94.

4) *Letourneau.* La sociologie. 1880. Стр. 202.

Пфальцѣ, еще въ недавнее время, каждый разъ послѣ погребенія некрещеннаго младенца должно было долго сторожить церковный дворъ, чтобы охранить трупъ отъ воровъ. Въ началѣ XVII вѣка судили въ Нюрнбергѣ убійцу, зарѣзавшаго многихъ беременныхъ женщинъ съ цѣлью отрѣзать руки у нерожденныхъ еще дѣтей и вытопить изъ нихъ свѣчу [1]). И въ Россіи нѣкоторые убѣждены, что воровскую свѣчу должно дѣлать изъ сала некрещеннаго младенца [2]). Но здѣсь, также какъ и въ Германіи въ настоящее время, чтобы добыть человѣческое сало, убиваютъ и взрослыхъ людей. Воровская свѣча имѣетъ такое же свойство спасать вора отъ опасности, какъ и пожираніе человѣческаго сердца. Нѣтъ прямыхъ указаній на совершеніе убійствъ въ Россіи ворами и разбойниками съ цѣлью добыть сердце ребенка, хотя было нѣсколько несомнѣнныхъ случаевъ убійствъ беременныхъ женщинъ и вырѣзыванія изъ ихъ утробъ младенцевъ. Эти случаи всегда объясняли или особенною свирѣпостью разбойниковъ, или ихъ любопытствомъ, желаніемъ видѣть, какъ лежитъ ребенокъ въ утробѣ матери.

6. Мнимыя преступленія.

Всѣмъ извѣстно, какъ сильно распространено и съ какимъ упорствомъ держится у насъ обвиненіе евреевъ въ употребленіи ими христіанской крови. Во всѣхъ классахъ общества встрѣчаются люди, нисколько не сомнѣвающіеся въ убійствѣ евреями христіанскихъ дѣтей. Одни полагаютъ, что христіанская кровь употребляется при религіозныхъ обрядахъ не всѣми евреями, а только одною еврейскою сектою. Другіе, большинство которыхъ принадлежитъ къ наименѣе образованнымъ классамъ, обвиняютъ всѣхъ безъ исключенія евреевъ въ употребленіи ими крови христіанскихъ младенцевъ. Существуютъ весьма разнообразныя объясненія цѣли этого преступленія; между ними не послѣднее мѣсто занимаетъ мнѣніе объ употребленіи евреями человѣческой крови, какъ цѣ-

---

1) *W. Mannhardt.* Die practischen Folgen des Aberglaubens, mit besonderer Berücksichtigung der Provinz Preussen. Стр. 22. 23. Статья Мангардта напечатана въ 97 и 98 выпускахъ изданія Deutsche Zeit-und Streit-Fragen. Berlin. 1878.

2) Могилевск. Губ. Вѣд. 1871 г. № 46.

лебнаго средства. Понятіе о цѣлебномъ дѣйствіи крови младенцевъ, занесенное въ Европу съ Востока, было нѣкогда очень распространено. У самихъ обвиняемыхъ нынѣ евреевъ сохранилось преданіе о лѣченіи Фараона отъ проказы кровью еврейскихъ дѣтей [1]) Понятіе о цѣлебномъ дѣйствіи младенческой крови проникло въ Россію давно. У насъ существуетъ древняя легенда объ умерщвленіи младенца съ цѣлью помазать его кровью больного [2]). Въ одной изъ старинныхъ русскихъ повѣстей есть разсказъ о совершенномъ исцѣленіи больного, послѣ того какъ его помазали кровью убитыхъ дѣтей [3]). По народному понятію, существующему въ нѣкото-

[1]) Филаретъ Черниговскій въ своихъ „Житіяхъ святыхъ, мѣстно чтимыхъ", говоря (подъ 20 апр.) о младенцѣ Гавріилѣ, по преданію убитомъ евреями въ 1690 въ Бѣлостокѣ съ цѣлью добыть христіанскую кровь, дѣлаетъ такое примѣчаніе: „Въ еврейской книжкѣ „Чинъ пасхи", печатной въ XVI в., есть гравюра, изображающая царя въ коронѣ, покрытаго струпами; онъ стоитъ въ ваннѣ, предъ нимъ вельможи растворяютъ младенцамъ жилы и изъ нихъ кровь фонтаномъ льетъ на тѣло царя въ ванну". Составитель „Житій", очевидно, усматривалъ въ этой картинкѣ несомнѣнное доказательство существованія у евреевъ обряда крови. И въ извѣстномъ саратовскомъ дѣлѣ объ убійствѣ (1853 г.) двухъ мальчиковъ, разсматривавшемся въ 1868 г. въ государственномъ совѣтѣ, въ этой картинкѣ хотѣли видѣть такую же улику противъ евреевъ. Значеніе этой картинки объяснилъ извѣстный гебраистъ проф. С.ПБ-скаго университета и Дух. Академіи Д. Хвольсонъ въ своей брошюрѣ: „Употребляютъ-ли евреи христіанскую кровь?" По преданію евреевъ, во время египетскихъ казней, когда фараонъ заболѣлъ проказою, то египетскіе знахари посовѣтовали ему выкупаться въ крови *еврейскихъ* дѣтей, что и изображается на упомянутой картинкѣ. Въ мѣстностяхъ, населенныхъ евреями, каковы напр. Польша и Западный край, особенно упорно держится издавна легенда объ употребленіи евреями христіанской крови. Польскіе и литовскіе короли неоднократно своими постановленіями должны были разсѣивать ложную клевету на евреевъ, строго воспрещая обвинять ихъ въ дѣтоубійствѣ. Императоръ Александръ I далъ въ 1817 г. (6 марта) указъ, подтвержденный потомъ при имп. Николаѣ, спеціально для областей, перешедшихъ къ Россіи отъ Польши. Въ немъ приказано было: „не обвинять евреевъ въ употребленіи христіанской крови, такъ какъ эти обвиненія не оправдываются еврейскими законами и представляютъ чистую ложь, какою считали ихъ всегда ученые и папы и государи".—Этотъ вопросъ затронуть и въ болгар. статьѣ М. Драгоманова. Срв. Этн. Об., кн. V, 185—6.—*Ред.*

[2]) Памятники старин. рус. литературы. Вып. I, стр. 117.

[3]) Въ „Повѣсти о семи мудрецахъ".

рыхъ мѣстностяхъ, евреи лѣчатся человѣческою кровью не отъ случайной какой-нибудь болѣзни, но отъ недуга, присущаго всѣмъ евреямъ съ самаго ихъ рожденія. По вѣрованію, существующему въ Московской губерніи, Богъ наказалъ всѣхъ евреевъ за преданіе смерти І. Христа; божественное наказаніе состоитъ въ томъ, что всѣ еврейскія дѣти родятся слѣпыми и начинаютъ видѣть только тогда, когда имъ помажутъ глаза кровью невинныхъ христіанскихъ младенцевъ. Поэтому всякій разъ, какъ бываетъ найденъ дѣтскій трупъ, убійство ребенка приписываютъ евреямъ, даже и въ томъ случаѣ, когда самый фактъ убійства не можетъ быть доказанъ.

Другое мнимое преступленіе есть убійство мнимо-умершихъ, ожившихъ въ церкви, послѣ перенесенія ихъ туда для погребенія. Въ этихъ мнимыхъ убійствахъ народъ обвиняетъ церковные причты. Это обвиненіе, встрѣчающееся, сколько мнѣ извѣстно, только въ Вятской губерніи, имѣетъ общія черты съ обвиненіемъ евреевъ въ убійствѣ христіанскихъ дѣтей: и въ томъ и въ другомъ случаѣ преступленіе совершается, какъ думаетъ народъ, для избѣжанія Божіей кары.

Въ Уржумскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи, гдѣ по обычаю тѣло покойника должно оставаться одну ночь въ церкви, въ народѣ существуетъ убѣжденіе, что церковный причтъ убиваетъ покойника, ожившаго по перенесеніи его въ церковь. Если оживвшій успѣетъ скрыться изъ церкви, то долженъ умереть весь причтъ или должны умереть подъ рядъ 12 священниковъ [1]). Такое же суевѣрное убѣжденіе существуетъ въ Слободскомъ [2]), Яранскомъ [3]), Котельническомъ и Орловскомъ уѣздахъ [4]). Между прочимъ г. В. Магницкій, подробно изложившій этотъ суевѣрный взглядъ народа, говоритъ: „Объ этомъ мнѣ

---

[1]) *В. Магницкій.* Повѣрья и обряды (запуки) въ Уржумскомъ уѣздѣ Вятской губерніи. Вятка 1883.

[2]) Тамъ же.

[3]) Предразсудки о послѣдствіи оживленія мнимоумершихъ. Волжско-Камское Слово, 1882, № 192; статья эта указана въ вышеназванномъ сочиненіи В. Магницкаго.

[4]) Въ Котельническомъ и Орловскомъ уѣздахъ, какъ мнѣ извѣстно, существуетъ такое же суевѣріе, какъ и въ Уржумскомъ у., но въ литературѣ нѣтъ на это указаній.

довелось подслушать въ Уржумѣ слѣдующій разсказъ: причтъ убиваетъ ожившаго покойника ломомъ, хранящимся для этого въ церкви за печкой; конецъ лома въ крови. Убійство совершается такъ: заставъ покойника ожившимъ, причтъ заставляетъ его помолиться Богу, а когда помолившійся, перекрестившись, поклонится, ударяетъ его спрятаннымъ ломомъ въ загорбокъ. Зная такую участь, ожившіе покойники стараются изъ церкви скрыться прежде, чѣмъ будетъ обнаружено исчезновеніе ихъ изъ гроба. Въ свою очередь церковные сторожа, чтобы предупредить побѣгъ, по входѣ въ церковь первыми, раскрываютъ гробъ и капаютъ покойному на лицо воскомъ отъ зажженной свѣчи, для убѣжденія, не ожилъ ли онъ. Въ томъ случаѣ, когда побѣгъ совершается, причтъ отпѣваетъ пустой гробъ и провожаетъ его на кладбище, какъ бы въ немъ былъ покойникъ... Любопытно, что смерть подърядъ двухъ, трехъ священниковъ въ одномъ и томъ же селѣ иначе не объясняется народомъ, какъ упускомъ ожившаго покойника [1]).

Какъ обвиненіе евреевъ въ убійствѣ христіанскихъ дѣтей еще болѣе укрѣпляется разсказами о нѣкоторыхъ загадочныхъ случаяхъ убійства или смерти, такъ и въ Вятской губерніи такіе загадочные случаи укрѣпляютъ убѣжденіе народа въ совершеніи убійства церковными причтами. „Одинъ сельскій учитель, говоритъ В. Магницкій, передавалъ мнѣ, что въ началѣ 70-хъ годовъ текущаго столѣтія, въ одномъ селѣ Слободскаго уѣзда, гдѣ священникомъ былъ его дядя, разъ дѣйствительно оставленный на ночь въ церкви покойникъ найденъ былъ сторожемъ съ свѣжеоблитымъ кровью лицомъ, а гробъ разбитымъ. Объ этомъ сторожъ тотчасъ же доложилъ священнику, а послѣдній донесъ полиціи, и похороны были пріостановлены Но такъ какъ событіе это случилось лѣтомъ, а врачъ для вскрытія прибылъ черезъ мѣсяцъ, то причина смерти покойника не выяснилась. Тѣмъ не менѣе народная молва приписывала дѣйствительное убійство въ данномъ случаѣ ожившаго покойника старику-дьячку“ [2]).

[1]) *В. Магницкій.* Повѣрья и обряды въ Уржумск. уѣздѣ. Стр. 34—36

[2]) Тамъ же. стр. 35.

Народъ крайне возмущается этими мнимыми убійствами. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ г. Орловѣ Вятск. г. распространился слухъ, что въ одной изъ церквей ожилъ покойникъ. Большая толпа, какъ мнѣ разсказывалъ очевидецъ, окружила церковь, чтобы не допустить убійства. Съ трудомъ можно было убѣдить толпу въ ложности слуха.

Въ заключеніе я долженъ оговориться, что для предлагаемыхъ замѣтокъ я выбралъ только тѣ обычаи, смыслъ которыхъ мнѣ представляется яснымъ и о которыхъ я могъ чѣмъ-нибудь дополнить прежнія свѣдѣнія. Нѣкоторые могутъ найти, что заглавіе статьи не совсѣмъ соотвѣтствуетъ ея содержанію, что, напримѣръ, суевѣрныя средства открытія вора, употребленіе свѣчи изъ человѣческаго сала относятся не къ юридическимъ понятіямъ или обычаямъ, а исключительно къ религіознымъ вѣрованіямъ народа. Это было бы совершенно справедливо, еслибы я сталъ разсматривать религіозныя вѣрованія, существующія въ настоящее время, независимо отъ ихъ исторіи; но мнѣ представляется несомнѣннымъ, что корень этихъ вѣрованій былъ тѣсно связанъ съ юридическими понятіями и что изученіе ихъ очень важно для исторіи обычнаго права.

Е. Якушкинъ.

Нѣсколько новыхъ данныхъ къ народнымъ представленіямъ о Долѣ.

Матеріалы и указанія, сообщаемые далѣе, легко распредѣляются по тѣмъ стадіямъ развитія народной идеи о Долѣ, которыя мы попытались установить въ предыдущемъ изслѣдованіи (Разысканія, вып. V, гл. XIII): та-же идея непререкаемости судьбы въ сказкахъ типа Василія Безсчастнаго [1]); что бездольному не въ прокъ ни чужая помощь, ни находка—о томъ разсказывала сербская сказка и повторяетъ албанская [2]); счастливцы, какъ и бѣдовики, родятся: греки зовутъ ихъ *καλοπόδαροι*, *κακοπόδαροι*, и стараются, чтобы въ день Новаго года *καλοπόδαρος* первый вступилъ въ домъ. Я сравнилъ ихъ съ сербскими полажайниками, южно-русскими полазниками [3]); у гораловъ имъ отвѣчаютъ подлазники, gości którzy zwykle po pasterce przychodzą na podłazy, t. j. z. powinszowaniem świąt; обыкновенно хозяинъ знаетъ, кто явится къ нему подлазникомъ, и заранѣе о томъ напоминаетъ [4]). Интереснѣе отмѣтить распространеніе самаго образа *κακοπόδαροι*, съ тѣмъ же при немъ значеніемъ. Дѣло идетъ о шотландскомъ суевѣріи: какой-то рыбакъ женился, съ тѣхъ поръ ему въ ловлѣ не везетъ; эту неудачу приписали худой, неудачливой ногѣ, *mauvais pied*, его жены (*κακοπόδαρος*), и онъ сталъ такъ дурно обходиться съ нею, что принудилъ ее вернуться къ себѣ въ деревню. Другія рыбачки, также обладавшія подобнымъ же не-

---

1) См. Этнографическое Обозрѣніе, кн. VII, стр. 80—3 (сказка о Маркѣ богатомъ) и Разысканія, вып. V, стр. 200.

2) См. Разысканія, l. c., стр. 230—1 прим. и Zeitschrift f. Volkskunde II, стр. 266—7 (Das Glück des Narren).

3) Разысканія, l. c., стр. 233—4.

4) См. Stefanija Ulanowska. Boże narodzenie u Górali, zwanych Zagorzanami. - Wisła III, стр. 104—5.

счастнымъ даромъ, всегда сворачивали съ дороги, завидѣвъ рыбака, направлявшагося къ морю, либо занятаго какой-нибудь работой [1]).

Народныя олицетворенія Доли встрѣтились намъ въ недавно обнародованной болгарской сказкѣ: Свети Илиіа и наречницы [2]) и въ группѣ южно-итальянскихъ повѣрій, о которыхъ я намѣренъ сказать нѣсколько словъ. Для Сициліи онѣ собраны были Pitré, въ послѣднемъ четвертомъ томѣ его Usi e costumi, credenze e pregiudizi del popolo siciliano (Palermo, 1889). Вопроса о соотношеніи идей Фаты, Доли (sorti, mira), Судьбы (destino) онъ не касался; факты имъ сообщенные безъ труда укладываются въ установленныя нами генетическія рубрики. Говорится о нареканіяхъ и дарахъ Фатъ новорожденной (стр. 180); доля (стр. 199 и слѣд.)—счастливая или нѣтъ — неизбѣжна: стоитъ бездольному (malassurtatu) начать шапки шить, люди станутъ родиться безъ головы, а для счастливца будутъ рождаться и о двухъ головахъ; бездольный броситъ въ воду соломинку, она канетъ на дно, а у другого всплыветъ и кусокъ свинца:

Di quantu sfartunati su' a lu munnu
Unu di chisti mi pozzu chiamari,
Jetta la pagglia a mari e mi va 'n funnu,
Ad autru viju la chiammu navicari.

За счастливаго работаетъ его доля (sorti e va cùrcati), онъ и въ водѣ не тонетъ (dammi sorti e jettami a mari). Говорится, что долю даетъ Богъ (la sorti la reggi Ddiu), но въ сказкахъ она является и самостоятельнымъ существомъ, опредѣляющимъ людскую участь. Ее стараются умилостивить; въ первый понедѣльникъ мѣсяца къ ней обращаются съ молитвой: пусть явится во снѣ, откроетъ будущее; если она не приснится, нечего ожидать отъ нея помощи. Одна дѣвушка, обратившаяся къ ней съ такой молитвой, видѣла ее во-очію: высокая, смуглая дѣвушка грозно глядѣла на нее и сказала: „не зови меня больше: Доля и Смерть всегда съ тобою, куда бы ты ни пошла:“

[1]) Revue des traditions populaires, IV, стр. 660 - 661.

[2]) Сборникъ за народни умотворения, кн. I, стр. 110—111. См. Разысканія, вып. V, стр. 190, прим. 1.

Sorti e Morti,
Duvvi vai, ti la porti!

Съ тѣхъ поръ той женщинѣ никогда не везло.

Въ сказкахъ красавицамъ удается умилостивить ее дарами: такъ, въ сказкѣ о Розинѣ и въ разсказѣ о Бездольной, Sfurtuna, сходномъ съ приведеннымъ мною румынскимъ [1]). Sfurtuna, седьмая дочь королевы, бездольная, становится невольной причиной бѣдствій для всей своей семьи. По совѣту одной старухи мать отсылаетъ ее отъ себя; какія-то ткачихи пріютили ее; ночью она видитъ, что ея Доля рѣжетъ ножницами ввѣренныя ей ткани. У лавочника, въ услуженіе къ которому она поступила, случилось то-же: ея Доля открыла краны у бочекъ, и вино пролилось. Прачка, къ которой она перешла, поручаетъ ей выстирать бѣлье царевича; довольная работой дѣвушки, за которую царевичъ ее награждаетъ, прачка посылаетъ ее къ своей Долѣ съ двумя хлѣбцами. Sfurtuna идетъ къ берегу и зоветъ Долю; та принимаетъ ее дружелюбно и указываетъ, гдѣ ей найти и свою собственную Долю, безобразную старуху пекарку, грубо встрѣтившую ее, когда она принесла ей свой хлѣбецъ. Sfurtuna идетъ домой, опечаленная; въ другой разъ, вернувшись къ Долѣ, она приласкала ее, вымыла, вычесала и получила отъ нея въ даръ ящичекъ съ кускомъ галуна. Когда на слѣдующей недѣлѣ прачка снова понесла бѣлье царевичу, она застала его въ горѣ: къ платью его невѣсты не доставало кусочка галуна, а подобнаго ему нигдѣ не могутъ найти. Sfurtuna даритъ прачкѣ свой кусокъ, за который царевичъ обѣщаетъ заплатить вѣсомъ золота. Сколько его ни клали на чашку вѣсовъ, галунъ все перевѣшивалъ. Царевичъ теряется въ догадкахъ. Sfurtuna разсказываетъ ему о своей Долѣ—и выходитъ за него замужъ.

Сициліанская mira, mera (греч. μοῖρα)—та-же Доля; Raffaele

[1]) См. Разысканія, вып. V, стр. 258—9. Галунъ сициліанской сказки замѣнилъ собою нить румынской. Эту нить я объяснилъ, какъ брачную. См. l. c стр. 208 слѣд., 248, 259 и Liebrecht Zur Volkskunde, стр. 358, § 28. Къ приведенной мною (l. c. стр. 257—8) малорусской параллели, см. еще варьянтъ у М. К. Васильева: Антропоморфическія вѣрованія украинскаго народа, Этнографическое Обозрѣніе, кн. IV, стр. 92, № 4.

Castelli опредѣляетъ ее: домашній духъ, покровитель [1]). Любопытно одностороннее, ухудшающее значеніе миры: Недоли, несчастной Судьбы; оно напоминаетъ такое же развитіе понятій Фатума, Немезиды, Эринній [2]).

Слѣдующая сказка изъ Калабріи [3]) отвѣчаетъ сербской у Крауса [4]); нѣтъ только Бога, дающаго Сречу. Донъ Филомено посылаетъ бѣднаго сапожника Теста: пусть пойдетъ на гору, тамъ поляна, посреди нея утесъ; пусть позоветъ la Fortuna di don Filomeno, вручитъ ей письмо и передастъ просьбу Филомено: не посылать ему болѣе богатствъ, ибо онъ не знаетъ, куда ихъ дѣвать. Бѣднякъ исполнилъ порученіе; Fortuna ('na fimmana tutta sudata, какъ работница) явилась на его зовъ и выслушала порученіе, съ которымъ онъ пришелъ. Въ это время выпалъ такой градъ, что вся поляна побѣлѣла. „Скажи Филомено,—говоритъ Fortuna,—что я пошлю ему столько золотыхъ, сколько здѣсь крупинъ града." Бѣднякъ желаетъ видѣть и свою Долю. —„Позови ее", совѣтуетъ ему Fortuna Филомено. Явилась женщина, оборванная, съ всклокоченными волосами и гнойными глазами, видно, что лѣнивая. Теста жалуется ей: она причиной тому, что онъ спитъ на соломѣ, и его одолѣли вши. — „Видѣлъ ты, какой выпалъ градъ?" спрашиваетъ она: „столько вшей я нашлю на тебя". Бѣднякъ погнался за нею съ камнемъ въ рукѣ, но она исчезла. Когда онъ вернулся къ богачу и разсказалъ ему, какъ было дѣло, тотъ отвѣтилъ: Fortuna посылаетъ мнѣ богатство, а же изведу его. Онъ велитъ скупить сколько было на рынкѣ сала и наполнить имъ амбаръ; велитъ скупить всѣхъ кошекъ, какія нашлись, и пустить ихъ туда: пусть ѣдятъ сало; но кошки его не трогаютъ, а ѣдятъ мышей и жирѣютъ. Тогда богачъ распорядился нагрузить саломъ корабль, взять и кошекъ, и то и другое сбыть гдѣнибудь—съ убыткомъ. Его люди продали сало въ одномъ го-

---

[1]) Къ другимъ итальянскимъ отраженіямъ fatum сл. Simioni, I fatuzzi nella credenza popolare Trapanese. Archivio per lo studio delle trad. popolari. VIII, стр. 337 слѣд.

[2]) Разысканія, вып. V, стр. 259.

[3]) La Calabria. Rivista di letteratura popolare dir. da L. Brozzano 1889, № 2, стр. 15—16.

[4]) Разысканія, l. c., стр. 245—6.

родѣ, гдѣ не знали его употребленія, кошекъ—въ другомъ, гдѣ не было житья отъ мышей (мотивъ извѣстной сказки о кошкѣ Виттингтона): то и другое за дорогую цѣну; нагрузили корабли золотомъ и серебромъ и привезли въ Филомено. Пусть же моя Доля шлетъ мнѣ, что угодно, говоритъ онъ, я все прійму.

Долю можно измѣнить, говорятъ въ Абруццахъ, молитвою къ Богородицѣ, либо суевѣрнымъ актомъ, напр. сліяніемъ крови; кто совершилъ этотъ искупительный актъ въ пользу бездольнаго, зовется имъ не иначе, какъ San Giovanni, т. е. кумомъ, ибо вызвалъ его къ новой жизни [1]) Напомнимъ, что св. Іоаннъ въ Италіи покровитель кумовства, comparatico, братства названнаго; что въ его ночь гадаютъ о судьбѣ, долѣ; что актъ смѣшенія крови въ абруццкомъ обычаѣ, очевидно, имѣетъ тотъ смыслъ, что вмѣстѣ съ кровью кума переходитъ къ неудачнику и его Доля—удача. Эта бытовая черта, пока не встрѣчавшаяся мнѣ въ циклѣ народныхъ повѣрій о Долѣ, позволяетъ мнѣ точнѣе отвѣтить на вопросъ, поставленный въ предыдущемъ изслѣдованіи (Разысканія, вып. V, стр 225 слѣд., 231—233): въ цѣлой группѣ сказокъ бездольный молодецъ выходитъ изъ недоли, женившись на удачливой дѣвушкѣ, работящей и мудрой, иногда вѣщей, располагающей сверхъестественными силами. Я спросилъ себя: какъ понять образъ дѣвушки, приносящей счастье бездольному молодцу? Что это: просто-ли дѣвушка, одаренная долей, или въ ней есть черты олицетворенной Сречи сербскаго повѣрія? Я полагаю, что въ основѣ сказочнаго мотива лежитъ болѣе древнее матеріальное представленіе: пріобщеніе къ чужой, родовой Долѣ путемъ брачнаго союза съ другимъ лицомъ. Такой-же матеріальный образъ предполагается и смѣшеніемъ крови въ абруццкомъ обычаѣ. Я объясняю его себѣ по аналогіи съ слѣдующимъ половецкимъ: половецъ прокалывалъ себѣ палецъ иглой и выступившую кровь давалъ сосать тому, кого избиралъ себѣ въ постоянные спутники и друзья, послѣ чего сосавшій кровь своего товарища становился для него какъ бы собственною его кровью и тѣломъ, какъ вкушеніе отъ молока женщины

---

[1]) Curiosità popolari tradizionali publicati per cura di G Pitrè, vol. VII. Finamore. Credenze, usi e costumi abruzzesi, p. 77.

устанавливало родственную связь между ея родомъ и вкусившимъ. Именно послѣднее распространенное повѣріе показываетъ, что г. Кулишеръ [1]) былъ, можетъ быть, не въ правѣ выразиться о половецкомъ обрядѣ, что въ немъ „опущена весьма важная подробность: о взаимности сосанія". Эта взаимность (смѣшенія, вкушенія, сосанія крови) дѣйствительно характеризуетъ извѣстный актъ побратимства, но она не представляется мнѣ существенной: уже одностороннее вкушеніе, сосаніе крови достаточно выражаетъ идею кровнаго, родового единенія; въ абруццкомъ обиходѣ существенна не идея смѣшенія, а то, что кровь удачливаго попадаетъ въ тѣло безсчастнаго, а съ кровью или другою частью его тѣла передается и его доля.

Мы можемъ конструировать такое вещественное представленіе Доли изъ цѣлаго ряда другихъ представленій: ѣсть сердце врага, пить его кровь—обычныя угрозы сѣвероамериканскихъ дикарей, мотивирующіеся представленіемъ, что вкусившій отъ сердца храбреца усвоитъ и его храбрость [2]); есть цѣлый рядъ сказокъ и легендарныхъ мотивовъ, что вкушеніе той или другой части извѣстнаго животнаго (пѣтуха, рыбы, змѣи и т. д.) сообщаетъ человѣку чудесные дары, свойства и счастье. Слѣдующая малорусская сказка [3]) соединяетъ зооморфическіе образы Срѣчи съ идеей, что счастье можно съѣсть.

Былъ себѣ человѣкъ, узнававшій съ перваго взгляда, кто счастливый, кто нѣтъ, люди или скотина; дѣти у него были счастливые, одинъ только сынъ бездольный. Задумалъ парень жениться, батько останавливаетъ его, говоритъ, что дѣвка несчастлива. Когда сынъ все-таки женился, отецъ совѣтуетъ ему съ женой жить при немъ, а по смерти своей при старшемъ братѣ ибо „вы обое нещаслыви". Но они не послушались, идутъ искать своего счастья: отдѣлились отъ батьки, поѣхали. На пути подобрали заброшеннаго щенка, купили земельки, устроились, а щенокъ сталъ доброй собакой. И

[1]) М. И. Кулишеръ, Очерки сравнительной этнографіи и культуры, СПБ. 1887, стр. 101.

[2]) Срв. Этногр. Обозр. IX, 14.

[3]) Кіевская Старина 1889, апрѣль, стр. 196—199.

повалило молодымъ счастье: за что ни возьмутся—все удается, „росте, якъ зъ воды йде". Выписали они отца посмотрѣть на нихъ довольство. Пріѣхалъ онъ, дивится, не знаетъ что и подумать: не видно счастливаго! Вечеромъ пригнали овецъ, за ними и собака: «ага! ось де щастя!» говоритъ старикъ — и проситъ убить собаку: лучше будетъ! Ни хозяева, ни пастухи не рѣшаются на это; нашелся, кто не пожалѣлъ собаки и убилъ ее. А старикъ смотритъ, что будетъ: подбѣжалъ къ убитой пѣтухъ, клюнулъ ее разъ и два. Старикъ доволенъ: говоритъ невѣсткѣ, чтобы она на другой день заколола пѣтуха и изжарила ему въ дорогу, да никому не давала бы отвѣдать, а что въ немъ негодно, то закопала бы. Хозяйка зажарила пѣтуха, побила сынишку, пристававшаго къ ней дать ему кусочекъ, но по просьбѣ сосѣдки все-таки дала. Старикъ былъ въ церкви; когда вернулся, увидѣлъ, что дѣло сдѣлано. Сѣли обѣдать; старикъ требуетъ, чтобы подали пѣтуха.—Да вѣдь онъ вамъ на дорогу! говоритъ хозяйка.—Такъ надо было сказать, а теперь можно и ѣсть его, ибо у васъ уже есть счастливый. И онъ объясняетъ, какъ собачье счастье перешло въ пѣтуха, а теперь въ хлопчика. Живите и Бога хвалите: все ваше при васъ будетъ!

Вернемся еще разъ къ итальянскимъ представленіямъ о Долѣ, чтобы раскрыть элементы народной сказки въ одной притчѣ, которую Боккаччьо разсказалъ въ De Casibus Virorum Illustrium со словъ своего учителя, астронома Андалоне дель Негро. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я коснулся этой притчи и указалъ на ея отношеніе къ народнымъ идеямъ о Долѣ [1]; теперь мнѣ яснѣе въ ней раздѣлъ между ея школьными и народно-поэтическими мотивами. Сцена открывается перебранкой между Fortuna и Paupertas; нищета предполагаетъ для Fortun'ы значеніе не столько судьбы, сколько счастья и богатства. Перебранка переходитъ въ бой; побѣждаетъ Paupertas и по уговору ставитъ свои условія побѣжденной. До сихъ поръ мы на почвѣ школьнаго пренія (Debats et Disputes), въ родѣ извѣстныхъ средневѣковыхъ преній Поста и Масляницы,

[1]) Три письма Джіованни Боккаччьо къ Майнардо де Кавальканти (СПБ. 1876), стр. 7—8.

Синагоги и Церкви, души и тѣла и т. д. Во второй части притчи объявляется нѣчто новое: Fortuna болѣе не Счастье, а Судьба, Усудъ извѣстной сказки; въ ея вѣдѣніи находятся Fortunium и Infortunium: сербская Среча и Несреча, добрая и лихая Доля. И вотъ Paupertas рѣшаетъ: пусть Fortunium свободно ходитъ, куда пошлетъ его Fortuua, а Infortunium она обязана на виду у всѣхъ привязать и приковать цѣпями къ столбу, чтобы ему нельзя было ни тронуться съ мѣста, ни переступить чей-либо порогъ, развѣ вмѣстѣ съ тѣмъ, кто развяжетъ его путы. Если я не ошибаюсь, это опять сказочный мотивъ, какъ и самые образы Fortunium и Infortunium: я указываю на сказки, въ которыхъ бѣднякъ запираетъ, зарываетъ, забиваетъ въ дупло свою Недолю; ему съ тѣхъ поръ везетъ; какой-нибудь завистникъ, иногда братъ, выпускаетъ эту Недолю изъ заключенія, полагая, что она снова привяжется къ бѣдняку, но она хватается за него самого [1]), какъ Infortunium овладѣваетъ тѣмъ, кто отвязалъ его.

Очень вѣроятно, что въ пониманіи Боккаччьо эти реальные мотивы сказки представлялись отвлеченнѣе въ томъ смыслѣ, что всякій самъ навязываетъ себѣ лихую долю и въ ней повиненъ. Грузинская сказка [2]), которою я заключаю этотъ обзоръ, пошла и еще далѣе: что злую долю можно исправить волей, трудомъ. Жилъ былъ богачъ; его безчисленныя стада рогатаго скота и табуны лошадей бродили по горамъ безъ пастуховъ и присмотра, точно ихъ оберегала какая-то невѣдомая рука. Въ той-же странѣ жилъ и бѣднякъ, человѣкъ лѣнивый. Богачъ предложилъ ему приходить къ нему помогать при работахъ; онъ даетъ ему за то пару воловъ. Но лѣнивцу не до того: чѣмъ работать все лѣто изъ-за какой-нибудь пары воловъ, лучше угнать часть богачева стада,—оно вѣдь ходитъ безъ присмотра,—продать въ городѣ и зажить счастливо. Онъ дѣйствительно отправился къ мѣсту, гдѣ паслись стада, но едва близко подошелъ къ нимъ, какъ пронесся свистъ и про-

---

1) См. Разысканія, вып. V, стр. 219—220.

2) См. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. X, отд. III,стр. 49 слѣд. Сл. Разысканія, l. c., стр. 217 слѣд. и малорусскій варьянтъ, напечатанный г. Васильевымъ въ Этнограф. Обозрѣніи, кн. IV, стр. 92—3.з

нзительный крикъ по горамъ. Стада вдругъ зашевелились, лошади заржали, лѣнивыя коровы оживились, раздался шумъ, и весь скотъ, какъ вихрь, слетѣлъ въ долину. Бѣднякъ стоялъ пораженный. Придя къ мѣсту сбора, онъ увидѣлъ среди стада крошечнаго человѣка, лицо котораго сіяло, какъ огонь; животныя проталкивались къ нему, желая облизать его. „Я—Счастье хозяина этихъ стадъ", былъ его отвѣтъ на вопросъ бѣдняка, „а твое Счастье тамъ на холмѣ, подъ кустомъ почиваетъ". Бѣднякъ идетъ искать его, но долго не находитъ, и такъ какъ полѣнился итти дальше, то легъ и проспалъ до вечера. Вдругъ до него донесся стонъ: въ кустахъ извивался, какъ насѣкомое, совершенно высохшій, безобразный человѣкъ. „Я твое Счастье", прохрипѣлъ онъ и отвѣчалъ на укоръ бѣдняка: „ты лежишь и почиваешь, я тоже лежу и сохну; встань—встану и я, проснись—я буду бодрствовать, трудись—дамъ богатство". Бѣднякъ одумался, началъ трудиться; проснулось и его Счастье—онъ разбогатѣлъ и зажилъ счастливо.

А. Веселовскій.

СТАНИЦА ЧЕРВЛЕНАЯ,

Кизлярскаго отдѣла Терской области.

II.

Мы уже указали на возникновеніе отношеній между дѣвушкой и парнемъ и прослѣдили ихъ до супружества. Посмотримъ теперь, какія отношенія возникаютъ между мужемъ и женой въ ихъ семейной жизни.

Трудно установить какую-либо общую мысль въ вопросѣ о положеніи жены въ семьѣ казака: въ одной семьѣ мужъ глава дома, въ другой и жена не только не уступаетъ мужу, но и беретъ верхъ, въ третьей, наконецъ, наблюдается равенство. „Не равно", т. е. не одинаково, какъ говорятъ казаки. Въ общемъ, конечно, положеніе жены, въ сильной степени обусловливается тѣмъ взглядомъ, какой имѣютъ казаки на женщинъ. Можно отмѣтить одну общую черту въ положеніи казачки, именно нѣкоторую двойственность, состоящую въ томъ, что ея положеніе и право, по сложившимуся испоконъ вѣковъ принципіальному представленію казака, рѣзко отличаются отъ положенія и правъ на самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительности, на практикѣ.

По мнѣнію казака, женщина вообще неизмѣримо ниже мужчины по своимъ духовнымъ силамъ. Она есть сосудъ нечистый и вмѣстилище всякой скверны. Въ женщинъ любитъ больше всего вселяться нечистый духъ; „портитъ" ихъ гораздо легче, чѣмъ мужчинъ, и „онъ" съ удовольствіемъ идетъ въ женщину, а мужчины онъ боится. Въ часовнѣ женщины стоятъ назади и строго отдѣлены отъ мужчинъ. Входить въ часовню онѣ могутъ лишь съ задней стороны, между тѣмъ какъ мужчины входятъ съ боковъ. Входя въ церковь, казакъ кланяется имъ послѣднимъ. При встрѣчѣ съ мужчиной жен-

щина не должна переходить дорогу, а должна остановиться въ нѣкоторомъ отдаленіи, подождать, пока пройдетъ мужчина. При встрѣчѣ она первая должна наклонить голову въ знакъ полной покорности и уваженія. „Дай имъ только волю, такъ онѣ покажутъ себя. Нѣтъ, ихъ нужно крѣпче держать,“ — такъ обыкновенно выражаетъ казакъ свою мысль по отношенію къ женщинамъ. Мужа жена не имѣетъ права назвать какъ нибудь иначе, какъ только по имени и отчеству, мужъ же пользуется правомъ назвать жену, какъ ему заблагоразсудится.

Слушая эти мнѣнія и чувствуя, съ какой увѣренностью они произносятся, вы невольно содрогнетесь при мысли о томъ, каково здѣсь должно-быть положеніе женщины! И дѣйствительно, первое знакомство съ жизнію казаковъ произвело на меня именно такое впечатлѣніе. Не то я увидѣлъ, когда я повнимательнѣе всмотрѣлся и поближе познакомился съ сущностью отношеній. Тотъ же самый казакъ, который такъ яро говоритъ о женщинѣ, какъ о существѣ, значительно ниже стоящемъ, далеко не такъ послѣдовательно проводитъ свои взгляды на дѣлѣ. Этого противорѣчія онъ, кажется, не замѣчаетъ, по неспособности къ анализу. „Старуха мнѣ велѣла сдѣлать то-то“; „да старуха такъ сказала“; „вотъ бѣда: старуха заболѣла, теперь въ хозяйствѣ упущеніе“ и т. д. Вотъ какія фразы приходится постоянно слышать отъ казаковъ. Жена казачка хорошо знаетъ, какъ важно ея положеніе въ семьѣ, и хотя, повидимому, уступаетъ мужу, но въ большинствѣ случаевъ въ хозяйствѣ поступаетъ по своему. Да и мужъ не разъ и не два обратится за совѣтомъ къ женѣ, и нерѣдко ея совѣты бываютъ такъ дѣльны и практичны, что по неволѣ приходится мужу соглашаться съ нею. Особенно важна ея рѣчь въ томъ случаѣ, когда родители задумаютъ женить сына или отдать дочь. Тогда она имѣетъ первенствующее значеніе. Ей всюду отводится почетное мѣсто, на ней лежатъ всѣ существенныя обязанности.

Такое положеніе женщины, относительно высокое, создалось среди казаковъ, благодаря, главнымъ образомъ, прежней тревожной жизни казачества, когда казакъ представлялъ только боевую силу, а веденіе хозяйства, доставленіе средствъ на

вооруженіе, а иногда и защита самой станицы лежали на обязанности женщинъ. Итакъ, съ одной стороны религіозный фанатизмъ заставляетъ смотрѣть на женщину, какъ на „вмѣстилище всякой скверны“, съ другой жизнь ставила женщину главной помощницей мужу, способной даже замѣнить его подчасъ. Такое двойственное направленіе идей и создало особое положеніе для женщины-казачки. Въ умѣ казака она неизмѣрило ниже, въ жизни—она столько же важна, какъ и онъ. Казакъ инстинктивно чувствуетъ это, и въ душѣ его не разъ по вляется сознаніе объ открытомъ признаніи равноправности женщинъ, особенно, когда это требуется въ силу стеченія извѣстныхъ обстоятельствъ. Но боязнь открытаго признанія ея правъ заставляетъ его нерѣдко показать такъ или иначе свою власть

Женщина шагъ за шагомъ отвоевала себѣ такимъ образомъ почти независимое положеніе, и хотя въ умѣ казака до сихъ поръ живетъ пословица: „жена моя—воля моя,“ но въ общемъ права его на личность жены не особенно велики. Онъ можетъ ее „пощунять“ (т. е. побранить, сдѣлать выговоръ), и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ наказать „плеточкой слегка“, да и то не при народѣ. Да и „щунять“ при народѣ казакъ стѣсняется. Очень легко можетъ случиться, что слухъ дойдетъ до всего общества, и тогда весьма возможно, что ему сдѣлаютъ выговоръ. Въ старину мужъ, повидимому, гораздо строже относился къ женѣ: въ пѣснѣ (теперь почти забытой) поется вообще о семейной жизни и о грозномъ самодурѣ-мужѣ, который, возвращаясь домой пьяный, начинаетъ учить жену: беретъ плеточку „шелковую“; „эта плеточка—не шуточка: гдѣ ударитъ плеточка, такъ сподымется шкурочка“. Теперь это представляется немыслимымъ. Наоборотъ, бываютъ даже случаи, когда жена вполнѣ глава всего дома и распоряжается мужемъ, какъ тряпкой. Правда, къ такому мужу сосѣди относятся пренебрежительно: „нѣтъ того хуже, какъ жена обладала мужа“, гласитъ поговорка.

Изъ основного (религіознаго) взгляда на мужа, какъ на главу въ семьѣ, слѣдуетъ, конечно, и то, что мужъ, если жена уходитъ отъ него, имѣетъ полное право требовать ея возвращенія, хотя фактически не во многихъ случаяхъ при-

мѣняется это право; жена же имѣетъ право лишь только въ томъ случаѣ, когда у нея дѣти. Мужъ въ правѣ и самъ удалить жену, не спрашивая разрѣшенія станичнаго правленія. Вообще судъ, какъ выразитель закона, вмѣшивается въ семью лишь тогда, когда стороны сами обращаются для разрѣшенія возникающихъ недоразумѣній. Общество же въ видѣ „общественнаго мнѣнія“ чаще вторгается въ семейную жизнь.

Мужъ обязанъ содержать жену во всякомъ случаѣ, даже если она не способна къ работѣ. Смотрѣть за поведеніемъ жены обычай его не обязываетъ: „своя воля“ у него на это, и по суду за жену онъ никогда не является отвѣтчикомъ; даже и въ томъ случаѣ, когда жена, приговоренная къ какому нибудь наказанію, не можетъ въ силу состоянія ея здоровья вынести наказанія, мужъ остается въ сторонѣ. „Своими плечиками и отвѣчай“; „что сробилъ, то и съѣшь“,—таково воззрѣніе казака на виновнаго вообще.

Случаи нарушенія супружеской вѣрности нерѣдки. Это, впрочемъ, находится въ связи съ общимъ уровнемъ нравственности казачекъ, о чемъ было упомянуто выше. Особенно часто это случается во время отбыванія мужемъ воинской повинности. По народному воззрѣнію, какъ мужъ, такъ и жена не хорошо поступаютъ, нарушая вѣрность супружескихъ отношеній. Но, все-таки, для хозяйства считается гораздо вреднѣе, если жена начнетъ „дурить“. „Мужъ пойдетъ - немного понесетъ; жена пойдетъ—весь домъ уйдетъ“. Всѣ возникающія разногласія между мужемъ и женой стараются обыкновенно уладить дома, и только тогда уже, когда всѣ домашнія мѣры испробованы и не привели ни къ чему, жена попрежнему „балуетъ“, тогда только обращаются къ суду.

Если мужъ начинаетъ дурно обращаться съ женой, то она долгое время старается вытерпѣть, снести въ надеждѣ, что мужъ наконецъ угомонится. Но когда она видитъ, что отношенія къ ней мужа не улучшаются, а наоборотъ становятся все хуже и хуже, она обращается къ защитѣ родителей. Тѣ стараются уговорить, усовѣстить расходившагося буяна; если же уговоры не дѣйствуютъ, то родители должны обращаться къ суду. „Мужъ да жена—одна сатана: сегодня поссорятся, завтра помирятся“, и поэтому то въ судъ не такъ скоро обращаются.

Истязаніе женъ мужьями вообще бываетъ довольно рѣдко, и большей частью со стороны мужей, побывавшихъ въ городахъ. Наказаніемъ за плохое поведеніе мужа прежде обыкновенно были розги, теперь же сажаютъ въ «жигулевку» (холодная). Эти наказанія уже налагаются безъ согласія жены. Если мужъ ведетъ нетрезвую жизнь, то жена не жалуется; мотивъ: «такого мужа не исправишь»; „что жена пойдетъ попусту славиться?" Если она и жалуется, то уже прямо проситъ объ отнятіи у мужа права на веденіе хозяйства.

Дѣла между мужемъ и женой большею частью разбираются въ станичномъ судѣ, а при недовольствѣ рѣшеніемъ—на третейскомъ судѣ. По обычаю никто не имѣетъ права наказывать мужа или жену, кромѣ станичнаго суда. Иногда судъ вмѣсто наказанія, особенно если мужъ выразитъ желаніе исправиться, просто отбираетъ подписку и этимъ какъ бы обязываетъ мужа относиться иначе. Обыкновенно послѣ отобранія подписки судъ поручаетъ наблюдать сосѣдямъ за поведеніемъ мужа. Иногда и само общество вступается за жену и приноситъ жалобу въ судъ; случается, что оно передаетъ управленіе хозяйствомъ женѣ. Если враждующія стороны недовольны судомъ, то онѣ передаютъ свои жалобы мировому судьѣ, который или отсылаетъ на третейскій судъ станичный, или же если и рѣшаетъ, то во многихъ случаяхъ въ духѣ рѣшенія станичныхъ судовъ.

Имущественныя отношенія супруговъ здѣсь вообще несложны. Жена въ весьма немногихъ случаяхъ получаетъ изъ дому имущество. Единственное имущество жены заключается въ одеждѣ, лично ей принадлежащей, пожалуй въ небольшомъ количествѣ денегъ, которыя ей подарятъ во время свадьбы. На это имущество жена имѣетъ исключительное право личнаго пользованія. Бываютъ, между прочимъ, такого рода случаи, когда дѣвушка, имѣющая богатыхъ родителей, выходитъ замужъ, и весьма нерѣдко ей во время обряда даровъ богатая родня дѣлаетъ хорошіе подарки, напр., корову, лошадь и т. п. Эти подарки тоже считаются ея неприкосновенной собственностью, и, по обычаю, мужъ не имѣетъ права пользоваться ими для личныхъ цѣлей, хотя, все-таки, какъ глава дома, конечно, онъ можетъ злоупотреблять своей властью до

извѣстной степени и, не смотря на обычай, расхищать имущество. Имущественная зависимость, конечно, сказывается, но не въ сильной степени, и если жена, основываясь лишь на матеріальномъ преимуществѣ, вздумаетъ стать выше мужа, то онъ не преминетъ ей въ этомъ случаѣ разъ-другой «сбить шлычку» (повязку). Бываютъ случаи пріема зятей въ домъ. Зять-пріемышъ обладаетъ такимъ же правомъ, какъ вообще мужъ. Жена должна слушаться, кто бы мужъ ни былъ.

Вещи, полученныя молодыми во время даровъ, раздѣльны: ни одной шерстинки не уступитъ ни жена мужу, ни онъ ей. Имущество, нажитое совмѣстными трудами, считается общей собственностью. Но если жена, исполнивъ свои хозяйственныя обязанности, еще имѣетъ возможность заработать на сторонѣ, то этотъ заработокъ считается вполнѣ ея собственностью, и она лишь по желанію можетъ употреблять его на хозяйственныя нужды. Имущество, лично принадлежащее женѣ, послѣ ея смерти идетъ ея дѣтямъ, а если ихъ нѣтъ, то ближайшимъ родственникамъ, но чаще отдаютъ на поминъ души часть въ скитъ, а часть въ часовню.

Большихъ семей среди казаковъ нѣтъ. Самыя распространенныя семьи: мужъ, жена и дѣти. Большей частью лишь только сыновья «поднимутся на ноги», женятся и отбудутъ службу, они требуютъ, чтобы ихъ отдѣлили, и не рѣдко достигаютъ этого требованія. Такъ что въ общемъ въ станицѣ среднихъ семей мало, а большей частью и совсѣмъ нѣтъ. Весьма немного такихъ семей, гдѣ есть еще дѣдъ, бабка или братья. Большей частью братья живутъ отдѣльно; поэтому отношенія между ними, конечно, не имѣютъ характера отношеній членовъ одной и той же семьи. Взаимныя отношенія членовъ семьи, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, имѣютъ весьма мягкій оттѣнокъ. Рѣдко вы услышите какое нибудь рѣзкое слово или не въ мѣру сильный тонъ голоса, особенно при постороннихъ людяхъ. Хотя внутри, когда свидѣтелями бываютъ стѣны избы да ближніе родственники, мужъ не постѣснится и побить жену, а родители пожурить сына или невѣстку; но что внутри, то не такъ-то въ глаза лѣзетъ, а съ внѣшней стороны все имѣетъ характеръ вѣжливости и деликатности.

Отсутствіе большихъ семействъ въ станицѣ, конечно, есть, какъ и всюду на Руси, послѣдствіе дѣлежей. Дѣлежы довольно часты и притомъ все учащаются. Во всей станицѣ встрѣтите 2—3 семьи человѣкъ по 15—20, семей 10 по 5—10 ч., а остальныя большей частью состоятъ изъ мужа, жены и ихъ дѣтей. Вліяніе дѣлежей на хозяйство, конечно, вполнѣ отрицательнаго характера. Казаки хорошо понимаютъ это и вмѣстѣ съ тѣмъ не въ силахъ противостоять напору индивидуальныхъ интересовъ. „Всякъ хозяиномъ хочетъ быть,“ а какое здѣсь хозяйство: ни кола, ни двора, а тутъ еще отбываніе воинской повинности, на которую не мало-таки разоряется казакъ. Но все-таки, по мнѣнію дѣлящихся, „какъ бы ни жить, лишь бы не подчиняться волѣ другихъ“; „въ нуждѣ прожить можно, въ журьбѣ нельзя.“ Чаще всего раздѣлы бываютъ между братьями. Когда живъ отецъ, то онъ, все-таки, своей нравственной властью задерживаетъ нѣкоторымъ образомъ стремленія черезчуръ яркаго индивидуализма. Но бываютъ раздѣлы и при отцѣ, особенно когда тотъ ослабѣлъ, устарѣлъ и не въ силахъ доводами удерживать семью отъ распаденія. При раздѣлѣ вообще не согласуются съ желаніями общества, да оно, мнѣ думается, не особенно и заинтересовано этимъ. Въ станичномъ правленіи существуютъ книги „посемейныя“. Въ этихъ книгахъ, какъ разсказываютъ, пишется, что семья такая-то: отецъ, дѣти, сыновья и сыновья дѣтей,—всѣ помѣщены въ одномъ семействѣ; на самомъ же дѣлѣ, изъ одного семейства, записаннаго въ книгѣ, образовалось два, три, а иногда и болѣе. При отбываніи воинской повинности, при могущемъ быть случаѣ быстраго сформированія казачьей сотни, отвѣтственнымъ лицомъ является отецъ, хотя сынъ давно уже съ нимъ не живетъ.

Быть можетъ, покажется страннымъ, если мы рядомъ съ только что отмѣченной чертой—стремленіемъ къ индивидуализаціи, проявляющейся въ раздѣлахъ, поставимъ другую, совершенно противоположную черту—стремленіе къ общественности или общинности, которая проявляется во взаимопомощи, въ артельномъ началѣ и т. п., а между тѣмъ это одна изъ основныхъ чертъ казака. Развитіе этой стороны характера, какъ мнѣ думается, вызвано историческими при-

чинами, изъ которыхъ можно указать на слѣдующія: 1) сектантство, долгое время преслѣдуемое; 2) необезпеченность положенія и вѣчно тревожное состояніе, которое, конечно, заставляло напрягать усилія къ сохраненію болѣе общинныхъ, чѣмъ индивидуальныхъ интересовъ; 3) неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ: можетъ быть, будешь живъ, а можетъ быть и убитъ. Мы знаемъ, что въ прежнее время убирали хлѣба и овощи всѣ женщины сообща и уже потомъ дѣлили посемейно. Товарищество было сильно развито, какъ необходимое средство для возможной борьбы съ окружающими измѣнчивыми условіями жизни. Въ былое время вся станица выѣзжала въ поле и подъ охраной сотенъ казачьихъ пахали, сѣяли и убирали рожь, арбузы, просо и т. д. Съ исчезновеніемъ причинъ, начали понемногу исчезать и послѣдствія. Товариществъ прежнихъ теперь уже нѣтъ. Обрабатываетъ землю каждая семья отдѣльно, соединяясь только для пахоты. Отсутствіе у каждаго домохозяина плуга, а также необходимость довольно большого количества быковъ для пахоты по волнистому грунту,—вотъ главныя причины, заставляющія семьи соединяться. Но эти соединенія бываютъ не болѣе какъ изъ 3-хъ семей и кончаются тотчасъ же послѣ пахоты и раздѣленія вспаханныхъ участковъ. Дѣленіе дѣлается соотвѣтственно степени участія или личнымъ трудомъ или пособіями для производства работы. Нѣкоторые бѣдняки казаки, не имѣющіе быковъ, участвуютъ въ трудѣ или „погонщиками" или „заправилами." Послѣдній видъ труда цѣнится довольно высоко, такъ какъ заправлять пахотой нужно не мало умѣнья, сноровки, да и терпѣнія съ лѣнивыми животными. Погонщиками бываютъ большей частью подростки мальчики, лѣтъ 14—15. Ихъ обязанность заключается въ томъ, что они идутъ рядомъ съ быками и свистомъ, гиканьемъ, нерѣдко и ударами плети погоняютъ ихъ при паханіи. Воловъ обыкновенно впрягается пары по 4—5 и погонщиковъ бываетъ 2—3. Какъ „заправилы," такъ и погонщики получаютъ за свой трудъ натурой (вспаханной землей): заправила получаетъ полосу въ 300—400 саженей длины и 20—30 саженей ширины, погонщики—150—200 с. длины и 10—15 с. ширины. Прежде, какъ я сказалъ, былъ довольно

сильно развитъ этотъ видъ товарищества, но теперь сохранился онъ лишь по отношенію къ просу. Только просо сѣютъ и убираютъ сообща и дѣлятъ послѣ обмолота.

Есть еще другой типъ паханья; особенно вдовы и „господа“ пользуются имъ. Это своего рода казачья „толока.“ Желающіе вспахать свою землю привозятъ на мѣсто пахоты во время паханія ведра 3—4 чихиря, закусокъ, обращаются къ старикамъ, просятъ ихъ попахать. Тѣ вмѣстѣ выпьютъ, закусятъ, а потомъ сразу, какъ запустятъ плуговъ 10, такъ часа въ 2 полосу и вспашутъ.

Особый типъ представляетъ собою товарищество съ „господами.“ Казакъ заключаетъ условіе съ господиномъ, который даетъ своихъ быковъ, работниковъ. Казакъ заправляетъ всею работой, и если онъ самъ еще ставитъ быковъ, то беретъ въ свою пользу половину вспаханной земли, а если его участіе ограничивалось только лишь личнымъ трудомъ, то $^1/_3$.

Зимой часто собирается артель для перевозки спирту. Артель составляется на двухъ началахъ: 1) Какой нибудь изъ казаковъ подряжается перевезти нѣсколько бочекъ спирту у заводчика по какой нибудь цѣнѣ и отвѣтственность за доставку беретъ на себя. Потомъ собираетъ артель отъ себя и назначаетъ членамъ цѣну низшую, чѣмъ самъ договорился. Нерѣдко въ этомъ случаѣ иниціаторъ выгадываетъ по 1 рублю на возъ. 2) Нѣсколько казаковъ собираются вмѣстѣ, выбираютъ изъ своей среды человѣка опытнаго въ извозахъ и даютъ ему довѣренность заключить съ кѣмъ нибудь условіе о перевозѣ. Въ этомъ случаѣ отвѣтственнымъ лицомъ въ исправности доставки является все общество подъ условіемъ круговой поруки.

Зимой также собираются товарищества молодежи для охоты сообща. Нѣсколько парней, обыкновенно человѣкъ 10—15, закупаютъ на общія деньги пороху, уходятъ въ степь верстъ за 40—80 отъ станицы. Здѣсь они строятъ себѣ шалашъ и ежедневно отправляются на охоту, оставляя одного для приготовленія пищи. Когда набьютъ порядочно дичи, выбираютъ изъ своей среды одного парня и поручаютъ ему отвезти набитую дичь въ городъ. Тотъ продаетъ и выручен-

ныя деньги дѣлятъ поровну. При удачной охотѣ на каждаго парня придется рублей 10—15 за недѣлю.

Наконецъ, еще составляется товарищество для ловли рыбы въ Терекѣ (объ этомъ см. Ржевусскаго).

Остатокъ отъ былой общинной жизни остался и теперь въ очень развитой общественности казаковъ. Казакъ рѣдко, напр., веселится или пьетъ одинъ; непремѣнно составляется компанія, и въ этой компаніи казакъ весело проводитъ время. Интересы каждаго и до сихъ поръ близки. Всякій казакъ, а тѣмъ болѣе сосѣдъ, знаетъ до подробностей всю внутреннюю жизнь своего сосѣда и, при случаѣ, не откажется помочь. Такъ, напр., когда пожары истребили чуть не всю станицу, нищенствовать изъ казаковъ никто не пошелъ (нищенство они считаютъ очень унизительнымъ), и помогли другъ другу Многіе бѣдняки поступили на время въ услуженіе къ богатымъ и кое-какъ вновь построились и оправились собственными силами.

Изъ этого однако не слѣдуетъ еще заключать объ особенномъ трудолюбіи казаковъ вообще. Можетъ быть, прошлая тревожная жизнь не мало вліяла въ отрицательномъ смыслѣ на развитіе у нихъ трудового начала. Постоянныя боевыя невзгоды не могли, конечно, развить въ казакѣ хорошихъ качествъ домохозяина, и только въ послѣднее время способность къ труду начинаетъ проявляться и развиваться, хотя казаки и до сихъ поръ работаютъ лишь настолько, чтобы удовлетворить свои потребности. Земля особыхъ уходовъ не требуетъ: вспашутъ, посѣютъ—и родится отлично, особенно рожь. Казачки отличаются большей любовью къ труду. И здѣсь опять-таки, мнѣ кажется, та же историческая причина На женщинѣ въ былое время лежали не только всѣ хозяйственныя обязанности, но и доставленіе мужу средствъ для прохожденія службы. Этотъ порядокъ вещей отражается и на современномъ бытѣ казаковъ. Казакъ ищетъ какого-нибудь случая, чтобы погулять, и, конечно, ни одинъ праздникъ не проходитъ безъ этого, а иной разъ и въ рабочіе дни устраиваются пиршества. Извѣстный чихиревый періодъ, продолжается чуть ли не цѣлый мѣсяцъ. „Отчего казакъ гладокъ?—поѣлъ да и на бокъ.“

Эта пословица вѣрнѣе всего характеризуетъ отношеніе казака къ труду.

Если позволяютъ достатки, то казакъ живетъ, ни въ чемъ не отказывая себѣ. Но особеннаго стремленія къ улучшенію своего положенія, къ увеличенію выгодъ и обогащенію у нихъ не замѣчается. Вслѣдствіе этого, а также вслѣдствіе указанной выше нелюбви къ труду, зажиточныхъ и состоятельныхъ казаковъ немного, кромѣ нѣкоторыхъ офицеровъ. Имѣющій рублей 300—400 считается богачемъ. Пристрастія къ деньгамъ казакъ не имѣетъ, и скорѣе онъ пожелаетъ разбогатѣть натуральнымъ богатствомъ: разведетъ побольше барановъ, табуновъ и т. д. Торговля, одно изъ средствъ наживы и обогащенія, считается низменнымъ занятіемъ, и въ станицѣ нѣтъ ни одной лавки, принадлежащей казаку, а не еврею, армянину или захожему русскому. Единственный видъ торговли казака—это продажа винограднаго вина (чихиря), да и то не всегда она ведется успѣшно, нестолько вслѣдствіе конкурренціи, сколько по отсутствію склонности къ этого рода занятію и по недостатку личной инициативы вообще.

Изъ отрицательныхъ качествъ казаковъ мы бы могли указать еще на ихъ хитрость и лживость, но доказывать эти черты отдѣльными мелкими фактами было бы слишкомъ долго.

Эти дурныя черты вознаграждаются въ нихъ хорошими, каковы, кромѣ указанныхъ раньше, еще, напримѣръ, любовь къ родинѣ и уваженіе къ своей личности, проявляющееся хотя бы въ ихъ отношеніяхъ къ тѣлесному наказанію. Какъ извѣстно, у всѣхъ горцевъ тѣлесное наказаніе считается позорнымъ. Ни одна дѣвушка не выйдетъ за того, кто былъ публично высѣченъ. Въ прежнее время, когда это наказаніе было въ большомъ ходу, многіе казаки уходили, дѣлались перебѣжчиками и по неволѣ должны были сражаться противъ своихъ родичей. Но любовь къ мѣсту рожденія и прежняго жительства не оставляла бѣглеца въ покоѣ, и нерѣдко онъ, спустя много лѣтъ, являлся съ повинной головой, ведя въ искупленіе за свой проступокъ нѣсколько чеченцевъ. Одинъ изъ такихъ бѣглецовъ, по разсказамъ, цѣлыхъ 12 лѣтъ провелъ среди „азіатовъ“ (чеченцевъ), но не могъ сжиться съ

ними, и однажды завелъ ихъ въ станицу ночью и всѣхъ выдалъ, за что и получилъ прощеніе отъ станичнаго начальства.

Сознаніе личной гордости въ соединеніи съ нѣкоторыми историческими условіями служатъ для насъ объясненіемъ и того отношенія къ сосѣдямъ, какое мы замѣчаемъ въ казакахъ. Къ однимъ изъ нихъ казаки относятся презрительно, къ другимъ злобно. Такъ, напр., чеченцевъ казаки и до сихъ поръ ненавидятъ за всѣ нанесенныя ими въ прошломъ обиды, рады бываютъ ихъ несчастью, называютъ ихъ не иначе какъ „азіатами“, „чечней проклятой“. О татарахъ-ногайцахъ они отзываются полупрезрительно: „такъ никуда негодный народишко.“ Эти ногаи, кочующіе вблизи казацкихъ станицъ и получающіе иногда отъ нихъ и средства для жизни, очень бѣдны и жалки и не внушаютъ къ себѣ уваженія; многіе изъ нихъ нанимаются въ пастухи къ казакамъ. Что касается отношеній червленцевъ къ сосѣдямъ-русскимъ, то для ихъ характеристики интересно обратить вниманіе на двѣ ближайшія къ Червленой станицы: Николаевскую и Щедринскую.

Николаевская станица, въ 8-ми верстахъ вверхъ по Тереку, вся населена малороссами православнаго вѣроисповѣданія. Интересно, между прочимъ, возникновеніе этой станицы, отчасти характеризующее нѣкоторую исключительность взглядовъ старообрядцевъ-казаковъ Червленой станицы на православныхъ. Лѣтъ 40—50 тому назадъ правительство переселило сюда нѣсколько десятковъ семействъ крестьянъ—малороссовъ православнаго вѣроисповѣданія. Многія станицы, хотя и со старообрядческимъ населеніемъ, приняли въ число казаковъ новыхъ пришельцевъ, и хотя они и сгруппировались въ отдѣльное мѣсто, но, все-таки, общество имъ позволило поселиться въ предѣлахъ станицы. Съ теченіемъ времени, въ силу общихъ повинностей, они ассимилировались, и теперь если и разнятся, то только лишь по обрядамъ, въ послѣднее время вообще слабѣющимъ. Далеко не такъ отнеслись къ такого рода поселенію жители станицы Червленой. Они категорически отказались имѣть что либо общее съ «мірскими» и согласились даже къ своему большому экономическому ущербу дать отъ себя участокъ земли въ полное пользованіе

пришельцамъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы тѣ не вторгались уже въ предѣлы Червленой. Пришельцы образовали станицу Николаевскую, и для удовлетворенія ихъ нуждъ были отрѣзаны отъ Червленой очень хорошіе участки земли. Теперешнее поколѣніе, отличающееся вообще большей терпимостью къ религіознымъ толкамъ, относится неодобрительно къ такому поступку стариковъ и съ удовольствіемъ приняло бы николаевцевъ въ число своихъ членовъ. Но теперь уже сліяніе окончательно невозможно: во 1-хъ, николаевцы оказались въ лучшихъ условіяхъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи, а во 2-хъ, остается все-таки довольно сильный антагонизмъ. Червленцы называютъ въ раздраженіи николаевцевъ «шаповалами», придавая этому термину какое-то унизительное значеніе. Предки нынѣшнихъ николаевцевъ, до переселенія, кажется, дѣйствительно занимались этимъ промысломъ.

Отношенія къ станицѣ Щедринской уже имѣютъ совершенно другой характеръ. Щедринская станица—дѣтище Червленой и во всѣхъ почти отношеніяхъ есть подобіе своей метрополіи. Червленцы любятъ щедринцевъ и находятся съ ними въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Какъ на иллюстрацію означенныхъ отношеній, могу указать на любимую пѣсню дѣвушекъ станицы Червленой, сложенную, какъ кажется, ими же самими:

Червленскія дѣвушки потомъ (потому) хороши,
Что ходятъ, гуляютъ, покою не знаютъ,
Что поставныя (статныя), аккуратныя.
Щедринскія дѣвушки потомъ хороши,
Что косы больши,
Что поставныя, аккуратныя.
Николаевскія дѣвушки потомъ нехороши,
Что глаза больши,
Не поставныя, не аккуратныя.

У самихъ червленокъ, наоборотъ, глаза большею частью маленькіе, свидѣтельствующіе, можетъ быть, объ азіатскомъ элементѣ въ ихъ крови.

Г. Малявкинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ

ВЪ ПѢСНЯХЪ ПИНЧУКОВЪ.

Пинскій уѣздъ Минской губерніи, занимающій верховья Припяти, съ массою рѣчекъ, озеръ и болотъ, изрѣзывающихъ его во всѣхъ направленіяхъ, является едва-ли не однимъ изъ самыхъ глухихъ и неизвѣданныхъ уголковъ нашего обширнаго отечества. Это центръ Полѣсья, самая интересная, самая характерная его часть, природа которой до сихъ поръ дика и сохраняетъ свою первобытную прелесть. Здѣсь живетъ таинственный, угрюмый полѣшукъ, про котораго всѣмъ извѣстенъ давнишній разсказъ, будто на вопросъ, что онъ за человѣкъ, онъ отвѣчалъ: „я не человѣкъ, я—пинчукъ". Въ обществѣ упорно держится странное, фантастическое представленіе объ этой части Полѣсья, его природѣ и обитателяхъ, и именно потому, что до сихъ поръ еще и въ наукѣ этотъ край остается темнымъ мѣстомъ [1]).

---

[1]) Работъ по этнографіи Пинскаго Полѣсья очень немного: 1) *Zienkiewicz*, Piosnki gminne ludu Pińskiego, Kowno. 1854.—2) Матеріалы по географіи и статистикѣ Россійской Имперіи. Гродненская губ., сост. полк. *Бобровскимъ* СПБ. (замѣтки на стр. 622—652 въ I части).—3) въ VII т. „Трудовъ экспедиціи въ Западно-Русскій край" статья *Михальчука* о пинскомъ нарѣчіи.—4) *Карпинскій*, „Говоръ пинчуковъ" (Русскій Филологическій Вѣстн. 1888, 1).—5) Piesni obrzędowe ludu ruskiego z okolic Pinska, zebrał *P. Bykowski*, во II т. „Zbioru wiadomosci do antropol. krajowéj. Krakow.—6) Свящ. *Булгаковскій*, „Пинчуки. Этнограф. сборн." СПБ. 1890 г.—7) Памятная книжка по Витебск. губ. 1868 г., статья: „Свадебные обряды и пѣсни крест. Пинск. уѣзда".—8) Наши „Замѣтки изъ путешествія по Бѣлоруссіи" въ „Виленск. Вѣстн". 1890 и 1891 гг. №№ 202, 206, 210, 211, 217, 219, 220, 225, 232, 264, 265; 9, 18, 22, 23, 25, 27, 28. Къ этому можно бы прибавить нѣкоторыя мелкія замѣтки въ мѣстныхъ изданіяхъ. *Авт.*

Болѣе подробную библіографію Полѣсья вообще можно найти въ книгѣ: „Полѣсье.—Библіографическіе матеріалы по географіи, статистикѣ, этнографіи и экономическому состоянію Полѣсья (сѣв.-зап. и юго-зап. край вообще и губ.

Этотъ-то край пришлось мнѣ посѣтить лѣтомъ прошлаго года по порученію Этнографическаго Отдѣла Имп. Московскаго Общества Любителей Естествознанія Антропологіи и Этнографіи. Результатомъ поѣздки явилось между прочимъ собраніе пѣсенъ, среди которыхъ лирическія занимаютъ весьма солидное мѣсто [2]). Мотивы ихъ весьма разнообразны; но самый теплый, задушевный мотивъ—это женская доля, съ ея горечью и радостями. Эту сторону поэзіи пинчуковъ мы и избрали предметомъ нашей статьи. При этомъ считаемъ не лишнимъ предупредить, что мы пользуемся исключительно записанными нами пѣснями. Мы не считали нужнымъ также указывать варьянты приводимыхъ нами пѣсенъ, хотя онѣ и сходятся съ бѣлорусскими и малорусскими, такъ какъ это будетъ сдѣлано при изданіи самыхъ пѣсенъ.

Дѣвушка въ очень раннемъ возрастѣ вступаетъ въ общественную жизнь, т. е. въ тотъ счастливый періодъ своей жизни, когда на нее начинаютъ смотрѣть, какъ на взрослую, на невѣсту: на нее засматриваются парни, ухаживаютъ за нею; она, въ свою очередь, останавливаетъ свое вниманіе то на томъ, то на другомъ, пока, наконецъ, не изберетъ себѣ „дружка пудъ мысли". Это время для дѣвушки наступаетъ лѣтъ съ пятнадцати, когда она начинаетъ съ парнями принимать участіе въ „вечоркахъ" (вечернихъ собраніяхъ молодыхъ людей обоего пола), въ играхъ, пѣсняхъ и танцахъ. Но и до этого времени еще дѣвочкою 12—14 лѣтъ, она присматривалась къ отношеніямъ парней и дѣвицъ, подслушивала ихъ пѣсни и сама пѣла, гдѣ-нибудь вдали отъ взрослыхъ, про милаго казака черноброваго, про горькую долю невѣстки въ большой семьѣ. Теперь, въ 16 лѣтъ, начинается только болѣе сознательная жизнь. Въ праздники дѣвушка кокетливо украшаетъ голову разноцвѣтными „квитками" (цвѣтами), „китайками" (ленточками), вышиваетъ тщательно передній бортъ и рукава сорочки и проч. Время, въ которое на свободѣ раз-

---

Минская, Гродненская, Волынская, Кіевская и Могилевская въ частности)", СПБ. 1883. 8° стр. VII+X+274+1 нен. Книга составлена *З. Пежиной* при содѣйствіи *В. И. Межова*, но къ сожалѣнію уже вышла изъ продажи. *Ред.*

[2]) Это собраніе войдетъ въ XII томъ „Трудовъ Этногр. Отдѣла Имп. О. Л. Е., А. и Эти.", который въ настоящее время уже печатается.—*Ред.*

вивается „дѣвоцкая краса ўсему роду прикраса“, [1]) непродолжительно; дѣвушка понимаетъ это и спѣшитъ насладиться природой и молодою жизнью. Она понимаетъ, что пройдетъ годъ—два, и придутъ сваты, быть можетъ, отъ немилаго, изъ другого села, и ее отдадутъ родители, оторвутъ отъ милаго парня, отдадутъ на „чужую чужину, ў вэлыку сэмью, ў тяжку нэволю“. Между тѣмъ красота дѣвушки только начинаетъ развиваться въ это время во всей своей силѣ. Пинчучка, стройная, средняго роста, съ длинною русою косою, рѣдко черною, съ большими карими или сѣрыми глазами и темными бровями, при нѣжномъ бѣломъ цвѣтѣ лица,—очень красива. При этомъ пинчуки вовсе не угрюмы: насколько важны и степенны представители обоего пола ихъ въ зрѣломъ возрастѣ, настолько-же весело и игриво молодое поколѣніе. Праздничные дни и предпраздничные вечера молодежь проводитъ шумно и весело, среди пѣсенъ, игры на трубахъ, въ танцахъ, въ прогулкахъ большими компаніями въ лѣсъ по грибы и ягоды и проч. Они шумно справляютъ всѣ свои обряды: на Троицу, въ день Ивана Купала, въ колядки, на Пасху—раздаются веселыя пѣсни соотвѣтствующаго случаю содержанія. Зимою, на „вечоркахъ“, поютъ пѣсни зимнія, филипповскія и великопостныя.

Въ пѣсняхъ это время дѣвичьей жизни отражается весьма рельефно; „мылый“ въ нихъ играетъ, конечно, первенствующую роль.

Уже сонце нызэнько, уже вэчеръ блызэнько,
Прыбувай до мэнэ, козаче, сэрдэйко;
Прыбувай до мэнэ, до моеи хаты,
То я тэбэ ўпустю, щобъ нэ чула маты,

поетъ дѣвушка съ замираніемъ сердца. Она ждетъ своего милаго, не можетъ дождаться, но наконецъ онъ приходитъ и вызываетъ ее игрою:

Ой, ў саду вышня съ-пидъ корэня вышла,
Ой, козакъ грае, штобъ дѣўчина вышла.
Ой, дѣўчина вышла, праву руку дала:
—Здороў, здороў, козаченько, доўго тэбэ ждала.

---

[1]) Буква ў означаетъ короткій звукъ *у*, не составляющій слога, и стоитъ въ извѣстныхъ случаяхъ вмѣсто *в* или *л*.

Всѣ мысли ея заняты милымъ; она для него „головушку чеше и кэсу (косу) плэтэ". „Ой люблю я молойчика—нэ наглядюся; нэ такъ люблю, якъ зъ имъ гуляю",—поетъ она.

Разумѣется, поглощенная любовью, она старается побороть всѣ встрѣчающіяся на пути препятствія. Когда она слышитъ отъ милаго, что онъ не можетъ прибыть къ ней „за лихими ворогами", она поетъ:

Я вороги потопчу подъ ноги, круту гору пэрэскочу,—
Оддай мэнэ, маты, за кого я сама схочу!

Въ пѣсняхъ сестра парня является часто лицомъ, препятствующимъ сближенію его съ дѣвушкой. Мотивъ, по которому она удерживаетъ брата отъ поѣздокъ „до тое дѣўки, що вѣрно кохаешъ", почему она и прячетъ сѣдло его,—пѣсня объясняетъ такимъ образомъ:

Бо тая дѣўка не умѣе жаты,
Ни вышиваты, тылько косу чесаты:
—Ой, росты-жъ, кэса, ниже пояса,
То я буду чесаты.

Рекрутчина—также важное препятствіе, разрывающее любовныя отношенія. Оплакивая своего милаго, взятаго въ солдаты, дѣвушка

Плакала, рыдала, слёзы утырала
Своёй русою косою, правою рукою.

Замѣчательно, что пѣсни какъ будто вовсе не знаютъ о матери, которая являлась бы препятствіемъ къ сближенію молодыхъ людей. Въ моемъ собраніи есть только одна, не безъизвѣстная впрочемъ, пѣсня, передающая разговоръ матери съ сыномъ по поводу его ночныхъ похожденій. Пѣсня эта замѣчательна по прекрасному мягкому мотиву и по содержанію. Я приведу ее цѣликомъ:

—Дѣ ты, хмелю, зыму зымоваў, що нэ распускаўса?
Дѣ ты, сыну, ночъ ночоваў, що нэ разуваўса?
—Зымоваў я, зымоваў, ў лузи на тычини,
Ночоваў я, ночоваў у слаўное дѣўчины.
—Нэхороше, сынку, робышъ, што по ноче ходышъ:
Скаржилыса [1]) молодыци, що ты шкоду [2]) робышъ.

---

1) Жаловались.—2) Убытокъ.

—Охъ, робыў я, моя матко, и буду робыты:
Було мэнэ, моя матко, ў семъ лѣти оженыты.
—Ой, я-жъ тобѣ, мой сыночку, дый нэ боронила [1]):
Було тобѣ оженытысь, скоро я родыла.

Но и помимо постороннихъ препятствій и вмѣшательствъ не всегда первая дѣвственная любовь кончается такъ, какъ того хотѣлось бы молодой парочкѣ. Съ грустью начинаетъ задумываться дѣвушка, начинаетъ замѣчать, что „не по праўды козакъ живэ исъ своею дѣўчиною“. Она предчувствуетъ, что милый можетъ ее покинуть.

Ой, кабъ же я знала, що вынъ нэ покынэ,
Тобъ я ёго крыльца дай озолотыла.

Дѣвушка, уже предвидя разладъ съ милымъ, дѣлается грустной и старается всячески предотвратить разрывъ. Подъѣзжаетъ молодецъ къ воротамъ своей „коханки“,—стоитъ дѣвица „у золыты“, подходитъ къ дверямъ,—стоитъ „на папэры [2])“. Она взяла его коня за уздечку, повела на „стайнечку“, козака—„за ручэньку да ў свѣтлычэньку“. Кормитъ она коня овсомъ-ячмомъ, а козака угощаетъ медомъ-виномъ, стараясь угодить ему. Но все-таки она „задумала, чорны очи зарумала“ [3]). Козакъ спрашиваетъ ее о причинѣ грусти.

—Ой, жаль-же мнѣ по любощи,
Що нэ живэмъ по щиросты,—отвѣчаетъ она.

Въ другой пѣснѣ дѣвушка выражаетъ свое горе и сомнѣніе въ слѣдущемъ поэтическомъ сравненіи:

Тыхо, тыхо Дунай воду нэсэ,
Еще й тыше дѣўка косу чеше.
Що й вычеше, то й на Дунай нэсэ:
—Плыви, коса, пидъ зэлэные луги.
Задай тугу зэлэному лугу,
Задай жалю зэлэному гаю.

Нерѣдко остается одно лишь грустное воспоминаніе о первой молодой любви:

Любылыса, насъ матка нэ знала;
Розышлыса, якъ тэмная хмара.

---

1) Запрещала.
2) Т. е. поблѣднѣла, побѣлѣла какъ бумага? *Ред.*
3) Заплакала.

Но помимо грустнаго воспоминанія о пріятно проведенномъ времени, часто дѣвушку ждетъ еще большее горе,—пятно на всю послѣдующую жизнь. Въ саду соловей „щебэче“, говоритъ пѣсня, въ саду протекаетъ рѣчка; дѣвица „хорошого стану, бѣлэнького лица“ пришла въ садъ, „якъ чирвона рожа“, а изъ саду шла, „якъ бѣла бэроза“,—

Ў садъ ишла бѣлэнькими выженьками,
А зъ саду вышла дрыбнэнькими слёзоньками.

Молодость, непониманіе жизни, дѣйствіе окружающей поэтической обстановки сгубили ее:

Вона думала, що грушки—минушки,
Ажно ростуть до утра фартушки;
Вона думала, што сокслыкъ летае,
Ажно ў боку да дѣтына брыкае.

Покинутая милымъ въ самую тяжелую минуту, дѣвушка „тры недѣли у полози лежала“, выплакавши „по молойчику глаза“. На пятую она пошла въ вишневый садъ, гдѣ съ грустью видитъ три дорожки:

Знаю, знаю, хто дорожки поробыў,—
Молодъ барынь (парень) до дѣвицы прыходыў.

Пѣсенъ, изображающихъ неподдѣльное горе покинутой, обманутой женщины, не мало; мотивы ихъ очень разнообразны и дышатъ неподдѣльнымъ народнымъ лиризмомъ. Милый „до иншое“, т. е. къ иной ходитъ, бросилъ „коморушку“, въ которой стоитъ „постель бѣла пухова“; она

Тую ложу ручэньками обняла,
Постэль бѣлу слёзоньками облила,
Што на ручкахъ малэнькая дѣтына.

Покинутая мать плачетъ не о себѣ только: участь ребенка. запятнаннаго ея паденіемъ, обреченнаго на горькую, тяжелую жизнь, разрываетъ ей сердце:

Сынку мой, сынку, нэма ў моры лёду,—
Нэма ў тэбэ, сынку, жадного роду.
Ой, сынку мой, сынку, нэма ў моры донца,—
Нэма ў тэбэ, сынку, да рыдного ойца!

Мотивъ объ убіеніи матерью незаконнорожденнаго неизвѣстенъ пинскимъ пѣснямъ; есть только двѣ—три, передающія размышленіе матери, что̀ ей дѣлать съ ребенкомъ:

Чи мнѣ тэбэ годуваты,
Чи ў Дунаю поховаты?

Но тутъ-же дѣвушка вспоминаетъ, что „поховаўши—отъ Бога грѣхъ“, хотя и „годоваўши—отъ людэй смѣхъ“.

Впрочемъ, подобные случаи несчастнаго исхода молодого увлеченія все-же довольно рѣдки, и чаще возникшая въ молодыхъ сердцахъ симпатія ведетъ къ благополучному концу. Проходитъ веселая пора „дѣвоцтва“, беззаботная весна жизни, когда едва лишь успѣла расцвѣсти „дѣвоцкая краса“, едва лишь „росая (русая) кэса“ выросла до пояса; наступаютъ пасмурные дни осени или послѣрождественскаго мясоѣда, когда ходятъ сватать. И дѣвушки, и парни уже заранѣе обдумываютъ свое будущее положеніе, свою участь. Часто неравное матеріальное положеніе понравившихся другъ-другу парня и дѣвушки, желающихъ вступить въ бракъ, бываетъ препятствіемъ для ихъ счастья.

Нэ вѣдае отэцъ-маты,
Хто до мэнэ залецаецца,—

говорится въ пѣснѣ. Но когда отецъ и мать узнаютъ, кто „залецаецца“ къ ихъ дочери, то далеко не всегда бываютъ согласны на бракъ. Напрасно просить отца и мать,—говоритъ парень дѣвушкѣ,—не отдадутъ за меня: у тебя отецъ и мать есть, они богаты;

У тэбэ хата накрытая,
А я—бѣдный сырытына.

Въ другой пѣснѣ парень совѣтуется съ матерью, кого взять:

Чи нэ тую богатую, що хороше убрана,
Чи нэ тую сырытыньку, що къ сэрцу прыпала.
У хорошее, богатое—бычки да тэлушки,
У бѣдное сырытыньки—цыцки, якъ подушки.

Пѣсня развиваетъ тотъ взглядъ, что бѣдная дѣвушка—работница, что само по себѣ—лучшій вкладъ въ домашнее хозяйство: у богатой „бычки поздыхалы“, а у бѣдной „волы забуялы“; бѣдная „съ поля идэ—скаче“, а богатая „съ корчмы идэ—плаче“. Но не всегда бѣдная дѣвушка сразу соглашается выйти замужъ за богатаго:

Ты мэнэ любышъ,—я товару (скота) нэ маю,—

мотивируетъ она свой отказъ, опасаясь попрековъ. Но па-

ренъ убѣждаетъ ее, что ей не будетъ „догàны“ (упрека) ни отъ кого. — „Не доженэшъ (упрекнешь) ты, доженэ твоя маты“,—возражаетъ ему дѣвушка и рисуетъ себѣ непригляднную картину положенія бѣдной невѣстки въ богатой семьѣ. Свекровь говоритъ:

—Ўстань, нэвѣста, бодай ты нэ ўстала,
Выжень той товаръ, що одъ батьки нагнала.
Ўстала дѣўчина зъ бѣлое постэли,
Удырылаcа голывою объ двэры:
—Було нэ браты, що съ чорнымы бровамы;
Було браты, що съ кыньмы да зъ воламы.

Каждый осенній или зимній мясоѣдъ семья дѣвушки-невѣсты съ нетерпѣніемъ ожидаетъ прибытія сватовъ, строитъ всевозможныя предположенія, планы. Взрослые члены семьи подтруниваютъ надъ невѣстою, спрашивая: „а колы-жъ прышла до тэбэ ў сваты Иваска?“

Случаи насильственнаго брака, насколько мнѣ извѣстно, рѣдки. Это объясняется просто тѣмъ, что молодые люди сближаются между собою приблизительно равные по состоянію своихъ родителей. Всегда въ каждомъ селѣ можно намѣтить нѣсколько группъ молодежи, составленныхъ или изъ богатыхъ, или изъ бѣдныхъ семей; образуется какъ бы нѣсколько деревенскихъ клубовъ, каждая изъ группъ собирается на посидѣлки или вечорки въ одной избѣ, всѣ держатся другъ-друга и въ лѣтніе праздники, и въ хожденіи съ колядою и пр. Между представителями того или другого состоянія нельзя не замѣтить нѣкотораго антагонизма, который отъ родителей переходитъ къ дѣтямъ. Поэтому послѣднія и группируются сообразно экономическому состоянію первыхъ. Замѣчу кстати, что разобщенность между крестьянами имѣетъ своимъ основаніемъ не только недоброжелательное отношеніе бѣдняка къ богачу, но также и разобщенность экономическихъ интересовъ и вообще жизненныхъ условій села. Бѣдняки находятся въ кабалѣ у евреевъ, бросаются на заработки, ходятъ цѣлыми семьями на сплавъ, такъ что земля перестаетъ быть для нихъ единственнымъ источникомъ благосостоянія, забрасывается и неохотно обрабатывается ими. Богатые крестьяне, напротивъ, все свое благосостояніе видятъ въ землѣ, смотрятъ съ пре-

зрѣніемъ на тѣхъ, которые бросаютъ землю и отправляются на отхожіе промыслы.

Естественно, что при такихъ условіяхъ жизни сельскаго населенія, молодые люди сходятся изъ семей, одинаковыхъ по состоянію, и препятствій къ браку бываетъ мало; при томъ и родители справляются съ желаніемъ молодыхъ, замѣчаютъ заранѣе, кто къ кому питаетъ склонность и пр. Но бываютъ и исключенія, случаи сближенія между молодыми людьми неподходящихъ состояній, или когда родители почему-либо враждебно настроены другъ противъ друга. Тогда родственники дѣвушки стараются какъ-нибудь помѣшать браку, отказываютъ сватамъ. Въ пѣсняхъ отразился и этотъ моментъ въ жизни дѣвушки, когда она борется съ семьею, но должна или уступить обезсиленная, или прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ.

Замѣчательно, что въ то время, какъ пѣсни передаютъ только совѣщаніе матери съ сыномъ относительно неравной женитьбы, самимъ молодымъ людямъ вовсе неизвѣстенъ мотивъ горькой доли дѣвушки, браку которой препятствуютъ отецъ или мать,—напротивъ, братъ является въ пѣснѣ главнымъ лицомъ, препятствующимъ сближенію сестры своей съ парнемъ, подобно тому, какъ сестра иногда препятствуетъ брату, какъ мы видѣли выше. Такъ, одна пѣсня, отличающаяся большими лирическими достоинствами, начинающаяся при томъ съ упоминанія о Дунаѣ, что, вѣроятно, указываетъ на ея относительную древность,—эта пѣсня разсказываетъ, какъ дѣвушка „до козака лыстъ пысала: возьми мэнэ, дѣўчиноньку“. Но козакъ не хочетъ брать, потому что у нея „братъ проклятый“.

Счаруй брата свого,—
Будэшъ мѣты мылэнького,—совѣтуетъ онъ.

Дѣвушка рѣшается и поступаетъ по совѣту козака:

Тамъ на ели сонце пэче, зъ гаду кроў тэче.
Озьмы, дѣўко, кварту-коновачку (кружку),
Постаў пудъ гадьску головачку...

Сестра „спѣшно зустрѣчае“ брата, даетъ ему выпить пива, отъ котораго онъ „съ кыныка схылыўса“. Но когда она снова написала „лыстъ“ козаку, то получила отвѣтъ:

Якъ я маю тэбэ браты, колы умѣешъ чароваты?
Счаровала брата свого, а мылого—нэма й чого.

Нельзя не замѣтить, что мотивъ послѣдней пѣсни имѣетъ всѣ права на глубокую древность, когда братъ старался не выпускать сестру изъ рода, какъ рабочую силу, или позже, когда онъ является главнымъ лицомъ при совершеніи купли—продажи невѣсты. Значеніе брата невѣсты въ заключеніи свадебныхъ условій и въ свадебномъ ритуалѣ общеизвѣстно. Лирика пинчуковъ, носящая на себѣ всѣ признаки архаичности, также даетъ большое мѣсто брату въ свадебныхъ пѣсняхъ и самомъ ритуалѣ:

Расплёў братко кэску, да разлыў же мнѣ слёзку
Да по бѣлому лыченьку, по чирвонымъ нагрудничку.

Другой важный древній мотивъ—похищеніе дѣвушки—извѣстенъ почти исключительно по пѣснямъ свадебнымъ. Молодой человѣкъ собираетъ всю „роднину ў громаду", чтобы всѣмъ вмѣстѣ поѣхать на тестя, стать „своимъ полкомъ пудъ ганкомъ"(крыльцомъ), выбить „краменну стѣну" и взять „дѣвоньку изъ вѣнкомъ". Вообще, пѣсенъ, въ которыхъ женихъ собираетъ родъ, чтобъ „звоеваты" тестя, добыть дѣвушку,—много. Въ свою очередь, и родъ невѣсты принимаетъ мѣры, чтобы узнать, когда зять придетъ „воевать". Въ иныхъ пѣсняхъ можно видѣть слѣды воспоминаній о самомъ согласіи дѣвушки съ парнемъ, послѣ котораго уже слѣдовало умыканіе. Дѣвушка наказываетъ парню пріѣхать за нею „въ понедѣлокъ ранэнько", обѣщаетъ подтесать „скрыплывыя" ворота во дворѣ своего отца, умирить сварливость его и пр. Въ пѣсняхъ отразился также послѣдовательно и тотъ періодъ купли невѣсты, когда женихъ собирается ее „выпросить и выважить золотою вагою" у ея рода.

Собственно лирическія пѣсни, какъ кажется, не знаютъ этого мотива или же въ нихъ остались только самые отдаленные отголоски. Можно найти двѣ—три пѣсни о похищеніи „Ганульки" матросомъ, объ увозѣ дѣвушки на Дунай-рѣку козакомъ, который затѣмъ бросаетъ ее въ Дунай или же оставляетъ привязанною къ дереву въ лѣсу; но эти пѣсни едва-ли можно принять за отраженіе мотива похищенія дѣвушки-невѣсты. Притомъ же это не исключительно мѣстные

мотивы; они извѣстны почти всѣмъ славянамъ, что опять-таки указываетъ на ихъ древность.

Проходитъ свадьба,—и начинается жизнь замужней женщины, полная горя и лишеній. Лирика пинчуковъ почти не знаетъ ея радостей; но зато ей хорошо извѣстно ея горе. Особенно прекрасны пѣсни, рисующія положеніе женщины въ семьѣ мужа.

Ой, ты, калына! ой, ты, чирвоная! Чого рано зацвѣла?
Ой, ты, дѣўчина! ой, ты, молодая! Чого хутко змарнила?
—Чи мачоха, чи рэдна маты мэнэ за-мужъ оддала
На чужину, ў вэлыку сэмью: ўсё я воду подносю.
Ой, выйду я на высоку гору, ой, гляну я, посмотру:
Сюды гляну, туды оглянуса—ўсё чужая сторона.
Стоить, стоить рэдна маты за плечима ў мэнэ.

Мать совѣтуетъ ей вернуться, но это уже невозможно:

Росчесана, росплетэна моя роса кэса,
Накинэна бѣла намиточка на мое жоўты волосы.

Горько размышляя о своемъ положеніи, она призываетъ свою долю:

Ой, доля моя, доля! дѣ ты, доля, подѣласа?
Да чи ты ў огни згорѣла, чи ты ў лузи утопыласа?

Горе молодой женщины такъ велико, что вся природа отзывается на ея страданія:

Ой, я боромъ ленула, ўсѣ боры поздрыгалы,
Боры здрыгнулы (содрогнулись), луги затонулы.
Боры здрыгнулы, що тонэньки голосочокъ,
А луги затонулы одъ дрыбнэнькихъ слёзочокъ.

Тѣмъ больше тоска и горе молодой женщины, если она вышла такъ рано, что еще

Нэ нажиласа, нэ набыласа,
На свою рыднину нэ наглядѣласа,

попала на чужую сторону, „одъ роду одбыласа". Теперь, съ чужбины, она собирается писать домой:

Выщикну два листочки, выпишу два письмочки,
Нэхай матка прочитае, нэхай мою бѣду знае.

Она не можетъ забыть, что виною ея отчужденности, горькой доли былъ братъ, который, какъ поется въ свадебныхъ пѣсняхъ, „продаў сэстрыцу за канчукъ" (нагайку):

Було ў мэнэ два браточки,—обое выноваты,
Що й оддалы сэстрычку на чужую сторонку.

И опять слѣдуетъ отмѣтить, что на отца нигдѣ пѣсня не сѣтуетъ, хотя этого слѣдовало бы ожидать, такъ какъ онъ—виновникъ несчастія дѣвушки. Косвенный укоръ матери—черта обычная, но прямыми виновниками пѣсня называетъ братьевъ.

Но гдѣ-же причина, въ чемъ основаніе горя молодой женщины? Дѣло въ томъ, что „свэкруха невѣстушки нэзнавыдѣла"; она „нэ пускае мэнэ молодую на улыцу гулять". Невѣстка въ новой семьѣ сразу попадаетъ въ подчиненное положеніе, изъ котораго ей трудно выйти, вслѣдствіе враждебнаго отношенія остальныхъ членовъ, которые смотрятъ на нее прежде всего, какъ на рабочую силу, давно желанную въ семьѣ, и изъ которой стараются извлечь возможно больше выгоды. Крестьянка ждетъ, не дождется того времени, когда, наконецъ, войдетъ въ домъ невѣстка, когда старухѣ можно будетъ отдохнуть, сваливъ всю наиболѣе трудную работу на невѣстку.

Охъ, вэлыкая сэмья вэчераты сѣла,
Охъ, мэнэ молоду да послала по воду.
Поки жъ воду прынэсла, то вэчера одыйшла.
А мой мылый стоить, проти мэнэ говорыть:
—Чому, мылая, стоишъ, чому ложки нэ мыешъ,
Постэль бѣлу нэ стэлешъ?

Она, скрѣпя сердце, постлала постель и легла спать, но „нэ улежаласа, да прыслухаласа": семья мужа „карае"(коритъ): „Чому жонки нэ бьешъ?" Мужъ, хотя повидимому и симпатично относящійся къ своей женѣ, мало защищаетъ ее; онъ предлагаетъ семьѣ:

„Колы вона сонлыва, то будытэ ее;
Колы вона ницъ (ничего) нэ знае, то вучитэ ее;
Колы вона вамъ нэ трэба, одсылайтэ ее".

Чужая семья обращается съ нею сурово: свекоръ запрещаетъ невѣсткѣ даже выражать свое горе пѣснями.

Сама иду дорогою, а голосокъ дубровою;
услышалъ его свекоръ, „на ганочку сѣдя, ў оболоночку гледя":

Коли идэ дытя мое, то нэхай вэсэлѣе;
Коли нэвѣсточка, нэхай прытыхае
И къ дѣлу прывыкае.

А свекровь задаетъ ей трудныя работы, притомъ со строгимъ наказомъ. Посылая невѣстку вырвать въ чистомъ полѣ ленъ, она приказываетъ:

Нэ вырвэшъ лёну,—не иды до дому.
Вохъ, и рвала, рвала, да нэ вырвала,
Ў чистому полю прыночовала,
Ў чистому полю пры долиноцдѣ,
Тонкой, высокой тополиноцдѣ.

Милый шелъ „зъ Украиноньки", куда выслала его мать, увидѣлъ въ полѣ „тополю за тры миленьки":

Вохъ, станьмо, братцы, подивэмоса,
Прыдэмъ до дому, похвалимося:
—Вохъ, маты, маты, ты-жъ матусенька,
Што ў нашимъ поли за тополя ростэ?
Тонка, высока, лыстомъ широка;
Што одъ вѣтрыку похыляетца,
А одъ солнушка нэ мѣняетца.

Мать совѣтуетъ сыну взять „гостру сѣкерву" и срубить въ полѣ топóлю. Ударилъ онъ разъ—тополя содрогнулась,

Сѣкнуў другой разъ—ажъ тѣло бѣло,
Сѣкнуў трэтій разъ—заговорыла:
—Нэ рубай мэнэ,—я твоя мыла! [1])

Отданная „одъ роду, одъ роднын", и получившая наказъ отъ матери, „кабъ ў гости нэ бувала", „щобъ семь лѣтъ нэ бувала",—молодая женщина собирается летѣть домой „ў рочокъ" (черезъ годъ) то въ видѣ „заўзульки", то „соколя". Прилетѣла въ садъ, „сѣла, упала у брата ў саду, голысно заковала, жалысно заплакала". Вышелъ братъ „заўзульку гоняты": „колы сэстра моя, то просю-жъ до хаты". Въ другой пѣснѣ она собирается летѣть соколомъ и упасть „у матки на порозѣ". Мать вышла, „розлыла слёзы".

—Охъ, покинь, маты, плакаты, да научи гороваты...
Охъ, маты-жъ, маты! дѣ доля дѣласа?

[1]) Срв. „Этногр. Обозр." III, 42, 50—2, 211; VI, 234; VII, 262.

Ой чи ў огни згорѣла, чи ў Дунаи утонула?
Коли ў огни згорѣла, тамъ лежить пэпэльце;
Коли ў Дунаи затонула, тамъ лежить камэнце.

Таковы представленія о горѣ женщины въ семьѣ ея мужа, пока она занимаетъ подчиненное положеніе въ ней, пока сама не сдѣлается хозяйкою, свекровью и сама не будетъ загадывать сыну „тополю рубаты". Но горе, переносимое женщиною въ чужой семьѣ, не единственное горе ея жизни; этимъ не ограничиваются ея несчастія, и скорбная лирика пинчука сопровождаетъ женщину во всѣхъ многоразличныхъ случаяхъ ея жизни. Не всегда только семья мужа доставляетъ страданія женщинѣ, бываютъ и другія причины:

Вышла я за-мужъ молода,
Пэрвая бѣда, што дѣтынушка мала,
Другая бѣда—свэкровушка лиха,
Трэйтяя бѣда—мой мылый не любыть.

Со стѣсненнымъ сердцемъ, не разъ мысленно обращается она къ матери:

Маты жъ моя, маты! мэнэ мужъ нэ любыть,
До иншое ходыть.

Хорошо еще если есть родня, есть съ кѣмъ размыкать горе; но она нерѣдко остается круглою сиротою: „помэръ отэцъ-маты, гостына минэтца". Нѣтъ „гостыны" у родныхъ, не съ кѣмъ поговорить, отвести свою душу, не передъ кѣмъ поплакать о томъ, что она „свои лѣта марно тратитъ". Молодые годы проходятъ подъ гнетомъ несчастій и нуждъ. Молодая женщина только что расцвѣла, вошла въ жизнь, ея „пэрвый мылый" остается тѣмъ-же для нея; она рвется къ нему всѣми силами своей души: несетъ ему обѣдъ въ поле и уже задумывается, ласкаетъ себя мыслью, „чи нэ скаже мылый сѣсты", „чи нэ будэ говорыты". Но не тутъ то было: хотя она и „охвоча, и робоча, и до людэй говороча", но мужъ „напыўса, наѣўса" и „на роллю-землю схылыўса". О чемъ онъ думаетъ?—спрашиваетъ его жена. Думаетъ онъ о томъ, что „неудалу жонку имѣетъ". Оскорбленное чувство женщины заговорило въ ней; она вспоминаетъ, что не такъ давно и она была мила ему, когда они собирались на вечорки. Она говоритъ ему:

Нэ вылѣзлы тобѣ очи,—
Нэ свататы було ў ночи;
Було свататы мэнэ ў дэнь,
Роспытатца старыхъ людэй!

Нелюбящій мужъ приходитъ домой „ў бѣлому свѣци“, (на разсвѣтѣ) ложится спать „попэрэкъ кровати“, къ своей женѣ „плечима, а до стѣны очима“.

Ой, одвэрнысь, мылый, я тэбэ розую,
Хочъ разъ поцѣлую,—

умоляетъ жена; но мужъ ее гонитъ:

Охъ, есть у мэнэ луччѣйша отъ тэбэ:
Вона жъ мэнэ розуе, семъ разъ поцѣлуе.

Бѣжитъ молодая женщина къ быстрой рѣкѣ, разсказываетъ другая пѣсня, чтобъ посмотрѣть, какъ ея милый ѣдетъ съ другою; посмотрѣла, „да на лицэ [1]) лозы похылыласа“:

Ой, вѣнь, вѣтру, повѣнь зъ далекого краю!
Нэхай зобачу, по чимъ же я плачу,
Нэхай надыўлюса, по кимъ я журуса.

И вздыхаетъ тяжко молодая, ложась и вставая „сама молодэнька“ на „постэли пуховэнькой“. Нѣсколько пѣсенъ разсказываютъ, какъ женщина бѣжитъ за милымъ „ў погынь“, спрашиваетъ, когда онъ вернется, зоветъ „вэчераты“, но получаетъ отвѣтъ: „вэчерай сама“, застаетъ милаго сидящимъ „у сусѣдки за столомъ“ и т. д.

Не всегда дѣло ограничивается одними только нравственными страданіями. Мужъ, „пьяница—ледащица“, чужой женѣ

Мэдъ, горѣлку купуе,
А на свою нэўдалочку да ногайку готуе.

Несетъ мужъ, говоритъ другая пѣсня, подъ полою „ногаю дротяную“, возвратившись домой „къ билому свиту“, и приказываетъ женѣ итти въ корчму и выкупить коня вороного:

Якъ выкупышъ—люблю тэбэ,
Нэ выкупышъ—убью тэбэ,
Убью тэбэ, замордую (замучу).

„Ногай дротяный“ (перевитый проволокою) часто ходитъ по „бѣлу тѣлу“ несчастной жены:

---

[1]) Вм. „ниць“ (ницыя)? Ницый—низко растущій (о лозахъ-кустахъ). *Ред.*

Якъ ударыў мэнэ да по бѣлому плечу,—
Полылаcа кроў горача, побѣжала по лицу.

Или вотъ какъ грозится мужъ истязать свою „шельму" жену: онъ намѣренъ привезти ей изъ города „ногай дротяный", привязать къ сивому коню и пустить въ чисто поле,—

Нэхай собѣ кынь нагуляецца,
А шельма жона научаецца.

Доля жены представляется въ мрачныхъ краскахъ даже тогда, когда милый не измѣняетъ ей. Одна пѣсня изображаетъ еще новую печальную картину семейной крестьянской обстановки. На полѣ „ратай" пашетъ и посматриваетъ на дорогу: чужія жены обѣдъ несутъ, а его—нѣтъ. Бросилъ онъ воловъ, идетъ домой:

Ўступыў я на подвырье,—подвырье мое нэ вэсэлое,
Ўступыў я ў рэдэнку,—рэдня моя нэтопяна:
Да жена сына родыла, дай на вѣки заснула.
Чи нэ було дытяты да воды податы?
Чи нэ було сусѣдочки кому ратоваты?

Эта небольшая картинка, выхваченная прямо изъ жизни, изображаетъ одно изъ многочисленныхъ проявленій крестьянской бѣды. Но не всегда доля женщины имѣетъ такой печальный безпросвѣтный исходъ: проходятъ годы, боязни за невѣрность милаго нѣтъ мѣста, выростаютъ дѣти, она дѣлается хозяйкою дома, сама имѣетъ невѣстокъ, распоряжается ими; приходитъ, повидимому, время отдыха.

Но эти свѣтлыя минуты омрачаются опять новымъ горемъ: сынъ подростаетъ, приближается время итти ему въ солдаты; женское сердце, отдавшее все свое вниманіе, всю заботливость и нѣжность любимому сыну, получаетъ новыя испытанія. Со слезами мать снаряжаетъ сына.

—„Наплачесса той часъ, матко, якъ буду ў дорози," останавливаетъ онъ ее.

Нэ кажи, сыночку, тяжкими словами,
Буду тэбэ обливаты дрыбными слёзами,—

отвѣчаетъ ему мать.

Не лучше ея участь и тогда, когда она остается вдовою:

Зашумѣло дэрэво (2) надъ водою стоячи,
Заплакала ўдова (2) сына Йвана родячи.

—„Що мнѣ тобѣ робыты“?—спрашиваетъ она сына: женить тебя или отдать въ солдаты? На это сынъ отвѣчаетъ:

—Матко жъ моя старэнькая,
Якъ голубка сывэнькая!
Якъ ты мэнэ оженышъ,
Сэрце свое звэсэлышъ;
А ў солдаты оддасы,
Сэрцю жалю задасы.

Таковы въ главнѣйшихъ чертахъ перипетіи горькой женской доли, про которыя знаютъ пѣсни пинчуковъ, отъ молодости женщины вплоть до самой старости.

М. Довнаръ-Запольскій.

Наброски изъ исторiи финнской культуры.

Лекцiи по исторiи семьи и собственности, читанныя проф. М. М. Ковалевскимъ въ Стокгольмѣ, достаточно выяснили, какой богатый и непочатый европейскими изслѣдователями матерiалъ представляетъ по этимъ вопросамъ русская литература. Выдвигая его значенiе, почтенный профессоръ имѣлъ въ виду только то, что даетъ русская литература относительно кавказскихъ народовъ и славянъ, въ частности русскихъ. Онъ оставилъ безъ вниманiя богатый остатками архаическаго быта финнскiй мiръ. Между тѣмъ этотъ мiръ—худо-ли, хорошо-ли—разрабатывается также главнымъ образомъ русскими дѣятелями. Въ нѣкоторыхъ отношенiяхъ его разработка цѣликомъ остается за нами.

Финнской культурой интересуются кромѣ насъ двѣ достигшiя нѣкотораго развитiя финнскiя народности—мадьяры и собственно финны; но работы тѣхъ и другихъ захватываютъ далеко не все поле изслѣдованiя. Мадьяры совершили не одно ученое путешествiе къ своимъ родичамъ въ Россiю, но ихъ вниманiе обращено главнымъ образомъ на филологическiя изслѣдованiя: они собирали и собираютъ матерiалъ для словарей, записываютъ въ оригиналахъ произведенiя народнаго творчества и пока не засвидѣтельствовали еще ни интереса къ этнографическимъ и культурно-историческимъ изслѣдованiямъ, ни умѣнья вести ихъ. Финны смотрятъ на дѣло нѣсколько шире. Рядомъ съ чисто лингвистическими работами Доннера, они даютъ намъ капитальный трудъ по лингвистической палеонтологiи Альквиста, изслѣдованiя по исторiи жилищъ Гейкеля и археологическiя изслѣдованiя Аспелина. Но, подобно мадьярамъ, они со временъ Кастрена не затро-

гиваютъ внутренняго міра родственныхъ народностей—ихъ вѣрованій, обычаевъ и порядковъ.

Все, что сдѣлали въ этомъ отношеніи представители обѣихъ народностей, заключается въ томъ, что они собрали сырой матеріалъ (по отношенію къ нѣкоторымъ народностямъ—какъ напр. югры — очень богатый). Но этотъ матеріалъ частію еще не изданъ, да и изданный онъ останется мертвымъ капиталомъ. Вотяцкіе, остяцкіе и другіе тексты, снабженные переводомъ на языки, немногимъ болѣе доступные для европейцевъ, чѣмъ языкъ оригиналовъ, не могутъ послужить ни этнографу, ни историку культуры.

Область внутренняго быта финскихъ племенъ остается безспорно спеціальнымъ полемъ русскихъ изслѣдователей и черезъ ихъ посредство только можетъ сдѣлаться достояніемъ европейской науки. Проявивъ значительную беззаботность на счетъ филологіи, русскіе наблюдатели накопили значительный запасъ культурно-историческихъ и главнымъ образомъ соціологическихъ данныхъ. Этотъ матеріалъ стоитъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ внѣ сравненія съ тѣмъ, что можетъ дать европейской наукѣ любой изслѣдователь—европеецъ. Мы знаемъ финновъ не со вчерашняго дня; въ нашихъ актахъ, въ памятникахъ, небогатой правда, географической и этнографической литературы XVI, XVII и XVIII вв., мы имѣемъ возможность найти положительныя указанія на такія явленія, о которыхъ на основаніи современнаго быта можно только догадываться. Задача русскихъ ученыхъ—обработать, пользуясь пріемами европейской научной техники, это драгоцѣнное сырье и не допустить наступленія того позорнаго дня, когда въ русскихъ архивахъ и библіотекахъ будутъ копаться, разыскивая это сырье, овладѣвшіе старымъ и новымъ русскимъ литературнымъ языкомъ англичане, нѣмцы, французы. Одна изъ задачъ спеціальнаго этнографическаго журнала—распространить среди людей, способныхъ къ такой обработкѣ, свѣдѣнія о томъ, гдѣ и какой сырой матеріалъ они могутъ найти. Исходя изъ этихъ соображеній, мы и предлагаемъ интересующимся читателямъ эти наброски. Пусть читатели не ищутъ въ нихъ цѣльности, систематичности, исчерпывающей законченности обработки. Это результаты предварительныхъ развѣдочныхъ

работъ; дѣло послѣдующихъ изслѣдователей обстоятельно разработать намѣчаемыя залежи. Принимая „безъ страха и сомнѣнья“ ожидаемый упрекъ въ излишнемъ расположеніи къ „ипотетической этнографіи“, мы рекомендуемъ изслѣдователямъ нѣкоторыя выборки изъ этихъ залежей.

1. Человѣческія жертвоприношенія и каннибализмъ у предковъ сѣверо-восточныхъ и сѣверо-западныхъ финновъ.

Въ брошюрѣ: „Слѣды человѣческихъ жертвоприношеній въ поэзіи и религіозныхъ обрядахъ приволжскихъ финновъ“ мы имѣли случай констатировать существованіе человѣческихъ жертвоприношеній у предковъ финновъ Волжско-Камскаго бассейна и указать на ихъ связь съ эпохой каннибализма, которую они пережили. Въ очеркѣ «Вотяки» мы привели прямыя указанія на обычай человѣческихъ жертвоприношеній у вотяковъ, а въ рефератѣ: „Воспоминанія объ эпохѣ каннибализма въ поэзіи вотяковъ“, читанномъ на VIII арх. съѣздѣ, мы указали слѣды былого каннибализма въ вотяцкихъ сказкахъ. Настоящія замѣтки посвящены изслѣдованію тѣхъ-же явленій на почвѣ другихъ финскихъ народностей—пермяковъ, остяковъ, лопарей.

Начнемъ нашъ обзоръ относящихся сюда фактовъ съ пермяковъ. Въ статьѣ о пермякахъ г. Добротворскаго (Вѣстн. Евр. 1883 г. III) помѣщена любопытная легенда, записанная у пермяковъ Пермской губерніи. Далеко на востокѣ жили два брата Ожьясъ и Осьясъ; у нихъ было въ подданствѣ много народа. И былъ у тѣхъ братьевъ богъ Шурма (жившій на солнцѣ), страшный богъ; питался онъ человѣческимъ мясомъ и запивалъ теплой овечьей кровью. Пока братья удовлетворяли его кровожаднымъ наклонностямъ, богъ любилъ и защищалъ ихъ. Но разъ какъ-то братья забыли принести ему обычную еженедѣльную жертву—двухъ мальчиковъ, двухъ дѣвочекъ и трехъ овецъ, и свирѣпый Шурма разгнѣвался на нихъ.... и прогналъ далеко на западъ (стр. 230).

Въ статьѣ г. Спицына: „Чудскія древности Зюздинскаго края“ (Вят. Губ. Вѣд. 1889, №№ 60—62) мы находимъ слѣдующее сообщеніе: „Близъ дер. Подгорной Бисеровской волости находится весьма интересный «Чудской камень»... Лѣтъ 30 тому назадъ въ Семикъ, Петровъ день, и въ другіе народ-

ные праздники старики (пермяки) носили на Чудской камень различныя яства и оставляли ихъ тутъ на день. Среди мѣстныхъ крестьянъ ходитъ преданіе, что въ очень давнее время жившій вблизи старикъ, по имени Евсюкъ, разъ видѣлъ вышедшаго изъ-подъ камня чудскаго человѣка, который сказалъ ему по-пермяцки: „Евсюкъ, а Евсюкъ! дай мнѣ человѣка съѣсть, такъ я тебѣ три корчаги денегъ дамъ" (№ 62).

Въ обоихъ преданіяхъ мы видимъ ясныя указанія на человѣческія жертвы; эти жертвы требуются и стихійными духами, и духами усопшихъ. Послѣднее предполагаетъ, что пермяки считаютъ по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ духовъ усопшихъ людоѣдами. Такое представленіе объ усопшихъ могло возникнуть лишь въ эпоху каннибализма и сохраниться какъ воспоминаніе о ней и тогда, когда люди перестали уже быть каннибалами. Человѣкообразные людоѣды (морт-сöись), жители лѣсовъ, фигурируютъ въ сказкахъ, записанныхъ нами прошедшимъ лѣтомъ у пермяковъ Соликамскаго и Чердынскаго уѣздовъ Пермской губерніи. Каннибальскія наклонности колдуновъ покойниковъ обнаруживаются въ пермяцкихъ сказкахъ, также какъ и въ вотяцкихъ: колдуны, умирая, заказываютъ роднымъ дома не ночевать. Стихійные духи до сихъ поръ рисуются пермяку требующими человѣческихъ жертвъ. Среди Чердынскихъ и Соликамскихъ пермяковъ распространено убѣжденіе, что когда приступаютъ къ постройкѣ мельницы, хозяинъ обрекаетъ водяному одного или нѣсколько человѣкъ изъ артели рабочихъ или постороннихъ людей. Водяной самъ беретъ свою жертву (человѣкъ тонетъ). Духу земли при постройкѣ дома въ былое время сулили одного плотника. Въ настоящее время человѣкъ замѣняется мелкими животными (поросенкомъ, щенкомъ) или пѣтухомъ.

Какъ бы ни были ясны слѣды человѣческихъ жертвоприношеній у пермяковъ, скептики, недолюбливающіе этнографическихъ реставрацій, могутъ относиться къ нимъ недовѣрчиво. Иначе стоитъ дѣло относительно зауральскихъ финновъ-остяковъ. Тутъ свидѣтелями являются историческіе акты. Въ Пермской лѣтописи Шишонко мы читаемъ слѣдующія драгоцѣнныя свидѣтельства, относящіяся къ 1663 г.:

„171 г. [1]), февраля въ 14 день, посыланъ былъ съ Березова въ Куноваццкую волость Березовской казакъ Митка Власовъ для ясачныхъ Остяковъ Умбы Панжіева да Какунчея Лемтохтыева, и тѣхъ Остяковъ онъ Митка привезъ на Березовъ и поставилъ въ съѣзжей избѣ. И того-жъ числа воевода Алексѣй Петровичъ Давыдовъ Остяка Какунчея передъ собою въ съѣзжей избѣ допрашивалъ про шатость и про измѣну Березовского уѣзду про Остяковъ. И въ допросѣ Куноваццкой Остякъ Какунчей Лемтохтыевъ сказалъ: въ прошломъ де во 170 году... въ юртахъ у Айки былъ Куноваццкой Остякъ Кошель Пыгирчеевъ, и въ тѣжъ де поры Чордынской Остякъ говорилъ Кошелю: *купили де мы у Ивашка Лечманова Чордынскіе Остяки десять человѣкъ парня Остяцкого для того, чтобы де убилъ его Чордынской шайтанъ*; и за то де его Чордынского Остяка ударилъ по щекѣ до руды, и Кошель де ему молвилъ: почто де ты такую рѣчь въ землѣ плодишь? И тотъ де Чордынской Остякъ Кошелю молвилъ: зачто де ты меня бьешь? ты де Кошель самъ того парня продалъ Ивашку Лечманову, а былъ де тутъ въ то время Ляпинской Остякъ Пырча Волынкинъ, и иные де Ляпинскіе и Куноваццкіе Остяки про то все знаютъ; а ему де Какунчею говорили многіе Остяки Вешнякъ Парындыповъ, да Кулья Нежачковъ, что поѣдь де къ Ивашку и возми де за того парня цѣну, а про то де великимъ государемъ не объявляй, что де *убили малого*...; да онъ же де Ивашко Лечмановъ взялъ у брата своего Адыля Лечманова *парня Самояцкого* и побѣгъ де за Камень къ Чордынскимъ Остякамъ, и Чордынскіе де Остяки *того парня убили* съ Ивашкомъ вмѣстѣ....; что того парня Ивашко убилъ съ Ендырскими Остяками, и то де имъ Какунчею сказывалъ Замятня Телмановъ; *а въ прошлыхъ де годѣхъ бывало у ихъ братьи иноземцовъ, что похотятъ де великимъ государемъ измѣнить* и заведетца какая шатость въ нихъ, что похотятъ де *на городъ притти и людей государевыхъ побить, и они де побивали по своей вѣрѣ шайтану свою братью Остяковъ*; а какъ де послѣ того у ихъ братьи у иноземцовъ измѣны и шатости не бывало, и они де людей шайтану не побивали, а побивали де шайтану по своей вѣрѣ оленей и лошадей; и то де знатно, что въ нихъ шатость и измѣна, потому что де стали людей побивать... Февраля жъ

[1]) т. е. 7171 (отъ сотвор. міра)=1663 г. (7171—5508) по Р. Хр.

въ 16 день Куновацкой же Остякъ Какунчей Лемтохтыевъ сказалъ: въ прошломъ де во 169 году *Сосвинскіе де Остяки всею волостью купили у Чордынскихъ Остяковъ Остяцкого малого передъ Сосвинского шайтана убить,* а для чего де его хотятъ передъ шайтаномъ убить, про то де они сами вѣдаютъ, а тотъ де малой купленой Чордынской живетъ у Сосвинского Остяка въ юртахъ у Васки Охтолманова; да въ нынѣшнемъ де во 171 г. Куновацкой Остякъ Аслангей Ряхтинъ продавалъ парня Самояцкого ясачного Ляпинскому Остяку Пырчѣ Волынкину, а тотъ де Самояцкой малой говоритъ Аслангѣ Ряхтину: что де ты меня продаешь? Ляпинскіе де Остяки продадутъ меня за Камень убить передъ шайтана; а задатку де за того Самояцкого малого Пырча далъ тому Аслангѣ сторговавъ два соболя да шапку соболью хвостовую" (Періодъ III, стр. 713 - 715).

Въ драгоцѣнномъ актѣ, который мы привели почти цѣликомъ, заключаются весьма опредѣленныя данныя относительно человѣческихъ жертвоприношеній: 1) человѣческая жертва приносилась не одному какому-нибудь шайтану, а важнѣйшимъ мѣстнымъ; 2) она приносилась въ случаѣ крупныхъ предпріятій, въ родѣ возстанія; 3) приносилась цѣлыми волостями, на общій счетъ; 4) объектомъ жертвы служилъ мальчикъ (малой, парень) — остякъ или чужеродецъ безразлично, — но непремѣнно со стороны.

Съ этими историческими свидѣтельствами вполнѣ согласны воззрѣнія на духовъ у маньзовъ, называемыхъ часто прежними писателями то югрой, то остяками, то вогулами. Мэнквы—духи, по словамъ Н. Л. Гондатти, представляются маньзамъ людоѣдами, которые нападаютъ на людей, убиваютъ ихъ, съѣдаютъ и остатки приносятъ въ свои большіе лиственничные дома, построенные въ глухихъ мѣстахъ, окруженныхъ непроходимыми болотами (*Н. Л. Гондатти.* „Слѣды языческихъ вѣрованій у Маньзовъ",—въ Трудахъ Этногр. Отд. И. О. Люб. Ест., Антр. и Этн., кн. VIII, стр. 63*а*, срв. 58*а*). Рядомъ съ каннибалами—стихійными духами маньзы знаютъ каннибаловъ—богатырей, которые жили въ старину особняками. Убивши врага, эти одыры, подобно богатырямъ вотяцкихъ сказаній, съѣдали его сердце и печень, чтобы вся сила убитаго перешла къ нимъ и чтобы онъ не ожилъ (ib. 64*а*).

Отъ восточныхъ родичей пермяковъ переходимъ къ западнымъ. Наибольшее количество данныхъ относительно человѣческихъ жертвоприношеній и каннибализма встрѣчаемъ мы у лопарей. Собрать эти данныя, благодаря прекрасному изслѣдованію Н. Н. Харузина, не представляется затруднительнымъ. Гавріилъ Тудеръ сообщаетъ, что нѣкогда около урочища Безозингъ, отстоящаго около одной мили отъ озера Кими, лопари приносили въ жертву своихъ дѣтей предъ какимъ-то идоломъ (*Н. Харузинъ*, „Русскіе Лопари", Труды Этногр. Отд., кн. X, стр. 173). Существуетъ также преданіе о старикѣ, который принесъ себя въ жертву за больного сына (ib. 174). Для какихъ цѣлей нужны были лопарскимъ богамъ человѣческія жертвы, мы узнаемъ изъ тѣхъ представленій, которыя имѣли лопари относительно различныхъ духовъ. Въ подземномъ мірѣ, странѣ мертвыхъ, живутъ старухи-людоѣдки (ib. 157, 354). Здѣсь же жилище Сталло, которые крали *дѣтей* у родителей и съѣдали ихъ (ib. 164). Горы и лѣса Лапландіи населены массой великановъ, которые похищаютъ лопарскихъ *дѣтей* и съѣдаютъ ихъ (ib. 139). Въ эпосѣ о „Солнцевой дочери" заключаются указанія на слѣпыхъ великановъ-людоѣдовъ (ib. 347); людоѣдами оказываются и дѣти, прижитыя, по этому же эпосу, старикомъ отъ лягушки (ib. 349). Въ 1-мъ вып. „Живой Старины" приведенъ отличающійся нѣкоторыми деталями отъ передачи г. Харузина варіантъ этого эпоса.

Антропоморфные боги-людоѣды имѣютъ своихъ двойниковъ (точнѣе оригиналы) въ каннибалахъ-людяхъ. Каннибалами являются у лопарей покойники-нойды (ib. 233) и въ отдѣльныхъ случаяхъ живые люди. На стр. 464 книги г. Харузина помѣщена сказка о царицѣ, которая, озлобившись на своего ребенка, приказываетъ его убить, жаритъ и съѣдаетъ его сердце.

Лопари являются звеномъ, которое соединяетъ восточныхъ финновъ съ западными. Оттиснутые на сѣверъ, въ даль отъ культурнаго міра, они сохранили значительное количество слѣдовъ стариннаго быта. Западные финны—эсты и собственно финны—успѣли многое забыть подъ вліяніемъ германскихъ завоевателей. Но человѣческія жертвы въ былое

время извѣстны были и имъ. Татищевъ приводитъ въ своей «Исторіи» слѣдующее извѣстіе о нихъ Адама Бременскаго: „Эсты... христіанскаго Бога совсѣмъ не вѣдаютъ, зміевъ и птицъ почитаютъ, имъ и *живыхъ людей въ жертву приносятъ*, которыхъ отъ торговыхъ людей, прилежно осмотрѣвши, чтобы никакого вреда на тѣлѣ не было, покупаютъ"... (I, 235). Генрихъ Латышъ, повѣствующій въ своей хроникѣ о борьбѣ эстовъ съ нѣмцами, констатируетъ случай, когда эсты съѣли сердце побѣжденнаго нѣмецкаго вождя. Существовали ли человѣческія жертвоприношенія у финновъ-кореловъ, мы не можемъ въ настоящее время сказать ничего положительнаго, не располагая нужнымъ матеріаломъ.

Выводъ, къ которому можно прійти, сопоставляя данныя, сообщенныя въ настоящихъ замѣткахъ, съ тѣмъ, что высказано нами въ другихъ указанныхъ выше мѣстахъ, заключается въ томъ, что всѣ финнскія племена пережили періодъ, когда они приносили богамъ человѣческія жертвы, и предшествующій ему періодъ антропофагіи. Заканчивая нашу замѣтку объ этомъ вопросѣ, мы позволяемъ себѣ выразить пожеланіе, чтобы ученыя Общества, имѣющія возможность черезъ посредство своихъ членовъ предпринять обстоятельное изученіе быта и поэзіи финновъ-кореловъ, включили въ число задачъ мѣстныхъ изслѣдователей собираніе такихъ произведеній финнскаго народнаго эпоса, въ которыхъ слышатся мотивы каннибализма—фигурируютъ людоѣды-покойники, людоѣды-духи, людоѣды-мстители (а такое изслѣдованіе весьма желательно, такъ какъ финны остаются племенемъ менѣе всего затронутымъ русской этнографической литературой). Данныя, добытыя такимъ путемъ, не измѣнили бы, конечно, но укрѣпили бы еще на болѣе солидномъ фактическомъ фундаментѣ выведенное нами положеніе.

2. *Матріархатъ*.

Въ русской литературѣ установленъ уже фактъ, что большая часть финновъ пережила эпоху безпорядочнаго полового сожительства или гетеризма. Въ ближайшей связи съ этимъ строемъ половыхъ отношеній стоитъ почти всегда явленіе, извѣст-

ное подъ именемъ матріархата или матернитета. Исходя изъ признанной связи между этими двумя группами явленій, мы въ правѣ ожидать, что и у финновъ должны отыскаться слѣды былого матріархальнаго строя. Матеріалъ, который даетъ намъ русская этнографическая литература, вполнѣ оправдываетъ это предположеніе. Начнемъ съ фактовъ, которые разбросаны въ разныхъ мѣстахъ вышеназваннаго обширнаго изслѣдованія Н. Н. Харузина о лопаряхъ.

Однимъ изъ признаковъ переживаемаго народомъ матріархальнаго строя является констатированный Тайлоромъ въ его новѣйшей статьѣ обычай, въ силу котораго мужъ поселяется въ домѣ жены *). Воспоминанія объ этомъ обычаѣ сохранились въ лопарскомъ богатырскомъ эпосѣ. Квигстадъ записалъ разсказъ о дѣвицѣ-богатырѣ, которая приводитъ съ собой въ тупу жениха-богатыря („Р. Лоп.", 374). Переживанія того же обычая можно констатировать въ близкую къ намъ эпоху: въ XVI ст. зять жилъ въ домѣ своего тестя годъ, въ началѣ XIX—нѣсколько дней (ib. 267, 271)

Новыя указанія на былой матріархатъ заключаются въ отношеніяхъ матери къ дѣтямъ у лопарей. При господствѣ матріархальныхъ отношеній дѣти получаютъ отъ матери все то что въ эпоху патріархата даетъ имъ отецъ—личныя права, собственность, имя. Современная лопарская жизнь сохраняетъ только обломки этого стараго порядка. На стр. 249, и 253 книги г. Н. Харузина мы встрѣчаемъ факты, которые говорятъ, что современнымъ лопарямъ не чужда мысль *прозываться* по матери или по другой женщинѣ въ восходящей линіи. Въ первомъ изъ отмѣченныхъ мѣстъ авторъ сообщаетъ, что родъ Ѳедотовыхъ принялъ это прозвище въ честь одной изъ принадлежащихъ къ нему женщинъ, которая называлась по-лопарски Ѳедь-акка; изъ второго мы узнаемъ, что и теперь еще лопарь можетъ прозываться по матери, именно тогда, когда отецъ умеръ, оставивъ его ребенкомъ, и онъ былъ поставленъ на ноги матерью. Передача „фамиліи" такимъ образомъ въ глазахъ лопарей не составляетъ еще исключительнаго права отца.

---

*) См. Этногр. Обозр., V. 6—8, 14—15.

Дальнѣйшими указаніями на былую преобладающую роль матери по отношенію къ дѣтямъ являются факты, приведенные на стр. 276 и 295 того же изслѣдованія. Въ Ловозерскомъ погостѣ мать первая даетъ согласіе на выдачу дочери жениху; за ней и въ ея же терминахъ даетъ свое согласіе и отецъ. Въ другихъ случаяхъ мать получаетъ большую часть выкупа за дочь (ib. 293).

Кромѣ этихъ слѣдовъ былого матріархата, можно отыскать и другіе. Отношенія въ мірѣ боговъ рисуются первобытному человѣку аналогично съ отношеніями, которыя имѣютъ мѣсто въ его собственномъ быту. Имѣя въ виду это положеніе, мы должны обратить вниманіе на слѣды несомнѣннаго когда-то преобладанія женскихъ божествъ на лопарскомъ Олимпѣ Мы знаемъ у лопарей Маддер-акка (богиня, мать земли и производительной силы), Вирос-акка (мать лѣсовъ), Анк-акка (мать луны), Пейво-акка (мать солнца), Ябмэ-акка (мать подземнаго міра) и, что особенно важно, двѣ богини покровительницы чу̊ма—Сар-акка и Укс-акка. Кромѣ этихъ богинь, стоящихъ къ явленіямъ въ отношеніяхъ рожденія, въ лопарскомъ пантеонѣ имѣются богини, связанныя съ рѣками и другими водами (Саціенъ), съ оленеводствомъ (Луот-хозик и Поць-хозик=оленья хозяйка). Большая часть этихъ женскихъ божествъ стоитъ внѣ всякихъ отношеній къ мужскимъ божествамъ явленій природы; это не жены, не матери, а совершенно обособленныя существа. Можно съ достаточнымъ основаніемъ утверждать, что эти женскія божества явились ранѣе мужскихъ. Онѣ стоятъ къ явленіямъ въ такихъ отношеніяхъ, которыя, какъ копія, предполагаютъ простѣйшій оригиналъ въ отношеніяхъ между людьми. Въ ряду этихъ женскихъ божествъ особое значеніе съ занимающей насъ точки зрѣнія имѣютъ богини—хранительницы чу̊ма. Природа этихъ божественныхъ существъ свидѣтельствуетъ о роли, которая принадлежала въ чу̊мѣ женщинѣ-матери. Создавши рядъ мужскихъ божествъ для явленій природы, лопари такъ и не дошли сами до созданія мужского божества для дома; образъ мужчины-покровителя очага (Стор-юнкарэ) они заимствовали, какъ свидѣтельствуетъ названіе, у скандинавовъ-сосѣдей (сканд. stor—великій + junkare—старѣйшина, властитель).

Переходъ отъ матріархата къ патріархату характеризуется возникновеніемъ новыхъ понятій о родствѣ. Въ матріархальномъ періодѣ принадлежность дѣтей опредѣляется актомъ рожденія, въ патріархальномъ — представленіемъ о господствующемъ вліяніи мужчины въ дѣлѣ возникновенія дитяти. Промежуточной стадіей между этими двумя идеями является періодъ, когда мужъ и отецъ выдвигаютъ свои права на дитя рядомъ съ материнскими, символически участвуя въ актѣ рожденія (кувада) *). Н. Н. Харузинъ даетъ намъ въ своей книгѣ констатированный давно уже фактъ, который свидѣтельствуетъ, что идея, лежащая въ основаніи кувады, не чужда была и лопарямъ. Дѣло идетъ о твореніи живыхъ существъ. Мы имѣемъ два относящихся сюда лопарскихъ представленія. По первому Радіэн-атчэ (христіанскій Богъ-Отецъ) создаетъ души, Маддер-акка, Сар-акка и Укс-акка пропускаютъ ихъ *черезъ свои тѣла*, другими словами—*родятъ*. Другая теорія происхожденія живыхъ существъ сложнѣе. Здѣсь фигурируетъ уже Маддер-атчэ (отецъ земли, творенія), и его роль въ актѣ творенія для насъ особенно любопытна. Маддер-атчэ получаетъ отъ Радіэн-атчэ души, *вскрываетъ свой животъ*, обноситъ въ такомъ видѣ душу вокругъ солнца и передаетъ вышеназваннымъ богинямъ, которыя даютъ душѣ тѣло и полъ (*какъ* -- изъ пересказа миѳа не видно). Если мы примемъ во вниманіе, замѣченное уже мимоходомъ обстоятельство, что Радіэн-атчэ представляетъ собою христіанскаго Бога-Отца, то участіе его въ твореніи должно разсматриваться, какъ компромиссъ между христіанскими и языческими лопарскими вѣрованіями, и въ первомъ миѳѣ древнѣйшими и единственными дѣятелями останутся богини-женщины, рождающія живыхъ существъ. Другой миѳъ представляетъ попытку примирить и совмѣстно привлечь къ творенію мужское и женское божества. Какъ же совершается это примиреніе, какъ участвуетъ Маддер-атчэ въ актѣ творенія? Маддер-акка, какъ женщина, *родитъ* новыя живыя существа, Маддер-атчэ стремится воспроизвести тотъ процессъ ношенія и рожденія, который ставитъ женское божество въ опредѣ-

*) См. Этногр. Обозр., V, 12 слѣд.

ленныя отношенія къ новымъ живымъ существамъ; онъ вскрываетъ свой животъ и обноситъ вокругъ солнца помѣщенную въ немъ, конечно, душу существа, имѣющаго родиться, т. е. продѣлываетъ нѣсколько своеобразно ту куваду, которая хорошо извѣстна въ человѣческихъ обществахъ.

Этотъ миѳъ о небесной кувадѣ чрезвычайно важенъ въ культурно-историческомъ отношеніи. Народъ, который его создалъ и хранитъ, безъ сомнѣнія, пережилъ періодъ, когда отецъ, чтобы получить основанныя на актѣ рожденія права на ребенка, долженъ былъ хотя символически принять участіе въ мукахъ рождающей матери, — а такой періодъ, какъ прекрасно показалъ Тайлоръ, имѣетъ мѣсто только въ жизни общества, переходящаго отъ матріархальнаго строя къ патріархальному.

Переходимъ къ другимъ финнскимъ народностямъ.

По языку лопари представляютъ собою промежуточное звено между зап. финнами и Волжской группой съ одной стороны, и Пермской съ другой. То-же отношеніе наблюдается и въ отношеніи развитія семьи. Одни изъ явленій, въ которыхъ мы усматриваемъ слѣды былого матріархата у лопарей, имѣютъ свои аналогіи у представителей Пермской группы, другія—въ Волжской. Съ представителями Волжской группы лопарей объединяютъ слѣды матріархата, сохранившіеся главнымъ образомъ въ вѣрованіяхъ и культѣ, съ представителями Пермской—въ области обычнаго права.

Связь поклоненія домовому съ культомъ предка-родоначальника представляется фактомъ безспорнымъ. Божество, охраняющее домашній очагъ, принято разсматривать какъ духъ того предка, который основалъ этотъ очагъ, былъ его первымъ хозяиномъ. Исходя изъ этого положенія, мы считаемъ возможнымъ выдвинуть положеніе, что *полъ* домового божества опредѣляетъ собою роль, которая въ далекомъ прошломъ принадлежала мужчинѣ или женщинѣ въ семьѣ, собиравшейся впервые около одного огнища: если у извѣстной народности домъ охраняетъ женское божество, мы должны признать, что женщинѣ въ былое время принадлежала у нея главная роль въ семьѣ. У мордвы и черемисъ наблюдается именно такое явленіе—у первыхъ отчетливѣе, ярче, у послѣднихъ блѣднѣе.

Божествомъ, охраняющимъ мордовскій домъ, является Юрт-ава (домовая мать) или Кудь-азыр-ава (домовая хозяйка). Она играетъ выдающуюся роль въ важнѣйшіе моменты жизни мордовской семьи. Благословеніе Юрт-авы испрашивается, когда начинается сватовство (*Майновъ*. Очеркъ юрид. быта морд., 50, 51, 53, 59). Чтобы умилостивить богиню, ей кладутъ подъ порогъ кусокъ хлѣба (озондам-палъ). Юрт-авѣ жениха приноситъ жертву старуха — жрица (Имбаба), когда молодая вступаетъ въ его домъ (ibid. 102). Молитвы Юрт-авѣ возносятся и тогда, когда въ домѣ кто-нибудь умираетъ. Прежде, чѣмъ вынести усопшаго изъ дома, а равно и въ день сорочинъ у эрзи, старшая женщина въ домѣ обращается къ богинѣ и предкамъ съ просьбой о помощи (*Mainoff*. Les restes de la mythologie Mordvine. Journ. de la soc. Finno-Ougr. V, 68).

Намекъ на былую роль женщины при основаніи новой семьи заключается какъ будто и въ современномъ обычаѣ невѣсты при переходѣ въ чужой домъ и прощаньи съ своимъ брать щепотку земли изъ подъ порога—мѣста обитанія Юрт-авы. Молодая женщина приноситъ въ новый домъ щепотку родной земли и ставитъ его подъ покровительство своей Юрт-авы (Оч. юр. б. м., 72). Рядомъ съ богиней, хранительницей жилища, у мордвы, какъ и у лопарей, фигурируютъ стихійныя богини, богини—матери: воды, лѣса, зари, луны, солнца. Всѣ эти богини у обѣихъ народностей являются или матерями или хозяйками, властительницами явленій подобно богинѣ жилища. Въ виду выдающейся роли женскихъ божествъ въ мірозданіи является вполнѣ естественнымъ, что мордовская женщина сохранила до сихъ поръ обломки того жреческаго значенія, которое она имѣла въ пору своего преобладанія въ семьѣ. Въ жизни мордвы не рѣдки случаи, когда женщина только и можетъ выполнять посредническую роль предъ божествомъ. Послѣ первой брачной ночи молодая приноситъ жертву богинѣ воды (Ведын-азыр-ава). Жрицей, возносящей молитву богинѣ, является въ этомъ случаѣ самая старая старуха въ деревнѣ (Оч. ю. б. м., 114). При вступленіи молодой въ домъ мужа жертвоприношеніе Юрт-авѣ и предкамъ совершала въ былое время также жрица Имбаба (ib. 102). Предъ

наступленіемъ родовъ считается необходимымъ принести молитвы банной хозяйкѣ, водяной хозяйкѣ и матери — богинѣ (Ангэ-Патяй). Жрицей является повитуха—вѣдунья (йомз-ава, Les restes de la Myth. 52). Та же йомз-ава поручаетъ новорожденнаго покровительству Юрт-авы (ibid. 54). Въ предѣлахъ дома самая старшая женщина въ домѣ служитъ жрицей Юрт-авы. Она приноситъ ей съ молитвами жертвы всесожженія въ загнѣткѣ печи или зарываетъ въ передній уголъ (*Мельниковъ*. Очерки Мордвы. Рус. В. т. LXXI, 247, 427). Она же является жрицей Ангэ-Патяй во время устраиваемыхъ въ честь ея празднествъ— читаетъ молитвы и приноситъ на загнѣткѣ жертву (ibid. 419). Богинѣ воды приноситъ молитвы за цѣлое общество во время праздника Бабань-кши избранная старуха (Сам. Еп. Вѣд. 1887, № 1, 5).

Воспоминанія о преобладающей роли матери въ семьѣ сохранились и въ тѣхъ правахъ, которыя ей въ исключительныхъ случаяхъ предоставляетъ обычай. Въ пятидесятыхъ годахъ у терюханъ, по словамъ Мельникова, свадебный поѣздъ жениха вела мать въ вѣнцѣ, съ горящей свѣчой въ рукахъ; за ней вторымъ ѣхалъ отецъ (*Майновъ*. Очер. юр. б. м., 98. Симб. Г. В. 1851, № 25). Она-же нарекаетъ невѣсткѣ при ея вступленіи въ домъ новое имя (*Майновъ*, l. c. 84).

Намекомъ на былой матріархатъ является роль брата невѣсты въ свадебномъ обрядѣ. Прощаясь съ родительскимъ домомъ, невѣста обращается къ брату съ слѣдующимъ причетомъ: „Кормилецъ—братецъ! не сердись на меня несчастную!.. Хлѣбъ—соль на столѣ твоя была (ibid. 64)“.

У черемисъ воспоминанія о былой роли матери сохранились исключительно въ вѣрованіяхъ: домовымъ божествомъ ихъ является, какъ и у мордвы, домовая мать (Куд-ава); въ отношеніи стихійныхъ божествъ замѣтно уже колебаніе между женскими — матерями (ава) и мужскими—богами, владыками (онъ, юмо).

Представители Пермской группы, вотяки и комп, сохранили воспоминанія о быломъ матріархатѣ главнымъ образомъ въ юридическихъ понятіяхъ и обычаяхъ. Въ очеркѣ „Вотяки“ мы имѣли уже случай указать на то, что, судя по указаніямъ языка, вотяки нѣкогда знали только

родство по матери (слово *чыжъ*, имѣющее одинъ корень съ пермяцкимъ глаголомъ *чужны* — родить, служитъ только для обозначенія родства по матери). Тамъ-же мы отмѣтили и другіе намеки на былой матріархатъ: обычай величать жену именемъ ея матери—воршуднымъ именемъ, обычай Бирскихъ вотяковъ давать дочери имя, похожее на имя матери, догадки вотяковъ, что родовыя (воршудныя) имена идутъ отъ женщинъ — родоначальницъ, преданія Глазовскихъ вотяковъ о женщинахъ—родоначальницахъ и властительницахъ коровъ, роль матери и брата невѣсты въ свадебномъ обрядѣ: ей первой даритъ деньги женихъ (135—140, 150). Въ связи съ былой ролью матери находится безъ сомнѣнія и жреческая роль старшихъ женщинъ у вотяковъ: старшая женщина въ XVIII в. у Уфимскихъ вотяковъ читала молитву и приносила жертву во время весенняго праздника богинѣ Кандык-Мумы; она-же благословляла брачущуюся пару (ib. 162).

У пермяковъ намеками на былой патріархатъ является роль брата въ свадебномъ обрядѣ (невѣста благодаритъ брата, что онъ ее вспоилъ, скормилъ), сохранившееся въ языкѣ воспоминаніе о времени, когда зять поселялся въ домѣ жены (зять обозначается тѣмъ же словомъ, что и пасынокъ; см. наши „Пермяки“, стран. 214—215).

Мы оставляемъ внѣ изслѣдованія Угорскую вѣтвь и Западно-финнскую, такъ какъ не имѣемъ относящагося къ вопросу матеріала: вогулы и остяки у насъ изучались главнымъ образомъ со стороны вѣрованій и внѣшняго быта, эсты и собственно финны, можно сказать, совершенно нетронуты русской этнографіей. Данныхъ, которыя мы привели, во всякомъ случаѣ достаточно для того, чтобы прочно поставить вопросъ о матріархатѣ, какъ ступени, чрезъ которую прошла общефинская семья въ своемъ развитіи.

И. Смирновъ.

ПИЛИГРИМЪ

въ былинахъ и сказкахъ.

Въ русскихъ былинахъ, а отчасти и въ сказкахъ встрѣчается имя Пилигримъ, иногда какъ собственное, иногда какъ нарицательное; иногда въ неиспорченномъ видѣ, иногда искаженное, въ формахъ Пилигримище, Угрюмище, Бѣлогримище и т. п. Это имя связываютъ съ нѣмецкимъ pilgerim (*А. Веселовскій*, Калики перехожія и богомильскіе странники. Вѣст. Евр., 1872, апрѣль, 721) и отождествляютъ съ словомъ пилигримъ, pilgerim; слѣдовательно, это какъ будто то-же, что наша „калика перехожая".

Дѣйствительно, чаще всего это лицо осмыслено въ видѣ благочестиваго странника, питающагося милостыней, но иногда этотъ смыслъ неясенъ. Напр., Пилигримище въ былинѣ о Васильѣ Буслаевѣ очень мало напоминаетъ такого странника; кромѣ того, это имя иногда въ той же былинѣ искажается въ Угрюмище и, наконецъ, замѣняется Онлронищемъ. Въ сказкѣ, помѣщенной въ „Верхоянскомъ Сборникѣ" (Иркутскъ, 1890), съ именемъ Пилигримъ не связано ничего, напоминающаго паломника. Что это за отклоненія отъ общаго типа? Есть ли это забвеніе первоначальнаго смысла, происшедшее въ памяти позднѣйшаго сказителя, или темный слѣдъ того, что нѣкогда на мѣстѣ пилигрима стояло нѣчто другое, что приняло настоящій обликъ только подъ позднѣйшими воздѣйствіями?

Предлагаемая статья, которая служитъ продолженіемъ статьи: „Восточныя параллели къ нѣкоторымъ русскимъ сказкамъ", помѣщенной въ VIII кн. „Этн. Обозр.", содержитъ въ себѣ сводъ мѣстъ въ русскихъ былинахъ и сказкахъ, въ которыхъ встрѣчается имя Пилигримъ и его версіи. Статья

не претендуетъ на полноту. Цѣль наша болѣе заключается въ томъ, чтобъ набросать только легкій очеркъ усмотрѣнныхъ нами отношеній между русскимъ и степнымъ (ордынскимъ) эпосами.

Эпизодъ, въ которомъ является старецъ Пилигримище въ былинѣ о Васильѣ Буслаевѣ, въ варіантахъ ея излагается въ общихъ чертахъ слѣдующимъ образомъ:

Буслаевъ спитъ въ то время, какъ его дружина бьется съ новгородцами и изнемогаетъ въ борьбѣ. Дѣвочка служаночка будитъ Буслаева. Онъ принимаетъ участіе въ битвѣ; тогда новгородскіе мужики призываютъ на помощь себѣ Пилигримище, крестнаго отца Буслаева (у *Гильфердинга*, стр. 215: старчище Ондровище; стр. 290: Перегримище; 593: Дядька, крестный батюшко; 722: старчище Андронищо; 1241: старичищо Угрюмищо; у *Рыбникова*: старичище Пилигримище, I, 343, 349; старчище Пилигринище, ib., 356; у *Кирѣевскаго*: старчище Игнатьище, II, в 5, стр. 7, 13; старецъ Пилигримища, стр. 20.

Старецъ прикрылъ свою голову колоколомъ; «навалилъ онъ колоколъ да двѣнадцать пудъ, навалилъ онъ себѣ да на голову» (Гильфердингъ, 290); въ другомъ варіантѣ (ibid., 593) колоколъ сорванъ съ церковной колокольни; въ одномъ случаѣ это „Софеинъ колоколъ“ (ibid., 722) [1]). Василій подноситъ старцу яичко и проситъ взглянуть, что на небѣ дѣется; старецъ опрокидывается и убивается.

Пошли то мужики да новгородчина,
Пошли къ старцúщу, пошли къ Ондрóнищу,
И къ его оцúщу таки крёстному:
„Ай же ты стáрцище, ай же Ондронище!
И уйми-тко ты чадо милое, дитё любимое,
Еще мóлода Василья да Буславьева,
И оставь-ко мужиковъ хоть на сѣмена“.
И пошелъ старцúще, пошелъ Ондрóнище,
И на главѣ-то несе колоколъ,

[1]) Колоколъ и у Кир., II, в. 5, ст. 7 и 13; колоколъ въ 12 пудъ у Рыбн., I, 356; въ 300 пудъ, Кир., II, в. 5, стр. 20; въ 1000 пудъ, Рыбн., 1, 343; колпакъ въ 20 пудъ, Рыбн., I, 349.

Языкомъ подпирается.
Что Василій здогодается:
— Ай же ты старцище, ай же ты Ондронище,
Да мое оцищё таки крестное!
Не дано яицко ти христовское,
Вотъ теби яичко новь петровское.
И ужь ты взглянь-ко нá небо,
Что на неби-то дѣется.
И взглянулъ старчйще, взглянулъ Ондронище,
И уперъ старчища да подъ ясны очи,
И упалъ старчище да о сыру землю.
Только старцище да вѣдь ёнъ живъ бывалъ (Гильф. 217).

Въ другихъ варіантахъ Буслаевъ бьетъ по колоколу, разбиваетъ его, [1]) потомъ бьетъ по головѣ старца и спихиваетъ его въ рѣку Волховъ или просто въ рѣку (Гильф., 290, 593).

Послѣ неудачнаго вмѣшательства старца, крестнаго отца, укрощать Буслаева приходитъ его мать. Она беретъ его за плечи сзади; Буслаевъ смиряется и хочетъ ѣхать въ Іерусалимъ каяться. Онъ проситъ мать:

Спусти меня молодца въ Еросолимъ-градъ,
Во святую святыню помолитися,
Ко Христову гробу приложитися,
Во Ердань-рѣку окупатися.
Сдѣлалъ я велико прегрѣшеніе,
Прибилъ много мужиковъ новгородскіихъ (Гильф., 726).

По дорогѣ въ Еросолимъ-градъ Буслаевъ заѣзжаетъ на гору Сорочинскую или на Ѳаворъ-гору; тутъ находитъ кость: „кость суха глава“ (Гильф., 217), „пустая голова человѣческая“ (ib., 290), „кость сухоялова“ (ib., 722), „кость богатырская“ (Рыбн., I, 362), „пуста голова, человѣчья кость“ (Кир., II, в. 5, стр. 26). Буслаевъ пинаетъ кость, а она говоритъ: „пойдешь сюды да ты назадъ обратно бы, посмотри ты на меня на безчастну головушку“ (Гильф., 294).

На обратномъ пути изъ Еросолима Буслаевъ опять на той же горѣ Сорочинской, но уже не находитъ кости.

---

[1]) У Рыбн., I, 356: колоколъ разбитъ надвое; у Кир., т. II, в. 5, стр. 7: колоколъ разбитъ въ жеребья.

Гдѣ та голова тутъ лежала-то,
. . . . . . вѣдь стала тутъ гора каменная (Гильф., 294).
Гдѣ лежала кость сухоялова,
Тутъ лежитъ на томъ мѣстѣ синь камень (Гильф., 727).
И ничего-то на горы они да не́ нашли,
Есть только лежитъ на горы бѣлый камешекъ (Гильф., 219).

Увидали, на горѣ лежитъ сѣрые горючіе камешекъ (ib 1187). Въ этомъ же послѣднемъ варіантѣ: «сѣръ угрюмый камешекъ». У Рыбн., I, стр. 362: „бѣлъ и великъ камень" съ надписью, кто перескочитъ, доѣдетъ до „церкви соборнія"; у Кир., II, в. 5, стр. 26: высокій камень, но вмѣстѣ съ нимъ и голова.

Буслаевъ предлагаетъ своей дружинѣ скакать черезъ камень; всѣ перескакиваютъ благополучно, Буслаевъ же ушибается. Въ одномъ варіантѣ дружина скачетъ лицомъ впередъ, а Буслаевъ лицомъ назадъ (Гильф. 295, 1187), или дружина скачетъ поперекъ камня, а Буслаевъ повдоль (ibid., 220, 727).

Камень на Сорочинской горѣ конечно бѣлъ-горючъ камень Голубиной книги и заговоровъ. Буслаевъ убилъ Пилигримище, ѣдетъ каяться, но сердце его все еще недостаточно смирилось и похвальба силою продолжаетъ срываться у богатыря; на горѣ Сорочинской онъ встрѣчаетъ кость, а на обратномъ пути на этомъ мѣстѣ уже лежитъ камень, у котораго и происходитъ смерть Буслаева. На эту смерть можно смотрѣть какъ на кару за богатырскую гордость, за пинанье человѣческой кости, за похвальбу искусствомъ скакать; но можно понять дѣло и иначе: похвальба богатырская это только неосторожность, которая непосредственно ведетъ богатыря къ гибели, только эпическое средство, которое употреблено, чтобы подвести богатыря подъ смерть. Въ дѣйствительности же богатырь приговоренъ къ гибели за смерть Пилигримища. Не самъ ли Пилигримище отмщаетъ себя, принявъ видъ бѣла горюча камня? „Пуста голова человѣческая"—это можетъ быть голова самого Пилигримища. На обратномъ пути Буслаева въ большей части варіантовъ кости уже нѣтъ; какъ будто она превратилась въ гибельный для него камень. Онъ называется: бѣлый камешокъ, сѣръ угрюмый камень, сѣрый горючій камень. Между двумя формами: бѣлъ—горючій и сѣръ—

угрюмый можно легко вставить среднюю: бѣлъ—угрюмый. Не внушены ли эти имена камня именемъ старца Пилигрима? Если въ этомъ камнѣ дѣйствительно понимался преображенный Пилигримъ, то съ этимъ именемъ, значитъ, соединялось представленіе о предметѣ, находящемся на какой то значительной высотѣ (гора Сорочинская, гора Ѳаворъ).

Эпизодъ о Буслаевѣ, обманомъ заставляющемъ Ондронище обронить колоколъ на землю, напоминаетъ монгольскій разсказъ о Талынъ-Хутулчи (Очерки с.-з. Монг. IV, 243). Талынъ-Хутулчи былъ большой лгунъ: Однажды его встрѣтилъ на дорогѣ человѣкъ, несшій котелъ на головѣ, и сказалъ ему: „Ну-ка, Талынъ-Хутулчи, соври мнѣ что-нибудь“!—„Не до тебя“, говоритъ Талынъ-Хутулчи: „все небо горитъ, а ты тутъ съ шутками“. Тотъ взглянулъ на небо, уронилъ котелъ на землю и разбилъ его. Къ этому разсказу прибавлено разсказчикомъ поясненіе: „тотъ-же Талынъ-Хутулчи и былъ потомъ Балынъ-Сенге [1])“.

Пилигримище является также и въ былинѣ о Михаилѣ Потыкѣ и также рядомъ съ бѣлъ-горючимъ камнемъ. Марья Лебедь бѣлая, жена Михаила Потыка, обращаетъ своего мужа въ камень. Она даетъ ему выпить вина, и когда онъ, пьяный, падаетъ на землю, она бросаетъ его черезъ плечо. Потыкъ обращается въ горючій бѣлый камешекъ (Гильф., 59), бѣлъ или бѣленькій горючій камешекъ (ibid. 276 и 763), бѣлый камешекъ (198). Два названныхъ брата, Илья Муромецъ и Добрыня Никитичъ, идутъ искать Потыка. Приходятъ къ бѣлому камню;

---

[1]) Подъ именемъ Балынъ-Сенге извѣстенъ монголамъ герой многочисленныхъ разсказовъ въ родѣ нашихъ о хитромъ ворѣ. Въ нѣкоторыхъ варіантахъ онъ называется Андзынъ-Хурумчи (Очерки, IV, 244) Въ монгольскихъ и тибетскихъ сказкахъ этого содержанія иногда встрѣчается тема привязыванія къ столбу. Обманутые братья привязываютъ обманщика къ столбу и уходятъ. Въ это время къ этому мѣсту подгоняетъ стадо горбатый человѣкъ. Обманщикъ увѣряетъ пастуха, что онъ привязанъ къ столбу для того, чтобы выправить спину. Пастухъ вѣритъ, что здѣсь выпрямляютъ горбатыя спины, и они мѣняются мѣстами и ролью (ibid. 236). Тутъ совершается обманъ, подобный тому, какой въ классическомъ миѳѣ Геркулесъ продѣлываетъ съ Атласомъ. По повѣрью сѣверо-восточной Азіи представленіе о столбѣ или колѣ соединяется съ Полярной звѣздой, которая на разныхъ языкахъ сѣверной Азіи называется желѣзнымъ коломъ или золотымъ коломъ (алтынъ-хатысынъ по-монгольски).

тутъ къ нимъ присоединяется „калика было старая, и старая калика да сѣдатая, хотя сѣдатая калика, да й плѣшатая", (Гильф., 60), „старая калика сѣдатая, сѣдатая да перехожая" (200), „дѣдушко" или „старичокъ" (276), „старчище пилигримище", „пилигримище„, „полигримище" (ibid. 763, 764). Втроемъ доходятъ они до царя Политовскаго, къ которому убѣжала Марья Лебедь бѣлая, получаютъ отъ Марьи милостыню, возвращаются назадъ, и доходятъ опять до бѣлъ-горючаго камня. Тутъ третій товарищъ, незнакомецъ, поднимаетъ этотъ камень и бросаетъ его; камень разваливается и изъ него выходитъ Михайло Потыкъ. Въ одномъ варіантѣ (Гильф., 277) сама Марья говоритъ богатырямъ, гдѣ имъ искать Потыка:

А вашъ то есте братецъ крестовый,
Лежитъ онъ у розстанокъ у крестовскихъ,
А у того креста Леванидова,
А бѣлымъ горючимъ камешкомъ.

Въ варіантѣ былины о Потыкѣ, записанномъ Рыбниковымъ (IV, № 12, стр. 61—62), Леванидовъ крестъ на горѣ Сорочинской-значитъ тамъ же, гдѣ и бѣлъ-горючъ камень былины о Буслаевѣ.

Другая былина разсказываетъ о Потыкѣ, какъ объ атаманѣ сорока каликъ. Во многихъ варіантахъ атаманъ называется, впрочемъ, иначе: Касьянъ Афанасьевичъ, Ѳома Ивановичъ, Михайла Романовичъ и проч. Калики приходятъ на дворъ къ князю Владиміру и просятъ милостыню, подобно тому, какъ въ предыдущей былинѣ три калики просили милостыни у царя Политовскаго. Княгиня Апраксія (Гильф., 409; Апракса Королевична, 569; Абраксина, 875) приглашаетъ атамана на свою перину. Атаманъ отказывается, потому что у каликъ завѣтъ сурово наказывать того, кто увлечется женской красотой. Княгиня подсовываетъ атаману чашу въ подсумокъ. Сначала посылаютъ въ погоню за ушедшими каликами Алешу, но онъ не умѣлъ честно говорить съ ними и былъ ими прогнанъ; догоняетъ ихъ Добрыня, вѣжливо теведъ переговоры, калики обыскиваютъ себя и находятъ чашу у атамана; по каличьему завѣту ему отрубаютъ ноги и руки, выковыриваютъ глаза и закапываютъ въ землю. Но его ис-

цѣляетъ Микола Можайскій (вмѣсто Пилигримища, какъ въ предыдущей былинѣ) и велитъ построить церковь Миколѣ Можайскому.

Закапываніе въ землю за покражу (золотого прикола) мы имѣемъ въ легендѣ, связанной съ однимъ монгольскимъ об рядомъ въ Ордосѣ [1]); одну изъ составныхъ частей этого обряда исполняетъ человѣкъ, которому засыпаютъ ступни ногъ пескомъ и заставляютъ его стоять неподвижно во все время совершенія обряда. Этотъ человѣкъ носитъ особое имя: алтынъ хатысынъ, т. е. золотой колъ; тѣмъ же именемъ называется и Полярная звѣзда. Легенда говоритъ, что у Чингисъ-хана былъ золотой приколъ; онъ былъ украденъ; воръ былъ пойманъ, и Чингисъ-ханъ приказалъ закопать вора по горло въ землю, чтобы онъ служилъ вмѣсто прикола. Съ той поры будто-бы ежегодно казнили такимъ образомъ одного изъ потомковъ этого вора, впослѣдствіи же закапываніе по горло постепенно замѣнилось засыпаніемъ только ногъ.

Разсказы о Потыкѣ, заключенномъ въ камень, и о Потыкѣ, закопанномъ въ землю, протекаютъ настолько параллельно, что ихъ можно принять за разошедшіеся варіанты. Въ обоихъ калики идутъ за милостыней; въ обоихъ есть женщина, являющаяся причиной гибели героя разсказа; въ обоихъ этотъ герой осужденъ на неподвижное положеніе: или заключенъ въ камень или зарытъ въ землю; въ обоихъ онъ освобожденъ отъ заключенія какимъ-то вѣщимъ или святымъ старцемъ (Пилигримомъ, Николой Можайскимъ); наконецъ, въ обоихъ герой называется Потыкомъ. Конечно, наименованіе каличьяго атамана Потыкомъ въ нѣкоторыхъ варіантахъ можно объяснить и произволомъ сказителя, который былъ увлеченъ къ тому параллельностью этихъ разсказовъ; будущее покажетъ, возможно-ли объясненіе и другимъ путемъ, прохожденіемъ этихъ отношеній изъ какихъ-то болѣе древнихъ общихъ представленій.

Мѣсто, гдѣ совершена казнь надъ каличьимъ атаманомъ, не названо. Можно только сказать, что это было на дорогѣ

---

[1]) См. „Поминки по Чингисъ-ханѣ", въ „Извѣстіяхъ И. Р. Г. Общ.", т. XXI. 1885, вып. 4, стр. 303.

въ Еросолимъ, гдѣ нашелъ также свою смерть Ваилій, Буслаевъ; можетъ быть, мысль былинослагателя при описаніи этого эпизода кружилась около Сорочинской горы и т. п., хотя онъ эти былинныя мѣстности въ былинѣ и не упомянулъ. Калики идутъ въ Еросолимъ каяться въ грѣхахъ такъ-же какъ и Буслаевъ. Они идутъ:

.....ко гробу Господнему да помолитися,
И ко честнымъ мощамъ да причаститися,
И во Ерданъ-рѣки да покупатися,
И во плакунъ-травы да покататися. (Гильф., 875).

Совершаютъ они этотъ подвигъ, чтобы замолить свои грѣхи. Атаманъ, уговаривая ихъ итти въ Еросолимъ, говоритъ:

Ай же вы какъ сильнія могучія вы богатыри!
А предъ Богомъ согрѣшили вы тяжко вѣдь,
Вѣдь убили многихъ буйныхъ головушокъ понапрасно [вѣдь.
А пролили вѣдь крови да горючіей.
Ай согласны-ли вы что да я вамъ скажу:
Ай не лучше ли забросить.....
.......ѣздить намъ да по чисту полю,
Ай какъ намъ сходить-то ко граду къ Еросолиму,
Ко святой святыни Богу помолитися,
А во Ердань-рѣки окупатися,
Въ своихъ грѣхахъ да намъ прощатися? (Гильф., 410).

Тѣ же эпическія фразы говоритъ и Буслаевъ, обращаясь къ матери, какъ мы видѣли выше:

Спусти меня молодца въ Еросолимъ-градъ
Во святую святыню помолитися, и пр.

Сходство, съ какимъ были разработаны былины о Буслаевѣ, Потыкѣ—мужѣ Марьи Лебеди бѣлой и Потыкѣ—каличьемъ атаманѣ, даетъ поводъ догадываться, что въ основѣ всѣхъ ихъ трехъ лежитъ какое-то одно представленіе.

Въ приведенныхъ отрывкахъ и отдѣльныхъ выраженіяхъ форма „пилигримъ“ замѣняется иногда формой „калика“. Остановимся на одной эпической чертѣ, связанной съ этимъ именемъ. Богатырь, если онъ желаетъ быть не узнаннымъ, пріѣхавши къ царскому двору, въ сказкахъ обращается въ шелудиваго заморыша, въ былинахъ переодѣвается каликой, въ нѣкоторыхъ же книжныхъ сказкахъ—пилигримомъ. Такъ,

напр., богатыри, идущіе искать Потыка, одѣваются каликами. Въ былинѣ о семи богатыряхъ они также переодѣваются каликами.

Въ сказкахъ южно-русскихъ тюрковъ богатырь, принимая хилый видъ, перемѣняетъ свое имя на имя Тасъ-таракай (*Radloff*, Prob., I, 44; Оч. с.-з. Монг., IV, 372). Въ своей статьѣ о Гэсэрѣ (Вѣстн. Евр., 1890, сент.) я свелъ съ этимъ именемъ форму „тарханъ", которая встрѣчается въ сказаніи о Гэсэрѣ (понятая въ значеніи „кузнецъ"). Тарханами или тархатами (*тархатъ* множ. число отъ *тарханъ*) называются, между прочимъ, члены одного сословія въ Ордосѣ. Это родъ наслѣдственнаго религіознаго ордена. Тархаты состоятъ хранителями монгольской святыни Едженъ-хоро, т. е. войлочной юрты, въ которой хранятся останки Чингисъ-хана. Они иногда ѣздятъ по ставкамъ монгольскихъ князей за сборомъ милостыни.

Тасъ-таракай въ одномъ случаѣ является въ связи съ слѣдующимъ сюжетомъ. Богатырь подъ видомъ Тасъ-таракая сопровождаетъ Ай-Кана, идущаго войной противъ Кюнъ-Кана. Приходятъ къ морю, черезъ которое нѣтъ переправы. Тасъ-таракай переносится черезъ море, подслушиваетъ разговоръ Кюнъ-Кана съ его женою и возвращается назадъ. Изъ разговора Тасъ-таракай узналъ, во что обратятся царь и царица, ихъ народъ и скотъ, если Ай-Канъ нападетъ на нихъ. У Гильфердинга есть былина о Каликѣ-богатырѣ, записанная въ двухъ варіантахъ (№ 101 и 207). Калика идетъ къ Пучай—рѣкѣ, видитъ войско, перелетаетъ черезъ рѣку; во главѣ войска сорокъ царей, сорокъ царевичей, а въ срединѣ ихъ турка. Калика допрашиваетъ турку о намѣреніяхъ войска, потомъ возвращается въ Кіевъ и оповѣщаетъ о чужеземномъ войскѣ. Богатыри ѣдутъ противъ войска. Слѣдуетъ битва; на одномъ крылѣ бьется Илья, на другомъ Добрыня, Калика въ серединѣ. Общая черта у этой русской былины съ алтайской: прежде чѣмъ началась битва, богатырь переносится черезъ рѣку или море во вражескій станъ и въ одномъ случаѣ ведетъ съ предводителемъ враговъ разговоръ, въ другомъ подслушиваетъ его рѣчи; къ этой чертѣ присоединяется другая: въ одномъ случаѣ это богатырь, принявшій видъ Тасъ-таракая; въ другомъ, онъ называется Калика-богатырь, а видъ калики бога-

тыри принимають, когда хотятъ скрыть свою богатырскую натуру, что въ тюркскихъ сказкахъ дѣлается посредствомъ обращенія въ тасъ-таракая.

Сорокъ царей, сорокъ царевичей, сорокъ королей, сорокъ королевичей наѣзжаютъ на Кіевъ и по былинѣ о Потыкѣ; они требуютъ выдачи Марьи Лебеди бѣлой. Потыкъ переодѣвается въ женское платье, отправляется въ иностранный станъ и побиваетъ враговъ.

Накрутился Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Русскою красавицей
Марьей Лебедь бѣлоей, Подаленкой да королевичной (Гильф., 196).

„Накрутился" можетъ быть болѣе, чѣмъ „переодѣлся". Алтайская сказка объ Оле-Олекчинѣ (Зап. Вост.—Сиб. Отд. И. Р. Геог. Общ. по Этнографіи, т. I, в. 1, стр. 140) представляетъ варіантъ Радловской былины о Тэктэбеѣ (Тасъ-таракаѣ); Оле-Олекчинъ—дѣвица, переодѣтая мужчиной.

Былина о Буслаевѣ представляетъ нѣкоторыя параллели съ былиной о Добрынѣ. Буслаевъ ѣдетъ на Сорочинскую гору; Добрыня также ѣдетъ на Сорочинскую гору (Кир., в. 2, стр. 23; Рыбн., I, 120; Гильф., 471, 560, 744). Буслаевъ переѣзжаетъ черезъ Сорочинскую гору, встрѣчаетъ человѣческую голову (у Аѳан., Нар. русск. ск., 1858, в. I, стр. 52: „морскую пучину, вокругомъ глаза"), вмѣсто которой на обратномъ пути онъ находитъ камень; дружина скачетъ черезъ камень; Буслаевъ тоже скачетъ, но по-особому: или вдоль камня вмѣсто того, чтобы скакать поперекъ, или лицомъ назадъ; очевидно, онъ хотѣлъ похвастаться передъ дружиной своей силой, но онъ гибнетъ жертвой своей похвальбы. Добрыня переѣзжаетъ черезъ Пучай-рѣку (Смородину), сравниваетъ ее съ лужею, и гибнетъ отъ своего хвастовства: когда ему пришлось во второй разъ переѣзжать рѣку, онъ тонетъ въ ней. Дѣвушка-чернавушка предупреждаетъ Буслаева не купаться въ Ердани нагимъ тѣломъ.

Нагимъ тѣломъ въ Ердань-рѣки не куплются.....
А кто куплется, тотъ живъ не бываетъ (Гильф., 722).

То-же предупрежденіе дѣлаютъ и Добрынѣ:

Не куплись ты во матушкѣ Пучай—рѣки (Гильф., 29).

Дѣвицы бѣломойницы говорятъ Добрынѣ:

У насъ не купятся во Пучай-рѣки нагимъ тѣломъ.
У насъ купятся во Пучай-рѣки во рубашечкахъ.
(Гильф., 560).

„Протомойки", полоскавшія бѣлье на Почаевой рѣкѣ, говорятъ Добрынѣ:

Не купли-тко ты своего тѣла нáгаго
И во этоёй во рѣченькѣ во Почаевой,
Тѣла нáгаго, богатырскаго,
Да купли-тко ты во рубашечкѣ полотняноей (Гильф., 665).

Не можетъ-ли это запрещеніе входить въ рѣку нагимъ тѣломъ поддержать объясненіе, которое А. Н. Веселовскій даетъ одному темному мѣсту въ Греческой поэмѣ Армури (Южно-русскія былины, III—XI, стр. 5). Армури подъѣзжаетъ къ р. Ефрату и ищетъ переѣзда; какой то Саракинъ глумится надъ нимъ: „Саракины на своихъ коняхъ не могутъ черезъ Ефратъ переѣхать, а ты хочешь на своей кляченкѣ". Разозлился молодецъ, хочетъ переѣхать рѣку, а она-то разлилась, заходила тяжелыми волнами. Ангельскій голосъ вѣщаетъ ему съ высоты: „Воткни свое копье въ корень финиковаго дерева, вложи одежду свою въ тотъ илъ, что впереди, бодни вороного своего, чтобы переѣхать на ту сторону". „Наставленіе нѣсколько загадочное, либо переводъ слишкомъ подстрочный," замѣчаетъ г. Веселовскій и передѣлываетъ текстъ такъ: Ангелъ говоритъ: пришпорь коня, переѣзжай какъ есть, въ одеждѣ, черезъ рѣку, что передъ тобою, метни копьемъ въ финиковое дерево (по ту сторону рѣки). Армури перебирается за Ефратъ и, не давъ „одеждѣ своей высохнуть", наѣхалъ на Саракина. Кромѣ этого намека на запрещеніе входить въ рѣку безъ одежды, этотъ эпизодъ и еще одной чертой сближается съ былиной о Добрынѣ. Армури спѣшивается, чтобы освѣжиться послѣ битвы, послѣдовавшей вслѣдъ за переправой, а въ это время Саракинъ уводитъ его вороного и уноситъ палицу.

О Добрынѣ разсказывается слѣдующее. Онъ купался въ Пучай-рѣкѣ. Въ это время слуга угналъ его лошадь, увезъ лукъ, саблю, копье, палицу, оставилъ только шляпу земли греческой. (Не потому ли и запрещалось купаться нагимъ тѣломъ, что предвидѣлось лишеніе коня, оружія и платья?)

Послѣ этого бой со зміемъ. Дочь царская унесена змѣей во „Туги горы“. Тамъ она въ пещерахъ была „раскована“,—по объясненію пѣвца „прикована къ стѣнѣ руками врозь“. Добрыня убиваетъ змѣю и освобождаетъ дѣвицу (Гильф., 315—320). Въ другомъ варіантѣ (Гильф., 340) покража коня и оружія у Добрыни приписана Потоку Михайлу Ивановичу; дѣло происходитъ также на Пучай-рѣкѣ.

Г. Веселовскій сближаетъ Армури съ Сауромъ русской былины; сюжетъ послѣдней—бой отца съ сыномъ; конца греческой поэмы не дошло до насъ, но онъ предполагается въ томъ же родѣ. Если мы теперь отъ Саура и Армури возвратимся къ Добрынѣ, а потомъ къ Буслаеву, то можемъ и въ былинѣ о послѣднемъ искать темы боя отца съ сыномъ. Не будетъ ли это эпизодъ съ Пилигримищемъ или Ондронищемъ. Исходъ боя другой; въ былинѣ о Саурѣ—онъ благополучный; въ новгородской былинѣ сынъ убиваетъ отца.

Религіозный оттѣнокъ, которымъ запечатлѣны три разсмотрѣнныя былины о Буслаевѣ и Потыкѣ, выдѣляетъ ихъ изъ остальнаго русскаго эпоса; ихъ объединяетъ или идея о покаяніи, или введеніе въ сюжетъ фигуры перехожихъ каликъ, идущихъ за полученіемъ милостыни. Теперь эти былины, кажется, не входятъ въ репертуаръ каликъ, но въ старое время едва-ли онѣ не принадлежали къ числу распѣваемыхъ ими пьесъ. Въ этихъ былинахъ затрогиваются такъ сказать каличьи темы, иногда былина превращается въ эпизодъ изъ каличьей жизни; благочестивое намѣреніе, руководившее былинослагателемъ, такъ ясно выступаетъ, что едва ли будетъ слишкомъ смѣлымъ предположеніе, если не о зарожденіи этихъ былинъ въ каличьей средѣ, то по крайней мѣрѣ о томъ, что онѣ пѣлись нѣкогда каликами на ряду съ повѣстью о Варлаамѣ и царевичѣ Іоасафѣ. Впослѣдствіи, когда вкусы христіанской толпы измѣнились, и эпическіе пріемы былинъ оказались не соотвѣтствующими благочестивому настроенію новыхъ каликъ, они исключили ихъ изъ своего репертуара и остались при одной повѣсти о Варлаамѣ и царевичѣ Іоасафѣ, болѣе подходящей къ позднѣйшимъ вкусамъ.

Занимающія насъ былины проникнуты общимъ духомъ съ этой повѣстью, какъ будто онѣ зародились на той же бла-

гочестивой почвѣ, какъ и повѣсть. Фабула у нихъ разная, но руководящая идея одна и та же: покаяніе въ грѣхахъ и отреченіе во имя благочестія отъ прежней бурной, бранной, богатырской жизни или отъ жизни, полной удовольствій и обѣщающей въ будущемъ славу. На самомъ построеніи былинъ и повѣсти это отразилось тѣмъ, что концы ихъ одинаковы; и въ былинахъ и въ повѣсти герой кончаетъ обреченіемъ себя на религіозный подвигъ: въ былинахъ—это путешествіе съ цѣлью покаянія и вступленіе въ ряды каликъ, въ повѣсти—вступленіе въ ряды отшельниковъ. И тамъ и тутъ коренная перемѣна образа жизни, вступленіе на совершенно иной путь; эта перемѣна жизненнаго пути въ обоихъ случаяхъ реализирована сходной мелкой подробностью, хотя можетъ быть и безъ органической связи съ темой. Въ повѣсти отшельникъ Варлаамъ приноситъ царевичу Іоасафу продавать драгоцѣнный камень. Ему нѣтъ подобнаго: онъ даруетъ свѣтъ мудрости ослѣпленному въ сердцѣ своемъ, разрѣшаетъ уши глухимъ и языкъ нѣмымъ, даетъ здоровье больному, наставляетъ неразумнаго и прогоняетъ злыхъ духовъ (*А. Н. Веселовскій*, Калики перехожіе и богомильскіе странники" Вѣстн. Евр., апр., 1872, 699).

Въ былинахъ калики обыкновенно

Въ день они идутъ по красному по солнышку,
Ночь идутъ по камешку Антавенту (Гильф., 570, Рыбн., II, 88).

Какой-то самосвѣтный камень служитъ имъ путеводною звѣздою на ихъ пути къ духовному перерожденію [1]).

Въ повѣсти противоположеніе въ жизни героя до и послѣ отреченія выражено чертами менѣе рѣзкими; царевичъ ведетъ жизнь не бурную, проходящую въ пирахъ и битвахъ; онъ живетъ только въ довольствѣ, окруженный женами; дни его проходятъ мирно. Но это можетъ быть только другая версія, возникшая въ монастырскихъ стѣнахъ. Повѣсть могла разсказываться иначе, по другому плану, въ родѣ напр., легенды о царѣ Асокѣ.

---

[1]) Если объяснять памятники народнаго творчества бытовыми мотивами, то подъ антавентомъ нужно разумѣть Полярную звѣзду. Всѣ караваны Средней Азіи днемъ оріентируются по солнцу, ночью по Полярной звѣздѣ.

Жизнь Асоки дѣлится на два періода; въ первомъ онъ ведетъ себя какъ нечестивый царь, и за это время онъ называется Чанда-Асока; потомъ его нравъ укрощается подъ вліяніемъ Яшасъ; Асока предается благодѣтельной дѣятельности, строитъ чортэны (ступы), покровительствуетъ монахамъ и имя его измѣняется на Дарма-Асоку. Планъ легенды тотъ же,—конечно, только въ самыхъ общихъ чертахъ; разработка частностей другая.

Содержаніе повѣсти извѣстно. Это исторія царевича Сиддарты или Будды, въ которую введенъ эпизодъ объ отшельникѣ, проповѣдующемъ вѣру. Астрологи предсказываютъ новорожденному царевичу Іоасафу необыкновенное величіе, но не земное, а величіе вѣчной жизни. Отецъ царевича огорченъ этимъ. Онъ велѣлъ отдѣлить для царевича городъ и тамъ поселилъ его, приказавъ довѣреннымъ лицамъ охранять его и не допускать, чтобы онъ услышалъ слова смерть, горе, болѣзнь и др. Слѣдуютъ четыре встрѣчи, которыя знакомятъ царевича съ печальной стороной человѣческой жизни и подготовляютъ его къ уразумѣнію истинной вѣры. Тогда является къ нему отшельникъ Варлаамъ подъ видомъ купца, который продаетъ драгоцѣнный камень. Варлаамъ разсказываетъ царевичу рядъ назидательныхъ притчъ. Въ персидскомъ изводѣ, который недавно открытъ г. Ольденбургомъ въ Лондонѣ и о которомъ онъ далъ отчетъ въ Записк. Вост. Отд. И. Р. Археолог. Общ. т. IV, в. III и IV, стр. 229, послѣдняя притча отшельника, который здѣсь называется B-l-v-h-r (Baluhar), есть разсказъ о царскомъ сынѣ, покинувшемъ отцовскій домъ и сдѣлавшемся проповѣдникомъ истинной вѣры. „Притча эта", говоритъ Г. Ольденбургъ, „повторяетъ легенду о Буддѣ и съ многими подробностями, болѣе близкими къ буддійскимъ памятникамъ, чѣмъ исторія самаго Іоасафа".

Введеніемъ этой притчи персидскій компиляторъ заставилъ отшельника разсказывать царевичу Іоасафу сюжетъ, который есть исторія самого царевича. Въ числѣ притчъ разсказанныхъ B-l-v-h-r'омъ, есть одна о царѣ, который первую половину жизни прожилъ въ беззаконіи, а вторую въ благочестіи. Не особая ли и это версія о томъ же Іоасафѣ, представляющая такое же повтореніе, какъ и предыдущая?

F. Hommel (Zur Buddhalegende in Vorderasien und dem christlichen Abendlande. Kreuznach, 1890, стр. 166) принимаетъ эту притчу за новую варіацію старой темы, уже послужившей для изображенія исторіи Будды. Содержаніе притчи слѣдующее: Царь сначала, до 32 лѣтъ, ведетъ себя нечестиво, потомъ, однажды, онъ велитъ устроить роскошный пиръ, чтобы полюбоваться на богатство своего народа. Посмотрѣвъ на толпу, онъ сказалъ: „Я видѣлъ красоту своего народа, посмотрю теперь на свою красоту", и велѣлъ принести себѣ зеркало. Смотря въ зеркало, онъ замѣтилъ въ своей бородѣ сѣдые волосы; это убѣждаетъ его въ суетности этого міра и производитъ въ немъ внутреннее преобразованіе. Онъ хочетъ сдѣлаться отшельникомъ, но его убѣждаютъ остаться на престолѣ; онъ правитъ за тѣмъ благочестиво еще 32 года и царство его благоденствуетъ.

Для исторіи Асоки мы воспользуемся преданіями, которыя сообщаются отчасти у Раджендралалы Митры (Rajendralâla Mitra, Indo-Aryans. Contributions towards the elucidation of their ancient and medieval history, Calcutta, 1881, vol. II, стр. 407—415), отчасти у Даранаты (В. Васильевъ, Буддизмъ, III). Раджендралала Митра заимствуетъ свои извѣстія изъ книги Açoka-avadána. Книга начинается генеалогіей Асоки: переименовываются предки Асоки, въ началѣ которыхъ стоитъ Бимбисара, царь Раджагрихи; во второмъ поколѣніи потомкомъ этого царя былъ Vindusâra, отецъ Асоки, царь Паталипутры. Когда Виндусара уже имѣлъ одного сына Susîma, одинъ брахманъ изъ Champâpuri представилъ Виндусарѣ свою дочь по имени Subhadrângi. Она была необыкновенно красива, и такъ какъ предсказатели сказали, что она будетъ женою великаго царя и матерью великаго монарха, то отецъ и привелъ ее къ царю, дабы исполнилось предсказаніе. Но дѣвица, вслѣдствіе зависти принцессы, была сдѣлана только служанкой. Между другими низкими занятіями ей было приказано научиться брить; ей сказали, что будто чрезъ это искусство она угодитъ царю. Когда она выучилась, принцесса послала ее къ царю *). Дебютъ ее былъ

*). Вѣроятно тѣ, которыя посылались брить царя, кончали неблагополучно, иначе враждебное отношеніе принцессы къ Субардранги не выдержано легендой.

такъ удаченъ, что царь предложилъ ей просить у него милости, какой она хочетъ. Она попросила, чтобъ онъ на ней женился, онъ отказался, такъ какъ она была изъ низкой касты брадобрѣевъ. Тогда она объяснила, что она брадобрѣйкой сдѣлалась по требованію принцессы, что она дочь брахмана и была представлена во дворецъ для того, чтобы сдѣлаться женой царя. Тогда царь сдѣлалъ ее главной царицей, и первое дитя ея былъ Асока. Онъ былъ некрасивъ и за то не пользовался любовью отца. Нравъ его былъ слишкомъ крутой, за что онъ и получилъ прозвище: Чанда—Асока, „Асока жестокій". Съ возрастомъ Асока не укротился, и чтобы отдѣлаться отъ него, его послали усмирять мятежи въ Такшасилѣ. Но здѣсь ему помогли небесныя силы, и мятежъ былъ усмиренъ. Онъ былъ снова призванъ къ Паталипутру; въ это время умираетъ его отецъ; за отсутствіемъ старшаго брата Susâma, Асоку садятъ на престолъ; Сусима возстаетъ противъ своего младшаго брата, но Асока одерживаетъ верхъ; чтобы предупредить народъ отъ возстаній на будущее время, онъ приказалъ министрамъ отрѣзать вершины всѣхъ деревъ въ царскомъ саду съ ихъ цвѣтами и плодами; министры колебались; тогда онъ отрубилъ имъ самимъ головы и, возвратившись въ садъ съ дворцовыми дамами, предался безграничному веселью.

Купецъ Sârthavâha отправился за море съ товарищами; при немъ находился его сынъ Samudra. Послѣ двѣнадцатилѣтнихъ странствій они попали въ руки разбойниковъ; спасся только одинъ Самудра и велъ жизнь буддійскаго нищаго. Однажды Самудра подошелъ къ дому Chandagirika, „жестокаго горца", чтобы попросить милостыню. Чандагирика напалъ на него, но убить не могъ. Когда онъ разсказалъ Асокѣ, царь самъ пришелъ посмотрѣть на чуднаго нищаго и, выслушавъ отъ него его исторію, отрубилъ голову Чандагирикѣ. Это чудо подѣйствовало на умъ Асоки и онъ обратился къ буддизму. По совѣту Yasâs'a, онъ построилъ *чайтія* въ саду Kukkuta и положилъ въ ней нѣкоторыя останки Будды. Онъ воздвигъ также чайтія и другія религіозныя зданія въ Рачаграмѣ, и въ странѣ Nâga; покоривъ Такшасилу, онъ приказалъ построить 3,510,000,000 ступъ. Якши (духи), по

его приказанію, построили десять милліоновъ ступъ на берегахъ океана. За эти услуги народъ переименовалъ его изъ Чанда-Асоки въ Дарма-Асоку, въ „Асоку добраго".

Это преданіе мы дополнимъ изъ сочиненія Даранаты. Когда Асока усмирилъ мятежниковъ, отецъ, довольный его успѣхомъ, спросилъ, чего онъ желаетъ. Асока попросилъ отдѣлить его, такъ какъ его притѣсняютъ (братья?). Царь отдѣлилъ его, давъ ему 500 слугъ. Асока построилъ городъ, развелъ сады и окружилъ себя женщинами. Потомъ онъ былъ избранъ царемъ помимо шести старшихъ братьевъ отъ другой матери. Шесть братьевъ остались поэтому случаю въ завоеванныхъ ими шести городахъ и не вернулись на родину, гдѣ царствовалъ ихъ младшій братъ. Асока убилъ шесть своихъ братьевъ и овладѣлъ ихъ удѣлами. Ставъ царемъ, Асока воздвигаетъ гоненіе на буддистовъ, почему его назвали Чандала-Асока (свирѣпый Асока). По другому преданію, онъ просто воздвигъ гоненіе на людей. Онъ поставилъ себѣ цѣлью перебить десять тысячъ человѣкъ въ честь бога Ума. Но арья Яшасъ укрощаетъ его.

Въ этихъ сказаніяхъ объ Асокѣ и его предкахъ наше вниманіе между прочимъ останавливается на эпизодѣ о второй женитьбѣ царя Виндусары. Дѣвица Субадранги, приведенная во дворецъ съ цѣлью сдѣлать ее женою царя и, по зависти другой женщины, обреченная на низкую роль служанки, напоминаетъ судьбу царевны Самантабадри въ сказкѣ объ Эрдэни-Хараликѣ, разсказанной нами въ нашей статьѣ: «Восточныя параллели къ нѣкоторымъ русскимъ сказкамъ» (Этнограф. Обозр. кн. VIII), а дальнѣйшее теченіе разсказа, гдѣ Субадранги является брадобрѣйкой, имѣетъ сходство съ сказками о царѣ съ ослиными ушами и съ тибетскимъ сказаніемъ о царѣ Ландармѣ, царѣ съ бычьими рогами. Въ этихъ монгольскихъ и тибетскихъ сказаніяхъ укрощеніе свирѣпаго царя (съ ослиными ушами или съ бычьими рогами) приписывается брадобрѣю, въ монгольскихъ юношѣ, въ тибетскихъ дѣвицѣ. Слово „укрощеніе", впрочемъ, я употребилъ неправильно; слѣдовало бы сказать „обличеніе" дикой, нечеловѣческой, демонической натуры царя, потому что герой сказки только раскрываетъ тайну „свирѣпаго царя".

Въ монгольскихъ разсказахъ раскрытый царь оставляетъ престолъ и убѣгаетъ въ какую-то даль. Въ тибетскомъ находится человѣкъ (по имени Балъ-Дорчжи), который убиваетъ свирѣпаго царя. Эпизодъ объ Субадранги придаетъ преданію о Виндусарѣ видъ сказанія о свирѣпомъ царѣ, укрощенномъ или обличенномъ брадобрѣемъ или брадобрѣйкой. Браминъ отецъ дѣвицы Субадранги, когда велъ ее во дворецъ, уже руководился, по нашему мнѣнію, тайнымъ намѣреніемъ посредствомъ этого брака укротить свирѣпость царя.

Такъ какъ преданія объ Асокѣ и Виндусарѣ, повѣсть о Варлаамѣ и царевичѣ Іоасафѣ, и притча, разсказанная B-l-h-v-r'омъ о царѣ, который половину жизни провелъ въ беззаконіяхъ, а другую благочестиво, всѣ одинаково только версіи одной темы, то несомнѣнно они въ памяти разсказчиковъ должны были сталкиваться и влiять другъ на друга; части одного разсказа могли вноситься въ другой и даже въ одинъ варіантъ могъ вступать цѣликомъ укороченный или упрощенный другой варіантъ, какъ вставочный эпизодъ. Не удастся ли объяснить появленіе въ повѣсти фигуры Варлаама вліяніемъ версій преданія объ Асокѣ? Іоасафъ былъ понятъ, какъ Асока; Варлаамъ заступилъ мѣсто арьи Яшасъ, который укротилъ Асоку, или брамана, отца дѣвицы Субадранги (предполагая въ Виндусарѣ свирѣпаго царя).

Вслѣдъ за разсказомъ объ Асокѣ и въ Асока аваданѣ, и у Даранаты идетъ разсказъ о его сынѣ Куналѣ. Въ Асока-аваданѣ, какъ передаетъ его Раджендралала Митра, начало исторіи Куналы какъ будто повторяетъ исторію его отца Асоки. Онъ также оказался неудобнымъ при дворѣ отца, и дворцовая интрига старается удалить его отъ престола; его посылаютъ усмирять мятежъ въ странѣ Такшасила; Кунала исполняетъ порученіе своего отца съ такимъ же успѣхомъ, какъ нѣкогда самъ Асока. Въ это время царь увидѣлъ во снѣ, будто у принца лицо стало блѣдное и угрюмое; астрологи объяснили ему, что это предсказываетъ либо потерю жизни, либо отреченіе отъ міра и вступленіе въ отшельническую жизнь, либо потерю зрѣнія. Царь былъ огорченъ этимъ и пересталъ усердно заниматься дѣлами правленія. Одна изъ царицъ, по имени Tiçyarakshitá, мачиха Куналы.

увидѣла въ этомъ прекрасный случай для своего возвышенія и захватила въ свои руки заботы объ управленіи. Она отправила письмо къ Kunjarakarna'ѣ, предводителю усмиренныхъ Куналой мятежниковъ, въ которомъ заключался приказъ лишить принца зрѣнія. Кунджаракарна колебался исполнить приказаніе, но царевичъ узналъ о существованіи царскаго повелѣнія и потребовалъ его исполненія. Юноша былъ ослѣпленъ, надѣлъ на себя платье нищаго и тайно вышелъ изъ Такшасилы. Странствуя, онъ пришелъ въ Паталипутру; однажды ночью онъ укрылся въ стойлѣ царскихъ слоновъ и въ полночь развлекался игрой на флейтѣ. Царь изъ своихъ покоевъ услышалъ звуки и былъ очарованъ ими. Утромъ онъ призвалъ артиста и узналъ въ немъ своего сына. Послѣдовали разъясненія; царь въ припадкѣ гнѣва схватилъ мечъ, чтобы обезглавить коварную царицу, но юноша остановилъ его именемъ Будды и укротилъ его гнѣвъ. Этотъ подвигъ милосердія къ врагу имѣлъ послѣдствіемъ возвращеніе зрѣнія у царевича *).

Въ другихъ версіяхъ жена Асоки, по имени Тишьяракшита, преслѣдуетъ Куналу за то же, за что осердилась княгиня Апракса на атамана сорока каликъ. См. E. Burnouf, Introduction á l'histoire du budhisme indien. Paris. 1844, p. 405. Однажды Tishyarakshitâ, первая изъ женъ Асоки, застала Куналу одного, была поражена его красотой и стала говорить ему: „A la vue de ton regard ravissant, de ton beau corps et de tes yeux charmants, tout mon corps brûle comme la paille desséchée que consume l'incendie d'une forêt". Послѣ того, какъ Кунала отказался отъ любви, она стала думать только о томъ, какъ бы его погубить. Асока заболѣлъ; Тишьяракшитѣ удалось его вылѣчить; въ награду за это она выпрашиваетъ себѣ позволеніе править государствомъ вмѣсто царя въ теченіе семи дней. Въ это время она отдаетъ приказаніе ослѣпить церевича. Ср. также у Даранаты, стр. 51.

Въ трехъ легендахъ о Виндусарѣ, Асокѣ и Куналѣ мы найдемъ не одну тему изъ тибетскаго сказанія о царяхъ Сровцзанъ-Гамбо и Ландармѣ. За неимѣніемъ здѣсь мѣста

*) Rajendralâla Mitra, Indo-aryans. Calcutta, 1881, стр. 415.

связно разсказать тибетское сказаніе, мы ограничимся однимъ перечнемъ нужныхъ намъ темъ.

Вельможа Гвардамбо приводитъ въ жены для тибетскаго царя китайскую принцессу, которая вѣрующими считается за воплощеніе богини *) Ногонъ-дара-экэ. Но Гвардмабо заподозрѣнъ въ томъ, что онъ хотѣлъ обмануть царя и присвоить невѣсту (для своего сына); за это онъ ослѣпленъ и сосланъ въ страну Амдо. Черезъ нѣсколько поколѣній послѣ Сронцзанъ-Гамбо народился свирѣпый царь Ландарма, къ которому привязана тема о царѣ съ ослиными ушами. Тайну о его нечеловѣческой природѣ открываетъ дѣвушка, которую посылаютъ брить рогатаго царя. Народъ убѣдился, что на престолѣ сидитъ лже-царь; теперь нужно только, чтобъ нашелся смѣльчакъ, который взялся бы убить злого царя. Балъ-Доржи (Салунъ-Дорчжи) убиваетъ царя.

Это сказаніе представляетъ какъ будто перестановку эпизодовъ исторіи Асоки; въ послѣдней злой царь предшествуетъ доброму; въ тибетскомъ сказаніи сначала добрый царь (Сронцзанъ-Гамбо), потомъ злой (Ландарма), при чемъ единоличность исчезла; здѣсь явилось два отдѣльныхъ царя, одинъ добрый, другой злой. Эпизодъ Субадранги, дочери Брахмана, мы уже сопоставили съ дѣвицей, которая была послана брить Ландарму. Часть этого эпизода, какъ будто отошла въ первую половину тибетскаго сказанія. Вельможа Гвардамбо доставляетъ жену тибетскому царю; брахманъ приводитъ свою дочь въ жены царю Виндусарѣ. Съ именемъ Сронцзанъ-Гамбо мотива укрощенія не связано, но вѣяніе его слышно; легенда о китайской принцессѣ есть легенда о введеніи буддизма въ Тибетъ, т. е. о замѣнѣ старой вѣры ученіемъ о милосердіи. Китайская принцесса привезла съ собой въ Тибетъ первыя статуи боговъ и первыя буддійскія книги. Тоже самое приписывается и другой женѣ Сронцзанъ-Гамбо, непальской царевнѣ; которая извѣстна монголамъ подъ именемъ Цаганъ-дара-экэ. Съ именемъ этой послѣдней, какъ увидимъ ниже (въ слѣдующей статьѣ), связывается въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ тема объ укрощеніи свирѣпаго царя.

---

*) Употребляемъ терминъ „богиня" за неумѣніемъ обойтись безъ него.

Въ предыдущей нашей статьѣ (Этногр. Обозр., кн. VIII) мы говорили объ отношенія изображеній Цаганъ-дара-экэ къ Гуань-инъ-пусѣ, которая считается воплощеніемъ Арья-Бало. Принимая преданіе о Виндусарѣ за смягченный разсказъ о свирѣпомъ царѣ, укрощенномъ дѣвицей, пришедшей его брить, мы готовы увидѣть въ этой брахманской дочери или въ ея отцѣ брахманѣ бодисатву Арья-Бало. Если предположеніе о томъ, что эпизодъ о Варлаамѣ въ повѣсти о царевичѣ Іоасафѣ заимствованъ изъ сказаній объ укрощенномъ зломъ царѣ, окажется имѣющимъ основаніе, то и въ Варлаамѣ или Балугарѣ можно также предполагать бодисатву Арья-Бало. Роль умиротворителя безчинствующаго царя совершенно совпадаетъ съ характеристикой этого милосерднѣйшаго изъ бодисатвъ.

Притчи, которыя разсказываетъ царевичу Варлаамъ или Балугаръ (Билугаръ), большею частью не соприкасаются съ затронутыми нами темами, но на четырехъ притчахъ мы хотѣли бы остановить вниманіе читателя. Въ нихъ есть, хотя и очень слабые, намеки на нѣкоторыя темы, встрѣчающіяся въ занимающихъ насъ сказаніяхъ. Двѣ притчи обращаютъ насъ къ русскимъ былинамъ и двѣ къ легендамъ объ Арья-Бало.

Въ притчѣ о зломъ царѣ и благочестивомъ совѣтникѣ раскрывается, какъ этотъ совѣтникъ, желая смирить гордость царя и показать ему ничтожную цѣну мірской славы, три раза приноситъ во дворецъ человѣческій черепъ и наступаетъ на него ногой. Эпизодъ разсказанъ совершенно иначе, чѣмъ эпизодъ съ черепомъ (суха голова человѣческая) въ былинѣ о Буслаевѣ, но если не въ томъ же, то по крайней мѣрѣ въ сходномъ моральномъ освѣщеніи; въ обоихъ случаяхъ подкладкой легенды служитъ мысль о покаяніи.

Въ другой притчѣ говорится о царевичѣ, который очутился въ плѣну; его заперли въ домѣ и приказали проходящимъ бросать въ него камнями; братъ царевича, узнавъ объ этомъ, идетъ спасать его; онъ сначала также кидаетъ въ него камнемъ, чтобъ вызвать его крикъ и удостовѣриться въ томъ, живъ ли онъ, потомъ онъ освобождаетъ узника и исцѣляетъ его раны мазями.

Потыкъ, атаманъ сорока каликъ, былъ зарытъ въ землю по оговору царицы Апраксіи за отказъ раздѣлить съ ней ложе. Товарищи отсѣкаютъ ему руки и ноги, тянутъ языкъ, выковыриваютъ глаза и „бьютъ дубовыми клиньями" (Гильф. 572). Приходитъ Микола Можайскій и исцѣляетъ Потыка.

Въ третьей притчѣ содержится разсказъ о ворахъ, которые забрались въ царскую сокровищницу, увидѣли золотой кувшинъ, подумали, что въ немъ скрыто что-нибудь очень цѣнное, и унесли его; но въ немъ были заперты змѣи; когда воры открыли кувшинъ, змѣи пережалили ихъ. Подобный исходъ въ главѣ XI Шиддикура (Этн. Сборн., VI, 57): мошенникъ приноситъ къ себѣ въ домъ запертую корзину; когда онъ отворяетъ ее, изъ нея выходитъ тигръ и растерзываетъ его. Между этими разсказами естъ разница: въ повѣсти воры разсчитываютъ въ закрытомъ кувшинѣ найти драгоцѣнности; въ сказкѣ содержаніе корзины извѣстно мошеннику; въ ней лежитъ дѣвица, которую самъ же онъ и заключилъ туда, чтобы потомъ убить ее. Но умыселъ пріобрѣсть драгоцѣнность неправымъ путемъ есть и въ сказкѣ; мошенникъ хочетъ убить дѣвицу съ цѣлью присвоить себѣ драгоцѣнный камень, приданое этой дѣвицы. Для насъ важно, что въ Шиддикурѣ этотъ эпизодъ поставленъ въ связь съ чудомъ Арья-Бало. Пока мы ограничимся указаніемъ на эту связь: впослѣдствіи намъ прійдется разсказать сказку подробнѣе для другихъ сопоставленій.

Въ четвертой притчѣ какой-то человѣкъ попадаетъ къ гулямъ. Гули, это женщины, которыя дѣлаютъ мужчинъ, попавшихъ къ нимъ, своими мужьями, а потомъ съѣдаютъ ихъ. Узнавъ это, человѣкъ убѣгаетъ отъ гулей; проходившій мимо корабль беретъ его и отвозитъ на родину.

С. Ѳ. Ольденбургъ указалъ мнѣ на существованіе другихъ варіантовъ этого разсказа, гдѣ вмѣсто корабля спасителемъ является конь Bhalâha; это Авалокитешвара для блага людей принялъ форму лошади. Мы приводимъ подлинную замѣтку объ этомъ эпизодѣ, которую намъ доставилъ г. Ольденбургъ:

„Легенда о чудесномъ конѣ Valâha, который переноситъ на себѣ черезъ море въ Индію (Jambudvîpa) людей, потерпѣвшихъ крушеніе вдали отъ родины, довольно распространена въ

буддійской литературѣ. Древнѣйшая пока извѣстная ея редакція находится въ каноническомъ собраніи Джатакъ подъ названіемъ Valâhassa jâtaka (джат. о конѣ Valâha)[1]). Другія редакціи: *вторая*—въ біографіи Будды, извѣстной подъ названіемъ Abhiniṣkramaṇasûtra, разсказъ „О пяти стахъ купцахъ“[2]); *третья*—въ книгѣ, посвященной прославленію Авалокитэшвары: Avalokiteçvaraguṇakâraṇḍavyûha, въ главѣ „Описаніе царя коней (açvarâjavarṇanam)[3]); *четвертая*—въ путешествіи Сюан-Цзана[4]); *пятая*—примыкающая по всей вѣроятности къ 3 й, въ одной исторіи Тибета[5]). Въ нѣсколько сокращенномъ видѣ съ пропускомъ разсказа о томъ, какъ Valâha переносилъ купцовъ черезъ море, легенда находится и въ одномъ изъ старѣйшихъ сборниковъ санскритскихъ буддійскихъ легендъ Divyâvadâna[6]). Другой случай, когда Valâha явился спасителемъ, тоже разсказанъ въ Divyâvadâna[7]).

Семь различныхъ редакцій легенды можно раздѣлить на двѣ группы: I. Съ однимъ эпизодомъ: какъ купцы попали на островъ къ râkṣasî и какъ Valâha спасалъ ихъ. II. Съ двумя эпизодами: къ первому прибавленъ разсказъ о томъ, какъ одна râkṣasî вслѣдъ за главою купцовъ отправилась въ Индію[8]). Къ первой группѣ относятся: 1) Jâtaka, 2) Abhinis-

[1]) По изданію Фаусбёлля № 196. По русски переведена *И. П. Минаевымъ* въ статьѣ „Нѣсколько словъ о буддійскихъ жатакахъ“. Ж. М. Н. П. 1872. VI. 201—203.

[2]) Неизвѣстна пока въ санскритскомъ оригиналѣ; полупереводъ, полупересказъ съ китайскаго перевода въ книгѣ *Beal. S.* The romantic legend of Sâkya Buddha. London. 1875, стр. 332—340.

[3]) См. Kârandabyûha. Calcutta 1873, стр. 52—59. Краткій пересказъ по распространенной стихотворной редакціи см. Burnouf. E. Introduction à l'histoire du Buddhisme Indien. Paris. 1844. I. 223—224. Другой пересказъ: *Rajendralâla Mitra*, The Sanskrit Buddhist Literature of Nepal. Calcutta, 1882, стр. 96—97.

[4]) Mémoires sur les contrées occidentales par *Hiouen Thsang*. Trad. par Stanislas Julien. Paris. 1858. II. 131—140 стр. *Beal S.* Buddhist records of the western world. London 1884. II. 240—246.

[5]) *Wenzel H.* A jâtaka tale from the Tibetan. J. R. A. S. XX. 503—511, и въ XXI.

[6]) Divyâvadâna ed. Cowell-Neil. Cambridge. 1886. 523—528. Тамъ, гдѣ пропускъ, стоитъ слѣдующая отмѣтка: подробно все должно быть разсказано въ сутрѣ о râksasî.—[7]) Ib. 119—12. 2

[8]) Этотъ эпизодъ попалъ въ мусульманскую версію повѣсти о Варлаамѣ и царевичѣ Іоасафѣ. См. Персидскій изводъ повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ. Зап. Вост. Отд. Арх. О. IV. 247—248.

kramaṇasûtra, 3) Kâraṇḍavyûha, прозаическая версія, 4) тибетскій текстъ. Ко второй: 1) Divyâvadâna, 2) Kâraṇḍavyûha, стихотворная версія, 3) Сюан-Цзанъ

Легенда въ общихъ чертахъ слѣдующая [1]):

Ѣдутъ купцы торговать и терпятъ крушеніе; попадаютъ они къ поѣдающимъ людей râkṣasî, которые, принявъ на себя видъ прекрасныхъ женщинъ, соблазняютъ ихъ и дѣлаютъ своими мужьями. Глава купцовъ достается на долю царицѣ râkṣasî. Ночью смѣхъ лампы въ спальной возбуждаетъ его любопытство, и онъ отъ лампы узнаетъ, что его жена и жены всѣхъ купцовъ—râkṣasî [2]); потихоньку отъ жены онъ выходитъ и въ южной сторонѣ находитъ желѣзный городъ, откуда раздаются стоны заключенныхъ въ немъ людей. Отъ лампы онъ узнаетъ затѣмъ, что они тоже потерпѣли крушеніе и, попавъ въ руки râkṣasî, были заключены въ этотъ городъ [3]). На вопросъ его, какъ ему и его товарищамъ спастись, лампа отвѣчаетъ: есть на этомъ островѣ на берегу моря царь коней, владыка, по имени Valâha, милосердый ко всѣмъ покинутымъ и несчастнымъ; онъ, наѣвшись цѣлебной травы sarvaçvetâ (вся бѣлая) и покатавшись на золотомъ пескѣ, вытягиваетъ тѣло и, вытянувъ его, кличетъ кличъ: „кто хочетъ перейти черезъ море (трижды)“? Тогда ты скажи: „я, владыка, хочу перейти“.

На слѣдующій день купецъ сообщаетъ товарищамъ все, что узналъ; они отыскиваютъ Valâha, который велитъ имъ сѣсть къ себѣ на спину и не открывать глазъ. Купцы не выдерживаютъ, падаютъ въ воду; и râkṣasî съѣдаютъ ихъ; въ Jambudvîpa попадаетъ только глава купцовъ.

Второй эпизодъ: Râkṣasî упрекаютъ царицу въ томъ, что она выпустила своего мужа, и угрожаютъ съѣсть ее, если она

---

1) Главныя отступленія разныхъ текстовъ отмѣчены; разсказъ по Kârandavyûha

2) Лампа является только въ Kârandavyûha, въ другихъ версіяхъ купецъ самъ находитъ желѣзный городъ. Мотивъ говорящей лампы встрѣчается въ легендахъ о Vikramâditya. Preta очень часто изображаются живущими въ желѣзныхъ городахъ.

3) Въ другихъ версіяхъ это сообщаютъ заключенные въ желѣзномъ городѣ.

не приведетъ его назадъ. Она отправляется въ Индію и является къ нему, онъ гонитъ ее прочь; она обращается къ его друзьямъ, родителямъ, выдавая себя за царскую дочь, на которой онъ женился и которую покинулъ. Они убѣждаютъ его взять ее къ себѣ, но онъ отказывается, заявляя, что она râkṣasî. Она идетъ къ царю, который соблазняется ея красотою и предлагаетъ купцу уступить ему его жену. Тотъ убѣждаетъ царя, что она râkṣasî, но царь все таки беретъ ее къ себѣ. Она вмѣстѣ съ другими râkṣasî съѣдаетъ его и всѣхъ жителей дворца. Царемъ избираютъ главу купцовъ.

Подробности о Valâha, который встрѣчается и въ брахманской литературѣ, см. Böhtlingk-Roth. Sanskrit-Wörterbuch, подъ словами *Balâhaka* и *Valâhaka*. Sénart E. Essai sur la légende du Buddha. Paris. 1875, стр. 27—31. Изображеніе его см. Alabaster H. The wheel of the Law. London. 1871, стр. 286".

Г. Ольденбургу, кромѣ этой замѣтки библіографической, я обязанъ также указаніемъ еще на одну легенду объ Авалокитешварѣ, которую съ санскритскаго перевелъ Кауэль (*Cowell*. The Northern buddhist legend of Avalokiteçwara's descent into the hell Avichi—въ The Journal of Philology, vol. VI, p. 222). Легенда эта находится въ той же Карандавьюхѣ, какъ и легенда о конѣ Bhalâha.

Когда Авалокитешвара приблизился къ аду, гдѣ въ котлахъ варились твари, адъ сдѣлался холоднымъ, появились лотусы, какъ колеса и пр. Стража донесла объ этомъ Ямѣ. Яма спрашиваетъ, что это за богъ явился. Или это Махешвара или Нарайяна? Увидѣвъ Авалокитешвару, онъ поклонился ему и прославилъ. Послѣ того Авалокитешвара посѣтилъ preta'евъ и освободилъ ихъ.

Обѣ легенды—объ Авалокитешварѣ, обратившемся въ лошадь и объ Авалокитешварѣ, спустившемся въ адъ,—заключаются въ одной и той же книгѣ Карандавьюха. Точно также обѣ эти темы, хотя и съ нѣкоторымъ отклоненіемъ отъ санскритской редакціи, заключаются въ монгольскомъ духовномъ стихѣ, который я записалъ отъ дурбютскаго хурчи (бандуриста) около озера Убса. Я называю это произведеніе народнаго творчества стихомъ, потому что оно распѣвается. И Карандавьюха написана въ двухъ рецензіяхъ, прозаической

и стихотворной. Содержаніе дурбютскаго стиха такое: у Багма-хатунъ [1]) родился сынъ Аю-бодисатта (т. е. бодисатва), но на третій день онъ исчезъ. Онъ похищенъ Сайнъ-Галбиномъ и заключенъ въ 365 вазъ (бамбу); Багма-хатунъ ищетъ его, оплакивая потерю, но никто не можетъ ей ничего сказать о мѣстѣ нахожденія ея сына. Наконецъ, одинъ знахарь открываетъ мѣсто заточенія Аю; она отправляется къ Саинъ-Гальбину, чтобы наняться къ нему въ служанки. Въ это время Аю самъ разрушаетъ свои узы. Они удаляются вдвоемъ, чтобы поселиться у горы Бодулынъ-ала (т. е. у Поталы). Дорогой они находятъ нищаго ламу, голоднаго, томимаго жаждою. Они счищаютъ съ него пыль и грязь, утоляютъ его жажду и голодъ, и потомъ, поднявъ на свои плечи, относятъ его въ прохладное мѣсто, чтобы его не пекло солнце. Когда они жили у Бодулынъ-алы, однажды около ихъ жилища очутилась лошадь Намчи-хара, съ золотымъ хвостомъ, съ серебряною гривою, привязанная къ золотой веревкѣ. Аю поймалъ лошадь, отправился на нєй въ адъ Ерлика, и опросталъ его. Сынъ Ерлика обратился къ отцу съ вопросомъ, почему это прежде три ада въ день наполнялись, а теперь три ада въ день опрастываются.

Вышелъ Ерликъ, увидѣлъ серебряный и золотой хиты, построенные Багма-Хатуной и ея сыномъ, поклонился ей. Сынъ Ерлика укралъ у Аю лошадь Намчи-хара и заперъ ее въ горячій адъ, но она внесла въ него двѣнадцать прохладъ; онъ заперъ ее въ студеный адъ, она внесла двѣнадцать теп-

---

[1]). Багма-хатунъ вѣроятно есть Дорджи-Багмо, женщина гегенъ, резиденція которой находится въ монастырѣ на островѣ или полуостровѣ Palte или Yamdok въ Цзанѣ, т. е. въ самой южной провинціи Тибета. См. *Ritter*, Erdkunde, III, 229. Озеро это замѣчательно своимъ кольчатымъ очертаніемъ. Имя этой женщины-гегена Дордже-пагмо (Magnae renatae Lhamissae Turcepamo у Георги) переводится „священная мать свинья". Во время неурядицъ конца XVII вѣка, возбужденныхъ въ Тибетѣ Teba sandza'ой, она приняла видъ священной матери свиньи (phag) и спаслась въ Цзанъ, откуда и ея имя. Въ китайской географіи о Дорджи-Багмо сказано, что она считается воплощеніемъ Большой Медвѣдицы (eine incarnation des Genius des grossen Bären). Въ послѣднее время резиденцію этой женщины-гегена посѣтилъ въ 1887 г. путешественникъ индіецъ Babu Sarat Chandra Das. Онъ называетъ ее Dorje Pàgmo, и переводитъ это имя. „свинья съ громовой стрѣлой". (The Contemporary Review, july, 1890 p. 74. London)

лотъ; онъ заперъ ее въ мрачный адъ, но она выпустила всѣхъ грѣшниковъ и стала у дверей Галдынъ-тенгри. Дочь послѣдняго, Зандынъ-дагне, увидѣла лошадь и захотѣла ее поймать. Ея проводникъ Янсынъ-Улакчинъ, по приказанію дагне, хочетъ изловить лошадь, но она сама запуталась въ своей серебряной гривѣ. Дагне сѣла на нее; лошадь увезла ее къ Аю, который на ней и женился. Однажды утромъ Аю замѣчаетъ, что лошади Намчи-хара нѣтъ; а на крышѣ хита онъ замѣтилъ Бурхана-бакши [1]), сидящаго среди трехъ тысячъ ламъ. Богъ сказалъ Аю-бодисаттѣ: „Помните ли, какъ вы съ матерью нашли дорогой голоднаго ламу, сняли съ него грязь, напоили и накормили его и отнесли въ прохладное мѣсто? Это былъ я. Обратившись въ лошадь, я отплатилъ вамъ“. (Очерки, IV, 310—319).

Изъ сопоставленія этого монгольскаго стиха съ Карандавьюхой выходитъ, что Аю есть Авалокитешвара (Арья-Бало); Аю, подобно Авалокитешварѣ, спускается въ адъ; здѣсь также есть и богъ, обратившійся для исполненія дѣла милосердія въ лошадь, хотя это не Аю, а Бурханъ-бакши, т. е. самъ Будда. Пріуроченное мѣстожительство Аю у горы Бодулынъ-алы, т. е. у Поталы, также говоритъ за отождествленіе Аю съ Арья-Бало. Какъ мнѣ сообщилъ г. Ольденбургъ, Карандавьюха не заключаетъ въ себѣ, кромѣ приведенныхъ выше, другихъ легендъ; притомъ, эпизодъ о лошади въ Карандавьюхѣ не совсѣмъ соотвѣтствуетъ параллельному эпизоду въ монгольскомъ стихѣ; изъ этого надо заключить, что стихъ объ Аю не происходитъ отъ Карандавьюхи, а идетъ изъ другого общаго съ нею источника.

Въ монгольскомъ народѣ и теперь можно слышать разсказы о странѣ, лежащей на отдаленномъ западѣ и населенной людоѣдами. Эти людоѣды называются Нохой-эртэнъ (Очерки IV, 322) или Нохой-иритъ. Мужчины этого народа имѣютъ видъ собакъ, но у женщинъ человѣческій образъ; нохой-иритей по монгольски: „имѣющія собакъ мужьями“. Въ моихъ „Очеркахъ“ помѣщенъ разсказъ, какъ одинъ человѣкъ попалъ къ этимъ людоѣдамъ, жилъ съ одной изъ ихъ женщинъ, а потомъ

[1]) Бурханъ-бакши—Будда.

сбѣжалъ. Сходные разсказы живутъ въ южной Россіи о народѣ волохахъ, живущемъ гдѣ-то далеко за моремъ, народѣ страшномъ и непохожемъ на обыкновенныхъ людей: эти волохи живутъ въ норахъ, они „волохатые“, т. е. обросшіе шерстью. Одинъ разсказъ о попавшемъ къ нимъ человѣкѣ передается такъ: одинъ казакъ поплылъ по морю и попалъ на островъ, гдѣ жили волохи; женщина волошка спасла его и запрятала въ землянную нору, гдѣ сама жила. У нея отъ казака родился ребенокъ, который былъ на половину въ отца, на половину въ мать; одна половина его была покрыта шерстью, другая была бѣлая, безъ шерсти. Однажды казакъ увидѣлъ корабль и началъ махать; корабельщики пристали къ острову и взяли его на корабль. Его жена бросилась на берегъ и увидя, что супруга болѣе нѣтъ, растерзала своего ребенка: половину его тѣла, похожую на себя, зарыла въ землю, другую бросила въ море и сама затѣмъ утопилась [1]).

Всѣ эти разсказы повидимому не договариваютъ до конца; герой разсказа вѣроятно возвращался не съ пустыми руками, а съ похищенной у ракшасы драгоцѣнностью. Тибетскій разсказъ, переведенный Г. Венцелемъ кончается такъ: конь Bhalâha говоритъ купцамъ, что они, сѣвши на него, не должны смотрѣть на оставляемый островъ и жалѣть дѣтей, прижитыхъ съ ракшасами. Но купцы не выдержали; ракшасы, замѣтивъ ихъ бѣгство, прибѣжали и показали имъ своихъ дѣтей; купцы взглянули и попадали внизъ. Одинъ только старшій купецъ просидѣлъ, закрывъ глаза, и былъ отнесенъ на родину; остальные погибли.

Тутъ мы имѣемъ мотивъ, который встрѣчается въ разсказахъ о добываніи драгоцѣнныхъ предметовъ, и увозѣ дѣвицъ. Увозимой дѣвицѣ вмѣняется въ обязанность не оглядываться на оставляемую родину. Въ записанномъ мною, но еще не напечатанномъ тибетскомъ разсказѣ тибетскій вельможа запрещаетъ китайской принцессѣ, которую онъ везетъ въ жены своему царю, останавливаться на перевалѣ и оглядываться на покидаемую родину. Въ тибетскомъ варіантѣ о

---

[1]) Въ рус. былинахъ подобный эпизодъ связанъ съ сюжетомъ боя отца (Ильи) съ сыномъ. См. «Этногр. Обозр.» V, 257 (Срв. о боѣ отца съ сыномъ «Э. О.» V, 116—129 и II, 7 слѣд.). „Волохатые“ люди, см. „Э. О.“ VII, 266.

Гэсэрѣ отецъ будущей матери Гэсэра проклинаетъ свою дочь за то, что она съ перевала не оглянулась назадъ въ сторону, гдѣ ея родители. Въ киргизской (*Radloff*, Proben, IV, 449) увозимая невѣста по просьбѣ отца до двухъ разъ оглядывается, и всякій разъ часть скота, взятая ею изъ родительскаго дома, возвращается къ родителямъ. Въ алтайской (Очерки, IV, 429) конь совѣтуетъ богатырю, везущему отъ Ерликъ-хана джиракы (винокуренный снарядъ), ѣхать, зажмуривъ глаза.

Въ „Бѣлорусскомъ Сборникѣ" Романова (Витебскъ, 1887 в. III, стр. 205) Дикій Бурьма добываетъ костыль, панахвиду и царскую корону. Товарищи оставляютъ его соннаго, а три вещи (гурбан-эрдэни?) увозятъ. Онъ живетъ у какой-то женщины, приживаетъ съ ней дѣвочку и мальчика и уплываетъ въ торокѣ (лодкѣ); женщина разрываетъ дѣвочку [1]) и бросаетъ ему въ торокъ, и торокъ тонетъ; Дикій Бурьма спихиваетъ дѣвочку въ воду, и торокъ поднимается вверхъ [2]). И такъ происходитъ до трехъ разъ. Далѣе идетъ эпизодъ о томъ, какъ Бурьма попалъ къ Дѣду Шкуропету съ однимъ окомъ; Бурьма заливаетъ его смолой. У Добровольскаго въ „Смоленскомъ Сборникѣ" (Спб. 1891, ч. 1 стр. 150), Өедоръ Барма пьяница похитилъ „скипитръ-диржаву" изъ змѣинаго города, кругомъ котораго лежитъ змѣй, голова и хвостъ вмѣстѣ. На обратномъ пути Барма обобранъ товарищами и попадаетъ къ Козьмѣ Кривому. Барма заливаетъ у него послѣдній глазъ и спасается тѣмъ, что ухватился за брюхо козла. Козьма, осердившись, выбросилъ козла за стѣну, а съ нимъ и Барму [3]).

Эпизодъ о великанѣ, въ пещерѣ котораго очутился похититель вещей изъ змѣинаго города, не возвратилъ-ли насъ опять къ Пилигриму?

---

[1]) Разрываніе сына на двѣ части совершаетъ въ монгольско-бурятскомъ сказаніи жена Гэсэра.

[2]) Сходные мотивы перечислены въ Очеркахъ, IV, 848.

[3]) Объ одноглазѣ см. Этн. Об. IV, 25—43, 94—5; VI, 236.—Эпизодъ о пальцѣ Бармы, который прилипъ и который онъ отрубаетъ ср. въ монгольскомъ сказаніи съ нижней частью статуи, которая прилипла къ скалѣ и которую Абатай отрубаетъ (Оч. IV, 383 и слѣд.) и въ урянхайской съ пальцемъ Колду-Бурхана, который отрубаетъ Эртэне—Мергенъ (Оч., IV, 424).

Разсказы о великанахъ (иногда слѣпыхъ), которые выжимаютъ изъ камней сокъ, раскаленную палицу принимаютъ за протянутую руку, нынѣшнихъ людей, пашущихъ пашню, принимаютъ за червяковъ и т. п., — записаны у русскихъ, у кавказскихъ горцевъ, у тюрковъ сѣверной Монголіи и у Румынъ (uriasa). [См. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстн. и пл. Кавказа, VII, стр. 90 (о св. Симонѣ), 16; наши Очерки, IV, 225; Магнитскій, Матер. о стар. чуваш. вѣрѣ, Казань, 1881, стр. 251].

Въ одномъ русскомъ сказаніи Илья Муромецъ идетъ къ слѣпому Старчищу-многолѣтищцу Билогремищцу, иначе Старчищу-Дивищу, который носилъ вмѣсто шишака колоколъ въ триста пудовъ. Старчище проситъ руку, Илья подаетъ ему раскаленную мѣдную палицу. (Записано Д. Минаевымъ, напечатано сначала въ „Библ. для чтенія", 1864 № 9, потомъ приведено Л. Майковымъ въ Ж. М. Н. П., 1868, май, стр. 624).

Недавно напечатаны двѣ русскія сказки, въ которыхъ является имя Пилигримъ или Палугримъ, одна изъ Верхоянскаго округа Якутской области (Зап. Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Геор. Об. по этн., т. I, в. 3, стр. 268), другая изъ Смоленской губ., (*Добровольскій*, Смоленскій этнограф. сборникъ, Спб. 1891, ч. I, стр. 455). Содержаніе ихъ не сходно.

Въ смоленской сказкѣ главное лицо царевичъ Игръ (Игръ Игравичъ). Онъ одинъ изъ трехъ братьевъ. Братья поочередно пробуютъ съѣздить въ чужую землю, но на границѣ царства на дубу сидитъ старикъ Палугримъ или Полугримъ. За непочтительное обращеніе Палугримъ стегаетъ кнутомъ двухъ старшихъ братьевъ, такъ что они возвращаются домой сконфуженные. Младшему Игру Палугримъ даетъ коня, на которомъ Игръ доѣзжаетъ до Ирины, дочери муромскаго царя. На пути къ Иринѣ Игръ проѣзжаетъ поочередно мимо трехъ дѣвицъ, которыя даютъ ему на смѣну лошадей. Пріѣхавъ къ цѣли поѣздки, онъ входитъ въ шатеръ къ спящей Иринѣ. Проснувшись, Ирина гонится за нимъ. Убѣгая, Игръ опять проѣзжаетъ мимо трехъ дѣвицъ; одна даетъ ему щетку, которая потомъ превращается въ мхи и болота, другая—гребень, превращающійся въ лѣсъ, третья—хустку, превращаю-

щуюся въ море. Игръ благополучно возвращается къ Палугриму.

Въ томъ же сборникѣ помѣщенъ другой варіантъ сказки объ Игрѣ. Три царевича поочередно объѣзжаютъ царство: кто объѣдетъ, тотъ будетъ царь. Удается объѣхать только младшему брату Игру. Этотъ Игръ получаетъ указаніе, гдѣ ему взять коня, но не отъ Ивашки, сѣрой сирымяжки, который тутъ появляется, а отъ встрѣтившагося человѣка; Игръ самъ ловитъ коня, когда онъ прибѣжалъ къ криницѣ пить. На этомъ конѣ ѣдетъ онъ въ Царь-Горыдъ. Дорогой проѣзжаетъ поочередно мимо трехъ дѣвицъ, которыя даютъ ему лошадей на смѣну и совѣтъ—взять въ Царь-Горыдѣ живой и мертвой воды. Въ Царь-Горыдѣ онъ находитъ спящую дѣвицу; онъ оставляетъ у ней на груди надпись: „былъ чужеземецъ“. Садится на коня, конь не можетъ его поднять, падаетъ; Игръ отяжелѣлъ. Конь заставляетъ его мыться. Отъ мытья Игръ сталъ легче, но все-таки не какъ слѣдуетъ. Перескакивая черезъ стѣну, конь зацѣпилъ за струну. По всему Царь-Граду и пошла тревога; дѣвица пробудилась, схватила огненный щитъ, который за двѣнадцать верстъ печетъ, и гонится за Игромъ. Игръ махнулъ полотенцемъ, даннымъ ему одной изъ трехъ придорожныхъ дѣвицъ, явилась рѣка; гонящаяся дѣвица махнула, явился мостъ черезъ рѣку. Игръ переѣхалъ по мосту, дѣвица не могла, потому что она поѣхала, не омывшись [1]). Игръ вернулся въ свое царство и

[1]) Въ предъидущемъ варіантѣ спасительное море является отъ взмаха хусткой, который сдѣлалъ самъ Игръ. Ср. съ этой темой легенду о рѣкѣ Орхонѣ: рѣка пропускаетъ однихъ и увеличивается и губитъ, когда черезъ нее пошли другіе; (Живая Старина, 1891, в. III, стр. 238). Олеты (потомки Цороса, слѣдовательно могли бы назваться и цоросами) совершили нашествіе на долину Орхона и напали на монастырь Эрдэни-цзу. Въ рукахъ ихъ предводителя какое-то орудіе, отъ вращенія котораго происходитъ моръ въ чужомъ войскѣ (Очерки, IV, 410). Мнѣ кажется, это орудіе было въ рукахъ осажденныхъ. Въ преданіи объ одномъ городѣ, лежащемъ въ развалинахъ въ долинѣ Желтой рѣки, въ рукахъ царицы осажденнаго города знамя, отъ вращенія котораго происходитъ моръ въ лагерѣ осаждающихъ. Эта царевна, кажется, никто иной, какъ Дара-экэ или Арья-Бало; преданіе приписываетъ осаду Чингисъ-хану, и потому осажденная царица, вѣроятно, есть та самая женщина, которой легенды приписываютъ смерть Чингисъ-хана, то есть жена царя Шидургу, принимаемая за воплощеніе Цаганъ-Дара-экэ (богини Лхамо или Арья-Бало). Арья-Бало или Гуань-инь-пуса счи-

заснулъ подъ деревомъ. Здѣсь увидѣли его братья и столкнули въ подземное царство. Здѣсь онъ нашелъ мечъ царя Чалубея. Слышитъ онъ, что въ одной сторонѣ плачутъ, въ другой смѣются. Онъ идетъ туда, гдѣ плачутъ. Царевна обречена на съѣденіе Чудѣ. Онъ засыпаетъ, пробуждается отъ горячей слезы царевны и убиваетъ Чуду; головы его прячетъ подъ камень. Ванька водовозъ бросаетъ соннаго Игра въ воду и присвоиваетъ себѣ его подвигъ; но царевна выневодила тѣло Игра, нашла на немъ пузырьки съ живой и мертвой водой и оживила его.

Въ этой сказкѣ можно указать на слѣдующія параллели съ монголо-тибетскимъ сказаніемъ о Гэсэрѣ. Въ послѣдней также три брата царевича пробуютъ объѣхать царство, но удается это только одному изъ нихъ, именно Гэсэру. Въ монголо-тибетскомъ сказаніи о Гэсэрѣ также есть разсказъ о ловлѣ коня у ключа во время водопоя. Бурятскій варіантъ даетъ Гэсэру трехъ небесныхъ сестеръ, которыя иногда выручаютъ его изъ бѣды. Спящей царевнѣ Иринѣ будетъ соотвѣтствовать небесная мать Гэсэра; онъ опаиваетъ ее виномъ и во время ея сна похищаетъ драгоцѣнности (эрдэни). Въ Смоленской сказкѣ предметы, одаренные таинственными свойствами, получаются отъ трехъ дѣвицъ, встрѣченныхъ на дорогѣ—это щетка, гребень, хустка. Эрдэни избавляютъ Гэсэра отъ погибели; одно эрдэни спасаетъ его, когда онъ брошенъ въ огненный адъ, другое, когда онъ брошенъ въ яму со змѣями и т. п. И въ смоленской сказкѣ подарки дѣвицъ имѣютъ подобное же спасительное значеніе.

тается китайцами властительницей моря; ей китайцы молятся о дарованіи дождя. Она нѣкогда укротила Лунъ-вака, царя водъ, и онъ теперь подчиняется ея волѣ. Во время засухъ китайцы совершаютъ процессіи въ кумирни, построенныя въ честь этой богини, и опускаютъ въ источникъ конецъ шелковой нити. Вѣрятъ, что послѣ этого будутъ дожди. Можетъ быть въ Орхонской легендѣ утратилась подробность; царица-богиня (Эрдэни-цзу) произвела губительный для напавшихъ варваровъ разливъ рѣки Орхона, опустивъ въ рѣку хадакъ (шелковое полотенце). Ср. съ повѣрьями о камнѣ джада, сата, который вызываетъ дождь. Если его опустить въ рѣку, можетъ произойти галапъ, всемірный потопъ. Ср. у Садовникова, Сказки и преданія Самарскаго края, № 12: „Морская есть за тридевять богородица;“ когда морская богородица въ воду уходитъ — ясно, когда наружу — пасмурно. Въ одномъ сибирскомъ заговорѣ (газета „Сибирь“, 1883, № 27, стр. 7): „богородица сама Климонша папы римскаго“.

Появленіе рѣки отъ взмаха полотенцемъ ср. съ появленіемъ на небѣ Млечнаго пути отъ молока, брошеннаго матерью Гэсэра, послѣ того, какъ онъ похитилъ ея драгоцѣнности. (Записки Вост.-сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. I, стр. 127).

Верхоянская сказка разсказываетъ о Пилигримѣ совсѣмъ не то, что Смоленская. Верхоянскій Пилигримъ въ „Смолен. сборникѣ“ является подъ именемъ Дивнаго старика. Въ вологодскомъ собраніи сказокъ г. Иваницкаго (Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи вып. II. Труды Этн. Отд. И. О. Люб. Ест., Антр. и Этн. т. XI. Москва, 1890, стр. 175) онъ называется Дивій мужъ. Дивный старикъ сидитъ въ столбѣ; въ верхоянской сказкѣ Пилигримъ сидитъ въ тюрьмѣ: царь держитъ его въ видѣ диковинки, потому что онъ во-первыхъ золотой, а во-вторыхъ обладаетъ особеннымъ даромъ рѣчи. Случайно въ тюрьму залетаетъ стрѣла царевича, который забавлялся стрѣльбой. Пилигримъ соглашается подать царевичу стрѣлу, только подъ условіемъ освобожденія изъ тюрьмы. Царевичъ отворяетъ тюрьму; заточенный удаляется. Царь въ гнѣвѣ изгоняетъ сына изъ царства, давъ ему въ товарищи сына водовоза. Дорогой Ванька водовозъ заставилъ царевича обмѣняться съ нимъ своимъ званіемъ; они приходятъ въ царство (въ смоленскомъ варіантѣ) царя Димьяна, царевичъ подъ видомъ Ваньки водовоза, а Ванька-водовозъ подъ видомъ царевича. На этой службѣ съ царевичемъ творятся бѣды, но всякій разъ его выручаетъ Пилигримъ (или Дивный старикъ). Онъ всякій разъ сначала уноситъ царевича въ свое жилище, гдѣ царевичъ получаетъ какой-нибудь подарокъ; потомъ Пилигримъ заставляетъ его выпить напитокъ, послѣ котораго у царевича всякій разъ прибываютъ силы. Подарки служатъ поводомъ къ знакомству царевича съ дочерью царя, но за нее сватается другой, въ Смоленской сказкѣ царевичъ Лукаперъ. Царевичъ убиваетъ этого претендента, но Ванька водовозъ присвоиваетъ эту побѣду себѣ. Кончается разоблаченіемъ [1]).

---

[1]) У Аѳан., Р. Н. Ск., 1861 г., в. 5, № 37 и ?8. Вмѣсто Пилигрима въ № 37: Никаноръ-богатырь; въ варіантахъ къ этому номеру: Чудище, Вихоръ Вих-

Пилигримъ или Палугримъ сказокъ ничѣмъ не напоминаетъ пилигрима въ смыслѣ паломника. Это какое-то сказочное существо, карликъ съ длинной бородой, существо, живущее на дубѣ, летающее по воздуху, способное носить на себѣ человѣка. Изгнаніе изъ отечества, коварство товарища по изгнанію, обмѣнъ именами и званіями, обращеніе царевича въ конюха, и наконецъ обличеніе коварнаго товарища—все это сближаетъ эту сказку съ переданными нами въ „Этногр. Обозр." кн. VIII, стр. 141—6, сказками объ Эрдэни-Хараликѣ и Егъ-таму-нцо, т. е. объ Арья-Бало. Летающій по воздуху Пилигримъ съ другой стороны напоминаетъ намъ коня Bhalâha'у, т. е. опять таки того же Арья-Бало (Авалокитешвару). Пилигримъ носитъ царевича по воздуху и оказываетъ ему услуги за то, что царевичъ освободилъ его, Пилигрима, изъ тюрьмы. Въ сказаніи объ Аю-бодисатвѣ Бурханъ-бакши (это можетъ быть имя Авалокитешвары, а не Будды, какъ обыкновенно монголы толкуютъ), воплотившись въ тѣло коня, оказываетъ бодисатвѣ услуги за то, что онъ и мать его напоили и накормили его, омыли и отнесли въ прохладное мѣсто, когда онъ лежалъ въ пустынѣ голодный и жаждущій, покрытый пылью и мучимый солнечнымъ зноемъ.

Въ этомъ дюрбютскомъ сказаніи летающему Пилигриму будетъ соотвѣтствовать Бурханъ-бакши, воплощенный въ коня; царевичу—Аю-бодисатва. Мотивъ заточенія есть и здѣсь, но только заточникомъ является не Бурханъ-бакши, какъ вытекаетъ изъ сопоставленія, а персонажъ, соотвѣтствующій царевичу. Аю-бодисатва заточенъ въ 365 вазъ; онъ изъ нихъ самъ освобождается. Въ былинѣ о Потокѣ также есть мотивъ заточенія; заточникомъ является Потокъ, а Пилигримъ его освободителемъ [1]).

рёвичъ, Кощей сѣдой старичекъ, самъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ; въ № 38: мосенжны (желто-мѣдный) дзядокъ.

[1]) Принудительный обмѣнъ званіями срв. во французской сказкѣ у Cosquin'а, Contes popul. de Lorraine, Paris, vol. I, p. 32; сказка называется Le roi d'Angleterre et son filleul. Коскенъ говоритъ, что въ главныхъ своихъ частяхъ эта сказка связана съ темой о дѣвицѣ съ золотыми волосами и о живой и мертвой водѣ; онъ отсылаетъ читателя къ примѣчаніямъ къ № 73, La Belle aux cheveux d'or (vol. II). Содержаніе послѣдней: къ человѣку, у котораго родился сынъ, никто

Въ формахъ Пилигримъ или Палугримъ нужно видѣть древній, до-христіанскій терминъ. Если это западно-христіанскій терминъ, то разнообразіе формъ, въ которомъ онъ является (Пилигримъ, Полугримъ Палугримъ, Билогримище), можно еще объяснить порчей слова, непонятнаго сказителямъ, но едва ли этой же порчей можно истолковать разложеніе этого термина на два члена: *пили* и *гримъ*(Угрюмище). Мы объяснили бы это такъ: русскимъ фольклоромъ былъ усвоенъ варварскій двусложный терминъ *пили-ґримъ*, члены котораго являлись въ разсказѣ то спаренными, то отдѣльно; спариваться они могли различно, то этотъ членъ впереди, то тотъ; когда они являлись разъединенными, одинъ изъ членовъ могъ спариваться съ какой нибудь третьей формой. Въ нашемъ эпосѣ это имя распадалось на два члена *пили* и *гримъ*. Это видно изъ того, что вмѣсто Пилигримище въ былинѣ о Буслаевѣ является Угрюмище, а также членъ *пили* спаривается не съ *ґримъ*, а съ другимъ членомъ: *Бѣло*-яндрихъ. Есть также „белица, змѣиныя крыльца,“ Тугаринъ Белевичъ вмѣсто змѣевичъ. Въ одномъ случаѣ сынъ Ильи Муромца, дерущійся съ отцомъ, носитъ имя Бѣлъ-Борисъ Козловъ (Кир., I, № 4, стр. 6—7); въ другомъ Аполонище; въ третьемъ Васька (Буслаевъ?), сынъ Сиверьяничны.

Примыкая къ обще-принятому толкованію, что нашъ Пилигримъ есть западный терминъ, усвоенный нашимъ эпосомъ

нейдетъ въ крестные отцы; пришелъ самъ Богъ подъ видомъ человѣка, но съ условіемъ что на 7-мъ году ребенокъ будетъ отданъ ему. Въ урочный день Богъ является и уноситъ мальчика на себѣ. Далѣе мальчикъ терпитъ отъ зависти товарищей, подобно крестнику англійскаго короля. Подобно тому, какъ этотъ крестникъ получаетъ порученія отъ англійскаго короля достать отъ великана мула, дрозда и фонарь, который освѣщаетъ страну на сто льё кругомъ, и все это достать, и кромѣ того освободить королевскую дочь, ему помогаетъ частью какая-то старуха, частью самъ великанъ,—такъ и въ № 73-мъ мальчикъ долженъ доставать чудесную птицу, живую воду и красавицу съ золотыми волосами, а ему помогаетъ совѣтами его крестный отецъ, который является всякій разъ, какъ являлся во всѣхъ этихъ случаяхъ подъ видомъ мула потому, что крестникъ, обращаясь къ нему или призывая его, всегда называетъ его муломъ. Коскенъ продолжаетъ: Dans la plupart des contes de ce type, le héros est aidé dans ses entreprises par un cheval merveilleux, et nous ajouterons que dans un de ces contes, recueilli en Basse-Bretagne, la Sainte—Vierge est envoyée par Dieu au jeune homme sous la forme d'une jument blanche.

въ смыслѣ паломника, мы дѣлаемъ празднымъ сведеніе и сопоставленіе темъ, связанныхъ съ этимъ именемъ. Такое сведеніе—это само собою вытекаетъ изъ такого предрѣшенія — не можетъ привести ни къ какимъ результатамъ. Другое дѣло, если мы допустимъ, что Пилигримъ древняя до-христіанская эпическая форма; въ этомъ случаѣ всѣ появленія этого имени въ былинахъ и сказкахъ могутъ быть поняты, какъ слѣды древняго органическаго развитія представленій объ этомъ персонажѣ. Сличеніе мѣстъ, въ которыхъ появляется это имя, не должно въ этомъ случаѣ оказаться безплоднымъ. И можетъ быть, когда будетъ собранъ болѣе обильный матеріалъ о Пилигримѣ или Полугримѣ, на отдѣльныхъ точкахъ эпоса найдутся совпаденія, связанныя съ этимъ именемъ. Илью поятъ странники, т. е. пилигримы, чтобы придать ему силы [1]). Пилигримъ даетъ напитокъ Ивану Царевичу, чтобы у него прибыло силы. Конечно, пилигримы былины ближе къ типу благочестивыхъ паломниковъ; слѣдовательно, если Пилигримъ происходитъ отъ паломника, былина ближе къ источнику, чѣмъ сказка. Но едва-ли въ этомъ случаѣ былина повліяла на сказку. Скорѣе напитокъ, дающій силу, явился въ обоихъ случаяхъ потому, что онъ былъ связанъ съ древними представленіями о Пилигримѣ, стоящими на томъ заднемъ планѣ, гдѣ берутъ начало и сказка и былина.

Г. Потанинъ.

---

[1]) Ср. о Евѳиміи Иберѣ, которому приписывается первый переводъ на греческій повѣсти о царевичѣ Іоасафѣ и Варлаамѣ. Ewthym Géorgien отправился въ Константинополь и совершенно забылъ грузинскій языкъ. Знаніе это возвратилось къ нему чудомъ. Онъ лежалъ больной. Ему явилась la reine, mère de Dieu, и спросила. „Quels sont tes chagrins, o Ewthym?"—„Святая царица, я сильно боленъ". Она сказала: „Встань и говори по-грузински, потому что ты будешь здоровъ и оставишь ложе болѣзни". Онъ всталъ и, хотя забылъ языкъ грузинскій, началъ говорить на немъ съ краснорѣчіемъ, затмѣвающимъ Гомера. Тогда онъ перевелъ много книгъ на грузинскій, особенно Библію. *H. Lotenberg*, Notice sur e line deBarlaam et Joasaph. Paris, 1886, p. 8.

Изъ области малорусскихъ народныхъ легендъ.

(Матеріалы для характеристики міросозерцанія крестьянскаго населенія Купянскаго уѣзда).

III.

1. Ап. Петръ въ легендахъ и повѣрьяхъ (продолж.).

Разсмотрѣнныя нами въ предыдущихъ статьяхъ [1]) народныя сказанія объ ап. Петрѣ, при бѣгломъ знакомствѣ съ ними, легко могутъ быть отнесены къ разряду простыхъ народныхъ побасенокъ, выдуманныхъ для проведенія тенденціозной морали и свидѣтельствующихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, лишь о невѣжествѣ составителей ихъ и грубости нравовъ народа. На такое скорое заключеніе наводятъ отчасти сами малороссы, которые подобнаго рода разсказы съ элементомъ чудеснаго, сказочнаго называютъ побрехеньками. Но мы впали бы въ большую ошибку, если бы свою оцѣнку народныхъ сказаній строили на подобныхъ шаткихъ основаніяхъ.

Цѣнность всякаго человѣческаго произведенія опредѣляется не только стоимостью матеріала и изяществомъ отдѣлки его, но также и тѣмъ, на сколько отражается въ немъ, характеръ времени и народнаго быта, насколько оно характерно вообще для своей эпохи и своего народа.

Даже въ томъ скудномъ по количеству матеріалѣ, какой собранъ нами въ Купянскомъ уѣздѣ, мы находимъ въ обрисовкѣ личности ап. Петра яркія черты, характеризующія малоросса такимъ, какимъ онъ выступаетъ передъ нами въ своемъ прошломъ и какимъ остается отчасти и теперь, не смотря на измѣнившіяся условія гражданственности. Сильно развитое чувство личности, протестующее противъ фатализма стремленіе къ общественной справедливости, вызывающее неустанное исканіе правды на землѣ, не взирая на всякаго

---

[1]) Этнограф. Обозр. V, 142 и VII, 71.

рода тревоги и разочарованія, сопряженныя обыкновенно съ такими поисками; личная иниціатива въ возбужденіи и рѣшеніи вопросовъ какъ нравственныхъ, такъ равно и общественныхъ; братская любовь къ людямъ, исключающая, однако, всякую мистическую темноту, смотрящая прямо на людскіе недостатки,—вотъ важнѣйшія нравственныя черты личности, отмѣчаемыя въ этихъ легендахъ.

При реалистическомъ взглядѣ на жизнь, наказаніе не могло быть исключено изъ числа средствъ, содѣйствующихъ скорѣйшему осуществленію на землю лучшихъ идеаловъ, уже потому, что оно является неизбѣжнымъ элементомъ жизни вездѣ, гдѣ признается исконная борьба двухъ началъ: добраго и злого. И мы видимъ, что въ народныхъ сказаніяхъ ап. Петръ часто прибѣгаетъ къ наказанію. Мало того: требованія практической жизни получаютъ иногда въ этихъ сказаніяхъ перевѣсъ надъ требованіями морали или находятъ себѣ по крайней мѣрѣ нѣкоторое оправданіе. Короче сказать, въ извѣстныхъ намъ малорусскихъ легендахъ объ ап. Петрѣ, онъ выступаетъ не новаторомъ, а просто дѣятельнымъ членомъ общества, крѣпко отстаивающимъ свои права и свои взгляды, причемъ рѣшеніе возникшихъ споровъ или предоставляется третейскому суду, или подыскиваются ясныя до очевидности доказательства.

Въ одной изъ нашихъ рождественскихъ колядокъ говорится, между прочимъ, что Господь съ Петромъ заспорили о томъ, что больше: земля или небо?

Господь каже, що небо бильше,
А Петро каже, що земля бильше.
— Ой ты, Петре, Петре—суперечныку!
Заклычимъ мы та два янголы,
Нехай измиряють небо и землю.
— Якъ измирялы, то й извирилы....

(Ср. Чубинскій, т. III, стр. 344—346; Головацкій, кн. II стр. 32).

Такая неуступчивость въ спорѣ и настойчивая защита своего взгляда составляетъ не случайно попавшую въ колядку черту, а основной фонъ, выясняющій внутреннюю сущность характера малороссіянина. Малороссъ любитъ самъ обсудить всякое дѣло, рѣшить всякій вопросъ, и не легко

заставить его потомъ поступиться разъ принятымъ рѣшеніемъ и измѣнить его. Такимъ стремленіемъ все обсуждать самому, все пересуждать объясняется и данное ап. Петру въ нѣкоторыхъ изъ народныхъ заговоровъ названіе „пересудья", какъ напр. въ заговорахъ „отъ перелоговъ":

1) Ишовъ судья, за нымъ пырысудья; судья найшовъ рукавыци, а пырысудья—нагалыцю. Пишли воны соби въ чисте поле. Въ чистимъ поли вырба стоить; за тію вырбою скамья стоить, на скамьи прысвята мать Богородыця сыдыть. „Прысвята мать Богородыця, розсуды насъ! судья найшовъ рукавыци, пырысудья—нагалыцю".—Тоби, судья, рукавыци, а тоби, пырысудья, нагалыцю. А вы, пырылогы, пидитъ туды, де витеръ ны віе, де Божій глазъ нызаходы! (Сл. Преображенная).

А что „пересудьею" въ настоящемъ заговорѣ названъ именно ап .Петръ, а не кто-либо другой, это видно изъ слѣдующаго заговора противъ той же болѣзни:

2) Господы, поможи! Въ чистимъ поли престолъ; за тымъ престоломъ Маты Хрыстова и Спасъ. За столомъ святый Петро, а передъ столомъ лукавый у порози. Божа Маты плытеть Спасу рукавычкы, святому Петру—наговычкы, лукавому—перелогы на рогы. Иды соби въ ухаба, въ очерета, въ болота, де витеръ не віе, де сонце не гріе, зъ усякого скота духъ, гласъ не заходе. Зъ билои кости, зъ разнои шерсти перелогы одвесты (Хуторъ Маліевъ).

Усматривая такимъ образомъ во всѣхъ подобныхъ народныхъ легендахъ, значительную цѣнность для серьезнаго этнографа, и признавая научное изслѣдованіе ихъ весьма желательнымъ, мы предлагаемъ еще нѣкоторые изъ относящихся сюда сырыхъ матеріаловъ, находящихся у насъ.

На поляхъ Украйны, при дорогахъ и по межамъ, между нивами, часто встрѣчается дикій цикорій (Cichorium intybus L.), по малорусски „Петривъ батигъ" (хлыстъ, кнутъ). Растеніе это съ длиннымъ стеблемъ и голубыми цвѣтами, сидящими на концахъ вѣточекъ одиночно, а въ пазухахъ листьевъ пучками, извѣстно въ малороссіи подъ именемъ „Петровы батоги". Проф. А. Потебня въ своемъ сочиненіи „Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень" (Варшава 1883, I, стр. 98) говоритъ относительно малорусскаго

названія дикаго цикорія слѣдующее: „названіе растенія cichorium intybus, *Петривъ батигъ* (великор. солнцева сестра), съ голубыми цвѣтами, сидящими какъ узлы на плети, не можетъ быть вполнѣ выснована изъ христіанскаго преданія". Но намъ удалось узнать о происхожденіи народнаго названія этого растенія нѣсколько разсказовъ.

1. Однажды Спаситель съ учениками своими шелъ изъ одного селенія въ другое. Дорога лежала мимо того мѣста, гдѣ мальчики пасли овецъ. Увидавъ Господа, пастушки бросили свои стада, побѣжали съ кнутиками въ рукахъ на дорогу, по которой шелъ Христосъ и окружили Его со всѣхъ сторонъ, такъ что мѣшали Ему продолжать путь. Прикрикнулъ на нихъ ап. Петръ, чтобы они разступились, но они, не обращая вниманія на его окрикъ, продолжали лѣзть къ Спасителю, цѣловать Ему руки, ноги и края одежды. „Вотъ я васъ!" крикнулъ на нихъ снова ап. Петръ и схватилъ у одного изъ мальчиковъ, бывшій у него въ рукахъ кнутъ; но пастушокъ, не выпуская изъ своихъ рукъ кнута, сталъ плакать и вырывать его изъ рукъ Петра. Петръ уступилъ, мальчику, отдалъ кнутъ его, а самъ наклонившись сорвалъ стебелекъ растенія и, размахивая имъ, повторялъ: „геть зъ дороги, а то покуштуете (попробуете) мого батижка"! Пастушки со смѣхомъ разступились, дали дорогу Христу. Петръ бросилъ тогда бывшій у него въ рукахъ стебелекъ и сказалъ шутя: „а що? злякались (испугались)! озьмить теперъ соби и мій батижокъ". Мальчики подняли брошенное ап. Петромъ растеніе и назвали его Петровымъ батогомъ. А такъ какъ цвѣты у этого растенія напоминаютъ по своей формѣ кисточку, то и пастушки стали съ тѣхъ поръ украшать свои кнутики махорками (кисточками) изъ кожи. (Сообщила О. Дѣдухова).

Если настоящій разсказъ воспользовался евангельскимъ повѣствованіемъ о недопущеніи учениками дѣтей къ Христу, а отчасти быть можетъ кое-чѣмъ и изъ талмудическихъ сказаній о томъ, что еврейскія дѣти всегда сбѣгались къ Христу и толпой сопровождали Его, потому что Онъ приносимыхъ ими слѣпленныхъ изъ глины птичекъ оживлялъ своимъ дуновеніемъ, чѣмъ и привлекъ къ себѣ дѣтей, то въ слѣдующей легендѣ ап. Петръ выступаетъ предъ нами съ чертами

какого-то языческаго бога полей, покровителя жатвы. Онъ, какъ говорила сообщавшая намъ это старуха, „бувъ дуже до всего любопытный": ему извѣстны названіе и жизнь всякой полевой козявки; онъ знаетъ, чѣмъ каждая изъ нихъ питается. Шествіе его по полямъ уподобляется шествію бога полей: жучки, пчелки, мушки, бабочки пестрыми роями окружаютъ его, предшествуютъ ему и сопровождаютъ его.

2. „Иде св. Петро по межи, возьме бурьянынку и хлёскае, якъ батижкомъ. А жучки и мушки, яки сидять по колоскахъ, вже и знають: вси слетають и не сміють портыть хлиба. Пройде межу, кине свій батижокъ на землю, винъ тамъ и прыймитця и росте. А вси жучки и мушки вже добре знають, що ту ныву, де росте Петривъ батигъ, треба обходыты: отто жъ воны и не сміють ту ныву трогаты Се бъ то було колысь, а теперъ и Петривъ батигъ не спасае хлиба". (Отъ кр. Пр. Туровой).

Дѣятельность ап. Петра, по легендамъ, весьма разнообразна: онъ—то суровый учитель правды, то горячій защитникъ слабыхъ, то властный покровитель хлѣбныхъ полей, то скромный пастырь кроткихъ овецъ. Стада его бываютъ видны то на небѣ: это—тѣ мелкіе кучевыя легкія облачка, что извѣстны подъ названіемъ барашковъ,—то на землѣ: это — тотъ легкій, струящійся и бѣгущій надъ полями паръ, что бываетъ виденъ въ теплые солнечные дни надъ свѣже-вспаханной нивой или послѣ дождя.

3. „Въ сояшни (солнечные) дни бува часто выдно, шо якъ будто въ поли бигають фыли (волны); ци то фыли въ народи и зовуця „Петровы сгоны," або—„Петро погнавъ овець пасты". Разъ винъ якъ гнавъ овець пасты, то у ёго не було ни батога, ни палки, и встритывъ винъ дорогою неидому траву съ длинными пруткамы, зирвавъ соби прутъ и погнавъ имъ овець пасты. Съ тыхъ пиръ це растеніе и звется Петривъ батигъ". (Слоб. Ново-Николаевка. Сообщ. учит. А. Склобинская).

Съ мая мѣсяца въ Малороссіи появляются большія мухи слѣпни (разные виды рода Tabanus, L: Tab. rusticus, Tab. solstitialis, Tab. bovinus и др.), которыхъ крестьяне называютъ вообще оводами; къ Петрову дню количество этихъ насѣкомыхъ сильно увеличивается, такъ что въ это время преслѣдуемый ими рогатый скотъ, съ ревомъ скачетъ по полямъ,

что крестьяне обозначаютъ словомъ „дроковыця“. Гдѣ нѣтъ знанія, тамъ всегда удобная почва для посѣва и произрастанія легендъ. Совпаденіе времени появленія наибольшаго числа оводовъ съ Петровскимъ постомъ вызвало, вѣроятно, желаніе найти въ жизни ап. Петра такой случай, который могъ бы послужить для объясненія такого явленія, какъ нападеніе оводовъ на рогатый скотъ. А при сильномъ желаніи это не можетъ представить большого затрудненія: подходящій случай всегда отыщется или сочинится. Впрочемъ, въ виду нашей задачи, то и другое имѣетъ для насъ одинаковую цѣнность.

4. „Колысь було такъ, шо вивци дрочылысь, а рогата скотына стояла у кучци такъ, якъ тыперъ у дроковыцю стоять уси вивци у кучци (дроковыця бува саме у Петривку). Одынъ разъ святый Петро йшовъ по полю и захотилось ёму воды: у горли пырысохло. Зайшовъ винъ до чырдныка, который пасъ рогату скотыну, та носе за собою ослиньчикъ (скамеечку) и сыдыть на ёму, а скотына ны бигае: стоить на одному мисти, якъ укопана. Дило було саме у Петривку. Ото св. Петро прыйшовъ и каже: „дай мини, чоловиче добрый, воды напыця!“ А той чырдныкъ тоди сыдивъ на ослиньчику и латавъ (чинилъ) свыту, тай каже: „васъ такыхъ багато, шо прыходять воды пыты, а мини іи нынаносыця для усякои сволочи. Ступай прочь! А колы хочышъ напыця, то бачъ де вода!“ Ногою указуе, а самъ сыдыть на ослиньчику; коло ёго и вода була у глечику (кувшинѣ), а винъ, бачъ, и ны давъ. Тоди св. Петро пишовъ до вивчаря, который пасъ овець. И бигае винъ за вивцямы, та все ихъ пырыйма́, и ныма́ ёму спокою ны капылькы. Ото св. Петро прыйшовъ до ёго и каже: „дай, пожалуста, мини воды напыця, а то скоро умру безъ воды“. А той вивчарь каже: та у мене й була вода, та оце (вотъ) ныдавно выпывъ. Св Петро сказавъ: „ну пиды прынысы“. А вивчарь отвичае: „та я бъ пишовъ бы и прынисъ бы, та то горе, шо якъ пиду, то уси вивци рожбижаця и одныи тоди ны найду“. Св. Петро й сказавъ: „иды, воны ны розбижаця, стоятымуть, поки прыйдышъ“. Той вивчарь побигъ и прынисъ воды; св. Петро напывся и поблагодарывъ того вивчаря и сказавъ: „тыперъ вивци ни-

колы ны будуть дрочыця, а будуть стояты и пастысь на одному мисти; рогатый же скотъ тыперъ буде здорово дрочыця, такъ шой ны пырейме нихто". Тико винъ це сказавъ, якъ начала скотына бигаты того пастуха, шо ныдавъ воды св. Петру. Винъ, той чырыдныкъ, тоди й бросывъ свій ослиньчикъ и начавъ бигаты за скотыной, и ны було вже ёму николы спокою, а вивчаревы вивци стоялы на мисти, паслысь, а бильшъ и ны дрочылысь. Съ тыхъ поръ скотына начала дрочыця, а вивци ни. Тыперъ якъ дрочыця скотына, то уси пастухи проклыняють того чырыдныка, шо св. Петру ныдавъ воды и росердывъ ёго. А якъ бы винъ ны росердывъ св. Петра, то цёго бъ ничого ны булобъ, а то чырызъ одного пастуха, та всимъ горе, шо скотына дрочыця". (Хут. Маліевъ. Отъ учит. М. Нетребы. Ср. у Манжуры: Чого вивци душаться, а скотъ дрочиться)

Слѣдующее сказаніе объ установленіи ап. Петромъ по просьбѣ женщины поста должно быть отнесено по своему происхожденію къ одной съ предъидущимъ серіи разсказовъ, возникающихъ обыкновенно въ объясненіе извѣстныхъ явленій, причины которыхъ остаются для народа непонятными. Въ подобнаго рода объясненіяхъ за основной ихъ мотивъ берется простое случайное совпаденіе или какая-нибудь изъ сторонъ даннаго же явленія, черезъ что оно становится уже легко доступнымъ народу, такъ какъ для пониманія его не требуется никакихъ особенныхъ знаній, а лишь знакомство съ самымъ фактомъ, вызвавшимъ объясненіе.

5. „Кажуть, шо въ старыну отъ Велыкодня ажъ до первого Спаса булы все мясныци: мужики и поидалы все молошне, а бабамъ ни съ чого було справыты ни для себе, ни для дитей. Отъ разъ зибралысь жинки и пишлы до Петра и Павла просыты, шобъ ти положилы четвертый пистъ, шобъ було время бабамъ зибраты маслычка, смытанки, сырця, шобъ було за вищо справыты, що треба, для дитей и для себе, тай Богу свичечку поставыты. Святый Петро, якъ бувъ зъ мужикивъ, такъ вже добре знавъ бабьячи нужды, и заразъ согласывся поставыты пистъ, а св. Павло не соглашавсь,— винъ бувъ зъ купцивъ и державъ руку мужикивъ, — и каже Петру: „Ни, я не согласенъ. Оце все бабьи выгадки. Якъ же можно мужикамъ безъ скоромного обійтысь, колы у ныхъ

тыперъ така важка робота: треба сино косыты и убыраты,— не согласенъ!"—„Ни, брате Павле, ця работа ны дуже важка: попоидять съ сыривчикомъ та цибулькою оселедця та горячои кашки зъ олійкою, та й потягнуть. А отъ жинкамъ якъ буты бизъ копійки при души? У ихъ дочки пидростають, треба въ скрыню кой-що готовыты: то скатыртыну, то рушнычокъ, то хустыну; та й соби и очипка ни за що купыты, хоть простоволоса ходы. Треба имъ уважиты, треба пистъ поставыты"! Довго винъ водывся съ Павломъ, а все такы уломавъ ёго, та тико и ёму уступочку здилавъ, каже: „нехай одынъ годъ пистъ буде довшій, а другый — коротшій". Того жъ и Пытривка разна бува, одна довга, а друга коротка". Поэтому и постъ получилъ названіе Петровки, а не Павловки, и въ нѣкотрыхъ слободахъ въ день ап. Петра и Павла (29-го іюня) крестьяне служатъ ап. Петру молебны. (Сл. Кабанья. Сообщ. учит. Марусовъ).

По взгляду народа, три главные момента въ жизни каждаго человѣка опредѣляютъ судьбу его; это—рожденіе, бракъ и смерть. И во всѣхъ этихъ моментахъ по малорусскимъ сказаніямъ ап. Петръ принимаетъ участіе или прямое, непосредственно вліяющее на долю человѣка, или косвенное, какъ это видимъ, напр., въ слѣдующемъ ниже разсказѣ, уясняющемъ, почему, для чего та или иная участь суждена человѣку.

6. Однажды Христосъ съ ап. Петромъ проходили полемъ и увидѣли тамъ красивую крестьянскую дѣвушку, которая такъ усердно жала жито, что даже не взглянула на нихъ. Петръ обращается къ Господу и говоритъ: „Господи, кому эта красавица достанется?" Господь ничего ему на это не отвѣтилъ. Идутъ дальше и видятъ: стоитъ яблоня, а подъ той яблоней лежитъ, разинувъ ротъ, здоровенный парень, смотритъ на висящія надъ его головой яблоки и говоритъ: „нѣтъ, нѣтъ, да наконецъ упадетъ же мнѣ въ ротъ хоть одно изъ этихъ яблокъ!" Господь обратился къ Петру и говоритъ: „та красавица, о которой ты спрашивалъ меня, достанется вотъ этому дураку, что лежитъ подъ яблоней". — Почему же это такъ, Господи?—„А вотъ почему: этотъ дуракъ рожденъ глупымъ и ни къ чему неспособнымъ,—онъ и про-

кормить себя не можетъ; та же красавица—умница и труженица: она прокормитъ и себя и его". (Сл. Ново-Николаевка).

Изъ настоящаго разсказа вытекаетъ, что, по взгляду народа, личное счастіе или несчастіе не есть дѣло слѣпого случая, а высшаго промысла, устрояющаго все къ общему благу. Эта же цѣль — раскрыть въ жизненныхъ явленіяхъ, иногда по видимому противорѣчащихъ идеѣ справедливости, сокрытый въ нихъ утилитарный принципъ, положена въ основаніе извѣстной, приведенной у Афанасьева, сказки „Людська доля" (т. 3, стр. 425), гдѣ говорится, какъ св. Николай связывалъ попарно хорошее съ плохимъ волокна лыка, обозначавшія, какъ это онъ объяснилъ спросившему его о томъ казаку, людскую долю, и дѣлалъ онъ это для того, что если бы вѣнчали отдѣльно все злыхъ со злыми, а добрыхъ съ добрыми, то первые не могли бы и жить на свѣтѣ, а вторые забыли бы Бога.

Религіозная пытливость не ограничивается предѣлами земной жизни; вопросы эсхатологическіе, вопросы о кончинѣ міра и будущей загробной жизни неизбѣжно возникаютъ въ умѣ не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлаго народа, особенно во времена общественныхъ бѣдствій, во времена религіозныхъ преслѣдованій, международныхъ столкновеній и междоусобныхъ войнъ. Малороссія втеченіе своей исторической жизни испила полную чашу всевозможныхъ бѣдствій какъ вслѣдствіе внутреннихъ безпорядковъ, такъ въ особенности вслѣдствіе внѣшнихъ нападеній и притѣсненій. Но и среди кровавой борьбы на жизнь и смерть встрѣчали малороссы между представителями разныхъ національностей и религій людей съ любвеобильной душою, людей, въ которыхъ билось человѣческое сердце, полное сочувствія къ страданію ближняго, будь этодъ ближній даже изъ числа враговъ. Такіе примѣры не могли пройти безслѣдно. Цѣною тяжкаго опыта научились малороссы уважать человѣка не за то, что онъ принадлежитъ къ тому или иному общественному строю, къ той или иной націи, религіи, а за его дѣла. Въ мирное время религіозный фанатизмъ и національная исключительность должны были уступить мѣсто другому руководящему началу жизни, другому принципу и формальному, и мораль-

ному. Въ этомъ, такъ сказать, скептическомъ отношеніи малоросса къ формальной правдѣ, въ этомъ, такъ сказать' раціонализмѣ мы находимъ ключъ къ объясненію появленія въ Малороссіи слѣдующей легенды, по которой рай равно доступенъ для всѣхъ, безъ различія вѣроисповѣданія, людей, если они умерли согласно съ требованіями своей религіи.

7. Стоитъ апостолъ Петръ съ ключемъ въ рукахъ у дверей рая, появляется передъ нимъ еврей съ обрывкомъ веревки на шеѣ и проситъ отпереть райскія двери и пропустить его въ рай къ праотцу Аврааму. „Кто ты, откуда и какъ попалъ сюда?“ спрашиваетъ ап. Петръ. — Я еврей изъ Бердичева, повѣшенъ татарами за вѣру. — „Какой же ты вѣры?“ — Моисеева закона. — „Сядь тамъ, подожди!“ сказалъ ему Петръ, указавъ головой въ ту сторону, гдѣ стояла длинная скамья. Не успѣлъ еврей и трехъ шаговъ отойти отъ райскихъ дверей, какъ на его мѣстѣ стоитъ уже татаринъ съ обломкомъ пики въ груди. „Кто, откуда и какимъ образомъ попалъ сюда?“ снова слышенъ голосъ Петра: — Татаринъ изъ Бахчисарая, убитъ казакомъ въ сраженіи съ невѣрными. — „Какой вѣры?“ продолжается допросъ.—Послѣдователь ислама.—„Посиди вонъ тамъ, на скамьѣ!“ Важно поклонился Петру татаринъ, медленно подошелъ къ скамьѣ и сѣлъ сбоку еврея, кивнувъ ему головой. А передъ Петромъ ужъ новый претендентъ на райское блаженство — казакъ съ разрубленнымъ черепомъ. Слѣдуютъ обычные вопросы: кто, откуда, какъ? и отвѣты: запорожскій казакъ, убитый ляхомъ въ битвѣ за православную вѣру. „Подожди съ тѣми,“ отсылаетъ ап. Петръ и казака къ сидящимъ уже на скамьѣ просителямъ. Между тѣмъ къ Петру подходитъ полякъ и на предложенные ему Петромъ вопросы отвѣчаетъ: „шляхтичъ изъ Кракова, застрѣленъ москалемъ - схизматикомъ въ сраженіи за католическую вѣру“, и, получивъ предложеніе обождать, отходитъ къ скамьѣ и садится сбоку казака. Появляется русскій съ раной во лбу. На вопросы Петра говоритъ: „изъ московскихъ боярскихъ дѣтей, православной каѳолической вѣры, положилъ животъ на брани за вѣру, царя и отечество.“ Онъ отсылается также на скамью, гдѣ и садится рядомъ съ полякомъ. А тѣмъ временемъ къ Петру подходитъ, низко кланяясь хохолъ, съ из-

битой спиной и спрашиваетъ его: „скажить, будьте ласкави, чи пускають сюды(указывая на рай) такихъ, якъ оце мы?"— А кто ты? — „Та якъ бы вамъ сказаты: булы мы колись не иначе бъ казакы, а теперь — крыпакы, звуть нась и черкасы. Такъ, выбачайте, не можу вже и самъ сказаты, шо мы за люды",— посматривая на сидящихъ,—„крестьянинъ та й годи."— Ну ладно. А вѣры какой?— „Якои виры? Та вже-жъ и виры мабуть крестьянскои".—Христіанской?—„Ажежъ". (Къ сожалѣнію листикъ, на которомъ записано было продолженіе бесѣды хохла съ ап. Петромъ, затерянъ, поэтому помѣщаемъ окончаніе легенды). Когда и хохолъ усѣлся на скамьѣ, встаетъ еврей и говоритъ: „братья! чего мы молча сидимъ, развѣ мы всѣ не дѣти одного Бога? Будемъ же каждый по своему славословить Его святое имя!" Всѣ поднялись и начали прославлять правосудіе Божіе, а Петръ обратился къ нимъ и говоритъ: „давно бы такъ—идите всѣ въ рай!"

Настоящая легенда записана со словъ бывшаго учителя начальнаго училища въ слободѣ Сеньковъ, Куп. у., крестьянина Ив. Тура, весьма симпатичной личности, похищенной смертію на 5-мъ году служенія народной школѣ. Эту же самую легенду, но въ нѣсколько измѣненной редакціи, слышали мы отъ одного изъ мѣстныхъ священниковъ, наконецъ, одно знакомое намъ въ г. Купянскѣ лицо передавало ее, какъ историческій анекдотъ изъ жизни Фридриха II Великаго, въ слѣдующемъ видѣ: Въ прусскомъ государственномъ совѣтѣ поднятъ былъ вопросъ объ установленіи въ Пруссіи государственной религіи. Состоялось нѣсколько засѣданій совѣта, не приведшихъ ни къ какому положительному результату. Тогда король Фридрихъ II объявилъ, что онъ самъ явится лично въ засѣданіе по этому вопросу, и назначилъ день и часъ. Въ назначенное королемъ время собрался весь совѣтъ. Короля нѣтъ. Проходитъ въ ожиданіи часъ, другой, а король все нейдетъ. Наконецъ, отворяется дверь и входитъ въ залъ совѣта Фридрихъ, потягиваясь и зѣвая, и говоритъ: „Извините, господа, что заставилъ васъ такъ долго себя ожидать: проспалъ. Какой чудный сонъ я видѣлъ. Представьте, сижу я передъ райскими дверями на скамьѣ, а у дверей стоитъ апостолъ Петръ. Появляется еврей да такъ прямо и лѣзетъ въ рай. Часовой

говоритъ: „не время, подожди тамъ на скамьѣ". Еврей сѣлъ рядомъ со мною. За евреемъ у дверей рая появился полякъ, за нимъ русскій, далѣе турокъ, калмыкъ и всѣхъ ихъ апост. Петръ отослалъ ко мнѣ на скамью. Сидимъ мы всѣ рядкомъ на скамьѣ и молчимъ. Скучно намъ становится, а ап. Петръ ни малѣйшаго на насъ вниманія не обращаетъ. Вдругъ встаетъ еврей и говоритъ: „воспоемъ славу Отца нашего небеснаго", и запѣлъ; остальные подхватили, каждый по своему. Петръ отперъ рай и говоритъ: „входите всѣ, всѣ идите: для всѣхъ васъ найдется мѣсто". Тутъ я и проснулся". Сказавши это, Фридрихъ снова зѣвнулъ и, сказавъ: „прощайте, господа!" вышелъ изъ зала.

Насколько въ приведенномъ анекдотѣ есть фактическая подкладка, мы не знаемъ; но интересно уже и то, что въ немъ усматриваютъ нѣмецкую основу, на которой вытканъ узоръ нашей малорусской легенды съ реалистическимъ фономъ. Хотя по нашему личному взгляду источникомъ данной легенды могли послужить вообще международныя столкновенія, но если допустить, что въ образованіи ея нѣмецкія вліянія играли значительную роль, то все же мы готовы видѣть въ ней скорѣе отраженіе протестантскихъ идей въ формѣ крайняго социніанства, столь сильно распространеннаго въ концѣ XVI вѣка во многихъ частяхъ Малороссіи, чѣмъ новѣйшія протестантскія вліянія, выражающіяся между прочимъ въ штундѣ.

2. *Васильки (Ocymum basilicum, L.).*

Въ „Этнографическихъ замѣткахъ" проф. Сумцова, помѣщенныхъ въ III-ей книгѣ „Этнограф. Обозрѣнія", въ статьѣ „Васильки" (стр. 123), сказано: „религіозное значеніе васильковъ основывается на древней греческой легендѣ о нахожденіи креста, въ которой разсказывается, что на мѣстѣ, гдѣ евреи умышленно закопали крестъ Спасителя, выросла трава пахучая и врачующая; врачи зовуетъ ее okimon, а народъ basilikon—украинскіе васильки (*Мочульскій*, О Голуб. книгѣ, 169)". Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь слѣдующія извѣстныя намъ легенды о происхожденіи названія васильковъ.

а. Сняли со креста пречистое тѣло Христа, помазали его благовонными мазями, обвили чистыми пеленами и похоронили въ саду, въ пещерѣ. И приказали жиды закопать въ горѣ пречестный крестъ Господень; мѣсто надъ нимъ разровнять, навалить потомъ на него навозу и всякаго мусору и засѣять сѣменами вонючаго бурьяна, чтобы люди и близко не подходили къ нему. Такъ и сдѣлали. Навозили на святое мѣсто навозу и всякаго мусору и посѣяли тамъ сѣмена дій-дерева (дурмана, Datura stramonium L.) и блекоты (бѣлены, Hyosciamus niger L.). Видитъ Богъ злобу жидовскую, даетъ Василію (какому—неизвѣстно) сѣмянъ „пахучаго зилья" и посылаетъ посѣять ихъ на томъ мѣстѣ, гдѣ посѣяны дій-дерево и блекота. И стало то мѣсто свято, а вокругъ него мерзость запустѣнія. И вспало царицѣ Еленѣ на мысль отыскать честный крестъ Господень. И пріѣхала она въ Іерусалимъ, и приказала копать гору Голгоѳу. Копали гору, копали, шукали креста, шукали—не найдутъ. И молилась благовѣрная царица Елена Богу, слезно просила: „дай, Господи, найти Твой честный крестъ!" И услышалъ Господь молитву благовѣрной царицы Елены. Явился къ ней нѣкто и говоритъ: „шукайте пахучаго зилья Василья; де его найдете, тамъ и крестъ обрящете". Пошли на гору Голгоѳу, нашли среди мусору мѣсто, поросшее васильками, стали тамъ копать и отрыли три креста. Два изъ нихъ положили, вынувши изъ ямы, на мусоръ, а третій, крестъ Господень, межъ васильки. Съ тѣхъ поръ и убираютъ крестъ васильками. (Купянскъ. Отъ М. Столяровской).

У Безсонова (Калѣки перехожіе. М. 1863. в. 5, стр. 61—62), въ стихахъ изъ западной Болгаріи, Македоніи, объ обрѣтеніи креста сообщаются нѣкоторыя черты, дополняющія нашъ разсказъ о василькахъ. Тамъ говорится, что на вопросъ: гдѣ тутъ кресты Христовы? такъ отвѣчала жидовка-вдовица: „Въ работницы здѣсь нанята я—поливать мнѣ велику навозную кучу: растетъ ночью здѣсь трава вонючка, растетъ ночью, я полю на утро; денно-ночно сижу себѣ здѣсь я. Сказали (объ этомъ) ему, царю Константину. Царь пустилъ молодцовъ триста видѣть, что тамъ за чудо велико. Не была то, не была трава вонючка: только былъ то Христовъ василёкъ. И стали тогда молодцовъ триста открыли велику навозную кучу, была

она куча очень маленька: въ глубину была она триста сажень, въ ширину она полтораста. И нашли они кресты Христовы".

Въ настоящихъ стихахъ мы не находимъ объясненія для чего вдова-еврейка должна поливать навозную кучу и полоть выростающую тамъ за ночь вонючку. Но цѣль такой работы станетъ для насъ понятна, если мы обратимъ вниманіе на помѣщенный выше разсказъ Купянской крестьянки. Евреи наняли вдову поливать навозную кучу для того, чтобы скорѣе взошли и выросли посѣянные тамъ ими дурманъ и бѣлена. Но какъ, вмѣсто этихъ сорныхъ растеній, на навозной кучѣ выростаютъ за ночь душистые васильки, которые еврейка называетъ вонючкой, то вдовѣ этой и приходится днемъ выпалывать ихъ. Такимъ образомъ эпизодъ о поливкѣ навозной кучи, стоящій безъ мотивировки въ стихахъ, записанныхъ въ западной Болгаріи, находитъ себѣ достаточное объясненіе въ словахъ крестьянки въ г. Купянскѣ.

б. По словамъ другихъ разсказчицъ, васильки получили свое названіе отъ имени св. Василія Великаго, который, молъ, при жизни очень любилъ цвѣты и зелень и всегда украшалъ ими свою келію. Когда потомъ открытъ былъ гробъ съ мощами Василія Великаго, то нашли въ немъ пахучее растеніе съ скромными цвѣточками. Въ честь святителя это любимое имъ растеніе названо Василькомъ. (Купянскъ. Отъ А. Корчиковой).

в. Въ слободѣ Двурѣчной, Куп. у., ходитъ объ этомъ растеніи иной разсказъ. Въ царствованіе Ивана Васильевича Грознаго жилъ въ Москвѣ Василій блаженный, Христа ради юродивый. Ходилъ онъ по Москвѣ и зиму, и лѣто босой, въ одной сорочкѣ, съ веригами на плечахъ. Бывалъ онъ въ царскихъ палатахъ, и въ боярскихъ хоромахъ, и въ крестьянской избѣ. Ночевалъ всего чаще на кладбищахъ; тамъ же и умеръ. Нашли тѣло его въ травѣ. Вокругъ него такъ хорошо пахло. Думали, что то тѣло угодника Божія пахнетъ, а оказалось: пахла та трава, въ которой онъ лежалъ. И назвали ту траву травою Василія, васильками. И теперь эта трава пахнетъ ладаномъ и мертвецомъ. (Сообщ. кр. Гр. Коломійцевъ).

Приводимъ здѣсь кстати сообщенное намъ преданіе о томъ, какъ Василій блаженный выплеснулъ въ окно вино,

поднесенное ему царемъ (срв. *Архим. Іосифъ.* Путеводитель къ святынѣ и св. достопам. Москвы. М. 1882., стр. 100).

Въ древнія времена жилъ въ Москвѣ одинъ святой, по имени Василій. Однажды въ праздничный день пошелъ Василій въ церковь. Въ церкви было тотъ день много сановниковъ, а также царь и царица. По выходѣ изъ церкви царь подозвалъ Василія и спрашиваетъ: „А что, Василій блаженный, много-ли народу было сегодня въ церкви?"—Нѣтъ, царь-батюшка, только двое: я да царица; да и царица-матушка была лишь до половины обѣдни, а затѣмъ ушла себѣ домой и была тамъ до конца службы. „Какъ же такъ?" сказалъ царь: „развѣ ты не видишь, сколько народу было въ церкви,—посмотри! Да неужели ты не замѣтилъ, что и я былъ въ церкви?"—Нѣтъ, государь, ты не былъ въ церкви, отвѣчалъ Василій: ты строилъ на одномъ островѣ городъ. „Правда, твоя, Василій блаженный!" сказалъ царь, вспомнивши, что, стоя въ церкви, онъ дѣйствительно думалъ о томъ, какъ бы построить на одномъ островѣ городъ. Потомъ царь пригласилъ Василія къ себѣ во дворецъ. Когда святой вошелъ въ царскія хоромы, царь поднесъ ему чарку вина. Василій взялъ чарку, подошелъ къ окну и выплеснулъ черезъ открытое окно вино изъ чарки на дворъ. Царь, не говоря ни слова, поднесъ Василію еще двѣ чарки, но и тѣ онъ вылилъ за окно. И только четвертую чарку выпилъ. Тогда царь и спрашиваетъ его: „Скажи же мнѣ, Василій блаженный, для чего ты первыя три чарки вина вылилъ за окно?"—А вотъ для чего я это сдѣлалъ, отвѣчалъ святой: въ Іерусалимѣ горитъ монастырь, такъ я подалъ туда помощь. Государь тотчасъ же послалъ въ Іерусалимъ гонца, чтобы убѣдиться въ справедливости словъ святого. Когда гонецъ возвратился изъ Іерусалима, то разсказалъ, что тамъ дѣйствительно загорѣлся было монастырь и пожаръ сталъ сильно распространяться, но набѣжали изъ Россіи одна за другою три дождевыя тучи и залили пожаръ. (Сл. Араповка. Отъ учит. М. Скјбакъ).

І. Мандельштамъ въ своемъ „Опытѣ объясненія обычаевъ, созданныхъ подъ вліяніемъ миѳа" (С. Петербургъ. 1882, стр. 58) говоритъ, ссылаясь на Маркевича, что „о Василькѣ существуетъ разсказъ, что нѣкогда это былъ молодой и кра-

сивый юноша, котораго въ Троицынъ день заманила русалка въ поле, защекотала и превратила въ цвѣтокъ; поэтому и цвѣтокъ называется именемъ Василія". Но этотъ разсказъ о превращеніи юноши въ растеніе отнесенъ Маркевичемъ не къ душистому васильку малорусскихъ пѣсенъ, какъ ошибочно заключаетъ г. Мандельштамъ, а къ малорусскимъ волошкамъ (Centaurea Cyanus L), какъ объ этомъ опредѣленно сказано у Маркевича (см. *Маркевичъ.* Обычаи, повѣрья и пр. Кіевъ. 1860, стр. 86).

г. Въ числѣ собранныхъ нами въ г. Купянскѣ сказокъ находится одна, въ которой говорится о превращеніи мальчика въ душистое растеніе—василекъ. Приводимъ ее здѣсь для пополненія циркулирующихъ въ народѣ разсказовъ объ этомъ столь любимомъ малороссами растеніи.

Въ большомъ лѣсу жилъ старый лѣсникъ съ дочерью-красавицей Машей. Отецъ ежедневно ходилъ на охоту, а дочь занималась домашними работами. Сидитъ-ли подъ окномъ за работой, собираетъ-ли въ лѣсу валежникъ, идетъ-ли къ рѣкѣ за водой,—звонкая пѣсня всюду выдаетъ ея присутствіе. Веселый смѣхъ Маши также нерѣдко нарушалъ тишину темнаго лѣса. И полюбилась красавица Маша водяному ужу, что жилъ за рѣкою, въ озерѣ. Какъ только подходила къ рѣкѣ Маша, тотчасъ на противоположномъ берегу появлялся молодецъ и слушалъ пѣніе Маши, не сводя съ нея глазъ. Сперва Маша, увидя незнакомаго человѣка, переставала пѣть, но такъ какъ онъ всегда начиналъ умолять ее продолжать пѣніе, то она чувствовала себя не въ силахъ отказать ему въ этомъ, и потомъ незамѣтно для себя самой стала все чаще и чаще приходить къ рѣкѣ не только за водой, но и съ работой, и по долгу просиживать на берегу. Маша разсмотрѣла, что незнакомецъ строенъ, молодъ и красивъ, только какая-то непонятная ей грусть замѣчалась и въ словахъ и во взглядахъ его. Прошла весна и лѣто было уже на исходѣ. Однажды къ старому лѣснику, въ его скромную хату, явился богато одѣтый молодой человѣкъ съ товарищами, такими же, какъ и онъ, молодыми людьми, и сталъ просить руки красавицы Маши. При этомъ назвался онъ владѣльцемъ озера съ окружающими его лугами. Лѣсникъ благодарилъ за честь, но не хотѣлъ разставаться съ единственной дочерью и

тѣмъ болѣе выдавать ее замужъ за человѣка ему совершенно неизвѣстнаго. Но когда на эти слова своего отца Маша объяснила ему, что она уже давно знакома съ молодымъ человѣкомъ и даже давно любитъ его, лѣсникъ вынужденъ былъ согласиться принять предложеніе незнакомца и отпустить съ нимъ свою дочь, такъ какъ это происходило въ т время, когда бракъ не освящался еще церковью, а совершался по благословенію однихъ родителей. Получивъ благословеніе, женихъ и невѣста сѣли въ прекрасный экипажъ и въ сопровожденіи свиты съѣхали со двора стараго лѣсничаго, который со слезами на глазахъ провожалъ свою красавицу Машу до самыхъ воротъ, а тамъ, въ послѣдній разъ поцѣловавши и благословивши ее, громко зарыдалъ, глядя въ слѣдъ экипажа, быстро уносившаго его послѣднее сокровище. Поѣздъ скоро подкатилъ къ рѣкѣ, женихъ щелкнулъ, и на рѣкѣ мгновенно появился красивый мостъ съ желѣзными перилами. Переѣхали на другой берегъ; снова щелкнулъ женихъ, и моста какъ не бывало. Вотъ и озеро; экипажъ, не останавливаясь, въѣхалъ въ воду и погрузился на дно. Маша очутилась въ великолѣпномъ хрустальномъ дворцѣ, горѣвшемъ всѣми цвѣтами радуги. Маша прожила въ этомъ подводномъ дворцѣ съ мужемъ-ужемъ нѣсколько лѣтъ счастливо и имѣла уже двухъ дѣтей: мальчика Васю и дѣвочку Горпушу. И захотѣлось Машѣ провѣдать своего старика отца. Долго не соглашался ужъ отпустить свою жену съ дѣтьми къ тестю, но наконецъ уступилъ просьбамъ и слезамъ жены, но предварительно взялъ клятву сохранить его тайну: не открывать своему отцу, что мужъ ея ужъ. Опять появился прекрасный экипажъ; ужъ съ женою и дѣтьми сѣлъ въ него и тотчасъ же очутились на берегу озера. Поѣхали далѣе по цвѣтущему лугу къ рѣкѣ и остановились на берегу ея. Здѣсь ужъ вышелъ изъ экипажа, наклонился надъ водой и вдругъ перекинулся черезъ рѣку красивымъ деревяннымъ мостомъ, по которому Маша съ дѣтьми и переѣхали на другую сторону. Подъѣзжая къ своей тихой хаткѣ, Маша подтвердила Васѣ и Горпушѣ, чтобы они ни за что не открывали дѣду, кто ихъ отецъ, не говорили бы, что ихъ отецъ ужъ, иначе со всѣми случится бѣда. Старый лѣсникъ сильно обрадовался, увидѣвъ послѣ столькихъ лѣтъ

разлуки свою любимую дочь да притомъ еще съ внукомъ и внучкой. Разспрашивалъ ее о житьѣ-бытьѣ, ласкалъ то ее, то дѣтей; ласкал выговаривалъ, что не собралась раньше провѣдать его. Маша хвалилась отцу, что они съ мужемъ живутъ въ прекрасномъ дворцѣ, что мужъ ея весьма богатъ, а главное и до сихъ поръ очень любитъ ее. Но лишь только старый лѣсникъ начиналъ разспрашивать дочь о томъ, далеко ли отъ рѣки ихъ дворецъ, потому что ни о какомъ дворцѣ вблизи рѣки онъ никогда не слышалъ, какъ веселость покидала Машу и, вмѣсто точныхъ отвѣтовъ, она отдѣлывалась неопредѣленными: нѣтъ, не далеко, совсѣмъ не далеко, и спѣшила перемѣнить предметъ разговора. Такая уклончивость дочери отъ прямого отвѣта показалась лѣснику подозрительной; онъ понялъ, что здѣсь скрывается отъ него какая-то тайна, и порѣшилъ вывѣдать ее отъ дѣтей. Послѣ обѣда, когда Маша по предложенію отца прилегла отдохнуть, лѣсникъ повелъ Васю и Горпушу въ садъ, началъ угощать ихъ разными фруктами и ласкал спросилъ Васю: „скажи мнѣ, Вася, какъ вы въ экипажѣ переѣхали черезъ рѣку, вѣдь она очень глубока, ни моста, ни парома на ней нѣтъ,—какъ же вы черезъ нее переѣхали?“ — Папа сдѣлалъ мостъ, мы переѣхали,—отвѣчалъ Вася. Но Горпуша возразила: „нѣтъ, не такъ: папа легъ на воду и самъ сдѣлался мостомъ, а мы по папѣ и переѣхали; онъ и теперь еще лежитъ мостомъ и ждетъ, пока мы переѣдемъ назадъ, на другую сторону рѣки. „Кто-жъ такой, Горпушенька, вашъ папа, что самъ сдѣлался мостомъ?“ Хотя Вася и останавливалъ свою сестру и напоминалъ ей о запрещеніи матери, но Горпуша увлеклась своей болтовней и все разсказала дѣду: и гдѣ они живутъ, и кто ихъ отецъ, и что онъ лежитъ теперь черезъ рѣку красивымъ деревяннымъ мостомъ. Дѣдъ расцѣловалъ внучку, одѣлилъ дѣтей румяными яблоками и сладкими грушами и оставилъ ихъ играть въ саду; самъ же пошелъ въ сарай, взялъ острый топоръ, отправился къ рѣкѣ и изрубилъ мостъ въ куски. Прогостивъ у отца до вечера, Маша сѣла съ дѣтьми въ экипажъ и быстро покатили къ мосту. Подъѣзжаютъ къ рѣкѣ — моста нѣтъ, а на берегу, о, ужасъ! гдѣ былъ мостъ, вездѣ кровь. Сразу поняла Маша все: „кто же изъ васъ, дѣти,

ты ли, Вася, или ты, Горпуша, сказалъ дѣдушкѣ, что отецъ вашъ сдѣлался мостомъ, кто?" вскричала рыдая Маша. „Что же вы молчите! ты, Вася?"—Нѣтъ, мама, я ничего не говорилъ дѣдушкѣ, отвѣчалъ Вася, плача.—„А, такъ значитъ это ты, Горпуша, сдѣлала насъ всѣхъ несчастными? Ну, будь же ты за это крапивой! Пусть твою сердцевину постоянно такъ же точатъ черви, какъ теперь мое сердце точитъ злое горе! И будешь ты всегда причинять людямъ жгучую боль, какъ теперь ты причиняла ее мнѣ! А ты, мой милый Вася, будь ты душистымъ василькомъ. Люди будутъ наслаждаться твоимъ запахомъ и будутъ они всегда имѣть тебя и въ своихъ хатахъ и въ своихъ церквахъ!" И еще сильнѣе зарыдала Маша и полетѣла въ лѣсъ кукушкою, а дѣти остались на берегу рости: Вася—душистымъ василькомъ, а Горпуша—жгучей крапивой. (Купянскъ. Отъ крест. Ив. Тура).

Такая же сказка доставлена намъ изъ сл. Араповки; кромѣ того, въ нашемъ собраніи сказокъ находится еще одна, но въ ней говорится о превращеніи мальчика въ соловья, а дѣвочки въ лягушку. (Ср. Эрленвейнъ. Нар. русскія сказки, стр. 169. Про ужака. Записки о южной Руси, т. 2, стр. 33: близнецы превращаются въ соловья и кукушку).

3. *Двѣ легенды на мотивъ о золотой рыбкѣ.*

Кому изъ насъ неизвѣстна прелестная сказка „о рыбакѣ и рыбкѣ" Пушкина? Въ ней золотая рыбка играетъ ту же роль, какую въ приведенныхъ ниже разсказахъ исполняютъ дерево—липа и кумъ—Богъ. Помѣщаемъ оба эти разсказа въ виду, во-первыхъ, того, что въ нихъ высказывается взглядъ народа на вѣчное недовольство людей своимъ положеніемъ, какъ бы хорошо оно ни было, и на безграничное стремленіе ихъ все къ высшему и высшему; во-вторыхъ, потому, что въ этихъ разсказахъ такая ненасытная жадность къ власти приписывается не одной женщинѣ, какъ это обыкновенно выводится въ подобнаго рода сказкахъ, но болѣе сообразно съ дѣйствительной жизнію—и мужчинѣ, и, наконецъ, потому, что въ нашихъ разсказахъ дается отвѣтъ на вопросъ о происхожденіи медвѣдей,—вопросъ, уже вызвавшій нѣсколько цѣнныхъ сообщеній на страницахъ „Этногр. Обозрѣнія" (IV,101 и VI, 143, 233).

1. *Липа.*—„Изъ чего, дѣдушка, медвѣди?“ спросилъ однажды маленькій внучекъ своего стараго дѣдушку, сидя съ нимъ вечеромъ на печи. „Отчего, дѣдушка, лапы и ноги у медвѣдей похожи на людскія?“ — Видишь, внучекъ, медвѣди изъ людей. —„Какъ, дѣдушка, изъ людей?—А такъ, внучекъ. Вотъ слушай и замѣчай. Жилъ себѣ да поживалъ мужичекъ бѣдно, пребѣдно: ни кола, ни двора, ни зерна; день ѣлъ, а два въ пустую печку глядѣлъ; зипунишка—вотъ и весь его пожитокъ. И надоѣло мужичку сидѣть въ холодной хатѣ: взялъ салазки, топоръ и побрелъ въ лѣсъ нарубить дровецъ. Долго-ли, коротко-ли ходилъ онъ по лѣсу—неизвѣстно, началъ онъ рубить дрова и встрѣтилась ему липа; онъ и захотѣлъ срубить ее. Поднялъ уже топоръ, чтобы рубнуть, какъ отзовется къ нему липа: „Мужичекъ, мужичекъ! не рубай меня; я тебѣ буду въ великой пригодѣ!“ Мужикъ опустилъ свой топоръ и спрашиваетъ липу: „въ какой-такой ты будешь пригодѣ?“ —Я тебѣ дамъ все, что тебѣ нужно. „Ежели такъ“, говоритъ мужикъ: „то вотъ мой дворъ не огороженъ, на немъ ни хлѣвушка, ни амбарчика съ хлѣбомъ, ни скотинки, ни курочки, да и мы съ бабой не одѣты и не обуты. Словомъ: голъ, какъ соколъ, зипунишка - весь пожитокъ. Такъ сдѣлай, чтобы мой дворъ былъ огороженъ и чтобы въ немъ было всего много: и хлѣба, и скота, и птицы. чтобы мы съ бабой были и сыты, и одѣты, и обуты“. Липа ему отвѣчала: „ступай себѣ домой, всего этого добра будетъ у тебя много“. Пришелъ мужикъ домой, а у него скотина ужъ въ загородѣ мычитъ, хозяина встрѣчаетъ, а старуха ключами отъ амбара бряжчитъ, да зерно птицѣ посыпаетъ. Хорошо зажилъ мужикъ. Пожилъ немного да и снова пошелъ въ лѣсъ къ липѣ. Приходитъ, подошелъ и ударилъ ее обухомъ топора. Липа и спрашиваетъ: „чего пришелъ мужичекъ? чего тебѣ нужно?—Вотъ у меня жена старая, рябая и хворая: сдѣлай такъ, чтобы она была молодая, красивая и здоровая. „Ступай себѣ домой: все будетъ по твоему“. Приходитъ мужикъ домой, встрѣчаетъ его жена—красавица писаная. Живетъ мужикъ, поживаетъ; всего у него много, жена красавица, —словомъ, живетъ въ свое удовольствіе. Вдругъ не понравилось ему ломать шапку передъ старшиною. Снова пошелъ въ лѣсъ къ липѣ. Приходитъ

въ лѣсъ, подошелъ и ударилъ ее обухомъ. Липа и спрашиваетъ: „чего пришелъ мужичекъ? чего тебѣ нужно?"—„Вотъ я ломаю передъ старшиной шапку: сдѣлай такъ, чтобы я самъ былъ старшиною". „Ступай себѣ домой", сказала липа: „все будетъ по твоему". Не успѣлъ онъ домой придти, какъ звенитъ уже колокольчикъ: подъѣхало нѣсколько почетныхъ людей, просятъ его въ волость и поздравляютъ старшиною. Послужилъ онъ немного старшиною и не захотѣлъ служить больше потому, что приходилось ему шапку ломать и передъ становымъ, и передъ исправникомъ, и передъ губернаторомъ. Пошелъ онъ опять къ липѣ. Приходитъ, ударилъ по ней обухомъ и говоритъ: „Липа, я хочу тебя срубить".—„Чего пришелъ, мужичекъ? спрашиваетъ его липа: чего тебѣ еще нужно?" Отвѣчаетъ ей мужикъ: „вотъ я передъ становымъ, исправникомъ и губернаторомъ шапку ломаю: сдѣлай такъ, чтобы я самъ былъ губернаторомъ".—„Ступай себѣ домой", сказала ему липа: „все будетъ по твоему". Назначили мужика губернаторомъ, но все же ему пришлось ломать шапку передъ царемъ. Пошелъ онъ опять въ лѣсъ къ липѣ и намѣревается ее рубить. „Чего же тебѣ еще нужно? спрашиваетъ мужика липа: развѣ ты не губернаторъ"?—„Губернаторъ то я, губернаторъ, отвѣчаетъ ей мужикъ: а все приходится ломать шапку: сдѣлай-ка такъ, чтобы былъ я царемъ". Тогда липа сказала мужику: „вспомни-ка, мужичекъ, что ты былъ и чѣмъ сталъ, и чего тебѣ еще нужно? Быть царемъ! да вѣдь царь избирается самимъ Богомъ, а ты хочешь быть царемъ; такъ будь же ты медвѣдемъ, а жена твоя медвѣдицей!" И въ ту же минуту мужикъ сталъ медвѣдемъ, а жена его—медвѣдицей. „Такъ вотъ видишь, внучекъ, изъ чего медвѣди, и почему у нихъ ноги и лапы похожи на людскія", сказалъ дѣдушка своему внучку. (Сл. Преображенная. Отъ крестьянина И. Галенко).

Въ Купянскомъ уѣздѣ кромѣ того извѣстенъ разсказъ общераспространенный о происхожденіи медвѣдя изъ человѣка, желавшаго испугать Христа и ап. Петра, когда они проходили по мосту.

Кумъ.—„Бувъ соби чоловикъ та жинка; воны жылы въ лиси и бидно. Родылась у ихъ дотынка,—чоловикъ и пишовъ шукаты кумивъ, шобъ дытыну перехрыстыты. Куму найшовъ,

а кума такъ не найды: нихто ны хочыть. Винъ уже тры дни ходывъ, и нихто ны согласывся до ёго иты кумуваты, шо винъ дуже бидный. Отъ иде винъ додому тай плачыть. На дорози зустривъ ёго старый, старый дидъ тай пыта: „чого ты, чоловиче добрый, плачышъ?“ — Якъ мини, дидусю, ны плакаты, що третій день кума не найду: прыйдыця моему сыночкови ище остатьця нехрыщеному. Дидъ той и кажы: „та давай я пиду покумую“. Чоловикъ обрадовався, повивъ ёго въ свою хату. Кума все ждала,—снарядыла и отправыла кумивъ съ детыною до попа хрыстыты. Воны пишлы, перехрыстылы, прынеслы до дому. Кумъ и каже: „ну, вы закусюйты, а я до дому пиду. Ты, кума, одужуй та кормы сына, а шобъ швыдче поправлялась, такъ возьмы, кумъ, мишокъ та ходимъ, я тоби насыплю пшеныци, шобъ було шо куми исты“. Чоловикъ взявъ мишокъ и пишовъ за старымъ дидомъ, своимъ кумомъ. Той прывивъ ёго въ лисъ густый, густый, пидвивъ до товстого дуба, одиткнувъ у нёму чипъ— пшеныця, якъ золото, и полылась изъ дуба. Цей пидставывъ мишокъ, насыпавъ повенъ изъ верхомъ и завьязавъ. Старый кумъ кáжы: „якъ поисте́ цю пшеныцю, такъ прыйдышъ ище,—я ище дамъ пшеныци“. Якъ прынисъ чоловикъ додому пшеныцю, жынка рада и гомоныть: „отъ, Богъ давъ, нажылы кума, такъ кума! Це такый кумъ, шо ощаслыве насъ“. Якъ не стало пшеныци, жинка кажы: „беры, чоловиче, мишокъ та йды до кума за пшеныцею, та попросы у ёго сто рубливъ грошей на волы“. Винъ иде дорогою и думае: „якъ бы кумъ давъ двисти рубливъ, тоди бъ мы зажылы ны такъ!..“ Прыйшовъ до кума и сказавъ, шо жинка просыла, кроми пшеныци, ще сто рубливъ грошей. „Та ни, куме“, сказавъ ёму старый дидъ: „ты, куме, дорогою думавъ двисти рубливъ грошей попросыты, такъ на тоби двисти рубливъ, та купуй волы“. Той узявъ гроши и пшеныцю, подякувавъ и пишовъ додому. И ради булы воны, шо розжылысь на гроши. Сичасъ купылы воливъ и корову—началы богатиты. Упьять жинка кажы своему чоловикови: „пиды, чоловиче, до кума и попросы ёго, шобъ наставывъ тебе началныкомъ“. Пишовъ винъ до кума, поздоровкався и говóры: „ты знаишъ, куме, чого я до тебе прыйшовъ?“—А чого?—„Поставъ мене якымъ-небудь

началныкомъ!" Винъ узявъ и наставывъ ёго старостою. Походывъ, не походывъ винъ старостою,—жинка упьять до кума посыла: „Пиды такы, чоловиче, до кума, ныхай винъ устроить тебе царемъ". (Воны, бачъ, уже щиталы свого кума за самого Бога, чого и надіялысь на ёго що все винъ зможы зробыты). Чоловикъ прыходыть до кума и просыть наставыты ёго царемъ. Кумъ ничого, — поставывъ ёго царемъ. Оце винъ уже и царюи. Жинци показалось нызько буты и царыцею: посыла вона свого чоловика-царя ище до кума, шобъ винъ зробывъ ёго Богомъ, — бачъ, ій захотилось побуты богынею. Прыйшовъ винъ до старого кума и просыть зробыты ёго богомъ. Кумъ сказавъ ёму: „шожъ, пожалуй, я зроблю тебе и богомъ, та тилкы гляды, хто шо не буды робыты, хоть якъ неправедно, такъ ты мовчы, не осуждай никого и никому ничого ны кажы". Винъ согласывся, — и посадывъ ёго дидъ богомъ на драбынци.. Сыдыть винъ вгори на драбынци и богуи надъ усимъ. Отъ дывыця: два браты сталы дилыця; прышлось имъ розсыпаця пшеныцею, а миркы не було. Одынъ изъ ихъ и побигъ до сусида за миркою, а той братъ, шо остався, черкъ коробкою пшеныци та въ свои мишкы, шобъ той ны бачывъ. Богъ той, шо на драбынци сыдивъ, якъ закрычыть: „а що ты, дьяволивъ сыну, робышъ, на шо ты соби крадышъ!" Оце вже, бачъ, богъ, шо на драбынци, не исповнывъ свого обищання кумови. Отъ прыходы до ёго старый кумъ и кажы: „чого жъ ты, боже, не исповнывъ мого прыказання? Не будь же ты богомъ, а будь выдмедемъ!" Тай турнувъ ёго изъ драбыны геть додому. И побигъ той чоловикъ выдмедемъ. Такъ выдмеди изъ людей и пишлы плодыця, отъ того чоловика, шо бувъ богомъ. Того выдмеди здорово и похожи на людей, шо воны изъ людей. Первый выдмедь, шо бувъ богомъ, побигъ до жинкы додому,— тилкы прытулывся до неи и до детыны, воны тожъ сичасъ зробылысь медвежыхою и медвыжамъ, и вси трои побиглы въ лисъ, тамъ сталы и жыты". (Сл. Ново-Екатеринославль. Записалъ крест. Ив. Рудичъ).

П. И.

Дѣтскія игры бѣлорусскихъ евреевъ.

Въ исполненіе одного изъ безчисленныхъ предписаній талмуда, еврейскія дѣти, собственно мальчики, обязаны, по достиженіи пяти или шести-лѣтняго возраста, посѣщать хедеры, еврейскія школы, въ которыхъ невѣжественные меламеды-фанатики обучаютъ ихъ еврейской грамотѣ и начаткамъ вѣроученія по талмуду. [1]) Въ извѣстномъ Описаніи Могилевской губерніи г. Дембовецкаго мѣстный гебраистъ Жуковскій совершенно справедливо говоритъ, что меламеды имѣются вездѣ, гдѣ есть малѣйшее поселеніе еврейское, хотя бы, прибавимъ отъ себя, одна изба. По наружному виду они кажутся идіотами и въ сущности не имѣютъ никакихъ, даже самыхъ элементарныхъ, научныхъ свѣдѣній, и умѣя только читать, передаютъ это умѣнье (самыми допотопными пріемами) своимъ ученикамъ безъ всякихъ разъясненій. Книги, читаемыя здѣсь, исключительно талмудистическія. [2])

Въ этихъ грязныхъ и вонючихъ хедерахъ дѣти правовѣрныхъ евреевъ проводятъ почти все свое дѣтство, до тѣхъ поръ, пока по достиженіи извѣстнаго возраста (13 лѣтъ и 1 дня) будутъ приняты въ число членовъ синагоги и получатъ право употреблять при молитвѣ традиціонное полосатое покрывало и надѣвать на руки и на лобъ *тефилинъ*—гузы,

---

[1]) Въ настоящее время, по сообщенію газетъ, этотъ вопросъ обратилъ на себя вниманіе правительства, и составленъ проектъ преобразованія системы начальнаго обученія еврейскихъ дѣтей. Нынѣшніе хедеры съ меламедами и ихъ помощниками бегельферами, а также бесъ-гамидроши, или молитвенныя школы, имѣютъ быть замѣнены правительственными учрежденіями, въ которыхъ обученіе будетъ происходить подъ контролемъ особой инспекціи. *Ред.*

[2]) Томъ I, стр. 729.

какъ зовутъ ихъ бѣлоруссы,—и слѣдовательно фанатическимъ ученіемъ, въ духѣ ненависти къ иновѣрцамъ, еврейскія дѣти пропитываются съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Неудивительны поэтому, съ одной стороны, полное почти отсутствіе свободныхъ, чисто дѣтскихъ игръ у еврейскихъ дѣтей, а съ другой стороны тотъ проникнутый религіозною нетерпимостью характеръ, который приданъ немногимъ существующимъ играмъ.

Можетъ быть, наши долголѣтнія наблюденія и поверхностны, но намъ удалось найти у еврейскихъ дѣтей *только одну* игру, не имѣющую никакого отношенія къ религіи. Это—игра *въ косточки*. [1])

Игра эта состоитъ вотъ въ чемъ. Играющіе берутъ 11 косточекъ (изъ бараньей ноги) и усаживаются на полу или на гладкой землѣ. Здѣсь они устанавливаютъ между собою очередь въ игрѣ и условливаются въ величинѣ „пульки". Мальчики въ этой игрѣ принимаютъ участіе весьма рѣдко, и она сдѣлалась почти исключительно игрою дѣвочекъ.

Итакъ, первая по очереди участница игры беретъ въ обѣ руки косточки и бросаетъ ихъ на полъ, стараясь бросить такъ, чтобы онѣ не легли группами. Затѣмъ изъ ихъ числа выбираетъ одну, которая лежитъ ближе къ другимъ, и, подбрасывая ее кверху, въ то же время хватаетъ съ пола другую косточку и опять ловитъ на лету первую, не давая ей упасть на землю. Когда такимъ образомъ въ рукѣ будетъ двѣ косточки, играющая одну откладываетъ въ сторону, а другую снова подбрасываетъ кверху и хватаетъ съ пола третью, не давая упасть и подброшенной. Когда будутъ схвачены съ пола такимъ образомъ всѣ десять косточекъ, кончится первая фигура игры. Тогда играющая снова беретъ всѣ косточки въ обѣ руки и бросаетъ ихъ на полъ, стараясь, чтобы онѣ

[1]) Дѣвушки изъ еврейскихъ семей, изолированно живущихъ въ деревняхъ, нерѣдко принимаютъ участіе въ играхъ бѣлорусской молодежи; онѣ прекрасно говорятъ по-бѣлорусски, и часто, принявъ христіанство, выходятъ замужъ за бѣлорусскихъ парней—участниковъ игръ. Еврейскія дѣтскія *забавы* носятъ характеръ болѣе или менѣе коммерческій. Въ настоящее время распространилась игра «въ классы» (царства, городки), но она перенята исключительно въ городахъ и дальше не распространяется.

уложились или группами или невдалекѣ одна отъ другой. Затѣмъ берется косточка, которая лежитъ неудобно—въ данномъ случаѣ слишкомъ далеко отъ другихъ; подбрасывая ее кверху, играющая хватаетъ съ полу по двѣ косточки, ловя каждый разъ на лету и косточку, подброшенную кверху. При третьей фигурѣ съ пола хватается по три косточки. Четвертая фигура заключается въ томъ, что дѣвочка беретъ въ одну руку всѣ косточки и подбрасываетъ ихъ слегка кверху, стараясь уловить перевернутою рукою (ладонью книзу). Подхваченныя такимъ образомъ косточки сейчасъ-же подбрасываются снова кверху и подхватываются опять же перевернутою рукою (ладонью кверху). Каждая подхваченная такимъ образомъ косточка считается за *десять*, и условленная пулька уменьшается на столько десятковъ, сколько въ послѣдній разъ подхвачено косточекъ. Игру начинаетъ тогда слѣдующая по очереди участница. Но если игравшая подхватитъ перевернутою рукою (ладонью книзу) всего одну косточку, или при вторичномъ подхватываніи (ладонью кверху) уронитъ косточку, то ходъ считается проиграннымъ, и игра передается слѣдующей. Равнымъ образомъ ходъ считается проиграннымъ и тогда, если въ первыхъ трехъ фигурахъ играющая не успѣетъ подхватить на лету подброшенную вверхъ косточку, или вмѣсто одной схватитъ двѣ, вмѣсто двухъ одну и т. д. Когда очередь снова дойдетъ до первой, она начинаетъ игру съ той фигуры, на которой она ошиблась — „спортилась", какъ говорятъ бѣлоруссы. Пулька назначается обыкновенно не менѣе 100 и не болѣе 400. Въ южной части Могилевской губерніи косточекъ бываетъ только пять, но фигуры сохраняются всѣ. Тамъ впрочемъ это любимая игра всѣхъ дѣтей, въ томъ числѣ и христіанскихъ. Но бѣлоруссы и великоруссы играютъ не косточками, а „камушками". А игра въ камушки, какъ извѣстно, распространена и въ другихъ мѣстахъ Россіи. [1])

Всѣ остальныя извѣстныя намъ игры еврейскихъ дѣтей имѣютъ большее или меньшее отношеніе къ религіи, почти

[1]) Покровскій, Дѣт. игры, стр. 341; Ивановъ, Дѣт. игры Купян. у. 39. Баловъ, Этн. Обозр. VI, 112.

всѣ проникнуты религіознымъ фанатизмомъ, или, какъ выражается одна изъ нашихъ почтенныхъ корреспондентокъ, „установлены въ память великихъ событій еврейской исторіи". Но и такихъ игръ весьма немного.

Главное мѣсто среди нихъ принадлежитъ игрѣ *въ орѣхи* Это, можно сказать, національная еврейская игра.

Какъ извѣстно, давать дѣтямъ орѣхи въ первыя двѣ ночи Пасхи предписывается тѣмъ же всепроникающимъ талмудомъ, въ тѣхъ видахъ, вѣроятно, чтобы дѣти не засыпали во время безконечнаго чтенія, на древнееврейскомъ языкѣ, исторіи о выходѣ евреевъ изъ Египта. Такимъ образомъ, съ невинной повидимому игрой въ орѣхи у еврейскихъ дѣтей уже связывается память о „великомъ событіи" въ жизни ихъ предковъ. Самая причина, по которой дѣтямъ даются для игры именно орѣхи, а не другое что, также оригинальна. По толкованію ортодоксальныхъ евреевъ, *орѣхъ есть подобіе еврея*, какъ-бы его символъ. Сильнѣйшее сходство между ними оказывается вотъ въ чемъ: Божій избранникъ, еврей, силою обстоятельствъ принужденъ вращаться среди такихъ нечистыхъ созданій, какъ *гои*, то есть христіане. Но еврей—орѣхъ. Какъ бы онъ наружно ни загрязнился сношеніями съ нечистыми гоями, внутренній міръ его остается всегда однимъ, чистымъ и невредимымъ, какъ ядро въ испачканномъ случайно орѣхѣ. Признаніе, слышанное лично нами, весьма характерное.

Существуетъ нѣсколько видовъ игры въ орѣхи; болѣе обыкновенный слѣдующій: играющіе ставятъ на конъ по орѣху, одинъ за другимъ (отъ играющихъ, но не въ рядъ, не справа налѣво) становятся на десять—двацать шаговъ отъ кона, нѣсколько въ сторону и катятъ по очереди чугунные шарики, по-бѣлорусски—галки, въ конъ, стараясь непремѣнно попасть въ орѣхи. Если галка попадетъ въ первый орѣхъ, попавшій въ него беретъ только этотъ одинъ орѣхъ, если во второй—берется два орѣха, въ третій—три, въ послѣдній—всѣ. Выигрывающій имѣетъ право бросать галку до тѣхъ поръ, пока не промахнется или не выиграетъ всѣ орѣхи, стоящіе на кону. Съ другой стороны, если покатившій ядро промахнется или покатитъ его такъ слабо, что оно столкнувшись съ орѣхомъ, не сдвинетъ его съ мѣста, то ходъ считается проиграннымъ и проигравшій

приставляетъ на конъ еще орѣхъ. Когда такимъ образомъ отъ частаго проигрыша конъ приблизится къ играющимъ, тогда проигрывающіе начинаютъ ставить орѣхи перпендикулярно къ первому ряду, дѣлая для него такимъ образомъ прикрытіе, которое не должно затрогиваться ядрами при дальнѣйшей игрѣ.

Второй видъ игры въ орѣхи составляетъ катанье ихъ съ лубка или съ доски, подобное нашему катанью яицъ на Пасхѣ, съ тою только разницею, что у насъ, при столкновеніи яицъ, выигравшимъ берется одно яйцо, а у евреевъ при столкновеніи орѣховъ, берутся всѣ находящіеся у лубка орѣхи.

Для третьяго вида игры въ орѣхи берется остроконечная ермолка (которая надѣвается подъ шапку евреями); на вдавленную нѣсколько вершину ея играющіе кладутъ по орѣху, и затѣмъ по очереди стараются на нѣкоторомъ отдаленіи выбить изъ ермолки сначала однимъ орѣхомъ два, потомъ двумя три, тремя, пятью, и т. д. Въ случаѣ же неудачи, брошенные орѣхи остаются въ ермолкѣ вмѣстѣ съ ставкю. Въ Могилевской губерніи игра эта имѣетъ много варьяцій, нося названія: патэс, сэлэ-мэлэ-бомбэ и др.

Наконецъ четвертый видъ игры съ орѣхами состоитъ въ слѣдующемъ. Три игрока складываютъ по два орѣха. Одинъ игрокъ остается съ орѣхами, прочіе уходятъ въ другую комнату. Оставшійся беретъ три тарелки и прячетъ подъ ними орѣхи: подъ одной одинъ, подъ другой два, подъ третьей три. Тогда входитъ одинъ изъ выходившихъ игроковъ и вскрываетъ любую тарелку, выигрывая находящіеся подъ нею орѣхи. Второй выбираетъ уже изъ двухъ тарелокъ. Тому, который пряталъ орѣхи, остается послѣдняя. Затѣмъ по очереди у тарелокъ остается второй игрокъ и т. д.

Какъ уже сказано выше, игра въ орѣхи предписывается талмудомъ только въ Пасху; но въ виду отсутствія, вѣроятно, другихъ игръ она допускается и въ нѣкоторые другіе праздники (говорю — въ праздники, такъ какъ въ будни дѣти сидятъ въ хедерахъ съ утра до вечера). Къ такимъ праздникамъ принадлежатъ Пятидесятница, Кущи и день Освященія (ханука), установленный въ память побѣдъ Маккавеевъ.

Въ этотъ послѣдній праздникъ, впрочемъ, дѣти играютъ

еще *въ волчекъ* или *юлу*, на деньги, также и на орѣхи. Волчекъ выливается обыкновенно изъ свинца. Онъ состоитъ изъ небольшого кубика, съ конической ножкой внизу и небольшой ручкой вверху. По боковымъ сторонамъ кубика или на крыльяхъ, которыя нерѣдко прикрѣпляются къ его боковымъ ребрамъ, вырѣзываются четыре еврейскія буквы: *н*, *г*, *х*, *ш*, по одной на каждой сторонѣ. Это начальныя буквы древне-еврейскихъ словъ: *нэс*, *годэл*, *хойё*, *шом*, означающихъ въ переводѣ: великое чудо совершилось тамъ (въ Палестинѣ).

נ ג ה ש

Такимъ образомъ, и такая невинная игра, какъ волчекъ (кажется *горнъ*), имѣетъ также религіозную подкладку. Практическія дѣти замѣнили впрочемъ древнееврейскія слова словами жаргона: nichts, gar, halb, stell-zu (ничего, совсѣмъ, половина, приставь). Каждый изъ играющихъ по очереди пускаетъ волчекъ и, смотря по тому, какою буквою кверху онъ ляжетъ, играющій или ничего не получаетъ изъ ставки, или беретъ все, половину, или приставляетъ къ прежней ставкѣ новую. Эта игра должна продолжаться недѣлю,

Къ числу праздничныхъ дѣтскихъ игръ сами евреи относятъ и слѣдующіе обычаи и обряды:

Въ *девятый день Кущей* въ синагогѣ читаются послѣднія главы Пятикнижія, чѣмъ завершается годовой кругъ чтенія его при богослуженіи. Къ этому дню каждый мальчикъ заранѣе приготовляетъ цвѣтную свѣчу, разукрашенную палочку, въ видѣ подставки для свѣчи, и спеціально для этой цѣли изготовленную картинку краснаго, зеленаго и т. п. яркихъ цвѣтовъ. На оригинальной картинкѣ этой съ одной стороны въ центрѣ находится изображеніе священной торы, увѣнчанной короною и поддерживаемой символическими звѣрями и птицами. Подъ торою одни сыны Израиля, въ древнихъ костюмахъ, несутъ въ сопровожденіи дѣтей свитки закона, а другіе правовѣрные пируютъ съ чашами въ рукахъ и танцуютъ, такъ какъ, по предписанію талмуда, въ этотъ день (шалёное свято) всякій еврей непремѣнно долженъ быть пьянъ, иначе онъ будетъ сочтенъ за еретика,

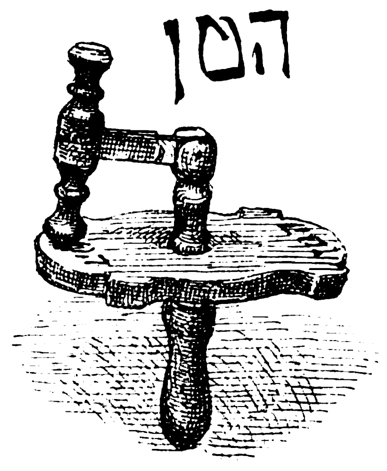
не радующагося Моисееву законодательству. Здѣсь же находится и надпись: радуйтесь, радуйтесь празднику Шимхась-торѣ! На другой сторонѣ картинки изображаются символическія животныя, чаще всего левъ и олень, съ соотвѣтствующими надписями, въ родѣ: будь силенъ, какъ левъ, и быстръ, какъ олень, въ исполненіи заповѣдей Божіихъ. Видовъ такихъ картинокъ есть нѣсколько. Продѣвая картинки эти сквозь помянутыя подставки для свѣчей, дѣти дѣлаютъ изъ нихъ родъ флага, съ которымъ при наступленіи вечера, зажегши свѣчи, толпами бѣгутъ въ синагогу и тамъ участвуютъ въ процессіи семикратнаго обнесенія свитковъ вокругъ алтаря, „восхваляя Моисея за его законодательство". Само собою разумѣется, что мальчики стараются перещеголять другъ друга красотою своей картинки, свѣчи и палочки.

Затѣмъ, готовясь къ празднику *Пуримъ*, въ который воспоминается избавленіе евреевъ Эсфирью отъ поголовнаго истребленія, дѣти начинаютъ копить деньги и покупаютъ на нихъ спеціально изготовленные къ этому празднику еврейскими кондитерскими сахарныя фигурки животныхъ, посуды, утвари и т. п. Съ наступленіемъ Пурима дѣти, подражая взрослымъ, разсылаютъ чрезъ бѣдныхъ мальчиковъ эти фигурки въ подарокъ своимъ товарищамъ, по ихъ старшинству, всячески стремясь къ тому, чтобы взамѣнъ получить болѣе дорогой подарокъ, и приходя въ отчаяніе отъ подарка болѣе дешеваго. Желаніе узнать поскорѣе, не обманетъ ли товарищъ отвѣтнымъ подаркомъ, настолько сильно овладѣваетъ дѣтьми, что они, не дожидаясь возвращенія своего посланца, сами бѣгутъ къ дому товарища и, притаившись у дверей или у окна, наблюдаютъ за его дѣйствіями [1].

Съ праздникомъ Пурима соединяется и еще одна дѣтская игра. Какъ извѣстно, въ чтеніяхъ этого дня упоминается имя Амана, царедворца Ксеркса, который, вѣроятно, по чувству патріотизма, намѣревался освободить свою родину отъ евреевъ, употребивъ для этого средство во вкусѣ того времени—поголовное истребленіе. Намѣреніе Амана не осуществилось. Но евреи его не забыли, хотя съ того вре-

[1]) Подробности эти сообщены намъ еврейкою.

мени прошло 2365 лѣтъ, и весьма оригинально выражаютъ свою ненависть къ Аману. Къ этому дню дѣтьми устраивается особая трещотка. Она состоитъ изъ трехъ частей: доски эллиптической формы, продѣтой чрезъ нее ручки, съ длиннымъ концомъ поверхъ доски, и молотка. Молотокъ прикрѣпленъ на шарнирѣ къ выдающемуся поверхъ доски концу ручки такъ, что свободно ударяетъ по обоимъ концамъ доски. На этихъ концахъ, въ точкахъ ударовъ молотка, вырѣзано имя Амана. И вотъ этими-то молотками еврейскія дѣти бьютъ Амана при каждомъ упоминаніи въ чтеніяхъ имени ненавистнаго амаликитянина. Старые евреи при этомъ немилосердно стучатъ каблуками, а молодежь заранѣе припасенными палками.



Не свободна отъ вліянія религіи и слѣдующая игра, представляющая нѣчто въ родѣ нашихъ *жгутовъ*. Одинъ изъ играющихъ садится на стулъ; другой нагибается къ нему лицомъ на колѣни, чтобы не видѣть происходящаго сзади; остальные играющіе кладутъ ему на спину свои руки, въ кругъ, кромѣ одного, который, читая строфу изъ *утренней молитвы*, бьетъ по очереди, при каждомъ словѣ, по рукамъ играющихъ. На чьей рукѣ пришелся ударъ при послѣднемъ словѣ, на той и останавливается читавшій и спрашиваетъ у лежащаго: чья это рука? Если лежащій угадываетъ, его замѣняетъ тотъ, чья рука; въ противномъ случаѣ игра продолжается по прежнему, но читаемая строфа начинается уже съ руки другого мальчика, чтобы послѣднее слово ея не приходилось на одномъ и томъ же.

Вотъ и всѣ игры несчастнаго еврейскаго ребенка.

Отъ коментаріевъ мы воздержимся. Это скорѣе дѣло газетной прессы. Наша же цѣль была—приподнять нѣсколько завѣсу, отдѣляющую отъ насъ этотъ своеобразный, во многомъ еще ветхозавѣтный міръ... **Е. Романовъ.**

О народной медицинѣ въ Переяславскомъ уѣздѣ Полтавской губ.

Настоящія замѣтки составлены по личнымъ наблюденіямъ въ Переяславскомъ уѣздѣ Полтавской губ., въ волостяхъ: Демянской, Скопецкой и Барышевской. Мѣстность эта до сихъ поръ сравнительно мало подвергалась вліянію городской и фабричной жизни. Ближайшій большой городъ (отъ названныхъ волостей въ 60—80 верстахъ) привлекаетъ изъ Переяславскаго уѣзда сравнительно мало рабочихъ. Много крестьянъ, особенно молодежи, уходитъ на заработки, но не въ большіе города, а „на низъ",—въ губерніи Екатеринославскую, Херсонскую, и въ Кубанскую область. Населеніе же этихъ мѣстностей въ большинствѣ однородно съ населеніемъ Полтавской губерніи по языку и міровоззрѣнію. Гораздо болѣе сильное, чѣмъ города и отхожіе промыслы, вліяніе на народныя понятія имѣютъ мѣстныя причины. Уже съ давнихъ поръ духовенство и администрація ведетъ борьбу съ народнымъ „язычествомъ", съ вѣрой въ силу заклинаній и ворожбу всяческихъ видовъ. Но борьба эта по настоящее время не даетъ ощутительныхъ результатовъ, и, не смотря на строгіе законы, народные цѣлители—ворожки продолжаютъ благоденствовать. Нерѣдко даже приходится наблюдать, какъ само начальство проникается вѣрою въ силу предразсудковъ, прибѣгаетъ къ помощи ворожекъ или борется съ знахарями ихъ-же оружіемъ. Для уничтоженія „закрутки" и дурныхъ послѣдствій отъ нея, въ нѣкоторыхъ селахъ крестьяне обращаются къ священнику, который, за извѣстное вознаграж-

деніе, выѣзжаетъ на мѣсто найденной закрутки и читаетъ надъ нею заклинанія по старинному требнику Петра Могилы.

Если духовенство и администрація безсильны поколебать міросозерцаніе, сложившееся вѣками, то задачу эту съ замѣтнымъ успѣхомъ выполняетъ народная школа и земская медицина. Народные учителя стараются освободить своихъ учениковъ отъ предразсудковъ, — и села, гдѣ давно существуетъ школа, даютъ наибольшее количество больныхъ, обращающихся за помощью въ земскія амбулаторіи. Но школъ сравнительно мало (число ихъ колеблется отъ 30 до 33 на 120 тысячъ населенія уѣзда), народныхъ библіотекъ и читаленъ совсѣмъ нѣтъ, а сами учителя не всѣ свободны отъ суевѣрій и предразсудковъ. Не имѣя возможности продолжать умственное развитіе послѣ школы чтеніемъ хорошихъ книгъ, читая только изданія лубочныя, крестьяне вносятъ въ свои взгляды на жизнь и природу новые элементы, весьма сомнительнаго достоинства,—получается новая путаница въ міровоззрѣніи, хуже прежней. Не имѣя умственныхъ силъ и подготовки отвѣтить на столь близкіе для человѣка вопросы, какъ вопросы о жизни, болѣзни, смерти,—многіе крестьяне, въ сознаніи своего безсилія, рѣшаютъ, что объ этомъ „грѣхъ думать".

И на народное міровоззрѣніе вообще, и на народную медицину въ частности, имѣетъ замѣтное вліяніе земская медицина, благодаря, главнымъ образомъ, практичности своей постановки и доступности для народной массы. До введенія земскихъ учрежденій въ уѣздѣ былъ только одинъ врачъ, внушавшій народу страхъ и отвращеніе своими разъѣздами для производства судебныхъ слѣдствій и вскрытій. Собственно лѣченіемъ народа онъ не занимался, да это было бы для него и невозможно. Теперь въ уѣздѣ имѣется 4 врача и 21 фельдшеръ (съ 1891 г.—5 врачей), и всѣ они завалены работой. Число больныхъ, обращающихся за помощью въ земскія амбулаторіи, быстро растетъ (въ 1889 году было около 80 тысячъ на 120 тысячъ населенія).

Но большинство крестьянъ видитъ въ медицинѣ не раціоналистическое искусство, а тоже область мистическую, знахарскую, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ доморощен-

ная медицина. Пріемы изслѣдованія и вся обстановка врача (постукиваніе, выслушиваніе, термометръ и всякіе приборы и инструменты) настолько же непонятны и таинственны для крестьянина, какъ и пріемы ворожекъ. Лѣкарство, получаемое крестьяниномъ въ земской амбулаторіи, есть для него всё то же „зилля". Вслѣдствіе этого многіе крестьяне лѣчатся попеременно то въ земскихъ амбулаторіяхъ, то у ворожекъ. Земскій медицинскій персоналъ не старается распространять свѣдѣнія по естествознанію, физіологіи и гигіенѣ, отчасти по недостатку времени, отчасти по отсутствію сознанія въ необходимости взять на себя эту культурную задачу ради цѣлей научной медицины.

Въ отношеніяхъ крестьянъ къ ворожбѣ и всякимъ суевѣріямъ не замѣчается существенной разницы по поламъ. Съ перваго взгляда кажется, что мужчины свободнѣе отъ этихъ суевѣрій, чѣмъ женщины. На самомъ дѣлѣ они только сдержаннѣе, скрытнѣе въ этомъ отношеніи. Если только кто нибудь, особенно изъ ихъ-же среды, будетъ серьёзно отрицать сверхъестественныя знанія и силу ворожекъ, крестьянинъ обыкновенно проявляетъ непріязнь и нетерпимость къ такому свободомыслію. Молодежь вообще свободнѣе отъ этихъ предразсудковъ, отчасти по своему легкомыслію, отчасти потому, что выросла при новыхъ условіяхъ. Солдаты и люди, жившіе въ городахъ, также часто проявляютъ это свободомысліе по отношенію къ всему старомодному и самобытному и съ большимъ довѣріемъ обращаются за помощью къ земской медицинѣ.

На болѣзнь вообще смотрятъ какъ на службу Богу, искупленіе за содѣянные грѣхи. Наказаніе можетъ быть ниспосылаемо главнымъ образомъ за несоблюденіе праздниковъ; въ такихъ случаяхъ обыкновенно говорится, что „покаравъ" тотъ святой, праздникъ котораго былъ нарушенъ работой: „покаравъ святый Иванъ Воинный", или „святый Полу-Петро" и т. п. Болѣзнь можетъ приключиться и отъ нѣкоторыхъ урочныхъ дней; такъ, за пряденіе въ пятницу можетъ разболѣться рука („пучку скрутыло, — свята Пьятинка покарала"). Вообще, по народнымъ понятіямъ, высшія существа требуютъ для себя почитанія празднованіемъ дней,

посвященныхъ имъ, и сердятся за несоблюденіе этой обязанности. Отъ этой причины могутъ происходить всякія болѣзни, но преимущественно слѣдующія: внезапный обморокъ, апоплексическій и солнечный ударъ, острыя заболѣванія желудка, подпираніе подъ ложечкой, рвота; далѣе — раненіе ножомъ или топоромъ себя или домочадца или скотину и всякія несчастныя случайности, особенно во время самой работы. Большая часть этихъ болѣзней происходитъ во время лѣтнихъ полевыхъ работъ, когда по недостатку времени чаще всего приходится нарушать небольшіе праздники.

Далѣе я ограничусь простымъ перечисленіемъ признаваемыхъ народомъ въ данной мѣстности причинъ болѣзней, такъ какъ онѣ уже много разъ были описаны. Отъ „уроку“ (сглаза) можетъ разболѣться и распухнуть рука или нога, что также чаще всего случается во время лѣтнихъ полевыхъ работъ. Кромѣ того, „урокъ“ можетъ причинить и общія страданія дитяти: безсонницу, исхуданіе безъ видимыхъ причинъ и т. п. Отъ „прыстриту“ происходятъ: легкое недомоганіе, ознобъ, зѣвота, колотье въ бокахъ, „пропасныця“ (лихорадка).

Далѣе слѣдуютъ, какъ причины болѣзней, злые умыслы и дѣянія людей, владѣющихъ для того особенною силою или знаніями. Отъ „закрутки“, смотря по тому, съ какимъ умысломъ она сдѣлана, можетъ произойти тяжелая болѣзнь и смерть. Чаще всего сюда относятся болѣзни: тифъ, тяжелыя формы воспаленія легкихъ, скоротечная чахотка. Отъ „данне́“, т. е. отравы зельемъ или снадобьемъ изъ гадюкъ, ящерицъ, и всякой „погани“, можетъ произойти боль въ животѣ, хроническое страданіе желудка и другихъ органовъ. Въ такихъ случаяхъ говорятъ, что въ желудкѣ заводятся гадюки, жабы и пр. Отъ „данне́“ же происходятъ и страданія центральной нервной системы,—ипохондрія, меланхолія, тихое помѣшательство, страданія любви. Въ этихъ случаяхъ „данне́“ обыкновенно состоитъ изъ отвара мозгъ кошки, птицы сойки, который даютъ пить и имъ же кропятъ того, на кого хотятъ подѣйствовать.

Отъ „скаженои“ (бѣшеной) собаки часто заболѣваютъ люди: у нихъ появляются подъ языкомъ маленькіе „щеняты“;

болѣе тяжелыя заболѣванія встрѣчаются рѣдко. Названное страданіе приключается не только отъ укушенія бѣшеной собаки; для этого достаточно, чтобы на человѣка повѣялъ вѣтеръ съ той стороны, гдѣ она пробѣжала.

Если кто ступитъ на то мѣсто, гдѣ „качалась“ лошадь, то у него могутъ появиться прыщи, лишаи, сыпь на рукахъ и ногахъ.

Къ прилипчивымъ болѣзнямъ, по народнымъ понятіямъ, относятся: венерическія болѣзни, чесотка, всякіе прыщи, угри, бородавки. Передаваться онѣ могутъ не только черезъ прямое соприкосновеніе съ больнымъ человѣкомъ. Бородавки и прыщи можно передать другому такъ: вымыть больныя руки мыломъ, или сосчитать число бородавокъ, и вырѣзать по числу ихъ зарубки на трости или маленькіе дырочки на лентѣ, и оставить эти предметы, кусокъ мыла, или трость, или ленту, гдѣ нибудь на дорогѣ; кто возьметъ ихъ, къ тому и перейдетъ болѣзнь. Въ заразительность дифтерита, скарлатина, дизентеріи и прочихъ эпидемическихъ болѣзней народъ не вѣритъ. Онъ признаетъ только фактъ множественности однородныхъ заболѣваній и говоритъ, что это „пóшесть“, т. е. эпидемія, что болѣзнь „тягаеця“ по селу на подобіе того, какъ напр. ходитъ смерть. Отъ болѣзни и смерти въ такихъ случаяхъ нельзя спастись даже „замазавшись“ въ печи, а потому всякія мѣры предосторожности безполезны. Исключеніе представляетъ развѣ оспа: не мало крестьянъ вѣритъ въ полезность оспопрививанія. Новое поколѣніе, учившееся въ школахъ и побывавшее въ солдатахъ, охотнѣе исполняетъ мѣры предосторожности, предписываемыя медицинскимъ персоналомъ, духовенствомъ и полиціей.

Въ отношеніи народа къ смерти преобладаетъ убѣжденіе, что „одъ смерти не (о)дперты“, что каждый человѣкъ живетъ именно столько, сколько ему предназначено; а потому и лѣченіе помогаетъ больному въ томъ только случаѣ, когда ему суждено жить: „якъ на викъ, то й ликъ“. Но въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ смерть домочадца оцѣнивается далеко не одинаково; это опредѣляется значеніемъ, какое имѣлъ умершій для семьи. Смерть маленькаго ребенка, когда у родителей, особенно не богатыхъ, уже и такъ много дѣтей,—яв-

ляется желанною. Но насильственное лишеніе жизни ребенка во всякомъ случаѣ почитается великимъ грѣхомъ; фактовъ такого рода мнѣ не приходилось наблюдать въ супружеской жизни крестьянъ. Даже и среди „покрытокъ", родившихъ дѣтей внѣ брака, такіе случаи весьма рѣдки. Но вытравленіе плода отъ незаконнаго сожительства очень распространено, и почти всѣ „согрѣшившія" женщины или дѣвушки прибѣгаютъ къ различнымъ способамъ избавиться отъ общественнаго позора.

Среди населенія Переяславскаго уѣзда сильно развита жажда стяжанія земли. А потому смерть домочадца часто оцѣнивается съ экономической точки зрѣнія: старшіе братья бываютъ довольны смертью меньшаго, въ надеждѣ получить въ наслѣдство и его долю. А люди религіозные,—чаще старые,—утѣшаются тѣмъ, что умершіе дѣти блаженствуютъ на томъ свѣтѣ, потому что они безгрѣшны. Тамъ они молятся за грѣхи родителей, и потому Богъ часто беретъ именно лучшихъ дѣтей, какъ болѣе способныхъ молиться и служить ему. Во всякомъ случаѣ смерть дитяти не имѣетъ такой важности, какъ смерть взрослаго человѣка, особливо мужа и отца: „якъ умерла дытына, то щаслыва годына, а якъ умерла дружина, то лыхая годына!" Но смерть очень старыхъ людей, выжившихъ изъ силъ и ума, является желанною, даже и среди зажиточныхъ семействъ.

Персоналъ народной медицины распредѣляется очень не равномѣрно по различнымъ спеціальнымъ отдѣламъ. Прежде всего есть средства, знаніе цѣлебной силы которыхъ свободно циркулируетъ въ массѣ народа; или же знаніе это является случайнымъ результатомъ личнаго опыта людей, не занимающихся спеціально ворожбой и лѣченіемъ. Обыкновенно средства эти предлагаются нуждающимся не только безплатно, но даже и безъ просьбы.

Умѣнье „замовлять кровь" хотя и является принадлежностью спеціалистовъ, но спеціалисты эти, въ лицѣ людей обоихъ половъ и весьма различныхъ возрастовъ, имѣются въ каждомъ „кутку", маленькомъ участкѣ села. Люди эти по большей части не умѣютъ лѣчить никакихъ болѣзней, кромѣ кровотеченія. Умѣнье „замовлять кровь" состоитъ въ знаніи „молитовки" и несложныхъ пріемовъ. Передается оно кому

угодно, безъ различія пола, но съ условіемъ, чтобы перенимающій былъ моложе передающаго.

Типичными представителями сельской бабы-знахарки являются лица, умѣющіе шептать отъ зубной боли, „прыстриту“, „пропасныщи“, „соняшныць“ (острый желудочно-кишечный катарръ), „уразу“ (маточная болѣзнь; крестьяне вѣрятъ, что и у мужчинъ есть матка), „порухи“ (боль живота отъ тяжелой работы), „бышыхи“ (рожа). Такихъ бабъ бываетъ по нѣскольку (3—4) въ каждомъ селѣ. Знанія пріобрѣтаются ими по наслѣдству отъ матери или свекрови, если послѣдняя не имѣла дочерей или не пожелала передать имъ своихъ знаній. Такія бабы не отличаются отъ толпы ни образомъ жизни, ни какимъ-либо особеннымъ отношеніемъ къ нимъ крестьянъ; развѣ только въ ссорѣ сосѣдка назоветъ ее вѣдьмою, но, по общему убѣжденію, весьма неосновательно, потому что такая знахарка не дѣлаетъ никому зла, и для облегченія страждущихъ шепчетъ „молитовки“, въ которыхъ нѣтъ ничего худого или богопротивнаго. Вознагражденія за услуги берутъ онѣ самое скромное: „паляныця“ (небольшой мягкій хлѣбъ), полдесятка яицъ и, самое большее, кусокъ полотна „на рукава“ (ок. 2 арш.).

Лицъ, умѣющихъ лѣчить отъ укушенія змѣй и бѣшеныхъ животныхъ, а также отъ „дання“ (отравленіе, дѣйствующее хронически, производящее страданія желудка и другихъ внутренностей, а также психическія болѣзни),—гораздо меньше, чѣмъ лицъ предыдущаго типа: знахари этого рода имѣются даже не въ каждой волости. Обыкновенно это мужчины—старики, но есть и бабы. За свои чрезвычайныя таинственныя знанія они пользуются большимъ уваженіемъ, и къ нимъ ѣдутъ паціенты часто за десятки верстъ, привозя вознагражденіе въ видѣ мѣшковъ муки или зерна и денегъ до 1 рубля. Спеціалисты этого рода обыкновенно уже не работаютъ какъ всѣ, т. е. не занимаются земледѣліемъ, отчасти по своей старости, отчасти потому, что обезпечены своимъ ремесломъ. Знанія свои они передаютъ одному изъ сыновей, наиболѣе любимому, а за отсутствіемъ его—постороннему человѣку, оказывавшему помощь и уваженіе старику.

Настолько же, если не болѣе, малочисленны ворожки

отъ „закрутки", онѣ же угадчицы и прорицательницы по всѣмъ вопросамъ, съ какими къ нимъ обращаются. Обыкновенно это не старыя, часто совсѣмъ молодыя, женщины, ловкія пройдохи, сознательно надувающія народъ. Дѣлаются онѣ ворожками, какъ онѣ сами разсказываютъ, по особому вдохновенію, высшему велѣнію, получаемому во снѣ или въ часы уединенія. Народъ не столько ихъ уважаетъ, сколько боится, и ходитъ много разсказовъ о томъ, что онѣ сами дѣлаютъ закрутки, чтобы потомъ уничтожать ихъ за плату. Онѣ отгадываютъ, кто испортилъ корову, кто укралъ лошадь и куда увелъ, возьмутъ ли парня въ солдаты и т. п. Гадаютъ на водѣ, водкѣ, картахъ. Отвѣты даютъ неопредѣленные, двусмысленные. Нѣкоторые изъ такихъ ворожекъ прикрываются строгой набожностью, вносятъ ее въ свою систему ворожбы. Такъ, покинутой дѣвушкѣ предлагаютъ отслужить панихиду по покинувшемъ, вслѣдствіе чего тотъ долженъ возвратиться. Ворожки эти мало занимаются обыкновеннымъ крестьянскимъ дѣломъ, потому что ихъ хорошо обезпечиваетъ ремесло и отнимаетъ много времени: для уничтоженія закрутки иногда нужно выѣзжать на мѣсто верстъ за 20—30. Къ этому типу близко подходятъ по своей дѣятельности цыганки-ворожки. Онѣ тоже надуваютъ сознательно, тоже даютъ отвѣты на всякіе вопросы, гадаютъ по всѣмъ способамъ. Но онѣ, какъ люди бродячіе и неизвѣстные, не пользуются такимъ довѣріемъ, и имъ рѣдко поручаютъ, напримѣръ, такое важное дѣло, какъ уничтоженіе закрутки.

Есть еще одинъ типъ представительницъ народной медицины, занимающихся лѣченіемъ „пранцивъ" и всякихъ хроническихъ худосочныхъ болѣзней. Это нѣчто вродѣ знаменитой Сумской бабы (Харьковск. губ.). Всякая полуграмотная или безграмотная попадья, дьячиха, небогатая „пани", живя въ селѣ, занимается, между прочимъ, лѣченіемъ больныхъ, изъ состраданія и любви къ искусству. Обыкновенно она предлагаетъ страждущимъ сушеную малину, шалфей, мяту, варенье. При случайныхъ обстоятельствахъ изъ такой „любительницы" можетъ выработаться заправская знахарка. Если мужъ умретъ, она останется безъ дѣтей и безъ средствъ къ жизни, то ей остается утилизировать свои скромныя зна-

нія по медицинѣ. Отъ ея способностей и такта будетъ зависѣть—добиться большей или меньшей популярности. Во всякомъ случаѣ это уважаемыя народомъ женщины. Ремесло доставляетъ имъ хорошее обезпеченіе. Онѣ устраиваютъ у себя дома нѣчто вродѣ маленькихъ больничекъ, куда принимаютъ больныхъ, требующихъ продолжительнаго и сложнаго лѣченія (напр. декоктомъ, отваромъ сарсапарилли, ваннами и проч.). Иногда онѣ совмѣщаютъ собственно свою профессію съ гаданіемъ на картахъ и ворожбою другихъ видовъ.

Остается еще упомянуть о всякихъ святошахъ, странныхъ людяхъ и юродивыхъ, тоже играющихъ нѣкоторую роль въ народной медицинѣ. Почти въ каждомъ селѣ есть нѣсколько личностей, выбившихся изъ обычной колеи, чаще всего по причинѣ органическихъ ненормальностей, пороковъ юности, приведшихъ къ хроническимъ заболѣваніямъ центральной нервной системы. Если они не кончаютъ смертельнымъ пьянствомъ, поступленіемъ въ такъ называемую „босую команду“, а оттуда въ тюрьму, то уходятъ въ крайній мистицизмъ. Народъ относится къ этимъ людямъ съ уваженіемъ, нѣкоторыхъ считаетъ чуть ли не святыми и пророками. Жизнь свою они оканчиваютъ на попеченіи благочестивыхъ людей или въ психіатрическихъ больницахъ.

Близко стоящіе къ нимъ юродивые, дурачки отъ рожденія, въ настоящее время очень рѣдко играютъ роль прорицателей и знахарей. Народъ называетъ ихъ калѣками, относится къ нимъ съ состраданіемъ и мало обращаетъ вниманія на ихъ болтовню. Причиною такого калѣчества признается грѣхъ матери или козни злыхъ людей надъ ребенкомъ. Есть легенды, указывающія на то, что въ прежнее время такіе больные играли иногда роль „божіихъ людей“ и предсказателей.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній мы постараемся впослѣдствіи посвятить отдѣльную замѣтку описанію разныхъ пріемовъ лѣченія, практикуемыхъ въ народѣ описываемой мѣстности, причемъ перечислимъ извѣстныя намъ лѣкарственныя средства.

Г. Коваленко.

---

† Л. П. Загурскій.

25 Апрѣля скончался въ Тифлисѣ Леонардъ Петровичъ Загурскій, *) правитель дѣлъ Кавк. Отдѣла Русскаго Геогр. Общества. Смерть этого человѣка лишила Кавказъ одного изъ неутомимыхъ дѣятелей въ области этнографіи Кавказа и въ особенности библіографіи по Кавказовѣдѣнію. Не смотря на свои преклонныя лѣта, не смотря на свою болѣзнь, Л. П. постоянно и съ юношескимъ рвеніемъ занимался какъ изученіемъ кавказскихъ языковъ, такъ и кавказскою этнографіею. Широко образованный и начитанный, онъ былъ пріятнымъ и полезнымъ собесѣдникомъ для молодыхъ людей, занимающихся Кавказомъ въ томъ или другомъ отношеніи; его оцѣнка ученыхъ произведеній по Кавказу (напр.: „Краткій списокъ книгамъ, статьямъ и изданіямъ, относящимся къ Кавказовѣдѣнію") отличалась остроуміемъ и широтою взгляда; это не былъ кропотливый труженикъ и компиляторъ, подобно многимъ изъ кавказскихъ научныхъ дѣятелей; всегда и вездѣ онъ обнаруживалъ свои критическія способности; словомъ, это былъ безспорно талантливый человѣкъ. Не получивъ спеціальнаго лингвистическаго образованія, онъ подъ вліяніемъ отчасти бар. Услара, въ особенности-же благодаря почтенному профессору В. Ѳ. Миллеру, принялся за изученіе лингвистики для того, чтобы примѣнить результаты этого изученія къ изслѣдованію Кавказскихъ языковъ. Къ сожалѣнію, такихъ изслѣдованій, въ смыслѣ этнографическихъ работъ, посвященныхъ спеціальному изученію одного какого-либо языка, покойный Л. П. не оставилъ. Изъ болѣе или менѣе серьезныхъ работъ, которыя можно отнести къ лингвистикѣ, извѣстна его: „Замѣтка объ изслѣдованіи Кавк. языковъ", въ которой онъ обстоятельно излагаетъ литературу этого пред-

*) Некрологи Л. П. Загурскаго были въ Тифлисскихъ газетахъ („Нов. Обоз". № 2525; „Иверія" № 89); въ „Русскихъ Вѣд". № 115.

мета и результаты научныхъ работъ. Въ послѣднее время онъ готовилъ къ печати изслѣдованіе о Табассаранскомъ языкѣ, котораго не докончилъ покойный бар. Усларъ. Неумолимо съѣдавшая жизнь его болѣзнь и многочисленныя работы его, какъ правителя дѣлъ Отдѣла, не давали ему возможности привести въ систему и выпустить въ свѣтъ многія изъ рукописныхъ лингвистическихъ работъ его; редактированіе „Извѣстій“ и „Записокъ“ Отдѣла отнимало у него положительно все время, тѣмъ болѣе, что онъ былъ очень аккуратенъ относительно срока выпусковъ этихъ трудовъ Отдѣла. Кому приходилось видѣть „Извѣстія“ или „Записки“, тотъ, вѣроятно, не станетъ отрицать, что покойный Л. П. въ своей болѣе, чѣмъ 10-ти лѣтней дѣятельности въ качествѣ правителя дѣлъ Отдѣла былъ безукоризненъ; самъ Отдѣлъ, безъ сомнѣнія, понесъ почти незамѣнимую утрату въ лицѣ покойнаго.

Если дѣятельность Л. П. въ качествѣ лингвиста была не особенно обширна, то въ качествѣ этнографа она была и обильна и весьма плодотворна; онъ былъ лучшій знатокъ Кавказ. этнографіи; написалъ много статей, какъ въ мѣстныхъ періодическихъ изданіяхъ, такъ и въ „Извѣстіяхъ“ и „Запискахъ“ Отдѣла. Всякій занимающійся этнографіею Кавказа не могъ обойтись безъ совѣтовъ и указаній покойнаго Л. П., всегда съ готовностью оказывавшаго услуги какъ своими познаніями, такъ и подробнымъ указаніемъ литературы вопроса. Статьи его по этнографіи Кавказа не всѣ представляютъ одинаковую научную важность и серьезность; но между ними есть весьма цѣнныя, напр.: „Этнологическая классификація Кавк. народовъ“ (Прилож. къ „Кавк. календ“. за 1888 г.); въ этой статьѣ, правда, небольшой, можно найти статистическія данныя, географич. размѣщеніе, этнографическую группировку Кавк. народовъ и краткую исторію каждаго изъ нихъ. Перечислять другія его этнографическія работы мы не станемъ, ихъ очень много и онѣ не представляютъ особенныхъ научныхъ достоинствъ; но не можемъ обойти молчаніемъ одной его антропологической работы, также небольшой, какъ всѣ вообще работы покойнаго Л. П.: „Слѣдуетъ-ли бѣлую расу называть Кавказскою“; работа эта впрочемъ въ печати появилась урѣзанною по какимъ-то цензурнымъ, кажется, соображеніямъ. При несомнѣнныхъ и неоспоримыхъ способностяхъ своихъ, покойный Л. П. не оставилъ, къ большому сожалѣнію друзей и учениковъ его, объемистыхъ научныхъ трудовъ, но и то, что удалось ему сдѣлать въ области Кавказовѣдѣнія, весьма цѣнно; и если бы не побочныя его занятія, какъ преподавателя въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ, и не общественная обстановка,

неблагопріятная для научной дѣятельности, мы бы имѣли много серьезныхъ и цѣльныхъ ученыхъ трудовъ его.

Покойный Л. П. былъ не менѣе извѣстенъ, какъ педагогъ, оставившій лучшія воспоминанія въ ученикахъ своихъ, изъ которыхъ нѣкоторые—извѣстные профессора. Преподаваніе исторіи, которымъ онъ занимался въ теченіе 40 лѣтъ, у него велось не рутиннымъ порядкомъ „отселѣ доселѣ"; онъ старался выяснить своимъ юнымъ слушателямъ значеніе ея въ ряду другихъ гимназическихъ предметовъ; картинно представлялъ прошлую жизнь человѣчества и съ любовью останавливался въ особенности на изложеніи новой исторіи; ученики его имѣли представленіе объ исторіи, уже какъ наукѣ, а не какъ „повѣствованіи", какъ обыкновенно понимаютъ воспитанники средне-учебн. заведеній: онъ старался заинтересовать ихъ и вводилъ въ область научной разработки исторіи.

Какъ человѣкъ, Леонардъ Петровичъ отличался всю жизнь честностью и иногда былъ весьма строгъ къ поступкамъ другихъ; эта черта и въ особенности мнительность и подчасъ недовѣріе по отношенію къ окружавшимъ его лицамъ усилили его болѣзнь, разстроили нервы. Но никто не помянетъ его зломъ; это былъ человѣкъ, который никому въ жизни не повредилъ, и если въ немъ были недостатки, то они развились благодаря неудачамъ послѣдней его жизни и той атмосферѣ кавказской ученой и общественной жизни, которая отличается своею специфичностью. Мы отступаемъ отъ обыкновенной поговорки: de mortuis aut nihil, aut bene; но правда всегда необходима; эта правда во всякомъ случаѣ не во вредъ покойному Л. П., котораго пямять дорога для всѣхъ его друзей и учениковъ.

М. Тк—въ.

---

† Францъ Миклошичъ.

Въ субботу 23 февраля (7 марта), послѣ продолжительной болѣзни, скончался въ Вѣнѣ, на 78 году, знаменитый славистъ Францъ Миклошичъ.

Миклошичъ родился 8 (20) ноября 1813 года въ Радмештакѣ, что въ Лютомерскомъ (Луттенбергскомъ) округѣ юго-восточной Штиріи, значитъ въ словенской части этой почти онѣмеченной области.

Покойный не сразу попалъ на тотъ путь, который доставилъ ему ученую славу: хотя уже въ гимназіи онъ выка-

зывалъ любовь и способность къ изученію языковъ, но въ университетѣ не избралъ ихъ своею спеціальностью, а занялся преимущественно философіей, а также (совсѣмъ уже уклоняясь въ сторону) правовѣдѣніемъ. Гимназическое образованіе Миклошичъ получилъ въ Мариборѣ (Марбургѣ) и въ Вараждинѣ; университетское, по юридическому и „философскому" факультетамъ,—въ Градцѣ (Gratz). Пріобрѣтши тамъ степень доктора философіи, Миклошичъ въ 1837 году началъ въ томъ же градецкомъ университетѣ преподавать философію. Но уже въ слѣдующемъ году онъ бросилъ эту науку и, переселившись въ Вѣну, начинаетъ адвокатскую карьеру и пріобрѣтаетъ степень доктора правъ. Въ Вѣнѣ однако Миклошичъ встрѣтился съ человѣкомъ, который далъ его дѣятельности совершенно иное направленіе, при коемъ ей суждено было принести обильные плоды; человѣкъ этотъ былъ землякъ его, знаменитый славистъ Варѳоломей Копы́тарь (или, какъ обыкновенно неправильно произносятъ, Копита́ръ). Подъ вліяніемъ Копытаря Миклошичъ занялся славистикой и въ 1844 году, бросивъ адвокатуру, получилъ мѣсто библіотекаря при Вѣнской императорской библіотекѣ. Въ 1848 онъ сдѣлался экстраординарнымъ профессоромъ славянской филологіи въ Вѣнскомъ университетѣ, а въ 1850, когда ему предлагали ординатуру въ Бреславльскомъ университетѣ, былъ возведенъ въ званіе ординарнаго профессора. Впослѣдствіи Миклошичъ занималъ также должность декана философскаго факультета, а потомъ ректора.

Покойный, благодаря своимъ многочисленнымъ и важнымъ сочиненіямъ, можетъ считаться наставникомъ всѣхъ современныхъ славистовъ, изъ числа же непосредственныхъ учениковъ его можно назвать громкія имена сербскаго ученаго Юрія Даничича († 5 (17) ноября, 1882 года) и Игнатія (Ватрослава) Викентьевича Ягича.

Отличительную черту сочиненій Миклошича составляетъ чрезвычайная сжатость изложенія при богатствѣ содержанія. Ради краткости же онъ въ своей Сравнительной грамматикѣ обыкновенно излагаетъ только свой собственный взглядъ на разсматриваемыя явленія, и было бы совершенно ошибочно видѣть въ этомъ неуваженіе къ чужимъ мнѣніямъ: въ монографіяхъ мнѣнія предшественниковъ всегда приводятся и разбираются, притомъ вполнѣ серьезно и дѣловито. Нерѣдкій у иныхъ ученыхъ (столь неумѣстный особенно въ научныхъ разборахъ) пренебрежительный тонъ мы встрѣчаемъ у Миклошича только въ его отвѣтѣ на рецензію Вячеслава Ганки; но тамъ этотъ тонъ былъ вызванъ придирчивою и вмѣстѣ невѣжественною критикой, а сверхъ того обиднымъ обвиненіемъ въ

плагіатѣ, будто-бы совершенномъ надъ дорогимъ наставникомъ Копытаремъ. Не могу не упомянуть здѣсь объ одномъ мелкомъ, но довольно характерномъ случаѣ изъ моихъ личныхъ сношеній съ Миклошичемъ—о научномъ спорѣ, который мнѣ пришлось вести съ покойнымъ, когда я посѣтилъ его въ Вѣнѣ, будучи еще совсѣмъ молодымъ кандидатомъ: съ какою любезностью знаменитый ученый выслушивалъ мои возраженія и какъ спокойно онъ ихъ опровергалъ, напирая исключительно на факты, а не на свой научный авторитетъ!

Миклошичъ, хотя былъ добрымъ австрійскимъ гражданиномъ, а сочиненія свои писалъ почти исключительно по-нѣмецки (отчасти по-латыни), отнюдь не былъ чуждъ славянскимъ симпатіямъ: не даромъ всѣ выдающіеся ученики его принадлежатъ къ славянскому племени. Если же эти симпа, тіи не проявляются въ его сочиненіяхъ, такъ тому причина-съ одной стороны, самое свойство разбираемыхъ (больше всего грамматическихъ) вопросовъ, а съ другой—вполнѣ объективное къ нимъ отношеніе.

Приводимъ возможно полный библіографическій перечень ученыхъ работъ Миклошича, который указываетъ на плодовитость его дѣятельности и на разнообразіе затронутыхъ имъ научныхъ вопросовъ. Выдѣляя особо труды чисто-этнографическіе, мы этимъ не хотимъ сказать, что въ другихъ отдѣлахъ нѣтъ ничего, касающагося этнографіи, хотя бы и одной ся стороны—народнаго творчества и языка.

Труды Миклошича.

По этнографіи:

Die Rusalien. Ein Beitrag zur slavischen Mythologie. Sitzungsb. XLV. 1864 *).

Ueber die Nationalität der Bulgaren. Miscellanea di filologia dedicata alla memoria dei professori Caix e Canello. Firenze 1885.

Die Blutrache bei den Serben. Denkschriften XXXVI. 1887.

По литературѣ:

Die serbische Epik. Oesterreichische Revue. 1863 II.

Die Volksepik der Kroaten. Denkschriften XIX. 1870

Beiträge zur Kenntniss der slavischen Volksepik. I.

Psaltir s tumaćenjem pisan 1346 za Branka Mladenovića Starine na sviet izdaje Jugoslavenska Akademija Knj. IV. U Zagrebu 1872.

По исторіи:

Marija kći Angjelinina i Konstantin Arijanit. Rad Jugoslavenske Akademije. Knjiga XII. U Zagrebu 1870.

Die serbischen Dynasten Crnojević. 1884.

Ueber die altrussischen Kolbjager. Arch. f. slav. Phil. B. X. Berlin 1887.

*) Т. к. сочиненія М—ча почти всѣ изданы въ Вѣнѣ, то мѣсто изданія въ этомъ спискѣ большею частью не будетъ указываться.

По грамматикѣ:

Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen: I Vergleichende Lautlehre 1852, 2-е изд. 1879. II. Vergleichende Stammbildungslehre. 1875. III. Vergleichende Formenlehre. 1856, 2-е изд. (Vergl. Wortbildungslehre) 1876. IV. Vergleichende Syntax. 1868—1874.

Altslovenische Formenlehre in Paradigmen. 1874.

Ueber den reflexiven Gebrauch des Pronomens сѫ und der damit zusammenhängenden Formen für alle Personen. Sitzungsberichte der phil.-hist. Classe der Kais. Akademie der Wissenschaften. I. 1848.

Lehre von der Conjugation im Altslovenischen. Denkschriften der philosophisch-historischen Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. 1850.

Lautlehre der altslovenischen Sprache. 1850.

Formenlehre der altslovenischen Sprache. 1850, 2 изд. 1854.

Lautlehre der bulgarischen Sprache. Slavische Bibliothek *). B. I. 1851.

Ueber die Sprache der ältesten russischen Chronisten, vorzüglich Nestors. Sitzungsberichte. XIV. 1854.

Die Sprache der Bulgaren in Siebenbürgen. Denkschriften. VII. 1856.

Die Bildung der Nomina im Altslovenischen. Denkschr. IX. 1858.

Verba intensiva im Altslovenischen. Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung. I B. Berlin 1858.—Das Suffix—ъ,—й im Altslovenischen. Тж.

Die Wurzel *sru* im Slavischen. Тж.—Suffix лъ. Slavische Bibliothek. B. II. 1858.

Zusätze zu meiner Abhandlung „Die Sprache der Bulgaren in Siebenbürgen". Тж.

Die Bildung der Personennamen in den slav. Sprachen. Denkschr. X. 1860.

Die slavischen Elemente im Rumunischen. Denkschr. XI. 1861.

Ueber die nominale Zusammensetzung im Serbischen. Denkschr. XIII. 1863.

Die slavischen Ortsnamen aus Personennamen. Denkschr. XIV. 1864.

Die Verba impersonalia im Slavischen. Denkschr. XV. 1865.

Die slavischen Monatsnamen. Denkschr. XVII. 1867.

Die Fremdwörter in den slavischen Sprachen. 1867.

Die Negation in den slavischen Sprachen. Denkschriften. XVIII. 1869.

Ueber den Accusativus cum infinitivo. Sitzungsberichte LX. 1869.

Ueber die Genitivendung *go*. Sitzungsberichte LXII. 1869.

Die slavischen Elemente im Neugriechischen. Sitzungsberichte. LXIII. 1869.

Die slavischen Elemente im Albanesischen. Denkschriften. XIX. 1870. (I выпускъ „Албанскихъ изслѣдованій"—Albanesiche Forschungen).

O slovima з, ѕ. Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti. Knjiga IX. U Zagrebu. 1870.

Die slavischen Elemente im Magyarischen. 1871. 2-е изд. 1884.

Die slavischen Elemente im Zigeunerischen. 1872. (1 выпускъ изслѣдованія „Ueber die Mundarten und Wanderungen der Zigeuner Europas").

Ueber die zusammengesetzte Declination in den slavischen Sprachen. Sitzungsberichte. LXVIII. 1871.

Ueber das Imperfect in den slavischen Sprachen. Sitzungsb. LXXVII. 1874.

Ueber den Ursprung einiger Casus der pronominalen Declination. Sitzungsberichte. LXXVIII. 1874.

Beiträge zur altslovenischen Grammatik: 1) Das Part. praet. act. I. 2) Das Part. praes. act. auf e statt auf y. 3) Aorist. 4) Die Personalsuffixe der Dualis 5) Imperativ. 6) Sing. loc. der consonantischen Stämme. Sitzungsb. LXXI. 1875.

Die christliche Terminologie der slav. Sprachen. Denkschriften. XXII. 1875.

Ueber den Ursprung der Worte von der Form altslovenisch Trot. Denkschriften. XXVII. 1877.

---

*) Журналъ или вѣрнѣе сборникъ, издававшійся М—чемъ сначала однимъ а потомъ вмѣстѣ съ историкомъ Іос. Фидлеромъ. Вышло 2 тома.

Ueber den Ursprung der Worte von der Form altslovenisch Trêt und Trat. Denkschriften. XXVIII. 1878.

Ueber die Steigerung und Dehnung der Vocale in den slav. Sprachen. Тж.

Ueber die langen Vocale in den slav. Sprachen. Denkschriften. XXIX 1879.

Subjectlose Sätze. 1883.

Geschichte der Lautbezeichnung im Bulgarischen. Denkschriften XXXIV. 1883.

Ueber Fremdwörter. Archiv für slavische Philologie. B. XI. Berlin 1888..

Die türkischen Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen. 1884—1890.

Разборъ Сравнительной грамматики Боппа: Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Zend, Griechischen, Lateinischen, Gothischen und Deutschen. Berlin 1833—1840. (Со II тома сюда вошелъ староцерковный языкъ). Wiener Jahrbücher der Literatur 1844.

Разборъ Востоковскаго изданія Остромірова Евангелія. Тж. 1847.

Разборъ славянской части Ауеровой Sprachenhalle *) (вмѣстѣ съ Вукомъ Стефановичемъ Караджичемъ). Sitzungsberichte. 1848. I.

Entgegnung auf Herrn Wenzel Hanka's Albernheiten und Lügen. Slav. Bibl I. 1851.

Словарные труды:

Lexicon linguae slovenicae veteris dialecti. 1850. 2-е изд.: Lexicon palaeoslovenico graeco-latinum emendatum auctum. 1862—1865.

Radices linguae slovenicae veteris dialecti. Lipsiae, 1845.

Die Wurzeln im Altslovenischen. Deukschriften. B. VIII. 1858.

Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen 1886.

Изданія:

S. Joan. Chrysostomi homilia in ramos palmarum slavice, latine et graece. 1845.

Vitae sanctorum. Accedunt epimetra grammatica. 1847.

Vita S. Clementis episcopi Bulgarorum. 1847.

Popevka od Sviljevića. Slav. Bibl. B. I. 1851.

Glagolitisches Fragment: Evang. Joann. 19, 9 bis 19, 28. Тж.

Monumenta linguae palaeoslovenicae e codice suprasliensi. 1851.

Apostolus e codice monasterii Sišatovac. 1853.

Chrestomathia palaeo-slovenica. 1854.

Evangelium S. Matthaei palaeo-slovenice e codicibus. 1856.

Lex Stephani Dušani. Fasc. I textum continens. 1856.

Barth. Kopitars Kleinere Schriften sprachwissenschaftlichen, geschichtlichen, ethnographischen und rechts-historischen Inhalts. I Theil. 1857.

Monumenta serbica spectantia historiam Serbiae, Bosnae, Ragusii. 1858.

Das Recht von Pskov („Псковская судная грамата, составленная на вѣчѣ въ 1467 г.“ Н. Мазуркевича. Одесса 1847). Slav. Bibl. II, 1858.

Denkmal der neuslovenischen Sprache. Aus einer Handschrift der XV Jahrhunderts. Slav. Bibl. II. 1858.

Die altslovenischen Legenden vom heiligen Wenzel. Тж.

Brief des hl. Brun an Kaiser Heinrich II.

Zum Glagolita Clozianus. Denkschriften X. 1860.

Chronica Nestoris. 1860.

Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. V. I 1860. V. II. 1862. (Вмѣстѣ съ Іос. Мюллеромъ).

---

*) Отче нашъ на 608 языкахъ и нарѣчіяхъ съ прибавленіемъ „Die Schriftzeichen des gesammten Erdkreise in 104 Alphabeten — изданіе извѣстнаго вѣнскаго типографа Ауера.

Monumenta spectantia ad unionem ecclesiarum graecae et romanae. (Вмѣстѣ съ Тейнеромъ).

Словенская христоматія: Slovensko berilo za osmi gimnazijalni razred. 1865.

Die Legende von Heiligen Cyrillus. (Вмѣстѣ съ Эрнстомъ Дюммеромъ). Denkschriften. XIX. 1870.

Trojanska prića Starine. Izdaje Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti. Knj. III. U Zagrebu 1871.

Izvješćaj od god. 1772 o manastirih Fruškoj gori u Sriemu, padastrt kr. dalm.-hrv.-slov. namjestnickomu vieću. Тж. VIII. 1876.

Brief von Niebuhr an Kopitar. Arch. f. slav. Philol. B. I. 1876.

Novonadjeni spomenici iz IX a XI vieka za panonsko-moravsku, bugarsku i hrvatsku poviest (Вмѣстѣ съ Рачкимъ). Тж. XII. 1880.

Briefe Dobrovsky's an Kopitar. IV, V, VI. 1880—1882.

Eine Sprachprobe des kroatischen Dialektes von Neuprerau bei Nikolsburg. Тж. XII. 1890.

Романъ Брандтъ.

---

† И. Я. Порфирьевъ.

Иванъ Яковлевичъ Порфирьевъ, профессоръ Казанской духовной академіи, извѣстный своими цѣнными трудами въ исторіи русской литературы, умеръ 26 октября 1890 г. Смерть его не можетъ быть обойдена молчаніемъ на страницахъ нашего изданія въ виду его заслугъ въ области изученія народно-апокрифической литературы. Онъ былъ сынъ сельскаго священника Вятской губ., Уржумск. у., с. Атаръ; родился въ 1823 г., учился въ Вятской семинаріи, потомъ окончилъ казанскую академію, гдѣ по окончаніи курса состоялъ преподавателемъ въ теченіе 42 лѣтъ. О своей молодости до поступленія въ академію покойный оставилъ воспоминанія, которыя еще не напечатаны, а его пространная біографія, начиная съ поступленія въ академію, помѣщена въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ 1890 г. (ноябрь). Неизвѣстный біографъ характеризуетъ покойнаго какъ образецъ „симпатичной и многосторонне развитой личности, идеально благородной, какой-то эстетически-изящной, глубоко-человѣчной и любящей души“. Въ то же время покойный былъ типомъ истиннаго труженика, всею душою преданнаго своей наукѣ, и еще за нѣсколько дней до смерти писалъ о литературной дѣятельности Крылова; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ готовилъ къ печати Карамзинскій періодъ русской словесности, долженствовавшій составить продолженіе его „Исторіи русской словесности“. Оба эти сочиненія вѣроятно будутъ изданы. Свободное отъ академическихъ занятій время покойный посвящалъ учено-литературной дѣятельности, которая выразилась въ двухъ направленіяхъ: 1) въ оригинальныхъ сочиненіяхъ и 2) въ изданіи памятниковъ письменности, которые обыкновенно сопровождались его учеными предисловіями, замѣтка-

ми и цѣлыми изслѣдованіями. Большая часть памятниковъ изданы имъ по Соловецкимъ рукописямъ. Изъ его оригинальныхъ сочиненій, кромѣ всѣмъ извѣстной обширной „Исторіи русской словесности“ (въ 2-хъ частяхъ, изъ которыхъ 1-я печатается 5-мъ изданіемъ), мы перечислимъ только то, что ближе насъ касается.

А именно:

Употребленіе книги Псалтирь въ древнемъ быту народа. П. С. *) 1857. IV, 314.

О чтеніи книгъ (о почитаніи книжномъ) въ древнія времена Россіи. П. С. 1858 II. 173, 443.

О почитаніи среды и пятницы въ древнемъ русскомъ народѣ. П. С. 1859. I, 181.

Объ источникахъ свѣдѣній по разнымъ наукамъ въ древнія времена Россіи. П. С. 1860. I, 181.

Аллегорическія изображенія временъ года. П. С. 1860. I, 441.

Домострой Сильвестра П. С. 1860. III, 279.

Объ успѣхахъ церковной проповѣди въ народѣ. Правосл. Обозр.1862, кн. 1.

Апокрифическія сочиненія въ древней русской письменности. П. С. 1869. II, 62, 156.

Народные духовные стихи и легенды. П. С. 1869. III, 56. 134.

Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ (докторская диссертація). Казань. 1873.

Апокрифическія сказанія о ветхозав. лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой библіотеки. (Собраніе памятниковъ ихъ). Сборникъ отдѣленія рус. языка и словесн. Имп. Акад. Наукъ, т. XVII, № 1, и отдѣльно СПБ. 1877.

Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой б-ки. Сборникъ 2-го Отдѣленія И. Ак. Н. и отдѣльно, СПБ. 1890.

Разборъ сочиненія В. Мочульскаго: „Историко-литературный анализъ стиха о Голубиной книгѣ, составленный для И. Ак. Наукъ. См. Отчетъ о присужд. наградъ гр. Уварова въ 1889 г.

О Соловецкой библіотекѣ, находящейся въ Каз. дух. академіи,—рефератъ, читанный на IV археол. съѣздѣ (въ Казани). Труды съѣзда, т. II. Казань. 1878.

Апокрифическія молитвы по рукописямъ Соловецкой библіотеки,—рефератъ. читанный на томъ же съѣздѣ. Тамъ же.

Я.

---

*) П. С.—„Православный Собесѣдникъ“, откуда мы заимствуемъ и этотъ перечень. (1890, нояб.).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

1. Книги, ученыя и справочныя изданія.

Michael von Źmigrodzki. — Die Mutter bei den Völkern des arischen Stammes. Eine anthropologisch—historische Skizze als Beitrag zur Lösung der Frauenfrage. München. 1886 (*М. Жмигродзкій*, **Мать у народовъ арійскаго племени**).

Желаніе автора этой книги, приславшаго ее въ редакцію нашего журнала съ просьбой о рецензіи, заставляетъ насъ дать о ней нѣсколько запоздавшій отзывъ. Если мы не ошибаемся, изслѣдованіе это очень мало извѣстно въ Россіи и вызвало только одну (правда прекрасную и обстоятельную) рецензію въ «Кіевской Старинѣ», написанную покойнымъ Чернышевымъ (1887, сент., стр. 159—174), а между тѣмъ оно, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ полнаго вниманія.

Во введеніи г. Жмигродзкій разсматриваетъ вопросъ о первобытномъ населеніи Европы (Urbevölkerung Europas), въ часности поднимаетъ вопросъ о разселеніи аріо-европейцевъ, преимущественно славянъ, и о скиѳахъ. По его мнѣнію для вопроса о разселеніи славянъ, громадное значеніе имѣютъ „die *reinslavischen* Sagen". Авторъ особенно упираетъ на „reinslavischen", мотивируя это такъ: „denn man nimmt häufig alle grossrussischen Sagen als slavische an, obwohl der grössere Theil derselben den benachbarten slavisch-finischen oder slavisch-tartarischen (?) Stämmen angehört und zuweilen nicht eine Spur vom slavischen Character an sich trägt". Чисто-славянскими преданіями онъ считаетъ тѣ, „которыя разсказываются населеніемъ Кіевской губ. Волыни и Подоліи". (стр. 1—2). Не говоря уже о странности и ненаучности такихъ терминовъ, какъ „slavisch-finische und slavisch-tartarische Stämme", можно указать автору на тюркское вліяніе, размѣры котораго пока не опредѣлены точно, но несомнѣнно были на югѣ очень велики, и на западноевропейскія вліянія (главнымъ образомъ нѣмецкое) въ южной Руси (черезъ Польшу и Чехію), сыгравшія тоже видную роль въ южно-русской народной поэзіи. Съ другой стороны, очень смѣло, при настоящемъ состояніи разработки литературъ, отрицать присутствіе чисто-славянскихъ элементовъ въ сѣверно-русской поэзіи; кромѣ того, сравни-

тельно-литературная критика съ полной несомнѣнностью обнаружила массу инородческихъ примѣсей въ народной поэзіи *всѣхъ* русскихъ племенъ.

Г. Жмигродзкій довольно своеобразно оперируетъ надъ этими „reinslavische Sagen“: его пріемы напоминаютъ отчасти нѣкоторыя подробности извѣстнаго изслѣдованія г. Стасова о происхожденіи русскихъ былинъ. Въ этихъ сагахъ упоминаются деревья съ золотыми яблоками (это, конечно, Pomeranzen und Zitronen) деревья съ серебряными листьями (конечно, Lorbeerbäume und asiatische Pappeln); упоминаются въ нихъ и „lebendige, singende und spielende Bäume“: это, конечно, „Ausgeburt der Volksphantasie“, но и въ нихъ есть „kern der Wahrheit“, нужное автору: „ein ungebildetes mit frischer Phantasie begabtes Volk von der Ueppigkeit der ihm vor Augen stehenden Natur so angesprochen und bezaubert werde, dass es dieselbe aufs höchste idealisirte“ (стр. 3). Если вы перейдете къ міру животныхъ въ этихъ сагахъ, то встрѣтите много такого, чего нѣтъ и не можетъ быть въ Россіи, но что свойственно южной Азіи; тоже относительно растеній: „Glühvogel mit einem grossen feurigen weitleuchtenden Schweife“—конечно, „eine phantasische Darstellung des Paradiesvogels“ (ib.); попадаются обезьяны, слоны (гдѣ?), верблюды, которые носятъ названія, свойственныя только славянскому языку (słoń, małpa, wielbłąd) и пр. Герои этихъ сагъ тоже часто приводятъ насъ къ востоку. Всѣ эти подробности „keineswegs von Aussen gekommen, sondern aus dem Volke selber enstanden sind“ (стр. 7), ибо вѣдь народъ неграмотенъ и не могъ почерпнуть эти свѣдѣнія изъ книгъ. Онѣ принесены славянами съ мѣста ихъ прародины и такимъ образомъ ясно указываютъ на нее и даютъ возможность довольно подробно характеризовать даже праславянскій бытъ: славяне уже земледѣльцами покинули свою азіатскую прародину, выселились по принужденію, гонимые соціальной борьбой. Для приблизительнаго опредѣленія времени ихъ переселенія авторъ переходитъ къ вопросу о скиѳахъ и литовцахъ, которые, по его мнѣнію, жили на теперешнихъ своихъ мѣстахъ еще до Геродота, даже до переселенія скиѳовъ; собственно скиѳами были кочевники; ихъ рабы, земледѣльцы, были арійцы, остатки киммерійцевъ и треровъ, съ которыми ихъ господа впослѣдствіи слились совершенно и пр. Все это приводитъ автора къ такимъ выводамъ: „ganze *arische* Stamm, aus dem im Laufe der Zeit die einzelnen *slavischen* Völker enstanden sind, ungefähr um die gleiche Zeit in Europa eingewandert ist“ (стр. 86); „die Arier des nordöstlichen Europa sind mit den Ariern des südlichen Europa zur selben Zeit nach Europa gekommen“ (стр. 89); „die primäre arische Bevölkerung Europas etwa in der Nähe des heutigen Konstantinopel einwanderte und sich von hier austheilte; ein Theil zog nördlich von Balkan Gebirde, ein anderer gelangte nach Griechenland hinab“ (стр. 90).

На такихъ нехитрыхъ подпоркахъ зиждутся столь широкіе выводы! Все очень просто и ясно, даже черезчуръ; для автора такъ-таки и не существуютъ результаты, добытые послѣдователями сравнительно-истори-

ческаго метода въ исторіи языка и всеобщей литературы! Мы не будемъ спорить съ авторомъ, но думаемъ, что его „Einleitung“ не можетъ имѣть никакого научнаго значенія, ибо все оно построено на „щучьемъ велѣніи“ и переполнено фантастическими гаданіями.

Далѣе г. Жмигродзкій переходитъ къ характеристикѣ той культурной ступени, на которой стояли „первобытные арійцы Европы“ (стр. 97); для этого онъ считаетъ нужнымъ сравнить саги, нравы и суевѣрія по крайней мѣрѣ двухъ племенъ — Славянъ и Германцевъ и выбираетъ 4 пункта, наиболѣе чисто сохранившіе, по его мнѣнію, старину: Краковщину, Баварію, Украйну (правый берегъ Днѣпра) и Бретань. Подобный выборъ мотивированъ нѣсколько странно: напр., Украинцы ни отъ кого не могли позаимствовать своихъ преданій, ибо они держатся очень замкнуто, настолько, что „unser Bauer geneigt ist nur sich allein den Namen“ Mensch „zu geben und ihn allen über ihm stehenden Ständen zu verweigern“ (стр. 44, 102). Печатныя и рукописныя этнографическія данныя относительно этихъ 4 пунктовъ г. Жмигродзкій кладетъ въ основу своего изслѣдованія, даже не сдѣлавши попытки разобраться въ нихъ, даже не допуская, видимо, возможности разновременныхъ историческихъ наслоеній. Намъ кажется, что авторъ пошелъ по совершенно ложному пути: нужно много еще потрудиться надъ очисткой матеріала, не ограничивая его узкими предѣлами нѣсколькихъ областей, подобрать не только современныя, но и древнія указанія, и только тогда перейти къ реконструировкѣ. Авторъ облегчаетъ себѣ работу — конечно, не въ пользу ея серьезности и научности. Его знакомство съ этнографической и этнологической литературой очень поверхностно, вездѣ чувствуется недостатокъ методологической подготовки; въ особенности слабо у него знакомство съ современной постановкой затрогиваемыхъ имъ вопросовъ.

Придерживаясь схемы, предложенной Бахофеномъ и давно ужъ признанной далеко не удовлетворительной, авторъ подбираетъ данныя изъ своихъ немногочисленныхъ источниковъ, доказываетъ существованіе въ современномъ народномъ быту отголосковъ различныхъ эпохъ семейной эволюціи, намѣчаетъ исторію матери и развитія ея власти въ быту „первобытныхъ арійцевъ“. По пути онъ дѣлаетъ много счастливыхъ замѣчаній, но чаще предается гаданіямъ, безъ всякой критики повторяетъ давно отвергнутые зады, перемежая ихъ слабо обоснованными собственными гипотезами.

Заключеніе носитъ публицистическій характеръ и трактуетъ о „Lösung der Mutterfrage“. Приложенія посвящены вопросамъ о „Volksornamenten, Volksmelodien und Tänze“ и „Mongolomanie“. (Поверхностная полемика съ бенфеевскимъ направленіемъ). Въ концѣ приложено нѣсколько рисунковъ.

Мы очень жалѣемъ, что недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ болѣе остановиться на подробностяхъ главной части труда нашего автора: это заняло бы слишкомъ много мѣста; большей части ихъ намъ придется еще касаться въ своихъ будущихъ работахъ, гдѣ и можно будетъ поговорить

о нихъ болѣе детально: послѣднее уже и сдѣлано отчасти Чернышовымъ, съ которымъ мы въ общихъ чертахъ согласны.

Трудъ г. Жмигродзкаго имѣетъ много недостатковъ, крупныхъ и мелкихъ промаховъ, но заслуживаетъ вниманія, какъ попытка сказать по многимъ вопросамъ свое слово, не всегда, правда, вѣское и убѣдительное.

К.

Матеріалы для этнографіи Латышскаго племени Витебской губерніи. Собралъ и снабдилъ объясненіями *Э. А. Вольтеръ*. Часть I. Спб. 1890 г. (Изд. И. Р. Геогр. Общ.).

Новый трудъ неутомимаго изслѣдователя литовской и латышской народностей г. Вольтера представляетъ результатъ двухъ поѣздокъ, предпринятыхъ имъ въ 1882 и 1884 годахъ въ Витебскую губернію, съ цѣлью изученія быта и языка Латышей уѣздовъ Динабургскаго, Рѣжицкаго и Люценскаго. Латышское населеніе названныхъ уѣздовъ было до сихъ поръ рѣдко затрогиваемо русскими изслѣдователями, и русская литература о немъ крайне бѣдна. Но зато польская и отчасти нѣмецкая литература относительно богаты статьями и изслѣдованіями объ этихъ бѣлорусскихъ Латышахъ (X).

Матеріалы, напечатанные г Вольтеромъ въ I й части, даютъ массу разнообразныхъ и точныхъ свѣдѣній объ обрядовой сторонѣ жизни Латышей и ихъ пѣсенномъ творчествѣ. Въ первомъ отдѣлѣ, озаглавленномъ „Праздники Витебскихъ Латышей", собраны и размѣщены въ календарномъ порядкѣ пѣсни, пріуроченныя къ извѣстнымъ днямъ и временамъ года, а также сопровождающіе ихъ обряды, вѣрованія, примѣты и прибаутки. Особый интересъ представляютъ пѣсни объ Юсинѣ (стр. 7 слѣд.) и этюдъ г. Вольтера. посвященный этому доселѣ загадочному эпическому имени въ связи съ русскимъ пѣсеннымъ Овсенемъ. Авторъ видитъ въ латышскомъ Юсинѣ (Усенѣ) языческаго бога, замѣненнаго впослѣдствіи св. Георгіемъ (стр. 31). Сравненіе различныхъ пѣсенныхъ мотивовъ выясняетъ, что Усень то же, что солнце, въ особенности „весеннее солнце". Русскій *Овсень* восходитъ этимологически къ тому же корню (*us*, лат. urere, лит. латыш. aust. auśti—свѣтать, санскр. ushas—заря etc.) и первоначально имѣлъ то же значеніе. Передвиженіе праздника Усеня на зиму и пріуроченіе къ Васильеву вечеру объясняется введеніемъ новаго календарнаго (январскаго) года, между тѣмъ, какъ земледѣльческій годъ крестьянина-хлѣбопашца начинается весною (стр. 42). Въ общемъ съ этимъ объясненіемъ личности Юсиня (Усеня) нельзя не согласиться, хотя при объясненіи отдѣльныхъ выраженій относящихся сюда латышскихъ пѣсенъ авторъ иногда слишкомъ поспѣшно прибѣгаетъ къ миѳологіи. Такъ. въ одной пѣснѣ у Спрогиса (Пам., стр. 105 № 1), обращенной по началу къ жаворонку, говорится весьма странно:

Жаворонокъ пташечка, не спи при дорогѣ!
Завтра поѣдутъ *большіе господа*.

Заберутъ тебя въ карету,
Повезутъ въ *нѣметчину*,
Тамъ заставятъ тебя *молоть бобы*,
Бить въ мѣдный барабанъ.

Пѣсня представляетъ, очевидно, комическое искаженіе чего-то другого и не производитъ впечатлѣнія глубокой старины. А между тѣмъ г. Вольтеръ комментируетъ: „*молоть бобы*" — это означаетъ борьбу бобовъ-звѣздъ съ ночнымъ „свѣтомъ"; оборотъ „*бить въ мѣдный барабанъ*" относится, можетъ быть, къ звуку свѣтилъ, о которомъ говоритъ Л. Воеводскій. (Введеніе въ миѳологію Одиссеи, стр. 15—25); жаворонокъ замѣняетъ Усеня и солнце (стр. 35). Конечно, ставъ на *эту* точку зрѣнія, можно (вмѣстѣ съ г. Воеводскимъ) найти миѳологію въ чемъ угодно, но, къ сожалѣнію, мало гарантіи въ томъ, что эта миѳологія—*древняя*, а не миѳологія конца XIX-го столѣтія. *Нѣсколько* правдоподобнѣе предположеніе г. Вольтера (стр. 39), что *заяцъ*, упоминаемый въ пѣсняхъ вмѣстѣ съ Усинемъ, фигура миѳологическая. Если Усинь, что довольно вѣроятно, былъ древнѣйшимъ языческимъ богомъ у Латышей, то я припомнилъ бы литовскаго „заячья бога", упоминаемаго Волынской лѣтописью: „жряше (Миндогъ) богомъ своимъ в(ъ) тайнѣ, первому Нънадѣеви, и Телявели [1]), и *Диверикъзу заячему богу*, и Мѣйдѣйну: егда выѣхаше на поле и выбѣгняше заяць на поле, в лѣсъ рощѣния не вохожаше вну и не смѣяше ни розгы уломити" [2])

Впрочемъ, г. Вольтеръ лишь изрѣдка увлекается миѳологіей. Напротивъ, онъ иногда находитъ простыя и научныя объясненія тамъ, гдѣ другіе предполагали миѳологію. Такъ, онъ весьма успѣшно изгналъ изъ латышскаго „пантеона" богиню Лиго, водворившуюся въ немъ съ весьма сомнительными правами на божественность, собственно говоря, лишь на основаніи пѣсеннаго припѣва. „О богинѣ *Лиго*, *Лига*, говоритъ онъ (стр. 56), не можетъ быть и рѣчи: лиго, лейго не богъ, а повелительное наклоненіе отъ глагола *лейгот* и значитъ: играй, сіяй, плясай (читай: пляши).

Второй отдѣлъ, озаглавленный „короткія пѣсни-четверостишія", содержитъ *семейныя* пѣсни: A. Родинныя и крестинныя. B. Свадебныя. C. Похоронныя. Приводя пѣсни, г. Вольтеръ всюду сопровождаетъ ихъ детальнымъ описаніемъ обрядовъ, при которыхъ онѣ поются. Особенно богата въ этомъ отношеніи рубрика свадебныхъ пѣсенъ, въ которой мы находимъ рядъ свадебныхъ обрядовъ изъ разныхъ волостей Динабургскаго уѣзда. Насколько плодотворны и обильны результатами были поѣздки г. Вольтера въ Витебскую губернію, можно судить по тому, что во 2-й части своихъ „Матеріаловъ" онъ предполагаетъ дать полную характеристику отличительныхъ особенностей быта и языка Латышей Витебской губерніи

---

[1]) Искажено изъ *тевялелис*—„батюшка?".
[2]) Лѣтоп. по Ипатск. списку. 1871, стр. 542.

и представить: a) пѣсни четверостишія: общественныя, гулевыя, рабочія, миѳическія и символическія; b) длинныя пѣсни или зингесъ; c) сказки и легенды; d) пословицы, загадки и разные мелкіе этнографическіе тексты; e) свѣдѣнія о языкѣ; f) извлеченія изъ путевого дневника; g) указатели предметовъ, лицъ и мѣстностей (стр. XII). Въ виду извѣстной тщательности, съ которою собираетъ и обработываетъ г. Вольтеръ этнографическіе и лингвистическіе матеріалы, трудъ его несомнѣнно будетъ капитальнымъ вкладомъ въ литературу по быту и языку Витебскихъ Латышей.

М.

Сборникъ Общества Любителей Россійской Словесности на 1891 г. Москва, 1891. Стр. 582,8°. Ц. 4 р.

Весьма цѣннымъ для исторіи русской литературы изданіемъ подарило насъ Общ. Люб. Рос. Слов. Общество обладаетъ интереснымъ архивомъ, считаетъ въ ряду своихъ членовъ многихъ извѣстныхъ литераторовъ и ученыхъ, во главѣ его стоитъ такой знатокъ русской литературы, какъ академикъ Н. С. Тихонравовъ, и однако изданія Общества принадлежатъ къ явленіямъ крайне рѣдкимъ: долгіе годы отдѣляютъ выпуски трудовъ Общества. Причина такой скупости Общества очень прозаическая — недостатокъ средствъ. Общество Л. Р. Сл. бѣдно, страшно бѣдно. Оно живетъ безъ ренты, безъ субсидіи... даже безъ членскихъ взносовъ, и только случайное стеченіе благопріятныхъ обстоятельствъ даетъ ему возможность дарить насъ рѣдкими, но цѣнными изданіями.

Главное содержаніе Сборника, за исключеніемъ мелкихъ (по объему и содержанію) беллетристическихъ произведеній (П. Д. Боборыкина, Л. Н. Розиной), составляютъ разные историко-литературные матеріалы. Одно изъ первыхъ мѣстъ между ними занимаетъ юношеская драмма В. Г. Бѣлинскаго—„Димитрій Калининъ“. Какъ драмматическое произведеніе, пьеса знаменитаго критика крайне слаба. Написана она всецѣло въ романическомъ пошибѣ, наивно сантиментальнымъ языкомъ начала нынѣшняго вѣка. Дѣйствующія лица изливаютъ свои чувства въ длинныхъ по нѣсколько страницъ тирадахъ въ самомъ приподнятомъ романическомъ тонѣ. Но для характеристики самого автора пьеса имѣетъ несомнѣнно важное значеніе: она написана съ искреннимъ, горячимъ чувствомъ пылкаго и честнаго юноши, до слезъ, до щемящей душевной боли возмущеннаго неправдою жизни. Это горячій и страстный протестъ противъ главной болѣзни нашего дореформеннаго періода, крѣпостного права.

Подробный разборъ содержанія этого интереснаго изданія, конечно неумѣстенъ на страницахъ Этногр. Обозр.,—исторія литературныхъ нравовъ и судьбы литераторовъ пока еще стоятъ за предѣлами задачи этнографа... Однако и въ этомъ историко-литературномъ изданіи нашлась крупица для этнографа: О. М. Бодянскій въ своемъ весьма любопытномъ дневникѣ передаетъ народную легенду, которую считаемъ не лишнимъ отмѣтить здѣсь.

„Пріѣхавшій изъ Петербурга П. А. К—шъ (Кулишъ) сказывалъ, что онъ въ поѣздѣ на чугункѣ встрѣтился съ однимъ помѣщикомъ, недавно купившимъ имѣніе въ Орловской губ., который между прочимъ и о слѣдующемъ поразившемъ его обыкновеніи въ его деревнѣ, передавалъ. «Разъ, легши уже спать, вдругъ пробужденъ я былъ, говорилъ онъ, какимъ-то страннымъ шумомъ на дворѣ; гляжу въ окно: вся деревня, т. е. та часть, которая была въ виду моего дома, освѣщена, словно въ какой высокоторжественный день; выбѣгаю на дворъ, и что же вижу? Девять бабъ (именно девять) съ распущенными волосами, въ бѣлыхъ сорочкахъ, съ пуками лучинъ въ рукахъ и косой, о которую молотками и другими желѣзными орудіями, что есть силы, ударяли и производили тѣмъ страшный шумъ, идя рядкомъ, одна за другой чинно и важно по улицѣ. На вопросъ мой у дворовыхъ людей, что бы это значило, отвѣчали, что бабы, де, наши прогоняютъ смерть, отъ которой вотъ намнясь пало нѣсколько въ ихъ деревнѣ коровъ да быковъ, безъ всякой видимой причины. При этомъ я замѣтилъ, что онѣ тащили за собою и соху, которою, вышедши на поле, сбирались провести борозду кругомъ деревни, послѣ чего, по мнѣнію ихъ, лиходѣйка не посмѣетъ больше показаться въ ихъ пріютъ. Говорятъ, что когда попадется имъ въ ту пору незнакомый человѣкъ, то плохаго до смерти заколотятъ, полагая, что это-то и есть то самое, что онѣ прогоняютъ изъ своего жилья». Кто при семъ не вспомнитъ (замѣчаетъ О. М. Б—скій) остатки нашей языческой старины, когда за тысячу и больше лѣтъ назадъ предки наши точно такъ провожали зиму, какъ символъ смерти, передъ наступленіемъ первыхъ вешнихъ дней, извѣстную у нѣкоторыхъ славянъ подъ именемъ Мораны, Мараны и т. п“. (Стр. 117—118).

Этнографическій интересъ имѣетъ недурной разсказъ Д. Мамина: „Баймаганъ“—сценка изъ нравовъ киргизовъ. Любопытенъ словарь словъ простонародныхъ, старинныхъ и малоупотребительныхъ Н. В. Гоголя. Составъ словаря весьма тщательно разобранъ въ объяснительной къ нему статьѣ Н. С. Тихомравова.

Л.

Ал. С. Фамицынъ.—Гусли—русскій народный музыкальный инструментъ. *Историческій очеркъ.* СПБ. 1890.

Настоящій очеркъ г. Фамицына является только началомъ цѣлаго ряда работъ по очень мало еще разработанному вопросу объ исторіи русскихъ народныхъ музыкальныхъ инструментовъ. Нельзя не привѣтствовать такого начинанія, особенно въ виду того, что въ лицѣ г. Фамицына мы имѣемъ удачное соединеніе замѣчательнаго знакомства съ исторіей музыки и рѣдкой начитанности въ этнографической литературѣ.

Настоящая книга распадается на 3 главы: 1) Гусли—струны, струнный инструментъ вообще, 2) гусли какъ спеціальный русскій народный инструментъ и 3) постепенное усовершенствованіе формы русскихъ гуслей. Въ приложеніи авторъ говоритъ о цимбалахъ—инструментѣ, родствен-

номъ русскимъ гуслямъ-псалтирю, даетъ дополненія къ тексту и ноты для гуслей, взятыя изъ сочиненія: „Новѣйшая полная школа или Самоучитель для гуслей“ Ѳ. Кушенова-Дмитревскаго, 1808 г.

Слово „гусли“ (отъ густи, гудѣть) свойственно всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ, хотя не вездѣ оно употребляется въ одинаковомъ значеніи; по мнѣнію автора это слово сначала соотвѣтствовало, вѣроятно, латинскому fides, chorda, затѣмъ обозначало струнный инструментъ вообще и только позже спеціализировалась. Въ русскихъ историческихъ памятникахъ гусли въ тѣсномъ значеніи этого слова встрѣчаются не раньше первой половины XVI столѣтія. Многочисленные факты, собранные авторомъ изъ всевозможныхъ источниковъ, приводятъ его относительно русскихъ собственно гуслей къ такимъ выводамъ: гусли струнный, не смычковый инструментъ, ручной, легкій, небольшого размѣра; состоятъ онѣ изъ доски, струнъ, шпенечка; играютъ на нихъ всегда сидя. Въ 3-й главѣ г. Фаминцынъ слѣдитъ за различными фазами развитія и усовершенствованія этого инструмента. Старинныя миніатюры даютъ ему возможность намѣтить характеръ первобытныхъ русскихъ гуслей, параллельное явленіе къ которымъ представляютъ: Kantele Финновъ, Kannel Эстовъ, Kankles или Kanklys, Kankle, Kanklai, Kunkles и т. п. Литовцевъ и Ku°kles Латышей. Авторъ предполагаетъ, что инструментъ этого типа первоначально вошелъ въ употребленіе въ средѣ одного котораго-нибудь изъ названныхъ народовъ, а затѣмъ уже отъ него заимствованъ прочими (стр. 51); въ виду того, что „гусли“ вполнѣ естественно объясняются изъ славянскаго языка, между тѣмъ какъ о другихъ названіяхъ подобнаго нельзя сказать,—авторъ отдаетъ первенство гуслямъ славянскимъ: по его мнѣнію, которое кажется намъ не особенно убѣдительнымъ, Ku°kles произошло изъ Kankles, Kankles и Kannel изъ Kantele, послѣднее изъ гусль или гусли. Создателями гуслей были Славяне южные, отъ которыхъ заимствовали ихъ русскіе. Дальше г. Фаминцынъ прослѣживаетъ, насколько это позволяли имѣвшіеся у него подъ руками матеріалы, исторію гуслей отъ ихъ первобытной формы до формы новѣйшей, усовершенствованной, при чемъ даетъ довольно много поясняющихъ рисунковъ.

Богатство собранныхъ данныхъ, оригинальность нѣкоторыхъ выводовъ и новизна темы*) дѣлаютъ трудъ г. Фаминцына цѣннымъ вкладомъ въ этнографическую литературу; нѣкоторыя положенія его вызываютъ въ читателѣ сомнѣнія, но разрѣшить ихъ можетъ только тотъ, кто произведетъ надъ сырымъ матеріаломъ такую же гигантскую работу, какую произвелъ г. Фаминцынъ.

К.

Сборникъ матеріаловъ для статистики Самаркандской области за 1887—88 гг. Вып. I. Изд. Самарк. областн. Статист. Комитета, подъ ред. и. д. Секретаря *М. М. Вирскаго.* Самаркандъ. 1890. Стр. XXI + 444. 4°.

*) Если мы не ошибаемся, эту тему затрогивали въ своихъ статьяхъ только Кугачъ и проф. Сумцовъ (Культ. пережив.). Gołębiowski въ соч. „Gry i zabawy“ (Warsz. 1831) мимоходомъ упоминаетъ о гусляхъ (стр. 220, 241).

Настоящій сборникъ является первымъ опытомъ свода статистическихъ свѣдѣній по Самаркандской области на основаніи болѣе достовѣрныхъ данныхъ, собранныхъ Комитетомъ отъ административныхъ учрежденій, а также другихъ вѣдомствъ и частныхъ лицъ. Названная область, недавно учрежденная и существующая всего лишь четыре года, представляется чрезвычайно интересною въ культурномъ, экономическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Но новизна дѣла, сопряженнаго еще притомъ здѣсь съ особенными мѣстными затрудненіями, потребуетъ еще многихъ усилій, чтобы можно было прійти хоть къ установленію какихъ нибудь прочныхъ и вѣрныхъ пріемовъ изслѣдованія, не говоримъ ужъ о выводахъ. Такъ, напр., первый вопросъ представляющійся для статистика основнымъ, вопросъ о числѣ населенія въ краѣ, можетъ быть рѣшенъ при настоящихъ условіяхъ лишь весьма приблизительно, такъ какъ со времени занятія области русскими подробныхъ списковъ населенія не велось; въ таблицахъ эта цифра показана по приблизительному разсчету 5 душъ на каждый дворъ или кибитку. Вышло всего населенія въ области въ 1888 г. 712,420 душъ, изъ коихъ 1, 42% европейцевъ (славянъ), 68,74% узбековъ, 23,04% таджиковъ, 2,4% арабовъ, 2,86% киргизовъ, 0,78% иранцевъ, 0,63% евреевъ, 0,09% авгановъ, 0,03% цыганъ, 59 чел. индусовъ и 20 ч. татаръ. При средней плотности 10,7 на 1 кв. вер., изъ четырехъ уѣздовъ: Самаркандскаго, Катта курганскаго, Ходжентскаго и Джизакскаго,— плотнѣе всего населенъ второй (24,3), и менѣе всего послѣдній (4,7). Долина р. Зеравшана, отдѣльно взятая, по плотности (128,9) населенія не уступаетъ населеннѣйшимъ частямъ Европ. Россіи, причемъ число жителей на каждое населеніе или аулъ приходилось тамъ въ 1888 г. почти вдвое болѣе, чѣмъ въ Евр. Россіи. Что касается движенія населенія въ области, то свѣдѣній по этому вопросу Комитетъ пока дать не могъ, такъ какъ въ Туркестанскомъ краѣ метрическихъ записей туземцевъ не существуетъ. Съ 1888 г. Стат. Комитетъ принимаетъ мѣры къ тому, чтобы организовать какъ-нибудь отчетность по этому вопросу: имъ разсылаются по всѣмъ имамамъ, раввинамъ, народнымъ судьямъ и т. п. особыя книги для записи рожденій, браковъ, и смертности туземцевъ магометанскаго и еврейскаго исповѣданій. Эти данныя, по ихъ обработкѣ, войдутъ въ слѣдущій выпускъ сборника. Въ настоящемъ же выпускѣ даны пока итоги, кромѣ вышеуказанныхъ, также по торговлѣ, промышленности урожаю, ирригаціи, народному здравію, нравственности, просвѣщенію и пр., при чемъ каждый отдѣлъ представленъ въ подробныхъ числовыхъ таблицахъ. Въ видѣ пособія для оріентировки при пользованіи матеріалами Сборника къ нему приложена фотографическая карта области въ масштабѣ нѣсколько большемъ 40-верстной карты Туркестанскаго военнаго округа, съ которой и снята фотографія

Туркестанскій край представитъ еще немало хлопотъ для статистиковъ, но, судя по сдѣланному Самаркандскимъ Комитетомъ началу, можно ожидать отъ мѣстныхъ изслѣдователей хорошихъ результатовъ. Успѣхъ мѣстной статистики порадуетъ и этнографа, которому поневолѣ приходится

нерѣдко имѣть дѣло со статистическими выводами, особенно, когда рѣчь зайдетъ о малоизслѣдованномъ краѣ.

Я.

Н. Маевъ.—Туркестанская выставка 1890 г. *Путеводитель по выставкѣ и ея отдѣламъ*. Ташкентъ. 1890. in 8°. Стр. 162.

Туркестанская выставка 1890 г. по мнѣнію автора даетъ наглядное понятіе о томъ, что представляетъ изъ себя Туркестанъ черезъ 25 лѣтъ владычества надъ страною русскихъ. Разсматривая различные отдѣлы выставки (отдѣлы: военно-историч., садоводства, винодѣлія, охоты, горной промышленности, шелководства и т. д.), авторъ даетъ краткія и вмѣстѣ съ тѣмъ не безъинтересныя свѣдѣнія о положеніи различныхъ отраслей промышленности и хозяйства какъ у туземцевъ, такъ и у русскихъ въ странѣ. При описаніи отдѣла охоты и рыболовства приведены различные пріемы охоты, способы употребленія нѣкоторыхъ орудій охоты; нѣсколько страничекъ посвящены охотѣ соколиной и любимому удовольствію туземцевъ: бою различныхъ животныхъ—рябчиковъ, верблюдовъ, барановъ и т. д. Интересенъ также краткій обзоръ научныхъ изслѣдованій о Средней Азіи. Къ сожалѣнію, слишкомъ коротко описанъ павильонъ кустарныхъ промысловъ.

Х.

Извѣстія Общ. Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Имп *Казанскомъ* Университетѣ, т. IX, вып. 1. Казань, 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.

Н. Н. Ѳирсовъ разсматриваетъ „вопросъ о бѣглыхъ и разбойникахъ", какъ онъ былъ поставленъ и рѣшенъ въ комиссіи для составленія проекта Новаго Уложенія при Екатеринѣ II (1767).—*Н. А. Ѳирсовъ* (предсѣдатель Общества) помѣстилъ статью „памяти П. Д. Шестакова" (перваго предсѣдателя Общества), въ которой изложилъ „мысли его объ общественномъ воспитаніи въ Россіи вообще и о просвѣщеніи инородческаго населенія сѣв.-восточной Россіи въ частности". Въ заключеніи авторъ между прочимъ говоритъ, что полезно было бы издать особою книгой труды Шестакова по исторіи и этнографіи.—*Н. З. Тиховъ* напечаталъ „Матеріалы для исторіи развитія славянскаго жилища". Въ данный очеркъ входитъ только „Болгарскій домъ и относящіяся къ нему пристройки по даннымъ языка и народныхъ пѣсенъ". *В. К. Магнитскій* представилъ статейку „объ ирихахъ (домашнихъ идолахъ) у чувашъ", въ которой онъ даетъ сводъ существовавшихъ до сихъ поръ свѣдѣній о нихъ и присоединяетъ свои.—*А. И. Соколовъ* доставилъ сборникъ русскихъ „мірскихъ" именъ (т. е. ненаходящихся въ святцахъ) и прозвищъ, извлеченныхъ изъ рукописныхъ документовъ, касающихся Казанскаго и Нижегородскаго края и относящихся къ XVII столѣтію. Списку предпослано небезъинтересное предисловіе, освѣщающее вопросъ о значеніи подобныхъ именъ и прозвищъ. На первый взглядъ мы бы подумали, что такія имена, какъ Потѣха, Невѣжа, Жданъ и т. п., ничто иное, какъ прозвища (фамиліи), но выра-

женія въ родѣ: Потѣха Ивановъ сынъ Опаринъ, или Жданъ Клементьевъ сынъ Облоуховъ и т. п. ясно указываютъ. что Потѣха, Жданъ и т. д. имена личныя, замѣняющія собою христіанскія. Интересно, что еще въ XVII в., судя по приводимому списку, употреблялись многія имена и прозвища, напоминающія собою имена былинныхъ, сказочныхъ и т. п. лицъ. Напримѣръ, *имена:* Буславъ, Будило, Добрыня, Дружина, Жданъ, Кисель, Залѣшеннаъ, Кобякъ, Май. Манъ, Несмѣянъ, Нечай, Рахманъ, Садонка, Салтанъ, Соловей, Чура, Шебяка, Уланъ, Юшманъ, и др.; *прозвища:* Басарга, Буслай, Вишата, Дунай, Дюкъ, Кирша, Ладило, Муромецъ, Скоморохъ, Сотко, Суханъ, Торопъ, Тутаринъ, Шемяка, Ярило и др. *).—Томъ заканчивается интересною статьею *М. Н. Пинегина:* „Свадебные обычаи Казанскихъ татаръ". Авторъ, не довольствуясь подлиннымъ описаніемъ обычаевъ, попытался во второй главѣ, на основаніи данныхъ языка, коснуться семейно-общественнаго устройства въ болѣе отдаленную эпоху жизни татаръ и разбираетъ вкратцѣ такіе вопросы, какъ матріархатъ, патріархатъ, левиратъ и т п.

Я.

Памятная Книжка Московскаго Архива Министерства Юстиціи. Москва 1890. стр. II+234.8°. Ц. 2 р.

Книжка распадается на два отдѣла: I. Составъ Архива и обозрѣніе хранящихся въ немъ документовъ (156 стр.) II. Управленіе Архивомъ и его дѣятельность. Цѣль изданія книжки, по словамъ введенія, двоякая: съ одной стороны—дать въ руки постороннимъ лицамъ, посѣщающимъ Архивъ для ученыхъ занятій. пособіе къ первоначальному знакомству съ общимъ составомъ архива и въ частности съ тѣми видами историческихъ документовъ, которые въ немъ хранятся, съ—другой для служащихъ въ Архивѣ справочную книгу по всѣмъ предметамъ, которые входятъ въ кругъ ихъ обязательныхъ занятій. Вмѣстѣ съ тѣмъ Пам. кн. можетъ служить отчетомъ о нынѣшнемъ состояніи и текущей дѣятельности Архива, просуществовавшаго со времени своего образованія 38 лѣтъ." Эта цѣль несомнѣнно вполнѣ оправдываетъ изданіе книжки и достигается ею. Для насъ, конечно, болѣе важна первая часть книжки: она даетъ вполнѣ ясное представленіе о содержимомъ Архива, отличающагося значительнымъ богатствомъ. Вся эта часть раздѣлена на главы и подраздѣленія, но трудно указать точно, которыя изъ нихъ болѣе интересны въ этнографическомъ отношеніи, и какія не представляютъ интереса. Въ каждой почти главѣ можно найти указанія на матеріалъ для характеристики внутренняго рускаго быта прошлыхъ вѣковъ или въ сословномъ отношеніи, или въ экономическомъ, или въ семейномъ и т. д Напримѣръ, одни дѣла Вотчиннаго архива, Суднаго и Сыскнаго приказовъ, дѣла Юстицъ-коллегіи вмѣстѣ съ разными грамотами (напр. мировыми) могли-бы дать матеріалъ для вполнѣ яркой характеристики старинныхъ нравовъ какъ городского, такъ и сельскаго населенія. Кромѣ дѣлъ, касающихся непосредственно Москвы и нынѣшней центральной

*) См. ниже, Библіографъ (журналы).

Россіи, здѣсь хранятся также дѣла, относящіяся къ окраинамъ, каковы: дѣла Малороссійскаго и Сибирскаго приказовъ, дѣла, касающіяся Литвы и Бѣлоруссіи (Шкловское имѣніе, Литовская метрика), Остзейскаго края и т. д. Изъ II отдѣла книжки представляетъ интересъ глава 8-я о дѣятельности Архива по составленію описей и приведенію въ извѣстность важнѣйшихъ документовъ, далѣе перечень изданій Архива (въ 9-й гл.) и біографія управляющаго Архивомъ достоуважаемаго Нила Александровича Попова съ подробнымъ указателемъ его учено-литературныхъ статей и сочиненій (всѣхъ 227) за 1854—1889 гг. Помѣщены также въ этомъ родѣ свѣдѣнія о другихъ лицахъ, служащихъ въ Архивѣ. Однимъ словомъ, это изданіе для лицъ, интересующихся Архивомъ и особенно живущихъ внѣ Москвы, является весьма полезнымъ.

Я.

Матеріалы къ изученію способовъ народнаго врачеванія въ Восточной Сибири. 1) Сообщеніе *В. Гандельсмана* съ предисловіемъ и дополненіями *В. Крутовскаго.* 2) Сообщеніе *І. Ф. Черневскаго.* Красноярскъ. 1891 (Печатано по опредѣленію Общества врачей Енисейской губ.). 39 стр.

Въ первой статьѣ указано болѣе сорока, во второй около тридцати народно-врачебныхъ средствъ; матеріалы г. Гандельсмана собраны въ селѣ Идринскомъ Минусинск. окр., матеріалы г. Черневскаго въ дер. Ершовой Карапчакской вол. по р. Ангарѣ. Г. Гандельсманомъ записано 35 мѣстныхъ названій растеній, и кромѣ того, сообщены народныя повѣрья о болѣзняхъ и заговоры, въ томъ числѣ два заговора отъ уроковъ, т. е. отъ наколдованныхъ болей. Въ заговорѣ № 2 встрѣчается представленіе объ островѣ среди океанъ-моря, на островѣ Божья церковь, въ ней престолъ, на престолѣ серебряное блюдо, на которомъ лежитъ 77 ножей; у престола сидитъ Пресвятая Богородица, Іисусъ Христосъ и всѣ святители. Въ № 9 отъ уроковъ же: „Матушка всевостошница, Соломонида, катися и валися въ окіанъ-море, смывай крутые берега и желтые пески"…. Уроки могутъ быть „выколоты" (ножами?) или смыты (рѣкой?) Соломонидой.

П.

Статистическій Сборникъ Саратовской губерніи. 1890 г. Сост. секретарь стат. комитета *Ф. С. Шиманскій.*

Протоколъ годичнаго Собранія Саратовскаго Губернскаго Статистическаго Комитета 24 февраля 1890 г. даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о движеніи научной разработки края. Свѣдѣнія библіографическаго характера можно почерпнуть въ отдѣлахъ Сборника: „Свѣдѣнія о состояніи Комитета за 1889 г.", и „Приложенія", въ числѣ которыхъ слѣдуетъ въ особенности замѣтить „Перечень работъ Стат. Комитета за 1885—1889 гг.", и записку Н. Ф. Хованскаго о значеніи статистики. „Историческій очеркъ заселенія края" помѣщенъ въ въ отдѣлѣ „Статистическое Обозрѣніе Саратовской губерніи за 10-лѣтіе 1880 — 1889 гг.", въ которомъ тща-

тельно обозрѣвается статистика губерніи, въ особенности ея населеніе съ весьма разнообразныхъ сторонъ (23 рубрики), и обзоръ иллюстрируется значительнымъ количествомъ таблицъ.

Б.

Труды Саратовской Ученой Архивной Коммиссіи. Саратовъ. 1890. Т. II, вып.—2. *А. Н. Минхъ.* 1) Историческій очеркъ начала заселенія Саратовскаго уѣзда. 2) Матеріалы для исторіи заселенія Саратовскаго края.—*С. А. Харизоменовъ.* Матеріалы по четвертному землевладѣнію Саратовской губерніи.—*С. С. Краснодубровскій.* На раскопкахъ „Кудеярова Обрыва“, о которомъ см. „Этногр. Обозр.“ VIII, 256.—Свѣдѣнія о движеніи научной разработки матеріаловъ по исторіи и этнографіи края можно найти въ „Протоколахъ Общихъ Собраній Саратовской Ученой Архивной Коммиссіи“. Остальныя статьи имѣютъ болѣе историческій интересъ.

Новороссійскій Календарь на 1891 г., издаваемый Одесскимъ Городскимъ Обществен. Управленіемъ при Городской Публичной Библіотекѣ. Ц. 1 р.

Календарь содержитъ справочныя свѣдѣнія по Херсонской губ., Таврической, Бессарабской, Екатеринославской, и Одесскому градоначальству. Въ числѣ литературныхъ приложеній прежде всего находимъ «библіографическую справку» о «Новороссійскомъ Календарѣ», въ которой между прочимъ перечислены научныя статьи, появившіяся въ этомъ изданіи съ 1839 г. Далѣе слѣдуетъ обширная статья *В. Яковлева* (пользовавшагося также рукописными работами по тому же вопросу покойнаго О. В. Юрченка): «Аббатъ Николь и первые годы Ришельевскаго Лицея». Статья представляетъ весьма интересную страницу изъ исторіи просвѣщенія Россіи вообще и Новороссійскаго края въ частности. Іезуитъ Доминикъ Шарль Николь (род. 1758 г., умеръ 1835 г.) былъ въ Россіи съ 1793 по 1820 г., былъ другомъ герцога Ришелье и директоромъ его лицея въ Одессѣ, для котораго онъ написалъ и уставъ, поставившій лицей внѣ зависимости отъ Харьковскаго университета, на ряду съ высшими учебными заведеніями. Обладая замѣчательными педагогическими способностями, онъ былъ также извѣстенъ отчасти и какъ политическій дѣятель (во Франціи). Подробностей статьи, не имѣющей прямого отношенія къ этнографіи въ тѣсномъ смыслѣ, мы не передаемъ, и прямо переходимъ къ «Опыту программы—вопросника для собиранія географическо-историческихъ свѣдѣній по Новороссійскому краю (его мѣстностямъ и поселеніямъ)», сост. *А. А. Матвѣевымъ* (къ юбилею Имп. Рус. Геогр. Общества). Составитель этой программы извѣстенъ уже изданіемъ 3-хъ выпусковъ своихъ программъ подъ общимъ заглавіемъ: «Къ вопросу объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ южной Россіи» (вып. I—Этнографія, вып. II—Программа историко-географич. свѣдѣній, вып. III—Археологія). Одесса. 1884. Эти изданія, которыя были приноровлены къ Одесскому археологическому

съѣзду, давно разошлись, и г. Матвѣевъ, пользуясь предложеніемъ редакціи возобновившагося изданія «Новороссійск. Календаря», счелъ полезнымъ напечатать новый «вопросникъ», съ нѣсколько инымъ планомъ. «Желаніе наше, — говоритъ онъ въ предисловіи (стр. 102), — замѣнить бывшія спеціальныя программы и инструкціи одной общей программой, въ которой если не детально, то зато по возможности въ полномъ комплектѣ фигурировали бы всѣ отдѣлы, подъ рубрики которыхъ можно бы подвести и естественно-историческій, и этнографическій и экономическій, и историко-археологическій матеріалъ». Конечно, составленіе программы по такимъ разнообразнымъ вопросамъ однимъ лицомъ можетъ и должно отразиться невыгодно на самой программѣ, потому что врядъ ли одно лицо можетъ обладать такими энциклопедическими познаніями со стороны теоретической и даже самой практики, какія для этого требуются, тѣмъ болѣе при такомъ характерѣ программы, какъ настоящая, въ которой составитель не ограничивается одними вопросами, но старается вполнѣ цѣлесообразно «снабдить отдѣлы программы должными на каждый случай объяснительными примѣчаніями и инструктивными замѣтками». Авторъ впрочемъ и не считаетъ свой трудъ вполнѣ безупречнымъ и совершенно справедливо замѣчаетъ, что, благодаря указаніямъ работающихъ по программѣ лицъ, недостатки ея могутъ быть устранены. Программа распадается на 3 части: 1) *Страна* (физико-географическая часть), 2) *Населеніе* (этнографія съ народнымъ хозяйствомъ), 3) *Исторія* (со включеніемъ археологіи). Но напечатана пока только 1-я часть. Какъ всѣ предыдущія изданія г. Матвѣева, такъ и это имѣетъ въ виду главнымъ образомъ южную Россію, въ частности Новороссію, и результаты преслѣдуемой авторомъ цѣли представляются ему въ такомъ видѣ: «Собранный матеріалъ можетъ послужить наукѣ къ составленію или географическо-историческаго описанія Новороссіи или къ не менѣе полезному изданію историко-географическаго словаря ея, гдѣ бы географическія территоріальныя единицы не лишены были точныхъ и подробныхъ (даже до урочищъ включительно) топографическихъ элементовъ, были снабжены физико-географическимъ матеріаломъ, этнологическими и этнографическими данными, а послѣднія обставлены статистическими и экономическими картинами быта и дѣятельности населенія; въ свою очередь исторія края и мѣстныхъ народностей, освѣщенная этнологіей и этнографіей, имѣла бы для себя документальный матеріалъ въ общественныхъ памятникахъ мѣстности, указанныхъ и описанныхъ въ современномъ ихъ состояніи, не лишена была бы археологическихъ данныхъ и т. п. Такой словарь есть давнишнее желаніе русской науки, а письменному и вещественному для него матеріаламъ, — смѣемъ думать, говоритъ авторъ, — всегда найдется пріютъ и желанный научный ходъ въ стѣнахъ возникающаго Одесскаго музея» (103). Само собою разумѣется, что такого рода работа требуетъ извѣстнаго средоточія въ спеціальномъ мѣстномъ ученомъ учрежденіи, которое могло бы руководить этой работой. Въ крайнемъ случаѣ трудъ могъ бы быть раздѣленъ между мѣстными университетскими обществами соотвѣт-

ственно ихъ спеціальности, а еще несравненно лучше цѣль могла бы быть достигнута однимъ обществомъ, имѣющимъ отдѣлы географіи, этнографіи и археологіи. Въ Одессѣ такого общества нѣтъ, и намъ кажется, что прямая задача мѣстныхъ ученыхъ была бы составить подобное общество и взять въ свои руки мѣстный музей. Во всяномъ случаѣ трудъ г. Матвѣева и высказанныя авторомъ мысли во введеніи вызываютъ къ себѣ полное сочувствіе съ искреннимъ пожеланіемъ наилучшихъ результатовъ. Программа несомнѣнно будетъ заготовлена и распространена въ значичельномъ количествѣ отдѣльныхъ оттисковъ, иначе она тѣмъ менѣе достигнетъ своей цѣли.

Я.

Памятная книжка Волынской губ. на 1891 г. Изд. Губ. Стат. Комитета. Составлена подъ ред. Секретаря Комитета *И. Ф. Мацкевича*. Житоміръ. 1890 г.

Литературно-научныхъ приложеній книжка за текущій годъ не имѣетъ, и вся она занята статистикой, разработанной довольно подробно и разнообразно. Статистическія данныя здѣсь помѣщены за два года 1888 и 1889, а прошлый годъ еще не вошелъ, такъ что свѣдѣнія разрабатываются Комитетомъ довольно медленно. Притомъ годъ 1888 представленъ уже въ выводахъ, а 1889 только въ подробныхъ таблицахъ безъ выводовъ. Мы, конечно понимаемъ, что Комитетомъ сдѣлано то, что можно было сдѣлать, но не можемъ не сказать, что если бы были даны выводы и за 1889 г., то это дало бы возможность по нѣкоторымъ рубрикамъ провести сравненіе, которое такъ или иначе могло бы для насъ освѣтить тотъ или иной вопросъ, теперь же не всегда это возможно безъ особенныхъ вычисленій. Населенія въ губерніи въ 1889 г. считалось 2,351,051 душъ (въ 1888 г. — 2,303,602 д.), а такъ какъ пространство ея равняется 63126 кв. верстамъ, то слѣдовательно приходится около 37,2 ч. на 1 кв. версту, что не свидѣтельствуетъ о сильной плотности населенія. По вѣроисповѣданіямъ въ 1889 г. населеніе распредѣлялось такимъ образомъ въ процентномъ отношеніи: правосл. 73,2%, еврейск. 13,4%, католич. 8,2%, протест. 4,4%, чехо-гуситск. ок. 0,3%, раскольник. 0,2%, баптист. тоже 0,2%, кромѣ того магометанъ ок. 0,02% и караимовъ ок. 0,004% (180 ч.). Сравненіе съ предшествующимъ 1888-мъ годомъ указываетъ только на уменьшеніе чеховъ на Волыни (въ 1888 г. ихъ считалось 9614 ч., а въ 1889 г. — 8003 ч.), что вѣроятно объясняется ихъ обратными переселеніями болѣе, чѣмъ смертностью. Данныхъ, характеризующихъ составъ населенія по народностямъ, въ книжкѣ мы не находимъ, и только по указаннымъ вѣроисповѣднымъ отношеніямъ можемъ составить себѣ объ этомъ нѣкоторое представленіе, хотя, конечно, очень не точное. Сословныя таблицы также не могутъ помочь выясненію этого важнаго для мѣстной этнографіи вопроса. Мы не будемъ останавливаться на другихъ вычисленіяхъ, укажемъ еще только, что помѣщенный въ книжкѣ списокъ озеръ съ обозначеніемъ ихъ вели-

чины по уѣздамъ (большинство ихъ сосредоточено во Владимірволынскомъ и Ковельск. уу.) даетъ намъ нѣкоторое представленіе о физическомъ устройствѣ страны и ея поверхности (болѣе 100 кв. в. подъ озерами), а списокъ городовъ и мѣстечекъ можетъ служить полезной справкой.

Я.

Памятная книжка Ковенской губ. на 1891 г. Изд. Губ. Стат. Комитета. Сост. Секретарь Комитета *К. Гуковскій.*

По примѣру прошлогодней эта книжка представляетъ интересъ своими послѣдними отдѣлами. Отдѣлъ III даетъ намъ краткій „Статистическій обзоръ" губерніи за 1889 г. (главнымъ образомъ въ итогахъ по обычнымъ рубрикамъ). Отдѣлъ IV содержитъ въ себѣ двѣ статьи: одна — члена Комитета *П. М. Силина* — „Сурдегскій Св.-Духовскій третьеклассный монастырь" въ Вилкомирскомъ уѣздѣ; другая, подъ заглавіемъ: „Вилкомирскій уѣздъ", принадлежитъ г. Секретарю *К. Гуковскому* и представляетъ собою болѣе или менѣе цѣльный очеркъ уѣзда, имѣющій значительный интересъ для этнографа. Очеркъ написанъ приблизительно по той-же программѣ, что и описаніе Тельшевскаго уѣз. того-же автора въ Пам. кн. за прошлый годъ (Этн. Обозр. кн. VII, 203). Вслѣдъ за описаніемъ географическимъ (топографія, флора, фауна и т. д.) авторъ подробнѣе трактуетъ о населеніи уѣзда, которое принадлежитъ къ группѣ собственно литовцевъ (всего 130,000 д.), отличающихся отъ соплеменныхъ жмудиновъ по языку и по сравнительно большей культурности. Языкъ мѣстныхъ литвиновъ разсматривается авторомъ не подробно, а указываются вкратцѣ главнѣйшія отличія его отъ западныхъ верхне-литовскихъ говоровъ въ отношеніяхъ фонетическомъ, морфологическомъ и лексическомъ. Важнѣйшую часть статьи представляетъ глава о народно-юридическихъ обычаяхъ, составленная по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ. Далѣе довольно много мѣста удѣлено экономическому очерку уѣзда. Наконецъ, небольшія замѣтки посвящены самому г. Вилкомиру и достопримѣчательностямъ уѣзда, интереснымъ болѣе для археолога.

Я.

Труды Курляндскаго Губернск. Статистич. Комитета, т. XVIII, изд. подъ ред. Секретаря Комитета *Я. И. Лудмера.* Митава. 1890. Ц. 1 р. Стр. 338, 8°

Въ настоящемъ томѣ можно отмѣтить лишь тѣ главы, которыя свидѣтельствуютъ о томъ, какая печальная судьба постигаетъ большею частью разныя хорошія начинанія вслѣдствіе инертности и неотзывчивости нашего образованнаго общества къ научнымъ вопросамъ и другихъ обстоятельствъ Такъ, напр., Имп. Академія художествъ обратилась въ 1886 г. къ начальникамъ губерній и другимъ лицамъ съ программой для собиранія свѣдѣній о русскихъ древностяхъ, могущихъ характеризовать древнее отечественное искусство. Программа была разослана кому слѣдуетъ по губерніи (она напечатана въ этомъ томѣ и содержитъ всего 13 вопросовъ) По-

лучено всего 41 отвѣтъ, изъ которыхъ большая половина ничего не даютъ, а остальные даютъ очень мало (отвѣты тоже напечатаны). Также окончилось и воззваніе С.-Петербургскаго Общ. Естествоиспытателей объ устройствѣ мѣстнаго естественно-историческаго музея, и обращеніе Моск. Археол. Общества по случаю Ярославскаго съѣзда (стр. 38). Слѣдуетъ отмѣтить еще доставленный библіотекаремъ Моск. Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ И. Ѳ. Токмаковымъ перечень матеріаловъ по Курляндской губ., хранящихся въ названномъ Архивѣ (стр 110).

N.

Памятная книжка Сѣдлецкой губ. на 1891 г.

Второй отдѣлъ книжки занятъ статьею *Н. Янчуки:* „Малорусская свадьба въ Корницкомъ приходѣ Константиновскаго уѣз. Сѣдлецкой губ. Статья перепечатана (съ пропусками) изъ VII кн. Трудовъ Этнографич. Отдѣла Имп. Общ. Люб Естествозн., Антр. и Этногр. („Извѣстія“ Общества, т. 48, вып 1) Эта перепечатка можетъ имѣть значеніе, между прочимъ для мѣстныхъ любителей этнографіи, для которыхъ изданія ученыхъ обществъ остаются неизвѣстными. Можно только пожелать чтобы среди этихъ любителей нашлись желающіе подражать примѣру автора въ описаніи мѣстныхъ обычаевъ и другихъ особенностей народнаго быта, тѣмъ болѣе, что эти особенности на этой окраинѣ сглаживаются все быстрѣе и быстрѣе подъ вліяніемъ не только общихъ условій, разрушающихъ повсюду старину, но и спеціально-мѣстныхъ.

N.

Ярославскій Календарь на 1890 г. (Изд. Губ Стат. Комитета).

Д. А. Невскій Указатель матеріаловъ по Ярославской губерніи, помѣщенныхъ въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ дѣлъ съ 1829 по 1861 г.

2. Журналы.

Библіографъ, 1890, № 7—8. *Чечулинъ*. Личныя имена въ писцовыхъ книгахъ XVI в., не встрѣчающіяся въ православныхъ святцахъ. Отмѣтимъ въ этой любопытной статьѣ имена, приводящія насъ къ былевымъ именамъ и прозваніямъ или интересныя сами по себѣ. Стр. 76 (прим.): *Соловей* ямщикъ, стрѣлецъ *Суровецъ*, стрѣлецъ *Смородинка*, боярскій сынъ *Жаворонокъ*, *Рыба* Аверкіевъ, *Соболь* Олферьевъ, *Козелъ* Зенденииьковъ, *Волкъ* Курицынъ; стр. 77 (прим.): *Беркутъ* Глѣбовъ, *Дунай* Кузьминъ, *Ратміръ* Антиповъ с. *Казарьина*, *Персидъ* Никитинъ; стр. 79: Семенъ *Рахманинъ*; стр. 80: *Дрыгиня*, *Воробей*, *Ворона*, *Соловей*, *Суханъ*, *Чернава*, *Чужаня*,—какъ личныя имена; стр. 81: *Селянинъ*, *Селяникъ*, *Муринъ*, *Тарханъ*; стр. 82: *Добрыня*, *Дородка*, *Жданъ*, *Путило*, *Путята*, *Ратай*, *Томила*, *Чудилко*, *Чурила*, *Шумилко*, *Шумята*, *Щелканъ*, *Щуръ*, *Щурка*, *Волга*, *Дунай*; стр. 83: *Батута*, *Казаринъ*, *Лотычя*, *Мамай*, *Макоша*, *Макуша*, *Манко*, *Ратманъ*, *Ратміръ*, *Рахманинъ*, *Рахманко*, *Рыкуня*, *Садыкъ*, *Селюга*, *Смага*, *Созыка*, *Сура*, *Сурикъ*, *Сурьянъ*; стр. 84: *Хотко*, *Хотъй*, *Чуръ*, *Шаврукъ*, *Шахъ*, *Шемяка*, *Ярецъ*, *Яурило*, *Купава*, *Духаня*, *Некраса*. (См. выше, стр. 169).

Wisła, 1891, zeszyt I. *Smoleńdówna.* Gry dziecięce (дикіе гуси, птичка, заяцъ,

птица или цвѣта, котъ и мышь, просо, морковь, перстень, граница и забава взрослыхъ парней). *Korotyński*, Ze starej książki: нѣсколько легендъ, выбранныхъ изъ книгъ 1683 и 1730 года (любопытна на стр. 25—6 легенда о Владиславѣ, поставившемъ черту 2 свѣчки, а святымъ по одной). *Karłowicz*, Raz jeszcze do Brzozy Gryżyńskiej (наказаніе дѣтей за непочтительность къ родителямъ, намѣреніе ихъ побить или убить). *Jastrzębowski*, Sobotka we wsi Mikułowice (gmina Wojchiecowice w powiecie opatowskim): 6 пѣсенъ и нѣсколько повѣрій. *Iks*, Kopernacka: авторъ считаетъ kopernacka или kopernocka „przekręceniem wyrazu Kupała—nocka" (?); замѣтка не уясняетъ этого страннаго названія (приведено 6 купальскихъ пѣсенъ и нѣсколько обрядовъ). *Karłowicz*, Podanie o Madeju: нѣсколько дополненій къ прежнимъ статьямъ на основаніи печатныхъ и рукописныхъ источниковъ. *Wawrzeniecki*, Okienko w chatach u zakończenia dachów. *Biegeleisen*, Motywy ludowe w balladzie A. Mickiewicza: „Lilje". *Jabłonowski*, Najnowsze teorje heraldyczne pochozenia polskiego społeczeństwa szlachetskiego, ze stanowiska etnograficznego (по поводу „Studja heraldyczne" Малецкаго и „O dynastycznem szlachty polskiej pochodzeniu" Пекосинскаго). Zabawki dziecięce. *Mo....dów*, Bajka-zagadka o zabitym kochanku (къ литературѣ вопроса прибавимъ трудъ по миѳологіи Воеводскаго, разобранный В. Ѳ. Миллеромъ въ „Критическомъ Обозрѣніи"). Wieśniak z Radzyńskiego. (съ рис.). *Dowgird*, Buława kamienna. *Sembrzycki*, Zagadki mazurskie. *Karłowicz*, Piosnka o babulence i jej koziołku. *Malinowski*, Народная медицина. *Kolberg*, *Gacki i Skrzyńska*, Kula. *Plichta*, Chata. *Jastrzębowski*, A pochylone. *Ciszewski*, pismo obrazowe (на основаніи замѣчаній Neurla и Vàclavka). *Krzywicki*, Pilkalnie. *Ciszewski и Wawrzeniecki*, Niecienie ognia przez tarcie. *Rokossowska*, названія коровъ и воловъ, *Gloger*, Najdawniejsza wiadomość o pisankach. *Ciszewski*, Pisanki w Serbji. *Rokossowska и Dowojna-Sylwestrowicz*, Liście makowe. *Z. W.*, W sprawie czytelnictwa ludowego (замѣтка Радославскаго) *Lubicz*, Sobotka (подробныя и недурно составленныя программы). Рецензіи на „L'evolution juridique" Let urneau, „Очерки изъ исторіи средневѣковой литературы" (хожденіе по мукамъ и изъ исторіи демонологіи), „Къ вопросу объ антроп. типѣ Литовцевъ" Н. А Янчука. Обзоръ журналовъ: Zeitschrift des Vereins für Volkskunde, Живая Старина, Revue des traditions populaires, La tradition, Revue mensuelle de l' Ecole d' Anthropologie de Paris, Květy, Vesna, Literární Listy, Vienac, Iavor, Русскій Филологическій Вѣстникъ, Gazeta Lubelska, Gazeta Radomska и Słowo. *Sembrzycki*, Rogi jelenie jako pająki. *Вл. Каллашъ и Ciszewski* Skalecz ne nazwiska polskie (см. Этн. Обозр., VIII, 219) *Krauss* M. kro kumstwo, *Sembrzycki*, Starożytne p sągi kamienne. Очень короткій некрологъ Миклосича

Вѣстникъ Европы. *Мартъ. Ив. Ив. Янжулъ*: Изъ психологіи народовъ. Экономическое значеніе „времени" и „пространства". Эта статья была прочитана проф. Янжуломъ въ засѣданіи Этнографич. Отд. Имп. Общ. Люб. Естест., Антроп. и Этнографіи. Написанная на основаніи книги Эммануила Германа: „Sein u. Werden in Raum und Zeit" (Wirthschaftliche Studien) эта статья доказываетъ, что чѣмъ культурнѣе народъ, тѣмъ больше онъ цѣнитъ какъ время, такъ и пространство.—Рец на кн. А Карнѣева: Матеріалы и замѣтки по литературной исторіи „Физіолога". Изд. Имп. Общ. любителей древней письменности. СПБ. 1890.—Рец на кн. Н. Сумцова: Культурныя переживанія. Изд. журн. „Кіевская старина". Кіевъ. 1890.—Рец. на кн. Ch. Letourneau: L'evolotion juridique dans les diverses races humaines. Paris 1891.—Рец. на кн. гр. Сергія Шереметева: Суздаль. СПБ. 1891.—*Апрѣль. Ѳ. Ѳ. Вороноповъ*: Среди молдаванъ Изъ путевыхъ замѣтокъ. Статья посвящена способамъ владѣнія землей у молдаванъ Бессарабской губерніи.—Рец. на кн. „Алтай". Историко-статистич. сборникъ по вопросамъ экономическаго и гражданскаго развитія алтайскаго округа. Изд. В. А. Г—ва. Подъ редакціей П. А. Голубева. Томскъ. 1890 —Рец на кн. Fustel de Coulanges: Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. La Gaule romaine—Ouvrage revu et complété sur le manuscrit et d'après les notes de l'auteur par Camille Jullian. Paris. 1891.

Джеджили, кн. III (журналъ на грузинскомъ языкѣ, „Нива"). Легенда о

пастухѣ. Содержаніе легенды заключается въ томъ, что Богъ заранѣе предрѣшаетъ судьбу живущихъ и счастье или несчастье, свыше опредѣленное, не можетъ быть измѣнено человѣческими усиліями.—Сказка о томъ, какъ одинъ крестьянинъ спасъ своего царя отъ смерти.—Пѣсня грузинскаго рапсода.

Живая Старина. III—Письма *Прейса* къ Куторгѣ, Срезневскому, Шафарику и др. Эти письма представляютъ драгоцѣнный матеріалъ для характеристики чрезвычайно симпатичной и, къ сожалѣнію, мало извѣстной у насъ личности Прейса, одного изъ первыхъ русскихъ славистовъ.—*Приклонскій.* Три года въ Якутской области. Интересны данныя относительно того, что мужъ, во время беременности жены, подчиняется тѣмъ же правиламъ и ограниченіямъ, какъ и она (стр. 62—3), зарожденіе отъ вѣтра (стр. 66), преданіе о закапываніи жены при похоронахъ мужа (стр. 77) и пр. Вообще въ этой статьѣ много интересныхъ и новыхъ данныхъ. *Патканов*ъ. Стародавняя жизнь остяковъ и ихъ богатыри, по былинамъ и сказаніямъ (глава I, остяцкая эпическая поэзія; глава II, княжество и ихъ центры—городки; глава III, внѣшній видъ и образъ жизни прежнихъ остяковъ).—*Потебня.* Этимологическія замѣтки (багачъ, богачъ, богатьтя—жаръ, горячіе угольи; бднинъ—моментъ поминокъ, отличный отъ тризны; Бѣлая Русь; буртальники—колдуны, предсказатели; бычокъ дристунокъ; превращеніе воды въ вино; волотъ, велетень; обычай втыкать на колъ лошадиный черепъ; подопри—свѣтъ; попа въ рѣшетѣ возить; русалки и петрушка; Соловей Разбойникъ на дубахъ; туръ вечной; пигмеи; ягуны; ярчукъ, марчукъ).—*Майковъ.* Отрывокъ былины въ Сибирской лѣтописи.

Отдѣлъ II. Ермакъ взялъ Сибирь (перепечатка изъ Древ. Рос. Стихотв. изд. 1818 г.). *Майковъ.* Заговоры Донскихъ казаковъ (изъ рук. XVII в.). Свадебный обрядъ въ Угорской Руси. Болгарскія нар. пѣсни, записанныя въ Прилѣпѣ (юначки). *Минаевъ.* Пересказы нѣкоторыхъ неизданныхъ Джатакъ Палійскаго Канона. *Приклонскій.* Якутскія нар. повѣрья и сказки. Рецензіи о Сборникѣ лирич. пѣсенъ Лопатина и Прокунина, „Культ. пережив." Сумцова, Этногр. Обозр. VII. *Ольденбургъ*, Шемякинъ судъ (указатель литературы). *Лось*, Библіографическій указатель изслѣдованій и наблюденій по польской діалектологіи. *Евсѣевъ* и *Успенскій*, О псковскомъ говорѣ. *М. И. Соколовъ*, Урочные посты, русская гигіена XVI в. и Лунникъ. *Мамакинъ*, Народныя дѣтскія игры (игра въ тюленя и въ ворона или коршуна). *Баловъ*, Слѣды древнихъ вѣрованій въ народномъ иконопочитаніи. *Н—ій*, Къ вопросу о религіозныхъ вѣрованіяхъ и культѣ Черемисъ. *Врайловскій*, Праздникъ „Рипей" и способъ лѣченія отъ сглазу. *Спрогисъ*, Похоронный обрядъ у Латышей въ 40-хъ годахъ. *Соснинъ*, Замѣтки о Русскихъ и Калмыкахъ (клады, отношеніе калмыковъ къ русскому населенію). *Потанинъ*, Монгольскія легенды о монастырѣ Эрдени—Цзу. *В И Ламанскій*, Прусскіе нѣмцы и Судонскіе Габери въ Кимре „на дубахъ", Бѣлая Русь, некрологъ Миклошича, слово проф. Ягича о Миклошичѣ въ Нео-филологическомъ Обществѣ. Журналъ засѣданій отдѣленія Этнографіи И. Р. Геогр. Общ.

Иверія. *Мартъ.* 1891 г.. Большая историческая монографія подъ названіемъ „Царь Ираклій II", соч. царевича Теймураза. Разсказъ о вторженіи въ Грузію Ага-Магометъ-хана, шаха персидскаго, сопровождается нѣкоторыми указаніями, имѣющими этнографическое значеніе. — *Апрѣль.* Царь Соломонъ и рыболовъ, народная легенда. Содержаніе легенды касается того цикла сказаній, который А. Н. Веселовскимъ названъ сказаніями о Соломорѣ и Китоврасѣ. На грузинскомъ языкѣ напечатаны три варіанта этой легенды.—Народный разсказъ о Таріелѣ, героѣ поэмы XII вѣка Шота Руставели. Записанный въ Тіонетскомъ уѣздѣ, этотъ разсказъ представляетъ новый и весьма любопытный варіантъ извѣстныхъ намъ народныхъ сказаній о Таріелѣ. Вопросъ объ отношеніи народнаго Таріела къ герою Шота Руставели въ поэмѣ „Барсова Кожа" настолько важенъ, что требуетъ, по крайней мѣрѣ, цѣлой статьи на первое время.—Хевсурскія народныя пѣсни.

Кіевская Старина 1889. *Сентябрь.* *) *К. А. Трутовскій,* Изъ воспоминаній о поѣздкахъ по Малороссіи (съ рисунками). *Васильевъ*, Рекрутчина въ малорусской пѣснѣ. *Сумцовъ*, Культутурная переживанія: „водить тополю"; игра въ короля; игра

въ кугнилы; игра въ воротаря; Кострубонько; кулачки; паци; глиняныя свистульки-сопилка; бандура; къ исторіи южно-русскихъ бандуристовъ; къ вопросу о происхожденіи думы о смерти казака бандуриста; цимбалы, гусли. *Боржковскій*, Лирники (пѣсня для выпрашиванія милостыни, „жебранка“, дума о Коновченкѣ, панщина, правда и неправда, житіе, приказаня, сыритка, Олексѣй, Грыгорій, Іосифъ, псальма св Василію, псальмы страсти, страшный судъ, 12 пятницъ, суха бабка, теща, бида; словарь, въ которомъ попадаются любопытныя слова, напр.: бармусъ—шуба, гальомый—большой, кримъ—грѣхъ, теряга—земля, хаза—хата, хоры—село, сисара—4, дикона—10 (см. также апрѣль 1890).—*Равита*, Ѳома Падурра. *Познанскій*, Замѣтки о саранчѣ, бывшей въ Кіевщинѣ въ 1861 г. *Манжура*, Легенда о „Петровомъ батогѣ“ (см. выше, стр. 112). У гуцуловъ (изъ Kraj'a, съ подписью Enigma), *Кравченко*, Изъ народныхъ разсказовъ о проклятыхъ дѣтяхъ.

Октябрь. *Сумцовъ*, Культурн. переж.: къ исторіи развитія понятій народа о нравственномъ значеніи кумовства; кувада; наказанія мужа за родовыя боли жены; развязываніе узловъ и отмыканіе замковъ при родахъ; ночные роды; обрядовое употребленіе перстня при родахъ; дѣтская сорочка; предпочтеніе мальчика; обрядовое усыновленіе; одмина; обрядная продажа ребенка; размывки; коронування; досвитки; малорусская свадебная терминологія.—*Старицкая*, Живая могила (малорусская легенда).—*Динниченко*, Два дѣла о волшебствѣ.—Рецензія на Этногр. Обозр., I, Wisla 1887—1888.—*И. З.*, По поводу слова „перемотъ“.

Ноябрь. *Познанскій*, Воспоминанія о рекрутчинѣ по прежнему порядку. *Сумцовъ*, Культ. пережив.: палка сватовъ; могорычъ; постъ невѣсты; значеніе „весилья“; гарбуза пиднесты; состязаніе загадками; пòкрытка; остриженіе волосъ, какъ наказаніе; обмазываніе дегтемъ головы и волосъ; обычай запрягать въ телѣгу или надѣвать хомутъ; свадебный разводъ; злыдни; демоническое значеніе болѣзней; гостецъ; лихорадка—пропасныця; поганка; пристритъ; данния; сглазъ; уроки; божевильный; обмираніе; украинскіе знахари.—*Левицкій*, Очеркъ стариннаго быта Волыни и Украины. Рецензія на „Сборникъ рус. нар. лир. пѣсенъ“ Лопатина и Прокунина.

Декабрь. *Сумцовъ*, Культ. переж.: цыганка — ворожка; ворожба по слѣду; ворожба по волосамъ и ногтямъ человѣка; ворожба по восковой фигурѣ человѣка; обидящая свѣча; веревка отъ висѣльника; могильная земля; свѣча изъ человѣческаго жира; закрутка; порча коровъ; собираніе росы.

1890. *Январь*. *Г. Лебедевъ*, О борьбѣ духовныхъ властей въ бывшей епархіи бѣлогородской съ суевѣріями. Въ этой статьѣ приведенъ цѣлый рядъ цѣнныхъ этнографическихъ данныхъ, интересъ которыхъ еще болѣе увеличивается тѣмъ, что онѣ относятся къ XVII—XVIII вв. и взяты авторомъ статьи изъ неизданныхъ, главнымъ образомъ, источниковъ. *Г-жа Юніе*, Воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ. *Проф. Сумцовъ*, Культурныя переживанія: похищеніе звѣздъ; къ статьѣ о ворожбѣ надъ тучами; происхожденіе упырей; нападеніе упырей на село; повѣріе о чертяхъ, бросающихъ въ домахъ камни; украинскіе инкубы и суккубы; обрядовое прикосновеніе къ землѣ; гаданія (метеорологическія, по снамъ, физіологическія, по слову, письменныя, по жребіямъ, по животнымъ, по птицамъ, яйцами, по водѣ, по растопленному воску, олову, золоту, по огню, по золѣ, по хлѣбу, на рѣшетѣ, по камню, по полѣньямъ дровъ, по кольямъ, палкамъ, на зеркалѣ); сравнительно-этнографическія аналогіи и параллели къ русскимъ, въ частности малорусскимъ, примѣтамъ и повѣрьямъ; поговорка про женскую разговорчивость; флѣндра, флѣрка, финдюрка; бабье лѣто; лѣсъ—bonum nullius. *Проф. Потебня*, Малорусскіе домашніе лѣчебники XVIII в. (прод. въ февр. и мар.). *Манжура*, Къ статьямъ проф. Сумцова: „Культурныя переживанія“ (къ вопросу о кумовствѣ). *Левитскій*, Къ вопросу о церковныхъ и монастырскихъ пасѣкахъ. *Ящуржинскій*, Остатки языческихъ обрядовъ, сохранившіеся въ малорусскомъ погребеніи.

Февраль. *Проф. Сумцовъ*, Культ.: пережив. повѣрья о томъ, что ужъ любитъ

---

*) См. Этн. Обозр., кн. II.

молоко и сосетъ коровъ; конь малыковатый; повѣрья и обряды, связанные съ покупкой лошади; повѣрья о пчелахъ; повѣрья о саранчѣ; зинське щеня. *Я. Ш.*, Убійство упыря въ Кіевщинѣ во время чумы 1770 года. *Архим. Леонидъ*, Отрывокъ изъ записокъ русскаго паломника первой половины XVII в., о Кіевѣ (новое драгоцѣнное извѣстіе о Чеботкѣ). *Х.*, Замѣтка объ археологической выставѣ при VIII арх. съѣздѣ въ Москвѣ.

Мартъ. Проф. Багалѣй, VIII Археологическій съѣздъ въ Москвѣ. Рецензія на „Бѣлорусскія древности“ Сементовскаго.

Апрѣль. Бѣляшевскій, Первобытный человѣкъ на берегахъ Днѣпра вблизи г. Кіева. *Проф. Сумцовъ*, Культ. пережив: пѣтухъ царикъ; происхожденіе зозули; вѣщее значеніе кукушки; превращеніе кукушки въ ястреба, крагулецъ; сычъ и сова; волове очко; ремезъ; Божія коровка—солнышко;вырій; кодло и кубло; полозъ. *Миронъ*, Сожженіе упырей въ с. Нагуевичахъ въ 1831 г. *Николайчикъ*, Отголосокъ лирницкаго языка (нѣкоторыя слова интересны, напр.: гальмо—молоко, деканъ—10, пленый—бѣлый, хаза—хата, терыга—земля, гальомый—великій) *). *Степовичъ*, Замѣтка къ статьѣ проф. Потебни о лѣчебникахъ. *Манжура*, Къ повѣрьямъ о томъ, что ужъ любитъ молоко и сосетъ коровъ.

Май. Сумцовъ, Культ. переж.: повѣрья объ орлѣ; повѣрья о дятлѣ; кукушка и удодъ; о происхожденіи и значеніи слова харцызъ; изъ остатковъ жертвоприношенія животныхъ (бросаніе золы въ лицо солнца, сохраненіе костей быка); украинскій народный массажъ, чесаніе пятокъ, „ськаніе“ въ головѣ, медвѣжій массажъ, сѣченіе крапивой. *Хлопицкій*, Отъ Случи до Буга (на стр. 359 отрывокъ пѣсни о Дмитріи Вишневецкомъ). *О. Л.*, Пасхальныя вирши въ спискѣ XVIII ст.

Іюнь. Проф. Сумцовъ, Культ. переж.: сябры; толока; разбойничьи братства; нищенскія братства; цеховыя братства; церковныя братства; парубоцкія братства. Рец. на „Игры крестьянскихъ дѣтей въ Купянскомъ уѣздѣ“, П. Иванова.

Іюль Проф. Сумцовъ, Культ. пережив.: шпитали; шпитальные, какъ сторожа у ковoрота; полевые кресты, или фигуры; религіозно-мистическое значеніе каменныхъ бабъ; къ вопросу о значеніяхъ и происхожденіи слова „кабыця“; женитьба свѣчки. *Кудринскій*, Цеховыя братства въ м. Степани. *В. М.*, Свадебныя пѣсни въ Лубен. у., Полт. губ.

Августъ. Васильевъ и В. К., Малорусскіе похоронные обряды и повѣрья. *Баньковскій*, Изъ народныхъ разсказовъ, характеризующихъ національные типы (казаки, нѣмцы, малороссы, татары, евреи). *Катрухинъ*, Разсказъ о происхожденіи табаку. *В. М.*, Свадебныя пѣсни.

Сентябрь. Ѳ. Рыльскій, Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія (прод. въ окт. и ноябр.). *Левицкій*, Украинскіе шутники и юмористы (прод. въ окт., ноябр. и дек.). *Ѳ. К.*, Урна со жженными человѣческими костями въ Хотинскомъ уѣздѣ и погребеніе мертворожденныхъ въ горшкахъ. *В. М.*, Свадебныя пѣсни. *Соколовъ*, Сватьбы и свадебныя пѣсни у малороссовъ и великороссовъ м. Дмитровки Александр. у., Херсон. губ. (оконч. въ дек.).

Октябрь. Сумцовъ, Культ. переж.: дукаты и намысты; обрядовое употребленіе хустки; амулеты; демоническое значеніе удачной стрѣльбы; дивъ; обаясники; многочисленность небесъ; основа земли; лунный человѣкъ; призываніе дождя; роковое значеніе громового удара; повѣрье, что пожаръ отъ молніи можно потушить только молокомъ; pro domo sua. *Твердохлѣбовъ*, Къ литературной исторіи разсказа: „Вусы“. *Манжура*, Полозъ.

Ноябрь. Арх. Леонидъ, Келейный лѣчебникъ Варлаама Линицкаго. *Ящуржинскій*, Замѣтка о купальскомъ праздникѣ въ Уманскомъ у. Рецензіи на „Нову збирку прыказокъ“ Комарова и на „Древности сѣв.-зап. края“. (С. П. Б. 1890 г).

Декабрь. И. Ж., Лубочныя картинки на малорусскія темы. *Мякотинъ*, Дѣло о волшебствѣ. *Ящуржинскій*, Колядки.

*) См. также сентябрь 1889 г. и Э. О. VIII, 253.

1891. *Январь*. Рецензія на „Опытъ указанія книгъ и статей, относящ. къ Херсон. губ." (въ этомъ „опытѣ" указаны и этнографическія изданія).

Февраль. Галицко-русскій „savoir vivre". *Н. В.*, Указъ о кулачныхъ бояхъ и вечерницахъ. Рецензія на „М. Дмитровка. Опытъ ист.—стат. и этн. описанія" и „Пинчуки, этн. очеркъ".

Мартъ. *Ящуржинскій*, О превращеніяхъ въ малорусскихъ сказкахъ (сводъ отдѣльныхъ случаевъ превращеній, приведенныхъ въ сборникахъ Чубинскаго и Драгоманова (оконч. въ апр.).

Апрѣль. *Миронъ*, Мистерія страстей Христовыхъ. *А. Л.* Мамаевъ дубъ. *Е. С*, Семейная жизнь въ Подоліи въ первой половинѣ прошлаго вѣка.

Май. *Проф. Сумцовъ*, Писанки (см. ниже: Извѣстія и Замѣтки). Рецензіи: *В. Я.* на „Этнографическое Обозрѣніе" и „Живую Старину"; *Я. Щ.* на „Литературное наслѣдіе" Костомарова.

Мукенеи (журналъ духовно-нравственный на грузинскомъ языкѣ). Начиная съ конца прошлаго года по настоящее время печатаются „грузинскіе церковные акты — гудвары", проливающіе, между прочимъ, свѣтъ на состояніе горцевъ въ ту эпоху, когда распространялось среди нихъ христіанство. Проповѣдники часто прибѣгали или къ угрозамъ, или къ наградамъ за крещеніе.

Русская Мысль. 1891. *Февраль*. *Некрасова*, Журналы для народа.—Рецензія на „Вотяковъ" г. Смирнова и „Сборникъ землевѣдѣнія", I. Замыцкаго.

Мартъ. *Гл. И. Успенскій*, Кочевники и русскіе переселенцы. *Некрасова*, Журналы для народа. Рецензіи на „Сочиненія" Котляревскаго, I и II, „Слово о нѣкоемъ старцѣ" Лопарева и „Матеріалы и замѣтки по старинной русской литературѣ" Майкова.—*В. Ѳ. Миллеръ*, Экскурсы въ область русскаго эпоса, II, Добрыня-змѣеборецъ. „Имена Владиміра и Добрыни такъ тѣсно связаны въ нашей лѣтописи, что естественнымъ представляется вопросъ, сохранились ли хоть какіе-нибудь историческіе отголоски въ эпическомъ Добрынѣ". Прежніе изслѣдователи считали былевой типъ Добрыни менѣе опредѣленнымъ, чѣмъ типъ Ильи Муромца, и признавали былины и сказки о немъ довольно пестрой мозаикой, состоящей изъ не особенно хорошо сплоченныхъ кусковъ, заимствованныхъ изъ разныхъ источниковъ и подвергнутыхъ самой незначительной переработкѣ (Безсоновъ, Ровинскій, О. Миллеръ, Ѳ. И. Буслаевъ)". Дѣйствительно, сопоставленіе былинъ о Добрынѣ и духовныхъ стиховъ (главнымъ образомъ о Георгіи) обнаруживаетъ цѣлый рядъ сходныхъ чертъ въ сказаніяхъ о Добрынѣ, Георгіи и Ѳедорѣ Тиронѣ. „Вопросъ—чѣмъ объясняются вышеприведенныя совпаденія въ деталяхъ между былинами о Добрынѣ змѣеборцѣ и духовными стихами о Егоріи, Ѳедорѣ Тиронѣ, —рѣшается предположеніемъ взаимодѣйствія этихъ пѣсенъ, вслѣдствіе сходства въ основномъ сюжетѣ, иначе сказать—нѣкоторыя черты изъ стиховъ о святыхъ змѣеборцахъ могли быть переносимы на Добрыню, и, быть можетъ, наоборотъ". „Гораздо интереснѣе другой вопросъ: почему эпическій мотивъ борьбы съ змѣемъ былъ прикрѣпленъ въ нашемъ эпосѣ именно къ богатырю Добрынѣ, который въ немъ является змѣеборцемъ по преимуществу". „Для насъ. въ связи съ общимъ нашимъ взглядомъ на генезисъ былинъ, стоитъ на первомъ планѣ то обстоятельство, что богатырь—змѣеборецъ носитъ имя историческаго лица Добрыни, дяди историчискаго князя Владиміра, и мы считаемъ поэтому далеко не празднымъ вопросъ, почему ближайшій помощникъ кн. Владиміра, его лѣтописный дядя, его воспитатель и руководитель, сначала ревностный поборникъ національнаго идолослуженія, затѣмъ ревностный распространитель христіанства, получилъ въ нашемъ эпосѣ ту же роль, которая въ духовныхъ стихахъ принадлежитъ Егорію или Ѳедору Тирону" „Формулирую свою гипотезу такъ: нельзя ли объяснить змѣеборство Добрыни, какъ эпическій отголосокъ какихъ-нибудь народныхъ преданій объ историческомъ Добрынѣ, дядѣ князя Владиміра?" „Кто слѣдилъ за судьбами *историческихъ* народныхъ пѣсенъ, за искаженіями историческихъ фактовъ въ народной памяти, вслѣдстіе контаминаціи ихъ со сказочными мотивами, для того a priori не покажется фантастичнымъ и невозможнымъ предположеніе, что змѣеборство можетъ быть эпической оболочкой, подъ которой скрывается какой-нибудь историческій фактъ, поблекшій въ народной памяти". „Въ виду множества примѣровъ фантастической разма-

левки историческихъ фактовъ въ народныхъ сказаніяхъ, а priori ничего нельзя сказать противъ нашего предположенія, что въ змѣеборствѣ Добрыни можетъ скрываться какое-нибудь глухое историческое воспоминаніе, принявшее фантастическую окраску". Детальное сопоставленіе былинъ о Добрынѣ и извѣстнаго разсказа т. наз. „Іоакимовской лѣтописи" о крещеніи новгородцевъ приводитъ автора къ тому выводу, что „прикрѣпленіе сюжета змѣеборства къ историческому имени Добрыни" основано было на „глухихъ отголоскахъ древнихъ уже забытыхъ народныхъ преданій о какой-то упорной борьбѣ, въ которыхъ имя Добрыни поминалось, вѣроятно, вмѣстѣ съ именемъ Путяты". Такова основная точка зрѣнія почтеннаго автора; по пути онъ даетъ рядъ драгоцѣнныхъ указаній для литературной исторіи былинъ о Добрынѣ и сюжета змѣеборства вообще.

Апрѣль.—В. Ѳ. Миллеръ, Экскурсы въ область русскаго эпоса III. Илья и Рустемъ. Между эпическими подвигами Ильи Муромца и похожденіями иранскаго Рустема нѣтъ „такого поразительнаго сходства, которое давало бы основаніе для выставленія нашей гипотезы, предполагающей вліяніе восточнаго типа Рустема на былевой типъ Ильи". „Чтобы представиться убѣдительнымъ, наше предположеніе, что личность Рустема *значительно* повліяла на образованіе эпическаго типа Ильи Муромца, должно быть обставлено подробными и детальными разысканіями, которыя должны, между прочимъ, уяснить путь, которымъ иранскіе отголоски достигли Южной Руси, и послѣдовательныя измѣненія, постигнувшія личность Ильи Муромца въ развитіи нашего эпоса". Въ дальнѣйшемъ изложеніи В. Ѳ. Миллеръ руководствуется слѣдующимъ планомъ: сначала онъ сопоставляетъ Илью и Рустема въ общихъ чертахъ характера и уясняетъ сходство въ основномъ типѣ, затѣмъ детально разсматриваетъ отдѣльные эпизоды эпической исторіи того и другого богатыря. Указавъ цѣлый рядъ сходныхъ чертъ и ситуацій, авторъ приходитъ къ тому выводу, что „между *личностями, типами* иранскаго и русскаго главнаго богатыря существуетъ значительное сходство и что для дальнѣйшаго сопоставленія того и другаго въ ихъ *дѣятельности* есть достаточное основаніе". Въ концѣ этого экскурса В. Ѳ. Миллеръ разсматриваетъ нѣкоторыя свойства русскаго матеріала, надъ которымъ ему приходится оперировать, говоритъ о томъ состояніи, въ которомъ дошли до насъ сказанія иранскаго эпоса въ поэмѣ Фирдоуси, и доказываетъ, что Исфендіаръ—alter ego Рустема, въ виду чего сказаніями о первомъ можно пользоваться наравнѣ со сказаніями о послѣднемъ.

Русское Обозрѣніе. 1891. *Январь.—Е. М. де-Вогюе*: Недѣля въ Самаркандѣ. Краткія замѣтки и наблюденія, вынесенныя изъ недѣльнаго пребыванія автора въ Самаркандѣ. --*Е. Ѳ.* По вопросу объ египетской миѳологіи и религіи. Гл. I—III. (Оконч. см. февр.) Авторъ, основываясь на сочиненіяхъ извѣстныхъ эгиптологовъ (какъ напр. Видеманъ, Маріеттъ, Пичманъ, Масперо и др.), указываетъ на трудность изученія египетской религіи, опровергаетъ мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ, которые склонны видѣть въ египетской религіи стремленіе къ монотеизму и указываетъ на преобладаніе среди египтянъ вѣры въ магію. Подробно статья касается божественнаго происхожденія царской власти въ представленіи египтянъ, поклоненія животнымъ, кот. авторъ признаетъ за наслѣдіе фетишизма, и представленій египтянъ о загробной жизни. (Гл. IV и V.)—Рец. на кн. проф. Э. Ю. Петри: Антропологія. Т. I. Основы Антропологіи.—Рец. на „Живую Старину" Вып. I. СПБ. 1890.—*Апрѣль.—Димитрій Гессе*: Новый изслѣдователь центральной Африки. Рец. на книгу *E. Trivier*: Mon vogage au continen tnoir. 1891.

Сборникъ Херсонскаго Земства 1891. *№ 2.* „Щербановская волость. Историко-этнографическое и хозяйственно-статистическое описаніе". III—IV главы.—Указавъ на взаимныя отношенія мѣстныхъ національностей (малоруссовъ и молдаванъ), авторъ описываетъ ихъ внѣшній бытъ; затѣмъ даетъ краткую „характеристику національныхъ особенностей населенія Щербановской волости". Слѣдующая (IV) глава посвящена описанію „семейныхъ отношеній, обычаевъ, игръ, удовольствій и времяпрепровожденія". Большая часть этой главы посвящена обычному праву, и хотя не заключаетъ въ себѣ никакихъ новыхъ свѣдѣній, но тѣмъ не менѣе представляетъ интересъ, благодаря той тщательности, съ кот-о

рою авторъ отнесся къ своей задачѣ.—„Статистическое описаніе Ананьевскаго уѣзда". Отдѣлъ II: Землевладѣніе и земледѣліе.

Сѣверный Вѣстникъ.—*Мартъ. Г. И. Куликовскій,* Изъ быта охотниковъ Олонецкаго края.—*А. Елисѣевъ*: Опіумъ, гашишъ и ихъ аналоги. Психологическій этюдъ. (Оконч.).—Рец. на „Этнографическое Обозрѣніе", кн. I-VII. М. 1889—1890, и на „Живую Старину". В. I. СПБ. 1890.—

Апрѣль. А. Кауфманъ: Вліяніе переселенческаго элемента на развитіе сельскаго хозяйства и общинной жизни въ западной Сибири. (Къ вопросу о сравнительной характеристикѣ переселенца и коренного сибирскаго крестьянина). Авторъ доказываетъ, что вопреки сложившемуся въ литературѣ мнѣнію вліяніе переселенцевъ на старожиловъ сибиряковъ весьма незначительно.—*Н. Астыревъ.* Въ гостяхъ у духоборцевъ Иркутской губерніи.

Ученыя Записки Имп. Казанскаго Университета.—1890 г. Сентябрь—Октябрь. *Н Тиховъ*: Очеркъ грамматики западно-болгарскаго нарѣчія по сборнику болг. пѣсенъ В. В. Качановскаго (продолжается еще и въ текущ. году).- *Н. Н. Ѳирсовъ*: Изъ области народныхъ картинъ. Авторъ на основаніи матеріаловъ, изд. Ровинскимъ, разсматриваетъ три вопроса: 1) злоупотребленіе виномъ (критическое отношеніе къ пьянству), 2) любовныя похожденія (образчики романа), 3) нравственный идеалъ.—*И. Смирновъ*: Некрологъ М. П. Веске.—

1891. Январь — Февраль. Оконч. упомянутой статьи *г. Тихова* — Мартъ—Апрѣль. *Тиховъ*, реценз. на соч. Миклошича: Die slavischen, magyarischen und rumunischen Elemente im türkischen Sprachschatze. *Т—въ*, рец. на Академич. изданіе труда И. И. Срезневскаго: Матеріалы для словаря древнерус. языка по письм. памятникамъ. Вып. I, СПБ. 1890.

3. Газеты.

Акмолинскія Обл. Вѣд.—7, 9, 11, 12. Очеркъ крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства въ зап. Сибири.

Ардзаганкъ (Эхо, армян. еженед., изд. въ Тифлисѣ). **1890.—1.** „Кейноба и карнавалъ". Описаніе грузинскаго карнавала, въ первый день Великаго поста. (См. Э. О. I, 156). Съ 1617 г. послѣ нашествія Шахъ-Абаса, Грузія подпала подъ власть Персіи. Во время Теймураза I (1635 г.) народъ возмутился и прогналъ персовъ. Въ память этого событія въ первый день Великаго поста по Тифлису ходятъ группы туземцевъ съ мѣстною музыкою въ маскарадныхъ костюмахъ. Въ процессіяхъ фигурируютъ также лошади, ослы и верблюды. Во главѣ процессіи ѣдетъ всадникъ, представляющій изъ себя шаха.—**2.** *А. Е.* „Кульпинскіе соляные промыслы". Описаніе промысловъ и жителей селенія Кульпы (Эриванской губ.). Кульпинскія пѣсни и хороводы.—**3.** *Н. К.* „Письмо въ редакцію" по поводу реферата о новомъ армянскомъ божествѣ „Ангехъ", читаннаго проф. Г. А. Халатьянцъ на археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ.—**5.** *С. Зелинскій*: „Дѣтскія игры". Авторъ описываетъ армянскую игру „Зли" или „Пелквоцъ", которую онъ видѣлъ въ деревнѣ Ярмича (Эриванской губ. Нахичеван. у.). Къ статьѣ приложена небольшая программа для собиранія свѣдѣній о дѣтскихъ играхъ.—**8.** „Ахарцинскій монастырь". Описаніе армянскаго монастыря въ Елизаветпольской губ. Названіе „Ахарцинъ" (игра орла), по преданію, произошло отъ того, что во время освященія храма св. Духъ въ образѣ орла явился въ церкви.—**19.** *С. Зелинскій.* „Шахсей-Вахсей"—изъ религіозныхъ обрядовъ магометанъ. Во время междоусобицъ послѣ смерти Магомета сынъ его племянника, Гуссейнъ, вслѣдствіе преслѣдованій халифа Ездры, выселился изъ Аравіи. У рѣки Ефрата его лошадь отказалась вступить въ воду. Перемѣнили 40 лошадей, но то-же явленіе повторилось. Тутъ его настигаетъ войско халифа. Всѣ спутники Гуссейна, отрѣзанные отъ воды, или погибли отъ жажды, или были убиты, когда шли за водой. Остались въ живыхъ только Гуссейнъ, его больной сынъ Зейнъ-алъ-Абуанъ, племянникъ Касымъ и женщины. Женивъ Касыма на своей дочери, Гуссейнъ благословилъ его пойти за водой. Касыма убиваютъ. На слѣдующій день идетъ

за водой самъ Гуссейнъ и погибаетъ, а женщинъ и его сына берутъ въ плѣнъ. Въ память этого событія ежегодно съ 1 до 10 числа мѣсяца „мхарламъ" у мусульманъ-шіитовъ совершается религіозное торжество, состоящее въ томъ, что самые благочестивые ходятъ по улицамъ, нанося себѣ раны кинжалами и шашками. Въ послѣдній день бываютъ народныя представленія, сюжетъ которыхъ заимствованъ изъ трагической исторіи Гуссейна.—21. *Нуширванъ*. Рецензія на „Путешествіе по Турецкой Арменіи" Леона Саргисянца, печатавшееся въ журналѣ „Мурчъ". (Э. О., VIII, 221 съ искаженнымъ именемъ автора).

Варшавскій Дневникъ. 1891 — 26. Замѣтка объ этногр. выставкѣ въ музеѣ промышленности и сельскаго хозяйства въ Варшавѣ (о коллекціи Нестеровича изъ ю. Америки). — **41.** *К. Я.* Коляда въ Холмской Руси. Сообщаются нѣкоторыя интересныя подробности, не общеупотребительныя въ Холмской Руси, но, къ сожалѣнію, не указана точно мѣстность описываемыхъ обычаевъ.

Витебскія Г. В. 1891 — 18, 22, 23 и 24. Бѣлоруссія и Литва. Очеркъ изъ исторіи городовъ въ Бѣлоруссіи.—**29.** О племени Шивін въ Африкѣ. У людей этого племени вмѣсто ушей—одни только продолговатыя отверстія. (Гражд.).

Владивостокъ. — 5. *И. К.* Торгово-промышленный вопросъ восточныхъ окраинъ Сибири (эксплоатація чукчей иностранными промышленниками).—*А. Г.* О „полѣ" (судебномъ поединкѣ).—**7.** *И К.* Промыселъ котиковъ.

Владимірскія Г. В. 1891.—1, 8, 10, 12, 14. Историческій очеркъ города Шуи.

Волжскій Вѣстн. 1891. — 43. „Вредныя суевѣрія"—корр. изъ с. Чардано Елисаветп. г. о заразныхъ болѣзняхъ, кот. считаются въ Закавказьи посѣщеніемъ особаго духа Хрештакъ и почитаются за милость Божью: заболѣвшаго и его семью поздравляютъ и лѣчить болѣзнь не позволяютъ („Кавказъ").—**58.** *Инн. Анарскій.* Записка о карагазахъ, посвященная вымирающему племени сибирскихъ аборигеновъ. (Вост. Обозр.).

Волынь. 1890 г.—15, 49. Таращa. О новой сектѣ штундистовъ въ этой мѣстности (изъ Кіев. Сл.) **20, 21.** *В. Бернацкій*: Скиѳы, геты, готы. Авторъ доказываетъ, что это одинъ и тотъ же народъ, и видитъ въ нихъ рассу не—монгольскую, основываясь на Геродотѣ и Аристотелѣ. Онъ отрицаетъ, что „скиѳъ" есть греч. передѣлка слав. „чудь"—chtchoud, и приводитъ названіе народа „схета", побѣжденнаго египетскими царями (іероглиф. надписи), сближаетъ съ нимъ также и названіе „геты", отсюда—тирагеты (на р. Тирасѣ-Днѣстрѣ), тиссагеты (на Волгѣ) и массагеты (или большіе геты, на Яксаргѣ). Другіе источники: Страбонъ, Геродотъ и арабск. географъ Эдризи (сакита). Далѣе, между прочимъ, по китайскимъ лѣтописямъ упоминается народъ хунъ-ну, въ кот. авторъ видитъ гунновъ. О готахъ авторъ думаетъ, что это—геты, но скорѣе не дунайскіе, а принадлежавшіе къ найдревнѣйшему племени скиѳовъ, носившихъ имя боговъ: Rohae (опечатка: Bohae?), Boghae. Эти скиѳы, пришедши въ землю германцевъ и слившись съ ними, сохранили свое завоевательское имя, но только на германскомъ нарѣчіи: готы, т. е. боги, отъ Gott-богъ. Так. обр., авторъ видитъ въ скиѳахъ, гетахъ и готахъ разныя этническія и мѣстныя названія одного и того же, народа.—**64.** С. Гапчица Бердич. у. (изъ К. Сл.). О вѣдунахъ.—**74—83** *С. Гамченко.* Памятники старины бассейна р. Корчеватой. Авторъ касается преимущественно археологической стороны.—**81.** Рец. на книгу И. П. Филевича: Борьба Польши и Литвы—Руси за Галицко-Владимірское наслѣдіе С-ПБ 1890.—**96.** Маленькій фельетонъ: О древности малороссійскаго табаководства. Такъ какъ у насъ на Руси существуютъ особыя повѣсти о табакѣ и его миѳическомъ происхожденіи, то интересно было бы, конечно, знать древность существованія самаго табака на Руси для опредѣленія древности повѣстей о немъ. Но фельетонъ этотъ разрѣшаетъ затронутый имъ вопросъ очень неудовлетворительно. Указывается на очень распространенное мнѣніе, будто бы до 1560 г. табакъ не былъ извѣстенъ въ Европѣ, куда онъ въ этомъ году былъ привезенъ изъ Америки, а потомъ есть ссылка на статью В. Котельникова (послѣдн. № „Земл. Газеты"), который полагаетъ, что впервые это зелье появилось не изъ Америки, а отъ крымцевъ и турокъ или даже отъ монголовъ центр. Азіи во время нашествія потом-

ковъ Чингисхана на южную Русь.—**126.** *Ом. Репьяхъ.* Толока (этнографическій очеркъ). — **144, 145, 153 — 157.** *В. Михайловъ.* Городъ Овручъ (историческій очеркъ). Исторія его существованія съ X в. по источникамъ: „Г. Овручъ" А. Сендульскаго, „Памятники" П. Батюшкова, „Исторія Малороссіи" И. Маркевича и др.—**152.** С Ясноградъ, **Житомир.** у. Небольшой ист. очеркъ этого села. Преданіе говоритъ, что въ давнія времена здѣсь былъ большой городъ, а иные относятъ эту давность къ каменному вѣку, судя по находкамъ каменныхъ вещей, сходныхъ съ мѣстными каменными породами—**158, 172, 175, 178, 180, 186, 191** и **198** *Н. Горбачевскій.* Георгій Конисскій и его время.—**161.** М. Трояновъ, Житомир. у. (корр.) Толки о холерѣ. Какъ о предвѣстницѣ холеры говорятъ о какой-то страшной женщинѣ съ распущенными до пятокъ волосами, ' окутанной длиннымъ бѣлымъ саваномъ. Она ходитъ ночью и подъ окнами жалобно плачетъ. Мы слышали зимой 1890 г. приблизительно то-же самое въ Смоленскѣ отъ жителей средняго класса, только они не называли женщину, а просто высокаго человѣка съ большое пяти-или шести-саженное дерево. По другому сказанію въ Трояновѣ предвѣстницей холеры считается собака на курьихъ ногахъ съ саженнымъ хвостомъ, такъ-же, какъ и женщина, жалобно плачущая —**210.** „Забужный край". Историко-этнографическій очеркъ.—**217.** С. Корковцы, Жит. уѣз. (корр.). Объ эпидеміи. Крестьяне устраивали на погостѣ около церкви обѣдъ для дѣтей, думая этимъ прекратить всякія болѣзни.—**219.** Луцкій уѣз. (корр.). О празднествахъ на Андрея Первозваннаго (30 ноября), которыя, по своему содержанію и пѣснямъ, поющимся въ этотъ день, не имѣютъ ничего общаго съ личностью апостола.

Восточное Обозрѣніе—**6.** *Инн. Ангарскій.* Замѣтки о карагазахъ (положеніе женщины и воспитаніе дѣтей).—**7.** *С. Ч.* Реценз. на кн.: „Алтай". Историко-статистическій сборникъ по вопросамъ экономическаго и гражданскаго развитія Алтайскаго горнаго округа. Изданіе В. А. Г—ва, подъ ред. П. А. Голубева, Томскъ, 1890. Ц. 2 р. 50 к.—**8—11.** *В. Вагинъ.* Эрикъ Лаксманъ („Эрикъ Лаксманъ, его жизнь, путешествія, изслѣдованія и переписка". Съ шведскаго перевелъ Э. Паландеръ. Изд. Имп. Акад. Наукъ. СПБ., 1890 г.).—**10.** Женщина, какъ проводникъ общечеловѣческой культуры среди инородцевъ.—**11.** *А. Ивановскій.* Театръ въ сѣверной Маньчжуріи. — Свящ. I. П. Родіоновъ (некрологъ). Покойный въ теченіе слишкомъ сорока лѣтъ трудился надъ составленіемъ монголо-бурятскаго словаря, который скоро появится въ печати.—**12.** Къ вопросу о Камчаткѣ и торговлѣ на берегахъ Охотскаго моря (объ эксплуатаціи чукчей иностранцами).—*М. З.* Инородческое управленіе (у бурятъ и татаръ Минусин. окр.).—**13.** Отчетъ о засѣданіи Отдѣленія Этнографіи Вост.-Сиб. Отд., въ которомъ сдѣланы были сообщенія: *И. А. Подгорбунскаго* — „Объ установленіи въ изданіяхъ Отдѣла однообразной транскрипціи монгольскихъ звуковъ русскими буквами" и *Д. А. Клеменца*—„О дикихъ людяхъ Челюгдаяхъ" (по поводу труда проф. Д. Н. Анучина: „О человѣкахъ незнаемыхъ въ восточной странѣ").—**13, 14.** *А. Гейкель.* Надписи долины Орхона.

Донская Пчела. 1891.—**15** *Ѳ.* „Мустафа" (турецкая сказка).

Донскія Епарх. Вѣд. 1891.—**8** Краткое описаніе станицъ Области Войска Донского. II. Станицы по Донцу: 25) Усть-Быстрянская; курганы: Поповъ, Каменный, Юхневы. 26) Екатерининская; курганы: Частые, Казанскіе.

Екатеринбургская Недѣля. — **13, 16.** *Копаловъ.* Памятники старины въ Киргизской степи.

Енисейскія Г. В.—**6.** *Ник. Бакай.* О составленіи переписныхъ книгъ городовъ Мангазеи и Туруханска во второй половинѣ XVII вѣка.

Иркутскія Г. В.—**9, 11.** Общественное призрѣніе въ селахъ.

Казанскій Биржевой Листокъ. 1891.—**3.** Торговля людьми въ Иркутской губ. (корресп.). Сообщеніе о рабствѣ у инородцевъ Иркутской губ. (Нов. Вр.)—**7.** Плоды суевѣрія. Сообщеніе изъ Люблина о похищеніи съ кладбища головы, ногъ и рукъ похороненнаго тамъ еврея вслѣдствіе суевѣрія, что голова, руки и ноги умершаго еврея придаютъ особенную цѣлебность лѣкарствамъ, въ которыя будутъ положены.—Сообщеніе о появленіи въ Воронежской губ. новой

секты „атетуевъ".—8. Китайцы въ канунъ новаго года. Объ умилостивленіи ими злого духа.—25. Минусинскіе татары и китайскіе сарты. — 28, 30. *П. Пономаревъ*. „Древній Укекъ исчезаетъ". I. Краткій обзоръ данныхъ о древнемъ городѣ Укекѣ, близъ Саратова. Печальная судьба укекскихъ древностей. Возможныя заключенія объ Укекѣ и его культурѣ. Вопросъ о раскопкѣ Укекскаго городища. Попытка связать съ мѣстностью монгольскаго Укека представленіе о двухъ предшествующихъ ему культурахъ — греческой и буртасской. Исключительныя условія быстраго разрушенія Укекскаго городища и гибели его бытовыхъ памятниковъ.—34. Засѣданіе Общества археологіи, исторіи и этнографіи. Сообщеніе *А. А. Штукенберга* объ одной изъ могилъ Спасскаго у.; *А. И. Александрова*: „Внѣшній бытъ сербовъ"; *И. З. Тихова*: „о Болгарскомъ жилищѣ".—35. Индѣйскіе похороны (въ Америкѣ). — 41, 42. Казачьи промыслы на морѣ (Уралецъ). Своеобразная организація труда въ этихъ промыслахъ. — 47. Продажа престарѣлыхъ родителей. Корреспонденція изъ с. Петровскаго Одесскаго уѣзда.—57. Сообщеніе о появленіи въ Кіевской губ. новой секты „малеванцевъ".—61. Въ засѣданіи Общества археологіи, исторіи и этнографіи. *И. Н. Смирновъ*: О семейномъ и общественномъ бытѣ Пермяковъ.—62. Вѣрованія китайцевъ въ загробную жизнь. — 63. Въ шабрахъ. Выдержки изъ сочиненія Загоскина: „Казанскіе мятежи въ первые пять лѣтъ послѣ покоренія Казани русской державѣ."—66. Переселенцы въ Бразилію. Выдержка изъ письма г. Дыгасинскаго о положеніи польскихъ переселенцевъ въ Бразиліи.—67. Новооткрытыя катакомбы (на берегу рѣки Орето, въ окрестностяхъ Палермо).—72. Засѣданіе Общества археологіи, исторіи и этнографіи. *М. И. Пинегинъ*: „О свадебныхъ обычаяхъ Казанскихъ татаръ"; *И. Н. Смирновъ*: „О погребальныхъ обычаяхъ и остаткахъ языческой старины у пермяковъ".—74. Бытъ „сидячихъ чукчей". Описанъ Норденшильдомъ.—75. У сектантовъ. Описаніе новой секты „христіанъ". (Самар. Газ.).—86, 87. *А. Л—ій*. Рецензія на статью „Періоды бытовой жизни народовъ", помѣщенную въ журналѣ „Помощь самообразованію". — 89. Засѣданіе Общества археологіи, исторіи и этнографіи. *В. К. Магницкій*: О чувашкомъ идолопоклонствѣ (моленіе духу „ириху"). Этотъ докладъ вмѣстѣ съ другими здѣсь перечисленными вошли въ составъ IX т. „Извѣстій" Каз. Общ. (см. выше).

Казанскія Г. В. 1891.—11, 13, 15. Очерки народнаго юридическаго быта. 3. Бирки и инородческіе знаки собственности сравнительно съ русскими.—12, 14, 18.—Списокъ населенныхъ мѣстъ Казанской губ. съ краткимъ описаніемъ ихъ. Лаишевскій уѣздъ. VIII. Казыльская волость.—17. Очерки народнаго юридическаго быта. 4. Употребленіе знаковъ для рукоприкладства, оффиціальныхъ распоряженій и другихъ цѣлей въ значеніи письменъ.—20. Очерки народнаго юридическаго быта. 5. Условія существованія юридическихъ знаковъ. — 21, 23. Очерки народнаго юридическаго быта. 6. Роль знаковъ собственности, какъ доказательствъ на судѣ.—39. Городища и замѣчательныя мѣстности въ Сарапульскомъ уѣздѣ (Прав. Вѣст. № 24).—40. Развалины Укека близъ города Саратова.

Кіевское Слово. 1890. — 1134. Рождество въ Малороссіи. (Не обозначена точно мѣстность).

Киргизская Газета (особое прибавл. къ „Акмол. Обл. Вѣд.").—7. Китайцы въ канунъ Новаго года (жертвы, приносимыя китайцами злому духу Гуй-цза).—Народный судъ у киргизовъ (извлеч. изъ „Положенія объ управленіи степными областями").—11. Охота въ Туркестанскомъ краѣ.—12. *Ѳ. Полотебновъ*. Описаніе ловушки „ступы" и способовъ ловли ею дичи.—13. Честность или розовый кустъ (восточ. сказка).—14 Тазъ—тагъ или Лысая гора (киргиз. легенда).—*Султанъ Зулкарнаинъ Чокіевъ Нурали-хановъ*. Нѣсколько словъ о послѣднихъ ханахъ Букеевской орды.—15. *Его-же*. Значеніе слова: „орда".—16. Скотоводство и коневодство въ Средней Азіи.

Костромскія Г. В. 1891.—3, 4. *И Миловидовъ*. Новыя свѣдѣнія о древностяхъ Костромскаго края, полученныя Архивной Коммиссіей. 1) Свѣдѣнія о городищахъ и старинныхъ насыпяхъ. 2) О курганахъ. 3) О пещерахъ и ямахъ (могилахъ). 4) О плитахъ и камняхъ. 5) О старинныхъ монетахъ. 6) О находкахъ оружія и разныхъ старинныхъ вещей. 7) О церковныхъ древностяхъ.

Крымскій Вѣстникъ 1891 —4. Рабство у бурятъ и другихъ инородцевъ Иркутской губерніи (Нов Вр.)—**86** Большое, „соборное“ моленіе черемисовъ Вятской губ, Уржумскаго у., доброму духу (Юмо). (Волж. Вѣстн).—**56** Сообщенія объ открытіи въ с. Америкѣ пещеры съ человѣческимъ скелетомъ въ толстомъ, и глубокомъ пластѣ каменнаго угля, въ окрестностяхъ Чарльстоуна.—**59**. Обрядъ обрѣзанія волосъ въ Сіамѣ (Восточно-Азіатскій Ллойдъ)

Крымъ. 1891.—10. Экспедиція кап. Громбчевскаго. Выдержки о его экспедиціи въ Центральную Азію.—**24**. В. В. Жизнь древне египетскихъ женщинъ (Изъ Berl. Tageblatt). — **39**. Восточная легенда, рисующая отношеніе визирей другъ къ другу и къ султану. (Переводчикъ).—**40, 41, 42**. *А. Ярошко*. „Характерныки“ (чародѣи). Народный взглядъ на предводителей „гайдамаччины“ и на чумаковъ, какъ на чародѣевъ.—**42**. Засѣданіе Архивной коммиссіи. Сообщеніе *Косиюшко-Валюжинича* „О стѣнѣ Страбона“ между Казачьей бухтой и берегомъ моря.—**44**. Сообщеніе о находкѣ въ Судакской генуэзской крѣпости плиты, надпись на которой упоминаетъ о двухъ Солдайскихъ консулахъ; Бернардо ди Амико и Бартоломео ди Санто Амброджіо (1471 г.).—**45**. Описаніе Китая въ рукописи конца XVII или начала XVIII-го вѣка; доставлено И. Русс. Геогр. Обществу.—**46**. Вербное воскресенье въ XVII столѣтіи. „Шествіе на осляти“.—**50**. День Св. Георгія. Празднованіе Юрьева дня въ Новороссіи и въ Сѣверныхъ губерніяхъ. Юрій — покровитель скота. Народная пѣсня, въ которой выражается просьба, обращенная къ Юрію, поберечь скотину: Мы вокругъ поля ходили, Егорья окликали: Егорій, ты, нашъ храбрый, ты спаси нашу скотину въ полѣ и за полемъ, подъ свѣтлымъ подъ мѣсяцемъ, подъ краснымъ солнышкомъ, отъ волка отъ хищнаго отъ медвѣдя лютаго, отъ звѣря лукаваго.—Легенда объ Александрѣ Македонскомъ. (О покореніи Чернаго моря).—„Первообразъ“. (Индійская легенда о сотвореніи Магадевой женщины).

Минскія Г. В. 1890 г.—58. Объ этнографич. изученіи Сѣверо-Зап. края за истекшій годъ—**60**. „Историческій музей въ Калугѣ“.Кал. дворянство хотатайствуетъ объ устроеніи этого музея въ домѣ Марины Мнишекъ. Въ Калугѣ хранится много историческихъ предметовъ эпохи самозванцевъ.—**81** Памятникъ прошлаго: о церкви въ Посошкѣ Смол. г., Ельн у., построенной, по преданію, Петромъ I, по случаю ослѣпленія лошадей, на которыхъ ѣхала его дружина мимо того мѣста, и исцѣленія ихъ водою изъ тамошней „криницы“. Эта церковь построена въ честь Св. Фрола и Лавра (18 авг.), покровительствующихъ животнымъ, и въ ихъ день окрестные жители служатъ молебны, приведши лошедей, кот. окропляются освященной водой—**83**. О суевѣріи и предразсудкахъ. Между прочимъ разсказывается, что въ с. Обвалѣ Чембарскаго у. крестьяне вырыли трупъ псаломщика и положили его въ трясину, чтобы этимъ вызвать дождь во время засухи—**119**. Фальсифицированная молитва. Письмо о. Іоанна Кронштадтскаго объ апокрифической молитвѣ, которую ложно приписываютъ ему. — **122**. *Данилевичъ*. Идеалъ воспитанія у калмыковъ (по книгѣ И. Тимощенкова: „Борьба съ земельнымъ хищничествомъ“.—**1891—1, 4, 5, 6**. *Т*. Объ интеллектуальномъ развитіи полѣшуковъ (жителей Полѣсья). Представленія ихъ 1) о Богѣ (разсказы о превращеніи Христомъ курицы въ черепаху, о воскрешеніи птицъ и др.), 2) о добрыхъ и злыхъ духахъ (ангелы, ангелицы, ангелята,—черти, чертихи, чертята), 3) о душѣ (отличие ея отъ „пары“, принадлежащей скотинѣ, жиду и т. п.). Въ характерѣ такихъ представленій о Богѣ, о духахъ и о душѣ авторъ видитъ ту косность традицій, чуждую яснаго сознанія и пониманія, которая легко миритъ въ полѣшукѣ религію съ суевѣріями и повѣрьями и дѣлаетъ его глухимъ ко „вновь навѣваемымъ вѣроисповѣднымъ убѣжденіямъ“. Традиціонность въ міровоззрѣніи полѣшуковъ отразилась и на ихъ преданіяхъ о принятіи православной вѣры, по мнѣнію автора, еще во времена Св. Ольги: Іовжины колодцы (Іовга—Ольга); отношенія къ лицамъ христіанскаго времени: Спаситель („образное“), Илья и Юрій (языческое); роль польск. королевы Боны въ исторіи Полѣсья—нравственная, политическая и даже географическая (отъ ея проклятія полѣсская мѣстность получила теперешнюю свою форму, сюда же относятся и нѣсколько другихъ легендъ и сказаній). Рож-

девіе, бракъ, болѣзни, несчастія, знахари (значеніе завитки, или завивки, изъятіе вѣдьмами молока у коровъ и т. п.), судьба, вліяніе школы, духовенства, „соціальныя“ отношенія полѣшуковъ (простота, цѣломудріе и скромность) Матеріальное состояніе полѣшука, роль евреевъ, бытовая обстановка (жилище, костюмъ, обыдённое времяпровожденіе, пища), физическое состояніе, проявленіе мысли (бесѣды, ворожба и гаданіе, пѣсни), языкъ, характеръ жизни (замкнутость, робость, напр. передъ судомъ и т. п.). Авторъ оговаривается, что рисовалъ лишь основной типъ полѣшанъ, но что есть среди нихъ и исключенія.

—**2.** Покупка дѣтей у инородцевъ Иркутской губ.—„Крещенскій вечерокъ“ (2, 3 и 4 янв.).—**5, 10** и **15** *В. Л. Т...чъ.* Народныя пѣсни. Пѣсни, записанныя въ Пинскомъ уѣздѣ. Вотъ начало ихъ:

(1). Кажуть людэ, я щастлива,—я съ того тишуся;
А не знають, якъ дэтына, я слезой зальюся и. т. д.
(2). Ой, стояла труна двадцать штыры роки,
А на двадцать пятомъ стала промовляты:
Докуль же я буду порожня стояты? и т. д.
(3). Осталася я самая, якъ былинка въ поли;
Нема кому жалуваты менэ молодои и т. д.
(4). Ой, поихавъ мій мылэнькій на полэ гораты,
Кинувъ мене молодэньку обидъ готуваты и т. д.
(5). Бувайтэ здоровы тутейши пороги,
Кудою ходылы мои билы ноги и пр.
(6). Ой, волы жъ мои, да й половыи,
Чому жъ самы не горетэ? и т. д.
(7). Чумакъ волы попасаэ, да й до дому пригоняе и т. д.
(8). Заспивай, сырита, съ горя писенку и т. д.

Особенности говора повидимому не точно соблюдены собирателемъ.

— **8** *А. Слупскій.* Бѣглый обзоръ исторіи евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ до присоединенія ихъ къ Россіи.—**13.** Періодическая печать. Извлеченіе изъ „Кіевс. Слова“ о рукописяхъ, принадлежащихъ мѣстному домовладѣльцу П. С. Соломкѣ: 1) роспись походу царя Ивана Васильевича на Полоцкъ изъ Новгорода въ 1563 г. (безъ конца); 2) больш. рукоп. книга оффиціальныхъ записей. выходахъ и пріемахъ царскихъ съ 1589 по 1610 г.; 3) тоже за 1668 г. и другіе (въ громадномъ свиткѣ); 4) нѣск. граматъ Алексѣя Мих. 5) „Сказаніе о Задонскомъ бою“XVII в. 6) повѣсть Евстратія о Тушинскомъ самозванцѣ. XVII в.; 7, 8, 9 и 10) письма государственныя и церковныя XVII, XVIII и XIX вв.

Могилевскія Г. В. 1890.—44. *М. Ф.* День въ Шкловѣ. Дорога туда отъ Могилева; описаніе города.—**46.** *Я. К.* Заклинанія: 1) отъ лихорадки (упоминаются „Ироды“ „Иродовы дочки“ числомъ девять-семь, св. отцы Ісакъ и Іаковъ, бѣлая и Святая Русь, дорогу на которую должны забыть иродовы дочки), 2) отъ укушенія змѣи (упом.: Архистр. Михаилъ, чудный Іерема). 3) отъ „звиху“ (вывиха: Ѣхавъ звихъ по зеленому лугу“ и т. д.), 4) отъ суроцы (дурнаго глаза), 5) отъ худого глаза, 6) заклинаніе ружья (упом. Михаилъ Архангелъ, стрѣляющій съ небеси), 7) на успѣшный ловъ рыбы удочкой (упом. „царь Нептунъ“). —**1891. 8.** Гаданье надъ больнымъ: воскъ, плывущій по водѣ на востокъ, знаменуетъ скорое выздоровленіе, на югъ—нескорое, на сѣверъ—смерть послѣ долгой болѣзни, на западъ—смерть скорую (изъ Горецк. и Могил. уѣздовъ).—**58.** *М. Ф.* Нѣсколько словъ о Могилевскомъ музеѣ.—**60.** Что такое южная Сибирь? (По поводу помѣщеннаго въ одной изъ одесс. газетъ перевода обширной статьи о Сибири изъ нѣм. газ. Köln. Zeit.)—**73.** *В. Штернъ.* День въ Самаркандѣ. — **95.** Суевѣрія и предразсудки простого народа въ отношеніи небесн. свѣтилъ: падающія и неподвижныя звѣзды (первымъ, между пр., придается значеніе огненныхъ змѣй, летающихъ къ женщинамъ, лишившимся мужей, и дѣвушкамъ потерявшимъ отца, мать или близкаго человѣка: при этомъ приводится заговоръ: „Иду я по чистому полю, на встрѣчу бѣгутъ мнѣ бѣсы съ полуидолами“ и т. д.); затмѣнія солнца и луны. Связь этихъ суевѣрій съ временами языческими.

Московская Иллюстрированная Газетка. 1891 — 17. Днѣпровскій уѣздъ (Корресп.). О появленіи новой секты „марьяновцевъ". (М. В.)—Вильно (Корресп.) О вынутіи изъ могилы трупа повѣсившейся старухи и о зарытіи ея въ болотѣ вслѣдствіе существующаго у литовцевъ предразсудка, что душа самоубійцы ходитъ послѣ смерти и причиняетъ много зла. — **18.** Начало книгопечатанія въ Китаѣ (Смѣсь).—**19.** Привислянскій Край (Корресп.). Сообщеніе объ обычаѣ мѣстныхъ жителей ставить кресты при дорогахъ, на перекресткахъ и пр.—**27.** Старинный англійскій обычай „приношенія королемъ золота, ладона и мирры". —**29.** Открытіе египтолога г. Гробо двухъ сотъ гробницъ жрецовъ Аммона.—**30.** Сообщеніе Б. Л. Громбчевскаго о своемъ путешествіи въ Центральную Азію въ Моск. Политехнич. Музеѣ.—**33.** Карнавалъ въ Римѣ.—Послѣдній вождь Ирокезовъ, Томъ Старръ.—**37.** Строгость публики въ прошломъ столѣтіи. (Смѣсь) —**45.** Масляничный карнавалъ въ Москвѣ при Петрѣ Великомъ.—**50.** Открытіе пещеры въ Америкѣ (въ толстомъ слоѣ каменнаго угля, съ письменами на стѣнахъ). —**64.** Вопросъ объ учрежденіи въ Курскѣ архивной коммиссіи для изученія и охраненія памятниковъ древности документальныхъ и вещественныхъ.

Московскія Вѣд. 1891.—69. „Церемонія круговращенія Майдари у Калмыковъ"; ея введеніе въ кругъ буддійскихъ обрядовъ со временъ Цзонхавы въ 1409 году по Р. Х. Приготовленіе двухколесной телѣги, въ формѣ большой арбы, на которой совершается круговращеніе идола Майдари. Шествіе изъ кумирни съ идоломъ Майдари, который ставятъ на телѣгу; порядокъ процессіи. Въ калмыцкихъ степяхъ Астраханской губ. эти процессіи не многолюдны по сравненіи съ Монголіей. Самое круговращеніе состоитъ въ обнесеніи статуи Майдари съ молитвами кругомъ храма.—**71.** *Мур—евъ.* Письма изъ Персіи. Суевѣрія Персидскаго народа и слѣпая вѣра въ астрологію, многочисленные поводы для гаданій; гаданіе по лунѣ и звѣздамъ; священное гаданіе по Корану; гаданіе по четкамъ; поддержка суевѣрій въ народѣ духовенствомъ съ корыстными цѣлями; семь классовъ духовенства; дервиши или странствующіе монахи, власть духовенства и его антагонизмъ со свѣтской властью. Совершеніе займовъ въ Персіи и частые обманы кредиторовъ должниками.—**72** *И. Востоковъ.* Штунда въ Рязанской губ.—**82.** *Гульбатъ* (псевд.). „Тритино"—грузинская легенда. —**84.** *Я.* „Археологическая загадка",—развалины города, находящіяся въ южной Африкѣ, среди земель Кафровъ, у подошвы холма, на которомъ расположились становища Мамона, и называемыя мѣстными жителями Симбабье; описаніе этихъ развалинъ. Предположеніе покойнаго географа Петермана, что Симбабье, находящійся почти среди золотоносныхъ полей Южной Африки, и есть городъ Эфоръ или Сафиръ, о которомъ упоминается въ Книгѣ Царствъ и куда Соломонъ посылалъ за золотомъ для храма. Возраженіе берлинскаго профессора Роберта Гартмана, основанное на томъ, что характеръ построекъ Симбабье и нѣкоторые найденные предметы указываютъ, что городъ былъ построенъ первоначальными чернокожими обитателями Южной Африки, потомки которыхъ дошли до современнаго низкаго состоянія культуры. Опроверженіе этого послѣдняго мнѣнія Поссельтомъ на основаніи скульптурныхъ находокъ, напоминающихъ финикійскія изображенія. (См. № 108).—**88.** Дѣти у племени Карагазъ, населяющаго Иркутскую губернію (извлеченіе изъ статьи И. Ангарскаго въ Восточномъ Обозрѣніи). Близость къ исчезновенію этого племени, единственными въ литературѣ памятниками существованія котораго могутъ остаться, насколько извѣстно автору, 15 страницъ священника Преловскаго и 2, 3 стран. въ сочиненіи одного нѣмецкаго путешественника. Женщина у Карагазъ является въ юртѣ полновластной хозяйкой; о дѣтяхъ ея забота ограничивается кормленіемъ и пеленаніемъ; отсутствіе ухода за ребенкомъ со стороны матери; роль собаки въ воспитаніи; лакомство дѣтей— „бурдукъ", приготовляемый изъ растенія сараны; пріученіе ребенка къ звѣропромышленности и жестокое обращеніе, проявленіе самолюбія охотника. — — **90.** *В. П--ло.* Засѣд. Имп. Московскаго Археологич. Общества (26 марта). Рефератъ *В. И. Сизова* о коллекціи предметовъ, найденныхъ при разрытіи Дьякова городища и въ курганахъ деревни Котлярово подъ Москвой. Первобытные обитатели городища повидимому принадлежали къ тѣмъ же народно-

стямъ, которыя населяли когда-то Пермскій край и Вятскую губернію; предметы эти рѣзко отличаются отъ вещей, находимыхъ въ курганахъ Московскаго типа. По мнѣнію референта, насельники городища жили въ періодъ перехода каменнаго вѣка въ бронзовый и въ первый періодъ желѣзнаго вѣка. Въ сообщеніи графини *П. С. Уваровой* говорится о населеніи Закаспійскаго края, которое состоитъ изъ Таджиковъ иранскаго племени, самыхъ древнихъ насельниковъ, и Узбековъ тюркскаго происхожденія, позднѣйшихъ покорителей края. Кромѣ этихъ двухъ главныхъ народностей живутъ еще Арабы, Индѣйцы, Евреи, Цыгане; въ горахъ Заравшанскаго округа живетъ народъ Галячане или правильнѣе Гальчи, по мнѣнію многихъ горные Таджики, слѣдовательно арійскаго корня. Французскіе антропологи видятъ въ нихъ родственниковъ Кельтовъ. — **98.** Похоронные обряды у Негровъ Африки (изъ Hamburger Nachrichten). Траурный цвѣтъ у Негровъ (бѣлый); мнѣніе Негровъ, что будущая жизнь не отличается отъ настоящей; принесеніе кушанья на могилу покойника, а у нѣкоторыхъ воинственныхъ племенъ желѣзнаго блюда съ кровью. Описаніе похоронныхъ обрядовъ. Вѣрованіе, что душа покойника переселяется въ тѣло оставшагося въ живыхъ родственника, или мужа, или жены.—**96.** Сообщеніе о Пермскихъ инородцахъ, сдѣланное *Д. П. Никольскимъ* въ СПБ. Географич. Обществѣ. Преданность старинѣ у инородцевъ, особенно Мещеряковъ; обычаи при похоронахъ, и при рожденія дѣтей; въ то же время вѣра въ медицинскую помощь и почетъ ко врачамъ. Коллекція предметовъ быта и обстановки жизни, собранная референтомъ.
— **100.** *Гульбатъ* (псевд.). „Счастье внутрь васъ есть",—грузинская легенда.
— **101.** Празднованіе масляницы у Жмудиновъ (изъ Ковенскихъ Губ. Вѣд.). Съ перваго дня масляницы толпа ряженыхъ отправляется на саняхъ, привязанныхъ однѣ къ другимъ, въ сосѣднія деревни, требуя со встрѣчныхъ извѣстной платы, евреевъ же обмазываютъ дегтемъ, приговаривая: „чертенка надо сдѣлать чертомъ"; встрѣча ряженыхъ въ деревнѣ и требованіе „бурно" (выпивки) за въѣздъ; угощеніе; танецъ „ринге", напоминающій русскую „барыню". — **106.** *Н. Балабуха.* „Обряды и Легенды Страстной недѣли въ Тавридѣ". Первое изъ приведенныхъ преданій связано съ Лазаревою субботой и разсказываетъ о чудесномъ исцѣленія красавицы Пелагіи, дочери Мангупскаго князя, правившаго еще во время владѣнія Крымомъ православными греками; когда мѣстные врачи отказались спасти заболѣвшую княжну, Мангупскій князь послалъ въ Цареградъ за знаменитымъ врачемъ Никифоромъ. Вечеромъ въ Лазареву субботу, когда князь и народъ ожидали съ нетерпѣніемъ прибытія Никифора, у городскихъ воротъ появился благообразный старецъ, назвавшійся врачемъ; его привели къ княжнѣ, но она лежала уже мертвою; старецъ утѣшилъ отца ея и велѣлъ принести вина, князь самъ принесъ кубокъ и увидалъ дочь свою здоровою; врачъ не взялъ предложеннаго вознагражденія и велѣлъ раздать его нищимъ, а самъ удалился, далеко за городъ, сопровождаемый молодежью съ факелами въ рукахъ. Но ко всеобщему удивленію ночью вернулись посланные для встрѣчи Никифора царедворцы и принесли вѣсть, что корабль, на которомъ плылъ цареградскій врачъ, еще молодой человѣкъ, утонулъ. Кто былъ старецъ, исцѣлившій княжну узнали черезъ много лѣтъ: Пелагія, не желавшая по смерти отца править страной удалилась въ монастырь, гдѣ снова заболѣла, и таинственный врачъ опять явился, на этотъ рзъ—во снѣ епископу Мангупа, и сказалъ ему, что онъ Лазарь четырехдневный и что тогда, не желая омрачить горемъ Мангупцевъ въ день своего воскресенія, онъ просилъ у Бога разрѣшить ему явиться на землю для исцѣленія больной, теперь же дни ея сочтены. Въ Крыму существуетъ обычай въ Лазареву субботу устраивать за городскія ворота скачку,—это молодежь спѣшитъ встрѣтить Лазаря и княжну Пелагію; обычай этотъ отъ грековъ перешелъ и къ малороссамъ Таврической губерніи, хотя у нихъ обратился въ простое состязаніе въ ловкости и въ силѣ коней. Обычай въ Вербную субботу ходить въ крестномъ ходѣ съ ваями за городъ въ воспоминаніе входа Господня въ Іерусалимъ, при чемъ въ Симферополѣ еще недавно верба освящалась „за столбами", т. е. за городской стѣной, теперь же въ центрѣ города на площади. Строгій постъ у грековъ въ Страстную недѣлю; собираніе въ первые три дня

бабами первыхъ травъ, которыя хранятся, какъ лѣкарства; вечерній столъ въ страстной четвергъ; обычай на утрени подъ пятницу выносить на середину церкви крестъ, который и остается тутъ до Воскресенія Христова. Къ чистому четвергу относится слѣдующее преданіе: жившій во времена хановъ въ Бахчисараѣ скупой и жестокій купецъ-грекъ, христіанинъ Михалаки, былъ строго наказанъ Богомъ: всѣ дѣти его умерли, а тѣло его покрылось тринадцатью гнойными ранами, по числу 13 раззоренныхъ имъ христіанскихъ семей. Послѣ тщетнаго лѣченія Михалаки покаялся въ грѣхахъ своихъ и обратился за помощью къ праведному отшельнику-схимонаху, жившему въ Георгіевскомъ монастырѣ (нынѣ Георгіевскій-Балаклавскій). Старецъ сказалъ ему, что Михалаки исцѣлится, когда подъ великій пятокъ прочтутъ 13 евангелій, и дѣйствительно черезъ много лѣтъ, когда, по случаю совпаденія Благовѣщенія съ великимъ пяткомъ, было прочитано тринадцать евангелій, язвы Михалали закрылись сами собой, потому что, какъ объяснилъ ему впослѣдствіи отшельникъ, нѣтъ выше и святѣе дня, когда зачатіе Сына Божія, грядущаго для искупленія грѣховъ, совпадаетъ съ самымъ искупленіемъ. Въ Крыму вѣрятъ, что въ день такого совпаденія молитва праведника имѣетъ двойную силу, и день этотъ называется „днемъ чудесъ“. Выносъ плащаницы и особенность въ греческихъ и малороссійскихъ приходахъ. Вѣрованіе Болгаръ, что въ страстную субботу ходитъ по землѣ „черный гость“, т. е. изгнанный изъ ада діаволъ. Болгарскій обычай—Георгіевскій курбанъ (турецкаго происхожденія), заключающійся въ торжественномъ закланіи въ Георгіевъ день барашка на церковной оградѣ и угощеніи.—112. *В. П. Желиховская.* „На берегахъ Ріона“ (пасхальный разсказъ). Къ сожалѣнію, въ разсказѣ нѣтъ указаній, есть-ли передаваное дѣйствительно народное преданіе или же только вымыселъ автора. — Тамъ-же, въ отдѣлѣ „смѣсь“ — Земля Отчаянія (Огненная Земля). Нѣсколько словъ объ ея обитателяхъ—туземцахъ.— *Л. Тихомировъ.*—122. Сибирскіе вопросы. Авторъ, по его словамъ, является простымъ популяризаторомъ соображеній преосвященнаго Веніамина, изложенныхъ имъ въ трудѣ: Жизненные вопросы православной миссіи въ Сибири 1885. Особенное вниманіе обращаетъ онъ на сильное распространеніе ламаизма среди бурятъ, отчуждающее ихъ отъ русскихъ и противодѣйствующее успѣхамъ христіанской пропаганды. „По отчету оберъ-прокурора, ламская организація росла съ ужасающею быстротой. Въ 1741 году за Байкаломъ было 150 ламъ, въ 1756—312, въ 1822—2,502, въ 1843 году 4,546 ламъ, въ настоящее время въ одномъ Забайкальѣ считается 15,000 ламъ. Соотвѣтственно росту организаціи ламъ растетъ количество населенія обращеннаго ими въ буддизмъ, которое нынѣ, конечно, далеко превышаетъ 200,000, и это не дикіе, слабые, разрозненные шаманцы, а крѣпкая, враждебная намъ организація, сплоченная духовно и матеріально. Изъ простого этнографическаго матеріала Буряты этимъ путемъ превращаются въ народность. Обстоятельство тѣмъ болѣе досадное, что оно создано нашими собственными ошибками, какъ это ясно доказано преосвященнымъ Веніаминомъ и сдѣлано общеизвѣстнымъ прекрасными статьями г. Воронца“ По мнѣнію автора, усиленіе средствъ миссіонерской дѣятельности, русско-православное просвѣщеніе обращенныхъ, обдуманное приселеніе Русскихъ—и непремѣнно *православныхъ*, а не сектантовъ, повсюду гдѣ нуженъ примѣръ русской жизни и школа русскаго языка, уничтоженіе инородческихъ вѣдомствъ и самого понятія объ инородцѣ, сліяніе Русскихъ и инородцевъ въ однихъ общихъ волостяхъ, подъ одинаковымъ общимъ закономъ, допущеніе въ волостную администрацію лишь вполнѣ обрусѣлыхъ инородцевъ, уничтоженіе офиціальнаго значенія ламаизма—таковы главнѣйшіе пункты системы, которая должна наконецъ сдѣлать среднюю Сибирь *русскою* областью“.—183. *Е. Бѣлозерскій.*—Курьозные промыслы Авторъ описываетъ 2 курьозные промысла—профессіональное воровство и нищенство,—существующіе въ нѣкоторыхъ волостяхъ Пензенск губерніи Единственный промыселъ одной половины деревни Шуриновки Керенск. уѣзда со времени крѣпостного права—воровство: „если который-либо шуриновскій крестьянинъ не сидѣлъ въ своей жизни въ острогѣ или не участвовалъ въ кражахъ, то онъ не пользуется уваженіемъ среди своихъ односельчанъ: ни одна дѣвушка-невѣста не

пойдетъ замужъ за такого парня, который не таскался по острогамъ и не судился за какія-либо воровскія продѣлки. Такимъ образомъ, воровство среди шуринцевъ обратилось въ форменную профессію и считается молодечествомъ". Объясняется это явленіе тѣмъ, что предки шуриновцевъ—воровъ находились въ крѣпостной зависимости отъ какого то помѣщика, который въ видѣ оброка со своихъ крестьянъ самъ посылалъ ихъ на воровской промыселъ и ставилъ предѣлъ, ниже котораго крестьянинъ не могъ принести домой, вернувшись съ подобнаго заработка. — Въ Саранскомъ уѣздѣ въ нѣкоторыхъ селеньяхъ волостей — Воеводской, Нерлейской и Архангельско-Голицынской развито нищенство, какъ профессія. Въ теченіе лѣта жители с. Архангельскаго-Голицынскаго обрабатываютъ землю, а на зиму заколачиваютъ дома и уѣзжаютъ на промыселъ преимущественно на югъ, Донъ, Кавказъ, Уралъ, и даже доѣзжаютъ до Восточной Сибири, живя Христовымъ именемъ, причемъ назойливость и умѣнье разжалобить голицынскихъ нищихъ доведены до артистичности. Такіе нищіе достигаютъ большой зажиточности и ѣздятъ на заработокъ съ своими работниками, которыхъ они нанимаютъ исключительно для нищенства, плата имъ по два рубля въ недѣлю.—187. *Г. Гзеліевъ*. Двѣ грузинскія легенды. Авторъ безъ указанія источниковъ сообщаетъ легенду о царицѣ Тамарѣ и объ Александрѣ Македонскомъ. Обѣ легенды уже извѣстны. (Срав. Сборн. матер. для описанія мѣстн. и племенъ Кавказа, вып. X, отд. 3, стр. 35 и 40).

Новое Время. 1891.—5367. *Н. Оксанинъ*. Въ странѣ рябка и векши. Очерки древней Біарміи; путь отъ басейна Камы до басейна С. Двины.—**5368**. (Приложеніе). Генри Стенли. Карлики великаго африканскаго лѣса. (Окончаніе). — **5372**, **5380**. *М. И. П.* „Какъ ѣли встарину (въ XVII в.).—**5374**. Габріель Бонвало. Сообщеніе о путешествіи его по Тибету.—**5381**. О разрытіи кургановъ вблизи города Новозыбкова, причемъ отысканы слѣды сожженія труповъ.—**5388**. Въ Географич. Обществѣ. *Л. В. Вейнбергъ*: „О слѣдахъ Хазарской народности въ предѣлахъ Воронежской губерніи. — **5389**. *Ѳ. Булгаковъ*: Африканскіе ужасы и вопросъ о рабствѣ. Рецензія на книгу Разати: „Десять лѣтъ въ Экваторіи и возвращеніе съ Эминомъ-пашей". Данныя о каннибализмѣ и человѣческихъ жертвоприношеніяхъ въ Африкѣ.—**5397**. Въ Антропологическомъ Обществѣ: докладъ *Н. М. Ядринцева* (6 марта) въ годичномъ собраніи общества О „кочевыхъ народахъ и объ отношеніи ихъ къ общечеловѣческой цивилизаціи".—Грамотность въ древней Руси.—Рецензія на книгу Пыпина „Исторія Русской Этнографіи. (Приложеніе).—**5398**. *Вырубовъ*: „О зубангорскихъ татарахъ".—**5400**. Сообщеніе объ открытіи г. Ядринцевымъ въ долинѣ рѣки Орхона, въ Монголіи, древней столицы Монгольскихъ хановъ—Каракорума.—Воззрѣніе кавказскихъ мусульманъ на тюремное заключеніе (Каспій).—**5401**. Въ вольно-экономическомъ обществѣ. *А. А. Кауфманъ*: „О вліяніи переселенцевъ на мѣстное населеніе Сибири".—**5404**. Сообщеніе *Г. Е. Грумъ—Гржимайло*. Его докладъ о своемъ путешествіи на Тянь-Шань и на Куку-Норъ.—**5412**. Въ Географич. Общ. *Д. П. Никольскій*: „О пермскихъ мещерякахъ"—*В. П. Гайдебуровъ*: „О значеніи подарковъ въ свадебномъ обрядѣ русскихъ крестьянъ".—Въ археологическомъ обществѣ. Баронъ *Р. Гозенъ*: „Теорія Галеви о происхожденіи монгольскаго животнаго цикла".—**5417**. (Приложеніе). *В. О. Ключевскій*: „Земскіе соборы въ древней Руси". Изложеніе статей, помѣщенныхъ въ Рус. Мысли въ 90 и 91 гг.—Сообщеніе объ открытіи въ Ѳивахъ г. Гребо 180 мумій жрецовъ Амона. — **5418**. Въ Географич. Общ. *Д. П Никольскій*: О бытѣ пермскаго инородческаго населенія.—**5425**. (Приложеніе). Женская доля въ Африкѣ и въ Азіи. Нѣсколько извлеченій изъ сочиненія Антона Нагеле о положеніи женщины у различныхъ народовъ Азіи и Африки.—**5427**. Изъ Ровненскаго у. (Корресп.). Сообщеніе объ ожиданіи евреями пришествія „Месіяша", который поведетъ евреевъ въ Бразилію (Волынь). — **5430**. Объ умыканіи дѣвицъ въ Сербіи (Pester Lloyd).—**5431**. Новгородскіе раскольники, — корр. *А. Г. С.*— **5440**. *Ал. Амфитеатровъ*. Свѣтлый праздникъ. (Исландская легенда). Олафъ и царица эльфовъ (стихотвореніе).—**5442**. Пасха при Петрѣ Великомъ. Извлеченіе ихъ дневника Бергхольца: описаніе пасхи 1722 г.—Пасха при Екатеринѣ II. (Въ приложеніи).—**5443**. Въ Историческомъ Обществѣ. *С. А. Бершадскій*: Объ

общественной организаціи крестьянъ въ началѣ XVI вѣка.—**5447.** Японская коллекція В. В. Линдстрема, поступившая въ этногр. музей Имп. Академіи наукъ.

Новое Обозрѣніе. 1891. — 2502, 2505, 2509, 2519, 2537, 2510. Статьи г. Ерицова: „Католицизмъ въ Грузіи", гдѣ приводятся любопытные отзывы миссіонеровъ о нравахъ и обычаяхъ населенія Мингреліи и Грузіи. — **2508.** Легенда „Тамара и Каспій". — **2515.** Легенда объ Александрѣ Македонскомъ *Ил. Хонели.* — **2521.** *Мохаммедъ Ага Шахтахтинскій* Ремезанъ, мусульманскій постъ. Постъ заключается въ томъ, что правовѣрные отъ разсвѣта до заката солнца воздерживаются отъ всякой пищи, скоромной и постной, а съ наступленіемъ вечера принимаютъ и ту и другую безразлично. Во время поста грамотный мусульманинъ какъ можно больше читаетъ коранъ. Кто самъ не хочетъ читать, возлагаетъ этотъ трудъ на муллъ за деньги. — **2530.** Библіографическая замѣтка о „Живой Старинѣ" (вып. I и II) *А. Хах—ова.*—**2529.** Библіографическая замѣтка *Н. Гулака* о переводѣ на нѣмецкій языкъ грузинской поэмы Шота Руставели „Барсова кожа".

Новороссійскій Телеграфъ. 1891.—5050. *А. Скальковскій*: „Нѣсколько документовъ для исторіи Запорожья". Письма Луки Татищева и Павла Левашева къ Кошевому запорожскаго войска. — **5059.** *В. Шерцль*: „Китайскіе обычаи". Очерки обществ. жизни китайцевъ. — Проф. *А. И. Маркевичъ*: „О колонизаціи Слободской Украйны" (докладъ въ историко-филологическомъ обществѣ).—**5073.** Проф. *А. И. Маркевичъ*: „Южная Россія при Петрѣ Великомъ" (публ. лекція).—**5083.** Подземные города. Сообщеніе Бойера объ открытіи имъ въ окрестностяхъ Шахъ-Яра подземнаго города, построеннаго королемъ Афросіабомъ.—**5095.** *В. Шерцль*: О воззрѣніяхъ, народной поэзіи и философіи китайцевъ, поскольку онѣ отразились въ ихъ сказкахъ.

Новости 1891 г.—32. Причины переселенія въ Бразилію польскихъ крестьянъ изъ Ломжинской губ. (Варшав Дневн.). *Дыгасинскій*: Положеніе польскихъ переселенцевъ въ Бразиліи (Варш. Курьеръ).—**34.** *М. Венюковъ*: Новая дорога въ Тибетъ. Сообщеніе о путешествіи гг. Бонвало, д'Орлеана и Декена.—**35.** Эмиграція польскихъ крестьянъ въ Бразилію. (Варш. Дн.)—**39.** Пріемъ у Москингосскаго короля. (Изъ Нью-Іоркскихъ газетъ).—**40** *Ѳ. И. Чернышовъ*: Тиманская экспедиція: Сообщеніе объ изслѣдованіи Тиманскаго хребта.—**41.** О празднованіи астраханскими калмыками своего національнаго праздника „уаганъ-сара" (С. От.)—**42.** *П. А. Ровинскій*: „Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ" (Рецензія на трудъ Ровинскаго подъ указаннымъ заглавіемъ).—**44.** С. Петровское (корресп.) Сообщеніе о продажѣ сыномъ отца и матери" на вѣки" за 25 р. (Южанинъ).—**45.** О путешествіи Бонвало черезъ Тибетъ въ Ганой. —**46.** *Гребо.* Свѣдѣнія о раскопкахъ его въ древнихъ Ѳивахъ. (Journal des Debats)—**58.** *Л. Б. Вейнбергъ*: О слѣдахъ хазарской народности въ предѣлахъ Воронежской губ. (Докладъ въ географич. общ.)—**59.** Ровно (корресп.) Сообщеніе о переселеніи въ Америку изъ Волыни русскихъ крестьянъ (Кіев. Сл.)—**64.** Проф. *Э. Ю. Петри*: Въ полярныхъ странахъ. Научные результаты путешествія Фритьофа Нансена черезъ Гренландію.—**65.** *Д. И. Эварницкій*: Народная легенда о происхожденіи водки (по словамъ легенды хлѣбная водка создана І. Христомъ).—**68.** Письмо изъ Бразиліи польскаго крестьянина, переселившагося туда. (Варш. Дн.)—**70.** Кочевой бытъ народовъ и его значеніе въ культурѣ (докладъ *Н. М. Ядринцева*).—**71.** Сообщеніе объ открытіи Н. М. Ядринцевымъ развалинъ древняго (VIII в.) города Каракорума—столицы Монгольскихъ хановъ въ долинѣ р. Орхона.—Перепеч. изъ „Нов. Обозр." описаніе обычая въ Кутаис. уѣз., называемаго „Маріамъ-шеноби" и заключающагося въ томъ, что старшая изъ женщинъ въ четвергъ мясопустной недѣли зажигаетъ по всѣмъ угламъ дома восковыя свѣчи и проситъ Богородицу о размноженіи куръ.—**72.** Нѣсколько свѣдѣній о результатахъ экспедиціи Г. Е. Грумъ-Гржимайло.—**73.** Экспедиція Г. Е. Грумъ-Гржимайло. Его докладъ въ Географическомъ обществѣ. — **85.** *Шерцль.* Китайскіе обычаи (изъ Новор. Телегр.)—**95.** *В. Португаловъ*: Буддизмъ.—**96** *Е С.* Рецензія на книгу Анны Столповской: „Очеркъ исторіи куль-
—**99** Проф. *В. Жуковскій*: Изъ прошлаго Султанбенда—

плотины на Мургабѣ. Краткая исторія этого края съ X вѣка (съ указаніемъ источниковъ).—**102.** *Е. Т. Смирновъ*: Способъ хивинскихъ рыбаковъ „мергеней" бить рыбу острогой (Туркестан. Вѣдом.).—**105** Начало пароходства на Волгѣ. Отношеніе народа къ первымъ пароходамъ (Каз. Г. Вѣд.).—**107** *Ивановскій*: Манджурскій театръ; описаніе одного представленія. (Восточное Обозр.)—*Мирзоевъ*: Нѣсколько изрѣченій восточныхъ мудрецовъ (Новое Обозр.)—**108** Въ Нео-филологическомъ обществѣ. *Г. Н. Потанинъ*: Параллели изъ Монгольскихъ сказокъ къ нѣмецкимъ средневѣковымъ поэмамъ о Вольфдитрихѣ, Гугдитрихѣ и Ортнитѣ.—**111** *В. П. Желиховская*: Пасха у Кавказскихъ народовъ. Празднованіе пасхи, соблюденіе православныхъ постовъ всѣми народами Кавказа, не исключая и мусульманъ. Обряды, сопровождающіе празднованіе пасхи.—**113.** Обычай носить церковныя иконы во время Святой. Описаніе „богоносцевъ". (Смол. Вѣст.)—Нѣсколько изреченій восточныхъ мудрецовъ (Новое Обозр.)—**115** *Клемансъ-Ройе*: Древность человѣческой расы въ Америкѣ.—**116.** Празднованіе пасхи у литовцевъ католиковъ. Обрядъ учрежденія стражи у Распятія. (Ковен. Губ. Вѣд.) — О. *Іоаннъ Шиповичъ*: О пасхальныхъ писанкахъ (Кіевское Слово).—Выдержка изъ доклада въ Подольск. стат. Комитетѣ. Проф. *С. А. Бершадскій*: Объ общественной организаціи крестьянъ въ Литвѣ въ началѣ XVI вѣка. (Докладъ въ Историческомъ обществѣ).—**118.** *А.* Положеніе польскихъ переселенцевъ въ Бразиліи. (Разсказъ эмигранта Мартина Цесли).

Новости дня 1891 г.—**2717.** *Н. Бочаровъ*: Народныя примѣты, пріуроченныя ко дню Св. Аѳанасія.—**2727.** *А. Дыгасинскій*: О положеніи польскихъ переселенцевъ въ Бразиліи. (Варш. Кур.)—**2729.** *Н. Бочаровъ*: Народныя примѣты, пріуроченныя къ первымъ днямъ февраля. Историческія справки. Заговоръ на мышей, имѣющій особенную силу на Трифона (1-го февраля): „Какъ желѣзо на водѣ тонетъ, такъ и вамъ, гадамъ, сгинуть въ преисподнюю, въ смолу кипучую, во адъ кромѣшный, не жить вамъ на бѣломъ свѣтѣ, не видать вамъ травы муравой, не топтать вамъ росы медвяной, не ѣсть вамъ бѣлоярой пшеницы, не таскать вамъ золотаго ячменя, не грызть вамъ полнотѣлой ржи, не таскать вамъ пахучаго сѣна. Заклинаю васъ мышей моимъ крѣпкимъ словомъ на вѣки вѣковъ, слово мое ничѣмъ-же нарушится". Повѣрье, считающее грѣхомъ дальнія поѣздки послѣ Срѣтенья, и относящаяся сюда легенда.—**2751.** *Д. М.* Памятникъ Колумбу. Выдержки изъ его тайнаго дневника, веденнаго имъ во время пути, приведшаго его къ открытію Америки.—*Н. Бочаровъ*: Народныя примѣты, пріуроченныя ко дню Обрѣтенія главы І. Предтечи (24 февр.) Дѣйство страшнаго суда при патріархахъ.—**2752.** Народные обычаи, пріуроченные къ масляницѣ.—**2755** *Н. Бочаровъ*: Народныя примѣты, пріуроченныя къ 28 февраля. Коляда.

Одесскій Вѣстникъ 1891.—**83.** Причины выселенія польскихъ крестьянъ Ломжинской губ. въ Бразилію (Варш. Дневн.).

Одесскій Листокъ 1891:—**31** и **42.** *Дыгасинскій*: О положеніи польскихъ переселенцевъ въ Бразиліи (Варш. Кур.)—**41.** *Оса* „Индѣйская легенда" о превращеніи вождя краснокожихъ „Орлиное крыло" въ коня.—**43.** Карнавалъ въ Римѣ; его обычаи и исторія.

Одесскія Новости 1891.—**1822.** „Китайцы въ канунъ Новаго года". Обычай китайцевъ умилостивлять различными приношеніями въ канунъ Новаго года злого духа.—**1830.** Торговля дѣтьми среди инородцевъ Иркутской губ. (Сибир. Вѣстн.).—**1833.** Путешествіе Б. Л. Громбчевскаго. Нѣсколько данныхъ изъ его экспедиціи по Центральной Азіи. (Пр. В.)—**1841,-2.** *Карменъ Сильва.* „Омулъ"— карпатская легенда.

Оренбургскія Г. В. 1891.—**17.** Указъ Екатерины Великой о высылкѣ изъ Россіи евреевъ.—**13—15.** *Н. Юдинъ*: Исетъ Кутебаровъ. Одинъ изъ степныхъ батырей, типъ хищника киргиза. (Изъ дѣлъ Оренбургскаго Центральнаго Архива за 1853—56 гг.).

Орловскія Г. В. 1891.—**3.** Способъ китайцевъ выдавать паспорта.—Объ уничтоженіи въ Китаѣ обычая лишенія себя жизни вдовами по смерти мужа.—**12.** Какъ читаетъ книги китайскій богдыханъ.

Пензенскія Г. В. 1891.—39. *Н. Н-въ*: Ледокольныя артели въ Пензѣ.—**44.** *О. Ѳ. Чекалинъ*: Древнѣйшіе изъ городовъ Пензенской губ. Свѣдѣнія о древнѣйшемъ населеніи Пенз. губ.—**85** *С. Н. Н.* Письма изъ деревни. Сообщеніе о мочальномъ промыслѣ въ с. Юловѣ, Городищенскаго уѣзда.

Пензенскія Еп. Вѣд. 1891.—6. *Н. Быстровъ*, свящ. Поученіе противъ обычая давать невѣстѣ, на время совершенія таинства брака, списокъ „Сна Богородицы". Противъ нехристіанскаго обычая молодежи разъѣзжать, во время совершенія таинства брака, вокругъ церкви, пѣть пѣсни, водить хороводы и пр.—**8.** *Свящ. Ѳ. Тихоміровъ*. Празднованіе русскими царями XVI и XVII вв. Свѣтлаго Христова Воскресенія.

Пермскія Г. В. 1891.—17 и 18. *М. И. П.* „Какъ и что ѣли встарину, (Н. Вр. 5372).—**19.** Сообщеніе о появленіи среди черемисовъ новой секты „Кугу-Сарта" (Вят. Губ. Вѣд.)—**24.** *И. Н. Смирновъ*: „Семейный и общественный бытъ пермяковъ" Извлеченіе изъ доклада, читаннаго въ засѣданіи Казанскаго Общества, Арх. Ист. и Этнографіи.—**25, 27 и 28.** Программа для собиранія матеріаловъ для изученія Уральскаго края въ археологическомъ и антропологическомъ отношеніяхъ.—**29.** Проф. *И. Н. Смирновъ*: О погребальныхъ обычаяхъ и остаткахъ языческой старины у пермяковъ.—Пасха у евреевъ.—**30.** Засѣданіе Пермской коммиссіи Уральскаго Общества любителей естествознанія. Сообщеніе объ открытіи вещей каменнаго вѣка въ бассейнахъ рѣкъ Европейской и Азіатской Россіи.—**30 и 31.** *В. Б. Антоновичъ*: О погребальныхъ типахъ въ курганахъ Кіевской губ.—**33.** *Д. П. Никольскій*: О Пермскихъ мещерякахъ. Внѣшній бытъ.

Полтавскія Г. В. 1891—2. *А. Лисовскій*. Святочная пѣсня:

Ой сивъ Христосъ вечеряты; прыйшла до його Божа Матирь:
Отдай, Сыну, райски ключи, одимкнуты рай и пекло,
Выпустыты гришны души, одни души не выпустыты,
Що отця и неньку налаяла, не налаяла, а подумала.

Припѣвъ: „Щедрый вечирь, добрый вечирь". (Ср. Труды Этногр. Отд., кн. 13, стр. 20)—**4.** Капитанъ *Праттъ*. Легенда среди Сѣверо-Американскихъ индѣйцевъ о второмъ пришествіи І. Христа, для спасенія индѣйцевъ, причемъ два воина индѣйскихъ уже видѣли Христа. (С.-П.-В.)—**6.** *В. Станиславскій*. Валы, городища и курганы въ Кобелякскомъ у. Полтав. губ.—**10.** *В. Станиславскій*. Записки Т. В Калениченка о м. Голувѣ Кобелякск. у.—**15.** *Земскій Начальникъ*: Взглядъ крестьянъ на земельную собственность. (Кур. Г. В.).

Полтавскія Еп. В. 1891. **6.** *В. Щ.* Библіографическая замѣтка о грузинскомъ Евангеліи, находящемся въ Полтавскомъ Крестовоздвиженскомъ муж. монастырѣ. (Первое евангеліе, напеч. въ Грузіи на груз. яз.).—**8.** Свящ. *Николай Пирскій*. Историко-статистическій очеркъ села Солошина Кобелякскаго уѣзда.

Русскія Вѣдомости 1891—74. *А. Хах—овъ*. Рец. на трудъ М. М. Ковалевскаго: Законъ и обычай на Кавказѣ.—**92.** Корр. изъ Кіева о штундистахъ.—**102.** Московское Археологическое Общество. Докладъ *В. И. Сизова*: Раскопки въ Дьяковомъ городищѣ, близъ с. Коломенскаго, на берегу Москвы-рѣки. Описаніе найденныхъ тамъ предметовъ древняго происхожденія. Докл. *гр. Уваровой*: О поѣздкѣ въ Самаркандъ. Древнее городище „Афросіаба" близъ Самарканда.—**115** *В. Л. Б.* Рецензія на Нижегородскій Сборникъ, въ которомъ помѣщено нѣсколько статей по этнографіи.

Рязанскія Г. В. 1891.—25. *И. П. Золотницкій*: Матеріалы для историко-статистическаго описанія населенныхъ мѣстъ Рязанской геберніи. VIII. Касимовъ.—**27.** *М. П. П.* Какъ и что ѣли въ старину. (Нов. Вр. 5372).

Саратовскія Г. В. 1891.—14. Объ островѣ Цейлонѣ. Наружность цейлонцевъ и ихъ уличная жизнь.—**19.** Кр. *П. М. Суховъ*: Деревня Андреевка, Нижне-Добринской волости., Камышинскаго уѣз. Указанъ одинъ мѣстный обычай: передъ новымъ годомъ ходятъ по дворамъ и поютъ пѣсню съ припѣвомъ „Тауся Дуда",спросивъ сперва разрѣшенія, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Чанны ворота, посконна борода! не кричать-ли „Таусю Дуду?" (самой пѣсни не приведено).—**20.** Обряды передъ выѣздомъ на пахоту. А) Въ с. Руднѣ, Камышинскаго у., глава семьи

собираетъ вокругъ себя всѣхъ семейныхъ, кладетъ на столъ хлѣбъ-соль, хозяйка зажигаетъ лампаду передъ образомъ и начинаются поклоны и молитвы. В). Въ с. Пылковѣ, Кузнецкаго у. раннимъ утромъ хозяйка готовитъ пахарямъ обильный завтракъ, въ который непремѣнно входитъ яичница. Позавтракавъ, пахарь запрягаетъ лошадь, окончательно снаряжается, затѣмъ входитъ опять въ избу. На божницѣ зажигаютъ восковую свѣчу, всѣ домашніе присаживаются на минуту, затѣмъ встаютъ и кладутъ по три земныхъ поклона. С). Здѣсь-же, въ нѣкоторыхъ мордовскихъ домахъ на столъ приносится мѣра овса, въ нее вставляется восковая свѣча, причемъ хозяйка спѣшитъ для чего-то прислонить заслонку въ печи. Глава семьи беретъ изъ мѣрки двѣ горсти овса и бросаетъ ихъ подъ столъ, чтобы Богъ уродилъ на всѣхъ. Затѣмъ уже кладутъ три земныхъ поклона, произнося: „Зароди намъ, Вышній Создатель".—24. *Бѣляковъ*: С. Русская Норка, Мачкасской вол., Петровскаго у. Приведены двѣ наиболѣе распространенныя въ настоящее время среди молодежи пѣсни новѣйшаго происхожденія.—25—28. *А. Н. Минхъ*: Преданія объ основаніи городовъ Саратовской губ. Исторія ея заселенія.—26.—*скій*. Сл. Романовка (Корресп.) Моленія на дому передъ пахотой.—28 Вербное воскресенье въ древней Руси. (Моск. Вѣд. 1888 г.).- *Ѳед. Ерохинъ*. Слобода Большая Екатериновка, Аткарскаго у. Обычаи и обряды мѣстныхъ малороссовъ. Свадьба. Посидѣлки. Приведены пѣсни.—30. Легенда о „голомъ" человѣкѣ и „мохпатомъ". Мохнатый разорвалъ голаго на пашнѣ на части и предсказалъ крестьянамъ урожай.

Семипалатинскія Обл. В. 10—12. *Вл. фонъ-Гернъ*. Киргизскія пословицы.

Сибирскій Вѣстникъ.—22. *Н. Джетбысбаевъ*. Киргизская легенда о Тазъ-Тагъ (одна изъ вершинъ Тарбагатая). 35—36, *И. Ковригинъ*. По рѣкѣ Енисею (этнограф. очерки): крестьян. свадьба.

Сибирскій Листокъ.—1,3 *Н.Н.Н.*Поѣздка въ Пелымскій край.—8,9. О рыбопромышленности тоболяковъ.—9,10. Терсюкская волость, Ялотуров. окр., Тобольской губ. (сел.-хоз. очеркъ). 11,23. *С. М—въ*. Попытки водворенія хлѣбопашества въ Сургутскомъ краѣ.—13,14. Нѣсколько дней у остяковъ.—18,19. Очерки окраинъ Сибири: Тункинскій край Иркутской губ —20,21. *В. Штильке*. Землевладѣніе и земледѣліе въ Алтайскомъ горномъ округѣ.

Смоленскія. Еп. Вѣд. 1891 г.—3. Историко статистическое описаніе села Засижья, Васильевскаго тожъ, Дорогобужскаго уѣз. Религіозно-нравственное состояніе прихожанъ. Суевѣріе ихъ и его проявленія.

Смоленскій Вѣстникъ 1891.—29. Въ корреспонденціи изъ Сычевки говорится о „хватучей недѣлѣ" (послѣдней недѣлѣ Рождествен. мясоѣда). На этой недѣлѣ задумавшіе, но не успѣвшіе жениться „хватаютъ" поскорѣе невѣстъ и совершаютъ свадьбы „уходомъ" (самокрутки). Это особенно распространено среди старообрядцевъ. Нерѣдко бываетъ, что послѣ „запоинъ" и „рукобитья" невѣста не идетъ за нареченнаго жениха, а помощью какой-нибудь хитрости, напр., уѣздомъ въ кадушкѣ, является къ милому и, ничуть не медля, ѣдетъ съ нимъ вѣнчаться. Обманутому же жениху отецъ платитъ „за опороченье".—36. 38. *Ив. Виноградовъ*: Историческіе очерки Смоленской губерніи. I. Состояніе образованности въ г. Вязьмѣ прежде и теперь.—38. Отъ Музея. Пріобрѣтенъ между прочимъ рисунокъ каменнаго изваянія, находящагося при д. Болваны, Рослав ьск. уѣз.—43.51. *Деревенскій житель*. Дневникъ сельскаго обывателя.—45. Городскія извѣстія: содержаніе проекта устава Смоленскаго Общества Любителей Археологіи, Исторіи и Этнографіи.—Въ корреспонденціи изъ Рославля, по поводу возникшаго вопроса о невозможности продавать рославльскую городскую землю нерославлянину, приводятся нѣкоторыя весьма интересныя историч. справки, ярко характеризующія рославльцевъ въ ихъ историческомъ прошломъ.—53. *К. Ровинскій*. Необходимость учрежденія въ Смоленскѣ ученой коммиссіи для собиранія и разработки археографическаго матеріала. Указавъ въ довольно длинной замѣткѣ на богатый аргеографическій матеріалъ, хранящійся въ Смоленскихъ архивахъ за XIX столѣтіе (все, хранившееся отъ другихъ вѣковъ было сожжено велѣніемъ смоленск. губернатора въ 1812 году), и на безпощадное гніеніе его въ сырыхъ помѣщеніяхъ, авторъ считаетъ необходимымъ образовать

археогр. коммиссію при Смол. Историко-Археологическомъ Музеѣ, чтобы, съ одной стороны, охранять старину, а съ другой, расширить дѣятельность Музея.

Ставропольскія Еп. Вѣд. 1891.—5. Свящ. *Петръ Даниловъ*: Свѣдѣнія о сектантахъ ст. Кальниболотской, Кубанской обл. Шалопутская іерархія. Приведены слѣд. двѣ пѣсни, которыя поютъ шалопуты на своихъ молитвенныхъ собраніяхъ:

1. Поможи намъ, Духъ Святий, тайну Божію открыть,
Намъ про Батюшку Отца, про Искупителя Творца.
Хочетъ Батюшка родимый посмотрѣть златой престолъ.
Поскакалъ нашъ Государь по высокимъ облакамъ,
По соборамъ и церквамъ, по царямъ и кораблямъ.
Онъ такую рѣчь держалъ:
Вы, садовнички въ садахъ, прививайте древеса,
Вы пастыри въ церквахъ, погодуйте своихъ овецъ,
А васъ Батюшка родимый облекетъ въ златой вѣнецъ.
2. Въ девятнадцатомъ вѣкѣ народился богатырь,
Какъ по имени Порфиръ.
Его люди дуже знали и за Бога почитали.
Порфиръ людей набиралъ, къ Саваоѳу отсылалъ.
Саваоѳъ какъ увидалъ, и радостно закричалъ:
Эхъ, Порфировы сыны, пожалуйте вы сюды!
Я васъ, дѣтки, поселю во златые сады.
Сына моего вы узнали, слова его исполняли.
Я васъ, дѣточки, прославлю, безъ награды не оставлю.

Тверскія Г. В. 1891.—19. Тверской музей и его пріобрѣтенія въ 1889 г. I. Орудія каменнаго вѣка. Костяныя орудія.—**21.** То же II. Курганные предметы. III. Христіанскія древности.—**22.** Тоже (прод.) III. Христіанскія древности.

Туркестанская Туз. Газета.—11. *Закирджанъ Фиркатъ.* О музыкѣ и музыкантахъ, объ ихъ инструментахъ и производимомъ музыкой впечатлѣніи.

Уральскія Войсковыя Вѣд.—16. Коневодство въ Средней Азіи.

Уфимскія Г. В. 1891—11. Д-ръ *Д. П. Никольскій*: Изъ поѣздокъ по Башкиріи. (Прод.; см. № 38, 1890 года). Внѣшній бытъ башкиръ деревни Сырекульмякова, Саринской волости, на р. Такрюзакъ. Внутренняя обстановка башкирской избы. Распредѣленіе населенія деревни по поламъ и возрастамъ.—**12** Тоже, прод.: Занятіе земледѣліемъ жителей-башкиръ деревни Инмикъ.

Харьковскія Г. В. 1891.—3. Рецензія на книгу Я. Шульгина „Очеркъ Коліивщины".—**4.** Причины эмиграціи польскихъ крестьянъ въ Бразилію (Варш. Дн.)—Положеніе польскихъ переселенцевъ въ Бразиліи (см также № 16 и 76).— Новохоперскій уѣздъ (корресп.): появленіе новой секты „атетуевъ", основной принципъ которыхъ—общность женъ.—**6.** Святки въ Малороссіи. Село X. Полтавской губ., Переяславскаго у. Приведено много „колядокъ" и „щедривокъ".— **10.** Китайцы въ канунъ новаго года.—**25** *I. Чурилинъ.* С. Жихорь, Харьковскаго уѣзда Обычай, по которому женихъ, добившись расположенія невѣсты и ея согласія на бракъ, даетъ приданое невѣстѣ, которое передается отцу, въ размѣрѣ 30—100 руб., хотя это жениховo приданое не имѣетъ характера мусульманскаго „калыма".—**67.** Проф. *В. П. Бузескулъ.* Шлиманъ и его раскопки въ Троѣ, Микенахъ и Тиринѳѣ.—**76.**—Смѣсь: „Мусульманская легенда" о сотвореніи человѣка.—**77.** *Т.* М. Зміевъ. (корресп.): Вечерушки крестьянской молодежи.

Черниговскія Г. В. 1891,—4. Новозыбковъ (корресп.). Сообщеніе о разрытіи нѣсколькихъ кургановъ, въ которыхъ найдено много угля и золы, что указываетъ на обычай трупосожженія.—**14.** *Ник. Вѣляшевскій*: Святыя Руины. Нѣсколько данныхъ изъ исторіи (велико-княжеской) с. Старогородки, древняго „Городца Остерскаго".

Южный Край. 1891.—3436. „Новый годъ въ старое время".—**3437.** Объ умилостивленіи китайцами злого духа „Гуй-цза" въ канунъ новаго года.—**3438** Капитанъ *Прастъ.* Ожиданіе С. Америк. Индѣйцами второго пришествія I.

Христа. Легенда о явленіи Его двумъ краснокожимъ воинамъ. (С. Петерб. Вѣд.). —**3439**. Люблинъ (Корресп.). Суевѣрное представленіе жителей мѣстности Модлибожице о цѣлебной силѣ лѣкарствъ, въ составъ которыхъ входятъ голова, руки и ноги еврея—покойника. (Моск. Лист.) —**3440**. „Крещенскія святки". Гаданія дѣвушекъ „по звѣздамъ". Цѣлебная сила снѣга, собраннаго со стоговъ.— День Богоявленія въ древней Руси.—**3443**. Челнокъ съ оо. Фиджи.—Д-ръ Фелькинъ у короля Уганды Мтезы. (Смѣсь).—**3447**. Иркутскъ (корресп.). О продажѣ дѣтей - дѣвочекъ.—**3451**. *Н. Н. Балабуха*. Письма о Слободской Украйнѣ. I. Когда и какъ населялась Слободская Украйна. Древніе казачьи города. Время возникновенія Сумъ, ихъ прошлое и настоящее.—Смѣсь. Способъ дѣвушекъ Галатіи заставлять своихъ возлюбленныхъ брать ихъ замужъ (ожиданіемъ разсвѣта у ихъ дверей).—**3454**. *Рудольфъ Шмидтъ*. „Тайны ночи". Финская народная сага.—**3455**. *Н. Н. Балабуха*. Письма о Слободской Украйнѣ. II. Г. Сумы, его прошлое и настоящее. Сумскій казачій поселенный полкъ и его участіе въ исторіи Слободской Украйны. Царь Петръ въ Сумахъ. Шведская война.— Вильно (корресп.). Фактъ погребенія живой женщины, ярко рисующій суевѣріе населенія. (Вил. Вѣстн.).—**3457**. Черниговская губ. (корресп.). Сообщеніе о разрытіи кургановъ въ окрестностяхъ г. Новозыбкова, съ признаками трупосожженія.— **3463**. *Н. Н. Балабуха*. Письма о Слободской Украйнѣ. III. Бѣлгородъ. Историческое прошлое его.—**3464**. *Д. И. Эварницкій*. „Вольности запорожскихъ казаковъ". (Библіограф. зам.).—**3469**. *Н. Н. Балабуха*. Письма о Слоб. Украйнѣ. IV. Сѣверозападный уголокъ Сумского уѣзда. Городъ Бѣлополье, Виры и другія древнія поселенія. Прошлое и настоящее этой части уѣзда.—**3472**. *Н. Н. Балабуха*. Тоже: V. Сѣверная часть Сумскаго уѣзда. Данныя о ея прошломъ и настоящемъ. Выѣздъ изъ Сумъ. Села: Бассы, Верхняя и Нижняя Сыроватки.—**3477**. *А. Дыгасинскій*. Прошеніе польскихъ эмигрантовъ, рисующее ихъ бытъ въ Бразиліи. (Варш. Дн.).—Смѣсь: Портретъ стараго вождя племени ирокезовъ, Тома Старра.—**3478**. *Н. Н. Балабуха*. Письма о Слоб Украйнѣ. VI. Окончаніе описанія Сумскаго уѣзда. Село Бездринъ: его преданія. Пасхальная ночь на Украйнѣ. Народные обычаи.—**3483**. *Н. Н. Балабуха*. Тоже: VII. Ахтырскій уѣздъ. Г. Ахтырка. Происхожденіе и время основанія его.—**3485**. Тоже. VIII. Ахтырка. Преданіе рода графовъ Паниныхъ. Участіе Ахтырскаго полка въ войнахъ казацко-татарскихъ и въ борьбѣ Петра I съ Карломъ XII, равно дальнѣйшая его судьба.—**3489**. *Б. И. Куракинъ*. „Исторія о Царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ". (Архивъ князя Куракина). Утвержденіе православія на Волыни.—**3490**. Масляница въ древней Руси. Колодка или „Колодій". Маски. Карнавалъ въ Римѣ. Карнавалъ въ нынѣшнемъ году.—Смѣсь: потомки ацтековъ въ берлинскомъ Паноптикумѣ.—**3493**. *Павелъ Чугуевецъ*. Поэзія масляницы на Украйнѣ.—**3499**. *Н. Н. Балабуха*. Письма о Слоб. Украйнѣ. IX. Бывшій городъ Котельва; его исторія. Слободы: Бѣлка, Хухра, Скельское и Бѣльское городища. Общій взглядъ на эту часть Ахтырскаго уѣзда.—"Голоданіе переселенцевъ въ Кокчетавскомъ уѣздѣ". О положеніи русскихъ переселенцевъ въ Сибири. (Сибир. Вѣстн.).

Ярославскія Г. В 1891.—**2**, 6, 28. *А. Архангельскій*. Пѣсни и причеты Дмитревскаго прихода, Пошехонскаго уѣзда, Яросл. губ.—**4**. Приложенія къ статьѣ *С. Я. Дерунова*. Село Козьмодемьянское Щетинской волости, Пошех. у. Мѣстныя народныя сказки.—**5**. Тоже (прод.): сказка о двухъ хитрушкахъ.—**7**. **11**, **13**, **16**, **17**, **21**, **27**. Тоже: Пѣсни и причитанья.—**19**. *А. Князевъ*. Праздники и ихъ препровожденіе въ Рыбинскомъ уѣздѣ.

Указатель этнографическихъ статей и замѣтокъ, содержащихся въ сибирскихъ изданіяхъ отъ начала ихъ существованія.

Сост. А. А. Ивановскій.

Библіотека:

ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная въ пользу и удовольствіе всякаго званія читателей. Печатано съ указнаго дозволенія въ Тобольскѣ, въ Типографіи у В. Корнильева [1]).

1793 г.—I—V. Краткое повѣствованіе о происхожденіи художествъ: человѣческое одѣяніе, художество тканія, шелкъ, крашеніе, разные образцы и покрои одеждъ, архитектура или зодчество, земледѣліе, медицына, мореплаваніе, писаніе, дѣланіе стекла, глиняная посуда, верховая ѣзда, звѣриная и рыбная ловля, плавленіе металловъ.—**II.** О Алкоранѣ.—**II, IV.** Описаніе брачныхъ обрядовъ нѣкоторыхъ народовъ: у Галловъ, Гвебровъ, послѣдователей Сабеизма (секта въ Персіи), Персіянъ, Индѣйцевъ, Наировъ (Каликутскихъ дворянъ), въ Гренландіи, Исландіи, Мал. Бухаріи, Сіамѣ, на Филиппинскихъ о—вахъ, въ королевствахъ Юндскомъ и Ардрасскомъ (въ Африкѣ), на берегахъ Ориноко, на о—вѣ Цейлонѣ, Формозѣ, въ Лаоскомъ королевствѣ, въ Конго и на о-вѣ Таити. **IV.** Понятіе Американцевъ о будущей жизни (о Марратонѣ, видѣвшемъ міръ духовъ).—**V.** Гюльпа и Шалюмъ,—китайская сказка.

1794 г.—VII. О играхъ древнихъ народовъ (Олимпійскія, Писійскія, Немейскія и Истмійскія).

Владивостокъ [2]).

1883 г.—1, 3, 5. Изслѣдованія Ив. Сем. Полякова на о—вѣ Сахалинѣ.—**9.** Дикіе на Формозѣ (о путешествіи Ханкока изъ „Jap и Daily Herald“).—**23.** Долина Сучана.—**29—32, 36.** По поводу колонизаціи Уссурійскаго края.—**36.** Звѣриный промыселъ въ Камчаткѣ.

884 г.—1. Поѣздка въ корейскую деревню Тяпигау.—**5.** *Мисс. Ф. Типцовъ.* Нѣсколько словъ о корейцахъ и ихъ хлѣбопашествѣ.—**9.** *Мисс. Ф. Типцовъ.* Успѣхи православной миссіи среди корейцевъ.—**16, 20.** *М. Ироновъ.* Къ вопросу о колонизаціи Южно-Уссурійскаго края.—**17.** Наши сношенія съ корейцами.—**29.** Изъ записокъ миссіонера (о корейцахъ, гилякахъ, гольдахъ, тунгусахъ, якутахъ, орочонахъ, чукчахъ, корякахъ и самогирцахъ) —**39, 40.** Китайцы и Амурскій край.—**44—46.** Сѣверно-Уссурійскій край (о китайцахъ, гольдахъ и орочонахъ).

1885 г.—2. Новый годъ въ Китаѣ.—**2, 4, 5.** Взглядъ на колонизацію Южно-Уссурійскаго края.—**7—9** О корейцахъ.—**17.** *В. П. Маргариновъ.* Кухонные остатки, найденные на берегу Амурскаго зал., близь устья рѣчки Седими.—**34—36, 38, 44.** Поземельный вопросъ въ Приамурскомъ краѣ.

1886 г.—4—8, 10. Инородческое населеніе Уссурійской страны (манзы, гольды, орочоны и корейцы).—**19.** *Миронъ Тугаринъ.* О мѣстныхъ корейцахъ.—**34—36.** О положеніи Зейскаго населенія.

1887 г.—5. Экономич. застой въ Нерчинскомъ краѣ.—**11.** *С. Люсьенъ.* Освященіе новой кумирни въ г. Хунчунѣ.—**32—38, 40, 41, 44—48.** *П. Першинъ.* По Амуру.—**37, 38.** *П. Першинъ* Нѣсколько дней на берегу Кореи.—**39.** Наши отношенія къ сосѣдямъ (по поводу ст. Н. Матюнина: „Наши сосѣди на крайнемъ Востокѣ“ въ „Вѣстн. Евр.“ 1887 г. № 7).—**45.** Корея,—пут. замѣтки.—**48—52.** Рабочій вопросъ и колонизація въ Приамурскомъ краѣ.

1888 г.—10. По поводу лекціи г. Буссе: „О древностяхъ, находимыхъ по берегамъ р. р. Улу, Улахэ и Даубихэ.“—**24.** Наша сосѣдка Корея.—**25.** Наши

---

[1]) Издавалась въ 1793 и 1794 гг.; вышло XII частей.

[2]) Издается въ г. Владивостокѣ съ 17 апрѣля 1883 г.

сѣв.-вост. окраины и американцы.—**31, 32, 35.** *Ф. Гекъ*. Отъ Владивостока до мыса Наваринъ.—**33.** Роль и значеніе общества изученія Амур. края.—**35.** Къ вопросу о составленіи біографіи И. С. Полякова.—**36, 37.** *Ф. Гекъ*. Отъ мыса Наваринъ къ мысу Сердце—Камень и обратно въ Владивостокъ (продолж.; см. №№ 31, 32 и 35).—**39.** *Ф. Гекъ*. Положеніе чукчей и китобойный промыселъ **51, 52** *В. К—въ*. Поѣздка въ Хуньчунъ.

Восточное Поморье [1]).

1865 г.—3, 4. Краткій обзоръ дѣйствій Амурской К° за 7 лѣтъ ея существованія на Амурѣ (манджуры, гиляки).—**10.** Извѣстіе изъ Гижиги (чукчи и коряки).—**12.** О тресковомъ промыслѣ.—**13—15.** *Бровцынъ*. О рыбномъ промыслѣ около Николаевска.—**17, 18, 21.** Изъ поѣздки на р. Амгунь акад. Мейера въ 1857 г.—**18.** О жень-шенѣ.—**20.** *Н. Бочаровъ*. Нѣсколько словъ объ Удскомъ краѣ.—**27.** *Іером. Николай*. Число народонаселенія въ Японіи.

1866 г.—1, 3, 5. Вліяніе Николаевскаго климата и пищи на человѣка.—**2—4.** Изъ поѣздки въ Анадырскъ въ 1860 г.—**5—9.** *В. Линдгольмъ*. Замѣтки объ Охотскомъ морѣ.—**12.** Нѣсколько словъ о населеніяхъ Амурской обл.—**13.** Объ языкахъ страны, пройденной пограничною коммиссіею въ 1861 г., и въ частности объ языкѣ китайскомъ.— Мѣстонахожденіе каменныхъ орудій въ 10 вер. отъ Николаевска по дорогѣ къ м. Чнырахъ, на р. Патха.—Шаманство у гилякъ.—**21, 22.** Корейская свадьба.—**21—23.** Обзоръ мѣстности о—ва Сахалина.—**24.** Кембанъ (объ японскихъ играхъ).

Енисейскія Губернскія Вѣдомости [2]).

1858 г.—43—45, 47. *М. Кривошапкинъ*. О причинахъ цынги въ Енисейскомъ окр.: 1) жизнь остяковъ, 2) жизнь тунгусовъ и самояди, 3) жизнь русскихъ отъ Енисейска къ морю и 5) г. Енисейскъ.—**48, 49.** *Князь Н. Костровъ*. Бельтиры (см. IV кн. „Запис. Зап.-Сиб. Огд. И. Р. Г. О.").

1859,—11—13, 15, 16, 20—27. *Кн. Костровъ*. Замѣтки о минусинскихъ инородцахъ и обитаемой ими мѣстности (татары, качинцы, сагайцы, койбавы).—**30.** *Кн. Костровъ*. Пѣсни минусинскихъ татаръ.—**37.** *И. Кирпевъ*. Объ измѣреніи времени у древнихъ народовъ (изъ популяр. астрономіи Араго).—**43.** *Кн. Костровъ*. Тесинская пещера (въ Минусин. окр.).—**45.** *Кн. Костровъ*. „Страна мраковъ" араб. путешественника Ибнъ-Батуты.—**46—52.** *М. Кривошапкинъ*. Изъ статист. описанія Енисейскаго окр.: остяки, происхожденіе ихъ, историч. данныя, ихъ настоящее.

1860 г.—1—4, 22—34, 36—51. *М. Ѳ. Кривошапкинъ*. Изъ статист. описанія Енисейскаго окр. (продолж.): тунгусы, самоядь, якуты (интересныя данныя о звѣропромышленности).—**19. 20.** *Кн. Костровъ*. День рожденія у древнихъ Римлянъ.—**35.** *Кн. Костровъ*. Очеркъ Шушенской вол. Минусинскаго окр.—**42.** *Кн. Костровъ*. Чешскія пѣсни.

1861 г.—2, 3, 6, 8—15, 19—24. *М. Кривошапкинъ*. Статистич. описаніе Енисейскаго окр. (продолж., см. 1859 и 1860 гг.).

1866 г.—36. Нѣсколько словъ о самозванныхъ лѣкаряхъ и лѣкаркахъ (знахари и знахарки).

1867 г.—5. *Свящ. П. Исполатовскій*. Предразсудки, какъ зло для здоровья и хозяйства (изъ „Тр. И. Вол.-Экон. Общ.").—**45.** Китайское земледѣліе (изъ „Симб. Г. В.").

1868 г.—14. Нѣсколько словъ о невѣжествѣ и предразсудкахъ, обусловливающихъ иногда жестокое обращеніе съ животными.

1871 г.—24. Погребеніе у мусульманъ въ Тифлисѣ (изъ „Вилен. Вѣстн.").—**25.** Народные киргизскіе обычаи (похороны)—**42—44.** О народныхъ обычаяхъ:

---

[1]) Издавалось въ Николаевѣ на Амурѣ (съ 5-го іюня 1865 г.), подъ ред. Ѳ. Якимова; закончилось изданіе 24-мъ № 1866 г.

[2]) Издаются въ Красноярскѣ съ 2-го іюля 1857 года. За 1857, 1862—1865, 69, 1870, 1872—1884, 1886—1888 г.г. этнографич. статей нѣтъ.

семейная жизнь въ Зарайскомъ у. Рязан. г., крестины, свадьба, похороны, болѣзни и повѣрья (изъ „Рязан. Губ. Вѣд.“).

1885 г — 39, 41—43. *А. К. Завадскій-Краснопольскій.* Очеркъ Енисейской губ. (геогр., этногр. и статист.).

Енисейскія Епархіальныя Вѣдомости *).

1884 г.—7. *Мисс. Сусловъ.* Поѣздка къ озеру Ессею въ Туруханскомъ краѣ, Енисейской губ. (объ якутахъ и тунгусахъ).—**13, 15, 19—21**. Путевой журналъ священника-миссіонера Мих. Суслова при поѣздкѣ къ озеру Ессею.—**13, 14, 18.** *П. Θ. Т.* Листки изъ записной книжки, веденной при архипастырскомъ обозрѣніи инородческихъ приходовъ Ачинскаго и Минусинскаго округовъ: 1) встрѣча съ шаманомъ; 2) нѣчто о шайтанахъ и 3) инородческіе улусы по берегамъ р. Чулыма.—**18.** Нѣсколько словъ объ инородцахъ (татарахъ) Кизыльской степной думы.—**21.** *Свящ. П. Суховскій.* Остатки языческой обрядности у кивинскихъ инородцевъ.

1885 г.—1, 5, 9, 12, 16, 19, 20. *Свящ. Н. Путиловъ.* Усинскій край.—**3.** *Свящ. Мих. Солодчинъ.* Къ статьѣ „Усинскій край.“—**7.** *Свящ. Путиловъ.* Отвѣтъ на замѣтку объ Усинскомъ краѣ.—**17.** *Свящ. Путиловъ.* Шаманы въ роли врачей.—**23.** *Свящ. Орфеевъ.* Брачные обычаи инородцевъ Минусинскаго окр.—**24.** *Свящ. Орфеевъ.* Суевѣріе простолюдина во время чумы рогатаго скота (опахиваніе села дѣвками).

1886 г.—1. *Свящ. Н. Орфеевъ.* Шаманство у инородцевъ Минусинскаго окр.—**3.** *Свящ. Н. Орфеевъ.* Суевѣрія и предразсудки инородцевъ Минусинскаго окр.—**4—8.** *Свящ. М. Сусловъ.* Поѣздка къ устью р. Енисея, на мѣста рыбной ловли при р. Гольчихѣ (о самоѣдахъ).—**8.** *Свящ. Н. Орфеевъ.* Поминки у инородцевъ Минусинскаго окр.—**11, 12, 14, 15.** *Свящ. Ник. Путиловъ.* Урянхаи или сойоты.

1887 г.—7, 8, 11. *Свящ. Ник. Путиловъ.* Урянхаи или сойоты.—**12.** *Свящ. Н. Орфеевъ,* Занятіе, жилище и пища инородцевъ Минусинскаго окр.—**15, 16.** *Свящ. Н. Орфеевъ.* Матеріалы для изученія инородческихъ вѣроученій: мѣсто обитанія душъ умершихъ людей—подземное царство; духи, управляющіе имъ, и наказанія грѣшниковъ, по сказаніямъ минусинскихъ инородцевъ (между прочимъ, о людоѣдѣ Талай-ханѣ и о дочери Изитъ-хана, превращавшейся въ „черную лисицу“).—**16.** *Свящ. Н. Орфеевъ.* Умственная пища инородцевъ Минусинскаго окр. (богатыр. поэмы; подвиги богатырей съ младенческаго возраста; богатыр. кони).—**17.** *Свящ. Н. Орфеевъ.* Бытъ минусинскихъ инородцевъ, какимъ онъ изображается въ ихъ поэмахъ (татар. поэма о князьяхъ, жившихъ на Абаканѣ и Енисеѣ)—**21.** *М. Александровъ.* Къ характеристикѣ религіозныхъ вѣрованій самоѣдовъ язычниковъ и ихъ быта (по ихъ сказкамъ и пѣснямъ).

1888 г.—1—4, 6. *М. Александровъ.* Къ характеристикѣ религіозныхъ вѣрованій самоѣдовъ-язычниковъ и ихъ быта (оконч.): сказки: 1) о Богѣ, принявшемъ видъ человѣка; 2) Итя (о людоѣдѣ Пинегуссе); 3) о самоѣдѣ, убившемъ, по совѣту куропатокъ, свою жену въ надеждѣ разбогатѣть; 4) споръ изъ-за первенства двухъ татибеевъ (шамановъ); 5) о семи дѣвушкахъ, прилетающихъ съ неба на землю, о душѣ человѣческой и о переселеніи нѣкоторыхъ людей на небо; 6) объ одноногомъ, однорукомъ и одноглазомъ старикѣ (здѣсь-же—вѣщій сонъ, оживленіе мертвыхъ и превращеніе людей въ камни); 7) эпическая пѣсня о богатырѣ Катъ Манъ-Пучѣ (о похищеніи невѣсты и о войнѣ, возгорѣвшейся по этому поводу между богатыремъ и братомъ невѣсты и другимъ женихомъ, „низовскимъ богатыремъ“, пришедшимъ съ войскомъ мстить Катъ Манъ-Пучу).—**7—9, 12—18.** *М. Александровъ.* О религіозномъ міросозерцаніи минусинскихъ инородцевъ—**11.** *Свящ. Н. Орфеевъ.* Преданія о курганахъ у инородцевъ Минусинскаго окр. (сказанія о богатыряхъ-великанахъ и людяхъ, обращенныхъ въ „каменныя бабы“).

---

*) Издаются въ г. Красноярскѣ съ 1 февраля 1884 года.

СМѢСЬ.

Отголоски Рустеміады у Курдовъ

Въ моей статьѣ „Отголоски иранскихъ сказаній на Кавказѣ“ *) я разсмотрѣлъ нѣкоторые наиболѣе популярные эпизоды изъ похожденій Рустема, извѣстные Грузинамъ, Сванетамъ, Пшавамъ и Осетинамъ. Къ такимъ эпизодамъ относится бой Рустема съ сыномъ и освобожденіе Рустемомъ Бижена (Бежана). Не меньшей популярностью въ Иранѣ и за его предѣлами пользуется борьба Рустема съ *дивами*, особенно съ *Бѣлымъ* дивомъ, предпринятая имъ въ Мазендеранѣ съ цѣлью освободить изъ плѣна персидскаго царя Кейкауса. Отголости нѣкоторыхъ эпизодовъ мазендеранскихъ похожденій персидскаго національнаго пехлевана сохранились въ одной обширной курдской сказкѣ, напечатанной въ курманджійскомъ текстѣ съ русскимъ переводомъ г. Егіазаровымъ во 2-мъ выпускѣ XIII книжки „Записокъ Кавказскаго Отдѣла И. Р. Геогр. Общества“. Сказка, озаглавленная „Махмудъ-охотникъ, Османъ-богатырь и Асадъ-воитель“, содержитъ среди обычныхъ сказочныхъ похожденій трехъ братьевъ(напр. борьба съ разными *дивами* съ цѣлью освобожденія похищенныхъ ими красавицъ) одинъ эпизодъ, живо напоминающій похожденіе Рустема съ Ауладомъ.

Османъ-богатырь во время своихъ странствованій доѣхалъ до одного луга и слѣзъ съ своего коня. Когда онъ сталъ привязывать свою лошадь, то замѣтилъ группу всадниковъ. Послѣдніе, подъѣхавъ къ нему, сказали: „О безумный всадникъ! развѣ ты не слыхалъ, что даже птицы не пролетаютъ отъ страха надъ этимъ лугомъ, который принадлежитъ Зоръ-Асланъ-беку“. Османъ просилъ ихъ оставить его въ покоѣ, но они потребовали, чтобъ онъ явился къ ихъ властителю, и хотѣли его схватить. Тогда богатырь, обнаживъ мечь, однихъ ранилъ, другихъ убилъ, а остальные бѣжали и разсказали Зоръ-Аслану о случившемся. Разгнѣванный властитель пріѣхалъ на лугъ, разразился угрозами противъ Османа и потребовалъ, чтобъ онъ поцѣловалъ его стремя и сталъ его слугой. Османъ отвѣчаетъ ему угрозами, и оба богатыря вступаютъ въ бой. Зоръ-Асланъ уже хотѣлъ было нанести Осману ударъ мечемъ, но тотъ схватилъ его за руку, вырвалъ у него мечь, поднялъ его съ сѣдла, бросилъ на землю и *связалъ* ему руки и ноги. Зоръ-Асланъ молитъ о пощадѣ и обѣщаетъ съ своими слугами служить Осману. Дѣйствительно, онъ сообщаетъ ему о красномъ дивѣ, похитившемъ дочь у китайскаго царя Шаха Исмаила, и показываетъ къ нему дорогу. Османъ побѣдилъ дива, отрубилъ ему голову, освободилъ царевну и привезъ ее въ городъ къ ея отцу. Царь выдалъ дочь за Османа, а Зоръ-Аслана назначилъ *намѣстникомъ одной провинціи*. (Стр. 91—97 отд. оттиска).

Сравнимъ съ приведеннымъ эпизодомъ то, что разсказываетъ Фирдоуси о Рустемѣ и Ауладѣ.

Отправившись въ Мазендеранъ, страну дивовъ, съ цѣлью освобожденія Кейкауса, Рустемъ достигаетъ красивой мѣстности, гдѣ рѣшается отдохнуть. Разнуздавъ коня (Ракша), онъ приготовилъ себѣ на землѣ ложе изъ травы. Въ это время сторожъ поляны прибѣгаетъ съ крикомъ, ударяетъ Рустема палкой по ногамъ и ругаетъ его. Рустемъ вскочилъ и оборвалъ сторожу уши. Тотъ побѣжалъ къ властителю этой области, молодому богатырю Ауланду, который въ то время охотился въ лѣсу съ своей свитой, и сообщилъ ему о поступкѣ чужестранца. Разгнѣванный Ауладъ поскакалъ къ Рустему за объясненіемъ и съ угрозами спрашиваетъ его имя. Рустемъ отвѣчаетъ такими же угрозами и вступаетъ въ бой со всей дружиной Аулада. Онъ многихъ убилъ, многихъ ранилъ и обратилъ въ бѣгство всю дружину, настигъ Аулада и, набросивъ на него арканъ, стащилъ его съ коня на землю. Затѣмъ онъ *связалъ* ему руки, объявилъ

*) Этн. Обозр. Кн. II, стр. 1—36.

его своимъ плѣнникомъ, впрочемъ обѣщалъ ему не только пощаду, но и корону Мазендерана, если онъ будетъ служить ему вѣрнымъ проводникомъ въ странѣ *дивовъ*. Дѣйствительно, Аулалъ оказался вѣрнымъ проводникомъ: онъ сопровождалъ Рустема во время его битвъ съ дивомъ Арзенгомъ, съ Бѣлымъ дивомъ, съ царемъ Мазендеранскимъ, предупреждая его о предстоящихъ встрѣчахъ, и за это былъ Рустемомъ награжденъ по заслугамъ. Когда послѣдній, окончивъ свои подвиги, освободилъ царя Кейкауса, то просилъ его, чтобъ онъ *назначилъ* Аулада царемъ Мазендерана Кейкаусъ исполнилъ желаніе Рустема.(См. Mohl Livre des rois. I, pp. 415—418, 418).

Сходство разсмотрѣннаго эпизода курдской сказки съ эпизодомъ Рустеміады на столько близко въ общемъ и въ нѣкоторыхъ частностяхъ, что въ заимствованіи курдами этого сюжета у персовъ едва ли можетъ быть сомнѣніе. Замѣчу кстати, что въ той же курдской сказкѣ встрѣчается птица Рокъ, соотвѣтствующая персидскому Симургу, покровителю Рустема (стр. 89), и Бѣлый дивъ (Deve Spi=перс. Deve Sefid)—самый страшный противникъ персидскаго Рустема. (стр. 98). *В. М.*

Новые варіанты сюжета о Полифемѣ (одноглазѣ) *).

а) *Киргизскіе разсказы.*

На восьмомъ археологическомъ съѣздѣ, происходившемъ въ Москвѣ 8—24 января 1890 года, между разными другими сообщеніями, докладъ В. Ө. Миллера былъ посвященъ выясненію кавказскихъ народныхъ сказаній о циклопахъ **). „Сообщеніе проф. Миллера,—сказано въ одномъ отчетѣ о засѣданіяхъ съѣзда,—было добавлено весьма интересными указаніями И. Н. Смирнова на подобные же варіанты, сохранившіеся въ вотскомъ эпосѣ: одноглазый и однорогій великанъ, Палэсъ-муртъ, расщепливаетъ дерево и защемляетъ свою руку, по предложенію „Прошлаго года“. Учеремисъ тоже есть сказанія о богатыряхъ, которые прячутъ людей въ карманы“ ***).

Считаю съ своей стороны не лишнимъ передать содержаніе двухъ киргизскихъ разсказовъ на тему объ одноглазомъ циклопѣ, еще неизвѣстныхъ въ литературѣ.

Въ народныхъ киргизскихъ разсказахъ до сихъ поръ упоминаются разныя демоническія существа, вѣра въ которыя представляетъ собою остатокъ древней (шаманской) старины. Съ полною увѣренностью въ дѣйствительности существованія такихъ существъ и съ видимымъ страхомъ передъ ними, киргизы разсказываютъ о разныхъ встрѣчахъ своихъ съ *албасты*, *жезъ-тырнакъ*, *уббе*, *жалмаузъ-кемпиръ*, *кюлдыгышъ* и другими подобными существами. Разсказы объ этихъ существахъ до сихъ поръ еще не приведены въ извѣстность; только недавно Г. Миропіевъ напечаталъ въ запискахъ Императ. Русск. Геогр. Общества (т. X, вып. 3, С.-ПБ. 1888 г.) 27 разсказовъ киргизъ о разныхъ демоническихъ существахъ. Въ этихъ разсказахъ (№№ 10, 11 и 12) упоминаются *жезъ-тырнаки*, особыя человѣкообразныя существа съ мѣдными когтями на рукахъ. Они живутъ на землѣ и рождаютъ дѣтей, а отъ кого—неизвѣстно. Повидимому, они ищутъ встрѣчъ съ мужчинами, и всякій разъ стараются обольстить ихъ и умертвить своими когтями. Въ чемъ кроется такая необъяснимая вражда жезъ-тыр-

*) См. выше, стр. 102.

**) Докладъ напечатанъ въ „Этнограф. Обозрѣніи“, кн. IV; краткое изложеніе его см. въ отчетахъ о съѣздѣ, напр. „Занятія VIII Арх. Съѣзда“ (брош., напеч. по распоряж. Моск. Арх. Общ., стр. 135); „Журн. Мин. Нар. Просв.“, май 1890 г.

***) „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1890, май. Современ. лѣтопись: „Восьмой археологическій съѣздъ“, стр. 40—41.

наковъ къ людямъ, изъ напечатанныхъ разсказовъ не видно, и намъ не удалось выяснить это. Обыкновенно они встрѣчаются съ мужчинами гдѣ-нибудь вдали отъ человѣческаго жилья, въ глухой степи, притомъ ночью. Запоздаетъ ли охотникъ въ степи, или путешественникъ расположится ночевать вдали отъ человѣческаго жилья, жезь-тырнакъ принимаетъ видъ молодой красивой женщины, подходитъ къ расположившемуся около разведеннаго костра киргизу и, желая соблазнить его на предстоящую ночь, пристально смотритъ ему въ глаза, а кисти своихъ рукъ тщательно скрываетъ въ рукавахъ своей одежды. Откушавъ пищи съ обольщаемымъ путникомъ, жезь-тырнакъ уходитъ отъ него до наступленія утренней зари. Но смѣтливый киргизъ догадывается, что соблазнительница—никто другой, какъ жезь-тырнакъ и потому пользуется ея уходомъ, кладетъ на мѣсто предназначенное для сна обрубокъ дерева или камень, прикрываетъ его своей одеждой, а самъ отходитъ въ сторону; если же встрѣча произойдетъ близъ дерева, то киргизъ укрывается на деревѣ и поджидаетъ прихода опасной прелестницы. При наступленіи зари, жезь-тырнакъ приходитъ и, принявъ закрытый одеждою чурбанъ за спящаго киргиза, бросается на этотъ чурбанъ, пронзаетъ его своими мѣдными когтями и такъ крѣпко запускаетъ ихъ въ предполагаемаго мужчину, что ужъ бываетъ не въ состояніи высвободить ихъ. А подстерегающій жезь-тырнака охотникъ стрѣляетъ тогда по ней и обрѣзаетъ кисти ея рукъ съ мѣдными когтями, которыя забираетъ съ собой домой.

Вотъ обыкновенная фабула киргизскихъ разсказовъ о жезь-тырнакахъ. Объясненіе появленія ихъ на свѣтѣ и ихъ вражды къ мужчинамъ должны составлять задачу мѣстной этнографіи. Нужно предполагать, что въ отдаленномъ прошедшемъ у жезь-тырнаковъ были какія-нибудь близкія отношенія къ людямъ: самый наружный видъ этихъ существъ ясно указываетъ на то, что они близки къ человѣку. Намъ, впрочемъ, приходилось слышать, что жезь-тырнаки имѣютъ туловище человѣка, голову собаки, мѣдныя когти на рукахъ и козьи копыта на ногахъ; когда жезь-тырнаки хотятъ обольстить человѣка, то принимаютъ видъ молодой красивой женщины, у которой мѣдные когти всегда наготовѣ и позвякиваютъ, когда она идетъ.

Въ какихъ отношеніяхъ находятся жезь-тырнаки къ одноглазому циклопу, о которомъ будетъ сейчасъ рѣчь, намъ не удалось хорошо уяснить себѣ. Изъ записаннаго г. Миропіевымъ разсказа (№ 12) видно, что одноглазый жилъ въ аулѣ и имѣлъ сына, котораго утащилъ у него медвѣдь. Одноглазый отецъ, по совѣту баксы, три года бродилъ по разнымъ мѣстамъ и въ поискахъ за сыномъ встрѣтился разъ съ барантачами и остановился съ ними ночевать въ степи. Когда ночью подошла къ нимъ неизвѣстная молодушка, то одноглазый тотчасъ же догадался, что это жезь-тырнакъ, и совѣтовалъ своимъ товарищамъ бѣжать съ этого мѣста, боясь, что жезь-тырнакъ умертвитъ ихъ всѣхъ. Но рѣшившись ночевать въ степи, одноглазый принялъ мѣры предосторожности: онъ наложилъ камней и накрылъ ихъ одеждой, а самъ со своими спутниками спрятался. Въ полночь пришла жезь-тырнакъ и начала искать одноглазаго. Подошедши къ камню, покрытому одеждой, она бросилась на этотъ камень, впустила въ него свои мѣдные когти и завязила ихъ. Тогда спрятавшіеся юноши—барантачи выстрѣлили въ нее и убили ее, а одноглазый раздѣлилъ между спутниками золото, которое оказалось на тѣлѣ жезь-тырнака.

Мнѣ привелось слышать разсказъ, въ которомъ также упоминается жезь-тырнакъ и одноглазый; подробности этого разсказа представляютъ тотъ особенный интересъ, что напоминаютъ собой весьма художественный разсказъ Гомера о встрѣчѣ Одиссея съ циклопомъ Полифемомъ (Одисс. п. IX). Привожу этотъ разсказъ въ томъ видѣ, какъ онъ записанъ мною со словъ Утюгуна Малдыбаева, киргиза Шаръ-бахтынской вол. Лепсинскаго уѣз., аула № 10: „За Лепсой въ горахъ Чибинды жилъ—былъ киргизъ охотникъ; звали его Буранъ-батырь *).

*) Это имя ясно указываетъ на стихійную природу богатыря: „Бураномъ“, какъ извѣстно, называется у киргизъ сильный вертящійся вѣтеръ, подымающій съ земли столбы снѣга. *Авт.*

Каждый годъ, съ наступленіемъ весны, онъ забиралъ съ собой ружье (?) и уходилъ на охоту въ самыя отдаленныя и глухія мѣста въ горахъ и возвращался къ женѣ своей уже глубокою осенью, когда наступали холода. Однажды онъ замѣтилъ въ горахъ самку марала (оленя) и застрѣлилъ ее. Около убитой самки оказался только что родившійся теленокъ, который всталъ на ноги и ушелъ въ лѣсъ. Тогда Буранъ-батырь снялъ съ убитаго животнаго шкуру, разрѣзалъ мясо его на части, развелъ костеръ и сталъ жарить мясо на вертелѣ. Вдругъ на вершинѣ горы показалась красивая молодая женщина и закричала, что корова убита. Буранъ-батырь, услышавъ этотъ неожиданный голосъ въ такомъ дикомъ пустынномъ мѣстѣ, удивился. Когда мясо изжарилось и онъ сѣлъ ѣсть его около костра (день клонился уже къ вечеру), подходитъ къ нему красивая молодая женщина и сѣла противъ охотника, поджавъ одно колѣно подъ себя. Буранъ-батыръ не сводилъ глазъ съ женщины, а она съ него Когда охотникъ уже доѣдалъ мясо, то воткнулъ одинъ кусокъ на ножикъ и предложилъ незнакомой женщинѣ. Она взяла кусокъ рукой, тщательно прикрытой рукавомъ одежды. Когда Буранъ сталъ глодать кости, она воскликнула: „Ахъ, алмазъ рѣжетъ алмазъ!" (значеніе этого восклицанія мы не могли узнать отъ разсказчика). Покончивъ съ костями, Буранъ началъ вытирать руки о траву. Женщина увидѣла это и сказала: „сало саломъ обтираетъ!" Послѣ этого она стала уходить отъ костра задомъ, т. е. не спуская глазъ съ охотника. Охотникъ подумалъ тогда, что это не простая женщина и, отрубивъ кусокъ дерева длиною и толщиною съ себя, положилъ его на приготовленную изъ травы постель и накрылъ своей одеждой, а самъ взлѣзъ на дерево съ ружьемъ и зорко слѣдилъ. Передъ разсвѣтомъ та самая женщина подошла къ постели сажени на три, а затѣмъ однимъ прыжкомъ бросилась на прикрытый одеждой отрубокъ дерева. Охотникъ услышалъ, какъ захрустѣло и затрещало дерево, и тотчасъ выстрѣлилъ въ женщину. Она подстрѣленная отпрыгнула и сказала: „не уйдешь ты, Буранъ, изъ нашихъ рукъ: кто-нибудь убьетъ тебя, либо отецъ мой, либо братъ, либо сестра," и умерла. Буранъ со страху не слѣзалъ съ дерева до наступленія утра. Когда разсвѣтало, онъ слѣзъ и подошелъ къ убитой. Оказалось, что у нея пальцы были мѣдные. По этому онъ догадался, что это была „джезь-тырнакъ". Буранъ обрѣзалъ обѣ кисти ея рукъ, спряталъ ихъ въ карманъ и пошелъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ убилъ брата этой женщины. Осенью онъ возвратился домой, прозимовалъ съ женой вмѣстѣ, а весной опять собрался на охоту; обрѣзанные мѣдные пальцы онъ спряталъ въ сундукъ, тайно отъ жены, и сундукъ заперъ. Теперь онъ пошелъ на охоту съ товарищемъ вдвоемъ. Когда они ходили опять по горамъ, то увидѣли одинъ разъ много разнаго скота и старика-пастуха съ палкой. Буранъ подошелъ къ незнакомому старику, который стоялъ опершись на свою палку и опустивъ голову. Когда они поздоровались со старикомъ и старикъ поднялъ голову, то оказалось, что онъ былъ съ однимъ глазомъ на лбу. Одноглазый старикъ спросилъ охотника, кто онъ? и когда узналъ, что это былъ Буранъ-батырь, старикъ сказалъ: „я давно васъ ждалъ, пойдемъ же ко мнѣ въ горы!" Старикъ подвелъ ихъ къ горной пещерѣ, загналъ въ нее весь свой скотъ, и когда гости также вошли въ пещеру, одноглазый завалилъ входъ въ пещеру большимъ камнемъ. Ружья по приказанію старика они должны были оставить внѣ пещеры. Внутри перегородка отдѣляла помѣщеніе скота отъ помѣщенія самого старика. Расположившись на мѣстѣ, старикъ сказалъ своимъ гостямъ: „ну, теперь вы никуда не уйдете отъ меня; я лягу спать, а вы, по добровольному соглашенію, заколите одного изъ васъ и мясо его сварите въ этомъ котлѣ." Когда Буранъ-батырь зарѣзалъ своего товарища и положилъ его мясо въ котелъ, тогда одноглазый подалъ Бурану желѣзное остріе и сказалъ: „ты подкладывай огонь подъ котелъ, а самъ этимъ остріемъ пробуй мясо, и когда желѣзо покраснѣетъ, тогда ты разбуди меня." Мясо стало уже поспѣвать, а одноглазый заснулъ. Тогда Буранъ разжегъ до красна желѣзо на огнѣ и выкололъ единственный глазъ у старика, а самъ перепрыгнулъ черезъ перегородку и спрятался между животными. Одноглазый отъ боли проснулся и закричалъ: „ну, все равно, не уйдешь ты отъ меня, Буранъ! Завтра когда я стану выпускать изъ пещеры скотину, я

найду тебя!“ Но Буранъ выбралъ самаго большого козла, перерѣзалъ ему горло и, не отдѣляя головы и ногъ, снялъ шкуру и влѣзъ въ нее, такъ что голова, все туловище и копыта на ногахъ скрывали его обманъ. Утромъ старикъ отвалилъ камень отъ пещеры, сталъ при выходѣ и, пропуская каждое животное между своихъ ногъ, ощупывалъ его. И Буранъ въ козлиной шкурѣ благополучно прошелъ между ногъ старика и вышелъ наружу. Когда всѣ животныя вышли, старикъ закричалъ: „ты гдѣ же, Буранъ, выходи!“ Но Буранъ уже внѣ пещеры отвѣчалъ: „я уже здѣсь.“ Тогда старикъ съ отчаяніемъ воскликнулъ: „теперь я долженъ погибнуть, убей меня и возьми мой скотъ себѣ!“ Сказавъ это, старикъ подставилъ грудь свою Бурану. Буранъ выстрѣлилъ и убилъ старика, но скотъ его не взялъ, потому что это были все дикія неприрученныя животныя. Потомъ Буранъ возвратился домой По смерти одноглазаго старика, за скотомъ его никто болѣе не смотрѣлъ; разбрелись его животныя по горамъ и расплодились. Отъ нихъ-то и произошли разныя извѣстныя въ настоящее время дикія животныя: олени, куланы, архары и т. п.

И Буранъ батырь дожилъ наконецъ свой вѣкъ. Почувствовавъ приближеніе смерти, онъ разсказалъ окружавшимъ его людямъ всѣ свои приключенія и показалъ имъ мѣдные пальцы, отрѣзанные имъ въ разное время у жезь-тырнаковъ. Кромѣ того, своей дочери онъ сказалъ: „я убилъ мать, дочь и сына жезь-тырнаковъ, но мнѣ не удалось убить другую послѣднюю дочь, такъ ты берегись ея“. Что было потомъ съ дочерью Буранъ-батыря—неизвѣстно: записанный мною разсказъ заканчивается смертью Бурана.

Другой разсказъ объ одноглазомъ циклопѣ доставленъ мнѣ ученикомъ VI класса Ташкентской классической гимназіи, Аліемъ Кутебаровымъ, киргизомъ, уроженцемъ Перовскаго уѣзда Сыръ-Дарьинской области. Вотъ этотъ разсказъ въ русскомъ переводѣ.

„Въ давно прошедшія времена жилъ ханъ. Онъ имѣлъ привычку охотиться на дикихъ звѣрей со свитою изъ 40 человѣкъ. Однажды ханъ, въ сопровожденіи 40 своихъ приближенныхъ и многихъ другихъ подчиненныхъ ему людей, выѣхалъ въ степь съ цѣлью потѣшить себя охотою на дикихъ козъ. Съ самаго утра до часа пополудни бродилъ онъ по степи, не встрѣчая ни одного звѣря, только около двухъ часовъ на краю горизонта, между высокими горами, показался столбъ пыли, при видѣ котораго ханъ приказалъ одному изъ своихъ слугъ немедленно разузнать, что это за пыль. Будучи не въ силахъ отказаться отъ порученій хана, бѣдный слуга поскакалъ по указанному направленію. Не успѣлъ еще посланный отъѣхать на разстояніе одной версты, какъ начала выдѣляться изъ этой пыли фигура всадника. Въ рукахъ онъ держалъ лукъ, на поясѣ у него висѣла дорогая сабля изъ хорошо закаленной стали; стрѣлы имѣли 60 локтей въ длину, и ими былъ наполненъ весь колчанъ. Скачетъ онъ прямо къ ханскому посланному, прицѣливаясь выстрѣлить во что-то. Въ ту же минуту передъ всадникомъ показалась дикая коза, съ бѣлымъ туловищемъ и черною головою. Коза эта ростомъ была съ лошадь, а рога у нея были изъ чистаго золота. Человѣкъ, гнавшійся за козой, пускалъ въ нее стрѣлы, но онѣ не могли свалить козу съ ногъ, хотя и попадали въ нее. Какъ только увидѣлъ посланный хана, то сейчасъ же повернулъ лошадь назадъ и началъ погонять ее изо всѣхъ силъ. Не смотря на то, что лошадь летѣла какъ птица, ему не доскакать до хана раньше козы. Еще издали завидѣвъ передъ собой скачущаго человѣка, коза впала въ невольный страхъ и своротила въ гору. Было около трехъ часовъ. Всадникъ, который гнался за козой, прискакалъ къ хану вмѣстѣ съ его посланнымъ. Не теряя времени, посланный началъ разсказывать все, что видѣлъ, а незнакомый охотникъ подтвердилъ его слова. Выслушавъ обоихъ, ханъ приказалъ дать сигналъ. По этому сигналу собрались всѣ провожатые хана. Онъ передалъ имъ то, что ему разсказали, и приказалъ гнаться за дикой козой. Небольшой отрядъ всадниковъ, предводительствуемый ханомъ, поскакалъ за козой. Благодаря своей многочисленности, отрядъ хана черезъ нѣсколько времени окружаетъ козу между высокими горами. Видя, что быстрота ногъ не спасетъ ее, она спряталась въ глубокомъ ущельѣ. Тогда незнакомый охотникъ, первый гнав-

шійся за козой, по приказанію хана, сошелъ съ лошади и, держа въ рукахъ лукъ наготовѣ, пошелъ искать ее въ ущельѣ. Все стараніе его найти козу оказалось тщетнымъ, тогда весь отрядъ сошелъ съ лошадей и усилилъ поиски. Пѣшіе они разсѣялись по склонамъ горъ, какъ муравьи; и самъ ханъ принималъ участіе въ поискахъ козы. Прошло такимъ образомъ столько времени, сколько потребовалось бы, чтобы вскипятить полный котелъ молока, и толпа охотниковъ находитъ козу, скрывавшуюся въ ущельѣ. Пока не испугали ее, дали знать незнакомому охотнику, который умѣтилъ ей стрѣлу прямо въ глазъ. Тутъ она, по волѣ Бога, испустила необыкновенно сильный стонъ; поверхность земли покрылась густымъ мракомъ, а вслѣдъ за тѣмъ поднялась страшнѣйшая буря, вслѣдствіе чего охотники потеряли другъ-друга и пошли блуждать врозь. Но ханъ вмѣстѣ съ своими 40 приближенными очутился совсѣмъ въ другой сторонѣ. Въ этотъ день до самаго заката солнца мракъ не разсѣивался. На слѣдующее утро пошелъ сильный дождь, послѣ чего погода утихла, пыль улеглась и мракъ разсѣялся. Ханъ увидѣлъ себя вмѣстѣ съ своими 40 приближенными и незнакомымъ стрѣлкомъ въ глубокомъ ущельѣ. Въ тотъ день они бродили съ утра до вечера и не находили ничего съѣстного; передъ самымъ закатомъ солнца, будучи не въ состояніи уже больше бродить, они едва добрели до подножія одной горы, чтобы отдохнуть. Тамъ они увидѣли множество козъ, пасущихся на свободѣ. При видѣ козъ, голодные охотники очень обрадовались и, говоря, что это Богъ оказываетъ имъ свою милость, направились къ козамъ. Козы, завидя приближающихся людей, убѣжали въ горы и тамъ скрылись въ ущельѣ. Ханъ созвалъ охотниковъ; они подошли и увидѣли пещеру, а изъ пещеры выходилъ дымъ. Тогда ханъ сказалъ своимъ спутникамъ: „теперь намъ грозитъ неизбѣжная гибель отъ голода; быть можетъ, мы спасемся, если войдемъ въ эту пещеру". Спутники хана, считая слова его правильными, вошли въ пещеру. Тамъ жилъ какой-то великанъ. Охотники, изнуренные голодомъ, не обращая вниманія ни на что, начали ѣсть мясо, которое варилось въ котлѣ. Черезъ столько времени, сколько потребовалось бы, чтобы вскипятить полный котелъ молока, охотники, утоливъ свой голодъ, начали осматриваться и увидѣли себя въ огромномъ домѣ. Домъ до того былъ великъ, что въ одной сторонѣ его находился одноглазый великанъ *) ростомъ и дородствомъ съ маленькую гору, а въ другой сторонѣ далѣе находились его бараны. Этотъ великанъ заразъ съѣдалъ по 40 барановъ. Когда пришли къ нему охотники, онъ спалъ, и когда всталъ, то не нашелъ ничего въ котлѣ, потому что все было съѣдено охотниками, Разсердился великанъ и, открывъ свой глазъ, увидѣлъ непрошенныхъ гостей, которые съ удивленіемъ разсматривали принадлежности дома. Тутъ одноглазый, не долго думая, схватилъ за ноги того охотника, который преслѣдовалъ золоторогую козу, ударилъ его о камень и, убивъ, началъ пожирать его. Сожравъ несчастнаго охотника, циклопъ приказалъ прочимъ зарѣзать 40 барановъ и сварить мясо ихъ въ котлѣ, при этомъ онъ объявилъ, что каждый день будетъ съѣдать по одному охотнику за то, что они долго преслѣдовали его золоторогую козу и даже вышибли ей стрѣлой одинъ глазъ. Такъ сказалъ великанъ и улегся у выхода. Охотники испугались угрозъ великана и не знали что предпринять. Сначала они зарѣзали 40 барановъ и начали варить въ котлѣ ихъ мясо. Увидѣвъ это, великанъ заснулъ, думая, что охотники не уйдутъ никуда. Когда же раздался его храпъ, ханъ созвалъ своихъ людей на совѣщаніе, но всѣ 40 ничего не могли придумать. Тогда ханъ обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: „что съ вами? вѣдь въ мирное время каждый изъ васъ казался достойнымъ быть правителемъ отдѣльнаго государства, а теперь вы и соединенными силами не можете придумать средства, какъ избавиться отъ одного великана: Но, друзья! мы такъ или иначе должны погибнуть, а пока есть время, надо рѣшиться на что нибудь. Я думаю, что каждый изъ насъ могъ бы, зарѣзавъ по барану и покрывшись его шкурой, выбраться отсюда, еслибы выколоть единственный глазъ у этого страшилища". Мысль хана всѣ одобрили и рѣшились попытать счастье. Между тѣмъ,

*) По киргизски: *бѣръ кюзли діу.*

пока великанъ спалъ, ханъ положилъ въ огонь желѣзный вертелъ, и когда вертелъ накалился, ханъ воткнулъ его въ единственный глазъ великана, находившійся у него на лбу. Отъ боли великанъ началъ орать и искать руками пришедшихъ къ нему охотниковъ. Но какъ онъ ни искалъ, не могъ найти никого, потому что всѣ, по совѣту хана, спрятались между баранами. Послѣ тщательныхъ поисковъ великанъ сказалъ: „все равно, вамъ не уйти отъ меня; если не сегодня, то послѣ, когда-нибудь, я поймаю васъ, а пока вы подождите“. Затѣмъ онъ опять заснулъ у дверей, а охотники, каждый выбравъ себѣ по большому барану, убиваютъ и сдираютъ съ нихъ шкуру цѣликомъ. На другой день они покрылись этими шкурами и стали вмѣстѣ съ баранами. Утромъ проснулся великанъ и отворилъ двери, чтобы выпустить барановъ на пастбище. Онъ сталъ у двери и началъ пропускать барановъ, предварительно ощупывая каждаго рукой, чтобы охотники не ушли вмѣстѣ съ баранами. Такимъ образомъ онъ выпустилъ по счету всѣхъ барановъ и началъ говорить такъ: „Охотники, гдѣ вы? Идите сюда!“ А они кричали ему уже снаружи: „Эй, глупый, проклятый, мы здѣсь!“ Не будучи въ силахъ перенести подобную обиду охотниковъ, великанъ началъ кричать и наконецъ умеръ отъ досады, ударившись головой о стѣну. По смерти циклопа, охотники, завладѣвъ его богатствомъ, возвратились домой, и всѣ желанія ихъ исполнились. Есть у киргизъ изреченіе, оставшееся отъ древнихъ: „*Ухана умъ равняется уму сорока человѣкъ*“. По словамъ киргизъ Перовскаго уѣзда, изреченіе это появилось послѣ того, какъ съ помощью хана охотники избавились отъ одноглазаго великана.

Н. Остроумовъ.

Гор. Ташкентъ.
3 Января 1891 года.

б) Алтайскій варіантъ.

Нѣкоторыя *русскія* сказки перешли къ тюркскимъ инородцамъ Алтая. Въ своей статьѣ „Сказка у Алтайскихъ инородцевъ“ (напеч. въ „Томск. Губерн. Вѣдом.“, 1883 г., № 15), покойный В. Вербицкій приводилъ слѣдующій эпизодъ изъ алтайской сказки объ Иванѣ Царидычѣ (Царевичѣ), представляющій варіантъ широко-распространеннаго сказочнаго сюжета о великанѣ людоѣдѣ. „Иванъ Царидычъ, возвращаясь изъ царства змѣй, увидалъ на дорогѣ дворецъ, вошелъ въ него и узналъ, что этотъ дворецъ принадлежитъ слѣпому ельбегеню (чудовищу-многоглавому великану). Хозяинъ хотѣлъ было схватить гостя и съѣсть, но Иванъ Царидычъ остановилъ его и, назвавшись лѣкаремъ, обѣщался вылѣчить его глаза. „Если ты мнѣ вылѣчишь глаза, я дамъ тебѣ большую награду“. Иванъ Царидычъ растопилъ кусокъ олова, связалъ ельбегеня желѣзнымъ арканомъ и влилъ лѣкарство прямо въ слѣпые глаза его. Ельбегень вскочилъ, разорвалъ желѣзный арканъ и началъ шарить-искать Ивана Царидыча. Но лѣкарь выбѣжалъ на дворъ. Ельбегень, смѣтивъ бѣгство врага своего, приказалъ воротамъ затвориться, и они затворились сами собою. Ельбегень началъ искать Ивана Царидыча по двору. Иванъ Царидычъ поймалъ овцу и, крѣпко ухватившись за нее, подсунулъ задъ ея подъ руки ельбегеня. Ельбегень схватилъ овцу и со словами: „моя же овца лѣзетъ на меня!“—швырнулъ овцу вмѣстѣ съ Иваномъ Царидычемъ черезъ заборъ. Иванъ Царидычъ, перекатившись чрезъ ограду, закричалъ ельбегеню: „Спасибо, ельбегень, что отпустилъ меня“.—„Ну, хитеръ же ты, Иванъ Царидычъ! За твою мудрость я передаю тебѣ свое счастіе и силу, потому что я скоро умру. На, возьми!“—и бросилъ Ивану Царидычу бѣлый камень. Иванъ Царидычъ побоялся взять камень, но маленько задѣлъ его мизинцемъ. Камень такъ прицѣпился къ пальцу, что нельзя было оторвать его. Тогда ельбегень сказалъ: „Что, попался!“ Но Иванъ Царидычъ отрѣзалъ свой мизинецъ и убѣжалъ“.

Сообщ. *М.*

в) Грузинскій варіантъ *).

....Мы отправились. Шли мы три дня, и вотъ видимъ, какая-то женщина сидитъ и плачетъ. Мы спросили ее: въ чемъ твое горе? Она такъ намъ сказала: „будьте нашими; я вотъ подумала о сынѣ Бадріамана, объ этомъ львѣ, и объ немъ я плачу. Тогда, когда посредствомъ чародѣйства его схватили девы, то и меня увели въ плѣнъ, за нимъ я сюда пришла и нахожусь съ этими чертями. Теперь пожалуйте, садитесь обѣдать". Какъ разъ въ эти дни мы не наловили дичи и были голодны. Мы отправились, впереди насъ повела эта женщина. Мы пришли къ подошвѣ скалы; она же отбросила дверь, вошла и, введя туда Амирана, завалила дверь большимъ камнемъ; она, какъ оказалось, была девъ. Мы остались снаружи. Когда вошелъ внутрь туда Амиранъ, то тамъ сидѣлъ одинъ человѣкъ, у котораго былъ глазъ на лбу. Тотъ сказалъ: „горе тебѣ, Амиранъ, сынъ Дареджана, горе тебѣ, что ты задумалъ сюда придти!" Амиранъ по своему обычаю, какъ онъ это дѣлалъ при бѣдѣ, этотъ левъ изо львовъ, закричалъ и сказалъ: „Думай лучше, что горе тебѣ. Лучше было бы, Господи, если бы ты его не видѣлъ!" Пришелъ маленькій мальчикъ, сталъ у этого человѣка съ глазомъ на лбу и такъ сказалъ: „папаша, я знаю, что ты хочешь убить этого человѣка, лучше дай мнѣ, я его убью". Мы же стояли у дверей и не могли войти. Амиранъ, сынъ Дареджана, засмѣялся надъ этимъ маленькимъ мальчикомъ, схватилъ его за ногу, пустилъ имъ въ лицо его отца, ударилъ и убилъ маленькаго мальчика. Тогда къ нему прыгнулъ этотъ старикъ, обвились они руками и долго боролись. Наконецъ Амиранъ одолѣлъ, вынулъ кинжалъ, ударилъ его въ глазъ и глазъ вырвалъ. Женщина-девъ закричала: „не убивай его, ты, молодецъ!" Амиранъ бросилъ старика-дева, схватилъ ту женщину, которая насъ обманула, и сказалъ: „такъ ты и другого кого-либо обманешь?" Съ этими словами онъ ее убилъ, отворилъ намъ двери и мы вошли. Девъ же лежалъ, чуть живой и не думалъ умереть отъ сына Дареджана. Но Усибъ вынулъ мечъ и убилъ его. Амиранъ разсердился. Тотъ-же такъ сказалъ: „не гнѣвайся, господинъ, а то онъ и другого кого-либо могъ обмануть". Мы тамъ нашли большой складъ сокровищъ, запечатали его и ушли.

Примѣч. Дѣло происходитъ послѣ того, какъ Девы уносятъ спутника Амирана, Бадріаманова сына, и тотъ отправляется на его поиски. Усибъ—имя проводника Амирана. Все это разсказываетъ старецъ, сынъ Саварсима царя Индійцевъ.

Сообщ. *А. Грень*.

Монгольское сказаніе о Хутула-ханѣ **).

(Къ былинному сюжету о продолжительной поѣздкѣ богатыря).

Въ монгольскомъ сказаніи о Гэсэръ-ханѣ находится между прочимъ тема о продолжительной поѣздкѣ его, во время которой его жену принуждаютъ выйти замужъ. Та же тема и въ русской былинѣ о Добрынѣ. Объ этомъ я говорилъ въ своей статьѣ о Гэсэрѣ, напечатанной въ сентябрьской книжкѣ «Вѣстника Европы» за 1890 г. Въ образцахъ, обращающихся въ народной памяти въ Монголіи, этой темы пока не встрѣчено; нѣтъ ея, кажется, и въ сборникахъ академика В. В. Радлова (Proben).

Въ ряду же книжныхъ сказаній сюда, можетъ быть, относится разсказъ о Хутула-ханѣ, который сообщаетъ въ Исторіи Монголовъ персидскій историкъ

*) Взятъ изъ грузинскаго рыцарскаго романа „Амиранъ сынъ Дареджана", приписываемаго Моисею Хонели (рукопись принадлежитъ моей библіотекѣ). Объ истинномъ времени написанія романа не могу сказать ничего положительнаго, хотя въ немъ и очень ярки слѣды вторженія арабовъ на Кавказъ, а затѣмъ борьбы ихъ съ хозарами.

**) См. Этн. Обозр. кн. VIII, стр. 143, 260.

Рашидъ-Эддинъ *). Хутула-ханъ (у Рашидъ-Эддина Хутула-каанъ) былъ однимъ изъ предковъ Чингисъ-хана. У Рашидъ-Эддина объ немъ сообщаются слѣдующія извѣстія.

Хутула-ханъ былъ одинъ изъ шести сыновей Хабулъ-хана. «Хотя братья его всѣ были молодцы», говоритъ Рашидъ-Эддинъ, «онъ превосходилъ и ихъ силою и храбростью. Монгольскіе стихотворцы сложили много пѣснопѣній въ похвалу его и составили описаніе храбрости и богатырства его» (стр. 40). Подъ этими пѣснопѣніями, въ которыхъ описывались храбрость и богатырство Хутулы, намъ кажется, слѣдуетъ разумѣть богатырскія былины. То, что Рашидъ-Эддинъ разсказываетъ о необычайной силѣ Хутулы, можетъ только поддержать догадку, что Хутула былъ монгольскій богатырь.

Вотъ дальнѣйшій текстъ Рашидъ-Эддина: «Говорятъ, у него былъ такой громкій голосъ, что звукъ крика его переходилъ за семь холмовъ и походилъ на эхо, раздающееся въ горахъ и горномъ хребтѣ. Пятерни его были подобны пятернѣ медвѣдя; человѣка, который не былъ крѣпче и сильнѣе его, онъ схватывалъ двумя руками, безъ труда и усилія переламывалъ на двое, какъ деревянную стрѣлу, сломивъ ему спину. Повѣствуютъ такъ, что въ зимнія ночи онъ клалъ деревья въ огонь и спалъ нагой подлѣ; отъ огня, который онъ жегъ, горячіе угли падали на его тѣло и жгли, онъ же не обращалъ на то вниманія, а когда просыпался, то думалъ, что его кусаетъ вошь, чесалъ тѣло и опять засыпалъ. Пищею его всякій разъ былъ одинъ большой баранъ и одинъ большой чанъ кумысу, и этимъ онъ еще не насыщался» (ibid.).

Приведенный отрывокъ изъ Рашидъ-Эддина повидимому есть общее мѣсто изъ древнихъ монгольскихъ былинъ, потому что одна изъ упомянутыхъ тутъ чертъ, именно переламываніе человѣка пополамъ, приписывается тѣмъ же Рашидъ-Эддиномъ и другому лицу монгольской исторіи, брату Чингисъ-хана, Хасару. О послѣднемъ Рашидъ-Эддинъ говоритъ слѣдующее: «Второй сынъ (Эсукэя) былъ Джучи-Хасаръ; Джучи есть имя, а значеніе Хасара—левъ. Такъ какъ онъ былъ великъ силою и крѣпостью, то онъ былъ обозначенъ этимъ свойствомъ. Говорятъ, что плечи и грудь его были такъ широки, а средина до такой крайности тонка, что, когда онъ спалъ на боку, собаки проходили подъ его бокомъ. Сила у него была такая, что, взявши человѣка обѣими руками, перегибалъ пополамъ на подобіе деревянной стрѣлы, такъ что переламывалъ спину» (ibid., 54).

Обоимъ и Хутулѣ и Хасару у Рашидъ-Эддина одинаково приписано переламываніе живого человѣка.

Разсказъ о богатырѣ, который не чувствуетъ боли, встрѣчается еще и въ современномъ эпосѣ монголовъ. Въ сѣверо-западной Монголіи я записалъ сказаніе о богатырѣ Сартактаѣ, которому во снѣ волки кусали пятки, а онъ думалъ, что его кусаетъ вошь (Очерки СЗ. Монг., IV, 287). Въ алтайскихъ сказаніяхъ имя богатыря Сартактай спаривается съ именемъ Кэзэръ (Кэзэръ-Сартактай (Radloff, Proben, I, 188).

Еслибъ насъ не останавливалъ вопросъ о филологическомъ тожествѣ именъ Кэзэръ и Хасаръ, то мы могли бы подумать, что мы тутъ имѣемъ двойное уравненіе; въ одну сторону Хутула приравнивается къ Кэзэру (своей нечувствительностью къ боли), въ другую къ Хасару (переламываніемъ спины человѣка); выходитъ, какъ будто всѣ три имени: Хутула, Кэзэръ и Хасаръ—имена одного и того же богатыря. Но осторожнѣе пока будетъ конечно такое пониманіе этихъ сближеній: черты, которыми былъ обрисованъ какой-то богатырь, наприм. перенесены на личность, носившую созвучное имя Хасаръ, а также и на Хутулу. Хасаръ и Хутула считаются историческими личностями; историческій характеръ Хутулы впрочемъ очень слабъ. Но если и былъ дѣйствительно предокъ у Чингиса съ этимъ именемъ, пѣснопѣнія, о которыхъ говоритъ Ра-

*) Сборникъ лѣтописей. Исторія Монголовъ, соч. Рашидъ-Эддина, перев. И. Н. Березина въ Трудахъ Восточн. отдѣленія И. Археолог. Общества, ч. XIII (1868), стр. 40—45.

шидъ-Эддинъ, могли быть сложены не о немъ, а о другомъ, эпическомъ Хутулѣ, и на историческаго могли быть перенесены позднѣе разсказчиками, отъ которыхъ записывалъ Рашидъ-Эддинъ.

Тѣми фразами, которыя приведены нами выше, не ограничивается разсказъ Рашидъ-Эддина о Хутулѣ. Далѣе онъ сообщаетъ объ этомъ богатырѣ цѣлый эпизодъ, который мы здѣсь и излагаемъ вкратцѣ.

Амбагай-ханъ пріѣхалъ сватать невѣсту къ татарамъ, но они схватили его и передали Алтынъ-хану; Алтынъ-ханъ приказалъ пригвоздить его къ деревянному ослу. Нѣкто Булгачи, плѣненный вмѣстѣ съ Амбагай-ханомъ, далъ знать народу Амбагай-хана и его сыну Хаданъ-Тайши, что отецъ послѣдняго казненъ. Получивъ это извѣстіе, множество племенъ и улусовъ монгольскихъ составили совѣтъ, чтобы предпринять отмщеніе за смерть Амбагая; на совѣтѣ на ханство избрали Хутула-каана; были собраны войска и подъ начальствомъ Хутулы отправлены въ Китай противъ Алтынъ-хана. Войско Алтынъ-хана было разбито, и монголы возвратились съ большой добычей. На обратномъ пути Хутула, увлекшись охотой съ птицами, отдѣлился отъ войска; племя Дурбэны, увидѣвъ его одинокаго, напали на него. Спутники Хутулы разсѣялись, самъ онъ бѣжалъ и достигъ одного большого болота; лошадь съ разбѣга завязла въ болотѣ; Хутула спрыгнулъ съ нея на берегъ. Дурбэны подумали, что монголъ безъ лошади безпомощенъ и безсиленъ сдѣлать вредъ, и прекратили свое преслѣдованіе. Хутула вытащилъ коня изъ грязи и поѣхалъ.

Разбѣжавшіеся спутники Хутулы были увѣрены, что Дурбены убили его. Когда они съ такой вѣстью прибыли домой, Эсукэй-бахадуръ, приготовивъ поминальную трапезу, понесъ ее къ людямъ Хутулы и къ его женѣ, чтобы они услышали вѣсть о событіи и приняли бы заупокойную чашу. Дѣти Хутулы стали вопить громкимъ голосомъ, но жена Хутулы, услышавъ новость, не повѣрила. Она стала отрицать возможность событія въ родѣ того, какъ Настасья, жена Добрыни, не вѣритъ разсказамъ Алеши Поповича, будто онъ видѣлъ въ полѣ тѣло убитаго Добрыни.

Не былъ ты, Алеша, во чистомъ поли,
Не видалъ ты Добрыни убитаго,
А былъ ты съ собаками на задворки (Гильф. 969, 1026),—

говоритъ Настасья Алешѣ.

Жена Хутулы говорила: „Не даромъ о Хутулѣ сказали, что голосъ его подобенъ эху, достигающему до небесъ, и рука его подобна лапѣ трехъ-годовалаго медвѣдя. Не такой это человѣкъ, чтобъ Дурбэны могли его убить. Онъ занятъ какимъ-нибудь дѣломъ и, дастъ Богъ, неожиданно пріѣдетъ“.

Между тѣмъ Хутула не только не погибъ отъ руки Дурбэновъ, но еще успѣлъ отмстить имъ за нападеніе. Онъ заѣхалъ въ ихъ табуны, поймалъ хорошаго жеребца, отшибъ косякъ кобылицъ и погналъ ихъ домой. Тогда была весна; онъ нашелъ въ степи много яицъ дикихъ утокъ. Онъ снялъ съ ногъ сапоги, наполнилъ ихъ яицами дикихъ утокъ, повѣсилъ въ торокахъ своей лошади и, сѣвши нагой (босой?) на жеребца, продолжалъ гнать кобылицъ. Онъ прибылъ домой какъ разъ въ то время, какъ Эсукэй принесъ заупокойную трапезу и когда приступили къ поминкамъ. Жена Хутулы тогда сказала: „Не говорила ли я, что онъ не такой, чтобъ его могли убить“.

Конецъ этого разсказа отчасти напоминаетъ сюжетъ былинъ, въ которыхъ описывается, какъ богатырь увлекся охотой и замедлилъ свое возвращеніе домой, а въ это время жену его увѣряютъ, что онъ убитъ; такая тема въ русскихъ былинахъ, какъ сказано было выше, отнесена къ Добрынѣ, въ монгольскихъ къ Гэсэру. Въ разсказѣ объ охотѣ Хутулы нѣтъ одной черты, именно жену Хутулы не принуждаютъ выходить замужъ за другого мужа; ее заставляютъ только принять участіе въ поминкахъ.

Разсказъ Рашидъ-Эддина содержитъ только слабый намекъ на былинную тему. Мы сочли все-таки полезнымъ сдѣлать это сопоставленіе въ разсчетѣ, не вызоветъ ли оно у собирателей степныхъ сказаній желанія поискать у кочевниковъ подобной темы. Можетъ быть наша догадка, что въ разсказѣ Рашидъ-

Эддина содержится древняя монгольская былина, и подтвердится открытіемъ въ какомъ-нибудь уголкѣ Монголіи былины о Хутулѣ.

Еслибъ эта догадка оправдалась, эпизодъ съ сапогами, наполненными утиными яицами, могъ бы объясниться народной этимологіей. „Гутулъ"—по-монгольски „сапогъ". Въ былинѣ могло быть указаніе, что этотъ-то эпизодъ и подалъ поводъ назвать богатыря именемъ Хутулы, подобно тому, какъ герой одной барабинской сказки Идыгэ получилъ имя отъ тюркскаго „игукъ"—сапогъ. Идыгэ былъ найденымъ; старикъ, который нашелъ его на степи и потомъ воспиталъ его,—нашедши ребенка, засунулъ его за сапогъ и въ сапогѣ привезъ его къ своей женѣ. По этому-то случаю мальчику и дали имя Идыгэ (R a d l o ff, Proben, IV, 35).

Ханскій титулъ, приданный Хутулѣ, не мѣшаетъ подозрѣвать въ разсказѣ Рашидъ-Эддина богатырскую былину. Въ тюркскихъ и монгольскихъ сказкахъ богатыри являются иногда съ такимъ титуломъ; въ монгольскихъ сказкахъ наприм. Гэсэръ-ханъ.

Въ китайскихъ лѣтописяхъ имя Гудулу встрѣчается два раза въ ряду ойхорскихъ (уйгурскихъ) хановъ и два раза въ ряду тукюэскихъ (О. І а к и н ѳ ъ, Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи, I, 322 и 338, 403—411).

Г. Потанинъ.

Буддійская параллель къ ростовской легендѣ объ ордынскомъ царевичѣ Петрѣ.

Въ весьма замѣчательной по многимъ бытовымъ, историческимъ и легендарнымъ подробностямъ повѣсти о татарскомъ царевичѣ Петрѣ, переселившемся изъ орды въ Ростовъ и принявшемъ здѣсь христіанство во второй половинѣ XIII вѣка, разсказывается между прочимъ о томъ, какъ царевичъ вымѣнялъ на торгу три иконы и какъ купилъ у князя ростовскаго землю для постройки на ней церкви. Замѣчательнѣе всего самый способъ уплаты денегъ: царевичъ поверхность покупаемыхъ предметовъ выкладывалъ монетами. Вотъ сущность разсказа. По принятіи крещенія благочестивый царевичъ разъ во время соколиной охоты заснулъ на лугу близъ Ростовскаго озера. Во снѣ явились ему святые апостолы Петръ и Павелъ и сказали, что они посланы Богомъ вознаградить его за усердную молитву и щедрую милостыню (царевичъ, отправляясь въ Ростовъ, роздалъ все богатое имущество, оставшееся ему отъ отца, бѣднымъ). „И вдаша ему мѣшца и глаголаста: возми сія мѣшца, въ единомъ ти злато, а въ друзѣмъ сребро; утро идеши въ градъ и вымѣниши три иконы, икону святыя Богородица со Младенцемъ, икону святаго Димитрія и святаго Николы, и вдаси за нихъ, еже просятъ мѣнящіи". На вопросъ царевича: „Господіе мои, аще вопросятъ мѣнящіи мѣшцевъ за иконы, что сотворю",—апостолы отвѣчали: „мѣшца сія держи у себя въ пазусѣ, имѣми невѣдоми, а просятъ мѣнящіи 9 серебревныхъ, а 10-ю злата, и ты дай же по единому, и вземъ иконы да идеши ко владыцѣ и рцы ему: Петръ и Павелъ, Христова апостола, посласта мя къ тебѣ, да устроиши церковь, идѣ же спахъ при озерѣ, а се знаменіе ею: иконы сія вымѣнихъ, а мѣшца сія вдаста ми, да что ими велиши сотворити". Петръ поступилъ по указанію апостоловъ. Владыка и князь проводили царевича Петра съ иконами на колесницѣ на мѣсто, гдѣ онъ спалъ при озерѣ, а „людіе клѣть (храмину *вар.*) сградиша повелѣніемъ князя и привезше изъ града плотомъ оградиша и возвратишася. И ту Петръ иконы постави. Князь же, всѣдъ на конь и глумяся, изрече Петру: „Петре, владыка тебѣ церковь устроитъ, а азъ мѣста не дамъ, что сотвориши?" Петръ же рече: Повелѣніемъ, княже, святыхъ апостоловъ азъ куплю у тебе, елико отлучитъ благодать твоя, и земля сія". Князь „рече играя Петру: „Петре, вопрошу тя, якоже вда на иконахъ, сице по моей земли кладеши ли 9 литръ серебра, а десятый злата, сотвориши ли тако?" Петръ же рече: „святіи апостоли рекоша ми, якоже владыка ми повелитъ сотворити, сотвори, да вопрошаю, господине". И вопросиша владыки. Владыка же... рече: „чадо Петре, Господь рече своими усты: всякому просящему дай, и ты убо

не пощади родителей имѣнія, пишется бо: чванецъ масла не умалися, горсть муки не оскудѣ... дай же князю волю, якоже хощетъ". Петръ же поклонися владыкѣ до земли, вѣруя въ глаголъ его, и пришедъ ко князю, рече ему: „да будетъ, княже, воля святыхъ апостоловъ и твоя". И повелѣ князь извлещи вервь отъ воротъ до воды и отъ воротъ до угла, отъ угла возлѣ озера, се мѣсто великое. Петръ же рече: да повелиши, княже, ровъ копати, якоже въ Ордѣ бываетъ, да не будетъ погибели мѣсту тому". И бысть тако. Граждане же, иже провождаху иконы, въ той часъ ископаша ровъ, иже есть и до нынѣ. Петръ же нача отъ воды класти, емля изъ мѣшецъ по единому 9 литръ серебра, а десятый златъ. И наполниша возила петровыхъ кунъ и тыя колесница, на нихъ же клѣтъ вожаху, едва можаху какъ подвизати ихъ. Видѣвъ же князь и владыка множество злата и сребра, еже бысть 10 выходъ дати, а мѣшцы цѣли, и рекоста къ собѣ: „что се есть, Господи, не по нашимъ грѣхомъ сія сотворишася, велію бо благодать человѣкъ сей обрѣте предъ Богомъ по силѣ святыхъ апостолъ" [1]).

Способъ пріобрѣтенія царевичемъ земли для церкви сравнивали съ преданіемъ о пріобрѣтеніи земли Кареагенской въ такомъ количествѣ, сколько можетъ покрыть воловья шкура Гораздо болѣе сходства съ ростовскимъ сказаніемъ представляетъ одна буддійская легенда. Въ книгѣ покойнаго И. П. Минаева: „Буддизмъ. Изслѣдованія и матеріалы. Спб. 1887", въ главахъ V и VI описывается Бхархутская ступа — буддійскій алтарь, построенный столѣтія за полтора до Рождества Христова и украшенный рельефными изображеніями разныхъ легендарныхъ сюжетовъ съ надписями. Въ одной изъ такихъ надписей рѣчь идетъ о покупкѣ земли съ религіозною цѣлію. Въ надписи читается: „Жеты (садъ) Анâтхапендико даритъ выкладываніемъ десяти милліоновъ купившій (его)". „Слова эти, говоритъ И. П. Минаевъ, поясняютъ легенду, разсказанную въ чуллаваггѣ и изображенную на барельефѣ: Анâтхапиндико, одинъ изъ вѣрующихъ богачей, купилъ для Будды у Жеты садъ; купилъ это мѣсто за дорогую цѣну, деньгами уложивъ всю почву. На это обстоятельство и намекаютъ слова надписи: „выкладываніемъ десяти милліоновъ (т. е. монетъ)". Въ текстѣ чуллавагги, гдѣ разсказывается самая легенда, встрѣчается подобное же выраженіе, т. е. говорится слѣдующее: „Анатхапиндика домохозяинъ на телѣгахъ золото приказалъ свезти, Жеты садъ десяти милліоновъ выкладываніемъ приказалъ выложить". „Въ болѣе позднемъ текстѣ (Jâtaka, I, 92) при изложеніи той же легенды стоятъ слова: „выкладываніемъ десяти милліоновъ... купивъ" [2]).

Сходство ростовской и буддійской легендъ весьма замѣчательное: и тамъ и здѣсь земля пріобрѣтается для религіозной цѣли; и тамъ и здѣсь поверхность покупаемой земли выкладывается монетами. Это сходство сказанія о татарскомъ царевичѣ съ буддійской легендой особенно интересно въ виду той роли, какая приписывается монголамъ въ перенесеніи восточныхъ сказаній на западъ.

М. Соколовъ.

Изъ южно-русскихъ легендъ.

Легенды объ ап. Петрѣ въ родѣ тѣхъ, какія разобраны были въ предыдущихъ книгахъ Этногр. Обозрѣнія (V, 142 и VII, 71) [3]), очень распространены повсюду среди южно-русскаго населенія. Намъ случилось записать подольскій варіантъ, который сообщаемъ въ дополненіе къ собраннымъ уже другимъ сказаніямъ этого цикла.

---

1) Мы приводимъ, текстъ сказанія по изданію: „Блаженный Петръ, царевичъ Ордынскій, Ростовскій чудотворецъ. *Н. К.* Ярославль. 1880. По другой рукоп. текстъ изданъ въ „Прав. Собес." за 1859 г. и въ „Русской Хрестоматіи" Ѳ. И. Буслаева.

2) *И. П. Минаевъ*, Буддизмъ, стр. 138—139.

3) См. также выше стр. 110.

„Дуже давно цее було: ще тогди, якъ Господь за святыми Петромъ и Павломъ ходылы по земли. Якось, одного часу, Господь пославъ св. Павла въ свитъ, а самъ зоставсця зъ св. Петромъ. Отго, йдучи разъ шляхомъ, заходять воны въ трактову коршму. Була тогди зима и вже зовсимъ смерклось. Змерзлы Господь и Петро крипко, да й давай просытця у арендаря, щобъ позволывъ имъ обигриться, та пидночувать, бо на двори къ ночи бравъ страшенный морозъ. Въ коршми никого не було: коршмаръ не тилькы що позволывъ, але навить кынувъ имъ подушку и стареньку кожушинку. Въ трахтовыхъ коршмахъ, якъ звисно, кожднй мае прытулокъ, хрещений и нехрещеный. Отто заснулы Господь и Петро, положившись на полу (кровати) биля теплои грубкы (печки). Колы, отце писля полуночи, такъ, якъ четверти пивни заспивалы, въ коршму ввалюютця москали (солдаты), Померзлы дрижать—зразу такъ и кынулись до грубкы, де спалы Господь зъ Петромъ: Господь зъ краю, а Петро пидъ самою грубкою, — та й почалы згоняты ихъ зъ полу. Господь зразу послухавъ, — вставъ и опроставъ мисце на полу; Петрови жъ дуже не хотилось зоставлять тепленьке мисце и кожушину. Отто винъ зразу не послухавъ, та ставъ сперычатьця Якъ розсердяцця москали, якъ почнуть штовхать Петра кулаками, а дали, якъ стягнуть на дилъ (полъ) та почнуть лущыть по своему, то Петро ледве—ледве пиднявся на ноги— такъ ёго москали побилы. Писля такои оказіи ничого вже було оставатися въ коршми; а тутъ якъ разъ и на день почало благословлятця. Зибрались воны, тай пишлы зъ коршмы. Отъ св. Петро, одійшовшы гонъ двисти отъ коршмы, озирнувся назадъ, чи нейдуть ззаду москали, да и каже Господеви: „Боже мылосерный! Чи вжежъ Ты, Господе, не покараешъ оттыхъ москаливъ, що такъ безневынно знивычилы мене?“ Господь ёму и каже: „Гараздъ, Петре. Надруга надъ тобою дасця въ тямкы москалямъ до страшного моего суду. Я ихъ тяжко покараю. Якъ тилькы прийдетця москалямъ выступать въ походъ, то завше буде слёта (слякоть), холодъ, морозъ, хуртовына.“ Зъ того часу, якъ тилькы москалямъ повскажуть выступать въ походъ, заразъ таке робытця, що не можна и сказаты: литомъ—дощъ, градъ, буря, слёта; а зимою – зáмить, та хуртовына. Такъ-то Господь покаравъ москаливъ за св. Петра.

(Записана въ с. Степановкѣ, Гайсинскаго уѣзда, Подольской губерніи).

Сообщ. *Т. I. Вержбицкій.*

Извѣстія и замѣтки.

Въ Имп. Рус. Географ. Общество, какъ сообщають газеты (Спб. Вѣд.), было внесено предложеніе о снаряженіи экспедиціи для изслѣдованія Приамурскаго края, къ участію въ которой предположено пригласить Общество для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ. Для выработки программы экспедиціи имѣется въ виду образовать соединенную коммиссію изъ членовъ обоихъ обществъ. Задачею экспедиціи послужитъ, между прочимъ, изученіе современнаго положенія Приамурскаго края и результатовъ его колонизаціи. Надо полагать, что къ этому дѣлу будетъ привлечено и мѣстное общество изслѣдователей Приамурскаго края, находящееся въ Благовѣщенскѣ.

По предложенію Имп. Рус. Географ. Общества, Г. Е. Грумъ-Гржимайло изъявилъ согласіе стать во главѣ новой большой экспедиціи, снаряжаемой въ Центральную Азію. Экспедиція разсчитана такъ, чтобы она пересѣкла Срединную Азію въ наименѣе изслѣдованной части и вышла въ Остъ-Индію или Тонкинъ.

Въ началѣ мая выѣхали изъ Петербурга участники экспедиціи въ Монголію, снаряженной Имп. Академіею Наукъ, для подробнаго изслѣдованія открытыхъ въ третьемъ году Н. М. Ядринцевымъ развалинъ большихъ городовъ въ долинѣ р. Орхона. Въ составъ экспедиціи входятъ: акад. В. В. Радловъ, его сынъ, Н. М. Ядринцевъ и правитель дѣлъ Вост.-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г.

Общ.—Д. А. Клеменцъ. Въ распоряженіе экспедиціи ассигновано 12,000 руб. Изслѣдованія продлятся четыре мѣсяца.

5 мая выѣхала изъ Самарканда экспедиція кап. Барщевскаго, направляющаяся въ южн. Бухару, Памиръ и Кафиристанъ на 4 мѣсяца для научныхъ изысканій, собиранія коллекцій и снятія возможно большаго количества фотографій мѣстныхъ достопримѣчательностей и типовъ.

Въ „Восточ. Обозр." пишутъ изъ Парижа, что Парижская Академія надписей и изящной литературы отправляетъ нынѣшнимъ лѣтомъ экспедицію въ Центральную Азію, преимущественно въ Китайскій Туркестанъ. Она будетъ состоять изъ двухъ лицъ: Дютрейля де Рена (Dutreil de Rhins), географа, недавно издавшаго обширный трудъ о Центр. Азіи, и г. Гренара (Grenard). Кромѣ географическихъ изслѣдованій, цѣлью экспедиціи будетъ и собираніе лингвистическаго и этнографическаго матеріала.

Въ послѣднихъ числахъ мая проѣхалъ чрезъ Москву г. Мартэнъ, командированный Географическимъ Обществомъ въ Стокгольмѣ въ Зап. Сибирь и Туркестанъ для этнографическихъ и археологическихъ изслѣдованій.

Между 15 іюля и 10 августа настоящаго года въ Уральскѣ, при посѣщеніи города Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, имѣетъ быть открыта областная выставка мѣстныхъ произведеній. Выставка будетъ состоять изъ отдѣловъ: сельско-хозяйственнаго, кустарно-ремесленнаго и историко-этнографическаго.

Въ г. Омскѣ къ пріѣзду Наслѣдника Цесаревича предположено открыть киргизскую этнографическую выставку. Въ другихъ сибирскихъ городахъ, какъ напр. въ Нерчинскѣ, Иркутскѣ, Минусинскѣ, къ пріѣзду Его Высочества мѣстные музеи приведены въ возможно лучшій видъ, для чего сдѣланы большіе заказы въ Москвѣ (напр. манекены по фотографіямъ мѣстныхъ народностей и т. п.).

Комитетъ Минусинскаго музея, вслѣдъ за перемѣщеніемъ коллекцій музея въ спеціально для него выстроенное зданіе (открыто 20 мая 1890 г.), озаботился изданіемъ „Краткаго описанія Музея и перечня его коллекцій". (Напечат. отдѣльной брошюрой, какъ приложеніе къ „Отчету по Минусинскому Мѣстному Музею и Общественной библіотекѣ за 1890 г."). Не ограничиваясь этимъ, Комитетъ имѣетъ въ виду издать болѣе подробный путеводитель по музею. Полные и подробные каталоги по отдѣламъ имѣются уже и теперь въ рукописяхъ. Музей состоитъ изъ 9-ти отдѣловъ, въ которыхъ по указанному описанію числилось 33,255 №№. Отдѣлы слѣдующіе: I. Естественно-историческій (классъ 1: минералогія, геологія, геогнозія; кл. 2: ботаника; кл. 3: зоологія и зоотомія; кл. 4: палеонтологія). II. Антропологическій отдѣлъ (кл. 1: антропологія; кл. 2: этнографія; кл. 3: народная медицина; кл. 4: предметы религіознаго культа инородцевъ). III. Археологическій отдѣлъ (каменныя орудія, костяныя орудія, глиняные предметы, издѣлія изъ стекла и цвѣтныхъ камней, мѣдные, бронзовые и латунные предметы, золотые и серебр. предм., желѣзные и чугун. предм., гипсовые предм., принадлежности литья, каменные бабы и столбы, археол. карты, планы, рисунки и т. п.). IV. Промышленный отдѣлъ (1, промышленность добывающая; 2, заводская; 3, соляная; 4, золотопромышленность; 5, производство желѣза, чугуна и стали; 6, кустарные промыслы, ремесла и рукодѣлія; 7, охотничій промыселъ; 8, рыболовство). V. Сельско-хозяйств. отдѣлъ (1, почвовѣдѣніе; 2, полеводство; 3, земледѣльческія орудія; 4, огородничество и бахчевничество; 5, садоводство; 6, скотоводство; 7, птицеводство; 8, пчеловодство; 9, лѣсоводство; 10, вредныя животныя и растенія; 11, молочное хозяйство; 12, техническія и сельско-хоз. производства). VI. Нумизматическій отдѣлъ: (1, Востокъ; 2, Россія; 3, Зап. Европа и Америка). VII. Образовательный отдѣлъ. VIII. Педагогическій отдѣлъ (учебныя пособія); IX. Лабораторія и рабочій кабинетъ. Кромѣ того, при Музеѣ имѣется метеорологическая станція и складъ земледѣльческихъ орудій. Такимъ образомъ изъ провинціальныхъ музеевъ Минусинскій является едва ли не самымъ обширнымъ и прекрасно устроеннымъ. Что касается въ частности этнографіи, то она

представлена во II (антропологич.) и въ VII (образоват.) отдѣлахъ. Именно, три послѣдніе класса антропологическаго отдѣла имѣютъ чисто-этнографическій интересъ; здѣсь довольно полно представленъ бытъ качинцевъ, сагайцевъ (Минус. окр.) и сойотовъ (жив. по Енисею); коллекціи, рисующія другія инородческія племена Минусинскаго края и окрестныхъ мѣстностей (финны, латыши, мордва, бельтиры, алтайцы, русскіе коренные сибиряки) пока только намѣчаются. Всего этнографическихъ предметовъ болѣе 1,000. Въ образовательномъ отдѣлѣ по классу этнографіи числится 863 предмета. Здѣсь богато представлены группы китайская и остяцкая (первая пожертвована Д. М. Мельниковымъ изъ ю.-зап. Китая, вторая— А. В. Адріановымъ изъ Нарымскаго края); кромѣ того, здѣсь же фигурируютъ въ меньшемъ обиліи предметовъ, японцы, корейцы, тунгусы и др. сибирскіе и туркестанскіе инородцы. Прилагая всѣ старанія, чтобы Музей приносилъ возможно больше пользы мѣстному населенію въ образовательномъ смыслѣ, комитетъ Музея взываетъ къ мѣстнымъ образованнымъ людямъ придти къ нему на помощь, чтобы открыть систематическія общедоступныя объясненія коллекцій, какъ это дѣлается, напр., въ Московскомъ Политехническомъ музеѣ, чтобы публика „выносила изъ своихъ посѣщеній музея, кромѣ стройнаго и отчетливаго представленія о немъ, и болѣе или менѣе значительный запасъ общеобразовательныхъ и практически-полезныхъ познаній". (Отчетъ, стр. 7).

Находящійся при Томскомъ университетѣ музей археологіи и этнографіи изъ года въ годъ пополняется частными пожертвованіями и коллекціями отъ научныхъ командировокъ, снаряжаемыхъ университетомъ. Въ „Отчетѣ о состояніи Имп. Томскаго университета за 1890 г." *), читаемъ между прочимъ, что къ 1 янв. 1891 г. по каталогу музея въ немъ находилось около 5 тыс. №№ разныхъ предметовъ, относящихся къ сибирской археологіи и этнографіи, не считая значительнаго собранія монетъ, медалей, рисунковъ и атласовъ, которые до сихъ поръ не разобраны за малочисленностью штата служащихъ, не описаны и хранятся въ особыхъ ящикахъ.

Профессоръ Казанскаго университета И. Н. Смирновъ прочелъ въ апрѣлѣ (6 и 12-го) въ Казани двѣ публичныя лекціи по этнографіи, въ пользу Казанск. Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи. Первая лекція была посвящена выясненію задачъ и значенія этнографіи. Почтенный лекторъ далъ при этомъ предварительно краткій очеркъ исторіи народовѣдѣнія; говорилъ далѣе о выдѣленіи этнографіи изъ географіи, объ отношеніи ея къ антропологіи и исторіи культуры, о жизненномъ значеніи культурно-историческихъ обобщеній; выяснялъ современныя задачи этнографіи общей и частной; указывалъ на практическое значеніе мѣстной этнографіи и на то, что можетъ сдѣлать мѣстная интеллигенція нормальной постановки этнографическихъ изслѣдованій въ краѣ. Вторая лекція, посвященная вопросу о собираніи и обработкѣ этнографическаго матеріала, имѣла слѣдующую программу: виды этногр. матеріала (постройки, одежда, утварь, орудія; произведенія народнаго творчества; вѣрованія и обряды; нравы и обычаи); культурно-историческое значеніе каждаго изъ этихъ видовъ; необходимая для этнографа-наблюдателя подготовка; методъ обработки этнографическаго матеріала. Эти лекціи въ дополненномъ видѣ составили отдѣльную брошюру: „Задачи и значеніе мѣстной этнографіи". Каз. 1891. Стр. 18.

Въ Харьковѣ на Страстной недѣлѣ (14 апр.) професс. университета Н. Ѳ. Сумцовъ прочелъ въ пользу Харьковской общественной библіотеки (на постройку дома) публичную лекцію о писанкахъ по слѣдующей программѣ: возникновеніе въ наукѣ интереса къ писанкамъ; обрядовое употребленіе крашеныхъ яицъ у древнихъ языческихъ народовъ; народныя сказанія, связанныя съ писанками; распространеніе писанокъ въ настоящее время и простонародные способы ихъ приготовленія; формы писаночныхъ рисунковъ: геометрическія, растительныя и животныя; архаическія черты писаночной орнаментики; употребленіе писанокъ въ народной медицинѣ и въ дѣтскихъ играхъ. Эта лекція напечатана съ дополненіями въ „Кіевской Старинѣ" (1891, май—іюнь).

---

*) Напечат. въ „Извѣстіяхъ И. Томск. университета" за 1891 г. и отдѣльно.

Съ 1-го по 10-е сентября (н. ст.) этого года въ Лондонѣ будетъ происходить IX-й международный конгрессъ оріенталистовъ. Желающіе принять участіе въ конгрессѣ должны обращаться съ заявленіями къ секретарю организаціоннаго комитета конгресса (Dr. Leitner, Woking). Членскій взносъ—одинъ ф. стерлинговъ. Всѣ свѣдѣнія о конгрессѣ печатаются въ журналахъ: „Asiatic Quarterly Review", „Arabic Critical Quarterly Journal" и „Sanscrit Critical Monthly Journal".

По сообщенію газетъ (Моск. Вѣд., № 104), въ 1892 г. въ Парижѣ предполагается устройство международной выставки человѣческихъ племенъ, на которой имѣютъ быть собраны живые представители всѣхъ народностей.

Чехи дождались открытія въ Прагѣ собственной Академіи Наукъ, которая именуется Чешской Академіей Имп. Франца Іосифа (Ceskà Akademie Cisare Frantiska Josefa pro vêdy, slovesnost a umêni). Первое торжественное собраніе состоялось 6 (18) апр. въ присутствіи покровителя Академіи Эрцгерцога Карла Людовика.

Въ Прагѣ Чешской съ сентября мѣсяца будетъ издаваться чешскій антропологическо-этнографическій журналъ, посвященный главнымъ образомъ изученію чешскаго народа въ антропологическомъ, этнографическомъ и вообще культурномъ отношеніяхъ. Ближайшими руководителями изданія будутъ извѣстные чешскіе ученые: антропологъ и археологъ Люборъ Нидерле и фольклористъ Ченекъ Зибертъ, при содѣйствіи не только мѣстныхъ, но и иностранныхъ (въ томъ числѣ и русскихъ) научныхъ силъ. Интересующіеся новымъ изданіемъ могутъ адресоваться въ Прагу къ г. Нидерле (Prague, Jecna ulice, 29. Lubor Niederle).

Вопросъ объ учрежденіи на Востокѣ Русскаго Археологическаго Института, поднимавшійся не разъ на русскихъ археологическихъ съѣздахъ, въ настоящее время близится къ осуществленію. Лучшимъ пунктомъ для учрежденія подобнаго института признанъ Константинополь. Проектъ устава и штата новоучреждаемаго института уже вырабатывается въ министерствѣ.

Поправки и добавленія.

					Вм.	Чит.
Кн. VIII.	Стран.	3	строка	15 сн.	619	6196
Кн. IX.	„	108	„	18 св.	вмѣевичъ	Змѣевичъ
	„	160	„	4 сн.	Gebirde	Gebirge

О „Петровомъ батогѣ" (стр. 112—114) см. въ „Кіев. Стар." 1889, сент., стр. 763 (легенда, сообщ. И. Манжурою) и у Роговича — въ „Зап. Ю.-Зап. Отдѣла" И. Р. Геогр. Общ.

На стран. 169, стр. 16 св., слѣдуетъ добавить случайно пропущенныя строки: На-дняхъ вышелъ также изъ печати 2-й вып. этого тома, заключающій изслѣдованіе проф. И. Н. Смирнова: „*Пермяки*, историко-этнографическій очеркъ." Стр. 289. Ц. 1 р. 75 к. Отчетъ объ этой книгѣ постараемся дать въ ближайшемъ будущемъ.

Библіографическій указатель статей,

касающихся этнографіи киргизовъ и каракиргизовъ *).

Составилъ А. Н. Харузинъ.

1734—1800 гг.

Ватзенъ.—Извѣстія о киргизскихъ и башкирскихъ народахъ (С.-Петербургскія Вѣдомости 1734 г. 8, 11, 15 и 18 апрѣля).

Мѣсячныя историческія, генеалогическія и географическія примѣчанія.

П. Рычковъ.—Топографія Оренбургская, т. е. обстоятельное описаніе Оренбургской губерніи. Спб. 1762.

Это сочиненіе содержитъ массу въ высшей степени интересныхъ свѣдѣній какъ по топографіи края, такъ по этнологіи и отчасти зоологіи. Слѣдуетъ, преимущественно, отмѣтить главу о народностяхъ, гдѣ авторъ, между прочимъ, даетъ интересныя данныя и о киргизахъ. Въ 1887 году, это сочиненіе было въ исправленномъ видѣ переиздано Оренбургскимъ отдѣломъ И. Русскаго Географическаго Общества въ Оренбургѣ; къ этому изданію относится изданіе ландкартъ (см. 1880 г.).

П. Палласъ (P. Pallas).—Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. St.-P. 1771.

Въ главѣ „Nachrichten von den Kirgisen" („извѣстія о киргизахъ"), авторъ сводитъ всѣ полученныя имъ свѣденія о киргизахъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться въ 1769 г. Описаніе касается одежды, религіи, знахарей, скотоводства, охоты, болѣзней, могилъ.

Н. Рычковъ.—Дневныя записки путешествія въ киргизъ-кайсацкой степи 1771 года. Спб. 1772.

Капитанъ Рычковъ участвовалъ въ (неудачномъ) походѣ Генералъ-Маіора Траубенберга, командированнаго съ цѣлью возвращенія бѣжавшихъ съ Волги калмыковъ на ихъ мѣсто жительства. Отрядъ выступилъ 12 апрѣля 1871 года изъ Орска и прослѣдовалъ къ рѣкѣ Таргунъ, гдѣ соединился съ киргизами, предводительствуемыми ханомъ Малой орды Нураліемъ. Въ своихъ „Дневныхъ запискахъ" Рычковъ даетъ описаніе похода. Описываетъ свадебные обряды киргизовъ, обрядъ погребенія, говоритъ о могилахъ и затрагиваетъ другія стороны быта киргизовъ.

Фишеръ.—Сибирская исторія. Спб. 1774.

Помѣщены краткія свѣдѣнія о киргизахъ, ихъ происхожденіи, происхожденіи ихъ наименованія и объ ихъ жизни.

---

*) Литературная связь между киргизами и каракиргизами такъ велика, что мы не имѣемъ возможности въ нашемъ библіографическомъ указателѣ отдѣлить одну народность отъ другой. Тѣ, впрочемъ, немногочисленныя статьи, которыя посвящены исключительно каракиргизамъ, мы обозначаемъ звѣздочкой.

А. Миллеръ.—Описаніе всѣхъ въ Россійскомъ государствѣ обитающихъ народовъ. Спб. 1776.

Блуменбахъ (Blumenbach).—Decades craniorum. I. 1790.

На это сочиненіе ссылается Причардъ, говоря, что Блуменбахъ даетъ изображеніе и описаніе киргизскаго черепа; но въ первой части, которую я имѣлъ случай просмотрѣть, этого описанія нѣтъ; оно, вѣроятно, во второй части.

Сиверсъ (Sievers).—Briefe aus Sibirien. 1796.

I. Георги.—Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ государствѣ народовъ (съ нѣмецкаго). Спб. 1799. Часть I: О народахъ финскаго племени—киргизы.

Авторъ описываетъ исторію киргизскихъ ордъ, типъ киргизовъ; говоритъ о сословности, обычномъ правѣ, жилищахъ, свадебныхъ и погребальныхъ обрядахъ, питаніи, одеждѣ и болѣзняхъ.

1800—1820 гг.

Н. Мамышевъ.—Пріемъ и угощеніе у киргизовъ (Вѣстникъ Европы ч. XLIV. 1809).

Авторъ, на трехъ страницахъ, описываетъ угощеніе у султана, на которое онъ былъ приглашенъ (въ 1807 г.).

Хозяйственное описаніе Астраханской и Кавказской губ. Спб. 1809.

Помѣщены свѣдѣнія географическія о Букеевской степи, а въ концѣ сочиненія имѣется краткая замѣтка о киргизахъ Малой орды. Приложена карта.

Статистическое Обозрѣніе Сибири. Спб. 1810.

Помѣщено краткое описаніе киргизовъ и ихъ образа жизни, а также описаніе нѣкоторыхъ частей Киргизской степи.

Сибирскій Вѣстникъ. 1818. ч. II.

Въ третьей главѣ (собраніе свѣдѣній о Сибири и странахъ, сопредѣльныхъ оной) находятся небольшія, отрывочныя свѣдѣнія о киргизахъ.

Сибирскій Вѣстникъ. 1818. ч. III.

Ефремовъ.—Странствованіе въ Киргизской степи, Бухаріи, Хивѣ, Персіи, Тибетѣ и Индіи. Казань. 1818.

1820—1830 гг.

А. Левшинъ.—Свиданіе съ ханомъ Меньшой Киргизъ-Кайсацкой орды. (Вѣстникъ Европы. 1820. № 22).

А. Левшинъ имѣлъ свиданіе съ ханомъ Ширгази въ 1820 г. (16 октября). Въ статьѣ описывается ханъ, его семейство и церемоніалъ пріема.

Сибирскій Вѣстникъ. 1820. ч. IX, X и XI.

Ф. Назаровъ.—Записки о нѣкоторыхъ народахъ и селеніяхъ средней части Азіи. Спб. 1821.

Авторъ, посланный въ Коканъ въ 1813 и 1814 годахъ, даетъ не мало интересныхъ свѣдѣній о Киргизской степи и о самихъ киргизахъ.

Киргизы. (Вѣстникъ Европы. 1821. № 16).

Изъ записокъ Назарова, бывшаго въ Коканѣ въ 1813 и 1814 годахъ. Вся статья на 7 страницахъ; свѣдѣнія кратки.

Германъ.—О киргизахъ. (Вѣстникъ Европы. 1821. № 22).

Авторъ на 15 страницахъ даетъ краткій очеркъ исторіи и быта киргизовъ Малой орды.

С. Большой.—Записки о приключеніяхъ въ плѣну у киргизъ-кайсаковъ въ 1803 и 1804 гг. (Сынъ Отечества, ч. 76, 77 и 80, 1822 г.).

Савва Большой участвовалъ, въ качествѣ врача, въ экспедиціи, направлявшейся въ 1802 г. въ Бухарію. Экспедиція вскорѣ послѣ своего выступленія была разбита и разграблена киргизами, и авторъ былъ взятъ въ плѣнъ. Въ первыхъ двухъ частяхъ (ч. 76 и 77) онъ описываетъ свое плѣненіе и жестокое обращеніе съ нимъ киргизовъ; въ послѣдней же части (ч. 80) даетъ на 20 страницахъ очеркъ быта киргизовъ.

Сибирскій Вѣстникъ. 1822. Ч. XIX.

Сибирскій Вѣстникъ. 1823. Ч. I и III.

Тимковскій.—Путешествіе въ Китай черезъ Монголію въ 1820 и 1821 гг.—Спб. 1824.

Въ 5 главѣ I части помѣщены „свѣдѣнія о киргизахъ, ѣздившихъ въ 1819 году на поклоненіе Богдыхану“ съ данью. Къ этой главѣ приложена выписка изъ книги Сиюй-вынъ-узяичъ-лу о киргизахъ и каракиргизахъ. Эта же выписка помѣщена въ сочиненіи монаха Іакинеа (см. ниже).

Мейендорфъ (Baron G. de Meyendorff).—Voyage d'Orenbourg a Boukhara a 1820. Paris. 1826.

Кромѣ отрывочныхъ и интересныхъ данныхъ, разбросанныхъ по всему сочиненію, можно встрѣтить въ 4-й главѣ I части много цѣнныхъ свѣдѣній, относящихся къ обычаямъ и къ образу жизни киргизовъ.

* **Клапротъ (I. Klaproth).**—Tableaux Historiques, Paris. 1826.

Говорится, между прочимъ, о первомъ извѣстіи о кара-киргизахъ, а въ главѣ „Peuples de race blonde“—объ исчезнувшихъ племенахъ, имѣющихъ отношеніе къ антропологіи киргизовъ.

Азіатскій Вѣстникъ. Февраль и май 1826.

И. Потоцкій (Le Comte I. Potoski). — Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase. Paris. 1829.

Въ этомъ интересномъ сочиненіи путешественника конца прошлаго и начала этого столѣтія можно найти указанія (во II т. 3—8 главахъ) о киргизахъ: дѣленіе на орды, ихъ мѣста кочеванія, торговля и т. д., а также краткія свѣдѣнія о кара-киргизахъ.

Іакинеъ (Монахъ). Описаніе Чжунгаріи и восточнаго Туркестана (переводъ съ китайскаго). Часть I, Спб. 1829.

Въ этомъ описаніи „иностранныхъ владѣній“, киргизамъ посвящены двѣ главы: „Казакъ“ и „Бурутъ“—каждая въ 2 страницы. Въ первой говорится о киргизъ-кайсакахъ; во второй о кара-киргизахъ. Эти, хотя и краткія главы, интересны тѣмъ, что взяты изъ китайскаго источника: „Исторія старшей династіи (Уянь-хань-шу)“,—относящагося къ срединѣ XVIII столѣтія.

О Киргизъ-Кайсакахъ Средней орды. (Сынъ Отечества, т. IV. 1829).

Авторъ даетъ краткій очеркъ физическаго типа киргизовъ, ихъ характера религіозныхъ вѣрованій и быта.

1830—1840 гг.

Броневскій.—Записки о киргизъ-кайсакахъ Средней орды. (Отечественныя Записки. 1830. Т. XLI, XLII и XLIII).

Авторъ этой статьи (на 100 слишкомъ страницахъ) приводитъ киргизскія преданія объ ихъ происхожденіи, даетъ далѣе нѣкоторыя историческія данныя объ этой народности,—пишетъ о значеніи хановъ въ ордѣ, о султанахъ и ходжахъ и объ ихъ значеніи въ Средней ордѣ, о барантѣ, о продажѣ невольниковъ,

о нѣкоторыхъ сторонахъ быта, о народонаселеніи, податяхъ, земледѣліи и скотоводствѣ.

А. Левшинъ.—Описаніе киргизъ-казачьихъ ордъ и степей. Спб. 1832

Это сочиненіе состоитъ изъ трехъ томовъ, которые заключаютъ въ себѣ результаты четырехлѣтней работы автора. Первый томъ содержитъ 264 страницы, второй—332 и третій—304—слѣдовательно все сочиненіе состоитъ изъ 1000 (хотя и небольшихъ) страницъ. Это сочиненіе, нѣкогда классическое, занимаетъ и теперь въ литературѣ о киргизахъ первое мѣсто по полнотѣ. Этотъ трудъ о киргизахъ тѣмъ болѣе цѣненъ, что составленъ исключительно на основаніи достовѣрныхъ и лично авторомъ провѣренныхъ и взвѣшенныхъ источниковъ. Первый томъ посвященъ „извѣстіямъ географическимъ" и заключаетъ описаніе географическаго положенія киргизскихъ степей, ихъ границъ, климата; далѣе—почвы, топографіи, „естественныхъ произведеній трехъ царствъ природы", путей сообщенія и древностей. Къ этому тому приложена карта киргизскихъ степей и разрѣзъ Усть-Урта. Второй томъ заключаетъ „извѣстія историческія" и состоитъ изъ слѣдующихъ главъ: объ имени киргизъ-кайсаковъ и отличіи ихъ отъ дикокаменныхъ (кара-киргизовъ), объ источникахъ для исторіи киргизъ-кайсаковъ, о состояніи киргизъ-кайсаковъ до ихъ вступленія въ подданство Россіи (до 1740 г.), историческое обозрѣніе Большой орды съ 1730 г. до „настоящаго времени", историческое обозрѣніе Средней и Малой ордъ. Къ этому тому приложены таблицы родословной киргизскихъ хановъ. Третій томъ заключаетъ этнологію киргизскаго племени и состоитъ изъ слѣдующихъ главъ: число народа, раздѣленіе, главныя мѣста кочевокъ, образъ жизни, физическія свойства, пища и питаніе, одежда, вооруженіе, вѣра и суевѣрія, нравы и обычаи, просвѣщеніе, управленіе, законы, рукодѣлье, торговля. Къ этому тому приложены: типы киргиза и двухъ киргизокъ, таблица тамговъ, ноты двухъ пѣсенъ и планъ киргизской пашни. Сочиненіе это имѣетъ помимо своей полноты еще то значеніе, что включаетъ свѣдѣнія о киргизахъ древнѣйшихъ авторовъ, въ томъ числѣ и китайскихъ писателей.

Заволжскій Муравей. 1832. № 12.

Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей. (Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Ч. VIII. 1833).

Эта статья есть ничто иное, какъ конспектъ, только что упомянутаго сочиненія А. Левшина. Авторъ этого конспекта, какъ онъ самъ выражается, „сводитъ во едино" тѣ свѣдѣнія, которыя у Левшина изложены въ трехъ частяхъ.

Статистическое обозрѣніе Астраханской губерніи. (Журн. Мин. Вн. Дѣлъ. 1833. Ч. VIII).

Въ концѣ статьи помѣщена (кратко) исторія присоединенія киргизовъ къ Россіи и ихъ численность. О горѣ Богдо и преданіи калмыковъ о происхожденіи ея.

Кафтанниковъ.—Арасланъ-Бабръ. (Заволжскій Муравей. 1833. № 5).

Монахъ Іоакинфъ.—Историческое обозрѣніе Ойратовъ или Калмыковъ съ XV столѣтія. Спб. 1834.

Это сочиненіе заключаетъ разбросанныя свѣдѣнія, имѣющія отношеніе до исторіи киргизовъ и кара-киргизовъ.

Ф. Миллеръ (F. Müller).—Der Ugrische Volksstamm. Berlin. 1837.

На 28 страницахъ говоритъ этотъ авторъ о топографіи страны, занимаемой киргизами, о трехъ киргизскихъ ордахъ, о физическомъ типѣ киргизовъ, о ихъ характерѣ и торговлѣ. Все написано на основаніи сочиненій (преимущественно) Левшина, Георги, Палласа, Эверсмана и Рычкова.

Риттеръ (K. Ritter). Die Erdkunde. T. VII. B. III. West-Asien. Berlin. 1837.

Имѣется много весьма интересныхъ свѣдѣній о Киргизской степи, а также о нѣкоторыхъ исчезнувшихъ народностяхъ, имѣющихъ отношеніе къ киргизамъ и кара-киргизамъ.

Гёбель (Göbel).—Reise in die Steppen des südlichen Russlands. Bd. I и II. Dorpat. 1838.

Гёбель посѣтилъ Букеевскую орду въ 1835 году съ физико-химическими цѣлями. Онъ былъ на Элтонѣ, Баскунчакѣ, въ ставкѣ хана Джангира (Ханской Ставкѣ), на Камышъ-Самарскихъ озерахъ и въ другихъ мѣстахъ. Въ первомъ томѣ своего сочиненія онъ даетъ общее описаніе своей поѣздки—описываетъ свое пребываніе у хана Джангира, разсказываетъ разные эпизоды своего пути и даетъ подробное описаніе одежды киргизовъ: мужчинъ, дѣвушекъ и женщинъ. Во второмъ томѣ даетъ результаты своихъ лабораторныхъ трудовъ надъ собраннымъ имъ матеріаломъ: анализъ воды различныхъ соленыхъ озеръ, анализъ золы солончаковыхъ растеній и т. д. и результаты своихъ ходометрическихъ наблюденій.

Гессъ, Бэръ, Ленцъ и Бонгардъ. — Разборъ сочиненія пр. Гёбеля. «Reise in die Steppen des südlichen Russlands. (**Изв. Акад. Наукъ** т. VII). 1838.

Шопенъ (M. Chopin).—Russie T. I. (L'univers Histoire et description de tous les peuples). Paris. 1838.

Помѣщено, между прочимъ, краткое описаніе жизни киргизовъ, кочевокъ, скотоводства и раздѣленія на отдѣльныя орды.

С.-Петербургскія Вѣдомости. 1838. №№ 1, 80 и 81.

Здѣсь помѣщены статьи И. Казанцева о киргизахъ „Восточной" части и Букеевской орды.

И. Казанцевъ.—О киргизахъ Западной и Средней частей, называемыхъ Оренбургскими или Зауральскими. (С.-Петербургскія Вѣдомости. 1839. №№ 16, 17 и 18).

Авторъ говоритъ объ исторіи Малой орды до ея распаденія, о топографіи мѣстности и о происхожденіи трехъ поколѣній Малой орды.

П. Аноровъ.—Замѣчаніе о степяхъ Оренбургской, Симбирской и Саратовской губерній. (Сынъ Отечества 1839, Т. VII).

Эта статья содержитъ краткое описаніе характера почвы Оренбургской киргизской степи, говорится объ обработкѣ земли и о сильномъ истребленіи лѣсовъ.

1840—1850 гг.

О Внутренней или Букеевской киргизъ-кайсацкой ордѣ. (Сынъ Отечества. Т. V. 1840).

Вся статья напечатана на 14 страницахъ и содержитъ: исторіи орды, описаніе топографіи степи, физическаго типа мужчинъ и женщинъ, описаніе одежды, и наименованіе родовъ. Далѣе описывается внѣшность хана Джангира и его женъ; наконецъ въ этой статьѣ помѣщена краткая замѣтка о скотоводствѣ.

Гельмерсенъ (G. Helmersen).—Reise nach dem Ural und der Kirgisensteppe in den Jahren 1833 und 1835. Ab. I и II. St.-Pt. 1841.

Въ послѣдней главѣ первой части (Reise in die Kirgisensteppe) помѣщены краткія и отрывочныя свѣдѣнія о жизни киргизовъ, а во второй части напечатаны результаты барометрическихъ и психометрическихъ наблюденій въ Киргизской степи, а также и геогностическія изслѣдованія.

Внутренняя киргизская орда. (Сѣверная Пчела. 1842. № 111).

Статья перепечатана изъ Астраханскихъ Губернскихъ Вѣдомостей и содержитъ: перечисленіе границъ орды, численность народонаселенія, управленіе ордою, подати, платимыя киргизами хану Джангиру (закетъ и сугумъ).

Букалинская орда.—(С.-Петербургскія Вѣдомости. 1842 № 17).

Описаніе празднества въ Ханской ставкѣ въ день тезоименитства (16 декабря 1841 г.) Государя и пріема поздравленій Джангиромъ (заглавіе „Букалинская орда", вѣроятно, опечатка вмѣсто „Букеевская").

Хронологическій обзоръ важнѣйшихъ путешествій, совершенныхъ по Россіи или изъ Россіи въ XVIII и XIX ст. (Изв. Академіи Наукъ). 1843.

Н. Ханыковъ.—Описаніе Бухарскаго ханства СПБ. 1843.

Содержитъ нѣкоторыя, весьма немногочисленныя свѣдѣнія о киргизахъ.

С.-Петербургскія Вѣдомости. 1844 г. № 175.

Въ этомъ нумерѣ помѣщенъ Высочайшій указъ о пограничной Коммиссіи и Положеніи управленія киргизами Оренбургскаго вѣдомства.

И. Причардъ (I. Prichard).—Naturgeschichte des Menschengeschlechts—deutsch herausgegeben von R. Wagner und. T. Will. Band III. 2 Ab. Asiatische Nationen. Leipzig 1845.

На 7 страницахъ авторъ говоритъ объ именахъ „киргизъ" и казакъ о происхожденіи киргизовъ, о мѣстѣ ихъ жительства и о типѣ киргизовъ (о ростѣ —на основаніи 7 измѣреній).

О судопроизводствѣ Букеевской ордѣ (С.-Пет. Вѣд. 1845, №66).

Статья перепечатана изъ прибавленія къ Саратовскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ и содержитъ интересное описаніе порядка судопроизводства въ Букеевской степи при ханѣ Джангирѣ.

Бэръ (Baer).)—Nachrichten aus Sibirien und der. Kirgisen—Steppe. Leipzig, 1845

А. Леопольдовъ.—Историческій очеркъ Саратовскаго края.

Говорится, между прочимъ, о кочеваньи киргизовъ между Волгою и Ураломъ до перехода Букея и о нападеніяхъ киргизовъ на русскихъ и на нѣмецкія колоніи.

Чихачевъ (P. Tchihatcheff).—Voyage scientifique dans l'Altai oriental. Paris. 1845.

Авторъ въ III главѣ говоритъ о происхожденіи киргизовъ и, кромѣ того, даетъ разбросанныя свѣденія о жизни ихъ.

Линдау (Lindau).—Sibirien. Dresden und Leipzig. 1846.

Въ первомъ томикѣ во II главѣ этого сочиненія помѣщено описаніе топографіи мѣстности, киргизовъ, внѣшняго вида, одежды, жизни и быта ихъ

Рожденіе, смертность и браки жителей Оренбургской губерніи магометанскаго закона сравнительно съ православнымъ исповѣданіемъ за 1845 и 1846 гг. (Оренбургскія Губерн. Вѣдомости. 1847. № 18).

Оренбургскія Губернскія Вѣдомости. 1847 г. №№ 3, 17 и 19.

Обзоръ современнаго состоянія Оренбургской губерніи въ статистическомъ и географическомъ отношеніи. (Оренбург. Губ. Вѣд. 1847. №№ 26—35, 39. 1848. №№ 2, 3, 14, 20, 33, 50 и 52).

Базинеръ (Th. Basiner).—Reise durch die Kirgisensteppe nach Chiwa. (Beiträge zur Kentniss des Russischen Reiches St.-P. 1848).

Авторъ помѣщаетъ во второй главѣ первой части своего сочиненія („Reise von Orenburg bis zur Hohebene Ustjurt") и въ пятой главѣ первой же части („Rückreise von Chiwa nach Orenburg") нѣкоторыя немногочисленныя сценки изъ жизни киргизовъ и описаніе ихъ степи.

Баронъ У-ръ.—Четыре мѣсяца въ Киргизской степи. (Отечественныя Записки. 1848. № 10).

Баронъ У-ръ, офицеръ, участвовалъ въ 40-хъ годахъ въ походѣ противъ шайки киргизовъ, возставшей подъ предводительствомъ Кенисары. Онъ былъ

раненъ пулей и взятъ киргизами въ плѣнъ. Въ своей статьѣ даетъ онъ не безъ интересныя свѣдѣнія о бытѣ киргизовъ и подробности о бунтѣ.

Нёшель.— Замѣчанія о Киргизской степи между Орскою крѣпостью и Аральскимъ моремъ. (Географическія Извѣстія, издаваемыя Императорскимъ Рус. Геогр. Общ. 1848, вып. 5).

На 5 страницахъ помѣщено описаніе природы степи, почвы ея, (орошенія полей киргизами), возвышеній и впадинъ степи.

Арсеньевъ.—Статистическіе очерки Россіи. СПБ. 1848.

М. Киттары.—Гора Богдо и озеро Баскунчакское. (Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. 1848 ч. XXIV).

Статья эта (въ 21 ст.) содержитъ не безъинтересное описаніе горы Большое Богдо и Баскунчакскаго озера: ихъ мѣстоположенія, вида и т. п., а также сказанія, связанныя съ горою и озеромъ. Статья того же автора и подъ тѣмъ же заглавіемъ была помѣщена въ Астраханскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ (1848 г. № 47 и 48), но насколько послѣдняя тождественна съ этой, сказать трудно, такъ какъ намъ не удалось найти эти нумера Астрахан. Губ. Вѣд.

Бларамбергъ.—Земли киргизъ-кайсаковъ Оренбургскаго Вѣдомства (Военно-статистич. обозрѣніе Россійской Имперіи. Т. XIV ч. 3). 1848.

Эта книжка (около 200 стр.) содержитъ двѣ части: первая посвящена Букеевской ордѣ и заимствована, преимущественно, изъ статьи Ханыкова; вторая, болѣе интересная—относится къ Малой Зауральской ордѣ и обнимаетъ описаніе топографіи мѣстности (70 стр). съ орографіею, гидрографіею и т. п. Наибольшій интересъ представляетъ списокъ родовъ и отдѣленій Малой орды. Есть также указанія на образъ жизни киргизовъ, промышленность ихъ и пр. Приложенія не лишены также извѣстнаго интереса.

Черемшанскій.—Описаніе Оренбургской губерніи въ экономическомъ, статистическомъ и промышленномъ отношеніяхъ. Уфа, 1849.

Сочиненіе это признано удовлетворяющимъ требованіямъ конкурса, объявленнаго Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ въ 1851 г., и авторъ его удостоенъ ученымъ Комитетомъ награды золотою медалью.

И. Березинъ.—Шейбаніада. (Исторія монголо-тюрковъ). Казань 1849.

Здѣсь можно встрѣтить весьма древнія, хотя и краткія, свѣдѣнія о „казакахъ", т. е. киргизахъ, а также и о происхожденіи кара-киргизовъ (въ V приложеніи „объ ойротахъ и уйгурахъ").

М. Киттары.—Киргизскій туй. (Журналъ Мин. Вн. Дѣлъ. 1849, ч. XXV).

Авторъ даетъ въ небольшой статьѣ описаніе киргизскаго праздника и пира, на которомъ онъ присутствовалъ.

М. Киттары. — Ставка хана Внутренней Киргизской орды. (Журналъ Мин. Вн. Дѣлъ 1849. ч. XXVIII).

Въ этой статьѣ авторъ даетъ весьма подробное описаніе Ставки и дворца хана. Она тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что столь подробнаго описанія этого интереснаго въ свое время поселка въ литературѣ не существуетъ

П. Савельевъ. — Средняя Азія. (Карманная И. Русск. Геогр. Общества книжка любителей землевѣдѣнія. 1848). Спб. 1849.

Эта статья посвящена исторіи сближенія Средней Азіи съ Россіею—она имѣетъ прямое отношеніе къ исторіи нашего сближенія съ Киргизскою степью.

Я. Ханыковъ.—Очеркъ состоянія Внутренней киргизской орды въ 1841 году (Записки Импер. Русск. Геогр. Общ. кн. 1 и 2-я 1849 г.)

Этотъ очеркъ содержитъ: дѣленіе степи по почвѣ на 4 участка, описаніе водъ, горъ, песковъ, климата. Затѣмъ слѣдуетъ перечень родовъ, отдѣленій и подотдѣленій — и мѣстъ ихъ кочевокъ. Далѣе говорится о переходѣ киргизовъ этой орды изъ-за Урала, о ханствованіи Букея и Джангира; затѣмъ о количествѣ населенія за разные годы, о количествѣ земли и скота и о торговлѣ. Все на 28 страницахъ.

1850—1860 гг.

Китары. (M. Kittara)—Ein kirgisischer Tui. (A. Ermans's Arch. für wissensch. Kunde v. Russ. B. VIII. H. 3. Berlin. 1850).

На 27 страницахъ описанъ киргизскій туй (пиръ), происходившій въ окрестностяхъ Ханской ставки, на которомъ присутствовалъ и авторъ статьи. Статья эта была раньше помѣщена въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ дѣлъ 1849 г. ч. XXV (см. выше).

Поѣздка Поспѣлова и Бурнашева въ Ташкентъ, 1800 (Вѣстникъ Имп. Русскаго Географическаго Общества. 1851 г. ч. I кн. 1)

Въ этой интересной статьѣ, заключающей въ себѣ 44 стр, половина посвящена киргизамъ; къ ней приложены интересныя примѣчанія Я. Ханыкова.

К. Сынске.—Обозрѣніе главнѣйшихъ путешествій и географическихъ открытій въ десятилѣтіе съ 1838 по 1848 г. Статья II— Азія (Вѣстникъ И. Русскаго Географическаго Общества 1851 г. ч. 1, книга 1).

Описаніе, между прочимъ, касается путешествій иоткрытій въ киргизской степи.

* **Свѣдѣнія о дикокаменныхъ киргизахъ** (доставлены отъ генералъ-губернатора Западной Сибири; помѣщены въ запискахъ И. Рус. Геогр. Общ. 1851, кн. 5).

Здѣсь говорится о происхожденіи кара-киргизовъ, политическомъ состояніи этой орды, управленіи, числѣ жителей, границахъ, топографіи, гидрографіи, путяхъ сообщенія, растительности, животномъ мірѣ, минеральныхъ богатствахъ, климатѣ, древностяхъ, вооруженіи, также о хлѣбопашествѣ и скотоводствѣ. Все очень кратко.

Евреиновъ.—Внутренняя или Букеевская киргизъ-кайсацкая орда. (Современникъ. 1851. Отд. II—10).

Евреиновъ былъ въ Букеевской степи въ 1846 и 1847 годахъ. Эта статья его (48 страницъ) содержитъ подробное описаніе перехода киргизовъ изъ Азіи по сю сторону Урала. Далѣе—мѣстоположенія и границы, наименованіе урочищъ, описаніе Ставки, ордынскихъ трактовъ. Затѣмъ говорится о сословіяхъ о духовномъ и гражданскомъ управленіи, о наименованіи родовъ и отдѣленій, власти хана, податяхъ; описываются кочевья и зимовья киргизовъ, кибитка; говорится также о характерѣ киргизовъ, о торговлѣ, скотоводствѣ, скачкахъ, народныхъ увеселеніяхъ и знахаряхъ.

Кипертъ (Kiepert).—Turan zu Ritter's Erdkunde. 1852.

* **Nachrichten** über die sogenannten schwarzen Kirgisen. (Arch. für wissen. Kunde v. Russ —A. Ermann. B. XI. H. 3. Berlin. 1852).

Въ этой краткой статьѣ (13 стр.) помѣщены преимущественно свѣдѣнія, касающіяся топографіи мѣстности, орошенія и путей сообщенія, а также (на одной страницѣ) и объ образѣ жизни кара-киргизовъ.

А. Л.—Отношеніе русскихъ къ киргизамъ. (Самар. Г. Вѣд. 1852, № 5).

Жарковъ.—Записки Саратовскаго купца о киргизахъ (Библіотека для чтенія. 1852. Т. 114 и 115).

Баронъ Сильверсгельмъ.—Киргизская степь Западной Сибири. (Военно-статистическое обозрѣніе Россійской Имперіи. Т. XVIII Ч. 3 Спб. 1852). Это сочиненіе содержитъ описаніе топографіи мѣстности, описаніе рѣкъ и другихъ водъ, почвы и климата. Далѣе говорится о промышленности, торговлѣ, объ естественныхъ произведеніяхъ края, о путяхъ, сообщенія и о религіозномъ и умственномъ образованіи киргизовъ.

П. Небольсинъ.—Очерки Волжскаго низовья. (Журналъ Мин. Вн. Дѣлъ. 1852. Ч. 39).

Въ IX главѣ авторъ на 23 страницахъ описываетъ Букеевскую орду: происхожденіе ея, наименованіе родовъ, отношеніе Джангира къ своимъ киргизамъ, Ставку, торговлю, одежду киргизовъ. Затѣмъ авторъ говоритъ о происхожденія 3 киргизскихъ ордъ и объ исторіи Малой орды.

С. Гуляевъ.—О древностяхъ, открываемыхъ въ Киргизской степи (Вѣстникъ И. Р, Геогр. Общ. 1853. кн. III).

А. Влангали.—Геогностическіе поѣздки въ восточной части Киргизской степи въ 1849 и 1851 годахъ 2 Ч. Спб. 1853.

Авторъ этого сочиненія, штабсъ-капитанъ корпуса горныхъ инженеровъ, даетъ преимущественно описаніе топографіи страны и разныхъ горныхъ породъ, но въ многочисленныхъ расказахъ затрагиваетъ и бытъ киргизовъ: ихъ поминки, устройство могилъ, и. т. д.

Вельяминовъ-Зерновъ—Историческія извѣстія о киргизахъ-кайсакахъ и сношеніе Россіи съ Средней Азіею Уфа. 1853. Ч. I.

А. Сулоцкій.—Киргизъ на поклоненіе святымъ мѣстамъ русскимъ и палестинскимъ. (Москвитянинъ 1853. Т. VI).

Авторъ разсказываетъ (частный случай) о крещеніи киргиза и объ его поѣздкѣ на богомолье. Этотъ разсказъ, хотя и касается одного лишь лица, можетъ пролить извѣстный свѣтъ на характеръ киргизовъ и на вліяніе русскихъ на нихъ и рисуетъ также сцену изъ быта киргизовъ.

Я. Ханыковъ.—Матеріалы для статистики народонаселенія Оренбургской губерніи (Оренбургскія Губ. Вѣд. 1853, № 2).

А. Терещенко.—Слѣды Дештикипчака и Внутренняя киргизъ-кайсацкая орда.(Москвитянинъ 1853. Т. VI).

Авторъ посѣтилъ степь въ 1851 году. Въ своей статьѣ онъ описываетъ дорогу отъ урочища Хорахой до Ставки; даетъ краткій очеркъ исторіи Малой (Зауральской) орды, описываетъ Ставку, говоритъ объ управленіи, о ханѣ Джангирѣ, его семействѣ, о духовенствѣ, рилигіи, характерѣ киргиза, семейномъ устройствѣ, податяхъ, скотоводствѣ; описываетъ также одежду киргизовъ. Все на 35 мелкопечатныхъ страницахъ.

П. Небольсинъ.—Разсказы проѣзжаго. Спб. 1854.

Авторъ (въ IX главѣ) кратко описываетъ зауральскихъ киргизовъ. Эта статья была напечатана въ 1853 г. въ январской и февральской книжкахъ Отечественныхъ Записокъ.

Идаровъ.—Киргизская степь Сибирскаго вѣдомства и новоучрежденная въ ней Семипалатинская область. (Журн. Мин. Вн. Дѣлъ. 1854. Ч. VII).

На 35 страницахъ говорится о пространствѣ земель, занимаемыхъ Большою и Среднею ордами, объ ихъ административномъ раздѣленіи Далѣе въ этой статьѣ затрагивается: хлѣбопашество, скотоводство, промышленность, торговля и караванные пути. Наконецъ помѣщены исторія Семипалатинска и Усть-Каменогорска и управленіе Семипалатинской области.

Вельяминовъ-Зерновъ. —Историческія извѣстія о киргизахъ отъ 1764—1783 гг. Оренбургскія Губ. Вѣд. 1854, № 27.)

Гагенмейстеръ. — Статистическое обозрѣніе Сибири. СПБ. 1854 г.

Въ первой и третьей части помѣщены разбросанныя, но очень интересныя, данныя о киргизахъ и Киргизской степи, а во второй — киргизамъ посвящена отдѣльная глава, преимущественно, географическаго содержанія.

* **И. Березинъ.** — Библіотека восточныхъ источниковъ. Т. III, гл. 1. Исторія Абуль-Гази. Казань 1854 г.

Среди многочисленныхъ преданій о тюркскихъ племенахъ помѣщены также свѣдѣнія о „киргизахъ", т. е. о кара-киргизахъ—отчасти въ связи съ завоеваніями Чингизъ-Хана.

Вельяминовъ-Зерновъ. — Историческія извѣстія о киргизъ-кайсакахъ и сношенія Россіи съ Средней Азіей. Часть 2-я. 1855.

Г. Колмогоровъ. — О промышленности и торговлѣ въ Киргизскихъ степяхъ Сибирскаго вѣдомства. (Вѣстникъ И. Русск. Геогр. Общ. 1855. Ч. XIII).

Авторъ на 38 страницахъ говоритъ о промышленности и торговлѣ, сравниваетъ развитіе ихъ въ 50-хъ годахъ съ минувшимъ временемъ, затрагиваетъ также и самую жизнь киргизовъ.

И. Корниловъ.—Извлеченіе изъ донесенія о совершонной поѣздкѣ въ Астраханскую губернію и киргизско-калмыцкую степь въ 1854 г. (Вѣстникъ И. Рус. Геогр. Общ. 1855. кн. 3.)

Авторъ статьи описываетъ свою поѣздку изъ Москвы чрезъ Нижній Новгородъ, Царицынъ и Сарепту въ Область Войска Донскаго, затѣмъ—черезъ Черный Яръ на Баскунчакъ, гдѣ онъ былъ вмѣстѣ съ геологомъ Ауэрбахомъ. Заслуживаетъ вниманія только описаніе красильныхъ кореньевъ степныхъ растеній (кизиль-буялъ и томаръ-буялъ для красной и желтой красокъ).

П. Небольсинъ. — Очеркъ торговли Россіи съ Средней Азіей. (Зап. И. Р. Геогр. Общ. кн. X. 1855).

Кромѣ разбросанныхъ свѣдѣній, имѣющихъ отношеніе къ быту киргизовъ, помѣщена замѣтка о барантѣ: ея значеніи и причинахъ, вызывающихъ ее.

Статистическія свѣдѣнія о степи Сибирскихъ киргизовъ за 1853 г. (Журналъ Мин. Вн. Дѣлъ. 1855 Ч. IX).

На 11 страницахъ даны свѣдѣнія о количествѣ земли, занимаемой киргизами, и о народонаселеніи степи.

Статистическія свѣдѣнія о степи Сибирскихъ киргизовъ за 1853 годъ (Журналъ Министерства Внутр. Дѣлъ. 1855 г. ч. X).

Здѣсь на 11 страничкахъ помѣщены краткія свѣдѣнія о народонаселеніи, сельскомъ хозяйствѣ, промышленности, торговлѣ, податяхъ, повинностяхъ, народномъ здравіи и т. п. въ области сибирскихъ киргизовъ. Статья представляетъ извлеченіе изъ отчета, представленнаго исправ. должность Пограничнаго Начальника Сибирскихъ киргизовъ.

Sitten der Kirgisen. — Arch. f. wissen. Kunde v. Russland von Erman, B. XIV, 1. Berlin. 1855).

Описывается асъ, байга, конокрадство, могилы и говорится о сказкахъ. Статья представляетъ переводъ и извлеченіе изъ сочиненія Влангали (см. выше).

Sitten der Kirgisen.—(A. Erman's Arch f wissensch. Kunde v. Russ. B. XIV, H. 2. Berlin 1855).

На трехъ станицахъ помѣщены разсказы о барантѣ и барантачахъ, о лѣченіи лошади и сказаніе объ образованіи горъ Кизылъ-Геку.

А. Макшеевъ. Показаніе сибирскихъ казаковъ Милюшина и Батарышкина, бывшихъ въ плѣну у Коканцевъ въ 1849 по 1852 г. (Вѣстникъ И. Русскаго Географическаго Общества. 1856 г. кн. IV).

Во время своего плѣна, казаки эти неоднократно сталкивались съ киргизами и передаютъ нѣкоторыя данныя о нихъ.

Сводъ Законовъ Россійской Имперіи. СПБ. 1857.

Во II томѣ, 2 части, 7-й книгѣ (раздѣлъ I, V, и VI) помѣщены узаконенія, касающіяся какъ зауральскихъ, такъ и внутреннихъ киргизовъ.

П. Семеновъ. Письмо изъ Семипалатинска (Вѣстникъ Русскаго Географическаго Общества. 1857 г. ч. XXI).

Письмо заключаетъ географическія свѣдѣнія о Тянь-Шанѣ и окрестностяхъ озера Иссыкъ-Куля.

П. Кеппенъ.—Девятая ревизія.—Изслѣдованія о числѣ жителей въ Россіи 1851 году. Спб. 1857 г.

Въ приложеніи помѣщены свѣдѣнія о киргизахъ Большой, Средней, Букеевской и Черной ордъ; говорится тутъ также о раздѣленіи ордъ, о мѣстожительствѣ и количествѣ населенія.

Аткинсонъ (Atkinson). Oriental and western Sibiria. London. 1857.

Въ этомъ обширномъ сочиненіи (600 стр.) авторъ посвящаетъ слѣдующія главы киргизамъ: the Kirghis steppe among the kirghis; adventures in the steppe; rambles among the kirghis (XV—XVIII),—гдѣ чрезвычайно живо и ярко рисуетъ бытъ этого народа; разсказы еще болѣе выигрываютъ, благодаря приложеннымъ рисункамъ, искусно исполненнымъ съ натуры самимъ авторомъ.

И. Штукенбергъ—Статистическіе труды. Т. I. Описаніе 24 губерній. Спб. 1858.

Въ четвертой главѣ (Астраханская губернія) въ 24 параграфѣ помѣщено краткое (на 6 страницахъ) описаніе Букеевской орды, касающееся главнымъ образомъ почвы и торговли орды.

Дрова въ Киргизской степи (Тобольскія Губернскія Вѣдомости. 1858 г. № 9).

О. П.—Образъ управленія и законы киргизовъ (Томскія Губернскія Вѣдомости 1858 г. № 45).

* **Исторія** Монголовъ, сочиненіе Рашидъ-Эддина, переводъ съ примѣчаніями И. Н. Березина (Труды Восточнаго Отдѣла И. Археологическаго Общества, ч. V). СПБ. 1858.

Въ этомъ сочиненіи, во первыхъ, говорится о кара-киргизахъ, а, во вторыхъ, объ исторіи тюркскихъ племенъ, какъ напр. найманахъ, кипчакахъ и др., вошедшихъ въ составъ современныхъ киргизовъ. Сочиненіе заключаетъ въ себѣ много весьма интересныхъ фактовъ.

Семеновъ (P. Séménoff).—Lettre sur le voyage dans la steppe Kirghise. (Extraits des publications de la Soc. Im. Géog. de Rus. StP. 1859, pag. 38, 58, 156).

Ѳ. Лазаревскій.—Очеркъ киргизовъ Оренбургскаго вѣдомства. (Русскій дневникъ. 1859. № 14 и 15).

А. Артемьевъ.—Нѣсколько замѣтокъ о киргизской степи Оренбургскаго вѣдомства. (Сообщено изъ Центральнаго статистическаго комитета и составлено А. Артемьевымъ). (Жур. Мин. Вн. Дѣлъ. 1859. Октябрь).

Говорится объ исторіи нашихъ сношеній съ киргизами, о преобразованіи управленія. Затѣмъ описываютя границы Малой орды, пространство и почва ея, климатъ, народонаселеніе, скотоводство, хлѣбопашество, звѣроловство и торговля. Въ качествѣ прибавленія къ этой статьѣ напечатанъ краткій (на 3 страницахъ) очеркъ Букеевской орды (компиляція изъ сочиненій Киттары, Ханыкова и др.)—Исторія возникновенія ея, границы, пространство, почва, управленіе, населеніе, скотоводство.

Астраханскія Губерн. **Вѣдомости** 1859 г. №№ 14, 22, 25, 29, 30 и 34.

П. Семеновъ.—Землевѣдѣніе Азіи Карла Риттера. СПБ. 1859.

Въ этомъ весьма интересномъ и въ свое время полномъ сочиненіи помѣщено много географическихъ свѣдѣній о Киргизской степи, а также исторіи древнихъ народовъ, имѣющихъ отношеніе къ киргизамъ и кара-киргизамъ.

Влангали (Wlangali's).—Reise nach der Oestlichen Kirgisen—Steppe.

Переводъ съ рускаго Лева, Изданіе Гельмерсена. Это сочиненіе, помѣщенное на русскомъ языкѣ въ Горномъ журналѣ 1853 г. №№ 4, 5, 6, и 7 (см. выше), было переведено на нѣмецкій языкъ не ранѣе 1854 г. и помѣщено въ Beitrage zur Kennt. des Russ. Reischs. B. XX. Отдѣльный оттискъ.

Варадиновъ.— Лѣченіе кумысомъ (Библіотека Медицинскихъ Наукъ. 1859 г., №№ 32 и 33).

Медико-топографическое описаніе Киргизской степи (Томскія Губернскія Вѣдомости. 1859 г. № 36—42).

Н. Абрамовъ. – Каменная пирамида намогильный памятникъ Казу-Курпеча и Баянъ-Сулы въ Киргизской степи. (Тобольскія Губернскія Вѣдомости. 1859 г., № 40).

Э. Островскій.—Поѣздка во Внутреннюю Киргизъ-Кайсацкую орду. (Журн. Мин. Вн. Дѣлъ 1859, январь, февраль и май).

Авторъ, профессоръ Харьковскаго ветеринарнаго училища, былъ командированъ въ 1855 г. въ Букеевскую степь съ цѣлью ознакомленія съ породами домашняго скота у киргизовъ, изслѣдованія болѣзней и собиранія свѣдѣній относительно чумопрививанія. До отъѣзда въ Букеевскую степь авторъ посѣтилъ окрестныя мѣста, какъ-то: Область Войска Донскаго, Калмыцкую степь и др., и оттого его статья, помѣщенная въ трехъ книгахъ вышеупомянутаго журнала, содержитъ многое, къ Букеевской степи неотносящееся. Въ Букеевской степи авторъ посѣтилъ горы Б. и М. Богдо, Хаки и Ханскую Ставку. Его описаніе заключаетъ въ себѣ характеристику почвы Букеевской степи и ея гидрографію; содержитъ также краткій очеркъ быта киргиза-букеевца и его болѣзней. Затѣмъ помѣщено изслѣдованіе породъ скота (верблюда, лошади, овцы, козы, рогатаго скота, собаки) и ихъ болѣзней. Въ майской книжкѣ журнала помѣщено описаніе Ханской Ставки и близъ лежащей ярмарки съ указаніями на торговлю. Въ заключеніе авторъ сводитъ результаты своихъ изслѣдованій скотоводства Букеевской и другихъ посѣщенныхъ имъ степей.

Очерки Зауральской степи и Внутренней или Букеевской орды. (Изданіе Б. Солдатенкова и Н. Щепкина). М. 1859.

На 90 страницахъ описываются: границы, почва и природа степей. Далѣе рисуется бытъ киргизовъ и нѣкоторые обряды. Эта компиляція сочиненій Гёбеля, Левшина, Нешеля, Небольсина и др. даетъ краткую, но вѣрную картину степей.

Д. Познякъ.—Двѣ недѣли въ Золотой Букеевской ордѣ. (Саратовскія Губернскія Вѣдомости. 1859 № 38).

Черемшанскій.—Описаніе Оренбург. губ. въ хозяйственномъ, статистическомъ, этнографическомъ и промышленномъ отношеніи. Уфа. 1859 г.

А. Сулоцкій.—Киргизъ-паломникъ. (Томскія Губ. Вѣд. 1859. № 4).

1860—1870 гг.

С.-Петербургскія Вѣдомости 1860. № 59.

И. Ильминскій.—Древній обычай распредѣленія кусковъ мяса, сохранившійся у киргизовъ (Изв. И. Археолог. Общ. т. II, в. 3. 1860 г.) (?)

Въ этой статьѣ авторъ описываетъ порядокъ угощенія у киргизовъ на торжественныхъ пирахъ. Обычай указываетъ на монголо-тюркскую старину, на остатокъ язычества и, въ частности, шаманства.

Баксы.—Разсказъ изъ киргизской жизни (Иллюстрированный Семейный листокъ 1860).

К. Колачевъ.—Охота у киргизъ кайсаковъ. (Сынъ Отечества. 1860. №№ 11 и 12).

П. Небольсинъ.—Путешествующіе киргизы. (Русскій Вѣстникъ—Современная лѣтопись. 1860. Т. 29).

Авторъ пишетъ (по поводу пріѣзда 15 киргизовъ въ С.-Петербургъ) о стремленіи киргизовъ къ образованію. Эта статья вызвала справедливое возраженіе со стороны І. И. Желѣзнова (Авторъ „Уральцы") (посмертное изданіе. 1888 г.) въ Русскомъ Вѣстникѣ т. XXX—1860, и со стороны Плотникова, тамъ же.

І. Желѣзновъ.—Киргизоманія. (Русскій Вѣстникъ, Современная Лѣтопись. 1860. Т. 30).

Авторъ возражаетъ Небольсину на его статью „Путешествующіе киргизы", главнымъ образомъ противъ будто бы существующихъ притѣсненій киргизовъ со стороны уральскихъ казакозъ и ихъ нежеланія содѣйствовать просвѣщенію киргизовъ.

Р.—Нѣсколько словъ о киргизахъ, бывшихъ въ Петербургѣ въ 1860 г. (Русскій Художественный Листокъ. 1861 № 21).

Портреты киргизской депутаціи. (Иллюстрація. 1860 № 116).

В. Старковъ.—Краткое обозрѣніе Киргизской Степи въ географическомъ, историческомъ и статистическомъ отношеніяхъ. (Томскія Губ. Вѣд. 1860. № 26 и 31).

Хаджа-Мухамедъ-Салихъ-Бабаджановъ. Замѣтки киргиза о киргизахъ. (Сѣверная Пчела 1861. № 4.)

Л. Плотниковъ.—По поводу статьи «Путешествующіе киргизы». (Русскій Вѣстникъ. Т. XXX. 1860. Современная Лѣтопись.

Авторъ этой статьи возражаетъ на статью Небольсина „Путешествующіе киргизы," Авторъ, хваля другія произведенія Небольсина, замѣчаетъ, что данная статья была написана неряшливо и наскоро; указываетъ преимущественно на то, что Небольсинъ, назвавъ свою статью „Путешествующіе киргизы", умолчалъ объ оффиціальномъ характерѣ, который носила данная поѣздка—(они были депутатами), и на то, что Небольсинъ далъ характеристику лишь нѣсколькихъ изъ этихъ депутатовъ. Л. Плотниковъ, въ качествѣ пристава, самъ сопровождалъ этихъ киргизовъ, знаетъ ихъ лично и даетъ характеристику каждаго изъ нихъ. Эти странички наиболѣе интересны въ статьѣ, такъ какъ онѣ бросаютъ свѣтъ на жизнь передовыхъ киргизовъ 50 гг.

М. С. Бабаджановъ.—Замѣтка киргиза о житьѣ бытьѣ и участи его родичей. (С.-Петербургскія Вѣдомости. 1861. № 136).

М. С. Бабаджановъ.—Апелляція киргиза къ публикѣ, по поводу статьи Русскаго Вѣстника, подъ заглавіемъ „Киргизоманія". (Сѣверная Пчела. 1861. № 131.).

* **Дикокаменная Орда.**—Изъ статьи г. Валиханова о Джунгаріи, помѣщенной въ запискахъ И. Русск. Географическаго Общества. (Сѣверная Пчела 1861 № 192).

Г. —Замѣтка о хлѣбопашествѣ въ Киргизской степи. (Газета для сельскихъ хозяевъ 1861 № 18).

Списокъ населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи. II—Астраханская губ. СПБ. 1861.

Помѣщена краткая замѣтка о Букеевской ордѣ, съ приложеніемъ списка родовъ, отдѣленій и подотдѣленій этой орды. У каждаго рода обозначено количество кибитокъ и мѣсто кочевки.

П. Кеппенъ.—Хронологическій указатель матеріаловъ для исторіи инородцевъ Европейской Россіи. СПБ. 1861.

Въ этой обширной книгѣ, составленной подъ редакціею П. Кеппена, удѣлена глава и киргизамъ: „киргизы и киргизъ-кайсаки“, въ которой на 32-хъ страницахъ въ хронологическомъ порядкѣ изложены событія, касающіяся киргизовъ, съ 1567 до 1859 г.

Старковъ.—Краткое описаніе Киргизской степи. (Памятная книжка Тобольской губ. за 1861—1862 гг.).

Г. П. Дрова въ киргизской степи. (Газета для сельскихъ хозяевъ 1861 № 19).

Въ этой статьѣ говорится объ отсутствіи лѣса и топлива въ киргизской степи и о приготовленіи кизяка, какъ единственнаго средства для топлива.

Н. Фридериксъ.—Джютъ и буранъ. Изъ записокъ о Западной Сибири. (Русскій Міръ 1861. № 96).

М. Ильминскій.—Матеріалы къ изученію киргизскаго нарѣчія. (Ученыя записки, издаваемыя И. Казанскимъ Университетомъ 1861).

Въ 3-й книжкѣ этого года авторомъ помѣщено „Вступительное чтеніе къ курсу турецко-татарскаго языка“, имѣющее отношеніе къ киргизскому нарѣчію.

А. Ивановскій.—О киргизахъ Бухтарминскаго края. (Томскія губернскія Вѣдомости. 1861 № 15).

К. Калачевъ.—1. Султанжанъ.—2. Курбанъ-байрамъ. (Библіотека для чтенія. 1862 № 11. стр. 227—231).

Два стихотворенія—сцены изъ киргизской жизни.

Л. Плотниковъ.—Письмо къ издателю Русскаго Вѣстника. (Русскій Вѣстникъ — Современная Лѣтопись. 1861. № 33. Августъ).

Авторъ возражаетъ Небольсину, напечатавшему въ № 5 „Современной Лѣтописи“ статью противъ помѣщенной Л. Плотниковымъ въ XXX Т. Русскаго Вѣстника статьи, обличающей Небольсина въ неправдѣ и искаженіи фактовъ въ его замѣткѣ „Путешествующіе Киргизы“.

Русановъ.—Взглядъ на экономическій и общественный бытъ киргизовъ. Изъ путевыхъ замѣтокъ. (Томскія Губернскія Вѣдомости. 1861 №№ 36—44 и 48—49).

Русановъ.—Собраніе актовъ, договоровъ и граматъ до киргизской степи относящихся. (Томскія Губернскія Вѣдомости. 1861 № 28—36.)

Статистическіе очерки Оренбургской губерніи. (Оренбургскія Губернскія Вѣдомости 1861. № 13).

Семейная распря въ киргизъ-кайсацкой степи. (Часъ Досуга. 1861 №№ 9 и 10).

Эта статья есть извлеченіе изъ повѣсти В. Даля „Букеи и Мауляна“, о которой будетъ сказано ниже).

Записка Мухамедъ Галія Тяукина: о хозяйствѣ ордынцевъ, кочующихъ въ Зауральской степи (Экономическія Записки. 1861, № 41).

А. Гренъ.—Изъ путевыхъ замѣтокъ (Инженерн. Журналъ. 1862 № 4).

Гренъ участвовалъ въ экспедиціи для изслѣдованія теченія р. Данды-Дарьи.

Описаніе содержитъ дневникъ экспедиціи: отъ форта № 1 (Казала) до форта № 2 (Кармакчи), фортъ № 2, островъ Кош-курганскій, разливъ Караузяка и пути къ форту Перовскому. Встрѣчается описаніе нѣкоторыхъ бытовыхъ сторонъ киргизскаго народа.

Оренбургскій край.—(Оренбургскія Губ. Вѣдомости. 1862 № 25).

И. Русановъ. О положеніи киргизъ-кайсаковъ, перешедшихъ въ XVIII столѣтіи въ передѣлы Томской Губерніи. (Томскія Губернскія Вѣдомости. 1862 №№. 32 и 33).

Т. Созонтовъ.—Киргизъ изъ окрестностей Гурьева городка. (Оренбургскія Губернскія Вѣдомости. 1862. №№ 2 и 3).

П. Слюзъ.—Тризны у киргизовъ. (Сѣверная Пчела. 1862. № 283).

П. Медвѣдскій.—Внутренняя Букеевская орда. (Журналъ Мин. Госуд. Имущ. 1862. Іюль, Августъ и Сентябрь).

Содержаніе: *Іюль.*—Границы, почва и климатъ. *Августъ.*—Переходъ, надѣлъ земли Джангиромъ, подробное описаніе зимовки (домовъ), тебеневокъ (мѣстъ, избираемыхъ для зимовки), кочевья, движеніе ордынцевъ на кочевья, подробное описаніе кибитки, раздѣленіе народа (перечисленіе родовъ) и перечисленіе кибитокъ, верблюдовъ, лошадей, рогатаго скота, овецъ и козъ по отдѣленіямъ. *Сентябрь.*—Скотъ: зоологическое описаніе, польза, болѣзни, народныя средства, выдѣлываніе шкуръ и т. д.

Л—ій.—Свадебные обычаи у киргизовъ Оренбургскаго вѣдомства. (Московскія Вѣдомости. 1862. №№ 151, 154 и 158).

На 17 столбцахъ помѣщено подробное описаніе обряда сватовства и свадьбы у киргизовъ; говорится также объ отношеніяхъ жениха къ невѣстѣ, мужа къ женѣ и о наложницахъ. Данныя эти тѣмъ болѣе цѣнны, что многое изъ нихъ относится уже къ отдаленному прошлому.

Султанъ Мендали Пираліевъ. — Изъ Зауральской степи. (День. 1862 №№ 28, 32, 35).

Въ первомъ письмѣ авторъ статьи помѣстилъ свою біографію, которая рисуетъ намъ въ интересной формѣ начало просвѣщенія, положенное въ степи Неплюевскомъ корпусомъ; далѣе авторъ говоритъ о недостаткахъ степного управленія. Во второмъ (наиболѣе интересномъ) письмѣ говорится объ имени „кайсакъ", „казакъ", „киргизъ", описываются причины, побудившія киргизовъ принять русское подданство и говорится о ханской власти Въ третьемъ письмѣ изложены наши сношенія съ киргизами по принятіи ими нашего подданства, объ административномъ устройствѣ и объ отношеніяхъ киргизовъ къ нашимъ властямъ. Эти три письма занимаютъ 20 столбцовъ. Обѣщанное авторомъ четвертое письмо не появлялось въ „Днѣ" за 1862 г. и мнѣ неизвѣстно.

Шницлеръ (Schnitzler).—L'Empire des Tsars. Paris et Strasbourg. T. I et II. 1862.

Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ томѣ, авторъ даетъ описаніе Киргизской степи и киргизовъ съ кара-киргизами: топографію, народонаселеніе, дѣленіе на орды, происхожденіе имени и т. д.

В. Григорьевъ.—О передачѣ звуковъ киргизскаго языка буквами русской азбуки (Ученыя Записки Казанскаго Университета. 1862 г. вып. II).

Статья эта—письмо къ Н. И. Ильминскому по поводу его Русской транскрипціи киргизской рѣчи. Авторъ говоритъ о практическомъ неудобствѣ этой транскрипціи и приводитъ въ заключеніе примѣры своей транскрипціи.

Радловъ (Radloff).—Observ s. les Kirghiz (Jour. Asiat. 1863, № 9).

П. Семеновъ.—Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи. т. I. СПБ. 1863.

Среди различныхъ статей, имѣющихъ отношеніе къ Киргизской степи и къ киргизамъ, напримѣръ, „Большая орда“ и т. д., слѣдуетъ отмѣтить статью „Внутренняя орда“, гдѣ авторъ описываетъ топографію мѣстности, исторію образованія этой орды, рода киргизовъ и скотоводство.

Военный Сборникъ 1863 г. № 1.

Въ 54 и 55. примѣчаніяхъ къ статьѣ Голосова, „о Хивинскомъ походѣ„ помѣщены свѣдѣнія о предшествовавшихъ этому походу „поискахъ“ въ Киргизской степи.

Вельяминовъ-Зерновъ.—Изслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ. Ч. II. СПБ. 1864.

Во второй части этого обширнаго и въ высшей степени цѣннаго сочиненія говорится о Касимовскомъ царѣ Уразъ-Мухаммедѣ, который былъ родомъ киргизъ. Разбирая родословную этого царя, авторъ переноситъ читателя на дальній востокъ, ничего, повидимому, не имѣющій общаго съ Касимовскимъ царствомъ, и даетъ интересныя и новыя свѣдѣнія о киргизахъ и кара-киргизахъ. Сама по себѣ родословная этого киргизскаго султана, проведенная до мельчайшихъ подробностей, проливаетъ новый свѣтъ на жизнь киргизскаго народа. Это изслѣдованіе, хотя оно какъ будто и занимаетъ второстепенное мѣсто въ сочиненіи, выдѣляетъ автора на первый планъ и среди изслѣдователей о киргизскомъ народѣ. Особенно цѣнны свѣдѣнія, приведенныя изъ сочиненія Тарихи-Рашиди, писаннаго Мухаммедъ-Хайдеръ Гурейканомъ.

Гордонъ.—Шесть лѣтъ въ Оренбургѣ. Воспоминанія поляка, разжалованнаго въ солдаты. Дрезденъ. 1864.

Сочиненіе это написано на польскомъ языкѣ. Нѣмецкій переводъ его изданъ подъ заглавіемъ: Sechs Jahre in Orenburg. Erlebnisse eines polnischen strafsoldaten. Aus dem polnischen.

* **Шотъ (W. Schott).**—Ueber die ächten Kirgisen. (Aus den Abhandlungen der Königl. Akad. der Wissenschaften zu Berlin. 1863. 4°. 429 и 474).

В. Григорьевъ.—Оренбургскіе киргизы. (Народная Бесѣда 1864. кн. 1).

На 15 страницахъ сдѣланъ краткій очеркъ быта киргизовъ, „ихъ честности и умѣнья въ торговомъ дѣлѣ.“ Писано народнымъ языкомъ для простолюдиновъ.

К. Губаревъ. — Киргизская степь. (Современникъ. Т. С. II. 1864. Отдѣлъ I).

Авторъ на 17 страницахъ описываетъ Коряковъ, Коряковское соляное озеро и Каркаралинскій округъ, природу и нѣкоторыя стороны киргизскаго быта—между прочими и „байгу“ (празднество).

М. Иванинъ.—Внутренняя или Букеевская орда. (Эпоха. 1864 № 12).

Авторъ этой статьи состоялъ Предсѣдателемъ Временнаго Совѣта и хорошо знакомъ съ ордою. Статья эта (48 страницъ мелкой печати) интересна тѣмъ, что въ ней затрагиваются тѣ стороны, которыя никѣмъ не описывались, а именно въ ней говорится: о недостаткахъ правленія Джангира, о несправедливомъ надѣлѣ землею, имѣвшемъ пагубныя слѣдствія для киргизовъ, о судебномъ разбирательствѣ, учрежденіи ссудной кассы для киргизовъ, о новомъ надѣлѣ земли; кромѣ того о почвѣ, торговлѣ, волненіяхъ въ степи и т. д.

—ковъ.—Киргизы. (Воскресный Досугъ. 1864. № 72 и 73).

Говорится о смутномъ происхожденіи киргизовъ, общемъ характерѣ мѣстности; помѣщены описанія кибитки, характера киргизовъ, баранты, религіи, пѣсни и другихъ бытовыхъ сторонъ, — все на 10 столбцахъ. Приложены два рисунка типовъ: киргиза и киргизки.

Погребеніе у киргизовъ.—(Иллюстрированная Газета. 1864. № 45).

Статья заимствована изъ описанія путешествія Аткинсона. Рисуетъ обрядъ погребенія богатаго султана; указываетъ на остатки языческой старины. Приложены два рисунка.

В. Радловъ. (W. Radloff).—Beobachtungen über die Kirgisen. (Petermanns Mittheilung. 1864. p. 163—168).

Этотъ авторъ въ одной главѣ своего обширнаго сочиненія „Aus Sibirien" изложилъ всѣ свои наблюденія надъ киргизами.

С. Бабажидановъ.—О каменной бабѣ, найденной въ Киргизской степи. (Этнографическій Сборникъ Император. Руссаго Географическаго Общества. Вып. VI. 1864 г.).

Авторъ пишетъ о найденной, въ іюнѣ 1862 г., близь Ханской Ставки, въ барханахъ, „каменной бабѣ." Длина ея—$2^1/_2$ арш., ширина—$^3/_4$ арш.; она изображаетъ сидящую женщину. Авторъ предполагаетъ, что это истуканъ калмыцкихъ или монгольскихъ временъ. Тутъ же найдены бронзовая стрѣла и осколки посуды. Авторъ описываетъ впечатлѣніе, произведенное находкой на киргизовъ, и говоритъ также о муллахъ и народномъ леченіи.

The Russians in Central Asia. London. 1865.

Это сочиненіе, по своему содержанію, имѣетъ близкое отношеніе къ Киргизской степи (см. Извѣстія И. Рус. Геогр. Общества. 1865 г. т. I, № 7, стр. 146).

Оренбургскія Губернскія Вѣдомости. 1865 г. №№ 43, 45, 47, и 49.

Курганы въ Пріуральскихъ мѣстахъ Оренбургской губерін.

Валихановъ (Walichanoff).—The Russians in Central Asia. London. 1865.

Говорится, между прочимъ, о кара-киргизахъ.

Киргизская степь Оренбургскаго вѣдомства (Петербургскія Вѣдомости. 1865. № 312)

Рецензія, на сочиненіе Л. Мейра, а также на переводъ сочиненія Вамбери „Путешествіе по Средней Азіи".

П. Семеновъ.—Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи. СПБ. 1865.

Во второмъ томѣ словаря, подъ словомъ „киргизъ-кайсаки" и „киргизы", помѣщены статьи о киргизахъ и кара-киргизахъ, касающіяся мѣстъ, занимаемыхъ ими, ихъ исторіи, просхожденія численности и т. д. Кромѣ того, помѣщена важнѣйшая библіографія по этимъ народностямъ. Кромѣ этого, во всѣхъ томахъ, подъ различными литерами, помѣщены интересныя статьи и замѣтки, относящіяся до географіи Киргизскихъ степей.

Б. Залеській (B. Zaleski).—La vie des steppes Kirghises. Paris 1865.

Авторъ провелъ въ разныхъ мѣстахъ зауральской киргизской степи 9 лѣтъ. Въ этомъ сочиненіи слѣдуютъ, въ цѣломъ ряду главъ, въ высшей степени ярко написанныя картины изъ жизни киргизовъ. Въ первой главѣ говорится вообще о жизни въ степи; далѣе слѣдуютъ главы, посвященныя живому описанію природы, киргизской женщинѣ, батырямъ, затѣмъ главы: о питаніи, о деревьяхъ, почитаемыхъ священными, кибиткахъ, аулѣ, могилахъ и древносгяхъ. Хотя авторъ и говоритъ въ предисловіи, что онъ не задается цѣлями этнографическими, но онъ даетъ столь полное описаніе быта киргизовъ, что это сочиненіе несомнѣнно имѣетъ этнографическое значеніе болѣе, чѣмъ многія другія сочиненія.

Альбомъ видовъ изъ киргизской степи. (Извѣстія И. Русскаго Географическаго Общества 1865. Т. I. № 9).

Статья извѣщаетъ о появленіи въ свѣтъ „La vie des steppes Kirghises.—Bronislav Zaleski." Paris 1865. Статья отзывается съ большой похвалой объ этой книгѣ.

В. Долинскій.—Объ отношеніяхъ Россіи къ Средне-Азіатскимъ владѣніямъ и объ устройствѣ киргизской степи Спб. 1865.

Эта небольшая книжка (55 страницъ) представляетъ собою сборникъ интересныхъ статей, напечатанныхъ въ „Биржевыхъ" Вѣдомостяхъ" за 1864 и отчасти за 1865 гг., по поводу занятія нами въ 1863 г. Туркестанской области, и посвященныхъ торговымъ сношеніямъ, мѣстному управленію и пр. Статьи, вошедшія въ эту книжку изъ „Биржевыхъ Вѣдомостей," слѣдующія: 1864 г. №№ 214, 215, 250, 305, 308 и 310 и 1865 г. № 24. Приложена карта.

Жизнь въ киргизскихъ степяхъ. (Биржевыя Вѣдомости. 1865 № 243).

Статья содержитъ рецензію на сочиненіе „La vie des steppes Kirghises, descriptions, et contes" Бронислава Залескаго, изд. въ Парижѣ. Авторъ статьи отзывается о данномъ сочиненіи съ большой похвалой и приводитъ, какъ образецъ, „сравненіе степи съ моремъ".

А. Кругорожинъ. – **Курбанъ-байрамъ.** (Иллюстрированная газета 1865 №№ 47 и 48).

Разсказъ Уральскаго казака-офицера изъ жизни киргизовъ Малой орды. Есть указанія на киргизскія пѣсни. (На 6 столбцахъ).

Л. Мейеръ.—**Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Киргизская степь Оренбургскаго вѣдомства.** Спб. 1865.

Это сочиненіе (288 страницъ) содержитъ обширное введеніе, касающееся исторіи Малой орды, далѣе географическое описаніе Оренбургской киргизской степи, описаніе климата, естественныхъ произведеній края. Далѣе авторъ говоритъ о народонаселеніи, промышленности, торговлѣ и затрогиваетъ бытовую сторону киргизовъ.

М. Путинцевъ. — **Отъ Семипалатинскаго до Копала. Изъ путевыхъ замѣтокъ.** (Военный Сборникъ 1865 № 12).

На 22 страницахъ авторъ разсказываетъ о жизни казацкихъ офицеровъ на степномъ пикетѣ зимою и лѣтомъ; далѣе говоритъ о барантѣ и нѣкоторыхъ другихъ сторонахъ быта киргизовъ.

С—овъ.—**Этнографическія замѣтки о Зачуйскомъ краѣ.** (Извѣстія Императорск. Русск. Геогр. Общества 1865 Т. 1 № 8).

* Кратко говорится о кара-киргизахъ, междуусобной ихъ борьбѣ, покореніи ихъ китайцами и коканцами, переходѣ ихъ въ наше подданство и отношеніи ихъ къ Кокану.

А. Спонвиль (A. Sponville). — Chez les Kirghiz. Bullet. de la Soc. de Geogr. 1865 Mai.

А. Фонъ Этцель и Г. Вагнеръ.—**Путешествіе по Сибири,** пер. съ нѣмецкаго Н. Детша. Спб. 1865.

Это сочиненіе – компиляція изъ путешествій Аткинсона, Миддендорфа, Радке и др.—заключаетъ въ себѣ интересныя сценки изъ быта киргизовъ Средней Азіи, главнымъ образомъ взятыя изъ записокъ Аткинсона (и его жены), который поставилъ себѣ задачею проникнуть чрезъ киргизскія степи до поднебесныхъ горъ.

А. Бекеръ (A. Becker). — Reise in die Kirgisen-Steppe nach Astrachan und an das Caspische Meer. Moskau 1866.

Беккеръ предпринялъ поѣздку въ 1865 г. въ Букеевскую орду съ цѣлью собрать для Петербургскаго ботаническаго сада корни, сѣмена и растенія. Онъ посѣтилъ Б. Богдо, гдѣ пробылъ нѣсколько дней, затѣмъ проѣхалъ на Чапчачи и возвратился на Ахтубу. Онъ даетъ описаніе посѣщенныхъ имъ мѣстностей и указываетъ на нѣкоторыя стороны быта киргизовъ. Въ концѣ своей брошюры 45 страницъ) онъ приводитъ списокъ найденныхъ имъ растеній и насѣкомыхъ.

Марте (Dr. Marthe). — Aus dem Kirgisenlande (Zeitschr. d. Geogr. Gesell. in. Berlin—1866 № 4).

Генсъ.—**Киргизскіе очерки.** (Военный Сборникъ 1866 №№ 1, 6, 7 и 8).

На 129 страницахъ авторъ въ цѣломъ рядѣ разсказовъ знакомитъ со многими интересными сторонами киргизскаго быта и жизни въ степи.

Ф. Ло—чь.—Корреспонденція изъ Оренбурга. (С.-Петербургскія Вѣдомости 1866 № 150).

О необходимости перемѣны существующаго административнаго строя.

М. Михайловъ.—Оренбургскія письма. Спб. 1866.

Книга содержитъ весьма краткія и отрывочныя свѣдѣнія о киргизахъ.

М. Михайловъ.—Киргизская степь (С.-Петербургскія Вѣдомости 1866 № 155).

Эта статья содержитъ очеркъ топографіи Оренбургской и Сибирской киргизскихъ степей. Описаніе ихъ въ болѣе полномъ видѣ вошло въ статью того же автора, помѣщенную въ Литературной Библіотекѣ. 1867 г. Январь.

Д. Романовскій.—О географическихъ изслѣдованіяхъ въ киргизской степи и Туркестанской области въ 1865 г. и т. д. (Извѣстія И. Русск. Географич. Общества. 1866 г. Т. II. № 1).

Авторъ говоритъ объ экспедиціяхъ въ 1865 году: гг. Гирса, Длотовскаго, Струве, Сѣверцева и Вамбери, говоритъ также о почвѣ степи, бытѣ и торговлѣ киргизовъ.

П. Семеновъ.—Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи т. III, СПБ. 1866.

Среди различныхъ статей (напр. „Малая орда"), касающихся отдѣльныхъ мѣстъ Киргизской степи, помѣщена большая статья. „Область Оренбургскихъ киргизовъ", гдѣ говорится о топографіи мѣстности, метереологическихъ данныхъ, киргизскихъ родахъ, народонаселеніи и исторіи образованія области.

Барбаджанъ. — Корреспонденція изъ Оренбурга. (С.-Петербургскія Вѣдомости. 1867. № 253).

Объ археологическихъ работахъ П. И. Лерха въ Джанъ-Кентѣ, Ауліеатѣ и другихъ мѣстахъ.

М. Галкинъ.—Этнографическіе матеріалы по средней Азіи и Оренбургскому краю. (Записки Императорскаго Русск. Геогр. Общества, по отдѣлу Этнографіи. Спб. 1867 г.)

Во второй главѣ помѣщены дорожники черезъ Среднеазійскія киргизскія степи; въ пятой главѣ—„свѣдѣнія о мѣстахъ расположенія киргизскихъ родовъ Оренбургскаго края" и нѣкоторыя разбросанныя свѣдѣнія о киргизахъ.

Оренбургскія Губернскія Вѣдомости. 1867. № 156.

Ѳ. Григорьевъ. — Старая погудка на новый ладъ. (Москва 1867 № 46).

Авторъ возражаетъ Петербургскимъ Академическимъ Вѣдостямъ на замѣтку о найденномъ будто бы новомъ „подземномъ городѣ", у форта № 1, около Сыръ-Дарьи, и описываетъ развалины Джанъ-Кента.

Жизнь въ киргизскихъ степяхъ. (Биржевыя Вѣдомости. 1867. № 108).

Статья перепечатана изъ нѣмецкаго журнала „Gartenlaube", помѣстившаго ее съ цѣлью предупредить нѣмецкихъ колонистовъ о трудностяхъ жизни въ степи. Рисуется живыми красками природа степей, сценки изъ быта киргизскихъ султановъ и говорится о невыгодахъ и трудностяхъ кочевой жизни.

И. Завалишинъ.—Описаніе Западной Сибири. Т. III. Сибирско-Киргизская степь. М. 1867.

Говорится кратко о почвѣ степи, орографіи, гидрографіи, исторіи киргизскаго племени, и управленіе киргизами въ 60-хъ годахъ; также говорится о

жизни киргизовъ, языкѣ ихъ, типѣ, характерѣ, религіи, нѣкоторыхъ обрядахъ, нѣкоторыхъ сторонахъ быта и затѣмъ о торговлѣ, количествѣ населенія и скотоводствѣ.

Записки Дмитрія Борисовича Мертваго. 1760—1824. **Изд. Русскаго Архива. М.** 1867.

Авторъ этихъ записокъ, въ концѣ XVIII стол. служилъ въ Оренбургскомъ краѣ. Во второй главѣ записокъ (стр. 37—97) встрѣчаются нѣкоторыя замѣтки о киргизскихъ степяхъ Оренбургскаго вѣдомства.

И. Казанцевъ.—Описаніе Киргизъ-Кайсакъ, Спб. 1867.

Заключаетъ преимущественно историческую часть, обширно-развитую, но не мало и интересныхъ бытовыхъ сторонъ. Въ видѣ прибавленія на 23 страницахъ помѣщены очерки Букеевской орды: ея границы, почва, животный міръ; также свѣдѣнія о переходѣ изъ-за Урала; о родахъ, Букеѣ, Джангирѣ и его семействѣ; о скотоводствѣ и торговлѣ у киргизовъ; въ заключеніе объ изслѣдованіяхъ Ауэрбахомъ горъ Букеевской степи.

Михайловъ.—Киргизы. (Литературная Библіотека. 1867. **Іюнь).**

На 10 небольшихъ страницахъ авторъ даетъ очерки киргизовъ: роды и родовыя подраздѣленія, вѣроисповѣданія, домашній бытъ, нравы и обычаи, занятія и промыслы, нравственное и умственное развитіе киргизовъ.

Очеркъ внутренней торговли киргизской степи. (Сборникъ свѣдѣній и матеріаловъ по вѣдомству Министерства Финансовъ. Т. III, кн. IX. 1867).

Я могъ пользоваться только второй статьею, въ которой имѣется общее описаніе характера степныхъ базаровъ; между прочимъ помѣщены цѣны на разные товары.

А. Тетеревниковъ.—Очерки внутренней торговли киргизской спепи. Спб. 1867.

Авторъ въ своей брошюрѣ (на 72 страницахъ) кратко описываетъ: характеръ мѣстности, торговлю въ аулахъ и на базарахъ укрѣпленій и даетъ много цифровыхъ данныхъ.

Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. По общей географіи. т. I. СПБ. 1867.

Въ этомъ томѣ помѣщено много статей, касающихся Киргизской степи, а именно: Полторацкаго—Общій обзоръ страны, лежащей къ западу отъ Закаспійскаго края (съ картою); Ильина—Объяснительная записка къ картѣ полковника Полторацкаго; Н. Сѣверцева—Поѣздка въ западную часть Тянь-Шана; П. Семенова—Поѣздка изъ укрѣпленія Вѣрнаго къ западной оконечности оз. Иссыкъ-Куля въ 1856 г.; Н. Абрамова—Укрѣпленіе Вѣрное и его окрестности; Н. Аграмова—г. Копаль съ его округомъ въ 1862 г.; Н. Абрамова—станица Верхлепсинская въ 1864 г.; Путешествіе на оз. Зайсанъ К. Струве и Г. Потанина; Г. Потанина—Зимняя поѣздка на оз. Зайсанъ; Поѣздка по восточному Тарбагатаю К. Струве и Г. Потанина. Всѣ эти статьи даютъ очень много интересныхъ и весьма цѣнныхъ свѣдѣній о киргизахъ (собственно Г. Потанина) и Киргизской степи.

Корреспонденція изъ Ташкента (Голосъ 1867 г. № 169).

Говорится о Сыздыкѣ (Садыкѣ) и его возстаніи. Авторъ корреспонденціи даетъ характеристику этой личности и отчасти его отца Кенисары, описываетъ мятежъ и указываетъ на Сыздыка, какъ на партизана.

Вамбери (H. Wambery).—Čagatasche Sprachstudien Leipzig. 1867.

М. Галкинъ.—Нѣсколько дорожниковъ чрезъ наши Киргизскія степи въ Среднюю Азію и между Бухарой, Коканомъ, Шехри-Сябзомъ, Чаржуемъ, Ташкентомъ и пр. (Уфимскія Губернскія Вѣдомости 1867 г.).

А. Вембери.—Путешествіе по Средней Азіи въ 1863 году М. 1867.

Это сочиненіе, написанное въ привлекательной формѣ, заключаетъ, кромѣ нѣкоторыхъ разбросанныхъ данныхъ о киргизахъ, еще ихъ краткую характеристику (II отдѣлъ, глава 3).

П. Семеновъ.—Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи. т. IV. СПБ. 1868

Помѣщены интересныя и довольно обширныя статьи о Семипалатинской и Семирѣченской областяхъ и др.

Н. Абрамовъ.—Станица Верхлепсинская. (Тобольскія Губернскія Вѣдомости. 1868. № 13 и 14).

Авторъ статьи говоритъ о принятіи частью Большой орды нашего подданства, въ 1830 г. о рѣкѣ Лепсѣ (одной изъ 7 Семирѣченскаго края), бывшей нашей границѣ, о положеніи Верхлепсинской станицы, о климатѣ Чубаръ-агачской долины, о растеніяхъ и животныхъ этой долины, о хлѣбопашествѣ и т. д.

В. Войновъ.—Народный киргизскій праздникъ по случаю прибытія въ Сибирь Великаго Князя Владиміра Александровича. (Современная Лѣтопись. 1868. № 24).

Описывается пріѣздъ Великаго Князя и устроенное по случаю его пріѣзда празднество (байга), заключавшееся въ единоборствѣ, бѣгѣ, скачкѣ и кукбурѣ.

Грабежъ въ степи, наказанный по народнымъ обычаямъ киргизовъ. (Оренбургскія Губернскія Вѣдомости 1868 № 8)

Красовскій. Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Область Сибирскихъ киргизовъ. Спб 1868. 3 тома.

Въ первомъ томѣ помѣщено описаніе топографіи страны, путей сообщенія, почты, торговли, населенія, съ обширнымъ историческимъ введеніемъ; затронута и бытовая сторона.

Во второмъ томѣ говорится о скотоводствѣ, хлѣбопашествѣ, горнозаводскомъ дѣлѣ, торговлѣ и религіозномъ, умственномъ и нравственномъ образованіи киргизовъ.

Въ третьемъ томѣ описано управленіе и бытъ: образъ жизни, семья, бракъ, праздники, погребеніе, древности и проч.

Корреспонденція изъ Оренбурга, 7 ноября 1867. г. (Современныя Извѣстія. 1868 г. № 257).

Корреспонденція изъ Оренбурга, 5 августа 1868. (Вечерняя Газета. Перепечатно въ Народной Газетѣ № 33.

Корреспооденція изъ Оренбурга. (Современныя Извѣстія 1868. Перепечатано въ „Голосѣ" 268).

Савичевъ.—Отъ Кармановскаго форпоста. (Уральскія Войсковыя Вѣдомости. 1868. № 43).

Костенковъ.—Статистическо-хозяйственное описаніе Калмыцкой степи. Калмыцкая степь Астраханской губерніи по изслѣдованіямъ Куме-Манычской экспедиціи) Спб. 1868.

Въ приложеніи къ 4 главѣ помѣщены тамги калмыковъ и другихъ инородцевъ, между прочимъ и киргизовъ Остальныя тамги служатъ матеріаломъ для сравненія ихъ съ киргизскими тамгами.

К. А.—Шайтанъ. (Воскресный досугъ. 1868. № 269).

Въ этомъ маленькомъ разсказѣ охарактеризовано суевѣріе киргизовъ, которые вѣрятъ въ шайтана.

С. Бабаджановъ. Споръ Уральскихъ казаковъ съ Киргизами Внутренней орды. (Дѣятельность. 1868. № 109).

Авторъ, самъ киргизъ, указываетъ на три спорныхъ участка: Межузеньскій.

Камышъ-Самарскія озера и песчаносолонцеватый участокъ на югѣ отъ озеръ Авторъ говоритъ, что обѣ стороны права на участки не имѣютъ, но что ихъ слѣдовало бы передать киргизамъ, въ виду ихъ худшаго экономическаго положенія; тутъ же авторъ рисуетъ, кратко и экономическое положеніе той и другой стороны. Передовая статья этого нумера служитъ дополненіемъ къ статьѣ Баджанова.

С. Фустовъ — Замѣтки о торговлѣ Внутренней Киргизской орды (Оренбургскія Губернскія Вѣдомости. 1868 г. № 16).

Письма В. Радлова. (Извѣстія И. Русск. Географическаго Общества. 1868 г. т. IV, № 6).

Письма касаются преимущественно измѣненія Киргизской степи съ 1862 г. къ лучшему.

М. Венюковъ. — Путешествіе по окраинамъ Русской Азіи и записки о нихъ. СПБ. 1868.

Въ этомъ интересномъ сочиненіи слѣдуетъ преимущественно отмѣтить свѣдѣнія по исторіи и быту киргизовъ и кара-киргизовъ, а также главы по топографіи страны: замѣчаніе объ озерѣ Иссыкъ-Кулѣ и очерки Закаспійскаго края.

А. Вамбери. — Очерки Средней Азіи (дополненіе къ „Путешествію по Средней Азіи“). Москва. 1868.

Авторъ въ XVI-й главѣ (Этнографическіе очерки тюркс. и иранск. племенъ Средней Азіи) говоритъ, между прочимъ, и о кара-киргизахъ и киргизахъ. На первыхъ онъ останавливается, описывая кратко (на одной страницѣ) ихъ внѣшній типъ, на вторыхъ же—болѣе подробно (на семи страницахъ), говоритъ объ ихъ типѣ, одеждѣ, даетъ интересныя свѣдѣнія объ языческихъ обрядахъ, гаданьяхъ, суевѣріяхъ и національныхъ кушаньяхъ.

П. Пашино.—Туркестанскій край въ 1866 году СПБ. 1868.

Въ этихъ изящно изданныхъ путевыхъ замѣткахъ, украшенныхъ хорошими рисунками, можно найти разбросанныя свѣдѣнія о Киргизской степи и о киргизахъ.

Вѣдомость объ осенней ярмаркѣ Внутренней киргизской орды (Оренбургскія Губернскія Вѣдомости. 1868 № 51).

И. Русановъ. — Статистическій очеркъ Киргизской степи Сибирскаго вѣдомства (Томскія Губернскія Вѣдомости. 1868 г. №№ 24, 25 и 28).

Ибрагимовъ. — Киргизскія пословицы (Туркестанскія Вѣдомости. 1868 г. № 1 и 6).

По поводу волненій въ Киргизской степи (Голосъ. 1868 № 99).

Перепечатанное изъ „Русскаго Инвалида“. Сообщеніе о волненіяхъ въ Киргизской степи.

Оренбургскія Губернскія Вѣдомости. 1869. № 9.

Пріемъ депутаціи отъ киргизовъ Тургайской области Оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ.

Оренбургскія Губернскія Вѣдомости. 1869 г. № 13.

Волненія въ Оренбургскомъ краѣ, предшествовавшія бунту киргизскаго султана Кенисары Касимова.

По поводу статьи „О причинахъ волненій въ Киргизскихъ степяхъ“. (Современная Лѣтопись. 1869. № 24).

Эта статья принадлежитъ перу бывшаго члена Степной Коммиссіи и служитъ возраженіемъ на статью Л. Арасанскаго, помѣщенную въ № 22 „Современной Лѣтописи“ и указывающую, какъ на причину волненій киргизовъ, на недостатки „новаго положенія“.

Оренбургскія Губернскія Вѣдомости. 1869 г. № 34.

Вѣдомость о весенней ярмаркѣ во Внутренней киргизской ордѣ.

Послѣднія событія въ Киргизской степи (Русскій Инвалидъ. 1869 г. № 123).

Говорится о киргизскихъ волненіяхъ, обусловленныхъ „новымъ положеніемъ“ и о недостаткахъ его.

Всеобщая Газета 1869 г. № 67.

Въ „Экономическомъ Отдѣлѣ“ помѣщена статья о золотопромышленности въ Киргизской степи.

Л. Арасанскій.—Причины волненій въ киргизскихъ степяхъ (Современная Лѣтопись 1869 г. № 22).

Авторъ этой статьи (на 6 столбцахъ) говоритъ объ образѣ жизни киргизовъ, объ отнощеніи Коканскаго правительства къ киргизамъ, о религіи киргизовъ, о барантѣ; говоритъ также о существовавшемъ административномъ строѣ, о генералъ-губернаторствѣ Черняева и „новомъ положеніи“—причинѣ волненій.

Л. Арасанскій. — Причины волненій въ киргизскихъ степяхъ. (Дѣятельность 1869. 22 іюня № 98).

Авторъ даетъ краткій очеркъ быта азіатскихъ киргизовъ, описываетъ административное устойство степи въ разное время, говоритъ о преимуществѣ административнаго устройства, установленнаго Черняевымъ, и о недостаткахъ „положенія“ 1867 г., которое имѣло слѣдствіемъ волненія въ степи. Волненія, по мнѣнію автора, поддерживались султанами, утратившими свою власть; другая причина волненій—повышеніе подати съ 1 р. 50 к. съ кибитки на 7 руб.

Н. Бабковъ. — Общій взглядъ на устройство поселеній въ сѣверо-восточной части киргизской степи. (Извѣстія Императорскаго Русскаго Геграф. Общ. 1869. Т. V № 1—2).

Авторъ говоритъ о необходимости заселенія степи; находитъ, что для этого болѣе удобенъ Зайсанскій край; дѣлаетъ краткій очеркъ топографіи мѣстъ Зайсанскаго округа. Авторъ избралъ мѣсто для будущей станицы на лѣвомъ берегу р. Джемини.

Изъ Оренбургскаго края. (Голосъ 1869 № 278).

О волненіяхъ киргизовъ, подстрекаемыхъ хивинцами.—Извлеченіе изъ „Русскаго Инвалида“.

Дѣла въ киргизскихъ степяхъ. (Московскія Вѣдомости. 1869 № 68).

Въ этой статьѣ говорится о волненіи киргизовъ въ Тургайской области при введеніи „новаго положенія“ и о столкновеніи казаковъ съ киргизами вооруженною рукою. Статья перепечатана изъ Биржевыхъ Вѣдомостей.

Дѣла въ Оренбургской степи. (Современныя Извѣстія 1869. № 176).

Статья посвящена волненіямъ среди киргизовъ Оренбургской степи.

Изъ Оренбурга.—(Современныя Извѣстія. 1869. № 121).

Авторъ возражаетъ на статью Биржевыхъ Вѣдомостей № 84, по поводу волненій въ киргизской степи.

Изъ Оренбурга.—Современныя Извѣстія. 1869. № 208).

Статья говоритъ о неутихающихъ волненіяхъ въ степи.

М. Галкинъ.—Этнографическіе и историческіе матеріалы по Средней Азіи и Оренбургскому краю. Съ 12 видами, двумя планами и картою Спб. 1869.

Перепечатаны изъ I тома Записокъ Императорсаго Русскаго Географическаго Общества по отд. этнографіи (1867). Къ этому изданію прибавлено нѣсколько главъ, между прочимъ (глава VI), „Выдержки изъ дневника слѣдованія въ 1858 г. изъ Оренбурга въ Хиву кургизскою степью и Аму-Дарьею“; эта глава содержитъ немногочисленныя указанія, касающіяся быта киргизовъ.

Корреспонденція изъ Оренбурга: о волненіяхъ въ киргизской степи, съ Урала. (Голосъ 1869. № 95).

Возраженіе на корреспонденцію киргиза—адаевца изъ Илецкой крѣпости, помѣщенную въ № 59 С.-Петербургскихъ Вѣдомостей за 1869 г. и описывающую захватъ земли у киргизовъ Уральцами. Авторъ возраженія, „Яикъ-Горыновичъ" указываетъ на несправедливость Адаевца и говоритъ, что его статья ничто иное, какъ киргизская кляуза.

Корреспонденція изъ Оренбурга. Биржевыя Вѣдомости. 1869. № 39).

Статья посвящена „организаціи уѣздовъ въ бывшей области Оренбургскихъ киргизовъ".

Корреспонденція изъ Оренбурга. (Биржевыя Вѣдомости. 1869. № 76).

Статья посвящена разсужденіямъ по поводу введенія „новаго положенія" въ Тургайской и Уральской территоріяхъ.

Корреспонденція изъ Оренбурга. (Биржевыя Вѣдомости 1869. № 123).

Статья написана по поводу устройства двухъ новыхъ укрѣпленій — одного въ Тургайской, а другихъ Уральской области противъ киргизовъ.

Корреспонденція изъ Оренбурга. (Биржевыя Вѣдомости. 1869 № 233).

Статья помѣщена по поводу окончившихся, благодаря административнымъ распоряженіямъ, волненій среди киргизовъ.

Киргизскій вопросъ. (Биржевыя Вѣдомости. 1869. № 185). **Передовая статья.**

Статья говоритъ о введеніи новаго положенія, о слухахъ, тревожившихъ киргизовъ, о волненіяхъ и прекращеніи ихъ.

Корреспонденція изъ Оренбурга (Биржевыя Вѣдомости. 1869. № 149).

Статья посвящена возраженію на статьи № 115 „Биржевыхъ Вѣдомостей" и въ № 113 „Современныхъ Извѣстій" за 1869 г. Говоритъ о положеніи дѣлъ въ киргизской степи при веденіи „новаго положенія" и объ Оренбургскихъ казакахъ.

Корреспонденція изъ Оренбурга. (Современныя Извѣстія. 1869. № 134).

О киргизѣ Кутебаровѣ—мятежникѣ 1850-хъ годовъ.

Корреспонденція изъ Оренбурга. (Современныя Извѣстія. 1869. № 181 и 182).

Авторъ возражаетъ на статью въ № 76 „Биржевыхъ Вѣдомостей" за 1869 г. о нецѣлесообразности „новаго положенія" въ киргизской степи.

А Нисченковъ.—Киргизская степь и ея обитатели. (Всемірная Иллюстрація. 1869. № 41).

Компиляція изъ разныхъ статей—интересна приложенными рисунками: 3 вида, и 3 типа киргиза, двухъ киргизокъ и „киргиза во время кочевья".

О волненіяхъ въ Киргизской степи. (Всеобщая газета. 1869. № 45).

Областной отдѣлъ.—(Всеобщая газета. 1869 № 11).

Говорится о волненіяхъ въ степи и причинахъ, побудившихъ киргизовъ къ нимъ.

О положеніи дѣлъ въ Киргизской степи. (Голосъ. 1869. № 249).

Статья говоритъ о „новомъ положеніи" въ киргизской степи: отмѣнѣ султановъ-правителей, учрежденіи должности уѣздныхъ начальниковъ, увеличеніи покибиточной подати, освобожденіи киргизовъ отъ рекрутскаго набора и т. д.— какъ это было объявлено киргизскимъ депутатамъ въ Оренбургѣ.

Оренбуржецъ.—Корреспонденція изъ Оренбурга. (Современныя Извѣстія. 1869. № 146).

Авторъ разсказываетъ о ссорѣ киргизовъ между собою о схваткѣ, въ которой пострадала казачья команда; затѣмъ авторъ возражаетъ на статью въ № 118 „Биржевыхъ Вѣдомостей" за 1869 г.: о безпорядкахъ въ киргизской степи.

Оренбургъ.—(**Биржевыя Вѣдомости.** 1869 № 156).

Статья говоритъ о столкновеніяхъ съ киргизами отряда, вышедшаго изъ Оренбурга въ Эмбенскій постъ.

Оренбургъ.—(**Биржевыя Вѣдомости.** 1869. № 104).

Статья посвящена движенію казачьихъ сотенъ въ степи и столкновеніямъ ихъ съ киргизами.

Оренбургъ. 17 мая.—(**Биржевыя Вѣдомости.** 1869. № 150).

Авторъ этой статьи рисуетъ положеніе дѣлъ въ степи послѣ введенія „новаго положенія". Онъ возражаетъ на статью въ № 113 „Современныхъ Извѣстій", которая, въ свою очередь, писана противъ статьи этого же автора, помѣщенной въ № 76 „Биржевыхъ Вѣдомостей".

Оренбургъ.—(**Биржевыя Вѣдомости.** 1869. № 82).

Статья трактуетъ о началѣ волненій въ киргизской степи при введеніи „новаго положенія" и объ оппозиціи киргизовъ противъ Коммиссіи, командированной по случаю введенія положенія.

Оренбургъ.—(**Русскій Инвалидъ.** 1869. № 40).

Авторъ говоритъ о „новомъ положеніи" для киргизовъ, объ его введеніи и сочувственномъ отношеніи къ нему киргизовъ, о возникшихъ волненіяхъ, ихъ причинахъ и о мѣрахъ предупрежденія на будущее время такихъ волненій.

Современныя Извѣстія. 1869. № 149. Передовая статья.

Авторъ подтверждаетъ факты, описанные въ № 146 этой газеты; редакторъ даетъ добавленія къ его словамъ.

Биржевыя Вѣдомости. 1869, № 184. Передовая статья.

Статья посвящена волненіямъ киргизовъ въ Оренбургской степи. Авторъ выставляетъ причиной волненій „новое положеніе". Это положеніе было введено съ цѣлью освободить киргизовъ отъ давленія ихъ собственной аристократіи. Но „новое положеніе" имѣло столь много непрактичныхъ мелочей, что вызвало неудовольствіе среди киргизовъ и, благодаря подстрекательству султановъ и муллъ, даже возмущенія.

Послѣднія событія въ Киргизской степи. (**Русскій Инвалидъ.** 1869. № 119).

Авторъ говоритъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ волненій, о вторженіи хивинскихъ шаекъ и о столкновеніи съ бунтовщиками нашихъ отрядовъ.

Султанъ Бекъ и рѣка Чурукъ-Су въ киргизской степи. (**Воскресный Досугъ**, 1869. № 331).

Эта краткая статейка представляетъ выписку изъ сочиненія Аткинсона и содержитъ описанія: пріема Аткинсона у султана Бека и опасной переправы черезъ р. Чурукъ-Су. Помѣщенъ рисунокъ.

А. Самсоновъ.—Очерки Сибирскихъ киргизовъ. (**Записки для чтенія, издав. Трубниковымъ.** 1869 г. августъ, сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь).

Авторъ въ четырехъ очеркахъ говоритъ о кочевой жизни киргизовъ, объ ихъ свадебныхъ обрядахъ, пѣсняхъ и о татарской школѣ; есть и небезъинтересныя указанія на бытъ киргизовъ.

Фурманъ (Fuhrmann).—Die Kirgisen und ihr Leben. (Globus XV. 1869).

1870—1880 г.

Л. Костенко.—Средняя Азія и водвореніе въ ней русской гражданственности. СПБ. 1870.

Это сочиненіе заключаетъ въ себѣ довольно много разбросанныхъ свѣдѣній о киргизахъ. Слѣдуетъ отмѣтить II-ю главу, гдѣ находится описаніе быта киргизовъ и кара-киргизовъ.

***Г. Бардашевъ**—Свѣдѣнія о дикокаменныхъ киргизахъ (Туркестанскія Вѣдомости. 1870. № 15).

Изъ Киргизской степи.—(Корреспонденція „Голоса" 1870. № 127).

Корреспонденція по поводу волненій киргизовъ-адаевцевъ на Мангышлакѣ.

Гросъ (Gross).—Die Kirgisen (Gaea. 1870).

А. Емурановъ.—Замѣтка по поводу статьи „киргизы - работники на морскихъ рыболовныхъ промыслахъ". (Уральскія Войсковыя Вѣдомости. 1870. № 10).

Статья, противъ которой возражалъ Емурановъ, была помѣщена также въ „Уральскихъ Войсковыхъ Вѣдомостяхъ". Возражающая статья мало касается киргизовъ и говоритъ преимущественно объ Уральскихъ казакахъ.

Изъ Киргизской степи.—(Биржевыя Вѣдомости. 1870. № 261).

Статья говоритъ о возникшихъ среди газетъ („Современныя извѣстія") недоразумѣніяхъ по поводу возмутившихся будто бы вновь и напавшихъ на Александровскій фортъ киргизовъ.

Изъ Уральска.—(Голосъ. 1870. № 112).

Въ этой замѣткѣ говорится о подробностяхъ взятія въ плѣнъ киргизами отряда подполковника Рукина и объ убійствѣ киргизами 14 нашихъ переселенцевъ.

Киргизскія пословицы.—Собр. Ш. Ибрагимовъ—(Туркестанскія Вѣдомости. 1870 № 1 и 6).

Изъ забытыхъ тетрадей.—(Уральскія Войсковыя Вѣдомости. 1870 № 15).

Этотъ небольшой разсказъ рисуетъ картину степи и быта киргизовъ.

Г. Колпаковскій.—О древнихъ постройкахъ, найденныхъ въ озерѣ Иссыкъ-кулѣ. (Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. 1870. VI. 3).

Свѣдѣнія, приводимыя г. Колпаковскимъ первыя по своей подробности, хотя объ этихъ развалинахъ писалось уже ранѣе, такъ наприм.: въ Географическо-Статистическомъ словарѣ Россійской Имперіи, изд. П. Семеновымъ; въ Запискахъ Географическ. Общ. 1861, кн. 3—статья Голубева; въ Вѣстникѣ Географическ. Общества. 1860, кн. 10—статья Венюкова. Объ этихъ же развалинахъ говорится въ Китайскомъ сочиненіи Си-юйшуй-дао-изи, составленномъ Сюй-суномъ, который путешествовалъ въ первой четверти нашего столѣтія—перев. И. Захаровымъ.

П. Зенковъ.—Эксплуатація земной поверхности въ Киргизской степи (Туркестанскія Вѣдомости. 1870 г. № 11 и 13).

Оренбургскія Губернскія Вѣдомости. 1870 г. № 23.

Свѣдѣніе о ярмаркѣ 1869 г. при Ставкѣ Внутренней киргизской орды.

Титовъ.—Киргизская степь (Мірское Слово. 1870 г. № 11).

Авторъ говоритъ о постепенно исчезающихъ лѣсахъ въ Киргизской степи, объ остаткахъ лѣса и о мѣрахъ къ сохраненію его.

Двадцать казаковъ противъ 1000 киргизовъ (Донскія Войск. Вѣдомости. 1870 г. № 36).

А. Юдинъ.—Замѣтка по поводу статьи, „киргизы работники на морскихъ рыболовствахъ". (Уральскія Войсковыя Вѣдомости. 1870 г. № 10).

Поѣздка въ Киргизскую степь.—(**Томскія Губернскія Вѣдомости**. 1870 г. №№ 38 и 40).

Осенняя и весенняя ярмарка 1869 и 1870 гг. при Ставкѣ Внутренней Киргизской орды (**Оренбургскія Губернскія Вѣдомости**. 1870 г. №№ 23 и 26).

Биржевыя Вѣдомости. 1870 г. № 167).

О взятіи въ плѣнъ киргизами на Мангишлакѣ отряда полковника Рукина и вообще о волненіяхъ киргизовъ.

Султанъ Сайдалинъ 2-й —**О развитіи хлѣбопашества по бассейну рѣки Тургая** (**Записки Оренбургскаго отдѣла И. Рус. Геогр. Общества в. 1. Казань**. 1870 **г.**)

Авторъ говоритъ о постепенно развивающимся у киргизовъ хлѣбопашествѣ, о бѣдности почвы, объ орошеніи полей, о сѣвооборотѣ и объ естественныхъ причинахъ, не позволяющихъ киргизамъ оставить скотоводство.

Л. Баллюзекъ.—Новое административное дѣленіе Тургайской области (**Записки Оренбургскаго Отдѣла И. Русск**. **Географ. Общества, в. 1., Казань**. 1870 г.).

Заключаетъ между прочимъ, свѣдѣнія о количествѣ народонаселенія.

Алтынсаринъ.—**Очеркъ обычаевъ при похоранахъ и поминкахъ у киргизовъ Оренбургскаго вѣдомства** (**Записки Оренбургскаго Отдѣла И. Русск. Геогр. Общества, в. I. Казань** 1870 г.).

Авторъ на пяти страницахъ описываетъ похоронный обрядъ и поминки у киргизовъ. Какъ на дополненіе этой статьи слѣдуетъ смотрѣть на помѣщенную тутъ же статью В. Плотникова „Асъ".

Алтынсаринъ. -**Очеркъ обычаевъ при сватовствѣ и свадьбѣ у киргизовъ Оренбургскаго Вѣдомства** (**Записка Оренбур. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ., в. I. Казань**. 1870 г.).

Довольно подробно (на 16 страницахъ) описываются свадебные обряды киргизовъ. Къ статьѣ приложена замѣтка В Плотникова, частью возражающая, частью пополняющая статью Алтынсарина.

Киргизы и ихъ жизнь.—(**Нива** 1870. № 40).

Н. Ф.—**Эпизодъ изъ послѣдняго киргизскаго возстанія.** (**Всемірная Иллюстрація**. 1870. № 53).

Описываются атаки киргизовъ на отрядъ барона Штемпеля, шедшаго отъ озера Джиты-куль къ урочищу Казы-Бекъ на р. Уиль. Приложенъ рисунокъ.

Ѳ. Коноваловъ.—**Нѣчто о преподованіи киргизскаго языка въ Уральской гимназіи.** (**Уральскія Войсковыя Вѣдомости**. 1870. № 31).

Авторъ, указывая на преподаваніе татарскаго языка въ Казанской гимназіи, высказываетъ желаніе, чтобы въ свою очередь въ Уральской гимназіи былъ введенъ и киргизскій языкъ. Авторъ указываетъ необходимость киргизскаго языка для торговыхъ сношеній съ киргизами и другихъ практическихъ цѣлей. Авторъ, судя по содержанію статьи, очевидно не уяснилъ себѣ задачи Россіи въ ея отношеніяхъ къ киргизамъ.

Корреспонденція изъ Каракалы. (**Семирѣченской Области**). **Биржевыя Вѣдомости**. 1870. № 13).

Авторъ разбираетъ причины возмущеній и волненій въ нѣкоторыхъ частяхъ киргизской степи при введеніи „новаго положенія" и возражаетъ статьѣ, посвященной тому же вопросу,—въ „Вѣстникѣ Европы", 1869, октябрь.

Корреспонденція изъ Оренбурга: о среднеазіатскихъ и киргизскихъ дѣлахъ. (**Биржевыя Вѣдомости**. 1870. № 147).

Нападенія **киргизовъ на русскій отрядъ.** — (**Биржевыя Вѣдомости.** 1870. № 177).

Статья содержитъ подробности взятія въ плѣнъ отряда подполковника Рукина.

К. Маевъ.—**Путеводитель отъ С.-Петербурга до Ташкента. Спб.** 1870.

Тутъ даны краткія, но небезъинтересныя указанія: о происхожденіи имени „киргизъ" и „кара-киргизъ",—о кочевомъ образѣ жизни киргизовъ и ихъ дѣленіи на роды (на 4 страницахъ). Затѣмъ помѣщенъ „Краткій очеркъ распространенія русскаго господства въ киргизской степи и въ Средней Азіи съ 1732 по 1868 г.". Приложена карта.

О возмущеніи **киргизовъ въ Мангышлакскомъ краѣ.** (Голосъ. 1870. № 141).

Объ отрядѣ Рукина и осадѣ форта Александровскаго.

В. Плотниковъ.—**Поминки (Асъ). Этнографическій очеркъ изъ быта Зауральскихъ киргизовъ. (Записки Оренбургскаго Отдѣла Император. Русск. Геогр. Общества.** 1870 **Вып.** I).

В. Плотниковъ.—**Очеркъ обычаевъ при сватовствѣ, свадьбѣ, при похоронахъ и поминкахъ у киргизовъ Оренбургскаго вѣдомства. (Записки Оренбургскаго Отдѣла Императ. Русск. Географическ. Общества.** 1870. **Вып.** I).

Переговоры кн. Меликова съ киргизами. — (**Биржевыя Вѣдомости.** 1870. № 304).

Тутъ описывается депутація киргизовъ, назначенная для „переговоровъ" въ Александровскомъ фортѣ, и приводится рѣчь кн. Меликова.

Проповѣдники новаго ученія въ **киргизской** степи. (Туркестанскія **Вѣдомости.** 1870. № 14).

* **В. Радловъ.**—**Краткій отчетъ о поѣздкѣ въ Семирѣченскую область и на Иссыкъ-Куль лѣтомъ 1869 г. (Извѣстія Императорскаго Русск. Географическ. Общества. Т.** VI, № 3-й. 1870).

Этотъ отчетъ (на 5 страницахъ) содержитъ, между прочимъ, краткую замѣтку о кара-киргизахъ.

И. Русановъ.—**О кочевыхъ киргизахъ Акмолинской и Семипалатинской областей: лѣтнія перекочевки по степи и зимнія стойбища. (Томскія Губернскія Вѣдомости.** 1870 № 41 **и** 42).

Результаты скачекъ во Внутренней киргизской ордѣ, 1870 **года. (Журналъ Коннозаводства.** 1870 № 8).

Статья напечатана со словъ увѣдомленія Временнаго Совѣта и содержитъ описаніе скачекъ: количество лошадей, принимавшихъ участіе въ скачкахъ, количество верстъ и времени, имена лицъ, взявшихъ призы, масти ихъ лошадей и вѣсъ сѣдоковъ.

В. Радловъ — **Образцы народной литературы Тюркскихъ племенъ. Ч.** III. **Киргизское нарѣчіе. Спб.** 1870.

Авторъ въ предисловіи даетъ краткій очеркъ быта киргизовъ, говоритъ объ ихъ языкѣ и литературѣ; затѣмъ, на 766 страницахъ, приводитъ образцы киргизской литературы: поговорки, свадебныя и состязательныя пѣсни, пѣсни бакси, маленькія пѣсни и пѣсни о богатыряхъ, маленькія разсказы и т. д.

Н. Середа.—**Бунтъ киргизскаго султана Кенисара Касимова.** (1838—1847). (**Вѣстникъ Европы.** 1870 № 8 **и** 9).

Въ этой статьѣ со всѣми подробностями описываются волненіе среди киргизовъ и такъ много въ свое время надѣлавшій шума бунтъ Кенисары; его

отношенія къ мѣстному начальству, агитація, движеніе нашихъ отрядовъ, усмиреніе степи и новыя возстанія по инициативѣ Кенисары.

С. Бабаджановъ. — Внутренняя киргизская орда. (Дѣятельность. 1870. № 127).

Авторъ говоритъ о неудобствѣ пролегавшаго нѣкогда торговаго пути чрезъ киргизскую степь на Бухару и о необходимости колонизаціи степи русскими для сближенія съ киргизами и для улучшенія ихъ хозяйства.

Юр - ко.—Очеркъ возстанія въ Уральской области.—(Голосъ, 1870. № 23).

Авторъ пишетъ о недостаткахъ стараго административнаго устройства у Зауральскихъ киргизовъ, о выгодахъ „новаго положенія“, отношеніяхъ между киргизами и казаками, о волненіяхъ въ степи и прекращеніи ихъ.

Юр—ко. Событія въ степи Уральской области въ 1869 и началѣ 1870 года. (Голосъ, 1870, № 112).

Авторъ ссылается на свою статью въ „Голосѣ“ 1870 г. № 23, продолженіе которой составляетъ данная статья, рисующая положеніе степи въ смутное время, возстаніе киргизовъ, вызваннаго „новымо положеніемъ“, и описаніе волненій.

Плотниковъ. — Народные обычаи киргизовъ. (Записки Оренбургскаго отд. И. Русск. Геогр. общ. 1871 вып, I).

Л. Макшеевъ.—Географическіе, этнографическіе и статистическіе матеріалы о Туркестанскомъ краѣ. (Записки Император. Русск. Географич. Общ. Т. II. 1871).

Въ главѣ IV — „о туземномъ народонаселеніи края“ — говорится о количествѣ кочующихъ киргизовъ въ Сыръ-Дарьинской и Семирѣченской областяхъ.

Л. Миддендорфъ.—Бараба. (Записки Императорской Академіи Наукъ. Т. XIX кн. 2-я 1870).

Эта статья содержитъ подробное описаніе степи Бараба и нѣкоторыя разбросанныя свѣдѣнія о киргизахъ. Приложена карта.

Народные обычаи, имѣвшіе, а отчасти и нынѣ имѣющіе въ Малой Киргизской Ордѣ законную силу. (Записки Оренбургскаго Отд. И· Русск. Географ. Общества 1871 вып. I).

В. Радловъ (W Radloff) — Die Kirgisen. (Zeitsch. d. Geograph. Gesell. in Berlin 1871 p. 505).

С Бабаджановъ,—Охота во внутренней киргизской ордѣ. (Журналъ Охоты. 1871 № 1 и 2).

Авторъ описываетъ двѣ охоты на волка въ Букеевской ордѣ, на островѣ Каспійскаго моря—Среднемъ Забуруньемъ.

С. Бабаджановъ.—Лошади и ихъ воспитаніе во Внутренней киргизской ордѣ. (Журналъ Охоты. 1871. № 6 и 7).

Авторъ говоритъ о границахъ орды, о почвѣ ея, и, въ двухъ словахъ, объ исторіи возникновеніи орды,—также о киргизской лошади, воспитаніи ея и способахъ улучшенія ея породы.

П. Семеновъ (P. Semenoff).—Die Graeber bie den Kirgisen (Mit. der Georg. Gesel. in Wien. 1871 p. 199).

Семеновъ (Semenoff).—Bilder aus dem Leben der Kirgisen. (Mittheilungeu d, Georg. Gesell. in Wien 1871. p. 119, 272).

Ф. Свисени (Fr. Swiceny).—Bilder aus dem Leben der Kirgisen. (Mittheil. d. Georg Gesellsch. in Wien. 1871 № 4, № 6).

Изъ походныхъ записокъ о дѣйствіяхъ въ степи 1869. В. Голованова (**Уральскія Войсковыя Вѣдомости.** 1871 г. №№ 28—30, 33 и 34).

Дѣйствія противъ киргизовъ.

Н. Сорокинъ.— Замѣтка о посмертныхъ киргизскихъ обрядахъ (**Тобольскія Губернскія Вѣдомости.** 1871 г, № 5).

Л. Плотниковъ.—О необходимости и средствахъ предупрежденія дальнѣйшаго развитія сыпучихъ песковъ въ степяхъ Внутренней киргизской орды (съ 2 картами) (**Записки Оренбургскаго Отдѣла И. Русск. Геогр. Общества** 1871, вып. 2).

Преданіе киргизъ-кайсаковъ о своемъ происхожденіи (**Воскресный Досугъ** 1871 г. № 32).

Передается преданіе о происхожденіи киргизовъ и кара-киргизовъ отъ двухъ плѣнницъ.

С. Бабаджановъ. — Охота и испытаніе лошадей во Внутренней киргизской ордѣ (**Журналъ Охоты** 1871 №№ 11 и 12).

Воскресный Досугъ. (**Népодная Иллюстрація**) 1871 г. № 32.

Помѣщена статья, перепечатанная изъ Русскаго Инвалида и касающаяся волненій въ Киргизской степи.

П. А. Шино.– Киргизскій бытъ (**Дѣтское Чтеніе** 1871 г. № 7).

На 11 страницахъ кратко рисуется бытъ киргизовъ. Есть интересныя указанія о могилахъ киргизовъ.

А. Кушакевичъ.—Свѣдѣнія о Ходженскомъ уѣздѣ (**Записки И. Русск. Географ. Общества.—По общей географіи т. IV СПБ** 1871).

Въ главѣ „Населеніе уѣзда" помѣщены краткія (на трехъ страницахъ) свѣдѣнія о киргизахъ.

Е. П.—Киргизы (**Иллюстрированная Газета** 1871 г. №№ 20 и 21).

Авторъ говоритъ о характерѣ киргизовъ, образѣ жизни, зимовьѣ, кочевкахъ сватовствѣ, положеніи женщинъ и религій.

Нѣсколько словъ по поводу послѣдняго возстанія киргизовъ на Мангышлакскомъ полуостровѣ (**Военный Сборникъ** 1871 г. Т. 79, стр. 41—59).

Авторъ говоритъ о „новомъ положеніи" и о вліяніи его на киргизовъ, объ условіи ихъ жизни и о причинахъ, побудившихъ адаевцевъ Мангышлака къ возстанію.

А. Шустовъ. – Изъ киргизскаго быта въ степи (**Ирбитскій Ярмарочный Листокъ.** 1871 г. №№ 10 и 15).

Мы могли получить только означенные нумера этой газеты и, такимъ образомъ, познакомиться только съ отрывками статьи, представляющей, повидимому, воспоминаніе проѣзжаго по киргизской степи.

Титовъ.—О лѣсов дствѣ въ Киргизской степи (**Туркестанскія Вѣдомости** 1871 г. №№ 15—21).

Ш. Ибрагимовъ.— О муллахъ въ киргизской степи (**Туркестанскія Вѣдомости** 1871 г. № 14).

Очерки исторіи киргизскаго народа съ 1732—1868 г. (**Туркестанскія Вѣдомости** 1871 г. № 3).

Ш. Ибрагимовъ. Матеріалы для этнографіи Средней Азіи (**Туркестанскія Вѣдомости** 1871 г. № 1.

Помѣщены киргизскія загадки (см. 1870 г. № 1 и 6).

* **Загряжскій.—Замѣтки о народномъ самоуправленіи у кара-киргизъ.** **Тукрестанскія вѣдомости** 1871 г. № 2).

* **П. Рейнталь.**—По поводу замѣтокъ о народномъ самоуправленіи и кара-киргизъ (см. № 2) (Туркестанскія Вѣдомости 1871 г. № 9).

Населеніе Илійскаго края и его промышленность (Туркестанскія Вѣдомости 1871 г. № 16).

П. Зенковъ.—Эксплуатація земной поверхности въ киргизской степи (Туркестанскія Вѣдомости 1871 г. №№ 2, 10 и 24.

Очеркъ исторіи киргизскаго народа съ 1732—1868 г. (Семипалатинскія Областныя Вѣдомости 1871 г. №№ 17—19-й).

Перепечатано изъ Туркестанскихъ Вѣдомостей 1871 г. № 3.

Народные киргизскіе обычаи (Семипалатинскія Областныя Вѣдомости 1871 г. №№ 5 и 6).

Описываются: порядокъ гостепріимства, байга, брачный союзъ, похороны, могилы, кочевья и зимовки, право собственности и пр.

* **Замѣтки** о народномъ самоуправленіи у кара-киргизъ (Семипалатинскія Областныя Вѣдомости 1871 г. №№ 16 и 17).

Перепечатано изъ Туркестанскихъ вѣдомостей 1871 г. № 2.

* **П. Рейнталь.** По поводу замѣтокъ о народномъ самоуправленіи у кара-киргизъ (Семипалатинскія Областныя Вѣдомости 1871 г. № 21—23)

Перепечатано изъ Туркестанскихъ Вѣдомостей 1871 г. № 9.

П. Зенковъ.—Эксплуатація земной поверхности въ киргизской степи (Семипалатинскія Областныя Вѣдомости 1871 г. №№ 25 и 26).

Перепечатано изъ Туркестанскихъ Вѣдомостей 1871 г. №№ 2, 10 и 24.

И. Земляницынъ.—Построеніе г. Семипалатинска (Семипалатинскія Областныя Вѣдомости 1871 г. №№ 31—36).

Народные киргизскіе обычаи (Енисейскія Губернскія Вѣдомости 1871 г. № 25).

Описывается обрядъ похоронъ у киргизовъ.

А. М.—Изъ путевыхъ замѣтокъ (Русскій Міръ 1872 г. № 38).

Авторъ даетъ не безъинтересный, хотя и краткій, очеркъ Букеевской степи: Рынъ-песковъ, Ханской Ставки и пр.

Объ осенней ярмаркѣ при Ахунскомъ хуторѣ Внутренней киргизской орды (Оренбургскія Губернскія Вѣдомости 1872 г. № 17).

Оренбуржецъ.—Тревожныя извѣстія изъ Киргизской степи (Недѣля 1872 г. №№ 39 и 40).

Авторъ пишетъ о новыхъ волненіяхъ въ Киргизской степи.

Поѣздка на полуостровъ Бузачи (Русскій Инвалидъ 1872 г. № 35).

Говорится о путешествіи съ военно-стратегическою цѣлью Ламакина къ адаевскимъ киргизамъ послѣ событій 1869 г. (въ 1871 г.).

Л. Плотниковъ.—О необходимости предупрежденій дальнѣйшаго развитія сыпучихъ песковъ въ степяхъ Внутренней Киргизской орды (Записки Оренбургскаго Отдѣла И. Русск. Географ. Общества, в. II. Казань 1872).

Авторъ говоритъ о постоянно распросраняющихся пескахъ въ Букеевской степи, о причинахъ ихъ распространенія и указываетъ на мѣры, могущія предотвратить грозящее бѣдствіе.

М. Венюковъ.—Общій обзоръ постепеннаго расширенія русскихъ предѣловъ въ Азіи и способъ обороны ихъ (Военный Сборникъ. 1872 г. № 2).

Этотъ интересный обзоръ имѣетъ прямое отношеніе и къ завладѣнію Киргизской степью.

Киргизы.—Этнографическій очеркъ (Тукестанскія Вѣдомости 1872 г. № 1).

Г. Загряжскій.—Очерки Перовскаго уѣзда (Тукестанскія Вѣдомости 1872 г. № 29).

А. Чайковскій. — Иссыкъ-Кульскія уѣздъ въ 1869 — 1871 г.г. (Туркестанскія Вѣдомости 1872 г. № 45).

Гребенкинъ.—Русскій Туркестанъ 1872 г.

Матеріалы для исторіи, статистики и этнографіи Семипалатинской Области (Семипалатинскія Областныя Вѣдомости 1872 г. №№ 33, 42 и 43).

Г. Адамоли (G. Adamoli). Ricordi di un viaggio nelle steppe dei Kirghisi (Bollet. d. l. Soc. Geogr. Ital. 1872 VII).

Балахонцевъ. — Байгуши. (Семипалатинскія Обл. Вѣдомости. 1872 № 9).

О киргизахъ, обитающихъ на правомъ и лѣвомъ флангахъ Сибирскаго казач. войска.

Матеріалы для статистики Туркестанскаго края — (Ежегодникъ вып. I. 1872 года. Спб.).

Этотъ выпускъ содержитъ слѣдующія статистическія свѣдѣнія: статистическія свѣдѣнія по Семирѣченской области; о числѣ разнаго рода зданій въ Семирѣченской области; о сельско-хозяйственномъ распредѣленіи земель и о скотоводствѣ въ Семирѣчинской области за 1869 годъ; о населеніи г. Вѣрнаго по переписи 1 марта 1870 г.; о числѣ учебныхъ заведеній, учителей и учащихся въ Семирѣченской области за 1869 г.; о числѣ кочеваго населенія въ Семирѣченской области; киргизской волости Туркестанскаго раіона Чемынскаго уѣзда волости Вѣрненскаго уѣзда и т. д.

Л: Костенко.——Очерки Семирѣчья (Военный Сборникъ. 1872. № 11, гл. I—V и № 12, гл. VI—XI).

Въ VI главѣ на 3 страницахъ помѣщенъ краткій очеркъ киргизовъ-атабановцевъ. Кромѣ того даны краткія и разбросанныя свѣдѣнія о киргизахъ.

И. Ибрагимовъ.—Этнографическіе очерки киргизскаго народа. (Русскій Туркестанъ. Вып. II, М. 1872).

На 32 страницахъ авторъ излагаетъ уходъ за беременной женщиной, обряды при рожденіи ребенка и уходъ за нимъ, обряды при сватовствѣ, свадьбѣ и похоронахъ; приложена и замѣтка о леченіи болѣзней.

Киргизское правосудіе.—Биржевыя Вѣдомости. 1872. № 129).

Статья описываетъ убійство, совершенное киргизомъ надъ своей женой и ея любовникомъ и постановленіе народнаго суда: „считать убійцу отъ суда свободнымъ". Перепечатано изъ Судебнаго Вѣстника.

Киргизы. — Этнографическій очеркъ. (Туркестанскія Вѣдомости. 1872. № 1 и 2).

А. Хорошхинъ—Байтукъ-Батуръ. (Расказъ изъ кара-киргизской жизни. 1867 г. (Туркестанскія Вѣдомости. 1872. № 42).

I. Сотниковъ (священникъ). —Нѣсколько словъ о возможности учрежденія миссіи между киргизами Средней орды.—(Православное Обозрѣніе. 1872. Май).

Авторъ этой интересной статьи говоритъ о малой религіозности киргизовъ, о причинахъ нераспространенія ислама, о присягѣ, о ходжахъ и муллахъ, о постепенномъ роспространеніи ислама среди киргизовъ и о необходимости учрежденія миссіи.

А. Хорошхинъ.— По кочевьямъ киргизовъ на сѣверо-востокъ отъ Тамбы. (Туркестан. Вѣдомости. 1872. № 46).

Уѣздный врачъ. —Русскій врачъ среди киргизовъ. (Недѣля. 1872. № 3).

Авторъ этой статьи говоритъ о трудности лѣченія киргизовъ въ степи, о тяжеломъ положеніи врачей Уральской области, о неудобствахъ при лѣченіи, и предлагаетъ устроить больницу для киргизовъ.

П. Зенковъ.—Эксплуатація земной поверхности въ киргизской степи. (Матеріалы для статистики Туркестанскаго края. Ежегодникъ. Вып. II 1873).

Авторъ на 25 страницахъ говоритъ о почвѣ и объ ея эксплуатаціи; въ частности о лѣсоводствѣ, хлѣбопашествѣ, и орошеніи степей.

Зенковъ.—Звѣриный промыселъ въ Семирѣчьѣ. (Туркестанскія Вѣдомости, 1873. № 43).

Н. Маевъ.—Очерки исторіи Киргизскаго народа съ 1732 до 1868 г. (Мат. для стат. Турк. края. Вып. II. 1873 г.).

На 12 страницахъ изложена исторія киргизскаго народа по принятіи его (номинально) въ наше подданство, наши отношенія къ киргизамъ, какъ мотивы къ постояннымъ волненіямъ среди киргизовъ.

Киргизы Малой орды. (Иллюстрированная Недѣля 1873. № 18).

Статья имѣетъ интересъ лишь въ приложенномъ рисункѣ „киргизы Малой орды". Содержаніе же небольшой (въ одинъ столбецъ) статьи не соотвѣтствуетъ истинѣ.

О состояніи скотоводства въ Туркестанскомъ краѣ. —(Матеріалы для статистики Туркестанск. края. Ежегодникъ, вып. II. 1873).

А. Тилло.—Первая народная перепись въ киргизской степи. (Извѣстія Императорскаго Русскаго Географич. Общ. 1873. Т. IX. № 2).

Статья заключаетъ въ себѣ результаты первой народной переписи въ киргизской степи, произведенной въ Николаевскомъ уѣздѣ Оренбургскаго края. Говорится о трудности переписи; перечисляются: наименованія родовъ и отдѣленій этого уѣзда, количество кибитокъ и скота, число жителей, болѣзни людей и скота, методы лѣченія ихъ и нѣкоторыя другія статистическія данныя.

Г. Титовъ.—О лѣсоводствѣ въ киргизской степи (Матеріалы для статистики Туркестанскаго края. Ежегодникъ. Вып. II. 1873).

На 3 страницахъ авторъ говоритъ объ истребленіи лѣсовъ въ киргизской степи, о причинахъ истребленія.

Матеріалы для статистики Туркестанскаго края.—Ежегодникъ. Вып. II. Спб. 1873 года.

Кромѣ вышеупомянутыхъ статей этотъ выпускъ содержитъ еще рядъ мелкихъ статей и замѣтокъ, имющихъ прямое и косвенное отношеніе къ киргизскимъ степямъ.

Туркестанскія Вѣдомости. 1873. № 43.

Г. Бардашевъ.—Замѣтки о дикокаменныхъ киргизахъ. (Матеріалы для статистики Туркестанскаго края. Ежегодникъ, вып. III. 1874).

Краткія свѣдѣнія о топографіи, гидрографія и благосостояніи страны.

Н. Михайловъ.—Приключенія русскаго торговца въ степяхъ Средней Азіи и Хивѣ (Гражданинъ 1873 г. № 42).

Авторъ передаетъ разсказъ купца Абросимова о путешествіи его въ Хиву и столкновеніи съ киргизами. Есть нѣкоторыя указанія на бытъ послѣднихъ.

Изъ киргизскихъ нравовъ. Статья Н. П...ва (Семипалатинскія Областныя Вѣдомости 1873 г. № 37).

Преданія адаевцевъ о святыхъ секты ханасріе, жившихъ и умершихъ на Мангышлакѣ (Приложеніе „Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“ 1873 г. вып. 7).

Киргизская пѣсня. Статья А. К. (Прибавленіе къ „Сборнику свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“ 1873 г. вып. 7).

С. Смоленскій.—Дѣло двадцати казаковъ при мысѣ Чаграѣ (Военный Сборникъ 1873 г. № 10).

Правдивый разсказъ передаетъ интересную подробность изъ бунта адаевскихъ киргизовъ. Здѣсь можно, между прочимъ, встрѣтить описаніе вооруженія адаевцевъ.

Съ береговъ Каспія (Биржевыя Вѣдомости 1873 г. № 2).

Говорится о подстрекательствѣ адаевскихъ киргизовъ на Мангышлакѣ со стороны Хивы и описываются нѣсколько схватокъ.

Джамиля (Семипалатинскія Областныя Вѣдомости 1873 г. № 37).

Разсказъ характеризуетъ отношеніе мужчины къ женщинѣ у киргизовъ.

Туркестанскія Вѣдомости 1873 г. № 2.

Г. Загряжскій. — Киргизскіе очерки (Туркестанскія Вѣдомости 1873 г. № 1).

Киргизы (Нива 1873 г. № 5 и 8).

Эта статья написана по поводу прибытія въ Петербургъ депутаціи киргизовъ и заключаетъ краткій очеркъ внѣшняго быта киргизовъ и земледѣлія у нихъ. Приложено три рисунка.

Кальнингъ.—Киргизскія поминки и нѣсколько словъ о киргизскомъ коневодствѣ (журналъ Коннозаводства 1873 г. № 5).

Авторъ кратко (на пяти страницахъ) говоритъ о киргизскихъ „асъ“ и „байгѣ“.

Султанъ А. Нурскинъ. — Аристократическая каста въ Кунградскомъ родѣ (Туркестанскія Вѣдомости 1873 г. № 43).

Объясненіе нѣкоторыхъ терминовъ, встрѣчающихся въ киргизскомъ судопроизводствѣ (Туркестанскія Вѣдомости 1873 г. № 42).

Путешествіе черезъ Киргизскія степи въ Хиву въ 1842—1843 г. доктора философіи Базинера (Туркестанскія Вѣдомости 1873 г. №№ 31 и 46).

Г. Загряжскій.—Очерки Токмакскаго уѣзда (Туркестанскія Вѣдомости 1873 г. №№ 9 и 10).

П. Зенковъ. — Колонизація Семирѣчья (Туркестанскія Вѣдомости 1873 г. № 8).

Ю. Балицкій.—Замѣтки о кочевомъ населеніи въ Вѣрненскомъ уѣздѣ (Туркестанскія Вѣдомости 1873 г. № 6).

Низовья Аму-Дарьи до Кунграда (Туркестанскія Вѣдомости 1873 г. № 3).

Голосъ изъ Семирѣчія. — (Корреспонденція „Церковно-Общественнаго Вѣстника“. 1874. № 132).

***Г. Загряжскій.**—Замѣтка о народномъ самоуправленіи у кара-киргизъ. (Матеріалы для статистики Туркест. края. Ежегодникъ. Вып. III. 1874).

Замѣтка касается восточной гористой части Туркестанскаго генералъ-губернаторства, преимущественно Иссыкульскаго и Токмакскаго уѣздовъ. Говорится о зависимости выборовъ отъ вліятельныхъ лицъ степи, о неправильномъ судѣ біевъ, чему приводятся примѣры. Приводитъ проэктъ переустройства

мѣстнаго управленія, измѣненія должности (съ расширеніемъ правъ и обязанностей) уѣздныхъ начальниковъ.

*П. **Рейнталь.** — **По поводу замѣтокъ о народномъ самоуправленіи у каракиргизъ.** (Матеріалы для статистики Туркестанскаго края. Ежегодникъ. Вып. III. Спб. 1874).

Авторъ возражаетъ не противъ фактовъ, а противъ выводовъ Загряжскаго (см. выше) и противъ проэкта измѣненія суда, даетъ съ своей стороны совѣты.

Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества (По Отдѣлу Статистики т. IV. СПБ. 1874 г.).

Этотъ томъ содержитъ двѣ статьи: М. Терентьева „Статистическія очерки Среднеазіатской Россіи“ и Л. Соболева „Географическія и статистическія свѣденія о Заравшанскомъ округѣ съ приложеніемъ списка населенныхъ мѣстъ округа“. Всѣ свѣдѣнія помѣщены на 600 слишкомъ страницахъ и представляютъ большую цѣнность. Статьи содержатъ, между прочимъ, описаніе топографіи мѣстности и данныя о киргизахъ. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, что лица, составляющія статистическія данныя и помѣщающія свои статьи въ „Памятныхъ книжкахъ“ и другихъ періодическихъ изданіяхъ, упускаютъ очень важный факторъ— народность: авторы подробно описываютъ данныя по уѣздамъ, даже по волостямъ, сословіямъ и вѣроисповѣданіямъ и лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ по народностямъ; это слѣдуетъ замѣтить и о статьяхъ гг. Терентьева и Соболева.

*Г. **Загряжскій.** — **Кара-киргизы.** Туркестанскія Вѣдомости. 1874 г. № 41, 42, 44 и 45).

Я могъ просмотрѣть только №№ 41 и 42. Въ № 41, гдѣ говорится о границахъ земли кара-киргизовъ, приводится легенда о происхожденіи ихъ и нѣкоторые семейные обряды; въ № 42 рисуется жизнь кара-киргизскаго аула.

Матеріалы для этнографіи Средней Азіи. Киргизскія пословицы и загадки. Собраны Ш. Ибрагимовымъ въ киргизской степи Сибирскаго вѣдомства. (Матеріалы для статистики Туркестанскаго края. Ежегодникъ. Вып. III. Спб. 1874).

Собрано 104 пословицы и 10 загадокъ съ разгадками. Загадки задавались извѣстной красавицей киргизкой Калипою киргизу Хассану—оба они славились пѣвцами. Разъ, какъ то, въ присутствіи многихъ гостей, стала она импровизировать въ стихахъ загадки, на которыя Хассанъ также отвѣчалъ стихами, прибавляя къ нимъ разгадку.

Ш. **Ибрагимовъ.**—**О муллахъ въ киргизской степи.** (Матеріалы для статистики Туркестанскаго края. Ежегодникъ. Вып. III. 1874).

Говорится о томъ, какъ татаринъ (казанскій) - торгашъ ханженствомъ постепенно втирается въ среду киргизовъ и, постепенно. наживая богатство, прибираетъ къ рукамъ киргизовъ, эксплоатируетъ ихъ и агитируетъ противъ русскихъ. Все это относится къ восточной части киргизской степи, т. е. къ бывшей области Сибирскихъ киргизовъ.

Матеріалы для статистики Туркестанскаго края.—Ежегодникъ. Вып. III. 1874 г.

Кромѣ только что приведенныхъ статей, этотъ выпускъ содержитъ нѣсколько мелкихъ замѣтокъ (часть статистическаго содержанія), имѣющихъ отношеніе къ киргизскимъ степямъ.

И. **Лосьевъ.**—**Медицина въ киргизской степи** (Московская Медицинская Газета. 1874. № 28).

Авторъ говоритъ о „тобанахъ“ и „баксахъ“—народныхъ врачахъ киргизовъ, о главныхъ болѣзняхъ, о нѣкоторыхъ способахъ леченія и вѣрованіяхъ сопряженныхъ съ появленіемъ болѣзней.

А. Лагашкинъ.—Нѣсколько словъ по вопросу о пастухахъ киргизахъ и о пресѣченіи конокрадства на войсковой землѣ (Уральскія Войсковыя Вѣдомости. 1874. № 29 и 30).

Авторъ указываетъ на конокрадство (причиною котораго являются киргизы-пастухи), развившееся до крайнихъ предѣловъ, приводитъ мнѣніе нѣкоторыхъ лицъ по этому вопросу и затѣмъ предлагаетъ съ своей стороны мѣры для уничтоженія конокрадства, подтверждая ихъ примѣрами.

Ник—въ.—Кое о чемъ изъ киргизской жизни и о кумысѣ. (Уральскія Войсковыя Вѣдомости № 21. 1874 г.).

Авторъ рисуетъ интересную обрядовую сторону изъ жизни киргизовъ, сопряженную съ первымъ доеніемъ кобылицъ весною.

И. Неплюевъ и Оренбургъ—Біографо-историческій очеркъ. (Уральскія Войсковыя вѣдомости 1874 № 33).

Эта статья помѣщена въ нѣсколькихъ нумерахъ Уральскихъ Войсковыхъ Вѣдомостяхъ за 1874 г., изъ которыхъ мнѣ удалось имѣть только № 33, гдѣ заключаются свѣдѣнія о торговлѣ киргизовъ.

П. Р.—Киргизскія пѣсни. (Вѣстникъ Европы. 1874 г. кн. 12).

Авторъ приводитъ двѣ киргизскихъ пѣсни на русскомъ языкѣ, переложенныя въ стихи съ подстрочнаго перевода, сдѣланнаго султаномъ Сейдалиномъ П—мъ (вѣроятно Пираліевымъ).

Развалины Джанъ-Кента. (Мат. д. стат. Тур. края. Вып. III. Спб. 1874 г.).

(Съ 14 рисунками, могилы богатаго и простаго киргизовъ).

В. Григорьевъ.—Русская политика въ отношеніи къ Средней Азіи (Изъ Сборника Государственныхъ знаній т. I.). 1874 г.

Въ этой небольшой (29 страницъ), но интересной брошюрѣ посвящено нѣсколько страницъ и нашей политикѣ въ отношеніи къ киргизамъ въ XVIII столѣтіи. Кратко и очень мѣтко рисуетъ авторъ наши промахи. Переведено на англійскій языкъ въ „Turkistan by P. Schuyler, vol. II“ и на нѣмецкій (въ переводѣ П. И. Лерха въ Russische Revue 1875, B. VII).

М. Терентьевъ.—Статистическіе очерки Средне-азіатской Россіи (Изъ IV т. Записокъ Отдѣла Статистики И. Русск. Географ. Общества). Спб. 1874 г.

Описаніе касается Сырь-Дарьинской линіи и Кураминскаго уѣзда и содержитъ описаніе естественныхъ произведеній, топографіи, общественнаго устройства, податей, народнаго здравія, просвѣщенія и проч., затѣмъ слѣдуютъ, какъ приложеніе, разныя статистическія свѣдѣнія. Что касается населенія („Этнографія уѣзда“), то тутъ кратко описываются таджики, сарты, киргизы и курама.

А. Рейпольскій.—Медико-топографическій очеркъ Киргизской, Внутренней орды и оспенная эпидемія въ ней въ 1874 г. (Протоколы засѣданій Общества русскихъ врачей за 1874 и 75 г.).

П. Золотовъ.—Семипалатинскъ 110-ть лѣтъ тому назадъ (Семипалатинскія Областн. Вѣдомости 1874 №№ 1, 11 и 12.

О рыболовствѣ киргизовъ (Туркестанскія Вѣдомости 1874 г. № 20).

Г. Арандаренко.—Значеніе власти аксакаловъ въ отдаленныхъ кишлакахъ (Туркестанскія Вѣдомости 1874 г. № 25).

Г. Загряжскій.—Бытъ кочеваго населенія долины Чу и Сырь Дарьи (Туркестанскія Вѣдомости 1874 г. №№ 25, 27—32).

Описывается киргизская юрта, домашняя утварь, киргизскій день, пища, сугумъ, права султановъ на сугумъ, гостепріимство, игры и забавы, музыкальные инструменты, ремесла и промыслы, добываніе соли и т. п.

П. Зенковъ.—Экономическія замѣтки по Киргизской степи отъ Иртыша до Иссыкъ-куля (Туркестанскія Вѣдомости 1874 г. № 46).

Податная система въ Туркестанскомъ краѣ. (Голосъ. 1875. № 134. Передовая статья).

* **Вамбери (Vambery),** — Kara-Kirgisen. (Westerman's illustr. Monatsheft. 1875. October).

Вамбери (Vambery)—Kirgisen. (Westerman's illustr. Monatsheft) 1875. April).

Медико-топографическій очеркъ Внутренней киргизской орды. (С.-Петербургскія Вѣдомости. 1875. № 112).

Очеркъ этотъ представляетъ выдержку изъ стат. Рейпольскаго, помѣщенной въ „Сборникѣ сочиненій по судебной медицинѣ, общественной гигіенѣ и проч." Т. I, 1875, и содержитъ краткое описаніе почвы степи, быта киргизовъ, употребленія въ Ханской Ставкѣ большаго количества спиртныхъ напитковъ и болѣзней у киргизовъ.

О проэктѣ преобразованія административнаго устройства Внутренней киргизской орды. (Голосъ. 1875. № 338).

А. Хорошхинъ Очерки Семирѣчья. Ташкентъ 1875.

Г. Потанинъ.—О рукописи капитана Андреева о Средней киргизской ордѣ, писанной въ 1785 г. (Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. 1875 Вып. II).

Авторъ говоритъ, что Андреевъ проѣхалъ отъ Усть-Каменогорской крѣпости до Прѣсногорьководской, самъ наблюдалъ киргизовъ и изучалъ ихъ бытъ по разспросамъ. Авторъ говоритъ объ этой рукописи, какъ о цѣнномъ матеріалѣ для сравненія съ настоящимъ временемъ по нѣкоторымъ обычаямъ, которые съ теченіемъ времени вывелись. Рукопись эта есть одинъ изъ первыхъ этнографическихъ трудовъ о киргизахъ.

За пять лѣтъ. Статья Юр—ко (Уральскія Войсковыя Вѣдомости 1875 № 8).

О реформахъ въ киргизскихъ степяхъ.

Львовичъ.—Киргизская степь. Разсказъ солдата 1875 Вып. I. Изд. «Досугъ и Дѣло».

Киргизы (Виленскій Вѣстникъ 1875 г. №№ 29 и 31).

Авторъ кратко описываетъ наружность киргизовъ, одежду ихъ, образъ жизни и т. д.

Образцы киргизской поэзіи (Записки Оренбургскаго Отдѣла И. Русск. Географическаго Общества В. III. 1875 г.).

Эти образцы собраны и переведены на русскій языкъ Т. К. Сейдалиномъ и С. Л. Джантюринымъ, риѳмическій текстъ П. Н. Распопова.

Падшай (Случай изъ быта киргизовъ). К-нъ А-въ (Иллюстрированная Недѣля 1875 г. №№ 13 и 14).

Рисуется бытъ киргизовъ, имѣющій отношеніе, преимущественно, къ положенію женщины въ семьѣ.

О ходѣ торговли на осенней ярмаркѣ 1874 и 1875 гг. при Ахунскомъ хуторѣ Внутренней киргизской орды (Оренбургскія Губернскія Вѣдомости 1875 г. №№ 1 и 41).

Ю. Казбековъ.—Цикловой годъ у киргизовъ и другихъ народностей Средней Азіи (Туркестанскія Вѣдомости 1875 г. № 6).

Кызъ-быры.—„Волкъ-дѣвка“. Конныя игры въ киргизской степи (Всемірная Иллюстрація 1875 г. № 354).

Описывается киргизская игра и говорится о положенія дѣвушки и женщины у киргизовъ.

Макъ-Гаханъ.— Военныя дѣйствія на Оксусѣ и паденіе Хивы. Москва 1875.

Это въ высшей степени интересное сочиненіе писано американскимъ военнымъ корреспондентомъ; настоящее изданіе переведено съ англійскаго, вышедшаго въ Лондонѣ въ 1874 г. (Campaigning on the Oxus and the Fall of Khiva). Кромѣ разбросанныхъ свѣдѣній о киргизахъ, помѣщенныхъ въ началѣ сочиненія, слѣдуетъ отмѣтить интересныя главы: киргизскій старшина, киргизскій романъ и домашній бытъ киргизовъ.

Л. Баллюзекъ.—Народная перепись въ Николаевскомъ уѣздѣ Тургайской области (Записки Оренбургскаго Отдѣла И. Русск. Географ. Общества, в. III. 1875 г.).

М. Терентьевъ.—Туркестанъ и Туркестанцы (Вѣстникъ Европы. Кн. 9, 10 и 11. Сентябрь, октябрь и ноябрь 1875 г.).

Эта интересная статья относится не къ однимъ киргизамъ, а вообще къ инородцамъ Туркестана. Авторъ подробно излагаетъ введенія „новаго положенія“ въ 1867—68 гг. и описываетъ внѣшній бытъ, бачетатство, болѣзни, духовенство, школьное образованіе, судоустройство, судопроизводство и управленіе—все на 113 страницахъ. Интересными свѣдѣніями и хорошимъ изложеніемъ статья эта заслуживаетъ вниманія.

М. Терентьевъ.—Грамматика турецкая, персидская, киргизская и узбекская. СПБ. 1875.

Киргизская грамматика составлена г. Терентьевымъ по матеріалу Ильминскаго, провѣрена живой рѣчью и разсмотрѣна живой рѣчью и разсмотрѣна Султаномъ Джангиромъ Буккевымъ и г. Ибрагимовымъ.

Положеніе миссіонерскаго дѣла въ семирѣченской области (Туркестанскія Вѣдомости 1875 г. № 34).

Ю. Казбековъ.—Праздникъ Зенги-ата (у киргизовъ) (Туркестанскія Вѣдомости 1875 г. № 34).

Ein Krähwinkel in der Kirgisensteppe (Europa 1876 № 28).

И. Ибрагимовъ.—Очерки быта киргизовъ. (Древняя и Новая Россія. 1876. Т. III.

Авторъ посвящаетъ свою статью описанію Киргизскихъ поминокъ (асъ); говоритъ между прочимъ о муллахъ, киргизской пѣснѣ, охотѣ, скачкахъ и единоборствѣ. Очерки написаны въ интересной формѣ.

А. Загряжскій.—Юридическіе обычаи киргизовъ. (Мат. д. Стат. Тур. края вып. IV 1876 г.).

На 33 страницахъ изложены многочисленные обычаи киргизовъ, касающіеся: сословности, сватовства и свадьбы, семейнаго устройства и др. Эти страницы представляютъ цѣнный матеріалъ для изученія юридическихъ обычаевъ киргизовъ.

Musik, Gesang und Tanz der Baschkiren und Kirgisen. (Ausland. 1876. № 34).

Записки Императорскаго С.-Петербургскаго Миниралогическаго Общества 1876 г. ч. X.

Туркестанскія Вѣдомости 1876 г. № 17.

Киргизскія сказки, переведен. Рахимомъ Шараповымъ Абдрахимовымъ (Акмолинскія Областныя Вѣдомости 1876 г. №№ 19—24).

Н. Савичевъ.—Исетай Таймановъ, старшина Внутренней орды (Уральскія Войсковыя Вѣдомости 1876 г. №№ 43—50 и 1877 г. № 1).

Киргизскія пословицы (Оренбургскій листокъ 1876 г. № 35).

Пословицы касаются слѣдующихъ сторонъ: отношенія къ Богу, внутренняго мира человѣка, отношенія къ правительству и законамъ, онтошенія къ обществу, семьѣ, роднымъ и посторонним лицамъ--всѣхъ 83.

Вѣдомость о ходѣ торговли на весенней ярмаркѣ 1876 г. при Архунскомъ хуторѣ Внутренней киргизской орды (Оренбургскія Губернскія Вѣдомости 1876 г. № 45).

Съ береговъ Иртыша (Сибирь 1876 г. № 33).

Суевѣріе о киргизахъ и казакахъ.

Въ киргизской степи (Живописное Обозрѣніе 1876 г. № 50).

Говорится объ интересной киргизской игрѣ кызъ-быры (волкъ-дѣвка). Приложенъ рисунокъ, взятый изъ Illustrirte Zeitung.

Киргизы Малой орды (Живописное Обозрѣніе 1876 г. № 25).

Помѣщена краткая замѣтка о киргизахъ, относящаяся къ приложенному къ статьѣ рисунку.

Д. Самоквасовъ.—Сборникъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ. Варшава 1876.

Въ концѣ книги (на 37 страницахъ) помѣщены „обычаи киргизовъ". Эта глава заключаетъ слѣдующіе отдѣлы: о богопочитаніи, судѣ и судьяхъ, свидѣтеляхъ, смертномъ убійствѣ, увѣчьяхъ, ранахъ, дракѣ и обидахъ, упускѣ и укрывательствѣ преступниковъ, о содомскомъ грѣхѣ, насиліи и блудѣ, о зажигательствѣ, воровствѣ и грабежѣ, по исковымъ дѣламъ.

Киргизскія пословицы (Акмолинскія Областныя Вѣдомости 1876 г. №№ 14 и 15).

Кульмесенъ и Акылъ-Саза (Акмолинскія Областныя Вѣдомости 1876 г. №№ 19—24).

Киргизскія сказки.

Нѣсколько словъ о байгахъ, бывшихъ въ гг. Акмолинскѣ и Петропавловскѣ 21 и 27 іюля и выставкахъ при нихъ. (Акмолинскія Областныя Вѣдомости 1876 г. № 15).

Нѣсколько словъ о байгѣ, бывшей въ Омскѣ 10 іюля (Акмолинскія Областныя Вѣдомости 1876 года № 13).

Замѣтки о Семирѣченскомъ краѣ (Акмолинскія Областныя Вѣдомости 1876 г. №№ 6—8).

Матеріалы для исторіи Киргизской степи (Сборникъ газеты „Сибирь" т. 1).

А. Кадомцевъ.—Отчетъ о поѣздкѣ въ киргизскія степи. (Извлеченія изъ отчетовъ гг. ветеринаровъ, командированныхъ въ киргизскія степи). Спб. 1877).

Эта книжка (въ 107 страницъ) состоитъ изъ 6 главъ: I. Линіи сибирскихъ киргизовъ. II. Киргизскія степи западной Сибири. Здѣсь говорится объ отсутствіи лѣсовъ, о маломъ количествѣ годной воды, о почвѣ и травахъ. III. Южныя окраины Тобольской и Томской губерній IV. Содержаніе скота. Авторъ въ этой главѣ даетъ довольно полную картину содержанія скота и ухода за нимъ, говоритъ о кочевьяхъ и зимовьяхъ киргизовъ. V. Повальныя болѣзни на скотѣ. Тутъ говорится о болѣзняхъ скота, о средствахъ предупрежденія и о лѣченіи болѣзней. VI. Торговля, ярмарки и пути передвиженія скота.

Н. Савичевъ.—О неповиновенiи начальству двухъ киргизъ Внутренней орды (Уральскiя Войсков. Вѣдомости 1877 г. №№ 4, 5 и 6).

Киргизскiе кудесники (Сѣверная Звѣзда 1877 г. № 23).

Со словъ г. Небольсина описываются фокусы, продѣлываемые киргизскими баксами, какъ-то: кусанiе раскаленнаго желѣза, хожденiе въ огонь и т. д.

Г. Кравцовъ—Отчетъ о поѣздкѣ въ Киргизскiя степи (Извлеченiе изъ отчета гг. ветеринаровъ. СПБ. 1877).

Весьма интересная работа, касающаяся преимущественно скотоводства у киргизовъ; кромѣ того, есть описанiе природы Киргизской степи и жизни киргизовъ. Всего 204 страницы.

Киргизскiй судъ (Сибирь 1877 г. № 28).

Описанiе порядка разбора дѣлъ киргизскими бiями.

Матерiалы по статистикѣ, географiи, исторiи и этнографiи Оренбургской губернiи. Выпускъ I. Оренбургъ 1877.

Въ этомъ сборникѣ помѣщены интересныя топографическiя свѣдѣнiя и отчасти статистическiя данныя о киргизахъ. Слѣдуетъ отмѣтить библiографическiй указатель сочиненiй и статей, касающихся Оренбургской губернiи, помѣщенный на стр. 51—89 II-го отдѣла. Нѣкоторыя статьи и сочиненiя, имѣющiя прямое отношенiе къ киргизамъ, мы помѣщаемъ въ нашъ указатель, нѣкоторыя же, въ виду ихъ общаго характера (судя по заглавiямъ), не включаемъ, но указываемъ лицамъ, желающимъ познакомиться съ ними.

***Корреспонденцiя изъ Оренбурга** (Голосъ 1877 г. №277),

Говорится объ усмиренiи мятежныхъ кара-киргизовъ генераломъ Скобелевымъ.

Лѣченiе падучей болѣзни у киргизовъ (Сибирь 1877 г. № 8).

Примѣръ истязанiя больной знахарями.

Пецольдъ (A. Petzholdt)—Umschau im Russischen Turkestan im Jahre 1871. Leipzig. 1877.

Уже въ первой части своего сочиненiя авторъ неоднократно затрогиваетъ жизнь киргизовъ и даетъ описанiе страны, обитаемой, между прочими, и киргизами, но всѣ свѣдѣнiя преимущественно о киргизахъ и кара-киргизахъ сведены имъ въ 3-й главѣ II-й части, гдѣ онъ даетъ интересныя данныя о характерѣ и внѣшнемъ бытѣ.

Съ устьевъ Волги (Московскiя Вѣдомости 1877 г. № 285).

Авторъ говоритъ о пригодности киргизскихъ кибитокъ для солдатъ во время военныхъ дѣйствiй, о равнодушномъ отношенiи къ войнѣ букеевскихъ киргизовъ и о поставкѣ ими 500 лошадей для войска.

Корреспонденцiя изъ Омска (Сибирь 1877 г. № 39).

Говорится объ юртѣ, отправленной киргизами Зайсанскаго приставства въ подарокъ Е. И. В. Великому Князю Николаю Николаевичу Старшему и стоющей слишкомъ 10.000 рублей.

Корреспонденцiя изъ Омска (1877 г. № 52).

Объ интернатахъ для киргизскихъ дѣвочекъ.

Озеро Норъ—Зайсанъ и Черный Иртышъ (Туркестанскiя Вѣдомости 1877 г. № 51).

Нѣсколько словъ о киргизскихъ интернатахъ Акмолинской области (Акмолинскiя Областныя Вѣдомости 1877 г. № 23).

Киргизскiя легенды (Акмолинскiя Областныя Вѣдомости 1877 г. №№ 1—3).

Краткое извлеченiе изъ киргизской легенды: „Баянъ-Сулу и Козу-Курпечъ".

Die Kirgisengeschichte. Russische Revue 1873). Нумеръ неизвѣстенъ.

Ибрагимовъ.—Замѣтки о киргизскомъ судѣ. (Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по отдѣлу Этнографіи 1878. Т. VIII № 2).

Парфеній (Инокъ). Первыя извѣстія о русскихъ въ Кульджѣ и присоединеніи къ Россіи киргизской области (Русскій Вѣстникъ 1878 Т. 137).

Эта интересная рукопись сообщена Д. Касицкимъ, который снабдилъ ее предисловіемъ.

П.—Обычаи киргизовъ Семипалатинской области. (Русскій Вѣстникъ 1878. Т. 137. № 9).

На 42 страницахъ изложены свадебные обряды съ пѣснями, похоронные обряды съ причитаніями, уходъ за родильницей и новорожденнымъ и списокъ употребительнѣйшихъ лекарствъ; кромѣ того приложены пословицы.

В. Радловъ (W. Radloff).—Les kourgans sibériens de la steppe des Kirghiz prés de l'Altai. (Revue archéolog. XXXVI 1878).

А. Старчевскій.—Спутникъ русскаго человѣка въ Средней Азіи. Спб. 1878.

Авторъ составилъ этотъ „Спутникъ" съ цѣлью доставить русскимъ пособіе при изученіи нарѣчій нашего Туркестана. Глава третья „Спутника" заключаетъ очеркъ грамматики киргизскаго языка, а седьмая глава—словарь киргизскихъ словъ.

Э. Соколовскій—Описаніе восточной части киргизской степи. (Журналъ Министерства Путей Сообщенія. 1878. Т. I Мартъ).

Авторъ описываетъ виды степи (озера, рѣки, подпочвенная вода), пески, растительность, горныя породы, климатъ (таблица двѣхмѣсячнаго наблюденія надъ температурой), народонаселеніе земледѣліе, промышленность и торговлю. Приложена карта.

* **Уйфальви (Ch. de Ujfalvy de Mezö-Kövesd)** Le Kohistan, Ferghanah et Kouldja. Paris. 1878.

Во второй главѣ (Ferghanah) авторъ даетъ краткую замѣтку о кара-киргизахъ и ихъ типѣ. Къ этому сочиненію приложены двѣ таблицы съ 26 измѣреніями кара-киргизовъ и киргизъ-кипчаковъ.

Ф. Лобысевичъ. Городъ Оренбургъ. Историко-статистическій очеркъ. СПБ. 1878.

Нельзя не отмѣтить этой небольшой брошюры, какъ имѣющей отношеніе къ Киргизской степи и представляющей значительный интересъ при знакомствѣ съ этимъ краемъ.

Д. Мухинъ. (Священникъ). Нападеніе киргизовъ въ 1844 г. на Екатерининскій поселокъ (Оренбургскія Губернскія Вѣдомости 1878 г. № 23).

С.-Петербургскія Вѣдомости 1878 г. № 108.

Газета даетъ отзывъ объ „Очеркѣ Киргизской степи Оренбургскаго вѣдомства" Лобысевича и дѣлаетъ нѣкоторыя извлеченія.

Корреспонденція изъ Семипалатинска (Сибирь 1878 г. № 36).

О причинахъ, побудившихъ 750 кибитокъ киргизовъ перекочевать изъ Устькаменогорскаго уѣзда въ Китай.

Киргизы.—Этнографическая Выставка 1867 года Императорскаго Общества Любителей Естествознанія (Извѣстія И. Общества Любителей Ест., Антропол. и Этнограф. т. XXIX. Москва 1878 г.)

Во второмъ отдѣлѣ („Составъ выставки. А—Инородческія племена") помѣщено описаніе одежды сибирскихъ и оренбургскихъ киргизовъ: богатаго, бѣднаго и средняго состоянія, женщины, дѣвушки и дѣвочки.

Корреспонденція изъ Омска (Сибирь 1878 г. № 25).

О киргизской скачкѣ (байгѣ).

Труды Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества 1878 г. № 9.

Помѣщена рецензія на отчеты ветеринаровъ гг. Г. В. Кравцова, А. В. Кадомцева и Е. М. Кадомцева, командированныхъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ въ Киргизскія степи.

Кара-Ибанъ.—Среди киргизъ (Оренбургскій Листокъ 1878 г. №№ 4, 5 и 6 и 1879 г. № 15).

Рисуются картины изъ быта киргизовъ, касающіяся преимущественно перекочевки и зимовки.

Байга въ 1877 г. въ Акмолинскѣ (Акмолинскія Областныя Вѣдомости 1878 г. №№ 1—5).

Ф. Гельвальдъ. — Земля и ея народы. Т. IV. Живописная Азія и Австралія. Спб. 1879.

Въ VIII главѣ (Туркестанская низменность) помѣщенъ краткій очеркъ киргизовъ и каракиргизовъ. Это компиляція изъ сочиненій Радлова, Левшина, Фурмана, Залескаго (Zaleski) и Вагнера. Приложенъ рисунокъ.

И. Алтынсаровъ. — Начальное руководство къ обученію киргизовъ русскому языку. Оренбургъ. 1879.

Это руководство составлено для киргизовъ, поступающихъ въ русскія школы и незнающихъ ни слова по русски. Оно содержитъ этимологію и синтаксисъ и и образцы для переводовъ. Это руководство въ томъ смыслѣ можетъ служить пособіемъ къ элементарному изученію киргизскаго языка, что въ немъ не мало киргизскихъ словъ, писанныхъ русскими буквами.

Киргизъ. — Киргизы-Джатаки. Этнографическій очеркъ (Русская Рѣчь. 1879. Августъ).

На 13 страницахъ рисуется положеніе пограничныхъ осѣдлыхъ киргизовъ. Отношеніе между ними и ихъ собратьями, кочующими въ степи.

Уйфальви (Ch de Ujfalvy de Mezö-Kövesd.) — Le Syr-Daria. Paris. 1879.

Авторъ въ своемъ обширномъ сочиненіи даетъ описаніе Сырдарьинской области: характера ея мѣстности, народонаселенія и пр., затѣмъ описаніе Заравшана и Семирѣчья. О киргизахъ онъ говоритъ на 10 страницахъ въ первой главѣ этой книги: описываетъ типъ, раздѣленія на орды, бытъ киргизовъ. Къ этому сочиненію приложены двѣ таблицы съ измѣреніями 11 киргизовъ.

Еще о киргизскихъ школахъ. Г. В. (Новое Время 1879 № 1180).

Авторъ говоритъ объ устройствѣ въ Киргизской степи школъ и интернатовъ и о безполезности послѣднихъ.

Шиле. — Киргизы, Этнографическій очеркъ (Природа и Люди 1879 г. № 4).

На 59 страницахъ помѣщенъ очеркъ быта киргизовъ. Компиляція изъ сочиненій разныхъ авторовъ, впрочемъ не лишенная интереса.

Л. Полторацкая. — Виды и типы Западной Сибири (Антропологическая Выставка т. III ч. 2. Москва 1879 — 1880 г. Извѣстія И. Общества любителей Естествозн., Антропол. и Этнограф. т. XXXV ч. II. Труды Антропологическаго Отдѣла т. 5).

Это описаніе было составлено Л. Полторацкой къ присланной ею колекціи типовъ и видовъ. Описаніе киргизовъ помѣщено на трехъ страницахъ (in 4°) петитомъ и содержитъ интересныя данныя о внѣшнемъ бытѣ, одеждѣ, киргизской лошади, могилахъ и обрядѣ погребенія.

Керреспонденція изъ Оренбурга (Голосъ 1879 г. № 36).

Говорится о стычкѣ съ киргизами Алтайской волости.

А. Круссеровъ.—Краткій статистическій обзоръ Западной Сибири съ 1874 по 1878 г. (Адресъ—Календарь Западной Сибири на 1879 годъ).

1880—1890 гг.

Л. Костенко.—Туркестанскій край. Спб. 1880.

Обширное сочиненіе, состоящее изъ 3 томовъ (слишкомъ 1000 страницъ). Первый томъ заключаетъ топографію орографію и гидрографію края, климатъ и нѣкоторыя этнографическія свѣдѣнія объ инородцахъ, между прочимъ, и о киргизахъ. Второй томъ состоитъ исключительно изъ описанія путей сообщенія; третій содержитъ описаніе естественныхъ богатствъ края.

Разсказы о жизни киргизъ. — (Записки Оренбургскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. 1880, Т. IV).

А. Макшеевъ. — Географическія свѣдѣнія книги Большаго Чертежа о киргизскихъ степяхъ и Туркестанскомъ краѣ. (Записки Императорскаго Русск. Географ. Общества. Т. IV. 1880).

На 36 страницахъ авторъ приводитъ свѣдѣнія, имѣющіяся о киргизской степи въ книгѣ Большаго Чертежа съ комментаріями. Въ концѣ приложенъ алфавитный указатель географическихъ названій, встрѣчающихся въ книгѣ Большаго Чертежа и карта.

Б. Юзефовичъ. — О бытѣ киргизъ Тургайской области. (Русскій Вѣстникъ. 1880. Апрѣль).

На 37 страницахъ кратко изложенъ бытъ киргизовъ. Изложеніе это интересно нѣкоторыми фактическими данными, которыя передаетъ авторъ вполнѣ безпристрастно; между прочимъ, онъ говоритъ объ экономическомъ положеніи киргизовъ.

Уйфальви (Ch. de Ujfalvy de Mezö-Kövesd).—Les Bachkirs, les Vêspes e. s. t... précédés des résultats anthropologiques d'un voyage en Asie Centrale. Paris. 1880.

Въ первой главѣ авторъ, описывая типы средней Азіи, влючаетъ, и киргизовъ, а также даетъ результаты измѣреній киргизовъ и кара-киргизовъ Въ концѣ книгѣ приложены таблицы съ средними цыфрами измѣреній всѣхъ народностей Средней Азіи - въ томъ числѣ и киргизовъ.

М. Толычева.—Киргизка. Москва 1880.

Народы Россіи.—Киргизы (Досугъ и Дѣло 1880).

И. А —По поводу голода въ Киргизской степи (Оренбургскій Листокъ 1880 г. № 17).

Авторъ говоритъ о голодѣ въ Тургайской области, о стремленіи киргизовъ къ осѣдлой жизни и къ земледѣлію.

И. Райскій.—Лѣшій. Изъ быта киргизъ „Новой Линіи" (Оренбургскій Листокъ 1880 г. № 33).

Разсказъ не имѣетъ почти никакого отношенія собственно къ быту киргизовъ.

И. К — Киргизская кибитка (Игрушечка 1880 г. № 2).

Краткое описаніе киргизской кибитки съ рисунками.

Г. Арандаренко.—Между туземцами Степнаго уѣзда (Туркестанскія Вѣдомости 1880 г. №№ 2, 3 и 5).

В. Радловъ.—Средняя Заравшанская долина (Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. По отдѣлу Этнографіи. Т. VI. СПБ. 1880 г.).

Авторъ (на 92 страницахъ) даетъ описаніе горъ и рѣкъ, искусственнаго орошенія, путей сообщенія и т. д. и, наконецъ, народонаселенія и въ томъ числѣ киргизовъ. Эта статья составляетъ одну главу II тома (X.—Das mittlere Serafschan-Thal) его сочиненія „Aus Sibirien". (См. ниже, 1884 годъ).

Туркестанскія Вѣдомости 1880 г. №№ 1, 8, 9, 10 и 12.

В. Наливкинъ.—Очерки земледѣлія въ Наманганскомъ уѣздѣ (Туркестанскія Вѣдомости 1880 г. №№ 11, 13, 15, 18, 19, 24, 25, 27—29).

Матеріалы для статистики населенія Акмолинской области (Акмолинскія Областныя Вѣдомости 1880 г. №№ 14 и 15).

Д. К—ій.— Замѣтка о религіи киргизъ (Акмолинскія Областныя Вѣдомости 1880 г. № 45).

Н. Домоховскій. — Школьная практика въ киргизскомъ аулѣ. (Народная школа. 1881.. № 10).

Авторъ для изученія киргизскаго языка и для сближенія съ киргизами провелъ въ киргизскомъ аулѣ 2 года. Въ его статьѣ есть интересныя указанія на бытъ киргиза.

Народы Россіи.—Т. II, Спб. 1881.

На 60 страницахъ авторъ даетъ описаніе быта киргизовъ: изъ образа жизни, свадебныхъ и похоронныхъ обрядовъ и проч. Статья, повидимому—компиляція. Приложено 6 рисунковъ; часть ихъ взята изъ сочиненія Аткинсона.

В. Наливкинъ.—Киргизы Наманганскаго уѣзда (Туркестанскіе Вѣдомости. 1881. № 20 и 21).

Эта обширная (въ 12 полныхъ столбцевъ) статья посвящена экономическому положенію киргизовъ Наманганскаго уѣзда; хотя эта статья мало содержитъ фактическихъ данныхъ, но за то знакомитъ съ жизнью киргизовъ этого уѣзда.

О переустройствѣ Внутренней киргизской орды. (Новое Время. 1881, № 2044)

Въ этой статьѣ говорится о неправильномъ и неравномѣрномъ надѣлѣ земли во Внутренней ордѣ, благодаря самовольнымъ дѣйствіямъ Джангира, и о проэктѣ переустройства управленія орды.

Г. Потанинъ. — Очерки Сѣверо - Западной Монголіи. 4 выпуска. 1881—1883.

Во второмъ и четвертомъ выпускахъ помѣщены матеріалы этнографическіе и родословная киргизскихъ родовъ. Наиболѣе интересныя обширныя примѣчанія во II вып., посвященныя филологическимъ разсужденіямъ.

La Steppe Kirghize. (Le Globe—journal de la Soc. de Georg. de Genève, 1881. T. IV).

Н. Ядринцевъ. — Инородческое просвѣщеніе на русскомъ востокѣ. (Порядокъ. 1881. № 322).

Авторъ говоритъ, что нами сдѣлано очень мало для просвѣщенія нашихъ восточныхъ инородцевъ, между прочимъ киргизовъ, и ставитъ въ параллель дѣйствіе Англіи въ Индіи.

М. Хорошхинъ.— Военно-статистическій обзоръ казачьихъ войскъ. (Военный Сборникъ. 1881. №№ 5—11).

Здѣсь заключаются свѣдѣнія о казачьихъ войскахъ: Семирѣченскомъ и Сибирскомъ (Акмолинскомъ, Семипалатинскомъ и др.); имѣются также свѣдѣнія о нашемъ сближеніи съ Средней Азіею и въ частности съ киргизами.

Н. Балкашинъ.—Хронологическій указатель важнѣйшихъ событій изъ исторіи Западной Сибири съ 1465 по 1881 г. (Памятная книжка для Западной Сибири на 1881 г.).

Киргизы Зайсанскаго приставства (Сибирская Газета 1881 г. № 31).

Авторъ говорить объ образѣ жизни киргизовъ, домашнемъ и семейномъ битѣ и религіи ихъ.

Павлодарскій уѣздъ Семипалатинской области (Сибирская Газета 1881 № 39).

Говорится о дурномъ хозяйствѣ киргизовъ и ихъ плохомъ экономическомъ положеніи

Ш.—Павлодарскій уѣздъ Семипалатинской обл. (Сибирская Газета 1881 г. №№ 41 и 42).

Говорится объ экономическомъ положеніи киргизовъ.

Н. Пантусовъ.—Свѣдѣнія о Кульджинскомъ районѣ за 1871—1877 годы. Казань 1881.

Въ этомъ трудѣ можно найти весьма много интересныхъ статистическихъ свѣдѣній о жителяхъ Кульджинскаго района, какъ-то: дунганахъ, калмыкахъ, таранчахъ и киргизахъ. Свѣдѣнія собраны изъ оффиціальныхъ источниковъ.

Киргизы и Уральская администрація (Московскій Телеграфъ 1881 г. № 156).

Авторъ статьи говоритъ о голодѣ въ Киргизской степи въ 1879—1880 г., о нераспорядительности администраціи и о раздачѣ казенныхъ пособій. Есть много цыфровыхъ данныхъ.

С.—Похожденія въ Киргизскихъ степяхъ (Свѣтъ въ картинахъ 1881 г. №№ 8 и 9).

Разсказъ о нападеніи въ степи, взятый изъ воспоминаній Г. Басслера,

Памятная книжка Западной Сибири 1881 года. Омскъ. 1881.

Изданіе памятныхъ книжекъ было предпринято въ 1881 году съ цѣлію ознакомленія публики съ Западной Сибирью и замѣнило собой издаваемые раньше Адресъ-Календари. Первая книжка этого изданія заключаетъ въ себѣ кромѣ наименованій административныхъ лицъ, церковныхъ и справочныхъ свѣдѣній и др., весьма цѣнныя статистическія данныя, относящіяся къ населенію края, его образованію, здравію, хлѣбопашеству, огородничеству, промышленности, торговлѣ и многимъ другимъ интереснымъ сторонамъ быта. Кромѣ того помѣщенъ на ста страницахъ интересный и подробный „хронологическій перечень событій, относящихся къ исторіи Западной Сибири съ 1465 по 1881 г.“ Какъ эти историческія, такъ и вышеупомянутыя другія свѣдѣнія, имѣютъ прямое отношеніе къ киргизамъ. Объемъ книжки 390 страницъ.

Б. Даулбаевъ. — Разсказъ о жизни киргизъ Николаевскаго уѣзда Тургайской области (съ 1830 по 1880 г.) (Записки Оренбургскаго Отдѣла И. Русскаго Географическаго Общества. Вып. IV. Оренбургъ. 1881 г.).

На 19 страницахъ помѣщенъ разсказъ о жизни киргизовъ Кипчакскаго поколѣнія: ихъ обычаи, обряды, религіозныя вѣрованія и проч.

Заселеніе киргизскихъ степей. (Восточное Обоз. 1882 г. № 19).

Авторъ этой статьи возражаетъ газетѣ „Новости“ по поводу необходимости заселенія киргизской степи нашими переселенцами и рисуетъ тяжелое экономическое положеніе киргизовъ.

Корреспонденція „изъ Оренбурга“. (Восточное Обозрѣніе. 1882. № 12).

Въ статьѣ говорится о тяжелой зимѣ, объ ея вліяніи на экономическое положеніе киргизовъ и о болѣзняхъ, появившихся среди нихъ

Изъ Ферганы (корреспон.) (Восточ. Обозрѣн. 1882. № 38).

Эта небольшая статья написана по поводу появившейся (въ Туркест. Вѣд. 1881 г. №№ 20 и 21) статьи г. Наливкина о вымираніи киргизовъ Наманганскаго уѣзда.

Объ измѣненіи подсудности киргизовъ Уральск. и Тургайской областей. (Голосъ 1882 № 204).

Краткая замѣтка о причинахъ, почему военный министръ вошелъ съ представленіемъ въ комитетъ министровъ объ изъятіи киргизовъ изъ подсудности военному суду.

Н. И.—Къ характеристикѣ обитателей Киргизской степи (Астраханскій Справочный Листокъ 1882 г. № 128).

Авторъ говоритъ о сплетнѣ, царящей въ Букеевской степи и приносящей много вреда. Статья къ быту киргизовъ отношенія не имѣетъ.

Н. Ивановъ.—Въ защиту киргизовъ - рабочихъ (Астраханскій Справочный Листокъ 1882 г. № 116).

Статья написана въ отвѣтъ на статью казака съ Кольцовской ватаги, помѣщенную въ № 112 Астраханскаго Листка, и касается киргизовъ рабочихъ на Астраханскихъ промыслахъ.

И. Козловъ. — Обзоръ обычнаго права киргизовъ (Памятная книжка Западной Сибири на 1882 г.).

И. К.—Байга у киргизовъ (Сибирская Газета 1882 г. № 13).

Описывается празднество, соединенное съ байгою.

А. Первушинъ.—Податныя тягости у киргизъ (Туркестанскія Вѣдомости 1882 г. № 41).

Лѣсное хозяйство въ Зайсанскомъ приставствѣ (Сибирская Газета 1882 г. № 43).

Говорится о безлѣсьѣ и объ истребленіи остатковъ лѣса.

Стремленіе киргизовъ къ обрусѣнію и средства къ тому (Астраханскія Епархіальныя Вѣдомости 1882 г. № 11).

Статья не соотвѣтствуетъ своему заглавію: приводится мнѣніе одного киргиза о пользѣ русско-татарской газеты, что, въ свою очередь, подтверждаетъ и авторъ статьи. Перепечатано изъ Астраханскаго Справочнаго Листка 1882 г. № 92.

М. Федоровскій.—Къ вопросу о брачномъ правѣ у туземцевъ (Туркестанскія Вѣдомости 1882 г. № 51).

Ишъ-Мухамедъ-Букинъ.—Физическое и умственное воспитаніе у киргизъ. Ташкентъ. 1883. Типогр. Базилевскаго.

Казалинскъ.—(Корреспонденція. Восточное Обозрѣніе. 1883. № 16).

Здѣсь говорится о выборѣ волостныхъ старшинъ и о безпорядкахъ, бывающихъ при этомъ,- приведенъ примѣръ выборовъ 1880 г.

Корреспонденція изъ Оренбурга. (Восточное Обозрѣніе. 1883 № 6).

Авторъ этой статьи приводитъ два примѣра неправильнаго рѣшенія дѣлъ біями.

Отдыхъ киргизовъ послѣ охоты. (Нива. 1883 № 5).

Къ этому краткому описанію охоты у киргизовъ приложенъ изящный рисунокъ Н. Каразина.

О скотоводствѣ у киргизовъ Западной Сибири, составл. по рукоп. записки М. Ч. Чермаковымъ (родомъ киргизъ). (Сельское Хозяйство и Лѣсоводство. Жур. Мин. Госуд. Имущ. 1883. Январь).

Статья говоритъ о породахъ киргизскаго скота, объ уходѣ за нимъ и о продуктахъ, получаемыхъ со скота.

Перовскъ.—(Корреспонденція. Восточное Обозрѣніе. 1883. № 28).

Краткая замѣтка о міровоззрѣніи киргизовъ: о землѣ, солнцѣ, звѣздахъ и пр.

Ф. Синьковскій.—Записки Алтайскаго миссіонера Черно-Ануйскаго Отдѣленія за 1876—1881 г. Москва. 1883.

Авторъ разсказываетъ о своихъ дѣйствіяхъ, въ качествѣ миссіонера, въ Черно-Ануйскомъ миссіонерскомъ отдѣленіи среди калмыковъ и киргизовъ. Описываетъ киргизскія поминки и соединенныя съ ними скачки.

Изъ Харькова въ Киргизскую степь (Южный Край 1883 г. № 967).

Радловъ (W. Radloff).—Ethnographische Uebersicht der Türken-Stämme Sibiriens und der Mongolei. Leipzig. 1883.

Эта небольшая (29 страницъ) брошюра (отдѣльный оттискъ изъ „Vergleichende Grammatik der nördlichen Türksprachen") представляетъ, благодаря массѣ фактовъ, громадный интересъ особенно для лингвиста и этнографа и занимаетъ, на ряду съ сочиненіемъ Вамбери „Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen "(см. ниже), въ классификаціи тюркскихъ племенъ, на основаніи языка, первое мѣсто.

Мацѣевскій и Поярковъ.—Краткія этнографическія замѣтки о туземцахъ бывшаго Кульджинскаго района. Омскъ. 1883.

Въ этой весьма интересной, преимущественно своими антропометрическими данными, книжкѣ описано всего 12 народныхъ группъ, между прочимъ, и киргизы. Относительно киргизовъ авторы описываютъ ихъ жилища, одежду, свадебные обряды, хозяйство, болѣзни и характеръ. Кромѣ того, помѣщены весьма цѣнныя данныя измѣреній 30 взрослыхъ киргизовъ Кульджинскаго района. Эта, весьма полезная своимъ матеріаломъ, книга представляетъ у насъ, въ Москвѣ, рѣдкость и только съ 18 декабря 1890 года, благодаря любезности Д—ра Ѳ. В. Пояркова, имѣется по одному экземпляру въ Библіотекѣ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ и въ Библіотекѣ И. Общества Любителей Естествознанія.

Путешествія Г. С. Карелина по Каспійскому морю (Записки И. Русскаго Географическаго Общества. Т. X. Спб. 1883 г.).

Можно встрѣтить не мало интересныхъ свѣдѣній о киргизахъ.

Ишъ-Мухаммедъ-Букинъ.—Физическое и умственное воспитаніе у киргизовъ (Туркестанскія Вѣдомости. 1883 г. № 17).

Киргизскій судъ и присяга.—(Восточное Обозрѣніе. 1884. № 19).

Авторъ этой статьи говоритъ о недостаткахъ современнаго судоустройства и судопроизводства у киргизовъ и о значеніи присяги у киргизовъ.

В. Даль.—Букей и Мауляна. Соч. Т. VIII. Спб. 1884. Посмертное изданіе.

Въ этой повѣсти талантливо изложены жизнь и бытъ азіатскихъ киргизовъ Малой орды въ 30-хъ годахъ. Эта повѣсть даетъ для знакомства съ киргизами больше, чѣмъ многія спеціальныя статьи и сочиненія; въ ней встрѣчаются указанія на родовое и семейное устройство и на другія стороны быта киргизовъ.

С. Монастырскій.—Иллюстрированный спутникъ по Волгѣ. Казань. 1884.

На 13 страницахъ описывается тутъ Баскунчакъ, Эльтонъ, Чапчачи—дается много цифровыхъ данныхъ; далѣе на 3 страницахъ говорится о киргизахъ Букеевской орды.

И.—Безобразіе въ киргизской степи. (Восточное Обозрѣніе. 1884. № 16).

Говорится о безпорядкахъ при выборахъ въ киргизской степи, собственно о неодобрительныхъ дѣйствіяхъ уѣзднаго начальника М-скаго. На эту статью было возраженіе Маіевскаго.

В. Маіевскій.—Возраженіе на корреспонденцію „Безобразіе въ киргизской степи" (Восточное Обозрѣніе. 1884. № 49).

Авторъ отрицаетъ фактъ, передаваемый авторомъ статьи „Безобразіе въ кир-

степи“ и говоритъ о безпорядкахъ, возникающихъ при выборѣ волостныхъ старшинъ.

Е. Покровскій.—Физическое воспитаніе дѣтей у разныхъ народовъ, преимущественно Россіи. Москва. 1884 г. (Извѣстія Имп. Общ. Любит. Естеств. и Этногр. Т. VII, вып. 1, 2, 3).

Содержитъ описаніе киргизской колыбели, далѣе замѣтку о кормленіи дѣтей у киргизовъ и о лѣченіи дѣтскихъ болѣзней (главы 17, 25 и 26).

Н. Стремоуховъ.—Киргизъ-пѣвецъ. (Киргизская сказка). (Дѣтское чтеніе. 1884 г. № 1).

На 17 страницахъ передаетъ авторъ интересный разсказъ киргиза-старика о сказочномъ киргизскомъ пѣвцѣ, очаровавшемъ своимъ пѣніемъ всѣхъ людей и животныхъ.

Э. Реклю—Россія Европейская и Азіатская. Т. II. Азіатская Россія. Спб. 1884.

Въ VI отдѣлѣ (населеніе Арало-Каспійской покатости) III главѣ (Арало-Каспійская покатость) авторъ даетъ очеркъ быта киргизовъ. Статья представляетъ компиляцію изъ многочисленныхъ авторовъ: Левшина, Григорьева, Загорскаго, Ибрагимова, Вамбери, Радлова, Красовскаго, Тилло, Мейера и др. Приложено нѣсколько интересныхъ рисунковъ.

В. Радловъ (W. Radloff).—Aus Sibirien. Leipzig. 1884.

Сочиненіе это состоитъ изъ двухъ томовъ. Въ концѣ перваго удѣлено двѣ главы киргизамъ и кара-киргизамъ. Останавливаясь кратко (8 страницъ) на послѣднихъ, авторъ рисуетъ жизнь киргизъ-кайсаковъ на 100 страницахъ слишкомъ. Онъ говоритъ объ ихъ типѣ, одеждѣ, обрядахъ, суевѣріяхъ, гаданьяхъ, пѣснѣ, образѣ жизни и проч.; пишетъ также о хлѣбопашествѣ и скотоводствѣ. Это сочиненіе среди литературы о киргизахъ занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ.

Судьба киргизскихъ интернатовъ (Сибирская Газета 1884 г. № 47).

Авторъ статьи говоритъ о неудовлетворительномъ состояніи интернатовъ и привѣтствуетъ предлагаемыя земледѣльческія колоніи.

Е. Александровъ.—Пути кочевокъ киргизъ Малой орды (Туркестанскія Вѣдомости 1884 г. № 51).

Говорится о кочеваніи киргизовъ Перовскаго и Казалинскаго уѣздовъ.

Записки миссіонера киргизской миссіи, священника Филарета Синьковскаго (Томскія Епархіальныя Вѣдомости 1884 г. №№ 7, 8, 11 и 12).

Мартенъ (M. Vivien de Saint-Martin).—Nouveau Dictionnaire de Géographie Universelle.—26 Fascicule. Paris. 1885.

На 9 мелкопечатныхъ столбцахъ помѣщены довольно полныя свѣдѣнія о киргизахъ и кара-киргизахъ: описаніе страны, климатъ, исторія трехъ ордъ, типъ, языкъ, обычаи и народонаселеніе.

Вопросъ о заселеніи степи. (Восточное Обозрѣніе. 1885. № 40).

М. Готовицкій.—Окончаніе дѣлъ полюбовнымъ по киргизскому обычному праву. (Юридическій Вѣстникъ. 1885. № 5).

Авторъ на двухъ страницахъ говоритъ о выработавшемся въ обычномъ правѣ киргизовъ обычаѣ рѣшеній, въ извѣстныхъ случаяхъ, дѣлъ полюбовно.

М. Готовицкій. Значеніе обряда присяги у киргизъ. (Юридическій Вѣстникъ. 1885. № 5).

Авторъ пишетъ о высокомъ значеніи присяги у киргизовъ и объ обрядѣ ея.

Н. Зеландъ.—Киргизы. Этнологическій очеркъ. (Записки Западно-Сибирскаго отдѣла Император. Русск. Географич. Общества. Кн. VII; вып. II. 1885).

Эта статья заключаетъ въ себѣ: описаніе природы страны зауральскихъ киргизовъ, климата ея; административное устройство, образъ жизни, питаніе, экономическій бытъ, промыслы, одежду, семейное устройство, общественная и умственная жизнь; физическій типъ; результаты антропологическихъ работъ. Авторомъ измѣрено всего 40 кара-киргизовъ Семирѣченской области, 10 киргизъ-кайсаковъ, 10 кара-киргизокъ и 10 киргизъ-кайсачекъ. Приложены таблицы измѣреній.—Переводъ этой статьи помѣщенъ въ Revue d'anthropologie S. III. T. I.—1886. Paris. Въ № 17 Восточнаго Обозрѣнія за 1885 годъ передавалось кратко содержаніе работы Зеланда, когда она была еще въ рукописи.

Киргизы Акмолинской области (Правительственный Вѣстникъ. 1885. №№ 8, 9 и 13).

Авторъ говоритъ объ измѣненіяхъ, замѣчаемыхъ въ киргизскомъ народѣ со времени подчиненія ихъ Россіи. По его мнѣнію, киргизы сильно измѣнились въ образѣ жизни, религіозности, мало—въ отношеніи земледѣлія и почти не измѣнились въ семейномъ быту. Затѣмъ сдѣланъ очеркъ русскихъ школъ для киргизовъ и преподаванія въ нихъ.

А. Каличеръ—Киргизскій способъ приготовленія лошадей къ скачкамъ во Внутренней киргизской ордѣ. (Журналъ Коннозаводства. 1885. № 3).

Авторъ на 8 страницахъ пишетъ о физическихъ качествахъ, которыми должна обладать годная для скачки лошадь, и о способѣ выдерживанія лошади передъ скачкой.

Мозеръ (H. Moser).—A travers l'Asie Centrale. Paris. 1885.

Въ этомъ обширномъ (458 страницъ) и интересно написанномъ сочиненіи одна глава (II) спеціально посвящена киргизской степи и ея обитателямъ (40 страницъ съ рисунками). Тутъ въ привлекательной формѣ изложены многія стороны быта киргизовъ. Переводъ и извлеченіе изъ этой главы помѣщены Вѣрою Васильевною Тимощукъ въ Русской Старинѣ 1885 г. T. LVII подъ заглавіемъ „Страны Средней Азіи".

Н. Ядринцевъ—Древній Усуньскій городъ на берегу озера Иссыкъ-Куля. (Восточное Обозрѣніе. 1885. № 3).

Авторъ пишетъ объ остаткахъ древняго города на берегу Иссыкъ-Куля и о вещахъ, найденныхъ тамъ въ разное время.

Лансдель (H. Lansdell).—Russisch Central Asien (Deutsche Ausgabe bearbeitet d. H. v. Wobeser). B. II, und. III. Leipzig, 1885.

19 и 20 главы I тома, а также 21 глава втораго тома посвящены киргизамъ. Описаніе касается: исторіи, религіи, семейнаго быта, обрядовъ, пѣсни, суда, одежды, питанія, болѣзней кочевника, типа его, земледѣлія и скотоводства. Въ этомъ сочиненіи находятся разбросанныя бытовыя картины. Есть рисунки: типъ киргиза и сцены изъ быта.

П. Р.—Образцы киргизской поэзіи въ пѣсняхъ эпическаго и лирическаго содержанія. Оренбургъ. 1885.

Приведено всего 16 пѣсенъ, переведенныхъ на русскій языкъ и переложенныхъ въ стихи. Въ этихъ пѣсняхъ ярко рисуются отношенія между молодыми людьми обоего пола, нѣкоторыя вѣрованія, преданія и обряды. Одна изъ пѣсенъ (XVI) представляетъ интересный эпосъ о Кенисарѣ.

* **В. Радловъ**.—Образцы литературы сѣверныхъ Тюркскихъ племенъ. Ч. V. Нарѣчіе дикокаменныхъ киргизовъ. Спб. 1885.

Авторъ въ предисловіи говоритъ о каракиргизахъ, не входя въ подробности описанія ихъ и отсылая читателя къ своему сочиненію „Aus Sibirien. Leipzig. 1884"; за то даетъ интересный очеркъ краснорѣчія и пѣсни киргизовъ. Онъ сравниваетъ поэзію киргизъ-кайсаковъ (лирическая) съ поэзіею каракиргизовъ (эпическая): даетъ характеристику эпоса послѣднихъ, сравниваетъ эпосъ ихъ съ греческимъ и финскимъ (Калевала) и приводитъ (на 600 страницахъ образцы

литературы кара-киргизовъ. Существуетъ и нѣмецкое изданіе этого сочиненія Proben d. Volkslitteratur d. Nördlichen Türkischen Stämme. 1885.

Яр.—Къ исторіи откочевокъ киргизовъ. Восточное Обозрѣніе. 1885. № 3).

Авторъ говоритъ объ уходѣ киргизовъ съ нашей территоріи за китайскую границу и о причинахъ этого движенія.

Ш.—Киргизское обѣдненіе (Восточное Обозрѣніе. 1885. №№ 6, 9 и 12).

Авторъ говоритъ о появившихся на рынкахъ серебряныхъ украшеніяхъ киргизовъ и о маломъ количествѣ скота у киргизовъ Павлодарскаго уѣзда.

Александровъ.—Изъ жизни степныхъ уѣздовъ (Туркестанскія Вѣдомости 1885 г. № 17).

Н. Емельяновъ.—Матеріалы для статистики Туркестанскаго края (Туркестанскія Вѣдомости 1885 г. № 30).

Изъ Киргизскихъ сказаній (Сибирская Газета 1885 г. № 19).

Сказаніе объ основаніи Баянъ-аула (Семипалатинской обл.).

Вамбери (H. Vámbéry)—Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen. Leipzig. 1885.

Въ этомъ сочиненіи авторъ удѣляетъ двѣ главы киргизамъ и кара-киргизамъ, гдѣ онъ говоритъ о ихъ происхожденіи, языкѣ, обычаяхъ, обрядахъ, образѣ жизни, пѣснѣ и т. д. Среди сочиненій о киргизахъ, эти главы должны быть поставлены въ первомъ ряду по полнотѣ и освѣщенію фактовъ, которые даетъ авторъ.

А. Никольскій.—Путешествіе на озеро Балхашъ и въ Семирѣченскую область (Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла И. Русск. Географическаго Общества. Кн. VII, в. I. Омскъ. 1885 г.).

Въ привлекательной формѣ изложено путешествіе вдоль береговъ Балхаша и по рѣкѣ Или. Авторъ передаетъ много интересныхъ геологическихъ, біологическихъ и метеорологическихъ наблюденій. Слѣдуетъ отмѣтить главу IV „звѣроловство и рыболовство“ и приложеніе, заключающее въ себѣ киргизскія названія многихъ животныхъ и растеній. Есть также указанія на жизнь и бытъ киргизовъ (особенно въ главѣ V), небезынтересныя для знакомства съ ними. Все на 93 страницахъ.

Г. Катанаевъ.—О поступательномъ движеніи киргизовъ Средней орды къ границамъ Западной Сибири (Акмолинскія Областныя Вѣдомости. 1885 г. № 14.

А. Дѣтковъ.—Киргизскія нужды (Туркестанскія Вѣдомости. 1885 г. № 14).

Въ плѣну у киргизовъ. Разсказъ казака. (Восточное Обозрѣніе 1886. № 36).

Небезынтересный разсказъ казака о его плѣнѣ у киргизовъ, въ которомъ рисуется отношеніе киргизовъ къ своимъ врагамъ

Корреспонденція съ Зайсанскаго поста. (Восточное Обозрѣніе. 1886 № 3).

Маленькая замѣтка объ ухудшающимся экономическомъ положеніи киргизовъ.

Н. Я.—Кочевой бытъ и изслѣдованія въ степяхъ. (Восточное Обозрѣніе 1886 № 12).

Статья написана по поводу доклада г. Шестакова въ Западно-Сибир. отд. Им. Русск. Географ. Об. объ изученіи киргизскаго быта.

Матеріалы для изученія юридическихъ обычаевъ киргизовъ. Вып. I. Семипалатинскій Областн. Статистич. Комитетъ). Омскъ. 1886.

Составлены П. Е. Маковецкимъ по отвѣтамъ, присланнымъ изъ Семипалатинскаго, Павлодарскаго и Каркалинскаго уѣздовъ, на програмы, разосланныя уѣзднымъ начальникомъ въ 1882 г. генералъ-губернаторомъ Западной Сибири. Эти матеріалы заключаютъ въ себѣ: I. семейное право (бракъ, заключеніе его, обрядъ сватовства и свадьбы, прекращеніе брака, отношеніе между членами семьи, опеки и попечительства). II. имущественное право (захватъ, владѣніе, договоры, личный наемъ). III уголовное право (преступленіе и наказаніе вообще, преступленія религіозныя, преступленія противъ личности, нарушеніе правъ семейственныхъ, преступленія имущественныя).

Н. Остроумовъ.—Геоорафія Тукестанскаго края. СПБ. 1886.

Краткій очеркъ (66 страницъ) географіи страны, весьма полезный, впрочемъ, при первоначальномъ изученіи края. Среди краткаго описанія инородцевъ помѣщены и киргизы.

М. Шестаковъ. — Религія и легенды, похороны и рожденіе у киргизовъ (Записки Западно Сибирскаго Отдѣла И. Русскаго Географическаго Общества. Кн. VIII, в. I. Протоколы, стр. 29. Омскъ. 1886 г.).

Г. Катанаевъ.—О поступательномъ движеніи киргизовъ Средней орды къ границамъ Западной Сибири (Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла И. Русскаго Географическаго Общества Протоколы стр. 32, Омскъ. 1886 г.).

Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла И, и Русскаго Географическаго Общества. Кн. VIII, вып. 1. Омскъ. 1886

Въ протоколахъ (на стр. 15) значится, что Г. Н. Потанинымъ были доставлены въ Общество (по догадкамъ, принадлежащіе Ч. Валиханову) двѣ статьи: „Вооруженіе киргизовъ въ древнія времена" и „Слѣды шаманства у киргизовъ". Эти статьи, вѣроятно находятся въ архивѣ Общества и мы отмѣчаемъ ихъ здѣсь въ виду большаго интереса, который онѣ (особенно послѣдняя статья), представляютъ.

Восточное Обозрѣніе. 1886 годъ №№ 5, 9, 12, 33, 36 и 38-й.

Джайкяу.—Сибирская газета 1886 г. № 51.

О лѣтней стоянкѣ киргизовъ.

Петри (Petri)—Rechtsbegriffe der Kirgisen (Ausland. 1886. № 4).

Корреспонденція изъ с. Озерно-Кузнецовскаго (Сибирская Газета. 1886 г. № 30).

Объ отношеніяхъ киргизовъ къ земскимъ засѣдателямъ.

Н. Каразинъ.—Отъ Оренбурга до Ташкента. Путевой очеркъ. СПБ. (Безплатное приложеніе къ „Всемірной Иллюстраціи").

Рисуются, между прочимъ, сценки изъ быта киргизовъ. Изданіе украшено прекрасными рисунками, дающими вѣрое понятіе о внѣшнемъ бытѣ киргизовъ.

Синьковскій (миссіонеръ).—Киргизская байга (Сибирская Газета. 1886 г. № 21).

На четырехъ столбцахъ живо рисуется толпа киргизовъ, собравшихся на байгу, которая, впрочемъ, не состоялась. Статья даетъ небезынтересную картину жизни киргизовъ.

Экономическое положеніе Киргизской степи (Сибирская Газета 1886 г. № 21).

Эта статья имѣетъ лишь косвенное отношеніе къ киргизамъ. Говорится объ упадкѣ производства и обнищанія киргизовъ.

Памятная книжка Астраханской губерніи на 1886 годъ (Изданіе Губернскаго Статистическаго Комитета. Годъ 3-й. Астрахань. 1886 г.).

Въ этой книжкѣ на четырехъ страницахъ помѣщены небезинтересныя свѣдѣнія „о главнѣйшихъ соленыхъ озерахъ и копяхъ въ Астраханской губ.“ и краткія свѣдѣнія о скотѣ у киргизовъ Внутренней орды. Между прочимъ, авторъ указываетъ на сильное уменьшеніе киргизовъ—букеевцевъ.

Е. Малаховъ.—Могилы Семипалатинской области (Протоколы засѣданій Антропологическаго Отдѣла съ 1881—1886 г. Извѣстія И. Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, т. XLIX (в. 3.) Труды Антропологическаго Отдѣла, т. IX, в. 1, стр. 24. 1886 г.).

Помѣщено описаніе нѣсколькихъ могилъ, раскопанныхъ въ Семипалатинской области. Рисунки см. Приложеніе т. IX, в. 3. 1890 г.

Л. Шестаковъ. — Статистика движенія киргизскаго населенія (Сибирская Газета. 1886 г. № 49)

См. отчетъ о засѣданіи Западно-Сибирскаго Отдѣла И. Русскаго Географическаго Общества.

Конпекты. — Сибирская Газета. 1886 г. № 45).

Корреспонденція о барантѣ у киргизовъ. Краткая замѣтка о нѣсколькихъ случаяхъ баранты Посѣщеніе киргизской миссіи Степнымъ Генералъ-Губернаторомъ.

Александровъ.—Конокрадство въ средѣ киргизъ (Тукестанскія Вѣдомости. 1886 г. № 10).

Роскошный (Dr. Herman Roskoschny) — Die Wolga. Leipzig, 1887.

На 5 страницахъ краткія свѣдѣнія о киргизахъ Букеевской орды.

Д. Семеновъ.—Отечествовѣдѣніе. Т. VI. Тукестанскій край (учебное пособіе для учащихся). М. 1887.

Въ XII главѣ говорится о киргизахъ; о происхожденіи ихъ; даются краткія свѣдѣнія объ исторіи, о раздѣленіи на орды, объ языкѣ, религіи, о кочевомъ бытѣ, кибиткѣ, аулахъ, рукодѣльѣ, охотѣ, земледѣліи и скотѣ, о семейномъ бытѣ. Эта глава представляетъ компиляцію изъ соч. Ханыкова (образъ жизни киргизовъ) и Гр. Сиверса ((семейный бытъ).

А. Ивановскій.—Поѣздка къ киргизамъ на озеро Наръ-Зайсанъ. (Русскія Вѣдомости. 1887. № 328).

Въ легкой формѣ описаны нѣкоторыя стороны быта киргизовъ. Говорится о джигитовкѣ, о бѣгѣ въ мѣшкахъ; послѣднее указываетъ, что игры азіатскихъ киргизовъ, столь многочисленныя, еще не совсѣмъ утратились. Далѣе описывается оригинальная охота на кабана и интересная охота съ мячикомъ на медвѣдя, наконецъ говорится о сватовствѣ у киргизовъ. Всего 14 фельетонныхъ столбцевъ.

И. Ивановъ.—Краткія свѣдѣнія о ярмаркѣ во Внутренней киргизской ордѣ (Памятная книжка Астраханской губ. 1887 г. Изданіе Губернскаго Статистическаго Комитета. Годъ 4-й. Астрахань. 1887 г.).

На семи страницахъ помѣщены краткія но интересныя свѣдѣнія и статистическія данныя съ историческимъ введеніемъ о ярмаркѣ.

Киргизскіе гимназисты-пансіонеры (Сибирская Газета. 1887 г. № 1).

Говорится о вновь учрежденной квартирѣ для гимназистовъ—киргизовъ.

Сибирская Газета. 1887 г. № 13.

Передовая статья посвящена вопросу о киргизахъ-бѣднякахъ (джатакахъ); здѣсь говорится объ ихъ бѣдственномъ положеніи и о мѣрахъ, могущихъ вывести ихъ изъ этого положенія.

Корреспонденція изъ Акмолинска (Восточное Обозрѣніе. 1887 г. № 8).

О киргизскомъ самоуправленіи.

Восточное Обозрѣніе. 1887 г. №№ 18 и 50.

Шантръ (E. Chantre)—Recherches antropologiques dans le Caucase T. IV. Paris. 1887.

Останавливаясь на цѣломъ рядѣ народностей, авторъ даетъ на стр. 242 краткую замѣтку о Букеевской степи, а на стр. 250, ссылаясь на Н. Зеланда, упоминаетъ о головномъ указателѣ киргизовъ.

Протоколы Общаго Собранія Семипалатинскаго Областнаго Комитета (Засѣданіе 7 ноября 1887 г.).

Помѣщена статья П. Маковецкаго о киргизахъ-джатакахъ.

А. Вилькинсъ.—Антропологическія темы въ Средней Азіи (Протоколы засѣданій Антропологическаго Отдѣла съ 1881—1886 г. Извѣстія И. Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. Т. XLIX (в. 5). Труды Антропологическаго Отдѣла т. IX, в. 4, стр. 326. 1887).

Авторъ на стр. 329 говоритъ, между прочимъ, и о физическомъ типѣ киргизовъ.

И. Козловъ.—Памятная книжка Акмолинской Области на 1887 годъ. Омскъ. 1887.

Содержитъ, главнымъ образомъ, списки лицъ, служащихъ въ Акмолинской области по вѣдомствамъ: гражданскому, военному, казачьему и духовному. Затѣмъ въ этой же книжкѣ помѣщены на 46 страницахъ интересныя географическія и статистическія свѣдѣнія.

В. Миллеръ.—Систематическое описаніе коллекцій Дашковскаго Этнографическаго Музея. Вып. I. Москва. 1887.

Въ этой, высшей степени полезной и цѣнной книгѣ, удѣлено мѣсто и киргизамъ. Помѣщена замѣтка о мѣстѣ жительства отдѣльныхъ ордъ, описаніе одежды киргизовъ, перечень предметовъ, относящихся къ быту киргизовъ и имѣющихся въ Музеѣ, и библіографическій указатель—все на 13 страницахъ.

О джатачествѣ въ Киргизской степи (Сибирская Газета. 1887 г. № 13. Передовая статья).

На трехъ столбцахъ говорится о киргизахъ—бѣднякахъ (джатакахъ), о причинахъ обѣдненія и о мѣрахъ облегченія положенія ихъ.

Н. Веселовскій.—В. В. Григорьевъ по его письмамъ и трудамъ 1816—1881 г. Съ приложеніемъ портрета и факсимиле. Спб. 1887.

Уже сама біографія человѣка, потрудившагося такъ много по изученію нашего Востока и, въ частности, Киргизской степи, должна быть упомянута въ нашемъ библіографическомъ указателѣ; кромѣ того должно отмѣтить тѣ разбросанныя свѣдѣнія, встрѣчающіяся въ этой книгѣ и особенно „приложенія", заключающія въ высшей степени интересныя статьи В. В. Григорьева о киргизахъ, касающіяся, преимущественно, экономическаго и политическаго положенія киргизовъ.

Е. Смирновъ.—Сыръ-Дарьинская область. Описаніе составлено по оффиціальнымъ источникамъ. Спб. 1887.

Это сочиненіе въ 355 страницъ даетъ очень много интересныхъ свѣдѣній. Изъ всѣхъ главъ слѣдуетъ отмѣтить главу III „Народонаселеніе", въ которой, между прочимъ, говорится о киргизахъ и кара-киргизахъ, а также № 3-й приложенія, гдѣ перечисляются рода киргизовъ и кара-киргизовъ.

Брокгаусъ (Brockhaus) Conversations-Lexikon. XIII Auflage. Leipzig, 1882—1887.

Помѣщены статьи подъ различными литерами, какъ географическаго, такъ и этнографическаго содержанія, имѣющія отношеніе къ киргизамъ и Киргизской степи.

Грамотный киргизъ. — Киргизъ о „Киргизской газетѣ" (Сибирская газета. 1888 г. № 25).

Авторъ говоритъ о недостаткахъ предпринятаго изданія и дѣлаетъ, съ своей стороны, указанія на тѣ отдѣлы, которые могли бы быть интересны въ Киргизской Газетѣ.

А. Ивановскій. — Киргизская байга. (Русскія Вѣдомости. 1888. № 187).

Эта статья того же автора, что помѣщенная въ № 328 1887 г., живо рисуетъ бытъ Зауральскихъ киргизовъ и отчасти ихъ характеръ. Въ концѣ статьи говорится о современной барантѣ у киргизовъ.

Намъ удалось узнать, что авторъ этой статьи, самъ мѣстный житель, знакомый съ киргизскимъ языкомъ, обладаетъ интереснымъ этнографическимъ матеріаломъ, который и готовитъ къ печати. Кромѣ того, г. Ивановскій занимается и антропологіею киргизовъ и для пополненія своего матеріала лѣтомъ 1889 года предпринялъ снова поѣздку на родину.

А. Харузинъ.—Степные очерки (Киргизская Букеевская орда). Москва. 1888.

„Странички изъ записной книги". Авторъ даетъ кратко исторію Букеевской орды, описаніе Ханской Ставки (столицы орды) описаніе природы Букеевской орды; рисуетъ бытъ букеевскихъ киргизовъ. Къ книгѣ приложено 13 фототипныхъ таблицъ: 5 типовъ киргизовъ, 3 типа киргизокъ, виды и сцены.

I. Желѣзновъ.—Уральцы. (Очерки быта уральскихъ казаковъ. Т. I, II и III. Изд. 2-е; посмертное) Спб. 1888 г.

Не могу обойти молчаніемъ это сочиненіе, посвященное очеркамъ быта уральскихъ казаковъ, на томъ основаніи что именно эти казаки находились въ постоянной борьбѣ съ киргизами и, именно, они въ постепенной неотступной борьбѣ привели киргизовъ къ нашему подданству, первые познакомили киргиза съ русскимъ человѣкомъ и до сихъ поръ продолжаютъ оказывать большое вліяніе въ смыслѣ руссификаціи киргиза. I. И. Желѣзновъ въ цѣломъ рядѣ привлекательныхъ разсказовъ рисуетъ борьбу казаковъ со степными инородцами. Содержаніе трехъ томовъ слѣдующее: картины казацкой жизни, сайгачники, картины оханнаго рыболовства, башкирцы, Маринкинъ городокъ, отчего сайгаки покинули Уралъ, мысли казака о казачествѣ, критическія и другія мелкія статьи, преданія и пѣсни Уральскихъ казаковъ, преданія о Пугачевѣ, сказанія Уральскихъ казаковъ. Кромѣ того во II томѣ помѣщена статья „киргизоманія"—возраженіе на статью Небольсина: „Путешествующіе киргизы" (Рус. Вѣстникъ). Статья „киргизоманія" была уже напечатана въ Русск. Вѣстн. Здѣсь она перепечатана и дополнена „дополнительной замѣткой къ статьѣ: Киргизоманія" Въ этой „замѣткѣ" помѣщено письмо киргиза Внутренней орды Исенбаева къ атаману Уральскихъ казаковъ, по поводу пожертвованныхъ имъ 1000 руб., и просьба о перегонѣ скота на Уральскую землю.

М. Миропіевъ.—Демонологическіе разсказы киргизовъ. (Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Отдѣлу Этнографіи. Т. X. Вып. II--1888).

Статья состоитъ изъ 26 разсказовъ, заключающихъ языческія повѣрья киргизовъ. Эти разсказы представляютъ особенный интересъ, такъ какъ въ литературѣ языческія вѣрованія киргизовъ затронуты весьма мало.

П. А.—Киргизская степь въ хозяйственномъ отношеніи. (Экономическій журналъ. 1888. № 8 [августъ]).

Эта интересная статья (25 страницъ) посвящена спеціально экономическому положенію азіатскихъ киргизовъ. Авторъ сначала говоритъ о природныхъ богатствахъ края; затѣмъ ссылается на разныя статьи, посвященныя этому вопросу, наконецъ, и самъ дополняетъ свѣдѣнія о тяжеломъ экономическомъ положеніи киргизовъ, выставляя причины обѣдненія и тяжелаго положенія.

Киргизская Газета (Восточное Обозрѣніе. 1888 г. № 7-й).

Статья касается „особаго прибавленія къ Акмолинскимъ областнымъ Вѣдомостямъ“ и разбираетъ первые нумера.

Отчетъ объ алтайской и киргизской миссіяхъ за 1887 г. Томскъ 1888.

Отчетъ касается преимущественно дѣятельности алтайской миссіи. Въ отчетѣ собственно киргизской миссіи мы усматриваемъ, что распространеніе христіанства среди киргизовъ пользуется относительно меньшимъ успѣхомъ.

Основанія брака и свадебные обычаи у киргизовъ (Оренбургскій Листокъ. 1888 г. № 11).

Авторъ говоритъ сперва о родствѣ и о степеняхъ его, воспрещающихъ вступить въ бракъ, потомъ о совершеннолѣтіи, о калымѣ и о свадебныхъ обрядахъ. Статья не окончена и продолжается въ послѣдующихъ нумерахъ, которыхъ намъ не удалось получить.

Eine Verlobung bei den Kirgisen (Ausl nd 1888. № 36).

З. Пенкина.—Закаспійскій край 1865—1885 г. Систематическій сборникъ библіогр. указаній книгъ и статей о Западномъ краѣ и сопредѣльныхъ странахъ. Спб. 1888.

Отдѣлъ II („Киргизы и Киргизская степь“) заключаетъ въ себѣ библіографическій указатель относящихся къ Киргизской степи статей; онъ цѣненъ въ томъ отношеніи, что заключаетъ въ себѣ попреимуществу статьи, помѣщенныя въ мѣстныхъ газетахъ и журналахъ.

Рацель (Dr. Fr. Ratzel)—Völkerkunde B. III. Die Kulturvölker der Alten und Neuen Welt. Leipzig, 1888.

Въ главѣ XVII, гдѣ авторъ говоритъ о монголахъ и тюркахъ, есть отрывочныя данныя о киргизахъ и кара-киргизахъ, причемъ эти двѣ народности сопоставлены съ другими тюркскими племенами (факты взяты преимущественно у Вамбери). Слѣдуетъ отмѣтить раскрашенную таблицу (помѣщенную послѣ 368 стр.), на которой изображены образцы киргизскаго орнамента.

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ **въ его письмахъ Ч. I. т. I.** 1839—1848 **г. Москва** 1888.

Въ письмѣ отъ 17 іюня 1844 г. изъ Астрахани (стр. 154), а также въ письмѣ отъ 22 іюля (стр. 177) того же года И. С. Аксаковъ описываетъ хана Джангира: его внѣшность, одежду и его внутреннюю политику.

Е. Безе.—Путеводитель по средней Азіи. Москва. 1888.

На страницахъ 59 и 60 помѣщена краткая замѣтка о киргизахъ. Не отрицая общей пользы этого путеводителя, нельзя не отмѣтить оригинальнаго смѣшенія киргизовъ съ сартами.

Астрахань.—Новое Время 18-го апрѣля 1889 г. (№ 4717).

Въ этой статьѣ говорится о дурномъ положеніи врачебной части въ киргизской Букеевской степи. Авторъ пишетъ о недостаткѣ количества врачей, объ отсутствіи больницъ, о сильномъ распространеніи сифилиса, о распространеніи этой болѣзни, благодаря ярмаркамъ и объ уходѣ за родильницею. Какъ не печально, но приходится сознаться, что все, что сказано въ этой статьѣ, дѣйствительно истина.

В. Радловъ.—Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій. СПБ 1888—1889.

Это полезное изданіе выходитъ выпусками и заключаетъ, между прочимъ, и киргизское нарѣчіе. Въ первомъ выпускѣ помѣщено интересное введеніе.

Н. Катоновъ.—Алфавитный указатель собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ I и II томѣ „Образцовъ народной литературы тюркскихъ племенъ“, собранныхъ В. В. Радловымъ. СПБ. 1888.

Отчетъ объ алтайской и киргизской миссіяхъ Томской епархіи за 1888 годъ. Томскъ 1889.

Отчетный годъ отмѣчается, какъ весьма плодотворный. Слѣдуетъ отмѣтить записку киргизскаго миссіонера, о. Ф. Синьковскаго за 1888 годъ. Здѣсь можно найти много весьма интересныхъ свѣдѣній по распространенію православія среди киргизовъ, о продѣлкахъ татарскихъ муллъ и мусульманствѣ у киргизовъ.

А. Ивановскій.—Киргизскій народный поэтъ—пѣвецъ Ногойбай (Этнографическое Обозрѣніе. Кн. III. Москва. 1889).

Въ небольшой статьѣ (10 страницъ) авторъ очень живо обрисовываетъ характеръ знаменитаго киргизскаго пѣвца и этимъ проливаетъ свѣтъ на киргизскихъ пѣвцовъ—импровизаторовъ, на характеръ киргизской поэзіи и на почетъ, которымъ пользуются пѣвцы. Авторъ говоритъ и о джатакахъ (бѣднякахъ).

Киргизскія и сартовскія пѣсни (Этнографическое Обозрѣніе кн. III. М. 1889; см. также кн. IV, стр. 265, поправки. М. 1890).

Сартовскихъ пѣсенъ только двѣ (съ нотами) — онѣ записаны Р. Пфеннигомъ, авторомъ статьи „о киргизскихъ и сартовскихъ пѣсняхъ" (см. ниже). Киргизскихъ же пѣсенъ 16-ть, изъ нихъ восемь записаны Р. Пфеннигомъ и къ нимъ приложены ноты, остальныя же 8-мь записаны А. А. Ивановскимъ. Эти пѣсни служатъ живымъ дополненіемъ слѣдующихъ за симъ двухъ статей.

Р. Пфеннигъ.—О киргизскихъ и сартовскихъ пѣсняхъ (Этнографическое Обозрѣніе кн. III. М. 1889).

Эта присланная на Антропологическую Выставку 1879 года статья на нѣмецкомъ языкѣ была переведена на русскій М. Н. Харузинымъ и напечатана въ „Этнографическомъ Обозрѣніи". Авторъ говоритъ о тѣсной связи пѣсни у киргизовъ съ жизнью этого кочеваго народа, проводитъ параллель между киргизскою и сартовскою пѣснями и останавливается преимущественно на музыкальной и тональной сторонѣ пѣсни и этимъ оттѣняетъ ту сторону, которая еще никѣмъ не была затронута.

М. Готовицкій.—О характерѣ киргизской пѣсни (Этнографическое Обозрѣніе кн. III. М. 1889).

Авторъ отмѣчаетъ интересныя стороны, подмѣченныя имъ въ киргизской пѣснѣ, говоритъ о существующей у киргизовъ эпической, лирической и драматической поэзіи, сравниваетъ киргизскую пѣсню съ сартовской и указываетъ на сходство первой съ арабской. Статья представляетъ живой интересъ для всѣхъ, занимающихся киргизской поэзіею.

О. Ш. Отъ Орска до Казалинска. Изъ воспоминаній случайнаго туриста (Туркестанскія Вѣдомости. 1889 г. №№ 33, 36, 42 и 43).

Авторъ, описывая на 14-ти столбцахъ свои путевыя впечатлѣнія, говоритъ подробно объ устройствѣ кибитки и зимовки киргизовъ, пищѣ и положеніи женщины. Авторъ совершилъ свою поѣздку зимой и знакомитъ читателя съ интересными сторонами жизни киргизовъ въ это время года.

Акырпыкъ—Кокэрэ.—Изъ охотничьихъ замѣтокъ (Сибирскій Вѣстникъ. 1889 г. № 122).

Авторъ разсказываетъ объ игрѣ „Кокэрэ" у киргизовъ, которой онъ былъ очевидцемъ.

А. Леонтьевъ. — Русская колонизація въ степяхъ Средней Азіи (Сѣверный Вѣстникъ. 1889 г. № 8. Областной Отдѣлъ).

Авторъ говоритъ объ эксплуатаціи киргизовъ казаками и объ ухудшеніи экономическаго положенія киргизовъ.

Тюрки въ этнологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ (Особое прибавленіе къ Акмолинскимъ Обл. Вѣд. 1889 г. № 36—48 и дальше).

Представляетъ переводъ съ нѣмецкаго сочиненія Вамбери (см. годъ 1885).

С. Ивановскій, миссіонеръ священникъ. — Изъ путевыхъ замѣтокъ миссіонера (Сибирскій Вѣстникъ. 1889 г. №№ 9 и 10).

Въ 10 нумерѣ названной газеты авторъ описываетъ свое пребываніе въ киргизскомъ аулѣ, угощеніе и пріемъ у киргизовъ и свадебный обрядъ, разсказанный ему киргизомъ (всего 5-ть фельетонныхъ столбцовъ).

Киргизская легенда (Уральскія Войсковыя Вѣдомости 1889 г. № 18).

Передается киргизская легенда о томъ, почему первый годъ 12-ти лѣтней эры называется именемъ мыши. Къ сожалѣнію, легенда не передаетъ, почему именно, по мнѣнію киргизовъ, года названы именами тѣхъ, а не другихъ животныхъ. Перепечатано изъ прибавленія къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ.

А. Б. — Киргизскіе обычаи (Новое Время. 1889 г. 18 октября, № 4899).

Эта статья написана по поводу книги Н. И. Гродекова: „Киргизы и кара-киргизы Сыръ-Дарьинской области" и заключаетъ рецензію на этотъ трудъ и извлеченія, какъ-то: о происхожденіи киргизовъ, о свадебныхъ Обрядахъ, поговорки и т. д. (На 5 фельетонныхъ столбцахъ).

Памятная книжка Астраханской губерніи на 1890 годъ. Астрахань. 1889 г.

Помѣщены, между прочимъ, свѣдѣнія о количествѣ народонаселенія въ Букеевской ордѣ.

В. Верещагинъ. — Китайская граница. Набѣгъ (Русская Старина. 1889 г. Октябрь)

На двадцати пяти страницахъ помѣщенъ живо написанный разсказъ о нападеніи нашего отряда на таранчей и киргизовъ на китайской границѣ. Художникъ былъ самъ участникомъ этого набѣга и его разсказъ небезынтересенъ для знакомства съ далекой окраиной, гдѣ, между прочими народностями, кочуютъ и киргизы.

Русскія Вѣдомости. 1889 г. № 274, 4 октября.

Въ этомъ нумерѣ помѣщена слѣдующая замѣтка: „Акмолинскія Областныя Вѣдомости сообщаютъ, что между бумагами, оставшимися послѣ покойнаго знаменитаго натуралиста доктора Альфреда Брэма, найдены записки о семейной и общественной жизни киргизовъ. Сынъ покойнаго приступаетъ теперь къ опубликованію этихъ записокъ". Нельзя не сочувствовать предполагаемому изданію, тѣмъ болѣе, что записки касаются столь интересной и мало изслѣдованной стороны жизни киргизской народности.

А. Ивановскій. Изъ Китая (Русскія Вѣдомости. 1889 г. № 256).

Въ этомъ „отрывкѣ изъ дневника" упоминается интересный фактъ изувѣрства киргизовъ—пить кровь обезглавленнаго для увеличенія храбрости и силы. Поѣздку авторъ предпринялъ лѣтомъ 1889 года изъ Зайсанскаго поста. По возвращеніи изъ Китая въ Зайсанскій постъ, онъ занимался антропологическими измѣреніями киргизовъ и раскопками кургановъ. Краткое описаніе экспедиціи А. Ивановскаго было напечатано (въ видѣ корреспонденціи изъ Зайсанскаго поста 1889 г. 1 августа) въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" 1889 г. № 262 (Объ антропол. наблюденіяхъ см. наши „Киргизы Букеевской орды", в. II, 1891 г.

Н. Гродековъ. — Киргизы и кара-киргизы Сыръ-Дарьинской Области. Т. I. Юридическій бытъ. Ташкентъ. 1889.

Этотъ трудъ занимаетъ до сихъ поръ первое мѣсто по своей полнотѣ. Содержаніе слѣдующее: преданія о происхожденіи киргизовъ и кара-киргизовъ, бѣлая кость, старшинство, мѣстничество, родовое начало, степень родства, власть родителей, совершеннолѣтіе, родъ матери, усыновленіе, опека, побратимство, выдѣленіе сыновей, наслѣдство, брачный союзъ, обрядъ свадебный, пользованіе землей и водой, кочеваніе, гостепріимство, общее имущество, наемъ, находка, подарки, торговля, долги, преступленіе, воровство, баранта, устройство суда, присяга, штрафы, игры, похороны и поминки, 658 пословицъ—все на 298 стра-

пицахъ. Кромѣ того перечень ураповъ (боевыхъ криковъ), списки и русунки тамговъ, нѣсколько свадебныхъ пѣсенъ и до 400 рѣшеній дѣлъ біями — все на 205 страницахъ. Къ книгѣ приложена этнографическая карта Сыръ-Дарьинской области и 11 гравюръ Книгу эту можно рекомендовать какъ наиболѣе полный сборникъ матеріаловъ для изслѣдованія юридическаго быта киргизовъ и каракиргизовъ. Подробный разборъ этого сочиненія былъ нами помѣщенъ въ Этнографическомъ Обозрѣніи, изд. Обществомъ Любителей Естествознанія 1889 г. Кн. II. Кромѣ того были помѣщены рецензіи въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" 1889 г № 258, въ „Наблюдателѣ" 1889 г. кн. 11, стр. 33 и въ „Вѣстникѣ Европы" 1890 г. № 1-й. Г. Гродековъ предполагаетъ издать еще два тома слѣдующаго содержанія: историческія сказанія, поэмы, повѣрья, басни, загадки, заклинанія и пр.

Восточное Обозрѣніе. 1889 годъ. №№ 46 и 47.

Новое Время. 1889 г 1 сентября. № 4882.

О взятіи Чемкента генераломъ Черняевымъ, объ его движеніи въ степи вообще, о завоеваніи и замиреніи края. Статья имѣетъ отношеніе къ Киргизской степи въ смыслѣ замиренія ея и огражденія отъ вреднаго вліянія коканцевъ.

А. Орловъ.—Объ избраніи султана Ишима ханомъ Киргизъ-Кайсацкой Меньшой орды въ 1794 году (Оренбургскія Губернскія Вѣдомости. 1889 года. № 11).

Статья содержитъ замѣтку объ управленіи степью со времени принятія ею нашего подданства; затѣмъ помѣщены два подложныхъ документа: 1) прошеніе киргизъ Малой орды Баюлинскаго и Семиродскаго поколѣній — біевъ, батырей, старшинъ и мурзъ, присланное Оренбургскому Военному Губернатору въ 1794 году и 2) прошеніе мулы Абъяса Сююшева въ Оренбургскую экспедицію пограничныхъ дѣлъ въ 1794 г., въ этихъ двухъ прошеніяхъ излагаются, между прочимъ, достоинства и заслуги Ишима. Все это проливаетъ свѣтъ на жизнь минувшихъ временъ въ Киргизской степи.

Д. Лобановъ. —Каталогъ Музея Уральскаго Общества Любителей Естествознанія въ Екатеренбургѣ. Отд. II. Екатеренбургъ. 1889.

Содержитъ краткія свѣдѣнія объ одеждѣ и домашней утвари киргизовъ.

А. Фортунатовъ.—Матеріалы къ вопросу о послѣдовательности и порядкѣ заростанія черепныхъ швовъ у инородцевъ Россіи, (Приложеніе къ LX тому Записокъ И. Академіи Наукъ. № 2. СПБ. 1889 г.).

Авторъ среди другихъ череповъ просмотрѣлъ и 19-ть киргизскихъ изъ музея Академіи Наукъ, описаніе которыхъ по отношенію степени сростанія черепныхъ швовъ помѣщено на стр. 59—64. Эти же черепа помѣщены имъ въ графическія таблицы, приложенныя къ работѣ. Черепа впослѣдствіи были подробно измѣрены А. А. Ивановскимъ и цифры измѣреній переданы для обработки намъ.

Г. Арандаренко.—Досуги въ Туркестанѣ СПБ. 1889.

Книга (659 страницъ) представляетъ сборникъ статей автора, напечатанныхъ имъ въ разное время и посвященныхъ преимущественно сельскохозяйственному, экономическому и административному положенію страны. Этнографическія свѣдѣнія, имѣющія отношеніе къ киргизамъ, можно найти въ первой главѣ: „Между туземцами степнаго уѣзда": судъ, присяга, гостепріимство, характеръ, въ VII главѣ: „Народный Судъ" и X главѣ: „О метеорологическихъ познаніяхъ туземцевъ" и т. д. Подробный разборъ этого сочиненія былъ нами помѣщенъ въ „Этнографическомъ Обозрѣніи" 1889 г. кн. 3.

Е. Смирновъ.—Султаны Кенисара и Садыкъ. Ташкентъ. 1889.

Книга заключаетъ біографическій очеркъ Кенисары и Садыка, написанный братомъ послѣдняго Ахметомъ Кенисаринымъ и обработанный для печати Е. Т. Смирновымъ. Этотъ очеркъ не лишенъ извѣстнаго интереса, хотя, по нашему мнѣнію, первое мѣсто слѣдуетъ удѣлить не біографіямъ, а тѣмъ примѣча-

ціямъ, которыя сдѣланы г. Смирновымъ. Интересны также приложенія, хотя они и не имѣютъ прямаго отношенія къ киргизамъ. Рецензіи: „Вѣстникъ Европы“ 1889 г. сентябрь, „Русскій Вѣстникъ“ 1889 г. августъ (см. ниже), „Акмолинскія Обл. Вѣд. 1889 г. № 35 и въ особомъ прибавленіи къ нимъ „Киргизская Газета“ № 34 и „Русскія Вѣдомости“ 1889 г. августъ.

М. Черняевъ. — Султаны Кенисара и Садыкъ (Русскій Вѣстникъ. 1889 г. августъ).

Эта статья (въ 13 страницъ) написана по поводу изданной Областнымъ Статистическимъ Комитетомъ въ Ташкентѣ книги подъ заглавіемъ: „Султаны Кенисара и Садыкъ“ (см. выше). Авторъ отрицаетъ правдивость этихъ біографій и находитъ, что въ нихъ много прикрасъ и что Кенисары и Садыкъ не герои и не заслуживаютъ біографій и что самая интересная часть книги—приложенія, извлеченныя изъ Туркестанскихъ архивовъ и касающіяся военныхъ дѣйствій въ Средней Азіи при покореніи Туркестанскаго края. Затѣмъ авторъ, извѣстный герой Туркестанской войны, даетъ нѣкоторыя подробности о своемъ движеніи и о движеніяхъ отрядовъ Мейера и Лерха предъ взятіемъ Чекмента.

А. Н.—Цѣнный кладъ старины (Особое прибавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ 1889 г. № 47).

Говорится о старинномъ и падающемъ теперь киргизскомъ обычаѣ оказыванія помощи пострадавшимъ отъ случайныхъ причинъ.

Судьбы Киргизскаго народа (Восточное Обозрѣніе. 1889 г. № 28).

Авторъ говоритъ объ ухудшившемся и ухудшающемся экономическомъ положеніи киргизовъ, объ урѣзываніи земель въ пользу казаковъ, о наплывѣ переселенцевъ и вліяніи нѣкоторыхъ капиталистовъ.

Женщины въ кочевомъ быту (Туркестанскія Вѣдомости. 1889 г. №№ 33 и 34).

Авторъ говоритъ (на 10 столбцахъ) о положеніи женщины у киргизовъ отъ младенческаго возраста до вступленія въ бракъ. Пишетъ о случаяхъ умыканія невѣстъ, о сватовствѣ и свадьбѣ, о вступленіи женщины въ новую семью, о положеніи ея въ семьѣ, объ отношеніяхъ къ ней мужа и о правахъ и обязанностяхъ ея, и, наконецъ, о разводѣ.

Объ увозѣ киргизами въ плѣнъ русскихъ людей и объ угонѣ ими скота (Тобольскія Губернскія Вѣдомости. 1889 г. № 38).

Небольшая замѣтка о плѣненіи въ былыя времена русскихъ киргизами, приведены примѣры изъ дѣлъ 1788 г. Тобольскаго губернскаго архива.

А. Алекторовъ.—Какъ мы пишемъ теперь ученыя книги (Оренбургскій Листокъ. 1889 г. №№ 33—35, 37—39 и 41).

Слѣдуетъ отмѣтить взглядъ автора на хана Джангира, котораго, впрочемъ, придерживаемся и мы, и нѣкоторыя подробныя небезынтересныя свѣдѣнія о школахъ.

А. Харузинъ. — Киргизы Букеевской орды. Антрополого-этнологическій очеркъ. Выпускъ I (Извѣстія И. Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. Т. LXIII. Труды Антропологическаго Отдѣла. Т. X 1889 г.).

Содержаніе: исторія экспедицій въ Букеевской степи, литература о киргизахъ, очеркъ исторіи Букеевской орды, родовое устройство, сословное устройство, религіозныя представленія, образъ жизни, семейное устройство, судоустройство и судопроизводство, возникновеніе поселковъ, ханъ Джангиръ, управленіе, школьное образованіе, движеніе населенія, экономическое положеніе, характеръ киргизовъ, физическія свойства, болѣзни, питаніе, типъ киргизовъ, измѣренія роста, туловища и конечностей, измѣренія головы, киргизскія черепа, библіографическій указатель (отъ 1734 до 1889 г.) и курганы Букеевской степи.

С. Чормановъ. — **О скачкахъ въ степяхъ** (**Особое прибавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ**. 1889 г. №№ 39, 40 и 41)

Говорится объ „асъ" (поминки), „туй" („той") или празднествѣ и о приготовленіи лошадей къ скачкѣ.

Памятная книжка Астраханской губерніи на 1889 годъ. (**Изданіе Губернскаго Статистическаго Комитета. Астрахань**. 1889).

Помѣщены, между прочимъ, краткія свѣдѣнія о количествѣ народонаселенія киргизской Букеевской орды и карта Астраханской губерніи.

Курцонъ (**N. G. Curzon**). — Rusia in Central Asia in 1889 and the anglo-russian question. London, 1889.

Кромѣ разбросанныхъ, правда, немногочисленныхъ свѣдевій о киргизахъ, приложенъ къ концу книги обширный библіографическій указатель сочиненій вышедшихъ преимущественно на англійскомъ языкѣ о Средней Азіи, изъ которыхъ многія имѣютъ отношеніе къ киргизамъ.

В. Витевскій.—**И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край. Казань** 1889—90.

Въ первомъ выпускѣ помѣщено въ главѣ VI „мнѣніе о Киргизской ордѣ Петра I и Аулъ-Хаира-хана", „Тевкелевъ въ Киргизъ-Кайсацкой ордѣ" и „Киргизское посольство въ С.-Петербургѣ", а во второмъ выпускѣ въ главѣ X—„побоище яицкихъ казаковъ съ киргизами на рѣкѣ Утвѣ".

Г. Потанинъ. — **Нѣсколько вопросовъ по изученіи повѣрій, сказаній, суевѣрныхъ обычаевъ и обрядовъ у киргизовъ и сибирскихъ татаръ** (**Записки Западно Сибирскаго Отдѣла И. Русскаго Географическаго Общества Кн**. X. 1889 г. **Омскъ**).

Помѣщены интересные вопросы о слѣдующемъ: космогоническія повѣрья, повѣрья о животныхъ, растеніяхъ, духахъ, болѣзняхъ, смерти и душѣ, сказанія (мотивы), шаманы или баксы и обряды.

В. Демичъ. — **Очерки русской народной медецины: акушерство и гинекологія у народа** (**Врачъ**. 1889 г. №№ 7, 9, 10 и 11).

Сообщены, между прочимъ, нѣкоторые обычаи, суевѣрія и обряды, сопровождающіе роды у киргизокъ.

Каульбарсъ (**Le Baron Nicolas Kaulbars**). Aperçu des travaux géographiques en-Russie. SPt. 1889.

Въ этомъ весьма полезномъ изданіи изложены труды по экспедиціямъ Военнаго Министерства и И. Русск. Географ. Общества въ различныхъ мѣстахъ Россіи и, между прочимъ, въ Оренбургскомъ краѣ, Западной Сибири и Киргизской степи съ 1716 года. Кромѣ того помѣщенъ хронологическій перечень имѣющихся картъ.

Деникеръ (**M. I. Deniker**).—Essai d'une classification des races. humaines Paris 1889.

Авторъ, между прочимъ, высказываетъ свой взглядъ относительно положенія въ системѣ (классификаціи) племенъ (по физическимъ признакамъ) и киргизовъ.

И. Яворскій. — **Опытъ медицинской географіи и статистики Туркестана**. **Ч. I. СПБ**. 1889.

Авторъ неоднократно останавливается на Киргизской степи, на киргизахъ, и кара-киргизахъ. Слѣдуетъ преимущественно указать на главы о колонизаціи русскими, „процессъ осѣданія киргизовъ", сартовская эмиграція въ Киргизской степи, а также на антропологическіе данныя и выводы, сдѣланные на основаніи матеріаловъ Пояркова, Мацѣевскаго и Уйфальви.

Сибирскій Вѣстникъ 1889 г. №№ 133 и 138.

Въ этихъ нумерахъ помѣщена статья Алимбекова, возражающаго на статью миссіонера о. С. Ивановскаго „Церемоніальная киргизская свадьба“. Возраженіе на статью Алимбекова помѣщено въ № 22 „Сибирскаго Вѣстника“ за 1890 г. „Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ“).

1890 и 1891 гг. *).

Буйство киргизовъ (Русскія Вѣдомости. 1890 г. № 138).

Здѣсь описывается фактъ буйства киргизовъ, не стоившій бы упоминанія, еслибы косвенной причиною буйства не былъ богатый сартъ—кулакъ.

А. Жакмонъ. — Областные киргизы (Московскія Вѣдомости 1890 г. №№ 161 и 173).

На 18 фельетонныхъ столбцахъ описывается образъ жизни Тургайскихъ киргизовъ: пища одежда, религія, образованіе, земледѣліе, выборное начало, судъ и конокрадство. Статья затрагиваетъ живыя многократно уже описываемыя стороны; далѣе авторъ говоритъ о построеніи Оренбурга, о караванной торговлѣ, о вліяніи русскаго купца на киргизовъ, о переселенцахъ и колонизаціи степи, въ заключеніе — о положеніи киргизской женщины. Есть указанія на интересныя стороны родоваго устройства.

А. И-въ. — Земельный вопросъ у киргизовъ (Русскія Вѣдомости. 1890 г. № 137).

Авторъ описываетъ споръ киргизовъ съ казаками изъ за земель, постепенно захватываемыхъ послѣдними съ 1765 до 1887 года, исторію возникновенія этого спора и его послѣдствія.

А. Ивановскій.—Черепа изъ озера Иссыкъ-Куля („Дневникъ Антропологическаго Отдѣла“ И. Общества Любителей Естествознанія 1890 г. вып. V. Труды Отдѣла т. XII).

Въ этой статьѣ говорится, съ одной стороны, о преданіяхъ киргизовъ о о древнихъ обитателяхъ озера Иссыкъ-Куля, а съ другой стороны, высказывается предположеніе о генетической связи этого племени съ киргизами. Приложены цифры размѣровъ и отношеній трехъ Иссыкульскихъ череповъ.

А. Леонтьевъ. Обычное право киргизъ. — Судоустройство и судопроизводство (Юридическій Вѣстникъ. №№ 5 и 6, томъ V).

Авторъ говоритъ о вліяніи русскихъ законовъ и шаріата на обычное право киргизовъ, о біяхъ, третейскомъ судѣ, присяги, свидѣтеляхъ и о поединкахъ— все на 26 страницахъ. Нельзя не отмѣтить этой статьи, какъ разрабатывающей мало затронутый вопросъ.

А. Харузинъ. — О нѣкоторыхъ соотношеніяхъ размѣровъ головы и лица по возрастамъ у киргизовъ (Дневникъ Антропологическаго Отдѣла И. Общ. Любит. Естествозн. Москва. 1890 г. в. III).

Сопоставляются отношенія размѣровъ лица и головы у киргизовъ-букеевцевъ по возрастамъ.

А. Харузинъ.— Курганы Букеевской степи (Труды Антропологическаго Отдѣла И. Общ. Любит. Естествознан. т. XI, в. 2. 1890).

Описываются курганы, раскопанные авторомъ въ Букеевской степи, и сопоставляются съ курганами нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ, говорится о краніологическихъ признакахъ курганнаго племени, которое и сравнивается съ другими типами.

Журналъ курганныхъ раскопокъ въ Тургайской области Ф. Д. Нефедова и А. К. Фишера. (Протоколы засѣданій Антропологическаго Отдѣла

---

*) 1891 годъ оканчивается мѣсяцемъ маемъ, т. е. мѣсяцемъ выхода въ свѣтъ даннаго указателя.

И. Общества Любителей Естествознанія съ 1881 по 1886 годъ. Извѣстія Общества т. XLIX, в. 5. Труды Антр. Отдѣла, т. IX, в. 3, стр. 482, 1890 г.).

Помѣщены протоколы раскопокъ 1884 г. 32 кургановъ въ Тургайской области.

Н. Ядринцевъ.—Поѣздка по Сибири лѣтомъ 1886 года (Протоколы засѣданій Антропологическаго Отдѣла съ 1881 по 1886 г. Извѣстія И. Общества Любителей Естествознанія т. XLIX, в. 5. Труды Отдѣла т. IX, в. 3, стр. 748, 1890 г.).

Краткая замѣтка о племени Усунь, имѣющемъ отношеніе къ киргизамъ.

Ф. Нефедовъ.—О раскопкахъ въ Тургайской области древнихъ могильныхъ кургановъ (Протоколы засѣданій Антропологическаго Отдѣла съ 1881 по 1886 г. Извѣстія И. Общества Любителей Естествознанія т. XLIX, 5. Труды Отдѣла т. IX, в. 3, стр. 568, 1890 г.).

Описаніе кургановъ Тургайской области по раскопкамъ 1885 г.

П. Горбачевъ. — Антропологическія наблюденія надъ таранчами, дунганами, кашгарцами и киргизами Джаркента (Протоколы засѣданій Антропологическаго Отдѣла съ 1881 по 1886 г. Извѣстія И. Общества Любителей Естествознанія т. XLIX, в. 5. Труды Отдѣла т. IX в. 3, стр. 606).

Помѣщено, между прочимъ, измѣреніе одного киргиза (37 лѣтъ).

Краткій обзоръ Уральской области (степная ея часть 1869—1890 г.) (Уральскія Войсковыя Вѣдомости. 1890 г. № 14).

О деспотическомъ управленіи киргизскихъ султановъ.

В. Миллеръ.—Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ (Этнографическаго Обозрѣнія. 1890 г. № 2).

Въ этой статьѣ авторъ помѣщаетъ интересный киргизскій варіантъ сказанія о боѣ отца съ сыномъ.

Матеріалы по антропологіи и этнографіи киргизовъ Семипалатинской области и обычное право киргизъ.

Подъ этимъ заглавіемъ поступилъ новый рукописный трудъ въ И. Русское Географическое Общество (см. „Этнографическое Обозрѣніе“ 1890 г. № 2, стр. 261).

Ю. Копеевъ.—Къ вопросу о тюркскихъ нарѣчіяхъ (Особое прибавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ 1890 г. № 23).

Авторъ говоритъ объ арабско-персидской транскрипціи въ киргизскомъ языкѣ.

Барлыкъ — (Особое прибавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ. 1890 г. № 26).

Говорится о горячихъ источникахъ, славящихся цѣлебностью.

Иксъ.—Въ Кокчетаевѣ Акмолинской области (Сибирскій Вѣстникъ. 1890 г. № 71).

Небольшая, интересная замѣтка о киргизахъ.

А. Алекторовъ. — Образъ жизни киргизовъ (Оренбургскій Листокъ. 1890 г. №№ 16 и 17).

Авторъ говоритъ о кочевой жизни (причемъ описываетъ кибитку и кыстау), о надѣлѣ земли, о невзгодахъ зимы и, наконецъ, передаетъ извлеченіе изъ сочиненія Макъ-Гахана (Военныя дѣйствія на Оксусѣ).

А. Алекторовъ.—Киргизская пѣснь (Оренбургскій Листокъ. 1890 г. № 18).

Краткая замѣтка о пѣсни киргизовъ.

А. Алекторовъ. — **Чѣмъ питаются киргизы** (Оренбургскій Листокъ. 1890 г. №№ 19 и 20).

О питаніи киргизовъ, отчасти о способѣ употребленія пищи и о приготовленіи кумыса на основаніи указаній Варадинова (Лѣченіе кумысомъ-Библіотека Медицинскихъ наукъ), Даля, Ягмина (Киргизъ-Кайсацкія степи и ихъ жители) и Островскаго.

А. Алекторовъ. — Баранда (Оренбургскій Листокъ. 1890 г. №№ 22 и 23).

Помѣщена замѣтка о барантѣ и выдержка изъ повѣсти Кафтанникова „Арасланъ Бабръ“ („Заволожскій Муравей“ 1833 года), рисующая баранту.

А. Алекторовъ.—**Экономическое положеніе осѣдлаго и кочеваго населенія степныхъ областей** (Оренбургскій Листокъ. 1890 г. № 25. Приложеніе: Листокъ объявленій 1890 г № 69).

Авторъ приводитъ слова Милля о первобытной культурѣ человѣка и первыхъ шагахъ прогресса, указываетъ на пространство Киргизскихъ степей и количество жителей и даетъ, на основаніи оффиціальныхъ источниковъ, количество жителей и скота по областямъ.

А. Алекторовъ. — **Отъ Оренбургской Пограничной Коммиссіи объявленіе киргизамъ** Оренбургскаго вѣдомства (Оренбургскій Листокъ. 1890 г. № 26).

Авторъ приводитъ объявленіе отъ Пограничной Коммиссіи киргизамъ отъ 22 декабря 1851 года, по которому всѣ киргизы были обязаны выдать имѣющихся у нихъ плѣнныхъ.

А. Алекторовъ. — **Изъ исторіи отношеній казаковъ къ киргизамъ** (Оренбургскій Листокѣ 1890 г. №№ 28, 29 и 30).

Авторъ касается поземельныхъ отношеній между киргизами и казаками. Замѣтка весьма интересная.

А. Алекторовъ. – **Кочевали-ли киргизы между Ураломъ и Волгою до перехода сюда съ Букеемъ въ 1801 г ду** (Оренбургскій Листокъ. 1890 г. № 30).

Интересная историческая справка, относящаяся до исторіи образованія Внутренней киргизской орды.

А. Алектровъ.—**О раздѣлѣ имущества хана Джангира** (Оренбургскій Листокъ. 1890 г. № 30).

Краткая, небезъинтересная замѣтка, имѣющая отношеніе къ исторіи Букеевской орды.

Г. Потанинъ.—Монгольское сказаніе о Гэсэръ-ханѣ (Вѣстникъ Европы. 1890 г. кн. 9).

Говорится, между прочимъ, о киргизскомъ сказаніи о Козу-Курпешѣ и сказкѣ о Козаѣ.

Карусъ (G. Carus)—Le Tait du Monde (Pamir). Paris 1890.

Авторъ говоритъ объ обычаяхъ киргизовъ и преимущественно кара-киргизовъ, рисуетъ также ихъ типъ. Конспектъ сочиненія въ L'Anthropologie 1890. T. 1. № 4. p. 449.

Русскія Вѣдомости. 1890 г. № 251.

Помѣщена замѣтка о предполагаемой депутаціи киргизовъ въ С.-Петербургъ съ цѣлью ходатайства о недопущенія переселенцевъ въ Акмолинскую область (перепечатано изъ „Новаго Времени“).

Этнографическое Обозрѣніе, кн. VI, 1890 г. № 3.

На 171—174 страницахъ сдѣланы, по поводу статьи д-ра В. Демича, интересныя замѣтки А. Ивановскимъ о нѣкоторыхъ обрядахъ и обычаяхъ, сопровождающихъ роды у киргизовъ.

А. Алекторовъ. — Справедливъ ли былъ г. Харузинъ къ Ханской Ставкѣ? (Волжскій Вѣстникъ. 1890 г. № 217).

Авторъ этой статьи въ противоположность нашему мнѣнію считаетъ Ханскую Ставку весьма просвѣщеннымъ мѣстомъ и пытается доказать это свое мнѣніе.

Брэмъ (Dr. A. E. Brehm). — Vom Nordpol zum Aequator. Stuttgart, Berlin und Leipzig 1890.

Въ 7, 8 и 9 выпускахъ этого изданія (стр. 318—422) мы встрѣчаемъ свѣдѣнія о Киргизской степи и о киргизахъ. Слѣдуетъ отмѣтить въ 9 выпускѣ (стр. 397) главу „Volks-und Familienleben der Kirgisen“, весьма живо рисующую слѣдующія стороны быта: байга, охота, пѣсни, игры, свадебные обряды, обряды погребенія и т. д.

А. Ж. — Корреспонденція изъ Оренбурга (Московскія Вѣдомости. 1890 г. № 314).

Въ статьѣ говорится о неудобствѣ путей сообщенія, и желательности желѣзной дороги отъ Оренбурга до Илецка и о русскихъ переселенцахъ на киргизскихъ земляхъ.

VIII Съѣздъ Русскихъ Естествоиспытателей и Врачей въ С.-Петербургѣ. СПБ. 1890 г.

Въ восьмомъ отдѣлѣ этого тома: „Географія и Антропологія“ помѣщены два сообщенія, сдѣланныя на Съѣздѣ: 1) Э. Ю. Петри—„Въ Киргизской степи“, гдѣ авторъ говоритъ о колонизаціи степи, народонаселеніи, экономическомъ положеніи, земледѣліи и цивилизаціи въ степи, и 2) А. Н Харузинымъ.—„О типѣ киргизовъ“, гдѣ авторъ указываетъ на отсутствіе единства въ типѣ киргизовъ, на причины этого и подтверждаетъ это нѣкоторыми антропометрическими данными.

А. Макшеевъ. — Историческій обзоръ Туркестана и наступательное движеніе въ него Русскихъ. СПБ. 1890.

Собственно о киргизахъ говорится преимущественно во II главѣ („Туркестанъ въ XVI столѣтіи, подъ властью узбековъ, до подчиненія Россіи“), гдѣ авторъ пишетъ о происхожденіи киргизовъ и объ ихъ древней исторіи, и VI главѣ („Киргизъ-казаки подъ властью Россіи“). Послѣднюю главу слѣдуетъ отмѣтить, какъ содержащую въ высшей степени интересныя свѣдѣнія объ исторіи киргизовъ. Рецензія: см. „Вѣстникъ Европы“ 1890 г. кн. 12.

А. Ивановскій. — Смерть киргизскаго пѣвца Улгенбая (Русскія Вѣдомости. 1890 г. № 327).

Въ весьма привлекательной формѣ описывается предсмертная пѣснь киргиза-пѣвца, въ которой яркими красками рисуется побѣда добра надъ зломъ.

К. Е. — Обученіе у сибирскихъ киргизовъ (Школьное Обозрѣніе. 1890 г. № 17).

Говорится объ обученіи киргизовъ въ русскихъ школахъ, а также объ обученіи ихъ муллами, о способности киргизовъ и ихъ успѣхахъ въ ученіи.

А. Алекторовъ. — Чѣмъ и какъ мы способствуемъ укрѣпленію мусульманства въ киргизахъ (Оренбургскій Листокъ. 1890 г. №№ 45—48).

Авторъ затрогиваетъ въ этихъ статьяхъ весьма живой вопросъ о распространеніи среди киргизовъ (первоначально язычниковъ) мусульманства и тѣхъ мѣрахъ, которыми мы невольно содѣйствовали распространенію ислама. Нельзя не отмѣтить того интереса, который представляетъ эта статья своею фактическою стороною.

Корреспонденція изъ Акмолинской области (Новое Время. 1890 г. № 5255).

Авторъ говоритъ о большомъ количествѣ земли у киргизовъ и целѣсообразности переселенія русскихъ крестьянъ; статья богата фактическими данными и даетъ интересныя свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи киргизовъ. Въ передовой статьѣ помѣщена замѣтка къ этой корреспонденціи. Возраженіе см. „Новое Время" № 5305.

Гази Вали-Ханъ.—По поводу корреспонденціи изъ Акмолинской области (Новое Время. 1890 г. № 5305).

Авторъ возражаетъ на статью, помѣщенную въ № 5255 „Новаго Времени", и говоритъ о нецѣлесообразности и невозможности водворенія переселенцевъ внутреннихъ губерній въ Киргизской степи. Насъ нѣсколько удивляетъ подпись автора статьи: султанъ киргизъ-кайсаковъ", кажется, было бы правильнѣе замѣнить ее просто „киргизъ-кайсацкимъ султаномъ".

А. Головачевъ. — Страница изъ жизни Ильки (Русскія Вѣдомости. 1890 г. № 339).

Рисуется бытъ алтайскихъ киргизъ-промышленниковъ, закабаленныхъ у богатаго кулака. Говорится о кедровомъ промыслѣ.

Г. Потанинъ. — Русская дѣвица Дарига въ киргизской сказкѣ (Этнографическое Обозрѣніе, кн. VII, 1890 г. № 4).

Замѣтка по поводу статьи В. Ө. Миллера „Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ" (Этнографическое Обозрѣніе, кн. V), въ которой приводится киргизская сказка о боѣ отца съ сыномъ (см. выше). Авторъ указываетъ на монгольскій варіантъ того же мотива.

Обѣднѣніе киргизовъ (Киргизская Газета. 1890 г. № 36).

Выдержка изъ очерка Копальскаго уѣзднаго врача И. Колбасенка, помѣщеннаго въ „Вѣстникѣ Общественной гигіены".

В. Г.—Поѣздка въ долину озера Иссыкъ-Куля (Семипалатинскія Областныя Вѣдомости. 1890 г. №№ 31 и 33).

Авторъ говоритъ о причинахъ пониженія уровня озера, объ археологическихъ находкахъ и сказаніяхъ о древнихъ обитателяхъ.

А. Ивановскій.—1) Легенды о колосѣ и о маннѣ небесной и 2) Происхожденіе огня (Этнографическое Обозрѣніе, кн. VII, 1890 г. № 4, стр. 263 и 265).

Первая легенда представляетъ интересный киргизскій варіантъ подобныхъ же сказаній. Вторая легенда указываетъ происхожденіе огня изъ ада.

N.—О переселенцахъ Акмолинской Области (Московскія Вѣдомости. 1890 г. № 23).

Авторъ говоритъ о весьма интересномъ и важномъ вопросѣ переселенія нашихъ крестьянъ на киргизскія земли. По мнѣнію автора этой статьи (и мы вполнѣ съ нимъ соглашаемся), киргизы не терпятъ тѣхъ неудобствъ урѣзыванія земли въ пользу переселенцевъ, на которыя часто указываютъ въ печати.

Замѣтка о жизни киргизъ въ степныхъ областяхъ Западной Сибири (Сибирскій Вѣстникъ. 1890 г. №№ 20. 21 и 22).

Авторъ статьи говоритъ объ обязанностяхъ киргизскихъ женщинъ, дѣвушекъ и мужчинъ, о перекочевкахъ и нѣкоторыхъ промыслахъ. Статья написана элементарно, но не лишена интереса.

Старый барантачъ (Сибирскій Вѣстникъ. 1890 г. № 42).

Авторъ передаетъ небезъинтересный разсказъ киргиза-старика о барантѣ въ былые годы.

О мѣстностяхъ стоянки киргизъ (Особое прибавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ. 1890 г. № 13).

Говорится о сокращеніи пастбищъ у киргизовъ и о развивающемся хлѣбопашествѣ.

Адыковъ. — Киргизская сказка (Особое прибавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ. 1890 г. № 16).

Передается сказка о царѣ, забывающемъ свои сны, и молодомъ человѣкѣ, разгадывающемъ ихъ съ помощью бѣлой змѣи.

О тюркскихъ нарѣчіяхъ (Особое прибавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ. 1890 г. № 20).

Говорится, между прочимъ, о чистотѣ и неизмѣняемости киргизскаго говора.

А. Алекторовъ. — Ранніе браки (Особое прибавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ. 1890 г. № 28).

Говорится о нецѣлесообразности раннихъ браковъ у богатыхъ киргизовъ. Въ этомъ же нумерѣ есть и другія замѣтки, касающіяся киргизовъ.

Наше земледѣліе на границѣ съ Китайской Имперіей (Восточное Обозрѣніе. 1890 г. №№ 4 и 8).

Статья заключаетъ въ себѣ весьма интересныя данныя о земледѣліи у киргизовъ Зайсанскаго приставства.

Корреспонденція изъ Акмолинскаго уѣзда (Восточное Обозрѣніе. 1890 г. № 14).

Говорится о муллахъ и лжепророкахъ, какъ причинѣ обѣднѣнія киргизовъ.

Особое прабавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ за 1890 г.

Помѣщено нѣсколько весьма интересныхъ по своему содержанію киргизскихъ сказокъ и басенъ.

Къ исторіи развитія школьнаго дѣла въ киргизской Букеевской Ордѣ (Оренбургскій Листокъ. 1890 г. №№ 50 и 51).

А. Солнцевъ. — Изъ религіозно-нравственной жизни киргизовъ Внутренней Букеевской Орды (Астраханскія Епархіальныя Вѣдомости. 1890 г. №№ 8 и 11).

Сборникъ матеріаловъ для статистики Самаркандской области за 1887—88 г., в. I. Самаркандъ. 1890.

Помѣщены довольно многочисленныя статистическія данныя и о киргизахъ этой области.

Корреспонденція изъ Зайсана (Киргизская Газета. 1890 г. № 49).

О борьбѣ съ упадкомъ скотоводства у киргизовъ.

Сейсембай Кутуровъ. — Валяльно-войлочное мастерство въ Зайсанской киргизской сельско-хозяйственной школѣ (Киргизская Газета 1891 г. № 47).

А. Ивановскій. — Смерть киргизскаго пѣвца Улгенбая (Киргизская Газета. 1890 г. № 52 и 1891 г. №№ 1 и 2).

Переведено на киргизскій языкъ съ статьи того же автора, помѣщенной въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ 1890 г. № 327 (см выше).

П. Юдинъ. — Киргизы. Этнографическій очеркъ. (Оренбургскія Губернскія Вѣдомости. 1890 г. № 52 и 1891 г. №№ 1 и 5).

Эта обширная статья содержитъ описаніе характера степи, а также дѣленіе на орды, переходъ отъ кочевой къ полуосѣдлой жизни, хлѣбопашество, аулы, религіозные обряды, магометанство, отсутствіе мечетей, обычаи, сопровождающіе

рожденіе ребенка, свадебные обряды, бракъ, джигитовка, музыкальные инструменты, пляска, пѣніе многоженство, положеніе женщины, похоронные обряды, недолговѣчность, языкъ и литература.

Народный судъ у Киргизовъ (**Киргизская Газета**. 1891 года №№ 4 и 5).

Извлеченіе изъ „Положенія объ управленіи степными областями".

М. Имшенецкій.—Несмѣтное богатство, скрытое въ Киргизской степи (**Киргизская Газета**. 1891 г. №№ 1—5).

Авторъ убѣждаетъ киргизовъ заняться земледѣліемъ.

Сѣверный Вѣстникъ 1891 № 2.

Въ пятой главѣ („Изъ провинціальной печати") II-го отдѣла этой книжки помѣщена замѣтка „Тургайская область и киргизы", въ которой говорится объ экономическомъ положеніи киргизовъ и о судебныхъ процессахъ. Въ этой же книжкѣ слѣдуетъ отмѣтить статью М. Алексѣева, которая затрогиваетъ вопросъ о колонизаціи Туркестанскаго края. Правда она относится къ сартамъ, тѣмъ не менѣе касается до извѣстной степени и киргизовъ. Хотя мы и считаемъ выводы автора слишкомъ поспѣшными (какъ выражается и сама редакція журнала), тѣмъ не мѣнѣе отмѣчаемъ литературный интересъ этой статьи.

Новое Время. 1891 г. № 5362 (**1 февраля**).

Въ этомъ нумерѣ газеты помѣщена слѣдующая весьма интересная телеграмма изъ Красноводска: „Красноводскъ, 31 января. Командированное начальникомъ Закаспійской области лицо для фактической провѣрки количества народонаселенія Красноводскаго уѣзда обнаружило нигдѣ не записанными и не платившими кибиточнаго налога въ теченіе десяти лѣтъ нѣсколько тысячъ кибитокъ туркменъ и *киргизовъ*". Этому вопросу въ Букеевской степи мы посвятили мѣсто въ первомъ выпускѣ нашего труда (стр. 176, 200 и 201).

Дингельштетъ (V. Dingelstedt). — Le régime patriarcal et le droit coutumier des Kirghiz. Paris. 1891.

Этотъ весьма интересный трудъ представляетъ передачу отдѣльныхъ главъ сочиненія Н. И. Гродекова „Киргизы и кара-киргизы" (Ташкентъ. 1889. См. выше). Между тѣмъ какъ трудъ Гродекова представляетъ ничто иное, какъ сырой матеріалъ, въ которомъ трудно даже оріентироваться, г. Дингельштетъ облегчаетъ трудъ знакомства съ юридическимъ бытомъ киргизовъ. Мы отмѣчаемъ въ его трудѣ въ высшей степени интересное введеніе, которое, благодаря общему взгляду, бросаемому авторомъ, и сравнительно-этнографическому методу, освѣщаетъ намъ обычное право киргизовъ, хранящее въ себѣ много остатковъ сѣдой старины. Трудъ Дингельштета долженъ считаться однимъ изъ основныхъ при изученіи киргизской народности.

Внутренняя Киргизская орда. Краткій статистическій очеркъ. (Памятная книжка Астраханской губерніи на 1891 г., а также отдѣльные оттиски).

Эта весьма интересная и объемистая статья принадлежитъ перу Предсѣдателя „Временнаго Совѣта" И. С. Иванова и, слѣдовательно, написана на основаніи строго оффиціальныхъ данныхъ, чѣмъ и возбуждаетъ къ себѣ полное довѣріе и серьезный интересъ. Мы отмѣчаемъ въ этой статьѣ слѣдующія интересныя главы: народонаселеніе, землевладѣніе и народное образованіе. Кромѣ того помѣщены слѣдующія свѣдѣнія: поселки въ ордѣ, земледѣліе, скотоводство промыслы населенія, торговля, подати, натуральныя повинности, народная нравственность, казенныя зданія, пожары, почта и телеграфъ, медицинскій персоналъ, аптеки, больницы, оспопрививаніе, сифилисъ, эпидеміи, ветеринарная часть, эпизоотіи, библіотека и выписка журналовъ и газетъ въ Ханской Ставкѣ; имѣется также цѣлый рядъ приложеній съ цифровыми данными и дорожникъ Внутренней Киргизской орды.

А. Харузинъ.—Киргизы Букеевской орды. Антрополого-этнологическій очеркъ Выпускъ II, часть первая. (Изв. Имп. Общ. Люб. Ест., Ант. и Этн., т. LXXII. Труды Антропологическаго отдѣла, т. XIV, в. 1-ый), 1891 года.

Данный выпускъ посвященъ исключительно сравнительной антропологіи киргизовъ и кара-киргизовъ на ряду съ узбеками, башкирами, туркменами, мещеряками, кипчаками, касимовскими татарами, тіуруками, таранчами, бахчисарайскими, ѳеодосійскими, перекопскими, мелитопольскими и черневыми татарами, кумандинцами, телеутами, телесами, теленгитами, соёнцами, калмыками: алтайскими, чухарами, арбунсумунами, таргоутами и турфанскими, китайцами, манджурами, дунганами, самоѣдами, лопарями, вепсами, эстами, ливами, тавастами, корелами, вотяками, пермяками, остяками, вогулами, мордвою, таджиками, гальчами, персіанами, осетинами, сартами, крымскими южно-бережными татарами, средне-азіатскими цыганами, авганцами, грузинами, имеретинами, мингрельцами, гурійцами, хевсурами, лазами, сванетами, абадзехами, кабардинцами, натухайцами, шапсугами, темиргойцами, чеченцами, ингушами, лезгинами, горскими татарами Кавказа и индѣйцами племени Сіу.

Относящаяся къ этой части, часть вторая (второго выпуска) находится въ печати.

Годъ 3-й. Кн. X.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1891, № 3.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Секретаря Этнографическаго Отдѣла

Н. А. Янчука.

Цѣна 1 р. 50 к.

МОСКВА.

Высоч. утв. Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ, Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Петровка, д. Левенсонъ.

1891.

Печатать разрѣшается. Москва, 12 октября 1891 г.

Президентъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

Ординарный профессоръ **Д. Анучинъ.**

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

XI. Смѣсь.

Месхи.

(Этнографическій очеркъ).

Историческій взглядъ на судьбу месховъ. Современное ихъ положеніе. Вѣрованія. Экономическій бытъ. Поэзія.

Границы Месхетіи или Саатабаго, впослѣдствіи получившей названіе Верхней Карталиніи, показаны несогласно и противорѣчиво въ разныхъ историческихъ свидѣтельствахъ и документахъ, дошедшихъ до насъ. Мы имѣемъ возможность слѣдить за поразительнымъ колебаніемъ предѣловъ области месховъ на пространствѣ 25 вѣковъ до нашего времени. Первое упоминаніе объ этомъ народѣ находимъ въ X гл. кн. Бытія, гдѣ въ числѣ прочихъ народовъ, извѣстныхъ пророку Моисею, названы Мешехъ и Тубаль. По истеченіи тысячелѣтія тѣже Месехъ и Тубаль, по показанію прор. Іереміи, занимаютъ пространство, указанное еще Моисеемъ, вдоль южнаго берега Чернаго моря, переходя на западъ р. Галисъ и до восточнаго берега того же моря, захватывая верхнюю часть бассейна р. Чороха. Галикарнасскій историкъ, жившій столѣтіемъ позже прор. Іезекіиля, вводитъ въ девятнадцатую сатрапію персидской монархіи между прочими народностями Мосховъ и Тибареновъ. Мешехъ или Месехъ Библіи названы у Геродота Мосхами. Страбонъ знаетъ также Мосховъ и Мосхійскія горы, географическое положеніе которыхъ у этого географа и у царевича Вахушта совпадаютъ и другъ друга покрываютъ. Сопоставивъ извѣстія греко-римскихъ и грузинскихъ писателей съ ассирійскими надписями о мускахъ, мы заключаемъ, что нынѣшніе месхи, мосхи, Геродота, постепенно приближались

съ восточной части Малой Азіи къ той территоріи, которую нынѣ занимаютъ [1]).

Слѣды своего существованія по сѣверо-востоку М. Азіи за р. Галисъ месхи оставили въ названіи города Mazaca [2]). Въ честь имени этого народа названа деревня Мусхи въ 12 вер. отъ Ахалциха, заселенная нынѣ грузинами - месхами. Именованіе этой деревни Мусхи всего ближе подходитъ къ названію встрѣчающемуся въ ассирійскихъ клинописныхъ памятникахъ, которымъ Мосхи или Мосохи извѣстны подъ именемъ Мусхи или Мушки. Была удачна попытка поставить въ зависимость отъ названія Месховъ географическое происхожденіе Мухетоса, сына Картлоса, эпонима грузинъ. Тождественность корней *Мух* и *Месх* подтвержается тѣмъ фактомъ, что Ахалцихскій уѣздъ извѣстенъ и подъ именемъ Самцхе и подъ названіемъ Месхетіи [3]). Существованіе города Мцхета вызвало въ народной фантазіи необходимость создать для этнологическаго объясненія Мцхетоса, строителя Мцхета, древнѣйшаго города Грузіи. Самъ Мцхетосъ можетъ служить олицетвореніемъ цѣлаго народа Месховъ, подобно тому какъ Эллинъ является воплощеніемъ греческаго народа въ одномъ лицѣ, вслѣдствіе сознанія у мелкихъ греческихъ народностей общности своего происхожденія. Въ Сацхуметѣ, по географіи, приписывавшейся Моисею Хоренскому, нужно видѣть грузинское Самцхе, и такимъ образомъ можно возвести эту номенклатуру по крайней мѣрѣ къ VII в. по Р. Х., къ каковой эпохѣ относится составленіе названной географіи.

Месхія, до раздѣленія Иверіи на три отдѣльныхъ царства и пять самостоятельныхъ княжествъ въ 1469 г., составляла одну изъ наиболѣе отдаленныхъ провинцій грузинскаго царства. Въ XIV в. при Саркисѣ II, владѣтелѣ ахалцихскаго уѣзда, было даровано этому краю автономное правленіе. Правитель Самцхе, именовавшійся атабегомъ, Бека, по фамиліи Джакели (получилъ свое имя отъ замка Джаки, нынѣ деревня Джакисманъ), издалъ законы, которые, будучи пополнены вну-

---

[1]) См. мою ст.: „Древнѣйшіе предѣлы разселенія грузинъ по М. Азіи.“ стр. 1—4 и 31—3.

[2]) Lenormant. Histoire de l' Orient I, 299.

[3]) V.—S.—Martin. Recherches sur les populations du Caucase p. 48 et sq.

комъ его Агбугой въ XV в., вошли въ извѣстное уложеніе грузинскаго царя Вахтанга VI. Есть основаніе думать, что юридическія нормы, установленныя этими двумя просвѣщенными владѣтелями Самцхе-Саатабаго служатъ съ одной стороны отраженіемъ дѣйствующаго тогда обычнаго права и представляются съ другой стороны продуктомъ вліянія писанныхъ законовъ изъ римско-византійскаго источника.

Вторженіе въ XIII в. монголовъ въ Грузію, а въ XIV в. страшное нашествіе Тамерлана ослабило центральную власть, усилило стремленіе окраинъ къ пріобрѣтенію большей свободы и независимости. Въ XV вѣкѣ послѣдовало пагубное по своимъ послѣдствіямъ для будущей жизни Грузіи ея раздробленіе на семь отдѣльныхъ политическихъ тѣлъ. На Манучара, правителя Самцхе-Саатабаго выпала печальная роль отдѣлиться отъ карталинскихъ царей и сдѣлать свою страну ареной кровавыхъ сценъ для турецкихъ янычаръ въ XVII в. Атабегъ Бека, убившій своего старшаго брата Манучара былъ признанъ султаномъ Османской имперіи правителемъ Ахалцихскаго уѣзда подъ именемъ Сапаръ-паши (1625 г.). За нимъ было сохранено право суда и расправы и прочіе аттрибуты власти атабеговъ. Только въ XVIII в. турки лишаютъ фамилію атабеговъ ея земель и власти. Оставаясь по прежнему самостоятельными владѣтелями до половины XVIII в. представители рода атабеговъ при вступленіи въ должность паши соблюдали одну пустую формальность—испрашивали у порты баратъ на утвержденіе во владѣніи. Власть и владѣнія дворянства оставались наслѣдственными, но на ряду съ нимъ стало много бековъ — турецкое служилое сословіе. Рядомъ съ измѣненіями, проникавшими въ среду высшаго сословія, народъ въ значительномъ числѣ переходилъ въ исламъ. Переходъ происходилъ въ силу гоненій за вѣру, а также въ виду того, что всѣ, принявшіе ученіе Магомета получали свободу отъ крѣпостной зависимости [1]). Такъ шелъ усиленный переходъ православныхъ обитателей западной Грузіи въ мусульманство. Въ теченіе двухъвѣковаго владычества турокъ въ этой провинціи до присоединенія ея къ русскимъ владѣніямъ по Адріанопольскому миру въ 1829 г. нѣкогда процвѣ-

[1]) Загурскій. Поѣздка въ Ахалцихскій уѣздъ, стр. 3—4.

тавшее здѣсь христіанство было бы совершенно вытѣснено кораномъ, еслибы на помощь не явились итальянскіе миссіонеры, которые успѣли перевести послѣдователей греческаго вѣроисповѣданія въ католичество. Этимъ объясняется фактъ существованія грузинъ католиковъ.

Древняя Месхетія, нынѣ Ахалцихскій уѣздъ Тифлисск. губ. занимаетъ $48,_{88}$ кв. м. съ населеніемъ 43,377 жителей обоего пола, при чемъ на одну кв. милю приходится $887,_{4}$ жителей, т. е. въ среднемъ менѣе чѣмъ во всей остальной части Тифлисской губ. и въ Закавказьи, но болѣе, чѣмъ въ Европейской Россіи и на всемъ Кавказѣ. Въ г. Ахалцихѣ считается 18,269 жителей (по свѣдѣніямъ 1872—74 гг.). Такимъ образомъ городское населеніе въ уѣздѣ составляетъ около 42%.

Сельское населеніе Ахалцихскаго уѣзда весьма разнохарактерно, какъ по своему этнографическому составу, такъ и по своему имущественному положенію. Всѣ крестьяне уѣзда относятся къ разряду государственныхъ поселянъ. Подраздѣленіе ихъ основано на формѣ владѣнія землей. Поселяне же раздѣляются на слѣдующія группы: 1) единственнаго владѣнія казны; 2) общаго владѣнія казны и частныхъ лицъ; 3) единственнаго владѣнія частныхъ лицъ — a) не имѣющихъ право владѣть населенными имѣніями, b) имѣющихъ таковое право; и 4) собственныхъ. Кромѣ этихъ категорій, въ Ахалцихскомъ уѣздѣ есть нѣсколько селеній, въ коихъ крестьяне, пользуясь издавна владѣльческой землей, утратили право на полученіе этой земли въ свой надѣлъ въ силу того, что вошли съ землевладѣльцами въ различныя договорныя отношенія. Эти крестьяне носятъ названіе поселянъ, „живущихъ по условію съ хозяевами“. Устройствомъ быта этихъ поселянъ озабочено въ настоящее время губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе [1]).

Въ Ахалцихскомъ уѣздѣ проживаютъ слѣдующія народности: 1) грузины, раздѣляемые по вѣроисповѣданіямъ на три группы—католиковъ, православныхъ и сунитовъ; 2) армянекатолики и григоріане; 3) куртины (племени зиланскаго и

[1]) Эти свѣдѣнія заимствованы изъ труда г. Вермишева: Матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ въ Ахалцихскомъ и Ахалкалакскомъ уѣздахъ Тифлисской губ. Тифлисъ. 1886 г.

исмаиланскаго), принадлежащіе къ сунитскому ученію магометанской религіи; 4) таракоманы или таракамаэ, тоже сунитскаго толка; 5) туркмены—суниты. Русскіе (духоборы) и греки живутъ въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ. Процентныя отношенія различныхъ народностей къ общей массѣ населенія таковы: грузинъ $78{,}_4$%, куртинъ $5{,}_{75}$%, таракаманъ $3{,}_9$%, туркменъ $1{,}_1$% и армянъ $11{,}_9$%. Мужское населеніе преобладаетъ надъ женскимъ у всѣхъ народностей, за исключеніемъ духоборовъ, у которыхъ наблюдается обратное явленіе. По числу домовъ грузины вообще и въ частности грузины-суниты преобладаютъ надъ остальными народностями ($54{,}_5$%). Наименьшій приростъ населенія у грузинъ-сунитовъ (2%) и наибольшій приростъ у грузинъ-православныхъ (30%).

Грузины различныхъ вѣроисповѣданій составляютъ коренное населеніе уѣзда. По вѣроисповѣданію они дѣлятся на магометанъ-сунитовъ, православныхъ и католиковъ. Образъ жизни и бытовыя особенности этихъ трехъ группъ различны лишь на столько, на сколько судьба ихъ обусловливается вліяніемъ религіи. Всѣ грузины-христіане говорятъ по грузински и большинство грузинъ-мусульманъ хорошо объясняется на родномъ языкѣ. Лучшія народныя пѣсни я записалъ въ мусульманскихъ поселеніяхъ—Ацхури и Киде. Я не встрѣчалъ ни одного мусульманина-грузина, который считалъ бы для себя непонятной мою грузинскую рѣчь. Типическія черты лица грузина ясно и отчетливо сохранили мусульмане, лишь по костюму отличаясь отъ грузинъ православныхъ. Чалма изъ разноцвѣтной матеріи въ нѣсколько аршинъ (отъ 3 до 5) длины, узкіе шаровары около таліи расширяющіяся,—единственные внѣшніе признаки грузина-магометанина. Женщины усвоили привычку мусульманокъ закрываться чадрой, но теперь выводится этотъ обычай одновременно съ возстановленіемъ христіанства.

Двухвѣковое владычество турокъ въ Саатабаго съ 1625 г., когда оно обращается въ оттоманскій пашалыкъ, до присоединенія его къ Россіи въ 1829 г. по Адріанопольскому трактату, прошло не безслѣдно въ сферѣ культурно-этнографическихъ особенностей края и его населенія. Крѣпостное право было уничтожено, христіанство уступило въ большинствѣ

селеній исламу, водворился турецкій языкъ, ставшій рядомъ съ роднымъ грузинскимъ, какъ языкъ религіи. Однако подъ этимъ внѣшнимъ измѣненіемъ быта населенія скрывается глубокій слой прежнихъ національныхъ нравовъ, обычаевъ и вѣрованій, совершенно сходныхъ съ таковыми же особенностями грузинъ, карталинцевъ и кахетинцевъ. Даже изъ подъ мусульманскихъ обрядовъ открываются слѣды христіанскихъ традицій, господствовавшихъ среди населенія въ теченіе 13 вѣковъ. Мы укажемъ нѣсколько изъ нихъ. Въ день Пасхи [1]) и Вознесенія Месхи — мусульмане на равнѣ съ христіанами красятъ яйца, ходятъ въ церковь, напр., Сафарскій монастырь пользующійся большимъ уваженіемъ у всѣхъ безъ различія вѣроисповѣданій. Обязанность мѣстныхъ мусульманъ проводить ночи въ оградѣ храма по требованію святого во избавленіе отъ болѣзней и недуговъ хорошо напоминаетъ обычай всѣхъ грузинъ. Обычай обвивать три раза стѣны церкви нитями, жертвовать колокольчики, изображенія разныхъ частей тѣла, человѣческія фигуры, приводить жертвенныхъ животныхъ на закланіе — всѣ эти порядки должны быть отнесены къ эпохѣ домусульманской.

Кромѣ этихъ остатковъ христіанскаго ученія мусульманъ-месховъ съ грузинами связываетъ единство ихъ уцѣлѣвшихъ вѣрованій изъ языческаго періода. Эти повѣрія, имѣющія своимъ источникомъ Зороастрову религію пережили доктрины православія, поражая изслѣдователя своей живучестью.

Таковы представленія у месховъ о загробной жизни, столь хорошо извѣстныя намъ и изъ религіозныхъ вѣрованій пшавовъ, тушинъ и хевсуръ [2]). Мостъ изъ одного волоса, перекинутый чрезъ ущелье кипучей смолы, по которому проходятъ грѣшные и праведные для достиженія царства небеснаго, напоминаетъ „бицвисъ-хиди“ грузинъ, т. е. волосяной мостъ. Праведные безъ труда проходятъ по этому опасному мосту, а грѣшные падаютъ въ воспламененную смолу и жарятся нескончаемо. При вступленіи на мостъ всѣ души опрашиваются

---

[1]) Въ день Пасхи моютъ голову рано утромъ, наложивъ на себя обѣтъ молчанія, чтобы волосы отросли.

[2]) См. мои очерки въ Этногр. Сбор. подъ ред. В. Ѳ. Миллера III вып. — „Мохевцы“, „Пшава“ и въ Этногр. Обозр. кн. II — „Тушины“.

особыми судьями, взвѣшивающими на вѣсахъ добрыя и злыя дѣянія умершихъ. Если какая-нибудь грѣшная душа незамѣтно отъ судей проберется, то ее останавливаютъ грозные охранители подземнаго царства съ требованіемъ вернуться назадъ: „куда вы идете?—восклицаютъ они—„берегитесь, грѣхи ваши не пускаютъ васъ въ рай“. Праведники, наслѣдовавъ свѣтлое царство, въ будущей жизни питаются запахомъ яствъ приносимыхъ оставшимися на землѣ сородичами. Души очень мстительны: за невниманіе къ нимъ они насылаютъ болѣзни и неурожаи лицамъ, на которыхъ падаетъ обязанность приносить имъ жертвы. Напротивъ онѣ благоволятъ за учащенное поминаніе, выражая свою благодарность размноженіемъ скотины, увеличеніемъ всѣхъ матеріальныхъ благъ. Поминаніе душъ происходитъ въ день погребенія, чрезъ мѣсяцъ, чрезъ годъ, въ установленные дни и въ каждую пятницу. Въ этотъ день для покойниковъ готовится особое кушанье изъ масла, поджаренаго лука, запахомъ котораго довольствуются души отошедшихъ въ вѣчность. Онѣ незамѣтно присутствуютъ при всѣхъ семейныхъ радостяхъ и несчастіяхъ, принимая живое участіе въ судьбѣ сородичей, какъ ангелъ-хранитель или злой духъ, ниспосылающей всѣ бѣды за измѣну прадѣдовскимъ обычаямъ.

Въ особенности нужно опасаться давать недобрымъ геніямъ овладѣть ногтями и остриженными волосами. Ихъ немедленно нужно сжигать или прятать въ землю. Этотъ обычай хорошо извѣстенъ всѣмъ грузинамъ и объясняется вліяніемъ Авесты [1]. Ничѣмъ не ссужать другихъ въ день Байрама или нашего Новаго года, опоясывать главный столбъ дома нитями бѣлаго и краснаго цвѣта, не шить, не плакать, готовить особые хлѣба съ изображеніемъ человѣческой фигуры и представителей животнаго міра — все это должно восходить ко времени дружнаго сожительства месховъ-мусульманъ съ грузинами православными. Изгнаніе бѣсовъ и нечистыхъ тварей, проникнувшихъ въ человѣческій организмъ обыкновенно черезъ ротъ, происходитъ, какъ это дѣлается во всей Грузіи, посредствомъ перепрыгиванія черезъ зажженные костры въ среду на страстной недѣлѣ.

[1]) Hovelaque. L'Avesta.

Я отмѣчу только нѣкоторыя подробности празднованія у месховъ Новаго года, которыя не были извѣстны до сихъ поръ въ печати [1]). Первый посѣтитель въ этотъ день, называющійся, какъ и у грузинъ, меквлё, т. е. прокладывающій стезю, долженъ сѣсть на усыпанное пшеницей мѣсто, при чемъ требуется, чтобы онъ крѣпко усѣлся, иначе урожай будетъ небогатый, а корова не отелится. На подносѣ передъ нимъ кладутъ хлѣбъ—„басила" (въ честь Василія), тарелку меда и масла. Меквле подходитъ съ вѣткой въ рукѣ къ камину и, ударяя по горячимъ угольямъ, приговариваетъ: „столько куръ, коровъ, быковъ" и пр. Работать въ этотъ день воспрещается; кто будетъ шить, тому на томъ свѣтѣ проколятъ глаза иглой; рубить дрова нельзя, чтобы въ будущей жизни не пришлось подставлять голову подъ ударъ топора. Одолжить ничего нельзя изъ опасенія лишиться всего домашняго обилія и довольства.

Этотъ день не единственный когда месхи избѣгаютъ приступать къ какимъ-либо работамъ. Св. Еліа, по нашему Илія, являющійся въ народномъ представленіи сильнѣе св. Георгія патрона всѣхъ грузинъ-горцевъ, строго внушаетъ имъ мысль воздерживаться отъ занятій. Его мѣстные татары на своемъ языкѣ зовутъ „бѣшеный (сердитый) Еліа". Нарушить его волю значитъ навлечь на всю деревню гнѣвъ этого сильнаго святого, выражающійся въ страшномъ градѣ, немилосердно уничтожающемъ молодые побѣги плодовыхъ деревьевъ и первые отростки весенней нивы. Народъ въ трепетѣ предъ явнымъ недовольствомъ Еліа обращается съ мольбой: „спаси и защити насъ Еліа!" Еліа строго преслѣдуетъ ихъ также за мученіе животныхъ въ случаѣ плохого ихъ кормленія или переутоленія излишней и тяжкой работой.

Представленія объ Еліа, какъ о божествѣ грома и молніи, катающемся по воздушному пространству на колесницѣ, влекомой парой быстрыхъ коней, испускающихъ искры изъ глазъ въ видѣ молніи, одинаково распространены какъ въ западной такъ и въ восточной Грузіи. Тождественны ихъ вѣрованія въ

---

[1]) См. мою ст.: „Празднованіе новаго года у грузинъ" въ Этногр. Обозр., кн. III. Поздравленіе быковъ, украшенныхъ красными нитями, поздравленіе рѣки, хлѣба здѣсь распространено также, какъ и во всей Грузіи.

сонмъ нечистыхъ духовъ, населяющихъ лѣса, горы, ущелья, рѣки, заброшенныя зданія, мельницы, и пользующихся удобнымъ случаемъ завлечь сбившагося съ пути странника въ свои сѣти. Всѣ эти злые геніи являются въ образѣ человѣка, мѣняя свой обликъ на подобіе животныхъ въ нужныхъ случаяхъ. Мнѣ удалось собрать свѣдѣнія о выдающихся чертяхъ, носящихъ особое названіе у народа и имѣющихъ свою особую сферу дѣятельности.

Первое мѣсто въ ряду геніевъ занимаетъ *Тчабуки*, представляемый въ образѣ красиваго юноши. Онъ считается неотлучнымъ домашнимъ пенатомъ, незримо содѣйствующимъ благосостоянію семьи. Первую ночь новобрачная должна провести съ нимъ; за ослушаніе онъ умѣетъ жестоко мстить. Мнѣ разсказывали такой случай, выдаваемый за дѣйствительный фактъ. Одна изъ молодыхъ невѣстъ огромной семьи воспротивилась желанію Тчабуки и отказала ему въ правѣ primae noctis. Злопамятный Тчабуки не замедлилъ проявить свою непреложную власть. Какъ только родился ребенокъ у нарушительницы священнаго обычая, Тчабуки лишилъ его жизни, а мать была разбита параличемъ; не довольствуясь этимъ мщеніемъ, онъ наказалъ ее еще присоединеніемъ къ параличу падучей болѣзни.

Али [1]) второе лицо въ домѣ. Это представительница женскаго пола, тогда какъ Тчабуки принимается за молодаго человѣка. Али—красивая дѣвица, причесывающая свои золотистыя кудри золотымъ гребешкомъ. Она очень любитъ лошадей, непрестанно завиваетъ у нихъ гриву и катается ночью верхомъ, когда всѣ засыпаютъ. Чтобы овладѣть Али, достаточно какъ-нибудь отрѣзать у нея ноготь или волосокъ. Али тогда поступаетъ въ домъ въ услуженіе къ лицу, гдѣ спрятаны столь дорогія для нея частицы ея тѣла, и служитъ до тѣхъ поръ, пока ихъ не откроетъ. Лучшее средство обезпечить за собою ея продолжительную службу — это зарыть ноготь или волосъ ея предъ каминомъ, гдѣ она не можетъ ихъ

---

[1]) „Али" въ Имеретіи соотвѣтствуетъ „Ткисъ-кали" (лѣсная женщина). Она молода, красива, даритъ дорогія вещи согласившемуся быть ея мужемъ. Противящихся ея волѣ она отпускаетъ помѣшанными или избитыми. Дубровинъ. Исторія войны на Кавказѣ. I, 2, 244.

искать, не подозрѣвая, что они тамъ есть, или воздерживаясь приступать къ огню. Въ разговорѣ съ нею употребляется особая форма обращенія, называемая алури, т. е. альская. Она заключается въ томъ, что Али нельзя говорить ничего въ положительномъ смыслѣ, а все требуется выражать отрицательно: не дѣлай того-то, не ставь самовара, не мой посуды и т. д. Только въ такомъ случаѣ достигается цѣль службы; въ противномъ случаѣ, она опрокинетъ самоваръ, перебьетъ посуду и пр. Али умѣетъ ласкать дѣтей и своей любезностью хочетъ узнать у нихъ о мѣстонахожденіи искомыхъ ею частицъ. Она обѣщаетъ имъ красное платье, красныя туфли, если вывѣдаютъ у родителей, гдѣ спрятанъ волосокъ. Разсказывавшій мнѣ увѣрялъ, что у его сосѣда долго служила Али, потомъ она чрезъ маленькую дѣвочку узнала, что волосокъ ея хранится предъ каминомъ, оцарапала ее до крови,—чѣмъ исполнила обѣщаніе одѣть въ красное платье, захватила съ собой волосокъ и исчезла безслѣдно [1]).

Ропапи—мужчина пожилыхъ лѣтъ, безъ волосъ, но съ хвостомъ. Онъ покровитель семьи и главный наблюдатель за ея достояніемъ. Если скотина оставалась въ полѣ и угрожала ей опасность, то Ропапи будилъ всѣхъ поспѣшить ей на помощь или самъ отправлялся пригнать скотину домой. Онъ боится оружія, огня и св. Георгія. Иногда онъ любитъ приставать, тогда нужно призвать св. Георгія, или показать оружіе, огонь, и онъ немедленно отстанетъ.

Ави-сули (злая душа или злой духъ). Этотъ геній поселяется въ домѣ во время родовъ женщины. Онъ преслѣдуетъ родильницу и новорожденнаго ребенка. Для загражденія доступа къ ней, прибиваютъ на порогѣ подкову или желѣзную цѣпь, чрезъ которую Ави-сули не рѣшается перешагнуть. Саму родильницу, а также ребенка покрываютъ сѣтью, кладутъ у изголовья кинжалъ и вертелъ. Послѣдній снабженъ тремя луковицами, запахъ которыхъ противенъ Али-сули; кинжалъ и вертелъ, какъ всѣ желѣзныя вещи, служатъ лучшимъ средствомъ отраженія вообще злыхъ духовъ. Однако всѣ эти

[1]) Въ Имеретіи силой креста овладѣлъ Али священникъ, но открывъ свой волосъ, этотъ духъ исчезъ, сваривъ предварительно дѣтей своего патрона въ котлѣ. „Иверіи“ № 227, 1886 г.

мѣры предосторожности считаются не вполнѣ достаточными для противодѣйствія Ави-сули. Необходимо прочесть особую молитву, произнести заговоръ, извѣстный мѣстной повивальной бабкѣ, слова которой повторяются и родильницей. Вотъ этотъ заговоръ въ русскомъ переводѣ:

Али ули али выучила женщину (т. е. родильницу).
Кинжалъ, сѣть и гребень подложить подъ голову.
Поймала Али скверную, мерзкую,
Отрубила кинжаломъ голову, прогнала на дворъ.
Петръ сидитъ у дверей. Павелъ же на кровлѣ,
Цѣпь лежитъ на порогѣ, а крестъ на кровлѣ.
Господи, осѣни крестомъ здѣсь лежащую родильницу!

Если въ домъ родильницы придетъ путникъ ночью, то необходимо очистить его отъ Ави-сули, который вмѣстѣ съ нимъ могъ пробраться въ комнату. Для обезопасенія отъ этой нечистой силы путнику предлагается перепрыгнуть чрезъ разведенный костеръ и его окропляютъ св. водой.

Дъяволъ. Общее имя для всѣхъ злыхъ духовъ. Но повидимому, изъ родоваго понятія объ нихъ выдѣляется особый видъ чертей, не имѣющихъ родства съ вышеназванными недобрыми геніями. Дьяволъ представляется народу человѣкомъ низкаго роста съ длинной бородой. Эти духи живутъ семейно въ лѣсу, на берегу рѣчки, на вершинѣ горъ или въ ущельѣ между скалами. Они плодятся, размножаются, принимаютъ гостей, устраиваютъ веселые пиры. Запоздавшаго путника они обманомъ завлекаютъ въ свое жилище. Разсказывали мнѣ, что одинъ крестьянинъ, очутившись у дьявола на пирушкѣ былъ пораженъ способомъ приготовленія яствъ. Дьяволъ поставилъ пустой котелъ на треножный таганъ и, размѣшивая ложкой, приговаривалъ: „гдѣ нѣтъ, пусть здѣсь будетъ“ [1]). Котелъ наполннется. Кувшинъ такимъ образомъ наполнился виномъ. Тогда только бѣдный путникъ догадался, у кого онъ гостилъ. Разъ постучали дьяволы къ одной старухѣ, пови-

[1]) Поэтому у грузинъ принято не говорить никогда, что у нихъ нѣтъ, напр. хлѣба, когда сосѣди просятъ. Если даже ни одного хлѣба не имѣется нужно сказать: сундукъ полонъ. Это значитъ, что сундукъ пустъ, но не хотятъ радовать дьяволовъ.

вальной бабкѣ, и попросили идти къ родильницѣ. Здѣсь она видѣла одѣяло одной княгини, запачканное раньше сальной рукой самой бабки. Этотъ признакъ открылъ ей, къ какой родильницѣ она была призвана помочь при трудныхъ родахъ.

Кудіани—имя вѣдьмъ, представляемыхъ съ хвостомъ (куди). Предполагаютъ, что дѣвочку, оставшуюся некрещеной ко дню „кудіаноба", празднуемаго нечистыми силами въ среду на страстной недѣлѣ, въ будущемъ ожидаетъ участь быть „кудіани". Для охраны отъ поврежденія, наносимаго кудіани, въ великую среду зажигаются костры, чрезъ которые перепрыгиваютъ всѣ со словами: „алули кудіанебса!" (пламя вѣдьмамъ съ хвостомъ). Въ день „чіакоконоба" (зажиганіе костра) всѣ кудіани на кошкахъ совершаютъ путешествія на гору Эльбрусъ (Іалбузисъ-мта), гдѣ у чертей назначенъ всеобщій торжественный пиръ. Житель Хидистави увѣрялъ меня, что его невѣстка ночью на Великій четвергъ обмазала себя особымъ веществомъ, называемымъ нишадури и вылетѣла чрезъ отверстіе, служащее окномъ въ ихъ избѣ. Онъ успѣлъ схватить ее за кончикъ платья и на другой день вполнѣ удостовѣрился въ ея принадлежности къ кудіани по разорванному платью невѣстки. Въ четвергъ на страстной недѣлѣ сохранивъ глубое молчаніе, желающіе могутъ обсыпать себя золой „чіакокона", подняться на персиковое дерево, посмотрѣть въ сторону Эльбруса чрезъ сито и очамъ ясно откроется празднество кудіановъ. Случалось, что по незнанію нѣкоторые изъ „христіанъ" (называемыхъ такъ въ противоположность кудіанамъ) мазали себя веществомъ „нишадури" или „квинтела" слѣдуя примѣру кудіани и съ быстротой молніи прибывали вмѣстѣ съ ней на Эльбрусъ [1]).

Маджладжуна (кошемаръ) имѣетъ власть надъ спящимъ человѣкомъ. Она ложится на него, давитъ его своей тяжестью и задерживаетъ его дыханіе. Однако остается путь для спа-

[1]) Кудіани приписываются появленіе чумы, неурожай, падежъ скота. Въ Мингреліи послѣ турецкой войны 1856—57 гг. распространился падежъ скота. Считая его дѣйствіемъ кудіани, начали ихъ бросать въ рѣку: которая тонула—та не вѣдьма, а которая не тонула—вѣдьма. Послѣднихъ нагихъ гнали между разложенными кострами, пока онѣ не признали за собою вины въ падежѣ скота. (Крѣп. состояніе въ Мингреліи. Зап. Кавк. отд. И. Р. Г. О. кн. VII).

сенія: у маджладжуна лишь одна ноздря, которой и покрываетъ ноздрю спящаго, оставляя другую ноздрю послѣдняго не стѣсненной. Чрезъ нее является возможность пользоваться воздухомъ и избѣгнуть задушенія.

Ави кари (злое повѣтріе). Вліяніе „ави кари" проявляется въ тѣхъ случаяхъ, когда не во время, въ поздній часъ, ходятъ за водой къ рѣчкѣ или колодцу. Злой духъ незамѣтно бьетъ по головѣ (тавши чакраве) запоздалаго гостя и отнимаетъ у него разсудокъ. Результатомъ этого является помѣшательство, продолжающееся до тѣхъ поръ, пока больной не запишетъ именъ своихъ патроновъ. Записки бросаютъ въ огонь, и трескъ, издаваемый ими, вѣрный признакъ гибели „Ави кари" и освобожденія больного отъ овладѣвшаго имъ недуга.

Каджи [1])—злой духъ, являющійся человѣку въ различныхъ видахъ. Каджи въ образѣ знакомаго друга, поддѣлываясь подъ его голосъ, можетъ вызвать человѣка на дворъ, упрашивая его слѣдовать за нимъ. Въ случаѣ отказа онъ бьетъ, терзаетъ до потери сознанія и самъ быстро исчезаетъ. Онъ можетъ являться въ образѣ собаки, кота, теленка и др. животныхъ. Мнѣ разсказывалъ одинъ крестьянинъ, испытавшій ихъ силу, слѣдующее: онъ возвращался поздно домой, неся съ собой въ кувшинѣ наловленную имъ рыбу. Какіе-то „черные люди" пристали къ нему, требуя, чтобы онъ продалъ рыбы. Крестьянинъ отказался. Тогда „черные люди" превратились въ собакъ, избили его и бросили въ ближайшую рѣку. Мельникъ его вытащилъ изъ воды, гдѣ безъ его помощи онъ навѣрно утонулъ бы.

Ткисъ-каци (лѣсной человѣкъ). Онъ не боится огня, не стѣсняется людей и спокойно подсаживается къ охотнику раздѣлить съ нимъ трапезу [2]). Онъ вредить не можетъ, но надоѣдаетъ своей неотвязчивостью.

Ужмури—это нечистый духъ, присущій всякому мѣсту и

---

[1]) Каджи—безсмертные мужчины и одарены блестящими качествами. *Дубровинъ*, op. cit. I, 2, 244. Этн. Обозр., кн. IV.

[2]) „Иверія" № 107 1889 г. здѣсь между прочимъ читаемъ, что у свановъ есть особое божество, покровительствующее звѣрямъ и въ особенности турамъ Оно носитъ названіе *Дали*.

легко пристающій къ человѣку въ особенности вечеромъ. Вставая съ травы имеретинъ считаетъ нужнымъ отряхнуть платье какъ бы этимъ пріемомъ отгоняя отъ себя приставшую къ нему недобрую силу.

Чинки—особый видъ дьяволовъ, преимущественно извѣстныхъ въ Имеретіи. Свѣдѣнія объ нихъ были приведены на грузинскомъ языкѣ въ „Иверіи", а на русскомъ языкѣ въ „Новомъ Обозрѣніи". Я воспользуюсь для восполненія, по возможности, перечня нечистыхъ силъ у грузинъ сжатой замѣткой Ил. Хонели, изложившаго порусски повѣрія имеретинъ въ вышеназванной газетѣ.

Авторъ статьи, даетъ сначала краткій обзоръ состоянія горы Табакелы—убѣжища злыхъ геніевъ, лежащей недалеко отъ мѣстечка Хони (въ Кутаис. г.). Высоты этой горы теперь необитаемы, скалы ея не знаютъ плуга земледѣльца, луга и долины ея не привлекаютъ стадъ окрестныхъ селеній. „А было время — Табакела не представляла собой пустыни. Густолиственный лѣсъ шумѣлъ на ея склонахъ, высокія пихты и сосны украшали ея вершину. Немолчный говоръ оглашалъ чащу лѣсовъ и веселые ручьи пѣли нескончаемыя пѣсни. Все живое — и звѣри, и птицы, гнѣздилось на этихъ высотахъ". Медвѣди, шакалы, барсы, волки, рыскали по лѣсамъ и ущельямъ, луга и долины пестрѣли стадами козъ и овецъ [1]).

Увидѣлъ все это царь тьмы, и стало ему больно. Захотѣлось ему уничтожить жизнь на веселой горѣ, обратить рай земной въ мѣсто смерти и ужаса. Онъ собралъ духовъ, гнѣздившихся въ ущельяхъ Кавказа, и послалъ ихъ на Табакелу. Тѣ примчались, заполонили гору, заселили ущелья, заняли скалы, и дохнуло смертью на окрестность. Вѣковой лѣсъ завялъ и высохъ, царственныя пихты стали жертвою червоточины. Звѣри бѣжали, птицы улетѣли, родники и ручьи ушли въ землю. Человѣку пришлось сойти внизъ и оставить гору на жертву судьбѣ. Поднялся туманъ отовсюду, окрестныя горы стали посылать на Табакелу тучи и непогоду, и пророкъ Илья началъ поражать ее ударами молніи....

[1]) Нов. Обозр. № 2288. Въ мірѣ фантазіи. *Ил. Хонели.*

Съ тѣхъ поръ Табакела стала гнѣздомъ нечистыхъ тварей, царствомъ духовъ, средоточіемъ зла и порока. Косматый, молчаливый Каджи началъ шагать по уступамъ ея скалъ, блестя надгруднымъ топоромъ [1]), стуча алмазными зубами. При вомѣ бури, при раскатахъ грома, въ темнотѣ ущелья и въ блескѣ молніи, онъ является тутъ очамъ путника, мрачный, неумолимый. Отъ его шаговъ колеблется земля, рушатся скалы; не спасаетъ отъ него ни оружіе, ни смѣлость, — ничто, кромѣ креста и молитвы. Онъ то бродитъ по пустынной горѣ, то спускается внизъ, на равнину, въ темныя, безлунныя ночи. А Али, а Чинки? Сколько ихъ, этихъ ужасныхъ созданій, въ мрачныхъ тѣснинахъ Табакелы?! Овраги, ущелья, долины и скалы одинаково полны ими—онѣ подстерегаютъ вездѣ, повсюду творя зло и развивая смуту. Прекрасныя, полногрудыя, съ глазами, полными чаръ и страсти, онѣ кружатся надъ несчастною горою въ дикихъ оргіяхъ веселья. Имъ подвластны всѣ, и еще женщина не рождала человѣка который могъ бы устоять противъ ихъ соблазновъ. Въ вѣнкѣ изъ огненныхъ волосъ, въ облакахъ пахучаго дыма, голыя и соблазнительныя, онѣ являются мужчинамъ, чтобы ловить ихъ въ свои сѣти. Сколько прекрасныхъ женъ, сколько нѣжныхъ матерей стало жертвами этихъ фурій! Онѣ злы, коварны и никогда не забываютъ нанесенной обиды. Женщины — ихъ прирожденные враги, и Чинки мстятъ имъ съ безумною жестокостью. Онѣ душатъ въ постели, вырѣзываютъ сердце, куски матеріи изъ платья и заставляютъ чахнуть и изнывать медленною смертью. Есть одинъ способъ приручить Чинку [2]). Это—остричь ей волосы и ногти. Тогда она дѣлается смирной и послушной, усердно прислуживая въ домѣ. Но услуги ея продолжаются до тѣхъ поръ, пока она не отыщетъ волоса. Тогда она снова превращается въ духа и, отмстивъ поработателю, улетаетъ на Табакелу...

Всѣ Чинки подвластны царицѣ „Дедо-Рукапи“. Она столь же безобразна, сколько прекрасны подчиненные ей духи. Старая, горбатая, вся въ прыщахъ и язвахъ, Дедо-Рукапи вооружена

[1]) По народному повѣрію, у лѣшаго на груди топоръ, которымъ онъ, наваливаясь на жертву, перерѣзаетъ ее пополамъ.

[2]) Чинки въ этомъ отношеніи напоминаютъ Али.

длиннѣйшимъ хвостомъ и большими клыками. На лбу у нея единственный глазъ, который вертится колесомъ и позволяетъ видѣть все и вся. Ей невѣдомы ни милость, ни сожалѣніе, для нея нѣтъ радости кромѣ той, которую доставляетъ ей зло во всѣхъ формахъ и видахъ. Единственное назначеніе—вредить людямъ, цѣль—побуждать къ тому же подвластныхъ духовъ. Изъ послѣднихъ наибольшимъ уваженіемъ и любовью ея пользуется тотъ, кто сумѣлъ натворить больше зла и совратить побольше христіанскихъ душъ. Увы, не всѣ женщины противны Чинкамъ не со всѣми онѣ во враждѣ и ссорѣ! Въ средѣ отживающихъ вѣкъ старухъ у нихъ есть свои адепты, не менѣе страшныя, чѣмъ онѣ сами. Это—„Кудіанеби", колдуньи, обладающія сверхъестественной силой. Онѣ также умѣютъ вырѣзывать сердца у людей, какъ и Чинки и въ той же чести у Дедо-Рукапи, какъ и тѣ.

Наканунѣ Успенія [1]), вся эта нечисть приходитъ въ движеніе,—Табакела содрогается отъ дикой вакханаліи. Съ послѣднимъ лучемъ заходящаго солнца изъ всѣхъ разсѣлинъ горы вылетаютъ духи и разсѣиваются по равнинѣ. Утверждаютъ, что ни звѣзды небесныя, ни песокъ морской не могутъ сравниться по количеству съ невидимой силой. Бурнымъ потокомъ расплывается она по равнинѣ и заполняетъ все пространство. Луга, селенія, пашни и лѣса одинаково полны духами. Въ каждомъ встрѣчномъ грозитъ опасность столкнуться съ Чинкою, въ каждомъ кустѣ найти ея логовище, въ каждый моментъ она можетъ промчаться передъ вами верхомъ на черной кошкѣ. Горе спящимъ въ эту ночь! Имеретины знаютъ это, и заранѣе принимаютъ мѣры. Наканунѣ праздника дѣвушки запасаются вязанками дровъ и складываютъ ихъ въ открытыхъ мѣстахъ. Старики и отцы семействъ заготовляютъ кресты и ставятъ ихъ вездѣ, гдѣ только есть опасность отъ духовъ. Виноградники, пашни, дворы и дома—все осѣнено символомъ мира. Въ этотъ часъ деревни представляютъ странную картину. Отовсюду слышны голоса, выкрикивающіе:

---

[1]) Кн. Р. Эристовъ въ путевыхъ запискахъ по Мингреліи сообщаетъ также объ этомъ праздникѣ. Мозаквали (Колдуны). „Кавказ. Старина" III, 79.

джвари ак'ет', джвари ак'ет'!
т'к'вени свит'да т'к'вени тчамет'
чвенсас джвари дагвитцерет'!

„Да будетъ крестная сила съ нами! Ѣшьте свое, пейте свое,—оставьте наше и осѣните его крестомъ!“ Въ домахъ хозяйки тоже заняты дѣломъ. Онѣ льютъ восковыя свѣчи и воскомъ залѣпляютъ пучки волосъ себѣ и дѣтямъ. Это страхованіе отъ опасности. Злые духи не смѣютъ прикасаться къ „мѣченной“, какъ не въ силахъ вредить дому на которомъ виденъ крестъ. Затѣмъ крѣпко накрѣпко запираются кошки, чтобы Чинки не ѣздили на нихъ. Съ наступленіемъ сумерекъ зажигаются костры, и молодежь прыгаетъ чрезъ нихъ, очищаясь огнемъ [1]). Шутки, смѣхъ, игра на дайрѣ, пѣсни и выстрѣлы оглашаютъ воздухъ Толпы парней разгуливаютъ по улицамъ и площадямъ, не смыкая глазъ. Игры продолжаются до зари. Но едва лишь побѣлѣетъ востокъ—опасность миновала, и всѣ расходятся по домамъ. Не заручившіеся охранительными средствами противъ козней духовъ, дѣлаются жертвами Чинки. Подъ утро, какъ только запоетъ второй пѣтухъ, наступаетъ конецъ вакханаліи духовъ. Они поспѣшно оставляютъ равнину и изъ мирнаго селенія направляются къ Табакелѣ. Чинки и Кудіанеби обязаны представить Дедо-Рукапи подробный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ за эту ночь. Верхомъ на кошкахъ, на давильняхъ, метлахъ съѣзжается нечистая сила во дворъ своей царицы. Она сидитъ на тронѣ изъ гадовъ въ сообществѣ гномовъ и змѣй, еще безобразнѣе, чѣмъ прежде. Блестя чудовищными клыками, сверкая огненнымъ глазомъ, мать порока обводитъ сонмы духовъ пронизывающимъ взглядомъ. Безконечной цѣпью тянутся они, дефилируя предъ своей владычицей. Докладыя о своихъ подвигахъ, каждая изъ Чинокъ представляетъ ей вещественные знаки своихъ дѣяній. Одна кладетъ предъ трономъ кудри дѣтей, обреченныхъ смерти, другая—пылающія сердца любящихъ существъ, третья — вырѣзки изъ платья порченныхъ и пр. Тутъ же представляются ей новыя сподвижницы

[1]) Въ восточной Грузіи очищеніе чрезъ огонь происходитъ въ среду на Страстной недѣлѣ.

табакельскаго воинства. Колдуны и вѣдьмы, верхомъ на метлахъ, проносятся предъ ней тучей, гонимой ураганомъ. Царица привѣтствуетъ ихъ воплемъ радости одаряетъ способностью превращаться въ волка, пень, собаку, женщину, въ гору выше небесъ, въ мушку меньше булавочной головки. Блеснетъ наконецъ лучъ денницы—настанетъ праздникъ Успенія, и Табакела замираетъ на одинъ годъ. Духи ея снова удаляются въ тѣснины и трущобы и лишь изрѣдка, блуждая, осмѣливаются спускаться на цвѣтущую равнину.

„Иверія [1]) дополняетъ свѣдѣнія, извлеченныя нами изъ „Нов. Обозр.". Чинкамъ посвящается мѣсяцъ октябрь, когда эти духи пребываютъ на землѣ съ 15 числа по 7 ноября. Чинка представляется ребенкомъ 3—4 лѣтъ съ длинными до земли волосами. Однако она обладаетъ громадной силой, способной поднять на воздухъ цѣлые дома. Приходъ ея 15 октября или уходъ сопровождается дождемъ. Въ первую ночь ея сошествія на землю нужно запечатлѣть изображеніе креста на камнѣ или кирпичѣ и бросить недалеко отъ винныхъ кувшиновъ или въ хлѣвъ. Прикасаясь этимъ камнемъ къ платью, приговариваютъ: „печать св. Георгія". Чинка не можетъ приблизиться къ мѣсту нахожденія этого священнаго камня. Родившихся между 15 окт. и 7 ноября необходимо дать имя Георгія и Маріи, иначе имъ угрожаетъ опасность быть уведеннымъ обманомъ Чинки въ темное царство. Достаточно произнесть имя Маріи или Георгія, чтобы освободиться изъ подъ власти Чинки. Разсказываютъ, какъ Чинка увлекла дѣвицу Соломію на пиръ нечистыхъ силъ. Когда онѣ пропѣли на хороводѣ ихъ пѣсню, оканчивающуюся словами: „да проклянетъ Чинокъ"—всѣ онѣ моментально пали въ безчувственномъ состояніи и Саломія спаслась отъ нихъ бѣгствомъ. Въ промежутокъ пребыванія Чинки на землѣ во всѣхъ работахъ требуется выдѣлить въ пользу ея извѣстную долю: если вяжутъ чулки, шали, то неизбѣжно въ миніатюрномъ видѣ приготовить такія же вещицы для Чинки, чтобы избавиться отъ нанесенія вреда работѣ. 7 ноября является „Михаилъ, Гавріилъ—архангелъ" свяжетъ всѣхъ Чинокъ вмѣстѣ и броситъ въ рѣку.

[1]) № 227. 1886 г.

Масса другихъ суевѣрій месховъ имѣетъ много общаго съ таковыми же суевѣріями грузинъ. Общность условій, непрерывныя сношенія, племенное родство месховъ съ картвельскими народами объясняютъ сходство ихъ міровоззрѣнія, обрядовъ и поэтическаго творчества.—Подробности свадебныхъ обрядовъ у грузинъ хорошо извѣстны въ печати. Я скажу о нихъ только вкратцѣ и приведу нѣсколько пѣсенъ, которыя поются при этомъ торжествѣ. Обыкновенно переговоры съ невѣстой ведутся чрезъ посредство дяди жениха или свахи. Покончивъ съ предварительными переговорами невѣстѣ посылаютъ чрезъ брата „хелисъ-дасадеби“—сахаръ и кольцо. Послѣ этого сговора назначается „пирисъ-нахва“—день, въ который женихъ въ первый разъ является посмотрѣть лицо невѣсты. Шаферъ („меджваре“, „натлія“) дѣлаетъ приготовленія къ свадьбѣ, собираетъ молодыхъ людей („макари“) съ которыми женихъ идетъ въ баню. Въ день свадьбы онъ посылаетъ невѣстѣ „сакорцило“—корову, овцу или свиней. Вотъ три момента свадьбы у грузинъ. Месхи говорили мнѣ, что они предпочитаютъ похищать невѣсту, чтобы священнику не платить за вѣнчаніе 10 руб. Въ день свадьбы идутъ пожертвованія въ пользу новобрачныхъ: каждый гость подноситъ отъ 1 до 3 руб. Невѣста приноситъ въ подарокъ роднымъ мужа носки, платки. Сама она получаетъ даръ за первую лезгинку (шабаши). Слѣдуетъ еще замѣтить, что она вѣнчается съ закрытымъ лицомъ и чрезъ три дня шаферъ приподнимаетъ саблей покрывало съ ея лица. Присутствующіе подносятъ новобрачной „пирисъ-санахави“—подарокъ за смотръ лица. Чрезъ нѣсколько времени, наканунѣ какого-нибудь праздника, она получаетъ отъ отца „мосакитки“ (корову, барана, гуся и пр.). Женихъ получаетъ „пирисъ-гасажнели“ отъ тещи въ видѣ чулокъ, полотенца, и только послѣ этого женихъ проясняется и начинаетъ дѣлить трапезу съ веселой компаніей, во главѣ которой стоитъ „толумбаша“—распорядитель пира. Обѣдъ сопровождается пѣніемъ, выстрѣлами изъ ружья, танцами, смѣхомъ и шутками. Не только обѣдъ, но каждый шагъ новобрачныхъ сопровождаются особыми пѣснями и выраженіями добрыхъ пожеланій. Нѣкоторыя изъ нихъ я привожу въ переводѣ.

При выходѣ жениха и невѣсты „макари“ поютъ:

Царь (т. е. женихъ), вѣнецъ твой да осѣнится крестомъ Всевышняго!
Сладость да ждетъ тебя въ жизни съ твоей новобрачной!
Она даруетъ тебѣ семь сыновей и трехъ солнцеподобныхъ дочерей.
„Макарами“ опять мы будемъ, если твой первенецъ-дочь.

Отправляя невѣсту изъ дому, ее провожаютъ слѣдующею пѣсней:

Ступай, Господь да защититъ тебя!
Онъ продлитъ дни твои и вручитъ ключи рая.
Обогатитъ тебя алмазомъ и семью сыновьями
Твоихъ дочерей солнцеподобныхъ мы будемъ „макарами“.

Женихъ съ невѣстой возвращаются изъ церкви домой, и проходятъ чрезъ скрещенные надъ дверями кинжалы:

Идемъ и радуемся—ведемъ красную бабочку.
Счастлива мать жениха—роза засіяетъ предъ каминомъ.
Увы матери невѣсты!—крысы заскребутъ предъ каминомъ.

Поднимая первый тостъ за здоровье новобрачныхъ толумбашъ заканчиваетъ свою рѣчь пѣсней:

Слава Господу Богу, выпью еще разъ.
Вашего врага-недруга да пронзитъ горячая пуля.
Да не доживетъ до жатвы, ни молотьбы!
Такъ Иванъ взмолился, а вино самъ пилъ.

За обѣдомъ кто-нибудь изъ присутствующихъ поетъ очень длинную пѣсню, въ которой выражаются пожеланія гостей дому молодыхъ. Въ пѣснѣ высказывается надежда на то, что Богъ дастъ долгую жизнь новобрачнымъ, овецъ, коровъ, буйволовъ, лошадей, быковъ для плуга, хлѣба,—все это будетъ въ изобиліи. Матеріальное довольство довершится внукомъ умнымъ, который составитъ гордость семьи. Миръ и спокойствіе воцарится въ семьѣ, молодыя будущія невѣстки новобрачнаго своей стройностью и красотой, искусствомъ вязать ковры сдѣлаются предметомъ общаго вниманія и удивленія. Врагъ и другъ всѣ будутъ завидовать счастію и благополучію семьи.

Дѣйствительно, месхи, и православные, и католики, и мусульмане, продолжають жить большими семейными общинами. Раздѣлы, у мусульманъ въ особенности, очень рѣдки [1]), чѣмъ объясняется небольшой приростъ домовъ, наблюдаемый у грузинъ-сунитовъ. Въ Ацхурѣ жители не скрываютъ, что выдѣлившіяся семьи стремятся вновь возсоединиться съ коренной семьей родныхъ, такъ какъ жизнь врозь дѣлается, по словамъ ацхурцевъ, немыслимой при общемъ недостаткѣ средствъ. Во главѣ большой семьи стоитъ лицо, избранное совѣтомъ всѣхъ членовъ для управленія всѣми дѣлами семьи. Онъ не всегда является самымъ старшимъ. На избраніе вліяетъ не столько возрастъ, сколько личныя качества избираемаго главой дома. Женская половина имѣетъ особую надзирательницу, распредѣляющую между наличнымъ составомъ женщинъ хозяйственныя обязанности. При перекочевкахъ лѣтомъ въ пастбищныя мѣста, напр. изъ сел. Мусхи въ Занзоби, происходитъ временное дробленіе власти. Одна изъ старшихъ остается главой въ семьѣ въ Мусхи, а другая, избранная на лѣтнее время переселяется въ Занзоби и вступаетъ въ верховныя права домохозяйки. „Шаріатъ" даже допускаетъ, чтобы имуществомъ въ случаѣ неспособности отца распоряжался старшій сынъ.

Движимое и недвижимое имущество считается общимъ достояніемъ всѣхъ наличныхъ членовъ семьи. Порядокъ наслѣдованія терпитъ различныя ограниченія у христіанъ и мусульманъ месховъ. У послѣднихъ порядокъ наслѣдованія согласуется съ требованіями „шаріата", т. е. тѣхъ обычаевъ, которые вытекаютъ изъ ученія корана. „Путеводитель ревнителей вѣры", или Мингаджъ, устанавливаетъ по отношенію къ нему слѣдующіе руководящіе принципы, которые находятъ точное примѣненіе въ дагестанской юридической практикѣ [2]). I. Къ наслѣдованію призываются одновременно отецъ и мать, сынъ и дочь и оставшійся въ живыхъ супругъ. Наличность этихъ наслѣдниковъ устраняетъ всѣхъ остальныхъ, каждый

---

[1]) *Вермишевъ*. Матеріалы для изученія быта госуд. крестьянъ, стр. 93. Число душъ въ семьѣ грузина—православнаго восходитъ къ 32, у грузинъ сунитовъ иногда доходитъ до 40.

[2]) *М. Ковалевскій*. Законъ и обычай на Кавказѣ. II, 206.

изъ нихъ наслѣдуетъ только въ извѣстной долѣ имущества. При наличности всѣхъ перечисленныхъ наслѣдниковъ, $^1/_8$ имущества идетъ женѣ, $^1/_4$ мужу, $^1/_6$ отцу и та же часть матери, за неимѣніемъ ихъ дѣду и бабкѣ; остатокъ дѣлится между сыномъ и дочерью такимъ образомъ, что часть сына въ два раза больше части дочери.

У месховъ-мусульманъ, согласно шаріату, сыновья наслѣдуютъ имущество, которое дѣлится между ними на равныя доли, независимо отъ числа дѣтей у нихъ. Дочери имѣютъ долю въ садахъ и въ движимомъ имуществѣ, но въ пашняхъ и прочихъ земельныхъ угодьяхъ онѣ не участвуютъ. Во всякомъ случаѣ при наслѣдованіи и этого рода имущества дочь получаетъ вдвое меньше сыновей [1]). Месхамъ, какъ и всѣмъ грузинамъ извѣстенъ обычай введенія посторонняго лица въ качествѣ зятя (зедсидзе) Онъ наслѣдуетъ земельное имущество тестя, если послѣдній оставитъ письменное завѣщаніе объ этомъ или выразитъ такое желаніе въ присутствіи двухъ свидѣтелей. По ученію мусульманскихъ юристовъ школы Шафаи и другихъ законовѣдовъ, завѣщаніе имѣетъ силу не потому, что оно изложено на письмѣ, а потому, что воля завѣщателя можетъ быть засвидѣтельствована двумя, по меньшей мѣрѣ, лицами мужскаго пола, которымъ онъ предъ смертью открылъ свои намѣренія [2]). Поэтому въ Дагестанѣ до водворенія русскихъ на Кавказѣ „нузру", замѣнявшее завѣщаніе было не письменнымъ, а устнымъ [3]). Ни майората, ни минората грузины не знаютъ; имъ неизвѣстенъ также раздѣлъ наслѣдства между сыновьями на основаніи трудоваго начала, т. е. сообразно тому, въ какой мѣрѣ каждый участвовалъ въ накопленіи общаго имущества.

Общая черта формъ землевладѣнія всѣхъ государственныхъ крестьянъ ахалцикскаго уѣзда выражается въ правѣ общества вмѣшиваться въ распредѣленіе земель между своими членами. Оно проявляется въ отрѣзкѣ участка у многоземельнаго крестьянина и передачѣ его малоземельному, а также въ воспре-

---

1) *Вермишевъ*. Op. cit. Стр. 92.

2) *Tornau*. Le droit musulman. 188.

3) Сборн. свѣд. о Кавказ. горцахъ, вып. V. Горская лѣтопись, стр. 5.

щеніи дальнѣйшаго распахиванія пустующей части надѣла. Другимъ признакомъ, опредѣляющимъ значеніе общества въ дѣлѣ распоряженія мірскою землею, можетъ служить систематично проявляемое право общества на выморочные участки. Третьею чертой является общее пользованіе пастбищной землей, распахиваніе которой допускается только съ согласія общества. Далѣе слѣдуетъ отмѣтить распредѣленіе налоговъ [1]) пропорціонально количеству земли и броженіе населенія въ силу недовольства существующимъ распредѣленіемъ земли изъ стремленія уравнить земельные участки между всѣми нуждающимися. Эти черты характеризуютъ принципы общинной формы землевладѣнія въ изучаемомъ нами районѣ [2]). Здѣсь въ нѣкоторыхъ селеніяхъ (Вале) замѣчается рядомъ захватный способъ пользованія и развитые періодическіе передѣлы надѣловъ. Въ другихъ уже перешли (сел. Цхутаджваръ) отъ захватнаго способа къ правильнымъ подымнымъ передѣламъ на сроки отъ одного камеральнаго описанія до другаго; въ этотъ промежутокъ времени право на равный надѣлъ имѣетъ только домъ, записанный въ камеральное описаніе.

Вслѣдствіе неразмежеванности земель частныхъ лицъ и надѣловъ казенныхъ поселянъ усматривается чрезвычайная масса поземельныхъ споровъ. Источниками этихъ споровъ служатъ захваты казенной земли, лѣсной площади частными владѣльцами. Казенными лѣтними пастбищами пользуются 32 селенія осѣдлаго населенія и все кочевое [3]) населеніе (21 сел.). Послѣдніе пользуются почти исключительно безплатно, и лишь въ недавнее время и они стали снимать за деньги казенныя пастбища. За извѣстный сборъ пользуются пастбищами грузины-христіане и мусульмане: съ головы крупнаго скота 25 коп., мелкаго — 6 коп. Селенія Мусхъ, Мугаретъ, Цнисъ и Утхисубанъ пользуются пастбищами по контрактамъ. Казеннымъ лѣсомъ пользуются безденежно лишь нѣкоторыя

---

1) Также у тушинъ (см. „Этногр. Об." кн. III).

2) *Вермишевъ*. Op. cit. 68–9.

3) Кочевники соединены въ три этнографически различныя группы: 1) куртинъ племени Зиланскаго; 2) куртинъ племени Исмаиланскаго и 3) изъ таракаманцевъ-карапапаховъ.

деревни. Другія принуждены пріобрѣтать стройтельные матеріалы въ лѣсахъ частныхъ лицъ.

Пахатныя земли, принадлежащія частнымъ лицамъ, находятся въ пользованіи крестьянъ на правѣ срочной и безсрочной или вѣчной аренды. Послѣдняя представляетъ самую древнѣйшую и типичную форму пользованія чужой землей, выработанную прошлой экономической жизнью Ахалцихскаго уѣзда. Въ эпоху существованія Месхетіи въ видѣ провинціи грузинскаго царства несомнѣнно здѣсь господствовали тѣ самые порядки отношеній между помѣщиками и крестьянами, какіе указаны мною въ изслѣдованіи: „Крѣпостное право въ Грузіи“ [1]). Землевладѣлецъ сдавалъ участки имѣнія крестьянамъ для эксплоатаціи въ свою пользу, выдѣляя въ пользу землевладѣльца $^1/_5$ или $^1/_7$ урожая,—долю закономъ установленную сообразно съ плодородіемъ надѣла. Сверхъ этого крестьяне-арендаторы уплачивали извѣстные денежные налоги и отбывали массу натуральныхъ повинностей. Такимъ образомъ крестьянинъ былъ связанъ двумя узами, вытекающими изъ личной крѣпости и изъ поземельныхъ его отношеній къ помѣщику. Землевладѣлецъ давалъ ему право пользованія—dominium utile, оставляя за собою права верховнаго владѣтеля—dominium directum. Эти порядки, установленные въ Месхетіи одновременно съ Грузіей, уцѣлѣли во времена турецкаго владычества въ Ахалцихскомъ уѣздѣ и держатся еще теперь тамъ, гдѣ земля принадлежитъ дворянскому и служилому сословію, владѣвшему *наслѣдственно* населенными имѣніями [2]).

Главное занятіе населенія Ахалцихскаго уѣзда составляетъ земледѣліе, садоводство и скотоводство. Каждая народность здѣсь имѣетъ излюбленную систему хозяйства.—Куртины, таракаланцы и туркмены—лучшіе представители кочевого быта. Грузины-суниты посвятили себя главнымъ образомъ садоводству и огородничеству. Грузины—православные являются наиболѣе типичными хлѣбопашцами. Однако стремленіе къ болѣе разностороннему развитію хозяйства замѣтно у

[1]) См. мое „Крѣпостное право въ Грузіи“.

[2]) Я не касаюсь особой формы владѣнія чужой землей извѣстной подъ именемъ тапкой. „Тапа“ выдавалась за извѣстную сумму денегъ и служила порукой вѣчнаго владѣнія и при смѣнившихся наслѣдникахъ

всѣхъ народностей Ахалцихскаго уѣзда. Онъ вполнѣ заслуженно славится своими фруктовыми деревьями, процвѣтанію которыхъ способствуетъ замкнутое положеніе всей котловины, обиліе въ почвѣ извести, теплая и сухая осень. Нужно замѣтить, что виноградники встрѣчаются чрезвычайно рѣдко, что мнѣ объяснили вліяніемъ ислама нетерпимаго къ вину. Во многихъ мѣстахъ вмѣсто лозъ посажены груши, яблоки, вишни, черешни, орѣхи, абрикосы, персики, туты, айва и пр. Во всемъ Ахалцихскомъ уѣздѣ всѣ плодовыя деревья, за исключеніемъ туты, даютъ урожаи по два года разъ. Торговля фруктами, т. е. вывозъ ихъ въ Тифлисъ и центр. Россію начинается въ сентябрѣ. Выдача денегъ за будущій урожай не практикуется.

Что касается системы полеводства и сѣвооборота, то она у кореннаго населенія паровая, зерновая, двухпольная, какъ и во всей почти Грузіи; у кочевниковъ тотъ видъ первобытной пастбищной системы, который носитъ названіе „альпійской." Средствомъ для обработки земель служатъ *супряги*, [1] въ особенности въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ примѣняется плужное паханіе. Нормы, выработанныя народомъ для дѣлежа работы между домохозяевами, составившими товарищество для обработки полей, весьма различны. Есть деревни, въ которыхъ домохозяева, соединяясь для совмѣстной обработки полей, работаютъ для каждаго изъ членовъ такого союза столько, сколько это для него необходимо, и такимъ путемъ вспахиваютъ всѣмъ участникамъ товарищества все то пространство, какое они хотѣли бы засѣять. Въ другихъ деревняхъ напр. въ сел. Килоди жители выработали опредѣленныя нормы, одинаковыя съ существующимъ порядкомъ въ этомъ отношеніи въ Грузіи. Артель пахарей, работая въ общемъ 24 дня, пашетъ для владѣльца плуга 2 дня, для двухъ ночныхъ погонщиковъ 4 дня, для пяти паръ воловъ 10 д., для пахаря 2 д., для владѣльца упряжи 2 дня. При недостаткѣ рабочихъ силъ каждому члену товарищества приходится нанимать отъ себя работниковъ или за деньги, или за работу, которую производитъ для нихъ артель въ счетъ рабо-

---

[1]) Вермишевъ ор. с. 150.

ты, причитающейся тому владѣльцу скота, который не выставилъ самъ погонщика. Для вознагражденія такихъ наемныхъ рабочихъ установлена слѣд. норма: дневному погонщику—20 коп. или одинъ день работы; ночному погонщику —40 коп. или два дня работы; пахарю—50 коп. или четыре дня работы.

Домохозяинъ, не имѣющій скота, продолжаетъ вести хозяйство и не теряетъ связи съ землей. Онъ можетъ выставить свою личную рабочую силу или упряжь, входя такимъ путемъ въ артельное товарищество. Въ этомъ заключается великое значеніе подобныхъ земледѣльческихъ союзовъ.

Время посѣва и количество посѣваемаго зерна на одной десятинѣ [1]) въ различныхъ мѣстностяхъ находится въ зависимости отъ климатическихъ и почвенныхъ условій. Дымъ, располагающій рабочими силами или кормовыми средствами беретъ небольшое стадо овецъ, головъ въ 40 и въ теченіе трехъ лѣтъ содержитъ ихъ на свой счетъ, при чемъ ежегодно получаемые сыръ, масло и шерсть дѣлятся по поламъ; по истеченіи же трехъ лѣтъ все стадо дѣлится на двѣ части, изъ коихъ одна достается хозяину скота, а другая тому, кто кормилъ овецъ и смотрѣлъ за ними въ теченіе этого времени. Для лѣтней пастьбы нанимаютъ пастуховъ, которымъ уплачивается съ каждой головы крупной скотины по кодѣ ячменя, т. е. около 30 коп. и съ телятъ $1/2$ коды, т. е. 15 коп. Наиболѣе внимательнымъ уходомъ и усиленнымъ кормленіемъ пользуются буйволы [2]).

Изъ кустарныхъ промысловъ самое важное значеніе имѣетъ для населенія производство шерстяныхъ издѣлій: ковровъ, суконъ, войлоковъ, переметныхъ сумокъ, серебряныхъ вещей, извѣстныхъ подъ именемъ ахалцихскихъ серебрянныхъ издѣлій. Лѣсной промыселъ служитъ однимъ изъ крупныхъ источниковъ крестьянскаго заработка. Онъ явился важнымъ подспорьемъ въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ скудные земельные на-

---

[1]) Десятина равняется двумъ дгіури. Послѣднее составляетъ участокъ земли, который можно распахать въ одинъ день.

[2]) Вермишевъ, стр. 176.

дѣлы не въ состояніи были занять всѣхъ рукъ, ни удовлетворить вполнѣ скромныхъ нуждъ крестьянской семьи. Мѣстами этотъ промыселъ заключается въ производствѣ исключительно такихъ издѣлій, какъ лопаты, кувшины, круглыя маслобойки и пр. Сплавъ лѣса по Курѣ служитъ спеціальнымъ занятіемъ только извѣстныхъ селеній. Это объясняется тѣмъ, что сплавъ сопряженъ съ большими опасностями, которыя можетъ преодолѣть человѣкъ, воспитанный съ дѣтства въ борьбѣ съ стихіей, владѣющій твердою рукой, вѣрнымъ глазомъ, полнымъ присутствіемъ духа, готовый смѣло взглянуть въ глаза смерти. Таковы свойства плотовщика „метиве."

Государственные крестьяне платятъ въ казну подымную подать и земскій сборъ—общій по краю и губерніи. Размѣръ подымной подати варьируется отъ 3 до 6 руб.; земскій сборъ по всему уѣзду одинаковъ, онъ равенъ 6 р. 50 к., изъ коихъ общаго по краю сбора 4 р. 5 к. и губернскаго 2 р. 45 к. [1]) Кромѣ того нѣкоторыя селенія несутъ еще особую поземельную подать въ виду прирѣзки имъ новыхъ участковъ. Важное значеніе имѣютъ повинности общественныя. На обязанности сельскихъ обществъ лежитъ удовлетвореніе весьма тяжелыхъ сельскихъ нуждъ разработка дорогъ, починка мостовъ, перевозка войска и пр.

Для удовлетворенія религіозныхъ потребностей мусульмане нанимаютъ муллъ, которые исполняютъ всѣ требы и религіозные обряды. За это мулла получаетъ по одной кодѣ (4 пуд.) пшеницы съ каждаго молящагося, каковымъ долженъ быть каждый правовѣрный съ 12 лѣтъ; ему привозятъ дрова по одной арбѣ съ дыма, платятъ за свадьбу отъ 1 р. 50 к.; даютъ масло, сыръ и деньгами три рубля. Для него имѣются особый домъ, гдѣ онъ учитъ дѣтей корану, получая съ нихъ по кодѣ пшеницѣ въ годъ и по полуну дровъ зимой. Изъ приписной деревни муллѣ платятъ лишь ½ коды пшеницы. За такое къ нему общественное вниманіе онъ долженъ въ день пять разъ молиться за правовѣрныхъ, въ 4 часа утра, въ 12 час., въ 6 час., въ 8 час. и въ 12 час.

---

[1]) Раскладка податей происходитъ или подымно или сообразно съ количествомъ и качествомъ земли, обрабатываемой плательщикомъ.

ночи. Не смотря на преданность и уваженіе народа къ учености муллы онъ рѣдко знаетъ больше трехъ-четырехъ страницъ изъ корана. Однако онъ умѣетъ вселять въ сердцахъ послѣдователей магомета фанатизмъ и упорное отчужденіе отъ школъ христіанъ. Вообще образованность находится въ печальномъ положеніи среди мусульманскаго населенія, и на это слѣдовало бы обратить вниманіе „Обществу возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ".

На сколько здѣсь нѣкогда процвѣтало христіанство, безмолвно свидѣтельствуютъ печальныя развалины величественныхъ церквей и монастырей, поражающихъ грандіозностью своей архитектуры и живописи. Одинъ Сафарскій монастырь доставлялъ убѣжище 600 монахамъ въ стѣнахъ своей мирной обители. Онъ состоитъ изъ тринадцати отдѣльныхъ церквей, сохранившихъ и нынѣ яркіе слѣды своего прошлаго величія. На ряду съ искусствомъ здѣсь развивались литература и наука. Изъ Ахалцихскаго уѣзда сел. Рустави происходилъ знаменитый грузинскій поэтъ XII в. авторъ „Барсовой кожи" Шота, получившій прозваніе Руставели по мѣсту своего происхожденія. Изъ сел. Тмогва былъ родомъ грузинскій романистъ въ эпоху царицы Тамары Саргисъ Тмогвели, авторъ Диларіани. Ему же приписывается переводъ Висраміани, повѣсти, написанной съ большимъ знаніемъ человѣческаго сердца [1]).

Тамъ, гдѣ шесть-семь вѣковъ тому назадъ образованность разливалась могучимъ потокомъ, затопляя своими ручьями всю Восточную Грузію, — провинція, служившая для всего царства передаточнымъ звеномъ византійской цивилизаціи, представляетъ плачевную картину разоренія, запущенія и невѣжества. Исламъ съ конца XVII в. привившійся здѣсь, наложилъ свою рѣзкую печать на населеніе, обрекши его на умственную ограниченность и на застой въ развитіи гражданственности. Коренное населеніе Месхетіи утрачиваетъ постепенно свой національный обликъ, сливаясь и ассимилируясь съ магометанскимъ элементомъ. Куртины и армяне, переселенные сюда гр. Паскевичемъ Эриванскимъ, имѣли свое

[1]) См. мой „Общій взглядъ на состояніе грузинологіи".

пагубное вліяніе на туземцевъ. Послѣдніе были вытѣснены изъ многихъ селеній, уступая свои жилища враждебнымъ пришельцамъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ названія деревень, гдѣ живутъ армяне и куртины. Сел. Цхалъ-тбила (по груз. значитъ теплая вода), Идумала (тайна), Цхурти (жажда), Схвилиси (толстый) и др., нынѣ занятыя армянами еще очень недавно были заселены грузинами, которые давали своимъ поселеніямъ названія, этимологически объясняемыя лишь съ помощью грузинскаго языка. Нельзя сказать, чтобы эти армяне-католики представляли чистый армянскій элементъ: въ ихъ жилахъ нерѣдко течетъ не только грузинская кровь, но они часто считаются *армянами*-католиками только потому, что мы не хотимъ признавать, что есть грузины-католики. Однако мы хорошо знаемъ исторію перехода месховъ въ католицизмъ со времени владычества турокъ, когда прервались сношенія съ Грузіей и установились связи съ западомъ, откуда хлынула масса римскихъ миссіонеровъ, распространяя свою пропаганду на всемъ Кавказѣ [1]). Отвергая большою частью національное происхожденіе ахалцихскихъ католиковъ, наши статистики составляютъ невѣрные итоги о числѣ грузинъ, армянъ и пр. Нечего говорить, что нѣкоторые изъ грузинъ-мусульманъ, населяющихъ сел. Хертвиси, Аспиндца, Ахамети, Ацкури, Индуса, Отора, Еліа-Цминда, Георги-Цминда, Курти, Двири, Кикинети, Джурта-Джвари, Таташиси, Свири, Цниси, Зикили, Чобарети, Сакунети, Ткемліани, Дчвинта, Вархани, Накурдеви, Орали, Цаканія и пр., причисляются къ татарамъ когда принимается за критеріумъ дѣленія не національность, а вѣроисповѣданіе.

Нѣтъ необходимости предлагать здѣсь читателямъ филологическое толкованіе названій этихъ деревень: корни ихъ несомнѣнно грузинскаго происхожденія. Все пространство ахалцихскаго уѣзда по своей географической номенклатурѣ даетъ непреложные факты принадлежности его къ територіи грузинскаго населенія, вытѣсненнаго сюда съ юга и запада—съ береговъ Чернаго моря и Малой Азіи [2]). Эта часть одна изъ

[1]) См. путешествіе Ламберти, Контарини, Барбаро, Шардена и др.
[2]) См. мою ст. Древнѣйшіе предѣлы разселенія грузинъ по М. Азіи.

интереснѣйшихъ провинцій Грузинскаго царства въ археологическомъ отношеніи. Не менѣе любопытны архаическія выраженія, сохранившіяся только въ Месхетіи. Я приведу нѣсколько примѣровъ. Слово „взять" (грузинское „гамотᶜмева") передается понятіемъ „цᶜартᶜмева", что собственно значитъ „отнять". „Рубить" (по груз. дачᶜра) месхи выражаютъ посредствомъ „дахева", прямой смыслъ котораго „разорвать", „разодрать". „Дрова" (груз. „шеша") переводится чрезъ „хе"—„дерево". „Покрытый" грузины вообще передаютъ словомъ „дахурули", а месхъ употребляетъ слово „дабурули", имѣющее теперь другое значеніе въ карталинскомъ языкѣ—„дремучій". „Взять что-либо съ просьбой", или „попросить" грузинъ выражаетъ посредствомъ глагола „тᶜховна", а месхъ употребляетъ другой глаголъ „цᶜартᶜмева", смыслъ котораго равняется понятно „отнять". „Курить" по грузински „цᶜева" (собственно значитъ „тянуть"), а месхъ скажетъ въ данномъ случаѣ „всвам" (пью), напр.: „курю трубку", онъ переводитъ „чибухе всвам". Эти архаизмы переносятъ насъ въ ту эпоху, когда люди не умѣли выпрашивать добровольной уступки и отнимали насильно нужныя имъ вещи. Отсюда передача понятія „тᶜховна" (просить) чрезъ „цᶜартмева". Изъ другихъ особенностей языка я отмѣчаю замѣну предлога „или" (въ) посредствомъ „чи": гулчи вм. гулши—въ сердцѣ, сакᶜмечи вм. сакᶜмеши—въ дѣлѣ и др. Эта черта языка сближаетъ говоръ месховъ, съ говоромъ грузинъ-горцевъ (тушинъ, пшавовъ, хевсуръ, мохевцевъ), съ которымъ онъ находится въ ближайшемъ родствѣ по отношенію къ акценту, выговору. Извѣстно, что горцы сохранили болѣе древнія формы въ склоненіи и спряженіи. Эти же морфологическія особенности грузинскаго языка извѣстны намъ изъ переводовъ священно-богослужебныхъ книгъ съ VI в. и уцѣлѣли въ языкѣ месховъ.

Не мало слѣдовъ архаичности въ народной поэзіи месховъ. Послѣ грузинъ-горцевъ месхи лучше всѣхъ остальныхъ народностей картвельскаго племени сохранили древнія пѣсни, легенды, сказанія. Здѣсь распѣваются стихи историческаго содержанія, извѣстныя во всей Грузіи. Одну особенность ихъ поэзіи составляютъ пѣсни на библейскіе мотивы. Изъ нихъ я приведу сказанія объ Ноѣ и Іовѣ.

Ты, святой Ной, прежде сталъ рубить корабль,
Снаружи и внутри быстро кончилъ дѣло,
Пригласилъ ты на смотръ всю живущую тварь,
Въ набатъ ударилъ во время и собралъ ты всѣхъ.
Буйволъ проситъ съ ревомъ [1]) пустить его туда.
„—Принять тебя не могу я, поди неси письмо“.
Море вышло изъ береговъ, потопило все пространство.
Потопъ длился сорокъ дней, померкли солнце и луна.
Чрезъ сорокъ дней опять вода вошла въ свои берега.
Ной открылъ свой корабль, проливая горькія слезы.
Послалъ онъ чернаго ворона обозрѣть всю вселенную.
Полетѣлъ воронъ гадкій, мерзкій, туда, гдѣ завидѣлъ падаль;
Здѣсь остался преспокойно, проводя на ней дни и ночи.
Тогда Ной послалъ голубя бѣлаго, вѣрнаго.
Ночью голодный вернулся онъ и молвилъ: все погибло
подъ небесами.
Въ знакъ произрастанія подалъ масляную вѣтвь.
Все это послѣ Ноя выросло, что видишь теперь.

Мнѣ приходилось отмѣчать грузинское сказаніе объ Іовѣ [2]). Нижеслѣдующій переводъ касается совершенно другой эпохи ветхозавѣтнаго страдальца.

Іовъ былъ богомольный,
Жену имѣлъ праведную;
Дочери его солнцеобразныя
Погибли всѣ въ одинъ день.
Послалъ сказать женѣ своей:
„Не печалься, безумная
Не оплакивай земныхъ дѣтей!
Онъ далъ, Онъ же взялъ,
Воздадимъ Ему хвалу“!
Заявился дьяволъ гнусный
И говоритъ въ лицо Іову:
„Въ чемъ согрѣшилъ ты предъ Творцомъ?
Разукрашенныхъ алмазомъ.
Ихъ мученія и терзанія
Поднимаются выше къ небу.
Заявился дьяволъ гнусный.
И говоритъ въ лицо Іову:
„Въ чемъ согрѣшилъ ты предъ Творцомъ?
За что Онъ сжегъ твои стада?“
— „Поди прочь, дьяволъ гнусный!
Горе мое—твое дѣло.
Онъ далъ, Онъ же взялъ
Воздадимъ Ему хвалу!„
Черви Іова заѣдаютъ,

---

1) Грузины говорятъ, что въ ревѣ буйвола слышится имя Ноя. („Ное, Ное!“).
2) См. „Этногр. Обоз.“ кн. III стр. 176. (отд. библіографіи).

За что Онъ отнялъ дѣтей?„
— „Поди прочь гнусный дьяволъ!
Горе мое—дѣло твое!
Онъ далъ, Онъ же взялъ
Воздадимъ Ему хвалу“.
Загорѣлось огнемъ поле,
Стада Іова погибаютъ
Пять сотъ его верблюдовъ,
Его мукамъ нѣтъ конца.
На войлокъ его положили
И выбросили въ навозъ.
Когда червь одинъ свалился,
Іовъ въ сердцѣ огорчился,
Самъ поднялъ его на раны:
„Она Божье дарованье;
Ты пожирай плоть и кость,
А смерти не страшися!“

Месхи сохранили пѣсни о Ростомѣ, Автаидилѣ и Амиранѣ. Въ виду того, что о первомъ эпическомъ героѣ мнѣ приходилось говорить въ прежнихъ очеркахъ, я не стану приводить подробностей и остановлюсь, на сказаніи объ Амиранѣ, сдѣлавшемся предметомъ цѣлой повѣсти для Мосе Хонели, писателя XII в., эпохи царицы Тамары. Месхи запомнили тотъ моментъ изъ жизни Амирана, когда послѣдній вмѣстѣ со своими братьями отправился на охоту. На одной горѣ охотники замѣтили „оленя съ золотыми рогами до небесъ“. Амиранъ пустилъ въ него обоюдоострую стрѣлу и до крови ранилъ его въ плечо. Однако олень не остался на мѣстѣ: онъ помчался чрезъ девять горъ; за нимъ слѣдовалъ „по кровавой стезѣ“ Амиранъ и настигъ его на десятой горѣ Алгетской (по варіанту на Сакриской). Здѣсь нашли они зданіе вершина котораго касается неба. Отыскать двери въ него не удалось Амирану: онъ толкнулъ ногой и стѣна, обрушившись, открыла ему входъ (по варіанту онъ ногой сорвалъ замокъ съ запертой двери). Внутри ихъ глазамъ представился несчастной трупъ „временъ Адама“. Въ рукахъ онъ держалъ письмо, изъ котораго они увидали его происхожденіе: я племянникъ Усупа; въ жизни моей истребилъ много враговъ, уцѣлѣлъ лишь одинъ Бакъ-бакъ-дэви: кто убьетъ его тому на счастье мое владѣніе (по варіанту „мой крылатый конь“); кто пріютитъ мою семью, тотъ пусть возьметъ мою булаву и копье. Амиранъ спѣшитъ отыскать названаго Дэви. На берегу рѣки, когда Амиранъ началъ оттачивать саблю, замѣтилъ онъ медленно двигающагося Дэви, подъ ногами котораго вся земля дрожала. Амиранъ требуетъ съ него, чтобы

онъ назвалъ свое имя. Тотъ отвѣчаетъ, что не зачѣмъ ему знать, кто онъ такой, идетъ онъ съѣсть племянника Усупа, недавно умершаго.—„Кто позволитъ тебѣ съѣсть сына Адама? Я готовъ бороться!“ Амиранъ ударилъ Дэви о каменистую почву, сломалъ ему плечо, онъ сталъ издавать страшные крики. (По варіанту до борьбы съ Дэви Амиранъ снялъ голову съ осла принадлежавшаго старцу. Старецъ потребовалъ удовлетворенія. Герой ему предлагаетъ саблю въ сто драконовъ, а товарищъ его длинную рубаху. Старецъ все противится. Амиранъ тогда открываетъ, что еслибы старецъ взялъ домой осла, то послѣдній поѣлъ бы всю семью).

Сказанія объ Амиранѣ извѣстны всѣмъ народностямъ грузинскаго племени. Въ его лицѣ сочетались два элемента—злое и доброе. По однимъ сказаніямъ онъ является борцомъ противъ Дэвовъ, человѣкопожирающихъ существъ; въ другихъ сказаніяхъ онъ представляется олицетвореніемъ злого начала—нѣчто вродѣ Аримана. Быть можетъ онъ даже пополнитъ отсутствіе въ грузинской языческой религіи дуализма, при чемъ богъ добра Армахи—несомнѣнно Ормуздъ, а Амиранъ—Ариманъ, служители котораго Дэви и ешмаки (Aeschma) хорошо извѣстны въ грузинской миѳологіи.

Одна поэма о Солагѣ-героѣ [1]) извѣстна лишь месхамъ. Мнѣ удалось записать отрывокъ, повидимому, изъ очень длиннаго сказанія. Начинается разсказъ тѣмъ, что Солагъ отправился въ Стамбулъ и прибылъ ко дворцу султана. Визирь встрѣтилъ его у дверей, обнявъ его и спрашиваетъ зачѣмъ онъ пожаловалъ къ султану. Солагъ не успѣваетъ объяснить причины своего дальняго путешествія, какъ визирь предлагаетъ ему, какъ славящемуся во всей Грузіи борцу, вступить въ единоборство съ арабомъ, обѣщая въ случаѣ побѣды дать ему постъ паши въ Ахалцихѣ. Солагъ отказывается но визирь настаиваетъ. Борецъ соглашается на предложеніе визиря; даютъ ему коня быстраго, сѣдло золотое. Въ пятницу весь городъ вышелъ на площадь. Арабъ летитъ на конѣ. Сологъ ему кланяется низко, но арабъ не терпитъ отлагательства—онъ хочетъ начинать бой. Онъ бросаетъ одно за

[1]) По фамиліи Конадзе.

другимъ три копья, но Солагъ ловко отражаетъ удары. Тогда Солагъ направляетъ лошадь къ арабу, пускаетъ копье въ бокъ, арабъ падаетъ и умираетъ. Муллы приступили читать надъ трупомъ Коранъ. Солага берутъ во дворецъ, онъ опасается за свою жизнь. Султанъ принялъ его благосклонно, наградилъ его золотомъ и обѣщалъ поручить ему должность паши въ Ахалцихѣ. Солагъ отказывается отъ этой чести, предпочитая силу ощущать въ рукѣ, чѣмъ въ занимаемой должности.

Въ этомъ сказаніи отражаются сношенія между Турціей и Месхетіей, когда послѣдняя была завоевана османами. Месхи сохранили массу воспоминаній объ этой тяжелой эпохѣ. Оставаясь въ душѣ христіанами, они много терпѣли отъ мусульманъ. Былъ установленъ надзоръ, чтобы по средамъ и пятницамъ месхи не постились. Поэтому они готовили что-либо на маслѣ и выбрасывали, а потомъ ѣли постное, вводя въ заблужденіе соглядатаевъ запахомъ масла. Народная традиція помнитъ и теперь какъ одинъ изъ пашей Аджи-Агмедъ за сочувствіе христіанамъ обезглавленъ по распоряженію турецкаго султана. Этому пашѣ приписывается построеніе ахалцихской мечети, обращенной теперь въ православный соборъ. Передаютъ, что для сооруженія мечети Аджи-Агметъ далъ такой планъ постройки, чтобы ее впослѣдствіи можно было освятить въ христіанскую церковь. Этотъ коварный замыселъ былъ открытъ, и Аджи-Агметъ погибъ отъ рукъ возмутившихся мусульманъ. Теперь лишь полумѣсяцъ надъ которымъ возвышается крестъ въ знакъ побѣды христіанства свидѣтельствуетъ о прежнемъ назначеніи громаднаго изъ тесаннаго камня строенія. Народъ помнитъ еще одинъ фактъ изъ исторіи господства правовѣрныхъ въ Месхетіи. Разсказываютъ, какъ въ день Свѣтлаго Христова Воскресенья во время крестнаго хода, совершаемаго тайно въ Сафарскомъ монастырѣ, напали вооруженные мусульмане въ ту минуту, когда впервые небо огласилось радостнымъ восклицаніемъ: Христосъ Воскресе! [1])

---

[1]) Нѣчто подобное мы видимъ въ нашествіи Шахъ-Аббаса на Кахетію, гдѣ въ день Христова Воскресенія онъ перебилъ въ одномъ монастырѣ 6000 монаховъ!

Періодъ владычества турокъ въ Ахалцихѣ далъ много сюжетовъ для народной поэзіи. Давленіе мусульманъ на населеніе, его преданность христіанской вѣрѣ, борьба грузинскихъ царей съ „хондкаромъ" (султаномъ) изъ-за Месхетіи давали обильную пищу для поэтическаго творчества. Нашествіе турокъ смѣнялось вторженіемъ персидскихъ шаховъ, производившихъ не меньше опустошенія, чѣмъ янычары султана. Одна пѣсня сохранила воспоминаніе о послѣдствіяхъ вторженія шахинъ-шаховъ. „Двинулся грозно Демуръ-каянъ (шахъ), оставилъ свой городъ Хаварашанъ (Хорасанъ), вступилъ онъ въ предѣлы Грузіи, городъ (Ахалцихъ) сжегъ, плѣнныхъ угналъ какъ стадо, а женщинъ и дѣвицъ роздалъ солдатамъ". Въ другой пѣснѣ отразилось отношеніе Месхетіи къ Высокой Портѣ. „Усупъ-паша, (съ позволенія отца) въ виду опасности, грозившей ему лишеніемъ поста въ Ахалцихѣ, отправился къ султану, сѣлъ возлѣ него и сладко вопрошалъ его: „зачѣмъ, государь, лишаешь меня сана? Ты знаешь, владѣтель Кахетіи (т. е. царь Ираклій II) ополчается на насъ. Велишь—приведу въ цѣпяхъ или, воткнувъ на копье его голову, преподнесу вамъ".—„Если это ты исполнишь, возстановлю твою власть, одарю тебя халатомъ и дамъ тебѣ весь Гурджистанъ" (Грузію).

Одна надежда ободряла жителей Месхетіи при турецкомъ владычествѣ—это помощь царя Ираклія. Взоры всѣхъ были обращены на него, онъ послужилъ предметомъ восторговъ и поэтическаго воодушевленія. Его побѣда надъ турками при Аспиндзѣ [1]) (недалеко отъ Ахалциха) вдохновляла не только народныхъ пѣвцовъ-месховъ, но и лирическихъ поэтовъ Восточной Грузіи (кн. Орбеліани). Я перевожу одну изъ любимыхъ и распространенныхъ пѣсенъ у месховъ:

Небо тучами покрылось,
Дождемъ земля оросилась.
Ираклъ къ Ацкверу стремился.
Онъ семь сутокъ здѣсь остался

[1]) Битва при Аспиндзѣ съ турками произошла въ 1769 г. Графъ Тотлебенъ, присланный на помощь Екатериной II, предъ сраженіемъ оставилъ Ираклія II. Грузины одержали блестящую побѣду. *Бутковъ*. Матеріалы для исторіи Кавказа. I, 281—2.

У Аспиндзы укрѣпился
И съ врагомъ тутъ вдругъ столкнулся.
Въ битвѣ кровь лилась рѣкой,
Делибашъ разбитъ совсѣмъ,
Царь Ираклій прослезился,
Когда „Русскій» повернулся,
Но Богъ далъ царю побѣду,
Трупы бросилъ онъ въ Куру.

Ираклій — любимый герой народныхъ пѣсенъ. Его имя пользуется всеобщимъ уваженіемъ въ виду того могучаго отпора, который онъ далъ вторженіямъ лезгинъ въ Грузію. „Трупы убитыхъ тобой, царь, лезгинъ гніютъ на Аспиндскихъ поляхъ, сдѣлавшись добычей хищныхъ воронъ, жадно выклевывающихъ глаза павшимъ врагамъ Грузіи". Молитвы всѣхъ возносились къ небу о дарованіи долгоденствія „ловкому ѣздоку, неустрашимому воину". На вопросъ падишаха, „кто такой Ираклій, народъ описываетъ его, согласно историческимъ даннымъ, грузинской лѣтописи. „Ираклій—милый ребенокъ [1]), въ которомъ бьется сердце слона, крѣпокъ, какъ неприступная скала, разрушаетъ крѣпости, какъ подгнившее дерево". Самъ онъ вступалъ въ единоборство съ силачами враговъ и удачными ударами опрокидывалъ ихъ на землю.

Не мало сказаній сохранилось у месховъ о царицѣ Тамарѣ (XII в.). Съ ея именемъ связана масса легендъ, превратившихъ ее изъ строго-засвидѣтельствованной исторической личности въ полумиѳическую съ особенностями христіанской святой дѣвы или языческаго божества. У грузинъ-горцевъ она причисляется то къ лику святыхъ то считается цѣлительницей отъ всѣхъ недуговъ и болѣзней. Нѣтъ сомнѣнія, что популярной царицѣ приписали на Кавказѣ много чертъ ей не свойственныхъ, и не мало дѣяній и построекъ, относящихся къ различнымъ эпохамъ и лицамъ. Разнохарактерныя наслоенія, сочетанія противорѣчивыхъ между собою качествъ отразились и на извѣстномъ стихотвореніи поэта Лермонтова: („Въ глу-

[1]) За небольшой ростъ Ираклій называется въ исторіи „патара Кахи"—маленькій кахетинецъ. Это не мѣшало ему быть выдающимся полководцемъ, которымъ восторгался Фридрихъ Великій.

бокомъ ущельѣ Дарьяла“ и пр.), который, вѣроятно, согласно съ народными преданіями говоритъ, что Тамара была „прекрасна, какъ ангелъ небесный, какъ демонъ—коварна и и зла“... Месхи также помнятъ, что кизилбашскій владѣтель, очарованный небесной красотой царицы, хотѣлъ ее похитить, но попытки его были неудачны и кончились позорнымъ плѣненіемъ самого хана. Любопытно отмѣтить представленіе месховъ, какъ Тамара успѣвала воздвигать церкви и башни, приписываемыя исключительно ей, если только онѣ красуются на вершинѣ неприступной скалы или теряются въ тѣснинахъ дремучихъ лѣсовъ. Месхи увѣряютъ, что царица разставляла войско такъ, что послѣдній воинъ стоялъ на мѣстѣ постройки, а первый у подошвы горы, на берегу рѣки, и около нужнаго для строенія матеріала: такъ передавались изъ рукъ въ руки кирпичи, камни, вода, св. иконы и богослужебные предметы.

Изъ другихъ историческихъ пѣсенъ отмѣчу воспоминаніе о царѣ Арчилѣ. Ему совѣтуется, оставить Аліани и Челіани (деревни), угрожая въ противномъ случаѣ поразить его стрѣлой, „напитанной смертельнымъ ядомъ“. Эпоха феодализма, давленія дворянства на крестьянъ, купля-продажа ихъ дали поводъ излить накипѣвшую горечь въ пѣсняхъ, часто проникнутыхъ глубокой ненавистью къ своимъ господамъ. „Ты, Эриставъ, владѣлецъ горъ и Арагвы, оставь торговать своими крестьянами, ты много уже продалъ дѣвицъ и женъ, украшенныхъ черными волосами и красивыми глазами“ [1]).

Я ограничусь этимъ указаніемъ на историческія пѣсни, въ большомъ количествѣ сохранившихся во всѣхъ концахъ Грузіи.

Лирическія пѣсни отличаются лаконической сжатостью и краткостью и такими особенностями, свойственными грузинскому языку, которыя дѣлаютъ ихъ почти не переводимыми на русскій языкъ. Я приведу нѣсколько образцовъ, чтобы дать представленіе объ этомъ видѣ грузинской поэзіи. „Восходящей зарѣ и солнцу говоритъ она взойди! Насытиться

[1]) Эриставъ собственно значитъ—„глава народа“, а потомъ начальникъ области, наслѣдственный ея владѣтель съ политическими правами.

твоимъ созерцаніемъ мнѣ не суждено, такъ вонъ измученная душа". Это значитъ, что красавица, возлюбленная страдальцемъ можетъ соперничать съ утренней зарей по красотѣ, но ему не предопредѣлено считать ее своей подругой, и въ отчаяніи ему остается наложить руку на себя. Въ другой пѣснѣ влюбленный, не пользующійся взаимностью, проклинаетъ день своего рожденія: „я не ждалъ твоей разлуки. Когда вспоминаю тебя, пламенная любовь сжигаетъ мнѣ сердце, и если суждено было разстаться съ тобой, то къ чему выростила меня бѣдная мать!" Иногда проявляется поразительная преданность выбранной сердцемъ, рѣдкая готовность пожертвовать за нее жизнью лишь бы на короткое время насладиться ея дружбой. „Еслибы кто-нибудь изрубилъ меня на куски, трупъ бросилъ на съѣденіе чернымъ воронамъ, а кровь пролилъ для утоленія жажды свободныхъ оленей, — все это я перенесъ бы легко, лишь бы остался съ тобой вдвоемъ". Разъ загорѣвшееся чувство любви постепенно возрастаетъ, вытѣсняя всѣ помыслы о другихъ. Измѣна—позоръ, постоянство—достоинство любящихъ сердецъ. „Съ тѣхъ поръ какъ ты ушелъ,—говоритъ дѣвица своему возлюбленному,—я взора не бросала на другихъ; кровавые ручьи непрерывно текли изъ моихъ глазъ, окрашивая краснымъ цвѣтомъ безбрежное море". Почтеніе къ старшимъ, уваженіе ко всѣмъ является обязанностью невѣстки. „Молодая должна быть стройна какъ тополь, лелѣять свекровь, почитать свекра какъ Бога, къ золовкѣ и деверю быть внимательной и всѣмъ услужливой, — ее будутъ за это ласкать, какъ невинную голубицу". Вражда между невѣсткой и свекровью отразилась чрезвычайно характерно: „Не ѣшь - говоришь, что я голодна, ѣмъ - называешь меня грифомъ, тихо хожу—зовешь лѣнивой, тороплюсь — ругаешь „каджи" (дьяволъ), сижу — зовешь калѣкой, стану — обзываешь шестомъ. Что мнѣ дѣлать?—Какъ угодить злой свекрови своей?"

Особый видъ поэзіи составляютъ пѣсни, въ которыхъ отъ имени дѣвицы и ея возлюбленнаго дѣйствуютъ звѣри. Этотъ животный эпосъ очень богатъ и по количеству стишковъ и по внутреннему ихъ содержанію. Символически олень означаетъ влюбленнаго, голубь—влюбленную, лиса — непріятельницу ихъ, медвѣдь — грубую силу и пр. Я перевожу одну

пѣсню, гдѣ дѣйствующими лицами являются представители различныхъ классовъ животнаго міра.

У несчастной старухи крысы жнутъ ниву,
Львы вяжутъ солому, а барсы въ пукъ снопы;
Дэви запряжены въ арбу и ведутъ ихъ на гумно;
Молотильныя доски быстро вертятъ олени,
На нихъ сидятъ ангелы, нѣжно напѣвая;
Дчинки [1]) званы провѣять смолоченное пшено;
Кабаны поправляютъ гумно, а лисы подметаютъ;
Медвѣди нагружены мѣшками и спускаютъ хлѣбъ въ яму;
Волки посланы на мельницу, чтобы молоть пшеницу:
Жаворонка отправить въ небо чтобы собрать всѣхъ птицъ,
Тетеревъ просѣваетъ муку, куропатка мѣситъ, сорока валяетъ
Голуби пекутъ лаваши [2]), горлицы ихъ достаютъ (изъ печи въ землѣ);
Гаріани (?) приготовляютъ, сайки кладутъ на подносы;
Аминари и Гавари (?) сидятъ близко другъ къ другу;
Фазана за красоту сажаютъ въ серединѣ между собою.
Сами ѣдятъ, пьютъ, дворовую собаку гонятъ къ концу (стола),
Скворца просятъ поближе поиграть на „гіанури"(скрипка).

Этими замѣтками о поэзіи месховъ я закончу свой очеркъ, оставляя пока въ сторонѣ хороводныя и обрядовыя пѣсни.

А. Хахановъ.

---

[1]) Нечистые духи (см. выше: чинки).
[2]) Плоскій тонкій хлѣбъ въ видѣ салфетки.

Ставръ Годиновичъ и Гэсэръ.

А. Н. Веселовскій разсмотрѣлъ былину о Ставрѣ Годиновичѣ въ Журн. М. Н. Пр., ч. CCLXVIII, отд. 2, стр. 26.

Содержаніе былины: Ставръ посаженъ въ тюрьму; Василиса—жена его, одѣвается въ мужское платье и ѣдетъ будто царскимъ посломъ свататься за княжну. Отецъ или дядя княжны испытываетъ полъ посла; Василису заставляютъ идти въ баню, состязаться въ борьбѣ и стрѣльбѣ. Ставръ, выпущенный изъ тюрьмы, играетъ на пиру на гусляхъ, а потомъ Василиса выводитъ его въ поле для состязанія въ бою. Здѣсь онъ узнаетъ въ ней свою жену.

Г. Веселовскій приводитъ одну нѣмецкую пѣсню XVI вѣка, представляющую параллель къ нашей былинѣ. Александръ Von Metz уѣзжаетъ къ святымъ мѣстамъ и оставляетъ жену; на чужбинѣ онъ попадаетъ въ плѣнъ къ языческому царю Магомету, который заставляетъ его ходить въ плугѣ. Жена, открывъ мѣсто нахожденія мужа, остригаетъ свои волосы, надѣваетъ монашескія рясы, беретъ гусли и отправляется въ языческое царство. Игра ея такъ понравилась царю, что онъ предлагаетъ ей подарки и по ея выбору даритъ ей своего плѣнника, ея мужа.

Гэсэръ монгольской версіи (въ переводѣ Шмидта: Die Thaten Bogda Gesser chan's St.-Ptb. 1839, стр. 273—282) какимъ то ламою, великаномъ волшебникомъ, обращенъ въ осла и исполняетъ ослиную работу. Жена Гэсэра Аджу-Мергенъ отправляется освобождать его; сначала она приготовляетъ свое оружіе, на что ей потребовалось нѣсколько мѣся-

цевъ, потомъ принимаетъ видъ безобразной старухи, старшей сестры великана волшебника съ выпученными глазами, съ бровями, висящими до груди, съ грудями висящими до колѣнъ; подъ этимъ видомъ она идетъ будто бы навѣстить своего брата. Великанъ хвалится своей побѣдой надъ Гэсэромъ, показываетъ добытыя разныя вещи и предлагаетъ сестрѣ выбрать, что ей понравится. Старуха говоритъ, что всѣ эти вещи очень хороши, но что ей старухѣ не нужны; пусть лучше ей отдастъ чернаго осла, на которомъ она могла бы спокойно ѣхать домой. Великанъ отдаетъ осла. Аджумергенъ отводитъ его домой, а потомъ къ своему отцу, царю драконовъ. Отъ новаго ухода оселъ принимаетъ видъ прежняго Гэсэра. Конецъ разсказа—помѣщаемъ его не въ интересѣ сопоставленій съ русской былиной — Гэсэръ и Аджумергенъ отправляются вдвоемъ на охоту, встрѣчаютъ оленуху съ желтобѣлымъ пятномъ во лбу; Гэсэръ попадаетъ въ пятно и оленуха со стрѣлой убѣгаетъ въ домъ старшей сестры великана. Это была она сама въ обращенномъ видѣ [1]).

Ордосскій монголъ Пунцукъ разсказывалъ мнѣ монгольскаго Гэсэра съ нѣкоторыми лишними противъ Thaten подробностями. Волшебникъ Лобсыга-лама по разсказу Пунцука заставилъ Гэсэра, обращеннаго въ осла, давать хлѣбъ (будай даруджи), по подробному объясненію Пунцука таскать или вращать *булу*, каменный цилиндрическій катокъ, вздѣтый на деревянную ось, т. е. заставилъ молотить. Къ Лобсыга-ламѣ пришла его старшая сестра (Эгичъ) и говоритъ ему: „Ты обратилъ Гэсэра въ осла; сколько онъ у тебя молотилъ въ день?“ „Тысячу“. „Отдай его мнѣ! Я заставлю его молотить десясь тысячъ.“ Лобсыга-лама отдалъ осла; старуха повела его въ свой домъ. Въ это время Алу-мергенъ, жена Гэсэра, обратилась въ птицу, выхватила осла у старухи и отнесла его къ Хормустѣ; Хормуста омылъ осла аршаномъ трижды девять разъ и Гэсэръ былъ отворочен изъ осла въ человѣка.

---

1) За тѣмъ Гэсэръ строитъ для великана-волшебника домъ изъ тростника, обматывая каждый ствол хлопчатой бумагой, напитанной масломъ и когда тотъ входитъ въ домъ, Гэсэръ зажигаетъ стѣны дома; вмѣстѣ съ домомъ сгораетъ и великанъ. Это можетъ быть обрядъ сожженія покойника. Ср. Позднѣевъ: Очерки быта буддійскихъ монастырей въ Монголіи. Спб., 1887 стр. 272.

Потомъ Гэсэръ и Алу-мергенъ поѣхали къ Лобсыга-ламѣ; на встрѣчу имъ бѣжитъ олениха (Хо-маралъ); въ ней была душа Лобсыги; Гэсэръ выстрѣлилъ и промахнулся; Алу-мергенъ выстрѣлила и попала въ бѣлое пятно на лбу; раненый олень убѣжалъ. Остальное сходно съ „Thaten."

Въ „Thaten" есть еще другой эпизодъ объ Аджу-мергенъ (стр. 87). Гэсэръ очутился на охотѣ вмѣстѣ съ Аджу-мергенъ, дочерью царя драконовъ. [1]) Онъ пустилъ стрѣлу въ семь быковъ; стрѣла пронизала всѣхъ семерыхъ и воткнулась въ землю; выстрѣлила и Аджу-мергенъ; ея стрѣла пронизала насквозь девять быковъ и воткнулась въ скалу. Гэсэръ думаетъ: „Какъ мнѣ узнать, мужчина или женщина мой товарищъ?" Встрѣтился еще быкъ; Аджу-мергенъ, ѣхавшая сзади Гэсэра, стрѣляетъ и убиваетъ быка. Гэсэръ побѣжалъ къ быку, вынулъ стрѣлу изъ раны, воткнулъ ее себѣ подъ мышку, легъ и притворился убитымъ. Аджу мергенъ подъѣхала и говоритъ: „Сегодня я убила Гэсэра и уведу его бурую лошадь!" Она повела лошадь, а Гэсэръ остался на мѣстѣ. Потомъ Гэсэръ принимаетъ видъ другого человѣка и кричитъ: „Аджи-мергенъ убила Гэсэра; братъ Гэсэра и народъ Гэсэра собираются и хотятъ отмстить ей, убить ее и разграбить!" Тогда Аджу-мергенъ распустила свои спрятанные волосы; косу одного виска опустила съ правой стороны, другую съ лѣвой, а теменую косу опустила вдоль спины. Гэсэръ подбѣжалъ къ ней, но отъ ея удара онъ падаетъ на колѣни; онъ говоритъ: „Мужчины борятся до трехъ разъ" Начинается вновь бой и Гэсэръ роняетъ Аджу-мергенъ. Тогда онъ объявляетъ, что онъ возьметъ ее себѣ въ жены; она соглашается; Гэсэръ укололъ свой мизинецъ, Аджу-мергенъ слизнула кровь вмѣсто клятвы. Потомъ они пошли къ озеру пить воду. Гэсэръ раздѣлся, прыгнулъ въ воду и переплылъ на другую сторону; Аджу-мергенъ, разгоряченная и въ поту, не могла удержаться, также сняла свое платье и вошла въ воду. Тогда Гэсэръ свиснулъ и сдѣлалъ вихорь, который поднялъ

---

[1]) Въ бурятскомъ, еще не напечатанномъ варіантѣ, записанномъ г. Хангаловымъ, этой Аджу-мергенъ соотвѣтствуетъ Алма-мергенъ, дочь Ухавъ-Лубсынъ-хана т. е. водянаго Лубсына царя. Гэсэръ встрѣчаетъ ее въ полѣ подъ видомъ богатыря.

платье Аджу-мергенъ и повѣсилъ на вершину дерева. Гэсэръ вернулся и надѣлъ свое платье, а Аджу-мергенъ замерзла безъ платья. Гэсэръ взялъ ее къ себѣ за пазуху

Въ „Thaten" два эти эпизода разсказаны отдѣльно, разставлены на большое разстояніе и притомъ послѣдній эпизодъ вставленъ въ начало книги (стр. 87), а разсказъ о хожденіи Аджу-мергенъ для освобожденія плѣненнаго Гэсэра помѣщенъ въ концѣ (стр. 273). Первый эпизодъ у озера имѣетъ видъ разсказа о первомъ свиданіи Гэсэра съ Аджу-мергенъ и о женитьбѣ его на ней.

Такъ какъ въ обоихъ отрывкахъ дѣло идетъ объ одномъ и томъ же персонажѣ Аджу-мергенъ, то мы можемъ предположить, что они составляли нѣкогда цѣльный разсказъ объ этой богатыршѣ, въ которомъ отрывки эти могли располагаться не въ той послѣдовательности, какъ они стоятъ въ Thaten (сначала испытаніе пола, потомъ поѣздка для освобожденія мужа изъ неволи), а въ обратномъ, какъ въ русской былинѣ: сначала поѣздка для освобожденія мужа, потомъ испытаніе пола. То есть разсказъ шелъ въ такомъ порядкѣ: Гэсэръ очутился въ неволѣ; жена его Аджу-мергенъ одѣвается въ мужское платье и отправляется выручать его; въ ней подозрѣваютъ женщину; слѣдуетъ рядъ испытаній: стрѣльба, борьба и купанье.

Сказки съ подобнымъ сюжетомъ записаны у бурятъ и у тюрковъ Сибири. У бурятъ записаны г. Хангаловымъ двѣ такія сказки; онѣ помѣщены въ Запискахъ Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. по Этн., т. I, в. 1; это №№ 9 и 10. Богатырь (въ одной сказкѣ Гарьюлай, въ другой Алтынъ сэсэкъ) убитъ своимъ противникомъ; сестра брата (въ одной сказкѣ Агуногонъ-абаха, въ другой Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха) находитъ тѣло убитаго брата и прячетъ его въ каменную гору; гора по просьбѣ дѣвицы раскрывается, а когда тѣло положено, снова смыкается. Затѣмъ дѣвица надѣваетъ на себя богатырское платье своего брата, настраиваетъ свой духъ на богатырскій ладъ и отправляется къ Эсэгэ-маланъ-тэнгэрину сватать за себя его трехъ дочерей; возвращать умершихъ людей къ жизни могутъ только эти три дѣвицы, но чтобъ заставить ихъ это сдѣлать, сестра погибшаго бога-

тыря должна ихъ обмануть. Она выдастъ себя за жениха, высватаетъ ихъ за себя замужъ и доставитъ ихъ въ свой домъ, но здѣсь молодыя женщины найдутъ только трупъ своего жениха, который къ ихъ пріѣзду сестра успѣетъ вынуть изъ горы. Молодымъ женщинамъ не захочется остаться вдовами и онѣ воскресятъ багатыря. Въ сказкѣ № 9 Эсэгэ-маланъ подозрѣваетъ въ пріѣхавшемъ богатырѣ женщину; слѣдуетъ рядъ испытаній: борьба, стрѣльба, питье вина, пусканіе коней въ бѣгъ, сажанье въ амбаръ съ медвѣдемъ, сортировка перемѣшанныхъ зеренъ. Во время купанья дѣвицу выручаетъ ея конь; онъ напускаетъ туманъ, во время котораго дѣвица успѣваетъ выкупаться; когда туманъ разсѣялся, она уже вновь одѣта. У Гильф., № 140 о Василисѣ, Ставровой женѣ:

Она была да лукавая:
На тую пору выпустила жеребчиковъ,
Жеребчиковъ выпустила неѣзжаныхъ.
Жеребчики по двору разбѣгались,
Оглядѣлся Владиміръ стольне-кіевской,
Она той порой вымылась и упарилась.

Высватавъ дочерей Эсэгэ-малана, дѣвица-богатырь везетъ ихъ въ свой домъ. Подъѣзжая къ нему, она уѣзжаетъ впередъ, вынимаетъ кости брата изъ скалы, кладетъ ихъ въ юртѣ на кровать и покрываетъ богатырскимъ платьемъ, а сама убѣгаетъ въ кустарники въ видѣ зайца. Три дочери Эсэгэ-малана пріѣзжаютъ, видятъ кости, думаютъ, что это ихъ мужъ, уѣхавшій впередъ и рѣшаются воскресить его. Вновь ожившій богатырь начинаетъ жить съ тремя женами; потомъ онъ отыскиваетъ свою сестру, бѣгающую въ видѣ зайца и отворачиваетъ ее въ прежнее состояніе. Въ № 10-мъ три дочери Эсэгэ-малана убили сестру богатыря; братъ поймалъ чернаго оленя, выдолбилъ ему рогъ, положилъ туда гробъ съ тѣломъ своей сестры и отпустилъ животное. [1])

Тюркскій варіантъ записанъ г. Радловымъ въ Алтаѣ (Proben I, 12—28). Братъ называется Алтаинъ-саинъ-саламъ; сестра

[1]) И здѣсь сказка какъ будто приходитъ къ похоронной темѣ.

не названа; вмѣсто трехъ дочерей Эсэгэ-малана она высватываетъ за себя дочь Кюнъ-хана (солнца-царя) и дочь Ай-Кана (Мѣсяца-царя). Въ „Верхоянскомъ Сборникѣ" (Записки Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 3, стр. 110—111) помѣщена сказка, въ которой сынъ для оживленія убитаго отца поочередно сватается за трехъ дѣвицъ: за дочь звѣзды Чолбонъ (Венеры), за дочь созвѣздія Юргяль (Плеядъ) и дочь мѣсяца; онъ привозитъ трехъ женъ въ свой домъ и онѣ оживляютъ умершаго, трижды перелетая черезъ него (почти тѣмъ же манеромъ мертвый братъ оживляется въ бурятской и алтайской сказкахъ; дочери Эсэге-малана перескакиваютъ чрезъ него). Такое далекое распространеніе этого сюжета отъ Алтая до Верхоянска говоритъ о его древности.

Эта сказка кромѣ двухъ приведенныхъ эпизодовъ изъ Thaten: 1) испытаніе пола и 2) освобожденіе Гэсэра изъ животнаго состоянія (въ бурятскомъ варіантѣ г. Хангалова обращенія въ животное нѣтъ, а вмѣсто того стоитъ только помраченіе ума)— соприкасается съ Гэсэромъ еще въ третьемъ мѣстѣ. Именно, вслѣдъ за разсказомъ объ обращеніи Гэсэра изъ осла въ прежній видъ, въ Thaten идетъ разсказъ о матери Гэсэра, душа которой очутилась въ аду. Гэсэръ отправляется искать ее, находитъ, садитъ на своего коня и отправляетъ ее изъ ада. Здѣсь душу матери у коня принимаютъ три сестры Гэсэра, которыя относятъ ее на небо и дѣлаютъ царицей всѣхъ дакини (Thaten, S. 286), т. е. надо понимать, возвращаютъ отъ смерти къ жизни [1]). Въ бурятскомъ варіантѣ самого Гэсэра выводятъ изъ состоянія помраченія три сестры Гэсэра, которыхъ бурятскій текстъ называетъ Хунеръ-бурханъ. Этотъ послѣдній эпизодъ того же круга представленій,

[1]) Это превращеніе совершается въ три пріема; сначала душа Гэсэровой матери принимаетъ образъ безчисленныхъ буддъ, потомъ становится камнемъ вайдурья (ляписъ-лазури) и наконецъ царицей дакини. Въ тюркобурятской сказкѣ возвращеніе богатыря къ жизни тоже производится въ три пріема: сначала скачетъ черезъ него одна дѣвица, потомъ другая, потомъ третья; сначала кости его одѣваются мясомъ, послѣ втораго скачка онъ какъ будто только спитъ, послѣ скачка третьей дѣвицы пробуждается. Въ Thaten скаканье дѣвицъ замѣнено чтеніемъ ламами молитвъ, бубнами и курительными свѣчами.

въ которомъ сложилась тюрко-бурятская сказка и вѣрованіе о трехъ сестрахъ, одаренныхъ способностью возвращать жизнь умершимъ.

Мы имѣемъ теперь четыре варіаціи: 1) Ставръ Годиновичъ, 2) Александръ von Metz, 3) Гэсэръ-ханъ и 4) тюркобурятская сказка о сестрѣ-богатырѣ. Подведемъ итоги заключающихся въ нихъ параллелей.

Александръ von Metz: 1) мужъ попадаетъ въ неволю; онъ принужденъ исполнять роль рабочей скотины; 2) жена идетъ освобождать его, переодѣвшись въ мужское платье.

Гэсэръ: 1) мужъ попадаетъ въ неволю; онъ принужденъ исполнять роль рабочей скотины (булучи обращенъ въ осла); 2) жена идетъ освобождать мужа, переодѣвшись въ мужское платье.

Ставръ Годиновичъ: 1) мужъ въ неволѣ (въ темницѣ, 2) жена идетъ выручать его, переодѣвшись въ мужское платье; 3) она выдаетъ себя за посла, имѣющаго порученіе высватать невѣсту; 4) испытаніе пола.

Тюрко-бурятская сказка: 1) братъ убитъ; тѣло его заключено въ камень; 2) сестра идетъ выручать его отъ смерти, переодѣвшись въ мужское платье; 3) сватовство при дворѣ царя; 4) испытаніе пола.

Изъ этого перечня видно, что по числу параллелей къ Ставру стоитъ ближе всего тюрко-бурятская сказка и что западныя редакціи не составляютъ выдѣленной группы отъ восточныхъ, такъ что наприм. западная объ Александрѣ von Metz нѣкоторыми чертами ближе къ восточной о Гэсэрѣ, чѣмъ къ западной же о Ставрѣ.

Мы сказали, что по числу параллелей русская былина ближе всего къ тюрко-монгольской сказкѣ; но между ними есть и разница, которую нужно отмѣтить; именно въ русской былинѣ освободительницей является жена богатыря, въ тюрко-монгольской сказкѣ сестра. Отмѣтимъ также и то, что въ былинѣ богатырь просто посаженъ въ темницу, а въ Гэсэрѣ— богатырь обращенъ въ животное.

Существованіе восточныхъ варіацій и отношенія ихъ къ западнымъ открываетъ новую область для поисковъ; оно при-

глашаетъ искать ключъ къ рѣшенію вопроса о происхожденіи русскаго былиннаго эпоса между прочимъ и въ степномъ ордынскомъ эпосѣ. Если окажется, что степной фольклоръ былъ только посредникомъ (какъ думалъ г. Стасовъ) или даже если онъ представляетъ только параллельную вѣтвь въ общемъ потокѣ распространенія эпическихъ темъ (согласно мнѣнію г. Веселовскаго), то и въ этомъ случаѣ онъ можетъ служить пособіемъ въ разъясненіи темнаго вопроса, о происхожденіи нашихъ былинъ.

Еслибъ дальнѣйшія разысканія поставили русскій былинный эпосъ въ болѣе тѣсную связь со степнымъ, еслибъ Стасовская гипотеза о нашемъ заимствованіи эпоса у тюркомонголовъ оказалась въ извѣстномъ смыслѣ вѣроятною, я бы предложилъ для имени Ставръ, Ставеръ, Ставерха такое разложеніе: С—тавер—ха. Первый членъ „С“ можно принять за остатокъ отъ тюрской былинной формы Осъ или Асъ, которая встрѣчается въ сложныхъ именахъ, какъ наприм. Осъ-Джанибекъ (Radloff, Proben, III, стр. 89; въ моихъ очеркахъ II, 158: Асъ-Джанибекъ), Ӧсъ-Темиръ (у Радлова, кажется въ томъ же томѣ). Что эта форма распространялась далеко на западъ, до русскихъ предѣловъ, показываетъ названіе города Астрахани. Таже форма, вѣроятно, стоитъ и въ парномъ: Исъ-табанъ, Джасъ-табанъ; такъ называются нѣкоторыя киргизскія поколѣнія (Очерки, II, 5 и 6); вмѣсто Исъ-табанъ киргизы произносятъ иногда Стабанъ. Послѣдній, т. е. третій членъ—„ха“ можно истолковывать, какъ усѣченное „Ханъ“ въ родѣ того, какъ монголы вмѣсто „субурганъ“ (башня), „адзырганъ“, (жеребецъ) произносятъ: субурга, адзырга. Отбросивши эти два члена первый и послѣдній, мы получаемъ форму Таверъ или Тавръ. Еслибъ эту форму можно было сблизить съ именемъ другого русскаго богатыря Добрыни, то мы получили бы къ темамъ былины о Ставрѣ новое дополненіе противъ выставленныхъ восточныхъ параллелей, на недостатокъ которыхъ въ былинѣ о Ставрѣ указано выше. Добрыня обращенъ въ животное (въ тура); объ освобожденіи его хлопочутъ или мать и его *сестра* или (въ одномъ кажется варіантѣ) мать и жена. Въ своей статьѣ о Гэсэрѣ (Вѣстн. Евр., 1890, сентябрь) я сближалъ этотъ эпизодъ о Добрынѣ съ

тѣмъ же отрывкомъ изъ монгольскаго сказанія, который въ этой статьѣ мы сопоставили съ былиной о Ставрѣ.

Въ „Thaten“ Аджу-мергенъ для окончательнаго отворачения Гэсэра изъ ослинаго состоянія обращается къ помощи своего отца, царя драконовъ; въ разсказѣ, слышанномъ мною отъ ордынскаго монгола Пунцука—къ Хормустѣ; въ бурятскомъ варіантѣ жена Гэсэра обращается къ помощи небесной бабушки Анзанъ-Гöрмö, которая соотвѣтствуетъ Ане Гома, небесной матери Гэсэра тангутской версіи. Слѣдовательно, соотвѣтствіе между Добрыней и Гэсэромъ въ этомъ пунктѣ есть: и о Гэсэрѣ хлопочутъ двѣ женщины. Изъ этихъ сопоставленій какъ бы слѣдуетъ, что Ставръ и Добрыня одно лицо и что въ обоихъ мы имѣемъ отраженіе Гэсэра.

Василиса называется „посломъ земли Гленскія“ (Рыбн., I № 41). Въ тангутской версіи именемъ Глынгъ называется страна, въ которой живетъ и владычествуетъ Гэсэръ; самъ онъ по этой странѣ называется Глынгъ-Гэсэръ-чжаву т. е. „глынгскій Гэсэръ царь“. Когда я записывалъ Гэсэра отъ тангутовъ Амдо, мои разсказчики произносили это имя такъ, что слышалось—по крайней мѣрѣ для моего уха—или Глынгъ или Глангъ; иногда первый звукъ г не было слышно; слышно было только Лынгъ или Лангъ; *нг* произносилось, какъ носовой звукъ, но иногда и твердо, особенно въ формѣ Глынга. Это Глынгъ или Глангъ вѣроятно таже форма, которая придается и легендарному тибетскому царю Ланъ-Дарма (glang Darma у Шмидта, Gesch. d. Ost.—Mongolen St. Ptb., S. 362, прим. 46). Ланъ-Дарма или гЛангъ-Дарма—нечестивый царь съ бычьими рогами на головѣ, къ которому привязана тема о царѣ Мидасѣ (о царѣ съ ослиными ушами). Туже тему киргизы на Иссыкъ-кулѣ связали съ именемъ Джанибекъ (см. въ Запискахъ И. Р. Геогр. Общ., 1861 г., статью Голубева: „Отрывокъ изъ путешествія въ Среднюю Азію. Заилійскій край. Стр. 113—114). Этотъ иссыкъ-кульскій нечестивый Джанибекъ съ ослиными ушами вѣроятно тоже лицо, имя котораго мы встрѣчаемъ съ прибавкой осъ или асъ: Осъ-Джанибекъ или Асъ-Джанибекъ. Можетъ быть будутъ записаны киргизскія легенды о царѣ съ ослинными ушами такія, въ которыхъ онъ будетъ названъ не просто Джанибекомъ, а Осъ-

Джанибекомъ [1]). Еслибъ дѣйствительно подтвердилось, что Гленская, Галанская, Галацкая земля [2]) произошла отъ Глынга или Гланга, это значило бы, что на Русь заходили съ востока и тибетскія версіи Гэсэра [3]).

Г. Потанинъ.

---

[1]) Членъ „лангъ" встрѣчается и въ соединеніи съ тюркской формой Темиръ, но только на западѣ. Это Лангъ-Тамеръ или Аксакъ-Темиръ, Аксакъ-Темуръ. Съ этимъ именемъ связаны нѣкоторыя легенды (см. Гакстгаузенъ, Закавказскій край, ч. I, стр. 158; Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. VI, ст. „Чеченск. племя", стр. 41; в. VIII, ст. „Ингуши". стр. 20; ср. также у Brosset Hist. de la Georgie, P. I, t. II, p. 650); у осетинъ Аксакъ-Темуромъ назыв. Полярная Звѣзда; легенду у ней см. у Вс. Ѳ. Миллера, Осетинск. Этюды, II, стр. 300. У г. Радлова (Prob., IV, 307). Аксакъ-Темиръ мальчикъ, который избѣжалъ всеобщаго избіенія младенцевъ, совершавшагося по требованію Цöдей-хана. Эта послѣдняя легенда приводитъ насъ къ темѣ о Лакъ-Дармѣ, царѣ съ бычьими рогами (избіеніе всѣхъ мальчиковъ, которымъ по очереди приходилось брить царя).

[2]) У Рыбн., I, 312 въ былинѣ Юнкѣ (вмѣсто Дюка) Клинъ является вмѣсто Индѣи богатой.

[3]) У армянскихъ писателей встрѣчается Джебу-Хаганъ; такъ названъ предводитель Хазаръ, союзникъ Ираклія; см. Патканьянъ, Опытъ исторіи династіи Сассанидовъ въ Трудахъ вост. отд. И. Р. Археол. Общ., ч. XIV, Спб. 1869, стр. 69. Джаву по тибетски царь; Гэсэръ-джаву, „царь Гэсеръ"; Джаву-Ланъдэръ, „царь Ланъдэръ" т. е. Ланъ-Дарма.

Станица Червленая.

Кизлярскаго Отдѣла, Терской Области.

III.

Послѣдній очеркъ мы намѣрены посвятить вѣрованіямъ и творчеству червленскихъ казаковъ.

Придерживаясь довольно крѣпко своего „древняго“ вѣроученія, казаки вмѣстѣ съ тѣмъ сохранили немало остатковъ стариннаго міровоззрѣнія, старинныхъ вѣрованій,—которыхъ мы, къ сожалѣнію, поневолѣ принуждены коснуться только слегка, за невозмжностью дать болѣе полный систематическій очеркъ.

Взгляды казава на окружающій міръ и природу зачастую поражаютъ насъ своею первобытностью и свидѣтельствуетъ о весьма низкой степени просвѣщенія. Традиціонный китъ, въ убѣжденіи народа, продолжаетъ поддерживать землю, производитъ своимъ движеніемъ землетрясенія, а ударыми хвоста по водѣ—гулъ и шумъ, слышимые во время землетрясенія. Горы на землѣ не всегда имѣли такой видъ и размѣры, какъ теперь: по сотвореніи онѣ росли вплоть до Рождества Христова, а потомъ перестали. На концѣ земли находится каменная стѣна, за которой темнота. По формѣ земля представляется казаку въ видѣ блина.

Что касается небесныхъ свѣтилъ и явленій, то на счетъ ихъ у казаковъ или нѣтъ никакого понятія или же имъ даются своеобразныя толкованія. Такъ, напр., относительно затмѣнія солнца они не могли дать мнѣ никакого объясненія и, по обыкновенію, считаютъ его предвѣстіемъ свѣтопредстав-

ленія. Млечный путь называется у нихъ „Бакеевой дорогой.“ Кто идетъ, руководствуясь этой дорогой, придетъ прямо на средину земли. Казаки, убѣгающіе изъ плѣна, не разъ приходили къ своей станицѣ, смотря на Бакееву дорогу. Самое это названіе, по преданію, произошло оттого, что одинъ казакъ Бакей, бывшій долго въ плѣну и рѣшившійся бѣжать, благополучно прибылъ домой, руководствуясь млечнымъ путемъ, который съ тѣхъ поръ получилъ названіе „Бакеевой дороги“. Полярная звѣзда носитъ оргинальное названіе.—„Колъзвѣзда“. Созвѣздіе „Волосы Вероники“ одни называютъ „восожары“, а другіе „стожары“. Стихійная сила огня, проявляющаяся въ особенности въ пожарахъ, вызываетъ въ казакѣ не только чувство страха, но даже какого-то почитанія. Пожаръ — Божье наказанье, а такъ какъ противъ Бога идти нельзя, то и такія дѣйствія, какъ напр страхованіе отъ огня считаются предосудительными, и будто бы противъ страхованія даже „въ писаніи сказано“, хотя впрочемъ это не мѣшаетъ казакамъ принимать нѣкоторыя другія предосторожности на случай пожара. Въ числѣ противопожарныхъ средствъ считаются дѣйствительнымъ обнесеніе иконы Неопалимой купины. Существуетъ также повѣрье въ спасительность заговоровъ противъ огня; но эти заговоры извѣстны только вѣдунамъ, которые однимъ словомъ могутъ ограничить пожаръ на желаемомъ пространствѣ. Вообще вѣра въ силу слова на извѣстный случай держится у казаковъ очень твердо. Кто знаетъ такое слово, тотъ можетъ и пули хватать руками изъ-подъ выстрѣла, и владѣть неразмѣннымъ абазомъ (20 к.), который все будетъ къ нему возвращаться и т. п. Равнымъ образомъ заклятіе, наложенное на какую нибудь вещь (напр. кладъ) грозитъ гибелью тому, кто ее тронетъ, и даже всей его семьѣ. Въ прежнее время, когда было много сторожевыхъ постовъ, нѣкоторые казаки умѣли заговаривать свой постъ, а сами спокойно отлучались по своимъ дѣламъ, потому что, по разсказамъ, никто не смѣлъ не только подходить къ самому посту, но даже приближаться къ нему безнаказанно. Заговариваютъ также змѣй и по своему желанію будто бы могутъ ихъ собирать или прогонять силою своего слова. Но перенимать отъ другихъ искусство заговаривать считается

„великимъ грѣхомъ", потому что всякій заговоръ предполагаетъ знакомство и связь съ темной силою.

Вѣдаются съ темною силою колдуны или вѣдуны; вѣра въ нихъ очень сильна. Ихъ различаютъ два вида: вѣдуны отъ рожденія и вѣдуны отъ науки: Нѣкоторые люди получаютъ отъ рожденія власть надъ нечистыми духами, и къ 30 годамъ эта сила начинаетъ въ нихъ проявляться слѣдующимъ образомъ.

Человѣкъ, обладающій такою силой, прямо указываетъ на ту или другую женщину, что она одержана бѣсомъ и даже узнаетъ кто этого духа вогналъ въ нее. Самъ онъ только имѣетъ способность изгонять бѣсовъ. Для этого онъ даетъ что-нибудь и говоритъ, чтобы бѣсъ вышелъ черезъ какой-нибудь членъ тѣла. Иногда бѣсъ начинаетъ просить выйти инымъ путемъ (въ большинствѣ случаевъ просится будто бы выйти черезъ ротъ). Бѣсъ разговариваетъ какъ бы извнутри, въ животѣ женщины и каждый разъ приговариваетъ: „а вотъ хочетъ меня выгнать, выгнать". Послѣ настойчиваго требованія, со стороны вѣдуна, чтобы бѣсъ вышелъ въ ту или другую часть тѣла (большей частью въ ногу) эта часть начинаетъ сильно пухнуть, причемъ тотъ же голосъ кричитъ: „ахъ, подлецъ, выгоняетъ, выгоняетъ"... Вскорѣ опухоль уменьшается и наконецъ вполнѣ исчезаетъ, и женщина исцѣляется. Особенное страданіе этихъ больныхъ бываетъ во время церковной службы, при пѣніи херувимской пѣсни. Ругаются самыми непристойными словами, кричатъ: „ахъ с... с... такой то мнѣ сдѣлалъ"...

Насколько считаются сильными вѣдуны, получающіе силу отъ рожденія, указываетъ одинъ фактъ, который передавали мнѣ за вѣрный. Одинъ вѣдунъ заставилъ чертей считать деревья, на одномъ изъ которыхъ онъ вырѣзалъ крестъ. Тѣ считаютъ, считаютъ, и какъ дойдутъ до дерева, на которомъ вырѣзанъ крестъ, такъ весь счетъ и позабудутъ и опять начнутъ сначала. Такъ-то онъ мучилъ бѣдныхъ чертей чуть не до измора.

Еще разсказъ. Ѣхали по полю два казака (изъ нихъ одинъ былъ вѣдунъ) и три женщины. Дѣло было подъ вечеръ. Вдругъ показались 12 чеченцевъ и скачутъ прямо на нихъ. Всѣ, ко-

нечно, обмерли отъ страха, одинъ только старикъ вѣдунъ совершенно хладнокровенъ и успокоиваетъ остальныхъ. Между тѣмъ чеченцы вотъ-вотъ настигнутъ. „Ну, теперь заѣдемъ въ Балку", произнесъ старикъ, когда чеченцы были чуть не въ десяти шагахъ. Чеченцы цѣлую ночь промучились искавши: то подойдутъ къ тому мѣсту, гдѣ казаки скрылись, то вновь отъѣдутъ, пронесутся чуть не надъ головой, а все-таки не замѣтятъ. Слышно было даже, какъ разговаривали чеченцы: „Вѣдь вонъ и слѣдъ, а ихъ нѣтъ, что за чудо!" Они уже хотѣли ѣхать далѣе, но лошади упрямо возвращали ихъ на прежнее мѣсто. „Собака-казакъ видно мучаетъ насъ нарочно", говорили между собой чеченцы. Только поутру старикъ отпустилъ ихъ. Эти же вѣдуны только и могутъ исцѣлять.

Другой типъ вѣдуновъ — вѣдуны „отъ науки"; эти уже не такъ сильны; они могутъ дѣлать только зло, вогнать въ кого-нибудь бѣса. Исцѣлить же они не въ состояніи. Большей частью въ вѣдуны такого типа попадаютъ люди съ неудавшейся личной жизнью, которые, желая мстить, становятся колдунами. Ихъ не мало боится казакъ, и напримѣръ на свадьбу непремѣнно старается пригласить, чтобы тотъ изъ злости не сдѣлалъ чего-либо молодой четѣ. Особенно если нѣтъ въ станицѣ вѣдуна отъ рожденія или казакъ не знакомъ съ нимъ. Разсказываютъ такой случай: одинъ казакъ справлялъ свадьбу и не пригласилъ одного довольно извѣстнаго вѣдуна 2-го типа. Тотъ разсердился и отомстилъ довольно жестоко и еслибы случайно не попалъ въ число гостей вѣдунъ 1-го типа, то не сдобровать бы молодой четѣ. Дѣло было такъ. Послѣ вѣнчанія былъ по обыкновенію свадебный столъ. Провѣдалъ про это вѣдунъ и какъ разъ въ самый веселый разгаръ пиршества— „шасть" въ комнату, гдѣ шелъ пиръ горой. „А, такъ вотъ вы какъ!... безъ меня захотѣли свадьбу справить! Посмотримъ!" сказалъ онъ съ угрозой и при этомъ сурово взглянулъ на молодую чету. Вдругъ оба молодые поблѣднѣли, и припадокъ начался у обоихъ; наконецъ, они оба упали, какъ два безжизненные трупа. Страшный старикъ стоялъ у порога и съ самодовольствомъ посматривалъ на окружающую толпу, обомлѣвшую отъ ужаса. Но тутъ одинъ изъ гостей почувствовалъ свою силу „А, проклятый!" промолвилъ онъ: „прочь отсюда!"

Старикъ почуялъ сильнѣйшаго и въ страхѣ поспѣшилъ скрыться. Новый вѣдунъ посмотрѣлъ на помертвѣвшую чету и дунулъ. Вмигъ они какъ бы оживились, скоро оправились и пиръ пошелъ по прежнему. На всякій случай вѣдунъ и на будущее время оградилъ ихъ отъ подобныхъ случаевъ.

Вообще колдуны играютъ довольно большую роль въ жизни казаковъ, и стать вѣдуномъ довольно лестно, въ смыслѣ обаятельной силы надъ суевѣрными и невѣжественными жителями.

Сообщу еще одинъ переданный мнѣ разсказъ, въ которомъ ясно вырисовывается и вѣра казака въ могучее знаніе вѣдуна, и степень участія вѣдуна въ обиходной жизни.

Въ одной семьѣ пропали золотыя серьги когда никто не входилъ въ хату и дома въ это время была одна сноха, которая пользовалась польнѣйшимъ уваженіемъ со стороны всѣхъ домашнихъ, какъ личность вполнѣ безупречная въ нравственномъ отношеніи. Но обстоятельства такъ сложились для нея неблагопріятно, что по всѣмъ даннымъ она должна была быть признана виновницей. Скоро слухъ облетѣлъ всю станицу, и пошли суды и пересуды.

Бѣдная женщина, не сознавая за собою никакого проступка, впала въ отчаяніе отъ такого срама и готова была лишить себя жизни. Отецъ, сѣдой почтенный старикъ, не менѣе дочери былъ встревоженъ. Позоръ дочери, былъ позоромъ и той семьи откуда она была. Глубоко увѣренный въ правотѣ своей дочери онъ всячески измышлялъ способы, чтобы какъ нибудь выяснить темное дѣло, освободить отъ злыхъ навѣтовъ и дочь и свою семью. Но всѣ домашніе способы были испробованы; слѣдили уже за извѣстными лицами, спрашивали у духанщика (кабатчика), не закладывалъ ли кто серьги, не продавалъ ли. Но слѣда не было. Тогда старикъ рѣшился пойти къ колдуну и узнать, кто былъ виновникомъ воровства. Какъ ни считалъ онъ это грѣховнымъ дѣломъ, но нужно было рѣшиться, чтобы узнать правду. Въ станицѣ славился одинъ изъ колдуновъ, отличавшійся большой способностью указывать воровъ. И вотъ старикъ, захвативъ съ собой внука, сына дочери, мальчика лѣтъ 9, отправился къ колдуну и просилъ открыть истину. Колдунъ соглашается и проситъ ста-

рика уйти изъ избы въ другую, онъ будетъ гадать и посторонніе при этомъ не должны присутствовать. Старикъ вышелъ, а внуку приказалъ забраться на печь, чтобы не мѣшать... Вскорѣ къ колдуну явились подчиненные ему черти, и онъ началъ спрашивать ихъ, кто укралъ серьги. Они отвѣчали, что серьги никѣмъ не украдены, а упали со стола, и свинья вмѣстѣ съ объѣдками проглотила ихъ. Но, открывая истину, черти тѣмъ не менѣе просили колдуна указать на сноху въ надеждѣ, что она въ отчаяніи лишитъ себя жизни, и душа ея попадетъ въ адъ. Колдунъ позвалъ старика... „Да что братъ дѣлать, серьги то вѣдь твоя дочь украла". Поблѣднѣлъ, затрясся старикъ, не ожидавшій такого удара. Вернулся отъ колдуна и прямо къ дочери: „Подлая!.. опозорила себя да и семью!" Несчастная женщина не могла вынести такого удара и, схвативъ ножъ быстро помчалась вонъ. Но ее успѣли во время предупредить. Вдругъ мальчикъ подбѣжалъ къ дѣду и говоритъ: „а вѣдь серьги-то свинья съѣла", и разсказалъ, какой разговоръ слышалъ онъ, когда былъ съ дѣдомъ у колдуна. Зарѣзали свинью и дѣйствительно нашли у нея въ желудкѣ серьги.

Есть повѣрье, что воры могутъ съ успѣхомъ воровать, запасшись свѣчкой изъ человѣческаго жира.

Свои дѣйствія нечистая сила проявляетъ и непосредственно, безъ участія вѣдуновъ. Такъ, напр., иной разъ въ степи „онъ" захочетъ пошутить и начнетъ водить путника. Обыкновенно случается это такъ, что когда человѣкъ заблуждается, то показывается огонекъ, привѣтливо мелькающій вдали. Усталый измученный путникъ съ радостью направляется на обманчивый огонекъ, но огонь ни чуть не ближе, и нерѣдко такъ цѣлую ночь проблуждаетъ онъ понапрасну, а то еще заберется въ такую глушь, что и выбраться трудно.

Укажемъ отрывочно еще на нѣкоторыя повѣрья, впрочемъ, не безъизвѣстныя. Есть вѣрованія въ летающихъ огненныхъ змѣевъ. Они описываются такъ: голова круглая, крылья огненныя, летятъ зигзагами, потомъ разсыпается. Ихъ отличаютъ отъ падающихъ звѣздъ.

Бываютъ случаи летаргіи, называемой „обмираніемъ". Повѣрье въ этомъ случаѣ то, что душа оставляетъ человѣка

и путешествуетъ, руководимая ангеломъ по загробному міру. Ожившая послѣ обмиранія на всѣ вопросы даетъ обыкновенно отвѣты общаго характера: „была на томъ свѣтѣ; однимъ хорошо, другимъ очень плохо; есть мѣста свѣтлыя, пріятныя, есть мѣста теплыя". Больше обыкновенно ничего не говорятъ, мотивируя отказъ тѣмъ, что они не могутъ сказать болѣе того, что сказано; въ противномъ случаѣ ихъ постигнетъ смерть.

Передадимъ теперь подробнѣе нѣсколько отдѣльныхъ легендъ, указывающихъ также съ одной стороны на тѣ или другія вѣрованія казаковъ, а съ другой характеризующія мѣстное народное творчество.

Разрытый курганъ. Когда въѣзжаешь въ станицу, виднѣется высокій курганъ, на двое раздѣленный. Это курганъ особенный. Тамъ много денегъ скрыто, хотя часть ихъ уже и взята казаками донцами,—это было давно. Носились слухи, что этотъ курганъ нечистый, что въ немъ по временамъ какъ бы что-то звучитъ. Около этого кургана трава всегда росла самая лучшая, шелковистая, мягкая, словно посѣянная. Ну и понятно, что это мѣсто любили пастухи и всегда гоняли скотъ сюда. Былъ одинъ пастухъ бѣднякъ. Чуть-ли не съ малыхъ лѣтъ онъ занимался пастушествомъ и кромѣ дырявыхъ шароваръ, старой грязной рубахи, да полуразвалившейся хаты ничего не имѣлъ. Однажды онъ заночевалъ около этого кургана, прилегъ и вздремнулъ,—собаки около него. Ночь темная. Вдругъ собаки тревожно залаяли, чуткій старикъ тотчасъ же встрепенулся и началъ всматриваться туда, гдѣ лаяли собаки; ничего не видно. По казачьему обычаю приложилъ онъ ухо къ землѣ и дѣйствительно, услышалъ не то какой то гулъ, не то шумъ. „Ну должно быть, казачья сотня ѣдетъ," подумалъ старикъ. „А что коли не сотня, а чечня проклятая!" А время тогда было тяжелое, смутное: не разъ и не два чечня проклятая угоняла стадо. Затревожился бѣдняга, перекрестился, наладилъ свою кремянку и думаетъ: ну, что будетъ то будетъ,—приготовился и ждетъ. Вскорѣ показались четыре тѣни всадниковъ, которые быстрымъ шагомъ ѣхали по направленію къ кургану. Это были казаки-донцы съ длинными пиками. Вскорѣ они подъѣхали къ старику, поздоро-

вались и стали разспрашивать, не знаетъ ли онъ про курганъ, большой, самый высокій, гдѣ, какъ разсказываютъ, скрытъ кладъ. Старикъ удивленно посматривалъ на нихъ. „Да вы откуда?“ спросилъ онъ наконецъ. „Мы казаки съ Дону,“ послѣдовалъ отвѣтъ. „Однажды ночью мы всѣ четверо услышали во снѣ голосъ, призывавшій насъ поѣхать сюда, отыскать этотъ курганъ и тутъ взять кладъ. Мы первое время не обратили вниманія, но потомъ это повторялось до трехъ разъ, послѣ чего мы рѣшились отправиться сюда.“ „Да курганъ самый большой этотъ вотъ и есть“, сказалъ старикъ. Казаки попросили старика отойти немного въ сторону, выстроились и сдѣлали залпъ. Вдругъ что-то зашумѣло, зазвенѣло. Курганъ разсѣлся на двое, и изъ него выкатился сундукъ. Одинъ изъ казаковъ ударилъ шашкой, крышка отлетѣла, и цѣлыя груды золота и серебра открылись предъ удивленными казаками. Они стали набирать въ сумки, въ карманы, всюду поналожили, а золота еще и половины не выложили. „Бери старикъ себѣ.“ сказали они удивленному пастуху. Тотъ глазамъ своимъ не вѣритъ. Никогда не мерещилось ему имѣть столько денегъ, да при томъ совершенно неожиданно. Онъ наложилъ свою сумку, наклалъ запазуху. Послѣ этого казаки вновь выстроились и вновь сдѣлали залпъ. Опять шумъ. грохотъ какой то, и курганъ вновь заровнялся, сундукъ скрылся. „Ну, будь здоровъ!“ сказали казаки и поѣхали назадъ. На слѣдующій день приноситъ домой старикъ золото и разсказываетъ жителямъ станицы происшедшей случай и какъ онъ досталъ денегъ. И вотъ рѣшились попробовать счастья всею станицею. Собрались, пошли къ кургану и стали копать; вскорѣ разрыли его на половину, но кромѣ костей да старинняго оружія ничего не нашли. Потомъ еще нѣсколько разъ составлялась компанія, но все безъ результата, а курганъ съ того времени получилъ названіе „разрытаго.“

2) *Постройка мельницы.*—„А что, какъ вамъ извѣстно,—спрашиваетъ у меня разъ казакъ, кто построилъ мельницу?“—„Да кто же, какъ не люди“,—отвѣтилъ я.—„Вотъ то-то и нѣтъ! Мельницу построилъ чертъ съ Христомъ. Дѣло было такъ. Видитъ чертъ, что люди много трудятся, чтобы хоть какъ-ни-

будь молоть хлѣбъ, да и задумалъ устроить мельницу, а за помолъ рѣшилъ понемногу привлекать къ себѣ души. Запрудилъ рѣчку, построилъ плотину, выстроилъ и для мельницы зданіе; однимъ словомъ, устроилъ все, осталось только сдѣлать колеса. Чертъ узналъ, какъ ихъ сдѣлать, да не смѣлъ, такъ какъ въ каждомъ колесѣ непремѣнно есть крестъ, а крестъ черту не въ моготу сдѣлать. Сѣлъ у моста и тяжко задумался: „Неужели все дѣло должно пропасть? Столько трудился"... На ту пору шелъ Христосъ. Видитъ, что чертъ такъ задумался, и спросилъ, что это значитъ. Тотъ и сказалъ про свое горе. „Ну это дѣло поправимое", замѣтилъ Христосъ, и сдѣлалъ колеса. Наладили мельницу. Вотъ чертъ и проситъ у Христа назначить ему хоть что-нибудь за труды, и рѣшили вотъ на чемъ: все краденое—черту; мельникъ ли больше возьметъ, чѣмъ слѣдуетъ, или мужикъ утаитъ и скажетъ не столько сколько хочетъ молоть, или, воспользовавшись отсутствіемъ мельника, всыплетъ еще, не заплативъ условной платы,—все это черту. На томъ покончили. И такъ чертъ всегда въ мельницѣ сидитъ и сторожитъ свою добычу.

3) *Смерть чертовой тещи.*—„Теперь курящіе не въ почетѣ у черта,—сказалъ мнѣ однажды казакъ,—теперь нюхающіе у него въ почетѣ". Я сталъ разспрашивать казака, что онъ хочетъ этимъ сказать, и вотъ что я услышалъ отъ него.

Курящіе потеряли славу у черта по слѣдующему случаю. У черта умерла теща; на похороны онъ сталъ собирать своихъ задушевныхъ пріятелей „курящіе, конечно, были самые первые гости. Пришли курильщики пожалѣли немного, поговорили, ну а потомъ „завели свои машины", сидятъ да покуриваютъ. Чертъ видитъ, что сочувствія его горю въ нихъ не встрѣтилъ, разсердился и прогналъ всѣхъ. Позвалъ нюхальщиковъ. Тѣ пришли, по обычаю поговорили, ну а потомъ зарядили свои носы чуть ли не по цѣлой горсти,—слезы у всѣхъ на глазахъ.—„Ну вотъ, мои дорогіе гости". И съ тѣхъ поръ нюхающіе въ первомъ почетѣ у черта".

4) *Происхожденіе табака.* Табакъ произошелъ отъ блудной дѣвки. Дѣло это было тогда, когда народъ былъ строгій и суровый. Одна дѣвка согрѣшила; ее убили и закопали при дорогѣ, далеко отъ селенія. Она недостойна была того, чтобы

похоронить ее со всѣми на кладбищѣ. Прошло много времени; на могилѣ выросла какая - то особенная трава съ широкими листьями. Шелъ путникъ и чертъ надоумилъ его сорвать листикъ травки; свернулъ, зажегъ, и ему понравилось. Ему захотѣлось вырыть траву съ корнемъ. Сталъ рыть; рылъ, рылъ и дорылся; корень-то какъ разъ выходилъ изъ с...ля. Такъ вотъ она откуда, эта травка-то поганая!..

Вслѣдъ за преданіями приведу кстати и нѣкоторыя пѣсни, записанныя мною. Одну изъ особенностей мѣстнаго пѣсеннаго творчества составляетъ между прочимъ стремленіе поющихъ подыскивать въ своей мѣстной жизни факты, подходящіе къ содержанію пѣсни, и ими даже объяснять самое происхожденіе пѣсенъ. Считаю нужнымъ оговориться, что записанныя мною пѣсни составляютъ лишь небольшую часть того довольно богатаго репертуара, который находится въ обращеніи у червленцевъ и въ сосѣднихъ станицахъ.

На зарѣ было, на зоренькѣ, на зарѣ было на утренней,
Со восходу солнца яснаго, изъ далеча прекраснаго.
Высоко звѣзда всходила,
Выше лѣсу, выше темнаго, выше садика зеленаго.
За турецкой славной областью, за султанскими воротами,
Тамъ стояла темная темница.
Во темницѣ двери мѣдныя, а рѣшеточки желѣзныя,
А въ замочкахъ полтора пуда, а въ ключикахъ 36 фунтовъ.
Во темницѣ добрый молодецъ сидѣлъ.
Онъ не годъ, не два сидѣлъ, просидѣлъ онъ 33 года,
Запустилъ свою бородушку ниже пояса шелковаго,
Черны кудри помогучіи плеча...
Ты султанъ, ты султанушка, ты султанское величество,
Прикажи меня кормить, поить, прикажи на волю выпустить.
Напишу я на Донъ грамоту, призову своихъ казаченекъ
Я всю Турцію повырублю, да тебя, султанъ, во плѣнъ возьму,
Посажу тебя въ темницу.
Во темницѣ двери мѣдныя, а рѣшоточки желѣзныя,
А въ замочкахъ полтора пуда, а въ ключикахъ 36 фунтовъ.

Да не далъ бы тебѣ ни ѣсть, ни пить
Голодной смертью заморить.
Вы туманы, вы мои туманушки, вы откройтеся до синя моря,
Откачнися, моя грусть тоска, отъ ретиваго моего сердца.
Мнѣ вечоръ доброму молодцу спалось, во снѣ видѣлось,
Во-снѣ видѣлось нехорошо, будто я лежу на дальней степи.
Сквозь частыхъ моихъ ребрушекъ да трава—мурава наросла,
На моей буйной головушкѣ частъ ракитовъ кустъ выросъ;
Какъ на этомъ на кустикѣ молодой соловьюшко гнѣздо совивалъ,
Да малыхъ дѣтушекъ, да дѣтей выводилъ,
Выводилъ дѣтей да на волю выпускалъ...

Продолженія пѣсни я не слышалъ; вѣроятно, этимъ и кончается. Поется она протяжно на мотивъ русской пѣсни: „Ахъ не одна во полѣ дороженька пролегала," съ частыми повтореніями нѣкоторыхъ словъ, и такую безъисходную грусть-тоску навѣваетъ, что и у пѣвца и у слушателей то и дѣло навертываются слезы. Эта пѣсня вполнѣ выражаетъ то странное настроеніе духа, которое охватываетъ человѣка въ степи во время страшныхъ влажно-холодныхъ тумановъ, въ которыхъ въ пяти шагахъ ничего не видно. Какъ будто какая то бѣлесоватая пелена окутала землю: и свѣтло и ничего не видать. Обращеніе пѣвца къ этимъ туманамъ въ началѣ пѣсни является вполнѣ естественнымъ.

Полно вамъ, снѣжочки, на талой землѣ лежать,
Полно вамъ, казаченьки, горе горевать.
Оставимъ тоску печаль во темныхъ лѣсахъ,
Станемъ привыкать къ азіатской сторонѣ,
Станемъ уважать (угождать?) чужой молодой женѣ.
Съ дѣвками, съ молодками полно пить гулять,
Перины подушечки пора намъ забывать,
Чекменикъ, бешметикъ намъ не надобно скидать,
Еще бы намъ не забыть про коней вороныхъ,

Вспомнимъ про военное братцы, житье-бытье,
Казачье житье молодеческое.
У казака черна бурочка,
Жена молодая, что берданочка,
Въ случаѣ на тревогу, чтобы заряжена была.
Скинемъ по денежкѣ, пошлемъ за винцомъ,
Каши наваримъ что и хлѣба напечемъ,
Ходя поѣдимъ, стоя выспимся,
По утру встаемъ, росой умываемся,
Скинемся по денежкѣ, пошлемъ за винцомъ
Выпьемъ мы по рюмочкѣ, позавтракаемъ,
Выпьемъ по другой, разговоры заведемъ,
Мы по третьей—съ горя пѣсни запоемъ
Мы поемъ, поемъ про наше житье-бытье про казаческое.

Это любимая пѣсня молодыхъ казаковъ. Игривый мотивъ и содержаніе указываютъ на веселое, слегка безпечное, отношеніе молодежи къ тревожной казаческой жизни

Не во полѣ полюшкѣ выросло древо,
Ой выросло древо.
Выросло древо, братецъ, тонко, высоко,
Корнемъ глубоко, братецъ, листомъ широко,
Ой, листомъ широко.
Какъ подъ этимъ деревцемъ выросла трава,
Ой, выросла трава.
Выросла трава, братецъ, трава-муравая,
Трава-муравая, трава шелковая,
Ой, трава шелковая.
Какъ на этой травушкѣ расцвѣли цвѣты,
Расцвѣли цвѣты, братецъ, все лазоревые.
Ой, какъ на этихъ цвѣтикахъ разбитой шатеръ,
Разбитый шатеръ, братецъ, шатеръ полотенъ.
Какъ во этомъ шатрикѣ разосланъ коверъ,
Разосланъ коверъ, братецъ, коверъ моховой.
Какъ на этомъ коврикѣ два стула стоятъ,
Два дубовые, братецъ, два точеные,
Два точеные, позлаченые.
Ой, какъ на этихъ стуличкахъ два братца сидятъ.

Два братца сидятъ, два родимые.
Ой, какъ наименшій братецъ рѣчи говоритъ:
По чтоже ты, братецъ невеселъ сидишь?
Али тебѣ братецъ, служба не мила?
На чужой сторонушкѣ умѣючи жить, братецъ, покорному быть.
А твоя головушка непокорная, непокорная, братецъ, непоклончивая.
Славный, пышный, быстрый Терекъ,
Ты природныхъ (?) здѣшнихъ мѣстъ,
Скоро выйду я на твой на берегъ, обращу печальный взоръ.
Я служилъ царю душою и твой берегъ охранялъ,
И теперь я очень смѣло помереть въ бою готовъ.
Гдѣ и жизнь моя отрада, гдѣ былъ я въ молодыхъ годахъ,
Гдѣ душа моя была изъ млада, я увивался въ берегахъ.
Славный, пышный, быстрый Терекъ прорылъ горы и лѣса,
Прорви этотъ берегъ, унеси меня съ собой

Эта пѣсня, повидимому позднѣйшаго происхожденія, по смыслу не много туманна. Мнѣ кажется, можно дать такое объясненіе. За Терекомъ начинаются хорошія мѣста для пашни, для хозяйства, и въ старину Гребенцы и въ частности Червленцы владѣли этой землей. Но когда они переселились на другую сторону, то земля по ту (правую) сторону Терека вся осталась за чеченцами. Теперешніе казаки очень жалѣютъ объ этомъ и часто говорятъ, „сколько лѣтъ мы держали Гребень за собой, охраняли и Терекъ, а земли намъ такъ не дали и отъ Терека пришлось уйти“.

Полюбила только молодца, начала по немъ тужить,
Да тутъ люди всѣ узнали и сосѣди говорятъ:
Стыдно, стыдно дѣвченочкѣ, стыдно молодца любить,
А еще того стыднѣе, поздно вечеромъ ходить.
Застыдилась дѣвчоночка, стала плакать и рыдать.
Молодцу жалко стало, сталъ дѣвченку унимать:
Не плачь, не плачь, дѣвченочка, не плачь, милая моя,
Разгорится мое сердце, возьму замужъ за себя,
Разгорится ретивое, повѣнчаемся съ тобой.

Я умру жива не буду, я на гробѣ напишу:
Ужъ вы, кумушки—голубушки, вы не дѣлайте того,
Вы не дѣлайте того, не любите никого,
Ни армяневъ, ни купцовъ, ни офицеровъ—подлецовъ.
Полюбите вы, подруженьки, гребенскихъ-то казачковъ.
Гребенскіе казачки на все войско молодцы,
На все войско молодцы, всѣмъ чеченцамъ куначки
(пріятели).

Разсказываютъ, что въ основу этой пѣсни положено дѣйствительный фактъ изъ мѣстной жизни: Одна дѣвушка была влюблена въ какого-то офицера, который обѣщалъ на ней жениться, но потомъ обманулъ. Общественное мнѣніе, о которомъ упоминается въ началѣ пѣсни, сильно давало себя знать дѣвушкѣ. Къ счастью, она, все таки успѣла выйти замужъ за одного парня и будто-бы сочинила эту пѣсню и даже подобрала мотивъ. Теперь эта пѣсня довольно распространена.

На горѣ высокой два креста стоятъ,
Подъ доской дубовой два дружка лежатъ.
Подходила дѣвица, выспрашивала:
Нѣтъ ли между вами дружка моего?
Могила и отвѣчала: нѣту здѣсь его;
Другая повторяла: забудь про него.
Заплакала дѣвица, въ зеленъ садъ пошла,
Горючей слезою груди залила.
Зеленый садочекъ, что жъ ты не цвѣтешь?
Молодой соловушка, что-жъ ты не поешь?
Радъ бы пѣсни я пѣть, да голосу нѣтъ;
Леталъ бы по волюшкѣ, да волюшки нѣтъ;
Клевалъ бы я зернышки, да зернышекъ нѣтъ;
Пилъ бы я водицу, да водицы нѣтъ.

Еще варіація:

Леталъ бы по воздуху, да силушки нѣтъ.
Сизыя крылушки обрубили, да рѣзвыя ноженьки обломили.
Лети, мой соловьюшко, лети поскорѣй,
Золотая клѣточка, умертвитъ тебя.

Во лѣсочкѣ комарики сильно уродились;
Почто сильно уродились?—дѣвки удивились.
Вечоръ ко мнѣ молоденькой сизъ голубчикъ прилеталъ:
Онъ тоскуетъ и воркуетъ меня молодую будитъ:
Встань, дивчина, встань, любимая, встань, моя радость.
Красна дѣвица вставала, двери отворяла,
Двери отворяла, милаго впускала.
Взяла его за рученьку, повела во комнатку;
Взяла его за другую, повела его въ любую.
Вышелъ миленькій плясать, себя показать;
Махнулъ своей черной шалью—зеркальце упало:
Пошелъ стукъ, пошелъ громъ по всей моей спальнѣ.
Всѣ люди узнали, маменькѣ сказали;
Посылаетъ ко мнѣ мать вѣрную служанку.
Сударыня, боярыня, что здѣсь случилось?
Скажи: кошечка блудлива на стѣнку прянула, зеркальце упало:
Пошелъ стукъ, пошелъ громъ по всей моей спальнѣ...

Лѣтъ 16-ти дѣвченка, во деревнѣ возрасла,
Отца съ матерью не знала, сиротою возрасла.
Волга рѣченька глубока, прихожу къ тебѣ съ тоской.
Мой сердечный другъ далеко, ѣдетъ миленькій водой,
А я крутымъ бережкомъ, машетъ миленькій платкомъ:
— Позволь милая жениться, ты раздушечка моя.
Да, на—вотъ тебѣ невѣста, а мнѣ женихъ—черный гробъ;
И тебя ведутъ къ вѣнчанью, меня несутъ погребать;
На тебя вѣнецъ надѣнутъ, мнѣ трипѣнье пропоютъ.
Ты того не стерпишь пѣнья, ты ко гробу подойдешь
И откроешь грудь дѣвицы и слезами обольешь.
И поплачешь, и потужешь, погорюешь одинокъ.

Горѣла горѣлочка восковая,
Ждала, ждала дѣвица удалаго къ себѣ молодца;
Ложилася спать одна, безъ милаго безъ дружка.
Какъ на утренней зоренькѣ вдоль по улицѣ милый прошелъ
Да любимую пѣсенку на свисточкѣ просвисталъ:
Да спишь-ли ты, дѣвица, на умѣ кого держишь?

— Да я спать не сплю, дѣвица, на умѣ тебя держу.
Да почто-же ты, молодецъ, не во время ко мнѣ пришелъ?
Ни за тѣмъ, ни за сѣмъ, дѣвица, призамѣшкался я въ домѣ
Да съ угрюмой женишкой я въ побранницахъ съ нею бывалъ.
— Да убей, убей, молодецъ, ты угрюмую свою жену.
— Да глупая ты, дѣвица, не разумныя твои слова:
Я съ тобою, дѣвица, одну ночку ночевалъ,
А съ угрюмой женишкой да мнѣ съ ней вѣкъ вѣковать...

Какъ звѣздочка блеснула на небѣ голубомъ,
И самъ король плѣнился дѣвицей молодой.
— Дѣвица молодая, полюби ты меня,
Отдамъ тебѣ полцарства и перстень золотой.
— Не надо мнѣ полцарства и перстень золотой, —
Отдай своей царицѣ прекрасной, дорогой.
Какъ звѣздочка блеснула на небѣ голубомъ,
И самъ король плѣнился дѣвицей молодой.
Дѣвица молодая, ты полюби меня,
А если не полюбишь, казнить велю тебя.
— Казните, какъ хотите, любить васъ не могу;
Дѣвицей родилась, дѣвицей и умру.

Ну, что это за милый, за раздушечка!
Вложилъ мысли въ мое сердце, не могу забыть.
— Поѣдешь ты въ дальнюю службу,
Миленькій, возьми меня съ собой,
Назови сестрицею родной.
— Глупая ты, красная дѣвица!
Всѣ знаютъ полка полковники,
Всѣ знаютъ войска старинушки:
Нѣтъ у меня сестрицы—дѣвицы;
Есть у меня жена молодая,
И та со мной не въ союзѣ живетъ.

Во горенкѣ во новой стоитъ столъ дубовой [1]),
На столѣ дубовомъ стоитъ кубчикъ золотой,
Полонъ меду налитой.

---

[1]) Величальная.

Да кто у насъ въ гостяхъ былъ?
Николай въ гостяхъ былъ, Павловичъ сударь былъ.
Кто у насъ медъ пилъ?
Николай Павловичъ сударь пилъ.
Сашенька, ты душа моя,
Ивановна выпей, сердце мое!
Я былъ сиротой, отлеталъ,
Искалъ себѣ такую, какой самъ.
Я три града изошелъ,
Лучше тебя, Алексаша, не нашелъ...

При исполненіи пѣсенъ употребляется для аккомпанемента гармоника, иногда также хлопанье въ ладоши — послѣднее особенно при плясовыхъ пѣсняхъ, которыя большею частью новѣйшаго происхожденія. Типичнымъ примѣромъ такихъ пѣсенъ можетъ служить слѣдующая:

Полюбила одного любезнаго своего;
Онъ и самъ, подлецъ, не стоитъ страданьица моего.
Выньте душу, выньте сердце на серебряный подносъ,
Понесите душу, сердце ко милому во теремъ,
Пускай миленькій потужитъ, погорюетъ обо мнѣ,
Погорюетъ обо мнѣ, объ несчастной сиротѣ.

Не лишенное нѣкотораго драматизма содержаніе облечено здѣсь въ такую банальную форму, и пѣсня поется на такой веселый мотивъ, что считаютъ возможнымъ даже плясать подъ нее. При пляскѣ поются также сатирическія куплеты, напр.:

Ужъ вы гостюшки, гости милые,
Придите вы къ намъ, посидите у насъ,
Посидите у насъ, побесѣдуйте.
Разскажу я вамъ всю исторію;
Не повѣрите—на брехню ее перевернете.
Свинья на дубу гнѣздо свила, дѣтей вывела,
Милыхъ дѣтушекъ, поросяточекъ.
Поросяточки—соколяточки
Во гнѣздѣ сидятъ, желудки ѣдятъ, и пр.

Приводить дальнѣйшія строфы считаю неудобнымъ. Къ этому разряду неудобныхъ пѣсенъ относится и „Дуня“, варі-

антъ которой помѣщенъ въ сборникѣ Лопатина и Пракунина, вып. 1. Эти пѣсни болѣе всего отзываются вліяніемъ большихъ городовъ и фабричныхъ центровъ. Достаточно, напр., прослушать такое начало пѣсни:

Сижу въ залѣ на диванѣ, держу малютку на рукахъ;

Я отдамъ сестрѣ малютку, сама выйду на крыльцо,—

чтобы догадаться, въ какой средѣ она сложена. Оказывается, что эту пѣсню распѣваютъ фабричные и мастеровые и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, хотя иногда съ другимъ началомъ: „Кто повѣритъ моей скукѣ, всякъ потужитъ обо мнѣ“ и проч.

Наконецъ, въ станицѣ есть въ ходу пѣсни завѣдомо искусственныя, т.-е. принадлежащія опредѣленнымъ, извѣстнымъ составителямъ. Таковы, напр., стихи подъ названіемъ: „Падшій ангелъ“, въ которыхъ мужъ, убившій изъ ревности жену и попавшій на каторгу, оплакиваетъ печальную судьбу своей дочери—малютки. Часть этихъ стиховъ напечатана у Ржевусскаго, который говоритъ и о ихъ происхожденіи. Бываютъ попытки и мѣстной сатиры, которыя однако не стоятъ того, чтобы ихъ печатать.

Заканчивая этимъ свой очеркъ, укажу на нѣсколько выводовъ, вытекающихъ отчасти изъ изслѣдованія ст. Червленой, отчасти изъ разговоровъ съ людьми, знающими хорошо современное положеніе казачества вообще.

Религіозное міровоззрѣніе казака еще довольно крѣпко, и хотя уже начали появляться и другіе толки, но пройдетъ еще не мало времени, пока расколоученіе отойдетъ въ область преданія. Главныя причины, удерживающія казаковъ въ ихъ „древлемъ“ вѣроученіи, это—мистицизмъ, отсутствіе анализа, преданность старинѣ, недовѣріе къ „обращателямъ“, изъ которыхъ многіе не безкорыстны, хитрость и ловкость адептовъ вѣроученія.

Нравственность казака пошатнулась и даже, повидимому, клонится къ упадку. Вѣроятная причина—быстрый переходъ отъ суроваго военнаго режима къ полной почти свободѣ (выборное начало), а также отсутствіе необходимости усиленнаго труда, меньшее количество служебныхъ обязанностей.

Семейныя отношенія тоже въ какомъ-то броженіи. Прежнее „родительское“ и „мужское“ начало уже видимо отживаетъ; новое „личное“ начало еще не привилось, хотя уже сильно пробивается среди старыхъ традицій, и возможно, что въ будущемъ оно возьметъ верхъ.

Трудовое начало весьма слабо развито, особенно среди мужского населенія. Причина этого, какъ мы сказали, вѣроятно, историческое прошлое казачества, развивавшее у казака только военныя качества и отстранявшее его отъ занятій сельско-хозяйственныхъ, далѣе, существованіе виноградныхъ садовъ, дающихъ порядочный доходъ и не требующихъ тяжкаго физическаго труда.

Въ бытѣ начинаютъ появляться чисто русскіе обряды, костюмы, поговорки, пословицы, пѣсни; вліяніе азіатскаго элемента замѣтно слабѣетъ.

Территоріальное распространеніе усиливается: появляются хутора. Населеніе увеличивается.

Эстетическое чувство развито въ довольно сильной степени. Казакъ по натурѣ склоненъ къ поэтизму. Любовь съ разными ея драматическими положеніями красной чертой проходитъ черезъ всю жизнь казака, спускаясь иногда до разврата. Отсюда понятно существованіе большого количества пѣсенъ, шутокъ, поговорокъ среди казаковъ.

Экономическое состояніе жителей среднее, хотя могло-бы быть и лучшимъ. Отсутствіе иниціативы и любви къ труду— главныя причины застоя экономическаго развитія.

Будущность казачества, при наличномъ существованіи вышеприведенныхъ условій, не можетъ быть блестяща. Можно предположить, что казачество впадетъ въ экономическое разореніе, утратитъ свою самобытность, и подчинится болѣе сильному, здоровому и любящему трудъ русскому элементу.

Г. Малявкинъ.

ЗАЯЦЪ

въ народной словесности.

Изученіе повѣрій и сказокъ о зайцахъ представляетъ научный интересъ, такъ какъ даетъ возможность установить генетическую связь между повѣрьями и сказками и свести ихъ къ немногимъ основнымъ, древнимъ мотивамъ. Повѣрье и сказка обыкновенно стоятъ независимо одно отъ другого, имѣютъ большей частью обрывочный видъ и ограниченное значеніе. Это значеніе расширяется, когда, какъ въ настоящемъ случаѣ при изученіи нѣкоторыхъ повѣрій и сказокъ о зайцахъ, можно намѣтить точки соприкосновенія между повѣрьемъ и сказкой и опредѣлить внутреннее ихъ родство и взаимное соотношеніе.

На первое мѣсто я ставлю темное повѣрье, что несчастье должно постигнуть человѣка, если ему встрѣтится или перебѣжитъ дорогу заяцъ. Повѣрье это распространено повсемѣстно въ Россіи, сѣверной и южной, восточной и западной, у Бѣлаго и Чернаго морей, по Волгѣ и Днѣпру. Нѣтъ надобности ссылаться по этому поводу на этнографическіе труды, такъ какъ самое положеніе не можетъ вызывать какихъ либо ограниченій или исключеній. Всѣмъ извѣстно, что русскій человѣкъ остерегается встрѣчи съ зайцемъ, а при встрѣчѣ плюетъ на сторону, бранитъ этого маленькаго и робкаго звѣрька, какъ предвѣстника неудачи или несчастія, принимаетъ иногда охранительныя мѣры.

Тожественное повѣрье бытуетъ у многихъ другихъ народовъ: у поляковъ (*Kolberg*, Lud III. Kujaw. 90), чеховъ (*Zibrt*, Staroč.

vyroč. obyč. a pov., 97), ужицкихъ сербовъ (*Haupt u. Smoler*, Volkslied. II 259), у болгаръ (*Шишковъ*, Родопски Старини 1, 12; *Любеновъ*, Баба-Яга, 41), у нѣмцевъ въ Мекленбургѣ (*Bartsch*, Sagen, 127), въ Тиролѣ (*Zingerle*, Sitten, 92), въ Пруссіи (*Krause*, Zeitschr. f. Ethn. 1883, 87), у норвежцевъ (*Liebrecht*, Zur Volkskunde, 314), во Франціи (*Wolf*, Beiträge I, 251, *Rolland*, Faune popul. I, 87), въ Англіи въ XVI ст. и позднѣе (*Спенсеръ*, Описат. Соціол. 212). Ипатьевская лѣтопись отмѣчаетъ такое повѣрье у древнихъ литовцевъ.

Единственнымъ исключеніемъ оказывается записанное въ Помераніи народное повѣрье, что если дорогу перебѣжитъ заяцъ—къ счастью, волкъ—къ несчастью. (*Temme*, Die Volkssagen von Pommern und Rügen, 346). Здѣсь заяцъ получилъ значеніе предвѣстника удачи, вѣроятно, въ силу сопоставленія съ волкомъ.

На чемъ основано повѣрье о несчастномъ значеніи встрѣчи съ зайцемъ? Ближайшій источникъ этого повѣрья—демоническое значеніе зайца, въ однихъ мѣстахъ совсѣмъ забытое, въ другихъ забываемое, древнѣйшій источникъ—религіозно-миѳическое отношеніе зайца къ лунѣ.

У европейскихъ народовъ, въ частности у славянъ, существуетъ много мелкихъ повѣрій и сказокъ о демоническомъ значеніи зайца. Малороссы вѣрятъ, что заяцъ сотворенъ чортомъ; онъ служитъ чорту передовымъ (*Чубинскій*, I, 55). Бѣлоруссы говорятъ, что по пути свадебнаго поѣзда въ церковь чортъ можетъ перебѣжать дорогу чернымъ зайцемъ или волкомъ, и это всегда предвѣщаетъ несчастье (*Ляцкій*, въ Этногр. Обозр. VII, 27). Въ Россіи существуетъ повѣрье, что плывя по водѣ не должно поминать зайца, потому что этого не любитъ водяной и осердившись подымаетъ бурю (*Аѳанас.*, Поэт. воззр. I, 643).

Демоническимъ значеніемъ зайца обусловлено повѣрье, что грѣшно употреблять въ пищу его мясо. Такъ оренбургскіе казаки называютъ зайцевъ погаными и не ѣдятъ ихъ (*Черемшанскій*, Опис. Оренб. губ., 210).

Въ одной русской сказкѣ о мужикѣ и чортѣ мужикъ засѣялъ поле рѣпой и однажды сказалъ, разсердившись, чтобы чортъ забралъ ниву. Когда поспѣла рѣпа, чортъ предъ-

явилъ свое право собственности на рѣпу. Вышелъ споръ. Порѣшили выѣхать въ поле одновременно, и кто отгадаетъ, на какомъ животномъ ѣдетъ противникъ, тому и будетъ принадлежать рѣпа. Чортъ выѣхалъ на зайцѣ, и мужикъ сразу отгадалъ; мужикъ выѣхалъ на своей женѣ, и чортъ остался въ проигрышѣ (Κρυπτάδια, I, 59—61 и IV, 197). Весьма сходныя сказки и басни находятся въ „Народ. рус. сказкахъ“ Аѳанасьева (II, 33), норвежская у Asbiornsen'a 73, 3, нѣмецкая у Гримма № 189, португальская у Браги № 81, въ Conde Lucanor, с. 41, французскія у Лафонтена и у Рабле (Pantagruel, IV, гл. 46). Для насъ здѣсь важно только появленіе зайца въ услуженіи чорту.

Къ 1800 году пріуроченъ слѣдующій чешскій разсказъ. Нѣкто Мика изъ Спирога былъ подъ Святецкой скалой, гдѣ собиралъ ягоды. Онъ сѣлъ на камень отдохнуть. Передъ нимъ явился чортъ въ видѣ зайца, сѣлъ на заднія лапки, протягивался, выдѣлывалъ разныя штуки и предлагалъ поцѣловать его въ задъ. Мика ударилъ зайца рукой, и заяцъ исчезъ съ шумомъ, оставивъ послѣ себя большое зловоніе (*Sumlork*, Staroć. pow., hry., obyć., II, 577).

М. Е. Халанскій сообщилъ мнѣ весьма сходный разсказъ, который онъ слышалъ отъ одного крестьянина-пасѣчника Курской губерніи. Иду на пасѣку, говорилъ крестьянинъ, и вдругъ совсѣмъ подъ ноги подскочилъ заяцъ. Я взялъ его и понесъ къ куреню. По мѣрѣ того, какъ я приближался къ куреню, заяцъ дѣлался все тяжелѣе и тяжелѣе. Наконецъ, я вынужденъ былъ бросить его. Тогда заяцъ захохоталъ и исчезъ изъ виду.

Въ нѣмецкихъ повѣрьяхъ и сказкахъ заяцъ имѣетъ демоническое значеніе. Вѣдьма обращается въ зайца (*Zingerle*, Sitten... d. Tiroler Volkes, 2 изд., 65; *Bartsch*, Sagen... aus Meklenburg, II, 38, 40). По временамъ является заяцъ величиной съ большую собаку, даже съ осла (*Henne-am-Rhyn*, Die d. Volkssage, 143). Въ нѣмецкихъ сказкахъ и повѣрьяхъ часто упоминается треногій заяцъ, иногда предвѣщающій человѣку смерть черезъ три дня (*H.-am-Rhyn*, 143—146; *Grasse*. Das Sagenschatz, I, № 471. II, № 635; *Mülhause*, Die Urreligion d. deutsch. Volkes, 159), въ связи съ чертомъ (*Schöppner*, Sagenbuch der Bayerisch. Lane

I. 371), иногда заяцъ заколдованный (ib. II, 206). Треногій заяцъ встрѣчается также въ сербо-лужицкихъ повѣрьяхъ (*Veckenstedt*, Wendische Sagen, 303) въ значеніи чорта.

Демоническая природа зайца обнаруживается между прочимъ, въ слѣдующемъ разсказѣ, записанномъ въ Бельгіи: дочь колдуньи вышла замужъ противъ воли своей матери и была проклята ею; всѣ дѣти ея рождались безобразными, съ заячьей губой, кромѣ послѣдняго ребенка, который родился послѣ смерти своей бабки-вѣдьмы и былъ очень красивъ (*Nimal*, въ Revue d. trad. popul. 1889. V, 296).

Въ средневѣковыхъ судебныхъ процессахъ о вѣдьмахъ встрѣчается обвиненіе вѣдьмъ въ хожденіи на демонскій шабашъ въ видѣ зайца (*Heppe-Soldan*, Gesch. d. Hexenprocesse, 301, 303).

Въ настоящее время во Франціи существуетъ еще много демоническихъ сказокъ о вѣдьмахъ и колдуньяхъ, обращающихся въ зайцевъ. Въ Вогезахъ встрѣча съ зайцемъ считается несчастной въ особенности по заходѣ солнца. Въ это время часто бѣгаютъ колдуны въ видѣ зайца. Его тогда не берутъ собаки, не беретъ ружье. Какъ-то каждый вечеръ у подножія горы Фуршъ бѣгалъ огромный заяцъ, и охотники не могли его застрѣлить. Тогда одному охотнику пришла счастливая мысль подбавить къ дроби нѣсколько кусочковъ освященнаго хлѣба. Заяцъ былъ тяжело раненъ. Онъ бѣжалъ, издавая крики и проклятія человѣческимъ голосомъ. Вскорѣ узнали, что въ видѣ зайца бѣгала одна колдунья изъ сосѣдней деревни. Въ другомъ разсказѣ охотникъ наноситъ зайцу рану въ одну изъ заднихъ ногъ. Заяцъ бросился въ одинъ домъ, и охотникъ слышалъ, какъ дѣти закричали въ этомъ домѣ: «Папа, папа, у нашей бѣдной мамы разбита нога»! (*Sauvé*, Le Folk-lore des Hautes-Vosges, 176).

Изъ русскихъ инородцевъ пермяки издавна не употребляютъ въ пищу зайца и пѣтуха, какъ «поганыхъ». Предполагаютъ, что въ языческія времена заяцъ и пѣтухъ были жертвенными животными, почему и составляли табу для простого смертнаго. Эти животныя и теперь еще играютъ роль въ нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядахъ пермяковъ; такъ, пѣтухъ и до сихъ поръ приносится въ жертву, а невыдѣланныя зая-

чьи шкурки зачастую служатъ мѣстнымъ колдунамъ при гаданіяхъ (*Добротворскій*, въ Вѣст. Европы 1883. III, 250).

Итакъ за зайцемъ въ народныхъ повѣрьяхъ скрывается чортъ; заяцъ служитъ зооморфическимъ образомъ чорта. Естественно возникаетъ вопросъ, съ какой стати робкій заяцъ, leptrus timidus, безвредное маленькое животное получило демоническій характеръ? Демоническое значеніе легко могъ получить черный и хищный воронъ, отвратительная по наружности ночная птица сова, свирѣпый хищный волкъ, свинья, по положенію ея въ жертвенномъ ритуалѣ древнихъ классическихъ народовъ; у зайца наружность не бьющая въ глаза, нравъ робкій и въ жертвоприношенія онъ никогда не входилъ.

Существуетъ цѣлый рядъ сказаній у народовъ Полинезіи, юго-восточной Азіи и южной Африки глубоко-древняго характера, можетъ быть, первобытныхъ, которыя могутъ въ совокупности дать удовлетворительное объясненіе демоническаго значенія зайца. Подъ чортомъ повѣрій и сказокъ о зайцѣ скрывается первобытный религіозно-миѳическій образъ злого духа, стоявшаго въ какой-то недостаточно ясной въ настоящее время связи съ мѣсяцемъ или точнѣе лунными пятнами. Здѣсь выступаетъ первобытный, повидимому, общечеловѣческій космогоническій миѳъ, въ которомъ заяцъ игралъ роль бога, принимающаго участіе въ сотвореніи міра, свѣтилъ небесныхъ и человѣка.

Ипатьевская лѣтопись упоминаетъ о поклоненіи литовцевъ заячьему богу: „Миндогъ же посла къ папѣ и прія, крещеніе же его льстиво бысть: жряше богомъ своимъ въ тайнѣ“; далѣе перечисляются языческіе боги, между прочимъ, заячій богъ. Въ литовскихъ пѣсняхъ встрѣчается какой-то темный намекъ на отношеніе зайца къ солнцу: Усинь сидитъ на горѣ; заяцъ на корточкахъ внизу. Присматриваясь къ этому зайцу, Усинь говоритъ: Его я не впрягу, ни поѣду на немъ; онъ и не побѣжитъ по дорогѣ (*Вольтеръ*, Матер. для этногр. латыш. пл. 39) Г. Вольтеръ дѣлаетъ при этомъ такую замѣтку: „Въ миѳѣ zakis, литовск. Zuikis—заяцъ, санскр çaça, означаетъ мѣсяцъ; оттого, можетъ быть, Усень, увидѣвъ зайца, смущается и отказывается на немъ ѣздить, ибо заяцъ—представитель ночи.“ Отмѣтимъ мимоходомъ, что въ монгольскихъ

сказкахъ въ такомъ же отношеніи къ солнцу оказывается сурокъ-тарбаганъ: Сурокъ былъ прежде охотникъ; въ то время было четыре солнца—на каждой сторонѣ неба по солнцу. Онъ началъ стрѣлять по солнцамъ и трехъ уже застрѣлилъ. Тогда Бурхынъ-бакши испугался, что не будетъ свѣта на землѣ, и обратилъ этого охотника въ сурка (*Потанинъ,* Оч. сѣв. зап. Монголіи, IV, 179). Китайцы усматриваютъ на лунѣ зайца. Таоисты вѣрятъ, что заяцъ на лунѣ толчетъ въ ступѣ вещества для приготовленія безсмертнаго элексира. Въ Китаѣ распространено повѣріе, что самки зайцевъ, посмотрѣвъ на луну, дѣлаются беременными. Буддизмъ только закрѣпилъ эти повѣрья такъ какъ съ буддизмомъ связана слѣдующая легенда: Нѣкогда жили вмѣстѣ лисица, обезьяна и заяцъ въ добромъ согласіи. Повелитель неба Чакра пришелъ къ нимъ подъ видомъ старика и просилъ пищи. Лисица поймала для него рыбу, обезьяна насобирала древесныхъ плодовъ, и только заяцъ ничего не могъ найти. Не желая нарушить долгъ гостепріимства, заяцъ бросился въ печь, чтобы старикъ могъ съѣсть его самого въ испеченномъ видѣ. Чакра, глубоко тронутый этимъ самопожертвованіемъ зайца, вынулъ его изъ печи и помѣстилъ на лунѣ, чтобы онъ вѣчно служилъ эмблемой гостепріимства и милосердія. Нѣкоторые буддисты увѣряютъ далѣе, что этотъ заяцъ былъ саммъ Будда во время одного изъ своихъ многочисленныхъ воплощеній. Повѣрье о лунномъ зайцѣ въ Китаѣ бытовало издревле. Древніе китайскіе богдыханы имѣли на своемъ верхнемъ платьѣ изображеніе мѣсяца съ зайцемъ, который подъ деревомъ толчетъ въ ступкѣ, причемъ дерево служило символомъ долголѣтія или даже безсмертія (древо жизни). Сцена эта и нынѣ воспроизводится ежегодно на хлѣбахъ, которые пекутъ на осеннихъ праздникахъ (*Girard de Rialle,* въ Revue d. trad. popul. 1888, 136). Повѣрье такого рода существовало у древнихъ индусовъ, что видно изъ приведенной буддійской легенды и изъ названія мѣсяца сасин, сасанка, т. е. носящій на себѣ зайца (*Benfey,* Pantsch. I, 349), названіе по всей вѣроятности, глубоко-древнее, древнѣе буддійской легенды. Въ связи съ этимъ повѣрьемъ стоитъ древняя повѣсть о слонѣ и зайцѣ, нашедшая мѣсто въ Пан-

чатантрѣ и въ многочисленныхъ передѣлкахъ ея. (*Benfey*, ib). Въ Калилѣ и Димнѣ сказка о слонахъ и зайцахъ передана въ такомъ видѣ: Въ одной странѣ наступила большая засуха, источники изсякли; растительность была повреждена и деревья засохли. Тогда слоны стали томиться отъ жажды; они стали жаловаться на это своему царю. Царь послалъ тогда своихъ развѣдчиковъ искать воду во всѣхъ окраинахъ. Одинъ изъ нихъ нашелъ источникъ, называемый источникомъ луны, обильный водою. Царь слоновъ со своими приближенными отправился къ тому источнику. Источникъ находился въ землѣ, принадлежащей зайцамъ. Слоны наступили на зайцевъ въ ихъ норахъ и погубили ихъ много. Тогда зайцы собрались къ своему царю и сказали ему о постигшей ихъ бѣдѣ. Одинъ изъ зайцевъ, очень сообразительный, Файрузъ, былъ посланъ для переговоровъ съ царемъ слоновъ. Файрузъ не рѣшился близко подойти къ слонамъ, чтобы они не задавили его ногами. Онъ взобрался на гору и вызвалъ царя слоновъ и сказалъ ему: „а меня послала къ тебѣ луна." Царь слоновъ спросилъ: что у тебя за посланіе? Файрузъ сказалъ: „луна говоритъ тебѣ: кто сознаетъ превосходство своей силы надъ слабыми и вслѣдствіе этого самъ пренебрегаетъ сильными, сила того будетъ ему потѣхой. Ты созналъ превосходство своей силы надъ четвероногими и сдѣлался заносчивымъ: ты отправился къ источнику, который называется по имени луны, напился изъ него и замутилъ его. Поэтому луна послала меня уговорить тебя не повторять того же самаго. Если ты сдѣлаешь это, твой взоръ померкнетъ и твоя душа погибнетъ. Файрузъ отправился съ царемъ слоновъ къ источнику. Въ водѣ отражалась луна. Файрузъ посовѣтовалъ слону умыться и поклониться лунѣ. Когда отъ хобота заволновалась вода и на ней задрожала луна, то слонъ подумалъ, что луна сердится, принесъ покаяніе и обязался быть осторожнымъ (*Калила и Димна*, въ пер. Аттаи, 137).

Въ этомъ разсказѣ съ одной стороны обнаруживается космогоническій миѳъ о мѣсяцѣ и зайцѣ, съ другой широко распространенный литературный мотивъ о самообманѣ того или другого животнаго, по отраженію луны въ водѣ. Въ рус-

ской научной литературѣ мотивъ этотъ подробно разсмотрѣнъ *Л. З. Колмачевскимъ* въ диссертаціи о животномъ эпосѣ (стр. 77 и сл.). Колмачевскій указалъ на пареллели къ эпизоду объ отраженіи луны въ Панчатантрѣ, гдѣ заяцъ указываетъ слону отраженіе луны въ водѣ, въ сказкахъ хорватской, сербской, ново-провансальской, двухъ португальскихъ, въ романѣ о Ренарѣ и въ басняхъ у Marie de France и Петра Альфонса, въ которыхъ лиса отраженіе луны въ водѣ выдаетъ волку за сыръ. Сюда относится еще одна сербо-лужицкая сказка у *Haupt'а и Smoler'а*, II, 164.

У американскаго индійскаго племени ирокезовъ записано повѣрье, что огромный заяцъ извлекъ міръ изъ воды (*Lang*, Etudes traditionnistes, 58). Къ этому повѣрью примыкаетъ другое съ архипелага Тонга, по которому богъ Мауи, когда ловилъ рыбу, вытянулъ на удочкѣ острова (*Reville*, Les religions, II, 46). У готентотовъ записана слѣдующая любопытная сказка о зайцѣ и вшѣ: Въ началѣ міра луна послала вошь сказать человѣку, что онъ послѣ смерти, подобно лунѣ, снова возродится къ жизни. Заяцъ встрѣтилъ вошь, узналъ о порученіи луны, побѣжалъ къ человѣку и оповѣстилъ его въ противоположномъ смыслѣ, будто мѣсяцъ поручилъ ему сказать: какъ я умираю, такъ пусть вполнѣ умираетъ человѣкъ. Затѣмъ заяцъ сообщилъ о своемъ поступкѣ мѣсяцу. Мѣсяцъ въ гнѣвѣ такъ ударилъ зайца, что разсѣкъ ему верхнюю губу, а заяцъ поцарапалъ у мѣсяца лицо, отчего и произошли лунныя пятна. Оттого готентоты не любятъ зайца и не ѣдятъ его мяса (*Reville*, ib. I, 172). На островахъ Фиджи такой же космогоническій миѳъ существуетъ относительно луны, но заяцъ замѣненъ мышью, которая настояла, чтобы люди умирали (ib. II, 129); въ космогоническомъ миѳѣ зулусовъ роль зайца играетъ саламандра (Басни и ск. дикихъ народовъ, 26).

Въ цѣнномъ сочиненіи Ревилля „Les religions des peuples non-civilisés" (I, 366) высказано мнѣніе, что культъ луны древнѣе культа солнца, и восходитъ въ примитивную древность. У многихъ дикихъ племенъ (преимущественно американскихъ) культъ луны стоитъ на первомъ мѣстѣ. Луну считаютъ источникомъ добра и зла, творцомъ міра и человѣка, простираютъ

къ ней руки съ молитвословіемъ, называютъ ее прекрасной. Въ Бразиліи женщины выставляютъ своихъ дѣтей на лунный свѣтъ, чтобы луна увидѣла ихъ и покровительствовала имъ. Луна — повелительница неба; она сходитъ иногда на землю, и тогда умираетъ много людей и деревья не даютъ плодовъ. Когда луны не бываетъ на небѣ, тогда она странствуетъ по землѣ и наказываетъ дурныхъ людей, иногда похищаетъ дѣтей (ib. 366). Въ южной Африкѣ въ честь луны накладываютъ кучи камней, на которыя потомъ каждый проходящій бросаетъ что-нибудь, палочку, тряпочку, цвѣтокъ (ib. 175). Культъ луны былъ распространенъ у многихъ культурныхъ народовъ древности, но постоянно уступая первое мѣсто культу солнца, особенно усилившемуся и развившемуся съ переходомъ народовъ отъ быта звѣроловнаго и пастушескаго къ быту земледѣльческому. Демоническое значеніе зайца выросло, повидимому, на древнѣйшей религіозно-миѳической основѣ, какъ отзвукъ первобытнаго космогоническаго миѳа, и въ повѣрьѣ о несчастномъ значеніи встрѣчи съ зайцемъ мы имѣемъ въ настоящее время окаменѣлый обломокъ первобытнаго космогоническаго миѳа.

Любопытно, что обломокъ этотъ сохранился между прочимъ въ малорусской дѣтской игрѣ въ зайца. Въ Купянскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи записана такая игра: дѣти становятся въ кружокъ; дѣвочка или мальчикъ входитъ въ середину круга и начинаетъ считать, указывая на каждаго пальцемъ, и говоритъ: „Заяць-мисяць, де ты бувъ?“ — Въ лиси.—„Що робывъ?“ —Листя рвавъ.—„Куды клавъ“? — Пидъ колоду.— „Хто взявъ мою воду?“ А це листъ, а це коринь, а це выступывъ вонъ“ И на кого падетъ слово „вонъ“, тотъ выходитъ изъ круга, а кто останется послѣднимъ, тотъ называется „сира кишка“. Когда „сира кишка“ назначена, всѣ бросаются отъ нея въ сторону, а она старается ударить кого-нибудь рукою. Съ ударомъ передается и названіе (*Ивановъ*, Игры крест. дѣтей въ Купян. у. 47). Другія дѣтскія игры въ зайца, безъ мѣсяца-зайца, у *Свидницкаго* въ Основѣ 1861, XI, 44, *Максимовича*, Собр. соч. II 476, *Moszyn'ska* въ Zbiór Wiadomosci 1881, V, *Чубинскаго* III, 34. Купянская игра въ зайца стоитъ

въ связи съ литературнымъ мотивомъ о кошкѣ и зайцѣ, о чемъ скажемъ въ надлежащемъ мѣстѣ.

Разъ существуетъ повѣрье, что заяцъ своимъ появленіемъ предвѣщаетъ или приноситъ человѣку несчастье, должны существовать и обереги, и мы дѣйствительно находимъ ихъ въ крестьянскомъ быту. Такъ, въ Литинскомъ у. Подольской губ. говорятъ, что, увидѣвъ зайца, перебѣгающаго дорогу, нужно сейчасъ же выбросить изъ повозки клокъ сѣна (своего рода Поликратово кольцо), и въ такомъ случаѣ заяцъ сейчасъ же возвратится назадъ (*Чубинскій*, I, 55), въ Купянскомъ у. Харьковской губ. находятъ, что для предотвращенія несчастія нужно три раза перекувыркнуться на томъ мѣстѣ, гдѣ попался на встрѣчу заяцъ (*Ивановъ*, въ Харьк. сборникѣ 1888, с. 94). Во Франціи съ этой цѣлью трижды повертываются на одномъ мѣстѣ (*Rolland*, Faune popul. I 87).

Заяцъ входитъ во многія сказки большею частью совмѣстно съ другими животными. Сказки эти, за немногими исключеніями, не представляютъ научнаго интереса; однѣ изъ сказокъ этого рода шаблонны и безцвѣтны, другія малосодержательны и стоятъ одиноко. Оставляю въ сторонѣ многочисленныя сказки о добываніи заячьяго (волчьяго, медвѣжьяго и пр.) молока (напр. у *Кольберга* въ „Pokucie“ IV, 64), великорусскую сказку объ охотникѣ мордвинѣ и зайцѣ (у *Садовникова*), великорусскія скабрезныя сказки о томъ, какъ заяцъ былъ свидѣтелемъ при половой связи медвѣдя съ женщиной (Κρυπτάδια, I, №№ 1 и 2), малорусскую сказку про рукавицу, въ которой поселились заяцъ, жаба, лисица, кабанъ и волкъ (у *Чубинскаго*, II № 33), польскую о томъ, какъ заяцъ обманулъ волка и лисицу (*Chelchowski* I, 67), сербскія о зайцѣ и жабѣ *Врчевич*, Српске нар. прим. 191, 192), албанскую о томъ, какъ заяцъ поцѣловалъ медвѣдицу (*Hahn*, № 94). Остановимся на двухъ, трехъ сказкахъ о зайцѣ, не лишенныхъ историко-литературнаго и этнографическаго значенія.

У Эзопа находится слѣдующая любопытная въ историко-литературномъ отношеніи басня о зайцахъ и лягушкахъ: однажды зайцы стали горевать о своей горькой долѣ, что у нихъ много враговъ, что имъ постоянно приходится опасаться за свою жизнь. Зайцы рѣшили покончить жизнь самоубій-

ствомъ и помчались къ пруду, чтобы утопиться. Лягушки испугались ихъ и быстро попрыгали въ воду. „Стойте, братцы, закричалъ тогда одинъ заяцъ, и намъ еще можно жить; есть на свѣтѣ твари, которыя и насъ боятся". Въ распространеніи этой басни большую роль могла играть простота сюжета, ясность основной морали и возможность частныхъ дидактическихъ заключеній. У Эзопа тотъ выводъ, что при личномъ горѣ нужно помнить, что есть люди болѣе несчастные—afflictis aliorum miserias solatiae esse (Fab. Aesopicae, изд. 1727, 14). Эту басню воспроизвелъ въ новое время Лафонтенъ, а съ его легкой руки и въ подражаніе ему многіе, напр., Мицкевичъ, съ широкимъ обобщеніемъ, что „caly swiat na tchórzu stoi, każdy ma swoję żabę, co przed nim ucieka, i swojego zająca, którego się boi". (*Poezye*, wyd. 1888, II, 302).

Литературный мотивъ о зайцахъ и лягушкахъ проникъ въ сказки многихъ народовъ и пользуется въ настояще время большой популярностью. Такъ, въ Черкасскомъ у. Кіевской губ. записана слѣдующая малорусская сказка: „Думае соби заець: я наислабійшій одъ усего на свити; усего боюся; пташка злетыть, боюся,—пиду лучче утоплюся. Отъ иде винъ до болота, та й иде берегомъ, шукае дебъ то лучче скочыты у воду; колы се жаба—тыць у воду. Эге, думае соби заяць, не буду й я топытьця, бо е ще таке на свити, що и мене боится" (*Чубинскій*, Труды, I, 55). Точно такія сказки записаны у поляковъ (*Kolberg*, Lud, VIII, 238, *Ciszewski* въ Zbiór wiadomosci do antrop. kraj. XI 37, *Siarkowski*, ib. VII, 109). Совпаденіе почти дословно. Весьма сходная сказка недавно записана во Франціи: заяцъ хотѣлъ утопиться; но когда онъ увидѣлъ, что лягушка испугалась его и бросилась въ воду, то онъ такъ расхохотался, что у него треснула губа, и съ тѣхъ поръ всѣ зайцы имѣютъ какъ-бы расколотыя губы—levres fendus (*Rolland*, I, 87). Сходная сказка недавно записана у вотяковъ (*Верещагинъ*, Вотяки Соснов. края, 73). Сказка эта почти буквально сходна съ маллорусской и эзоповской басней, и, вѣроятно, заимствована вотяками отъ рускихъ.

Въ Калилѣ и Димнѣ находится слѣдующая сказка о томъ какъ птица сифридъ и заяцъ судились у кошки. Заяцъ поселился въ гнѣздѣ сифрида въ его отсутствіе и затѣмъ не хотѣлъ уйти.

Сифридъ сначала спорилъ съ нимъ, затѣмъ оба они отправились къ берегу моря къ кошкѣ на судъ. Увидѣвъ ихъ, кошка притворилась богомольной и смиренной. Она начала высказывать имъ разныя нравоученія, а когда сифридъ и заяцъ освоились и подошли къ ней близко, она бросилась на нихъ и убила (*Калила и Димна*, въ пер. Аттаи, 137). Въ Магабаратѣ и въ Аваданахъ встрѣчаются сходныя сказки въ приложеніи къ мыши (Этн. Обозр. VIII, 52) Подобнаго рода мотивы встрѣчаются изрѣдка въ европейскихъ сказкахъ. Въ одной малорусской сказкѣ сто зайцевъ бѣгутъ жаловаться царю на людей за то, что они бьютъ ихъ и не даютъ проходу. Ихъ встрѣчаетъ котъ, идетъ впереди ихъ и передаетъ царю бѣдныхъ зайцевъ какъ подарокъ на жаркое (*Чубинскій*, II, 356). Въ малорусской сказкѣ этотъ эпизодъ имѣетъ значеніе вставки. Онъ стоитъ несомнѣнно въ родствѣ съ древнимъ повѣствовательнымъ мотивомъ о довѣрчивомъ зайцѣ и вѣроломной кошкѣ.

Литературный мотивъ о зайцѣ и кошкѣ въ Малороссіи отразился въ дѣтской игрѣ, записанной недавно въ Купянскомъ уѣздѣ, о которой мы говорили выше. Здѣсь литературный мотивъ воспроизводитъ древній религіозно-миѳическій космогоническій миѳъ. Въ дѣтской игрѣ, какъ въ сказкахъ, кошка стоитъ во враждебномъ отношеніи къ зайцу, и затѣмъ упоминается безъ основанія вода, что намекаетъ на существованіе воднаго источника въ тѣхъ незаписанныхъ разсказахъ о кошкѣ и зайцѣ, подъ вліяніемъ которыхъ возникла дѣтская игра въ зайца и сѣрую кошку; можетъ быть здѣсь скрывается источникъ луны Калилы и Димны.

Къ числу распространенныхъ сказочныхъ мотивовъ относится еще мотивъ о бѣгѣ въ перегонку зайца съ человѣкомъ или ежомъ. Въ малорусской сказкѣ про трехъ братьевъ два человѣка спорятъ, кто кого перегонитъ; одинъ изъ нихъ говоритъ, что у него есть старый отецъ, весь сѣдой, тотъ перегонитъ, и выпускаетъ при этомъ зайца, который, понятно, обогналъ противника (*Чубинскій* II § 107). Въ галицко-русской сказкѣ мужикъ Тимко, чтобы выручить изъ ада проданную имъ жидовку, вступаетъ въ состязаніе съ чертомъ относительно быстроты бѣга. Увидѣвъ зайца, Тимко говоритъ черту: вотъ мой ребенокъ, и онъ тебя перегонитъ; чортъ бѣ-

житъ и проигрываетъ (*Kolberg*, Pokucie, IV, 193). Въ польскихъ сказкахъ ежъ и заяцъ бьются объ закладъ, кто кого перегонитъ. Ежъ схитрилъ; отъ поставилъ на томъ мѣстѣ, къ которому условлено было бѣжать, другого ежа, и бѣдный заяцъ, сколько ни бѣгалъ отъ одного пункта поля къ другому, всегда находилъ уже на мѣстѣ ежа (*Chelchowski*, Powiesci, II, 97, *Ciszewski*, Zbiór Wiadom., VI, 37).

Есть басня Хемницера: Зайцы и Ежъ; но здѣсь ежъ не споритъ о скорости бѣга, а колетъ иглами бѣдныхъ зайцевъ, пока не ударился на сукъ дерева; басня натянутая и неправдоподобная.

Въ одной французской сказкѣ (изъ Гаскони) пастухъ говоритъ отцу, что видѣлъ въ полѣ зайца съ вола Это слишкомъ; должно быть меньше, замѣчаетъ отецъ. Мальчикъ говоритъ, что заяцъ величиной съ лошадь, и выслушивая все же замѣчаніе отца, говоритъ далѣе, что заяцъ былъ съ годовалаго теленка, овцу, ягненка, кошку. Это вѣроятно, замѣчаетъ тогда отецъ, но бываютъ зайцы и меньше. Тогда мальчикъ говоритъ, что онъ былъ величиной съ кролика, крысу, муху. Э, мой милый, сказалъ тогда отецъ, да ты все врешь, и ты совсѣмъ не видѣлъ зайца (*Bladé*, Contes popul. de la Gascogne, III, 269—271). Сходныя сказки существуютъ и въ Россіи. Я слышалъ въ Малороссіи такую сказку: Мальчикъ пастухъ говоритъ отцу, что видѣлъ въ полѣ 12 волковъ, и на вопросъ отца, а можетъ меньше? понижаетъ цифру на 7, 4, 1 и кончаетъ, „а може то собака, а не вовкъ.“

Въ статьѣ: „Мышь въ народной словесности“ (Этн. Обозр. VIII, 67—70) мы говорили о сказочныхъ мотивахъ, когда то или другое животное становится въ пригодѣ. Къ этимъ страницамъ здѣсь добавимъ, что и заяцъ въ сказкахъ оказываетъ услугу человѣку. Въ одной малорусской сказкѣ заяцъ въ благодарность за то, что герой сказки накормилъ его голодныхъ дѣтей, приноситъ цѣлющей воды, когда герой сказки былъ убитъ (*Чубинскій*, II § 80). Въ другой малорусской сказкѣ злая мачеха преслѣдуетъ свою падчерицу, обращаетъ ее въ гуску; у падчерицы есть маленькій ребенокъ, за которымъ въ роли няньки ухаживаетъ зайчикъ (ib. § 138). Въ эту сказку входитъ одинъ изъ самыхъ древнихъ и распространенныхъ

мотивовъ о благодѣтельномъ бычкѣ, и вся сказка представляетъ варіантъ второй части древней египетской повѣсти о двухъ братьяхъ (*Maspero*, Les contes popul. de l' Egypte ancienne, № 1). Та часть сказки, гдѣ зайчикъ ухаживаетъ за ребенкомъ и благополучно доставляетъ его матери, представляетъ значительное сходство съ одной греческой сказкою, гдѣ солнце увело 12-лѣтнюю дѣвочку и потомъ возвратило ее горюющей матери, причемъ проводникомъ и защитникомъ дѣвочки былъ зайчикъ (*Hahn*, Griech. und alb. Märchen, № 41).

Какъ воронъ, такъ и заяцъ въ народныхъ поговоркахъ служатъ для выраженія идеи невозможности. О бѣломъ воронѣ сербскихъ и французскихъ народныхъ поговорокъ мы уже говорили въ статьѣ о воронѣ въ IV кн. Этн. Обозр. и въ дополненіи къ ней въ VIII кн. Этн. Обозр. Въ Пермской губ. записана такая примѣта: пока черныя пятна съ ушей зайца не сойдутъ, бабамъ надъ мужиками не суживать,—такъ говорятъ о старшинствѣ въ семействахъ (*Этн. Обозр.* III, 183). Быть можетъ, та же идея невозможности скрывается въ вотяцкой поговоркѣ: конецъ міру будетъ тогда, когда кончики ушей у зайца не будутъ черны (*Верещагинъ*, Вотяки Соснов. края, 112).

Существуетъ много малорусскихъ поговорокъ о зайцѣ (см. *Номиса*, Укр. приказки, по указателю), большею частью не представляющихъ ничего характернаго. Въ однихъ поговоркахъ презрительнаго оттѣнка фигурируетъ соленый заяцъ, напр., „величится, якъ соленый заяць"; въ большинствѣ поговорокъ насмѣшливаго характера упоминается лишь хвостъ зайца, напр., „вбывся въ ристъ, якъ заець въ хвистъ" (§ 8604), „такій викъ, якъ у зайця хвистъ" (8267), „не було у зайця хвоста и не буде" (5496), „величается, якъ заяць хвостомъ" (2488). Заячій хвостъ встрѣчается во многихъ сказкахъ. Такъ, въ упомянутой греческой сказкѣ солнце уводитъ двѣнадцатилѣтнюю дѣвочку. Когда она стала скучать, солнце отпустило ее домой, давши въ проводники зайца. Колдунья (ламія) гналась за ними, и при входѣ зайчика въ домъ матери дѣвочки оторвала у него хвостъ; благодарная мать посеребрила этотъ хвостикъ (*Hahn*, Griech. und alban. Märchen). Въ словинской сказкѣ лиса обвиняетъ зайца въ покражѣ меда; волкъ погнался

за зайцемъ, оторвалъ у него хвостъ; „вслѣдствіе этого и понынѣ заяцъ не имѣетъ цѣлаго хвоста и потому называется куцымъ“. Въ одной нѣмецкой сказкѣ заяцъ (обыкновенно волкъ) ловитъ на льду въ проруби рыбу и отрываетъ примерзшій хвостъ. Готентоты причину отсутствія хвоста у зайца объясняютъ тѣмъ, что когда происходила раздача хвостовъ, то небо было покрыто тучами; заяцъ не рѣшался покинуть своей норы и просилъ другихъ звѣрей захватить для него хвостъ; но они ему не принесли, поэтому заяцъ и понынѣ безъ хвоста (*Колмачевскій*, Животный эпосъ, 82). „Хвостъ звѣрей играетъ въ народныхъ преданіяхъ нерѣдко весьма видную роль. Звѣри гордятся своимъ хвостомъ, лелѣютъ его въ качествѣ оружія или орудія: то лиса уноситъ на своемъ хвостѣ пѣтуха, то волкъ лису. Во многихъ сказкахъ хвостъ лисы является ей помѣхой; она разсуждаетъ съ нимъ, наказываетъ его и т. п. Словомъ, существованіе цѣлаго ряда подобныхъ преданій доказываетъ, что хвостъ звѣрей не замедлилъ обратить на себя вниманіе человѣка, стоявшаго на младенческой ступени развитія. Дѣлая свои наблюденія, послѣдній подмѣтилъ вскорѣ, какъ общее правило, что у громаднаго большинства звѣрей хвостъ длинный. И вдругъ—его глазамъ представляется звѣрь съ короткимъ хвостомъ. Это поражаетъ воображеніе человѣка, кажется ему явленіемъ не нормальнымъ, и онъ, такъ или иначе, старается его объяснить. И вотъ, являются сказки, которымъ можно бы дать общее заглавіе: отчего у извѣстнаго звѣря хвостъ короткій?.... Въ различныхъ странахъ народъ, давая объясненіе куцости извѣстнаго звѣря, исходилъ изъ того убѣжденія, что хвостъ укороченъ искусственнымъ путемъ, недоданъ, оторванъ, откушенъ“ (ib. 81, 83).

Заяцъ входитъ въ народную медицину, напр., во Франціи мажутъ заячьимъ мозгомъ десна у ребенка, когда рѣжутся зубы, кладутъ заячью кожу на рану для остановки крови *Sauvé*, Le Folk-lore des Hautes Vosges, 37, 267 и др.). Въ Тиролѣ во время рожи прикладываютъ къ тѣлу кожу съ бѣлаго зайца (*Alpenburg*, Mythen u. Sagen Tyrols, 384). У монголовъ сердце, печень, легкое, даже пометъ зайца входятъ въ народную медицину (*Потанинъ*, II, 100). **Н. Ѳ. Сумцовъ.**

Дополненіе къ статьѣ: „Мышь въ народной словесности“ (Этн. Обозр., кн. VIII, 1891 № 1).

На стр. 87—88 приведена сказка о мыши-дѣвицѣ по Панчатантрѣ и Калилѣ и Димнѣ. Отраженія этой сказки въ древнихъ греческихъ басняхъ и др памятникахъ старинной литературы указаны Бенфеемъ въ предисловіи къ Панчатантрѣ (I § 158). Весьма любопытнымъ отголоскомъ этой древней повѣсти представляется популярная дѣтская сказка закавказскихъ татаръ, которую дѣти заучиваютъ въ школѣ со словъ хальфы (момощника муллы): старуха упала на льду и сказала: ледъ! видно ты силенъ. Ледъ говоритъ, что сильнѣе его солнце; солнце говоритъ, что сильнѣе его тучи; тучи болѣе сильными считаютъ дождь; дождь—траву; трава указываетъ на барана; баранъ на мясника; мясникъ на мышей, которыя поѣдаютъ его запасы; мышь на кошку, и только кошка сознаетъ, что она сильна; глаза ея какъ огонь, брюхо какъ барабанъ, лапки бархатныя, когти стальные; лѣтомъ она прохлаждается подъ окномъ, зимой грѣется у печи“. (*Захаровъ*, въ Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа. IX, ч. II, стр. 28—29).

Н. С.

Очеркъ кустарной промышленности въ Тобольской губерніи.

I.

Вопросъ о положеніи кустарной промышленности въ Россіи вообще—вопросъ не новый и не легкій для разрѣшенія. Для того, чтобы только изложить исторію этого вопроса и современное его положеніе въ связи съ разсмотрѣніемъ тѣхъ мнѣній, какія появлялись въ печати, и тѣхъ мѣръ, какія были принимаемы правительствомъ, земствами и другими учрежденіями съ цѣлью улучшить бытъ кустарей, потребовалась бы особая обширная статья.

Множество газетныхъ и журнальныхъ статей и цѣлые томы отдѣльныхъ изслѣдованій трактовали и продолжаютъ трактовать объ этомъ вопросѣ и по мѣрѣ возможности двигаютъ его впередъ. Нельзя однако сказать, что всѣ области Россіи одинаково изучаются въ этомъ отношеніи. Наоборотъ, нѣкоторыя губерніи, преимущественно имѣющія земства, являются изслѣдованными довольно обстоятельно, тогда какъ другія области почти вовсе незатронуты. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и Сибирь.

Кустарная промышленность въ Сибири находится въ полномъ забвеніи. Ею только интересуется печать, отчасти интеллигенція. Въ Сибири до сихъ поръ не предпринято никакихъ изслѣдованій для выясненія состоянія этой промышленной отрасли народнаго труда. А между тѣмъ Сибирь въ числѣ первыхъ фигурировала въ кустарномъ отдѣлѣ на Всероссійской выставкѣ въ Москвѣ 1882 г. Какъ первый почти

опытъ изученія сибирской кустарной промышленности мы ниже представимъ описаніе кустарныхъ промысловъ, существующихъ въ Тобольской губерніи.

Къ такимъ промысламъ относятся: *пимокатный* и *шерстобойный*, какъ-то: выдѣлка пимовъ, кошмъ для подстилки, войлока для подхомутниковъ, черезсѣдѣльниковъ и для прокладки печей; *лѣсной* — выдѣлка лопатъ, корытъ, сѣдёлокъ, пряслицъ, колесъ, дугъ, саней, дровней, кошевокъ, плетенокъ, деревянной, посуды разной мебели и другихъ хозяйственныхъ предметовъ; *лубочный*—выдѣлка туясковъ, табакерокъ, рѣшетъ, ситъ, рогожъ, попонъ, кульковъ; *шерстяной* — выдѣлка рукавицъ, возжей, поясовъ, крестьянскаго сукна; выдѣлка дорожекъ, половиковъ; *льняной*—выдѣлка крестьянскаго холста; *веревочный* — выдѣлка воровины и канатовъ; гонка *дегтя*.

Пимокатное и шерстобойное производства.—Главными инструментами при производствѣ служатъ: лучёкъ со струной для выколачиванія изъ шерсти пыли и грязи, модель сапога изъ клеенки и деревянныя колодки. Всѣ инструменты обходятся кустарю не болѣе 5 руб. Работаютъ большею частью вдвоемъ: одинъ выбиваетъ шерсть на струнѣ, большею частью подростокъ, другой укладываетъ шерсть, располагая послѣднюю ровнымъ, нигдѣ не просвѣчивающимъ слоемъ. Работаютъ въ жилыхъ избахъ, что тяжело отзывается на здоровьѣ кустарей, занимающихся этимъ промысломъ круглый годъ, почти безъ передышки. Такіе кустари блѣдны, истощены, со впалою грудью. Клочья разсѣянной въ воздудѣ шерсти въ видѣ отдѣльныхъ пылинокъ, попадая въ легкія, производятъ разрушительныя дѣйствія. Для производства пимовъ служитъ покупная шерсть, простая и поярковая, большею частью не мытая. У кустаря городского, само собою понятно, нѣтъ своей шерсти, ибо онъ не содержитъ овецъ, не ведетъ сельскаго хозяйства. Кустарь же деревенскій, занимающійся земледѣліемъ, не въ состояніи содержать болѣе 10 овецъ за скудостью корма; а отъ 10 овецъ много шерсти не наберешь: на рукавицы, на опояски, на чулки—„туда да сюда, глядь и вся вышла на хозяйство безъ убытку". А потому и деревенскому кустарю приходится либо покупать шерсть на ярмаркахъ на наличныя деньги, либо въ кредитъ у кулаковъ-однодеревен-

цевъ, переплачивая противъ рыночной стоимости на нѣсколько процентовъ. Изъ пуда шерсти (не перебитой) выдѣлываютъ 4 пары мужскихъ и 4 пары женскихъ пимовъ. На пару пимовъ среднимъ числомъ выходитъ до 6 фунтовъ шерсти. Въ день рабочій можетъ выдѣлать при готовой шерсти одну пару пимовъ. Калошъ по деревнямъ не катаютъ, развѣ по заказу. Дѣтскіе пимы мало катаютъ: „не стоитъ катать, мало требуется, да и дешево платятъ, а на нихъ, поди, работы не меньше, чѣмъ на большіе пимы“. Рыночная цѣна пимовъ колеблется между 1 р. — 1 р. 20 к., женскихъ 80 — 90 к. за пару, дѣтскихъ 30—50 коп. *). Пимы, выдѣлываемые крестьянами кустарями, продаются дешевле „мѣщанскихъ“, выдѣлываемыхъ городскими кустарями. Разница въ цѣнѣ простирается до 1 — 2 гривенъ на парѣ. Пимы, выдѣлываемые городскими кустарями, изящнѣе деревенскихъ, но зато послѣдніе отличаются своей прочностью, добротою матеріала сравнительно съ первыми. Пимокатствомъ занимаются въ г. Ешимѣ до 20 семей Лемакарьевскаго уѣзда, Костромской губ. Часть ихъ состоитъ изъ самоходовъ, другая меньшая изъ поссельщиковъ. Изъ 28 семей 4 семьи выдѣлываютъ при помощи 2—3 наемныхъ рабочихъ отъ 700 до 1000 паръ пимовъ. Въ дер. Гавриной Ишимскаго округа занимаются этимъ промысломъ до 10 семей. Встрѣчаются такіе кустари и въ другихъ деревняхъ.

Занятіе этимъ промысломъ служитъ нѣкоторымъ подспорьемъ для кустаря-земледѣльца. Сельское хозяйство уже не въ состояніи вполнѣ обезпечить существованіе земледѣльца даже въ годы урожайные, а въ неурожайные, безхлѣбные годы ставитъ этого земледѣльца въ самое безвыходное положеніе. И вотъ для того, чтобы выйти изъ этого затруднительнаго положенія и поддержать свое хозяйство, крестьянинъ прибѣгаетъ къ новой отрасли промышленности, къ новой сферѣ для приложенія своего труда, къ выдѣлкѣ пимовъ. Производство пимовъ какъ въ дер. Гавриной, такъ и въ другихъ деревняхъ Ишимскаго округа, какъ мнѣ пришлось слышать изъ разсказовъ кустарей, вылилось въ самыя типическія формы:

*) Подхомутники 15—20 коп.

„всѣ катаютъ пимы на себя, а не на людей"; во всѣхъ 10 дворахъ дер. Гавриной, не смотря на тяжелыя условія кредита, работа ведется самостоятельно, въ самомъ тѣсномъ кругу семейства, при совмѣстномъ сотрудничествѣ всѣхъ наличныхъ, способныхъ къ работѣ, членовъ семьи. Въ виду несущественнаго значенія производства сравнительно съ главною отраслью деревенскаго хозяйства—земледѣліемъ, сфера производства сужена, ограничена; она не распространяется на весь досугъ земледѣльца-пахаря. Считая по одной парѣ пимовъ въ день, 40 выдѣланныхъ паръ будетъ служить нормой для средняго кустаря - пахаря за весь сезонъ втеченіе ноября мѣсяца и до зимняго Миколы. Дневной заработокъ кустаря-хозяина — 30 коп., а работника-батрака — 10 коп., или 3 рубля въ мѣсяцъ на готовыхъ харчахъ.

Городскіе кустари занимаются пимокатствомъ круглый годъ, такъ какъ они не занимаются хлѣбопашествомъ. Посвящая все свое досужное время кустарному производству, городской кустарь не только выдѣлываетъ большее по количеству число паръ пимовъ, но и старается усовершенствовать самое производство. Въ годъ такой кустарь выдѣлываетъ до 200 паръ. Покупка шерсти ведется въ кредитъ, при чемъ и самый кредитъ ограниченъ (не свыше 25 р.). Кустарь изъ кожи лѣзетъ вонъ, чтобы вести дѣло помимо кулака-кредитора, сводить концы съ концами, работать самостоятельно, и подчасъ это ему удается. Заслышавъ про какой-нибудь выгодный заработокъ въ деревнѣ, гдѣ нѣтъ кустарей-пимокатовъ, кустарь бросаетъ въ городѣ все свое хозяйство, свою семью и переселяется въ деревню. Наскочитъ онъ на плохой годъ—новая бѣда: харчи дороги, весь прохарчится, не сдѣлавъ никакихъ сбереженій; попадетъ на хорошій годъ—и, смотришь, десятка 2–3 руб. выработаетъ чистоганомъ и бѣжитъ въ городъ. Найметъ онъ тамъ себѣ работника-кустаря, прихватитъ пудовъ 5 шерсти на наличныя во время ярмарки, и, глядишь, въ короткое время изъ захудалаго кустаря вырабатывается типъ ремесленника-хозяина; такой ремесленникъ хозяинъ находится въ тѣсныхъ и близкихъ отношеніяхъ къ своему батраку, усердно работаетъ вмѣстѣ съ послѣднимъ, хлебаетъ съ нимъ щи изъ одной миски, спитъ въ

одной горницѣ, парится вмѣстѣ въ банѣ и подчасъ угощаютъ другъ-дружку водкой, испиваютъ малую толику. Но такія интимныя отношенія между хозяиномъ и работникомъ продолжаются не долго. Потихоньку да помаленьку, при накопленіи рабочей ренты, выручаемой изъ части продуктовъ труда работниковъ и обмѣниваемой на бумажныя цѣнности, при постепенныхъ и систематическихъ сбереженіяхъ, изъ ремесленника-хозяина со временемъ вылупляется, какъ изъ яица, хозяинъ-капиталистъ. Послѣдній не принимаетъ непосредственнаго участія наравнѣ съ батраками въ производствѣ издѣлій; онъ не гнетъ уже больше спины для скатыванія войлока, а вмѣсто него гнутъ спины другіе; онъ не хлебаетъ уже щей, не пьетъ „горемышной" вмѣстѣ со своими батраками за однимъ столомъ, а сидитъ себѣ „словно чурбанъ" въ отдѣльной чистой горницѣ, завѣшанной занавѣсками и устланной самодѣльными коврами, сидитъ за отдѣльнымъ столомъ, пожирая въ несмѣтномъ количествѣ всякаго рода убоины, курятины, гусятины съ жирной кашею и запивая все виномъ; онъ пересталъ ходить въ баню за-панибрата со своими батраками, а парится либо со своей дражайшей половиной, либо съ „полюбовницей", либо съ ученикомъ, который усердно отбиваетъ ему бока и спину баннымъ вѣникомъ и всячески старается услуживать своему патрону, надѣясь на его милость... Органическая связь между хозяиномъ и работниками-кустарями порвана. Существуетъ только одна чисто внѣшняя, но глубоко забирающая кабальная связь, основанная на взаимномъ договорѣ, причемъ всѣ выгоды отъ такого договора остаются на сторонѣ хозяина-капиталиста. Эти выгоды еще въ большей степени разжигаютъ алчность капиталиста. Жажда быстрой наживы охватываетъ всѣ помыслы, всю душу послѣдняго. Онъ бросается на всевозможныя аферы, сопряженныя подчасъ съ большимъ рискомъ и не имѣющія ничего общаго съ кустарнымъ производствомъ. Судьба ему часто благопріятствуетъ, и онъ еще больше обогащается, еще интенсивнѣе налегаетъ со своей мошной на очумѣвшаго на его непосильной работѣ несчастнаго кустаря-батрака.

Такъ какъ пимокатство тѣсно связано съ шерстобойнымъ промысломъ, а съ послѣднимъ—и выдѣлка кошмъ, то нельзя

не упомянуть въ нѣсколькихъ словахъ о развитіи этого промысла среди степныхъ киргизовъ. Выдѣлкою кошмъ въ степи занимаются главнымъ образомъ бѣдные киргизы, у которыхъ скупаютъ кошмы петропавловскіе татары. Кошмы бываютъ разноцвѣтныя, или бѣлыя, или черныя. Кошмы скупаются на мѣстѣ у киргизовъ отъ 40 до 50 коп. за аршинъ. Между тѣмъ ярмарочныя цѣны нерѣдко стоятъ въ два раза выше покупной суммы.

Производство лыка, мочала и туясковъ.—Этимъ промысломъ занимаются въ тѣхъ округахъ, гдѣ уцѣлѣли лѣса, главнымъ образомъ въ Тарскомъ округѣ, Каргалинской волости, въ дер. Жуковой, Рябой, Куликовой, также и въ Викуловской волости, въ дер. Бамечихи. Самая выдѣлка луба и мочала ведется слѣдующимъ образомъ: лубъ начинаютъ сдирать съ липняковъ весною, когда древесная кора настолько успѣла размягчиться древеснымъ сокомъ, что ее легко можно отдѣлить отъ ствола. Сдѣлавъ долевые надрѣзы, сдираютъ „корину" руками и содранную кору отвозятъ для моченія на запруды, гдѣ ее топятъ въ водѣ, наваливая на нее камни; это обыкновенно производится ночью, такъ какъ днемъ мѣшаютъ оводъ и гнусъ. Въ ночь, отъ зари до зари, при разстояніи рѣки отъ дачи на 2—4 версты можно потопить 20 „корынь" или лубовъ. Осенью, около Петрова дня, кору вынимаютъ изъ воды, сушатъ въ продолженіе 2 дней, а то и дольше, смотря по погодѣ. Изъ получившагося такимъ образомъ лыка дерутъ „лѣсиной" *) лубокъ. Содранное мочало развѣшиваютъ на жердяхъ по 150 лубковъ. Въ день одному человѣку можно „сладить" 10 лубковъ. Изъ мелкаго липняка можно содрать до 100 лубковъ. Лубъ послѣ вымочки тяжелѣетъ, а потому, въ виду существующихъ на мѣстѣ трудныхъ путей сообщенія, на одной лошади невозможно вывозить болѣе 5 пудовъ поклажи. Лубъ и мочало вывозятъ въ деревню по первому снѣжку. Растущія въ Тарскомъ округѣ липы мелки; обыкновенно онѣ имѣютъ въ діаметрѣ до 1—4 вершковъ, но 4-хъ вершковый липнякъ корявый, съ него нельзя содрать

*) Толщина лѣсины—2 вершка, длина $1\frac{1}{2}$ арш. Она дѣлается изъ калины или рябины и имѣетъ заостренный конецъ.

мочало; длина липняковъ простирается до $7\frac{1}{2}$—11 аршинъ. Липу снимаютъ съ корнемъ. Часто ободранный стволъ липы бросается крестьянами на мѣстѣ, пропадаетъ даромъ. „Ежели поближе живешь, то привозишь на овинъ, овинъ сушить, а подальше—не везешь, пропадаетъ. Ежели прямой тонкій липнякъ, то привозишь на „бастрикъ“ для сѣна, либо на стулъ, —лѣсина мягкая, годная къ работѣ“. Вершины-же съ сучьями большею частью оставляются въ лѣсу гнить, между тѣмъ какъ въ Костромской губ. эти самые сучья липняка утилизируются не только на топливо, но и на выдѣлку мочала, такъ какъ кора идетъ на лубья. Причина такого неразсчетливаго пользованія лѣсомъ съ одной стороны кроется въ относительномъ богатствѣ лѣсовъ, а съ другой въ плохихъ, подчасъ недоступныхъ путяхъ сообщенія.

Въ томъ же округѣ, въ волостяхъ Слабачиковской (село Слабачиковское, дер. Кайлы, Колпаково, Орѣхово, Каласунская) занимаются выдѣлкой рогожъ и попонъ, а въ Каргалинской (дер. Балахли) и Тамакульской - праслицъ, сѣделокъ корытъ (дер. Бѣлькова и Шушкова). Кромѣ того, по отдѣльнымъ волостямъ и селеніямъ Тарскаго округа занимаются крестьяне выдѣлкой туясковъ, квашней и табакерокъ. Рогожи ткутъ на особыхъ станкахъ. Станокъ рогожный состоитъ изъ двухъ вертикальныхъ перекладинъ вышиною въ $2\frac{1}{2}$—3 аршина. Въ каждой перекладинѣ просверлены дырочки, въ которыя продѣваются скрученныя на подобіе нитки мочала и концы завязываются узлами. Это и есть основа. Въ основу поперекъ вплетаютъ мочало—и получается рогожа. Но эта рогожа не прочна, она ниже тканой по своему достоинству и по цѣнѣ. Если поперечныя нити мочала посредствомъ бревна, въ которомъ черезъ дырочки продѣты нити основы, прибиваются тѣснѣе движеніемъ бревна съ верху въ низъ, то такая вытканная рогожа чрезвычайно прочна и лучше плетеной. Плетеныя рогожи продаются отъ 30 до 40 коп. за каждую, тканыя по 80 к.—1 р. Тканыя рогожи хотя и очень прочны, но дороги и притомъ поглощаютъ много труда. Поэтому кустари занимаются большею частью плетеніемъ рогожъ, какъ болѣе доступныхъ по своей дешевизнѣ большинству потребителей и не требующихъ на выдѣлку много времени. Въ день

при готовомъ мочалѣ одному можно выплести одну рогожу. Рогожи бываютъ длины $2^1/_2$ арш., ширины $1^1/_2$ арш.

Попоны плетутся на доскахъ, состоящихъ изъ 12 зарубокъ и 12 переплетовъ въ каждой. По обѣимъ сторонамъ попонъ въ длину вплетаются бичевки для прикрѣпленія попонъ къ шеѣ лошади. Цѣна попонъ отъ 3—5 коп. каждая. Плетеніемъ попонъ занимаются большею частью подростки-мальчики да старики: „дѣло не трудное, шутное". Плести попоны, кульки и рогожи начинаютъ съ осени, въ случаѣ ранняго замерзанія болотъ и, представляемой вслѣдствіе этого прямой возможности къ перевозкѣ и доставкѣ луба въ деревню. На попону идетъ 2—3 лубка, смотря по размѣру и величинѣ липняка.

Пряслицы дѣлаются изъ ели и пихты. Для выдѣлки пряслицъ требуются слѣдующіе инструменты: скобель — 30 коп., топоръ—1 р. и ножъ 50—60 коп. для „вырѣзыванія заплечиковъ и подравненія верха". На выдѣлку пряслицъ губится непроизводительно очень много лѣсу. Только пеньки лѣсинъ идутъ въ дѣло, а все остальное на бревна, либо бросается.

Для выдѣлки сѣделокъ и корытъ кустарю необходимо имѣть: топоръ, терпугъ для очистки и тюкавка для выдалбливанія желоба. Топоры покупаютъ по 1 рублю у поселенца дер. Гатапутовой (Ишимск. округа), занимающагося исключительно выдѣлкой топоровъ; тюкавки и терпуги покупаютъ въ г. Ишимѣ отъ 20 до 40—60 коп. за каждый инструментъ отдѣльно. Всѣ инструменты обходятся кустарю приблизительно въ 1 р. 70 коп.

Табакерки дѣлаются изъ луба мягкаго; на крышкѣ вырѣзываются всевозможныя украшенія. Табакерки продаются по 5—10 коп. штука. Производство табакерокъ особенно сильно распространено въ сосѣдней Пермской губ.

Лѣсного матеріала для выдѣлки кустарныхъ издѣлій, какъ то: корытъ, квашней, сѣделокъ, луба и пр., съ каждымъ годомъ становится все меньше и меньше. До введенія лѣсничества въ Зап. Сибири (1884 г.) кустари пользовались даромъ или съ незначительной приплатой лѣснымъ матеріаломъ. Теперь крестьяне принуждены платить пошлину, крайне несоразмѣрную съ доходностью, т. е. съ выгодою, получаемою отъ занятія лѣснымъ производствомъ. Цѣны на лѣсъ повы-

шены. Такъ, въ 1885 г. березовая лѣсина 7 вершк. въ діаметрѣ (длина не берется во вниманіе) продавалась по 20 к. Изъ нея можно сдѣлать 10 сѣделокъ. Гладкая осина въ 8 вершк.— 60 коп.; изъ такой осины выдалбливаютъ до 8 корытъ. Сучковатая осина почти на половину дешевле противъ гладкой и даетъ 4 корыта. Осина идетъ на корыта и на дрова, а береза на сѣделки. Лиственница 8 вершк. толщины и 2 саж. длины –2 р., а въ Абатскѣ (Ишимск. окр.) на Крещенской ярмаркѣ по 3 руб.; она употребляется для столбовъ и на постройку избъ. Сосновая лѣсина, въ виду незначительности сосноваго лѣсу, „сутунокъ“ въ 8 вершк. для плахъ—60 коп.; цѣна плахи въ 2 вершка толщины и въ 7 вершк. длины—80 к.

Выдѣлка сѣделокъ и корытъ требуетъ много труда. Одному въ недѣлю при готовомъ матеріалѣ можно сдѣлать 3 корыта. Для производтва корытъ кустарю необходимо имѣть кромѣ пилы еще и скобель, стоющій 30 коп. Къ работамъ кустари приступаютъ осенью послѣ Покрова. Вырубленныя корыта или скорѣе всего бревна оставляютъ до снѣга въ лѣсу, такъ какъ займища и болота препятствуютъ вывозу ихъ лѣтомъ. Въ снѣгъ и морозъ, когда топи и болота „станутъ“ отъ мороза, отправляются изъ деревень кустари въ лѣсъ для вывоза бревенъ. Въ лѣсу большею частью остаются ночевать, такъ какъ лѣса отстоятъ отъ деревень на значительномъ разстояніи, 20—50 верстъ. Выѣзжаютъ изъ лѣсу съ бревнами рано утромъ. Бревна отъ вымочки очень тяжелы, такъ что на одной лошади можно везти не болѣе 5 бревенъ. Дома бревна складываютъ въ жарко натопленную баню, которую отапливаютъ въ продолженіе 3-хъ дней, чтобы бревна хорошо „взопрѣли“, размягчились. По истеченіи 3-хъ сутокъ бревна вынимаютъ изъ бани и начинаютъ скоблить ихъ скобелемъ. Въ день кустарь выскабливаетъ 1—2 корыта. Рыночная цѣна на сѣделки колеблется между 30—80 к., смотря по достоинству сѣделокъ, а иногда доходятъ даже до $1^1/_2$ руб.; корыта на мѣстѣ продаютъ по 15—20 коп., а на Ишимской ярмаркѣ по 30 коп.

Выдѣлкой лопатъ занимаются неохотно. Промыселъ этотъ, какъ мы ниже увидимъ, мало выгоденъ. Инструменты для выдѣлки лопатъ несложны и недороги: топоръ,

ножъ для вырѣзыванія угловъ и скребелка. Ширина лопатицы 1½ четверти, длина 2½ четв. Для большей прочности лопаты просмаливаются. Изъ пня стараго дерева можно смастерить 20 лопатъ. При готовомъ матеріалѣ одинъ кустарь выдѣлываетъ 2—3 лопаты. Ярмарочная цѣна лопатъ на Никольской ярмаркѣ, (въ Ишимѣ) 20—25 коп. за штуку, а на мѣстѣ по сотнямъ—10 руб. за сотню. Этимъ промысломъ занимаются въ Гатапутовской волости, Ишимскаго округа.

Главною отраслью народнаго промысла въ Тарскомъ округѣ служитъ гонка дегтя. Этимъ занимаются кустари въ Слабачиковской, Викуловской, Каргалинской, Рыбинской, Гаевской, Бутаковской волостяхъ, Тарскаго округа. Кромѣ того, этимъ промысломъ спорадически занимаются и въ Тюкалинскомъ округѣ, въ Пановской волости, гдѣ „сидятъ до 100 бочекъ дегтю" и въ другихъ округахъ. Мнѣ не приходилось сталкиваться съ производителями дегтя, а потому я не могъ собрать болѣе подробныхъ свѣдѣній объ этомъ промыслѣ, объ экономическомъ положеніи кустарей, занимающихся этимъ промысломъ. На ярмаркахъ я встрѣчалъ исключительно скупщиковъ дегтя. По ихъ разсказамъ, самый процессъ гонки дегтя состоитъ въ слѣдующемъ. Деготь гонятъ изъ старой коры, гнилыхъ пней и валежнику. Для высиживанія дегтя выбираютъ почву съ крѣпкимъ грунтомъ. Въ такомъ грунтѣ, состоящемъ изъ красной глины, выкапываютъ яму глубиною въ 7—8 четв., столько-же и въ діаметрѣ. Стѣнки и дно ямы обмазываютъ для лучшей прочности сѣрой глиной. На днѣ ямы выкапываютъ „подъямокъ" глубиною въ ½ арш., отверстіе котораго прикрывается деревянной крышкой (8 вершк. въ діаметрѣ), а крышка прикрывается землей. Крышка эта имѣетъ по срединѣ дырку въ „4 пальца ширины", черезъ которую и стекаетъ деготь въ подъямокъ. Такую яму наполняютъ цѣлымъ возомъ „корья". Сверху яма покрывается небольшимъ слоемъ хворосту. Сдѣлавъ предварительныя приготовленія, зажигаютъ „корье" сверху. Корье горитъ сутки, и деготь постепенно стекаетъ въ подъямокъ. Съ одного воза корья высиживаютъ 2 ведра дегтю, а при доброкачественномъ корьѣ—2½ ведра. Производство не требуетъ большихъ расходовъ. Въ 4 дня одному можно смастерить такую яму для

выкурки дегтя, а корья въ день можно набрать возъ. Въ этихъ же ямахъ гонятъ смолу. Кромѣ „ямъ низовыхъ“ существуютъ и „верховыя ямы“ для выкурки дегтя. Верховыя ямы состоятъ изъ сруба квадратнаго, имѣющаго 4 арш. кругомъ Стѣны такого сруба обмазываются толстымъ слоемъ глины для предохраненія сруба отъ пожара. При выкуркѣ дегтя и смолы помимо этого никакихъ побочныхъ продуктовъ не получается.

Выдѣлкой веревочныхъ издѣлій занимаются въ Ишимскомъ округѣ, въ Желяковской, Локтинской и Хоринской волостяхъ. Самый процессъ производства состоитъ въ слѣдующемъ. Для витья веревокъ устраивается помѣщеніе подъ сараемъ. Главнымъ орудіемъ при производствѣ служитъ деревянное колесо, вращающееся на 2-хъ деревянныхъ столбикахъ. Рядомъ съ колесомъ ставятся скалки, къ нимъ прикрѣпляется вьющаяся веревка. Однимъ словомъ, устройство мастерской самое простое, обыкновенное и все вмѣстѣ со „снастью“ обходится въ 8 рублей. Веревки вьютъ изъ конопли. „Съ пуда конопли, если шибко кострична, выходитъ упала фунта съ 4, а то и 2“. Сибирскими кустарями выдѣлывается веревка трехъ сортовъ: толстая воровина, тонкая воровина и вожжевка. Семья, состоящая изъ мужика, жены и мальчика-подростка 10—14 лѣтъ, въ состояніи свить въ день $1\frac{1}{2}$ пуда веревки. Впрочемъ, для настоящей пряжи необходимо участіе въ работѣ 4 человѣкъ: одному колесо вертѣть, двоимъ нитки вить, а 4-му (женщинѣ) протирать. Четверо, работая на одномъ колесѣ, въ день могутъ сработать толстой воровины съ вершокъ въ діаметрѣ—$3\frac{1}{2}$ пуда, а тонкой $1\frac{1}{2}$—2 пуд. Колеса вертятъ обыкновенно подростки-мальчики, женщины протираютъ „смычаломъ“ веревку, а мужчины вьютъ нитки.

Производствомъ холста, шерстяныхъ рукавицъ, вожжей, опоясокъ, поясовъ, половиковъ, дорожекъ и крестьянскаго сукна занимаются крестьянки между дѣломъ. Всѣ эти крестьянскія издѣлія поступаютъ большею частью на удовлетвореніе семейныхъ потребностей. Продажей ихъ занимаются крестьянки только въ исключительныхъ случаяхъ, въ крайней нуждѣ. На Ишимской ярмаркѣ намъ приходилось встрѣ-

чать у многихъ крестьянъ въ телѣгѣ, либо на дровняхъ, рядомъ съ мѣшками, наполненными мукой и ячменемъ 1 — 2 штуки холста крестьянскаго, 5—10 опоясокъ, 1—3 пары возжей, 3 - 5 паръ рукавицъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ Ишимскаго округа (дер. Свистуха, Смирнова и др.) занимаются, предпочтительнѣе передъ другими бабьими промыслами, плетеніемъ возжей и опоясокъ изъ разноцвѣтной шерсти, которая красится не самими кустарями, а особыми бабами-красильщицами. Дорожки либо плетутся, либо ткутся изъ всевозможныхъ обрѣзковъ и кусковъ, которые сшиваются длинными узкими лентами. Плетеныя дорожки и притомъ еще безъ рисунка дешевле вытканныхъ и съ рисункомъ. Дорожки плетутся и полосами: одна полоса бѣлая, другая синяя, третья красная и т. д. Цѣны на эти женскія издѣлія въ 1885 г. стояли слѣдующія: аршинъ плетеной дорожки отъ 10 до 15—20 коп., вытканной вдвое дороже; плетеныя шерстяныя рукавицы, покрытыя сверху бѣлымъ холстомъ (толстымъ), 20 коп. за пару, опояски мужскія 25—50 и даже 90 коп., смотря по длинѣ и ширинѣ каждой; возжи крашеныя 30 — 60 к. за пару. Холстъ толстый и тонкій отъ 8 — 10 к. *). Низкія цѣны на эти крестьянскія бабьи издѣлія, а съ другой стороны значительная трата времени при ихъ выдѣлкѣ отбиваютъ всякую охоту у средне-обезпеченной крестьянской семьи работать для рынка. Такъ, напр., для выдѣлки рукавицъ необходимо потратить одинъ рабочій день, на опоясокъ — 2 рабочихъ дня, а широкій опоясокъ, ширины въ $1^1/_2$ арш. и длины въ 5 арш., не выткешь и въ 2 дня. Простого холста въ 1 рабочій день „при одномъ дѣлѣ“ можно выткать до 10 арш. Что касается качества этихъ бабьихъ издѣлій, то нельзя не желать лучшаго. Возжи очень изящны и въ то же время прочны. По своей дешевизнѣ и практичности онѣ конкурируютъ съ фабричными привозными. То же самое слѣдуетъ сказать и о крестьянскихъ опоясках. Холстъ тонкій, ровный,

---

*) Собственно говоря, существуетъ три сорта холста: первый ткется изъ лучшей части льна—*почесной* отъ 18—20 к.; второй—изгребный отъ 10—15 коп.; третій вытыкается изъ подотрепокъ льняныхъ и продается отъ 8 до 10 к. за аршинъ. Изъ конопли дѣлается холстъ средней доброты. Пестрядь вытѣсняется ситцами всевозможныхъ цвѣтовъ отъ 8 до 15 к. за аршинъ.

плотный, не шероховатый, бѣлоснѣжный, на ощупь мягкій, какъ шелкъ. При такихъ его достоинствахъ на него существуетъ большой спросъ. На зимней Ишимской ярмаркѣ скупкой крестьянскаго холста занимается какая-то торговка изъ Тобольска. Она закупаетъ по нѣсколько сотенъ кусковъ холста. Скупкой опоясокъ, рукавицъ и вожжей занимаются тобольскіе евреи изъ посельщиковъ. Они пріѣзжаютъ на зимнюю Ишимскую ярмарку съ рыбой, брусникой и мѣхами. Производство льняныхъ нитокъ, вслѣдствіе сильной конкурренціи послѣднихъ съ бумажными, привозными, ведется въ ограниченныхъ размѣрахъ.

Выдѣлкою конопляннаго масла занимаются преимущественно вдовы, не имѣющія ни земли, ни какого бы то ни было хозяйства, но поставленныя въ необходимость прокармливать личнымъ трудомъ цѣлую семью. Масло бьютъ въ простыхъ ступахъ, какъ напр. въ дер. Завьяловой Ишимскаго округа. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ деревняхъ, какъ напр. въ Мезенской того же округа, заведены кустарями толчеи, что указываетъ на расширеніе области производства, на улучшеніе его процесса. Въ рабочій день вдвоемъ можно выбить пудъ сѣмени; изъ пуда хорошаго сѣмени получаютъ $3^1/_2$ безмѣна масла, а изъ плохого 2 безмѣна. Заработокъ производительницы конопляннаго масла находится въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ цѣнъ на сѣмя. Въ 1885 г. сѣмя покупалось по 1 р. 20 к. за пудъ, а масло продавалось въ томъ же году на Ишимской ярмаркѣ по 60 коп. за безмѣнъ. Эта чисто-кустарная форма производства начинаетъ принимать характеръ заводской промышленности. Въ дер. Игнатьевой, у кулака N, рядомъ съ веревочнымъ заводомъ, существуетъ маслобойня; въ деревнѣ Мезенской тоже устроена богатымъ мужикомъ маслобойня *).

Выдѣлкой саней, ситъ и ковровъ занимаются исключительно въ Тюменскомъ округѣ. Намъ не приходилось встрѣчать на Ишимскихъ ярмаркахъ кустарей вышеприведенныхъ промысловъ. На ярмаркахъ главнымъ образомъ фигурируютъ скупщики, такъ какъ кустарямъ въ виду дальности разстоя-

*) По Гагемейстеру въ 1846 г. во всей Тобол. губ. было 17 маслобоенъ, которыя выдѣлывали масла на 10,000 руб.

ній нѣтъ возможности являться самолично на ярмарки. Поэтому свѣдѣнія, собранныя нами объ этихъ промыслахъ, крайне неполны; такъ, напр., о Тюменскихъ коврикахъ можно сказать, что они очень красивы, хотя не претендуютъ на изящество, отличаются однообразіемъ рисунка, прочностью и недороговизною (отъ 3 до 10 руб. и дороже). Тюменскія сани отличаются своею изящностью и легкостью. Цѣны отъ 15 до 100 руб. Тюменскія кошовки до 25 руб., а плетенки съ ходомъ до 40 руб. Тюменскія сита очень прочны. Выдѣлкой ихъ занимаются главнымъ образомъ въ селѣ Червывомъ. Въ селѣ считается до 100 дворовъ. Въ каждомъ домѣ работаютъ, мало кто изъ крестьянъ занимаются хлѣбопашествомъ; вся деревня плететъ *). Въ работѣ принимаютъ участіе всѣ наличныя способныя къ работѣ силы семьи; плетутъ старики, дѣти, бабы и мужики. Работаютъ по заказу и на себя. Кустари продаютъ свои произведенія на мѣстѣ скупщикамъ. „Другой 2 сѣтки выткетъ, ну и продастъ по нуждѣ". Мужчина съ женщиной могутъ въ рабочій день выткать до 8 рѣдкихъ или 5 частыхъ ситъ, а подростки съ 12 лѣтъ — 2 рѣдкихъ сита. Волосяныя сита скупаютъ у кустарей отъ 20—50 коп. за каждое, а продавали на ярмаркѣ по 25—55 коп.; сита съ металлической сѣткой скупаются по 50 к. и 1 руб. Скупкой ситъ у червышевскихъ кустарей занимаются до 10 человѣкъ. Всѣ эти скупщики, занявшись этимъ дѣломъ, побросали хлѣбопашество. Живутъ они неподалеку отъ с. Червываго, въ дер. Зырянской, и оттуда дѣлаютъ свои набѣги на село Червывое. Самый крупный изъ этихъ скупщиковъ Дмитрій Яковлевъ, который до 10000 ситъ заказываетъ ежегодно червышевскимъ кустарямъ. Скупщики развозятъ кустарныя произведенія по ярмаркамъ: Никольской (зимою въ Ишимѣ), Абатской (послѣ крещенія въ с. Абатскомъ), и др. На Никольской ярмаркѣ каждый изъ скупщиковъ сбываетъ отъ 500 до 2000 ситъ, смотря по году. Всѣ три скупщика заключили между собою условіе—не повышать цѣнъ на скупленныя кустарныя произведенія. Поэтому эксплоатація цѣлаго селенія въ 500 рев. душъ ведется скупщиками дружно,

*) Въ селѣ до 300 дворовъ и до 500 рев. душъ.

согласно, безо всякихъ пререканій. Каждый изъ скупщиковъ имѣетъ кромѣ того у себя извѣстное число закабаленныхъ кустарей, коихъ и эксплоатируетъ изъ года въ годъ, изо дня въ день. Ни полушки лишней не передаютъ при скупкѣ кустарныхъ произведеній противъ условленнаго, ни на копейку не поднимаютъ цѣнъ противъ разъ установленной нормы. Не вырваться кустарямъ изъ опутавшихъ ихъ кулацкихъ сѣтей!

II.

Упомянувъ о видахъ кустарной промышленности, существующей въ отдѣльныхъ округахъ Тобольской губ., мы невольно наталкивается на вопросъ о времени возникновенія здѣсь той или другой отрасли кустарнаго производства. При нашемъ обращеніи къ кустарямъ съ вопросами о времени возникновенія того или другаго производства, мы получили не вполнѣ опредѣленные отвѣты, въ родѣ: „такъ изстари ведется, еще прадѣды были знакомы съ эвтимъ рукомесломъ“ (выдѣлка мочала, лыка, рогожъ, попонъ, сѣделокъ, корытъ, дегтя, холста и пр.); либо: „занесли поселыцики, да самоходы, отъ нихъ научились и старожилы“ (веревочное, пимокатное, санное, колесное, телѣжное производство и пр.). Гдѣ же искать начало этого неопредѣленнаго „изстари“?

Возникновеніе кустарныхъ промысловъ въ несложной, примитивной формѣ относится, всего вѣроятнѣе, къ эпохѣ первоначальнаго заселенія края. Они возникли вмѣстѣ съ появленіемъ перваго колониста въ краѣ, вмѣстѣ съ основаніемъ перваго сибирскаго поселка, вмѣстѣ съ первымъ ударомъ топора въ глухой непроходимой тайгѣ. Но въ эту отдаленную эпоху кустарная промышленность носила чисто обиходный характеръ. Она была ограничена узкой сферой удовлетворенія личныхъ потребностей производителя, который, будучи отдѣленъ отъ всего остальнаго міра необъятнымъ пространствомъ, состоящимъ изъ болотъ, непроходимыхъ горъ и первобытныхъ лѣсовъ, былъ поставленъ въ необходимость при посредствѣ личнаго труда и практической сноровки отыскивать средства къ огражденію своей личности отъ вліянія внѣшней стихіи и отъ вреда хищныхъ звѣрей, изобрѣтать снаряды для раздобыванія средствъ прокормленія и дру-

7*

гіе необходимые для хозяйства и домашняго обихода предметы и орудія. При этомъ каждый полагался на свои личныя способности, на свой собственный трудъ въ борьбѣ за существованіе. Каждый работалъ исключительно самъ за себя и на себя и свою семью. Не было наемнаго кабальнаго труда со всѣми его невыгодными сторонами. Производитель всецѣло пользовался результатами своего труда, не выдѣляя ихъ изъ сферы своего хозяйства, не пуская ихъ въ мѣновой оборотъ. При такихъ условіяхъ каждый производитель является въ одно и то же самое время и потребителемъ выдѣланныхъ продуктовъ. Вся сумма его жизненныхъ отправленій, вся его дѣятельность направлена на исключительное удовлетвореніе своихъ семейныхъ потребностей. И въ этой работѣ каждаго на самаго себя и для себя, въ этомъ удовлетвореніи всѣхъ нуждъ и потребностей первобытнаго колониста при посредствѣ его собственныхъ силъ и кооперативномъ сотрудничествѣ всѣхъ наличныхъ членовъ семьи, въ этомъ чисто производительномъ раціональномъ направленіи всѣхъ физическихъ и интеллектуальныхъ силъ первобытной семьи, въ этомъ сосредоточиваніи въ одномъ трудящемся лицѣ производителя и потребителя продуктовъ былъ залогъ несомнѣннаго прогресса народной жизни, прогресса въ народномъ хозяйствѣ, прогресса хотя и односторонняго, но тѣмъ не менѣе вполнѣ гарантирующаго личность колониста отъ голоднаго измору, отъ матеріальной зависимости со стороны работодателя и другихъ приспѣшниковъ позднѣйшей цивилизаціи. Излюбленный принципъ соціально-экономической цѣлостности (totalität), проводимый въ общественной жизни, находитъ для себя полное выраженіе въ тогдашней формѣ общежитія.

Но съ теченіемъ времени, съ приходомъ новаго пришлаго элемента, съ истребленіемъ лѣсовъ, обмеленіемъ рѣкъ, повлекшими за собою паденіе нѣкоторыхъ промысловъ, какъ-то: звѣринаго, птичьяго, рыбнаго, съ переходомъ къ новой отрасли хозяйства, съ увеличеніемъ количества непроизводительнаго элемента, тормозящаго и безъ того пошатнувшееся народное хозяйство, съ увеличеніемъ государственныхъ податей, съ разростаніемъ натуральныхъ повинностей

и др. деревенскихъ платежей, однимъ словомъ, съ общимъ усложненіемъ экономическихъ условій страны, и пресловутый принципъ соціально-экономической обезпеченности уже не можетъ быть примѣняемъ къ существующему въ переходное время statu quo. Народные промыслы окончательно падаютъ. Земледѣліе уже не въ состояніи удовлетворить всѣхъ потребностей колониста. Послѣдній начинаетъ тогда искать выхода изъ затруднительнаго положенія. Отдавая раньше все свое время земледѣлію и занимаясь лишь на досугѣ кустарнымъ производствомъ, онъ начинаетъ, наоборотъ, удѣлять послѣднему больше времени. Усилившіяся сношенія между поселеніями, взаимный обмѣнъ крестьянскихъ произведеній еще въ болѣе сильной степени способствуютъ такому направленію народнаго хозяйства. Съ улучшеніемъ путей сообщенія, съ увеличеніемъ числа ярмарокъ и торговъ, съ паденіемъ сельскаго хозяйства, кустарная промышленность выдѣляется окончательно изъ сферы этого хозяйства, занимаетъ господствующее мѣсто въ народномъ хозяйствѣ и начинаетъ производить мѣновыя стоимости. Послѣднія обмѣниваются на деньги, либо на мѣновыя стоимости другихъ произведеній. Такого рода обмѣнъ однихъ произведеній на другія, обмѣнъ натурой, практикуется и по сіе время въ Тобольской губ., хотя, конечно, въ болѣе ограниченныхъ размѣрахъ, чѣмъ прежде.

Полное выдѣленіе кустарнаго производства изъ области сельскаго хозяйства составляетъ не общее явленіе существующаго народнаго хозяйства во всей Тобольской губ., а встрѣчается исключительно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, за отсутствіемъ всякихъ другихъ промысловъ, господствующее занятіе населенія—земледѣліе разстроено и пришло въ упадокъ *), какъ напр. въ нѣкоторыхъ волостяхъ Ишимскаго, Ялуторовскаго, въ особенности Тарскаго, Тюменскаго и отчасти Тюкалинскаго округовъ. Въ общемъ же, нужно замѣтить, кустарное производство сохранило тѣсную связь съ сельскимъ хозяйствомъ, нарушая, разрывая эту связь въ моменты неблагопріятно сложившихся сельско-хозяйственныхъ годинъ и эконо-

*) Въ особенности вслѣдствіе послѣднихъ неурожаевъ, продолжавшихся болѣе 3 лѣтъ на югѣ Тоб. губ.

мическихъ кризисовъ; въ переходное же время отъ неблагопріятныхъ годинъ къ болѣе благопріятнымъ эта, такъ сказать, сельскохозяйственная форма кустарнаго производства дѣлается менѣе всего устойчивой. Она уже не въ состояніи оправдать возлагавшихся на нее надеждъ, какъ на подспорье къ сельскому хозяйству, какъ на средство для покрытія части крестьянскаго бюджета. Значеніе ея дискредитируется. Ея продукты сильно переполняютъ рынокъ и вызываютъ пониженіе цѣнъ на кустарныя издѣлія, то, не оправдывая спроса на послѣднія, увеличиваютъ ихъ стоимость, въ которой мало заинтересованъ кустарь-производитель. Такимъ образомъ титаническая сила власти земли, которая прикрѣпляетъ крестьянина къ его благодарной пашнѣ и не даетъ ему разбрасываться по сторонамъ, служитъ неизбѣжнымъ регуляторомъ между спросомъ и предложеніемъ на кустарныя произведенія. Когда эта власть земли ослабляется, то прогрессивно увеличивается предложеніе кустарныхъ произведеній, и наоборотъ. Говоря иначе, въ хорошій урожайный годъ кустарь-земледѣлецъ между дѣломъ, на досугѣ занимается кустарнымъ производствомъ, и его издѣлія являются въ незначительномъ количествѣ на рынкѣ; напротивъ, въ голодный годъ нужда заставляетъ крестьянина сосредоточить всѣ свои силы на кустарномъ производствѣ, и его издѣлія наводняютъ рынокъ. И такъ какъ такіе рѣзкіе переходы отъ года неурожайнаго къ урожайному, отъ нужды къ довольству и обратно, стали чередоваться въ послѣднее время все чаще и чаще, то занятіе кустарнымъ производствомъ сдѣлалось для многихъ деревенскихъ исключительнымъ средствомъ къ существованію. Съ выдѣленіемъ кустарей въ отдѣльный производительный классъ, благосостояніе ихъ падаетъ вслѣдствіе постоянной зависимости производителей отъ всевозможныхъ кулаковъ и міроѣдовъ. На этой кабальной зависимости строится полукапиталистическое, а затѣмъ разцвѣтаетъ понемногу и полное капиталистическое производство [1]).

Сообразно этимъ тремъ отраслямъ кустарной промышлен-

[1]) Въ „Сибири" за 1887 г. №№ 17, 21 и др. нами была помѣщена часть сырого матеріала въ видѣ описанія экономическаго положенія отдѣльныхъ кустарей.

ности, всѣхъ изученныхъ нами кустарей можно подвести подъ слѣдующія три категоріи:

Кустари-богатыри, временные и профессіоналисты. Кустарямъ этой категоріи въ случаѣ неимѣнія собственнаго сырья и дороговизны самого производства (веревочное, пимокатное) необходимъ оборотный капиталъ для закупки матеріала. Главное занятіе этихъ кустарей—земледѣліе, которое доставляетъ имъ предметы потребленія для удовлетворенія собственныхъ нуждъ и для покрытія путемъ продажи расходовъ семьи. Кустарнымъ производствомъ они занимаются на досугѣ, ради приращенія доходовъ семьи. Производство покоится на чисто-семейныхъ началахъ, при строгомъ раздѣленіи труда между способными къ работѣ членами семьи. При благопріятныхъ условіяхъ, какъ то: хорошемъ урожаѣ, высокихъ цѣнахъ на кустарныя издѣлія, дешевомъ кредитѣ, однимъ словомъ, при успѣшномъ сбереженіи и увеличеніи оборотнаго капитала, изъ этихъ кустарей со временемъ вырабатываются хозяева-ремесленники, представители полукапиталистическаго предпріятія.

Кустари *второй категоріи* приступаютъ къ производству либо безо всякаго оборотнаго капитала, если у нихъ есть подъ руками собственное сырье, либо обладаютъ небольшимъ капиталомъ въ нѣсколько рублей. Эти кустари принимаются за производство подъ вліяніемъ нужды, голодовки. Въ случаѣ достаточнаго количества собственнаго сырья, они подъ давленіемъ неумолимой нужды всецѣло предаются производству, хотя бы временно, и не набрасываются на другія занятія, не выискиваютъ другихъ выходовъ для обезпечиванія своихъ семей. Если же у нихъ нѣтъ собственнаго сырья, или же есть въ такомъ незначительномъ количествѣ, что выгоды отъ производства, къ тому же еще обремененнаго всевозможными пошлинами и промысловыми налогами, получаются отрицательныя, кустари пускаются на всевозможные „промысла“, не брезгаютъ никакими средствами для выхода изъ затруднительнаго положенія. Они начинаютъ дѣйствовать обманомъ и надувательствомъ: запродавъ свои издѣлія двумъ, тремъ лицамъ и получивъ задатокъ съ каждаго покупателя отдѣльно, они скупаютъ задешево у своихъ односельчанъ ихъ кустарныя

произведенія, и въ то же самое время пользуются, въ случаѣ недохватки собственныхъ денегъ, кредитомъ у этихъ кустарей-одиночекъ; они набрасываются и на другія торговыя предпріятія, скупая соль, ленъ, кедровые орѣхи и продавая ихъ на ярмаркахъ. Это самый предпріимчивый типъ кустарей-земледѣльцевъ. Но проходитъ критическій моментъ въ жизни этихъ кустарей, наступаетъ урожайный годъ, и кустарь отрѣшается отъ своей эксплоататорской дѣятельности и переходитъ изъ разряда кустарей-спекуляторовъ и торговцевъ-аферистовъ въ разрядъ земледѣльцевъ-пахарей. Съ удвоенною энергіей онъ принимается ковырять свои пашни, видя въ этомъ тяжеломъ, неусыпномъ ковыряніи свое спасеніе, обезпеченность своего существованія, нравственное удовлетвореніе. И часто коварная стихійная природа какъ бы вчужѣ проникается сочувствіемъ къ этимъ труженикамъ, ниспосылаетъ благодать на ихъ орошаемыя слезами и трудовымъ потомъ пашни. Но случается и обратное: всѣ стихійныя силы природы тупо отмалчиваются на всѣ обращенные къ нимъ трудовые запросы замотавшихся кустарей-крестьянъ, разсѣивая, смывая и подвергая стужѣ въ самое неурочное время обработанныя и засѣянныя крестьянскія пашни. Въ такомъ разѣ никто не можетъ поручиться, что этотъ оголтѣлый отъ неудачи кустарь снова не примется за спекуляцію и, постепенно и незамѣтно погружаясь въ сферу спекулятивныхъ предпріятій, культивируясь въ развращенной средѣ безцеремоннаго торгашества и барышничества, свыкнувшись со всей окружающей его мерзостью, не превратится въ сформировавшагося вполнѣ скупщика-кулака.

Если у этой катергоріи временныхъ кустарей нѣтъ своего собственнаго сырья для выдѣлки издѣлій, то они покупаютъ сырье въ долгъ съ обязательствомъ уплатить послѣдній немедленно послѣ продажи издѣлій кредитуемаго на ярмаркѣ. Въ случаѣ неуплаты долга къ извѣстному сроку, у кредитуемыхъ отбирается скотъ, что отражается самымъ гибельнымъ образомъ на крестьянскомъ хозяйствѣ. За неимѣніемъ рабочаго скота, кустари этой категоріи не только лишены возможности заниматься хлѣбопашествомъ, но даже не въ состояніи вывозить свои кустарныя издѣлія на ярмарки, не

въ состояніи вести производство на болѣе или менѣе независимыхъ началахъ, и попадаются въ прямую зависимость и кабалу къ скупщикамъ и кулакамъ.

Изъ такихъ кустарей вербуются представители *третьей категоріи*. Къ этой категоріи кустарей принадлежатъ и тѣ изъ крестьянъ, которые забрасываютъ земледѣліе изъ-за его невыгодности, необезпеченности. Такіе кустари-крестьяне занимаются исключительно производствомъ кустарныхъ издѣлій. Имѣя подъ рукою сырье, но не обладая часто оборотнымъ капиталомъ для пріобрѣтенія предметовъ потребленія, они не въ состояніи вести производство самостоятельно, и находятся въ зависимости у скупщиковъ, кредитующихъ ихъ денежными ссудами подъ кустарныя издѣлія. Если стоимость издѣлій вполнѣ покрываетъ размѣръ выданной впередъ, заблаговременно, ссуды, то временныя обязательства кустаря по отношенію къ скупщику съ уплатой долга прекращаются. Хотя такія благопріятныя условія кустарнаго производства явленіе рѣдкое (обыкновенно кустари этой категоріи бываютъ въ неоплатномъ долгу у скупщиковъ), но тѣмъ не менѣе, при возможности ихъ осуществленія, положеніе кустаря-профессіоналиста не столь безнадежно. Кустарь не лишенъ права смѣны и выбора скупщика при уплатѣ стараго долга. Уже одно обладаніе этимъ правомъ, одна возможность выбора скупщиковъ сообразно хозяйственнымъ и промышленнымъ интересамъ въ состояніи гарантировать кустарей отъ полнаго ихъ закабаленія скупщиками. Но съ потерею этого права, съ истощеніемъ собственнаго сырья для производства, съ развертывающеюся со дня на день все болѣе незатѣйливой перспективой затруднительнаго пріобрѣтенія предметовъ потребленія и орудій производства, положеніе кустаря-профессіоналиста становится самымъ безвыходнымъ. Онъ несетъ кулаку свое послѣднее достояніе трудъ, и поступаетъ къ нему въ полную кабалу.

Незавидно положеніе такихъ кустарей, которые изо дня въ день, изъ года въ годъ, въ непосильной работѣ влачатъ свое жалкое существованіе, не предвидя исхода своему горю-злосчастію, своему постепенному физическому и нравственному искалѣченію, своимъ душевнымъ мукамъ. Нѣтъ никакой воз-

можности этимъ мученикамъ неблагодарнаго, отупляющаго труда выбраться на проторенную дорожку, выбиться изъ угнетающихъ условій жизни. Гдѣ, въ какихъ дебряхъ человѣческой мудрости искать имъ спасенія отъ этихъ безпощадныхъ, угнетающихъ условій?

Мы не беремся за рѣшеніе этого вопроса, потому что не ставимъ себѣ цѣлью въ настоящей статьѣ предлагать какія бы то ни было мѣры къ улучшенію кустарной промышленности въ Сибири, а желаемъ лишь дать краткій очеркъ ея современнаго состоянія, при томъ въ одной только губерніи. Поэтому, не вдаваясь въ теоретическія мечтанія, мы перейдемъ опять къ фактамъ и постараемся опредѣлить общую производительность труда кустарей по отдѣльнымъ промысламъ вмѣстѣ съ орудіями производства и безъ оныхъ.

Н. Д—и.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ОБЫЧНЫЕ СУДЫ

въ хуторахъ Донской Области.

Изученіе мѣстнаго народнаго суда, затрогивающаго, по выраженію Заруднаго, всѣ струны народной жизни, имѣетъ весьма важное значеніе въ изученіи народнаго быта. Мѣстный судъ для простого народа въ его обыденной жизни является тѣмъ мѣстомъ, гдѣ онъ отыскиваетъ правосудіе, защищаетъ и возстановляетъ свои права. „Этотъ судъ," выражаясь словами Бентама, „стоитъ у дверей каждаго гражданина-простолюдина и оберегаетъ всѣ его права и интересы, кажущіеся иногда ничтожными, но на самомъ дѣлѣ имѣющими для простого бѣднаго человѣка весьма важное и рѣшающее значеніе." Мѣстный судъ, являясь ближайшимъ органомъ оберегающимъ жизнь и безопасность простого народа, служитъ для него универсальною школою. Здѣсь простой народъ получаетъ свое нравственное, умственное и политическое воспитаніе; здѣсь онъ усваиваетъ принципы общественной жизни; здѣсь онъ убиваетъ эгоистическія стремленія и пріучается уважать общественные интересы; здѣсь онъ пріобрѣтаетъ понятіе о правѣ и справедливости; здѣсь онъ получаетъ знанія, соотвѣтствующія его бытовой обстановкѣ.

Мѣстный судъ руководствуется исключительно обычнымъ правомъ, еще никѣмъ не написаннымъ и извѣстнымъ во всей своей цѣлости только простому народу. Простой народъ въ своей обыденной жизни согласуется болѣе съ обычными правилами, записанными въ его памяти, нежели съ писаннымъ закономъ, который ему мало извѣстенъ. Обычное право, какъ выработанное самою жизнью народа и являющееся вѣрнымъ

ея выраженіемъ, въ мѣстномъ судѣ получаетъ свою защиту и является здѣсь въ выпуклой формѣ, весьма удобной для изученія. Мало того, обычное право, зарождаясь въ самой жизни, здѣсь, въ мѣстномъ судѣ, вырабатывается и развивается; здѣсь оно кодифицируется въ памяти народа и здѣсь санкціонируется.

Такова важна роль, принадлежащая мѣстнымъ обычнымъ судамъ въ народно-бытовой жизни. Не зная ихъ, нельзя вполнѣ изучить и понять народной жизни. Не смотря на это, изслѣдователи русскаго народнаго быта сравнительно мало удѣлили времени для этихъ судовъ. Въ настоящемъ очеркѣ мы изложимъ организацію обычныхъ судовъ, дѣйствующихъ въ хуторахъ Донской Области *).

Всѣ нынѣ существующіе обычные народные суды можно раздѣлить на двѣ категоріи: одни изъ нихъ предусмотрѣны дѣйствующимъ законодательствомъ, другіе не предусмотрѣны и дѣйствуютъ исключительно въ силу обычая. Суды, которые составятъ предметъ настоящаго изложенія, относятся къ послѣдней категоріи.

Своеобразный бытовой строй донскихъ казацкихъ общинъ заставляетъ предполагать и своеобразныя особенности въ мѣстныхъ народныхъ судахъ; поэтому мы, прежде чѣмъ приступить къ описанію этихъ народныхъ судовъ, напомнимъ здѣсь важнѣйшіе факторы, положившіе печать своеобразія на донскія общины, которыя, не смотря на то, что со второй четверти настоящаго столѣтія начали постепенно сливаться съ общимъ русскимъ населеніемъ, утрачивая свои самобытныя черты, и теперь представляютъ много своеобразныхъ и интересныхъ въ научномъ отношеніи особенностей.

Самый процессъ образованія казачества и тѣ условія и обстоятельства, при которыхъ этотъ процессъ совершался, безспорно отразились на внутренней и внѣшней жизни казаковъ. Первые колонизаторы края, энергичные и рѣшительные выходцы, неся съ собою зачатки гражданской жизни, вошли въ обѣтованную имъ землю съ войной, осѣлись въ ней воюя

*) Этотъ очеркъ относится главнымъ образомъ до хуторовъ Хоперскаго округа Д. О., причемъ имѣются въ виду хутора менѣе населенные и болѣе удаленные отъ станицъ съ преобладающимъ земледѣльческимъ характеромъ.

и далѣе продолжали жить среди военныхъ походовъ почти до послѣдняго времени. Это обстоятельство — военный образъ жизни, — конечно, имѣло громадное вліяніе на складъ общественной жизни казаковъ. Значеніе этого обстоятельства увеличивалось еще болѣе тѣмъ, что государство долгое время не вмѣшивалось во внутренній распорядокъ казаковъ. Отвоевавъ себѣ уголокъ, новые казаки стали въ какое-то неопредѣленное положеніе къ государству. Они образовали изъ себя какъ бы самостоятельное независимое государство. Такъ смотрѣло на нихъ само Московское государство. Оно не становилось съ ними долгое время ни въ юродическія, ни въ финансовыя отношенія; землю ихъ называло не Русскою, а Землею Войска Донскаго; оно искало ихъ дружбы, такъ какъ нуждалось въ нихъ, какъ пограничныхъ стражахъ, каковою услугою пользовалось не даромъ, а платило имъ за это извѣстное жалованье деньгами, оружіемъ, порохомъ и проч. Казаки же съ своей стороны относились не чуждо къ своему прежнему отечеству; они тянули и теперь къ нему душой и тѣломъ, позволяя себѣ впрочемъ иногда нападать на русскія купеческія суда. Такое отношеніе къ Московскому государству, такое невмѣшательство послѣдняго во внутреннюю жизнь дало возможность казакамъ выработать вполнѣ самобытный типъ общественной жизни. Кромѣ того. удаленность казачьей территоріи отъ политическихъ и промышленныхъ центровъ благопріятствовала естественному развитію общественной жизни. Ни политическія, ни экономическія событія внутренней Россіи не производили на нихъ тѣхъ вліяній, какія они производили въ нѣдрахъ Московскаго царства. Наконецъ, отсутствіе у казаковъ крѣпостного права должно было отозваться сильно на ихъ жизни. У нихъ съ самаго начала образованія казачества и до послѣдняго времени не было ни въ какой формѣ крѣпостничества; а разъ его не было, то нельзя искать здѣсь и тѣхъ послѣдствій крѣпостничества, какія мы находимъ въ другихъ мѣстахъ Россіи.

Достаточно и этихъ перечисленныхъ нами факторовъ, чтобы понять, что у казаковъ долженъ былъ явиться своеобразный общественный строй, а слѣдовательно и свое особенное судоустройство и судопроизводство, къ описанію которыхъ

мы и перейдемъ, бросивъ предварительно бѣглый взглядъ на историческое развитіе казачьяго суда.

Исторію казачьяго суда можно раздѣлить на три крупныхъ періода: первый—отъ начала образованія до 1835 года, т. е. до введенія Положенія объ управленіи Войска Донскаго; второй—отъ 1835 г. до 1870 года, т. е. до введенія Положенія объ управленіи въ казачьихъ войскахъ, и, наконецъ, третій—отъ 1870 г. до настоящаго времени.

Первый періодъ представляетъ много интереса въ научномъ отношеніи, но, къ сожалѣнію, о немъ нѣтъ надлежащихъ свѣдѣній, а если они и есть, то очень мало, и данныя эти не только кратки, но къ тому же иногда сомнительны. Въ этотъ періодъ судъ былъ такимъ, какимъ выработала его сама жизнь; никакихъ внѣшнихъ вліяній онъ на себѣ не испыталъ, такъ какъ до 1835 г. правительство относительно организаціи донскихъ судовъ почти ничего не сдѣлало, и правосудіе на Дону отправлялось безъ всякаго писаннаго закона. Въ этотъ періодъ казацкая жизнь еще не выработала спеціальнаго органа правосудія; спеціальныхъ судей, насколько можно судить по разсказамъ стариковъ, въ это время еще не существовало, а правосудіе отправлялъ тотъ органъ, который сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ всѣ вообще дѣла текущей жизни. Такимъ органомъ для всего Донского войска былъ Большой Войсковой кругъ, а для отдѣльныхъ станицъ Малый Станичный кругъ, или сходъ. Станичные сходы, состоявшіе изъ гражданъ одной станицы, вѣдали всѣ административныя и судебныя дѣла, за исключеніемъ дѣлъ особенной важности и дѣлъ о юртовыхъ границахъ, которыя разсматривались въ войсковыхъ кругахъ. Войсковой кругъ состоялъ изъ представителей всего Донского войска и собирался въ городкѣ Черкасскѣ.

Станичныхъ сходовъ было два вида: обыкновенныя собранія стариковъ, почти ежедневно собиравшихся на „майданѣ" у станичной избы, и экстренные сходы, собираемые станичнымъ атаманомъ черезъ „есаульца" и отличавшіеся отъ первыхъ только своимъ многолюдствомъ.

Какимъ образомъ станичные сходы успѣвали разбирать всѣ судебныя и административныя дѣла, почему не было по-

требности въ спеціальныхъ судьяхъ и почему даже представитель общественнаго самоуправленія — атаманъ не вѣдалъ судебныхъ дѣлъ, это, конечно, прежде всего объясняется простотою общественной жизни, которая давала мало дѣлъ, и тѣмъ, что станичный сходъ въ старое время не было нужды собирать и дожидаться его сбора, такъ какъ онъ собирался едвали-ли не каждый день. Въ старину у казаковъ было обыкновеніе въ свободное время, а его было тогда много, собираться на „майданѣ" — мѣсто общественныхъ собраній при станичномъ правленіи. Это было любимѣйшее препровожденіе времени казаковъ. Здѣсь они ежедневно собирались и за плетеніемъ сѣтей или другою какою-либо работою вели бесѣды о былыхъ и предстоящихъ походахъ, о текущихъ дѣлахъ, о событіяхъ дня; здѣсь же творили судъ и расправу, такъ что всякій обиженный, ищущій правосудія, шелъ въ станичный домъ и здѣсь находилъ собраніе стариковъ, къ которымъ обращался съ своею жалобой, и получалъ удовлетвореніе.

Въ этихъ ежедневныхъ собраніяхъ участвовали молодые и старые казаки, женщины же никогда не допускались на нихъ. Активное участіе въ рѣшеніи судебныхъ дѣлъ и обсужденіи различныхъ вопросовъ принимали только старики; они только могли трактовать о дѣлахъ, молодые же должны были стоять сзади и слушать, о чемъ говорятъ старики, отнюдь не позволяя себѣ ни говорить, ни дѣлать своихъ замѣчаній.

Большая часть дѣлъ, возникавшихъ между одностаничниками, разбиралась этими ежедневными сходами или собраніями; лишь дѣла болѣе или менѣе важныя и дѣла, рѣшеніемъ которыхъ оставались не довольны стороны, разбирались полнымъ общественнымъ сходомъ. Если же стороны оставались недовольны рѣшеніемъ полныхъ сходовъ, то они обращались за разрѣшеніемъ спорнаго дѣла въ Большой Войсковой кругъ. Иногда за нѣсколько сотъ верстъ тяжущіеся отправлялись вмѣстѣ въ Черкасскъ и нерѣдко, пройдя половину пути, одумывались, мирились и возвращались домой, гдѣ ихъ торжественно встрѣчали и поздравляли съ миромъ.

Каковъ былъ порядокъ на станичныхъ сходахъ при разсмотрѣніи дѣлъ, какія тогда существовали правила,—теперь

трудно возстановить; но это отчасти можетъ быть восполнено описаніемъ современныхъ хуторскихъ судовъ. Поэтому, въ виду предстоящаго изложенія, мы не будемъ подробно останавливаться на описаніи старинныхъ судовъ.

„Коротокъ и простъ былъ судъ въ старину", говорятъ старики. „Въ куль да въ воду", „разложатъ и высѣкутъ", а то и такъ „поширяютъ, поширяютъ въ глаза, потазаютъ хорошенько, да тѣмъ дѣло и кончатъ". „Скажутъ: отдай—и отдашь; возьми—пойдешь и возьмешь, никто ни слова не скажетъ" и проч. Такими словами характеризуютъ свои старинные суды современные старики казаки. И дѣйствительно, краткость и простота были выдающеюся чертою старинныхъ судовъ. Сегодня возникъ гражданскій споръ между двумя казаками, завтра они встрѣчаются на майданѣ, гдѣ присутствуютъ ихъ свидѣтели и защитники, и поднимаютъ вопросъ о возникшемъ спорномъ отношеніи. Начинается судъ: стороны спорятъ между собою, свидѣтели даютъ свои показанія, старики высказываютъ свои соображенія; во время этого шума разрѣшается спорное отношеніе, выясняется мнѣніе стариковъ, которому стороны добровольно подчиняются, и здѣсь же исполняютъ опредѣленное; не исполнить его нельзя, потому что это значитъ пойти противъ собранія, иногда представляющаго изъ себя цѣлое общество, навлечь на себя его гнѣвъ и подвергнуться послѣдствіямъ раздраженной толпы. Сегодня совершена кража, сегодня же потерпѣвшій заявляетъ объ этомъ на майданѣ, гдѣ находятся и свидѣтели, и если нѣтъ обвиняемаго, посылаютъ за нимъ; его тотчасъ приводятъ; минутный споръ, и передъ собраніемъ кающійся обвиняемый стоитъ на колѣняхъ, или потерпѣвшій наказываетъ его розгами, приговаривая: „не я тебя бью, а бьетъ тебя честная станица", а изъ толпы кричатъ: „прибавь", наконецъ раздаются голоса: „довольно"—и судъ конченъ; дѣло разобрано, обвиняемый обвиненъ и наказанъ.

Точно также разбирались судебныя дѣла и на полныхъ станичныхъ сходахъ, съ тѣмъ развѣ различіемъ, что на послѣднихъ болѣе дѣятельное участіе принималъ атаманъ, который руководилъ всѣмъ сходомъ.

Изъ наказаній, налагаемыхъ за преступленія, было болѣе

употребительно наказаніе розгами; весьма часто практиковались позорящія наказанія въ видѣ, напримѣръ, проведенія обвѣшаннаго крадеными вещами вора по улицамъ. Нерѣдко на общественныхъ сходахъ вмѣсто наказаній дѣлалось внушеніе, что казаки называютъ „поширять въ глаза“ или „потазать“.

Смертная казнь употреблялась весьма рѣдко и за особенно важныя преступленія ,какъ напримѣръ за измѣну и др. Наказаніе же въ видѣ покупки водки для угощенія стариковъ, нынѣ весьма распространенное, въ старыхъ судахъ, насколько можно судить по разсказамъ стариковъ, не употреблялось. Отъ упомянутыхъ выше наказаній не избавлялся совершившій проступокъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ примирялся съ потерпѣвшимъ лицомъ. Въ современныхъ станичныхъ судахъ примиреніе допускается по всѣмъ дѣламъ; если потерпѣвшій помирится съ воромъ, то по большей части станичные судьи прекращаютъ это дѣло, и часто можно замѣтить, какъ бываютъ недовольны казаки, когда въ мировомъ судѣ имъ объявляютъ, что помириться по дѣлу о кражѣ нельзя. Въ старину же примиренія по этимъ дѣламъ не допускалось; хотя бы воръ и помирился съ потерпѣвшимъ, хотя бы послѣдній и не жаловался сходу, но если сходъ узнаетъ объ этомъ, то обвиняемаго привлекали къ отвѣтственности и наказывали. Полная судебная дѣятельность станичныхъ сходовъ продолжалась до 1835 года, до введенія положенія объ управленіи въ Донскомъ войскѣ.

Положеніе 1835 года произвело большую ломку въ общественномъ управленіи донскихъ казаковъ. Этимъ положеніемъ вводятся на Дону новые спеціальные суды, и кругъ вѣдомства станичнаго схода по всѣмъ вообще дѣламъ суживается. Всѣ важныя дѣла отошли въ вѣдомство коронныхъ судовъ, маловажныя дѣла остались въ вѣдѣніи станичнаго схода и станичнаго правленія. По новому положенію станичному правленію, которое состояло теперь изъ атамана и двухъ судей, предоставляется принимать жалобы, какъ отъ жителей станицы, такъ и постороннихъ, и чинить разборъ по онымъ въ искахъ, проостирающихся не свыше 50 руб. (ст. 132 ч. XII). Кромѣ того станичному правленію предоставляется по доходящимъ къ нему жалобамъ и свѣдѣніямъ производить

словесныя изысканія, разсматривать оныя и полагать мнѣніе свое объ исправительныхъ средствахъ: за неповиновеніе дѣтей родителямъ и оскорбленіе ихъ, за сварливость въ семействѣ и съ сосѣдями, за лѣность, пьянство, буйство, распутство, обманъ всякаго рода и кражу ниже 20 руб., потраву чужого хлѣба или сѣна и прочіе подобные поступки, не заключающіе въ себѣ важнаго преступленія (ст. 122 ч. XII). Они, т. е. атаманъ и судьи, принимаемую жалобу и учиненный розыскъ записываютъ въ журналъ и, излагая мнѣніе свое сообразно съ существомъ дѣла, предлагаютъ оное станичному обществу на сборѣ. Станичное же общество, повѣривъ обстоятельства дѣла, или соглашается съ мнѣніемъ атамана и судей, или полагаетъ свое рѣшеніе (ст. 124 и 125 ч. XII). Кромѣ того, станичное общество на полномъ сборѣ судитъ и опредѣляетъ мѣру исправительнаго наказанія за маловажные проступки. Оно по усмотрѣнію своему можетъ наказывать и за бродяжничество по міру такихъ неимущихъ своей станицы, которые получили отъ нея призрѣніе. Станичное общество налагаетъ денежныя взысканія за своевольство и повреждение въ общественныхъ довольствіяхъ (98, 99 и 100 ст. ч. XII). Наказаніе на тѣлѣ опредѣляется станичнымъ сборомъ въ такой мѣрѣ, чтобы не причиняло ни увѣчья, ни поврежденія въ здоровьи виновнаго (127 ст. ч. XII).

Такимъ образомъ положеніе 1835 года создало два вида народныхъ судовъ: судъ станичнаго схода и судъ станичнаго правленія. Въ этихъ судахъ попрежнему примѣнялись всѣ обычаи, выработанные предшествующей жизнью, такъ какъ формъ и обрядовъ судопроизводства Положеніе не предписывало почти никакихъ. Да и само опредѣленіе подсудности дѣлъ, по свидѣтельству источниковъ и разсказамъ стариковъ, на самомъ дѣлѣ первоначально не существовало: станичный сходъ попрежнему принималъ къ своему разбирательству всѣ дѣла, хотя бы они ему и не были подсудны по Положенію.

Но, тѣмъ не менѣе, Положеніе 1835 года имѣло весьма большое вліяніе на устройство казацкихъ судовъ. Съ этого времени судебная власть станичнаго схода постепенно начала ослабѣвать; станичные сходы вслѣдствіе ослабленія интереса казаковъ къ общественнымъ дѣламъ стали собираться рѣже,

поэтому и не могли уже отправлять постоянно правосудіе. Въ силу этого станичное правленіе все больше и больше принимало дѣлъ къ своему разбирательству, пріобрѣтая тѣмъ самымъ и большую силу и значеніе. Въ особенности же значеніе станичнаго правленія, какъ судебнаго мѣста, увеличивалось съ тѣхъ поръ, когда въ составъ его вошли депутаты, выбираемые обществомъ. Съ этихъ поръ всѣ маловажныя дѣла разрѣшались атаманомъ съ депутатами, такъ что къ 1860 — 70 гг. станичные сходы рѣшали весьма мало дѣлъ и то лишь тогда, когда они собирались для какихъ-либо иныхъ цѣлей.

Наконецъ, „Положеніе объ общественномъ управленіи въ казачьихъ войскахъ 1870 года“ окончательно отняло отъ станичнаго суда судебную власть, передавъ ее въ руки спеціально избираемыхъ судей. Положеніе 1870 года создало новое учрежденіе—„станичный судъ“, состоящій изъ 4—12 ежегодно выбираемыхъ обществомъ судей. Теперь право суда принадлежитъ исключительно станичному суду: ни атаманъ, ни станичный сходъ по новому закону не имѣютъ права суда.

Станичному суду подвѣдомственны какъ войсковые обыватели, не пользующіеся особыми правами состоянія, такъ и всѣ вообще временно или постоянно проживающіе на земляхъ станичнаго общества лица податного состоянія, отставные и безсрочно-отпускные нижніе военные чины и ихъ семейства (ст. 33). Станичный судъ рѣшаетъ окончательно всѣ споры и тяжбы собственно между подвѣдомственными ему лицами цѣною до 100 руб. включительно, какъ о недвижимомъ и движимомъ имуществахъ въ предѣлахъ общаго станичнаго надѣла, такъ и по займамъ, покупкамъ, продажамъ и всякаго рода сдѣлкамъ, а равно и дѣла на вознагражденіе за убытки и ущербъ имущества, этимъ лицамъ причиненные, когда цѣна убытка и ущерба не превышаетъ 100 р. (ст. 35). Кромѣ того, станичный судъ разбираетъ и приговариваетъ къ наказанію подвѣдомственныхъ ему лицъ за маловажные проступки, когда они не находятся въ связи съ уголовными преступленіями, кои подлежатъ разсмотрѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ (ст. 38). Станичный судъ властенъ приговаривать виновныхъ къ общественнымъ работамъ до 6 дней,

или денежному взысканію до 3 рублей, или къ аресту до 7 дней (ст. 38). Станичный судъ рѣшаетъ дѣла на основаніи мѣстныхъ обычаевъ и правилъ, принятыхъ въ казачьемъ быту (44 ст.) и т. д. Вообще, устройство станичнаго суда сходно съ устройствомъ крестьянскихъ волостныхъ судовъ, имѣя впрочемъ пріятныя особенности, такъ какъ тѣлесныхъ наказаній въ современныхъ станичныхъ судахъ не существуетъ и они дѣйствующимъ Положеніемъ не предусмотрѣны.

Такимъ образомъ, нынѣ дѣйствующимъ Положеніемъ объ управленіи въ казачьихъ войскахъ предусмотрѣна одна только форма народнаго суда—станичный судъ, въ которомъ должны разбираться въ своихъ тяжбахъ и спорахъ какъ жители станицъ, такъ и жители хуторовъ. Но благодаря исторической привычкѣ разбираться въ своемъ кругу и мѣстнымъ условіямъ, а именно удаленности хуторовъ отъ станицъ, какъ атминистративныхъ и судебныхъ центровъ [1]), въ хуторахъ и теперь продолжаютъ существовать свои обычные суды, въ которые хуторскіе жители обращаются болѣе охотно, нежели въ станичные суды, которые не всегда являются выразителями мѣстныхъ обычаевъ и въ которыхъ нерѣдко могарычъ рѣшаетъ всѣ дѣла [2]). Хуторскіе суды представляютъ много интереса въ научномъ отношеніи, потому что они и въ настоящее время являются такими, какими выработала ихъ сама жизнь; законодательная рука ихъ еще не коснулась; это суды чисто обычные, естественные, если можно о нихъ такъ выразиться.

Въ хуторахъ можно насчитать пять формъ суда: 1) судъ поселковаго атамана, 2) судъ понятыхъ, 3) судъ стариковъ, 4) судъ хуторского схода или сбора и, наконецъ, 5) третейскій судъ. Каждый изъ перечисленныхъ судовъ, кромѣ третейскаго суда, составляетъ особую судебную инстанцію по отношенію къ другимъ. Высшей инстанціей для суда поселковаго атамана служитъ судъ понятыхъ и судъ ста-

---

[1]) Нѣкоторые хутора отстоятъ отъ своей станицы верстъ на 50 и болѣе.

[2]) Насколько неудовлетворительны станичные суды, можно судить по тѣмъ частымъ упрашиваніямъ казаковъ мирового принять неподсудное ему дѣло и по тому множеству дѣлъ въ мировыхъ учрежденіяхъ съ умышленно-увеличенными исками до 101, 102, 105 руб.

риковъ, а для этихъ послѣднихъ высшая инстанція судъ хуторского схода, который всѣ дѣла рѣшаетъ окончательно, такъ что сторона, недовольная судомъ хуторского атамана, обращается или къ суду понятыхъ, или къ суду стариковъ, смотря по обстоятельствамъ дѣла, а недовольная рѣшеніемъ этихъ послѣднихъ обращается къ суду хуторского схода; жалобъ на рѣшенія этого послѣдняго суда въ настоящее время приносить некуда, такъ какъ оффиціальные суды не признаютъ этихъ рѣшеній, какъ не предусмотрѣнныхъ закономъ, и такъ какъ судъ станичнаго схода, куда прежде приносились жалобы на рѣшеніе хуторскихъ сборовъ, теперь почти прекратилъ свое существованіе, поэтому рѣшеніе хуторского схода приводится въ исполненіе, или дѣло переносится въ оффиціальные суды, гдѣ разсматривается вновь. Всякое дѣло, рѣшенное нисшей инстанціею, можетъ быть перенесено въ высшую. Опредѣленныхъ сроковъ для этого не выработано обычаемъ, или по крайней мѣрѣ ихъ трудно опредѣлить; но если приговоръ нисшей инстанціи былъ приведенъ въ исполненіе, напр., спорная вещь была отобрана, и если съ этого времени недовольная сторона долго не жаловалась, то обыкновенно къ новому разсмотрѣнію высшая инстанція не принимаетъ этого дѣла, говоря просителю: „ты чего раньше думалъ? это ужъ давно было“ и т. п. А каково это давно, трудно опредѣлить; во всякомъ случаѣ, говорятъ казаки, если прошелъ годъ, то ужъ нельзя возбуждать такого дѣла. Въ хуторскихъ судахъ дѣла изъ нисшей инстанціи въ высшую переносятся не только по жалобѣ недовольной стороны, какъ это бываетъ въ оффиціальныхъ судахъ, но весьмо часто случается, что дюло переходитъ на разсмотрѣніе высшаго суда по жалобѣ стороны, каторая довольна рѣшеніемъ. Въ хуторахъ нѣтъ особаго органа, который приводилъ бы рѣшенія суда въ исполненіе; это по большей части предоставляется на добрую волю сторонъ. Поэтому часто случается, въ особенности въ послѣднее время, что присужденная сторона не исполняетъ добровольно рѣшенія, положимъ, суда стариковъ; тогда та сторона, въ пользу которой рѣшено дѣло и которая довольна рѣшеніемъ суда, обращается съ жалобой въ судъ хуторского схода, который не ограничивается понужденіемъ противной

стороны къ исполненію уже постановленнаго рѣшенія, а разсматриваетъ вновь дѣло и постановляетъ то или иное рѣшеніе, и это рѣшеніе, какъ рѣшеніе суда болѣе многолюднаго и компетентнаго, исполняется по большей части добровольно, а если не исполняется, то приводится въ исполненіе тѣмъ или инымъ способомъ. Для того, чтобы дѣло было разсмотрѣно хуторскимъ сходомъ, вовсе не требуется, чтобы оно было разсмотрѣно нисшимъ судомъ. Правила, по которому дѣло, не разбиравшееся въ нисшемъ судѣ, не можетъ быть разсмотрѣно въ высшемъ, въ хуторахъ нѣтъ. Поступленіе дѣла въ ту или иную инстанцію зависитъ отъ обстоятельствъ дѣла, такъ что если дѣло возникло наканунѣ или во время схода, то оно прямо и поступаетъ на его разсмотрѣніе. При разсмотрѣніи дѣла въ высшей инстанціи судьи, принимавшіе участіе въ рѣшеніи этого дѣла въ нисшей инстанціи, не только не устраняются, а напротивъ, какъ болѣе знакомые съ дѣломъ, принимаютъ болѣе дѣятельное участіе.

Общая черта всѣхъ видовъ хуторскихъ судовъ—отсутствіе письменности. Хуторскіе суды есть суды словесные: здѣсь все происходитъ на словахъ, на письмѣ же ничего. Впрочемъ, благодаря перемѣнамъ послѣдняго времени и упадку нравовъ, письменность начинаетъ проникать и сюда. Въ нѣкоторыхъ хуторахъ хотя и невсегда, но записываются рѣшенія судовъ въ весьма оригинальной формѣ, именно въ формѣ мировыхъ записей. Потребность въ этихъ мировыхъ записяхъ вызывается частыми злоупотребленіями. Нерѣдко случается, что стороны, разобравшись въ хуторскомъ судѣ, остаются повидимому довольны рѣшеніемъ; вдругъ одна изъ сторонъ подаетъ жалобу въ станичный судъ, разсчитывая на невниманіе судей или подкупивъ ихъ, а они и рѣшаютъ иначе дѣло, отмѣняя, конечно, рѣшеніе судей, стоящихъ весьма близко къ дѣлу и неподкупныхъ, потому что цѣлый сходъ подкупить нельзя, а если и можно, то это будетъ дороже самого дѣла. Во избѣжаніе такихъ злоупотребленій и начинаютъ по рѣшеніи дѣла заключать мировыя записи, при существованіи которыхъ станичные суды такихъ дѣлъ къ своему разсмотрѣнію не принимаютъ. Эти записи совершаются теперь сравнительно рѣдко, а вмѣсто нихъ дѣло обыкно-

венно заканчивается угощеніемъ судей водкой, послѣ котораго не исполнить рѣшенія суда считается позорнымъ. Это угощеніе является ничѣмъ инымъ, какъ переживаніемъ той пени, которую брали древніе судьи за отправленіе правосудія. Угощаютъ судей въ гражданскихъ дѣлахъ по преимуществу обѣ стороны, въ уголовныхъ же дѣлахъ по преимуществу обвиняемый, для котораго это угощеніе иногда служитъ и наказаніемъ.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію отдѣльныхъ видовъ хуторского суда, мы должны остановиться на томъ, какъ и кто приводитъ въ исполненіе рѣшенія этихъ судовъ, потому что безъ этого объясненія дальнѣйшее изложеніе будетъ не такъ понятно. На вопросы, какъ и кто приводитъ въ исполненіе рѣшенія хуторскихъ судовъ, казаки затрудняются дать отвѣтъ и обыкновенно говорятъ: „больше рѣшаемъ миромъ“, „всѣ дѣла кончаемъ миромъ“, стараемся склонить къ миру“ и т. п., т. е. даютъ такіе отвѣты, какіе даютъ крестьяне относительно своихъ сельскихъ и волостныхъ судовъ. Изъ такихъ отвѣтовъ можно бы было заключить, что хуторскіе суды, и вообще народно-обычные суды, въ сущности, не разбираютъ дѣлъ, не постановляютъ по нимъ рѣшеній, а потому имъ и нечего приводить въ исполненіе, что хуторскіе суды являются лишь посредниками между сторонами, которыя при ихъ посредствѣ сами разрѣшаютъ возникшее между ними спорное отношеніе, и что дѣйствительно всѣ дѣла въ хуторскихъ судахъ кончаются добровольнымъ примиреніемъ сторонъ. Но такое заключеніе было бы ошибочно и не соотвѣтствовало бы дѣйствительности. На самомъ дѣлѣ хуторскіе суды разбираютъ дѣла, постановляютъ и произносятъ приговоры, которые и приводятся въ исполненіе. Уже изъ нѣкоторыхъ отвѣтовъ самихъ казаковъ можно заключить, что не всѣ дѣла кончаются миромъ, придавая даже этому выраженію обыкновенный смыслъ. „Больше дѣла рѣшаемъ миромъ“, говорятъ казаки; а меньшее число дѣлъ, значитъ, не оканчивается примиреніемъ. Подъ этимъ меньшимъ числомъ разумѣются дѣла, по которымъ постановленныя рѣшенія приводятся въ исполненіе насильственно или самимъ судомъ или тѣмъ, кто будетъ на это уполномоченъ.

Приведеніе въ исполненіе своихъ рѣшеній самими хуторскими судами встрѣчается нерѣдко. Часто сходъ, разсмотрѣвъ уголовное дѣло и порѣшивъ хорошенько проучить обвиняемаго, тотчасъ самъ приводитъ это въ исполненіе, т. е. высѣкутъ или изобьютъ обвиняемаго; если же порѣшатъ наказать обвиняемаго денежнымъ штрафомъ, то тутъ же на сходѣ требуютъ денегъ; нѣтъ ихъ,—раздѣнутъ обвиняемаго или отнимутъ какую-либо вещь, заложатъ ее въ кабакѣ и купятъ водки. Нѣрѣдко, разобравъ гражданское дѣло, сходъ предлагаетъ истцу самому осуществить выспоренное право; но если онъ встрѣтитъ сопротивленіе, отвѣтчикъ будетъ „супорствовать", то тогда сходъ самъ приведетъ въ исполненіе свое рѣшеніе: пойдетъ во дворъ, сдѣлаетъ тамъ погромъ, найдетъ тамъ спорную вещь или отниметъ другую и удовлетворитъ, кого слѣдуетъ. Такимъ образомъ, меньшее число дѣлъ хуторскіе суды разбираютъ, постановляютъ по нимъ свои приговоры и приводятъ въ исполненіе сами или тѣ, которымъ это будетъ поручено. Большая часть дѣлъ, по словамъ казаковъ, кончаются миромъ, но это однако не значитъ, что эти дѣла хуторскіе суды не разбираютъ и не постановляютъ по нимъ своихъ рѣшеній, что стороны сами при участіи судей разрѣшаютъ возникшій между ними споръ. И эти дѣла хуторскіе суды, также какъ и въ первомъ случаѣ, разбираютъ и постановляютъ по нимъ свои рѣшенія; вся разница заключается лишь въ приведеніи въ исполненіе этихъ рѣшеній. Въ первомъ случаѣ судъ самъ приводитъ въ исполненіе свое рѣшеніе, здѣсь же стороны добровольно исполняютъ или соглашаются исполнить приговоръ суда, заканчивая это однако обрядомъ примиренія, т. е. кланяются въ ноги, цѣлуются, покупаютъ водку и т. п. Обоюднаго же, добровольнаго соглашенія разрѣшить возникшій споръ такъ, какъ разрѣшилъ сходъ, между сторонами далеко не бываетъ. Часто обѣ стороны бываютъ недовольны рѣшеніемъ схода, однако онѣ исполняютъ его здѣсь же на сходѣ и, исполняя его, мирятся между собою; но этимъ миромъ разрѣшается не спорное дѣло, которое уже разрѣшено судомъ, а разрѣшаются тѣ непріязненныя личныя отношенія, которыя возникли по поводу спорнаго дѣла. Здѣсь миръ не предшествуетъ разрѣшенію дѣла, а слѣдуетъ за нимъ.

Пояснимъ это. Является на судъ хуторского схода истецъ и проситъ присудить ему съ отвѣтчика за потраву; отвѣтчикъ отказывается уплатить искомую сумму. Слѣдуетъ разборъ дѣла, заключающійся въ допросѣ свидѣтелей и въ спорѣ сторонъ, судей и свидѣтелей, спорѣ шумномъ и доходящемъ по большей части до брани; во время этого спора большинство судей приходятъ къ опредѣленному мнѣнію, послѣ чего представитель большинства, обращаясь къ отвѣтчику или обѣимъ сторонамъ, говоритъ: „мирись" или „миритесь", диктуя при этомъ условія мира: „ты, отвѣтчикъ, заплати столько то, а ты, истецъ, больше не требуй, потому что твоя потрава больше не стоитъ". Вотъ въ этихъ то диктуемыхъ условіяхъ мира хуторской судъ и выражаетъ свой приговоръ. Хуторской судъ, говоря: „мирись„ и диктуя при этомъ условія мира, какъ будто произноситъ: „разобравъ дѣло, мы пришли къ такому-то заключенію", положимъ: „ты, отвѣтчикъ, долженъ заплатить истцу столько-то". Итакъ, дѣло разобрано, приговоръ объявленъ, должно слѣдовать его исполненіе. Отвѣтчикъ, зная, что если онъ добровольно не исполнитъ приговора суда, то онъ самъ приведетъ его въ исполненіе, добровольно уплачиваетъ присужденную сумму, а истецъ, зная, что если онъ не согласится принять присужденной суммы, останется недоволенъ рѣшеніемъ суда, то лишится и присужденнаго, или при настоящемъ положеніи долженъ перенести дѣло въ оффиціальный судъ, что сопряжено съ немалыми издержками, также соглашается принять присужденную сумму. Слѣдовательно, дѣло рѣшено, истецъ удовлетворенъ. Но хуторской судъ не останавливается на этомъ; онъ хочетъ изъ враговъ сдѣлать друзей, поэтому заставляетъ ихъ примириться, „потоптать своего врага". Стороны примиряются, покупается водка, угощаются судьи, и дѣло окончательно считается оконченнымъ. Такимъ образомъ, тотъ „миръ", которымъ разрѣшается по словамъ казаковъ большинство дѣлъ въ ихъ обычныхъ судахъ, не есть добровольное и обоюдное соглашеніе сторонъ такъ или иначе разрѣшить возникшее спорное отношеніе; это есть добровольное исполненіе приговора суда, приговора, выраженнаго въ продиктованныхъ условіяхъ мира.

Конечно, и на хуторскихъ судахъ дѣла кончаются миромъ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Придутъ тяжущіеся на сходъ; отвѣтчикъ проситъ простить его или помириться; старики судьи тоже совѣтуютъ помириться, но дѣло еще не разбираютъ, и иногда стороны соглашаются помириться такъ, какъ онѣ хотятъ, а не такъ, какъ имъ предлагаютъ. Но если истецъ отвѣтчику и другимъ принимающимъ участіе въ склоненіи къ миру отвѣтитъ: „не желаю, какъ старики разсудятъ, такъ пусть и будетъ", то послѣ этого начинается уже разборъ дѣла.

Итакъ разбираемыя хуторскими судами дѣла можно раздѣлить на три разряда: 1) дѣла, рѣшенія по которымъ приводятся самимъ судомъ или тѣмъ, въ пользу кого присуждено; 2) дѣла, рѣшенія по которымъ исполняются добровольно, и 3) дѣла, кончаемыя примиреніемъ.

Судъ хуторского атамана.

Этотъ видъ хуторского суда состоитъ изъ одного хуторского атамана. Дѣятельность его весьма незначительна. Сами атаманы по большей части, не чувствуя подъ собою достаточно твердой почвы, отказываются единолично разбирать дѣла и всегда посылаютъ за сторонами. И чѣмъ некультурнѣе мѣстность, тѣмъ дѣятельность атамана, какъ судьи, менѣе, и наоборотъ. Вѣдомству суда хуторского атамана подлежатъ маловажныя дѣла, какъ уголовныя, такъ и гражданскія, напр. дѣла о ссорахъ, дракахъ, обидахъ, незначительныхъ кражахъ и потравахъ и т. п.; кромѣ того, вѣдѣнію хуторского атамана подлежатъ дѣла, не терпящія отлагательства, какъ то: дѣла о перепашкахъ, захватахъ и т. п. Если къ атаману обращаются съ дѣломъ, которое по его мнѣнію превышаетъ его подсудность, то онъ, не приступая къ разбирательству, посылаетъ за стариками, съ которыми и приступаетъ къ дѣлу.

Хуторской атаманъ разбираетъ дѣла гласно, такъ что всякій можетъ присутствовать при разборѣ дѣла и, мало того, всякій, имѣющій право голоса, можетъ принять участіе въ разборѣ дѣла; поэтому нерѣдко бываетъ, что судъ полкового атамана обращается въ судъ стариковъ. Дѣла разбираетъ

атаманъ или у себя въ домѣ или на мѣстѣ происшествія и вообще тамъ, гдѣ указываютъ обстоятельства. Особыхъ обрядовъ судопроизводства въ судѣ хуторского атамана не существуетъ. Обыкновенно является къ нему истецъ или обиженный и, разсказавъ суть дѣла, проситъ послать за отвѣтчикомъ или обвиняемымъ и за свидѣтелями, которые впрочемъ по большей части приводятся просителемъ, а если не приводятся, то самъ проситель идетъ и призываетъ ихъ; за отвѣтчикомъ же посылаетъ атаманъ полицейскаго. Пришедшему отвѣтчику атаманъ вкратцѣ излагаетъ дѣло. Послѣ этого начинается споръ между сторонами, потомъ въ немъ начинаетъ принимать участіе самъ атаманъ и свидѣтели, которые вообще на хуторскихъ судахъ не спрашиваются каждый отдѣльно, а они сами, когда начнутся пренія сторонъ, отрицаютъ или утверждаютъ тѣ или иныя обстоятельства и такъ или иначе во время спора выскажутъ то, что знаютъ по разбираемому дѣлу. Послѣ этого спора атаманъ объявляетъ резолюцію, свое рѣшеніе, высказываетъ свое мнѣніе по данному дѣлу. Обращаясь къ одной или обѣимъ сторонамъ, онъ говоритъ: „ты заплати ему (истцу) столько-то", или „отдай такую-то вещь", „а ты (истецъ) уважь, не гонись за большимъ, будя и этого" и т. п. Если стороны согласны поступить такъ, какъ предлагаетъ атаманъ, довольны его рѣшеніемъ, то дальше идутъ толки о томъ, сколько и кто долженъ купить водки, если этого не опредѣлилъ атаманъ въ своемъ рѣшеніи, что онъ дѣлаетъ въ такой формѣ: „ты, отвѣтчикъ, заплати столько-то, да купи столько-то водки", или „ты заплати ему (истцу), а ты (истецъ) купи столько-то водки". Наконецъ, покупается водка, которая и распивается всѣми участвующими въ дѣлѣ. Если кто-либо изъ сторонъ недоволенъ судомъ атамана, то отъ этого могутъ быть слѣдующіе случаи: атаманъ или отпускаетъ тяжущихся, или по просьбѣ одной изъ сторонъ посылаетъ за стариками, и дѣло вновь разсматривается ими при участіи атамана, или рѣшеніе приводится въ исполненіе, если это возможно по обстоятельствамъ дѣла; напр., если вещь фигурировала на судѣ, то вещь отдается тому, кому присуждена, или, если атаманъ разбиралъ дѣло о томъ, что одинъ занялъ у другого часть мѣста городьбою, то истецъ

съ помощью свидѣтелей разрушаетъ городьбу и возстановляетъ свое владѣніе.

Уголовныя дѣла хуторскимъ атаманомъ разбираются точно такъ же, какъ и гражданскія, такъ какъ изъ уголовныхъ дѣлъ атаманъ принимаетъ къ своему разбирательству только тѣ, которыя кончаются вознагражденіемъ или удовлетвореніемъ потерпѣвшаго. Казалось бы, что при теперь дѣйствующемъ Положеніи объ управленіи въ казачьихъ войскахъ хуторской атаманъ болѣе всего могъ бы разбирать уголовныя маловажныя дѣла, такъ какъ 62 статьею этого Положенія ему предоставляется право наказывать виновныхъ въ маловажныхъ полицейскихъ проступкахъ арестомъ до двухъ дней, штрафомъ до одного рубля и назначеніемъ на общественныя работы до двухъ дней. Однако, на самомъ дѣлѣ этимъ правомъ хуторскіе атаманы почти никогда не пользуются и никогда не примѣняютъ выше переименованныхъ наказаній. Это объясняется прежде всего зависимостью и связью выборнаго хуторского атамана съ обществомъ и тѣмъ вліяніемъ, которымъ пользуется общественный сходъ въ хуторской жизни. Атаманъ боится что-либо сдѣлать безъ согласія общества, чтобы не навлечь на себя неудовольствія. Общество же боится, чтобы имъ выбранный атаманъ не узурпировалъ принадлежащую ему власть, и зорко за этимъ слѣдитъ. Насколько не любятъ хуторяне атамановъ, энергично дѣйствующихъ помимо воли общества, настолько они любятъ тѣхъ, которые все дѣлаютъ съ согласія общества. Кромѣ того, наложеніе этихъ наказаній по закону должно сопровождаться извѣстной письменной процедурой, которая не подъ силу хуторскимъ атаманамъ, по большей части малограмотнымъ, а то и совсѣмъ неграмотнымъ. Наконецъ, такія наказанія, какъ штрафъ въ доходъ общества, арестъ и назначеніе на общественныя работы, далеко не удовлетворяютъ простой народъ, такъ какъ потерпѣвшій отъ такихъ наказаній ничего не выигрываетъ. Даже въ оффиціальныхъ судахъ назначеніе штрафа въ доходъ земства, напр. за обиду, вызываетъ въ простомъ народѣ возраженіе: „причемъ тутъ земство, онъ земство не оскорблялъ, поэтому ему и платить нечего; онъ меня оскорбилъ, пусть мнѣ и платитъ“.

Чаще всего въ видѣ наказанія употребляется покупка обвиняемымъ водки для угощенія. Обыкновенно атаманъ, опредѣляя размѣръ вознагражденія, опредѣляетъ, сколько водки долженъ купить обвиненный. Если же этого атаманъ не сдѣлаетъ, то потерпѣвшій или свидѣтели, заявляя свое неудовольстіе на рѣшеніе атамана, требуютъ, чтобы обвиненный купилъ водки, угрожая въ противномъ случаѣ перенесть дѣло въ оффиціальный судъ; поэтому обвиняемый по большей части и соглашается исполнить требованіе относительно угощенія. Въ заключеніе должно замѣтить, что дѣятельность атаманскаго суда въ настоящее время стала сильно ослабѣвать вслѣдствіе того, что сами атаманы уклоняются единолично разбирать дѣла. Кромѣ того, нерѣдко начало случаться, что отвѣтчикъ не является добровольно на судъ къ хуторскому атаману. а такъ какъ разбирать заочно дѣла въ народныхъ судахъ не практикуется, то поэтому атаманъ отказывается удовлетворить просителя, который послѣ этого обращается съ своей жалобой или въ оффиціальный судъ или къ суду стариковъ или схода, неявка на который иногда угрожаетъ разладомъ съ цѣлымъ обществомъ.

Судъ стариковъ.

Дѣятельность атаманскаго суда, какъ мы выше замѣтили, невелика; болѣе широкая дѣятельность принадлежитъ суду стариковъ. Эта форма суда вызвана къ жизни потребностью въ быстротѣ правосудія. Не всегда возможно и удобно разбираться хуторскимъ жителямъ въ судѣ общественнаго схода, этого главнаго судилища въ хуторской жизни. Предположимъ, что на мѣстѣ обработки земли возникаетъ споръ между двумя лицами изъ-за владѣнія этой земли. Обратиться за разрѣшеніемъ этого спора въ хуторской сходъ—значитъ пріостановить обработку и дожидаться его собранія, а это по большей части значитъ пропустить удобное для обработки земли время. Во избѣжаніе такихъ неудобствъ въ этомъ и подобныхъ ему случаяхъ та или другая сторона или обѣ вмѣстѣ призываютъ ближайшихъ стариковъ, которые и разрѣшаютъ споръ. Вслѣдствіе того, что этотъ судъ разбираетъ по большей части дѣ-

ла, не терпящія отлагательства, онъ не имѣетъ опредѣленной и постоянной организаціи. Его составъ зависитъ отъ обстоятельствъ, времени и мѣста. Можно сказать, что почти для каждаго дѣла организуется особый составъ суда стариковъ.

Судъ стариковъ собирается самъ собою или созывается хуторскимъ атаманомъ, или одною изъ заинтересованныхъ сторонъ. Всякій споръ, сопровождаемый шумомъ, всякое происшествіе въ хуторахъ тотчасъ привлекаютъ къ себѣ сосѣдей и всѣхъ тѣхъ, до слуха которыхъ это доходитъ. Вокругъ спорящихъ тотчасъ собирается толпа, которая не является въ этихъ случаяхъ безучастною, безмолвною свидѣтельницей, а напротивъ, тѣ изъ нея, которые имѣютъ право голоса и пользуются извѣстнымъ положеніемъ въ обществѣ, тотчасъ входятъ въ обсужденіе возникшаго спора и разрѣшаютъ его, принуждая стороны такъ или иначе исполнить свое рѣшеніе. Если справедливость рѣшенія очевидна, если оно имѣетъ подъ собою твердую почву, то оно, несмотря на несогласіе той или другой стороны, тутъ же приводится силою въ исполненіе. Въ противномъ случаѣ, т. е. если рѣшеніе стариковъ неопредѣленно, неустойчиво, если съ нимъ не вполнѣ и не всѣ согласны, то исполнить его предоставляется на добрую волю сторонъ. Не исполнено оно, дѣло переходитъ на разсмотрѣніе хуторского схода, рѣшеніе котораго почерпаетъ силу не только въ своей справедливости, но и въ томъ значеніи мнѣнія схода, какое оно имѣетъ для каждаго въ отдѣльности. Въ тѣхъ случаяхъ, когда нарушеніе чьего-либо права или какой либо проступокъ совершаются тихо, не привлекая къ себѣ вниманія постороннихъ, въ этихъ случахъ обиженная сторона обращается къ атаману съ жалобой и проситъ его созвать стариковъ, которые, выслушавъ жалобу и находя ее заслуживающей уваженія, посылаютъ самого же просителя или полицейскаго за стариками, противной стороной и свидѣтелями. По собраніи всѣхъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ атаманъ предлагаетъ имъ разобрать дѣло, принимая и самъ во всемъ участіе и руководя до нѣкоторой степени собраніемъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ атамана или почему либо къ нему нельзя обратиться съ жалобой, обиженная сторона сама собираетъ стариковъ и проситъ ихъ удовлетворить. Число стариковъ,

требуемое для состава суда, должно быть не менѣе трехъ и лишь въ крайнихъ случаяхъ допускается двое; притомъ, чѣмъ болѣе будетъ собрано стариковъ, тѣмъ считается лучше. Каждый служивый казакъ можетъ принять участіе въ судѣ, хотя бы онъ и не былъ приглашенъ, поэтому нерѣдко бываетъ: начнутъ нѣсколько стариковъ въ праздникъ разбирать дѣло, къ нимъ начинаютъ подходить другіе, и въ концѣ концовъ образовывается цѣлый сходъ, а дѣло все продолжаетъ разбираться, такъ что, начавшись въ судѣ стариковъ, оно оканчивается въ судѣ хуторского схода. Что касается вопроса, кто имѣетъ право войти въ составъ суда стариковъ, должно замѣтить, что прежде безусловно требовалось, чтобы въ составъ суда входили люди преклоннаго возраста, т. е. лица 50—70 лѣтъ, старики въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Въ настоящее же время, хотя это правило и продолжаетъ существовать, однако стали свободно допускаться въ судьи и лица средняго возраста, т. е. 40 — 50 лѣтъ. Правда, въ случаѣ необходимости могутъ быть судьями и болѣе молодые казаки, но непремѣнно требуется, чтобы таковой отбылъ первую службу — „сходилъ уже на службу,“ что совпадаетъ съ 25 — 30-лѣтнимъ возрастомъ. Кромѣ того, требуется, чтобы принимающій участіе въ качествѣ судьи былъ домохозяинъ, имѣлъ право голоса, каковое право только въ силу личныхъ особенностей иногда можетъ принадлежать и не домохозяину.

Кого призвать изъ гражданъ для разбора дѣла, зависитъ отъ атамана, но часто одна или обѣ стороны просятъ атамана послать за извѣстными стариками, разсчитывая при этомъ не на симпатіи ихъ къ себѣ и не на пристрастіе ихъ, а на болѣе близкое знакомство ихъ съ даннымъ дѣломъ, поэтому атаманъ эту просьбу всегда исполняетъ. Если же эти указанные судьи не явятся по тѣмъ или инымъ причинамъ для разбора дѣла, то тогда атаманъ призываетъ стариковъ по своему усмотрѣнію.

Что касается отвода судей-стариковъ, то должно замѣтить, что относительно этого опредѣленныхъ и точныхъ обычныхъ правилъ не существуетъ. Вообще же можно сказать, что отводы судей весьма рѣдко практикуются, что и понятно. Если въ судьи призываются по желанію сторонъ, то обѣ

отводѣ не можетъ быть и рѣчи; если-же за судьями-стариками посылаетъ атаманъ, то онъ, зная отношенія всѣхъ и каждаго, не посылаетъ за такими стариками, которые не могутъ отнестись безпристрастно къ дѣлу. Однако, по обычаю, каждый служивый казакъ можетъ принять участіе въ разбираемомъ дѣлѣ, поэтому близкій родственникъ или другъ одной изъ сторонъ можетъ оказаться въ числѣ судей, и въ этихъ случаяхъ таковаго не устраняютъ; онъ можетъ принять самое горячее участіе въ разборѣ дѣла, его мнѣніе можетъ имѣть значеніе какъ и посторонняго судьи. Но если во время разбора судья—родственникъ или другъ выразятъ явное пристрастіе къ дѣлу, то его тотчасъ „оборвутъ", напомнятъ ему о его близкихъ отношеніяхъ къ тому, въ чью пользу онъ клонитъ. И это по большей части замѣтитъ не противная сторона, а тотъ изъ стариковъ-судей, съ кѣмъ онъ вступитъ въ споръ. Вообще можно сказать, что отвода судей въ хуторскихъ судахъ не практикуется, что было-бы несовмѣстимо съ правиломъ, по которому всякій полноправный казакъ имѣетъ право принять участіе какъ судья въ разборѣ дѣла.

Судъ стариковъ принимаетъ къ своему разбору всякія дѣла, за исключеніемъ дѣлъ особенной важности, какъ-то: о большихъ кражахъ, о кражахъ хотя и незначительныхъ, но совершенныхъ лицомъ неоднократно судившимся за этотъ проступокъ, дѣлъ сопряженныхъ съ значительными исками и проч. Кромѣ того безусловно не подсудны суду стариковъ дѣла, сопряженныя съ общественнымъ интересомъ. Эти дѣла можетъ разбирать только хуторской сходъ. Что касается самаго порядка производства въ этомъ судѣ, то онъ такой-же, какой и на судѣ хуторскаго схода, поэтому здѣсь мы на этомъ не будемъ останавливаться.

Судъ понятыхъ.

Весьма близко къ суду стариковъ по своему сходству подходитъ судъ понятыхъ. Это собственно тотъ-же судъ стариковъ съ тѣмъ только различіемъ, что онъ исключительно вѣдаетъ дѣла, требующія личнаго осмотра судей или свѣдущихъ людей, и не пользуется тѣмъ авторитетомъ, какимъ

пользуется судъ стариковъ, такъ что послѣдній иногда перевершаетъ дѣла перваго. Этотъ судъ составляется изъ тѣхъ-же самыхъ лицъ, изъ какихъ и судъ стариковъ, хотя въ него свободнѣе допускаются болѣе молодые казаки. Въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется личный осмотръ судей или свѣдущихъ людей, атаманъ, судъ стариковъ или цѣлый сходъ, усмотрѣвъ въ этомъ необходимость, отряжаетъ нѣсколько человѣкъ, но не менѣе трехъ, и посылаетъ ихъ для осмотра; въ болѣе важныхъ случаяхъ съ понятыми всегда отправляется самъ атаманъ. Въ случаяхъ, когда невозможно предварительно обратиться въ судъ, стороны сами призываютъ понятыхъ. Понятые на мѣстѣ осмотра не ограничиваются однимъ только осмотромъ; они здѣсь также разбираютъ дѣло: допрашиваютъ свидѣтелей, если они есть, постановляютъ рѣшеніе и, если позволяютъ обстоятельства, приводятъ его въ исполненіе.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда стороны добровольно соглашаются исполнить рѣшеніе понятыхъ, то здѣсь же дѣло и заканчивается угощеніемъ понятыхъ и примиреніемъ тяжущихся. Если же стороны не исполняютъ добровольно рѣшенія понятыхъ, то судъ расходится, и дѣло переносится на судъ стариковъ или хуторского схода, гдѣ оно разсматривается вновь. Здѣсь понятые объявляютъ результаты своего осмотра и свое рѣшеніе, послѣ чего начинается разборъ дѣла, въ которомъ понятые играютъ двоякую роль: съ одной стороны они являются дѣятельными судьями, а съ другой—свидѣтелями. При назначеніи понятыхъ обращается болѣе строгое вниманіе на особыя отношенія тяжущихся къ назначаемымъ. Здѣсь, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда понятые назначаются для осмотра такихъ обстоятельствъ, которыя могутъ впослѣдствіи исчезнуть или вторично провѣрить ихъ будетъ трудно, обращается вниманіе, чтобы въ числѣ понятыхъ не были близкіе родственники, друзья и пріятели и вообще лица, заинтересованныя въ данномъ дѣлѣ.

Въ настоящее время вслѣдствіе возникновенія массы дѣлъ, требующихъ осмотра понятыхъ, и вслѣдствіе того, что многіе отказываются быть понятыми, такъ что никого не дозовешься, въ нѣкоторыхъ хуторахъ выработался обычай избирать въ началѣ года лицъ, которыя въ случаѣ надобности

должны быть понятыми, за что имъ опредѣляется незначительное вознагражденіе, напр., лишній травяной паекъ, отдается въ ихъ пользованіе озеро и т. п. Эти понятые должны по требованію хуторского атамана или по просьбѣ потерпѣвшаго являться на мѣсто осмотра. А такъ какъ они не ограничиваются однимъ осмотромъ, но и разбираютъ возникшее дѣло, склоняютъ стороны къ миру, то ихъ роль весьма близко подходитъ къ роли спеціальныхъ судей. Если въ настоящее время ихъ и нельзя еще назвать спеціальными судьями, то нѣтъ сомнѣнія, что въ недалекомъ будущемъ изъ нихъ выработаются таковые. Это избраніе спеціальныхъ понятыхъ, избираемыхъ на опредѣленное время, встрѣчается въ настоящее время очень рѣдко и лишь въ тѣхъ хуторахъ, въ которыхъ жизнь болѣе развита и въ которыхъ земледѣльческій бытъ смѣняется земледѣльческо-промышленно-торговымъ *).

Судъ хуторского схода.

Судъ общественнаго схода въ хуторахъ есть высшее судебное мѣсто, рѣшающее всѣ дѣла окончательно. Такъ какъ жалобъ на рѣшеніе этого суда въ настоящее время приносить некуда, поэтому остается исполнить рѣшеніе суда, если стороны желаютъ разобраться въ обычныхъ судахъ; если же онѣ этого не желаютъ, то должны обратиться въ оффиціальные суды и начать дѣло снова. Прежде, когда общественные станичные сходы могли рѣшать судебныя дѣла, то на рѣшеніе хуторского схода приносились жалобы станичному; въ настоящее же время по Положенію 1870 г. судебная власть отъ общественныхъ сходовъ отнята, и станичные сходы, за весьма рѣдкимъ исключеніемъ, никакихъ тяжбъ не разбираютъ и жалобъ на рѣшенія хуторскихъ сходовъ не принимаютъ.

Судъ хуторского схода состоитъ изъ хуторского атамана и изъ гражданъ, имѣющихъ право голоса. Роль атамана на этомъ судѣ весьма незначительна; онъ только наблюдаетъ за порядкомъ, посылаетъ за свидѣтелями и тяжущимися, иногда докладываетъ дѣла и объявляетъ рѣшенія схода; въ

*) Такъ, напр., хуторъ Перевозинскій Аннинской станицы, находящійся близъ станціи Филоново Грязе-Царицынской желѣзной дороги.

остальномъ же онъ пользуется одинаковыми правами съ другими. Хуторскіе сходы обыкновенно собираются въ праздничные дни въ опредѣленномъ мѣстѣ, по большей части около какого-нибудь дома, сами собою безъ всякаго приглашенія. Но иногда бываетъ, что сходъ атаманъ собираетъ и въ будничный день для разбора какого-нибудь важнаго дѣла и для разрѣшенія какого-либо общественнаго вопроса.

Право принимать участіе въ рѣшеніи дѣлъ на хуторскомъ сходѣ принадлежитъ каждому самостоятельному домохозяину; за отсутствіемъ его можетъ принять участіе сынъ или зять. Право же присутствовать на сходѣ принадлежитъ не только всѣмъ казакамъ, но и женщинамъ, которыя въ лѣтнюю пору всегда окружаютъ сходъ и иногда оказываютъ сходу нѣкоторую услугу. Когда требуется привесть въ исполненіе какое либо позорящее наказаніе, то бабы являются лучшими исполнителями. Осмѣять кого нибудь, наплевать въ глаза, провесть вора по хутору съ краденымъ — все это бабы и молодые ребята исполняютъ съ большою охотою, но не иначе, какъ съ явнаго или молчаливаго согласія схода. Что касается вопроса, сколько требуется человѣкъ для того, чтобы судъ хуторского схода считался состоявшимся, то относительно этого опредѣленныхъ правилъ не существуетъ. Вообще для болѣе важныхъ дѣлъ требуется и болѣе полный сходъ, такъ что одинъ и тотъ же сходъ при одинаковомъ составѣ одни дѣла разбираетъ, другія откладываетъ до другого раза въ виду того, что мало собралось народа. Случается, что потолкуютъ старики на сходѣ о дѣлѣ и порѣшатъ дѣло отложить до другого раза, такъ какъ народу собралось мало, что однако не мѣшаетъ имъ разбирать другія менѣе важныя дѣла.

Хуторской сходъ принимаетъ къ своему разбору всѣ споры и тяжбы безъ опредѣленія цѣны иска, дѣла объ обидахъ, дракахъ, мошенничествахъ, кражахъ и т. п. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ хуторскіе сходы отказываются разбирать важныя уголовныя дѣла, какъ напр. дѣла о крупныхъ кражахъ, совершенныхъ со взломомъ, заставляя при этомъ своего атамана донести по начальству о совершившемся преступленіи. Но этотъ отказъ мотивируется не тѣмъ, что сходъ считаетъ

себя не компетентнымъ разбирать данное дѣло, а желаніемъ его подвергнуть обвиняемаго болѣе строгому наказанію; въ этихъ случаяхъ по большей части предполагается, что обвиняемаго постигнетъ продолжительное тюремное заключеніе или ссылка въ Сибирь. Хуторской сходъ приступаетъ къ разбору по просьбѣ одной или обѣихъ сторонъ, по заявленію частныхъ лицъ и по непосредственному усмотрѣнію. Жалобы и заявленія приносятся сходу непосредственно или чрезъ хуторского атамана, который уже и излагаетъ сущность дѣла передъ сходомъ. Всѣ жалобы и просьбы приносятся во время самаго схода, такъ что правила заранѣе заявлять и просить о разборѣ своего дѣла въ хуторскихъ судахъ не существуетъ. По непосредственному усмотрѣнію схода разбираются не только уголовныя дѣла, задѣвающія интересы цѣлаго общества, но даже и гражданскія, когда затрогиваются права и интересы одного лица. Случается, что одинъ изъ присутствующихъ, обращаясь къ другому, упрекаетъ его, что онъ поступилъ неправильно съ такимъ-то, что онъ не платитъ такому-то долга, что напрасно удерживаетъ такую-то вещь. Присутствующіе тотчасъ входятъ въ обсужденіе возникшаго между извѣстными лицами спора, а обиженная сторона лишь присоединяется къ этому обсужденію и, смотря по обстоятельствамъ, получаетъ удовлетвореніе. Такъ что въ этихъ случаяхъ обиженный предварительно не проситъ сходъ возстановить его нарушенное право, но сходъ самъ, усматривая явную несправедливость и иногда беззащитность обиженнаго, разрѣшаетъ возникшій споръ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда ищущій защиты самъ обращается къ сходу, то онъ не излагаетъ подробности своей жалобы, а ограничивается однимъ лишь заявленіемъ. По большей части бываетъ, что предлагаемое для разбора дѣло сходу или по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ изъ присутствующихъ на немъ уже хорошо извѣстно—или изъ частныхъ разговоровъ, или потому, что это дѣло уже разбиралось судомъ низшей инстанціи,—поэтому проситель лишь говоритъ, обращаясь къ суду: „господа старики! разберите мое дѣло съ такимъ-то“, и тотчасъ слѣдуетъ разборъ. Но если дѣло новое, еще никому неизвѣстное, то истецъ обязанъ

изложить передъ сходомъ болѣе подробно свою жалобу самъ, или попросить объ этомъ хуторского атамана. Выслушавъ такую жалобу, сходъ тотчасъ приступаетъ къ разбору дѣла, если стороны и свидѣтели на лицо; если же отвѣтчика или обвиняемаго нѣтъ на сходѣ, то послѣдній предварительно входитъ въ разсмотрѣніе основательности жалобы, и если не найдетъ ее заслуживающей уваженія, то въ отсутствіи отвѣтчика отказываетъ въ просьбѣ; въ противномъ случаѣ сходъ, находя жалобу основательной, требуетъ, чтобы атаманъ распорядился о призывѣ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ. Въ настоящее время отвѣтчикъ рѣдко является самъ добровольно на общественный сходъ, за нимъ по большей части приходится посылать полицейскаго; но въ старину, разсказываютъ казаки, никогда не было въ этомъ нужды, такъ какъ отвѣтчикъ и истецъ вмѣстѣ являлись на судъ и вмѣстѣ просили разобрать возникшій между ними споръ. Мало того, въ настоящее время стали нѣкорые уклоняться отъ явки на судъ даже по требованію хуторского атамана. Въ этихъ случаяхъ сходъ или отказывается разбирать дѣло и предоставляетъ истцу обратиться въ оффиціальный судъ, или же раздраженный постановляетъ, такъ сказать, заочный приговоръ въ пользу истца и самъ самоуправно приводитъ въ исполненіе свое рѣшеніе: идутъ, напр., нѣсколько человѣкъ изъ схода и отнимаютъ у отвѣтчика спорную вещь и удовлетворяютъ истца несравненно въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ онъ просилъ. Сопротивленій отвѣтчикъ оказать не можетъ, какъ въ виду ихъ безполезности, такъ и потому, что за это онъ можетъ поплатиться жестокими побоями и немалымъ имущественнымъ ущербомъ. Вслѣдствіе этого и теперь, гдѣ сила и авторитетъ хуторского общества стоятъ высоко, уклоненія отъ явки на общественый судъ бываютъ весьма рѣдко. Въ большинствѣ случаевъ бываетъ, что всѣ участвующіе въ дѣлѣ лица присутствуютъ на сходѣ, поэтому разборъ дѣла тотчасъ и начинается послѣ словеснаго заявленія просителя.

Какъ разбираются дѣла на хуторскомъ сходѣ, какіе существуютъ обряды и формы судопроизводства, трудно изложить, потому что весь процессъ состоитъ изъ постепенно развивающагося говора, доходящаго иногда до невообразимаго

шума и брани. Едва только заявитъ свою просьбу жалобщикъ, тотчасъ ему возражаетъ отвѣтчикъ или кто либо другой; на эти возраженія слѣдуютъ новыя возраженія со стороны другихъ лицъ, которымъ также возражаютъ. Стороны начинаютъ спорить между собою, съ судьями - стариками и свидѣтелями, свидѣтели между собою и съ сторонами, судьи между собою, съ свидѣтелями и сторонами: словомъ, поднимается иногда невообразимый шумъ, во время котораго стороны даютъ свои объясненія, свидѣтели показанія, а судьи высказываютъ свой взглядъ на разбираемое дѣло, и все это дѣлается вмѣстѣ. На хуторскихъ судахъ, какъ на судѣ стариковъ, такъ и на судѣ общественнаго схода, нѣтъ никакого порядка и постепенности. Здѣсь стороны даютъ объясненія не каждый отдѣльно, а каждый во время спора самъ безъ всякаго приглашенія удостовѣряетъ то или иное обстоятельство, приводя свои соображенія, когда это требуется для дѣла. Исключеніе бываетъ лишь тогда, когда допрашиваются малолѣтніе или женщины; послѣднія, впрочемъ, иногда также вступаютъ въ споръ. Этихъ свидѣтелей послѣ допроса обыкновенно удаляютъ изъ круга.

Во время такого безпорядка и шума, казалось-бы, невозможно хоть сколько-нибудь уяснить себѣ дѣло; но на самомъ дѣлѣ стоитъ только привыкнуть къ этому шуму, дѣло такъ выясняется, какъ можетъ быть оно не выяснилось-бы ни на одномъ оффиціальномъ судѣ, что и понятно, потому что здѣсь каждое показаніе свидѣтеля, каждое объясненіе сторонъ, каждое обстоятельство тотчасъ подкрѣпляется или опровергается самымъ несомнѣннымъ образомъ. Положимъ, что обвиняемый отрицаетъ за собою вину, тотчасъ потерпѣвшій и всѣ свидѣтели возражаютъ ему, приводя самыя точныя и мельчайшія подробности дѣла, уличая его самымъ рѣшительнымъ образомъ. Положимъ, что обвиняемый приводитъ оправдывающее его обстоятельство, тотчасъ-же слѣдуетъ его подкрѣпленіе; всѣ могущіе удостовѣрить это удостовѣряютъ съ жаромъ и убѣдительно со всѣми подробностями и тонкостями, которыя не оставляютъ въ слушателѣ никакого сомнѣнія. Положимъ, что у одной изъ сторонъ подговоренные, подкупленные свидѣтели и даютъ жныя показанія, имъ тотчасъ-же возража-

ютъ, уличаютъ ихъ въ ложныхъ показаніяхъ, и оправданіе или обвиненіе, построенное на лжи, тотчасъ-же разлетается.

Приведемъ для примѣра дѣйствительный случай. На хуторскомъ сходѣ обвинялся одинъ молодой казакъ въ кражѣ сѣна и выставилъ подкупленныхъ двухъ свидѣтелей, которые удостовѣряли, что въ ночь кражи обвиняемый вмѣстѣ съ ними ѣздилъ верстъ за 15 бродить въ озеро, гдѣ и пробылъ всю ночь. Потерпѣвшій прямыхъ доказательствъ сходу не представилъ никакихъ. Когда обвиняемый былъ призванъ на сходъ, то объяснилъ, что кражу онъ не могъ совершить, потому что въ эту ночь былъ верстъ за 15 отъ мѣста кражи и бродилъ съ А. и Б. всю ночь въ озерѣ рыбу. А. и Б. тотчасъ-же это подтвердили. Но едва только они сказали, какъ одинъ изъ присутствующихъ возражаетъ одному изъ свидѣтелей: „постой, ты гдѣ былъ?“—„Бродить ѣздилъ съ нимъ туда-то“, отвѣчаетъ свидѣтель. „Врешь, ты ѣхалъ тогда туда-то и былъ тамъ-то. Гдѣ такой-то? онъ былъ со мной“. Является этотъ и удостовѣряетъ то-же. Въ это время другой казакъ заявилъ, что другого свидѣтеля въ эту ночь онъ обогналъ совершенно въ противоположной сторонѣ. Стали спрашивать обвиняемаго, когда онъ привезъ находящееся у него на дворѣ сѣно. Онъ указалъ день. Но одинъ изъ стариковъ уличилъ его во лжи, сказавъ, что въ этотъ день онъ видѣлъ его въ лѣсу ищущимъ своихъ быковъ. Такимъ образомъ, благодаря такому разбирательству, воръ былъ уличенъ, пристыженные свидѣтели незамѣтно исчезли изъ схода, а обвиняемый сталъ просить сходъ о помилованіи, и сходъ опредѣлилъ, чтобы обвиняемый возвратилъ два воза потерпѣвшему и купилъ ведро водки. Словомъ, при такомъ порядкѣ, когда всякій знающій что-нибудь относящееся къ дѣлу можетъ свободно говорить, когда каждый каждаго знаетъ какъ самого себя, не смотря на шумъ и безпорядокъ, дѣло выясняется настолько, что не остается мѣста никакому сомнѣнію; стоитъ, конечно, немного привыкнуть къ этому шуму, къ которому простой народъ, понятно, привыкъ и разгадываетъ истину во время этого шума и спора прекрасно.

Когда дѣло достаточно выяснится и судьи-старики придутъ къ тому или иному заключенію, шумъ начинаетъ мало-по-малу стихать, и слѣдуетъ объявленіе рѣшенія схода, которое совер-

шается, какъ раньше упомянуто, въ формѣ предложенія условій мира. Атаманъ или кто-либо повліятельнѣе изъ стариковъ, обращаясь къ сторонамъ, говоритъ: „ты, отвѣтчикъ, заплати ему (истцу) столько-то, да помирись съ нимъ“, или: „ты возврати ему то-то, да поставь намъ четверть водки“, или: „ты, отвѣтчикъ, отдай ему то-то, а ты, истецъ, заплати столько-то, а намъ поставьте полведерка водочки“ и т. п. Стороны, выслушавъ въ такой формѣ рѣшеніе схода, которое они уже могли предугадать изъ предшествующаго спора, обыкновенно прямо или косвенно выражаютъ свое согласіе добровольно его исполнить. Послѣ этого тотъ, кто объявлялъ резолюцію, или другой, обращаясь къ тяжущимся, говоритъ: „ну помиритесь“, и слѣдуетъ обрядъ примиренія, заключающійся въ томъ, что стороны кланяются другъ-другу въ ноги. Затѣмъ покупается водка и слѣдуетъ угощеніе, что, однако, не мѣшаетъ разбирать слѣдующія дѣла.

Но иногда бываетъ, что послѣ объявленія резолюціи слѣдуетъ возраженіе со стороны истца или отвѣтчика и судей, несогласныхъ съ объявленнымъ рѣшеніемъ; снова поднимается шумъ, и если послѣднихъ, т. е. несогласныхъ съ объявленнымъ рѣшеніемъ, окажется большинство, то объявляется новое рѣшеніе, съ которымъ можетъ оказаться также большинство не согласно, и опять поднимается споръ и вырабатывается еще иное рѣшеніе и т. д. до тѣхъ поръ, пока не объявится рѣшеніе, съ которымъ согласны всѣ или большинство, и это рѣшеніе стороны волею-неволею, а исполняютъ. Но бываютъ случаи, что отвѣтчикъ не соглашается добровольно исполнить рѣшеніе схода, тогда начинаютъ сначала уговаривать и убѣждать его въ томъ, что рѣшеніе справедливо и онъ долженъ его исполнить; потомъ увѣщаніе переходитъ въ ругань, а отвѣтчикъ все упирается, „супорствуетъ“, не желаетъ исполнить приговора. Въ такихъ случаяхъ разсерженные судьи говорятъ истцу: „бери ее“, т. е. спорную вещь, и если она на судѣ, истецъ тотчасъ же и беретъ ее, если же ея нѣтъ на судѣ, то выдѣляются нѣсколько человѣкъ и идутъ туда, гдѣ она находится и тамъ передаютъ ее истцу. Если же дѣло шло о долговомъ обязательствѣ, то иногда судьи отнимаютъ силою что нибудь у от-

вѣтчика и этимъ удовлетворяютъ истца. Но къ такимъ самоуправнымъ дѣйствіямъ судьи прибѣгаютъ не всегда, подъ опасеніемъ уголовной отвѣтственности; поэтому нерѣдко бываетъ, что поругаютъ, побранятъ отвѣтчика, плюнутъ и скажутъ истцу: „подавай на него въ судъ", разумѣя подъ послѣднимъ оффиціальный судъ. Вообще же должно замѣтить, что въ общемъ случаевъ уклоненій отъ исполненія рѣшенія схода бываетъ весьма мало, потому что не исполнить рѣшенія схода значитъ стать одному противъ всѣхъ, рискуя иногда подвергнуться чрезвычайно грубому насилію.

Въ настоящее время въ нѣкоторыхъ хуторахъ установился обычай: въ тѣхъ случаяхъ, когда невозможно немедленно исполнить рѣшенія схода, заключать письменныя мировыя записи, въ которыхъ излагаются условія примиренія, т. е. то, что сходъ опредѣлилъ; кромѣ того, въ нихъ всегда оговаривается, что если какая либо изъ сторонъ подастъ въ судъ (оффиціальный) по тому же дѣлу, то должна заплатить противной извѣстный штрафъ. И если кто подастъ по этому же дѣлу въ станичный судъ и противная сторона представитъ эту мировую, то станичный судъ, не разбирая дѣла, штрафуетъ предъявившую сторону и штрафъ обращаетъ въ пользу противной стороны.

Въ судѣ хуторского схода можетъ принять участіе всякій полноправный хуторянинъ, поэтому можетъ случиться, что въ числѣ судей будетъ ближайшій родственникъ, другъ или пріятель одного изъ тяжущихся; отсюда является вопросъ: можетъ ли таковой принимать участіе въ разборѣ дѣла? Относительно этого должно замѣтить, что отвода судей вообще въ хуторскихъ судахъ не практикуется, такъ что въ какихъ бы отношеніяхъ ни стоялъ судья къ тяжущемуся, его устранить отъ разбора дѣла никоимъ образомъ нельзя. Но если въ комъ либо изъ судей увидятъ пристрастное отношеніе къ дѣлу, то таковому тотчасъ же замѣтятъ объ этомъ, и его слова уже такого значенія не имѣютъ.

Въ числѣ судей хуторского схода можетъ оказаться свидѣтель по разбираемому дѣлу. Такой судья не только не устраняется отъ разбора дѣла, а наоборотъ, какъ болѣе знакомый съ дѣломъ, онъ принимаетъ въ немъ и болѣе дѣятельное участіе.

То-же самое можно сказать и объ отводѣ свидѣтелей. Свидѣтелемъ на хуторскихъ судахъ можетъ быть всякій. Нерѣдко бываетъ, что отецъ является свидѣтелемъ по дѣлу сына, а сынъ по дѣлу отца. Словомъ, показанія всякаго принимаются судьями. Какое придаютъ значеніе этимъ показаніямъ, то это больше зависитъ отъ личности самого свидѣтеля, отъ содержанія показаній, огъ способа дачи ихъ и т. п. обстоятельствъ. Впрочемъ, при разспросѣ казаковъ относительно свидѣтелей они высказывали такой взглядъ, что на хуторскихъ судахъ родственники независимо отъ степени родства допускаются, друзья же и кумовья не допускаются, или по крайней мѣрѣ не такъ свободно допускаются, какъ первые. Въ станичномъ же судѣ наоборотъ: родственники устраняют ся, друзья и пріятели допускаются. Такимъ образомъ, по словамъ казаковъ, въ хуторахъ дѣйствуетъ принципъ дружбы, а въ станицахъ принципъ родства. Такой взглядъ на отводъ свидѣтелей объясняется слѣдующимъ: нѣкоторые хутора отчасти и въ настоящеее время представляютъ собою поселенія разросшейся какой нибудь семьи, на что указываютъ и ихъ названія, какъ напр. хут. Горбуновъ, Секуровъ, Абрамовъ, Казаринскій и т. п.; въ каждомъ такомъ хуторѣ преобладаетъ соотвѣтствующая его названію фамилія казаковъ. Вслѣдствіе такого образованія хуторовъ въ нихъ почти всѣ между собою родственники, поэтому, если строго держаться принципа родства, то никто или весьма многіе не могли бы быть свидѣтелями. Кромѣ того, родство здѣсь парализуется взаимностью. Если свидѣтель родственникъ, положимъ, истцу, то навѣрное можно предполагать, что онъ родственникъ и отвѣтчику; поэтому родственная связь здѣсь не можетъ играть такой роли, какую она играетъ въ поселеніяхъ, какъ напр. станицахъ, гдѣ далеко не всѣ между собою родственники. Другое дѣло дружба и кумовство въ хуторахъ. Они ставятъ въ хуторахъ двухъ родственниковъ въ болѣе близкія отношенія, поэтому и ожидать отъ нихъ безпристрастныхъ показаній невозможно. Отсюда-то и выработался выше сказанный взглядъ у казаковъ на отводъ свидѣтелей; хотя нужно замѣтить, что это только взглядъ, на самомъ же дѣлѣ и въ хуторахъ въ качествѣ свидѣтелей допрашиваются друзья и

кумовья, хотя, правда, къ ихъ показаніямъ относятся весьма осторожно.

Существеннаго различія между гражданскимъ и уголовнымъ процессами въ хуторскихъ судахъ не замѣчается. Уголовныя дѣла разбираются такъ же, какъ и гражданскія, и также заканчиваются обрядомъ примиренія, но это не значитъ, что обвиненный не несетъ должнаго наказанія. Въ уголовныхъ дѣлахъ, какъ и въ гражданскихъ, примиреніемъ разрѣшаются по большей части не правовыя отношенія, возникшія вслѣдствіе проступка, а лишь непріязненныя и враждебныя отношенія возникшія, по поводу преступленія. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что многія дѣла на хуторскихъ судахъ оканчиваются примиреніемъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова, т. е. потерпѣвшій съ обвиняемымъ мирятся на извѣстныхъ условіяхъ, и обвиняемаго не постигаетъ никакое наказаніе. Но если ближе всмотрѣться въ условія примиренія, нужно будетъ прійти къ иному заключенію. Эти условія, иногда весьма тягостныя для обвиненнаго, далеко не соотвѣтствуютъ вреду и ущербу, понесеннымъ потерпѣвшимъ отъ проступка; часто обвиняемый соглашается вознаградить потерпѣвшаго вдвое, втрое и болѣе, такъ что въ самыхъ условіяхъ примиренія заключается наказаніе обвиняемаго. Можно сказать, что въ хуторскихъ судахъ примиреніемъ дѣлъ кончается несравненно меньше, чѣмъ въ станичныхъ. Въ послѣднихъ сплошь и рядомъ бываетъ, что является потерпѣвшій съ воромъ и заявляетъ, что онъ помирился, и станичный судъ прекращаетъ дѣло, не подвергая обвиняемаго наказанію; мало того, нерѣдко бываетъ, что самъ станичный судъ склоняетъ стороны къ примиренію. Этого почти не бываетъ въ хуторахъ, въ особенности, гдѣ сохранилась чистота нравовъ и гдѣ земледѣліе является преобладающимъ занятіемъ. Здѣсь хотя бы обвиняемый помирился съ потерпѣвшимъ, но его постигнетъ то или иное наказаніе. Даже болѣе, хотя бы потерпѣвшій не заявлялъ хуторскому сходу о случившемся проступкѣ, хотя бы онъ давно примирился съ обвиняемымъ, но если сходъ узнаетъ объ этомъ, онъ помимо жалобы привлечетъ виновнаго къ суду и накажетъ.

При разсмотрѣніи уголовныхъ дѣлъ хуторской сходъ не ограничивается сужденіемъ о данномъ проступкѣ обвиняемаго; онъ входитъ въ разсмотрѣніе и всѣхъ прежнихъ проступковъ обвиняемаго, и если онъ какой-либо изъ нихъ станетъ отрицать и никто на сходѣ не можетъ удостовѣрить, то посылаютъ за тѣми, кто это можетъ удостовѣрить. Словомъ, на хуторскомъ сходѣ возстановляется полная характеристика обвиняемаго и сообразно съ ней опредѣляется ему наказаніе.

Разсмотримъ наиболѣе употребительныя наказанія въ хуторскихъ судахъ.

Часто вмѣсто всякихъ наказаній старики на сходѣ, выражаясь словами казаковъ, „потязаютъ" только виновнаго, т. е. побранятъ его, сдѣлаютъ ему выговоръ или внушеніе, „наширяютъ ему въ глаза", какъ иначе они еще объ этомъ выражаются. Это, повидимому, ничтожное наказаніе имѣетъ на самомъ дѣлѣ чрезвычайно важное значеніе и весьма большую силу, если принять во вниманіе ту постоянную связь и зависимость каждаго хуторского жителя отъ цѣлаго общества. Это одно изъ самыхъ симпатичныхъ по своимъ результатамъ наказаній, практикуемыхъ въ хуторскихъ судахъ. Выслушать цѣлую массу простыхъ, но сильныхъ и справедливыхъ упрековъ отъ цѣлой окружающей толпы, готовой въ минуту раздраженія подвергнуть обвиняемаго сильнымъ побоямъ, настолько дѣйствуетъ на преступниковъ, что они среди толпы принимаютъ видъ истинно кающагося грѣшника. Весьма употребительно наказаніе — наложеніе штрафа въ видѣ покупки водки для угощенія стариковъ. Сходъ, признавъ виновнымъ обвиняемаго и сдѣлавъ ему выговоръ, „потязавъ" его, обязываетъ его купить для угощенія водки, соразмѣряя ея количество съ степенью виновности обвиняемаго. Иногда количество ея доходитъ до весьма большихъ размѣровъ; обвиняемый долженъ угощать цѣлый сходъ нетолько одинъ разъ, но въ продолженіе нѣсколькихъ дней, что сопряжено съ большими и весьма чувствительными издержками, такъ что обвиненный предпочелъ бы иногда отсидѣть нѣсколько мѣсяцевъ въ острогѣ или въ арестномъ домѣ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемый не исполняетъ добровольно опредѣленнаго наказанія, т. е. не покупаетъ водки,

у него отнимаютъ какую-нибудь вещь и закладываютъ въ кабакѣ. Наложеніе штрафа на виновнаго почти не практикуется на хуторахъ. Этимъ видомъ наказанія далеко не удовлетворяется простой народъ. Отъ такого наказанія потерпѣвшій не чувствуетъ себя достаточно удовлетвореннымъ, а судьи остаются не вознагражденными. Другое дѣло наказаніе въ видѣ покупки водки для угощенія: здѣсь потерпѣвшій получаетъ пріятное удовлетвореніе, а судьи пріятное вознагражденіе. Этотъ видъ наказанія, не смотря на свое дурное содержаніе, имѣетъ свои хорошія стороны; оно предупреждаетъ и воздерживаетъ многихъ отъ проступковъ. Хуторскіе сходы собираются почти въ каждый праздникъ и, естественно, на нихъ является желаніе выпить; поэтому каждый вспоминаетъ, кто за предшествующіе будни сдѣлалъ какой-либо проступокъ, и, вспомнивъ его, докладываетъ обществу. Призываются обвиняемые, разбираются дѣла, опредѣляются наказанія виновнымъ и покупается угощеніе. Такимъ образомъ, рѣдкій проступокъ въ хуторской жизни проходитъ безъ наказанія; рано или поздно за него придется расплатиться. Каждый совершившій будничный проступокъ искупляетъ его праздничнымъ угощеніемъ. Нельзя сказать, чтобы такое наказаніе вело за собою пристрастіе и несправедливость; оно, какъ и всякое наказаніе, налагается съ большою осторожностью.

Менѣе употребительно въ хуторахъ тѣлесное наказаніе; наказаніе розгами почти не употребляется, а вмѣсто этого обыкновенно практикуютъ рукопашную расправу. Во время разбора дѣла, признавъ обвиняемаго виновнымъ въ какомъ-либо важномъ проступкѣ, сходъ по молчаливому согласію начинаетъ бить обвиняемаго. Во время самаго разгара, шума толкнетъ или ударитъ кто-нибудь, обыкновенно потерпѣвшій, обвиняемаго; тотчасъ на него набрасываются другіе и начинаютъ его бить иногда самымъ немилосерднымъ образомъ, при этомъ бить стараются всѣ, чтобы никто не могъ быть свидѣтелемъ. Хуторской атаманъ на это время удаляется.

Большимъ сочувствіемъ, какъ мѣра наказанія, пользуется выселеніе подозрительныхъ людей; но оно практикуется весьма рѣдко, потому что сопряжено съ большими формальностями, упущеніе которыхъ влечетъ за собою недѣйствительность

общественнаго приговора. Кромѣ того, эта мѣра наказанія весьма опасна, такъ какъ приговоренный къ выселенію всегда остается на свободѣ, что ставитъ общество въ весьма опасное положеніе.

Не всегда хуторской судъ оканчивается опредѣленіемъ наказанія виновному. Иногда общественный сходъ или судъ стариковъ заставляетъ хуторского атамана составить протоколъ и представить его „по начальству", предполагая, что обвиняемаго постигнетъ болѣе строгое наказаніе, чѣмъ какое можетъ опредѣлить хуторской судъ.

Третейскій судъ.

О пятомъ видѣ хуторского суда—третейскомъ судѣ приходится сказать очень мало, потому что онъ среди казаковъ вообще, а въ особенности въ хуторахъ, распространенъ весьма мало. Третейскій судъ или „третьяковый судъ", какъ иногда называютъ его, по словамъ казаковъ избирается по дѣламъ о семейныхъ раздѣлахъ или по дѣламъ, по которымъ стороны «ходятъ, ходятъ по судамъ, а ихъ никакъ нигдѣ не разберутъ; надоѣстъ имъ ходить, и они рѣшатъ разобраться третейскимъ судомъ», для чего избираютъ одного или нѣсколькихъ судей.

Число третейскихъ судей не ограничено, но требуется, чтобы стороны назначили судей поровну. Иногда стороны избираютъ судей не каждая отдѣльно, а сообща, по общему соглашенію, или же, избравъ каждая отдѣльно по одному судьѣ, избираютъ одного общаго. Третейскіе судьи разбираютъ дѣла только одни между собою, мѣшать имъ никто не можетъ. При этомъ дѣла они разрѣшаютъ не тотчасъ по ихъ избраніи, а иногда совѣщаются нѣсколько дней и даже мѣсяцевъ и во все это время на досугѣ совѣщаются между собою. А когда придутъ между собою къ соглашенію, идутъ на сходъ и здѣсь объявляютъ свое рѣшеніе. Жалобъ на рѣшеніе третейскаго суда ни въ коемъ случаѣ не допускается, и стороны всегда добровольно исполняютъ рѣшенія суда.

Въ заключеніе скажемъ о томъ вліяніи, какое имѣютъ хуторскіе суды на станичные суды. Раньше мы упоминали, что

въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣшеніе хуторского суда записано въ формѣ мировой записи, то станичные суды, по представленіи таковой, не разбирая дѣла, штрафуютъ предъявившую сторону, если этотъ штрафъ былъ оговоренъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда нѣтъ такихъ записей, станичные суды путемъ разспроса сторонъ и свидѣтелей разузнаютъ, какъ порѣшилъ это дѣло тотъ или иной хуторской судъ, и по большей части такъ и разрѣшаютъ дѣло. Такое значеніе хуторскихъ судовъ, признаніе ихъ авторитета самими казаками объясняется правотою ихъ рѣшеній. Эти суды, стоящіе весьма близко къ дѣйствительной жизни и наиболѣе соотвѣтствующіе бытовой обстановкѣ, примѣняютъ исключительно правила обычнаго права, а потому и нейдутъ въ разрѣзъ съ юридическимъ міровоззрѣніемъ народа. Если эти суды и имѣютъ нѣкоторые недостатки, то можно думать, что многіе изъ нихъ отпали бы сами собою съ признаніемъ за хуторскими судами законной силы.

А. Казминъ.

Нѣсколько данныхъ для характеристики быта сѣверныхъ бурятъ *).

I. Замѣтки о внѣшнемъ бытѣ въ старину.

1. *Жилище.*

Въ старину, во времена звѣроловческаго быта, у бурятъ не было ни домовъ, ни юртъ, а были такъ называемые *бухэки* и *балаганы*. Бухэкъ устраивался такимъ образомъ: въ землю втыкали нѣсколько длинныхъ жердей такъ, чтобы онѣ образовали конусъ; верхніе концы жердей упирались одинъ въ другой и скрѣплялись. Снаружи жерди обвертывались большими полостями, сшитыми изъ звѣриныхъ шкуръ; верхъ оставался не закрытымъ, и въ щели между жер-

*) Замѣтки эти составлены М. Н. Хангаловымъ, природнымъ бурятомъ, имѣющимъ постоянное жительство въ Хара-нурскомъ улусѣ, Балаганск. окр., Иркутск. губ. Г. Хангаловъ—самый усердный собиратель устныхъ памятниковъ древности среди бурятскаго народа. Кромѣ большой статьи „Новые матеріалы о шаманствѣ у бурятъ", составившей отдѣльный выпускъ Записокъ Восточно-сибирск. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. по этнографіи (т. I, вып. 1), въ изданіяхъ того же Отдѣла было напечатано нѣсколько мелкихъ его замѣтокъ, какъ напр. о легендѣ о первомъ шаманѣ, о разныхъ повѣрьяхъ у бурятъ, объ древней облавѣ на звѣрей и пр. Кромѣ того, г. Хангаловъ помогалъ г. Агапитову, своему учителю, въ составленіи статьи: „Матеріалы для изученія шамановъ въ Сибири", помѣщенной въ „Извѣстіяхъ" Отдѣла, т. XIV, в. 1—2. Первая часть настоящей статьи „Замѣтки о внѣшнемъ бытѣ" есть извлеченіе изъ рукописи г. Хангалова, другія части которой были уже напечатаны въ изданіяхъ В.—Сиб. Отдѣла; а именно, по словамъ завѣдывавшаго Отдѣломъ Г. Н. Потанина, все относящееся до обычая облавы было напечатано въ „Извѣстіяхъ" Отдѣла, т. XIX, в. 3, подъ названіемъ „Зэгэгэ-аба, облава на звѣрей у древнихъ бурятъ"; легенды же изъ этой рукописи помѣщены въ „Запискахъ" Отдѣла по этн., т. I, в. 1 (Бурятскія сказки и повѣрья, Иркутскъ. 1889)

дями выходилъ дымъ. Иногда бухэкъ строился изъ молодыхъ сосновыхъ стволовъ, а низъ его вмѣсто мѣховыхъ одѣялъ закладывался снаружи хвойными вѣтками, а зимой засыпался снѣгомъ. Перекочевывая съ одного мѣста на другое, буряты брали только мѣховыя шкуры, покрывавшія бухэкъ, оставляя бревна на мѣстахъ. Лѣтомъ мѣховыя покрышки не употреблялись. Слово *бухэк* происходитъ отъ бурятскаго слова *бухэхэ*— „наклоняться“, такъ какъ входъ въ бухэкъ дѣлался очень низкій.

Впослѣдствіи стали дѣлать деревянные балаганы, по-бурятски *булаӽан* *). Со временемъ стали строить также деревянныя юрты, дѣлая ихъ восьмигранными. Юрты изъ войлока появились у сѣверныхъ бурятъ впослѣдствіи и, надо думать, заимствованы у забайкальскихъ бурятъ.

2. *Одежда и обувь.*

Одежда состояла изъ шубы, шапки и унтовъ. Въ зимнее время подъ шубу надѣвали узкое и короткое платье, плотно охватывавшее тѣло; оно называлось *самса* (въ настоящее время словомъ „самса“ буряты называютъ рубаху.) Поверхъ самсы надѣвалась шуба, которая шилась изъ звѣриныхъ шкуръ; поверхъ шубы подпоясывались. Въ сильные холода сверхъ шубы надѣвали *доху*—шубу, сшитую мѣхомъ вверхъ, съ разрѣзомъ назади ради удобства при верховой ѣздѣ.

Лѣтомъ носили одежду того же покроя, но сдѣланную изъ замши. Для этого преимущественно употребляли шкуры козуль. Ихъ гноили до того, чтобы шерсть вся выпала; затѣмъ голую шкуру выдѣлывали и дымили надъ сосновыми шишками. Изрѣдка встрѣчались одежды изъ шелковыхъ матерій, которыя получали изъ Китая черезъ Монголію, вымѣнивая на звѣриныя шкуры. На рукахъ носили рукавицы *бэлэ*. На голову надѣвали шапки изъ звѣриныхъ шкуръ съ наушниками.

Женская одежда отличалась нѣсколько отъ мужской по-

*) Знакомъ ӽ означается тотъ звукъ *х*, который въ другомъ нарѣчіи переходитъ въ *с*, напр. *ӽайн—сайн*.

кроемъ, но шилась также изъ звѣриныхъ шкуръ; замужнія женщины носили сверхъ шубы *дэглэ*, который ради удобства при верховой ѣздѣ имѣлъ разрѣзъ сзади. Женская и дѣвичья одежда отъ мужской покроемъ не отличалась, но дѣлалась наряднѣе, опушалась сверху полосами болѣе дорогого мѣха и украшалась вышивками.

Обувь у бурятъ была двухъ сортовъ: одна дѣлалась изъ звѣриныхъ лапъ или изъ шкуръ съ ногъ козуль и оленей; это—унты. Другая называлась *хэхэ-годохон*; она шилась съ длинными голенищами; носокъ дѣлался очень твердый и выдавался немного кверху шишкой. Во время единоборства буряты били своего противника этой шишкой сапога и иногда убивали его этимъ орудіемъ.

3. Сбруя и оружіе.

Узда дѣлалась такая же, какъ и нынѣ, и называлась *хазар*; если украшалась серебромъ, то называлась *мöнгöн хазар*.

Сѣдло, *эмэл*, старинное было нѣсколько больше нынѣшнихъ, украшалось желѣзными высеребренными бляхами.

Старинное оружіе бурятъ составляли лукъ (номо) и стрѣлы. *Номо*, лукъ, приготовлялся слѣдующимъ образомъ. Лукъ дѣлали изъ березоваго дерева; затѣмъ съ внутренней стороны оклеивали рогомъ или костью; сверху дерева съ наружной стороны оклеивали жилами, а сверху жилъ наклеивали бересту. Луки дѣлались двухъ сортовъ: одинъ былъ плоскій и широкій; онъ бывалъ очень упругъ и далеко бросалъ стрѣлу; такой лукъ буряты называли *манза-номо*. Такіе луки буряты доставали изъ Монголіи; въ сказкахъ и преданіяхъ такіе луки называются *бухар шара номо*. Другого сорта луки буряты дѣлали сами; они были почти круглые, снаружи берестяные, изнутри оклеенные жилами.

Стрѣла—*годоли* или *утхэ*,—это были стрѣлы оперенныя; если же стрѣла не была оперена, тогда она называлась *мохо*. Наконечники стрѣлъ, по-бурятски *ҳума*, дѣлались различные: одни были плоскіе и продолговатые; и теперь дѣлаются такіе же, только меньшихъ размѣровъ. Были еще наконечники трехгранные; къ концу наконечника грани постепенно умень-

шались и дѣлались острыми. Такіе наконечники дѣлались для того, чтобы рана была больше и вслѣдствіе того опаснѣе.

Стрѣлы *бахарган* были такія же трехгранныя, но грани ихъ были больше и каждое крыло грани имѣло одно или два отверстія. Такими стрѣлами рѣдко стрѣляли въ звѣрей, такъ какъ онѣ были тяжелы и не могли летѣть далеко; притомъ *бахарган* сильно свистѣла въ воздухѣ и потому пугала звѣря.

Зэбэ-хўма четвертый видъ стрѣлъ. Онѣ имѣли конусообразные круглые наконечники. Эти стрѣлы дѣлали небольшія раны, но зато проходили глубоко въ тѣло или били на вылетъ. Ими стрѣляли очень издалека и въ маленькихъ звѣрей, даже въ птицъ.

Пониже наконечника на стрѣлу надѣвали граненый шарикъ *зэн*; иногда въ шарикѣ дѣлались отверстія, и тогда они служили какъ бы свисткомъ. Зэнъ надѣвали на стрѣлу для того, чтобы рану сдѣлать больше. На конусообразныхъ стрѣлахъ шарики дѣлались маленькіе, чтобы не разрывать шкурки.

Колчанъ для стрѣлъ по-бурятски назывался *хадак*. Съ лицевой стороны хадакъ украшался вышивками и желѣзными высеребренными бляхами. Лукъ клали въ футляръ *хормого*; его привязывали съ лѣваго бока, а хадакъ со стрѣлами на правомъ боку.

Во время религіознаго обряда на *таилганахъ* было въ обычаѣ снимать съ себя лукъ и стрѣлы. Въ настоящее время послѣ совершенія обряда *сасали бирьха*, когда совершающіе обрядъ брызгаютъ изъ своихъ чашекъ *куруңгу* (кислое молоко) и *тарасунъ* (молочную водку) и затѣмъ бросаютъ и самыя чашки кверху, гадая по ихъ паденію, участники вырываютъ нѣсколько травы и втыкаютъ ее себѣ за поясъ. По словамъ ихъ, это означаетъ: надѣть на себя колчанъ и лукъ.

У бурятъ были также мечи, называемые *сэлмэ*; ихъ ковали свои бурятскіе кузнецы, а лучшіе получались изъ Монголіи.

Были у нихъ также копья *жада*; они дѣлались двухъ сортовъ: одни съ простымъ древкомъ, а другія имѣли на древкѣ поперечную перекладину; послѣднія употреблялись на охотѣ за крупнымъ звѣремъ. Впрочемъ, жада, повидимому, было болѣе военное оружіе, чѣмъ охотничье.

Хотӧго, ножъ не очень большихъ размѣровъ, буряты по-

стоянно носили на поясѣ слѣва. Ножи носили всѣ, и большіе, и маленькіе, и женщины. Въ землѣ находятъ небольшіе круглые ножи; для чего они употреблялись, неизвѣстно.

4. П и щ а.

Въ старину, когда буряты только еще переходили отъ быта звѣроловческаго къ скотоводству, они очень дорожили скотомъ. По ихъ преданіямъ, сѣверо - байкальскіе буряты добывали скотъ, главнымъ образомъ, совершая набѣги на жителей Забайкалья и Монголіи. Въ памяти народа и теперь еще сохранилось нѣсколько именъ лицъ, наиболѣе прославившихся такими набѣгами. Угонять конечно было удобнѣе лошадей, вслѣдствіе чего рогатый скотъ размножался у бурятъ медленнѣе лошадей, а потому и колоть скотъ у бурятъ не было въ такомъ обычаѣ, какъ теперь. Но у нихъ въ то время существовалъ обычай *ханаха*. Не желая убивать скотину и въ то же время имѣя желаніе поѣсть мясного, буряты ловили лошадь или рогатую скотину, дѣлали у нея на шеѣ надрѣзъ и кровь, бѣжавшую изъ раны, собирали въ посуду; выпустивши нѣкоторое количество крови, ее останавливали, и животное отпускали. Добытую такимъ образомъ кровь варили въ котлѣ и ѣли. У нынѣшнихъ бурятъ обычай ханаха не существуетъ.

Прежніе буряты употребляли въ пищу нѣкоторыя растенія и коренья; они заготовляли ихъ и на зиму. Вмѣсто чая прежде употребляли корень травянистаго растенія *хöдö* [1]. Корень выкапывали во время цвѣтенія и сушили на солнцѣ, затѣмъ толкли и заваривали кипяткомъ.

Мэхэр или *Мэхэргэне* [2])—тоже травянистое растеніе. Употребляли такъ же, какъ предъидущее.

Синэ [3])—употребляли корни; пили, какъ чай. Въ большомъ количествѣ это растеніе вредно дѣйствуетъ на здоровье.

Сайнъ öбöхöн (красивая трава)—трава съ мелкими бѣлыми

---

1) Вѣроятно Sanguisorba.
2) Polygonum viviparum L.
3) Paeonia anomala.

цвѣтами, нѣжно пахнущими. Цвѣты сушили на солнцѣ, послѣ чего заваривали, какъ чай, и пили.

Современные буряты изъ перечисленныхъ растеній пьютъ отваръ корней *ходо* и отваръ изъ цвѣтовъ *сайн обохон*.

Хара харана — травянистое растеніе. Выкапывали корни, сушили и варили цѣлыми, не толкли.

Оегоно — травянистое растеніе; копали корни, тщательно очищали и сушили на солнцѣ, затѣмъ толкли въ ступѣ. Получалась мука, изъ которой мѣсили на растопленномъ салѣ или сметанѣ лепешки, называемыя *бон*.

Сабахан—травянистое растеніе; употребляли такъ же, какъ и предъидущее.

Гэшигэнэ [1])—травянистое растеніе; изъ корней приготовляли муку. Въ настоящее время стебли употребляютъ въ лѣкарство; изъ нихъ дѣлаютъ припарки при внутреннихъ болѣзняхъ и опухоляхъ.

Хонгино или *далан халихан* — травянистое растеніе; въ пищу употребляли корни въ сыромъ видѣ или варили въ водѣ и какъ приправу къ мясу. На вкусъ корень сладкій. Буряты запасали его на зиму.

Аситаши — многолѣтнее растеніе, кустарникъ; въ пищу употребляютъ корни; большею частью жуютъ въ сыромъ видѣ, высасывая сокъ, иногда варятъ и пьютъ отваръ

Азаргана—трава. Въ пищу употребляется только верхняя часть растенія; ѣдятъ въ сыромъ видѣ.

Мура-обохон — трава; въ пищу употребляютъ стебли въ сыромъ видѣ; корни не ѣдятъ.

Гэшугэнэ,—трава; ѣдятъ или въ сыромъ видѣ, или варятъ и пьютъ отваръ; выварки бросаютъ.

Хулганан-шинэн—трава }
Бальширгана—трава } ѣдятъ въ сыромъ видѣ.
Унхэ-сур—трава }

Гогохоно—травянистое растеніе; стебли употребляютъ въ сыромъ видѣ; корни ѣдятъ сырые и вареные.

Саган харана [2])—травянистое растеніе; луковичный корень

[1]) Potentilla anserina L.

[2]) Lilium tenuifolium Fisch

этого растенія употребляютъ какъ въ сыромъ, такъ и въ вареномъ видѣ. Прежде буряты запасали его на зиму.

Шари харана (желтая сарана [1]); луковицы нѣсколько мельче, чѣмъ у предъидущаго растенія; употребляется такъ же.

Нагда; корни этого растенія выкапывали, пекли въ горячей золѣ, тогда они становились мягкими и сладкими.

Манихан — трава; употребляется и стебель и корень въ сыромъ и въ вареномъ видѣ. Прежде это было самое употребительное растеніе.

Халяр — трава; употребляется такъ же, какъ мангиханъ.

Буряты употребляли также въ пищу ягоды и весной древесный сокъ.

5. *Посуда, орудія и т. п.*

Въ старину у бурятъ посуды было немного. Были котлы изъ мѣди и изъ желѣза. Иногда для варки пищи употребляли выдолбленные изъ дерева корыта, называемыя *тэбши*. Въ такое корыто наливали воду и, положа въ воду мяса, пускали въ корыто до-красна накаленные камни. Были также котлы, сшитые изъ бересты, но послѣдніе были конечно крайне непрочны. Чашки были долбленыя изъ дерева и назывались *аяга*; иногда чашки тоже шились изъ бересты.

Ложки, *халбаги* и поварешки, *шинага*, тоже дѣлались долбленыя или сшитыя изъ бересты и прикрѣплялись къ деревянному черенку.

Изъ бересты также шили особыя лукошки, по возможности украшая ихъ; они служили для складыванья костей и погребальныхъ остатковъ.

Во время переѣздовъ буряты возили свое имущество въ переметныхъ сумахъ, сшитыхъ изъ шкуръ животныхъ; онѣ называются *ута*. Кромѣ ута шились еще мѣшки изъ кожи, очищенной отъ шерсти; эти мѣшки называются *башлык*.

Хухэнэк былъ мѣшокъ для стрѣлъ и прочаго оружія; это былъ скорѣе предметъ украшенія, такъ какъ его очень убирали серебряными бляхами, раковинами и вышивками (см. ниже, стр. 154).

---

[1] Lilium Martagon L.

Топоры у бурятъ были прежде не такіе, какъ теперь; лезвее его приходилось поперекъ топорища, а не вдоль, какъ у нынѣшнихъ. Такой топоръ назывался *ӽухэ*. Кромѣ того былъ *оми-ӽухэ* съ круглымъ лезомъ; его употребляли для долбленія деревянныхъ чашъ, корытъ и лодокъ.

Гахана были особаго рода лопаточки, которыми выкапывали корни съѣдобныхъ растеній. Полукруглый желѣзный наконечникъ гахана насаживался на древко.

Были ли косы у бурятъ въ древнее время, трудно заключить; впослѣдствіи они стали дѣлать косы на подобіе серповъ, съ небольшими, не длиннѣе фута, черенками. Сѣнокошеніе у бурятъ производилось близко къ осени и продолжалось около двадцати дней, что можно заключить изъ бурятской поговорки, въ которой упоминается о желтыхъ листьяхъ въ связи съ сѣнокошеніемъ.

У бурятъ издавна употребляется неводъ — *гульмэ*, острога — *хэрэ*, удочка—*гохо*, морда—*гур*. Невода приготовляются изъ волосъ конскаго хвоста и гривы; дѣлаютъ ихъ буряты сами. Гуръ плетутъ изъ тальниковыхъ вѣтвей. *Гэрдэхэ* по-бурятски значитъ лучить рыбу. Лучатъ обыкновенно осенью. Почти всѣ рыболовныя снасти имѣютъ своихъ *заяновъ* (духовъ), которые носятъ соотвѣтствующія названія. Такъ, напримѣръ, *гульмэ* имѣетъ заяна *Гульмэши ноён*. *Гур* имѣетъ *Гурши хатун*. Есть *Хорэши ноён*, *Гохоши ноён*.

Въ преданіяхъ бурятъ упоминаются лодки деревянныя, долбленыя; впослѣдствіи они заимствовали у кого-то изъ своихъ сосѣдей берестяныя лодки, но сами дѣлать ихъ не умѣли.

II. Остатки старины въ обычаяхъ и обрядахъ.

1. *Родинные обряды.*

У бурятъ Кудинскихъ до сихъ поръ соблюдается слѣдующій обрядъ. Когда родится у кого-нибудь ребенокъ, то въ юртѣ выкапываютъ яму, противъ двери за очагомъ, въ томъ мѣстѣ, которое буряты называютъ *хоймор тала* и гдѣ большею частью сидятъ женщины. Въ то же время варятъ саламату (мука съ масломъ и сметаной) и ставятъ ее въ трехъ

чашкахъ по тремъ сторонамъ ямы; въ ямѣ разводятъ немного огня. На огонь кладутъ саламату и немного масла. Въ яму кладутъ *томто* [1]), кость отъ лытки, такъ называемую у бурятъ *барбагай*, калъ новорожденнаго и всѣ нечистоты, которыя выдѣлились вмѣстѣ съ ребенкомъ.

Для совершенія этого обряда приглашаютъ трехъ или пять женщинъ, а мужчинъ и дѣтей высылаютъ изъ юрты, потому что этотъ обрядъ считается нечистымъ. Одну изъ приглашенныхъ женщинъ выбираютъ быть матерью новорожденнаго; она должна въ это время быть неотлучно возлѣ ребенка. Женщины ходятъ вокругъ ямы по́-солонь и потомъ съѣдаютъ приготовленную саламату, никому не давая ее. Потомъ эту яму тщательно закрываютъ доской, такъ чтобы ничего не утратилось изъ ямы. Если же что пропадетъ, то ребенокъ не будетъ счастливъ и не выростетъ большой. Въ ямѣ будетъ столько томто, сколько въ семьѣ родится ребятъ.

Второй обрядъ называется *ӧлӧдӧ урулха*, а у Балаганскихъ бурятъ—*торомо*. На второй или на третій день послѣ рожденія ребенка у бурятъ устраивается праздникъ; покупаютъ водки или дома высиживаютъ нѣсколько котловъ тарасуна и колютъ барана или бычка. Всѣ родственники и сосѣди собираются въ домъ новорожденнаго. Когда всѣ соберутся, варятъ саламату и мясо; послѣднее раскладываютъ въ корзины, а лытку отъ задней ноги беретъ въ руки и держитъ посаженная (избранная) мать ребенка, которая сидитъ возлѣ новорожденнаго. Рядомъ стоитъ люлька [2]) со всѣмъ, что къ ней нужно, и сидитъ маленькій мальчикъ или дѣвочка: если новорожденный мальчикъ, то и возлѣ люльки мальчикъ, а если дѣвочка, то и возлѣ люльки дѣвочка. Какая нибудь старуха держитъ на рукахъ новорожденнаго. Посаженная мать въ правой рукѣ держитъ лытку съ большимъ ножомъ, или еще чаще употребляютъ при этомъ кинжалъ; прежде, говорятъ, для этого употребляли стрѣлу. Эту кость и кинжалъ она, не выпуская изъ рукъ, держитъ надъ люлькой и спрашиваетъ мальчика

[1]) Томто—не послѣдъ ли? (Потанинъ).

[2]) Люлька дѣлается изъ тонкихъ досокъ или изъ луба; низъ ея укрѣпленъ на круглыхъ обручахъ, отъ чего люлька легко раскачивается.

или дѣвочку: кого слѣдуетъ положить въ люльку, ребенка или кость? Мальчикъ отвѣчаетъ: ребенка! Тогда мать опять спрашиваетъ: кого нужно положить въ люльку, ребенка или кинжалъ? Мальчикъ отвѣчаетъ: ребенка! Эти вопросы повторяются до трехъ разъ, и каждый разъ на нихъ отвѣчаютъ: ребенка! Послѣ этого посаженная мать спрашиваетъ мальчика или дѣвочку: вверхъ или внизъ (головой?) положить въ люлькѣ ребенка? Мальчикъ отвѣчаетъ: вверхъ! Этотъ вопросъ тоже повторяютъ три раза, и каждый разъ получаютъ тотъ же отвѣтъ. Послѣ этого кость отдаютъ мальчику или дѣвочкѣ, которые отвѣчали на вопросы, а они съѣдаютъ мясо съ кости. А новорожденнаго послѣ этого кладутъ въ люльку и пеленаютъ ремнями, какъ это всегда дѣлается у бурятъ. Потомъ у него стригутъ немного волосъ и кладутъ въ мѣшечекъ, который вѣшаютъ на задней стѣнкѣ колыбели, такъ что по числу мѣшечковъ можно видѣть, сколько было дѣтей въ семьѣ. Затѣмъ всѣ гости изъ вина и саламаты дѣлаютъ *дуӑха*—брызганье, а отъ мяса бросаютъ въ огонь по частичкѣ и начинаютъ угощаться. Когда лытка, игравшая роль въ обрядѣ, будетъ очищена отъ мяса, тогда ее кладутъ въ люльку или привѣшиваютъ къ ней. Этимъ обрядъ „ӧлгӧдӧ урулха“ оканчивается.

У Балаганскихъ бурятъ прежде было въ обычаѣ, во время праздника *торомо*, дѣлать *милага*, т. е. отдавать въ это время народу кобылицу. Родители новорожденнаго загоняютъ на свой дворъ табунъ лошадей, и одна изъ старухъ, участвующая въ обрядѣ, должна надѣть на голову кобылицы арканъ (волосяная веревка); послѣ этого мужчины ловятъ кобылицу, колютъ ее, и мясомъ ея угощаются, а сажу съ котла мѣшаютъ съ масломъ и этимъ стараются марать мужчинъ; это служитъ для нихъ въ этотъ день забавой.

2. *Свадебные обряды.*

Сватовство у бурятъ происходитъ слѣдующимъ образомъ. Отецъ жениха съ нѣкоторыми сосѣдями прiѣзжаетъ къ родителямъ невѣсты. Если родители невѣсты согласны, то ведутся дальнѣйшiе переговоры, и отецъ жениха надѣваетъ

на невѣсту золотую монету, такъ называемую *холобши*. При сватовствѣ очень рѣдко принимаютъ во вниманіе желаніе самихъ жениха и невѣсты. Если монета принята, тогда отецъ невѣсты подаетъ вино; имъ, по обычаю, „брызгаютъ", а затѣмъ его распиваютъ; послѣ этого договариваются о величинѣ калыма. Калымъ раньше бывалъ незначителенъ, въ настоящее время больше.

Главный моментъ сговора, когда все условлено, заключается въ томъ, что родители жениха и невѣсты мѣняются между собой поясами. Послѣ обмѣна поясовъ договоръ считается неразрывнымъ. Пированіе по случаю сговора продолжается иногда нѣсколько дней. Во время пированія родители невѣсты шьютъ отцу жениха новую шубу, и при его отъѣздѣ надѣваютъ на него эту шубу.

Послѣ этого отецъ жениха начинаетъ выплачивать калымъ, что продолжается не одинаково; одинъ дольше, другой скорѣе выплачиваетъ, почему и сватовство не разъ совершалось тогда, когда женихъ и невѣста еще очень молоды. Когда калымъ выплаченъ, тогда отецъ жениха объявляетъ, что онъ требуетъ невѣсту къ себѣ. Родители невѣсты тогда начинаютъ готовить приданое дочери, шить ей одежду. Въ прежнее время невѣстѣ приготовляли также лукъ и стрѣлы и дѣлали *хухэнэк;* давали также коня съ полной сбруей и съ сѣдломъ. Въ настоящее время невѣстамъ даютъ сколько нибудь скота. Все приданое называется *онжи;* скотъ онжи считается неотъемлемой собственностью невѣсты. *Хухэнэк*—это большой, аршина въ два, мѣшокъ трехугольной формы, сшитый изъ звѣриныхъ шкуръ и на лицевой сторонѣ украшенный вышивками, желѣзными, покрытыми серебромъ, бляхами и мелкими раковинами, *юбун* по-бурятски [1]). По бокамъ хухэнэкъ имѣетъ по девяти ремней, а на лицевой сторонѣ, нѣсколько ниже половины высоты, имѣетъ рядъ ременныхъ кистей. Дѣлаются ли ремни только для украшенія или они имѣли какое либо символическое значеніе, неизвѣстно. Въ настоящее время хухэнэкъ выводится, но его еще можно встрѣтить изрѣдка. Въ

[1]) Вѣроятно, змѣиными головками, Cypraea moneta (Потанинъ).

1881 г. намъ случилось видѣть хухэнэкъ, въ которомъ торчали три стрѣлы и двѣ бараньихъ лытки, очищенныя отъ мяса.

Приготовившись, родители невѣсты назначаютъ день, когда они повезутъ невѣсту, и приглашаютъ къ себѣ всю свою родню. Молодежь съѣзжается раньше, и въ домѣ невѣсты устраивается пиръ, причемъ молодежь играетъ въ игры и пляшетъ. Иногда съѣзжаются только наканунѣ, а иногда за нѣсколько дней. Попировавши въ домѣ невѣсты, всѣ переходятъ въ дома ея родственниковъ; иногда пируютъ не только въ улусѣ невѣсты, но переходятъ пировать и въ сосѣдніе улусы въ родственные дома. Родственники принимаютъ гостей радушно; это считается какъ-бы ихъ обязанностью.

Въ день отъѣзда всѣ собираются въ домъ невѣсты; раньше собирались всѣ въ полномъ вооруженіи верхомъ на лошадяхъ, и невѣста также ѣхала верхомъ; въ настоящее время ѣдутъ на телѣгахъ и тарантасахъ или саняхъ. Когда всѣ соберутся, тогда родители невѣсты колютъ животныхъ и брызгаютъ тарасуномъ и просятъ при этомъ благословенія своей дочери. Мяса и вина берутъ съ собой каждый по состоянію.

Передъ отъѣздомъ дѣвицы не пускаютъ невѣсту. Онѣ посадятъ ее въ самый уголъ, а сами, взявшись за руки и связавшись поясами, чтобы представлять собой неразрывную цѣпь, садятся впереди нея, нѣкоторыя даже ложатся на невѣсту, чтобы защищать ее своимъ тѣломъ. Если дѣвицъ много, то очень трудно бываетъ освободить невѣсту; борьбу съ дѣвицами ведутъ мужчины, приглашенные участвовать въ свадебномъ поѣздѣ. Послѣ этого всѣ ѣдутъ въ улусъ жениха.

Узнавши, что поѣздъ приближается, отъ жениха нѣсколько человѣкъ ѣдутъ на встрѣчу и везутъ мясо и вино. Эту встрѣчу называютъ *х̆ал;* при встрѣчѣ всѣ слѣзаютъ съ коней и отъ присланнаго мяса отрѣзаютъ по кусочку и бросаютъ въ огонь; точно также брызгаютъ въ огонь виномъ; это называется *дэши барьха*, а возліянія виномъ—*дух̆ах̆а;* послѣ этого ѣдутъ дальше. Въ прежнее время х̆алъ высылался за день до свадьбы въ сопровожденіи вооруженныхъ людей; они сопровождали потомъ свадебный поѣздъ. Между тѣмъ въ улусѣ жениха дѣлаются приготовленія: готовятся угощенія; кромѣ того, срубаютъ березку, такъ называемую *турэ*, ставятъ

ее передъ юртой жениха, и къ ней привязываютъ домашняго онгона [1]). Около березы разводится огонь; старики и почетныя лица со стороны жениха садятся у огня, образуя полукругъ.

Отъ невѣсты прежде всѣхъ пріѣзжаетъ *туруше;* это обыкновенно бываетъ пожилой человѣкъ, знающій обычаи. Его встрѣчаютъ обыкновенно съ большимъ почетомъ. Туруше везетъ въ рукахъ стрѣлу и при входѣ въ юрту жениха втыкаетъ ее въ столбъ юрты, въ *хоймор тэнги*. Туруше сажаютъ на почетное мѣсто и начинаютъ потчевать виномъ; иногда стараются напоить туруше до пьяна еще до пріѣзда свадебнаго поѣзда. Слово *туруше* происходитъ отъ бурятскаго слова *туру*—первый, передній.

За туруше пріѣзжаетъ поѣздъ съ невѣстой. Стариковъ сажаютъ на правой сторонѣ юрты, по-бурятски—*барун-тала* (западная сторона); женщинъ усаживаютъ на сѣверной сторонѣ *хоймор-тала*; невѣсту съ дѣвицами прячутъ за занавѣской *хошогён хойно*. Прежде всего на столъ ставятъ молоко или таракъ (нѣчто вродѣ простокваши); всѣ гости пробуютъ это угощеніе; это называется *сагалха* [2]).

Отцы жениха и невѣсты сидятъ рядомъ у очага; впереди ихъ стоитъ въ посудѣ вино. Два шамана, одинъ съ жениховой стороны, другой съ невѣстиной, брызгаютъ виномъ; во время брызганія они держатъ другъ-друга за руки; это совмѣстное обращеніе къ заянамъ во время брызганья означаетъ, что они соединяютъ членовъ двухъ родовъ въ супружескій союзъ. Послѣ этого начинается попойка до утра. На другой день передъ юртой жениха въ землѣ укрѣпляютъ березку *тургэ*; на тургэ вѣшаютъ божка *хотхо-онгон*, если онъ есть въ домѣ. Затѣмъ ставятъ жердь, прислонивъ ее однимъ концомъ къ березкѣ, и на ней вѣшаютъ шубу матери жениха. На сѣверъ отъ тургэ разводятъ огонь; около огня ставятъ въ посудѣ вино и мясо. Около этого огня садится благословитель, *ӧрӧши*, т. е. старикъ, который будетъ говорить благословеніе, *орёль*, жениху и невѣстѣ.

---

[1]) Онгонъ—домашній фетишъ.

[2]) Обычай подавать молочное угощеніе каждому гостю очень древній; если домохозяинъ не подавалъ *сагалга*, это означало, что онъ не хочетъ принимать его, какъ ровню.

Покровителемъ свадьбы у бурятъ считается *Тулман-саган-нойон*, сѣдой старикъ, который имѣетъ мѣстопребываніе на горѣ Тулма.

Родители невѣсты всей роднѣ жениха, присутствующей на свадьбѣ, повязываютъ ленты или платки; этотъ обычай называется *зала-зухэ*; на шею собаки также повязываютъ красный суконный ошейникъ, или изъ другой матеріи краснаго цвѣта. Этотъ обычай повидимому ведетъ начало отъ быта звѣроловческаго, когда собака была необходимымъ помощникомъ; этимъ хотѣли и ее сдѣлать участницей общей семейной радости. Красный кусокъ сукна навязывали также на крюкъ, по-бурятски *дэгэ*, которымъ буряты достаютъ мясо изъ котла.

Въ это утро косу невѣсты расплетаютъ и заплетаютъ ей *хабига*; это значитъ, что на одной сторонѣ ей заплетаютъ десять косъ, и на другой сторонѣ восемь; послѣ этого ее одѣваютъ въ полную женскую одежду.

Когда все готово, тогда невѣсту выводятъ изъ юрты; къ ней подходитъ женихъ, и они, взявшись за руки, идутъ. Надъ ними несутъ большую шаль за четыре угла, называя это *харабши*, въ переводѣ—„сарай". Лицо невѣсты при этомъ должно быть занавѣшено какой-нибудь матеріей. Съ лѣвой стороны невѣсты идетъ женщина, такъ называемая мать, по-бурятски *эхэ*; матерью невѣсты не можетъ быть вторая жена, а вседа должна быть первая. Такъ они идутъ вокругъ юрты, и когда, сдѣлавши кругъ, они приближаются къ тургэ, кто-нибудь изъ провожающихъ невѣсту говоритъ: „ӧрӧрши аб!" благословитель, возьми! Тогда ӧрӧрши-ӧбӧгӧнъ начинаетъ благословлять невѣсту; въ это время идущіе подъ шалью останавливаются. Когда орёль (благословеніе) конченъ, они снова двигаются впередъ; снова говорятъ: „ӧрӧрши аб!" и ӧрӧрши ӧбӧгӧнъ снова благословляетъ; такъ повторяется до трехъ разъ *).

Когда ӧрӧрши закончитъ третье благословеніе, тогда невѣста входитъ въ юрту съ своими провожатыми и останавливается у дверей. Въ это время родители невѣсты сидятъ

*) Подлинные тексты благословеній (орёль) отлагаемъ до слѣдующей книжки, такъ какъ не поспѣлъ во-время русскій переводъ ихъ. *Ред.*

около очага на *хмойор тала*. Разстилаютъ потникъ передъ очагомъ и на него ставятъ невѣсту.

Женихъ въ это время уходитъ къ тургэ; здѣсь сидящіе люди отрѣзываютъ отъ приготовленнаго мяса три куска и подаютъ ему; женихъ бросаетъ ихъ въ разложенный около тургэ огонь. Послѣ этого отрѣзываютъ еще три куска мяса и даютъ въ руки жениху; съ этимъ мясомъ онъ уходитъ въ юрту и становится тамъ на потникъ, рядомъ съ невѣстой, и, кланяясь огню, бросаетъ куски мяса въ огонь очага. Это означаетъ, что женихъ признается равноправнымъ членомъ своего общества и домохозяиномъ; онъ уходитъ послѣ этого къ тургэ.

Невѣстѣ, оставшейся на потникѣ, приносятъ три куска жиру; она, кланяясь, бросаетъ ихъ въ огонь очага. Послѣ этого невѣстѣ приносятъ еще нѣсколько кусковъ жира; она бросаетъ ихъ прямо въ грудь своего свекра, *хадам* по-бурятски. Свекоръ часть жира бросаетъ въ огонь, часть съѣдаетъ, а остальное раздаетъ присутствующимъ; этотъ обычай называется *ухэ хайха*—бросать жиръ; онъ означаетъ, что, входя въ домъ мужа, женщина приноситъ честь и изобиліе; и что она обѣщаетъ быть вѣрной женой и дочерью. Совершивши обрядъ бросанія жира, невѣста уходитъ за занавѣску и сидитъ тамъ.

У тургэ въ это время оставшееся отъ бросанья въ огонь мясо дѣлятъ на три части. Одну часть называютъ, *онгони мäхан*—мясо онгоновъ; его откладываютъ подъ тургэ, и не трогаютъ до тѣхъ поръ, пока всѣ свадебные гости не уѣдутъ; вторую часть мяса съ грудиной откладываютъ въ сторону: это—доля борцовъ; имъ оставляютъ также водки или тарасуна; третью часть мяса съѣдаютъ присутствующіе и выпиваютъ также вино.

Въ юртѣ черезъ нѣсколько времени невѣста съ матерью и съ своими женщинами и дѣвушками снова выходитъ изъ-за занавѣски, подходитъ къ огню и кланяется ему. Ей даютъ чашку съ молокомъ; она нѣсколько капель проливаетъ на огонь и послѣ этого отпиваетъ молока изъ чашки и потчуетъ имъ своихъ провожатыхъ женщинъ; послѣ этого чашку возвращаютъ

обратно. Этотъ обычай называется *сагалха*. [1]) Затѣмъ свекоръ подаетъ невѣсткѣ растопленнаго масла въ чашкѣ, и она немного выливаетъ на огонь; тогда свекровь въ свою очередь подаетъ ей чашку съ масломъ, и она опять выливаетъ немного масла въ огонь. По совершеніи этихъ обрядностей невѣста кланяется огню, поворачиваетъ полѣнья на огнѣ и подкладываетъ нѣсколько новыхъ полѣньевъ. Это значитъ, что какъ увеличивается огонь очага, такъ должно увеличиться семейство ея мужа, а также, что она становится хозяйкой дома. Послѣ этого дарятъ невѣсту, сначала свекоръ и свекровь, а затѣмъ и остальная родня жениха. Дарятъ золотыми и серебряными монетами, а невѣста при этомъ угощаетъ присутствующихъ гостей уже какъ членъ новой семьи.

Когда обрядовая часть свадьбы кончится, тогда начинается настоящій пиръ. Около тургэ борются борцы и состязаются въ бѣгѣ, затѣмъ устраиваютъ скачки. Обыкновенно состязаются борцы съ двухъ сторонъ, со стороны жениха и со стороны невѣсты. Угощеніе бываетъ равное и побѣдителю и побѣжденному. Но въ настощее время эти обычаи выводятся. Погулявши и попировавши въ домѣ у жениха, гости переѣзжаютъ въ домъ его родныхъ; такимъ образомъ пиры продолжаются нѣсколько дней.

Кромѣ скачекъ, бѣга лошадей и борьбы во время угощенія гостей, прежде устраивалось также состязаніе стрѣлковъ, выходившихъ по одному съ каждой стороны по-очереди, а равно и другія игры. Молодежь обоего пола устраивала пляски. Для этого всѣ ставали въ кругъ, держа за руки другъ друга и медленно двигались по солнцу; при этомъ они пѣли пѣсни. Затѣмъ сдвигались плотнѣе и скакали, двигаясь все время по солнцу; въ это время и мотивъ пѣсни изъ протяжнаго становился болѣе отрывистымъ. Пляска эта существуетъ и до нынѣ и называется *хатарха*. Кромѣ хатарха буряты имѣли и другія пляски, которыя состояли въ подражаніи разнымъ животнымъ, звѣрямъ и птицамъ. Какъ народъ охотничій, буряты должны были постоянно наблюдать звѣрей, чтобы умѣть перехитрить ихъ въ случаѣ надобности;

---

[1]) *Сагалха* буквально—„бѣлить“.

потому и въ играхъ и въ пляскахъ ихъ выразилась наблюдательность и подражательность въ этомъ отношеніи. Буряты плясали такъ называемый *хор надан*; въ переводѣ на русскій это будетъ *глухариная игра*. Пляшущіе садились вдвоемъ на корточки, держась на однихъ носкахъ ногъ; руки держали вытянутыми наравнѣ съ плечами; такъ поднятыя руки представляли крылья глухаря. Пляшущіе, подпрыгивая на носкахъ, сходились и расходились; третій пляшущій представлялъ глухариную самку, которая во время пляски проходила между самцами, и самцы дрались за самку. Пляшущіе подражали также и крику глухаря. Другая подобная пляска называлась *хошоло*, и также исполнялась на корточкахъ съ распростертыми въ воздухѣ руками; но ее плясали парами, другъ противъ друга, то подскакивая близко, то удаляясь назадъ. Пляску *мэндэшелгэ* плясали, стоя на ногахъ, одинъ противъ другого, и также сходясь и расходясь; во время мэндэшелгэ пѣли пѣсню.

У Кудинскихъ бурятъ свадебные гости всегда возвращаются домой въ тотъ же день, и на свадьбу пріѣзжаютъ всегда верхами; это болѣе древній обычай. Невѣста иногда остается въ домѣ свекра, а иногда уѣзжаетъ обратно домой.

Свадьбы обыкновенно устраиваютъ лѣтомъ. Балаганскіе буряты время года не разбираютъ, но у нихъ сохранялся повидимому очень древній обычай до очень недавняго времени. Свадебные гости, уѣзжая домой, старались какъ можно ловчѣе угнать нѣсколько штукъ рогатаго скота, но немного. Сосѣди жениха бросались за похитителями въ погоню; происходила драка, иногда скотъ возвращали, а иногда его угоняли въ улусъ невѣсты, гдѣ его кололи и мясо съѣдали, а кожу дѣлили поровну между всѣми.

Въ настоящее время свадебнымъ гостямъ передъ отъѣздомъ подаютъ вино, называемое *ухэри архи*, что въ переводѣ значитъ „скотское вино“ *), вино за скотъ. Это означаетъ, что родители невѣсты угощаютъ своихъ гостей, чтобы они не угоняли скота у жениха, почему можно думать, что угонъ

*) *Ухер*—корова; *архи*—вино.

скота бывалъ только въ томъ случаѣ, если гости оставались недовольны угощеніемъ въ домѣ жениха.

Провожая свадебныхъ гостей, родители жениха, взамѣнъ привезеннаго ими мяса, которое носитъ названіе *сахемэжа*, даютъ въ свою очередь мяса и вина, что называется *мэнхэни оёр* — „дно посуды„ буквально. По бурятскому обычаю посуду, привезенную съ чѣмъ нибудь въ подарокъ, нельзя возвращать обратно пустую. Возвратившись домой, родители невѣсты приглашаютъ къ себѣ стариковъ и старухъ, не ѣздившихъ на свадьбу, и угощаютъ ихъ привезеннымъ мясомъ и виномъ.

Въ домъ жениха послѣ отъѣзда свадебныхъ гостей, также собираются старики и старухи и послѣ небольшого религіознаго обряда: *дэши барьха* и *духаху*, мясо, оставленное подъ тургэ подъ именемъ „онгоннаго мяса", съѣдаютъ и выпиваютъ вино, потомъ расходятся по домамъ.

Въ настоящее время невѣста пріѣзжаетъ жить въ домъ жениха спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы. Въ это время ей готовятъ приданое, шьютъ одежду; надобно, чтобы она носила свою одежду въ домѣ свекра. Ей даютъ также скотъ, и этотъ скотъ не колютъ и не продаютъ, поэтому онъ быстро размножается.

На житье невѣста пріѣзжаетъ въ домъ жениха въ сопровожденіи нѣсколькихъ родныхъ, человѣкъ до десяти; ихъ опять угощаютъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней Въ это время молодая женщина носитъ названіе *бэри*. Она уже одѣвается въ женскую одежду и щеголяетъ ею, носитъ много косъ, такъ называемыхъ *хабиа*, и украшаетъ голову монетами и маржанами (кораллами). Когда пройдетъ около полугода, тогда хабига перемѣняютъ на другую прическу—*болто*, двѣ косы. У Кудинскихъ бурятъ много косъ носятъ до старости и постепенно уменьшаютъ ихъ число. Когда нужно расплетать хабига, тогда приглашаютъ старухъ, которыя варятъ сметану и мясо; все это въ чашкахъ и корзинахъ ставятъ на столѣ около очага, а въ это же время возлѣ очага молодую женщину сажаютъ, расплетаютъ ей косы и заплетаютъ въ двѣ косы, послѣ чего немного саламаты и мяса бросаютъ въ огонь, а остальное съѣдаютъ. Послѣ этого молодая должна еще совершить обрядъ поклоненія онгонамъ. Женщинѣ, носящей

хабига, не позволяется молиться родовымъ онгонамъ мужа; она какъ бы еще считается чужой. Чтобы окончательно войти въ домъ, она должна совершить обрядъ: *онгондо орхо*— входъ къ онгонамъ. Для этого она съ мужемъ берутъ барана, саламаты и вина; заколовши по религіозному обряду барана и побрызгавъ виномъ и саламатой въ огонь, они кланяютя онгонамъ. Послѣ поклоненія домашнимъ онгонамъ молодые дарятъ отца и мать новыми одеждами, при этомъ они кланяются родителямъ въ ноги и просятъ у нихъ благословенія. Родители благословляютъ ихъ и дарятъ скотомъ.

Отношеніе невѣсты къ свекру и роднымъ мужа таково. Невѣстка ни подъ какимъ видомъ не должна называть своего свекра и свою свекровь по имени. Всѣхъ родственниковъ своего мужа старше его и свекра она должна называть *хадам*. Даже когда старики уже умерли, а невѣстка состарѣлась, она не произноситъ именъ своихъ хадамъ. Мало того: имена тѣхъ чужихъ мужчинъ, которыя одинаковы съ именемъ свекра, бурятка не должна произносить. Молодая бурятка никогда не должна быть передъ своими хадамъ безъ шапки и безъ *хамжула*; хамжулъ этотъ только покрываетъ спину; его носятъ вмѣсто прежней *дэглэ*, хотя у бурятъ Кудинскихъ, Капсальскихъ, Верхоленскихъ и Ольхонскихъ до сихъ поръ замужнія женщины носятъ дэглэ; Балаганскія, Идинскія и Аларскія бурятки носятъ хамжулъ. Буряты говорятъ: „öндöр тэнгэридэ ороё харулха угэй, улгэн ехэ дэлхэдэ арая харулха угэй!“ т. е. высокому небу женщина не должна показывать верхушку головы, и великой землѣ не должна показывать спину. Переодѣваться или раздѣваться передъ своими хадамъ женщина не должна; ея постель должна быть въ отдѣльной юртѣ, а если она находится тутъ-же, то непремѣнно за занавѣской. Хадамъ также не долженъ раздѣваться передъ своей невѣсткой, и ни въ какомъ случаѣ не смѣетъ сѣсть или лечь на ея постель. Входя въ юрту, гдѣ находится невѣстка, хадамъ долженъ предупредить ее о томъ, что онъ идетъ, и нѣсколько постоять у входа, чтобы она могла привести свою одежду въ порядокъ. Хадамъ не долженъ также произносить неприличныхъ словъ передъ своей невѣсткой; еслибы случилось, что онъ произнесъ что нибудь нескромное, невѣстка

должна выйти изъ юрты и не входить, пока разговоръ не прекратится. Невѣстка не должна входить въ юрту съ правой стороны и не должна проходить въ юртѣ направо отъ очага, чтобы не подходить близко къ онгонамъ, которые помѣщаются всегда направо отъ очага. Вообще замужнимъ женщинамъ запрещается быть на правой сторонѣ юрты. Если невѣсткѣ встрѣтится ея хадамъ, она должна обойти его кругомъ, никакъ не пересѣкая ему дороги. Совершенно немыслимо, чтобы хадамъ поѣхалъ съ невѣсткою въ одной телѣгѣ или въ саняхъ; вообще находиться близко къ своимъ хадамъ считается для нея неприличнымъ. Говорить при нихъ что-либо непристойное или нескромное грѣшно. Съ своей стороны хадамъ передъ своими невѣстками долженъ вести себя скромно и прилично; въ противномъ случаѣ онъ не пользуется уваженіемъ.

Весь этотъ этикетъ въ отношеніяхъ хадамъ и невѣстки называется по бурятски *сэрхэхэ*. Слово состоитъ изъ двухъ: *сэр* грѣхъ и *хэхэ*—дѣлать; смыслъ сэрхэхэ—„не дѣлать грѣха", при чемъ должно думать, что частица отрицанія—*угэй* выпущена для краткости.

3. *Похоронные обряды.*

Въ прежнее время буряты имѣли обычай сожигать своихъ покойниковъ безъ различія пола и возраста. Когда кто-нибудь умиралъ, то его родня и сосѣди, т. е. соплеменники, собирались къ покойнику, кто бы онъ ни былъ. Они одѣвали его въ его лучшую одежду; если была возможность, то шили новую. На покойника надѣвали и цамцу, и шубу, и унты, и шапку,— однимъ словомъ все то, что онъ носилъ при жизни. Покойнику привязывали къ поясу ножны съ ножемъ и ложку деревянную или металлическую; на шею надѣвали кисетъ съ табакомъ или также привязывали табакъ къ поясу. Подлѣ покойника клали колчанъ съ лукомъ и копье. Съ покойникомъ клали также съѣстные припасы, такъ какъ по мнѣнію бурятъ душа покойника живетъ послѣ смерти той-же жизнью, какъ и на землѣ. Класть покойникамъ огниво, молочную пищу и волосяныя веревки считается великимъ грѣхомъ.

Приготовивъ все необходимое, собравшіеся буряты сна-

ряжали коня для покойника, на коня надѣвали всю лучшую сбрую и лучшее сѣдло. Готоваго коня привязывали къ *сэргэ*, къ столбу для привязыванья лошадей. Послѣ этого покойника выносили и сажали на коня, поддерживая его съ обѣихъ сторонъ; коня велъ за поводъ одинъ изъ участниковъ въ похоронахъ, или слуга покойника, если онъ у него былъ. На покойника надѣвали полное его вооруженіе, и покойникъ ѣхалъ впереди, а за нимъ слѣдовали всѣ его родичи. На пути одну стрѣлу изъ колчана покойника выстрѣливали назадъ; при возвращеніи эту стрѣлу брали съ собой въ домъ. Этотъ обычай сохраняется до нынѣ у Кудинскихъ бурятъ при похоронахъ шамана.

Если покойникъ былъ такъ бѣденъ, что не имѣлъ коня, тогда его несли къ мѣсту сожженія на рукахъ. Такой безконный покойникъ, по мнѣнію бурятъ, былъ осужденъ всю дальнѣйшую свою загробную жизнь проводить также безъ коня; поэтому всякій бурятъ старался имѣть къ смерти коня. Впослѣдствіи, съ умноженіемъ скота у бурятъ, бѣдняковъ покойниковъ отвозили иногда на быкѣ. Если покойникъ былъ богатый или какой нибудь силачъ *бöхö*, который былъ начальникомъ *зэгэтэ-аба*, т. е. въ звѣриной облавѣ, то онъ по обычаю долженъ былъ имѣть при похоронахъ своихъ слугу, котораго насильственно убивали и сожигали вмѣстѣ съ покойникомъ; этотъ слуга долженъ былъ на томъ свѣтѣ служить душѣ покойника. Такого слугу обыкновенно называли: *мори барюхäн эмэль тохухäн*. Если покойникъ при жизни не имѣлъ слуги, то по обычаю ему не полагалось слуги и при похоронахъ.

Когда похоронная процессія пріѣзжала на мѣсто сожженія, то приготовляли дрова, складывали ихъ четыреугольникомъ, на дрова клали покойника, снявши его съ коня, подъ покойника постилали потникъ, а въ головы ему подкладывали сѣдло; такимъ же образомъ на токумѣ (подсѣдельномъ потникѣ) и на сѣдлѣ спали буряты во время своихъ облавъ и походовъ. Потомъ все оружіе и всѣ вещи раскладывали около покойника, а иногда стрѣлы, лукъ, копье и прочія вещи ломали; коня покойника убивали; если былъ слуга, то и его убивали. Послѣ этого дрова зажигали, и покойникъ со всѣмъ

тѣмъ, что его окружало, сгоралъ. По окончаніи этого всѣ присутствующіе уѣзжали домой. Возвращаясь, никто не долженъ былъ оглядываться; если же кто оглядывался, того, по мнѣнію бурятъ, покойникъ возьметъ съ собою, т. е. вѣрили, что такой человѣкъ скоро умретъ. Если покойникъ былъ изъ предводителей или отличался физической силой и мѣткостью въ стрѣльбѣ изъ лука, то при похоронахъ его соплеменники пѣли пѣсни, въ которыхъ восхваляли его дѣйствія и подвиги при жизни. У Кудинскихъ бурятъ и нынѣ существуетъ обычай пѣть пѣсни во время похоронъ шамана, въ которыхъ описываются событія изъ его жизни. На третій день послѣ сожженія покойника родня и сосѣди покойника собирались къ его семьѣ, и всѣ, взявши съ собою съѣстные припасы и все, что нужно, пріѣзжали на мѣсто сожженія покойника. Здѣсь они собирали всѣ оставшіяся отъ сожженія кости и металлическіе остатки отъ оружія и отъ прочихъ вещей. Все собранное складывали, по словамъ преданія, въ берестяное, изукрашенное узорами лукошко и закапывали въ землю на мѣстѣ сожженія. Послѣ того угощались привезенными съѣстными припасами и возвращались домой. Этотъ обрядъ назывался *яха барьха*—кости собирать. Это выраженіе сохранилось и до сегодня, хотя обычай сожигать покойниковъ уже почти совсѣмъ вывелся; такъ въ настоящее время называютъ обычай поминать покойника на третій день пиромъ. Въ настоящее время изрѣдка находятъ сгорѣвшія кости, пепелъ и остатки металлическихъ вещей, сложенные въ берестяныя лукошки въ землѣ; но попадаются также эти вещи и въ глиняныхъ горшкахъ, между тѣмъ преданія совсѣмъ не упоминаютъ о гончарномъ искусствѣ у бурятъ. Можетъ быть, такіе горшки буряты получали отъ сосѣднихъ народовъ путемъ обмѣна.

Особыхъ похоронныхъ мѣстъ у бурятъ повидимому не было; хоронили покойника тамъ, гдѣ онъ умиралъ. Во время кочевого быта всѣ родичи оставались втеченіе трехъ дней, гдѣ было совершено сожженіе, послѣ чего перекочевывали подальше. Дѣлалось это потому, что думали, что душа покойника первые три дня не удаляется отъ дома. Дни эти назывались *хартай*, т. е. черными днями.

М. Хангаловъ.

Кавказско-русскія параллели.

Уже не разъ въ литературѣ нашего эпоса были указываемы параллели между нѣкоторыми типами и сюжетами кавказскихъ нартскихъ сказаній и нашихъ былинъ. Авторъ одного изъ послѣднихъ по времени изслѣдованій по русскому эпосу, г. Халанскій, отмѣчая нѣкоторыя подобныя параллели, пытается даже обосновать нѣкоторыми историческими соображеніями специальныя черты родства кавказско-русскихъ эпическихъ мотивовъ. „Связи Руси съ Кавказомъ, говоритъ г. Халанскій [1]), во всѣ періоды нашей исторіи были такъ живы и постоянны, что a priori можно было ожидать встрѣчи съ вопросомъ объ отношеніяхъ кавказскихъ народныхъ сказаній къ русскому народному творчеству. Народы, осѣвшіе на этомъ этнографическомъ днѣ великой Европейской равнины, находились въ частомъ и долгомъ общеніи съ югомъ и востокомъ Руси. Непремѣнно должны были отразиться въ народномъ творчествѣ слѣды ихъ вліянія, какъ отразились они въ языкѣ, бытѣ, общемъ складѣ русской народности. Позднѣе казачество Запорожское и Донское было естественнымъ проводникомъ кавказскихъ мотивовъ на Русь. Loci communes русскихъ былинъ—шелки *шемаханскіе*, сѣдла *черкасскія,* черкесы *пятигорскіе* объясняются именно живыми сношеніями съ Кавказомъ“.

[1]) Великорусскія былины Кіевскаго цикла, стр. 33.

Оставляя для дальнѣйшаго вопросъ объ историческихъ отношеніяхъ Руси къ Кавказу, затронутый г. Халанскимъ, сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о сѣверо-кавказскихъ эпическихъ сказаніяхъ вообще, и укажемъ, въ какихъ спеціальныхъ мотивахъ они роднятся съ нашимъ эпосомъ. Матеріалы, до сихъ поръ изданные по эпическимъ кавказскимъ сказаніямъ—кабардинскимъ, балкарскимъ, осетинскимъ, чеченскимъ, позволяютъ установить фактъ, что богатырскія сказанія названныхъ сѣверо-кавказскихъ народностей представляютъ собою одинъ эпическій циклъ, который можно назвать сѣверокавказскимъ и который нѣкогда сложился въ степяхъ сѣверозападнаго Кавказа, а впослѣдствіи зашелъ въ горы, гдѣ главнымъ образомъ и сохранился. На плоскостное происхожденіе указываютъ весьма ясно кабардинскія и осетинскія нартскія сказанія. Въ первыхъ нарты совершаютъ набѣги къ рѣкамъ Тану (Дону) и Идылю (Волгѣ) и встрѣчается упоминаніе горы Бештау. Такъ, нартъ Сосруко говоритъ про свои года: „Когда Бештау былъ не больше кочки и чрезъ Идыль шагали мальчики, я былъ старикъ въ полной силѣ [1])". Въ осетинскихъ сказаніяхъ похожденія нартовъ совершаются внѣ предѣловъ нынѣшней Осетіи, въ Касажской (т. е. Черкесской) равнинѣ (Кэсэджи быдыръ), гдѣ нѣкогда жили предки Осетинъ.

Наибольшее число нартскихъ сказаній сохранилось у Кабардинцевъ и Осетинъ. Горскіе Татары, живущіе въ горной, южной Кабардѣ (Урусбіевцы, Чегемцы, Хуламцы, Бизенгійцы и Балкарцы), какъ позднѣйшіе пришельцы, повидимому, заимствовали нѣкоторые типы нартовъ у Кабардинцевъ или нашли ихъ на новой родинѣ, раньше ихъ населенной Осетинами. Что касается Чеченцевъ, то ихъ нартскія сказанія находятся подъ вліяніемъ осетинскихъ, на что можно найти указанія у собирателя ихъ чеченца Чаха Ахріева. Постоянное жительство чеченскихъ *нартовъ*, по его словамъ, есть сосѣдняя съ Чечней Осетія, именно Саниба [2]). Конечно, не смотря на плоскостное происхожденіе сѣверо-

---

[1]) См. Сбор. Свѣд. о Кавк. Горцахъ. Вып. V, отд. II, стр. 50. „Изъ кабардинскихъ сказаній".

[2]) Сб. Св. о К. Горц. IV, отд. II, стр. 2.

кавказскаго эпоса, въ народностяхъ, разсказывающихъ преданія о нартахъ, встрѣчается стремленіе прикрѣпить своихъ героевъ къ родной мѣстности. Такъ, при первомъ знакомствѣ съ осетинскими сказаніями кажется, что они прикрѣплены къ почвѣ Осетіи: напримѣръ, по дорогѣ изъ восточной Осетіи въ Дигорію, при поворотѣ въ долину Уруха, внизу подъ ауломъ Наръ, мнѣ показывали усыпальницу нарта Сослана, недалеко оттуда-же овальную площадку, обложенную камнями и называемую *нарты ныхас*—нартское сборище. Въ аулѣ Стуръ-Дигорѣ живетъ родъ Хамицайта, производящій себя отъ нарта Хамица; осетинскія святилища—Рекомъ, Мыкалы габыртэ, по сказаніямъ, явились изъ слезъ, пролитыхъ Богомъ надъ трупомъ нарта Батраза; въ нѣкоторыхъ древнихъ кладбищахъ, напримѣръ, близъ аула Дзивгиса въ Куртатинскомъ ущельи, указываютъ могилы нартовъ. Но подобныя, позднія пріуроченія встрѣчаются у Осетинъ на тѣхъ-же правахъ, какъ у Кабардинцевъ, Чеченцевъ или какъ у нашихъ онежскихъ сказителей. Такъ, въ Кубанской области нѣкоторыя урочища связаны съ именами кабардинскихъ нартовъ. „Мнѣ разсказывали очевидцы,—говоритъ г. Урусбіевъ, [1]) что при впаденіи рѣки Тиберды въ Кубань, близъ Хумаринскаго укрѣпленія, находится на одной высокой скалѣ большой замокъ, носящій названіе „Чуана“. По преданіямъ въ немъ нѣкогда жилъ нартъ Гиляхсыртанъ злоязычный. Близъ Чуана лежитъ большой камень, называемый камнемъ нарта Сосруко. По одному сказанію, Сосруко взъѣхалъ на этотъ камень на своей лошади, и она оставила на камнѣ слѣды своихъ копытъ. Тамъ-же виднѣются слѣды собаки, которая тоже взошла на камень“. По словамъ Чаха Ахріева, мѣстомъ дѣйствія чеченскихъ нартовъ служитъ западная часть территоріи, населенной Чеченцами (ингушами), именно Галгаевское ущелье, по которому протекаетъ рѣка Асса [2]). Это ущелье, посѣщенное мною въ 1886 г., изобилуетъ всякими памятниками старины, развалинами церквей, замковъ, кладбищами и т. п.,

---

[1]) См. Сбор. Матер. для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. I. Отд. II, стр. III.

[2]) Сб. Св. о К. Горц. IV. Отд. II, стр. 2.

чѣмъ, конечно, въ связи съ близостью къ Осетіи, объясняется прикрѣпленіе къ нему подвиговъ нартовъ.

Въ настоящее время сѣверо-кавказскія нартскія сказанія уже переживаютъ періодъ вымиранія. У Осетинъ ихъ знаютъ теперь только нѣкоторые старики; молодое-же поколѣніе имѣетъ о нартахъ такое-же смутное понятіе, какъ, напримѣръ, олонецкая крестьянская молодежь о былинныхъ богатыряхъ.

Въ Кабардѣ нартскія сказанія пѣлись въ прежнее время бродячими пѣвцами-поэтами, называвшимися гегуако, которые разъѣзжали по всей Кабардѣ исключительно съ цѣлью присутствовать на народныхъ собраніяхъ, увеселеніяхъ, погребальныхъ и иныхъ процессіяхъ, гдѣ и пѣли свои пѣсни о минувшихъ временахъ. Но съ распространеніемъ магометанской религіи гегуако впадаютъ въ немилость у муллъ, какъ ихъ соперники по вліянію на народъ, и съ теченіемъ времени исчезаютъ. Есть поэтому полное основаніе думать, что извѣстныя намъ кабардинскія горско-татарскія, осетинскія и чеченскія сказанія представляютъ лишь скудный остатокъ болѣе полнаго и богатаго цикла.

Въ настоящее время циклъ нартскихъ сказаній далеко не богатъ содержаніемъ. Главные мотивы, варьирующіеся въ сѣверо-кавказскомъ эпосѣ, слѣдующіе:

1. Враждебныя встрѣчи богатырей съ великанами (кабард. эмегенами, осет. ойгутами, чечен. орхустойцами). Въ сказаніяхъ проходитъ та мысль, что раньше поколѣнія *нартовъ* на землѣ жили великаны, отличавшіеся непомѣрной силой, но вмѣстѣ и глупостью. Между нартами и великанами велась постоянная борьба, въ которой, благодаря своему умственному превосходству, нарты всегда оставались побѣдителями [1].

2. Поѣздки съ цѣлью набѣговъ для угона скота, причемъ нарты возвращались съ богатой добычей, обыкновенно благодаря одиночному подвигу одного изъ нихъ, самаго молодого. Такія поѣздки до послѣдняго времени, какъ извѣстно, составляли бытовую черту сѣверо-кавказскихъ племенъ.

[1]) См. Сбор. мат. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа, I. Отд. II, стр. II. Сбор. свѣд. о Кавк. Горцахъ. V. Отд. II, стр. 48.

3. Пиры въ свободное отъ набѣговъ время, у кабардинцевъ въ домѣ Алиговыхъ, у осетинъ въ домѣ Бораевыхъ, Алагаевыхъ, причемъ на пиру нарты хвастаются своими подвигами, состязаются въ пляскѣ и играхъ. Нерѣдко игры кончаются ссорой и борьбой, что также представляетъ бытовую черту.

4. Кровная месть обыкновенно за убитаго отца. Сильнѣйшій изъ нартовъ (Батразъ) жестоко мститъ убійцѣ и всѣмъ его одноаульцамъ, причемъ месть за отца переходитъ въ борьбу одного противъ всѣхъ.

5. Чудесное рожденіе нѣкоторыхъ нартовъ, напримѣръ Батраза изъ нароста, образовавшагося на спинѣ его отца отъ плевка уходящей отъ мужа жены; Сосруко — изъ камня, богатырской жены Сатàны отъ мертвой матери.

Въ соотвѣтствіи съ политическими обстоятельствами, не выработавшими среди сѣверо-кавказскихъ народностей центральной государственной власти, и эпосъ не имѣетъ такого центра, хотя въ немъ и проявляются попытки сводить нартовъ на пиру въ наиболѣе выдающихся семьяхъ. Въ одномъ кабардинскомъ сказаніи (о Пши Бадиноко) упоминается какой то князь-дѣдушка или господинъ дѣдушка во главѣ нартовъ, которые пируютъ, имѣя его во главѣ, и Сосрыко на посылкахъ. Издатель этого сказанія предполагаетъ, что князь-дѣдушка вѣроятно старѣйшій нартъ, проживавшій въ томъ аулѣ [1]). Но никакихъ другихъ указаній на эту личность въ кабардинскомъ эпосѣ не встрѣчается.

Какъ въ нашъ эпосъ богатырскій были вовлечены съ теченіемъ времени отдѣльные сказочные сюжеты и прикрѣплены къ похожденіямъ того или другого богатыря, такъ было и въ сѣверо-кавказскомъ эпосѣ. Особенно сильное вліяніе оказали на осетинскій эпосъ нѣкоторые иранскіе сюжеты (Рустемъ, Бежанъ) и грузинскія сказанія о Дареджановыхъ, вѣроятно, также иранскаго происхожденія.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній перехожу къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ мотивовъ кавказскихъ эпическихъ сказаній, представляющихъ параллели или аналогіи нашимъ былиннымъ.

---

[1]) Сб. св. о Кав. Горц. V. Отд. II, стр. 63.

I.

Въ нашемъ эпосѣ личность Святогора, иногда смѣшивающаяся съ Самсономъ, представляетъ unicum. Какъ извѣстно, покойный К. Аксаковъ въ этомъ вымирающемъ старшемъ богатырѣ видѣлъ послѣдняго представителя поколѣнія титановъ русской миѳологіи. Однако дальнѣйшія изслѣдованія, главнымъ образомъ акад. А. Н. Веселовскаго [1]), указали въ сказаніяхъ о немъ такъ много элементовъ книжныхъ и сказочныхъ, что въ настоящее время уже едва ли кто нибудь рѣшится отыскивать въ Святогорѣ какіе нибудь миѳологическіе элементы. Слагается даже убѣжденіе, что типъ этого богатыря возникъ не на русской почвѣ, а попалъ на нее изъ другихъ мѣстъ и только отчасти вошелъ въ кругъ русскихъ богатырей, хотя все же стоитъ къ нимъ нѣсколько особнякомъ:

„Не ѣзжалъ онъ на святую Русь,
Не носила его да мать сыра земля“ [1]).

Уже г. Халанскій указалъ на то, что „для сравненія съ русскими сказаніями о Святогорѣ... представляютъ интересъ кавказскія сказанія о столкновеніяхъ нартовъ съ великанами [3]), и отмѣтилъ нѣкоторыя черты сходства между осетинскимъ Муккарой и Святогоромъ. Муккара напоминаетъ послѣдняго своей величиной, силой и неуязвимостью. Какъ Святогоръ находится въ связи съ *горами*, такъ Муккара называется *княземъ скалъ*. Въ одномъ сказаніи осетинскомъ [4]) о Сосрыко, когда этотъ нартъ бросился съ мечемъ на замороженнаго въ морѣ великана, послѣдній, дунувъ, отбросилъ его на полдневный путь назадъ. Какъ на крыльяхъ прилетѣлъ вновь Сосрыко, и когда, вынувъ мечъ, онъ подъѣхалъ снимать голову великану, тотъ сказалъ: „еслибы я не былъ глупый

[1]) Журн. М. Н. Пр. 1884. Іюнь.—Зап. И. Акад. наукъ, т. 34. кн. I. прилож. 1879.

[2]) Гильфердингъ, № I, стр. 7.

[3]) Великор. былины Кіевск. цикла, стр. 184.

[4]) Сбор. Св. о К. Г. V. Отд. II, стр. 53—56

великанъ, какъ было мнѣ не догадаться по двумъ твоимъ колѣнямъ, что ты Сосрыко". Приведя этотъ эпизодъ, г. Халанскій припоминаетъ, что и Святогоръ хотѣлъ дохнуть мертвымъ духомъ на братца названнаго (Илью), и послѣднему достался мечъ-кладенецъ Святогора, какъ нарту Сосрыко чудный кинжалъ Муккары [1])". Съ своей стороны замѣтимъ, что „богатырское дуновеніе" вродѣ „мертваго духа" Святогора встрѣчается и въ другихъ кавказскихъ сказаніяхъ. Такъ въ осетинскомъ сказаніи о Батразѣ разсказывается, что когда этотъ насильникъ былъ сраженъ *балсаговымъ* колесомъ, по повелѣнію Бога, за то, что онъ бился противъ небесныхъ духовъ (уастырджіевъ и уацилловъ), то ангелы снесли его тѣло въ софійскій склепъ. Когда его положили туда, онъ пустилъ на ангеловъ свой духъ и шестьдесятъ изъ нихъ пали [2]). Здѣсь мы находимъ черту, извѣстную изъ нашихъ былинъ— наказаніе божеское богатырей за борьбу съ силой нездѣшней, а насильникъ Батразъ, испускающій изъ гроба мертвый духъ, спеціально напоминаетъ Святогора. Другая черта Святогора— погрязаніе въ землѣ за похвалу перевернуть всю землю, находитъ себѣ аналогію въ грузинскомъ сказаніи объ Амиранѣ, который за свои насилія и гордость по волѣ Божьей также погрязаетъ въ землю [3]).

Въ нашихъ былинахъ мы не находимъ мотива о настоящемъ боѣ между представителемъ младшихъ богатырей и великаномъ Святогоромъ. При несоразмѣрности ихъ силъ удары Ильи кажутся Святогору уколами комара и кончаются тѣмъ, что великанъ засаживаетъ Илью въ глубокъ карманъ [4]). Напротивъ, есть намеки на дружелюбныя ихъ отношенія. Святогоръ назвалъ Илью меньшимъ братомъ и выучилъ его „всѣмъ похваткамъ, поѣздкамъ богатырскимъ" [5]). Но все же встрѣча Ильи со Святогоромъ не проходитъ для послѣдняго благополучно: въ одной былинѣ разсказывается о связи Ильи съ женой Святогора, въ другой—о смерти его въ при-

[1]) Назв. соч., стр. 186.

[2]) Осет. Этюды. I. стр. 25.

[3]) Груз. газета «Иверія», 1887, № 145.

[4]) Гильферд. №№ 265. 270, 273.

[5]) Рыбн. I, стр. 40.

сутствіи Ильи (эпизодъ съ гробомъ). Въ кавказскихъ сказаніяхъ встрѣчи нартовъ съ великанами обыкновенно враждебны и кончаются смертью послѣднихъ, причемъ встрѣчается и мотивъ овладѣнія богатыремъ женою великана. Г. Халанскій отмѣтилъ его въ осетинскомъ сказаніи о состязаніи нарта Сосрыко съ великаномъ Муккарой, кончающемся тѣмъ, что Сосрыко обманнымъ образомъ убиваетъ Муккару и беретъ за себя его красавицу жену [1]). Весьма близкую параллель этому мотиву, а также связи Ильи со Святогоровой женой, представляетъ пшавское сказаніе о Ростомѣ, сообщенное въ газетѣ „Иверія" (1889, № 82). Ростомъ присутствуетъ при боѣ чернаго гиганта съ краснымъ изъ-за красавицы и остается у побѣдителя — чернаго—въ качествѣ слуги (=Святогоръ и меньшій братъ Илья). Это безславное положеніе стало ему наконецъ невыносимо, и онъ задумалъ убить великана. Подкравшись къ нему во время сна [2]), онъ пытался отрубить ему голову его же кинжаломъ, но не могъ даже поднять оружіе великана. Тогда онъ *своимъ* кинжаломъ отрубилъ обѣ ноги великана, затѣмъ убилъ его и взялъ себѣ его красавицу, отъ которой и родился у него сынъ Зорабъ [3]). Въ имеретинскомъ варіантѣ того же сюжета, Ростомела помогаетъ девятиголовому деви отнять жену, похищенную у него 12-тиголовымъ деви. „Ростомела, какъ вихрь, понесся къ послѣднему, бросилъ въ него копьемъ, и деви упалъ на землю мертвымъ; моментально онъ подскочилъ къ нему, отрѣзалъ ему головы, а жену повелъ къ мужу. Но она оказалась такою красавицей, что Ростомела убилъ и девятиголоваго деви, а самъ сдѣлалъ ее своей женою". (Отъ нея у него родился сынъ Абрамела—Зорабъ [4]).

---

1) Назв. соч., стр. 185.

2) Этногр. Обозрѣніе. Кн. II. стр. 13. «Отголоски иранскихъ сказаній на Кавказѣ».

3) Вспомнимъ, что Илья во время сна Святогора дѣлаетъ дѣло повелѣнное его женой,—а также ту черту, что Илья, намѣреваясь по просьбѣ Святогора ударить Святогоровымъ мечемъ по крышкѣ его гроба, не былъ *въ состояніи* его даже поднять, пока Святогоръ не вдохнулъ въ него часть своей силы. (Рыбн. I. стр. 42).

4) Сбор. мат. для описанія мѣстн. и племенъ Кавказа. Вып. IX, Отд. II, стр. 168.

Такимъ образомъ, восточный сказочный мотивъ, наслоившійся на Святогора и Илью въ эпизодѣ о связи Ильи съ его женою [1]), наслоился и на предполагаемый нами прототипъ Ильи, на кавказскаго Ростома, хотя въ иранскомъ эпосѣ мы не знаемъ *такого* похожденія Рустема. Едва ли такое совпаденіе игра случая.

Такой же восточный сказочный сюжетъ находимъ въ *побывальщинѣ* о женитьбѣ Святогора, и снова на Кавказѣ въ татарской сказкѣ «Отъ судьбы не уйдешь» [2]), открывается самый близкій по деталямъ къ нашему изводъ этого сказанія. Въ виду того, что я посвятилъ этой параллели отдѣльную замѣтку [3]), я напомню здѣсь только въ краткихъ чертахъ содержаніе кавказской сказки и отмѣчу детали, совпадающія въ ней съ русской побывальщиной.

Молодой царевичъ заблудился въ лѣсу на охотѣ, провелъ тамъ ночь и утромъ набрелъ на домикъ, въ которомъ увидѣлъ дряхлаго старика, читавшаго большую книгу, и что то по временамъ записывавшаго тростниковымъ перомъ. Царевичъ спросилъ у него объясненіе его занятія. Тотъ долго отказывался и наконецъ сказалъ, что записываетъ въ книгу судьбы каждаго человѣка. На вопросъ царевича о предстоящей ему судьбѣ, старикъ посмотрѣлъ въ книгу и объявилъ, что царевичу суждено жениться на дочери бѣднаго пастуха, которая давно страдаетъ неизлѣчимою болѣзнью. Царевичъ разсердился на старика, ушелъ изъ его хижины и побрелъ, куда глаза глядятъ. Идя ночью на свѣтъ огонька, онъ пришелъ къ хижинѣ одного бѣдняка, который предложилъ ему у себя ночевать. „Если не побрѣзгуетъ твоя милость",—сказалъ онъ,—«то я помѣщу тебя въ моей хижинѣ; тамъ спитъ только моя больная дочь».— «Больная дочь?» спросилъ царевичъ,—«а кто же ты самъ?» — «Я бѣдный пастухъ, твой покорный рабъ, мой милостивый ага». Царевичъ тотчасъ догадался, что больная дѣвушка — предназначенная ему невѣста, и рѣ-

[1]) См. ст. *А. Н. Веселовскаго.* Филологич. Записки, 1876 г. Вып. VI, стр. 1—12.

[2]) Сб. Мат. для опис. мѣст. и плем. Кавказа. VI. отд. II. Сказки закавказ. Татаръ, № 2.

[3]) См. Ж. М. Н. Пр. 1889, часть CCLIX, отд. 2, стр. 337—341.

шился ее погубить. Онъ легъ ночевать въ комнатѣ больной, а пастухъ съ женой спали на дворѣ. Ночью царевичъ, убѣдившись, что хозяева спятъ глубокимъ сномъ, подошелъ къ спящей дѣвушкѣ и ударилъ ее кинжаломъ въ животъ. Она громко вскрикнула и замолкла. Думая, что она мертва, царевичъ положилъ около нея мѣшокъ съ червонцами, вышелъ тихонько изъ хижины и исчезъ въ темнотѣ. По уходѣ царевича, когда утромъ отецъ и мать вошли въ хижину, то увидѣли дочь свою совсѣмъ здоровой. Оказалось, что ударъ кинжаломъ исцѣлилъ ее, такъ какъ она страдала водянкой. Обрадованные родители вмѣстѣ съ дочерью переселились въ городъ, гдѣ купили себѣ домъ на деньги, оставленныя царевичемъ. Дочь ихъ стала замѣчательною красавицей. Однажды царевичъ увидалъ ее у крыльца дома, влюбился въ нее и сталъ умолять отца своего дозволить на ней жениться. Царь изъ любви къ сыну соглашается исполнить его просьбу. Однажды молодая царевна съ матерью и сестрами своего мужа пошла въ баню. Онѣ замѣтили у нея глубокій шрамъ и сказали царевичу. Онъ разспросилъ жену и убѣдился, что жена его именно та дѣвушка, которую онъ покушался убить. [1])

Приведенная сказка какъ въ цѣломъ, такъ и во многихъ деталяхъ, близко напоминаетъ побывальщину о женитьбѣ богатыря Святогора, записанную Рыбниковымъ (I, стр. 40—41). Желая узнать свою судьбу, Святогоръ, по совѣту Микулы, ѣдетъ къ «Сиверныимъ» горамъ и пріѣзжаетъ къ кузницѣ, гдѣ кузнецъ куетъ два тонкихъ волоса. „Говоритъ богатырь таковы слова: А что ты куешь, кузнецъ? Отвѣчаетъ кузнецъ: я кую судьбину, кому на комъ жениться.—А мнѣ на комъ жениться?—Твоя невѣста въ царствѣ Поморскомъ, въ престольномъ во городѣ, тридцать лѣтъ лежитъ во гноищѣ. Стоитъ богатырь, пораздумался: дай-ка я пойду въ тое царство Поморское и убью тую невѣсту. Пріѣхалъ онъ къ царству Поморскому, ко тому ко городу ко престольному, пріѣзжалъ къ домишечку убогому, входитъ въ избу: никого нѣтъ дома, одна только дѣвка лежитъ во гноищѣ; тѣло у ней—точно еловая кора. Вынулъ Святогоръ-богатырь пятьсотъ рублей и по-

[1]) Срв. легенду терск. казак. въ Этн. Обозр., кн. VIII, стр. 135—136 и 260.

ложилъ на столъ, и взялъ свой вострый мечъ и билъ ее мечомъ по бѣлой груди. а затѣмъ и уѣхалъ изъ царства Поморскаго. Проснулась дѣвка, смотритъ: съ нея точно еловая кора спала, а на столѣ лежитъ денегъ пятьсотъ рублей; и стала она красавицей: такой на свѣтѣ не видано, на бѣломъ не слыхано. На тыя деньги начала она торговать и нажила безсчетну золоту казну, строила кораблики червленые, накладала товары драгоцѣнные и поѣхала по славну, по синю морю. Пріѣхала она ко городу великому на святыхъ горахъ и стала продавать товары драгоцѣнные. Слухъ про ея красоту пошелъ по всему городу и по всему царству. Пришелъ и Святогоръ-богатырь посмотрѣть на красавицу; полюбилась она ему. Сталъ онъ ю сватать за себя, и она пошла за него замужъ. Какъ поженился на ней богатырь, увидѣлъ онъ рубчикъ на ея бѣлой груди и спрашивалъ жену: что у тебя за рубецъ на бѣлой груди? Отвѣчала ему жена: въ наше царство Поморское пріѣзжалъ невѣмъ человѣкъ, оставилъ въ нашей избѣ денегъ пятьсотъ рублей, а я спала крѣпкимъ сномъ. Какъ проснулась, у меня рубецъ на бѣлой груди и точно еловая кора спала съ бѣла тѣла, а до той поры-времени я лежала во гноищѣ цѣло тридцать лѣтъ. Тутъ Святогоръ-богатырь дознаяъ, что отъ судьбины своей никуда не уѣдешь". Въ виду смѣшенія въ нашихъ былинахъ личностей Святогора и Самсона, и послѣднему богатырю приписываетъ одна побывальщина женитьбу въ Поморскомъ царствѣ на дочери Луки Калѣки, которая тридцать лѣтъ лежала въ гноищѣ. [1])

Разсматривая записанную Рыбниковымъ побывальщину, мы замѣчаемъ, что она сохраняетъ въ отдѣльныхъ выраженіяхъ еще яркіе слѣды своего предшествующаго состоянія, то-есть былины. Таковы: Сиверныя горы, Святыя горы, Поморское царство и друг. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствуется, что эта былина еще раньше, прежде чѣмъ сложилась въ былинный размѣръ, была сказкой, только случайно прикрѣпившеюся къ личности Святогора или Самсона. Притомъ нельзя не замѣтить, что эта сказка, перейдя въ былину, утратила значительную долю логичности и осмысленности въ деталяхъ.

[1]) Рыбниковъ, III, 3

именно вслѣдствіе того, что въ нее вторгнулись некстати реминисценціи изъ другихъ былинъ, связанныхъ съ именемъ Святогора и Самсона. Къ такимъ былиннымъ отголоскамъ, внесшимъ въ сказку запутанность и неосмысленность, нужно отнести, напримѣръ, кузнеца, кующаго два тонкіе волоса, о которыхъ далѣе въ побывальщинѣ нѣтъ никакого упоминанія[1]), и Святыя горы, находящіяся съ связи съ именемъ богатыря Святогора. Страннымъ и не мотивированнымъ представляется также оставленіе Святогоромъ 500 рублей у дѣвушки, которую онъ убиваетъ, между тѣмъ какъ тотъ же мотивъ является вполнѣ умѣстнымъ въ татарской сказкѣ, такъ какъ мѣшокъ съ деньгами, оставленный царевичемъ, долженъ служить вознагражденіемъ родителямъ дѣвушки, оказавшимъ царевичу гостепріимство, за которое онъ отплатилъ имъ убійствомъ ихъ больной дочери. Вѣроятно, въ какомъ-нибудь другомъ изводѣ русской побывальщины была подробность, болѣе близкая къ татарской сказкѣ, то-есть упоминались родители Святогоровой суженой; по крайней мѣрѣ въ побывальщинѣ о женитьбѣ Самсона упоминается отецъ больной дѣвушки, какой-то Лука Калѣка, который, вѣроятно, по логикѣ сказки (въ какомъ-нибудь изводѣ) получалъ деньги, оставленныя богатыремъ и послужившія затѣмъ къ обогащенію исцѣленной дочери.

Наши изслѣдователи былинъ указали въ нѣкоторыхъ сказкахъ мотивы и отдѣльныя черты, напоминающія побывальщину о женитьбѣ Святогора[2]). Изъ указанныхъ ими сказокъ только одна дѣйствительно напоминаетъ побывальщину. Это пермская сказка о невѣстѣ-горбуньѣ, напечатанная въ Пермскомъ Сборникѣ[3]). Но эта сказка значительно подновлена

[1]) Эти два волоса, вѣроятно, реминисценція тѣхъ золотыхъ волосъ, отъ которыхъ зависѣла сила Самсона.

[2]) См. *Ор. Миллеръ*. Илья Муромецъ, 239, примѣч. 146. *И. Ждановъ*. Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи, стр. 140 и слѣд. *А. Н. Веселовскій*, Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. XI—XVII, вып. V, стр. 203 и слѣд.

[3]) Искалъ одинъ человѣкъ себѣ невѣсту. Пришелъ разъ въ церковь. Старикъ одинъ говоритъ ему: чего ты ищешь? — Невѣсту. Взялъ его за руку, подвелъ къ нищимъ и указалъ на горбатую нищую: «вотъ твоя, говоритъ,

въ подробностяхъ и, какъ уже сказалъ г. Ждановъ, въ ней умалчивается о многомъ такомъ, о чемъ разсказываетъ побывальщина: поѣздка куда-то далеко, сонъ суженой, деньги, оставляемыя богатыремъ [1]). Притомъ, вмѣсто одной встрѣчи, въ сказкѣ упоминаются двѣ встрѣчи юноши съ суженой: въ церкви и въ богадѣльнѣ. Такимъ образомъ пермскую сказку нельзя и сравнивать съ кавказскою по отношенію близости той и другой къ побывальщинѣ о женитьбѣ Святогора-Самсона. Кавказская сказка содержитъ всѣ главныя и существенныя черты побывальщины и притомъ съ болѣе осмысленною мотивировкой.

Къ какому-же заключенію можно прійти, сравнивая нашу побывальщину съ кавказскою сказкой? Мы склонны думать, что та и другая восходятъ къ одному оригиналу, который возникъ, во всякомъ случаѣ, не въ Россіи, а зашелъ въ нее съ востока, вѣроятно, путемъ сѣвернаго Кавказа. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ такой-же примѣръ вторженія восточной сказки въ русскую былину и пріуроченія сказочнаго мотива къ имени русскаго богатыря, какой уже давно указанъ въ другомъ разсказѣ о томъ-же Святогорѣ и его невѣрной женѣ, которую онъ носитъ въ хрустальномъ ларцѣ *).

Въ заключеніе, чтобъ не возвращаться къ Святогору, напомню, что хотя изслѣдованія А. Н. Веселовскаго указали на книжность мотива о „тягѣ“ земной, которую, по невѣдѣнію, старается приподнять Святогоръ, но тотъ-же изслѣдователь отмѣтилъ также кавказскія параллели нашей сумочки пере-

---

судьба: не обойдешь, не объѣдешь»... Постой-же, думаетъ мужикъ, я засѣку нищую. Нишша эта жила въ богадѣльнѣ; вотъ, онъ ночью пріѣхалъ туда, выкликалъ горбунью, хватилъ ее тесакомъ и самъ ушелъ скоро. Думатъ дорогой: засѣкъ теперь нишшу, вотъ и судьба моя!» Однако, горбунья отъ удара тесака не умерла, а стала красивой дѣвкой и поступила въ кухарки къ одному офицеру. Назначенный ей судьбою женихъ встрѣтился съ нею и присватался. Она согласилась. Когда молодые пошли въ баню, мужъ увидѣлъ у нея рубцы, разспросилъ ее и узналъ, что она именно та самая, которую онъ покушался убить. См. Пермскій Сборникъ, кн. II, отд. 2, стр. 166.

[1]) *Ждановъ*, назв. соч., 143.

[2]) См. *Ор. Миллеръ*. Илья Муромецъ, стр. 166, примѣч. 5. *Вс. Миллеръ*. Отчетъ Московскаго университета за 1875 г. *А. Н. Веселовскій*. Филологич. Записки 1876 г., вып. 6. *Rambaud*. La Russie épique, pp. 49—50.

метной въ сумочкѣ, встрѣченной на дорогѣ нартомъ Сосланомъ, [1]) и мѣшкѣ съ тяжестью всей земли, который пытался поднять осетинскій насильникъ Батразъ [2]).

Замѣтимъ также, что кавказскіе великаны засаживаютъ, подобно нашему Святогору, людей въ карманъ, въ сумку, даже въ дупло зуба. Такъ, чеченскій богатырь Говда, убѣгая отъ людоѣдовъ, встрѣчаетъ слѣпого великана и проситъ у него защиты. Тотъ сжалился надъ нимъ и сунулъ его себѣ въ карманъ съ конемъ и оружіемъ [3]). Мингрельскій великанъ Кажи, посадившій двухъ другихъ великановъ въ карманъ, долженъ былъ спасаться бѣгствомъ отъ болѣе сильнаго *лѣсного* великана (Ндіи) и на дорогѣ увидѣлъ великана-пахаря, который, запрягши въ плугъ нѣсколько десятковъ паръ буйволовъ, пахалъ землю. Кажи попросилъ его спасти отъ Ндіи. Тогда земледѣлецъ, напоминающій нашего Микулу-Селяниновича, положилъ его въ сумку, изъ которой доставалъ сѣмя [4]). Кавказскіе великаны нерѣдко представляются *слѣпыми*, что напоминаетъ *темнаго* (т. е. слѣпаго) отца Святогора [5]).

Въ Далевскихъ отмѣткахъ изъ народныхъ преданій объ Ильѣ Муромцѣ мы находимъ глухое указаніе на какую-то встрѣчу Ильи съ богатырскимъ костякомъ. „Разогнавъ шайку разбойничью тѣмъ, что разщепилъ сырой дубъ стрѣлою въ черенки ножевые, Илья наѣхалъ на остовъ, костякъ богатырской, предалъ его честно землѣ и засыпалъ великимъ курганомъ, который гдѣ-то и теперь стоитъ“ [6]). Неизвѣстно, была-ли эта встрѣча Ильи обработана въ какой-нибудь недошедшей до насъ былинѣ, неизвѣстно, почему Илья счелъ долгомъ предать честному погребенію исполинскій остовъ (хотя слѣдуетъ думать, что не безъ основанія), но во всякомъ случаѣ указанный мотивъ весьма древенъ и едва-ли случайно при-

---

1) Слово о двѣнадцати снахъ Шаханши, стр. 42.

2) См. Сбор. свѣд. о Кавказѣ. I, стр. 169, ст. Пфафа. Ср. также *Жданова*. Къ литерат. исторіи, стр. 97, 98 и 129.

3) *Н. Семеновъ*. Сказки и легенды Чеченцевъ, стр. 4.

4) Сбор. Матер. для опис. мѣст. и плем. Кавказа. Вып. X, отд. III, стр. 84 «Мингрельскія сказки».

5) *Рыбниковъ*, III, 6.

6) *Кирѣевск.*, I. прилож., стр. XXXIII.

крѣпленъ къ Ильѣ. Вспомнимъ, что тотъ-же Илья, по былинамъ, участвуетъ въ смерти великана Святогора и, такъ сказать, укладываетъ его въ гробъ. Съ другой стороны древность мотива подтверждается тѣмъ, что въ сказкѣ о Еруслане Лазаревичѣ, имѣющей несомнѣнное отношеніе къ былинной исторіи Ильи, этому мотиву соотвѣтствуетъ встрѣча Еруслана съ исполинской головой, которая оказываетъ ему содѣйствіе въ его дальнѣйшихъ подвигахъ [1]). Мотивъ встрѣчи богатырей съ исполинскимъ костякомъ очень распространенъ въ кавказскихъ сказаніяхъ. Осетинскіе богатыри (Дарезаны) случайно ночью проѣзжаютъ чрезъ отверстіе крестцовой кости исполина [2]), или ночуютъ въ его черепѣ, принявъ его за пещеру [3]). Обыкновенно, по молитвѣ богатырей, Богъ воскрешаетъ великана и онъ разспрашиваетъ нартовъ о современномъ житьѣ-бытьѣ, послѣ чего, недовольный новыми порядками, снова обращается въ костякъ.

Къ категоріи великановъ принадлежитъ и Идолище (Одолище), котораго убиваетъ Илья. Типическая черта былинъ объ этомъ подвигѣ Ильи та, что Идолище не узнаетъ Ильи и разспрашиваетъ его про него-же самого. Подобная черта распространена въ кавказскихъ сказаніяхъ о встрѣчѣ нарта (Сосрыко) съ великаномъ. Такъ, въ одномъ осетинскомъ сказаніи великанъ Елтаганъ разспрашиваетъ нарта Созрыко, не узнавъ его, какъ силенъ нартъ Созрыко, и оказывается, что Елтаганъ гораздо крѣпче его. Однако, не смотря на это, Созрыко убиваетъ Елтагана, какъ Илья Идолище, такъ какъ оказывается хитрѣе глупаго великана [4]).

Кромѣ великановъ, встрѣчающихся съ богатырями, въ

---

[1]) Ср. также дагестанскую сказку объ *Арсланъ*-ханѣ, который встрѣчаетъ человѣческій черепъ, дающій ему совѣтъ, какъ избавиться отъ *чернаго дэва* (Сборн. Мат. для опис. мѣст. и плем. Кавказа II, отд. II, стр. 122) и русс. сказку у *Афанасьева* (VIII, стр. 53 и 54), гдѣ царевичъ хоронитъ великана, за что получаетъ его коня богатырскаго.

[2]) Сбор. мат. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа VIII, отд. II, стр. 16. (Великанъ и Дaредзаны).

[3]) Осет. Этюды I, стр. 137 и 61.

[4]) Осет. Этюды. I, стр. 31—33. Срав. Кабард. сказаніе о Сосрыко въ Сбор. Св. о Кав. Горцахъ. V. отд. II, стр. 54 слѣд.

нашемъ эпосѣ мелькаетъ изрѣдка типъ великанши—бабы Горынинки, Златогорки, Латыгорки и др., которыя совершенно противоположны мужественнымъ женамъ нашего эпоса, въ родѣ женъ Ставра, Дуная, Данилы Ловчанина. „Великанши-поленицы,—говоритъ г. Халанскій,—слабо связаны съ народнымъ эпосомъ и исторіей, сказанія о нихъ являются какими-то отрывками, примыкающими совсѣмъ къ другому, не русскому порядку отношеній“, въ виду чего êслѣдователь склоненъ думать, что „образъ женщины-великанши русскихъ былинъ могъ быть заимствованъ изъ кавказскихъ сказаній“ [1]). Не рѣшаясь пока высказаться рѣшительно за этотъ взглядъ г. Халанскаго, я только отмѣчу вслѣдъ за нимъ нѣкоторыя черты, которыми кавказскія страшныя великанши (эмегены, карты) напоминаютъ нашу бабу Горынинку.

Кавказскія великанши-эмегены отличаются безобразіемъ, силой и жестокостью и постоянно враждебны нартамъ: встрѣчи нашихъ великаншъ-поленицъ съ богатырями также враждебны: какъ эмегены, онѣ жестоки и кровожадны:

Если богатырь не прилюбится,
На далонь кладу, другой прижму
И въ овсяный блинъ его да сдѣлаю.

Какъ кавказскія эмегены отличаются не меньшей глупостью, чѣмъ великаны, такъ и наши великанши. Какъ эмегены отличаются безобразіемъ, такъ и наши великанши. Напр., про бабищу Мамаишну говорится, что „головище у ней съ дощанище, глазища съ пивные корцы. (*Кир*. I, 66). Какъ эмегены связаны съ горами, живя въ пещерахъ, такъ наши великанши носятъ названія, связанныя съ горами: Горынинка, Златы-горка [2]). Но, кромѣ этого сходства въ типѣ, можно найти и сходство въ положеніяхъ. Такъ, одинъ нартъ, Алауганъ, женится на великаншѣ-эмегенѣ и везетъ ее на своей лошади домой, причемъ отъ двойной тяжести спина лошади согнулась [3]). Это нѣсколько напоминаетъ, какъ указалъ уже г. Халанскій [4]), встрѣчу Добрыни съ поляницей,

[1]) Назв. соч., стр. 33.
[2]) Халанскій, стр. 33.
[3]) Сб. мат. для опис. мѣстн. и пл. Кавказа. I, отд. II, стр. 10.
[4]) Назв. соч., стр. 32 и 26.

засадившей богатыря себѣ въ карманъ, и отказъ ея коня везти двухъ богатырей, встрѣчу, кончающуюся бракомъ [1]).

Съ своей стороны можемъ привести кавказскую параллель той бабѣ Горынинкѣ, отъ которой у Ильи родился сынъ. Любопытно, что на Кавказѣ типъ матери Зораба двоится, какъ въ нашемъ эпосѣ типъ матери Сокольника-Сбута. Въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ она, подобно персидской Техмимэ, ненаглядная красавица [2]), какъ, вѣроятно мать Сбута—королевна Задонская, Политовская и пр.; въ другихъ она напоминаетъ по типу эмегеновъ и нашу Горынинку. Такъ, въ одномъ осетинскомъ сказаніи Ростомъ находитъ въ *горной* пещерѣ клыкастую женщину, отъ связи съ которой у него родился сынъ Амиранъ (Зорабъ) [3]). Эта черта, сближающая Илью съ Ростомомъ, опять таки едва ли случайна.

Если всѣ вышеприведенныя параллели еще недостаточны для утвержденія, что кавказскія сказанія о великанахъ, составляющія весьма обильный отдѣлъ кавказскихъ народныхъ сказаній вообще, непосредственно повліяли на нашихъ былинныхъ великановъ и великаншъ, то для насъ достаточно пока и того вывода, что между кавказскими и русскими сказаніями можетъ быть намѣчено спеціальное родство, какъ бы оно ни объяснялось, и что послѣднее отчасти намѣчаетъ путь распространенія на Руси нѣкоторыхъ сказочныхъ мотивовъ.

II.

Въ предыдущемъ по поводу Святогора и бабы Горынинки намъ пришлось указать и на нѣкоторые мотивы, связанные съ Ильей и находящіе себѣ параллели на Кавказѣ. Поищемъ теперь другихъ подобныхъ мотивовъ въ нартскихъ сказаніяхъ, и спросимъ себя, нѣтъ ли среди нартовъ какого-нибудь типа, напоминающаго Илью, или въ ихъ похожденіяхъ чего-нибудь похожаго на похожденія Муромца.

1) Гильферд., 37—39. Кир. II, 29.

2) Напр., Сбор. мат. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа. II, Отд. II, стр. 158; IX, отд. II, стр. 168.

3) Сбор. мат. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа. VII. Отд. II, стр. 20.

Между нартами всего болѣе напоминаетъ Илью Урызмагъ, конечно, не всѣмъ своимъ типомъ и не всѣми подвигами, а только нѣкоторыми чертами, такъ какъ Урызмагъ носитъ такой же спеціально-кавказскій характеръ, какъ Илья народный русскій. Чѣмъ можетъ быть объяснено это отношеніе Урызмага къ Ильѣ—увидимъ ниже. Урызмагъ (или Урызмекъ) хорошо извѣстенъ горско-татарскимъ и осетинскимъ сказаніямъ.

Какъ Илья, онъ принадлежалъ (по одному горско-татарскому сказанію) къ *простому* сословію [1]), что однако не мѣшаетъ ему быть главою нартовъ, ихъ постояннымъ предводителемъ въ разныхъ предпріятіяхъ.

Подобно Ильѣ, онъ и по возрасту старшій между нартами: сказанія нерѣдко упоминаютъ его *снѣжную* или сѣдую бороду и говорятъ о его старости [2]).

Подобно Ильѣ, онъ отличается спокойной самоувѣренностью, благодушіемъ къ молодымъ нартамъ и заботливостью о нартахъ вообще. Такъ, когда оборванный молодой Шауай, ссылаясь на бѣдность матери, проситъ его принять въ число дружины, отправляющейся на добычу, Урызмекъ жалостливо говоритъ ему: „Ахъ, бѣдный юноша! Тебѣ трудно будетъ съ нартами: самъ ты еще очень молодъ и не имѣешь лошади, кромѣ этой клячи". Затѣмъ онъ отсовѣтываетъ ему ѣхать въ походъ, но потомъ по добротѣ соглашается и дорогой добродушно поощряетъ юношу. Такъ же благосклонно относится Илья къ юнымъ богатырямъ: Ермаку, Дюку Степановичу, Алешѣ Поповичу и другимъ.

Еще когда Урызмекъ былъ очень молодъ, онъ выступаетъ уже защитникомъ, охранителемъ всего народа, къ которому всегда относился сострадательно. Его возмущаетъ, что нарты пла-

1) Сбор. мат. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа. I. Отд. II, стр. 1.

2) Сбор. св. о К. Горц. V. Отд. II, стр. 15. Урызмагъ *снѣжно-бородый* былъ славный мужъ: между тѣми, которыхъ Богъ сотворилъ подъ собою, не было такого мужа. Ср. Сборн. мат. для оп. мѣст. и племенъ Кавказа. I. Отд. II, стр. 38: въ это время Урызмекъ, *глава* нартовъ, находился на старости лѣтъ, и они начали высказывать недовольство, что во главѣ ихъ находится старикъ"; также Сбор. св. о Кав. Горцахъ. IX. Отд. II, стр. 22 (сѣдобородый Урызмагъ). Старикомъ называется Урызмэгъ и въ осетинскихъ текстахъ Шифнера, стр. 72. Хвалебная пѣснь въ честь нарта Урызмага).

тять дань князю Пуку, но въ особенности его поражало, говоритъ преданіе, „когда одна бѣдная женщина несла въ чашкѣ что-то съѣстное, и за нею бѣжали оборванныя, голодныя малютки, ея дѣти, съ плачемъ крича: „мама, мы голодны, дай немного!“ Это такъ подѣйствовало на Урызмека, что онъ рѣшается возстать противъ Пука и затѣмъ убиваетъ его [1]). Когда нарты терпятъ голодъ, Урызмэгъ выручаетъ ихъ, питая ихъ у себя на дому [2]). Не напоминаетъ ли это нашего Илью, стоятеля за народъ и защитника вдовъ и сиротъ?

Кромѣ общаго сходства въ типѣ, нѣкоторыя черты первыхъ похожденій Урызмага (кабардинскаго) напоминаютъ выѣздъ Ильи изъ родительскаго дома. Рѣшивъ ѣхать къ князю Пуку, которому платили дань нарты, Урызмагъ сообщаетъ объ этомъ своему отцу: „Отецъ!—говоритъ онъ, — я твердо рѣшился исполнить свои намѣренія относительно Пука, и не думай уговаривать меня, а лучше подай совѣтъ, какъ мнѣ совершить все мною задуманное: нѣтъ у меня ни лошади, ни вооруженія“ [3]). Это напоминаетъ нѣсколько нашего Илью, отпрашивающагося у отца, чтобъ ѣхать къ князю Владиміру. Затѣмъ, какъ Илья, по одному варіанту, достаетъ коня въ подземельѣ, такъ, съ согласія отца, Урызмекъ беретъ его коня, скрытаго въ подземельѣ. Какъ Илья, сѣвъ на коня, дѣлаетъ *три* скока богатырскихъ, такъ пѣгій конь Урызмага „при первомъ ударѣ плетью три раза поднялся съ нимъ на небо и опустился на землю [4]).

Конечно, такія детали, какъ отцовскій конь, добываемый изъ подземелья, или 3 скока, встрѣчаются и въ другихъ сказкахъ [5]), но любопытно, что онѣ наслоились въ данномъ слу-

[1]) Сбор. матер. etc. I. Отд. II, стр. 1.

[2]) Сбор. св. о К. Г., V, Отд. II, стр. 21, и тексты Шифнера, стр. 72.

[3]) Сб. матер. I. Отд. II, стр. 3.—[4]) Тамъ же.

[5]) Отмѣтимъ, что мотивъ выбиванія источниковъ конемъ богатыря, приписываемый народными преданіями коню Ильи Муромца (*Рыбн.* IV, 24), встрѣчается въ чеченскихъ преданіяхъ о нартѣ Соскѣ-Солсѣ. Между жителями Галгаевскаго общества существуетъ повѣрье, „что когда однажды Солса проѣзжалъ мимо аула Накиста и попросилъ у жителей напиться воды, то получилъ отказъ. Тогда конь его, какъ бы по приказанію своего хозяина, ударилъ копытомъ въ землю, и изъ подъ него хлынула вода и образовался колодезь, который до сихъ поръ носитъ названіе Солса“ (Сбор. св. о Кав. Горцахъ. IV, отд. II, стр. 2).

чаѣ равно на Илью и Урызмага, напоминающихъ другъ друга и нѣкоторыми другими чертами.

Какъ у Ильи, у Урызмага былъ сынъ, о существованіи котораго онъ не зналъ и котораго убилъ нечаянно. Впрочемъ, сама фабула убіенія Урызмагомъ сына не имѣетъ ничего общаго съ формулой Рустема и Зораба. Жена Урызмага отдала безъ вѣдома его своего сына на воспитаніе водянымъ—Донбеттырамъ,—и, находясь у нихъ въ гостяхъ, Урызмагъ случайно уронилъ кинжалъ и убилъ прислуживавшаго ему мальчика, который и былъ его безыменнымъ сыномъ. Впослѣдствіи этотъ мальчикъ, отпросившись у Барастыра изъ царства мертвыхъ въ побывку на землю, оказалъ отцу нѣсколько услугъ [1]. Если такимъ образомъ мотивъ *борьбы* отца съ сыномъ, столь популярный въ кавказскихъ сказаніяхъ о Ростомѣ, не пріуроченъ къ Урызмагу, то *подобный* мотивъ прикрѣпленъ къ другимъ нартамъ: кабардинскому Насранжаке, горско-татарскому Насырану, *сѣдобородымъ* предводителямъ нартовъ, весьма похожимъ на Урызмага. Встрѣча ихъ съ юнымъ богатыремъ-племянникомъ кончается узнаніемъ. Но трагическую развязку мы отмѣтили въ Экскурсѣ V [2] въ столкновеніи кабардинскаго нарта Сосрыко съ юнымъ Тотырешемъ [3] и осетинскаго Созрыко съ Тотрадзомъ [4], столкновеніи враждебномъ, кончающемся коварнымъ убіеніемъ дядей юнаго племянника. Тамъ же были отмѣчены нами въ юномъ богатырѣ (Тотрадзѣ, Тотырешѣ) обычныя черты богатырскаго сына (Зораба). Вообще, слѣдуетъ думать, что иранскій популярный мотивъ боя отца съ сыномъ, столь обильно представленный на Кавказѣ завѣдомо заносными сказаніями

Ильѣ, пробующему свою силу, полученную отъ каликъ, на чисткѣ займища (Гильфердингъ. 648), соотвѣтствуетъ юный богатырь Асаго, который, по приказанію своего воспитателя великана, ночью очистилъ отъ деревьевъ въ семь разъ большее пространство, чѣмъ сколько нужно было для тока. Сборн. Даш. Этн. Муз. В. I, Осет. сказки, № IV: Асаго.

1) См. Тексты Шифнера, стр. 75. Сбор. свѣд., Кавк.-Горцахъ. V. Отд. II. стр. 23 и слѣд.

2) «Русская Мысль».

3) Сбор. Св. и Кав. Горц. V. Отд. II, стр. 56—59. Сходство этого сюжета съ былиной о боѣ Ильи съ Жидовиномъ было уже указано г. Халанскимъ (наз. соч., стр. 181).—4) Тамъ же. стр. 13.

о Ростомѣ и Зорабѣ, отразился и на нѣкоторыхъ другихъ личностяхъ сѣверокавказскаго эпоса, подвергшись при этомъ значительной переработкѣ. Примѣромъ такого перенесенія одного эпизода „Рустеміады“ на личность Урызмэга можетъ служить одно похожденіе этого нарта, живо напоминающее таковое же иранскаго Рустема. Фирдоуси разсказываетъ, что однажды Рустемъ врасплохъ былъ схваченъ дивомъ Акваномъ, вознесенъ на небо и сброшенъ въ море, откуда затѣмъ пехлеванъ вышелъ невредимымъ [1]). По одному осетинскому сказанію, Урызмэгъ былъ врасплохъ унесенъ орломъ и сброшенъ на черный камень среди Чернаго моря, гдѣ нартъ посѣщаетъ Донбеттыровъ (водяныхъ) [2]). Кстати можно замѣтить, что и Ильѣ угрожала на морѣ какая-то чудовищная птица Сизый-орелъ. Къ сожалѣнію „Отмѣтки“ Даля сохранили только глухой намекъ на это похожденіе [3]).

При томъ смѣшеніи именъ нартовъ и ихъ подвиговъ, которое такъ же замѣтно въ кавказскихъ сказаніяхъ [4]), какъ и въ нашихъ былинахъ, не мудрено найти нѣкоторые эпическіе мотивы, прикрѣпленные къ Ильѣ, въ сказаніяхъ о Батразѣ, хотя какъ насильникъ, какъ нартъ, бьющійся со всѣмъ нартскимъ родомъ, онъ скорѣе напоминаетъ по типу Василія Буслаева. Мы имѣемъ въ виду преданіе о смерти Батраза. Гордый своей несокрушимой силой Батразъ, не найдя соперниковъ на землѣ, начинаетъ сокрушать силу „нездѣшнюю“, духовъ уацилловъ (св. Илій) и уастырджіевъ (св. Георгіевъ). Онъ убиваетъ множество этихъ духовъ; другіе же идутъ жаловаться на него Богу, который посылаетъ противъ него какое-то чудное Балсагово колесо; замѣтивъ колесо, Батразъ сказалъ: „вѣрно, Богу нужно меня убить, иначе къ чему онъ послалъ за мной Балсагово колесо!“ И дѣйствительно, оно догнало его и убило [5]). Но богъ, убившій Батраза, все же лю-

1) *Mohl*, Livre des Rois. III, стр. 221—223. 2) Осет. тексты Шифнера. стр. 73.

3) См. Кирѣев. I. Приложеніе, стр. XXXIV, 1-е изд.

4) Напр., смѣшеніе Батраза съ Созрыко и Сосланомъ, Амирана съ Батразомъ и Зорабомъ.

5) Осет. Этюды. I, стр. 25—27. (Смерть чрезъ Балсагово колесо приписывается въ другихъ сказаніяхъ нарту Сосрыко (Сб. св. о К. Горц. V, Отд. II. стр. 10—12) и Сослану.

билъ его и называлъ своимъ сыномъ. Поэтому, онъ сказалъ ангеламъ: „хотя вы на него и жаловались, но ступайте теперь отнесите его въ Софійскій склепъ". Когда ангелы отнесли его туда, но онъ не поддавался, то самъ богъ явился къ склепу и сказалъ: „Мой названный сынъ, чего ты не слушаешься? – Потому что тебя я не видѣлъ! — Тогда богъ три слезы на него выронилъ, и изъ нихъ одна была (святыня) Таранджелосъ, другая Мыкалыгабыртэ, третья Рекомъ. Такъ положили Батраза въ склепъ, гдѣ онъ и теперь находится.

Въ приведенномъ осетинскомъ сказаніи находимъ *два* мотива, извѣстные русскому эпосу. Первый—гибель Ильи и другихъ богатырей за похвальбу справиться съ силой небесной, и неудачный бой съ нею. Второй—мотивъ перенесенія Ильи въ пещеры кіевскія. Какъ, въ осетинскомъ сказаніи, ангелы переносятъ Батраза, *нерожденнаго* сына бога, по его повелѣнію, въ какой то Софійскій склепъ, такъ, по словамъ одной былины,

„Прилетала невидима сила ангельска,
А взимали-то ёго (Илью) да со добра коня
И заносили въ пещеры-ты во кіевскія,
И тутъ же вѣдь старый опочивъ держалъ" [1]).

Конечно, въ послѣднемъ мотивѣ можно видѣть черту агіологическую, одну изъ такихъ, которыя наслоились и на исцѣленіе Ильи каликами; конечно, перенесеніе тѣла Ильи въ пещеры кіевскія ангелами напоминаетъ чудесное воздушное путешествіе мощей Св. Николая Чудотворца и находится въ связи съ мощами Св. Ильи въ Кіевѣ, но подобныя же черты можно указать и въ осетинскомъ сказаніи [2]). Во всякомъ случаѣ остается тотъ фактъ, что тѣло самаго сильнаго изъ

[1]) Гильфердингъ, стр. 313.

[2]) Напр. *Софійскій* склепъ, слезы, изъ которыхъ происходятъ святыни; ср. происхожденіе архангеловъ Михаила и Гавріила изъ слезъ Господа въ сванетской легендѣ (Сбор. мат. для описанія мѣст. и племенъ Кавказа. В. X, Отд. II стр. 247. и Этногр. Обозрѣніе. V, стр. 40).

богатырей (и нартовъ) было погребено, по повелѣнію Бога, ангелами, — черта, раздѣляемая русскимъ эпосомъ съ кавказскимъ, какъ бы она ни была объясняема [1]).

Вс. Миллеръ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

1) Кстати, замѣтимъ, что въ слышанномъ г. Безсоновымъ разсказѣ о смерти Ильи, который, какъ полагалъ О. Миллеръ, здѣсь смѣшанъ со Святогоромъ, (назв. соч., стр. 247), Илья наѣхалъ на *диво невеличко*, поборолся съ нимъ и тотъ намялъ ему бока. Нѣтъ ли какого отношенія между этимъ загадочнымъ *дивомъ* и не менѣе загадочнымъ Балсаговымъ колесомъ, которое представляется живымъ существомъ, одареннымъ словомъ (Сб. св. о К. Г. V, Отд. II. стр. 10)

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

1. Книги, ученыя и справочныя изданія.

Труды Четвертаго Археологическаго Съѣзда въ Россіи. Т. I. (Казань. 1884 г. стр. CXLIV+48+120+7+6+4+258+65+4 in 4°) **т. II.** (Казань 1891 г. стр. X+235+20+24+6+18+4+300+73 in 4°).

Въ текущемъ году закончено печатаніе Трудовъ IV Археологическаго Съѣзда, бывшаго въ Казани въ 1877 г. (отъ 31-го Іюля до 18-го Авг.). Медленный ходъ печатанія, заставившій появиться послѣдній томъ черезъ 14 лѣтъ послѣ Съѣзда, объясняется отчасти неимѣніемъ средствъ на изданіе Трудовъ, отчасти трудностями, которыя встрѣчали при печатаніи, заказахъ рисунковъ и т. п. члены редакціоннаго комитета. Содержаніемъ обоихъ томовъ являются рефераты, представленные членами Съѣзда—отчасти читанные въ засѣданіяхъ, отчасти нечитанные по разнымъ обстоятельствамъ. Хотя, какъ и слѣдовало ожидать въ виду спеціальныхъ цѣлей Съѣзда, большинство рефератовъ имѣетъ исключительный археологическій интересъ, тѣмъ не менѣе въ обоихъ томахъ встрѣчается довольно значительное количество статей, имѣющихъ прямое или косвенное отношеніе къ этнографіи. Изъ помѣщенныхъ въ I-мъ томѣ укажемъ на статью *Н. В. Калачова*: Нѣкоторыя данныя о разработкѣ матеріаловъ въ нашихъ архивахъ и объ изученіи нашего народнаго быта; *Г. Р. Аспелина*: О потребности изученія формъ предметовъ и постепенномъ развитіи этихъ формъ въ доисторическихъ временахъ; *В. Б. Антоновича*: О похоронныхъ типахъ Юго-Западнаго края. *Его-же*: О пещерахъ каменнаго вѣка на среднемъ теченіи Днѣпра. *П. Д. Шестакова*: Напоминаніе о др. гор. Маджарѣ. *А. Ѳ. Можаровскаго*: Гдѣ искать въ наше время потомковъ тѣхъ Можаръ, которые въ 1551 г. среди поля Арскаго бились съ Казанцами. Авторъ этой статьи дѣлаетъ гипотезу, что потомковъ этихъ можаръ слѣдуетъ видѣть въ населяющихъ современный Тетюшскій у. чувашахъ, рѣзко отличающихся по языку, внѣшности, быту и одеждѣ отъ чувашей, населяющихъ Чебоксарскій, Ядринскій и Цивильскій у. По предположенію автора можары были по-

глощены превосходящими ихъ численностью тетюшскими чувашами. *И. А. Износкова:* О сохранившихся преданіяхъ по поводу названія русскихъ и инородческихъ поселеній въ Казанской и сосѣднихъ съ нею губ. и приложенія къ этой статьѣ, составленныя тѣмъ-же авторомъ: 1) Списокъ населенныхъ мѣстъ Мамадышскаго у. и 2) О личныхъ инородческихъ именахъ. На основаніи преданій и названій мѣстностей г. Износковъ рисуетъ картину колонизаціи русскими Казанскаго края. Въ непосредственной связи съ указанными статьями г. Износкова стоятъ статьи *Н. И. Золотницкаго:* Алфавитный списокъ древнихъ инородческихъ именъ..... служащихъ къ объясненію названій населенныхъ мѣстностей Казанской губ. и *Н. И. Вечеслава:* Къ вопросу о народныхъ преданіяхъ въ Казанской губ. относительно первыхъ заселеній въ ней русскихъ и о ихъ борьбѣ съ туземцами. Въ послѣдней статьѣ собраны нѣкоторыя преданія, впрочемъ довольно скудныя и отчасти уже извѣстныя, о построеніи нѣкоторыхъ городовъ (Свіяжска, Косьмодаміанска и др.) и селеній въ Казанскомъ краѣ. Непосредственное по своему содержанію отношеніе къ этнографіи имѣютъ помѣщенныя статьи *кн. Кострова:* Преданія томскихъ инородцевъ о подданствѣ ихъ Россіи и Очерки быта Минусинскихъ татаръ. Въ первой изъ этихъ статей собраны интересныя преданія о покореніи томскихъ инородцевъ Россіи, основаніе г. Кузнецка и т. д. Интересно заявленіе покойнаго кн. Кострова, что у русскихъ жителей преданій о заселеніи ими указанныхъ мѣстностей не сохранилось. Во второй статьѣ, составленной какъ на основаніи собственныхъ изслѣдованій автора, такъ и на основаніи печатныхъ источниковъ, кн. Костровъ даетъ описаніе внѣшности, одежды, жилища и быта Минусинскихъ татаръ. Онъ подробно останавливается на обрядахъ при встрѣчѣ и проводахъ гостя, на занятіи населенія и его пищѣ. Далѣе авторъ описываетъ свадебные обряды и семейный бытъ. Въ послѣднемъ сохранилось большое количество остатковъ сѣдой старины: напр. дѣти никогда не произносятъ имени своихъ родителей, жена также не называетъ своего мужа по имени, равно и родственниковъ его, она не имѣетъ права входить въ юрту свекра дальше порога и т. п. Затѣмъ авторъ переходитъ къ изложенію нѣкоторыхъ нормъ обычнаго права, описанію обрядовъ при рожденіи и погребеніи, увеселеніямъ населенія, народному творчеству и вѣрованіямъ, при чемъ особенно подробно описываетъ шамановъ. Указанный трудъ кн. Кострова, какъ, впрочемъ, и всѣ труды покойнаго этнографа, отличаются полнотою свѣдѣній и тщательной обработкой Приложеніемъ къ I-му тому Трудовъ Съѣзда служитъ прекрасно исполненный атласъ (изданный въ Казани въ 1889 г.), который служитъ прекрасной иллюстраціей къ нѣкоторымъ статьямъ, помѣщеннымъ въ указанномъ томѣ.

Переходимъ теперь ко II-му тому „Трудовъ". Въ немъ статей, непосредственно касающихся этнографіи, больше, чѣмъ въ предыдущемъ. Такъ, останавливаютъ на себѣ вниманіе 1) сообщеніе *В. Н. Витевскаго:* Преданіе о Пугачевѣ среди Уральскихъ казаковъ, записанное покойнымъ I. И. Желѣзновымъ со словъ старухи, помнившей Пугачева, 2) статья

Н. А. Аристова: О народныхъ праздникахъ въ Пензенской губ., гдѣ сообщены небезъинтересныя свѣдѣнія объ обрядахъ, сопровождающихъ празднованіе св Флора и Лавра, св. Георгія, Косьмы и Даміана и др. Значительный интересъ представляетъ статья *Ц. М. Софійскаго*: О киреметяхъ крещеныхъ татаръ, изъ дер. Тивель, Чистопольск. у., Казанск г. Въ ней авторъ, указавъ на то, что слово киреметь употребляется для означенія 1) духовъ или геніевъ, 2) мѣста, гдѣ таковые духи обитаютъ и 3) жертвы, которую имъ приносятъ, приступаетъ къ описанію киреметей—жертвоприношеній, бывшихъ выставленными въ этнографическомъ Отдѣлѣ выставки при Съѣздѣ. Дѣлая подробное описаніе жертвенныхъ предметовъ, г. Софійскій сообщаетъ много интересныхъ и сродныхъ преданій объ установленіи этихъ жертвоприношеній и постепенной замѣнѣ кровныхъ жертвъ безкровными. Литература о вотякахъ обогатилась трудомъ *Б. Г. Гаврилова:* Повѣрья, обряды и обычаи вотяковъ Мамадышскаго у., Урясь-Учинскаго прихода. Статья г. Гаврилова, не смотря на то, что за послѣдніе годы появилось большое количество цѣнныхъ работъ о вотякахъ, представляетъ значительный интересъ многими данными, которыя до сихъ поръ еще не появлялись въ печати. Рядомъ съ свѣдѣніями уже извѣстными мы встрѣчаемъ въ упомянутомъ трудѣ не мало новыхъ фактовъ. Крайне интересными являются сообщаемые авторомъ разсказы знакомаго ему туно, описаніе празднествъ, пріуроченныхъ къ христіанскимъ праздничнымъ днямъ, описаніе драматическихъ представленій, повѣрья, примѣты и т. п. Если въ отношеніи миѳологіи вотяковъ, ихъ свадебныхъ, похоронныхъ и т. п. обрядовъ мы въ настоящее время и обладаемъ болѣе обстоятельными свѣдѣніями, то съ другой стороны большое количество новыхъ данныхъ придаетъ труду г. Гаврилова существенный интересъ и не лишаетъ его значенія, какое имѣлъ-бы этотъ трудъ, еслибъ онъ былъ напечатанъ раньше, когда наши свѣдѣнія о вотякахъ были еще крайне незначительны. Добавимъ еще, что г. Гавриловъ имѣлъ случай неоднократно сталкиваться съ вотяками, видѣть многіе обряды, которые вотяки тщательно скрываютъ отъ посторонняго взгляда—все это придаетъ сообщаемымъ г. Гавриловымъ свѣдѣніямъ гарантію достовѣрности и значеніе, какое имѣетъ всякій фактъ, сообщаемый очевидцемъ.

Изъ дальнѣйшихъ статей отмѣтимъ доклады: 1) *Л. Н. Майкова:* О старинныхъ рукописныхъ сборникахъ народныхъ былинъ и пѣсенъ, 2) *Н. И. Петрова:* Сказаніе о Соловецкомъ монастырѣ и объ Аѳонѣ; 3) *Стеф. Верковича:* О Родопскомъ открытіи (переводъ съ болгарскаго М. П. Петровскаго); въ этомъ сообщеніи приведены описанія народныхъ праздниковъ и народныя пѣсни. 4) *И. Я. Порфирьева:* О Соловецкой библіотекѣ, находящейся нынѣ въ Казанской духовной Академіи. 5) *Его-же* Апокрифическія молитвы по рукописямъ Соловецкой библіотеки. 6) *П. Д. Шестакова:* Гдѣ книги, писанныя зырянскою или пермскою азбукою, составленною св. Стефаномъ Великопермскимъ? 7) *Его-же:* Замѣтки о вліяніи русскаго языка на языки инородческіе. 8) *А. Я. Гаркави:* Крымскій полуостровъ до монгольскаго нашествія въ арабской литературѣ.

Авторъ этой небольшой статьи даетъ сводку извѣстій о Крымѣ у арабскихъ писателей, сообщаетъ свѣдѣнія о сношеніяхъ древнихъ руссовъ съ таврическимъ полуостровомъ и толкуетъ непонятныя или темныя названія, встрѣчаемыя въ сочиненіяхъ арабовъ. Сообщеніе *Н. И. Золотницкаго:* О старой чувашской вѣрѣ, несмотря на свой небольшой объемъ, содержитъ интересныя свѣдѣнія по указанному вопросу. Интересенъ обычай чувашъ въ случаѣ неурожая красть чужую землю; обрядъ сопровождающій эту кражу носитъ характеръ сватовства: одинъ изъ парней, обыкновенно бѣдный, за извѣстныя условія соглашается взять на себя роль жениха, сватающаго землю. Такого рода женихъ, по народному представленію, никогда не доживаетъ до старости. Объясненіе слова „беляк". Статья *г. Витевскаго:* Сказки, загадки и пѣсни нагайбаковъ Верхнеуральскаго у. Оренбургской губ. содержитъ значительное количество бытовыхъ, хороводныхъ и др. пѣсенъ нагайбаковъ, 19 загадокъ и 2 сказки. Въ предпосланномъ сырому матеріалу предисловіи указывается на происхожденіе нагайбаковъ и ихъ исторіи. Нагайбаки считаютъ себя потомками арскихъ татаръ Казанской губ., что подтверждается и документами; кромѣ того къ нимъ примѣшался въ значительной степени чуждый элементъ изъ переселенцевъ персовъ, турокъ, армянъ, каракалпаковъ, бухарцевъ, узбековъ и т. д.

Не имѣя возможности подробно разбирать указанныя нами статьи, изъ которыхъ многія имѣютъ несомнѣнный научный интересъ, отмѣтимъ только что IV Археологическій Съѣздъ сдѣлалъ не мало для изученія народнаго быта, вслѣдствіе чего его Труды, отведшіе довольно значительное мѣсто этнографіи, имѣютъ большой вѣсъ для всякаго этнографа и вносятъ цѣнный вкладъ въ науку народовѣдѣнія.

Н. Х.

Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общ., кн. XI. (Омскъ, 1891 г.).

Въ этой книжкѣ помѣщены, между прочимъ, два списка растеній, собранныхъ въ долинѣ Абакана и на его притокахъ въ 1883 и 1884 годахъ гг. Клеменцомъ и Венцковскимъ. Въ спискахъ встрѣчаются указанія на народное употребленіе растеній, а также, особенно въ спискѣ 1883 г., приведены инородческія названія ихъ. Есть указанія на употребленіе въ лѣкарства, въ пищу (Paeonia anomala L., по-татарски *синне* или *сигне*; Adenophora Lamarkii Fisch., по-татарски *меленгир, каскым-от*). Съ другими связаны повѣрья; о Delphinium elatum L. русскіе думаютъ, если лошадь тонетъ при переправѣ вплавь, стоитъ хлестнуть ее этой травой,—выплыветъ. О травѣ Goniolimon speciosum Boiss., по сагайски *пюр-отт*, „волчья трава", сообщаются слѣдующія повѣрья сагайскихъ татаръ. Листья ея употребляются въ видѣ отвара, какъ лѣкарство отъ ломоты и разстройства желудка. Мужчины употребляютъ экземпляры съ развитой цвѣтоножкой и цвѣтами; женщины — экземпляры съ одними корневыми листьями. Поэтому

различаютъ мужскую и женскую волчью траву. Если выкопать пюръ оттъ и не заровнять ямки—будетъ ненастье. Раненный или больной волкъ ищетъ пюръ-оттъ, и если у него еще хватитъ силъ сорвать зубами и съѣсть немного этой травы, онъ оправится отъ своихъ ранъ.

А. И—скій.

Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отд. И. Р. Г. Общ. XXII т., 1. *Свящ. И. Подгорбунскій.* Идея бурятъ-шаманистовъ о душѣ, смерти, загробномъ мірѣ и загробной жизни.—Въ протоколѣ общаго собранія членовъ Отдѣла, 16-го ноября 1890 г., приведено краткое содержаніе реферата *Д. А. Клеменца:* „О свадебныхъ обрядахъ у забайкальскихъ бурятъ" а) церемоніи и обряды, сопровождающіе заключеніе сватовства и б) обряды, сопровождающіе заключеніе самого брака. **2,3.** *Грогамъ Сандбергъ.* Городъ Ласса (изъ „The Nineteenth century", 1889, octob., № 152; статья составлена на основаніи главн. образ. путешествія въ Лассу бенгальца Бабу-Саратъ-Чандра-Дасъ).

А. И—скій.

Отчетъ Якутскаго Областнаго Статистическаго Комитета за 1889 г. (стр. 37 in 8°).—Краткость сообщенныхъ „Отчетомъ" свѣдѣній, недостаточная обработка ихъ въ значительной степени уменьшаютъ значеніе „Отчета"; нельзя поэтому не пожелать, чтобы свѣдѣнія, сообщенныя Статистическимъ Комитетомъ, въ особенности такой далекой, сравнительно мало извѣстной области, какъ Якутская, отличались большею подробностью и большимъ разнообразіемъ. Не смотря на указанные недостатки, мы все таки находимъ въ „Отчетѣ" нѣкоторыя интересныя подробности: такъ напримѣръ число жителей области сравнительно съ 1888 г. уменьшилось па 1994 ч. о. п., что при общей цифрѣ населенія въ 246,170 ч. о. п. составляетъ около0,8%. Такое уменьшеніе населенія слѣдуетъ приписать отчасти переселенію бродячихъ инородцевъ Якутскаго и Верхоянскаго округовъ—тунгусовъ, ламутовъ и др. (переселилось 1204 чел.), отчасти и усиленной смертности вслѣдствіе оспенной эпидеміи (число умершихъ превысило число родившихся на 790 чел.). Населеніе раскинуто на огромной площади, занимаемой Якутской областью (3489689,3 кв. верстъ) крайне рѣдко, именно въ среднемъ одинъ житель приходится на 13,71 кв. в. Наиболѣе населенъ Якутскій округъ, гдѣ одинъ человѣкъ приходится на 4,84 кв. в. наименѣе—округъ Колымскій (одинъ чел. на 99,79 кв. верстъ). Инородцы составляютъ подавляющее большинство населенія, именно 92,62%. Къ сожалѣнію «Отчетъ» не указываетъ, въ какомъ процентномъ отношеніи стоятъ другъ къ другу различныя инородческія племенныя группы. Не касаясь отдѣловъ объ экономическомъ положеніи жителей области и нѣкоторыхъ другихъ рубрикъ «Отчета», упомянемъ въ заключеніе еще о количествѣ преступленій, разсмотрѣнныхъ въ отчетномъ году судебными инстанціями. Число всѣхъ разсмотрѣнныхъ дѣлъ равнялось 537; изъ нихъ наибольшее число падаетъ на дѣла о кражѣ, истребленіи и поврежденіи

чужого имущества (155); затѣмъ слѣдують дѣла о нарушеніи общественнаго спокойствія и порядка (120); значительно также число преступленій противъ жизни, здоровья и свободы частныхъ лицъ (94).

Н. X.

Сборникъ матеріаловъ для статистики Сыръ-Дарьинской области (подъ ред. И. И. Гейера, изд. Сыръ-Дарьинскаго Обл. Статист. Комитета. Ташкентъ. 1891, стр. 317+108 in 8°).—Этотъ обширный Сборникъ дѣлится на два отдѣла: въ отд. I сообщаются статистическія свѣдѣнія о населеніи разныхъ мѣстностей области, его промышленности, землевладѣніи, нѣкоторыя медицинскія наблюденія и мн. др. Во II отдѣлѣ мы видимъ собранными нѣсколько этнографическихъ матеріаловъ. Прежде чѣмъ остановиться на этихъ послѣднихъ, укажемъ на нѣкоторыя статьи изъ I отд., имѣющія интересъ для этнографа.

Отмѣтимъ статью *И. Оракулова:* Статистическія данныя о Кишлакѣ Чиназѣ; въ ней помѣщены интересныя свѣдѣнія объ основаніи и первоначальномъ заселеніи Чиназа. Статья *И. Гейера:* „Ишаны“—содержитъ въ себѣ подробное описаніе значенія ишановъ, характера ихъ проповѣди исламизма, способа обученія и наконецъ вліянія ихъ на киргизскую среду; въ этой же статьѣ мы находимъ краткій, но очень рельефный очеркъ современнаго религіознаго состоянія киргизовъ и свѣдѣнія о дѣятельности среди киргизовъ Авузя—мюрида, одного изъ ишановъ Исчана, и о способахъ, къ которымъ прибѣгалъ Авузь для привлеченія къ себѣ послѣдователей. Далѣе укажемъ на статью *Н. Васильева*: Ташкентскіе татары (ихъ браки, рожденія и смертность), въ которой авторъ освѣщаетъ статистическія данныя указаніемъ на условія быта ташкентскихъ татаръ. Изъ остальныхъ работъ помѣщенныхъ въ I отдѣлѣ «Сборника» отмѣтимъ еще работу *В. Гильянова:* Статистическія данныя о кустарной, ремесленной и фабричной промышленности русской части г. Ташкента, и двѣ работы, касающіяся мѣстнаго землевладѣнія: 1) *В. Благовѣщенскаго*: Къ вопросу о вакуфахъ Сыръ-Дарьинской области и 2) *И. Гейера*: Свѣдѣнія по современному состоянію распредѣленій земледѣльческихъ угодій среди населенія Ташкентскаго у.

Отдѣлъ II «Сборника» открывается обширной работой *Н. Остроумова:* Пословицы и поговорки туземнаго населенія Туркестанскаго края. Работа Н. Остроумова является продолженіемъ начатаго имъ въ I вып. «Сборника» печатанія пословицъ, которыхъ было приведено 492; въ этомъ выпускѣ напечатаны №№ 493—1110. Какъ и въ I выпускѣ, переводъ пословицъ сопровождается и самимъ текстомъ. Въ этомъ обширномъ собраніи пословицъ мы имѣемъ полную характеристику взгляда туземцевъ на семейныя, родственныя и общественныя отношенія, образцы народной мудрости и т. п. Интересно отмѣтить и здѣсь часто встрѣчающееся въ пословицахъ двойственное отношеніе къ одному и тому же факту. Такъ, напр., въ пословицахъ, рисующихъ отношенія между родителями и дѣтьми рядомъ съ пословицами вродѣ: „Оскорбившій своего отца не осуществитъ своихъ желаній“, или: „если отецъ укажетъ тебѣ дѣло, прекрати

молитву и исполни", встрѣчаются и такія: „если есть отецъ и мать, пускай будутъ, лишь бы не было ихъ ртовъ и носовъ" (т. е. лишь бы не кормить ихъ), или: „имущество лучше отца и матери"... Въ отношеніи взглядовъ на женщину мы видимъ также двойственность: напримѣръ: „женщина — наказаніе Божіе; ея ласки—ядъ змѣи"; „хитрость одной женщины составитъ поклажу для 40 ословъ"; „у собаки нѣтъ измѣны, у женщины нѣтъ вѣрности" и рядомъ съ этимъ: „хорошая жена — благополучіе дома...", „жена помощница мужа...", „мужъ и жена—пара соединенныхъ ярмомъ воловъ"; „два арбуза не умѣстятся подъ одной подмышкой" (т. е. нельзя любить двухъ женъ) и т. п. Не останавливаясь болѣе подробно на пословицахъ, приводимыхъ г. Остроумовымъ, замѣтимъ лишь, что его трудъ является цѣннымъ вкладомъ въ дѣло изслѣдованія Туркестана. Нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не пожалѣть, что г. Остроумовъ, затратившій такъ много труда на собираніе пословицъ, не отмѣчаетъ ни народности, ни мѣстности, въ которой данная пословица записана. Далѣе слѣдуютъ записанныя *А. А. Диваевымъ* 4 киргизскія сказки, собранныя въ Чикментскомъ и Ауліе-атинскомъ у., и сартское заклинаніе вѣтра.

Н. Х.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. XII. (Тифлисъ, 1891 г.)

Настоящій выпускъ, посвященный народной поэзіи, грамматикѣ и словарю кабардинскаго языка, состоитъ изъ трехъ частей: первая часть отведена преданіямъ, сказаніямъ и сказкамъ кабардинцевъ (144 стр.), вторая часть занята кабардинскими текстами съ объяснительнымъ къ нимъ словаремъ (106 стр.) и третья часть посвящена кабардинской грамматикѣ (о звукахъ и формахъ) и русско-кабардинскому словарю съ указателемъ (299 стр.). Весь этотъ громадный трудъ исполненъ *Л. Г. Лопатинскимъ*. Сказаніе о „Красавицѣ-Еленѣ и Богатырь-женщинѣ" освѣщено замѣткой проф. *В. Ѳ. Миллера*. Въ видѣ введенія Л. Г. Лопатинскій помѣстилъ замѣтку о Кабардѣ и кабардинцахъ, принадлежащихъ къ племени Адыге. Изъ этой замѣтки читатель узнаетъ, что кабардинцы переселились къ Пятигорью, къ рр. Малкѣ и Тереку съ восточнаго берега Чернаго моря, „разметали въ разныя стороны татарскія племена", которыя они тамъ застали.

На основаніи ихъ преданій Шорабекъ Мурзинъ-Ногмовъ въ 1843 г. составилъ исторію адагскаго племени. Ихъ сказанія, по словамъ Ногмова, упоминаютъ объ императорѣ Юстиніанѣ, о введеніи при немъ христіанской вѣры и завоеваніи Идаромъ, внукомъ Инала, Тмутаракани и пр. Число этихъ преданій, имѣющихъ историческій интересъ, значительно пополнено г. Лопатинскимъ (см. „Переселеніе Кабарды" Тамбіева, „Крымцы въ Кабардѣ" и др.). На основаніи текста „Бзіекская битва", составлена почтеннымъ авторомъ „Замѣтка о Кяхскомъ нарѣчіи" адыгскаго племени, собственно бредухскомъ его говорѣ". Къ выпуску приложена этнографическая карта Кабарды (масштабъ 20 в.).

А. Х—овъ.

Сношенія Россіи съ Кавказомъ въ XVI—XVIII ст. Рѣчь проф. А. А. Цагарели, читанная на годичномъ актѣ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета 8 февраля 1891 г. (С.-Пб. 1891. 51 стр.). „Въ настоящемъ году исполнится ровно 50 лѣтъ—такъ начинаетъ проф. Цагарели свою рѣчь—съ тѣхъ поръ, какъ въ стѣнахъ нашего Университета впервые началось чтеніе лекцій по грузинскому языку, литературѣ и исторіи... Въ настоящемъ же году исполнится 400 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Грузія отправила въ Москву первое свое посольство". По поводу этихъ событій почтенный профессоръ считаетъ своевременнымъ представить обзоръ сношеній Грузіи съ Россіей въ періодъ XVI—XVIII ст. Сношенія Кавказа съ Россіей начались давно—съ IX—X вѣка. Связи, на которыхъ поддерживалось общеніе между ними, были военно-политическія, религіозно-научныя и торговыя. Восточная Грузія, Кахетія, первая вступила въ переписку съ Россіей: спустя 40 лѣтъ послѣ паденія Константинополя, въ 1491 г., было отправлено царемъ Александромъ посольство въ Москву къ великому князю Іоанну III съ грамотой, откуда можно заключить, что надежды, возлагаемыя на Византію, послѣ ея паденія перенесены на московскаго государя. При Екатеринѣ II Грузія трактатомъ 1783 года ставитъ себя въ вассальныя отношенія къ Россіи. По смерти царя Георгія XII Грузія въ 1801 году была объявлена присоединенной къ Россіи.

Въ „статейныхъ спискахъ" русскихъ пословъ сохранилось много любопытныхъ чертъ, характеризующихъ современное имъ грузинское общество. Толмачъ Ѳеодоръ Ельгинъ и священникъ Павелъ въ 1639 году были въ Мингреліи. Владѣтельный ея князь Дадіанъ не принялъ ихъ, извиняясь тѣмъ, что онъ въ трaурѣ по женѣ, по обычаю страны, сбрилъ волосы на головѣ, бороду и одинъ усъ, и въ такомъ видѣ не можетъ ихъ принять. Послы были на храмовомъ праздникѣ св. Георгія. Къ вечернѣ, по ихъ словамъ, начали трубить въ трубы, звонить въ колокола, стучать въ доски и громко пѣть. Такъ провели двое сутокъ, обходя церковь, у дверей которой каждый повертывался кругомъ на лѣвую ногу.

Благодаря этимъ сношеніямъ въ русской литературѣ появляется сказаніе „Слово и дивна повѣсть о дѣвицѣ Иверскаго царя дщери Динарѣ царицѣ"—о войнѣ царицы Тамары съ персами. Въ русскихъ космографіяхъ является статья „о царствѣ Иверскомъ и Грузинскомъ". Свѣдѣнія о Кавказѣ нашли мѣсто въ книгѣ Большаго Чертежа, у Герберштейна въ его „Запискахъ о Москвѣ".

А. Х—овъ.

Татарская учительская школа въ Казани (Казань. 1890, стр. 26 in 8°). Авторъ этой небольшой брошюры имѣетъ цѣлью обрисовать строй указанной школы и уяснить ея значеніе для татарскаго мусульманскаго населенія. Школа основана въ 1876 г. по инціативѣ извѣстнаго академика В. В. Радлова, при содѣйствіи П. Д. Шестакова. Цѣлью школы является приготовленіе молодыхъ татаръ-мусульманъ въ учителя русскаго

языка и ариѳметики въ начальныя татарскія училища. Въ 1890 году въ школѣ было 25 учениковъ, изъ нихъ 24 казеннокоштныхъ Не смотря на кратковременное свое существованіе, школа оказала уже свое вліяніе: въ настоящее время рѣдкій поступающій (ученики принимаются не моложе 16-ти лѣтъ) не знаетъ уже русскаго языка, которому онъ обучался у себя на родинѣ отъ татаръ-учителей, бывшихъ воспитанниковъ указанной школы. Интересенъ фактъ, что большинство воспитанниковъ—пріѣзжіе изъ Вятской и Уфимской губ.; изъ Казанскихъ, особенно городскихъ, татаръ, почти никто не отдаетъ своихъ дѣтей въ это учебное заведеніе изъ боязни, чтобы ихъ дѣти не потеряли вѣры и не утратили своей національности. Опасенія эти, однако, лишены всякаго основанія, такъ какъ все, начиная отъ преподаванія и кончая костюмомъ воспитанниковъ, направлено къ тому, чтобы не оскорблять ни религіознаго, ни національнаго чувства татаръ. Причину этой нелюбви Казанскихъ татаръ къ школѣ слѣдуетъ, повидимому, искать въ обособленности ихъ отъ русскаго элемента, въ характерѣ ихъ и образѣ ихъ жизни, краткій очеркъ которой и даетъ намъ авторъ брошюры.

Если нельзя не согласиться съ авторомъ, что „изученіе финскихъ народностей Волжско-Камскаго края должно быть теперь какъ можно интенсивнѣе въ виду того быстро совершающагося процесса, который переживаютъ теперь эти инородцы, процесса ассимиляціи съ русскимъ населеніемъ“, то слѣдуетъ признать также правдивыми его слова, что тюркское населеніе, особенно татары, представляетъ немалый интересъ для этнографа. Въ этомъ отношеніи въ особенности выдаются Казанскіе городскіе татары. Ведя обширную торговлю, занимаясь ремеслами, они сохраняютъ свой своеобразный бытъ, доселѣ еще неизслѣдованный. Авторъ брошюры правъ, восклицая: „Да, этотъ міръ совсѣмъ особый съ своими интересами: религіозными, умственными, коммерческими, міръ, закрытый пока отъ глазъ этнографа-наблюдателя, но полный интереса для него“. Желательно было бы, чтобы мѣстные этнографы обратили свое вниманіе на находящуюся подлѣ нихъ интересную племенную группу, изслѣдовали ее, и сдѣлали ея бытъ доступнымъ для науки. **Н. Х.**

Азбучный указатель горъ, озеръ, рѣкъ, населенныхъ мѣстъ и урочищъ, упоминаемыхъ въ „Топографіи Оренбургской губ.“ Рычкова. (Оренб. 1891, стр. 18 in 8⁰). Отмѣчаемъ этотъ небольшой, но крайне цѣнный указатель къ указанному труду Рычкова. Указатели, къ сожалѣнію, не завоевали еще себѣ надлежащаго положенія въ нашихъ научныхъ сочиненіяхъ; если таковые и встрѣчаются, то они во всякомъ случаѣ представляютъ собой явленіе спорадическое Между тѣмъ, не можетъ быть спора о пользѣ подобныхъ указателей, въ особенности для сочиненій, которыхъ объемъ и разностороннее содержаніе сильно препятствуютъ пользованію ими для справокъ. Нельзя поэтому не пожелать, чтобы подобные указатели были составлены и для многихъ другихъ сочиненій, чѣмъ значительно облегчилась бы работа всякаго, долженствующаго пользоваться

ими. Отмѣченный указатель представляетъ собой довольно значительныя добавленія сравнительно съ изданнымъ, годомъ раньше, „Алфавитнымъ указателемъ населенныхъ мѣстъ, главнѣйшихъ горъ, рѣкъ и озеръ" къ тому же сочиненію Рычкова (22 стр. in 16°) Такъ напримѣръ р. Яикъ упомянута въ указателѣ 1891 г. встрѣчающеюся въ „Топографіи" 56 разъ, тогда какъ въ указателѣ 1890 г. лишь 22 раза. „Яицкій городокъ" въ указателѣ 1891 г.—15 разъ; въ указателѣ 1890 г,—2 раза. „Башкирія"—33 раза, въ указателѣ 1890 г.—9 разъ. Кромѣ того, въ указателѣ 1891 г. мы встрѣчаемъ нѣсколько именъ, которые не упомянуты въ указателѣ 1890 г. Такихъ словъ подъ одной литерой А мы находимъ 20. Съ другой стороны въ указателѣ 1890 г. встрѣчается нѣсколько словъ, которыя въ указателѣ 1891 г. не помѣчены. Это кажущееся разногласіе, повидимому, слѣдуетъ объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что указатели составлены для разныхъ изданій того же сочиненія Рычкова. Вслѣдствіе этого при пользованіи этими указателями слѣдуетъ имѣть это въ виду, иначе читатель можетъ быть введенъ въ заблужденіе. Нельзя поэтому не пожалѣть, что составитель указателя 1891 г. не снабдилъ его краткимъ предисловіемъ, изъ котораго можно было бы узнать, къ какому изданію онъ относится. Что до указателя 1890 г., то онъ составленъ къ упомянутому сочиненію Рычкова, изд. 1762 г. и перепечатанному Оренбургскимъ Отд. Имп. Рус. Геогр. Общ. въ 1887 г.

Н. Х.

Свящ. Г. И. Сорокинъ: Мѣстечко Дмитровка. Опытъ историко-статистическаго и этнографическаго описанія. (Херсонъ, стр. II+65 in 8°).

Трудъ о. Г. И. Сорокина является отвѣтомъ на программу для этнографическаго изученія Херсонской губ., напечатанную въ „Сборникѣ Херсонскаго Земства" (1889 г. № 3). Въ предисловіи къ програмиѣ указывалось на значеніе работъ мѣстныхъ изслѣдователей, которые стоятъ близко къ населенію и вслѣдствіе этого имѣютъ возможность наблюдать бытъ населенія и болѣе систематично, и болѣе разносторонне и глубоко, чѣмъ изслѣдователь заѣзжій. Мысли, высказанныя въ предисловіи указанной програмы, нашли сочувственный откликъ въ лицѣ о. Сорокина, представившаго свой, хотя и небольшой, но тщательно составленный и обработанный трудъ. Священствуя въ теченіе довольно долгаго времени въ м. Дмитровкѣ (Херсонской губ., Александрійскаго у.), авторъ внимательно присматривался къ матеріальному и духовному быту населенія, и въ настоящемъ своемъ описаніи даетъ намъ свѣдѣнія, касающіяся какъ исторіи мѣстности, такъ и экономическаго состоянія населенія и особенностей его быта. М. Дмитровка принадлежитъ къ числу однихъ изъ наиболѣе населенныхъ. Въ 1887 г. числилось въ немъ 7641 д. о. п. (изъ нихъ 577 евреевъ, остальные православные). Достигнувъ въ концѣ XVIII в. довольно высокой степени развитія, Дмитровка постепенно стала падать и въ 1824 г. въ ней оставалось только 270 д. м. п., въ то время какъ въ 1785 г. ихъ считалось 1524. Съ 1824 г. населеніе Дмитровки на-

чинаетъ быстро рости благодаря приходу новыхъ насельниковъ изъ окрестныхъ селеній. Населеніе было смѣшанное (малороссы и великороссы); выбирая себѣ мѣста, переселенцы селились такъ, чтобы какъ можно меньше смѣшиваться съ прежними жителями. «Даже и теперь,—пишетъ о. Сорокинъ, ...на малороссійской сторонѣ не встрѣтите усадьбы великоросса и наоборотъ.... За 28 лѣтъ службы моего отца въ санѣ священника въ Дмитровкѣ было *три* случая, что великороссы (вдовцы) женились на малороссхахъ... *Одинъ* только случай былъ, что малороссъ женился на великороссѣ... Въ 1886 г. при 200 крещеніяхъ былъ только одинъ случай, что великороссъ воспринималъ ребенка у малоросса». Эти факты, рисующіе обособленность каждой изъ двухъ племенныхъ группъ, населяющихъ Дмитровку, объясняютъ также, что у каждой группы свои обычаи и нравы, сохраненные ими изстари. На описаніе различій въ обычаяхъ и направлена главнымъ образомъ 2-я глава труда о. Сорокина. Такое параллельное описаніе, съ указаніемъ чертъ сходства и различія въ обычаяхъ и обрядахъ обѣихъ племенныхъ группъ, составляетъ несомнѣнное достоинство работы автора. Отсылая желающихъ познакомиться ближе съ этимъ отдѣломъ къ самому труду о. Сорокина, отмѣтимъ еще, что авторъ приводитъ 17 заговоровъ, описаніе нѣсколькихъ наиболѣе распространенныхъ игръ и нѣсколько интересныхъ обычаевъ, среди которыхъ отмѣтимъ обрядъ побратимства и посестримства, совершаемый особенно торжественно. Отмѣтимъ также констатированный авторомъ фактъ стремленія населенія къ образованію. Желающихъ поступить въ школу часто бываетъ больше, чѣмъ школа можетъ принять; такъ, напримѣръ, въ 1885 г. число желающихъ превысило комплектъ на 47 человѣкъ.

Въ слѣдующихъ главахъ о. Сорокинъ описываетъ матеріальный бытъ населенія. Этого отдѣла мы касаться не будемъ: ограничимся замѣчаніемъ, что и здѣсь мы видимъ ту же тщательность, съ которой авторъ обращается съ своимъ обширнымъ матеріаломъ.

Въ заключеніе пожелаемъ, чтобы примѣръ о. Сорокина нашелъ себѣ возможно большее число подражателей; — трудами, подобными вышеуказанному, мѣстные изслѣдователи обогатили бы въ значительной степени наши свѣдѣнія о мѣстномъ населеніи и принесли бы большую пользу русской наукѣ отечествовѣдѣнія.

Н. Х.

А. А. Исаевъ: Переселенія въ русскомъ народномъ хозяйствѣ. (Спб. 1891, стр. 192 in 8°). — Масса переселенцевъ, ежегодно оставляющихъ свои родныя мѣста, идутъ изъ Европейской Россіи въ Сибирскія, Кавказскія и Среднеазіатскія области и губерніи. Ихъ судьба, причины, побуждающія ихъ къ переселеніямъ, трудности, которыя имъ приходится испытывать на пути, способы ихъ водворенія, отношенія къ нимъ старожиловъ—все это является уже давно предметомъ основательнаго изученія нашихъ ученыхъ и публицистовъ. Кромѣ экономическаго значенія переселеній, вопросъ о колонизаціи, обширнымъ потокомъ идущей изъ

разныхъ мѣстъ Европейской Россіи, имѣетъ существенный интересъ для этнографа. Ежегодно переселяется въ разныя мѣста Сибири. Кавказа и Средней Азіи около 50,000 чел. изъ разныхъ губерній Европейской Россіи. Оставивъ свои мѣста, гдѣ та или другая семья жила иногда въ теченіе столѣтій, переселенцы въ своемъ поступательномъ — колонизаціонномъ движеніи сохраняютъ языкъ, нравы и обычаи, завѣщанные имъ вѣками отъ ихъ дѣдовъ и прадѣдовъ. Поселяясь, на новыхъ мѣстахъ они сталкиваются обыкновенно со старожилами, уже давно обжившихся въ мѣстныхъ условіяхъ, смѣшиваются съ ними,—и благодаря новымъ условіямъ и новымъ входящимъ въ нихъ элементамъ видоизмѣняются, вырабатываютъ свой особенный типъ, отличающій ихъ и отъ старожиловъ и отъ ихъ сородичей въ губерніяхъ Европейской Россіи. Естественно, всякій этнографъ, занимающійся изученіемъ мѣстности, въ которой переселенцы составляютъ большій или меньшій % населенія, долженъ обратить вниманіе на отличія, отдѣляющія ихъ отъ старожиловъ; онъ долженъ указать, что осталось у переселенцевъ отъ ихъ прежняго быта, что появилось подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни, какъ видоизмѣнились ихъ старые взгляды, какой характеръ приняли ихъ прежніе обычаи и обряды на новомъ мѣстѣ. Для того, чтобы рѣшить эти вопросы, ему необходимо знать причины переселеній, количество лицъ, оставляющихъ свои насиженныя мѣста, направленіе переселенческаго движенія и т. п. Въ этомъ отношеніи огромную пользу можетъ оказать ему трудъ г. Исаева.

Работа не мало потрудившагося по этому вопросу г-на Исаева должна служить исходной точкой для всякаго этнографа, обращающаго свои силы на изученіе мѣстностей, гдѣ переселенцы играютъ болѣе или менѣе видную роль. Изслѣдователь найдетъ въ ней массу новыхъ фактовъ, могущихъ служить ему руководящей нитью при его работѣ. Важно и то, что авторъ имѣлъ возможность лично познакомиться съ переселенцами, наблюдать ихъ непосредственно и наконецъ пользоваться новѣйшими данными о переселенцахъ, что придаетъ еще большій интересъ прекрасному по своей обработкѣ труду г. Исаева.

Не имѣя въ данномъ случаѣ цѣлью всесторонне разбирать серьезный трудъ г. Исаева, ограничусь лишь указаніемъ на два факта, не безъинтересныхъ для этнографа. Естественъ прежде всего вопросъ, изъ какихъ частей Европейской Россіи двигаются главнымъ образомъ переселенцы. Оказывается, что за послѣдній годъ главный контингентъ идущихъ на новыя мѣста въ Сибирь крестьянъ выходитъ изъ Курской губ. (1241 семья), затѣмъ слѣдуетъ губ. Тамбовская (269 семьи), Вятская (182 с.), Пермская (129 с.), Нижегородская (119 с.), Казанская (109) и т. д. Второй вопросъ, интересный для этнографа, это опредѣленіе благосостоянія переселенцевъ. Въ этомъ отношеніи г. Исаевъ приводитъ цифры за 1890 г., рисующія намъ положеніе переселенцевъ далеко не въ привлекательномъ видѣ. „По оффиціальнымъ даннымъ, отъ 1-го сентября, — пишетъ авторъ,— изъ пришедшихъ въ Томскъ въ 1890 г. имѣли собственныхъ денегъ: ничего и до 10 р.—1,499 семей, отъ 10—50 р.—590 с., 50—100 р.—

115, отъ 100—300 р.—70 с., болѣе 300 р.—8 семей". Слѣдовательно, если считать даже, что на обзаведеніе хозяйства требуется хотя бы только 100 р., окажется, что около 96% стоятъ въ матеріальномъ отношеніи ниже этого уровня, а слишкомъ 65% находятся въ крайне-бѣдственномъ положеніи: либо не имѣютъ денегъ вовсе, либо имѣютъ сумму, не превышающую 10 р. При такихъ условіяхъ естественно, что лишь выдаваемыя субсидіи и дѣятельность частной благотворительности могутъ поддержать переселенцевъ, помочь имъ устроиться на новыхъ мѣстахъ; естественно также, что переселенцы часто попадаютъ въ кабалу къ ростовщикамъ, хозяевамъ и т. п. Европейская Россія, высылая отъ себя лицъ необставленныхъ въ матеріальномъ отношеніи удовлетворительно, даетъ однако Сибири въ лицѣ переселенцевъ людей преимущественно энергичныхъ, способныхъ на долгую и упорную борьбу съ трудностями, которыя ожидаютъ ихъ на новыхъ мѣстахъ. Вотъ впечатлѣніе, которое переселенцы оставили на г. Исаева: „многіе,—пишетъ онъ,—похоронили въ Тюмени близкихъ людей; многіе истощили послѣдніе гроши и на пароходѣ жили впроголодь; и, все-таки, задумчивые, сосредоточенные, они бодро ожидали конца путешествія.... Какъ скоро пароходъ останавливался гдѣнибудь около селенія и неподалеку отъ пристани виднѣлось поле или лугъ,—они бѣжали туда, смотрѣли, хороша ли рожь и трава и... дѣлали сравненіе съ тѣмъ, что бываетъ въ Тамбовской или Курской губерніяхъ... И такъ ѣхали они день за днемъ, съ вѣрою въ Бога, терпѣливо перенося свою трудную долю, никому не жалуясь, ни на кого не ропща". Далѣе авторъ приводитъ примѣры стойкости отдѣльныхъ переселенцевъ; такъ напр. въ Томскѣ авторъ видѣлъ женщину, пришедшую изъ Саратовской губ. съ 4 дѣтьми; она пробиралась въ Алтайскій округъ, къ своему мужу, туда переселившемуся за годъ передъ тѣмъ. Другая женщина прошла изъ Глазовскаго у. до Тюмени (1200 верстъ) съ двумя дѣтьми, изъ которыхъ меньшаго она везла все время въ тачкѣ и т. д.

Въ заключеніе повторимъ, что прекрасный трудъ г. Исаева, являясь цѣннымъ вкладомъ въ нашу литературу о переселеніяхъ, оказывается и важнымъ подспорьемъ для этнографа, изучающаго смѣшанное русское населеніе Сибири; онъ почерпнетъ изъ него много данныхъ, которыя помогутъ ему освѣтить и понять многія бытовыя особенности какъ сибирскихъ старожиловъ, такъ и вновь прибывающаго пришлаго элемента.

Н. Х.

Виленскій Календарь на 1891. Это изданіе, какъ извѣстно, ведется Виленскою 1-ю гимназіею и заключаетъ въ себѣ по обыкновенію, кромѣ справочныхъ свѣдѣній, также довольно большой литературный отдѣлъ со статьями преимущественно историческаго содержанія. Въ настоящемъ году здѣсь помѣщены, между прочимъ: историч. очеркъ княжества Туровскаго, историч. очерки городовъ Минска и Могилева, біографіи князей Конст. Ив. и Конст. Конст. Острожскихъ.

2. Журналы.

Владивостокъ. 21. *К.* Къ торгово-промышленному вопросу восточныхъ окраинъ Сибири (эксплуатація иностранцами чукчей).

Воскресный День. 33,34. Евангельская проповѣдь среди язычниковъ (алтайская и киргизская миссіи за 1890 г.).

Восточное Обозрѣніе. 21. Способны-ли сибиряки къ сельско-хозяйственному прогрессу и общинной жизни? (по поводу доклада А. А. Кауфмана: «О вліяніи переселенцевъ на мѣстное населеніе Сибири» въ Имп. Вольно-Эконом. Общ.). **22.** *А. Ивановскій.* Заселеніе Маньчжуріи.—*И. К.* О рыбныхъ и тюленьихъ промыслахъ на озерѣ Байкалѣ (содержаніе доклада И. Д. Кузнецова въ Петерб. Обществѣ Рыболовства). **23.** Къ исторіи скопческаго хозяйства въ Якутской области. **24.** *В. Ошурковъ.* Новая работа по обычному праву («**Le régime patriarcal et le droit coutumier des Kirghiz, par Victor Dingelstedt**». Paris, 1891). **26.** *Ѳ. Н. Лаврентьевъ.* Земледѣліе въ Сибири.—*Дм. Даурскій.* На родинѣ Чингисъ-хана (изъ путевыхъ впечатлѣній по южному Забайкалью). **27.** *Ѳ. Н. Лаврентьевъ.* Свобода охоты въ Сибири и ея результаты. **28.** Захватно-родовое владѣніе землей и община.

Вѣстникъ Европы. *Май—Е. Е. Картавцевъ.* Поѣздка въ Стовратныя Ѳивы. 1889. I.—Путевыя впечатлѣнія автора. Подробнѣе описаны остатки Карнакскаго храма и Гробницы царей.—*В. Пругавинъ.* Кустарная промышленность, ея судьба и значеніе. I—VI. Перечисливъ мѣры правительства и земствъ для развитія кустарныхъ промысловъ, авторъ указываетъ на съѣзды, какъ на мѣру, которая могла-бы сильно двинуть впередъ какъ знакомство съ этимъ видомъ промышленности, такъ и ее саму. Затѣмъ, указавъ на то, что въ изслѣдованіяхъ кустарной промышленности главное вниманіе было обращено обыкновенно на экономическую сторону ея, и мало имѣлась въ виду бытовая, этнографическая, онъ набрасываетъ картину кустарной промышенности въ Нижегородской губерніи, основываясь преимущественно на матеріалѣ, собранномъ въ Нижегородскомъ Сборникѣ (Т. VII и VIII. Ниж. Новг. 1887 и 1889 г., подъ редакціей А. С. Гацисскаго). Рец. на кн. Н. М. Ядринцева: Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе. Этнографическія и статистическія изслѣдованія, съ прилож. статистическихъ таблицъ (Спб. 1891. Изд. И. М. Сибирякова). Рец. на кн. В. И. Межова: Сибирская библіографія. Указатель книгъ и статей о Сибири на русскомъ языкѣ и однихъ только книгъ на иностранныхъ языкахъ за весь періодъ книгопечатанія. Т. I. Источники и матеріалы для исторіи Сибири: библіографическіе указатели, историческ. и историко-юридическ. акты и документы, письма и мемуары. (Изд. И. М. Сибирякова. Спб. 1891). Рец. на Терскій Календарь на 1891 годъ. Годъ I. (Изд. Терскаго областнаго статистическаго Комитета. Владикавказъ. 1890). Рец. на Терскій Сборникъ. (Приложеніе къ Терскому Календарю на 1891 годъ. Вып. I. Подъ редакціей секретаря Комитета И. Стефановскаго. Владикавказъ. 1890). Рец. на кн. А. А. Исаева: Переселенія въ русскомъ народномъ хозяйствѣ. (Спб. 1891). *Іюнь—Е. Е. Картавцевъ.* Поѣздка въ Стовратныя Ѳивы. (1889. II. Окончаніе). Описаны развалины Мединетъ-Абу, Луксора, Колоссы Мемнона и пр.; краткій очеркъ египетской миѳологіи; мѣстами въ этой статьѣ разбросаны живыя картинки мѣстной жизни.—Рец. на: «Соловушко. Сборникъ русскихъ художественныхъ и народныхъ пѣсенъ». Сост. М. М. Ледерле. (Спб. 1891).—Рец. на кн. Л. В. Ходскаго: Земля и земледѣлецъ. (Въ двухъ томахъ. Спб. 1891). *Августъ.—А. Н. Пыпинъ*: Первыя извѣстія о Сибири и русское ея заселеніе.—*Н. М. Ядринцевъ*: Десятилѣтіе переселенческаго дѣла.—Рец. на кн. Ал. С. Фаминцына: Домра и сродные ей музыкальные инструменты русскаго народа. Балалайка, кобза, бандура, торбанъ, гитара. Историческій очеркъ съ многочисленными рисунками и нотными примѣрами. (Спб. 1891).

Джеджили (грузинскій журналъ). IV. Великанъ Гаргантуа (французская легенда). Сказка о дочери царя. Она измѣннически была брошена въ рѣку, превратилась въ золотую рыбку и была доставлена рыболовомъ опечаленному царевичу-мужу. Одна ея косточка упала въ сѣняхъ, когда ее зарѣзали. Изъ косточки выросло кипарисовое дерево, которое наклоненіемъ своихъ вѣтвей привѣтствовало царевича, а ночью, обращаясь

въ женщину, входила къ нему въ спальню и, обнявъ его, горько плакала; на разсвѣтѣ же она исчезала. Царевичъ разъ притворился спящимъ, поймалъ ее и узналъ, кто виновница ея гибели.—Анекдоты и загадки.

Иверія. *Май*. Изъ прошлой жизни Грузіи. Молитва царя Ираклія II (рукопись XVIII в.).—*Іюнь*. Нѣсколько о«Ростоміани», переводъ Шахъ-Намэ. *А. Хахановъ*. Распространеніе грузинскаго языка въ Сванетіи. О грузинской литературѣ. Письмо Панискертель-Цицишвили (Рукопись Общества распространенія грамотности среди грузинъ). Изъ этого письма выясняется, что до грамматики Католикоса Антонія II существовала грамматика Католикоса Виссаріона («Бесаріони»). Даже въ XI — XII вв. существовали грамматики философа Іоанна Петрици и Евфимія. Первая часть рукописи касается древнихъ обычаевъ и нравовъ грузинъ (свадьба, похороны, празднованіе Новаго года и пр.). *Іюль*. Письмо изъ Дагестана. О состояніи шелководства, садоводства и выдѣлки оружія. Грузинская нотная рукопись X вѣка.—*Августъ*. Письмо изъ Адчары (Западная, омусульманившаяся часть Грузіи). О количествѣ населенія, состояніи образованія (пишутъ и читаютъ по-грузински даже въ Турецкой Грузіи). Законодательство Беки и Агбучи. (Продолженіе). *Н. Урбнели*. Изъ исторіи Грузіи. Нашествіе Ага-Магомметъ-Хана.

Мукемси (изд. на грузинскомъ языкѣ). **11, 15**. *Д. П. Пурцеладзе*. Д. І. Чубиновъ, профессоръ С.-Петербургскаго университета по грузинской словесности (некрологъ). **14**. Объ исторіи печатанія въ Грузіи церковно-богослужебныхъ книгъ съ XVII в. Кн. Маміа Гуріели. Продолженіе церковныхъ актовъ, изъ которыхъ актъ Бичвинтскаго собора можетъ служить блестящимъ дополненіемъ къ донынѣ извѣстнымъ грузинскимъ церковнымъ законамъ.

Пастырь (вых. 2 раза въ мѣсяцъ въ Кутаисѣ). **12—13**. Экспедиція въ Святую землю проф. Кондакова. **14—15**. О хирургіи у Кавказскихъ горцевъ.

Русское Обозрѣніе. *Іюнь*. *Іюль*. *А. В. Елисѣевъ*: Въ подземныхъ пещерахъ уден. Описаніе посѣщенныхъ авторомъ подземныхъ пещеръ Іудеи: ихъ устройство и внутренняя отдѣлка: входы, спиралеобразныя лѣстницы, ведущія въ нижнія пещеры, ниши, колонны, скульптурныя изображенія, находящіяся въ нихъ, надписи, орнаментовка стѣнъ и пр. Авторомъ были найдены каменныя орудія и остатки костяковъ древнихъ обитателей этихъ пещеръ. Въ этой же статьѣ мы знакомимся съ нѣкоторыми легендами арабовъ, а также съ мелкими деталями ихъ быта.—*Августъ*. *Д. П. Гессе*. Великая Кабилія (замѣтки туриста). — *Е. Ѳ*. Изящная литература древнихъ египтянъ. Гл. I.—IV. Здѣсь читатель знакомится съ содержаніемъ, а мѣстами и съ текстомъ нѣкоторыхъ древнеегипетскихъ сказокъ и лирическихъ стихотвореній. Кромѣ того, статья даетъ разнообразныя и интересныя свѣдѣнія о бытѣ древнихъ египтянъ.

Сѣверный Вѣстникъ. *Май*. Рец. на кн. Исаева: Переселенія въ русскомъ народномъ хозяйствѣ.—*Іюнь*. Областной отдѣлъ. *П. Астыревъ*: Субботники въ Россіи и Сибири. Статья распадается на слѣдующія главы: I. Старинная ересь жидовствующихъ. II. Слѣды существованія жидовствующихъ въ позднѣйшій періодъ. III. Вѣроученіе и черты быта субботниковъ, IV. Субботники Иркутской губерніи. — Рец. на кн. Алтай. Историко-статистическій сборникъ по вопросамъ экономическаго и гражданскаго развитія Алтайскаго горнаго округа подъ редакціей *П. А. Голубева*. (Томскъ, 1890 г.)—Рец. на кн. В. И. Межова: Сибирская библіографія Т. I. Изд. И. М. Сибирякова, С.-Пб., 1891 г.—*Іюль*.—*И. Лучицкій*: Крестьяне и крестьянская реформа въ Лифляндіи. Статья первая. Областной отдѣлъ. *С. Марусинъ*. Переселенческое движеніе на Алтай. Статья рисуетъ печальныя условія, въ которыя поставлены переселенцы: недостатокъ денежныхъ средствъ, утомленіе, болѣзни, голодъ во время слѣдованія въ Сибирь, а на мѣстѣ заселенія упорная борьба, въ которой съ невыгодной стороны выказываютъ себя въ одинаковой степени и старожилы и переселенцы. Хотя Алтай и является мѣстомъ, гдѣ могли бы оправдаться надежды переселенцевъ—однако ко времени прибытія своего ихъ силы настолько истощены, что воспользоваться выгодами мѣстности имъ почти невозможно.—Рец. на кн. Л. Ходскаго: Земля и земледѣлецъ. 2 тома. Спб 1891.—Рец. на кн. Н. М. Ядринцева: Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе. Спб. 1891.—*Августъ*. Изъ поѣздки къ истокамъ Днѣпра, Западной Двины и Волги. Очерки *проф. Д. Анучина*. Цѣль поѣздки проф. Д. Н. Анучина была по преимуществу географическая, а поэтому и сама статья носитъ географическій характеръ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней разбросано не мало цѣнныхъ этнографическихъ

свѣдѣній. Въ разговорахъ съ мѣстными жителями проф. Анучинъ знакомился съ легендами, пріуроченными къ извѣстнымъ мѣстностямъ и различными другими преданіями.—*Н. Астыревъ.* Одинъ изъ вопросовъ дня: сервитутныя отношенія въ юго-западномъ краѣ.—*Проф. И. Лучицкій.* Крестьяне и крестьянская реформа въ Лифляндіи. Статья первая. (Продолж.).—*А. А. К.* Хозяйственный и общинный бытъ крестьянъ и инородцевъ Иркутской губерніи.

Трудъ (приложеніе къ «Всемирной Иллюстраціи»). **2, 3.** Легенды индѣйцевъ сѣверо-запада Америки (записаны І.-Адр. Якобсеномъ): 1) какъ индѣйцы научились отъ волка танцамъ съ масками; 2) гримасничающій духъ; 3) богъ грома Сейуксъ; 4) происхожденіе человѣческаго рода; 5) потопъ индѣйцевъ племени Атсъ; 6) какъ индѣйцы достали огонь; 7) какъ индѣйцы научились китоловству; 8) медвѣжья легенда племени Белла-Белла; 9) превращеніе чудовищъ въ звѣрей силою Гани-Килла-ко; 10) какъ индѣйцы племени Хайда научились дѣлать «тотемъ» («тотемъ» или «тоданиъ»—изображеніе животныхъ, являющихся родоначальниками и покровителями каждаго рода канадскихъ индѣйцевъ; 11) каннибалъ Бекъ-Бекъ-Квала-нитъ и вождь Уноако; 12) месть бога солнца Токьо; 13) что́ случилось съ ворономъ Ко́о у бога моря Сни-анза-Котъ. **4—6.** *А. В. Потанина.* Буряты, — этнограф. очеркъ: страна, занимаемая бурятами; подраздѣленіе ихъ на 11 племенъ и племенъ — на рода или аймаки; численность (до 200 тыс. душъ); мѣстожительство каждаго племени; управленіе (тайши, шуленги, степныя думы и инородч. управы); языкъ; распространеніе грамотности; религія: шаманство (черные и бѣлые шаманы, шаманское дѣйствіе), почитаніе огня, три разряда духовъ: тэнгри, хаты и заяны, онгоны (духи-покровители) и бумалъ-шилуны (камни, упавшіе съ неба); ламы и монастыри; общественныя (таилганы) и частныя (кырыкъ) жертвоприношенія; христіанская проповѣдь среди бурятъ и результаты ея; обычай умерщвлять стариковъ, дожившихъ до 70-лѣтняго возраста; свадебные обычаи и слѣды давней старины въ нихъ (военный захватъ дѣвицъ и, какъ возмездіе за это, угонъ скота; поступленіе жениха въ домъ невѣсты; въ обычаяхъ родильныхъ сохранился намекъ на то, что отецъ или, можетъ быть, родъ долженъ рѣшить,—оставлять ребенка въ живыхъ или бросить); цѣломудріе дѣвушекъ; положеніе женщины; наклонность къ разводамъ; покупка малолѣтнихъ дѣтей; погребеніе умершихъ; звѣроловство, скотоводство и въ позднѣйшее время хлѣбопашество; облавы и ихъ организація; жилища; пища: арса (сквашенное молоко или творогъ), тарасунъ (молочная водка слабая), араки (та же водка, но крѣпкая), курунга (кислое молоко), чай, мясо, дикій лукъ, луковицы сараны (lilium martagon) и картофель; рыболовство; плотничное и кузнечное ремесла; домашняя утварь (преданіе оваркѣ пищи въ старину посредствомъ опусканія въ воду накаленныхъ камней); пряжа и тканье; приготовленіе священныхъ статуетокъ и рисованныхъ изображеній боговъ; одежда и обувь; обыденная жизнь бурятъ; общественные праздники (цаганъ-саръ—новый годъ); игры и пляски; антропол. типъ бурятъ. Статья, богатое и разнообразное содержаніе которой только что приведено, составлена на основаніи какъ литературныхъ данныхъ, такъ и личныхъ наблюденій самого автора А. В. Потаниной, извѣстной путешественницы по Монголіи и Китаю. **6.** *М. А. О.* Огненное погребеніе. **8.** *М. А. О.* Привѣтствія у разныхъ народовъ. **9.** Негрскія басни (изъ собранія д-ра Эмина). **13—17.** *М. И. Пыляевъ.* Стародавніе старчики, пустосвяты и юродцы.

Чтенія въ Обществѣ люб. духовн. просв. *Мартъ, май* и *іюнь. А. Я. Дородницынъ.* Шалапутская община.

3. Газеты.

Варшавскій Дневникъ. 1890.—254. *Н. Юскій.* Библіограф. зам. о Пам. книж. Кѣлецкой губ. 1890 г.—**255.** *Ф.* Библ. зам. о кн. Д. И. Эварницкаго: «Вольность запорожскихъ казаковъ».—**268.** Двѣ статьи (некрол. изъ Прав. В. и фельетонъ *Н. Ю.*) о литераторѣ Г. П. Данилевскомъ († 6 дек. 1890 г.), извѣстномъ, кромѣ своихъ романовъ, также изданіемъ сборника «Украинская Старина», удостоеннаго въ 1878 г. Уваровской премін (содерж.: изслѣдованіе о юж.-русс. народн. школахъ и біографіи Основяненка, Сковороды и Каразина). Бытовые романы покойнаго сами по себѣ тоже

имѣютъ этнографическій интересъ, такъ какъ выводимые въ нихъ типы (напр., крѣпостныхъ, бѣглыхъ и т. п.), по заявленію самого автора, списаны имъ съ дѣйствительности во время его командировокъ. — **277.** *К. Я.* «Коляда въ Холмской Руси». Продолженіе см. въ 1891 г. въ № 4, а не 41-мъ, какъ ошибочно было указано въ кн. IX, стр. 183.— **278.** *М. Р.* «Сказка или быль?»— святочный разсказъ изъ мѣстнаго быта. **1891.—29.** О собраніи древн. документовъ (отъ Іоанна IV до 18 в. включ.) и другихъ рукописей, принадлежащемъ П. С. Соломкѣ (въ Кіевѣ). Есть сказаніе о Задонскомъ боѣ (17 в.), о Тушинскомъ ворѣ и много выписокъ изъ римскихъ архивовъ, отчасти сдѣланныхъ покойнымъ Алексан. Н. Поповымъ, извѣстнымъ своими изслѣдованіями объ отношеніяхъ Россіи къ Польшѣ.—**32.** *К Г.* Библ. зам. о I и II вып. «Живой Старины».—**42, 44, 45.** *Вэвэся.* «Демографія Ц. Польскаго»,—по поводу Трудовъ Варш. стат. комитета.—**43.** Зам. о штундистахъ («Волынь»).—**44.** По поводу предстоящ. въ 1892 г. 900-лѣтія утвержденія православія на Волыни.—**54.** Некрологъ Фр. Миклошича съ перечнемъ главнѣйшихъ трудовъ его.

Витебскія Губ. Вѣд.—37. Древность человѣческой расы въ Америкѣ (изъ Нов.).—**39.** Городъ Суздаль. Описаніе города съ нѣк. истор. справками.—**66, 68** и **70.** *О. М. Киселевъ.* Матеріалы къ описанію Двины и судоходства по Двинѣ.—**70.** О раскопкахъ курганнаго кладбища въ им. Каховкѣ, произведенныхъ Е. Р. Романовымъ.

Волынскія Г. В.—45. *Братчиковъ.* Къ исторіи народныхъ обычаевъ: Купала.

Волынскія Еп. Вѣд. — 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25. Продолженіе Историко-статистическаго описанія церквей и приходовъ Волынской епархіи.—**21, 22.** *И. Никифорскій.* Краткія замѣчанія объ отношеніи русскихъ сектъ къ государству (изъ Сам. Еп. Вѣд.). — **23. 24, 25.** Чешскіе поселки на Волыни: 1) Подгайцы, 2) Новины, 3 и 4), Дорогостаи и Московщина (неок.).—**23.** *Н. Теодоровичъ.* Архивъ князей Сангушекъ, томы 1, 2, 3 и 4. Подробная библіографическая замѣтка по поводу изданія этого архива во Львовѣ (1887—90 гг.), заключающаго въ себѣ массу цѣнныхъ документовъ, писанныхъ большею частью на русск. яз., начиная съ XIII в.—**25.** Извѣстіе о выходѣ въ свѣтъ книги Ал. Алексѣева: «Очерки домашней и общественной жизни евреевъ, ихъ вѣрованія, обряды, праздники, талмудъ и кагалъ», съ замѣткой автора, изъ которой видно, что авторъ, бывшій еврей, издалъ свои очерки первымъ изданіемъ въ 1881 году, а въ настоящее время пополнилъ ихъ новымъ отдѣломъ, внеся въ него: «разсказы талмуда о жизни патріарховъ, о Моисеѣ, о Синайскомъ законодательствѣ, о сраженіи Моисея съ дьяволомъ и побѣдѣ его надъ нимъ».

Воронежскія Г. В.—22. Рецензія на изслѣдованіе Л. Б. Вейнберга: «Очеркъ замѣчательнѣйшихъ древностей Воронежской губ.» (Правит. В.).

Вятскія Г. В.—2, 3, 5—9. *Н. Загоскинъ.* Изъ Волынской старины. (Изъ прошлаго Волги и Поволжья). Очеркъ первый. По Волгѣ въ 1636 году. (Изъ описанія путешествія Олеарія).—**10.** То-же. (Продолженіе).—Елабужскій уѣздъ. Инородческое населеніе уѣзда. Его школы. Внѣшній бытъ его. (В. В.).—**11.** *Н. Загоскинъ.* Изъ Волжской старины. По Волгѣ въ 1636 году. (Окончаніе). (Волж. Вѣст.).—*П. Сорокинъ.* Городища Сосновской и Шарканской волостей Сарапульскаго уѣзда. Арская дорога.—**12.** *Т. Сорокинъ.* То-же. (Окончаніе).—**16.** Новая секта. О возникновеніи среди черемисъ новой секты «Кугу-Сарта». (Вят. Еп. Вѣд.). — **18.** Рецензія на книгу И. А. Гончарова: «Въ Восточной Сибири. Въ Якутскѣ и Иркутскѣ». (Правит. Вѣст.).—**22.** Елабужскій уѣздъ. Промыслы Елаб. уѣзда; чуваши.—**25.** Отчетъ о дѣятельности и занятіяхъ Вятскаго Губернскаго Статистическаго Комитета за 1890 г. Свѣдѣнія объ археологическихъ находкахъ.—**29.** Елабужскій уѣздъ. Старо-крещеные татары. (Волж. Вѣст.). — **30.** Засѣданіе Общества археологіи, исторіи и этнографіи. Доклады: ***М. Н. Пинегина*** — О свадебныхъ обычаяхъ казанскихъ татаръ и *Н. Н. Смирнова* — О погребальныхъ обычаяхъ и остаткахъ языческой старины у пермяковъ. (Казанск. Бирж. Лист.).—**38.** Изъ смутнаго времени на Вяткѣ. Броженіе среди инородцевъ въ 1608 — 9 годахъ.—*Магницкій:* Матеріалы для исторіи Елабужскаго уѣзда: 1) Челобитная башкирцевъ дер. Кучуковой Вагима Иштерякова съ товарищи. 1713 года, 2) Списокъ съ ясашныхъ книгъ 1713 г.—**43—45.** *А. Бломквистъ.* Кустарная промышленность въ Вятской губ. — **47.** *Магницкій.* Матеріалы для исторіи Елабужскаго уѣзда, 3) Изъ указа Сената о спорныхъ земляхъ Башкирцевъ съ помѣщикомъ Шевкелевымъ. — **48.** Изъ исторіи смутнаго времени на Вяткѣ. Мятежъ инородцевъ и отчасти русскаго на-

селенія въ 1609 и 1610 годахъ. (Волж. Вѣстн.). — **49.** Елабужскій уѣздъ. Забавы деревенской молодежи—черемисской и вотяцкой. Нравы вотяковъ и черемисъ. Мусульманскія дѣвушки.

Gazeta Radomska. 1891.—**55, 56.** *Раф. Любичъ:* Періодическія изданія радомскія и сандомірскія отъ нач. XVIII в.,—библіографич. статья.—**56.** Замѣтка объ изданіи Р. Любичемъ программы о «соботкахъ» (обрядовыхъ огняхъ) съ обѣщаніемъ отъ редакціи помѣщать въ своей газетѣ относящіяся къ этому обряду пѣсни, собранныя въ Климонтовѣ, хотя таковыя въ вышедшихъ №№ не появлялись. — **60.** Въ корр. изъ Опатова приведено три строфы народн. пѣсенъ («краковяковъ»).—**70, 71.** Извѣстія объ устройствѣ въ Радомѣ выставки старинныхъ и археологическихъ вещей съ благотвор. цѣлью.—**71—73.** *Е. А.* «Къ вопросу о жидовскомъ жаргонѣ». — **76.** «Наука и отношеніе къ ней провинціальной интеллигенціи», — передовая статейка, касающаяся главнымъ образомъ антропологіи и этнографіи съ указаніемъ на тотъ матеріалъ, какой могли бы дать для этихъ наукъ школа и практика врачей.

Гродненскія Г. В. 1890.—**33.** Отчетъ о дѣйствіяхъ Гродн. Губ. Статистическаго Комитета за 1889 — **1891.** — **7.** *И. Бичъ.* Суевѣрія, порождаемыя галлюцинаціями. — **8, 12.** Библ. зам. *Е. Ф. О.* о «Виленскомъ Календарѣ» на 1891 г.—**15—17.** Краткое описаніе с. Ятвѣска Волковыскаго у. Гродн.г.—**19.** Памятники старины: два кургана и преданія по поводу нихъ. Одинъ (около д. Яноча, Кобр. у.) насыпанъ будто-бы «одноглазыми камлуками»; другой (около д. Пыховчицы, Гродн. у.)—на мѣстѣ стычки двухъ свадебныхъ поѣздовъ, не желавшихъ уступить другъ другу дороги; подъ камнемъ на этой насыпи найдена монета времени Екатерины II.—**15, 16, 17, 21, 22, 23, 24, 25.** Краткое описаніе с. Ятвѣска, Грод. губ., Волковыскаго у.; описаны бытъ и занятія населенія, а въ № **24** помѣщено 7 пѣсенъ.—**29.** Описаніе гор. Слонима (по Бобровскому).—**33, 34.** Народные мотивы. Короліувскій говоръ. Весеннія пѣсни, запис. въ с. Тростяницѣ, Бѣльск. у. (съ Пасхи до Ѳоминой нед. и съ Ѳоминой недѣли до молотья пшеницы, около Троиц. дня). — **35.** О серебряномъ ковчежцѣ въ визант. стилѣ IX в., хранящемся въ одномъ изъ Варш. костеловъ, какъ древнѣйшемъ памятникѣ христіанства въ Польшѣ.—**36.** Народные мотивы. Весен. пѣсни, зап. въ м. Бездѣжи, Кобринск. у., Грод. г. — **38, 40, 42, 44** и **48.** *М. Милаковскій.* Описаніе г. Слонима (матер.: Балинскій, Липинскій, Бобровскій, Вѣст. Зап. Росс. и др.).—**43.** Наша деревня. I. Крестьяне-поджигатели.—**44.** Изъ Пружанскаго уѣз. О вредѣ обычая совмѣстнаго ночлега дѣвушекъ и парней въ общемъ сараѣ съ весны до осени съ цѣлью пораньше встать и выгнать на пастбище воловъ. — **46.** Наша деревня. II. Деревенскіе знахари. Авторъ различаетъ шесть типовъ знахарей.—**55.** Корр. изъ Гродн. у. о курганѣ при д. Пыховчицахъ (см. № 19) съ фантастическими преданіями о провалившейся на немъ церкви и съ описаніемъ нѣк. находокъ въ немъ (каменный топорикъ и челов. кости). Другой (уже разрытый) курганъ—«Скарбище»; преданія о немъ.—**60, 69.** Наша деревня. III, IV. Въ сельской лѣчебницѣ.—**73.** Село Ляховцы, Брестск. у. Очеркъ (неок.).

Донскія Е. В. 1—3, 8. Краткое описаніе станицъ области войска Донскаго.—**3.** *Н. Кутеповъ.* Объ языческихъ капищахъ или хурулахъ у донскихъ калмыковъ.

Екатеринбургская Недѣля. 19. *Вс. У—въ.* Пермскія письмена въ рукописяхъ XV вѣка. **21, 24, 26, 28.** Народное творчество въ деревнѣ Косой-Бродъ, Сѣверской волости, Екатеринбургскаго уѣзда. **23 — 25.** *Д. Н—скій.* Краткій очеркъ села Бѣлоярскаго, Екатеринбургскаго уѣзда, съ данными о движеніи населенія Бѣлоярскаго прихода за 10 лѣтъ. **25.** *А. Дмитріевъ.* Новый трудъ о пермякахъ (по поводу монографіи проф. Н. Н. Смирнова: «Пермяки. Истор.-этнограф. очеркъ»). **30.** *Ив. Дятловъ.* Забытый уголокъ (о Сургутскомъ краѣ).—*Ив. Воробьевъ.* Шерьинская волость, Оханскаго уѣзда.

Екатеринославскія Г. В. 15. *А. Е.* Новая книга Д. И. Эварницкаго. Рецензія на его «Вольности Запорожскихъ казаковъ».—**40.** Хроника. Сообщеніе объ открытіи г. Эварницкимъ въ дер. Богодарѣ, Александровскаго у., Екатеринославской губ., кургана бронзоваго вѣка и описанія найденныхъ въ немъ вещей. (Харьк. Губ. Вѣд.).

Енисейскія Г. В. 26 — 28. Свѣдѣнія по переселенію въ Енисейскую губернію. **29—31.** Отчетъ о состояніи казачьяго населенія Енисейской губ. за 1890 г.

Извѣстія по Казанской епархіи.—**4.** *Гр. Филипповъ.* Чуваши Бичуринскаго прихода.

Иркутскія Е. В. 4—6. *Свящ. Н. Шастинъ.* Миссіонерскій отчетъ по Цакирскому стану за 1885 — 89 гг. (о бурятахъ, ихъ жилищахъ, домашней обстановкѣ и вѣрованіяхъ). **8.** *С. И. П.* Драгоцѣнныя четки бодисатвъ (перев. съ монгольскаго). **24.** Нѣчто о ламахъ и бурятахъ.

Калужскія Г. В. 18. Въ плѣну у дикарей. Разсказъ г. Байоля о казняхъ Дагомейскаго короля.—**23.** Сообщеніе г. Бонвало. О его путешествіи въ Тибетъ.—*А. Прозоровскій.* Историческая справка о городахъ Калужской губ. V. Мосальскъ.—**45.** Китайскій анекдотъ. Дѣдъ сталъ бить внука за безтолковость; въ это время вернулся его сынъ, отецъ мальчика, и сталъ бить себя. «Ты съума сошелъ?» спросилъ его старикъ. «Нѣтъ»—отвѣтилъ сынъ. «Я не сошелъ съ ума, но разъ ты наказываешь моего ребенка, я отмщаю на твоемъ сынѣ».—**49, 50.** *А. Прозоровскій.* Историческая справка о городахъ Калужской губ. V. Мосальскъ. (Продолженіе).—*Гульбатъ.* Тритино. (Грузинская легенда). О вступленіи на престолъ персидскій Тритино (Апридунъ).—*А. Прозоровскій.* Историческая справка о городахъ Калужской губ. V. Мосальскъ. (Окончаніе).—**65.** Происхожденіе женщины и мужчины. (Индійская легенда). Магадева создалъ сперва женщину; потомъ по ея просьбѣ создалъ птицъ, змѣй, обезьяну, льва, собаку и, наконецъ, мужчину.

Киргизская Газета. 17. Скотоводство и коневодство въ Средней Азіи. **18.** *Гамхоровъ.* Корресп. изъ Павлодарскаго у., Семипалат. обл., о причинахъ раззоренія киргизовъ.—*А. М—овъ.* Лисица и Левъ (киргиз. сказка).—Корресп. изъ Иргиза, Тургайской обл., о мѣстномъ интернатѣ для киргизскихъ дѣвочекъ. **19.** О повивальныхъ бабкахъ въ степныхъ областяхъ. **20.** Лѣсоводство въ Средней Азіи. **22.** Жизнь кочевыхъ народовъ. **23, 24.** *Гульбатъ.* Тритино (по-грузински Апридунъ),—восточ. легенда. **24.** Болѣзни киргизъ и народныя средства врачеванія ихъ. **26.** Коневодство и коннозаводство въ Тургайской области. **27.** Условія питанія арабовъ въ Сахарѣ.

Кишиневскія Е. В. 1. *Свящ. М. Нильскій.* О причинахъ живучести народныхъ суевѣрій.

Ковенскія Г. В. (Прибавленіе). 1890. —14. *К—анъ.* «Дѣтоубійство» — о существованіи этого обычая у разныхъ народовъ.—**15.** *Е. Ш.* «Еврейка — мелкая торговка», бытовой очеркъ, характеризующій положеніе женщины у евреевъ.—**26, 30.** *Е. Ш.* «Выборки изъ свѣдѣній о Ков. губ.» (по матер. губ. стат. комитета). — **31, 33, 35.** *И. К.* «Этнографическіе очерки: I. Бѣлорусская свадьба» (въ Новоалександровск. уѣздѣ); описаніе обычая, тексты пѣсенъ. **31, 32, 33.** Объ арестантскихъ работахъ въ тюрьмахъ Ков. губ.—**32.** Народная школа въ Ков. губ.—**39.** *И. К.* «Этногр. очерки: II. Жатва у бѣлоруссовъ» (Новоалександр. уѣз.), съ пѣснями. — **42, 43.** «Общественное призрѣніе въ селахъ и деревняхъ».—**45.** *И. К.* «Этногр. оч.: III. Купалка (Купалё)»; приведена купальская пѣсня—собственно щедровка.—**47, 48, 50, 51.** *Л.* «Письма къ другу» касаются состоянія народнаго образованія въ краѣ.—**53, 55.** *Рудманъ.* «Хедеры и меламеды», воспитаніе и обученіе еврейскихъ дѣтей.—**76, 78.** О коробочномъ сборѣ у евреевъ.—**82.** *Григоровичъ.* Къ юбилею М. О. Кояловича.—**89.** Причины эмиграціи въ Бразилію; дополнительныя замѣтки есть и въ слѣд. №№.

1891.—1. «Незнайка»—литовская сказка, запис. въ Ковен. г. и переведена Дѣдевымъ. — **3.** Библ. зам. о брош. Б. А. Фридмана: «Юридическія воззрѣнія и обычаи крестьянъ с.-з. края». («Этногр. Об.», кн. VII).—**6.** «Запросы литовско-жмудской деревни и ихъ удовлетвореніе. I.» (по вопросу о народн. образованіи).—**7.** Библ. зам. о Пам. кн. Ков. губ. на 1891 г.—**9, 10, 12.** *Конунъ.* «Нѣсколько словъ о религіозной жизни евреевъ».

Костромскія Г. В. 21. Кургановѣдѣніе. Краткое изложеніе лекціи В. Б. Антоновича о кургановѣдѣніи. (Кіев. Слово).

Крымъ. 63. Татарская легенда о «Богѣ-дождѣ». По повѣрью татаръ, дождемъ безконтрольно распоряжается »Богъ-дождь», страшно лѣнивый и всегда спящій. Наступаетъ пора страшной засухи, все живое умираетъ и томится отъ жажды, люди шлютъ горячія моленія къ небесамъ о ниспосланіи дождя, а «Богъ-дождь» спитъ и не просыпается. Многочисленный сонмъ духовъ, его окружающихъ, употребляетъ всѣ силы, всѣ старанія, чтобы разбудить «Бога-дождя», но ничего не помогаетъ. Наконецъ, повелитель дождей просыпается и, пробормотавъ: «пусть идетъ дождь», переворачивается на другой бокъ и вновь засыпаетъ. И вотъ начинается непрерывный дождь, не пере-

стающій до тѣхъ поръ, пока не удастся разбудить «Бога-дождя». — **71**. С. Каясты. (Симф. у.). Сообщеніе о поклоненіи татаръ своимъ мученикамъ (40), находящимся въ пещерѣ близь с. Каясты, и описаніе самой пещеры.—**76**. *Ѳ. Лашковъ*. Древности Новороссійскаго края на выставкѣ Императорской археологической коммиссіи въ Петербургѣ.

Кубанскія Обл. В. 14. *И. С. Кравцовъ*. Старѣйшіе въ Кубанскомъ казачьемъ войскѣ «Хоперскіе казаки». (Историческій очеркъ). Гл. I. Отъ первоначальнаго основанія въ исходѣ XVII в. на рѣкѣ Хопрѣ до переселенія на Кавказъ въ 1777 г.—**12,13**. Очеркъ исторій письма.—**17**. *Ив. Дмитренко*. О писанкахъ. Краткое изложеніе лекціи проф. Сумцова о писанкахъ. Первое появленіе писанки и распространеніе ея у всѣхъ народовъ. Двѣ христіанскія легенды о появленіи писанокъ.—Какъ обѣдаетъ султанъ.—**18**. Май мѣсяцъ. Происхожденіе названія его. Обряды и обычаи, связанные въ 1 мая у Римлянъ. Празднованіе 1 мая новыми народами. (Кавказъ).—**25**. **26**. *Е. Фелицынъ*. Столѣтіе побѣды ген. Гудовича надъ турками и взятіе крѣпости Анапы 22 іюня 1791 года. Краткая исторія заселенія Анапы и ея окрестностей съ древнѣйшихъ временъ.—съ II в. до Р. Хр. Босфорское царство и его судьбы до взятія Анапы русскими.

Минскія Еп. Вѣд. 12. Свящ. *Василій Шеметилло*. Жизнь крестьянъ до и послѣ выхода изъ крѣпостной зависимости. Авторъ, между прочимъ, приводитъ нѣсколько молитвъ, представляющихъ или сильное искаженіе церковныхъ молитвъ или что-то вродѣ заговоровъ; изъ послѣднихъ одна обращена къ Ангелу - хранителю, въ ней упоминается какой-то гробъ, существующій на вольномъ свѣтѣ, «въ томъ гробѣ три святыхъ: Лука, Матѳей и Микита»; другая: «Въ недѣлю рано-пораненько ходила свента Марія, Матка Божья, по синему морю» и т. д.; бѣлый камень съ костеломъ и золотымъ престоломъ, разговоръ между апостолами и Іисусомъ и пр.; 3-я молитва въ томъ же родѣ.

Минскій Листокъ. 1890.—**30**, **32**, **34**. *Каренинъ*. «Хворая», разсказъ литовск. быта.—**52**. *А. Слупскій*. «Старый Минскъ».—**1891**.—**4**. Нужды минскихъ кустарей.—**7**. Въ фельет. замѣтка объ осеннемъ праздникѣ «свѣчи» въ Могилевск. г.—**8**. Выдержки изъ путевыхъ очерковъ Довнара-Запольскаго (печат. въ Вил. Вѣстн.) о Пинскомъ Полѣсьѣ и текстъ пѣсни: «Вчора була Польша, а теперь Россія» — не народнаго происхожденія.—**9**. Фельет., зам. о вѣрованіи въ черта и въ упырей.

Московскія Вѣдомости.—**127**. Отчетъ о засѣданіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Доклады: Д. Н. Чичагова о Козмо-Даміанской церкви въ Муромѣ, А. М. Павлинова объ устройствѣ куполовъ и сводовъ въ соборахъ западной Европы и храмахъ древней Византіи; докладъ графини П. С. Уваровой объ архитектурныхъ памятникахъ Самарканда.—О раскопкахъ въ Херсонесѣ. Перечень найденныхъ предметовъ, представляющихъ характеристику населенія того времени, ихъ религію, нравы и обычаи. (Крым. Вѣст.).—**129**. О научномъ изслѣдованіи юга Россіи Кіевскаго археолога Н. Ѳ. Бѣляшевскаго. На Кинбургской Косѣ найдены слѣды первобытнаго человѣка и нѣкоторые предметы доисторической эпохи. (Кіевск. Сл.).—**131**. *Александръ Американовъ*. «Есть-ли штунда въ Рязанской губерніи?»—**140**. О мусульманскомъ праздникѣ Курбанъ-Байрамъ, наступающемъ послѣ 30-дневнаго Рамазана (поста и молитвы). *Мур—евъ*. Письма изъ Персіи. Персидское сногаданіе. Значеніе муллъ, какъ единственныхъ, по мнѣнію персіанъ, вѣрныхъ истолкователей сновидѣній. Обыкновенно удачныя толкованія сновъ муллой, который заранѣе успѣваетъ угадать обстоятельства правовѣрнаго, живущаго въ извѣстномъ околодкѣ. Примѣръ такого толкованія. Увеличеніе въ народѣ суевѣрія по мѣрѣ усиленія авторитета муллъ. Сны женщинъ, которые истолковываются не такъ, какъ сны мужчинъ, а совершенно наоборотъ. Легенда о снѣ царя Повширвана Великаго(Нуширвана),живш.въ кон. VI в.по Р.Х.,въ эпоху Магомета,и видѣвша го во снѣ свинью, пившую изъ его бокала и сѣвшую на его тронъ. Сонъ этотъ могъ объяснить только одинъ юноша Бозургъ-Мехръ, открывшій царю, что въ его гаремѣ живетъ переодѣтый въ женское платье красавецъ, котораго любитъ одна изъ женъ Нуширвана. Бозургъ-Мехръ указываетъ царю виновныхъ. Дѣленіе сновъ на «божественные», которые снятся предъ разсвѣтомъ, когда уснешь послѣ молитвы, и «дьявольскіе» — послѣ сытнаго обѣда или ужина.—*Д. Истибовъ*. «Курбанъ-Байрамъ въ Стамбулѣ». Время этого праздника. Изданіе фетвы (рѣшеніе) о началѣ торжества, послѣ донесенія падишаху о появленіи новой луны. Обрядъ «цѣлованія руки», собственно полы одежды султана, сидящаго на тронѣ во дворцѣ Долма-Бахче, совершаемый сановниками, кото-

рымъ подъ страхомъ строгой кары запрещается смотрѣть въ глаза султану. Торжество Курбанъ-Байрама (жертвоприношенія) состоитъ еще въ раздачѣ богатыми милостыни Казнь въ Китаѣ. Пріѣздъ преступниковъ на мѣсто казни, приготовленія къ ней, разсчитанныя на то, чтобы произвести впечатлѣніе на народъ; совершеніе казни; хладнокровіе присутствующаго народа.—**141.** Аулъ Дутманъ (изъ Нов. Обозр.); передается народная легенда о развалинахъ аула Дутмапа, погибшаго вслѣдствіе междоусобія 2-хъ населявшихъ его семей Магомета и Фатали-бека, причемъ битва началась съ драки 2-хъ пѣтуховъ и кончилась взаимнымъ избіеніемъ всѣхъ обитателей его — Казикумуховъ.—**148.** *Я.* Научныя замѣтки. Подробности пути принца Орлеанскаго и Бонвало поперекъ Азіи. Нѣсколько словъ о племенахъ, обитающихъ вдоль сѣверной границы Гималая, ихъ одежды и наружности.—**156.** (Корресп. изъ Сарапула). Особый видъ мошенничества, состоящій въ томъ, что такъ называемые «деньгопары», пользуясь стремленіемъ вотяковъ къ быстрой наживѣ, берутъ у нихъ деньги, завязываютъ въ горшокъ и ставятъ въ теплое мѣсто, чтобы «напарить» еще больше; мошенники забираютъ деньги, говоря, что ихъ унесъ шайтанъ. — **158.** ***Мур—евъ.*** Письма изъ Персіи. Персидское суевѣріе. Гаданіе о счастьѣ при рожденіи ребенка, причемъ мулла употребляетъ «рамло», инструментъ, состоящій изъ продѣтыхъ сквозь желѣзный прутъ кубиковъ, на 4 сторонахъ которыхъ написаны изреченія изъ Корана; заговоръ противъ дурного глаза, написанный муллой на клочкѣ бумаги, который зашивается въ мѣшечекъ и надѣвается на правую руку ребенка. Лѣченіе болѣзней отъ сглазу, причемъ мулла употребляетъ яйцо, желткомъ котораго обмазываетъ больныя части тѣла; къ муллѣ Персіане прибѣгаютъ во всѣхъ случаяхъ жизни. «Тасхиръ-конендे» или авторитетныя духовныя лица, которыя имѣютъ власть надъ духами; изгнаніе тасхиръ-коненде нечистаго духа изъ больного и шарлатанство этихъ лицъ. Суевѣріе въ высшихъ классахъ. Примѣръ Магометъ-шаха, безусловно вѣрившаго въ своего премьера и придворнаго астролога Хаджи-Мирза-Агаси, и средства, къ которымъ прибѣгалъ послѣдній для усиленія своего вліянія на шаха; сонъ его о путешествіи на небо, гдѣ онъ видѣлъ дѣда Магометъ-шаха, давшаго нѣсколько приказаній своему внуку, конечно, выгодныхъ для Хаджи-Мирза-Агаси. Предотвращеніе имъ многихъ козней и преслѣдованіе непріятныхъ ему лицъ.—**160.** Встрѣча влюбленныхъ звѣздъ. (Японская сказка). Сказаніе, связанное со днемъ 7-го іюля, когда переходятъ млечный путь и встрѣчаются два созвѣздія Козерога и Лиры—для японцевъ юноша съ быкомъ и дѣвушка съ прялкой. Приготовленіе къ этому дню и опасеніе, чтобы въ ночь на 7-ое іюля не пошелъ дождь. Сказаніе повѣствуетъ о судьбѣ Шакуйо, дочери солнца, жившей на краю серебряной рѣки неба, Млечнаго пути, и мужа ея молодаго пастуха Канъ-Гинъ, разлученныхъ отцомъ, съ цѣлью заставить дочь свою снова приняться за работу и прялку, которую Шокуйо, прежде трудолюбивая, забросила послѣ выхода замужъ. Для этой цѣли Царь — Солнце скликалъ множество сорокъ, которыя образовали мостъ черезъ Звѣздную рѣку, и велѣлъ зятю перейти на другой берегъ, послѣ чего сороки разлетѣлись и Канъ-Гинъ остался на другомъ берегу съ быкомъ, который перешелъ за нимъ. Всю ночь влюбленные стоятъ на противоположныхъ берегахъ, смотря другъ на друга, а днемъ, принужденные разойтись съ восходомъ солнца, принимаются за свою работу, чтобы убить время. Только разъ въ годъ въ седьмой день седьмого мѣсяца Царь-Солнце позволяетъ дочери перейти потокъ и Шокуйо молится, чтобы въ эту ночь не пошелъ дождь и не переполнилъ потокъ, который въ такомъ случаѣ унесетъ мостъ изъ сорокъ.—**162.** Примѣты лошадей у бедуиновъ, сообщенныя генераломъ Данасъ во французскіе журналы.—**164.** Въ отдѣлѣ «Дневника печати» Мусульманская секта. (Изъ волж. Вѣсти.) Нѣсколько свѣдѣній о магометанской сектѣ Ваисова, появившейся въ Казанской губерніи и проповѣдающей уклоненіе отъ воинской и другихъ повинностей, отрицаніе властей и суда.—**165.** Эмиграція въ Китаѣ. Краткое содержаніе сообщенія Гроота, сдѣланнаго имъ въ засѣданіи Нидерландскаго Географическаго Общества въ Амстердамѣ, о той части Китая, изъ которой происходитъ наибольшее выселеніе, обнимающей южную половину Фу-Кіанга и восточную Квангъ-Тунга; по мнѣнію Гроота выселеніе вызывается не чрезмѣрной густотой населенія, какъ думаютъ въ Европѣ, а крайней неплодородностью почвы, вслѣдствіе вырубки лѣсовъ. Одной изъ помѣхъ экономическому процвѣтанію страны является автономное устройство сельскихъ общинъ, и ихъ постоянныя распри между собою.—**166.** Протестантскія секты въ Прибалтійскомъ

краѣ (Риж. Вѣст.)—**167**. *Ал. К—ій*. Новыя секты (корресп. изъ Кіева); описаніе 2-хъ сектъ, выродившихся изъ штундизма, первая изъ нихъ «Малеванцы», получившая свое названіе отъ имени основателя ея, крестьянина гор. Таращи, Кондрата Малеванаго, учившаго, что Спаситель еще не приходилъ на землю и Ему надлежитъ еще явиться. Это предсказаніе не замедлило осуществиться надъ Малеванымъ, который вздумалъ вознестись на небо. Послѣ его неудавшейся попытки вознестись на небо, возникаетъ вторая секта «духовныхъ», представителемъ которой является крестьянинъ с. Рейментарщины, Григорій Васелиненко, объявляющій Малеванаго Антихристомъ. Основа ученія Васелиненко о соединеніи Бога Слова со взрослымъ человѣкомъ напоминаетъ древнихъ евіонитовъ, а ученіе о явленіи и жизни Христа передъ вторымъ пришествіемъ на землю среди вѣрующихъ - ученіе хиліастовъ; въ статьѣ приведены также болѣе мелкія подробности объ ученіи этихъ сектъ. Штундисты—извлеченіе изъ статьи Павла Козицкаго въ Церковномъ Вѣстникѣ, доказывающаго воздѣйствіе нѣмецкихъ колонистовъ на возникновеніе штундизма и выродившихся изъ него сектъ.—**168**. Условія питанія арабовъ въ Сахарѣ, которые, по словамъ французскаго путешественника Фуро, отличаются крайней выносливостью и въ то же время способностью ѣсть сразу чрезмѣрно много.—**169**. О Кавказскихъ нравахъ: похищеніе невѣстъ у горцевъ Терск. обл. и обычай кровомщенія (Нов. Обозр.).—**171**. Китайскій взглядъ на хорошее управленіе.—**182** и **183**. Раскопки городища Увека (Изъ Саратовскаго Листка). Описаніе раскопокъ.—**184**. Православіе на Алтаѣ. Сибирскій Вѣстникъ сообщаетъ объ успѣхахъ православія среди инородцевъ Алтайскаго края, вслѣдствіе чего является ихъ сближеніе съ русскимъ складомъ быта, имѣющимъ на нихъ цивилизующее вліяніе.—**188**. Рец. на кн.: «Грамоты и другіе историч. документы XVIII в., относящіеся до Грузіи Т. I. (1768—1774 гг.). Съ картинами Закавказья 1771 г. Подъ ред. А. А. Цагарели».—**189**. Штундисты въ Бессарабіи (Изъ Церковныхъ Вѣдомостей). Свидѣтельство учителя Вас. Праведнаго о несомнѣнномъ вліяніи протестантства на происхожденіе и развитіе штунды.—**190**. Раскопки гор. Увека. Продолженіе описанія раскопокъ, начатаго въ №№ 182 и 183. — **191**. Объ обычаѣ пьянства на крестьян. свадьбахъ (Сельск. В.).—О сельскихъ сходахъ и реформѣ волостныхъ судовъ.— «Холмская Русь и Волынь»,—о присоединеніи уніатовъ къ православію.—**192**. О способахъ ѣзды по Китаю (изъ Ostasiatiche Lloyd), которые мѣняются сообразно съ географическими условіями мѣстности. Описаніе китайскаго двухколеснаго экипажа.—**195**. *И. Кудиновъ*. Воспоминанія о Цейлонѣ (по случаю пріѣзда Сингалезовъ въ Москву). Описаніе обитателей Цейлона—Сингалезовъ и Тамиловъ; первые принадлежатъ къ Кавказскому племени, смѣшавшемуся съ Малайскимъ и, по древней хроникѣ, были выведены изъ Остъ-Индіи королемъ Виейо въ 543 г. до Р. Х. на Цейлонъ, гдѣ обитали въ то время племена Ведда, Тами и др. Миролюбіе Сингалезовъ и Тамилъ; различіе ихъ въ цвѣтѣ кожи, костюмы, головные уборы и прически; татуировка и любовь къ золотымъ и серебрянымъ украшеніямъ; невзыскательность въ пищѣ. Сингалезы исповѣдуютъ буддизмъ. Въ храмѣ Маличамы и Канды находится святыня буддистовъ—2 зуба Будды, которые сохраняются въ четырехъ металлическихъ ящикахъ; совершеніе въ іюлѣ религіозныхъ обрядовъ надъ зубомъ, вынутомъ изъ ящиковъ, и процессія Перрагеры, перенесеніе зуба въ святилище, которымъ оканчивается празднество. Тамилы исповѣдуютъ браманизмъ. Жилища на Цейлонѣ, занятія жителей, причемъ Сингалезы являются купцами, ремесленниками и земледѣльцами, а охотой и рыбной ловлей занимаются Тамилы и Индусы; добываніе Индусами жемчуговъ и коралловъ, а Сингалезами пряностей и фруктовъ.— О Киргизской степи, вопросъ о колонизаціи ея рус. земледѣльцами (Нов. Вр., Рус Мысль).—**196**. Нѣмецкая религіозная пропаганда. Въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ протоіерей А. Юницкій сообщаетъ о пропагандѣ баптизма въ Закавказьѣ въ 70-хъ годахъ нѣмцемъ Кальвей, англичанами и шведами; вліяніе Пашковцевъ.—О раскопкахъ близъ Канева (Кіев. г.) на «Княжей горѣ»; найдены предметы камен. вѣка, велико-княжской эпохи, серебряныя вещи и монеты. (Кіев. Сл.).—**197**. Башкирія. Корреспонденція «Русской жизни» доказываетъ необходимость удержать русскихъ арендаторовъ въ интересахъ самого башкирскаго населенія, т. к. башкиры, будучи плохими земледѣльцами, стремятся продавать или сдаютъ въ аренду за безцѣнокъ свои земли эксплуататорамъ въ большинствѣ нѣмцамъ и евреямъ.

Московскія Церк. Вѣд.—2. Инородцы Нарымскаго края (Томск. Е. В.).—**8**. *Е. Воронецъ*. Изъ исторіи чиновнаго сибирскаго ламства.—**15**. Изъ религіозной жизни

сибирскихъ инородцевъ: ламаизмъ.—**17.** *Е. Воронецъ.* Ложное положеніе въ Россіи идолопоклонниковъ ламъ.—**21.** Вліяніе богослуженія на черемисскомъ языкѣ на черемисъ.—**23.** Свадебные обычаи инородцевъ Алтая.—**28.** Драгоцѣнныя четки бодисатвъ (Иркут. Е. В.).

Нижегородскія Г. В.—**1.** *Дм. Кайгородовъ.* Елка. Обычай украшать елку и происхожденіе его. Легенда о происхожденіи этого обычая. (Н. В.).—**3, 4.** *Очевидецъ.* Смотрѣнье. Одинъ изъ крестьянскихъ свадебныхъ обычаевъ въ Макарьевскомъ уѣздѣ.— **7.** Двѣ русскія экспедиціи. Экспедиція Б. Л. Громбчевскаго. Краткое описаніе его путешествія. Экспедиція Н. Ѳ. Катанова. Поѣздка въ Урянхайскую землю, въ Минусинскій округъ Енисейской губ., въ Нижнеудинскій округъ Иркутской губ. и въ Китайскій Туркестанъ. Результаты путешествій.—**10.** *Аполлонъ Можаровскій.* Какинская Мордва-Эрзя даннаго времени. Обрусеніе Мордвы. Подробное описаніе одежды Мордвы. Обычаи, сопровождающіе кончину умирающаго и поминки его.—**11.** То-же. (Окончаніе). Свадебные обычаи. Пренебрежительное отношеніе мужчинъ къ женщинамъ. Помоги. Уходъ на заработки. Стремленіе женщинъ къ щегольству.—**13.** Почайна. (Преданіе Нижегородской Старины). Легенда объ основаніи кн. Іоріемъ Нижняго-Новгорода на берегу р. Почайны, которая внѣшнимъ видомъ своимъ всегда предсказывала приближеніе враговъ. (Н. Б. Л.).—**14.** *А. Борисовъ.* Почайна. (Окончаніе). Обиды, нанесенныя Почайнѣ людьми; ожиданіе, когда она станетъ бо́льше Волги и затопитъ Нижній. — **16, 17.** *Г. П. Демьяновъ.* Въ лѣсахъ Балахонскаго у. (Изъ Нижегородскаго настоящаго и прошлаго). Преданіе объ основаніи г. Балахны.—**22, 23** Трехсотлѣтіе г. Саратова. Исторія его заселенія.—**25.** *А. Долгоусовъ.* Пермяки. Историко-этнографическій очеркъ И. Н. Смирнова. (Рецензія).—**26.** *А. М—скій.* Изъ приходской жизни с. Молчанова, Сергачскаго у. Нѣкоторыя черты древне-русскаго общиннаго быта.

Новое Время.—**5451.** *В. Р. Розенъ.* Сообщеніе о новой особо-замѣчательной арабской редакціи повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ.—**5456.** Вопросъ объ этнографическомъ названіи закавказскихъ мусульманъ (Каспій).—Въ Географическомъ обществѣ. *Кн. Н. С. Голицынъ.* Сообщеніе о его путешествіи по Средней Азіи.—**5457.** (Приложеніе). *М. Робушъ.* У Самоѣдскихъ идоловъ.—Дворецъ Артаксеркса и открытія Двелафта. Сообщеніе объ открытіи дворца Артаксеркса на мѣстѣ древней Сузы.—**5465.** *Г. Е. Грумъ-Гржимайло.* Почетная встрѣча. Описаніе церемоній, съ которыми китайцы встрѣчали экспедицію. — Турецкая свадьба. Картинка турецкихъ нравовъ. — *Н. К.* Отсу и его окрестности. (Замѣтки туриста).—**5472.** Въ Археологическомъ обществѣ. Докладъ *А. Н. Шукарева* «О Шлиманѣ и его раскопкахъ». — **5475.** Среди Татаръ. IV.—**5482.** *Грумъ-Гржимайло.* Характеристика Китайцевъ, какъ націи. (Историч. Вѣстн.—«Дунганскій Партизанъ»).—**5483.** Сообщеніе о подземныхъ городахъ на берегу рѣки Аму-Дарьи близь Карки.—**5484.** *А. Елисѣевъ* Характеристика Китайцевъ. (Рус. Вѣст.).—**5486.** *Р. Е. Грумъ-Гржимайло.* На Желтой рѣкѣ. Изъ путешествія по Китаю.—**5490.** Отношеніе туземцевъ Закавказья къ разбойникамъ, какъ къ героямъ. (Нов. Обозр.).

Новое Обозрѣніе.—**2543.** Амкарство. (Корпорація торговцевъ и ремесленниковъ).—**2561.** Библіографія. Древности восточныя, вып. II. *А. Хах—овъ.*—**2567.** Случай насильственнаго похищенія невѣсты у горцевъ Терской области. Восточные мотивы. Изъ Омара Хойяма. Съ персидскаго. *Василій Величко.*—**2575.** Библіографія. Этнографическое Обозрѣніе, кн. VIII. *А. Хах-овъ.*—**2583.** Грузинская нотная рукопись X вѣка. *Не археологъ.*—**2602.** О значеніи присяги у закавказскихъ христіанъ. (Историческая справка). *А. Ерицовъ.*—**2597, 2601, 2604, 2611.** Пѣшая прогулка по Тушетіи и Пшавіи. (Составъ кампаніи. Видъ на Алазанскую долину. Алавердскій монастырь. Вершина Шави-Киде. Соха «ачегъ». Семимѣсячное царство женщинъ. Свадебные и погребальные обычаи. Симпатичность хевсуръ. Варка пива).—**2614.** Князь Маміа Гуріели (грузинскій поэтъ). (Некрологъ).—**2625.** Хизанство.—**2631.** Библіографія. Сборникъ матеріаловъ для описанія племенъ и мѣстностей Кавказа. Вып. XII. *А. Хах—овъ.* — **2636.** Горскія школы. *Его.*—**2634, 2553, 2581, 2587, 2596, 2618.** Католицизмъ въ Грузіи (продолженіе). *А. Ерицовъ.* — **2526, 2536.** Мѣры противъ чумы рогатаго скота.

Новороссійскій Телеграфъ.—**5098.** Земля Отчаянія. Нѣсколько данныхъ объ Огненной Землѣ и ея жителяхъ.

Новости.—**119.** Преданіе о происхожденіи «артоса». (Южный Край).—**120.** По

поводу извѣстій изъ Японіи. *Воейковъ.* Описаніе городовъ Кагосиму и Кіото въ Японіи.—**123.** Въ Географическомъ обществѣ. Докладъ А. М. Позднѣева о двухъ древнихъ картахъ Монголіи. — **125.** Квото и озеро Бива. Описаніе ихъ изъ сочиненія Экснера о Японіи.—Рамазанъ въ Константинополѣ (Р. Вѣд.). *Шерцль.* Китайскіе обычаи. (Новорос. Телегр.).—**126.** Квото и озеро Бива. Описаніе ихъ изъ сочиненія Экснера о Японіи.—**130.** Варшава. (Корресп.). Отношеніе польскихъ переселенцевъ въ Бразиліи къ туземцамъ.—**133.** Въ Нео-филологическомъ обществѣ. *А Н. Веселовскій.* Сообщеніе по поводу старинной русской повѣсти: «Слово о Дмитріи купцѣ, зовомомъ по реклу Басарьгѣ Киевленинѣ, о мудромъ и о благоразумномъ сынѣ его и отрочати добромудромъ смыслѣ».—**135.** *Адольфъ Вуатюре.* Французы въ Суданѣ. (Посмертное письмо). Описаніе страны и ея жителей; ихъ внѣшній видъ, занятія, празднества, украшенія и пр.—**136.** Вопросъ объ этнографическомъ названіи закавказскихъ мусульманъ. (Каспій).—Докладъ подъ заглавіемъ: «Злая и добрая жена по народнымъ картинкамъ, заключающимся въ извѣстномъ изданіи сенатора Д. А. Ровинскаго».—**141.** Сообщеніе о находкѣ въ пещерѣ у подошвы Казбека манускрипта, писаннаго на пергаментѣ неизвѣстнымъ языкомъ. -**142.** *Яр.* Изъ персидскихъ нравовъ. (Одес. Лист.).—**148.** Вѣра Персовъ въ сны. (Моск. Вѣд.).—**149.** *Г. Емельяновъ.* «Голубиныя общины на дальнемъ востокѣ». Жизнь скопческихъ поселеній въ Сибири.—**160.** *Мур—евъ.* Суевѣрія Персовъ; ихъ гаданія о судьбѣ новорожденныхъ дѣтей.—**163.** О положеніи польскихъ переселенцевъ въ Бразиліи, разсказъ переселенца Геллера. (Варш. Дн.).—**174.** Корресп. изъ г. Спасска о разрытіи старостой села Лебедино, Спасскаго у., могилы недавно умершаго ихъ односельчанина, Деревяшкина, отъ пьянства. Преступленіе это онъ совершилъ по настоянію своего «міра» вслѣдствіе всеобщаго убѣжденія, что «стоявшая тогда засуха произошла оттого, что на ихъ кладбищѣ былъ похороненъ опойца».—**178.** Объ открытіи въ Ригѣ публичнаго музея, въ которомъ собрана масса коллекцій вещей, представляющихъ наглядно исторію края.

Пензенскія Г. В. - **95.** Промыслы сельскаго населенія въ Краснослободскомъ уѣздѣ.—**96.** Сельская промышленность въ Пензенскомъ у. - **97.** Промыслы сельскаго населенія въ Керенскомъ у. въ 1890 г.—**98.** Сельская промышленность въ Пензенскомъ у. (Окончаніе).—**103.** *Свящ. І. Побѣдимскій.* Село Гумны, Краснослободскаго у. Составъ семей. (Многосемейность). Устройство жилищъ и дворовъ; одежда и обувь—прежде и теперь.—**104.** Сельско-хозяйственная промышленность въ Саратовскомъ у.—**107.** То-же. (Окончаніе).—*Св. І. Побѣдимскій.* Село Гумны, Краснослободскаго уѣзда. Племенной составъ населенія; его языкъ. — **109, 110.** Сельско-Хозяйственная промышленность въ Нижнеломовскомъ у.—**116, 119, 121.** *Г. Петерсонъ.* Остатки старины въ Пензенской губ. I. Курганы и могилы. II. Городнища, городки, валы.—**126.** *Г. Петерсонъ.* Списокъ остатковъ старины въ предѣлахъ Пензенской губ. Отдѣлъ I-й: Курганы и могилы (по каждому уѣзду отдѣльно). — **130.** То-же. Окончаніе I отдѣла. Отдѣлъ II-й: Городища, городки, валы (по каждому уѣзду отдѣльно). — Сельско-хозяйственная промышленность въ Наровчатскомъ у. — **132.** То-же. (Продолженіе).—*Г. Петерсонъ.* Списокъ остатковъ старины въ предѣлахъ Пензенской губ. Отдѣлъ II: Городища, городки и валы (по каждому уѣзду отдѣльно). (Окончаніе).—**133.** Сельско-хозяйственная промышленность въ Наровчатскомъ у. (Окончаніе).

Пензенскія Еп. В. 10 и 11. «Сонъ Богородицы». Разборъ, изложеніе и выдержки.

Переводчикъ. 5. Сообщеніе объ обычаѣ въ Галатіи, по которому дѣвушка, желающая выйти замужъ, перелѣзаетъ ночью черезъ заборъ дома своего избранника и ложится у его порога.—**10** Въ передовой статьѣ приведена Турецкая сказка, рисующая мудрость и справедливость султана и взаимное недоброжелательство его визирей.—**13.** О соблюденіи христіанами своихъ постовъ въ средніе вѣка и въ позднѣйшее время до XVIII в.—**15.** *Боейръ.* Подземные города. Сообщеніе объ открытомъ имъ въ Туркестанѣ, вблизи Шахъ-Яра древняго города (подземнаго), построеннаго королемъ Афросіабомъ, современникомъ Рустема, за 600 лѣтъ до Р. Хр. и др.

Пермскія Г. В. 88. Засѣданіе Пермской Коммиссіи Уральскаго Общества Любителей Естествознанія. Обычаи древнихъ Славянъ. (Окончаніе).

Пермскія Еп. В. 11 и 12. *Д. Смышляевъ.* Воспоминаніе о Востокѣ. (Продолже-

ніе). Описаніе обыденной жизни въ Іерусалимѣ. Поддѣлка предметовъ еврейской античной жизни.

Подольскія Г. В. 1890.—35. Жалоба на невѣжественное обращеніе съ археологическими древностями; упоминаніе «Княжей Горы» близъ Канева, гдѣ найдена золотая корона.—**38.** Разрытіе 7-ю крестьянами м. Жабокриче, Ольгопольск. у., трупа повѣсившейся, съ цѣлью облить его водой и тѣмъ вызвать дождь во время засухи.—Описаніе пещеръ (повидимому монастыря) въ горѣ Бѣлой у села Бакоты, въ 10 вер. отъ гор. Стар. Ушицы, на лѣв. берегу Днѣстра; въ пещерахъ нѣсколько каменныхъ (?) гробовъ и высѣчены славян. надписи.—Свѣдѣнія о жизни крестьянина Ив. Саманя, с. Дмитровки, Ольгопол. у., умершаго на 123 г. жизни въ декабрѣ 1889 г. — **39.** Замѣтка о памятникахъ старины въ Подольск. губ.: а) въ Литинск. у., сообщ. А. И. Пушторскій (курганы и укрѣпленія), б) въ Могилевск. у., сообщ. В. Т. Орловскій (христ. пещеры въ с. Лядавѣ).—**44.** Свѣдѣнія о крест. Вас. Черномъ, умершемъ 112 лѣтъ въ м. Рашковѣ.—**46.** Извѣстіе объ отрытіи въ г. Житомірѣ (при закладкѣ фундамента подъ домъ на Полтавской ул.) нѣсколькихъ труповъ въ стоячемъ положеніи, которые впрочемъ разсыпались.—**54, 55.** Институтъ сотскихъ и десятскихъ (очеркъ).—**59—64.** *И. К. Михалевичъ*: «Подольская гимназія въ Винницѣ»,— къ исторіи просвѣщенія въ ю.-з. Руси.—**72.** Численность и движеніе населенія въ Под. г.—**73.** Народная нравственность въ Под. г. (стат. данныя).—**74.** Луцкъ, Дубно и Ровно—города Волыни (истор. замѣтки).—**77.** Замѣтка о соврем. состояніи Полѣсья (осуш. болотъ, оригинальный способъ передвиженія по болоту: въ лодкѣ, запряженной быками).—**83.** Почаевская Усп. Лавра.—**85—88, 90—94, 99, 100.** *И. К. Михалевичъ:* Ист.-стат. свѣдѣнія о Кам.-Под. Рус. Публичн. Библіотекѣ (1866—1890).—**89.** Сообщеніе о церковно-археологич. коллекціи, собранной въ Чигирин. у., Кіев г., Н. Ф. Бѣлашевскимъ и переданной въ Кіев. Дух. Академію (этнографич. значеніе имѣютъ въ ней между прочимъ вышивки на одеждахъ, запись въ евангеліи).—**97—100.** Выдержки о Кам.-Подольскѣ изъ ст. М. И. Городецкаго: «Поѣздка въ Холмъ, Подолію и Бессарабію», напеч. въ «Историч. Вѣстн». 1890 г., дек.—**101.** «Древлянскіе могильники»,—результаты изслѣдованій проф. В. Б. Антоновича въ системѣ рр. Ирпеня, Тетерева и Уши.

1891.—1. Древлянскіе могильники. Докладъ В. Б. Антоновича о предметахъ, находимыхъ въ древлянскихъ могилахъ. (Окончаніе). Общая характеристика быта древлянъ.—**13.** Мѣстная хроника. Объ утратѣ Армянами-Григоріанами своей религіи и народности въ періодъ Уніи въ Каменецъ-Подольскѣ.

Подольскія Е. В.—16, 17, *Протоіер. П. Лоневскій.* Сопоставленіе смысла и существа обрядовъ и таинствъ православной церкви съ народными обычаями, практикуемыми въ Подольской еп., отъ рожденія человѣка до смерти и погребенія его.

Полоцкія Е. В.—8. О происхожденіи и значеніи нѣкоторыхъ пасхальныхъ обычаевъ. («Пенз. Е. В.»).

Правда.—4. Письменность у всѣхъ народовъ со стороны физіологической и антропологической.—**29.** Свадебные обряды у чувашей.

Радомскія Г. В. 1890. 19. Перепечатано изъ I кн. журн. «Вислы» (Wisła) 1890 г. воззваніе А. Свентоховскаго о доставленіи въ редакцію свѣдѣній по слѣдующимъ вопросамъ о евреяхъ:

1) Сколько числится евреевъ въ деревнѣ (а если можно - въ гминѣ) или городѣ и какое процентное отношеніе они составляютъ къ остальному населенію? 2) Чѣмъ занимаются? 3) Чѣмъ занимаются преимущественно, а чѣмъ исключительно (безъ конкуренціи со стороны населенія другого происхожденія)? 4) Обработываютъ ли землю, съ какимъ успѣхомъ и въ какихъ размѣрахъ? владѣютъ-ли мелкими участками земли или же фольварками? 5) Занимаются-ли и въ какой мѣрѣ ремеслами и фабричнымъ промысломъ, и въ какомъ количественномъ отношеніи находятся ихъ издѣлія къ издѣліямъ другихъ? 6) Выиграла-ли бы, или же потеряла мѣстная торговля отъ отсутствія евреевъ при продажѣ плодовъ сельскаго хозяйства и т. п. продуктовъ (щетина, тряпье, кости и проч.)? Полезны-ли они, или вредны, какъ посредники между производствомъ (малымъ или большимъ) и рынкомъ потребителей? 7) Какое производятъ они вліяніе (по мнѣнію отвѣчающаго) экономическое, общественное и нравственное вообще, въ особенности же въ жизни простого народа?—Нѣкоторые отвѣты на эти вопросы уже напечатаны въ той же газетѣ: № 22 (изъ Островца, перевед.

и въ польской Gazet'ѣ Radomsk'ой 1890 № 49), № 25 (изъ Сецехова, Козеницк у.), № 30 (изъ Шидловца).—21—23. *Г.* «Семитизмъ и антисемитизмъ» (характеристика національности евреевъ).—41. *С. Макѣевъ.* «Грамотность сельскаго населенія Радом. г., теперь и 20 л. назадъ (по свѣдѣн. о должностныхъ лицахъ сельскаго управленія и о призывныхъ).—43. Народное образованіе въ Рад. г. (по оффиц. «Обзору Рад. г.» за 1889 г.).—Въ замѣткѣ «Заяцъ-душа» говорится, что толпа, спугнувъ неожиданно на католич. кладбищѣ спавшаго на могилѣ зайца, приняла его за душу покойника.

Русскія Вѣдомости. 118. Библіографическая замѣтка. 1. Ежегодникъ Импер. Русскаго Географич. Общества и 2. Древности восточныя. Труды восточной Коммиссіи Импер. Москов. Археологическ. Общества. **121.** І. Рамазанъ въ Константинополѣ.—*Ал. Головачевъ.* На «таилгѣ» у Алтайцевъ. Описаніе жертвоприношенія алтайцевъ богу свѣта - Ульгеню, которое совершалъ шаманъ—«камъ». -**124**. Кіото въ Японіи. Краткое описаніе города Кіото.—**126**. Засѣданіе Антропологическаго отдѣла Общества любит. естеств., антропологіи и этнографіи. Доклады: *А. А. Ивановскаго* о черепахъ изъ древнихъ могилъ Осетіи; *Ѳ. К. Гинкулова* о черепахъ изъ могилъ Южнаго берега Крыма и пр.—**139**. *В. П.* Изъ путевыхъ записокъ. Въ Віеннѣ. Въ Шатрезѣ у монаховъ. **141.** *Ѳ. Ѳ.* Въ Сѣверщину. Внѣшній быть населенія Черниговской губ.—малороссовъ, бѣлоруссовъ и ихъ смѣси.—**146**. Судебная Хроника. Народное суевѣріе. Сущность дѣла въ томъ, что нѣсколько крестьянъ села Курумога, Ставропольскаго у., Самарской губ., вынули изъ могилы и пустили по теченію р. Волги трупъ Анны Барановой, умершей недавно отъ излишняго употребленія вина и похороненной на кладбищѣ села Курумога, вслѣдствіе распространеннаго между крестьянами Ставропольскаго у. суевѣрія, состоявшаго въ томъ, что будто-бы бездождливая весна является слѣдствіемъ похоронъ на мѣстномъ сельскомъ кладбищѣ опоицъ и удавленниковъ.—**150**. Библіографическая замѣтка. А. А. Исаевъ. Переселенія въ русскомъ народномъ хозяйствѣ. (Рецензія).—**152**. Загадочный обычай. Почти по всей Олонецкой губ. и въ южныхъ уѣздахъ Архангельской существуетъ обычай за нѣсколько дней передъ праздникомъ св. пророка Иліи или Успенія Пресвятыя Богородицы—приводить къ приходской церкви разный домашній скотъ—быковъ, овецъ или барановъ, которыхъ потомъ въ однихъ мѣстахъ продаютъ и деньги отдаютъ на церковь, а въ другихъ въ пользу церкви продаютъ только половину всего скота, остальную же половину убиваютъ и тутъ же свариваютъ и съѣдаютъ, причемъ мясо хватаютъ силой, отчего и самый обычай получилъ названіе «хватовщины». (Олон. Губ. Вѣд. 1890 г. 83). Вопросъ о происхожденіи этого обычая. (Русск. Жизнь).—**162**. *Ѳ. Ѳ.* Въ Сѣверщину. (Окончаніе). Очеркъ внѣшняго быта населенія Черниговской губ.—**163**. *И. Смирновъ.* Остатки языческихъ жертвоприношеній на русскомъ Сѣверѣ. Объясненіе указаннаго въ № 152 «Загадочнаго обычая».—**166**. *Н. Ядринцевъ.* Съ дальняго пути. Изъ жизни въ Сибири.—**177**. *Буква.* Край цвѣтовъ. Очерки Гаарлема и жизни его обитателей.—**184**. Казань. (Корресп.) О пріобрѣтеніи музея, въ которомъ находится коллекція древностей бывшаго царства волжскихъ болгаръ, коллекція каменныхъ и костяныхъ орудій, памятниковъ бронзоваго вѣка (изъ Ананьинскаго могильника и чудскихъ городищъ) и пр.—**189**. *В.* Городъ Кіото. Очеркъ Пьера Лоти. Внѣшній видъ города, способы передвиженія по его улицамъ. Описаніе храма Кіо-Мидзу. Отношеніе населенія къ иностранцамъ. Отношеніе его къ своей религіи. Храмъ Великаго Будды.

Русскій Паломникъ. 9, 10, 12, 23. *Н. Н. Филипповъ.* Обряды и вѣрованія у южныхъ славянъ: 1) празднованіе масляницы, 2) провожденіе Великаго поста, 3) объ обрядовой сторонѣ праздника Благовѣщенія Пресв. Богородицы и 4) объ обрядовой сторонѣ праздника Св. Троицы.

Рязанскія Г. В. **36**. Русскія простонародныя имена и прозвища. Краткая исторія ихъ употребленія и поводы возникновенія, начиная съ древнѣйшихъ временъ. (Изв. общ. ист., арх. и этногр. при Казан. Универс.).—**44**. Условія питанія арабовъ въ Сахарѣ. (Фуро). Необыкновенное обжорство ихъ и способность голодать 2—3 дня безъ ущерба для энергіи и выносливости. (La Nature).

Саратовскія Г. В. **33**. Трехсотлѣтіе Саратова. Исторія его основанія и развитія и его нынѣшнее основаніе.—*Василій Поляковъ.* Преданіе объ основаніи гор. Вольска, Саратовской губ.—**38**. *А. Н. Минхъ.* Легенды о кудеярахъ въ Саратовской губ. (Тамб. Губ. Вѣд.).—**39**. *Ив. Соколовъ.* Станица Александровка. Преданіе о томъ, какъ

казаки обзавелись женами.—**41.** *Ф. Ерохинъ.* Село Старое Славкино Петровскаго у. (Историко-бытовой очеркъ). Составъ населенія.—**42.** То-же. (Окончаніе). Обычаи Мордвы, сопровождающіе свадьбу, крестины и похороны.—**44—47.** Камышинскій уѣздъ Саратовской губ. Историко-статистическое описаніе.

Сибирскій Вѣстникъ.—**67.** *А. С—кій* Рец. на книгу Н. М. Ядринцева: «Сибирскіе инородцы. ихъ бытъ и современное положеніе».—**69.** Успѣхи православія на Алтаѣ.

Сибирскій Листокъ.—**28—29.** *С. Л. Чудновскій.* Къ вопросу о сибирской общинѣ.—**30, 32, 34.** *Б. Словцовъ.* Путевыя донесенія А. Кастрена изъ Сибири въ Имп. Академію наукъ (переводъ изъ «Reisen—Berichte aus Siberien» тѣхъ рапортовъ и писемъ Кастрена, которые относятся къ его путешествію по рр. Иртышу и Оби).—**31, 32.** Очерки окраинъ Сибири (Тункинскій край Иркут. губ.).—**38, 41, 44. 45.** *Н. Астыревъ.* Очерки быта населенія Иркутской губ. (извлеч. изъ «Матеріаловъ по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта сельскаго населенія трехъ округовъ Иркут. губ.).—**49.** *Д.* Указатель книгъ и статей о Сибири (рец. на трудъ В. И. Межова: «Сибир. библіографія»).

Смоленскій Вѣстникъ. **57.** *А. Щ.* Къ исторіи г. Рославля.—**58.** Обѣтъ безбрачія въ Китаѣ.—**62.** Курляндскіе короли. Сообщеніе о потомкахъ Курляндскихъ королей, населяющихъ семь деревень вблизи Гольдингена.—**67.** Отъ Историко-археологическаго музея. О предметахъ, пожертвованныхъ музею.—**68.** *А. Щ.* Обычаи и повѣрья Приднѣпровья, Краснинскаго уѣзда.—**69** Отъ Историко-археологическаго музея. Перечень предметовъ, пожертвованныхъ музею.—**70.**—*Г. Сенкевичъ.* Приговоръ Зевса (Греческая сказка). Споръ между Аполлономъ и Гермесомъ.—**73.** *А. Ш. Рославльскій.* Толока. Приведены 2 пѣсни.—**77.** Деревенскій житель. Экскурсія въ Моризовскую область (ок.).—**78.** Письма съ пути. Редакція помѣстила письмо одного изъ этнографовъ, въ которомъ описываются Татаринскіе и Девятинскій курганы Бѣльск. у. Смол. губ., съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ преданій о нихъ. **79.** Корр. изъ Смол. уѣз. Очевидца. Авторъ въ своей интересной корреспонденціи между проч. приводитъ имена въ томъ перевранномъ видѣ, какъ полуграмотные крестьяне заносятъ ихъ въ свои помянальники, такъ что они могутъ служить нѣк. иллюстраціей по искаженію собств. именъ во многихъ нашихъ письменныхъ памятникахъ. – Х. Изъ Юхновскаго у. Разсказывается фактъ, освѣщающій отчасти вопросъ о томъ, какъ и почему иногда на Руси появляются святыя мѣста и вообще разныя мѣста поклоненія (см. и № 87.).—**79, 83, 88, 93, 97.** *Деревенскій житель.* Дневникъ сельскаго обывателя.—**81, 85, 86. 96, 101.** Шавѣевская колонія. Въ этой интересной статьѣ о колонистахъ, послѣдователяхъ гр. А. Толстого, попадается не мало мыслей, интересныхъ въ этнограф. отношеніи, особенно тамъ, гдѣ колонисты сталкиваются съ крестьянами.—**81.** Корр. изъ Вязьмы. Нѣкот. черты изъ жизни обитателей этого города.—**82.** *С. Писаревъ.* Отъ Историко-археол. музея. Пожертвованія въ музей съ нѣк. объясненіями.—**94.** *А. Щ—нъ.* Корр. изъ Краснинск. у. объ особомъ обрядѣ «суспицы», артельнаго лѣпленія свѣчи. Эта «суспица» устраивается мѣстною артелью крестьянъ наканунѣ праздника извѣстному святому, патрону данной артели. Свѣчу лѣпятъ (начиная со старѣйшаго хозяина), потомъ одѣваютъ въ бѣлую сорочку («вѣнчаютъ»), обжигаютъ, читаютъ молитвы. На другой день пріѣзжаетъ причтъ; при зажженной «суспицѣ» молятся, трижды «повышаютъ» передъ иконой небольшую пшеничную булку, кот. потомъ въ качествѣ священной даютъ на тощакъ; по удаленіи духовенства идетъ пиръ съ пѣснями (приведены двѣ). На другой годъ «суспица» лѣпится у другого хозяина, на третій у третьяго и т. д. Воскъ лѣпится на старую свѣчу лѣтъ 5—6, а потомъ начинается новая «суспица». Обрядъ этотъ, по словамъ корреспондента, существуетъ и въ большинствѣ селеній Красн. у.—**95.** Перепечатка изъ Сѣв. В. (Авг. 1891 г.) отрывка статьи проф. Анучина: «Изъ поѣздки къ истокамъ Днѣпра, Зап. Двины и Волги».—**108.** «Спасъ Маковей» (изъ Русс. Ж.). Набросокъ изъ жизни богомольцевъ.

Ставропольскія Г. В. 30, 31. Черты народности въ поэзіи Лермонтова.—**32.** Отличительныя черты кустарныхъ промысловъ Кавказа и Закавказья.

Терскія Вѣдомости. — **1.** Различные взгляды на Магомета.—*Г. Ил. Хонели.* Легенда о Кизлярѣ. Суть ея въ томъ, что два брата-царевича сватались за царицу-красавицу. Она рѣшилась выйдти за того изъ нихъ, кто ее догонитъ (на конѣ). Младшій братъ былъ ужъ возлѣ нея, но отставшій старшій убилъ его стрѣлой изъ лука.

за что также былъ убитъ своимъ отцомъ немедленно и также стрѣлой. Красавица-царица бросилась, видя гибель обоихъ жениховъ, съ крутого обрыва въ рѣку и на этомъ мѣстѣ старый царь, отецъ жениховъ, построилъ крѣпость по имени Кизляръ, что значитъ «Красавица». (Нов. Обозр.). — **3.** *Н. Семеновъ.* Другое преданіе о Кизлярѣ. Кизляръ значитъ—«дѣвка». Легенда гласитъ, что на этомъ мѣстѣ происходилъ осмотръ дѣвушекъ, которыхъ монголы ежегодно уводили въ Золотую Орду, какъ дань Кавказскихъ горцевъ.—**4.** *Г. М.* Казачьи вѣрованія и суевѣрія. I. Колдуны. — Раскопки въ Осетіи. Сообщеніе граф. П. С. Уваровой въ засѣданіи Имп. Моск. Археологич. Общества 16 дек. 90 г.—**5.** Религіозное движеніе въ Аравіи, Халифы и Магометъ.—**6.** *М. Слобожанинъ.* По Урузскому ущелью. Легенда о томъ, какъ злой человѣкъ укралъ соль, которую берегъ св. Георгій для осетинъ, во время его отлучки и какъ св. Георгій, по возвращеніи ударилъ мечемъ по скалѣ, отчего образовалась глубокая расщелина.—**8.** *Г. М.* Казачьи вѣрованія и суевѣрія. I. Колдуны. (Окончаніе).—**11.** Магометъ до начала своей проповѣди. Рожденіе и болѣзненность Магомета.—**12.** *Землякъ.* Изъ исторіи возникновенія г. Кизляра.—**13.** *Г. М.* Казачьи вѣрованія и суевѣрія. II. Вѣдьмы. — **14.** Магометъ до начала своей проповѣди. (Окончаніе). Путешествія Магомета.—*Свящ. А. Гатуевъ.* Христіанство въ Осетіи. Историческій очеркъ. Происхожденіе осетинъ. Начало христіанства въ Осетіи и его дальнѣйшее распространеніе. — **15.** *Св. А. Гатуевъ.* Христіанство въ Осетіи. Краткая исторія Осетіи отъ перваго столкновенія съ Россіей до 1350 г.—**19.** То-же. Судьба христіанства.- **20.** Этюды объ Ингушахъ. Земельныя владѣнія Ингушей. — **26.** *Г. М.* Казачьи вѣрованія и суевѣрія. III. Отъ «ереси приходящіе» священники и уставщики. -- **27.** *Св. А. Гатуевъ.* Христіанство въ Осетіи. Подчиненіе Осетіи власти Россіи. **28.** Сел. Арданъ. Суевѣріе жителей селенія. — **29.** *Г. М.* Казачьи вѣрованія и суевѣрія. IV. Представленія о будущности земли и загробной жизни.—**32.** *Свящ. А. Гатуевъ.* Христіанство въ Осетіи.—*Георгій Цаголовъ.* Изъ осетинскаго народнаго эпоса. 4) Смерть и джигитъ, или какъ любовь смерть побѣдила.—**34, 36.** *Свящ. А. Гатуевъ.* Христіанство въ Осетіи.—**39.** *М. Газдановъ.* Къ вопросу о происхожденіи тагаурскихъ алдаръ.—**40.** Рецензія на рефератъ А. А. Ивановскаго о черепахъ изъ древнихъ могилъ Осетіи. (Р. В.).—**40, 41.** *М. Газдановъ.* Къ вопросу о происхожденіи тагаурскихъ алдаръ.—**42, 46, 48.** *Свящ А. Гатуевъ.* Христіанство въ Осетіи.—**48.** *Г. М—инъ.* Казачьи вѣрованія и суевѣрія. V. Понятіе о дьяволѣ и его роль въ жизни. **51.** *Свящ. А. Гатуевъ.* Христіанство въ Осетіи. — Похищеніе невѣстъ у горцевъ Терской области. (Нов. Обозр.). — **55, 56.** Поѣздка въ Урусбіевское общество горскихъ татаръ. (Путевыя впечатлѣнія). *Е. Б—овъ.*—**65.** Къ вопросу о разоруженіи туземцевъ.—**67.** Казачьи вѣрованія и суевѣрія. (Вѣрованіе въ домового, лѣшаго и водяного. Общая характеристика вѣрованія въ духовъ).—**68.** Восхожденіе на Адай-хохъ.

Уфимскія Г. В.—**21.** *Д. П. Никольскій.* «Изъ поѣздокъ по Башкиріи». (Описаніе быта башкиръ Екатеринбургскаго у., Пермской губ. Продолженіе). Птицеводство. Употребленіе чаю и сахару. Данныя о движеніи населенія.

Тобольскія Г. В.—28, 29. Первые русскіе изслѣдователи Сибири.

Томскія Г. В.—32. Объ изданіи сборника этнографическихъ статей алтайскаго миссіонера, протоіерея Вербицкаго (см. VIII кн. «Этнограф. Обозр.» стр. 176).

Томскія Е. В.—**9.** Памяти покойнаго миссіонера, протоіерея Василія Ивановича Вербицкаго (изъ записокъ: 1, Киргизскаго миссіонера игумена Владиміра Синьковскаго и 2, Мыютинскаго миссіонера свящ. Вас. Постникова).

Туркестанскія Вѣд. — **18.** *С. В.* Право поземельной собственности въ Туркестанскомъ краѣ. - **25.** *А. Диваевъ.* Повѣрье. Разсказывается объ интересномъ обычаѣ заклинанія вѣтра, существующемъ у сартовъ «съ древнихъ временъ». Во время сильныхъ вѣтровъ, въ лѣтнее время, а именно, когда колосится и созрѣваетъ хлѣбъ, старухи-сартянки садятся верхомъ на песты, берутъ въ руки длинныя хворостины, навязываютъ на нихъ разноцвѣтныя тряпки и, вымазавъ сажею лицо (а въ иныхъ мѣстахъ набѣлившись и нарумянившись), отправляются по улицамъ. Здѣсь, подражая ржанію жеребца, онѣ начинаютъ кричать и прыгать на встрѣчныхъ мужчинъ, приговаривая:

«О, чалъ-мама, чалъ-мама! [1])
Не найдешь себѣ ты мѣста, чалъ-мама!
Ты разсыпала созрѣвшій колосъ проса, чалъ-мама,
Ты развѣяла кучи соломы по ложбинамъ, чалъ-мама.
О, чалъ-мама, чалъ-мама!
Ты срываешь камни, крѣпко прилипшіе къ землѣ,
Ты ломаешь круглыя головки маша [2]), чалъ-мама.
О, чалъ-мама, чалъ-мама!
Я прекращу твою бурю, чалъ-мама,
Я сломаю твой порывъ, чалъ-мама,
Ты наскучила нашему селенью,
Навлеку я смерть на голову твою,
Будь увѣрена въ этомъ, чалъ-мама.
(Обращаясь къ населенію):
Прогонимъ-же, съ помощью «Худаи», бурю,
Подавайте щедро, чтобы сыпалось по дорогѣ,
Подавайте такъ, чтобы лилось по дорогѣ».

Заслышавъ возгласъ старухъ, каждый домовладѣлецъ даетъ имъ зерновой хлѣбъ и деньги, а затѣмъ на все собранное устраивается на могилѣ святаго (?) общій обѣдъ «худаи». По убѣжденію туземцевъ, заключаетъ авторъ замѣтки,—природа не въ состояніи бороться съ столь сильнымъ заклинаніемъ, и буря неминуемо должна утихнуть. (См. Сб. Мат. для статистики Сыръ-Дарьинской обл. 1891 г.).

Туркестанская Туз. Газета.—19. Интернатъ для киргизскихъ дѣвочекъ.—**26.** Примѣты лошадей у бедуиновъ («Моск. Вѣд.»).—**29.** Объясненіе сартовской пословицы: «Кто слушаетъ другихъ, тотъ останется пѣшимъ при лошади».

Уральскія Войск. Вѣд.—28, 29. *А. Д.* Яицкіе (уральскіе) казаки.

Церковный Вѣстникъ.—7. Религіозныя воззрѣнія жителей сѣвера Россіи.

Церковныя Вѣд.—27, 28. *Ѳ. Истоминъ.* О религіозномъ состояніи обитателей русской низовой Печоры (самоѣды и ихъ вѣрованія).

Якутскія Е. В. -10, 12. Образъ жизни и занятія Якутовъ Вилюйскаго округа.

Ярославскія Г. В.—34. *П. Мизиновъ.* Программа для собиранія народныхъ повѣрій, разосланная по Ярославскимъ школамъ въ началѣ текущаго столѣтія Виленскимъ Университетомъ. — **40—43, 45, 49.** Крестьянская свадьба въ Ярославской губ. (Положеніе молодой, дѣловая часть свадьбы, свадебное веселіе, пѣсни: жениху (5 №), невѣстѣ (7 №), крестному (—ой) жениха (2 №), отцу жениха (3 №), матери жениха (4 №).—**49, 50.** *Свящ. У. Орловъ.* Изъ области предразсудковъ и суевѣрій въ Романово-Борисоглѣбскомъ у. Предразсудки и суевѣрія при родинахъ, крещеніи ребенка, свадьбѣ, погребеніи.

---

[1]) Чалъ-мама—сѣдая старуха.
[2]) Машъ—родъ мелкаго гороха.

Указатель этнографическихъ статей, содержащихся въ сибирскихъ изданіяхъ отъ начала ихъ существованія.

Составилъ А. А. Ивановскій.

Записки Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Этнографіи.

I т., вып 1. *М. Н. Хангаловъ, Н. Затопляевъ и др.* Бурятскія сказки и повѣрья: 1) старикъ и волкъ, 2) старикъ Хоредой, 3) старикъ Ухапай 4) водяная старуха, 5) дѣвица Тэбэк-ногон-абаха, 6) старуха Хэрхэнъ, 7) Тенехонъ, 8) Му-монто, 9) Гарьюлай-моргонъ, 10) Алтанъ-сэсэкъ и его сестра, 11) Ханъ-гужиръ, 12) охотникъ, 13) Боръ-ху, 14) старикъ съ дочерью, 15) желто-сѣрый волкъ и лисица самка, 16) Хинхуна-багинъ, 17) Бохонъ-хобунъ, 18) дѣвица Хонхинуръ, 19) Гургулдаинъ-гурбунъ-сысынъ, 20) Тэнгрінъ-хобунъ, Чингисъ-ханъ и Шудурманъ, 21) жизнь Элгэсынъ-гелонга, 22) Доной, 23) кость «сэръ», 24) цари животныхъ, 25) верблюдъ, 26) медвѣдь, 27) волкъ, 28) собака, 29) царь птицъ Ханъ-хурдэ-ханъ, 30) филинъ, 31) ласточка и пчела, 32) перепелка, 33) турпанъ, 34) бекасъ или барашекъ, 35) кукушка, 36) оляпка, 37) Солбонъ, 38) Хохосо-моргонъ, 39) Долонъ-ёбёгёдъ, 40) млечный путь, 41) затменіе луны, 42) пятна на лунѣ, 43) повѣрье о землетрясеніи, 44) повѣрья о громѣ, 45) открытіе огня, 46) происхожденіе ворожбы на лопаткѣ, 47) названія пальцевъ, 48) пальцы-воры, 49) преданіе о переселеніи Хонгодоровъ изъ Монголіи въ Южн. Сибирь, 50) другой варіантъ о переселеніи племени Хонгодоровъ, 51) Оле-олекчинъ.—

Вып. 2. Сказанія бурятъ, записанныя разными собирателями: 1) Алтанъ-Шагай-Мэргынъ, 2) дуракъ сынъ и волшебный перстень, 3) Шоно-баторъ, 4) сирота и желтая собака, 5) черепъ конской головы, 6) сирота-парень, 7) человѣкъ и барсъ, 8) волкъ, просящій пищи у Бога, 9) кость лопатка, 10) сотвореніе міра и человѣка, 11) о потопѣ, 12) о землетрясеніи, 13) звѣри послѣ сотворенія міра, 14) конь и изюбрь, 15) рябчикъ, 16) летяга, 17) верблюдъ, 18) заяцъ, 19) бурундукъ, 20) сурокъ, 21) мамонтъ, 22) птица тутэ, 23) дятелъ, 24) орелъ, 25) повѣрья о лебедяхъ, воронахъ и коршунахъ, 26) щука, 27) налимъ, 28) трава хунъ-хорхонъ, 29) о табакѣ, 30) повѣрья о деревьяхъ, 31) собачій пай въ хлѣбѣ, 32) хуръ, 33) о ворожбѣ на лопаткѣ, 34) пальцы-воры, 35) племена бурятъ, 36) кости въ бывшемъ Аларскомъ вѣдомствѣ, 37) кость Шаранутъ, 38) кость Хабарнутъ, 39) кость Бурутханъ, 40) кость Икинатъ, 41) кости Ольлонъ и Баянда, 42) кость Готолъ, 43) Булагатъ и Экиритъ и ихъ потомки, 44) Такши и его потомки, 45) преданія о Гэнэнъ-худактѣ и Сухэръ-нойонѣ, 46) Барга-Батуръ, 47) Хередой-Моргонъ, 48) Сегэндэ и Барто, 49) поколѣнія селенгинскихъ бурятъ, 50) первый шаманъ, 51) самая первая шаманка. 52) Булгата-онгонъ 53) Буртэ-убугунъ, 54) почему нѣкоторые буряты не ѣдятъ селезенки и не бьютъ лебедей, 55) преданія о переселеніи изъ Монголіи Бахака Ирбанова и Адая съ прочимъ народомъ, 56) преданіе о валѣ Чингисъ-хана.—**Вып. 3.** Верхоянскій Сборникъ. Якутскія сказки, пѣсни, загадки и пословицы, записанныя въ Верхоянскомъ округѣ *И. А. Худяковымъ*, I. Пословицы и поговорки. II. Пѣсни. III. Якутскія загадки (природа и волшебство: животныя, человѣкъ, домъ, одежда, промыслы, принадлежности хозяйства). IV. Саги: 1) Бяртъ-Хара, 2) Хоро (прародители Якутовъ), 3) Хаптагай-батыръ, 4) Кяльтяски-

ляръ, 5) Саппы-Хосунъ. V Сказки: 1) чирокъ и беркутъ, 2) летающія крылатыя, 3) хорошій Юджіянь, 4) низенькая старушка съ 5-ю коровами, 5) Ураны-ханъ-старикъ, 6) Берь-Хара, 7) старуха со старикомъ, 8) Ханъ-Джаргыстай, 9) Чарчаханъ, 10) пташка и ѣдунъ (обжора), 11) Онгостонъ-Чоканъ, и Олонъ-Долонъ, 12) Васымниланъ-батыръ. VI. Русскія сказки у Якутовъ Верхоянскаго окр.: 1) Илья Муромецъ, 2) старецъ-пилигримъ. VII. Русскія сказки, у русскихъ: 1) Алеша, 2) царь Елизаръ, 3) Милославскій.

II т., вып. 1. *М. Н. Хангаловъ.* Новые матеріалы о шаманствѣ у бурятъ: высшія существа, онгоны, души умершихъ шамановъ, обряды и жертвоприношенія.

Вып. 2. *Н. И. Затопляевъ.* Нѣкоторыя повѣрья аларскихъ бурятъ: пѣсня о бурятѣ, распятомъ въ Иркутскѣ; анахаи; объ аршанахъ или цѣлебныхъ ключахъ; обрядъ послѣ удара молніи; опекуны дѣвицъ; Зуруктанъ-онгонъ. *П. П. Батаровъ.* Бурятскія повѣрья о бохолдаяхъ и анахаяхъ. *М. Н. Хангаловъ.* Судъ заяновъ надъ людьми. *М. Н. Хангаловъ.* Преданья и повѣрья унгинскихъ бурятъ. *Д. Клеменцъ.* Нѣсколько образцовъ бубновъ минусинскихъ инородцевъ (съ 9-ю табл. рисунковъ). *Н. В—скій.* Матеріалы для изученія шаманства у якутовъ. *Н. Припузовъ.* Мелкія замѣтки объ якутахъ.

Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общества.

I кн. (Омскъ, 1879.). *Князь Н. Н. Костровъ.* Колдовство и порча у крестьянъ Томской губерніи.—*Н. П. Григоровскій.* Крестьяне—старожилы Нарымскаго края (цѣль очерка—«прослѣдить жизнь здѣшняго крестьянина отъ колыбели его до гробовой доски»).—*М. В. Пѣвцовъ.* Путевые очерки Чжунгаріи (кумирня Матэня; богослуженіе въ ней; торгоуты, ихъ наружный видъ, языкъ, одежда, характеръ, отношеніе къ нимъ китайцевъ, вѣра и образъ жизни, китайцы г. Гучена).—*Н. М. Ядринцевъ.* Свѣдѣнія о мараловодствѣ въ Алтаѣ.

II кн. (1880 г.) *Н. М. Ядринцевъ.* Поѣздка по Западной Сибири и въ горный Алтайскій округъ. Бараба, ея населеніе, жилища, типъ жителей, свадьбы и свадебныя пѣсни; сибирскіе курганы и могилы; населеніе Алтая: инородцы, раскольники («поляки») и новоселы; заселеніе Алтая и движеніе современной колонизаціи.—*Н. Н. Балкашинъ.* Былъ ли Ермакъ пожалованъ въ князья?

III кн. (1881) *П. Я. Словцовъ.* Путевыя записки, веденныя во время поѣздки, въ 1878 г., въ Кокчетавскій уѣздъ (краткія свѣдѣнія о киргизахъ и нѣкоторыя киргизскія названія животныхъ).—*Н. Балкашинъ.* Торговое движеніе между Зап. Сибирью, Среднею Азіею и Китайскими владѣніями.—*Н. М. Ядринцевъ.* Программа изслѣдованія сельской общины въ Сибири.

IV кн. (1882 г.). *Н. М. Ядринцевъ.* Отчетъ о поѣздкѣ въ 1880 г. въ горный Алтай, къ Телецкому озеру и въ вершины Катуни: черневые татары, кумандинцы, телеуты, телесы, алтайцы-ойроты или алтайскіе калмыки, чуйскіе теленгиты, ихъ антропологическій типъ, жилища (кота, янду, юрта, изба); земледѣліе, скотоводство, охота, кузнечное мастерство; религія, шаманство и шаманы; пѣсня, сказка и героическая поэма; экономическій бытъ населенія; вліяніе русской культуры.—*Д. Поникаровскій.* Сельскія общества Салаирской волости (въ Кузнецкомъ окр., Томской губ.): Салаирское, Гавриловское, Гурьевское, Новобочатское и Урское сел. общества, ихъ составъ, передѣлы общинной земли; усадебныя и пахатныя земли, сѣнокосы, лѣса, пастбища и другія угодья, огородничество, горное производство; устройство общинныхъ хозяйственныхъ дѣлъ и какіе платежи и повинности лежатъ на общинѣ; юридическія отношенія членовъ общины; послѣдствія и результаты существующаго общинно-хозяйственнаго быта.—*Н. Григоровскій.* Очерки Нарымскаго края: крестьянская свадьба; винокурши; промыселъ гусей; медвѣжья облава; производство изъ крапивы; мнѣнія и преданія о мамонтѣ у Нарымскихъ инородцевъ; ворожба.—*Б. Шостаковичъ.* Промыслы Нарымскаго края (съ чертежами): рыбные, пушные, звѣриные и орѣшные.

V кн (1883 г.) *М. В. Пѣвцовъ* Очеркъ путешествія по Монголіи и сѣвернымъ провинціямъ внутренняго Китая, съ картою Монголіи. Этнографическій интересъ представляетъ IV глава: монгольскія народности: халхасцы, урянхаи, дурбёты, олёты, торгоуты и цзахачины; нравы монголовъ, образъ жизни, жилище, обыденная жизнь, одежда,

скотоводство, земледѣліе, охота, пища, домашняя утварь, ремесла, современное экономическое положеніе монгольскаго народа, удѣльныя княжества, сеймы, управленіе Монголіей, Шабинское вѣдомство и отношеніе монголовъ къ китайцамъ.

VI кн. (1884 г.). *Н. П. Григоровскій* Описаніе Васюганской тундры (объ остякахъ).—*М. Стратилатовъ*. Введеніе къ соч. Вамбери: «Первобытная культура тюрко-татарскихъ народовъ» («Die primitive Cultur des türkotatarischen Volkes auf Grundsprachlichen Forschungen»).

VII кн., вып. 1. (1885 г.). *А. М. Никольскій*. Путешествіе на озеро Балхашъ и въ Семирѣченскую область. Этнографическіе матеріалы сгруппированы въ V-ой главѣ: Киргизы и киргизскія названія нѣкоторыхъ животныхъ и растеній.—*И. Я. Словцовъ*. О находкахъ предметовъ каменнаго періода близь г. Тюмени въ 1883 году.—**Вып. 2.** *Н. Зеландъ*. Киргизы,—этнологическій очеркъ.

VIII кн., вып. 1 (1886 г.). *Н. Петропавловскій* По Ишиму и Тоболу (изъ путешествій и изслѣдованій крестьянскаго быта западной Сибири). I гл.: очеркъ природы; II гл.: очеркъ землевладѣнія: происхожденіе населенія, борьба съ инородцами, порядки въ землевладѣніи, недостаточная прочность земельныхъ порядковъ, типическая форма землевладѣнія, соединеніе индивидуальной и общинной собственности, вопросъ объ интенсивной культурѣ; III гл.: очеркъ культуры: рѣзкая разница между сибирякомъ и русскимъ, но измѣнился не сибирякъ, а русскій; сибирскій крестьянинъ есть чистый типъ русскаго человѣка Московскаго періода, удовлетвореніе потребностей, пища, одежда, жилыя и хозяйственныя строенія, земледѣльческія орудія, земледѣліе и его пріемы IV гл.: очеркъ переселеній; V гл: очеркъ отношеній крестьянъ къ землѣ; VI гл.: очеркъ обработывающей и добывающей промышленности и VII гл.: очеркъ будущаго.—*А. Дудоладовъ*. Очеркъ переселенческаго въ Сибирь движенія.—**Вып. 2.** *А. В. Адріановъ*. Путешествіе на Алтай и за Саяны, совершенное лѣтомъ 1883 г.

IX кн. (1887 г.). *Н. Зеландъ*. Кашгарія и перевалы Тянь-Шаня (путевыя записки).

X кн. (1888 г.). *С. Швецовъ*. Очеркъ Сургутскаго края: 1) общій очеркъ города и округа, 2) занятія населенія: развитіе промысловъ, отсутствіе земледѣлія; связанныя съ промыслами формы пользованія различными угодьями—лугами, лѣсами, рыболовными песками; скотоводство; орѣховый промыселъ; ловля птицъ; рыболовство; звѣроловство; заготовка дровъ на пароходы; ничтожная степень развитія ремесленности; домашнія занятія; торговыя сношенія сургутянъ съ инородцами и тобольскими купцами, характеръ этихъ сношеній; сургутская ярмарка; экономическая зависимость инородцевъ—остяковъ и самоѣдовъ отъ русскихъ; характеръ и степень эксплуатаціи первыхъ послѣдними; 3) очеркъ экономическаго благосостоянія (нищета остяковъ, причины ея, вліяніе нищеты на развитіе болѣзней и вымираніе племени); 4) степень культурнаго развитія; 5) развитіе сургутянъ и ихъ нравы и 6) заключеніе: причины возникновенія Сургута; что дала краю русская колонизація и условія развитія края.—*Н. Н. Пантусовъ*. Молитвенный сеансъ ордена Джагріе-Кадріе въ Ташкентѣ.—*Н. Пантусовъ*. Языкъ офеней въ мусульманской средѣ Туркестана.—*Г. Н. Потанинъ*. Нѣсколько вопросовъ по изученію повѣрій, сказаній, суевѣрныхъ обычаевъ и обрядовъ у киргизовъ и сибирскихъ татаръ.

Записки Общества изученія Амурскаго края *).

I т. *С. С. Россетъ*. Поѣздка на о-ва Тюленій и Сахалинъ въ 1887 году (орочоны и айны и ихъ промыслы).—*Ѳ. Ѳ. Буссе*. Остатки древности въ долинахъ Лефу, Даубихэ и Улахэ.

Записки Сибирскаго Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общества.

I кн. (подъ ред. Е. И. Ламанскаго. Спб., тип. Эд. Праца, 1856 г.). *Н. Бакшевичъ*. Описаніе рѣки Иркута отъ Тунки до впаденія въ Ангару (этнографич. интересъ представляетъ 7-ая гл.: «Характеръ с. Тункинскаго и земледѣліе его жителей: казаковъ, крестьянъ и ясачныхъ инородцевъ бурятъ»).—*Протоіер. Хитровъ*. Описаніе Жиганскаго улуса (въ Верхоянскомъ окр.): якуты и тунгусы, главнѣйшія и второстепен-

*) Издаются съ 1888 г. въ г. Владивостокѣ.

ныя ихъ селенія, нравы, характеръ, одежда, обряды при родинахъ и поминкахъ, сватовство, празднества, промышленность, судопроизводство, мѣры, вѣсъ, счисленіе времени, музыка, сказки, шаманство.—*И. Сельскій.* Описаніе дороги отъ Якутска до Среднеколымска: способъ ѣзды и дорож. одежда; сѣндухи (ночлегъ на открыт. воздухѣ): поварни (станціи); Верхоянскій хребетъ; станція Барыласъ; Верхоянскъ; Оёнъ-Хомы, Зашиверское ущелье; Колымскій округъ; общій взглядъ на природу и людей отъ Якутска до Среднеколымска.—*А. Мордвиновъ.* О древнихъ развалинахъ, найденныхъ около крѣпости Тунки въ 1809 г.—*В. Райскій.* Взглядъ на распространеніе православной вѣры въ Якутской обл.

II кн. (подъ ред. Е. И. Ламанскаго. Спб., тип. Эд. Праца, 1856 г.). *Пермикинъ.* Путевой журналъ плаванія по рѣкѣ Амуру отъ Усть-Стрѣлочнаго караула до впаденія ея въ Татарскій проливъ (въ 1854 г.): тунгусы, манджуры, гольды (орлики), мангунцы (тунгус. племя) и гиляки.—*Архим. Аввакумъ.* О надписи на каменномъ памятникѣ, находящемся на берегу р. Амура, недалеко отъ впаденія ея въ море.—*Юренскій.* Пещера и древнія письмена на берегахъ рѣчки Мангута (Въ Юго-Вост. Сибири).—*Арх. Аввакумъ.* О надписи, находящейся на скалѣ у Мангутской пещеры.—*Д. Давыдовъ.* О древнихъ памятникахъ и могильныхъ остаткахъ аборигеновъ Верхнеудинскаго окр. Забайкальской обл.—*И. А. Юренскій.* Мѣстность Дэлюнъ-Болдокъ на берегахъ р. Онона (мѣсторожденіе Чингисъ-хана).—*Шишкевичъ.* Звѣриная промышленность Удскаго края и сопредѣльныхъ къ нему мѣстъ: звѣриная ловля; мѣсто и время, когда она преимущественно производится; кто занимается; породы звѣрей; способъ ловли; звѣрин. товары; вяленіе мяса, важность звѣрин. промысла въ отношеніи къ народному богатству; сбытъ, провозъ, цѣна.—*Князь Костровъ.* Городъ Минусинскъ.—*Князь Костровъ.* Народныя примѣты крестьянъ-старожиловъ Минусинскаго округа.: 1) примѣты о годѣ вообще и его временахъ, 2) о перемѣнахъ атмосферы, 3) о домѣ и 4) о хозяйствѣ.—*Князь Костровъ.* Юраки (самоѣдскаго племени): мѣста, ими занимаемыя, количество юраковъ; Тазовская и Береговая орды; антропологич. типъ юраковъ; одежда, украшенія ея; жилище (чумъ), устройство и убранство его; время, когда стали извѣстны русскимъ юраки; языческія вѣрованія юраковъ; языкъ ихъ, его нарѣчіе и подраздѣленія; родины; пѣсни; свадеб. обряды; похороны; звѣроловство и рыболовство.

III кн. (подъ ред. Е. И. Ламанскаго. Спб., тип. Эд. Праца, 1857 г.).—*Н. Свербѣевъ.* Описаніе плаванія по рѣкѣ Амуру генералъ-губернатора Вост. Сибири въ 1854 г.: о гогулахъ, дучерахъ, ачанахъ, китайцахъ, наткахъ, орочонахъ, манеграхъ и гилякахъ. —*А. Аргентовъ.* Описаніе Николаевскаго Чаунскаго прихода (о чукчахъ).—*А. Аргентовъ.* Прибавленіе къ описанію прихода—о существованіи земли и людей на Ледовитомъ морѣ, въ сѣверо-западной сторонѣ отъ о-ва Кулючи.—*Д Давыдовъ.* Обонъ (такъ называется у монголо-бурятъ возвышен. мѣсто, гдѣ они исполняютъ свои религіозные обряды).

IV кн. (подъ ред. И. С. Сельскаго и Н. А. Версилова. Спб., тип. Морск. Минист. 1857 г.).—*Андрей Аргентовъ.* Путевыя записки священника-миссіонера въ приполярной мѣстности: Нижнеколымскъ; первобытные обитатели страны: омоки, ходынцы; чуванцы; появленіе здѣсь русскихъ; начало и распространеніе христіанства на Колымѣ, чукчи; поѣздка изъ Нижнеколымска на Чукотскую ярмарку; Анюйская крѣпостца: мѣновая торговля русскихъ съ чукчами; взносъ чукчами въ казну ясака; жилища чукчей; островъ Аё; чукотскій счетъ.—*Князь Костровъ.* Очерки Туруханскаго края: I. Сообщеніе о Туруxан. краѣ, г. Енисейскъ; II. Отъ Енисейска до Подкаменной Тунгузки; III. Тунгусы, родина ихъ, нынѣшнія ихъ кочевья, рода: Подкаменскій, Питско-Варагонскій, Милицкій, Верхне-Чумскій, Чапогирско-Чельзяльскій, Каменско-Черноульскій, три Куркугирскихъ рода, Нанудальскій, Ятоульскій, два Лапагьугскихъ рода, Чемдальскій или Чанадальскій, Панкаурскій, четыре лѣтнихъ рода, Илимпейскій, Нижне-Чумскій, Чапагырскій, Долгано-Ессейскій, Жаганскій и Долгано-Богадинскій; географич. очеркъ; антропол. типъ; одежда, жилище (чумъ); родины, свадьба, пѣсни, пляски, многоженство, болѣзни, смерть, похороны; гостепріимство; счетъ; шаманство; IV. Мѣстность налѣво отъ Енисея до Таза; V. Остяки, 9 ихъ родовъ: Сымско-Кассовскій, Натско-Пумпокольскій, Верхнеимбатскій, Нижнеимбатскій, Подкаменный, Байхинскій, Карасинскій, Тымскій и Караконскій; происхожденіе остяковъ, ихъ языкъ, занятія; обряды при рожденіи, бракѣ и похоронахъ; VI. Отъ Пакулихи до Нижней Тун-

гузки; VII. Туруханскъ; VIII. Отъ Туруханска до моря; якуты, Шорохинскій и Нижне-Затундринскій ихъ рода; антропологич. типъ якутовъ; жилища ихъ; обжорство; IX. Юраки (та-же статья, что и выше, кн. II); X. Обѣ тундры и берега моря.—*Кн. Костровъ*. Бельтиры (Бельтири, Белтеръ).- *Н. Свербеевъ*. Путевой журналъ купца Мих. Баранығина, во время поѣздки изъ Нижнеколымска въ Анюйскую крѣпость въ 1855 г. (объ якутахъ и ихъ жертвоприношеніи)—*Сельскій*. Историческіе матеріалы о сношеніяхъ европейцевъ съ Японією.

V кн. (подъ ред. И. С. Сельскаго и Н. А. Версилова. Спб., тип. Морск. Мин., 1858 г.). *В. Гауптъ*. Замѣтки на пути изъ Кяхты въ Ургу въ 1850 г.— *И. Сельскій*. Послѣдняя осада Албазина маньчжу-китайцами въ 1687 г.—*Г. Пейзинъ*. Минусинскій окр. Енисейской губ., въ сельско-хозяйственномъ отношеніи.—*Кн. Костровъ*. Объ ученой экспедиціи въ Минусинскій край.—*Д. Давыдовъ*. О началѣ и развитіи хлѣбопашества въ Якутской обл.—*Кн. Костровъ*. Святки въ Минусинскомъ окр. Енисейской губ.

VI кн. (подъ ред. А. С. Сгибнева. Иркутскъ, тип. Штаба войскъ, 1863 г.). *А. Павловскій*. Поѣздка изъ Якутска на Учурскую ярмарку.—*М. Кривошапкинъ*. Объ остякахъ, тунгусахъ и прочихъ инородцахъ (самоядь и якуты) Енисейскаго округа.— *П. Кларкъ*. Очеульскіе и Тутурскіе тунгусы въ Верхоленскомъ окр. Иркут. губ.—*Кн. Костровъ*. Кайбалы.—*Кн. Костровъ*. Шушенская волость Минусинскаго окр. — *Кн. Костровъ*. Бирюсы (Кобинскіе татары).—*А. Аргентовъ*. О полярной экспедиціи, предпринимаемой д-ромъ Гайесомъ (Hayes). — *Н. Аносовъ*. Путевыя замѣтки о Нерчинскомъ окр.

VII кн. (подъ ред. А. С. Сгибѣева и М. В. Загоскина. Иркутскъ, тип. Штаба войскъ, 1864 г.).—*А. Брылкинъ*. Письма съ Сахалина.—*Шишмаревъ*. Свѣдѣнія о Халхасскихъ владѣніяхъ.—*П. Кларкъ*. Вилюйскъ и его округъ. — *И. Лопатинъ*. Обзоръ южной части Приморской обл. Вост. Сибири за р. Суйфуномъ.—*А. Брылкинъ*. Краткій очеркъ о туземцахъ Уссурійскаго края (гольды или ходзены). *Кн. Костровъ*. Списокъ каменнымъ изваяніямъ, находящимся въ Минусинскомъ окр., Енисейской губ.—*П. Кельбергъ*. Клады за Байкаломъ.

VIII кн. (подъ ред. д-ра Н. И. Кашина. Иртутскъ, тип. Окр. Шт., 1865 г.). *П. Крапоткинъ*. Двѣ поѣздки въ Маньчжурію въ 1864 г.: 1) Описаніе пути изъ Старо-Цурухайтуевскаго караула чрезъ г. Мергэнъ на Айгунъ и 2) Сунгари отъ Гирина до устья.—*К. Струковъ*. Очерки монголо-бурятъ, кочующихъ въ Вост. Сибири: элементы монг.-бурятскаго языка; пища (съ подробнымъ описаніемъ состава, способа приготовленія и названія кушаньевъ).—*А Усольцевъ*. Свѣдѣнія о рѣкѣ Сунгари отъ устья до г. Гирина.—*И. Скороговоровъ*. Описаніе Енисейской губ.—*В. Чудовскій*. Историко-этнографическій очеркъ Иркутской губ. (чудь, буряты, тунгусы, якуты, карагазы, татары), съ прилож. этнографич. карты Иркут. губ.—*Кн. Костровъ*. Этнографическія замѣтки о Кизильскихъ татарахъ: 10-ть ихъ родовъ: Кизильскій, Большеачинскій или Ачагъ, Малоачинскій или Кычагъ, Игынскій или Игы, Басагарскій или Буга, Камларскій или Камлеръ, Малоаргунскій или Калмахъ, Курчиковъ или Арчикъ и Шуйскій или Шустеръ; жилища татаръ; судопроизводство; бракъ; свадеб. пѣсни; родины; похороны.—*Я. Шишмаревъ*. Поѣздка отъ г. Урги на рѣку Ононъ.—*Н. Хилковскій*. Путевая записка о поѣздкѣ въ Китайскій городъ Хайларъ.

IX и X кн., (подъ ред. д-ра Н. И. Кашина. Ирк., тип. Окр. Шт., 1867 г.). *П. Крапоткинъ*. Поѣздка въ Окинскій караулъ.—*А. Павлуцкій*. Краткое описаніе такъ называемыхъ чудскихъ древностей, имѣющихся вблизи Кличкинскаго серебро-свинцоваго рудника, съ указаніемъ нахожденія ихъ и въ другихъ мѣстахъ Нерчинскаго горнаго окр.—*И. Лопатинъ*. Краткій отчетъ о дѣйствіяхъ Витимской экспедиціи въ 1865 г.— *И. Сельскій*. Путь до Култука по направленію въ Тункинскій край.—*Д--ръ Н. Кашинъ*. Можно-ли снова заселить ту мѣстность, которая имѣла вредное вліяніе на здоровье прежнихъ ея обитателей? *Н. И. Кашинъ*. Ежегодный выходъ Мэргэнцевъ на р. Аргунь для осмотра границы и для торговли съ жителями Приаргунья.—*О. Палладій* Путевыя записки китайца Джанъ-дэ-хой, во время путешествія его въ Монголію въ 1-й половинѣ XIII столѣтія. *А. Ломоносовъ*. Изслѣдованіе красильнаго вещества, которымъ исчерчены утесы рѣки Оки въ Иркутской губ.

Извѣстія Сибирскаго Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общества *).

I томъ. 4, 5. Южная часть о-ва Сахалина (извл. изъ воен.-медиц. отчета д-ра Добротворскаго за 1868 г.).—*К. К. Нейманъ.* Историч. обзоръ дѣйствій Чукотской экспедиціи.—*П. А. Ровинскій.* О поѣздкѣ на Тунку и на Оку до Окинскаго караула.—Русскіе въ Сред. Азіи, истор.-географ. этюдъ Фридриха фонъ-Гельвальда, пер. съ нѣмец. Е. Д. Бѣльцовой.—*В. И. Вагинъ.* Англійскіе миссіонеры въ Китаѣ.—*Братья Бутины.* Историч. очеркъ сношеній русскихъ съ Китаемъ и описаніе пути съ границы Нерчинскаго окр. въ Тянь-дзинъ.

II т. 1, 2. *Братья Бутины.* Описаніе пути съ границы Нерчинскаго окр. въ Тянь-дзинъ (продолж., см. I т.): бытъ монголовъ, занятія ихъ; торговля китайцевъ; виды будущей торговли русскихъ съ монголами.—*Н И. Поповъ.* Общій историч. обзоръ археологическихъ изысканій въ Сибири. *Г.· Л. Майдель.* Отвѣты Чукотской экспедиціи на вопросы акад. Бэра.—**3.** *К К Нейманъ.* Историческій обзоръ дѣйствій Чукотской экспедиціи (см. I т.).—*Я. П. Шишмаревъ.* Свѣдѣнія о дархатахъ-урянхахъ вѣдомства Ургинскаго Кутухты: къ какому племени принадлежатъ дархаты; чьими подданными были прежде; поступленіе ихъ въ вѣдомство Шабинское; границы Дархатской земли; число народонаселенія; количество скота; управленіе дархатъ, повинности, вѣроисповѣданіе, физич. типъ, языкъ, грамотность, характеръ, одежда, образъ жизни, занятія, пища, обряды при рожденіи, погребеніи и пр. — *И. В. Калачевъ.* Образъ жизни тунгусовъ и коряковъ, жившихъ въ Иркутской губ. въ 1766 г.—**4.** *В. О. Липинскій.* О ходѣ безпорядковъ въ Сѣв. Монголіи въ 1870 г.—*В. О. Липинскій.* Свѣдѣнія о нашей торговлѣ въ Угрѣ. — *Н. И. Поповъ.* О каменныхъ бабахъ Минусинскаго края.—**5.** *Ѳед. Буссе.* Библіогр. зам. о ст. М. Клыкова: «Обзоръ береговъ залива Петра Вел.» въ «Морск. Сборникѣ» 1871 г., кн. XI.

III т. 3. *П. А. Ровинскій.* Этнографическія изслѣдованія въ Забайкальской обл. (исторія и статистика населенія). —*А. Трифоновъ.* Замѣтки о Нижне-Колымскѣ (омоки, юкагиры, чуванцы и чукчи). *И. Д. Черскій.* Нѣсколько словъ о вырытыхъ въ Иркутскѣ издѣліяхъ камен. періода (съ табл. рисунковъ). **3—5.** *А. П. Щаповъ.* Историко-географическія и этнологическія замѣтки о сибирскомъ населеніи (измѣненія славяно-русской народности; мѣстныя физич., психич. и лингвистич. особенности рус. сибир. населенія.—**4.** *Іером. Исаія.* Дорожникъ китайскаго чиновника Юй-Цай, веденный имъ во время переѣзда отъ Пекина чрезъ Губей-Коу, по Монголіи, въ царствованіе импер. Канъ-Си.—**4, 5.** *Н. И. Поповъ.* О писаницахъ Минусинскаго края.

IV т. 1. *П. А. Ровинскій.* Замѣчанія объ особенностяхъ сибирскаго нарѣчія (съ словаремъ).—**1, 2.** *А. Павловскій.* Замѣтки о Вилюйскомъ краѣ.—**1, 3.** *Н. И. Поповъ.* О чудскихъ городкахъ и чудскихъ копяхъ въ Минусинскомъ краѣ.—**2.** *А. П Щаповъ.* Истор.-географ. замѣтки о Сибири (продолж., см. т. III, №№ 3—5): значеніе первоначальныхъ географическихъ открытій въ Сибири.—**2, 3.** *П. А. Ровинскій.* Матеріалы для этнографіи Забайкалья: численность семейскихъ въ наст. время; ихъ экономич. значеніе; увеличеніе ихъ населенія; ихъ исключительное положеніе предъ закономъ и послѣдствія такого положенія; отношеніе къ нимъ свѣтской и духов. властей; гдѣ исходъ изъ ненормал. положенія; общая характеристика семейскихъ; стихъ соловецкихъ чудотворцевъ; Вичура.—**4.** *Ѳ. В. Елезовъ.* Рыбная и звѣриная промышленность по берегамъ оз. Байкала. **5.** *Г. А. Фритше.* Свѣдѣніе о путешествіи по Монголіи въ 1873 г.

V т. 1. *И. П.* Свѣдѣніе объ языкѣ Урянховъ. *Н. И. Поповъ.* Краткій историч обзоръ различныхъ родовъ фонетическаго письма у народовъ Сѣв. и Сред. Азіи.—**2.** *Н. И. Поповъ.* О руническихъ письменахъ въ Минусинскомъ краѣ.—**3, 4.** *Н. И. Поповъ.* О памятникахъ Тангутскаго и Монгольскаго письма въ Минусинскомъ краѣ. *Д. Павлиновъ.* Юридическій бытъ скопцовъ Мархинскаго селенія Якутскаго окр. *А. Щаповъ.* Бурятская улусная родовая община.

VI т. 3. *А Щаповъ.* Сельская осѣдло-инородческая и русско-крестьянская община въ Кудинско-Ленскомъ краѣ.—**5, 6.** *А. Щаповъ.* Физическое и этнолого-генеалогическое

*) Начали издаваться въ 1870 г. въ Иркутскѣ, подъ редакторствомъ правителя дѣлъ Отдѣла А. Ф. Усольцева.

развитіе Кудинскаго и Верхоленскаго населенія: развитіе уродствъ между бурятами Кудинскаго, Верхоленскаго и Ленскаго вѣдомствъ и вліяніе на него замкнуто-родового генезиса. *Н. И. Поповъ.* Общій взглядъ на писаницы Минусинскаго края.

VII т. 1. *Н. И. Поповъ.* Общій взглядъ на писаницы Минусинскаго края (оконч., см. томъ VI, №№ 5 и 6).—*М. З—нъ* Аѳанасій Прокофьевичъ Щаповъ (некрологъ). **2, 3.** *А. П. Щаповъ.* Физическое развитіе Верхоленскаго населенія (см. VI т., 5 и 6). **2—5.** *Н. Поповъ.* О чудскихъ могилахъ Минусинскаго края.

VIII т. 1—4 *Н. Поповъ.* О чудскихъ могилахъ Минусинскаго края (см. VII т.). **1—6.** *К. К. Нейманъ.* Плаваніе по Восточному океану.—**3, 4.** О древнихъ обитателяхъ русской Дауріи (изъ «Asien» Риттера, Bd. II. S. 320—324).—*Н. И. Поповъ.* О древнихъ могилахъ близъ дер. Бальдзы.—*А. А. Больщевъ.* Русское прибрежье Тихаго океана.—**5, 6.** *Н. Гребницкій.* Значеніе Китайско-Корейскаго элемента въ дѣлѣ колонизаціи Южно-Уссурійскаго края.—Этнографія Аляски,—проф. Фрид. Миллера по Дэлю (изъ «Mittheilungen der anthropologischen Gesellschaft», in Wien, 1871, Bd. I, № 8) *).

Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла Импер. Русс. Геогр. Общества.

IX т. *) **1, 2.** *Н. А. Гребницкій.* Этнограф. очеркъ Южно-Уссурійскаго края: китайцы (маньцзы); разведеніе жень-шеня; ловъ трепанговъ; ловъ морской капусты; производство «сули» (водки); грибной промыселъ; добываніе соли.—*Н. И. Поповъ.* Объ орудіяхъ каменнаго вѣка на сѣверѣ и востокѣ Сибири.—**3, 4.** *М. З—нъ.* Николай Ивановичъ Поповъ (некрологъ).—**5, 6.** Новая полярная экспедиція Норденшильда изъ Норвегіи до Берингова пролива 1878 г.

X т.—1, 2. *Н. А. Гребницкій.* Свѣдѣнія о торговлѣ въ Амурскомъ краѣ.

XI т.—1, 2. Первый бурятскій шаманъ Моргон-Хара. Первый шаманъ Боголи-Хара.—**3, 4.** *Н. И. Витковскій* Краткій отчетъ о раскопкѣ могилы каменнаго періода въ Иркутской губ.—Минусинскій музей.

XII т.—1. *В. Вагинъ.* Замѣтки объ общинномъ бытѣ Забайкальскихъ казаковъ 3-го пѣшаго отдѣла. — **2, 3.** *М. Янковскій.* Кухонные остатки и каменныя орудія, найденные на берегу Амурскаго залива.—*Боголюбскій.* Пещеры близъ дер. Бирюсы.— **4, 5.** *Н. Н. Агапитовъ.* Прибайкальскія древности: изображенія на утесахъ Байкала и городища Иркутской губ. (съ 5 табл. рисунковъ).—*Н. Н. Агапитовъ.* Слѣды каменнаго вѣка въ бассейнѣ р. Руды и по р. Унгѣ (съ 2 табл. рис.).—*Н. М. Мартьяновъ.* Изваянія и изображенія животныхъ въ Минусинскомъ краѣ.

XIII т.—1, 2. *Н. И. Витковскій.* Отчетъ о раскопкѣ могилъ каменнаго вѣка въ Иркутской губ., на лѣвомъ берегу р. Ангары.—**3.** *М. Писаревъ.* О народахъ Амурскаго края въ историко-географическомъ и антрополого-этнологическомъ отношеніяхъ (по Шренку).—*Н. Гороховъ.* Матеріалы для изученія шаманства въ Сибири: слѣды шаманства у якутовъ.—*Боголюбскій.* Изслѣдованіе древностей Минусинскаго округа, Енис. губ. въ 1881 г.: 1) писаные камни въ Минусинскомъ окр., 2) надписи и фигурныя письмена въ верховьяхъ Енисея, на земляхъ сойотовъ, 3) раскопка кургановъ вблизи Михайловскаго пріиска по р. Изыжжулу, впадающему справа въ Камышту, въ Минусинскомъ округѣ.

XIV т.—1, 2. *Н. Н. Агапитовъ* и *М. Н. Хангаловъ.* Матеріалы для изученія шаманства въ Сибири: шаманство у бурятъ Иркутской губ. (божества; хаты, свящ. изображенія и идолы; жертвоприношенія и гаданія; шаманы (бѣ); идеи бурятъ о душѣ и загробной жизни).—*Н. Гороховъ.* Кинитти (отношенія у якутовъ женщины къ роднымъ ея мужа).—*А. Ю. Назаровъ.* Маньчжуры, дауры и китайцы Амурской обл.—Программа для собиранія этнографическ. предметовъ для музея Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О.—**3.** *Н. Мартьяновъ.* Путевыя замѣтки изъ поѣздки въ сѣв.-восточную часть Минусинскаго округа.—*И. С. Боголюбскій.* Изслѣдованіе древностей Минусинскаго окр. и верховьевъ р. Енисея въ 1882 г.—*Н. А. Гребницкій.* Замѣтки о такъ называемой

*) Дальнѣйшіе томы стали выходить подъ заглавіемъ «Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О.».

*) Первые 8 томовъ вышли подъ заглавіемъ: «Извѣстія Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О.».

болѣзни скифовъ. — 4, 5. *Н. Гороховъ*. Дневникъ пути отъ Верхоянска до верховья р. Дулгалаха и обратно.—*К. Михайловъ*. Икоральская сельская община.

XV т. 1,—6. *Я. П. Дуброва*. Поѣздка въ Монголію.—3, 4. *Н. П. Припузовъ*. Свѣдѣнія для изученія шаманства у якутовъ Якутскаго окр. — 5, 6. *Н. Гороховъ*. Юрюнгъ-Уоаланъ (бѣлый юноша), якутская сказка.

XVI т. 1,—3. *Я. П. Дуброва*. Поѣздка въ Монголію (оконч., см. XV т.).—*Ад. Шимановскій*. Пища якутовъ.—*М. Нестеровъ*. Могила Карабаяна.

XII т.—1, 2. *Врачъ Кириловъ*. Поѣздка въ Нижнеангарскъ, Баргузинскаго окр. на Байкалѣ въ 1885 г. (нижнеангарскіе тунгусы и пристани рыбопромышленниковъ; неводьба; рыболовство въ морѣ вообще и въ Ангарскѣ въ частности; жизнь рабочихъ; общая спарка).—*В. Л. Приклонскій*. О шаманствѣ у якутовъ.—*А. Поповъ*. О вѣрованіяхъ якутовъ Якутской обл. — 3, 4. *Н. В. Савенковъ*. Къ развѣдочнымъ матеріаламъ по археологіи средняго теченія Енисея. — *А. Еленевъ*. Сообщеніе о Бирюсинскихъ пещерахъ.

XVIII т. *В. Л. Приклонскій*. Матеріалы по этнографіи якутовъ Якутской обл.: встрѣча весны, ысыэх, преданіе объ учрежденіи ысыэх'а и происхожденіи якутовъ, преданіе объ Эръ-эллѣ по Миддендорфу; якуты, вытѣсненные съ юга бурятами, поселяются на Ленѣ и здѣсь покоряются пришедшими русскими; остатки крѣпости въ Якутскѣ; судьба якутовъ послѣ Тыгына; устройство якутскихъ жилищъ зимнихъ и лѣтнихъ, пища, угощенія, посуда, одежда, оружіе, экипажи и сбруя. — *В. Вагинъ*. Нынѣшняя деревенская пѣсня (приложено 78 пѣсенъ, записанныхъ въ дер. Баклаши, въ 18 верст. отъ Иркутска).

XIX т.—2. *Пласковицкій*. Кадинская писаница.—3. *Хангаловъ*. «Зэгэтэ-аба», облава на звѣрей у древнихъ бурятъ.—*Д. Клеменцъ*. Наговоры и примѣты у крестьянъ Минусинскаго округа.—Путешествіе въ Аляску лейтенанта Сетон-Кара (изъ «Proceedings of The Royal Geographical Society», 1887, V).—Путешествіе въ Манджурію Джемса (изъ «Proc. of The R. G. S.», 1887, X.).—Путешествіе г. Кэри въ Китайскій Туркестанъ и вдоль сѣверной границы Тибета.—4. Пещеры въ долинѣ Селенги.—5. *Н. Н. Сабуровъ*. Объ омулѣ и рыбопромышленности на Байкалѣ. — *К. А. Яковлева*. Всев. Ив. Вагинъ (библіографія).

XX т —1, 2. *Н. И. Витковскій*. Слѣды каменнаго вѣка въ долинѣ р. Ангары.—*Д. А. Клеменцъ*. Предварительныя свѣдѣнія объ экскурсіи въ Ачинскій и Канскій округа.—2. *Сарычевъ*. Результаты раскопки кургана около г. Якутска.—*П. Проскуряковъ*. Іюсскія пещеры.—*Каргополовъ*. Пещера близъ Ачинска.—3. Число бурятскихъ дѣтей, учащихся въ народныхъ школахъ вѣдомства Мин. Нар. Просв. въ Иркутской губ. къ 1 янв. 1889 г. - 4. *Н. М. Ядринцевъ*. Отчетъ о поѣздкѣ въ Монголію и вершины Орхона. — *Н. В. Кириловъ*. Полуодомашненные изюбри въ Верхнеудинскомъ окр.—*Г. Н. Потанинъ*. Ярмарка изюбревыхъ роговъ въ Гуй-хуа-ченѣ. — 5. Число инородческихъ дѣтей, обучавшихся въ народныхъ Училищахъ Забайкальской обл. къ 1 янв. 1889 г.

СМѢСЬ.

Замѣтки о народныхъ вѣрованіяхъ въ Вологодской губ.

Издавая въ прошломъ году наши «Матеріалы по этнографіи Вологодскаго края» (Труды Этногр. Отдѣла И. О. Л. Ест., Антр. и Этн., кн. XI), мы хорошо сознавали, что нашъ трудъ далеко не можетъ исчерпать всего богатства научнаго матеріала по всѣмъ вопросамъ народной жизни даннаго края. Дѣйствительно, продолжая наши наблюденія, мы неоднократно наталкиваемся на новые интересные факты и явленія, которыя, накапливаясь у насъ постепенно, могли бы черезъ нѣсколько лѣтъ составить важное дополненіе къ нѣкоторымъ отдѣламъ нашего труда. Не желая однако въ на-

стоящее время, при существованіи спеціальныхъ этнографическихъ журналовъ, держать вновь добываемые отрывочные факты подъ спудомъ, считаемъ болѣе удобнымъ и цѣлесообразнымъ сообщать ихъ постепенно по мѣрѣ накопленія на сраницахъ «Этногр. Обозрѣнія».

1. Почитаніе огня и деревьевъ.

Слѣды почитанія огня и деревьевъ ясно сохраняются въ вѣрованіяхъ и легендахъ до сей поры и не только въ отдаленныхъ мѣстахъ губерніи, но и вблизи городовъ. Огонь повсюду считается безусловно священнымъ. Вотъ легенда, записанная въ Кадниковскомъ уѣздѣ.

Сошлись два огня и говорятъ одинъ другому: я, братъ, разгуляюсь.—Почему?—А потому, что мой хозяинъ очень неопрятенъ: дуетъ меня не у самой печки, на каленые уголья плюетъ, ребятишки на меня с..тъ,—спалю ихъ за это! — А другой говоритъ: у меня такъ хозяинъ опрятенъ: дуетъ меня у самой печки, гаситъ холодной и чистой водой; я берегу своего хозяина. Въ ту-же ночь домъ хозяина-неряхи сгорѣлъ.

Въ Замошской вол. Кадниковскаго у., близъ дер. Терентьева до сихъ поръ существуетъ большой еловый пень, пользующійся почитаніемъ окрестныхъ жителей. Огромная ель стояла одиноко среди поля многіе годы, и нѣсколько лѣтъ тому назадъ ее сломило вѣтромъ. Одинъ крестьянинъ, желая воспользоваться отломанной частью дерева на дрова, отрубилъ ее, раскололь и продалъ, не смотря на протесты и предостереженія односельчанъ. За то онъ вскорѣ началъ хирѣть и въ томъ же году умеръ.

2. Вѣра въ превращенія.

Случаи обращенія людей въ животныхъ и въ деревья до сихъ поръ считаются у вологодскаго народа вполнѣ возможными и нерѣдкими. Лягушки повсюду признаются обращенными людьми, во многихъ мѣстахъ и медвѣди. Всего же чаще люди обращаются въ волковъ. Разсказывается слѣдующій случай:

Жены двухъ братьевъ пошли однажды за водой. Одна изъ этихъ женщинъ была колдунья. Увидѣвъ, что въ ихъ озимь попало стадо овецъ, колдунья положила на землю свое дерево (т. е. коромысло), перекинулась черезъ него и обратилась въ волка. Сноха ея вздумала сдѣлать то же, и ей это удалось. Колдунья, прогнавъ овецъ, вернулась и опять обратилась въ женщину, а сноха ея уже не могла. Такъ она и осталась волкомъ. У нея былъ сынъ и она часто приходила къ своему дому посмотрѣть на сына и поплакать. Впослѣдствіи ее какъ-то опять превратили въ человѣка, но только у нея до смерти осталась волчья шерсть подъ пазухами и на груди.

Въ Двиницкой вол. Кадниковскаго у., записана слѣдующая пѣсня:

Молодая-то жена не въ любвѣ пришла.
День кляли ее да до полуночи.
Со полуночи ворота отворилися,
Выносило ее въ чисто полюшко.
Выростала тутъ березонька.
Ѣдетъ молодецъ съ ученьица;
Дивовался онъ березонькѣ:
Что когда же, когда выросла?
Добрый молодецъ слѣзалъ съ коня,
Вынимаетъ саблю вострую.
Ужъ какъ первый разъ ударилъ—кровь-то брызнула.
Что другой-отъ разъ ударилъ—слезно сплакала,
А какъ въ третій разъ ударилъ—слово молвила:
Не руби ты, добрый молодецъ, меня,
Не губи ты, добрый молодецъ, себя,
Не губи ты малыхъ дѣтушекъ!
Что вѣдь я-то березонька—молода твоя жена,
Что на мнѣ-то прутьеце—наши дѣтоньки.
Какъ садился добрый молодецъ на воронова коня,

И поѣхалъ добрый молодецъ къ отцу къ матери домой,
И пріѣхалъ добрый молодецъ къ отцу къ матери своей.
Онъ пріѣхалъ, порасплакался [1]).

3. *Къ исторіи погребальныхъ обычаевъ* (*сани*)

Считаю не лишнимъ отмѣтить одинъ замѣчательный, по моему мнѣнію, фактъ. Лѣтомъ 1890 г., гуляя въ окрестностяхъ Кадникова, я увидѣлъ вблизи дороги на ровномъ пустомъ мѣстѣ, поросшемъ тощей травкой, изгородь изъ жердей въ видѣ четырехугольника, аршинъ пять длиною и три шириною, внутри которой лежали опрокинутыя полозьями вверхъ совершенно новыя дровни. Оказалось, что подъ дровнями зарыта лошадь. Изъ справокъ и распросовъ выяснилось, что погребеніе лошадей производится подобнымъ образомъ во многихъ мѣстностяхъ уѣзда, но не всѣхъ лошадей, а только *коней*, т. е. лошадей, на которыхъ исключительно ѣздятъ верхомъ. Такого коня, когда онъ околѣетъ, владѣлецъ кладетъ на дровни (хотя бы и лѣтомъ) и вывозитъ какъ покойника, головою назадъ, въ поле, зарываетъ въ землю около дороги, на могилу опрокидываетъ дровни и обноситъ могилу прочной изгородью. Дровни, хотя они и новыя, никогда и никто не тронетъ, они такъ и сгніютъ на мѣстѣ [2]).

Н. Иваницкій.

Кадниковъ. Май 1891.

Посидѣлки.

(*въ Тульскомъ и Венезскомъ уѣзд.* [3]).

Подъ именемъ «посидѣлокъ» разумѣется время, опредѣляемое даревенскими дѣвушками-невѣстами себѣ для гулянія предъ тѣмъ, какъ имъ заняться своими обычными, осенними и зимними работами. Посидѣлки бываютъ въ концѣ сентября или въ началѣ октября и обыкновенно начинаются въ одно изъ воскресеній, которое дѣвушки ближайшихъ между собою деревень выберутъ но взаимному согласію. Продолжаются же онѣ недѣлю, а иногда и больше.

Посидѣлки доставляютъ дѣвушкамъ случай пожить, хотя и не много времени, совершенно самостоятельно, свободно и весело. Поэтому дѣвушки ожидаютъ ихъ, какъ праздника. Еще задолго до посидѣлокъ онѣ успѣютъ найти у какой-либо безсемейной или малосемейной бабы домъ, гдѣ-бы имъ проводить посидѣлки, сумѣютъ отпросить тѣхъ изъ своихъ подругъ, которыхъ почему-нибудь не хотятъ отпустить ихъ родители, и заготовятъ себѣ нужные наряды.

Въ первый день посидѣлокъ дѣвушки окончательно договариваются относительно квартиры. Условія, на которыхъ уступается имъ изба, почти всегда состоятъ лишь въ томъ, чтобы дрова, харчи и всѣ хлопоты по дому за время посидѣлокъ были дѣвичьи. Затѣмъ посидѣльщицы мало-по-малу устраиваются въ нанятой избѣ. Сюда приносятъ положенное съ каждой посидѣльщицы количество муки, крупъ, масла и т. п. Обыкновенно каждая дѣвушка должна представить: ржаной муки 10—20 фунтовъ, картофелю 2 кошолки или 2 ведра, сѣмени конопляннаго $^1/_8$—$^1/_4$ мѣры (оно мѣняется дѣвушками въ маслобойняхъ на масло), масла коровьяго 1 чайную чашку и одну курицу. Собираютъ также деньгами копѣйки по двѣ, по три. На нихъ покупаютъ водки, чаю, сахару, конфектъ, жамокъ, орѣховъ и подсолнуховъ, что служитъ для угощенія посидѣльщицъ изъ другихъ деревень, когда тѣ придутъ сюда въ гости, и для угощенія парней, которыхъ дѣвушки приглашаютъ по вечерамъ играть на гармоникахъ.

Въ первый же день посидѣльщицы рядятся цыганками въ лохмотья, цыганами съ льняными бородами, привѣшиваютъ себѣ сумы и въ такомъ нарядѣ ходятъ по дворамъ своей деревни и собираютъ все, что дадутъ, и хлѣбъ, и соль, и крупу, и даже дрова.

---

[1]) См. «Этногр. Обозр.», кн. VII, 262.

[2]) См. изслѣд. проф. Д. Н. Анучина о погребальныхъ обрядахъ. «Древности» Моск. Арх. Общ., т. XIV. Этн. Обозр. V., 175.

[3]) О посидѣлкахъ см. статью проф. Н. Сумцова: „Досвитки и посидѣлки“ въ „Кіевской Стар.“ 1886 г., мартъ. *Ред.*

Собранное также сносится въ нанятую избу. Такимъ образомъ, весь первый день посидѣлокъ проходитъ въ однихъ хлопотахъ.

Утро второго дня, какъ и всѣхъ прочихъ, до самаго завтрака, проводятъ въ приготовленіи кушаній и уборкѣ хаты. Позавтракавши, дѣвушки или идутъ въ гости въ одну изъ сосѣднихъ деревень къ посидѣльщицамъ, или остаются весь день дома и ждутъ другихъ посидѣльщицъ къ себѣ. Въ первомъ случаѣ, т. е. если дѣвушки хотятъ итти въ другую деревню, послѣ завтрака у нихъ начинаются сборы. Особенное вниманіе обращается на нарядъ четырехъ избранныхъ дѣвушекъ. Двухъ изъ нихъ рядятъ въ мужскую одежду; надѣваютъ на нихъ красныя рубашки, плисовыя штаны, суконныя поддевки и сапоги съ бураками; на головы, съ подобранными кверху косами, надѣваютъ картузы. Двухъ же другихъ избранныхъ дѣвушекъ наряжаютъ, какъ невѣстъ: убираютъ ихъ въ новый растегай, или, что то-же, сарафанъ. Голову спереди украшаютъ цвѣтами, сдѣланными изъ бумаги; цвѣты бываютъ прикрѣплены къ лентѣ, которая завязывается подъ косой; къ этой же лентѣ прикалываются или пришиваются нѣсколько другихъ лентъ, которыя назади спускаются на плечи. На шею надѣваются ожерелья, нитокъ пять и болѣе. Наконецъ, на плечи накидывается цвѣтная шаль, которая спереди скалывается булавкой. Дѣвушку, одѣтую молодцомъ, называютъ «бариномъ», а одѣтую невѣстой — «барыней». Во время убора этихъ «господъ», прочія дѣвушки, уже нарядившіяся по праздничному, поютъ пѣсни. Когда всѣ сборы кончены, дѣвушки выходятъ изъ дому въ такомъ порядкѣ: спереди идутъ два «барина», за ними—двѣ «барыни»; позади же ихъ слѣдуютъ остальныя. «Господа» первые запѣваютъ пѣсни и первые же начинаютъ пляску. Если какая-нибудь изъ другихъ дѣвушекъ станетъ разговаривать съ кѣмъ-либо изъ «господъ», то, называя ихъ: «господиномъ-бариномъ» или «госпожою-барыней», говоритъ имъ «вы». Пѣсни, которыя поются посидѣльщицами, обыкновенно бываютъ плясовыя. Когда входятъ въ деревню гдѣ также есть посидѣлки, то поютъ слѣдующія небольшія три пѣсни непосредственно одну за другою и на одинъ напѣвъ:

1. Во лужкахъ была, во лужочкахъ;
Милъ травушку топчетъ, дороженьку ищетъ.
Милъ дорожки не нашелъ, самъ заплакалъ да пошелъ
Къ сударынѣ во теремъ.
Сударыня выходила, съ молодцомъ рѣчи говорила:
«Честной, хвальной, не стой со мной,—
Пойди, куда хочешь, (2) люби, кого знаешь.
Я тобой, сударь, довольна, гулять съ тобой полно!
Полно, полно,—не хочу! Съ кѣмъ гуляю, не скажу,
Кого люблю, не укажу».
2. Черезъ городъ летѣлъ голубь, что изъ лука стрѣлка;
Плыла утка-селезень тихою водою, голою рѣкою.
Скажи, утка-селезень, моему милому,
Что я—сиротою, горькою вдовою.
3. Противъ солнца, на восходѣ, рябина стояла.
Стой, моя рябина, стой, да не шатайся,
Живи, моя любезная, живи, не печалься.
Черезъ три года—четыре я самъ къ тебѣ буду,
Тебя не забуду.

Дѣвушки, подходятъ къ тому дому, въ которомъ квартируютъ посидѣльщицы. Послѣднія встрѣчаютъ гостей, приглашаютъ войти къ себѣ въ хату и сажаютъ ихъ за столъ. Въ переднемъ углу усаживаютъ пришедшихъ «господъ». Гостей потчуютъ чаемъ, десертомъ, состоящимъ изъ конфектъ, жамокъ, орѣховъ и проч.,—курятиной, блинами, ржаными пирогами, водкой и наливкой. Послѣдняя иногда бываетъ собственнаго приготовленія; ее дѣлаютъ изъ сока вареной свеклы съ сахаромъ. Къ «господамъ» относятся, какъ на свадьбѣ къ жениху и невѣстѣ. Такъ, «господъ» величаютъ въ пѣсняхъ: когда угощаются водкой, то говоря: «горько», заставляютъ ихъ цѣловаться, чтобы подсластить водку ихъ поцѣлуями. Изъ гостей отправляются домой съ пѣснями и плясками.

Въ тѣ дни, когда посидѣльницы не ходятъ въ другія деревни, и когда у нихъ нѣтъ гостей, онѣ рядятся. Обыкновенно, ряженыя изображаютъ «коня» или «индюшку». Коня представляютъ слѣдующимъ образомъ. Двѣ или четыре дѣвушки берутъ съ обоихъ концовъ двѣ оглобли, обратившись лицами въ одну сторону. Дѣвушкамъ, которыя должны итти впередъ, дается въ руки еще куделька. Къ куделькѣ привязывается пукъ соломы. Все это, и куделька и дѣвушки съ оглоблями, прикрывается веретьемъ. Сзади веретье спускается нѣсколько внизъ, что изображаетъ лошадиный хвостъ. Покрытая же куделька обертывается краснымъ кушакомъ, такъ, чтобы привязанный пукъ соломы спускался книзу на подобіе лошадиной морды, а двѣ рогульки кудельки отчетливо выдѣлялись бы на верху, какъ два лошадиныхъ уха. Такимъ образомъ получается чучело-лошадь. Эту лошадь беретъ подъ уздцы, за концы кушака, одинъ «баринъ» и ведетъ ее по деревнѣ, въ сопровожденіи толпы любопытныхъ. Потомъ является другой «баринъ» и изъявляетъ желаніе купить эту лошадь. Ея хозяинъ соглашается продать ее и назначаетъ цѣну. Но сколько бы онъ ни запросилъ за свою лошадь, покупатель начинаетъ торговаться, въ цѣнѣ не сходятся, и дѣло кончается тѣмъ, что въ торгѣ принимаютъ участіе посторонніе, парни и дѣвушки: они берутъ сторону покупателя, корятъ лошадь и съ криками; «какой это конь!» растаскиваютъ чучело на части.

Устройство «индюшки» гораздо проще. Какая нибудь дѣвушка надѣваетъ на себя обыкновенную холщевую женскую рубашку. Рукава этой рубашки надѣваются на ноги, а подолъ ея сверху надъ головой завязывается такъ, чтобы на головѣ остался небольшой хохликъ. Въ такомъ нарядѣ дѣвушка бѣгаетъ по улицѣ и махаетъ головой, отъ чего хохликъ трясется. Это производитъ большой смѣхъ среди малотребовательныхъ зрителей.

Случается, что посидѣльщицы наряжаются иначе и представляютъ собою иныя чучела и иногда даже цѣлыя процессіи. Разъ дѣвушки задумали изобразить похороны. Для этого двѣ дѣвушки одѣлись въ длинные кафтаны и распустили по плечамъ свои волосы, а одна изъ нихъ взяла въ руки привязанный на веревкѣ лапоть. Эти двѣ ряженныя изображали духовныхъ лицъ — священника и діакона съ кадиломъ. Остальныя же дѣвушки покрывались бѣлыми платками, положили на носилки подушку, накрыли бѣлою простыней и понесли по деревнѣ при пѣніи пѣсни: «Со вечера затуманилось», очень печальнаго напѣва.

Время, остающееся отъ гулянья по другимъ деревнямъ и отъ ряженья, посидѣльщицы проводятъ дома. Тогда къ нимъ приходятъ парни съ гармониками, и съ ними дѣвушки поютъ пѣсни, пляшутъ и разсказываютъ другъ другу про «страсти» и про что-нибудь смѣшное. Иногда это времяпровожденіе разнообразится нѣкоторыми шалостями, которыя дозволяютъ себѣ разгулявшіяся посидѣльщицы. То онѣ не поладятъ съ парнями и затѣютъ съ ними войну, то украдутъ у кого-нибудь курицу съ нашести, поймаютъ на прудѣ или на рѣкѣ на кусочекъ хлѣба загнутою булавкой, какъ рыбу на крючокъ,утку, а иногда, при помощи молодца, даже обдерутъ краденую овцу. Хотя на такого рода воровство другіе смотрятъ, какъ на непредсудительное баловство молодежи, однако оно не всегда благополучно сходитъ съ рукъ самимъ посидѣльщицамъ. Бываютъ несчастные случаи. Такъ, въ д. С. Тульскаго уѣзда, пошли разъ дѣвушки ночью на чужой дворъ. Одна изъ нихъ полѣзла на переметъ, на которомъ сидѣли куры, да и оборвалась съ него прямо на зубья лежащей внизу бороны и поплатилась жизнью за свою неосторожность. Впрочемъ, веселье посидѣльщицъ очень рѣдко омрачается подобными несчастіями. По этому съ большою грустью онѣ покидаютъ хату, гдѣ имъ такъ привольно жилось, и не охотно принимаются уже среди своей семьи за пряжу шерсти, мятье и отрепыванье льна и пеньки. Долгое время посидѣлки служатъ у молодежи интересной темой для разговоровъ, и часто лишь воспоминаніе о нихъ доставляетъ утѣшеніе заскучавшей дѣвушкѣ.

Нѣчто подобное дѣвичьимъ посидѣлкамъ представляютъ собою мужскія „засидки", устраиваемыя съ 8-го по 14-ое сентября (включительно). Въ засидкахъ принимаютъ участіе слесаря, бочары, столяры и вообще тѣ, кто послѣ 14 сентября начинаетъ заниматься извѣстнымъ мастерствомъ. Засидки проводятся главнымъ образомъ въ пьянствѣ и, по большей части, въ кабакѣ.

Дм. Ив. Успенскій.

Литовскія легенды.

1. *Храненіе денегъ.*

a) Одинъ богатый крестьянинъ, чувствуя приближеніе своей кончины, не хотѣлъ оставить денегъ своей женѣ, а потому сказалъ ей: — Юзеле (Іозефа), пойди позвать кого-нибудь, потому что я скоро умру! Но она не послушала его, влѣзла на чердакъ и смотрѣла чрезъ отверстіе, что мужъ будетъ дѣлать. Онъ слѣзъ съ кровати и потащилъ въ подпечку мѣшокъ съ деньгами, еле волоча его за собой. Потомъ онъ сталъ зарывать деньги въ землю и, заклиная ихъ, сказалъ: — Деньги, если васъ будетъ брать та-же самая рука, то вы давайтесь взять, а если другая, то не давайтесь! Жена подождала, пока онъ влѣзъ опять на кровать, слѣзла съ чердака и пришла къ нему.— Придутъ мущины?—спрашиваетъ онъ ее. — Можетъ быть, и придутъ. Старикъ началъ отходить. Какъ только она замѣтила, что онъ померъ, она взяла его, подтащила къ подпечкѣ и его же руками вырыла изъ земли мѣшокъ съ деньгами и забрала ихъ себѣ. Пришли сосѣди, она сказала: — Мой мужъ померъ! Эти деньги пошли ей въ пользу и не принесли никакого вреда, во первыхъ потому, что она сумѣла хитро ихъ отрыть, а во-вторыхъ потому, что еще не успѣлъ сѣсть на нихъ *Чипчикасъ* или *Шипшикасъ*[1]). Какъ только зарытыя деньги, принадлежащія покойному, не назначены имъ кому-нибудь при жизни, то попадаютъ Чипчикасу, который на нихъ сидитъ, и тогда взять ихъ нельзя.

b) Въ деревнѣ Дайчюны, Вашковскаго прихода, одинъ зажиточный крестьянинъ несъ для храненія деньги. Увидя это, жена брата сказала ему:—Братецъ, братецъ, на что ты прячешь эти деньги? Мнѣ ихъ не нужно! Ты ихъ лучше оставь въ пользу церкви. Завтра, послѣ завтра помрешь: кому же достанутся эти деньги? Оставь ихъ лучше священнику: онъ будетъ молиться за упокой твоей души. Онъ ей сказалъ: Иди, невѣстка, принеси эти деньги изъ сарая, гдѣ мякина. Тамъ онѣ завалены камнемъ: отвали его—найдешь тамъ двѣсти рублей. Она такъ и сдѣлала.—Вотъ твои деньги!— сказала она.—Я ихъ принесла въ передникѣ. Когда онъ померъ, она отнесла эти деньги священнику, и онъ въ церкви съ амвона сказалъ: Счастье, что нашлись деньги и пошли въ пользу церкви! Душа покойника будетъ спасена, потому что на нихъ не засѣлъ еще Чипчюкасъ. (Записано отъ крест. Сколястики Гламжа, имѣющей около ста лѣтъ, въ д. Ручаны, Вашковск. прих., Поневѣжск. у., Ковенск. губ.).

Сообщ. *Меч. Довойна-Сильвестровичъ.*

2. *Айчварасъ* [2]), *духъ-покровитель.*

Айчварасъ не былъ купленъ хозяиномъ за деньги, а высиженъ. Черный пѣтухъ снесъ яйцо. Хозяинъ положилъ это яйцо въ горшокъ съ пухомъ [3]). Баба сѣла на этотъ горшокъ, сидѣла на немъ за печкой 66 лѣтъ, 66 дней, 66 часовъ и 66 мин. и высидѣла одного Айчвараса. Столько же времени затѣмъ держали его за печкой, такъ что никто о немъ не зналъ. Когда онъ выросъ, отвели его въ клѣть (jauje) и дали ему тамъ ѣсть. Объ немъ заботилась та, которая высидѣла его: давала ему вареники (virtenes [4]), масло, яичницу (kiauszenc). Когда она ушла, хозяинъ взялъ его подъ свое покровительство. Зато, чего бы ни захотѣлъ хозяинъ, Айчварасъ ему доставлялъ. Когда по случаю окончанія молотьбы для Айчвараса была приготовлена въ клѣти ѣда, пастухъ (bondinikas) подсмотрѣлъ и все съѣлъ, а вмѣсто этого положилъ лошадинаго и человѣчьяго помету. Айчварасъ сталъ жаловаться хозяину: «Что ты мнѣ не даешь ѣсть?» Хозяинъ сталъ обвинять свою жену, но она отвѣчала: «Неправда». Хозяинъ

---

1) Чертъ, бѣсъ; въ Россіенскомъ уѣздѣ онъ называется *Кипшасъ*.

2) По-жмудски—*Айтварасъ*.

3) Такъ сохраняются только что вылупившіеся цыплята, пока не высиженъ весь выводокъ.

4) Варятся изъ творогу, мяса или сала, обернутаго въ тѣсто.

употреблялъ всѣ старанія, чтобы удовлетворить Айчвараса, дающаго богатство, но хитрый пастухъ каждый разъ сумѣлъ воспользоваться отсутствіемъ хозяина и съѣдалъ приготовленное. Однажды онъ подстерегъ и самого Айчвараса, влетающаго съ запасомъ денегъ въ дымовое отверстіе въ крышѣ, и выстрѣлилъ въ него серебряной пулею. Половина денежнаго мѣшка высыпалась внутрь избы, а остальное упало наружу, и разсыпалось золото, серебро и драгоцѣнные камни. Пастухъ бросился на добычу и не знаетъ, за что хвататься. Разбогатѣвъ, онъ сказалъ хозяину: «Не могу служить: я боленъ». Хозяинъ отпустилъ его. Онъ собрался жениться и хотѣлъ купить домъ и землю. А было у него еще два брата—богатые. Не желая сразу показывать свое богатство, чтобы ему не позавидовали и не догадались о причинѣ богатства, онъ идетъ къ одному изъ старшихъ братьевъ и проситъ у него ѣсть, жалуясь, что хозяинъ его прогналъ.—Если позволишь вырвать у тебя одинъ глазъ, то дамъ ѣсть, — сказалъ братъ. Тотъ согласился, поѣлъ и пробылъ у него три дня. Потомъ пошелъ къ другому брату, и опять проситъ накормить его.—Если позволишь вырвать послѣдній глазъ,—говоритъ братъ,—то накормлю.—Кто же меня будетъ водить слѣпого?—Я буду тебя водить,—говоритъ братъ, и лишилъ его глаза. Накормивъ слѣпца, онъ купилъ ему кожаную шапку и повелъ. Когда они пришли къ озеру, братъ сказалъ слѣпому: — Тутъ большой ровъ. Надвинь хорошо шапку на глаза, чтобы не слетѣла, когда будешь прыгать. Слѣпой прыгнулъ въ озеро, и ему пришлось плыть. Три раза онъ пробовалъ достать дно и нашелъ какія-то водяныя поросли (maurai). Сдвинулъ шапку съ глазъ и сталъ видѣть, какъ прежде. (Вѣроятно, вода въ озерѣ была цѣлебная). Это было около Иванова дня. Выплылъ онъ на берегъ, высушился и пошелъ въ лѣсъ. Тамъ онъ увидѣлъ горящій муравейникъ. Муравьи просятъ его: „Спаси насъ!“ Онъ зачерпнулъ своей шапкой воды въ озерѣ и залилъ огонь. Муравьи поблагодарили, а онъ пошелъ дальше. Видитъ: горитъ снизу стволъ дерева, а въ дуплѣ его пчелы, которыя молятъ его о помощи. Онъ также залилъ огонь. Наконецъ, встрѣчаетъ на горящемъ деревѣ ворона (judwarnis), который сидитъ на самой верхушкѣ на гнѣздѣ и говоритъ: „Ради Бога спаси насъ! Черезъ три часа вылупятся мои дѣти“. Онъ и его спасъ. Идетъ дальше и видитъ большой домъ. Ему захотѣлось ѣсть, и онъ пошелъ просить на кухню. Но ему говорятъ: „Ты такъ молодъ, тебѣ только работать. Нашему царю требуется свинопасъ.“ — Доложите“. Царь нанялъ его и велѣлъ накормить. Онъ спросилъ льна, чтобы сплести бичъ, ему дали. Когда онъ выгналъ свиней въ поле и сталъ хлопать бичемъ, то думали, что изъ ружья стрѣляютъ. Дворецкій приказываетъ ему: — Смотри, хорошо паси, чтобы не было потравы.—А ты не знаешь, что я твой братъ?—Ахъ ты свинопасъ! Ты смѣешь равняться со мною! Дворецкій отправился къ царю, сталъ говорить, что пастухъ хвастаетъ, будто онъ одинъ въ состояніи обмолотить столько, сколько могутъ вымолотить 60 молотильщиковъ. Пастуха заперли для пробы въ сараѣ, чтобы онъ молотилъ. Сидитъ онъ и плачетъ. Сошлись муравьи и выбрали всѣ зерна изъ колосьевъ и разсортировали. Царь милостиво обошелся съ пастухомъ. Въ другой разъ пастухъ опять назвался братомъ дворецкаго. Послѣдній разсказалъ царю, будто пастухъ обѣщаетъ слѣпить изъ воску мостъ черезъ рѣку и поставить восковую часовню. На этотъ разъ его выручили пчелы. Въ третій разъ обозлился дворецкій на навязчивость пастуха, который продолжалъ называть его братомъ. А этотъ дворецкій былъ не кто иной, какъ Айчварасъ, въ котораго онъ выстрѣлилъ, когда еще служилъ въ батракахъ; онъ, дѣйствительно, принялъ образъ его брата. Въ третій разъ пошелъ дворецкій къ царю и говоритъ: „Пастухъ разсказываетъ, что если ты позволишь ему поспать съ твоей дочерью, то на другой день родится ребенокъ, который сразу будетъ говорить“. Царь согласился. На выручку пастуху прилетѣлъ воронъ и принесъ спеленутаго ребенка. Когда показали царю ребенка, Айчварасъ-дворецкій исчезъ, а воронъ (злой духъ) унесъ пастуха съ царевной на себѣ, говоря: „Вамъ здѣсь не мѣсто“. Когда они летѣли, ворона надо было кормить воловьимъ мясомъ. Когда же за недостаткомъ мяса силы его стали слабѣть, пастухъ принужденъ былъ отрѣзать своего тѣла, чтобы подкрѣпить его.

Прим. Нѣчто подобное разсказывается о грифѣ (gripas), т.-е. великанѣ-птицѣ.

(Запис. тамъ же отъ К. Монтовта).

Сообщ. *Меч. Довойна-Сильвестровичъ.*

3. *Солдатъ и чортъ.*

Одинъ отставной солдатъ возвращался домой изъ полка и несъ ружье. Дорогой ему пришлось проходить чрезъ большой лѣсъ, гдѣ жилъ разбойникъ, о которомъ онъ ничего не зналъ. Войдя въ лѣсъ, солдатъ увидѣлъ приближающагося разбойника, а за нимъ бѣжала большая черная собака. Эта собака была чортъ и никогда не отлучалась отъ своего хозяина. Разбойникъ подошелъ къ солдату и потребовалъ у него денегъ. Солдатъ имѣлъ 40 коп., которыя и отдалъ разбойнику. Разбойникъ, получивъ деньги, отправился въ лѣсъ къ своей пещерѣ, а солдатъ издали сталъ за нимъ слѣдить. Разбойникъ подошелъ къ своей пещерѣ, поднялъ крышку и опустился въ землю. Спрятавъ свои деньги, разбойникъ опять пошелъ на промыселъ. Солдатъ, видя, что разбойникъ удалился, вошелъ въ его подземелье, гдѣ увидѣлъ большой сундукъ, наполненный деньгами. Онъ, не долго думая, сталъ наполнять деньгами свои карманы, штаны, сапоги, однимъ словомъ, что только можно было, и опять пошелъ своей дорогой. Вышелъ онъ изъ лѣса, прошелъ уже нѣсколько селеній, какъ вдругъ, откуда ни возьмись, бѣжитъ съ нимъ рядомъ черная собака разбойника, но не трогаетъ его. Дошелъ солдатъ до одной корчмы, уморился и захотѣлъ отдохнуть и закусить. Вошелъ онъ въ корчму, гдѣ нашелъ двоихъ пьяныхъ людей; велѣлъ дать себѣ кварту водки и чего-нибудь закусить. Въ это время одинъ изъ посѣтителей кабака вышелъ на дворъ и, возвратясь черезъ нѣсколько минутъ, сказалъ солдату: «А знаешь что, твоя собака не хорошая, опасная». — «Почему?» спросилъ солдатъ. — «А такъ. Дай рубль серебромъ, да поставь двѣ кварты водки, тогда скажу». Солдатъ согласился и, вотъ, что услышалъ изъ устъ незнакомца, который былъ колдунъ: «Я сейчасъ узналъ, что твоя собака — чортъ. Она теперь тебя не трогаетъ, но когда ты будешь подходить къ своей деревнѣ, она на тебя нападетъ и разорветъ, и ты обратишься въ прахъ. А чтобы этого не случилось, ты долженъ вотъ что сдѣлать: ты теперь сходи къ священнику и попроси у него кусочекъ священнаго серебра, которымъ заряди ружье и выстрѣли въ собаку. Только такимъ образомъ можно убить эту собаку, иначе никакъ не убьешь». Солдатъ послушался совѣта и тотчасъ же отправился къ священнику. Священникъ далъ ему за пять рублей кусокъ серебра, величиною съ пулю. Солдатъ зарядилъ священнымъ серебромъ ружье и отправился далѣе. Собака послѣдовала за нимъ, но уже бѣжала далеко отъ него и съ понуренною головою и опущеннымъ хвостомъ. Дойдя до одного лѣса, который находился не болѣе двухъ-трехъ верстъ отъ деревни, куда шелъ солдатъ, онъ остановился отдохнуть у лѣсника, а собака, по обыкновенію, не вошла въ домъ, а осталась на дворѣ. Тогда солдатъ открылъ окно, прицѣлился и выстрѣлилъ. Вдругъ все зашумѣло, загудѣло, собака разорвалась на части и взлетѣла на воздухъ и, спустя нѣкоторое время, она опять упала на землю въ видѣ неживой лошади. Солдатъ взялъ соломы и сжегъ лошадь, а самъ благополучно добрался до дома и богато зажилъ на принесенныя имъ деньги.

(Запис. въ Поневѣжѣ, Ков. г.).

Сообщ. *М. Борейша.*

4. *Царь и судьи.*

Одинъ царь захотѣлъ узнать, справедливо-ли судятъ вновь учрежденные окружные суды. Для этого онъ, переодѣвшись въ простое крестьянское платье, отправился верхомъ на лошади въ одинъ городъ. На дорогѣ онъ встрѣтилъ одного нищаго безъ ногъ по колѣно, который сидѣлъ въ канавѣ. Нищій обратился къ царю со слѣдующими словами: «Подвези, добрый человѣкъ, меня до города. Мои недруги привезли меня и кинули, а самъ добраться до города я не могу, потому что, видишь, безъ ногъ». Царь согласился и посадилъ нищаго на лошадь, а самъ шелъ рядомъ пѣшкомъ. При въѣздѣ въ городъ, царь сказалъ нищему: «Ну, теперь слѣзай съ лошади!» Но нищій возразилъ: «Помилуй, эта лошадь моя, чего ты отъ меня хочешь?» — «Какъ такъ твоя?» спросилъ царь. — «Конечно», отвѣчалъ тотъ, «иначе какъ бы я могъ выйти за городъ?»

Царь подалъ прошеніе въ окружный судъ, который назначилъ разборъ дѣла черезъ нѣсколько дней. Въ назначенный день царь явился въ судъ и ожидалъ очереди. Предва-

рительно разбиралось дѣло одного мясника, который обвинялъ другого, что тотъ укралъ его деньги, хотя послѣдній не признавалъ себя виновнымъ. Судьи взяли у обоихъ всѣ бывшія при нихъ деньги и положили монеты въ чаши съ чистой водой. Вода въ чашахъ, въ которыхъ находились монеты мясника, покрывалась жиромъ, потому что онѣ были засалены, а гдѣ находились деньги вора, вода была чиста. Тогда судьи рѣшили, что обвиняемый въ воровствѣ, дѣйствительно, укралъ у мясника деньги, и велѣли вору отдать деньги мяснику, а его наказали.

Царь все время внимательно слѣдилъ за ходомъ дѣла и рѣшилъ, что судъ судитъ правильно. Когда же дошла очередь до него, судьи, внимательно разобравъ дѣло, велѣли взять нищему мѣрку овса и снести лошади. Но лошадь не подпустила чужого человѣка и лягалась. Когда же пошелъ царь съ овсомъ, то лошадь съ веселымъ ржаньемъ встрѣтила своего хозяина и приняла отъ него кормъ. Тогда судьи признали, что лошадь принадлежитъ крестьянину, а не безногому нищему. Судъ постановилъ отдать крестьянину его лошадь, а нищаго подвергнуть наказанію. Царь тогда окончательно убѣдился, что окружный судъ судитъ справедливо и отправился въ обратный путь. Возвратясь домой, онъ выслалъ награды судьямъ за ихъ справедливость.

(Запис. въ Поневѣжѣ, Ков. губ.).

Сообщ. *М. Борейша.*

Споръ о пѣснѣ и сказкѣ.

Одинъ господинъ и съ своимъ кучеромъ ѣхалъ путьемъ и заспорили о пѣснѣ и о сказкѣ. Помѣщикъ говоритъ, что пѣсня правда, а кучеръ говоритъ: и сказка правда. И спорятъ они между собою. Доѣзжаютъ наконецъ до рабочаго поля, гдѣ одинъ старикъ пашетъ парой лошадей. То помѣщикъ и говоритъ старику: «Послушай, старичекъ, что правда: пѣсня или сказка?» Старикъ и говоритъ: «Послухайте, баринъ: въ одно пошелъ я ко обѣдни и прихожу отъ обѣдни и вхожу въ домъ свой, то моя хозяйка съ молодымъ парнемъ гуляетъ. То только взошелъ я въ избу, жена и выноситъ изъ другой свѣтелки палку и вдарила меня той палкой и сдѣлала собакой и прогнала меня изъ дому. То я куда не побѣгу, меня собаки кусаютъ. Ѣсть захотѣлось мнѣ только, и побѣгъ я въ поле и вижу, что пасется стадо, а самъ пастухъ спитъ. Я и прилегъ около него. Только встаетъ онъ, видитъ, что я смирно лежу, началъ меня ласкать. Вечеромъ я ему сталъ подсоблять заворачивать овечки—пастухъ и радъ тому, и зоветъ меня Сѣркою. А я сталъ предъ нимъ, мелю фостомъ и радъ бы, чтобы хлѣба далъ, *а бы* ѣсти хочу, то онъ вынулъ хлѣба и далъ мнѣ. Я и съѣлъ; онъ еще отломилъ, я опять съѣлъ. То я и наѣлся, и называетъ онъ меня Сѣркою, и я все помню, ну а говорить не могу. На другой день я ему поймалъ волка, онъ его облупилъ и шкурку продалъ. Такъ я ему за все лѣто стадо караулилъ и объявилъ онъ обчеству. Обчество стало меня жалѣть, и только станутъ утромъ стадо выгонять, даютъ хлѣбъ и сало и приказываютъ, что это Сѣрки. А я все слышу, только говорить не могу. И прослышалъ одинъ помѣщикъ обо мнѣ и началъ просить обчество, чтобы продали меня. Только обчество не продаетъ, и даетъ онъ 3000 рублей, то обчество меня продало. Узялъ меня помѣщикъ и привозитъ меня домой, и живу я у помѣщика—хорошо. Что помѣщикъ станетъ говорить про меня, я стою и мелю фостомъ. И сталъ онъ только измѣчать, что я понимаю человѣчій разговоръ и что самъ есть человѣкъ. И пошла мнѣ жизнь еще лучше. Сталъ помѣщикъ лѣтомъ говорить: надо его у степъ до стада, то я стою и качаю головою. Помѣщикъ радъ, что я понимаю, и повезъ въ стадо и приказуетъ пастухамъ, смотрите мнѣ: Сѣрко кормите. Ну та я и живу. Станутъ они воду пить, и я выпилъ бы, да не даютъ. Сталъ я предъ ними, да мелю фостомъ. Одинъ пастухъ и говоритъ: не пьешь, Сѣрко, водки? Взяли, дали мнѣ, то я выпилъ. Доложили они помѣщику, помѣщикъ прислалъ для меня водки. И пошло житье еще лучше. Только пріѣзжаетъ одинъ помѣщикъ и сталъ меня торговать. Баринъ и продалъ и говоритъ мнѣ: Сѣрко, я тебя продалъ. Я стою и головою качаю. А помѣщикъ и говоритъ: служилъ ты мнѣ хорошо, то служи и этому господину. Я киваю головою: хорошо, молъ. А тому помѣщику и не сказалъ, что я водку пью. Привозитъ меня въ новый домъ, а старый баринъ тутъ же прислалъ записку, что я водку пью. То той

помѣщикъ посмотрѣлъ въ записку и спрашиваетъ меня: Сѣрко, что ты водку пьешь? Я качаю головою. Налилъ мнѣ рюмку, то я выпилъ, и далъ мнѣ комнату и слугу. И сталъ я поживать. Была только у помѣщика жена беременна и приходить время ей родить, то его та жена сколько не родила, а дѣтей не видать. Какъ легла она на постель, а я легъ на порогѣ у дверей, и сжалилась она надо мною и говорить: Сѣрко, на подушку. Я подошелъ, взялъ въ зубы подушку, положилъ на порогѣ и самъ лежу. Часу въ 12-мъ помѣщикъ и помѣщица поснули, то и вижу я идетъ такой высокой, что аршина четыре. И сталъ возлѣ дверей противъ меня, то я молчу себѣ. Ну только помѣщица стала родить еще и не очувствовалась, то онъ приступаеть и береть младенца и внесъ его, я за нимъ и началъ за нимъ гнаться и брехать, то помѣщикъ услыхалъ, и вся дворня пустилась у погонь за нимъ. Я настигъ его въ полѣ. Чудовище видитъ, что я не отстаю, и бросило младенца. Я сѣлъ и сижу надъ младенцемъ. Прибѣгаетъ вся дворня и помѣщикъ, взяли младенца, и помѣщикъ приказалъ меня нести дворнѣ, и приносять домой. То мнѣ хорошо было, а то еще лучше. Стало то и собралъ помѣщикъ балъ и начали цѣнить меня, что я стою. Оцѣнили меня, чтобы сдѣлать мнѣ на нѣсколько тысячъ изъ золота жерелки на него, ну и обрили меня. То я и думаю, что-жъ, мнѣ и хорошо: ну подумаю хоть и хорошо, да собака. И все помню, а говорить не могу. И вздумалъ, дай побѣгу до жены: не сожалѣешь ли меня. Ну только прибѣгаю домой, то жена увидала и сейчасъ: А! ты видишь какой! Сейчасъ все посымала съ меня и вынесла другую палку и вдарила меня и сдѣлала воробьемъ. Полетѣлъ я и думаю самъ себѣ: то хоть былъ собакой, а теперь самымъ послѣднимъ. Летаю я себѣ промежъ воробьевъ и захотѣлось мнѣ ѣсть и залетѣлъ у лѣсъ и тамъ сдѣлана принада (*т. е.* ***привада***) и разныя птички пасутца. И въ принади поставлены сельцы. То я и вижу, что стоять, а нечаянно увязъ и никакъ не выпутаюсь. Только и прибѣгають два мальчика и взяли меня и приносять тому самому старику, въ котораго я отнялъ младенца. И увидалъ старикъ меня и узналъ и говоритъ: дѣти, продайте мнѣ сего воробья. То два мальчика и продали меня. Старикъ связалъ меня и положилъ на столѣ, принесъ палку и началъ меня бить. Билъ, билъ до тѣхъ поръ, что на мнѣ ужь и перьевъ осталось мало. Тогда приноситъ другую палку и вдарилъ меня и сдѣлалъ человѣкомъ. И говоритъ: знаешь, за что я тебя билъ? Помнишь, какъ ты отнялъ младенца, этихъ, что тебя поймали, мальчиковъ братца. Я и сказалъ: знаю, дѣдушка. То то и надо тебѣ было догонять: видишь, вотъ у меня два мальчика—это того же помѣщика дѣти. А я хотѣлъ третьяго унести, да ты не далъ мнѣ,--ну, да я тебя прощаю, только не говори тому помѣщику. За то я тебя научу, какъ съ жены насмѣяться, и далъ мнѣ двѣ узды и сказалъ: на тебѣ двѣ узды, иди домой и стань на перелази, и какъ будетъ бѣжать кобила съ жеребцомъ, ты и надѣнь на нихъ уздечки, только смотри не скидай, покеда не подохнутъ. Або только скинешь, то она тебѣ сдѣлаетъ, что ты и вѣкъ будешь воробьемъ. То видишь, баринъ, отъ—я на кобилицѣ и на жеребцѣ пашу и видишь, что мы говоримъ, то они головами киваютъ—все понимаютъ. Я и не буду скидать съ нихъ уздечекъ, покеда не подохнутъ».

Тогда сказалъ баринъ кучеру: ну, кучеръ твоя правда: сказка — правда, а пѣсня нѣтъ».

Сказка записана около 1861 года въ Тамбовскомъ уѣздѣ покойнымъ Андр. Ник. Поповымъ, авторомъ извѣстнаго изслѣдованія о хронографахъ.

Сообщ. *Н. С. Тихонравовъ*

„Адская Газета".

Въ поѣздку мою въ апрѣлѣ прошлаго года на Ревдинскій заводъ *) мнѣ довелось пріобрѣсти довольно интересный, хотя и безграмотный списокъ одного полуискусственнаго, полународнаго произведенія, которое и предлагаю здѣсь, какъ образчикъ своего рода сатиры на нравы разныхъ сословій и званій. Подлинная рукопись, написанная уставнымъ (?) письмомъ, пожертвована мною Уральскому обществу любителей естество-

*) Находится въ Екатеринбургск. уѣз. и отстоитъ отъ Екатеринбурга въ 44 верстахъ къ западу, а отъ Сибирскаго тракта въ 11 верстахъ.

знанія. Привожу здѣсь полный текстъ этого произведенія, сохраняя вполнѣ редакцію подлинника; исправлено лишь кое-гдѣ правописаніе и проставлены знаки препинанія для болѣе удобнаго чтенія.

†

«Адъская газета»

Сего числа и года вышла, всѣмъ людѣмъ любопытно честь, все равно какъ мертвеца смѣшить.

На сихъ дняхъ выѣхалъ куліеръ изъ ада, какая будетъ отъ сатаны грѣшникомъ награда. Привезъ страшнюю почту газетъ, которыи пойдутъ съ несчастіемъ на оной свѣтъ. Сатана, предвидя кончину сихъ дней, (и) приказалъ адъ наполнить разныхъ огней. И приказалъ бѣсямъ разсмотрѣть адъскую глубину, гдѣ чтобы было садить грѣшниковъ за вину. Единъ изъ бѣсовъ назывался тако ему внукъ, который настроилъ въ адѣ множество мукъ. Потомъ привели на тотъ свѣтъ ростовщика и откупщика, которые (—ый) въ мирѣ семъ проценьтомъ богатьство распространялъ, а нищимъ но подавалъ. Кричитъ ему бѣсъ изъ ада: что ты, другъ, много-ли оуспѣлъ процѣнтовъ богатьства накопить? Отвѣща ему злой процѣньщикъ и откупщикъ: я столь много накопилъ процѣнтомъ богатьства, что могу оу тебя весь твой адъ откупить. Сатана разсмѣхнулся: ха, ха, ха! Ты оуже и здѣсь хощеши завести кабаки и бани. Ты оуже надѣялся на деньги, а Бога забылъ. Ты роскошно жилъ, любилъ дѣньги копить, не оугодно-ли тебѣ въ преисподній адъ побывать, потому ты любилъ роскошно проживать. Потомъ привели на тотъ свѣтъ опоицу и піяницу, которыи повсесвѣтно съ вина сгорѣлъ. Кричитъ ему бѣсъ изъ ада: что ты, другъ любезный, почто много вина пилъ, душу свою въ злѣ погубилъ? Приготовьте-ко для него адскую темницу, затворить его туда до страшнаго суда. Труба архангельская вострубитъ, а его смола горящая на страшный судъ возбудитъ. Потомъ явились на тотъ свѣтъ гордые господа, чайники и нынѣшніе начальники, несправедливые судьи. Вотъ кричитъ имъ бѣсъ изъ ада: пожалуйте, господа, сюда, я буду васъ оугощать, милостивые государи, я прикажу вамъ согрѣть чаю, только не въ самоварѣ, но для роскашныхъ (sic) вашихъ сорныхъ дѣлъ есть у меня во адѣ большой мѣдной котелъ. Вотъ извольте промочить вашу скаредную душу, покорно прошу выкушать горящее олово вмѣсто пуньши, и смолы и сѣры полныя мѣры. Тогда сатана кричитъ: что ты, косой бѣсъ, стоишь, рыщешь, зачѣмъ вельможъ и бояръ въ шею не тычешь? Отвѣща ему бѣсъ: я давно былъ тому радъ—схватить господъ, смѣло тащить во адъ. Потомъ явились на тотъ свѣтъ святые отцы—священники, нынѣшніе попы. Кричитъ имъ бѣсъ изъ ада: ей, вы, святые отцы! Вы зачѣмъ сюда пришли, али въ царство небесное пути не нашли? Видно вы небережно жили, въ моемъ адѣ мѣсто заслужили. Заповѣди Божіи не соблюдали и не сохраняли поста, за то и представилъ васъ бѣсъ безъ хвоста. Велѣлъ сатана съ нихъ священническія ризы скинуть да во адъ преисподній ихъ кинуть. Тогда явились на тотъ свѣтъ чиновники, мировые судья, архіереи, іереи, попы, дьякона, пономари, купцы и многіе подлецы; турки, нѣмцы, татары, евреи, писаря, мѣщане, калашники, школьники, раскольники, блудницы, клеветники, лихоимцы, грецы развращенные оуворяне (агаряне?), дворяне, хромые, слѣпые, оуроды, всякая нищета, которые жили на свѣтѣ хуже скота. Потомъ сатана приказалъ принести очьки; какъ надѣлъ очьки на носъ, закричалъ яро, что грѣшниковъ мало. Выскочилъ изъ кривыхъ бѣсъ, слово рекъ, что не скончался вѣкъ. Тогда приказалъ сатана по одному кидать въ преисподнюю тьму. Такъ дошелъ рядъ до табашныхъ, что носы крѣпко были набиты табакомъ. Приказалъ сатана крючьями вычистить табашные носы, а на нищихъ страшно закричалъ: вы зачѣмъ сюда пришли? безъ васъ тѣсно; сдѣсь мѣста заняты вельможами и боярами, ростовщиками и купцами и многими подлецами. Придутъ къ намъ послѣдніе вѣки, весьма раслабѣютъ плоти, и въ растлѣнности будутъ жити многіе человѣки. А въ воскресные дни токмо о бѣсовскомъ стараются о томъ получше одежду надежду надѣть и почище бороду обрѣть и въ носъ порядочно табаку набить. Оуважаютъ себя въ томъ, что это не грѣшно, такъ давно въ обычай зашло. А курители на томъ свѣтѣ будутъ оуправители, а понюхатели на томъ свѣтѣ будутъ засѣдатели. Говоримъ, что великъ есть архангельскій чинъ, а сами другъ на друга что есть мочи кричимъ. Богу

молимся, а за гриву ловимся. Христіанами называемся, а матерно ругаемся. Называемся рабы Христовы, а сами все времъ пустое. Неграмотные хотя и слушаютъ страсти, а сами хощемъ побольше оукрасти. А оученые люди нѣкоторые читаютъ въ книгу, а сами ставятъ только фигу. Воистину покаяніе глаголетъ, впослѣдніи времена будутъ дѣламъ злы и лукавы; но не дни злы и лукавы, а человѣцы злы и лукавы. Свѣтъ оставиша, а тьму возлюбиша. (Глаголи:) Все такъ было, какъ бывало, какъ издревле бѣлой свѣтъ: Оученыхъ много, оумныхъ мало; знакомыхъ тьма, а друга нѣтъ. Правда изгорѣла, Истина охромѣла, Правосудіе въ бѣгахъ, Добродѣтель ходитъ по міру, Вѣра осталась въ Іерусалимѣ, Любовь больна въ простудѣ, Честность вышла въ отставку, Вѣрность оу аптекаря на вѣсахъ, Законъ оу сенатора на пуговицахъ, Терпѣніе скоро лопнеть. Аминь.

Сообщ. *П. А. Шилковъ.*

Прим. ред. Эта полународная сатира очевидно прошла черезъ руки старообрядцевъ, какъ это можно заключить особенно изъ тѣхъ выраженій, которыя направлены противъ употребленія табаку—нюханія и куренія, противъ бритья бороды; нападки на духовенство, можетъ быть, указываютъ на раскольничью среду. Упоминаніе самихъ «раскольниковъ» въ числѣ грѣшниковъ можно считать вставкой, такъ какъ сатира несомнѣнно потерпѣла много передѣлокъ, и вообще настоящій текстъ ея довольно неисправенъ. Отдѣльныя мѣста, особенно въ концѣ, почти цѣликомъ взяты изъ искусственныхъ литературныхъ произведеній или изъ лубочныхъ изданій. Въ «Библіографическихъ запискахъ» 1858 г. (т. I, № 6, стр. 53—55) покойный А. Аѳанасьевъ посвятилъ замѣтку этому произведенію на основаніи двухъ имѣвшихся у него подъ руками текстовъ московскаго и бѣлорусскаго (послѣдній оказался лучшимъ), но самые тексты имъ не приведены цѣликомъ, а только въ выдержкахъ.

Двоевѣрческій образъ.

На одномъ изъ московскихъ рынковъ былъ пріобрѣтенъ оригинальный образъ, любопытный въ томъ отношеніи, что онъ представляетъ наглядное выраженіе религіозныхъ вѣрованій смастерившаго его москвича. Икона эта вмѣстѣ съ помѣщенными на ней молитвами, очевидно, есть произведеніе упоминаемаго въ молитвѣ раба Григорія и такимъ образомъ она отражаетъ въ себѣ не ходячій безличный шаблонъ иконописныхъ мастеровъ, а индивидуальность своего творца.

Икона представляетъ доску, длиной около 28 сантим., шириной около 19 сант. Края доски выкрашены красной краской. На лицевой сторонѣ наклеенъ листъ бумаги, окрашенный желтоватой краской и обведенный кругомъ краснымъ бордюромъ, а въ верхней половинѣ покрытый золотымъ фономъ. На золотомъ фонѣ наклеено хромолитографированное изображеніе крещенія І. Христа. Нижнюю половину занимаетъ прибитая гвоздями мѣдная пластинка съ рельефнымъ довольно отчетливымъ и изящнымъ изображеніемъ Георгія Побѣдоносца, поражающаго дракона, а впереди коня виднѣется еще очень неясное изображеніе, повидимому, женской фигуры, которая, очевидно, была сглажена, а вмѣсто нея прибита грубо сдѣланная изъ мѣдной пластинки фигура ангела съ розой въ лѣвой рукѣ (арх. Гавріила?); надъ головой коня прибито такое же изображеніе херувима, только нѣсколько лучшей работы; задняя сторона образа также заклеена бумагой, обведенной двумя черными линіями въ видѣ рамки. Въ верхней трети наклеена хромолитографированная глава Іоанна Крестителя на блюдѣ, по краю котораго сдѣлана надпись: глава ст҃аго пророка предтечи и крестителя господня іоанна, водоносная. Надъ главой, по верхнему краю иконы надпись красными чернилами: Млтвы ст҃ымъ іоанну кр҃ли и георгію побе. Затѣмъ слѣдуютъ и самыя молитвы, занимающія всю эту сторону образа и раздѣленныя продольной чертой. Молитвы написаны славянскими буквами и, очевидно, съ желаніемъ выражаться по церковному. Я привожу ихъ обыкновеннымъ шрифтомъ, сохраняя лишь правописаніе подлинника. Вотъ эти молитвы:

1) «О вѣликій святый пророче и предтече Христовъ Іоанне крестителю Господне, ты бо проповѣдавъ впустынѣ царствіе божіе и спасеніе всѣму миру и крестивъ Христа и Господа во Іорданѣ, пріявлении съ небесъ и найтіи св. Духа въ видѣ голубя и гласъ бысть отъ Отца съ небесъ: ты еси сынъ мой возлюбленный, о тебѣ же благоволихъ и

вся дахъ ти, и ты же Іоанне крестителю Господнѣ во всѣмъ власть и силу имуще, и вся исполняюще, подающе и творяще и отъ Ірода чрезъ Іродіаду главы усѣченъ бысть и сохраненъ, и на небеса яко младенецъ отрокъ и дѣвственникъ невиненъ и непороченъ преселися, и со св. Троицой Отцемъ и Сыномъ и со св. Духомъ, и спресвятой Богородицой соединился, вкупе всѣда пребываеши, и вся просящимъ и желающимъ подаеши и во всѣмъ помогаеши и поспѣшаеши; и глава твоя крестителю Іоанне пречестная и всѣцелебная въ водоносѣ у волхва и врача вдоме хранящеся тайно: тоею во всѣмъ ему помогаше успешно и вся творяше и чудодѣйствующе, и народъ многъ привлече и прилучаше и всѣ болезни врачеваше и дѣяніи хитростно успешно творяше, во всѣмъ помогаше и велми обогативъ его,, таковдѣ вся буди и мнѣ рабу твоему *Григорію* имеющему и чтущему тя, молю и прошу тя, св. Іоанне пророче предточе и крестителю Господнѣ, пошли и *даждь мнѣ даръ чудесъ и цѣлбы* (?) и благодать свыше, и всѣгда виздѣ вовсѣмъ помоги, пособи и поспѣши мнѣ, и вся исполни, сотвори, пошли и подаждь мнѣ вскорѣ, и обохати мя поправъ и отъ всѣго злаго и опаснаго, худаго и недобраго, противнаго, непріятнаго и нежелаемаго, бѣды и напасти, неуспеха, нужды и недостатка, врага и сапостата избави, заступи, спаси, сохрани и помилуй мя раба твоего Григорія, ради пречестныя и чудодѣйствующія главы твоея, и благословеніемъ всѣмогущаго крѣста твоего и всѣсвятаго имени, Іоанне пророче и крестителю Господнѣ, всѣгда и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь».

2) «О великій святый страстотерпче и великомучениче Георгіе побѣдоносцѣ, ты бо еси претерпелъ Христа ради врымѣ отъ деоклетіана мучителя великія многія страданія терпеливо, и мечемъ главы усѣченъ бысть, и по скончаніи преселися на небеса, со св. Троицуй и пресв. Богородицуй сообщися и слики святыхъ всвѣтлыхъ селеніяхъ водворяяся и здѣ на земли всѣгда пребываеши виздѣ сый, и ради тѣхъ вѣликихъ страданій и проповѣданіи Христовой вѣры пріявъ отъ Господа Бога даръ вѣликихъ чудѣсъ, всѣмъ вся и во всѣмъ творити, исполняти и подавати скоро, и страшнаго чудовища змія поразивъ, темъ спасъ цареву дщеръ отъ снеденія, и всѣхъ града жителей отъ бѣды избавивъ, и *ты же еси Георгіе Побѣдоносце, имя и изображеніе твое на конѣ скопіемъ седяще, являешися намъ героемъ полубогомъ, начинатилемъ, воздѣлыватилемъ, основатилемъ и производитилемъ всѣя руской земли и ея физической културы, земскаго устроенія и всего рускаго царства, и насиленія его и славянскаго племени основаніе, утверждение и помощникъ всѣмъ крестьянамъ, простымъ и мудрымъ людямъ, врачамъ и промышленнымъ, и всѣхъ пребывшихъ идѣ основателно поселитися жити и чемъ заниматися успешно и постоянно, и ты же еси Георгіе победоносце, помощникъ, поспешникъ и вся податель всѣмъ живущимъ и чемъ занимающимся вмосквѣ и виздѣ всея Россій,* и ты же ли пособщикъ въ борбѣ со врагами и сопостатами, отъ нападенія и обидовъ всѣхъ спаситель, хранитель и збиригатель домовъ, человекъ и именія отъ пожара, воровства, нужды и разоренія, и отъ всѣхъ бедъ, золъ, напастей и недостатковъ, и вся во всѣмъ податель, помощникъ и поспешникъ, и я рабъ твой *Григорій* прибегаю ктибе Георгіе великій чудотворце, молю и прошу тя ради имени и образа твоего чудодѣйствующаго, вся исполни, сотвори и подажъ и во всѣмъ помоги и поспеши мнѣ, *осную и утверди мя вскоре*, и отъ всего злаго и опаснаго, худаго, недобраго, противнаго, непріятнаго и нежелаемаго избави, заступи, спаси, сохрани и збереги мя, всѣгда инынѣ иприсно и во вѣки вѣковъ аминь».

Сообщ. Д-ръ *С. П. Буренинъ.*

Изъ недавняго прошлаго.

(По поводу одной картины).

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ мнѣ приходилось въ нѣкоторыхъ домахъ сельскихъ священниковъ Подольской губерніи видѣть картину, писанную сепіей или масляными красками, — точно не скажу,—слѣдующаго содержанія: на пустынномъ, выжженномъ солнцемъ полѣ, за плугомъ стоитъ «плугатарь» (пахарь), опершись на «чистыкъ» (желѣзную лопаточку, которою очищаютъ прилипшую къ плугу, въ особенности къ «дильныци», землю). Часть нивы вспахана, а другая, бо́льшая, остается еще не вспаханной. Судя по изможденному лицу «плугатаря» и захудалымъ воламъ, не сладка жизнь и

хозяина и скотины. Маленькій «погонычъ» (погонщикъ воловъ), босой, оборванный мальчикъ, гармонируетъ съ остальною обстановкою. Такая картина, между прочимъ, была и у моего дѣда, свящ. с. Огіевки, Гайсинскаго уѣзда, о. Іосифа Вержбицкаго. Подъ картиной находились слѣдующіе стихи:

Ой, доле, доле ты моя!
Колы диждуся щастя я?
Колы на симъ крывавимъ поли
Зобачусь я въ щаслывій доли?..
Уже'мъ зчорнивъ, якъ головня,
Видъ паньскои биды що-дня....
Таку, якъ панъ мій, маю душу,
А вразъ зъ воломъ тягнуты мушу,
Та ще й билше, якъ той вилъ,
Бо хочъ въ ночи спокійный винъ,
А я весь день за плугомъ хожу,
Ничъ прийде — иду на сторожу.
Оттакъ и лито все мынае....
Хлибъ у пана е — у Грыцька немае;
По тры дни хлиба я не бачу,
Не разъ зъ Марыною заплачу,
Що у пана хлибъ и собака мае,
А у мене — дитямъ не стае.....

Стихи эти во многихъ мѣстахъ Подольской губерніи (напр. въ Гайсинскомъ, Ямпольскомъ, Ольгопольскомъ уѣздахъ) сдѣлались народною пѣснею. Самую картину, къ сожалѣнію, истребилъ пожаръ, бывшій въ домѣ дѣда.

Т. I. Вержбицкій.

Къ дуалистическимъ сказаніямъ.

Въ дополненіе къ дуалистическимъ повѣріямъ о міроздаміи, разсмотрѣннымъ акад. А. Н. Веселовскимъ въ его «Разысканіяхъ въ области рус. духов. стиха» и въ V кн. «Этногр. Обозр.», а также и сообщеннымъ въ VII и VIII кн. нашего изданія, присоединяемъ здѣсь еще нѣкоторыя такого-же рода сказанія.

1) *Дьяволъ—творецъ солнца и луны.*

«Зачалъ Господь Богъ творить землю, и все шло хорошо: и землица была, и водица, и всякая благодать. Сидитъ Богъ и любуется на Свое столотвореніе (sic), и такъ-то Ему стало радостно да весело, да на душѣ легко; а супротивникъ-то Его, сатана неимущая, въ корчахъ корчится, отъ злости, стало быть, что Богъ столотвореніе творитъ. Корчился это дьяволъ-сатана, корчился, сѣлъ и призадумался. А въ думѣ его было, какъ-бы Божіе созданіе сокрушить. Одинъ день онъ сидитъ-думаетъ и другой день сидитъ-думаетъ, третій день пришелъ—тоже сидитъ-думаетъ. А одумался онъ ужо на четвертый день, да какъ одумался, вскочилъ да и убѣгъ ни вѣсть куда. А Господу Богу въ ту пору захотѣлося отдохнуть отъ трудовъ своихъ, и почилъ Онъ крѣпкимъ сномъ и спалъ три дня, три ночи, ровно трое суточекъ. Проснулся, глядь—а на небѣ-то красный кружокъ, да такъ-ли важно свѣтитъ да грѣетъ. «Э, да чортъ-то не муракъ», говоритъ, «важную это онъ штуку устроилъ, это самое солнышко» [1]). И зачала съ той поры трава рости, да деревья, да кустарники, да всякіе гады и твари, чистые и нечистые, видимые и невидимые. Еще пуще осерчала сатана безкорыстная (sic). Думалъ онъ, значитъ, солнцемъ-то землю сжечь, а на мѣсто того—на вотъ-те, Богу-же подсобилъ. «Постой-же», «говоритъ, я устрою Тебѣ (про Бога-то это) вантилонское (sic) столотвореніе, будешь помнить, какъ и меня зовутъ», и убѣгъ опять ни вѣсть куда. А Господь Богъ въ тѣ поры опять почилъ крѣпкимъ сномъ, и спалъ три дня, три ночи, ровно трое суточекъ, а проснулся ужо на четвертый день. «И что это,—думаетъ,—жара такая?» Глядь,—а супротивникъ-то Его насупротивъ перваго-то солнышка другое произвелъ и давай землю съ двухъ сторонъ поджаривать. Видитъ Богъ,—дѣло плохо. Трава вся повыгорѣла, да и вода усыхать зачала. И зачалъ Онъ это другое-то солнце водой заливать: лилъ, лилъ и залилъ подъ конецъ. А хоть и залилъ Онъ его, а оно опять скоро разгорѣлося, и снова Богъ затушилъ его. И съ той поры кажинный мѣсяцъ Богъ обливаетъ водой это солнце,—луну, значитъ,—чтобы не разгорѣлась она и не спалила-бы нашу землю вселенскую. А все вѣдь это,—прибавилъ разсказчикъ,—Богъ о насъ грѣшныхъ заботится. Есть еще, значитъ, на нашей землѣ

---

[1]) Срв. пословицу: «чѣмъ чортъ не шутитъ, когда Богъ спитъ» съ собр. *М. Дикарева* («Воронежскій этногр. сборникъ», 1891 г. № 6728). *Ред.*

много праведниковъ, молитвенниковъ за многогрѣшныя души. А не будетъ ихъ, тогда и міру конецъ. Отступится Богъ отъ своего творенія и дастъ волю сатанѣ-антихристу. И снова разгорится луна, и обратится земля въ пещь огненную, и зачнетъ дьяволъ мучить грѣшниковъ мукой мученическою». (Записано лѣтомъ 1890 г. въ Смоленской губ. въ д., Крючковой, Петропавловск. вол., Гжатск. уѣзда).

2) *Разноцвѣтные камни.*

Въ Минусинскомъ окр. (Енисейской губ.), въ утесахъ при рр. Нинѣ и Базѣ есть обширныя пещеры, по дну которыхъ раскидано множество разноцвѣтныхъ камешковъ. Это когда-то былъ скотъ: лошади, коровы и овцы, загнанныя туда шайтанами (злыми духами) и обратившіяся, по волѣ ихъ, въ камешки. Это преданіе сообщено въ «Енисейск. Епархіальн. Вѣдомостяхъ», 1888 г. № 11.

Ал. Ивановскій.

3) *Чортъ—изобрѣтатель машинъ.*

а) Много лѣтъ назадъ жилъ подъ Москвой одинъ святой. Долго думалъ сатана, какъ бы его соблазнить: и золота давалъ ему, и царскія кушанья носилъ,—ничего! Вотъ однажды, когда святой стоялъ на молитвѣ, чортъ является и начинаетъ вертѣться вокругъ него. Вертѣлся, вертѣлся и подвернулся подъ руку, когда святой подносилъ ее ко лбу. Онъ и перекрестилъ сатану. Сатана испугался, присмирѣлъ: онъ долженъ былъ, по своему закону, три года прослужить святому. Святой отдалъ его купцу въ Москву. Купецъ заставлялъ его и въ лавкѣ сидѣть, и на дому работать, и никакъ нельзя ему было купца обмануть, чтобъ опять въ адъ убѣжать. Приказалъ разъ купецъ въ одну ночь триста пудъ нитокъ смотать. Чортъ сдѣлалъ машину, шестерню, зубцы, все, какъ слѣдуетъ, приладилъ и заставилъ ее работать. На другой день купецъ похвалилъ его за исправность, а чортъ обрадовался, что купецъ обманулся, и махнулъ въ адъ. Съ тѣхъ поръ и пошли машины. И понынѣ говорятъ „чортова машина“. (Записано въ Московской губ.).

б) Пришелъ чортъ къ людямъ и говоритъ: „что намъ вѣкъ драться? Сдѣлаемъ такъ: сто лѣтъ вы на мнѣ ѣздить будете, а сто—я на васъ. Ладно?“ — Ладно. Люди однако перехитрили чорта: ему на нихъ никогда не ѣздить, потому что у нихъ крестъ есть, а чортъ будетъ возить людей на машинѣ до скончанія свѣта.

(Записано въ Пинскомъ у., Минской губ.).

Е. Ляцкій.

Къ статьѣ „Восточныя параллели къ русскимъ сказкамъ“, *Г. Н. Потанина* [1]).

Въ первой части статьи г. Потанинъ сравниваетъ монгольскій, тангутскій, урянхайскій варіанты сказки о рожденіи чуднаго сына и его подмѣнѣ съ русскими варіантами (однимъ собственно русскимъ и двумя бѣлорусскими). Приводимъ записанный нами украинскій образецъ, который, какъ намъ кажется, ставитъ внѣ сомнѣнія фактъ восточно-азіатскаго происхожденія сказки, циркулирующей въ массѣ всѣхъ трехъ племенныхъ вѣтвей русскаго народа.

Був соби чоловикъ и було у него тры дочкы; винъ завизъ ихъ у поле пидъ дубъ; воны сыдять тай радются. Старша каже: „якъ бы мене хто узявъ, то ябъ ему прывела два сыны, якъ соколы—сонце на лоби, а мисяць на потылыци“; а друга каже: „якъ бы мене хто узявъ, то я бъ ему увесь двиръ нытками обснувала“; а третя каже: „якъ бы мене хто узявъ, ябъ ему зробыла пыръ на увесь мыръ“.

Ихавъ царь зъ войны, почувъ ихни розговоры; одну узявъ за жынку—ту що казала прыведе два сыны якъ соколы, а другу узявъ за горнышну—ту, що нытками двиръ оснувалабъ; третю узявъ за кухарку.

Поихавъ царь на войну, а царыца прывела сына—сонце на лоби, а мисяць на по-

1) Этногр. Обозр., кн. VIII.

тылыци; горнышній не понравылось що дытя таке породыла, таке хороше, и пишла украла того сына, и зламала, и сховала, а кошеня положыла на ёго мисто.

Прыиздыть царь: „де той сынъ, що сонце на лоби, а на потылыци мисяць?". Подывывся, ажъ нема дытяты, а кошеня лежыть на кровати. — „На що мени така жынка, щобъ коты водыла? Ну, нехай на другый разъ, побачу якого другаго сына якъ сокола прыведе". Взявъ и поихавъ опять на войну; прывела сына другого, якъ сокола—сонце на лоби, мисяць на потылыци; та горнышна посмотрыла—завысть узяла, що таке хороше дытя; зломала, закопала у землю, а на его мисто положыла цуценя.

Прыиздыть царь у другый разъ и пытае, де сынъ той якъ соколъ; подывывся, ажъ тамъ собака лежыть. „Зачымъ мени така жынка, що собачата та кошенята воде?" Узявъ уже горнышну за жынку. Идуть воны соби у проходку, а тамъ *выросло два явора, де ти сыны закопаны*[1]), одынъ до одного говоре: „якъ тоби здается, якъ коло тебе маты проходе?"—„Якъ маты иде, то якъ перинка пролетыть, а якъ титка иде, то якъ каминь на серци!". Вона учула тай говоре: „зрубай ци яворы, та зробы два кресла".

Зробылы два кресла, посидалы царь и царыця; кресло до кресла говоре: „якъ тоби здаеться, якъ на тоби маты сяде?"—„Якъ маты сяде, то якъ периночка, а якъ титка сяде, то якъ каминь на серци". Вона почула, якъ воны говорылы, тай каже: „спалыть ци кресла!" Спалылы, вынеслы попилъ на двиръ, а *зъ того попилу зробылысь два мальчыка*[2]) и пишлы соби до портного, напялысь учыться; пославъ царь, щобъ зробылы два костюма; воны зробылы и прынеслы царю и царыци. Царь говоре: „мени сонъ снывся, що у мене було два сыны, якъ соколы—сонце на лоби, а мисяць на потылыци"; а сыны и кажуть: „заспивать вамъ писеньку? Породыла насъ маты, титка зламала и закопала, а зъ тихъ кисточокъ зробылось два явора; титка звелила зрубать и зробыть кресла; потимъ велила кресла попалыть и вынесты попилъ, а зъ того попилу зробылось два сына".

Узнавъ царь, поцилувавъ ихъ; тоди винъ узявъ ту прежню за жинку, а тий голову съ плечъ. (Записано въ 1889 г. въ с. Лебедянѣ, Чигиринскаго у. Кіевской губ. отъ Хиври Юхименковой).

М. К. Васильевъ.

Къ малорусскимъ легендамъ объ Ильѣ Муромцѣ[3]).

Въ моихъ «Мелкихъ этнологическихъ замѣткахъ» было отмѣчено любопытное смѣшеніе въ малорусской легендѣ личностей Ильи Муромца и Ильи Пророка, которое, быть можетъ, дало возможность выдѣлить въ сказаніяхъ о Муромцѣ рядъ чертъ, перенесенныхъ съ Ильи Пророка вслѣдствіе совпаденія именъ: подобнаго рода контаминація, по нашему мнѣнію, сыграла видную роль въ исторіи русскаго былеваго эпоса. Указанный мной матеріалъ былъ пополненъ А. Н. Веселовскимъ въ его «Мелкихъ замѣткахъ къ былинамъ». Недавно напечатано еще два варіанта—великорусскій и бѣлорусскій, которые позволяютъ думать, что такое смѣшеніе—явленіе очень распространенное по всей Россіи.

П. Астровъ (см. Сборникъ Свѣдѣній для изученія быта крест. насел. Россіи, вып. II, стр. 168, прим. 2) записалъ въ Тамбовской губ. слѣдующій разсказъ, въ которомъ Илья богатырь и пророкъ объединены именемъ Ильи *Великаго*. По приказанію Бога Михаилъ Архангелъ и Илья Великій ведутъ борьбу съ чертями, но справляются съ ними только тогда, когда Богъ даетъ имъ Свой жезлъ. Илья Великій былъ прежде человѣкомъ. У него отсохли руки и ноги; въ отсутствіе родителей онъ почувствовалъ въ себѣ силу, благодаря выпитой по приказанію явившихся ангеловъ чашкѣ вина; онъ всталъ на ноги, затѣмъ отправляется искать поединщиковъ, наталкивается на Соловья

---

[1]) То же въ монгольскомъ и тангутскомъ варіантахъ—„Вост. параллели", стр. 143. 145 и 162.

[2]) Ср. тангутскій варіантъ—изъ костей является дитя лама. Какъ въ тангутскомъ дитя лама является обличителемъ мачехи, такъ и въ украинскомъ ту-же роль съиграли явившіеся мальчики.

[3]) Этногр. Обозр. III, 205.

и убиваетъ его. Дѣти убитаго хотѣли раздавить Илью въ воротахъ, но Богъ его спасъ и взялъ на небо.

Г. Романовъ (Бѣлорусскій Сборникъ, вып. IV, Витебскъ, 1891, стр. 17) приводитъ сходный отчасти разсказъ: «Илья етая колись столькн то (сколько-то) лѣтъ сядѣвъ у сѣдняхъ... Богъ давъ, яму сцалѣньня». Онъ несетъ родителямъ обѣдъ, которые «пошли у лядо копать». Они сѣли обѣдать, а Илья «якъ ставъ корни вырывать, якъ ставъ— дакъ вырвя и киня, вырвя и киня, вырвя и киня. Дакъ, кажуть, у *Полтавской* губерни дакъ ровъ ѳ такій, што ёнъ узрывавъ. Дакъ ёнъ, значитца, ставъ узнавать, коли хто помре, коли што будя (пророкъ). Дакъ Богъ яго и узявъ на небо съ тѣлями». Особенно любопытно въ этомъ разсказѣ пріуроченіе Ильи къ Малороссіи (можетъ быть, указаніе на то, что бѣлоруссы заимствовали его отъ малороссовъ).

Обращаемъ вниманіе этнографовъ-собирателей на такіе разсказы: въ высшей степени было бы желательно, чтобы они были записаны ими въ возможно большемъ количествѣ пунктовъ Россіи, потому что они имѣютъ большое значеніе для выясненія темнаго пока генезиса былинъ объ Ильѣ Муромцѣ.

Вл. Каллашъ.

Извѣстія и Замѣтки.

Московское Императ. Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи снарядило прошедшимъ лѣтомъ нѣсколько научныхъ экскурсій, въ которыхъ отъ Этнографическаго Отдѣла принимали участіе московскіе члены-этнографы: Н. И. Ашмаринъ, В. В. Богдановъ, А. А. Ивановскій, Г. И. Куликовскій, Е. А. Ляцкій, А. Д. Солодовниковъ, Н. В. Тесленко, А. Ф. Филипповъ, Е. О. Шарко, Н. А. Янчукъ; кромѣ того нѣкоторые иногородные члены продолжали свои этнографическія изслѣдованія по мѣсту своего жительства въ провинціи, каковы: Н. А. Иваницкій, В. П. Тихоновъ, Н. Н. Юркинъ. Изслѣдованія коснулись слѣд. мѣстностей: сѣверныхъ губерній (Иваницкій, Куликовскій, Тихоновъ), центр. Россіи (Шарко), Поволжья (Ашмаринъ, Юркинъ), Кавказа (Солодовниковъ въ сопутствіи А. А. Абрикосова), Бѣлоруссіи (Богдановъ, Ляцкій, Тесленко, Филипповъ), Привислянскаго края (Янчукъ).

Н. И. Ашмаринъ одновременно съ Н. Н. Юркинымъ занимались во время лѣтнихъ мѣсяцевъ изученіемъ чувашъ въ Симбирской и Казанской губ. Ими собранъ значительный матеріалъ по народному творчеству, особенно г. Юркинымъ; также изучались религіозныя вѣрованія и обряды. Главнѣйшею цѣлью г. Ашмарина было изученіе чувашскаго языка.

В. В. Богдановъ, предпринявъ экскурсію въ Смоленскую губ., находился въ командировкѣ съ 8 іюня по 26 августа и въ это время посѣтилъ болѣе 40 селеній, преимущественно Бѣльскаго и Духовщинскаго уѣздовъ, совершивъ путь слишкомъ въ 1000 вер. Главною цѣлью было собираніе памятниковъ народнаго творчества мѣстныхъ бѣлоруссовъ съ возможно болѣе точными записями ихъ съ фонетической стороны. Имъ записано лично со словъ пѣвцовъ и разсказчиковъ, болѣе 1200 пѣсенъ, 135 сказокъ, легендъ и басенъ, около 50 заговоровъ, нѣсколько десятковъ пословицъ. Въ собранномъ матеріалѣ есть не мало номеровъ, записанныхъ также отъ пришлыхъ лицъ изъ Калужской и Тверской губ. Подробный маршрутъ г. Богданова будетъ приложенъ къ собранію его матеріаловъ, которое имъ обрабатывается для напечатанія въ «Трудахъ» Отдѣла.

А. А. Ивановскій, командированный обществомъ отъ Географическаго Отдѣленія, ближайшимъ образомъ имѣлъ въ виду собственно орографическія цѣли. Тѣмъ не менѣе, въ своихъ экскурсіяхъ по Московской и смежнымъ губ., г. Ивановскій, по примѣру прежнихъ лѣтъ, собиралъ при случаѣ также этнографическія свѣдѣнія и матеріалы, которыми намѣренъ дѣлиться съ нами на страницахъ «Этногр. Обозрѣнія».

Г. И. Куликовскій посѣтилъ Олонецкую губернію, именно Вытегорскій, Лодейнопольскій уѣзды, и такъ наз. Заонежье; маршрутъ: по р. Свири, затѣмъ верховья р. Ояти, Шимозеро, Куштозеро, Ундозеро и др.; затѣмъ чрезъ г. Петрозаводскъ въ Заонежье и Карелію до Мунозера. Имъ собраны во время этой поѣздки народные тексты (пѣсни, сказки, легенды, загадки и пр.), которые будутъ приготовлены къ печати вмѣстѣ съ матеріаломъ, добытымъ во время прошлыхъ экскурсій. Кромѣ того, собранъ матеріалъ по обычному праву Олонецкихъ крестьянъ, преимущественно о договорахъ; также фотографированы характерные костюмы, постройки, типы и пр. Въ настоящую поѣздку, кромѣ цѣлей этнографическихъ, г. Куликовскій имѣлъ также порученія и отъ Географическаго Отдѣленія Общества. (изслѣд. періодически исчезающихъ озеръ), которыя и исполнилъ по мѣрѣ возможности.

Е. А. Ляцкій провелъ въ командировкѣ время отъ 1-го августа по 21 сентября въ предѣлахъ Виленскаго и Трокскаго уѣзда Виленской г. и въ Минскомъ у. Минской губ. Собиралъ матеріалы, касающіеся главнымъ образомъ народной словесности и демонологіи, именно: сказки, пѣсни, легенды о т. н. замковыхъ горахъ, сказанія демонологическаго характера, заговоры, пословицы и пр.; кромѣ того, обращалъ вниманіе на народную медицину. Числовыя данныя, присоединенныя къ даннымъ прошлаго года, таковы: пѣсен 568, сказокъ 31, легендъ и сказаній демон. хар. до 300, заговоровъ 28, пословицъ 2400. Собранный матеріалъ готовится для напечатанія въ XIII т. «Трудовъ» Отдѣла.

А. Д. Солодовниковъ совершилъ поѣздку въ сѣверный Дагестанъ вмѣстѣ съ А. А. Абрикосовымъ. Маршрутъ ихъ былъ таковъ: Темиръ-ханъ-шура, Дженгутай, Урмы, Лаваши (или Лаваши-кунтъ), Ходжалъ-Махи, Салты, Гунибъ, Карадахъ, Хунзахъ, Тлохъ, Ботлихъ и Анди. Такимъ образомъ, они объѣхали 4 округа: Даргинскій, Гунибскій, Аварскій и Андійскій. Изслѣдованія г. Солодовникова исключительно были направлены на обычное уголовное право и отчасти на судоустройство и судопроизводство, изслѣдованія же г. Абрикосова касались имущественнаго права. Кромѣ адатовъ перечисленныхъ округовъ въ Гунибскомъ судебномъ архивѣ имъ случайно удалось напасть на рукописный сборникъ адатовъ Кази-Кумухскаго округа, которымъ они точно также воспользовались *). Кромѣ адатовъ они собрали характерныя судебныя рѣшенія для иллюстраціи собраннаго матеріала по обычному праву.

А. Ф. Филипповъ направился въ Виленскую и Могилевскую губ., гдѣ взялъ на себя втеченіе лѣта изучать народную жизнь съ бытовой и экономической сторонъ и между прочимъ, имѣлъ въ виду прослѣдить связь и взаимодѣйствіе между бѣлорусскими вѣрованіями и поэзіей и еврейскими, на что до сихъ поръ почти не обращалось вниманія изслѣдователями.

Н. В. Тесленко, отправившись въ началѣ іюня въ Виленскую губ., сосредоточилъ свои изслѣдованія въ Вилейскомъ уѣз., занимаясь изученіемъ народнаго обычнаго права бѣлоруссовъ, главнымъ образомъ по вопросу о судоустройствѣ и судопроизводствѣ. Затѣмъ, онъ съ тою уже цѣлью посѣтилъ Слуцкій, Пинскій и Мозырскій уѣзды Минской губ., а съ половины іюля перенесъ свои наблюденія въ Витебскую губ., гдѣ побывалъ въ Дриссенскомъ, Полоцкомъ, Себежскомъ и Невельскомъ уѣзд., оставаясь тамъ до конца сентября; кромѣ того, оттуда сдѣлалъ нѣсколько поѣздокъ въ Великолуцкій уѣздъ, Псковской губ. Результатомъ изслѣдованій являются матеріалы по обычному праву, которые будутъ обработаны втеченіе 1891 92 гг.

Е. О. Шарко, командированный лѣтомъ текущаго года во Владимірскую губ. для изслѣдованій обычнаго права, провелъ въ означенной командировкѣ полтора мѣсяца и, посѣтивъ уѣзды Юрьевскій, Суздальскій, Владимірскій, Ковровскій, Вязниковскій и Гороховецкій, собралъ свѣдѣнія о мѣстныхъ юридическихъ обычаяхъ по слѣдующимъ двумъ отдѣламъ права: 1) о способахъ пріобрѣтенія и укрѣпленія правъ на имущества и 2) о договорахъ и сдѣлкахъ между крестьянами.

Н. А. Янчукъ, во время поѣздки въ Привислянскій край, втеченіе 3-хъ недѣль іюля мѣсяца сдѣлалъ нѣсколько экскурсій по Сѣдлецкой губ., имѣя въ виду главнымъ образомъ тѣ мѣстности, гдѣ соприкасаются народности малорусская и польская. На-

*) Кажется, этотъ сборникъ былъ уже въ рукахъ нѣкоторыхъ изслѣдователей Кавказа. *Ред.*

блюдая вообще взаимное вліяніе этихъ народностей, какъ оно сказывается въ ихъ бытовой жизни, онъ имѣлъ также спеціальную цѣль—прослѣдить крайніе предѣлы распространенія на западъ малорусской народности въ этой губерніи какъ на основаніи современныхъ признаковъ (языкъ), такъ и по остаткамъ старины. Для характеристики малорусскаго языка имъ собраны въ Соколовскомъ, Константиновскомъ и Бѣльскомъ уѣздахъ названной губерніи образцы въ видѣ текстовъ и отдѣльныхъ фразеологическихъ оборотовъ, причемъ записано также около двухъ десятковъ пѣсенныхъ мотивовъ. Для ознакомленія съ исторической стариной края имъ осмотрѣны во многихъ приходахъ церковные памятники, метрическія и другія церковныя записи, собраны свѣдѣнія о городищахъ, курганахъ и т. п., а также сдѣланы двѣ небольшія раскопки старинныхъ кладбищъ въ Константиновскомъ и Соколовскомъ уѣздахъ.

По Антропологическому Отдѣлу Общество лѣтомъ текущаго года также командировало нѣкоторыхъ своихъ членовъ въ разныя мѣста Россіи. О ихъ занятіяхъ подробнѣе сообщимъ впослѣдствіи.

О командировкахъ отъ Географическаго Отдѣленія упомянуто выше (поѣздки гг. Ивановскаго и Куликовскаго). Слѣдуетъ прибавить къ этому, что предсѣдатель Географическаго Отдѣленія, президентъ Общества проф. Д. Н. Анучинъ истекшимъ лѣтомъ былъ на географическомъ съѣздѣ въ Бернѣ. Члены Отдѣленія К. А. Борисовъ и Н. Г. Тарасовъ были командированы въ Сирію Палестину и Египетъ, а А. В. Павловъ—на Кавказъ для изуч. ледниковъ и рельефа долинъ.

По поводу устраиваемыхъ въ іюлѣ—августѣ 1892 г. въ Москвѣ международныхъ конгрессовъ (доисторич. археологіи, антропологіи и зоологическаго) въ организаціонный комитетъ при Имп. Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи на имя предсѣдателя его, проф. А. П. Богданова, получено уже нѣсколько сотъ заявленій какъ отъ русскихъ, такъ и отъ иностранныхъ ученыхъ лицъ и учрежденій съ выраженіемъ сочувствія и готовности принять участіе въ конгрессахъ постановкою и обработкою научныхъ вопросовъ и присылкою коллекцій для имѣющей быть при конгрессахъ выставки. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Комитета было рѣшено устроить при конгрессахъ также географическую выставку (первую въ Россіи) подъ руководствомъ предсѣдателя Географическаго Отдѣленія и президента Общества Любителей Естествознанія, ординарнаго профессора Д. Н. Анучина.

Отъ Имп. Рус. Географическаго Общества въ 1890 году награждены по отдѣленію этнографіи: большою золотою медалью—П. А. Ровинскій за его сочиненіе «Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. Географія, исторія, этнографія, археологія, современное положеніе»; малой золотой медалью—В. Л. Приклонскій за статью: «Три года въ Якутской обл.» (напеч. въ Жив. Стар.); Константиновскою медалью—проф. Харьк. унив. Ал Аѳ. Потебня за его этнографическія и лингвистическія изслѣдованія, относящіяся до великоруссовъ, малоросовъ и зарубежныхъ славянъ; серебряными медалями за присылку научныхъ матеріаловъ: В. Тороповъ (Матер. по антропол. и этнографіи Киргизъ. Обычаи и обычн. право Киргизъ), М. Н. Хангаловъ (за изслѣдованія бурятъ), П. В. Ивановъ (Знахарство, шептанье и заговоры въ Старобѣльск. и Купянск. уу. Харьк. г.), свящ. А. Розановъ (Простонар. медицина въ Сарат. у.), П. А. Шилковъ (за матер. по Екатеринбургск. у.), В. Н. Добровольскій (за коллекцію куколъ и модели костюмовъ Орловск. г.), И. Спудулисъ (Куртовянскій говоръ), П. Бендоровичъ (матер. по Кальварійск. у. Сувалкск. г.), И. Бѣлецкій (Собр. нар. пѣсенъ изъ Буковины), М. А. Врабель (Нар. пѣсни въ діалектахъ средне-землинскомъ, выше-унгварск. и бачскомъ), свящ. Уріилъ (Угорская свадьба).

При Имп. Академіи Наукъ въ будущемъ году предстоитъ конкурсъ на премію Котляревскаго за ученыя изслѣдованія по славянской археологіи и филологіи. Срокъ конкурса на премію Костомарова за лучшій малороссійскій словарь истекаетъ 1 дек. 1891 г.

С.-Петербургскій комитетъ грамотности устроилъ въ Петербургѣ выставку народныхъ картинъ. Выставка открылась для публики 1 октября, и къ тому времени было выставлено болѣе 5,000 картинъ, въ числѣ которыхъ важнѣйшее мѣсто занимаютъ произведенія московскихъ издателей.

Въ концѣ этого года предполагается устроить въ Петербургѣ выставку географическихъ картъ и другихъ пособій. Проектъ устройства выставки имѣетъ выработать И. Р. Географическое Общество.

Губернскій музей въ Тобольскѣ принятъ подъ покровительство Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича.

Въ Ригѣ открытъ публичный музей, имѣющій цѣлью представить наглядно исторію края.

При Кіевскомъ Обществѣ естествоиспытателей учреждается мѣстный музей, въ которомъ, между прочимъ, будутъ отдѣлы археологіи, антропологіи съ этнографіей, сельскаго хозяйства и кустарныхъ промысловъ.

Въ Смоленскѣ проектируется учрежденіе ученаго общества археологіи, исторіи и этнографіи съ антропологіей на подобіе университетскихъ обществъ. Проектъ устава общества уже вырабатывается мѣстными любителями.

Въ будущемъ году будетъ праздноваться 900-лѣтіе утвержденія православія на Волыни. Преосв. Модестъ, епископъ Житомірскій, предложилъ преподавателямъ мѣстной семинаріи приготовить къ тому времени нѣсколько изданій для раздачи народу: 1) очеркъ судьбы православія и русской народности на Волыни; 2) біографическіе очерки первыхъ двухъ волынскихъ епископовъ; 3) исторію мѣстныхъ братствъ и братскихъ школъ.

Въ 1893 г. предстоитъ юбилей 100-лѣтія присоединенія Волыни къ Россіи. Ко дню юбилея А. І. Лященко готовитъ спеціальное изданіе подъ назв. «Volyniana»—указатель всѣхъ книгъ и статей о Волынской губ., а также изданій когда-либо напечатанныхъ въ ея предѣлахъ.

Учрежденное три года тому назадъ въ Лондонѣ ученое общество для изученія этнографіи цыганъ командировало въ нынѣшнемъ году нѣсколько своихъ членовъ въ Россію съ цѣлью собиранія матеріаловъ, касающихся исторіи цыганъ, ихъ преданій, обычаевъ и пр.

Имѣвшая быть будущимъ лѣтомъ въ Парижѣ этнографическая выставка живыхъ представителей племенъ и народовъ земного шара, какъ передаютъ, не состоится.

Вышла 1-я кн. новаго чешскаго антрополого-этнографическаго журнала «Чешскій Народъ» (Cesky lid), издаваемаго книжками разъ въ два мѣсяца подъ ред. Любора Нидерле и Ченька Зиберта, въ Прагѣ.

Вышелъ III томъ «Исторіи русской этнографіи», А. Н. Пыпина, посвященный этнографіи малорусской.

† Г. О. Дютшъ, молодой талантливый музыкантъ, воспитанникъ с.-петербургской консерваторіи, предпринимавшій по порученію И. Р. Географическаго Общества путешествіе на сѣверъ вмѣстѣ съ г. Истоминымъ для собиранія народныхъ пѣсенъ, скончался въ Петербургѣ 16 сент. на 33-мъ году жизни, оставивъ недоконченною обработку собраннаго пѣсеннаго музыкальнаго матеріала. Пожелаемъ, чтобы этотъ матеріалъ попалъ въ надежныя руки!

ПОПРАВКИ.

Стрн.	Стрк.	Напеч.	Чит.
1	1 снизу.	Мосхи, Геродота	Мосхи Геродота
2	12 сверху.	Мухетоса	Мцхетоса
—	13 „	*Мух*	*Мцх*
5	17 сн.	Киде	Клде
10	18 и 21 св.	Ропапи	Рокапи.
13	5 св.	*кари*	*к'ари*
—	8 »	чакраве	чакра.
15	6 сн. и дал.	Дедо-Рукапи	Деда-Рокапи
19	8 »	гасажели	гасахснели
22	14 св.	введенія	введенія въ домъ
24	4 сн. въ концѣ строки прибавить: Тифлисъ, 1890.		
28	1 сн. прибав: «Чт. Общ. ист. и древн. Росс.» 1889, кн. II.		
30	4 св.	гамотсмева	гамортсмева
—	18 »	чибухе	чибухс
—	22 »	«или»	«ш»
32	10 »	Автандилѣ	Автандилѣ
—	14 сн.	касается	касалась
33	19 св.	Армахи	Армази
—	1 сн.	Конадзе	Копадзе
35	2 »	*Буриковъ*	*Бутковъ*
38	11 »	ѣшъ	ѣмъ
39	22 св.	гіанури	чіанури

Редакція покорнѣйше проситъ гг. авторовъ присылаемыхъ статей и замѣтокъ писать отчетливо не-русскія слова и имена собственныя.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

книгъ и статей о чукчахъ.

Составилъ А. А. Ивановскій.

а) На иностранныхъ языкахъ.

An account of a geographical and astronomical expedition to the northern parts of Russia, performed by Commodore Joseph Billings in the years 1785—1794. The whole narrated by Martin Sauer, Secretary to the expedition. London. 1802.

Back, George. Narrative of the Arctic Land expedition to the mouth of the Great Fish—River, 1833—35.

Balbi. Atlas ethnographique du globe etc. Paris. 1826.

Bär und Helmersen. Beiträge zur Kenntn. des russ. Reiches, Bd. 1, 1839, S. 59.

Bogorodskji. Standkoräken. „Erman's Archiv", 1854, 14. S. 343 f., cf. eb. S. 202.

Brougton, A Voyage of discovery to the north Pacific Ocean in the years 1795—98. London, 1804 in 4°. То-же на франц. яз.:

Broughton. Voyage des découvertes dans la partie septentrionale de l'Ocean Pacifique etc. Paris. 1807. 2 vol. in 4°.

Bush. Reindeer, dogs and snow-shoes, Siberian travels and explorations. N.-York, 1871.

Cook and Kinge Voyage to the Pacific Ocean etc., in 1776—1780. 3 vol. in 4°.

Dall, W. H. Tribes of the Extreme Northwest. „Contributions to North American Ethnology". Washington, 1877, in 4°, vol. I, p. 65.

Deniker, M. J. Essai d'une classification des races humaines posée uniquement sur les caractères physiques. Paris. 1889.

Die Tschuktschen. „Erman's Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland", 1843, III, стр. 446, XIV, 202.

Erman. Reise um die Erde in den Jahren 1828—1830. Berlin. 1833. 3 vol. in 8⁰. О чукчахъ см. 3-ій томъ.

Eyriês, I. B. Voyage pittoresque en Asie et en Afrique. Paris. 1839. 2 vol. in 8⁰.

Georgi. Beschreibung aller Nationen des russischen Reiches. 1770.

Georgi. Geographische, phisikalische und naturhistorische Beschreibung des Russichen Reichs zur Uebersicht bisheriger Kenntnisse von demselben. Königsberg. 1797—1801.

Gerland, G. Zur Ethnographie des äussersten Nordostens von Asien. „Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin", 1883, № 105, S. 194—222.

Haard. Uebersichts-Karte der ethnographischen Verhältnisse von Asien und von der angränzenden Theilen Europa bearbeitet auf Grundlage von Fr. Müller von Vinzen. Wien, 1887.

Histoire de Kamtschatka, traduite par M. E. Lyon.. 1767 (переводъ „Описанія земли Камчатки", Крашенинникова).

Hooper. Ten months among the tents of the Tuski. London, 1853, 35.

Hovelacque, M. A. Le type Mongolique. „Revue internationale des Sciences", Paris, 1878, № 8, p. 230.

Kennan. Tent life in Siberia. London, 1871, S. 219.

King, Rish. Narrative of a journey to the shores of the Arctic Ocean in 1833—35 under the command of capt. Back.

Klaproth. Asia Polyglotta. Paris. 1826, p. 317—322.

Kotzebue, Otto. Entdeckungs Reise. Weimar, 1821.

Krusenstern, A. I. Reise um die Welt in den Jahren 1803—1806. St.-Petersb., 1810. 3 vol. in 4⁰. [illegible]

Krusenstern, A. I. Wörtersammlungen aus den Sprachen einig Völker des östlichen Asiens und der Nord-West-Küste von Amerika. St.-Petersb., 1803. 1 vol. in 4⁰ [illegible]

L'Amérique du Nord, la Sibérie, la Russie. „Revue Britannique", 1847, № 7.

Langsdorff, S. H. Bemerkungen aus einer Reise um die Welt in den Jahren 1803 1807. Fr. am M. 1812. 2 vol. in 4⁰ und Atlas.

Lankenau. Die Schamanen und das Schamanenwesen. „Globus", 1872, 22 B, №№ 17—19.

La-Perouse. Voyage autour du monde, publié et rédigé par Milet-Mureau. 1798. 4 vol. in 8⁰ et Atlas.

La-Perouse'ns Entdeckungsreise in den Jahren 1785—1788, übers. und mit Anmerkungen begleitet von **I. R. Forster** und **Sprengel**. Berlin. 1880. 2 vol. in 8⁰.

Lesseps. Reise durch Kamtschatka. Berlin, 1791. 1 vol. in 8⁰.

Lütke. Voyage autour du monde. Paris. 1835.

Middendorff, A. Sibiriche Reise. St.-Petersb., 1848—1875.

Müller, Friedrich. Grundriss der Sprachwissenschaft, II Band, I Abtheil. pp. 134—141 (1879 г.),—объ языкѣ чукчей.

Müller, Fr. Allgemeine Ethnographie. Wien. 1876.

Nordenskjöld. Umseglung Asiens und Europas auf der Wega. Leipzig, Brockhaus, 1882, II, S. 82.

Nordquist. Bidrag till kännedomen om tschuktscherna. „Ymer tidskr. utg. of Svenska sällsk. för Antropologi och Geografi", 2, 29.

Ollivier, A. (de Huelgoat). Sur les Esquimaux d'Asie. „Bull. Soc. d'anthrop.", 1877, 2-e sér., T. XII, p. 587.

Pallas. Neue Nordische Beyträge.

Parry, E. W. Journal of a second voyage for the discovery of a North-West Passage. 1821—23.

Pauly, T. Les peuples de la Russie. St.-Peterb., 1862.

Peschel, Osc. Völkerkunde. Leipzig, 1875.

Prishard, I. C. Naturgeschichte dles Menschengeschlechts, übersetz. mit Anmerkungen von Dr. R. Wagner. 4 Th. in 5 Bänd. Bd. III. 2 L. 1845. Глава XVII: von den hyperboreischen Nationen in Asien.

Quatrefages, A. et **Ernest T. Hamy**. Crania ethnica. Les cranes des races humaines. Paris, 1882, p. 424.

Rae, Iohn. Narrative of an expedition to the schores of the Arctic Sea 1846—47.

Ratzel, Friedrich. Völkerkunde. Zweiter Band. Die Naturvölker Oceaniens, Amerikas und Asiens. Leipzig. 1888.

Ravenstein. The Russians on the Amur. London, 1861.

Rischardson, I. The Polar Regions. Edinburgh. 1861.

Ritter. Die Erdkunde im Verhältniss zur Natur und zur Geschichte des Menschen etc. Bd. III. Berlin. 1834.

Ross, I. Narrative of a second voyage in search of a North-West Passage, 1829—33.

Sauer. Billing's Reise. Übers. Berlin, 1802, S. 377, 383.

Steller, G. W. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka. Frankfort, 1774. 1 vol. in 8°.

Strahlenberg. Das Nord und Oestliche Theil von Europa und Asia. Stockholm. 1730. 1 vol. in 4°.

Vater, S. Literatur der Grammatiken, Lexica und Wörtersammlungen aller Sprachen der Erde. Zweite völlig umgearbeitete Ausgabe von **B. Sülg**. Berlin. 1847.

Whymper. Alaska. Braunschweig. 1869. S. 98.

Wrangel. Von dem Verkehr der Völk. d. Nordwestküste von America und mit den Tschuktschen. I, 57.

Wrangel. Reise längs der Nordküste von Sibirien in den Jahren 1820 bis 1824. Berlin. 1839.

Wyman, I. Crania ot Tsuktshi, ap. Observations on Crania. Boston, 1868, in—8°, p. 21—25.

б) На русскомъ языкѣ.

Августиновичъ, Ѳ. М. Племена, населяющія Колымскій округъ (якуты, юкагиры, чуванцы, омоки, тунгусы, ламуты и чукчи). „Антропологическая выставка 1879 г.“, т. II, „Труды Антропологическаго Отдѣла“, т. IV (приложеніе къ XXXI тому „Извѣстій Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи“), Москва, 1878 г., стр. 51.

Александровъ, Н. Земля чукчей и коряковъ (ярмарка въ с. Островномъ). „Дѣтское Чтеніе“, 1872 г., т. 7, стр. 72—88.

Анадырскій округъ, чукчи и отношеніе ихъ къ намъ и американцамъ. „Сѣверный Вѣстникъ“, 1891 г., № 2, стр. 48 (въ областномъ отдѣлѣ).

Анастасевичъ. Камчатскіе обычаи. „Сибирскій Вѣстникъ“, 1821 г., ч. XIV.

Анучинъ, Д. Н. Матеріалы для антропологіи Восточн й Азіи. I. Племя айновъ. „Извѣстія Имп. Общ. Люб. Естеств., Антроп. и Этногр.“, т. XX. „Труды Антрополог. Отдѣла“, кн. 2, вып. 1, стр. 172.

Аргентовъ, А. Путевыя записки священника — миссіонера въ приполярной мѣстности. „Записки Сибир. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ.“, 1857 г., кн. IV.

Аргентовъ, А. Очерки Нижнеколымскаго края. Сборникъ газ. „Сибирь“. Спб., 1876 г.

Аргентовъ, А. Извлеченіе изъ путевыхъ записокъ. Газ. „Амуръ“, 1860 г., №№ 14 и 15.

Аргентовъ, А. Описаніе Николаевскаго Чаунскаго прихода. „Записки Сибир. Отд. Имп. Рус. Геогр. Общ.“, 1857 г., кн. III, отд. I, стр. 90.

Аргентовъ, А. О полярной сѣверной землѣ. „Амуръ“, 1861 г., №№ 67 и 68.

Аргентовъ, А. Пятнадцать лѣтъ въ Нижне-Колымскомъ краѣ. „Сибирскій Вѣстникъ“, 1887 г., №№ 58 и 84 и „Всемірный Путешественникъ“ (прибавл. къ газ. „Родина“), 1889 г., №№ 5 и 6.

Берхъ. Хронологическая исторія всѣхъ путешествій въ сѣверныя полярныя страны. Спб., 1821 г.

Берхъ. Первое морское путешествіе россіянъ. Спб., 1823 г.

Большевъ, А. А. Русское прибрежье Тихаго океана. „Извѣстія Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О.“, т. VIII, №№ 3 и 4.

Булычевъ. Путешествіе по Восточной Сибири, I, 83.

Бытъ „сидячихъ“ чукчей (по описанію Норденшильда). „Казанскій Биржевой Листокъ“, 1891 г., № 74.

Вахтинъ, В. Русскіе труженики моря. Первая морская экспедиція Беринга для рѣшенія вопроса, соединяется-ли Азія съ Америкой. Спб., 1890 г., тип. Морск. Минист. IV+124 in 8°. Ц. 1 руб.

Врангель. Историческое обозрѣніе путешествій по Ледовитому океану, между Карскимъ моремъ и Беринговымъ проливомъ, до 1820 г., Спб., 1841 г.

Гагемейстеръ. Историко-статистическое обозрѣніе Сибири. Спб., 1854, I, 185. См. рецензію на эту книгу въ газ. „Амуръ“, 1860 г., №№ 5 и 6.

Геденштромъ. Отрывки о Сибири. Спб., 1830 г., стр. 99.

Гекъ, Ф. Положеніе чукчей и китобойный промыселъ. Газ. „Владивостокъ“, 1888 г., № 39.

Георги. Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ Государствѣ народовъ и ихъ житейскихъ обрядовъ, обыкновеній, одеждъ, жилищъ, вѣроисповѣданій и прочихъ достопамятностей. Спб., 1799 г., ч. III, стр. 74—77.

Гижигинскій край. „Сибирскій Вѣстникъ“, 1868 г., №№ 7—10.

Гижигинскіе и Охотскіе инородцы. „Амуръ“, 1861 г., № 24.

Гранстремъ, Э. Вдоль полярныхъ окраинъ Россіи. Спб., 1886 г. Рецензію см. въ „Сибирской Газетѣ“, 1886 г. № 26.

Григорьевъ. Россія и Азія. Спб., 1876 г. („Чукчи и земля ихъ, съ открытія этого края до настоящаго времени“). См. ту-же статью въ „Журналѣ Мин. Вн. Дѣлъ“, 1851 г., ч. XXXIV, стр. 456—490. Рецензію на эту статью см. въ газ. „Сибирь“, 1877 г., № 11.

Громовъ, П. П. Дополненіе къ догадкамъ о полярной сѣверной землѣ. „Амуръ“, 1861 г., № 72 (см. статью А. Аргентова: „О полярной сѣверной землѣ“ въ газ. „Амуръ“, 1861 г., №№ 67 и 68).

Дитмаръ. О корякахъ и весьма близкихъ къ нимъ по происхожденію чукчахъ. „Вѣстникъ Имп. Рус. Геогр. Общ.“ за 1855 г., кн. VI, ч. XVI и за 1856 г., кн. I, ч. XVI.

Замѣтки о чукчахъ,—этнограф. очеркъ племени, обитающаго между рр. Анадыромъ и Колымой. Газ. „Сибирь“, 1877 г., № 12.

Замѣчанія о чукчахъ. „Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ“, 1835 г., ч. XVI, стр. 356.

Зима у чукчей. „Иллюстрація“, 1859 г., №№ 84—87 и „Вокругъ свѣта“, 1865 г., № 10, стр. 313—330.

З—нъ, М. Русскіе промышленники на прибрежьяхъ и островахъ Тихаго океана. Газ. „Амуръ“, 1861 г., №№ 93, 95, 98—100 и 1862 г., №№ 1—3, 5—8.

Ивановскій, А. А. Религіозныя воззрѣнія чукчей и представленія ихъ о загробной жизни (докладъ въ Этнограф. Отд. Имп. Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи 3-го марта 1890 г.). „Русскія Вѣдомости“, 1890 г., № 66.

Ивановскій, А. А. Черепъ чукчи изъ бухты Провидѣнія. „Извѣстія Имп. Общ. Люб. Естеств., Антр. и Этногр.“, т. LXVIII, „Дневникъ Антропологическаго Отдѣла“, Москва, 1890 г., вып. 4-й, стр. 117.

Идолопоклонническое вѣрованіе камчадаловъ. „Калейдоскопъ“, 1861 г., № 9.

Извѣстіе изъ Гижиги. Газ. „Восточное Поморье“, 1865 г., № 10.

Изъ записокъ миссіонера. Газ. „Владивостокъ“, 1884 г., № 29.

Изъ нравовъ чукчей. „Миссіонеръ“, 1876 г., № 20.

Изъ поѣздки въ Анадырскъ въ 1860 г. Газ. „Восточное Поморье“, 1866 г., №№ 2—4.

Историческая записка о Чукотскомъ народѣ, обитающемъ около береговъ Ледовитаго моря (изъ бумагъ П. А. Словцова, доставилъ Н. А. Абрамовъ) въ „Вѣстникѣ Имп. Рус. Геогр. Общества“ за 1856 г., кн. V.

Іона. Религія, обряды и нравы племенъ, живущихъ по западному берегу Татарскаго залива и по западному берегу Охотскаго моря. „Домашняя Бесѣда“, 1859 г., № 34.

Калачевъ, И. В. Образъ жизни тунгусовъ и коряковъ, жившихъ въ Иркутской губ. въ 1766 г. „Извѣстія Сибир. Отд. И. Р. Г. О.“, II т., 3 кн.

Камчатская миссія въ 1871 г. „Иркутскія Епарх. Вѣд.“, 1872 г., № 18.

К—въ. О Камчаткѣ (взглядъ на ея прошедшее и на значеніе ея въ будущемъ). „Иркутскія Губ. Вѣд.“, 1858 г., №№ 36, 37 и 41.

Киберъ, д-ръ. Извлеченіе изъ дневныхъ записокъ, содержащихъ въ себѣ свѣдѣнія и наблюденія, собранныя въ болотныхъ пустыняхъ Сѣверо-Восточной Сибири. „Сибирскій Вѣстникъ“ 1824 г., кн. II—V.

Киберъ. Чукчи. „Сибирскій Вѣстникъ“, 1824 г., кн. IX и X.

Кое-что о сибирской старинѣ (племена старожиловъ). „Томскія Губ. Вѣд.“, 1858 г., №№ 10 и 11.

Котскій (Kautsky), К. Общественные инстинкты у людей (переводъ). „Сѣверный Вѣстникъ“, 1890 г., сентябрь, стр. 77, 79, 80 и 82.

Краткія свѣдѣнія о чукчахъ и чукотской миссіи. „Якутскія Епарх. Вѣд.“, 1890 г.., №№ 5 и 6.

Крашенинниковъ. Описаніе земли Камчатки. С.-Петербургъ. 1755 г.

Къ вопросу о Камчаткѣ и торговлѣ на берегахъ Охотскаго моря (объ эксплоатаціи чукчей иностранцами). „Восточное Обозрѣніе“, 1891 года, № 12-й.

Къ торгово промышленному вопросу восточныхъ окраинъ Сибири. „Владивостокъ“, 1891 г., № 21.

Литке, Ѳ. Путешествіе вокругъ свѣта, совершенное по повелѣнію Императора Николая I, на военномъ шлюпѣ Сенявинѣ въ 1826—1829 годахъ. Спб., 1834 г., т. II, стр. 184—202. См. также Erman's Archiv, 3, S. 447.

Ломоносовъ. „Краткое описаніе разныхъ путешествій по сѣвернымъ морямъ и показаніе возможнаго прохода Сибирскимъ океаномъ въ Восточную Индію“ (1763—1764 гг.), напечатанное въ 1854 г. А. Соколовымъ въ изд. Гидрографич. Департамента: „Проектъ Ломоносова и экспедиція Чичагова“.

Маакъ. Путешествіе на Амуръ, совершенное въ 1855 г., съ атласомъ видовъ, этнографич. рисунковъ и растеній. Спб. 1859 г.

Майдель, Г. Л. Отвѣты Чукотской экспедиціи на вопросы акад. Бэра. „Извѣстія Сибир. Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общ.“, Иркутскъ. 1871 г., т. II, №№ 1 и 2.

Маныкинъ-Невструевъ, А. Завоеваніе Восточной Сибири якутскими казаками. Спб., 1883 г.

Марковъ. Русскіе на Восточномъ океанѣ.

Матеріалы для исторіи русскихъ заселеній по берегамъ Восточнаго океана, изд. редакціи „Морскаго Сборника“, Спб., 1861 г.

Матюнинъ, Н. Наши сосѣди на крайнемъ Востокѣ. „Вѣстникъ Европы", 1887 г., № 7. См. также замѣтку („Наши отношенія къ сосѣдямъ") по поводу этой статьи въ газ. „Владивостокъ", 1887 года, № 39-й.

Миддендорфъ. Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири. Спб., 1860 г., т. IV.

Миллеръ, В. Ѳ. Систематическое описаніе коллекцій Дашковскаго Этнографическаго Музея. Москва, 1887 г., вып. I, стр. 2 и 3.

Миллеръ, Г. Ф. Описаніе морскихъ путешествій по Ледовитому и по Восточному морю, съ Россійской стороны учиненныхъ. „Сочиненія и переводы, къ пользѣ и увеселенію служащіе", 1758 г., январь—ноябрь.

Населеніе Камчатки. Газ. „Сибирь", 1877 г., № 22.

Наши сѣверо-восточныя окраины и американцы. Газ. „Владивостокъ", 1888 г., № 25.

Нейманъ, К. К. Плаваніе по Восточному океану. „Извѣстія Сибир. Отд. И. Р. Г. О.", т. VIII, №№ 1—6. См. также „Proceed. R. geogr. Soc.", 21. 1877. S. 217.

Нейманъ. К. К. Историческій обзоръ дѣйствій Чукотской экспедиціи. „Извѣстія Сибир. Отд. Имп. Рус. Геогр. Общ.", т. I, №№ 4 и 5 и т. II, № 3.

Новыя свѣдѣнія о чукчахъ. „Вѣстникъ Имп. Рус. Геогр. Общ.", 1852 г., общ. часть V.

Нордквистъ, О. А. Замѣтка о численности и нынѣшнемъ положеніи чукчей, живущихъ по берегу Ледовитаго океана. „Извѣстія Имп. Рус. Геогр. Общ.", 1880 г., т. XVI, вып. 2-й.

Нѣсколько данныхъ о современномъ положеніи нашихъ сѣверо-восточныхъ прибрежій. „Сборникъ историко-статистическихъ свѣдѣній о Сибири". Спб., 1825.

О народонаселеніи въ Камчаткѣ. „Иркутскія Губернск. Вѣдом.", 1858 г., № 8.

О распространеніи христіанства между гольдами, гиляками, тунгусами, якутами, ороченами, чукчами, коряками и самогирцами. „Сибир. Вѣстникъ", 1885 г., № 3.

О спаиваніи американцами нашихъ полудикихъ инородцевъ-камчатскихъ чукчей. „Сибирская Газета", 1888 г., № 34 (корресп. изъ Якутска).

Оглоблинъ, Н. Н. Семенъ Дежневъ (1638—1671 г.). „Журналъ Мин. Народн. Просв.", 1890 г., декабрь.

Оксеновъ, А. Свѣдѣнія о неизданныхъ сибирскихъ лѣтописяхъ (съ библіографич. указателемъ напечатанныхъ сибир. лѣтописей и нѣкоторыхъ иныхъ источниковъ). „Литературный Сборникъ", изд. редакціи „Восточсточнаго Обозрѣнія". Спб., 1885 г., стр. 446—455.

Отчетъ Миссіонерскаго Общества за 1883 г. „Якутскія Епарх. Вѣд.", 1887 г., приложеніе къ № 17-му.

Памятная книжка Якутской области на 1891 годъ. Изданіе Якутскаго статистич. комитета. Якутскъ. 1891 г.

Панорама Иркутской губ. „Современникъ", т. XXII, отд. 2, 157.

Пешель, Оскаръ. Народовѣдѣніе. Переводъ подъ ред. проф. Э. Ю. Петри съ 6-го изданія, дополненнаго Кирхгофомъ. Спб., 1890 г., вып. 3-й, стр. 401.

Плаваніе лодки „Сивучъ" къ устью р. Анадыри, къ мысу Восточному и обратно. „Владивостокъ", 1890 г.

Пленстеръ. Карта Чукотскаго Носа (1 листъ in 4°).

Поѣздка преосвященнаго Діонисія, епископа Якутскаго, въ Чукотскую миссію. „Иркутскія Епарх. Вѣд.", 1884 г., № 5.

Приклонскій, В. Л. Три года въ Якутской области (этнографическіе очерки). „Живая Старина", 1890 г., вып. I и II и 1891 г., вып. III.

Путешествіе флота капитана Сарычова по сѣверо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану съ 1785—1793 г. С.-Петербургъ. 1802 г. (о чукчахъ часть II, гл. VII).

Путешествіе капитана Биллингса чрезъ Чукотскую землю, изд. Сарычовымъ. Спб., 1811 г.

Путешествіе шлюпа Діаны изъ Кронштадта въ Камчатку съ присовокупленіемъ сокращенныхъ записокъ о плаваніи для описи Курильскихъ острововъ въ 1811 г. Спб., 1819 г.

Путешествіе Геденштрома по Ледовитому морю и островамъ онаго, лежащимъ отъ устья Лены къ востоку. „Сибирскій Вѣстникъ", 1822 г., кн. XVII—XIX.

Путешествіе по сѣвернымъ берегамъ Сибири и по Ледовитому морю въ 1820—1824 гг. (результаты экспедиціи барона Врангеля).

Пыпинъ, А. Н. Сибирь и изслѣдованія ея. „Вѣстникъ Европы", 1888 г., № 4.

Ресинъ, А. А. Очеркъ инородцевъ русскаго побережья Тихаго океана. „Извѣстія Имп. Рус. Геогр. Общ.", 1888 г., т. XXIV, вып. III, стр. 121—198.

Риттеръ, К. Землевѣдѣніе Азіи, перев. съ дополненіями П. Семенова. Спб., 1856 г.

Рябковъ, П. Полярныя страны Сибири. „Сибирскій Сборникъ" (прилож. къ газ. „Восточное Обозрѣніе") за 1887 г.

Сборникъ историко-статистическихъ свѣдѣній о Сибири и сопредѣльныхъ ей странахъ. Т. I.

Свѣдѣніе о Чукотской экспедиціи. „Извѣстія Сибир. Отд. Имп. Рус. Геогр. Общ.", 1870 г., т. I, № 1.

Свѣдѣнія о чукчахъ капитана Шишмарева въ 1821 году въ „Собраніи сочиненій о Сѣверѣ", стр. 193.

Свѣдѣнія Дыбовскаго объ охотѣ на Камчаткѣ. Газ. „Сибирь" 1883 г., № 37.

Сгибневъ, А. Матеріалы для исторіи Камчатки. Экспедиція Шестакова. „Морской Сборникъ", 1869 г., т. 100, № 2, стр. 1—34.

Сгибневъ, А. Историческій очеркъ главнѣйшихъ событій въ Камчаткѣ. „Морской Сборникъ", 1869 г., т. 101, № 4, стр. 65—142.

Семеновъ, П. Географическо-статистическій словарь Россійской имперіи. Спб., 1863—1873.

Сидоровъ. Шаманъ и обряды шаманской вѣры. Прибавл. къ „Иркутскимъ Епарх. Вѣд.“, 1873 г., № 26.

Словцовъ, П. Историческое обозрѣніе Сибири. Спб., 1886 г.

Современное состояніе Камчатки и Сахалина. „Владивостокъ“, 1890 г., №№ 40—42.

Спасскій, Гр. Исторія плаваній Россіянъ изъ рѣкъ Сибирскихъ въ Ледовитое море. „Сибирскій Вѣстникъ“, 1821 г., ч. XV и XVI, гл. II.

Спасскій, Гр. Владиміръ Атласовъ, покоритель Камчатки. „Вѣстникъ Имп. Рус. Геогр. Общ.“, 1858 г., ч. XXIV, кн. XI, стр. 157—172.

Типы инородцевъ Вост. Сибири. „Всемірная Иллюстрація“, 1872 г.

Типы народовъ Восточной Сибири. „Иллюстрація“, 1863 г., № 271.

Титовъ, А. Сибирь въ XVII вѣкѣ. Сборникъ старинныхъ русскихъ статей о Сибири и прилежащихъ къ ней земляхъ. Съ приложеніемъ снимка со старинной карты Сибири. Издалъ Г. Юдинъ. М. 1890 г. См. рецензію на эту книгу *Ник. Бакая* въ „Памятной книжкѣ Енисейской губ. 1890 г.“, Красноярскъ, 1891 г., стр. 326.

Тихменевъ. Историческое обозрѣніе образованія Россійско-Американской компаніи и дѣйствій ея до настоящаго времени. Спб., 2 части, 1861—1863.

Торгово-промышленный вопросъ восточныхъ окраинъ Сибири (эксплоатація чукчей иностранными промышленниками). „Владивостокъ“, 1891 г., № 5.

Трагическая смерть чукчей - фанатиковъ. „Якутскія Епарх. Вѣд.“, 1889 г., №№ 6 и 7. См. также „Этнографич. Обозрѣніе“, 1889 г., кн. III, стр. 198—200.

Трифоновъ, А. Замѣтки о Нижне - Колымскѣ. „Извѣстія Сибирскаго Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общ.“, т. III, № 3.

Уголокъ далекаго Сѣвера. „Сибирская Газета“, 1884 г., №№ 7, 9 и 11.

Условія успѣха миссіонерской дѣятельности между чукчами въ Якутской области. „Миссіонеръ“, 1874 г., №№ 5, 8 и 11.

Фишеръ. Сибирская исторія съ самаго открытія Сибири до завоеванія сей земли русскимъ оружіемъ. Спб., 1774 г.

Чукотская миссія (краткая исторія ея). „Якутскія Епарх. Вѣд.“, 1890 г., № 6, и „Русскій Паломникъ“, 1890 г., № 36.

Чукчи. „Природа и Люди“, 1880 г., №№ 4—8, 10—12.

Чукчи и земля ихъ, съ открытія этого края до настоящаго времени. „Журналъ Мин. Внутр. Дѣлъ“, 1851 г., ч. XXXIV, стр. 456—490.

Чукчи и торговля съ ними. Газ. „Сибирь“, 1876 г., № 23.

Шашковъ. Шаманство въ Сибири. 1864 г.

Щегловъ, И. В. Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири (1032—1882 г.). Изд. „Вост.-Сибир. Отд. И. Р. Г. О.“, подъ ред. члена Отдѣла В. И. Вагина. Иркутскъ, 1883 г.

Годъ 3-й. Кн. XI.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Изданіе Этнографическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1891, № 4.

подъ редакціей

Секретаря Этнографическаго Отдѣла

Н. А. Янчука.

Цѣна 1 р. 50 к.

МОСКВА.

Высоч. утв. Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ, Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Петровка, д. Левенсонъ.

1891.

Печатать разрѣшается. Москва, 15 января 1892 г.

Президентъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

Ординарный профессоръ **Д. Анучинъ.**

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Выходъ въ свѣтъ настоящей книжки, заканчивающей собою 3-й годъ изданія, былъ нѣсколько задержанъ отчасти изготовленіемъ рисунковъ для нея, въ особенности же обиліемъ вошедшаго въ нее библіографическаго матеріала, а также нѣкоторыми другими непредвидѣнными обстоятельствами. Извиняясь въ этомъ передъ гг. подписчиками, Редакція вмѣстѣ съ тѣмъ надѣется въ наступающемъ году устранить всѣ затрудненія для ускоренія печатанія и болѣе аккуратнаго выхода книжекъ; съ этою цѣлью между прочимъ будутъ введены нѣкоторыя измѣненія въ библіографическомъ отдѣлѣ изданія, причемъ завѣдываніе этимъ отдѣломъ будетъ поручено отдѣльному лицу. Начиная съ этой книги, текущая библіографія журналовъ и газетъ будетъ даваться въ одномъ общемъ алфавитномъ обзорѣ въ виду затрудненій въ разграниченіи этого рода изданій. Отдѣлъ „Смѣси", какъ имѣющій ближайшую связь съ первымъ отдѣломъ изданія, будетъ помѣщаемъ непосредственно за нимъ, передъ библіографіей.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

КАВКАЗСКО-РУССКІЯ ПАРАЛЛЕЛИ.

III *).

Переходя къ другой личности нашего эпоса—къ Добрынѣ, мы снова находимъ на Кавказѣ нѣкоторые мотивы, параллельные тѣмъ, которые прикрѣпились къ этому историческому имени въ нашихъ былинахъ. Оставляя въ сторонѣ мотивъ *змѣеборства*, какъ самый избитый и вездѣсущій, остановимся на двухъ другихъ сюжетахъ: превращеніи Добрыни въ тура чародѣйкой Мариной и несостоявшемся бракѣ Алеши Поповича на Добрыниной женѣ.

Изъ многочисленныхъ варіантовъ перваго сюжета (изложенныхъ Ровинскимъ [1]), отмѣтимъ слѣдующую схему.

Добрыня оскорбляетъ Марину, находившуюся въ связи со Змѣемъ Горыничемъ (Притугальникомъ, Иваномъ Царевичемъ, Туга Змѣевичемъ и пр.), Марина заговоромъ обертываетъ Добрыню туромъ, причемъ въ одной былинѣ Гильфердинга перечисляется еще рядъ предшествующихъ обращеній:

Она стала-то Добрынюшку обвертывать,
Обвернула-то Добрыню да сорокою,
Обвернула-то Добрыню да вороною,
Обвернула-то Добрынюшку да свиньею,
Обвернула-то Добрынюшку гнѣдымъ туромъ [2]).

---

*) См „Этн. Обозр.“ кн. X.

[1]) Русс. народ. карт. IV, стр. 79—85.

[2]) Гильф., стр. 833.

А въ другой того же сборника—упоминается обращеніе въ горностая и сокола [1]).

Сестра или тетка Добрыни заставляютъ угрозами Марину вернуть Добрынѣ прежній видъ, послѣ чего Марина подвергается наказанію (казни).

Нѣкоторыя черты этой схемы находимъ въ кавказскихъ сказаніяхъ. Такъ Нартъ Урызмэгъ пріѣзжаетъ къ любовницѣ Уастырджи и предлагаетъ ей любовь, подобно тому, какъ привороженный Маринкой Добрыня пріѣзжаетъ съ этой же цѣлью къ ней. Любовница Уастырджи, раздосадованная, ударомъ войлочной плети обращаетъ Урызмэга въ собаку [2]). Послѣ нѣсколькихъ похожденій въ псиномъ образѣ Урызмэгъ при содѣйствіи своего хозяина получаетъ свой прежній видъ, подвергнувшись вторичному удару той же плетки отъ любовницы Уастырджи. Послѣдняя проситъ у него прощенья, какъ Маринка у Добрыни, и Урызмэгъ, простивъ ее, достигаетъ своей цѣли, т.-е. спитъ съ ней [3]).

Такимъ образомъ здѣсь нѣтъ наказанія чародѣйкѣ, но въ чеченскомъ разсказѣ подобнаго сюжета [4]) чародѣйка и ея любовникъ сами подвергаются обращенію въ ослицу и осла. Здѣсь разсказывается, что Султанъ, ухаживавшій 8 лѣтъ за одной дѣвицей, наконецъ женился на ней. Но когда молодые легли спать, явился прежній любовникъ дѣвушки (Змѣй Горынычъ) и ударомъ плети обратилъ Султана въ чернаго пса. Послѣ разныхъ похожденій Султанъ при помощи одной колдуньи (сестры или тетки Добрыни) выкралъ плеть, ударомъ которой былъ обернутъ, и получивъ отъ удара помогавшей ему колдуньи свой прежній образъ, обратилъ въ свою очередь невѣрную жену и ея любовника въ ословъ.

---

1) Тамъ же, стр. 29 (Калинина).

2) Впрочемъ, и Добрыня по одной былинѣ Гильфердинга (1327), прежде чѣмъ получить видъ тура, „ходилъ кобелемъ ровно суточки".

3) Осет. Этюды. I, 57—59.

4) Сказка о Султанѣ. Сборн. св. о Кавк. Горц. IV. Отд. II, стр. 21—26. Срав. также осетинскую (дигорскую) сказку о Цопанѣ, обращенномъ женою въ утку и собаку. Сбор. матер. по этнограф. изд. при Дашков. Этногр. Музеѣ. Вып. I. Осетинскія сказки, № II и татарскую и Сб. мат. для опис. мѣстн. и плем. Кавк. IX. Отд. II, стр. 101.

Конечно, особенной близости между русской былиной и приведенными кавказскими сказками нѣтъ: въ литературѣ этого сюжета могутъ быть указаны версіи болѣе близкія къ русской, чѣмъ кавказскія. Но любопытно, что эта весьма распространенная сказка [1]) была и у насъ и на Кавказѣ вовлечена въ кругъ богатырскихъ сказаній и прикрѣплена къ именамъ выдающихся богатырей—къ Добрынѣ и Урузмэгу.

Другой сюжетъ былинъ о Добрынѣ—Добрыня въ отъѣздѣ и выходъ его жены замужъ за Алешу Поповича—находитъ себѣ весьма близкую параллель въ турецкой сказкѣ объ Ашикъ-Керибѣ «пѣвцѣ странникѣ», слышанной Лермонтовымъ на Кавказѣ. Въ виду того, что этой сказкѣ я посвятилъ отдѣльную замѣтку въ Этногр. Обозрѣніи [2]), я въ самыхъ краткихъ чертахъ передамъ содержаніе сказки и подчеркну детали, совпадающія съ нашими былинными.

Юноша пѣвецъ-музыкантъ, полюбивъ въ Тифлисѣ красавицу Магуль-Мегерри, дочь богатаго купца, и сговорившись съ нею, оставляетъ ее на 7 лѣтъ, чтобъ на чужбинѣ добыть денегъ. Соперникъ юноши Куршудъ-бекъ, укравъ его одежду при переправѣ черезъ рѣку вплавь, увѣряетъ его невѣсту, что онъ потонулъ. Невѣста не вѣритъ и продолжаетъ ждать условленнаго срока. На чужбинѣ Ашикъ-Керибъ имѣлъ успѣхъ, нажилъ деньги игрою и позабылъ было о срокѣ. Но невѣста напомнила ему о немъ гонцомъ. До срока остается лишь три дня, а юноша далеко отъ Тифлиса. Онъ хочетъ лишить себя

[1]) См. Ровинскій. IV, стр. 81. Volner, стр. 59. Для пополненія варіантовъ сюжета отмѣтимъ еще: Migne,—Apocryph. I, 993, гдѣ разсказывается апокрифъ о молодомъ человѣкѣ, обращенномъ колдуньей въ мула. *Сестра* оплакиваетъ его и по ея молитвѣ Богородица возвращаетъ ему прежній видъ; тамъ же ссылка на Bodin'a Démonomanie, t. II, c. 6, гдѣ находится разсказъ о томъ, какъ во время крестовыхъ походовъ кипрская колдунья обратила въ осла одного молодого англійскаго воина, какъ онъ работалъ на нее до тѣхъ поръ, пока не палъ на колѣна передъ церковью и народъ не вынудилъ колдунью возвратить ему прежній видъ. Тотъ же сюжетъ находимъ въ монгольскомъ эпосѣ о Гессеръ-ханѣ. Жена его (Рогмогоа), съ помощью гостя *мангуса*, обращаетъ его въ осла. Другая его жена (Абсумергенъ) уничтожаетъ ея чары и возвращаетъ Гессеру прежній видъ. Мать Гессера умираетъ отъ печали, но сынъ освобождаетъ ее изъ ада. Потанинъ. IV, стр. 818.

[2]) Кн. V, стр. 110—115.

жизни, но встрѣчаетъ чуднаго всадника Св. Георгія [1]), который въ нѣсколько часовъ на своемъ чудесномъ конѣ доставляетъ его на родину. Ашикъ идетъ въ домъ матери, которая ослѣпла отъ слезъ и не узнаетъ его; онъ беретъ со стѣны свой саазъ (балалайку), играетъ на немъ и съ нимъ идетъ въ домъ, гдѣ справляется свадьба его невѣсты съ Куршудъ-бекомъ. Приглашенный, какъ музыкантъ-пѣвецъ, и ни кѣмъ не узнанный, Ашикъ-Керибъ въ своей пѣснѣ открываетъ испытанное имъ чудо. Слѣдуетъ узнаніе со стороны Магуль-Мегерри и свадьба. Ашикъ мирится съ Куршудъ-бекомъ и отдаетъ ему въ жены свою сестру.

Отмѣчу лишь спеціально сходныя черты этой сказки съ былиннымъ разсказомъ о Добрынѣ въ отъѣздѣ:

1) Уѣзжая въ дальнюю сторону, Добрыня ставитъ женѣ своей опредѣленный срокъ (3 года, 6 лѣтъ, 9 лѣтъ), послѣ котораго она можетъ выйти замужъ. Также поступаетъ Ашикъ-Керибъ относительно своей невѣсты. Передъ отъѣздомъ оба берутъ благословенье у матери.

2) Алеша Поповичъ привозитъ женѣ Добрыни «вѣсточку нерадостную», что нѣтъ въ живыхъ Добрыни Никитича. Такую же вѣсть о гибели Ашикъ-Кериба привозитъ его невѣстѣ Куршудъ-бекъ.

3) „Желешенько плакала матушка Добрыни, *слезила* она очи ясныя по своемъ родномъ дитяткѣ“ (Кир. II, 33). Мать Ашикъ-Кериба выплакала себѣ глаза о сынѣ такъ, что даже ослѣпла.

4) Жена Добрыни, не повѣрила разсказу Алеши, потому что ждала мужа сверхъ условленныхъ шести лѣтъ еще столько же. Магуль-Мегерри также не повѣрила разсказу Куршудъ-бека.

5. Получивъ вѣсть о предстоящей свадьбѣ своей жены съ Алешей, Добрыня необыкновенно быстро является въ Кіевъ: его бурушко „на гору поскакиваетъ, рѣки-озера перескакиваетъ, мимо башни черезъ стѣну городовую перемахнулъ“

---

[1]) Въ сказкѣ онъ названъ Хадеръ-Ильязъ. На мусульманскомъ востокѣ Хидръ-Эліасъ, „зеленый Илья“ смѣшивается съ Ильей Пророкомъ и съ Георгіемъ. См. Кирпичникова: Св. Георгій и Егорій храбрый, стр. 94, 98 (примѣч.), 100 (примѣч.), 101; также Herbelot, Bibliot. Orient. s. vv. Kheder и Ilia.

(Кир. II 34). Ашикъ-Керибъ скачетъ на чудесномъ конѣ Георгія и въ 2 дня проѣзжаетъ двухмѣсячный путь.

6. По пріѣздѣ Добрыня прежде всего идетъ къ матери, которая сначала не признаетъ его, а затѣмъ объявляетъ, что Настасья выходитъ за мужъ за Алешу Поповича. Ашикъ-Керибъ также по возвращеніи сначала идетъ къ матери, которая не признала сына, пока не прозрѣла.

7. Добрыня, переодѣвшись скоморохомъ, беретъ гусли, идетъ на свадебный пиръ ко Владиміру, получаетъ доступъ какъ скоморохъ и поетъ пѣсню съ намекомъ на себя и жену („гдѣ это видано да слыхано, отъ жива мужа замужъ итти", Кир. II 7). Ашикъ-Керибъ въ видѣ пѣсенника съ саазомъ идетъ въ домъ, гдѣ происходитъ свадьба, получаетъ приглашеніе пѣть и поетъ пѣсню съ разсказомъ о своемъ чудесномъ возращеніи.

8. Жена Добрыни, признавъ его, забывая скромность, хочетъ перескочить къ нему черезъ столъ (Кир. II, 14: „прямо скочу, обезчещу столы"). Такое же нарушеніе скромности дозволяетъ себѣ Магуль-Мегерри, выскочивъ изъ-за полога къ мущинамъ и бросившись въ объятія Ашикъ-Кериба.

9. Ссора Добрыни съ Алешей кончается легкой потасовкой и примиреніемъ. Такъ-же мирится съ Куршудъ-бекомъ Ашикъ- Керибъ.

10. Роль примирителя играетъ на пиру Илья Муромецъ, быть можетъ не случайно, если вспомнимъ о Хадеръ-Иліасѣ, доставившемъ Ашикъ-Кериба домой [1]).

[1]) Что Лермонтовская сказка объ Ашикъ-Керибѣ дѣйствительно народная (а не сочиненная поэтомъ), подтверждается тѣмъ, что въ турецкомъ народномъ эпосѣ о Сироти-Сейидъ-Батталѣ этотъ герой въ городѣ Лаодикіи пропѣлъ по гречески пѣсню въ честь шествовавшихъ по улицѣ новобрачныхъ, изъ коихъ невѣстою была его собственная жена, полоненная въ отсутствіе Баттала греческимъ императоромъ и выдаваемая теперь замужъ за сына визиря его Богмэна. Жена узнаетъ его по голосу. Битталь рѣжетъ голову пьяному молодому и съ женою бѣжитъ во свояси. См. Смирнова—Очеркъ исторіи турецкой литературы во „Всеобщей исторіи литературы" В. Корша, вып. XXV, стр. 45. По словамъ извѣстнаго знатока тюркскихъ нарѣчій Вамбери, сказка объ Ашикъ-Гарибѣ весьма популярна у турокъ и распѣвается пѣвцами (ашиками) въ кофейняхъ Румеліи и Анатоліи. См. Ćagataische Sprachstudien von Hermann Vambéry (1867), стр. 35.

При совпаденіи этихъ деталей нельзя однако не отмѣтить, что въ турецкой (кавказской) сказкѣ мы находимъ рядъ другихъ, неизвѣстныхъ нашимъ былинамъ. Добрыня лишь случайно играетъ роль гусляра, между тѣмъ какъ Ашикъ-Керибъ—пѣвецъ и музыкантъ по профессіи. Отъѣздъ Добрыни недостаточно мотивированъ и неизвѣстно, что онъ дѣлалъ на чужбинѣ нѣсколько лѣтъ. Отъѣздъ Ашикъ-Кериба мотивированъ желаніемъ добыть денегъ для женитьбы. Жена Добрыни ничего не дѣлаетъ, чтобы разыскать мужа, — МагульМегери поручаетъ владѣльцу каравана разыскать жениха и напомнить ему о близости срока. Добрынѣ помогаетъ быстро вернуться его *бурушко*, Ашикъ-Керибу—Хадеръ-Иліасъ. Ашикъ-Керибъ возвращаетъ матери зрѣніе, чего нѣтъ въ нашихъ былинахъ о Добрынѣ. Наконецъ у Ашика есть сестра, которая затѣмъ выходитъ замужъ за Куршудъ-бека. Впрочемъ, хотя въ былинахъ объ отъѣздѣ Добрыни не упоминается его сестра, но она играетъ роль въ былинахъ о Добрынѣ и Маринѣ, слѣдовательно также по отношенію къ женщинѣ близкой къ брату.

Въ общемъ отношеніе между разсмотрѣнной кавказской сказкой и былиной таково, какъ между оригиналомъ и копіей. Мы не можемъ, конечно, утверждать, что въ основѣ былины лежитъ именно та редакція сказки, которую пересказалъ (быть можетъ нѣсколько пріукрасивъ) Лермонтовъ,— ибо въ такомъ случаѣ былинный разсказъ представится уже слишкомъ скомканнымъ и урѣзаннымъ. Но все же непосредственный оригиналъ былины *весьма* близокъ къ приведенной сказкѣ и, конечно, проникъ въ нашъ эпосъ не съ запада, а съ востока. По крайней мѣрѣ, всѣ до сихъ поръ приведенныя изслѣдователями западныя параллели разсмотрѣннаго сюжета представляютъ несравненно меньшее сходство въ деталяхъ съ былиной, чѣмъ Лермонтовская сказка. Отсылая за провѣркой этого мнѣнія къ изслѣдованіямъ О. Миллера, Кирпичникова, Дашкевича, Шифнера, Халанскаго [1]), ограничи-

[1]) Илья Муромецъ. стр. 523 и слѣд.; Поэмы Ломбард. цикла, стр. 13, 58, 179, 182; Алеша Поповичъ, стр. 49; Bullet. de l'Acad. Imp. des Sc. de S. Pétersb. IV, 279; Великорусскія былины Кіевск. цикла, гл. III, стр. 38—40.

ваемся предположеніемъ, что восточный сказочный сюжетъ, пріурочившійся, но невполнѣ яснымъ для насъ мотивамъ, къ Добрынѣ и Алешѣ, проникъ въ нашъ эпосъ вѣроятно со стороны Кавказа [1]).

Приведемъ еще двѣ-три кавказскія параллели сказочнымъ сюжетамъ, проникшимъ въ нашъ эпосъ, не потому, чтобы эти параллели были особенно ярки, а потому, что онѣ еще не были отмѣчены нашими изслѣдователями эпоса.

Въ XI главѣ „Южнорусскихъ былинъ", озаглавленной „Алеша «бабій пересмѣшникъ» и сюжетъ Цимбелина", акад. А. Н. Веселовскій разсмотрѣлъ подробно сюжетъ побывальщины о дворянинѣ безсчастномъ молодцѣ (Рыбн. II № 51, стр. 267—276) въ связи съ нѣсколькими русскими сказками (Аѳанасьевъ № 178, 179, Садовниковъ—Сказки и преданія Самарскаго края № 18) и нѣсколькими иностранными пѣснями и сказаніями. Отсылая интересующихся подробностями къ этому изслѣдованію, отмѣтимъ только, что во второй половинѣ побывальщины, записанной Рыбниковымъ, мы имѣемъ весьма распространенный на востокѣ и западѣ бродячій мотивъ о вѣрной женѣ, оклеветанной передъ мужемъ, покидаемой имъ, странствующей, становящейся царемъ въ другомъ государствѣ и въ концѣ концовъ обнаруживающей клевету и возвращающей себѣ мужа. Такъ, въ побывальщинѣ разсказывается, что дворянинъ безсчастный повѣрилъ доказательствамъ невѣрности своей отсутствующей жены, представленнымъ Ѳедькой (alias Алешей Поповичемъ), заманилъ ее на корабль, продалъ заморскому гостю, а самъ остался въ Кіевѣ. Жена, отличающаяся и силой, и умомъ, сбрасываетъ въ море позарившагося на нее корабельщика, ѣдетъ на ко-

---

[1]) Тотъ же сюжетъ находимъ въ болгарской пѣснѣ „Войникъ Стоянъ и Кралица", напечатанной въ недавно появившемся „Сборникѣ за народни умотворенія, наука и книжнина". Кн. I 1889. Стоянъ на другой день свадьбы вызванъ Кралицей на войну; при отъѣздѣ получаетъ отъ жены букетъ цвѣтовъ: пока не повянутъ цвѣты, если ихъ на ночь ставить въ воду, до тѣхъ поръ она будетъ ждать мужа; черезъ 9 лѣтъ Стоянъ задаетъ войску загадку насчетъ оставленной дома жены; разгадываетъ Кралица и отпускаетъ Стояна домой, объявляя, что жена его собирается выходить за другого въ этотъ самый день. Стоянъ поспѣваетъ во время, и свадьба разстраивается. См. Этн. Обозр., кн. V, стр. 190.

раблѣ въ другое королевство (Португальское), одѣвается въ мужское платье и по смерти мѣстнаго короля занимаетъ его престолъ, будучи отмѣчена жребіемъ (у ней сама собою зажглась свѣча въ царскихъ вратахъ [1]). Затѣмъ, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, она ѣдетъ въ Кіевъ, гдѣ находитъ свою старуху-мать, открываетъ себя мужу и обнаруживаетъ ложный навѣтъ Ѳедьки, котораго за это предаютъ казни.

Въ виду распространенности этого мотива на востокѣ [2]) можно предположить, что онъ именно оттуда зашелъ на Русь и былъ введенъ въ эпическій южнорусскій циклъ. Хотя до насъ не дошло *былины* о дворянинѣ безсчастномъ (или Данилѣ), но за побывальщиной и сказками Аѳанасьева (№№ 178, 179), по справедливому замѣчанію акад. Веселовскаго, еще „чувствуется древняя былина Владимірова цикла, осложненная посторонними пѣсенными и повѣствовательными мотивами" [3]).

На Кавказѣ намъ извѣстны двѣ сказки, развивающія тотъ же сюжетъ — татарская и армянская,—обѣ записанныя въ Бакинской губерніи. Первая не сохранила мотива оклеветанія жены передъ мужемъ. Напротивъ, женихъ (Асланъ) увозитъ свою невѣсту (Джейрану) отъ похитившаго ее царевича и бѣжитъ съ нею на корабль. Когда они были уже на кораблѣ, Асланъ замѣтилъ, что нѣкоторыя изъ ихъ вещей остались на берегу, и, спрыгнувъ съ корабля, побѣжалъ за ними. Но хозяинъ корабля, замѣтивъ удивительную красоту молодой дѣвушки, рѣшилъ воспользоваться уходомъ Аслана: онъ приказалъ матросамъ отплыть, и Асланъ остался на берегу. Долго плылъ корабль по морю; наконецъ, онъ присталъ къ одному берегу, гдѣ лежалъ какой-то городъ. Хозяинъ хотѣлъ сойти вмѣстѣ съ дѣвушкой, но она, подъ предлогомъ стыдливости, просила, чтобъ онъ прислалъ за ней изъ города женщину, и когда онъ ушелъ, она, подговоривъ матросовъ, отплыла

[1]) Ср. груз. сказку о Петрѣ Великомъ. Сбор. матер. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа. X, отд. III, стр. 46 и слѣд.

[2]) Ср. напр. тюркскую сказку „Женщина князь" въ Сборникѣ Радлова (Proben der Volkslitteratur der türkischen Stämme Süd-Sibiriens, t. IV, pp. 141 — 145) сказку въ Тути-Намэ; ср. Rambaud—La Russie épique, p. 125.

[3]) Назв. соч. стр. 388.

отъ берега. Затѣмъ слѣдуетъ приключеніе Джейраны съ разбойниками, отъ которыхъ она также отдѣлалась хитростью. Далѣе въ мужскомъ платьѣ она долго плыла въ лодкѣ по морю и, наконецъ, буря выбросила ея лодку на берегъ одного государства. Джейрана отправилась въ городъ, гдѣ увидѣла толпу народа; оказалось, что царь этого города умеръ, и народъ избираетъ себѣ другого царя, причемъ предоставляетъ выборъ птицѣ Девлетъ-гуши, которая опускается на голову человѣка достойнѣйшаго царскаго вѣнца. Вдругъ вѣщая птица опустилась на голову Джейраны, и когда граждане, недовольные тѣмъ, что въ цари выбранъ иноземецъ, заключили Джейрану въ темницу, птица вторично опустилась на крышу ея комнаты; когда же Джейрану выгнали за городъ, то въ третій разъ — на ея голову. Тогда народъ, не желая измѣнять стараго обычая, возвелъ Джейрану на престолъ, и она мудро управляла царствомъ. Однако она не забыла своего жениха и старалась его разыскать. Для этой цѣли она велѣла прибить къ городской стѣнѣ свой портретъ и задерживать всѣхъ, кто имъ сильно заинтересуется. Такимъ способомъ были къ ней приведены: царевичъ, похитившій ее у жениха, хозяинъ корабля, атаманъ разбойниковъ и, наконецъ, ея женихъ Асланъ. Дѣло кончается свадьбою, и Асланъ раздѣляетъ съ женою правленіе государствомъ [1]).

Варіантъ армянскій той же сказки, болѣе сложный, содержитъ тотъ мотивъ, что невѣста—царевна Салтаната,—похищенная женихомъ Юсуфомъ, но живущая отдѣльно отъ него при его матери, была оклеветана нѣкимъ Гаджи-Мамедомъ, желавшимъ ею овладѣть. Юсуфъ, возвратившись къ невѣстѣ, выбрасываетъ ее на улицу. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ похожденій Салтанаты (лодочникъ., разбойники, выборъ въ цари птицей Девлетъ-гуши), послѣ которыхъ она, сдѣлавшись царемъ, наказываетъ виновныхъ и убѣждаетъ свой народъ взять въ цари ея мужа ([2]).

---

[1]) Сборн. матер. для описанія мѣстн. и племенъ Кавказа. Вып. IX. 1890 г. Отд. II, татарскія сказки, записанныя въ Геокчайскомъ у. Бакинской губерніи, № 4 Джейрана, стр. 91—94.

[2]) Сборн. матер. и проч. Вып. VII. Отд. II. Армянскія сказки, записанныя въ Шемахинскомъ у. Бакинск. губ. № 7. Сахка-Юсуфъ стр. 196—206.

Отмѣтимъ нѣкоторыя специально сходныя черты кавказскихъ и русскихъ сказокъ.

1. Дворянинъ безчастный служилъ при князѣ Владимірѣ, но былъ въ загонѣ—„не выслужилъ ни слова гладкаго ни перины мягкой". Юсуфъ (въ армянской сказкѣ) былъ слугою у богатаго купца, за тѣмъ былъ водоносомъ, черпавшимъ воду изъ ханскаго родника, гдѣ онъ и встрѣтился съ ханской дочерью.

2. Дворянину безчастному жениться на красавицѣ помогаетъ какая то старуха (престарѣлая женщина), оказавшаяся впослѣдствіи ея матерью и женою португальскаго короля. Невѣста Юсуфа, тоже похищенная имъ *ханская* дочь, живетъ при его матери въ его отсутствіе въ построенномъ ею великолѣпномъ дворцѣ.

3. Гаджи Мамеду, оклеветавшему Салтанату, соотвѣтствуетъ Ѳедька или Алеша Поповичъ.

4. Жена Данилы безсчастнаго, проданная имъ, уѣзжаетъ на кораблѣ, отдѣлывается отъ хозяина, подговоривъ карабельщиковъ, и долго странствуетъ по морю. Джейрана уѣзжаетъ также на караблѣ, хотя и не проданная женихомъ, также отдѣлывается благополучно отъ хозяина, преслѣдовавшаго ее своей любовью, и затѣмъ долго блуждаетъ по морю.

5. Жена Дворянина безсчастнаго, выдавая себѣ за мужчину, становится королемъ, вслѣдствіе счастливаго жребія и все же остается вѣрна мужу. Салтаната и Джейрана также становятся царями при подобныхъ же условіяхъ.

6. Дворянинъ безсчастный становится королемъ чрезъ свою жену, а клеветникъ (Ѳедька) подвергается наказанію. Царями же, чрезъ женъ, дѣлаются въ кавказскихъ сказкахъ Юсуфъ и Асланъ, а клеветникъ (Гаджи Мамедъ) былъ наказанъ.

Другой примѣръ прикрѣпленія одного и того же сказочнаго мотива къ имени русскаго богатыря и кавказскаго нарта находимъ въ былинахъ о Михаилѣ-Потыкѣ. Однимъ изъ эпизодовъ этихъ пространныхъ и сводныхъ былинъ является тотъ, что Потыкъ заключаетъ съ своей женой Авдотьей Лиховидьевной или Марьей Лебедью—Бѣлой договоръ такого рода:

„кто перво умретъ,

Второму за нимъ живому въ гробъ идти“ [1]).

Во время отсутствія Потыка его жена умираетъ, и онъ, въ исполненіе условія, опускается въ ея могилу, гдѣ и живетъ нѣсколько дней. Сюда приползаетъ змѣя; Потыкъ сѣчетъ ее прутьями желѣзными до тѣхъ поръ, пока она взмолилась о пощадѣ и обѣщала принести ему живой воды. Въ залогъ Потыкъ оставляетъ змѣеныша, котораго разрубаетъ на мелкія части. Когда змѣя воротилась съ живой водой, Потыкъ сначала оживляетъ ею змѣеныша, а затѣмъ жену [2]).

Нѣчто весьма сходное извѣстно кабардинцамъ о ихъ нартѣ Сосруко. „Сосруко былъ влюбленъ въ одну дѣвушку, по имени Нартъ-Жанъ. Однажды, Сосруко передъ отъѣздомъ на нартовскія игры заѣхалъ проститься къ ней. Они дали другъ другу клятву, что одинъ по смерти другого жить не будетъ. Сосруко уѣхалъ. Когда же онъ, спустя три дня, воротился, то узналъ, что его постигло страшное горе: безцѣнная его Жанъ умерла и уже похоронена. Онъ отправился на ея могилу и сталъ вынимать изъ глубокой ямы камни, которые складывали цѣлый день нарты. Когда онъ достигъ дна могилы и, вскрывъ гробъ, увидѣлъ бездыханное тѣло дорогой Жанъ, то бросился на грудь къ ней и сталъ рыдать безутѣшно. По истеченіи нѣсколькихъ минутъ, изъ норы на днѣ могилы выползли двѣ змѣи, которыя начали другъ съ другомъ бороться; наконецъ одна убила другую. Оставшаяся въ живыхъ куда-то исчезла, а затѣмъ вернулась съ зеленымъ листомъ, которымъ потерла мертвую змѣю. Она ожила, послѣ чего обѣ змѣи скрылись. Тогда Сосруко взялъ листъ и сталъ имъ тереть мертвую Жанъ. Едва онъ успѣлъ вытереть ея тѣло, какъ она воскресла. Впослѣдствіи Сосруко женился на этой дѣвушкѣ [3]).

У ингушей, заимствовавшихъ, повидимому, сказанія о нартахъ у своихъ ближайшихъ сосѣдей осетинъ, такое же при-

[1]) Былина Кирши Данилова перепечатана въ сборн. Кирѣевскаго Вып. IV стр. 56.

[2]) Гильфердингъ, № 6, столб. 57, и № 40, столб. 195.

[3]) Сборн. матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. XII. Отд. I, стр. 143 „Эпизодъ изъ сказаній о Сосруко“. Осетинскій сильно искаженный варіантъ того же сюжета см. въ моихъ Осетин. Этюдахъ I, ст. 55.

ключеніе въ могилѣ приписывается орхустойцу (богатырю) Орзми (осет. Урызмэгъ). Вотъ что онъ разсказываетъ про самого себя: „Былъ я разъ влюбленъ въ женщину, и она тоже любила меня. *Мы поклялись не разставаться никогда.* Она умерла отъ болѣзни; я ужасно былъ пораженъ горемъ. Только одинъ стыдъ—умереть изъ-за смерти любовницы—удерживалъ меня отъ самоубійства. Всѣ родственники и знакомые собрались ее хоронить. Я попросилъ у одной вдовы одежду и, одѣвшись въ женское платье, отправился вмѣстѣ съ женщинами на похороны. Трупъ ея лежалъ посреди двора. Всѣхъ женщинъ пригласили войти въ саклю, но меня — нѣтъ. Я остался на дворѣ. Увидѣвши трупъ своей любовницы, я рѣшился исполнить клятву—не разставаться другъ съ другомъ: я легъ съ нею и укрылся ея похороннымъ саваномъ. Вышедшимъ на дворъ хозяевамъ показалось, что трупъ ея распухъ, и они рѣшились скорѣй похоронить ее. Лежа въ могилѣ, я былъ доволенъ, что исполнилъ свою клятву. Вдругъ приползла въ могилу змѣя; я сталъ бить ее кулакомъ и убилъ; чрезъ нѣсколько времени приползла другая змѣя. Увидѣвши, что первая лежитъ, она поползла обратно; но, спустя немного, возвратилась въ могилу съ травой и провела ею по тѣлу убитой мною змѣи; змѣя ожила. Тогда я опять сталъ бить ихъ, и онѣ выползли изъ могилы. Думаю: если эта трава оживила змѣю, то отчего ей не подѣйствовать на мою возлюбленную? Я провелъ травой по трупу—и возлюбленная ожила и сказала: „у меня бокъ болитъ, должно быть, я долго спала“. [1])

Сказка о мужѣ, похороненномъ живымъ съ женою и воскрешающемъ ее при помощи змѣи, извѣстна многимъ народамъ [2]), но для насъ интересно то, что на Кавказѣ и у насъ она вошла въ циклъ богатырскихъ сказаній.

Въ этюдѣ «Былины объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ и старо-

---

[1]) Сборн. свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ. Вып. VIII. Отд. I стр.34 „Ингуши.“ статья Чаха Ахріева.

[2]) См. Liebrecht—Zur Volkskunde, стр. 380. Grimm—Kinder—und Haus—Märchen № 16, Тысяча и одна ночь, 4 путешествіе Синдбада. Грузинск. басни и сказ. Саввы Сулхана Орбеліани, пер. Цагарели № 111.

французскій романъ объ Иракліи» [1]) акад. Веселовскій весьма остроумно связываетъ между собой отдѣльныя черты, встрѣчающіяся въ былинахъ объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ (Кир. III №№ 1, 2 и 3. Рыбн. IV № 13. Гильферд. №№ 133, 135 и 172) или Иванѣ Годиновичѣ (Гильф. № 307, Рыбн. III № 34) или Иванѣ Удовкинѣ сынѣ и составляетъ схему, весьма напоминающую старо-французскую поэму объ Ираклін, основанную на византійскомъ сказаніи (вѣроятно восточнаго происхожденія [2]).

Главныя черты схемы таковы: 1. Иванъ (Гостиный сынъ) родится отъ старыхъ, дотолѣ бездѣтныхъ родителей, вслѣдствіе ихъ молитвы и обѣта. По совѣту какого-то старика онъ достаетъ чуднаго жеребенка. 2. По смерти отца мать продаетъ сына на чужбину. 3. Иванъ является при дворѣ какого-то царя; онъ обладаетъ вѣщими знаніями, испытываетъ въ запуски съ царскими конями быстроту своего жеребенка и выигрываетъ. Во французской поэмѣ объ Ираклін этотъ герой, чудесно рожденный, получаетъ отъ Господа три дара: распознавать женщинъ, достоинство лошадей и камней. По смерти отца обѣднѣвшая мать продаетъ сына на чужбину (какъ мать продаетъ Ивана Гостинаго сына). Ираклій, купленный сенешалемъ, попадаетъ ко двору императора и доказываетъ, что обладаетъ тремя чудесными свойствами, между прочимъ купленный имъ косматый жеребенокъ оказывается быстрѣе всѣхъ коней императора (какъ конь Ивана Гостинаго сына превзошелъ всѣхъ коней кн. Владиміра).

На Кавказѣ намъ неизвѣстно сказаніе, отвѣчающее всѣмъ частямъ выставленной А. Н. Веселовскимъ схемы или старофранцузской поэмѣ объ Ираклін. Но нѣкоторыя черты сюжета о мальчикѣ, имѣющемъ чудесный даръ узнавать дивныхъ коней, находимъ въ Осетинской сказкѣ объ Алыппѣ [3]).

Въ одномъ аулѣ похитили мальчика и продали какому-то богатому алдару (старшинѣ). Тотъ сдѣлалъ его пастухомъ и

---

[1]) Южно-русск. былины. IV.

[2]) Назв. соч. 56.

[3]) Осет. Этюды. I, стр. 154 и слѣд. Алыппъ — конь, обладающій чудесными свойствами.

послалъ пасти барановъ. Однажды мальчикъ, идя за стадомъ, нашелъ конскій черепъ и сталъ его разсматривать; затѣмъ онъ заплакалъ. Какой-то прохожій замѣтилъ это и сталъ его спрашивать о причинѣ слезъ. Мальчикъ отвѣчаетъ, что сожалѣетъ умершаго коня, потому что онъ былъ *алыппъ*—чудный конь. Прохожій разсказалъ объ этомъ алдару и тотъ, узнавъ отъ мальчика, что онъ умѣетъ различать *алыппов*, сталъ держать его въ почетѣ, надѣясь, что онъ добудетъ ему чудеснаго коня. Дѣйствительно, по указанію мальчика, алдаръ купилъ двухъ коней—жеребца совсѣмъ чернаго и кобылу такую-же, но съ маленькимъ бѣлымъ пятномъ на лбу и на ногѣ. Пользуясь неосторожнымъ словомъ алдара, мальчикъ, ѣхавшій на жеребцѣ, ускакалъ отъ него далеко, и алдаръ, на своей кобылѣ, не могъ его догнать.

Отдѣльныя черты этой сказки, напоминающія схему А. Н. Веселовскаго и наши былины, таковы.

1. Какъ Иванъ Гостинный сынъ былъ проданъ на сторону и затѣмъ очутился при князѣ Владимірѣ, такъ осетин. мальчикъ былъ проданъ на сторону и попалъ къ какому-то старшинѣ (алдару).

2. Какъ Иванъ Гостиный сынъ является знатокомъ въ коняхъ и его бурушка оказывается лучше коней Владиміра, такъ осетинскій мальчикъ умѣетъ распознавать *алыппов*, и выбранный имъ жеребецъ оказывается лучше коня алдара.

3. Какъ Иванъ Гостиный сынъ, по одной былинѣ (Рыбн. III № 34), выигравъ закладъ, даритъ своего коня Владиміру, но тотъ возвращаетъ его ему обратно („мнѣ не надобенъ твой добрый конь, поѣзжай домой“) и Иванъ уѣзжаетъ домой; такъ алдаръ, хотя и противъ желанія, лишается купленнаго для него мальчикомъ алыппа, и мальчикъ уѣзжаетъ домой.

—

При большемъ знакомствѣ съ кавказскими народными сказаніями, вѣроятно найдется не мало такихъ сюжетовъ, которые извѣстны и на Руси и проникли въ нашъ эпосъ, но уже приведенныя нами кавказско-русскія параллели въ достаточной степени опредѣляютъ интересъ, представляемый изученіемъ кавказскихъ сказаній для русскаго эпоса. Это изученіе

впослѣдствіи, можно надѣяться, уяснить многое, что теперь представляется еще темнымъ, но и въ настоящее время уже можно сдѣлать попытку къ рѣшенію вопроса, какой выводъ слѣдуетъ сдѣлать изъ кавказско-русскихъ сказочныхъ параллелей. Находя одни и тѣ же сюжеты на Кавказѣ и на Руси должны ли мы считать Кавказъ ихъ родиной, изъ которой вслѣдствіе давнихъ сношеній прикавказскихъ народностей съ Русью эти сюжеты проникли на сѣверъ и западъ, или же болѣе вѣроятно, что одни и тѣ же сюжеты могли быть въ извѣстный періодъ заносимы и въ Кавказскія горы и въ южнорусскія степи. Послѣднее по нѣкоторымъ географическимъ и историческимъ соображеніямъ намъ представляется болѣе вѣроятнымъ. Припомнимъ, что кавказская этнографія вполнѣ уяснила фактъ, что гигантскій горный хребетъ, представляющій широкую, труднопроходимую стѣну между двумя морями, служилъ искони убѣжищемъ для множества народовъ, которые двигались съ востока на западъ по обѣ его стороны, по сѣвернымъ степямъ и южнымъ плоскогоріямъ Малой Азіи. И съ сѣвера, и съ юга отбившіяся отъ торнаго пути племена загонялись другими, болѣе сильными, въ горныя ущелья и проживали въ нихъ вѣками, дѣлая изъ кавказскаго перешейка какой-то природный этнографическій музей. Этотъ музей, сохраняя до нашего времени множество племенъ съ ихъ разнообразными антропологическими признаками и бытовыми особенностями, сохранилъ также массу разнообразныхъ произведеній духовнаго творчества, попадавшихъ въ это захолустье въ разное время и съ разныхъ сторонъ. Съ юга чрезъ Арменію, Грузію, Албанію могли заходить сюда, какъ мы видѣли, сюжеты и типы изъ иранскаго эпоса и переходить по ту сторону хребта на сѣверную плоскость; съ сѣвера заходили въ горы сказанія степныхъ кочевниковъ (тюрковъ), занимавшихъ сѣверо-кавказскія равнины къ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ подъ различными названіями — Гунновъ, Болгаръ, Хазаръ, Кипчаковъ (Половцевъ), Ногайцевъ, Татаръ. Подтвержденіе существованію этихъ двухъ главныхъ теченій мы находимъ, съ одной стороны, въ томъ, что еще до нашихъ дней нѣкоторыя сказанія о Рустемѣ популярны на Кавказѣ, съ другой—въ томъ, что, какъ мы видѣли, нартскій эпосъ (ка-

бардинцевъ, горскихъ татаръ, осетинъ, чеченцевъ) самъ указываетъ на свое сѣверное *степное* происхожденіе. Отсюда представляется вѣроятнымъ предположеніе, что именно степныя кочевыя тюркскія народности играли значительную роль при распространеніи однихъ и тѣхъ же сказочныхъ сюжетовъ на Кавказѣ и въ юго-восточной Руси, были посредниками между русскими славянами и сѣверокавказскими народностями. Мы видѣли, что г. Халанскій, упоминая вскользь о существованіи связи Руси съ Кавказомъ во всѣ періоды нашей исторіи, выдвигаетъ тотъ фактъ, что „впослѣдствіи казачество Запорожское и Донское было естественнымъ проводникомъ кавказскихъ мотивовъ на Руси“ [1]).

Но едва ли общіе кавказско-русскіе мотивы относятся къ столь позднему періоду и едва ли казачество служило важнымъ посредствующимъ звеномъ между Русью и Кавказомъ въ области произведеній народнаго творчества. Гораздо большее значеніе имѣли, вѣроятно, болѣе раннія отношенія русскихъ славянъ къ сѣверокавказскимъ народностямъ и особенно къ тюркскимъ кочевникамъ, занимавшимъ сѣверокавказскія степи и вмѣстѣ съ тѣмъ юго-восточные предѣлы Руси. Припомнимъ нѣкоторые историческіе факты, которые могутъ имѣть значеніе для историко-литературнаго вопроса объ отношеніяхъ кавказскихъ эпическихъ мотивовъ къ русскимъ.

Не восходя въ слишкомъ глубокую древность, напр. въ эпоху гуннскаго погрома, пронесшагося и надъ сѣвернымъ Кавказомъ и надъ южно-русскими степями, припомнимъ, что въ періодъ процвѣтанія могущественной Хазарской державы въ ея составъ равно входили и сѣверо-кавказскія народности и нѣкоторыя славяно-русскія племена. Въ концѣ VI-го столѣтія кавказскіе Аланы, предки нынѣшнихъ Осетинъ, самая многочисленная и сильная народность сѣвернаго Кавказа, должны были подчиниться Хазарамъ, такъ же, какъ ихъ ближайшіе тюркскіе сосѣди Утургуры, потомки великой гуннской орды [2]), жившіе за Дономъ между Чернымъ и Азовскимъ моремъ. Въ концѣ VII столѣтія Хазары распространяютъ свою власть на всемъ пространствѣ отъ Волги до Днѣпра, и сла-

[1]) Великорусс. былины, стр. 34.

[2]) Осет. Этюды. III, стр. 61.

вянскія племена въ этихъ обширныхъ предѣлахъ платятъ имъ дань. Когда постоянная война Хазаръ съ Арабами изъ за обладанія восточнымъ побережьемъ Кавказа (Дагестаномъ) ослабила могущество Хазаръ, когда имъ угрожаютъ набѣги Печенѣговъ, и сложившееся русское государство лишаетъ ихъ дани славянскихъ племенъ, тогда—въ первой половинѣ X вѣка—и сѣверокавказскія народности, Аланы и Черные Болгаре (между Дономъ и Кубанью), вновь пріобрѣтаютъ себѣ независимость, и на судьбу ихъ начинаетъ вліять новый могущественный народъ на сѣверо-западѣ — Русь, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ утвердилъ свое владычество на Таманскомъ полуостровѣ. Исторія утвержденія Руси въ Тмутороканѣ (въ X в.) до сихъ поръ покрыта мракомъ, но то немногое, что намъ извѣстно объ этомъ княжествѣ, позволяетъ видѣть въ Тмутороканѣ центръ, въ которомъ завязывались самыя живыя и бойкія сношенія Руси съ сосѣдними тюркскими и кавказскими народностями (Касогами-Черкесами и Ясами-Осетинами). Благодаря своему приморскому положенію и торговому значенію, этотъ городъ и его окрестности отличался самымъ пестрымъ этнографическимъ составомъ населенія: здѣсь проживали и греки, составлявшіе главнымъ образомъ торговую часть населенія, и готы тетракситы, и представители разныхъ тюркскихъ племенъ—Болгаръ, Хазаръ, прежнихъ властителей этихъ мѣстъ, и представители воинственныхъ кавказцевъ-Касоговъ и Ясовъ, которые вмѣстѣ съ тюрками всегда давали обильный контингентъ въ дружины, набираемыя въ Тмутороканѣ русскими князьями для походовъ на Русь въ борьбѣ изъ-за удѣловъ. Къ сожалѣнію, наша Кіевская лѣтопись мало интересуется этимъ захолустнымъ княжествомъ: она упоминаетъ о немъ лишь случайно, когда тотъ или иной князь появляется оттуда на арену борьбы изъ-за удѣловъ съ наемными войсками. Только Мстиславъ, братъ Ярослава, воевавшій съ Касогами, повидимому занималъ болѣе продолжительное время столъ Тмутороканскій и такимъ образомъ поддерживалъ славянскій элементъ населенія Подонья. „Но и онъ, и послѣдующіе князья, говоритъ г. Голубовскій, [1]) появлявшіеся въ Тмуторо-

[1]) Печенѣги, Торки и Половцы до нашествія Татаръ. Кіевъ. 1884, стр. 183.

канѣ, интересовались болѣе дѣлами на Руси: ихъ тянуло къ Днѣпру. Послѣ 1024 г. до 1054 въ продолженіе тридцати лѣтъ тамъ князя не было. Мы не знаемъ даже, былъ ли тамъ посадникъ. Затѣмъ начинается быстрая смѣна князей, которые являлись туда на время, для своихъ личныхъ цѣлей, чтобы запастись средствами для борьбы со своими противниками на Руси... Въ послѣдній разъ Тмуторокань упоминается въ русской лѣтописи подъ 1094 годомъ. Въ этомъ году Олегъ Святославичъ покинулъ ее, чтобъ сѣсть въ Черниговѣ. Но этотъ славный торговый городъ продолжалъ существовать и быть центромъ торговаго движенія на юго-востокѣ".

Хотя въ послѣдующіе вѣка могущественная половецкая орда отрѣзала русскія поселенія Подонья и Тмуторокань отъ сѣверской Руси, хотя лѣтопись умалчиваетъ о судьбѣ бывшаго тмутороканскаго княжества въ XII вѣкѣ, въ періодъ самой упорной борьбы Руси съ Половцами, однако нельзя думать, что русскій элементъ въ населеніи этой окраины, наводненной тюркскими кочевниками, исчезъ уже въ это время: онъ не забылъ еще своихъ связей съ сѣверской Русью, и сѣверскіе князья еще не забыли о немъ. Еще въ 1185 г. Игорь, герой Слова о П. И., направляясь съ сѣверскими дружинами противъ Половцевъ, хочетъ поискати града Тмутороканя. Здѣсь, въ этой древней области съ насиженной культурой, мы, какъ и въ прежнее время, должны предположить въ XII в. тотъ же пестрый этнографическій составъ, то же постоянное и живое взаимодѣйствіе разныхъ національныхъ элементовъ, содѣйствовавшее и взаимному обмѣну произведеній народнаго творчества. Рядомъ съ болѣе древними кавказскими племенами (Касоговъ, Ясовъ) и остатками раннихъ пришельцевъ, осѣдлыхъ готовъ, здѣсь еще держалось осѣдлое славянское населеніе, а какъ верхній господствующій слой, надъ всѣми этими разноязычными элементами, лежала многочисленная половецкая орда, хозяйничавшая въ то время на всемъ сѣверномъ Кавказѣ, какъ нѣкогда Хазары, и объединявшая всѣ подчиненныя ей слабыя народности. Дѣйствительно, любопытное свидѣтельство венгерскаго монаха, посѣтившаго Приазовье въ 1237 г., представляетъ въ Тмуторокани оригинальную смѣсь элементовъ христіанско-культурныхъ и восточныхъ:

„Ея (Тмуторокани) владѣтель (dux) и населеніе называютъ себя христіанами, имѣя книги и священниковъ греческіе. Говорятъ, что князь имѣетъ сто женъ; всѣ мужчины брѣютъ головы, а бороды ростятъ умѣренно, за исключеніемъ благородныхъ, которые въ знакъ благородства надъ лѣвымъ ухомъ оставляютъ немного волосъ, причемъ вся остальная голова обрита“ [1]). Какъ видно, здѣсь преобладаютъ во внѣшнемъ бытѣ черты тюркскія, объясняющіяся господствомъ Половцевъ, хотя духовная сила прежняго культурнаго элемента населенія—христіанство—еще держится прочно, какъ оно продержалось на сѣверѣ Кавказа, хотя въ крайне захудаломъ видѣ, чуть ли не до XVIII столѣтія. Какое этнографическое вліяніе имѣли тюркскіе кочевники и особенно Половцы на юговосточное славянское населеніе, разсматриваемъ мы въ VII экскурсѣ [2]). Здѣсь же отмѣтимъ, что не меньшее (если не большее) вліяніе оказывалъ тюркскій элементъ на Кавказѣ. Древнія черкесскія (касожскія) и ясскія племена должны были, подъ напоромъ тюрковъ, оттѣсниться на западъ, ближе къ горамъ, а во многихъ мѣстахъ тюрки вытѣснили туземцевъ даже изъ горныхъ ущелій. Таково тюркское населеніе въ Карачаѣ—на верхней Кубани и по рѣкамъ Баксану, Чегемму, Череку, смѣнившее въ этихъ мѣстахъ древнее осетинское населеніе. Полные хозяева на сѣверѣ Кавказа Половцы въ качествѣ наемныхъ дружинъ нерѣдко появлялись и въ Закавказьѣ, камъ союзники Грузинъ въ борьбѣ съ мусульманами. Грузинскій царь Давидъ, по свидѣтельству грузинской хроники, имѣлъ на жалованьи сорокъ тысячъ Кипчаковъ (Половцевъ), служившихъ ему въ его многочисленныхъ войнахъ [3]) Еще сильнѣе становится наплывъ тюркскаго элемента на сѣверный Кавказъ послѣ татарскаго разгрома. Въ 1223 г., по свидѣтельству Ибнъ-эль-Атира, масса Половцевъ переселилась на Кавказъ, такъ что въ многочисленномъ тюркскомъ населеніи сѣвернаго Кавказа (кумыкахъ) естественно видѣть потомковъ нѣкогда могущественной половецкой орды.

[1]) Голубовскій,—стр. 187 со ссылкой на Fejer,—Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticae et civilis v. IV ps. II p. 51—52.

[2]) Голубовскій, стр. 190 со ссылкой на Defrémery, pp. 26—27. note 3.

[3]) «Рус. Мысль». 1891 г.

Припоминая этнографическое вліяніе тюрковъ на сѣверное кавказское населеніе, мы находимъ объясненіе тому факту, что на сѣверѣ Кавказа, въ степяхъ, нѣкогда занимаемыхъ касогами и Ясами, а за ними Тюрками, сложился богатырскій (нартскій) эпосъ, котораго герои равно извѣстны и Кабардинцамъ, потомкамъ Касоговъ, и Карачаевцамъ, потомкамъ пришлыхъ тюрковъ, смѣшавшихся съ туземнымъ осетинскимъ населеніемъ, и горнымъ Осетинамъ, потомкамъ Ясовъ, загнанныхъ въ горы съ сѣверной равнины. Какъ на этой равнинѣ, постоянной аренѣ борьбы азіатскихъ насельниковъ, все вновь прибывавшихъ съ востока, съ ранѣе осѣвшими здѣсь кавказскими и другими народностями, должны были вырабатываться типы богатырей и сказанія о нихъ получать обильную пищу, такъ, при подобныхъ же условіяхъ, являлись богатырскіе типы и складывались сказанія далѣе на сѣверо-западѣ въ тѣхъ окраинныхъ русскихъ областяхъ (Кіевской, Черниговской, Переяславской, Сѣверской), которыя представляли форпосты въ упорной борьбѣ осѣдлой Руси съ такими же азіатскими кочевниками. И эти кочевники, приносившіе восточные сказочные мотивы изъ Азіи, гдѣ нѣкоторыя изъ тюркскихъ племенъ могли усвоить себѣ и мотивы богатаго иранскаго эпоса, представляются намъ естественнымъ звеномъ, связывающимъ оба богатырскіе эпоса: южный—кавказскій и сѣверный—русскій.

Всев. Миллеръ.

Изъ области киргизскихъ вѣрованій.

До настоящаго времени всѣ почти авторы, писавшіе о киргизахъ, единогласно утверждали, что киргизы настолько мало знакомы съ основами своей магометанской религіи, что почти не знаютъ никакихъ молитвъ, не соблюдаютъ постовъ, а если и соблюдаютъ, то весьма немногіе изъ нихъ, да и то неаккуратно, или только для виду; значенія присяги киргизы не понимаютъ, многіе даже будто бы не знаютъ имени своего пророка. Другіе авторы сообщали даже, что киргизы не принадлежатъ ни къ какой религіи, такъ какъ многіе изъ нихъ сами не знаютъ, къ какой религіи себя причислить (Костенко). Венюковъ и Миропіевъ говорятъ, что среди киргизовъ развито шаманство; другіе писали, что у нихъ сохранились еще слѣды огнепоклонничества, и т. д. Всѣ эти отзывы относятся главнымъ образомъ къ киргизамъ, живущимъ въ глубинѣ Средней Азіи, т. е. въ Туркестанскомъ краѣ, Семирѣченской области и около границъ Китая, и въ общемъ они вѣрны. Изъ позднѣйшихъ путешественниковъ г. Красновъ нашелъ уже семирѣченскихъ киргизовъ магометанами-фанатиками, хотя д-ръ Зеландъ, *) только за годъ съ небольшимъ до путешествія Краснова напечатавшій свою работу о тѣхъ же киргизахъ, между прочимъ писалъ: „эти киргизы равнодушны къ догматическимъ вопросамъ своей религіи и мало съ ними знакомы. Главные обряды впрочемъ исполняютъ, творятъ молитву по мусульманскимъ правиламъ и держатъ

[1]) Киргизы. Этнологическій очеркъ. Записки З.-Сибирск. отд. Импер. Рус. Геогр. Общ., кн. VII, вып. 2. 1885 г.

большіе посты, тоже впрочемъ не всегда, неаккуратно. Муллы хотя есть въ степи, но ихъ мало и они малограмотны. Мечетей очень мало". „Киргизы Букеевской орды, говоритъ А. Н. Харузинъ, также плохіе магометане, особенно простой народъ". Личныя наши наблюденія также приводятъ къ тому заключенію, что семирѣченскіе киргизы еще и въ настоящее время плохо знакомы съ кораномъ; они сами говорятъ, что муллы появились среди нихъ не болѣе 15—20 лѣтъ тому назадъ, до того же времени они знали о нихъ только по наслышкѣ, а также корана писаннаго или печатнаго и другихъ какихъ либо книгъ религіознаго содержанія ни за что нельзя было найти. Если теперь мечетей и муллъ еще мало, то уже нерѣдкость по крайней мѣрѣ встрѣтить въ аулѣ коранъ или какую нибудь книжку религіознаго содержанія, занесенную торговцами изъ сартовъ или татаръ. До водворенія господства русскихъ здѣшніе киргизы находили удобнымъ обходиться безъ ученія Магомета и въ коранѣ его не нуждались, но съ приходомъ русскихъ они сочли почему то необходимымъ примкнуть къ мусульманству,—такъ по крайней мѣрѣ приходилось слышать отъ здѣшнихъ старожиловъ-киргизовъ, что согласуется и съ отзывами тѣхъ авторовъ, которые говорятъ, что болѣе быстрому переходу киргизовъ въ мусульманство способствовали сами русскіе. Такимъ образомъ, какъ при помощи письменныхъ свидѣтельствъ, такъ и на основаніи устныхъ разспросовъ, приходится установить фактъ, что магометанство среди здѣшнихъ киргизовъ стало распространяться сравнительно недавно, а потому оно, казалось бы, и не могло еще глубоко войти въ плоть и кровь ихъ въ теченіе столь незначительнаго времени, хотя a priori это казалось бы и такъ; но разъ магометанство оффиціально сдѣлалось господствующей религіей, то его тѣмъ самымъ уже слѣдуетъ признать твердо установившимся. И дѣйствительно, ученіе это на глазахъ нашихъ незамѣтно, но постепенно все глубже и глубже проникаетъ въ душу киргизскаго населенія. Насколько впослѣдствіи намъ выгодно будетъ имѣть дѣло съ населеленіемъ, проникнутымъ мусульманскимъ духомъ, —это вопросъ другой.

Такъ какъ мусульманство среди здѣшнихъ киргизовъ ста-

ло распространяться недавно, то въ настоящее время еще легко въ ихъ вѣрованіяхъ подмѣтить два слоя: одинъ—это остатки старинной или языческой религіи, другой—новѣйшій, мусульманскій, причемъ послѣдній начинаетъ брать значительнѣй перевѣсъ, благодаря тому, что одними изъ главныхъ проводниковъ мусульманства являются татары и сарты, ведущіе постоянно мѣновую торговлю съ здѣшнимъ киргизскимъ населеніемъ и отличающіеся большимъ фанатизмомъ, особенно сарты. Эти хитрые и скромные по виду агенты мусульманства проникли во всѣ отдаленныя киргизскія волости и аулы и пользуются тамъ среди населенія немалымъ вліяніемъ, какъ лучшіе знатоки мусульманскаго ученія. Пропаганда эта ведется постепенно и незамѣтно, но настойчиво.

Указанныя два противоположныя вліянія въ жизни киргизовъ не ускользали отъ наблюденія нашихъ лучшихъ изслѣдователей, а напротивъ отмѣчались, какъ явленіе достойное вниманія и изученія. Такъ, А. Н. Харузинъ говоритъ, что „прослѣдить борьбу языческой старины со входящимъ магометанствомъ по городамъ и мѣстностямъ было бы крайне интересно". Д-ръ Зеландъ, признавъ киргизовъ несвѣдущими въ догматахъ мусульманской религіи и равнодушными къ нимъ, далѣе прибавляетъ: „зато фантазія киргиза оживляетъ окружающій міръ таинственною дѣятельностью различныхъ духовъ. Горныя вершины населены ими, болѣзни большею частью производятся ими, вообще вмѣшательство ихъ въ жизнь человѣка признается за аксіому. Поэтому мусульманскіе обряды у киргизъ еще перемѣшаны съ остатками язычества".

Таковы результаты позднѣйшихъ изслѣдователей. Приступая къ настоящей работѣ, я сначала задался было цѣлью собрать одни языческія вѣрованія здѣшнихъ киргизовъ и разсмотрѣть, какое они имѣютъ вліяніе на ихъ жизнь; но при дальнѣйшемъ изученіи оказалось, что нѣкоторыя стороны киргизской жизни приходится объяснить только мусульманскими вѣрованіями, что также не лишено интереса, тѣмъ болѣе, что не будетъ большимъ преувеличеніемъ, если я скажу, что не только о вѣрованіяхъ киргизовъ языческаго происхожденія, но и о мусульманскихъ въ общемъ мало извѣстно,

почему я и рѣшился собрать всѣ тѣ вѣрованія, которыя въ данное время наиболѣе распространены между здѣшними киргизами, и которыя имѣютъ наибольшее вліяніе на ихъ жизнь, нисколько, конечно, не упуская изъ виду старыхъ или отживающихъ вѣрованій, а напротивъ выдѣляя и отмѣчая ихъ съ особымъ вниманіемъ. Изъ книги А. Н. Харузина: „Киргизы Букеевской орды", я между прочимъ узналъ о существованіи статьи Миропіева: „Демонологическіе разсказы киргизовъ", въ которой впервые затронуты языческія вѣрованія киргизовъ; но къ сожалѣнію этой интересной работы у меня не имѣется подъ руками, почему по необходимости приходится ограничиться однимъ своимъ матеріаломъ. Насколько моя работа будетъ полезна и интересна, предоставляю судить другимъ. При составленіи ея мнѣ много помогалъ учитель Пишпекской школы садоводства Хусаинъ Берденовичъ Берденовъ и переводчикъ уѣзднаго правленія Магбеталы Муратулинъ.

Изъ существующихъ у здѣшнихъ киргизовъ вѣрованій, по давности существованія одного изъ нихъ и по важности его значенія, на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить Арвака.

Арвакъ по произношенію каракиргизовъ и *Аураkъ*—киргизъ-казаковъ. Точный переводъ этого слова значитъ „духъ умершихъ предковъ". И въ настоящее время это еще одинъ изъ сильныхъ догматовъ, если такъ можно выразиться, прежней религіи киргизовъ, хотя начинаетъ уже ослабѣвать. По понятію киргизовъ „духъ умершихъ предковъ", какъ ближайшихъ такъ и отдаленныхъ, покровительствуетъ тѣмъ изъ оставшихся въ живыхъ ихъ родственникамъ, которые ведутъ жизнь достойную ихъ памяти и дѣлаютъ добрыя дѣла; въ такомъ случаѣ Арвакъ, невидимо витая надъ ихъ жилищемъ, помогаетъ имъ и оберегаетъ отъ несчастій. Если же оставшіеся на землѣ ведутъ жизнь недостойную памяти своихъ предковъ, то Арвакъ отъ таковыхъ отступается; онъ перестаетъ быть ихъ защитникомъ и покровителемъ, почему оставленные впадаютъ, будто бы, въ бѣдность, ихъ посѣщаютъ всевозможныя несчастія и болѣзни; мало того, такіе люди дѣлаются ворами и мошенниками, такъ какъ Арвакъ не только наказываетъ отнятіемъ и лишеніемъ матеріальныхъ благъ, но и потерею тѣхъ

нравственныхъ качествъ, которыми они обладали прежде. Сумасшествіе также приписывалось, по крайней мѣрѣ прежде, немилости или гнѣву Арвака. И въ былое время, постигнетъ ли киргиза какое несчастіе или бѣдствіе, испортится ли онъ нравственно или съ ума сойдетъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ прежде говорилось, да и теперь еще многіе киргизы говорятъ: „Арвакъ урды" т. е. духъ умершихъ предковъ убилъ. Этимъ почитаніемъ и благоговѣніемъ къ памяти предковъ объясняется то глубокое уваженіе, доходящее до религіознаго поклоненія, которымъ пользуются среди киргизъ могилы ихъ родственниковъ еще и въ настоящее время, что единогласно подтверждаютъ всѣ, писавшіе о киргизахъ. Въ старину за оскорбленіе могилы полагалась смертная казнь, какъ передаютъ старики-киргизы. Этимъ почитаніемъ памяти предковъ также объясняется, почему киргизы, даже самые бѣдные, на могилахъ своихъ родственниковъ стараются поставить и теперь еще какой нибудь памятникъ или знакъ, и если кто не можетъ, по недостатку средствъ, сдѣлать большой и прочной муллушки изъ жженаго кирпича, то старается по крайней мѣрѣ обнести могилу со всѣхъ четырехъ сторонъ простой глиняной стѣной. Правда, подъ вліяніемъ мусульманства обычай ставить на могилахъ какіе либо знаки исчезаетъ и у здѣшнихъ киргизовъ, но онъ еще существуетъ въ отдаленныхъ волостяхъ. Такъ, у киргизовъ рода Саяковъ и теперь еще ставятъ на могилѣ умершаго высокій шестъ, къ которому привязываютъ хвостъ отъ самой любимой лошади покойника; другіе ставятъ подобный шестъ съ хвостомъ у дверей своей юрты, и проѣзжающій, увидѣвъ еще издали этотъ траурный знакъ, не доѣзжая юрты, начинаетъ громко плакать, хотя бы онъ не зналъ не только покойника, но и родственниковъ его. Въ данномъ случаѣ гость или проѣзжій показываютъ, что они также близко принимаютъ къ сердцу горе тѣхъ, которые имѣли несчастіе лишиться родственника; кромѣ того, они стараются почтить память умершаго какимъ либо знакомъ: идутъ на его могилу, если таковая находится не особенно далеко, или же дѣлаютъ подарки тѣмъ, которые пользовались при жизни покойнаго особеннымъ расположеніемъ его; все это родственникамъ умершаго доставляетъ большое удовольствіе

и утѣшеніе, а въ противномъ случаѣ, если кто не выразитъ соболѣзнованія или участія, это считается тяжкимъ оскорбленіемъ какъ памяти умершаго, такъ и его родственниковъ. У киргизовъ, живущихъ на Чуйской долинѣ, теперь на могилахъ умершихъ не ставятъ никакихъ знаковъ, хотя прежде и у нихъ существовалъ такой же обычай, какъ и у Саяковъ, но никто не пройдетъ и не проѣдетъ мимо могилы, не отдавъ ей должнаго уваженія. Даже самое мѣсто, гдѣ умирающій испустилъ послѣдній вздохъ и гдѣ обмывали покойника, почитается священнымъ, и чтобы это мѣсто не было осквернено людьми или животными, дѣлаютъ на немъ невысокую земляную насыпь въ видѣ продолговатаго четыреугольника.

Каждому изъ насъ не разъ приходилось слышать и читать что киргизы легко нарушаютъ данную по мусульманскому обряду присягу, что, конечно, вызывало не малое удивленіе. Можетъ быть, что такое легкое отношеніе киргизовъ къ присягѣ заставило многихъ высказаться неблагопріятно объ ихъ нравственныхъ качествахъ и достоинствахъ. Такъ, Загряжскій между прочимъ говоритъ, что киргизамъ „чужда идея справедливости“ *). На основаніи какихъ данныхъ Загряжскій пришелъ къ такому заключенію, мы не знаемъ, но нельзя ему не вѣрить, такъ какъ это одинъ изъ лучшихъ знатоковъ быта киргизовъ. Нельзя однако не замѣтить при этомъ, что дѣятели въ родѣ г. Загряжскаго, бывшаго одно время уѣзднымъ начальникомъ въ Туркестанскомъ генералъ-губернаторствѣ, сами не всегда содѣйствовали вкорененію идеи справедливости въ сознаніи киргизовъ, и нечего удивляться, если киргизы легко нарушали присягу, данную ими по мусульманскому обряду. Если такъ легко они относились къ этой присягѣ, такъ это потому, что значенія ея они не понимали, а многіе изъ нихъ не понимаютъ и теперь, потому что ученіе Магомета и его Аллахъ еще чужды большинству киргизовъ (въ особенности каракиргизовъ) и до сихъ поръ; но не было примѣра, чтобы киргизъ измѣнилъ данному слову или обѣщанію въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ клянется Арвакомъ. Для киргизовъ глухихъ и отдаленныхъ волостей Арвакъ и теперь еще

[1]) Цитир. по А. Н. Харузину: „Киргизы Букеевской Орды“.

грозная нравственная сила, которую они ставятъ выше всего и которой они боятся болѣе всего. Въ важныхъ случаяхъ жизни, при заключеніи какихъ либо договоровъ или обѣщаній, желая безусловно убѣдить одинъ другого въ исполненіи ихъ, они клянутся, призываютъ въ свидѣтели Арвака, т. е. духа умершихъ предковъ. Такъ, у киргизовъ рода Саяковъ дружба скрѣпляется слѣдующимъ образомъ: два лица, желающія межъ собою заключить неразрывную дружбу, съѣзжаются въ заранѣе условленное мѣсто, въ какой-нибудь аулъ; если они были до этого во враждѣ, то избираютъ нейтральный аулъ. Здѣсь они ставятъ между собой какое нибудь оружіе, главнымъ образомъ ружье или саблю, и трижды обнимаются, говоря: если кто измѣнитъ или нарушитъ эту дружбу, того пусть убьетъ Арвакъ, послѣ чего они становятся уже друзьями навѣки, садятся за угощеніе и проч. При заключеніи такого союза бываетъ много народа. Эта дружба (или союзъ) называется священной и строго почитается какъ таковая: никакая ссора или вражда не въ состояніи расторгнуть эту дружбу и, какъ утверждаютъ, не было случая, чтобы кто либо рѣшился измѣнить и нарушить ее. Замѣчательно, что этотъ договоръ считается обязательнымъ и для потомковъ тѣхъ, которые заключили между собою когда-то таковую дружбу, и внуки и правнуки заключившихъ такой союзъ или помирившихся, свято соблюдаютъ его. Интересна въ данномъ случаѣ еще одна особенность, это та, что примиряющіеся или заключающіе договоръ дѣлаютъ посредникомъ между собою оружіе, ставятъ его, такъ сказать, видимымъ свидѣтелемъ примиренія или договора, кромѣ невидимаго Арвака. Не думаю, чтобы у киргизовъ, народа миролюбиваго и далеко не воинственнаго, могъ самостоятельно выработаться этотъ обычай; вѣроятно, онъ позаимствованъ ими отъ кого либо другого.

Арвакъ покровительствуетъ и помогаетъ не только прямымъ своимъ родственникамъ, но и тѣмъ, которые въ качествѣ слугъ своего господина аккуратно исполняли всѣ его желанія и приказанія, умѣли угодить ему, и своими поступками и дѣйствіями заслужили любовь и благосклонность нетолько при жизни его, но продолжаютъ заслуживать и послѣ его смерти; въ такомъ случаѣ киргизы говорятъ, что Арвакъ покрови-

тельствуетъ и помогаетъ такому-то, причемъ называется постороннее лицо, не состоявшее въ родственныхъ отношеніяхъ съ умершимъ. Такъ, напр., если какой-нибудь джигитъ разбогатѣлъ или выдвинулся чѣмъ либо послѣ смерти своего господина, то говорятъ, что Арвакъ, т. е. духъ его умершаго господина, перешелъ на него.

Видѣть духа своихъ умершихъ предковъ киргизы считаютъ недостойнымъ, почему онъ никому не показывается, а витаетъ невидимо надъ жилищемъ своихъ родственниковъ. Поклявшіеся Арвакомъ обязаны другъ друга защищать, предупреждать о грозящей опасности, жертвовать жизнью, однимъ словомъ блюсти интересы одинъ другого изъ рода въ родъ.

Очевидно, что почитаніе духа предковъ есть остатокъ прежней естественной религіи кара-киргизовъ. Въ настоящее время этотъ культъ почитанія и поклоненія памяти предковъ значительно ослабѣлъ и у многихъ кара-киргизскихъ родовъ, и сохраняется еще только у тѣхъ изъ нихъ, которые живутъ и до сихъ поръ болѣе или менѣе обособленно. Распространеніе мусульманства, вліяніе русское и другія причины, способствовавшія распаденію родового быта, ослабили въ значительной степени также и это вѣрованіе.

Кыдыръ-пайгамбаръ [1]), Кыдыръ-ата по произношенію кара-киргизовъ и *Хызыръ*—киргизъ-казаковъ. Это вѣрованіе перешло, какъ видно, вмѣстѣ съ мусульманствомъ и среди здѣшнихъ кара-киргизовъ получило широкое распространеніе, благодаря его мистическо-фаталистическому характеру. По представленію киргизовъ, Кыдыръ есть святой, безсмертный и невидимо странствующій пророкъ, видѣть котораго составляетъ для киргиза большую радость, такъ какъ Кыдыръ приноситъ съ собою счастье, богатство, славу, красоту, умъ и прочія блага. Желая осчастливить кого-либо изъ достойныхъ смертныхъ своимъ посѣщеніемъ и тѣмъ самымъ послать ему всевозможныя блага, Кыдыръ принимаетъ опре-

[1]) Слово „пайгамбаръ", кажется, правильнѣе было бы писать «файгамбаръ», что значитъ пророкъ. Я удержалъ произношеніе здѣшнихъ каракиргизовъ. Ата—значитъ отецъ, дѣдушка.

дѣленную видимую форму, преимущественно же является въ образѣ нищаго, и нерѣдко знакомаго нищаго, часто является калѣкой, слѣпымъ старцемъ и проч. Это общее среди киргизовъ представленіе образа Кыдыра, хотя существуетъ убѣжденіе, что онъ можетъ присутствовать и посѣщать невидимо. У многихъ существуетъ убѣжденіе, что Кыдыръ долженъ явиться каждому киргизу три раза въ теченіе его жизни. Въ первый разъ Кыдыръ будто бы является двадцати-семилѣтнимъ человѣкомъ, во второй разъ сорока-семилѣтнимъ и въ третій разъ шестидесяти-семилѣтнимъ старикомъ. Прибытія или посѣщенія Кыдыра киргизы ожидаютъ главнымъ образомъ по ночамъ, наканунѣ большихъ праздниковъ (у акмолинскихъ киргизовъ); въ загорныхъ волостяхъ (у Саяковъ) Кыдыра ожидаютъ исключительно наканунѣ праздника Курбанъ-айта, о чемъ ниже скажемъ подробнѣе; у Чуйскихъ киргизовъ онъ ожидается главнымъ образомъ во время лѣтняго поста (Ураза), который продолжается тридцать дней,—въ этомъ случаѣ, кто стремится видѣть Кыдыра, тотъ долженъ въ теченіе всего поста еженочво бодрствовать до разсвѣта, и находятся такіе, которые выдерживаютъ этотъ искусъ, но удается ли имъ видѣть всегда Кыдыра — этого киргизы не утверждаютъ. Являясь нищимъ, Кыдыръ проситъ милостыню и этимъ какъ бы испытываетъ того, къ кому онъ явился: если ему не откажутъ въ подаяніи, то Кыдыръ дѣлаетъ того счастливымъ и богатымъ. На этомъ основаніи ни одинъ киргизъ, даже самый бѣдный, не откажетъ въ это время ни одному нищему въ подаяніи, хотя небольшой кусочекъ сыра, да подастъ. Положимъ, что Кыдыръ не лишаетъ счастья, если ему и ничего не дадутъ, но все же лучше дать хотя что-нибудь, чѣмъ ничего. Получивъ милостыню, Кыдыръ предлагаетъ вопросъ: что нужно? Барановъ ли, верблюдовъ, дѣтей, лошадей, умъ, красоту и проч. и проч. Вопрошаемый отвѣчаетъ по своему желанію. Получивъ отвѣтъ, Кыдыръ уходитъ, говоря: „быть по твоему". Нерѣдко, ожидая посѣщенія Кыдыра, киргизъ заранѣе приготовляетъ отвѣтъ. Другіе просятъ хорошей и счастливой жизни на томъ свѣтѣ, но такихъ мало. Какъ бы кто ни принялъ Кыдыра, онъ не наказываетъ, а все-таки прощаетъ и благословляетъ на счастіе,

такъ что можно думать, что въ образѣ Кыдыра олицетворяется милостивый, всепрощающій и вселюбящій пророкъ. Иногда, хотя и рѣже, Кыдыръ является въ образѣ знатнаго и богатаго человѣка, и даже можетъ принять видъ хорошо знакомаго и извѣстнаго человѣка. Въ какомъ бы человѣческомъ образѣ Кыдыръ ни явился, у киргизовъ для него есть одна постоянная примѣта, именно та, что большой палецъ правой его руки не имѣетъ костей, а состоитъ изъ однихъ мягкихъ частей. Этимъ и сами киргизы объясняютъ форму существующаго у нихъ рукопожатія, которое состоитъ въ томъ, что, взявъ руки гостя въ ладони своихъ обѣихъ рукъ, хозяинъ двумя своими пальцами, большимъ и указательнымъ, правой руки слегка прижимаетъ большой палецъ той же руки гостя или кого другого, кто бы онъ ни былъ, особенно если гость человѣкъ незнакомый. Этимъ онъ какъ бы хочетъ сказать: не Кыдыръ ли ты, не Кыдыра ли мнѣ въ тебѣ придется видѣть?

Иногда Кыдыръ является въ видѣ птицы, и въ такихъ случаяхъ киргизы видятъ его плавающимъ въ сабѣ *) въ видѣ утки съ дѣтенышами, или же въ видѣ воробья, который свиваетъ гнѣздо на баранѣ. Въ первомъ случаѣ означаетъ, что будетъ много лошадей, а во второмъ—много барановъ. Киргизы также вѣрятъ, что Кыдыръ невидимо опускаетъ руку въ кушанье, отчего послѣднее прибавляется и дѣлается болѣе вкуснымъ. Въ Нарынской волости, у кара-киргизскаго рода Джетыгень, аулъ Медербека славится баранами, которые отличаются большимъ ростомъ, и этихъ-то барановъ будто бы послалъ Кыдыръ съ неба, какъ увѣряютъ киргизы, по крайней мѣрѣ между ними распространено такое убѣжденіе.

Въ загорныхъ волостяхъ, у кара-киргизовъ рода Саяковъ, какъ я сказалъ выше, посѣщеніе Кыдыра ожидается исключительно наканунѣ праздника Курбанъ-айта. Вечеромъ этого дня, по понятію ихъ, Кыдыръ, хотя невидимо, долженъ посѣтить юрту каждаго киргиза, почему каждый домохозяинъ обязанъ заколоть барана и непремѣнно сдѣлать жертвопри-

[1]) „Саба“—мѣшокъ, сшитый изъ цѣлой шкуры животнаго, а „турсукъ“—изъ части шкуры; въ томъ и другомъ обыкновенно хранится кумысъ.

ношеніе (тлеу-кылмакъ); даже бѣднякъ долженъ продать что-нибудь и заколоть хотя козленка или ягненка, никакъ не моложе шестимѣсячнаго. Рѣжутъ преимущественно самцовъ, рѣжетъ самъ хозяинъ. Усѣвшись въ этотъ вечеръ за ужинъ, хозяинъ подаетъ гостю, если таковой случится, сваренную голову животнаго. У всѣхъ вообще киргизовъ въ обычаѣ всегда подавать гостю голову въ знакъ уваженія къ нему, въ этотъ же вечеръ въ лицѣ гостя хозяинъ видитъ, если не самого Кыдыра, то особенную милость, ниспосланную ему этимъ духомъ. Гость, отвѣдавъ немного, обыкновенно ограничившись однимъ ухомъ, передаетъ хозяину обратно голову, которую долженъ уже лично самъ хозяинъ очистить и на лбу и обѣихъ щекахъ ея сдѣлать красной краской или охрой по знаку. Послѣ этого голову ставятъ въ юртѣ на видное мѣсто, чтобы всякій входящій видѣлъ, что было сдѣлано жертвоприношеніе, и, вѣроятно, эту юрту, хотя невидимо, посѣтилъ Кыдыръ. Голову эту держатъ въ юртѣ отъ трехъ до девяти дней, послѣ чего ее выносятъ и кладутъ на могилы своихъ предковъ, которые почему-либо особенно почитаются или считаются святыми, иногда же голову просто выставляютъ на возвышенныхъ мѣстахъ и высокихъ деревьяхъ. Этимъ дается понять, что изъ семейства этого унесены всѣ болѣзни, несчастія и напасти, и слѣдовательно можно быть спокойнымъ до другого года. Шкуру зарѣзаннаго животнаго прежде отдавали „сопы“*), т. е. людямъ, которые прежде считались близкими къ Кыдыру, а теперь отдаютъ ее мулламъ, пользующимся уваженіемъ, или тѣмъ изъ нихъ, которые хорошо знаютъ коранъ, такъ какъ сопы теперь уже вывелись и совсѣмъ мало стало благочестивыхъ людей, достойныхъ быть близкими къ Кыдыру. Во время праздника Курбанъ-айта не только угощаютъ дома, но и разносятъ кушанье по роднымъ, знакомымъ и пріятелямъ, что называется „Курбанъ-лыкъ“. Дѣлается это съ тою цѣлью, что Кыдыръ, встрѣтивъ это кушанье, можетъ попробовать его и въ другомъ мѣстѣ и отплатитъ за это сторицею.

---

[1]) „Сопы“—это безграмотные киргизы, своею благочестивою жизнью заслужившіе уваженіе своихъ единовѣрцевъ.

Ни одинъ народъ не избѣгъ того, чтобы его вѣрованія не были эксплуатируемы хотя отчасти; такъ это случилось и съ киргизами относительно того же Кыдыра. Такъ, въ прежнее время киргизы представляли Кыдыра еще въ образѣ наѣздника верхомъ на лошади; въ этомъ случаѣ Кыдыръ являлся въ табунъ лошадей и, выбравъ 2—3 лучшихъ изъ нихъ, преспокойно уѣзжалъ. Простодушный и довѣрчивый киргизъ, считая себя весьма счастливымъ тѣмъ, что ему удалось видѣть святого пророка, не преслѣдовалъ его, конечно, въ той надеждѣ, что за взятыхъ имъ 2—3 лошадей онъ получитъ по меньшей мѣрѣ нѣсколько десятковъ, ато и сотенъ. Но время скоро показало, что въ такой формѣ Кыдыръ менѣе всего вознаграждаетъ осчастливленныхъ его посѣщеніемъ киргизовъ, и онъ счелъ благоразумнымъ болѣе не являться въ такомъ видѣ, какъ передаютъ сами же киргизы. Вѣроятно, въ прежнее время существовали и другіе образы представленія Кыдыра, но они со временемъ исчезли, какъ несоотвѣтствующіе понятію о святомъ пророкѣ, который долженъ благодѣтельствовать и приносить счастье бѣдному и беззащитному кочевнику степей, а не разорять и обижать его. Нельзя сказать, чтобы и теперь не эксплоатировалось это вѣрованіе, но, насколько удалось собрать объ этомъ свѣдѣнія, эксплоатація эта имѣетъ безвредный и безобидный характеръ, такъ что у большинства вызываетъ нѣкоторую иронію или добродушную насмѣшку. Въ настоящее время это продѣлываютъ главнымъ образомъ нищіе изъ кашгарскихъ сартовъ или же и свои киргизы. Такой нищій, проходя черезъ аулъ, намѣренно не заходитъ въ нѣкоторыя юрты, желая этимъ показать, что тѣ, къ кому онъ не зашелъ, недостойны его видѣть, и этимъ какъ бы даетъ понять, что онъ не простой нищій, а Кыдыръ. Такой безобидный маневръ удается продѣлать въ большинствѣ случаевъ съ прибылью, такъ какъ хозяева обойденныхъ юртъ, считая себя обиженными, сами возвращаютъ и награждаютъ такого нищаго. Другіе дѣлаютъ такъ: подойдя къ юртѣ, показываютъ видъ, что они не нуждаются въ милостынѣ, почему не пристаютъ и не выпрашиваютъ назойливо; они какъ бы стараются показать, что своимъ приходомъ они скорѣе дѣлаютъ честь или одолженіе, и, постоявъ немного, ухо-

дять, не дожидаясь подачки. Хозяинъ, сообразивъ и вспомнивъ о Кыдырѣ, возвращаетъ нищаго и награждаетъ его, чѣмъ можетъ.

Изъ всего вышеизложеннаго видно, что вѣрованіе въ Кыдыра пережило и продолжаетъ переживать различныя наружныя формы и сопровождается различными обрядностями, хотя сущность его повидимому остается одна и та же, а именно: понятіе о Кыдырѣ установилось какъ о кроткомъ, незлобивомъ подателѣ и источникѣ всевозможныхъ земныхъ благъ.

Такова сущность представленія о Кыдырѣ у здѣшнихъ кара-киргизовъ. Нѣкоторые изъ нихъ съ именемъ Кыдыра связываютъ представленіе о пророкѣ Иліи или Елисеѣ, которые упоминаются въ коранѣ. Подобное толкованіе принадлежитъ главнымъ образомъ мулламъ и ахунамъ, хотя они и не могутъ привести или дать для этого точныхъ указаній. Громадное же большинство признаетъ Кыдыра за самостоятельнаго пророка. Вѣрованіе это, какъ я упоминалъ, имѣетъ широкое распространеніе и способствуетъ болѣе быстрому усвоенію мусульманства среди здѣшнихъ киргизовъ. Нельзя все таки не признать, что это вѣрованіе въ обыденной жизни ихъ имѣетъ немаловажное значеніе: имъ объясняется отношеніе киргизовъ къ нищимъ: исходя изъ этого вѣрованія киргизъ подаетъ нищему, бѣглецу или проходимцу хотя небольшой кусочекъ сыра. Съ вѣрованіемъ въ Кыдыра связывается отчасти и гостепріимство, о которомъ единогласно говорятъ всѣ, писавшіе о киргизахъ, какъ объ отличительной чертѣ ихъ характера. Правда, что и коранъ Магомета предписываетъ быть гостепріимнымъ; но сухое отвлеченное требованіе его едва-ли скоро бы привилось и укоренилось въ душѣ такого дикаря, какъ киргизъ. Для склада такого ума и характера, какимъ надѣлены киргизы, необходимо идею гостепріимства и доброе отношеніе къ бѣднымъ и нищимъ воплотить въ какіе либо конкретные образы или формы, что отчасти и достигается широко распространеннымъ существующимъ вѣрованіемъ въ Кыдыра. Откуда оно собственно зашло и какъ проникло въ киргизскую среду, я рѣшить не берусь.

Изъ предъидущаго между прочимъ видно, что вѣрованіе это имѣетъ и нѣсколько мистическій характеръ, подобныя же

вѣрованія дѣйствуютъ на нравы и характеръ людей смягчающимъ образомъ, хотя въ то же время такія вѣрованія имѣютъ и свою отрицательную сторону, а именно: развиваютъ бездѣятельность, нерѣшительность, безхарактерность и т. п., а такихъ отзывовъ про киргизовъ приведено немало А. Н. Харузинымъ въ его книгѣ „Киргизы Букеевской Орды". Я далекъ отъ мысли исключительно приписывать этому вѣрованію развитіе вышеприведенныхъ отрицательныхъ качествъ, но нельзя не признать нѣкоторой доли этого вліянія и за нимъ. Киргизъ вѣритъ, что достигнуть довольства, богатства, почестей невозможно безъ помощи Кыдыра. У киргизовъ нѣтъ на глазахъ примѣра, чтобы кто либо изъ ихъ собратовъ разбогатѣлъ, благодаря упорному систематическому труду; они, напротивъ, видятъ, что богатый киргизъ совсѣмъ ничего не работаетъ, а между тѣмъ обладаетъ кое-какимъ избыткомъ и даже богатствомъ, и все это приписываетъ милости, ниспосланной Кыдыромъ. У собрата Медербека рослые бараны,—чѣмъ киргизъ можетъ обяснить это явленіе? Онъ видитъ, что Медербекъ палецъ о палецъ не ударилъ для того, чтобы бараны его были болѣе рослые, чѣмъ у другихъ; а между прочимъ бараны его оказываются лучше и пріобрѣли извѣстность, благодаря большому своему росту. Въ прежнее время киргизъ сказалъ бы, что Медербеку помогъ его Арвакъ, т. е. духъ его предковъ, но это вѣрованіе уже значительно ослабѣло и стало забываться, благодаря укореняющемуся у нихъ мусульманству. Муллы, ахуны, хаджи—люди ученые, начитанные, говорятъ совсѣмъ другое. Они говорятъ, что кто разбогатѣлъ или выдвинулся чѣмъ либо, тому помогъ Кыдыръ или Хызыръ, и простодушный и довѣрчивый киргизъ вѣритъ этому. Для большаго успѣха всякаго новаго вѣрованія необходима извѣстная подкладка, при помощи коей новое вѣрованіе легко вытѣсняетъ старое; въ данномъ случаѣ въ обоихъ вѣрованіяхъ (Арвакъ и Кыдыръ) собственно подкладка осталась одна и та же—это обѣщаніе и обиліе матеріальныхъ благъ, которымъ проникнуты оба вѣрованія. Какъ Арвакъ покровительствуетъ и помогаетъ тѣмъ, которые живутъ хорошо, такъ и Кыдыръ приноситъ счастье и богатство только достойнымъ изъ нихъ. Какъ тогда нечего было особенно трудиться и работать, такъ

и теперь, потому что безъ воли Арвака или Кыдыра ничего нельзя сдѣлать. Этимъ можно объяснить, почему такъ скоро заступило и широко распространилось вѣрованіе въ Кыдыра, вытѣснивъ вѣрованіе въ Арвака. Оба эти вѣрованія носятъ и фаталистическій характеръ. Подобныя же вѣрованія, какъ извѣстно, не въ состояніи пробудить активной, творческой дѣятельности духовныхъ силъ народа, а напротивъ они дѣйствуютъ угнетающимъ и парализующимъ образомъ, хотя впрочемъ такой же характеръ имѣетъ и самое мусульманство. Этимъ характеромъ ихъ религіи и вѣрованій объясняется, почему киргизъ спокойно относится къ своему незавидному экономическому положенію. Исходя изъ такого характера этихъ вѣрованій, киргизъ и происходящія передъ нимъ событія объясняетъ сообразно этому. Такъ, мнѣ неразъ приходилось слышать отъ здѣшнихъ киргизовъ, что всѣ успѣхи, которые сдѣлали русскіе въ Средней Азіи, они приписываютъ милости и благоволенію Кыдыра къ русскимъ, которые безъ его помощи ровно ничего не могли бы сдѣлать. Нравственнымъ и умственнымъ качествамъ, дисциплинѣ, превосходству вооруженія они не придаютъ ровно никакого значенія и до настоящаго времени, такъ какъ безъ соизволенія Кыдыра рѣшительно невозможно имѣть никакого успѣха, по ихъ понятію.

Эблисъ, *Арманъ*.—Оба эти слова у здѣшнихъ киргизовъ и кара-киргизовъ служатъ для обозначенія названія злой, нечистой силы. По понятію киргизовъ, всѣ бѣдствія и несчастія посылаются на людей Эблисомъ или Арманомъ. Эти два названія у нихъ тождественны, хотя происхожденіе ихъ и различно. Слово Эблисъ перешло къ киргизамъ изъ корана; оно употребляется главнымъ образомъ тѣми изъ нихъ, которые болѣе или менѣе знакомы съ этой священной книгой, а такъ какъ грамотныхъ людей между здѣшними киргизами сравнительно еще очень мало, то и названіе Эблисъ не вошло пока во всеобщее употребленіе, большинство же и до сихъ поръ употребляетъ старое названіе — Арманъ. По понятію киргизовъ, Эблисъ или Арманъ — это главный сатана или чортъ, обладающій большими способностями и познаніями; онъ повелитель и руководитель всѣхъ остальныхъ чертей (шайтановъ), и послѣдніе ничего не предпринимаютъ безъ его вѣ-

дома. Понятіе же объ Арманѣ, какъ о злой, нечистой силѣ, надо предположить, перешло къ здѣшнимъ киргизамъ изъ древнеперсидскаго вѣрованія (Ариманъ). Такое предположеніе имѣетъ за собой нѣкоторыя положительныя основанія, а именно: здѣшніе кара-киргизы, какъ они по крайней мѣрѣ сами говорятъ, выходцы изъ Ферганской и Зарявшанской долинъ, откуда они пришли и поселились на земляхъ Токмакскаго и Иссыкъ-кульскаго уѣздовъ около 250 лѣтъ тому назадъ. Если это такъ, то они легко могли тамъ позаимствовать и занести сюда это вѣрованіе, которое у нихъ продолжаетъ держаться и до настоящаго времени, хотя подъ вліяніемъ мусульманства начинаетъ уже постепенно ослабѣвать. Съ цѣлью болѣе быстраго распространенія между киргизами религіи Магомета, муллы постарались втолковать имъ, что Эблисъ по своимъ качествамъ и достоинствамъ одинаковъ съ Арманомъ, такъ что приписываніе сему послѣднему вышеозначенныхъ одинаковыхъ съ Эблисомъ качествъ есть безспорно позднѣйшее наслоеніе. Что Арманъ есть остатокъ древнеперсидскаго вѣрованія, это видно и изъ того, что это вѣрованіе, несмотря на его уже начавшееся между киргизами ослабленіе, въ существенныхъ своихъ чертахъ и до сихъ поръ сохраняетъ характеръ древнеперсидскаго. Такъ, Армана они считаютъ источникомъ вредныхъ силъ природы; у многихъ изъ нихъ и до сихъ поръ Арманъ—причина всевозможныхъ несчастій: болѣзней, голода, неурожая; какъ Эблису, такъ и Арману подчинены духи зла (джины). Всѣ эти качества свойственны и древнеперсидскому Ариману, и если мы возьмемъ во вниманіе, что древнеперсидская культура и цивилизація имѣли вліяніе далеко за предѣлами своего отечества, то нисколько не будетъ страннымъ наше предположеніе о томъ, что существующее у киргизовъ вѣрованіе въ Армана позаимствовано ими когда-то изъ древнеперсидскаго.

Сказаній о происхожденіи Армана не удалось собрать, и повидимому ихъ не существуетъ; сказаніе же о происхожденіи Эблиса взято киргизами изъ корана, хотя съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, и введены нѣкоторыя подробности, которыхъ въ коранѣ нѣтъ. Такъ, по корану Богъ заставилъ Эблиса поклониться вмѣстѣ съ прочими ангелами только-что сотво-

ренному человѣку — Адаму, но Эблисъ не захотѣлъ поклониться, и за это ослушаніе былъ низвергнутъ Богомъ съ неба. Киргизы же такъ передаютъ это: когда вначалѣ Богомъ сотворенъ былъ міръ, то были также сотворены одни добрые ангелы, въ томъ числѣ и Эблисъ; послѣдняго Богъ надѣлилъ большими способностями и познаніями, и ему поручено было учить другихъ ангеловъ. Считая себя слишкомъ умнымъ и всезнающимъ, Эблисъ возмечталъ о себѣ слишкомъ много. Богъ между тѣмъ сотворилъ человѣка; послѣдній лежалъ еще безъ души, когда случилось Эблису проходить мимо его. Увидѣвъ новое, невиданное имъ еще твореніе, Эблисъ въ изумленіи остановился и, постучавъ пальцами по лбу и груди бездушнаго еще человѣка, сказалъ съ усмѣшкою: „Боже, какое же это глупое и пошлое будетъ Твое твореніе“. Когда Богъ вложилъ душу въ человѣка, Онъ призвалъ всѣхъ ангеловъ, въ томъ числѣ и Эблиса, и заставилъ ихъ поклониться человѣку; всѣ поклонились, кромѣ Эблиса, и проч. Другое сказаніе, котораго я не встрѣтилъ въ коранѣ, слѣдующее: Эблисъ, будучи еще ангеломъ, возмечталъ о себѣ черезчуръ много и пришелъ къ тому, что для него казалось слишкомъ унизительно плевать на землю, а что онъ достоинъ плевать на небо, и началъ Эблисъ плевать на небо, а Богъ его за это низвергъ съ неба. Плевки Эблиса, падая на землю, обращались въ драгоцѣнные камни.

Нѣкоторые киргизы представляютъ Эблиса въ видѣ безобразной, морщинистой старухи, съ большими грудями, всегда открытыми, которыя будто бы служатъ орудіемъ обороны въ борьбѣ съ человѣкомъ, а именно эти груди Эблисъ накидываетъ на плечи человѣка, который подъ тяжестью ихъ и падаетъ. Такое представленіе объ образѣ Эблиса впрочемъ не есть общераспространенное между киргизами, а существуетъ главнымъ образомъ у акмолинскихъ киргизовъ.

Если не установилось точное представленіе о наружномъ видѣ Эблиса, то существуетъ довольно опредѣленное понятіе о границахъ его дѣятельности. Такъ, по понятію киргизовъ, Эблисъ прежде всего руководитель и наставникъ всѣхъ остальныхъ чертей (шайтановъ), которые обладаютъ сравнительно съ нимъ меньшими способностями и знаніями. Самъ Эблисъ

не занимается малыми дѣлами, а ведетъ только крупныя предпріятія; между прочимъ ему, какъ и Арману, главнымъ образомъ приписываютъ стремленіе и желаніе портить и изводить новорожденныхъ дѣтей, почему у здѣшнихъ киргизовъ существуетъ обычай караулить новорожденнаго три дня, а въ противномъ случаѣ нечистая сила, въ лицѣ Эблиса или Армана, можетъ подмѣнить новорожденнаго, или дастъ пососать ему грудь, отчего послѣдній сдѣлается уродомъ. На этомъ основаніи огонь въ юртѣ въ первые три дня не прекращается, сходятся всѣ близкіе и знакомые, спать ложатся не всѣ сразу, а поперемѣнно,—все это дѣлается для того, чтобы не подпустить близко нечистую силу. Въ теченіе этого времени происходитъ угощеніе, празднество, называемое Чилдахана *). Изъ юрты, гдѣ находится новорожденный, никому не даютъ огня въ теченіе трехъ дней. Если ребенокъ умретъ черезъ нѣсколько часовъ послѣ рожденія, то это приписывается вліянію Эблиса или Армана, почему киргизы принимаютъ всѣ мѣры предосторожности, чтобы эти злые духи не могли повредить или напортить ребенку; такъ, люльку новорожденнаго окуриваютъ дымящейся головней, приговаривая: „Аласъ, аласъ уру", или „кузъ тимясунъ", т. е., чтобы не сглазили или не изурочили. Къ люлькѣ привѣшиваютъ „бой тумаръ", молитву или заговоръ, зашитую чаще всего въ кожу или сафьянъ, которой придаютъ форму прямоугольнаго треугольника,—все это дѣлается для того, чтобы Эблисъ или Арманъ находились подальше отъ колыбели новорожденнаго. Привязываютъ также къ люлькѣ когти беркута, клыки кабановъ, медвѣжьи когти, хвосты животныхъ, какъ-то: медвѣдя, лисицы, зайца, но главнымъ образомъ стараются достать шкуру ежика, такъ какъ это маленькое животное у киргизъ почитается наиболѣе священнымъ, о чемъ будетъ сказано дальше. Таковы средства, которыми здѣшніе киргизы и въ настоящее время стараются оградить отъ опасностей жизнь каждаго, только-что появившагося члена своей семьи, и такъ очевидно велось изстари.

*) У саяковъ называется Чилдохона, а у киргизовъ другихъ родовъ это празднество или угощеніе не всѣми соблюдается.

Изъ этого видно, что мусульманство до сихъ поръ не имѣло и почти не имѣетъ никакого вліянія на домашнюю обыденную жизнь киргизовъ. Мѣсто Армана начинаетъ заступать Эблисъ; измѣнилось только названіе, но сущность представленія о немъ, какъ о злой нечистой силѣ, осталась прежняя, почему и средства борьбы и защиты противъ него примѣняются съ одинаковымъ рвеніемъ и стараніемъ тѣ же самыя, которыя употреблялись задолго до распространенія между ними магометанства.

Для полноты свѣдѣній, я долженъ еще упомянуть, что нѣкоторые здѣшніе киргизы для обозначенія главнаго сатаны или черта употребляютъ также названіе — *Азазиль.* Судя по тѣмъ даннымъ, которыя удалось собрать, Эблисъ, Арманъ и Азазиль въ представленіи киргизовъ тождественны и однородны по силѣ своихъ достоинствъ и качествъ. Азазиль также руководитъ всѣми шайтанами (чертями) и прочими злыми духами, какъ Эблисъ или Арманъ, но Азазиль живетъ въ водѣ. Дѣло въ томъ, что Азазиль, задумавъ лишить человѣка воды, самъ легъ въ воду, чтобы ее всю выпить, но не могъ этого сдѣлать, и Богъ его за это оставилъ на всегда жить въ водѣ.

Какъ я выше упомянулъ, у здѣшнихъ киргизовъ нѣкоторыя животныя и до сего времени почитаются священными, въ томъ числѣ и ежъ. Относительно послѣдняго удалось записать слѣдующее сказаніе, которое между ними довольно распространено.

Въ давнія времена чортъ, разсердившись на весь міръ, затмилъ солнце. Всѣ твари земныя, объятыя ужасомъ и страхомъ, собрались для совѣта, какъ помочь общей бѣдѣ, но ничего не могли придумать. Собравшіеся замѣтили, что между ними нѣтъ ежика, который въ то время считался самымъ красивымъ животнымъ, но въ то же время и самымъ маленькимъ и слабосильнымъ; всякій, кто хотѣлъ, тотъ обижалъ и пожиралъ его, тѣмъ болѣе, что мясо его считалось очень вкуснымъ, особенно же плохо ему приходилось отъ мышей. Хотя собравшимися на совѣтъ и вскорѣ замѣчено было отсутствіе ежика, но они рѣшили было обойтись безъ участія его; но какъ ни бились, ничего не могли придумать, какимъ

бы способомъ заставить чорта, чтобы онъ освободилъ солнце отъ тьмы. Видя, что безъ ежика имъ не обойтись, рѣшили послать къ нему пословъ: льва, тигра и шакала, съ просьбою, чтобы онъ прибылъ на совѣтъ. Ежъ отвѣчалъ посламъ, что пойти-то онъ готовъ, да боится, что его могутъ обидѣть или даже съѣсть; но подумавъ сказалъ имъ: если вы согласитесь попросить у Всевышняго для меня такой покровъ, въ которомъ бы я могъ смѣло вездѣ являться, увѣренный въ томъ, что меня никто не обидитъ подъ его защитою, я тогда съ радостью прійду на совѣтъ. Послы, возвратившись, передали требованіе ежика. Всѣ твари земныя, присутствовавшія на совѣтѣ, обратились съ просьбою къ ангелу, чтобы онъ ходатайствовалъ передъ Всевышнимъ о дарованіи ежику такого покрова (шкуры), въ которомъ бы его все живущее на землѣ и въ воздухѣ не могло обидѣть, и чтобы мыши были отданы ему на съѣденіе. Ангелъ вскорѣ объявилъ собравшимся, что Господь услышалъ и исполнилъ ихъ просьбу. И дѣйствительно, ежъ явился на совѣтъ въ новомъ верхнемъ покровѣ, никого не боясь изъ прежнихъ своихъ враговъ. Бывшіе на совѣтѣ, окруживъ его, сказали ему: „такъ какъ ты по нашей просьбѣ получилъ такую надежную защиту, въ которой никто теперь не обидитъ тебя, то ты за это долженъ намъ помочь совѣтомъ, какъ и что сдѣлать, чтобы чортъ освободилъ солнце отъ тьмы и чтобы на землѣ по прежнему было свѣтло“. Тогда ежъ отвѣчалъ: „чортъ считаетъ себя самымъ умнымъ и хитрымъ изъ всѣхъ, такъ пошлите ему сказать, чтобы онъ изъ песку сдѣлалъ кожу, а изъ масла дратву и сшилъ бы изъ этого сапоги къ полудню; если не сдѣлаетъ этого, то долженъ освободить солнце отъ тьмы, а если сдѣлаетъ къ назначенному времени сапоги изъ песку и сошьетъ ихъ дратвой изъ масла, то мы тогда дадимъ ему другую задачу“. Предложеніе ежика было передано чорту; послѣдній, какъ ни бился, не могъ сшить такихъ сапогъ, и принужденъ былъ освободить солнце отъ тьмы. И съ этихъ поръ ежикъ считается людьми священнымъ, и животныя его никогда не обижаютъ, а для мышей онъ сдѣлался злѣйшимъ врагомъ: помня ихъ прежнія обиды, онъ сталъ для нихъ страшнѣе кошки.

У киргизовъ немало существуетъ легендъ и сказаній о про-

исхожденіи различныхъ животныхъ и о томъ, почему нѣкоторыя изъ нихъ почитаются ими священными, но мы пока не станемъ ихъ приводить, а перейдемъ къ другимъ вѣрованіямъ, которыми также объясняются нѣкоторыя стороны киргизской жизни.

Албоста—злой духъ рожедицъ, наиболѣе подходитъ къ вѣдьмѣ, живетъ въ логахъ и ярахъ. Албосту представляютъ въ образѣ женщины высокаго роста, съ большой головою и большими грудями, доходящими до колѣнъ; пальцы рукъ вооружены длинными и острыми ногтями, волосы очень длинные и спускаются до земли. Въ такой формѣ представляютъ Албосту какъ семирѣченскіе, такъ и акмолинскіе и ферганскіе киргизы; повидимому, такое представленіе о ней существуетъ и у другихъ киргизовъ. Это, къ счастью, одно изъ немногихъ вѣрованій, которое имѣетъ мрачный характеръ и даже заставляетъ ихъ прибѣгать къ употребленію жестокихъ мѣръ противъ бедпомощныхъ и беззащитныхъ своихъ рожаницъ. Еще и въ настоящее время дѣлается жертвою этого вѣрованія ежегодно и уходитъ преждевременно въ могилу не одна киргизка, но еще больше онѣ платятся здоровьемъ.... Сущность этого вѣрованія состоитъ въ слѣдущемъ: когда, по несчастью, во время процесса родовъ случится обморокъ съ рожаницей, то киргизы думаютъ, что это Албоста душитъ ее; во время этого обморока Албоста будто бы вынимаетъ легкія черезъ ротъ, мочитъ ихъ въ водѣ, отчего рожаница и умираетъ. Безспорно, подобное вѣрованіе, дѣйствуя подавляющимъ образомъ на душевное состояніе беременной женщины, служитъ причиной, способной легко вызвать во время родовъ припадокъ обморока. И дѣйствительно, киргизка не безъ страха и ужаса ожидаетъ приближенія срока родовъ, о чемъ за нѣсколько времени впередъ сообщаетъ мужу и близкимъ роднымъ, исключительно женщинамъ и притомъ уже не молодымъ. Мужъ и родные заблаговременно стараются принять мѣры предосторожности противъ Албосты. Такъ, въ прежнее время приглашали баксу, который чтеніемъ своихъ таинственныхъ заговоровъ и заклинаній старался не допустить Албосту войти въ юрту; теперь для этой же цѣли приглашается мулла, который читаетъ молитвы изъ корана

какъ до обморока, такъ и во время случившагося обморока. Когда же чтеніе молитвъ не помогаетъ и рожаница продолжаетъ лежать въ обморокѣ, тогда начинаютъ принимать болѣе энергичныя мѣры: рожаницу слегка бьютъ, а если и это не помогаетъ, то примѣняютъ еще болѣе рѣшительныя мѣры: 1) начинаютъ бить плетьми сначала легонько, а потомъ и сильнѣе, 2) вбиваютъ въ землю четыре шеста, къ которымъ привязываютъ рожаницу за руки и за ноги и такъ оставляютъ на нѣкоторое время. Старожилы утверждаютъ, что въ прежнее время въ такихъ случаяхъ по несчастнымъ рожаницамъ прогоняли барановъ и даже будто бы табунъ лошадей! Такія жестокія мѣры, какъ удалось слышать, и до сихъ поръ употребляются главнымъ образомъ акмолинскими киргизами. Семирѣченскіе же кара-киргизы, во время случившагося обморока съ рожаницей, также приглашаютъ муллу, но, по разсказамъ, они гораздо рѣже прибѣгали и прибѣгаютъ къ вышеприведеннымъ мѣрамъ. Какъ намъ пришлось наблюдать, они главнымъ образомъ стараются произвести какъ можно большій шумъ: бѣгаютъ вокругъ юрты, громко кричатъ, стучатъ палками или бьютъ въ самодѣльные барабаны, стрѣляютъ изъ ружьевъ. Изъ сосѣднихъ юртъ также сбѣгаются и принимаютъ дѣятельное участіе въ изгнаніи Албосты. Всѣ въ ужасѣ и страхѣ. Рожаница, почти оставленная всѣми, лежитъ безъ помощи; подлѣ нея, съ убитымъ видомъ, сидитъ близкая ей родственница старуха и плачетъ. Громкій плачъ и крики отчаянія раздаются и изъ толпы, бѣгающей вокругъ юрты и старающейся вышеупомянутыми средствами прогнать Албосту. Если и это все не помогаетъ, то стараются достать и принести въ юрту беркута: киргизы вѣрятъ, что Албоста боится этой птицы, и увидѣвъ ее уходитъ. Пить воды рожаницѣ ни подъ какимъ видомъ не даютъ, хотя бы она, очнувшись отъ обморока, и попросила. Изъ юрты вода обязательно уносится, такъ какъ въ силу существующаго вѣрованія, что Албоста мочитъ легкія въ водѣ, понятное дѣло, вблизи рожаницы нельзя держать воды, въ противномъ случаѣ это значило бы создавать и поддерживать благопріятныя условія для дѣятельности Албосты, и это тѣмъ болѣе достойно замѣчанія, что здѣшніе киргизы почти всѣ болѣзни лѣчатъ исключительно

водой, а это чуть-ли не единственный случай, когда они избѣгаютъ дать больной хоть каплю воды, глотокъ которой, въ данномъ случаѣ и при ихъ условіяхъ жизни, былъ бы единственно спасительнымъ и полезнымъ,—но такова деспотическая власть существующаго вѣрованія!

Между киргизами существуетъ слѣдующій весьма распространенный разсказъ объ Албостѣ. Однажды когда-то ѣхалъ какой-то киргизъ, котораго Албоста боялась. Киргизъ увидѣлъ, что Албоста мочитъ легкія въ водѣ. Зная, что легкія эти принадлежатъ какой нибудь рожаницѣ, онъ приказалъ Албостѣ возвратить ихъ обратно той, изъ кого она ихъ вынула. Албоста, услышавъ крикъ киргиза, быстро побѣжала по направленію къ одному аулу и вбѣжала въ бѣлую юрту. Киргизъ слѣдовалъ по пятамъ за нею и, вошедши въ ту же юрту, въ въ которою вошла и Албоста (для всѣхъ остальныхъ она была невидима), увидалъ много людей, оплакивавшихъ только за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ умершую рожаницу. Умершая вскорѣ ожила, такъ какъ Албоста вложила ей обратно легкія по приказанію киргиза. Очевидно, могло легко случиться подобное обстоятельство, что вскорѣ послѣ пріѣзда какого либо гостя рожаница, передъ тѣмъ упавшая въ обморокъ, пришла въ себя. Эти и подобные приведенному факты дали киргизамъ поводъ заключить, что есть между ними люди, которыхъ Албоста боится и приказанія которыхъ она слушается; слѣдовательно, это будутъ такіе люди, которые по своимъ духовнымъ силамъ и способностямъ стоятъ выше Албосты — злого, нечистаго духа, и эти-то люди, по своему желанію, могутъ остановить или воспрепятствовать Албостѣ сдѣлать такое дѣло, которое причиняетъ людямъ одно горе. Но есть среди киргизовъ и такіе люди, которые знаются съ Албостою, которые употребляютъ ее своимъ орудіемъ для того, чтобы принести ближнему или сосѣду непріятность или даже несчастіе. Люди, знающіеся съ Албостою и другими нечистыми духами, называются *Куучи*.

О другихъ вѣрованіяхъ киргизовъ надѣемся сообщить впослѣдствіи.

Ѳ. Поярковъ.

Г. Пишпекъ.
1891 г., 12 мая.

Значеніе малорусскихъ свадебныхъ обрядовъ и пѣсенъ въ исторіи эволюціи семьи *)

I. Матріархатъ.

(Посвящается Л. Моргану).

Въ первой книгѣ Бытія (гл. 24, ст. 2—61) мы находимъ картину сватовства у древнихъ евреевъ: тамъ описывается, какъ Исаакъ Сваталъ Ревекку. Когда Авраамъ состарился, онъ пожелалъ женить сына своего Исаака. „И сказалъ Авраамъ рабу своему, старшему въ домѣ его, управляющему всѣмъ, что у него было: положи руку твою подъ стегно мое, и клянись мнѣ Господомъ Богомъ земли, что ты не возьмешь сыну моему (Исааку) жены изъ дочерей Хананеевъ, среди которыхъ я живу; но пойдешь въ землю мою, на родину мою (и къ племени моему), и возьмешь (оттуда) жену сыну моему Исааку,..... И взялъ рабъ изъ верблюдовъ господина своего десять верблюдовъ и пошелъ. Въ рукахъ у него были также всякія сокровища господина его. Онъ всталъ и пошелъ въ Месопотамію, въ городъ Нахора. И остановилъ верблюдовъ внѣ города, у колодезя воды, подъ вечеръ, въ то время, когда выходятъ женщины черпать (воду). И сказалъ: Господи, Боже господина моего Авраама! пошли ее сегодня на встрѣ-

---

*) Эта статья, написанная молодымъ галицкимъ ученымъ спеціально для „Этногр. Обозрѣнія", прислана въ редакцію на малорусскомъ языкѣ. На русскій яз. она переведена гг. Гр. А. К-комъ. П. Ѳ. Т-номъ и Н. Я. *Ред.*

чу мнѣ, и сотвори милость съ господиномъ моимъ Авраамомъ. Вотъ я стою у источника воды, и дочери жителей города выходятъ черпать воду; и дѣвица, которой я скажу: наклони кувшинъ твой, я напьюсь; и которая скажетъ (мнѣ): пей, я и верблюдамъ твоимъ дамъ пить (пока не напьются), вотъ та, которую Ты назначилъ рабу Твоему Исааку; и по тому узнаю я, что ты творишь милость съ господиномъ моимъ (Авраамомъ). Еще не пересталъ онъ говорить (въ умѣ своемъ), и вотъ вышла Ревекка, которая родилась отъ Ваѳуила, сына Милки, жены Нахора, брата Авраамова, и кувшинъ ея на плечѣ ея. Дѣвица была прекрасна видомъ, дѣва, которой не позналъ мужъ. Она сошла къ источнику, наполнила кувшинъ свой и пошла вверхъ. И подбѣжалъ рабъ на встрѣчу ей и сказалъ: дай мнѣ испить немного воды изъ кувшина твоего. Она сказала: пей, господинъ мой; и тотчасъ спустила кувшинъ свой на руку свою и напоила его. И, когда напоила его, сказала: я стану черпать и для верблюдовъ твоихъ, пока не напьются (всѣ). И тотчасъ вылила воду изъ кувшина своего въ поило, и побѣжала опять къ колодезю почерпнуть (воды) и начерпала для всѣхъ верблюдовъ его. Человѣкъ тотъ смотрѣлъ на нее съ изумленіемъ въ молчаніи, желая разумѣть, благословилъ ли Господь путь его, или нѣтъ. Когда верблюды перестали пить, тогда человѣкъ тотъ *взялъ золотую серьгу*, вѣсомъ полсикля, и *два запястья на руки ей*, вѣсомъ въ десять сиклей золота; (и спросилъ ее) и сказалъ: чья ты дочь? скажи мнѣ, есть ли въ домѣ отца твоего мѣсто намъ ночевать? Она же сказала ему: я дочь Ваѳуила, сына Милки, котораго она родила Нахору. И еще сказала ему: у насъ много соломы и корму, и есть мѣсто для ночлега. И преклонился человѣкъ тотъ и поклонился Господу... Дѣвица побѣжала и разсказала объ этомъ *въ домъ матери своей*. У Ревекки былъ братъ, именемъ Лаванъ. Лаванъ выбѣжалъ къ тому человѣку, къ источнику. И когда онъ увидѣлъ серьгу и запястья на рукахъ у сестры своей и услышалъ слова Ревекки, сестры своей, которая говорила: такъ говорилъ со мной этотъ человѣкъ; то пришелъ къ человѣку, и вотъ онъ стоитъ при верблюдахъ у источника. И сказалъ (ему): войди, благословенный Господомъ; зачѣмъ ты стоишь внѣ? Я приготовилъ домъ и мѣсто для верблюдовъ.

И вошелъ человѣкъ. (Лаванъ) разсѣдлалъ верблюдовъ и далъ соломы и корму верблюдамъ, и воды умыть ноги ему и людямъ, которые были съ нимъ. И предложена была ему пища; но онъ сказалъ: не стану ѣсть, доколѣ не скажу дѣла своего. И сказали: говори"....

Тутъ онъ началъ разсказывать, кто онъ, зачѣмъ пришелъ, какъ все случилось, и наконецъ сказалъ такъ:

„И нынѣ скажите мнѣ, намѣрены ли вы оказать милость и правду господину моему, или нѣтъ; скажите мнѣ, и я обращусь направо, или налѣво. И отвѣчали Лаванъ и Ваѳуилъ, и сказали: отъ Господа пришло это дѣло; мы не можемъ сказать тебѣ вопреки ни худого, ни добраго. Вотъ Ревекка предъ тобою; возьми ее и пойди; пусть будетъ она женою сына господина твоего, какъ сказалъ Господь. Когда рабъ Авраамовъ услышалъ слова ихъ, то поклонился Господу до земли. *И вынулъ рабъ серебряныя вещи и золотыя вещи, и далъ Ревеккѣ; также и брату ея и матери ея далъ богатые подарки.* И ѣли и пили, онъ и люди, бывшіе съ нимъ, и переночевали. Когда же встали поутру, то онъ сказалъ: отпустите меня (и я пойду) къ господину моему. *Но братъ и мать ея сказали*: пусть побудетъ съ нами дѣвица дней хотя десять; потомъ пойдешь. Онъ сказалъ имъ: не удерживайте меня, ибо Господь благоустроилъ путь мой; отпустите меня, и я пойду къ господину моему. Они сказали: призовемъ дѣвицу и спросимъ, что она скажетъ. И призвали Ревекку и сказали ей: пойдешь ли съ этимъ человѣкомъ? Она сказала: пойду. *И отпустили Ревекку, сестру свою, и кормилицу* [1]) *ея*, и раба Авраамова и людей его. *И благословили Ревекку* и сказали ей: *сестра наша!* да родятся отъ тебя тысячи тысячъ, и да владѣетъ потомство твое жилищами враговъ твоихъ! И встала Ревекка и служанки ея, и сѣли на верблюдовъ, и поѣхали за тѣмъ человѣкомъ. И рабъ взялъ [2]) Ревекку и пошелъ." (Библія въ рус. перев., изд. 3-е. С. П. Б. 1882, въ Синод. типогр.).

Въ этой идиллической картинѣ древне-еврейскаго сватанья сразу бросается въ глаза важное противорѣчіе между древне-

---

[1]) Въ малорус. переводѣ вм. кормилицу сказано: имущество (маётки).

[2]) По малорусски: высвата вши.

еврейскимъ семейнымъ устройствомъ, съ одной стороны, и древне-еврейскими свадебными обрядами—съ другой. Древне-еврейская семья, какъ она обрисована въ книгѣ Бытія, была насквозь патріархальная. Ея устройство основывалось на власти отца отцовъ—патріарха. Патріархъ былъ господиномъ всѣхъ своихъ женъ, дѣтей, внуковъ и правнуковъ. Такимъ патріархомъ былъ Авраамъ, отецъ Исаака, такимъ патріархомъ былъ Нахоръ, братъ Авраама, дѣдъ Ревекки. Имущество принадлежало патріарху; онъ одинъ могъ распоряжаться имъ самовластно. Родословная велась по мужской линіи, наслѣдованіе шло тѣмъ-же порядкомъ. Отсюда совершенно естественно, что семейные обряды и обычаи древнихъ евреевъ должны были-бы вполнѣ соотвѣтствовать такому устройству семьи. И если-бы это ожиданіе наше исполнилось, то слуга Авраама долженъ былъ-бы сватать Ревекку у ея патріарха Нахора и у ея отца Ваѳуила. Имъ обоимъ должны бы достаться свадебные подарки отъ слуги-свата; они оба должны-бы благословить Ревекку въ путь къ мужу; патріархъ одинъ могъ-бы отпустить ее со слугою Авраама, т. е. выдать ее замужъ за Исаака; патріархъ одинъ могъ-бы надѣлить ее вѣномъ. Все это должно было-бы имѣть мѣсто, если-бы древне-еврейскіе свадебные обычаи и обряды соотвѣтствовали патріархальному устройству семьи и на немъ основывались. А между тѣмъ ничего подобнаго мы здѣсь не находимъ,—видимъ только нѣчто совершенно противное. Всѣ обычаи и обряды, которые мы находимъ въ описаніи сватанья Ревекки, сосредоточены около брата и матери, а не около патріарха и отца. Подарки, являющіеся символомъ купли-продажи невѣстъ, вручаются брату и матери Ревекки; между тѣмъ, согласно патріархальному строю, только патріархъ, или по крайней мѣрѣ отецъ, могъ бы продать Ревекку, такъ какъ патріархъ былъ господиномъ этой семьи, а отецъ—господиномъ дочери. Братья отпускаютъ Ревекку со слугою Авраама, т. е. отдаютъ ее замужъ, хотя при патріархальномъ строѣ они не должны бы имѣть права на это. Они даютъ за нею приданое, хотя сами не имѣютъ права распоряжаться имуществомъ семьи. Братья, но не отецъ и не патріархъ, благословляютъ ее на новую жизнь замужемъ. Патріарха Нахора при такомъ важномъ

семейномъ торжествѣ мы не видимъ ни разу. Ваѳуилъ, отецъ Ревекки, также не принимаетъ участія ни въ одномъ обрядѣ, и въ единственномъ мѣстѣ, гдѣ онъ выступаетъ обокъ съ Лаваномъ, онъ стоитъ на второмъ планѣ.

Итакъ, свадебные обычаи и обряды древнихъ евреевъ стоятъ въ яркомъ противорѣчіи съ устройствомъ древне-еврейской семьи. Откуда же это противорѣчіе и какъ его объяснить? Рѣшеніе этого вопроса извѣстный американскій ученый Л. Морганъ, въ своей книгѣ: „Первобытное общество“, находитъ въ исторіи развитія семьи. Свадебные обычаи древнихъ евреевъ, какъ мы видѣли, не могутъ никакъ основываться на патріархальномъ строѣ, а такъ какъ происхожденіе ихъ тѣмъ не менѣе должно лежать въ устройствѣ семьи, то мы должны допустить, что прежде, чѣмъ утвердился патріархатъ, у древнихъ евреевъ долженъ былъ существовать иной строй семьи, и именно такой, въ которомъ мать и братья играли такую важную роль, какую признаютъ за ними упомянутые обычаи и обряды, а отецъ и дѣдъ (патріархъ) не имѣли никакого значенія. Этотъ-то строй и создалъ подобные обычаи и обряды, которые удержались и тогда, когда этотъ первоначальный строй семьи смѣнился патріархальнымъ. Дѣйствительно, исторія развитія семьи доказываетъ намъ, что моногамія, власть мужа и отца, подчиненность жены и женщины вообще, счетъ родства по мужской линіи, наслѣдованіе дѣтей по отцу, словомъ, всѣ основы семьи и супружества въ историческія времена не представляютъ собою ничего первоначальнаго и вѣчнаго и, разумѣется, ничего единственно-натуральнаго. Всѣ эти учрежденія являются довольно позднимъ результатомъ многовѣкового развитія супружескихъ и семейныхъ отношеній между людьми. Моногамія, со всѣми ея основными признаками,—только временная форма семьи и брака; ей предшествовали, а равно могутъ и смѣнить ее другія формы. Первобытныя же формы семьи и брака, предшествовавшія моногаміи, какъ безпорядочное сожительство, кровосмѣсительство, пуналюанская („своиста“) семья основывались на поліандріи (многомужествѣ) и полигаміи (многоженствѣ): цѣлой группѣ женщинъ соотвѣтствовала такая-же группа общихъ мужей. Очевидно, что при такомъ устройствѣ

отцовство (отцовская власть, paternitas) не могло имѣть никакого значенія; гдѣ не было постояннаго, всѣми признаннаго мужа, тамъ не могло быть опредѣленнаго, общепризнаннаго отца. Зато материнство имѣло большое значеніе: только тѣ считались кровными родственниками, у которыхъ была общая мать, бабушка по матери, прабабушка и т. д, Только дѣти отъ одной общей матери считались братьями и сестрами, дѣти же одного отца—чужими, и могли вступать въ бракъ между собою; словомъ, порядокъ родства шелъ по женской линіи. Согласно съ этимъ и система названій родства, родовое устройство, половая организація, запрещеніе брака, право наслѣдованія, – всѣ эти семейныя и общественныя начала основывались на родствѣ по женской линіи. Дѣти причислялись къ роду матери, но не отца; дѣти наслѣдовали по матери имя, семейныя божества и имущество, но не могли наслѣдовать по отцу. Такъ какъ отецъ и мужъ не могли имѣть тогда никакого значенія, то о власти мужа и отца, о подчиненности жены не могло быть и рѣчи. Взамѣнъ этого братъ и дядя были ближайшими родственниками каждой женщины: они замѣняли ей отца и мужа, заботились о ней, о ея дѣтяхъ, защищали ихъ. Мужчины составляли главную продуктивную силу, однако каждый изъ нихъ работалъ не на своихъ дѣтей, а на своихъ сестеръ и племянницъ; сестры и племянницы наслѣдовали послѣ нихъ. Женщины имѣли рѣшающій голосъ въ семейныхъ дѣлахъ; онѣ принимали также участіе въ общественныхъ собраніяхъ и вообще въ дѣлахъ общественныхъ.

Такое устройство въ соціологіи принято называть *матріархальнымъ*, въ противоположность позднѣйшему—патріархальному.

Развитіе семьи въ своихъ основныхъ чертахъ у всѣхъ народовъ шло болѣе или менѣе однимъ и тѣмъ-же путемъ. Матріархальное устройство пережили всѣ народы, которые дошли потомъ до устройства патріархальнаго. Это доказали своими изслѣдованіями знаменитые ученые: Бахофенъ, Морганъ, Макъ-Леннанъ, Жиро Телонъ (Giraud Teulon) Реклю, Даргунъ и мн. др. Болѣе или менѣе богатые остатки матріархата найдены у древнихъ этрусковъ, ликійцевъ, египтянъ, евреевъ, грековъ, германцевъ, кельтовъ, басковъ. При откры-

тіи Америки почти у всѣхъ краснокожихъ найденъ счетъ родства по женской линіи; у многихъ онъ удержался и до сего времени. Матріархальный строй, разумѣется въ самомъ широкомъ и основномъ значеніи слова, найденъ у многихъ негритянскихъ племенъ въ Африкѣ, между Нигеромъ и Конго и на р. Замбези, также у австралійскихъ камилярійцевъ и гаваитянъ.

Славяне также жили нѣкогда въ матріархальномъ быту; имъ, однако, суждено было послѣдними занять мѣсто въ изслѣдованіяхъ соціологовъ. Славянство и доселѣ еще почти совсѣмъ не привлечено къ изслѣдованію по исторіи семьи. А между тѣмъ, свадебные и родственные имъ обычаи, обряды и пѣсни представляютъ богатѣйшій, неоцѣненный кладъ для исторіи семьи,—неоцѣненный въ буквальномъ смыслѣ, потому что до сихъ поръ мало кто понялъ его значеніе и никто не поспѣшилъ примѣнить его къ дѣлу.

Принимаясь за работу въ этой области, я ограничусь малорусскими и бѣлорусскими обрядами и пѣснями и постараюсь извлечь изъ нихъ все, что будетъ возможно, для исторіи развитія семьи. Въ первой, настоящей, части своего труда я постараюсь сгруппировать и освѣтить тѣ обряды и пѣсни, въ которыхъ можно усматривать слѣды и остатки отъ временъ матріархата.

Если мы присмотримся къ малорусскимъ свадебнымъ обрядамъ и прислушаемся къ пѣснямъ, которыя при этомъ поются, то увидимъ то же самое, что и на древне-еврейскомъ сватаньи. Въ этихъ обрядахъ и пѣсняхъ мы замѣтимъ яркія, разительныя противорѣчія съ дѣйствительной жизнью. Намъ бросится въ глаза преимущество матери, брата и женщинъ вообще передъ отцомъ, отодвинутымъ на задній планъ. Мы услышимъ и увидимъ много такого, что противорѣчитъ современнымъ отношеніямъ семейнымъ и супружескимъ и не согласно съ нынѣшними взглядами на супружество. Уясняя себѣ эти противорѣчія, мы найдемъ въ малорусскихъ свадебныхъ обрядахъ отголоски матріархальнаго строя отъ давно забытыхъ временъ, и, наблюдая это, мы невольно удивимся, что у такихъ чуждыхъ другъ другу и дальнихъ народностей, какъ нынѣшніе молороссы и древніе евреи, брачные обряды и

обычаи такъ сходны; отсюда мы еще разъ выведемъ подтвержденіе того мнѣнія, что у разныхъ племенъ и въ различныхъ пунктахъ земного шара развитіе семейныхъ отношеній между людьми шло одними и тѣми-же путями.

---

1. Мать продаетъ дочь замужъ. Матери, а не отцу достаются подарки въ качествѣ платы за невѣсту.

Женихъ съ «боярами», «свахами» и музыкантами ѣдутъ къ невѣстѣ. Тамъ ихъ сразу не пускаютъ въ хату; свахи, стоя на дворѣ подъ хатою, просятъ, чтобы ихъ пустили:

Пусты, маты, въ хату! Насъ тутъ не багато:
Сваха и свитылка—вся наша родынка.

Между тѣмъ „дружки" невѣсты поютъ въ хатѣ:

Що-жъ бо то за гостоньки! Сылою на двиръ лизуть,
Шаблямы огонь крешуть, калыною розкладають.

И далѣе: Ой темно, темно въ поли, темнише на двори:
Тамъ бояре вориточка обнялы.
Выйды, матинко, попытай;
Колы *торгують*, *то продай*,
Чорніи чобиточкы вымовляй!

Послѣ долгихъ просьбъ и уговариваній, мать невѣсты беретъ, наконецъ, вывороченную шубу и выходитъ въ сѣни. Отворяютъ дверь, входятъ свадебные гости, при пѣніи свахъ. Входитъ въ хату и женихъ. Невѣста обсыпаетъ его зернами ржи, накрывая свое лицо платкомъ и наклоняя голову къ столу. Женихъ перескакиваетъ черезъ столъ, срываетъ платокъ съ головы невѣсты, цѣлуетъ ее, хотя она и сопротивляется. Дружки въ это время поютъ. Зять, черезъ старшаго свата, даетъ матери невѣсты сапоги въ видѣ платы за дочь.

Между тѣмъ дружки поютъ обращаясь къ матери:

— Не беры, матинко, не беры,
Лучша тоби доненька, якъ дары!
— Якъ-же мыни дароньквивъ не браты,
Колы треба доненьку виддаты...

Сцену эту можно наблюдать на любой свадьбѣ въ с. Юрковщинѣ, Звягельскаго уѣзда, на Волыни [1]). Здѣсь можно наглядно убѣдиться въ томъ, что подарки на свадьбѣ обозначаютъ куплю невѣсты. То обстоятельство, что женихъ покупаетъ невѣсту у одной матери, а не у отца, указываетъ на такой строй семьи, при которомъ дочь принадлежала матери, и только одной матери, а не отцу. Очевидно, что въ тѣ времена, когда устанавливался обычай купли невѣсты (жены), семейный союзъ основывался на матріархатѣ. Развитіе семьи пошло далѣе, матріархальный строй семьи палъ, но обычай или обрядъ до нынѣ сохранилъ на себѣ отпечатокъ тѣхъ временъ, когда былъ установленъ, и основныя черты тѣхъ отношеній, которыя его создали. И во многихъ мѣстахъ Малороссіи можно наблюдать то же, что и въ с. Юрковщинѣ: мать получаетъ свадебный подарокъ, какъ плату за дочь-невѣсту, а отецъ остается безъ подарка, какъ будто это и не его дочь и онъ не имѣетъ на нее никакихъ правъ. По описанію Галицко-русской свадьбы у Жеготы [2]), бояре приносятъ дары отъ жениха: повязку (рантухъ) для невѣсты, и двѣ пары сапогъ: одна для невѣсты, другая для ея матери. Въ Угорской Руси [3]) староста жениха платитъ деньги за „годувлю" (воспитаніе) невѣсты ея матери, а не отцу, хотя, согласно существующимъ условіямъ и взглядамъ, платить „за годувлю" нужно было-бы отцу, или по крайней мѣрѣ, отцу и матери вмѣстѣ. Въ Дыдёвѣ возлѣ Турки (въ Галиціи) и вездѣ по верхнему теченію Стрыя есть свадебный обычай, по которому мать жениха получаетъ отъ семейства невѣсты „балець", т. е. повязку, именно за кормленіе сына, согласно пѣснѣ:

Маты сына годувала,
Бальцю ся сподивала (ожидала)...

Также и братья и сестры жениха (деверья и золовки) получаютъ въ даръ платки; только отецъ жениха не получаетъ

1) Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Kraków. T. VII, стр. 158, 159.

2) Żegota Pauli, Pieśni ludu rusk. w Galic., T. I, стр. 63. Сравн. Головацкій. Пѣсни. Т. II, стр. 108 (Коломыя).

3) Головацкій. Пѣсни. Т. IV, стр. 406.

ничего [1]). Подобно многимъ свадебнымъ пѣснямъ и обрядамъ, и этотъ обрядъ и связанныя съ нимъ пѣсни относились первоначально къ невѣстѣ и ея родичамъ, и уже потомъ, когда стали непонятными, по аналогіи и подъ вліяніемъ новыхъ взглядовъ и отношеній, они были перенесены и на жениха съ его родичами. Дары эти имѣли первоначально смыслъ купли невѣсты у ея матери, братьевъ и сестеръ. Но для насъ пока не важно, кому принадлежатъ эти подарки — матери невѣсты, или жениха; главное дѣло въ томъ, что именно *мать* получаетъ подарокъ за воспитаніе дочери или сына, что даже *братья* и *сестры* получаютъ подарки, и только отецъ совсѣмъ ничего не получаетъ, какъ будто не онъ выкормилъ сына или дочь, какъ будто братья и сестры больше участвовали въ воспитаніи жениха и имѣютъ на него больше правъ, чѣмъ отецъ. Обрядъ этотъ производитъ такое впечатлѣніе, будто-бы отца совсѣмъ не было, а между тѣмъ именно въ той мѣстности, около Дыдёвы, въ настоящее время, отецъ пользуется большимъ уваженіемъ и имѣетъ, пожалуй, большее значеніе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Упомянутый обрядъ нельзя оправдать такимъ строемъ семьи, какой существуетъ теперь, и вообще никакою формою семьи, въ которой отецъ имѣетъ преобладающее значеніе. Установленіе этого обряда должно относиться къ той эпохѣ, когда семья состояла только изъ матери и дѣтей, когда мать, при помощи своихъ старшихъ дѣтей, берегла и воспитывала младшихъ дѣтей; когда не имѣла никакого значенія связь между отцомъ и дѣтьми, и отецъ не имѣлъ по отношенію къ своимъ дѣтямъ никакихъ правъ и никакихъ обязанностей.

Образъ матери, самолично отдающей дочь замужъ, мы нерѣдко находимъ въ „гаивкахъ“ (весеннихъ дѣвичьихъ игровыхъ пѣсняхъ). Отца же въ этой роли мы нигдѣ не встрѣчаемъ. Въ колядкахъ поется о молодцѣ, который ѣдетъ въ горы за дѣвушкой и напередъ посылаетъ пословъ къ ея матери (но не къ отцу), чтобы она приготовилась [2]). „Въ Перегинскѣ есть старинный обычай, называемый „контрактами“. Совершается онъ

---

[1]) „Зоря“. 1889 г., стр. 319. (Бойки).
[2]) Потебня. Объясн. пѣсенъ. Т. II, гл. XXVI, стр. 387.

каждый годъ въ день Богоявленія на площади. Парубки („легини“) и дѣвушки-невѣсты собираются въ этотъ день со всего села на площадь въ праздничныхъ нарядахъ. Съ одной стороны становятся *дѣвушки съ матерями*, а съ другой — парубки, обѣ стороны лицами одна къ другой. Парубки выбираютъ себѣ будущихъ женъ; каждый выбравшій себѣ дѣвушку бросаетъ въ нее снѣгомъ. Послѣ выборовъ, которые продолжаются часа два, всѣ идутъ вмѣстѣ въ церковь; въ начинающійся затѣмъ мясоѣдъ посылаютъ „сватовъ“ [1]. И этотъ старинный обычай носитъ на себѣ печать матріархальной поры: и здѣсь мы видимъ, что матери сами отдаютъ своихъ дочерей замужъ.

2. Мать получаетъ благодарность за выданную дочь.

Кромѣ подарковъ, мать получаетъ за дочь еще и благодарность: зять и его „бояре“ благодарятъ тещу передъ тѣмъ, какъ уѣхать и увезти съ собою невѣсту. Насколько мнѣ извѣстно, вездѣ зять благодаритъ за невѣсту и тестя и тещу; но пѣсня, которая при этомъ поется, въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣетъ въ виду только тещу. Такъ, на свадьбѣ въ с. Лолинѣ (Долинск. уѣзда, въ Галиціи), когда зять благодаритъ тестя и тещу за невѣсту, свахи поютъ:

За поригъ, зятечку, за поригъ,
Подякуй *тещенци* за пыригъ!
Не за той пыригъ, що иззивъ,
А за той пыригъ, що повивъ.
Бо то пырижокъ маковый,
Для тебе, зятечку, лакомый [2].

По большей части пѣсня лучше удерживаетъ свой первоначальный характеръ, нежели обрядъ. Далѣе намъ придется не разъ убѣждаться въ этомъ, и въ своемъ мѣстѣ мы постараемся объяснить себѣ это явленіе. Здѣсь мы встрѣчаемся съ такимъ явленіемъ: содержаніе пѣсни доказываетъ, что во время ея сложе-

[1]) Дѣло. 1890, № 11. „Про цикавый старовавный звычай святьбыны.“

[2]) Olga Roszkiewicz i Iwan Franko „Obrzędy i pieśni we wsi Lolinie“. Kraków. 1886. № 121.

нія зять благодарилъ только тещу; впослѣдствіи этотъ яркій анахронизмъ въ обрядѣ былъ устраненъ, но пѣсня сохранилась въ первоначальномъ видѣ. На той-же Лолинской свадьбѣ часто упоминается въ пѣсняхъ, что мать „дае“ (отдаетъ замужъ) дочь, обь отцѣ же въ этомъ смыслѣ ни разу не упоминается [1]). Нужно замѣтить, что въ связи съ этимъ поется матери: *твоя дочка* [2]), отцу же—ни разу.

Въ окрестности Перемышля, когда благодарятъ за невѣсту, поютъ слѣдующія пѣсни:

Повиджъ намъ, Ганунепько, *котрый-то твій батенько*:
Най же мы будемъ знаты, кому маемъ дякуваты
За хлибъ, за горилойку, за красную дивойку.

Мы идемъ на дякованци—дякуваты пани-матци:
Дякуемъ ти, матинойку, *за твое выхованейко.*
Жесь годувала, годувала, за нашого королейка дала.

Стоить соснойка на току,—
Бигъ заплать ти, *тещейко*, за доньку [3]).

Пѣсни эти очень интересны и важны. Бояре желаютъ поблагодарить отца за угощеніе и за невѣсту, но не знаютъ, который ея отецъ, и потому спрашиваютъ у невѣсты; но она какъ будто сама не знаетъ, и не отвѣчаетъ на этотъ вопросъ. Бояре не благодарятъ тестя, а только обращаются къ тещѣ и цѣлыхъ три раза благодарятъ ее за то, что она „дочку годувала и за королейка дала“. То обстоятельство, что бояре находятъ нужнымъ поблагодарить отца невѣсты „за хлибъ, за горилойку, за красную дивойку“, вполнѣ отвѣчаетъ современнымъ взглядамъ и отношеніямъ, вліяніемъ которыхъ, вѣроятно, и объясняется. Но то, что бояре-гости не могутъ узнать отца невѣсты въ ея собственномъ домѣ послѣ того, какъ высватали у него дочь и ѣли его хлѣбъ-соль, — это уже нѣчто похожее на сказку и не согласующееся съ современной жизнью. Эта черта, мнѣ кажется, есть отзвукъ тѣхъ давно прошедшихъ

---

1) Roszk. i Franko. Ibid., пѣсни: 38, 110, 117 etc.

2) Ibid., пѣсни: 46, 49, 51, 110, 166, 178 etc. Пѣсня 18 относилась первоначально къ матери.

3) Żegota Pauli. Pieśni ludu Ruskiego w Galicyi. Lwów. 1839. T. I. стр. 86, 87.

временъ, когда цѣлой группѣ женщинъ соотвѣтствовала группа мужчинъ (срв. пуналюанскую семью). Тогда, дѣйствительно, трудно было выдѣлить истиннаго отца изъ цѣлой группы мужчинъ; но тогда не за что было и благодарить родного отца больше, чѣмъ не родного, потому что онъ заботился о своей дочери не больше, чѣмъ и остальные „отцы". А потому бояре, подъ вліяніемъ новѣйшихъ отношеній, хотя и желаютъ благодарить отца невѣсты, однако не благодарятъ его ни разу, а за то мать благодарятъ три раза.

На Лемковской свадьбѣ, подобно тому, какъ и на Долинской, сваты благодарятъ за невѣсту въ *пѣсняхъ* только мать:

Дякуемо ти, мамонько,
За честь, за гостыну, и за любую дытыну,
Же есь намъ выховала, одъ огня варовала,
Одъ огня и одъ воды, и одъ всякои прыгоды [1]).

Мы выше только что привели пѣсню, которая напоминаетъ о былой общности мужей (поліандрія). Отголоскомъ этого звучитъ, кажется, и слѣдующая пѣсня, которую поютъ сиротѣ невѣстѣ въ разныхъ мѣстностяхъ Малороссіи:

Зеленая та дибривонько!
Чомъ у тебе пенькивъ много, зеленого ни одного?
Молодая та дивко Марушко!
Чомъ у тебе *батькивъ много*, ридненького ни одного?

Иногда къ этому еще прибавляется:

Тилько тіи, шо напыться, а никому зажурыться [2]).

Очень можетъ быть, что здѣсь „батьками" названы дяди по отцу и по матери и другіе родственники невѣсты; но характерно уже и то, что къ матери эти пѣсни не примѣняются, какъ это дѣлается въ другихъ случаяхъ (сиротѣ безъ матери не поютъ: „чомъ у тебе матинокъ много, ридненькои ни одной?"). Не могу также пройти молчаніемъ мелкихъ колыбельныхъ пѣсенокъ, вродѣ слѣдующей, записанной въ Юрковщинѣ, на Волыни:

---

[1]) Головацкій. IV. стр. 366.

[2]) Чубинскій. Труды. IV, № 145. Срв. Головацкій. Пѣсни IV, 360 (№ 54). Zbiór wiadomości do antropologii Krajowéj. 1882. T. VI, стр. 38, № 29. (Винницк. уѣз.).

Аа, аа, детя, спать!
Една маты, батькивъ пять [1]).

Пѣсенка эта не имѣетъ теперь никакого смысла; но тогда, когда она сложилась, она была выраженіемъ дѣйствительности [2]).

3. Старшинство матери при расчесываніи косы, наложеніи вѣнка и иныхъ родственныхъ обрядахъ.

Вѣрные признаки существованія матріархальнаго строя мы видѣли въ томъ, что въ с. Дыдёвѣ мать, братья и сестры жениха принимаютъ подарки за его воспитаніе. Такіе-же признаки мы находимъ въ нижеслѣдующей угорско-русской свадебной пѣснѣ, которую поютъ при расплетаніи косы и наложеніи вѣнка на голову невѣсты:

Мать (имѣетъ) Маричка братчика
Молодшого одъ себе
Клыче го передъ себе —
Мыленько послужиты,
Виночокъ положиты.

Эй Маричко, Маричко, камяного серця!
Якъ-же тоби не жаль зеленого винця?
— Ба, якъ-же ми не жаль, ажъ мя серце болыть,
Бо все то ся стало не по моій воли.
Не по моій воли, але по братовій,
По братовій, по сестрыній и по матерній [3]).

Пѣсня эта очень характеристична и важна для насъ. Невѣсту выдаютъ замужъ, противъ ея желанія, братъ, сестра, мать: не только, значитъ, мать, но и сестры и братья имѣютъ право распоряжаться ею, какъ вещью. Болѣе того: братъ и сестра упоминаются прежде матери (подобно тому, какъ при савта-

[1]) Zbiór wiadomości do antr. kraj. 1883. VII. Стр. 243, № 293. Упомяну также сказку про Тромсына=тремъ-сына.

[2]) Такимъ же „выраженіемъ дѣйствительности“ эта пѣсня можетъ служить и вѣроятно служитъ и теперь — въ смыслѣ насмѣшки, относящейся къ незаконному ребенку или вообще къ матери непохвальнаго поведенія. Врядъ ли подобной пѣснѣ можно приписывать особенную древность склада *Ред.*

[3]) Головацкій. Пѣсни. IV. 425.

ніи Ревекки: „братья же и мать сказали...“). Значитъ, въ пѣснѣ признается бо́льшее право на невѣсту за братомъ и сестрою, чѣмъ за матерью. Объ одномъ только отцѣ ничего не говорится въ такомъ важномъ случаѣ. Но вѣдь пѣсня поется отцовской дочери, отецъ есть, и только въ пѣснѣ о немъ не упоминается. Это противорѣчіе между пѣснею и дѣйствительностью мы можемъ объяснить только тѣмъ, что пѣсня есть отголосокъ временъ матріархата.

Изъ этой пѣсни между прочимъ ясенъ смыслъ техническаго термина „положить на голову дѣвушки вѣнокъ“—выдать ее замужъ. То-же самое значитъ „*расплетать*, *расчесывать косу*“ невѣсты. (Вѣнокъ и коса—символы дѣвичества). Оба эти обряда тѣсно связаны между собою, и безъ нихъ не обходится ни одна свадьба на всемъ широкомъ пространствѣ Малой и Бѣлой Руси. Косу невѣсты обыкновенно расчесываетъ братъ (кое-гдѣ, напр. у Гуцуловъ—мать) [1]), вѣнокъ кладетъ обыкновенно мать. Отецъ нигдѣ не участвуетъ въ разчесываніи косы невѣсты, и только кое-гдѣ кладетъ вѣнокъ. Въ Долинѣ наряжаютъ подъ вѣнецъ невѣсту дружки (родн. сестры и родственницы), расплетаетъ же ей косу *братъ*, кладетъ ей вѣнецъ—*мать* [2]). Точно такъ-же выполняется этотъ обрядъ въ Кутузовѣ [3]). Пѣсни, которыя поются въ этомъ случаѣ, относятся только къ *брату* и *матери*. У Гуцуловъ (Яворовъ, Космачъ [4]) въ этомъ случаѣ поютъ:

Братъ сестру росплитае,
Заплиточкы пидъ стивъ метае,
Чоботомъ прытоптае.

Ой роговый гребиньчикъ, роговый,
Та озьмы го, *мамко*, въ ручку,
Ты *росчеши русу косу* пидъ виньчикъ.

Надъ Збручемъ [5]) обрядъ этотъ отличается тѣмъ, что вмѣстѣ съ братомъ расчесываютъ косу и другіе родственники по

[1]) Головацкій. Пѣсни. IV. 357.
[2]) Olga Roszkiewicz i I. Franko. Pieśni i obrz. wes., стр. 15, 16.
[3]) Навроцькій: Сочиненія. I. „Весилье въ К.“ Стр. 32, 33.
[4]) Головацкій. Пѣсни. IV, 346, № 16.
[5]) Головацкій. Пѣсни. II. Стр. 635.

старшинству; а когда мать кладетъ вѣнецъ на голову невѣсты, то староста благословляетъ ее. Если въ расплетаніи косы принимаютъ участіе всѣ родственники невѣсты, весь *родъ*, то, значитъ, весь родъ отдаетъ ее замужъ; и въ то время, какъ *братъ* (расчесывая первый и отрѣзывая косу), *мать* (вѣнчая голову невѣсты) и *староста* (благословляя невѣсту) выдѣляются изо всего рода, отецъ или совсѣмъ не выступаетъ въ этомъ обрядѣ, или выступаетъ на заднемъ планѣ, какъ будто онъ и не принадлежитъ къ роду, не имѣетъ въ немъ первенствующаго значенія. Факты эти опять рѣзко противорѣчатъ дѣйствительности, и въ то же время вполнѣ соотвѣтствуютъ матріархальному строю семьи, въ которомъ никакой отецъ не принадлежитъ къ семьѣ или роду своихъ дѣтей, потому что родъ размножается черезъ женщинъ, а женщины не имѣли connubium съ мужчинами своего рода.

Подобно этому ставитъ отца на задній планъ не одна пѣсня, не одинъ обрядъ. Въ Лолинѣ на свадьбѣ свахи, сдѣлавъ вѣнокъ, обращаются въ пѣснѣ къ *старостѣ* и къ *матери*, чтобы они „выкупылы виночокъ видъ молодыхъ жиночокъ“ [1]), а отца игнорируютъ и не обращаются къ нему съ подобною просьбою хотя это соотвѣтствовало-бы современнымъ отношеніямъ; вѣдь, деньги скорѣе могли-бы найтись у отца, чѣмъ у матери, а старостѣ, казалось-бы, какое до этого дѣло? Подобно этому и въ Украинѣ выкупаетъ „гильце“ у дѣвушекъ или староста, или мать, или сама невѣста, но не отецъ [2]). Старшинство матери передъ отцомъ видно также при „прощахъ“, одной изъ торжественнѣйшихъ минутъ въ малорусской свадьбѣ. Въ Лолинѣ этотъ обрядъ совершается такъ: свахи въ пѣснѣ обращаются къ матери и старостѣ:

У лаву, матенко, у лаву,
Та зробы донечци хоть славу;
А ты, старосто, походы,
Та свои прощи выпросы!

Затѣмъ, на просьбу старосты: „проше, роде блызькый, да-

[1]) O. Roszkiew. i I. Franko. Piésni.... w Lolinie, № 19.
[2]) Чубинскій: Труды, IV, passim.

левый, проше, препроше у лаву!"—весь родъ садится на скамьѣ, всѣ накрываютъ себѣ колѣни плахтами или чистымъ полотномъ и каждый изъ нихъ держитъ хлѣбъ на колѣнахъ. Тогда староста говоритъ такую рѣчь (т. н. „прощи") къ роду: „Якъ отыхъ двое дитей стало передъ свеи *матеры риднои*, передъ свого *тата ридного*, передъ своихъ вуйчикивъ (дядей), передъ своихънанашечкивъ (крестныхъ), може оно що кому дигнало, може оно кого не услухало,—прошу простыты и благословыты". На эти слова каждый изъ родичей отвѣчаетъ трижды: „Бигъ святый" (проститъ). Затѣмъ молодые кланяются своимъ родичамъ въ ноги, цѣлуютъ ихъ руки и ноги, потомъ лицо — трижды [1]). Во всемъ этомъ обрядѣ для нашей темы важны три момента: 1) свахи обращаются въ пѣснѣ только къ матери и старостѣ, минуя отца, какъ будто-бы безъ него могъ-бы обойтись весь обрядъ; 2) въ рѣчи своей староста обращается прежде къ матери, а затѣмъ къ отцу; 3) наконецъ, въ той же рѣчи онъ обращается къ „вуйчикамъ", т. е. къ братьямъ матери, игнорируя „стрыйчиковъ", т. е. братьевъ отца, и такимъ образомъ признаетъ первенство за родомъ матери передъ родомъ отца. Нельзя не замѣтить, что всѣ отмѣченные нами моменты находятся въ тѣсной связи между собою; связь эта предполагаетъ общую причину. Очевидно, причиной этой могъ быть только существовавшій когда-то матріархатъ. Повидимому, и это очень правдоподобно, первоначально въ „прощахъ" объ отцѣ совсѣмъ не упоминалось, и только впослѣдствіи сталъ упоминаться отецъ рядомъ съ матерью. Такое толкованіе находитъ многочисленныя аналогіи въ свадебныхъ пѣсняхъ и лучше всего выясняетъ нынѣшнюю форму «прощей».

4. *Мать воспитательница дочери. Мать одна, а не отецъ, защищаетъ дочь-невѣсту отъ наѣздниковъ бояръ; мать, а не отецъ, отправляется въ погоню за увезенной дочерью.*

Мы видѣли, что мать получаетъ подарки и благодарность за невѣсту и другія свадебныя почести за то, что она воспитала дочь; пѣсни и свадебные обряды достаточно о томъ свидѣтельствуютъ. Права соотвѣтствуютъ обязанностямъ. Сва-

[1]) O. Roszkiewicz i I. Franko, Pieśni wes. w Lolinie, стр 17.

дебная мать имѣетъ гораздо больше правъ, чѣмъ мать дѣйствительная, — она имѣетъ и гораздо большія обязанности. Дочь, по свадебнымъ пѣснямъ, ищетъ у матери такой защиты, какую могла-бы найти только у мужчины. Въ Кутузовѣ на свадьбѣ, когда бояре съ „дружбою" и женихомъ приближаются къ хатѣ невѣсты, «дружки» поютъ:

Прыпадь, прыпадь, Марысуню, до стола:
Обступыли боярчикы докола.
Киньмы граютъ, двиръ рубаютъ,
Шабелькамы вытынаютъ, Марысуни шукаютъ.

Гукнулы бояре на двори,—
— *Сховай мене, моя нене*, в комори!
— Не поможе, моя доню, комора
Обступылы баярчикы докола, [1]).

Такую же картину рисуетъ намъ и слѣдующая бѣлорусская пѣсня:

Якъ застучели куты колесы на двори,
Якъ заплакала млада Гапулька у камори:
— *Выйдзи, выйдзи, моя родная, откажи.*
— Якъ я маю, мое дзицяци, отказаци:
Наѣхали князи-бояры, кабъ ўзяци... [2]).

Невѣста ищетъ защиты отъ бояръ у матери, хотя мать сама безсильна, какъ женщина, и не въ состояніи защищать дочери отъ вооруженныхъ гостей. Слѣдовательно, отца нѣтъ; въ противномъ случаѣ дочь просила бы защиты у отца, а если-бы и не просила, то онъ и самъ не дозволилъ бы боярамъ увезти дочь, не позволилъ бы нарушить свои права отца и главы дома,—и мы встрѣтили бы въ пѣснѣ упоминаніе объ этомъ. Однако, такого упоминанія мы не находимъ, и какъ, съ одной стороны, отсутствіе отца въ пѣснѣ является теперь большимъ анахронизмомъ, такъ съ другой стороны, это соотвѣтствуетъ былой бытовой подкладкѣ пѣсни, которая наглядно изображаетъ умыканіе невѣсты,—обычай, ведущій

[1]) В. Навроцькій. Сочин. I, стр. 46.
[2]) Записки Императ. Русс. Геогр. Общества по этногр. V. стр. 610, № 557.

свое происхожденіе отъ временъ матріархальныхъ, какъ и обычай купли невѣстъ, возникшей изъ умыканія. Оба эти обычая были важнѣйшей причиною переворота, разрушившаго матріархальный строй и замѣнившаго его строемъ патріархальнымъ; оба обычая лежатъ въ основѣ малорусской свадьбы, и мы посвятимъ имъ отдѣльный экскурсъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (именно, западно-галицкихъ) свадебныя пѣсни рисуютъ нападеніе бояръ нѣсколько иначе. Когда бояре напали на дворъ, мать спала въ коморѣ (бояре обыкновенно нападаютъ ночью), и бояре увезли невѣсту. Мать, замѣтивши утромъ отсутствіе дочери, со всѣмъ родомъ отправляется въ погоню (погоня эта въ измѣненномъ видѣ теперь называется: „пропій", „прыдане", „перезва"). Къ этому именно моменту относятся слѣдующія пѣсни:

Заспала твоя мамка въ комори,
Тебе взялы, Оленко, на кони,
Теперъ йиде твоя мамка въ погони.
— Я ти дамъ, зятю, коня въ сидельци,
Лышъ ми верны донечку ще въ винци;
Я ти дамъ, зятю, коня въ злоти,
Лышъ ми верны донечку ще въ цноти [1]).

Безь (черезъ) лисы темненькіи,
Безъ рики велыкіи,
Слидомъ, слидомъ, матинойку,
Зи всёю родынойковъ
За своёвъ дитынойковъ.
Де мы іи выслидымо
Тамъ си посидемо [2]).

Слядомъ, мамычко, слядомъ,
За своимъ билымъ чадомъ [3]).

И въ этихъ пѣсняхъ объ отцѣ не упоминается. Если-бы у невѣсты былъ отецъ въ смыслѣ патріархальнаго времени, то, навѣрное, онъ, а не мать, поѣхалъ бы въ погоню, за до-

[1]) O. Roszkiewicz i I. Franko. Piesni.... w Lolinie. №№ 143, 127. Срав №№ 138, 126, 116

[2]) Żeg. Pauli. P. l. r. I, 71, № 10.

[3]) Головацкій. IV. 397 (Лемки).

черью. Вѣдь, это дѣло военное: нужно скакать на лошадяхъ „черезъ лисы темненькіи, черезъ рикы велыкіи“, и при томъ биться съ буйными боярами, которые „двиръ рубають, шабелькамы вытынають“. Отецъ, какой-бы онъ ни былъ, навѣрно не поручилъ бы такого дѣла матери. Не нужно еще забывать, что пѣсни эти поются отцовскимъ дочерямъ: дочь здѣсь не сирота, и мать не вдова. Опять мы видимъ противорѣчіе, опять имѣемъ указаніе на матріархатъ. Ни въ одной пѣснѣ образъ свадебной матери не противорѣчитъ такъ современной дѣятельности, какъ въ приведенныхъ пѣсняхъ: въ нихъ мать является какъ-бы величавой и рыцарственной амазонкой, идущей съ войскомъ въ походъ. Она-же выкупаетъ дочь у зятя или бояръ за коней въ золотой и серебряной сбруѣ; слѣдовательно, и военные кони принадлежатъ ей.

Мы здѣсь отмѣтили только такія черты, какія не относятся къ современной дѣйствительной матери. О тѣхъ же многочисленныхъ и прекрасныхъ пѣсняхъ, въ которыхъ высказывается глубокая, искренняя любовь матери къ дочери и дочери къ матери, въ которыхъ изображены материнская забота, тоска и тревога объ отъѣзжающей дочери,—объ этихъ пѣсняхъ мы говорить не станемъ, такъ какъ онѣ столь-же примѣнимы къ матери временъ патріархальныхъ, какъ и къ современной. Но характерно то, что, напр., въ Лолинской свадьбѣ цѣлая масса пѣсенъ [1]) рисуетъ живыми и идеальными красками любовь матери и материнскія заботы, тогда какъ нѣтъ ни одной пѣсни, гдѣ бы говорилось то же объ отцѣ. И нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что дочь обнаруживаетъ въ пѣсняхъ больше признательности и любви къ матери, чѣмъ къ отцу. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ пѣсни, которыя поются при выѣздѣ невѣсты изъ дома родителей, относятся исключительно къ матери, а въ другихъ — преимущественно. Въ Коломыйскомъ округѣ дочь, уѣзжая съ боярами, прощается *только съ матерью*, въ Лолинѣ—*прежде съ матерью*, потомъ съ отцомъ: разумѣется, говоримъ только о пѣсняхъ, потому

---

[1]) O. Roszkiewicz i I.Franko, Pieśni i obrzędy wes. w Lolinie: №№ 3, 14, 31, 38, 45, 46, 110, 112, 116, 123, 127, 143, 166, 177, 178, 179 и т д.

что на дѣлѣ дочь прощается и съ отцомъ и съ матерью, и можетъ быть, даже прежде съ отцомъ [1]). Въ Лолинѣ поютъ:

Добра-ничъ, моя *матинко*, вже-мъ вамъ ся видклоныла,
Въ коморочци на шуфлядочци ключикы зложила.
Будьте здорови, любый *таточку*, вже-мъ вамъ ся видклоныла,
Въ оборочци сыви волыкы—ще-мъ ныни напоила [2]).

Существуютъ даже пѣсни, въ которыхъ прямо высказывается взглядъ, что связь между дочерью и матерью тѣснѣе, крѣпче, чѣмъ связь между дочерью и отцомъ:

Кланяйся, Ганунe, батькови ныэько,
Бо къ серденьку его ты блызько;
А матинци кланяйся ще ныэше,
Бо къ серденьку еи ты ще блызше [3]).

5. Мать и сынъ.

Балецъ, матери, балецъ,
На симъ миръ, тай на палецъ.
Маты сына годувала.
Бальцю ся сподивала.... [4])

Гостинецъ („балецъ“) за воспитаніе сына достается только матери; слѣдовательно, мать сама, безъ помощи отца, воспитала сына. Точно также въ пѣснѣ „до видклону“ поется только о матери:

Маты сына годувала,
Видклону (поклона) ся сподивала.

Въ наше время отецъ также ожидаетъ поклона, и дѣйствительно, сынъ кланяется также отцу; но нѣкогда только мать ожидала поклона, потому что только она воспитывала сына, и тогда-то приведенная пѣсня отвѣчала дѣйствительности.

1) Головацкій. II, 112, № 40, 41. Срав. Записки Императ. Р. Геогр. Общ. по этнографіи. V. 169, № 45.
2) O. Roszkiewicz i Franko. № 119.
3) Żegota Pauli. Piesni. rusk I.
4) См. выше, стр. 52.

Въ одной пѣснѣ, правда, не свадебной, но родственной свадебнымъ, такъ изображается воспитаніе сына:

Маты сына дай народыла,
А народывши да израстыла,
А израстывши— на коня всадыла,
Дай выправляе, дай научае....

Все воспитаніе сына—въ рукахъ матери, отъ колыбели до сѣдла. При томъ мать здѣсь не названа вдовою, какъ то обыкновенно бываетъ въ тѣхъ пѣсняхъ, гдѣ поется только о матери.

Мать, отправляющая сына на войну и научающая его, чтобы „напередъ війська не вырывався, а позадъ війська не зоставався,“—это одинъ изъ обыкновеннѣйшихъ образовъ въ малорусскихъ колядкахъ. [1]) Наоборотъ, отецъ, научающій сына при отправленіи его на войну,—это образъ въ древнѣйшей малорусской поэзіи или совсѣмъ неизвѣстный и небывалый, или, во всякомъ случаѣ, исключительный. Это явленіе можно объяснить только тѣмъ, что „колядки“ и „щедривки“ ведутъ свое происхожденіе отъ болѣе отдаленныхъ временъ матріархальныхъ, когда отецъ совсѣмъ не интересовался сыномъ. Извѣстенъ колядкамъ и такой образъ: мать поучаетъ сына, когда онъ отправляется въ горы за дѣвушкой. [2]) Образъ этотъ составляетъ переходъ отъ колядокъ къ свадебнымъ пѣснямъ. Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Малой и Бѣлой Руси мы встрѣчаемъ обычай: когда женихъ съ боярами отправляется за невѣстой, *мать* въ вывороченной, шубѣ выходитъ на порогъ хаты и обсыпаетъ бояръ овсомъ, а одинъ изъ бояръ въ это время обводитъ коня вокругъ дѣжи (квашни). Кое-гдѣ, при такихъ-же обстоятельствахъ, мать кропитъ сына святою водою. [3]) И въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ такой обрядъ не сохранился, въ пѣсняхъ все-таки о немъ говорится. Въ Лолинѣ, напр.:

[1]) Потебня. Объясн. пѣс. II, гл. LXV, стр. 697.
[2]) Потебня. Ibid. II, гл. XXV, 385.
[3]) Чубинскій. Труды, IV, 567. (Борисполь). Записки И. Р. Г. Общ. по этногр. V, 143. (Бѣлор.). Купчанко, Буковин. пѣс., ст. 205. Головацкій, Пѣсни, IV, 374. (Лемки).

А матинка горивку носыла,
Та свого сыныка просыла:
— Йидь-же, сыночку мій, Васылечку,
По молоду невисточку;
Якъ она добра е, то еи прывезы,
А якъ она лыха-е, то тамой лыши. [1])

Въ Дыдёвѣ поется:

Ютко, матинко, ютко,
Выправляй же насъ хутко (скоро) [2]).

Сюда же относится слѣдующая довольно распространенная пѣсня:

Маты сына въ дорогу (по невѣсту) выправляла,
Маты сына хороше научала:
— Не пый, сыноньку, першои повноньки,
Бо перша повнонька—велыка здрадонька,
Вылляй, сыноньку, коневи на грывоньку [3]).

Предостереженіе матери относится къ слѣдующему обряду Когда женихъ придетъ съ боярами къ хатѣ будущей тещи, то теща выходитъ на встрѣчу и подноситъ ему рюмку водки; онъ, однако, не пьетъ первой рюмки, а выливаетъ ее черезъ себя, точно также вторую, и выпиваетъ только третью. Изъ этихъ пѣсенъ видимъ, что мать не только снаряжаетъ сына въ дорогу, но и напутствуетъ своими совѣтами. Сынъ совѣтуется также съ матерью, кого брать въ бояре [4]), а дочь спрашиваетъ ее, кого брать въ дружки. Вообще, нужно замѣтить, что между „ладканками“ (свад. пѣсн.), колядками и иными старинными пѣснями (именно, семейными балладами, размѣра 4+4). Есть очень много такихъ, въ которыхъ выступаетъ сынъ и мать, и очень мало такихъ, въ которыхъ выступаетъ отецъ и сынъ; да и эти немногія возникли изъ первыхъ: вмѣсто слова „мать,“ подставлено слово „отецъ,“ подъ вліяніемъ новыхъ взглядовъ, содержаніе-же самыхъ пѣсенъ оста-

---

1) O. Roszkiewicz, Iw. Franko, Pieśni i obrz. wes. w Lolinie, № 70.

2) „Зоря“, 1889 г., стр. 285 № 26.

3) Навроцькій. Соч. I. Żeg. Pauli. P. l. r. I, стр. 127, № 7. „Зоря“, 1889 стр. 299, № 45.

4) Зоря. 1889, стр. 284, № 23.

лось то-же. Въ этихъ пѣсняхъ выступаетъ власть матери надъ сыномъ, подчиненіе сына матери. Особенно хорошо это видно въ пѣсняхъ о злой свекрови и о томъ, какъ мать прогоняетъ сына прочь, и онъ больше не возвращается домой [1]).

Очень важны для нашей темы многочисленныя и разнородныя сказки и пѣсни о кровосмѣшеніи.

Всѣ малорусскія и бѣлорусскія поэтическія и прозаическія простонародныя обработки этого мотива, несмотря на различіе въ подробностяхъ, имѣютъ двѣ общія основныя черты: 1) Во всѣхъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ сказкахъ и пѣсняхъ этой категоріи разсказывается или о кровосмѣшеніи между матерью и сыномъ, или между сестрою и братомъ, и никогда—между отцомъ и дочерью. Изъ этого мы заключаемъ, что въ тѣ времена, когда складывались эти пѣсни и сказки, только сожительство сына съ матерью и брата съ сестрою считалось кровосмѣшеніемъ, грѣхомъ; сожительство же отца съ дочерью таковымъ не считалось. Такой взглядъ могъ и долженъ былъ господствовать во времена матріархальнаго строя, когда степень родства опредѣлялась по женской линіи, когда мать и сынъ, сестра и братъ (отъ общей матери) считались ближайшими родственниками, а отецъ и дочь таковыми не считались; когда бракъ между матерью и сыномъ, братомъ и сестрою, и вообще между родственниками по женской линіи—возбранялся, тогда какъ бракъ между отцомъ и дочерью не могъ быть возбраняемъ, потому что отецъ не зналъ своихъ дѣтей, а дѣти не знали своего отца. 2) По основному своему смыслу, относящіяся сюда малорусскія и бѣлорусск. пѣсни распадаются на двѣ группы. Въ обѣихъ группахъ причиною кровосмѣшенія является ошибка (фатализмъ), а именно: братъ и сестра, мать и сынъ, послѣ долгой разлуки, не узнаютъ другъ друга и вступаютъ въ связь. Но въ одной изъ этихъ группъ пѣсенъ, сынъ или братъ являются разбойниками, по невѣдѣнію убивающими отца и вступающими въ связь съ матерью или сестрами. Въ другой группѣ —

[1]) Потебня, Объясн. пѣс. II, LXXIII, 722 Голов. II, 55, 585, 713 Чуб. V, 908, 890.

братъ покупаетъ себѣ дѣвушку у турка или серба, и, купивши ее, узнаетъ въ ней сестру и тѣмъ избавляетъ себя отъ грѣха.

Первая группа пѣсенъ (древнѣйшая по происхожденію) является отголоскомъ тѣхъ временъ, когда жены добывались путемъ насилія, умыканія; вторая является представительницею позднѣйшаго времени, когда жены покупались. Но оба явленія, умыканіе и потомъ купля невѣстъ, зародившись во времена матріархата, разрушили его и поставили на его мѣсто строй патріархальный. Пѣсни и сказки о кровосмѣшеніи относятся къ порѣ умыканія и купли невѣстъ, къ порѣ того великаго переворота, когда свобода жены и право матери должны были уступить власти мужа и отца, когда родственныя связи по женской линіи слабѣли, когда женщины, сторонницы падающаго строя, должны были спрашивать себя съ сердечной болью:

Якій теперъ сьвитъ наставъ,
Що братъ сестры не пизнавъ!
Яка теперъ годына,
Що йде маты за сына! [1])

Примѣчаніе I. Пѣсни первой группы, какъ мы сказали, являются отголоскомъ древнѣйшей поры—поры умыканія (Raubehe), пѣсни-же второй группы—поры купли (Kaufehe). Слѣдовательно, пѣсни первой группы должны считаться болѣе древними по происхожденію, чѣмъ пѣсни второй группы. На это указываютъ еще и слѣд. обстоятельства: 1) Пѣсни первой группы относятся къ колядкамъ (размѣра 5 + 5), пѣсни второй группы — къ необрядовымъ пѣснямъ (разм. 4 + 4). 2) Въ пѣсняхъ 1 гр. кровосмѣшеніе является въ болѣе рѣзкой формѣ (мать и сынъ); въ пѣсняхъ 2 гр.—въ смягченной формѣ (братъ и сестра). 3) Въ пѣсняхъ 1 гр. мать и сынъ узнаютъ другъ друга по совершеніи грѣха кровосмѣшенія; въ пѣсняхъ 2 гр. братъ и сестра узнаютъ другъ друга раньше, и кровосмѣшеніе не наступаетъ. Такимъ образомъ наши заключенія находятъ соотвѣтствіе и въ подробностяхъ. Къ этому еще прибавимъ, что въ сказкахъ и пѣсняхъ первой группы или отецъ отдаетъ новорожденнаго сына кому-либо для умерщвленія, но сынъ спасается какимъ-либо чудомъ; или мать кладетъ дитя въ корзину и пускаетъ на воду, но оно не утопаетъ. Сказки этой группы, по своему происхожденію и содержанію, сходны со сказаніями о дѣтствѣ Эдипа, Париса, Кира, Ромула, Моисея.

Примѣчаніе II. Пѣсни и сказки о кровосмѣшеніи мы находимъ у многихъ народовъ различнаго происхожденія. Я ставлю эти пѣсни и сказки въ связь

[1]) Чуб. V, 918.

съ эволюціею семьи, а распространенность ихъ объясняю себѣ тѣмъ, что всѣ народы шли одной и той-же дорогой въ исторіи развитія семьи, при чемъ заимствованія пѣсенъ и легендъ однимъ народомъ у другого могло и не быть. Этимъ-же я объясняю и сходство свадебныхъ обрядовъ у различныхъ племенъ. Вообще я скорѣе склоненъ примкнуть въ своихъ выводахъ ко взглядамъ школы антропологической, чѣмъ школы миграціонной (Андрю Лангъ, Теодоръ Бенфей).

6. *Мать — самостоятельная хозяйка дома (господыня). Мать — старшая жрица. Мать — самостоятельная собственница имущества.*

Почти вездѣ въ Малой и Бѣлой Руси есть свадебный обычай, по которому на встрѣчу боярамъ, новобрачнымъ, дружкамъ и вообще всѣмъ гостямъ выходитъ изъ хаты не отецъ и не мать съ отцомъ, а одна мать. Въ Лугинахъ, Овручскаго у. (Волынь), когда женихъ съ боярами приходитъ къ хатѣ невѣсты, навстрѣчу имъ выходитъ мать въ вывороченной шубѣ, набираетъ въ рюмку воды изъ ведра и потчуетъ зятя; зять беретъ рюмку и бросаетъ ее назадъ черезъ голову, а его дядя хватаетъ рюмку и возвращаетъ тещѣ; второй разъ повторяется то же самое, и только въ третій разъ теща наливаетъ водки, и зять пьетъ ее [1]). Подобно этому въ с. Полонномъ, Новоградволынскаго у. [2]), въ селахъ Харьковской губ. [3]), въ Галиціи надъ Збручемъ [4]) и проч., — встрѣчаетъ бояръ и угощаетъ зятя теща. И въ Бѣлоруссіи тоже встрѣчаетъ бояръ и жениха мать невѣсты въ вывороченной шубѣ, съ хлѣбомъ, солью, медомъ, и угощаетъ зятя водкой [5]).

Во многихъ мѣстностяхъ, особенно въ Галиціи, мать невѣсты встрѣчаетъ такимъ же образомъ молодую чету отъ вѣнца. Въ Лолинѣ навстрѣчу жениху съ невѣстой и всѣмъ свадебнымъ гостямъ, возвращающимся послѣ вѣнчанія, выходитъ мать невѣсты въ вывороченной шубѣ и съ „запас-

---

1) Чубинскій. Труды. IV. 601.
2) Чубинскій. Труды. IV. 575.
3) Ibid. IV. 689.
4) Головацкій. Пѣсни. II. 662 etc.
5) Записки Импер. Рус. Геогр. Общ. по этнографіи. V, 572, 144,

кой“ на головѣ (вмѣсто платка) и подноситъ новобрачнымъ къ устамъ медъ на лезвіи ножа, при чемъ мажетъ тѣмъ самымъ медомъ лобъ, подбородокъ и щеки жениху и невѣстѣ. Послѣ, уже въ хатѣ, мать угощаетъ ихъ молочною кашею, которую она непремѣнно сама варитъ, и которую женихъ и невѣста должны ѣсть одною ложкою изъ одной миски [1]). Также и въ с. Дыдёвѣ мать невѣсты выходитъ съ медомъ, ломтями хлѣба и бутылкою водки (все на деревянной тарелкѣ) и угощаетъ зятя [2]). Въ Кутузовѣ навстрѣчу новобрачнымъ выходитъ мать въ вывороченной шубѣ, угощаетъ зятя водкой до третьяго раза, когда онъ, наконецъ, выпиваетъ; затѣмъ также точно угощаетъ дочь-невѣсту. Въ хатѣ женихъ и невѣста должны перелѣзть черезъ столъ, сѣсть рядомъ и ѣсть одною ложкою „печинку“ [3]). Такъ-же описанъ этотъ обрядъ и у Жеготы Паули: мать въ вывороченной шубѣ обсыпаетъ молодыхъ овсомъ, пьетъ за здоровье дочери, а потомъ зятя [4]). Въ Буковинѣ [5]), въ Гуцульщинѣ [6]), въ Бѣлоруссіи [7]) — мать встрѣчаетъ отъ вѣнца невѣсту съ хлѣбомъ-солью въ рукахъ, а кое-гдѣ и со свѣчкой. Бояръ и сына, возвращающихся съ невѣстою, привѣттвуетъ опять-таки не отецъ жениха, а мать—въ Лолинѣ [8]), Бориспол̃ѣ Переяславск. у. [9]), надъ Збручемъ [10]), въ Бѣлоруссіи [11]). Кое-гдѣ, какъ въ Борисполѣ Кутузовѣ мать привѣтствуетъ невѣсту и ея „дружекъ“, когда онѣ возвращаются съ села, куда онѣ ходили приглашать гостей. Мать, а не отецъ снаряжаетъ въ дорогу свадебный поѣздъ. Мать жениха отправляетъ сына съ боярами и свахами за невѣ-

---

1) O. Roszkiewicz, Iw. Franko. Pieśni i obrz. wes. w Lolinie, стр. 21.
2) „Зоря“, 1889 г. стр. 299.
3) В. Навроцькій. Соч. І. 40, 41.
4) Żeg. Pauli. Pieśni ludu rusk. w Galic. I. 65.
5) Купчанко, Буковинскія пѣсни. (Записки Ю.-З. Отд. Геогр. Общ. II. 201
6) Головацкій, Пѣсни. IV. 356.
7) Записки И. Р. Геогр. Общ. по этногр. V, стр. 575, 642.
8) O. Roszkiewicz i I. Franko. Pieśni i obrz. wes. w Lolinie. Стр. 40.
9) Чубинскій. Труды. IV 562.
10) Головацкій, Пѣсни. II, 672.
11) Зап. Имп. Р. Г. Общ. по этногр. V. 572, 593. 154.

стой,—но объ этомъ уже была рѣчь. Мать невѣсты, стоя на порогѣ, окропляетъ святою водою и благословляетъ хлѣбомъ и солью молодыхъ и ихъ свиту — къ вѣнцу [1]). Всѣ описанные обряды имѣютъ то общее, что совершаетъ ихъ не отецъ, даже не отецъ съ матерью, а одна мать. Только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, рядомъ съ матерью, выступаетъ отецъ. Напримѣръ, въ Кобринскомъ уѣздѣ Гродн. губ. [2]), мѣстами въ Харьк. и Кіевск. губ., также въ Коломыйскомъ округѣ [3]). Но и тамъ, гдѣ рядомъ съ матерью выступаетъ отецъ, видно преимущество матери, — видно, что первоначально и здѣсь выступала одна мать. Такъ, въ Борисполѣ [4]) встрѣчаетъ молодыхъ отъ вѣнца отецъ съ матерью, а уже бояръ и дружекъ — одна мать. Появленіе отца при встрѣчѣ молодыхъ отъ вѣнца и отсутствіе его при встрѣчѣ бояръ и дружекъ, можетъ быть, объясняется тѣмъ, что первый обрядъ— христіанскій, новый, второй-же сохранился отъ древнѣйшихъ временъ.

Не смотря на присутствіе отца при встрѣчѣ молодыхъ, пѣсня, поющаяся при этомъ, относится только къ матери. Можно думать, что первоначально и здѣсь выступала одна мать. По описанію Жеготы передъ выѣздомъ подъ вѣнецъ мать благословляетъ молодыхъ хлѣбомъ и солью, а отецъ — иконой: и здѣсь видимъ, что отецъ совершаетъ сравнительно новую часть обряда, мать-же — древнѣйшую [5]). Очень характерно, что даже тамъ, гдѣ отецъ выступаетъ рядомъ съ матерью или даже вмѣсто нея, онъ никогда не совершаетъ тѣхъ обрядовъ, которые совершаетъ мать при встрѣчѣ дружекъ, молодыхъ; напр., насколько я знаю, отецъ нигдѣ не выходитъ въ вывороченной шубѣ. Причина этого ясна. Гдѣ новыя вліянія были такъ сильны, что выдвинули отца рядомъ съ матерью, тамъ тѣ-же вліянія повлекли за собою искоре-

---

1) Żegota Pauli. Pieśni ludu rusk. w Gal. I, 65.

2) Чубинскій, Труды. IV. 664.

3) Головацкій. Пѣсни. II. 99.

4) Чубинскій. Труды, прибавленіе къ IV т. №№ 40, 41.

5) Żeg. Pauli, Pieśni l. rusk. w Gal.,стр. 64. Срав.: Zbiór wiadomości do antropologii kraj. VII, 164, 176.

неніе или измѣненіе языческихъ обрядовъ. Въ горахъ, гдѣ древніе свадебные обряды наилучше сохранились, напр. въ Тухольщинѣ, отецъ никогда не встрѣчаетъ и не обсыпаетъ зерномъ бояръ и прочихъ свадебныхъ гостей. Если же невѣста или женихъ—сирота, т. е. не имѣетъ матери, то въ обрядахъ замѣняетъ мать не отецъ, а какая-либо пожилая женщина.

Въ приведенныхъ обрядахъ нужно отмѣтить два момента: прежде всего важенъ уже самый фактъ, что мать одна встрѣчаетъ большія толпы свадебныхъ гостей (бояръ, дружекъ и т. д.) *на порогѣ хаты*. Чтобы понять этотъ моментъ, нужно обратить вниманіе на пѣсни, съ которыми обращаются къ матери свадебные гости, стоя предъ ея хатой. Пѣсни эти начинаются такъ: „отворы, маты, лиску", „отворы, маты, новый двиръ", „отворы, маты, викόнце", „отворы, маты, ворота", „выйды, маты, зъ хаты", „выйды, маты, погляды", „пусты насъ, свахо (маты), въ хату!" и т. д. [1]) Только на это приглашеніе мать выходитъ на порогъ и совершаетъ вышеописанные обряды, а затѣмъ впускаетъ бояръ или дружекъ въ хату. Теперь значеніе этого момента становится совершенно яснымъ. Свадебные гости просятъ только мать, а не отца впустить ихъ въ хату. Слѣдовательно, они признаютъ право впустить въ хату только за матерью, и ее только считаютъ единственною и самостоятельною хозяйкою дома. Стало быть, мать выступаетъ здѣсь, какъ настоящая госпожа дома временъ патріархальныхъ. По новымъ взглядамъ, главою дома и семьи является отецъ, и онъ долженъ былъ бы выходить навстрѣчу гостямъ, если не самъ, то хоть съ матерью, особенно навстрѣчу такимъ гостямъ, какъ бояре, которые „двиръ рубаютъ, шабельками вытынаютъ", — но и ихъ встрѣчаетъ мать.

Въ связи со взглядомъ на мать, какъ на главу дома, стоитъ и названіе двора въ свадебныхъ пѣсняхъ „мамчинымъ". Такъ,

---

[1]) Чубинскій, Труды IV. 428—433, №№ 1238—1258. Головацкій, Пѣсни. II. 113. (№ 43) 672 (№ 130) и т. д. IV. 364 (65) 390 и пр. Записки Имп. Р. Г. Общ. по этн. 222, 632, 653, 595, 764. Купчанко, Буков. пѣсни. (Записки Ю.-З. отд. Геогр. Общ., II, 252). O. Roszkiewicz, I. Franko, Pieśni i obrz. w Lolinie, № 131, и проч.

въ Лолинскихъ пѣсняхъ [1]) дворъ четыре раза зовется „мамчинымъ“, отцовскимъ же—ни разу. Этимъ-же взглядомъ объясняются встрѣчающіяся въ пѣсняхъ метонимiи: „свекрыця пры дорози“, „тещейка пры дорози“ (вмѣсто: хата свекра, тещи) и т. д.[2]).

По свадебнымъ пѣснямъ все хозяйство принадлежитъ матери: она распоряжается имъ вполнѣ самостоятельно. Между свад. пѣснями (записанными въ Лолинѣ) есть и такія, по которымъ матери принадлежатъ: „комора“, „ключи“, „пысана скрыня въ комори“, „сыва корова“, горохъ, макъ (т. е. домашнее хозяйство); отцу-же принадлежатъ: „волы на обори“ (т. е. полевое хозяйство). Но есть и такія пѣсни, по которымъ и волы, и лошади въ сѣдлахъ, и деньги, и все, что въ домѣ, принадлежитъ матери [3]). Тамъ-же, въ Лолинѣ, о матери поется въ четырехъ пѣсняхъ, что она что нибудь даетъ [4]) зятю или дочери; объ отцѣ съ матерью поется то-же самое—въ трехъ пѣсняхъ [5]), объ одномъ же отцѣ — ни въ одной. Мать даетъ вѣно зятю: „журылася маты, чимъ зятя винуваты“. Въ Лолинской пѣснѣ дочь требуетъ вѣна прежде у матери, а потомъ у отца. Бѣлоруссы поютъ:

Табѣ, мамка, хатка, каморка,
А мнѣ, маладзенькой, кубылъ, кароука.

Сюда же относится слѣд. интересная пѣсня:

1. Теща зятенька витае,
2. А зять тещеньку пытае:
3.—Эй, тещенько, моя матинко!
4. Съ чимъ ты мене витаешъ?
5.—Витаю тебе, сыну, витаю,
6. Вороного коня дарую,
7.—Эй, тещенько, моя матинко!
8. Тымъ мене не вдаруешъ.
9—13=1—5.

---

[1]) O. Roszk. i Iw. Franko, Pies. i obrz. wes. w Lolin. № 31, 40. Стр. 177, 178

[2]) „Зоря“ 1889 г., стр. 302. № 75. Żeg. Pauli. I, 71. № 11.

[3]) O. Roszkiewicz, Iw. Franko. № 38, 110, 119, 120, 123, 172, 173, 127, 143, 179.

[4]) Ibid. 123, 127, 143, 179.

[5]) Ibid. 119, 172, 173.

14. Пару воливъ дарую.
15—16=7—8; 17—21=1—5.
22. Молоду Маланю дарую.
23.—Тещенько, моя матинко,
24. Цимъ мене то вдаруешъ! [1])

Мать не удовлетворяетъ зятя ни конемъ, ни волами, а только дочерью, также какъ въ колядкахъ „красное паня", добывая съ войскомъ городъ, не благодаритъ за миску денегъ, за коня съ золотымъ сѣдломъ, а благодаритъ только за красную панну, которую ему горожане даютъ, какъ выкупъ. Такимъ образомъ „ладканки" и колядки этого мотива стоятъ въ связи съ похищеніемъ дѣвицъ. Но подробнѣе объ этомъ послѣ.

Интересенъ далѣе, моментъ, когда мать встрѣчаетъ свадебныхъ гостей и исполняетъ различные обряды, значеніе которыхъ, къ сожалѣнію, не объяснено до сихъ поръ, но которые, безъ сомнѣнія, ведутъ свое начало отъ временъ языческаго міросозерцанія. Не безъ основаній можно предполагать, что вывороченная шерстью вверхъ шуба замѣняетъ барана или овцу, приносившихся въ жертву богамъ; также посыпаніе овсомъ, окропленіе водою, хлѣбъ, соль, медъ, свѣча, молочная каша, печенка и проч.,—все это остатки совершавшагося когда-то жертвоприношенія, въ чемъ легко можно убѣдиться, сравнивъ эти обряды съ обрядами древнихъ грековъ и римлянъ. Но подробное изслѣдованіе этого вопроса отвлекло-бы насъ отъ нашей главной задачи.

Для насъ важно то, что совершаетъ эти обряды не отецъ, а мать. Мать выступаетъ здѣсь какъ жрица, совершающая жертвоприношеніе, благословляющая и исполняющая всякіе символическіе религіозные обряды; эта роль принадлежитъ ей потому, что она—глава семьи и госпожа дома. У древнихъ народовъ, имѣвшихъ патріархальное устройство семьи, какъ у евреевъ, грековъ и римлянъ, жертвоприношеніе и религіозные обряды совершалъ отецъ, какъ глава семьи.

---

[1]) Zbiór wiad. do antropol, kraj. VI, стр. 52, № 96. Срав. „Зоря" 1889. Потебня, Объясн. п. II. LV.

7. Свекровь и невѣстка.

Отворы, матинко, лиску,
Ведемо *ти* невистку [1]).
Та отворы, мамо, виконце,
Веземо *ти* невисточку, якъ сонце [2]).
Отворы, ненько, ворота,
Веземо *ти* невисточку безъ рота [3])
А выйды, маты, погляды,
Що-жъ *тоби* бояре прывезлы [4]).

Такими и подобными словами начинается пѣсня, которую поютъ по всей Малой и Бѣлой Руси, когда бояре съ женихомъ во главѣ приведутъ къ дому свекрови невѣстку. И хотя начало этой пѣсни варіируется различно, но во второй ея строкѣ всегда имѣется словцо „*ти*“, „*тоби*“, и это словцо имѣетъ большое значеніе. Бояре приводятъ невѣсту не жениху, не его отцу, а его матери. Почему? Потому, что мать есть глава дома, и невѣстка должна подчиниться ей уже по одному тому, что поселяется у нея въ домѣ. Потому-же женихъ, приведши невѣстку къ хатѣ своей матери, останавливается у воротъ и несмѣло спрашиваетъ:

—Цы рада-сь, мамко моя,
Що насъ надійшло двое
На подвирьячко твое? (Лолинъ).

Для жениха невѣста является женою, для свекра—невѣсткою, а для свекрови—слугою, невольницею. Это выразительно замѣчается въ пѣсняхъ:

а) Ходы, ходы, Марысуню, зо мною,
Будешъ моїй матинци слугою,
А для мене—вирною другою [5])

б) Пидеме за горойку
Молодому по жинойку,
Мамойци по служечку,
Кожному сватови—по конычейку... [6])

---

[1]) Головацкій, II. 113. № 43. Чубинск. IV. № 1238, стр. 428.—[2]) Купч. 252.
[3]) Альман. жиноч. 158.—[4]) Чуб. IV. стр. 553. № 96; стр. 695, № 1241.
[5]) Чубинскій. Труды. IV, 86, № 68.—[6]) Головацкій. Пѣсни. II. 117, № 71.

О свекрѣ (отцѣ жениха) въ свадебныхъ пѣсняхъ по большей части не упоминается. Зато въ другихъ, новѣйшихъ пѣсняхъ, родственныхъ свадебнымъ, гдѣ рядомъ со свекровью является свекоръ, между свекровью и свекромъ отмѣчается различіе въ отношеніяхъ къ невѣстѣ:

Свекорко каже: невистко моя!
Свекруха каже: послужко моя! [1])

Характеристична также слѣдующая свадебная пѣсня:

Ходыла Оленочка въ горы по ягоды,
Въ долыны—по малыны.
— Буду-жъ я знаты, якъ ягидочкы браты:
Дзелени—въ коновочку, а прыстыгли—въ коробочку;
Прыстыгли—свекрыци, а зелени—свéкровы [2]).

Невѣстка хочетъ заранѣе задобрить свекровь зрѣлыми ягодами, а свекру—пусть достаются зеленыя!

Подчиненность невѣстки свекрови выступаетъ также ярко въ свадебныхъ пѣсняхъ. При самомъ вступленіи невѣстки въ хату свекрови, послѣдняя даетъ ей почувствовать, что она—слуга свекрови, невольница ея. Въ Бѣлоруссіи мы находимъ такой обрядъ: навстрѣчу жениху съ боярами выходитъ изъ хаты мать въ вывороченной шубѣ, со свѣчею и крышкою отъ квашни. Невѣстка становится передъ нею и склоняетъ голову, а мать прикасается крышкою къ ея головѣ и поучаетъ ее, чтобы она была послушной и т. д. [3]). Этотъ обрядъ обозначаетъ, вѣроятно, не что иное, какъ переходъ невѣстки подъ власть свекрови. Невѣстка наклоненіемъ головы признаетъ свекровь своею госпожею; свекровь, касаясь головы невѣстки крышкою и поучая ее, признаетъ ее своею слугой. Въ Галиціи этотъ символическій обрядъ еще унизительнѣе: свекровь угощаетъ невѣстку, при самомъ вступленіи въ домъ, кускомъ глины отъ печки, сырою свек-

[1]) Чуб., Труды. III. 281.

[2]) Piésni i obrz. ludu rus. we wsi Lolinie. O. Roszkiew., Franko. № 169.

[3]) Записки Имп. Р. Г. Общ. по этнографіи, V, стр. 154. Не могу не сравнить этого обряда съ обычаемъ Бойковъ, которые кладутъ новорожденное дитя на порогѣ хаты и слегка наступаютъ ногою — для того, чтобы оно было послушнымъ, „чтобы слушало, а не говорило“. (Невѣстка иногда называется „безъ рота“).

лой, или подаетъ ей мышь или жабу, запеченную въ хлѣбѣ, и т. п. [1]). И въ свадебномъ репертуарѣ, и вообще въ народной малорусской поэзіи много пѣсенъ, изображающихъ тяжелое положеніе невѣстки въ домѣ свекрови. Лихая свекровь—это одинъ изъ типичныхъ образовъ малорусской поэзіи. Въ этомъ отношеніи особенно выдѣляются баллады о томъ, какъ свекровь относится къ смерти невѣстки. Много самостоятельныхъ и разнородныхъ обработокъ этого сюжета (злая свекровь—виновница смерти невѣстки) мы находимъ въ сборникахъ Головацкаго и Чубинскаго. Мнѣ самому случилось въ Сеневовѣ записать 6 самостоятельныхъ обработокъ (не простыхъ варіантовъ) этого мотива. Всѣ эти обработки, не смотря на разнообразіе ихъ, сходятся въ трехъ пунктахъ: 1) сынъ любитъ жену, и жена любитъ его; причиною же смерти невѣстки является только свекровь. 2) Мать всегда беретъ перевѣсъ надъ сыномъ: сынъ не въ силахъ устоять противъ наговоровъ матери, не въ силахъ улучшить положеніе своей жены. 3) О свекрѣ въ большинствѣ пѣсенъ вовсе не упоминается; только въ нѣкоторыхъ изъ новыхъ обработокъ онъ упоминается мимоходомъ, но и въ этихъ случаяхъ онъ не выступаетъ какъ дѣйствующее лицо. Вообще нужно замѣтить, что злая мачеха и злая свекровь—обыкновенные типы малорусской народной поэзіи, тогда какъ злой свекоръ или отчимъ встрѣчаются въ ней очень рѣдко. Авторъ статьи: „Родынна неволя жинокъ въ писняхъ весильныхъ" (въ галицкомъ сборникѣ „*Винокъ*, Альманахъ жиночій"), *Ерына* ***, также отмѣтила это явленіе, причемъ объясняетъ его такъ: „Невѣстка чаще приходитъ со свекровью въ столкновенія, нежели со свекромъ. Онѣ обѣ раздражаются своимъ положеніемъ: вмѣстѣ занимаясь трудною и безконечною женскою работою, онѣ совершенно естественно часто ссорятся между собою" (стр. 156). Объясненіе это, по моему, неудовлетворительно: оно добыто не изъ содержанія самихъ пѣсенъ, а изъ фактовъ нынѣшнихъ отношеній. Изъ свадебныхъ пѣсенъ не видно, чтобы свекровь и невѣстка ссорились, какъ двѣ невольницы, изъ которыхъ каждая готова свою тяжесть взвалить на плечи другой. Въ этихъ пѣсняхъ не видно, чтобы положеніе

[1]) Żegota Pauli, Pieśni ludu rusk. I, 65.

свекрови было тяжелымъ; однако и положеніе невѣстки тяжело не столько потому, что она—жена и женщина, сколько потому, что она—„чужа-чужина" всему тому семейству, въ которое входитъ. Самое слово „невѣстка", какъ и „невѣста", объясняютъ отъ корня *„вѣд"*, въ значеніи: невѣдомая, незнакомая, чужая. Въ Карпатскихъ горахъ не только отецъ и мать называютъ жену своего сына невѣсткою, но и братья его и сестры. Невѣстка является таковою не только для свекра и свекрови, но также для деверя, золовки и даже для жены деверя и для мужа золовки. „Мы соби невистки"—значитъ: мы жены двухъ родныхъ братьевъ. Въ этомъ названіи—„невѣстка"—жена противопоставляется не тому или другому родственнику, а всему роду мужа, и очевидно потому, что она чужая тому роду, къ которому пришла.

8. *Отецъ и мать. Преимущество матери по числу пѣсенъ.*

Преимущество матери передъ отцомъ видно не только изъ содержанія свадебныхъ пѣсенъ; оно явствуетъ уже изъ самого *числа* пѣсенъ. Число пѣсенъ, относящихся къ матери, во многихъ мѣстностяхъ Малой и Бѣлой Руси несравненно больше, чѣмъ число пѣсенъ, относящихся къ отцу. Это наглядно показываетъ нижеслѣдующая числовая табличка, составленная на основаніи сравненія свадебныхъ пѣсенъ, приведенныхъ въ различныхъ этнографическихъ сборникахъ. Въ ней рядомъ съ названіемъ мѣстности представлены числа пѣсенъ: въ I столбцѣ—пѣсни, относящіяся къ одной матери, въ III—къ одному отцу, а въ II—къ отцу и матери одновременно. (Подъ матерью и отцомъ подразумѣваются безразлично родители жениха и невѣсты). IV столбецъ показываетъ въ сотыхъ доляхъ отношеніе чиселъ столбца I-го къ числамъ III-го. V столбецъ показываетъ такое-же отношеніе чиселъ I-го плюсъ половина чиселъ II-го къ числамъ III-го плюсъ половина чиселъ II-го. Оба послѣдніе столбца показываютъ въ процентахъ, насколько пѣсни, относящіяся къ матери, преобладаютъ надъ пѣснями, относящимися къ отцу *).

*) Помѣщая эту таблицу, какъ она приведена въ подлинникѣ, мы сомнѣваемся въ точности вычисленій (см. в. 7), не говоря о самомъ пріемѣ.

Ред.

	I	II	III	IV	V
Дубровка, Лепельск. уѣзд. [1]	12	0	0	0	0
Борисовск. уѣзд. [2].	10	2	1	9	14
Лолинъ, Долинск. уѣзд. [3].	36	19	1	3	18
Чашники, Лепел, уѣзд. [4].	13	0	4	24	24
Борисполь, Переясл. уѣзд. [5]. . . .	24	1	9	27	28
Лемки, Торонск. уѣзд. [6].	7	6	1	12	29
Дыдёва, Турчанск. уѣзд. [7].	28	6	10	29	30
Кутузовъ, Подгаецк. уѣзд. [8]. . . .	15	2	6	29	31
Стрыйскій уѣзд. [9].	4	2	2	33	37
Сяноцкій уѣзд. [10]	7	3	3	30	35
Перемышльскій уѣз. [11].	14	2	8	36	37
Яворовъ, Космачъ (Гуцулы) [12] . .	18	9	10	36	39
Буковина [13]	12	7	8	40	42
Городокскій у. [14].	8	3	6	42	44
Коломыйскій у. [15]	9	5	7	43	45
	217	67	76		

---

[1] Записки Имп. Рус. Геогр. общ. по этногр. (Шейнъ и Носовичъ). V, стр. 608.—I. Пѣсни, относящіяся къ одной матери: №№ 574, 575, 577, 579, 582, 584, 588, 589, 592, 594, 598, 599.

[2] Ibidem, стр. 639.—I. Отн. къ матери: 664, 668, 669, 670, 674, 681, 682 683, 684, 685.—II. Отн. къ отцу и матери: 673, 675.—III. Отн. къ одному отцу: 667.

[3] Obrzędy i pieśni wes. ludu ruskiego we wsi Lolinie. Zebr. Olga Roszkiewicz, оргас. I. Franko. Kraków. 1886.—I. Относ. къ одной матери: 2, 10, 14, 26, 31, 38, 45, 46, 47, 48, 49, 51, 70, 110, 111, 115, 116, 117, 121, 122, 123, 125, 126, 127, 131, 143, 161, 162, 166, 167, 168, 178, 179, 180, 181.—II. Отн. къ отцу и матери: 11, 15, 112, 119, 120, 132, 133, 135, 136, 137, 167, 169, 171, 172, 173, 175, 177.—III. Отн. къ одному отцу: 18.

[4] Записки (см. выше), стр. 617.—I. Отн. къ одной матери: 607, 610, 619, 620, 625, 627, 629, 630, 634, 635, 638, 639, 649.—III. Отн. къ отцу: 617, 621, 626, 655.

[5] Чубинскій, Труды. IV. Дополненіе.—I. Отн. только къ мат. 5, 7, 14, 16, 18, 22, 24, 40, 41, 44, 52, 53, 59, 77, 83, 89, 93, 95, 96, 114, 115, 117, 131, 132.—II. Отн. къ отцу и матери: 77.—III. Упомин. одинъ отецъ: 64, 75, 79, 84, 85, 88, 100, 112, 113.—[6] Головацкій. Пѣсни IV. 366 и сл.

[7] Зоря. 1889, № 17 19.—Номера пѣсенъ, указан. авторомъ для этой мѣстности, по числу не совпадаютъ съ выставленными въ таблицѣ числами столб. I, II и III. (Для I столб. перечисл. только 26 №№: 6, 8, 19, 23, 33, 43, 44, 50, 51, 52, 53, 70, 71, 75, 80, 81, 82, 85, 87, 93, 94, 95, 96, 100, 101, 105. Для II столб. 5 №№: 13, 89, 91, 108, 110. Для III столб. 5 №№: 11, 25, 72, 79, 106). Не имѣя подъ руками этого изданія, мы не въ состояніи провѣрить эти указанія. *Ред.*

[8] Наврoцкій, Соч. I. [9] Головацк. IV. 300. Żeg. Pauli. I. 104. [10] Головацк. II. 116 и сл. [11] Żeg. Pauli. I. 66. [12] Головацк. IV. 339. [13] Купчанко. Пѣсни Буковин. нар. [14] Записки (см. выше). [15] Головацкій II. 99—116.

Мы видимъ наглядно, что и въ настоящее время число пѣсенъ, относящихся къ матери, почти втрое превосходитъ число пѣсенъ, относящихся къ отцу; въ прежнее же время послѣднихъ, навѣрное, было еще меньше. Если сравнить варіанты различныхъ пѣсенъ, то окажется, что тѣ пѣсни, которыя теперь относятся къ матери, и раньше несомнѣнно къ матери относились, тѣ же, которыя теперь относятся къ отцу или къ отцу и матери вмѣстѣ, раньше относились лишь къ матери. *Итакъ, сначала были лишь такія свадебныя пѣсни, въ которыхъ упоминалась одна мать*; съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ новѣйшихъ взглядовъ и отношеній, часть ихъ измѣнилась такъ, что въ нихъ вставили отца или *рядомъ* съ матерью, или *вмѣсто* матери. Замѣна матери отцомъ произошла въ тѣхъ пѣсняхъ, которыя, согласно новымъ взглядамъ, болѣе относятся къ отцу по своему содержанію.

Примѣромъ можетъ служить варіантъ упомянутой раньше пѣсни, въ которой дочь проситъ у матери защиты отъ бояръ-разбойниковъ. Мы привели выше (въ гл. 4) два варіанта этой пѣсни; приведемъ здѣсь для большей наглядности нашей мысли еще три варіанта и сравнимъ съ прежде приведенными:

а) Ой, *стукнулы ковани кони на двори*,
Ой, сховай мене, мій *батеньку*, въ комори.
— Не поможе, мое дитятко, комора,
Бо обступылы ковани кони докола. [1])

б) Ой, *брызнулы зъ стришкы воришкы* (орѣхи) *по столи*,
Ой, *заржалы ворони конькы на подвиру*.
Ой, не дай мене, мій *батеньку*, видъ себе,
Щемъ не сходыла рутяного виночка въ тебе [2]).

в) Ой, *брызнулы золоти ключи на столи*,
Ой, выскочила Марысенька зъ коморы,
Пала жъ вона свому батеньковы до нижокъ:
— Не дай же мене ты, мій *батеньку*, видъ себе,
Най же я сходжу зъ руты виночокъ ще въ тебе.
— Не еденъ есь, не два зъ руты виночокъ сходыла,
Не разъ есь, не два добрымы людьмы згордыла [3]).

---

1) Головацк. II. 664, № 104. (Надъ Збручемъ).
2) Żeg. Pauli. I, 119. (Бережанск. уѣз.).
3) Żeg. Pauli. I, 99. (Злочовск. уѣз.).

Изъ сравненія всѣхъ 5 варіантовъ этой пѣсни, хорошо видно, какъ она все больше и больше искажается, потому что не соотвѣтствуетъ современнымъ взглядамъ и отношеніямъ. Первый, Кутузовскій варіантъ (у Навроцкаго) безспорно лучше другихъ сохранилъ первоначальный характеръ пѣсни: форма изящная и кратчайшая изъ всѣхъ [(4+4)+3)], содержаніе понятное и не заключаетъ въ себѣ ничего посторонняго дѣлу; нападеніе бояръ изображено пластично, и защитницею дочери является мать, а не отецъ. Второй, бѣлорусскій варіантъ, съ измѣненнымъ уже содержаніемъ, привели мы въ доказательство того, что первоначально въ пѣснѣ фигурируетъ именно мать. Въ дальнѣйшихъ варіантахъ, записанныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Галиціи, вмѣсто матери фигурируетъ отецъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ пѣсня измѣняется и портится. Вмѣсто „гукнулы *бояре* на двори" поется уже: „стукнулы ковани *кони* на двори" и даже: „обступылы ковани кони докола"; такимъ образомъ, вмѣсто *бояръ* являются *кони*, т. е. вмѣсто простого и неприкрашеннаго представленія выступаетъ метонимія, вслѣдствіе чего ясность и пластичность изображенія все болѣе утрачиваются и смыслъ пѣсни затемняется. Въ одномъ варіантѣ рядомъ съ „коваными конями" вставляются еще и „орѣшки"; наконецъ, слово „брызнули" искажаетъ весь смыслъ пѣсни и вводитъ вмѣсто бояръ „золотые *ключи*", которые уже ничѣмъ не напоминаютъ бояръ. Испуганная дочь въ первомъ варіантѣ проситъ мать о помощи краткими, но выразительными словами: „сховай мене, моя нене, въ комори", и этимъ прекрасно обрисовывается ея страхъ, робость, причемъ просьбу ея спрятать ее въ комору нужно понимать буквально. Въ новѣйшихъ варіантахъ роль дочери совсѣмъ иная: она совсѣмъ не испугалась, потому что не было къ тому и причины (золотые ключи!), и она проситъ отца не о томъ, чтобы спрятать ее, а лишь о томъ, чтобы онъ не отдавалъ ее пока замужъ, потому что ей хочется погулять еще дѣвушкой. Соотвѣтственно этому должна измѣниться и роль родича въ пѣснѣ: въ первоначальномъ варіантѣ мать рада бы защитить дочь, но она не въ силахъ, и ужъ во всякомъ случаѣ не имѣетъ желанія отдать ее на поруганіе разбойникамъ; въ новѣйшемъ варіантѣ отъ воли отца все зависитъ,

La comparaison et conclusion ne prouve pas [illegible] plutôt le contraire. [illegible] générale [illegible] faite

но онъ не внимаетъ дочерней просьбѣ, потому что радъ сбыть ее съ рукъ. Если варіантъ первоначальный живо переноситъ насъ во времена женитьбы черезъ умыканіе невѣстъ, то варіантъ послѣдній ничѣмъ ужъ не напоминаетъ того давняго времени, а зато замѣчательно соотвѣтствуетъ нынѣшнимъ порядкамъ, нынѣшнимъ семейнымъ отношеніямъ. Одновременно съ содержаніемъ портится и форма: пѣсня то укорачивается, то потомъ дополняется новыми придатками, и рифмы, прежде звучныя, дѣлаются натянутыми, нескладными. Я думаю, что изъ разбора этой пѣсни достаточно можно убѣдиться, что первоначально въ ней фигурировала особа матери и что отецъ поставленъ на мѣсто матери, а не наоборотъ. Этимъ путемъ произошла вся масса пѣсенъ, относящихся къ отцу. Для большей убѣдительности приведу еще нѣсколько пѣсенъ съ матерью въ ихъ первоначальныхъ варіантахъ и съ отцомъ—въ позднѣйшихъ. Напр.:

а) Убыта дорожечка по-надъ ставъ,
Ишла N молоденька, та свои косы чесала.
На тыхый Дунай метала:
— Плыните, мои косы, *матинци* на жалосты,
Няй моя мамка знае, за кого мене дае.
Ой, она мене дае, а вна сама не знае;
Она й сама не знае, що-за доленька буде [1]).

б) По-пидъ гай стежійка,
Тамтуды N ходыла, жовту косу чесала,
Все на Дунай метала:
— Плынитъ, мои влосы изъ жовтои косы,
Ажъ до мого *татунейка*,
Няй татунейко знае, же мя далеко дае.
Мій отець роднийкый дуже ми нещирыйкый:
Давъ же винъ мене далеко отъ себе,—
За горы высокіи, за лисы темненькіи [2]).

Еще: а) Ны плачъ, *матинко*, за мною,
Ны беру я все зъ собою:
Лышаю ти слёзойкы по столи,

---

[1]) Roszk. i Franko, № 37; срв. у Gołębiowsk. Lud (1830), 48.
[2]) Зоря, 1889, стр. 320, № 106; срв. Żeg. Pauli. I, 69 № 6 и 89 № 58.

А слидойкы по обори [1]).
б) Не тужи, *батеньку*, за мною,
Не беру я всё зъ собою:
Лышу я тоби слидонькы по двору,
А слёзонькы по столу [2]).

Гораздо больше такихъ пѣсенъ, гдѣ отецъ введенъ не вмѣсто матери, а рядомъ съ нею. Особенно часто это имѣетъ мѣсто въ тѣхъ пѣсняхъ, гдѣ дочь или сынъ прощается съ матерью или благодаритъ за что-либо: въ этихъ пѣсняхъ отецъ вставленъ для симметріи, соотвѣтственно теперешнимъ отношеніямъ. Сдѣлано это въ большинствѣ случаевъ такимъ образомъ, что одна и та же пѣсня поется и отцу и матери, причемъ соотвѣтственнымъ образомъ измѣняются слова. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ этого рода удержанъ генетическій порядокъ, т. е. имя матери поставлено прежде имени отца [3]); въ большей же части однако, соотвѣтственно теперешнимъ взглядамъ, первенство предоставлено отцу. Иногда случается, что отецъ, первоначально поставленный рядомъ съ матерью, вытѣсняетъ совсѣмъ мать изъ пѣсни, напр.: одну изъ первыхъ „пропойныхъ" пѣсенъ въ Дыдёвѣ поютъ только матери, въ Лолинѣ — отцу и матери, въ бережанскомъ же округѣ—лишь отцу [4]). Также во всѣхъ тѣхъ пѣсняхъ, гдѣ кромѣ матери выступаетъ братъ, сестра; а въ пѣсняхъ на тему: „липшый мыленькый, якъ братъ ридненькый", рядомъ со всѣми этими лицами поставленъ и отецъ, очевидно для комплекта.

Все, что сказано о пѣсняхъ, приложимо и къ обрядамъ. Тамъ, гдѣ мать беретъ перевѣсъ въ пѣсняхъ, тамъ она главенствуетъ и въ обрядахъ въ той же степени. Это понятно, потому что пѣсни содержаніемъ своимъ тѣсно связаны съ обрядами. Въ Лолинѣ, напримѣръ, гдѣ отецъ не самостоятельно выступаетъ въ пѣснѣ, а лишь рядомъ съ матерью, нѣтъ ни одного обряда, который бы совершался отцомъ, тог-

---

[1]) Зоря 1889, стр. 301, № 70.

[2]) Żeg. Pauli. I, 121, № 17; срв. 88, № 56. (обращ. къ матери).

[3]) Срв. O. Roszkiewicz i Franko (Lolin), №№ 120, 135, 173, 175, 112....

[4]) Зоря, 1889, стр. 317, № 82. O. Roszk. i Franko. (Lolin). № 132; ср. № 171. Żeg. Pauli, I, стр. 122, № 23. Срав.; Голов. Пѣсни. II, стр. 104 № 18

да какъ изъ всего свадебнаго персонала мать совершаетъ важнѣйшіе обряды и въ наибольшемъ количествѣ. На Лолинской свадьбѣ роль отца ограничивается тѣмъ, что, когда дочь прощается съ матерью, кланяясь ей, она прощается также и съ отцомъ, кланяется ему и т. д. Однако въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ въ пѣсняхъ, такъ и въ обрядахъ, выступаетъ отецъ рядомъ съ матерью, а кое-гдѣ даже замѣняетъ ее. Такъ, напримѣръ, хотя вездѣ навстрѣчу боярамъ, брачущимся и свадебнымъ гостямъ выходитъ мать, но въ Кобринскомъ уѣздѣ Гродненской губ. и мѣстами въ Харьковской губ. выходятъ и отецъ и мать. Вѣнецъ кладетъ на голову дочери-невѣсты въ Лолинѣ и надъ Збручемъ мать, а въ Коломыйскомъ уѣздѣ и въ Буковинѣ—отецъ. Свадебный отецъ, вытѣсняя такимъ образомъ свадебную мать изъ обрядовъ и пѣсенъ, лишь въ немногихъ мѣстностяхъ снискалъ себѣ предпочтеніе. И вотъ что еще я замѣтилъ: гдѣ отецъ числомъ пѣсенъ и обрядовъ беретъ перевѣсъ надъ матерью, тамъ слѣды старины очень скудны и бѣдны, тамъ очень сильно и очевидно вліяніе новаго времени, тамъ весь свадебный обрядъ сокращенъ, урѣзанъ и, такъ сказать, захудалый. Такъ, напримѣръ, въ Лолинѣ, гдѣ изъ всѣхъ мѣстностей Галицкой Руси свадебная мать пользуется наибольшимъ почетомъ, на свадьбѣ поется 181 пѣсня, а въ Угновѣ, гдѣ изъ всѣхъ мѣстностей Галицкой Руси отецъ въ наибольшемъ уваженіи, число свадебныхъ пѣсенъ сокращается до 28 (почти до $1/_7$). Что же касается всей Галиціи, то я замѣчалъ, что въ горахъ, гдѣ всякая старина дольше сохраняется, значеніе матери и въ обрядахъ и въ пѣсняхъ гораздо больше, чѣмъ на равнинѣ, гдѣ значеніе свадебной матери болѣе уравнено съ значеніемъ отца.

9. *Братъ невѣсты. Выкупъ невѣсты. Расплетаніе косы. Братъ жениха.*

Кромѣ свадебной матери, есть еще одинъ очень важный свидѣтель матріархальнаго времени; это — свадебный братъ, именно братъ невѣсты. По природѣ своей женщина всегда была слабѣе мужчины и нуждалась—особенно въ извѣстный

періодъ—въ защитѣ и помощи съ его стороны. Теперь, когда главнымъ основаніемъ семьи является власть и почитаніе отца и мужа, защита и опора незамужней женщины—отецъ, а замужней — мужъ. Въ прежніе же вѣка, въ незапамятный періодъ матріархальнаго устройства семьи, когда ни вѣрнаго отца, ни мужа не было, такою опорою и обороною женщины въ молодости былъ дядя или братъ, въ старости—братъ или сынъ.

Связь, соединявшая мать съ сыномъ, брата съ сестрою, дядю съ племянницею, была крѣпка и имѣла тѣмъ большее значеніе, что была основою всего семейнаго и соціальнаго строя. Тогда ближайшими женщинами для мужчины были мать и сестра, а не жена и дочь, какъ это стало теперь. Братъ заботился о сестрѣ и ея дѣтяхъ, трудился для нихъ и имѣлъ старшинство надъ ними, имъ доставалось наслѣдство послѣ его смерти. Въ тѣ времена права и обязанности брата по отношенію къ сестрѣ и ея дѣтямъ были приблизительно таковы, какъ въ настоящее время права и обязанности мужа по отношенію къ женѣ и дѣтямъ. Громадное значеніе брата, именно брата невѣсты, въ малорусскомъ свадебномъ ритуалѣ сильно напоминаетъ эти отдаленныя матріархальныя времена и въ нихъ только находитъ свое объясненіе. Наиболѣе сильно и выразительно замѣчается оно въ двухъ очень важныхъ и распространенныхъ обрядахъ: въ выкупѣ невѣсты и расплетаніи косы невѣсты.

Когда въ домѣ невѣсты услышатъ, что идетъ женихъ съ боярами, невѣста садится у края стола, т. е. вблизи изголовья постели, склоняетъ голову на столъ, и тогда ее накрываютъ платкомъ. Вокругъ нея садятся дѣвушки и ждутъ прибытія бояръ и свахъ жениха. Эти же послѣднія, придя къ дому, останавливаются передъ дверьми и въ пѣснѣ просятъ старосту невѣсты впустить ихъ въ домъ. Наконецъ, староста впускаетъ ихъ. Тогда бояре начинаютъ какъ будто искать невѣсту, а между свахами жениха и дѣвушками - подругами невѣсты завязывается пѣсенный споръ изъ-за невѣсты (такъ наз. „вылàдкуванне молодои“). Между тѣмъ на лавку за столомъ около застольнаго окна становится съ топоромъ въ рукѣ родной братъ невѣсты или замѣняющій его парень и не

пускаетъ бояръ къ дѣвушкамъ за столъ, приговаривая: „Ахъ, вы, разбойники, вы хотите дѣвушекъ красть!...“ Дѣвушки между тѣмъ ободряютъ брата:

Рубай, братчику, рубай, за гришъ сестрыци не дай:
Не рикъ, не два еи годувавъ, тай не тры'съ одивавъ.
(Рубай, братчику, рубай), за гришъ сестрыцю не продай:
Хто намъ червонымъ брязне, тотъ соби дивку озьме [1]).

Бояре видятъ, что имъ не пройти за столъ. Тогда дружко старается подкупить брата деньгами, торгуется съ нимъ, и женихъ кладетъ въ миску деньги. Теперь подруги невѣсты обращаются съ укоромъ къ брату:

Татарынъ братчикъ, татарынъ, продав'есъ сестрыцю за таляръ,
Русу косу за пятакъ, а биле лычко тако й такъ.

Однако братъ невѣсты все еще не пускаетъ бояръ за столъ, и лишь, когда дружко столкнетъ силою его съ лавки, всѣ бояре взбираются на нее. Тогда дѣвушки уходятъ изъ-за стола и только невѣста остается сидѣть, сильно придерживаясь за столъ. Женихъ старается оторвать ее отъ стола, но это удается ему лишь за третьимъ разомъ; послѣ этого онъ цѣлуетъ ее и садится рядомъ Такъ совершается обрядъ выкупа въ Лолинѣ, гдѣ, по моему мнѣнію, онъ наилучше сохранилъ свой первоначальный видъ. Этотъ обрядъ очень распространенъ по всей Малороссіи и, конечно, смотря по мѣстности, исполняется съ большими или меньшими измѣненіями [2]). Такъ, въ Бориспол̀ѣ, Переяслав. уѣзда, возлѣ невѣсты садятся два ея брата: старшій ближе, младшій дальше. Дружко со стороны жениха торгуется и бьется съ старшимъ братомъ. Защищаютъ невѣсту вездѣ братъ и подруги; они же и продаютъ ее. Только кое-гдѣ въ Буковинѣ и Бѣлоруссіи (на окраинахъ Малороссіи) братъ совсѣмъ не участвуетъ въ этомъ обрядѣ, а защищаютъ и продаютъ невѣсту лишь ея подруги. На самыхъ западныхъ окраинахъ Малороссіи, гдѣ уже русскій элементъ сталкивается и смѣшивается съ поль-

---

[1]) O. Roszkiew. i Franko, Obrz. i pieśni w Lolinie, стр. 29, № 86.
[2]) Зап. И. Р. Геогр. Общ. по Этн. V, стр. 144. Чубинскій, Труды. IV, 342, 568, 639, 690. Головацкій. Пѣсни. II, стр. 109, 664—666.

скимъ, въ Лемковщинѣ (въ Галиціи) и въ Гродненской губ., этого обряда совсѣмъ нѣтъ [1]).

Выкупъ невѣсты есть, можетъ быть, важнѣйшая сцена изъ всей малорусской свадебной драмы, и происхожденіе этой сцены несомнѣнно бытовое. Значитъ, то, что теперь осталось лишь обрядомъ, когда-то было жизненной правдою, и то, что теперь составляетъ свадебную драму, было драмою жизни. А было все это правдою и жизненною драмою именно во времена женитьбы черезъ умыканье и покупку. Оба эти періода отразились въ обрядѣ выкупа очень вѣрно и наглядно, и именно въ томъ порядкѣ, въ какомъ смѣняли они другъ друга въ своемъ историческомъ развитіи. Слѣдовательно, въ обрядахъ и пѣсняхъ, въ данномъ случаѣ, сохранился генетическій порядокъ, а это фактъ очень важный и интересный. Итакъ, дружко и бояре сначала силою хотятъ взять невѣсту, а братъ защищаетъ ее: это намекъ на умыканіе невѣсты. Потомъ дружко и бояре покупаютъ невѣсту, а братъ торгуется и продаетъ ее: это отголосокъ періода купли невѣстъ. Для нашей темы важнѣйшею чертою въ обрядѣ является то обстоятельство, что именно братъ, а не отецъ или иной мужчина, защищаетъ и продаетъ невѣсту. Почему важнѣйшая и труднѣйшая обязанность (братъ грудью защищаетъ невѣсту) и наибольшее право (братъ продаетъ невѣсту, какъ свою собственность) принадлежитъ брату, а не отцу или кому другому, это мотивируютъ подруги невѣсты, когда пѣснею ободряютъ брата къ храброй и стойкой оборонѣ ея, и мотивируютъ онѣ это въ разныхъ мѣстностяхъ различно. Мы позволимъ себѣ болѣе подробно разобрать эту пѣсню и ея различные варіанты. Первый изъ нихъ (Долинскій) нами только что приведенъ („Рубай, братчику, рубай“ и пр.). Добавимъ для сравненія еще шесть извѣстныхъ намъ варіантовъ:

Надзбручанскій варіантъ [2]):

Ой, братчику, *ремисныку*, сидай соби на столыку,

---

1) Голов. IV. стр. 366; II, стр. 166. Чубин. IV, 658. *Авт.*—Тѣмъ не менѣе у самихъ поляковъ, насколько намъ извѣстно, обрядъ выкупа невѣсты существуетъ. См., нар., „Obchody weselne“. *Pruskiego*, 226—227. Krak. 1869. *Ред.*

2) Головацк. II. 664, № 105.

Сичи, рубай, сестры не дай,
Не дай еи за гришъ, за два, *бо она въ тебе сестра ладна*;
Не дай еи за чотыры, *бо будуть ся зъ тебе кпылы.*

Бориспольскій вар. [1]):

Будемо быты да воеваты, Маріечкы недаваты,
Братику, *невисныку*, сядь соби на крислыку,
Не продай сестры за рубъ, за чотыры,
Бо будуть соби съ тебе кпылы.

Подлясскій вар. [2]):

Братеньку, *наместнычку*, сядь соби въ креслычку,
Учися торговаты, якъ сестру продаваты.
Гришъ—слына, сестра мыла братыкови своёму.

Злочовскій вар. [3])

Ой, братчику, *ремиснычку*, сядь соби на крислычку.
Недай сестру за гришъ, за два, недай еи за чотыры,
Ой, дай же ю за рубля, *въ тебе сестронька една.*
Выстриль, братчику зъ лука: буде зъ состроў розлука.

Бережанскій вар. [4]):

Братчику, *ремисныку*, сядь соби на столыку,
Недайся здурыты, недай сестры взяты,
Бо сестра дорогая, коса золотая,
Шовкомъ заплетана, золотомъ обсыпана.

Коломыйскій вар. [5]):

Братчику, *намиснычку*, сядь соби на креслычку,
Правъ соби червоного видъ пана молодого.

Варіанты этой пѣсни я распредѣлилъ въ генетическомъ порядкѣ. Самый древній варіантъ—Долинскій. Онъ начинается совершенно естественно призывомъ подругъ невѣсты: „Рубай, братчику, рубай!“; во всѣхъ же остальныхъ варіантахъ пѣсня начинается несоотвѣтствующимъ придаткомъ, взятымъ изъ какой-то другой пѣсни: „Братчику намиснычку (ремисныку, невисныку), сядь соби на крислычку (столыку)“... Подруги, вмѣсто того, чтобы ободрять брата къ защитѣ сестры отъ нападенія бояръ, учатъ его, какъ совершить обрядъ, какъ

---

1) Чубинскій. IV, 568, № 61.
2) Pauli. P. L.R. I, 101. Gołęb., Lud pol. (1830), 94.
3) Ż. Pauli. Ibid., 100.—4) Ibid., 121.—5) Головацкій. II, 109.

садиться, торговаться, продавать ее и т. д. („Учися торгуваты —сестрычку продаваты“). Здѣсь уже затемнено живое воспоминаніе прошлой дѣйствительности, а пѣсня блѣднѣетъ, подделывается подъ тонъ новаго времени и портится. Самыя слова: *намисныкъ, невисныкъ, ремисныкъ* суть искаженныя: всѣ они произошли отъ слова „надкиснык", которое сохранилось въ аналогичныхъ свад. пѣсняхъ бѣлорусскихъ: *наткосникъ, закосникъ* [1]). А слова „надкосникъ“, „закосникъ“ означаютъ того брата, который стоитъ надъ косою или за невѣстой и расплетаетъ ее, т. е. родного брата въ отличіе отъ другихъ братьевъ. Аналогично съ этимъ и у насъ въ Галиціи въ Коломыйск. уѣз. отличаютъ „закосовыхъ свашокъ“, т. е. близкихъ свойственницъ невѣсты, отъ другихъ свахъ [2]). Въ варіантахъ: лолинскомъ, надзбручскомъ и бориспольскомъ подруги призываютъ очевидно къ вооруженной защитѣ сестры-невѣсты: „Сичи, рубай, сестры не дай“, „Будемо быты да воеваты, Маріечкы недаваты“ и т. п.; между тѣмъ какъ въ варіантахъ подлясскомъ, бережанскомъ и коломыйскомъ совсѣмъ уже не вспоминается о вооруженной оборонѣ: въ этихъ варіантахъ уже нѣтъ слѣдовъ древнѣйшаго времени—умыканія; въ нихъ отражается лишь позднѣйшее время--купли: значитъ, это болѣе новые варіанты. Въ варіантѣ злочовскомъ есть намекъ на времена умыканія, однако очень невыразительный: „Выстриль, братчику, зъ лука: буде съ сестроў розлука“, и кромѣ того, генетическій порядокъ въ немъ сильно нарушенъ: сначала подруги предлагаютъ брату продать сестру, за деньги, а потомъ — стрѣлять изъ лука неизвѣстно зачѣмъ. По мѣрѣ того, какъ слабѣетъ и глохнетъ воспоминаніе о времени умыканія, подруги все слабѣе и слабѣе призываютъ брата къ защитѣ сестры-невѣсты. Въ лолинскомъ, наилучше сохранившемся варіантѣ подруги зовутъ брата категорично: „за гришъ сестрыцю не продай“; въ варіантахъ бориспольскомъ, надзбручскомъ, злочовскомъ и бережанскомъ онѣ совѣтуютъ ему только, чтобъ онъ не далъ себя обмануть („не дайся здурыты“), чтобы не продалъ сестру дешево—„за

---

[1]) Записки Императ. Русс. Геогр. Общества по этногр. V. стр. 611, 612.

[2]) Малорус.—нѣмецк. словарь Желеховскаго. I. 3. (Kolberg, Pokucie, I, 235).

гришъ, за два, за чотыры", чтобы надъ нимъ не смѣялись („кпылы"); въ злочовскомъ варіантѣ совѣтуютъ ему уже продать сестру не „за гришъ, за два, а за рубля", а въ варіантѣ коломыйскомъ совѣтуютъ требовать даже „червоного" отъ „пана молодого". Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняются и мотивы, которыми подруги подкрѣпляютъ свой совѣтъ: въ первомъ варіантѣ (Лолинъ) совѣтуютъ ему вообще не продавать сестру, потому что онъ ее „не рикъ, не два годувавъ, тай не тры одивавъ"; въ дальнѣйшихъ варіантахъ совѣтуютъ ему, чтобы не продавалъ дешево, потому что сестра дорогая, коса золотая и т. д., и надъ нимъ бы смѣялись, еслибы продешевилъ; въ послѣднемъ варіантѣ совѣтуютъ ему продать сестру за золотой и не мотивируютъ этого ничѣмъ.

Такой порядокъ слѣдованія варіантовъ оправдывается и тѣмъ, что первые варіанты взяты изъ мѣстностей, гдѣ свадебная мать имѣетъ громадный перевѣсъ надъ отцомъ и вообще большое значеніе, гдѣ въ свадебныхъ обрядахъ и пѣсняхъ скрыто много остатковъ старины и гдѣ вся свадебная церемонія полнѣе, а комплектъ пѣсенъ богаче; между тѣмъ дальнѣйшіе варіанты происходятъ изъ мѣстностей, гдѣ значеніе свадебнаго отца больше, гдѣ новѣйшія вліянія сильнѣе, гдѣ бѣдна свадебная церемонія и мало свадебныхъ пѣсенъ.

Итакъ, безъ сомнѣнія, лолинскій варіантъ самый первоначальный, наиболѣе полный и чистый, его свидѣтельство самое вѣроятное и потому самое важное. Въ этомъ варіантѣ мы находимъ справедливое и точное выясненіе роли брата въ малорусской свадебной драмѣ. Мы видимъ, что обрядъ и пѣсня признаютъ за братомъ такія важныя права и обязанности, которыя теперь составляютъ принадлежность власти отца и *только* отца. Если разсуждать, принимая во вниманіе теперешніе взгляды и отношенія, то роль свадебнаго брата гораздо болѣе приличествуетъ отцу, чѣмъ брату, а между тѣмъ здѣсь она принадлежитъ брату. Иногда брату помогаютъ въ этой роли мать или подруги, но не отецъ, и отецъ нигдѣ не играетъ той роли, которая наиболѣе, казалось бы, къ нему идетъ. Вѣдь, слова пѣсни: „не рикъ, не два годувавъ, тай не тры одягавъ", по теперешнимъ взглядамъ и отношеніямъ, ни къ кому такъ хорошо не пристаютъ, какъ

къ отцу, и ужъ меньше всего могли бы относиться къ брату. Во всей свадебной драмѣ нѣтъ сцены, которая бы такъ сильно противорѣчила современнымъ взглядамъ и отношеніямъ и въ то же время такъ живо и рельефно напоминала тѣ забытыя матріархальныя времена, когда отецъ не могъ имѣть относительно дочери никакихъ правъ и обязанностей, и таковыя принадлежали брату.

Значеніе брата (невѣсты) выступаетъ еще и въ другомъ очень важномъ обрядѣ—въ расплетаніи косы невѣсты. Этотъ обрядъ у малоруссовъ и бѣлоруссовъ [1]) распространенъ еще болѣе, нежели выкупъ невѣсты; нѣтъ, можетъ быть, такого села, гдѣ бы онъ не совершался. Когда невѣста приготовляется къ вѣнцу, то она садится на стулъ или на *дѣжу* (квашню, въ которой замѣшиваютъ хлѣбъ), поставленную вверхъ дномъ и накрытую шубою шерстью вверхъ, и братъ расплетаетъ и расчесываетъ ей косу. На Украйнѣ и въ Галиціи это дѣлаетъ старшій братъ, родной [2]), въ Бѣлоруссіи [3]) и въ Угорской [4]) Руси—младшій. Кое-гдѣ это исполняютъ два брата. Если нѣтъ роднаго брата, его замѣняетъ какой-нибудь парень. Кое-гдѣ вмѣсто брата невѣсту расчесываютъ подруги-дѣвушки, а иногда свахи или одна сваха.

Начало этого обряда лежитъ, вѣроятно, въ религіозныхъ воззрѣніяхъ нашихъ предковъ. Однако есть указанія и на то, что онъ стоитъ въ генетической связи съ выкупомъ невѣсты, и эта связь проявляется не только въ томъ, что оба обряда совершаетъ братъ, а есть мотивы болѣе важные. Такъ, напримѣръ, въ коломыйскомъ округѣ братъ расчесываетъ косу невѣсты, обрѣзываетъ ее и *продаетъ* жениху. Въ Бабчахъ, Лепельск. уѣз. Витебск. г., невѣста *не дается* братьямъ расчесывать. Эти два момента показываютъ, что расплетать косу, значитъ—продавать (выдавать замужъ). На это указываютъ и

---

[1]) Чубинск. Труды. IV, стр. 577, 636. Голов. II, 633, 103; IV, 227. Записки Имп. Р. Г. Общ. по этногр. V, стр. 572, 583, 146. Piesni i obrzędy wes. we wsi Lolinie O. Roszkiewicz i I. Franko, стр. 15, 16, № 30.

[2]) Чуб, IV, 577; Голов. IV, 227.

[3]) Записки Имп. Р. Г. Общ. по этногр., V, стр. 595, 619.

[4]) Голов. Пѣсни. IV, стр. 425. — Зап. Юго-Запад. Отд. И. Р. Г. Общ. II, (Купчанко. Бук. п., стр. 205).

пѣсни, какъ вышеприведенная „Татарынъ братчикъ, татарынъ“ съ ея безчисленными варіантами [1]), а также слѣдующая бѣлорусская:

А нѣтъ горшаго ката надъ роднаго брата:
Йонъ косаньку звоиць, галоўку збузуиць [2]).

Надъ Збручемъ косу невѣсты расплетаетъ весь родъ, однако начинаетъ братъ. Также и въ одной угрорусской свадебной пѣснѣ, которая поется передъ расплетеніемъ косы [3]), невѣста жалуется, что она должна дать расплести свою косу, (т. е. выйти замужъ) не по своей волѣ, а по волѣ брата, сестры, матери. Брата называетъ она раньше матери, а объ отцѣ и совсѣмъ не упоминаетъ.

Словомъ, и обрядъ расплетанія косы тоже показываетъ, что 1) братъ, а не отецъ, имѣлъ право продавать невѣсту и дѣйствительно продавалъ ее, и что 2) братъ пользовался этимъ правомъ въ большей степени, чѣмъ всѣ остальные члены рода.

Кромѣ этихъ двухъ важнѣйшихъ обрядовъ, есть много мелкихъ, которые указываютъ на прежнее громадное значеніе брата въ былыя времена, что опять-таки подтверждается множествомъ соотвѣтственныхъ пѣсенъ. Братъ сестру „за стивъ (столъ) веде, заводжае, научае“, провожаетъ въ церковь, „родови, отцю-ненци поклоняе“ [4]). Поэтому братъ называется „проводничкомъ“ сестры; „винъ сестрыцю провожавъ, тай ей дорижечку вказувавъ“ [5]). Въ Буковинѣ два младшихъ брата вмѣстѣ со старостою покрываютъ невѣсту покрываломъ. Въ Сенечовѣ, Долинск. уѣз., братъ несетъ чепецъ молодой, когда идетъ съ „пропійцями“.

Въ свад. пѣсняхъ очень часто упоминается, что братъ сестру „даетъ“, „отдаетъ“, „продаетъ“—замужъ. Такъ, въ одной пѣснѣ поется, что три брата собираются на развѣдки, ку-

---

[1]) Голов. II, стр. 109, 666. Чубинск. IV, 569, 639. Зап. И. Р. Г. Общ. по Этн. V, 583.

[2]) Записки etc., ibid. 612, № 586.

[3]) Головацк. IV, 412. См. выше, гл. 3.

[4]) Чубинск. IV, 563, 679 и сл., 689; Голов. II, 650.

[5]) Чуб. IV, № 1444.

да бы имъ „дать“ сестру [1]). Въ другой пѣснѣ поется, что сестра будитъ брата, чтобы онъ вышелъ отказать сватамъ-боярамъ [2]). Братъ сестру такъ же, какъ мать свою дочь [3]), можетъ кому-нибудь подарить, какъ коня или саблю:

Ой чого, чого въ цимъ новимъ двори такъ рано засви-
Та засвитылы (2) Марусыны два братикы, [чено?
Сталы думаты, сталы гадаты, чимъ зятя даруваты.
— Подаруймо его конынкомъ вороненькымъ.
Коныка узявъ, шапочки не знявъ, якъ йихавъ—не вклонывся.
Ой чого, чого... и т. д.
— Подаруймо его, зятенька свого, сестрою молодою.
Сестрыцю узявъ, шапочку знявъ, якъ йихавъ — подяку-
(Про Романа та Оленочку). [вавъ [4]).

Братъ, также какъ и мать, ѣдетъ въ погоню за боярами или за зятемъ, чтобы отбить у нихъ свою сестру:

Бижи, братчику, здоганяй, свою сестру однимай [5]).
Зарзали коники на броду, чули яны на сябе пригоду,
Што *братъ за сястрой гоницца*, вострою шабилькой гро-
Ты стой, швагеръ, не уѣзжай, [зицца:
Ты моёй сястрицы ни увази:
Дамъ я табѣ коника воронца—
Вярни мою сястрицу съ-подъ винца;
Дамъ табѣ шабильку ў злоци—
Вярни мою сястрицу ў цноци;
Дамъ табѣ хусточку ў шовку—
Вярни мою сятрицу ў вянку [6]).
Закоснички—паничи, што ѣдзице по ночи?
Пошто цемною порою?—Да мы ѣдзимъ тропою
За русою косою, за родною сестрою [7]).

Въ свад. пѣсняхъ и обрядахъ (Борисполь) есть указаніе, что власть брата надъ сестрою вытекаетъ изъ власти матери надъ дочерью:

---

[1]) Чуб. Труды. IV. № 372.—[2]) Ibidem. IV, стр. 77, № 31.
[3]) Сравни выше, въ концѣ гл. 6.—[4]) Чуб. IV. 351, № 950.
[5]) Чуб. IV, № 1194.
[6]) Запис. И. Р. Г. Общ. по этногр. V, № 631.
[7]) Чуб. IV, 166.

Та чи жъ я, маты, не дитынка у тебе?
Та дай мени провиднычка, хоть братичка.

На свадьбѣ въ Бориспол ѣ[1]), если окажется, что невѣста нечестная, то братъ бьетъ ее по порученію матери. Также точно и во многихъ не свадебныхъ пѣсняхъ мать посылаетъ сыновей, чтобъ они отомстили уведшимъ ея дочь и наказали уведенную сестру.

Очень важно то обстоятельство, что въ свад. обрядахъ и пѣсняхъ мать и братъ нерѣдко замѣняютъ другъ друга, т. е. одинъ и тотъ-же обрядъ исполняется въ одной мѣстности братомъ, въ другой—матерью; одна и та-же пѣсня въ одномъ мѣстѣ относится къ брату, въ другомъ—къ матери. Между тѣмъ отецъ и братъ никогда и нигдѣ не замѣняютъ другъ друга. Важно также и то, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ свадебная мать имѣетъ большое преобладаніе надъ отцомъ, тамъ и значеніе брата выступаетъ сильнѣе и рельефнѣе, а тамъ, гдѣ больше значенія имѣетъ свадебн. отецъ, значеніе брата стушевывается. Въ Буковинѣ (Купчанко), въ Кобринскомъ уѣз., въ Гостомлѣ Кіевскаго уѣзда, въ Угновѣ Жолковскаго уѣзда свад. отецъ имѣетъ большое значеніе, свад. братъ очень малое,—очень мало остатковъ первоначальнаго семейнаго строя. Въ Лолинѣ Долинск. уѣз., въ Борисполѣ Переяславск. уѣз., въ Чашникахъ и Дубровкѣ Лепельскаго уѣзда и т. д. свад. мать и братъ имѣютъ большое значеніе,—остатковъ первоначальнаго строя семьи очень много.

Очень видную роль въ свад. драмѣ играетъ также и братъ жениха (дружба, дружко, маршалокъ). Бьется и торгуется за невѣсту съ ея братомъ не самъ женихъ, а его братъ, какъ было указано выше. Вообще роль жениха очень пассивна; онъ, по словамъ свад. пѣсни, больше „стоитъ за плечима" (дружкà) и „моргае очима" [2]); а дружко все за него исполняетъ и заботится о немъ, какъ о маломъ ребенкѣ. И въ обрядахъ и въ пѣсняхъ дружко является неразлучнымъ руководителемъ и совѣтникомъ жениха [3]). Онъ заводитъ его

---

[1]) Чуб. IV; 575.

[2]) Piesni i obrzędy wes. Ol. Roszkiewicz i I. Franko. Lolin. № 85-й.

[3]) Ibidem, № 64, 67, 99, 178.—Зап. И. Р. Г. Общ. по Этногр V, № 571, 591, 593.—Чубинскій, IV, 600, 686.

за столъ, выводитъ изъ-за стола, держитъ надъ нимъ вѣнецъ и пр. Это старшинство брата надъ братомъ кажется страннымъ человѣку воспитанному въ теперешнихъ взглядахъ и порядкахъ. Дружко (дружба, маршалокъ) предводительствуетъ въ походѣ бояръ; онъ дѣлитъ также „коровай" между всѣми членами рода [1]), а оба эти обряда придаютъ ему очень большое значеніе. Дружбою можетъ быть и дядя [2]); но обыкновенно бываетъ старшій братъ.

10. *Преобладаніе невѣсты надъ женихомъ.*

Аналогично тому, какъ свад. мать превышаетъ отца числомъ относящихся къ ней пѣсенъ и обрядовъ, такъ невѣста превышаетъ жениха. Мать—это то свадебн. лицо, которое совершаетъ наибольше обрядовъ; невѣста—лицо, надъ которымъ совершаютъ наибольше обрядовъ. Но преобладаніе невѣсты надъ женихомъ гораздо больше, чѣмъ преобладаніе матери надъ отцомъ. Въ доказательство этого приведемъ числа пѣсенъ, которыя показываютъ, сколько въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ пѣсенъ относится къ жениху и сколько къ невѣстѣ.

Мѣстность.	*Невѣста.*		*Женихъ.*		*Отношеніе.*
Лемки	25	:	11	=	100 : 44
Сяноцкій окр. .	14	:	11	=	100 : 78
Перемышльск. окр.	30	:	15	=	100 : 50
Дыдёва	22	:	16	=	100 : 72
Лолинъ	31	.	20	=	100 : 64
Стрыйскій окр. .	15	:	5	=	100 : 33
Коломыйскій окр.	33	:	10	=	100 : 30
Гуцулы	42	:	14	=	100 : 33
Кутузовъ . . .	38	:	8	=	100 : 21
Надъ Збручемъ.	48	:	24	=	100 : 50
Буковина . . .	22	:	12	=	100 : 54
Итого. . . .	320	:	146	=	100 : 45

При вычисленіи мы брали самыя разнообразныя мѣстности и села Галиціи, и вездѣ по числу пѣсенъ оказалось значительное преобладаніе невѣсты надъ женихомъ. Тогда какъ

---

[1]) Чубинскій, IV, 571 и др.—[2]) Ibidem, IV, 599.

такого преобладанія жениха надъ невѣстою нигдѣ не было найдено. То же самое далъ пересмотръ свад. пѣсенъ изъ различныхъ мѣстностей Украины и Бѣлоруссіи.

Преобладаніе невѣсты сказывается и въ томъ еще, что родные (отецъ, мать) невѣсты упоминаются въ большемъ числѣ пѣсенъ, нежели родные жениха:

Мѣстность.	*Родн. невѣсты.*		*Родн. жениха.*		*Отношеніе.*
Лемки	10	:	4	=	100 : 40
Сяноцк. окр. .	9	:	4	=	100 : 44
Перемышл. окр.	20	:	4	=	100 : 20
Дыдёва . . .	26	:	18	=	100 : 69
Лолинъ . . .	47	:	9	=	100 : 19
Стрыйск. окр.	5	:	2	=	100 : 40
Коломыйск. окр.	19	:	2	=	100 : 10
Гуцулы . . .	32	:	5	=	100 : 16
Кутузовъ . .	19	:	4	=	100 : 21
Надъ Збручемъ.	33	:	4	=	100 : 12
Буковина . .	19	:	8	=	100 : 42
Итого . .	239	:	64	=	100 : 27

Итакъ, преобладаніе родныхъ невѣсты надъ родными жениха такъ же общераспространенно, какъ и преобладаніе невѣсты надъ женихомъ, а въ численномъ отношеніи пѣсенъ даже больше.

Первоначально преобладаніе невѣсты надъ женихомъ было гораздо болѣе значительно, чѣмъ въ настоящее время. А уменьшилось оно благодаря тому, что многіе обряды, которые вездѣ или почти вездѣ относятся къ невѣстѣ, перенесены въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ также и на жениха. Это случилось именно въ западныхъ селахъ Галицкой Руси. Въ Дыдёвѣ, напримѣръ, свахи расчесываютъ жениха и возлагаютъ на его голову вѣнецъ такъ же, какъ въ другихъ мѣстностяхъ дѣлаютъ это по отношенію къ невѣстѣ; а матери жениха здѣсь даютъ подарки за воспитаніе его, такъ точно, какъ въ другихъ мѣстахъ даютъ ихъ матери невѣсты.

Мы уже не разъ указывали и основательно докажемъ это въ отдѣльномъ этюдѣ, что основа свад. драмы есть отраженіе той фазы въ развитіи семьи, когда подъ вліяніемъ умыканія женъ строй матріархальный постепенно замѣнялся строемъ патріархальнымъ; это—отраженіе того величайшаго

переворота, послѣ котораго жена перестала быть главою семьи и госпожею дома, а стала невольницей мужа и отца.

Соотвѣтственно этому въ свадебной драмѣ мы встрѣчаемъ два типа женщинъ: женщину—госпожу, и женщину—невольницу. Мать невѣсты (теща), подруги, свахи и особенно мать жениха (свекровь) — это все женщины-госпожи, женщины матріархальныхъ временъ. Невѣста, героиня свад. драмы, является вмѣстѣ съ тѣмъ и невольницею. Однако она не патріархальнаго времени женщина, а только переходнаго. Невѣста еще не невольница отца и мужа, а только невольница свекрови, все-таки невольница женщины. Власть свекрови надъ невѣсткой особенно сильна была въ переходное время, когда невольничество женщины (невѣстки) уже началось, а господство женщины (свекрови) еще не окончилось.

Генетическій порядокъ, въ которомъ развивалась власть надъ женщиною, приблизительно таковъ:

1. Старшинство матери надъ дочерью.
2. „ брата надъ сестрою.
3. „ свекрови надъ невѣсткою.
4. „ мужа надъ женою.
5. „ отца надъ дочерью.

Что невѣстка не есть еще женщина времени патріархальнаго, а только переходнаго, видно и изъ того, что по ней еще можно узнать, что она была госпожею, прежде чѣмъ стала невольницей. И въ изображеніи невѣсты кое-какія черты принадлежатъ къ матріархальному періоду. Всего лучше это видно изъ слѣдующей бѣлорусской свадебной пѣсни:

За лѣсомъ, лѣсомъ соўнійка йграицъ,
(*Припѣвъ*: Ай рана, рана,—соўнійка йграицъ)
А тамъ Андрейка коника сидлаицъ,
Ни такъ сидлаицъ, якъ сильна плачицъ.
Пришла матулька, яго пытаицъ:
— Чаго, мой сынку, такъ сильна плачешъ?
— Якъ же, матулька, якъ мнѣ ни плакацъ?
Ўзяў нявѣсту повыши сябе, понижи Бога.
Якъ шасницъ глазами, я-жъ сулякнуся;
Якъ бразницъ ключами—съ коня валюся.
— Ни плачь, мой сынку, ни плачь молодзенькій:

У насъ побудзиць, гэтаго ня будзиць.
Таўчучи, мелючи шаты поболзяиць,
По воду ходзючи ключи погубляиць [1]).

Эта пѣсня такъ пластична, такъ образна, что почти не требуетъ комментаріевъ. Образъ этой великанши-невѣстки, „выше жениха, только ниже Бога", потомъ образъ „молоденькаго сынка", который дрожитъ и валится съ коня отъ ея взгляда и отъ ея звяканья ключей, наконецъ образъ матери, утѣшающей сына и обѣщающей смирить невѣстку,—все это замѣчательныя каррикатуры изъ переходнаго времени.

Что начало этой пѣсни дѣйствительно связано съ исторіей семьи, а не является современною и мѣстной насмѣшкой надъ неудачною парою, на это есть достовѣрныя указанія. Когда женихъ съ боярами привезетъ невѣсту къ дому своей матери, то свахи обращаются къ ней съ извѣстной пѣсней:

Отворы, маты, лиску, веземо ти невистку,
До коморы *ключныцю,* до поля *робитныцю*, а до хаты *обхидныцю*,
Велыку гей драбыну, *а зубату гей кобылу* [2]).

Послѣдній стихъ этой пѣсни соотвѣтствуетъ словамъ бѣлорусской пѣсни „повыши сябе, пониже Бога", и стоитъ въ генетической связи съ ними. Эти выраженія (какъ въ малорусской, такъ и въ бѣлорусской пѣснѣ) могутъ имѣть разное значеніе въ приложеніи къ современной дѣйствительности. Они могутъ быть насмѣшкою, каррикатурно-гиперболическимъ образомъ, если невѣста въ самомъ дѣлѣ высокаго роста и выше жениха; они могутъ быть ироніею, если невѣста очень мала; но въ большей части случаевъ они не имѣютъ никакого значенія и являются анахронизмомъ, когда невѣста ростомъ подходитъ къ жениху. А такъ какъ эти слова поются на каждой свадьбѣ, безъ отношенія къ росту невѣсты, и поются въ различныхъ, отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстностяхъ, то ихъ нельзя считать ни современнымъ произведеніемъ, ни обыкновенною насмѣшкой. Слова эти, какъ и цѣлыя пѣсни, изъ которыхъ они взяты, являются

---

1) Зап. И. Р. Г. Общ. по этногр. V, 613, № 580.
2) O. Roszk. i Franko, 40, № 131, и во мн. др. описаніяхъ.

анахронизмами, которые находятъ себѣ объясненіе только въ исторіи семьи. Въ первый періодъ эпохи умыканія (эпохи переходной), когда женщина имѣла еще большое вліяніе и значеніе, а съ другой стороны, мужчины наичаще умыкали такихъ женщинъ, которыя были рослы, крѣпки, здоровы, способны исполнять тѣ обязанности, какія назначаются въ приведенной пѣснѣ, тогда вышеупомянутыя слова и пѣсни имѣли свое дѣйствительное значеніе. Теперь же они служатъ лишь отголосками тѣхъ временъ.

11. *Преобладаніе женщинъ надъ мужчинами.*

Въ малорусской свад. драмѣ участіе женщинъ болѣе значительно и живо, чѣмъ участіе мужчинъ. Наилучше замѣтно это въ важнѣйшихъ свад. обрядахъ и сценахъ. Вѣнки плетутъ свахи или подруги, расплетаютъ косы невѣсты и убираютъ ее къ вѣнцу свахи или подруги. Коровай мѣсятъ и пекутъ свахи-коровайницы, „гильце“ вьютъ свахи или подруги. Всѣ эти обряды совершаютъ женщины группами (свахъ или подругъ) и притомъ или совсѣмъ однѣ, или же съ участіемъ отдѣльныхъ мужчинъ (напр., дружбы, брата невѣсты, старосты и т. д.). При обрядѣ выкупа невѣсты мы видимъ на сторонѣ жениха группу бояръ и свахъ (замужнихъ женщинъ), на сторонѣ невѣсты группу подругъ невѣсты (иногда съ ея братомъ во главѣ); и когда бояре съ „дружбою“ во главѣ сначала бьются, а потомъ торгуются изъ-за невѣсты съ ея братомъ, то одновременнно съ этимъ свахи жениха ведутъ пѣсенный споръ съ подругами невѣсты (такъ назыв. „вылàдкуванне молодои“).

Сравнивая между собою участіе женщинъ и мужчинъ въ малорусской свад. драмѣ, не столько количественно, сколько качественно, мы замѣтимъ слѣдующее:

1. Женщины выступаютъ наичаще *обществами* (группами), мужчины — преимущественно *въ одиночку*. Въ малорусской свадьбѣ мы имѣемъ три или четыре группы женщинъ: а) группа свахъ (замужнихъ) жениха; б) группа свахъ невѣсты; в) группа подругъ невѣсты (дѣвушекъ) и кое гдѣ еще г) группа „свитылокъ“, „боярокъ“, т. е. подругъ жениха. На-

противъ того, общество (группа) мужчинъ только одно: бояре (кое-гдѣ называемые „сватами“). Въ обществѣ (группахъ) женщинъ господствуетъ республиканское устройство—равноправность, индивидуальность въ нихъ стушевывается; напротивъ того, въ обществѣ бояръ индивидуальность выступаетъ сильнѣе. Въ обществѣ бояръ выдѣляются двѣ личности: староста и дружба (друждко, маршалокъ), тогда какъ въ женскихъ группахъ ничего аналогичнаго нѣтъ. Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ отличаютъ „старшую сваху“ или „старшую дружку“ (подругу), однако онѣ и названіемъ и ролью менѣе отличаются отъ другихъ членовъ общества, чѣмъ „староста“ и „дружба“ или „дружко“. На сторонѣ невѣсты нѣтъ никакого мужского общества, а только отдѣльныя личности: староста (невѣстинъ) и „дружба“ или братъ (невѣсты). Изъ всего сказаннаго видимъ, что женщины представляютъ элементъ общественный, мужчины же элементъ индивидуальный. Такъ было въ дѣйствительности во времена матріархата и гинекократіи, когда женщины составляли основу и ядро семьи и общества. И если согласимся, что развитіе семьи шло отъ общественности къ индивидуализму, то свадебныя женщины, какъ элементъ общественный, представляютъ элементъ первоначальный, а свадебные мужчины, какъ элементъ индивидуальный, представляютъ элементъ позднѣйшаго времени. Слѣдовательно, свадебный обрядъ первоначально былъ исключительно дѣломъ женщинъ.

2. Въ женскихъ обществахъ (группахъ) видимъ классовое устройство, основанное на различіи въ возрастѣ. И на сторонѣ невѣсты и на сторонѣ жениха есть по двѣ женскихъ группы: группа *замужнихъ* женщинъ (свахи) и группа *незамужнихъ* дѣвушекъ („дружки“, подруги). Въ обществѣ мужчинъ женатые и холостые смѣшаны и не составляютъ особыхъ классовъ. Такъ было въ дѣйствительности во времена матріархальнаго родового устройства и въ эпоху пуналюанской семьи, когда можно было отличить *матерей* (женщинъ рожавшихъ) и *дѣвушекъ* (не рожавшихъ), а женатыхъ и не женатыхъ взрослыхъ мужчинъ не было, когда *ровесницы* одного рода (т. е. ближнія и дальнія сестры) составляли одну *группу*.

3. Свадебныя обрядовыя пѣсни поются только женщинами.

Общество свахъ и общество подругъ—это свадебные хоры, которые поютъ обо всемъ, что изображается въ свадебной драмѣ. Эти хоры ведутъ между собою также діалоги (въ пѣсняхъ). Хоровъ смѣшанныхъ и спеціально мужскихъ вы не встрѣтите на малорусской свадьбѣ. Отдѣльные мужчины также не поютъ обрядныхъ пѣсенъ. Мужчины обыкновенно участвуютъ только разговоромъ, діалогомъ или монологомъ. Замѣчательнымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи служитъ Лолинская свадьба. Очевидно, что свадебный обрядъ началомъ своимъ принадлежитъ къ тѣмъ временамъ, когда обрядныя пѣсни были исключительною привиллегіею женщинъ, или, можетъ быть, къ тѣмъ временамъ, когда только женщины умѣли и имѣли обычай пѣть.

4. Женщины совершаютъ преимущественно такіе обряды, начало которыхъ лежитъ въ *религіозно-миѳическихъ* понятіяхъ, и значеніе которыхъ теперь мало понятно или совсѣмъ непонятно. Къ такимъ обрядамъ принадлежатъ обряды, касающіеся вѣнца, коровая, чепца, расплетанія косы и т. д. Участіе мужчинъ наиболѣе живо въ тѣхъ свадебныхъ сценахъ, которыя представляютъ драматическое изображеніе давно прошедшей *дѣйствительности*, (напр., при нападеніи бояръ, при выкупѣ невѣсты). Очевидно, что обряды первой категоріи, какъ таковые, старѣе обрядовъ второй категоріи: обряды первой категоріи были уже обрядами еще тогда, когда обряды второй категоріи были живою дѣйствительностью, а не простыми символами. А изъ того, что обряды первой категоріи совершаютъ почти однѣ женщины, видно, что первоначально совершеніе религіозныхъ обрядовъ было исключительною привиллегіею женщинъ. Было же это во времена матріархата и гинекократіи.

5. Женщины выступаютъ въ такихъ сценахъ свадебной драмы, въ которыхъ, съ современной точки зрѣнія, ихъ менѣе всего можно бы ожидать. Свахи наравнѣ съ боярами принимаютъ живое участіе въ военномъ походѣ за молодою невѣсткою и въ борьбѣ за обладаніе ею; невѣсту защищаютъ отъ бояръ сами ея подруги (обыкновенно съ однимъ лишь мужчиною, т. е. братомъ невѣсты, во главѣ, а иногда и совсѣмъ однѣ); наконецъ, въ „перезвѣ“ (иначе пропой, прид

ки), т. е. въ погонѣ за увезенною невѣстою, женщины принимаютъ участіе наравнѣ съ мужчинами. Сцены эти, какъ видно, изображаютъ тѣ времена, когда участіе женщины въ общественныхъ и военныхъ дѣлахъ было гораздо больше, нежели теперь.

Преобладаніе женщинъ въ малорусской народной свадьбѣ понялъ самъ народъ. Это очевидно хотя бы изъ слѣдующей пѣсни:

Не кажи, коню, що я утопывся,
А кажи, коню, що я оженывся:
Ясни зирочкы—то свитылочкы,
Чорни хмарочкы—то свашочкы;
Крути берегы—бояре мои,
Холодна вода—то мыла моя.
Сырая земля—то-жъ маты моя [1]).

Въ этомъ цѣнномъ и характерномъ сравненіи женитьбы (свадьбы) съ утопленіемъ видимъ ясное преобладаніе женщинъ: общество (группу) „свитылокъ", общество „свахъ", милую и мать. Изъ мужчинъ упомянуты только бояре; отецъ отсутствуетъ.

Простой народъ понялъ также, что между совершающимся въ свадебной драмѣ и тѣмъ, что происходитъ теперь на дѣлѣ, лежитъ цѣлая пропасть, и выразилъ это въ извѣстной поговоркѣ: „не все правда, що на весилю *плещуть*" (въ данномъ случаѣ—*поють* несообразности) [2]). Однако то, что теперь является лишь символомъ, обрядомъ, пѣснею, когда-то было живою правдою, яркою дѣйствительностью. Какимъ образомъ достовѣрныя событія живой дѣйствительности превратились въ обряды, символы, пѣсни, драма жизни—въ драму свадебную, повседневная, но яркая дѣйствительность — въ торжественную, но спокойную церемонію, — это другой вопросъ, котораго мы здѣсь не касаемся.

12. *Связь и отношенія между числами пѣсенъ.*

Выше мы уже имѣли случай убѣдиться, что преобладаніе свад. матери надъ отцомъ, невѣсты и ея родственниковъ

[1]) Потебня, Объясн. пѣс. II, 562.

[2]) Срв. Жег. Паули, P. l. r. w. Gal. I, 66.

надъ женихомъ и его роднею можно доказать простымъ сравненіемъ чиселъ соотвѣтственныхъ свад. пѣсенъ. Эти числа, соотвѣтственнымъ образомъ расположенныя, какъ сейчасъ увидимъ, могутъ дать еще болѣе поучительные выводы. Для нашихъ вычисленій мы возьмемъ комплектъ свад. пѣсенъ слѣдующихъ мѣстностей, не разъ нами упоминаемыхъ:

А: 1) Лолинъ (всего 181 пѣс.), 2) Кутузовъ (70 п.), 3) Гуцульщина (Космачъ, Яворовъ, 65 п.), 4) Коломыйскій окр. (52 п.), 5) Лемковщина (40 п.), и *Б*: 6) Побережье р. Збруча (136 п.), 7) Буковина (118 п.), 8) Дыдёва (110 п.), 9) Перемышльск. окр. (64 п.), 10) Сяноцкій окр. (38 п.). Распредѣлимъ общее число пѣсенъ перечисленныхъ мѣстностей по слѣдующимъ категоріямъ: I—число пѣсенъ, относящихся къ матери, II—къ отцу, III—къ молодой (невѣстѣ), IV—къ молодому (жениху), V—къ роднѣ молодой, VI—къ роднѣ молодого, VII—къ дружкамъ (подругамъ невѣсты), VIII—къ боярамъ (товарищамъ жениха), IX—къ дружкѣ (со стороны невѣсты), X—къ друбжѣ (со стороны жениха), XI—къ свахамъ, XII—къ старостѣ, XIII—къ брату невѣсты, XIV—общее число пѣсенъ. Далѣе, означимъ въ особыхъ столбцахъ числами 1, 2, 3, 4, 5 отношенія предшествующихъ имъ паръ группъ (столбцовъ), 6—отношеніе женщинъ къ мужчинамъ и 7—отношеніе группъ къ отдѣльнымъ личностямъ. Тогда получимъ слѣдующую таблицу (см. ниже).

Разсмотримъ поближе эту таблицу, чтобы уяснить себѣ все ея значеніе. Въ первой (А) группѣ мѣстностей числа пѣсенъ, относящихся къ матери (I), къ невѣстѣ (III) и ея родственникамъ (V), къ ея дружкамъ (VII), къ свахамъ (XI), и къ брату невѣсты (XIII), значительно больше, чѣмъ во второй (Б) группѣ. На оборотъ число пѣсенъ, относящихся къ отцу (II), жениху (IV) и его роднѣ (VI), къ боярамъ (VIII), къ дружбѣ (X) и къ старостѣ (XII) больше во второй группѣ, чѣмъ въ первой. Въ обѣихъ группахъ числа пѣсенъ, относящихся къ матери, къ невѣстѣ и ея роднѣ, превышаютъ собою числа, относящіяся къ отцу, жениху и его роднѣ; однако въ гр. А это преобладаніе значительнѣе, чѣмъ въ гр. Б. Въ обѣихъ группахъ числа пѣсенъ, относящихся къ дружкамъ и дружкѣ (VII и IX) меньше чиселъ, относящихся къ боя-

Мѣстности.	I.	II.	1.	III.	IV.	2.	V.	VI.	3.	VII.	VIII.	4.	IX.	X.	5.	XI.	XII.	XIII.	6.	7.	XIV
А. 1) Лолинъ	45.5	10.5	4.5	31	20	1.5	47	9	5.2	16	6	2 6	3	4	0.8	7	17	6	1.7	1.2	181
2) Кутузовъ . . .	16	7	2.3	38	8	4.7	19	4	4.7	4	1	4	3	1	3	3	0	4	4	1.8	70
3) Гуцульщина .	22.5	14.5	2.1	42	14	3	32	5	6.4	1	4	0.2	0	1	0	3	3	3	1.8	2	65
4) Колом. окр. .	11.5	9.5	1.2	33	10	3.3	19	2	9.5	3	2	1.5	0	1	0	1	1	5	2	3	52
5) Лемковщина .	10	4	2·5	25	11	2.3	10	4	2.5	0	2	0	0	0	0	1	2	0	1.8	1.5	40
Сумма группы А.	105.5	45.5	**2.3**	169	63	**2.7**	127	24	**5.2**	24	15	**1.6**	6	7	**0.9**	15	23	18	**2.8**	**1.9**	408
Б. 6) Надъ Збруч. .	18.5	18.5	1.0	48	24	2	33	4	8.2	10	3	3.3	6	11	0.5	3	5	6	1.4	0.8	136
7) Буковина. . .	15.5	11.5	1.3	22	12	1.8	19	8	2 4	1	10	0.1	0	4	0	1	2	1	1	1.5	118
8) Дер. Дыдёва .	31	13	2.4	22	16	1.3	26	18	1.4	0	13	0	1	5	0.2	0	20	0	1	0.3	110
9) Перемышл. окр.	15	9	1.5	30	15	2	20	4	5.0	2	6	0.3	4	3	1.3	1	0	1	1.6	1.3	64
10) Сяноцкій окр.	8.5	4.5	1.9	14	11	1.3	9	4	2.2	0	9	0	0	1	0	1	2	0	1.1	1.1	38
Сумма группы Б.	88.5	56.5	**1.5**	136	78	**1.7**	107	38	**2.8**	13	41	**0.3**	11	24	**0.5**	6	29	8	**1.2**	**1.0**	466
А — Б.	+17	—11	+0.8	+33	—15	+1	+20	—14	+2.4	+11	—26	+1.3	—5	—17	+0.4	+9	—6	+10	+1.1	+0.9	—
А+Б.	194	102	1.9	305	141	2.2	234	62	3.8	37	56	0.6	17	31	0.5	21	52	26	1.7	1.5	874

рамъ и дружбѣ (VIII и X); однако преобладаніе бояръ и дружбы въ гр. А менѣе, чѣмъ въ гр. Б. Выходитъ, слѣдовательно, что въ гр. А перевѣсъ женщинъ надъ мужчинами значительнѣе, чѣмъ въ гр. Б; это подтверждается и отношеніями въ столбцѣ 6 (А—2.3, Б—1·2).

Личность матери, невѣсты, брата невѣсты, ея дружки, а также группы дружекъ, свахъ и весь комплектъ свадебныхъ женщинъ вообще находятся между собою въ тѣсной связи, проявляющейся въ симметріи чиселъ: гдѣ значеніе матери увеличивается, такъ усиливается и значеніе невѣсты, ея брата, дружки, дружекъ, свахъ и всѣхъ вообще женщинъ. Въ такой же тѣсной зависимости между собою находятся личность свадебн. отца, жениха, дружбы, старосты и группы бояръ и мужчинъ вообще: гдѣ только увеличивается значеніе отца, тамъ одновременно увеличивается значеніе остальныхъ лицъ мужской половины. Съ другой стороны, обѣ категоріи (категорія „материнская“ и категорія „отцовская“) составляютъ симметричный контрастъ одна другой: разъ *увеличивается* значеніе какого-нибудь лица или группы первой (материнской) категоріи, то непремѣнно *уменьшается* значеніе соотвѣтственнаго лица или группы второй категоріи. Эта связь и эти контрасты, отличающіеся такою симметричностью и постоянствомъ, имѣютъ свое начало въ исторіи человѣческой семьи и тамъ только находятъ для себя объясненіе.

В. Охримовичъ.

БОГДО-ГЭСЭРЪ

И

славянская повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ.

Цѣль настоящей статьи обратить вниманіе фольклористовъ на параллели, заключающіяся въ сказаніяхъ выставленныхъ въ заголовкѣ.

Для славянской повѣсти мы будемъ пользоваться статьей А. Н. Веселовскаго: «Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ. Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ", помѣщенной въ „Славянскомъ Сборникѣ", т. III, стр. 129. Для Гэсэра намъ послужатъ запись тибетской, или вѣрнѣе тангутской версіи, которую я сдѣлалъ самъ въ Амдо, запись бурятскаго Гэсэра сдѣланная въ Балаганскомъ округѣ Иркутск. губ. г. Хангаловымъ, и монгольскій Гэсэръ въ переводѣ на нѣмецкій яз. Шмидта: „Die Thaten Bogda Gesser-chan's" St. Pb., 1839.

1) Славянская повѣсть разсказываетъ, что Навуходоносоръ построилъ себѣ новый городъ, стѣны котораго были сложены въ образѣ змѣя, будто бы облегавшаго городъ такъ, что хвостъ змѣя сходился съ его пастью. Гэсэръ также строитъ: въ тибетской версіи городъ, въ Thaten—храмъ Энгэрикэинъ - джу (стр. 45). Въ тангутскомъ варіантѣ, записанномъ мною въ Амдо, эпизодъ этотъ изложенъ такъ: „Гэсэръ началъ строить городъ. Проѣзжалъ мимо большой купецъ Цонхынъ-нима-мбынъ; у него подъ вьюками шло нѣсколько сотъ скотинъ; слугъ было множество. Гэсэръ говоритъ ему: „Не пропущу тебя, если не дашь мнѣ подарокъ". Купецъ отказался дать подарокъ и хотѣлъ застрѣлить Гэсэра изъ лука, но по молитвѣ Гэсэра къ небесной матери и богамъ явился змѣй Гсыла-

рэнченъ, окружилъ купца со всѣмъ его скотомъ и народомъ и свился въ три кольца; эти кольца легли одно на другое, какъ три этажа, точно городская стѣна,—нѣтъ выхода купцу. Змѣй разинулъ пасть и началъ глотать людей; чередъ дошелъ и до купца. Купецъ взмолился Гэсэру, обѣщаетъ дать ему, что онъ попроситъ, только бы спасъ ему жизнь. Гэсэръ говоритъ ему: „Твоего добра мнѣ не надо, а дай только твой скотъ и народъ построить мой городъ". Купецъ согласился и змѣй выпустилъ его. Съ этимъ народомъ и при помощи боговъ Гэсэръ построилъ городъ. Люди набили раны па плечахъ, скотъ набилъ раны на спинахъ и исхудалъ, таская землю и камни" (въ приготовляемомъ мною къ выходу въ свѣтъ описаніи экспедиціи въ Амдо 1884—1886 годовъ, часть IV, стр. 11 [1]).

Thaten (S. 44—46) разсказываютъ слѣдующее: Чотонъ отсылаетъ Гэсэра съ его матерью въ мѣстность Engkireküin Dschu; Гэсэръ готовится безпрекословно исполнить его волю, но его мать приходитъ въ ужасъ; мѣстность эта совершенная пустыня, и ссылка туда равносильна голодной смерти. Однако Гэсэръ уговариваетъ ее слѣдовать за нимъ. Какъ только они поселились тамъ, пустыня превращается въ счастливый уголокъ. Изъ большого озера начинаютъ во всѣ стороны изливаться воды и вокругъ жилища Гэсэра выростаютъ всякія деревья, приносящія плоды. Гэсэръ даетъ этой мѣстности имя Tsakirmak Chogôltu [2]). Однажды, отправившись

---

[1]) Ниже, при ссылкахъ на это же изданіе, оно будетъ обозначено мною сокращеніемъ: „Эксп. въ Амдо".

[2]) *Джу* называются монастыри въ южной Монголіи, какъ наприм. Шара-чжу, Джунгоръ-чжу, Ушинъ-чжу, въ городѣ Гуй-хуа-ченѣ Ихэ-чжу (Большой чжу). Но въ Thaten Энгирэкэинъ-джу названіе не храма, который тутъ былъ построенъ Гэсэромъ, а мѣстности. Но зачѣмъ тогда Гэсэръ даетъ этой мѣстности еще другое имя? Относительно значенія слова *джу* или *чжу* намъ доставилъ слѣдующую замѣтку А. О. Ивановскій:

„Часто встрѣчающіяся въ названіяхъ различныхъ мѣстъ слова *чжао*, *чжо*, *чжу* и наконецъ *цзу* надо разсматривать, какъ сокращеніе китайскаго *чжо-ти*, представляющаго не что иное, какъ фонетическое переложеніе санскритскаго *чайтья*, при чемъ какъ бы переходомъ между ними является тибетское Чой-рДэнь, Чойдэнь. Санскритское же слово *чайтья* (см. напр. лексиконъ, составл. E. Burnouf et L. Leupol) означаетъ всякій предметъ, представляющій

на охоту, Гэсэръ встрѣтилъ пятьсотъ купцовъ Эрдени-хагана, которые возвращались съ драгоцѣнностями всевозможнаго рода отъ Дайбунгъ-хагана. Гэсэръ часть своей волшебной силы обратилъ въ шмелей и шершней, которые тотчасъ окружили купцовъ. Купцы не могли двинуться далѣе и, видя передъ собою смерть, стали взывать къ Гэсэру: „Милосердый богдо! мы тебя не знаемъ. Чего ты отъ насъ хочешь? Драгоцѣнностей? Возьми ихъ! Если ты хочешь, чтобъ мы стали твоими помощниками, мы согласны!“ Гэсэръ сказалъ: „Постройте мнѣ домъ, подобный храму Хомшимъ-бодисатвы“ (Арья-Бало)! Пятьсоъ купцовъ принялись строить. Сначала они покрыли озеро каменнымъ сводомъ, потомъ воздвигли каменные столбы. Кровлю покрыли золотомъ и серебромъ. Внутри храма воздвигли статую Хомшимъ-бодисатвы; *четыре*, какъ огонь горящихъ, драгоцѣнныхъ камня, вставленные въ четырехъ углахъ внутренняго пространства, давали ночью необходимый свѣтъ. Передъ изображеніемъ Хомшимъ-бодисатвы былъ вставленъ камень „чиндамани“. Если вынимали камень въ сводѣ надъ озеромъ, то въ храмъ текла священная вода въ изобиліи. Кончивъ постройку, купцы сказали

какую-либо идею, всякій объектъ поклоненія, всякое мѣсто, посвященное культу, слѣдовательно и надгробный памятникъ, и монастырь и т. д. Надо замѣтить, что китайское слово *та* (ступа), соотвѣтствующее санскритскому *чайтья*, очень часто встрѣчается въ названіяхъ китайскихъ деревень даже и въ Маньчжуріи. Названіе берется отъ находящейся вблизи ступы, напр. Бэй-та, „деревня у сѣверной ступы“.

„Означая всякій предметъ культа, это слово могло быть перенесено и на статуи Будды, тѣмъ болѣе, что первыми памятниками буддизма были ступы. Такимъ образомъ отъ ступы надъ могилой Будды чествованіе было перенесено на его статуи, при чемъ статуя и ступа стали равнозначущи въ религіозномъ сознаніи буддистовъ. Этотъ переходъ въ религіозномъ сознаніи совершился постепенно по мѣрѣ того, какъ отъ сооруженія и чествованія надгробныхъ памятниковъ (ступъ) перешли къ сооруженію и чествованію статуй. Такимъ образомъ въ настоящее время слово *цзу* получило два значенія: 1) статуи Будды и 2) монастыря, и мы имѣемъ съ одной стороны Цзанданъ-цзу, статую Будды изъ дерева чандана, съ другой Эрдэни-цзу и многіе другіе монастыри въ Монголіи, Амдо и Тибетѣ. Не надо смѣшивать слова *цзу* въ послѣднемъ значеніи съ *цзонъ* или *цзунв* (рЧжонъ или рЦзонс), означающимъ замокъ или укрѣпленіе и встрѣчающимися въ концѣ названій многихъ мѣстъ Тибета.“

А. Ивановскій.

Гэсэру: „Мы построили зданіе, которому не повредитъ ни вѣтеръ, ни дождь, которое не нуждается ни въ освѣщеніи, ни въ благовоніяхъ, и нѣтъ надобности теряться въ поискахъ священной воды,—зданіе, которое наполнено всѣмъ, чего пожелаешь. Все ли соотвѣтствуетъ желанію твоего сердца, хаганъ?“ Тогда Гэсэръ отпустилъ ихъ домой, но послалъ ихъ черезъ Тибетъ, чтобъ они могли зайдти къ Чотону. Чотонъ спроситъ ихъ, не проходили ли они мимо Энгэрикэинъ-джу. Они должны отвѣтить, что они оттуда-то и идутъ. Чотонъ опять спроситъ ихъ, не умеръ ли Гэсэръ или онъ еще живъ. Они должны сказать, что Гэсэръ построилъ въ честь Хомшимъ-бодисатвы храмъ, украшенный золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями, но самъ умеръ, и храмъ стоитъ пустой.

Въ славянской повѣсти строится *городъ*; и въ монголотибетскомъ сказаніи строится *городъ* или *храмъ*. Стѣны, построенной въ видѣ свернувшагося кольцомъ змѣя, въ сказаніи нѣтъ; но образъ такого змѣя сохранился въ тибетскомъ варіантѣ. Это не стѣна города, выстроеннаго на подобіе змѣя, а обыкновенный фантастическій змѣй, однако имъ оцѣплена, какъ стѣной, толпа людей. Змѣй начинаетъ пожирать людей, заключенныхъ внутри кольца. Разсказу данъ оборотъ, который находится въ редакціи славянской повѣсти, обозначенной у А. Н. Веселовскаго буквою *е*: „и вселися во змія діаволъ и нача пожирати человѣки, на всякъ день множество людей“ (Византійскій эпосъ, стр. 139).

Повѣсть говоритъ о какихъ-то особенныхъ приспособленіяхъ въ городскихъ воротахъ, цѣль которыхъ была наводить страхъ на входящихъ пословъ (т. е. на иноземцевъ? на враждебныхъ людей?) Въ воротахъ города, „во главѣ зміевѣ“ подѣланы рѣшетки мѣдныя, навезены уголья; когда послы подойдутъ къ воротамъ, триста кузнецовъ начнутъ раздувать мѣхи, пойдетъ дымъ, искры и пламя. Тогда послы ужаснутся (Виз. эп., 146). Гэсэръ также устраиваетъ ловушку при входѣ въ храмъ. Онъ обноситъ его колючимъ палисадомъ и оставляетъ только одинъ проходъ, въ которомъ протягиваетъ цѣпь. Концы цѣпи укрѣплены въ два столба, а сама цѣпь положена въ видѣ петли, въ которую можетъ пройти человѣкъ на лошади. Приготовивъ запасъ батоговъ, Гэсэръ спрятался и сталъ ждать

пріѣзда Чотона. Купцы, строившіе храмъ, отвѣчали на вопросы Чотона такъ, какъ имъ велѣлъ Гэсэръ; Чотонъ повѣрилъ, что храмъ стоитъ пустой, и тотчасъ же поѣхалъ въ Энгирэкэинъ-джу [1]). Конь предъ желѣзной цѣпью всталъ на дыбы, но Чотонъ ударилъ его и онъ долженъ былъ прыгнуть въ петлю; тотчасъ Гэсэръ спустилъ петлю и затянулъ ее, выдернулъ одинъ изъ столбовъ и началъ бить батогами и коня и всадника, потомъ выдернулъ и другой столбъ, опуталъ коня и всадника цѣпью покрѣпче и отпустилъ. Бѣшеный конь семь дней носилъ Чотона; Чотоновы люди рыли рвы, чтобъ преградить коню дорогу, но конь перескакивалъ черезъ рвы; съ трудомъ поймали коня и сняли Чотона (Thaten, 47, 48).

Разсказъ о Энгирэкэинъ-джу сходенъ съ тибетскимъ разсказомъ о построеніи Лассы или, какъ выражаются разсказчики монголы, Менго-джу (Вѣчной-джу). И здѣсь сначала дѣлается настилка надъ водной поверхностью (моря) и уже на этой настилкѣ сооружается храмъ (или дворецъ). Въ храмѣ, построенномъ для Гэсэра, поставлена статуя Арья-Бало; Менгоджу есть резиденція вживѣ явившагося Арья-Бало (т. е. Далай ламы [2]).

Камень, вынимаемый изъ свода для выпусканія воды, по нашему мнѣнію, въ тибетской легендѣ явился въ эпизодѣ о мудрецѣ, который живетъ около колодезя; мудрецъ пользуется водой и каждый разъ затыкаетъ колодезь камнемъ. Но вслѣдствіе того, что онъ не сохранилъ тайну и позволилъ прове-

---

[1]) Чотонъ постоянно изображается завистливымъ вродѣ нашего Алеши Поповича.

[2]) Въ „Извѣстіяхъ“ Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ., т. XIX, № 3, (1888), стр. 22, помѣщена бурятская легенда, записанная г. Хангаловымъ, о построеніи дворца Беджинъ-сулганъ для Эсэгэ-Маланъ-тэнгри. Одна черта, именно неудача въ постройкѣ, которая прекращается только, когда добытъ совѣтъ отъ старика, приговореннаго къ смерти, сближаетъ эту легенду съ Ласскимъ сказаніемъ: стѣны Менго-джу нѣсколько разъ падали и перестали падать, когда была вывѣдана тайна отъ мудраго вельможи, попавшаго въ опалу, сосланнаго въ Амдо и жившаго около колодезя. Слѣдовательно, Беджинъ-сулганъ соотвѣтствуетъ Менго-джу; онъ строится для Эсэгэ-Малана. Не скрывается ли подъ именемъ бурятскаго Малана Арья-Бало?

сти себя подосланнымъ къ нему людямъ, колодезь отмыкается, вода выступаетъ, заливаетъ долину, мудрецъ и его скотъ гибнутъ въ наводненіи, которое угрожаетъ гибелью всей землѣ. Тогда боги бросаютъ съ неба камень, который попадаетъ въ отверстіе, изливающее воду. Изліяніе прекратилось. Выступившая вода образовала озеро Хухуноръ; брошенная богами скала, это скала посрединѣ озера. Если эта скала сдвинется, — можно подсказать къ тибетской легендѣ, — наводненіе постигнетъ землю и погубитъ человѣчество. Камень является и въ добавленіи къ Ласской легендѣ, которое я записалъ также въ Амдо. Главный мастеръ, строившій Менго-джу, изъ боязни, что съ нимъ дурно расплатятся за постройку, и чтобъ имѣть возможность отмстить потомъ за несправедливость, подъ главную колонну, на которой держался сводъ зданія, подложилъ камень такъ, чтобъ его можно было вынуть. Если мастера обидятъ, онъ вынетъ камень, и зданіе разрушится.

Обѣ тибетскія легенды съ эсхатологическимъ оттѣнкомъ. Въ первой кончина міра задержана; въ отверстіе, изъ котораго можетъ вылиться вода и залить міръ, заложенъ камень. Во второй эсхатологическая мысль ослаблена и ограничена разрушеніемъ только одного храма. Въ разсказѣ о постройкѣ храма для Гэсэра нѣтъ этого оттѣнка, но недостаетъ одного, двухъ штриховъ, чтобы придать эго. Нужно только видоизмѣнить разсказъ такимъ образомъ: купцы, строившіе храмъ, изъ опасенія, чтобъ Гэсэръ ихъ не обидѣлъ по окончаніи постройки, въ каменномъ сводѣ,—который, повидимому, возведенъ для того, чтобы удерживать разливъ озера,—положили одинъ камень такъ, чтобъ его можно было вынуть. И если Гэсэръ окажется несправедливъ, они вынутъ камень, и озеро зальетъ и зданіе и долину. Несомнѣнно въ какой-нибудь редакціи такъ и стояло.

Въ славянской повѣсти камня нѣтъ; эсхатологическая мысль перенесена на мечъ. Навуходоносоръ велѣлъ сковать мечъ, заложилъ его въ стѣну и сдѣлалъ завѣтъ, чтобъ его не вынимали до скончанія вѣка. Но при сынѣ Навуходоносора, царѣ Василіи, мечъ вынули; прежде всего мечъ отрубаетъ голову самому царю, потомъ начинаетъ рубить головы и

другимъ; кончается тѣмъ, что Вавилонъ обращается въ пустыню [1]).

Thaten въ другомъ мѣстѣ еще разъ вспоминають о храмѣ, построенномъ Богдо-Гэсэромъ въ честь Хомшимъ-бодисатвы (т. е. Арья-Бало; см. стр. 264). Рогмо-гоа, жена Богдо-Гэсэра, спрашиваетъ его, явившагося подъ видомъ Ольджибая: Что означаетъ золотая поверхность, на которой будто бы приносится жертва всѣмъ буддамъ? Что значитъ перламутровый бассейнъ, наполненный водой, подобной эмали на раковинѣ? и т. д. Ольджибай, т. е. Богдо-Гэсэръ, на эти вопросы отвѣчаетъ: Золотая поверхность—не есть ли это долина Нулумъ-тала? Перламутровый бассейнъ—не храмъ ли Хомшимъ-бодисатвы, построенный Богдо-Гэсэромъ, когда ему было десять лѣтъ? Лазуревый бассейнъ, съ лазуреподобной водой, не есть ли (озеро) Хухуноръ? Старая женщина, окруженная играющими дѣтьми, не есть ли (гора) Барумра-ханъ въ снѣжномъ хребтѣ? Страшная старая женщина, отогнавшая отъ себя далеко многочисленныхъ дѣтей, не есть ли черная гора Kighorsun? Два богатыря, махающіе саблями, не двѣ ли скалы въ верховьяхъ Хатунъ-гола (Желтой рѣки)? Зарубка на стрѣлѣ и тетива лука—не сама ли рѣка Хатунъ-голъ.

Эти географическія окрестности храма, построеннаго Гэсэромъ, интересны. Тибетская легенда о построеніи Менгоджу (Лассы), какъ мы видѣли выше, также ставитъ джу въ связь, и еще болѣе тѣсную, съ озеромъ Хухуноръ. Два богатыря въ вершинахъ Хатунъ-гола — это, вѣроятно, Кала-мэмбыръ и Желѣзный Асынъ, о которыхъ разсказываетъ записанный мною тангутскій варіантъ Гэсэра;

---

1) Въ Муромской легендѣ о Петрѣ и Ѳевроніи въ стѣну заложенъ *Агриковъ* мечъ. Этимъ мечемъ Петръ убиваетъ змѣя. Въ разсказахъ объ умерщвленіи змѣя, привлекаемыхъ А. Н. Веселовскимъ къ сравненію съ муромской легендой (въ статьѣ: „Новыя отношенія муромской легенды о Петрѣ и Ѳевроніи и сага о Рагнарѣ Лодброкѣ" въ Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CLIV, май, 1871 года), змѣй облегаетъ кольцомъ дѣвицу и дѣлаетъ доступъ къ ней невозможнымъ. Что такое *Энгирэкэинъ* разсказа въ Thaten? Окончаніе *инъ* есть родительный падежъ. „Энгирэкэинъ джу" будетъ порусски *Энгирэк*'овъ джу. Въ носовомъ звукѣ монголы *н* иногда опускаютъ; напримѣръ вм. *тэнгри* произносятъ *тэгри*. Вмѣсто *Энгирэкъ* можно поставить *Эгирэкъ*—Агрикъ.

два эти богатыря во время битвы другъ съ другомъ упали въ море и одинъ обратился въ скалу, стоящую у берега моря и стерегущую, чтобъ оно не выходило изъ береговъ, другой въ скалу, торчащую среди озера. Разсказчикъ прибавилъ, что эти двѣ скалы находятся въ вершинѣ Хатунъ-гола (Эксп. въ Амдо, ч. IV, стр. 22). Шмидтъ по поводу Нулумъ-тала ссылается на Сананъ-Сэцэна, у котораго на стр. 237—241. (Gesch. d. Ost-Mongolen, St.—Ptb., 1829) упоминается Nilom-Tala. На ней Далай лама строитъ храмъ въ честь Майдари. Разсказъ объ этой постройкѣ составляетъ часть длинной легенды, которую Сананъ-Сэцэнъ вставилъ тутъ въ свою исторію. Въ этой легендѣ есть также разсказъ и о царѣ (Алтынъ-хаганѣ), для исцѣленія котораго распарывали животъ у живой лошади, чтобы въ горячую утробу животнаго поставить больныя ханскія ноги. Это чуть ли не видоизмѣненіе темы о царѣ, казнившемъ юношей, которые по очереди призывались брить рогатую голову хана, темы, которая вставлена и въ легенду о построеніи Менго-джу. Намъ кажется, что разсказъ Сананъ-Сэцэна о царѣ, лѣчившемъ свой недугъ жестокимъ средствомъ, объ обращеніи его Далай ламой къ ученію Будды, о милосердіи и о построеніи въ долинѣ Nilom-Tala храма есть повтореніе легенды о построеніи Менго-джу. И вѣроятно были редакціи этой легенды, которыя разсказывали, что Менго-джу строилась въ долинѣ Ниломъ-Тала.

2) Въ славянской повѣсти есть мечъ-самосѣкъ; во время нападенія на Вавилонъ Траклинскихъ и Далматинскихъ царей этотъ мечъ самъ выскакиваетъ изъ ноженъ и безъ милости сѣчетъ непріятелей.

Въ монголо-тибетскомъ сказаніи этотъ мотивъ разбился на отдѣльныя черты, которыя являются разсѣянными въ разныхъ варіантахъ. Въ тибетскомъ варіантѣ меча нѣтъ, но есть разсказъ о семи стрѣлахъ, окторыя были оставлены Богдо-Гэсэромъ въ лаганѣ (т. е. кумирнѣ), когда самъ онъ отправился противъ чудовища Рдуря. Во время отсутствія Богдо-Гэсэра на его городъ нападаютъ хорскіе цари съ намѣреніемъ увезти его жену; стрѣлы сами вылетаютъ изъ лагана и побиваютъ непріятелей (Эксп. въ Амдо, IV, стр. 18). Въ бурятскомъ

варіантѣ въ рукахъ Богдо-Гэсэра мечъ, который самъ выскакиваетъ изъ ноженъ и втыкается въ землю (ibid., 112); то же самое въ калмыцкомъ варіантѣ, помѣщенномъ у Benjam. Bergmann'a въ его Nomadische Streifereien unter d. Kalmüken, Riga, 1804. Th. III, S. 276. Въ бурятскомъ вар. этотъ эпизодъ случился во время войны Богдо-Гэсэра съ Галъ-Дöлмö-ханомъ; въ калмыцкомъ—съ Angdulmanchan'омъ. Мечъ Богдо-Гэсэра не сѣчетъ самъ собою, какъ мечъ Навуходоносора; онъ только выскакиваетъ самъ собою изъ ноженъ; это выскакиваніе, какъ видно изъ послѣдующаго разсказа, нужно понимать только, какъ предостереженіе, которое мечъ дѣлаетъ Гэсэру: онъ не долженъ щадить жену Галъ-Дöлмö-хана (или Ангдулман-хана), а долженъ убить ее.

Болѣе близкій образъ находимъ въ одной урянхайской сказкѣ. Эртэне-мергенъ, отправляясь добывать „живого бога", оставляетъ своей женѣ саблю *кулеме-селиме*. Во время отсутствія Эртэне-мергена на жену его нападаютъ враги, но кулеме-селиме сама сѣчетъ ихъ и поражаетъ. Возвратившись, Эртэне-мергенъ находитъ свою жену цѣлой, только окруженной моремъ крови перебитыхъ саблею-саморубкою враговъ. (Очерки сѣв.-з. Монг., IV, 424).

3) И славянская повѣсть и монголо-тибетское сказаніе разсказываютъ о замершемъ или вымершемъ царствѣ. Въ повѣсти Вавилонское царство вымерло; въ сказаніи въ царствѣ Гумэнъ-хана прекратились всѣ жизненныя отправленія. И тамъ и тутъ разсказъ о добываніи или похищеніи предметовъ: послы царя Алевуя добываютъ изъ Вавилона сердоликовую крабицу и знаменіе, Богдо Гэсэръ похищаетъ у своей матери эрдэни (драгоцѣнность). Но въ повѣсти указанные предметы добываются изъ самого мертваго города, въ сказаніи о Богдо-Гэсэрѣ эрдэни добываются на сторонѣ (съ неба) для того, чтобы вновь пробудить жизнь въ замершемъ царствѣ. Въ славянской повѣсти три посла царя Алевуя поднимаются на городскую стѣну по лѣстницѣ, входятъ въ городъ, находятъ гробницу трехъ святыхъ отроковъ, около которой находятъ рогъ съ виномъ; они пьютъ изъ рога; напитокъ опьяняетъ и усыпляетъ ихъ; пробудившись, они идутъ взять

сердоликовую крабицу и знаменіе; три отрока относятся къ нимъ благосклонно, дѣлаютъ имъ полезныя указанія, гдѣ найти то, за чѣмъ они пришли, и напутствуютъ ихъ на обратный путь. При выходѣ изъ города, спускаясь съ лѣстницы, одинъ изъ пословъ запнулся и упалъ на тѣло змѣя; змѣй ожилъ и свиснулъ; отъ этого свиста послы упали въ обморокъ; очнувшись, они бросились бѣжать и благополучно достигли безопаснаго мѣста.

Бурятскій Богдо-Гэсэръ, чтобы добыть эрдэни (драгоцѣнности), поднимается на небо по лѣстницѣ, которую ему спустила сама бабушка Мандзанъ-Гöрмö. Поднявшись на небо, Богдо-Гэсэръ подноситъ своей матери семь чашъ нарочно для того приготовленнаго имъ вина. Когда Мандзамъ-Гöрмö выпила, опьянѣла и заснула, Богдо-Гэсэръ выкралъ у нея эрдэни и началъ спускаться по лѣстницѣ на землю. Мандзанъ-Гöрмö проснулась ранѣе, чѣмъ онъ достигъ нижняго конца лѣстницы, замѣтила покражу, осердилась на вора и забросила его въ адъ альбиновъ [1]). Когда гнѣвъ ея успокоился, она пожалѣла Богдо-Гэсэра и вернула его на землю (Эксп. въ Амдо, ч. IV, стр. 83). Въ монгольскомъ варіантѣ (Thaten) этотъ эпизодъ разсказанъ сходно, съ небольшими только отмѣнами.

Тремъ святымъ отрокамъ славянской повѣсти въ монгольскомъ сказаніи соотвѣтствуетъ небесная бабушка Богдо-Гэсэра Мандзанъ-Гöрмö. Она также покровительственно относится къ Гэсэру, какъ и отроки. Богдо-Гэсэръ постоянно обращается къ ней во время своихъ затрудненій и находитъ въ ней помощь; только въ исторіи съ эрдэни онъ долженъ былъ употребить хитрость; онъ предвидитъ, что добровольно она этихъ драгоцѣнностей не уступитъ. Въ славянской повѣсти иначе: послы царя Алевуя отъ самихъ отроковъ полу-

[1]) Альбины какія-то злыя существа (см. Эксп. въ Амдо, IV, стр. 56 и 62). У Шмидта въ Thaten, 37, это Alwins; о „семи альбинахъ“ говоритъ Гомбоевъ въ примѣчаніи къ Шиддикуру (Этн. Сборн., VI, 87). Душа готовящагося сдѣлаться черным шаманомъ обучается у Эрлэнъ-хана въ альбани-сулганѣ (Извѣст. Вост.-сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ., т. XIV, в. 1—2, стр. 45). По Банзарову (см. новое, еще не вышедшее изданіе его статей, стр. 97), альбинъ — „блудящій огонь“.

чаютъ указаніе, гдѣ найти сердоликовую крабицу и остальное. Это различное отношеніе къ драгоцѣнностямъ ихъ хранителей повліяло на разсказъ о винѣ; въ монгольскомъ сказаніи ему придано значеніе, котораго оно не имѣетъ въ славянской повѣсти: вино понадобилось, чтобъ усыпить бдительность бабушки Мандзанъ-Гöрмö, хранительницы драгоцѣнностей (эрдэни).

Осложненіе замѣчается въ монгольскомъ сказаніи и по отношенію къ предметамъ, составляющимъ цѣль восхожденія по лѣстницѣ. Эрдэни добываются Богдо-Гэсэромъ съ опредѣленной цѣлью: онѣ нужны ему для отвращенія тѣхъ напастей, которымъ будетъ подвергать его Гумэнъ-ханъ. По приказанію хана его послѣдовательно бросаютъ въ ровъ со змѣями, въ пещеру муравьевъ, въ пещеру вшей, въ пещеру осъ, въ пещеру хищныхъ звѣрей, въ темную яму (finsteres Loch), въ море; потомъ его сажаютъ на мѣднаго осла, разводятъ огонь и накаливаютъ мѣдь съ четырехъ сторонъ четырьмя большими мѣхами. Но Богдо-Гэсэръ изъ всѣхъ этихъ испытаній выходитъ цѣлъ, благодаря тому, что противъ каждой бѣды онъ имѣетъ отвращающее средство подъ видомъ одной изъ эрдэни. Угощеніе бабушки Мандзанъ-Гöрмö виномъ съ цѣлью пріобрѣтенія какихъ-то вещей, одаренныхъ сверхъестественною силою, напоминаетъ способъ, употребленный Соломономъ для пріобрѣтенія камня шамира, необходимаго при постройкѣ храма. Посланный Соломона наполняетъ виномъ колодезь, изъ котораго имѣетъ обыкновеніе утолять свою жажду Асмодей, и налагаетъ на него, на пьянаго, цѣпи [1]). Асмодей покоряется и исполняетъ требованія царя. Но, когда царь снимаетъ съ него оковы, Асмодей мститъ за насиліе; онъ однимъ ударомъ забрасываетъ Соломона на край свѣта подобно тому, какъ бабушка Мандзанъ-Гöрмö забросила Гэсэра въ область альбиновъ. Шамиръ добываетъ не самъ Асмодей; онъ только указываетъ, какимъ путемъ его можно добыть,

[1]) Въ бурятской сказкѣ цѣпи налагаются на собаку Гунинръ; для этого избирается моментъ, когда она засыпаетъ (Зап. Вост.-сиб. Отдѣла П. Р. Геогр. Общ., т. I, в. 1, стр. 68). Кладетъ ихъ богатырь Ханъ-Гужиръ, на отношенія котораго къ Гэсэру я указывалъ въ своей статьѣ о Гэсэрѣ, помѣщенной въ „Вѣстн. Евр.“, 1890 (сентябрь).

какимъ образомъ заставить птицу удода принести шамиръ. Въ монгольскомъ сказаніи Гэсэръ, кромѣ эрдени, похищенныхъ у опьянѣвшей бабушки Мандзанъ-Гöрмö, добываетъ еще нѣсколько другихъ эрдэни, заставляя принести ихъ птицу харабсыръ (Эксп. въ Амдо, IV, 80). У Шмидта также есть этотъ эпизодъ; птицу онъ называетъ орломъ; Богдо-Гэсэръ заставляетъ орлицу принести между прочимъ кристаллъ (einen saftigen Krystall), который находится въ морѣ (Thaten, 102).

4) Славянская повѣсть о дѣтствѣ Навуходоносора (Навходъносора, Находъ-осора) разсказываетъ слѣдующее. Это—найденышъ; младенцемъ онъ былъ найденъ за городомъ; онъ лежалъ подъ деревомъ сосной; подлѣ него находилась коза, а на соснѣ сидѣла сова. А. Н. Веселовскій догадывается, что коза была кормилицей младенца. Вавилонскіе жители взяли младенца и дали ему имя Навходъ-носоръ (или Находъ-Осоръ). „Носоръ" или „осоръ" потому будто бы было прибавлено къ имени, что сова называлась *носоръ* или *осоръ*[1]). Въ Вавилонѣ случилось тогда междуцарствіе; нужно было выбирать новаго царя; на городскихъ воротахъ поставили рогъ съ „измирномъ" заставили всѣхъ жителей Вавилона проходить въ ворота и слѣдили надъ кѣмъ закипитъ въ рогу; закипѣло, когда проходилъ Навуходоносоръ. Его посадили на царство (Визант. эп., 125, 126).

Такого разсказа о Богдо-Гэсэрѣ нѣтъ. Подобная тема въ монгольскихъ сказаніяхъ связана съ именемъ Чингисъ-хана. У монголовъ не было хана; въ это время находятъ младенца лежащаго подъ деревомъ; на деревѣ сидитъ сова; младенца питаетъ дерево собственнымъ сокомъ; въ его уста вставленъ

---

[1]) *Эсыръ* по-урянхайски „орелъ" (см. мои. Очерки с.-з. Монг. IV, 162; II, 143) Это названіе записано мною отъ туземцевъ, но въ алтайскомъ словарѣ о. Вербицкаго я его не нахожу. У Будагова въ Словарѣ, стр. 7: *качыръ*, родъ орла, баснословная птица, живущая болѣе тысячи лѣтъ. Можетъ быть, записанный мною Эсыръ тоже баснословный орелъ. Банзаровъ въ своей статьѣ „Черная вѣра" (Учен. Зап. Каз. универс., 1846, III, стр. 69) упоминаетъ большую и сильную птицу изъ рода коршуновъ по имени *хаджиръ*. Онъ думалъ, что эта птица считалась символомъ Чингисъ-хана на основаніи одной рукописи, въ которой Чингисъ названъ Хаджиръ-Чингисъ-тенгри (см. Березинъ, Библ. вост. истор., Шейбаніада, стр. 19 татарск. цифрами).

листъ, согнутый жолобомъ, и по нему въ ротъ младенца втекаетъ древесный сокъ. (Очерки сѣв.-зап. Монголіи, IV, 229, 802, а также II, 161). Найденыша сдѣлали ханомъ; при посаженіи его на престолъ какая-то птица кричала: Чингисъ! Чингисъ! Поэтому и назвали его Чингисъ-ханомъ.

О Богдо-Гэсэрѣ, какъ мы сказали, подобнаго разсказа нѣтъ Сказаніе знаетъ его мать и подробно разсказываетъ о его рожденіи. Есть, однако, бурятскій варіантъ, въ которомъ исторія дѣтства Богдо-Гэсэра приближается къ исторіи найденыша. Мать Богдо-Гэсэра по этому варіанту небесная дѣва; она спускается на землю, родитъ ребенка, бросаетъ его на степи, а сама удаляется на небо. Плачущаго ребенка находитъ въ степи проѣзжавшій мимо Сарагалъ-ханъ и беретъ себѣ на воспитаніе; младенецъ этотъ былъ Богдо-Гэсэръ (Эксп. въ Амдо, ч. IV, стр. 67).

Этимъ оканчиваются наши сопоставленія Богдо-Гэсэровскихъ темъ съ текстомъ славянской повѣсти. Теперь остается прибавить нѣсколько словъ относительно „объясненій", приложенныхъ къ тексту А. Н. Веселовскимъ (Виз. эп., 140). Мы остановимся на двухъ его указаніяхъ: 1) на царицу Савскую и 2) на *гордаго* Навуходоносора.

Указавъ, что Слово Меѳодія Патарскаго матерью Навуходоносора называетъ царицу Савскую, А. Н. Веселовскій припоминаетъ разсказъ славянской Палеи о царицѣ Савской или Южицкой, по которому Навуходоносоръ также является ея сыномъ отъ Соломона. Первое свиданіе Соломона съ царицей было во дворцѣ, полъ въ которомъ сдѣланъ изъ стекла; царица принимаетъ стеклянный полъ за воду. Въ одной изъ редакцій повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ смущенная стекляннымъ поломъ женщина не мать Навуходоносора, а его невѣста.

Въ тибетскомъ варіантѣ сказанія о Богдо-Гэсэрѣ есть слѣдующій эпизодъ. Богдо-Гэсэръ поднялся на городскую стѣну и встрѣчаетъ тутъ какую-то женщину-волшебницу. Онъ видитъ внизу черепичную крышу, но боится прыгнуть на нее. „Что это такое?" спрашиваетъ онъ у женщины. Та отвѣчаетъ: „черепичная крыша".—„Такъ ли это"? спрашиваетъ Богдо-Гэсэръ. „Будто это вода, а черепицей кажется. Если это не

вода, то брось свое запястье". Женщина бросила запястье; оно застучало, ударившись о черепицу. (Эксп. въ Амдо IV, стр. 36).

Въ монгольскомъ и бурятскомъ варіантахъ этого эпизода нѣтъ. Можетъ быть, въ тибетскій онъ вставленъ произвольно разсказчикомъ, который заимствовалъ его изъ какого-нибудь посторонняго источника. Шмидтъ извлекъ изъ монгольской книги Бодиморъ слѣдующій отрывокъ: Дара-экэ приглашаетъ тибетскаго царя Сронцзанъ-Гамбо, будущаго своего мужа, войти въ дверь ея дворца, но царь видитъ передъ собой разлившуюся воду и не рѣшается ступить. Тогда Дара-экэ бросаетъ на мнимую водную поверхность кольцо съ своей руки; оно покатилось, какъ по льду. Оказалось, что земля передъ дверями дворца была обращена въ хрусталь (Schmidt, Geschichte d. Ost-Mongolen, St.-Pb., 1829, S. 342).

Ни одна редакція не представляетъ Богдо-Гэсэра загордившимся царемъ вродѣ Навуходоносора. Всѣ онѣ изображаютъ его спустившимся съ неба на землю, сыномъ какихъ-то небожителей, установляющимъ новый культъ, но культъ этотъ есть „желтая вѣра", т. е. ламаизмъ, и разсказъ всегда отмѣченъ симпатіей къ Богдо-Гэсэру, старается вложить въ слушателя почитаніе его и нигдѣ не является его обличителемъ. Есть, однако, одинъ эпизодъ, который могъ бы развиться въ данномъ направленіи. Это эпизодъ о волшебникѣ—ламѣ, который обратилъ Богдо-Гэсэра въ осла. Жена Богдо-Гэсэра, Рогмо-гоа, говоритъ ему, что явился великій святой, и приглашаетъ пойти и поклониться святому. Но Богдо-Гэсэръ сомнѣвается въ святости явившагося; онъ возражаетъ женѣ: „пусть онъ придетъ ко мнѣ впередъ", а самъ Гэсэръ не хочетъ къ нему пойти первымъ и поклониться. Однако женѣ удается таки убѣдить Богдо-Гэсэра. Во время поклоненія волшебникъ наложилъ на голову Богдо-Гэсэра изображеніе осла, и Богдо-Гэсэръ обратился въ это животное.

Этотъ эпизодъ можетъ быть понятъ, какъ споръ между проповѣдникомъ истиннаго ученія и лже-пророкомъ. Дѣйствительный представитель правды, Богдо-Гэсэръ, пострадалъ, а лжеучитель торжествуетъ. Но разсказъ могъ допустить другое отношеніе дѣйствующихъ въ немъ лицъ; другая редакція могла истиннаго представителя увидѣть въ торжествующемъ

персонажѣ, а въ лицѣ, обращенномъ въ осла, признать наказаннаго за гордыню лжеучителя, не хотѣвшаго поклониться истинному пророку или богу.

Сокрушенное самомнѣніе мы имѣемъ въ легендѣ о Цзонкавѣ. Когда число послѣдователей этого реформатора, возрастая, стало угрожать старой вѣрѣ, Ласскій первосвященникъ рѣшился пойти въ пещеру, въ которой проповѣдывалъ Цзонкава, вступить съ нимъ въ преніе и посрамить его. Но кичливость первосвященника была наказана; дѣло кончилось посрамленіемъ его самого (*Huc*, Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie, le Thibet et la Chine, Paris, 1850, II, p. 107). Подобный же мотивъ послужилъ окончаніемъ тибетской полусказки, полулегенды: „Егъ—таму—нцо", переданной нами въ „Этн. Обозр.", кн. VIII, стр. 144. Въ пещерѣ явился какой-то великій лама (бодисатва Арья-Бало, какъ мы догадываемся по сопоставленію съ монгольской сказкой Эрдэни-Хараликъ); самозванная царица разоблачена ламой и наказана, а лама, терпѣвшій отъ нея въ прежнихъ своихъ перерожденіяхъ, торжествуетъ. Блѣдное повтореніе этой же темы содержится въ разсказѣ, записанномъ въ VII вѣкѣ въ Хотанѣ. Въ пещерѣ близъ города явился святой [1]). Царь, говоритъ легенда, не безъ гнѣва узналъ объ этомъ, но все-таки онъ пожелалъ увидѣть святого; онъ идетъ въ пещеру, но царскій визитъ кончается признаніемъ святости отшельника. (*Abel Rémusat*, Histoire de la ville de Khotan. Paris, 1820, p. 23).

Въ одной изъ этихъ трехъ легендъ посрамленнымъ или убѣжденнымъ въ новомъ ученіи является гордый первосвященникъ, въ другой—гордая царица, въ третьей—царь. Можетъ быть, все это, съ присоединеніемъ и эпизода о ламѣ изъ сказанія о Богдо-Гэсэрѣ, одна и та же легенда о явленіи бога на землѣ, пришедшаго провозгласить новый культъ. Въ эпизодѣ изъ Гэсэра лама-волшебникъ будетъ соотвѣтствовать святому, проповѣднику новаго ученія, а Богдо-Гэсэръ, обращенный въ осла, посрамленному его противнику.

Передъ нами носится такой сюжетъ, навѣянный этими сближеніями: На землѣ явился Арья-Бало, но въ обстановкѣ,

[1]) Имя святого—Би-лу-чжень.

при которой онъ не былъ узнанъ. Представитель прежняго режима (первосвященникъ или царь) не хочетъ его признать или даже намѣревается уничтожить мнимаго самозванца, но дѣло кончается его собственнымъ пораженіемъ. Изъ состязанія Арья-Бало выходитъ побѣдителемъ и въ наказаніе за самомнѣніе одаряетъ своего противника ослиными статями.

А. Н. Веселовскій сближаетъ далѣе съ славянской повѣстью эпизодъ объ Аполлоніи изъ поэмы Генриха Нейштатскаго (von Neustadt). Въ другой статьѣ мы сдѣлаемъ нѣсколько примѣчаній по поводу этого сближенія.

Г. Потанинъ.

Очеркъ кустарной промышленности въ Тобольской губ.

III *).

Всѣхъ кустарей мы раздѣлили на три категоріи сообразно ихъ экономической обезпеченности, трудовой самостоятельности и способности ихъ вести производство на тѣхъ или другихъ началахъ. При этомъ нами было допущено слѣдующее: если представители какой нибудь отдѣльной отрасли промышленности подходили подъ 1-ю—2-ю изъ трехъ подраздѣленныхъ группъ, то отъ отсутствія ихъ въ третьей группѣ мы ничего не теряли; нашъ выводъ не могъ пострадать отъ такого допущенія на томъ основаніи, что переходъ къ послѣдующей группѣ, при почти вполнѣ аналогичныхъ экономическихъ, бытовыхъ и соціальныхъ условіяхъ общежитія, самъ собою понятенъ и вполнѣ возможенъ.

Такой же системы мы будемъ держаться при опредѣленіи количества издѣлій, выдѣлываемыхъ каждой отдѣльной группой кустарей извѣстнаго промысла, при нормировкѣ всего заработка кустаря за извѣстный періодъ времени, при опредѣленіи степени его имущественной зажиточности. Приступая къ опредѣленію степени продуктивности труда кустарей, мы наталкиваемся на такого рода факты: количество издѣлій, выдѣлываемыхъ каждымъ кустаремъ извѣстной группы и извѣстнаго промысла, оказывается неодинаковымъ. Какъ считаться съ подобными фактами? Для насъ важнѣе всего опредѣленіе среднихъ данныхъ, опредѣленіе средняго количества

*) См. Этногр. Обозр. X.

издѣлій, выдѣлываемыхъ какой нибудь отдѣльной промысловой группой. Уклоненія въ ту или другую сторону отъ среднихъ данныхъ возможны и неизбѣжны. Они находятся въ зависимости отъ состава семьи кустаря, числа членовъ, способныхъ къ работѣ, количества засѣваемаго хлѣба и др. условій. Итакъ, продолжая дальше, постараемся узнать, какова продуктивность труда кустаря *первой категоріи*.

Въ продолженіе 2—3 мѣсяцевъ эти кустари производятъ до 30—40 пудовъ *веревочныхъ* издѣлій. „Домашность правишь, съ полусотокъ выробишь". Такимъ образомъ за среднюю норму вырабатываемыхъ кустарями первой категоріи издѣлій можно принять 50 пудовъ. При средней рыночной цѣнѣ на веревочныя издѣлія по 3 р. 25 к. за пудъ, производительность кустаря первой категоріи выразиться въ размѣрѣ 162 р. 50 к. съ орудіями производства. На издержки производства при покупкѣ сырья на наличныя и въ кредитъ израсходуется до 100—105 руб. Для того, чтобы выдѣлать продуктовъ на 162 р. 50 к., кустарь долженъ купить не 50 пудовъ матеріала, а 54, такъ какъ 4 слишкомъ пуда выходитъ на „кострику". Прибавивъ къ стоимости издержекъ производства стоимость 4 пуд. кострики, получимъ 108—113 р. 80 к. на расходъ. Вычтя послѣднее изъ 162 р. 50 к. получимъ *54 р. 50 к.—48 р. 70 к. чистаго заработка* у кустаря-веревочника первой категоріи. Что же касается до продуктивности труда многосемейныхъ кустарей-веревочниковъ, то послѣдніе выдѣлываютъ больше по количеству издѣлій немногосемейныхъ. Въ какомъ размѣрѣ увеличивается продуктивность труда этихъ многосемейныхъ кустарей сравнительно съ первыми, трудно сказать на основаніи немногихъ данныхъ. При опредѣленіи разницы продуктивности труда тѣхъ и другихъ мы подмѣтили слѣдующаго рода явленіе: съ увеличеніемъ трудовыхъ, способныхъ къ работѣ силъ семьи расширяется производство. Изъ этихъ многосемейныхъ кустарей при благопріятныхъ условіяхъ формируются полукапиталисты.

Крупное производство веревочныхъ издѣлій сосредоточено на заводахъ. Такихъ заводовъ въ Ишимскомъ округѣ 4: въ д. Игнатьевой, въ д. Боровой по одному въ каждой, и 2 въ с. Ново-Травномъ. Работы ведутся при посредствѣ 3—4 на-

емныхъ рабочихъ. Заводы работаютъ отъ ярмарки до ярмарки, производя отъ 300 до 500 пуд. веревочныхъ издѣлій, при цѣнности производства отъ 1000 до 2000 руб.

Кустари *пимокаты* 1-й категоріи выкатываютъ до 100 паръ пимовъ; на веденіе производства требуется отъ 75 до 90 руб. оборотнаго капитала (на каждую пару идетъ 6 ф. шерсти, а на 100 паръ 15 пуд., слѣдовательно, считая по 5—6 руб. за пудъ, и получится 75—90 руб.). Часть оборотнаго капитала въ видѣ сырья пріобрѣтается въ кредитъ, другая—изъ собственныхъ сбереженій кустарей за вычетомъ стоимости матеріала. Кустарь пимокатъ въ 1—1$^1/_2$ мѣсяца работы выручаетъ чистаго дохода при рыночныхъ цѣнахъ въ 1 р. 20—90 коп. за пару—отъ 30 до 15 рублей. Кустари первой категоріи, производители *сѣделокъ*, выдѣлываютъ послѣднихъ до 100 штукъ. Продуктивность труда этихъ кустарей при рыночныхъ цѣнахъ на сѣделки въ 50—80 коп. выразится 35 рублями.

Въ числѣ кустарей первой категоріи мы не встрѣчаемъ кустарей, занимающихся *лѣснымъ промысломъ*, какъ то: производителей пряслицъ, ситъ, корытъ, лопатъ, мочала, рогожъ и попонъ. Отсутствіе этихъ производителей въ группѣ кустарей первой категоріи объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что разъ только занятіе земледѣліемъ обезпечиваетъ мало-мальски крестьянъ, не подвергаетъ ихъ хронической голодовкѣ, они ради приращенія домашняго дохода неохотно принимаются за промыслы, сопряженные съ большими трудностями и лишеніями, съ большимъ ущербомъ для всего остальнаго хозяйства. Гдѣ ужъ тутъ думать крестьянину о приращеніяхъ домашнихъ доходовъ, къ тому же еще подъ-часъ гадательныхъ и непрочныхъ, неосновательныхъ? „Лучше ужъ такъ какъ-нибудь перебиваться на своей пашнѣ“, а въ случаѣ какихъ нибудь непредвидѣнныхъ недохватокъ по хозяйству, въ случаѣ неуравновѣшиванія приходовъ съ расходами, куда повыгоднѣе хотя бы разводить скотъ, ловить звѣря и рыбу, стрѣлять птицу. Но разъ и этихъ подходящихъ занятій не имѣется въ наличности, разъ хлѣбопашество и скотоводство, въ виду неблагопріятныхъ мѣстныхъ условій, настолько невыгодны, что не въ состояніи обезпечить безбѣдное существованіе крестьянъ,—при такихъ неизбѣжныхъ условіяхъ послѣдніе

volens-nolens принимаются за вышеприведенные невыгодные промыслы—лишь бы не умереть съ голоду. Благосостоянiе такихъ крестьянъ незавидно. Къ такимъ мѣстностямъ, тормозящимъ развитiе сельскаго хозяйства съ одной стороны, а съ другой доставляющимъ мизерныя выгоды отъ занятiя кустарными промыслами, принадлежитъ Червышевская волость (Тюмен. округа), Каргалинская и Слабачиковская (Тарск. окр.), Гатапутовская (Ишимск. окр.) и др. Въ первой волости земельныхъ лѣсныхъ и др. угодiй приходится въ обрѣзъ, не хватаетъ для правильнаго веденiя хозяйства, притомъ почва малопроизводительна и истощена. Въ Гатапутовской волости земля плохая, бѣлая, „лудикъ", „2 раза пропашешь—и негодна", земли твердѣютъ и постепенно выпахиваются. Луговъ тоже нѣтъ; косятъ по кочкамъ и займищамъ. Лѣсу тоже нѣтъ, изъ котораго выдѣлываются кустарныя издѣлiя. Весь лѣсъ вырубленъ и уцѣлѣли только жалкiя рощицы на плетень и отопленiе избъ. За строевымъ лѣсомъ приходится ѣздить въ степь, за нѣсколько верстъ, подъ Тукутскую волость. Въ остальныхъ двухъ волостяхъ „земля состоитъ изъ бѣлика, песку, родитъ 2 хлѣба, но третiй не родитъ—ну и назмишь ее; у кого навозу нѣтъ—покупатъ, ничего не подѣлашь". Къ тому же еще и неурожаи, кои во всѣхъ 20 селенiяхъ Каргалинской волости, гдѣ занимаются корытнымъ, мочальнымъ, попоннымъ, производствами, изъ года въ годъ все больше и больше усиливаются, затѣмъ подати также даютъ себя чувствовать. Уже въ 1885 г. каргалинскiй крестьянинъ выплачивалъ податей и поборовъ на тяглую душу свыше 25 руб. Самое занятiе производствомъ берется, что называется, съ бою: за лыкомъ приходится ѣздить за 30—40 верстъ, такъ какъ не у всѣхъ дачи по близости деревень; болота, согры и утины пересѣкаютъ по всѣмъ направленiямъ дороги, дѣлаютъ ихъ непроходимыми. Утины, т. е. болота съ озерами въ срединѣ, тянутся на цѣлыя версты, а болотистыя займицы на 20—30 верстъ. Гдѣ есть поближе рѣчки, тамъ можно достать мочало и лѣтомъ, а то приходится лыко оставлять на мѣстѣ до зимы. Замерзнутъ раньше утины—кустарь и вывезетъ мочало вовремя; замерзнутъ позже—„не поспѣешь вывезти съ выгодой къ Ми-

хайлову дню, на Тюкалинскую ярмарку". Но и зимой эти займицы и утины не промерзаютъ хорошо: „на нихъ проваливаются кони скрозь ледъ, изрѣзываютъ ноги: поѣдешь, значитъ, для выгоды, а оно выйдетъ одинъ изъянъ; мѣста непроходимы, непроѣзжаемы, хлѣбъ приходится переносить на себѣ". Затѣмъ масса, цѣлыя тучи мошекъ, пауковъ и друг. насѣкомыхъ, съ одной стороны сильно вредятъ скоту, а съ другой и полямъ.

Кромѣ промысла мочальнаго, лубочнаго, попоннаго, гонки дегтя, въ этихъ волостяхъ не существуетъ никакихъ другихъ промысловъ. Вотъ почему крестьянинъ и обратилъ свое вниманіе на эти промыслы: „весь низъ этими промыслами и живетъ",—почему бы и ему, худосочному, обездоленному, не попытать счастья въ этомъ промыслѣ? Авось нелегкая вывезетъ. И во имя этой надежды на какое-то покрытое мракомъ неизвѣстности лучшее будущее, кустари-мочальники и другихъ лѣсныхъ производствъ примиряются съ своей судьбой, со всѣми тяжелыми, подчасъ непреодолимыми условіями производства, пока у нихъ есть свое собственное сырье, пока по близости есть колодцы, рѣчки, гдѣ можно мочить лубнякъ; но какъ только рѣчки начинаютъ высыхать, какъ только тамъ, гдѣ есть возможность копать колодцы, обрубили всѣ липняки и нѣтъ мочала и вообще сырья,—кустари, выбившись изъ силъ въ борьбѣ съ нуждой, бросаютъ насиженныя мѣста прежде, чѣмъ они попадутъ въ окончательную кабалу къ кулакамъ, и переселяются незамѣтно въ глубь Сибири. Изъ деревни Жуковой Каргал. волости, въ 1884—85 гг. выселились 8 семей въ Бійскій округъ.

Такіе кустари принадлежатъ ко второй категоріи, отчасти къ третьей. Производители мочала *второй категоріи* вымачиваютъ отъ 100 до 300 лубковъ. Заработокъ ихъ колеблется между 3 — 9 руб., въ случаѣ запродажи издѣлій на мѣстѣ, или въ размѣрѣ 4 — 12 руб. — на ярмаркѣ. Въ 1885 году стояли слѣдующія цѣны на лубъ и мочало: за плаху луба 10—15 к., пучекъ мочала—5 коп., сотня 4—5 руб. Попудно въ деревнѣ при заборѣ денегъ впередъ—15 коп. за пудъ, на Никольской ярмаркѣ 40—50 к; Производители корыть (2-й категоріи) только этимъ и живутъ. Увеличиваютъ или умень-

шаютъ производство, сообразуясь со степенью своей нужды, неурожайныхъ годинъ. „Нонѣшніе года нехлѣбные этимъ только и живемъ". Производители (2-й катег.) сѣделокъ выдѣлываютъ: отъ 20—50 сѣделокъ; заработокъ 11—27 руб. 50 коп. Производители (2-й катег.) попонъ выдѣлываютъ до 100 штукъ; заработокъ — отъ 3 до 5 руб. „Другой какой-нибудь десятокъ сплететъ да и несетъ богатому мужику раздобыть $^1/_2$ пудика хлѣба, а то и меньше". Производители рогожъ (2-й категоріи) читаютъ норму за 40 рогожъ; заработокъ 12—16 руб. Производительность кустарей веревочныхъ издѣлій (2-й катег.) на половину меньше производительности труда кустарей первой категоріи.

Въ числѣ кустарей-веревочниковъ *3-й категоріи* мы не встрѣчаемъ сибирскихъ крестьянъ. Въ роли кустарей-ремесленниковъ, работающихъ въ мастерскихъ кулаковъ, фигурируютъ исключительно посельщики, получающіе до 3 руб. въ мѣсяцъ на готовыхъ харчахъ. То же самое слѣдуетъ сказать и о пимокатахъ и рогожникахъ 3-й категоріи. Первые получаютъ 2 руб., послѣдніе—3 руб въ мѣсяцъ.

Въ гор. Ишимѣ пимокатство приняло капиталистическую форму. Оно сосредоточено въ рукахъ самоходовъ Костромской губ., какъ мы упоминали раньше. Въ деревняхъ кустари-пимокаты переходятъ изъ дома въ домъ, изъ избы въ избу, предлагая свой трудъ. Они работаютъ на готовомъ хозяйскомъ сырьѣ (какъ и кустари-сапожники изъ ссыльныхъ) и при готовыхъ харчахъ. Такіе кустари пользуются большимъ благосостояніемъ сравнительно съ кустарями-ремесленниками, работающими на заводахъ у кулаковъ. Они вполнѣ располагаютъ своей свободой, пользуются большей самостоятельностью и въ годы урожайные успѣваютъ въ зимніе мѣсяцы зарабатывать десятокъ - другой рублей.

Производительность труда выдѣлывателей пряслицъ очень низка. Этотъ промыселъ не въ состояніи обезпечить крестьянъ въ продолженіе цѣлаго круглаго года, а потому кустари занимаются имъ только осенью; въ остальное время года они нанимаются на сельскія работы къ кулаку, на котораго они работаютъ и пряслицы. Выдѣлываютъ до 100 пряслицъ. Заработотокъ отъ 1 р. 50 к. до 3 р.; при вольной продажѣ—отъ

3 до 6 р. При производствѣ луба и мочала, дневной заработокъ кустаря у кулаковъ 50 к., а при закабаленной системѣ труда—и 20—30 коп. При сохраненіи кое-какой самостоятельности кустарь не идетъ къ кулаку, а самъ занимается вымочкой лубка, и заработокъ его простирается при вымочкѣ 300—500 лубокъ до 9—15 руб.; при вольной продажѣ на ярмаркѣ—отъ 12 до 20 руб. Но такого заработка крайне недостаточно, чтобы прокормиться кустарю въ продолженіе 12 мѣсяцевъ. Поэтому кустари ищутъ еще другихъ заработковъ для покрытія своего дефицита. Такое совмѣстительство мало обезпечивающаго промысла съ другими сторонними занятіями возможно при исключительномъ условіи пользованія собственнымъ сырьемъ. А разъ сырья нѣтъ — промыселъ забрасываетъся.

Прослѣдить, какъ великъ заработокъ женщинъ, занимающихся выдѣлкой рукавицъ, опоясокъ, вожжей, чрезвычайно трудно, такъ какъ матеріалъ для выдѣлки этихъ издѣлій вырабатывается постепенно, подвергаясь цѣлому ряду метаморфозъ, требующихъ не мало труда, поглощающихъ не мало времени. Всякому извѣстно, какъ дорого цѣнятся время и трудъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Крестьяне стараются по возможности утилизировать каждую свободную минуту, всякій незначительный трудъ, надѣясь этимъ уравновѣсить, облегчить общую тяготу семьи. Если бы эти женскія занятія существовали отдѣльно, не въ связи съ веденіемъ домашняго хозяйства, и велись бы самостоятельно, поглощая все свободное время производительницъ, то они ни въ какомъ случаѣ не въ состояніи были бы оправдать потраченнаго на нихъ труда и работы. При домашнемъ хозяйствѣ эти занятія проходятъ незамѣтно, не наносятъ ущерба семьѣ. Конечно, и выгодъ особенныхъ отъ нихъ нельзя ожидать. Деньги, выручаемыя отъ продажи женскихъ издѣлій, поступаютъ исключительно въ пользу производительницъ. Этими промыслами занимаются молодыя женщины, дѣвушки и старухи.

Итакъ, мы видимъ, что изъ всѣхъ перечисленныхъ нами категорій кустарей, кустари первой категоріи живутъ въ достаткѣ, пользуются благосостояніемъ, не стѣснены кредитомъ, не угнетаются скупщиками. Сельское хозяйство у

нихъ ведется исправно, засѣвается по нѣскольку десятинъ хлѣба. Кустари второй категоріи сравнительно мало обезпечены, всегда пребываютъ въ нуждѣ, въ постоянномъ отыскиваніи средствъ прокормленія. Производствомъ занимаются временно въ моменты сельскохозяйственныхъ кризисовъ учащающихся изъ года въ годъ все больше и больше. Хозяйство ихъ разстроено. Засѣваютъ хлѣба отъ 2 до 5 десятинъ, рогатаго скота на дворъ приходится отъ 2 до 10 штукъ, рабочаго скота отъ 1 до 5. Овцы не у всѣхъ имѣются: нечѣмъ кормить, сѣна мало, въ сѣнокосныхъ угодьяхъ стѣсненіе. Рогатый скотъ служитъ нѣкоторымъ образомъ вспомогательнымъ резервомъ во время наступленія нужды. Онъ либо обмѣнивается, продается для пріобрѣтенія необходимыхъ предметовъ потребленія, либо уходитъ на уплату податей, а въ случаѣ эпизоотіи (которая чередуется съ голодными, неурожайными годами) этотъ рессурсъ дѣлается всецѣло жертвой этого несчастія. Количество рабочаго скота сокращается до minimum'а опять таки вслѣдствіе невозможности прокормить его на покупномъ сѣнѣ.

Если селеніе расположено на трактѣ, то рабочій скотъ по возможности сберегается въ прежнемъ составѣ. Ямщина является на выручку. Въ отношеніи пользованія кредитомъ кустари этой категоріи поставлены въ самыя невыгодныя условія, о чемъ мы поговоримъ ниже. Не смотря на всѣ невыгодныя стороны производства, на всю шаткость своего экономическаго положенія, кустари этой категоріи сравнительно съ кустарями послѣдней категоріи поставлены въ лучшія болѣе или менѣе условія. Они ведутъ сельское хозяйство, имѣютъ скотъ, живутъ въ просторныхъ избахъ, раздѣленныхъ сѣнками на собственно избу и хоромину — горницу. Ничего подобнаго не встрѣчается у кустарей послѣдней категоріи. Они влачатъ свое жалкое существованіе въ закопченныхъ, полуразвалившихся избушкахъ безъ двора. Вѣтеръ свободно разгуливаетъ вокругъ такихъ избушекъ, проникаетъ внутрь, леденитъ стѣны и потолокъ. Зимняя снѣжная вьюга заноситъ ихъ снѣгомъ, заваливаетъ снѣжными сугробами. Только по временамъ дымящіяся трубы напоминаютъ міру про существованіе обитателей этихъ жалкихъ жилищъ. У нихъ

нѣтъ ни кола, ни двора, ни единой головы скота, и только одна вѣрная пуделька, привязавшись къ своимъ хозяевамъ, даетъ знать о существованіи, поднимая въ долгія осеннія мрачныя ночи убійственный вой, не то напоминающій плачъ ребенка, не то отчаянные крики застигнутаго въ глухомъ переулкѣ толпой разбойниковъ одинокаго, запоздалаго путника. Но зимою пуделька большею частью сидитъ дома. Холодно, морозно натощакъ показываться на „улку". Да и въ избѣ не Богъ вѣсть какъ тепло. Изрѣдка выбѣгаетъ пуделька на улицу, лѣниво, съ опущенною внизъ головою, съ болтающимся по сторонамъ между тощими ногами пушистымъ хвостомъ, проплетется по деревнѣ, порыщетъ у сосѣдей, нѣтъ ли чего нибудь съѣстного, и снова съ такимъ же угнетеннымъ, пришибленнымъ видомъ возвращается назадъ къ своимъ хозяевамъ. И замѣчательнѣе всего то, что даже деревенскія собаки ея не трогаютъ, а завидѣвъ издалека, отходятъ въ сторону, чувствуя къ ней не то презрѣніе, не то невольное отвращеніе.... Незавидно положеніе и хозяина; къ нему не только кулакъ, но даже всякая мразь деревенская, въ видѣ посельщика-конокрада и др., чувствуетъ не меньшее презрѣніе. А между тѣмъ этотъ кулакъ недавно еще за грошъ скупилъ у несчастнаго весь хозяйственный инвентарь; этотъ самый конокрадъ, прозванный отчаяннымъ, недавно увелъ со двора послѣднюю коровенку съ худосочнымъ молокомъ, которымъ пробавлялись ребятишки.....

Перейдемъ теперь къ опредѣленію кредита, которымъ пользуются кустари. За неимѣніемъ кредитныхъ учрежденій въ селеніяхъ Тобольской губ., за полнымъ отсутствіемъ какихъ бы то ни было финансовыхъ учрежденій въ родѣ ссудосберегательныхъ деревенскихъ кассъ и пр., кустари вынуждены обращаться за денежными ссудами къ деревенскимъ кулакамъ и скупщикамъ.

Существуютъ двѣ формы пользованія кредитомъ: матеріаломъ и денежными ссудами. Съ первой формой пользованія кредитомъ связано пріобрѣтеніе орудій производства, со второй — преимущественно предметовъ потребленія, съѣстныхъ припасовъ. Тамъ, гдѣ кредитъ распространяется на пріобрѣтеніе всего требуемаго промысломъ количества орудій произ-

водства, тамъ онъ является въ самой стѣснительной формѣ. Если же онъ распространяется только на часть орудій производства, онъ менѣе обременителенъ, менѣе даетъ себя чувствовать. Въ этомъ отношеніи положеніе кустарей первой категоріи оказывается выгоднѣе сравнительно съ положеніемъ тѣхъ кустарей второй категоріи, которые не имѣютъ собственнаго сырья. Въ то время, когда первые берутъ въ кредитъ не все количество обрабатываемаго сырья, а только часть его (другую часть они пріобрѣтаютъ на сбереженныя деньги), послѣдніе вынуждены брать въ кредитъ сырье въ такомъ количествѣ, въ какомъ они въ состояніи его обработать. Кустари третьей категоріи, которымъ приходится пріобрѣтать въ долгъ не только орудія производства, но и предметы потребленія, въ отношеніи пользованія кредитомъ поставлены въ самыя тяжелыя условія. Въ концѣ концовъ такіе кустари попадаютъ въ полное распоряженіе кулаковъ, въ вынужденную кабалу. Мы не будемъ здѣсь касаться всѣхъ тѣхъ неуловимыхъ, подчасъ неизбѣжныхъ формъ народнаго кредита, къ которымъ прибѣгаетъ застигнутый въ расплохъ оголтѣлый кустарь. Безпощадная форма этого рода кредита нерѣдко отдаетъ человѣка живымъ на закланіе кулаку и др. народнымъ кредиторамъ, которые въ совершенствѣ, съ ненасытной жадностью пользуются предоставленнымъ имъ правомъ вымогательства. О размѣрахъ этого вымогательства можно легко судить по ниже приведеннымъ даннымъ. Такъ, производители пимовъ платятъ кулаку за пользованіе у нихъ трехмѣсячнымъ матеріальнымъ кредитомъ 25% со стоимости сырья, производители веревочныхъ издѣлій —45% годовыхъ, производители попонъ—66% въ 1½—2 мѣсяца, а въ годъ среднимъ числомъ 462%, производители пряслицъ 50% въ 1—1½ мѣсяца, а въ годъ 500%, производители мочалъ въ 3—4 мѣсяца—166%, а въ годъ 576%, рогожники въ 1 мѣсяцъ—34, 7%, а въ годъ 416, 4%, производители кульковъ въ 6 мѣс. 140%, въ годъ 230%. Сравнивая между собою эти цифровыя данныя, выраженныя въ процентахъ, мы прійдемъ къ слѣдующимъ выводамъ: кустари менѣе выгодныхъ производствъ (выдѣлка попонъ, пряслицъ и пр.) сравнительно съ кустарями болѣе выгодныхъ производствъ (пимокатное, веревочное, рогожное, кульковое) выплачиваютъ наиболь-

шій процентъ за пользованіе кредитомъ. Если бы кустарямъ пришлось въ продолженіе цѣлаго года заниматься этими маловыгодными кустарными промыслами, то вся ихъ дѣятельность, вся ихъ трудовая энергія должны бы были израсходоваться на погашеніе чудовищныхъ процентовъ, на выплачиваніе кредита, оставивъ всякое попеченіе о своихъ животахъ, объ удовлетвореніи самыхъ насущныхъ и необходимыхъ потребностей жизни. Кустарь сибирскій, конечно, не настолько глупъ, чтобы не понимать всю безвыходность такого отчаяннаго положенія. Поэтому онъ и старается по возможности меньше, въ досужное отъ другихъ занятій время, предаваться этимъ промысламъ. Въ этомъ отчасти кроется его спасеніе. Нѣтъ худа безъ добра, хотя бы это добро было жалкимъ, мизернымъ.

Интересно теперь вычислить, сколько % теряетъ производитель-кустарь на всей цѣнности производства и какая доля его чистаго дохода поступаетъ въ пользу кулака и скупщика. Кустарь-веревочникъ первой категоріи при производствѣ 50 пудовъ веревочныхъ издѣлій и стоимости послѣнихъ въ 108 руб. теряетъ на всей стоимости производства 4,59% общей суммы и *9,17%* чистаго дохода. Кустари-пимокаты при выдѣлкѣ 100 паръ пимовъ и стоимости производства въ 75 руб., теряютъ на цѣнности производства *17%* изъ общей суммы и *44%* съ всего чистаго дохода. Производители мочала при вымочкѣ 100—300 лубковъ теряютъ на всей стоимости производства *25%*; производители рогожъ (2 катег.) *25%*, производители пряслицъ—*50%* съ чистаго дохода, производители попонъ—*40%* съ чистаго дохода. Такимъ образомъ мы снова видимъ, что чѣмъ ниже стоитъ производство, чѣмъ оно представляетъ меньше выгодъ для производителя, тѣмъ больше жертвъ несетъ послѣдній въ пользу кредиторовъ, тѣмъ осязательнѣе, тяжелѣе отзывается этотъ кредитъ на кредитующихся, тѣмъ ниже прибыль отъ предпріятія, тѣмъ мизернѣе заработокъ, тѣмъ не прочнѣе благосостояніе такихъ кустарей, тѣмъ безграничнѣе зависимость послѣднихъ отъ всевозможныхъ скупщиковъ и кулаковъ. Эта хищная орава, пользуясь безвыходнымъ положеніемъ кустарей, опутываетъ послѣднихъ всевозможными непосильными обязательствами, не зная никакихъ предѣловъ своей возмутительной эксплоатаціи. Кро-

мѣ выколачиванія чудовищныхъ процентовъ у кустарей за пользованіе кредитомъ, кромѣ пониженія цѣнности кустарныхъ произведеній у закабаленныхъ производителей, кредиторы отнимаютъ у послѣднихъ скотъ въ случаѣ несвоевременной уплаты ссуды, неоправдываемой стоимостью кустарныхъ издѣлій, отнимаютъ душевые надѣлы, сѣнокосъ и пахоты, отнимаютъ избу и хозяйственный инвентарь у неисправныхъ должниковъ. Отправляясь въ степь къ киргизамъ для закупки скота, кредиторы по дорогѣ заѣзжаютъ къ своимъ должникамъ и пользуются у послѣднихъ даровымъ помѣщеніемъ и продовольствіемъ для себя и для своихъ коней, окружены вниманіемъ и ухаживаніемъ за своей персоной членами закабаленной семьи, усердно угощаются штофомъ—другимъ водки „изъ чести, изъ уваженія". Кулакъ царитъ надъ всѣмъ деревенскимъ міромъ, надъ всей крестьянской общиной. По временамъ противъ него раздаются протестующіе голоса угнетаемыхъ, вырываются глухіе стоны изъ надорванной крестьянской души, взывающей къ защитѣ и помощи, но снова все умолкаетъ, стихаетъ притиснутое желѣзной рукой безпощаднаго. Все погружается снова въ тяжелую трудовую жизнь, въ заботы пріискиванія себѣ насущнаго хлѣба. Лучшіе деревенскіе люди, подъ вліяніемъ индифферентнаго отношенія большинства къ общественнымъ интересамъ, перестаютъ посѣщать мірскіе сходы, возвышать свой протестующій голосъ противъ мірской неправды, противъ безцеремоннаго расхищенія мірского достоянія. И безъ того сѣренькія тѣни деревенской жизни сгущаются все интенсивнѣе и переходятъ въ сплошныя мрачныя облака, угрожающія громомъ и молніей всему деревенскому міру. Гдѣ и отъ кого искать послѣднему спасенія? Кто обезпечитъ за кустаремъ право на его трудъ и на безпрепятственное пользованіе всѣми продуктами этого труда?

Какъ на спасительное средство для кустарей, указывали на развитіе между послѣдними производства на артельныхъ началахъ, на поддержу кустарей интеллигенціей, на открытіе дешеваго кредита и пр.. Хотя здѣсь и не существуетъ кустарнаго производства на артельныхъ началахъ, на началахъ кооперативнаго раздѣленія труда и взаимопомощи меж-

ду представителями какой нибудь одной отрасли кустарнаго производства, но въ примитивной формѣ эти кооперативныя начала взаимопомощи и строгаго распредѣленія труда можно встрѣтить въ ограниченной, замкнутой сферѣ семьи и того производства, которое ведется на семейныхъ началахъ, путемъ точнаго распредѣленія работы и труда между всѣми членами, входящими въ составъ той или другой семьи. Дальнѣйшее развитіе этой, существующей въ краѣ, примитивной формы кустарнаго производства встрѣчаетъ сильное препятствіе какъ со стороны самихъ кустарей, такъ и со стороны нѣкоторыхъ отраслей производства, не допускающихъ по чисто хозяйственнымъ разсчетамъ веденія дѣла на артельныхъ началахъ, какъ напр., скупка сырья оптомъ въ виду не выгодности самаго производства (производство лыка, мочала, и пр., которое съ постепеннымъ истощеніемъ собственнаго матеріала и съ наложеніемъ высокихъ пошлинъ, незамѣтно падаетъ съ каждымъ годомъ), гигіеническая обстановка нѣкоторыхъ производствъ (веревочное, телѣжное, санное), не требующихъ устройства большихъ мастерскихъ, и отсутствіе всякихъ матеріальныхъ выгодъ при устройствѣ вышеупомянутыхъ мастерскихъ. Но угнетенное положеніе кустаря, постоянная зависимость послѣдняго отъ скупщиковъ и кулаковъ, должны были бы, повидимому, сплотить кустарей между собою, заставить ихъ бороться съ безпощадной эксплоатаціей, которой они подвергаются со стороны угнетателей народнаго труда. Въ настоящій моментъ тобольскій кустарь не способенъ на такую борьбу; онъ въ вѣчной погонѣ за кускомъ хлѣба, добываемаго непосильнымъ трудомъ, не имѣетъ достаточно досуга для того, чтобы вдуматься въ свое положеніе, пріискать такое средство, которое бы могло улучшить его положеніе. Онъ до того напуганъ, сбитъ съ толку нахлынувшей на него откуда-то бѣдой, что даже самыя обыденныя явленія жизни кажутся ему загадочными, туманными и непонятными. Онъ во всемъ окружающемъ видитъ присутствіе какой-то таинственной, неразгаданной сверхъестественной силы, двигаемой слѣпымъ рокомъ. Онъ страшится этой таинственной силы, робѣетъ, дрожитъ при одномъ воспоминаніи о тѣхъ безчеловѣчныхъ погромахъ, которыми усѣянъ его

кровавый путь. Онъ опасается за самого себя, за свое собственное благосостояніе. Онъ становится скрытнымъ, суевѣрнымъ, раздражительнымъ. Онъ видитъ повсюду козни къ захвату и того куска черстваго хлѣба, который стоитъ ему столькихъ усилій и труда. Онъ со страшнымъ озлобленіемъ ухватывается за отнимаемый у него путемъ насилія и подвоховъ трудовой кусокъ хлѣба и еще сильнѣе налегаетъ на свое промысловое занятіе, видя въ немъ единственное спасеніе для себя. Общинныя чувства, общинный духъ, общинные интересы, при постепенномъ ослабленіи связи кустаря съ землей, незамѣтно стушевываются. Въ постоянныхъ неудачахъ, вызываемыхъ падежами, неурожаями и другими народными бѣдствіями, въ постоянной борьбѣ съ ухудшающимися условіями своего общежитія, тобольскій кустарь въ концѣ концовъ теряетъ всякое довѣріе къ себѣ, къ своимъ собственнымъ силамъ, къ своей трудовой энергіи и предается отчаянію. Исходнымъ пунктомъ всего пережитаго кустаремъ служитъ озлобленіе противъ всѣхъ,—противъ сосѣдей, начальства, собственной семьи, противъ себя самого. Такой озлобленный кустарь не въ состояніи постигнуть смысла и значенія артели, значенія кооперативнаго производства на началахъ взаимопомощи и личной гарантіи.

Для оказанія помощи тобольскому кустарю, для гарантированія его личности отъ всевозможныхъ кулаковъ и скупщиковъ, для веденія производства на болѣе раціональныхъ началахъ, остается обратиться къ сибирской интеллигенціи, которая ближе стоитъ къ народу, чѣмъ интеллигенція остальной Россіи, и которая не разъ заявляла свои симпатіи, свою привязанность къ народу, и путемъ печати и живого слова стойко отстаиваетъ права послѣдняго. Хотя сибирская интеллигенція немногочисленна, но несомнѣнно съ открытіемъ сибирскаго университета и другими реформами ряды ея пополнятся новыми свѣжими силами, которыя должны будутъ вывести тобольскаго кустаря изъ угнетающихъ условій общежитія. Безъ оказанія помощи кустарю со стороны интеллигенціи, онъ не въ состояніи будетъ выдержать борьбы съ неблагопріятно сложившимися и все ухудшающимися условіями своего быта, потеряетъ окончательно свою само-

стоятельность и вынужденъ будетъ поступить въ батраки къ кустарю-ремесленнику и къ кустарю-богатырю, ведущимъ производства на капиталистическихъ началахъ.

Итакъ, для спасенія кустаря необходимо предпринять слѣдующее: открыть для кустарей дешевый кредитъ, который можетъ способствовать разрыву обязательныхъ, вынужденныхъ отношеній производителей ко всевозможнымъ хищникамъ народнаго труда; выдавать долгосрочныя безпроцентныя ссуды кустарямъ-профессіоналистамъ, которыя освободятъ послѣднихъ отъ вѣчной кабалы и закрѣпощенности у разныхъ скупщиковъ и кулаковъ, поставятъ этотъ типъ кустарей на ноги, дадутъ имъ возможность вести самостоятельно производство съ большей выгодой для производителей, соединятъ этихъ производителей въ артели и кооперативныя товарищества. Открытіе крестьянскихъ банковъ и сельскихъ ссудосберегательныхъ кассъ исключительно для мелкихъ семейныхъ кустарей и бобылей, основаніе профессіональныхъ и другихъ образовательныхъ школъ улучшатъ технику производства, пробудятъ въ кустаряхъ артельныя чувства и стремленія, чувство взаимной солидарности интересовъ и построятъ все производство на общенародныхъ началахъ, сообразно народнымъ нуждамъ и требованіямъ, сообразно заинтересованности кустарей въ дѣлѣ предпріятія. Самое усовершенствованіе техники производства должно сообразоваться съ общенародными началами послѣдняго, должно быть такъ направлено, чтобы вмѣстѣ съ улучшеніемъ продуктовъ производства послѣдовало и ихъ удешевленіе. Крестьянину, почти исключительно потребителю кустарныхъ произведеній, нужны не предметы изящества, а предметы первой необходимости, отличающіеся прочностью, добротой и къ тому же еще дешевизной. При позднѣйшей выработкѣ эстетическихъ вкусовъ и увеличенія потребностей у сибирскихъ крестьянъ, когда рапредѣленіе цѣнностей и другихъ благъ жизни взаимно уравновѣсятся между всѣми слоями общества, можно будетъ позаботиться и объ усовершенствованіи техники производства по законамъ эстетики и о выработкѣ художественныхъ изящныхъ издѣлій. Удешевленныя формы кредита, открытіе профессіональныхъ школъ для распро-

страненія техническихъ свѣдѣній среди кустарей, открытіе музеевъ, гдѣ бы кустари имѣли возможность знакомиться по моделямъ и образцамъ съ новѣйшими техническими усовершенствованіями, способствующими облегченію самого процесса производства и сбереженію досуга и трудовой энергіи, открытіе бюро и другихъ складочныхъ мѣстъ для облегченія непосредственныхъ сношеній между производителями и потребителями безъ вмѣшательства посредниковъ, для охраненія кустаря отъ всѣхъ случайностей рынка и непостоянства спроса и предложенія, — всѣ эти мѣры поставятъ мелкую промышленность на болѣе прочную почву, обезпечатъ ея положеніе и облегчатъ такимъ образомъ борьбу мелкой кустарной промышленности съ ея врагами, съ крупнымъ фабрикантомъ и заводчикомъ и съ оперившимся кулакомъ и скупщикомъ. При этомъ невольно возникаетъ вопросъ, кто изъ указанныхъ двухъ враговъ опаснѣе, кто изъ нихъ возбуждаетъ больше тревогъ и боязни, негодованія, проклятій, затаенныхъ и явныхъ протестовъ? Первый врагъ, въ лицѣ московскихъ фабрикантовъ и заводчиковъ, наводняющихъ Сибирь своими фабрикатами, при болѣе раціональной организаціи кустарной промышленности, при насажденіи общественной формы на мѣстѣ существующей, при улучшеніи условій землепользованія, не такъ страшенъ на самомъ дѣлѣ, какъ это кажется на первый взглядъ, и легко можетъ быть преодолимъ. Даже въ настоящее время при всѣхъ невыгодныхъ условіяхъ существованія мелкой кустарной промышленности, сравнительно съ крупной, произведенія первой хотя и въ ограниченной сферѣ существованія нѣкоторыхъ производствъ успѣшно конкурируютъ съ послѣдними на сибирскомъ рынкѣ. Сибирскій кустарь, не получившій ни общаго, ни техническаго образованія, незнакомый съ позднѣйшими техническими усовершенствованіями, единственно путемъ своего природнаго ума, своей пытливости, изворотливости и находчивости, путемъ продолжительнаго опыта и личнаго творческаго направленія своихъ силъ и способностей достигъ большого успѣха при выдѣлкѣ нѣкоторыхъ кустарныхъ произведеній. Эти послѣднія, фигурируя на промышленныхъ выставкахъ, поражали своею простотой, изящностью отдѣлки и прочностью. Конкурренція изящно отдѣланныхъ

мѣстныхъ кустарныхъ произведеній съ привозными, фабричными не только въ предѣлахъ Сибири, но и въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Европ. Россіи, не подлежитъ сомнѣнію. Кому неизвѣстны изящные тюменскіе ковры и коврики, вытѣснившіе изъ сибирскаго рынка фабричные и успѣшно конкуррирующіе съ послѣдними въ приволжскихъ губерніяхъ? Кому неизвѣстны тобольскія полотна, которыя въ одной только Тобольской губ. расходятся въ количествѣ 2,000,000 аршинъ, вытѣсняя изъ мѣстнаго рынка привозныя? Кто не видалъ и не наслышался про изящные, прочные тюменскіе сундуки, сани и телѣжки и разную мебель, спросъ на которые съ каждымъ годомъ увеличивается въ Россіи, про деревянную посуду изъ Курганскаго округа (ложки, миски и проч.), про тюменскія кошовки и плетенки, про добротныя шатровскія (изъ Ялуторовскаго округа) дубленыя черныя шубы и полушубки, про мѣховыя пальто и дохи, которыми торгуютъ въ любомъ мѣховомъ магазинѣ въ Екатеринбургѣ, Перми и др. городахъ Европ. Россіи. Наконецъ, даже такія кустарныя произведенія, какъ выдѣланныя кожи, пимы, рогожи, кульки, сита, сѣделки, не менѣе успѣшно конкуррируютъ съ привозными изъ Россіи, хотя въ то же самое время нужно замѣтить, что въ Тобольской губ. нѣкоторыя отрасли кустарной промышленности обставлены настолько плохо, что ихъ произведенія и по сіе время не въ состояніи конкуррировать съ привозными; таковы, напр., выдѣлка дугъ, колесъ, веревочныхъ издѣлій, гонка дегтя и пр.

Итакъ, мы видимъ, что кустарная промышленность земледѣльческой Сибири въ состояніи даже и теперь тягаться, конкуррировать съ крупными заводско-фабричными промышленными центрами Европ. Россіи, не смотря на то, что шансы борьбы крайне неодинаковы, неравномѣрны, что крупные фабричные центры пользуются всѣми выгодными условіями производства, какъ то: капиталомъ, машинами, паромъ и высокими покровительственными тарифами. И чѣмъ прочнѣе основется, окрѣпнетъ мелкая кустарная промышленность, чѣмъ скорѣе эта послѣдняя разовьется на народныхъ началахъ общественной формы труда, тѣмъ она успѣшнѣе будетъ конкуррировать съ иноземной крупной промышленностью.

Борьба съ внутреннимъ врагомъ представляется болѣе серьезной и болѣе рискованной для тобольской кустарной промышленности. Благопріятный исходъ этой борьбы зависитъ оттого, въ какую сторону будетъ направлена правительственная и частная иниціатива въ дѣлѣ развитія возрождающейся сибирской промышленности, въ сторону-ли мелкаго кустарнаго производства, или крупнаго капиталистическаго. Насколько поощреніе первой желательно и необходимо, имѣя въ виду общенародные интересы, настолько поощреніе и задабриваніе второго пагубно для молодого края. Насколько передъ первымъ развертывается широкое поле развитія общественной самодѣятельности, настолько второе представляетъ мало шансовъ на прочное обоснованіе свое въ Сибири. Здѣсь въ сущности нѣтъ перехода отъ капиталистическихъ формъ предпріятія къ строго-капиталистическимъ, отъ мелкой капитализированной промышленности къ крупной фабричной, гдѣ-бы главными двигателями и орудіями производства являлись паръ и машины вмѣсто рукъ и первобытныхъ орудій. Возникновеніе 5—10 фабрикъ и винокурень съ паровыми двигателями на всемъ пространствѣ Тобольской губ. мало говоритъ въ пользу насажденія у насъ крупной промышленности. Подобныя капиталистическія затѣи, очень часто при самомъ началѣ своего возникновенія оканчивающіяся полной неудачей, скорѣе могутъ быть подведены подъ разрядъ полукапиталистическихъ предпріятій. Крупный капиталъ, примѣняемый нѣкоторое время къ развитію и насажденію въ Сибири крупнаго землевладѣнія и фермерскаго хозяйства, потерпѣлъ полное пораженіе въ Тобольской губ. и съ позоромъ принужденъ былъ бѣжать съ поля битвы. Такимъ образомъ насажденіе крупной земельной собственности не нашло для себя подходящей почвы въ Сибири и отложено на неопредѣленное время. Сфера дѣятельности мелкаго капитала распространяется не на всѣ области общественнаго труда, а только на такія, которыя представляютъ больше выгодъ и барышей, меньше риску и опасности. Дѣйствуя въ деревнѣ, селѣ, этотъ мелкій капиталъ является въ самой угнетающей формѣ. Какимъ образомъ возникъ онъ на такой болѣе или менѣе здоровой экономической почвѣ,какъ Сибирь? Путемъ неограниченнаго эксплоа-

тированія поселенческаго труда, путемъ мелкаго ростовщичества, грабежей, убійствъ на постоялыхъ дворахъ и на сибирскомъ трактѣ, путемъ вымогательствъ и другихъ кровавыхъ преступленій, совершаемыхъ безнаказанно среди бѣлаго дня. Въ любомъ сибирскомъ городишкѣ или селеніи вамъ по пальцамъ перечтутъ преступную дѣятельность всѣхъ мѣстныхъ богачей, которые путемъ убійства останавливающихся у нихъ во время ярмарки пріѣзжихъ купцовъ нажили себѣ капиталы; вамъ разскажутъ про когда-то простыхъ ямщиковъ, достигшихъ цѣлымъ рядомъ преступленій (ограбленіемъ и умерщвленіемъ путешественниковъ, ограбленіемъ почты и обозовъ и проч.) въ самое короткое время высокаго благосостоянія. Отъ всѣхъ этихъ разсказовъ о сибирскомъ капиталистѣ у васъ становятся волосы дыбомъ, не хватаетъ словъ и выраженій для заклеймленія преступной дѣятельности этихъ лицъ, нерѣдко пользующихся тѣмъ не менѣе уваженіемъ со стороны мѣстнаго общества и довѣріемъ со стороны мѣстной администраціи.

Наступила пора упорной и настоятельной борьбы съ этимъ злѣйшимъ врагомъ народнаго благосостоянія и труда, и въ этой борьбѣ должны соединиться административныя и общественныя силы для того, чтобы былъ какой нибудь успѣхъ. Взявъ на себя иниціативу въ дѣлѣ насажденія въ Сибири мелкой промышленности, взамѣнъ крупной, правительство должно приступить къ этому дѣлу одновременно съ устройствомъ поземельныхъ отношеній между тобольскими крестьянами. Отношенія эти за послѣднее десятилѣтіе крайне обострились, въ особенности въ самыхъ густонаселенныхъ округахъ Тобольской губ., какъ то: въ Ишимскомъ, Курганскомъ, Тюменскомъ, Ялуторовскомъ и отчасти Тюкалинскомъ. Вслѣдствіе усилившейся путаницы въ земельныхъ отношеніяхъ *), условія землепользованія въ вышеназванныхъ округахъ становятся съ каждымъ годомъ все болѣе обременительными, отражаясь самымъ тяжелымъ образомъ на благосостояніи крестьянъ и вызывая въ концѣ концовъ эмиграцію въ глубь Сибири... Такъ какъ земледѣліе и кустарный промыселъ находятся въ неразрывной связи между собою, во взаимномъ

*) См. «Аграрный вопросъ въ Ишимскомъ округѣ», *Н. Д.* «Сибирь» за 1885 г.

соподчиненіи другъ другу, такъ какъ только путемъ комбинированія обоихъ занятій тобольскій кустарь въ состояніи вести самостоятельно производство съ большой выгодой для себя и для потребителя, съ большимъ удешевленіемъ продуктовъ и доступности вслѣдствіе этой дешевизны послѣднихъ для большинства, то вопросъ объ урегулированіи земельныхъ отношеній между тобольскими крестьянами является своевременнымъ и не терпящимъ отлагательства, въ противномъ случаѣ и всѣ вышеприведенныя благія мѣропріятія, направленныя къ укрѣпленію мелкой промышленности въ краѣ, какъ то: усовершенствованіе техники производства, открытіе профессіональныхъ школъ и музеевъ, открытіе дешеваго кредита и проч., могутъ послужить лишь въ пользу процвѣтанія производства у крупныхъ предпринимателей-хозяевъ.

Н. Д—и.

Изъ этнографическихъ наблюденій

въ Рѣчицкомъ уѣз. Минской г.

Лѣтомъ нынѣшняго 1891 года мнѣ пришлось провести два мѣсяца въ Рѣчицкомъ уѣздѣ Минской губ., около мѣстечка Лоевъ, лежащаго на правомъ берегу Днѣпра верстахъ въ 200 выше Кіева. Эта часть Рѣчицкаго уѣзда составляетъ юговосточный уголъ Минской губ. и отдѣляется лишь Днѣпромъ отъ Гомельскаго уѣзда Могилевской губ.; почти противъ Лоева впадаетъ въ Днѣпръ р. Сожъ, служащая границей Могилевской и Черниговской губ. (Городненскій уѣздъ).

Мѣстность довольно богата лѣсомъ, фабрикъ и заводовъ почти совершенно нѣтъ, желѣзная дорога (Полѣсская) проходитъ на Рѣчицу въ 50 верстахъ отъ Лоева и на Гомель въ 90 верстномъ разстояніи. Нѣкоторое оживленіе вносится большимъ почтовымъ „шляхомъ", идущимъ по берегу Днѣпра изъ Рѣчицы черезъ Лоевъ.

Кустарные промыслы тамъ не развиты совершенно; населеніе кромѣ земледѣлія занимается рубкой лѣса и вывозомъ дровъ; чуть ли не единственный отхожій промыселъ—сплавъ плотовъ по Днѣпру до Кіева, Екатеринослава или до Херсона, но изъ окрестныхъ деревень лишь незначительная часть уходитъ на плоты.

Ходячія представленія о типѣ бѣлорусскаго крестьянина рисуютъ намъ его неказистымъ, малорослымъ, обязательно бѣлокурымъ, одѣтымъ во все бѣлое, тщедушнымъ и придавленнымъ тяжелой жизнью въ болотистомъ, бѣдномъ краю. Мои личныя впечатлѣнія были не таковы. Я увидалъ бѣлорусса крѣпкаго сложенія, хотя худощавымъ—за все время я не ви-

Больница.

Изба.

далъ ни одного толстаго человѣка—скорѣе темноволосымъ, чѣмъ бѣлокурымъ, нерѣдко смуглымъ, съ пріятнымъ выраженіемъ и правильными чертами лица. Правда, много бѣлаго въ его одеждѣ, но онъ носитъ много и цвѣтного, и толпа на „ярмалкѣ“ или въ праздникъ у церкви представляетъ веселый, пестрый видъ; по крайней мѣрѣ послѣ этой толпы меня не поразила яркостью костюмовъ толпа малороссійскихъ „дивчатъ“, которую я увидалъ вскорѣ подъ Кіевомъ: красокъ было побольше, но характеръ тотъ же. Но главное, я не замѣтилъ и слѣда угнетенности, забитости. Манера держать себя и говорить, дѣйствительно, отличалась отъ великорусской своей медленностью, сдержанностью, но въ ней видѣлась скорѣе степенная важность, я бы сказалъ, задумчивость, не лишенная достоинства. Выразительныя физіономіи встрѣчаются очень часто, а среди женщинъ и дѣтей много прямо красивыхъ лицъ; особенно выгодно отличаетъ ихъ отъ великорусса напр. подмосковнаго, бо́льшая правильность носа.

Хотя описываемая мѣстность не бойкая и населеніе довольно крѣпко сидитъ на землѣ, но городское вліяніе, разумѣется, сказывается: самоваръ и керосиновая лампа еще не завоевали прочной позиціи въ хатѣ, но на вечерницахъ „журавель“ уже борется съ полькой и кадрилью „въ двѣ, четыре и пять паръ“. Впрочемъ, что касается обрядовъ и пѣсенъ, то древній складъ народнаго творчества еще не вполнѣ стертъ. Пѣсни еще составляютъ календарный циклъ, и связь съ обрядомъ не исчезла; есть пѣсни, не пріуроченныя къ извѣстной порѣ,—тѣ поются, когда угодно, но не запоютъ лѣтомъ колядку или зимой купальскую.

Что касается обрядовъ, то я самъ видѣлъ только прыганье черезъ огонь на Ивана Купалу въ дер. Передѣлка. Это происходило такъ. Вечеромъ на широкій шляхъ (дорогу) пришли съ пѣснями дѣвчата и молодыя бабы, да изрядное количество ребятъ-подростковъ — хлопцевъ было мало. Зажигали кучи соломы и прыгали черезъ нихъ поодиночкѣ, или выхватывали горящіе пучки и бросались съ ними въ толпу, которая съ визгомъ разбѣгалась; больше всѣхъ дѣйствовали ребята; многіе не прыгали вовсе. Дѣвчата, собрав-

шись въ кружекъ, спѣли нѣсколько купальскихъ пѣсенъ и съ пѣснями разошлись по домамъ. Весь обрядъ производилъ впечатлѣніе игры, забавы, которая не всѣхъ даже оживляла. Нынѣшнимъ лѣтомъ Передѣльская Купала была еще, говорятъ, оживленнѣе, чѣмъ прошлые года; этому, вѣроятно, содѣйствовало нововведеніе, внесенное повидимому хлопцами съ помѣщичьяго фольварка: на верхушку огромнаго шеста водружались на крестъ два зажженные снопа, шестъ поднимали вертикально, несли на дѣвчатъ и предоставляли ему падать на толпу; раздавался отчаянный визгъ, и при свѣтѣ костровъ сверкали босыя ноги, улепетывая отъ 10-аршиннаго шеста. Я назвалъ это нововведеніемъ со словъ тамошнихъ обитателей усадьбы, утверждавшихъ, что прежде этого не бывало, но въ этой своеобразной шуткѣ или игрѣ, можетъ быть, мелькаютъ черты дрѐвняго обряда. Я сопоставляю съ приведенной подробностью обрядъ празднованія Купалы въ Витебской губ., разсказанный Шейномъ въ его Бѣлорусскихъ пѣсняхъ 1874 г. Въ Лепельскомъ уѣздѣ, говорится на стр. 437, парни надѣваютъ на длинные шесты осмоленныя колеса, зажигаютъ и, высоко держа ихъ на плечахъ, открываютъ шествіе; когда придутъ на избранное мѣсто, то шесты съ горящими колесами втыкаются въ землю.

Затѣмъ мнѣ удалось собрать свѣдѣнія объ одномъ весеннемъ обычаѣ. Въ дер. Крупейки на Благовѣщенье днемъ дѣвчата собираются на бугоръ въ концѣ деревенской улицы и поютъ три пѣсни, сопровождаемыя играми. Первая пѣсня называется „*Старецъ*“. Играющія образуютъ „корогодъ“, въ рединѣ становится одна дѣвушка. Хоръ поетъ:

Я на старца наскачусь, наплечусь, нарумянюся!
Охъ, старецъ, лихъ-лихомарецъ!
Ой, лихъ, невеликъ, я лихъ дома сидѣть.
Богу мо́лицца, Спасу кло́нницца,
А мнѣ молодешенькѣ не хочецца.
Хотѣлось молодешенькѣ еще погулять
Честно, хорошо, хорошохонько.

Тутъ дѣвушка, находящаяся въ рединѣ, спрашиваетъ: „А далеко старецъ?“ Хоръ отвѣчаетъ ей, называя деревню. Тог-

да опять поется: „Я на старца...“ и пр. — до новаго вопроса: „А далеко старецъ?“

Эта игра въ болѣе полномъ видѣ разсказана въ I вып. Бѣлорусскаго Сборника Романова. Въ подгородной слободѣ г. Гомеля въ Бѣлицѣ на первый вопросъ дѣвушки хоръ говоритъ, что старецъ „ще въ Кіеви“, и при каждомъ слѣдующемъ вопросѣ называетъ деревни, росположенныя по дорогѣ отъ Кіева къ Гомелю. Въ послѣдній разъ отвѣчаютъ, что старецъ „а вонъ уже на той вулицы“. Тогда является дѣвушка, наряженная старикомъ. Корогодъ замолкаетъ, дѣвушка, съ увлеченіемъ плясавшая въ срединѣ, останавливается, какъ вкопанная. Старикъ вступаетъ въ кругъ и ведетъ строгія рѣчи къ женѣ. Дѣло кончается тѣмъ, что старецъ съ палкой бросается за ней, но ему подставляютъ ногу, и онъ падаетъ. Пѣсня эта помѣщена г. Романовымъ въ числѣ хороводныхъ безъ обозначенія времени, когда она поется. Собиратель высказывается за старообрядческое происхожденіе пѣсни; основываясь на томъ, что въ одномъ варіантѣ старецъ изображается уѣхавшимъ „въ Скитокъ городокъ“, онъ видитъ въ пѣснѣ протестъ молодой женщины противъ монотонной жизни въ скиту. Можетъ быть, это и такъ, но я боюсь недоразумѣнія: на шоссе изъ Чернигова въ Гомель есть деревня *Скитокъ*—не объ этомъ ли Скиткѣ шла рѣчь въ варіантѣ? Правда, старообрядцы есть въ порядочномъ количествѣ между Гомелемъ и Черниговымъ (Добрянка), правда, что пѣсня могла быть занесена за 90 верстъ черезъ Днѣпръ—неполный видъ игры въ дер. Крупейкахъ какъ будто говоритъ за то, – но все это не объясняетъ, почему она попала въ число трехъ пѣсенъ, пріуроченныхъ къ весеннему празднику. Въ III томѣ Матеріаловъ Чубинскаго въ числѣ веснянокъ есть нѣсколько, отдаленно напоминающихъ „Старца“ не словами пѣсни, а лишь общимъ характеромъ игры; тамъ игры называются „Чоловикъ та жинка“ или „Жена та мужъ“ и состоятъ въ томъ, что „чоловикъ“ съ палкой гонитъ жену домой, а она не хочетъ; хоръ поетъ и его рѣчи, и отвѣты „жинки“.

Вторая благовѣщенская игра въ дер. Крупейкахъ называется „*Шума*“. Въ срединѣ хоровода втыкается въ землю шестикъ, на верхушкѣ котораго укрѣпленъ пукъ соломы. Дѣвушка са-

дится къ шестику и „скепочкой“ подцѣпляетъ и закручиваетъ солому, дѣлая видъ, что прядетъ куделю; хороводъ, взявшись за руки, поетъ, то смыкая кругъ и приближаясь къ прядущей, то раздвигаясь далеко:

Ой, нуте, нуте я ў Шуму гуляти,
Я ў шуму гуляти, Шуму заплетати.
Ой, заплету лѣсъ—на дѣвочекъ бѣсъ,
На хлопчиковъ роста, на дѣвокъ короста,
Штобъ дѣвчата не гуляли, на себѣ коросту драли.

Когда хороводъ придвинется близко, сидящая на землѣ схватываетъ хворостину (тычку) и бьетъ ихъ по ногамъ; тѣ широко раздвигаются, спасаясь отъ ударовъ.

Этой игры и пѣсни я не нашелъ въ бывшихъ у меня бѣлорусскихъ сборникахъ. Изъ Матер. Чубинскаго (т. III, 160) видно, что въ Радомысльскомъ уѣздѣ (Кіевской губ.) поютъ весной такую пѣсню:

Ой, весна, весна! що намъ прынесла?
Дивкамъ зросту, хлопцямъ коросту,
Щобъ дивкы не гулялы, да кожолку прялы,
А хлопци не гулялы, на соби коросту дралы.

Эта пѣсня кромѣ сходства въ текстѣ заключаетъ въ себѣ намекъ на пряденіе, которое изображается наглядно въ крупейской игрѣ. Что касается первой половины нашей пѣсни и слова *шумъ*, которое по мнѣнію одного крупейца означаетъ *солому*, это разъясняется другой игрой, разсказанной у Чубинскаго (ibid. стр. 50). Въ Новоградволынскомъ и Полтавскомъ уѣздахъ и на Черноморьи весной играютъ въ *Шума*. Дѣвушки или становятся въ два ключа, или заплетаются плетнемъ въ двѣ линіи и поютъ:

Ой, нумо, нумо въ зеленого Шума!
А въ нашого Шума зеленая шуба.
Ой Шумъ ходыть по диброви,
А Шумыха рыбу ловыть.....

Или: Ой, нумо, нумо въ зеленого Шума!
Огиркы жовтякы, женитеся, парубкы,
Ось вамъ трясця, не дивкы!
Та выплела плетеныцю—на парубкивъ шибеныцю,
Та выплела лисъ, лисъ—на парубкивъ бисъ, бисъ!

Пѣсня кончается обращеніемъ дочери къ матери, съ просьбой выдать замужъ. Во время пѣсни по сплетеннымъ рукамъ играющихъ ходитъ мальчикъ лѣтъ шести, представляющій собой *Шума*, который ходитъ по диброви.

Наконецъ, третья пѣсня на Благовѣщенье въ дер. Крупейкахъ, которая всегда исполняется послѣдней, такова. Всѣ дѣвушки идутъ съ бугра вереницей вдоль улицы на другой конецъ деревни и поютъ:

Ой, пущу стрялу да по всемъ сялу.
(Припѣвъ:) *Охъ, и я лели*,—да по всемъ сялу.
Ой, лети, стряла, по конецъ сяла!
Ой, убій, стряла, добра молодца!
Ой, лежить тѣло, якъ бумага бѣло.
Ой, нихто къ тѣлу не приступится.
Приступилася одна Йвановна,
Ой, ўзяла тѣло да й на рученьки,
Понясла тѣло да й до церкоўки:
Сама церкоўка й отворилася,
Сами свѣчи да запалилися,
Сами книги да зачиталися.
Ой, сама я сѣла да лѣ тѣла бѣла,
Зъ мене молодои да слезки полили.
Ой сама я тѣло да на ручки ўзяла,
На ручки ўзяла, охъ, заплакала:
—Охъ ты; тѣло мое, тѣло,
Ой, зачимъ я лѣ тебе сѣла!....

Пѣсня не окончена; пѣвецъ забылъ окончаніе.

Придя съ этой пѣсней на другой конецъ деревни, дѣвушки опять составляютъ „корогодъ“ и пляшутъ подъ пѣніе. Вечеромъ въ этотъ день нанимается музыка и въ избравной хатѣ устраивается пирушка. Что касается послѣдней пѣсни, то я не нашелъ въ бывшихъ у меня подъ руками сборникахъ ничего подобнаго; лишь нѣсколько строкъ сначала воспроизводитъ одна веснянка въ Бѣлорусскомъ сборникѣ Романова (вып. I, стр. 267) въ такомъ видѣ:

Пущу стралу черазъ вулицу
Да въ недѣленьку, до поранейку.
Ты лети, страла, на конецъ села,

Ты не би, страла, ясна сокола,
Да уби, стряла, добра молодца!..

Дальше говорится, какъ по молодцѣ плачетъ мать, сестра и „жана молода". По общему содержанію крупейская пѣсня о стрѣлѣ несомнѣнно входитъ въ циклъ весеннихъ. Мотивъ погребенія и оплакиванья, какъ извѣстно, широко распространенъ у многихъ народовъ въ обрядахъ, связанныхъ съ переходомъ отъ зимы къ лѣту, начиная съ Діониса, кончая Мареной и Кострубонькой. Въ виду этого, можетъ быть, не будетъ слишкомъ смѣлымъ предположеніе, что въ нашей пѣснѣ о стрѣлѣ звучатъ смутные отголоски древняго весенняго обряда. Такимъ образомъ въ дер. Крупейкахъ Благовѣщенскій обрядъ своеобразно сложился изъ нѣсколькихъ весеннихъ мотивовъ. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось узнать, празднуется ли онъ въ такомъ видѣ въ другихъ деревняхъ.

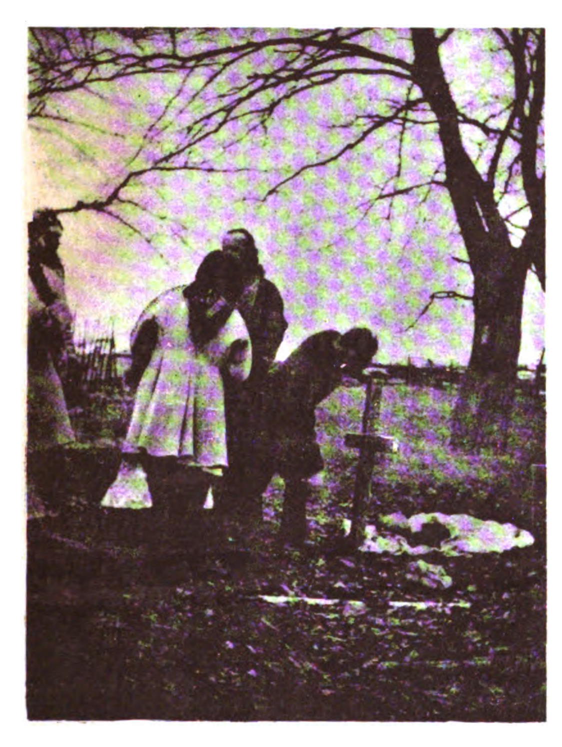
Что касается другихъ обрядовъ описываемой мѣстности, то мнѣ извѣстно лишь, что при окончаніи жатвы поютъ жнейскія пѣсни и, если жали у помѣщика, жницы приносятъ ему ржаной вѣнокъ. На святкахъ колядуютъ и ребята ходятъ со звѣздой.

Неполнота и случайность моихъ свѣдѣній въ этой области объясняется тѣмъ, что мое вниманіе вскорѣ по пріѣздѣ привлекли слѣпые нищіе—„старцы" съ ихъ духовными стихами, и знакомству съ ними я посвятилъ все свое свободное время, котораго было мало въ моемъ распоряженіи.

Первая моя встрѣча съ „старцàми" произошла такъ. Я поѣхалъ посмотрѣть на большую двухдневную ярмарку, которая бываетъ въ 10-ую пятницу у Днѣпра, верстахъ въ 8 ниже Лоева, около „каплицы" (часовни). Едва я слѣзъ съ экипажа и вмѣшался въ толпу, какъ мимо меня быстро прошли три слѣпца, предводимые мальчикомъ. Я инстинктивно бросился за ними, но старцы не шли, а бѣжали и уже далеко мелькали въ толпѣ ихъ холщевыя „торбы". Я догналъ ихъ только у шинка; они остановились за нѣсколько шаговъ до стойки и начали оживленно толковать о томъ, что не хватаетъ копѣйки, чтобы выпить по „крючку" на брата. Я предложилъ имъ спѣть. Затѣмъ я разыскалъ здѣсь-же другихъ слѣпцовъ: человѣкъ 15 ихъ сидѣло кучками недалеко отъ каплицы. Я подсѣлъ къ нимъ

Со звѣздой.

Лодочникъ.



Радоница.

Бѣлоруссъ.

ВЫСОЧ. УТВ. Т-ВО СКОРОПЕЧ. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ

и началъ записывать. На другой день я снова былъ на ярмаркѣ, но засталъ уже только одного. Онъ спѣлъ мнѣ нѣсколько духовныхъ стиховъ и сообщилъ, гдѣ живетъ другой „старецъ", котораго я наканунѣ запримѣтилъ, потому что онъ одинъ былъ съ музыкальнымъ инструментомъ — *лирой*, которую ниже я опишу подробнѣе. Въ теченіе лѣта я бывалъ нѣсколько разъ у нихъ обоихъ въ домѣ и отъ нихъ записалъ почти весь свой матеріалъ: 27 духовныхъ стиховъ и псальмъ и нѣсколько пѣсенъ. Тамъ видѣлъ я и другихъ слѣпцовъ и собралъ нѣсколько свѣдѣній о ихъ бытѣ.

Лира.

Въ мѣстечкѣ Лоевѣ и вокругъ него верстъ на 10—12 живетъ пять-шесть слѣпцовъ. Они не ведутъ бродячей жизни въ собственномъ смыслѣ слова. Всѣ они тамошніе крестьяне, живутъ по деревнямъ семьями, и я не могу назвать ихъ вполнѣ профессіональными нищими. Вотъ условія существованія тѣхъ двухъ, о которыхъ я говорилъ: оба семейные, имѣютъ дѣтей; у одного по случайнымъ обстоятельствамъ нѣтъ надѣльной земли и онъ владѣетъ лишь хатой и огородомъ, поэтому онъ живетъ довольно бѣдно и періодически отправляется за милостинкой въ ближнія деревни или въ базарные дни въ Лоевъ; лѣтомъ онъ ходилъ разъ въ недѣлю. Другой имѣетъ надѣлъ, пару воловъ, ведетъ хозяйство съ помощью матери и сестеръ, принанимая сосѣдей на отдѣльныя работы, а кое что дѣлаетъ и самъ; этотъ лѣтомъ не ходитъ по міру.

Ходятъ тамъ „старцы" по одиночкѣ или вдвоемъ; зимою тѣ, которые уходятъ изъ дому надолго и далеко, ѣздятъ на лошади. Но въ извѣстныхъ случаяхъ они соединяются вмѣстѣ. На ярмаркахъ, напр., они разбиваются на группы по 3—4 человѣка, повидимому, по предварительному уговору, такъ какъ поводырь въ такой группѣ иногда одинъ общій и деньги собираются въ одну чашку. На какихъ началахъ формируются эти группы, мнѣ не удалось узнать. Знаю только, что одинъ, болѣе опытный, ходитъ „за старшаго" и управляетъ совмѣстнымъ пѣніемъ—„пунтуетъ", какъ они говорятъ.

Любопытную форму организаціи представляетъ слѣдующій тамошній обычай, Всѣ старцы одной округи имѣютъ въ из-

вѣстномъ пунктѣ икону, которую считаютъ своею и въ честь которой справляютъ праздники. Всѣ вносятъ опредѣленную сумму, избираютъ себѣ „старосту“, который и устраиваетъ праздникъ. Староста получаетъ жалованье. Въ день праздника всѣ вкладчики собираются туда, гдѣ находится икона, служатъ обѣдню, а потомъ устраиваютъ „громáдскій“ обѣдъ. Вотъ подробности объ одной изъ такихъ иконъ. Слѣпцы того раіона, гдѣ я жилъ (по объясненіямъ выходило какъ будто, что раіонъ совпадаетъ съ Рѣчицкимъ уѣздомъ), почитаютъ икону въ с. Юрьевичахъ (верстахъ въ 40 отъ Лоева). Икона эта явленная; преданіе гласитъ, что она исцѣляла многихъ слѣпыхъ, и они въ благодарность за исцѣленіе начали собирать деньги и построили тотъ Юрьевичскій храмъ, въ которомъ теперь стоитъ икона. Когда это было, неизвѣстно, но съ давнихъ поръ рѣчицкіе „старцы́“, почитаютъ эту икону и жертвуютъ на храмъ, такъ что крестьяне выражаются, что храмъ этотъ—ихъ, старцóвъ. Вкладчики даютъ въ годъ по 3 р.; всѣхъ ихъ около 200 человѣкъ, такъ что сборъ доходитъ до 500 р. Деньги собираетъ староста, получающій 30 р. въ годъ жалованья. Въ Юрьевичахъ на томъ дворѣ, гдѣ живетъ священникъ, стоитъ хата, принадлежащая старцамъ и назначенная для ихъ собраній; въ ней не живетъ никто, только въ послѣдніе годы старцы стали отдавать ее на зиму внаймы, чтобы строеніе не портилось безъ ухода. Туда собираются вкладчики праздновать три раза въ годъ: на зимняго и вешняго Николу, и на Троицу,—это совпадаетъ съ престольными праздниками Юрьевичскаго храма. Когда соберутся, бываетъ перекличка и провѣрка взносовъ. Взносы записываются особымъ писаремъ; за отчетностью слѣдитъ, какъ мнѣ говорили, Лоевскій слѣдователь по просьбѣ слѣпцовъ. Послѣ обѣдни и молебна происходитъ „громадскій“ обѣдъ. Столы и скамьи и отчасти пищу доставляютъ Юрьевичскіе крестьяне, которыхъ „старцы“ за это угощаютъ водкой. Постоянной принадлежностью пира бываетъ *медъ*, приготовляемый самими слѣпцами такимъ образомъ: въ большой котелъ кладутъ соты, разбавляютъ водой и варятъ, потомъ сливаютъ въ боченокъ; пьютъ холоднымъ. Истребляется большое количество водки, и праздникъ длится нѣсколько

дней. Остатки отъ расходовъ жертвуются на церковь. Любопытно, что старцы даннаго раіона разсматриваютъ его, какъ свои владѣнія, и пускаютъ чужихъ ходить по міру, а особенно ѣздить на лошади въ свой раіонъ лишь на извѣстныхъ условіяхъ. Напр., нѣкоторые старцы изъ-за Днѣпра, могилевцы, даютъ вкладъ на Юрьевичскую икону, а рѣчицкіе слѣпцы въ свою очередь дѣлаютъ взносъ на икону могилевцевъ. Такая организація, скрѣпленная иконой и церковнымъ праздникомъ, съ вкладомъ, общимъ обѣдомъ и медомъ сыченымъ, живо напоминаетъ былинную братчину—Никольщину, ея „сынь" и „канунъ—пива ячныя".

Я не знаю въ литературѣ описанія такого обычая. Чубинскій въ III т. Матеріаловъ глухо говоритъ, что на „веснянаго Миколу въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣлаютъ заздравные обѣды, называемые *Никольщиною*", да Романовъ въ статьѣ „Очеркъ быта нищихъ Могилевской губ." (Этногр. Обозрѣніе, кн. VII) говоритъ кратко, что „существуетъ институтъ старѐцкихъ старостъ, избираемыхъ по одному, по два на уѣздъ, ихъ помощниковъ—сотскихъ и старѐцкихъ судей".

Изъ чего состоитъ поэтическій запасъ старцо́въ?

Былинный эпосъ въ той мѣстности, повидимому, совершенно неизвѣстенъ. Я разспрашивалъ, не поютъ ли о богатыряхъ, передавалъ содержаніе нѣсколькихъ былинъ,—слушали съ интересомъ и отвѣчали, что у нихъ не „пѣютъ" ни объ чемъ этакомъ (и объ „звѣряхъ"—прибавилъ одинъ).

Главный запасъ старцевъ состоитъ изъ духовныхъ стиховъ и псальмъ, на половину или вполнѣ лирическихъ, поздняго происхожденія съ рифмой и сложной разнообразной строфой, хотя польскій элементъ въ языкѣ записанныхъ мною псальмъ очень слабъ, почти отсутствуетъ. Изъ духовныхъ стиховъ я нашелъ тамъ слѣдующіе: 1) Егорія въ 290 стиховъ, 2) краткій стихъ о Егоріи, 3) Алисахвея Царевича, 4) Архистратига Михаила, 5) Алексѣя въ 280 стиховъ, 6) Лазаря въ 210 стиховъ, 7) Бориса и Хлѣба, 8) Василія (чудо съ Евладіемъ), 9) Варлаама и Асахвея, 10) Варвару, 11) Анопрія, 12) Іосифа, 13) Самарянку, 14) Сонъ Богородицы, 15) 12 пятницъ, 16) Пятенка (Трудився тружделикъ въ пустыни). Изъ 12 псальмъ большинство посвящено Страшному Суду

(есть одна эпическаго склада, неизвѣстная мнѣ въ печати), одна излагаетъ 10 Заповѣдей. Почти все это представляетъ варіанты къ изданнымъ уже стихамъ; нѣсколько особенно близкихъ къ моимъ стиховъ и псальмъ я нашелъ въ вышедшемъ на дняхъ 5 выпускѣ Бѣлорусскаго Сборника г. Романова *).

Повидимому, кое-что изъ поэтическаго запаса рѣчицкихъ старцовъ обязано или могло быть обязано своимъ просхожденіемъ современному печатному источнику. Въ двухъ деревняхъ, гдѣ жили старцы, я нашелъ грамотниковъ и видѣлъ ихъ книжки. Одинъ принесъ книжку, купленную въ прошломъ году у книгоноши на пароходѣ; первые листы были потеряны, а въ уцѣлѣвшей части находились „Сонъ Богородицы“ и „Сказаніе о 12 пятницахъ“; были и молитвы. Не знаю, когда и гдѣ была издана эта любопытная книжка, но, повидимому, въ самое послѣднее время на ея „отреченный“ характеръ обратила вниманіе духовная цензура. Лѣтомъ же мнѣ пришлось быть въ Кіевѣ. Я разыскивалъ „Сонъ Богородицы“ въ лавкахъ Печерской Лавры и Михайловскаго монастыря; въ одномъ мѣстѣ мнѣ сказали просто: „вся вышла“, а въ другомъ объявили, что эта книга запрещена, а вотъ не хочу ли я копѣечный листокъ: „Опроверженія на Сонъ Богородицы“. Въ другой деревнѣ у пожилого крестьянина, любителя книгъ, я нашелъ такое изданіе „Благоговѣйныя чувства души, стремящейся къ Богу или Духовныя псальмы, собранныя Кіево-Печерской Лавры іеромонахомъ блаженныя памяти Владиміромъ Мусатовымъ“. 1880, г. изд. 5-е. Типогр. Кіево-Печерской-Лавры. Тамъ я нашелъ одну псальму, которая въ это время была уже въ моихъ тетрадкахъ, записанная отъ слѣпца.

Кромѣ указанныхъ произведеній старцы поютъ акаѳисты святымъ, поминаютъ умершихъ по приглашенію. Что именно поется въ послѣднемъ случаѣ, мнѣ не пришлось слышать; при мнѣ на ярмаркѣ одинъ крестьянинъ, положивъ въ чашку старца̀ монету, просилъ помянуть за упокой нѣсколькихъ родственниковъ, назвавъ имена, но случайно заказъ остался

---

*) Выборки изъ записанныхъ авторомъ текстовъ имѣются въ виду для напечатанія въ «Трудахъ Этнографическаго Отдѣла». *Ред.*

невыполненнымъ. Когда я при первой встрѣчѣ со старцами попросилъ ихъ спѣть, они спѣли мнѣ пеструю смѣсь церковнаго характера. Тутъ были: тропари Богородицѣ, эктенія, священническіе возгласы, Отче нашъ и т. п. Прошенія эктеніи и возгласы произносилъ одинъ старшій, а хоръ пѣлъ „Господи помилуй“ и „Аминь“ такъ-же, какъ это бываетъ при богослуженіи.

Считаю нелишнимъ сообщить нѣсколько свѣдѣній о своихъ двухъ старцахъ.

1. *Романъ*, 45 лѣтъ, крестьянинъ дер. Сенской. Ослѣпъ въ раннемъ дѣтствѣ отъ болѣзни. Женатъ, имѣетъ взрослую дочь. Пѣть научился смолоду; учителемъ его былъ недавно умершій дѣдъ Матвѣй изъ Лоева. Память у Романа очень хорошая. Онъ разсказывалъ, что когда мальчикомъ жилъ въ ученьи у Матвѣя, то учитель бывалъ недоволенъ тѣмъ, что онъ очень быстро схватываетъ, и, собираясь пѣть новый стихъ, иногда выгонялъ его изъ хаты; но Роману достаточно было прослушать стихъ хоть черезъ дверь, чтобы запомнить. Дѣйствительно, онъ поетъ твердо, не сбиваясь и не пропуская; эпическія повторенія обыкновенно воспроизводитъ полно и тщательно. Среди окружныхъ слѣпцовъ пользуется уваженіемъ, на ярмаркахъ ходитъ за старшаго. Беретъ на выучку другихъ. Его ученикомъ былъ отчасти мой другой старецъ. Довольно угрюмъ и сердитъ. Живетъ довольно бѣдно (это у него нѣтъ земли) Къ новшествамъ, напримѣръ къ *лирѣ*, относится пренебрежительно.

2. *Арасъ Заброда*, 27 лѣтъ, изъ дер. Крупейки. Ослѣпъ съ трехъ лѣтъ. Семейный, живетъ съ матерью и сестрами. Ведетъ хозяйство домашнее и полевое, кое что дѣлаетъ самъ, такъ какъ слѣпъ не до полной темноты—различаетъ свѣтъ („мнѣ трошки болваните“, говоритъ онъ) Кромѣ того онъ очень ловокъ и смѣтливъ, и, глядя на его свободныя, увѣренныя движенія, забываешь, что онъ слѣпъ. Отправляется пѣть только по зимамъ (съ Покрова). Прежде, когда живъ былъ отецъ, Арасъ уходилъ надолго изъ дому, бывалъ въ Кіевѣ, въ Черниговѣ, въ Пинскѣ и др. мѣстахъ. Умѣетъ играть на скрипкѣ и отлично владѣетъ лирой; поэтому зимой его зовутъ на свадьбы, пирушки и вечерницы: онъ знаетъ много мірскихъ

пѣсенъ. На лирѣ играть учился въ Могилевской губ., а стихамъ у нѣсколькихъ старцовъ, между прочимъ у Романа. Обладаетъ прекрасной памятью и музыкальнымъ слухомъ. Къ своему дѣлу относится съ любовью; жалуется, что за послѣдніе три года, когда по смерти отца пришлось вести хозяйство, сталъ отставать отъ пѣнія — не до того. Способный, воспріимчивый, живого и веселаго характера, въ высшей степени скромный и деликатный, Арасъ совершенно не похожъ на нищаго, какъ-мы привыкли его себѣ представлять. Я встрѣчалъ въ его домѣ радушный пріемъ, видѣлъ, какъ онъ относится къ односельчанамъ, какъ держатъ себя они съ нимъ. Арасъ, очевидно, любимый человѣкъ въ деревнѣ. Отчужденности, замкнутости, озлобленности или жадности, этихъ общепризнанныхъ свойствъ слѣпыхъ нищихъ, въ немъ не было и слѣда. Я вообще долженъ замѣтить, что тѣ пятеро старцо́въ, которыхъ я видѣлъ, немного отличались въ этомъ смыслѣ отъ Араса. Они охотно говорили другъ о другѣ, ходили другъ къ другу въ гости. Арасъ, не смотря на свою молодость, пользуется почетомъ у своей братіи: онъ староста Юрьевичской иконы. Въ примѣръ его живого отношенія къ своему дѣлу приведу слѣдующій случай. Однажды я спросилъ, знаетъ-ли онъ стихъ о Голубиной книгѣ. Оказалось, нѣтъ, и не слыхивалъ. Я прочиталъ ему этотъ стихъ въ великорусской одеждѣ (изъ Русск. Хрест. Буслаева). Стихъ очень понравился Арасу; онъ взялъ съ меня слово, что я его спишу для него; онъ хотѣлъ выучить его при помощи своего грамотнаго сосѣда и подобрать къ нему музыку („я его на голосъ произведу"). Я исполнилъ обѣщаніе, но при перепискѣ намѣренно пропустилъ одну часть (рядъ вопросовъ: кое древо всѣмъ древамъ мати? и т. д.) При свиданіи, недѣли черезъ полторы, передаю ему списокъ. Онъ былъ очень доволенъ и тотчасъ же попросилъ прочитать вслухъ. Дѣло было въ его хатѣ, биткомъ набитой народомъ, какъ бывало всегда въ мой пріѣздъ. Выслушавъ, онъ сталъ меня укорять, что я навѣрно списалъ. „Тамъ все было", съ живостью обратился онъ къ слушателямъ: „якій лѣсъ всимъ лѣсамъ найстаршѣйшій и якая трава всимъ травамъ найстаршѣйшая". По его мнѣнію, я самое главное-то и пропустилъ.

Я доставилъ ему исправный списокъ. Нѣсколько времени спустя онъ зналъ стихъ напамять и сообщалъ мнѣ, что его нужно пѣть, „якъ Егорія пѣютъ". Тутъ именно онъ и пожаловался, на хозяйственныя заботы, которыя отвлекаютъ его отъ пѣнія.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ объ отношеніи населенія къ поэзіи старцо́въ. Въ праздникъ, когда я былъ свободенъ, я уѣзжалъ съ утра чаще всего къ Арасу (онъ жилъ верстъ за 12) и сидѣлъ у него часовъ 6. Обыкновенно хата быстро наполнялась народомъ, особенно когда черезъ окно начинали разноситься звуки Арасовой лиры. Конечно, мое присутствіе само по себѣ будило любопытство, но не ради только панича сходился весь этотъ народъ и сидѣлъ или стоялъ часа по 2, не выходя. Онъ не оставался безучастнымъ къ пѣнію. За стихомъ объ Лазарѣ поднимались горячіе толки о томъ, каково богатымъ на томъ свѣтѣ, и возраженія такого рода: „А ты думаешь, что если бѣденъ, такъ сейчасъ и пойдешь въ рай?" Я видѣлъ, какъ жалобная рекрутская пѣсня заставляла плакать молодую солдатку, а юмористическая пѣсня про Кисель или про Тещухну вызывала дружный хохотъ всѣхъ, не исключая меня, и не менѣе юмористическія вставныя замѣчанія со стороны публики, или самого пѣвца, который ухитрялся между строкой бросить словцо... Однимъ словомъ, Арасъ своимъ пѣніемъ и лирой удовлетворялъ разнообразнымъ духовнымъ потребностямъ своихъ односельчанъ, и зачѣмъ иногда народъ собирается въ Арасову хату, это очень удачно выразила одна живая и умная крестьянка, пани Антоновна, которая разъ, войдя, заявила, что пришла послушать, „якія исторіи будете сказывать: може и мы въ свои головы болваньскія будемъ понимать что-нибудь лоучѣйшее".

А. Е. Грузинскій.

Примѣч. Пѣніе слѣпцовъ, какъ я упоминалъ неоднократно, сопровождается иногда игрой на *лирѣ*. Одинъ изъ моихъ слѣпцовъ, Арасъ, искусно владѣлъ этимъ инструментомъ и пѣлъ подъ него нетолько духовные стихи, но и мірскія пѣсни. Вотъ устройство лиры. Корпусъ ея представляетъ собою деревянный ящикъ, по формѣ приближающійся къ скрипкѣ, но больше ея, вдвое глубже и безъ грифа. На немъ натянуты

три жильныхъ струны, двѣ толстыхъ, а третья (средняя) вдвое тоньше. Звучатъ онѣ отъ тренія деревяннаго круга, который приводится въ движеніе придѣланною справа рукояткою. Кругъ помѣщенъ внутри корпуса близъ задней (правой) его части, и только меньшая половина его выступаетъ надъ ящикомъ въ прорѣзѣ. Двѣ крайнія струны звучатъ, не мѣняя тона, и даютъ постоянную гармонію, а мелодія выдѣлывается на средней струнѣ. Для этого она пропущена внутрь длиннаго и узкаго ящичка, прикрѣпленнаго сверху вдоль корпуса (на 1 рисункѣ крышка ящика открыта), тогда какъ двѣ крайнія струны протянуты по сторонамъ ящичка снаружи. Поперекъ ящичка, въ прорѣзахъ, вдѣланы 10—12 деревянныхъ клавишей, имѣющихъ на себѣ внутри ящичка по язычку. Если снаружи прижать клавишъ, вдвигая его глубже въ прорѣзъ внутрь ящичка, то онъ цѣпляетъ язычкомъ среднюю струну, и высота звука ея измѣняется; кромѣ того язычки на клавишахъ могутъ повертываться вправо или влѣво по желанію, и этимъ достигается перемѣна строя лиры приблизительно въ предѣлахъ полутона. Для большей чистоты и мягкости звука, струны обматываются слегка хлопкомъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ прилегаютъ къ кругу; кругъ натирается канифолью, которая тутъ же хранится въ особомъ ящичкѣ, въ лѣвомъ концѣ лиры, гдѣ и завертки струнъ. Для предохраненія натертаго круга отъ дождя и проч. онъ закрывается сверху лубкомъ. Строй лиры такой: самая толстая струна—основная; средняя даетъ къ ней октаву, а третья квинту. Лира носится на ремнѣ черезъ плечо. При игрѣ она кладется на колѣни такъ, чтобы клавиши наружной, болѣе толстой своей стороною были наклонены книзу и послѣ прижатія свободно отпадали назадъ. Правая рука вертитъ рукоятку, а лѣвая лежитъ поперекъ верхняго ящичка, такъ что пальцы свободно касаются клавишей. Звукъ лиры тянущійся и заунывный.

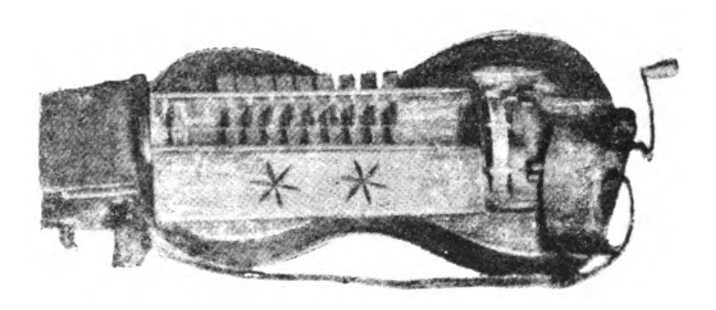
Приложенные къ статьѣ отдѣльные рисунки (фотолитогр.) всѣ относятся къ имѣнію Сутково, Рѣчицкаго у. Минской губ. Фотографіи сняты въ нынѣшнемъ году.

А. Г.

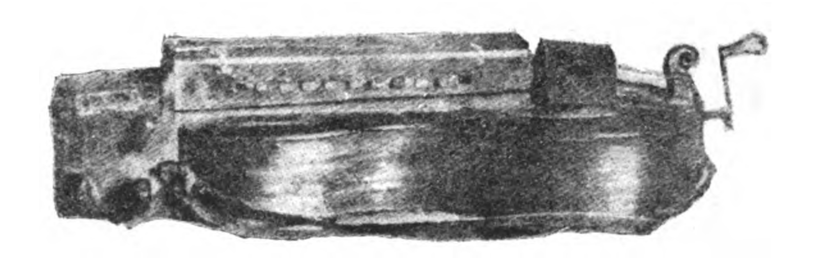
---

*) Повидимому лира занесена въ Бѣлоруссію съ юга, изъ-за Днѣпра. О лирѣ см. журн. *Wisła* (1888), т. II, стр. 435 (съ рис.). Прилагаемые здѣсь рисунки лиры сдѣланы по фотографіи съ привезеннаго авторомъ экземпляра, находящагося теперь въ Дашковскомъ Этногр. Музеѣ. Рисунки большей величины равняются приблизительно 1/8 натуральной велич. *Ред.*

Къ стр. 155—156.



1. Лира сверху (открытая).



2. Лира сбоку (закрытая).

Изъ быта срочныхъ арестантовъ.

Нѣсколько разъ я намѣревался прослѣдить бытъ и внутреннюю жизнь срочно-заключенныхъ въ Екатеринбургскомъ тюремномъ замкѣ. Съ большими затрудненіями и усиліями, я наконецъ собралъ нижеизложенные матеріалы, пользуясь главнымъ образомъ свѣдѣніями, полученными отъ самихъ заключенныхъ. Я излагаю просто, безъ всякихъ выдумокъ то, что совершается на самомъ дѣлѣ. Можетъ быть, это натолкнетъ нашихъ изслѣдователей народнаго быта глубже и ближе всмотрѣться въ жизнь заключенныхъ вообще, а это со временемъ можетъ скорѣе привести къ желательнымъ реформамъ въ этой области.

Едва новичекъ переступилъ тюремный порогъ, и по запискѣ въ конторѣ является за рѣшетку внутренняго двора, какъ его уже подкарауливаютъ «стрѣлки», десятники-арестанты, высматривая свою добычу, въ чемъ онъ одѣтъ и сколько можно будетъ сбить съ него за «парашку» (номерную кадку). Имъ стоитъ только узнать, откуда онъ и кто такой, и цѣна ему будетъ тотчасъ же опредѣлена. Ждутъ только, пока онъ окончательно приметъ видъ арестанта и въ соотвѣтственномъ костюмѣ появится передъ ними. Костюмъ арестанта составляетъ старая хламида сѣраго сукна (на первыхъ порахъ новичку не даютъ новаго, а рвань), а именно халатъ или бушлакъ (короткое пальто), такія же шаровары и шапка-блинъ; если даютъ халатъ, то бушлака не даютъ. Одѣвшись въ арестантское платье и едва успѣвъ выйти изъ цейхгауза, новичекъ тотчасъ же попадаетъ въ руки подкарауливавшихъ его доселѣ десятниковъ-арестантовъ, которые тащатъ его каждый въ свою камеру, и если онъ немного состоятельный, то часто случается, что изъ-за такого происходитъ споръ, не-

рѣдко драка, а то камерные старосты и десятники кидаютъ между собою жребій, въ которомъ номерѣ ему быть, такъ какъ тутъ для нихъ предвидится доходная статья за «парашку».

Тяжело новичку на первыхъ порахъ, разставшись съ семьею и кругомъ родныхъ, очутиться лицомъ къ лицу съ разными грабителями, разбойниками въ кандалахъ, Иванами Непомнящими и т. п. отбросами и подонками общества, развращенными нравственно и религіозно. Онъ моментально втаскивается въ одинъ изъ номеровъ тюрьмы, гдѣ снова обступаетъ его толпа доселѣ мало виданныхъ, или вовсе невиданныхъ имъ субъектовъ, забрасывающихъ его всевозможными вопросами съ прибавой всевозможныхъ непозволительныхъ словъ и выраженій и обязательно требующихъ отчета, много-ли принесъ за «парашку», причемъ нерѣдко награждаютъ пощечиной. У новичка захватываетъ дыханіе, въ глазахъ темнѣетъ и путаются мысли, а тутъ надо отвѣчать каждому; новичекъ заразъ становится глухимъ, тупымъ и забитымъ существомъ. Звяканье кандаловъ дополняетъ всю эту мрачную картину, наводящую ужасъ на несчастнаго новичка, безъ того уже напуганнаго и разстроеннаго. Хорошо еще, если онъ успѣлъ заранѣе разузнать тюремные термины и порядки, въ такомъ случаѣ онъ, можетъ быть, тайно отъ начальства, пронесетъ гдѣ-либо зашитыми или запрятанными нѣсколько рублей или копѣекъ, и тогда онъ можетъ назвать себя счастливчикомъ. Въ противномъ случаѣ его ожидаетъ плохая развязка: его таскаютъ изъ угла въ уголъ, какъ какого-нибудь мышонка; тотъ кричитъ: „нашъ“, другой—„нашъ“, третій хватаетъ за волосы, четвертый—за ногу, пятый—за руку и т. д.. Вечеромъ же его ожидаютъ форменные побои, причиняющіе не только синяки, но нерѣдко и болѣзнь. Но онъ долженъ крѣпиться и не страшиться ни „молотья муки“, ни „похоронъ бабушки“, ни другихъ тому подобныхъ развлеченій—пытокъ, которыя его еще несомнѣнно ожидаютъ.

Теперь, покуда онъ еще неопытенъ въ тюремномъ дѣлѣ и не знаетъ, что такое „волынка“ (буйство, драка) и т. п., то съ него требуютъ за „парашку“ отъ 2 до 10 руб., смотря по состоянію; если же въ наличности всего нѣтъ, то новичекъ проситъ у родныхъ при свиданіи, или же пишетъ домой письмо и требуетъ денегъ какъ будто на чай, сахаръ и пр., потому что письма

идутъ черезъ прокурорскій надзоръ, прямо выдавать тайну—нельзя. Кромѣ того, съ тою же цѣлью десятники и старосты камеръ отбираютъ квитанціи на положенныя въ тюремной конторѣ деньги, и на эти деньги выписываютъ отъ имени хозяина квитанціи разные дозволенные предметы, которые и получаютъ безпрепятственно. Наконецъ, съ новичка снимаютъ пимы и сапоги, смотря по времени года, и продаютъ другимъ, а его обуваютъ въ тюремные лапти. Смотрителю рѣдко приходится все это знать, а если онъ и провѣдаетъ случайно, то за всѣ эти насильства тюремные обиралы подвергаются лишь односуточному сидѣнію въ карцерѣ; въ рѣдкихъ случаяхъ отбираются и возвращаются вещи, потому что для нихъ находится всегда укромное мѣсто. Если и отберутъ вещи, то это не бѣда,—за „парашку" десятники все-таки свое возьмутъ; а не возьмутъ, такъ забьютъ. Если ужъ взять съ новичка положительно нечего, то онъ обязательно исполняетъ безвозмездно втеченіе цѣлаго мѣсяца всѣ обязанности за десятника, т. е. всю черную работу: таскаетъ „парашку", носитъ дрова, мететъ и моетъ полы и проч.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній небезъинтересно будетъ остановиться на тѣхъ „невинныхъ" забавахъ, которыми арестанты коротаютъ свое время, потѣшаясь опять-таки болѣе всего надъ новичками. Эти забавы происходятъ поздно вечеромъ послѣ повѣрки, и отъ нихъ жутко приходится всякому новичку, а между тѣмъ никто изъ нихъ не можетъ быть постороннимъ зрителемъ, но обязательно проходитъ весь курсъ этихъ искусовъ. Эти шалости производятся всегда такъ, чтобы не знало про нихъ начальство. Надзиратели же никогда не донесутъ по одному тому, что и сами они находятся въ опасности отъ арестантовъ и въ нѣкоторой зависимости отъ нихъ. Если же идетъ на то время начальство, то нарочито поставленный у дверей камеры караульный арестантъ даетъ знать условными терминами: „стрема" или „26-ть"—и все стихаетъ, какъ ни въ чемъ не бывало,

1. Присяга.—Всѣ арестанты усаживаются по парамъ, одного изъ нихъ покрываютъ одѣяломъ вмѣсто „ризы"; это—„попъ". Старые требуютъ дачи присяги новичку. Мнимый „попъ" беретъ крестъ (настоящій!) и становится на срединѣ камеры близъ иконы; всѣ прочіе шеренгой около него. Каждому подходящему изъ старыхъ повязываютъ полотенцемъ глаза и подводятъ ихъ по-очередно

для цѣлованія креста. Каждый присягаетъ: на вѣрность тюрьмѣ, ея жителямъ; клянется не выдавать тайны, друзей и враговъ; все это обязуется хранить отъ „духовъ“ (надзирателей), и въ заключеніе клятвы подвергаетъ себя всѣмъ испытаніямъ, какія только будутъ ему придуманы, и отвѣчаетъ собственными боками. Старые подходятъ и цѣлуютъ крестъ по-очередно; новые, видя это, легко попадаютъ въ обманъ, впрочемъ „супорствовать“ и безполезно: новичку завязываютъ глаза и ведутъ къ присягѣ, заставляя цѣловать, но только вмѣсто креста одинъ изъ арестантовъ подставляютъ ему голую часть тѣла.

2. *Шитье халата.*—Новичка кладутъ на полъ, подъ предлогомъ шить ему халатъ или чинить данный ему, какъ старый, изорванный; на руки его налегаютъ и держатъ нѣсколько человѣкъ, покрываютъ его сверху халатомъ и дѣлаютъ видъ что шьютъ, а потомъ начинаютъ „утюжить“. Арестантъ, который представляетъ собою утюгъ, садится новичку на лицо и ползаетъ голымъ тѣломъ, а тѣмъ временемъ на лицо новичка подливаютъ воды. Вырваться ему нѣтъ никакой возможности.

3. *Похороны бабушки.*—Одинъ изъ арестантовъ кричитъ, что у него „ужъ третій день какъ померла баушка, да такая сырая, что ужъ отъ нея пахнетъ гнильемъ“. Остальные требуютъ похоронъ. На полъ камеры стелютъ халатъ или одѣяло, кладутъ подушку и укладываютъ вверхъ лицомъ одного изъ сильныхъ арестантовъ; на лобъ (темя) кладутъ ему родъ „вѣнчика“—бумажку, раскидываютъ широко его руки и ноги. Всѣ стоятъ вокругъ импровизированной „баушки“. Одинъ представляетъ изъ себя „попа“, другой — „дьякона“, причемъ первый держитъ книгу, а второй вмѣсто кадила—лапоть; дѣлаютъ круговые обходы, кажденіе лаптемъ и распѣваютъ циническіе припѣвы. Сдѣлавъ нѣсколько кругооборотовъ начинаютъ прикладываться или прощаться съ „баушкой“, поочередно заходя и ложась лицомъ къ лицу „баушки“. Когда станетъ прикладываться новичекъ, то „баушка“ крѣпко обхватываетъ его руками и ногами, а остальные кидаются и стегаютъ лежащаго на бабушкѣ новичка, кто чѣмъ попало: лаптемъ, сапогомъ, полотенцемъ, веревкой, такъ что синяки и кровоподтеки бываютъ замѣтны еще недѣлю спустя.

4. *Молотье муки.*—Всѣ усаживаются по нарамъ. Выходятъ двое на средину камеры; одинъ представляетъ собою мельника.

другой—мельницу. У „мельника“ въ рукахъ метла, а „мельница“, покрывшись халатомъ, стоитъ на четвереренькахъ посреди камеры и тихо постукиваетъ. Мельникъ, обходя всѣхъ, спрашиваетъ каждаго: — „сколько нужно помолоть муки?“ Затѣмъ слышенъ тотъ-же стукъ; молотье прекращается, когда опросятъ всѣхъ до одного. Тогда всѣ переходятъ на одну нару и дѣлаютъ видъ, что мука запродана торговцу; изъ болѣе здоровыхъ и сильныхъ заставляютъ быть лошадьми для перевозки кулей (арестантовъ) къ торговцу-покупателю (на другія нары). Лошадь-арестантъ беретъ человѣка на плечи такъ, чтобы голова его висѣла къ полу, а спина и ноги къ верху. Схвативъ такимъ образомъ новичка, таскаютъ его по камерѣ, а прочіе хлещутъ его по спинѣ полотенцемъ, веревками и пр. до тѣхъ поръ, покуда не натѣшатся и не бросятъ добровольно. Просьбы и слезы новичка въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ, не принимаются во вниманіе и не производятъ никакого дѣйствія.

5. *Колокольня.*—Нѣсколько арестантовъ устанавливаются посреди камеры, по два въ рядъ; схватываются вверху руками и на руки ихъ укладывается сверху лицомъ внизъ одинъ изъ сильныхъ арестантовъ; всѣ они должны быть высокаго роста. Въ оставленное между ними пространство, въ видѣ узкихъ воротъ, проходятъ по одиночкѣ старые арестанты для заманки новичка; всѣ они проходятъ благополучно, но новичекъ не успѣваетъ дойти до конца этой импровизированной галлереи, какъ его крѣпко схватываетъ сверху лежащій за волосы, и вся группа начинаетъ качаться изъ стороны въ сторону, съ крикомъ: „бимъ, бомъ, бомъ!“.. Пойманный новичекъ виситъ на волосахъ своей головы и болтается на подобіе колокола.

6. *Темная.*—Если новичекъ мало или плохо платитъ за „парашку“ десятникамъ съ первыхъ дней, то ему устраиваютъ „темную“. Такъ же поступаютъ за неплатежъ долга, бывшаго еще на волѣ. Ему накидываютъ одѣяло, халатъ на голову, накрѣпко обвертываютъ, чтобъ онъ не имѣлъ возможности не только кричать, но и издавать какіе-либо звуки, и тогда немилосердно бьютъ его палками, нарочно вложенными въ мѣшокъ кирпичами, веревками и пр., топчутъ каблуками сапогъ и босовиковъ (туфли съ каблуками). Нерѣдко при этомъ несчастный близокъ къ удушенію.

7. *Ложки.*—За сообщеніе ложныхъ извѣстій, жалобу начальству, за безчинство во время ѣды другихъ и пр., всякаго, хотя бы и стараго арестанта, наказываютъ ударами по задней части тѣла деревянными, хлебальными ложками, отъ 5-ти до 50 ударовъ. Поломъ ложекъ отъ этого составляетъ чувствительный расходъ для тюрьмы, не говоря уже о томъ, что расправа съ виновнымъ въ этомъ случаѣ, какъ и вообще въ тюрьмѣ, бываетъ довольно безцеремонна и чувствительна.

8. *Банки.*—Кладутъ силкомъ арестанта на нары, лицомъ вверхъ, обнажаютъ ему животъ, плюютъ, растираютъ и одною рукою захватываютъ часть тѣла, а локтемъ руки потеревъ по тѣлу, быстро ударяютъ, „отсѣкаютъ" по захваченному, вслѣдствіе чего образуется сильная боль не только въ брюшной полости, но и въ другихъ мѣстахъ.

9. *Доить коровушку.*—Одинъ изъ болѣе сильныхъ арестантовъ становится посрединѣ камеры, ему спутываютъ руки и ноги полотенцемъ не очень туго, устанавливаютъ его на полъ на четвереньки и заставляютъ новичка садиться подъ него въ родѣ того, какъ женщины доятъ коровъ; при этомъ просовываютъ его руки и ноги такъ, чтобы правая рука и нога пришлись промежъ рукъ стоящаго на четверенькахъ (коровы), а лѣвая рука и нога—промежъ ногъ; затѣмъ наклоняютъ ему голову подъ животъ, и коль скоро это готово, то арестантъ, изображающій собою корову, мгновенно перевертывается и ложится на правый бокъ. Попавшійся въ эту ловушку новичекъ уже не въ состояніи вырваться, такъ какъ голова, руки и ноги его крѣпко защемлены, а остальное все на верху. Тутъ его поливаютъ водой и бьютъ чѣмъ ни попало.

Понятно, излишне было бы распространяться о томъ, насколько необходимо немедленное воспрещеніе этихъ и подобныхъ имъ арестантскихъ игръ-истязаній, а равно и недозволенныхъ сборовъ. Вредныя послѣдствія всего этого, полагаемъ, достаточно очевидны.

Существуетъ у арестантовъ также не мало другихъ менѣе вредныхъ, такъ называемыхъ веселыхъ развлеченій, изъ которыхъ мы перечислимъ извѣстныя намъ:

10. *Щипанцы, рванцы и кружало.*—Новичка посылаютъ въ кухню или куда-либо въ другую камеру затѣмъ, чтобы онъ не-

премѣнно принесъ „щипанцы, рванцы или кружало“. И конечно, новичекъ, ничего не подозрѣвая, требуетъ, что ему приказано; въ заключеніе его щиплютъ, рвутъ и кружатъ за волосы до тошноты и одуренія.

11. *Юромъ.*—Всѣ усаживаются среди камеры лицомъ къ лицу, образуя кругъ; одинъ изъ нихъ устанавливается среди круга: это—„галельщикъ“, который долженъ отыскивать варежку-рукавицу, которая невидимо переходитъ подъ колѣнями отъ одного къ другому и часто поколачиваетъ по спинѣ галельщика. Поймаетъ этотъ варежку— галитъ“ другой, у котораго взята, а прежній галельщикъ садится на его мѣсто, и игра возобновляется.

12. *Ималки, жмурки-тожъ.*—Повязываютъ полотенцемъ одному изъ среды себя глаза; это—галельщикъ. Хлещутъ его полотенцемъ, веревками, онучами, а онъ долженъ въ свою ечередь „имать“ одного изъ играющихъ. По поимкѣ другого ему завязываютъ глаза такъ-же, какъ и первому, старый становится на его мѣсто, и игра возобновляется.

13. *Судъ на хлѣбъ и воду.*—Нарочито обвиняютъ кого либо въ кражѣ, одинъ сознается и оговариваетъ другого. Происходитъ со всѣми атрибутами судъ. Судья—арестантъ присуждаетъ „сознавшагося‘ на воду, а оговореннаго—на хлѣбъ“. Ихъ усаживаютъ на полъ, одинъ противъ другого, связываютъ накрѣпко по рукамъ и ногамъ; одному даютъ въ ротъ хлѣба, а другому воды: у кого вода, тотъ и брызжетъ въ лицо противника, послѣдній же, въ свою очередь, кусаетъ хлѣбъ и плюетъ на перваго.

14. *Ложками.*—Повязываютъ двумъ человѣкамъ глаза полотенцами, одному даютъ въ руки двѣ хлебальныя деревянныя ложки, а другому онучу или полотенце. Они расходятся. Одинъ постукиваетъ ложками, а другой ловитъ его; поймавши одинъ другого, бросаютъ въ сторону ложки и онучу и оба ложатся ва полъ отыскивать брошенное: поднявшій онучу беретъ ложки, а второй—онучу, и игра возобновляется.

15. *Чехарда.*—Выбираютъ двухъ„ матокъ“ и „подборъ“. Отходятъ по двое въ сторону и сговариваются между собою, наприм., одинъ будетъ „камера“ а другой „свобода“; подходятъ къ маткамъ и спрашиваютъ: „камера или свобода?“ Матка называетъ примѣрно: „свобода“. Кто названъ свободой, остается у этой матки, а „камера“ отходитъ ко второй. Такъ дѣлается

до 3-хъ—4-хъ паръ. Потомъ бросаютъ лапоть или варежку: если варежка упала напалкомъ вверхъ, то галитъ первая матка съ своимъ подборомъ, а внизъ—вторая. Галельная матка съ подборомъ становится къ стѣнѣ, лицомъ одинъ къ другому и спиной къ играющимъ, а вторая съ подборомъ скачетъ на нихъ верхомъ до тѣхъ поръ, пока кто либо изъ второй партіи не упадетъ и этимъ не портитъ игры. Игра возобновляется.

Наконецъ, въ тюрьмѣ употребляются азартныя игры: въ *карты* (штосъ), *косточки* и *юлку*, причемъ карты проносятся въ подклейкѣ сапогъ и пр., а кости и юлки приготовляются въ самой тюрьмѣ. Юлка бываетъ деревянная, шестигранная съ очками на каждой грани, счетомъ до семи очковъ. У кого болѣе очковъ, тотъ выигрываетъ. Проигрываютъ не только попадающіяся деньги (а ихъ приносятъ много), но все, что приносятъ родные, и подаяніе благодѣтелей, какъ то: чай, сахаръ, хлѣбъ и даже свои арестанскіе пайки и снятые съ новичковъ пимы и сапоги. Все это, какъ сказано, устраивается поздно ночью, послѣ вечерней повѣрки, и рѣдко днемъ; въ случаѣ прихода старшихъ надзирателей и смотрителя все это прячется и арестанты мгновенно представляются спящими, читающими или разсказывающими сказки. Если былъ шумъ и драка, то и это никѣмъ не будетъ объяснено, даже не объяснитъ и самъ истязуемый, боясь новыхъ болѣе жестокихъ побоевъ, такъ какъ наказаніе карцеромъ буяновъ и зачинщиковъ считается за ничто, и если избитый достигнетъ того, что будетъ переведенъ въ другую камеру, то и тамъ будетъ ему не лучше; если-же переведутъ его и въ больницу, то подговорятъ другихъ и постараются подбросить что-либо изъ запрещеннаго, записку или что иное, и онъ водворяется снова въ общіе корпуса среди тѣхъ-же арестантовъ, или будетъ изловленъ во время передачи или въ день самаго выхода. Словомъ, исходъ одинъ—страдать и молчать....

Болѣе безобидное времяпровожденіе въ тюрьмѣ — это пѣніе пѣсенъ, которыхъ также намъ удалось записать нѣсколько:

1. Кругомъ я такъ осиротѣла: тебя, мой милой, здѣся нѣтъ;
Съ тобой все счастье улетѣло, да не воротится назадъ.
Приди, мой милой, поскорѣе ко бѣдной дѣвицѣ ко мнѣ!

Нейдетъ мой милой, ненаглядной, нейдетъ, не любитъ, знать, меня.
Во снѣ, какъ ангелъ, заявился, блеснулъ, какъ молнія, самъ
На вѣкъ спокой свой зарѣшилъ. [скрылся,
Сказалъ: живи, моя милая, да не влюбляйся ни въ кого.
Въ твоихъ лѣтахъ любить опасно, и ты завянешь, какъ трава.
Ты завянешь и поблекнешь, расцвѣсть не можешь никогда.
Когда вотъ розанъ расцвѣтаетъ, то всякъ старается сорвать;
Когда жъ крапива выростаетъ, то всякъ старается стоптать.
Когда же дѣвица счастлива, то всякъ старается любить;
Когда же дѣвица въ несчастьѣ, то всякъ старается забыть.

2. Когда я, мальчикъ, былъ свободенъ, не зналъ я горя и нужды;
Отецъ и мать меня любили, любили всѣ меня родны.
Но баловство меня сгубило, я сбился съ правильной пути:
Въ одну несчастную влюбился и чрезъ нее я пострадалъ.
Она клялась, что буду вѣрна, своей развѣянной душой,
И я, мальчишка, ей повѣрилъ своей безумной головой.
Но я знакомъ съ московскимъ замкомъ, въ которомъ три года
Сижу вечернею порою, лампада тусклая горитъ; [сидѣлъ.
Я упадаю на колѣни и умоляю всѣхъ святыхъ.
Внезапно двери отворились, у часового штыкъ блеститъ;
Меня молитва оправдала, я отъ часового убѣжалъ.

3. Однажды въ рощицѣ гулялъ я, гдѣ пташки порхали однѣ,
Голосу соловья внималъ я, и что-то скучно стало мнѣ;
Тяжело въ душѣ вздохнулъ я и близко къ рѣчкѣ подошелъ,
Взглянулъ на дубъ: зелены листья,—подъ тѣнью сѣлъ на бережокъ.
Луна свой ликъ изображаетъ въ холодной зеркальной водѣ;
Холодны волны серебристы, а вдалекѣ пѣлъ соловей.
Подъ кустомъ сидѣлъ бродяга, онъ слезно плакалъ и рыдалъ:
—Или ты про несчастьё знаёшь, любезный, милый соловей!
Иль ты самъ по комъ страдаешь несчастной участью своей?
Ужъ ты участь моя, участь, до чего ты довела!
Отца я съ матерью лишился, братьевъ, всѣхъ родныхъ сестеръ,
Жить на чужбину удалился я отъ краёвъ своихъ родныхъ.
Каково-то было сердцу—оставить мѣсто, гдѣ рожденъ,
И долженъ не посѣщать на вѣки, судьбой я строго засужденъ!
Ты, судьба моя несчастна, поколь ты гнать будешь меня?
Иль до самой до могилы, когда закроютъ мнѣ глаза,
Призакроютъ тѣло бѣло тонкимъ бѣлымъ полотномъ,
Призасыплютъ очи ясны съ горъ желтымъ, мелкимъ пескомъ?
Ужъ ты, Царь ли нашъ великій, уповаю на тебя:
Взгляни смиренно окомъ яснымъ, взгляни на бѣднаго меня!

Я, несчастный, заключенной въ тюрьмѣ, въ желѣзныхъ кандалахъ!
Съ неба звѣздочка сіяетъ надъ тюремнымъ надъ окномъ,
Меня, мальчишка, освѣщаетъ въ тюрьмѣ лежаща на полу.

4. На этапъ намъ собираться приказанье отдано,
Намъ Сибири надо ждаться—на роду такъ суждено!
Не боюся я Сибири, а боюсь разлуки я:
Жалко, жалко съ милыми разстаться, какъ и родиной своей.
У родныхъ сердце заноетъ, какъ погонятъ насъ въ Сибирь;
А въ Сибирь погонятъ насъ, угодимъ и на Кавказъ!
Тамъ дороженька широка, на углу стоитъ кабакъ,
Цѣловальникъ намъ знакомый, онъ изъ нашихъ вѣдь ребятъ,—довѣряетъ водки такъ.
Ужъ мы водочки возьмемъ и весь конвой перепоимъ.
Конвоиры лягутъ спать, а мы дороженьку искать.
Всю мы ночку проходили, но дорожки не нашли,
Что дорожки не нашли—-и въ Сибирь назадъ пришли...

Нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ, насколько намъ извѣстно, поются кое-гдѣ и въ другихъ мѣстахъ, но, кажется, не были напечатаны.

Мелодія пѣсенъ грустная, протяжная; голосъ ведется на среднихъ альтовыхъ нотахъ. Кромѣ переданныхъ здѣсь, у арестантовъ есть множество циничныхъ пѣсенъ, которыя не могутъ быть напечатанными.

Дневная жизнь заключенныхъ начинается съ разсвѣтомъ. Въ 5 ч. утра раздается тюремный звонокъ на утреннюю повѣрку (по-арестантски—„лаетъ тюремная собака"). Двери каждой камеры отворяются одна за другой, и по командѣ надзирателя: „Смирно, становись на повѣрку"!—арестанты устанавливаются по два въ рядъ; ихъ провѣряетъ старшій надзиратель, рѣдко смотритель. По повѣркѣ всѣ пьющіе чай арестанты идутъ съ чайниками и кофейниками за кипяткомъ и пьютъ чай. Камерный староста идетъ въ столовую за „пайками" хлѣба, по полученіи котораго и раздаетъ каждому по „пайкѣ" рѣшотнаго, ржаного хлѣба, вѣсомъ отъ 2-хъ до $2^1/_4$ ф. Камерный десятникъ обметаетъ нары и полъ камеры. Въ 8 ч. утра звонокъ: желающіе идутъ въ тюремную школу на молитву, куда приходитъ ежедневно священникъ; нежелающіе запираются по камерамъ. Въ 9 ч. утра второй звонокъ: идутъ въ ту же школу желающіе учиться гра-

мотѣ; ихъ обучаетъ тоже ежедневно до 11 ч. о. дьяконъ. Въ то же время перемѣняются и книги для чтенія желающимъ; не желающіе на запорѣ. Въ 11 ч. звонокъ на обѣдъ. Обѣдъ скоромный составляютъ въ праздничные и воскресные дни: щи съ мясомъ—болѣе „пробка“, „осердье“ или скотскія головы, и каша; въ будни—однѣ щи. Постный обѣдъ изъ рыбы, или гороха. Первымъ столомъ обѣдаютъ каторжане, бродяги и ссыльные—лишенцы; вторымъ—слѣдственные и присужденные въ арестантскія роты; третьимъ—срочные, и четвертымъ—всѣ магометане. Послѣ обѣда прогулка до $2^1/_2$ ч. пополудни. Въ 3 ч. идутъ за кипяткомъ для чая. Въ 4 часа звонокъ призываетъ на вечернюю молитву. Въ это же время заносятъ въ камеру на ночь воду для питья и „парашку“. Въ 6-ть часовъ вечерняя повѣрка и запоръ на всю ночь. По ночамъ все время камера освѣщена до разсвѣта, и арестанты дѣлаютъ. что имъ угодно. Кромѣ описанныхъ шалостей и игръ, они разсказываютъ свои похожденія, объясняютъ подводъ къ кражамъ, подговоръ сообщниковъ, свидѣтелей, обманъ суда, какъ устроить ложные слѣды преступленій, какъ совершать преступленія обдуманно, чтобъ не было слѣдовъ и пр., а также узнаютъ, у кого что и гдѣ хранится, чѣмъ легко воспользоваться, и кого можно подговорить къ подводу и пр. и пр.

Дневныя занятія въ Екатеринбургскомъ замкѣ распредѣляются такъ: ежедневно изъ каждой камеры по два человѣка назначаются старостой для носки воды въ кухню, питья и пищи. Во вторникъ очереднымъ номеромъ носятся помои изъ бани; въ среду носка воды въ прачечную и въ субботу—носка воды въ баню по 10 ушатовъ съ каждой пары арестантовъ срочныхъ. Каторжане, слѣдственные, бродяги и ссыльные этихъ работъ не исполняютъ. Ротные носятъ только печеный хлѣбъ на кухню изъ хлѣбопекарни. Очереднымъ же рабочимъ номеромъ исполняются и всѣ работы по тюрьмѣ. Очередь эта достается каждому номеру чрезъ шесть недѣль на седьмую. Рабочій староста, камерные,—староста, десятники, мятельщики—никакого жалованья не получаютъ, а получаютъ одно добровольное подаяніе. Кузнецы, повара, больничные десятники, пѣвчіе, ламповщикъ, прачки, звонарь, кромѣ подаянія, получаютъ ежемѣсячно жалованья отъ 50 к. до 1 руб. каждый.

Работы тюремныя на волѣ ничтожны, несмотря на заявленія многихъ желающихъ какъ дать работу, такъ и работать—хотя бы ради улучшенія арестантской пищи. Все это вредно отзывается на физическомъ и умственномъ состояніи многихъ заключенныхъ, почему они и прибѣгаютъ къ вышеописаннымъ мною баловствамъ и невыяснимому въ печати цинизму.

Я намѣренно обхожу молчаніемъ житье-бытье каторжанъ и равныхъ имъ собратовъ по заключенію, такъ какъ моя замѣтка относится только до „срочныхъ", которые со временемъ все-таки могутъ быть вновь на свободѣ и, искупивъ прошлое, будутъ снова мирными жителями своихъ родныхъ селеній, снова вступятъ въ свои семьи и займутся ремесломъ и промысломъ наравнѣ съ своими односельчанами. Суммируя все изложенное, мы выскажемъ пожеланіе, чтобы скорѣе было уничтожено неизвѣстное начальству зло, которое коренится въ тюремныхъ стѣнахъ, гдѣ безработица затупляетъ умъ человѣка и пріучаетъ его къ лѣни, праздности и слушанію разсказовъ о похожденіяхъ разныхъ бездѣльниковъ, о ихъ удальскихъ грабежахъ, разбояхъ и убійствахъ. Пусть они, вмѣсто того, чтобы слушать этихъ преступниковъ и учиться у нихъ противозаконному ремеслу, займутся трудомъ,—тогда, взамѣнъ того, чтобы родные продавали послѣднюю свою скотину на покупку заключеннымъ куска бѣлаго хлѣба, чая, сахара, а также и на платежъ за „парашку" въ баснословныхъ размѣрахъ, они употребятъ эти деньги на свои домашнія нужды; а заключенные будутъ трудиться на пользу себѣ и даже могутъ пріучиться къ какому нибудь подручному полезному ремеслу, котораго они не знали, тѣмъ болѣе, что мастеровыхъ и рабочихъ въ заключеніи огромное большинство. Всѣ отъ этого будутъ только въ выигрышѣ—и сами заключенные, и ихъ семьи, и казна. Большинство срочно-заключенныхъ желаетъ одного—работы. Указывать, какимъ образомъ устроить это, конечно, не наше дѣло. Мы передаемъ только тѣ впечатлѣнія, какія мы вынесли изъ изученія быта населенія тюремнаго замка.

Въ заключеніе еще два слова о преступникахъ-малолѣткахъ: ихъ необходимо выдѣлить отъ общенія съ взрослыми, такъ какъ склонность къ преступленію отъ такого общенія у нихъ усиливается, какъ зараза; они воспріимчивы къ худому, ихъ развра-

щаютъ каторжане и имъ подобныя личности, и малолѣтки, часто сами не понимая, что говорятъ, повторяютъ за старшими закоренѣлыми преступниками: „Что намъ? Мы свыклись съ тюрьмой; намъ хорошо. Сегодня здѣсь, а завтра готовы и на каторгу. Свѣтъ одинъ....“.

П. А. Шилковъ.

Мартъ, 1891 г.,
г. Екатеринбургъ.

Къ народной медицинѣ малоруссовъ.

Въ дополненіе къ моей замѣткѣ о взглядахъ крестьянъ Переяславскаго уѣзда Полтавск. губ. на болѣзни и смерть, а также о персоналѣ народной медицины [1]), сообщаю здѣсь свѣдѣнія о народныхъ пріемахъ лѣченія и лѣкарственыхъ средствахъ, употребляемыхъ въ той-же мѣстности.

Психическія заболѣванія являются однимъ изъ тѣхъ родовъ болѣзней, при которыхъ съ наибольшею силою сказывается весь вредъ народнаго невѣжества. Крестьяне не хотятъ видѣть въ поступкахъ и словахъ больного простой бредъ. Если больной галлюцинируетъ, окружающіе увѣрены, что онъ видитъ дѣйствительное явленіе, невидимое для нихъ; если больной богохульствуетъ, находятъ, что въ больного вселилась нечистая сила. Въ такихъ случаяхъ окружающими овладѣваетъ страхъ и озлобленіе противъ больного. Его уговариваютъ молиться; его самого, также пищу и питье, предлагаемыя ему, крестятъ, шепча молитву „Да воскреснетъ богъ...“ (молитва эта употребляется всегда противъ дьявола). Такіе больные часто бываютъ очень подозрительны, а потому отказываются принимать пищу и питье, надъ которыми, по ихъ мнѣнію, „поворожили“. Это является для окружающихъ новымъ доказательствомъ того, что въ больного вселился чортъ, иначе онъ не сталъ бы бояться креста. Конечно, всякій даже здоровый человѣкъ не остался бы спокойнымъ, если-бы отъ него вдругъ стали открещиваться, какъ отъ чорта. Когда же больной раздражается и буянитъ, созываютъ

---

[1]) См. Этнограф. Обозр., кн. X.

сосѣдей, связываютъ его и сторожатъ по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ, потому что увѣрены въ сверхъестественной физической силѣ душевно-больного. Для изгнанія злого духа приглашаютъ священника освятить воду надъ головою больного, или везутъ его въ Переяславъ къ мощамъ св. Макарія. Кромѣ того „обрикаюця“ сходить вмѣстѣ съ больнымъ въ Кіевъ, къ Печерскимъ святымъ. Впрочемъ, въ новѣйшее время всѣхъ остро-помѣшанныхъ больныхъ крестьяне сбываютъ съ рукъ въ земскую лѣчебницу для душевно-больныхъ.

Напротивъ, больные, страдающіе время отъ времени припадками эпилепсіи („чорна болизнь“) продолжаютъ жить въ семейной обстановкѣ, и только во время припадковъ считается полезнымъ накрывать больного чорною „запаскою“; накрываютъ также „рушныкомъ зъ-пидъ паскы“, т. е. полотенцемъ, въ которомъ освящалась пасха. Въ случаяхъ родимца у дѣтей („перехидъ“) поступаютъ такимъ-же образомъ—для предотвращенія худыхъ послѣдствій, которыми могутъ быть слабоуміе и другіе роды калѣчества.

Больные такимъ помѣшательствомъ не вызываютъ въ окружающихъ страха и озлобленія. Если-же у больного религіозный бредъ, то этимъ даже умиляются: „Винъ, слава Богу, ничого лыхого не мае“,—говорятъ окружающіе: —„винъ усѐ про Бóже болáкае, про Печѐри згáдуе“... Въ основѣ такого рода страданія часто лежатъ пороки молодости, половыя извращенія. Неспособный къ брачной жизни больной начинаетъ идеализировать свое состояніе начинаетъ думать, что брачная жизнь есть грѣхъ и т. д. Окружающіе, хотя и считаютъ это несчастьемъ, но рѣдко понимаютъ его смыслъ и причины. Они удовлетворяютъ прихотямъ больного, радуются тому, что онъ погружается въ молитвы, проситъ совершенія разныхъ обрядовъ. Такъ какъ причиною страданія часто считаютъ злыя дѣйствія личныхъ враговъ, говорятъ, что больному „пороблено“, дано „данния“, то отсюда вытекаетъ и способъ лѣченія. Больного везутъ къ знахарю или знахаркѣ, умѣющимъ ворожить отъ „данния“. Знахарь поитъ больного „кинськимъ молочаемъ“ (Euphorbia peplus et procera) и другими травами, что вызываетъ рвоту. Желудочныя слизи, извергаемыя при этомъ, тягучія, зеленоватаго цвѣта, считаются „жабурыннямъ“, а то и просто всякими гадами, происшедшими

въ желудкѣ будто-бы отъ „данняˮ. Такъ какъ къ этой категоріи больныхъ принадлежатъ и неврастеники, склонные преувеличивать всякія свои страданія, то для нихъ достаточно убѣдиться въ томъ, что „погань“ извлечена изъ ихъ желудка, чтобы имъ дѣйствительно стало легче. Сюда-же относятся женщины, страдающія катарромъ матки и связанными съ нимъ желудочными и нервными разстройствами.

Страданія несчастной любви, которыя народъ не считаетъ собственно болѣзнями, лѣчатся различно, смотря по предполагаемымъ причинамъ несчастія. Если причиной разлада между парнемъ и дѣвушкой или между супругами является соперница, которая, можетъ быть, приворожила къ себѣ мужчину, то считается полезнымъ тайно окропить разлучницу отваромъ птицы сойки или мозга кошки, а если можно, то и напоить ее этими отварами; это должно извести разлучницу. Такое дѣйствіе, однако, не считается безнравственнымъ въ томъ случаѣ, если соперница отбила мужа у законной жены. Если парень покинулъ дѣвушку, то она, по совѣту ворожекъ, должна прибѣгнуть къ слѣдующему средству: отслужить заупокойную панихиду по покинувшемъ, какъ бы по умершемъ, разомъ въ трехъ церквахъ, отнесть для панихиды во всѣ три церкви по три хлѣба и нанять звонарей звонить во время панихиды разомъ въ трехъ церквахъ. Это должно заставить парня воротиться къ покинутой. Но средство это считается опаснымъ: парень можетъ заболѣть и умереть отъ такой панихиды.

Отъ пьянства совѣтуютъ отслужить молебенъ въ четырехъ окрестныхъ церквахъ.

Общее недомоганіе у взрослыхъ и особенно у дѣтей,—нервное возбужденіе, пученіе живота и пр.,—извѣстное подъ названіемъ „переполоха“, лѣчится присѣканіемъ топоромъ у порога хаты двѣнадцати палочекъ изъ вѣника. Отъ „переполоха“ же и „завирчуютьˮ. Дѣлается это такимъ образомъ. Приглашенный знахарь измѣряетъ ниткою длину больного дитяти, ширину по протянутымъ въ стороны рукамъ и голову въ окружности; срѣзываетъ ногти на рукахъ и на ногахъ, часть волосъ на головѣ. Всё это, вмѣстѣ съ ниткою, которою производились измѣренія, знахарь запихиваетъ въ дырочку, просверленную въ „глухому конци“ дверной лутки, и сверху забиваетъ осиновымъ колыш-

комъ. При этомъ читаетъ заговоры о томъ. чтобы болѣзнь больше не мучила „билого тила, жовтои кости, очей, плечей и всихъ суставивъ". Болѣзнь, снятая съ больного, „заверченная" и заколоченная осиновымъ колышкомъ, не должна уже больше возвращаться. Осиновое дерево вообще считается хорошимъ средствомъ отъ вѣдьмъ и всякой нечистой силы.

Безпокойство и безсонница у дѣтей („крыклывци" и проч.) лѣчатся ваннами изъ отвара маковыхъ головокъ; пить этого отвара въ данной мѣстности дѣтямъ не даютъ. При безсонницѣ у дѣтей носятъ ихъ также „пидъ куряче сидало", въ то мѣсто, гдѣ ночуютъ куры, представительницы правильнаго и своевременнаго сна, по народнымъ понятіямъ.

Отъ головной боли нюхаютъ тертый хрѣнъ (Cochlearia armoracia), также прикладываютъ его на тряпку къ затылку. Если предполагаемою причиною является „кровь", налегающая на голову, то на шеѣ и спинѣ ставятъ кровесосныя банки, всегда очень много—20-30.

Болѣзни органовъ дыханія,—охриплость, кашель, насморкъ,—по большей части считаются происшедшими отъ физическихъ причинъ, а потому и лѣченіе отъ этихъ болѣзней—по преимуществу вещественное [1]). Отъ кашля и охриплости пьютъ настои: цвѣтовъ липы (Tilia parvifolia), бузины (Sambucus nigra), ромашки (Matricaria chamomilla), коровьяка (Verbascum Thapsus), плодовъ малины (Rubus Idaeus); пьютъ также горячее молоко со струч-

[1]) Растительныя средства являются едва ли не самыми употребительными въ народной медицинѣ, въ виду чего представляется настоятельная надобность въ составленіи мѣстныхъ народныхъ травниковъ, состоящихъ не только изъ описанія растеній, но и изъ коллекцій лѣчебныхъ гербаріевъ. Съ другой стороны для гг. медиковъ весьма полезно было бы заняться систематическимъ изученіемъ старинныхъ, большею частью рукописныхъ лѣчебниковъ и травниковъ, которые въ такомъ громадномъ количествѣ имѣются въ разныхъ общественныхъ и частныхъ книгохранилищахъ. Единственное, кажется, изслѣдованіе проф. Флоринскаго о народныхъ лѣчебникахъ не удовлетворяетъ строгимъ требованіямъ науки. Въ частности, что касается описанія украинской флоры, то свѣдѣнія о лѣчебныхъ растеніяхъ можно найти въ соч. *К. С. Горницкаго*: „Замѣтки объ употребленіи въ народномъ быту нѣкоторыхъ дикорастущихъ и разводимыхъ растеній украинской флоры" (Отдѣльное прилож. къ т. XX Трудовъ Общества испытателей природы при Импер. Харьк. универс.), Харьковъ, 1887, стр. VI+220, 8°, а также у *Ѳ. М. Августиновича*: „О дикорастущихъ врачебныхъ растеніяхъ въ Полтавской губ.", Кіевъ, 1853. *Ред.*

ковымъ перцемъ (Capsicum annuum), деревянное масло съ молокомъ. Къ груди прикладываютъ синюю сахарную бумагу, смазанную овечьимъ или гусинымъ жиромъ. При насморкѣ совѣтуютъ нюхать соломенную „устилку" изъ сапога, пропотѣвшую и зловонную; совѣтуютъ также прижечь немного коту хвостъ и понюхать его. Боль зѣва, жаба („пиднебення опало") лѣчится „подниманіемъ" неба, которое совершается такъ: въ печкѣ зажигаютъ охапокъ соломы, протягиваютъ руку въ трубу по тому направленію, куда идетъ дымъ, и приговариваютъ: „дымъ у гору, а лыхо зъ рота!" затѣмъ, вынувши изъ дыма руку, стараются поднять ею мягкое небо. При боли въ зѣвѣ употребляютъ еще полосканье изъ настоя „шевліи" (Salvia officinalis).

При страданіяхъ желудка, когда „пидъ груды пре", „биля серця болыть", пьютъ настой „самбура" (aloë, сабуръ) на водкѣ. Пьютъ также „гостру водку" (acid. nitric. et ac. muriat.) по 3—4 капли въ водѣ. (Сабуръ и острая водка продаются крестьянамъ въ лавкахъ, не смотря на запрещеніе правительства). Отъ „печіи" (изжоги) пьютъ порошокъ мѣла съ водою; мѣлъ для этой цѣли берется тотъ, которымъ писались кресты во время домашняго водосвятія на „голодну кутю" (5 января). Отъ „печій" пьютъ также пепелъ гречихи (Fagopyrum esculentum Moench.) съ водою и даже лошадиный пометъ, когда сильная изжога является вмѣстѣ съ болью и подпираніемъ подъ ложечкой. При запорахъ употребляютъ кусочки мыла in anum, пьютъ огуречный разсолъ, воду „зъ дижи", т. е. воду, которою вымыта квашня. Сильный поносъ у взрослыхъ называется „сóяшныцями" (случается чаще во время сильной лѣтней жары), которыя „завариваютъ". Дѣлается это такъ: на животъ больного ставятъ миску съ водой; затѣмъ кладутъ пеньковый «клочокъ» въ небольшой горшокъ, зажигаютъ его тамъ и этотъ горшокъ быстро опрокидываютъ надъ миской съ водою такъ, чтобы края горшка погрузились въ воду, вода втягивается въ горшокъ, бурлитъ, клокочетъ, варится. Такой эффектъ производитъ впечатлѣніе, и больной часто заявляетъ, что ему легче.

„Порýха"—боль живота, происходящая будто бы отъ подниманія тяжестей, лѣчится „выбираніемъ"; это нѣчто вродѣ массажа. Выбираніе производится и въ случаяхъ предполагаемаго опаденія матки—„уразу". Выбираніе въ такомъ случаѣ называютъ

иногда подниманiемъ матки. Такъ какъ крестьяне думаютъ, что и у мужчинъ есть матка, то и мужчины подвергаются этой операцiи. При выбиранiи читается молитва: „Золотый золотнычку, стань соби на мистечку; де поставывъ тебе отець и маты, тамъ тоби до вику стояты“. Молитва повторяется до 12 разъ, во все продолженiе сеанса, которыхъ бываетъ тоже до 12.

Боль въ животѣ часто считается происходящею отъ глистовъ. Больные заявляютъ даже, что они слышатъ ворчанiе глистовъ (урчанiе газовъ въ кишечникѣ). Въ такомъ случаѣ ѣдятъ цытварное сѣмя съ медомъ на-тощакъ, сѣмена любыстка (Levisticum officinale), ладанъ съ водою (иногда «херувимскiй»), мятныя капли. Мятныя капли охлаждаютъ при употребленiи снаружи, а потому думаютъ, что онѣ охлаждаютъ и внутренности, и пьютъ ихъ во всѣхъ случаяхъ, когда чувствуется жаръ внутри.

Очень печально обстоитъ дѣло съ дѣтскими разстройствами пищеваренiя, отъ которыхъ ежегодно гибнетъ масса дѣтей, особенно лѣтомъ, когда уходъ за ними хуже и когда является одна изъ главныхъ причинъ страданiя—свѣжая зелень, часто не зрѣлая и порченая. Не смотря на кажущуюся очевидность причинъ, вызывающихъ дѣтскiе катарры пищеварительныхъ органовъ, крестьяне почти всегда видятъ эти причины въ «урокѣ», „сухотахъ“, „переполохѣ“ и т. п. Лѣченiе отъ переполоха описано выше. Истощенiе дитяти поносомъ и другими болѣзнями лѣчится ваннами изъ отвара огуречной (Cucumis sativum) «гудины» (батвы, при чемъ краденая „гудина“ дѣйствуетъ лучше), паслена (Solanum nigrum), мха со старой крыши, ржаной соломы. Собственно отъ поноса даютъ пить съ водою «манiю» (мумiя, красная краска), жженый хлѣбъ и сухари, сушеныя груши. Поносъ съ рѣзью и съ кровью—«ризачка»—лѣчатъ ваннами изъ «ризаку» (растенiе, плавающее въ стоячихъ водахъ, съ колючими по краямъ листьями), вѣра въ цѣлительныя свойства котораго является лишь вслѣдствiе сходства названiй.

Плѣсень во рту у дѣтей („плиснявка“, молочница) лѣчится вытиранiемъ рта женскою косою или „пеленою“—подоломъ рубахи матери.

Катарръ уретры у мужчинъ, который появляется въ послѣднее время довольно часто, лѣчится эмульсiею изъ зеренъ конопли (Cannabis sativa); средство это заимствовано, повидимому,

изъ научной медицины. Ночное недержаніе мочи у дѣтей лѣчится очень жестоко: малыша заставляютъ пролѣзать сквозь „жлукто“ (узенькая кадка изъ цѣльнаго дерева, употребляемая при мытьѣ бѣлья щелокомъ) и подгоняютъ сзади ударами мерзлой „дужки“ (бичевка отъ ведра). На катарры женскихъ половыхъ органовъ рѣдко обращаютъ вниманіе, пока они не вызываютъ общихъ страданій. Въ такомъ случаѣ лѣчатъ, какъ отъ „уразу“ („выбираніемъ“, см. выше). Иногда ставятъ больную „на сухій пари“. Дѣлается это такъ: раскаляется кирпичъ или камень, кладется на землю и поливается водой; больная, раздѣвшись совершенно и закутавшись простынею до земли, становится надъ камнемъ такимъ образомъ, чтобы паръ отъ политой на камень воды скоплялся подъ простынею. Больной дѣлается жарко, она потѣетъ, но должна стараться выдержать возможно дольше. Процедура эта повторяется нѣсколько дней.

Для вызыванія неестественно прекратившихся менструацій, пьютъ настой цвѣтовъ піона (Paeonia officinalis), также «добре намысто“ (коралловое, красное монисто), истолченное въ порошокъ, съ водою. И то, и другое средство употребляются благодаря лишь своему красному цвѣту,—самыя менструаціи называются „цьвитъ“. Для производства выкидыша стараются производить давленіе на животъ, поднимать тяжести и т. п. Обращаются также къ знахаркамъ, но помощь послѣднихъ по большей части оказывается безуспѣшной. Для предотвращенія беременности пьютъ настой верхушекъ вымолоченной конопли (Cannabis sativa), также порохъ съ водою, въ надеждѣ, что онъ будетъ выжигать зародышъ. При родахъ употребляются слѣдующія пособія: для ускоренія процесса родовъ роженицу заставляютъ стоять, ходить, дуть въ пустую бутылку; для усиленія потугъ искусственно вызываютъ рвоту, заложивъ палецъ въ зѣвъ. Слѣдствіемъ такихъ пріемовъ нерѣдко являются разрывы perinci. При трудныхъ родахъ открываютъ печную заслонку, молятся. Послѣ родовъ, матери даютъ водки, моютъ ее въ ваннѣ изъ настоевъ „лепехи“ (Acorus calamus), ромашки (Matricaria chamomilla), мяты (Mentha piperita). При слишкомъ обильномъ кровотеченіи шепчутъ молитовки: „Маты Божа ходыла, кровъ губыла“... и пр., какъ и вообще при кровотеченіи (см. ниже).

Лѣченіе „пранцивъ“ (Syphilis) наиболѣе раціонально въ на-

родной медицинѣ, хотя нѣсколько и жестоко. Больному, у котораго признается или предполагается страданіе это (пранци), предлагаютъ „систы на декохтъ“. Для этого больной отправляется къ спеціалисткѣ—знахаркѣ, взявши съ собою харчей, и, если знахарка признаетъ нужнымъ, остается у нея на квартирѣ, чтобы выдержать курсъ лѣченія. Такихъ больныхъ иногда набирается маленькая больничка. Ворожка мало боится зараженія, особенно. если сама перенесла эту болѣзнь; въ такомъ случаѣ ей больше и довѣряютъ. Курсъ лѣченія состоитъ въ томъ, что больного кормятъ въ продолженіе 3—4 недѣль скудной и однообразной пищей, не кислой и не соленой, по возможности, одними прѣсными лепешками. Во все это время больному даютъ пить „декохтъ“, (отваръ корней Sassaparillae). Если больной не можетъ покупать дорогой сассапарилли, ему предлагаютъ болѣе дешевый суррогатъ ея, произрастающій на мѣстѣ и называемый тоже „декохтъ“ (Carex hirta). Въ три или четыре недѣли, при такомъ лѣченіи, больной сильно худѣетъ, но зато получаетъ облегченіе. Для больныхъ, слишкомъ слабыхъ, а также при другихъ хроническихъ страданіяхъ, т. н. золотухѣ, ревматизмѣ, „декохтъ“ употребляютъ настояннымъ не въ водѣ, а въ водкѣ. При этомъ допускается бóльшее разнообразіе въ пищѣ. При употребленіи декохта, въ томъ и другомъ случаѣ, больному дѣлаются ванны изъ раствора повареной соли; больному воспрещаютъ ходить по росѣ и вообще выходить на свѣжій воздухъ. Худосочныя язвы лѣчатся растворомъ „меркурія“ (Sublimatum corrosivum). Растворы для этого берутся крѣпкіе, жгучіе, а иногда употребляютъ сулему просто кускомъ для смазыванія язвы. Кромѣ того, къ язвамъ прикладываютъ различныя мази, которыя, однако, почти всѣ употребляются на одинъ ладъ: изъ воску, деревянаго масла, иногда прибавляютъ еще скипидаръ, отваръ въ маслѣ листьевъ бѣлены (Hyosciamus niger) и проч. Опухоль железъ при т. н. золотухѣ лѣчатъ выкатываніемъ: изъ горячаго мякиша хлѣба дѣлаютъ шарики, которые катаютъ пальцами по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ замѣчены припухшія желёзки; такое дѣйствіе, какъ массажъ, можетъ приносить улучшеніе. При боляхъ въ суставахъ и костяхъ (т. н. „грызь“), даютъ грызть больныя мѣста первенцамъ. Между прочимъ, при этомъ первенецъ можетъ заразиться сифилисомъ. При боли въ спинѣ даютъ топтать спи-

ну опять таки первенцамъ. Когда-то, говорятъ, это дѣло поручалось медвѣдямъ, которыхъ водили цыгане. На ряду съ другими болѣзнями, боли въ суставахъ и членахъ, по мнѣнію крестьянъ, могутъ происходить отъ „уроку“. Для обезпеченія себя отъ „уроку“ и всякихъ козней злыхъ существъ, считается полезнымъ знать и употреблять заговоры: „якъ выросте на церкви дубъ унизъ гиллямъ, угору корниннямъ, — хто буде того дуба ломаты, той буде мене терзаты“. Или: „Ночна ночныця, панська прывытыця (?), замыкаешъ ты церквы, городы, вси палаты, вси прыпалаты; замкны (мій двиръ) всимъ врагамъ и звирамъ и видьмамъ, и отъ скверныхъ глазъ, отъ мого двора, отъ мого осла, отъ мого скота, отъ мого блызняго кумыра. Аминь“. Эти заговоры читаются съ цѣлью предохранить не только себя, но и семью, и домашній скотъ.

Сыпи у дѣтей лѣчатся ваннами съ различными снадобьями: „высивкамы“ (отруби) отваромъ цвѣтовъ калины (Viburnum opulus). Лишаи мажутъ саломъ, которое достаютъ изъ-подъ вала мельницы; случается, что, доставая его во время дѣйствія мельницы, откручиваютъ себѣ пальцы. Сухой лишай мажутъ „кислычкамы“ съ листьевъ дуба (чернильные орѣшки), чернилами, „виткою“. Витка приготовляется такъ: воронкообразную бумажную трубку зажигаютъ съ широкаго конца, а узкій вставляютъ въ рюмку и держатъ повыше; дымъ проходитъ въ рюмку и оставляетъ здѣсь немного желтоватой ѣдкой жидкости, которая и есть „витка“. Мажутъ лишаи также сокомъ, выступающимъ изъ дерева при горѣніи его. „Волчій“ лишай (иногда это ракъ) мажутъ волчьимъ жиромъ, который покупаютъ въ аптекахъ; тамъ отпускаютъ крестьянамъ „волчій“ жиръ изъ той самой банки, что и свиной, но берутъ, разумѣется, дороже. Опрѣлость у дѣтей присыпаютъ гречневою мукою, сухою глиною, соскобленною съ „прыпичка“. Угри на лицѣ мажутъ молочной сывороткой. „Гузки“ (бородавки) мажутъ каплями, оставшимися отъ дождя на воротахъ, прижигаютъ „гузкою“ (толст. концомъ) зажженнаго веретена. Отъ бородавокъ совѣтуютъ еще и такое средство: помылить руки, пораженныя бородавками и мыло оставить на берегу рѣки, гдѣ моютъ бѣлье; или вырѣзать дырочки на лентѣ или значки на палкѣ, по числу бородавокъ, и оставить это на улицѣ; кто возьметъ это мыло, ленту или палку, къ тому и перейдутъ бородавки

Изводить, вырѣзывать или прижигать родимыя бородавки или пятна считается опаснымъ, невозможнымъ и даже грѣшнымъ. „Ластовыння“ (веснушки, похожія на окраску яицъ ласточки) изводятъ сокомъ растенія „счистокъ“ (Chelidonium majus).

Къ „болячкамъ“ и „чиркамъ“ (abscessus, furunculus) прикладываютъ лепешки изъ пшеничной муки и меду, печеную „цыбулю“ (Allium cepa), кислое тѣсто, кислое молоко, сливки, мокрую глину; припарки изъ „высивокъ“ (отрубей), зеренъ льна (Linum usitat.), корки бузины (Sambuc. nigr.). Воспаленье железъ подъ мышкою—„суче вымя“—мажутъ молокомъ, выдоеннымъ у суки.

Свѣжія раны заматываютъ паутиной, залѣпляютъ хлѣбнымъ мякишемъ, смолою, образовавшеюся изъ дегтя въ колесахъ („коломазь“); въ послѣднемъ случаѣ, если рана была небольшая, она остается подъ смолою до заживленія. Засыпаютъ также порошкомъ „пацевои кисточки“ (конусообразные камешки, находимые въ мѣлу), высохшимъ содержимымъ гриба „бзюха“ (Lycoperdon bovista). Очень распространено средство для заживленія ранъ—„берёзивка“. Она приготовляется изъ весеннихъ почекъ березы, настоянныхъ въ водкѣ. Ею заливаютъ раны или прикладываютъ на тряпочкѣ. Къ ранамъ прикладываютъ также различныя мази, какъ и къ язвамъ (см. выше). Рана отъ укушенія собаки засыпается пережженной шерстью, вырѣзанной у укусившей собаки. Кровотеченіе непремѣнно и во всѣхъ случаяхъ „замовляють“. Умѣющій „замовлять“ беретъ раненую конечность, слегка прижимаетъ и приподнимаетъ ее, а въ это время шепчетъ „молитовку“. Относящіеся сюда заговоры очень разнообразны, но всѣ состоятъ изъ набора фразъ, оканчивающагося упоминаніемъ объ остановкѣ кровотеченія. Напримѣръ: „Лытивъ Мыколай через Божый рай; рай росхиляеця, тоби (имя) кровъ зупыняеця“. Или: „Ишла баба камьяна камьянымъ мостомъ, зъ камьянымъ ципкомъ, зъ камьянымъ глекомъ (горшкомъ); въ тому глеку вода разлылась,—рожденому, хрещеному рабу Божому (имя) кровъ унялась“... Ожоги лѣчатъ прикладываніемъ коровьяго помета или бѣлой масляной краски. Отмороженія мажутъ гусинымъ жиромъ. Ушибленные члены парятъ въ горячей водѣ.

При болѣзняхъ глазъ, всѣхъ вообще, считаются полезными: роса, собранная на св. Георгія (23 апрѣля), и вода изъ святыхъ „явленыхъ крыныцъ“—источниковъ и родниковъ, особенно въ то

время, когда у нихъ совершается водосвятіе *). Маленькимъ дѣтямъ заливаютъ больные глаза „покормомъ“ (молокомъ матери). Взрослымъ — ставятъ мушки за ушами, а иногда—піявки или кровесосныя банки на шеѣ и спинѣ. Вылизываютъ также языкомъ, и не только при запорошеніи глаза. „Ячминецъ“ (воспаленіе рѣсничнаго волосяного мѣшечка) лѣчатъ такъ: кто либо изъ окружающихъ даетъ больному „дулю“, а больной говоритъ: „нехай вона тоби всохне“.—„Нехай тоби ячминець усохне“,—отвѣчаетъ дающій „дулю“. Къ „ячминцю“ прикладываютъ булку или баранки, смочивши ихъ въ молокѣ. Прикладываютъ также кусокъ заячьяго мѣха, употребляемаго и при другихъ нарывахъ. „Песыкъ“ (бѣльмо) въ глазу лѣчатъ задуваніемъ въ глазъ порошка сахару, тертаго стекла и даже высушеннаго коровьяго помёта. Въ этомъ же случаѣ вдѣваютъ въ хрящъ уха красную нитку (заволока; врядъ ли здѣсь она имѣетъ то значеніе, какое имѣла когда-то въ научной медицинѣ).

При боли въ ухѣ ставятъ „трубку“: изъ толстой сахарной бумаги свертываютъ длинную воронкообразную трубку, наливаютъ въ нее немного воску, зажигаютъ съ широкаго конца, а узкій вставляютъ въ ухо. Дымъ и расплавленный воскъ попадаютъ въ ушной проходъ и вытекаетъ оттуда въ видѣ густой черной жидкости. Пускаютъ въ ухо также „маёве масло“, т. е. коровье масло, собранное въ маѣ.

Зубныя боли почти во всѣхъ случаяхъ лѣчатся заговорами. Въ заговорахъ всегда упоминается „мисяць“, по большей части „молодыкъ“, иногда только вскользь; напр.: „Первымъ разомъ, Божимъ часомъ, мисяць на неби, камень у мори, мертвый у гроби. Якъ изыйдуця си тры браты хлиба соли глытаты, тоди буде болизнь мои зубы ламаты“... Или же заговоры имѣютъ форму молитвы къ молодику: „Молодыкъ, молодыкъ! тоби—вповни, мыни—на здоровья“... и проч. Иногда при этомъ у мѣсяца про-

*) Такихъ «крыныцъ», чудесно вышедшихъ изъ земли, нѣсколько въ Переяслав. уѣздѣ. Обыкновенно онѣ откапываются по указанію свыше, полученному кѣмъ-либо во снѣ. Надъ ними ставятъ крестъ или «каплыцю» (часовня). На крестѣ помѣщаютъ изображеніе св. Пятницы (Параскевы). Разъ въ годъ надъ «крыныцею» совершаютъ водосвятіе, при большомъ стеченіи народа. На одной изъ такихъ «каплыцъ», близъ с. Недры, я прочелъ слѣд. надпись: «1881 Гда вадрилось во сни не верте мини А верте творцу небесному. Освящается храма Господняго на троицу».

сятъ, кромѣ здоровья, счастія и богатства: „тоби—золоти рогы, а мыни—волы та коровы, тоби—рай на неби, мыни—рай на земли“... Очевидно, эти молитвы къ мѣсяцу имѣли когда-то болѣе широкое значеніе, и только потомъ сузились до заговора отъ зубовъ. Если отъ зубовъ шепчетъ ворожка, то она прикасается своею рукою къ подбородку больного, иногда велитъ перекреститься или сплюнуть. Для предупрежденія зубной боли совѣтуютъ обувать въ сапогъ прежде лѣвую ногу, а потомъ правую. Изъ лѣкарственныхъ средствъ употребляютъ подкуриваніе блéкотою (Hyosciamus niger), засушенною вмѣстѣ съ зернами. Дѣлается это такъ: больному велятъ наклониться надъ миской съ водой и накрываютъ его сверху простыней или платкомъ; зажигаютъ высушенную блекоту и держатъ ее у рта больного, чтобы дымъ шелъ въ ротъ; при этомъ въ миску съ водою падаютъ, по увѣренію крестьянъ, маленькіе червячки изъ больныхъ зубовъ. Это — зерна блекоты, похожія по виду на свернувшихся червячковъ *). Блекота имѣетъ болеутоляющее дѣйствіе, а потому больной можетъ получить облегченіе, не говоря уже о вліяніи внушенія, какому больной подвергается этой процедурой. Къ болящему зубу прикладываютъ иногда блекотное масло домашняго приготовленія: листья блекоты кипятятся въ деревян. маслѣ. Молочные зубы у дѣтей вырываются при помощи нитки тотчасъ, какъ только начали шататься. Вырванный зубъ велятъ закинуть на чердакъ, стоя къ нему спиною и приговаривая: „Мышка, мышка! на тоби зубокъ костяный, а мыни дай залізный“! Отъ этого, будто бы, постоянные зубы выростутъ крѣпче.

Изъ лихорадочныхъ и инфекціонныхъ болѣзней наибольшее количество средствъ предлагается отъ лихорадки (пропасныця, трясця, лыхоманка). Если причиною ознобъ, ломоты въ суставахъ и проч. считается „прыстрить“, то шепчутъ соотвѣтствующую „молитву“, чтобы болѣзнь „ишла на очерета, на болота“ и т. д. Просто же отъ лихорадки совѣтуютъ пользоваться зажженнымъ гнѣздомъ птички ремеза, вѣшать на шею больному жабу въ мѣшечкѣ; вѣшаютъ на шею также нитку, на которой,

*) Въ Сѣдлецкой губ. мѣстные малоруссы въ этомъ случаѣ поступаютъ такъ: свертываютъ бумажную трубочку, насыпаютъ въ нее зеренъ блекоты и однимъ концомъ вставляютъ въ дупло больного зуба, а другой конецъ зажигаютъ: горячій дымъ, проходящій изъ трубки въ дупло, прекращаетъ боль. *Ред.*

во время чтенія „страстей", завязаны узелки послѣ каждаго изъ 12 евангелій. Лѣчатъ также испугомъ: внезапно окачиваютъ больного холодной водой, а если больной подростокъ, то ведутъ его якобы утопить или повѣсить. Впрочемъ, находятъ, что этотъ способъ лѣченія грѣшенъ; разсказываютъ даже, что разъ мальчикъ умеръ при выполненіи мнимаго намѣренія повѣсить его. Совѣтуютъ также пить: водочную настойку рѣчного рака, водочныя и водныя настойки „бобивныку" (Trifol. fibr.) „полыню" (Artemisia absinthium), „деревію" (Achillea millifolium), а въ упорныхъ случаяхъ — „кинськго молочаю" (Euphorbia peplus). Въ новѣйшее время большинство крестьянъ знаетъ о противулихорадочномъ дѣйствіи хинина и, являясь въ земскія амбулаторіи, прямо заявляетъ: „дайте мыни хины одъ пропасныци".

Такъ какъ тифъ и другія общія тяжелыя заболѣванія считаются происшедшими отъ дурныхъ людей или отъ „закрутки", то принимаются и соотвѣтствующія мѣры: приглашаютъ ворожекъ пошептать или уничтожить закрутку. Ворожея, явившись въ хату паціента, ищетъ закрутку, прислушиваясь въ отворенную форточку окна, или нюхая въ дымовой трубѣ. Потомъ направляется къ какой-либо постройкѣ и торжественно вытаскиваетъ изъ-подъ крыши закрутку, которую тутъ-же успѣла сунуть туда изъ рукава; далѣе читаетъ заговоры (которыхъ мнѣ не удалось добыть) и сожигаетъ закрутку. Приглашаютъ также священника для уничтоженія закрутки или для водосвятія надъ головою больного, потерявшаго сознаніе. Къ горячей головѣ больного прикладываютъ въ качествѣ жаропонижающаго„ бурякъ" (Beta vulgaris), листья капусты (Brassica oleracea) и лопуха (Lappa major). Внутрь даютъ свѣжія и моченыя яблоки, вишни, компотъ фруктовый („узваръ"). Во время выздоровленія у больного обыкновенно появляется головокруженіе и потемнѣніе въ глазахъ вслѣдствіе сильнаго малокровія. Это считается признакомъ „крови", въ излишкѣ налегающей на голову, и въ такомъ случаѣ ставятъ піявки или кровесосныя банки на спину, почти всегда въ большомъ количествѣ. Разумѣется, это приноситъ больному громадный вредъ. При оспѣ и кори почти ничего не дѣлаютъ, ждутъ, пока болѣзнь окончится, и успокаиваются тѣмъ, что она не повторяется. Оспенные струпья иногда мажутъ гусинымъ жиромъ, а больнымъ дѣтямъ нѣкоторыя предусмотрительныя матери свя

зываютъ руки, чтобы дитя не срывало струпьевъ, въ противномъ случаѣ слѣды оспы па лицѣ будутъ значительнѣе. Сыпь при скарлатинѣ смѣшиваютъ съ корью, а при пораженіи зѣва, равно какъ и при дифтеритѣ, употребляютъ тѣ-же средства, что и вообще при болѣзняхъ горла (см. выше). Рожа („бышиха“) лѣчится прикладываніемъ сметаны, „вершка“ (сливокъ).

Несчастные случаи утопленія, повѣшенія и т. п.—вызываютъ страхъ въ окружающихъ. Въ водѣ, гдѣ утонулъ человѣкъ, перестаютъ на первое время купаться. Повѣсившагося не снимаютъ съ петли и не стараются оживить—боятся. Но утопленника ищутъ въ водѣ и затѣмъ откачиваютъ. Если затрудняются найти утонувшаго, то пускаютъ въ воду тарелку съ ладаномъ; гдѣ она остановится, тамъ и надо искать утонувшаго. Человѣка, упавшаго съ высоты, считаютъ нужнымъ оттащить въ сторону съ того мѣста, на которое онъ упалъ, и на послѣднее налить воды. При переломахъ костей рукъ или ногъ накладываютъ неподвижную повязку изъ лубковъ, а внутрь даютъ пить съ водою опилки мѣди, въ надеждѣ что мѣдь будетъ спаивать отломки кости. При вывихахъ суставовъ практикуется единственный способъ вправленія—вытягиваніе вывихнутаго члена. Кромѣ того, поломанные, вывихнутые и ушибленные члены любятъ парить въ горячей водѣ, что, конечно, приноситъ вредъ, усиливая воспаленіе.

Отъ укушенія гадюки приглашаютъ знахарей шептать заговоры, въ которыхъ обращаются къ змѣѣ-царицѣ: „....прошу я тебе, збирай своихъ змій: полёвыхъ, водяныхъ, гноёвыхъ..., нехай воны желавы не мають, пухлятыну знимають....“, въ противномъ случаѣ Господь накажетъ ихъ: „....громомъ побье, дощемъ залье, огнемъ попалыть....“. Отъ укушенія пчелы или осы прикладываютъ къ укушенному мѣсту мѣдную монету или прижимаютъ ножемъ; въ томъ и другомъ случаѣ средство уменьшаетъ опухоль отнимая жаръ и производя давленіе. Отъ укушенія бѣшеной собаки и даже отъ вѣтра, повѣявшаго со стороны ея, заводятся подъ языкомъ „щенята“, которыхъ ворожеи срываютъ иголкою и натираютъ солью. При этомъ внутрь даютъ настой „дроку“ (Genista tinctoria), одурманивающаго и производящаго рвоту.

Остается сказать нѣсколько словъ о средствахъ отъ паразитовъ. Вши и блохи истребляются первобытнымъ способомъ—вы-

лавливаются руками. Иногда покупаютъ сѣрую ртутную мазь и мажутъ волосы. Это-же средство употребляется и отъ „малдавошокъ“, паразитовъ, поселяющихся въ пахахъ. На земляной полъ и постель кладутъ свѣжій „гавьяръ“ (Acorus calamus) отъ блохъ. Съ этой-же цѣлью употребляютъ листья волошскаго орѣха (Iuglans regia). Черви (личинки насѣкомыхъ) изгоняются изъ гноящихся язвъ и полостей (уха и пр.) скипидаромъ, сокомъ свѣжихъ листьевъ табаку. Чесотку лѣчатъ смѣсью сѣры, дегтя и луку, подогрѣтыхъ на огнѣ и смѣшанныхъ. Отдѣльныя мѣста, пораженныя чесоткой, мажутъ растворомъ синяго камня (Cuprum sulphur.), которымъ мажутъ и другія сыпи. „Жуки“, „прусаки“ (тараканы), кусающіе спящихъ домочадцевъ и причиняющіе много непріятностей, изводятся различно. Говорятъ, что они сойдутъ со двора, если ихъ нѣсколько штукъ подбросить въ сосѣдскую хату, гдѣ ихъ до сихъ поръ не было. Зимою, когда тараканы собираются у печки, ихъ выметаютъ на морозъ, или же на нѣсколько дней выселяются изъ хаты и вымораживаютъ такимъ образомъ жуковъ. Совѣтуютъ еще такой способъ: привязать за веревочку башмакъ, на подобіе дѣтской повозочки, посадить туда жука и везти его за село; кто-либо другой долженъ итти сзади и спрашивать: „Ой, жучку, жучку, куды ты одъизжаешъ, нащо ты насъ покидаешъ?“ Послѣ такихъ торжественныхъ проводовъ остальные жуки сами будто-бы выселятся изъ хаты. Впрочемъ, многіе крестьяне думаютъ, что жуковъ и таракановъ не слѣдуетъ изводить въ домѣ, потому что „якъ жуки зведуця, то и хазяйство зведеця“.

Гр. Коваленко.

Къ предыдущей статьѣ можемъ добавить нѣсколько отрывочныхъ свѣдѣній по тому же вопросу изъ нашихъ личныхъ наблюденій въ Новомосковскомъ уѣздѣ Екатеринославской губ.

1) *Отъ запоя.* а) Нужно найти мышенятъ въ ступицѣ отъ колеса (у колесника, или въ складѣ), настоять ихъ на водкѣ живьемъ и пить. б) Поятъ настойкой на дѣтскихъ экскрементахъ. в) Поятъ настойкой „на кошечимъ мозку зъ чорного кота“.

2) *Отъ лихорадки* зашиваютъ въ ладанку „гадючу головку“, или сухую жабу и носятъ нѣкоторое время на шеѣ, а затѣмъ

выбрасываютъ на перекрестную дорогу. б) Подкуриваются сушеными летучими мышами.

3) *Бородавки* чтобъ уничтожить, нужно ихъ „на молодыку“ посц....

4) „Якъ кинь пье, та ёму кризь заиды вода льется,—тіею водою у дитей *плисняеку* гоиты“.

5) „Якъ дивчина *не мыется*“ (нѣтъ регулъ), поятъ ее, какъ чаемъ, отваромъ изъ „доброго намыста, бузового та лыпового цвиту“.

6) *Отъ желтухи* носятъ на шеѣ янтарь.

7) Для скорѣйшаго прорыванія *нарыва* кладутъ глину, коломазь съ колесъ, садовую колировку, листъ подорожника и медвѣжьяго уха (Salvia aethiopis), печеный лукъ съ медомъ и мертвую жабу.

8) Отъ *швыдкои*, або *свистухы* (поносъ) поятъ сухарной водой.

9) Отъ *ризачкы* (кровавый поносъ) варятъ и пьютъ водяной „ризакъ“ (Stratiotes aloides).

10) При *дифтеритѣ* (дёгтёрыкъ) шея больного закладывается между бичемъ и „ципыльномъ“ молотильнаго цѣпа и сдавливается знахаремъ ad libitum, причемъ читаются заклинанія и производятся сплёвыванія.

11) Отъ *сухитъ* купаютъ дѣтей въ шишкахъ „ывыны“. Это верба, у которой на концахъ вѣтвей образуются шишковидные наросты отъ какого-то насѣкомаго (?).

12) Крестьянскія свиньи часто являются зараженными пузырчатой *глистой*. Крестьяне на это мало обращаютъ вниманія и считаютъ зараженное мясо особенно вкуснымъ—„съ присцѐмъ“ (съ просомъ). Полагаютъ, что происходитъ это оттого, если свинью кормить просомъ изъ сита или рѣшета.

13) *Коросту* у лошадей лѣчатъ „свитлухой“. Это минеральнаго блеска налетъ на дегтярной водѣ,—самое будто-бы радикальное средство.

14) Отъ желудочныхъ болей у лошади заливаютъ ее крутымъ растворомъ соли.

15) Отъ *запалу* даютъ въ зернѣ „ладожныкъ“ (бодягу). .

16) Отъ *паскудныка* (лихорадка) натираютъ во рту, уши и глаза солью.

17) Отъ *бѣшенства* собакамъ къ корму примѣшиваютъ настой изъ ржаваго желѣза.

18) *Клопы* боятся „товарячои (отъ скотины) жовчи“. „Або визьмы жабурыння (жижу) зъ дыни, дай iй трохы закыснуты тай помажь щилыны, де клопы,—уразъ переведутся.

19) Чтобы ускорить ростъ хвоста у лошади, замываютъ „рипыцю“ квасомъ.

20) „Якъ хто всц.....ся, такъ треба ёго на двиръ водыты у глухый кинець воритъ“.

21) Отъ *золотухи* дѣтей купаютъ въ отварѣ однолѣтнихъ побѣговъ съ сладкой яблони.

22) „Якъ чоловиковы одрыгается, такъ це у ёго кровъ на серце капа“.

23) Когда „скаженюка“ (бѣшен.) покусаетъ скотину, то нужно на перекинутой кверху дномъ сковородѣ жарить муку, непремѣнно на пламени, и затѣмъ давать раненой скотинѣ черезъ сѣнный порогъ, если скотина на дворѣ, или черезъ „повитчаный“, если она въ „повиткѣ“ (хлѣву).

24) „Не писля всякои скаженюкы, якъ покача скотъ або що, казытся. Якъ упаде волосъ у волосъ, такъ тильки тоди; а якъ не до масти, такъ байдуже (пустяки): руда собака—и руда скотыняка“.

25) „*Куряча слипота* напада, якъ уступышъ у ту золу, що жинка вынесе до схидъ сонця, або по заходи“.

26) Сила заговора теряется, если знахарь читалъ заговоръ жиду.

27) Заговоръ дѣйствуетъ до смерти заговаривателя, послѣ чего боль снова возвращается.

28) Отъ *грыжи* раскалываютъ молодой (на корню) дубокъ, съ корня чуть не до вершины, затѣмъ сгибаютъ такъ, чтобы въ разщелину могъ пролѣзть больной, и заставляютъ его пролѣзать три раза.

29) Отъ *сухотъ* купаютъ дитя вмѣстѣ съ чернымъ котенкомъ, послѣ чего „сухоты“ переходятъ на котенка: онъ сохнетъ и околѣваетъ.

30) Въ мертвыхъ пчелахъ купаютъ дѣтей: если дитя выдержитъ, то долго будетъ жить.

31) „Одъ переминной (при перемѣнѣ) воды напада чоловика нужа“.

32) Чужой ложкой негодится ѣсть: нападутъ „заиды“.

33) Если послѣ борща болитъ животъ, значитъ стряпуха б.... время варки.

34) „Майстеръ може закласты хату, на що хоче: якъ на скотъ— такъ скотъ буде у хазяина пропадать, чи на кишку (кошку)— кишо̀къ у хати не буде; а то зробе такъ, що и дитей не буде: тилько яке вылупытся – такъ и вмре".

35) „Не годытся кроливъ водыты, де скотъ есть".

36) Гнѣздо птицы *ремеза*. „Якъ вона (самка) у ёго перва, такъ и гниздо буде зъ одніею диркою, а якъ друга—такъ зъ двома. Зъ одніею диркою тилько и йде гниздо въ дило: ёго святять зъ паска̀мы та коровъ пидкурюють".

37) „Якъ де заведутся гадюкы, помажь яку дёгтемъ — уси змандрують. У гадыны есть скрытни ногы; вона ихъ выпуска тильки тоди, якъ дуже тика̀". Ребятишки, найдя змѣю, обкладывають ее огнемъ, въ надеждѣ увидѣть эти скрытыя ноги.

38) Жаба въ крыницѣ считается полезной: она „зловлюе на себе той ядъ, що бува гадына у крыныцю напусте". Земляная жаба ядовита и кусается. Ядовита также „скракуля—велыка зелена жаба; живе бильшъ у болоти, бува и у ричци".

39) Волосы послѣ стрижки сжигаютъ, чтобы голова не болѣла.

40) Обрѣзанные ногти прячутъ за пазуху или въ карманъ; говорятъ, что если ихъ разбрасывать, то на томъ свѣтѣ не взлѣзешь на стекляную гору.

Ив. Манжура.

СМѢСЬ.

Праздникъ Благовѣщенія въ Саранск. у. Пенз. г.

(*Обычаи и повѣрья.*)

Въ настоящее время излишне было бы доказывать ту мысль, что чѣмъ пристальнѣе всматриваешься въ строй жизни «человѣка деревни», нашего простолюдина, въ его религіозныя вѣрованія, въ семейно-общественную жизнь, въ его нравственный и умственный кругозоръ, тѣмъ болѣе расширяется для этнографа кругъ изслѣдованія, обогащая его подчасъ мелкими на видъ, но интересными и важными въ общей сложности фактами, хотя бы они касались и узко-ограниченнаго района.

Въ частности изученіе нашихъ церковныхъ праздниковъ со стороны связанныхъ съ ними обычаевъ и повѣрій представляется однимъ изъ интереснѣйшихъ этнографическихъ вопросовъ, къ которому и примыкаетъ наша замѣтка. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ большинствѣ вопросовъ этнографической науки, мы наблюдаемъ тотъ фактъ, что современныя воззрѣнія нашего народа носятъ на себѣ яркій отпечатокъ суевѣрій, который наложила на него отчасти глубокая старина съ ея миѳологическимъ міросозерцаніемъ, отчасти позднѣйшая бытовая обстановка, отчасти наконецъ книжное, апокрифическое вліяніе.

Праздникъ Благовѣщенія Пресвятой Дѣвы Маріи, совершающійся въ первый весенній мѣсяцъ, одинъ изъ самыхъ торжественныхъ и благоговѣйно чтимыхъ Церковью. Въ то же время это какъ разъ первый изъ весеннихъ большихъ народныхъ праздниковъ, если не считать такихъ, какъ день св. Евдокіи (1 марта), Сорокъ Мучениковъ (9 мар.), Алексѣя Божія Человѣка (17 мар.) и, пожалуй, еще день св. Даріи (19 мар.).

Какъ извѣстно, народныя весеннія празднества начинаются «закликаніемъ» весны, которое и совершается 1 марта, на Сорокъ Мучениковъ и на Благовѣщеніе, а затѣмъ повторяется на Пасхѣ и на Красной горкѣ. *) У нашихъ предковъ закликаніе весны сопровождалось, да и въ настоящее время сопровождается разными обрядами съ пріуроченными къ этому времени жертвоприношеніями. Такъ, на народныя празднества 1 марта, на Сорокъ Мучениковъ и Благовѣщеніе нѣкоторыя изъ поселянокъ, при закатѣ солнца, разстилаютъ на проталинкахъ свои холсты первой ткани, кладутъ на нихъ пироги и говорятъ: «вотъ тебѣ, матушка - весна!» Приношенія крестьянокъ остаются тамъ и на ночь, а приносители идутъ во-свояси, въ надеждѣ, что «матушка-весна» за принесенную ими хлѣбъ-соль уродитъ въ изобиліи хлѣбъ, ленъ и посконь. Закликая весну на Благовѣщеніе, крестьянскія дѣти обращаются къ веснѣ, какъ къ творческому существу, къ плодотворящей силѣ:

Благослови, Боже, Благослови, Мати,
Весну закликати, зиму провожати!
Весна, весна красная!
Приди, весна, съ радостью, съ великою милостью:
Со льномъ высокимъ, съ хлѣбами обильными и проч.

---

*) Оно описано Снегиревымъ, Сахаровымъ и др.

Ой, весна, весна красная!
На чемъ пришла, на чемъ пріѣхала?
На сошечкѣ, на бороночкѣ.

Обрядовая сторона праздника встрѣчи весны на Благовѣщеніе повсюду разнообразится соотвѣтственно характеру мѣстности, климату и, главное, религіозно-бытовымъ понятіямъ крестьянъ. По своему же внутреннему содержанію эти закликанія и разныя примѣты имѣютъ то общее, что все это остатки язычества. И въ настоящее время, въ эпоху религіозно-нравственнаго и научнаго просвѣщенія, въ крестьянскомъ быту существуютъ разнаго рода обычаи, обряды, примѣты и предразсудки, соединяемые съ праздникомъ Благовѣщенія.

Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашей губерніи даже наканунѣ самаго праздника замѣчается въ жизни крестьянъ много суевѣрнаго. Въ то время, какъ церковныя правила твердятъ, что слѣдуетъ приготовиться къ празднику по должному (православному), въ крестьянской средѣ наканунѣ Благовѣщенія происходитъ нѣчто совсѣмъ противное: предъ самымъ праздникомъ крестьяне сжигаютъ въ своихъ клѣтяхъ (амбарушкахъ) солому, которая служила у нихъ «подстилкою» для отдыха въ теплые зимніе дни; дымомъ окуриваютъ они свои одежды и углы избъ, мотивируя этотъ суевѣрный обычай тѣмъ, что чрезъ такой обрядъ сжиганія и окуриванія изгоняются нечистыя силы и удаляются разнаго рода «болѣсти» *).

Но вотъ наступилъ и самый праздникъ: всѣ спѣшатъ, по первому удару колокола, въ храмъ «по рану»; дôма остаются лишь старый, малый да старшâя. Послѣдняя, какъ хозяйка дома, готовитъ у печи рыбное къ крестьянскому столу и мѣситъ пшеничныя или ржаныя «кулебяшки», своею формою похожія на просфоры. Послѣ обѣдни молодежь собирается на деревенскую улицу; все характеризуется чисто весеннимъ, майскимъ времяпрепровожденіемъ: азартныя игры — «въ орлянку», «въ карты», и «въ банковку», «горѣлошки», хороводъ крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвицъ, давно уже собравшихся гдѣ-нибудь на лужайкѣ («проточенькѣ») и прочія игры, — всѣ эти развлеченія повсюду распространены по деревнямъ въ нашей губерніи. «Играть можно» до поздняго вечера въ хороводѣ, а «работâть грѣшно»,—мысль, которую можно сплошь и рядомъ услышать по этому случаю отъ крестьянъ. Дѣйствительно, на дворѣ или гумнѣ не увидишь ни одного поселянина; скотина стоитъ безъ корму, а на гумно за хлѣбомъ не выйдетъ домохозяинъ. Между тѣмъ въ другіе, хотя и бôльшіе церковные праздники въ деревнѣ бываютъ и «помоча»: возятъ сѣно, дрова, молотятъ, жнутъ (напр. на Петровъ и Ильинъ дни) и прочія полевыя и домашнія хозяйственныя работы исполняютъ. Первая вѣстница приближенія скорой весны, ласточка, вакъ и всякая другая Божья пташка, не вьетъ себѣ гнѣзда въ этотъ день. Въ одномъ сборникѣ Соловецкой библіотеки (по А. Щапову) разсказывается, какъ въ 1641 г. явилась сама Богородица къ нѣкой женѣ, именемъ Ѳеклѣ, и былъ отъ нея гласъ, чтобы христіане въ праздники никакой работы не работали; „буде покаются и преостанутъ отъ такого неуваженія къ празднику, и Господь дастъ изобилія многое множество, а будетъ христіане сему явленію и наказанію моему не повѣрятъ, тогда за ихъ непослушаніе будетъ на землю каменія много, испущу съ небесъ молніе огненное... и ледъ и мракъ спущу...“ Въ другіе большіе Богородичные праздники не слѣдуетъ работать, тѣмъ болѣе безусловно не должно приниматься за дѣло на праздникъ Благовѣщенія. Въ избѣжаніе всякой работы нѣкоторые изъ поселянъ не зажигаютъ даже вечеромъ огонь. Мотивомъ къ этому предразсудку выставляется боязнь быть убиту «грозой-молнію» въ наступающую весну. Другого сорта крестьянское повѣрье: «старшâя» въ семьѣ не позволяетъ никому изъ своихъ домашнихъ смотрѣть на ея кросна, поставленныя на весну, или вообще на пряжу, мотивируя свое положеніе опасеніемъ подвергнуться будущимъ лѣтомъ укушенію лѣсной змѣи. Какое соотношеніе можетъ быть между пряжею и змѣею?.. А кому неизвѣстно (да и въ поученіяхъ сельскихъ пастырей, помѣщаемыхъ въ «Епар. Вѣд.», объ этомъ упоминалось) суевѣріе народа,

---

*) Извѣстно, что въ иныхъ краяхъ сжигаютъ бѣлье больныхъ въ предохраненіе ихъ отъ «сглазу» и прочихъ чаръ. Авторъ.

пріуроченное къ Благовѣщенію, будто этотъ праздникъ имѣетъ отношеніе къ воровству? Кража, хорошо удавшаяся на Благовѣщеніе, считается у народа прочнымъ обезпеченіемъ на цѣлый годъ.

Въ нашихъ селахъ на праздникъ Благовѣщенія существуетъ еще обычай печь просфоры. Въ недавнее время въ сельцѣ Козловкѣ Саранскаго уѣзда мѣстный причтъ изъ села Городищъ за нѣсколько дней до праздника ходилъ съ «постною молитвой», собирая съ православныхъ мукой. Были щедрые жертвователи и деньгами и натурою, и на сумму общей денежной кружки покупали въ Саранскѣ или на ближайшихъ къ селу базарахъ (въ селахъ Ладѣ и Ромодановѣ) «конфетную», т. е. перваго сорта пшеничную муку. Затѣмъ, ко дню Благовѣщенія пеклись просфоры какъ изъ пшеничной, такъ и ржаной муки. Пшеничныя просфоры въ обѣдню подавались за проскомидіею «о здравіи» жертвователей, а ржаныя мѣстнымъ священникомъ освящались и причетникъ раздавалъ ихъ всѣмъ богомольцамъ, членамъ каждой крестьянской семьи. Въ Тульской, Орловской, Курской и прочихъ центральныхъ губерніяхъ просфоры пекутся изъ «мірской» муки, потребляемой изъ общественнаго амбара—«магазéя». Благовѣщенская просфора имѣетъ для нашего крестьянина-хлѣбопашца особенное значеніе по отношенію къ будущему урожаю, особенно яровыхъ хлѣбовъ. Домохозяинъ кладетъ просфору эту въ «сусѣкъ» (закромъ), куда ссыпается яровой хлѣбъ, и хранитъ ее до времени перваго посѣва. Отправляясь сѣять, крестьянинъ затепливаетъ свѣчи и непремѣнно свѣчи «страстныя», съ которыми его домашніе были въ Великій четвергъ у «стоянія». Послѣ извѣстной молитвы «старшóй» раздѣляетъ на части благовѣщенскую просфору между домашними, а одну часть беретъ съ собой въ поле, „на загонъ"; здѣсь онъ предъ самымъ посѣвомъ молится Богородицѣ и съѣдаетъ частицу просфоры. Въ иныхъ же мѣстахъ сѣятели зарываютъ крошки, частички этой просфоры въ землю. Мотивомъ къ этимъ обычаямъ, повѣрьямъ, примѣтамъ служитъ взглядъ на Богородицу, какъ на властительницу пробуждающейся жизни весенней природы и покровительницу плодородія вообще и яровыхъ хлѣбовъ въ частности. Такъ, напримѣръ, во Владимірской губерніи крестьяне предъ первымъ весеннимъ дождемъ обращаются къ Богородицѣ съ такимъ причитаніемъ:

Мать Божія! подавай дождя
На нашъ ячмень, на барскій хмѣль. (Терещ. V. 13).

Впрочемъ вышеуказанный взглядъ на Богородицу выражается не только въ обычаяхъ, обрядахъ, повѣрьяхъ и примѣтахъ, соединяемыхъ со днемъ праздника Благовѣщенія, но и во многихъ другихъ народныхъ вѣрованіяхъ, пріуроченныхъ къ инымъ праздникамъ.

Итакъ, простонародныя воззрѣнія на весну, какъ на существо живое, благодатное и творческое, поддерживаемыя разнаго рода суевѣрными обычаями, примѣтами и повѣрьями на праздникъ Благовѣщенія, очевидно, идутъ въ разрѣзъ съ духомъ церковнаго ученія. Какъ же долженъ относиться къ этимъ воззрѣніямъ и вѣрованіямъ руководитель религіозно-нравственнаго просвѣщенія крестьянской семьи, сельскій священникъ? Его обязанность, конечно, должна состоять въ разъясненіи смысла и происхожденія суевѣрныхъ обычаевъ и примѣтъ въ день Благовѣщенія, какъ и въ другія празднества, тогда и его просвѣтительная задача будетъ выполнена скорѣе и легче. Но для этого необходимо самому священнику раціонально ознакомиться съ ходячими повѣріями и съ апокрифической отреченной литературой съ одной стороны, и съ результатами научныхъ изысканій въ этой области—съ другой. Къ сожалѣнію, среди сельскаго духовенства немного найдется такихъ священниковъ, которые бы обладали необходимыми для этого познаніями, и это объясняется отчасти недосугомъ, отчасти отсутствіемъ любознательности и охоты къ изученію окружающей ихъ жизни, отчасти наконецъ тѣмъ, что труды лучшихъ нашихъ изслѣдователей въ области русской народной словесности (Буслаева, Пыпина, Тихонравова, Снегирева, Сахарова, Рыбникова, Кирѣевскаго, Порфирьева и мн. др.) остаются для нихъ неизвѣстны и мало доступны. Остается надѣяться, что открывшіяся въ послѣдніе годы въ Москвѣ и потомъ въ Петербургѣ болѣе доступныя періодическія изданія, посвященныя спеціально этнографическому изученію русской народной жизни, сколько-нибудь оживятъ самодѣятельность сельскаго духовенства въ этомъ направленіи.

Свящ. Н. Н. Н...ловъ.

Иванъ Купала

(въ д. Углахъ Слуцкаго уѣзда, Минской губ.).

Крѣпко держится русскій народъ старины. «Какъ отцы, дѣды, такъ и мы», — вотъ девизъ русскаго крестьянина; но все-таки мало-по-малу, незамѣтно старина исчезаетъ; разные древніе обряды, чисто языческаго характера, подъ вліяніемъ христіанства и образованія, забываются. Встрѣчаются только, какъ бы оазисы, нѣкоторыя глухія деревни, гдѣ остались извѣстные старинные обычаи и обряды. Такъ, въ Минской губ., въ Слуцкомъ напр. уѣздѣ, почти нигдѣ не совершается празднествъ въ честь Купалы наканунѣ 24 іюня; исключеніе составляетъ деревня Углы и другая сосѣдняя деревня, гдѣ еще есть остатки празднествъ въ честь Купалы.

Издавна всѣ славянскія племена совершали это празднество, отличительною чертою котораго считается возжженіе костровъ. «Въ ночь на 24 іюня, какъ скоро загорятся Ивановскіе огни, Карпаты, Судеты и Исполиновы горы представляютъ истинно-великолѣпное зрѣлище»,—говоритъ Аѳанасьевъ (Поэт. воззр. III, 714). На Руси въ этотъ день употреблялся живой огонь, получаемый отъ тренія сухого дерева. Разводились костры, прыгали чрезъ нихъ, пѣлись пѣсни въ честь Купалы, дѣвушки гадали, причемъ бывали плясанія, сопровождавшіяся ничѣмъ не сдерживаемымъ разгуломъ молодежи. Все это въ настоящее время выводится, исключая развѣ какихъ-нибудь глухихъ уголковъ, какіе еще можно найти въ Бѣлоруссіи.

На празднествѣ въ честь Купалы мнѣ между прочимъ пришлось однажды присутствовать среди крестьянъ въ названной глухой деревнѣ Углы, Минской губ. Слуцкаго у.

Должно замѣтить, что въ настоящее время по общему народному повѣрью наканунѣ Купалы 23 іюня вѣдьмы усиленно стараются дѣлать зло людямъ, высасывать молоко у коровъ, отнимать у посѣвовъ, особенно льна, спорь, т. е. урожай; поэтому, крестьяне употребляютъ всѣ средства, чтобы отнять у вѣдьмы возможность вредить человѣку.

Издревле народная фантазія населила воздушныя области особенными миѳическими существами, духами, которымъ приписывалась особенная мудрость, пророчество, даръ поэзіи, цѣленія, и т. д. Подобными свойствами отмѣчаются и служители ихъ гадатели, знахари, люди, находившіеся въ тѣсномъ общеніи съ ними. По народному вѣрованію и теперь находятся среди людей знахари, вѣдуны, отличающіеся высшимъ вѣдѣніемъ, знающіе свойства «лѣкарственныхъ травъ; то же и вѣдьмы, только это хвостатыя женщины, пользующіяся своими «чарами», извѣстными суевѣрными, таинственными обрядами для насланія бѣдъ людямъ.

Въ Молодечнѣ Вилейскаго уѣзда указываютъ даже признаки, по которымъ можно узнать вѣдьму; она на Купалу не можетъ удержаться, чтобы не попросить чего-нибудь у кого-нибудь изъ сосѣдей, преимущественно огня, спичекъ.

Возлѣ деревни Угловъ и въ окрестностяхъ всюду по полямъ, преимущественно гдѣ ленъ растетъ, втыкаютъ въ землю наканунѣ Купалы осиновыя вѣточки, чтобы вѣдьмы не отняли «спорь» (урожай). Осинѣ народное повѣріе придаетъ особенное свойство. Когда Добрыня Никитичъ убилъ змѣя, онъ повѣсилъ его на осину, отчего онъ не могъ ожить.

Для защиты отъ вѣдьмъ, выдаивающихъ молоко, пользуются осиновыми вѣтвями; на осиновомъ кострѣ сжигали колдуновъ; осиновый колъ вбиваютъ въ спину «упыря», чтобъ онъ не всталъ изъ гроба. Осиновыми вѣтвями пользуются и знахари. Давно пришлось мнѣ слышать отъ одного жителя м. Груздова Вилейскаго уѣзда, даже образованнаго человѣка, что онъ, страдая зубною болью, призвалъ къ себѣ крестьянина—знахаря, который срѣзалъ три осиновыхъ колышка, дотронулся ими до зубовъ его, прошепталъ что-то, пошелъ въ садъ, вбилъ эти колышки подъ яблоню, и больной почувствовалъ, какъ боль замѣтно проходила и пропала совершенно.

Въ щели хлѣвовъ и домовъ, наканунѣ Купалы кладутъ (въ защиту отъ вѣдьмъ) крапиву; одинъ родъ крапивы мелкой называется *жижка*.

Но перейдемъ къ празднованію Купалы.

Часовъ въ 10 вечера парни изъ д. Угловъ отправились съ лошадьми въ поле на ночлегъ, а дѣвки, взявъ березки, оставшіяся отъ праздника Троицы, пошли съ пѣснями по деревнѣ на перекрестную дорогу. Въ какомъ домѣ есть холостой парень, предъ тѣмъ домомъ пѣли слѣдующую пѣсню:

1) Чаму, Яночка (или другое имя), ня женишься?
Чи твая хата не крытая, чи твая дзѣвочка не запитая?
— Моя хата закрытая, моя дзѣвочка запитая;
Моя хата не тручена, моя дзѣвочка заручена.
Изъ хмелю чмяли гнѣздо звили, а людзи дзѣўку разраяли.

Дорогою пѣли также слѣдующія пѣсни:

2) Да сягодня Купала, а завтра Йванъ,
Будзе, дзяцючки, лихо вамъ.
А якее лихо—лихое: пагоните собаки ў поле
Да атъ свиныя лябядзицы (*трава*),
Пагоните собаки до вадзицы.

3) Не вялика ночка Пятровочка, да не выспалася молодочка.
Ты-жъ, молодая молодка, ты ходзи съ нами на Купала.
— Ай же вы, дѣвочки, дивнесеньки,
Ёсь у меня дзицятко малесенько.
— Ужъ молодая молодка, да своей свякроўкѣ покорися,
Нехай твоего дзицятку поколыше.
Я жъ корилася и плакалася, —
Свякроў дзицятки не колыше.
Колыбелька моя скрипиць, а дзицятка пищиць.

4) Да йшло Купало сяломъ, сяломъ,
Да забило жабу калóмъ, калóмъ:
Да ўсѣмъ дзяцючкамъ по клешанцѣ,
Молодому Яночку совсѣмъ жабку:
Ёнъ яé облупиць да пошіе шапку;
Ёнъ же пойдзе женицися, будуть зъ яго людзи дзивицися;
Ёнъ же пойдзе вѣнчацися, будуть зъ яго людзи смѣяцися.

Эта пѣсня носитъ шуточный характеръ, но въ ней вспоминается Купала, убивающій жабу (лягушку). Лягушки и гады составляютъ какъ бы свиту вѣдьмъ, по общему народному повѣрью. Молоко у коровъ вѣдьмы отнимаютъ чаще всего при посредствѣ лягушекъ, высасывающихъ молоко; такихъ лягушекъ бѣлоруссы называютъ большею частью «рапўхами».

Толпа дѣвицъ, съ вышеуказанными пѣснями, сопровождаемая дѣтьми, идущими сзади и несущими солому, останавливается за деревней на перекресткѣ. На шестѣ утверждаютъ вверху колесо старое, ящикъ отъ дёгтя (мазницу), обкладываютъ соломой и зажигаютъ. Когда шесть упадетъ, бросаютъ на горящее колесо березки, и устраивается костеръ, чрезъ который прыгаютъ, а когда потухаетъ костеръ, головни бросаютъ другъ на друга. Послѣ этого идутъ въ деревню, появляются парни съ музыкой, и начинаются танцы, при чемъ какъ-то плохо гармонировали съ стариной «кадриль» и «полька», забравшіяся въ такую глушь. Пока горитъ колесо, поютъ слѣдующую пѣсню:

5) Да горѣла Купала яснесенько,
На Купалѣ дзяцючковъ повнесенько;
Да горѣла Купала, погорѣла,
На Купалѣ дзяцючковъ поголѣло;
Да горѣла Купала съ повночи,
Да повыпекло вѣдзьмѣ вочи,
Кабъ вона въ ночи не ходзила,
Да намъ шкоды не робила.

Отправляясь спать, дѣвицы срываютъ траву «трипутникъ» со словами:
«Трипутникъ, трипутникъ, ты стоишь при дарозѣ,
Бачишь старóго й малóго,—покажи мнѣ моего милóго».

Послѣ этого нельзя уже «жўпици»—разговаривать.

Указанная деревня Углы представляетъ собою единственное мѣсто въ Слуцкомъ уѣздѣ и сосѣднихъ, гдѣ еще сохранился старинный обычай празднованія Купалы. Деревня эта стоитъ въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ, крестьяне ея рѣдко выѣзжаютъ куда-нибудь въ городъ или мѣстечко; нѣкоторые ни разу не бывали даже въ сосѣднемъ мѣстечкѣ.

П. Бывалькевичъ.

Обычаи грузинскихъ крестьянъ при пахаліи.

Извѣстно, что грузинскій плугъ требуетъ отъ земледѣльца большихъ хлопотъ и большихъ расходовъ. Для него необходимы шесть или, по крайней мѣрѣ, пять человѣкъ работниковъ, десять или восемь паръ воловъ, много сложной упряжи и разныхъ приспособленій. Нужно быть очень состоятельнымъ человѣкомъ, чтобы имѣть возможность пахать своими собственными средствами. Иногда въ цѣломъ участкѣ, напр., въ Іорскомъ ущельи, въ Кахетіи, въ одномъ только селеніи Сагареджо имѣются два такихъ человѣка. Остальные же плуги составляютъ собственность нѣсколькихъ домовъ сообща. Малая семья,—въ противоположность большой семьѣ, обладающей достаточнымъ количествомъ буйволовъ, быковъ, коровъ, лошадей,—не можетъ сложить плугъ („гутани") на свои средства, и поэтому для составленія его приходится прибѣгать къ артели, въ которой участвуетъ нѣсколько малыхъ семей. Встрѣчаются плуги, принадлежащіе десяти и болѣе крестьянскимъ семьямъ. Случается, что одинъ плугъ складывается средствами и усиліями одной деревни. У одного дома имѣется рѣзакъ (сакветн) и двѣ пары воловъ (кевари—хари), у другого соха и ремень*), да одинъ еще погонщикъ при плугѣ, у третьяго же самъ пахарь и пара воловъ и т. д. Словомъ, составляется на артельныхъ началахъ „гутани", въ которомъ участвуютъ личнымъ трудомъ, предоставленіемъ скотины или орудій, необходимыхъ для оранки глубокаго и жирнаго чернозема страны. Такой плугъ принадлежитъ маленькому товариществу состоящему изъ пахаря, дневныхъ и ночныхъ погонщиковъ, а также разныхъ другихъ членовъ. Это товарищество плуга очень интересно какъ по внутреннему своему устройству, такъ равно по своимъ порядкамъ и правиламъ.

Глава всего товарищества—пахарь (гутнисъ-деда). Собрать всѣхъ участниковъ, это—его дѣло. Пахарь непремѣнно самъ долженъ имѣть деревянную часть плуга (гутнисъ-хе), ремни для воловъ (джамбара-апеури) и одну еще изъ частей плуга; число же собственныхъ воловъ зависитъ отъ его состоянія. Собирая участниковъ, онъ руководствуется слѣдующимъ обычаемъ: у кого больше воловъ при плугѣ, тотъ и въ правѣ имѣть при немъ же больше погонщиковъ и разныхъ составныхъ частей плуга. Имѣющему, напримѣръ, одну только пару воловъ, пахарь не позволитъ держать при плугѣ болѣе одного дневного погонщика, и то безъ всякихъ частей плуга; на четыре пары воловъ допускается одинъ ночной погонщикъ и одна или двѣ части плуга; на шесть паръ два погонщика: одинъ дневной и одинъ ночной и пр. Если у хозяина шести паръ воловъ не имѣется своихъ двухъ погонщиковъ или частей орудія,—пахарь беретъ ихъ у имѣющаго лишь четыре или двѣ пары воловъ; но этотъ обычай выполняется въ томъ лишь случаѣ, когда собственники четырехъ или двухъ паръ воловъ хотятъ имѣть своихъ погонщиковъ и свои орудія при плугѣ. Въ такихъ случаяхъ предпочтеніе оказывается хозяину большаго количества выставленныхъ воловъ. Если хозяева скота не имѣютъ своихъ погонщиковъ или тѣхъ или другихъ частей плуга,—пахарь достаетъ ихъ у другихъ участниковъ въ плугѣ.

Прежде, когда не было крестьянина голяка, не имѣвшаго своихъ воловъ, ни пахарь, ни погонщики не были участниками въ плугѣ безъ воловъ; теперь же, когда народилась бѣдность и появились по выраженію крестьянъ „безволовые люди" („ухаро каци"), пахарь и погонщики встрѣчаются изъ голяковъ, не имѣющихъ собственнаго хозяйственнаго инвентаря. Нужно, впрочемъ, добавить, что такіе бѣдняки не пользуются уваженіемъ въ виду того, что они будто „не умѣютъ щадить скотъ" и предпочитаютъ

*) „Гведи"—ремень дѣлаютъ изъ воловьихъ кожъ и съ его помощью запрягаютъ въ плугъ 8—10 паръ быковъ.

имѣть во главѣ такого пахаря и такихъ погонщиковъ, которые располагають своимъ скотомъ. Такимъ образомъ составляютъ пахари свои артельныя товарищества, и у каждаго изъ нихъ въ началѣ марта плугъ уже „связанъ" („шекрули гутани"), т.-е. товарищество готово для работы. Въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля, смотря по погодѣ, начинаютъ пахать. Сколько нужно отпахать, „предоставить ало" (дневное паханье) каждому участнику въ плугѣ: человѣку, волу, орудію,—все это разъ навсегда установлено дѣдовскимъ обычаемъ, переходитъ изъ поколѣнія и въ поколѣніе, и этой традиціи всѣ обязаны подчиняться и слѣдовать безпрекословно. Каждый плугъ пашетъ весною, напр., въ Іорскомъ ущельи въ продолженіе 31 дня или немного больше—меньше [1]). Это зависитъ отъ количества паръ воловъ, запряженныхъ въ плугъ. Въ эти тридцать одинъ день всѣмъ, человѣку, волу и орудію, отпахиваютъ ихъ долю, или, какъ выражаются крестьяне, «выводятъ полное ало» («срули ало»). Прежде чѣмъ указать, сколько приходится каждой единицѣ въ плугѣ трудоваго начала, необходимо отмѣтить, въ чемъ заключаются обязанности пахаря и работниковъ (погонщиковъ).

Пахарь-гутнисъ-деда, т.-е. мать плуга—первое лицо при оранкѣ. Держать плугъ, направлять и исправлять его—это его долгъ. Кромѣ этого большая еще нравственная отвѣтственность лежитъ на пахарѣ. Всѣмъ одинаково, для всѣхъ при равныхъ условіяхъ, онъ долженъ отпахивать ихъ долю въ плугѣ; никто не согласится съ нимъ, если одному онъ станетъ пахать въ дурную погоду, въ грязь, а другому—въ хорошую. Соблюденіе этого условія крайне важно въ виду того, что «ало» (дневное паханье) представляетъ такую мѣру земли, которую можетъ вспахивать полный плугъ въ теченіе одного дня [2]). Пахарь долженъ заботиться о волахъ, слѣдить, чтобы погонщики водили ихъ въ парѣ соотвѣтственно другъ другу, съ цѣлью устранить чрезмѣрную напряженность работы и утомленіе воловъ. Вечеромъ, когда выпрягается скотъ, пахарь приказываетъ погонщикамъ «отвести плугъ туда-то и туда-то», а самъ въ это время отправляется домой за провизіей. Послѣдняя заготовляется тѣмъ изъ участниковъ въ артели, доля котораго пашется въ то время. За этотъ трудъ пахарь получаетъ двухдневное «ало». Кромѣ того, ему же во время «анеулоба» (яровое), т. е. при паханіи въ апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ, дается нѣкоторыми вся вспашка перваго дня, называемая „гатреула". Но эта пашня бываетъ слишкомъ мала, плоха и съ большимъ количествомъ разбросанныхъ тамъ и сямъ невспаханныхъ полосъ («харведжи»), оставшихся еще вслѣдствіе неустановленія плуга. Впрочемъ, не всегда въ обычаѣ одаривать пахарей такимъ образомъ, а во время «наошоба» (озимое), т. е. при паханіи въ концѣ іюля, августа и слѣд. мѣсяцевъ, совершенно не принято сверхъ «двухъ-дневнаго ало» представлять пахарю еще вспашку перваго дня.

Послѣ пахаря первыя мѣста при плугѣ занимаютъ два ночныхъ погонщика (гамисъ—мехре). Они—возмужалые уже юноши, и обязанность ихъ погонять днемъ и стеречь ночью воловъ. Рано утромъ они должны пригнать воловъ къ плугу, впречь ихъ въ ремни и вообще привести все въ порядокъ къ приходу своего старшаго—пахаря. По воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ пасти воловъ и имѣть всяческій уходъ за ними—тоже ихъ обязанность, такъ что имъ по цѣлымъ недѣлямъ приходится пропадать изъ деревни. Ужасно трудна эта обязанность быть ночнымъ погонщикомъ, и о ней то говоритъ народная пѣсня:

«Знаетъ Богъ, о плугъ, какъ трудно ходить за тобою,
Днемъ скручивать прутья, ночи бодрствовать темныя».

---

1) Въ Ахалцихскомъ уѣздѣ артель пахарей работаетъ 24 дня. Здѣсь есть деревни, въ которыхъ домохозяева, соединяясь для совмѣстной обработки полей, работаютъ для каждаго изъ членовъ такого союза столько, сколько это для него необходимо, вспахиваютъ всѣмъ участникамъ то пространство, какое они хотѣли бы засѣять. *„Этногр. Обоз."* кн. X, мой очеркъ *«Месхи»*, стр. 25.

2) Поэтому «ало» носитъ названіе «дгіури» (отъ слова „дге"—день)—дневное паханіе, какъ итальянскій giornale есть единица одного рабочаго дня, нѣмецкій morgen также представляетъ работу одного дня, а названіе объясняется тѣмъ, что работа бываетъ преимущественно утренней. Такого же происхожденія англійская виргата.

За этотъ трудъ ночные погонщики получаютъ по трехдневному «ало», т. е. больше самого пахаря на одно «ало». [1]) «У ночныхъ погонщиковъ больше трудовъ; у нихъ собачья жизнь», говорятъ грузины, и отдѣляютъ для нихъ больше «ало». Воздавъ должную дань чувству справедливости, традиція продолжаетъ держаться во взаимныхъ отношеніяхъ ночныхъ погонщиковъ съ пахаремъ, который безъ ограниченія считается старшимъ надъ погонщиками. Послѣдніе во всемъ подчиняются ему, не смѣя ослушаться ни одного его слова и приказанія. Покорность ночныхъ погонщиковъ простирается до того, что сказывается въ самыхъ незначительныхъ, повидимому, мелочахъ; они не могутъ дерзко говорить съ нимъ и не смѣютъ сѣсть за обѣдъ, не подавъ предварительно умыть руки пахарю.

При плугѣ имѣются сверхъ ночныхъ еще такъ называемые дневные погонщики. Если плугъ водятъ восемь паръ воловъ, такихъ погонщиковъ два, если-же десять паръ воловъ—три. Обязанность ихъ гонять и пасти скотъ во время полуденнаго отдыха. Ночью они спятъ при плугѣ, чтобы никто не укралъ ремни или другія принадлежности его. По воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ они расходятся по домамъ. Они получаютъ слѣдующую долю: одинъ старшій—двухдневное «ало», а остальные имѣютъ однодневное и даже полутородневное «ало». Остается вкратцѣ перечислить распредѣленіе «ало» въ пользу скота и орудія (яраги).

Каждый волъ имѣетъ «ало», какое можно вспахать въ полдня. Лошадь, имѣющаяся для пахаря, чтобы послѣдній доставлялъ провизію, получаетъ цѣлое «ало» т. е. дневное паханье. За горизонтальный рѣзакъ (сахниси) плуга полагается двухдневное «ало», за вертикальный рѣзакъ (сакветн) [2]) дается одно «ало», за ремни (гаведи) — двухдневное «ало», [3]), за яремные ремни—полъ-«ало» и за дерево плуга—одно «ало».

Если обратить вниманіе на это распредѣленіе «ало», то насъ поразитъ то обстоятельство, что быкъ имѣетъ очень незначительное «ало», а рѣзакъ сравнительно получаетъ большую долю. Легко понять, что такое распредѣленіе долеваго паханья идетъ издревле, съ тѣхъ временъ, когда быкъ стоилъ дешево, а желѣзо цѣнилось дорого. Конечно, въ наше время прадѣдовскіе обычаи не оправдываются установившейся относительной цѣнностью быка и желѣза и вызываютъ жалобы со стороны хозяевъ скота на такой порядокъ распредѣленія «ало». Они постепенно измѣняютъ долю паханья въ пользу орудія и быка. Хозяинъ быка требуетъ съ пахаря за послѣдняго однодневное «ало», отказываясь въ противномъ случаѣ запречь своего быка. Пахарь вынужденъ бываетъ по неволѣ вспахать за одного быка цѣлое «ало». Надо полагать, что такое распредѣленіе «ало» скоро отчасти измѣнится, если входящіе въ послѣднее время въ употребленіе среди грузинъ плуги новыхъ системъ не вытѣснятъ мѣстныхъ плуговъ.

Таково распредѣленіе «ало» при полномъ паханьи, т. е. въ теченіе 31 дня, какъ было сказано выше («срули ало»). Но иногда пашутъ только 16 дней, или, по выраженію крестьянъ, «выводятъ двѣ пары воловъ» («кеварисъ гамоквана»). Каждому быку въ такомъ случаѣ полагается «ало» однодневное, и сообразно съ этимъ измѣняется общее распредѣленіе: пахарю предназначается однодневное «ало», ночнымъ погонщикамъ полутораденное и пр. Какъ выше было сказано, въ Грузіи постепенно входятъ въ употребленіе плуги новой системы. Много толковали и теперь продолжаютъ еще увѣрять, что эти новые плуги не примѣнимы и негодны при извѣстныхъ почвенныхъ условіяхъ Грузіи. Крестьяне говорятъ, что новые плуги не принесутъ обилія, «изведутъ просфору», въ особенности же противъ этого нововведенія горячо возстаютъ пахари, такъ какъ ихъ значеніе должно умалиться въ виду той легкости и незамысловатости, ка-

---

1) Газ. «*Дроэба*» (Время) 1884 г. № 73. Статья г. З. Б—швили. Ср. *Вермишевъ*. Матеріалы для изученія быта госуд. крестьянъ, стр. 150. Для 2 ночныхъ погонщиковъ артель пашетъ 4 дня, для владѣльца упряжи 2 дня, для пахаря 2 дня, для владѣльца плуга, для пяти паръ воловъ 10 дней.

2) Въ день Крещенія земледѣлецъ несетъ свои земледѣльческія орудія (сахнисъ-саквети), охотникъ свои прадѣдовскія шашки и кинжалы и все это погружается съ крестомъ въ воду. *Дубровинъ*. Исторія войны на Кавказѣ т. I, кн. II, стр. 150. Спб. 1871.

3) На 24 дня паханья два дня также пашутъ хозяину «гведи». «*Сборникъ*» изд. Кавказ. уч. окр. X, 48.

кая требуется при пользованіи новымъ плугомъ: имъ можетъ управлять даже погонщикъ ничуть не хуже лучшаго мастера «гутнисъ-деда» (пахаря). Правда, плуги новой системы въ смыслѣ улучшенія работы ничего не даютъ сравнительно съ мѣстными плугами, но они замѣтно сокращаютъ расходы, и потому большинство ихъ пріобрѣтаетъ очень охотно. Пока, конечно, пріобрѣли ихъ только состоятельныя лица, а болѣе бѣдные говорятъ, что они подождутъ, посмотрятъ, пригодны ли будутъ новые плуги, а затѣмъ уже купятъ въ товариществѣ, вдвоемъ или втроемъ. Товарищество, пользующееся при паханіи уже новымъ плугомъ, такъ распредѣляетъ «ало» среди участниковъ: плугу дается тройное «ало», горизонтальный и вертикальный рѣзакъ и дерево плуга, т. е. хозяинъ плуга получаетъ четырехдневное «ало», въ остальномъ же остается прежній порядокъ съ той разницей, что сокращается на 18 дней, такъ какъ вычитывается «ало» трехъ погонщиковъ, шести паръ быковъ и одного ремня.

Земледѣльцы пашутъ подъ яровой хлѣбъ сообща еще полъ-десятины («одинъ *дгіури*» [1]—однодневная пахоть, составляющая приблизительно $1/2$ десятины) и называютъ это «самхвтосъ гутани», т. е. плугъ Божій. За день распашки поля, предназначеннаго для весеннихъ посѣвовъ, всѣ земледѣльцы вмѣстѣ справляютъ жертвоприношеніе «самхвто», заключающееся въ томъ, что пахари «продаютъ», или лучше сказать, за извѣстную плату пашутъ однодневное «ало» вдовѣ, сиротѣ, бѣдняку «самхвто», т. е. во имя Бога, изъ состраданія и сочувствія къ маломочному собрату. Съ цѣлью облегчить возможность воспользоваться этимъ обычаемъ несостоятельному сельчанину, установлено распахивать имъ участокъ рублемъ дешевле положенной на этотъ предметъ платы. Къ сожалѣнію, теперь плуги на этотъ день—«самхвто»—скупаются часто зажиточными крестьянами, хотя еще не осмѣливаются явно и открыто нарушать священный порядокъ, идущій съ древнихъ временъ, въ увѣренности, что плугъ «не будетъ доставлять имъ обилія». Богатые прибѣгаютъ къ хитрости, чтобы воспользоваться дешевымъ плугомъ: они отдаютъ деньги бѣднымъ, которые и покупаютъ для нихъ «самхвто гутани» - Божій плугъ. Полученная пахарями плата поступаетъ въ кассу «устабаши» (глава), а послѣдній съ двумя-тремя пахарями закупаетъ хлѣба, вина, барана и устраиваютъ гдѣ-нибудь подъ тѣнью орѣховыхъ деревьевъ, на берегу рѣчки обѣдъ, на который приглашаются всѣ сельчане. Во время этого обѣда погонщики также сидятъ наравнѣ съ гостями, а пахари всѣхъ ихъ угощаютъ въ качествѣ хозяевъ: на ихъ обязанности лежитъ приготовить кушанья, накрыть скатерть, подавать возсѣдающимъ кушанья и наливать вино. «Самхвто» празднуется также амкарствомъ (цехами) съ Пасхи до Вознесенія Христа, какъ и у пахарей, по понедѣльникамъ преимущественно. Въ этотъ праздничный и торжественный день прежде выбирался «устабаши»—глава и у пахарей, и у ремесленниковъ. Устабаши тогда былъ облеченъ судейской властью: онъ разбиралъ жалобы, поступавшія на пахарей, или возникавшія недоразумѣнія среди самихъ пахарей и ремесленниковъ. Теперь, когда ихъ значеніе ослабѣло, устабаши [2]) выбираютъ не ежегодно, а пожизненно, ограничивъ его компетенцію распорядительной обязанностью на сельскомъ обѣдѣ—«самхвто».

Въ заключеніе укажу, что совмѣстная пахота извѣстна въ Ирландіи, у Кельтскихъ народовъ и Индусовъ и ею объясняли существованіе у нихъ черезполосной системы. На эту теорію возражаютъ представители ученія о сельской общинѣ. Слѣды существованія среди грузинъ общиннаго землевладѣнія можно уловить и теперь, но мы отказываемся рѣшить вопросъ, считать ли совмѣстную пахоту у грузинъ переживаніемъ древней сельской общины, или же объяснять ее, какъ послѣдствіе маломочности крестьянъ составлять плуги съ многоголовою упряжью.

А. Хахановъ.

---

1) «Дгіури» (дге—день), какъ акръ, собственно не можетъ быть опредѣленъ, какъ единица поверхности; онъ представляетъ опредѣленную единицу работы.

2) *Уста-башъ.* „*Кавказъ*" 1846 г. № 412 и 1853 г. № 67. *Тифлис. цехи.* „*Кавказъ*" 1850 г. № 93.

Изъ Олонецкихъ легендъ.

1) *Откуда взялись горы и камни?*

Среди Олонецкихъ корелъ (Вохтозеро, Сямозеро и др.) циркулируетъ слѣдующая легенда о происхожденіи горъ и камней: Вначалѣ въ мірѣ ничего не было, кромѣ воды и вѣтра; вѣтеръ постоянно дулъ, вода вѣчно волновалась, шумѣла. Шумъ этотъ несся къ небу и сильно безпокоилъ Бога; наконецъ Богъ разгнѣвался и крикнулъ, чтобы волны окаменѣли, и вотъ волны превратились въ каменныя горы, а отдѣльныя брызги въ каменья, разсѣянные повсюду. Горы долго сохраняли форму волнъ, но дожди постепенно измѣнили ее. Дождямъ же земля обязана и тѣмъ, что въ мірѣ снова появилась вода, заполнившая котловины между окаменѣвшими волнами, образовавъ моря, озера, рѣки и пр.

Запис. *Г. И. Куликовскій.*

2) *Отчего произошли змѣи? (Егорій и Олесафія)*

«Всякій звѣрь отъ чего-нибудь да зародился. А отъ стариковъ я слышала, да и стихъ такой есть, змѣи будто отъ Олесафіи королевны пошли. Она вѣрила въ Распятаго, а король и жена его и весь народъ невѣрные были. Змій къ нимъ прилеталъ и бралъ по головѣ всегда, собачьей-ли, человѣческой-ли, лошадиной. Ну, и дошелъ чередъ до царя. Приходитъ онъ домой, голову держитъ униженну. Жена спрашиваетъ: «Что такое?» А онъ говоритъ: «Какъ же мнѣ не быть кручинну, коли жребій до меня дошелъ?» А жена говоритъ ему: «Да пошли замѣсто себя дочь твою Олесафію. Она и невѣрная—пусть ее съѣстъ змій.» Вотъ и говоритъ царь дочери: «Вставай-ка ты ранешенько, умывайся-ка ты бѣлешенько, наряжайся-ка въ платье цвѣтное—къ тебѣ вотъ придетъ женихъ свататься». Ну, и нарядилась Олесафія королевна. Повели ее изъ города. А Егорій тутъ и явился ей во образѣ мужчины. И говоритъ ей: «Какъ змій придетъ, меня разбуди». Вывели ихъ изъ города, змій тутъ и ползетъ и радуется, что 3 головы: значитъ, одна лошадиная была, другая — мужчины, Егорій-то, третья Олесафія сама. Олесафія тутъ и начала будить его, а онъ не просыпается. Ужъ и близко змій — тогда проснулся и говоритъ: «Будь смирна, какъ крестьянская животинка.» Потомъ говоритъ Олесафіи: «Дай сюда твой поясъ.» Взялъ и завязалъ змія и говоритъ: «Тащи его въ городъ—ничего не сдѣлаетъ.» Притащила Олесафія въ городъ змія и говоритъ царю: «Увѣруйте въ Распятаго—не то пущу на васъ этого змія.» Тутъ они всѣ и увѣровали. А Олесафія зажгла огонь съ Божьяго изволенія и сожгла змія, а пепелъ по чисту полю развѣяла. Отъ того пепла, говорятъ, зародились змѣи.» (Зап. Пуд. у., Шальск. погостѣ).

В. Х.

3) *Змѣй—оберегатель клада.*

Около Петрозаводска, на Онежскомъ озерѣ, есть Матъ-островъ. На немъ водится множество змѣй. И люди боятся туда ходить. Тамъ никто не живетъ. Въ народѣ говорятъ, что тутъ большой кладъ схороненъ, потому что змѣй безъ свѣту не живетъ: что эму дѣлать-то въ темной норкѣ, кабы тамъ не было золота и драгоцѣнныхъ камней? (Запис. со словъ крестьянина Кижской вол. А. Першина).

В. Х.

4) *Заклятіе змѣй (митроп. Филиппъ).*

Въ дер. Кижи существуетъ преданіе, что св. митр. Филиппъ до своего постриженія жилъ будто бы въ сосѣдней Жаренской деревнѣ у одного богатаго крестьянина работникомъ. Онъ оставилъ по себѣ память. Одинъ разъ онъ заклялъ на южномъ концѣ острова змѣй, которыя развелись тамъ въ большомъ количествѣ и мѣшали пастись

скотинѣ. Съ тѣхъ поръ по сей день на томъ мѣстѣ змѣи не живутъ, между тѣмъ какъ во всѣхъ окрестныхъ мѣстахъ ихъ видимо невидимо. Другой разъ онъ поймалъ чудеснымъ образомъ осетра (рыба, кот. въ этихъ мѣстахъ не водится) на праздникъ 1-го Октября крестьянину, у котораго жилъ. Послѣ этого онъ скрылся, такъ какъ про него прошла молва.

В. Х.

5) *Откуда взялись медвѣди? (Липа).*

Жилъ былъ старикъ со старухой. Жили они въ лѣсу. Одинъ разъ старуха велѣла старику нарубить дровъ. Тотъ пошелъ въ лѣсъ и началъ тамъ рубить липу. Вдругъ липа заговорила человѣчьимъ голосомъ: она просила старика не рубить ее и въ видѣ откупа предложила старику попросить у нея, чего хочетъ. «Да что же? — сказалъ старикъ: — вотъ старуха велѣла мнѣ дровъ нарубить. Пусть будутъ у насъ дрова.» «Ладно, сказала липа, дрова будутъ.» Пришелъ старикъ домой: дровъ дѣйствительно много. Онъ разсказалъ все старухѣ, а она начала бранить его: «Ты бы хлѣба то попросилъ.» Старикъ пошелъ опять къ липѣ, началъ рубить ее и попросилъ хлѣба. Липа согласилась; но старуха опять оказалась недовольна, что старикъ мало попросилъ, и послала его снова просить о чемъ-то другомъ (чего разсказщикъ не могъ припомнить). Опять старуха стала недовольна. «Выпроси, говоритъ, чтобы насъ люди съ тобой боялись.» Пошелъ старикъ къ липѣ. «Ладно, иди, говоритъ липа, будутъ васъ люди бояться.» Старикъ пошелъ домой, да на порогѣ споткнулся, упалъ и сталъ медвѣдемъ. А старуха увидѣла его, испугалась, тоже упала и сдѣлалась медвѣдицей. Отъ нихъ-то и пошли всѣ медвѣди. (См. Этн. Об. кн. IV, 101; VI, 143; IX 129; Н. Харузинъ: Рус. Лопари, стр. 198). (Запис. въ дер. Дураново, Пуд. у. Олон. губ.).

В. Х.

6) *Отчего нельзя красть яицъ (пасхальныхъ)?*

Когда Іисусъ Христосъ воскресъ, послали парня снести куда-буде яицъ. Встрѣтился жидовинъ и спрашиваетъ: «Что несешь въ корзинѣ? для чего?“ Тотъ и говоритъ: «Вотъ для чего: І. Х. воскресъ.» «Если воскресъ, вотъ, говоритъ,—подрубилъ голову пѣтуха,—запоетъ-ли?» Посланецъ сказалъ: «Христосъ воскресе!» пѣтухъ и запѣлъ. Тогда жидовинъ совсѣмъ отрубилъ пѣтуху голову и говоритъ: «пусть теперь запоетъ!» Тотъ сказалъ: «Христосъ воскресе!» и пѣтухъ опять запѣлъ. Потомъ спрашиваетъ: «что у тебя одно яйцо красное, а другое нѣтъ? отчего?» — «А оттого, говоритъ, что Іисусъ Христосъ воскресъ,—оно и покраснѣло».—«А если, говоритъ, Христосъ воскресъ, то пусть и другое покраснѣетъ». Тотъ опять сказалъ: «Христосъ воскресе!» Яйцо и покраснѣло. Тогда жидовинъ повѣрилъ, а съ тѣхъ поръ ихъ и воровать нельзя стало. (Записано въ с. Толвуй, въ Заонежьи).

Г. И. Куликовскій.

7) *Чудо Николая Чудотворца на Онежскомъ озерѣ.*

«На островѣ по пути стоитъ часовня Николѣ Угоднику. Я былъ пьянъ, не заѣхалъ помолиться, не поставилъ свѣчку великому угоднику. Легъ спать. Меня ребята разбудили, говорятъ: «Дядя Алексѣй, компасъ остановился, стрѣлка не двигается.» Съ меня отъ страха и хмѣль сошелъ. Я положилъ компасъ за пазуху, да съ нимъ скорѣе въ каюту къ иконѣ: «прости, ты меня, Микола, говорю, что не молился тебѣ!» Вдругъ слышу, разъ пять ударили въ колоколъ. Выхожу и говорю ребятамъ: «слышали вы что?» — «Да, въ колоколъ, говорятъ, ударили».— «Ну, говорю, поѣзжайте прямо: это въ Кижахъ». Поѣхали. Потомъ я смотрю, прошло время, надо быть въ Кижахъ—анъ нѣтъ ничего. Опять въ каюту, молюсь: «прости, Микола, что пьянъ былъ, не дай въ морѣ (такъ называютъ крестьяне открытое Онежское озеро) потонуть.» Вдругъ подъ кормой словно музыка играетъ. Спрашиваю: «слышали что, ребята?» — «Да, говорятъ, словно гдѣ солдаты учатся.» «Ну, говорю, поѣзжайте прямо». Проѣхали съ $1/4$ часа, и Кижи стали видны. Ну, а солдаты-то 50 верстъ оттуда въ лагеряхъ стояли.—Такъ какъ же за 50 верстъ можно слышать?—Видно чудо намъ показалъ Микола, Великій Чудотворецъ.»

(Зап. отъ крест. Кижск. волости). **В. Х.**

8) Божье письмо.

«Въ Каргополѣ случилось—мужикъ ночью слышитъ звонъ. Разбудилъ онъ другихъ мужиковъ, собрались, смотрятъ: на колокольнѣ никого нѣтъ, а звонятъ. Тотъ мужикъ, что услыхалъ первый, вызвался идти на колокольню. Пошелъ—видитъ: стоитъ мужикъ подъ колоколомъ, ни руками, ни ногами не двигаетъ, а звонитъ колоколъ. Спрашиваетъ его этотъ мужикъ: «Ты кто?»—«Я, говоритъ, мужикъ; а ты кто?» —«Я Господь.» Спросилъ мужикъ: «Зачѣмъ же ты звонишь ночью?»—«А я звоню, говоритъ, потому что крещеные грѣшатъ; такъ скажи имъ, чтобы не грѣшили: на гармоникѣ бы не играли, не крутились бы, чаю, кофію не пили бы; а то я имъ наказанье пошлю.» А мужикъ говоритъ: «Мнѣ не повѣрятъ такъ, если я словами скажу; дай мнѣ записку.» Далъ ему записку Господь, говоритъ: «Сложи руки.» Онъ сложилъ, да ему и не разнять. Приходитъ къ мужикамъ: «Ну, говоритъ, вынимайте записку изъ рукъ, коли можно. А мнѣ знать Господь за прегрѣшенья мои наказанье послалъ.» Ну, и взяли записку, вынули какъ-то. Да что подѣлаешь съ крещеными. Человѣкъ на человѣка не придетъ. Ну, и сталъ хлѣбъ плохо родиться, да нѣсколько лѣтъ подрядъ. А тотъ мужикъ завѣщалъ два года пробыть у Соловецкихъ; ну, и пробылъ—и разошлись у него руки-то.»

(Записано со словъ крестьянъ Шальскаго погоста, Пудожск. у).

В. Х.

9) „Покорное слово кость ломитъ“. (Китоврасъ).

Человѣкъ — ноги лошадиныя, степь человѣчья, скакалъ по граду, дома срывалъ. Выходила вдова къ нему навстрѣчу и говорила: «Великій царь Китоврасъ, не заставь меня вѣкъ страдать, не срывай моего дома.» Оборотился онъ на нее, взглянулъ и захватилъ за уголъ ея хаты—да и сломалъ себѣ ребро и сказалъ: «покорное слово кость ломитъ!» Съ того и пошла поговорка: «покорное слово кость ломитъ.»

(Записано со словъ кр. А. Першина, Кижской волости).

В. Х.

10) Какой голосъ дальше слышенъ?

Жилъ старикъ со старухой. Умерла старуха—кому быть большухой? Вотъ старикъ и спрашиваетъ старшую сноху: «Какой, говоритъ, голосъ дальше слышенъ?» Та и говоритъ: «Да вотъ, батюшка, намедни быкъ рычалъ за рѣкой, такъ верстъ за пять слышно было.»—«Ну, говоритъ старикъ, дура баба.» Спрашиваетъ онъ вторую сноху: «Какой голосъ дальше слышенъ?»—«Да вотъ, говоритъ, батюшка, пѣтухъ по утру пѣлъ, за версту слышно было.»—«Ну», говоритъ старикъ—«и ты дура.» Опросилъ онъ младшую: «Какой голосъ дальше слышно?»—«Не смѣю, говоритъ, батюшка, сказать.»—«Какъ такъ, говори, небойсь.»—«Ну, говоритъ, коли такъ, то хлѣбный голосъ дальше слышно.»—«Какой такой хлѣбный голосъ?»—«Да вотъ, если кто хорошо кормитъ, про того далеко слышно.» «Ну,—говоритъ старикъ, умно ты сказала: будь ты большухой.»

(Записано со словъ кр. А. Першина, Кижск. вол.).

В. Х.

Къ «Замѣткамъ о вліяніи религіозныхъ вѣрованій и предразсудковъ на юридическіе народные обычаи», Е. И. Якушкина.

1) — «Хотивъ бы я знать, чи просе воръ помочи у Бога?»—«А то-жъ хиба не просе? Я жила саме у вора за няньку. Якъ отце зберуться йихать красты, уносять свичу—жовта та товста; уносять, засвитять, поставлють на покути у фонарыку, Богу помоляться, вси станутъ, собираються и йидуть; свичку погасять, обмотають и зъ собою беруть. Та було навезуть—що того полотна, що тои одежи, що той всячины; прыженуть було овець—и не крычать (овцы); якъ ничъ—поженуть... А разъ корову прыве-

лы—Воже! гладюча, гладюча и не ревне...» (Зап. отъ старухи Соточихи въ с. Шебекинѣ Бѣлгородск. у. Курской губерніи въ 1891 г.). (*Этногр. Обозр. IX, 8—10*).

Въ Бѣлогородскомъ уѣздѣ Курск. губ. и Купянскомъ Харьковской г. принято ставить вверхъ обратнымъ концомъ свѣчу Ивану Воину; этимъ вызываютъ мученія вора. При этомъ нужно замѣтить, что можетъ ставить свѣчу только тотъ, кто никогда не позволилъ себѣ согрѣшить въ томъ же направленіи; иначе «и ему не минется». Одна женщина поставила такимъ образомъ свѣчу Ивану Воину, будучи сама не чиста на руку; «на другый день, у неи хлопець онимивъ и дванацять годивъ такъ жило».

М. К. Васильевъ.

2) Въ вышеупомянутой статьѣ *Е. И. Якушкина*, на стр. 6 приведенъ посрамительный обрядъ при свадьбѣ вдовцовъ, причемъ село, въ которомъ этотъ обрядъ практикуется, названо *Косково* Свіяжскаго уѣзда, а источникомъ, откуда заимствовано описаніе обряда, въ 3-й выноскѣ указаны «*Саратов.* Губ. Вѣд. 1888 г. № 23». Для того, чтобы читатель не былъ введенъ въ заблужденіе неточностью указанія, считаемъ нужнымъ пояснить, что въ данномъ случаѣ слѣдуетъ разумѣть с. *Косяково* Свіяжск. у. *Казанской* губ., гдѣ этотъ обрядъ дѣйствительно практикуется. Описаніе этого обряда было составлено нами и напечатано въ № 55 (или 61-мъ) издающагося въ Казани «Волжскаго Вѣстника» за 1888 годъ, въ безъименной корреспонденціи: «Село Косяково Свіяжскаго уѣзда». — Въ той же статьѣ, на стр. 17, авторъ говоритъ, что повѣрье объ убиваніи въ церквахъ ожившихъ покойниковъ, сколько ему извѣстно, встрѣчается только въ Вятской губерніи. Изъ очерка В. И. Короленко подъ заглавіемъ (если не ошибаюсь) «Убивецъ», намъ памятно, что данное повѣрье распространено въ Сибири.

В. Магницкій.

Елабуга, Вятской губ.
13 августа, 1891 г.

НЕКРОЛОГИ.

† *Д-ръ Исидоръ Коперницкій.*

25 сентября нынѣшняго года скончался въ Краковѣ одинъ изъ замѣтныхъ представителей польской науки, антропологъ и этнографъ, д-ръ Исидоръ Коперницкій. Научныя его занятія были такъ же разнообразны, какъ и его полная треволненій жизнь. Коперницкій родомъ полякъ, уроженецъ югозападнаго края (р. 1825 г.), учился въ Кіевской и Винницкой гимназіяхъ, затѣмъ поступилъ на медицинскій факультетъ Кіевскаго университета, который и окончилъ въ 1849 г. По окончаніи курса онъ служилъ сначала военнымъ врачемъ, при чемъ участвовалъ въ Восточной войнѣ 1853—6 гг. Въ 1857 г. онъ оставляетъ военную службу, и становится прозекторомъ анатоміи въ Кіевскомъ университетѣ. Въ 1863 г. Коперницкій эмигрировалъ за границу, и съ этого времени начинается его скитальческая и полная лишеній жизнь. Прочнаго положенія и матеріальной обезпеченности для себя и своей семьи ему не удалось добиться до самой смерти. Сначала К. попалъ въ Парижъ, гдѣ слушалъ лекціи Клодъ-Бернара и Катрфажа. Вскорѣ онъ однако отправился на Востокъ, посѣтилъ Сербію и Румынію. Въ послѣдней ему пришлось задержаться на нѣсколько лѣтъ, принимая участіе въ подготовительныхъ работахъ по учрежденію медицинскаго факультета въ Букурештѣ. К-му было поручено составленіе анатомическаго кабинета,—работа, продолжавшаяся около 6 лѣтъ. Совершивъ затѣмъ научное путешествіе по Бельгіи, Голландіи, Германіи, К. съ 1871 основался въ Краковѣ, гдѣ въ 1876 г. получилъ степень доктора медицины и открылъ чтеніе лекцій по антропологіи въ Ягеллонскомъ университетѣ въ

качествѣ приватъ-доцента. Только въ 1886 г. онъ получилъ званіе (въ германскихъ и устроенныхъ по ихъ образцу университетахъ—только почетное) экстраординарнаго профессора и былъ избранъ въ академики (съ 1887 г.—дѣйств. членъ), не получилъ однако до самаго своего конца прочной матеріальной поддержки.

Коперницкій много поработалъ въ разныхъ научныхъ областяхъ—анатоміи, антропологіи, этнографіи, оставивъ множество статей на языкахъ: русскомъ, польскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ. Наибольшее число его трудовъ относится однако къ антропологіи.

Изъ трудовъ К. отмѣтимъ слѣд.: о строеніи славянскихъ череповъ (1861 г., по-русски), объ антропологическихъ трудахъ Яна Глогаускаго (по-польски), Ueber den Bau der Zigeunerschädel, о костяхъ и черепахъ Айносовъ (Pamiętn. Akad. Umiejętn. VII и XI), о черепахъ и костяхъ въ курганахъ Покутья (Rozprawy Akad. umiejętn., II), о могилахъ безъ трупосожженія въ Квачалѣ (Zbiór wiadom. do antropol. krajowej, I), черепа и кости въ курганахъ Волыни и Галицкаго Подолья (ibid), археолог. изслѣд. на Днѣпровск. побережьи (ib. II и VIII), черепа изъ кургановъ прусскихъ, волынскихъ, познанскихъ (ib. III), физическая характеристика населенія Галиціи (совмѣстно съ Майеромъ).

По этнографіи К—мъ написаны слѣд. труды: наблюденія надъ особенностями языка бескидскихъ горцевъ съ прибавленіемъ словаря выраженій горцевъ (Rozprawy Akad. Umiejętn., wydz. filolog. III), загадки бескидскихъ горцевъ (Zbiór wiadom. до antrop. krajow. I), матеріалы для этнографіи русск. населенія. на Волыни (ib XI) и др. Коперницкій перевелъ между прочимъ на польскій языкъ сербскія пѣсни о Коссовомъ полѣ *). Л.

† *Александръ Аѳанасьевичъ Потебня*, извѣстный знатокъ народной поэзіи и нарѣчій русскаго и славянскихъ языковъ, скончался въ Харьковѣ 26 ноября. Болѣе подробный некрологъ съ приложеніемъ портрета покойнаго мы дадимъ въ слѣдующей книжкѣ.

† *Константинъ Николаевичъ Леонтьевъ*, извѣстный литераторъ и политикъ, умеръ 12 ноября въ Троице-Сергіевскомъ посадѣ

---

*) Некрологи см. Kraj, № 39; Кіевск. Стар. 12; Живая Старина кн IV (1891 г.); C'esky Lid, вып. 2, стр. 215 (1891 г.).

подъ Москвой, 60 слишкомъ лѣтъ отъ роду. Важнѣйшіе труды покойнаго, печатавшіеся предварительно въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ (Рус. Вѣстникѣ, Руси, Гражданинѣ, Востокѣ, Варш. Дневникѣ), собраны имъ впослѣдствіи въ двухъ томахъ подъ назв.: „Востокъ, Россія и Славянство", изд. въ Москвѣ. Кромѣ ученыхъ и политическихъ трудовъ, извѣстны также беллетристическія произведенія покойнаго, преимущественно изъ жизни грековъ и славянъ въ Турціи. Большая часть ихъ вошла въ отдѣльное изданіе: „Изъ жизни христіанъ въ Турціи". (Нов. Вр., № 5644).

† *Алексѣй Алексѣевичъ Гатцукъ*, литераторъ, издатель и археологъ, бывшій между прочимъ однимъ изъ основателей Имп. Моск. Археологическаго Общества, скончался 23 октября на 60 году жизни. Въ свое время была популярна его книга „Старина земли русской", а въ 60-хъ гг. онъ едва-ли не первый началъ изслѣдованіе Московскихъ кургановъ научнымъ образомъ.

† 17 августа 1891 г. умеръ скоропостижно жившій послѣднее время въ Россіи галицкій дѣятель и народный писатель протоіерей *Іоаннъ Наумовичъ*. Оставляя въ сторонѣ его церковно-политическія тенденціи, мы должны здѣсь отмѣтить, что популярно-научныя его сочиненія имѣютъ извѣстную цѣнность для народа, и они оцѣнены между прочимъ Моск. Обществомъ распространенія полезныхъ книгъ, которое издало кое-что изъ его трудовъ въ этой области. Лучшій періодъ его дѣятельности относится ко времени его жизни въ Галиціи, гдѣ онъ организовалъ общество имени Качковскаго и основалъ періодич. изданія: „Науку" и „Рус. Раду", хотя искусственный языкъ этихъ изданій не вызвалъ одобренія.

† Одновременно почти скончался также проф. Духовной Академіи въ Петербургѣ *М. О. Кояловичъ*, пріобрѣвшій извѣстность своими трудами по исторіи с.-зап. края, не всегда впрочемъ отличающимися научнымъ безпристрастіемъ.

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

1. Книги, ученыя и справочныя изданія.

И. Н. Смирновъ.—Пермяки. *Историко-этнографическій очеркъ.* (стр. I+289. Казань, 1891).—Новый трудъ извѣстнаго историко-этнографа И. Н. Смирнова отличается тѣми же достоинствами, которыя мы привыкли видѣть въ его раньше появившихся монографіяхъ о нашихъ инородцахъ (Черемисахъ, Вотякахъ): тщательной разработкой обильнаго, иногда новаго матеріала, систематичностью и ясностью изложенія.

Первая глава представляетъ критическій обзоръ литературы, посвященной исторіи и этнографіи Перми (Коми). Здѣсь авторъ дѣлаетъ краткую оцѣнку болѣе 60 сочиненій, въ которыхъ можно найти матеріалы для исторіи и быта Перми, начиная отъ перипла Отера, современника Альфреда Великаго, и скандинавскихъ сагъ, разсказывающихъ о походахъ викинговъ въ Біармію, и кончая послѣдними по времени выхода книгами и журнальными статьями о Пермякахъ. При знакомствѣ съ самыми древними источниками, описывающими бытъ біармійцевъ, автору пришлось убѣдиться, что отъ частаго повторенія въ литературѣ и „вольной передачи“ скудныя извѣстія Отера и скандинавскихъ сагъ подвергались значительному искаженію. Такъ, напримѣръ, г. Полевой въ своихъ «Очеркахъ Русской исторіи» приписываетъ Отеру вещи, которыхъ онъ никогда не говорилъ: будто онъ нашелъ Біармію *хорошо обработанной*, съ густымъ *осѣдлымъ* населеніемъ (стр. 4), и такого же рода неточности оказываются у того же ученаго въ передачѣ извѣстій скандинавскихъ сагъ (стр. 7) о походахъ викинговъ въ Біармію. Сопоставляя бытовыя черты изъ сагъ съ другими данными (напр. археологическими), авторъ приходитъ къ заключенію, что исландскія саги представляютъ очень цѣнный историко-этнографическій источникъ, но что народъ, котораго культура ими обрисовывается,—эти Bjarmas—не были нашими пермяками и зырянами, а представителями западнофинской вѣтви (стр. 12). Критическій разборъ данныхъ, заключающихся въ житіи св. Стефана, заставляетъ автора взять этотъ памятникъ подъ свою защиту противъ слишкомъ суровыхъ приговоровъ митрополита Евгенія и академика Шегрена, изъ которыхъ первый говоритъ, что это „Житіе“, составленное Епифаніемъ, отличается болѣе риторическими разсужденіями, чѣмъ историческими разъ-

ясненіями, а второй по поводу топографіи Перми замѣчаетъ, что она можетъ только спутать, но не выяснить представленія о предѣлахъ Перми. По убѣжденію автора, житіе св. Стефана при всѣхъ своихъ несовершенствахъ является цѣннымъ источникомъ для древней исторіи народа Перми (стр. 13). Больное мѣсто „Житія"—обиліе риторики, но упрекнуть составителя къ невѣжествѣ или искаженіи фактовъ мы не можемъ; то, что сообщаетъ Епифаній, блѣдно, неполно, но всегда вѣрно дѣйствительности (стр. 18). Признавая далѣе крупное научное значеніе трудовъ акад. Шегрена, впервые давшаго наукѣ новый матеріалъ—лингвистическій разборъ мѣстныхъ названій и личныхъ именъ, весьма важный для рѣшенія вопроса о предѣлахъ древней Біармии и границахъ древней территоріи народа Коми (пермяковъ и зырянъ), авторъ вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ крупный недостатокъ въ методѣ Шегрена, именно его субъективизмъ. Такъ, напримѣръ, покойный академикъ считаетъ то или другое мѣстное названіе зырянскимъ, финскимъ, не на основаніи морфологическаго анализа и справки со словарями, а исходя изъ *впечатлѣнія*, которое оно производитъ на его слухъ (стр. 40). Вообще разборъ гипотезы Шегрена на счетъ первоначальнаго совпаденія границъ страны Коми и Біарміи скандинавовъ заставляетъ автора отнестись къ ней отрицательно (стр. 44). Изъ другихъ изслѣдованій по древней географіи и этнографіи Перми авторъ болѣе подробно останавливается на трудахъ Европеуса (стр. 47—53) и г. Лыткина (66—70), указывая на несостоятельность многихъ предположеній послѣдняго ученаго. Вообще 1-я, библіографическая глава содержитъ много полезныхъ указаній для будущихъ изслѣдователей пермяковъ и зырянъ и свидѣтельствуетъ о широкомъ знакомствѣ автора съ литературой предмета.

Во 2-й главѣ, содержащей очеркъ исторіи Пермяковъ, авторъ прежде всего ставитъ вопросъ объ ихъ древней родинѣ,—были ли они аборигенами занимаемыхъ нынѣ земель, или пришли въ нихъ откуда нибудь извнѣ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ авторъ находитъ въ мѣстныхъ названіяхъ зыряно-пермяцкаго края, такъ какъ зыряно-пермяцкія названія рѣкъ, ручьевъ, болотъ, озеръ, горъ и населенныхъ мѣстъ сводятся къ нѣсколькимъ рѣзко опредѣленнымъ типамъ. Таковы для текучихъ водъ названія, сложенныя съ словами *ва* (вода, рѣка), *шоръ* (рѣчка), *јолъ* (рѣчка), *лыга* (рѣчка), *ю* (рѣчка), *вожъ* (рукавъ) и друг. Для названій урочищъ или населенныхъ мѣстъ, расположенныхъ по верховьямъ, по теченію или въ устьяхъ рѣкъ, типическими являются окончанія *илъ*, *доръ*, *динъ*. Разсмотрѣвъ и другіе звуковые признаки, характеризующіе зыряно-пермяцкія топографическія названія, авторъ старается посредствомъ ихъ опредѣлить предѣлы, въ которыхъ жило когда-то пермяцкое племя. Предѣлы эти обнимаютъ огромную территорію, въ которую входятъ на сѣверо-востокѣ за Уральскимъ хребтомъ, часть губерніи Тобольской, а въ Европейской Россіи главнымъ образомъ губерніи Пермская, Вятская, Вологодская и части губерній Костромской, Владимірской, Московской, Калужской, Новгородской, Архангельской. Отмежевавъ для Перми (Коми) громадное пространство, на основаніи типическихъ зырянско-пермяцкихъ топографическихъ назва-

ній, авторъ однако не утверждаетъ, будто она занимала его 1) одновременно, 2) на всемъ протяженіи и 3) безъ сосѣдей совладѣльцевъ. Это предѣлы, въ которыхъ совершалось въ теченіе вѣковъ передвиженіе племени, послѣ борьбы съ болѣе ранними насельниками страны (стр. 98). Такъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ названной территоріи жило другое племя, которое давало рѣкамъ названія на — *нга*. Авторъ приводитъ нѣсколько данныхъ въ пользу предположенія, что этимъ племенемъ могли быть предки Лопарей (стр. 103), но упоминаетъ и гипотезу Европеуса, считающаго названія на — *нга* угорскими (105), и въ концѣ концовъ оставляетъ этотъ вопросъ открытымъ. Другая народность, которую встрѣтили Коми въ области Вычегды, была Югра, въ пользу чего авторомъ приводятся нѣкоторыя историческія данныя (стр. 107 и слѣд.). Изслѣдованіе мѣстныхъ названій показываетъ, что на пространствѣ, которое нынѣ занимаютъ и прежде занимали Коми, нѣтъ другихъ слѣдовъ, кромѣ оставленныхъ этими послѣдними и Югрой (+Лопари?). Между тѣмъ преданія нынѣшняго Пермскаго края говорятъ объ исчезнувшей Чуди. Это заставляетъ автора поставить вопросъ, къ какому племени принадлежала исчезнувшая Чудь, и онъ рѣшаетъ его слѣдующимъ положеніемъ, которое обставляетъ рядомъ, на нашъ взглядъ, весьма убѣдительныхъ доказательствъ: „Чудь народныхъ преданій и Русскихъ актовъ представляетъ одно и то-же съ предками современнаго населенія сѣверо-западной части Пермской губерніи—Пермяками на З., Уграми на В. (стр. 114). Установивши тождество Чуди и Перми доказательствами лингвистическими (разборомъ названій чудскихъ урочищъ и т. п.), археологическими, историческими, авторъ обращается къ тѣмъ даннымъ, которыя характеризуютъ культуру древнихъ Пермяковъ. Этими данными служатъ культурныя слова зыряно-пермяцкаго языка, аналогіи съ явленіями быта родственныхъ Коми Угорскихъ племенъ, нѣкоторыя историческія свидѣтельства и археологическія данныя. Развертывая картину культуры предковъ Пермяковъ, авторъ отмѣчаетъ въ нѣкоторыхъ сторонахъ быта вліяніе оказанное на Коми, судя по даннымъ языка, Иранцами, Тюрками (Булгарами) и Славянами (Русскими). Затѣмъ авторъ излагаетъ исторію распространенія христіанства среди Пермяковъ, дѣятельность св. Стефана, завоеваніе Перми русскими и удивительную исторію распространенія владѣній Строгановскаго рода. Въ концѣ этой многосодержательной главы находимъ очеркъ послѣдовательнаго обрусѣнія Пермяковъ. Такимъ образомъ во 2-й главѣ авторъ затрогиваетъ и отчасти рѣшаетъ цѣлый рядъ интересныхъ вопросовъ по древней исторіи и быту племени Коми. Конечно, не всѣ предположенія и заключенія автора могутъ разсчитывать на одинаковую прочность въ наукѣ; но уже немалой заслугой его мы считаемъ то, что онъ собралъ много новаго матеріала для освѣщенія нѣкоторыхъ историко-культурныхъ вопросовъ и многіе изъ нихъ приблизилъ къ окончательному рѣшенію. Большую научную цѣну имѣетъ масса собранныхъ г. Смирновымъ топографическихъ названій, на основаніи которыхъ онъ опредѣляетъ границы древняго распространенія предковъ нынѣшнихъ Зырянъ и Пермяковъ. Но въ выводахъ изъ этихъ названій иногда можно было бы пожелать большей

осторожности. Такъ, мы вполнѣ согласны съ авторомъ въ томъ, что окончаніе —*ва*, чередующееся въ названіяхъ рѣкъ съ окончаніемъ—*ма*, этимологически тождественно съ послѣднимъ (ср. Клязь*ма* и Прот*ва*), но одни названія рѣкъ на —*ва* или —*ма*, безъ другихъ типическихъ пермскихъ названій едва ли могутъ служить доказательствомъ тому, что въ мѣстностяхъ, въ которыхъ они встрѣчаются, жили нѣкогда именно предки пермяковъ, а не какое-нибудь другое финское племя, также дававшее рѣкамъ названія съ этимъ окончаніемъ. Притомъ отношеніе между окончаніями —*ва* и —*ма* еще не представляется вполнѣ уясненнымъ: такъ неизвѣстно, почему въ одной и той же мѣстности почти рядомъ одна рѣка имѣетъ въ исходѣ названія —*ма*, а другая —*ва*. Предположенія, что это діалектическіе варіанты, или что зыряно-пермяцкій суффиксъ —*ва* въ устахъ русскихъ людей, а можетъ быть и Вогуловъ, превратился въ —*ма* (стр. 80), останутся только предположеніями, пока этотъ вопросъ не будетъ изслѣдованъ болѣе детально, чего онъ вполнѣ заслуживаетъ. Интересно бы также разъяснить вопросъ, въ какомъ отношеніи находятся встрѣчающіяся во Владимірской губерніи названія притоковъ Клязьмы на —*ихъ* (Танхъ, Люлихъ, Тюлихъ, Ландихъ) къ пермскому суффиксу —*югъ* (Карюгъ, Мастюгъ, Шульдюгъ). Если, что весьма вѣроятно, оба окончанія *этимологически* тождественны, то *фонетическое* ихъ различіе не указываетъ ли также на различіе въ діалектахъ. Вообще, если предокъ зырянско-пермскаго языка былъ раскинутъ на такое громадное пространство, какъ предполагаетъ авторъ, этотъ языкъ долженъ былъ естественно распадаться на нѣсколько діалектовъ и, быть можетъ, болѣе пристальное изученіе топографическихъ названій дало бы матеріалъ для опредѣленія числа этихъ діалектовъ и внесло бы большее дробленіе въ ту обширную группу, которую мы теперь вообще называемъ пермяцкой. (Ср., напр., названія рѣкъ на —ю, —югъ, —ихъ, —ма, —ва). Относительно разбора культурныхъ словъ можемъ отмѣтить нѣкоторые недосмотры автора, объясняющіеся тѣмъ, что онъ не филологъ Такъ, зырянск. gorna —*очагъ*— слово, заимствованное съ русскаго (стр. 130); слова vaska въ значеніи *теленка* въ санскритѣ нѣтъ, а есть vatsa (стр. 134); сопоставленіе зырян. völ —лошадь—съ готск. folo—не имѣетъ основанія (стр. 135); если перм. названіе для князя (ӧксы) вообще находится въ родствѣ съ словомъ, обозначающимъ сходку (ӧксјан), то во всякомъ случаѣ послѣднее представляется произведеннымъ отъ перваго, а не на оборотъ, такъ что изъ предполагаемаго родства обоихъ словъ нельзя выводить, что терминъ, обозначающій князя, можетъ обозначать человѣка, который *собираетъ* около себя народъ (стр. 138). Терминъ *староиранскій* (стр. 143) для литвида неопредѣленевъ: kareta—ножъ—есть слово *авестійскаго* языка; иранскаго (?) слова kar-schu нѣтъ, а существуетъ въ языкѣ Авесты глаголъ karesh (кареш)—влачить, бороздить, пахать. Предполагать, что съ этимъ словомъ и финскимъ kar-hu (?) можетъ быть въ связи и корень *гӧр*, встрѣчающійся въ пермскихъ терминахъ для обозначенія *сохи—копыла* и процесса *паханія*, весьма рискованно (стр. 143).

Глава 3-я представляетъ довольно подробный очеркъ внѣшняго быта

современныхъ Пермяковъ. Описавъ характеръ области, занятой ихъ поселеніями, авторъ сообщаетъ данныя объ антропологическомъ типѣ Пермяковъ; далѣе описываетъ ихъ дѣятельность, направленную на добываніе пищи, главнымъ образомъ, земледѣліе; затѣмъ рѣчь идетъ о пищѣ, устройствѣ жилища, посудѣ, орудіяхъ, одеждѣ, способахъ передвиженія и т. п.

Для характеристики семейныхъ и общественныхъ отношеній (гл. 4-я) авторъ пользовался, между прочимъ, матеріаломъ, извлеченнымъ изъ „книгъ явокъ и жалобъ“ и „книгъ рѣшеній волостныхъ судовъ“ въ волостяхъ, населенныхъ Пермяками. Пережитками старины въ исторіи семьи являются снохачество, слѣды умыканія женъ и купли, сохранившіеся въ свадебныхъ обрядахъ и т. п. Далѣе разсматриваются права отца въ семьѣ, отношенія родителей къ дѣтямъ, отношенія между братьями, обычай усыновленія, характеризуются правовыя понятія Пермяковъ и т. п. Замѣтимъ, что (на стр. 213) авторъ, на нашъ взглядъ, едва ли удачно пользуется терминами родства для отысканія въ нихъ слѣдовъ нѣкогда бытовавшаго у Пермяковъ коммунальнаго брака. Изъ того, что слово „айка“ значитъ и *мужъ* и *мужчина*, а „инјка“ — *жена* и *женщина*, ныл — *дочь* и *дѣвушка*, «зон» — *сынъ* и *парень*, такъ-же мало можно заключить по вопросу о коммунальномъ бракѣ, какъ изъ того, что во французскомъ fille значитъ *дочь* и *дѣвушка*, и femme — *жена* и *женщина*. Въ исторіи языка бываетъ и такъ, что спеціальный терминъ для члена семьи получаетъ болѣе широкое значеніе: такъ, въ санскр. языкѣ duhitar значитъ *дочь*, какъ родственныя слова въ другихъ индоевропейскихъ языкахъ, но въ ново-персидскомъ языкѣ то же слово (духтер) получило сверхъ того значеніе *дѣвушки* вообще.

Въ главѣ 5-й авторъ довольно кратко отмѣчаетъ нѣкоторыя черты духовнаго творчества Пермяковъ. Замѣчанія его о языкѣ могли бы отсутствовать безъ ущерба для читателя. Болѣе обстоятельно изложены погребальные обряды и культъ умершихъ, въ которомъ проявляются представленія пермяка о жизни и смерти и о душѣ. Не лишены интереса и сообщаемые авторомъ остатки языческихъ воззрѣній на природу и нѣкоторыя сказки о лѣшемъ, водяномъ и другихъ духахъ, а также описаніе нѣкоторыхъ домашнихъ и общественныхъ обрядовъ. Въ заключеніе нельзя не пожелать, чтобы авторъ продолжалъ и впредь обогащать нашу этнографическую литературу своими историко-этнографическими очерками, содержащими всегда много новаго и всегда читающимися съ большимъ интересомъ.

М.

Д. Г. Булгаковскій.—Пинчуки. Этнографическій сборникъ. *Пѣсни, загадки, пословицы, обряды, примѣты и предразсудки, повѣрья, суевѣрья и мѣстный словарь, собр. въ Пинскомъ у. Минской губ.* 1890 г. (Оттискъ изъ XIII т. „Записокъ“ И. Р. Геогр. Общ.).

Изученіе окраинныхъ земель Бѣлоруссіи и Малороссіи является въ послѣднее время особенно настоятельнымъ; менѣе всего извѣстны западныя окраины, такъ называемое Пинское и Гродненское и отчасти западная

часть Волынскаго Полѣсья. Судя по природѣ названныхъ мѣстностей, по тѣмъ скуднымъ обрывкамъ, которые до сихъ поръ находились въ распоряженіи науки, есть основаніе думать, что въ дебряхъ этого Полѣсья этнографъ и филологъ могли-бы найти обильный и интересный матеріалъ. Въ самомъ дѣлѣ, несомнѣнно, что непроходимые лѣса, малопосѣщаемые, недоступные вліянію цивилизаціи, всего лучше способствуютъ, подобно горнымъ ущельямъ, сохраненію чертъ первобытной жизни среди ихъ обитателей. Это такъ. Но, къ сожалѣнію, изслѣдованіе почти не коснулось этихъ мѣстностей.

До сихъ поръ, напр., филологи имѣютъ въ своемъ распоряженіи для характеристики говоровъ Гродненской губерніи незначительное число записей, помѣщенныхъ въ извѣстномъ описаніи этой губерніи Бобровскаго въ 60 годахъ (Матерьялы Генеральнаго штаба), сдѣланныхъ и тогда не совсѣмъ тщательно, а теперь совершенно устарѣвшихъ при новыхъ требованіяхъ науки. Между тѣмъ интересныя черты полѣсскихъ говоровъ давно уже были оцѣнены наукой и сознана важность ихъ изученія. Извѣстно, что профессоръ Потебня и г. Житецкій видятъ здѣсь много архаичныхъ чертъ малорусскаго нарѣчія (развитіе перезвуковъ *ӯо*, *о̄у* дифтонгъ *іе* изъ *ѣ* и др.) и отводятъ имъ значительное мѣсто въ своихъ изслѣдованіяхъ. [1]) Объясненія историческаго хода развитія главнѣйшихъ особенностей этого нарѣчія, переходъ *о* и *ѣ* въ *і*, поддерживаются главнымъ образомъ находимыми архаизмами въ подляссскихъ говорахъ.

Присутствіе архаизмовъ въ языкѣ должно бы указывать и на архаическія черты быта. Все это указываетъ на важность изученія этихъ мѣстностей. Правда, Пинскому уѣзду, сравнительно, болѣе посчастливилось: въ 50 годахъ въ Ковнѣ былъ изданъ сборникъ пинскихъ пѣсенъ, очень хорошій по тому времени, Ромуальда Зенькевича (до 200 пѣсенъ) „Piosnki gminne ludu Pinskiego“. Сравнительно недавно появилось небольшое собраніе пинскихъ пѣсенъ г. Быковскаго, въ Запискахъ Краковской Академіи Н. (т. II., Антроп. Отд.) [2]). Здѣсь кстати замѣтить, что наши филологи совсѣмъ не пользовались весьма удовлетворительнымъ сборникомъ Зенькевича. Онъ, повидимому, не былъ извѣстенъ ни г. Житецкому, ни проф. Потебнѣ *). Послѣдній, напр., въ своемъ изслѣдованіи „Замѣтки о малор. нарѣч.“ приводитъ для характеристики Пинскаго говора выдержки изъ такого ненадежнаго источника, какъ сборникъ Дмитріева (Пам. нар. тв. въ Сѣв.-З. кр.), пользованія которымъ позднѣйшая критика избѣгаетъ [3]). Не былъ извѣстенъ сборникъ Зенькевича и г. Карскому, на что уже указалъ г. Карпинскій. [4]).

---

[1]) См. Житецкій, «Очеркъ звуковой ист. малор. нарѣч.». Потебня, Два изслѣдованія и пр., Замѣтки о малор. нарѣчіи, О звук. особенн. русск. нар.

[2]) См. нашу ст. въ „Этн. Об.,“ кн. IX.

*) Въ своемъ капитальномъ сочиненіи; „Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень“ покойный А. Потебня пользовался сборникомъ Зенькевича. *Ред.*

[3]) См. Карскаго „Обзоръ звук. и формъ бѣлор. рѣчи“, предисловіе. Пыпина—стат. о бѣлор. этн., въ „В. Евр.“.

[4]) „Рус. Филол. В.“ 1888 г. № 1.

Сказанное нами, какъ нельзя болѣе ясно, показываетъ своевременность и важность появленія сборника о. Булгаковскаго. Въ предисловіи редакторъ XIII т. „Записокъ" Геогр. общ., г. Истоминъ, объясняетъ, что сборникъ составленъ собирателемъ въ 70 годахъ, что важно въ виду того, что каждый десятокъ послѣднихъ лѣтъ кладетъ сильный отпечатокъ на народные обряды и творчество.

Переходя къ разсмотрѣнію содержанія Сборника, обратимъ вниманіе прежде всего на способъ записи. Точность записи въ филологическомъ отношеніи важна въ виду того, что этнографическій сборникъ служитъ матерьяломъ для филологическихъ изысканій. Въ этомъ отношеніи сборникъ г. Булгаковскаго представляетъ не мало слабыхъ сторонъ. Начать съ того, что мы находимся въ полномъ невѣдѣніи, въ какой части уѣзда дѣлались записи. Если собиратель не могъ указать названія села, гдѣ записана каждая пѣсня [1]), то все-таки онъ могъ указать, въ какихъ частяхъ уѣзда онъ записывалъ. Для знакомаго съ Пинскимъ уѣздомъ ясно, что здѣсь замѣчается большое разнообразіе говоровъ въ разныхъ мѣстностяхъ, при одномъ общемъ характерѣ всего звукового строя. Такъ, жители т. наз. Зарѣчья, т. е. части уѣзда къ югу отъ Припяти, имѣютъ не только отличія въ говорахъ, но и въ одеждѣ и пр. отъ жителей сѣверной части уѣзда; можно бы выдѣлить и западную группу, сосѣднюю съ бѣлоруссами, и др. Слѣдовательно, важно было-бы знать волости, по крайней мѣрѣ, гдѣ собиратель производилъ наблюденія и записи. Въ частности можно указать на многія неточности въ записяхъ. Такъ, встрѣчаемъ очень часто *р* передъ мягкими гласными, что невозможно при особенной твердости его въ говорѣ Пинчуковъ. Равнымъ образомъ шипящія вездѣ соединены съ мягкими гласными, тогда какъ онѣ въ Пинскомъ уѣз. нерѣдко твердыя, и въ замѣткахъ о говорѣ пѣсенъ (стр. 159—169) это обстоятельство не оговорено. Встрѣчаемъ много неточностей (*маленькэ* и рядомъ *маленьке* и пр.). Въ общемъ система записи заставляетъ желать много лучшаго.

Обратимся къ чисто-этнографической сторонѣ сборника. Онъ состоитъ изъ 257 пѣсенъ (стр. 24—154), изъ 210 загадокъ (стр. 167—176), изъ 65 пословицъ и поговорокъ (стр. 176—178), изъ сообщеній о нѣкоторыхъ обрядахъ, примѣтахъ, гаданьяхъ и пр. (стр. 178—192) и небольшого словарика (стр. 192—200). Кромѣ того приложены еще двѣ статейки, относящіяся къ обработкѣ пѣсенъ: характеристика пѣсенъ по содержанію (стр. 3—23) и нѣсколько общихъ замѣчаній о пѣсняхъ Пинчуковъ (стр. 155—158) (любимыя мѣста, эпитеты, образность, растительное и животное царства и пр.). Содержаніе первой изъ названныхъ статей состоитъ въ разсмотрѣніи лирическихъ мотивовъ пѣсенъ по ихъ отдѣламъ. Среди колядныхъ пѣсенъ встрѣчаемъ пѣсни (стр. 4—8) Богу, хозяину дома, парню, дѣвицѣ, бабѣ, волу. Авторъ сообщаетъ краткія свѣдѣнія о колядованіи

---

[1]) Предисловіе редактора объясняетъ, что собирателемъ не были сдѣланы соотвѣтственныя отмѣтки при записываніи, а черезъ десять лѣтъ, перемѣнивъ мѣсто службы, онъ не рѣшился по памяти возстановить мѣста записей.

(стр. 5) и затѣмъ указываетъ лишь на лирическіе мотивы колядокъ. Съ своей стороны обратимъ вниманіе на мотивы о встрѣчѣ хозяина дома съ тремя ангелами—солнцемъ, мѣсяцемъ и дробнымъ дождикомъ (стр. 29 № 6). Особенно интересна пѣсня волу; эта пѣсня о „сивыхъ волахъ, золотыхъ волахъ, золотые роги“ (стр. 44) подтверждаетъ предположеніе Потебни о связи прославляемаго въ колядкахъ божества съ быкомъ [1]).

Не будемъ останавливаться на мотивахъ пѣсенъ щедрицкихъ (стр. 45—52), лѣтнихъ (стр. 57—66), любовныхъ (стр. 66—96), семейныхъ (стр. 110—133), солдатскихъ и юмористическихъ (стр. 135—154); въ нихъ всюду видна глубокая грусть, пронизывающая всю поэзію Пинчуковъ. Обратимъ вниманіе на весьма обширный циклъ пѣсенъ троицкихъ, купальныхъ и вообще весеннихъ (стр. 52—57), съ которыми связаны и празднованіе Купалы и особенная хороводная пляска вокругъ костра—*Быкинъ* (стр. 179).

Въ свадебныхъ пѣсняхъ сохранилось немало намековъ на похищеніе, куплю-продажу невѣсты. Отмѣтимъ замѣчанія собирателя объ обрядовомъ употребленіи хлѣба на заручинахъ, огней послѣ вѣнчанія (стр. 15), о гаданьяхъ передъ свадьбой (стр. 14) и др. Сдѣлавъ краткую характеристику пѣсенъ, перейдемъ къ послѣдней статьѣ сборника о. Булгаковскаго. Это статья о примѣтахъ, гаданьяхъ и пр. (стр. 178—192), хотя и очень небольшая, но представляющая глубокій этнографическій интересъ. Здѣсь собиратель прежде всего описываетъ нѣкоторыя празднества: Буськовы лапы (26 марта), Навскій четвергъ, Купайло, особенно *Конскій Велыкъ-день* (въ первый вторникъ послѣ Троицы), посвященный лошадямъ; дѣлаетъ дополненія о празднованіи Коляды, Щедрухи, о гаданьяхъ на послѣдней и пр.; затѣмъ указываетъ примѣты на разные случаи жизни (при полевыхъ работахъ, при похоронахъ и пр.), далѣе идутъ повѣрья о происхожденіи нѣкот. животныхъ; особенно интересно преданіе о происхожденіи медвѣдя, повѣрья что воронъ — нечистая сила, волкъ — тоже, волъ — святая кость. Статья заканчивается обзоромъ повѣрій о русалкахъ, упыряхъ и воззрѣніи пинчука на загробную жизнь.

М. Довнаръ-Запольскій.

В. Н. Добровольскій.—Смоленскій этнографическій сборникъ, ч. I. (СПБ. 1891, стр. XXVII + 716 in 8°).—Весьма отрадное явленіе въ нашей наукѣ представляетъ этотъ трудъ плодовитаго собирателя, напечатанный въ XX томѣ «Записокъ по Отдѣленію Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества». Въ него вошелъ одинъ изъ пяти большихъ фоліантовъ, присланныхъ въ Общество неутомимымъ собирателемъ, заключающій въ себѣ: разсказы демонологическаго, бытового и т. п. характера, повѣрья, заговоры (до 100 №№), преданія, легенды, сказки, шутки и были (всѣхъ №№ въ сборникѣ около 414). Въ предисловіи собиратель оговаривается, что онъ воздерживался дѣлать научные выводы и обобщенія, и оговорку эту слѣдуетъ отнести прежде всего

[1]) См. О миѳич. знач. нѣкот. обр. и пов. М. 1865 г., стр. 31 и слѣд.

къ тому предварительному матеріалу, который помѣщенъ собирателемъ въ видѣ: 1) Указателя къ изслѣдованію: «Особенности Смоленскаго нарѣчія. Различія говоровъ Смоленскаго нарѣчія», 2) «Замѣтки» къ этому «изслѣдованію» и 3) наконецъ, самаго «изслѣдованія». Собиратель, дѣйствительно, и въ этомъ матеріалѣ не дѣлаетъ научныхъ обобщеній. Онъ подмѣчаетъ тѣ или другія особенности языка и записываетъ ихъ безъ особенной системы, по рубрикамъ (ихъ 139), изъ которыхъ почти ни одна въ сущности не представляетъ изъ себя отдѣльнаго закона языка или отдѣльнаго болѣе или менѣе опредѣленнаго фонетическаго явленія; это—просто сырой лексическій матеріалъ, расположенный лишь по рубрикамъ, часто довольно произвольнымъ и нерѣдко повторяющимся. Конечно, ошибка та, что собиратель матеріалъ этотъ назвалъ изслѣдованіемъ, но это не важно. Обратимся къ самому матеріалу.

Собиратель имѣлъ въ виду выставить „различія говоровъ Смоленскаго нарѣчія", но различія по отношенію къ чему? Изъ лексическаго матеріала видно, что, съ одной стороны, сравнивается онъ съ современнымъ литературнымъ языкомъ, съ другой стороны, приводятся особенности говора различныхъ мѣстностей Смоленской губерніи, только сдѣлано все это безъ всякой системы, наглядности и послѣдовательности, и не всегда даже выражена сущность этихъ сравненій: напр., имѣется въ виду сравнить какое-либо мѣстное слово съ литературнымъ, но написаннымъ иногда грамматически, а иногда фонетически, и объ этомъ нужно догадываться. Главный же здѣсь недостатокъ въ томъ, что собиратель слишкомъ ужъ кратко выражаетъ свои фонетическія наблюденія. Пишетъ онъ, напр., такъ: „18) о=о. Освяцэніе, вòжаснулся, пòплыў, позабылъ. С. у. побиваю Б. у." (стр. 9), и лишь послѣ немалыхъ усилій можно догадаться, что хотѣлъ сказать этимъ собиратель. И такъ обозначены почти всѣ рубрики. Напр., еще замысловатѣе на стр. 6: „1) а = ò. à... а + 3 слогъ — а.... ò — 3 слогъ. а — а + 3 слогъ — а... ò — 3 слогъ. Сàхарный = сахòрный, гаварѝтъ = гавòритъ, халастой = халòстый". Есть и такія рубрики, въ которыхъ нѣтъ почти ни одного примѣра, ни одного поясненія. Вотъ, напр., на стр. 3: „5) *и* вмѣсто *е* въ Росл., Бѣльск.у. 6) *е* вмѣсто *и* въ Бѣльск.у"—и только. Указатель въ этомъ отношеніи такой же. Это перечисленіе и безъ того лаконическихъ рубрикъ, напр.: „1) *А* и *ѝ* = *о*. 2) *ѣ* — *е* — *ё* — *о* 3) *ё* — *ė*" и т. п. перестановки гласныхъ и согласныхъ во всевозможныхъ сочетаніяхъ,—собственно, все это лишнее. Но если говорить уже о недостаткахъ сборника, которыхъ, спѣшу предупредить, слишкомъ немного сравнительно съ его достоинствами, то кромѣ лаконичности и замысловатости въ матеріалѣ этомъ есть и другіе недостатки. Собиратель, группируя свой лексическій матеріалъ, лишь иногда указываетъ при этомъ на разныя мѣстности Смоленской губ., какъ будто то или другое звуковое явленіе, безъ указанія, гдѣ оно существуетъ, нужно отнести ко всей Смоленской губ., а это, конечно, невѣрно. Не всѣ въ Смол. губ. говорятъ, напр., здэсь (руб. 4, стр. 6), или: чіёй, маей, ёй и т. д.; даже относительно отдѣльныхъ мѣстъ нельзя установить опредѣленныхъ законовъ говора: не

всѣ, напр., въ с. Шоптовѣ, Бѣльск. уѣз., говорятъ: тады̀, кады̀, кыза́ (руб. 36, стр. 12), пярстнёмъ (руб. 46, стр. 13) и т. д. Съ другой стороны, слишкомъ замѣтныя фонетическія явленія въ говорахъ смоленскаго нарѣчія какъ бы ускользаютъ отъ наблюденій собирателя. Такъ, напр., на стр. 43 собиратель приводитъ нѣсколько словъ изъ говора с. Пречистаго, Духовщ. у., а между тѣмъ въ своемъ «изслѣдованіи» онъ не отмѣтилъ очень интереснаго звукового явленія въ рѣчи пречистенцевъ, которое не ускользнуло даже отъ крестьянъ Бѣльскаго у., это—ихъ «цоканье», какъ говорятъ бѣльскіе крестьяне, т. е. замѣна звука *ч* чуть-ли не во всѣхъ случаяхъ звукомъ *ц*, что̀ отчасти встрѣчается и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бѣльск. у. Изъ разсказовъ, записанныхъ въ Пречистомъ и помѣщенныхъ въ Сборникѣ, какъ будто-бы видно, что не всѣ и тамъ „цокаютъ" (№ 26, стр. 327), или если и „цокаютъ", то не вездѣ *ч* замѣняютъ звукомъ *ц* (стр. 661,713). Здѣсь было-бы важно упомянуть, отъ кого записывалъ собиратель; быть можетъ, отъ „захожихъ" или, по меньшей мѣрѣ, отъ людей „бывалыхъ". Кажется, филологическія наблюденія бѣльскихъ крестьянъ относительно пречистенцевъ вѣрны.

Впрочемъ, мы не имѣемъ въ виду разбирать весь этотъ лексическій матеріалъ, а лишь для ознакомленія показываемъ на примѣрахъ, каковъ онъ. Мы полагаемъ, что изслѣдователю гораздо легче было-бы изучать смоленское нарѣчіе по самымъ произведеніямъ народа, записаннымъ собирателемъ, если-бы только въ этомъ записываніи не было погрѣшностей, и притомъ довольно ощутительныхъ. Транскрипція, принятая собирателемъ, не выразила всѣхъ тѣхъ звуковъ, которыми обладаетъ смоленское нарѣчіе. Многіе изъ этихъ звуковъ въ Сборникѣ вовсе не обозначены, многихъ-же нельзя уловить, благодаря той сбивчивости, которая господствуетъ въ современномъ литературномъ письмѣ, не оставшемся безъ вліянія на транскрипцію Сборника. На стр. 4 собиратель самъ говоритъ объ о́канье: „Оканье развивается по мѣрѣ приближенія къ сѣверу".—стало быть, оканье есть, но въ Сборникѣ его прослѣдить нельзя: во первыхъ, въ Сборникѣ въ большей части номеровъ не сказано, отъ кого и гдѣ каждый изъ нихъ былъ записанъ, во-вторыхъ, если даже окать вездѣ, гдѣ въ Сборникѣ стоитъ *о*, то можно впасть въ ошибки: въ Шоптовѣ, напр., не говорятъ „в*о* всей исторіи" (стр 333, 12 строка снизу) или х*о*зяинъ (стр. 331, 1 строка снизу), п*о*корна (стр. 543, 12 строка снизу) и т. д. Скорѣе все это и многое тому подобное, относительно Шоптова, по крайней мѣрѣ,—опечатки (а что онѣ есть, это можно убѣдиться изъ той небрежности, съ какой редакція отнеслась къ стр. 125 Сборника, гдѣ конецъ страницы представляетъ слишкомъ много пробѣла вмѣсто конца разсказа, прерваннаго на полусловѣ). Потомъ на стр. 4 собиратель говоритъ: „15) къ сѣверу произношеніе *г* становится болѣе твердымъ". Опять гдѣ это—неизвѣстно, и все, записанное въ Сборникѣ, не даетъ понятія, гдѣ и какъ это *г* произносится. Кажется, оно въ большей части мѣстностей Смол. губ. произносится какъ мягкое *г* (а ужъ на самомъ сѣверѣ Смол. губ., въ Пустомъ-Подлѣсьѣ, на границѣ съ Тверск. губ.—навѣрно), и собирателю не мѣшало-бы въ своей транскрипціи раз-

личать твердое и мягкое *г*. Въ этомъ случаѣ, кстати замѣтить, коренные жители г. Бѣлаго Смол. губ., придаютъ произношенію *г* особую важность: они считаютъ себя кореннымъ великорусскимъ племенемъ на томъ основаніи, что произносятъ мягкое *г*, тогда какъ московское племя произноситъ *г* твердое, и потому отрицаютъ его коренное великорусское происхожденіе. Далѣе, на стр. 19 собиратель говоритъ, что *д* и *т* замѣняются иногда *дз* и *ц*, но опять-таки, гдѣ именно и когда—въ Сборникѣ этого не видно. Затѣмъ, въ Сборникѣ вовсе не встрѣчается звукъ, который неправильно выражаютъ иногда сліяніемъ буквъ *дж*, и который такъ популяренъ въ Смоленскомъ нарѣчіи, въ формахъ, напр., засджо̀ный, во̀ждзи, даждзя и т. п. при формахъ зажжо̀ный и зажьжёный, дажжа̀ и дажьжа̀ и т д. Нѣтъ въ Сборникѣ и звука, выражаемаго латинскимъ *j*, хотя, впрочемъ, изрѣдка, вмѣсто него, употребленъ здѣсь знакъ *й*. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Смоленской губ. встрѣчается звукъ *ш* мягкое, вмѣсто *с* мягкаго; такъ, напр., литературныя слова: сельскій, серпъ, сѣвъ, сито и т. д. произносятъ, какъ варшавскіе поляки sielski, sierp, siew, sito и т. д. Конечно, б. м., собирателю и не встрѣтились такіе факты, но въ виду того, что съ фонетической стороны его Сборникъ вообще не совсѣмъ точенъ, замѣчанія эти не будутъ сказанными безпричинно.

Другіе недостатки транскрипціи Сборника менѣе важны, исключая развѣ вопроса объ удареніи. Впрочемъ, для разрѣшенія этого вопроса собирателемъ составленъ маленькій словарь смоленскаго нарѣчія, который тощъ, какъ словарь Смол. губерніи, а какъ пополненіе къ словарю Бѣлорусскаго нарѣчія вообще онъ имѣетъ много давно извѣстныхъ словъ и формъ, тогда какъ наоборотъ, многія слова, непонятныя въ Сборникѣ, не внесены въ этотъ словарь и вообще не объяснены. Собиратель далъ ему названіе „Матеріаловъ для словаря и теоріи ударенія", но именно болѣе или менѣе научную теорію ударенія на основаніи этихъ матеріаловъ создать трудно,—другое дѣло, если бы собиратель всѣ собранныя имъ народныя произведенія записывалъ съ удареніемъ на каждомъ словѣ.

Переходя къ содержанію Сборника, мы наталкиваемся на такое богатство матеріаловъ, какого можно ожидать лишь отъ самаго усерднаго и наблюдательнаго собирателя. Съ первыхъ-же страницъ предъ нами рисуется обыденная жизнь крестьянки: ея „дятиныя годы" жизнь „у дявочистви", замужняя жизнь со всѣми ея передрягами, судами, дѣлежками и т. д. до самой смерти, когда „пора дать спакой старымъ кастёмъ" (стр. 45—68). Эта интересная автобіографія крестьянки заслуживаетъ особеннаго вниманія для характеристики современнаго крестьянскаго быта, равно какъ и два послѣдующихъ разсказа (стр. 68—74). Затѣмъ идутъ 12 разсказовъ изъ жизни знахарей и знахарокъ (стр. 74—87). Далѣе лѣсовые, русалки, домовые, водяные, вѣдьмаки и вѣдьмы, оборотни, смерть и сношенія съ загробнымъ міромъ, скоморохи, людоѣды, клады и различныя животныя, принимающія участіе въ судьбѣ людей,—вотъ темы, на которыя въ этомъ сборникѣ найдется по нѣскольку разсказовъ, особенно-же много ихъ на тему о вѣдьмакахъ и вѣдьмахъ (стр. 87—166). Далѣе идутъ заговоры числомъ около 100, только жаль, что въ Сборникѣ они плохо разномѣро-

ваны: заговоры отъ каждой болѣзни имѣютъ отдѣльную номерацію, и, такимъ образомъ, въ одномъ отдѣлѣ заговоровъ болѣе 40 разъ мѣняется номерація. Это, впрочемъ, можно сказать и объ номераціи всего сборника, что очень затрудняетъ пользованіе имъ при изслѣдованіяхъ. Съ другой стороны, жаль, что и самый матеріалъ расположенъ не систематично: однородные разсказы разбросаны по разнымъ мѣстамъ. Далѣе, богатый матеріалъ собранъ г. Добровольскимъ и по народнымъ вѣрованіямъ о міротвореніи, жизни первыхъ людей, объ Ноѣ и святыхъ (особ. Петрѣ, Павлѣ, Николѣ и Егорьѣ), о Христѣ и Божьей Матери (разсказы разбросаны по стр. 224—311); во многихъ изъ этихъ разсказовъ особенно видную роль играетъ чортъ. Есть нѣсколько разсказовъ о происхожденіи кукушки, соловья и т. п. Массу разсказовъ можно встрѣтить на тему с пьянствѣ, о справедливости и несправедливости, о честности, о бабскихъ уверткахъ, о женахъ вообще, о счастьѣ, четыре разсказа на тему о судьбѣ Эдипа (стр. 269—276) и нѣсколько историческихъ разсказовъ, особ. о Петрѣ I. Далѣе, подъ особой рубрикой „Сказки“ собиратель помѣстилъ 39 №№, изъ которыхъ многіе по своему содержанію подходятъ къ прежнимъ номерамъ. Вообще рубрики у собирателя поставлены чрезвычайно произвольно. Первые разсказы разнороднаго характера (стр. 45—395) общаго заглавія не имѣютъ, даже заговоры не выдѣлены подъ особую рубрику, а послѣ „сказокъ“ подъ рубрику: „Чортъ“ вошли такіе разсказы, какіе были помѣщены и раньше до „Сказокъ“; подъ рубрикой „Сказки о животныхъ“ помѣщены напр.: „Ерастъ Ерастовичъ и Хворастъ Хворастовичъ“, „Лгала и Полагала“ и др. разсказы вовсе не изъ жизни животныхъ; рубрики: „Бытовыя“ и „Быль“ могли-бы относиться ко многимъ разсказамъ, помѣщеннымъ до „Сказокъ“.

Но, оставивъ это въ сторонѣ, возвратимся къ содержанію сказокъ. Подъ этой рубрикой помѣщены очень интересные номера. Напр., два разсказа объ Ильѣ Муромцѣ нѣсколько освѣщаютъ судьбу старинной былины. Хорошо помнится только сюжетъ ея: Илья 30 лѣтъ сиднемъ сидитъ, получаетъ силу отъ напитка, показываетъ ее на родинѣ (лядо), отыскиваетъ плохую лошаденку, побѣждаетъ Соловья-разбойника, ѣдетъ къ царю, на пиру показываетъ свою удаль, побѣждаетъ обжору (богатыря Алькадима). Но уже забыто мѣсторожденіе Ильи, его историческая роль и, главное, былинная эпоха при кн. Владимирѣ. Здѣсь Илья—мужичокъ изъ-подъ Брянска; религіозное настроеніе ставитъ его въ зависимость отъ воли Бога: старика, который побѣдилъ его силой, Илья зоветъ то дѣдушкой, то Господомъ; имени Владимира сказка уже не помнитъ и даже князь является здѣсь царемъ или королемъ. Трудно сказать, чтобы остальныя сказки, помѣщенныя здѣсь, были тоже остатками былинъ, хотя между ними и этой сказкой объ Ильѣ Муромцѣ, по общему характеру прозаическаго разсказа, бытовымъ чертамъ и нѣкотор. чертамъ былиннымъ, есть не мало общаго. Во многихъ изъ этихъ сказокъ участвуютъ богатыри, въ нихъ встрѣчаются еще былинныя имена напр. сказки: „Абъ Ивани Гадимывичи, Алексѣи Гадимывичи, Стаўри Гадимывичи-Самъ-Малалѣтинъ-Пьяницы“, но сюжетъ ея никакой былины

не напоминяетъ. Далѣе во многихъ изъ этихъ сказокъ герою приходится бороться со змѣемъ, освобождать царскую или королевскую дочь, и жениться на ней. Въ другихъ видную роль играютъ заморскія путешествія героевъ (купцы), волшебники, волшебницы, Баба-Яга и др. Встрѣчаются очень интересные сюжеты о рѣкахъ, напр.: „Якъ купецъ у Двины (въ Двинѣ) пабыў, споръ мижъ рячнымъ царёмъ и царицый ряшіў (споръ мижъ Нѣпамъ и Нявой) и разбагатѣў атъ дароў Нѣпра (Нѣпа)"—стр. 540, и другая: „Абъ Воўги, Днѣпрѣ и Сожи и батьки ихъ Нивисномъ, якъ Нивиснэй ихъ ў путь дарогу бѣчъ благаславляў—стр. 233 (здѣсь происхожденіе рѣкъ объясняется нѣсколько иначе, чѣмъ въ извѣстной былинѣ: Днѣпра королевична и Донъ Ивановичъ", см. Рыб. I, № 32). Наконецъ, въ Сборникѣ много сказокъ шуточныхъ и бытовыхъ разсказовъ изъ жизни крестьянъ, духовенства и т. д.

Вся масса этого богатаго матеріала говоритъ сама за себя. Въ заключеніе, не лишнимъ будетъ передать здѣсь то впечатлѣніе, которое произвелъ этотъ сборникъ, лишь только онъ появился въ Смоленскѣ, въ той мѣстности, гдѣ незамѣтно для другихъ трудился усердный собиратель. Преже всего, прочитавъ два—три разсказа, никто не хотѣлъ вѣрить, чтобъ именно отъ крестьянъ можно было услышать „такія интересныя вещи", а затѣмъ, убѣдившись, что эти „интересныя вещи" наполняютъ весь Сборникъ, думали заподозрить собирателя: „ужъ не самъ ли онъ все это сочинилъ?"

Это говоритъ, во-первыхъ, въ пользу собирателя, что онъ видѣлъ и слышалъ въ народѣ то, чего, надо полагать, не хотѣлъ ни видѣть, ни слышать почти никто изъ его интеллигентныхъ земляковъ, во-вторыхъ, говоритъ это и въ пользу Сборника, переполненнаго въ глазахъ даже не людей науки „интересными вещами". Остается только пожелать скорѣйшаго выхода изъ печати остальныхъ четырехъ фоліантовъ и продолженія плодотворной дѣятельности собирателя. *В. Богдановъ.*

И. Н. Смирновъ.—Задачи и значеніе мѣстной этнографіи. Казань. 1891. Маленькая брошюрка г. Смирнова, несомнѣнно, съ удовольствіемъ прочтется всякимъ, кому близко дѣло народвѣдѣнія и народоизученія. Въ своемъ популярномъ, очень живо и легко написанномъ, очеркѣ авторъ затрогиваетъ существенный вопросъ о задачахъ и значеніи этнографіи; новаго, сравнительно съ извѣстными статьями Д. Н. Анучина, В. И. Ламанскаго и А. Н. Пыпина, очеркъ этотъ не даетъ—да г. Смирновъ, видимо, и не гнался за новизной постановки: его цѣли—не теоретическія, а практитескія. Онъ хотѣлъ побудить „большую публику" горячимъ и убѣжденнымъ словомъ придти на помощь людямъ науки и способствовать сохраненію для науки быстро исчезающей подъ напоромъ новыхъ вѣяній „живой старины"—и выполнилъ свою задачу, по нашему мнѣнію, очень удачно: желательно было бы, чтобы и въ другихъ провинціальныхъ городахъ явились такіе горячіе проповѣдники этнографіи, которые будили бы общественную мысль, указывали пути, руководили дѣломъ собиранія этнографическихъ фактовъ. *W.*

И. Н. Смирновъ.—Этнографія на Казанской научно-промышленной выставкѣ. Казань. 1890. Обстоятельный обзоръ этнографическихъ предметовъ, экспонированныхъ на Казанской выставкѣ, сдѣланный г. Смирновымъ, заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ очень интересныхъ данныхъ по этнологіи. Не исчерпывая всего содержанія брошюрки, отмѣтимъ данныя для исторіи способовъ перевозки (стр. 5—6; недавно этотъ вопросъ нашелъ себѣ компетентнаго интерпретатора въ лицѣ Д. Н. Анучина), жилищъ (стр. 9—11), орнаментики (стр. 12—14, 18—23). музыкальныхъ инструментовъ (Черемисскія гусли стр. 30) и пр. Жаль, что къ этой брошюркѣ не приложены пояснительные рисунки, столь важные при изученіи внѣшняго быта.

К.

И. Н. Смирновъ.—Юбилей Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и VIII Археологическій Съѣздъ. Казань. 1890. Въ своей брошюркѣ г. Смирновъ передаетъ тѣ впечатлѣнія, которыя онъ вынесъ изъ посѣщенія VIII Археологическаго Съѣзда и участія въ 25-лѣтн. юбилеѣ Моск. Археол. Общ., и затѣмъ переходитъ къ характеристикѣ двухъ намѣтившихся въ послѣднее время направленій археологическаго изслѣдованія: того, „которое воздерживается отъ ошибокъ, сопряженныхъ съ этнографической классификаціей и успокаивается на классификаціи археологическихъ богатствъ въ одномъ случаѣ по матеріаламъ, изъ которыхъ приготовлены вещи, въ другомъ по времени, къ которому онѣ могутъ относиться“,—и того, „которое, не останавливаясь предъ рискомъ ошибокъ, выдвигаетъ историко-этнографическіе вопросы, ищетъ за вещами людей съ особенностями ихъ техники, матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ“. Симпатіи автора, понятно, на сторонѣ послѣдняго направленія; нельзя не согласиться съ его основной мыслью, что для разработки археологическихъ фактовъ этнографія и исторія примитивной культуры имѣютъ громадное значеніе.

В.

П. Н. Милюковъ.—VIII Археологическій Съѣздъ въ Москвѣ. Москва. 1890.—Изъ многочисленныхъ отчетовъ, написанныхъ по поводу бывшаго въ Москвѣ VIII-го Археологическаго Съѣзда, отчетъ г. Милюкова производитъ самое лучшее впечатлѣніе. Г. Милюковъ не гнался за полнотой; онъ отмѣчаетъ только наиболѣе крупные и характерные факты ученой дѣятельности Съѣзда, подбираетъ ихъ въ цѣльную, очень поучительную картину и даетъ трезвую оцѣнку ихъ: такимъ образомъ отчетъ, повторяя тѣ данныя, которыя можно найти въ „Дневникѣ“ Съѣзда и другихъ отчетахъ, вноситъ и много новаго—новые факты и новыя соображенія. Этнографа могутъ заинтересовать многія страницы этой брошюрки (отдѣльный оттискъ изъ „Русской Мысли“): такъ, на стр. 9 и слѣд. авторъ говоритъ о попыткахъ связать археологическое изученіе съ данными современной этнографіи, на стр. 17 о буртасахъ, на стр. 21 о взаимодѣйствіи иконописи и словесности и пр.

Z.

Романовичъ—Русская старина въ родной поэзіи. *Иллюстрированный сборникъ стихотворныхъ образцовъ* (съ примѣчаніями и словаремъ. Новгородъ. 1890).—Сборникъ г. Романовича, въ которомъ сведены стихотворенія, затрогивающія различныя стороны и черты русской исторіи отъ Рюрика до нашихъ дней, можетъ сослужить хорошую службу въ нашей школѣ, какъ недурное пособіе при изученіи исторіи. Конечно, естественное стремленіе къ полнотѣ заставляло г. Романовича приводить на ряду съ высокохудожественными произведеніями и произведенія посредственныя, даже бездарныя, но трудно винить его за это; центръ тяжести его труда не въ удовлетвореніи эстетическому чувству во всякомъ случаѣ, да, кромѣ того, такую книгу врядъ ли и дадутъ школьнику въ руки помимо болѣе или менѣе опытнаго руководителя, во власти котораго оставить въ сторонѣ въ этомъ сборникѣ все, что можетъ показаться лишнимъ и нежелательнымъ. Г. Романовичъ внелъ въ свой сборникъ много былинъ и историческихъ пѣсенъ, снабженныхъ примѣчаніями, которыя, къ сожалѣнію, составлены въ большинствѣ случаевъ по устарѣвшимъ трудамъ изслѣдователей миѳологической и славянофильской школы. Любопытно, что былину о змѣеборствѣ Добрыни г. Романовичъ сближаетъ съ извѣстнымъ разсказомъ Іоакимовой лѣтописи о крещеніи новгородцевъ.

W.

Жбанковъ.—Бабья сторона. Кострома. 1891. Подъ „бабьей стороной" авторъ подразумѣваетъ сѣверо-западную часть Костромской губерніи, особенно Солигаличскій и Чухломскій уѣздъ: это оригинальное названіе объясняется тѣмъ, что въ данной мѣстности замѣчается, благодаря отхожимъ промысламъ, поразительное численное преобладаніе женщинъ надъ мужчинами. Г. Жбанковъ даетъ богатый матеріалъ для характеристики этого „бабьяго царства", вѣрнѣе—одной изъ его сторонъ. Большая часть его книги посвящена характеристикѣ отхожихъ промысловъ и вреднаго вліянія ихъ на всѣ стороны крестьянскаго быта: такимъ образомъ центръ тяжести работы, собственно, въ экономическихъ фактахъ, а этнографія является случайнымъ и слабо представленнымъ придаткомъ. Въ концѣ приложено нѣсколько крестьянскихъ писемъ, любопытныхъ и по содержанію, и по языку, и нѣсколько пѣсенъ съ сильнымъ фабричнымъ вліяніемъ. Книга написана живо, толково, выводы обставлены вѣскими аргументами; читающей публикой она, несомнѣнно, будетъ встрѣчаться радушно, такъ какъ она даетъ много цѣнныхъ матеріаловъ для выясненія очень существеннаго для крестьянскаго быта вопроса - вопроса объ отхожихъ промыслахъ, и нѣсколько интересныхъ данныхъ по патологіи, такъ сказать, народной пѣсни, обряда и пр., ярко обрисовывающихъ то быстрое и по многимъ причинамъ грустное разложеніе стараго порядка въ народномъ быту, которое во многихъ мѣстахъ Россіи заявляетъ себя все сильнѣе.

В. К.

Путешествіе въ Россію датскаго посланника Якова Ульфельда въ XVI вѣкѣ. Переводъ съ латинскаго (XVIII в.), съ предисловіемъ *Е. В.*

Барсова. Москва. 1890.—Это путешествіе даетъ нѣсколько не безъинтересныхъ чертъ древне-русскаго быта, которыя заслуживаютъ быть отмѣченными. На стр 10 говорится о насыпкѣ кургана въ память войны „Россіянъ съ Лифляндцами“, на стр. 11 помѣщена очень ѣдкая общая характеристика русскихъ приставовъ, на стр. 16—говорится о безнравственности и неопрятности русскихъ (особенно любопытны свѣдѣнія о „представленіи по своему обычаю комедіи“ и трубачахъ—несомнѣнно, скоморохахъ), на стр. 17 напечатана нецензурная легенда о Маріи Магдалинѣ, на стр. 18 говорится объ употребленіи иконъ при вареніи пива и на стр. 19—о сквернословіи, столь обычномъ у русскихъ во всѣ времена ихъ исторической жизни. Желательно было бы, чтобы кто-нибудь занялся выборкой и систематизаціей подобныхъ фактовъ изъ такихъ памятниковъ, какъ путешествіе Ульфельда: такія старыя свидѣтельства очень важны для разработки современныхъ русскихъ этнографическихъ матеріаловъ.

К.

Четыркинъ.—Какое значеніе имѣютъ слова Нестора: „*собравше кости, вложаху въ судину малу и поставяху на столпъ на путехъ, еже творять Вятичи и нынѣ*“? Воронежъ. 1889. Г. Четыркинъ рѣшаетъ вопросъ этотъ очень своеобразно. По его мнѣнію столпъ—Чуръ, который представлялъ собою „какъ бы видимый образъ умершаго предка рода—семьи“; „поставленіе Чура въ видѣ обрубка дерева есть слабое проявленіе неразвившагося у русскихъ славянъ антропоморфизма[1]) въ религіи“; „почитаніе Чура развилось въ то время, когда вмѣсто прежняго племеннаго быта, поглощавшаго и затемнявшаго власть старшаго въ извѣстной семьѣ, развился и достаточно окрѣпъ бытъ родовой, семейный, и когда создавалось обычное семейно-общинное право поземельной собственности“ и пр. Во всѣхъ этихъ положеніяхъ столько же оригинальности, сколько и полнаго незнакомства съ исторіей примитивной культуры. Мы предпочитаемъ довольствоваться для объясненія этого темнаго мѣста лѣтописи осторожными догадками Котляревскаго, чѣмъ пускаться вслѣдъ за г. Четыркинымъ въ безбрежное море зыбкихъ гаданій, въ которыхъ недостатокъ знаній, какъ и всегда это бываетъ, идетъ объ руку со склонностью къ слишкомъ рѣшительнымъ сужденіямъ, не допускающимъ возможности сомнѣній и возраженій.

Z.

Лисовскій.—Опытъ изученія малорусскихъ думъ. Полтава. 1890. Г. Лисовскій подошелъ къ своей привлекательной, но очень трудной и сложной темѣ съ очень скуднымъ запасомъ свѣдѣній, которыя, собственно, не идутъ дальше любого учебника словесности и извѣстнаго сборника гг. Антоновича и Драгоманова. Странно какъ-то видѣть его произведеніе напечатаннымъ какъ разъ въ то время, когда въ этнологической литера-

---

[1]) Это русско-народный антропоморфизмъ а не варяжскій, выразившійся въ поставленіи кумировъ (стр. 8—9).

турѣ идутъ болѣе или менѣе оживленные споры объ отношеніяхъ древне—русскаго эпоса къ позднѣйшей малорусской поэзіи, когда ставится на очередь вопросъ о подъемѣ отъ первоначальнаго синкретизма до лирико-эпической кантилены, затѣмъ эпическихъ пѣсенъ, эпическихъ цикловъ и эпопей, о генезисѣ и эволюціи эпоса. Все научное движеніе въ этой области прошло мимо г. Лисовскаго, не затронувъ его; да какъ было и затронуть, когда онъ не потрудился даже познакомиться съ маленькой литературой по думамъ, ограничившись однимъ только сборникомъ, какъ будто онъ—первое и послѣднее слово науки по данному вопросу. Его трудъ, собственно—наборъ не имѣющихъ теперь никакого значенія фразъ, запоздавшихъ чуть ли не на полъ-столѣтія; это какой то анахронизмъ, тѣмъ болѣе печальный что въ г. Лисовскомъ сказывается искренняя любовь къ дѣлу, желаніе внести и свою посильную лепту въ разработку излюбленнаго вопроса, вполнѣ заслуживающаго и изученія и увлеченія. Однихъ благихъ порывовъ, конечно, мало тамъ, гдѣ нужны многостороннее знаніе, методологическая выдержка и способность въ детальной, кропотливой работѣ, которыя не могутъ быть замѣнены толками вкривь и вкось о „сферическихъ и линейныхъ группировкахъ“ и наивными сравненіями философіи думъ съ философіей Ж. Ж. Руссо. Чего не далъ г. Лисовскій, того будемъ ждать отъ такого замѣчательнаго ученаго и глубокаго знатока Малороссіи, ея прошлаго и настоящаго, какъ П. И. Житецкій; редакція „Кіевской Старины“ уже обѣщала напечатать его изслѣдованіе о думахъ.

W.

Х. Ящуржинскій.—О превращеніяхъ въ малорусскихъ сказкахъ. Кіевъ. 1891.—Брошюра г. Ящуржинскаго затрогиваетъ очень любопытный и сложный вопросъ о народной вѣрѣ въ возможность превращеній, стоящей въ непосредственной, генетической связи съ т. н. „примитивнымъ анимистическимъ міровоззрѣніемъ“. Какъ извѣстно, „анимизмъ“ сводится къ тому, что природа представляется одушевленной, живущей одной жизнью съ человѣкомъ, который переноситъ на нее и то, что чувствуетъ, и то, чѣмъ страдаетъ (т. н. антропонатизмъ, отъ слова pathos — чувство и страданіе); отождествленіе человѣка и природы переходитъ затѣмъ въ перенесеніе на природу человѣческаго образа (антропоморфизмъ). Вѣра въ превращеніе, неисчезнувшая до сихъ поръ,—слѣдствіе и переживаніе этого міровоззрѣнія.

Г. Ящуржинскій подошелъ къ своей темѣ, собственно, съ голыми руками, если можно такъ выразиться: его свѣдѣнія относительно примитивнаго міровоззрѣнія сводятся къ ничтожнымъ крохамъ; онъ отдѣлывается нѣсколькими блѣдными и безцвѣтными фразами въ началѣ, совершенно неумѣстно прибѣгая къ такимъ терминамъ, какъ статика и динамика (стр. 2), и затѣмъ переходитъ къ перечисленію извѣстныхъ ему случаевъ превращеній въ малорусскихъ сказкахъ, пользуясь *исключительно* сборниками Чубинскаго и Драгоманова (одна случайная ссылка на Аѳанасьева, конечно, въ счетъ не идетъ). Не думаемъ, чтобы автора заставили уединить, такъ сказать, малорусскій матеріалъ, какія-нибудь

методологическія соображенія; это выдѣленіе вызываетъ такое же недоумѣніе, какъ и то, почему авторъ подошелъ къ своей темѣ съ такимъ скуднымъ запасомъ *общихъ* свѣдѣній и почему онъ ограничился только двумя сборниками. Трудъ г. Ящуржинскаго можетъ пригодиться только, какъ сводъ данныхъ по затронутому вопросу,—сводъ далеко не полный и не отличающійся систематичностью.

В. К.

Т. I. Вержбицкій.—Къ народнымъ вѣрованіямъ. Курскъ. 1891. Крошечная брошюрка г. Вержбицкаго посвящена народнымъ вѣрованіямъ, связаннымъ съ іюлемъ мѣсяцемъ. Она начинается общими соображеніями, по нашему мнѣнію, довольно рискованными. Авторъ думаетъ, что тѣ невзгоды, которыя пришлось претерпѣть русскому народу въ теченіе его долгой исторической жизни, „болѣе или менѣе отразились на внутренней, духовно-нравственной жизни народа и къ этимъ отраженіямъ, *главнѣе* всего, какъ намъ кажется, принадлежатъ различныя народныя вѣрованія, суевѣрія и предразсудки: они, б. ч., ставятъ нашъ народъ, въ особенности простолюдиновъ, въ ложное отношеніе къ вѣрѣ и нравственности, убиваютъ, иногда, въ немъ сознательно-разумный взглядъ на вещи; оковываютъ его свободную дѣятельность страхомъ пустыхъ призраковъ и привидѣній и держатъ его въ кокомъ-то туманномъ полусознаніи“ (стр. 1—2). Такая постановка вопроса производитъ съ научной точки зрѣнія странное впечатлѣніе. Характеристика іюльскихъ вѣрованій составлена г. Вержбицкимъ компилятивно по Сахарову, Номису и Терещенку и, благодаря этому, отличается замѣтной неполнотой. Автору слѣдовало бы заглянуть въ труды по народному календарю Чубинскаго, Максимовича, Селиванова, Калинскаго, Крачковскаго и др. и пополнить собранный ими матеріалъ собственными записями и наблюденіями; въ настоящемъ же своемъ видѣ его брошюрка врядъ ли можетъ имѣть серьезное научное значеніе.

В. К.

Карцовъ и Мазаевъ.—Опытъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей. Спб., 1891.—Трудъ гг. Карцова и Мазаева является очень полезнымъ подспорьемъ для всѣхъ тѣхъ, которымъ приходится имѣть дѣло съ библіографіей. Отмѣчаемъ этотъ трудъ потому, что въ него вошли между прочимъ и псевдонимы писателей, сыгравшихъ большую или меньшую роль и въ судьбѣ русской этнографіи (напр. Надеждина, Костомарова). При самомъ бѣгломъ просмотрѣ мы замѣтили въ немъ рядъ пробѣловъ; вѣроятно, составители переиздадутъ со временемъ свой трудъ, въ виду чего считаемъ не лишнимъ указать тѣ пропущенные псевдонимы, открыть которые мы чувствуемъ себя въ правѣ. Это: Зоріанъ Доленга Ходаковскій—Чарноцкій Адамъ; Цыбульскій К., Лобода, Кулюмбашъ, Б. Д-ръ, Холмскій старожилъ, Холмскій Братчикъ, Фратеркулусъ, Т. Шнейдеръ—Ѳ. Г. Лебединцевъ (Кіевская Старина, 1882—1887); Н. К., Н. К-овъ, Н. И. К.—Н. И. Костомаровъ, П. К. (Сочиненія и письма Гоголя)—П. А. Кулишъ и пр. Кромѣ пополненія пробѣловъ, въ слѣдующемъ изданіи желательно

было бы видѣть и обратный указатель; настоящее изданіе не даетъ возможности опредѣлить, подъ какими псевдонимами писалъ тотъ или другой писатель, хотя подобныя справки всякому могутъ понадобиться [1]).

W.

В. Ѳ. Миллеръ и Л. Г. Лопатинскій.—Красавица Елена и богатырь-женщина. *Кабардинское сказаніе* (отд. оттискъ изъ «Сборн. мат. для опис. мѣст. и плем. Кавказа», вып. XII).—Кабардинское сказаніе, записанное г. Лопатинскимъ и коментированное В. Ѳ. Миллеромъ, представляетъ изъ себя любопытный сплавъ нѣсколькихъ сказочныхъ мотивовъ, между которыми попадается и такой «unicum» какъ то, что лицо, помогающее мужу добыть бѣглую жену, оказывается потомъ дѣвой-богатыршей. Любопытно, что существенная часть этого сказанія—отголоски классическихъ сказаній о похищеніи Елены и пребываніи Одиссея у феакійцевъ, очень оригинально сплоченные. Параллель, проведенная между ними В. Ѳ. Миллеромъ, довольно убѣдительна и пополняетъ цѣнные факты, собранные раньше этимъ же почтеннымъ изслѣдователемъ, и доказывающіе, что на Кавказѣ до сихъ поръ еще ходятъ сказанія, которыя нѣкогда вошли въ составъ Одиссеи (Полифемъ) и вообще древне греческой народной и искусственной поэзіи (Прикованный Прометей). Эти факты со временемъ несомнѣнно займутъ видное мѣсто на страницахъ ранней исторіи европейскаго эпоса. *W.*

Н. Остроумовъ.—Сарты. *Этнографическіе матеріалы.* Вып. I-й. Ташкентъ. 1890—.Въ «Этнографическихъ матеріалахъ» г. Остроумова строго этнографическаго пока очень мало. Авторъ входитъ сначала въ пространныя, но не увѣнчавшіяся благопріятными результатами разсужденія о происхожденіи названія „Сартъ“; затѣмъ переходитъ къ бѣглой «общей характеристикѣ Сартовъ», къ характеристикѣ сближенія ихъ съ русскими и русскаго вліянія на нихъ, причемъ слишкомъ большую роль играютъ описанія поѣздокъ и послужные списки крупныхъ ташкентскихъ купцовъ, наивныя вирши мѣстныхъ піитовъ и т. п. Авторъ, видимо, забылъ о мудромъ правилѣ писать такъ, чтобы „словамъ было тѣсно, мыслямъ просторно“. Кой-какія данныя изъ этой книги могутъ, конечно, пригодиться, но ихъ немного въ общемъ. *Z.*

Дашкевичъ.—Романтика Круглаго Стола въ литературахъ и жизни Запада. *I. Переломъ въ западно-европейской эпикѣ въ XII — XIII вв. Средневѣковая романтика въ Италіи.* Историко-литературные очерки. Кіевъ. 1890.—Считаемъ нужнымъ отмѣтить эту книгу на страницахъ „Этн. Обозр.“ въ виду того, что проф. Дашкевичъ считаетъ возмож-

---

[1]) Мы не замѣтили ни одного раскрытія псевдонимовъ, встрѣчающихся въ спеціальныхъ журналахъ, хотя большинство ихъ раскрывается очень легко и раскрытіе ихъ важно для составленія указателей по спеціальнымъ научнымъ вопросамъ. Много такихъ псевдонимовъ можно выбрать изъ Жур. М. Н. Пр., Кіевской Старины и пр.

нымъ установить зависимость между „древне-кельтскимъ народнымъ эпосомъ о королѣ Артурѣ и витязяхъ Круглаго Стола и былевыми пѣснями Кіево-Галицкой Руси“ (подъ такимъ заглавіемъ этотъ трудъ печатался сначала въ „Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ“ и теперь явился въ переработанномъ и дополненномъ видѣ). Въ настоящемъ выпускѣ онъ не останавливается еще на этой зависимости, разсчитывая, вѣроятно, перейти къ ней въ дальнѣйшихъ выпускахъ своего труда: тогда мы дадимъ о немъ болѣе подробный отчетъ Z.

1) **Пѣснь о Нибелунгахъ.** *Съ введеніемъ и примѣчаніями. Съ средне-верхне-нѣмецкаго размѣромъ подлинника перевелъ* **Кудряшовъ.**

2) **Поэмы Оссіана Джемса Макферсона.** *Изслѣдованіе, переводъ и примѣчанія* **Балобановой.** Спб. 1891.

Хотя германская сага о Нибелунгахъ и циклъ кельтскихъ эпическихъ пѣсенъ о Кухулинѣ и Финнѣ не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ русской этнографіи, мы считаемъ возможнымъ говорить на страницахъ „Этн. Обозр.“ объ изданіяхъ, посвященныхъ имъ, по двумъ причинамъ: 1) въ нихъ находятся любопытныя параллели къ фактамъ русской народной поэзіи, которыя уже неоднократно привлекались напр. къ сравнительной разработкѣ былинъ; 2) по поводу ихъ ставился общій вопросъ о генезисѣ и эволюціи эпоса и уже намѣтились нѣкоторые положительные результаты, крайне поучительные и для изслѣдователя русскаго былеваго эпоса. Такимъ образомъ, изданія г. Кудряшова и г-жи Балобановой даютъ возможность русскому изслѣдователю, совсѣмъ незнакомому или слабо знакомому съ этими памятниками въ подлинникѣ, расширить кругъ сравненія по прекраснымъ переводамъ и произвести провѣрку своихъ выводовъ въ другой, но близкой области, для чего могли бы послужить введенія, цѣль которыхъ — намѣтить исторію разработки этихъ памятниковъ и показать ея современное положеніе.

Но введеніе г. Кудряшова насъ мало удовлетворило. Изъ исторіи вопроса о Нибелунгахъ онъ беретъ нѣсколько крупныхъ, положимъ, фактовъ (взгляды Лахмана, Гольцманна, Пфейффера, Барча, отчасти Царнке), иногда критикуетъ ихъ, чаще воздерживается отъ высказыванія своего взгляда, но во всякомъ случаѣ не даетъ читателю отчетливаго представленія о затронутомъ вопросѣ. Введеніе можно было построить по двумъ схемамъ: или характеризовать и критиковать различныя точки зрѣнія на данный вопросъ (конечно, возможно полнѣе и обстоятельнѣе) въ *порядкѣ ихъ возникновенія*, въ связи съ общими теченіями европейской ученой мысли, которыми они вызывались, предоставляя читателю самому вывести стройное рѣшеніе вопроса, которое долженъ имѣть въ виду авторъ введенія, — или излагать ихъ въ *логической послѣдовательности*, восходя отъ вопросовъ о первоначальномъ зернѣ саги къ вопросамъ объ исторіи его распространенія и осложненія историческими и миѳологическими придатками и къ спеціальнымъ вопросамъ, вызываемымъ изученіемъ каждаго изъ позднѣйшихъ изводовъ саги въ отдѣльности. Г. Кудряшовъ не дѣлаетъ ни того, ни другого: говоритъ о Лахманѣ, но опускаетъ Хеннинга

и др., намѣчаетъ первоначальное ядро, но не даетъ матеріаловъ для исторіи его развитія и пр., благодаря чему у читателя, если онъ не познакомился съ вопросомъ по другимъ источникамъ, можетъ остаться только самое смутное представленіе.

Переводъ исполненъ прекрасно, но скудно снабженъ примѣчаніями, хотя за это трудно винить автора: хорошо комментированныхъ изданій „Пѣсни о Нибелунгахъ“ нѣтъ еще и въ Германіи. По нашему мнѣнію, переводъ почти идеальный и по своимъ достоинствамъ выше перевода Зимрокка, который считается однимъ изъ лучшихъ.

То, что сказано нами о введеніи г. Кудряшова, mutatis mutandis можетъ быть перенесено на введеніе г. Балобановой, слишкомъ торжественно названное „изслѣдованіемъ“. Изученіе шотландскихъ пѣсенъ, эксплоатированныхъ Макферсономъ въ его „Поэмахъ Оссіана“, шотландскихъ и ирландскихъ пѣсенъ, записанныхъ другими собирателями, имѣетъ громадное значеніе для этнографовъ и историковъ литературы, такъ какъ намѣчаетъ одну изъ раннихъ стадій развитія эпоса; въ этомъ отношеніи съ ними могутъ поспорить развѣ эпическія сказанія и пѣсни нѣкоторыхъ нашихъ инородцевъ. Заграницей сдѣлано для разработки ихъ и, вообще, для кельтскаго вопроса довольно много; до извѣстной степени въ такъ наз. „Поэмахъ Оссіана“ разграничено то, что принадлежитъ народу и что привнесено Макферсономъ. Отъ такого крупнаго знатока кельтологіи, какъ г-жа Балобанова, можно было ожидать, что она подведетъ итоги всему сдѣланному до сихъ поръ по этимъ вопросамъ, познакомитъ русскую публику съ добытыми до сихъ поръ результатами,—но вмѣсто этого она даетъ рядъ поспѣшно набросанныхъ, безсмысленныхъ обрывковъ, слишкомъ рѣшительныхъ и не обоснованныхъ сужденій по очень спорнымъ вопросамъ, и сомнѣній относительно деталей, уже не вызывающихъ сомнѣній и прочно установленныхъ. Получается такимъ образомъ лабиринтъ, для котораго нѣтъ пока еще нити Аріадны. Пользоваться введеніемъ можно, только имѣя подъ руками дополненія, поправки и разъясненія, которыя отчасти были уже сдѣланы г. Брауномъ (Сѣв. Вѣст. 1891, сент.) и г. Болдаковымъ (Ж. М. Н. Пр., 1891, іюнь) и которыхъ нужно ожидать скорѣе всего отъ самой г-жи Балобановой.

Переводъ отличается крупными художественными достоинствами, снабженъ прекрасными примѣчаніями. Съ этой стороны трудъ г. Балобановой вполнѣ образцовый. *К.*

D-r Jirzi Polívka: 1) Dvê povidky v czeské literaturze XV. stol. V Praze. 1889.—2) **Drobné przispêvky literárnê-historické.** V Praze. 1891.

Первая изъ обозначенныхъ выше работъ г. Поливки посвящена литературной исторіи очень популярныхъ на Западѣ и въ славянскомъ мірѣ новеллъ о вѣрной Гризельдѣ и невѣрной Бризельдѣ. Широкая начитанность автора въ литературахъ романскихъ, германскихъ и славянскихъ, осторожное пользованіе сравнительнымъ методомъ сдѣлали эту работу очень интересной и цѣнной въ научномъ отношеніи; недочетовъ въ матеріалѣ мы почти не замѣтили, если не считать нѣсколькихъ русскихъ

сказокъ, помѣщенныхъ по большей части въ рѣдкихъ этнографическихъ изданіяхъ, знакомства съ которыми трудно требовать отъ автора, живущаго внѣ предѣловъ Россіи.

„Drobne przispêvky“ посвящены легендѣ о Вероникѣ, повѣсти о крестномъ древѣ, легендамъ объ Іудѣ и роману объ Аполлоніи Тирскомъ. Не смотря на то, что эти вопросы не разъ затрогивались и трактовались въ изслѣдованіяхъ акад. А. Н. Веселовскаго, Д'Анконы, М. И. Соколова и др., нашъ авторъ умѣетъ по каждому изъ нихъ сказать свое слово, привлечь новые, упущенные предшествующими изслѣдователями матеріалы, выдвинуть новую, еще не затронутую его сторону.

Отмѣчая труды г. Поливки, какъ симпатичное явленіе въ области сравнительной исторіи всеобщей литературы, мы воздерживаемся пока отъ подробнаго изложенія ихъ содержанія и результатовъ [1]), такъ какъ въ непродолжительномъ времени намъ придется говорить о большей части затронутыхъ ими вопросовъ въ спеціальныхъ очеркахъ по исторіи малорусской народной поэзіи, часть которыхъ, по всей вѣроятности, появится на страницахъ „Этнографическаго Обозрѣнія“.

В. Каллашъ.

А. Томсонъ.—*Историческая грамматика современнаго армянскаго языка города Тифлиса.* С.-Птб. 1890.

К. Г. Залеманъ и С. Ѳ. Ольденбургъ.—Рецензія книги А. Томсона, въ Журн. Мин. Народ. Просв. 1891. Сентября (242—270).

Лингвистическая литература очень небогата пока изслѣдованіями по армянскому языку, а между тѣмъ этотъ языкъ, какъ образующій особую вѣтвь въ индоевропейской семьѣ, представляетъ интересъ для лингвиста не только самъ по себѣ, но и по тому значенію, какое онъ имѣетъ при сравнительно-историческомъ изученіи всѣхъ вѣтвей индоевропейской семьи языковъ. Очень немногочисленныя пока работы лингвистовъ по научному изслѣдованію армянскаго языка, т. е. по изслѣдованію этого языка въ его исторіи, касаются преимущественно древне-армянскаго литературнаго языка, такъ называемаго грабара; тѣмъ важнѣе поэтому въ настоящее время такой трудъ, какъ книга г. Томсона, гдѣ предметомъ изслѣдованія является живой армянскій языкъ въ одномъ изъ его діалектовъ. Условія, при которыхъ г. Томсону приходилось работать, нельзя признать благопріятными: ему не удалось изучать тифлисскій діалектъ на мѣстѣ, и онъ могъ производить наблюденія надъ живой рѣчью, повидимому, только одного тифлисца (стр. IX), а что касается текстовъ на тифлисскомъ діалектѣ, которыми пользовался авторъ, то лишь меньшинство ихъ, по его словамъ (стр. XVII), передаетъ этотъ этотъ діалектъ въ чистомъ видѣ. Надо предполагать поэтому, что изслѣдованіе тифлисскаго діалекта на мѣстѣ не только дало бы важныя дополненія къ матеріалу, собранному г. Том-

[1]) Болѣе подробная рецензія на первый трудъ г. Поливки помѣщена въ «Русской Мысли», 1890, октябрь, библ. отдѣлъ, стр. 481—2.

сономъ, но и указало бы, быть можетъ, на тѣ или другія неточности въ этомъ матеріалѣ, неизбѣжныя при тѣхъ средствахъ провѣрки матеріала, какія находились въ распоряженіи автора; все это, однако, нисколько не отнимаетъ достоинства отъ труда г. Томсона, какъ отъ наиболѣе полнаго до сихъ поръ и въ значительной степени самостоятельнаго изслѣдованія звуковъ и формъ тифлисскаго діалекта.

У насъ нѣтъ такихъ спеціальныхъ знаній, которыя позволили бы намъ сдѣлать автору какія либо замѣчанія относительно того матеріала, какой онъ сообщаетъ въ своей книгѣ, но по отношенію къ самой разработкѣ этого матеріала, т. е. по отношенію къ тому, что даетъ труду г. Томсона значеніе монографіи по научному языковѣдѣнію, намъ представляются нѣкоторыя возраженія, какъ общія, такъ и частныя. Прежде всего останавливаетъ на себѣ заглавіе этой книги: „*Историческая грамматика* современнаго армянскаго языка города Тифлиса". Надо думать, что авторъ желалъ указать этимъ заглавіемъ на то, что его грамматика тифлисскаго діалекта не есть практическая, но научная, т. е. такая, цѣль которой изслѣдовать факты даннаго языка въ ихъ исторіи. Г. Томсонъ, безъ сомнѣнія, постоянно имѣетъ здѣсь въ виду такую цѣль: онъ разсматриваетъ одинъ изъ живыхъ армянскихъ діалектовъ не въ его настоящемъ только, но и въ отношеніи этого настоящаго къ прошлому въ жизни армянскаго языка; тѣмъ не менѣе, эта цѣль по отношенію къ тифлисскому діалекту не могла бы быть въ настоящее время достигнута авторомъ настолько, чтобы его трудъ представлялъ собою дѣйствительно историческую грамматику тифлискаго діалекта. Подъ историческою грамматикою этого діалекта надо бы было понимать, конечно, изложеніе исторіи грамматическихъ фактовъ въ преемственности ихъ измѣненій во времени внутри самого тифлисскаго діалекта и, далѣе, въ ихъ образованіи изъ фактовъ того армянскаго праязыка, изъ котораго выдѣлился тифлисскій діалектъ. Книга г. Томсона вовсе не имѣетъ въ виду исторіи грамматическихъ фактовъ тифлисскаго діалекта въ отдѣльномъ существованіи этого діалекта (такъ какъ нѣтъ памятниковъ тифлисскаго нарѣчія въ исторической преемственности), но вмѣстѣ съ тѣмъ книга г. Томсона не даетъ и исторіи грамматическихъ фактовъ тифлисскаго діалекта въ существованіи армянскаго языка, разсматриваемаго въ совокупности его говоровъ, такъ какъ въ настоящее время такое излѣдованіе было бы еще невозможно именно потому, что пока еще собирается матеріалъ для исторической грамматики армянскаго языка (а такой матеріалъ даетъ и книга г. Томсона). Авторъ постоянно сопоставляетъ въ своемъ изслѣдованіи звуки и формы тифлисскаго діалекта съ звуками и формами грабара, но то звено, которое соединяетъ тифлисскій діалектъ съ грабаромъ, еще предстоитъ опредѣлить; это тотъ древне-армянскій языкъ, изъ котораго образовались современные армянскіе діалекты, а этотъ языкъ, насколько можно судить и въ настоящее время по имѣющимся свѣдѣніяхъ о различныхъ армянскихъ діалектахъ, долженъ былъ значительно видоизмѣниться по отдѣленіи его отъ грабара, т. е. послѣ выдѣленія его вмѣстѣ съ грабаромъ изъ языка общеармянскаго. Г. Томсонъ не вполнѣ точно опредѣляетъ отношеніе къ грабару этого древне-армянскаго языка, когда

говоритъ, что „грабаръ выдѣлился изъ общеармянскаго языка еще задолго до окончательнаго распаденія *послѣдняго* на отдѣльные, нынѣ существующіе, живые діалекты“ (стр. XI); понятно, что тотъ армянскій языкъ, отъ котораго уже отдѣлился грабаръ, не былъ самъ въ его отдѣльномъ существованіи языкомъ общеармянскимъ. Этотъ древній армянскій языкъ, не грабаръ, можетъ быть открытъ лишь изъ сравнительнаго изученія новыхъ армянскихъ діалектовъ въ ихъ отношеніяхъ къ грабару, но въ настоящее время такое изслѣдованіе являлось бы еще невозможнымъ, пока не изслѣдованы въ надлежащей полнотѣ всѣ живые діалекты армянскаго языка. Сопоставляя тифлисскій діалектъ съ грабаромъ, г. Томсонъ возводитъ факты тифлисскаго діалекта къ фактамъ общеармянскаго языка, но такъ какъ ему приходится опускать при этомъ то звено, которое связываетъ между собою тифлисское нарѣчіе и грабаръ, то въ качествѣ общеармянскаго языка у него является по большей части тотъ же грабаръ. Мы ничего не имѣли бы противъ такого построенія общеармянскаго языка, какъ извѣстнаго пріема изслѣдованія, но г. Томсону слѣдовало бы опредѣленнѣе указать на это условное значеніе термина „общеармянскій языкъ“ въ его изслѣдованіи; то, что онъ говоритъ въ § 56, намъ кажется недостаточнымъ. Съ другой стороны, при сопоставленіи звуковъ тифлисскаго діалекта съ звуками грабара, авторъ говоритъ иногда неосторожно объ извѣстныхъ фонетическихъ явленіяхъ, что они развились въ тифлисскомъ діалектѣ или „на почвѣ тифлисскаго діалекта“; пока не опредѣлено точно отношеніе тифлисскаго нарѣчія къ другимъ новымъ діалектамъ армянскаго языка, нельзя, понятно, отличить явленія, возникшія въ самомъ тифлисскомъ діалектѣ, отъ явленій болѣе древнихъ.

Подобнаго рода вопросы, вѣроятно, остановили бы на себѣ вниманіе автора въ большей степени, еслибы отдѣлъ фонетики былъ имъ болѣе разработанъ, а именно этотъ отдѣлъ въ книгѣ г. Томсона представляется намъ въ общемъ наиболѣе слабымъ; во многихъ случаяхъ желательно было бы найти здѣсь болѣе обстоятельное изслѣдованіе фонетическихъ явленій. Ограничимся слѣдующими замѣчаніями.

Въ § 57 авторъ сопоставляетъ грб. *ктhел*, тиф. *кътhіл* „доить“ съ грб. *катhн*, тиф. *катhъ* „молоко“ и предполагаетъ поэтому, что еще въ общеармянскомъ языкѣ исчезло *а* въ грб. *ктhел*, тиф. *кътhіл*; нѣтъ, однако, никакой надобности считать *ктhел* родственнымъ съ *катhн* и предполагать непонятное исчезновеніе *а* въ первомъ слогѣ.

Въ § 109 г. Томсонъ говоритъ: „(тифлисское) *о* рядомъ съ грб. *еу* мы видимъ въ *охтъ* „семь“ грб. *еутhн*“, но здѣсь, въ дѣйствительности, при грб. *еу* передъ *тh* мы находимъ въ тифлисскомъ діалектѣ *ох* (не *о*).

Въ § 110 указаны единичные случаи, гдѣ въ соотвѣтствіи съ грб. *іу*, *еу* тифлисскій діалектъ имѣетъ *і* (въ началѣ слова *jі*), а не *у*, именно: *jіγ* „коровье масло“, *giγ* „деревня“, *ір* „свой“, *kiraki* „воскресенье“. Послѣднее слово, заимствованное κυριακή, слѣдовало бы оставить въ сторонѣ; при томъ же и въ грабарѣ греческое υ передается иногда черезъ *і* (*martiros*). Относительно тифл. *jіγ* „коровье масло“, ахалц. *jеγ* „масло“

не мѣшало бы замѣтить, что здѣсь гласная болѣе понятна для насъ, чѣмъ въ грб. *еуγ*, если это слово, какъ думаютъ (см. напр. Лингвистическія изслѣдованія г. Томсона, § 69), находится въ связи съ греч. ἔλαιον.

Въ § 113 авторъ говоритъ о появленіи въ тифл. діалектѣ звука *н* передъ начальнымъ *г*, но изъ примѣровъ видно, что *н* появляется здѣсь именно передъ начальнымъ *гн*, а не передъ *г* вообще (объ исключеніи *гндэм* говорится въ § 376).

Въ § 116, разсматривая отпаденіе конечнаго *н* послѣ *ъ* передъ согласнымъ послѣдующаго слова, авторъ полагаетъ, что „конечное *ън* съ теченіемъ времени измѣнилось *вѣроятно въ носовое* *ъ*, и потомъ въ чистое *ъ*, такъ что въ настоящее время мы находимъ въ тифл. діалектѣ слѣдующее чередованіе: —*н* передъ гласнымъ и —*ъ* передъ согласнымъ послѣдующаго слова“. Для принятія носоваго *ъ*, кажется, нѣтъ достаточнаго основанія; вѣроятнѣе, что конечный *н* при извѣстныхъ условіяхъ былъ *беззвучнымъ* (Stimmloser Nasal по Сиверсу и Гоффори) и исчезалъ, не передавая назализаціи предшествующему гласному. Срав. отпаденіе *н* въ еврейско-татскомъ: *ну* (хлѣбъ), но *нун ме* (хлѣбъ мой), *герде* (шея), но *герден ме*,—и въ иронск. діалектѣ осетинскаго языка въ словахъ, исходящихъ на дифтонгъ: *курої* (мельница)=дигорск. *куроїнä*.

Въ § 119 исчисляются слова, исходившія въ общеармян. языкѣ на *ън*, *н* съ предшествующими согласными и потерявшія конечное *н* и *ън* въ тифлисс. діалектѣ. Вмѣсто простого перечисленія можно было бы попытаться хоть отчасти классифицировать эти случаи. Такъ 1) *н* отпало въ конечной группѣ *мн* (т. е. послѣ *м*): *сірм*, *мърчһім*, *ортһум*, *усум* (ср. на стр. 31 б) сохранено *ъ* между *м*+*н* для избѣжанія этой группы согласныхъ); 2) въ группахъ *γн*, *кн* (задненебн. соглас.+*н*?): *асіγ*, *аніγ*, *kэцак*; 3) въ группахъ 3-хъ согласныхъ: *һарс* (какъ въ ахалцихск). Въ *армунг* (грб. *армукн*), кажется, слѣдуетъ предположить перестановку конечной группы согласныхъ ради избѣжанія группы *кн*.

Въ § 125, 2 авторъ говоритъ, что въ соотвѣтствіи съ грб. *к* мы находимъ тифл. *г иногда* послѣ *р* и приводитъ далѣе рядъ примѣровъ для такого *рг*, между тѣмъ какъ для тифл. *рк* въ соотвѣтствіи съ грб. *рк* указанъ въ § 124 только одинъ случай, именно *эркатһ* „желѣзо“. Можно думать поэтому, что въ соотвѣтствіи съ грб. *к* въ положеніи послѣ *р*, какъ и послѣ *н* (см. § 125, 1), тифлисскій діалектъ имѣетъ вообще *г*, а не *к*, и что, слѣдовательно, *эркатһ* заимствовано тифлисскимъ діалектомъ; срвн. тифлисское *д* послѣ *н* и *р* въ соотвѣтствіи съ грб. *т* (§ 128). Въ словахъ: *арегаг* (граб. *арегакн*), *дзугъ* (*дзукн*) *г*, можетъ быть, объясняется вліяніемъ отпавшаго *н*.

Въ § 127 сказано: „грб. *т*=тиф. *т* во всѣхъ положеніяхъ“, но § 128 указываетъ на то, что въ извѣстныхъ положеніяхъ грб. *т*=тиф. *д*; слова *Антон*, *антун* должны быть исключены изъ § 127, какъ видно изъ § 128 (въ концѣ).

Въ § 136 авторъ приводитъ безъ объясненія случаи соотвѣтствія тифл. *дз'* грабарному *ц*, между тѣмъ какъ нѣкоторые изъ такихъ случаевъ могли

бы быть объяснены: такъ *дз'* объясняется вліяніемъ *н* въ словахъ: *хъндз'ур*, *нуръндз'а*, *міндз'*.

Въ § 176 не указано на то отпаденіе конечнаго *л*, о которомъ говорится въ морфологіи въ § 442.

Въ § 188 какъ примѣръ перестановки согласныхъ между прочимъ приведено слово *бахшічh*, граб. *багшхічh*, перс. *бахшіш*. Но перестановка здѣсь въ грабарѣ, а не въ тифлис. діалектѣ.

Въ § 198 должно быть исключено древнеиндійск. *тадhи*, попавшее сюда, рядомъ съ грб. *меγр* „медъ“, очевидно по недосмотру автора.

Итакъ, книга г. Томсона не есть „историческая грамматика“ тифлисскаго діалекта, да и не могла бы быть такою при томъ положеніи, въ какомъ находится въ настоящее время изслѣдованіе армянскаго языка въ его различныхъ говорахъ. Тѣмъ не менѣе, авторъ избралъ, по нашему мнѣнію, совершенно вѣрный путь для историческаго изученія армянскаго языка, остановившись на одномъ изъ современныхъ діалектовъ и разсматривая его звуки и формы въ возможной полнотѣ по отношенію къ звукамъ и формамъ грабара. Мы вполнѣ согласны съ г. Томсономъ въ томъ, что именно путемъ спеціальнаго изслѣдованія отдѣльныхъ новыхъ діалектовъ въ ихъ отношеніи къ грабару должно идти въ настоящее время историческое изученіе армянскаго языка; одновременно, однако, армянскій языкъ долженъ быть изучаемъ въ его отношеніяхъ къ другимъ индоевропейскимъ языкамъ, какъ для раскрытія древнѣйшей исторіи самого армянскаго языка, такъ и для освѣщенія фактовъ другихъ индоевропейскихъ языковъ при помощи армянскаго языка. Г. Томсонъ хорошо сознаетъ важность такого изслѣдованія армянскаго языка и нерѣдко указываетъ въ своей книгѣ на происхожденіе тѣхъ или другихъ фактовъ армянскаго языка изъ фактовъ общаго индоевропейскаго языка; но, по нашему мнѣнію, авторъ слишкомъ поверхностно касатся вопросовъ этого рода, или даже какъ будто не замѣчаетъ иногда самыхъ вопросовъ, представляющихся при такомъ изслѣдованіи армянскаго языка. Укажемъ на нѣсколько примѣровъ.

Армянское *мард* (въ грабарѣ) «человѣкъ» г. Томсонъ выводитъ изъ индоевропейскаго **mᵃṛtos* [1]) и отождествляетъ его поэтому съ древнеиндійск. *mṛta-* (напр. въ §§ 52 и 313), по древнеиндійское *m ṛta-* значило «умершій, мертвый», между тѣмъ какъ по значенію армянскому *mard* вполнѣ соотвѣтствовало бы древнеиндійское *marta-* „человѣкъ“ („смертный“). Слѣдовало бы разъяснить поэтому сопоставленіе *mard* съ древнеиндійскимъ *mṝta-*; авторъ имѣлъ въ виду, конечно, то, что армянское *a*, по очень вѣроятному, какъ мы думаемъ, предположенію Соссюра, не получалось изъ того индоевропейскаго a^{0}, которое чередовалось съ a^{e}.

Въ § 230 по поводу армянскаго суффикса *-уст* г. Томсонъ высказы-

---

1) Авторъ пишетъ индоевр. **martos* и **patêr*, т. е. смѣшиваетъ въ одномъ и томъ же написаніи *a* два индоевр. звука: неслоговую ирраціональную гласную и слоговое ирраціональное *a*.

вается предположеніе, что *-уст* могло образоваться изъ индоевропейск. *-osti-*, „какъ арм. *D. sg.*, *ум*=санскр. *kasmâi*"; здѣсь сопоставляются не однородныя фонетическія условія, между тѣмъ какъ вовсе не указывается при этомъ на армянское *ост*=греч. ὄζος, гдѣ *о* передъ армянскимъ *ст* не измѣнилось, однако, въ *у*.

Въ § 234 армянское *дз'іун* [1]) „снѣгъ" авторъ сравниваетъ съ греческимъ χεῖμα, но Гюбшманъ, у котораго заимствуетъ г. Томсонъ самое объясненіе армянскаго *іу* въ этомъ словѣ, сопоставляетъ съ *дз'іун* не χεῖμα, но χειμών (Armeniche Studien, стр. 40). Едва ли при томъ мнѣніе Гюбшмана относительно происхожденія *іу* въ *дз'іун* настолько убѣдительно, чтобы его можно было приводить безъ ссылки на Гюбшмана и безъ всякихъ поясненій [2]).

На стр. 128 въ § 271 по поводу суффикса *-еан* въ грабарѣ г. Томсонъ высказываетъ такое положеніе: „ *-i̯ən стянулось уже въ (индоевропейскомъ) праязыкѣ въ *-îna*, но не даетъ при этомъ никакихъ примѣровъ. Намъ кажется, что такое положеніе надо бы было доказать, и мы не думаемъ, чтобы оно могло быть доказано въ томъ видѣ, какъ оно выражено г. Томсономъ. Необходимо различать *i̯ən въ положеніи безъ послѣдующей гласной, т. е. съ слоговымъ *n*, и *i̯ən съ неслоговымъ *n*; въ первомъ мы не ждали бы никакого стяженія (сравните *u̯ən и *u̯ən, напр. въ древнеиндійскомъ *çvabhis*), а во второмъ понятно было бы измѣненіе въ *i̯* (сравните *u изъ *u̯ən въ др. инд. *çunas*, греч. κυνός), но не въ *î*.

Въ § 371 авторъ говоритъ: „въ (числительныхъ) *охтъ*, *інъ*, *тасъ*, грб. (т. е. въ грабарѣ) *еутhн*, *інн*, *тасн* конечное *н* восходитъ къ ив. (т. е. индоевроп.) *n*, напр. лат. *septem*, *novem*, *decem*". Это непонятно: какимъ образомъ латинское *m* можетъ свидѣтельствовать объ индоевропейскомъ *n*? См. теперь объ этихъ числительныхъ у Бругмана въ Grundriss der vergleichenden Grammatik II, стр. 478 и слѣд.

Нѣкоторыя сомнѣнія возбуждаютъ замѣчанія автора относительно произношенія нѣкоторыхъ звуковъ въ тифлисскомъ діалектѣ. Такъ, по его словамъ, і и у (§ 17) произносятся какъ русскія і и у. Но тифлисскіе *і* и *у* произносятся, по нашимъ наблюденіямъ надъ произношеніемъ тифлисскихъ армянъ въ Москвѣ, болѣе открыто, чѣмъ русскіе, чѣмъ и объясняется соотвѣтствіе тифл. удареннаго *і* грабарному *е* (§ 60). Тоже замѣчаніе относится къ *у* (см. § 65). Въ § 19 авторъ упоминаетъ, что „иногда встрѣчаются и глухія слабыя (lenes) г, д, б". Но далѣе во всей грамматикѣ нѣтъ рѣчи объ этихъ звукахъ и не приведено ни одного случая,

---

1) Буквами *дз'* мы по типографскимъ удобствамъ замѣняемъ извѣстную букву транскрипціи г. Томсона. Буква *j* съ тѣмъ же значеніемъ въ транскрипціи Гюбшмана очень неудобна, какъ это можно видѣть напр. изъ слѣдующаго мѣста въ § 128 Сравнительной грамматики Бругмана: Im Anlaut scheint *i̯* als *Spirant j* aufzutreten in *je-r* euer.

2) Французскій ученый Meillet въ статьѣ, помѣщенной въ Mémoires de la Société de linguistique, VII, 163 (послѣ выхода въ свѣтъ книги г. Томсона), и теперь сопоставляетъ армянское *дзіун* съ греческимъ χιών.

гдѣ бы они встрѣчались. Интересно было бы разъясненіе этого вопроса. Въ § 21 авторъ говоритъ, что „глухіе мгновенные *к*, *т*, *п*, *ц*, *ч* производятся съ закрытіемъ гортани или съ крѣпкимъ отрѣзомъ... Они встрѣчаются во многихъ кавказскихъ языкахъ и съ Кавказа проникли въ армянскій языкъ, распространяясь по направленію къ югу и западу." Спрашивается, во всѣхъ ли положеньяхъ эти „кавказскіе" согласные произносятся съ зарытіемъ гортани, т. е. не только передъ гласнымъ и въ концѣ слова (какъ напр., осетинскіе однородные согласные), но и передъ другими согласными; напр., *п* въ словѣ *сіп*так (§ 124) или *т* въ заткі (§ 128). Сомнѣніе въ томъ, что въ послѣднихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣйствительные кавказскіе глухіе съ крѣпкимъ отрѣзомъ, возбуждается тѣмъ обстоятельствомъ, что грабарнымъ *т*, *п*, если исчезъ слѣдовавшій за ними гласный въ тифл. діалектѣ, иногда соотвѣтствуютъ не *т*, *п*, но придыхательные *тh*, *пh*: срав. гъ*тh*ніл и граб. г*т*анел (§ 129), ді*пh*чіл и граб. ді*п*ім (§ 134). Подобно этому, грабарному кhтуцh (корзина), осетинскому к'уту (съ кавказскимъ к') соотвѣтствуетъ въ тифл. діалектѣ *кh*тhуцh (§ 126). Вообще всѣ ли к, т, п, ц, ч перешли въ тифл. діалектѣ въ кавказскіе съ крѣпкимъ отрѣзомъ—этотъ вопросъ нуждается въ разъясненіи. Нѣкоторой неопредѣленностью страдаетъ наблюденіе автора относительно сохраненія ъ въ тифлисскомъ діалектѣ. Такъ, въ § 58 стр. 31, 3. онъ говоритъ: если вслѣдствіе исчезновенія ъ получается группа, состоящая изъ трехъ согласныхъ, то ъ выпадаетъ, кромѣ слѣдующихъ случаевъ, въ которыхъ ъ сохраняется... б) если одинъ изъ согласныхъ по своему образованію во рту болѣе передній, чѣмъ послѣдующій за нимъ по порядку произношенія." Примѣры: душман, душмъні, армънал, амърŭан. Какое же здѣсь физіологическое основаніе для сохраненія ъ? Что м болѣе передній звукъ, чѣмъ н или р? Повидимому ъ сохранилось изъ желанія избѣжать нелюбимыхъ группъ согласныхъ Такъ, для избѣжанія *мн*, изъ русскаго *м*(*и*)*нута* тифл. армяне сдѣлали нъмут (стр. 77), а въ группу *мр* ввели согласные б: hам-б-ріл (считать) hамарем (§ 182).

Оставляя въ сторонѣ нѣкоторые другіе фонетическіе вопросы, на нашъ взглядъ не вполнѣ уясненные авторомъ (напр., существованіе носоваго гласнаго ą (§ 57), свойство артикуляціи q (§§ 27, 28 и 174), отмѣтимъ нѣкоторые, встрѣтившіеся намъ недосмотры въ морфологіи: § 198: граб. базук заимствовано съ персидскаго; § 223 бахтаур-счастливый—съ персидскаго бахтавар (счастливый), также какъ тhакhаур (король), ср. др. перс. takabara, зораур (всемогущій) ср. пер. зор-(сила), и, вѣроятно, камаур (своенравный); ср. граб. камакар и перс. ка̄мага̄р; § 249: все слово чhраγдан прямо взято съ персидскаго чіра̄γда̄н, а не только чhраγ; § 307: ранг-э-ранг (разноцвѣтный) вошло уже какъ сложное слово въ армян. языкъ изъ персидскаго (рангаранг); съ дэм-у-дэмъ (§ 306)—vis-à-vis ср. перс. дім.—лицо. Кстати замѣтимъ, что тур. баγча—садъ (стр. XV) не есть уменьшительное отъ перс. ба̄γ, но прямо заимствованное персидское ба̄γча (съ персидскимъ суффиксомъ—ча).

Не смотря на указанные недостатки и недосмотры, книга г. Томсона представляетъ, мы думаемъ, очень полезное пріобрѣтенье для лингвистики, такъ какъ авторъ стоитъ на вѣрномъ пути и даетъ въ своемъ изслѣдованіи тифлисскаго діалекта обширный матеріалъ, тщательно сопоставленный съ фактами грабара. Позволимъ себѣ надѣяться, что г. Томсонъ будетъ продолжать свои лингвистическія занятія въ области армянскаго языка и что при этомъ онъ получитъ возможность изучать на мѣстѣ современные армянскіе діалекты.

Казалось бы, что, при бѣдности русской лингвистической литературы, добросовѣстный и полезный трудъ г. Томсона долженъ былъ бы разсчитывать на благосклонную оцѣнку со стороны нашихъ оріенталистовъ. Однако страннымъ образомъ книга г. Томсона вызвала въ нашей литературѣ двѣ очень суровыя рецензіи: одну г. Марра, въ „Запискахъ Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества", томъ V, стр. 307 и слѣд., а другую—гг. Залемана и Ольденбурга, въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1891 г., сентябрь. На первую изъ этихъ рецензій г. Томсонъ далъ уже отвѣтъ [1]) и ясно показалъ въ этомъ отвѣтѣ, какъ неосновательны по большей части замѣчанія, сдѣланныя г. Марромъ. Во второй рецензіи самое изслѣдованіе г. Томсона вовсе не подвергается разбору (мы не нашли здѣсь указаній даже на какія либо отдѣльныя ошибки въ Грамматикѣ г. Томсона); задача рецензентовъ была, по ихъ словамъ, та, чтобы доказать, „что г. Томсону значительная часть матеріаловъ и изслѣдованій въ данной области осталась неизвѣстною, и что ту часть, которую онъ указываетъ, онъ проработалъ вполнѣ небрежно" (стр. 265); но то и другое, на нашъ взглядъ, не доказано рецензентами. Подъ *значительною* частью матеріаловъ, оставшеюся неизвѣстною г. Томсону, надо понимать собственно лишь нѣсколько неизданныхъ стихотвореній изъ сборника Саятъ-Нова, но развѣ это „значительная" часть по отношенію къ тѣмъ матеріаламъ, какими пользовался г. Томсонъ и о которыхъ онъ говоритъ на стр. XVII и слѣд.? Кромѣ того, неизвѣстно, нашелъ ли бы г. Томсонъ важный для него матеріалъ въ этихъ неизданныхъ стихотвореніяхъ. Что же касается тѣхъ „Jugendschriften", которыми пользовался Петерманъ для своего труда „Ueber den Dialekt der Armenier von Tiflis" и о которыхъ гг. Залеманъ и Ольденбургъ сами не знаютъ, какія именно это сочиненія, то намъ кажется страннымъ мнѣніе рецензентовъ относительно того, будто бы г. Томсонъ „былъ *обязанъ*" разыскать эти сочиненія, какъ представляющія „особенный интересъ": „въ нихъ, *вѣроятно*, гораздо меньше литературныхъ формъ, чѣмъ въ текстахъ, относящихся къ болѣе позднему времени" (стр. 265). По отношенію къ изслѣдованіямъ въ области тифлисскаго діалекта рецензенты вовсе не указали на какое либо сочиненіе, оставшееся неизвѣстнымъ г. Томсону, а относительно знакомства г. Томсона съ существующими изслѣдованіями другихъ армянскихъ діалектовъ рецензенты не должны бы были судить по одному только предисловію къ „Исторической грамматикѣ", но

[1]) А. И. Томсонъ. Отвѣтъ на рецензію и т. д. Спб. 1891 г.

должны были обратить вниманіе и на предисловіе къ болѣе раннему труду того же автора („Лингвистическія Изслѣдованія“); здѣсь они нашли бы указанія и на такія сочиненія, о которыхъ не упоминается въ предисловіи къ „Исторической грамматикѣ“. Наконецъ, что касается мнѣнія рецензентовъ относительно того, будто они доказали, что г. Томсонъ проработалъ вполнѣ небрежно и ту часть матеріаловъ и изслѣдованій, которую онъ указываетъ, то мы думаемъ, что доказать это рецензенты не могли по тому самому, что они вовсе не разбираютъ изслѣдованіе г. Томсона. Рецензенты судятъ въ этихъ случаяхъ *по числу цитатъ* въ книгѣ г. Томсона изъ того или другого сочиненія (а этотъ счетъ, понятно, не всегда вѣренъ) [1]) или же они указываютъ, напр., на то, что г. Томсонъ не упоминаетъ о классификаціи и характеристикѣ армянскихъ нарѣчій у Айдыньяна (стр. 251) и что онъ не приводитъ *ни одной* (курсивъ рецензентовъ) цитаты ни изъ джульфинскаго нарѣчія, ни изъ хойскаго, между тѣмъ какъ краткіе очерки этихъ діалектовъ даны въ книгѣ Патканова „Изслѣдованіе о діалектахъ армянскаго языка“ [2]) (стр. 251—252). Но въ этихъ случаяхъ обязанностью рецензентовъ было бы доказать, что г. Томсонъ долженъ былъ упомянуть, напр., о классификаціи армянскихъ нарѣчій у Айдыньяна (хотя классификація армянскихъ нарѣчій вовсе не входила въ задачу изслѣдованія г. Томсона) или что онъ долженъ былъ привести хотя бы одну цитату изъ джульфинскаго нарѣчія (хотя, понятно, такая цитата не имѣла бы никакого значенія). Или, напр., рецензентовъ интересуетъ вопросъ о „степени знакомства“ г. Томсона съ грамматикой константинопольскаго нарѣчія Riggs'а, о которой онъ упоминаетъ въ предисловіи; рецензенты не имѣли въ рукахъ этой грамматики, и „потому“, говорятъ они, „къ сожалѣнію мы не можемъ провѣрить степень знакомства съ нею г. Томсона“, а далѣе прибавляютъ: „замѣтимъ только, что во всей „Исторической грамматикѣ“ мы нашли лишь шесть ссылокъ на константинопольское нарѣчіе“ (стр. 250). Эти ссылки рецензенты тщательно приводятъ, но для чего? Если бы у г. Томсона вовсе не было ссылокъ на константинопольское нарѣчіе, то и это не давало бы еще никакого права ставить вопросъ о томъ, насколько знакомъ г. Томсонъ съ книгой, которой не знаютъ сами рецензенты; постановка такого вопроса намъ представляется пріемомъ крайне страннымъ.

Въ концѣ своей рецензіи гг. Залеманъ и Ольденбургъ касаются „Отвѣта“ г. Томсона на рецензію г. Марра и обвиняютъ перваго въ непозволительномъ искаженіи чужихъ словъ (стр. 266). Въ подтвержденіе этого тяжкаго обвиненія рецензенты приводятъ два мѣста изъ „Отвѣта“ г. Томсона, но въ обоихъ этихъ мѣстахъ *нѣтъ никакого искаженія* словъ г. Марра. Г. Марръ обвинялъ автора „Исторической грамматики“ въ томъ, что послѣдній будто бы „не уяснилъ себѣ значенія обыкновенныхъ армян-

---

[1]) Напр., изъ книги Патканова „Изслѣдованіе о составѣ армянскаго языка“ рецензенты нашли только одну цитату, на стр. 165, а мы замѣтили другую, на стр. 21.

[2]) Рецензенты не могутъ, однако, не знать, что этою книгой Патканова г. Томсонъ пользовался въ „Лингвистическихъ Изслѣдованіяхъ“ (см. предисловіе).

скихъ звуковъ", а это обвиненіе г. Марръ основывалъ на томъ, что извѣстная армянская буква, которую онъ, г. Марръ, читаетъ какъ русское *ц*, передается г. Томсономъ черезъ *цh* (какъ и въ латинской транскрипціи Гюбшмана здѣсь *ç*, т. е. *с* придыхательное) и что другая армянская буква, которую г. Марръ читаетъ какъ *ч̒*, т. е. *ч* придыхательное, у г. Томсона передана черезъ *ч* (какъ и у Гюбшмана здѣсь буква *č̆*), между тѣмъ какъ букву, передаваемую г. Томсономъ черезъ *чh* (и у Гюбшмана *ç*, т. е. *с* придыхательное), г. Марръ читаетъ какъ *ч*. Понятно, что г. Томсону не можетъ быть никакого дѣла до того, какъ читаетъ эти армянскія буквы г. Марръ, и онъ совершенно правъ, говоря въ своемъ „Отвѣтѣ" такъ: „изъ § 4 „Ист. Гр." г. Марръ могъ бы узнать, что одна и та же арм. буква произносится различно въ разныхъ діалектахъ... Не зная всего этого, г. Марръ подставляетъ вмѣсто моихъ русскихъ буквъ армянскія (которыя можно читать на всѣ лады) и продолжаетъ преспокойно: „слова *астічан*... (точки у г. Томсона) слѣдуетъ читать *съ произношеніемъ извѣстныхъ діалектовъ* (sic, Т.) *астічhан*..." Потому-то мы, изслѣдователи армянскаго языка, не пишемъ армянскими буквами, чтобы г. Марръ не читалъ *съ произношеніемъ извѣстныхъ діалектовъ*, а читалъ бы такъ, какъ написано у насъ" („Отвѣтъ" г. Томсона, стр. 4). Гг. Залеманъ и Ольденбургъ приводятъ рядомъ съ этимъ мѣстомъ въ „Отвѣтѣ" слѣдующія слова самого г. Марра: „а равно и армянское *ч̒э* въ изслѣдованіи передается просто русскимъ *ч*, и слова *астіч̒ан*, *ч̒акат* по автору Исторической грамматики (§§ 137, 138 и passim) слѣдуетъ читать съ произношеніемъ извѣстныхъ нарѣчій—*астічан*, *чакат*" (рецензія гг. Залемана и Ольденбурга, стр. 267), но при этомъ рецензенты забываютъ прибавить, что въ рецензіи г. Марра слова *астіч̒ан*, *ч̒акат* и далѣе *астічан*, *чакат* напечатаны армянскими буквами. Гдѣ же здѣсь искаженіе словъ г. Марра въ „Отвѣтѣ" г. Томсона? Или лишь въ томъ, что слова г. Марра „извѣстныхъ нарѣчій" замѣнены синонимомъ „извѣстныхъ діалектовъ"? Гг. Залеманъ и Ольденбургъ упрекаютъ г. Томсона и въ тѣхъ точкахъ, которыя онъ поставилъ послѣ „*астічан*", и въ пропускѣ словъ г. Марра „по автору Ист. Гр.", но мы все-таки не понимаемъ, гдѣ здѣсь искаженіе словъ г. Марра; смыслъ этихъ словъ переданъ г. Томсономъ совершенно вѣрно, такъ какъ вѣдь въ рецензіи г. Марра тѣ армянскія слова, о которыхъ идетъ рѣчь, напечатаны армянскими буквами. Поэтому совершенно неумѣстнымъ представляется намъ выраженіе гг. рецензентовъ, говорящихъ здѣсь о какихъ-то „продѣлкахъ" со стороны г. Томсона (стр. 267). Другое мѣсто въ „Отвѣтѣ", гдѣ гг. Залеманъ и Ольденбургъ находятъ „искаженіе" словъ г. Марра, слѣдующее. Г. Марръ сказалъ въ своей рецензіи (стр. 310), что „въ отношеніи древнелитературнаго языка А. Томсонъ обставленъ такъ скудно, что ему неизвѣстна даже классическая грамматика Арсена Багратуни", и въ примѣчаніи онъ прибавилъ: „о незнакомствѣ А. Томсона съ этимъ капитальнымъ трудомъ сужу не потому, что онъ не называетъ его, а потому, что онъ говоритъ на 80 страницѣ своего сочиненія"; на 80 стран. г. Томсонъ говоритъ по поводу армянскихъ суффиксовъ о неразработанныхъ матеріалахъ, „а у Арсена Багра-

туни", замѣчаетъ г. Марръ, „армянскимъ суффиксамъ отведена цѣлая глава". Г. Томсонъ отвѣтилъ на это такъ: „г. Марръ утверждаетъ, что я не знаю грамматики Багратуни и что я неосновательно называю отдѣлъ о суффиксахъ въ армянскихъ грамматикахъ „неразработанными матеріалами". Не угодно ли г. Марру справиться, напр., на стр. 137 Ист. Гр. или на стр. 78 моихъ Лингвист. Изсл. Тамъ приводится грамм. Багратуни. У меня есть кое-гдѣ ссылки на Багратуни, но обыкновенно я не ссылаюсь на грамматику Багратуни по той-же причинѣ, по какой не ссылаюсь на большой словарь Мхитаристовъ или на Armenische Studien Гюбшмана. Эти книги—настольныя книги всякаго, занимающагося армянскимъ языкомъ. Что касается упрека арм. грамматикамъ, то г. Марру слѣдовало бы вспомнить, что онъ самъ говоритъ тремя страницами ниже (на стр. 315 рец.): „почти всѣ словообразовательные суффиксы... пребываютъ, какъ говорится, въ полнѣйшемъ мракѣ неизвѣстности" („Отвѣтъ", стр. 6). Можно ли найти здѣсь у г. Томсона какое либо искаженіе словъ г. Марра? А гг. Залеманъ и Ольденбургъ говорятъ сперва, что г. Томсонъ *искажаетъ прямо* слова г. Марра (стр. 268), а затѣмъ прибавляютъ: „г. Томсонъ просто не понялъ словъ г. Марра, которыя исключительно относились къ заявленію г. Томсона о неразработанныхъ матеріалахъ". Мы думаемъ, что слова г. Марра не могли быть поняты иначе, чѣмъ понялъ ихъ г. Томсонъ. Почему же г. Марръ, упрекая г. Томсона въ томъ, что послѣднему „неизвѣстна даже классическая грамматика Арсена Багратуни" [1]), не прибавилъ, что и въ „Историч. Грамм." и въ „Лингвист. Изслѣдованіяхъ" г. Томсона есть ссылки на эту грамматику? Только тогда было бы ясно читателю, что здѣсь рѣчь идетъ лишь о томъ, насколько можетъ считаться разработаннымъ отдѣлъ о суффиксахъ въ грамматикѣ Багратуни.

Итакъ внимательный просмотръ рецензіи гг. Залемана и Ольденбурга не въ состояніи измѣнить нашего взгляда на значеніе труда г. Томсона. Мы согласны съ гг. рецензентами, что авторъ неудачно назвалъ свой трудъ *исторической* грамматикой современнаго армянскаго языка города Тифлиса и выше указали, что *такая* грамматика и не можетъ быть предпринята при томъ положеніи, въ которомъ находится въ настоящее время изслѣдованіе армянскаго языка въ его различныхъ говорахъ. Но неудачное названіе уже вовсе не такой тяжкій грѣхъ передъ наукой, чтобы ради него научной критикѣ слѣдовало игнорировать все содержанье большого и добросовѣстнаго лингвистическаго труда. Позволяемъ себѣ высказать увѣренность, что уважаемые рецензенты при болѣе детальномъ изученіи книги г. Томсона вынесли бы ей болѣе благопріятный приговоръ и что, быть можетъ, ихъ мнѣніе не разошлось бы такъ далеко съ нашимъ.

Ф. Фортунатовъ.
Вс. Миллеръ.

[1]) Г. Марръ приводитъ далѣе армянское заглавіе этой грамматики, но и въ „Лингвист. Изслѣдованіяхъ" г. Томсона оно также приведено, на стр. 77.

Отчетъ Подольскаго Епархіальнаго Историко-статистическаго Комитета за 1890 г. 30 Января 1890 г. въ г. Каменцѣ Подол. губ. совершилось открытіе при Подольск. Епарх. Ист.-Стат. Комитетѣ новоучрежденнаго Епархіальнаго церковнаго Древнехранилища, въ которомъ будутъ сохраняться исчезающіе памятники церковной старины Подоліи. Древнехранилище должно заключать въ себѣ: библіотеку комитета, архивъ и вещественные памятники церковной древности, или собственно музей. Мысль основать Подольское Древнехранилище возникла въ 1889 г.; пока она приводилась въ исполненіе, въ Январѣ 1890 г. на VIII Археологическ. Съѣздѣ въ Москвѣ В. Т. Георгіевскимъ, завѣдующимъ Епарх. библіотекой во Владимирѣ на Клязьмѣ, былъ поднятъ вопросъ о необходимости преподаванія въ семинаріяхъ археологіи и устройствѣ въ епархіяхъ Епархіальныхъ Древнехранилищъ. Съѣздъ отнесся къ этому съ полнымъ сочувствіемъ и поручилъ г. Георгіевскому составить программу преподаванія археологіи и проэктъ организаціи Епарх. музеевъ для представленія всего этого въ Святѣйшій Синодъ. Так. обр., устройство вышназваннаго учрежденія въ Каменцѣ совпало съ мыслью объ устройствѣ подобныхъ учрежденій во всѣхъ епархіяхъ. Комитетъ, открывъ Древнехранилище, не обманулся въ сочувствіи общества и особенно Подольскаго духовенства. Благодаря многочисленнымъ пожертвованіямъ собираніе древностей идетъ довольно успѣшно. Въ настоящее время въ Древнехранилищѣ имѣется уже кромѣ большого числа историческихъ книгъ, рукописей и грамотъ, различной степени древности церковныхъ предметовъ, утвари, иконъ, снимковъ и гравюръ историко-каноническаго содержанія, также археологическая коллекція, состоящая изъ 23 предметовъ каменныхъ орудій, монетъ и пр. не церковныхъ древностей. Кромѣ заботъ по устройству и содержанію Древнехранилища Комитетъ занятъ обработкой и изданіемъ архивнаго матеріала. Въ 1889 г. напечатанъ 4 выпускъ „Трудовъ" Комитета, заключающій въ себѣ интересныя въ историческомъ отношеніи дарственныя записи церквямъ на земли; въ печатающемся 5 вып. „Трудовъ Комитета" подъ ред. Н. И. Яворовскаго заключаются извлеченія изъ декретовъ уніатской брацлавской консисторіи прошлаго вѣка (продолженіе матеріаловъ, напечататанныхъ въ 3 вып. „Трудовъ"),—трудъ члена С. А. Венгрженовскаго, и „Матеріалы для исторіи монастырей Подольской епархіи" свящ. Е. Сѣцинскаго. Затѣмъ приступлено къ изданію „Сборника историко-статистическихъ свѣдѣній о Подольской епархіи и ея учрежденіяхъ" въ виду приближающагося столѣтія со дня присоединенія Подоліи къ Россіи. Наконецъ, въ „Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ" членами комитета помѣщались историко-каноническія статьи, между которыми нѣкоторыя имѣютъ этнографическій интересъ,—таковы: „Объ обычаѣ гадать по книгамъ св. писанія", прот. М. В. Симашкевича (1890 г., № 22), „Историко-статистическое описаніе с. Крапивны Винницкаго уѣзда" (№ 44) и с. Клебани Брацлавскаго уѣзда (№ 52), свящ. С. М. Лобатынскаго.

Привѣтствуя такой отрадный фактъ, какъ учрежденіе Древнехранилища,

нельзя не отмѣтить также обширной и полезной дѣятельности членовъ Подольскаго Епархіальнаго Комитета и не пожелать имъ возможно благопріятныхъ условій для расширенія ихъ дѣятельности въ истинно-научномъ отношеніи.

Е. Л.

Журналы и газеты.

Архангельскія Г. В. 38,39. „Надвоицкая, Каргозерская и Парандовская земельныя общины.

Астраханскія Еп. В. 5,10. „О преподованія татарскаго и калмыкскаго языка въ Астраханской духовной семинаріи". **12, 13, 14, 20.** Къ исторія сектанства въ Астраханской губерніи (молокане).

Бесѣда. 12. „Илья Муромецъ крестьянскій богатырь", пересказъ извѣстной былины объ Ильѣ Муромцѣ.

Благовѣстъ. 11. Рецензія на книгу С. Максимова. „Крылатыя слова" **15.** Союзы дружбы у южныхъ славянъ (побратимства: „побратимствъ неволи" (мало побратимство, побратимство причесно, причины ихъ и обряды сопровождающіе заключеніе побратимства и „посестримства") **17.** „Празднованіе Св. Пасхи на Руси въ старину". *Ѳ. Четыркина.* 18. Черногорія (выдержка изъ записокъ путешественника въ 1841 году: нравы и обычаи, племенники, братства, дружины, вѣче). **22. 23.** „Угорская Русь" (наружность, домашній бытъ, одежда, постройки, колыбельныя пѣсни, „спряганія" для вспашекъ нѣсколькихъ домоховяевъ, причемъ иногда при одномъ плугѣ можно видѣть 5 домохозяевъ: одинъ ведетъ воловъ, другой погоняетъ, двое нажимаютъ плугъ, пятый держитъ ручки плуга).

Варшавскій Дневникъ. 64. Замѣтка о Муромскихъ кустаряхъ (Нов. Вр.). **70.** Замѣтка о нахожденіи въ Варшавѣ клада, состоящаго изъ множества русскихъ, прусскихъ и польскихъ монетъ. **77.** Замѣтка о музеѣ церковныхъ древностей въ г. Ростовѣ. **91.** Замѣтка о коллекціи образцовъ кустарной промышленности Урала (Русская жизнь). **115, 116, 117.** *Невѣевъ.* Замѣтка къ вопросу о сельско-хозяйственномъ рабочемъ населеніи въ связи съ дворскимъ полевымъ хозяйствомъ въ Привислянскомъ краѣ. **117.** Замѣтка о снаряженіи ученой экспедиціи для изслѣдованія и описанія древне-христіанскихъ и византійскихъ памятниковъ Св. Земли и Сиріи (Нов. Вр.). **120.** Замѣтка о предстоящей въ 1894 г. художественно промышленной выставкѣ въ Одессѣ съ цѣлью ознакомленія народовъ Балканскаго полуострова со всѣми отраслями русской торговли и промышленности (Бирж. Вѣд.) **123.** Засѣданіе Комитета по устройству въ Москвѣ въ 1892 г. международныхъ конгрессовъ доисторической археологіи и антропологіи (см. еще 147). **126, 127.** *В. Х.* Замѣтка о Памятной книжкѣ Сувалкской губ. на 1891 г. **130.** Замѣтка о найденномъ въ Калишской губ. кладѣ, состоящемъ изъ разныхъ старинныхъ монетъ (Kaliszanin) см. также № 152. **146.** Передовая статья по поводу статистическаго „Обзора гор. Варшавы" за 1890 г. Замѣтка о неумѣстномъ употребленіи казачьяго костюма прислугой польскихъ пановъ въ Люблинской губ. *А. С—овъ.* Замѣтка о французской выставкѣ въ Москвѣ въ 1891 г. (къ вопросу о торговыхъ сношеніяхъ Россіи съ З. Европой въ XVI—XVIII вв. **162.** Замѣтка объ основаніи въ Кіевѣ первой въ Россіи библіотеки (Новое Время). **163.** *И. Б—ій.* Замѣтка объ общественной жизни Варшавы въ 1880—1890 г. **165.** *Словенецъ.* Православіе на границахъ Италіи. **175.** Замѣтка о торговлѣ женщинами въ Константинополѣ. **178.** О переселенческомъ движеніи изъ Ломжинской губ. въ Америку. **198.** О наплывѣ переселенцевъ въ Россію изъ Галиціи (Бирж. Вѣд.). **209.** *В. Х.* Памятная книжка Плоцкой губ. за 1891 г. **251.** *А.* Къ исторія православія и уніи въ Литвѣ.

Виленскій Вѣстникъ. 64. *Сергѣй Карскій.* Внѣшній бытъ бѣлоруссовъ въ Виленской губерніи. Населеніе, языкъ, постройки, костюмъ, пища, здоровье— при этомъ авторъ приводитъ много мѣстныхъ словъ и названій. 75. Происхожденіе женщины. 78. *Сергѣй Карскій.* Экономическій бытъ бѣлоруссовъ Виленской губерніи. Земледѣліе (хлѣбъ и ленъ), пчеловодство, рыболовство, промышленность и ремесла (много мѣстныхъ словъ и названій). 84. Смоленскъ (Корреспонденція „Виленскаго Вѣстника"). Корреспондентъ отличаетъ Смоленскъ отъ прочихъ губ. городовъ Свв.-Зап. Края по языку (великорусскій), обычаямъ, привычкамъ, занятіямъ жителей и проч. Между прочимъ, видитъ особенно выгодное географ. положеніе этого города для развитія промышленности и торговли и отмѣчаетъ сравнительно высокій уровень развитія общественныхъ интересовъ въ отношеніи образованія, матеріальной самопомощи и земской дѣятельности. 86. *Сергѣй Карскій.* Пасха у бѣлоруссовъ Виленской губерніи. Съ вербной недѣли выгоняютъ скотъ въ поле (пѣсня: „вярбы бье, ни я бью" и т. д.—обычай стегать другъ друга). Въ чистый четвергъ дѣвушки встаютъ до восхода солнца и моются ключевой водой, чтобы „быть чистаю у лѣтку и кабъ загара ни приставала". Въ „чистую" пятницу, если есть въ семьѣ мальчикъ лѣтъ 8—10, онъ рано, когда всѣ спятъ, нагой „выметаетъ изъ дому соръ и сноситъ въ скотный сарай", чтобы не было блохъ. Въ субботу „очищаются" въ банѣ. Пасха. Начинаются качели, любовныя бесѣды и проч. На 2-й и 3-й день ходятъ волочобники. Приведена пѣсня, ими распѣваемая. 93. Празднованіе Пасхи у бѣлоруссовъ - католиковъ (Ново-александровскій уѣздъ). Описаніе празднованія; приводится пять „волочобныхъ пѣсенъ" (Ков. губ. вѣд.). 110, 112. *Сергѣй Карскій:* Семейный бытъ бѣлоруссовъ Виленской губерніи. Бракъ. Прочность брачныхъ союзовъ. Пьянство (приводятся 10 пѣсенъ, по поводу пьянства). Хозяйство. Дѣти. Старики. Имущество. Семейные раздѣлы. Въ семью принимаются безродные люди („сидзяць кутомъ" у такого-то„ или сидзяць на падсусѣдахъ"). Господарь и глава семьи. Господарь—званіе наслѣдственное, обыкн. „дѣдъ" (такъ зовутъ его, впрочемъ, и дѣти и внуки). Главой семьи часто при „дѣдѣ" бываетъ его старшій сынъ. Отсутствіе духовныхъ завѣщаній.

Витебскія Губ. Вѣд. 62, 71, 73, 85. *В. Л. Слутко.* Письма о пчеловодствѣ 79. Обычный порядокъ наслѣдованія у крестьянъ.

Вологодскія Г. В. 42. Праздники у Сванетовъ, (переп. изъ Прав. В.).

Воронежскія Г. В. 50. „Село Касторное Землянскаго уѣзда (археологическая находка); близь с. Касторнаго на болотѣ на глубинѣ около сажени найдены бронзовые топорики, долота, кромѣ того найденъ зубъ вѣсомъ около 6 фунтовъ и бивень мамонта; послѣдняго теперь осталось лишь около $1^1/_2$ арш.; интересно, что мѣстные крестьяне отламывали кусочки бивня, толкли его и употребляли внутрь, какъ лекарство, отъ всѣхъ болѣзней. 51. О пчеловодахъ въ Воронежской губерніи и объ отношеніяхъ ихъ къ скупщикамъ меда.

Воскресенье. 9. „Прощеный день" (обряды совершаемы въ разныхъ мѣстахъ Россіи). 26. „Купало". 34. „Русская баня" (общія бани для мужчинъ и женщинъ въ древней Руси). 38. „Бракъ въ Персіи".

Воскресный день. 35, 36, 37, 38. „Евангельская проповѣдь среди язычниковъ" (Алтайская и Киргизская миссіи).

Восточное Обозрѣніе. 31. *Г. П.* Необходимая поправка. Въ статьѣ С. И. Подгорбунскаго: „Идеи бурятъ-шаманистовъ о душѣ, смерти, загробномъ мірѣ и загробной жизни" („Изв. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О", т. XXII, № 1) приведенъ, между прочимъ, монгольскій гимнъ въ честь Тамерлана. По мнѣнію автора „поправки", гимнъ адресованъ не къ Тамерлану, а въ Чингисъ-хану. 31, 34. *С. Ю.* Неземледѣльческіе промыслы въ Тункинскомъ краѣ: звѣриный, рыбный и орѣховый. 32. Въ небольшой замѣткѣ, посвященной свадебнымъ обычаямъ инородцевъ Алтая, передается, что рожденіе дѣтей у алтайскихъ инородцевъ происходитъ при стеченіи народа, крикахъ и ружейной стрѣльбѣ. Имя новорожденному даетъ глава семейства, большею частью такое, какое носитъ тотъ, кто первый войдетъ въ юрту послѣ разрѣшенія беременной.

Имена алтайцевъ означаютъ какіе-нибудь предметы, напр.: „Мултыхъ"—ружье, „Сара-башъ"—желтая голова. У сѣверныхъ алтайцевъ встрѣчается уже много именъ русскихъ, какъ-то: Ибанъ, Николай, Педоръ, Петруха и проч. Если у кого дѣти скоро умираютъ, то новорожденному стараются дать имя, какъ можно хуже и неблагозвучнѣе, въ надеждѣ, что съ дурнымъ именемъ человѣкъ будетъ долго жить. Огня изъ юрты, гдѣ есть новорожденный младенецъ, не даютъ постороннимъ въ теченіи 40 дней, а если желаютъ особеннаго счастья новорожденному, то и въ теченіи цѣлаго года. **37.** Къ вопросу о вліяніи переселенцевъ на земледѣльческое населеніе Сибири (по поводу статьи Остафьева: „Переселенцы въ Сибири" въ VIII т. „Юридич. Вѣстн," за 1891 г.).—О предполагаемомъ изданіи сборника статей алтайскаго миссіонера - этнографа В. И. Вербицкаго (см. „Этнограф. Обозр.", кн. VIII, стр. 176). **38.** Реценз. на „Памятную книжку Якутской обл. на 1891 г.". **42.** По поводу одного доклада (докладъ М. М. Дубенскаго въ статистич. секціи Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. о промысловыхъ артеляхъ Енисейской губ.). **44, 45.** Повѣрья и обычаи крестьянъ села Тунки.

Восходъ. 2. Исторія Хассидскаго раскола (Хассиды въ Бѣлоруссіи и Литвѣ). 4—9 „Евреи-Крымчаки" *П. М. Лякуба.* Этнографическій очеркъ этотъ содержитъ описаніе наружности еврея-Крымчака, его нравственности, семейнаго быта, отношеній къ постороннимъ имъ лицамъ и ихъ взаимныхъ отношеній. Описывается свадьба, роль родителей при выборѣ невѣсты (вопросъ о родственныхъ отношеніяхъ брачующихся), остатки жертвоприношеній въ свадебномъ церемоніалѣ (пѣтухъ и курица въ обрядѣ „очищенія"), вопросъ о приданомъ. Жизнь дѣвушки: одежда, покрывало при гуляніи, времяпровожденіе въ банѣ. Интересны данныя о взоимопомощи Крымчаковъ,—ихъ занятіяхъ, религіи; архитектура и хозяйство, медицина (раввинъ—врачъ).

Всемірн. Иллюстр. 1147—1184. По Средней Азіи (по Аму-дарьѣ, типы киргизовъ). **1155.** Похороны въ Малороссіи (картина) при несеніи покойника шествіе нерѣдко останавливается, на гробъ стелется салфетка, на нее кладутъ каравай хлѣба, священникъ читаетъ евангеліе. **1158.** Антропологическія измѣренія въ Петербургѣ. **1162.** Каннибализмъ на остр. Фиджи. **1165—1166.** Судъ Божій и клятва (описаніе, пріемы, употребляемыя различными народами, для открытія преступника). **1178** *Гр. Потанинъ.* «Урга», бытъ города Урга,—монгольскаго города, заселеннаго буддійскими монахами и китайскими купцами, давшими обѣтъ безбрачія; на дѣлѣ обѣтъ далеко не исполняется; описанъ базаръ городской; отмѣчены черты кочеваго быта празднества, процессіи, Богдочегенъ (лицо принимаемое за воплощеніе божества), «Круговращеніе Майдеря» игры семи хошуновъ, русское вліяніе.

Вѣстникъ Европы. *Сентябрь. А. А. Исаевъ.* Отъ Урала до Томска. I—IV. Интересныя путевыя замѣтки, большая часть которыхъ посвѣщена переселенцамъ.—*Октябрь.* Рецензіи: на кн. *Д. Н. Жбанкова*: Бабья сторона. Статистико-этнографическій очеркъ. Кострома. 1891. Кн. *М. С. Вруцевичъ*: Обитатели, культура и жизнь въ Якутской области. СПБ. 1891. Кн. *Н. Ахтыревъ*: Очерки жизни населенія восточной Сибири. На таёжныхъ прогалинахъ. М. 1891 г.—*Нолбрь, А. Н. Пыпинъ*: Новая книга о Болгаріи. Статья написана по поводу кн. Dr. C. Jirecek: das Fürstenthum Bulgarien. Seine Bodengestaltung, Natur, Bevölkerung, wirthschaftliche Zustände, geistige Cultur, staatsverfassung, Staatsverwaltung u. neueste qeschichte, Prag, Wien, Leipzig. 1891. Рец. на: Сибирская библіографія. Т. II. Исторія. Біографія. Географія. Путешествія. Статистика. Этнографія. Картографія. Составилъ *В. И. Межовъ.* Изд. И. М. Сибиряковъ. СПБ., 1891.—Рец. на кн. А. Н. Харузина: Киргизы букеевской орды. Вып. II. Ч. I. М. 1891 г.—Рец. на кн. *Н. Астырева*: Очерки жизни населенія Восточной Сибири. На таежныхъ прогалинахъ. М. 1891.

Вятскія Г. В. 58. Рецензія на Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Казанскомъ университетѣ т. IV вып. 1 и 2. **68.** «Археологическая находка» ст. А. Спицина. О предметахъ выкопанныхъ крестьяниномъ Ос. Загребинымъ (ожерелья, кольца, браслеты и другія украшенія). **69.** „Кресть-

янскіе раздѣлы въ глазовскомъ уѣздѣ“ *Н. Штеинфельдъ* (причины и послѣдствіе раздѣловъ). 76, 78, 79.—Продолженіе той-же статьи. 78. Изъ Зюминской волости о вареніи вотяками кумышки. 84. Вольные учителя въ крестьянской средѣ.

Glasnik zemalskog muzeja U Bosni i Hercegovini. Godina 1899. **Кн. 1.** *Читателямъ Гласника* (отъ редакція): Въ 1887 г. въ Сараевѣ основанъ Земальскій музей и при немъ образовалось общество, задавшееся двоякою цѣлью „матеріально-научной и морально-культурной“. Программа Общества касается слѣдующихъ предметовъ: 1) др. и нов. географія, 2) исторія, 3) археологія эпохи доисторической, илирійской, римской, боснійской (богомильской) и османской, 4) памятники искусства, 5) гербы, грамоты, печати и монеты разныхъ временъ, 6) оружіе, 7) памятники народн. и книжн. яз., 8) естествознаніе, какъ-то: геологія, зоологія, батаника, минералогія и метеорологія, 9) исторія народной литературы, 10) библіографія книгъ и статей по Босніи Герцеговинѣ и 11) статистика. Статьи пишутся популярно (razumlivo svakome). Въ концѣ каждаго года избранныя статьи переводятся на нѣм. яз. и печатаются въ особомъ годичномъ извѣстіи. Статьи въ гласникѣ печатаются кириллицей, или вѣрнѣе гражданицей, и латиницей, чтобы не уронить достоинства ни той ни другой транскрипціи. Гласникъ выходитъ черезъ каждые три мѣсяца книжками въ 5—6 листовъ.—*Д—ръ Людэвитъ Талоци.* О значеніи имени Босна (Боснія). Какъ филологическое изслѣдованіе, статья эта очень мала, но интересна тѣмъ, что авторъ даетъ много свѣдѣній объ исторіи этой мѣстности и ссылокъ на многочисленные источники по этому вопросу. — *Рикертъ. Добавленіе къ статьѣ о имени „Босна“ Петръ Марковичъ. Манастырь Panagjur* (Юрьевъ монастырь). Нынѣ развалины. Основанъ королемъ, исцѣлявшимся отъ тяжкой болѣзни въ Юрьевъ день. Преданіе говоритъ, что по мѣрѣ того, какъ падаютъ камни изъ стѣны алтаря, въ селѣ умираютъ люди: большіе камни падаютъ—умираютъ взрослые, малые камни—умираютъ дѣти. Въ другихъ частяхъ своихъ статья—по преимуществу археологическаго содержанія.—*Христофоръ Михайловичъ* (игуменъ). *Попово въ Герцеговинѣ.* Авторъ даетъ историко-географическій очеркъ этого мѣста.—*Mistata Hilmi. Добавленіе къ исторіи Сараева.* — *Коста Ковачевичъ* (священникъ). *Село Прощчнякъ и его пещера* (которую когда-то звали „разбойничьей“). Нѣсколько преданій о ней историч., археологич. и этнографич. характера (съ рисунками).— *D-r Ciro Truhelka. Курганы въ Гласинцѣ.* (См. кн. III Гласника). *Kosta Hörman Кумовство у магометанъ.* Оно трехъ родовъ: 1) сватовское, или свадебное, 2) „кумство шишано“, когда ребенку впервые подрѣзаютъ волосы, и 3 кумовство при обрѣзаніи (Kod sunetа—арабск.—слово). Далѣе авторъ подробнѣе разсматриваетъ всѣ три рода кумовства, обрядовую сторону ихъ, ихъ значеніе и ту роль, которую они играютъ въ жизни и взаимныхъ отношеніяхъ христіанъ и мусульманъ Боснія, Герцеговины и еще нѣкоторыхъ мѣстъ Балканскаго полуострова.—*D-r Ciro Truhelka* Африканскія мѣдныя монеты, найденныя на Вранкаменѣ при г. Крупѣ (Арх. статья съ рисунками). Слѣдующая статья *Алойза Адамовича* о странѣ южной Босніи и Герцеговины интересна въ вопросѣ народной медицины, такъ какъ здѣсь наряду съ каждымъ латинскимъ названіемъ растенія поставлено и мѣстное, причемъ называется и самая мѣстность, гдѣ какое названіе существуетъ. *D-r Ciro Truhelka.* Интересная турецкая монета, чеканенная въ Сараевѣ (съ рисунк.).—*В. Родимскій о матеріалѣ богомильскихъ надгробныхъ камней* (stećaka). Авторъ разсматриваетъ этотъ матеріалъ сравнительно съ характеромъ мѣстности, и находитъ, что такого матеріала не находится, вблизи вышеупомянутыхъ камней, а гораздо дальше ихъ. (Срв. у Караджича: Lex Serb.—Germ.—Lat стр. 715).—*Надписи въ Босніи и Герцеговинѣ.* Три статьи археологич. содержанія съ рисунками.— *Коста Херманъ. Мостъ въ Вышеградѣ.* Приводятся старыя турецкія надписи (1571 г.). Кромѣ этихъ слатей есть еще нѣсколько по археологіи, естествознанію и др. отраслямъ наукъ.—Въ „*Смѣси*“ („Различито“) замѣтки: Раскопка доисторическихъ могилъ въ Босніи и Герцеговинѣ въ 1888 г., „Пожертвова-

нія въ Земельскій музей" и др.—Библіографія: Narodne pjesne Muhamedovaca u Bosni i Hercegovini, sabrao Kosta Hörman, savjetnik zemaljoke vlade za B i H. Knjiga prva. Sarajevo, zemalska stamparija 1888. Velica 8-na, strana 624. Cijena 1 for.—**Кн. II.** *Em. Lilek. Ризница фамиліи „Hranici“* (*по прозванію „Kasaca“* Дано подробное описаніе этой ризницы съ подробнымъ реестромъ находящихся въ ней предметовъ.—*Коста Ковачевичъ. Развалины дворца воеводы „Jajic'ы“*. Описываются развалины, арх. находки (рисунк.), и затѣмъ приводится преданіе о самомъ воеводѣ. Жилъ воевода, говоритъ преданіе, 500 лѣтъ тому назадъ и былъ зятемъ Вука Бранковича. Оба они участвовали въ Косовской битвѣ съ кн. Лазаремъ. Но за измѣну его во время главной стычки, народъ потомъ сталъ укорять воеводу Jajic'у, а мать проклинала своего сына за невѣрность родинѣ, и проклятіе ея излилось въ пѣснѣ, сохранившейся въ памяти народа и приводимой у автора. Воевода оставилъ свой дворецъ и удалился, а послѣ него осталось много преданій о сокрытыхъ имъ его богатствахъ.—*Петръ Мирковичъ. Воевода Тома.* До сихъ поръ сохранилась хижина, гдѣ онъ жилъ («Tomina Kulä»), отсюда и село, гдѣ оно находится,—Томино. Разсказывается исторія борьбы этого воеводы съ османами. Въ концѣ авторъ говоритъ, что борьба эта и его похожденія воспѣты въ народныхъ пѣсняхъ. *Тимоѳей Витановичъ* (игуменъ озренскій). *Монастырь Озренъ.* Описаніе съ приложеніемъ рисунковъ, плановъ и снимковъ древнихъ надписей, изъ кот. видно, что монастырь основанъ въ въ 1567 г. *Карл. пл. Сакс. О боснійской музыкѣ.* Авторъ возстаетъ противъ Ад. Штрауса, упрекающаго босняковъ въ пѣніи черезъ носъ (Adolf Strauss: Bosnien, Land und Leute, стр. 299), и старается доказать мелодичность и гармонію боснійской народной музыки. Между прочимъ, отмѣчаются слѣдующія характерныя черты этой музыки. Боснякъ никогда не «декламируетъ» пѣсни, и разсказываетъ ее речитативомъ подъ музыкальный акомпаниментъ или же поетъ ее безъ акомпанимента. Речитативъ подъ гусли обыкновенно бываетъ эпическимъ и лишь иногда лирическимъ. Авторъ, правда, и не признаетъ въ этомъ эпическомъ пѣніи особенныхъ красотъ, но онъ указываетъ на лирическую югославянскую музыку, какъ на отличный образецъ мелодіи и гармонія. Къ статьѣ приложено нѣсколько нотъ.—*Видъ Кулетичъ Вукасовичъ, Староборснійскій документъ.* Одно секретное письмо 1688 г.: приложены текстъ, печать и факсимиле. Далѣе идутъ статьи: Отоманскіе намѣстники въ Босніи (съ титуломъ «бей» отъ 1463 г.—1878 г. по Р. Х.)—*Коста Херманъ.* Уборное перо (Schmuckfeder) съ мадьярскимъ гербомъ.—*Др. Трухелка.* Два гербовыхъ памятника въ Босніи.—Документъ короля Матвѣя Карвина (1481 г.). Старобоснійская надпись у хана Чоршулича.—*Коста Херманъ.* Мѣдный мечъ, извлеченный изъ Дрины (рѣки).—*Др. Трухелка.* Двѣ римскихъ надписи въ Гламочѣ.—Въ «Смѣси».—Пожертвованія въ Земальскій музей.—**Кн. III.** *Д-ръ Францъ Миклошичъ.* Мадьярско-кироловскимъ письменамъ. Приводится мадьярская рукопись, написанная кирилицей, и сербскій переводъ къ ней. Содержаніе: религіозное поученіе отца къ сыну. — *Mustafa Hilmi Muhibié. Старинный мостъ въ Мостарѣ.* Приводится старая турецкая надпись на этомъ мосту и сербскій переводъ къ ней.—*Христофоръ Михайловичъ* (игу менъ) *Попово въ Герцеговинѣ.* Между проч., касается богомильскихъ гробницъ и преданій о нихъ. (См. кн. I Гласника). — *Vid Valetié-Vukasovié. Старо боснійская грамота* (1611 г.). Приводится текстъ. (Слезная просьба о милостяхъ у «pris-o gas-o (титулъ) Живо Гундулича). — *Коста Ковачевичъ. Описаніе и происхожденіе названія „Люточ-планина“ въ Крайнѣ.* Приводится нѣсколько преданій и повѣрій народа и двѣ пѣсни.—*Двѣ старобоснійскія надписи.* Первая относится ко времени короля венгерскаго Лонша и боснійскаго бана Твртка.—*Георгій Свитличъ. Народное преданіе о „Накичевой хатѣ“.* Въ одной хатѣ жилъ Накичъ Хусеинъ. По народной пѣснѣ, отрывокъ которой здѣсь приводится, Накичъ представляется каменнымъ змѣемъ, кот. похищалъ дѣвушекъ у жителей г. Пожуна и отдавалъ ихъ въ жоны туркамъ. (Вся пѣсня помѣщена въ сборникѣ „народних пјесана Мухамедовица у Босни и Херцего-

вини").—*D-r Truhelka. Доисторическія предметы изъ Гласинца.* (См. I кн. Гласника). Описывается результатъ раскопокъ въ этой мѣстности, съ приложеніемъ 77 снимковъ съ найденныхъ тамъ предметовъ.—*В. Радимски. Два римскихъ камня изъ сребреницкой мѣстности.* Приложены рисунки.—*Георгій Световичъ. Воскресныя пестрыя яйца.* Характеръ орнаментики этихъ яицъ.—*Kosta Hörmann. Олово.* Описаніе этого села. Историч. справки о немъ (съ 1382 г.). Преданія объ оловскомъ монастырѣ (приводится пѣсня, въ кот. честная дѣвушка является основательницей оловской церкви). Наконецъ, археологич. предметы и надписи, сохранившіяся до настоящаго времени (рисунки).—*Келья въ селѣ Ратаѣ* (два снимка).—*Изводъ изъ лѣтописи Николы Лашванина* (гг. 1461, 1682, 1688—1690, 1696).—*Д-ръ Леопольдъ Гликъ. Татуированіе кожи у католиковъ въ Босніи и Герцеговинѣ.* Обычай этотъ авторъ считаетъ недавнимъ. Татуированіе состоитъ въ томъ, что на рукахъ или груди разрисовываютъ различныя фигуры, но, гл. об., крестъ. Фигуры при помощи особаго состава и иглы рисуются такъ, чтобы онѣ никогда не могли исчезнуть. Авторъ между прочимъ говоритъ, что дѣлается это для того, чтобъ католики не совращались въ магометанство; магометане сейчасъ же уничтожаютъ кресты, вырѣзанные на тѣлѣ, а это причиняетъ такую мучительную боль, изъ-за которой рѣдко кто покидаетъ свою вѣру. (11 рисунковъ).—*Franjo Fiala. Добавленія къ археологіи Босніи и Герцеговины* (съ рис.). *Смѣсь* (Различито). Пѣсня объ основаніи Канжи (1669 г.) Написана на босн. яз. по турецкой транскрипціи.—*Иванъ. Зовко.* Народные разсказы: 1) Какъ появились (богомильскіе) камни (stećci) 2) Какъ произошло землетрясеніе. Какъ произошелъ снѣгъ.—*Лѣтнія раскопки на Гласинцѣ.* (появится описаніе).

Грод. Губ. Вѣд. 75,77. Село Ляховцы, Брест. уѣзда. Очеркъ (прод. № 73). 81. Изъ сельской жизни. По поводу суевѣрія о стонѣ похороненной старухи-вѣдьмы, во избѣжаніе котораго сходъ порѣшилъ отрыть старуху, отсѣчь ей голову и положить у ногъ, а между ногъ забить осиновый колъ. Стонала сова. **85.** Изъ Бѣлостокскаго уѣзда. Сообщеніе о кругообразной земляной насыпи въ 2 саж. вышины и около 400 саж. окружности. Названіе ей „Замчиско". По одному преданію на ней стоялъ замокъ, по другому, болѣе подробному,—мужской монастырь, въ насыпи до сихъ поръ остался еще фундаментъ, находятъ кирпичи, куски желѣза, большіе замки и ключи.

День. 1156. Сообщаетъ со словъ Ел. Вѣстн. объ обычаѣ «вѣнчаться по роспискѣ», все болѣе и болѣе распространяющемся въ уѣздѣ. Новаторами этого обычая были крестьяне, у которыхъ умерло три жены, а затѣмъ крестьяне и крестьянки, разошедшіеся съ мужьями и женами; женщины наиболѣе являются сторонницами такого брака, а роль росписки играетъ или вексель, или духовное завѣщаніе, или другіе имущественные договоры, обезпечивающіе вступившую въ бракъ отъ случайностей.

Джеджили („Нива" на грузин. яз.), **кн. V.** Сказка о канарейкѣ и соловьѣ. Въ эту сказку въ видѣ эпизода входитъ разсказъ объ убійствѣ дракона, захватившаго всю рѣку, откуда выдавалась жаждущимъ по скорлупѣ воды за человѣческую жертву.—Переводъ съ французскаго языка—сказка о маленькой дочери мельника.—Поговорки и народныя пѣсни.

Донская пчела. 29. Вербное Воскресенье (легенда о вербѣ). **30.** Страстная седмица (повѣрья, соединенныя съ днями этой недѣли). **59.** „Традиціонный праздникъ" (армянскій праздникъ - Вардавара).

Донскія Е. В. 16, 17. „Краткое описаніе областей Войска Донскаго" (курганы, городища, находки желѣзнаго оружія и др. вещей; остатки жилищъ, костяки съ украшеніями).

Донъ. 8. „Сборщики куръ и яицъ" (организація промысла, отношенія участвующихъ къ нанимателю купцу, ссуды „на сѣвѣсть"). 10. Расправа съ колдуньею въ Плоцкой губерніи, процессъ изгнанія изъ человѣка дьявола. „Плотовой промыселъ". **53.** По поводу реферата Р. А. Нелидовой: „Злая и добрая жена по народнымъ картинамъ". **68.** „Гулянье въ с. Подгорномъ" (пѣсни, рас-

пѣваемыя горожанамъ крестьянскими дѣвушками, дѣленіе пѣсенъ на „постныя" и на „скоромныя", цѣна за пѣніе первыхъ 2 коп., а за вторыя—пятачекъ).

Еженедѣльное Обозрѣніе. 349, 353, 356. „Раскольники въ Петербургѣ" (Ѳедосѣевцы, Безпоповцы, Лжепоповцы и др.). **371.** „Изъ жизни Японцевъ" (бытъ, домашняя утварь, жилища, одежда, между прочимъ различіе въ прическахъ вдовъ, вдовы, желающія выйти замужъ, чешутъ волосы однимъ образомъ, нежелающіе — другимъ), тамъ же „Праздники народныхъ пѣвцовъ — Эстовъ" (сельскіе хоры и оркестры).

Екатеринбургская Недѣля. 31, 32, 34, 35. *Ив. Воробьевъ.* Шервинская вол., Оханскаго у. **31, 34, 37. 41.** О рождаемости и смертности въ Екатеринбургскомъ у. за 13 лѣтъ (съ 1870 г. по 1882 г.). **42.** Реценз. на брошюру И. Н. Смирнова: „Задачи и значеніе мѣстной этнографіи". Казань, 1891 г.

Енисейскія Г. В. 32. Отчетъ о состояніи казачьяго населенія Енисейской губ. за 1890 г. (оконч.): рыболовство и звѣроловство, пчеловодство, скотоводство, добываніе соли и горный промыселъ, торговля.—Замѣтка о предполагаемомъ изданіи сборника этнографическихъ статей алтайскаго миссіонера В. И. Вербицкаго (см. «Этногр. Обозр.», кн, VIII. стр. 176—179).

Живописное Обозрѣніе. 25. «Ночь на Ивана Купала», *Н. Ширяева,* и «Ивановъ день въ Италіи».

Звѣзда (Илл. журн.). **1, 27.** «Генрихъ Шлиманъ и его раскопки» (біографія ученаго и рисунки найденныхъ имъ вещей), тамъ-же ст. *Теръ-Карапетова:* «Новый годъ у Армянъ» (угощенія и увеселенія, символическое значеніе ударовъ молота о наковальню въ эту ночь, легенда о царѣ Артавазда).

Земскій Врачъ 2. „Земская медицина и вольная деревенская практика" (о „вольныхъ врачахъ" въ деревнѣ: Таировъ, Сычуговъ и др.). **41.** „Вотяки Большегондырской волости" ст. *Тезякова* представляетъ собою медико-статистическій, антропологическій и этнографическій очеркъ, описаніе одежды, пищи, обычаевъ, вѣрованій, суевѣрій, праздниковъ и нравственности вотяка.

Иверія.—*Сентябрь.* Народныя пѣсни, записанныя въ сел. Каролети Горійск. у. Тифлис. г. Пѣсни историческаго и лирическаго содержанія.—Гордый Георгій (Аггей) Вс. Гаршина (переводъ). Сонъ пшава, *Разикашвили.* Здѣсь передаются воззрѣнія пшава на загробный міръ, извѣстныя уже въ печати. Народныя пѣсни, записанныя въ сел. Уде Ахалцыхск. у. Тифлис. г. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ дѣйствующими лицами являются медвѣди: крестянинъ приглашаетъ медвѣдя раздѣлить съ нимъ трапезу; онъ отказывается, говоря, что онъ уже наѣлся кизила предъ этимъ, а крестьянина оставляетъ на свободѣ до будущаго года. На это крестьянинъ замѣчаетъ, что онъ осмѣлился бы это сказать, если бы у него подъ рукою была стрѣла и лукъ. Эту пѣсню можно считать древней.—**Октябрь.** Приглашеніе души свана, умершаго на чужбинѣ, на родину звуками чанчи (инструментъ) въ сопровожденіи пѣтуха. Передъ однимъ камнемъ старецъ, вождь процессіи, остановился, что-то досталъ изъ-подъ него и съ молитвами двинулся дальше. При переправѣ чрезъ рѣчку и лужу для души перекидывался мостикъ. На мѣстѣ для нея приготовляютъ провизію.—Случай насильственнаго похищенія невѣсты у осетинъ.—Посѣщеніе кн. Н. Діасамидзе Рачи, гдѣ на отвѣсной скалѣ видна церковь Тамары. Одинъ крестьянинъ изобрѣлъ оригинальную лѣстницу и взобрался на скалу, но въ церковь не рѣшился войти. Вѣроятно, нѣсколько столѣтій человѣческая нога туда не ступала. Образцы чуджаровъ (актовъ) мингрельскихъ. *Библіографія:* Сочиненія А. Казбека, 3 тома *А. Ха—овъ.*—Значеніе грузинской литературы въ исторіи всеобщей литературы. *Жорданія.*—Матеріалы для исторіи князей Омилахваровыхъ. *П. Цхчилавели.*

Кавказъ.—1890.—13. Турецкая сказка съ англійскаго.—**14.** Библіографія: Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. IX.—**17.** Библіографія: Краткій списокъ статьямъ и изданіямъ, относящимся къ кавказовѣдѣнію, составленный Л. З—скимъ. *Е. В.* (изъ Кавказ. календаря за 1890).—**28.** Отвѣтъ *Л. Загурскаго* на вышеназванную рецензію Е. В.—**40—43.** Русскіе поселяне въ Елисаветпольской г. (Статистическо-этнографи-

ческій очеркъ. Свѣдѣнія о раскольникахъ). *Сегаль*.—**61, 62, 63, 64**. Мугижединъ. Драматическія сцены изъ жизни Грузіи XIII в. *Иверишвили*.—**96**. Рецензія на „Матеріалы по археологіи Кавказа", отчетъ г. Сизова.—**103**. Библіографія: „Сношенія Россіи съ Кавказомъ", С. Бѣлокурова. М. 1890.—**108**. Мтацминдскій монастырь св. Давида Гареджійскаго.—**120**. Малярія и Паршы въ Абхазіи.—**128—130** Статистика смертоубійства и самоубійства въ Эриванской г.—**145, 146, 147**. Изъ прошлаго Эриванской гимназіи.—**152**. Международная тюремная выставка.—**162**. 25-лѣтняя годовщина взятія Ташкента (на основаніи „Историческаго обзора Туркестана" Макшеева).—**174, 175**. Духоборы Ахалкалакскаго уѣзда.—**176, 177**. Восхожденіе на Араратъ.—**181—190**. Ростовщичество въ средѣ крестьянъ.—**191**. Статистическій обзоръ состоянія учебныхъ завед. Кавказскаго учеб. округа.—**197**. Живые памятники Византіи въ Закавказьѣ. Обзоръ сборника новогреческихъ пѣсенъ понтійскаго діалекта. *Іоакимовъ*. **198**. Кура и ея рукавъ Акуша.—**209, 210**. Поземельное дѣло въ Карсской области.—**215**. Кавказскія минеральн. воды.—**222**. Замѣтка о Дагестанѣ.—**236**. Взятіе Эрзерума русскими.—**252**. Колдовство (изъ Das humoristische Deutschland).—**277**. Въ горахъ сѣверо-западнаго Кавказа.—**287, 289**. Изъ поѣздки по Осетіи и Сванетіи.—**296**. Замѣтки о Хевсуріи.—**318**. По поводу статьи „археолога", *Жорданіа*.

— **1891** г.—**13**. Скотоводство и коневодство въ Средней Азіи. **16**. Аспиндзскія минеральн. воды.—**17**. Физическая организація грузинъ.—*Пантюховъ*.—**20, 21, 22**. Забытый литературный вопросъ (по поводу юбилея Лермонтова). *Өедоровскій*.—**70**. Судъ Линча въ Новомъ Орлеанѣ.—**72**. Калмыцкая религіозная процессія.—**77**. Накалакеви (Сенакскаго у. Кутаис. г.), какъ лѣчебная станція. *Пантюховъ*—**81**. Физическая организація нѣкоторыхъ Закавказскихъ племенъ (о грузинахъ).

Калужскія Г. В. 112. Описаны погребальные обряды сванетовъ, оплакиванія, погребеніе, тризна; тризна справляется не только сряду послѣ погребенія, но также еще черезъ нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти; практикуется приглашеніе покойниковъ домой и угощеніе ихъ столомъ; интересно, что въ случаѣ, если послѣ погребенія какого-либо человѣка настанетъ ненастная погода, то трупъ его вырываютъ и переносятъ куда-либо въ другое мѣсто; дѣтей до трехъ лѣтъ не хоронятъ въ оградѣ церкви, а зарываютъ въ землю подъ домомъ или во дворѣ.

Карсъ. 3—11. „Очерки Карской области" (судебное устройство, нравственность, образованіе, и значеніе и пр.).—**6**. Путевыя впечатлѣнія, (отъ Карса до Ольтъ) содержитъ данныя о наружномъ видѣ селенія курдовъ, ихъ наружности и характерѣ.—**12**. „Курды и Карапахи", замѣтка по поводу того же заглавія статьи въ газ. „Кавказъ", съ указаніемъ многихъ неточностей и неосновательныхъ выводовъ **29**. „Карскіе субботники,—описаніе нравовъ ихъ и обычаевъ, отношенія къ евреямъ. **31**. „Духоборцы, ихъ общественныя моленія, свадебные обряды и погребальные обычаи" А. Танашевичъ, сообщается между прочимъ пѣсня при погребеніи, представляющая разговоръ души съ тѣломъ:

— Голуби сизые!
„Мы не голуби, не сизые".
— Вы лебеди, вы бѣлые!
„Мы не лебеди, мы не бѣлые
Мы ангелы, архангелы;
Мы летали по всему свѣту
Свѣту бѣлому".
— Что вы видѣли, что вы слышали.
„Мы видѣли, мы слышали,
Какъ душа съ тѣломъ разставалась,
Разставалась и прощалась".
— Прощай мое тѣло, тѣло бѣлое!
Я въ тебѣ жила,

Тебя нѣжила, лелѣяла
А себя, душу, въ муку вверзила.
— Тебѣ, душа, на судъ идти
Къ самому Христу, ко Спасителю,
Ко Спасителю—избавителю,
А мнѣ тѣлу въ землѣ лежать!

36. „Два слова о суевѣріяхъ туземцевъ Карской области" (сказаніе о быкѣ, на которомъ держится земля и объясненіе землетрясеній, тѣмъ, что быкъ сердится и трясетъ головой; о священныхъ птицахъ, о томъ, что вдова не приглашается на домашнія празднества изъ боязни, что она принесетъ несчастіе. **38.** „Духовные молокане въ Карской области". **39.** „Кярамъ идетъ" (легендарный разбойникъ Кярамъ). **41.** „Обычай и законъ въ брачныхъ дѣлахъ субботниковъ".

Кіевская Старина. Іюнь. *Проф. Сумцовъ.* Писанки (оконч.). Письмо Зоріана Доленги Ходаковскаго. *Его же.* Мертвая рука. **Іюль.** *Короленко,* Азовцы (приведены нѣкоторыя пѣсни). *Д. К. М.,* Воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ. **Августъ.** *Короленко,* Азовцы (оконч.). *Л. Н.,* Разсказъ о шелудивомъ Бунякѣ. *Проф. Сумцовъ,* Къ объясненію малорусскихъ гаданій. *Б—скій,* Преданіе о крестахъ подлѣ с. Брикова. *М—ра,* Къ повѣрьямъ о богатыряхъ. Рецензія на Сборникъ Харьк. Ист. Филол. Общ., т. III (Каманина). *Пр. Ж—ій,* „Славянскія извѣстія" 1890 г. о „Заграничной Руси". **Сентябрь.** Посьмо Костомарова къ А. М. Лазаревскому. Миронъ, Червонорусскія вирши. Одинъ изъ предметовъ стариннаго малороссійскаго щегольства (пояса). *Манжури,* Крещенскія скачки въ Екатеринославской губерніи. Рецензіи на „Опытъ изученія малорусскихъ думъ" Лисовскаго и „Гусли" Фаминцына. **Октябрь.** *Голубовскій,* Нѣсколько соображеній къ вопросу о князѣ Турѣ [1]). **Ноябрь.** Миронъ, къ исторіи апокрифическихъ сказаній (сказаніе объ Адамѣ и Евѣ изъ Дрогобыцкаго сборника XVIII в., плачъ Адама—изъ народныхъ устъ и рукописи прошлаго вѣка). *Ящуржирскій,* Письмо-апокрифъ (листъ небесный, или эпистолія о недѣлѣ). Рецензіи на Zbiór im XIII и XIV и „Юридическія воззрѣнія и обычаи крестьянъ сѣверо-западнаго края, преимуще ственно Ковенской губерніи" Фридмана.

Киргизская Газета. **34.** Киргиз сказка о Лухманъ-Хакимѣ. **41.** Нужды просвѣщенія киргизскаго народа.

Кишиневскія Е. В. 15. „Чичманскіе сектанты" (о распространеніи чичманскими молоканами штунды; вліяніе нѣмцевъ-колонистовъ на костюмъ, говоръ и др. стороны быта; о книгоношахъ «Британскаго общества»)

Книжный Вѣстникъ. 1. Отчеты о книгахъ: 1) В. Н. Сторожевъ: Рязанскія засѣчныя книги XVII в. (Рязань. 1890). 2) Фарфоръ, его исторія. ч. I. Гончарство со времени возникновенія до изобрѣтенія фарфора въ Европѣ. (М. 1890). 3) Н. Д. Государства и народы Балканскаго полуострова. (М. 1890). **2.** Отчеты о книгахъ: 1) Описи русскихъ библіотекъ и библіографическія изданія, находящіяся въ исторической и археологической библіотекѣ Н. Ф. Бакачева, (СПБ. 1890). 2) Живая Старина. I. 3) Алтай. Историко-статистическій Сборникъ по вопросамъ экономическаго и гражданскаго развитія алтайскаго горнаго округа; под. ред. П. Голубева (Томскъ. 1890). 4) Letourneau. L'évolutior juridique. Хроника. Начало книгопечатанія въ Китаѣ. **3.** Отчеты о книгахъ: 1) Матеріалы для исторіи Воронежской и сосѣднихъ губ. II. Воронежскія писцовыя книги (1891. Вор.) 2) Кн. Л. Голицынъ и С. Краснодубровскій; Укекъ. (Сар. 1890). 3) Ольденбергъ: Будда, его жизнь, ученіе и община. пер. Николаева. (М. 1891.) 4) В. Витевскій. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г. (Каз. 1891). **4.** Отчеты о книгахъ. 1) А. Столповская: Очеркъ исторіи культуры Китайскаго народа (М. 1891). 2) Архивъ Юго-запад-

---

[1]) Въ статьѣ г. Моравскаго, „Ѳедоръ Лисовскій" (стр. 20) напечатаны нѣкоторыя любопытныя данныя для исторіи малорусскаго брака (т. н. „весѣльныя курицы").

ной Россіи VII. 3. (Кіевъ 1890). 4) В. И. Межовъ: Сибирская библіографія. 5. Отчеты о книгахъ: 1) Е. Романовъ: Бѣлорусскій сборникъ. IV. (Витебскъ. 1891) 2) Этнографическое обозрѣніе VIII. 3) А. Исаевъ. Переселенія въ русскомъ народномъ хозяйствѣ (СПБ. 1891) 4) Э. Вольтеръ: Матеріалы для Этнографіи латышскаго племени Витебской г. Ч. I. (СПБ. 1891). 6, 7. Отчеты о книгѣ: В. и Г. Холмогоровыхъ: Матеріалы для исторіи Колонизаціи Саратовскаго Сѣверо-восточнаго края до 2-й половины XVIII в. (Саратовъ 1891). Хроника: Замѣтка о выставкѣ лубочныхъ и вообще народныхъ картинъ въ Петербургѣ и замѣтка: Лубочныя или народныя картинки.

Книжки недѣли. 9. „Въ сердцѣ Финляндіи" (кладбища сельскія, финскія пѣсни, „кантеле"— лира финновъ).

Ковенскія губ. вѣд. 29. Фельетонъ. Бѣлорусскіе народные мотивы (тексты пѣсенъ).—31. Замѣтка по поводу празднованія Пасхи у бѣлоруссовъ-католиковъ.—39. Замѣтка о народной медицинѣ у бѣлоруссовъ.—42, 46, 50. Очерки литовско-жмудской и бѣлорусской народной жизни.

Колосья. 5. „Поѣздка на Кермашъ" (очеркъ бѣлорусскаго быта и нравовъ). 9. Въ научной хроникѣ „Монетныя единицы въ древности (раковины, цилиндрики изъ нихъ замѣняющіе монеты у дикихъ народовъ).

Костромскія Г. В. 34. Рефератъ Предсѣдателя Архивной Коммиссіи Н. Н. Селифонтова, о рукописяхъ Нерехтскаго уѣзда, заключающихъ сговорныя записи, рядныя росписи, памяти, купчія крѣпости, челобитныя и другіе касающіеся обычнаго права документы; кромѣ того есть бумаги, частныя письма, наглядно рисующія домашній бытъ, хозяйство, доходы, развлеченія, лакомства наряды, украшенія и, наконецъ, интересныя отпускныя и выводныя записи на выданныхъ замужъ вдовъ и дѣвицъ. 35. Дополнительныя свѣдѣнія о древностяхъ Костромскаго края" содержитъ описаніе археологическихъ находокъ, насыпей городищъ, кургановъ, называемыхъ „Панки" 39. Нѣсколько словъ объ эпидеміи скарлатины въ костромскомъ уѣздѣ, между прочимъ, сообщается объ обычаѣ прощаться съ больнымъ,—цѣловать его для собираются дѣти всей деревни, какъ это, по сообщенію въ «Русск. Вѣд.» практикуется въ Олонецкой губерніи по отношенію къ „Оспѣ-Матушкѣ", „Оспѣ Ивановнѣ", хотя авторъ не сообщатеъ суевѣрія, лежащаго въ основѣ обычая, но оно несомнѣнно существуетъ.

Крымъ. 84. „Японскія и Корейскія женщины" описано положеніе дѣвушки въ обществѣ, семьѣ, отношенія мужа къ женѣ, вдовство. 114. Привѣтствія и знаки почтенія у разныхъ народовъ".

Кубанскія Г. В. 37. „Объ учрежденіи областнаго музея въ г. Екатеринодарѣ" по поводу проэкта есаула Е. Д. Фелицина объ устройствѣ музея при статистическомъ Комитетѣ и о значеніи музея для науки и для публики.

Le Caucase illustré. 67. „Les Montagnards du Caucase" (Кабардинцы, осетины, чеченцы, ошаны, лезгины, сванеты и др., ихъ наружность, бытъ, постройки и пр) 8 „Les Tartares du Caucase". 9, 10, 11. Classificatiou etnolo. gique de peuples du Caucase (расы славянская, германская, романская и др.)- 9. L'art decoratif au Caucase (рисунки). 10 „Les cectaires du Caucase" (молокане и духоборцы). 11. Nogai (краткая характеристика).

Листокъ (въ Унсварѣ). 6. Некрологъ: „Францъ Миклошичъ". 14. По поводу изданія газеты „Странствующій народъ", имѣющей быть собственнымъ органомъ цыганъ, знакомящимъ съ дѣйствительными обычаями, языкомъ цыганъ и событіяхъ, касающихся этихъ „паріевъ общества".

Минскія Губ. Вѣд. 87. Свадебный обычай. На Дону. На свадьбѣ въ супникъ сажаютъ живую курицу (эмблема хозяйки), украшенную лентами и передъ ней ставятъ рюмку съ виномъ. Когда пьютъ здравицу, почтенная старуха обмакиваетъ клювъ курицы въ эту рюмку и наклоняетъ ея голову въ ту сторону, за кого пьютъ здравицу (Волж. Донс. Лист.). 84, 87, 89, 93, 95. 97, 99, 101, 104, 106, 109, *Г. Х. Татуръ.* Очеркъ археологическихъ памятниковъ на пространствѣ Минской губерніи и ея археологическое значеніе. Содержаніе. Географическіи условія. Названіе г. Минска (отъ слова „мѣня", Мѣнскъ,

Менскъ, польс. Mieńsk, Mensk). Скиѳы. Герры („гробокопцы или курганокопцы“, въ ихъ землѣ — гробница скиѳскихъ царей), это — не только скиѳское племя, но и особая каста скиѳовъ (авторъ сопоставляетъ при этомъ существующія нынѣ въ той мѣстности фамиліи: Герскій, Геранскій, Герло (Керло), Герликъ, Гира, Гируля, Гирчикъ, Гиринъ, Гурянъ, Гурло, Гаринъ, Горонинъ). Невры, Кимвры (фамиліи: Кимбиръ, Кимбаровичъ, Кимберскій, Цымберскій, Имбро, Имбровичъ и названіе мѣстности Кимбяровка). Будины и Гелуны. Аллины, Сарматы, Венеды, Стыри (нынѣ р. Стырь). Вибіоны или Витбіоны, (позднѣе Комубы). Готы. Славяне: Древляне. Дреговичи, Кривичи, Дулебы (до сихъ поръ села: Дулебы, Дулево; р. Дулеянка, фам.: Дулеба. Дулемба, Дулевичъ, Дуличъ, Дульскій, Дульчикъ). Литовцы. Ятвяги (въ стр. нар. назывались черными раками, а смѣшавшись со славянами, стали называться Черною Русью).—А) Земляныя насыпи: 1) укрѣпленія, 2) окопища или городища жертвоприносительныя, 3) окопища судовыя и вѣчевыя („копища“ — „копа“ — судъ Божій, поединки), 4) неопредѣленныя: а) отличающіяся большими размѣрами, б) составляющія, м. б., мѣста бывшихъ городовъ или столичныхъ жилищъ властителей страны (городище королевы Домны (с. Зборскъ), городище князя Корсика—нынѣ фам., Корсакъ, Корсикъ, Корчюкъ, Корчакъ; городища Гремъ-городъ, Кремъ-городъ. Кіянъ-городъ, 5) городища и окопища, имѣющія остатки каменныхъ зданій (около 15), 6) валы, 7) курганы: а) памятные, б) военные, в) гробовые, г) гробницы внутри земли, д) сторожевые, е) путевыя, т. е. шляховыя („шляхъ“ — главная или большая дорога), ж) валики. Все это описано съ довольно подробными указаніями на мѣстонахожденіе этихъ памятниковъ старины, ихъ форму, характеръ, количество и т. д. Б) Каменные памятники: 1) Божество, т. е. идолы. статуи, „болѣе или менѣе форменные (д. б., оформленные) столбы съ разными изображеніями и чертами въ верху лица человѣческаго“: „Царь Давидъ“. Въ Игуменс. уѣздѣ „каменная нога“ изъ темнаго гранита, представленная въ Вил. музей около 1850 года. изд. соч. А. Киркоръ, «Przewodnik po Wilnie»), как., камни, отъ природы приближающіеся къ формѣ животнаго или человѣка. 2) Памятники съ надписями и изображеніями: плиты, низкіе столбы, кресты на нихъ надписи (иногда загадочные), въ м. Погостѣ. Игум. у., у дверей синагоги лежитъ „овальная. въ два аршина длиною, обтесанная каменная плита, покрытая непонятными крупными надписями въ нѣсколько строкъ, высѣченными отчетливо и глубоко“, она привезена изъ лѣсу. На другомъ камнѣ, наход. по теченію р. Птичи, Бобр. у., находится другая надпись, состоящая изъ буквъ, имѣющихъ подобіе птичьихъ лапокъ. Памятники съ изображеніями на нихъ: разныхъ фигуръ, круговъ, полукруговъ, крестовъ. подковъ и т. п. 3) Памятники безъ надписей и изображеній: это правильно-отесанные камни непонятной формы (одинъ, напр., въ народѣ зовется „волкомъ“, другой—„каменной гусью“) или большіе камни съ плосковатою поверхностью и воронками на нихъ. 4) Каменныя орудія: а) орудія изъ камня колотаго: авторъ наглядно описываетъ ихъ форму, происхожденіе и значеніе. Далѣе перечисляются 20 родовъ разнаго орудія и предметы съ описаніемъ ихъ. 5) Орудія изъ камня шлифованнаго. Перечисливъ и описавъ ихъ, авторъ переходитъ къ матеріалу, изъ котораго они сдѣланы, мѣсту ихъ выдѣлки и мѣсту нахожденія. Затѣмъ излагается миѳическое значеніе, придаваемое народомъ каменнымъ орудіямъ. V. Стекло было предметомъ ввоза. Мѣстонахожденія. 1) бусы. 2) кольца. перстни и браслеты, 3) слезницы. Мнѣніе Берзеліуса о стеклѣ. VI. Глина. Примѣсь толченого камня. Издѣлія. VII. Гипсъ. Издѣлія. VIII. Янтарь. IX. Слезницы; остатки каменныхъ зданій. В) Металлическіе памятники I Божества: двѣ статуи Божествъ (серебр. и бронз.), статуэтка бога войны Каваси и литовс. богини Прауримы (неок.)

Минскій Листокъ. 8. Изъ газетъ и журналовъ. О путевыхъ замѣткахъ по Бѣлоруссіи г. Запольскаго (Вил. В.). 31. Фельетонъ. Вербное Воскресеніе и Страстной четвергъ въ Бѣлоруссіи. Вербное Воскресеніе въ древней Россіи. 85. Происхожденіе мужчины. Индійская легенда. Буквально помѣщена та-же

легенда, что и въ № 71 Вил. Вѣст. подъ заглавіемъ: Происхожденіе женщины (См. эту кн. Э. О.).

Московскія Вѣдом.—171. Русская экспедиція въ Китаѣ (В. А. Тихомарова и Н. Л. Гондатти).—**189.** Миссіонеры на Кавказѣ. —**196.** Чехи въ Черноморскомъ округѣ.—**200.** Изъ дневника миссіонера: о сектантахъ, раскольникахъ и хлыстахъ (Ставроп. Е. В.).—Объ исламѣ (Церк. Вѣстн.).—**А. Соколовскій.** Къ борьбѣ съ расколомъ. (Срв. Изв. по Каз. епарх.).—Какъ исчезаютъ въ Западн. краѣ памятники старины (Кіев. Сл.). — Искорененіе вредныхъ обычаевъ: противъ угощенія духовенства міромъ въ Сольгаличѣ (Костр. Е. В.)—**202.** Приговоръ Поповск. Общества Бердянск. уѣзд. противъ пьянства (Крым. Вѣстн.).—**206.** Польскія мечты о Бразиліи" — по поводу эмиграціи польскихъ крестьянъ. — **204.** Изъ с. **Д. Даурскаго** о бурятахъ (Вост. Обозр.)—**212, 213. И. А.** «Уральцы»—бытовые и военные очерки.—**217.** О планѣ государственнаго разселенія.—**218.** Археологич. разысканія секретаря херсон. стат. Комитета В. И. Гошкевина на Таврич. берегу противъ Херсона. — **Я.** Азартныя игры первобытныхъ и доисторич. народовъ. — **219.** О раскопкахъ гр. Бобринскаго въ Керчи (корр. *Балабухи* изъ Симферополя).—Поѣздка проф. А. П. Богданова заграницу для переговоровъ съ зап.-европ. учеными по поводу устройства въ 1892 г. въ Москвѣ международн. конгрессовъ доисторич. археологіи, антропологіи и зоологическаго (Срв. Рус. Вѣд. № 224).—**221.** Изъ ст. **Кузнецова:** Православіе въ Японіи (Кроншт. В.).—Туруханскій край (Церк. Вѣд.).—**222.** Алтайскіе инородцы о трудахъ о. Вербицкаго (Сиб. Вѣстн.).—**228. Г. А. Забѣлинъ.** Выдержки изъ кн. полк. Арандаренко: „Досуги въ Туркестанѣ" (о сартахъ).—**229.** По поводу переселенія польск. крестьянъ (Кіевл.).—**241.** Жертвоприношенія вотяковъ Луту 13 — 14 іюня (Волж. Вѣстн.).—О собраніи пѣсенъ краснокожихъ индѣйцевъ г-жи Флетчеръ.—**246.** Опис. «Адскаго ущелья» въ Эриван. у. у подножія горы Батырсыхъ.—Раскопки проф. В. Б. Антоновича въ Липовецкомъ у.—**255.** Извѣстіе о новой сектѣ перховцевъ въ Вышнемъ Волочкѣ.—**256.** О разсылкѣ программъ Этнографическимъ Отдѣломъ И. О. Л. Е., Антр. и Этн. по Московскому учебному округу.—**258. С. Ф—въ.** Поэтическія воззрѣнія Бѣлоруссовъ. Нѣсколько словъ о четвертомъ выпускѣ «Бѣлорусскаго Сборника», издаваемаго Е. Р. Романовымъ, въ которомъ заключаются «Сказки космогоническія и культурныя»; передача содержанія сказки «Богъ въ гостяхъ», которую авторъ замѣтки относитъ къ области произведеній «отреченныхъ», составляющихъ прямую противоположность произведеній «досточитаемыхъ», какъ легенды и наши синаксари. Въ сказкѣ «Богъ въ гостяхъ» изображена судьба двухъ братьевъ крестьянъ, изъ которыхъ бѣдный Осипъ, нанявшійся служить къ богатому, за три года службы получаетъ въ видѣ платы отъ брата одного пѣтуха. Когда Осипъ съ женой зажарили его, то раздумали ѣсть его сами, такъ какъ это пѣтухъ «кровный, трудовой», а рѣшили позвать Бога въ гости, для чего Осипъ взошелъ на гору и позвалъ Бога, который обѣщалъ придти. Когда Осипъ пошелъ назадъ и увидалъ на улицѣ калѣку безъ рукъ и ногъ, онъ съ женой внесли его въ домъ, накормили жаренымъ пѣтухомъ и рѣшили просить для него исцѣленія, когда къ нимъ придетъ Господь. Когда же Осипъ вторично на горѣ спросилъ Бога придетъ ли онъ къ нимъ, Богъ, назвавъ его «милостивымъ», сказалъ, что уже былъ у него, и въ награду за угощеніе велѣлъ продать хату, идти съ женой куда глаза глядятъ и ночевать, гдѣ застанетъ ночь. Калѣки вдругъ не стало. Осипъ и жена его точно исполнили волю Божью, и къ ночи вышли въ дремучій лѣсъ, гдѣ на полянкѣ увидали громаднѣйшій домъ, въ которомъ никого не было, но стояли кушанья и питье, здѣсь они повечеряли и легли спать, во снѣ Богъ сказалъ Осипу, что домъ и все хозяйство даетъ имъ за ихъ угощеніе. Здѣсь были амбары, полные денегъ, жита, ячменя, гречихи и овса. Когда настали худые годы, Осипъ сталъ щедро помогать бѣднымъ людямъ а амбары его не пустѣли. Прослышавъ о его богатствѣ, другой братъ пріѣхалъ къ нему въ гости, и жена его узнала отъ жены Осипа, какъ ихъ богатство пошло съ трудоваго пѣтуха. Тогда братъ Осипа и жена его рѣшили

зажарить кабана, вола, и гусей и угостить не только Бога, но и его свиту. Позвавъ Бога и его свиту съ той же горы, съ которой звалъ Осипъ, братъ возвращался домой и тоже увидалъ на улицѣ калѣку, но онъ сталъ бить калѣку и бросилъ въ крапиву, чтобы онъ не лежалъ на улицѣ, когда придетъ Богъ. Такъ какъ Господь долго не шелъ, братъ пошелъ спросить, придетъ-ли Онъ обѣдать, а то они пообѣдаютъ безъ Него и своимъ богатствомъ вѣкъ проживутъ. Но Богъ велѣлъ ему посмотрѣть на свой дворъ и самого себя, и тутъ богачъ увидалъ, что дворъ его насквозь земли пошелъ, а онъ самъ стоитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ. О запретительныхъ приговорахъ по виноторговлѣ въ Иркутскомъ у. (Екат. Н.).—259. Понятіе о красотѣ у разныхъ народовъ и связанные съ этимъ нѣкоторые обычаи (преимущественно у дикарей).—260. Я. Научныя замѣтки. «Какъ люди стали осѣдлыми земледѣльцами». Сомнѣнія въ состоятельности недавняго убѣжденія, что каждый осѣдлый народъ долженъ былъ пройти черезъ рядъ культуръ, выражающихся словами, «дикій—номадъ—осѣдлый», причемъ нѣмецкіе этнографы замѣняли слово «дикій» словомъ «охотникъ.» Статья, помѣщенная въ журналѣ Ausland (LXIV, 1891, № 25), которую Ганъ посвящаетъ вопросу о томъ, какъ люди сдѣлались осѣдлыми земледѣльцами. Связь этого вопроса съ разрѣшеніемъ другаго—кто первый приручилъ домашнихъ животныхъ—охотникъ, номадъ или уже сформировавшійся осѣдлый земледѣлецъ, такъ какъ истинное земледѣліе можетъ быть достигнуто лишь при помощи скота. Три рода земледѣлія первобытное безъ удобренія и употребленія силы рабочаго скота, помощью первобытныхъ ручныхъ снарядовъ, истинное земледѣліе—при употребленіи удобренія и хотя бы самыхъ первоначальныхъ упряжныхъ орудій, при пользованіи силы рабочаго скота, и, наконецъ, садоводственнаго земледѣлія, тоже безъ помощи силы животныхъ, но при тщательномъ удобреніи и ручной обработкѣ (напр: въ Китаѣ и Японіи и у древнихъ Перуанскихъ Инковъ). Предполагаемый порядокъ приручаемыхъ животныхъ: собака, рогатый скотъ крупный и мелкій, и позднѣе лошади (послѣ нашествія съ сѣвера ордъ Гиксовъ или Хеттовъ). Предположеніе, что приручителями крупнаго рогатаго скота были первобытные земледѣльцы, такъ какъ содержаніе его было-бы неудобно охотнику или номаду. Обращеніе Дг. Гана къ мифологіи и его гипотеза, объясняющая причину, побудившую первобытныхъ земледѣльцевъ приручить рогатый скотъ: ловля рогатыхъ животныхъ и содержаніе ихъ въ загонахъ для жертвоприношеній лунѣ; но степенное ихъ прирученіе и явленіе мысли употребить ихъ, какъ рабочью силу, Арабская сказка о завѣщанныхъ отцомъ для 3-хъ сыновей волшебныхъ предметахъ: коврѣ-самолетѣ, самонаполняющейся кушаньями кострюлѣ, и добывающей золото и драгоцѣнности палкѣ. (Deutsche Rundschau). 263. Ѳ. П. Библіографическая замѣтка о „Нижегородскомъ Сборникѣ“, издаваемомъ Нижегородскимъ Губернскимъ Статистическомъ Комитетомъ подъредакціей А. С. Гацискаго, (томъ X.) и представляющемъ богатый матеріалъ для изученія мѣстной жизни. 265. К. Р-въ. У Калмыковъ въ Задонскихъ степяхъ. Нѣсколько словъ о нравахъ калмыковъ, ихъ хитрости и мошенничествѣ. Описаніе хурула—калмыцкаго храма; музыка при священнодѣйствіи и музыкальные инструменты—трубы разныхъ величинъ и барабаны, идолы—„бурханы“, покрытые узорчатыми платками и поставленные на престолъ или жертвенникъ, кубическій ящикъ, обтянутый съ лицевыхъ сторонъ расшитой матеріей. Калмыцкія иконы, иконы страшнаго суда, скорѣе ада, и изображеніе высшаго божества, однимъ прикосновеніемъ мизинца ноги сокрушающаго властителя огненнаго царства, чудовище летающее надъ пламенемъ; неопредѣленное изображеніе высшаго существа, вслѣдствіе запрещенія калмыцкимъ художникамъ изображать Бога въ опредѣленной человѣческой формѣ. Нѣсколько словъ о кибиткѣ; деревянныя спицы на наружной сторонѣ кибитки, и обычай надѣвать на спицы остатки мяса въ пользу неимущихъ.—268. Изслѣдованіе курганнаго кладбища въ Каховкѣ Витебск. у. —270. О храмѣ ц. Тамары въ Рачинск. у. (Нов. Обозр.)—271—272. *Гульбатъ.* „Несгораемый тюльпанъ“. Грузинская легенда, относящаяся ко II вѣку до Р. Х., когда въ Арменіи царствовалъ Валарзасъ, братъ шаха Персидскаго;

послѣ неудачныхъ нападеній на Халдею и Понтъ Валарзасъ былъ разбитъ молодымъ богатыремъ Понта Морфилиціемъ, завладѣвшимъ пограничными грузинскими эристовами, между прочимъ Кхунаномъ, и превозглашеннымъ царемъ; эристовъ Кхунана Іоаннъ, по прозванію Дамасенъ, сраженный Морфиладіемъ, передъ смертью проситъ побѣдителя не оставить его дочь Нину; красота Нины такъ поразила Морфилиція, что онъ рѣшилъ сдѣлать ее своей женой; но при содѣйствіи своей гамдели Еврейки Нинѣ удалось бѣжать отъ убійцы своего отца вмѣстѣ съ бѣднымъ азнаури Цицерономъ, котораго она уже раньше полюбила; когда, послѣ ея бѣгства, гамдели распустила слухъ, что Нина утонула, Морфилицій велѣлъ ее искать всюду и доставить живую или мервую. Первую вѣсть о бѣглецахъ принесъ царю его любимый Негръ Ной, встрѣтившій Цицерона и Нину, переодѣтую мальчикомъ на землѣ товади Бидандари, который взялъ въ обмѣнъ на свѣжаго измученнаго коня Ноя, не желая даже животному отказать въ гостепріимствѣ. Послѣ двухъ дней пути Морфилицій въ сопровожденія Ноя и воинскаго отряда достигъ земли товада Бидандари, гдѣ узналъ отъ рабочихъ, что хозяинъ ихъ принялъ двухъ юношей, изъ которыхъ одинъ опасно заболѣлъ. Царь отправился къ Бидандари, гдѣ встрѣтилъ полное гостепріимство, открылъ свою любовь къ Нинѣ и потребовалъ ея выдачи. Но Бидандари предпочелъ скорѣе умереть, нежели нарушить долгъ гостепріимства по отношенію къ Нинѣ и Цицерону, которому обѣщалъ не выдавать ихъ Морфилицію. Послѣ этого отказа и борьбы чувства мести и любви къ Нинѣ съ великодушіемъ, царь рѣшилъ простить бѣглецовъ; но во снѣ Ибнисъ (діаволъ) смутилъ его тѣмъ, что Бидандари и Нина смѣются надъ нимъ, такъ что, проснувшись, Морфилицій велѣлъ воинамъ доставить къ себѣ въ цѣпяхъ всѣхъ троихъ: Нину приказалъ увести въ свой домъ, Цицерона въ домъ напротивъ, а Бидандари отрубить голову. Едва казнили Бидандари, какъ спустилась огромная туча и скрыла трупъ отъ глазъ присутствующихъ; когда она разсѣялась на мѣстѣ, гдѣ стоялъ Бидандари, выросъ бѣлый тюльпанъ; когда же казнили старую гамдели Нины и кровь ея брызнула на тюльпанъ, середина его сдѣлалась ярко-красною. Послѣ этого Морфилицій вошелъ въ домъ, чтобы погубить Нину, принудивъ Цицерона смотрѣть на его злодѣйство. Но Богъ Израилевъ, къ которому обратилась Нина, спасъ ее, обративъ ее и Цицерона въ бабочекъ, они полетѣли къ тюльпану, спасшему ихъ въ своей чашкѣ отъ страшнаго огня, въ который превратился Морфилицій; не смотря на всю свою ярость, огонь не могъ спалить тюльпана, т. к. тѣло гамдели обратилось въ росу, прохлаждавшую цвѣтокъ. Наконецъ, побѣжденное пламя ушло въ землю, чтобы показываться только, когда Богъ хочетъ покарать грѣшныхъ, и Морфилицій, обратившійся въ подземный огонь, проклинается всѣми поколѣніями, а гамдели благословляется, какъ благотворная роса. Спасенныя бабочки полетѣли изъ открывшихся лепестковъ тюльпана въ домъ Дамасена, гдѣ имъ былъ возвращенъ прежній видъ; они женились и уѣхали въ Римъ, куда перевезли тюльпанъ и посадили въ своемъ саду.—275. Замѣтки о раскопкахъ кургановъ гг. Зографомъ и С. Зерновымъ въ Рузскомъ у. Моск. г., при сліяніи рр. Рузы и Озерны. Краткій отчетъ засѣданія антропологическаго отдѣла Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи; отчетъ Ѳ. К. Гинкулова о поѣздкѣ въ Крымъ для изученія Татаръ; рефератъ Н. И. Лыжина о Цыганахъ Крымскаго полуострова, которые дѣлятся по ихъ спеціальности на 4 группы: Аюнджи — бродячіе Цыгане, Элекджи — ремесленники, Курбежы— извощики и Даулджи—музыканты. — 277. „Карскіе прыгуны" (изъ газ. „Кавказъ"). Нѣсколько словъ о сектѣ „духовныхъ молоканъ" или прыгуновъ, ихъ пророкѣ; описаніе „радѣнія"—молитвеннаго собранія.—282. Въ отдѣлѣ Внутреннихъ извѣстій. Укр. Керки (изъ Туркестанскихъ Вѣдомостей). Некрологъ Е. Ѳ. Каль, изучавшаго языки горныхъ народовъ, остатковъ первобытныхъ жителей Средней Азіи, предшественниковъ Таджиковъ, главнымъ образомъ, языкъ Ягноубцевъ, живущихъ въ горахъ верховьевъ Зеравшана.—Тамъ-же. *С. Ф—въ.* Поэтическія воззрѣнія Бѣлоруссовъ. Сказка „Земное богатство и

небесное“ рисуетъ между прочимъ то уваженіе, какое народъ питаетъ къ воспріемникамъ своихъ дѣтей, выразившееся въ томъ, что бѣдный братъ, имѣвшій много дѣтей, несетъ своему богатому брату и куму наканунѣ Рождества съ почтеніемъ пирогъ, испеченный изъ послѣдней муки. Но богатый братъ не только не принялъ пирога, но даже не обогрѣлъ и не угостилъ пришедшаго издалека брата. Бѣдный братъ, почти замерзшій, на обратномъ пути попадаетъ въ каменный домъ къ старику, который его обогрѣлъ, и, узнавъ у кого онъ былъ, спросилъ его, какого онъ хочетъ богатства, небеснаго или земнаго; бѣднякъ пожелалъ, чтобы Богъ не отринулъ его отъ небненаго богатства, а земнаго ему не имѣть, т. к. дѣти у него малые. Старик этотъ былъ самъ Богъ, наградившій бѣдняка полнымъ изобиліемъ. Когда это-же повторяется съ богатымъ братомъ, этотъ послѣдній предпочитаетъ земное богатство, которое люди знаютъ, небесному - невидимому. За свое корыстолюбіе онъ былъ наказанъ тѣмъ, что все его богатство въ 3 года разволокли мыши. Въ слѣдующей сказкѣ „Богъ - кумъ“ также чудесно богатѣетъ бѣднякъ, у котораго изъ-за его бѣдности даже братья отказываются крестить ребенка; когда отецъ самъ понесъ сына къ священнику, ему встрѣчается незнакомый старикъ, который берется быть его кумомъ, а мужику велитъ звать на крестины всѣхъ сосѣдей. Старикъ оказывается Богомъ, что видно изъ слѣдующихъ чудесъ: хата обращается какъ-бы въ храмъ; когда дочь старшаго брата подсматриваетъ въ окно, то видитъ, что передъ каждымъ гостемъ горитъ свѣчка, а передъ кумомъ — двѣ; вино, которое Господь послалъ бѣдному мужику для угощенія, обладаетъ чудесными свойствами. Въ сказкѣ „Богъ и малецъ“ рисуется образъ „чистаго юноши“, одного изъ тѣхъ, которымъ дано узнать Бога. Это сынъ вдовы, который не любилъ веселья и пиршествъ, а, услыхавъ изъ разговора стариковъ, что если-бы побывалъ въ такомъ-то монастырѣ, такъ увидалъ-бы Іисуса Христа, задумалъ идти въ этотъ монастырь. Дорогой его встрѣчаетъ старикъ; оба они питаются подаяніями, причемъ старикъ отбираетъ куски похуже, такъ какъ они даны не жалѣючи, а кусками получше, но данными скупясь, овладѣваетъ нечистая сила. Когда они вернулись изъ монастыря и пошли къ матери хлопца, старикъ сдѣлался нищимъ и непригожимъ; такъ какъ мать разсердилась на хлопца за такого гостя и угощеніе дала скупясь, то колбаса превратилась въ змѣю, тутъ они поняли, что гостемъ ихъ былъ самъ Богъ. Сказка эта имѣетъ много варіантовъ; основный ея мотивъ — угощеніе бѣдняка въ великій праздникъ, причемъ угощенный зоветъ къ себѣ, а дорога открывается чудеснымъ образомъ. Такъ въ сказкѣ „Христовъ-братъ“ дорожка, усыпанная пескомъ, приводитъ мальчика въ прекрасный садъ. Здѣсь въ одной коморкѣ гость находитъ кипящимъ въ смолѣ лицо, бранившее нищаго, обыкновенно мать; попытки сына спасти ее не удаются по причинѣ ея жестокосердія. Какъ примѣры покаянія грѣшниковъ приведены 2 сказки; въ первой изъ нихъ Милосердый Филиппъ велитъ кающемуся разбойнику до тѣхъ поръ носить воду ртомъ и поливать яблонный коликъ, пока коликъ не примется и не дастъ плодовъ; когда коликъ, ставъ деревомъ, принесъ плоды, священникъ исповѣдывалъ разбойника, который тутъ-же умеръ. Въ апокрифѣ объ Андреѣ Критскомъ Архіерей велитъ кающагося Андрея, убившаго отца, мать, 7 священниковъ и бывшаго страшнымъ злодѣемъ, запереть въ глубокій колодезь до тѣхъ поръ, пока онъ не заростетъ, а заключенному неумѣвшему молиться, говорить только „помилуй мя Боже“. Ключъ отъ колодца бросаютъ въ озеро. Когда черезъ 30 лѣтъ ключъ находятъ въ пойманной щукѣ, Архіерей вспоминаетъ объ Андреѣ и открываетъ колодезь; „святой“ Андрей стоитъ уже на верху; Архіерей и Андрей исповѣдуются другъ у друга и оба умираютъ.— Тамъ-же въ отдѣлѣ смѣси „Народная медицина на югѣ“. Замѣтка о сообщеніи Dr. *Ю. Д. Гринцевича*, сдѣланномъ въ собраніи этнографическаго отдѣленія Географическаго Общества. Обычай крестьянъ юга и югозапада Россіи „загонять“ лихорадку въ лѣса, горы и проч.; существованіе на Волыни средневѣковыхъ предразсудковъ, занесенныхъ Евреями и Нѣмцами; вѣра народа въ

цѣлительность разныхъ средствъ и лѣкарствъ; пришельцы—Словаки въ качествѣ цѣлителей. Представленіе о разныхъ болѣзняхъ и разные способы ихъ лѣченія знахарями. Индійскіе предразсудки, приминяемые къ случаямъ укушенія змѣй и переносимые Цыганами.—283. *В. П.* Отчетъ о засѣданіи Имп. Моск. Археологическаго Общества 11 окт., въ которомъ между прочимъ проф. *И. А. Линниченко* прочелъ рефератъ о рабахъ и несвободныхъ въ ю.-з. Руси, въ XIV—XV вв., а *А. И. Станкевичъ* доложилъ отрывокъ былины объ Алешѣ Поповичѣ, по рукописи конца 17-го или нач. 18-го в.—287 и 288. Отчетъ годичнаго засѣданія Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.—288. *Я.* Научныя замѣтки „Загадочный народецъ, обитающій въ Сѣверной Африкѣ во французскихъ владѣніяхъ Сахары, называющій себя—Бени Мозабъ, а у сосѣдей извѣстный подъ именемъ М забитовъ или Мозавитянъ. Города ихъ въ оазисѣ Себха или Шебка (т. е. „сѣть“ вслѣдствіе безчисленныхъ сѣтчаторасположенныхъ овраговъ), называемомъ также по главному городу Гхардайя. Суровая природа, заставляющая Мозабитовъ покидать родину; ихъ честность и храбрость, услуга, оказанная ими по мнѣнію знатоковъ Африки, распространенію торговли этой страны. Любовь къ родинѣ, куда они возвращаются на покой. Разсказы ихъ „кади“ о происхожденіи и исторіи этого племени, происходящаго по словамъ нѣкоторыхъ отъ древнихъ Моавитянъ, сосѣдей Палестины, семитическій типъ Мозабитовъ выраженъ болѣе рѣзко, чѣмъ у ихъ сосѣдей Берберовъ, тоже Азіатскаго происхожденія. По преданію предка Мозабитовъ—Вагабиты отдѣлились отъ наслѣдниковъ Магомета въ самостоятельную секту; перебитые противниками они въ числѣ 10 человѣкъ бѣжали въ Африку, гдѣ Арабы оттѣснили впослѣдствіи народецъ отъ моря внутрь страны; тутъ они поселились сначала близь оазиса Іаргли, а затѣмъ на плоскогорьи Себха; здѣсь въ XI вѣкѣ по Р. Х. основали городъ Ксоръ-Эль-Атейфъ, отъ котораго вслѣдствіе ссоръ мало-по-малу отдѣлились остальные 7 городовъ. Культура пальмъ. Слѣды болѣе древняго культа, которые носятъ Мозабиты, не смотря на уваженіе къ Корану, напр. юліанское счисленіе, проклятіе духовной властію и отлученіе отъ общины, какъ наказанія, напоминающія библейскія времена. Многочисленные предразсудки и суевѣрія. Памятники и глиняные сосуды на могилахъ.—Изъ „Одес. Лист.“ къ исторіи обычая выражать одобренія рукоплесканіями.—291. Уссурійская колонизація (Бирж. Вѣд.).—293. Китайскіе обычаи (о докторахъ).—295 „Новыя (?) области древней литературы“ (докладъ одесск. проф. Н. С. Некрасова 19 окт. въ И О. Люб. др. письм., преимущественно о лѣчебникахъ, а также и нѣкот. обычаяхъ и обрядахъ на основаніи древн. письменности).—298. Въ отдѣлѣ Смѣси „Китайскіе разбойники“.—301. *А. Я—въ.* Историческіе журналы и сборники. Описаніе крещенскихъ скачекъ въ Малороссіи, помѣщенное въ сентябрьской книжкѣ Кіевской Старины, скачки эти происходятъ до крестнаго хода на Іордань, на деревенскомъ выгонѣ. Обычай при погруженіи креста въ воду стрѣлять изъ ружей—бить черта, который, выгнанный изъ воды, ищетъ спасенія въ пространствѣ; подростки выпускаютъ бѣлыхъ голубей, прообразующихъ собою Святаго Духа.—303. *В—ло.* Отчетъ о засѣданіи И. Моск Археологич. Общества 31 окт., посвященнаго памяти скончавшихся членовъ Общ.: архим. Троице-Сергіевой Лавры Леонида и А. А. Гатцука, а также 10-лѣтію кончины А. А. Котляревскаго. „Загадочная насыпь въ Бѣлостокс. у., близъ м. Городокъ и преданіе о ней и о Супрасльск. монастырѣ. (Гродн. Г. В.).—305. Въ отдѣлѣ „Смѣси“: „Спортъ въ Китаѣ“. Его распространенность въ Китаѣ, спортъ змѣепускателей; бой сверчковъ; свистъ голубей, для чего къ перьямъ прикрѣпляются свистки, и голубей заставляютъ летать.—308. *Югорскій.* Путевые эскизы. Сказанія объ основаніи Толедо; происхожденіе слова „Толедо“ отъ еврейскаго „Толедохъ“ т. е. поколѣніе, такъ какъ постройкѣ города содѣйствовали всѣ 12 колѣнъ евреевъ, вошедшіе въ Испанію за Навуходоносоромъ. Легенда о покореніи Испаніи Маврами, которыхъ призвалъ отецъ дѣвушки, похищенной Королемъ Родриго. Легенда о подземельѣ Геркулеса, которое начиналось подъ дворцомъ, построеннымъ Геркулесомъ; этотъ герой

занимался кабалистикой и построилъ заколдованную башню съ грозной надписью о погибели Испаніи, если кто-либо осмѣлится войти въ нее. Этотъ запретъ преступаетъ король Родриго, надѣясь найти несмѣтныя сокровища; но вмѣсто нихъ онъ находитъ въ большомъ сундукѣ свернутое полотно, на которомъ были нарисованы покорители Испаніи Арабы, вскорѣ и завоевавшіе страву.—**309.** *Я.* Научныя замѣтки. Поклоненіе богамъ классической древности въ современной Италіи. Мнѣніе Поля Брока, что на характерѣ римскаго христіанства отразилась культура классическаго міра. Суевѣрія итальянцевъ, выхваченныя изъ древнегреческаго культа, особенно сохранившіяся въ сѣверной Италіи, въ Тосканской Романьи, среди потомковъ древнихъ Этрусковъ, нравы которыхъ изучены Ц. Г. Лелендомъ; жреческія семьи и обращеніе къ духамъ „фоллетти", одноименнымъ и однозначущимъ съ древними богами Этрусковъ. Духъ бури Тинія, которому посвящена травка Тинья; мифъ про духа Фафлона (древняго Фуфлона—Этрусскаго Бахуса), весельчака и покровителя винодѣлія, влюбившагася въ дочь одного крестьянина и добившагося, что отецъ отдалъ ему дѣвушку, тѣмъ что три года посылалъ ему неурожай винограда; фоллетто воровъ и вѣстовыхъ Терамо—древній Турлусъ, Этрусскій Меркурій; Мазо или Масъ—древній Марсъ, но не богъ войны, а олицетвореніе мужской силы и покровитель урожая. Только Діана является въ качествѣ царицы вѣдьмъ и колдуновъ; ограниченная сила вѣдьмъ и передача ея. Распространенныя заклинанія безъ обращенія къ фоллетто; заклинаніе отъ смерти. По словамъ Леленда изъ 100 способовъ знахарскихъ излѣченій, записанныхъ врачемъ Императора Гонорія Маркелломъ Бордосскимъ въ III вѣкѣ, до сихъ поръ болѣе половины сохранилось въ народѣ.—Тамъ-же *Гульбатъ.* „Фарнаозъ" страничка изъ исторіи Грузіи. Появленіе въ Грузіи за 1424 года до Р. Х. 28 турецкихъ фамилій, спасавшихся отъ ярости Персидскаго шаха, поселившихся близь Мцхета и въ остальной Грузіи съ разрѣшенія родоначальника Таргамсіанъ (потомковъ Таргамоса, родоначальника Грузинъ и 7 остальныхъ племенъ Кавказа); пришельцы, назвавшіеся Бунтурками и Кипчаками, жили мирно съ Грузинами и помогали имъ отражать нападенія, привлеченныя ихъ счастливой жизнью, въ Грузію являются пришельцы изъ Греціи, Сиріи и Хазаріи, а за 586 лѣтъ до Р. Х. Евреи, поселившіеся въ долинѣ Занави. Бунтурки своими варварскими обычаями раздражили Александра Македонскаго, рѣшившаго истребить всѣ народности, кромѣ потомковъ Картлоса т. е. Грузинъ; когда же послѣ упорной борьбы царю удалось овладѣть послѣднимъ укрѣпленіемъ, Бунтурки спаслись на Эльбрусъ. Правителемъ Грузіи Александръ назначилъ своего родственника Азона, потомка Іарсда, сына Апраднова, называемаго Зентами въ легендахъ Тритино. Возведеніе Азономъ каменной стѣны отъ Дарубала (Дербента) до древней Албаніи; покореніе Александромъ Егриса (Мингрелія). Послѣ смерти Александра, Азонъ сдѣлалъ двухъ идоловъ, велѣлъ Грузинамъ приносить имъ въ жертву сыновей и казнилъ всѣхъ выдающихся Грузинъ. Избавленіе Грузіи Фарнаозомъ, сыномъ Митридата и братомъ Самара, сражавшихся при Граникѣ съ Александромъ. Когда по просьбѣ матери, спасаясь отъ Азона, Фарнаозъ хочетъ бѣжать въ Персію, онъ на охотѣ видитъ сонъ и случайно находитъ въ долинѣ Дшома пещеру, полную драгоцѣнностей. Благодаря этимъ сокровищамъ Фарнаозъ при помощи Кудиси, потомка Картлоса, владѣвшаго Егрисомъ, заключаетъ союзъ съ Осетинами и Лезгинами и возстаетъ противъ Азона, при помощи сирійскаго царя Селевка Никанора. Фарнаозъ побѣдилъ Азона, за что былъ провозглашенъ царемъ Картли и Мингреліи за 302 года до Р. Х. Фарнаозъ преобразовалъ войска, назначилъ управлять государствомъ 8 эриставовъ и одного спаспета, который управлялъ эристовами. Раздѣленіе сословій на 4 класса: мтавары—родственники владѣтелей и лица царской крови, азнауры—потомство 1000 римлянъ, перешедшихъ въ войнѣ съ Азономъ на сторону Фарнаоза, имѣвшіе своими патронами мтаваровъ; мокалаки—городскіе жители и глехи—крестьяне. Распространеніе образованія и возстановленіе разрушенныхъ городовъ, особенно Шоропани. На могилѣ Картлоса Фарнаозъ

поставилъ истукана Армаза и учредилъ въ честь его празднество; преданіе о томъ, что когда хоронили Фарнаоза у ногъ Армаза, солнце послало свой лучъ, который спустилъ его въ гробъ.—**314** *Югорскій*. День боя быковъ въ Alcala. Путевые эскизы. Школа тороиахія, основанная Фердинандомъ VII и одно время существовавшая въ Испаніи, бычачьи заводы; описаніе боя быковъ.—Тамъ же «Къ кавказскимъ нравамъ» (изъ газеты «Каспій» № 230). Обычай выбирать на каждой пирушкѣ «хана», котораго обязанность состоитъ въ штрафованіи запоздавшихъ; наказанія отличаются жестокостью и тѣлесныя приводятся въ исполненіе избраннымъ «палачемъ».—**315**. *А. Е. Алекторовъ*. Годъ «Зайца». Корреспонденція изъ ханской ставки. Наибольшая мѣра времени у киргизовъ «мучель», равняющаяся 12 годамъ, которые имѣютъ названія животныхъ, причемъ особенно тяжелымъ является почему-то 4 й годъ «зайца»—«каянъ-жилы».—Тамъ же. (Смѣсь). «Китайскія мѣра и монеты». Продажа большинства продуктовъ (даже дровъ, угля, птицы) на вѣсъ; дѣленіе вѣса и мѣры на мельчайшія единицы, единственная монета —«гохэ»—изъ чугуна и мѣди, очень мелкая.—**316**. Библіофилъ. Библіографическая замѣтка о первомъ выпускѣ очерковъ «Русскіе народы», изданныхъ подъ редакціей Н. Ю. Зографа.—**318**. Въ отдѣлѣ смѣси «Китайская легенда о появленіи риса», относящаяся къ доисторической эпохѣ Китая, когда не было еще императоровъ. Богатый китаецъ Фу-Цзяо мечталъ добыть совершенно бѣлыхъ сѣмянъ гаулянъ; сосѣдъ его Синъ-Чанъ, влюбленный въ дочь Фу-Цзяо, приноситъ ему отобранныхъ сѣмянъ, за что хозяинъ приглашаетъ его въ свой садъ, гдѣ находится его дочь Сяо-Линь, когда же свареннын сѣмена стали черными, Фу-Цзяо велитъ гнать гостя; но тутъ совершилось чудо: легкія крылья подняли Синъ-Чана и молодую дѣвушку и унесли въ незнакомую мѣстность, гдѣ среди болота они нашли совершенно бѣлые колосья риса; набравъ этихъ колосьевъ они отнесли ихъ къ отцу Сяо-Линь; Фу-Цзяо съ радости выдалъ дочь за Синъ-Чана, который занялся разведеніемъ риса.—**324**. *В—ло*. Отчетъ о засѣданіи Имп. Моск. Арх. Общ. 21 ноября въ присутствіи В. К. Сергія Александровича. Докладывали: проф. *И. В. Цвѣтаевъ* о своемъ путешествіи въ Грецію (Микены) и *В. И. Сизовъ* о раскопкахъ могильника на «Комаровой горѣ» у г. Люцина Витебской губерніи отнесеннаго имъ къ народу ливскаго происхожденія эпохи IX—XI вѣк.—**331**. Въ отдѣлѣ „Дневника Печати“; «Христіанское просвѣщеніе чувашъ (изъ «Саратовскаго Листка» № 250). Успѣхи проповѣди. Тамъ-же миссіонерская дѣятельность среди Калмыковъ (изъ Астраханскаго Вѣстника, № 698). Малоуспѣшность проповѣди вслѣдствіе малочисленности миссіонеровъ и бытовыхъ условій, т. к. у Калмыковъ, какъ и у Бурятъ, верхній слой, заинтересованный въ сохраненіи власти надъ низшимъ, противодѣйствуетъ усиліямъ миссіонеровъ.— Тамъ-же (Смѣсь): «Китайское управленіе» (изъ Le Bosphore Egyptien). Власть Императора—сына Неба, дѣленіе административной власти на 3 части: высшая имперская власть, особая власть надъ управленіемъ Пекина и администрація провинцій. Два совѣта, зависящіе отъ императора и управляющіе всѣмъ правительствомъ; тайный совѣтъ Нуи-Ко, приводящій въ порядокъ и обнародывающій намѣренія императора,—значеніе его, впрочемъ, умалилось съ прошлаго вѣка и участіе въ немъ имѣетъ смыслъ, какъ высшее отличіе; второй— государственный совѣтъ Тзіунъ-Тси-Тчу, рѣшающій дѣла арміи. Шесть верховныхъ судовъ или министерствъ, занимающихся всѣми гражданскими и военными дѣлами, имѣющихъ во главѣ по 2 президента Китайца и Татарина. **332**. *Д. Я.* Некрологъ А. А. Потебни. — Тамъ же Японскія народныя повѣрія и сказки. Значеніе «Хибаши» или жаровни въ японскомъ домѣ, замѣняющей очагъ или каминъ европейцевъ. Сказка «Раико к Они» разсказываетъ о побѣдѣ героя Раико надъ Они или демонами, бродившими ночью по городу и похищавшими людей; начальнику охраннаго отряда у юго-восточнаго входа во дворецъ Ватанабе удалось отрубить руку одному изъ демоновъ, которую онъ спряталъ въ крѣпкій ящикъ и стерегъ, т, к. есть повѣрье, что отрубленная часть тѣла Они можетъ соединиться съ туловищемъ въ теченіе недѣли; посредствомъ хитро-

сти дьяволъ похитилъ свою руку и улетѣлъ на западъ. Раико съ 4 спутниками послѣдовалъ за нимъ въ костюмѣ странствующаго священника и дошелъ до горы Ойе въ Токіо, здѣсь въ пещерѣ они нашли діаволовъ, поѣдавшихъ человѣческое мясо и пившихъ «сакэ», рисовую водку изъ человѣческихъ черепов, Раико сначала забавлялъ ихъ пляской, затѣмъ, напоивъ ихъ «сакэ» съ усыпляющимъ снадобьемъ, убилъ демоновъ и освободилъ плѣнныхъ. Въ Японіи нерѣдко сравниваютъ съ Они иностранцевъ, пьющихъ водку изъ стакановъ. Одинъ изъ варіантовъ сказки «Обезьяна и Крабъ» разсказываетъ о хитрости обезьяны, которая сначала выманила у краба кусокъ рисоваго пирога за персиковую косточку, потомъ обобрала плоды съ дерева, выросшаго изъ этой косточки, когда-же она по просьбѣ Краба полѣзла съ дерева внизъ головой и выронила всѣ плоды, причемъ одинъ достался крабу, тогда подкараулила краба и побила его. За краба мстятъ ей ступка съ учениками осой, яйцомъ и водорослью, которые прячутся въ ея домѣ и преслѣдуютъ обезьяну, пока ступка ее не убиваетъ.—Въ сказкѣ про жадныхъ людей, эльфы избавляютъ дровосѣка, плясавшаго съ ними, отъ зоба, которымъ надѣляютъ его завистливаго сосѣда, явившагося на слѣдующую ночь на мѣсто перваго дровосѣка съ цѣлью тоже избавиться отъ зоба, но не умѣвшаго плясать.—Существуетъ много забавныхъ разсказовъ о слѣпыхъ, которые имѣютъ своего рода духъ касты, свои занятія и выбираютъ своего главу.—Въ одной изъ сказокъ скупой старикъ Кизабуро, наслаждавшійся запахомъ кушаній, приготовлявшихся для другихъ, платитъ хозяину лавки за это наслажденіе тѣмъ, что доставляетъ ему удовольствіе послушать звонъ своихъ денегъ.—Въ приведенномъ разсказѣ о разсѣянныхъ людяхъ, мужъ, отправившійся на поклоненіе къ богинѣ сострананія въ храмъ Куаноки, съ цѣлью помолиться о выздоровленіи жены, дѣлаетъ по разсѣянности цѣлый рядъ промаховъ. Въ концѣ статьи приведены двѣ сказки, имѣющія извѣстную аналогію съ нѣкоторыми европейскими сказаніями. Въ одной изъ нихъ божество моря является на черепахѣ рыбаку Таро, сыну бѣдныхъ, но благочестивыхъ родителей, и зоветъ его съ собою, Таро пересѣлъ на черепаху и черезъ три дня приплылъ вмѣстѣ съ морскимъ царемъ въ великолѣпный дворецъ, гдѣ прожилъ среди пиршествъ семь дней, окруженный странными существами съ головами изъ раковинъ или кораллов, когда Таро пожелалъ вернуться къ своимъ бѣднымъ родителямъ, царь далъ ему на прощаніе ящикъ со строгимъ запретомъ открывать его. Но на родинѣ онъ не находитъ родителей и узнаетъ отъ одного старика, что они давно умерли, т. к. со времени его исчезновенія прошло нѣсколько столѣтій. На могилѣ родителей Таро открываетъ ящикъ, его окутываетъ легкій паръ, онъ становится 400-лѣтнимъ старцемъ и на другой день умираетъ. По другому варіанту, Таро, по возвращеніи находитъ родителей, живущихъ во дворцѣ; когда-же, уступая ихъ просьбѣ, онъ открываетъ ящикъ, то все пропадаетъ, и Таро видитъ себя старикомъ на безлюдномъ островѣ. Рыбаки Японіи боготворятъ Таро, который даже во дворцѣ морскаго бога не забылъ своихъ родителей. Въ другой сказкѣ набожный дровосѣкъ Лю-венъ, жившій у горы Тендаи, вершины цѣпи Навлинъ въ Китаѣ, сбился разъ съ дороги, попалъ въ незнакомую мѣстность, погрузился въ созерцаніе красотъ природы и пришелъ въ экстазъ, послѣ этого онъ увидалъ двухъ прекрасныхъ дѣвъ и засмотрѣлся на ихъ игру въ шахматы. Когда онъ вернулся домой, то не узналъ ни города, ни жителей, а изъ своихъ родныхъ встрѣтилъ одну старуху, свое потомство въ седьмомъ колѣнѣ; самъ онъ сталъ старикомъ. Лю-венъ ушелъ назадъ въ горы и пропалъ навсегда, а народное повѣрье причислило его къ безсмертнымъ духамъ горъ.

Московск. Церковныя Вѣд. 9, 12, 13. „Записки миссіонера Киргизской миссіи". 15. Изъ религіозной жизни Сибирскихъ инородцевъ (ламаизмъ, вліяніе его на инородцевъ, ихъ нравственность семейный бытъ и т. д.) 21. Вліяніе служенія на Черемисскомъ языкѣ на Черемисъ. 23. Свадебные обычаи инородцевъ Алтая. (Роль трубки при сватовствѣ, благословеніе или алгышъ-сезъ, воровство невѣстъ, крики и стрѣльба при рожденіи ребенка, даваніе именъ...)

26. „Цакирскій станъ Забайкальской миссіи" содержитъ свѣдѣнія о бурятахъ тунгузахъ, ихъ жилищахъ, обстановкѣ, ламаизмѣ. **31, 32, 33, 34.** Изъ отчета о миссіяхъ Томской епархіи. (Алтайской и Киргизской) **36.** Изъ поѣздки въ Князе-Михайловскій Калмыцкій миссіонерскій станъ **37.** Изъ религиозной жизни Алтайскихъ инородцевъ (кровавыя камланья, производимыя въ честь Улгэня и Эрлика, восхожденія кама на небеса, путешествіе Эрлика, желѣзная гора, камланье въ честь Нама или Якъ-хана).

Мукемси (грузин. духовно-религ. журналъ). **20.**—Миссіонерская дѣятельность о. о. Талакидзе и Меунаргія въ Батумской области. Продолженіе церковныхъ актовъ.

Прибавленіе къ „Мукемси" на русскомъ языкѣ журналъ „*Пастырь*" **17, 18, 19.** Историческій очеркъ Метехскаго храма. Садзагеловъ—Иверишвили.

Наука (изд. въ Вѣнѣ) **1890 4, 6, 10, 11, 12** „Изъ Буковинскихъ Карпатскихъ горъ" рисуетъ жизнь Карпаторусовъ въ ихъ вѣрованіяхъ и суевѣріяхъ; интересны суевѣрныя средства противъ засухи (рѣзаніе пѣтуха, голыя женщины на межѣ), для привораживанія, вѣрованія о грозѣ, посудины съ водой на дорогахъ и мертвецы, черти, примѣты всякаго рода, рождественскія колядки, гаданія, Великій постъ и Пасха, Чистый понедѣльникъ (обливаніе дѣвицъ водою производимое парнями и мн. др.), Купала, Маккавеевъ день и прочіе дни послѣ Пасхи **5. 6.** Изъ Кіева на Полѣсье „описаніе быта Полѣшуковъ. **1891 г. 4, 5, 6.** Колоніи Галичанъ на Кавказѣ"

Наука и жизнь 1, 4. Уральскіе казаки и ихъ рыболовство *Н. Бородинъ* (рыболовство, пѣсни, праздникъ „запусканія полей" различные способы ловли, артели „баграчей", церемоніи передъ ловомъ, и царскій кусокъ.)

Наша пища 2. „Странныя кушанья" (кушанья различныхъ народовъ).

Недѣля 6. „Земельная неурядица" (по поводу общинныхъ порядковъ въ Черниговской губерніи). **7.** „Волшебный фонарь въ деревнѣ" Рубанова (по поводу чтенія съ картинами) **31.** „Новыя явленія на книжномъ рынкѣ" (о народныхъ изданіяхъ и взглядъ на нихъ народа.) **40.** Самоврачеваніе (народная медицина, дѣды-психіатры, дѣды-терапевты, дѣды-хирурги, способы ими употребляемые, кровопусканіе).

Нижегородскія Г. В. 27. „На Сундовикѣ, въ жарахъ и на Сити на рѣцѣ" *А. С. Гацискаго* и „Свадебные обычаи въ Красной Рамени, оканчивающаяся въ № 28 приведены нѣкотор. свад. пѣсни). **28** Изъ приходской жизни с. Молчанова Сергачевскаго уѣзда (о суевѣріяхъ). **29, 30, 31, 32, 35, 39.** Продолженіе ст. *Гацискаго* (преданія о Пожарскомъ, курганы) **31.** „Большія поляны" (о кладахъ). „Изъ преданій нижегородской старины" о разбойникѣ Барма. **34.** „Русско-Мордовско-татарскій приходъ села Еделева Сергачевскаго уѣзда" (о ихъ взаимномъ вліяніи другъ на друга, статья продолжается въ № № 35, 36.). **42.** Графъ Н. П. Румянцевъ и шестидесятилѣтіе Румянцевскаго музея.

Новое Обозрѣніе. — **2638.** *Вардзійскій монастырь*, знаменитый въ Грузіи пещерный замокъ. Церковь высѣчена царицей Тамарой, постройку Вардзіи началъ ея отецъ Георгій. Въ пещерномъ замкѣ можетъ помѣститься 20.000 челов. Онъ высѣченъ въ 7 ярусовъ.—**2640, 2646, 2648.** Хлопководство въ Эриванской г. *Дм. Патреевъ*—**2647.** Шелководство въ Эриванскомъ окр. *С. Баврели*—**2666.** Появленіе пророка въ Гуріи: параличемъ разбитый юноша увѣряетъ, что въ каждую субботу умираетъ, отправляется на тотъ свѣтъ и узнаетъ объ участи умершихъ, въ понедѣльникъ онъ сообщаетъ результатъ своего путешествія; указываетъ людямъ грѣхи и пр. **2660.** Библіографія. Этногр. обозр, Кн. IX. *А. Хах—овъ.*—**2650, 2663, 2695.** Католицизмъ въ Грузіи. *А. Ерицовъ.* **2661.** Девять дней въ царствѣ марганца. *Ганцолъ.*—**2668.** Библіографія. Литература IX.—X в. (Грузинская) *М. Джанашвили.* Книга заключаетъ медицинскій трактатъ, заимствованный изъ древней научной хрестоматіи. Въ ней упоминаются народы на сѣверѣ въ Скиѳіи.—Эты, аралы до народа герменовъ. Грузинская лѣтопись передаетъ древнюю исторію Грузіи согласно хроникѣ хрестоматіи IX—X в. и этимъ опровергается еще разъ мнѣніе, что до царя Вихтанга не было у грузинъ національной исторіи.—**2673.** Новый разсказъ *Ар. Лейста* изъ

груз. жизни въ № № 36 -8 Uber Land und Meer **2701.** Роль знахарки въ Владикавказѣ, предсказываніе судьба по расположенію звѣздъ, усыпленіе, нашептываніе и пр. Мансуровъ. **2709.** Библіографія. „Этногр. обозр“. Кн. X. *А. Хах—овъ.* **2703.** Народное образованіе на Кавказѣ въ 1890 г. *Г.*

Новое время.—5468. Отзывъ о книгѣ *Э. А. Вольтера*: „Матеріалы для этнографіи латышскаго племени Витебск. губ.“—**5469.** Находка г. Эварницкаго въ д. Богодарѣ Александровск. у. Екатеринослав. губ. отъ бронз. періода. —**5480.** Объ этнографич. и лингвистич. изслѣдованіяхъ г. Катанова въ Сибири и Китаѣ по командировкѣ отъ Министерства Нар. Просвѣщ. — **5489.** Ксендзъ Хемницкій о польск. переселенцахъ въ Бразиліи.—**5492.** Европейская эмиграція въ Ю. З. краѣ. (См. еще № 5496).—**5498.** *Мехаммедъ Ача-Шахтатинскій* о новой сектѣ въ Персіи, возстающей противъ корана и замкнутости женщинъ (Нов. Обозр.).—**5501.** Корр. изъ Сычевки (Смол. г.) о расколѣ.—**5506.** О Бахчисарайской мечети и о хранящейся въ ней коронѣ временъ Менгли-Гирея.—**5518.** Китайскіе знаки ранговъ и должностей.—**5513, 5520, 5527.** Японцы, ихъ нравы и обычаи. (Приложеніе).—**5515.** О заселеніи Закавказья русскими (по стат. г. Бороздина въ Рус. Вѣстн.) —О жизни и природѣ въ Уругваѣ (по разск· Іонина въ „Рус. Вѣстн.).“—**5516.** „Изъ Киргизской степи о заселеніи ея русскими.—**5517.** *Кн.В. Волконскій*: „Польск. эмиграція въ Бразиліи“ (см. 5551)“. — **5521.** Русск. поселенцы въ Закаспійск. краѣ. Корр. изъ Курска о кликушествѣ.—**5524.** Жалоба преосв. Дмитрія предсѣд. Каменецъ-Подольск. историко-статист. комитета на небрежное отношеніе къ памятникамъ мѣстной старины (Кіев. Сл.). 5525. Нужно ли колонизировать Киргизскую степь?—**5530.** Рецензія на книгу Ал. С. Фаминцына „Домра и сродные ей музыкальные инструменты русскаго народа“.—**5532.** Извлеченіе изъ посмертнаго изданія труда Брэма Vom Nordpol zum Aeguator“ (переводъ Каропчевскаго: „Жизнь на сѣверѣ и югѣ)“ особеннаго интереса заслуживаютъ описанія жизни кочевниковъ-киргизовъ, ихъ современнаго положенія, скотоводства, общественной, семейной жизни, обычаевъ, характера Киргиза; кромѣ того наблюденія Брэма надъ жизнью ссыльныхъ въ Сибири.—Очеркъ Потапенка изъ жизни азовскихъ казаковъ, т. е. б. запорожцевъ, переселившихся въ Турецію по упраздненіи Сѣчи въ 1715 г. (Кіев. Стар.).—**5535.** Переселенцы русскіе въ Терск. обл.—**5540.** Рецензія на Сборникъ Матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа вып. XI.—**5542.** Фанатизмъ сектантовъ (баптистовъ) въ Ставропольской губ. **5543.** По поводу ст. д-ра А. Елисѣева о результатахъ нашей колонизаціи Южно-Уссурійскаго края.—**5557.** О земельномъ надѣлѣ крещенныхъ инородцевъ въ Вост. Сибири. Въ фельетонѣ «Петербургская Старина»—о древности русскихъ бань. О переселен. подольск. малор. въ Сарат. губ. **5565.** Экспедиція Носилова на островѣ Новой Земли.—**5563.** Обычай вѣнчаться по распискѣ (Елисаветгр. В.).—**5566.** *У—ъ.* „Современныя буддистки“.—**5590.** Привѣтствія и знаки почтенія у разныхъ народовъ. **5572.** О леченіи водобоязни у Китайцевъ.—*Пеликанъ.* Очерки Японіи (Истор. В.). **5599.** О переселеніяхъ изъ Подоліи на Донъ.—По поводу выставки лубочныхъ картинъ.—**5600.** „Богатыри Псковской губерніи“ *А. Фаресовъ.* Воспоминанія о богатыряхъ—крестьянахъ, отличавшихся большимъ ростомъ, объ измельчаніи рода человѣческаго (легенда говоритъ, что когда заводился родъ человѣческій въ Псковской губерніи, то, увидавъ людей въ полѣ, Дорофей посадилъ мужика вмѣстѣ съ сохой и лошадью въ рукавицу и принесъ матери. „Посмотри-ка, говоритъ, матушка, какого тебѣ червяка принесъ... Копаются въ полѣ, я и взялъ одного“.—Пусти, дитятко, сказала старуха: это не червяки, а люди такіе здѣсь послѣ насъ будутъ); О защитѣ богатырями мѣстныхъ жителей отъ нападеній Литвы (Дарья—Богатырь-дѣвушка, побившая Литву въ то время, когда богатырей одолѣлъ сонъ на трое сутокъ; поминки надъ Литвою въ Троицынъ день, „Панскія“ или „Шпанскія“ могилы, Дѣвичій островъ и т. д.—**5601—5603.** „По Маріинской системѣ“ путевыя замѣтки.—**5618.** Китайскія тайныя общества.—**5602.** О переселеніяхъ въ Бразилію и въ Южно-Уссурійскій край.—**5607.** О журн. „Живая Старина“.—**5581.** О чиншевикахъ.—

О кладахъ на Крымскомъ полуостровѣ.—**5583.** О китайскихъ театрахъ.—**5585.** О переселеніяхъ въ Уфимскую губ. изъ поволжскихъ губ.—**5589.** Засѣд. въ Историч. Общ. въ СПБ. съ рефер. *М. М. Ковалевскаго* о землевладѣльч. классахъ въ Англіи, *С. А. Бершадскаго* о еврейск. населеніи въ Украинѣ въ концѣ 18 вѣка.—**5611.** «Кто былъ Эльдорадо?» (о вѣрованіяхъ и обычаяхъ американскихъ чибчасовъ). (Приложеніе).- **5620.** О засѣд. СПБ. Археол. Общества, 18 окт., съ сообщеніями *В. А. Жуковскаго* объ избіеніи бабидовъ въ Ездѣ; *В. В. Бартольда* о пизанцѣ Исолѣ (съ отзывомъ Н. И. Веселовскаго о другихъ работахъ референта по востоковѣдѣнію), и о. *А. Виноградова* о ереси китайск. императора Юнь-Дженъ. Былъ также прочитанъ *С. Ѳ. Ольденбургомъ* некрологъ Е. Ф. Каля, обратившаго на себя вниманіе изученіемъ мѣстныхъ нарѣчій и древностей во время 5-лѣтней службы при Туркест. ген.-губернаторѣ.—**5626.** О кн. Н. Н. Пантусова: „Таранчинскія пѣсни", собр. въ Кульджинскомъ краѣ (изслѣдованіе, образцы и мотивы).—**5627.** Засѣд. СПБ. Арх. Общ. 25 окт. съ сообщеніями: *А. К. Маркова* о греческихъ медальерахъ и *А. Н. Щукарева* о микенской культурѣ и гомеровскомъ вопросѣ.—**5628.** *Шляпкинъ* о лубочныхъ картинахъ послѣднихъ 30 лѣтъ.—**5632.** „Новыя археол. открытія" въ Египтѣ и Мексикѣ.—**5633.** Засѣд. 1 нояб. въ И. Р. Арх. Общ. Рефераты: *Н. Д. Чечулина*—о русскихъ жилыхъ деревянн. постройкахъ въ XVI в., *А. Ѳ. Бычкова*—обзоръ ученой дѣятельности скончавшихся членовъ (В. П. Титова, архим. Леонида, бар. Н. К. Богушевскаго и М. О. Кояловича).—**5639.** Статья о Сіамѣ.—**5653.** Обычай въ Америкѣ устраивать веселый пиръ по случаю смерти ребенка.—**5657.** О кладѣ болѣе 600 монетъ, найд. близъ Ростова (великокняж. періода).

Новороссійскій Телеграфъ. 5168. О подворномъ владѣніи въ Бердянскомъ уѣздѣ и отчужденіи подворныхъ участковъ.—**5216.** Объ общественныхъ запашкахъ въ Екатеринославской губ. (Корр.).—**5224.** Трауръ у Африканскихъ дикарей.

Новости.—127. Замѣтка о пожертвованіи музею Академіи Наукъ д-ромъ Стюрлеромъ нѣсколькихъ статуй индусскихъ божествъ съ о-въ Явы и Бали изъ древн. храмовъ XII—XIV ст.—**140.** (См. 230). О Высочайшемъ соизволеніи на снаряженіе ученой экспедиціи отъ Правосл. Палестин. Общества съ цѣлью изслѣдованія и описанія древнехристіанскихъ и византійскихъ памятниковъ Св. Земли и Сиріи съ проф. Н. П. Кандаковымъ во главѣ при участіи проф. Спб. Унив. И. В. Помяловскаго и проф. Кіев. дух. акад. А. А. Олесницкаго (съ авг. 1891 г. до янв. 1892).—**150.** Извѣстіе изъ Ревеля о прибытіи туда археологич. комиссіи (откуда?) для изслѣд. памятн. мѣстн. старины и о намѣреніи ея издать альбомъ фотогр. снимковъ старин. зданій, утвари, худож. произведеній, памятниковъ и пр.—**161, 166, 168, 181.** Земельное устройство въ Сибири.—**152.** Выдержка изъ «Бессар. Вѣстн.» о старин. язычн. обрядахъ у болгаръ-колонистовъ; обрядъ во время бездождія, наз. „папаруда" или „пипируда".—**162.** Разсказъ миссіон. К. А. Попова о фанатикѣ-сектантѣ изъ Майкопа (Ставроп. Еп. В.).—**167.** О находкѣ клада польск. монетъ 15 в. около м. Молодечны Вилен. г.—**17?.** Отчетъ о засѣданіи берлинскаго Общества Orient-Comitée, посвященномъ раскопкамъ въ сѣв. Сиріи (фонъ-Лушана и Кольдевея), сопровождавшимся также собираніемъ этнографическихъ и антропологич. коллекцій для „Музея народовѣдѣнія".—**177.** О брош. И. Смирнова: „Задачи и значеніе мѣстной этнографіи".—**178.** Свѣдѣнія о Публичномъ музеѣ въ Ригѣ, открытомъ нынѣшнимъ лѣтомъ. О «Пѣсняхъ изъ Дымбовицкой (въ Румыніи) долины", сочин. Ел. Вакареску, фрейл. рум. королевы (Карм. Сильвы). Въ предисловіи къ нѣмецкому ихъ переводу королева говоритъ: „Цѣлыхъ 4 года молодая поэтесса съ неутомимымъ терпѣніемъ собирала эти пѣсни въ отцовскихъ имѣніяхъ изъ устъ крестьянокъ, лютнистовъ, на посидѣлкахъ, во время жатвы, похоронъ, за колыбелью, отъ цыганъ и гадалокъ, во время плясокъ и пирушекъ. Онѣ не уступаютъ наилучшему, что дали Индія, Аравія и дальній Сѣверъ".—О находкѣ древн. вещей въ Ораніенбаумѣ.—**180.** *П. С.* О кн. Ядринцева: „Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ

и современное положеніе".—О кладѣ въ Гжатск. у. близъ д. Жабина (рус. монеты разн. формъ до 17 в.).—182. Кладъ монетъ въ Кулянд. г., близъ Сюкста (монеты 15—17 в.).—О сектѣ „монаховъ-скакуновъ" въ с. Покровскомъ Оренб. г.—Статья о переселенцахъ, *А. Ш.*—183. Монетн. клады въ Курл. и Черн. г.—Объ учрежденіи въ Казани научнаго музея.—186. О польской эмиграціи въ Бразилію (см. 198).—О ханской мечети Джума-Джеми и усыпальницахъ въ Бахчисараѣ.—190. О побратимствѣ у Киргизовъ.—194. Объ эксп. Ѳ. Истомина въ Печорскій край и найденной имъ коллекціи самоѣдскихъ идоловъ.—О религіозно психической болѣзни на Востокѣ, д-ра *Вырубова* (Рус. Мед.).—195. О доставленіи въ Геогр. Общ. хивинскихъ монетъ.—203. О кн. А. Харузина: „Киргизы Букеевской Орды", в. 2-й (Изв. И. О. Люб. Ест., Антр. и Этн. т. 72)—207. Партія цыганъ въ Кіевѣ, пересел. изъ Сербіи въ Черниг. губ.—215. „По рус. Востоку". Характ. уральскихъ казаковъ и ихъ нравы („Книжки Недѣли", авг.).—227. О раскопкахъ В. Б. Антоновича въ Липовецк. у.—228. О раскопк. Н. Ц. Веселовскаго въ Таврической губ.—229. О скопческой сектѣ въ Кубан. обл.—230. Объ Орхонской эксп. Радлова, Ядринцева и др.—233. Народныя успенскія гулянья у Спасо-Андроньевскаго Монастыря въ Москвѣ (выборъ невѣстъ).—219. Рецензія на IX т. Извѣстія Общ. Археолог. истор. и Этногр. при Казанскомъ Университетѣ вып. I и II.—Лейтенантъ Кузнецовъ о правосл. миссіи въ Іокагамѣ.—222. Секта Назореянъ въ Венгріи.—223. Замѣтка о сартахъ.—226. О IX конгрессѣ оріенталистовъ, бывш. въ Лондонѣ 20 авг.—231. Въ отдѣлѣ Иностранная лѣтопись передается между прочимъ объ оригинальной эскимосской газетѣ въ Гренландіи. Ларсъ Меллеръ, оказавшій большія услуги Норденшельду во время его путешествія по Гренландіи, состоитъ редакторомъ, и наборщикомъ, печатникомъ и разносчикомъ своей газеты.—237. Изъ Риги о мон. кладѣ.—238. Корреспонденція изъ Новоржева содержитъ данныя для характеристики мѣстнаго обычнаго права, семейнаго и права собственности.—239. Объ открытіи финикійск. храма съ фаллійской орнаментикой.—242. Объ экспедиціи И. Д. Черскаго по Ленѣ до Якутска; между прочими находками геологическаго характера есть также издѣлія каменнаго вѣка.—248. О голландскихъ колонистахъ въ Россіи.—Изъ Архангельска сообщено о прибытіи съ Новой земли г. Носилова.—259. О командировкѣ секретаря Моск. Общ. Люб. Ест. Антр. и Этногр. Н. Л. Гондатти въ Остъ-Индію, Китай, Японію, на Цейлонъ, объ его антропологическихъ и этнографическихъ коллекціяхъ.—260. Некрологъ Г. О. Дютша, одного изъ участниковъ экспедиціи для записыванія старинныхъ народныхъ пѣсенъ на сѣверѣ Россіи.—264, 265. Религіозныя суевѣріи и предразсудки Китайцевъ.—256. О находкѣ монетъ въ Котельнич. у. Вятск г.—259. Археол. находки въ Торзенѣ Дерпт. у. (жен. украш.).—267. О закавказск. молоканахъ („Карсъ").—Археологич. достопримѣчательность въ г. Сорокахъ на Днѣстрѣ.—273, 274. Отчетъ М. В. Пѣвцова о Тибетской эксп.—О переселенц. великор. и малор. въ ю.-Уссурійск. краѣ (ст. Елисѣева., Рус. Вѣстн.).—276. Рефератъ Талько-Грынцевича въ засѣд. этногр. отд. И. Р. Геогр. Общ. о народной медицинѣ въ южной Россіи и А. Ѳ. Селиванова о поѣздкѣ въ Дагестанъ. 278. О находкѣ въ окрестн. Берлина скелетовъ VIII в. и изображенія легендарнаго Сигурта змѣеистребителя, поджаривающаго сердце дракона, (Фафнера), при чемъ онъ, съѣвъ нечаянно кусочекъ сердца, сталъ понимать языкъ птицъ.—283. Опис. обрядовъ „прыгуновъ" („Карсъ").—297. Засѣданіе въ СПБ. Археологическ. Институтѣ, посвящаемое ежегодно 25 окт. памяти основателя его Н. В. Калачева, съ чтеніемъ отчетовъ о дѣятельности 12 губернскихъ архивныхъ комиссій.—299. Засѣд. Нео-филологическаго общества въ СПБ.: некрологъ Фр. Царнке (ум. 16 окт. н. с.), долож. акад. А. Веселовскимъ (предсѣд. Общ.); разборъ мнѣнія А. С. Будиловича о происхожд. слова *Русь* (Варш. Дн., 1890, № 20; Ж. М. Н. Пр., май 1890); докладъ ст. мордвина Евсевьева о свадебн. пѣсняхъ мордвы.—303. *В. Михневичъ* въ своей статьѣ: „По слѣдамъ безкормицы" касается нравовъ, обычаевъ и экономич. положенія чувашъ.—318. *Вилькенъ* о бракахъ между кровными родственниками (статья *Э. Петри*).

Новь. 1, 2, 3, 4, 5. *Немирович - Данченко*: „Край вѣчной борьбы" (голландскій бурлакъ, сельскій бытъ, нравы, промыслы, праздники).—4, 6. «На сѣверъ (страница изъ исторіи полярныхъ экспедицій)", *Усова*; содержитъ нѣкоторыя данныя о чукчахъ.—5. „Въ долинѣ Манычей", *Н. Таранова* (калмыки, слѣды древняго земледѣлія на берегахъ Маныча, курганы).—9, 10. „Русскіе Румыны", *П. Усова* (наружность Румынъ, заселяющихъ Бессарабію, нравы обычаи, между прочимъ помочь при постройкѣ жилья, обстановка жилища, одежда, пища, крестины, свадьба, похороны, повѣрья и примѣты).

Олонецкія Г. В. 79, 80, 81, 82, 84, 86. „Толвуйскій приходъ" (статья содержитъ описаніе быта Заонежскаго крестьянина даннаго прихода, его промысловъ занятій, развлеченій, бесѣдъ, пѣсенъ на нихъ распѣваемыхъ, и бесѣдныхъ игръ, суевѣрій, нравственности и характера).—88. „О судорабочихъ Маріинской системы", *Шмелевскаго*.

Оренбургскія Г. В. 28, 30. „Переселеніе Ельдяцкихъ казаковъ на линію", поводомъ къ чему послужили набѣги изъ Киргизъ-Кайсацкой орды, грабежи, захватъ плѣнниковъ и продажа ихъ на невольническихъ рынкахъ.

Переводчикъ. 23. „Бухара"—о производительности Бухары, народахъ ее заселяющихъ.

Периодическо Списание на Българското Книжовно Дружество въ Срѣдецъ. 1889 г., кн. **XXVIII—XXX.** *В. Добруски. Нѣсколько древнихъ надписей, найденныхъ въ Болгаріи* (прод., см. кн. XXIV). Надписи греческія.—*Ив. Ив. Гешовъ. Общинное владѣніе и трудъ въ Болгаріи*, съ замѣткой редакціи.—*Болгарскія народныя произведенія*. I. Народныя пѣсни: Никола и Димитрій (два брата); II разсказы: 1. Происхожденіе человѣка. Отъ четырехъ элементовъ: земли, воды, огня и похоти (мужской и женской), этимъ обусловливается различіе людей по характеру (табихéт). Если святой, посылаемый Аллахомъ творить человѣка (судя по преданію, это твореніе происходитъ не однажды), употребитъ для этого больше всего огня, получается горячій, сердитый человѣкъ, а если воды, то податливый и послушный; отъ земли онъ будетъ терпѣливымъ и кроткимъ, какъ сама земля, которую попираютъ ногами, пашутъ и т. д., а она все молчитъ; если же преобладающимъ элементомъ въ твореніи человѣка явится похоть, онъ будетъ волокитой. 2. О дьяволѣ и волкѣ (варіантъ разсказа о кривомъ колѣнѣ дьявола, см. ниже кн. XXXIV въ этой кн. Эти. Об.) 3. Хорекъ и лисица. Лисица обманомъ отнимаетъ у хорька гуся. 4. Волкъ. Его несчастливыя похожденія. Въ началѣ разсказа волкъ, самъ мутя воду, кричитъ ягненку, чтобы тотъ не мутилъ (срв. бас. Крылова).—**Кн. XXXI.** Въ отдѣлѣ: «Книжнина» помѣщена рецензія на: Топографическо-Этнографическій Очеркъ Македоніи. Составилъ С. И. Верковичъ. С.-Петербургъ, Военная типографія (въ зданіи Главнаго Штаба) 1889 года; затѣмъ замѣтка В. Д. Стоянова на статью Einige Bemerkungen über die Überreste der Petschenegen und Kumanen sowie über die Völkerschaften der sogenannten Gagauzi und Surguci in heutigen Bulgarien. Von D-r Constantin Jireček (Prag. 1889).—**Кн. XXXII и XXXIII, годъ 1890.** Въ этой книжкѣ помѣщенъ болгарскій переводъ вышеупомянутой статьи д-ра Іречка. — *Ананій Ив. Явашовъ. Къ изученію болгарской флоры*. (Прод. кн. XXVIII, XXIX и XXX). Можетъ служить нѣкот. комментаріемъ въ вопросѣ о нар. медицинѣ, такъ какъ указываются точно мѣста, гдѣ какое растеніе (неок.).—*Стр. Китанчевъ. Новооткрытые римскіе военные дипломы*. Это—двѣ желто-красныхъ мѣдныхъ доски (14 сант. дл. и 11 сант. шир.) съ надписями, кот. здѣсь и приводятся. Къ статьѣ приложена „объяснительная замѣтка" В. Добрускаго.—*[illegible] Дриновъ. Новонайденная надпись въ Охридской (церкви) св. Софіи*. (относ. къ 11—[illegible] вв.).—*Болгарскія народныя произведенія*. I. Народныя пѣсни, изъ сборника К. [illegible] Шапкарева: «Кара-Богданово исповѣданіе" и „Врукина и Миленко" (зап. 9 а[illegible] 1888 г), изъ сборника С. Вацова 4 пѣсни. II. Пословицы и поговорки (числомъ 25). III. Разсказы: а) Цана разсказываетъ, какъ умеръ мужъ ея Нона; б) Цана сѣла при тѣлѣ мужа своего Ноны, да плачетъ и причитываетъ. Въ отдѣлѣ: „Книжнина" помѣщена рецензія А. Теодорова на „Сборникъ отъ народни умотворения,

обичаи и др., сбирани изъ разни български покрайнини. Нарежда Ат. Т. Илиевъ. Първи отдѣлъ: народни пѣсни. Книга I. София, издание и печать на Х. Стоенчо Х. Тачевъ, 1889. 8⁰. XXVIII+398 (ц. 3 лева). Изъ библіографіи, помѣщенной въ этой книжкѣ, видно, что въ журналѣ «*Искра*» (выходитъ каждый мѣсяцъ, ред.—изд. В. Юрдановъ, Шуменъ, Спасъ, Поповъ, годъ II) въ № 1 помѣщены „народныя произведенія“ („пѣсни по Варбишки говоръ, запис. П. З. Груевъ) и въ № 5 „пѣсни по Котленски говоръ, отъ Б. Райновъ. Въ «*Книжици за причитъ* съ беллетрическо, техническо, научно и забавително съдържание (Издание на К. Г. Самарджиевъ, Солунъ, С. Муратори, 8⁰. Еднужъ на мѣсяца, ц. $1^1/_2$ б. медж., 9 л.—Година I), въ кн. I: „Споредъ Кумановскій говоръ пословицы и поговорки», въ кн. II: Приказка записана споредъ говора въ Бобища (Костурско), отъ Я. Г.», „пѣсни“; въ кн. III: «Пословици и поговорки отъ Прилѣпъ, Воденъ, Острово, Леринъ“, «Пѣсни отъ Щипъ, запис. Д. М. и запис. Ив. Х. М.—*Народна Музика*. Издаватъ А. А. Стояновъ и Р. М. Рачовъ еднужъ въ мѣсеца въ два екземпляра,—за пѣние и фортепиано. ц. год. 7 (+4) л. Шуменъ (Варна), вышло 8 номеровъ. Наконецъ, въ этой книжкѣ помѣщена замѣтка Д-ра Баланъ на «Этнографическую карту славянъ», изд. В. В. Комаровымъ. II.Разск.1.Царская невѣста: Женна должна разрѣшить предленную загадку; отгадчикомъ явился змѣй, онъ отгадалъ. Царевна исчезаетъ. Ее отыскиваютъ шесть братьевъ (сыновья одной старухи), кот. напоминаютъ собой сказку „о семи семіонахъ“. 2. Господь помогаетъ тѣмъ, кто молится. Въ отдѣлѣ «Книжнина» помѣщена замѣтка *Бк.* на „Босненско Херцеговскиятъ музей въ Сараево“.

1890. Кн. XXXIV. *Д. Матовъ*. Краткая полемика по этнографіи Македоніи. По поводу написаннаго въ послѣднее время по этому вопросу Ястребовымъ, Драгановымъ и Новаковичемъ. Во всей статьѣ авторъ старается обличить несправедливость мнѣній, что славяне въ Македоніи составляютъ сербское племя, и для этого останавливается исключительно на данныхъ языка, отчего и вся статья его принимаетъ филологическій характеръ (неок.)—*Бомарскія народныя произведенія*. I. Народныя пѣсни: 5 колыбельныхъ, 1—когда идетъ дождь при свѣтѣ солнца, 1 на посидѣлкахъ, 1 жатвенная, нѣсколько припѣвовъ и пр. (записаны Спиридономъ П. Ивановымъ изд. г. Пирдопа). II. Дѣтская игра «Гоненица» (оттуда же). III. Народные разсказы (записаны Т. Васильевымъ). 1 разсказъ о дьявольствѣ старой бабы. Сюжетъ: Дьяволъ рѣшился смутить добрую и честную жену, жившую въ согласіи съ мужемъ, и при помощи старой бабы достигаетъ этого. 2. Разсказъ о кривомъ колѣнѣ дьявола. Сюжетъ: Господь пасъ овецъ, а дьяволъ козъ. Дьяволъ изъ корысти поспорилъ съ Господомъ объ закладъ и проспорилъ своихъ козъ. Въ утѣшеніе Господь изъ дерева создаетъ ему волка и одушевляетъ его, говоря: иди—изведи врага! Волкъ бросился на дьявола, нагналъ его и перекусилъ жилы на правомъ колѣнѣ.—Изъ библіографіи этой книжки видно, что въ журналѣ: «Венецъ» въ №№ 8—9 (31, XII, 1889) помѣщены «народни стихове»; въ журналѣ: «Заря» (ред.-изд. К. В. Друмовъ, София, Б. Зилберъ, 1890, годъ 1-ый) въ кн. I: „Народни пѣсни“ (отъ Мраморъ, Гърдоманъ, Гурмазово-Соф.; Разбоище-Царибред.); въ журн.: «Искра», № 6: „Народни умотворения (по Ново-Пазарскій говоръ), отъ П. З. Груевъ“.—**Кн. XXXV**. *Д. Матовъ*. Краткая полемика по этнографіи Македоніи (окончаніе, см. кн. XXXIV).—*Бомарскія народныя произведенія* (собраны Д. Икимовымъ). I. Народныя пѣсни. Змей Михайла (длинная пѣсня въ 325 стиховъ). Умираетъ король Будянскій и оставляетъ вдову и 9 сыновей, которые женились всѣ до одного. Ѣдутъ они съ своими королевами на Великъ-день къ заутренѣ, какъ вдругъ на Денисовомъ мосту ихъ убиваетъ неимѣющій ни роду ни племени «Корун Кеседжия», и девять королевъ захватываетъ въ рабство. Мать въ горѣ. Тогда Іисусъ Христосъ посылаетъ ей въ утѣшеніе двухъ ангеловъ, чтобы они дохнули ей въ уста, и она зачала бы такимъ образомъ, и вотъ рождается у ней Змѣй Михаилъ, который и отомщаетъ Коруну.

1891, кн. XXXVI. Изъ многихъ статей по разнымъ областямъ знанія, помѣщенныхъ въ этой книжкѣ, отмѣтимъ лишь тѣ изъ нихъ, кот. имѣютъ прямое или косвенное отношеніе къ этнографіи. —*Z. Дпъ области восточной Македо-*

ніи (на болг. яз.). Въ предисловіи авторъ, сѣтуя на пренебрежительное отношеніе своихъ соотечественниковъ къ изученію Македоніи и заявляя, что пишетъ свое изслѣдованіе какъ для своихъ, такъ и для иностранцевъ, въ то же время предупреждаетъ, что самъ онъ ограничивается только двумя областями: Сѣрской и Драмской. Автору знакома книга Верковича: „Топографическо-Этнографическій очеркъ Македоніи“; онъ въ ней указываетъ существенные недостатки, хотя, при бѣдности литературы по этому вопросу, она по его мнѣнію,—книга небезполезная. Вотъ содержаніе статьи г. Z.: I. Орографія и Гидрографія. Здѣсь между проч. указано нѣсколько интересныхъ явленій, вызывающихъ „безсознательныя заблужденія“, какъ, напр.: нѣкот. мѣстности извѣстны подъ различными названіями у разныхъ племенъ, или носятъ два, три названія у одного и того-же племени, а на картахъ заносится одно какое-либо названіе, или, напр., какъ г. Димва, въ своемъ трудѣ: „'Αρχαία Γεωγραφία τῆς Μακεδονίας“ всѣ названія „перекрестилъ“ греческими именами; наконецъ, авторъ указываетъ на селенія малоизвѣстныя (нѣкот. изъ нихъ описаны у Захарьева: Географическо-Историко-Статистическое описаніе Татаръ-Пазарджикскаго уѣзда“, на болг. яз.). Самое описаніе у автора кратко и наглядно. II. Административное дѣленіе; города и села. Эта часть статьи походитъ на наши „Историко-статистическія описанія церквей и приходовъ“— разница въ томъ, что болг. описаніе сжьтѣй нашихъ, о церквахъ много не распространяется, а историческихъ указаній даетъ очень много, но зато здѣсь очень интересны многія указанія на взаимныя отношенія различныхъ населеній (неок.).--*П. Ивановъ.* Новое Село (Видинскій округъ). Село расположено на берегахъ Дуная у сербскихъ границъ и со всѣхъ сторонъ окружено румынскимъ населеніемъ. Жители—болгары, но говорятъ на „странномъ“ болг. нарѣчіи, хотя и съ чисто-болгарскимъ акцентомъ. Сербскихъ формъ въ языкѣ нѣтъ. По нравамъ, обычаямъ и женскому костюму (бѣлая чалма) замѣчаются тоже не малыя особенности. Между мужчинами и женщинами отношенія весьма свободны. Сосѣди за оригинальность ихъ нравовъ называютъ ихъ „латинами“, чего въ дѣйствительности нельзя сказать о нихъ, и авторъ предполагаетъ, что это—слѣдъ давно исчезнувшаго богомильства. Затѣмъ авторъ описываетъ интересный обычай новосельчанъ, кот. нигдѣ въ другихъ болг. селеніяхъ не встрѣчается. На Пасху и Вознесеніе по выходѣ изъ церкви устраивается слѣдующая церковная процессія: несутъ хоругви, иконы, за ними идутъ священники и народъ, а послѣ всѣхъ дѣвушки. Процессія обходитъ поле вокругъ села и замыкается при каждомъ каменномъ крестѣ, назыв. „знакъ“, „записъ“ (ихъ кладутъ въ память какого-либо святаго и здѣсь являются, так. образомъ, сборныя мѣста для молитвы, какъ въ восточной Болгаріи—церковищи). Здѣсь молятся, чтобы Богъ охранилъ село отъ града, засухи и др. стихійныхъ несчастій, а дѣвушки поютъ высокимъ голосомъ. Затѣмъ вся процессія направляется къ Дунаю, здѣсь священникъ, послѣ краткой молитвы, бросаетъ въ Дунай дерев. крестъ, а за нимъ и всѣ молодые парни тоже. Этимъ процессія оканчивается. Авторъ приводитъ здѣсь 7 пѣсенъ, относящихся къ этому обычаю, какъ имѣющихъ значеніе лишь для филолога (по его мнѣнію), но онѣ интересны и для этнографа. Кромѣ того, имъ приведены здѣсь двѣ пѣсни, кот. поются на посидѣлкахъ и двѣ, какъ онъ говоритъ, изъ семейной жизни, но, по кр. мѣрѣ, первая изъ нихъ: „Царь и дитя“ вовсе не семейная пѣсня. Сюжетъ ея таковъ: у царя родился сынъ, кот. на второй уже день сталъ властолюбиво помышлять о царствѣ. Отецъ велитъ его бросить въ темницу къ жабамъ и змѣямъ; черезъ три года отворяютъ его: онъ растетъ невредимо: его охраняютъ Св. Пятница и Св. Недѣля (Воскресенье) со свѣчами въ рукахъ. Тогда его бросаютъ въ море, но и здѣсь Господь воздвигаетъ ему дворецъ. Тогда царь отравляется, подаривъ сыну саблю (передача престола). Въ отдѣлѣ „Книжнина“ помѣщена рецензія Г. П. на „*Сборникъ отъ Български народни умотворения*. Часть пьрва. Простонародна българска поезия или български народни пѣсни. Отдѣлъ I и II. Самовилски, религиозни и обредни пѣсни. Книга I. Събралъ и издава *К. А. Шапкаревъ*. София. 1891“. Авторъ

рецензіи дѣлаетъ при этомъ нѣсколько фонетическихъ замѣчаній. **Кн. XXXVII, XXXVIII.** *Z. Дѣвъ области восточной Македоніи.* (Прод., см. кн. XXXVI). Авторъ продолжаетъ 2-ю главу своей статьи. III. Населеніе (турки, болгары, греки, румыны, цыгане, евреи). IV. Занятіе и торговля. V. Богатства природы. VI. Церкви и училища. VII. Языкъ, обычаи и нравы болгарскаго населенія. Болѣе подробно авторъ касается здѣсь одежды. Изъ обычаевъ (ихъ описано до 10) особенно интересенъ обычай на Юрьевъ-день. Въ немъ ярко сохранились черты древняго торжественнаго жертвоприношенія покровителю животныхъ (закалаютъ ягненка, предварительно украшеннаго свѣчами, окуреннаго ѳиміамомъ и благословленнаго священникомъ). Въ концѣ этой книжки къ статьѣ приложена „Статистика населенія". *Г. З-въ. Болгарскія колоніи въ Россіи.* I. Военныя колоніи. Попадаются интересныя этногр. указанія (неок.). *Болгарскія народныя произведенія.* I. Народныя пѣсни (ихъ 7). Двѣ записаны С. Ив. Бояновымъ. II Народные разсказы. *Д. В. Македонскій:* Два старыхъ обычая. I. „Ешка" (собиратель полагаетъ, что это слово не болгарское, а турецкое отъ арабскаго корня,—значенія его точно не опредѣляетъ). Собиратель замѣчаетъ, что обычай „ешка" вовсе не похожъ на „русаліи", какъ утверждаетъ Шапкаревъ. Обычай этотъ выполняется 31-го декабря дѣтьми и 1-го января взрослыми Вотъ онъ: 1. Приготовленіе къ „Ешкѣ". Съ вечера передъ 31-мъ декабремъ дѣти приготовляются. Собираютъ у знакомыхъ всякую одежду, холодное оружіе и пр. Въ снабженіи помогаютъ имъ и турки. Многіе (по возможности) покупаютъ себѣ маски. Заранѣе раздѣляются они на группы, изъ которыхъ каждая имѣетъ свою музыку, и весь канунъ веселятся. 31-го дек. наряжаются и вооружаются. 2. Играніе „Ешки". „Ешкари", переодѣтыя, въ маскахъ или запачканыя сажей, какъ арапы, начинаютъ съ крайняго дома какого-либо квартала. Вся суть игры состоитъ въ томъ, что „ешкари" съ музыкой ходятъ по всѣмъ домамъ и собираютъ деньги, а кто противится, принуждаютъ оружіемъ, заходятъ и къ туркамъ. Когда они просятъ денегъ, то ничего другого не говорятъ, какъ: „ешкаты, бабо, ешкаты" или просто: „ешка, ешка". 3. Веселье и собранныя „пэри" (мелкія монеты). Разоблачившись и одѣвшись въ свое, начинаютъ веселиться на общія приношенія и на собранныя деньги, и остатокъ жертвуютъ на церковь училище и т. п. Это малая „Ешка". 4. Большая „Ешка". Ее играютъ взрослые (18—40 и больше лѣтъ). Общій характеръ ея тотъ же, что и въ малой, только разгулъ «ешкарей» принимаетъ здѣсь болѣе сильный характеръ. Особенно въ Ембарѣ, гдѣ переодѣваются даже во владыкъ, поповъ, отпѣваютъ мнимоумершихъ и т. п. или конскимъ хвостомъ, омоченнымъ въ нечистоты, разгоняютъ толпу. 5. О преступленіяхъ во время «ешка». Даже убійства въ этомъ случаѣ не преслѣдуются, а потому каждый старается обороняться.—II. *Ерле.* Дѣти выбираютъ высокое мѣсто для «ерле», наносятъ можжевельнику и ждутъ захода солнца, слегка лишь пострѣливая изъ ружей, пищалей и т. п., а по заходѣ солнца, начинается самая громкая пальба при чемъ зажигаютъ „ерле", куда кладутъ каждый по одному ржаному снопу соломы. Лишь только зажгли «ерле», кричатъ: «ерле, бабо, ерле!» Это бываетъ въ воскресенье на заговѣнье, а готовятся еще за нѣсколько дней до сырной недѣли. Какъ только заговѣютъ, тогда и взрослые идутъ стрѣлять. О происхожденіи слова «ерле» собиратель говоритъ, что оно непонятно.

Пермскія Г. В. 59. Пермскій кустарно-промышленный музей.—61. Очеркъ с. Метлинскаго въ медико-санитарномъ и экономическомъ отношеніяхъ д-ра Никольскаго содержитъ описаніе крестьянскаго будничнаго и праздничнаго стола-74. Путевыя замѣтки (с. Ильинское) содержатъ между прочимъ описаніе кабинетъ—музея Ѳ. А. Теплоухова, содержащаго собраніе предметовъ доисторической археологіи, найденныхъ въ курганахъ, городищахъ, примитивныхъ земледѣльческихъ орудій, предметовъ домашняго обихода, одежды, украшеній и т. д. Музей настолько хорошо поставленъ его владѣльцемъ, что, по словамъ проф. И. Н. Смирнова, „обстоятельнаго изслѣдованія чудскихъ древностей русская археологическая наука ожидаетъ отъ Ѳ. А. Теплоухова".—67.

Засѣданіе Уральскаго Общества Естествознанія по поводу раскопокъ О. Е. Клера, произведенныхъ въ береговомъ валу Ирбитскаго озера.

Подольскія Г. В. 78. Ст. „Долголѣтіе въ Подольской губерніи" по поводу данныхъ, имѣющихся въ Подольскомъ губернскомъ статистическомъ Комитетѣ о томъ, что въ одномъ лишь истекшемъ году въ предѣлахъ губерніи умерло 23 лица обоего пола въ возрастѣ отъ 105 до 114 лѣтъ.

По морю и сушѣ. 28. «Изъ японскаго быта» (изъ сочиненія А. Експера объ Японіи). «Ни себѣ, ни людямъ» (южное преданіе Д. А. Мордовцева, переводъ съ малорусскаго С. А. Берднева, о превращеніи дѣвушекъ Одары и Катруси въ рѣчки).—32. Ламаизмъ въ Сибири.

Правда. 4. Письменность у всѣхъ народовъ со стороны физіологической и антропологической.—16. О Пасхѣ у различныхъ народовъ.—29. Свадебные обряды у Чувашей.

Православное Обозрѣніе. 4. О «Монтанской русской сектѣ». Ѳ. *И. Смирнова.*—8. Преданія народовъ о первобытномъ состояніи и паденіи человѣка П. Николаевскаго. Перечисливъ и приведя массу преданій Индусовъ, Персовъ, Китайцевъ, Грековъ, Римлянъ, жителей Африки и Америки на тему о первобытномъ состояніи человѣчества, авторъ въ концѣ переходитъ къ опредѣленію отношенія их къ христіанскому догмату.

Православный Собесѣдникъ. 1, 2, 3, 4. «Обрѣзаніе у Евреевъ и другихъ народовъ» *В. Соколова.*—7, 8. Географическое описаніе Аравіи (глава изъ „Географіи" Таквимъ-аль-больдана, содерж. описаніе мѣстности и части народовъ Аравіи), *Вышнегорскаго.*

Русское Богатство 2. Рецензія на книгу М. Ковалевскаго „Очеркъ происхожденія и развитія семьи и собственности".—7. Рецензія на книгу Н. М. Ядринцева «Инородцы Сибири».

Русскія Вѣдом.—129. Краткая замѣтка о VIII кн. „Этн. Обозр."—147. О международн. конгрессахъ, имѣющихъ быть въ Москвѣ въ 1892 г. (См. также № 224).—149. Замѣтка о 2 миссіон. съѣздѣ (въ Москвѣ, въ іюнѣ) по вопросу о расколѣ и сектантствѣ.—207. О переселеніяхъ въ Южно-Уссурійскій край въ Закаспійскую область. (См. № 236).—*П. Г-въ.* Туруханскій край (природа, состояніе промышленности, эксплуатація инородцевъ)—208. Акъ-тюбе, Илецк. у., Тургайск. обл.,—о киргизахъ и переселенцахъ-малороссахъ.—Замѣтка о переселеніи казанскихъ татаръ и чувашъ въ Томскую и Тобольск. г.—209. Переселенцы въ Тюмени. (Ср. № 213).—Замѣтка о раскопкахъ Е. Романова въ Люцинѣ Витеб. г.—202. По поводу выставки лубочныхъ картинъ въ Вольно-Экономическомъ Обществѣ.—214. Монголія, ст. *Н. Ядринцева* (статья содержитъ описаніе монгольской почтовой дороги, центра религіознаго Урга, ея обитателей; монголы и китайцы; уличныя сцены; ламаизмъ и буддизмъ; торжественныя процессіи, праздникъ стрѣлковъ, пролетаріатъ и больные пожираемые собаками).—216. Доисторическій обитатель Америки (древность человѣка, панцырь исполинскаго броненоснаго животнаго, какъ одинъ изъ видовъ жилища первобытнаго человѣка).—219. О возвращеніи съ Новой Земли изслѣдователя К. Д. Носилова.—220, 237. Сервитутный вопросъ въ ю.-зап краѣ.—225. О раскопкахъ въ Помпеѣ и опис. Неаполит. музея.—Зам. объ издан. Мин. Гос. Им. книгѣ: Матер. по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта населенія Иркутской губ.—226. Экономич. полож. крестьянъ въ Черниг. г. и ихъ переселенія.—228. О переселеніяхъ въ Казанской и Сарат. губ.—233. Докладъ Вирхова въ Берлин. Акад. Наукъ объ измѣреніяхъ череповъ изъ раскопокъ Шлимана въ Аѳинахъ.—238. О выселеніяхъ евреевъ съ Кавказа въ Аргентинскую респ.—239. Запрещеніе турецк. правительства переселенію евреевъ въ Сирію и Палестину.—Переселеніе галичанъ въ Россію.—242. Польская эмиграція въ Бразилію. 245. Планъ еврейской колонизаціи.—246. Извѣстіе о древнемъ буддійскомъ сочиненіи, написанн. лѣтъ за 500 до Р. Х.—257. Объ экспедиціи Ядринцева.—258. Корр. изъ Самары объ отказѣ крестьянъ отъ общественныхъ запашекъ.—256, 257, 265, 273, 278, 328. Свѣдѣнія о переселенческомъ движеніи.—282.

А. Сизова. „Ненекеджанъ-ханымъ",—крымская легенда.—**298**. Библіогр. замѣтка о нѣмецкомъ переводѣ грузинской поэмы Руставели „Барсова кожа".—**300**. Извѣстіе объ этнографич. выставкѣ въ Прагѣ 1893 г.—**301**. Отчетъ о засѣданіи Этногр. Отдѣла И. О. Л. Е., Антр. и Этногр., 28 окт., въ которомъ были доклады *В. М. Михайловскаго* о новыхъ матеріалахъ по этнографіи якутовъ (г. Овчинникова), *Е. А. Ляцкаго* о воззрѣніяхъ бѣлоруссовъ на болѣзни и смерть, и *А. Е. Грузинскаго* изъ этногр. наблюденій въ Рѣчицк. у. Мин. губ.—**324**. О засѣданіи Моск. Археологич. Общ. 21 нояб. (см. Моск. Вѣд., 324).

Русскій Вѣстникъ. 6. „Письма о крестьянской семьѣ", *Л. В. Борисова* (о причинахъ дробленія семей преимущественно въ отношеніи къ крестьянской семьѣ Воронежскаго края, о послѣдствіяхъ этого явленія; между прочимъ авторъ заключаетъ, что крестьянская семья у насъ посредствомъ раздѣловъ стремилась къ нормѣ въ 7 душъ при 3-хъ работникахъ и тамъ, гдѣ она силою не отъ нея зависящею ранѣе была раздроблена ниже нормы, семья, послѣ реформы, обратно стремилась сплотиться до нормы; что искусственыя мѣропріятія не могутъ влiять на уменьшеніе раздѣловъ, тамъ, гдѣ они не вызываются экономическими условіями, и что раздѣлы задерживаются съ развитіемъ сложнаго сотрудничества, кустарничества и съ уменьшеніемъ ссоръ женщинъ въ семьѣ).

Русская Мысль. Май. *Птицынъ.* Кяхтинскія рабочія артели. Рецензіи на „Сборникъ Общеста Любителей Россійской Словесности на 1891 г." и „Соловушко. Сборникъ рус. худож. и народ. пѣсенъ" Ледерле.—**Іюнь.** *В. Ѳ. Миллеръ.* Экскурсы въ область русскаго эпоса. IV. Поѣздки Ильи Муромца. Въ иранскихъ сказаніяхъ нѣтъ готовыхъ оригиналовъ всѣхъ похожденій Муромца, но нѣкоторые изъ мотивовъ имѣютъ для себя аналогіи въ сказаніяхъ о похожденіяхъ Рустема, которыя даютъ право говорить объ иранскихъ отголоскахъ въ русскихъ былинахъ, своеобразно комбинировавшихъ восточные мотивы.—**Іюль.** Рецензіи на „Сибирскую библіографію" Межова, „Вольности Запорожскихъ козаковъ" Эварницкаго, „Зап. Вост. Сиб. Отд. Имп. Рус. Геогр. Общ. по отд. этнографіи" и „Гусли" Фаминцына.—**Августъ.** *В. Ѳ. Миллеръ.* Экскурсы. V. Бой отца съ сыномъ. Подробное сближеніе соотвѣтствующихъ иранскихъ сказаній, критика схемы и сближеній акад. Веселовскаго. Русскія былины даютъ обработку этого сказанія, которую нельзя считать самостоятельной. Пересказъ, который легъ въ основаніе русскихъ былинныхъ передѣлокъ, проникъ въ нашъ эпосъ съ Востока черезъ южно-русскія степи, пройдя, вѣроятно, черезъ тюркскую среду. — Рецензіи на „Пермяки" Смирнова и „Киргизы Букеевской Орды" А. Н. Харузина.—**Сентябрь.** *Весинъ,* Современный великоруссъ въ его свадебныхъ обычаяхъ и семейной жизни.—Рецензіи на „Дневникъ Антропологическаго Отдѣла" и „Опытъ изученія малорусскихъ думъ" Лисовскаго.

Русское Обозрѣніе. *Сентябрь. И. И. Дубасовъ.* Черты окраино-русскаго быта XVII—XVIII в. Статья касается Тамбовскаго края, его исторіи, постепеннаго роста и колонизаціи.—*Г. А. де-Волланъ.* По бѣлу свѣту. Путевыя замѣтки. Авторъ разсказываетъ о своемъ путешествіи по Египту и Индіи. Какъ большинство путевыхъ замѣтокъ вообще, и эта статья, написанная живо и легко, страдаетъ краткостью и отрывочностью свѣдѣній; тѣмъ не менѣе она передаетъ много интересныхъ подробностей о бытѣ, обрядахъ, вѣрованіяхъ, культурѣ жителей страны, ея исторіи, о памятникахъ старины и т. п.—Рец. на кн. Dr. *H. Brunnkofer*: Vom Pontus zum Indus—и его-же: Culturwandel und Völkerverkehr.—*Октябрь. Г. А. де-Волланъ.* По бѣлу свѣту. Продолж.—*С. М. Георгіевскій*: Миѳическія воззрѣнія и миѳы китайцевъ. Г. I—III. Указавъ въ краткомъ введеніи на разницу между миѳическими воззрѣніями какого нибудь народа и его миѳики, а также и на трудность своей задачи, авторъ переходитъ къ своему изложенію, въ которомъ, какъ онъ самъ предупреждаетъ читателя, онъ не прибѣгаетъ къ сравнительному методу, боясь сдѣлать сближенія «либо слишкомъ общими и маловужными, либо недостаточно основательными и даже искусственными». Его интересное сообщеніе дѣлится на 7 главъ, въ

кот. онъ разсматриваетъ воззрѣнія китайцевъ на мірообразованіе, мироустройство, на свѣтила, стихіи, растенія и животныхъ, на человѣка, существованіе въ немъ души, его земную жизнь и дѣятельность, обусловленныя вліяніемъ добрыхъ и злыхъ духовъ и т. п. Статья изобилуетъ интересными, иногда мелкими данными.—Рец. М. П. Соловьева на Византійскій альбомъ *гр. А. С. Уварова*. Т. I, вып. 1. М. 1890. Посмертное изданіе гр. Уваровой и на *Heinrich. Brockhaus*: Die Kunst in den Athos-Klöstern Lpzg.—1891. Рец. П. В. Безобразова на кн. С. *Jirecek*, Das Fürstenthum Bulgarien. Wien. 1891. —*Ноябрь. С. М. Георгіевскій.* Миѳическія воззрѣнія и миѳы Китайцевъ Гл. IV—VII. Окончаніе.—*Г. А. де-Воллант.* По бѣлу свѣту. Путевыя замѣтки. Окончаніе. Dr. *Германъ Брунгоферъ.* Археологическія задачи и цѣли Россіи въ центральной Азіи.—Рец. *Е. Нелидова* на Историческіе матеріалы изъ Архива Министерства Государственныхъ Имуществъ. СПБ., 1891.

Русскій Паломникъ. 5,23. „Религіозныя картины въ народѣ" (лубочныя изданія). 9, 10, 12, 15, 23. „Обряды и вѣрованія австрійскихъ южныхъ славянъ" (пляски вокругъ огня въ честь Лады, „дѣдова баба", „сватови съ младомъ", вѣрованіе въ „бабу коризму", обряды въ день Благовѣщенія, Лазареву субботу, Страстную субботу, Пасху, Троицу). 16. „Пасхальная ночь въ Малороссіи". 17. „На Могилкахъ" (поминовенія въ Малороссіи). 22. Легенда о „золотомъ курганѣ". 23. „Троицынъ день въ Малороссіи".

Рязанскія Г. В. 52. „Вѣрованія самоѣдовъ язычниковъ" (переп. изъ Церк. Вѣд.). 76. Новая земля (перепеч. о поѣздкѣ путешественника К. Д. Носилова на Новую Землю).

Саратовскія Г. В. 55. „Село Богородское". Статья содержитъ описаніе одежды, а также и другія свѣдѣнія объ бытѣ, обрядахъ, обычаяхъ. Древніе обычаи вымираютъ: „зарянки" (сборища дѣвицъ и холостыхъ по вечерамъ на улицѣ) становятся рѣже, развиваніе вѣнковъ на Троицу, провожаніе „русалки" (есть описаніе), посидѣлки, точно также какъ и пѣсни годъ отъ году падаютъ. Сохранилась лишь рѣчь „о трехъ Волхвахъ", разсказываемая послѣ славленія Христа мальчуганами, послѣ чего декламатора сажаютъ на скамью на овчину положенную на лавкѣ шерстью вверхъ; есть кой-что о свадьбѣ. 57. Легенды о жестокосердыхъ. Сообщается новосозданная легенда, пущенная въ обращеніе по случаю голода и жестокосердія кулаковъ и скупщиковъ. Легенда такова: Жили въ с. Царевщинѣ, возлѣ Жигулевскихъ горъ, два брата Михѣевы: Иванъ-богатый да Семенъ-бѣднякъ. Въ жуткую пору пришелъ Семенъ къ Ивану просить хлѣба взаймы для своей многочисленной семьи, но жестокосердый богачъ отказалъ, потребовавъ по полтора рубля за пудъ. Съ плачемъ вернулся Семенъ домой и принесъ нерадостную вѣсть. Жена его пошла въ сусѣкъ соскрести сколько осталось муки и испечь лепешку для дѣтей, но тутъ случилось чудо: сусѣкъ оказался весь наполненнымъ мукой, а наверху по мукѣ былъ проведенъ восьмиконечный крестъ. Вслѣдъ за тѣмъ пошелъ въ свои амбары богатый Иванъ, но вмѣсто муки нашелъ тамъ алебастръ, а вмѣсто ржи и пшеницы камни, въ которыхъ ясно замѣтны были очертанія зеренъ. Такъ богачъ обратился въ нищаго, а бѣднякъ—обезпеченнаго. Легенда прибавляетъ, что каждый хлѣбъ, который посторонніе люди изъ жалости приносятъ бывшему богачу, немедленно обращается въ камень. Слухъ объ этой легендѣ распространился до того, что изъ Самары и близкихъ ей деревень нарочно посылали въ Царевщину развѣдчиковъ; особенно интересуются этимъ богатые мужики. 60. „Село Бопманово Балашевскаго уѣзда" содержитъ интересныя земледѣльческіе предразсудки (даваніе просфоръ „на засѣвъ", вербы, платки, полагаемые въ Страстную пятницу подъ плащаницу), „заобидящая" свѣча (сгибаемая при зажиганіи вдвое, чтобы такъ согнуло обидчика), свадебные обряды и пѣсни, причитанія. 61. „Деревенская кутерьма" по поводу общественныхъ запашекъ. 64. „Село Мареино, Аткарскаго уѣзда" содержитъ свѣдѣнія о внѣшнемъ и внутреннемъ бытѣ, постройкахъ, занятіяхъ, общинныхъ распорядкахъ, могарычахъ. 77. „Село Пылково" о кладахъ, крещеніи Мордвы и молоканствѣ; обрядъ „моляны" или „бабушкина каша" (рѣзаніе барана подъ

Петровъ день, пшено, брага и т. д.) и свадебные обряды. **80**. Сообщается о неудачахъ на общественныхъ запашкахъ въ слободѣ Семеновкѣ.

Сельскій Вѣстникъ. 11. „Общественныя запашки".—**43**. Крестьянскія свадьбы (пирушки и пьянство).

Семейные Вечера. 1. «Чукчи» (постройки, бытъ Чукчей, олeній праздникъ, бракъ, миссія къ Чукчамъ).—2. «О внѣшнемъ бытѣ Вотяковъ» (перепечатка сообщеній И. Н. Смирнова въ зас. Казанскаго Общ. Археол. Истор. и Этногр.).

Славянскія Извѣстія. 4. „Славянская народно-музыкальная фольклористическая Этнографія" (о собираніи пѣсенъ у различныхъ славянскихъ народностей).—12. Свадебные обряды Черногоріи („старшина", „задруга" сватовство и кровомщенія, „старый сватъ" „воевода", разводъ).—40 Замѣтка на сборникъ Cesky lid (Чешскій людъ); статьи его содержатъ не мало этнографическаго матеріала, такъ напр. „Суевѣрія и обычаи Моравскихъ простолюдинъ въ хозяйственной жизни", „О національныхъ костюмахъ венгерскихъ словаковъ", „О пѣсняхъ чешскихъ простолюдинъ", „Старые обычаи въ окрестностяхъ Домажлицъ" „Преданіе объ икотѣ", и т. д. статьи по обычному праву и антропологіи („О могилахъ съ изогнутыми скелетами, деформированные черепа и пр.).

Смолен. Вѣст. 109. Школа и народъ. По поводу „Замѣтокъ о народной школѣ". Инсп. нар уч. Смол. губ. *В. П. Вахтерова*.—**110.** „Фроловщина" (изъ Русск. Ж.). Празднованіе муч. Фролу и Лавру въ одной мѣстности См. губ. близъ р. Царевича. На угощеніе еще весной общими средствами покупается общественный быкъ, на котораго по вѣрованію народа до сихъ поръ „звѣрю глаза были закрыты, мимо скотины проходилъ и не замѣчалъ". Но на этотъ разъ скотина пропала и собирается сходъ: „либо звѣрь какой-либо дурашливый нарвался", говорили они, „либо деревня чѣмъ-либо виновата". Описаніе этого схода, а также характеръ празднованія Фроловщины „по отцовскимъ завѣтамъ" очень интересны. **113, 120, 121, 126.** Деревенскій житель: Дневникъ сельскаго обывателя. **96, 98, 100, 102, 104, 105, 108, 110, 114** и **117**. Роль Смоленскаго дворянства въ дѣлѣ уничтоженія крѣпостнаго права.—**115.** *Иксъ.* Юхновскій у. (корр.). Наглядно обрисовано экономическое положеніе крестьянина.—Перховцы (изъ Петерб. Лист.). Новая секта, нѣчто смѣшанное изъ толстовщины съ пашковщиной. Основатель ея въ Вышневолоцкомъ у.—г. Новоселовъ, сотрудники д-ръ Рахмановъ (мед. помощь), нѣкот. интеллигентныя женщины. Крестьяне работаютъ у нихъ и они у крестьянъ. Секта распространяется быстро. Ея идеалъ—безбрачіе и монашеская жизнь.—**116.** Деревенскій житель: Театръ въ селѣ Рыбкахъ (замѣтки). I. Театръ посѣщается, б. ч., молодежью. а старики и пожилые относятся къ нему почти безразлично. Пьесы Островскаго запоминаются слушателями туго. Если же дѣйствующими лицами изъ крестьянъ представляются на сценѣ, напр., ярмарка, предлагаются имъ лакомства и гостинцы, то тогда они, дѣйств. приходятъ въ восторгъ: „вотъ это кіятръ, такъ кіятръ!"—**117.** Краснинскій у. (корр.). Коновалы играютъ здѣсь роль „вѣдьмаковъ".—**118.** *А. Щ.* Краснинскій уѣздъ. Крестинные обряды (двѣ пѣсни). **127.** Объ археологическихъ остаткахъ въ Рославльск. уѣздѣ.

Ставропольскія Г. В. 35,37, 40. „Святитель Митрофанъ Воронежскій". О заселеніи Донской Украйны, о религіозныхъ вѣрованіяхъ засельниковъ, ихъ нравственной разнузданности и бытѣ. **64, 65.** Значеніе верблюда на югѣ Россіи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи.

Странникъ 1. „Церковно-государственный вопросъ о ламахъ" содержитъ данныя о положеніи ламы и отношеніи къ нему инородцевъ.—**2.** Въ хроникѣ епархіальной жизни сообщается объ Иркутской и Забайкальской миссіи и условіяхъ, не благопріятствующихъ ихъ дѣятельности: шаманствѣ, ламаизмѣ, приниженномъ положеніи крещеныхъ инородцевъ и проч.

Сѣверный Вѣстникъ. Сентябрь. Возникновеніе брачныхъ союзовъ. *К. Каутскаго*, переводъ Покровскаго. Изслѣдуя формы брака у доисторическаго человѣка, авторъ приходитъ къ заключенію, что „первичной стадіей брака

былъ гетеризмъ", подъ которымъ авторъ подразумѣваетъ свободнѣе заключаемые и расторгаемые моногамные союзы между членами одного и того-же племени, причемъ женщина пользуется одинаковымъ правомъ, свободой и почетомъ съ мужчиной. Слѣдующей стадіей брака авторъ признаетъ хищническіе браки, слѣдствіемъ которыхъ онъ считаетъ: умерщвленіе дѣтей женскаго пола, общность женъ (и слѣдующая за этимъ полигинія—терминъ, кот. авторъ заявляетъ общеупотребительное слово: полигамія) и веденіе родословной по женской линіи. Конецъ II главы посвященъ кланамъ и особенно происхожденію т. н. царственныхъ или благородныхъ клановъ.—*Н. Астыревъ*. Одинъ изъ вопросовъ дня: Сервитутныя отношенія въ юго-западномъ краѣ. Оконч.—*Проф. И. Лучицкій*. Крестьяне и крестьянская реформа въ Лифляндіи. Статья первая. Прод.—*А. А. К.* Хозяйственный и общинный бытъ крестьянъ и инородцевъ Иркутской губерніи. Прод. **Октябрь.** Возникновеніе брачныхъ союзовъ. К. Каутскаго. Перев. Ю. Покровскаго. Окончаніе. Конецъ своей статьи авторъ посвятилъ: покупному браку, патріархальной семьѣ, гинекократіи и слѣдствію ея—поліандріи.—*А. А. К.* Хозяйственный и общинный бытъ крестьянъ и инородцевъ Иркутской губерніи. Окончаніе.—**Ноябрь.** Областной отдѣлъ. Нужды кустарей Павловскаго района.—Рец. на кн. *Н. Астырева*: На таежныхъ прогалинахъ. Очерки жизни населенія Восточной Сибири. М. 1891.—Рец. на кн. *Н. П. Медвѣдева*: Переселенцы въ Сибири. Докладъ Комитету Общества для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ. СПБ. 1891.

Сѣверъ. 20. „Письма изъ Японіи" (религія Японцевъ, идолы и друг. изображенія).

Терскія Вѣдомости. 67 Къ вопросу о формахъ землевладѣнія у кабардинцевъ. **73, 74.** Вопросы народнаго образованія въ Терской области. **77.** Горскія школы. (Изъ „Нов. Обозр."). **85.** Краткая программа вопросовъ объ общинномъ землевладѣніи у плоскостныхъ жителей Терской области. **86.** Общинное землевладѣніе въ Кабардѣ. Общинное землевладѣніе установлено въ послѣднее время, лѣсъ же всегда признавался принадлежащимъ всей Кабардѣ. **87.** Пчеловодство въ Нальчикскомъ округѣ. **89.** Народное образованіе въ Терской обл. въ 1890 г.

Тобольскія Г. В. 42. *Е. К.* Свѣдѣнія о лѣтописцѣ Черепановѣ.

Томскія Еп. В. 1890 г., 17—19,21. Поѣздка Макарія, епископа Томскаго и Семипалатинскаго, въ Нарымскій край для обозрѣнія церквей и посѣщенія инородцевъ, живущихъ по р. Кети до Обь-Енисейскаго канала, въ іюлѣ—августѣ. 1891 г. **18—19.** Записки миссіонера Кебезенскаго отдѣленія Алтайской дух. миссіи, *Сергія Ивановскаго* за 1890 годъ.

Трудъ. 17. «Стародавніе старички, пустосвяты и юродцы», *М. Н. Пыляева*. Описаніе пустосвята и лжепророка, называвшагося Кузька-Богъ, знахаря и кудесника среди мордовскаго народа, изгонявшаго шайтана нагайкою (она хранилась между образами и по увѣренію Кузьки была та самая, которою Михаилъ Архангелъ согналъ съ небесъ нечистую силу въ преисподнюю), открывавшаго воровъ, лечившаго людей, скотъ и угадывавшаго будущее. Кромѣ того описываются и другіе юродцы и пустосвяты, пользовавшіеся невѣжествомъ народа, его склонностью ко всему чудесному; къ нимъ обращалась не только крестьянская масса, но даже полиція для отысканія пропавшихъ вещей (разсказывается о томъ, какъ одинъ изъ юродцевъ былъ привезенъ въ городскую канцелярію съ вечера, потому что гаданіе должно было быть произведеннымъ „на тощее сердце", и описаніе гаданія въ мискѣ съ водою).

Туркестанскія Вѣд. 35, 36. *Н. Зеландъ.* Съ береговъ Иссыкъ-куля. Говоря объ усуняхъ, древнемъ населеніи г. Чигучина, стоявшаго нѣкогда на мѣстѣ нынѣшняго оз. Иссыкъ-куля, авторъ статьи не соглашается съ предположеніемъ А. А. Ивановскаго о генетической связи усуней съ киргизами («Дневн. Антропол. Отд.» 1890 г., вып. V, стр. 173—182), а относитъ ихъ (усуней) къ калмыкамъ. **89.** *Н. М—въ.* Е. Ф. Каль (некрологъ). Покойный былъ единственный въ Туркестан. краѣ лингвистъ, поставившій себѣ задачею изученіе древностей Ср. Азіи и языка тѣхъ горныхъ народовъ, которые представляютъ

собою остатки аборигеновъ Ср. Азіи, предшественниковъ таджиковъ. **40.** *А. Галкинъ*. Къ вопросу объ Иссыкъ-кульскихъ древностяхъ.—П. И. Пашино (некрологъ). **41.** *Н. Дм.* П. И. Пашино (библіограф. указатель его трудовъ). **43.** Некрологъ Н. Ѳ. Костенко съ перечнемъ напечатанныхъ покойнымъ трудовъ о Ср. Азіи.

Уральскія Войск. В. 36. Рыбная мука, какъ кормъ для скота и пища людей.

Уфимскія Е. В. 20. Отчетъ Миссіонерскаго Общества о религіозныхъ вѣрованіяхъ Мордвы.

Филологическія Записки. Вып. I *А. Н. Желобовскій*. „Семья по воззрѣніямъ русскаго народа, выраженнымъ въ пословицахъ и другихъ произведеніяхъ народно-поэтическаго творчества". Историко-литературный очеркъ, разбирающій необходимость женитьбы крестьянина, значеніе жены въ хозяйствѣ его, взглядъ народа на замужнюю женщину, роль въ ней мужа отношенія мужа и жены (семейный идеалъ).

Херсонскія Е. В. 17. „Мѣстечко Дмитровка", топографическое, географическое и этнографическое описаніе; содержитъ между прочимъ данныя о сталкивающихся здѣсь великоруссахъ и малоруссахъ, о ихъ взаимоотношеніяхъ, взаимной враждѣ, избѣганіи смѣшанныхъ браковъ, кумовства и случаи при избраніи должностныхъ лицъ изъ того или другого лагеря.

Якутскія Еп. В. 13. Образъ жизни и занятія якутовъ Вилюйскаго округа (оконч.). **16.** Молебствіе при открытіи Якутскаго музея и рѣчь о значеніи его для края.

Ярославскія Г. В. 49, 50, 52, 55, 57, 58, 61, 62, 68, 69, 71, 84. „Крестьянская свадьба въ Ярославской губерніи" (приводятся причитанія, пѣсни). **55.** «Изъ области предразсудковъ и суевѣрій въ Романово-Борисоглѣбскомъ уѣздѣ» *Орлова* (продолженіе статьи, бывшей раньше въ 1889 г.—48, 1890 г.—59 и 1891 г.—49); статья содержитъ суевѣрія о происхожденіи болѣзней; интересны способы перевода болѣзни на другого человѣка посредствомъ поданнаго ему куска хлѣба или подбрасыванія какой либо цвѣтной, обращающей вниманіе тряпицы; сглазъ и т. д.; въ томъ-же нумерѣ среди вещей, поступившихъ въ Ростовскій музей церковныхъ древностей, упоминаются древніе брачные вѣнцы. **71.** „Одна изъ формъ современнаго народнаго творчества" разбираетъ происхожденіе «коротенькихъ» крестьянскихъ пѣсенъ: однѣ, по мнѣнію автора, суть обломки старинныхъ „протяжныхъ" пѣсенъ, другія—продукты самостоятельнаго творчества. Статья оканчивается въ слѣдующемъ номерѣ. **72.** „Лѣтнія увеселенія въ деревняхъ Рыбинскаго уѣзда" (игры, гулянія, пѣсни).

Экономическій журналъ 2. «Тяга судовъ»—ст. *Лазаревскаго* (тягловой промыселъ по Маріинской системѣ, Ладожскому каналу, очередь установленная тягольщиками во избѣжаніе конкурренціи).

Указатель этнографическихъ статей и замѣтокъ въ Сибирскихъ изданіяхъ отъ начала ихъ существованія.

(Продолженіе).

Состав. А. А. Ивановскій.

Тобольскія Губернскія Вѣдомости. *)

1857 г. 11, 12. *Н. Абрамовъ.* О введеніи христіанства у Березовскихъ остяковъ (изъ LXXII ч. „Жур. Мин. Нар. Просв." за 1851 г.). **13.** Замѣтки объ инородцахъ Березовскаго окр. (изъ „Топографич. описанія Сѣвер. Урала", Д. Юрьева). **19** *Н. Абрамовъ.* Проповѣдь евангелія сибирскимъ вогуламъ. **22.** Еще нѣсколько замѣтокъ объ инородцахъ Березовскаго окр. **24.** Объ остяцкихъ князьяхъ.

1858 г. 2. Берега Оби и ихъ обитатели. **9.** Самоѣдскій праздникъ въ Обдорскѣ по случаю раздачи Высочайшихъ наградъ.—Дрова въ киргизской степи. **12.** *Н. Лещевъ.* Статистич. замѣтки о селеніяхъ, расположенныхъ отъ Тобольска до Самарова. **16.** Примѣты русскаго мужичка касательно наводненій или смошныхъ годовъ. **19—25.** *Н. Абрамовъ.* Описаніе Березовскаго края. **30.** *М. Смоленскій.* Очеркъ ловли звѣрей и птицъ въ Тобольской губ. **34.** *Н. Абрамовъ.* Петръ Андреевичъ Словцовъ (біографич. очеркъ). **47.** *Н. Абрамовъ.* О древнихъ печатяхъ и гербахъ сибирскихъ городовъ. **48.** *Н. А. Абрамовъ.* Слобода Церево-городище до переименованія ея городомъ Курганомъ (изъ „Вѣстн. И. Рус. Геогр. Общ." 1854 г.). — *Свящ. Адріановъ.* Какъ проводятъ праздники крестьяне Курганскаго окр., слободы Бѣлозерской. **49.** *Свящ. Вас. Адріановъ.* Объ языкѣ крестьянъ Курганскаго окр., слободы Бѣлозерской.

1859 г. 5. *З. Т. Плотниковъ.* Этнографич. замѣтки: крестьянская свадьба въ Ялутуровскомъ окр. **22.** *Свящ. В. Адріановъ.* Слобода Бѣлозерская.—*Ю. К.* О настоящемъ состояніи остяковъ Тобольской губ. **23.** Понятія сибиряковъ-простолюдиновъ о мамонтахъ. **31.** Замѣтка о ларьятскихъ и юганскихъ торжкахъ за 1858 г. и кое-что о бытѣ остяковъ. **40.** *Н. Абрамовъ.* Каменная пирамида, намогильный памятникъ Козу-Курпеча и Боянъ-Сулы въ киргизской степи.

1860 г. 4. *М. С(моленс)кій.* О хлѣбопашествѣ въ Сургутскомъ отдѣленіи Березовскаго окр. **5, 6.** *Н. Абрамовъ.* Слобода Царево-городище съ окрестностями до переименованія ея городомъ Курганомъ Тобольской губ, (см. 1858 г., № 48). **8—10.** Нѣкоторыя свѣдѣнія о законахъ и обычаяхъ инородцевъ Березовскаго окр. **17, 18, 21.** *Н. Абрамовъ.* Озеро Норъ-Зайсанъ съ его окрестностями. **26—31.** *В. Старковъ.* Краткое обозрѣніе Киргизской степи въ географ., историч. и статистич. отношеніяхъ. **46, 52.** *В. Стефановскій.* Статистич. описаніе Тюменскаго окр. Тобольской губ. въ промышленномъ отношеніи. **47.** *Свящ. В. Успенскій.* Юганское земледѣліе и плоды его. **48.** Нѣсколько словъ о заболотныхъ и ачирскихъ инородцахъ Тобольской губ.

1861 г. 12. *В. Стефановскій.* Стат. описаніе Тюмен. окр. Тобол. г. въ промышлен. отн. (см. 1860 г. № 46 и 52).

---

*) Издаются въ г. Тобольскѣ съ 27-го апрѣля 1857 г. За 1865, 1872, 1874—1877, 1880, 1881 и 1884—1888 г.г. этнографич. статей нѣтъ.

15, 16. Нѣкоторыя свѣдѣнія объ Обдорскихъ инородцахъ и странѣ, ими обитаемой. **29.** О самоѣдахъ Березовскаго окр. **33—35.** *Н. Абрамовъ.* Рѣка Аягузъ съ ея окрестностями. **35, 45.** Сибирскіе татары.

1862. 19—23. *В. Стефановскій.* Статистич. описаніе Тюменскаго окр. Тобольской губ. въ промышленномъ отношеніи (см. 1860 г. №№ 46 и 52 и 1861 г. № 12). **21, 22.** *Н. Абрамовъ.* Гора Алафейская. **27, 28.** *Н. Абрамовъ.* Рѣка Караталъ съ ея окрестностями. **52.** *Н. Абрамовъ.* Рѣка Тоболъ съ ея притоками.

1863 г. 1—3. *Н. Абрамовъ.* Рѣка Тоболъ съ ея притоками (оконч.) **36, 38.** *В. Стефановскій.* Статистич. описаніе Тюменскаго окр. Тобольской губ. въ промышленномъ отношеніи (см. 1860 г. №№ 46 и 52, 1861 г. № 12 и 1862 г №№ 19—23). **39.** *Е. Анучинъ.* Средняя жизнь и долговѣчность въ г. Тобольскѣ. **48.** *К. Голодниковъ.* Слово о сибирскихъ курганахъ.

1864 г. 7. *В. Стефановскій.* Статист. описаніе Тюменскаго окр. Тобол. г. въ промышленномъ отношеніи (см. 1860—1863 г.г.). **34, 35.** *И. Х.* Пѣсни Тобольскихъ татаръ.

1866 г. 2. *Н. А. М—овъ.* Нѣчто о Пелымскомъ краѣ. **4—9, 16, 17.** *Свящ. Т. Поповъ.* Слобода Такмыцкая. **18, 20—22.** *Н. Абрамовъ.* Ермакъ покоритель Сибири. **49.** *Евг. Кузнецовъ.* Пословицы и поговорки жителей Тобольскаго окр.

1867. г. 41. *И. Ю—въ.* Свѣдѣніе о торговыхъ сношеніяхъ сибиряковъ съ средне-азіатскими племенами въ началѣ XIX стол. **50.** *Н. Абрамовъ.* Древнее укрѣпленіе при рѣчкѣ Чингильдѣ. **51.** *Ев. Кузнецовъ.* Первый русско-остяцкій словарь.

1868 г. 4, 5. *Е. Кузнецовъ.* О вѣрованіяхъ и обрядахъ самоѣдовъ.

1869 г. 28. *Н. Сорокинъ.* Могила хана Тохтамыша.

1870 г. 9—12. *Евг. Кузнецовъ.* Матеріалы для исторіи заселенія Тобольской губ. до покоренія Сибири Ермакомъ: скифы и чудь, татары, Искеръ и ханы его, царь Кучумъ. **23—25.** Статистическія изслѣдованія о пространствѣ и народонаселеніи Тобольской губ. **27.** *Е. Кузнецовъ.* Замѣтка объ остяцкомъ языкѣ. **32, 34.** *Е. Кузнецовъ.* Николай Алексѣевичъ Абрамовъ (некрологъ). **39—45.** *Ѳ. Пѣтуховъ.* Біографія Н. А. Абрамова.

1871 г. 5. *Н. Сорокинъ.* Замѣтка о посмертныхъ киргизскихъ обрядахъ. **6—8, 10.** *Е. Кузнецовъ.* Березовскіе самоѣды. **10.** Начало книгопечатанія въ Сибири. **15, 16.** Краткое показаніе о бывшихъ какъ въ Тобольскѣ, такъ и во всѣхъ Сибирскихъ городахъ и острогахъ съ начала взятія Сибирскаго государства, воеводахъ и губернаторахъ и прочихъ чинахъ, и кто они именно, и въ какихъ городахъ были, и кто такой городъ строилъ и когда (писано въ Тобол. домѣ Архіерейскомъ **1791 г.**). **17, 18.** Историческія свѣдѣнія объ иконописаніи въ Сибири. **18, 19.** Петръ Андреевичъ Словцовъ (біографія). **28, 29.** Грамоты царей Ѳеодора, Іоанна и Петра Алексѣевичей, данныя Башкирскому народу въ 1681 и 1698 г.г. **43, 44.** Записки штабъ-лекаря В. Н. Шаврова о жителяхъ Березовскаго края.

1873 г. 18—22, **24, 25.** *Р. Г. Игнатьевъ.* Памятники древностей въ Курганскомъ окр. Тобольской губ. **36—41.** Отрывки изъ путешествій г. Алберта, штабъ-лѣкаря, бывшаго инспектора Тобольской врачеб. управы, по сѣверной части Тобольской губ. (приложенъ словарь остяцкаго языка).

1878 г. 23, 24, 27, 28, 30. *К. Голодниковъ.* Пожары и вліяніе ихъ на экономическій бытъ населенія Тобольской губ. **39—41, 44, 46, 47.** Заслуживаютъ-ли и въ какой мѣрѣ заслуживаютъ научнаго изслѣдованія сибирскіе курганы вообще и тобольскіе въ особенности.

1879 г. 2, 3. *К. Голодниковъ.* Заслуживаютъ-ли и въ какой мѣрѣ заслуживаютъ научнаго изслѣдованія сибирскіе курганы вообще и тобольскіе въ особенности (оконч.). **12, 13, 15, 16, 18, 20, 23, 33, 34.** *К. Голодниковъ.* Проклятое племя,—этнографич. очеркъ быта цыганъ Тобольской губ.

1882 г. 25 — 28. *Т. Поповъ.* Юридическіе обычаи остяковъ Березовскаго окр. **34.** Раскопки историч. кургановъ (около Тобольска).

1883 г. 3. *И. Введенскій.* Историч. свѣдѣнія о Сибири до покоренія ея Ермакомъ. **5.** *Куратовъ.* Личность Ермака въ народной поэзіи.

Томскія Губернскія Вѣдомости *).

1858 г. 3, 4. *В. Вагинъ.* Описаніе Барабинской степи. **7.** *За-Ангарскій Сибирякъ.* Томскіе инородцы (татары). — Остяцкое конопле. **8.** *За-Ангарскій Сибирякъ.* Томскіе раскольники. **9.** *За-Ангарскій Сибирякъ.* Каинскіе и Кузнецкіе инородцы (татары). 10, 11. Кое-что о сибирской старинѣ: покореніе Сибири; городки, остроги и зимовья казаковъ; легкость первоначальнаго подчиненія туземцевъ; послѣдовавшіе затѣмъ ихъ бунты; племена старожиловъ: вогулы, нагайцы, остяки, калмыки, киргизы, татары, качцы, модоры, тубинцы, джесары, теленгуты, телесы, тунгусы, якуты, зиланы, арины, камаши, цаны, саянцы, буряты, чукчи и юкагиры. *И. Як. Андреевъ.* Томская рѣчь. **15, 16.** *О. П.* Статистич. описаніе Нарымскаго края. **18.** *Ав. Юрченко.* Объ іероглифахъ по рѣкѣ Томи. **23, 24.** *Данилевскій.* Описаніе Бухтарминскаго края. **27.** *О. П.* Кулачные бои въ Томскѣ. **29.** *Мисс. Вас. Вербицкій.* Народныя легенды Кузнецкихъ телеутовъ о подданствѣ ихъ Россіи. — Ловъ бѣлки, соболя и медвѣдя. **30.** *Мисс. В. Вербицкій.* Русская рѣчь въ Алтайскихъ горахъ. **38.** *Гр. Потанинъ.* Замѣтки къ статьѣ миссіонера В. Вербицкаго (см. № 29). — По случаю луннаго затмѣнія въ 12 число августа (о Бійскихъ и Кузнецкихъ инородцахъ). **39.** *Иванъ Ѳеоктистовъ.* Объ успѣхѣ оспопрививанія между кочевыми Кузнецкими инородцами. **41.** *Я. Поповъ.* Алтай (о калмыкахъ), **44.** *Д.* Языкъ Чулымскихъ инородцевъ. **45.** *О. П.* Образъ управленія и законы киргизовъ. **47.** *Н. В. П.* А. Словцовъ (біограф. очеркъ). **48.** *В. Вагинъ.* Мірской судъ **49.** О дикорастущихъ произведеніяхъ въ Алтаѣ, употребляемыхъ въ пищу (баданъ, кандыкъ, саранка, калба, чеснокъ, лукъ, слизунъ, марьино коренье, чай-трава, дягиль и ревень). **1859 1.** *Д.* Барабинскіе татары (семь ихъ волостей; Туражсская, Тунусская, Любейская, Теренинская, Каргалинская, Чойская и Барабинская). **2.** *Н. Ананьинъ.* Татарскія пѣсни: 1) о разрореніи Алтая, 2) плачъ о потерѣ мужа, 3) бородастый Тень-бегей, 4) жалоба влюбленныхъ и 5) похвала супругѣ. **2, 3, 5, 6, 12 13, 19, 20, 24.** *О. П.* Описаніе присоединенія къ Россійскимъ владѣніямъ южной части Зап. Сибири. **4.** *Свящ. А. Сулоцкій.* Киргизъ-паломникъ (Гуржанъ, въ крещеніи Иванъ Вишневскій, мѣщанинъ г. Тюмени). **5.** *Н. Ананьинъ.* О торговлѣ маральими рогами, преимущественно отправляемыми въ Китай.—*В. Вербицкій.* Алтайская береза (о почитаніи ея у алтайскихъ калмыковъ и кузнецкихъ татаръ). *В. В. Вербицкій.* Замѣчанія на статью объ Алтаѣ (см. выше, № 2); приведена, между прочимъ, легенда алтайцевъ о сотвореніи міра.—*Н. Ананьинъ.* Татарскія пословицы (43 пословицы на татар. и русск. яз.). **16.** *Н. Ананьинъ.* Свадебные обряды у алтайскихъ калмыковъ. **21, 22, 25,—27.** О Нарымскомъ краѣ. **25.** *Мисс. Ландышевъ.* Сказаніе алтайцевъ о томъ, куда дѣвалась комета въ 1858 г. **29.** *Вас. Вербицкій.* Ссылка Эрлика; его нападенія на человѣка; виновность человѣка и осужденіе (по сказанію алтайцевъ). **36,—42.** Медико-топографическое описаніе Киргизской степи, приведенной въ извѣстность инструментальною съемкою. **38.** *В. Вербицкій.* Первая пища человѣка, по изгнаніи его изъ „арунь-сюдюнь"; вражда съ животными; происхожденіе огня, супружества и смерти (по сказаніямъ алтайцевъ). **45.** *В. Вербицкій.* Міръ Эрлика; брань Мангдышире съ нимъ и его силою; низверженіе Эрлика и слугъ его съ неба на землю и съ земли въ преисподнюю. — *В. Вербицкій.* Преданія Мрасскихъ инородцевъ (богатырь Садагай). **49.** О промышленности русскихъ крестьянъ и инородцевъ Нарымскаго края. **49, 50.** Объ инородцахъ Каинскаго окр. (татары).

1860 г. 2, 3. *В.* Свадебные обряды крестьянъ Кузнецкаго окр. (сватанье, рукобитье, дѣвишникъ, поѣздъ). **5.** *В. Вербицкій.* Понятія алтайскихъ инородцевъ о душѣ. **6—8.** О промышленности русскихъ крестьянъ и инородцевъ Нарымскаго края (см. 1859 г., № 49). **10.** Замѣтка къ статьѣ: „Медико-топографическое описаніе Киргизской степи" (см. 1859 г., №№ 36—42). **30.** *В. Вербицкій.* Признаки кончины вѣка 1) по преданію Кузнецкихъ телеутовъ и 2) по преданію алтайцевъ. **37.** *В. Вербицкій* Поѣздка на Телецкое озеро. **49.** *Як. Андреевъ.* Пѣсни обитателей Томской губ.: пѣсни сѣверныхъ самоѣдовъ (перев. съ нѣмец. яз. изъ статьи Кастрена въ „Bulletin Historico-philologique de l'Akademie de S P —bourg". T. IV №№ 2 и 3, стр. 33 и 34):

*) Издаются въ г. Томскѣ съ 15 августа 1857 г. За 1857, 1866 и 1884 — 1887 гг. этнографическихъ статей нѣтъ.

1) плачъ жены на смерть мужа, 2) мщеніе жены, 3) мщеніе мужа и 4) свадеб. пѣсня; пѣсни русскихъ: двѣ свадебныхъ и одна воровская.

1861 г. 14. *В. Вербицкій.* Питье въ Алтаѣ (вода, чегэнь, кумысъ и арака). **15.** *Мисс. Арсеній Ивановскій.* О киргизахъ Бухтарминскаго края. **27.** *В. Вербицкій.* Памятники наказанной вѣтренности и ослушанія (Преданіе алтайцевъ о богатыряхъ, обратившихся потомъ въ горы: Абаганъ, Мустагъ и Азрадэшь). **28—31, 33—36.** Собраніе актовъ, договоровъ, грамотъ, писемъ и прочихъ документовъ, до Киргизской степи относящихся. **32.** *В. Вербицкій.* Миѳъ о происхожденіи верблюда и осла. **36—41, 48, 49.** *Русановъ.* Взглядъ на экономическій и общественный бытъ киргизовъ. **49.** Табель цѣнамъ, назначеннымъ Совѣтомъ Томскаго Общ. Губерн. Управленія и утвержденнымъ Главнымъ Управленіемъ Зап. Сибири, на звѣриныя шкуры недорогой рухляди, для пріема оной по Томской губ. отъ инородцевъ въ подати и повинности на 1860—1862 г. **50.** О народахъ, обитавшихъ въ древности въ южн. части Зап. Сибири (по китайскимъ источникамъ, изъ соч. о. Іакинфа).

1862 г. 2, 5—8. О народахъ, обитавшихъ въ древности въ южн. части Зап. Сибири (оконч.). **7.** *В. Вербицкій.* Сотня областныхъ словъ, употребляемыхъ близъ—алтайскими крестьянами. **10.** *И Р.въ.* Выдѣлка кожъ у сибир. киргизовъ. **13—22.** Историческія свѣдѣнія объ инородцахъ Томской губ. (извлечено изъ исторіи о Сибири Фишера, Миллера и другихъ актовъ). **16.** *В. Вербицкій.* Третья сотня областныхъ словъ, употребляемыхъ при-алтайскими жителями (см. 1858 г. № 30 и 1862 г. №7). **24.** *В. Вербицкій.* Катунскій богатырь **29.** *Як. Андреевъ.* Нарымская рѣчь. **32, 33.** *И. Русановъ* О положеніи киргизъ-кайсаковъ, перешедшихъ въ XVIII стол. въ предѣлы Томской губ. **37.** *В. Вербицкій.* Мрасскій порокъ (преданіе алтайцевъ объ образованіи его). **40** *В. Вербицкій.* Русская парная баня.—О лѣченіи болѣзней въ простонародіи. **48.** Врачебная помощъ въ деревняхъ. **48, 49.** *В. Вербицкій.* Четвертая сотня областныхъ словъ, употребляемыхъ при-алтайскими жителями (см. 1858 г. № 30 и 1862 г. №№ 7 и 16).

1863 г. 4. Загадки алтайскихъ татаръ (на русс. и татар. языкахъ). **5.** Вліяніе холоднаго климата на физическое состояніе человѣка. **10.** О вліяніи климата на здоровье человѣка. **12.** *В. Вербицкій.* Предразсудки и суевѣрія при-алтайскихъ крестьянъ 1) въ религіозномъ отношеніи, 2) въ домашнемъ хозяйствѣ и 3) въ лѣченіи болѣзней. **24, 25.** Лѣченіе болѣзней у калмыковъ-алтайцевъ. **25.** *Д. Кузнецовъ.* Сибирскія народныя присловья. **26.** *В. Вербицкій.* Пятая сотня областныхъ словъ, употребляемыхъ при-алтайскими жителями (см. 1858 г. № 30 и 1862 г. №№ 7, 16, 48 и 49). **27.** *В. Вербицкій.* Тюрунъ-Музыкай; происхожденіе разноцвѣтныхъ камней и насѣкомыхъ (по сказанію алтайскихъ инородцевъ). **37.** *В. Вербицкій.* Разведеніе табаку въ Бійскѣ. **38, 41.** *Д. Кузнецовъ* Замѣтка о сибир. казачествѣ по поводу изданія «Списковъ окладныхъ Енисейск., Нарым., Кузнец. и Краснояр. книгъ». **45, 46.** *В.* Загадки крестьянъ Кузнец. окр. **49.** *В. Вербицкій.* Младенческая корзинка (люлька) у алтайскихъ инородцевъ.

1864 г. 3. *В. Вербицкій.* Названіе мѣсяцевъ у черневыхъ инородцевъ Кузнецкаго окр.: 1) по весеннему равноденствію, 2) по продолжительности дня, 3) по созрѣваемости хлѣба, 4) по метеорологич. свойствамъ и 5) по занятіямъ, свойственнымъ извѣстному мѣсяцу. **9.** *В. Вербицкій.* Тюремная пѣсня алтайскаго батыря Канзы. **24.** *Д. Кузнецовъ.* По поводу изданія «Сборной книги ясаку 1692 г.». **29.** *В. Вербицкій.* Сагары (приготовленіе кожъ на Алтаѣ). **31.** *Д. Кузнецовъ.* Хлѣбопашество въ Нарымскомъ краѣ въ половинѣ прошлаго столѣтія. **48, 49.** *Свящ. В. Гурьевъ.* Распространеніе христіанства и развитіе промышленности на Алтаѣ.

1865 г. 1. *В. Вербицкій.* Мустагъ, Карабуръ, Кизей и Туратыгъ (легенды Кузнецкихъ татаръ объ образованіи этихъ горъ). **6.** *В. Вербицкій.* Преданіе алтайцевъ о потопѣ. **12, 13.** *Г. Н. Потанинъ.* Климатъ и люди Сибири (по поводу статьи г. Анучина: «Климатъ г. Тобольска и смертность въ Тобольской губ.» въ «Памятной книжкѣ для Тобол. губ. на 1864 г.»). **15, 17, 18.** Этнологическія особенности сибирскаго населенія (по поводу статьи А. П. Щапова: «Историко-этнографич. организація русскаго народонаселенія» въ «Рус. Словѣ», 1865 г., кн. I.). **17, 18.** Старинная пѣсня Змѣиногорскимъ рудорабочихъ.— *В. Вербицкій.* Происхожденіе шаманства раздѣленіе языковъ и опредѣленіе безграмотства по преданіямъ алтайскихъ инородцевъ. **31.** *В.*

Вербицкій. Преданіе о Тенгере-Тедыгечі (небозаключителѣ). **31, 32.** О численномъ отношеніи половъ у осѣдлыхъ инородцевъ Томской губ. **32, 33.** *И. Осининъ.* О вновь учрежденномъ миссіонерскомъ обществѣ для содѣйствія распространенію христіанства въ восточныхъ предѣлахъ. **42.** *В. Вербицкій.* Сеоки (кость, родъ, поколѣніе) алтайцевъ. **46, 47.** Загадки крестьянъ Кузнецкаго окр. (см. 1863 г., №№ 45 и 46).

1867 г. 7—9, 11—15. *Князь Н. Костровъ.* Чулымскіе инородцы (кизильскіе татары). **18.** *Кн. Костровъ.* „Страна мраковъ“ арабскаго путешественника Ибнъ-Батуты. **23—25.** *Кн. Костровъ.* Томскіе самоѣды (по Кастрену). **32, 33.** *Кн. Костровъ.* Замѣтки о Кетскомъ острогѣ. **37, 38.** *Кн. Костровъ.* Замѣтки Кастрена о Нарымскомъ краѣ. **39, 40.** *Кн. Костровъ.* Нарымскіе остяки (по Кастрену). **41—46.** Программа для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ.

1868 г. 2. *В. Вербицкій.* Алтайскій богатырь Ольгудэкъ (преданіе черневыхъ татаръ). **35, 36, 38.** *Кн. Костровъ.* Шаманъ (у сагайскихъ татаръ). **47.** Матеріалы для исторіи сибирскаго раскола. **48, 49.** *Кн. Костровъ.* Улала. **50.** *Кн. Костровъ.* Статистич. замѣтки о Бухтарминской волости Бійскаго окр. **51.** *Кн. Костровъ.* Статист. замѣтки о Крутоберезовской вол. Бійскаго окр.

1869 г. 4, 6, 10, 11. *Басовъ.* Путевыя замѣтки по Алтаю. **13—15.** *Кн. Костровъ.* Путешествіе въ Туруханскъ проф. Ганстеена. **16, 20, 21.** *Принцъ.* Поѣздка въ Хобдо. **24, 25, 28.** *И. Ѳ. Русановъ.* Статистич. очеркъ Киргизской степи Сибирскаго вѣдомства. **29.** *Кн. Костровъ.* Раскопки старинныхъ могилъ на Алтаѣ. **30—33, 35, 37—42, 44—47, 49—51.** *В. Вербицкій.* Алтайцы: топографія Алтая и его естественныя произведенія; происхожденіе алтайскихъ инородцевъ и раздѣленіе ихъ на племена (алтайскіе калмыки, калмыки-двоеданцы, телеуты и черневые татары); наружный видъ алтайцевъ; одежда и обувь; пища и питье; языкъ; вѣрованія; преданія: сотвореніе міра (см. 1859 г., № 13); обширность мірозданія; происхожденіе Эрлика и другихъ разумныхъ существъ; ссылка Эрлика, его нападенія на человѣка, виновность человѣка и осужденіе (см. 1859 г., № 29); міръ Эрлика, брань Мангды-шіре съ нимъ и его силою, низверженіе Эрлика и слугъ его съ неба на землю и съ земли въ преисподнюю (см. 1859 г., № 45); всемірный потопъ (см. 1865 г., № 6 и «Восточ. Обозрѣніе» 1882 г., № 30); происхожденіе шаманства, раздѣленіе языковъ и опредѣленіе безграмотства (см. 1865 г., №№ 17 и 18). **39.** *В. Вербицкій.* Люди, превратившіеся въ звѣрей и птицъ (изъ естественной исторіи алтайцевъ): медвѣдь, кукушка, иволга, глухарь и коростель.

1870 г 1—5, 7—13, 16—19. *В. Вербицкій.* Алтайцы (продолж.). Преданія: Тенгере—Тедыгечі (см. 1865 г., № 31); Тенгере—Тедыгечі въ царствованіе Шаржаалты 2-го; кончина вѣка съ ея признаками (см. 1860 г., № 30); преданія телеутовъ—калмыковъ (историческія, богатырскія и пр.): о подданствѣ Россіи телеутовъ (см. 1858 г., № 29); о подданствѣ Россіи телеутовъ—скедамовъ; о междоусобной войнѣ Амыр-Санаги съ Чагзн-Нараттаномъ; происхожденіе народа туургутъ (торгоутъ) и о подданствѣ Россіи Алтайскихъ калмыковъ; о Телецкомъ озерѣ (см. 1860 г., № 37); Мрасскій порогъ (см. 1862 г., № 37); богатыри рѣки Катуни; богатырь горы Катуни (см. 1862 г., № 24); гора Катунь, Мустагъ, Карабуръ и Килей (см. 1865 г., № 1); Азра-дашъ (см. 1861 г., № 27); Туралыгъ (см. 1865 г., № 1); китайскій богатырь Садагай (см. 1859 г., № 45); Тохпа-ажигы; миѳъ о происхожденіи верблюда и осла (см. 1861 г., № 32); Алтайская чудь; происхожденіе сёока (рода) Мундусовъ и Теолессовъ; участь грамотности алтайцевъ (см. 1865 г., №№ 17 и 18); нравы, обычаи, обряды и примѣты; леченіе болѣзней; пѣсни: о раззореніи Алтая (см. 1859 г., № 2); тюремная пѣсня алтайскаго батыря Канзы (см. 1864 г., № 9); бородастый Тень-бегей (см. 1859 г., № 2); плачъ о потерѣ мужа, жалоба влюбленнаго, похвала супругѣ (**ibid.**); разлука съ супругою; грустныя чувства на чужбинѣ; признательность къ родителямъ; безполезность имѣнія по смерти; жалоба на одиночество; воспоминаніе товарищества; воспоминаніе родныхъ и знакомыхъ; ожиданіе роднаго; плачъ о потерѣ сына; о дружелюбіи и согласіи; нужда въ пѣсенникѣ; надежда сироты; желанія родителей; разлука съ дочерью; состраданіе къ птицамъ пернатымъ; орадый и Урей и 7 пѣсенъ безъ названій; пословицы; загадки. **41, 42.** *И. Ѳ. Русановъ.* О кочевьяхъ киргизъ Акмолинской и Семипалатинской обл.: лѣтнія перекочевки и зимнія стойбища.

1871. г. 2, 3. *Кн. Костровъ.* Дзюнгоры на Телецкомъ озерѣ въ 1808 г. **6.** *Кн. Костровъ.* Мѣры противъ разбоевъ и грабежей, принимавшіяся въ Томской губ. въ

1807 г. **7, 10.** *Кн. Костровъ.* Туруханскій округъ въ 1803 г. (изъ дѣлъ Томскаго губерн. архива 1802 г., № 971). **35—38.** Замѣчанія о климатѣ и болѣзняхъ въ Алтайскомъ горномъ округѣ въ 1866—1869 г.г. **39, 40.** *Кн. Костровъ.* Климатъ и болѣзни въ Нарымскомъ краѣ въ теченіе послѣднихъ 5-ти лѣтъ.

1872 г. 3. *Кн. Костровъ* Инородческое населеніе Томской губ. въ 1819 г. **16.** *Кн. Костровъ.* Чатскіе татары. **20.** *Кн. Костровъ.* Нарымскій округъ съ 1806 г. по 1818 г. **30—32, 36—39, 41, 42, 44—51.** *Кн. Костровъ.* Нарымскій край. **40.** *Ө. Б.* Нѣсколько словъ о бійско-монгольской торговлѣ.

1873. 1—5. *Кн. Костровъ.* Нарымскій край (оконч.). **24, 26, 27, 29—31, 33, 34.** *Кн. Костровъ.* О состояніи женщинъ между инородцами Томской губ. **42—45, 48, 50, 51.** *Кн. Костровъ.* Путешествіе Палласа по Бійскому окр. Томской губ. въ 1770 г.

1874 г. 5, 6. *Кн. Костровъ.* Путешествіе Палласа по Бійскому окр. Томской губ. въ 1870 г. (оконч). **8—10.** *Мисс. Арсеній Ивановскій.* Очерки Алтая. **18, 19, 21, 22.** *В. Вербицкій.* Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ, живущихъ въ южн. Сибири и Дзюнгарской степи, собранные В. В. Радловымъ (Спб., 1866 г.). **25, 27, 32, 34, 35, 37, 38, 40, 41, 43—45.** *Кн. Костровъ.* Каинская Бараба.

1875 г. 4, 5. *Кн. Костровъ.* Томскій окр. по описанію Фалька въ 1771 и 1772 г.г. **6—9.** *Кн. Костровъ.* Путешествіе Палласа по Барнаульскому окр. Томской губ. въ 1771 г. **15, 17, 18, 22, 23, 25, 28—33.** *В. Вербицкій.* Записки миссіонера Кузнецкаго отдѣленія Алтайской дух. миссіи за 1874 г.

1876. г. 20, 21. *Кн. Костровъ.* Замѣтки объ юридическомъ бытѣ Барабинскихъ татаръ. **38, 39.** *Кн. Костровъ.* Торговыя сношенія Томской губ. съ Монголіей.

1877 г. 46, 48. 50, 51. *Б. Шостаковичъ.* Поѣздка по р.р. Васьюгану и Чижапкѣ въ 1876 г.

1878 г. 7, 10, 13, 15, 18, 30, 37, 46, 48. *Кн. Костровъ.* Поѣздка на р. Чую д-ра Радлова въ 1860 г.

1879 г. 2, 4, 6, 7, 11, 14, 15, 19. *Кн. Костровъ.* Поѣздка на р. Чую д-ра Радлова въ 1860 г. (оконч.).

1880 г. 7, 40, 42, 43, 46. *Кн. Костровъ.* Путешествіе д-ра Радлова чрезъ Алтай къ Телецкому озеру и р. Абакану. **19, 21, 24, 27, 29.** Программа для изслѣдованія сельской общины въ Сибири. **28.** О ходѣ экспедиціи Н. М. Ядринцева на Алтай.

1881 г. 2, 3, 5, 8, 10—14. 18, 22, 16, 32, 34, 35. *Кн. Костровъ.* Путешествіе д-ра Радлова чрезъ Алтай къ Телецкому озеру и р. Абакану (оконч., см. 1880 г.). **40, 42, 43, 46, 49, 51.** Образцы народной литературы самоѣдовъ.

1882 г. 17, 21. *Н. Ядринцевъ.* Алтайцы и черневые татары (изъ «Изв. И. Рус. Геогр. Общ.») **19.** Обдорская ярмарка. **27.** Кузнечный промыселъ въ Салаирской вол. Кузнецкаго окр. **28.** *В. Плотниковъ.* Сурковщики (промышленники на сурковъ). **31.** *Н. П. Григоровскій.* Преданіе Нарымскихъ инородцевъ о созвѣздіи „Лось." **33, 44, 45.** *В. Вербицкій.* Сказка у алтайскихъ инородцевъ: происхожденіе богатырей; предсказанія о рожденіи ихъ; опасности, которымъ подвергаются они во чревѣ матерей своихъ; рожденіе богатырей, бол. частію, отъ престарѣлыхъ родителей; ростъ богатырей и дѣтская сила; богатыр. сѣдло; богатыр. вооруженіе; нареченіе имени; богатыр. сила; богатыр. ѣзда.

1883 г. 6, 8, 10—14. *Н. П. Григоровскій* Очерки Нарымскаго края: крестьянская свадьба; винокурни; произведенія изъ крапивы (изъ IV кн. „Записокъ Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О."). **8, 14—16.** *В. Вербицкій.* Сказка у алтайскихъ инородцевъ: богатырскія битвы (оконч; см. 1882 г., №№ 33, 44 и 45). **17, 19.** Дѣятельность Зап.-Сибирскаго Отдѣла И. Рус. Географ. Общ. за время существованія его съ 1877 г. (изъ „Акмол. Обл. Вѣд."). **18.** Статист. свѣдѣнія о Барнаульскомъ окр. за 1882 г. *И. Н. Григоровскій.* Сказка о двухъ коровахъ у Обскихъ инородцевъ **22.** Статист. свѣдѣнія о г. Каинскѣ и Каинскомъ окр. за 1882 г. **23—27.** Якутская обл. (статист. обзоръ). **24.** *Н. Григоровскій.* Итя (сказка обскихъ самоѣдовъ). **25.** Статист. свѣдѣнія о г. Маріинскѣ и Маріинскомъ окр. за 1882 г. **26.** Статист. свѣдѣнія о г. Кузнецкѣ и Кузнецкомъ окр. за 1882 г. **28.** Статист. свѣдѣнія о Томскомъ окр. за 1882 г. **29.** Статист. свѣдѣнія о состояніи Нарымскаго края въ 1882 г. **29, 30.** Промышленность и торговля въ степныхъ областяхъ Сибири **30.** Н. П. Григоровскій (некрологъ). **31.** Очерки Южно-Уссурійскаго края. **31—33, 36, 37.** Изъ Кульджи въ Джинхо.

1888 г. 14—16, 18. *А. Оксеновъ.* Сибирское царство до эпохи Ермака (князья и ханы сибир. татаръ; этнографическій составъ и политическій строй позднѣйшаго Сибирскаго ханства).

Туркестанскія Вѣдомости *).

1870 г. 1. Коранъ Османа (о коранѣ въ мечети Ходжа Ахраръ, написанномъ на пергаментѣ куфическимъ шрифтомъ, безъ точекъ и гласныхъ). **1, 6.** Матеріалы для этнографіи Сред. Азіи: киргизскія пословицы (собр. Ш. М. Ибрагимовымъ). **2.** Нефтяной промыселъ на о-вѣ Челекень. **4.** Населеніе Туркестанскаго края. **6.** Кафиры или сіягпуши: извѣстія о сіягпушахъ магомет. географовъ; свѣдѣнія, сообщаемыя султаномъ Баберомъ; позднѣйшія извѣстія; Вамастанъ (названіе страны туземцами); наружность сіягпушей; сходство нѣкоторыхъ ихъ обычаевъ съ европейскими; первоначальродина сіягпушей; рабы барійцы; земледѣліе и садоводство; выдѣлка вина; промыслы; одежда; деревни; рѣзныя украшенія на крышахъ и окнахъ домовъ; торгов. занятія; продажа дѣтей и рабовъ; гостепріимство; религіозныя вѣрованія; кумиры въ честь предковъ; разсказъ муллы Неджиба о жертвоприношеніяхъ сіягпушей; семейные нравы; свадебные и похоронные обряды; праздникъ „чилум-чита"; сборы въ набѣгъ на мусульм. земли; встрѣча побѣдителей; воинскія отличія; оружіе; обычаи при заключеніи мира съ непріятелемъ; отношеніе сіягпушей къ европейцамъ; сношенія ихъ съ англичанами; преданіе о происхожденіи сіягпушей отъ ветерановъ Александра Македонскаго.—Ученыя изысканія В. В. Радлова въ долинѣ Заравшана. **10.** *А. Ивановъ.* Нѣсколько свѣдѣній о Кашгарѣ и о послѣднемъ возстаніи противъ китайцевъ. **10. 18.** *Пав. Зенковъ.* Эксплуатація земной поверхности въ Киргизской степи. **11.** *Баронъ Аминовъ.* Краткія историческія свѣдѣнія о прежнихъ отношеніяхъ Бухары къ Шахрисябсу.—*А. Федченко.* Замѣтки о верхнемъ Заравшанѣ. **11, 18.** *А. Ивановъ.* О запряжкѣ верблюдовъ въ арбы. **12,** Калмыки — выходцы изъ Россіи въ 1770 г. **13.** Шахрисябское владѣніе по разсказамъ Джура-бека и Баба-бека. — *І. Бекчуринъ.* Историческое обозрѣніе Шахрисябса. **14.** Древній торвый путь въ Сред. Азію. **15.** *Бардашевъ.* Свѣдѣнія о дикокаменныхъ киргизахъ. **15, 16.** *М. Терентьевъ.* Матеріалы для статистики Туркестанскаго края. **17** Краткія историческія замѣтки о происхожденіи бекствъ: Ургутскаго, Магіанскаго, Фарабскаго и Ктитутскаго и объ ихъ управленіи до присоединенія ихъ къ рускимъ владѣніямъ.—*Л. Костенко.* Земледѣльческая производительность Сред. Азіи, **1871 г.** Матеріалы для этнографіи Сред. Азіи (см. 1870 г., №№ 1 и 6): киргизскія загадки (Собр. Ш. М. Ибрагимовымъ). **2.** *Загряжскій.* Замѣтки о народномъ самоуправленіи у кара-киргизъ. — Мингъ (узбекскій родъ). **2, 10, 24.** *Пав. Зенковъ.* Эксплуатація земной поверхности въ Киргизской степи. **3.** Очеркъ исторіи киргизскаго народа съ 1732 по 1868 годъ. — Магіанскія, Фарабскія и Кштутскія владѣнія.—О состояніи скотоводства въ Туркестанскомъ краѣ **4.** *А. Кушакевичъ.* Гончарный промыселъ въ Ходжентскомъ уѣздѣ.—Лабубна, армян. историкъ I вѣка. **7.** Наши отношенія къ дунганамъ, Кашгару и Кульджѣ. **9.** *П. Рейнталь.* По поводу замѣтокъ о народномъ самоуправленіи у кара-киргиз (см. № 2). **9, 10** *А. Хорошхинъ.* Народы Сред. Азіи (истор.—этнографич. этюды): недостатокъ точныхъ историч. сказаній о Ср. Азіи; народы древняго періода исторіи Сред. Азіи: скифы, греки, персы и китайцы; народы средняго періода: арабы и узбеки; о. Іакинфъ о татарахъ XIII в.; Чингисъ-ханъ; монголы; Узбекское иго; Вамбери объ узбекахъ; очеркъ современныхъ намъ коренныхъ народностей Сред. Азіи (таджики и узбеки); сказаніе о происхожденіи узбековъ; исчисленіе 92-хъ колѣнъ ихъ; очеркъ современныхъ намъ пришлыхъ народностей Ср. Азіи (иране, евреи, индѣйцы, цыгане и авганцы) 14. Родословная Магнитской династіи.— *Ш. Ибрагимовъ.* О муллахъ въ Киргизской степи. — *Титовъ.* О лѣсоводствѣ въ Киргизской степи. **15 — 21.** Таджики,—этногр. оч. **16.** Населеніе Илійскаго края и его промышленность (о киргизахъ и калмыкахъ). **21.** Матеріалы для юридич. статистики Туркестанскаго края. **22** Замѣтки о Когистанѣ. — *А. Федченко.* Замѣтка о степи Кизылъ-Кумъ. **25.** Замѣтки М. И. Венюкова о настоящемъ положеніи Монголіи. **29.** Номанганскій окр. Коканскаго ханства. **29, 30, 39—42.** *А. Гребенкинъ.* Узбеки (под-

*) Издаются съ 28-го апрѣля 1870 г.

робныя свѣдѣнія о родахъ узбековъ). **31**. Ремесленная дѣятельность таджиковъ Заравшанскаго окр. — Монгольскій вождь (о Цаганъ-Гигенѣ). **34**. О способахъ врачеванія у туземцевъ Туркестанскаго края.—Русская торговля въ Монголіи. **43** *В. Дмитровскій*. За-дарьинскій край (геогр.—стат. замѣтки).**44**. *А. Гребенкинъ*. Этнографичеекій очеркъ Заравшанскаго окр. (персы, арабы, мазанъ, люли, джючи, ходжи). **46**. *А. Хорошхинъ*. Сугутъ топогр. — этногр. оч. (кара-калпаки и кипчаки). **47**. *І. Краузе*. О косметическихъ средствахъ, употребляемыхъ туземными женщинами Туркестанскаго края: усма, сурьма, упа, эйликъ, тышъ-калы и хенна.

1872 г. 1. Киргизы,—этнограф. очеркъ. **3**. Поѣздка къ Адаевцамъ (о байгѣ у киргизовъ). **11**. *І. Краузе*. О красильномъ искусствѣ туземныхъ жителей Туркестанскаго края. **11, 13, 14**. *А. Кушакевичъ*. Очерки Ходжентскаго уѣзда (галча, таджики, узбеки). **12**. Замѣтки о земледѣліи въ Самаркандскомъ раіонѣ. **14**. *А. Хорошхинъ*. Замѣтка о „закетѣ“ (милостыни) въ Бухарскомъ ханствѣ. **16**. Проходимость туркменскихъ степей. **17**. О торгоутахъ, прикочевавшихъ въ Кульджинскій край. **18**. *М. Г. Богдановъ*. Послѣдніе дни жизни Тамерлана (съ персид.),—отрывокъ изъ исторіи „Тарихи-Тимуръ“. **19, 23, 38**. *Мисс. Вас. Покровскій*. Изъ прежняго быта калмыковъ-эмигрантовъ. **21—25, 27, 30—32**. *А. Гребенкинъ*. Замѣтки о Когистанѣ (о таджикахъ). **25**. Торгоуты При-илійскаго края. **26**. Путешествіе Шау въ Вост. Туркестанъ. **29**. *Г. Загряжскій*. Очерки Перовскаго уѣзда (о киргизахъ). **32**. *А. Кушакевичъ*. Замѣтка о туземныхъ красильныхъ веществахъ (см. 47 № 1871 г. и 11-ый 1872 г.): сурьма, упа, ай-лыкъ, тишь-калы, хна и рейханъ. **35**. *Султанъ А. Нурекинъ*. Очеркъ исторіи Кокана съ 1841 по 1864 г.—*А. Хорошхинъ*. Тамды или Тамзы (сказоч. преданія объ этомъ урочищѣ). **39**. *Н. Маевъ*. Сношенія Россіи съ Сред. Азіею при Петрѣ Вел. **40, 41**. *С. Идаровъ*. Поземельное право и податная система по магометанскому законодательству. **42**. *А. Хорошхинъ*. Байтук-батуръ (разсказъ изъ каракиргизской жизни). **45**. *А. Гребенкинъ*. Этнографич. очеркъ Заравшанскаго окр. (продолж., см. 44 № 1871 г.): таджики.—*А. Чайковскій*. Иссыкъ-кульскій уѣздъ въ 1869—1871 гг.: нравы и нравственность киргизовъ.

1873 г. 1. *Г. Загряжскій*. Киргизскіе очерки: ашъ, или тризна по умершимъ.—Черты характеристики семитическихъ и арійскихъ народовъ. **3**. *А. Гребенкинъ*. Замѣтка о видахъ землевладѣнія въ Заравшанскомъ окр.—Низовья Аму-Дарьи до Кунграда (каракалпаки, киргизы, узбеки и сарты). **4**. *Г. Бородинъ*. Кульджинскія владѣнія до занятія ихъ рус. войсками. **6**. *Ю. Балицкій*. Замѣтки о кочевомъ населеніи въ Вѣрненскомъ уѣздѣ (киргизы). **8**. *Пав. Зенковъ*. Колонизація Семирѣчья. **9, 10**. *Г. С. Загряжскій*. Очерки Токмакскаго уѣзда (сарты и кара-киргизы). **10**. Замѣтки объ юго-восточной части Чимкентскаго уѣзда. **11**. *Г. Стрѣльниковъ*. Илійско-Балхашская низменность. **12**. Свѣдѣнія о климатѣ Туркестанскаго края.—*П. Зенковъ*. Ягодный промыселъ въ Семирѣченской обл. **13**. *А. Хорошхинъ*. Узбеки кенегезъ,—этнограф. очеркъ. **15**. Молитвенный сеансъ ордена Джагріе. **19**. *Мисс. В. Покровскій*. Изъ прежняго быта калмыковъ-эмигрантовъ (см. 1872 г., №№ 19, 23 и 38).—*Кушакевичъ*. Угоръ-гасынъ или иссык-кульскій корешокъ. **20**. *Г. Арендаренко*. Юридическая оцѣнка русскаго и мусульманскаго законоположенія о находкѣ и пригульномъ скотѣ (лёкота). **27**. *Баронъ Аминовъ*. Джизако-Чиназская голодная степь и памятники бывшей въ ней осѣдлости. **31, 46** Путешествіе черезъ киргизскія степи въ Хиву въ 1842—1843 гг. д-ра философіи Базингера. **32, 33**. *А. Л. Кунъ* Замѣтки о податяхъ въ Хивинскомъ ханствѣ. **38**. *А. Хорошхинъ*. Рабы-персіяне въ Хивинскомъ ханствѣ. **40**. *А. Кунъ*. Описаніе печатей хивинскихъ хановъ. **42**. Объясненіе нѣкоторыхъ терминовъ, встрѣчающихся въ киргизскомъ судопроизводствѣ. **43**. *Султанъ А. Нурекинъ*. Аристократич. каста въ Кунградскомъ родѣ.—*П. Зенковъ*. Звѣриный промыселъ въ Семирѣченской обл. **44**. Слѣды христіанства въ Туркестанѣ. **45**. Алексѣй Павловичъ Федченко (некрологъ). **47**. Татарская колонія Ногай-курганъ.

1874 г. 1. Замѣтка о поземельныхъ сборахъ въ Заравшанскомъ окр. **5**. О названіи «туркменъ». **5, 19**. *М. Ростиславовъ*. Очеркъ видовъ земельной собственности въ Туркестанскомъ краѣ. **7**. Проституція въ Сред. Азіи. **8—10**. *А. Гребенкинъ*. О гончарномъ производствѣ въ Заравшанскомъ окр. **15**. Орденъ Хуфіе. **19, 20**. Очеркъ постепеннаго русскаго движенія на Востокъ. **20**. О рыболовствѣ киргизовъ. **23**. Мѣновая торговля въ Оренбургскомъ краѣ. **25**. *Г. Арендаренко*. Значеніе власти аксакаловъ въ

отдаленныхъ кишлакахъ (о киргизахъ). **25, 27—32.** *Г. С. Загряжскій.* Бытъ кочеваго населенія долинъ Чу и Сыръ-Дарьи (о киргизахъ): киргиз. юрта; домашняя утварь: саба, турсукъ, ведро, подойникъ; киргиз. день; пища; сугумъ, права султановъ на сугумъ; гостепріимство; игры и забавы; скачки; кызъ-когаръ; кости, шашки, бабки; музыкал. инструменты; сурнайчи; охота, оружіе и способы охоты; ремесла и промыслы; кожи, обработка ихъ для разныхъ цѣлей: мѣхъ, замша, сыромять; копченіе кожъ, кебежъ, таласъ; шерсть и издѣлія изъ нея; арканы, тесьмы, кошмы, текемети, армячина; вышивка по кошмамъ; чій и его обдѣлка; издѣлія изъ дерева: керега, ууки, чегаракъ, срокъ, баканъ; метал. издѣлія; производство мыла; добываніе красокъ и селитры; выдѣлка пороха; звѣриный и рыбный промыслы; добываніе соли и необходимость ея для кочевниковъ. **33.** Вѣсы и мѣры въ Сред. Азіи. **35.** *Г. Арендаренко.* Кишлакъ-Карнакъ. **40.** Перевозочныя средства въ Туркест. краѣ. **41.** Замѣтка о мусафирахъ. **41, 42, 44, 45.** *Г. Загряжскій.* Кара-киргизы: нравы и обычаи; день въ аулѣ; калымъ и бракъ; рода и отдѣленія (кыркъ); земли, занятыя Черной Ордой; разница въ характерѣ родовъ. **42.** Рода и подраздѣленія туркменъ Хивинскаго ханства. **46.** *П. Зенковъ.* Экономич. замѣтки по Киргизской степи отъ Иртыша до Иссыкъ-куля.

1875 г. 6. *Ю. Казбековъ.* Цикловой годъ у киргизовъ и другихъ народностей Сред. Азіи. **11.** *А. Кунъ.* Разсказъ хакима (правителя) города Ханки Аминъ-бая объ его посольствѣ въ Индію въ 1870—1871 гг. **14.** Положеніе миссіонерскаго дѣла въ Семирѣченской обл. **16.** Вѣсы и мѣры въ Сред. Азіи (см. 1874 г., № 33).—*Н. М—въ.* Къ вопросу о родственной связи средне-азіатскихъ народовъ между собою. **22.** Права средне-азіатской женщины. **26.** Фульгянъ-ичеку (крас. растеніе). **27.** *М. Ростиславовъ.* Преданіе о царицѣ Биби-Ханымъ. **30.** Страница изъ исторіи Хивы XII и XIII вв. **34.** *Ю. Казбековъ.* Праздникъ Зенги-ата (у киргизовъ).

1876 г. 1. Китайское владычество въ Сред. Азіи. **2—7, 10—14, 17.** *Н. Маевъ.* Очерки Гиссарскаго края. **8.** Открытіе развалинъ древнихъ городовъ Мешедъ и Местеріанъ въ Туркменіи. **12.** Архивъ Кокандскаго хана. **17.** Сборы и пошлины въ бывшемъ Кокандскомъ ханствѣ. **19.** Запад.-китайскія народности въ Ферганѣ (калмыки, дунганы, солоны, китайцы, манджуры и джунгары). **20, 29.** Коневодство у киргизъ. **14.** *Д. Загѣпинъ.* Поѣздка къ развалинамъ Шара-кія. **26, 27.** *Л. Соболевъ.* Новѣйшая исторія Бухарскаго и Кокандскаго ханствъ. **28.** Замѣтка о Ташкентскомъ музеѣ. **28.** Замѣтки о монетѣ, вѣсѣ и мѣрѣ въ Китаѣ. **28, 30, 37.** Описаніе наиболѣе замѣчательныхъ восточныхъ рукописей изъ числа пріобрѣтенныхъ ген.-лейт. Г. А. Колпаковскимъ въ г. Кокандѣ. **33.** Объясненіе слова „таксиръ“. **34.** *Г. Крестовъ.* Пещера Бек-ауліс-тасъ. **41.** Гальча или горные таджики.

1877 г. 6. Положеніе миссіонерскаго дѣла въ Туркестанской епархіи.—*Ю. Казбековъ.* Туземныя мѣры и вѣсы въ Ферганской обл. **8, 10.** *Г. Потанинъ.* Кобдо и его округъ (изъ газ. „Сибирь“). **14.** *М. Ростиславовъ.* Нѣсколько словъ объ ишанахъ (ходжахъ) и о значеніи ихъ дѣятельности. **22.** *Г. Арендаренко.* О метеорологическихъ позналіяхъ туземцевъ Заравшанскаго окр. **51.** Оз. Норъ-Зайсанъ и Чер. Иртышъ.

1878 г. 1, 2. *Ю. Казбековъ.* Мусульманскій праздникъ Іиди-шерифи Рамазанъ или Іидуль-кабиръ. **22.** О возвращеніи въ Петербургъ изъ путешествія по Монголіи Г. Н. Потанина. **28.** Манкытская династія, нынѣ царствующая въ Бухарѣ. **44.** Авганцы (изъ „Daily News“). **46—49, 51.** *Н. Маевъ.* Очерки горныхъ бекствъ Бухарскаго ханства.

1879 г. 1. *Н. Маевъ.* Очерки горныхъ бекствъ Бухарскаго ханства (оконч.) **12.** Замѣтка о древнихъ урочищахъ Туркестанскаго края. **14, 17—20, 23, 28, 29.** *Г. Арендаренко.* Зеравшанскія замѣтки (о народномъ судѣ у туземцевъ). **34, 35.** *Н. Веселовскій.* Русскіе невольники въ средне-азіатскихъ ханствахъ. **43.** Археологическіе памятники въ Семирѣчьѣ и Кульджинскомъ районѣ. **47—49.** *С. Идаровъ.* Типъ національнаго индійскаго государства (инд. общины и инд. казачество). **50.** *Ю. Казбекъ.* Приблизительное маршрутное разстояніе между городами Азіи въ фарсангахъ и о Мавараннахрѣ, по восточ. источникамъ.

1880 г. 2, 3, 5. *Г. Арендаренко.* Между туземцами степнаго уѣзда (киргизы и сарты). **11, 13, 15, 18—21, 24, 25, 27—29.** *В. Наливкинъ.* Очерки земледѣлія въ Наманганскомъ уѣздѣ. **20.** Замѣтки по Джизакскому району (условія хлѣбопашества и сборъ поземельной подати). **27.** *П. Григорьевъ.* Туземцы и конкаръ (отваръ или на-

стой изъ маковыхъ головокъ): къ вопросу о воспрещеніи жителямъ края приготовленія и продажи наркотическихъ веществъ. **34, 38, 46.** *Г. Арендаренко.* Скотоводство въ Зеравшанской долинѣ. **35.** Курильщики хашиша. **47, 48.** Туземный базаръ и торговыя пошлины.

1881 г. 1, 8—10, 12, 13. *Г. Арендаренко.* Скотоводство въ Зеравшанской долинѣ (см. 1880 г., №№ 34, 38 и 46). **2, 3.** *Ш. Акимбетевъ.* Очерки Когистана (земледѣліе, садоводство, скотоводство, землевладѣніе, орошеніе полей и промыслы; языкъ гальча и таджиковъ). **3, 4.** *Искандеръ-Тюря.* Свѣдѣнія объ ягнаубскомъ народѣ (къ матеріаламъ для изслѣдованія ягнаубскаго языка). **17—19.** *М. Михайловъ.* На судѣ кадіевъ. **20, 21.** *В. Наливкинъ.* Киргизы Наманганскаго уѣзда. **23.** *М. Федоровскій.* О вексельной правоспособности туземцевъ Ферганской обл. **30, 31, 38.** *А. Броневскій.* Положеніе о пошлинахъ за право торговли и промысловъ въ примѣненіи къ Туркестанскому краю. **32.** *М. Федоровскій.* Народности Ферганской обл. съ точки зрѣнія подсудности и опеки. **39, 46.** *С. Гескетъ.* По вопросу о колонизаціи Туркестана.

1882 г. 17, 18. О рыболовствѣ въ Семирѣчьѣ. **25.** *А. Романовъ.* Статистич. очерки Кураминскаго уѣзда. **29.** *Н. М—ъ.* Матеріалы къ исторіи движенія русскихъ въ Сред. Азію. **38.** Чалаказаки или шалаказаки,—этнограф. очеркъ.—*М. Федоровскій.* Юридическая замѣтка; 1) шуфъ (право сосѣдства) и 2) продажа недвижимости внѣ городовъ. **41.** *А. Первушинъ.* Податныя тягости у киргизъ. **47.** *М. Михайловъ.* О подсудности брачныхъ дѣлъ между туземцами" Туркест. края. **51.** *М. Федоровскій.* Къ вопросу о брачномъ правѣ туземцевъ (киргизовъ).

1883 г. 1—4. *Н. Остроумовъ.* Что такое коранъ? **1—6, 7, 10, 11.** *В. Александровъ.* Поѣздка въ Кульджу въ 1880 г. **5, 6.** *Н. Остроумовъ.* Краткая исторія текста корана. **7.** *Н. Остроумовъ.* Языкъ корана. **8.** *Н. Остроумовъ.* Уваженіе мухаммеданъ къ корану и употребленіе его. **9.** *А. Сапожниковъ.* По поводу ст.: „О подсудности брачныхъ дѣлъ между туземцами (см. 1882 г., № 47). **9, 10.** *Н. Остроумовъ.* Ученіе корана. **16—20.** *В. Наливкинъ.* Замѣтки по вопросу о лѣсномъ хозяйствѣ въ Ферганѣ. **17.** *Ишъ-Мухаммедъ Букинъ.* Физическое и умственное воспитаніе у киргизъ. **24—26,** Долины Вахша и Кафирингана. **29.** *Клитчоглу.* Къ вопросу о научномъ образованіи туземцевъ. **35—39.** *В. Наливкинъ.* По поводу книги А. Ф. Миддендорфа: „Очерки Ферганской долины". **45.** *Н. О—въ.* Рыболовство въ низовьяхъ Сыръ-Дарьи и на Аральскомъ морѣ.

1884 г. 1. *В. Соколовъ.* Замѣтка о Ташкентскомъ музеѣ. **6.** *В. Соколовъ.* Réclus о Туркестанѣ (библіогр. зам.). **13.** По поводу назначенія туземцевъ на должности волостныхъ управителей, козіевъ и біевъ. **17.** *А. Регель.* Путешествіе въ Шугнанъ. **26.** *Кап. Бряновъ.* Раскопки въ кишлакѣ Аксы. **28—31.** *Н. Остроумовъ.* Значеніе названія „сартъ". **33.** По вопросу о землевладѣніи въ Туркестанскомъ краѣ: какія земли почитаются мертвыми; значеніе власти имама въ дѣлѣ оживленія мертвыхъ земель; о податномъ положеніи оживленныхъ земель; о размѣрѣ правъ оживителя на землю; о заявкѣ (тахаджуръ), о харимѣ и вознагражденіи за вредъ и убытки. **41, 50.** *М. Михайловъ.* Къ вопросу о распространеніи образованія среди туземцевъ русскаго Туркестана. **51.** *Е. Александровъ.* Пути кочевокъ киргизъ Малой орды Петровскаго и Казалинскаго уѣздовъ.

1885 г. 7. Древній усуньскій городъ на берегу оз. Иссыкъ-куля (изъ „Вост. Обозр."). **7—9.** *П. Аверьяновъ.* Очеркъ экономическаго состоянія Наманганскаго уѣзда. **14.** *Аполл. Дьятковъ.* Киргизскія нужды. **20, 21.** *А. Дмоховскій.* О колонизаціи Ферганы. **23—25.** *М. Миропіевъ.* Хаджъ (религіозное путешествіе мухаммеданъ въ Мекку). **26—29.** Къ вопросу о землевладѣніи въ Туркестанскомъ краѣ. **30.** О пользованіи водою по мусульманскому праву (изложено по книгѣ Видая). **30, 31, 38.** *Н. Емельяновъ.* Матеріалы для статистики Туркестанскаго края (движеніе населенія).

1886 г. 4, 5. *Н. Энгельгардтъ.* Очерки Коканда. **10.** *Александровъ.* Конокрадство въ средѣ киргизъ. **11.** *Н. Емельяновъ.* Матеріалы для статистики Туркестанскаго края (характеръ и родъ преступленій). **12, 14.** Страны и пограничные жители Ку и Баба (изъ реферата г. Лемдена въ Лондонскомъ Географ. Общ.). **18, 19.** *М. Лютовъ.* Несторіанство въ Сред. Азіи. **29.** Административное устройство Китайской имп. **33, 35.** Постановленія мусульманскаго законодательства о дольщикахъ. **46.** Памятники несторіанства въ Сред. Азіи.

1887 г. 2. *Н. Емельяновъ*. Численность вакуфовъ Туркестан. края. 16—18. *Н. Дингельштедтъ*. Пользованіе водою по обычаю. 24. *І. Г. Шура*. Доисламскія вѣрованія арабовъ. 28. Раскопки могильныхъ кургановъ близъ Ташкента. 31. Еще о раскопкахъ близъ Ташкента. 34. *Е. Александровъ*. Очерки степи Каракумъ. 38, 39. Вакфъ (сбереженіе имущества).

1888 г. 8, 9. *П. В. Путиловъ*. Замѣтки о жизни русскихъ и сартовъ въ Туркестанскомъ краѣ. 24, 25. Закаспійская обл. въ археологическомъ отношеніи („Новости"). 27, 29—31. 37. *М. Михайловъ*. Русскіе поселки въ Ауліе-атинскомъ и Чимкентскомъ уѣздахъ. 32. Колонизаціонное движеніе въ Туркест. краѣ. 47. Общественныя запашки.

Къ малорусской библіографіи.

Составленіе систематическаго или какого-бы то ни было полнаго указателя по этнографіи южной Россіи является настоятельною потребностью, которая чувствуется всякимъ, кто занимается этимъ краемъ. Пока будетъ приступлено къ такому указателю, по нашему мнѣнію, не безполезно было бы сообщать въ печати матеріалы для такого указателя, хотя бы малоизвѣстные и малодоступные, какими являются, напр., разныя провинціальныя изданія, особенно прекратившія свое существованіе и, можетъ быть, невиданныя въ столицахъ. Въ видѣ примѣра, мы даемъ обзоръ двухъ прекратившихся Екатеринославскихъ изданій, въ той надеждѣ, что и другіе мѣстные дѣятели и любители этнографіи послѣдуютъ хорошему примѣру г. Манжуры. *Ред.*

„Степь" *).

№ 2. Запорожцы. Этнографическій набросокъ. *Я. Новицкаго*. — Преданія о происхожденіи запорожцевъ, объ уничтоженіи Сѣчи и уходѣ запорожцевъ въ Турцію. — № 4. Гюзаль. Текинская легенда. *М. Гатэ*. Легенда напоминаетъ украинское сказаніе о кровосмѣсителѣ. Любимая вторая жена текинскаго хана Гюзаль родила сына съ кровавымъ знакомъ сердца на груди. Ревнующая и завидующая ей первая жена хана выкрадываетъ и прячетъ ребенка, который черезъ 18 лѣтъ съ шайкой разбойниковъ нападаетъ на аулъ отца, но разбитый попадаетъ къ нему въ плѣнъ и дѣлается его невольникомъ. Гюзаль плѣняется имъ и бѣжитъ съ нимъ въ горы. Тогда является на сцену первая жена и открываетъ хану, кто былъ его невольникъ, и объявляетъ о бѣгствѣ съ нимъ Гюзали. Ханъ сходитъ съ ума. Между тѣмъ къ Гюзали, поселившейся съ любовникомъ-сыномъ въ горахъ, приходитъ ея отецъ и, открывъ ей грѣхъ ея кровосмѣшенія, проклинаетъ ее. Гюзаль молитъ отца о прощеніи; въ это время камень, нечаянно столкнутый старикомъ, убиваетъ ее. Возвращается сынъ-любовникъ, выслушиваетъ отъ старика исторію своего происхожденія и, проклятый имъ, превращается въ камень. — № 12. Бракъ у Туркменовъ. *М. Гатэ*. Краткая замѣтка о свадебныхъ обрядахъ у Туркменъ. — № 23. Монкошъ и Кичи. Аллегорическая текинская легенда. *М. Гатэ*. Разсказъ о злобномъ горномъ духѣ, за измѣну одной изъ смертныхъ мстящемъ любящимъ женщинамъ, разстраивая ихъ счастье. — № 24. Территорія и населеніе Елисаветградскаго уѣзда. *П. Бурлаки*. — №№ 31, 32, 33, 36, 38 и 45. Запорожье въ памятникахъ устнаго народнаго творчества. *Я. Новицкаго*. IV (Рядъ статей очень богатыхъ народными преданіями, начало которыхъ помѣщено было въ Екатеринославской газетѣ „Днѣпръ" за 1884 г., №№ 130, 138, 146, и за 1885 г. № 358). — Деревня Маркусова въ ея настоящемъ: мѣстоположеніе, на-

*) Еженед. газета, издававшаяся въ Екатеринославѣ въ 1885 — 1886 гг. Мы выписали статьи не только чисто-этнографическія, но также и по сопредѣльнымъ наукамъ (географіи и пр.).

селеніе, экономическій бытъ и проч. Исторія. Воспоминанія о Екатеринѣ II и Потемкинѣ. Начало возникновенія деревни. Могилы степи и легендарное ихъ происхожденіе. Исчезновеніе каменныхъ изваяній. Граница татарскихъ владѣній. Зміевъ валъ и легенда о зміѣ. Предѣлы запорожскихъ владѣній. Степи въ старину. Жизнь запорожцевъ. „Богатырева" балка. Полозы. Находка клада. Гайдамацкій кладъ. Урочища и укрѣпленныя мѣстности: балки—„Осокорова" и „Кичкаска". Преданіе о гайдамакахъ и „запорожцахъ—характерникахъ". Скалы: „Хмарна, Пугачи, Школа". Пещера — Школа; преданія и описаніе. Пещеры: Соколы-Голубы, Попова и др. Затонувшій лѣсъ временъ Екатерины II. Слѣды побоища на островѣ Прусовомъ и мн. др.—№ 33. Государыня широкая масляница. *Ив. М-ры.*—№ 37. Баптисты въ Екатеринославскомъ уѣздѣ. Мѣстное собраніе пѣсенъ.—№ 41. Приходъ весны, по народнымъ примѣтамъ и повѣрьямъ. *Ив. М—ры.*—№№ 44 — 46. Статистика Екатеринославскаго губернскаго земства. *В. Кузнецова.*—№ 51. Купало. *Ив. М—ры.* (На 51 № газета прекратилась).

„Екатеринославскій Юбилейный Листокъ" *).

№ 2. Картинка введенія Екатерининскихъ порядковъ въ запорожскомъ краѣ. *Ив. М—ры.* Народныя преданія о выселеніи запорожцевъ, о введеніи въ бывшемъ запорожскомъ краѣ паспортной системы и недовольство населенія. Строгость коммиссаровъ, вводившихъ эти порядки; первыя проявленія закрѣпощенія.—№ 6. Преданіе о могилахъ „Близнецы". *А. Кащенка.* Преданіе разсказываетъ, что нѣкогда, на мѣстѣ этихъ могилъ, жилъ „турецкій царь", сильно любившій свою жену. Завистницы черезъ царскаго лѣкаря оклеветали ее передъ мужемъ въ прелюбодѣяніи. И вотъ, когда царица, доселѣ неимѣвшая дѣтей, родила близнецовъ, царь велѣлъ зарыть въ землю ее и дѣтей „живцемъ". Затѣмъ клевета выяснилась, и царь въ наказаніе лѣкарю-клеветнику велѣлъ носить на могилы невинно-погибшихъ землю до самой его смерти. Этотъ-то лѣкарь и насыпалъ могилы „Близнецы"—одну надъ матерью, а другую надъ дѣтьми, въ которой похороненъ и самъ. Съ той поры разъ въ годъ въ полночь на одной изъ могилъ является въ видѣ огненнаго привидѣнія погибшая царица съ дѣтьми, а на другой горитъ въ это время огненный столбъ.—№ 9. Половица. (Изъ воспоминаній старухи). *Я. Новицкаго.* Преданія, записанныя въ Маріупольскомъ уѣздѣ, о народномъ бытѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія.—№ 12. Зміевъ Валъ въ с. Мануйловкѣ Новомосковскаго у. *Ив. М-ры.* Описано одно изъ древнихъ земляныхъ укрѣпленій, извѣстныхъ въ Малороссіи подъ назв. „Зміевыхъ валовъ".—№ 15. Про Нечая. Народная пѣсня.—№ 20. Брылёвый шляхъ. *Гр. Залюбовскаго.* Шляхъ этотъ — одна изъ старинныхъ чумацкихъ дорогъ въ Новомосковскомъ у., получившая свое названіе отъ „брылей" (шляпъ), которыя мѣстное населеніе, встрѣчая Екатерину II на этомъ шляху, вздѣвало на палки въ видѣ привѣтствія.—№ 22. Города Екатеринославской губерніи по *Бруну.* Выдержка изъ книги Бруна: „Замѣтки о древней географіи Новороссіи и Бессарабіи", изданной въ 1857 г. на франц. языкѣ.—№ 23. Разсказы дѣда Кравца. *Як. Новицкаго.* Народныя преданія. Проѣздъ Екатерины черезъ Новые Койдаки. Шутка надъ запорожцами въ Половицѣ. Невичана губерня и невичана балка. Характеристика прежнихъ обывателей. Почему запорожцы ушли изъ Половицы? Коржъ и Коржовы могилы. Воспоминанія о запорожцѣ Берлинѣ. Разсказы его. Преданіе о томъ, какъ запорожскіе старшины обращались съ голотою и казаками. Сиромацька писня. Характерникъ Кравчина и примѣры характерства у запорожцевъ. Какъ запорожцы „курили" водку.—№ 25. Путь Екатерины отъ Екатеринослава до Никополя по народной памяти. Преданія, записанныя *Я. П. Новицкимъ.*

(На 25 № „Листокъ" прекратился).

Ив. Манжура.

---

*) Издавался въ Екатеринославѣ въ апрѣлѣ и маѣ 1887 г., по случаю 100-лѣтняго юбилея города.

Указатель этнографической литературы о Мордвѣ.

1. **Ibn-Foszlan's** und anderer Araber Berichte über die Russen. (Fraehn)

2. Сводъ относящихся къ XIII в. европейскихъ извѣстій о Мордвѣ (миссіонера Юліана 1235 г., Плано Карпини, Рубруквиса и др.) у **Томашка** „Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden“ (Sitzungsberichte der Philos-philol. Classe der Kais. Akad, d. Wiss. XVII Bd., p. 15, Wien 1889).

3. **Іос. Барбаро**. „Библіотека иностр. писателей о Россіи“.

4. **Vitsen**. Noort-ooster Geeleelte van Asia en Europe. Amst. 1703, p. 628,883.

5. **Strahlenberg**. Das Nord-und Öst—Theil von Europa und Asia. Stock., 1730, p. 401. 402.

6. **Müller**. Sammlung der Russ. Geschichte. Bd. III.

7. **Лепехинъ**. Дневныя записки. Ч. I.

8. **Палласъ**. Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійской Имперіи. I.

9. **Георги**. Описаніе всѣхъ народовъ. I, 42 и сл.

10. **Мельниковъ**. Путевыя письма. Ог. Зап. 1839, № 11.

11. **Фуксъ**. Журналъ Министерства Внутр. Дѣлъ. 1839, № 10.

12. Саратовск. Губ. Вѣд. 1844, № 6, 50, 52.

13. **Маякъ**. 1845, т. XX, 4.

14. Пензенск. Губ. Вѣд. 1847, № 25.

15. **Милковичъ**. Топографическое описаніе Симбирскаго Намѣстничества. Симб. Губ. Вѣд. 1851, № 31.

16. Симбирск. Губ. Вѣд. 1851, № 25.

17. Архивъ Историко-Юридич. свѣд. о Россіи. II.

18. Памятная книжка Сарат. губ. 1858.

19. Самарскія Губернскія Вѣдомости. 1859, № 9.

20. Симбирск. Губ. Вѣд 1860, № 43.

21. Разсвѣтъ. 1860 (?).

22. Вѣкъ. 1861. № 48.

23. Пензенск. Губ. Вѣдом. 1862, № 24.

24. Памят. книж. Сарат. губ. 1864.

25. **Мартыновъ**. Мордва въ Нижегор. уѣздѣ. Нижегор. Губ Вѣд. 1864, № 24.
26. **Прозинъ**. Картины Мордовскаго быта Пенз. Губ. Вѣд. 1865 № 39—40.
27. Сарат. Епарх. Вѣд. 1866.
28. Пензенскія Еп. Вѣд. 1866, № 3.
29. **Орловъ**. Матеріалы для Исторіи и Статистики Симбир Губ. 1866.
30. **Кронтовскій**. „Свадьба у мордвы Бугульминск. у. Самарск. г.“ Самарск. Губ. Вѣд. 1866, 26.
31. „Кузька, мордовскій богъ“. Отеч. Зап. 1866, № 16—19.
32. Руководство для сельскихъ пастырей. 1867.
33. Пензен. Губ. Вѣд. 1867, № 33—38.
34. **Русановъ**. „Мордовскій молянъ“. Пенз. Еп. Вѣд. 1868, № 1.
35. **Бѣляевъ**. „Эпизоды изъ исторіи Краснослободскаго у.“ Пенз. Еп. Вѣд. 1868, № 11, 13, 15.
36. **Иллюстровъ**. „Обряды Мордвы при погребеніи и поминовеніи умершихъ. Пенз. Еп. Вѣд. 1868, № 3.
37. **Беневоленскій** Мордовскія вѣрованія. Самар. Еп. Вѣд. 1868, № 21.
38. Донъ. 1868, № 39, 40, 45, 46.
39. **Ауновскій**. „Этногр. очеркъ Мордвы—Мокши“. Пам. книга Симб. губ. 1869.
40. **Барминскій**. Сарат. Справ. Листокъ 1869.
41. **Примѣровъ**. „Религіозные обряды, языческія суевѣрія и обычаи Мордвы Краснослоб. у. Пенз. Еп. Вѣд. 1870, № 16.
42. **Снѣжницкій**. „Праздникъ Петроозксъ въ Мордовскомъ селѣ К—сѣ. Пенз. Еп. Вѣд. 1870, № 20—23.
43. Э—въ. „Религіозная сторона морд. жизни“. Сам. Губ Вѣд. 1870. № 188, 189.
44. **Риттихъ**. Матеріалы для этнографіи Россіи. Губ. Казанская. 1870.
45. Пенз. Епарх. Вѣд. 1871, № 19—20.
46. **Гавріилъ**. Описаніе Оранскаго монастыря. Н. 1871.
47. Гражданинъ. 1872, 4.
48. Мірской Вѣстникъ. 1875.
49. „Симбирская Мордва“. Соврем. Изв. 1876, № 105.
50. **Митропольскій**. Мордва, религіоз. воззрѣнія ихъ, нравы и обычаи“. Тамб. Еп. Вѣд. 1876, № 12—13.
51. „Мордва—Мокша“. Пенз. Губ. Вѣд. 1876, № 106. 108, 110, 112.
52. „Эпизоды изъ жизни Мордвы Городищ. у.“. Пенз. Губ. Вѣд. 1876, № 127.
53. „Погребальные обряды и повѣрья крещеной Мордвы Уфим. губ. Каз. Еп. Изв. 1877, № 8.
54 **Майновъ**. „Обзоръ литературы о Мордвѣ“. Изв. И. Р. Геогр. Общ. 1877, 2.
55. — „Одинъ день среди Мокши“. Др. и Нов. Россія 1878, № 10.
56. — „Результаты антропològ. изслѣд. среди Мордвы—Эрзи“. Записки И. Р. Геогр. Общ. по отд. этногр. т. XI.
57. — „Очеркъ юридич. быта Мордвы. Ibid. т. XIV, вып. 1.

58. **Майновъ**. „Les restes de la mythologie mordwine“. Journal de la Société Finno-Ougr. V. 1889.

59. **Трироговъ**. Мордовскія общины. Рус. Старина 1880, 6.

60. Оренбургская губернія по ландкартамъ Красильникова (1755) и топографіи Рычкова. Оренб. 1880.

61. „Вышенская Общежительная Пустынь“. Тамб. Еп. Вѣд. 1881, № 1.

62. **Кн. Голицынъ**. Мордва въ Хвалынскомъ у. Сарат. Сборникъ. 1881 (т. I, 177—195).

63. **А. И. С**. Поѣздка въ Песчанку, Оркино и Лохъ. Ibid. Отд. 2, 23—27.

64. **Лунинъ**. Село Старое Славкино, Ibid. Отд. 2, 70—72.

65. **Вазерскій**. Село Шадымъ Наровчат. у. Пенз. Еп. Вѣд. 1881, № 8.

66. **Чекалинъ**. Племенной составъ и исторія населенія Кузнецкаго у. Сарат. Сбор. т. II. 1882.

67. Образцы Мордовской народной словесности. Вып. I. Каз. 1882. Вып. II. 1883.

68. **Вихоревъ**. Село Кочетовка, Пенз. Еп. Вѣд. 1883, № 18.

69. **Соловьевъ**. Очеркъ села Старыхъ Бурасъ. Сар. Еп. Вѣд. 1884. № 16.

70. **Лунинъ**. Очеркъ села Терсы. Сарат. Еп. Вѣд. 1884, № 9.

71. — Очеркъ села Ключей. Сарат. Еп. Вѣд. 1884, № 17

72. **Тресвятскій**. Село Черемшанская крѣпость. Сам. Еп. Вѣд. 1884 № 22.

73. **Докучаевъ**. Село Бояркино. Пенз. Еп. Вѣд. 1885, № 17—19.

74. **Преосв. Питиримъ**. Тамб. Еп. Вѣд. 1885, № 5.

75. Село Барановка. Сарат. Еп. Вѣд. 1885, № 2.

76. **Гребневъ**. Приходъ Ибряйкинской церкви. Самар. Еп. Вѣд. 1885, № 16.

77. — Село Фролкино или Ерзовка. Ibid. № 22, 24.

78. — Мордва Самар. губ. Истор.-этногр. очеркъ. Сам Еп. Вѣд. 1886, № 20—24, 1887, № 1—2.

79. **А. Можаровскій**. Инородцы-христіане Нижегор. Епархіи 100 лѣтъ тому назадъ. Ниж. Еп. В. 1886, № 1—2.

80. **Богословскій**. Лѣтопись о церкви и приходѣ села Великаго Врага. Ниж. Еп. Вѣд. 1886, № 10.

81. **В. К—скій**. Очеркъ Старо-Лопатскаго прихода. Сарат. Еп. Вѣд. 1887, № 7.

82. **Гр. П—въ**. Мордовское село Лобаски. Ниж. Еп. Вѣд. 1887, № 13, 14.

83 **А. Heikel**. Die Gabäude d. Tscheremissen, Mordwinen, Esten und Finnen. Journ. de la Société Finno-Ougr. IV. 1888.

84. Обозрѣніе церквей Нижег. Епархіи. Ниж. Еп. Вѣд. 1888. № 10.

85. **Иссинскій**. Браки-самокрутки у Мордвовъ. Пенз. Еп. Вѣд. 1889 № 12

86. **А. Можаровскій**. Исторія образованія Осинскаго прихода Сергач. у. Нижегор. Еп. Вѣд 1890, № 3.

87. — Село Кладбищи Сергач. у. ibid. № 12.

88. — По исторіи просвѣщенія Нижегородской Мордвы. Ibid. № 16.

87. — Исторія прихода села Чукалъ Сергач. у. Ibid. № 17, 18.

88. **А. Можаровскій.** Исторія образованія прихода с. Селищъ Сергач. у. Ibid. № 20.
89. — Мордовское село Какино, Сергач. у. Ibid. № 23—24.
90. — Березовскій Мордово-Крещенскій прих. Сергач. у. Ibid. 1891, № 1.
91. — Село Болобоново Сергач. у. Ibid. № 8.
92. — Приходъ села Панова-Осанова Сергач. у. Ibid. № 14.
93. — Приходъ села Еденева Сергач. у. Ibid. № 15.
94. **Шевелевичъ.** Село Болдово Инсар. у. Пенз. Губ. Вѣд. 1890, № 227, 230, 233, 236.
95. Н—въ Село Мордовская Левжа. ibid. № 245.
96. **Терехинъ.** Села Ефаево и Рыбкино Краснослоб. у. Ibid. № 272.
97. **Иллюстровъ.** Историко-стат. описаніе села Ямской Слободы, Пенз. Еп. В. 1890, № 28 (?)
98. **Богословскій.** Село Дракино Спас. у. Тамб. Еп. В. 1890, № 18.
99. **Петерсонъ.** Остатки старины въ Пенз. г. Пенз. Губ. Вѣд. №№ 116, 119, 121. 126, 130, 132.
100. **Ерохинъ.** Село Старое Славкино Петр. у. Сар. Губ. Вѣд. 1891, № 41—42.
101. **Дубасовъ.** Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края. Вып. 1, Изд. 2. 1890, 119—130.
102. **Ahlquist.** Einige Proben mordwinischen Volksdichtung. Journ. de la Société Finno-Ougr. VIII. 1890.
103. **Paasonen.** Proben der mordwinischen Volksliteratur. Journ. de la Société Finno-Ougr. IX. 1891.
104. Ermann's Archiv. X, 323, XIX, 556—577.
105. Извѣстія Императ. Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи при Имп. Моск. Университетѣ. (Упоминаніе о Мордвѣ встрѣчается, напр., въ тт. III, вып. I, стр. 34 и сл., 221, 241; XIII, в. 1, стр. 40, 42, 77а, 91; XIII, в. 2, стр. 4 и пр.; XLIX и др.).
106. **В. Ѳ. Миллеръ.** Систематическое описаніе коллекцій Дашковскаго Этнографич. Музея. Вып. I. Моск. 1890.

И. Смирновъ.

ДОПОЛНЕНІЕ
къ Библіографическому указателю статей,
касающихся этнографіи киргизовъ и каракиргизовъ,
составленному **А. Н. Харузинымъ.**

(„Этногр. Обозрѣніе", кн. IX).

Merkwürdigkeiten der Morduanen, Kasaken, Kalmücken, Kirgisen, Baschkiren. (Ein Auszug aus Pallas Reisen). Frankfurt und Leipzig, 1773. 12°, стр. 2+300 Съ рисунками.

О Киргизъ-кайсакахъ Средней орды (Новыя Ежемѣсячныя сочиненія, 1796, части CX—CXVIII).

Киргизъ-Кайсаки Большой, Средней и Малой орды. (Сибирскій Вѣстникъ, 1820 г., чч. IX—X) *).

Разграбленіе киргизами русскаго каравана. (Сибирскій Вѣстникъ 1823, ч. XXII).

Общее обозрѣніе мѣстности киргизъ-кайсацкой степи. (Изъ Записокъ Гавердовскаго). [Сибирскій Вѣстникъ 1823, ч. XXIII].

Каменскій.—Нравы и обычаи киргизцевъ. (Сѣверный Архивъ 1826, ч. 22).

А. Левшинъ.—Объ имени киргизъ-казакскаго народа и отличій его отъ подлинныхъ [или дикихъ] киргизовъ (Московскій Вѣстникъ 1827, ч. IV, № 16).

Степановъ.—О древнемъ жилищѣ Киргизовъ. (Московскій Вѣстникъ 1828, ч. VII, № 3). [Замѣчанія на предыдущую статью Левшина].

В. У.—Киргизъ-Кайсакъ. (Московскій Телеграфъ 1829, ч. 28, №№ 14, 15).

Письмо къ издателю (Сына Отеч.) изъ Петропавловской крѣпости. (Сынъ Отеч. 1830, ч. 136, № 37).

Этнографическое извѣстіе о киргизъ-кайсакахъ (Литературная Газета, 1831, №№ 2, 3). [Изъ Левшина].

О.—Киргизъ-Кайсаки. (Дѣтская Библіотека 1837, ч. I).

---

*) Книги Сибирскаго Вѣстника этого года, какъ и слѣдующія, указаны г. Харузинымъ, но статьи не обозначены. *Н. В.*

Аулъ султана Чингыза Валиханова. С—я. (Одесскій Вѣстникъ 1842, № 74).

М. Ермоловъ.—Рыцарскія забавы киргизъ-кайсаковъ. (Сынъ Отечества, 1843, кн. 5).

Н. Л. Ханыковъ.—О населеніи киргизскихъ степей, занимаемыхъ внутреннею малою ордою. (Ж. Мин. Внутр. Дѣлъ 1844, ч. 8, № 10).

О киргизахъ. (Саратовскія Губ. Вѣд., 1844, № 7).

Ягминъ.—Киргизъ-кайсацкія степи и ихъ жители. 1845. 2 т. съ рисунками.

Ханыковъ.—О киргизскихъ степяхъ. (Ж. Мин. Внутр. Дѣлъ 1845).

Русскій гость у киргизскаго хана. (Саратовскія Губ. Вѣд. 1845, № 49).

Вѣдомость о частныхъ золотыхъ промыслахъ въ киргизскихъ округахъ за 1845 годъ. (Горный журналъ 1846, № 3, отд. Смѣси).

Баймухаметъ Айчуваковъ, генералъ-маіоръ, старшій султанъ правитель западной орды оренбургскихъ киргизовъ. (Оренбургскія Губ. Вѣд. 1846, № 17; 1848, №№ 10—11).

Н. Троицкій.—Взглядъ на Внутреннюю киргизскую орду. (Отечеств. Записки 1848, т. LVIII; отд. Смѣси, стр. 98—110).

Очеркъ исторіи Киргизовъ. (Журн. для воспит. Военно-учебныхъ заведеній, 1849, № 309).

М. Н. Житковъ.—Три встрѣчи. (Оренбургскія Губ. Вѣд. 1849, № 47).

Нѣчто о Киргизахъ. (Оренб. Губ. Вѣд. 1849, № 39).

Алтоборъ. (Тамбов. Губ. Вѣд. 1849, № 39).

М. Н. Жидковъ.—Поѣздка въ киргизскую степь. (Оренб. Губ. Вѣд. 1849, №№ 11, 13; 1850, № 14).

Сутки въ киргизскомъ аулѣ. (Оренб. Губ. Вѣд. 1850, № 2).

А. Леопольдовъ.—Отношеніе русскихъ къ киргизамъ Саратовской губерніи. (Саратов. Губ. Вѣд. 1850, № 13).

М. Н. Житковъ.—Два киргизскія преданія и разсказъ о благодарности (Оренб. Губ. Вѣд. 1850, № 49).

П. Небольсинъ.—Письмо къ редактору. (С.-Петерб. Губ. Вѣд. 1850, № 237). О киргизахъ-фокусникахъ.

Разныя бумаги ген.-маіора Тевкелева объ Оренбургскомъ краѣ и о Киргизъ-кайсацкихъ ордахъ 1762 г. (Временникъ Моск. Общ. Ист. и Древн. 1852, кн. 13).

Ястребовъ.—Киргизскіе шаманы. (Москвитянинъ 1852, № 8).

К. Дужанъ.—Свадебные обряды у киргизовъ Кокбектинскаго округа. (Сѣв. Пчела 1855, № 92).

Замѣчанія о киргизской степи. (Астраханскія Губ. Вѣд, 1856, №№ 1, 3, 10, 11, 14, 22, 25, 29, 30, 34).

Р. И. А.—Киргизскій праздникъ байга въ Кокчетавѣ. (Москов. Вѣд. 1858, № 99).

Семейная распря въ киргизъ-кайсацкой степи. (Часъ Досуга 1861, №№ 9, 10).

Поѣздка на Ашъ. (Подписано: 3—15. Укр. Вѣрное, 26 февр. 1862). [Сѣверн. Пчела 1862, № 108].

И. Ф. Русановъ.—О рудныхъ богатствахъ и минеральныхъ источникахъ Киргизской степи. Томскъ, 1862, стр. 21.

Н. Залѣсовъ.—Письмо изъ степи. (Военный Сборникъ 1864, т III, № 6).

Schott.—Ueber die ächten Kirgisen. Berlin. 1865 *).

Общій очеркъ киргизской степи. (Военный Сборн. 1865, № 12). Съ картою.

Чоканъ Чингизовичъ Валихановъ. Некрологъ. (Отчетъ И. Р. Геогр. Общ. за 1865 г. Спб. 1866).

Ч. Ч. Валихановъ. Некрологъ. (Сибирскій Вѣстникъ 1866, № 3).

Ч. Ч. Валихановъ, родомъ изъ султановъ Киргизской орды. (Русскій Архивъ 1867, № 5—6, стр. 953—981).

Tschokan Tschingisowitsch Walichanow (Mittheilungen aus J. Perthes Geogr. Anstalt, 1867, № 1, S. 37.

Дм. Граменицкій. — Степь Киргизовъ Сибирскихъ. (Міpское Слово 1869, № 24).

К. Скальковскій.—Минеральныя богатства въ Киргизской степи. (Горный журн. 1869, № 10).

А. Габріель. — Мѣдныя и желѣзныя руды въ Киргизской степи. (Извѣстія И. Р. Геогр. Общ. V, № 2).

По поводу статьи Л. Арасанскаго: „Причины волненій въ киргизск. степяхъ". (Современ. Лѣтопись 1869, № 24).

Записка, составленная въ Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, объ измѣненіи системы денежныхъ сборовъ съ киргизовъ Внутренней орды. 8° стр. 55

Внутренняя киргизская орда. (Дѣятельность, 1870, № 8).

О киргизахъ Акмолинской и Семипалатинской областей. (Биржевыя Вѣд. 1870, № 435).

Киргизскій праздникъ. (Жур. Охоты и Коннозав. 1870, № 43).

Области Сибирскихъ и Оренбургскихъ киргизовъ. Москва 1872. 12°, стр. 60.

C. Müller - Fürstenwalde. Die Kirgisen. (Sontagsblatt. 1873, № 40),

Die Kirgisen der kleinen Horde. (Illustr. Zeitung. 1873, № 1548).

Schott. — Einige Zusätze und Verbesserungen zur Abhandlung über die ächten Kirgisen. (Monatsbericht der K. Preuss. Akademie d. Wissensch. zu Berlin. 1873, № 1).

Ванъ-Редъ.—Изъ Омска. (Всемірн. Иллюстр. 1873, № 240). Байга.

О разбояхъ и грабежахъ туркменъ нашихъ киргизовъ. (Биржев. Вѣдом. 1874, № 36).

---

*) Упомянуто у г. Харузина на стр. 16 его указателя, только безъ указанія года и мѣста изданія оттиска. *Ред.*

М. Терентьевъ. Хрестоматія. Спб. 1876.

Б—овъ.—Киргизы-паломники. (Оренб. Листокъ 1876, № 13).

О борьбѣ русскихъ съ кипчаками и кара-киргизами. (Голосъ 1876, № 103).

Очеркъ киргизскихъ степей и Кульджи. (Пчела 1876, № 21).

Русскіе и инородцы или киргизская байга. (Сибирь 1877, № 50).

Кривцовъ.—Степные барантачи. (Сибирь 1877, № 28).

Нѣчто о киргизахъ и области ими занимаемой. Омскъ 1877.

Мотивированная временная инструкція уѣзднымъ начальникамъ Тургайской области. Подписано: Генералъ-маіоръ Гейнсъ, 13 января 1878 года, городъ Оренбургъ. Форматъ писчаго листа бумаги, стр. 144.

Хищничество киргизовъ на восточ. берегу Каспійскаго моря. (Чтеніе для Солдатъ 1878, № 1, стр. 47—58).

И. Зарубинъ.—По горамъ и степямъ Средней Азіи. (Русскій Вѣстн. 1879, №№ 11, 12).

Карповъ.—Повѣтствованіе иностранцевъ о киргизскомъ бунтѣ 1869. (Оренб. Лист. 1881, № 19).

Экономическій бытъ внутренней Киргизской орды. (Новое Время 1881, № 2044).

Н. Ивановъ.—Споръ животныхъ. Перев. съ киргизскаго. (Астрахан. справоч. листокъ 1882, 138).

К.—Киргизскій трубадуръ. (Кавказъ 1882, № 17).

Воспоминаніе о Муссѣ Чармаковичѣ Чортановѣ. (Акмолин. Обл. Вѣд. 1885, №№ 38, 39).

С. А—ъ. Изъ киргизской жизни. (Уральскія Войсковыя Вѣд. 1885, №№ 5, 6).

Балкашинъ.—О киргизахъ и вообще о подвластныхъ Россіи мусульманахъ. Спб. 1886.

О древнихъ союзахъ киргизъ-кайсаковъ. Историческій очеркъ. Спб. 1886.

С. Бѣлинскій.—Киргизское коневодство въ Семирѣченской области. (Журн. Коннозаводства 1886, № 5).

К. Алексѣевъ.—Киргизскій спортъ. (Оренб. Лист. 1886, № 35).

А. Н. Красновъ.—Очеркъ быта семирѣченскихъ киргизъ. (Извѣстія И. Р. Геогр. Общ. 1887, т. XXIII, стр. 436—481).

Степнякъ.—Интересный обычай у киргизовъ. (Сибир. Вѣстн. 1887, № 43).

П. Б—нъ.—О Киргизахъ. (Казан. Губ. Вѣд. 1887, № 52).

Жалмаузъ кемпиръ. Киргиз. сказка. (Акмолин. Обл. Вѣд. 1888, № 43).

Русскій киргизъ.—Степные киргизы. (Сибир. Вѣстн. 1888, № 47).

Сообщеніе о поѣздкѣ г. Петри въ киргизскія степи (Екатеринбургская Недѣля 1889, № 25).

Образъ жизни киргизовъ. (Оренб. Листокъ 1890, № 16—20, 22, 23, 25, 30, 32).

С. Ивановскій.—Страшенъ сонъ да милостивъ Богъ. (Сибир. Вѣсти. 1890, № 22) *).

V. Dingelstedt. — Le droit coutumier des Kirghis. (Revue général de droit 1890, mars-août).

O. Genest.—Ein Besuch in einem Kirgisenaul. (Globus 1890, № 4).

Ф. Лобысевичъ.—Киргизская степь оренбургскаго вѣдомства. Москва 1891, 41 стр. 8°.

В. Д. Троновъ.—Матеріалы по антропологіи и этнологіи киргизъ. Обычаи и обычное право киргизъ. (Записки И. Р. Геогр. Общ. по отд. Этнографіи. Спб. 1891). Отд. отт. 8°, 42 стр. **).

Киргизскій праздникъ. (Изъ путешествія **Генриха Орлеанскаго**). [Художникъ, 1891, № 7, стр. 463—466].

Н. А. Середа. Изъ исторіи волненій въ Оренбургскомъ краѣ. Матеріалы для исторіи послѣдняго киргизскаго возстанія 1869—1870 гг. (Русская Мысль 1891, кн. VIII и слѣд.).

Кромѣ приведеннаго дополнительнаго списка, есть еще много статей, въ которыхъ мимоходомъ говорится о киргизахъ, но добиться полноты въ этомъ отношеніи чрезвычайно трудно. Можно указать, напр.:

(**Ковалевскаго**) Странствователь по сушѣ и морямъ. С.-ПБ. 1843.

Н. Казанцевъ.—Описаніе Башкирцевъ. С.-ПБ. 1867.

Ю. Южаковъ.—Наши пріобрѣтенія въ Средней Азіи. (Отеч. Записки 1867, т. 131).

Г.—О торговомъ значеніи Средней Азіи въ отношеніи къ Россіи. (Русскій Вѣстн., т. XLI).

И проч. и проч.

Наконецъ, считаю нужнымъ отмѣтить важнѣйшія, замѣченныя мною опечатки въ указателѣ г. Харузина:

Стр. 1, *вм.* Ватзенъ *д. б.* Витзенъ.

„ 3, (Тимковскій) *вм.* Сиюй вынъ узянчъ-ул *д. б.* Си-юй вынъ цзянъ-лу.

„ „ (Іакинеъ) *вм.* Исторія старшей династіи (Уянь-хань-шу) *д. б.* Исторія старшей династіи Хань (Цзянь-хань-шу).

„ 4, *вм.* Іоакинеъ *д. б.* Іакинеъ.

„ 8, *вм.* Сынске *д. б.* Свенске.

„ 13, *вм.* Колачевъ, кажется, *д. б.* Калачевъ.

„ 18, *вм.* Генсъ *д. б.* Гейнсъ. (Былъ также Генсъ, начальникъ пограничной экспедиціи, помѣщавшій статьи о киргизахъ въ Сборникѣ Бера и Гельмерсена).

„ 55, *вм.* Катоновъ *д. б.* Катановъ.

Н. Веселовскій.

---

*) Статья упомянута г. Харузинымъ мимоходомъ на стр. 61 его указателя. *Ред.*

**) Статья эта упомянута г. Харузинымъ на страницѣ 62-й его указателя безъ имени автора. *Н. В.*

Новости иностранной этнографической литературы (1891 г.).

1.—**R. H. Codrington.** Melanesians: Studies in their Athropology and Folk-lore. 8-vo, p.p. 436. Clarendon Press.

2.—**E. Westermarck.** The History of Human Marriage. 8-vo, p.p. 664. Macmillan.

3.—**Lucy M. J. Garnett.** The Women of Turkey and their Folk-lore. With Concluding Chapters on the Origins of Matriarchy, by Yohn. S. Stuart Glennie. 8-vo, p.p. 632. Nutt.

4.—**Alice Mabel Bacon** Yapanese Girls and Women. Cr. 8-vo, p.p. 333. Gay and Bird.

5. **Daniel G. Brinton.** The American Race: A. Linguistic Classification and Ethnographie Description of the Native Tribes of North and South America. Cr. 8-vo, p.p. 392. Hodges, New-York. Brentano.

6.—**A. W. Buckland.** Anthropological Studies. Cr. 8-vo, p.p. 310. Ward and Downey.

7.—**A. Featherman.** Social History of the Races of Mankind. 4-th Division, Dravido-Turanians, Turco-Tartar-Turanians, Ugrio-Turanians. 8-vo, p.p. 626. Paul, Trübner and Co.

8.—**Charles Godfrey Leland.** Gypsy Sorcery and Fortune Telling. Ullust. by numerons Jncantations, Specimens of Medical Magic, Anecdotes and Tales. Copiously Illustrated by the Author. Imp. 8-vo, p.p. XVI+272. T. Fisher Unwin.

9.—**Elie Reclus.** Primitive Folk: Studies in Comparative Ethnology. Portrait. Cr. 8-vo, p.p. XIV+340. W. Scott.

10.—**J. Curtin.** Myths and Folk-Tales of the Russians, Western. Slavs and Magyars. Cr. 8-vo, p.p. 540. Low.

11. **D. Hyde.** Beside the Fire: A. Collection of Irish Gaelic Folk Stories. Edited, Translated and Annotated, with Additional Notes, by Alfred Nutt. 8-vo, p.p. 268. D. Nutt.

12.—**Folk-Lore** and Legends: Russian and Polnish. 12-mo, p.p. 182. Gibbings.

13.—**The Fians**; or Stories, Poems and Traditions of Fionn and his Warrior Band. Collected entirely from Oral Sources by John

Gregson Campbell. With Introduction an Bibliographical Notes by Alfred Nutt. Demy 8-vo. Nutt.

14.—**A. W. Moore.** The Folk-lore of the Isle of Man: Being an Account of its Myths, Legends etc. Cr. 8-vo, sd. Brown and Son (Ysle of Man) Nutt.

15) **Louis Rivière.** Entre l'Inn et le lac de Constance (Tyrol, Haute Bavière et Souabe). Le pays, les hommes, les monuments. In-12°. Librairies-Imprimeries réunies.

16.—**F. Capdevielle.** La vallée d'Ossau (Rasses Pyrénées). L'Etude social de la vallée d'Ossau, avec quelques détails sur les eaux, l'archéologie et les montagnes. In-12. Sauvaitre.

17.—**Caix de Saint-Aymour.** Questions algériennes. Arales et Kabyles. in-12. Ollendorf.

18.—**G. Charmes.** L'Egypte. Archéologie. in-12. C. Lévy.

19.—**J. de Baye.** De l'influence de l'art des Goths en Occident. in 4 avec 6 pl. Nilsson.

20.—**Grimm.** Deutsche Sagen. 2 Tle. 3 Aufl. Besorgt von Herm. Grimm. XX+268+215 S. Nicolai's Verl., Berlin.

21.—**Dr. Osc. Baumann.** Usambara und seine Nachbargebiete Mit 24 ethnograph. Abbildgn., 2 Textplänen, 8 orig.-Kartenbeilagen. XI+375 S. D. Reimer, Berlin.

22.—**Dr. Johs. Sepp.** Völkerbrauch bei Hochzeit, Geburt und Tod. Beweis für die Einheit des Menschen-Geschlechtes und die Urheimat Asien. 176 S. Liter. Institut Dr. M. Huttler, München.

23.—**Dr. H. Lewis Morgan.** Die Urgesellschaft. Aus dem englisch. uebertr. von W. Eichhoff unter Mitwirkg. von Karl Kautsky. XVI +480 S. H. W. Dietz, Stuttgart.

24.—**J. J. v. Tschudi.** Kulturhistorische und sprachliche. Beiträge zur Kenntnis d. alten Peru. III+220 S. F. Tempsky, Wien.

25.—**Chrn. Yensen.** Die ,nordfriesischen Inseln Sylt, Föhr, Amrum und. Halligen vormals und jetzt. Mit besonder Berücksicht der Sitten und Gebräuche der Bewohner. YII+392 S. Hamburg.

26.—**Frz. Fuhse.** Sitten und Gebräuche der Deutschen beim Essen und Trinken von den ältesten Zeiten bis zum Schluss des XI Iahrh, Diss. 445. Göttingen.

27.—**Dr. Carl Ang. Specht.** Afrikanische Sitten und Gebräuche. Ein volkstüml. Vortrag. 485. E. Thiele, Leipzig.

28.—**Rich. Andree** Die Flutsagen. Ethnographisch betrachtet. XI+152 S mit 1 Taf. Vieweg, Braunschweig.

29.—**Dr. Bernh. Langkavel.** Der Mensch und seine Rassen. In ca. 22 Hftn. Dietz, Stuttgart [1 Heft, 32 S]

30.—**Dr. Mor. Hoernes.** Die Urgeschichte des Menschen nach dem heutigen Stande der Wissenschaft. Hartleben, Wien [1 Lfr., 32 S].

31.—**Dr. B. Platz.** Der Mensch, sein Ursprung, seine Rassen und sein Alter. 2 Anflage.

32.—**Frdr. Hellwald**. Ethnographische Rösselsprünge. 416 S. Reissner, Leipzig.

33.—(Carus Sterne) **Dr. Ernst Krause**. Tuisco-Land der arischen Stämme und Götter Urheimat. Erläuterungen zum Sagenschätze der Veden, Edda, Ilias und Odyssee. XII+624 S. Flemming, Glogau.

34.—**Traug. Tamm**. Ueber den Ursprung der Rumänen. Ein Beitrag zur Ethnographie Südosteuropas III+150 S. Strauss, Bonn.

35.—**M. Lehmann-Filhés**. Isländische Volkssagen. Aus der Sammlung von Jon Arnason ausgewählt und aus den Isländ. uebers. XXX+226 S. Mayer und Mueller, Berlin.

36.—**H. Schurtz**. Grundzüge einer Philosophie der Tracht. 147 S. mit 10 Abbild. Cotta Nachfol., Stuttgart.

37.—**H. Böttger**. Sonnenkult der Indogermanen (Indoeuropäer) insbesondere der Indoteutonen XXXII+167 S, Frend, Breslau.

38.—**P. Schwarz**. Reste der Wodankultus in der Gegenwart III+50 S. A. Neumann's Verl., Leipzig.

39.—**P. Kühnel**. Die slavischen Orts und Flussnamen der Oberlausitz. 1 Hft. 53 S. Koehler's Antiquar. Leipzig.

40.—**Haselmayer**. Ueber Ortsnamenkunde. D VI S. Kellner Würzburg.

41.—**John. G. Bourke**. Scatalogic rites of all nations. A dissertation upon the employment of excrementitous remedial, agents in religion, therapeutics, divination, love, philters etc. in all parts of the globe. Washington. W. H. Lowdermilk et C°. 8°, 496 p.

Сообщ. *В. Сторожевъ*.

Извѣстія и замѣтки.

Этнографическій Отдѣлъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи въ истекшемъ отчетномъ году (по 15 окт.) имѣлъ 10 засѣданій съ 18-ю сообщеніями, касавшимися преимущественно этнографіи Россіи. Большинство этихъ сообщеній печатается въ „Этнографич. Обозрѣніи". Въ годичномъ соединенномъ засѣданіи Общества 15 окт. нѣкоторымъ членамъ Общества, по представленію Этнографическаго Отдѣла, присуждены серебряныя медали, именно: М. В. Довнару-Запольскому, П. В. Иванову, Е. Р. Романову и В. П. Тихонову; кромѣ того присуждена мал. золотая медаль секретарю Отдѣла Н. А. Янчуку, а въ теченіе отчетнаго года были выданы бронзовыя медали член. Отдѣла А. Н. Малинкѣ и И. Н. Юркину. Отдѣломъ разослано въ этомъ году около 6000 программъ для собиранія свѣдѣній этнографическихъ и юридическихъ, съ присоединеніемъ вопросныхъ пунктовъ о жилищахъ, всѣмъ учителямъ и учительницамъ сельскихъ и городскихъ школъ Моск. Учебнаго Округа.

Предпринятый Отдѣломъ, по мысли Предсѣдателя В. Ѳ. Миллера, сборникъ народныхъ былинъ, не вошедшихъ въ собранія Гильфердинга, Рыбникова и Кирѣевскаго, какъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ, поступилъ въ печать. Сборъ съ изданія предназначенъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая.

15 дек. 1891 г. исполнилось пятое 2-лѣтіе предсѣдательства В. Ѳ. Миллера въ Отдѣлѣ Этнографіи. Въ происходившемъ въ этотъ день засѣданіи Отдѣла предсѣдателемъ вновь былъ избранъ, единогласно, В. Ѳ. Миллеръ, товарищемъ предсѣдателя В. М. Михайловскій, а въ секретари, въ виду усложненія обязанностей съ расширеніемъ дѣятельности Отдѣла, были приглашены два лица: Н. А. Янчукъ и Н. Н. Харузинъ. Въ томъ-же засѣданіи, по случаю исполнившагося 10-лѣтія предсѣдательства В. Ѳ. Миллера, кружокъ московскихъ этнографовъ привѣтствовалъ его адресомъ и поднесеніемъ жетона.

Проф. Казанскаго университета *И. Н. Смирновъ*, какъ было уже нами сообщено, предпринялъ истекшимъ лѣтомъ экспедицію къ Мордвѣ. Цѣль экспедиціи состояла въ томъ, чтобы: *а*) пересмотрѣть матеріалы для исторіи Мордвы въ архивахъ Нижегородской и Тамбовской Архивныхъ Комиссій, *б*) собрать лингвистическій матеріалъ для исторіи семьи и провѣрить нѣкоторыя положенія прежнихъ изслѣдователей (Майнова) относительно юридическаго быта Мордвы, *в*) собрать свѣдѣнія о погребальныхъ и поминальныхъ обрядахъ Мордвы и установить ихъ связь съ курганами и археологическими находками въ Мордовскомъ краѣ, *г*) выяснить миѳологію и демонологію Мордвы, которая, по выраженію изслѣдователя, „слишкомъ въ классическомъ стилѣ изложена Мельниковымъ и Майновымъ". Посѣтивъ архивы Ниж.-Новгорода и Тамбова, побывавъ въ мордовскихъ деревняхъ Пензенской губ.,—въ уѣзд. Городищенскомъ, Чембарскомъ и Инсарскомъ, г. Смирновъ собралъ довольно

значительный запасъ новыхъ данныхъ и убѣдился въ неточности многихъ старыхъ; но въ виду громаднаго интереса многихъ намѣтившихся вопросовъ, онъ намѣренъ обработать къ веснѣ только очеркъ исторіи Мордвы и ея внѣшняго быта, а для пополненія главъ о семейныхъ отношеніяхъ, погребальномъ ритуалѣ и вѣрованіяхъ имѣетъ въ виду предпринять еще поѣздку къ Мордвѣ будущимъ лѣтомъ.

Экспедиція, снаряженная истекшимъ лѣтомъ Академіей Наукъ для изслѣдованія древностей въ долинѣ р. Орхона, въ Монголіи (при участіи Радлова, Ядринцева, Клеменца и др.), окончила свои занятія съ блистательнымъ успѣхомъ и возвратилась въ Петербургъ (см. Русск. Вѣдом., № 340).

Русская натуралистка *Л. И Телехова*, окончившая курсъ въ одномъ изъ германскихъ университетовъ въ 1890 г., истекшимъ лѣтомъ совершила путешествіе по Восточной Сибири, гдѣ, помимо естественно-историческихъ коллекцій, собрала также обильные матеріалы по этнографіи (Русск. Вѣд.).—„Новости" (№ 200) сообщаютъ о путешественницѣ по Сибири и Средн. Азіи *М. И. Витковской*.

И. Д. Черскій совершилъ истекшимъ лѣтомъ путешествіе по рѣкѣ Ленѣ. Цѣль главнымъ образомъ геологическая, но при случаѣ путешественникъ собиралъ и этнографическія данныя.

Молодой петербургскій этнографъ г. *Долинскій* совершилъ лѣтомъ путешествіе въ Область Войска Донскаго, для изученія быта старообрядцевъ. Переходя большею частью пѣшкомъ изъ станицы въ станицу, онъ собиралъ старообрядческ. преданія, былины и религіозныя пѣсни. (Новости, № 251).

Г-жа *П. И. Горленко* совершила поѣздку по Малороссіи, во время которой записала много новыхъ украинскихъ легендъ и сказаній, кромѣ того собрала напѣвы религіозныхъ пѣсенъ. (Нов. Вр. № 5555).

Лѣтомъ нынѣшняго года учителя и учительницы народныхъ школъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ занялись собираніемъ народныхъ преданій, сказаній, повѣрій и описаніемъ обычаевъ. Собранные матеріалы предположено передавать на разсмотрѣніе мѣстныхъ архивныхъ коммиссій, гдѣ таковыя имѣются. (Нов., № 194).

Возобновленіе музея при Витебскомъ Губ. Стат. Комит. ознаменовалось многочисленными вкладами, изъ которыхъ можно отмѣтить слѣдующіе: 1) отъ А. А. Крузе результатъ его раскопокъ въ 1889 г. въ 3 станѣ Динабургскаго уѣзда, между м. Прелли и им. Феймани, кости, желѣзное оружіе и спиральная бронзовая полоска съ остаткомъ продѣтой сквозь нее веревки; 2) отъ Е. Р. Романова 200 №№ желѣзныхъ и бронзовыхъ предметовъ, изъ раскопокъ на горѣ Комаровой въ гор. Люцинѣ, костякъ изъ могильника на той же горѣ; 3) отъ М. Ф. Кусцинскаго 24 фотографическихъ снимка видовъ Витебской губ. и проч. этнограф. предметовъ; 4) отъ разныхъ лицъ и отъ Императорской Археологической Коммиссіи — 150 разныхъ монетъ. Нельзя не пожелать этому полезному учрежденію дальнѣйшаго развитія и процвѣтанія въ надеждѣ, что и многіе другіе города нашего отечества послѣдуютъ за добрымъ примѣромъ и откроютъ, по мѣрѣ возможности, у себя подобные музеи для сохраненія и собиранія исчезающихъ безслѣдно памятниковъ прошлаго («Отчетъ» Комитета за 1890 г.).

Ковенскій Губ. Стат. Комитетъ, какъ видно изъ «Отчета» за 1890 г., обладаетъ небольшою коллекціею древностей, состоящею изъ пяти хорошо сохранившихся каменныхъ орудій, двухъ боевыхъ топоровъ, нѣсколькихъ наконечниковъ копій и разныхъ обломковъ со временъ Шведско-Польскихъ войнъ XVII в.; тутъ-же хранится зубъ какого-то большого, теперь ис-

чезнувшаго, животнаго, нѣсколько десятковъ монетъ и кости человѣческихъ ногъ съ огромными ножными замками и обрывками цѣпей, найденныхъ при разрытіи фундамента на бывшей усадьбѣ общины Шаритокъ (сестеръ милосердія). Кромѣ того, при Комитетѣ находится коллекція волокнистыхъ издѣлій крестьянъ Ковенской губ., бывшая на Всероссійской выставкѣ въ Харьковѣ. Эти предметы хранятся съ 1890 г. въ особой витринѣ со шкафомъ.

Въ Императорскомъ Историческомъ Музеѣ, въ Москвѣ, закончена отдѣлка двухъ новыхъ залъ—Владимірской и Суздальской. Составляется каталогъ и описаніе этихъ залъ.

Академія Наукъ открываетъ для публики свои богатыя коллекціи по антропологіи, этнографіи и географіи. По этому случаю И. Р. Географическое Общество передаетъ Академіи и свои этнографическія коллекціи, въ виду большей пользы при сосредоточеніи подобныхъ матеріаловъ въ одномъ учрежденіи.

По газетнымъ извѣстіямъ, И. Р. Географич. Общество намѣрено устроить этнографическую выставку (Нов. № 218). То-же Общество проектируетъ изданіе этнографич. сборника для популярнаго народн. чтенія съ особымъ „толкователемъ“ былинъ, пѣсенъ, повѣрій (Нов. Вр., № 5536).

По слухамъ, существуетъ мысль объ основаніи русскаго національнаго этнографическаго музея. (Нов. Вр., № 5537).

Святѣйшій Синодъ обратилъ особенное вниманіе на состояніе памятниковъ церковной археологіи, при чемъ рѣшено ввести археологію въ кругъ преподаванія въ семинаріяхъ съ той цѣлью, чтобы духовенство болѣе разумно относилось къ стариннымъ памятникамъ.

Въ Петербургскомъ Археологическ. Институтѣ въ нынѣшнемъ году учреждена новая каѳедра первобытной археологіи, ее занялъ извѣстный археологъ и оріенталистъ Н. И. Веселовскій. (Нов., № 297).

Въ Имп. Академіи Наукъ предполагается открыть антропометрическую лабораторію для изслѣдованій, имѣющихъ цѣлью выяснить особенности разныхъ народностей Россіи. (Ibid., 299).

Въ кенигсбергскихъ «Mittheilungen der Litauischen literarischen Gesellschaft» (B. III, H. 16, S. 410 ff.) Э. А. Вольтеръ и І. Зембржицкій помѣстили обзоръ Литовскихъ изданій (1888—1890), гдѣ лица, интересующіяся этнографіей Литвы, могутъ найти полезныя указанія.

Обращаемъ вниманіе этнографовъ также на издаваемый Имп. Акад. Наукъ Ежегодникъ Исторической Библіографіи, полезный для справокъ.

Въ 1893 г. готовится въ Прагѣ этнографическая славянская выставка, имѣющая цѣлью представить исторію культурнаго развитія Чешскаго народа въ Чехіи, Моравіи и Силезіи и состояніе его въ исходѣ 19-го вѣка.

ОТЪ ИМПЕРАТОРСКАГО Общества

Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

Обширная область нашего Отечества съ многочисленными народами, входящими въ его составъ и стоящими на самыхъ разнообразныхъ ступеняхъ цивилизаціи, представляетъ собою неисчерпаемый кладъ для науки, въ особенности для исторіи культуры. Неудивительно поэтому, что изученіе народностей Россіи въ бытовомъ отношеніи принимаетъ въ послѣднее время все болѣе широкіе и серьезные размѣры, и число изслѣдователей народнаго быта увеличивается съ каждымъ годомъ во всѣхъ концахъ Россіи. Работы этихъ дѣятелей на пользу Отечества и науки до послѣдняго времени оставались почти незамѣченными вслѣдствіе того, что онѣ или разбрасывались по разнымъ періодическимъ изданіямъ, преслѣдующимъ иныя цѣли, или наполняли собою громадные томы ученыхъ Обществъ, тоже мало извѣстные и не всегда доступные большому кругу читателей.

ИМПЕРАТОРСКОЕ Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, сознавая необходимость особаго органа, который бы являлся посильнымъ выразителемъ развивающейся этнографической науки въ Россіи, приступило съ 1889 года къ изданію при Отдѣлѣ Этнографіи журнала подъ названіемъ:

„ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ",

который предлагается вниманію просвѣщенныхъ соотечественниковъ, интересующихся научнымъ изученіемъ Россіи.

Президентъ Общества, проф. ***Д. Анучинъ.***

Предсѣдатель Отдѣла Этнографіи, проф. ***Всев. Миллеръ.***

Секретарь Отдѣла Этнографіи ***Н. Янчукъ.***

Секретарь Общества ***Н. Гондатти.***

Москва, 20 октября 1891 г.

журналовъ и газетъ съ указаніемъ находящагося въ нихъ этнографическаго матеріала.

3) Обзоръ и указатель иностранныхъ книгъ и изданій, въ особенности касающихся этнографіи Россіи и смежныхъ народностей.

Въ отдѣлѣ **„Смѣси“** сообщаются мелкіе этнографическіе матеріалы.

Наконецъ, въ **„Извѣстіяхъ и Замѣткахъ“** помѣщаются обзоры дѣятельности ученыхъ обществъ и др. учрежденій, свѣдѣнія о музеяхъ, выставкахъ, съѣздахъ, экспедиціяхъ и т. п.

По мѣрѣ возможности будутъ даваться также **приложенія**: портреты этнографовъ, образцы народной музыки, узоровъ, типы народностей и т. п.

СОДЕРЖАНІЕ ВЫШЕДШИХЪ КНИГЪ. *):

1889 г.

---

*) Первыя книги вышли въ 1889 г. безъ предварительной подписки. Счетъ книгъ ведется отъ начала изданія. Книга I вся распродана; въ случаѣ требованій на нее въ количествѣ не менѣе 200, она будетъ отпечатана вторымъ изданіемъ.

Положеніе неспособныхъ къ труду стариковъ въ первобытномъ обществѣ (Гл. II), *В. В. Каллаша*.—Тушины, *А. С. Хаханова*.—Библіографія: обзоръ новыхъ книгъ (7 кн.), ученыхъ изданій, журналовъ и газетъ.—Извѣстія и замѣтки.

Кн. III.—Частныя и общественныя гульбища на Дону, *А. А. Казмина*.—Семейная община у грузинъ, *Н. Л. Абазадзе*.—Празднованіе Новаго года у грузинъ, *А. С. Хаханова*.—Сила родительскаго проклятія по народнымъ разсказамъ, *П. В. Иванова*, съ замѣткою *Н. А. Янчука*.—Опытъ бѣлорусскаго народнаго снотолкователя, *Е. Р. Романова*.—Двѣ статьи о киргизскихъ пѣсняхъ (съ прилож. нотъ): ст. I, *М. В. Готовицкаго*; ст. II, *Р. А. Пфенинга*.—Киргизскій народный поэтъ-пѣвецъ Ногойбай, *А. А. Ивановскаго*.—Изъ матеріаловъ по этнографіи сысольскихъ и вычегодскихъ зырянъ: національныя божества, *В. В. Кандинскаго*.—Этнографическія замѣтки (сонъ-трава, розмай-зилье, жемчужная трава, васильки, обжинки, Спасова борода, символика краснаго цвѣта, татуированіе у католиковъ Босніи и Герцеговины), *Н. Ѳ. Сумцова*.—Положеніе неспособныхъ къ труду стариковъ въ первобытномъ обществѣ (гл. III), *В. В. Каллаша*.—Библіографія: книги и ученыя изданія (отчеты о 14 книгахъ); обзоръ журналовъ и газетъ.—Смѣсь: Къ вопросу о народной медицинѣ, *Н. Я.* Мелкія этнологическія замѣтки (6 замѣтокъ о былинахъ; зам. къ бѣлорус. снотолкователю; о превращеніи въ растенія и деревья; журъ; сонъ-трава), *В. В. Каллаша*.—Извѣстія и замѣтки.—Приложенія: 1) киргизскія пѣсни, въ рус. переводѣ 2) напѣвы ихъ.

1890 г.

Кн. IV.—Отъ редакціи.—Дагестанская народная правда, *М. М. Ковалевскаго*.—Кавказскія сказанія о циклопахъ, *В. Ѳ. Миллера*.—Похоронные обряды Обонежскаго края, *Г. И. Куликовскаго*.—Воронъ въ народной словесности, *Н. Ѳ. Сумцова*.—Антропоморфическія представленія въ вѣрованіяхъ украин. народа, *М. К. Васильева*.—О культѣ медвѣдя, преимущественно у сѣверныхъ инородцевъ, *Н. М. Ядринцева*,—Очерки религіозныхъ представленій вотяковъ, гл. I—III, *П. М. Богаевскаго*.—Къ этнографіи Башкиръ, *П. С. Назарова*.—Некрологи: Г. І. Минейка, Н. Г. Первухина, Д. З. Бакрадзе.—Библіографія: отчеты о 17 книгахъ и ученыхъ изданіяхъ; обзоръ журналовъ и газетъ.—Смѣсь: Девы и Каджи, *А. Грена*. Мелкія этнологическія замѣтки: 1) полозы; 2) укрощеніе змѣй; 3) сонъ-трава, *В. В. Каллаша*.—Извѣстія и замѣтки.

Кн. V.—О методѣ изслѣдованія развитія учрежденій, *Эдв. Тайлора*.—Къ вопросу о дуалистическихъ космогоніяхъ, *Александра Веселовскаго*.—Чародѣйство въ сѣверо-западномъ краѣ въ XVII—XVIII вв., *М. В. Запольскаго*.—Заклинанія противъ чаръ, *В. Б. Антоновича*.—Очерки религіозныхъ представленій вотяковъ, гл. IV—V. *П. М. Богаевскаго*.—Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ, *В. Ѳ. Миллера*.—Къ исторіи сказаній объ искусномъ стрѣлкѣ, *Н. Ѳ. Сумцова*.—Изъ области малорусскихъ народныхъ легендъ, *П. И.*—Чувашская свадьба, *В. И. Ашмарина* и *Е. С. Шкапскаго*.—Некрологи: Н. П. Барсова, М. П. Вессе и О. Кольберга.—Библіографія: отчеты о 13 книгахъ; обзоръ журналовъ и газетъ—Прибавленіе къ библіографіи: Указатель этнографическихъ статей и замѣтокъ, помѣщенныхъ въ сибирскихъ газетахъ отъ начала ихъ изданія, *А. А. Ивановскаго*.—Смѣсь: Pro domo sua (по поводу замѣтокъ о рус. былинахъ), *Владим. Каллаша*. Мелкія этнологическія замѣтки (о былинахъ, о татуированіи и окрашиваніи труповъ; Кожемяка—Янъ Усмошвецъ; Чоботько, *Его-же*.—Къ вопросу объ укрощеніи змѣй, *Н. Ѳ. Сумцова*.—Извѣстія и замѣтки.

Кн. VI.—Отголоски христіанскихъ преданій въ монгольскихъ сказкахъ, проф. *Н. Ѳ. Сумцова*.—О свадебныхъ платежахъ и о приданомъ у кавказскихъ горцевъ, *Л. В. Малинина*.—Очерки Кирсановскаго уѣз., Тамбов. губ., *В. Н. Бондаренко*.—Рожденіе и воспитаніе дѣтей въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярослав. губ., *А. Балова*.—Къ вопросу о русской народной музыкѣ, *Ю. Н. Мельгунова*.—Литовскія легенды, *Э. Вольтера*.—Очеркъ жизни и трудовъ М. П. Вессе, проф. *И. Н. Смирнова*.—Библіографія: отчеты о 19 книгахъ; обзоръ журналовъ

и газетъ. Прибавленіе къ библіогр.: Указатель этнографическихъ статей и замѣтокъ, помѣщенныхъ въ сибирскихъ газетахъ отъ начала ихъ изданія, *А. А. Ивановскаго*.—Смѣсь: Къ вопросу о прозвищѣ былиннаго Ильи, проф. *А. Соболевскаго*. Вѣра въ метаморфозъ и ея значеніе, проф. *И. Н. Смирнова*. Пѣсенные мотивы о превращеніяхъ, *М. К. Васильева*. Кирикъ и Улита, *Г. Р. Шидловскаго* и *Хаханова*. Одноглазый людоѣдъ (вотяцк. легенда).—Извѣстія и замѣтки.

Кн. VII. - Очерки Кирсановск. у., Тамб. губ. (оконч.), *В. Н. Бондаренко*.—Представленія бѣлорусса о нечистой силѣ, *Е. А. Ляцкаго*. Очерки религіозныхъ представленій вотяковъ (оконч.), *П. М. Богаевскаго*.—Изъ области малорусскихъ народныхъ легендъ, *П. И.*—Цыгане старой Малороссіи, *М. М. Плохинскаго*.- Очеркъ быта нищихъ Могилевской губ. и ихъ условный языкъ, *Е. Р. Романова*.—Русская дѣвица Дарига въ киргизской сказкѣ, *Г. Н. Потанина*.—Вильг. Мангардтъ, *П. В. Шейна*.—Некрологи: Феликсъ Либрехтъ, *Н. Θ. Сумцова*, С. П. Микуцкій, *Н. Янчука*.—Библіографія: отчеты о книгахъ (болѣе 35); обзоръ журналовъ и газетъ; указатель этногр. статей въ сибирскихъ изданіяхъ отъ начала ихъ существованія.—Смѣсь: Вѣра въ метаморфозъ и ея значеніе, *И. Смирнова*. Превращеніе женщины въ дерево (пѣсенный мотивъ), сообщила *В. Х.* Дьяволъ—творецъ солнца, *А. Ивановскаго*. Легенды о колосѣ и маннѣ небесной, *А. Ивановскаго* и *В. Каллаша*. Происхожденіе огня (киргиз. преданіе), *И. Ивановскаго*. Дикіе люди, *М. К. Васильева*.—Извѣстія и замѣтки.—Приложенія: Вотяцкіе типы и виды (фототип.).

1891 г.

Кн. VIII.—Пять былинъ по рукописямъ XVIII в., *Н. С. Тихонравова*.—Мышь въ народной словесности, *Н. Θ. Сумцова*.—О семейныхъ дѣлежахъ по обычному праву бѣлоруссовъ, *Н. В. Тесленка*.—Станица Червленая, Кизляр. отд. Терской обл., *Г. Малявкина*.—Восточныя параллели къ нѣкоторымъ русскимъ сказкамъ, *Г. Н. Потанина*.—Изъ области суевѣрій малоруссовъ Черниговской губ., *Е. О. Шарко*.—Алтайскій миссіонеръ, протоіерей В. И. Вербицкій, *А. А. Ивановскаго*. Библіографія: отчеты о 22 книгахъ; обзоръ журналовъ и газетъ; латышская библіографія, достав. *Э. А. Вольтеромъ*; указатель этногр. статей въ сибирскихъ изданіяхъ за время ихъ существованія, сост. *А. А. Ивановскимъ*.—Смѣсь: Къ вопросу о дуалистическихъ повѣрьяхъ о міросозданіи, *А. Ивановскаго*. Мелкія замѣтки къ исторіи народныхъ вѣрованій, *Ю. Поливки*. Камень-латырь, *А. Соболевскаго*. Легенды о Кудеярѣ въ Саратовской губ., *А. Минха*. Персидскій варіантъ сказанія о Мидасѣ, *Н. И. Артемьева*.—Извѣстія и замѣтки.—Добавленія и поправки въ кн. VI, VII и VIII.

Кн. IX.—Замѣтки о вліяніи религіозныхъ вѣрованій и предразсудковъ на народные юридическіе обычаи и понятія, *Е. И. Якушкина*.—Нѣсколько новыхъ данныхъ къ народнымъ представленіямъ о Долѣ, *Александра Веселовскаго*.—Станица Червленая, Кизлярскаго отдѣла Терской обл. Гл. II, *Г. Малявкина*.—Женская доля въ пѣсняхъ пинчуковъ, *М. Довнара-Запольскаго*.—Наброски изъ исторіи финской культуры, *И. Н. Смирнова*.—Пилигримъ въ былинахъ и сказкахъ, *Г. Н. Потанина*.- Изъ области малорусскихъ народныхъ легендъ. III, *П. И.*—Дѣтскія игры бѣлорусскихъ евреевъ, *Е. Романова*.—О народной медицинѣ въ Переяславскомъ уѣз., Полтавской губ., *Г. Коваленка*.—Некрологи: Л. О. Загурскій, *М. Тк—ва*. Францъ Миклошичъ, *Ром. Брандта*. И. Я. Порфирьевъ, *Я.*—Библіографія: отчеты о 17 книгахъ; текущій обзоръ журналовъ и газетъ; указатель этногр. статей въ сибирскихъ изданіяхъ отъ начала ихъ существованія, сост. *А. Ивановскимъ*.—Смѣсь: Отголоски Рустеміады у курдовъ, *В. М.* Новые варіанты сюжета о Полифемѣ, сообщ. *Н. Остроумовымъ*, *М.* и *А. Греномъ*. Монгольское сказаніе о хутула-ханѣ, *Г. Потанина*. Буддійская параллель къ Ростовской легендѣ объ ордынскомъ царевичѣ Петрѣ, *М. Соколова*. Изъ южнорусскихъ легендъ, *Т. І. Вржбицкаго*.—Извѣстія и замѣтки.—Прибавленіе: Библіографическій указатель книгъ и статей, касающихся этнографіи киргизовъ и каракиргизовъ, съ 1734 по 1891 г., сост. *А. Н. Харузинымъ*.

Кн. X.—Мехи (этнографическій очеркъ). *А. Хаханова.*— Ставръ Годиновичъ и Гэсэръ. *Г. Потанина.*—Станица Червленая. Гл. III. (Окончаніе). *Г. Малявкина.*— Заяцъ въ народной словесности. *Н. Ѳ. Сумцова.*—Очеркъ кустарной промышленности въ Тобольской губ. Гл. I и II. *Н. Діаманди.*—Обычные суды въ хуторахъ Донской области. *А. Казмина*—Нѣсколько данныхъ для характеристики быта сѣверныхъ бурятъ. *М. Хангалова.*—Кавказско-русскія параллели. Гл. I и II. *Вс. Миллера.*— Критика и библіографія: отчетъ о новыхъ (12) книгахъ и изданіяхъ; обзоръ журналовъ и газетъ. Указатель этнографическихъ статей и замѣтокъ въ сибирскихъ изданіяхъ отъ начала ихъ существованія. (Прод.) *А. Ивачовскаго.*—Смѣсь: Замѣтки о народныхъ вѣрованіяхъ въ Вологодской губ. *Н. Иваницкаго.*—Посидѣлки (въ Тульск. и Веневск. уѣзд.). *Д. И. Успенскаго.*—Литовскія легенды. *Меч. Довойны-Сильвестровича* и *М. Борейши.*—Споръ о пѣснѣ и сказкѣ. Сообщ. *Н. С. Тихонравовъ.*—«Адская газета». Сообщ. *П. А. Шилковъ.* Двоевѣрческій образъ. Сообщ. *С. П. Буренинъ.*—Изъ недавняго прошлаго (по поводу одной картины). Сообщ. *Т. І. Вержбицкій.*—Къ дуалистическимъ сказаніямъ. Сообщ. *А. Ивановскій* и *Е. Ляцкій.* Къ статьѣ г. Потанина: «Восточныя параллели къ рус. сказкамъ». Сообщ. *М. К. Васильевъ.*—Къ малорус. легендамъ объ Ильѣ Муромцѣ. *В. В. Каллаша.*—Извѣстія и замѣтки. Приложеніе: Библіографическій указатель книгъ и статей о чукчахъ. Сост. *А. А. Ивановскій.*

Труды Этнографическаго Отдѣла (11 книгъ) содержатся въ слѣдующихъ томахъ „Извѣстій Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи“ *)

„*Изв.*“ „*Труды*“.

VII. (кн. 1). Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи и странахъ ей прилежащихъ. Изд. В. А. Дашкова, 1868 г. Ц. 3 р.

XII. (кн. 2). Народныя пѣсни латышей. Ѳ. Я. Трейланда. Изд. В. А. Дашкова. 1873 г. Ц. 4 р.

XIII. (кн. 3), вып. 1 и 2, 1874 г. по 1 р. 15 к. IX.

Содержаніе. **Вып. I:** Протоколы засѣданій Этногр. Отдѣла 1867—74 г. Статьи: 1) Описаніе быта болгаръ, населяющихъ Македонію, *Ст. Верковича.*—2) О появленіи ламаизма въ Забайкальѣ и о вліяніи его на бытовую жизнь бурята-кочевника, *Н. Г. Керцели*—3) Программа этнографическаго народнаго календаря, *А. Л. Дювернуа*—4) Объ этнографическихъ трудахъ митрополита Иннокентія, докладывалъ *Н. А. Поповъ.*—5) Обзоръ этнографической литературы о чехахъ и словакахъ (двѣ статьи), *Колоусека.*—6) Одежда каменнобродскихъ русскихъ и мордвиновъ, *А. Примѣрова,*—7) Домашній бытъ Маріупольскихъ грековъ, *А. Анторинова*—8) О пермякахъ, *П. Вологдина.*—9) Свадебные обычаи у болгаръ, *Жинзифова.*—10) Раскопки коломенскихъ кургановъ, *Анастасьева.*—11) Проэктъ этнограф. изслѣдованія о-ва Эзеля, бар. *Засъ-Касселя*—12) Этнографическія замѣтки, *Н. Г. Керцелли*—13) О свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ Вологодской губ., *К. Попова.*—14) О мезенскихъ самоѣдахъ, *Н. Г. Керцелли.*—15) Сельскіе обычаи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Суражскаго у., *Дударева.*—16) Обзоръ этнографич. данныхъ, помѣщенныхъ въ разныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1873 г., *Е. В. Барсова.*—17) Объ историческомъ значеніи праздника въ честь Бурхана-Майдори, совершаемаго бурятами, *Н. Г. Керцелли.*—18) Сѣверныя сказанія о лембояхъ и удѣльницахъ, *Е. В. Барсова.*—19) За-

*) Получать можно въ канцеляріи Общества (Москва, Политехническій Музей), а также въ книжныхъ магазинахъ коммиссіонеровъ Общества А. Карцева и А. Суворина. Первыя 2 книги изд. Дашкова остались въ незначительномъ количествѣ только у издателя (Москва, Публичный и Румянцевскій Музей).

мѣтка изъ этнографіи сѣвернаго края, *Е. В. Барсова.*—20) Обычай хороненія Костромы въ Муромскомъ у., *Е. П. Добрынкиной*, съ замѣткой *Е. В. Барсова.*—21) Изъ исторіи народнаго двоевѣрія, *Н. А. Покровскаго.*—22) Юрьевъ день, *Е. В. Барсова.*—23) О кладоискателяхъ въ Зубцовск. у., *Квашнина-Самарина.*

Вып. II. Зыряне и Зырянскій край, *К. А. Попова.*

XXVIII. (кн. 4). Протоколы засѣданій Этногр. Отдѣла (1874—77 г.), съ приложеніями. Ц. 2 р.

Статьи: 1) О французскомъ художникѣ этнографѣ Теодорѣ Валеріо, *Н. А. Попова.*—2) Обрядъ похоронъ мухъ и другихъ насѣкомыхъ, *П. В. Шейна*, съ замѣчаніями *В. Ѳ. Миллера.*—3) Вѣрованія и обряды бѣлоруссовъ, *В.* и *А. Зенковичей.*—4) Петръ Великій въ народныхъ преданіяхъ и сказкахъ сѣвернаго края, *Е. В. Барсова.*—5) Этнографическія наблюденія по Волгѣ, *Ф. Д. Нефедова.*—6) Васильевъ вечеръ и Новый годъ въ Муромскомъ у., *Е. П. Добрынкиной.*—7) Обряды прирожденіи и крещеніи дѣтей на р. Орели, *Е. В. Барсова.*—8) Обзоръ этнограф. данныхъ, помѣщенныхъ въ „Нижегородск. Сборникѣ", *И. Ф. Кудрявцева*—9) Охотничье право собственности у Зырянъ, *К. А. Попова*—10) Очерки жизни крестьянскихъ дѣтей Казанской г., *А. Ѳ. Можаровскаго.*—11) Крестьянская свадьба въ Мценскомъ у., *П. М. Апостольскаго.*—12) Башкирское преданіе о лунѣ, *Л. В. Лосіевскаго.*—13) О происхожденіи первобытныхъ вѣрованій по теоріи Спенсера, *П. М. Апостольскаго.*—14) Восточные и западные родичи одной русской сказки, *В. Ѳ. Миллера.*

XXX. (кн. 5, въ 2-хъ част.). Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губ. П. Е. Ефименка. Ц. 4 р.

Часть 1: Описаніе внутренняго и внѣшняго быта. Ц. 2 р. 50 к.

Часть 2: Народный языкъ и словесность. Ц. 1 р. 50 к.

XL. (кн. 6). Матеріалы по этнографіи латышскаго племени, Ѳ. Я. Трейланда (Бривземніаксъ). Пословицы, загадки, заговоры, врачеваніе и колдовство. Ц. 3 р. 50 к.

XLVIII. (кн. 7 и 8). Протоколы засѣданій и приложенія. Ц. 4 р.

Вып. 1. Статьи: 1) Потеряла ли законную силу бытующая старина въ сознаніи русскаго народа? *Н. А. Покровскаго.*—2) Малорусская свадьба въ Константиновск. у., Сѣдлецкой губ., *Н. А. Янчука.*—3) Приговоры и причеты о табакѣ, *П. В. Шейна.*—4) О гиляцкомъ языкѣ, Д-ра *Зеланда.* (2 р.).

Вып. 2. Статьи: 1) Гр. Ал. Серг. Уваровъ (некрологъ). *В. Ѳ. Миллера.*—2) Н. И. Костомаровъ (некрологъ). *Его-же.*—3) А. Л. Дювернуа (некрологъ). *Его-же.*—4) Характерныя дѣтскія игры нѣкоторыхъ русскихъ инородцевъ. *Е. А. Покровскаго.*—) О юридическомъ бытѣ татовъ. *М. М. Ковалевскаго.*—6) Слѣды языческихъ вѣрованій у маньзовъ. *Н. Л. Гондатти.*—7) Культъ медвѣдя у инородцевъ сѣв.-зап. Сибири. *Его-же.*—8) Программа для собиранія этнографич. свѣдѣній, сост. *Н. А. Янчукомъ.*—9) Программа для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ, сост. *М. Н. Харузинымъ.* (2 р.).

LXI (кн. 9). Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи (съ прилож. портрета М. Н. Харузина). В. I. Ц. 2 р.

Статьи: 1) Памяти М. Н. Харузина. *В. Ѳ. Миллера*—2) Замѣтки о юридическомъ бытѣ крестьянъ Сарапульскаго уѣзда, Вятской губерніи *П. М. Богаевскаго.*—3) О наказаніяхъ по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ Московской губ. *В. Кандинскаго.*—4) О доказательствахъ на волостномъ судѣ. *А. Паппе.*—5) Современные бракъ и свадьба среди крестьянъ Тамбовской губ., Елатомскаго уѣзда. *А. П. Звонкова.*—6) Объ

участіи сверхъестественной силы въ народномъ судопроизводствѣ крестьянъ Елатомскаго уѣзда, Тамбовской губ. *П. И. Астрова.* — 7) По Минской губерніи (замѣтки изъ поѣздки въ 1886 году) *Н. А. Янчука.*— 8) Петербургскія балаганныя прибаутки, записанныя В. И. Кельсіевымъ. *А. Кельсіева.*—9) Изъ русской народной космогоніи, передано *С. Я. Деруновымъ.*—10) Изъ матеріаловъ, собранныхъ среди крестьянъ Пудожскаго уѣзда, Олонецкой губерніи. *Николая Харузина.*– 11) Описаніе дѣтскихъ игрушекъ и игръ въ селѣ Мазунинѣ, Сарапульскаго уѣзда, Вятской губ. *В. П. Тихонова.*—12) О народномъ лѣченіи въ Казанскомъ уѣздѣ. *В. Н. Аршинова.*—13) Рѣшенія волостныхъ судовъ Сарапульскаго уѣзда, Вятской губ. (прилож. къ статьѣ П. М. Богаевскаго).— 14) Напѣвы бѣлорусскихъ пѣсенъ (прилож. къ статьѣ Н. А. Янчука).

LXVI. (кн. 10). Русскіе Лопари. (Очерки прошлаго и современнаго быта). Николая Харузина (съ рисунками и картой). Ц. 3 р. 50 к.

LXIX. (кн. 11, ч. 1). Сборникъ свѣдѣній, для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи. Вып. II. Ц. 2 р.

Содержаніе: 1) Матеріалы по этнографіи Вологодской губ. *Н. А. Иваницкаго.*—2) Вологодскія пѣсни (съ нотами), записан. *М. М. Куклинымъ*, съ замѣткой къ нимъ *Ю. Н. Мельгунова.*

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ

2-я часть XI тома

„ТРУДОВЪ ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“,

заключающая въ себѣ:

Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи. В. III.,

подъ ред. Н. Н. Харузина.

Содержаніе: 1) **В. П. Тихоновъ**: Матеріалы для изученія обычнаго права среди крестьянъ Сарапульскаго у., Вятск. г. — 2) **В. П. Племянниковъ**: Указатель рѣшеніямъ волост. судовъ, помѣщеннымъ въ „Трудахъ Коммиссіи по преобразованію Волост. Судовъ“. Стр. 140+16, 4°. Ц. 2 р.

На днахъ вышелъ изъ печати

XII томъ „Трудовъ Этнографическаго Отдѣла“:

ШАМАНСТВО

СРАВНИТЕЛЬНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

В. М. Михайловскаго.

Выпускъ первый. **Цѣна 2 р.**

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 03461 0694